4° Opp. 227 yt / 1

<36627140610017 S
<36627140610017
KV Bayer. Staatsbibliothek

4° Opp. 227 yt (1

ТРУДЫ
Я. К. ГРОТА.

I.

ИЗЪ

СКАНДИНАВСКАГО и ФИНСКАГО МІРА.

(1839—1881).

ОЧЕРКИ и ПЕРЕВОДЫ.

Изданы подъ редакц. проф. К. Я. ГРОТА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1898.

Fg 166/789

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Типографія Министерства Путей Сообщенія
(Высочайше утвержденнаго Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.

Въ настоящемъ томѣ, которымъ начинается изданіе собственно *Трудовъ* академика Я. К. Грота, рядомъ съ начатымъ изданіемъ его *Переписки* (см. предисловіе къ „Перепискѣ Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ", Спб. 1896), собрано почти все имъ написанное и изданное въ разное время въ области скандинаво- и финновѣдѣнья. Большая часть этихъ работъ относится къ первому, финляндскому періоду его учено-литературной дѣятельности (1840—1852), годамъ профессорства въ Александровскомъ университетѣ и дѣятельнаго сотрудничества въ „Современникѣ" Плетнева, гдѣ и появилась первоначально значительная часть печатаемыхъ здѣсь очерковъ. Остальное печаталось частью въ другихъ современныхъ и позднѣйшихъ періодическихъ изданіяхъ, частью отдѣльно (какъ напр. „Переѣзды по Финляндіи" и „Фритіофъ").

Итакъ, это изданіе и содержаніемъ своимъ и временемъ происхожденія большинства статей тѣснѣйшимъ образомъ примыкаетъ къ недавно изданной *„Перепискѣ Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ"*, въ которой какъ Финляндія, такъ и вообще мотивы финскіе и скандинавскіе играютъ первенствующую роль. Оно, можно сказать, дополняетъ „Переписку" и можетъ служить ей существеннымъ коментаріемъ (какъ и обратно—„Переписка" для этого изданія), такъ какъ его содержаніе вышло, главнымъ образомъ, изъ той учено-литературной лабораторіи автора, которая со всею ея жизнью и дѣятельностью такъ рельефно рисуется въ его перепискѣ съ другомъ.

Вотъ почему мы нашли полезнымъ при заглавіяхъ статей (той эпохи) дѣлать ссылки на тѣ мѣста „Переписки", въ которыхъ упоминается или разсказывается исторія ихъ зарожденія, составленія или появленія въ свѣтъ.

Все изданное Як. Карл. и въ послѣдующее время по тѣмъ же предметамъ собрано въ этомъ же томѣ. Не вошли сюда только его позднѣйшія ученыя статьи по исторіи шведско-русскихъ политическихъ отношеній, которыя найдутъ себѣ болѣе соотвѣтственное мѣсто въ томѣ историческихъ его работъ. Точно также и то, что Я. К. писалъ для дѣтскаго возраста (въ прозѣ и въ

стихахъ), черпая сюжеты изъ области шведской литературы, не могло, разумѣется, быть включено въ этотъ томъ.

Въ нашемъ изданіи—*два отдѣла*: 1) самостоятельные очерки и статьи, и 2) переводные (стихи и проза); но тутъ необходимо сдѣлать оговорку: строго и безусловно точно разграничить весь матеріалъ по этимъ двумъ отдѣламъ не было возможности, и потому читатель найдетъ и здѣсь и тамъ неизбѣжныя изъятія, т. е. въ первомъ отдѣлѣ—среди текста самостоятельныхъ очерковъ встрѣчаются переводныя пьесы и выдержки, а во 2-мъ отдѣлѣ ,,переводовъ"—нѣсколько статей съ изложеніемъ содержанія произведеній и пьесъ другихъ авторовъ—рядомъ съ переводами изъ нихъ, а также и болѣе самостоятельные очерки (напр. введеніе къ переводу ,,Фритіофа"). Помѣщеніе въ этомъ отдѣлѣ нѣсколькихъ чужихъ очерковъ (напр. Рунеберга, Францѐна, Кастрена, Ленрота) *въ переводѣ* Я. К. Грота оправдывается не столько литературнымъ значеніемъ этихъ *переводовъ*, сколько тѣсною связью ихъ съ прочими, самостоятельными очерками переводчика и вообще со всѣми его трудами по изученію шведско-финскаго сѣвера.

Порядокъ въ размѣщеніи статей обоихъ отдѣловъ принятъ *хронологическій*, но и въ этомъ отношеніи нельзя было обойтись безъ уклоненій, вызванныхъ стремленіемъ къ нѣкоторой систематизаціи разнороднаго матеріала.

Переводъ Тегнеровой „Фритіофссаги" напечатанъ по 2-му его изданію (Воронежъ, 1874 г.), причемъ служили и нѣкоторыя позднѣйшія (впрочемъ мелкія) исправленія переводчика. Вообще надо замѣтить, что такія авторскія поправки въ печатныхъ статьяхъ пригодились намъ очень и во многихъ другихъ случаяхъ. Библіографія ,,Фритіофа", приложенная къ прошлому изданію, нами пополнена недостававшими и новыми (послѣ 1874 г.) указаніями переводовъ и изданій, а также приложеніемъ отзыва Бѣлинскаго о переводѣ Я. К.

К. Г.

Варшава
декабрь 1897 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

От редактора . III

I. Очерки, путешествія и воспоминанія. 1—728

1839. Знакомство съ Рунебергомъ 1
Поэзія и миѳологія скандинавовъ 30
1840. Гельсингфорсъ. 61
О финнахъ и ихъ народной поэзіи 100
Литературныя новости въ Финляндіи, I 149
1841. „ „ „ „ II 179
1842. Воспоминанія Александровскаго университета 185
Глава I. Начало университета въ Або 186
„ II. Черты изъ первыхъ временъ существованія университета . 191
„ III. Война дважды разстраиваетъ университетъ . . . 200
„ VI. Императоръ Александръ 203
„ V. Абовская ученость 212
„ IV. Поэзія на Аурѣ 221
„ VII. Императорскій Александровскій университетъ . . 226
„Радость Вейнемейнена“ (стихи Я. К. Грота) 241
Листки изъ скандинавскаго міра, I 247
1843. „ „ „ „ II 257
„ „ „ „ III 268
1844. „ „ „ „ IV 283
1843. Рѣчь по случаю рожденія Е. И. В. Вел. Кн. Николая Александровича . 299
1844. Литературныя замѣтки и выписки. 306
1. Гёте и русскіе поэты нашего времени 306
2. Мысли шведскаго писателя относит. исторіи литературы. 308
3. Покойный академикъ Кругъ 309
4. Упсальскій университетъ 310
5. Исправленный Шекспиръ 313
О Романѣ „Семейство“ соч. Фредерики Бремеръ 315
1846. Ученая Бесѣда въ Гельсингфорсѣ 327
1847. Переѣзды по Финляндіи (отъ Ладожскаго озера до р. Торнео). 337
Предисловіе 337
Отд. I. Кексгольмъ, Сердоболь и Нейшлотъ 341
„ II. Отъ Нейшлота до Куопіо 351
„ III. Отъ Куопіо до Торнео 360
„ IV. Поѣздка къ горѣ Авасаквѣ и незаходящее солнце. 381
„ V. Торнео и Улеаборгъ 393
„ VI. Озеро Улео и городъ Каяна 407
„ VII. Прогулка въ Пальдамо и воспоминанія объ императорѣ Александрѣ 420
„ VII. Возвращеніе въ Каяну и оттуда въ Гельсингфорсъ. 434
Путешествіе въ Швецію въ 1847 г. (изъ дневника, веденнаго въ Швеціи) 450
На пароходѣ 450
I. Стокгольмъ 454
II. Упсала . 468
1. Пріѣздъ въ Упсалу 468
2. Упсальская библіотека 471
3. Студенты 476
4. Рудники въ Даннеморѣ 481
5. Старая Упсала 487
6. Еще о студентахъ 495
7. Знакомства съ учеными 501
III. Прогулка по Готскому каналу 524

стр.

IV Отъ Веттера до Венера 537
V. Прогулка по Готенбургу 558
1849. Очерки изъ Финляндскихъ походовъ въ 1808 и 1809 г.:
„ „ I . . . 563
„ „ Кульневъ, стихотв. . 578
„ „ II . . . 583
1855. „ „ III . . . 587
1851. Научныя новости изъ Финляндіи 599
I. Ученые диспуты въ Имп. Александровскомъ университетѣ. 599
II. Извлеченіе изъ русскихъ лѣтописей, изданн. на швед. языкѣ. 601
III. Литературные вечера въ Гельсингфорсѣ 602
1874. Записка о путешествіи въ Швецію и Норвегію лѣтомъ 1873 г. 605
1877. Воспоминанія о 400-лѣтнемъ юбилеѣ Упсальскаго университета . 630
1881. Изъ міра шведской и финской поэзіи 679
Эрикъ Лаксманъ 696
Некрологи . 712
(1848). Одертъ Грипенбергъ 712
(1852). Профессоръ Кастренъ 719
(1877). Рунебергъ 724
1880. Отзывъ о книгѣ Гельгрена 726

II. Переводы. Стихи и проза 729—1045

1841. Фритіофъ. Скандинавскій витязь, поэма Тегнера 731
Предисловіе къ II-му изданію 731
Предварительныя свѣдѣнія (Очеркъ быта, религіи и поэзіи древнихъ скандинавовъ) 732
Очеркъ біографіи Тегнера 754
Письмо Тегнера о его „Фритіофссагѣ“ 760
Поэма въ 24 пѣсняхъ 764—865
Литература „Фритіофссаги“, ея переводовъ и проч. 866
Отзывъ Бѣлинскаго о переводѣ Я. К. Грота 869
Приложеніе. Древне-исландскія саги 871
„ Сага о Фритіофѣ - Смѣломъ 875
1839. Скальдъ. Изъ Рунеберга 896
1841. Паукъ. Изъ Стагнеліуса 897
1842. Путешествіе на юбилей 1840 года (Францѐна) 898
(1874). Видѣніе Валы (Völu-spa) 909
1839. Зимніе цвѣты (альманахъ). 918
1840. О природѣ финляндской, о нравахъ и образѣ жизни народовъ во внутренности края, ст. Рунеберга 924
„Вечеръ на Рождество“, Рунеберга 934
1841. Жизнь Тегнера, описанная Франценомъ 936
Стрѣлки лосей, поэма Рунеберга 948
1843. Кастренъ и Ленротъ въ Русской Лапландіи 970
Путевыя письма Ленрота изъ сѣверныхъ губерній Россіи . 978
1844. Разсказы изъ Шведской исторіи (по Фрюкселю) 990
„ о Рагнарѣ и его сыновьяхъ 994
1845. Воспоминанія о войнѣ 1808 года и путешествіи имп. Александра по Финляндіи (изъ кн. г-жи Ваклинъ) . . . 1012
Очерки старинныхъ нравовъ Швеціи 1018
1841. Надежда, поэма Рунеберга 1026
Указатели (Предметный, личныхъ и мѣстныхъ именъ) 1047
Замѣченныя опечатки 1072

I.

ОЧЕРКИ, ПУТЕШЕСТВІЯ

и

ВОСПОМИНАНІЯ.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ЗНАКОМСТВО СЪ РУНЕБЕРГОМЪ[1]).

Изъ путешествія по Финляндіи въ 1839 году.

1839.

Въ концѣ прошлаго лѣта, проживъ нѣсколько недѣль въ Гельсингфорсѣ, вздумалъ я объѣхать часть Финляндіи. Мнѣ указали на окрестности Таммерфорса, какъ на сторону, богатую прекрасными видами — и этотъ-то край назначилъ я себѣ главною цѣлію. Но между мѣстами, которыя хотѣлось мнѣ посѣтить напередъ, первымъ стоялъ городъ Борго. Тамъ живетъ человѣкъ, въ которомъ Финляндія съ гордостію видитъ своего сына, именно г. Рунебергъ, одинъ изъ первостепенныхъ шведскихъ поэтовъ нашего времени. Узнавъ еще въ Петербургѣ нѣкоторыя изъ произведеній его, я нетерпѣливо желалъ познакомиться съ нимъ лично.

Такъ какъ изъ Борго надобно было опять воротиться, чтобы попасть въ Або, то со мною обѣщалъ ѣхать къ поэту одинъ изъ жителей Гельсингфорса, г. Вульфертъ, котораго имя уважаютъ многіе и за предѣлами Финляндіи: онъ прежде занимался въ Петербургѣ редакціей одной Нѣмецкой газеты, и подарилъ германской публикѣ въ отличномъ переводѣ *Кавказскій Плѣнникъ* Пушкина. Но къ самому дню моего отъѣзда г. Вульфертъ занемогъ и вмѣсто себя предложилъ мнѣ въ спутники г. Цигнеуса, свѣдущаго литератора и автора небольшой книги подъ страннымъ заглавіемъ: *Весеннія Ледяныя Иглы.* Заключая въ себѣ подробное сужденіе о г. Рунебергѣ и нѣсколько стихотвореній, вся эта брошюрка показываетъ присутствіе таланта оригинальнаго и смѣлаго, но, къ сожалѣнію, проза ея теряетъ нѣсколько отъ длинноты и запутанности періодовъ. По призванію собратъ поэта, а по сердцу другъ его, г. Цигнеусъ, однакожъ, всегда безпристрастенъ

[1]) *Современникъ*, 1839, XIII, стр. 5—57. Срв. упоминаніе объ этой статьѣ въ „Перепискѣ Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ“, т. I, стр. 30. О Рунебергѣ см. еще ниже его Некрологъ и ст. „Изъ міра шведской и финской поэзіи“. *Ред.*

въ своей критикѣ, и я не разъ буду имѣть случай ссылаться на его замѣчанія.

10 Августа въ 8 часовъ утра товарищъ мой пришелъ ко мнѣ. На дворѣ ужъ насъ ожидала маленькая коляска, которая должна была везти меня до самаго Петербурга. „Дотащишь ли насъ до станціи?“ спросили мы смѣясь у крошечнаго оборваннаго мальчишки, стоявшаго возлѣ пары тощихъ клячъ, впряженныхъ и покрытыхъ веревками. „Іо (т. е. да), довезу“, отвѣчалъ онъ съ обычной флегмой своихъ земляковъ, тихо помахивая кнутомъ, который былъ чуть-ли не вдвое больше его. Лошади казались очень ненадежными, какъ бываетъ почти всегда на городскихъ станціяхъ. „Тише ѣдешь, далѣ будешь“, сказалъ кто-то изъ насъ, садясь въ коляску, и мальчишка вскарабкался на козлы, гдѣ бы можно было помѣстить еще, по крайней мѣрѣ, три такія же куклы, какъ онъ. Бѣлокурая Лотта, стыдливая моя прислужница, присѣдая, подала мнѣ дорожный мѣшокъ, мальчишка чмокнулъ губами—и вскорѣ мы затряслись надъ мостовой Гельсингфорса, приближаясь по широкой *улицѣ Союза* къ Петербургской или Тавастгусской заставѣ.

Оттуда до Борго около 60-ти верстъ. Эта дорога не изобилуетъ живописными видами: итакъ, вмѣсто того, чтобы напрасно искать на ней восторговъ, позвольте мнѣ приготовиться къ свиданію съ г. Рунебергомъ нѣсколькими замѣчаніями о языкѣ, на которомъ онъ пишетъ, и словесности, къ которой принадлежитъ. Вы знаете, что между жителями такъ называемой новой Финляндіи слышится отчасти языкъ сѣверныхъ сосѣдей нашихъ.

Шведскій языкъ вмѣстѣ съ датскимъ и норвежскимъ происходитъ отъ древняго *данскаго*, впослѣдствіи *норренскаго*, который нѣкогда составлялъ собственность всей Скандинавіи, а нынѣ, измѣнившись очень мало, живетъ въ Исландіи и носитъ ея имя. Будучи готскаго происхожденія, онъ отличается необычайнымъ богатствомъ, замѣтнымъ особенно въ поэзіи; по чистотѣ же и полной самобытности превосходитъ всѣ прочіе европейскіе языки. Странная участь постигла его: въ отечествѣ своемъ, послѣ введенія христіанской религіи, теряетъ онъ свою самостоятельность, мѣшается съ языками латинскимъ, англосаксонскимъ, нѣмецкимъ и французскимъ, совершенно измѣняетъ видъ свой, наконецъ исчезаетъ, оставляя троихъ дѣтей, въ которыхъ еще можно узнать черты отца ихъ, но которыя въ отношеніи къ нему то же, что прихотливые сыны новаго міра предъ суровыми предками. Между тѣмъ, однако, не умеръ древній языкъ Скандинавіи. Изгнанный собственными дѣтьми своими, онъ получаетъ въ удѣлъ отдаленный уголокъ родного сѣвера, уединяется на дикомъ островѣ, въ тишинѣ переживаетъ вѣка, и будто отшельникъ въ пустынной кельѣ своей, записываетъ вѣрованія и подвиги народа, давшаго ему жизнь.

Я говорю объ эддахъ и сагахъ, этихъ драгоцѣнныхъ сокровищницахъ миѳологіи, исторіи и поэзіи древняго Скандинавскаго міра: кто не знаетъ, что родина ихъ — Исландія?

Три новыя отрасли сѣвернаго языка, постепенно отдѣлившись одна отъ другой, донынѣ представляютъ такое разительное между собою сходство, что шведъ, датчанинъ, и норвежецъ, каждый по своему, легко могутъ объясняться другъ съ другомъ. Но языкъ шведскій, безъ сомнѣнія, самый благозвучный изъ трехъ. Отличаясь въ равной степени силой и нѣжностью — отъ чего происходитъ необыкновенное удобство его для поэзіи и пѣнія — онъ богатъ и очень обработанъ. Чтобы постигнуть всю его красоту, надобно послушать стокгольмское нарѣчіе. Уроженецъ Стокгольма говоритъ и читаетъ какъ-то нараспѣвъ, и мелодія его рѣчи (впрочемъ, не ручаюсь за чужой слухъ) пріятна.

Шведы, подобно англичанамъ, деспотически обходятся съ своими словами въ живомъ употребленіи, сокращая, недоговаривая, измѣняя ихъ и вообще позволяя себѣ всякія вольности, которыя на письмѣ обличили бы величайшую безграмотность. Къ финляндцамъ нашимъ это замѣчаніе относится только частію. Множество словъ и оборотовъ доказываетъ близкое родство языка сего съ нѣмецкимъ и англійскимъ. Нѣмцы по-шведски и Шведы по-нѣмецки выучиваются говорить хорошо безъ большого труда. Забавны, однако, ошибки, которыя иногда тѣ и другіе дѣлаютъ, слишкомъ полагаясь на сходство обоихъ языковъ. За то ужъ французскій вовсе не дался шведамъ. Не смотря на то, что онъ съ давнихъ поръ сдѣлался у нихъ господствующимъ при Дворѣ и въ обществѣ, они не могутъ никакъ справиться съ его произношеніемъ. Особенно звуки *ж* и *з* приводятъ сыновъ Скандинавіи въ большое затрудненіе. Эти звуки чужды ихъ азбукѣ, и не многимъ удается примирить съ ними языкъ свой; но кто и успѣетъ въ томъ, нерѣдко недоумѣваетъ, гдѣ выговорить ему буквы *g* и *s* мягко и гдѣ твердо. Отъ того происходятъ фразы въ родѣ слѣдующихъ: donnez-moi du zèle (т. е. du sel), je suis sans bas (т. е. z-en bas).

Нынѣшней — едва-ли не послѣдней — степени развитія шведскій языкъ достигъ довольно поздно. Частыя войны и другія народныя бѣдствія, которыми такъ изобилуютъ лѣтописи Швеціи, также пристрастіе многихъ государей ея ко всему иноземному: вотъ главныя причины, замедлявшія успѣхи этого языка. Счастливымъ для него событіемъ было введеніе въ Швецію Лютеровой реформы, которая обогатила его переводомъ Библіи, отворила ему храмы Божіи и умножила число школъ. Но она не отстранила препятствій, останавливавшихъ ходъ его—и если при всемъ томъ онъ сталъ, наконецъ, на ряду съ образованнѣйшими языками Европы, то симъ наиболѣе обязанъ постояннымъ усиліямъ ревнителей отечественнаго слова.

Переходя къ его литературѣ, я не стану говорить ни о рунахъ, ни о скальдахъ и сагахъ: все это принадлежитъ цѣлой Скандинавіи и завело бы насъ слишкомъ далеко. Что же касается до Швеціи, то первыми памятниками ея словесности, послѣ введенія христіанства, служатъ романсы или *рыцарскія пѣсни* (Riddarevisor), которыя, сохранившись донынѣ въ народѣ, называются также *народными* (Folkvisor).

Реформація дала литературѣ на-время исключительно религіозное направленіе: всѣ принялись за церковныя пѣсни, псалмы и т. п. Здѣсь собственно начинается постепенное развитіе шведской словесности. Оставляя въ сторонѣ знаменитыя имена, которыя она позднѣе внесла въ лѣтописи науки, обратимся къ главному ея богатству — къ поэтамъ, и замѣтимъ напередъ, что въ ней преобладаетъ лирическій родъ. Въ эпосѣ и въ романѣ шведы начали подвигаться только въ наши дни, а по части драмы еще не имѣютъ ничего образцоваго. Достойно вниманія, что многіе вѣнценосцы Швеціи стоятъ въ рядахъ писателей: всѣ четыре Густава, Эрикъ XIV, Карлъ IX и другіе монархи представили на судъ отечества не только дѣянія, но и произведенія пера болѣе или менѣе искуснаго.

Первый замѣчательный шведскій поэтъ является не прежде какъ въ половинѣ XVII столѣтія, въ царствованіе знаменитой Христины. Это Шернъельмъ (Stjernhjelm), который не только обогатилъ словесность произведеніями глубокаго ума, образованнаго изученіемъ классиковъ, но и значительно подвинулъ языкъ. Его нравственная сатира *Геркулесъ* никогда не будетъ забыта. Къ сожалѣнію, Христина, покровительствуя иноземнымъ талантамъ, пренебрегала отечественной поэзіей. При дворѣ ея любовь къ чужому, особливо ко всему французскому, была такъ сильна, что не только отражалась въ образѣ жизни и обычаяхъ, но наложила печать свою и на языкъ.

Съ этихъ поръ до начала нынѣшняго столѣтія шведская словесность не представляетъ почти ничего, кромѣ рабскаго подражанія французамъ. Около ста лѣтъ послѣ Шернъельма, въ царствованіе Фридриха Гессенскаго, когда Швеція еще оправлялась отъ ранъ, нанесенныхъ ей войнами Карла XII, прославился поэтъ и историкъ Далинъ (Dalin), котораго главное достоинство заключается, однако, въ слогѣ. Въ это же время вновь учрежденная академія изящныхъ искусствъ и литературныя общества принесли великую пользу словесности. Но самою благодѣтельною для нея эпохою было царствованіе злополучнаго Густава III. Правда, что и онъ подчинился вліянію французскаго вкуса; но жизнь и дѣятельность, пробужденныя имъ въ области прекраснаго, не могли остаться безъ важныхъ послѣдствій. Окруживъ себя художниками, онъ самъ трудился съ честію на поприщѣ оратора и драматическаго писателя. Главнымъ же подвигомъ его въ дѣлѣ просвѣщенія было основаніе національнаго театра (1782)

и Шведской академіи (1786) [1]), хотя послѣдняя была, впрочемъ, учреждена совершенно по образцу Французской.

Между многими современными ему поэтами остановимся на троихъ.

Че́льгренъ (Kellgren), питомецъ Финляндіи — онъ получилъ образованіе свое въ Абовскомъ университетѣ — блеститъ воображеніемъ и умомъ, самобытенъ, глубокъ, многообъемлющъ. Онъ оставилъ оды, сатиры и трагедіи.

Бе́льманъ (Bellman) — вдохновенный, оригинально-веселый пѣвецъ. Этотъ добродушный и нравственный человѣкъ, увлеченный своимъ дарованіемъ, вздумалъ изучать духъ простонароднаго быта въ кабакахъ и трактирахъ стокгольмскихъ. Нерѣдко садился онъ къ столу пирующихъ гулякъ, и языкомъ, который подслушалъ въ ихъ же обществѣ, воспѣвалъ, съ удивительною вѣрностью природѣ, шумныя ихъ оргіи. Въ одно время и музыкантъ и поэтъ, онъ обыкновенно сочинялъ свои истинно-народныя пѣсни и мелодіи къ нимъ въ минуты самого исполненія, такъ что отдѣлить въ нихъ слова отъ музыки и музыку отъ словъ значило бы отнять характеръ цѣлости у этихъ легкихъ, то задумчивыхъ, то непринужденно-игривыхъ, но часто грязныхъ дѣтей необузданной фантазіи. Стихи, пѣтые Бельманомъ и записанные по большей части съ его голоса, составляютъ всю его славу; но то, что сочинялъ онъ съ перомъ въ рукахъ, гораздо слабѣе. Произведенія его были изданы частію имъ самимъ, частію по смерти его, подъ фирмой сочиненій *Фрѐдмана*, его друга, и сдѣлали имя пѣвца любезнымъ всякому шведу. Густавъ III называлъ его шведскимъ Анакреономъ. Въ переводѣ пѣсни Бельмана потеряли бы всякое достоинство.

Леопольдъ (Leopold) — во мнѣніи своихъ современниковъ первый поэтъ — долженъ быть названъ только какъ глава классической школы, тогда отживавшей свой вѣкъ.

Послѣдовавшее за симъ періодомъ царствованіе Густава IV было временемъ усыпленія словесности, но внезапное пробужденіе ея показало, что отдыхъ этотъ былъ ей нуженъ.

Счастливое соединеніе въ Упсалѣ многихъ юныхъ и могучихъ дарованій, воспитанныхъ изученіемъ философіи и поэзіи германцевъ, произвело, послѣ перваго десятилѣтія нынѣшняго вѣка, неожиданный переворотъ въ шведской поэзіи. Журналы *Полифемъ* и *Фосфоръ* съ ожесточеніемъ объявляютъ войну приверженцамъ старинной школы — и вскорѣ на развалинахъ ея возникаетъ новая, которой поборники съ жаромъ почерпаютъ предметы своихъ вдохновеній изъ нетронутыхъ еще сокровищницъ народныхъ преданій. По журналу *Фосфоръ*, главному органу этихъ писателей, противная сторона означаетъ ихъ

[1]) Замѣчательно, что первая премія этой академіи была присуждена за сочиненіе, котораго авторъ, въ то время неизвѣстный, былъ самъ король.

насмѣшливымъ именемъ *Фосфористовъ.* Между тѣмъ съ побѣдою исчезаетъ ожесточеніе, немногіе послѣдователи прежняго направленія оканчиваютъ свое поприще—и духъ національности дѣлается господствующимъ въ шведской литературѣ.

Исчислю нѣкоторыхъ изъ главныхъ представителей ея въ наше время. Всѣ они, кромѣ одного, еще живы.

Аттербомъ (Atterbom), бывшій издатель журнала *Фосфоръ* и самый ревностный противникъ старой школы, замѣчателенъ и какъ поэтъ и какъ глубокій мыслитель. Изъ мелодическихъ стихотвореній его, не оставляющихъ желать ничего съ художественной стороны, лучше всѣхъ тѣ, которыя служатъ выраженіемъ грусти; но такъ какъ онъ писалъ стихи болѣе для примѣненія своей теоріи, нежели по призванію, то вы стали бы тщетно искать въ нихъ истины жизни и природы. Предметы его большею частію фантастическіе, и въ этомъ отношеніи первое мѣсто занимаетъ его прекрасная сказка: *Островъ Блаженства* (Lycksalighetens-ö). Между мелкими пьесами его попалась мнѣ одна подъ заглавіемъ: *Мотылекъ,* изъ которой я приведу нѣсколько куплетовъ.

Для одной лишь цѣли созданъ,
Въ каждой нектарной росинкѣ
Видитъ онъ (мотылекъ) желанный образъ,
Озирается тревожно,
И вертя головкой, молвитъ:
„Гдѣ жъ, возлюбленная, ты?“

А суровая подруга
Ждетъ на вѣточкѣ сирени.
Вотъ онъ къ ней—она порхнула,
Онъ за ней — она смягчилась,
И на розѣ возлѣ рѣчки
Принимаетъ жениха.

Но одно его печалитъ:
Онъ сердечнаго томленья
Въ пѣсняхъ выразить не можетъ;
У него есть только крылья —
Нѣтъ ни звука для подруги;
Онъ безгласенъ, какъ цвѣтокъ.

Все жъ судьба его завидна:
Безъ боязни онъ встрѣчаетъ
Свой конецъ въ объятьяхъ милой.
Для одной лишь встрѣчи съ нею

Онъ отъ сна былъ призванъ къ жизни,
Токомъ свѣта окропленъ.

.

Надъ усопшимъ альфы [1]) рощи
Погребальный пиръ свершаютъ:
Вопятъ алыми устами,
Въ *колокольчики* трезвонятъ,
Гробъ изъ раковины прячутъ
Въ мохъ при пѣніи дрозда.

Въ послѣднее время Аттербомъ посвятилъ себя исключительно наукамъ и занимаетъ каѳедру философіи въ Упсалѣ.

Францèнъ (Franzèn), которымъ гордится родина его, Финляндія, принадлежитъ по времени столько же предшествовавшему, сколько и нынѣшнему періоду шведской литературы. Онъ истинный поэтъ. Стихи его проникнуты обворожительной чистотою души, согрѣты глубокимъ чувствомъ, блещутъ свѣтлою, но спокойною фантазіей. Сверхъ мелкихъ произведеній, написалъ онъ и нѣсколько большихъ поэмъ, которыми пополнилъ недостатокъ эпической поэзіи у шведовъ. Живя уже много лѣтъ въ Швеціи, онъ теперь, въ глубокой старости, носитъ званіе епископа Гернесандскаго и не является болѣе на поприщѣ литературы. Вотъ одно изъ его стихотвореній.

ВОСКРЕСНОЕ УТРО [2]).

„Какая всюду тишина!"
Суббота молвитъ Воскресенью:
„И человѣкъ въ объятьяхъ сна
Предался весь отдохновенью.
Пора и мнѣ: устала я!
Приходитъ очередь твоя".

Межъ тѣмъ двѣнадцать бьетъ въ селеньѣ,
И день субботній прочь идетъ.
„На смѣну!" молвитъ Воскресенье,
Глаза рукою сонной третъ,
И, мигъ помѣшкавъ за звѣздами,
Выходитъ тихими шагами.

[1]) Въ миѳологіи сѣверныхъ народовъ альфами или эльфами называются духи, носящіе иногда образъ маленькихъ, крылатыхъ существъ чудной красоты.

[2]) Напечатано въ книгѣ *„Стихи и Проза для дѣтей"* *Я. Грота*, изд. 3, Спб. 1892, стр. 34 — 36. *Ред.*

Къ жилищу солнышка оно
Идетъ съ свѣчою блѣдно-алой,
И постучавъ, кричитъ въ окно:
„Что, солнышко, еще не встало?“
А солнышко красавцу-дню:
„Ступай! я тотчасъ догоню“.

И день на цыпочкахъ оттолѣ
Пошелъ и, ставши надъ горой,
Окинулъ яснымъ взоромъ поле;
Чтожъ? все объято тишиной,
Все спитъ по прежнему такъ сладко,
И онъ спускается украдкой.

Пора вставать: дремоты лѣнь
Деревня гонитъ, оживляясь,
И видитъ: вотъ ужъ красный день
Къ ней въ окна смотритъ, улыбаясь,
Въ сіяньи солнца, веселъ, тихъ,
На шляпѣ пукъ цвѣтовъ простыхъ.

Онъ ненавидитъ шумъ, тревогу,
Онъ зла не хочетъ никому,
И мыслитъ только: „Слава Богу,
Ужъ солнышко прогнало тьму.“
Цвѣточки, внявъ его привѣту,
Приподняли головки къ свѣту.

Вечоръ умытыя, стоятъ
Въ саду красивыя бесѣдки,
Деревья зеленью блестятъ,
Прохлада вѣетъ съ каждой вѣтки.
Пчела работаетъ: у ней
Нѣтъ никогда воскресныхъ дней.

Все счастьемъ, все любовью дышитъ
Вокругъ спокойныхъ этихъ стѣнъ,
И вся окрестность, мнится, слышитъ:
„Благослови! Благословенъ!
Господь, дѣла твои чудесны:
О, какъ прекрасенъ день воскресный!“

И птички спряталися въ тѣнь
И звонко Бога воспѣваютъ,
Какъ будто знаютъ, чтó за день.
То лучше всѣхъ ребята знаютъ
И неотступно просятъ мать
Имъ платья новенькія дать.

Къ обѣднѣ! въ третій разъ звонили!
Пасторъ[1]) сегодня не проспалъ.
Друзья! свяжите пукъ изъ лилій,
Покуда вечеръ не насталъ.
На паперти я встрѣчу Машу,
Цвѣтами косу ей украшу.

Вы, конечно, хмуритесь на меня, потому что припоминаете себѣ прекрасное стихотвореніе В. А. Жуковскаго. Очень понимаю, и сейчасъ утѣшу васъ. Я пожертвовалъ самолюбіемъ, и нарочно выбралъ у Францѐна именно эту пьесу, чтобъ на дорогѣ въ Борго обрадовать васъ неожиданною встрѣчей и дать вамъ отдохнуть отъ моихъ и стиховъ и прозы на произведеніи нашего знаменитаго поэта. Вотъ оно.

ВОСКРЕСНОЕ УТРО ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Слушай, дружокъ! (говоритъ Воскресенью Суббота) деревня
Вся ужъ заснула давно; въ окрестности все ужъ покойно;
Время и мнѣ на покой: меня одолѣла дремота;
Полночь близко!.. И только успѣла Суббота промолвить:
„Полночь!“ а полночь ужъ тутъ и ее принимаетъ безмолвно
Въ тихое лоно. Моя череда! говоритъ Воскресенье;
Легкой рукою, тихонько двери свои отворило,
Вышло и смотритъ на звѣзды: звѣзды ярко сіяютъ;
На небѣ темно и чисто; у солнышка завѣсъ задернутъ.
Долго еще до разсвѣта; все спитъ; иногда повѣваетъ
Свѣжій ночной вѣтерокъ, сквозь сонъ встрепенувшись, какъ будто
Утра далекій приходъ боясь пропустить. Невидимкой
Ходитъ, какъ духъ безтѣлесный, неслышной стопой Воскресенье.
Въ рощу заглянетъ — тамъ тихо; листья молчатъ; сквозь вершины
Темныхъ деревъ, какъ безчисленны очи, звѣздочки смотрятъ;
Кое-гдѣ яркій свѣтлякъ на листочкѣ горитъ, какъ лампада
Въ кельѣ отшельника. По лугу тихо пройдетъ — тамъ незримый
Шепчетъ ручей, пробираясь по камнямъ; кругомъ вся окрестность,

[1]) Въ позднѣйшей редакціи; *Звонарь сегодня рано всталъ,* см. назв. изданіе. *Ред.*

Холмы, деревья въ невѣрныя тѣни слилися, и молча
Слушаютъ шопотъ. Зайдетъ на кладбище — могилы въ глубокомъ
Снѣ, и подъ легкимъ ихъ дерномъ, какъ будто что дышетъ свободнымъ,
Свѣжимъ дыханьемъ. Въ село завернетъ—и тамъ все спокойно;
Пусто на улицѣ; спятъ пѣтухи, и сельская церковь
Съ темной своей колокольней, внутри озаренная слабымъ
Блескомъ свѣчи предъ иконой, стоитъ, какъ будто безмолвный
Сторожъ деревни.—Спокойно на паперти сѣвъ, Воскресенье
Ждетъ посреди глубокой тьмы и молчанья, чтобъ утро
На небѣ тронулось... Тронулось утро; во тьму и молчанье
Что-то живое проникло; стало свѣжѣе, и звѣзды
Начали тускнуть... пѣтухъ закричалъ. Воскресенье тихонько
Подняло занавѣсъ спящаго солнца, тихонько шепнуло:
„Солнышко, встань!..“ И разомъ подернулся блѣдной струею
Темный востокъ; началось тамъ движенье, и слѣдомъ за яркой
Утренней звѣздочкой, рой облаковъ прилетѣлъ и усыпалъ
Небо, и лучъ за лучемъ полились, облака зажигая...
Вдругъ между ними, какъ радостный ангелъ, солнце явилось.
Вся деревня проснулась, и видитъ: стоитъ Воскресенье
Въ свѣжемъ вѣнкѣ изъ цвѣтовъ и сіяя на солнцѣ,
„Доброе утро!“ всѣмъ говоритъ. И торжественно-тихій
Праздникъ приходитъ на смѣну заботливо-трудной недѣли;
Благовѣстъ звонкій въ церковь зоветъ—и въ одеждѣ воскресной
Старый и малый идутъ на молитву... Въ деревнѣ молчанье;
Въ церкви дымятся кадила, и тихое слышится пѣнье.

Стагнеліусъ (Stagnelius), умершій слишкомъ рано (30-ти лѣтъ отъ роду, въ 1823 г.), успѣлъ однакожъ составить себѣ прочную славу. Жизнь его представляетъ горестное для человѣколюбца соединеніе пламенной души съ волею слабой. Несчастная жертва страстей, онъ то искупалъ свои заблужденія муками, то возносился къ небу поэзіей. Его лирическія произведенія носятъ отпечатокъ той непритворной глубокой меланхоліи, которая почти всегда неразлучна съ болѣзненнымъ состояніемъ тѣла. При этомъ господствующемъ направленіи, стихи его (если исключить нѣкоторыя пьесы, принесенныя въ дань человѣческой слабости) отличаются пылкимъ религіознымъ чувствомъ, роскошнымъ воображеніемъ, сильною мыслію и особеннымъ изяществомъ формы. Въ драмахъ его видно преобладаніе лиризма, а эпическая поэма: *Владиміръ-Великій*, близкая къ намъ по предмету, обличаетъ еще незрѣлость таланта. Въ ней однако много прекрасныхъ мѣстъ, и таково особенно самое начало: не даромъ же она была увѣнчана Шведской академіей и переведена на нѣмецкій языкъ. Чтобъ дать вамъ понятіе о характерѣ поэзіи Стагнеліуса, перевожу одно изъ его стихотвореній, и на этотъ разъ, для большей точности, въ прозѣ.

МЫСЛЬ И ЧУВСТВО.

„*Мысль* — орелъ. Привлеченная блескомъ лазури, покидаетъ она жилище свое — кедромъ вѣнчанныя горы, и паритъ къ божественному сiянiю солнца. Безъ боязни устремляетъ она къ золотому оку неба взоръ очей земныхъ, и браздитъ эфиръ, и носится упорно вокругъ побѣдоносныхъ сонмовъ небожителей.

„Бѣлая, невинная голубица *чувства* робко покидаетъ свои кипарисовыя рощи, когда кроткiй ликъ серебрянаго мѣсяца озаряетъ ночь. Безпрестанно встрѣчая новыя небеса, увлекаемая несказанною тоской, она мчится мимо свѣтилъ полуночныхъ къ обители первобытной жизни своей.

„Далеко уносясь за предѣлы вещества и пространства, наконецъ она отдыхаетъ на пальмахъ мира и въ восторгѣ созерцаетъ Отца живущихъ. Вздохи мрака выводитъ она къ свѣту, переноситъ голосъ утѣшенiя въ край скорби, небо и прахъ связуетъ таинственною цѣпью изъ розъ.

„Можетъ ли исполинъ досягнуть твердыни боговъ, громоздя горы на горы? Нѣтъ! никогда не подняться *мысли* выше облачнаго мiра Демiургова. Только *чувство*, при звонѣ арфъ Серафимовыхъ, возноситъ насъ къ высотѣ истинной; только чувство даритъ истинную радость; только чувство соединяетъ человѣка съ Богомъ“.

Гейеръ (Geijer), профессоръ исторiи въ Упсалѣ, обязанъ своею славой не столько поэтическому дару, сколько многообъятности своего ума и основательной учености — достоинствамъ, которыя даютъ ему мѣсто въ ряду знаменитѣйшихъ людей нынѣшней Европы; онъ и историкъ, и философъ, и ораторъ, и композиторъ. Между его трудами важнѣйшiе по части шведской исторiи: на многiя ея эпохи онъ разлилъ яркiй свѣтъ своей здравой критики. Что касается до стиховъ его, то въ нихъ болѣе признаковъ ума, нежели вдохновенiя, и такъ какъ они не представляютъ ничего характеристическаго, то я и не считаю нужнымъ приводить изъ нихъ что-либо. Нельзя однакожъ умолчать о двухъ лучшихъ его стихотворенiяхъ: *Викингъ* и *Послѣднiй Скальдъ*.

Альмквистъ (Almqvist)—сочинитель повѣстей и романовъ, возбудившiй противоположные о себѣ толки. Одни признаютъ его необыкновеннымъ генiемъ, другiе — величайшимъ сумасбродомъ, который хочетъ удивить свѣтъ оригинальностiю. Самое примѣчательное его произведенiе: *Книга Шиповника* (Törnrosensbok) есть собранiе повѣстей, странныхъ и носящихъ странныя заглавiя, но, какъ говорятъ, чрезвычайно любопытныхъ и обильныхъ блестящими мыслями. По многочисленности почитателей Альмквиста нельзя сомнѣваться, чтобъ онъ не

обладалъ дарованіемъ огромнымъ, но получившимъ, можетъ быть, ложное направленіе. Баронъ К., финляндскій помѣщикъ, бывшій нѣкогда его воспитанникомъ въ Стокгольмѣ, сказывалъ мнѣ, что Альмквистъ просто человѣкъ, у котораго умъ за разумъ заходитъ и что онъ писалъ свою прославленную книгу въ припадкѣ сумасшествія. Изъ славолюбія бросилъ онъ всѣ связи, всѣ наслажденія свѣтскія и проводитъ жизнь за письменнымъ столомъ. Свѣдѣнія его необъятны. Говоря о немъ, какъ о романистѣ, нельзя забыть и дѣвицы Бремеръ (Bremer), которой повѣсти: „*Очерки изъ ежедневной жизни* (Teckningar ur hvardagslifvet) составляютъ любимое чтеніе шведской публики.

Но писатель, который пользуется истинно-народною славой и котораго имя повторяется съ восторгомъ во всѣхъ сословіяхъ, есть Тегнèръ (Tegner), епископъ въ Векшіо (Vexiö). Онъ былъ однимъ изъ главныхъ участниковъ литературнаго переворота, указаннаго выше. Прямой шведъ во всѣхъ произведеніяхъ своихъ, онъ обнаруживаетъ удивительное богатство и рѣдкую живость воображенія, представляющаго ему безпрестанно картины и подобія, вездѣ озаряющаго блескомъ своимъ патріотическіе порывы его. Сила мысли, изобрѣтательность, глубокое чувство — все это не составляетъ отличительныхъ свойствъ Тегнера, но онъ очаровываетъ и увлекаетъ именно роскошью фантазіи, истиннымъ воодушевленіемъ и юношескимъ огнемъ, которымъ согрѣты его сжатые, звучные стихи. Кажется, будто ихъ поетъ скальдъ, воспитанный на востокѣ. Сверхъ поэмъ: *Аксель* (Axel), *Первое причащеніе* (Nattvardsbarnen) и знаменитой *Саги Фритіофа* (Frithiofs Saga), онъ написалъ большое число мелкихъ стихотвореній и нѣсколько прекрасныхъ рѣчей. Такъ какъ вы вѣроятно читали статьи о немъ французскаго путешественника Мармье, переведенныя въ двухъ изъ нашихъ журналовъ, то я не стану распространяться здѣсь о трудахъ Тегнèра, и позволю себѣ только сообщить вамъ въ слабомъ переводѣ начало одной пѣсни изъ Саги Фритіофа, поэмы, которой основаніемъ служитъ старинная исландская сага.

Фритіофъ, сынъ поселянина-воителя, изгнанъ изъ отчизны. Сѣвъ на корабль, онъ становится теперь однимъ изъ тѣхъ морскихъ конунговъ или викинговъ, которые, живя грабежемъ и опустошеніемъ, наводили нѣкогда ужасъ на прибрежныя страны Европы.

Онъ скитался вокругъ по пустыннымъ морямъ;
онъ носился какъ соколъ ловца,
И дружинѣ своей начерталъ онъ уставъ:
разсказать ли законы пловца?

„Ни шатровъ на судахъ, ни ночлега въ домахъ:
супостатъ за дверьми стережётъ;
Спать на ратномъ щитѣ, мечъ булатный въ рукѣ,
а шатромъ—голубой небосводъ.

„Какъ у Фрея [1]), лишь въ локоть будь мечъ у тебя;
малъ у Тора громящаго млатъ.
Есть отвага въ груди,—ко врагу подойди —
и не будетъ коротокъ булатъ.

„Какъ взыграетъ гроза, подыми паруса:
подъ грозою душѣ веселѣй.
Пусть гремитъ, пусть реветъ: трусъ — кто парусъ совьетъ;
чѣмъ быть трусомъ, погибни скорѣй.

„Чти на сушѣ миръ дѣвъ, на судахъ нѣтъ имъ мѣстъ:
будь то Фрея [2]), бѣги отъ красы.
Ямки розовыхъ щекъ всѣхъ обманчивѣй рвовъ,
и какъ сѣти — шелковы власы.

„Самъ Одинъ [3]) пьетъ вино, и похмѣлье не зло:
лишь храни надъ собою ты власть:
Надъ землею упавъ, ты подымешься здравъ;
здѣсь же къ Ранѣ [4]) страшися упасть.

„Ты купца, на пути повстрѣчавъ, защити;
но возьми съ него должную дань.
Ты владыка морей; онъ же прибыли рабъ:
благороднѣйшій промыселъ — брань.

„Ты по жребью добро на помостѣ дѣли,
и на жребій не жалуйся свой;
Самъ же конунгъ морской не вступаетъ въ дѣлежъ:
онъ доволенъ и честью одной.

„Но вотъ викингъ плыветъ: всѣ за крючья и въ бой!
подъ щитами потѣха бойцамъ;
Кто отпрянетъ на шагъ, тотъ не нашъ: вотъ законъ;
поступай какъ ты вѣдаешь самъ.

„Побѣдивъ, укротись: кто о мирѣ просилъ,
тотъ не врагъ уже болѣ тебѣ.
Дочь Валгаллы [5]) мольба; ты дрожащей внимай;
тотъ презрѣнъ, кто откажетъ мольбѣ.

[1]) Фрей, богъ плодородія, одинъ изъ самыхъ сильныхъ боговъ послѣ Тора, владыки громовъ.

[2]) Фрея, богиня красоты.

[3]) Одинъ (Одинъ), родоначальникъ и царь боговъ.

[4]) Рана, богиня моря.

[5]) Рай: жилище боговъ и падшихъ во брани.

„Рана — прибыль твоя: на груди, на челѣ
то прямая украса мужамъ;
Ты чрезъ сутки, не прежде, ее повяжи,
если хочешь собратомъ быть намъ“.

То вождя былъ наказъ, и отъ часа на часъ
росъ онъ въ славѣ на чуждыхъ брегахъ,
И подобныхъ себѣ не встрѣчалъ онъ въ борьбѣ;
его людямъ невѣдомъ былъ страхъ.

Сага Фритіофа имѣла успѣхъ безпримѣрный. Еще и теперь, когда уже около 15 лѣтъ прошло со времени появленія ея, народный энтузіазмъ, возбужденный поэмою Тегнера во всей Скандинавіи, не остылъ. Люди всѣхъ состояній учатъ ее наизусть, она почти вся переложена на музыку, изображена въ картинахъ. Какъ часто, путешествуя по Финляндіи, слышалъ я эти гармоническіе стихи въ прекрасныхъ мелодіяхъ шведскаго композитора Крузелля! Какъ часто встрѣчалъ олицетвореніе ихъ въ рисункахъ, развѣшенныхъ то въ гостиной помѣщика, то въ кабинетѣ сельскаго пастора, то на грязныхъ стѣнахъ какой-нибудь станціи! Дѣти, едва выучившіяся говорить, уже лепечутъ куплеты изъ этой поэмы. Въ Финляндіи такое явленіе тѣмъ разительнѣе, что вообще жители ея не отличаются любовью къ литературѣ. Бѣдность заставляетъ ихъ обращаться къ занятіямъ болѣе существеннымъ и смотрѣть на книги, какъ на товаръ, запрещенный карманнымъ тарифомъ. За то нѣкоторая степень образованности доступна здѣсь и низшему сословію народа. Религія поставляетъ каждому въ обязанность умѣть читать: только грамотные и знающіе наизусть извѣстную часть катихизиса допускаются къ причастію, и потому всякая мать должна учить азбукѣ дѣтей своихъ.

Теперь нѣсколько словъ о г. Рунебергѣ. Прежде свиданія съ человѣкомъ хорошо имѣть о немъ понятіе. Но намъ надобно торопиться: вотъ уже виднѣются красные старинные домики и древняя церковь скромнаго городка Борго; нетерпѣливый товарищъ мой (а съ нимъ, быть можетъ, и вы) чаще и чаще повторяетъ: пошелъ! far af, kör på! Сочиненія нашего поэта состоятъ изъ двухъ частей мелкихъ стихотвореній, изъ Сербскихъ пѣсенъ, переведенныхъ съ нѣмецкаго и изъ двухъ поэмъ: *Ловцы оленей* (или *лосей*, Elgskyttarne) и *Ганна* (Hanna), которыхъ содержаніе взято изъ быта двухъ сословій жителей Финляндіи. Г. Рунебергъ принадлежитъ шведской словесности только по языку, по духу же онъ въ полномъ смыслѣ представитель своихъ соплеменниковъ. Финны, которые съ незапамятныхъ временъ отличаются рѣдкою способностію къ поэзіи, нашли въ немъ вѣрный органъ своей внутренней жизни. По направленію онъ также не имѣетъ никакого

родства съ новою школою шведскихъ поэтовъ: ихъ вдохновительница — исторія; его муза — природа. Достоинство его долго оставалось непризнаннымъ. По замѣчанію г. Цигнеуса, финскіе простолюдины, которые, конечно, лучше всѣхъ постигли бы красоты его простыхъ, прямо изъ души вылившихся пѣсенъ, къ несчастію не могутъ читать ихъ на языкѣ чужомъ, а другія сословія въ Финляндіи, изъ равнодушія ли къ словесности или по недовѣрчивости къ силамъ своей собственной націи, не скоро оцѣнили поэта. Между тѣмъ шведская публика не хотѣла обращать вниманія на стихотворца, который, не будучи землякомъ любимыхъ ея писателей, выражается на ихъ языкѣ: критика пристрастно унижала его достоинства. Скромный талантъ отвѣчалъ на несправедливые толки или молчаніемъ, или новыми пѣснями. Наконецъ, какъ обыкновенно случается, люди, возвышенные надъ толпою своими дарованіями, первые подали примѣръ безпристрастія: Аттербомъ и Тегнѐръ давно уже изъявили свое уваженіе къ г. Рунебергу, а Гейеръ въ недавно изданной брошюркѣ Blå Boken (Синяя Книжка), восхищаясь одною мыслію финляндскаго поэта, прибавляетъ: „Шведская критика еще не отдала должной справедливости сему пѣвцу. Много ли поэмъ на языкѣ нашемъ стоятъ выше его *Ловцовъ оленей*?" Въ то же время существуютъ еще сильнѣйшія доказательства превосходства его дарованія: одинъ нѣмецъ, въ Остзейскихъ губерніяхъ, перевелъ нѣкоторыя изъ лучшихъ его стихотвореній и выдалъ ихъ за свои, а въ Швеціи жадные книгопродавцы перепечатываютъ безъ зазрѣнія совѣсти труды, составляющіе чуть ли не все богатство пѣвца.

Прикатили. Стой! „У какого это мы дома остановились?" спросилъ я г. Цигнеуса. — Это лучшій трактиръ въ Борго. — „Очень кстати, а г. Рунебергъ?" — Теперь около часу, сказалъ мой товарищъ, и онъ по всей вѣроятности засѣдаетъ въ консисторіи. — „Какъ! стало быть онъ духовнаго званія!" — Нѣтъ, но онъ одинъ изъ лекторовъ здѣшней гимназіи (лекторъ краснорѣчія), а всѣ они подъ предсѣдательствомъ епископа, который живетъ въ Борго, составляютъ консисторію. — „Ia så" (*яссо*, т. е. а! понимаю!) отвѣчалъ я любимымъ восклицаніемъ шведовъ. Мы послали просить къ себѣ г. Рунеберга, а сами вошли въ знаменитый трактиръ, который, какъ и все въ пустынныхъ городкахъ Финляндіи, носитъ на себѣ печать бѣдности.

Едва успѣли мы расплатиться съ послѣднимъ кучеромъ своимъ и заказать обѣдъ (по тамошнему образу жизни было уже обѣденное время), какъ вошелъ въ комнату человѣкъ высокаго роста, бѣлокурый, пріятной наружности, лѣтъ 33-хъ отъ-роду. То былъ поэтъ Финляндіи. На открытой физіономіи его были напечатлѣны умъ, прямодушіе, кротость и твердый миръ души. Его спокойно-свѣтлый взглядъ, высокій

лобъ, самыя черты лица и степенная привѣтливость, выражавшаяся въ нихъ безъ улыбки: все это напомнило мнѣ тотчасъ покойнаго нашего Дельвига. Опытныя особы говорятъ, что отнюдь не должно вѣрить первому впечатлѣнію. Положимъ такъ; но я никогда еще не былъ обманутъ сочувствіемъ, привлекавшимъ меня къ нѣкоторымъ людямъ, при первой встрѣчѣ съ ними. Признаюсь: такое же дѣйствіе произвелъ на меня и г. Рунебергъ; изъ первыхъ словъ его уже легко было узнать человѣка скромнаго, простого въ привычкахъ своихъ, не свѣтскаго, но и не надутаго спѣсью тоненькаго ума авторскаго.

Мы сѣли за столъ. Былъ ли обѣдъ нашъ роскошенъ, не мудрено вообразить себѣ. Горестное воспоминаніе! Намъ подали три-четыре полухолодныхъ кушанья въ какихъ-то четвероугольныхъ соусничкахъ, которые переходили у насъ изъ рукъ въ руки и потомъ оставались на столѣ съ обильными остатками. Къ утѣшенію друзей человѣчества и для исполненія долга справедливости, надобно однакожъ прибавить, что въ заключеніе спектакля, когда соуснички отыграли свою роль, между нами заходила горделиво примадонна стола, бутылка шампанскаго.

Мы разговорились о словесности. Успѣхъ людей съ талантами всегда и вездѣ родитъ толпу подражателей: такъ въ послѣднее время было и въ Швеціи. Торжество нововводителей взволновало сотню посредственностей, и вотъ всѣ начали пѣть объ асахъ [1]), конунгахъ, викингахъ, стараясь прикрыть блескомъ и громомъ словъ внутреннюю пустоту своихъ произведеній. Подражатели всюду повторяютъ то же явленіе: они заимствуютъ у своихъ образцовъ только одежду, забывая, что по платью встрѣчаютъ, а по уму провожаютъ; но вотъ бѣда: на уродѣ и платье становится смѣшнымъ. Черты, которыми сопровождалось направленіе новѣйшихъ шведскихъ писателей, отъ излишняго употребленія сдѣлались пошлыми, и теперь надобно обладать чрезвычайнымъ дарованіемъ, чтобы обратить на себя взоры, нося общепринятый нарядъ. Несчастныя послѣдствія подражанія видѣла уже и наша словесность. Жуковскій и Пушкинъ очаровали русскихъ формами, сквозь которыя сіяла мысль, проливалось теплое чувство. Теперь эти формы повторились въ тысячѣ оттисковъ, но сквозь нихъ по большей части ничто уже не свѣтитъ, не согрѣваетъ: такъ скалы вторятъ голосу человѣка, но въ ихъ откликахъ уже не слышно души. Что же произошло отъ того? Звучные стихи критика принимаетъ съ предубѣжденіемъ, зная, что въ нихъ обыкновенно бездарность ищетъ прибѣжища.

Такими-то и другими мыслями приправляли мы произведенія финской провинціальной кухни. Послѣ обѣда мы отправились посмотрѣть

[1]) Родовое названіе боговъ скандинавской миѳологіи.

городъ, который, впрочемъ, какъ мнѣ напередъ уже объявили, представляетъ не много чего достойнаго вниманія. Въ немъ самое примѣчательное древность его. Находясь близъ берега Финскаго залива, на разстояніи 365 верстъ отъ Петербурга, онъ основанъ, если вѣрить нѣкоторымъ указаніямъ, въ 1346 году. Названіе его заимствовано отъ земляной крѣпости, существовавшей съ незапамятной поры при рѣкѣ, на которой онъ построенъ: *borg* значитъ крѣпость, а å (выговар. о) рѣка. И нынѣ еще видны остатки сего укрѣпленія: высокая насыпь, раздѣленная рвомъ и называемая *Боргбакенъ* (Borgbacken, гора крѣпости). Бросивъ съ этой возвышенности взглядъ на ветхій, неправильный, мрачный, но лежащій очень живописно городокъ, мы пошли въ гимназію, учрежденную, кажется, Густавомъ III, а оттуда къ г. Рунебергу.

„Въ этихъ бѣдныхъ домикахъ," сказалъ онъ мнѣ по дорогѣ, „прекрасный полъ гораздо многочисленнѣе нашего. Удобства неприхотливой жизни привлекаютъ въ маленькіе города Финляндіи, и особенно въ Борго, множество вдовъ и безнадежныхъ дѣвъ. Отъ того здѣсь не бываетъ избытка въ квартирахъ. Я только на-дняхъ переселился сюда съ семейкой своей, послѣ лѣтняго отдыха въ поляхъ и лѣсахъ, и долженъ былъ нанять очень незавидный уголокъ. Жалѣю, что не могу принять васъ лучше".

Мы вошли въ небольшой деревянный домъ. Кабинетъ поэта не представлялъ и тѣни роскоши. Муза нигдѣ не осыпаетъ золотомъ своихъ любимцевъ: чего же ожидать отъ нея въ Финляндіи? Она исключила навсегда благородные металлы изъ своего домашняго обихода; у ней есть только золотыя струны да серебряные звуки. Тѣмъ болѣе чести приноситъ сердцу г. Рунеберга человѣколюбіе, съ которымъ онъ, какъ знаютъ всѣ его соотчичи, издалъ въ 1833 г. цѣлый томъ своихъ стихотвореній въ пользу несчастныхъ, разоренныхъ трехлѣтнимъ неурожаемъ въ Остроботніи. Утѣшительно видѣть, въ комъ бы ни было, соединеніе блестящихъ дарованій съ добродѣтелью: не въ этомъ ли союзѣ заключается идея высшаго совершенствованія человѣка на землѣ?

Въ комнатѣ, о которой я говорю, были разбросаны кой-какіе латинскіе и нѣмецкіе авторы. На письменномъ столѣ лежала кипа книгъ, только-что присланныхъ хозяину изъ Швеціи самими сочинителями. Между прочимъ тутъ было нѣсколько тетрадей новаго изданія, въ одной части, произведеній Альмквиста, и начало, не помню чьего, перевода Освобожденнаго Іерусалима. Перелистывая эти книги, я заговорилъ о собственныхъ сочиненіяхъ г. Рунеберга; черезъ нѣсколько минутъ онъ вышелъ и принесъ мнѣ по экземпляру тѣхъ изъ нихъ, которыхъ у меня еще не было.

Родившись въ Остроботніи, г. Рунебергъ получилъ образованіе свое въ бывшемъ Абовскомъ университетѣ, и еще студентомъ чувствовалъ

неодолимое влеченіе къ поэзіи. Многіе изъ раннихъ его опытовъ находятся въ собраніи его сочиненій. Болѣе десятилѣтія протекло уже со времени появленія въ свѣтъ первыхъ трудовъ его. Около половины этого времени было употреблено имъ на изданіе журнала: *Гельсингфорскій Утренній Листокъ* (Helsingfors'Morgonblad). Тогдашнія критическія начала его заслужили нареканіе многихъ: онъ смѣло вооружился было противъ самыхъ блестящихъ литературныхъ знаменитостей Швеціи, противъ Тегнера, Аттербома и др., проповѣдуя свое убѣжденіе, что школа ихъ доказываетъ только отсутствіе истинной поэзіи. Очень естественно, что такое противорѣчіе общему мнѣнію было приписано желанію возвысить себя на счетъ другихъ; но всѣ, кому извѣстенъ личный характеръ г. Рунеберга, рѣшительно отвергаютъ такое обвиненіе. Они видятъ причину сужденій, можетъ быть, слишкомъ рѣзкихъ, въ самомъ его талантѣ, который, какъ я уже сказалъ, по направленію своему такъ несходенъ съ дарованіями забалтійскихъ поэтовъ. Будемъ однако справедливы и спросимъ: такое оправданіе освобождаетъ ли г. Рунеберга отъ упрека въ односторонности, и почему же *онъ* не могъ сочувствовать вдохновеніямъ *ихъ*, когда эти самые люди были впослѣдствіи первыми, провозгласившими его достоинство? Или, можетъ быть, однѣ вѣчныя красоты, заимствуемыя у природы, доступны всѣмъ, а тѣ, которыя цвѣтутъ на почвѣ дѣлъ человѣческихъ, менѣе счастливы? Какъ бы ни было, критическій взглядъ г. Рунеберга въ послѣднее время потерялъ отчасти свою суровость. Это я замѣтилъ и изъ бесѣды его.

Но забудемъ критика и посмотримъ на поэта. Я слышалъ прежде, что онъ пишетъ стихи съ удивительною легкостію и обыкновенно оставляетъ ихъ въ томъ видѣ, какъ они съ перваго раза выльются. Изъ любопытства изъявилъ я теперь желаніе увидѣть что-нибудь изъ послѣднихъ трудовъ его. Онъ вынулъ изъ письменнаго стола нѣсколько мелко исписанныхъ листочковъ, одинъ другого меньше [1]). Въ самомъ дѣлѣ, на нихъ почти вовсе не было помарокъ, этихъ черныхъ уликъ въ шаткости человѣческой мысли. Я поздравилъ его съ такою мѣткостію пера. „Не думайте, отвѣчалъ онъ, чтобы поэтому стихи мои не стоили мнѣ труда. Напротивъ, я тяжело и долго обработываю свои мысли, только не прежде кладу ихъ на бумагу, какъ когда разовью ихъ, сколько могу, и одѣну, какъ умѣю. Большой поэмы своей не начиналъ я писать до тѣхъ поръ, пока она не приняла въ моей головѣ совершенно яснаго и, по моимъ понятіямъ, стройнаго образа“. Эта строгая обдуманность не могла не запечатлѣть произведеній

[1]) На маленькихъ листкахъ писалъ и нашъ Пушкинъ, но онъ часто и по нѣскольку разъ вычеркивалъ: это можно видѣть изъ приложеннаго къ V тому Современника снимка съ его стихотворенія: *Молитва*.

г. Рунеберга особеннымъ характеромъ: кажется, будто каждое изъ нихъ родилось вдругъ, съ одного пріема, или, какъ говоритъ его критикъ, въ нихъ незамѣтно, чтобы части были старѣе цѣлаго. Съ этимъ свойствомъ неразлучно у него еще другое: онъ идетъ къ цѣли прямо, строго держась дороги, которую начерталъ себѣ, и рѣдко позволяетъ воображенію своему уклоняться въ сторону или увлекаться близкими предметами.

Вѣрность природѣ въ малѣйшихъ подробностяхъ составляетъ отличительную черту нашего поэта. И не удивительно: онъ знаетъ ее не изъ книгъ; она сама была всегда его главною, любимою книгою, и онъ читаетъ, изучаетъ ее безпрестанно. Онъ не можетъ похвалиться ни обширною начитанностію, ни многообъемлющими свѣдѣніями: чистая душа, въ которой природа отражается, какъ въ свѣтломъ зеркалѣ, вотъ источникъ его пѣсней. Скажу откровенно, что не ожидаю и глубокаго знанія свѣта отъ человѣка, который, какъ г. Рунебергъ, никогда не переступалъ за предѣлы тихаго быта финляндскихъ городовъ: житель провинціи имѣетъ передъ собою горизонтъ, слишкомъ ограниченный, однообразный и блѣдный; онъ не можетъ ни постигнуть всей суетности общественной жизни, ни проникнуть во всѣ тайны отношеній людскихъ, ни, наконецъ, представить себѣ полнаго результата успѣховъ гражданственности. Но онъ остается тѣмъ ближе къ природѣ, тѣмъ онъ чище и совершеннѣе можетъ вкушать наслажденія, которыми она даритъ способныхъ понимать ее. Это мы видимъ именно на г. Рунебергѣ. Едва лѣто изукраситъ зеленью угрюмыя скалы его родины, онъ удаляется въ ея пріютныя пустыни. Въ лѣсахъ и рощахъ онъ то прислушивается къ голосу крылатыхъ жильцевъ ихъ, то, съ ружьемъ или камнемъ въ мѣткой рукѣ, выжидаетъ добычу. Или носясь въ челнокѣ надъ широкимъ озеромъ, онъ то борется съ непогодой, то ищетъ забавы въ простыхъ заботахъ рыбаря. И всюду природа обогащаетъ его мудрыми уроками: можно сказать, что онъ, какъ счастливое дитя, учится играя.

„Отъ сей любви къ прекрасному творенію Божію, замѣчаетъ г. Цигнеусъ, происходитъ одно изъ главныхъ качествъ таланта г. Рунеберга: его тихое, самообладающее спокойствіе, необыкновенное въ наше тревожное время. Прекрасна мысль Тегнера, что поэта справедливѣе называть голосомъ, нежели говорящимъ человѣкомъ: можно прибавить, что впрочемъ по этому голосу узнается грудь, изъ которой онъ выходитъ. Г. Рунебергъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ мучениковъ воображенія, чьи страданія заражаютъ скорбію слушателей: его богиня похожа на святую. Глядя на ея ненарушимый миръ, не знаешь, вышла ли она съ побѣдою изъ битвы, или къ ней никогда и не прикасалось холодное дуновеніе безпокойства. Легко подумаешь послѣднее, видя непорочную, дѣтскую радость, сіяющую сквозь всѣ ея пѣсни; но

замѣчая, какъ она чужда всякой жеманной и приторной чувствительности, склоняешься невольно къ первому предположенію, потому что такое неколебимое спокойствіе дается только побѣдой".

Это завидное свойство отражается и во внѣшней жизни г. Рунеберга, въ его кроткомъ обращеніи, въ его простомъ и умномъ разговорѣ. Часы текли быстро въ кабинетѣ его, и когда къ намъ подкрался сѣверный, еще свѣтлый вечеръ, къ поэту собралось нѣсколько пріятелей. Тогда, по тамошнему обычаю, на столѣ явилась бутылка уже готоваго пунша, и любезный хозяинъ, наполнивъ имъ рюмки, началъ потчевать гостей. Заклубился табачный дымъ, разговоръ полился быстрѣе, а въ промежутки отдыха степенный поэтъ, подымая рюмку свою, пилъ здоровье (skål) то одного, то другого, давая тѣмъ знакъ, чтобъ не сидѣли безъ дѣла. Благородная влага въ рюмкахъ, по закону прилива и отлива, то убывала, то снова подымалась до краевъ, то на минуту совсѣмъ исчезала, пока наконецъ не явился безпутный братъ ея, чай.

Г. Рунебергъ не знаетъ русскаго языка, однако съ большимъ любопытствомъ распрашивалъ меня о состояніи русской словесности, и жалѣлъ, что лишенъ возможности познакомить шведскую публику съ лучшими произведеніями нашихъ поэтовъ. По его желанію, я обѣщалъ прислать ему подстрочный переводъ нѣкоторыхъ пьесъ Пушкина и Дельвига: не знаю, точно ли я правъ, находя, что поэтъ Финляндіи напоминаетъ послѣдняго, не только выраженіемъ лица, но и характеромъ своей поэзіи: творческій даръ, граціозность, величавое спокойствіе, наклонность къ идилліи, искусство попадать въ тонъ народныхъ пѣсенъ, наконецъ прекрасные, звучные экзаметры — все это свойственно обоимъ; но нельзя не сознаться, что г. Рунебергъ уже теперь стоитъ гораздо выше Дельвига, какъ по объему и производительности, такъ и по развитію таланта.

Было уже поздно, когда мы разошлись. Товарищъ мой и я отправились на ночлегъ въ свою гостинницу; поэтъ и двое изъ пріятелей его пошли съ нами. Весь городъ уже спалъ; только шаги и разговоры наши нарушали глубокую тишину, какъ вдругъ надъ этимъ лабиринтомъ кривыхъ и узенькихъ улицъ раздался жалобно-протяжный голосъ ночного сторожа. Онъ пѣлъ:

Било одиннадцать часовъ!
Державная, кроткая, мощная длань Господня
Да хранитъ нашъ городъ отъ огня и пожара!
Било одиннадцать часовъ [1]! . . .

[1]) Klockan är elfva slagen!
Guds höga, milda, mägtiga' hand
Bevare vår srab från eld och brand!
Klockan är elfva slagen!

Трижды повторилась эта простая, но умилительная молитва, и мнѣ чудится, будто я теперь еще слышу заунывные, торжественные звуки ея: казалось, то былъ стонъ спящаго города.

Простившись съ г. Рунебергомъ, мы вздумали подкрѣпить силы свои на сонъ грядущій, и передъ нами явились опять старые знакомцы, четвероугольные соуснички. Когда мы легли, я уже готовился тушить свѣчу свою, какъ вдругъ мнѣ стало жаль разстаться съ этимъ короткимъ днемъ: онъ подарилъ мнѣ такъ много удовольствія, а я гналъ его. Дремота сама еще спала во мнѣ, а чистенькія книжки такъ привѣтливо выглядывали изъ-за мѣднаго подсвѣчника, что рука моя, уже вооруженная щипцами, вдругъ оставила ихъ, не сощипнувъ даже нагорѣвшей свѣтильни, и жадно ухватилась за верхнюю книжку. Смотрю на заглавный листокъ. Это мелкія стихотворенія. Не хотите ли вмѣстѣ со мною заглянуть въ нихъ? Но тише: не шумите стуломъ и бумагой: товарищъ мой уже храпитъ! Станемъ говорить шопотомъ. Если вамъ покажется, что я дурно выражаюсь, вспомните, что вамъ худо слышно меня.

Девизомъ всѣхъ этихъ непринужденныхъ изліяній яркой фантазіи и сердца, исполненнаго дѣтской любви и благодарности къ Творцу, могли бы служить слова самого же поэта въ стихотвореніи *Лѣтняя ночь*:

О, какъ счастливъ, кто живетъ
Только сердцемъ и природой [1])!

Посмотрите, какъ оригинально и мило, напримѣръ, содержаніе слѣдующаго стихотворенія.

ЖАЛОБА ДѢВЫ.

Сердце! сердце! если бъ ты, тревожное,
Здѣсь лежало на рукахъ моихъ,
Я тебя бъ заботливостью нѣжною
Успокоила.

Словно мать дитя свое, качаючи,
Тихо бъ я тебя баюкала:
Ты бы смолкло, ты во снѣ забыло бы
Всѣ мученія.

Но теперь въ груди, въ тюрьмѣ ты заперто,
Недоступно утѣшенію,
И открыто лишь тому, кто каждый часъ
Твой уноситъ миръ.

[1]) O, hur säll är menskan blott
Med sitt hjerta och naturen!

Но по мнѣ всего замѣчательнѣе въ этомъ собраніи отдѣлъ, названный: *Идилліи* и *Эпиграммы* [1]). Почти всѣ онѣ доказываютъ такую силу воображенія и притомъ такъ просты, такъ народны, что шведскіе критики рѣшительно признали ихъ было за переводы финскихъ народныхъ пѣсенъ.

Попытаюсь дать вамъ понятіе о нѣкоторыхъ изъ нихъ.

ВРЕМЕНА ГОДА ВЪ СЕРДЦѢ ДѢВУШКИ.

Зимнимъ утромъ вышла дѣвица
Въ рощу, снѣгомъ опушенную,
И у ногъ своихъ увидѣла
Розу, холодомъ сраженную.
„Не печалься ты, несчастная,
Не тужи, сказала дѣвица,
Что пора твоя прекрасная,
Золотая, миновалася!
Прежде стужи и ненастія
Ты жила, ты наслаждалася,
Ты весну и радость вѣдала!
Нѣтъ, бѣднѣй мое сердеченько:
Разомъ въ немъ весна и зимушка!
Что весна моя — взоръ молодца,
Что зима моя — взоръ матушки“!

ДИВО-ПТИЦА.

Въ хату сынъ пришелъ изъ поля на ночь,
Мать-старуха укоряла сына:
„Каждый день, родной, ты сѣти ставишь,
Каждый день ни съ чѣмъ домой приходишь.
Всѣмъ удача, ты одинъ въ накладѣ:
Непримѣтливъ, что ли, али глупъ ты!“

Помолчавъ, дѣтина отвѣчалъ ей:
„Рознымъ птицамъ тенета мы ставимъ,
Такъ неровное у насъ и счастье.
Видишь, матушка, вонъ тамъ за лѣсомъ
Завелась на мызѣ диво-птица.
Что я птицу ту стерегъ всю осень,

[1]) „Эпиграмма у древнихъ обнимала почти весь кругъ нашей, такъ называемой смѣшанной поэзіи“ (*Современ.* Т. XII. О Гречес. Эпиграм. стр. 73, *втор. нум.*). Такъ должно понимать это слово и здѣсь.

Заманилъ ее зимою въ сѣти,
А весной она и въ хатѣ будетъ.
Диво дивное! у этой птицы
Нѣту крыльевъ — вмѣсто крыльевъ груди;
Нѣту пуха — есть шелковы кудри,
Нѣту клёва — есть двѣ алы губы".

Къ селянину входитъ старый воинъ
Безъ ноги, подпертый костылями.
Селянинъ стаканъ вина подноситъ
Старику съ вопросомъ: „Каково-то
Было, дѣдушка, тебѣ въ то время,
Какъ бывало врагъ тебя обступитъ,
И гремитъ пальба и ядра свищутъ?"
Воинъ, тихо взявъ стаканъ, отвѣтилъ:
„Какъ тебѣ, когда порой осенней
Градъ свиститъ и молнія сверкаетъ,
Ты же съ нивъ уносишь хлѣбъ для кровныхъ».

Разъ пришла отъ милаго дѣвица.
Руки были красны. Мать спросила:
„Дочка, что твои такъ красны руки?"
Дочь сказала: „я рвала шиповникъ,
Я шипами исколола руки".
Вновь она отъ милаго приходитъ.
Губы красны были. Мать спросила:
„Дочка, что твои такъ красны губы?"
Дочь сказала: „я малину ѣла,
Сокомъ ягодъ замарала губы".
Вновь она отъ милаго приходитъ.
Щеки блѣдны были. Мать спросила:
„Дочка, что твои такъ блѣдны щеки?"
Дочь сказала: „Мать! готовь могилу!
Схорони меня и крестъ воздвигни;
На крестѣ же напиши мнѣ надпись:
„Разъ она пришла — горѣли руки
Отъ того, что милый пожималъ ихъ.
И опять пришла — горѣли губы
Отъ того, что милый цѣловалъ ихъ.
Наконецъ пришла — поблекли щеки
Отъ того, что милый сталъ невѣренъ!"

* * *

У залива знаменитой Саймы [1])
Разъ подъ соснами игралъ ребенокъ.
Изъ чертога волнъ его увидѣвъ,
Некъ [2]) въ прекрасное дитя влюбился,
Приманить его къ себѣ замыслилъ.
Вотъ онъ старцемъ на берегъ выходитъ,
Но веселый мальчикъ убѣгаетъ;
Вотъ онъ юношей опять выходитъ,
Не идетъ къ нему веселый мальчикъ.
Тутъ онъ выплылъ рѣзвымъ жеребенкомъ,
Поскакалъ, играя, межъ деревьевъ.
Тотчасъ мальчикъ началъ приближаться,
И маня, схватилъ его за гриву
И вспрыгнулъ на жеребенка съ крикомъ.
Но мгновенно въ глубину залива
Скрылся Некъ съ прекрасною добычей.
Мать ребенка на берегъ приходитъ.
Ищетъ дитятко, тоскуетъ, плачетъ.
Изъ чертога волнъ ее увидѣвъ,
Некъ въ прекрасную жену влюбился,
Приманить ее къ себѣ замыслилъ.
Вотъ онъ старцемъ на берегъ выходитъ,
Но печальная бѣжитъ отъ старца.
Вотъ онъ юношей опять выходитъ,
Но къ нему печальная не хочетъ.
Тутъ онъ выплылъ мальчикомъ веселымъ
И съ улыбкой на зыбяхъ качался.
Увидавъ потеряннаго сына,
Мать бѣжитъ къ нему нетерпѣливо,
Чтобъ дитя спасти отъ лютой смерти.
Но мгновенно въ глубину залива
Скрылся Некъ съ прекрасною добычей.

ПЛѢННИКИ.

Какъ со дна рѣки, съ песчанаго,
Жемчугъ бралъ однажды молодецъ;
Вынулъ онъ себѣ жемчужину

[1]) Озеро, изъ котораго вытекаетъ рѣка Вокса, славная водопадомъ Иматрой.
[2]) Подводный духъ.

Цвѣту яркаго, небеснаго,
Видомъ круглую, какъ звѣздочка.
И скрывалася въ ней дѣвица;
Что какъ взмолится красавица:
„Ты разбей свою жемчужину,
Дай изъ плѣна вытти, молодецъ!
И тебѣ я взоръ признательный
Подарю за милу волюшку!“

— Не бывать тому, голубушка!
Дорогá моя жемчужина:
Ты свой плѣнъ сноси безропотно;
Ты счастливѣй многихъ узниковъ. —

Тихо плѣнъ расторгла дѣвица
И яснѣй денницы утренней
Передъ молодцемъ воспрянула.
Пали къ плечамъ кудри русые,
Запылали щеки алыя.
И плѣненный ею молодецъ
Три часа стоялъ въ безмолвіи,
А когда прошелъ и третій часъ,
Робко сталъ молить онъ дѣвицу:
— Помрачи ты красоту свою,
Дай изъ плѣна вытти, дѣвица!
Я тебя слезой признательной
Подарю за милу волюшку. —

„Не бывать тому, голубчикъ мой!
Дорогà моя жемчужина:
Ты свой плѣнъ сноси безропотно;
Ты счастливѣй многихъ узниковъ“.

Я боюсь утомить васъ переводами, которыхъ несовершенство очень ясно вижу самъ; но какъ же васъ иначе познакомить съ такими произведеніями?

Покуда закрываю книгу и тушу свѣчу. Покойной ночи! Боже, какъ товарищъ мой храпитъ! Сподоблюсь ли и я такого блаженнаго сна?

Когда насъ разбудили въ 7 часовъ утра, мы съ прискорбіемъ услышали шумъ проливного дождя. Съ вечера не догадался я наказать, чтобы коляску нашу куда-нибудь упрятали, и теперь вспомнилъ свою оплошность. Но еще оставалась надежда на чью-нибудь догадливость. Одѣвшись, поспѣшилъ я удостовѣриться въ томъ. Коляска стояла

середи двора съ откинутымъ верхомъ и вымокла словно лодка. Я хотѣлъ-было разсердиться, но напередъ спросилъ себя: на кого? и такъ какъ намъ съ самими собою довольно легко мириться, то я вдругъ одумался и расчелъ, что благоразумнѣе итти напиться кофе. У крыльца встрѣтилъ я старую высокую хозяйку съ подносомъ въ рукахъ. Я описалъ ей живыми красками несчастное положеніе коляски. Тотчасъ она бросила подносъ и отдала мальчику приказаніе поставить экипажъ въ сарай. „Помилуйте, мы сейчасъ ѣдемъ.“ — Не принесетъ вреда, отвѣчала хозяйка. „Вы держитесь правила: *mieux tard que jamais*, сказалъ я ей; а у меня на умѣ *горчица послѣ ужина*. Мы оба правы.“ Худощавая старуха выпучила на меня большіе сѣрые глаза.

Когда я воротился въ комнату, товарищъ мой еще лежалъ. Увидѣвъ меня, онъ вынулъ изъ-подъ подушки своей связку сѣрыхъ книжекъ и, подавая мнѣ одну изъ нихъ, сказалъ: „Я цѣлую ночь видѣлъ во снѣ поэзію и Рунеберга; не угодно ли получить то, что я написалъ въ припадкѣ лунатизма?“ Я взглянулъ на заглавіе брошюрки и прочелъ: „Iääkynttilät, Летучіе листки Фридриха Цигнеуса. Гельсингфорсъ. 1837“. Что это за слово Iääkynttilät, спросилъ я. Книга шведская, а заглавіе… „финское, продолжалъ онъ, и значитъ: Сосульки изъ весенняго льда“. „Ia så! Чудное заглавіе! Какъ вамъ Богъ помогъ пріискать его?“ „Прочтите стихи въ началѣ книжки“. Перебирая страницы, я взялъ одну изъ огромныхъ чашекъ, которыя давно уже стояли возлѣ твореній г. Рунеберга, и спросилъ чего-нибудь для утоленія голода. Но на этотъ разъ въ трактирѣ Борго не случилось хлѣба. „Дождь на дворѣ, вода въ коляскѣ и пустота въ желудкѣ!“ сказалъ я самъ себѣ: этого ужъ слишкомъ много вдругъ. „Каково?“ спросилъ я своего товарища, какъ будто онъ слышалъ мои мысли. Въ ту самую минуту я увидѣлъ, что онъ съ одного маха вливаетъ себѣ въ горло всю свою порцію чернаго напитка. „Вы не хотите кушать?“ воскликнулъ я. „Мнѣ все равно!“ отвѣчалъ онъ, едва переводя духъ послѣ обильнаго пріема. Такая высокая философія отвратила отъ хозяйки бурю моего гнѣва. А чтобы онъ совершенно остылъ, прибѣгнемъ къ *Ледянымъ игламъ* г. Цигнеуса. Заглавіе книги повторяется въ ней и надъ первымъ стихотвореніемъ: пусть же оно объяснитъ намъ мысль автора.

„Я помню, говоритъ онъ, хижину въ пустынной долинѣ; кругомъ стояли недвижно осыпанныя инеемъ сосны… Вдругъ лучи солнечные освѣтили окрестность, давно забытую ими… Одежда зимы начала мало-по-малу исчезать, и около кровли хижины заблисталъ вѣнецъ изъ ледяныхъ алмазовъ, какъ на дѣвичьей шеѣ рядъ бѣлыхъ перловъ. Озаренные привѣтливымъ сіяніемъ солнца, они стали ронять слезы радости на мертвую землю. И я долго смотрѣлъ на нихъ, и мнѣ казалось, что удѣлъ ихъ сладокъ, когда вешнее свѣтило согрѣваетъ холодную кору ихъ… Я ушелъ съ сею мыслію…

Скоро я возвратился. Ахъ, уже не оставалось отъ нихъ ни единаго слѣда: всѣ они обратились въ ничто, исчезли навѣкъ. И жребій ихъ казался мнѣ достойнымъ жалости; мнѣ стало грустно, я задумался.

Но однажды я опять пришелъ въ долину. Что же? Густые ряды цвѣтовъ обнимали хижину, какъ дѣти мать свою, и чудный ароматъ наполнялъ воздухъ. Тогда я вспомнилъ алмазы, которыми нѣкогда хижина была увѣнчана, и снова позавидовалъ ихъ судьбѣ. Они исчезли съ началомъ весны; но ихъ слезы послужили къ украшенію долины, къ радости дѣтей ихъ — цвѣтовъ, хотя эти и не думали о виновникахъ своего счастія, хотя и забыли, что тѣ пожертвовали имъ своею свѣтлою жизнію".

Прекрасно! Изъ одной этой мысли уже видно, что г. Цигнеусъ поэтъ; каждая страница его говоритъ то же, а послѣдняя пьеса: „*Я хочу мира* (jag vill ha ro)" всего убѣдительнѣе. Какъ послѣ того не порадоваться надписи: *Первая тетрадь*, выставленной въ началѣ книжки? Можно предсказать, что такія *ледяныя иглы* будутъ еще гораздо счастливѣе тѣхъ, которыя видѣлъ авторъ: производя благоуханные цвѣты въ душѣ каждаго, онѣ и сами не исчезнутъ, не будутъ забыты. Не беру однакожъ назадъ того, что сказалъ прежде о слогѣ г. Цигнеуса.

Наканунѣ г. Рунебергъ имѣлъ было намѣреніе зайти къ намъ поутру, но мы болѣе не видѣли его. Еще многое остается мнѣ сказать о немъ: до сихъ поръ не сообщилъ я вамъ ничего о двухъ поэмахъ, которыя должно считать торжествомъ его таланта, и безъ которыхъ невозможно вполнѣ оцѣнить г. Рунеберга. Но такъ какъ въ нихъ изображены нравы финновъ, а этого предмета я не намѣренъ касаться прежде, пока не дойдетъ до него очередь, то удобнѣе будетъ не развертывать до того времени и обѣихъ поэмъ. Тогда онѣ послужатъ намъ важнымъ дополненіемъ къ тому, что мы сами увидимъ; тогда мы постигнемъ лучше и красоту и истину ихъ. Тогда же, быть можетъ, откроемъ и кое-какія слабости въ поэтѣ, а доселѣ не къ чему было привязаться въ его произведеніяхъ.

Надѣюсь, что вы не принадлежите къ числу тѣхъ, кому непріятны похвалы, воздаваемыя ближнему безъ примѣси охужденія. „Однако въ комъ нѣтъ недостатковъ?" скажете вы. — Правда, но если нужно отыскивать ихъ съ микроскопомъ въ рукѣ — не лучше ли забыть о нихъ? Притомъ же я не брался писать критики; я наслаждался сочиненіями г. Рунеберга, былъ плѣненъ его бесѣдой, и счелъ долгомъ отдать вамъ отчетъ въ своихъ наслажденіяхъ. Если они иногда и были неполны развѣ я непремѣнно обязанъ смущать и ваше удовольствіе? Нѣтъ, вмѣсто того, чтобы искать вездѣ предметовъ хулы, порадуемся чистою радостью, что въ предѣлахъ любезнаго отечества узнали новый талантъ, узнали достойнаго человѣка, который хотя и

выражается на языкѣ не нашемъ, но не можетъ быть чуждымъ для насъ, потому что онъ вмѣстѣ съ нами гражданинъ Россіи. Да еслибъ и не то, развѣ не всѣ таланты единоземцы всякому, кто неравнодушенъ къ добру и красотѣ?

Но пора намъ разстаться на время съ милымъ поэтомъ и по грязи ѣхать назадъ въ Гельсингфорсъ. „Herr Цигнеусъ! вы готовы? сядемте-ка. Tag mig fan, какая мокрая подушка! Горько послѣ такихъ поэтическихъ минутъ... Что прикажете дѣлать? Послушайте, мадамъ, все ли мы вамъ заплатили? Счастливо оставаться! Мы незлопамятны. Да цвѣтутъ ваши кладовыя сухарями, да красуются ваши соуснички, *если нѣтъ ничего вѣчнаго на землѣ, по крайней мѣрѣ долго, долго,* пока будутъ живы Борго и первый трактиръ его! !!. . .“

Оставляя городъ, мы согласились, по предложенію товарища моего, заѣхать къ помѣщику Б.[1]), пожилому вдовцу, который съ дѣтьми своими живетъ въ нѣсколькихъ верстахъ оттуда, недалеко отъ большой дороги. Этотъ Б., во время пребыванія моего въ Гельсингфорсѣ, имѣлъ несчастіе схоронить 18-ти лѣтняго сына и вмѣстѣ съ нимъ самыя блестящія надежды. Г. Цигнеусъ, въ званіи лектора при Фридригсгамскомъ кадетскомъ корпусѣ, былъ въ прежніе годы наставникомъ покойнаго. Вскорѣ увидѣлъ я влѣво отъ дороги большой деревянный домъ, окруженный садомъ, и мы поворотили туда.

Ласково встрѣтили насъ у дверей хозяева: высокій дородный старикъ съ длинными сѣдинами, и старшій, теперь единственный сынъ его. Они повели насъ наверхъ въ залу, гдѣ мы нашли графиню Г. и двухъ молодыхъ дѣвицъ, дочерей помѣщика, недавно пріѣхавшихъ съ нею изъ Стокгольма. Все въ престарѣломъ отцѣ выражало глубокую скорбь. Не могу объяснить, чѣмъ она именно обнаруживалась: казалось, онъ былъ весь тоска. Грустно было смотрѣть на него, грустно его слушать: каждое движеніе, каждое слово, даже каждая улыбка носили слѣдъ одного и того же чувства. Графиня, высокая, прекрасная женщина, которой благородныя черты лица соотвѣтствовали ея знатному происхожденію, плѣнила насъ умною бесѣдой, между тѣмъ какъ дѣвицы услаждали слухъ нашъ звуками арфы и голоса.

Ихъ блѣдныя, истомленныя печалію лица, ихъ черная одежда, ихъ трепетное пѣніе въ присутствіи растроганнаго отца, при однообразномъ стукѣ дождя, который крупными каплями, словно слезами, ударялъ въ окна, — вся эта сцена въ кругу семейства, гдѣ слѣды горькой утраты были еще такъ свѣжи, привела меня въ состояніе такого унынія, что я будто самъ потерялъ кого-то...

Какъ мы ни торопились, но не могли отказаться отъ обильнаго

[1]) Борну, см. „Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ“. *Прим. ред.*

завтрака, за которымъ хозяинъ такими умилительными словами благодарилъ бывшаго наставника сына своего, что, кажется, и самыя стѣны должны были ему сочувствовать. „Пейте со мной“, сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ, поднявъ вино и взявъ меня за руку, „пейте со мной за здоровье друга, которому я столько обязанъ. Не суждено было, чтобъ здѣшній міръ увидѣлъ на сынѣ моемъ плоды трудовъ его; но ихъ видитъ небо, оно и вознаградитъ ихъ!“

Съ теплымъ участіемъ, чуть не со слезами, оставили мы любезную семью скорбящихъ, какъ родную. Бѣдный старецъ! многими ли годами переживешь ты того, въ комъ надѣялся жить на землѣ еще и за гробомъ? Успѣетъ ли время пролить въ твою грудь цѣлительный бальзамъ свой? Ахъ! голова твоя уже бѣла, какъ снѣгъ, и только встрѣча съ *нимъ* тебя утѣшитъ! Прости же. Мнѣ болѣе не свидѣться съ тобой [1]; но я уношу въ сердцѣ твой почтенный образъ, и съ каждымъ воспоминаніемъ о тебѣ, самъ не зная, *здѣсь* ли ты еще, или уже *тамъ*, стану желать тебѣ мира.

Въ дорогу! Пошелъ! Дождь ливьмя; грязь такъ и брызжетъ въ коляску; холодно... Ну, слава Богу, вотъ и Гельсингфорсъ. „Теперь, товарищъ, приходится и съ вами разстаться: дайте же руку, прощайте! спасибо, спасибо вамъ за сопутствіе, за дружбу, за *Ледяныя иглы*... Прощайте, надѣюсь, не навсегда“. „А завтра?“ Завтра, чуть свѣтъ, ѣду я въ Або — и мы болѣе не увидимся. Кланяйтесь всѣмъ добрымъ знакомымъ. Прощайте!

А ты, домикъ, гдѣ мнѣ еще только разъ ночевать, здравствуй!

[1]) Я. К. однакожъ впослѣдствіи еще встрѣчался съ Борномъ и между прочимъ былъ у него весной 1849 года (черезъ 10 лѣтъ) „См. Переписка“, т. III, стр. 427—438. *Прим. ред.*

ПОЭЗІЯ И МИѲОЛОГІЯ СКАНДИНАВОВЪ [1]).

Исландскія поэмы.

1839.

Обозрѣвая умственныя богатства, завѣщанныя человѣчеству средними вѣками, мы съ изумленіемъ останавливаемся на далекомъ островѣ Сѣвернаго океана. Въ Исландіи, которой одно имя выражаетъ холодъ и безплодіе, въ Исландіи, покрытой голыми скалами и лавою дымящихся вулкановъ, въ краю, необитаемомъ еще въ срединѣ IX-го столѣтія, цвѣтетъ, въ слѣдующихъ вѣкахъ, литература, полная жизни и самобытности, возникаетъ поэзія, кипящая силой и богатая наслѣдіемъ могучей старины. Такимъ внезапнымъ переходомъ Исландія, только-что открытая, обязана была немногимъ смѣльчакамъ скандинавскимъ, бѣжавшимъ изъ Норвегіи отъ самовластія своего конунга (государя). За ними, съ мечемъ и арфой, несутся по знакомой стихіи толпы воителей и скальдовъ: вмѣстѣ съ народомъ переселяется на пустынный островъ кровожадный духъ скандинавовъ, ихъ страсть къ войнѣ и грабежу, ихъ жажда славы и мстительность; но также ихъ искусство прославлять подвиги храбрыхъ, ихъ обычай пѣть въ чертогахъ и хижинахъ, увеселять вѣнценосцевъ и сограждань разсказами о громкой старинѣ.

Такимъ образомъ Скандинавія, со всѣми рѣзкими чертами своей чудной физіономіи, съ своими битвами, народными собраніями, пирами и пѣснями, повторилась, или, лучше сказать, ожила въ Исландіи; ибо въ отечествѣ сѣверныхъ витязей уже водворялся новый порядокъ вещей. Тамъ созидались обширныя монархіи, и заря вѣры Христовой уже просіявала сквозь мракъ язычества. Тогда какъ-будто самъ Одинъ внушилъ вѣрнымъ сынамъ своимъ мысль переселиться на далекіе берега, гдѣ бы могла уцѣлѣть лучшая жертва, ему принесенная,—пѣсни, въ которыхъ живетъ его вѣра.

Хотя у скандинавовъ и были письмена, но пѣсни ихъ, переходя только изъ устъ въ уста, оставались погребенными въ памяти. Отъ такого ненадежнаго способа сохраненія ихъ и отъ распространявшагося мало-по-малу христіанства, большая часть памятниковъ древней скандинавской поэзіи, вѣроятно, исчезла бы невозвратно, еслибъ Исландія не сберегла ихъ для потомства. Правда, и тамъ въ 1000 г. по Р. Х.,

[1]) *Отечеств. Записки*, 1839, т. IV, 1—38.

народъ на вѣчѣ единодушно перешелъ къ вѣрѣ истинной; но сія вѣра не могла вдругъ истребить глубоко-вкоренившейся въ умахъ любви къ преданіямъ языческимъ, и притомъ самая эта вѣра доставила исландцамъ средство завѣщать внукамъ достояніе дѣдовъ: ибо вскорѣ послѣ нея введено было въ Исландію употребленіе латинскаго письма.

Такъ древнѣйшія пѣсни скандинавовъ нашли надежный пріютъ, и на новой почвѣ родилась изъ сихъ благотворныхъ сѣмянъ обильная жатва, XII-е и XIII-е столѣтія, когда многіе исландцы отправлялись въ Парижъ учиться искусству поэзіи и приносили оттуда новую стихію въ свои произведенія—эти два столѣтія были блестящею эпохой въ исторіи просвѣщенія. Въ XIV-мъ тамошняя литература уже приближалась къ упадку; но реформація сообщила ей новое движеніе. Замѣчательно, что тамъ съ этой поры образованность, благодаря попеченіямъ просвѣщеннаго духовенства, сдѣлалась въ высокой степени принадлежностію всѣхъ классовъ жителей. Въ семъ отношеніи Исландія представляетъ едва-ли не безпримѣрное явленіе. Тамъ почти всякій крестьянинъ читаетъ религіозныя и историческія книги, знаетъ миѳологію и преданія своихъ отцовъ изъ старинныхъ стихотвореній, которыя онъ выучиваетъ наизусть. Въ хижинахъ часто встрѣчаются люди, обучающіе дѣтей своихъ не только грамотѣ, но и предметамъ менѣе ограниченнаго воспитанія. Нѣкоторые поселяне умѣютъ даже правильно писать по-латыни. О такой образованности низшихъ сословій въ Исландіи свидѣтельствуютъ единодушно и путешественники, и датскіе купцы, живущіе на островѣ. „Тамъ всѣ классы народа", говоритъ Джонъ-Бàрро, въ описаніи своего путешествія: „чрезвычайно любятъ чтеніе. Въ тѣсныхъ лачугахъ младшіе члены семейства разсказываютъ старикамъ прочитанное въ сагахъ о дняхъ минувшихъ, о геройскихъ подвигахъ предковъ, о романическихъ приключеніяхъ, испытанныхъ первыми посѣтителями Исландіи. Почти во всякомъ семействѣ есть книги на родномъ языкѣ: вскорѣ послѣ введенія реформаціи духовенство учредило тамъ типографію, которая и снабжаетъ любознательный народъ библейскими, историческими и всякаго рода полезными книгами."

Языкъ, употребляемый въ Исландіи, есть тотъ самый, который перенесенъ туда выходцами изъ Норвегіи, почему онъ и назывался долгое время норвежскимъ или норренскимъ (Norroena tunga), будучи общимъ для всей Скандинавіи. Но впослѣдствіи, когда онъ въ самомъ отечествѣ своемъ преобразовался, а въ Исландіи, между тѣмъ, очень мало измѣнился, его начали называть исландскимъ; онъ сохранилъ понынѣ не только имя это, но и почти всѣ старинныя свои формы.

Древнѣйшая литература скандинавовъ ограничивалась, вѣроятно, народными пѣснями, которыхъ предметомъ были миѳологическія и историческія преданія — *таинства* и *древности* (rûnar и fornir stafir).

Въ Исландіи къ симъ памятникамъ поэзіи присоединились новыя пѣсни скальдовъ и саги.

Главными и самыми драгоцѣнными хранилищами скандинавской поэзіи служатъ двѣ книги, двѣ такъ называемыя *Эдды*. Одна изъ нихъ есть собраніе множества поэмъ или пѣсенъ миѳологическаго и историческаго содержанія сочиненныхъ скальдами въ разныя эпохи, и неравныхъ ни по характеру, ни по достоинству. Преданіе, еще съ XIV вѣка, приписываетъ составленіе этого сборника священнику Семунду Сигфуссону, прозванному въ Исландіи „ученымъ“ или „мудрымъ“ и умершему въ первой половинѣ XII столѣтія. Оттого книга сія и называется *Семундовою*, *старою*, *поэтическою Эддой*. Другая состоитъ изъ двухъ главныхъ частей. Въ первой части заключается рядъ миѳологическихъ преданій, изложенныхъ ясной и отчетливой *прозой*, въ формѣ разговоровъ между путешествующимъ конунгомъ или государемъ, и тремя богами. Вторая часть есть родъ поэтическаго словаря. Надобно замѣтить, что поэзія скандинавская, въ глубокой древности соединявшая съ свойственною ей силою высокую простоту, начала еще въ X вѣкѣ терять этотъ первобытный характеръ. Съ сего времени пѣсни скальдовъ представляютъ разительную противоположность: съ одной стороны онѣ поражаютъ рѣзкою печатью энергіи, живостью образовъ и красокъ; съ другой — странною изысканностью выраженія. Многія понятія рѣдко означаются въ нихъ своимъ настоящимъ именемъ, нѣкоторымъ словамъ придается смыслъ совершенно чуждый имъ, и т. п. О такихъ-то ухищреніяхъ мысли и идетъ дѣло во второмъ отдѣленіи прозаической Эдды. Въ ней показаны, для руководства стихотворцевъ, всѣ описательные обороты, всѣ фигуры и тропы, встрѣчающіеся въ пѣсняхъ скальдовъ. Вся эта Эдда есть не что иное, какъ компиляція, учебная книга миѳологіи и реторики, извлеченная изъ древнихъ пѣсенъ, частію вошедшихъ въ сборникъ семундовъ, частію погибшихъ для насъ. Первую половину этой книги приписываютъ Снорри Стурлусону, исландскому историку, поэту и верховному судьѣ, умершему около средины XIII столѣтія; а послѣдняя написана племянникомъ его, Олафомъ Тордарсеномъ. Но обѣ составляютъ одно цѣлое, извѣстное подъ общимъ именемъ *Снорріевой*, *прозаической*, *новой Эдды*.

Первое достоинство *Эддъ* состоитъ въ томъ, что онѣ знакомятъ насъ съ миѳологіею, которой знаніе необходимо при изученіи скандинавской исторіи и которая, по разнообразію, если не по изяществу и стройности своихъ миѳовъ, подходитъ къ греческой.

Старая Эдда долгое время оставалась въ забвеніи, и открыта не ранѣе XVII столѣтія, когда многіе исландскіе ученые обратились къ разысканію старинныхъ рукописей.

Въ 1643 году епископъ Бриніольфъ Свендсенъ открылъ пергаменный

манускриптъ, содержавшій въ себѣ большую часть поэмъ *Семундовой Эдды*, а потомъ нашлись, въ дополненіе его, и другія рукописи: Эдда сдѣлалась извѣстною. Примѣру исландцевъ послѣдовали сперва датчане, между которыми первымъ въ этомъ отношеніи должно назвать знаменитаго Оле Вормса, а потомъ и шведы: у нихъ сему роду занятія въ началѣ споспѣшествовалъ особенно государственный канцлеръ, графъ Делагарди. Въ первой половинѣ XVIII вѣка изученіе древностей скандинавскихъ обязано было новымъ, лучшимъ направленіемъ двумъ исландскимъ ученымъ: Тормодъ Торфеусъ и Арнасъ Магнеусъ подвергли исторію и миѳологическія преданія сѣвера строгому критическому разбору, и тѣмъ не мало содѣйствовали распространенію истинныхъ знаній по этой части.

Въ исходѣ того же вѣка, германцы начали ревностно знакомиться съ скандинавскою поэзіей; но такъ какъ они въ переводахъ своихъ позволяли себѣ слишкомъ много свободы, то занятія эти не принесли существенной пользы наукѣ. То же замѣчаніе относится и къ переводамъ, изданнымъ нѣсколько позже въ Англіи, и къ книгѣ французскаго ученаго Маллета, вышедшей подъ заглавіемъ: „Edda, ou Monuments de la Mythologie et de la poésie des anciens peuples du Nord". Не зная по-исландски, Маллетъ принужденъ былъ довольствоваться матеріалами, какіе находилъ въ сочиненіяхъ датчанъ. Нынѣ одно изъ лучшихъ пособій по этому предмету есть датскій переводъ Эдды, изданный 1831 — 1833 г. финномъ Магнусеномъ: онъ заключаетъ въ себѣ все, что̀ до тѣхъ поръ было разсѣяно въ важнѣйшихъ опытахъ этого рода. Книга Магнусена, переводъ Авселіуса (Afzelius) и два полныя изданія Эдды, напечатанныя въ Копенгагенѣ и въ Стокгольмѣ, — вотъ труды, необходимые для изученія скандинавскихъ поэмъ. Но сколько ни разлили они свѣта на Эдду, надобно сознаться, что за нею остается еще много работы, что она представляетъ къ разрѣшенію еще много важныхъ вопросовъ.

У насъ въ Россіи *Эдды* еще очень мало извѣстны. Нельзя при этомъ случаѣ не пожалѣть, что исландская литература, — предметъ, столь важный для изученія древняго скандинавскаго сѣвера и по тому самому столь занимательный для насъ, не нашла еще въ нашемъ отечествѣ никого, кто бы посвятилъ ей свои труды, тогда какъ она болѣе и болѣе обращаетъ на себя вниманіе нѣмцевъ, англичанъ и даже французовъ. Пусть Шлёцеръ и другіе ученые оспариваютъ достоинство сагъ въ отношеніи къ наукѣ и видятъ въ нихъ однѣ басни, одни вымыслы празднаго воображенія: болѣе утонченная критика, безъ сомнѣнія, найдетъ въ нихъ обширное и еще мало воздѣланное поле изслѣдованія и принесетъ оттуда богатую добычу въ область исторіи. Впрочемъ, и независимо отъ пользы своей, саги, вмѣстѣ съ *Эддами*, представляютъ столь оригинально-прекрасный міръ поэзіи,

что и въ одномъ этомъ отношеніи онѣ заслуживаютъ полное вниманіе любителей изящнаго во всѣхъ странахъ, но особенно въ Россіи. Какой народъ лучше нашей многообъемлющей націи въ состояніи понять и оцѣнить красоты разнообразной сѣверной поэзіи, дышащей то войною и бурей, то нѣгою цѣломудренной любви и утѣхами мужественной дружбы?

Къ стыду нашему, французы, еще только начинающіе освобождаться отъ своихъ патріотическихъ предразсудковъ, уже успѣли далеко опередить насъ въ изученіи литературы народа, нѣкогда бывшаго въ столь близкихъ отношеніяхъ къ нашему отечеству. Въ продолженіе немногихъ лѣтъ появилось во Франціи нѣсколько книгъ по сему предмету, изъ которыхъ мы укажемъ только на „Littérature et Voyages“ Анпера, на „Lettres sur l'Islande“ Мармьè и на „Poèmes Islandais“ Бергманна, ученаго съ необыкновенно-обширными филологическими свѣдѣніями. Его-то сочиненіе, появившееся въ свѣтъ въ концѣ прошлаго года, было поводомъ къ нашей статьѣ: мы намѣрены воспользоваться помощію г. Бергманна, чтобы познакомить читателей съ тремя замѣчательными поэмами *Семундовой Эдды*. Но прежде, нежели приступимъ къ изложенію содержанія ихъ, постараемся рѣшить, точно ли исландская литература обязана Семунду этимъ драгоцѣннымъ сборникомъ, и справедливо ли почитаютъ *поэтическую Эдду* старѣе „прозаической“.

Г. Бергманнъ защищаетъ совершенно противоположное мнѣніе.

„Всякій согласится“, говоритъ онъ, „что прозаическія замѣчанія, помѣщенныя передъ нѣкоторыми изъ поэмъ *Эдды*, сдѣланы тѣмъ же, кто собралъ и самыя поэмы. Но надобно сознаться, что Семундъ вовсе не справедливо пользовался прозваніемъ *ученаго*, если такія замѣчанія принадлежатъ ему. Въ самомъ дѣлѣ, они не только написаны вообще дурнымъ слогомъ, но и не даютъ слишкомъ выгоднаго понятія объ учености собирателя, излагая по большей части то, что̀ уже достаточно объяснено въ самыхъ поэмахъ. Сверхъ того, всякій разъ, когда авторъ прибавляетъ что̀-либо новое отъ себя, не видно у него никакой вѣрности взгляда. Итакъ, если нельзя признать *Семунда ученаго* сочинителемъ замѣчаній, то невозможно признать его и собирателемъ поэмъ“.

Но здѣсь представляются два возраженія: *первое* — вступительныя примѣчанія могли быть прибавлены къ *Эддѣ* слишкомъ усердными переписчиками, гораздо позже ея составленія, *второе* — хотя бы эти дополненія принадлежали и самому составителю, какія есть у насъ доказательства, что Семундъ въ высшемъ смыслѣ оправдывалъ свое прозваніе? Въ этомъ отличіи выражалось, можетъ быть, только уваженіе соотечественниковъ къ человѣку, который много путешествовалъ и дѣйствительно пріобрѣлъ большой запасъ знаній; но знанія и

даже умъ практическій еще не ручаются за тѣ свойства ума, которыхъ недостатокъ поразилъ г. Бергманна въ примѣчаніяхъ къ *Эддѣ*.

Далѣе: „Еслибъ Семундъ оставилъ въ числѣ трудовъ своихъ *Эдду*, то она, безъ сомнѣнія, привлекла бы вниманіе исландскихъ ученыхъ, и писатели стали бы часто ссылаться на нее. Между тѣмъ *Снорри Стурлусонъ*, прославившійся въ началѣ XIII вѣка, — въ то же время и историкъ, и поэтъ, и первый сановникъ въ Исландіи, — не зналъ сборника, приписываемаго Семунду: онъ нигдѣ не упоминаетъ объ этомъ произведеніи, хотя и имѣлъ бы не разъ случай говорить о немъ, еслибъ оно было ему извѣстно, а оно, конечно, было бы ему извѣстно, еслибъ существовало. Итакъ Снорри никогда не видѣлъ *поэтической Эдды*: это доказывается еще и тѣмъ, что мѣста, приводимыя имъ изъ старинныхъ пѣсенъ, часто вовсе не согласны съ текстомъ *Эдды*. Притомъ Снорри, кажется, вовсе не зналъ о существованіи многихъ поэмъ, вошедшихъ въ составъ ея; онъ не зналъ, наконецъ, и самаго названія *Эдда*, котораго не встрѣчаемъ ни въ одномъ изъ его сочиненій. Изъ всего сказаннаго мы считаемъ себя въ правѣ заключить, что *стихотворная Эдда* не только не составлена Семундомъ, но и не существовала еще при жизни Снорри, умершаго въ 1241 г. Замѣчательно, что названіе *Эдды* не встрѣчается ни въ какомъ литературномъ произведеніи до XIV столѣтія; да и появленія его въ двухъ поэмахъ этой эпохи не доказываетъ еще ничего въ пользу существованія *Эддьı Семундовой:* ибо, если въ знаменитой поэмѣ *Lilia* (Лилія), 1360, правила стихотворства названы *Eddu-reglur* (правила Эдды), а въ поэмѣ Арнаса Іонссона, жившаго въ то же время, искусство стихотворное названо *Eddu-list* (искусство Эдды), то ясно, что здѣсь дѣло идетъ не о „поэтической Эддѣ", а о „прозаической", извѣстной подъ именемъ *Снорри-Эдды*. Послѣдняя докончена въ исходѣ XIII вѣка исландскимъ грамматикомъ, котораго цѣль была — написать разсужденіе о реторикѣ, метрикѣ и піитикѣ. Онъ назвалъ эту книгу *Эддой* (праматерью), безъ сомнѣнія, потому, что она вмѣщала въ себѣ древнія миѳологическія преданія, предметъ стариковскихъ разговоровъ въ долгіе зимніе вечера. Такъ какъ она состояла преимущественно изъ сочиненій Снорри, то ей и можно было дать заглавіе: *Снорри-Эдда*. Что̀ же касается до сборника, приписываемаго Семунду, то составленіе его, по нашему мнѣнію, относится къ тому же времени, именно къ концу XIII или началу XIV вѣка. Въ подкрѣпленіе этой мысли прибавимъ, что съ наступленіемъ XII вѣка развивается въ Исландіи сильная любовь къ литературѣ: не только начинаютъ записывать историческія свѣдѣнія и переводить латинскія книги, но и собираютъ со словъ народа преданія и пѣсни. Введеніе въ XIII вѣкѣ латинскаго письма благопріятствуетъ этой дѣятельности, и ученые принимаются составлять сборники сагъ, законовъ, поэмъ и филологическихъ разсужденій.

*

Къ этой-то эпохѣ принадлежатъ самые старинные памятники скандинавской письменности; они не восходятъ далѣе XIII столѣтія. Вотъ еще причина, побуждающая насъ думать, что такъ называемая *Семундова Эдда* родилась не ранѣе исхода XIII или начала XIV вѣка, тѣмъ болѣе, что первыя рукописи ея не старѣе этого времени.

Итакъ обѣ *Эдды* появились около одного и того же времени: остается рѣшить, которая изъ нихъ древнѣе. Наше мнѣніе по этому предмету можетъ показаться слишкомъ смѣлымъ, но мы обязаны представить его на судъ ученыхъ. Полагаемъ, что *Эдда Снорріева* сочинена прежде *Семундовой* во введеніи къ одной изъ поэмъ [1]) послѣдней находимъ нѣсколько обстоятельствъ, разсказанныхъ почти тѣми же словами въ первой [2]), но эти подробности, очень умѣстныя въ книгѣ Снорріевой, въ *Эддѣ Семундовой* вовсе не кстати. Стало быть, составитель сборника, приписываемаго Семунду, имѣлъ въ рукахъ своихъ *Снорри-Эдду*. Вѣроятно, онъ отъ нея заимствовалъ и самое заглавіе своего сборника: надобно согласиться, что оно приличнѣе прозаическимъ разсказамъ, нежели собранію поэмъ (?). Какъ первая Эдда носила на себѣ имя Снорри, такъ второй придали имя Семунда, потому ли, что собиратель ея приписывалъ Семунду самое сочиненіе поэмъ, или потому, что онъ въ главѣ своей книги хотѣлъ выставить имя, стоящее Снорріева".

Противъ этихъ доводовъ, заслуживающихъ во всякомъ случаѣ вниманія по смѣлости и новости своей, мы позволимъ себѣ замѣтить слѣдующее:

Вникая въ самый характеръ обѣихъ *Эддъ*, невольно склоняешься къ убѣжденію, что „поэтическая" существовала прежде: Снорри заимствовалъ свое ученіе о миѳологіи изъ древнихъ поэмъ; другого источника у него и быть не могло: а для этого нужно было, по всей вѣроятности, имѣть хотя главныя изъ нихъ собранными. У Снорри преданія, вошедшія во всей своей чистотѣ въ поэтическій сборникъ, нерѣдко искажены или дополнены примѣсью новыхъ вымысловъ: это доказываетъ только вліяніе христіанства и латинскихъ писателей, которыхъ изученіе распространилось тогда въ Исландіи, вмѣстѣ съ романтизмомъ, занесеннымъ изъ Франціи. Но естественно ли предположить, что содержаніе поэмъ было извлечено и *написано* съ прикрасою прежде, нежели самыя поэмы были изображены письмомъ! Итакъ, нѣтъ почти никакого сомнѣнія, что онѣ до Снорри были уже собраны и что онъ пользовался этою работой. Онъ не упомянулъ о ней ни въ одномъ изъ своихъ сочиненій: что же тутъ необыкновеннаго? Преданіе приписываетъ ее Семунду; спрашивается только: какимъ образомъ Семундъ

[1]) „Насмѣшки Локи".
[2]) Въ XXXIII главѣ Skaldskaparmâl.

писалъ, когда латинскія буквы, по мнѣнію г. Бергманна, приняты были исландцами во всеобщее употребленіе не ранѣе XIII вѣка? Вѣроятно, нововведеніе сіе сдѣлалось не внезапно, и Семундъ, какъ ученый, бывавшій и въ Германіи, и во Франціи, и въ Италіи, могъ быть однимъ изъ первыхъ, начавшихъ употреблять латинское письмо. Какъ святитель *церкви Христовой*, еще недавно утвержденной въ его отечествѣ, онъ могъ имѣть важныя причины къ сокрытію, при жизни своей, составленнаго имъ собранія поэмъ *языческихъ*. Извѣстно, что Снорри Стурлусонъ жилъ долгое время въ той же обители, гдѣ за 100 лѣтъ до него трудился Семундъ, — въ имѣніи Одди [1]). Очень легко допустить, что будущій скальдъ Гакона нашелъ тамъ рукопись предмѣстника своего, и что она подала ему мысль приняться за новый трудъ, при которомъ эта рукопись и служила ему главнымъ матеріаломъ. Магнусенъ выразилъ даже сомнѣніе: не Семундъ ли самъ начерталъ планъ такого сочиненія, и не былъ ли Снорри только продолжателемъ его; но такое предположеніе уже слишкомъ произвольно. Далѣе, надобно припомнить, что *Семундова Эдда* открыта не вся въ одной рукописи и не въ одно время: разные списки ея могли быть изготовлены послѣ Снорри, и поставленныя передъ поэмами примѣчанія, которыя г. Бергманнъ находитъ несовмѣстными съ ученостію Семунда, могли, какъ мы уже сказали, выйти изъ-подъ пера переписчиковъ-толкователей, и притомъ могли сдѣланы быть отчасти по *Эддѣ Снорріевой*. Вотъ чѣмъ объяснилась бы и указанная г. Бергманномъ неумѣстность нѣкоторыхъ примѣчаній въ *поэтической Эддѣ*. Книга Снорріева, какъ болѣе ясная, болѣе соотвѣтствовавшая и понятіямъ, и направленію вѣка, нежели Семундова, могла скорѣе пріобрѣсти и всеобщую извѣстность, легко могла даже привести въ забвеніе ту, изъ которой сама была почерпнута и которая такимъ образомъ пролежала нетронутою до XVII столѣтія. Наконецъ, что̀ касается до заглавія обѣихъ, то придаваемое ему учеными значеніе *праматерь* кажется намъ слишкомъ натянутымъ. Слово *Edda* заключаетъ въ себѣ еще и другой смыслъ: оно иногда равносильно слову *Othr* — *стихъ, стихотворство*, — и въ этомъ значеніи совершенно соотвѣтствуетъ содержанію поэтическаго сборника. Такимъ образомъ заглавіе, самимъ ли Семундомъ, или кѣмъ-либо впослѣдствіи данное труду его, объясняется какъ нельзя естественнѣе: столь же естественно было перенести это заглавіе на Снорріево извлеченіе. Прибавимъ, что въ такомъ же смыслѣ должно разумѣть и названія: Eddu-reglur, Eddu-list, иначе принимаемыя г. Бергманномъ.

[1]) Снорри, производившій свой родъ отъ славнаго скальда Рагнара Лодброка, воспитывался у внука Семундова, опекуна своего, *Іона*, ученѣйшаго въ то время исландца.

Поэмы, входящія въ составъ *Семундовой Эдды*, принадлежатъ къ роду эпическихъ и, по различію преданій, ими описываемыхъ, раздѣляются на *миѳологическія* и *героическія*. Первыя, числомъ отъ пятнадцати до семнадцати, изображаютъ боговъ и богинь съ ихъ страстями; послѣднія — числомъ отъ двадцати до двадцати двухъ, — сочиненныя, конечно, гораздо позже первыхъ, представляютъ намъ, среди украшеній поэзіи, историческія преданія во всей ихъ чистотѣ: здѣсь являются уже не боги, а герои съ героинями, — лица, первоначально историческія, но сдѣлавшіяся болѣе или менѣе баснословными въ преданіи.

Три поэмы о которыхъ идетъ рѣчь, принадлежатъ къ первому разряду; но въ формѣ изложенія есть между ними различіе. Въ первой (Völuspâ, *Видѣніе Валы*) господствуетъ почти исключительно разсказъ; во второй (Vafthrudnismâl, *Бесѣда Вафтруднира*) преобладаетъ разговоръ, а въ послѣдней (Lokasenna, *Насмѣшки Локи*) онъ уже не прерывается отъ начала до конца поэмы и ведется не только двумя, но многими лицами. Такъ эпическая поэзія принимаетъ въ этихъ трехъ поэмахъ два раза форму драматической.

Такая послѣдовательность въ развитіи искусства не должна удивлять насъ въ скандинавской литературѣ: мы замѣчаемъ то же и во всякой другой, которой начало и успѣхи были независимы отъ вліянія чуждаго. У Индусовъ и Грековъ драма рождается изъ эпоса, и слѣдуетъ за нимъ почти непосредственно. Если же въ Римѣ драматическіе писатели предшествовали эпическимъ, то причиною сему было несамобытное развитіе латинской словесности. Римляне подражали грекамъ; имъ легче было перенять у своихъ учителей драму, нежели эпопею. Очень естественно, что драма должна рождаться изъ эпопеи, отъ которой она отличается не столько сущностью, сколько формой. Въ самомъ дѣлѣ, предметы драмъ греческихъ и индійскихъ заимствованы, по большей части, изъ временъ миѳологическихъ и героическихъ, которыми напередъ воспользовалась уже и эпопея. Переходъ отъ этой послѣдней къ драмѣ начинается, какъ скоро въ поэмѣ разговоръ заступаетъ мѣсто разсказа, и поэтъ какъ-бы скрывается за выводимыми ими лицами. Такой переходъ, въ разной мѣрѣ, представляютъ намъ двѣ изъ названныхъ поэмъ Эдды. Можетъ быть, исландцамъ оставался одинъ только шагъ до настоящей драмы. Они были удержаны отъ сего скорѣе неблагопріятною судьбой, нежели недостаткомъ дарованій. Чтобы возникло драматическое искусство, не довольно сочинять драмы, надобно имѣть способы для представленія ихъ; но могъ ли устроиться и самый скудный театръ на такомъ бѣдномъ островѣ, какова Исландія, въ странѣ, которой жители по необходимости должны были соблюдать величайшую простоту и въ нравахъ, и въ увеселеніяхъ своихъ?

Предметъ предлагаемыхъ поэмъ — скандинавская миѳологія, и по-

тому здѣсь кстати представить краткое обозрѣніе ея, не смотря на мнѣніе г. Бергманна, будто полное понятіе о миѳологіи должно быть не введеніемъ къ истолкованію источниковъ ея, а результатомъ такого истолкованія.

Въ началѣ не было ни неба, ни земли, ни моря: была только *разинутая бездна*, существовалъ только *Альфадуръ*, или *всеобщій отецъ;* По обѣ стороны бездны лежало два міра: на сѣверѣ — міръ мрака и холода, на югѣ — міръ огня. Въ сѣверномъ мірѣ текли ядовитыя рѣки, но морозъ оковалъ ихъ льдами. Часть этихъ льдовъ наконецъ растаяла отъ жара южнаго міра, и изъ растопленныхъ капель. яда произошли два существа:

Одно былъ *великанъ Имиръ*, который во время сна родилъ лѣвой рукой мужчину и женщину, а ногами великана: послѣдній былъ отцомъ ужаснаго племени *великановъ инея*.

Другое существо, происшедшее отъ дѣйствія тепла на холодъ, была *корова Авдумбла*; вымя ея изливало четыре млечныя рѣки, которыя питали великана Имира. Сама же она, для утоленія своего голода, лизала иней, покрывавшій скалы. Отъ этого, въ первый день, явились на камнѣ волосы, во второй выросла голова, въ третій образовался цѣлый человѣкъ, по имени *Бури*. У него родился сынъ, *Боръ*, который съ дочерью одного изъ великановъ прижилъ трехъ сыновей: боговъ *Одинна* [1]), *Вили* и *Ве*.

Эти три брата умертвили Имира, и кровь его потопила весь родъ *великановъ инея*: только одинъ изъ нихъ успѣлъ съ своею женой спастись на лодкѣ, и сталъ родоначальникомъ новаго поколѣнія *великановъ*, — тѣхъ, о которыхъ такъ часто упоминается въ миѳологіи скандинавской.

Что̀ же сдѣлалось теперь съ тѣломъ Имира? Убійцы, сыны Бора, бросили тѣло это въ бездну и сотворили изъ него новый міръ: изъ мяса сотворили землю, изъ крови море, изъ костей горы, изъ волосъ лѣса, изъ черепа небо, изъ мозга облака и туманы. Потомъ изъ летавшихъ искръ огненнаго міра создали они солнце, луну и звѣзды. Черви, порожденные трупомъ Имира, были превращены въ *карловъ* или *темныхъ Альфовъ*. Это хитрыя, искусныя существа, въ образѣ маленькихъ, черныхъ людей; но они не могутъ сносить свѣта и должны скрываться въ землѣ. Имъ противоположны *свѣтлые Альфы*, любящіе добро и прекрасные на видъ.

Наконецъ созданы были и люди, и вотъ какимъ образомъ. На берегу моря росли два дерева: ясень и ольха (аскъ и эмбла). Однажды

[1]) Въ этомъ имени на исландскомъ языкѣ два *н*. Такъ должно бы писать его и по-русски.

боги, проходя мимо ихъ, обратили ясень въ мужчину, а ольху въ женщину. Такъ на землѣ появился человѣкъ.

Боги или *асы* [1]) построили себѣ на небѣ особое жилище *Асгардъ*, въ которомъ у каждаго изъ нихъ была отдѣльная крѣпость или чертогъ съ золотыми стѣнами, съ серебряной кровлей. Для сообщенія же съ міромъ, протянутъ ими между небомъ и землею мостъ, называемый радугою: каждый день они переѣзжаютъ его на коняхъ.

Главныхъ боговъ и богинь по двѣнадцати. Старшій изъ всѣхъ *Одиннъ*, представитель Альфадура, или самъ Альфадуръ въ чувственномъ образѣ; онъ правитъ міромъ и есть въ особенности богъ войны. Во время сраженій посылаетъ онъ на поле брани *Валкирій*, воинственныхъ дѣвъ, для выбора бойцовъ, достойныхъ славной смерти. Счастливъ, кто удостоится ихъ предпочтенія! Падшихъ съ оружіемъ въ рукахъ онѣ переносятъ въ обитель блаженства, — въ *Валгаллу*. Тамъ сражаются они каждый день другъ съ другомъ; поражаемые вновь оживаютъ и, по окончаніи битвы, пируютъ вмѣстѣ съ побѣдителями за однимъ столомъ. *Валкиріи* прислуживаютъ героямъ и разносятъ имъ медъ [2]).

За Одинномъ важнѣйшіе асы: *Торъ* — богъ силы и грома, *Фрей* — богъ плодородія, управляющій погодою, *Браги* — богъ пѣсенъ. Самый же добрый, самый кроткій, невыразимо прекрасный, лучезарный богъ есть — *Бальдуръ*, вѣроятно, олицетвореніе блага и свѣта. — Ему противоположенъ *Локи*, облеченный также въ красоту тѣлесную, но исполненный коварства и злобы. Ниже увидимъ мы превосходный миѳъ, относящійся до этихъ двухъ боговъ.

Изъ богинь первыми считались: *Фригга*, Одиннова супруга: ей принадлежитъ половина падшихъ на полѣ чести; *Фрея*, богиня красоты и любви; *Идунна*, супруга бога пѣсенъ: у ней водятся золотые яблоки, отъ которыхъ боги остаются вѣчно-юными.

Для совѣщанія о дѣлахъ вселенной, боги собирались у древа міра, *Иггдразиля*. Это огромный ясень, котораго корни простираются и по небу и по землѣ, и въ странѣ великановъ, а глава обнимаетъ весь міръ. При одномъ изъ корней его источникъ мудрости; при другомъ источникъ прошедшаго, у котораго живутъ три богини судьбы, три *Норны*. Здѣсь-то и совѣщались боги.

Сначала безсмертные наслаждались полнымъ счастіемъ, жили въ

[1]) Названіе, обыкновенно производимое отъ Азіи, которую считаютъ первобытнымъ отечествомъ готскихъ народовъ, заселившихъ Скандинавію за 100 слишкомъ лѣтъ до Р. Х.

[2]) Въ словахъ „Валкирія", „Валгалла" слогъ *Вал* означаетъ избраніе. Оттого и Одинна, какъ бога войны, часто называютъ *Валфадуромъ*.

мирѣ и изобиліи, безпечно играли въ кости и пировали. Но это состояніе было непродолжительно: являются дочери великановъ, сами великаны нарушаютъ спокойствіе асовъ; начинаются злыя предвѣщанія, загарается *война*. У лукаваго *Локи*, который всѣми средствами вредитъ богамъ, рождаются отъ одной великанки разныя чудовища: *Гела*, или смерть, женщина полу-бѣлая, полу-синяя; ужасный *змѣй* и волкъ *Фенриръ*. Боги, по предсказанію, должны были ожидать много бѣдствій отъ этихъ чудовищъ. Потому Одиннъ, велѣвъ ихъ схватить, змѣя бросилъ въ глубокое море, и змѣй обвилъ собою всю землю, — а Гелу низринулъ во мракъ подземнаго міра: ея достояніе — умирающіе отъ болѣзней или отъ старости. Наконецъ волкъ Фенриръ былъ привязанъ къ скалѣ.

Но всѣ эти предосторожности не уничтожаютъ мучительныхъ опасеній асовъ: великаны безпрестанно строятъ имъ козни, стараются похитить солнце и луну, за которыми гонятся всегда два волка породы Фенрира; великаны оскверняютъ воздухъ кровію и ядомъ, уносятъ Идунну, которая охраняетъ юность боговъ.

Однакожъ владыкамъ небеснымъ нечего страшиться погибели, пока живъ *Бальдуръ*, кроткій, чистый, мудрый, сынъ Одинна и Фригги. Но горькая участь предстоитъ этому любимцу неба и земли: грёзы предвѣщаютъ ему смерть. Одиннъ нисходитъ въ область Гелы, вопрошаетъ уснувшую прорицательницу, и она предсказываетъ смерть Бальдура. Тогда мать бога свѣта заклинаетъ все существующее не вредить ея сыну. Она забываетъ только одно ничтожное деревцо (амелу). Злобный Локи, воспользовавшись этою оплошностію, избираетъ слѣпого брата Бальдурова орудіемъ своей ненависти. Однажды, когда боги, играя безвредно, поражали Бальдура копьями и мечами, онъ подалъ слѣпому стрѣлу, сдѣланную изъ вѣтви забытаго растенія, и уговорилъ его послѣдовать примѣру другихъ. Палъ прекрасный богъ отъ уязвленія роковой стрѣлы. Его тѣло сожгли на кострѣ, вмѣстѣ съ трупомъ супруги его *Нанны*, умершей отъ горести. Вся природа плачетъ, не плачетъ одинъ Локи. Наконецъ боги, раздраженные оскорбленіями его, схватываютъ своего ненавистника и привязываютъ его къ скаламъ; надъ его головою виситъ змѣя, которой ядъ струится по лицу несчастнаго.

Но не вѣчно быть ему въ оковахъ: боги потеряли Бальдура, и міръ требуетъ обновленія: все существующее должно истребиться и возникнуть въ новой красѣ. Этому страшному перевороту предшествуетъ владычество брани и убійства; братъ возстаетъ на брата, кровь льется рѣками, трехлѣтняя зима отнимаетъ у солнца живительную силу его. Южный, огненный міръ далъ начало вселенной, — онъ же и сокрушитъ ее. Всѣ злыя власти расторгаютъ цѣпи свои и ополчаются на твореніе: ихъ ведетъ царь огня, грозный *Суртуръ* (т. е.

Черный), вооруженный пламеннымъ мечемъ. Все погибаетъ: люди и боги падаютъ въ неравномъ бою; волки пожираютъ солнце и луну; земля погружается въ море, небо исчезаетъ въ пламени. Но это всеобщее бѣдствіе служитъ только къ возрожденію міра. Новая земля выходитъ изъ волнъ: сыны Одинна и Тора воцаряются на мѣстѣ асовъ. Бальдуръ торжествуетъ вмѣстѣ съ братомъ, убившимъ его. Отъ великаго пожара спаслась чета людей: ею возобновится человѣческій родъ; общимъ удѣломъ будетъ съ сего времени правосудіе, миръ и обиліе.

Такова скандинавская миѳологія, мрачная, грубая, чувственная, но исполненная смѣлыхъ вымысловъ исполинскаго воображенія! Всматриваясь въ сущность ея, находимъ, что вся она построена на идеѣ о двухъ противоположныхъ началахъ, добромъ и зломъ, которыхъ борьба заключается наконецъ побѣдою перваго. Эти два начала существуютъ отъ вѣка въ видѣ двухъ враждебныхъ стихій: мрака, соединеннаго съ холодомъ на сѣверѣ, и свѣта, соединеннаго съ жаромъ на югѣ. Ихъ столкновеніе производитъ жизнь и отражается въ жизни. Первыя два существа уже противоположны между собой: отъ одного рождается племя злыхъ великановъ, отъ другого семья боговъ. Начинается борьба между богами и великанами: представитель первыхъ — *Бальдуръ*, идеалъ добра и свѣта; поборникъ послѣднихъ — *Локи*, олицетворенное зло въ привлекательномъ образѣ. Пока живъ Бальдуръ, жизнь боговъ безопасна; но Локи торжествуетъ надъ нимъ хитростію: съ добромъ прекращаются и миръ и счастіе; наконецъ, самая жизнь боговъ и всего, ими созданнаго, исчезаетъ подъ ударами зла. Но зло гибнетъ въ своей собственной побѣдѣ, и на развалинахъ его зиждется прекрасное царство добра.

Откуда родилось у древнихъ скандинавовъ такое ученіе? Безъ сомнѣнія, изъ созерцанія человѣческой жизни. Мы уже видѣли, что они представляли себѣ весь міръ созданнымъ изъ частей исполинскаго тѣла. Такимъ же образомъ представленіе о борьбѣ, какъ сущности внутренней жизни нашей, перенесли скандинавы и на бытіе высшихъ силъ, — силъ, которыхъ они не умѣли вообразить себѣ внѣ круга видимой природы, замѣчая несовершенства міра, созданнаго богами. Но такое единство идеи, составляющей основу сѣверной миѳологіи, доказываетъ, кажется, позднее происхожденіе многихъ ея миѳовъ. Что она родилась разновременно и изъ разныхъ началъ, о томъ свидѣтельствуютъ противорѣчія, иногда встрѣчающіяся въ ея вымыслахъ; но, кажется, неоспоримо, что въ ней поэтическое начало преобладаетъ надъ историческимъ, хотя не должно отвергать и послѣдняго, составляющаго все-таки краегульный камень всякаго баснословія.

Всѣ подробности этихъ вымысловъ разсѣяны въ поэмахъ *Семундовой Эдды*; но первое въ ней мѣсто принадлежитъ *Видѣніямъ Валы*,

(Völuspâ), какъ главному источнику сѣверной миѳологіи и замѣчательнѣйшему созданію языческихъ скандинавовъ.

Слово *Вала* означало у нихъ вѣщунью или прорицательницу. Мы знаемъ, что такія женщины существовали первоначально у Кимвровъ и Тевтоновъ, а потомъ и у другихъ народовъ германскихъ. У скандинавовъ даръ предвѣдѣнія, въ первыя времена, былъ соединенъ съ званіемъ жрицъ; но впослѣдствіи вѣщунья составляла уже отдѣльное лицо. Нѣтъ сомнѣнія, что миѳологія, всегда отражающая въ себѣ дѣйствительную жизнь, создала своихъ *Норнъ* или богинь судьбы по образцу земныхъ провозвѣстницъ — *Валъ* или *ясновидящихъ* (völur, spâkonur).

Были и вѣщуны, но ни столь многочисленные, ни столь почитаемые, какъ женщины этого рода.

Покинувъ храмы, которыми сначала ограничивалось ихъ поприще, онѣ стали переходить изъ края въ край: съ жадностію приглашали ихъ всюду; государи и частные люди слушали ихъ предвѣщанія; матерямъ предсказывали онѣ судьбу новорожденныхъ. Но не одно грядущее,—и чары были имъ доступны: онѣ помогали родильницамъ, исцѣляли раны и болѣзни, наносили вредъ со всѣми заклятіями, пока наконецъ христіанство не истребило мало-по-малу сословія ихъ на сѣверѣ.

Вала, о которой рѣчь идетъ въ поэмѣ, есть лицо чисто миѳологическое, Вала по преимуществу прорицательница асовъ (боговъ) и, такъ сказать, небесный типъ земныхъ предвѣщательницъ.

Цѣль поэта — изобразить миѳологію народа своего въ полномъ, но быстромъ очеркѣ, начиная отъ миѳовъ о происхожденіи вещества до вымысла о гибели и возрожденіи міра. Поэтъ поступилъ чрезвычайно тонко, вложивъ то, чтò хотѣлъ сказать, въ уста Валы. Форма предвѣщанія придала словамъ его особенную возвышенность, а изложенію живость. Она позволила ему быть краткимъ и освободила его отъ всякаго стѣсненія въ переходахъ. Притомъ вотъ основная идея поэмы: *хитрость* и *сила* должны быть управляемы *правосудіемъ*; зло и несчастіе произошли отъ насилія и несправедливости, которыхъ виною были сами боги; *Одинна* и *Тора*, представителей хитрости и силы, замѣнятъ боги мира и правосудія. Итакъ, поэтъ предвидитъ паденіе древней религіи скандинавовъ, предвидитъ новый порядокъ вещей, основанный на другихъ началахъ. Эту мысль, смѣлую и даже, нѣкоторымъ образомъ, наносящую поруганіе язычеству и духу тогдашняго времени, надобно было выразить какъ можно осторожнѣе. Въ этомъ отношеніи форма предвѣщанія, и притомъ предвѣщанія полубожественнаго, удобнѣе всякой другой. Предвѣщаніе только косвеннымъ образомъ тревожитъ людей, живущихъ для одного настоящаго: священный характеръ видѣнія обуздываетъ нетерпимость и фана-

тизмъ; даже самовластіе не дерзаетъ коснуться пророка, видя въ словахъ его приговоръ судьбы. Исторія показываетъ, что предсказаніе является вмѣстѣ съ новыми идеями, когда истина еще не смѣетъ говорить открыто, когда народъ или угнетенная партія утѣшается надеждою, вѣрою въ будущность, и въ тайнѣ борется съ притѣснителемъ своимъ, предрекая ему паденіе. Обыкновенно прорицатели возникаютъ во времена броженія или перелома въ обществахъ, во времена смутъ политическихъ или религіозныхъ. Поэма *Видѣнія Валлы* относится безспорно къ той эпохѣ, когда основанія религіи Одинновой, хотя и неколебимыя еще въ народѣ, не удовлетворяли болѣе умовъ возвышенныхъ. Нашъ поэтъ обращается къ другимъ свѣтиламъ, и какъ-будто дѣйствительно предугадываетъ въ будущемъ начала правосудія и любви, впослѣдствіи принесенныя на сѣверъ благотворнымъ ученіемъ Христа.

О времени происхожденія всѣхъ частей Эдды можно только догадываться по признакамъ, болѣе или менѣе опредѣлительнымъ. Что̀ касается до *Видѣній Валы*, то и предметъ и форма поэмы этой заставляютъ считать ее одною изъ древнѣйшихъ. Правда, что подобный выводъ иногда можетъ быть и ложнымъ: поэтъ властенъ заимствовать предметъ свой изъ глубокой старины и облечь его въ одежду древняго покроя. Но такія поддѣлки случаются только въ литературахъ, которыя стоятъ уже на высокой степени развитія. Мы въ правѣ думать, что въ поэзіи скандинавской поэмы носятъ и въ содержаніи своемъ, и въ формѣ печать того времени, когда онѣ сочинены.

Вѣроятно, *Видѣнія Валы* принадлежатъ къ той эпохѣ, когда язычество достигло своей высшей степени: сжатый и часто не все высказывающій языкъ поэмы побуждаетъ насъ къ предположенію, что народъ еще зналъ совершенно миѳологію и могъ легко объяснить себѣ то, что̀ поэтъ только обозначаетъ. Это ученіе, конечно, созрѣло уже вполнѣ, когда онъ предпринялъ изобразить его въ системѣ, и религія Одинна должна была дойти до періода полнаго развитія своего, когда онъ предвидѣлъ неизбѣжный для нея ударъ.

Такъ думаетъ г. Бергманнъ. Само собою разумѣется, здѣсь рѣчь идетъ только о миѳахъ, предшествующихъ въ поэмѣ самому предвѣщанію, которое авторъ считаетъ вымысломъ поэта. Впрочемъ, трудно рѣшить, точно ли основная мысль этого произведенія, мысль о разрушеніи міра, принадлежитъ скальду. Намъ кажется, напротивъ, что онъ былъ только глашатаемъ общаго вѣрованія, и вотъ почему: въ разныхъ поэмахъ Эдды повторяются и многіе миѳы, и между прочимъ тотъ, о которомъ мы говоримъ. Легче предположить, что скальды почерпали ихъ изъ достоянія народнаго, нежели допустить, что они заимствовали ихъ другъ у друга.

Но возвратимся къ вопросу о времени происхожденія поэмы *Ви-*

дњнія Валы. Одинъ изъ главныхъ признаковъ ея древности заключается въ слѣдующемъ. Уже въ началѣ X столѣтія изысканность и надутость были дѣломъ скандинавской поэзіи; напротивъ того, въ *Видњніяхъ Валы* она естественна, скупа на слова и запечатлѣна мужественною простотой. Все приводитъ къ тому мнѣнію, что поэма эта существуетъ, по крайней мѣрѣ, уже съ IX вѣка. Имени сочинившаго ее не знаемъ, но по нѣкоторымъ подробностямъ описаній должны заключить, что онъ былъ исландецъ.

Доселѣ считали *Видњнія Валы* отрывкомъ, или, по крайней мѣрѣ, соединеніемъ многихъ отрывковъ; но г. Бергманнъ нашелъ, что это мнѣніе происходило отъ неправильнаго размѣщенія строфъ и стиховъ. Переставивъ и тѣ и другія, онъ видитъ въ поэмѣ не только цѣлость и полноту, но съ тѣмъ вмѣстѣ и чрезвычайно искусное распредѣленіе частей.

По его замѣчанію, она состоитъ изъ трехъ главныхъ отдѣловъ, которые можно означить словами: *прошедшее*, *настоящее* и *будущее* или: *преданіе*, *видњніе* и *предвњщаніе*. *Прошедшее* обнимаетъ картину происхожденія всего сущаго: здѣсь Вала говоритъ по *преданію*; *настоящее* изображаетъ исторію боговъ и событій, случившихся во всѣхъ мірахъ: Вала говоритъ о нихъ, основываясь на томъ, что̀ *видњла* сама; наконецъ, *будущее* заключаетъ въ себѣ исторію гибели и возрожденія вселенной: Вала говоритъ согласно съ тѣмъ, что̀ *предвидитъ* въ пророческомъ умѣ своемъ. Эти три части, рѣзко отдѣляющіяся одна отъ другой въ самомъ существѣ, поэтъ отличилъ и внѣшними знаками. Въ первой Вала, говоря о самой себѣ, употребляетъ выраженіе: *я помню*, или *я знаю*. Во второй Вала, разсказывая о минувшемъ, называетъ себя въ третьемъ лицѣ: *она* (Вала) *видњла*. Напослѣдокъ, въ третьей, всѣ глаголы поставлены въ *настоящемъ*, потому что предъ глазами прорицательницы раскрыта книга будущности: предвѣщаніе высказываетъ приговоры судьбы съ такою увѣренностію, какъ-бы дѣло шло о событіяхъ уже совершающихся. Переходы отъ одной части къ другой просты и непридужденны.

Мало того: поэтъ такъ искусенъ, что у него раздѣленіе предмета *картины* совпадаетъ съ раздѣленіемъ, необходимымъ для развитія *идеи* его. Онъ хочетъ, какъ мы уже упомянули, доказать, что счастіе проистекаетъ изъ правосудія и мира; для этого дѣлитъ онъ опять произведеніе свое на три части: въ *первой* показываетъ начало всего и блаженство боговъ до той поры, когда они подаютъ міру первый примѣръ *насилія* и *несправедливости*. Такъ какъ, по воззрѣнію поэта, несправедливость величайшее зло, то во *второй* части изображены плоды его — *раздоръ* и *война*. Въ *третьей* же, за этимъ ужаснымъ состояніемъ, слѣдуетъ смерть боговъ и разрушеніе всего міра. Вскорѣ міръ обновляется, но на немъ уже нѣтъ войны; вновь приходятъ асы,

но только миролюбивые; верховный богъ есть богъ правосудія; все возвращается къ первобытному состоянію, которымъ наслаждались боги, пока между ними еще не было насилія. Такъ идея поэта развивается по мѣрѣ раскрытія картины его. Разбираемая поэма есть какъ-бы совершенное созданіе искусства, — созданіе, въ которомъ тѣло и духъ, форма и мысль удивительнымъ образомъ проникаютъ и объясняютъ другъ друга.

Какъ ни остроумны объясненія г. Бегрманна, и какъ ни увлекательно онъ излагаетъ ихъ подъ вліяніемъ очень понятнаго пристрастія къ своему поэту, но трудно открыть вмѣстѣ съ нимъ столь искусственное построеніе и столь глубокій смыслъ въ произведеніи литературы языческой и далеко еще не возмужалой. Если отъ произвольныхъ его перестановокъ поэма и выиграла въ стройности, то конечно утратила отчасти тотъ мрачный, таинственно - грозный, высокій характеръ, которымъ отличалъ ее безпорядокъ мыслей и образовъ, неразлучный съ прорицательскимъ изступленіемъ. Притомъ она и теперь все-таки обнаруживаетъ недостатокъ цѣлости и неясность во многихъ мѣстахъ: одно уже внезапное превращеніе мѣстоименія *я* въ *она* заставляетъ подозрѣвать или пропускъ, или сведеніе отрывковъ изъ двухъ, хотя и однородныхъ, но раздѣленныхъ произведеній скандинавской древности.

Чтобъ дать читателю понятіе о „Видѣніяхъ Валы", не затрудняя его безпрерывнымъ толкованіемъ именъ собственныхъ и подразумѣваемыхъ подробностей, ограничиваемся точнымъ переводомъ нѣсколькихъ только строфъ поэмы.

Вотъ описаніе сотворенія міра, первобытнаго блаженства боговъ и происхожденія человѣка:

Было начало вѣковъ, когда водворился Имиръ [1]);
Не было ни береговъ, ни моря, ни водъ студеныхъ;
Не было ни земли, ни возвышеннаго неба;
Была разинутая бездна, но травы нигдѣ.

Тогда сыны Бора воздвигли твердь,
Они сотворили великую, среднюю ограду [2]):
Солнце освѣтило съ юга скалы обители [3]):
Мгновенно земля зазеленѣла густою зеленью.

[1]) Отсылаемъ къ очерку скандинавской миѳологіи, который помѣщенъ выше и не разъ будетъ нуженъ для уразумѣнія этихъ строфъ.

[2]) Т. е. землю, занимающую средину между небомъ и преисподнею.

[3]) Т. е. земли.

Солнце разливаетъ съ юга свои щедроты на мѣсяцъ [1];
Оно не знало своего жилища,
Звѣзды не знали своихъ мѣстъ,
Мѣсяцъ не зналъ своей силы [2].

Тогда владыки пошли къ высокимъ сѣдалищамъ,
Святые боги вступили въ совѣщаніе;
Ночи, новому мѣсяцу дали они названія;
Они наименовали зарю и полдень,
Сумерки и вечеръ, для означенія времени.

Асы собрались на долинѣ Иди [3]),
Они построили высокое святилище и дворъ,
Поставили горнила, выточили украшенія,
Выковали клещи и изготовили орудія.

Они играли за столами въ оградѣ; они были веселы,
Ни въ чемъ не знали недостатка, все было изъ золота.
Тогда трое асовъ изъ сей толпы,
Исполненные могущества и благости, сошли къ морю;

Они нашли въ той странѣ особыя существа,
Ясень и ольху, лишенные судьбы.

У нихъ (т. е. у этихъ деревьевъ) не было разума,
Ни крови, ни языка, ни благообразія:
Одиннъ далъ имъ душу, Гониръ далъ имъ разумъ,
Лодуръ далъ кровь и благообразіе [4]).

Отсюда перейдемъ прямо къ самой занимательной части поэмы, — къ предвѣщанію.

. Я вижу издали
Сумерки владыкъ [5]), битву боговъ.
Братья будутъ сражаться между собой, станутъ братоубійцами,
Родственники разорвутъ взаимныя связи;
Въ мірѣ царствуетъ жестокость и великое сластолюбіе:
Вѣкъ сѣкиръ, вѣкъ, когда щиты ломаются.

[1]) Въ скандинавскомъ языкѣ, какъ вообще въ германскихъ, солнце женскаго рода, а мѣсяцъ мужского: оба свѣтила здѣсь олицетворены.

[2]) Т. е. свѣтила еще блуждали въ пространствѣ неправильно; мѣсяцъ еще не имѣлъ вліянія, которое приписывается ему.

[3]) Сборное мѣсто боговъ вокругъ ясеня Иггдразиля.

[4]) Этотъ миѳъ выражаетъ мысль, что въ человѣкѣ только усовершенствована организація растенія.

[5]) Т. е. вечеръ, возвращеніе ночи, смерть боговъ.

Вѣкъ бурь, вѣкъ лютыхъ звѣрей выступаютъ предъ сокрушеніемъ міра;
Никто не подумаетъ о пощадѣ ближняго.

Іоты [1]) трепещутъ; среднее древо [2]) загорается
При громкихъ звукахъ гремящаго рога [3]).
Геймдалль, поднявъ рогъ, трубитъ и возвѣщаетъ тревогу.
Одиннъ совѣтуется съ головой Мимира [4]).

Содрагается высокій ясень Иггдразиль,
Старое древо дрожитъ: — волкъ разрываетъ свои цѣпи:
Трепещутъ тѣни на путяхъ преисподней,
Пока пламя Суртура не пожретъ древа,

Гримъ [5]) приближается съ востока, щитъ покрываетъ его;
Змѣй, обвивающій землю, вращается въ ярости;
Онъ воздымаетъ волны, орелъ машетъ крыльями,
Раздираетъ трупы: — пущенъ корабль ногтяной [6]).

Корабль плыветъ отъ востока, рать огней
Идетъ по морю, пламя держитъ кормило:
Іоты идутъ вмѣстѣ съ волкомъ,
Съ ними на кораблѣ и Локи.

Суртуръ вторгается отъ юга съ губительными мечами;
Солнце сверкаетъ на оружіи боговъ-героевъ:
Каменистыя горы содрогаются, великанки трепещутъ,
Тѣни ходятъ на путяхъ преисподней. Небо разверзается.
. .
Солнце начинаетъ чернѣть; земля погружается въ море;
Исчезаютъ на небѣ сіяющія звѣзды;
Дымъ клубится надъ огнемъ, разрушающимъ вселенную;
Исполинское пламя взвивается къ самымъ небесамъ.

[1]) Іоты — великаны — олицетвореніе исполинскихъ силъ природы. Многіе изъ нихъ славились мудростію и знаніями.

[2]) Ясень Иггдразиль, смотри выше.

[3]) При вратахъ неба, на концѣ радуги, стоитъ на стражѣ богъ Геймдалль съ огромной трубой или *гремящимъ рогомъ*, которымъ онъ обязанъ давать богамъ вѣсть о приближающейся опасности.

[4]) Мимиръ — богъ мудрости, котораго тѣло осталось у враговъ асовъ, а голова возвращена владыкамъ и сохраняетъ всю прежнюю свою мудрость.

[5]) Предводитель Іотовъ на кораблѣ, имъ построенномъ.

[6]) Онъ сдѣланъ Гримомъ изъ ногтей сыновъ земли, сошедшихъ въ Гелу, т. е. умершихъ не на полѣ брани.

Она (Вала) видитъ: опять всплываетъ
Надъ моремъ земля, покрытая густою травой.
Тамъ шумятъ водопады; въ вышинѣ носится орелъ
И надъ скалою подстерегаетъ рыбу.
. .
Асы вновь находятъ на травѣ
Чудные золотые столы,
Въ началѣ принадлежавшіе поколѣніямъ,
Властелину боговъ и его потомству.

Поля будутъ приносить плодъ, не бывъ засѣяны,
Всякое зло исчезнетъ: Бальдуръ возвратится
И будетъ обитать съ Годуромъ [1]) въ чертогахъ Одинна,
Въ священныхъ жилищахъ боговъ-героевъ. — Понимаете или нѣтъ [2])?
Она видитъ храмину, блескомъ превосходящую солнце,
Покрытую золотомъ, среди великолѣпнаго Гимли [3]):
Тамъ будутъ жить вѣрные народы,
Тамъ будутъ они наслаждаться вѣчнымъ блаженствомъ.
Тогда является свыше къ предсѣдательству въ судѣ владыкъ
Могучій правитель вселенной [4]).
Онъ умѣряетъ приговоры, укрощаетъ раздоры
И предписываетъ священные, во вѣкъ ненарушимые законы.

Заглавіе слѣдующей поэмы: Vafthrûdnismâl значитъ: *Разговоръ, бесѣда Вафтруднира*. Это лицо принадлежитъ къ племени Іотовъ [5]), которые, по скандинавской миѳологіи, родились при сотвореніи міра, и потому самому отличались мудростію и необыкновенными знаніями.

Собесѣдникъ Вафтруднира Одиннъ, соединяющій въ высшей степени тѣ же принадлежности. Цѣль поэта — показать превосходство бога въ этомъ отношеніи и представить умственную побѣду его надъ соперникомъ своимъ. Миѳологія повѣствуетъ, что Одиннъ, укрываясь нерѣдко подъ разными видами и именами, ходилъ побѣждать мудростію враждебныхъ Асамъ Іотовъ, такъ же, какъ Торъ бралъ надъ ними верхъ тѣлесною силой. Въ борьбѣ, составляющей предметъ поэмы, оба противника подвергаютъ опасности свои головы: тотъ изъ нихъ, кто уступитъ другому въ мудрости, долженъ лишиться жизни.

[1]) Годуръ — слѣпой братъ Бальдура, умертвившій его по обману Локи.

[2]) Вопросъ, который встрѣчается въ концѣ многихъ строфъ поэмы.

[3]) *Гимли* значитъ сверкающій.

[4]) Форсети, сынъ Бальдура,— богъ правосудія. Форсети значитъ предсѣдатель.

[5]) Многіе изслѣдователи думаютъ, что Асы и Іоты скандинавской миѳологіи изображаютъ Готовъ и Финновъ, изъ которыхъ первые застали въ Скандинавіи и вытѣснили оттуда послѣднихъ.

Въ древности, особенно у народовъ необразованныхъ, существовало убѣжденіе, что физическая сила и разумъ даютъ человѣку право располагать всякимъ, кто надѣленъ ею скуднѣе. Это понятіе, истинное въ самомъ себѣ, было нелѣпо и жестоко въ народѣ, у котораго тѣлесныя силы значительно опередили умственныя. Сила, неуправляемая разсудкомъ, сдѣлалась тѣмъ пагубнѣе, что умъ, еще не будучи въ состояніи возвыситься до правосудія, обнаруживался только хитростію и служилъ къ большему притѣсненію слабости и неопытности. Такимъ образомъ правило это, при всемъ своемъ относительномъ несовершенствѣ, составляло основу религіи скандинавовъ: двумя главными богами ихъ были *Одиннъ* — представитель хитрости норманской, и *Торъ* — олицетвореніе физической силы.

Однакожъ, если послѣдняя и была кумиромъ древности, то случалось все-таки, что платили должную дань и силѣ умственной. Были сраженія, которыя рѣшались не оружіемъ, а превосходствомъ проницательности и свѣдѣній. Колыбелью такихъ умственныхъ поединковъ была Азія. У народовъ семитическихъ способности испытывались загадками, и бой кончался смертію того, кто не находилъ отвѣта.

Какъ у индусовъ богъ Индра, такъ у скандинавовъ Одиннъ смотрѣлъ не безъ опасенія на мудрость и знанія другихъ: особенно возбуждали его зависть въ этомъ отношеніи Іоты, соперники Асовъ. Вотъ чѣмъ объясняется предметъ второй поэмы.

Судя по разнымъ внутреннимъ и внѣшнимъ признакамъ ея, должно полагать, что она сочинена въ концѣ X вѣка какимъ-либо исландцемъ. По языку и стихамъ она уступаетъ первой, но въ сущности показываетъ также немало искусства и драгоцѣнна особенно по множеству заключающихся въ ней миѳологическихъ свѣдѣній.

Она дѣлится на двѣ главныя части: въ первой и самой короткой изображены обстоятельства, предшествующія свиданію Одинна съ Вафтрудниромъ; во второй представлено преніе ихъ.

Одиннъ вступаетъ на небѣ въ разговоръ съ своею супругой, Фриггою.

Одиннъ.

Что̀ совѣтуешь мнѣ, Фригга? хочу отправиться къ Вафтрудниру.
Признаюсь, я нетерпѣливо желаю завести разговоръ о древностяхъ
Съ этимъ всезнающимъ Іотомъ.

Фригга.

Отецъ воителей, хотѣла бъ я удержать тебя дома,
Въ чертогахъ боговъ;
Ибо думаю, что ни одинъ Іотъ не равняется въ силѣ
Съ этимъ Вафтрудниромъ.

Одиннъ.

Я много странствовалъ, испыталъ много приключеній,
Помѣрился со многими силою:
Теперь хочу посмотрѣть, какъ Вафтрудниръ
Живетъ въ своемъ домѣ.

Фригга.

Счастливый путь! счастливый возвратъ!
Пусть жены Асовъ опять увидятъ тебя счастливымъ!
Пусть мудрость твоя, о, всеотецъ, поможетъ тебѣ
Въ спорѣ съ Іотомъ.

Послѣ этого, Одиннъ, въ одеждѣ путешественника, уходитъ и является въ жилище Іота. Въ сѣняхъ онъ говоритъ:

Здравствуй, Вафтрудниръ! Я вошелъ въ домъ твой,
Чтобы посмотрѣть на тебя:
Хотѣлъ бы я болѣе всего узнать, мудрый ли ты
И всезнающій Іотъ.

Вафтруднирь.

Кто этотъ человѣкъ, который въ моемъ жилищѣ
Такъ дерзко вызываетъ меня?
Ты не выйдешь отсюда,
Если ты не ученѣе меня.

Одиннъ.

Меня зовутъ странникомъ. Я только-что съ дороги,
И, мучимый жаждою, вошелъ къ тебѣ.
Я совершилъ далекій путь; мнѣ нужно гостепріимство
И твое привѣтствіе, о Іотъ!

Вафтруднирь.

Зачѣмъ, странникъ, говоришь ты со мной, стоя въ сѣняхъ?
Приди, садись въ залѣ:
Тамъ испытаемъ мы, кто болѣе знаетъ,
Гость или старый болтунъ.

Но Одиннъ, прежде нежели воспользовался гостепріимствомъ, пожелалъ доказать свои знанія и тѣмъ снискать благосклонность хозяина. Всякій пришлецъ имѣлъ право на пріемъ: вотъ почему люди высшаго разряда, желая отличиться отъ толпы, старались съ самаго начала выказать умъ свой и такимъ образомъ заслужить уваженіе хозяина. Съ этимъ намѣреніемъ и Одиннъ, оставаясь въ сѣняхъ, отвѣчаетъ:

*

Бѣдный, вступая въ домъ богатаго,
Долженъ говорить осторожно или молчать.
Думаю, что говорливость вредитъ
Тому, кто бесѣдуетъ съ мужемъ строгимъ.

Вафтрудниръ.

Скажи, странникъ, — такъ какъ ты, стоя въ сѣняхъ,
Хочешь испытать свои силы: —
Какъ зовутъ коня, приводящаго всякій разъ
День человѣческому роду?

Странникъ.

Его зовутъ свѣтлогривымъ: онъ приноситъ
Свѣтозарный день человѣкамъ.
Онъ считается лучшимъ конемъ;
Грива его безпрестанно сверкаетъ.

Вафтрудниръ.

Скажи, странникъ, — такъ какъ ты, стоя въ сѣняхъ,
Хочешь испытать свои силы: —
Какъ зовутъ коня, приводящаго съ востока
Ночь благимъ владыкамъ [1])?

Странникъ.

Инеегривымъ зовутъ коня, приносящаго каждый разъ
Ночь благимъ владыкамъ:
Всякое утро роняетъ онъ съ удилъ своихъ пѣну,
Отъ которой происходитъ роса въ долинахъ.

Когда Одиннъ отвѣтилъ удовлетворительно и на слѣдующіе два вопроса, Вафтрудниръ говоритъ:

Вижу, гость, что ты свѣдущъ! Приди, садись на скамью,
Станемъ спорить, сидя;
Пусть наши головы будутъ здѣсь въ залѣ,
О гость, цѣною побѣды.

Тогда Одиннъ начинаетъ задавать Іоту вопросы о разныхъ предметахъ миѳологіи. Наконецъ, послѣ семнадцати удовлетворительныхъ отвѣтовъ, онъ предлагаетъ роковую задачу:

Что̀ сказалъ Одиннъ на̀-ухо сыну своему [2]),
Когда тотъ восходилъ на костеръ?

[1]) *Ночь* приводится *богамъ*, потому-что предполагалось, будто они дѣйствуютъ преимущественно во мракѣ.

[2]) Бальдуру, убитому слѣпымъ братомъ своимъ.

Въ то же время странникъ является въ настоящемъ, божественномъ образѣ своемъ. Вафтруднирь, узнавъ его не только по лику, но и по вопросу, который одинъ отецъ Асовъ могъ сдѣлать, отвѣчаетъ:

Никто не вѣдаетъ, что̀ въ началѣ вѣковъ
　　Ты сказалъ на̀-ухо сыну своему.
Я самъ себѣ произнесъ смертный приговоръ, хвалясь знаніемъ древностей
　　И происхожденія боговъ;
Ибо я дерзнулъ состязаться въ мудрости съ Одинномъ.
　　Ты мудрѣйшій изъ сущихъ!

Этими словами кончается поэма. Смерть Вафтруднира совершается, такъ сказать, за сценою.

Послѣдняя изъ изданныхъ г. Бергманномъ поэмъ носитъ заглавіе: Lokasenna, т. е. *Насмѣшки*, *Споръ Локи*. Впрочемъ, по другимъ рукописямъ, она называется также *Пиръ Эгира* или еще: *Уязвленіе Локи*. Дѣло въ томъ, что этотъ богъ, существо лукавое и всегда готовое вредить Асамъ, издѣвается надъ ними на пирѣ у Іота Эгира. Г. Бергманнъ утверждаетъ, что цѣль поэта была осмѣять ученіе одинново. „Итакъ", прибавляетъ онъ, „не миѳологическое преданіе составляетъ предметъ поэмы: ибо, ка̀къ вообразить себѣ, чтобы миѳологія сама себя опровергала, показывая слабости боговъ, ею созданныхъ? Напротивъ, эта поэма есть критика, сатира, отрицаніе миѳологіи; но сочинитель, для избѣжанія упрека въ беззаконіи и богохульствѣ, вложилъ свои собственныя насмѣшки въ уста Локи". Сомнѣваемся. Локи выражаетъ своимъ характеромъ одну изъ основныхъ идей скандинавской миѳологіи. Поруганіе боговъ есть дѣйствіе, совершенно согласное съ его всегдашнею цѣлію — унижать, оскорблять ихъ. Поэма кончается торжествомъ боговъ и казнію Локи.

Вотъ почему можно бы полагать, что цѣль этой поэмы—такъ, какъ и предыдущей, — показать могущество Асовъ и превосходство ихъ надъ всякимъ противникомъ.

Одно только обстоятельство не позволяетъ утвердиться совершенно въ такомъ мнѣніи: казнь Локи описана въ концѣ поэмы прозою. Можетъ быть, это прибавленіе сдѣлано собирателемъ Эдды: предположеніе, тѣмъ болѣе вѣроятное, что передъ поэмою помѣщено также небольшое прозаическое вступленіе, котораго, по содержанію его, никакъ нельзя приписать самому поэту. Если г. Бергманнъ правъ въ объясненіи цѣли *Насмѣшекъ Локи*, то произведеніе это надобно отнести къ концу X вѣка, эпохѣ, когда христіанство уже начинало побѣждать язычество въ Исландіи: въ противномъ случаѣ, поэма, конечно, сочинена гораздо ранѣе.

Вотъ ея планъ. Локи знаетъ, что Асы собрались у Эгира [1]), который не пригласилъ его на пиръ свой, зная злобу и насмѣшливость этого бога. Въ отмщеніе, Локи намѣревается возмутить празднество оскорбленіемъ Асовъ. Онъ идетъ къ жилищу Эгира и у дверей спрашиваетъ слугу, о чемъ бесѣдуютъ пирующіе. Потомъ входитъ онъ въ храмину и ссорится со всѣми богами. Наконецъ Торъ грозитъ ему своимъ молотомъ. Локи, устрашась гнѣва Тора и къ тому же достигнувъ цѣли, удаляется съ бранью.

Ходъ разговоровъ очень естественъ, и въ этомъ отношеніи нельзя не отдать полной справедливости искусству сочинителя. Приведемъ нѣсколько мѣстъ изъ замѣчательнаго произведенія его.

Локи, на отвѣтъ слуги, что никто изъ боговъ не говоритъ о немъ дружелюбно, продолжаетъ:

Войду въ чертоги Эгира,
Посмотрю на этотъ пиръ.
Къ сынамъ Асовъ я внесу шумъ и соблазнъ,
Налью желчи въ ихъ медъ.

Входя къ нимъ, онъ говоритъ:

Томимый жаждой, я пришелъ въ это жилище
Послѣ долгаго пути;
Прошу Асовъ дать мнѣ только
Напиться чистаго меда.
Чтó же вы молчите, боги, столь надутые спѣсью,
Что и говорить не можете?
Укажите мнѣ сѣдалище и мѣсто въ пиру,
Или прогоните меня отсюда.

Браги *(богъ пѣсенъ).*

Указать мѣсто въ нашемъ пиру!
Никогда Асы не сдѣлаютъ этого:
Асы знаютъ, съ кѣмъ дѣлиться
Веселымъ пиромъ своимъ.

Оскорбленный Локи обращается къ Одину, который, для избѣжанія соблазна, велитъ сыну своему уступить мѣсто пришельцу.

Локи.

Асы! ваше здоровье! ваше здоровье, жены Асовъ!
Здоровье всѣхъ васъ, боги пресвятые,
Кромѣ одного этого Аса, этого Браги, что̀ сидитъ
Тамъ у стѣны, на своей скамьѣ!

[1]) Эгиръ — богъ моря.

Браги пытается унять его добромъ, обѣщаетъ ему коня, мечъ и щитъ; но Локи восклицаетъ:

Коня и щитъ! Тебѣ самому никогда не владѣть
Ни тѣмъ, ни другимъ, Браги!
Ты, изъ всѣхъ Асовъ, здѣсь собранныхъ,
Самый предусмотрительный противъ битвы,
Самый трусливый при видѣ копья!

Послѣ новыхъ упрековъ съ обѣихъ сторонъ, наконецъ супруга Браги, Идуна, старается его успокоить именемъ дѣтей своихъ. Локи поноситъ и ее.

Тогда Гефіона, богиня непорочности, хочетъ усмирить его кротостію.

Локи.

Молчи, Гефіона: не то — я разскажу,
Какъ тебя очаровалъ
Тотъ молодой человѣкъ, что̀ подарилъ тебѣ ожерелье
И

Одиннъ.

Глупецъ ты, Локи, безумецъ!
Что̀ ты раздражаешь противъ себя Гефіону?
Она вѣрно знаетъ судьбу каждаго,
Точно такъ же, какъ и я.

Локи.

Молчи, Одиннъ! никогда ты не умѣлъ
Рѣшать битвы между людьми.
Часто посылалъ побѣду тому, кто ея не заслуживалъ,
Посылалъ ее менѣе храброму.

Одиннъ.

Ка̀къ ты знаешь, что я посылалъ побѣду тому, кто ея не заслуживалъ,
Посылалъ ее менѣе храброму?
А ты, — восемь зимъ ты жилъ на землѣ
Молочной коровой и женщиной [1]),
А это, кажется, прилично подлецу.

[1]) Миѳъ, къ которому относится этотъ стихъ, неизвѣстенъ.

Локи.

Ты, говорятъ, занимался чернымъ чародѣйствомъ на островѣ Самссіо [1]),
Ты стучался у дверей, какъ Вала;
Въ видѣ колдуна ты леталъ надъ племенемъ людскимъ,
А это, кажется, прилично подлецу.

Фригга *(супруга Одинна).*

Вамъ бы никогда не слѣдовало говорить о своихъ приключеніяхъ
При герояхъ,
Ни о томъ, чтó вы дѣлали въ началѣ вѣковъ:
Не должно припоминать стараго.

Послѣ многихъ споровъ, слуга бога Фрея выражаетъ свое негодованіе на Локи.

Локи.

Это чтò за маленькая тварь забилась тамъ въ уголъ
И раскрываетъ свой жадный клёвъ?
Ему хочется всегда висѣть на ушахъ Фрея
И ворчать сквозь зубы.

.

Геймдалль.

Локи, ты пьянъ и обезумѣлъ.
Чтò не перестанешь пить, Локи?
Пьянство на всѣхъ дѣйствуетъ одинаково:
Не замѣчаешь своего болтовства.

Локи.

Молчи, Геймдалль! въ началѣ вѣковъ
Тебѣ поручили проклятую должность:
Какъ стражъ боговъ, ты обязанъ будить ихъ
И спину свою подвергать ночной сырости.

Скади *(дочь великаго Тіасси).*

Ты въ духѣ, Локи; только тебѣ ужъ недолго
Тѣшиться своей волей.
Скоро боги привяжутъ тебя къ скалѣ
Кишками чудовища-сына твоего [2]).

[1]) Мѣсто, славившееся чарами.

[2]) Предвѣщаніе Скади сбылось надъ Локи. Эта-то казнь и описана въ прозаическомъ прибавленіи къ поэмѣ. Связь этихъ двухъ мѣстъ заставляла бы думать, что прибавленіе принадлежитъ поэту.

Надобно знать, что Тора не было на пирѣ; онъ подвизался между тѣмъ на востокѣ. Вотъ вдругъ восклицаетъ кто-то изъ гостей:

Горы дрожатъ. Вѣрно Торъ
Возвращается домой:
Онъ принудитъ молчать этого негодяя, который поноситъ
И боговъ и людей.

Торъ *(вошедши)*

Молчи, низкая тварь, или страшный молотъ [1]) мой
Отыметъ у тебя языкъ:
Я сокрушу съ твоихъ плечъ эту скалу, которая качается у тебя на шеѣ, —
И жизнь твоя погибнетъ.

Локи.

Сынъ земли, ты только-что вошелъ,
А ужъ и расшумѣлся!
Не будешь такъ храбриться, когда нападетъ на тебя
Волкъ, который поглотитъ отца побѣдъ! [2]).

Торъ.

Молчи, низкая тварь, или страшный молотъ мой
Отыметъ у тебя языкъ:
Захочу, и ты полетишь въ восточныя страны [3]).
И никто тебя не увидитъ.

Локи.

Ужъ не говорилъ бы о востокѣ
При герояхъ:
Знаемъ мы, какъ ты, единоборецъ, забился въ палецъ перчатки,
И самъ ужъ не считалъ себя Торомъ [4]).

Торъ повторяетъ свою угрозу.

[1]) Оружіе Тора.

[2]) Одиннъ, при разрушеніи міра, долженъ погибнуть отъ волка.

[3]) Гдѣ живутъ Іоты.

[4]) Эти стихи намекаютъ на любопытное преданіе о Торѣ. Отправившись однажды на востокъ, вмѣстѣ съ Локи, онъ увидѣлъ вечеромъ открытое жилище съ пятью очень глубокими комнатами. Путники рѣшились ночевать въ этомъ жилищѣ. Вскорѣ ихъ разбудилъ ужасный шумъ. Каково же было удивленіе Тора, когда онъ узналъ, что недалеко оттуда лежитъ огромнѣйшій великанъ, который храпитъ такъ громко. Но онъ удивился еще болѣе, когда на другой день, на разсвѣтѣ, великанъ поднялъ домъ вмѣстѣ съ ними: это была его перчатка. Торъ, по предложенію его, присоединился къ нему, и спряталъ свои припасы въ дорожный мѣшокъ великана.

Локи.

Надѣюсь прожить еще долго,
Хотя ты мнѣ и грозишь молотомъ.
Узлы *Крикуна* показались тебѣ слишкомъ туги;
Ты не могъ добраться до припасовъ;
Ты былъ здоровъ, а умиралъ съ голода.

Торъ опять грозится.

Локи.

Я сказалъ предъ Асами и предъ женами Асовъ
Все, что̀ мнѣ внушилъ умъ мой.
Только предъ тобою удаляюсь,
Потому что ты разишь.

Теперь Локи, въ крайнемъ ожесточеніи, обращаетъ свои проклятья на самого хозяина дома:

Ты задалъ праздникъ, Эгиръ! Впередъ
Не будешь больше пировать:
Пусть все твое богатство, въ этой храминѣ,
Будетъ объято пламенемъ,
Истреблено у тебя за плечами!

За симъ слѣдуетъ прозаическое дополненіе. Вотъ оно:

„Послѣ того Локи, обратясь въ сёмгу, [1]) укрылся подъ водопадомъ: тамъ схватили его Асы. Онъ былъ привязанъ кишками своего сына Нари; другой же сынъ его былъ превращенъ въ дикаго звѣря. Скади взяла ядовитаго змѣя и повѣсила его надъ лицомъ Локи: змѣй началъ источать ядъ по каплямъ. Сигина, супруга Локи, сѣвъ возлѣ него, принимала капли въ сосудъ; когда же онъ наполнялся, она удалялась, чтобъ вылить ядъ. Между тѣмъ капли падали на лицо Локи: это производило въ немъ такія судороги, что вся земля колебалась. Вотъ что̀ называютъ нынѣ землетрясеніемъ“.

Они шли цѣлый день; вечеромъ, великанъ легъ спать и сказалъ Тору, что если онъ проголодается, то можетъ раскрыть мѣшокъ. Торъ, почувствовавъ сильный аппетитъ, сталъ было развязывать мѣшокъ, но никакъ не могъ справиться съ узломъ. *Крикунъ* (имя великана), чтобы посмѣяться надъ Асами, спуталъ снурки посредствомъ чаръ. Торъ, не желая подвергнуться его шуткамъ, разсудилъ, что лучше не будить великана, и легъ, не утоливъ своего голода. — *Единоборцемъ* названъ Торъ потому, что онъ сражается *одинъ* противъ многихъ и притомъ онъ сильнѣе всѣхъ боговъ и героевъ.

[1]) Чтобы спастись отъ преслѣдованія боговъ. Имя *Локи*, *Логи* значитъ: *свѣтящійся*, также: *пламя*. Скандинавское названіе *сёмги*, lax, значитъ также *свѣтящійся*; есть особый родъ этой рыбы: онъ отличается *огненнымъ* цвѣтомъ.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о формѣ стиховъ, изъ которыхъ составлены эти поэмы.

Въ стихосложеніи вообще должно отличать двѣ принадлежности: *мѣру* и *созвучіе*.

Мѣра можетъ основываться или на свойствѣ слоговъ, или на количествѣ ихъ.

Повторяющееся въ каждомъ стихѣ соединеніе долгихъ и краткихъ слоговъ по опредѣленному порядку составляетъ стихосложеніе *метрическое:* въ немъ каждый стихъ заключаетъ въ себѣ извѣстное число *стопъ*. Таково было стихосложеніе древнихъ грековъ, римлянъ и индусовъ, а отъ нихъ оно перешло, хотя и не во всемъ своемъ совершенствѣ, къ большей части новѣйшихъ европейскихъ народовъ.

Менѣе совершенный видъ мѣры, основанной на свойствѣ слоговъ, состоитъ въ томъ, что каждый стихъ, не представляя соединенія долгихъ и краткихъ въ строгомъ порядкѣ, заключаетъ въ себѣ, однакожъ, нѣсколько такихъ слоговъ, на которыхъ голосъ преимущественно опирается. Здѣсь нѣтъ ни стопъ, ни опредѣленнаго числа слоговъ: есть только нѣсколько *удареній*, отдѣленныхъ одно отъ другого всегда равнымъ разстояніемъ. Это *ударятельное* или такъ называемое *тоническое* стихосложеніе. Таково наше старинное русское.

Наконецъ, мѣра въ стихѣ производится условнымъ счетомъ слоговъ, входящихъ въ составъ его, безъ всякаго отношенія къ свойству или протяженію ихъ. Это *силлабическое* стихосложеніе. Оно принадлежитъ французамъ, итальянцамъ, испанцамъ.

Другой способъ стихотворца дѣйствовать пріятно на слухъ есть *созвучіе*, — сходство нѣкоторыхъ звуковъ въ одномъ или нѣсколькихъ стихахъ. Оно бываетъ либо въ *концѣ* словъ, либо въ *началѣ*. Въ первомъ случаѣ оно, подъ именемъ *риѳмы*, заключаетъ стихъ или иногда полустишіе, и служитъ обыкновенно украшеніемъ *метрическихъ* стиховъ у новѣйшихъ народовъ, а *силлабическимъ* принадлежитъ какъ необходимое условіе. Второго рода созвучіе состоитъ или въ сходствѣ начальныхъ *буквъ* нѣсколькихъ словъ стиха — въ *аллитераціи* — или въ сходствѣ начальныхъ *слоговъ* — въ *ассонансѣ*. Такія созвучія существуютъ искони въ поэтическихъ произведеніяхъ азіатцевъ, и встрѣчаются также у сѣверныхъ народовъ Европы, которымъ, вѣроятно, достались изъ Азіи.

Стихи древнихъ скандинавовъ, по размѣру, довольно сходны со стихами нашихъ предковъ, т. е. подходятъ подъ разрядъ *тоническихъ*, но съ прибавленіемъ *аллитераціи*.

У позднѣйшихъ исландцевъ, и именно въ *пѣсняхъ* ихъ, введена въ употребленіе и риѳма; но здѣсь дѣло идетъ только о разобранныхъ нами поэмахъ.

Родъ размѣра, къ которому принадлежатъ стихи ихъ, можно на-

звать *эпическимъ;* по исландски же его означаютъ именемъ *древняго размѣра* (fornyrdalag). Онъ раздѣляется на два вида: на *древній размѣръ* собственно, и на *пѣсенный размѣръ.* Первый употребленъ въ „Видѣніяхъ Валы", послѣдній въ остальныхъ двухъ поэмахъ. Въ первомъ каждый стихъ долженъ имѣть, по крайней мѣрѣ, *четыре* ударенія, которыя, притомъ, совмѣстны только съ долгими слогами. Что касается до аллитераціи, то стихъ долженъ заключать въ себѣ два или три слова, начинающіяся одною и тою же буквой, и этимъ буквамъ надобно непремѣнно стать въ слогахъ, отличенныхъ удареніемъ. Число всѣхъ вообще слоговъ въ стихѣ измѣняется, но обыкновенно ихъ бываетъ отъ восьми до двѣнадцати.

Стихотворенія, сочиненныя по этому размѣру, раздѣляются всегда на строфы: каждая изъ нихъ вмѣщаетъ въ себѣ по четыре стиха, или (по мнѣнію нѣкоторыхъ, разлагающихъ длинный исландскій стихъ на два короткіе) по восьми.

Пѣсенный размѣръ мало отличается отъ древняго. Въ двухъ послѣднихъ поэмахъ нашихъ, гдѣ онъ употребленъ, строфа состоитъ, по большей части, изъ четырехъ же, но не совершенно сходныхъ между собою стиховъ: второй и четвертый представляютъ часто только полустишіе, въ сравненіи съ первымъ и третьимъ. Притомъ для аллитераціи здѣсь достаточно только двухъ буквъ, и онѣ могутъ быть независимы отъ ударенія. Вообще въ пѣсенномъ размѣрѣ правила стихосложенія легко нарушаются: это доказываетъ, что онъ уступаетъ первому въ древности и относится къ эпохѣ, когда эпическое стихосложеніе начинало уже искажаться. Но если онъ ниже древняго по правильности и величію, то превосходитъ его разнообразіемъ. Если *древній размѣръ* можно сравнить съ экзаметромъ, то *пѣсенный* соотвѣтствуетъ элегическому или пентаметру.

Почти такое же стихосложеніе, какъ у скандинавовъ, находимъ мы и въ древнѣйшихъ памятникахъ поэзіи англо-саксонцевъ и германцевъ. Вообще *тоническіе* стихи, какъ требующіе наименѣе искусства, всего болѣе свойственны младенческому возрасту поэзіи. Мы и теперь видимъ, что стихотворенія людей, не знающихъ механизма стиховъ, обыкновенно не бываютъ подчинены никакимъ правиламъ въ отношеніи къ свойству или числу слоговъ. Но когда самъ сочинитель читаетъ или поетъ свои стихи, то онъ умѣетъ придать нѣкоторую мѣру, усиливая, мѣстами, удареніе. Отъ того одни слоги выдаются явственно, другіе какъ-бы скрадываются, и безыскусственно сплетенный рядъ слоговъ принимаетъ обманчивую стройность.

Что касается до дѣйствія аллитераціи на слухъ, то намъ трудно судить о немъ. Мы только тогда чувствуемъ ее, когда въ стихѣ много сходныхъ начальныхъ буквъ, на близкомъ разстояніи одна отъ другой, какъ въ этомъ стихѣ Расина:

Pour qui sont ces serpents qui sifflent sur vos têtes?

Но двѣ или три такія буквы тамъ, гдѣ отъ шести до десяти словъ, какъ въ стихѣ скандинавскомъ, остались бы у насъ совершенно незамѣченными. Изъ этого можно бъ заключить, что аллитерація была выдумана, какъ акростихъ и другія стихотворныя игрушки, только для глазъ, а не для слуха. Но многое убѣждаетъ въ противномъ. Въ старину *пѣли*, а не *читали* стихи; поэмы Эдды долгое время переходили изъ устъ въ уста, прежде нежели были написаны. Притомъ, аллитерація была употребительна почти у всѣхъ готическихъ и германскихъ народовъ: по одному этому ее уже нельзя считать пустой игрушкой. Въ самомъ дѣлѣ, мы находимъ аллитерацію не только у скандинавовъ и въ древнѣйшихъ произведеніяхъ англо-саксонскихъ: она перешла даже въ нѣкоторые латинскіе стихи, написанные въ Англіи, и до Чо̀сера и Спенсера сохранялась и въ самихъ англійскихъ стихотвореніяхъ. Замѣчаемъ ее также въ древнихъ литературныхъ памятникахъ Германіи. Можетъ быть, аллитерація принесена изъ Азіи: поэты индусскіе, какъ напр. Калидаса, знали ее, а *ассонансъ*, сходный съ нею, находится въ древнѣйшихъ стихотвореніяхъ китайцевъ. Наконецъ, надобно припомнить, что аллитерація—и по происхожденію, и по цѣли однородна съ риѳмой, а риѳма, какъ всякій согласится, придумана не для зрѣнія, а для слуха.

Воспользовавшись такимъ образомъ самою занимательною частію книги г. Бергманна, и принося парижскому академику дань признательности и уваженія за его ученый трудъ, мы не можемъ однакожъ не пожелать, чтобы скорѣе настало время, когда любители исландской литературы въ нашемъ отечествѣ не будутъ нуждаться въ посредничествѣ французскихъ изыскателей для ближайшаго съ нею знакомства.

ГЕЛЬСИНГФОРСЪ[1]).

1840.

Приближается лѣто, и скоро толпы петербургскихъ жителей устремятся въ разныхъ направленіяхъ по волнамъ Финскаго залива. Многіе поспѣшатъ и въ Гельсингфорсъ: одни для здоровья, другіе для препровожденія времени, третьи изъ любопытства. Число послѣднихъ въ

[1]) *Современ.* 1840, т. XVIII, стр. 5 — 82; срв. упомин. въ *Переписк. Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ*, т. I, стр. 5, 72, 668.

нынѣшнемъ году должно увеличиться противъ прежняго, потому особенно, что столица финляндская представитъ въ будущее лѣто два необыкновенныхъ торжества: освященіе недавно отстроенной лютеранской церкви и празднованіе двухсотлѣтняго существованія Александровскаго университета. Можетъ быть, и между читателями *Современника* найдутся намѣревающіеся посѣтить вскорѣ Гельсингфорсъ. Для нихъ постараюсь собрать воспоминанія, оставшіяся во мнѣ послѣ нѣсколькихъ недѣль, проведенныхъ тамъ въ 1838 и 1839 годахъ.

Многіе города Финляндіи, стоя то у залива морского, то у озера, и часто на возвышенности, отличаются красотою мѣстоположенія, но безобразны домами и улицами. Гельсингфорсъ красавецъ и въ томъ и въ другомъ отношеніи, но красавецъ еще развивающійся, полудикій, исполненный противоположностей и странно поражающій путешественника, особенно петербургскаго жителя, вокругъ котораго все такъ правильно, стройно, гладко. Напротивъ, въ Гельсингфорсѣ, рядомъ съ привѣтливымъ искусствомъ, видишь природу мрачную и грозную. На сѣрыхъ, чудовищныхъ массахъ гранита высятся тамъ величавыя, яркія зданія и башни; прибывъ съ береговъ Невы, невольно припоминаешь ихъ, думаешь на мгновенье, что не разлучался съ ними; но внезапно уронивъ взоръ на рядъ дикихъ скалъ, убѣждаешься, что перенесся въ какое-то новое царство.

Не должно однакожъ полагать, что весь Гельсингфорсъ состоитъ изъ каменныхъ домовъ и прямыхъ улицъ. Только центръ его, набережную у пристани и нѣкоторыя отдѣльныя части должно разумѣть, когда говорится о красотѣ финской Пальмиры. Между зданіями ея особенно бросается въ глаза церковь св. Николая, о которой мы уже упомянули: она господствуетъ надъ цѣлымъ городомъ своею бѣлою главой, увѣнчанной, подобно нашему Троицкому собору, голубымъ куполомъ съ золотыми звѣздами. Финляндія никогда еще не видывала въ своихъ предѣлахъ столь изящнаго и, за исключеніемъ развѣ древней Абоской церкви, столь огромнаго храма. Финляндскія церкви, по большей части, стары и некрасивы. Многія изъ нихъ построены еще во времена католическія, и состоятъ изъ двухъ отдѣльно одно отъ другого подымающихся зданій. Главное, самая церковь, имѣетъ видъ широкаго и длиннаго, но не очень высокаго дома съ чрезвычайно крутою крышей; а другое, колокольня, есть башня въ нѣсколько ярусовъ, изъ которыхъ нижній и самый широкій обыкновенно соединяется съ прочими посредствомъ покатой кровли. Такія церкви встрѣчаются и по дорогамъ, и въ нѣкоторыхъ городахъ Финляндіи, на примѣръ, въ Борго. На дорогахъ, возлѣ этихъ зданій тянется иногда рядъ открытыхъ спереди деревянныхъ домиковъ или сараевъ: здѣсь поселяне, пріѣзжающіе изъ окружныхъ мѣстъ, укрываютъ на время богослуженія свои повозки.

Но мы уже слишкомъ удалились отъ Гельсингфорса. Николаевская церковь видна не только изъ всѣхъ концовъ города, но и изъ отдаленныхъ его окрестностей. При тамошнемъ гористомъ мѣстоположеніи нерѣдко показывается только вершина ея, почти одинъ крестъ; но пройдешь нѣсколько шаговъ, и вдругъ вся глава будто выплыветъ изъ бездны. Церковь эта занимаетъ одну сторону сенатской площади, составляющей нѣкоторымъ образомъ палладіумъ Гельсингфорса: здѣсь храмъ наукъ — университетъ, и храмъ правосудія — сенатъ стоятъ лицомъ къ лицу, а въ сторонѣ, между ними, красуется храмъ Божій, будто подающій руку каждому изъ нихъ и связующій оба.

Между боковыми частями города однѣ наполнены новыми деревянными домами, другія напоминаютъ еще младенчество Гельсингфорса. Тутъ извивавается полоса ветхихъ темнокрасныхъ домишекъ съ двухъ-ярусными крышами; тамъ высится на скалѣ старая вѣтряная мельница, а поодаль нѣсколько пошатнувшихся отъ времени сараевъ. Въ одномъ мѣстѣ немощеная улица, въ другомъ смрадное болото, вокругъ котораго желаюшіе строиться получаютъ землю безплатно. Все это придаетъ Гельсингфорсу видъ чрезвычайно разнообразный, занимательный, — видъ города еще не готоваго, но подвигающагося съ неимовѣрною быстротою. Можно, такъ сказать, слѣдить ежеминутно за каждымъ его шагомъ; онъ ростетъ не по днямъ, а по часамъ — и не только видно,—слышно даже, какъ онъ ростетъ. Громкій гулъ даетъ знать о всякомъ новомъ уголкѣ, исторгнутомъ здѣсь рукою человѣка изъ-подъ владычества скупой природы: скалы, препятствующія распространенію или украшенію города, раздробляются порохомъ, и каждый взрывъ гремитъ, будто пушечный выстрѣлъ. Вотъ строющійся домъ, вотъ уравниваемая улица, вотъ садъ, обѣщающій тѣнь деревъ и благовоніе цвѣтовъ въ мертвой области камня. Какъ много остается еще сдѣлать, но какъ много уже сдѣлано! Изумительна побѣда, какую человѣкъ одерживаетъ здѣсь надъ природою. Приготовивъ тысячи преградъ его трудолюбію, она какъ-бы осудила эти мѣста на вѣчную смерть, какъ-бы назначила имъ вѣчно оставаться пустынею. Но терпѣніе людское не знаетъ препонъ: прямыя, широкія улицы раздѣлили тѣсные утесы; цвѣтущая земля одѣла печальную наготу гранита; исполины зодчества вознеслись на хребтахъ его; просвѣщеніе и промышленность водворились въ царствѣ безплодія.

Но эта борьба, еще продолжающаяся, никогда не кончится совершенною побѣдой, и отъ того здѣсь столько противоположностей. Чудно, ставъ на какую-нибудь возвышенность, видѣть съ одной стороны свѣтлый заливъ морской, опоясанный угрюмыми скалами и лѣсомъ, а съ другой живописный городъ въ вѣнцѣ бѣлыхъ зданій и башенъ.

Вообще, въ прекрасныхъ видахъ здѣсь недостатка нѣтъ, и тѣ изъ нихъ, въ которыхъ преимущественно участвуетъ природа, носятъ ха-

рактеръ, болѣе или менѣе общій всему краю. Воды, усѣянныя островами, то состоящими изъ голаго камня, то покрытыми зеленью, и вокругъ этихъ водъ цѣпь изъ скалъ, полей и лѣсовъ—вотъ главныя черты видовъ финляндскихъ. Въ какой невыразимой красотѣ представляется изъ Гельсингфорса въ ясный лѣтній вечеръ тихое море! Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега высятся на скалистыхъ островахъ, соединенныхъ мостами, мрачныя твердыни Свеаборга; далѣе влѣво зеленѣются небольшіе острова съ веселыми домиками, а вправо подымаются изъ водъ и будто съ завистію смотрятъ въ противоположную сторону нагія головы подводныхъ скалъ. Сзади, нѣсколько влѣво, багровое солнце медленно склоняется къ сѣрымъ утесамъ, по выраженію Тегнéра, *стерегущимъ заливъ*, — и скоро потонетъ за гребнями ихъ; впереди лучи его упираются въ окна свеаборгскихъ зданій и, кажется, внутренность крѣпости наполнена пламенемъ.

Въ этотъ драгоцѣнный часъ спѣшите за-городъ къ приморской крутой скалѣ Ульрикасборгъ, у подошвы которой выстроены купальни, а далѣе отъ берега заведеніе минеральныхъ водъ. Долго прекрасный видъ будетъ скрываться отъ васъ; но только-что вы ступите на возвышенность, чрезъ которую пролегаетъ шоссе, онъ вдругъ ослѣпитъ взоры ваши. Продолжайте путь; миновавъ заведеніе, взберитесь на высокую скалу, стоящую вправо отъ шоссе, и по которой вьются изсѣченныя на камнѣ дорожки и лѣсенки. Тамъ, на вершинѣ, ожидаетъ васъ чудное зрѣлище, и особенную прелесть придаютъ ему паруса, въ разныхъ мѣстахъ бѣлѣющіеся. Но васъ манитъ къ берегу купальный домикъ; спуститесь, войдите туда; Языковъ шепчетъ вамъ: „Одежду прочь... и бухъ!“

Гельсингфорсъ занимаетъ полуостровъ, выдающійся изъ верхняго берега Финскаго залива, но онъ первоначально возникъ не на этомъ мѣстѣ. Въ 1550 году шведскій король Густавъ I Ваза, заботясь объ улучшеніи жалкаго въ ту пору состоянія Финляндіи, основалъ городокъ верстахъ въ семи къ сѣверовостоку отъ нынѣшняго Гельсингфорса при впаденіи рѣчки Ванды въ Финскій заливъ. Новое населеніе было названо по имени шведской провинціи *Гельсинг*ландіи, откуда еще при первыхъ завоеваніяхъ шведовъ въ Финляндіи, въ XII вѣкѣ, переселены были многіе жители на сѣверный берегъ Финскаго залива. Незначительный водопадъ, образуемый Вандою въ томъ мѣстѣ, гдѣ заложенъ былъ городъ, послужилъ къ дополненію названія его: *форсъ* (*Fors*) значитъ *водопадъ*.

Но при возраставшей торговлѣ стараго Гельсингфорса, тогдашнее положеніе его, особенно по мелкости гавани, оказалось неудобнымъ. Графъ Петръ Браге (Pehr Brahe), назначенный во время малолѣтства королевы Христины генералъ-губернаторомъ Финляндіи, и которому край этотъ такъ много обязанъ во всѣхъ отношеніяхъ, убѣдился въ

необходимости приблизить Гельсингфорсъ къ морю, и по его-то настоянію шведское правительство въ 1639 году издало декретъ о переведеніи города на нынѣшее его мѣсто. Но это перемѣщеніе окончательно совершено было не ранѣе 1642 года; съ тѣхъ поръ первоначальное селеніе стало постепенно упадать и, наконецъ, обратилось въ деревню, извѣстную и теперь еще подъ именемъ *Стараго-города* (Gammal-stad).

На новомъ мѣстѣ своемъ Гельсингфорсъ испыталъ разнаго рода бѣдствія. Такъ, въ неурожайные годы 1695 — 1697 свирѣпствовалъ тамъ страшный голодъ, по случаю котораго одинъ старинный туземный писатель говоритъ: „можетъ ли у кого-либо сердце не обливаться кровью при разсказѣ отцовъ нашихъ, что голодные, скитаясь по улицамъ, падали другъ на друга? Можетъ ли кто слышать безъ горести, что многіе вживѣ ложились въ могилу и тамъ ожидали конца своимъ мукамъ? Они сами избирали мѣсто, гдѣ бы изнеможенныя кости ихъ могли обрѣсти успокоеніе. Ихъ изодранныя рубища должны были служить имъ и саваномъ и гробомъ; ослабѣвшія ноги погребальными носилками; а голодный желудокъ — поѣздомъ, провожающимъ къ жилищу мира“. Пропуская другія несчастія, посѣтившія Гельсингфорсъ, упомянемъ только о двухъ пожарахъ, которые въ 1761 и 1809 годахъ истребили большую часть города [1]). Возобновленный послѣ второго изъ нихъ, онъ однакожъ оставался въ ничтожествѣ до 1819 года, когда сюда переведена была изъ Або, вмѣстѣ съ присутственными мѣстами, столица Великаго Княжества. Но благодѣяніемъ, рѣшительно устроившимъ судьбу Гельсингфорса, было перемѣщеніе сюда въ 1828 году университета, который прежде процвѣталъ въ Або, а въ сентябрѣ 1827 г. сдѣлался, почти съ цѣлымъ городомъ, жертвою пламени. Къ этому превосходному учрежденію возвратимся мы послѣ, а теперь займемся предметами менѣе важными.

О гельсингфорскомъ заведеніи искусственныхъ минеральныхъ водъ и купаленъ было уже писано не разъ, и оно дѣйствительно заслуживаетъ тѣ похвалы, которыя всѣ единодушно воздаютъ ему. Воды приготовляются съ необыкновеннымъ тщаніемъ по системѣ знаменитаго Берцеліуса, а здоровый климатъ приморскаго мѣста и пріятный образъ жизни, доставляемый пріѣзжимъ сколько радушіемъ финляндцевъ,

[1]) Одинъ изъ этихъ пожаровъ, безъ сомнѣнія первый, какъ самый давній, послужилъ поводомъ къ надписи, которая долго красовалась надъ алтаремъ старинной Лютеранской церкви, нынѣ стоящей въ запустѣніи посреди сенатскаго двора. Вотъ эта надпись:

Du stad, o Helsingfors! din gamla synd lägg af
Att du ej seglamä ännu en gång i qvaf.

т. е. Ты, о городъ Гельсингфорсъ! покинь старые грѣхи свои, чтобъ тебѣ еще разъ не претерпѣть кораблекрушенія.

столько и дешевизною всѣхъ потребностей, еще болѣе обезпечиваютъ успѣхъ лѣченія. Къ тому же, Финляндія можетъ похвалиться искусствомъ своихъ врачей, на образованіе коихъ обращается здѣсь особенная заботливость. По уставу Александровскаго университета, никто не можетъ поступить въ медицинскій факультетъ, не достигнувъ напередъ степени магистра по философскому. Замѣчательно, что до сихъ поръ въ цѣломъ Великомъ Княжествѣ нѣтъ ни одного гомеопата. Видно, система Ганеманна, требующая отъ своихъ послѣдователей вѣры въ невѣроятное [1]), несогласна съ холоднымъ и разсудительнымъ умомъ финляндцевъ.

Минеральныя воды давно уже приготовляются въ Гельсингфорсѣ; но прежде желавшіе пользоваться ими стекались для того въ ботаническомъ саду, гдѣ онѣ продавались въ кружкахъ. Между тѣмъ общество акціонеровъ учредило на этотъ конецъ особое заведеніе, выстроенное съ преодолѣніемъ чрезвычайныхъ трудностей на сглаженной скалѣ и открытое только въ 1838 году. Оно соединяетъ въ себѣ не только все, чего требуютъ польза и удобство посѣтителей, но даже и нѣкоторую роскошь. Чтобы врачующіеся могли разнообразить предписанное имъ утомительное движеніе, поставлены въ разныхъ мѣстахъ качальныя скамьи (gungbräd) [2]), устроены игры кегельная и билліардная. Большой садъ, котораго разведеніе на гранитѣ представляло неимовѣрныя препятствія, конечно, не успѣлъ еще разростись и сгуститься, но по очаровательному мѣстоположенію своему обѣщаетъ современемъ прекрасное гульбище. Заведеніе называется Ульрикасборгскимъ по имени уже знакомой намъ прибрежной скалы, нѣкогда служившей основаніемъ укрѣпленій, впослѣдствіи срытыхъ. Садъ, расположенный между ея подошвой и домомъ минеральныхъ водъ, восходитъ живописно и на самыя ребра ея, до вершины. Отъ города до этого мѣста версты полторы; оно находится на концѣ длиннаго мыса, выдающагося въ море вправо отъ пристани. Вдоль всего мыса, еще недавно едва проходимаго отъ множества скалъ, пролегаетъ теперь гладкое шоссе; на нѣкоторомъ протяженіи оно вьется между грозными остатками утесовъ, подымающимися въ видѣ высокой, почти отвѣсной стѣны съ разсѣлинами. Кажется, огромныя глыбы гранита ежеминутно готовы обрушиться на смѣлаго путника.

Уже съ 6-го часа утра зала водъ начинаетъ примѣтно оживляться. Посѣтители прибываютъ одинъ за другимъ, то пѣшкомъ, то водою, то въ коляскѣ почтенныхъ лѣтъ, то въ легкой одноколкѣ, самомъ употребительномъ въ Финляндіи экипажѣ, чрезвычайно удобномъ при ея

[1]) Не лишне будетъ здѣсь замѣтить, что Я. К. впослѣдствіи (съ 50-хъ годовъ) сталъ и оставался до конца жизни убѣжденнымъ приверженцемъ гомеопатіи. *Ред.*

[2]) У насъ онѣ извѣстны подъ именемъ курляндскихъ: длинная упругая доска, подпертая только съ обоихъ концовъ двумя столбиками.

гористомъ мѣстоположенiи. Скоро и зала и тропинки сада пестрѣютъ движущимися группами. Большую часть ихъ составляютъ финляндцы какъ изъ самаго Гельсингфорса, такъ изъ другихъ городовъ Великаго Княжества; но и число прiѣзжихъ изъ собственно-русскихъ губернiй годъ отъ году увеличивается. Финляндцы оказываютъ намъ истинно-братское гостепрiимство, и въ ихъ прiятномъ кругу всѣ прiѣзжiе, на краткое время своего соединенiя, сближаются между собой непринужденно.

По нѣкоторымъ днямъ играетъ на водахъ полковая музыка, и тогда общество рѣдко расходится, не протанцовавъ по крайней мѣрѣ одного французскаго кадриля. По воскресеньямъ же, когда стеченiе людей бываетъ многочисленнѣе обыкновеннаго, чинное увеселенiе недѣли смѣняется часто исполненiемъ долга благочестiя. Въ черной мантiи входитъ въ залу кроткiй пастырь церкви; мгновенно все становится неподвижно, воцаряется глубокая тишина, и проповѣдникъ звучнымъ голосомъ читаетъ на шведскомъ языкѣ нѣсколько молитвъ. Потомъ изъ трубъ воинскихъ раздается умилительный псаломъ; а по окончанiи его набожные слушатели расходятся съ укрѣпленнымъ, веселымъ духомъ. Это краткое богослуженiе совершается собственно для тѣхъ, которые, будучи изнурены продолжительною ходьбой, не въ силахъ уже исполнить христiанской обязанности посѣщенiемъ храма Божiя.

Въ часъ общество опять соединяется въ заведенiи и обѣдаетъ за общимъ, дiэтетическимъ столомъ; а вечеромъ даются тамъ перѣдко танцовальныя собранiя. Особенно оживлены бываютъ они тогда, когда пароходъ принесетъ изъ Ревеля толпу такъ называемыхъ lustfarare т. е. пассажировъ, которыхъ цѣль повеселиться и дня черезъ два отбыть назадъ.

Между тѣмъ, какъ зала водъ то наполняется, то опять пустѣетъ, домъ съ ваннами, стоящiй на самой оконечности мыса (независимо отъ купаленъ), не остается, въ теченiе цѣлаго дня, почти ни на минуту празднымъ. Если вѣрить свидѣтельству нѣкоторыхъ путешественниковъ, домъ этотъ, по отличному устройству, по удобству и роскоши всѣхъ своихъ принадлежностей, превосходитъ большую часть подобныхъ учрежденiй за-границею. Онъ состоитъ изъ двухъ этажей: въ верхнiй вода восходитъ посредствомъ трубъ прямо изъ моря; потомъ, частiю холодная, частiю нагрѣтая, доставляется она другими трубами въ нижнiй этажъ, гдѣ по обѣ стороны длиннаго корридора тянутся ряды изящно-убранныхъ комнатъ съ ваннами. Здѣсь предусмотрѣны и надобности и прихоти посѣтителя, который пользуется всѣмъ за незначительную плату, измѣняющуюся, впрочемъ, по мѣрѣ его требованiй. Надзоръ за комнатами и прислуга ввѣрены женщинамъ, одинаково одѣтымъ и обязаннымъ приготовлять ванны по желанiю каж-

даго. Вошедши въ домъ, видите направо и налѣво двѣ щеголеватыя залы съ надписями на дверяхъ: för fruntimmer (для дамъ) и för herrar (для кавалеровъ). Здѣсь отдыхаютъ и пьютъ кофе.

Поодаль отъ этого строенія съ правой руки, стоятъ у самаго берега, на краю невысокой скалы, но довольно далеко другъ отъ друга, два домика, раздѣленные на нѣсколько комнатокъ. Ихъ посѣщаютъ желающіе купаться въ открытомъ морѣ. Вода здѣсь солона, хотя и не достигаетъ еще той солоноватости, какая бываетъ въ самомъ океанѣ. Жаль только, что дно морское передъ Гельсингфорсомъ покрыто камешками; въ Ревелѣ этого неудобства нѣтъ, но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ тамошнія купальни никакъ не могутъ выдержать сравненія съ гельсингфорсскими.

Наконецъ, противъ заведенія минеральныхъ водъ, черезъ дорогу, построенъ на скалѣ двухъэтажный домъ; онъ отдается въ наймы пользующимся водами и долженъ послужить началомъ цѣлаго ряда подобныхъ ему домиковъ.

Между заведеніемъ и городомъ учреждены постоянныя сообщенія посредствомъ двухъ дилижансовъ, т. е. двухъ колясокъ, которыя въ продолженіе цѣлаго дня ѣздятъ взадъ и впередъ. Сверхъ того, на сенатской площади стоятъ всегда извощики съ неуклюжими, но очень покойными дрожками, съ некрасивыми, но быстрыми лошадьми. Они для Гельсингфорса тѣмъ нужнѣе, что улицы его, мощеныя, какъ наши, вовсе не имѣютъ тротуаровъ.

Правду говорятъ, что младенчество—самый счастливый возрастъ: эта мысль однажды взбрела мнѣ на умъ, когда я сравнивалъ то, что видѣлъ на водахъ въ 1839 году, съ состояніемъ заведенія въ первый годъ его существованія. Тогда тамошній буфетъ находился въ рукахъ содержательницы одного изъ городскихъ трактировъ, знаменитой въ Гельсингфорсѣ старушки, мамзель Вàлюндъ. То-то было житье ея посѣтителямъ! Она кормила и поила ихъ, какъ родныхъ дѣтей своихъ, щедро, безъ всякихъ мелочныхъ расчетовъ, лишь бы всѣ были сыты и довольны. Въ день именинъ своихъ, лѣтомъ, она привыкла угощать всѣхъ, постоянно пользующихся ея трудами. Вотъ въ 1838 году она убрала буфетъ свой на водахъ цвѣтами и зеленью, приготовила обильный запасъ самыхъ мудреныхъ издѣлій пекарнаго искусства и пригласила всѣхъ пьющихъ воды на утренній кофе. Послѣ обычной прогулки общество собралось въ буфетѣ, гдѣ сама именинница принимала поздравленія. Гости пили и ѣли усердно, признательно, и старушка была въ восторгѣ отъ ихъ аппетита и веселости. Но что подъ луною неизмѣнно? Въ 1839 году мамзели Вàлюндъ на водахъ уже не было! Ее замѣнилъ ученый въ кухонномъ дѣлѣ мужъ, благородной германской крови, выписанный изъ-за моря. У него все благовидно, чинно, изящно; но какъ не пожалѣть о прежней простотѣ и о твоемъ патріархальномъ гостепріимствѣ, добрая старушка?

Забавенъ былъ, въ то же время, первый, едва учрежденный дилижансъ. Представьте себѣ коляску въ видѣ лодки, съ двумя финскими Россинантами: впереди на высокомъ тронѣ возсѣдаетъ блѣдный, бѣлобрысый, улыбающійся возница въ черномъ фракѣ, въ безцвѣтномъ картузѣ и въ бѣломъ галстухѣ; въ шуѣ держитъ онъ бразды, а въ десной большую мѣдную трубу для возвѣщенія всѣмъ и каждому о своемъ прибытіи. Но видно, онъ не рожденъ музыкантомъ: труба, приложенная къ его губамъ, издаетъ какіе-то уморительно-заунывные, траги-комическіе звуки. Увы! и онъ исчезъ на слѣдующій годъ: теперь на козлахъ дилижансовъ сидятъ обыкновенные люди, и труба звучитъ, какъ труба! Вотъ проза старѣющей жизни: поэзія — удѣлъ одного дѣтства.

Не могу оставить заведенія водъ, не вспомнивъ человѣка, которому удалось видѣть только начало учрежденія, столь много обязаннаго неусыпнымъ его попеченіямъ. Я разумѣю покойнаго Бонсдорфа, профессора химіи при Александровскомъ университетѣ, пламенно любившаго науку и трудами своими снискавшаго въ ученомъ мірѣ справедливую славу. Наблюдая за составленіемъ искусственныхъ водъ и будучи однимъ изъ ревностнѣйшихъ подвижниковъ новаго заведенія, онъ въ запрошломъ лѣтѣ находился тамъ почти безпрерывно и обращалъ на себя общее вниманіе своею необыкновенною дѣятельностью, своими оригинальными пріемами и разговоромъ. Осенью того же года пріѣзжалъ онъ еще въ Петербургъ хлопотать объ успѣхѣ какого-то новаго предпріятія, но уже походилъ болѣе на тѣнь, нежели на человѣка, и вскорѣ по возвращеніи въ Гельсингфорсъ умеръ въ цвѣтущей порѣ. Многолѣтнія, слишкомъ напряженныя занятія и привычка отвѣдывать вещества, составлявшія предметъ его изслѣдованій, были, какъ полагаютъ, причиною столь ранней кончины. Какъ лучшую дань уваженія памяти Бонсдорфа, приведу небольшой отрывокъ изъ прекрасной надгробной рѣчи на шведскомъ языкѣ, произнесенной въ честь его г-мъ Цигнеусомъ.

„Упрекъ, часто дѣлаемый ученымъ — что они, сидя въ душныхъ стѣнахъ кабинета, мало видятъ и еще менѣе хотятъ видѣть то, что происходитъ въ свободной и здоровой атмосферѣ жизни дѣйствительной — этотъ упрекъ по крайней мѣрѣ вовсе не касается профессора Бонсдорфа. Что его усердіе къ наукѣ было живое, практическое, доказывается уже тѣмъ жаромъ, съ какимъ онъ обнималъ промышленную жизнь, въ послѣднее время пробудившуюся такъ неожиданно и такъ мощно въ нашемъ краѣ. Пролагая новые пути, она совершила предпріятія, которыя строгій разсудокъ, еще лѣтъ за двадцать тому назадъ, прямо отнесъ бы къ области химеръ. Изъ всѣхъ сихъ предпріятій едва-ли найдется одно, гдѣ бы онъ не участвовалъ всею, ему свойственною теплотою души. И всякій знаетъ, какъ мало онъ щадилъ

для нихъ трудовъ и издержекъ, какъ сильно радовался успѣхамъ сихъ начинаній. Онъ по справедливости видѣлъ въ нихъ не распространеніе пользы вещественной на счетъ духовной, но побѣду просвѣщенія надъ тяжкимъ сномъ невѣжества. Онъ видѣлъ въ нихъ открытіе обильныхъ источниковъ обогащенія Финляндіи, — источниковъ, безъ которыхъ (что̀ бы ни говорили противники этого мнѣнія) древо образованности всегда останется жалкимъ растеніемъ. Сколько благородныхъ, способныхъ подняться высоко и покрыть отечество своею широкою тѣнью, безвременно склоняются долу подъ игомъ горькой нужды и тяготятъ землю, которой могли бы служить украшеніемъ! Не должно однакожъ думать, что профессоръ Бонсдорфъ, удѣляя дѣятельность и познанія свои отважнымъ соображеніямъ промышленности, былъ побуждаемъ къ тому жаждою низкой прибыли. Корысть была, болѣе всего, чужда ему; въ его рукахъ химія никогда не превращалась въ алхимію. Напротивъ, онъ жертвовалъ общему благу своимъ наслѣдственнымъ, не маловажнымъ имѣніемъ такъ же ревностно, какъ другіе накопляютъ новое. Когда дѣло шло о пользѣ науки, никакая цѣна не казалась ему высокою, и онъ становился мотомъ. Но есть другіе, болѣе предосудительные виды расточительности.

„Еще большихъ издержекъ стоили ему почти безпрерывныя странствованія во всѣ тѣ края Европы, гдѣ можно было найти славное, священное для науки мѣсто. Сколько я знаю, ни одинъ ученый на цѣломъ сѣверѣ не показалъ и въ этомъ отношеніи такой неутомимой дѣятельности. Только-что геніальный Берцеліусъ, всегда признававшій чистосердечно заслуги его, успѣлъ посвятить Бонсдорфа въ глубокія таинства науки — онъ уже предпринялъ долгое путешествіе по землямъ, гдѣ издавна сіялъ алтарь ея. Въ мѣстахъ, гдѣ сливаются всѣ лучи естествознанія, въ Парижѣ и въ Лондонѣ, тамъ жилъ онъ преимущественно, слушалъ уроки величайшихъ въ мірѣ умовъ, и уже самъ, при всей своей молодости, былъ учителемъ. Но эти разъѣзды, послѣ которыхъ для всякаго другого потребовалось бы цѣлой жизни на отдохновеніе, были для него только приступомъ къ дальнѣйшимъ странствованіямъ. Внезапно пробуждается въ комъ-то высокая мысль: всѣхъ мужей, слѣдующихъ въ изученіи природы одному направленію, соединить болѣе тѣсными, болѣе живыми узами, нежели тѣ, какими связываютъ мертвыя буквы. Бонсдорфъ едва-ли не болѣе всѣхъ воспламеняется сею мыслію. Онъ спѣшитъ, часто съ разстроеннымъ здоровьемъ, въ города, избранные, такъ сказать, для размѣна знаній. Онъ появляется въ Гамбургѣ, въ Вѣнѣ, въ Штутгартѣ, въ Прагѣ. Съ уваженіемъ и похвалами внимаютъ голосу его собранные тамъ верховные жрецы науки, „привыкшіе, по словамъ поэта, разлагать твореніе въ горнилѣ“. О такомъ единодушномъ уваженіи къ Бонсдорфу ясно свидѣтельствуетъ то, что первыя ученыя общества стара-

лись присоединить его къ числу своихъ членовъ. О томъ же свидѣтельствуетъ, между прочимъ, и высшая премія, недавно присужденная ему академіею наукъ въ Стокгольмѣ".

Ученые труды Бонсдорфа состоятъ изъ мелкихъ, но по большой части высоко цѣнимыхъ сочиненій о разныхъ предметахъ химіи и минералогіи, на латинскомъ, нѣмецкомъ и шведскомъ языкахъ. Съ заслугами своего званія онъ соединялъ благородный, открытый, хотя и причудливый, характеръ. Онъ готовъ былъ раскрывать каждому всѣ свои планы и надежды, даже всѣ сокровища своихъ знаній, лишь бы видѣлъ участіе къ любимымъ своимъ занятіямъ. Живо помню его низенькую и сухощавую, ни на минуту не спокойную фигуру. Въ глазахъ его свѣтился неугасаемый огонь, черты лица играли безпрестанно и часто оживлялись еще болѣе улыбкою. Помню его шутки, странности и важность, съ какою онъ любилъ разсказывать, что берется во всякомъ обществѣ указать тѣхъ молодыхъ людей разнаго пола, между которыми, по извѣстнымъ только ему признакамъ, должно существовать взаимное сочувствіе или равнодушіе. Всѣ убѣждали его не таить отъ свѣта столь драгоцѣннаго открытія, и онъ съ тою же важностію продолжалъ, что, можетъ быть, со временемъ напишетъ о томъ что-нибудь. Но Бонсдорфъ умеръ, и его тайна пропала для человѣчества!

Начало заведенія водъ составитъ, безъ сомнѣнія, эпоху въ исторіи Гельсингфорса, а слѣдовательно и цѣлой Финляндіи. Еще важнѣе, въ этомъ отношеніи, было учрежденіе, три года тому назадъ, пароходства между Петербургомъ, Ревелемъ, Гельсингфорсомъ, Або и Стокгольмомъ. До тѣхъ поръ Финляндія, какъ страна, бѣдная собственными средствами, сильно ощущала недостатокъ сообщенія съ мѣстами, щедрѣе ея надѣленными отъ природы и отъ судьбы. Появленіе на Балтійскомъ морѣ пароходовъ: Storfursten и Furst Menschikoff вдругъ доставило южному берегу Финляндіи легкое и быстрое сообщеніе съ важными торговыми пунктами. Благодѣтельныя послѣдствія сей новости неисчислимы и съ каждымъ годомъ будутъ становиться примѣтнѣе. Прошедшею весною общество учрежденія финляндскихъ пароходовъ увидѣло себя въ необходимости возвысить плату за мѣста. Опытъ показалъ, что назначенныя первоначально цѣны не обезпечивали успѣха предпріятія. Такая перемѣна произвела было въ Финляндіи много разнообразныхъ сужденій; но, наконецъ, всѣ убѣдились, что мѣра эта была дѣйствительно нужна.

Прибытіе парохода составляетъ въ небольшомъ городѣ замѣчательное событіе. Такъ въ Гельсингфорсѣ всѣ уже напередъ занимаются имъ, дѣлаютъ догадки о числѣ будущихъ гостей, и въ урочный часъ вся набережная пристани покрывается народомъ. Малѣйшее замедленіе ожидаемыхъ посѣтителей возбуждаетъ уже толки и опасенія за

благоденствіе парохода, который однакожъ всегда, позднѣй или ранѣе, является на обычное мѣсто, и своимъ спокойнымъ величіемъ будто говоритъ: „какая буря сокрушитъ меня"?

Сверхъ Storfursten и Furst Menschikoff, Финляндія успѣла пріобрѣсти для домашняго употребленія еще нѣсколько пароходовъ меньшаго размѣра. Два изъ нихъ стоятъ въ пристани Гельсингфорса. Старшій — миніатюрный пароходецъ *Лéнтея* (Läntäja по-фински значитъ *летунъ*), который русскіе языки уже давно перекрестили, назвавъ очень справедливо *Лѣнтяемъ*. Это судно—не иное что, какъ дубовый елботъ на колесахъ и съ машиною, содержащею въ себѣ силу двухъ лошадей; а на скамьяхъ его можетъ помѣститься до 25-ти человѣкъ: въ томъ числѣ и два мальчика, изъ которыхъ одинъ правитъ рулемъ, а другой топитъ печь обыкновенными дровами. Лéнтея или, пожалуй, Лѣнтяй (usus tyrannus!) построенъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Стокгольмѣ; это образчикъ искусства воспитанниковъ тамошняго Технологическаго института. Назначеніе пароходца — облегчать сообщеніе съ заведеніемъ водъ и съ близлежащими островами, вообще съ окрестностями, и онъ исполняетъ свое дѣло хоть тихо, но очень исправно, NB. пока нѣтъ опаснѣйшаго врага его — противнаго вѣтра. Забавно смотрѣть на этого летуна, когда онъ въ полномъ ходу: онъ повидимому непомѣрно напрягаетъ свои силы, а подвигается — какъ утенокъ. Но и онъ въ случаѣ надобности умѣетъ быть грознымъ: на то у него двѣ пушки, какъ самъ онъ, исполинскія и всегда готовыя разразиться страшнымъ ревомъ. Слышно что Лéнтея, наскучивъ шутками, которыя со всѣхъ сторонъ сыплются на него, намѣренъ къ будущему лѣту совершенно преобразиться и принять видъ, болѣе способный внушать уваженіе.

Товарищъ его, пароходъ *Гельсингфорсъ*, силою равный 8-ми лошадямъ, замѣчателенъ, какъ первое въ этомъ родѣ произведеніе финляндскаго желѣзнаго завода Фискарсъ (Fischars), находящагося между Гельсингфорсомъ и Або. Этому пароходу назначено содержать сообщеніе между приморскими городами Финляндіи, отъ ея столицы до Выборга; но, къ сожалѣнію, онъ, какъ всякій первый опытъ, до сихъ поръ не вполнѣ достигалъ цѣли, подвергая иногда пассажировъ своихъ приключеніямъ, не совсѣмъ пріятнымъ. Поэтому и предположено замѣнить его новымъ, въ Стокгольмѣ заказаннымъ пароходомъ.

Въ Або есть также небольшой пароходъ, называемый (по имени тамошней рѣки) *Аура* и служащій собственно для прогулокъ. Наконецъ, и городъ Улеаборгъ имѣетъ пароходъ своего же имени (силою въ 30 лошадей), плавающій между Або и Торнео. Такимъ образомъ, теперь можно обойти весь берегъ Финляндіи, отъ Выборга до Торнео, на пароходѣ, и любознательнымъ доставлено удобное средство посмотрѣть на беззакатное или полуночное солнце (midnattssolen). Жаль

только, что лапландское свѣтило не всегда платитъ своимъ гостямъ тѣмъ же вниманіемъ, какое они ему оказываютъ, и иногда вовсе не удостоиваетъ ихъ хотя минутнымъ появленіемъ изъ-за своей непраздничной завѣсы.

Финны издавна слывутъ искусными и отважными мореходцами; до завоеванія ихъ шведами, они на легкихъ судахъ своихъ часто сражались въ Финскомъ заливѣ съ скандинавскими грабителями и даже неоднократно распространяли ужасъ на берегахъ самой Швеціи; по всей вѣроятности, карелы, т. е. восточные Финны, участвовали въ знаменитомъ разореніи Сигтуны. И въ наше время финскіе моряки отличаются знаніемъ своего дѣла и рѣдкимъ присутствіемъ духа. Отвага ихъ выходитъ иногда изъ границъ благоразумія. Мнѣ случилось однажды плыть по шхерамъ на чухонскомъ кораблѣ, возвращавшемся въ Петербургъ безъ клади и даже безъ балласта. Послѣдняго обстоятельства пассажиры, разумѣется, не знали, пока ночная буря не понесла ихъ назадъ, ежеминутно грозя разбить утлое судно о какой-нибудь подводный камень. Пріятность нашего положенія еще увеличивалась отъ разныхъ постороннихъ обстоятельствъ. Каюта, гдѣ нельзя было почти „ни стать, ни сѣсть", ни даже укрыться отъ дождя; вмѣсто постелей нѣсколько темныхъ, смрадныхъ клѣтокъ, устланныхъ грязными доспѣхами матросовъ; ни пищи, ни питья, кромѣ сыру да воды, ни общества, кромѣ двухъ гадкихъ кухарокъ, да къ счастію, добраго товарища; наконецъ произволъ угрюмаго шкипера, который въ бурю самъ не зналъ что̀ дѣлать и только съ судорожнымъ безпокойствомъ жевалъ свой табакъ, а въ тишь останавливался у всякаго острова для посѣщенія своихъ пріятелей рыбаковъ: вотъ наслажденія, испытанныя нами на чухонскомъ кораблѣ! За то и благословили мы судьбу, когда на одномъ пустынномъ островѣ нашелся сострадательный рыбакъ, который взялся, на своемъ ненадежномъ челнѣ, въ бурю, доставить насъ на ближній берегъ, бывшій только верстахъ въ трехъ оттуда. Высоко прядалъ челнокъ, дождь и брызги волнъ ни на мигъ не давали покоя бѣднымъ мореплавателямъ; но при всемъ томъ они радовались болѣе и болѣе по мѣрѣ того, какъ ненавистный корабль терялся въ отдаленіи...

Умноженіе пароходовъ на финскихъ берегахъ свидѣтельствуетъ о промышленномъ духѣ Финляндіи и ручается за быстрое въ ней возрастаніе народнаго богатства. Но фабричная промышленность еще не успѣла значительно подняться тамъ надъ тою низкою степенью, на которую ее поставили, въ теченіе вѣковъ, разныя неблагопріятныя обстоятельства. Недостатокъ капиталовъ и низкая пошлина, положенная на ввозимые изъ-за границы товары: вотъ главныя изъ причинъ, препятствовавшихъ въ новѣйшее время процвѣтанію мануфактуръ въ

Финляндіи [1]). Мудрое правительство не перестаетъ заботиться объ улучшеніи, и по этой части, ея состоянія.

Съ наступленіемъ лѣта многіе жители Гельсингфорса переселяются на мызы, болѣе или менѣе отдаленныя, и тамъ предаются то тихимъ сельскимъ забавамъ, то пріятнымъ заботамъ объ улучшеніи своего хозяйства. Такія мызы составляютъ, большею частію, ихъ собственность, и по уединенному, часто живописному положенію даютъ возможность дѣйствительно отдыхать отъ городскихъ тревогъ и вполнѣ наслаждаться природою. Въ то же время часть войска уходитъ въ лагерь, и въ Гельсингфорсѣ открывалась бы ощутительная пустота, еслибъ цѣлебныя воды и различныя удобства не привлекали сюда въ лѣтнюю пору множества иногородныхъ жителей. Вмѣстѣ съ ними, какъ ласточки съ весною, являются въ финляндской столицѣ разнаго рода артисты: мелкія знаменитости петербургскихъ и стокгольмскихъ театровъ, провинціальные актеры и акробаты, доморощенные геніи и т. п., и все это пользуется здѣсь пріемомъ, болѣе или менѣе благосклоннымъ. Имена нѣкогда гремѣвшія, но уже забытыя на берегахъ Невы, здѣсь обращаютъ въ свою пользу непреложный законъ природы, что эхо еще раздается, когда самый звукъ, его родившій, уже замеръ. Надобно сознаться, что эстетическое чувство еще мало находитъ пищи въ Финляндіи. Тамъ факелъ искусствъ и художествъ всегда горѣлъ тускло. И станемъ ли мы удивляться тому, когда раскроемъ кровавыя скрижали страны, которую въ продолженіе вѣковъ (пока Провидѣніе не ввѣрило ея Россіи) безпрерывно оспаривали другъ у друга всевозможныя бѣдствія: и война, и корысть намѣстниковъ, и голодъ и язва? Немногія картины и изваянія, кое-гдѣ мелькающія въ тамошнихъ городахъ, какъ-бы заблудясь попали туда. Сколько знаю, въ Финляндіи родились только два артиста, достойные упоминанія: живописецъ Лауреусъ (Lauraeus, ум. въ 1823 г.) и композиторъ Крусель (Crusell, ум. въ 1838 г.); но и тѣ, при первомъ сознаніи таланта, покинули скудную родину и продолжали свое развитіе въ Швеціи и въ другихъ земляхъ. Не болѣе четырехъ или пяти картинъ Лауреуса можно встрѣтить въ самомъ его отечествѣ. Только божественная поэзія, по особенной щедрости природы, издревле была наслѣднымъ сокровищемъ Финляндіи. Независимо отъ множества народныхъ, безыменныхъ пѣвцовъ, составляющихъ достояніе собственно-финскаго слова, она произвела нѣсколько поэтовъ, украсившихъ своими именами литературу шведскую. Таковы были въ прошедшемъ вѣкѣ графъ Крейцъ и Кореусъ; таковы еще теперь Францѣнъ и Рунебергъ.

Есть въ Гельсингфорсѣ театръ; но онъ ни самъ собою, ни сценой вовсе не удовлетворяетъ любителей изящнаго. Деревянныя стѣны его

[1]) См. Отчетъ министра статсъ-секретаря В. К. за 1836 г.

носятъ уже слишкомъ явные слѣды времени, а нагота внутренности какъ-то не располагаетъ къ веселью. Зато зрѣлища, даже и плачевныя, по большей части входятъ въ область комическаго, и еще тѣмъ драгоцѣнны, что нерѣдко соединяютъ въ себѣ вдругъ всѣ роды искусствъ: за два рубля наслаждаетесь вы и драматическимъ представленіемъ, и балетомъ, и вокальнымъ и инструментальнымъ концертомъ. Впрочемъ, концерты даются и особо то въ полукруглой университетской залѣ, то въ такъ называемомъ Societätshus — гостинницѣ для пріѣзжихъ, съ залою для публичныхъ собраній [1]). Обѣ залы превосходны, но усладительные звуки въ нихъ — увы! — такъ же рѣдки, какъ соловьи въ сѣверныхъ лѣсахъ.

Въ Финляндіи денегъ мало, богачей въ полномъ смыслѣ нѣтъ; но роскошь постепенно пролагаетъ себѣ путь и туда. Это наиболѣе замѣтно въ Гельсингфорсѣ, гдѣ цѣны на всѣ предметы высоки въ сравненіи съ цѣнами въ другихъ мѣстахъ Великаго Княжества. Отъ того житель провинціальнаго городка Финляндіи, побывавъ нѣсколько времени въ ея столицѣ, горько негодуетъ и жалуется на тамошнюю разорительную дороговизну! Въ гельсингфорскихъ домахъ роскошь является всего блистательнѣе зимою, когда высшее общество не разсѣяно по дачамъ и когда, какъ увѣряютъ жители, почти ежедневные балы и вечеринки мало уступаютъ нашимъ, особенно по части нарядовъ. Но гораздо чувствительнѣе для Гельсингфорса роскошь, такъ сказать, ввозная, та роскошь, которая каждое лѣто въ нѣсколько пріемовъ врывается сюда обильнымъ потокомъ на пароходахъ, въ кошелькахъ и бумажникахъ невскихъ. Тогда сидѣльцамъ гельсингфорсскимъ не до отдыха, и локоть (aln, замѣняющій нашъ аршинъ) рѣдко выходитъ изъ рукъ ихъ. Въ городѣ пять или шесть галантерейныхъ магазиновъ пользуются особенною славой; что они не поражаютъ блескомъ убранства, въ томъ бѣды нѣтъ; но жаль, что хозяева ихъ, для собственныхъ своихъ выгодъ, не позаботятся болѣе объ обиліи и разнообразіи товаровъ. Отличительнаго въ этихъ магазинахъ только нѣкоторая дешевизна, смѣшеніе всякой всячины, примѣрная честность продавцевъ, наконецъ отсутствіе, по большой части, вывѣсокъ. Есть и много русскихъ лавокъ, но онѣ почти исключительно удовлетворяютъ потребностямъ низшихъ сословій. Модныхъ магазиновъ очень мало, да и тѣ таковы, что заставляютъ дамъ лучшаго круга выписывать свои уборы изъ Петербурга.

Деньги финляндскія могутъ озадачить незнакомаго съ ними. Изъ общихъ русскихъ денегъ тамъ наиболѣе ходятъ ассигнаціи и мѣдная

[1]) Это лучшій изъ гельсингфорсскихъ трактировъ: онъ отличается отъ другихъ еще и тѣмъ, что здѣсь посѣтители обѣдаютъ за table d'hôte, а прислуживаютъ въ немъ мужчины.

монета; серебра же почти вовсе не видно. Изрѣдка встрѣчаются старыя шведскія бумажки и мѣдные шиллинги (skilling — $2^1/_2$ к. асс.); но всего обыкновеннѣе выпускаемыя особо для Финляндіи маленькія ассигнаціи отъ 20 коп. до 2 руб., не совсѣмъ удобныя, когда надобно имѣть съ собою большой запасъ ихъ, напримѣръ въ дорогѣ. Въ отношеніи къ достатку замѣтно между городскими жителями Финляндіи болѣе равенства и отъ того менѣе рѣзкихъ границъ между состояніями, нежели во всякой другой странѣ. Разумѣется, впрочемъ, что Гельсингфорсъ, гдѣ все носитъ нѣкоторую тѣнь столичной жизни, въ меньшей степени подходитъ подъ это замѣчаніе.

Какъ вообще жители городовъ финляндскихъ, такъ и жители Гельсингфорса, которыхъ считается болѣе 14 т. (въ томъ числѣ до 260 православныхъ), состоятъ преимущественно изъ природныхъ финляндцевъ; но языкъ, между ними господствующій, языкъ мѣстнаго правительства, школъ и литературы есть шведскій. Только въ Выборгской губерніи наиболѣе употребителенъ нѣмецкій, который введенъ тамъ и во всѣхъ училищахъ.

Финны, при покореніи ихъ въ XII столѣтіи шведами, стояли на гораздо низшей степени образованности, нежели побѣдители, и потому все, что входитъ въ составъ гражданскаго быта, вскорѣ приняло въ Финляндіи формы шведскія, тѣмъ болѣе, что завоеватели утвердили здѣсь, хотя огнемъ и мечемъ, Евангеліе. Чтобы упрочить въ новой провинціи свое владычество, шведскіе государи начали заселять берега Финскаго и Ботническаго заливовъ своими коренными подданными, и вотъ что еще болѣе способствовало распространенію между финнами языка и обычаевъ шведскихъ. Богатый во многихъ отношеніяхъ, финскій языкъ сохранилъ всю свою чистоту только въ устахъ крестьянъ, живущихъ на довольно значительномъ разстояніи отъ селеній чужеземныхъ; финны же, близъ береговъ обитающіе, перенимая языкъ пришельцевъ, съ тѣмъ вмѣстѣ искажали свой собственный. Становясь въ то же время болѣе и болѣе чуждымъ для высшихъ сословій народа и даже презрительнымъ въ глазахъ ихъ, онъ наконецъ постепенно вышелъ изъ употребленія въ городахъ, гдѣ и знаютъ его очень немногіе. Изъ дворянъ на немъ могутъ объясняться тѣ только, которые, владѣя мызами во внутренности края, или по другимъ обстоятельствамъ, съ дѣтства имѣли случай говорить по-фински [1]). Даже фамильныя имена

[1]) Здѣсь мы позволимъ себѣ сдѣлать мимоходомъ нѣсколько замѣчаній о финскомъ языкѣ. У насъ имѣютъ о немъ столь невѣрное понятіе, что многіе считаютъ его въ родствѣ со шведскимъ, тогда какъ между двумя этими языками нѣтъ рѣшительно ничего общаго. Финскій, вышедшій очевидно изъ Азіи, отличается богатствомъ формъ и органическимъ развитіемъ. Финскія слова, рѣдко односложныя, по большей части очень длинны и заключаютъ въ себѣ много гласныхъ буквъ, между которыхъ согласныя не любятъ стоять одна возлѣ другой; а въ началѣ словъ онѣ никогда не

финляндцевъ заимствованы по большей части изъ Швеціи. Въ разное время прибывали въ финскіе города на житье шведы, нѣмцы и датчане; но число этихъ переселенцевъ (за исключеніемъ приходившихъ въ Выборгскую губернію) никогда не было велико, и потомки ихъ совершенно слились, въ теченіе вѣковъ, съ природными жителями. Теперь все шведское населеніе въ Финляндіи почти ограничивается колонистами, занимающими по берегу цѣлыя села, да въ городахъ тѣми изъ жителей, которые происходятъ отъ этихъ колонистовъ.

Русскихъ, если не считать военныхъ, не можетъ быть много въ Финляндіи: большая часть ея еще такъ недавно вошла въ составъ Имперіи. Только купцовъ нашихъ уже довольно разсѣяно въ тамошнихъ городахъ, особенно въ Гельсингфорсѣ. Всего болѣе русскихъ въ Выборгской губерніи, гдѣ они составляютъ половину всѣхъ городскихъ жителей, которыхъ болѣе 12000 [1]). Это объясняется довольно отдаленнымъ уже временемъ присоединенія къ Россіи юго-восточнаго края Финляндіи.

Заглянемъ теперь, сколько то возможно безъ нескромнаго любопытства, во внутренность жилищъ и въ подробности домашняго быта финляндцевъ. Въ сѣняхъ на двери, служащей главнымъ входомъ, ви-

соединяются вмѣстѣ. За то гласныя сливаются всячески одна съ другою, и языкъ представляетъ до 23 двугласныхъ (diphthongi). Отъ этихъ свойствъ онъ очень благозвученъ, тѣмъ болѣе, что всѣ гласныя, въ одномъ и томъ же словѣ находящіяся, обыкновенно однородны: ä, напр., во многихъ случаяхъ исключаетъ *ö*, *o* не терпитъ *ö*. Всѣ части рѣчи необычайно обильны видоизмѣненіями. Имена существительныя имѣютъ до 16-ти падежей, и при склоненіи ихъ употребляются не предлоги, которыхъ въ языкѣ нѣтъ, а частицы, поставляемыя въ концѣ словъ. Какъ существительныя, такъ и прилагательныя принимаютъ уменьшительную и увеличительную степени, и въ этомъ отношеніи изумляютъ также безчисленнымъ множествомъ видоизмѣненій. Въ глаголахъ финскихъ количество видовъ такъ велико, что до сихъ поръ всѣхъ ихъ еще не успѣли опредѣлить, къ чему присоединяется столь же необыкновенное обиліе въ наклоненіяхъ. Гибкость языка въ сочетаніи словъ простирается до того, что пофински можно выразить, хотя и весьма длиннымъ словомъ, мысль, которая на всякомъ другомъ языкѣ потребовала бы цѣлаго предложенія. Вотъ еще двѣ странныя особенности финскаго: въ немъ нѣтъ родовъ; а въ различныхъ сочетаніяхъ понятій и звуковъ все главное ставится напередъ. Отъ того удареніе словъ бываетъ всегда на первомъ слогѣ, отъ того, когда глаголъ употребляется отрицательно, частица отрицанія полагается назади, и ужъ не глаголъ, а она спрягается; такъ точно притяжательное мѣстоименіе всегда присоединяется къ концу имени и при склоненіи принимаетъ окончанія его падежей; такъ-же точно въ стихахъ риѳма, какъ важная ихъ принадлежность, не оканчиваетъ, а начинаетъ слова, т. е. превращается въ *аллитерацію* и въ *ассонансъ*. Если мы прибавимъ ко всему этому многія внутреннія преимущества финскаго языка, то по справедливости отнесемъ его къ разряду самыхъ счастливыхъ языковъ древняго и новѣйшаго времени.

[1]) См. Statistische Darstellung des Gross-Fürstenthums Finnland von D-r Rein. Helsingfors, 1839. Двѣ главы изъ этой небольшой книжки напечатаны на русскомъ языкѣ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1839 года за октябрь, подъ заглавіемъ: „Жители и просвѣщеніе въ В. К. Финляндіи“.

ситъ у многихъ небольшой жестяной ящикъ съ отверстіемъ вверху и съ надписью: Låda för visit-kort (ящикъ для визитныхъ картъ). Туда посѣтитель, если дверь замкнута, опускаетъ свою карточку, никого не безпокоя напрасно. Обычай, который, право, заслуживаетъ подражанія и часто можетъ быть очень благодѣтельнымъ и для хозяина и для гостя, избавляя обоихъ отъ *желаннаго* лицезрѣнія. Но въ Финляндіи, гдѣ нравы еще не достигли современной утонченности, обычай этотъ конечно установленъ не съ такой человѣколюбивой цѣлью, а происходитъ только отъ скудости въ прислугѣ. Число челяди рѣдко выходитъ здѣсь за предѣлы строгой необходимости и во многихъ домахъ ограничивается одною или двумя служанками. Лакей есть ужъ признакъ нѣкоторой роскоши, да и ему часто не стаетъ двухъ рукъ, особенно когда онъ служитъ домашнимъ factotum и иногда, для разнообразія, долженъ промѣнивать прихожую на конюшню и на козлы. И какъ онъ, при всемъ томъ, умѣренъ въ своихъ требованіяхъ! Здѣсь слуги условливаются въ платѣ на цѣлый годъ. Прихожая (tambour) въ домахъ незажиточныхъ есть рѣдкость, и холодныя сѣни составляютъ по большей части единственный переходъ со двора въ покои. Прибавьте къ тому, что у печекъ нѣтъ вьюшекъ: труба закрывается посредствомъ небольшой желѣзной доски, до которой нельзя достать рукой и которую двигаютъ взадъ и впередъ висящими снурками. Такимъ образомъ наши сѣверо-западные братья хуже, нежели мы, защищаются противъ общей нашей гостьи, зимы. Но какъ-будто въ вознагражденіе этой безпечности, они въ своихъ столовыхъ снабжаютъ печки небольшимъ шкапикомъ или нишей съ дверцами и полками, на которыхъ держатъ зимою тарелки и блюда. У людей изъ низшихъ и среднихъ сословій непремѣнною принадлежностью опрятныхъ комнатъ является ельникъ (granris), то разсыпанный на полу, то собранный въ песочницѣ. Между мебелью замѣчателенъ для насъ, какъ вещь въ нашемъ быту необыкновенная, такъ называемый качальный стулъ (gungstol), кресло, утвержденное на двухъ округленныхъ снизу подставкахъ. Въ Гельсингфорсѣ оно не такъ употребительно, какъ въ другихъ, меньшихъ городахъ, гдѣ флегматическій домосѣдъ любитъ предаваться нѣгѣ усыпительнаго движенія. Лѣтомъ встрѣтите вы почти въ каждомъ домѣ еще предметъ, мало извѣстный у насъ: небольшую палку съ дымковымъ мѣшкомъ или кожанымъ кругомъ на одномъ концѣ ея; это оружіе для истребленія мухъ, доставляющее иногда пріятное и полезное препровожденіе времени!

Бытъ финляндцевъ, отзывающійся вообще лѣнью житья провинціальнаго, представляетъ нѣкоторыя любопытныя для насъ черты. Разумѣется, что здѣсь не все можно распространить и на высшій кругъ, гдѣ много мѣстныхъ привычекъ изгнано и приняты отчасти формы общей европейской жизни. День начинаютъ питьемъ кофе,

который обыкновенно разносится при самомъ пробужденіи; а вскорѣ послѣ того семья собирается къ завтраку. Обѣдаютъ въ двѣнадцать часовъ, въ часъ, а нѣкоторые изъ людей знатныхъ и въ три. Народная кухня есть шведская, которой господствующій характеръ—сладость. Такъ избалованы въ своемъ вкусѣ шведы, потомки суровыхъ скандинавовъ! или страсть къ сахару во внукахъ должно объяснять слабостью дѣдовъ къ меду, ихъ главному напитку? Предоставляемъ ученымъ посвятить себя изслѣдованію столь глубокомысленнаго вопроса. Мы же будемъ довольствоваться одними фактами: между сосѣдями нашими многіе не могутъ обойтись безъ сахара даже въ бульонѣ и мясѣ; въ трактирахъ маленькія вазы съ сахаромъ украшаютъ всякій обѣденный столъ, котораго важную принадлежность составляетъ сверхъ того рыба, тогда какъ хорошая говядина рѣдкость. Наиболѣе употребляемый хлѣбъ чрезвычайно жёстокъ. Простой народъ печетъ его изъ ржаной муки въ видѣ большихъ круглыхъ лепешекъ, въ рединѣ которыхъ вырѣзывается кружокъ [1]). Приготовивъ вдругъ большой запасъ такого хлѣба — это бываетъ обыкновенно два раза въ годъ, — его нанизываютъ на длинные шесты, протянутые въ избѣ или въ кухнѣ высоко надъ головою. Тамъ онъ сохнетъ и снимается съ шестовъ по мѣрѣ надобности. Увѣряютъ, что этому хлѣбу простолюдины финляндскіе обязаны красотою своихъ зубовъ. Другой родъ крѣпкаго хлѣба, который встрѣчается и на всѣхъ городскихъ столахъ, есть такъ называемый knäckebröd, полубѣлый, прѣсный и какъ дощечка тонкій; его пекутъ въ видѣ большихъ круговъ, послѣ разламываемыхъ на неправильные куски. Многіе вовсе не ѣдятъ другого хлѣба; однакожъ рядомъ съ нимъ является почти вездѣ и мягкій. Любимую пищу составляютъ также разнаго рода сухари, вовсе не похожіе на наши. Между произведеніями булочнаго мастерства одно имѣетъ здѣсь иногда совершенно особенное назначеніе. Если вамъ случится встрѣтить на улицѣ прохожаго съ порядочнымъ кренделемъ въ рукѣ, не удивляйтесь тому: значитъ, что онъ идетъ съ похоронъ — обряда, во время котораго гостямъ обыкновенно подаютъ при чаѣ подобный хлѣбъ, и гости уносятъ его съ собой.

Тотчасъ послѣ стола соблюдается иногда въ шутку старинный и странный обычай: одинъ изъ сотрапезниковъ подбѣгаетъ изподтишка къ другому (хотя и къ дамѣ) и слегка ударяетъ его по плечу, приговаривая: matklapp (*mat* пища, *klapp* ударъ)! Потомъ пьютъ во второй разъ кофе — зелье, вообще страстно любимое финляндцами. Въ одномъ городкѣ жилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ старичекъ, который съ утра до вечера пилъ кофе и осушалъ до 50-ти чашекъ въ

[1]) Оттого этотъ хлѣбъ и называется по-шведски hålkaka (*hål* дыра, *kaka* пирогъ).

день. За то чай, котораго утромъ почти никто не пьетъ, не составляетъ и вечеромъ общей потребности или прихоти: у нѣкоторыхъ является онъ только при гостяхъ. Вскорѣ послѣ него мужчинъ потчеваютъ напиткомъ, извѣстнымъ подъ именемъ *тодди:* подносятъ стаканы, въ которыхъ налитую уже малую долю сахарной воды каждый *разводитъ* коньякомъ или чѣмъ-нибудь подобнымъ изъ стоящей рядомъ бутылки. Наконецъ день и труды его вѣнчаются ужиномъ; тутъ очень употребительно вареное молоко, подаваемое въ стаканахъ и иногда смѣшанное съ пивомъ (ölost). Между этими главными пріемами пищи случаются — что впрочемъ теперь почти вездѣ ужъ вывелось — еще чрезвычайныя закуски (mellanmål, klockan sex). Водка или такъ называемое sup (шнапсъ) есть необходимое вступленіе къ каждому завтраку, обѣду и ужину; ее ставятъ или на особый *водочный* столикъ (bränn-vinsbord), или, проще, на тотъ же столъ, за которымъ кушаютъ и откуда ее уносятъ, когда она болѣе не нужна. Вино, въ свою очередь, льется обильно, при чемъ, для взаимнаго поощренія, каждый, поднося рюмку къ губамъ, подаетъ кому-нибудь изъ застольниковъ знакъ, что пьетъ его здоровье, или даже приговариваетъ: skål (зн. собственно *чаша, тостъ*). Привѣтствуемый непремѣнно долженъ отвѣчать дѣломъ и никакъ не отставать отъ вызывающаго, даже въ количествѣ пріема. Еще болѣе употребляется пиво, то крѣпкое (öl), то слабое (svagdricka). Въ приготовленіи его финляндцы издавна отличаются такимъ искусствомъ, что шведскій король Іоаннъ III, большой охотникъ до этого напитка, всегда выписывалъ его изъ Або. Для прохлажденія пьютъ во всякое время воду съ молокомъ, или *kallskål*, смѣсь сахарной воды съ виномъ и съ лимономъ.

Отъ этихъ внѣшнихъ подробностей надлежало бы перейти ко внутренней сторонѣ нравовъ финляндскихъ; но съ нею не такъ легко ознакомиться въ короткое время, и мы, не смѣя произносить рѣшительнаго суда о характерѣ городскихъ жителей, скажемъ только, что до сихъ поръ скудость средствъ служила имъ, можетъ быть, благотворнымъ покровомъ отъ множества золъ и пороковъ. Какъ въ жизни частныхъ людей, такъ и въ жизни обществъ изобиліе и блестящая судьба не всегда бываютъ лучшимъ средствомъ къ охраненію семейныхъ добродѣтелей и чистоты нравственности. То несомнѣнно, что заботливое, глубоко-религіозное воспитаніе, соединенное съ основательнымъ ученіемъ, готовитъ намъ въ финляндцахъ согражданъ отличныхъ и полезныхъ для Россіи. Врожденная въ нихъ флегма и степенность духа, несовмѣстная съ суетностью, дѣлаютъ ихъ чрезвычайно способными къ занятіямъ, требующимъ не столько живости и быстроты ума, сколько постоянства, терпѣнія и проницательности. Они дѣйствуютъ медленно, но тѣмъ добросовѣстнѣе и надежнѣе. Характеръ общества въ городахъ малолюдныхъ представляетъ вездѣ болѣе или менѣе сходныя

между собою черты, какъ съ хорошей, такъ и съ дурной стороны. Жители Гельсингфорса жалуются между прочимъ на отсутствіе непринужденности въ ихъ кругахъ: дѣйствительно, самый языкъ шведскій нѣкоторыми изъ своихъ особенностей обличаетъ въ народномъ характерѣ наклонность къ стѣснительнымъ обрядамъ; изъ Швеціи она должна была перейти и въ Финляндію, гдѣ при извѣстныхъ условіяхъ не могла исчезнуть совершенно.

Въ шведскомъ языкѣ нѣтъ мѣстоименія, которое бы вполнѣ соотвѣтствовало нашему *вы*, обращаешься ли къ одной или къ нѣсколькимъ особамъ. Того, съ кѣмъ разговариваешь (если взаимныя отношенія не позволяютъ употреблять *ты*), должно называть по чину или званію его въ 3-мъ лицѣ, какъ-будто бы дѣло шло объ отсутствующемъ. Напримѣръ, вмѣсто: гдѣ вы были? надобно говорить: гдѣ былъ г. поручикъ, г. статскій совѣтникъ, г. купецъ? А при обращеніи ко многимъ принято означать ихъ собирательнымъ именемъ: *herrskapet* (какъ бы *собраніе господъ*, die Herrschaft). Правда, есть слово, выражающее *вы*, именно *Ni*, но оно слышится только въ разговорѣ съ человѣкомъ низкаго званія или между людьми разнаго пола. Будучи же сказано чужому или и знакомому, но не близкому вамъ лицу, это словечко можетъ сдѣлаться очень оскорбительнымъ и подвергнуть васъ непріятности. Такимъ образомъ, прежде вступленія въ разговоръ съ неизвѣстнымъ человѣкомъ, надобно непремѣнно узнать, по шведскому выраженію, его титулъ (titel) или званіе (karaktér). Если же крайность принудитъ завести съ кѣмъ-нибудь рѣчь, не развѣдавъ того, въ такомъ случаѣ позволительно сказать *min herre* (государь мой); но это ужъ не совсѣмъ въ порядкѣ. Шведская страсть къ титулованію доходитъ до того, что даже пожилыхъ или замужнихъ служанокъ отличаютъ названіемъ *Madam*.

Въ Швеціи такая слабость господствуетъ еще въ высшей степени: говорятъ, что въ Стокгольмѣ многіе благоразумные люди старались не разъ доставить мѣстоименію *Ni* истинныя его права̀, но всѣ попытки остались тщетными. Явленіе тѣмъ болѣе странное, что датчане и норвежцы, подобно нѣмцамъ, имѣютъ слово для выраженія 2-го лица множ. числа, т. е. мѣстоименіе *они* (de, sie).

Но это самое неудобство въ разговорѣ дало происхожденіе прекрасному обычаю. Желая избѣгнуть напраснаго стѣсненія, люди, которые видятся часто, переходятъ очень легко на *ты*: тому должно предшествовать вступленіе въ *братство* за бутылкою добраго вина, что̀ и называется *пить тостъ братства* (dricka brorskål). Два пріятеля, свивъ правыя руки, вооруженныя двумя полными рюмками, пьютъ вино и обѣщаютъ быть братьями, пока они останутся честными людьми (så länge vi äro hederliga karlar). Съ той минуты исчезаютъ во взаимномъ ихъ обращеніи всѣ принужденныя формы, они называютъ другъ друга братьями, и скучное титулованіе смѣняется чистосердечнымъ *ты*.

6

Въ общественномъ быту финляндцы могутъ похвалиться особеннымъ гостепріимствомъ: званые пиры между ними если не часты, за то несомнѣнно показываютъ желаніе хозяевъ не щадить ничего для угожденія гостямъ. Между такъ называемыми kalas, т. е. пирушками, едва-ли не всего обыкновеннѣе и вмѣстѣ оригинальнѣе *кофейныя* собранія (kaffe). Черезъ нѣсколько часовъ послѣ обѣда приглашенные сходятся на кофе, который и пьютъ въ большомъ изобиліи. Здѣсь самую значительную часть общества составляютъ дамы; кавалеровъ же зовутъ въ маломъ числѣ, какъ бы только для увеселенія дамъ, почему провинціальное остроуміе и отмѣтило мужчинъ, присутствующихъ на *кофейныхъ* пирушкахъ, названіемъ *рыбьяго клея* (kaffe-skinn), который, какъ извѣстно, служитъ къ очищенію аравійскаго напитка.

Послѣ всякой пирушки гость, при первой встрѣчѣ съ хозяиномъ, привѣтствуетъ его словами: Tack för sist (спасибо за намеднешнее)! На шведскомъ языкѣ, какъ и на многихъ другихъ, есть также слово, которымъ хозяинъ выражаетъ свое радушіе при входѣ къ нему гостя, именно: *välkommen* (bien venu, willkommen). Прекрасное прилагательное, къ сожалѣнію не существующее у насъ [1]).

Изъ праздниковъ святки издавна составляютъ въ Финляндіи, какъ въ Скандинавіи, время, преимущественно посвященное семейнымъ увеселеніямъ. Еще у языческихъ норманновъ совершались, около этой поры, именно въ періодъ *зимняго солнцестоянія*, пиры, продолжавшіеся нѣсколько дней сряду. Они назывались *jul* (можетъ быть, отъ hjul, колесо, съ движеніемъ котораго сравниваютъ вращеніе года). Со введеніемъ христіанства въ Скандинавіи, и важность и названіе этихъ пиршествъ перешли на Рождество. И въ Финляндіи въ это время родные и друзья прилежно посѣщаютъ другъ друга; а наканунѣ перваго праздника, вечеромъ (julqväll), почти во всякомъ семейномъ домѣ собираются пріятели и дарятъ одинъ другого. Освѣщенная и разукрашенная ёлка приготовляется только для дѣтей; взрослые же иначе мѣняются подарками (julklapp). Обыкновенно доставляются такія вещи въ запечатанныхъ пакетахъ съ надписью, кому онѣ назначаются, съ девизами или стихами. Часто даритель бросаетъ ихъ въ дверь и самъ исчезаетъ, или онъ является въ комнату съ пустыми руками, оставивъ слугѣ принесенный пакетъ съ порученіемъ вбросить его послѣ. Влетающій даръ подымается кѣмъ-нибудь изъ общества, который и передаетъ его по надписи. Не смотря на такую таинственность, приноситель рѣдко остается неизвѣстнымъ. Къ дѣтямъ подсылается иногда съ подарками человѣкъ, одѣтый въ мѣхъ или въ другой какой-нибудь странный нарядъ, и этого оборотня маленькое племя называетъ julbock. Изъ общественныхъ игръ мнѣ удалось видѣть здѣсь только *горѣлки*,

[1]) Оно соотвѣтствуетъ нашему привѣтствію: *добро пожаловать!*

называемыя по-шведски *вдовьею игрою* (enklek); *быть вдовой* значитъ по-нашему *горѣть*.

Въ отношеніи къ образованности, въ Финляндіи нѣтъ слишкомъ рѣзкаго различія между сословіями. Первыя начала ея распространены даже въ простомъ народѣ; но и высшее университетское образованіе очень обыкновенно. Почти каждый отецъ семейства, какого бы званія онъ ни былъ (если только имѣетъ къ тому средства), посылаетъ сына своего въ школу, а оттуда въ университетъ. Молодой человѣкъ, озаряя душу свѣтомъ наукъ, часто борется съ нуждою въ обители ихъ; вотъ почему всякому студенту въ университетѣ и въ гимназіяхъ позволяется, прервавъ ученіе, года на два уѣхать во внутренность края, чтобы посредствомъ уроковъ снискать себѣ способы дальнѣйшаго воспитанія. И вотъ какое-нибудь благочестивое семейство, живущее въ глуши далекаго прихода, принимаетъ юношу на своей уединенной мызѣ. Скромный наставникъ-ученикъ уже пожинаетъ плоды трудовъ своихъ; пріобрѣтенными познаніями онъ уже дѣлится съ младшимъ поколѣніемъ, но еще болѣе учится самъ на лонѣ природы и въ кругу людей неиспорченныхъ.

Съ новыми силами, съ новымъ взглядомъ на міръ и ученіе и, что также не менѣе важно, съ новымъ запасомъ вещественныхъ средствъ, возвращается питомецъ подъ сѣнь покинутаго крова, и здѣсь довершаетъ свое образованіе. Изъ университета почти всѣ молодые финляндцы поступаютъ на службу: избирающіе военное поприще пріѣзжаютъ по большей части въ Петербургъ, а изъ посвящающихъ себя юридической дѣятельности только немногіе покидаютъ Финляндію. Чтобы приглядѣться къ производству дѣлъ, они обыкновенно начинаютъ свои занятія поѣздками съ судьею на мѣста, гдѣ совершается судъ (ting) [1]. Это предоставлено, наравнѣ съ уроками, и тѣмъ изъ студентовъ, которые нуждаются въ денежныхъ средствахъ.

Такимъ образомъ число истинно-просвѣщенныхъ людей въ Финляндіи значительно; за то тамошнее воспитаніе рѣдко отличается блескомъ наружнымъ. На изученіе языковъ обращается даже въ Гельсингфорсѣ мало вниманія. По-французски говоритъ почти одно высшее общество, да и то не всегда хорошо. Здѣсь французскія фразы отзываются шведскими идіотизмами и шипятъ шведскими звуками. Нѣмецкій языкъ извѣстенъ гораздо большему кругу людей, потому что, какъ языкъ ученаго міра, необходимъ при университетѣ, да и по родству своему съ шведскимъ легко доступенъ финляндцамъ. Между образованными мужчинами большая часть говоритъ или, по крайней

[1]) Въ Финляндіи каждому судьѣ ввѣряется нѣсколько приходовъ, которые онъ долженъ объѣзжать по два раза въ годъ. Во всякомъ приходѣ выстроенъ для него особый домъ (tingsgård), гдѣ онъ останавливается и куда стекаются изъ окрестностей всѣ, имѣющіе въ немъ надобность.

*

мѣрѣ, читаетъ по-нѣмецки. Дамы средняго общества рѣдко знаютъ какой-нибудь другой языкъ, кромѣ шведскаго. Съ русскимъ знакомы преимущественно служащіе. Въ Выборгской губерніи собственно нѣтъ господствующаго языка: всего болѣе слышны нѣмецкіе и русскіе, но рѣдко не искаженные, звуки; простой народъ говоритъ по-чухонски и кое-какъ по-русски; шведскій языкъ, и то въ испорченномъ видѣ, употребляется мало.

Не смотря на общую образованность финляндцевъ, любовь къ чтенію, къ литературѣ, составляетъ между ними, даже въ Гельсингфорсѣ, черту не слишкомъ обыкновенную. О другихъ, особенно отдаленныхъ городахъ, нечего и говорить: трудность сообщеній и бѣдность жителей не благопріятствуютъ книжной торговлѣ. Въ Гельсингфорсѣ двѣ книжныя лавки: одна, университетская, принадлежитъ г-ну Вассеніусу, другая г-ну Френкелю; но обѣ, при незначительности требованій, болѣе выписываютъ книги (не шведскія) по особымъ заказамъ, нежели держатъ ихъ въ запасѣ; обѣ съ главнымъ своимъ назначеніемъ соединяютъ еще и другія. И здѣсь и тамъ первое мѣсто занимаютъ шведскія, а на другихъ языкахъ — учебныя сочиненія. Затѣмъ слѣдуютъ нѣмецкія, французскія и англійскія книги. Главная библіотека для чтенія есть университетская, которая щедротамъ Государя Императора и усердію частныхъ лицъ обязана значительнымъ приращеніемъ послѣ абоскаго пожара: тогда изъ 50000 томовъ въ ней уцѣлѣло едва 840; теперь ихъ уже опять 60000 слишкомъ.

Книгъ въ Финляндіи издается мало, всего болѣе однакожъ на шведскомъ языкѣ; но и между тѣми нѣкоторыя (особливо учебныя) не что иное, какъ перепечатанныя произведенія шведскихъ типографій. Изрѣдка появляются краткія сочиненія и переводы на финскомъ языкѣ, большею частію назначаемые для простого народа. Лучшее достояніе собственно-финской литературы составляютъ пѣсни, въ продолженіе вѣковъ сохраняющіяся въ памяти народной, или и вновь сочиняемыя крестьянами: онѣ въ новѣйшее время нашли пламеннаго собирателя въ докторѣ медицины г-нѣ Лѐнротѣ [1]). Но здѣсь не мѣсто

[1]) Г. Ленротъ (Elias Lönnrot) совершилъ подвигъ необыкновенный, и еслибъ дѣйствовалъ въ литературѣ болѣе извѣстной, то имя его давно уже было бы славнымъ въ цѣломъ образованномъ мірѣ. Лѣтъ двѣнадцать тому назадъ рѣшился онъ обойти пѣшкомъ разныя части Финляндіи для собиранія народныхъ пѣсенъ, изъ которыхъ только малое число было до того времени подслушано. Когда онъ успѣлъ накопить ихъ довольно много и сталъ внимательно изучать бывшія въ рукахъ его пѣсни, то открылъ между нѣкоторыми изъ нихъ внутреннюю связь: въ немъ пробудилась мысль, что должна существовать какая-то большая цѣльная поэма, которой отрывки разсѣяны въ народѣ. Съ жаромъ устремился онъ тогда къ прекрасной цѣли отыскать всѣ эти отрывки и возстановить, по возможности, ихъ забытое единство. Геніальная догадка оправдалась, и въ 1835 году издана въ Гельсингфорсѣ народная финская поэма въ 32-хъ пѣсняхъ, которую незабвенный собиратель назвалъ: *Калевала* (миѳо-

распространяться о литературѣ въ Финляндіи. Мы хотѣли только представить нѣсколько данныхъ для сужденія о степени умственной производительности въ этомъ краѣ. Остается еще сказать слова два о тамошнихъ періодическихъ изданіяхъ. Съ 1830 по 1839 годъ ихъ выходило ежегодно отъ 6-ти до 10-ти, въ томъ числѣ обыкновенно одинъ или два листка на языкѣ финскомъ. Въ нынѣшнемъ году въ разныхъ городахъ Финляндіи издается 13 газетъ: 10 на шведскомъ и 3 на финскомъ, послѣднія для простолюдиновъ. Предметы первыхъ различны: одна чисто-официіальная, двѣ входятъ въ область религіи, остальныя смѣшаннаго или исключительно литературнаго содержанія. Литературныя газеты въ Финляндіи, къ сожалѣнію, наполняются по большей части статьями, заимствуемыми изъ разныхъ иностранныхъ изданій, и заключаютъ въ себѣ мало такихъ, которыя относились бы собственно къ Финляндіи. Выше прочихъ, по оригинальности, стоятъ листки, издаваемые въ Борго и Вазѣ. Главная официіальная газета (Finlands Allmänna Tidning) выходитъ ежедневно; изъ духовныхъ — одна появляется ежемѣсячно, другая еженедѣльно; остальныя разъ или два въ недѣлю. Объемъ финляндскихъ газетъ — листъ или полъ-листа на каждый №; цѣны ихъ различны: самая дорогая 10 р. асс., самая дешевая 2 р. 30 к. въ годъ.

Исторія просвѣщенія въ Финляндіи тѣсно связана съ исторіею Александровскаго университета, и потому еще не стара. Правда, финны до покоренія ихъ шведами пользовались уже въ нѣкоторой степени образованіемъ самобытнымъ, но оно развивалось тихо въ оковахъ язычества и грубаго суевѣрія. Въ XIII вѣкѣ проникаютъ сюда первые лучи вѣры Христовой; но не въ духѣ Спасителя распространяютъ завоеватели кроткое ученіе Его. Ужасы насилія сопровождаютъ святое крещеніе; раздраженный народъ упорствуетъ въ своемъ заблужденіи; медленны успѣхи христіанства среди утесовъ и лѣсовъ финскихъ. Наконецъ крестъ водружается въ пустыняхъ, обагренныхъ кровью жертвъ; но суевѣріе еще долго таится подъ его сѣнію; оно сохраняется еще и послѣ того, какъ власть папская, въ царствованіе Густава I, уступаетъ и здѣсь вліянію Лютера.

Уже католическое духовенство положило въ Финляндіи нѣкоторое основаніе обученію народа. Во второй половинѣ XIV столѣтія существовала школа въ Або; вслѣдъ за нею появились вѣроятно и другія; но „ученіе въ нихъ, говоритъ г. Рейнъ [1]), было очень неудовлетворительно, и всякій, кто хотѣлъ высшей учености, долженъ былъ

логическое имя Финляндіи). Такое замѣчательное явленіе можетъ послужить важною данной въ нескончаемомъ спорѣ объ Гомерѣ. Содержаніе и духъ Калевалы, какъ и вообще финской народной поэзіи, обильной самобытными красотами, составятъ одинъ изъ предметовъ другой статьи *(см. ниже)*.

[1]) Въ названной выше: Statistische Darstellung etc.

искать ея въ чужихъ краяхъ. Оттого мы и находимъ, что въ этомъ періодѣ многія лица высшаго духовенства финляндскаго образовывались и достигали ученыхъ степеней въ Парижѣ или въ Прагѣ, а послѣ и въ Лейпцигѣ... Даже въ первомъ столѣтіи послѣ реформаціи были въ Финляндіи только низшія училища, и исторія сохранила много доказательствъ, какъ недостаточно было у насъ образованіе въ XVI и XVII вѣкахъ. Не прежде, какъ въ царствованіе Густава Адольфа, въ 1630 году, была учреждена гимназія въ Або.

Во время малолѣтства королевы Христины генералъ-губернаторомъ Финляндіи былъ, какъ мы уже видѣли, незабвенный въ лѣтописяхъ этой страны графъ Браге. Неутомимо улучшая ея состояніе по всѣмъ частямъ, онъ особенно заботился о распространеніи между народомъ способовъ ученія. Онъ умножилъ въ Финляндіи число школъ и увѣнчалъ столь благотворную дѣятельность обращеніемъ Абоской гимназіи въ университетъ. 1640 годъ, въ который совершилось это преобразованіе, долженъ быть драгоцѣненъ для памяти финляндцевъ. Только отсюда они могутъ вести начало истиннаго просвѣщенія въ своемъ отечествѣ; но еще много прошло времени, пока новое заведеніе дѣйствительно стало оказывать въ полной мѣрѣ ту пользу, какой отъ него ожидать надлежало.

Одинъ нѣмецкій ученый, писавшій о Финляндіи, собралъ въ своей книгѣ нѣсколько любопытныхъ подробностей насчетъ первой поры существованія университета въ Або. Вотъ главныя изъ нихъ. День открытія училища, 15-е іюля, былъ праздникомъ для цѣлаго края: всюду веселились, отправляли богослуженіе. Послѣ торжественнаго освященія данъ былъ роскошный обѣдъ, а черезъ два дня было представлено зрѣлище подъ заглавіемъ *Студенты.* Такія представленія вскорѣ начали возобновляться очень часто, но уже одни заглавія ихъ свидѣтельствуютъ о тогдашнемъ безвкусіи. Важнѣйшія роли были исполняемы шутами, находившимися, по обычаю вѣка, при вельможахъ.

Профессорами назначены были частію преподаватели прежней гимназіи, частію ученые, нарочно вызванные изъ Швеціи. Сначала университетъ долженъ былъ довольствоваться старыми зданіями гимназіи, только немного подновленными. Аудиторій нельзя было топить, почему зимою чувствовали въ нихъ едва выносимую стужу; при всемъ томъ, до позднѣйшаго времени, нужда заставляла пользоваться ими, хотя съ большимъ вредомъ для студентовъ. Сколько допускали обстоятельства, внутреннее учрежденіе согласовалось съ уставомъ университета Упсальскаго (основ. 1476). Лекціи читались на латинскомъ языкѣ и были почти исключительно публичныя, потому что бѣдность большей части студентовъ не позволяла имъ платить за частные уроки. Сверхъ испытаній и преній, вспомогательнымъ при ученіи средствомъ служили рѣчи, то въ прозѣ, то въ стихахъ, которыя студенты обязаны были

произносить публично въ извѣстные дни, обыкновенно по воскресеньямъ послѣ обѣда.

Число учащихся, съ самаго начала, превзошло всѣ ожиданія, и безпрестанно возрастало; даже изъ Швеціи спѣшили молодые люди въ новую обитель наукъ, на берега Ауры. И вотъ въ 1643 году объявлено первое производство въ магистры по философскому факультету. Правительство, желая охранить достоинство академическихъ званій, напомнило, что предлагаемая степень можетъ быть доступна не всякому, но только немногимъ ученымъ мужамъ. Одинъ изъ кандидатовъ былъ довольно свѣдущъ, но не совсѣмъ безукоризненъ „*in vita et moribus* (въ поведеніи и нравственности)“; поэтому признано, что его можно промовировать, но нельзя ему вступать въ преніе *pro gradu*. Другой вовсе никуда не годился, и потому его обязали или проучиться еще три года, или немедленно уѣхать куда-нибудь въ Швецію, гдѣ бы его *слабость въ наукахъ* не могла обнаружиться къ посрамленію университета.

Источникомъ издержекъ новаго училища были предназначены доходы самой Финляндіи; но при изнуренномъ ея положеніи, тамошнія кассы почти вовсе не наполнялись, и жалованье учителямъ рѣдко производилось исправно. Разстройство финансовъ было непомѣрное: надобно удивляться рѣшимости правительства, которое въ столь бѣдственное время не усомнилось основать заведеніе, хотя и чрезвычайно благодѣтельное для края, но требовавшее расходовъ огромныхъ. Большимъ препятствіемъ ученію служилъ недостатокъ книгъ. Университетъ всячески старался привлечь въ Або какого-нибудь иностраннаго книгопродавца; дѣйствительно, тамъ поселились-было для книжной торговли двое купцовъ изъ Любека, но предпріятіе ихъ не имѣло успѣха, и трудность доставать книги возобновилась. Въ 1642 году учреждена была въ Або первая типографія: тогда профессоры, всякій по своему предмету, начали издавать руководства въ видѣ преній; студенты тщательно собирали ихъ, и эти-то книжки служили основаніемъ лекцій.

Тихо однакожъ водворялось высшее образованіе. Изъ самихъ учителей университета нѣкоторые были ослѣплены предразсудками: одинъ защищалъ астрологію, другого товарищи уличали въ колдовствѣ. Вообще, вѣра въ чародѣйство, въ сношенія съ злымъ духомъ и т. п. не исчезала между финнами до позднѣйшихъ временъ, и еще въ началѣ XVIII столѣтія былъ производимъ судъ по обвиненіямъ такого рода. Но въ то же время распространялись полезныя свѣдѣнія; молодые люди во множествѣ стекались въ университетъ и оттуда разносили свѣтъ наукъ по всѣмъ частямъ края.

Дальнѣйшую исторію университета и извѣстія о настоящемъ его состояніи находимъ въ книжкѣ г. Рейна, откуда и заимствуемъ ихъ въ нѣсколько сокращенномъ видѣ.

Въ продолженіе великой Сѣверной войны, во время Петра Великаго и Карла XII, университетъ былъ закрытъ, а въ 1722 году снова вступилъ въ дѣйствіе, и съ тѣхъ поръ благотворныя послѣдствія просвѣщенія становились болѣе и болѣе ощутительными, особенно когда въ исходѣ прошлаго столѣтія вліяніе университета на Финляндію усилилось отъ содѣйствія отличныхъ преподавателей.

Въ 1802 г. король Густавъ IV Адольфъ, находясь въ Або, самъ положилъ первый камень для новаго, болѣе обширнаго зданія университета; въ его же царствованіе была соединена съ симъ училищемъ богословская семинарія.

Но совершенно новая эпоха для университета началась со времени присоединенія Финляндіи къ Россіи. Императоръ Александръ I повелѣлъ значительно распространить неконченное еще зданіе университета, назначилъ большія суммы на умноженіе учебныхъ собраній и на пособія бѣднымъ студентамъ, удвоилъ число преподавателей, приказалъ построить астрономическую обсерваторію и клинику и ввѣрилъ верховное начальство надъ университетомъ Августѣйшему Брату Своему, Его Императорскому Высочеству Николаю Павловичу, нынѣ благополучно царствующему Всемилостивѣйшему Государю нашему. Съ радостными надеждами на свѣтлую будущность продолжалъ университетъ свою дѣятельность, пока пожаръ 1827 года внезапно не пресѣкъ ея, обративъ въ пепелъ все зданіе съ его богатыми собраніями.

Если университетъ финляндскій никогда еще не былъ въ столь горестномъ положеніи, какъ послѣ сего бѣдствія, за то не испытывалъ онъ никогда въ такой обильной мѣрѣ и благодѣяній могущественнаго Монарха. Потери, для вознагражденія которыхъ при шведскомъ правительствѣ потребовалось бы цѣлыхъ столѣтій, были вознаграждены въ немногіе годы великодушнымъ вспомоществованіемъ Императора Николая. Украшенный именемъ втораго основателя своего Александра, возсозданный Монаршими щедротами, университетъ уже осенью 1828 года возобновилъ свою дѣятельность въ Гельсингфорсѣ, и въ замѣнъ устарѣвшихъ академическихъ постановленій, получилъ новый уставъ, болѣе сообразный съ состояніемъ современнаго просвѣщенія.

Въ силу этого устава, при университетѣ состоитъ, по четыремъ его факультетамъ, 49 преподавателей, между которыми 22 профессора и 15 адъюнктовъ; сверхъ того неопредѣленное число частныхъ преподавателей (доцентовъ). Среднее число студентовъ, если считать и тѣхъ, которые, какъ объяснено выше, находятся во временномъ отсутствіи, простирается до 600 человѣкъ; наличныхъ же бываетъ отъ 400 до 500.

Вскорѣ послѣ основанія университета, главное начальство надъ нимъ было возложено на *канцлера*, который при шведскомъ правительствѣ обыкновенно опредѣляемъ былъ изъ среды государственныхъ

совѣтниковъ. Подъ русскимъ же правленіемъ университетъ пользуется счастіемъ называть верховнымъ своимъ начальникомъ Особу Императорскаго Дома [1]). Сверхъ того, для ближайшаго завѣдыванія университетомъ, Всемилостивѣйше назначается особое лицо съ титуломъ вице-канцлера. Непосредственный начальникъ, какъ и при другихъ университетахъ, есть ректоръ, чрезъ каждые три года избираемый изъ ординарныхъ профессоровъ и утверждаемый вице-канцлеромъ. Ректоръ и ординарные профессоры составляютъ университетскую консисторію.

Кромѣ Александровскаго университета, есть въ Гельсингфорсѣ и нѣсколько другихъ ученыхъ и учебныхъ заведеній: между послѣдними укажемъ на лицей, основанный однимъ частнымъ человѣкомъ, а изъ первыхъ назовемъ учрежденное въ 1831 году финское литературное общество, котораго цѣль состоитъ въ содѣйствіи успѣхамъ языка и литературы финновъ.

Еще многое можно-бъ было сказать о различныхъ учрежденіяхъ и мѣстахъ въ Гельсингфорсѣ. Можно-бъ было, напримѣръ, повести читателя къ превосходной пристани, гдѣ у самаго берега стоитъ большое число судовъ всякаго размѣра и которая каждое утро пестрѣетъ торговцами и торговками, прибывающими въ своихъ лодкахъ съ рыбою и другими съѣстными припасами; потомъ указать невдалекѣ отъ того же берега обелискъ, сооруженный въ память посѣщенія Гельсингфорса Государынею Императрицею въ 1833 году; оттуда пойти на широкій бульваръ, ведущій къ театру и на которомъ цѣлый день встрѣчаешь гуляющихъ или прохожихъ; послѣ отправиться по отлогому скату огромной скалы на трехбашенную обсерваторію, или на противоположный край города, въ ботаническій садъ, гдѣ много прелестныхъ видовъ, но мало тѣни; наконецъ, направить путь къ одной изъ прекрасныхъ по архитектурѣ казармъ, или моремъ въ Свеаборгъ, съ которымъ почтовые катера поддерживаютъ почти безпрерывное сообщеніе: все это было бы очень легко, но завело бы насъ слишкомъ далёко, и притомъ есть предметы занимательные въ дѣйствительности и скучные на бумагѣ. По нашему мнѣнію, списывать зданія и мѣстоположенія не карандашемъ, а словами, есть трудъ, по большой части, и безполезный и неблагодарный. Искать въ Гельсингфорсѣ достопамятныхъ остатковъ старины было бы также напрасно. Ревель, который во всемъ противоположенъ ему, какъ лѣвая сторона — правой, какъ старецъ — юношѣ, какъ уродъ—красавцу, Ревель въ этомъ отношеніи имѣетъ передъ нимъ явное преимущество. Таинственность, которою вѣютъ тамъ мрачныя стѣны, башни и улицы, возбуждаетъ неодолимое желаніе проникнуть во внутренность этихъ ветхихъ жилищъ и какъ-будто уловить въ нихъ

[1]) Нынѣ (1840 г.) Его Императорское Высочество Государя Наслѣдника.

прошедшее. И это желаніе остается не вовсе безъ удовлетворенія. Стоишь ли подъ рухлыми сводами старинной церкви, которые увѣшаны вычурными гербами — живыми уликами суетности мертвыхъ; гуляешь ли по крутому валу, нѣкогда свидѣтелю кровопролитныхъ споровъ; вступаешь ли подъ темныя ворота, гдѣ совершилась достопамятная казнь, или бродишь подъ вѣковыми липами Екатериненталя: всюду невольно сзываешь вокругъ себя тѣни давноминувшаго, всегда величавыя, всегда исполинскія въ сравненіи съ явленіями настоящаго; воображенію просторно, и пасмурная внѣшность предметовъ пріобрѣтаетъ новую цѣну въ глазахъ мыслящаго странника. Напротивъ, въ Гельсингфорсѣ время не оставило ничего, кромѣ слѣдовъ своей губительной силы; тамъ все привлекательное принадлежитъ настоящему, а старинѣ — одно безобразное и притомъ лишенное значенія.

Между другими городами Финляндіи нѣкоторые богаче историческими воспоминаніями; но какъ уже было замѣчено, всѣ они бѣдны на видъ и нуждаются въ предметахъ, которые бы свидѣтельствовали объ избыткѣ благосостоянія и успѣхахъ европейской гражданственности. За то, кто любитъ природу, тотъ найдетъ ее здѣсь еще дѣвственною [1]) и, въ самой ея дикости, очаровательною. Красоты Финляндіи, которыя съ нею раздѣляетъ только Скандинавскій полуостровъ, ознаменованы совершенно самобытнымъ характеромъ. Изъ-за рѣки Торнео входитъ сюда цѣпь гранитныхъ, не очень высокихъ скалъ, раздѣляющаяся на нѣсколько вѣтвей. Приближаясь къ Ботническому заливу, эти скалы постепенно понижаются и наконецъ почти вовсе исчезаютъ; напротивъ, въ Финскій заливъ вдаются онѣ крутыми утесами, такъ-что весь берегъ унизанъ острыми мысами, передъ которыми море усѣяно множествомъ скалистыхъ острововъ. Совокупность тѣхъ и другихъ составляетъ такъ называемые *шеры* (skär). Скалы, вьющіяся по всей Финляндіи, во многихъ мѣстахъ покрыты лѣсомъ и раздѣлены широкими озерами, роскошно покоящимися въ неправильныхъ тысячеугольныхъ берегахъ, въ вѣчно-зеленомъ поясѣ изъ елей и сосенъ. Эти зыбкія площади покрыты, по большей части, грядами острововъ, одѣтыхъ въ такой же неувядающій уборъ. Многія озера связаны между собою протоками и подобно заливамъ морскимъ принимаютъ въ свои чаши сотни рѣчекъ и рѣкъ, стекающихъ по гранитнымъ скатамъ, часто стѣсняемыхъ въ своемъ каменистомъ ложѣ, и образующихъ иногда шумные, пѣнистые водопады или пороги. Такимъ образомъ всюду перерѣзанная то неподвижными, то стремительными массами воды, скалистая Финляндія являетъ какъ-бы соединеніе безчисленнаго множества острововъ и вся уподобляется тѣмъ самымъ шерамъ, которыя отличаютъ сѣверный берегъ Финскаго залива.

[1]) Эта мысль прекрасно развита Рунебергомъ въ статьѣ, которой переводъ напечатанъ въ предыдущей книжкѣ Современника (Т. VIII, стр. 5: „О природѣ Финляндской“ etc; напечат ниже. *Ред.)*.

Окрестности Гельсингфорса изобилуютъ прелестными въ своемъ родѣ мѣстами. Здѣсь природа дика и величественна, какъ нагія скалы и море, составляющія двѣ существенныя принадлежности окружныхъ видовъ. Но человѣческія жилища, среди ихъ разбросанныя, значительно смягчаютъ ихъ суровый характеръ. За то здѣсь чувствуешь отсутствіе той меланхолической, неизъяснимо - сладостной прелести, какою во внутренности края дышатъ обширныя пустыни съ своею невозмутимою тишиной, сверкающими озерами, безконечными лѣсами и открытыми горизонтами, окраенными синевой далекихъ горъ. Въ этихъ чудныхъ мѣстахъ, святилищахъ уединенія, гдѣ воздухъ такъ чистъ и такъ напитанъ благовоніемъ сосенъ, невольно сравниваешь Финляндію съ прекрасною невѣстой, у которой всѣ четры лица, всѣ движенія и даже самая улыбка проникнуты глубокою, таинственною грустью. Тщетно солнце, ея пламенный, лучезарный женихъ, осыпаетъ красавицу пышными дарами, озаряетъ ее сіяніемъ своего величія, своей славы: печать унынія не сходитъ съ чела невѣсты.

Гельсингфорскія окрестности, частію приморскія мызы (наприм. Hertonäs, Munksnäs), частію острова (Turholm, Tamelund) бываютъ нерѣдко цѣлію прогулокъ, предпринимаемыхъ иногда цѣлымъ обществомъ на пароходѣ Лѐнтея. Кто пожелаетъ бо̀льшаго разнообразія, тотъ изъ Гельсингфорса легко можетъ попасть и въ другіе ближніе города. Мы уже видѣли, какимъ важнымъ средствомъ сообщеній служатъ Финляндіи пароходы; но и сухопутная по ней ѣзда дешева и удобна: нужно только, отправляясь въ дорогу, брать нѣкоторыя предосторожности. Такъ, если ѣдешь въ четырехколесномъ экипажѣ, необходимо имѣть свою сбрую, своего кучера и запасъ веревокъ. Тамошніе крестьяне, привыкшіе безпечно мчаться въ своихъ легкихъ телѣжкахъ по превосходнымъ дорогамъ, вовсе не искусны въ кучерскомъ дѣлѣ и не любятъ противорѣчить инстинкту своихъ животныхъ: въ гору везутъ они шагомъ, а съ горы даютъ лошадямъ бѣжать во всю прыть и не заботятся о безопасности тяжелыхъ повозокъ. Большая часть станцій, находящихся по внутреннимъ дорогамъ, едва удовлетворяетъ самымъ существеннымъ потребностямъ проѣзжаго. Напротивъ, вдоль береговъ морскихъ, особливо между Гельсингфорсомъ и Або, учрежденія эти вообще въ хорошемъ, а нѣкоторыя даже и въ отличномъ положеніи. Вездѣ разстояніе между ними (häll, упряжка) простирается отъ 10-ти до 20-ти верстъ, или отъ одной до двухъ шведскихъ миль [1]).

Финляндскія станціи, устроенныя по образцу шведскихъ, назы-

[1]) Шведская миля, равная 10-ти нашимъ верстамъ, раздѣляется на четыре доли, которыя и называются *четвертями* (fjerdedel) и заключаютъ въ себѣ, каждая, $2^1/2$ русскія версты.

ваются гастгеберствами (gästgifvaregärd) [2], потому что главная принадлежность каждой изъ нихъ есть *гостинница*, которой содержатель *(гастгеберъ)* служитъ станціоннымъ смотрителемъ. Для отправленія гоньбы (skjuts, чит. шусъ), къ нему поочередно является изъ окружныхъ селеній опредѣленное число *подводчиковъ* (skjutsbönder), каждый съ лошадью, сбруей и телѣжкой. Самъ гастгеберъ держитъ также нѣсколько лошадей, употребляемыхъ тогда лишь, когда первыхъ недовольно; а на случай, ежели не достанетъ и тѣхъ и другихъ, есть еще лошади запасныя. Онѣ остаются у сосѣднихъ крестьянъ на мѣстахъ; но только-что понадобятся, кто-нибудь изъ наличныхъ подводчиковъ скачетъ за ними верхомъ. Однакожъ, къ запаснымъ лошадямъ въ Финляндіи прибѣгаютъ рѣдко: обыкновенно становится и очередныхъ. Такимъ образомъ, здѣсь можно всегда быть довольно спокойнымъ насчетъ дальнѣйшей ѣзды своей, и не нужно, какъ въ Швеціи, посылать передъ собою особаго ѣздового (förbud) для заказа подводъ цѣлыми сутками ранѣе того часа, когда предполагаешь воспользоваться ими.

Путешественниковъ, не имѣющихъ своего собственнаго экипажа, ожидаетъ на каждой станціи большое число двуколесныхъ телѣжекъ (kärra, чит. *чѐрра*), деревянныхъ, но различно сдѣланныхъ, смотря по племени и степени достатка поселянъ. По берегамъ, у шведскихъ колонистовъ, онѣ очень сносны: тамъ надъ ними, противъ оси, устроена скамья со спинкою, и онѣ, подобно самому станціонному дому, отличаются краснымъ цвѣтомъ — любимою краской сельскихъ жителей Скандинавіи. Но въ скудныхъ мѣстахъ, у финновъ, даже въ Выборгской губерніи, неудобство такихъ телѣжекъ превосходитъ всякое описаніе: это, по-просту, плотно сколоченный четырехъ-угольный ящикъ на двухъ колесахъ, у котораго надъ осью бываетъ привязана поперечная доска, или протянута ряда въ три толстая веревка. Напрасно предусмотрительный странникъ устилаетъ свое будущее сѣдалище сѣномъ; это не спасетъ его отъ ужасной пытки, и еще онъ долженъ благодарить судьбу, если доска не будетъ ежеминутно сползать то съ одной стороны, то съ другой. А между тѣмъ неизбалованный финнъ спокойно сидитъ впереди на остромъ углу телѣжки и, можетъ быть, удивляется неугомонности своего сѣдока, который то-и-дѣло останавливаетъ его, чтобы хоть нѣсколько поправить свое критическое положеніе. Вотъ почему всякому, кто намѣренъ довольствоваться крестьянской каріолкой, нехудо запастись большимъ кулемъ сѣна и, пожалуй, еще подушкой для предохраненія себя отъ дѣйствія деревянной спинки тамъ, гдѣ есть настоящія скамьи. При соблюденіи этой

[2]) Въ Выборгской губерніи русскіе называютъ станціи *кишкиверами*, ломая слово въ финскомъ его превращеніи.

предосторожности, станціонныя телѣжки очень удобны; впрочемъ, кто ищетъ бо́льшаго комфорта, тотъ можетъ въ каждомъ порядочномъ городѣ купить или нанять спокойную одноколку на рессорахъ (chaise). Какъ бы ни было, при гористой почвѣ Финляндіи, одинокій путешественникъ долженъ предпочесть этого рода экипажъ всякому другому. Налегкѣ, съ широкопольною шляпой и непромокаемымъ плащемъ, можно смѣло пуститься въ такой телѣжкѣ куда угодно, не заботясь о погодѣ.

Гастгеберство иногда стоитъ уединенно съ двумя или тремя необходимыми строеніями; иногда же занимаетъ небольшую только часть двора, тѣсно обставленнаго домишками. Оно уже издали даетъ о себѣ знать огромнымъ шестомъ, подымающимся передъ самою станціей и вверху котораго видна вывѣска съ изображеніемъ коня. Какъ скоро кто-нибудь подъѣдетъ и потребуетъ лошадей, очередной подводчикъ немедленно бѣжитъ за ними. Между тѣмъ, если путешественникъ не расположенъ войти въ комнату, гастгеберъ или во многихъ мѣстахъ женщина, отправляющая его должность, выноситъ черни́льницу съ перомъ и небольшую тетрадь въ кожаномъ переплетѣ. Въ графа̀хъ этой такъ называемой *дневной книги* (dagbok) всякій проѣзжій обязанъ означить свое имя, чинъ или званіе; далѣе мѣста̀, откуда и куда ѣдетъ; наконецъ, число и родъ лошадей [1]), которыхъ онъ беретъ. Есть еще графа̀, гдѣ недовольный гастгеберомъ или подводчикомъ въ правѣ записать жалобу; но этотъ отдѣлъ, при всеобщемъ уваженіи закона, почти всегда остается пустымъ. Справедливая жалоба никогда не проходитъ безъ послѣдствій, потому что дневная книга, по окончаніи всякаго мѣсяца, представляется главному мѣстному начальству, которое вмѣсто нея выдаетъ гастгеберу новую. На первой страницѣ тетради означены имя станціи, ея разстоянія отъ станцій окружныхъ и плата, слѣдующая за каждую упряжку. За версту платятъ здѣсь по 6-ти коп. на лошадь, съ удвоеніемъ этой цѣны, когда ѣдешь изъ ближняго города; кто пользуется крестьянской телѣжкой, придаетъ 5 коп. за цѣлое разстояніе отъ одной станціи до другой. Деньги получаетъ изъ рукъ платящаго самъ подводчикъ, который никогда не осмѣливается просить прибавки и за малѣйшій излишекъ почтительно изъявляетъ свою благодарность. Однакожъ напередъ обѣщать ему на водку (drickspenningar) вовсе не мѣшаетъ: замѣчено, что отъ такого обѣщанія термометръ усердія и въ здѣшнемъ климатѣ высоко подымается. Для путевыхъ, нерѣдко очень дробныхъ разсчетовъ, необходимо уже при началѣ поѣздки наготовить какъ можно болѣе мелкихъ денегъ, какъ бумажками, такъ и мѣдью. Иначе подвергаешься опасности или сѣсть посреди дороги на мель, или поне-

[1]) Онѣ, какъ показано, бываютъ: станціонныя, гастгеберскія и запасныя.

волѣ сдѣлаться чрезвычайно щедрымъ: не только на отдаленныхъ станціяхъ, но и въ нѣкоторыхъ городкахъ часто не отыщешь никого кто-бы въ состояніи былъ размѣнять посредственную ассигнацію.

Но заглянемъ во внутренность гастгеберства. Тамъ, обыкновенно въ нижнемъ этажѣ, найдете вы нѣсколько комнатъ, назначенныхъ для проѣзжихъ и гдѣ степень опрятности, мѣра удобствъ, качество и количество съѣстныхъ припасовъ зависятъ отъ разныхъ обстоятельствъ. Полъ усыпанъ ельникомъ; по сторонамъ столы, стулья и скамьи стариннаго вида, темнокраснаго цвѣта. Устланныя перинами кровати не вездѣ привлекательны для взора, а когда ближе познакомишься съ ними, то испытаешь, что наружность на этомъ свѣтѣ не всегда обманчива, хотя подъ нею многаго и не видно. Къ стѣнамъ, иногда покрытымъ обоями, прибиты большіе печатные листы: это нужнѣйшія свѣдѣнія о станціяхъ на русскомъ, финскомъ и шведскомъ языкахъ; а подальше висятъ обыкновенно разнаго рода произведенія живописи съ толкованіями на всякихъ діалектахъ и съ столь же краснорѣчивыми слѣдами времени.

Вниманіе ваше непремѣнно обратитъ на себя и самъ гастгеберъ, обыкновенно человѣкъ очень вѣжливый, довольно образованный по своему званію и лицомъ своимъ выражающій честное прямодушіе. Таковы вообще здѣшніе поселяне; особенной похвалы заслуживаетъ ихъ честность. Воровство между ними чрезвычайно рѣдко, и путешественникъ можетъ спокойно уходить отъ своихъ вещей, оставляя ихъ въ экипажѣ безъ всякаго присмотра. Иногда онъ встрѣчаетъ также отрадное доказательство доброты въ той неподдѣльной заботливости, съ какою стараются удовлетворить его нуждамъ. Скудость и дурной вкусъ предлагаемыхъ ему кушаній вознаграждаются часто усерднымъ радушіемъ, съ какимъ его угощаютъ, и онъ покидаетъ смиренный кровъ по крайней мѣрѣ съ пріятнымъ воспоминаніемъ, если не съ сытымъ желудкомъ.

По береговымъ, много посѣщаемымъ дорогамъ такого недостатка въ съѣстныхъ припасахъ встрѣтить нельзя; на тамошнихъ станціяхъ легко даже увидѣть порядочное мясо и другія рѣдкости; но углубляясь во внутренность края, полезно везти съ собой нужнѣйшую пищу. Здѣсь прихотливому путешественнику бѣда, если онъ за пожертвованіе мелочными удобствами не умѣетъ находить возмездія въ картинахъ величавой природы и въ зрѣлищѣ простыхъ, еще полупатріархальныхъ нравовъ. Не одни поселяне — другія сословія также могутъ представить ему утѣшительные примѣры любви къ ближнему. Изъ многихъ случаевъ, о томъ свидѣтельствующихъ, приведу одинъ только. Въ началѣ осени 1838 года темная, дождливая ночь застигла меня на дорогѣ изъ Або въ Таммерфорсъ. По ней, въ то же время и по тому же направленію, ѣхало немалое число купцовъ, спѣшившихъ на ярмарку,

ежегодно бывающую въ Таммерфорсѣ. Они хотя и были съ товарами, однакожъ по привычкѣ, почти всеобщей въ Финляндіи, отправлялись и въ этомъ случаѣ каждый въ своей одноколкѣ, что̀ легко допускала незначительность поклажи. Но не въ томъ дѣло. Чувствуя потребность въ отдыхѣ, я рѣшился искать пріюта на одной бѣдной станціи, скрывавшейся посреди цѣлаго кружка строеній. Все уже спало, нигдѣ не мелькало ни огонька, и я не зналъ, у котораго изъ домиковъ постучаться. Выборъ мой палъ на ближайшую дверь. Скоро кто-то отворилъ мнѣ и услышавъ, что передъ нимъ запоздалый путешественникъ, тотчасъ накинулъ на себя платье, досталъ огня и принялся вмѣстѣ со мною втаскивать мои вещи. Осмотрѣвшись, я увидѣлъ, что попалъ въ грязную конуру, гдѣ едва была и необходимѣйшая мебель. На полу лежали двѣ наскоро изобрѣтенныя постели, которыя вполнѣ соотвѣтствовали всему прочему; на одной изъ нихъ храпѣлъ какой-то мальчикъ. Впустившій меня человѣкъ, не смотря на мои убѣжденія, поспѣшилъ разбудить бѣдняжку, согналъ его съ постели и сталъ предлагать ее мнѣ. Мы всѣ кое-какъ устроились. Поутру испыталъ я такое же страннопріимство. Благодѣтель мой бѣгалъ за людьми, заказывалъ кофе и т. п. Какъ же я изумился, когда на разсвѣтѣ онъ самъ началъ готовиться къ отъѣзду, онъ, котораго я по всему принялъ-было за самаго ревностнаго гастгебера! Оказалось, что это одинъ изъ купцовъ, ѣдущихъ въ Таммерфорсъ на ярмаку. Когда я выразилъ ему, какъ умѣлъ, и мое удивленіе и признательность, онъ, пожимая мнѣ руку, добродушно отвѣчалъ, что не сдѣлалъ ничего, кромѣ должнаго.

Если путешественникъ самъ хочетъ править или ѣдетъ съ своимъ кучеромъ, то онъ можетъ не брать никого со станціи; въ противномъ случаѣ, съ нимъ садится подводчикъ, котораго дѣло часто исполняютъ мальчики отъ 10-ти до 12-ти лѣтъ. Это бываетъ преимущественно въ то время, когда сельскія работы удерживаютъ взрослыхъ дома. Между этими крестьянами рѣдко встрѣчаются такіе, которые бы своею доброю волей и обхожденіемъ не расположили въ свою пользу образованнаго путешественника. Они, по большой части, хорошо понимаютъ, что̀ значитъ обязанность, и исполняютъ ее строго, совѣстливо; они привыкли встрѣчать въ высшихъ сословіяхъ справедливость и кротость, и потому кто бы вздумалъ безъ причины обращаться съ ними сурово, тотъ могъ бы только ожесточить ихъ противъ себя. При всемъ почтеніи къ путешественнику, они однакожъ очень берегутъ своихъ лошадей, и по временамъ нельзя обойтись безъ понуканій. Вотъ почему не безполезно еще въ городѣ вооружиться своимъ собственнымъ кнутомъ. Когда дорога худа или подымается въ гору, подводчикъ обыкновенно соскакиваетъ съ своего мѣста и идетъ или бѣжитъ возлѣ повозки; а если сѣдокъ невзначай уснетъ, то смѣтливый спутникъ, вѣроятно также по чувству долга, позволяетъ и коню своему воспользоваться

ободрительнымъ примѣромъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, заключилъ я однажды, когда, проснувшись ночью на большой дорогѣ и посмотрѣвъ на часы, увидѣлъ, что ѣду ужъ четыре часа, а на верстовомъ столбѣ прочелъ только 12.

Путешествуя по Финляндіи, пріятно знать шведскій или финскій языкъ: занимательны подъ-часъ бываютъ разсказы и разспросы подводчиковъ, изъ коихъ нѣкоторые очень любопытны и такъ словоохотны, что болтаютъ даже и тогда, когда сѣдокъ вовсе не понимаетъ ихъ. Иной молчитъ, пока его не приласкаешь, послѣ чего случается, что онъ со всею учтивостію попроситъ позволенія закурить трубку, которую и вытащитъ изъ кармана своей синей или сѣрой куртки. Если читаешь книгу, онъ иногда изъявитъ желаніе узнать, какую, и даже, заглянувъ въ нее, начнетъ произносить иностранныя слова по своему: извѣстно, что въ Финляндіи, какъ и въ земляхъ скандинавскихъ, всѣ крестьяне умѣютъ читать. Пріятное впечатлѣніе на путешественника производятъ мальчики, нерѣдко сопровождающіе его. Въ ихъ степенности и скромномъ обращеніи видны уже плоды уроковъ набожной матери, которую въ хижинѣ ея ничто не отвлекаетъ отъ прекрасной обязанности: она по закону должна учить дѣтей своихъ грамотѣ. Особенными чертами отличаются чухны Выборгской губерніи. Они показываютъ еще болѣе расположенія къ проѣзжимъ, по крайней мѣрѣ къ русскимъ, съ которыми чрезвычайно любятъ разговаривать и даже шутить, всячески стараясь щеголять своими познаніями въ нашемъ языкѣ и охотно наставляя въ своемъ. Чѣмъ далѣе отъ Выборга, тѣмъ хуже они говорятъ по-русски, и наконецъ имъ извѣстны едва немногія наши слова, которыя они не только безпощадно коверкаютъ, но и употребляютъ иногда вовсе не въ настоящемъ смыслѣ: такъ вмѣсто *итти* или *ходить* часто слышится тамъ *марсіръ*, т. е. маршировать. Чухны вообще не такъ безобразны и безсмысленны, какъ бы можно было заключить по тѣмъ изъ нихъ, которые живутъ подъ Петербургомъ и подъ Выборгомъ, гдѣ племя ихъ отъ разныхъ обстоятельствъ исказилось. Далѣе отсюда они представляютъ какъ нравами своими, такъ и наружностію другое, гораздо пріятнѣйшее зрѣлище, только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ помрачаемое ужасною бѣдностью.

Лошади, хотя малорослыя, вообще хороши въ Финляндіи; но всего лучше онѣ въ Выборгской губерніи, гдѣ и гоньба бываетъ самая скорая; впрочемъ, это надобно приписать отчасти привычкѣ крестьянъ возить русскихъ, не любящихъ тихой ѣзды. Выраженіе: *онъ ѣздитъ какъ русскій*, обратилось въ пословицу по всей Финляндіи. Съ лошадьми неопытными было бы очень опасно предпринять поѣздку по тамошнимъ гористымъ и узкимъ дорогамъ; напротивъ, лошади чухонскія такъ примѣняются къ мѣстности, что даже лошаки и ослы не могли бы быть надежнѣе ихъ. Онѣ почти никогда не скользятъ и сами умѣютъ

размѣрять свой шагъ; на каменистой ли почвѣ, гдѣ часто для повозки едва есть мѣсто между двухъ острыхъ гранитныхъ глыбъ, или передъ мостомъ, на который дорога, сбѣжавъ съ крутизны, вдругъ сворачиваетъ почти угломъ, или наконецъ на краю пропасти — вездѣ прыткій бѣгунъ, управляемый только слегка и иногда чуть не младенцемъ, сохраняетъ легкую одноколку невредимою. Но усердная служба четвероногихъ, по скудости кормовъ, плохо награждается въ Финляндіи; только въ плодороднѣйшихъ полосахъ, какъ между Гельсингфорсомъ и Або, имъ часто достается и лакомая пища: вмѣсто сѣна, подводчикъ, садясь въ телѣжку возлѣ путешественника, нерѣдко кладетъ себѣ въ ноги лепешку своего жёсткаго хлѣба.

Дороги финляндскія успѣли уже пріобрѣсти такую славу, что не нуждаются въ новой похвалѣ; напротивъ, чтобъ быть вполнѣ безпристрастнымъ, надобно показать и темную ихъ сторону. Мѣстами онѣ не только дурны, но ужасны для терпѣнія человѣческаго. Такова напримѣръ дорога, ведущая отъ залива Экнесскаго къ крѣпости Гангеуддъ: здѣсь, на разстояніи 30-ти верстъ, почти не прерывается глубокій песокъ, по которому даже въ каріолкѣ трудно ѣхать съ одною лошадью. Есть и другія разстоянія, гдѣ путь, хотя не въ такой степени тяжелый, однако также песчаный, жестоко испытываетъ философію странника. Подобнымъ образомъ дѣйствуетъ еще и другое обстоятельство. На многихъ дорогахъ (впрочемъ рѣдко на большихъ) ѣзду замедляютъ запертыя низенькія ворота (grind), очень часто встрѣчающіяся. Они составляютъ часть изгородей, которыми всякій владѣлецъ окружаетъ и малѣйшую землицу для удержанія скота или въ ея границахъ, или внѣ ея. Оттого путникъ никогда не позволитъ себѣ оставить незатворенными ворота, черезъ которыя онъ прошелъ или проѣхалъ: дѣло, конечно, весьма усладительное для совѣсти, но все-таки не вполнѣ вознаграждающее за потерю времени. Въ мѣстахъ, не слишкомъ малолюдныхъ, при такихъ воротахъ стоитъ обыкновенно какое-нибудь бѣдное дитя, и путешественникъ рѣдко удалится, не бросивъ ему мелкой монеты за услугу, избавляющую отъ непріятной остановки. Иногда задерживаютъ также заливы, рѣки и протоки, пересѣкающіе дорогу; чрезъ нихъ надобно переправляться на паромѣ, и для того вблизи всегда есть перевозчикъ или перевозчица, получающіе отъ каждаго опредѣленную плату за трудъ. О горахъ или скалахъ, по которымъ финляндскія дороги почти безпрестанно вьются змѣями то вверхъ, то внизъ, нельзя говорить, какъ о неудобствѣ. Ихъ существованіе нераздѣльно съ самымъ свойствомъ грунта, имѣющаго въ своей основѣ гранитъ и составляющаго все превосходство тамошнихъ дорогъ, такъ что для содержанія ихъ вообще не много нужно стараній и издержекъ. Этимъ горамъ путешественникъ бываетъ обязанъ лучшими изъ своихъ впечатлѣній, хотя опасность и прерываетъ иногда удовольствіе минутнымъ трепетомъ.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Разнообразны виды, открывающіеся съ дорогъ финляндскихъ. Мѣстами они мрачны, дики, мертвенны. По обѣ стороны тянутся либо однѣ скалы, либо скалы, смѣняемыя лѣсомъ, полями, мелкими озёрами. То нагія, то обросшія мохомъ или деревьями, онѣ стоятъ не всегда цѣльными массами; но въ нѣкоторыхъ частяхъ края являютъ слѣды какого-то ужаснаго разрушенія: не только у подошвы ихъ, но и среди открытыхъ полей лежатъ гдѣ кучами, гдѣ разсѣянно безчисленные обломки гранита всякой величины и всякаго вида. Иногда огромныя глыбы висятъ на скатахъ горы, какъ-будто бы онѣ, сорвавшись съ ея вершины, вдругъ остановились въ своемъ губительномъ паденіи. Такую печальную картину представляютъ въ особенности дороги около Выборга.

Между Гельсингфорсомъ и Або взоръ часто покоится съ наслажденіемъ на свѣтлыхъ заливахъ и ихъ островахъ, на прелестныхъ ландшафтахъ, соединяющихъ въ себѣ общія черты финляндской природы съ отрадными явленіями довольства и благосостоянія. Привѣтливые красные домики; опрятно-одѣтые поселяне; поля, засѣянныя рожью и ячменемъ — все это такъ кстати прерываетъ однообразіе мѣстности. Но другого рода впечатлѣніе испытываешь тамъ, гдѣ и горы возвышеннѣе, и виды обширнѣе, и озёра многочисленнѣе. Такимъ характеромъ отличается вообще внутренность Финляндіи (особенно около Куопіо); однакожъ, онъ становится уже весьма примѣтнымъ и невдалекѣ отъ Гельсингфорса по чертѣ, ведущей прямо къ сѣверу оттуда, именно между городами Тавастгусомъ (въ 123-хъ верстахъ отъ Гельсингфорса) и Таммерфорсомъ (въ 206-ти верстахъ отъ Гельсингфорса), на разстояніи 83-хъ верстъ. Въ эту небольшую раму какъ-бы съ намѣреніемъ втѣсненъ цѣлый рядъ очаровательнѣйшихъ картинъ природы, въ которыхъ вода, лѣсъ и гранитъ, будто камешки въ калейдоскопѣ, безпрестанно сочетаваются между собой на тысячу новыхъ ладовъ, никогда не утомляя взора однообразіемъ.

Самый Таммерфорсъ (городокъ впрочемъ незначительный), который именемъ своимъ напоминаетъ уже лучшее свое украшеніе, прелестный водопадъ, лежитъ въ чудной странѣ, среди крутыхъ возвышенностей и множества большихъ и малыхъ озёръ, соединяющихся между собой протоками. Въ его окрестностяхъ есть мѣсто, которое въ краю, болѣе посѣщаемомъ, давно уже было бы предметомъ общаго любопытства. Въ 25-ти верстахъ къ югу отъ Таммерфорса, на большой дорогѣ, стоитъ церковь прихода Кангасала (Kangasala). Противъ нея, черезъ дорогу, возвышается крутая, почти остроконечная гора, опушенная соснами и елями. Кто взберется на нее въ ясный лѣтній дѣнь, тотъ полюбуется обширнымъ и необыкновенно-прекраснымъ видомъ, который вдругъ предстанетъ ему со всѣхъ сторонъ. Оттуда видно большое число озёръ, живописно прерываемыхъ зеленью и гранитомъ и не

менѣе живописно усѣянныхъ островами; а отдаленные края неба сливаются съ цѣпью синѣющихся горъ. Величавое спокойствіе, разлитое надъ этою пустынною панорамой, гдѣ едва отыскиваешь нѣсколько селеній и живыхъ существъ, располагаетъ душу къ благоговѣйному созерцанію, и въ то же время наполняетъ ее уныніемъ. По другому направленію, въ 60-ти верстахъ отъ Таммерфорса, красуется многоводный и величественный водопадъ *Кюро* или *Чюро* (Куго). Еслибъ можно было приблизить его къ Петербургу, онъ вскорѣ сдѣлался бы опаснымъ соперникомъ пороговъ Иматры. Высота его довольна значительна, и онъ, вмѣстѣ съ своею окрестностью, сильно поражаетъ душу.

Не такъ далеко отъ насъ, именно верстахъ въ 120-ти за Иматрою и около 35-ти до Нейшлота, есть мѣсто, еще болѣе достойное упоминанія. Это гранитный мостъ, самою природою устроенный на озерѣ Саймѣ. Тамъ, на протяженіи семи верстъ, дорога идетъ по двумъ узенькимъ, но возвышеннымъ и неровнымъ островамъ; между собой они соединены искусственнымъ мостомъ, а отъ береговъ озера отдѣляютъ ихъ небольшіе проливы, черезъ которые должно переправляться на плотахъ. Эти два острова вмѣстѣ составляютъ такъ называемый *Свиной-Хребетъ* (по-фински *Pungaharju*, по-шведски *Svinrygg).* Устланные превосходною, хотя и тѣсною дорогой, а по краямъ то обставленные лѣсомъ и кустарникомъ, то обнаженные, они со всѣхъ сторонъ открываютъ взору безпрестанно смѣняющіеся виды, изумительные красотой и разнообразіемъ.

Посреди столь плѣнительныхъ мѣстъ легко объясняешь себѣ чудную способность финновъ къ поэзіи и множество ихъ народныхъ пѣвцовъ; не удивляешься, почему они въ язычествѣ признавали верховнымъ божествомъ своимъ и создателемъ вселенной славнаго пѣснопѣвца и изобрѣтателя арфы — Вейнемейнена (Wäinemöinen); словомъ, вполнѣ сочувствуешь древнему финскому поэту, который, описавъ приготовленіе арфы, воображаетъ, что творецъ ея, мудрый, маститый богъ, садится играть на ней и своими звуками приводитъ въ восторгъ всю природу:

Мощный звонъ летитъ отъ арфы;
Долы всходятъ, выси никнутъ;
Никнутъ выспреннія земли,
Земли низменныя всходятъ,
Горы твердыя трепещутъ,
Откликаются утесы,
Жнива вьются въ пляскѣ; камни
Разсѣдаются на брегѣ,
Сосны мрачныя ликуютъ [1])!

[1]) Изъ XXIX пѣсни поэмы *Калевала*, о которой упомянуто выше.

*

Но — уже-ли все это относится къ Гельсингфорсу? Такимъ вопросомъ нетерпѣливый читатель можетъ быть давно уже предупредилъ меня. Чувствую, что увлекся слишкомъ далеко за предѣлы обѣщаннаго, и (что непростительно!) выступилъ даже изъ рамки заглавія. Каюсь и прошу извиненія какъ въ этомъ, такъ и въ тѣхъ недостаткахъ, которыхъ я, при всемъ стремленіи къ истинѣ, конечно не избѣгнулъ.

О ФИННАХЪ И ИХЪ НАРОДНОЙ ПОЭЗІИ [1].

Юбилей Гельсингфорскаго Университета. — Черты характера финновъ. Степень образованности. — Природныя дарованія. — Крестьянинъ-совѣтникъ царей. — Бытъ древнихъ финновъ. — Колдуны финскіе. — Крестьяне-импровизаторы. — Народныя пѣсни. — Ленротъ, ихъ собиратель. — Письмо Рунеберга. — Финская эпопея.

1840.

Въ послѣдней книжкѣ Современника [2]) было упомянуто мимоходомъ о торжествѣ, которымъ Александровскій университетъ въ Гельсингфорсѣ готовится встрѣтить третье столѣтіе своего благотворнаго для Финляндіи существованія. С.-Петербургскій университетъ вскорѣ послѣ того получилъ оттуда приглашеніе на предстоящее празднество, и мы помѣщаемъ здѣсь переводъ этихъ строкъ [3]) тѣмъ охотнѣе, что онѣ носятъ на себѣ вѣрный отпечатокъ мѣстности и обстоятельствъ.

[1]) *Современникъ*, 1840, т. XIX, 5 — 101; срв. *Переписка*, т. I, 11.

[2]) Въ статьѣ *„Гельсингфорсъ“*. См. выше, стр. 62.

[3]) Вотъ онѣ въ подлинникѣ:

„*Viris celeberrimis, Academiae Petropolitanae professoribus ceterisque docentibus S.* Quae in ultima Fennia condita est Academia, has septentrionales oras artium et litterarum cultu subactura, terrae illius instar, frigoris vi coelique intemperie saepius vexatae, damna pertulit et infortunia plurima, tristissima. Abierunt vero tempora nubila: solis gratissimo adspectu demum laeta, ducentorum mox annorum, ortus sui memoriam festo die agere meditatur. Instituet sane haec solemnia, Providentiae divinae opem Augustissimique Imperatoris beneficia pie recolens, eodem permota sensu, quo naufragio erepti tabulam votivam in templo olim solebant suspendere. Quum autem animus ingenti perfusus voluptate aliis usque cognosci gestiat, testibus laetitiae frui faventissimis nostra Alexandrina ardentissime optat. Vos igitur, Viri celeberrimi, officiose, amice rogamus, velitis his votis satisfacere, sacrisque saecularibus, die III/XV instantis Julii mensis in urbe hac celebrandis, humanissimi adesse. Quo animo estis in artium optimarum cultores, quippe quos universos jure sodalitio inter se junctos aestimetis, haec gaudia a vobis minime aliena, speramus, judicabitis. *Helsingforsiae, die* XXVII *aprilis*/IX *maji MDCCXL*“.

„Университетъ, учрежденный на краю Финляндіи для водворенія въ сихъ сѣверныхъ странахъ наукъ и искусствъ, претерпѣлъ, подобно здѣшней землѣ, часто разоряемой холодомъ и ненастьемъ, много самыхъ горестныхъ потерь и бѣдствій. Но пронеслись времена мрачныя: наслаждаясь наконецъ отраднымъ сіяніемъ солнца, уже кончая второе столѣтіе, онъ намѣренъ празднествомъ возобновить память своего рожденія. Сіе торжество совершитъ онъ, конечно, съ благоговѣйнымъ воспоминаніемъ о помощи Промысла Божіяго и о щедротахъ Августѣйшаго Императора; онъ будетъ проникнутъ тѣмъ же чувствомъ, съ какимъ древле спасенные отъ кораблекрушенія вѣшали въ храмѣ скрижаль обѣтную. Но какъ душа, преисполненная великимъ удовольствіемъ, жаждетъ открыться другимъ, то нашъ Александровскій университетъ пламенно желаетъ найти благосклонныхъ свидѣтелей своей радости. И такъ, мужи знаменитѣйшіе, усердно и искренне просимъ васъ, благоволите исполнить желаніе наше и почтить своимъ присутствіемъ юбилей, имѣющій совершиться въ семъ городѣ III / XV будущаго іюля. Надѣемся, что, сочувствуя труженикамъ благородной науки и считая всѣхъ ихъ соединенными товариществомъ, вы не признаете торжества сего чуждымъ для васъ. Гельсингфорсъ, 27 апрѣля / 9 мая 1840".

И нѣтъ сомнѣнія, что въ настоящія минуты ученое сословіе не только русскаго, но и всего европейскаго сѣвера ожидаетъ съ братскимъ участіемъ юбилея, объявленнаго Александровскимъ университетомъ. Въ эти минуты, когда угрюмая страна финновъ составляетъ предметъ общаго любопытства, и когда прелестный Гельсингфорсъ едва вмѣщаетъ въ себѣ всѣхъ своихъ посѣтителей, для многихъ конечно было бы пріятно ознакомиться короче съ духомъ кореннаго народонаселенія Финляндіи. Вотъ что побуждаетъ насъ представить здѣсь нѣсколько замѣтокъ, относящихся къ сему предмету, хотя, можетъ быть, и весьма далекихъ отъ безусловнаго достоинства. Что касается до самаго университета, то мы уже въ предыдущей статьѣ представили легкій очеркъ его исторіи и настоящаго состоянія.

I.

При ближайшемъ знакомствѣ съ финнами [1]), всякаго прежде всего поражаетъ рѣзкая противоположность между ихъ наружностью и внутренними силами. Члены у финна грубы, неповоротливы; его глаза и черты лица, котораго окладъ особенно отличается выдающимися скулами, выражаютъ глубокое спокойствіе души, даже безстрастіе;

[1]) Подъ этимъ именемъ должно преимущественно разумѣть поселянъ финскаго племени, живущихъ во внутренности Финляндіи; чѣмъ ближе къ берегамъ и особенно къ юго-восточной границѣ, тѣмъ менѣе замѣтенъ въ сельскихъ жителяхъ края ихъ первоначальный характеръ.

онъ угрюмъ и несловоохотенъ. Но, будучи повидимому неспособенъ къ дѣятельности, онъ сохраняетъ флегму свою только до тѣхъ поръ, пока обстоятельства не разбудятъ дремлющихъ силъ его: тогда онъ являетъ энергію, вполнѣ соотвѣтствующую мощному, хотя и тяжелому сложенію тѣла его.

Финны одарены рѣдкимъ терпѣніемъ въ перенесеніи трудовъ и нуждъ, и такимъ постоянствомъ въ совершеніи предпринятаго, что ихъ не безъ основанія укоряютъ въ упрямствѣ. Набожность ихъ, честность и вѣрность данному слову извѣстны всякому, сколько-нибудь знакомому съ симъ народомъ. О послѣднемъ свойствѣ свидѣтельствуетъ между прочимъ и финская пословица: „вола держи за рога, а мужа за слово (Sanasta miestä, sarvesta härkää)“. Отъ того ничто не убѣдитъ финна измѣнить клятвѣ или присягѣ, а съ этимъ неразлучна въ немъ неограниченная преданность законнымъ властямъ и непоколебимая довѣренность къ Монарху.

Финнъ не избалованъ ни судьбою, ни окружающею его природой; онъ искони привыкъ повиноваться безропотно первой, и неутомимо бороться съ послѣднею. Не смотря на то, онъ страстно привязанъ къ родинѣ и къ жилищамъ своимъ. Случается, однакожъ, что крайняя нужда заставитъ ту или другую семью покинуть свою хижину. Тогда можно видѣть съ одной стороны, до чего нищета доводитъ несчастныхъ, а съ другой, сколько добродушія и братскаго состраданія природа вложила въ сердца этихъ бѣдныхъ людей. Телѣгу, въ которой съ трудомъ помѣщаются женщины и дѣти, тащатъ, за неимѣніемъ лошади, сами крестьяне, пока не доберутся до перваго двора; тамъ, если хозяинъ зажиточнѣе странниковъ, онъ ссужаетъ ихъ лошадью и самъ смиренно везетъ ихъ до слѣдующаго жилья. Вообще бытъ поселянъ финскихъ представляетъ донынѣ много патріархальнаго и такія черты, которыхъ тщетно стали бы мы искать у другихъ новѣйшихъ народовъ. Между этими чертами одна изъ главныхъ есть гостепріимство, о которомъ достаточное понятіе даетъ Рунебергъ въ статьѣ уже извѣстной читателямъ Современника [1]).

Всегдашняя борьба съ трудностями не могла остаться безъ вліянія на характеръ финновъ: испытавъ много зла и привыкнувъ встрѣчаться съ опасностями, они вообще недовѣрчивы къ иноплеменникамъ, и надобно много искусства, чтобы восторжествовать надъ ихъ скрытностью и часто упорнымъ молчаніемъ. Но жестокость судьбы имѣла для нихъ и благія послѣдствія: въ нуждѣ окрѣпли и тѣло и духъ финна; она пріучила его довольствоваться малымъ и переносить суровость не одной природы, но и ближняго. Онъ требуетъ въ отношеніи

[1]) „О природѣ финляндской, о нравахъ и образѣ жизни народа во внутренности края“. *Соврем.*, т. XVII, стр. 5. См. ниже въ отдѣлѣ *Переводовъ*.

къ себѣ только соблюденія справедливости; малѣйшее благодѣяніе, малѣйшій излишекъ сверхъ того, что ему по праву слѣдуетъ, словомъ, всякая милость или ласка доставляютъ ему непритворную радость. За то онъ при всей своей кротости и видимой безотвѣтности, легко свирѣпѣетъ, когда видитъ себя оскорбленнымъ. Онъ равно помнитъ добро и зло; умѣетъ быть благодарнымъ — но бываетъ мстителенъ до лютости.

Никогда не бывъ воинственнымъ, онъ однакожъ искони отличался рѣшимостью предъ лицомъ опасности и мужествомъ въ бояхъ. Густавъ Адольфъ особенно дорожилъ бывшими въ войскахъ его финнами, и во время тридцатилѣтней войны, въ которую они ознаменовали себя не однимъ подвигомъ, употреблялъ ихъ преимущественно тамъ, гдѣ не столько требовался пламенный порывъ отваги, сколько спокойный отпоръ и холодное присутствіе духа. Новые опыты храбрости явилъ народъ этотъ при участіи въ отечественной войнѣ 1812 г. и въ послѣднемъ походѣ противъ польскихъ мятежниковъ.

Удачно обрисованъ характеръ финновъ немногими словами въ рѣчи, которою въ 1809 г. профессоръ финляндскаго университета Валеніусъ привѣтствовалъ въ Або Императора Александра. „Государь“! говоритъ онъ: „Ты видѣлъ народъ суровый, бѣдный, терпѣливый въ трудахъ, привыкшій довольствоваться малымъ, гостепріимный, простой въ своихъ нравахъ, сильно привязанный къ вѣрѣ, къ уставамъ и обычаямъ предковъ, свято почитающій законъ и правосудіе, храбрый, твердый, преданный повелителямъ, готовый на все ради вѣры и отечества, упорный, мнительный, опасающійся быть предметомъ презрѣнія или порицанія, но воздающій любовью за любовь, кроткій, податливый, смирный и чуждый всякихъ смятеній“ [1]).

II.

Въ Финляндіи низшее сословіе народа образованнѣе, нежели во многихъ другихъ странахъ. Въ мѣстныхъ законахъ есть постановленіе, что жениться можетъ только тотъ, кто былъ у причастія, а къ причастію допускаются одни грамотные. Явись къ пріобщенію святыхъ

[1]) Изъ: Plausus et Vota quibus Alexandrum Primum, Imperatorem, celebre ad Auram Athenaeum d.11 Apr. MDCCCIX gratiosisimme invisentem, universae Academiae nomine subjectissime excepit J. F. Wallenius: „Gentem vidisti duram, pauperem, operum patientem, parvo adsuetam, hospitalem, simplicem, priscae religionis et fidei, recti aequique et morum institutorumque a majoribus profectorum tenacem, strenuam, fortem, imperantibus devotam, sed oppressionis impatientem, pro aris, laribus, focis quidvis audentem, pervicacem, suspiciosam, negligi aut male haberi timentem, sed, a quo amari se sentit, eum vicissim amantem, tumque docilem, tractabilem, mitem atque a turbis ciendis alienissimam.“

тайнъ кто-нибудь непосвященный напередъ въ таинства азбуки, пасторъ немедленно отошлетъ его въ школу. Отсюда проистекаетъ для каждаго простолюдина необходимость умѣть читать, и каждая мать семейства учитъ тому дѣтей своихъ. Мало того: духовенство обязано повѣрять публично успѣхи, оказываемые поселянами въ домашнемъ ученіи. Пасторы разъ въ годъ разъѣзжаютъ по своимъ приходамъ для испытанія всѣхъ отъ мала до велика, заставляя ихъ читать, говорить наизустъ молитвы и т. п. На эти экзамены (läs-förhör), для которыхъ избирается преимущественно время, свободное отъ сельскихъ работъ, жители окрестныхъ селеній сходятся въ одно мѣсто, всякій съ тѣмъ, что знаетъ. Такія постановленія должны были развить въ народѣ набожномъ и склонномъ къ созерцанію, любовь къ чтенію, особливо духовныхъ книгъ. По воскресеньямъ почти въ каждой семьѣ праздный отдыхъ замѣняется симъ благочестивымъ занятіемъ; сверхъ того для финновъ издаютъ обыкновенно одну или двѣ простонародныя газеты, которыя, смотря по содержанію своему и другимъ условіямъ, находятъ болѣе или менѣе подписчиковъ въ смиренныхъ хижинахъ.

Еще замѣчательнѣе этой, такъ сказать, прививной образованности, особенный инстинктъ ума, которымъ одарены финны. Ихъ молчаливость не безъ значенія; часто подъ нею скрывается раздумье, и медленная рѣчь ихъ обличаетъ иногда необыкновенную зрѣлость разсудка, житейскую опытность и даръ наблюденія. Финнъ рѣдко начнетъ говорить, не подумавъ напередъ нѣсколько времени; посѣщаетъ ли онъ своего пріятеля — онъ не прежде заводитъ разговоръ, какъ посидѣвъ безмолвно съ опущенными неподвижными глазами, иногда съ трубкою въ зубахъ. Въ сужденіяхъ его, нерѣдко очень оригинальныхъ, поражаетъ васъ логическая строгость, а въ словахъ и выраженіяхъ какая-то разборчивость, точность, знаніе приличій и въ высокой степени свойственная всему народу поэтическая способность. Такому странному въ устахъ простолюдина изяществу рѣчи много способствуетъ самый языкъ финскій, неимовѣрно богатый во многихъ отношеніяхъ. Между крестьянами почти никогда не слышно грубой брани или неблагопристойныхъ шутокъ.

Когда же финнъ объясняется на бумагѣ, то часто не знаешь, чему болѣе удивляться: простодушному ли искусству, съ какимъ онъ выражается, обилію здравыхъ понятій и тонкихъ замѣчаній или отчетливой послѣдовательности изложенія. Въ письмахъ финновъ замѣтна большая разница съ письмами живущихъ иногда рядомъ съ ними шведовъ: послѣдніе, подобно нашимъ крестьянамъ-грамотѣямъ, обыкновенно наполняютъ листъ поклонами, разспросами о здоровьѣ и извѣстіями того же рода; но финнъ любитъ разсуждать о своихъ дѣлахъ и судьбѣ, а нерѣдко и о томъ, что творится на бѣломъ свѣтѣ. Въ этомъ отношеніи изумительно, что многіе финны, въ своихъ отдаленныхъ пусты-

пяхъ, не теряютъ изъ виду главныхъ явленій политическаго міра, и — непонятно какимъ образомъ — имѣютъ всегда свѣдѣнія, хоть часто и превратныя, о томъ или другомъ важномъ событіи. Здѣсь кстати замѣтить, что даже и лапландцы, которыхъ по умственнымъ способностямъ никакъ нельзя сравнивать съ финнами, обнаруживаютъ по-своему участіе въ томъ, что дѣлается у людей; они обыкновенно встрѣчаютъ путешественника тремя вопросами: все ли въ краю миръ? живъ ли Государь? живъ ли Епископъ?

III.

Желая показать, какъ оригинально и забавно финнъ смотритъ иногда на вещи, мы приведемъ въ примѣръ крестьянина Петра Війляйнена (Peter Wiiliäinen [1]). Съ дѣтства отличался онъ страстію къ изобрѣтеніямъ и безпрестанно сочинялъ новые планы; но важнѣйшимъ его произведеніемъ былъ составленный имъ въ царствованіе Императора Александра проектъ *боевой колесницы*, которую онъ назначалъ для истребленія турковъ, этихъ (по его понятію) единственныхъ виновниковъ всѣмъ бѣдствіямъ христіанскаго міра.

Чтобы вѣрнѣе успѣть въ своемъ предпріятіи, онъ рѣшился лично представить модель своей колесницы Государю, и для того пѣшкомъ отправился въ Петербургъ со всеподданнѣйшею просьбою, которую самъ сочинялъ и переписывалъ. Предлагаемъ этотъ драгоцѣнный документъ въ самомъ точномъ переводѣ:

„Если Ваше Императорское Величество признаете возможною и нужною эту боевую колесницу, которой модель изготовлена и изобрѣтена мною нижеподписавшимся: то я съ вѣрноподданническимъ благоговѣніемъ прошу Ваше Величество, буде можно, заключить вѣчный миръ и союзъ съ королями этой нашей Европы и подать такой совѣтъ, чтобы всѣ христіанскіе короли изготовляли подобныя колесницы и единодушно ополчались противъ турка. Я бы желалъ, чтобы это дѣлалось, какъ предрекли пророки. Въ пророчествѣ Іереміи читаемъ слѣдующее: „Яко се азъ воздвигну, и приведу на Вавилонъ собранія языковъ великихъ отъ земли полунощныя и ополчатся нань: оттуду плѣненъ будетъ, яко же стрѣла мужа сильна и искусна не возвратится праздна. И будетъ земля Халдейска въ разграбленіе, вси грабители ея наполнятся, глаголетъ Господь. Се людіе идутъ отъ сѣвера, и языкъ великъ, и царіе мнози возстанутъ отъ конецъ земли. Наострите стрѣлы, наполните тулы: воздвиже Господь царей Мидскихъ, яко противу Вавилона гнѣвъ его, да погубитъ и, понеже отмщеніе Господне есть отмщеніе людей его. Воздвигните знамя на земли, вострубите

[1]) Срв. *Переписка Грота съ Плетневымъ*, т. I, стр. 5.

трубою во языцѣхъ. Яко аще взыдетъ Вавилонъ на небо, и аще утвердитъ на высотѣ крѣпость свою, отъ мене пріидутъ губителіе его, глаголетъ Господь" [1]).

„Конечно странное дѣло, что я, простой крестьянинъ, вздумалъ давать совѣты императорамъ и королямъ и высокимъ сановникамъ. Но я полагаю, что Вашему Императорскому Величеству недосугъ заниматься такими предметами, равно какъ и другимъ королямъ и высокимъ сановникамъ. Причины тому слѣдующія: Когда въ прежніе годы русское царство было въ войнѣ съ туркомъ, тогда шведская земля возстала войной на Россію. Хотя много было мудрыхъ и смышленыхъ королей, и въ большихъ школахъ воспитанныхъ, высокихъ, ученыхъ въ писаніи сановниковъ, но имъ не было времени обдумать, что лучше бы единодушно воевать противъ турка, съ тѣмъ благоразуміемъ и тою силою, съ какими они воевали противъ русскаго, такъ-что наконецъ пробрались за крѣпость Кронштадтъ въ русское море. — Второй пунктъ: Когда была послѣдняя война съ туркомъ въ Ваше, Государь, царствованіе, то Франція поднялась на бой съ русскимъ, склонивъ и другихъ къ войнѣ. Хотя много было королей и знатныхъ мужей въ союзѣ, однакожъ имъ не было времени обдумать, что лучше бы единодушно воевать противъ турка съ тѣмъ благоразуміемъ и тою силою, съ какими они воевали противъ русскаго, такъ что наконецъ до самой Москвы проникли въ государство. Вслѣдствіе реченныхъ пунктовъ я желаю и съ вѣрноподданическимъ благоговѣніемъ прошу, чтобы по Всемилостивѣйшему и Высочайшему совѣту Государя Императора, всѣ христіанскіе короли и власти согласились на вѣчный миръ и союзъ, такъ чтобъ впредь подобныхъ войнъ не случалось въ нашей Европѣ между христіанами, развѣ только противъ язычниковъ и турковъ".

Эта необыкновенная просьба, безъ сомнѣнія, не мало позабавила Государя, который за столь благую мысль пожаловалъ простодушному финну 500 руб. въ награжденіе.

Такая удача сильно подстрекнула изобрѣтательность его, и съ той поры онъ уже весь предался составленію проектовъ и плановъ. Г. Ленротъ, извѣстный финляндскій литераторъ, о которомъ говорили мы въ предыдущей книжкѣ и которому мы обязаны знакомствомъ съ Війляйненомъ, разсказываетъ въ путевыхъ запискахъ своихъ, что этотъ крестьянинъ служилъ ему однажды проводникомъ въ верхней Кареліи. Черновой отпускъ достопамятной просьбы и рисунокъ страшной колесницы всегда были при немъ; чуть-ли не сдѣлалъ онъ распоряженія, чтобы эти важныя бумаги послѣдовали за нимъ и въ могилу.

Любопытно было бы взглянуть на самый рисунокъ. Онъ изобра-

[1]) *Iерем.*, гл. 50 и 51.

жалъ карету, заложенную парою лошадей, которыя вмѣстѣ съ нею помѣщались въ жестяномъ футлярѣ, открытомъ только снизу. Футляръ, довольно широкій сзади, суживался къ переднему краю, такъ что представлялъ съ боку родъ усѣченнаго треугольника. Впереди и на сторонахъ было нѣсколько небольшихъ отверстій, только для того, чтобы сквозь ихъ смотрѣть и стрѣлять. Снаружи, вдоль стѣнокъ, какъ передней, такъ и боковыхъ, тянулись острыя желѣзныя полосы, шириною въ порядочную косу.

„Легко вообразить", шутитъ Ленротъ, „какое ужасное опустошеніе эта колесница могла бы произвести въ рядахъ турка: стоило-бъ только ворваться съ нею въ густоту полковъ и поѣздить вокругъ, вмѣсто прогулки, потому что сидящій въ каретѣ оставался бы совершенно закрытъ и безопасенъ. Кто-бъ избавлялся отъ смертоноснаго дѣйствія острыхъ полосъ, тотъ былъ бы застрѣливаемъ на бѣгу, и такимъ образомъ не спасся бы ни одинъ непріятель".

IV.

Въ Війляйненѣ видѣли мы образчикъ народнаго ума финновъ; но примѣръ сей даетъ понятіе только объ одной сторонѣ способностей ихъ. Еще болѣе вниманія заслуживаетъ доставшееся имъ въ удѣлъ поэтическое дарованіе. Изъ множества старинныхъ пѣсенъ, живущихъ въ устахъ простолюдиновъ, между которыми доселѣ являются счастливые импровизаторы, видно, что поэзія составляла нѣкогда общее достояніе всей націи. Сверхъ того, эти произведенія свидѣтельствуютъ о нѣкоторой степени образованія, самобытно развившагося у древнихъ финновъ. Посему весьма занимательно было бы обозрѣть состояніе ихъ до шведскихъ завоеваній, начавшихся съ XII вѣка. Но, къ сожалѣнію, объ этомъ предметѣ сохранилось слишкомъ мало извѣстій. Попробуемъ однакожъ, пользуясь и тѣми скудными средствами, какія имѣемъ, бросить бѣглый взглядъ на образъ существованія финновъ въ древности.

Гражданское устройство ихъ конечно было еще весьма несовершенно. У нихъ не было общаго главы или государя, но существовало, вѣроятно, семейное или патріархальное правленіе, т. е. въ каждомъ семействѣ отецъ былъ неограниченнымъ властелиномъ, и въ случаѣ войны старѣйшіе становились вождями. Были общественныя сходки; но городовъ и крѣпостей народъ еще не зналъ; онъ жилъ въ деревняхъ, а крѣпостями служили укрѣпленныя пещеры и скалы. Главными промыслами финновъ были рыбная ловля, охота, скотоводство, и преимущественно земледѣліе, которое искони приняло у нихъ особенный видъ: донынѣ, какъ извѣстно, они выжигаютъ лѣса и удобренную пепломъ землю обращаютъ въ пашни. Этотъ родъ земледѣлія, существующій не только въ Финляндіи, но и въ тѣхъ изъ нашихъ

сѣверныхъ губерній, гдѣ финны составляютъ часть народонаселенія называется *пала* (по швед. svedja).

Сосѣдство съ враждебными народами и съ моремъ, на которомъ нерѣдко являлись грозные скандинавскіе удальцы, издавна заставляло миролюбыхъ финновъ помышлять о средствахъ къ оборонѣ, а иногда приманка легкой добычи или мщеніе побуждали итти и къ нападеніямъ. Вотъ чѣмъ объясняется искусство въ мореплаваніи, которымъ съ незапамятныхъ временъ отличались жители финляндскихъ береговъ; купеческія суда, ходившія изъ Ганзейскихъ городовъ въ Новгородъ, часто подвергались опасности со стороны этихъ хитрыхъ и смѣлыхъ моряковъ.

Приготовленіе оружій было у финновъ искони однимъ изъ важнѣйшихъ искусствъ. Они всегда занимались разработкою металловъ, особливо желѣза, и этому обязаны тѣмъ, что даже въ Швеціи преданіе приписываетъ имъ открытіе большей части находящихся тамъ желѣзныхъ рудниковъ. Въ скандинавскихъ сагахъ финскіе мечи пользуются особенною славой. Вообще ремесло кузнеца издревле было распространено и высоко цѣнилось у финновъ, которые до позднѣйшей поры слыли знатоками въ кузнецкихъ работахъ.

Одинъ изъ главныхъ боговъ ихъ во времена язычества — *Ильмарíненъ* — былъ ковачемъ. Общность сего ремесла въ народѣ отражалась даже и въ языкѣ финскомъ: слово seppä (кузнецъ) означало вообще дѣлателя, такъ что, назвавъ и предметъ работы, можно было выразить тѣмъ словомъ всякаго производителя; даже поэта или пѣвца называли иногда ковачемъ пѣсенъ.

Другимъ любимымъ занятіемъ финновъ было и есть ткацкое ремесло. Зналъ ли народъ еще какія-либо искусства — опредѣлить трудно; вообще нѣтъ возможности очертить съ точностію кругъ его образованности; достовѣрно, по крайней мѣрѣ, что употребленіе письменъ еще не было ему извѣстно.

О бытѣ его можно судить только по разнымъ чертамъ, разсѣяннымъ въ древнихъ его пѣсняхъ. Обращеніе съ женщинами, какъ заключать должно, было еще сурово; есть основаніе думать, что женъ пріобрѣтали покупкою — обычай и теперь еще существующій у нѣкоторыхъ финскихъ племенъ, живущихъ внутри Россіи. Въ Финляндіи, напротивъ, водится нынѣ между простолюдинами, что невѣста даритъ родителей жениха.

Не смотря на свою природную угрюмость, финны искони любили увеселенія; кромѣ тѣлесныхъ упражненій разнаго рода, какъ то: катанья на лыжахъ, стрѣльбы изъ лука, плаванія и борьбы, имъ служили забавою обильныя пиршества. Свадьба, обрученіе, родины, похороны, всѣ эти случаи давали поводъ къ веселымъ сходкамъ; сверхъ того, пирами праздновались постоянно извѣстные дни, напр., весной

день посѣва, осенью день окончательной жатвы. Главнымъ наслажденіемъ на такихъ пирахъ было неумѣренное употребленіе пива и меда, отъ чего самое понятіе *пировать* выражалось у финновъ, какъ и у скандинавовъ, словомъ *пить*. Вино узнали они уже въ позднѣйшее время отъ иноземцевъ, почему еще и донынѣ всякое вино называютъ нѣмецкимъ (saksan viina). На пиръ допускались одни мужчины; женщины же участвовали въ немъ только приготовленіемъ яствъ и напитковъ. Особенною торжественностію было ознаменовываемо пиршество послѣ счастливой медвѣжьей охоты; сходившіеся по этому случаю сосѣди давали каждый свою долю хлѣба и мяса; наряжались какъ можно богаче, и избравъ мальчика и дѣвочку, какъ подобіе жениха и невѣсты, пили и ѣли при звонѣ чашъ. Сперва вносили медвѣжью голову, которую вѣшали на дерево, а потомъ появлялось и остальное мясо убитаго звѣря, вареное въ гороховомъ супѣ.

„День", говоритъ финская пословица, „пополняется ночью, а скудость пива пѣніемъ". Въ самомъ дѣлѣ, лучшую принадлежность пировъ составляли пѣсни, которыя одинъ изъ присутствовавшихъ обыкновенно и пѣлъ и сочинялъ въ то же время: онѣ сопровождались иногда игрою на струнныхъ инструментахъ, до сихъ поръ употребляемыхъ народомъ, но только въ немного измѣненномъ видѣ. На однихъ играли пальцами, на другихъ смычкомъ. Струны, бывшія первоначально изъ конскаго волоса, впослѣдствіи приготовлялись изъ металла. Древнѣйшимъ инструментомъ была *кантела* (kantele, родъ арфы), иногда называвшаяся и арфою. Сверхъ того, финнамъ издавна были знакомы и духовые инструменты — рогъ, пастушескій рожокъ и родъ флейты.

V.

Главнымъ и почти единственнымъ памятникомъ древней самобытной образованности финновъ остаются ихъ пѣсни и прекрасный языкъ этихъ безыскуственныхъ, но часто драгоцѣнныхъ изліяній души. Они носятъ на себѣ рѣзкую печать той національности, которой не могли изгладить въ народѣ ни утрата самобытности политической, ни время.

По характеру своихъ способностей финны имѣютъ нѣкоторое сходство съ восточными народами: въ стремленіи финновъ къ умственному развитію не замѣтно той всеобщности, разносторонности и подвижности, которыя составляютъ отличительныя черты духа европейскаго; напротивъ, они довольствовались всегда дѣятельностію однообразною, спокойною, и притомъ чисто-внутреннею, рѣдко обнаруживавшеюся дѣломъ.

Финны искони были равнодушны ко всему внѣшнему: къ силѣ, къ почестямъ, къ вліянію въ житейскихъ дѣлахъ, къ красотѣ тѣлесной. Этимъ-то объясняется и всегдашнее ничтожество ихъ въ мірѣ политическомъ: никогда не искали они могущества и власти, не прель-

щались славою завоевателей, не предпринимали громкихъ подвиговъ: но смиренно уединялись въ самихъ себѣ, и съ неизмѣнною вѣрностію покорялись владычеству чуждому. Отъ того и самородное образованіе ихъ никогда не приходило въ столкновеніе съ образованіемъ повелителей; среди политическихъ перемѣнъ страдательный характеръ ихъ остался неприкосновеннымъ въ корнѣ своемъ, и такимъ только образомъ національность финновъ могла выйти невредимою изъ кровавыхъ бурь ихъ существованія.

Но что же замѣняло для нихъ власть, славу, независимость? Высшимъ благомъ считали они *мудрость*, которую поставляли преимущественно въ *знаніи* сокровенныхъ силъ природы и въ тайнѣ дѣйствовать на нихъ посредствомъ *слова*. Вотъ начало ихъ *колдовства*, общаго финнамъ въ старину и состоявшаго главнымъ образомъ въ цѣленіи болѣзней или въ нанесеніи вреда — посредствомъ *заклятій*.

Извѣстно, что народъ сей еще въ древности славился своими колдунами; еще Тацитъ разсказываетъ о тайныхъ его знаніяхъ, а въ средніе вѣки вся Европа наполнена была слухами о колдовствѣ финновъ, которые, по общему повѣрью, были въ сношеніи съ злымъ духомъ: самое имя *финнъ* долгое время значило то же, что и *колдунъ*.

Чародѣйствомъ финновъ многіе стараются подтвердить догадку, что племя это обитало нѣкогда въ Скандинавіи. Тамошнія преданія повѣствуютъ о борьбѣ позднѣйшихъ завоевателей полуострова, Готовъ, съ какимъ-то племенемъ великановъ, съ Іотами, отличавшимися будто-бы необыкновенною мудростію и глубокими знаніями, а такъ-какъ то же преимущество искони приписывалось и финнамъ, то отсюда и выводятъ тождество ихъ съ Іотами.

При поэтическомъ взглядѣ своемъ на міръ, финны всякое зло считали существомъ живымъ, слѣдовательно, врагомъ своимъ, и притомъ врагомъ коварнымъ, скрытнымъ, но который упорствуетъ только до тѣхъ поръ, пока не извѣдано его происхожденіе, не проникнуты его замыслы, не объяснены его дѣйствія. Какъ скоро все это будетъ сдѣлано и выражено, онъ непремѣнно долженъ устыдиться и бѣжать. Такъ произошли *заклинанія*, которыя, при свойственной народу способности къ поэзіи, приняли форму пѣсенъ. Въ нихъ описываются: сперва происхожденіе зла, потомъ вредъ имъ причиняемый и средства противъ него; наконецъ произносится самое заклятіе. Заклинательныя пѣсни только *читались*, а не пѣлись; колдунъ въ это время стоялъ обыкновенно на колѣняхъ, держа шапку въ рукахъ; иногда читалъ онъ тихо, слегка оплевываясь и пыхтя; иногда грозно возвышалъ свой голосъ и входилъ въ изступленіе; тогда глаза его закатывались, у рта являлась пѣна, колдунъ страшно корчился и топалъ.

Идея о *злѣ* сливалась у финновъ съ идеею о *болѣзни*, и потому главная цѣль колдовства ихъ состояла въ исцѣленіи или возбужденіи

недуговъ: такъ возникла въ народѣ магическая медицина. Но колдовство финновъ, особенно въ позднѣйшее время, имѣло и другія назначенія: посредствомъ его гасили и воспламеняли страсти, въ случаѣ покражи открывали вора и т. п. Притомъ не ограничивались словомъ или заговариваніемъ; но прибѣгали и къ другимъ способамъ чародѣйства, напр. къ зельямъ, мазямъ разнаго рода; особенную силу приписывали костямъ мертвецовъ, отъ чего колдуны обыкновенно и носили въ мѣшкахъ, гдѣ держали разныя таинственныя орудія, нѣсколько такихъ костей, и любили производить свои чары на кладбищахъ.

Съ уваженіемъ народа къ мудрости и съ понятіемъ о существѣ ея неразлучно было глубокое почтеніе къ колдунамъ; нуждавшійся въ ихъ помощи нерѣдко совершалъ далекое странствованіе, чтобы увидѣться съ однимъ изъ нихъ; вездѣ они были принимаемы, какъ самые почетные гости. Имъ приписывали тѣмъ болѣе могущества, чѣмъ далѣе они жили къ сѣверу, гдѣ число ихъ было всего значительнѣе: выше всѣхъ по искусству въ чарахъ считались лапландцы; они презирали южныхъ колдуновъ, которые и сами сознавали предъ ними свою неопытность. Но уваженіе къ колдунамъ мрачнаго сѣвера соединялось съ невольнымъ страхомъ: ихъ упрекали въ злобѣ и лукавствѣ. Нынѣ колдуны почти совершенно исчезли въ Финляндіи; но еще въ концѣ прошлаго столѣтія ихъ было тамъ довольно много. Они сами твердо вѣрили въ свое искусство и обыкновенно передавали его своимъ дѣтямъ, почему оно и считалось достояніемъ цѣлыхъ родовъ; принятіе посторонняго въ ученики сопровождалось особеннымъ таинственнымъ обрядомъ, который, по большой части, совершался на камнѣ у какого-нибудь водопада.

Считать ли такое колдовство однимъ суевѣріемъ, или въ самомъ дѣлѣ искусствомъ, основаннымъ на знаніи извѣстныхъ силъ природы, знаніи, которое обладавшіе имъ умышленно скрывали отъ другихъ и облекали таинственностію? Извѣстно, что у многихъ народовъ древности были касты, коимъ исключительно принадлежали свѣдѣнія, недоступныя для толпы, но основанныя на глубокомъ изученіи природы. Въ началѣ то же было, вѣроятно, и у финновъ; но впослѣдствіи, какъ кажется, древнія знанія утратились и колдовство сдѣлалось собственностію суевѣрія; народъ сталъ производить чары отъ злого духа, а наконецъ и сами колдуны вѣрили въ его содѣйствіе и призывали его въ помощь. Говорятъ, что въ позднѣйшее время они нерѣдко съ цѣлыми своими семействами предавали себя во власть діавола.

Во всякомъ случаѣ, *колдовство* финновъ и начало его — уваженіе *мудрости, знанія*, есть отличительный характеръ самобытнаго образованія народа, проникающій всѣ памятники его духовной дѣятельности и отражающійся на всей его исторіи, точно такъ же, какъ у скандинавовъ всѣ учрежденія, событія и умственныя произведенія

означены печатью *воинственности.* Къ развитію въ финнахъ такого направленія должны были много способствовать обстоятельства, издавна ихъ окружавшія. Финнъ всегда видѣлъ предъ собою природу мрачную и неумолимую къ нуждамъ человѣка, и привыкъ смотрѣть на нее какъ на врага своего; съ другой стороны, его тревожила часто непріязнь сосѣднихъ народовъ. Эта двойная борьба съ внѣшними силами и въ то же время недостатокъ вещественныхъ средствъ для побѣды, могли заставить его обращаться во внутрь себя, искать способовъ отпора въ своемъ умѣ, или даже прибѣгать къ тайнымъ, сверхъестественнымъ силамъ. Тому еще болѣе благопріятствовало насильственное введеніе христіанской религіи; принуждая финновъ искать убѣжища въ дремучихъ лѣсахъ и пещерахъ, оно неминуемо должно было еще усилить мрачное расположеніе народнаго духа.

Теперь слѣды колдовства финновъ остаются почти въ однѣхъ заклинательныхъ пѣсняхъ, которыя народъ хранитъ только какъ наслѣдіе, доставшееся ему отъ предковъ. Впрочемъ, онѣ распространяются не легко; немногіе еще существующіе колдуны не охотно ввѣряютъ ихъ образованнымъ людямъ и боятся, что, попавшись въ руки непосвященныхъ, онѣ утратятъ свою силу. Вообще, такія пѣсни представляютъ много нелѣпаго, темнаго, и потому содержаніемъ своимъ рѣдко бываютъ занимательны. За то, наполненныя грубыми вымыслами воображенія необузданно-дикаго, онѣ часто дышутъ таинственнымъ ужасомъ.

VI.

Болѣе пріятное явленіе составляютъ финскія пѣсни другого рода. Поэтическая способность, какъ уже замѣчено, была нѣкогда общею принадлежностію народа. Это подтверждается и однимъ изъ древнихъ его преданій: главнымъ божествомъ языческихъ финновъ былъ пѣвецъ Вейнемейненъ (Wäinemöinen), котораго они признавали своимъ геніемъ-покровителемъ, богомъ, даровавшимъ имъ поэзію. Итакъ они видѣли въ ней даръ божественный; она была въ ихъ глазахъ и верховнымъ благомъ человѣка и началомъ гражданскаго ихъ устройства.

Въ прежнія времена народные пѣвцы были чрезвычайно многочисленны въ Финляндіи. Почти на всякой пирушкѣ, на всякой веселой сходкѣ раздавались пѣсни, тутъ же и сочиняемыя безъ всякаго приготовленія однимъ изъ простодушныхъ гостей. Веселье и горе, какое-нибудь событіе однообразной сельской жизни, чей-нибудь подвигъ, общее благо или бѣдствіе, смерть друга или насмѣшка надъ недругомъ — все это попеременно служило предметомъ такихъ импровизацій. Самыя женщины, за работою, нерѣдко сочиняли и пѣли пѣсни. Нынѣ народная поэзія уже угасаетъ въ Финляндіи, что отчасти должно приписать естественному ходу развитія духа человѣческаго во всѣхъ

націяхъ, отчасти же и излишнему усердію пасторовъ, которые, считая народную поэзію между финнами остаткомъ язычества, всячески старались истребить ее. Однакожъ мѣстами, особенно въ сѣверо-восточныхъ частяхъ, въ Саволаксѣ и Кареліи, еще и нынѣ являются пѣвцы между поселянами. Вообще сѣверная часть края въ этомъ отношеніи гораздо богаче южной. Г. Ленротъ, который пѣшкомъ путешествовалъ по Финляндіи для собиранія народныхъ пѣсенъ, говоритъ въ своихъ путевыхъ запискахъ:

„Южный финнъ, живя преимущественно при большихъ дорогахъ близъ городовъ, гдѣ онъ легко сбываетъ свои товары и запасается всѣмъ, что ему нужно, привыкаетъ къ жизни безпечной, рѣдко благопріятной для поэта. Напротивъ того, финнъ сѣверный, окруженный своими безчисленными озерами, своими обширными лѣсами, гдѣ нѣтъ дорогъ, на которыхъ бы онъ, подобно южному своему собрату, могъ беззаботно дремать въ телѣжкѣ, — сѣверный финнъ долженъ часто предпринимать трудныя странствованія то въ церковь, то въ судъ. Но развитію ума его всего болѣе помогаютъ продолжительныя поѣздки въ городъ. Въ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ родины его, узнаетъ онъ новые нравы и обычаи, обогащая въ то же время запасъ извѣстныхъ ему словъ. Пріѣхавъ домой, онъ разсказываетъ разныя приключенія, которыя или самъ испыталъ, или слышалъ отъ другихъ, и такимъ образомъ въ околоткѣ накопляются предметы и для преданій и для пѣсенъ. Есть также различіе въ образѣ жизни сѣвернаго и южнаго финна. Послѣдній, какъ извѣстно, живетъ обыкновенно въ довольно большихъ деревняхъ, гдѣ и проводитъ почти всѣ свободные часы въ забавахъ съ сосѣдями, тогда какъ сѣверный живетъ уединенно и не находитъ случаевъ веселиться. Въ одиночествѣ, не видя, часто въ продолженіе цѣлыхъ недѣль, никого чужого, онъ впадаетъ въ задумчивость и чувствуетъ неодолимое влеченіе изливать ее въ пѣсняхъ. Ко всему этому надобно прибавить долгія зимнія ночи съ ихъ сѣвернымъ сіяніемъ, съ ихъ символическими созвѣздіями, которыя такъ краснорѣчиво говорятъ душѣ, а здѣсь еще сильнѣе дѣйствуютъ на умъ и воображеніе по своей противоположности съ безконечнымъ лѣтнимъ днемъ и палящимъ зноемъ его.

„Вотъ на чемъ основано превосходство сѣверныхъ финновъ въ поэзіи. Подкрѣпленіе этому легко найти въ самыхъ пѣсняхъ ихъ. Какъ древніе боги языческихъ финновъ предпринимали опасныя странствованія на сѣверъ, такъ и теперь еще судьба часто приводитъ поэта въ пустынные лѣса Лапландіи или на полунощное море. Въ немъ явно стремленіе къ мрачному, таинственному сѣверу, гдѣ передъ взорами его пылаетъ огонь, зажженный его божествами. Иногда возносится онъ въ заоблачныя страны на рамена Большой Медвѣдицы и не останавливается, пока не пролетитъ чрезъ всѣ девять небесъ.

Въ немъ безпрестанно обнаруживается вліяніе одинокой, печальной жизни. Грусть, меланхолія составляетъ главную черту финской поэзіи, хотя въ ней рѣзко выдается еще и другая сторона, именно склонность къ таинственному, къ дикому. Пѣсни веселаго содержанія рѣдки въ сравненіи съ тѣми, которыя выражаютъ тоску въ многообразныхъ ея направленіяхъ и видахъ. Только въ новѣйшее время болѣе радостныя *руны* [1]) начали появляться въ народѣ, и поэзія сдѣлалась разностороннѣе: такъ сатира, совершенно чуждая стариннымъ пѣснямъ, бываетъ часто характеромъ новыхъ.

„Изъ поселянъ, которые въ наше время пѣли о разныхъ предметахъ, на первомъ мѣстѣ стоитъ *Паво Ко́рхойненъ.* То онъ бываетъ простодушнымъ разсказчикомъ, то становится сатирикомъ въ чистѣйшемъ значеніи слова, то онъ поучаетъ, преподавая простыя правила, внушенныя самою природой. Иногда онъ бываетъ веселъ, игривъ, обиленъ выдумками. Нѣкоторыя изъ его рунъ относятся къ миѳологіи; въ другихъ подражаетъ онъ тѣмъ древнимъ пѣснямъ, въ которыхъ описывается происхожденіе вещей и особенно болѣзней (заклинательнымъ пѣснямъ). Ему теперь за 60 лѣтъ; живетъ онъ въ приходѣ Рауталампи. Сложеніе его, здоровое отъ природы, еще болѣе укрѣпилось отъ труда.

„Рано уже сдѣлался онъ любимымъ пѣвцомъ народа, и до сихъ поръ еще пользуется необыкновеннымъ уваженіемъ. Кромѣ безчисленнаго множества рунъ, пѣтыхъ имъ безъ приготовленія на пирушкахъ или при другихъ радостныхъ случаяхъ, и изъ коихъ очень немногія сохранились, онъ сочинилъ большое число и такихъ, которыя ходятъ въ спискахъ по Рауталампи и другимъ окрестнымъ приходамъ. За нѣсколько лѣтъ назадъ я посѣтилъ его съ намѣреніемъ записать нѣкоторыя изъ его рунъ; въ первый разъ увидѣлъ я его вечеромъ, когда онъ только успѣлъ возвратиться съ работы въ полѣ. Онъ сказалъ мнѣ, что ему теперь не до пѣнья, потому что онъ усталъ и тотчасъ ляжетъ спать, а завтра утромъ посмотритъ, что́ можно будетъ собрать. Я на другой день всталъ ранёхонько, желая воспользоваться такимъ обѣщаніемъ, но онъ успѣлъ уже уйти съ другими крестьянами на пашню. Мнѣ сказали, что онъ недалеко и воротится къ завтраку; я рѣшился ждать терпѣливо. Пришедши назадъ, онъ показалъ то же глубокое равнодушіе, какъ и наканунѣ вечеромъ; но вскорѣ его расшевелили двѣ чарки водки, припасенныя мною, и желаніе видѣть тетрадь пѣсенъ, которую я самъ писалъ и теперь нарочно разложилъ передъ нимъ. Мы тотчасъ подружились; поле было забыто, и Корхойненъ пѣлъ до поздняго вечера. Когда я спросилъ, много ли онъ рунъ сло-

[1]) *Руна* (runo)—финское названіе *пѣсни*; пѣвецъ, пользующійся нѣкоторымъ уваженіемъ, называется Runoniekka.

жилъ въ свою жизнь, то онъ, указавъ на большой сундукъ подъ столомъ, отвѣчалъ: „довольно я надосугѣ накропалъ ихъ, да и исписалъ бумаги; всѣмъ моимъ рунамъ не помѣститься бы вотъ въ этомъ сундукѣ; да я ихъ всегда тотчасъ же отдавалъ знакомымъ въ приходѣ". Я спросилъ: зачѣмъ онъ не бережетъ своихъ пѣсенъ?—„За нихъ всегда получишь чарочку-другую водки".—Повидимому, онъ слишкомъ любитъ этотъ напитокъ „къ собственному горю и къ горю своихъ друзей", какъ самъ онъ гдѣ-то признается. Я слышалъ, что онъ въ старые годы былъ нѣсколько времени присяжнымъ (nämndeman) [1]), но лишился этого званія за гибельную страсть свою. Онъ самъ жалуется, что она разстроила его обстоятельства и повергла его въ бѣдность: впрочемъ, благодаря своему прилежанію, онъ не терпитъ недостатка въ необходимѣйшемъ и не нуждается въ милостынѣ. Хотя и нельзя сказать, чтобы онъ себя погубилъ своимъ поведеніемъ, однакожъ его родные съ сокрушеніемъ видятъ, что онъ сдѣлалъ бы гораздо болѣе, еслибъ не предавался пьянству.

„Старшій пасторъ Б., бывшій прежде пасторомъ въ Рауталампи, сказывалъ мнѣ, что онъ однажды спросилъ у Корхойнена, когда и какимъ образомъ онъ сочинилъ лучшія свои руны. Тотъ отвѣчалъ, что за плугомъ обыкновенно сокращаетъ время какою-нибудь пѣснію, которую потомъ и записываетъ, сколько позволяетъ память. Точно ли самыя удачныя руны сложены имъ въ такомъ невинномъ состояніи, за это не могу ручаться; но знаю, что онъ, къ величайшему удовольствію слушателей, пѣлъ и поетъ безъ всякаго приготовленія, сколько хочетъ, когда въ веселомъ собраніи, на свадебной или другой пирушкѣ хмель немножко разнѣжитъ его душу и разогрѣетъ воображеніе. Отъ того онъ и бываетъ всегда дорогимъ гостемъ на такихъ празднествахъ.

„Нравъ у Корхойнена кроткій и тихій. Покойная мать его, которая во время моего посѣщенія была еще жива и которой повидимому очень льстили мои похвалы сыну, сказала про него: „онъ *доброе дитя:* мнѣ ужъ за 80 лѣтъ, а я еще никогда худого слова отъ него не слышала. Только, продолжала она, меня заботитъ, что онъ такъ любитъ водку и никакъ не можетъ бросить ея".

„Замѣчательно въ этомъ отношеніи его собственное признаніе въ одной рунѣ, гдѣ рѣчь идетъ о водкѣ. Вотъ отрывокъ оттуда:

„Только на старости лѣтъ я увидѣлъ ясно, какъ исчезаетъ слава, какъ гибнетъ достоинство человѣка, какъ его перестаютъ любить старые, добрые друзья, какъ онъ впадаетъ въ долги, когда пьетъ черезъ

[1]) Крестьяне каждаго прихода избираютъ изъ среды своей нѣсколько человѣкъ, пользующихся особеннымъ довѣріемъ, которые въ качествѣ присяжныхъ засѣдаютъ и подаютъ голосъ въ судѣ.

*

мѣру, когда день за днемъ живетъ въ изобиліи одной водки. Вотъ какія потери причиняешь ты, пріятная спутница въ жизни, старая, заразительная привычка, едва примѣтная въ началѣ!"

„Онъ кончаетъ словами:

„Такъ-то, дѣти мои, подлинно такъ! Эта истина мнѣ хорошо извѣстна; потому-что я самъ предавался злой привычкѣ, самъ испыталъ такія потери: пропало мое здоровье, исчезло мое богатство, пусто въ карманѣ. Огорчилъ я всѣхъ своихъ родныхъ, прогнѣвилъ начальниковъ. Самъ я знаю, что доброжелателей я только печалилъ, насмѣшникамъ служилъ только предметомъ смѣха. Пусть же я буду урокомъ для другихъ; но они могутъ сказать про меня: „Ты поучаешь другихъ, а самъ не поучаешься?"

„Въ сатирическомъ родѣ (принимая сатиру въ высшемъ и благороднѣйшемъ ея значеніи) Корхойненъ сочинилъ нѣсколько образцовыхъ рунъ. Изъ нихъ особенно замѣчательна одна, гдѣ онъ защищаетъ своихъ земляковъ, жителей Саволакса, противъ оскорбительныхъ выраженій, кѣмъ-то произнесенныхъ при немъ, когда онъ въ дѣтствѣ своемъ ѣздилъ въ Або. „Съ тѣхъ поръ, говоритъ онъ, эти колкія слова никогда не могли изгладиться изъ моей памяти. Какъ несправедливо подвергать равному суду цѣлый народъ и нападать на него безъ причины! Развѣ Раволаксъ не можетъ похвалиться людьми, которые выдержатъ сравненіе съ отличнѣйшими въ другихъ странахъ? Кто выстроилъ прекрасную колокольню въ ***; кто, безъ всякаго ученія и, даже не видѣвъ никакого образца, такъ умѣлъ все расчитать, что великанъ твердо стоитъ на своемъ мѣстѣ и, хотя держитъ на себѣ множество большихъ колоколовъ, ни мало не пошатнется отъ звона; кто такъ устроилъ тамъ лѣстницы, что по нимъ можно покойно всходить и любоваться величіемъ колокольни: уже-ли тотъ заслуживаетъ бранчивыя слова? Сохрани Богъ, чтобъ пѣснь моя оскорбила добраго; она хочетъ только наставить безразсуднаго, который за своей деревней не видитъ ничего годнаго!" Вся руна написана съ истиннымъ вдохновеніемъ, съ величайшею умѣренностію и проникнута, во всѣхъ своихъ подробностяхъ, патріотизмомъ, который придаетъ ей еще болѣе занимательности. Нѣкоторыя руны Корхойнена заключаютъ въ себѣ личные намёки и часто самыми острыми стрѣлами поражаютъ недостатки. Случается нерѣдко, что его просятъ сочинить руну на заданный предметъ: иногда такіе заказы являются даже изъ чужихъ приходовъ, и по большей части имѣютъ цѣлію осмѣять кого-нибудь. Такъ однажды получилъ онъ отъ нѣсколькихъ поселянъ изъ М. порученіе сложить руну на одного человѣка, котораго всѣ ненавидѣли за ябедничество и другія не слишкомъ милыя качества. Корхойненъ потребовалъ, чтобы пришедшіе къ нему депутаты разсказали ему все, что только знали о подвигахъ того че-

ловѣка, и разсказы ихъ продолжались до глубокой ночи. На слѣдующее утро началъ онъ пѣть на заданный предметъ руну, которая далеко превзошла ожиданія присланныхъ крестьянъ. Они его заставили написать ее и вмѣстѣ съ нею отправились во-свояси, а Корхойненъ болѣе и не думалъ о ней. Говорятъ, что эта руна длинна (занимаетъ отъ 2-хъ до 3-хъ писанныхъ листовъ) и, по мнѣнію знатоковъ, отлична въ своемъ родѣ".

Г. Ленротъ называетъ и характеризуетъ еще нѣсколько народныхъ пѣвцовъ; но мы на первый случай ограничимся Корхойненомъ, котораго пѣсни скоро должны появиться или уже появились въ печати. Скажемъ вообще, что нельзя надивиться существенному достоинству большей части финскихъ рунъ; сочинители ихъ, не зная никакихъ правилъ, соблюдаютъ, однакожъ, по инстинкту все, что предписываютъ тонкій вкусъ, здравая логика и нѣжный слухъ. Въ ихъ произведеніяхъ открывается обыкновенно разительная связь внутренняя и строгая послѣдовательность въ изложеніи мыслей. Они легко отличаютъ плохіе стихи отъ хорошихъ, и когда поютъ чужія пѣсни, то нерѣдко поправляютъ дурныя мѣста, хотя и не умѣютъ дать отчета въ такихъ поправкахъ. Нѣкоторые не довольствуются изліяніемъ минутныхъ ощущеній, но по временамъ берутся за предметы довольно обширные и работаютъ надъ ними, пока не достигнутъ той степени совершенства, къ которой стремятся. Они охотно принимаютъ чужіе совѣты; иногда же случается, что нѣсколько человѣкъ трудятся соединенными силами. Нынѣ поселяне, занимающіеся стихотворствомъ, учатся по большой части писать или, по крайней мѣрѣ, подражаютъ крупнымъ печатнымъ буквамъ, но рѣдко употребляютъ ихъ для своихъ пѣсенъ. Народнымъ поэтамъ финскимъ, при сочиненіи рунъ, очень помогаетъ то обстоятельство, что всѣ они знаютъ наизусть безчисленное множество старинныхъ и новыхъ пѣсенъ, и такимъ образомъ съ-молоду уже вполнѣ усвоиваютъ себѣ поэтическій языкъ и знакомятся со всѣми его тонкостями.

Съ дѣтства слыша безпрестанно пѣсни, они пріобрѣтаютъ въ затверживаніи ихъ изумительный навыкъ и до высокой степени изощряютъ свою память, обыкновенно и безъ того уже счастливую. Впрочемъ, такое затверживаніе иногда облегчается и тѣмъ особеннымъ способомъ пѣнія, который искони существуетъ у финновъ, хотя и не считается необходимымъ во всякомъ случаѣ. Настоящее торжественное пѣніе требуетъ соединенія двухъ пѣвцовъ. Одинъ сочиняетъ, другой только повторяетъ слова его, такимъ образомъ, что когда первый приближается къ концу строфы, другой снова начинаетъ ее и пропѣваетъ всю во второй разъ. Первый между тѣмъ придумываетъ слѣдующую строфу, которую и принимается пѣть, когда повторяющій долженъ вскорѣ остановиться. Если поется руна уже извѣстная, то первенство

или право начинать принадлежитъ либо тому, кто ее лучше знаетъ, либо старшему въ какомъ-нибудь отношеніи. Начинающій называется *запѣвалой* или *главнымъ*, повторяющій *товарищемъ* или *помощникомъ*. Послѣдній, приступая къ пѣнію, иногда восклицаетъ напередъ: *то-есть* или *говорю*, или *конечно*. Оба пѣвуна сидятъ другъ противъ друга, колѣно о колѣно и рука съ рукою; во все время, пока продолжается пѣніе, они слегка качаются взадъ и впередъ, и на лицѣ ихъ начертаны важность и раздумье. Такъ поютъ обыкновенно на пирушкахъ. Возлѣ поющихъ стоитъ всегда кружка съ пивомъ, къ которой они обращаются по окончаніи трудовъ своихъ.

Заучиваемыя слушателями финскія руны легко распространяются въ народѣ; особеннно благопріятствуютъ тому долгія зимнія путешествія поселянъ изъ отдаленныхъ мѣстъ въ города, гдѣ они сбываютъ свой товаръ и запасаются новымъ. Въ дорогѣ ихъ иногда встрѣчается до 50 человѣкъ, и всякій на такой сходкѣ поетъ, что знаетъ.

Общій характеръ финской поэзіи, какъ мы уже видѣли изъ словъ г. Ленрота, есть важность и мрачная тоска—свойства, отличающія вообще поэзію сѣверныхъ народовъ, но у финновъ еще усиленныя вліяніемъ угрюмой природы, бѣдности и судьбы, такъ долго тяготѣвшей надъ ними. Отъ того сей меланхолическій характеръ преобладаетъ особенно въ старинныхъ пѣсняхъ: въ нихъ содержаніе очень часто бываетъ плачевное; онѣ наполнены скорбью объ утратахъ, или бѣдствіяхъ общественныхъ и семейныхъ. Напротивъ, въ новѣйшее время финскія пѣсни чаще и чаще становятся выраженіемъ сердечной веселости и шутливой насмѣшки; въ нихъ выставляются съ комической стороны то явленія ежедневной жизни, то недостатки ближняго. Начало этого направленія видно уже въ старинныхъ заклинательныхъ пѣсняхъ: первая часть ихъ, гдѣ зло представляется въ его отвратительной наготѣ, можетъ быть отнесено къ сатирическому роду.

Тоскливость финскихъ рунъ выражается и въ ихъ напѣвахъ, по большей части утомительно-однозвучныхъ и неизмѣнныхъ отъ начала до конца пѣсни; только пастушескія мелодіи представляютъ болѣе разнообразія.

VII.

Самый языкъ финскій, по своему благозвучію и множеству счастливыхъ качествъ внутреннихъ, какъ-бы созданъ для поэзіи. Нѣкоторыя изъ замѣчательныхъ особенностей его были уже показаны въ статьѣ: *Гельсингфорсъ*. Прибавимъ здѣсь, что изъ всѣхъ европейскихъ языковъ, происходящихъ отъ азіатскихъ, онъ наименѣе удалился отъ своего источника, и въ законахъ своихъ, какъ и въ звукахъ, сходенъ съ венгерскимъ или языкомъ мадьяровъ, къ которому впрочемъ лапландскій подходитъ еще ближе. Обращаясь къ духовной сторонѣ финскаго

языка, мы находимъ въ немъ новое доказательство того тонкаго инстинкта ума, которымъ финны могутъ похвалиться, не смотря на недостатокъ высшей образованности. Онъ обиленъ словами и оборотами, передающими понятія чрезвычайно мѣтко, остроумно, а часто и живописно; на немъ легко выражаться кратко, сильно и вмѣстѣ нѣжно; въ пѣсняхъ финскихъ безпрерывно встрѣчаются слова, для объясненія которыхъ на другомъ языкѣ необходимо прибѣгнуть къ описанію, рѣдко удовлетворительному.

Такія преимущества въ языкѣ финновъ тѣмъ замѣчательнѣе, что онъ съ давнихъ временъ составляетъ почти исключительно достояніе простого народа, какъ въ средніе вѣка языки западной Европы, которые въ другихъ сословіяхъ уступили мѣсто латинскому и были совершенно устранены отъ взаимнаго соотношенія съ обществомъ и церковью. Но вопреки такой участи финскій языкъ сохранилъ въ теченіе вѣковъ и свою первоначальную чистоту и всѣ самобытныя красоты свои. Только, какъ само собою разумѣется, онъ бѣденъ словами для выраженія понятій отвлеченныхъ и предметовъ, входящихъ въ область высшей гражданственной образованности; вообще, бывъ мало употребляемъ на письмѣ, онъ еще мало обработанъ. Здѣсь нельзя не вспомнить стиховъ, которыми нашъ недавній пріятель, крестьянинъ Паво Корхойненъ, оплакиваетъ судьбу своего отечественнаго языка. Вотъ они въ прозаическомъ и, къ сожалѣнію, очень слабомъ переводѣ:

„Проститъ ли народъ финляндскій, одобрятъ ли сыны Саволакса, что я однимъ словечкомъ скажу, или только полусловомъ намекну, какъ презираемый финскій языкъ долго лежалъ въ пеленахъ? Такъ и теперь еще онъ лежитъ связанный, сжатый тѣсными узами. Можетъ быть, онъ никогда не выростетъ мужемъ, не расторгнетъ тѣсныхъ узъ силою мужа, не разорветъ тягостныхъ пеленъ, не выпрямится на собственныхъ ногахъ, не пойдетъ съ мужественною осанкою, не сядетъ между богатыми господствующими языками земли, на почетномъ мѣстѣ, на верхнемъ краю стола, и не будетъ ихъ товарищемъ за чашею? Тогда бы на финскомъ языкѣ писали тѣ, которые правятъ Финляндіею, которые чинятъ судъ и расправу между сынами Финляндіи; тогда каждый приговоръ, ими произносимый, былъ бы понятенъ; законы родины были бы объясняемы на родномъ языкѣ, на языкѣ, извѣстномъ всякому крестьянину.

„Несправедливо финскій языкъ такъ долго сидѣлъ на низкихъ скамьяхъ, между присяжными [1]) людьми, и не смѣлъ занимать сѣдалища судьи. И когда крестьянинъ подавалъ жалобу на простомъ родимомъ языкѣ, ему отвѣчали на шведскомъ, цѣлые листы исписывали темными знаками. Перо можетъ однакожъ изобразить слова, какія есть

[1]) См. выше выписку на стран. 115.

въ языкѣ, какими говоритъ народъ; ученые могли бы легко понимать финскій языкъ, простой, ясный; но во время его младенчества шведскій языкъ принялъ опеку надъ нимъ. Тотъ могучъ; у него есть сильные и богатые друзья, важные и знатные родственники. Вѣдь говорятъ, что нѣмецкій языкъ въ родствѣ съ шведскимъ. Но гдѣ же родственники и друзья финскаго? Есть у него родственникъ въ Эстляндіи [1]), раздѣляющій съ финскимъ одну судьбу — не читаютъ его въ школахъ, не учатъ ему въ училищахъ"!

Впрочемъ, въ новѣйшее время обращено дѣятельное попеченіе на усовершенствованіе финскаго языка такъ, какъ и вообще на изученіе края во всѣхъ отношеніяхъ. Съ этою благодѣтельною цѣлію учреждено 1831 года въ Гельсингфорсѣ *Финское Литературное Общество*, котораго стараніямъ и пожертвованіямъ Финляндія обязана уже не однимъ отраднымъ явленіемъ въ мірѣ словесности. Между книгами, изданными обществомъ, заслуживаютъ особенное вниманіе: финская народная поэма *Кáлевала*, собранная г. Ленротомъ, и повѣсть Цшокке Goldmacherdorf, прекрасно переведенная на финскій языкъ покойнымъ секретаремъ общества, Чекманомъ (Keckmann). Онъ же изготовилъ подстрочный переводъ *Калевалы* на шведскій языкъ и обогатилъ множествомъ словъ финскій лексиконъ Ренвалля; но ни тотъ, ни другой трудъ еще не напечатаны. Общество назначило три преміи: одну въ 300 руб. за составленіе подробной финской миѳологіи (къ концу 1838 г.), другую въ 500 руб. за нѣмецкій или шведскій переводъ *Калевалы* (къ концу 1837 г.) и третью въ 200 руб. за финскій переводъ въ стихахъ шведской поэмы Рунеберга: *Стрѣлки оленей* (къ концу 1838). Изъ всѣхъ этихъ задачъ только по послѣдней сдѣланъ былъ опытъ, но и тотъ оказался неудачнымъ. Говоря о финскихъ книгахъ, нельзя, наконецъ, не упомянуть объ отлично-составленной г. Беккеромъ грамматикѣ сего языка.

VIII.

Поэтическая природа финновъ отражается очень явственно даже въ ихъ ежедневномъ разговорѣ. Безпрестанно употребляютъ они сравненія, метафоры, аллегоріи, и особенно олицетворенія; въ ихъ рѣчахъ все одарено жизнію и тѣломъ: лѣсу, горѣ, каменьямъ они даютъ голову, спину, глаза, уши и т. п. „Такой образъ выраженія, говоритъ г. Ленротъ, сообщаетъ даже и прозѣ финской цвѣтъ поэтическій, особливо когда мы станемъ переводить обороты подлинника буквально". Другой предметъ, сильно поражающій иностранца въ разговорахъ финновъ,

[1]) Извѣстно, что эстонцы — финскаго же племени и что языкъ ихъ сходенъ съ языкомъ собственно-финновъ.

есть необычайное обиліе пословицъ—существующихъ въ языкѣ на всѣ почти случаи и по большей части превосходныхъ не только по своей истинѣ, но и по способу выраженія. Онѣ обыкновенно кратки, замысловаты и картинны; въ нихъ языкъ развертываетъ все неистощимое богатство своихъ способовъ. Пословицы финскія, свидѣтельствуя о наблюдательности народа и житейской мудрости, вѣками пріобрѣтенной, находятся въ близкомъ родствѣ съ рунами финновъ, и сами бываютъ нерѣдко облечены въ форму стиховъ. Ихъ такъ много, что иногда изъ нихъ составляется почти цѣлый разговоръ, при чемъ многія тутъ же и выдумываются бесѣдующими и исчезаютъ никѣмъ не замѣченныя. Къ сожалѣнію, всякія пословицы никуда не годятся въ переводѣ, и потому мы не станемъ приводить здѣсь образчиковъ финскаго народнаго ума, или развѣ только для любопытства укажемъ двѣ-три пословицы, напр. вотъ: *Никто не бываетъ ни такъ бѣденъ, чтобъ не могъ помочь другому, ни такъ богатъ, чтобъ не нуждался въ помощи.—Никто не бываетъ ни такъ хорошъ, какъ его хвалятъ, ни такъ худъ, какъ его порицаютъ.—Кто умѣетъ, тотъ дѣлаетъ; начинающій раздумываетъ.* Вмѣстѣ съ пословицами народъ любитъ и загадки, которыхъ разрѣшеніе издавна составляетъ одну изъ его существенныхъ забавъ.

У финновъ есть и свои народные витіи; таковы между простолюдинами сваты—люди, извѣстные въ цѣломъ приходѣ своимъ краснорѣчіемъ и умѣніемъ устраивать браки. Тщательно удостовѣрившись въ нравѣ невѣсты, ея трудолюбіи и надеждахъ на наслѣдство, такой сватъ отправляется къ ней съ подарками отъ имени жениха: начинаетъ выхвалять его, исчисляетъ все его имущество и выгоды предполагаемаго союза. Непринятіе подарковъ невѣстою означаетъ ея несогласіе на бракъ; впрочемъ первый отказъ еще не важенъ. Часто въ случаѣ неудачи въ одномъ мѣстѣ, ораторъ спѣшитъ съ тою же цѣлью въ другое.

Такъ весь бытъ финновъ ознаменованъ печатью того поэтическаго расположенія, которое самымъ рѣшительнымъ образомъ проявилось въ ихъ рунахъ. Еще не касаясь различія этихъ пѣсенъ по роду ихъ содержанія, посмотримъ на общій всѣмъ имъ механизмъ. Удареніе въ финскомъ языкѣ бываетъ во всѣхъ словахъ преимущественно на первомъ слогѣ: поэтому ясно, что стихи финновъ могутъ состоять только изъ хореевъ и дактилей. Таковъ дѣйствительно смѣшанный размѣръ народныхъ пѣсенъ, гдѣ каждый стихъ заключаетъ въ себѣ по 8 слоговъ. Риѳма была въ старину вовсе неупотребительна въ финской поэзіи; но зато во всякомъ стихѣ помѣщалось непремѣнно два слова, начинающихся тою же буквою, или даже тѣмъ же слогомъ. Такія созвучія составляютъ, какъ извѣстно, необходимую принадлежность стихотворства у многихъ младенческихъ народовъ; первое изъ нихъ называется *аллитераціею*, а послѣднее *ассонансомъ*. Въ новѣйшее

время поэты финскіе пробовали привить къ своимъ стихамъ риѳму, но языкъ противится ей. Старались также обогатить поэзію новыми размѣрами, но изъ нихъ едва-ли можетъ установиться иной, кромѣ экзаметра.

Въ формѣ финскихъ рунъ весьма замѣтною чертою представляется *параллелизмъ*, т. е. въ двухъ рядомъ стоящихъ стихахъ выражается совершенно одно и то же, только съ нѣкоторою перемѣною въ словахъ; второй служитъ объясненіемъ или подкрѣпленіемъ перваго. Такое повтореніе считается красотою; но у многихъ является слишкомъ часто.

Главное богатство новѣйшей поэзіи финновъ заключается въ лирическихъ пѣсняхъ, которыя, по замѣчанію одного финляндскаго писателя, „выражаютъ довѣрчивую покорность судьбѣ и сознаніе внутренняго значенія жизни. Естественно, продолжаетъ онъ, что наша поэзія остановилась на первой ступени лирики, которой высшія области предполагаютъ болѣе глубокое и зрѣлое самочувствіе. Народныя пѣсни этого разряда обнаруживаютъ въ главныхъ чертахъ своей поэтической красоты много сходства съ произведеніями новѣйшихъ финляндскихъ поэтовъ, писавшихъ на шведскомъ языкѣ, каковы по преимуществу Францѐнъ и Рунебергъ. Главное свойство этой поэзіи заключается въ плѣнительной гармоніи и спокойствіи духа, подъ которыми кроется кладъ внутренней истины и свободы, жизнь, находящая удовлетвореніе въ самой себѣ, свѣтлая, какъ зеркало, и невозмутимая бурями, играющими въ верхнихъ сферахъ человѣчества. Этотъ общій характеръ народныхъ пѣсенъ является въ обиліи очаровательно-непорочныхъ чувствъ и образовъ, свидѣтельствующихъ о самобытномъ и чисто внутреннемъ происхожденіи финской поэзіи. Вотъ почему ея произведенія заслуживаютъ и большую извѣстность и болѣе внимательнаго изученія“.

Хотя народныя пѣсни и не могутъ быть справедливо оцѣняемы въ переводѣ, однако же, чтобъ дать нѣкоторое понятіе о предметѣ нашемъ, мы представимъ здѣсь въ русской прозѣ два образчика финскихъ рунъ.

Мать поетъ надъ колыбелью своего младенца:

„Чиста на снѣгу бѣлая куропатка, бѣла на заливѣ пѣна морская; но чище мой малютка, бѣлѣе мое дитятко. Сонъ стоитъ за дверьми и спрашиваетъ; сынъ дремоты шепчетъ въ сѣняхъ: „Есть ли тутъ малюточка въ пеленкахъ, есть ли милый младенецъ въ кроваткѣ?“ Нѣжный сонъ, приди къ постели; сынъ дремоты, приди къ люлькѣ младенца, подъ одѣяло малютки, подъ одежду милаго ребенка. Качайся, качайся, ягодка-черемха! Колыхайся, колыхайся, легкій листокъ! Вотъ я качаю моего сыночка, вотъ я баюкаю моего малютку. Но не знаетъ мать его, не вѣдаетъ родившая, качаетъ ли себѣ будущую опору, баюкаетъ ли защиту своей старости? Никогда,

бѣдная мать, ты, достойная жалости, не ожидай опоры отъ малютки въ колыбели, не жди защиты отъ сына, котораго качаешь. Легко твоя опора достается другому, твоя надежда неизвѣстному. Легко упадаетъ дитятко въ зѣвъ смерти, или уводится на войну, въ толпу сражающихся, попадаетъ передъ огненную пасть пушки, или въ неволю къ богатому!"

Молодая крестьянка, которая въ замужествѣ живетъ на чужой сторонѣ, тоскуетъ по родинѣ:

„Нѣкогда обѣщала я пѣть, когда приду сюда, радостно пѣть, какъ весенняя птичка, когда буду гулять по рощѣ, проходить по густому лѣсу. Неся воду изъ колодца, слышу пѣнье двухъ весеннихъ птицъ; ахъ, еслибъ и я была птицей, еслибъ, бѣдная, могла пѣть, я бы пѣла на каждой ели, веселила бы всякое дерево. И я пѣла бы громче, когда бы видѣла, что мимо идетъ печальный, что проходитъ угнетенный; но я вдругъ нѣмѣла бы при появленіи знатныхъ, при проѣздѣ богатыхъ господъ. Какъ же узнаешь печальнаго? Легко узнать его: тихо поетъ угнетенный, а беззаботный веселится громко.

„Что-то люди подумали обо мнѣ, что за странные слухи разнеслись, когда меня взялъ не сосѣдъ, когда я вышла замужъ не на родинѣ; тамъ я и теперь бы слышала домашняго пѣтуха, видѣла бы родимыя пашни, жила бы у нашей придомной горы. Или я слишкомъ много ѣла? Или пила я не въ мѣру или спала слишкомъ долго? Меня выдали замужъ за чужого, меня увезли въ незнакомую сторону. Ахъ, лучше было бы дома пить воду изъ коры березовой, нежели на чужбинѣ пиво изъ кружки серебряной! Ахъ, еслибъ у меня, какъ у другихъ, была лошадь и къ ней были сани съ двумя полозьями! я бы легко достала себѣ дугу, отыскала оглобли; есть въ лѣсу для дуги черемуха, для оглоблей рябина. И я бы не стала медлить, не оглянулась бы ни разу, не остановилась бы до тѣхъ поръ, пока въ Савоalmaксѣ не увидѣла бы дыма надъ отцовской избой, пока бы не увидѣла, что топятся родимыя бани".

IX.

Мы подходимъ къ истинному перлу финской поэзіи — пѣснямъ, родившимся у народа въ какую-то отдаленную эпоху и описывающимъ подвиги боговъ его. Нѣкоторыя изъ нихъ были уже весьма давно извѣстны и напечатаны, но никто не подозрѣвалъ между ними связи, пока въ наше время не замѣтилъ ея пламенный любитель финской поэзіи, г. Ленротъ, провинціальный докторъ въ Каянѣ [1]).

Здѣсь охотно передаемъ перо извѣстному его земляку, г. Руне-

[1]) Каяна—городокъ въ сѣверной Финляндіи.

бергу, и переводимъ страницу изъ частнаго письма его въ Петербургъ отъ $^{9}/_{21}$ Апрѣля 1839—въ чемъ затрудняемся тѣмъ менѣе, что отрывокъ изъ этого письма былъ уже напечатанъ по-шведски въ одной изъ финляндскихъ газетъ [1]).

„Нашъ соотечественникъ Ленротъ обезсмертилъ себя въ лѣтописяхъ Финляндіи тѣмъ, что открылъ поэму *Кáлевалу* [2]). Съ основательнымъ ученіемъ соединяя горячую любовь къ народу, изъ среды котораго самъ онъ вышелъ (онъ сынъ финскаго крестьянина, портного въ своемъ приходѣ), и съ энтузіазмомъ заботясь о собираніи народныхъ пѣсенъ, онъ незадолго до прошлаго десятилѣтія рѣшился обойти пѣшкомъ разныя части Финляндіи, только для того, чтобы привести въ извѣстность тѣ старыя и новѣйшія руны, которыя могли еще храниться въ памяти народа. Нѣсколько тетрадей прелестныхъ мелочей были первымъ плодомъ его странствованій. Съ каждой новою прогулкой запасъ пѣсенъ, которыя онъ мало-по-малу собиралъ, становился обильнѣе—и вскорѣ, при внимательномъ пересмотрѣ всѣхъ записанныхъ имъ поэтическихъ разсказовъ, пробудилась въ немъ мысль, что между ними существуетъ тѣсная связь. Онъ заключилъ, что должна быть цѣлая большая поэма, которая, бывъ долгое время сохраняема только изустнымъ преданіемъ и памятью, наконецъ раздробилась и разсѣялась въ народѣ, такъ что теперь нигдѣ уже не извѣстна въ полномъ своемъ объемѣ. Отыскать всѣ эти разрозненныя части и возстановить первобытную между нимъ связь: вотъ цѣль, которую Ленротъ съ тѣхъ поръ предназначилъ себѣ.

„Помню, что онъ изустно разсказывалъ мнѣ объ одномъ обстоятельствѣ, которое ему особенно благопріятствовало въ совершеніи этого предпріятія. Онъ попалъ на старика, который зналъ кое-какъ ходъ и порядокъ самаго преданія о главномъ лицѣ поэмы, Вейнемейненѣ, хотя и забылъ самыя слова пѣсенъ. Такимъ образомъ его разсказы послужили Ленроту руководствомъ при размѣщеніи собранныхъ рунъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ упоминаетъ онъ, что около Вуокиньеми и Кивіерви (въ Архангельской губерніи [3]) нашелъ старика,

[1]) См. Borgå Tidning, 1839. № 40.

[2]) Здѣсь не въ первый разъ имя *Калевалы* является на страницахъ русскаго журнала: нѣсколько словъ о ней было сказано въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. еще въ Августѣ 1837 г. въ статьѣ: *Обозрѣніе Финляндскихъ газетъ за 1836 г.* Впрочемъ, помѣщенныя тамъ замѣчанія по сему предмету переведены изъ Helsingfors Morgonblad 1836. № 96.

[3]) Извѣстно, что въ Олонецкой и Архангельской губерніяхъ значительную часть народонаселенія составляютъ финны. Замѣчательно, что тамъ преимущественно найдены Ленротомъ пѣсни *Калевалы.* О тамошнихъ финнахъ геніальный путешественникъ сообщаетъ между прочимъ слѣдующія подробности. Они исповѣдываютъ православную вѣру, называютъ себя русскими (Wenäläiset) и одѣваются подобно нашимъ крестьянамъ. Вообще они опрятнѣе финновъ, живущихъ въ Финляндіи; гостепріимство счи-

по имени Ваассила—вѣроятно того самаго, о которомъ я прежде слышалъ отъ него. „Этотъ Ваассила", пишетъ онъ, „былъ въ особенности большимъ знатокомъ заклинательныхъ рунъ и ужъ очень старъ. Его память въ послѣдніе годы чрезвычайно ослабѣла, и онъ забылъ большую часть того, что знавалъ въ старину. Однакожъ объ Вейнемейненѣ и другихъ миѳологическихъ лицахъ онъ мнѣ сообщилъ много новаго. И когда ему случалось пропустить что-нибудь извѣстное мнѣ, я тотчасъ спрашивалъ о томъ. Тогда онъ припоминалъ забытое и такимъ образомъ я узналъ всѣ подвиги Вейнемейнена въ порядкѣ, по которому послѣ и расположилъ описывающія ихъ руны".

„Вотъ вамъ происхожденіе Калевалы, обширнаго созданія, раздѣленнаго по плану Ленрота на 32 рапсодіи или руны—созданія исконнаго, чисто эпическаго; въ этомъ отношеніи оно принадлежитъ къ одному разряду съ твореніями Гомера, но въ духѣ своемъ сильнѣе развиваетъ миѳическій характеръ; по самобытности своей оно такъ же точно есть вполнѣ финское твореніе, какъ поэмы Гомеровы — греческое. Нѣтъ сомнѣнія, что пѣсни Гомера были собраны такимъ же образомъ. Какъ финская, такъ и греческія поэмы были записаны съ живого голоса народа, и можетъ быть рапсодіи Иліады и Одиссеи получили то прекрасное размѣщеніе, въ какомъ онѣ теперь являются, также по указаніямъ какого-нибудь стараго пѣвца, который, подобно Ваассилѣ, забылъ самые стихи, но помнилъ порядокъ и взаимную связь безсмертныхъ пѣсенъ объ Ахиллесѣ и Одиссеѣ.

. .

тается у нихъ священною добродѣтелью—можетъ быть даже религіозною обязанностію; но съ нимъ соединяется у нихъ предразсудокъ, запрещающій имъ ѣсть и пить изъ посуды, которую употреблялъ иновѣрецъ. (Почтенный повѣствователь, какъ кажется, упустилъ изъ виду, что таковъ вообще обычай раскольниковъ, къ числу которыхъ принадлежатъ и эти финны). Въ образованіи они гораздо ниже своихъ финляндскихъ братій, и рѣдко, рѣдко кто между ними умѣетъ читать, да у нихъ и книгъ вовсе не водится. Зато они питаютъ такую вѣру въ ученость финновъ-лютеранъ, что иногда пускаются за нѣсколько миль въ Финляндію, чтобы освѣдомиться, какую погоду предсказываетъ календарь.

Земледѣліе у нихъ еще въ худшемъ состояніи, нежели у финляндцевъ; но вообще они зажиточнѣе своихъ ближайшихъ сосѣдей на западѣ, конечно, отъ того, что между ними не такъ обыкновенно пьянство и нѣтъ обязанности содержать даромъ безземельныхъ крестьянъ (inhysingar, бобылей). Притомъ русскіе финны расторопнѣе и заботливѣе. Они отличаются особенною страстью къ торговлѣ, и вообще корыстью. У себя дома торгуютъ они мало, но наживаютъ много денегъ въ Финляндіи, Ингерманландіи и Эстляндіи, гдѣ разносятъ для продажи платки и разныя другія мелочи. Эту кочевую торговлю ведутъ они ежегодно съ октября мѣсяца до весны, когда возвращаются домой; лѣтомъ они или занимаются земледѣліемъ или спѣшатъ въ Москву и другіе города закупать товаръ для зимней торговли. (Нѣсколько такихъ купцовъ, кочующихъ по Финляндіи, прекрасно изобразилъ г. Рунебергъ къ одной изъ своихъ поэмъ).

Языкъ, употребляемый этими финнами, есть тотъ же, на какомъ говорятъ въ восточной части Финляндіи, съ нѣкоторыми только отступленіями.

„Но я не могу оставить Калевалы и ея открывателя, не сообщивъ вамъ еще маленькаго отрывка изъ его писемъ ко мнѣ, гдѣ онъ разсказываетъ свои похожденія.

„Пробывъ короткое время въ Кивіерви“, говоритъ онъ, „я пошелъ за милю отсюда, въ Латваерви, гдѣ старый крестьянинъ Архиппа славился своимъ искусствомъ въ пѣніи рунъ. Ему было 80 лѣтъ отроду, но онъ въ удивительной степени сохранялъ еще память. Цѣлые два дня, а отчасти и въ третій, я со словъ его писалъ руны. Онъ пѣлъ ихъ по порядку, безъ всякихъ замѣтныхъ пропусковъ, и почти все такія, какихъ я прежде не могъ достать. Да и сомнѣваюсь, чтобы гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ ихъ можно было отыскать въ нынѣшнее время. Поэтому я былъ очень радъ, что вздумалъ посѣтить Архиппу. Богъ знаетъ, засталъ ли бы я его въ живыхъ, еслибъ пришелъ въ другой разъ; а съ нимъ, нѣтъ сомнѣнія, исчезла бы навсегда большая часть древнихъ рунъ нашихъ. Старикъ пришелъ въ восторгъ, когда заговорилъ о своемъ дѣтствѣ и давно умершемъ отцѣ, отъ котораго наслѣдовалъ всѣ свои руны. Вотъ, сказалъ онъ, вамъ бы надо было притти туда, гдѣ мы съ отцомъ сиживали бывало во время рыбной ловли, разложивъ передъ собой огонь на берегу Лапукки. Съ нами былъ тогда товарищъ изъ Лапукки, также хорошій пѣвецъ, только все не чета моему отцу. Рука съ рукой они часто пропѣвали цѣлыя ночи передъ огнемъ и никогда не повторяли два раза одной и той же руны. Я былъ тогда ребенкомъ и, слушая внимательно, мало-помалу выучилъ наизусть всѣ главныя пѣсни; теперь я многое ужъ перезабылъ. Ахъ! еслибъ въ то время кто-нибудь такъ, какъ теперь вы, собиралъ руны! Да онъ бы въ двѣ недѣли не успѣлъ записать и тѣхъ, что зналъ одинъ мой отецъ“!

„Пѣть, какъ здѣсь упомянуто, рука съ рукой, есть особый обычай у финновъ. Пѣвецъ выбираетъ себѣ товарища, садится противъ него, беретъ его за руки и начинаетъ пѣть. Оба поющіе покачиваютъ взадъ и впередъ тѣломъ, какъ-будто одинъ другого попеременно притягиваетъ къ себѣ. При послѣднемъ тактѣ каждой строфы настаетъ очередь помощника и онъ всю строфу перепѣваетъ одинъ, а между тѣмъ запѣвала на-досугѣ обдумываетъ слѣдующую. Это особенно выгодно для главнаго пѣвца, когда онъ, какъ часто случается, не наизусть поетъ древнія руны, а сочиняетъ тутъ же новыя; обычай, вѣроятно, и произошелъ оттого, что въ-старину при такихъ, очень обыкновенныхъ импровизаціяхъ, пѣвецъ послѣ каждой строфы требовалъ минутнаго отдыха для приготовленія слѣдующей“.

X.

Калевала напечатана въ Гельсингфорсѣ въ 1835 году и издана въ двухъ частяхъ съ подробнымъ предисловіемъ г. Ленрота. Сущность ея

содержанія заключается въ сношеніяхъ, частію враждебныхъ, между двумя народами, изъ которыхъ одинъ живетъ въ странѣ *Кàлевы*, а другой въ *Пòхіолѣ*. *Калева* есть имя родоначальника героевъ или боговъ, дѣйствующихъ въ поэмѣ, почему край, бывшій поприщемъ ихъ подвиговъ, Финляндія, и называется *Калевалою* [1]). Что касается до *Пòхіолы*, то, по мнѣнію большинства, подъ этимъ именемъ должно разумѣть Лапландію, крайній сѣверъ. Яблоко раздора между финнами и лапландцами есть какое-то сокровище, называемое *Сампо*, но какое именно? того самыя тщательныя изслѣдованія до сихъ поръ не могли раскрыть. По описаніямъ, часто повторяющимся въ поэмѣ, видно только, что *Сампо* есть искусно сдѣланное орудіе, *пестрое* съ *красивою* крышей. Оно одарено чрезвычайно благодѣтельною силой, ибо съ помощію *Сампо* получается хлѣбъ въ удивительномъ изобиліи; вотъ почему оба народа оспариваютъ другъ у друга таинственную драгоцѣнность. Густой мракъ, разлитый надъ нею, наконецъ довелъ г. Лѐнрота до весьма оригинальнаго предположенія. Онъ думаетъ, что имя *Пòхіола* означаетъ не Лапландію, а *Біармію* и что Сампо есть истуканъ,—предметъ, какого не знало ни одно изъ финскихъ племенъ, кромѣ біармійцевъ. Находясь въ частыхъ торговыхъ сношеніяхъ съ славянскою землею, они безъ сомнѣнія здѣсь увидѣли въ первый разъ изображеніе боговъ, и такъ какъ въ язычествѣ такимъ изображеніямъ приписывается всегда великая сила, то не мудрено, что біармійцы, въ подражаніе славянамъ, изваяли себѣ истуканъ и назвали его *Сампо*, отъ русскихъ словъ: *самъ богъ*, которыя по финскому произношенію непремѣнно должны были потерпѣть такое искаженіе. Этими словами, полагаетъ г. Ленротъ, славяне весьма естественно отвѣчали на столь же естественный вопросъ, сдѣланный біармійцами, когда они увидѣли въ плодахъ незнакомый имъ предметъ.

Главными лицами въ поэмѣ находимъ мы со стороны финновъ пѣснопѣвца *Вейнемейнена*, его брата-ковача *Ильмаринена* и веселаго искателя приключеній *Лемминкейнена* (который часто получаетъ эпитеты: *полнокровный, безпокойный, непостоянный, прекрасный)*, а со стороны лапландцевъ рѣдкозубую старуху *Лоухи* съ ея дочерью. Вейнемейненъ, отчасти уже знакомый намъ, является здѣсь мудрымъ старцемъ, и слѣдовательно—по понятію финновъ о мудрости—искуснѣйшимъ колдуномъ, которому слово и пѣніе служатъ всесильнымъ средствомъ чаръ. Онъ есть полнѣйшее олицетвореніе поэтической способности финновъ и ихъ вѣры въ могущество слова, ихъ уваженія къ знанію и мудрости, какъ первымъ условіямъ владычества. Въ поэмѣ безпрестанно встрѣчаются мрачныя заклинательныя пѣсни вмѣстѣ съ

[1]) Слогъ *ла* есть частица, означающая мѣстность: Калева*ла* значитъ жилище Кàлевы.

выраженіемъ этого отличительнаго воззрѣнія финновъ на міръ; оружіе замѣняется по большей части колдовствомъ, посредствомъ напѣванья.

Оттого въ рунахъ Калевалы много темнаго, таинственно-дикаго, незанимательнаго для насъ; часто видишь въ ней нелѣпые вымыслы необузданнаго, грубо-исполинскаго воображенія. Но рядомъ съ такими явленіями открываешь самые очаровательные образы и картины, дышащія всею простотою природы, всею свѣжестью младенческаго возраста племенъ. На такія-то мѣста въ Калевалѣ постараемся мы преимущественно обратить вниманіе читателя. Замѣтимъ еще, что пѣсни, вошедшія въ составъ ея, принадлежатъ по своему происхожденію не къ одному и тому же времени: это явно какъ по самому содержанію ихъ, такъ и по нѣкоторымъ отдѣльнымъ чертамъ. Иногда впрочемъ признаки возраста той или другой руны обманчивы и въ сущности показываютъ только, что народныя пѣсни въ теченіе вѣковъ подвергаются разнымъ измѣненіямъ въ живыхъ устахъ націи. Но изложимъ содержаніе *Калевалы.*

Вейнемейненъ, скитаясь восемь лѣтъ по морю, создаетъ изъ яйца небо и землю, солнце, луну и звѣзды. Потомъ буря уноситъ его къ берегамъ мрачной Пòхіолы. Тамошняя хозяйка [1]), рѣдкозубая Лòухи, видя, что онъ неутѣшно тоскуетъ по родинѣ, обѣщаетъ отвезти его туда, но съ тѣмъ, чтобы онъ выковалъ ей *Сампо:* тогда она выдастъ за него свою дочь, знаменитую красавицу Пòхіолы. Вейнемейненъ отвѣчаетъ, что самъ онъ ковать не умѣетъ, а пришлетъ старухѣ брата своего, ковача *Ильмаринена.* Она соглашается и даетъ ему лошадь.

Въ пути видитъ онъ дѣву Пòхіолы сидящею на радугѣ, и пораженный ея красотою, сватается за нее. У древнихъ финновъ, какъ видно изъ многихъ мѣстъ Калевалы, для успѣха сватовства требовалось, чтобы женихъ совершилъ три опасные или трудные подвига, которые ему задавала невѣста. Такъ поступаетъ и дѣва Пòхіолы; но третій подвигъ не удается Вейнемейнену, и онъ ѣдетъ далѣе. „Онъ гонитъ бѣгуна бичемъ, осыпаннымъ алмазами; бѣгунъ летитъ, сани мчатся, путь коротѣетъ; скрипятъ березовыя полозья, трещитъ золотой кузовъ саней“.

Съ шумомъ ѣдетъ онъ по спаленнымъ рощамъ [2]), по степямъ Калевалы, и вотъ чародѣйственнымъ пѣніемъ создаетъ огромную ель съ цвѣтущимъ вѣнцомъ, съ золотыми вѣтвями. Она вершину стремитъ къ небесамъ, разсѣкаетъ тучу; она вѣтви распростираетъ въ воздухѣ, ширитъ надъ небесами.

[1]) По слову: *хозяйка* употребленному и въ подлинникѣ, надобно заключать, что, подъ Пòхіолой разумѣется въ поэмѣ преимущественно селеніе, а не земля.

[2]) Здѣсь надобно вспомнить особый родъ земледѣлія у финновъ, *палу* — способъ состоящій въ жженіи лѣса для удобренія земли пепломъ. *(См. выше, стр. 108).*

„Онъ поетъ и велитъ мѣсяцу свѣтить въ золотомъ вѣнцѣ ели, а въ вѣтвяхъ ея помѣщаетъ Большую Медвѣдицу.

„Съ шумомъ ѣдетъ онъ къ своему золотому жилищу; голова его поникла: ему жаль, что онъ, для избавленія самого себя, обѣщалъ послать въ мрачную Пòхіолу ковача Ильмаринена".

Идетъ на встрѣчу ему ковачъ и спрашиваетъ о причинѣ его скорби. Вейнемейненъ отвѣчаетъ, что въ Пòхіолѣ есть красавица, и совѣтуетъ ѣхать свататься на ней: „если выкуешь Сампо, прибавляетъ онъ, то получишь за трудъ знаменитую дѣву".

Но Ильмариненъ догадывается, что братъ пожертвовалъ имъ для своего спасенія и объявляетъ, что его никогда не увидитъ Пòхіола, „край, гдѣ умерщвляютъ мужей, гдѣ храбрыхъ топятъ въ морѣ".

Тогда Вейнемейненъ предлагаетъ ему посмотрѣть на чудную ель, и вотъ они оба идутъ въ лѣса Калевалы; прибывъ туда, „старый Вейнемейненъ говоритъ: теперь, милый братъ мой, полѣзай да возьми мѣсяцъ, вынь Большую Медвѣдицу изъ золотого вѣнца ели".

Братъ полѣзъ; Вейнемейненъ опять запѣлъ, и возмутивъ воздухъ, воскликнулъ: „Вѣтръ весенній, возьми его въ свой челнокъ, умчи его въ мрачную Пòхіолу!"

И Ильмариненъ летитъ вмѣстѣ съ деревомъ, летитъ безъ остановки, пока не прибылъ въ Пòхіолу, гдѣ онъ такъ тихо опустился, что даже псы его не услышали.

По желанію тамошней старухи, онъ соглашается сдѣлать Сампои хотя въ Пòхіолѣ нѣтъ ни наковальни, ни орудій кузнецкихъ, однакожъ его это не затрудняетъ, и онъ, выбравъ мѣсто на желѣзной скалѣ, начинаетъ работать.

Три дня усердно помогаютъ ему рабы; на плечахъ у нихъ пыль въ сажень толщиной, на головѣ сажа въ аршинъ, на всемъ тѣлѣ густой слой копоти. На третій день Ильмариненъ смотритъ въ горнило, не образуется ли Сампо, и увидѣвъ, что нѣтъ, собираетъ всѣ вѣтры и велитъ имъ раздувать огонь. Черезъ три дня онъ опять глядитъ въ горнило, и вотъ изъ пламени выходитъ Сампо.

Тогда Ильмариненъ начинаетъ прилежно ковать; быстро движетъ онъ тяжкій молотъ въ бездверной кузницѣ, въ безоконной комнатѣ. И Сампо наконецъ готово: „Оно начинаетъ молоть, быстро подымая красивую крышу: мелетъ на разсвѣтѣ полный ящикъ хлѣба; мелетъ ящикъ въ пищу, другой—для продажи, третій—въ запасъ. Это радуетъ старуху, и она прячетъ Сампо въ нѣдра каменной горы, подъ замокъ съ девятью задвижками; укрѣпляетъ корни его въ девяти-саженной глубинѣ, одинъ корень укрѣпляетъ въ землѣ, другой—въ водѣ, третій—въ родимой горѣ.

Между тѣмъ и Ильмариненъ влюбился въ дѣву Пòхіолы, но она, повидимому, остается равнодушною къ нему, и вотъ онъ повѣсилъ

голову, шапка его склонилась на бокъ, онъ задумался о томъ: какъ ему жить въ мрачной По̀хіолѣ? онъ страстно желаетъ вновь увидѣть родину. Узнавъ это, старуха сажаетъ его въ лодку, пробуждаетъ вѣтеръ: Ильмариненъ возвращается домой и разсказываетъ Вейн-ну, что̀ сдѣлалъ.

Является новое лицо: прекрасный, веселый и храбрый, но вѣтреный *Лемминкейненъ*. Онъ хочетъ испытать счастія въ По̀хіолѣ и ѣхать туда свататься за дочь владѣтельницы. Но его удерживаетъ мать, опасаясь, чтобъ онъ тамъ не погибъ отъ сѣверныхъ колдуновъ. Лемминкейненъ, который во время этого разговора расправлялъ себѣ волосы щеткой, вѣшаетъ ее на стѣнѣ и говоритъ, что если его убьютъ, то на щеткѣ тотчасъ покажется кровь.

Въ По̀хіолѣ, куда онъ ѣдетъ, не смотря на увѣщанія матери задаютъ и ему разные труды; но когда онъ собирается исполнить послѣдній изъ нихъ, именно застрѣлить на рѣкѣ лебедя, его убиваетъ старикъ, съ которымъ онъ успѣлъ уже поссориться на чужой сторонѣ: тѣло его брошено въ рѣку.

Между тѣмъ мать Лем-на тоскуетъ, что онъ такъ долго не возвращается, а жена его (онъ уже былъ женатъ; но ему было мало одного брака) смотритъ съ утра до вечера на щетку — и вотъ со щетки струится кровь. Тогда мать зарыдала и на крыльяхъ жаворонка пустилась въ По̀хіолу. „Куда дѣвала ты Лем-на, моего бѣднаго сына?“ спрашиваетъ она у тамошней владѣтельницы. „Я накормила и отправила его въ саняхъ: не замерзъ ли онъ на льду, не потонулъ ли въ рѣкѣ?“

Но вѣщее сердце матери не вдалось въ обманъ и, допытавшись наконецъ, что Лем-на не видали послѣ того, какъ онъ пошелъ на лебедя, она отправляется искать его: зимой мчится на лыжахъ, лѣтомъ въ легкомъ челнокѣ.

„Она не знаетъ, гдѣ движется ея плоть, гдѣ льется ея кровь; она бѣгаетъ какъ волкъ въ обширныхъ пустыняхъ, носится какъ выдра въ водѣ, какъ бѣлка по вѣтвямъ сосны, какъ горностай въ каменныхъ пещерахъ; она прорывается межъ деревьевъ, разметываетъ сѣно, разсматриваетъ въ степяхъ корни древесные.

„Ее встрѣчаетъ волна; она кланяется волнѣ: ахъ, волна Божія! не видала ль сына моего, золотое мое яблочко, серебряную трость (т. е. опору) мою?

„Волна отвѣчаетъ: не видала я твоего сына, не слышала про него.

„Мать продолжаетъ искать. Ее встрѣчаетъ мѣсяцъ; она кланяется мѣсяцу: ахъ, мѣсяцъ Божій! не видалъ ли сына моего..?

Мѣсяцъ отвѣчаетъ, что не видѣлъ его, что онъ вѣроятно въ Лапландіи въ какомъ-нибудь озерѣ.

„Ее встрѣчаетъ солнце; она кланяется солнцу: ахъ, солнце Божіе! не видало ль сына моего..?

„Солнце знало кое-что, отвѣчало: твой бѣдный сынъ, твое славное золотое яблочко за девятью морями, за полудесятымъ моремъ“ — и солнце разсказываетъ ей, что̀ случилось съ Лем-омъ.

Мать идетъ къ ковачу и проситъ сдѣлать ей желѣзныя грабли съ зубцами во сто саженей, съ древкомъ въ двѣсти.

Грабли готовы, и она съ ними собирается летѣть птицей въ По̀хіолу; вмѣсто крыльевъ, подвязываетъ себѣ мётлы, вмѣсто хвоста лопату, и улетаетъ.

Прибывъ въ По̀хіолу, она идетъ на море и начинаетъ водить своимъ орудіемъ — разъ вдоль по водѣ, разъ поперёкъ, разъ вкось; при третьемъ разѣ попался ей на грабли снопъ. „То былъ не снопъ, то былъ бѣдный Лемминкейненъ; но у него кое-чего недоставало: не было у него рукъ, не было головы и многихъ другихъ членовъ, даже не было жизни.“

„Мать опять стала чесать воду, разъ по теченію, разъ противъ теченія; такъ нашла она руку, голову и другіе члены и состроила сына, связала бѣднаго Лем-на.“ Теперь она заботится только о томъ, гдѣ бы ей достать масла и меду, чтобъ смазать изнуреннаго, подкрѣпить слабаго.

Вейнемейненъ собирается опять въ По̀хіолу, вновь свататься на дочери старухи Лоухи, и выстроивъ себѣ ладью, спускаетъ ее на воду.

„Онъ возставилъ на суднѣ своемъ мачты, какъ сосны надъ горой; поднялъ паруса, какъ ели на холмѣ; потомъ самъ взошелъ на корабль... и величаво понесся надъ синевой.“

„Вѣтеръ дуетъ въ паруса, вешній вѣтеръ гонитъ ладью; вотъ сосновый корабль плыветъ мимо зеленаго мыса, мимо береговъ населеннаго острова.

„На островѣ была дѣва Анникка (т. е. Анна), сестра Ильмаринена; она топтала [1]) бѣлье, мыла платье на берегу, на краю величаваго моста, на концѣ краснаго плота.

„Она повела головой вокругъ и осмотрѣла тихую окрестность, взглянула и на заливъ, поворотилась къ югу. Она завидѣла что-то мелькавшее на морѣ, что-то синѣвшееся на волнахъ и сказала: „что тамъ мелькаетъ на морѣ, что тамъ синѣется на волнахъ? Призракъ! Если ты — стая гусей или утокъ, то подымись и разсѣйся въ высотѣ поднебесной. Если ты — стая рыбъ... то уплыви, погрузись ко дну... Если ты—ладья Вейнемейнена, стараго пѣвца,—то пусть онъ приблизится ко мнѣ и заведетъ бесѣду“.

Когда Вейн. подплылъ къ острову, она спрашиваетъ его, куда и зачѣмъ онъ, первый во всемъ краю, отправляется въ такомъ богатомъ нарядѣ.

[1]) Это напоминаетъ, какъ замѣтилъ шведскій переводчикъ этой пѣсни, Гомерову Навзикаю, которая, стирая бѣлье, также топчетъ его.

*

Послѣ тщетнаго старанія обмануть ее насчетъ цѣли своего плаванья, Вейн. признается ей въ настоящемъ своемъ намѣреніи. Тогда Анникка торопливо побѣжала домой и воскликнула: „Братъ мой, ковачъ Ильмариненъ, сынъ моей матери, родичъ мой! Выкуй мнѣ маленькое ожерелье, выкуй нѣсколько колечекъ, двѣ-три пары серёгъ, пять-шесть цѣпочекъ на поясъ, и я разскажу тебѣ справедливыя вѣсти, скажу сущую правду. Ты цѣлое лѣто куешь коня, всю зиму готовишь подковы, хочешь ѣхать свататься, ѣхать въ По̀хіолу; но теперь является другой, похитрѣе твоего; онъ предупредитъ тебя, увезетъ ту, за кого надобно заплатить тысячу марокъ [1]), кого ты манилъ двѣ зимы, на комъ сватался три лѣта. Къ ней плыветъ Вейнемейненъ, несется въ мрачную По̀хіолу по синему морю, стоя на золотой кормѣ своего корабля, опершись на изогнутый конецъ кормила".

При этихъ словахъ *безсмертный* ковачъ выронилъ молотъ изъ рукъ; выпали клещи изъ кисти его: „Анникка! милая сестрица!..." говоритъ онъ и обѣщаетъ сдѣлать все, чего ей хочется, съ тѣмъ, чтобы она втайнѣ истопила ему баню [2]).

Вымывшись и наполнивъ свою шапку золотомъ и серебромъ, онъ заложилъ коня, сѣлъ въ сани и погналъ *свѣтлогриваго:* „сани мчались, берегъ скрипѣлъ."

Вотъ въ По̀хіолѣ залаялъ песъ и тамошній хозяинъ видитъ: со стороны земли ѣдетъ кто-то въ крашеныхъ саняхъ, со стороны моря приближается кто-то на пышномъ кораблѣ.

Услышавъ это, мать и дочь съ женскимъ любопытствомъ бѣгутъ смотрѣть на гостей. „Это женихи", говоритъ старуха: „котораго хочешь ты, дочь моя? Тотъ, что ѣдетъ въ саняхъ, — это Ильмариненъ, вѣчный ковачъ; онъ везетъ полную шапку золота и серебра. Другой, что плыветъ на красномъ кораблѣ, — это Вейнемейненъ, вѣчный ясновидецъ; съ нимъ деньги и сокровища на суднѣ. Его возьми ты, дочь моя: старикъ разумнѣе, хоть молодой съ виду и бодрѣе."

Но дочь предпочитаетъ „того, который ковалъ Сампо", и Ильмариненъ, исполнивъ три дѣла, предложенныя ему матерью невѣсты, принятъ въ домѣ, какъ женихъ.

Начинаютъ приготовленія къ свадьбѣ. Между прочимъ убиваютъ неимовѣрно-огромнаго быка, описаннаго такъ: „Росъ въ Кареліи быкъ, родился въ Финляндіи волъ; не былъ онъ слишкомъ великъ, не былъ и слишкомъ малъ. Въ Тавастландіи двигался хвостъ его, голова при

[1]) Изъ этого и изъ многихъ другихъ мѣстъ въ финскихъ рунахъ надобно заключать, что по обычаямъ древнихъ финновъ женихъ покупалъ невѣсту у ея родителей.

[2]) Бани, по устройству довольно сходныя съ нашими, составляютъ съ незапамятныхъ временъ потребность и наслажденіе финновъ. Но по старинному повѣрью, баню надобно готовить себѣ тайно, потому что она облегчаетъ врагу исполненіе лукавыхъ замысловъ.

рѣкѣ Кеми, одна нога въ Аунидѣ (т. е. Олонцѣ), другая на скалахъ Норвегіи, третья на водопадѣ Вуоксы (Иматрѣ?), четвертая у моря Лапландскаго; день летѣла ласточка отъ одного рога до другого" и т. д. Долго искали человѣка, который взялся бы убить это чудовище, искали и въ Россіи — въ прекрасной Кареліи, [1]) — и въ Финляндіи, и въ Швеціи. Вызвался-было кто-то, но едва быкъ тряхнулъ головою, какъ смѣльчакъ съ испугу убѣжалъ и спрятался въ дупло. Наконецъ вышелъ изъ моря крошечный человѣкъ, ростомъ съ большой палецъ, и зарѣзалъ быка.

Потомъ варятъ пиво, которое приходитъ въ такое броженіе, что грозитъ разорвать сосудъ; посылаютъ искать колдуна, который бы заговорилъ буйный напитокъ, и приглашаютъ множество народа, въ томъ числѣ и Вейнемейнена.

Гости собираются въ Пòхіолу; по пріѣздѣ жениха берутъ у него лошадь, а самого вводятъ въ избу, которая такъ разубрана, что ее трудно узнать. Мать невѣсты разсматриваетъ Ильмаринена при свѣтѣ огней и хвалитъ красоту его.

Приносятъ пиво, которое Вейн-нъ тотчасъ унимаетъ пѣніемъ. Потомъ онъ поетъ въ честь торжества и желаетъ счастія вступающимъ въ бракъ. Выпиваютъ пиво и медъ, послѣ чего старуха Лоухи подаетъ обильныя яства.

Наконецъ она отдаетъ дочь свою Ильмаринену и по обычаю жалѣетъ о ея судьбѣ, упрекаетъ ее за неосмотрительность въ выборѣ. Невѣста начинаетъ вздыхать и горько плакать, говоря: „я вѣрила, я думала въ цвѣтѣ жизни моей: ты еще не дѣва, пока остаешься подъ кровомъ матери; ты тогда лишь стала бы подлинно дѣвой, когда-бъ послѣдовала за женихомъ, когда-бъ одну ногу поставила на порогъ, а другую въ сани мужа; тогда поднялась бы ты, стала-бъ головою выше. Такова была въ цвѣтѣ жизни моя надежда, и я ждала будто плодороднаго года, будто прекраснаго лѣта. Теперь близокъ мой отъѣздъ и надежда моя оправдалась: одна нога на порогѣ, другая въ саняхъ жениха. Но я уѣзжаю не радостно, я не весело покидаю золотой домъ родительскій, гдѣ провела молодость. Я, бѣдняжка, уѣзжаю съ заботой, удаляюсь съ тоскою, иду во мракъ осенней ночи, ѣду по свѣтлому льду вешнему, и не будетъ видно ни слѣда ноги на льду, ни на снѣгѣ слѣда отъ вѣянья платья моего, и матери не будетъ слышенъ мой голосъ, и отцу не будутъ внятны мои вопли. Каково-то бываетъ другимъ невѣстамъ? Не у многихъ на сердцѣ бываетъ свѣтло, какъ при вешней зарѣ; ахъ! а мнѣ такъ же грустно, какъ коню, котораго продаютъ; духъ мой мраченъ, какъ ночь осенняя, какъ пасмурный зимній день."

[1]) Кареловъ остальные финны издавна называютъ русскими.

Старуха-мать старается утѣшить невѣсту исчисленіемъ достоинствъ и богатства жениха; потомъ даетъ ей наставленія, совѣтуетъ быть благонравною; учитъ, какъ обращаться съ домашними и содержать въ порядкѣ хозяйство.

Послѣ того она обращается съ совѣтами и къ жениху, прося щадить молодую. Замѣчательны постепенныя наказанія, которыя старуха предлагаетъ на случай непокорности жены. „Наставляй ее при запертыхъ дверяхъ, поступай такъ въ теченіе года, первый годъ учи ее только словами, на другой годъ — движеніемъ глазъ, на третій — постукивай слегка ногою.“

„Если и это не подѣйствуетъ, возьми изъ тростника тростинку, и бей концомъ ея... Если и это останется тщетнымъ, возьми прутъ въ лѣсу, возьми въ долинѣ березовую вѣтвь и принеси ее подъ платьемъ, чтобъ съ чужого двора не видѣли. Этимъ нагрѣй женѣ плечи, смягчи спину. Не попадай въ глазъ, не касайся и уха; иначе тесть могъ бы спросить: не волкъ ли, не медвѣдь ли оцарапалъ ее?“

Невѣста, рыдая, благодаритъ поперемѣнно отца, мать и домочадцевъ за ласки и попеченія, и наконецъ прощается съ родимой хижиной: „Оставайся въ покоѣ, избушка съ досчатой кровлей своей: сладко будетъ возвратиться сюда когда-нибудь... Оставайтесь въ покоѣ, вы, сѣни съ досчатымъ поломъ, и ты, дворикъ съ твоей сладкой рябиной, Оставляю васъ въ мирѣ, вы, поля и лѣса, богатые ягодой, и вы! озёра, покрытыя сотнями острововъ, и вы, степи, поросшія верескомъ!“

Тутъ Иль-нъ посадилъ ее въ свои сани и помчался по раменамъ горной цѣпи, одной рукой держа возжи, другою обхвативъ станъ невѣсты, одну ногу выставивъ изъ саней, другою касаясь ноги невѣсты.

„Холодно мнѣ подъ мѣховой полостью, холодно въ саняхъ“, говоритъ невѣста, тяжело вздыхая.

Когда они проѣхали еще нѣкоторое пространство, дѣва, поднявъ голову, говоритъ: „кто пробѣжалъ здѣсь поперёкъ дороги, какой несчастный былъ здѣсь до насъ“?

„Здѣсь пробѣжалъ заяцъ“, говоритъ Ильм-нъ, и дѣва завидуетъ зайцу, а женихъ, слыша то, корчитъ уста и машетъ головой и потряхиваетъ черными волосами и съ шумомъ ѣдетъ далѣе.

Дѣва дважды повторяетъ тотъ же вопросъ: Ильмариненъ называетъ лисицу и медвѣдя; невѣста завидуетъ имъ, женихъ утѣшаетъ ее, и вотъ уже „видится жилище, ужъ дымъ вьется изъ трубъ домашнихъ“.

Мать Ильмаринена радостно бѣжитъ на встрѣчу новобрачнымъ и, введя молодую въ домъ свой, любуется ея красотой. Начинается угощеніе, при которомъ опять раздаются пѣсни Вейн-на.

Въ то время Лемминкейненъ, узнавъ о совершившейся свадьбѣ и оскорбляясь тѣмъ, что его не пригласили на пиръ, ѣдетъ въ Пòхіолу мстить за обиду и тамъ ведетъ себя такъ высокомѣрно, что хозяинъ

вызываетъ его на поединокъ. Лемминкейненъ убиваетъ противника и принужденъ бѣжать отъ преслѣдованія жителей. Дома онъ, по требованію матери, даетъ обѣтъ не ходить на войну цѣлыя десять лѣтъ, и отправляется за девять морей на какой-то счастливый островъ, гдѣ и находитъ пристанище. Тамъ обольщаетъ онъ всѣхъ дѣвъ и проводитъ время какъ нельзя веселѣе; наконецъ однакожъ онъ вооружаетъ противъ себя мужей и опять спасается бѣгствомъ въ лодкѣ.

„Дѣвы острова начали плакать, дѣвы мыса начали сѣтовать, когда уже не стало видно мачты, не стало слышно веселъ. Онѣ плакали не по мачтѣ, тосковали не по весламъ; онѣ плакали о томъ, кто сидѣлъ подъ мачтою, тосковали о хозяинѣ веселъ. Лемминкейненъ началъ плакать, бѣдный самъ затосковалъ, когда уже не стало видно острова, когда скрылись верхи глиняныхъ кровель; онъ плакалъ не по островѣ, тосковалъ не по кровлямъ; онъ плакалъ о дѣвахъ острова, тосковалъ о дѣвахъ мыса“.

Провѣдавъ о бѣгствѣ Лем-на, озлобленная на него хозяйка Пòхіолы, старуха Лоухи, велитъ сыну своему, Холоду, заморозить и лодку Лем-на и его самого: льды оковываютъ лодку, но самъ бѣглецъ одолѣваетъ холодъ и уходитъ въ лѣсъ. Онъ съ грустью вспоминаетъ мать, воображая, какъ она тоскуетъ по немъ, какъ жалѣетъ о своихъ дѣтяхъ, которыхъ прежде у ней было много.

Ильмариненъ, вскорѣ послѣ женитьбы, покупаетъ себѣ въ рабы ребенка, по имени *Куллерво*, но этотъ мальчикъ ничего не дѣлаетъ толкомъ и всякое порученіе исполняетъ ко вреду домашнихъ. Качая дитя своихъ господъ, онъ убилъ его и сжегъ люльку; срубая деревья на пожогу для удобренія земли, онъ такъ заколдовалъ ее, что на ней ничего уже не могло расти, и т. п. Наконецъ его посылаютъ пасти коровъ; но на бѣду случилось, что въ хлѣбѣ, который жена Иль-на дала мальчику, онъ нашелъ камень. Принимая это за насмѣшку, Куллерво рѣшается отмстить, и вечеромъ, вмѣсто коровъ, гонитъ домой стадо медвѣдей. Хозяйка, слыша рожокъ, идетъ доить коровъ и издали любуется ихъ красотою; но когда она подходитъ ближе, медвѣди бросаются на нее, и молодая жена, дочь старухи Лоухи, погибаетъ. Тогда Куллерво оставляетъ домъ Ильмаринена и уходитъ на войну.

Въ горести о ранней потерѣ жены, Ильмариненъ начинаетъ *ковать* себѣ другую подругу изъ золота и серебра. Сначала работа не удавалась: вмѣсто дѣвы вынулъ онъ изъ пламени сперва мечъ, а потомъ коня. Только послѣ третьяго опыта образовалась дѣва, но безъ рта, безъ глазъ и съ нѣкоторыми другими недостатками. Нашедши поэтому свое произведеніе ни къ чему негоднымъ, онъ отдалъ золотую жену Вейнемейнену; но тотъ, продрогнувъ возлѣ нея, совѣтуетъ молодому поколѣнію никогда не искать женъ изъ золота и серебра. Ильмариненъ между тѣмъ отправился опять въ Пòхіолу свататься за дру-

гую дочь старухи Лоухи, но получилъ рѣшительный отказъ и возвратился въ Калевалу.

Вейнемейненъ, услышавъ отъ него, что въ Пòхіолѣ, благодаря чудному *Сампо*, живутъ хорошо и безпечно, уговариваетъ Ильмаринена ѣхать туда съ нимъ вмѣстѣ, чтобы похитить Сампо. Ковачъ сначала колеблется, потому что знаетъ, какъ тщательно оберегаютъ сокровище; однакожъ, наконецъ онъ уступаетъ и куетъ своему брату Вей-ну мечъ на дорогу. Они оба отправляются въ лодкѣ, которую богъ-чародѣй напередъ наполняетъ людьми — съ одной стороны дѣвками, съ другой молодцами. Плывя мимо одного мыса, путники замѣчаютъ на немъ Лемминкейнена и, по просьбѣ несчастнаго вѣтренника, берутъ его къ себѣ въ сподвижники.

У какого-то водопада лодка наткнулась на щуку. Лем. и Ильм. тщетно стараются своими мечами оттолкнуть или разсѣчь рыбу; тогда самъ Вейн. опоясываетъ мечъ свой и, вонзивъ его въ щуку, втаскиваетъ ее въ лодку. Разрѣзавъ ее своимъ ножемъ, онъ изъ костей ея дѣлаетъ *кáнтелу* (арфу), которую и передаетъ своимъ спутникамъ, прося ихъ играть на ней. Арфа переходитъ изъ рукъ въ руки, но никто не въ состояніи вызвать изъ нея вполнѣ усладительной музыки; вотъ Вейнемейненъ чарами посылаетъ ее въ Пòхіолу, гдѣ и дѣти и старцы пробуютъ надъ нею свое искусство, но безъ успѣха: арфа, подъ ихъ руками, издаетъ одни дикіе звуки. Какой-то старикъ, лежавшій на печи, просыпается и проситъ, чтобы ему не раздирали ушей, чтобы у него не отнимали сна на цѣлую недѣлю — и, если у финскаго народа не можетъ быть лучшей музыки, чтобы бросили арфу въ море, или отдали ее тому, кто ее дѣлалъ. „Нѣтъ", отвѣчаетъ кантела струнами, „не пойду я въ море, не дамъ себя бросить въ волны: на мнѣ будетъ играть самъ творецъ мой!" И ее несутъ назадъ къ Вейнемейнену. Расправивъ себѣ персты, онъ садится на прибрежной скалѣ, поворачиваетъ кантелу на своихъ колѣнахъ и говоритъ: „Кто не слышалъ прежде веселья вѣчныхъ пѣсенъ, кто не слышалъ звуковъ кантелы, тотъ приходи слушать!" Онъ началъ играть. Все спѣшило къ нему: и звѣри лѣсные, и птицы воздушныя, и рыбы водныя внимали съ наслажденіемъ божественной музыкѣ. Все вокругъ него рыдало отъ радости, и самъ онъ, богъ пѣснопѣнія, плакалъ: крупныя слезы текли съ лица его на землю, съ земли скатывались въ море и тамъ превращались въ прекрасныя жемчужины.

Прибывъ съ своими товарищами въ Пòхіолу, Вейн. усыпляетъ арфою всѣхъ тамошнихъ жителей и потомъ идетъ самъ-третей къ каменной горѣ, въ которой спрятано *Сампо*. Пока онъ дѣйствуетъ заклинаніемъ, Ильмариненъ отворяетъ ворота горы, а Лемминкейненъ отрываетъ Сампо отъ корня, и всѣ трое несутъ сокровище въ лодку. На обратномъ пути Вейн. начинаетъ пѣть. Крикъ птицы, испуганной

его голосомъ, будитъ спящихъ людей Пòхіолы. Старуха Лоухи, увидѣвъ, что Сампо унесено, накликаетъ на Вейн-на ужасную бурю и вмѣстѣ съ своими людьми отправляется въ лодкѣ догонять его. Вейн., видя приближеніе погони, бросаетъ въ море свой кремень, и изъ кремня выростаетъ утесъ, о который лодка изъ Пòхіолы разбивается. Тогда старуха Лоухи принимаетъ видъ птицы: „она вёсла распустила крыльями, корму превратила въ хвостъ; потомъ снарядилась летѣть, поднялась орломъ". Людей своихъ она взяла съ собою, и „летитъ надъ свѣтлымъ хребтомъ морскимъ, надъ открытымъ моремъ: у нея подъ крыльями сто человѣкъ, на концѣ хвоста тысяча... Она садится на вершину мачты Вейнемейнена, и лодка его чуть не опрокинулась. Ильмариненъ, обнаживъ мечъ, ударяетъ орла по когтямъ, но не наноситъ ему вреда; такъ же напрасны и удары меча Лемминкейнена; но Вейн. поражаетъ старуху однимъ кормиломъ, и отсѣкаетъ ей крылья, отрываетъ когти: у нея остается только мизинецъ, и „она падаетъ въ лодку, какъ пущенная стрѣла, какъ тетерька съ дерева, какъ бѣлка съ сучка еловаго." Мизинецъ захватываетъ Сампо, но роняетъ его въ море, и сокровище разбивается въ куски. Отъ этихъ разсѣявшихся обломковъ произошли звѣри и богатства морскія. Крышка осталась у старухи, и уносится ею въ Пòхіолу: „теперь тамъ горе, нѣтъ хлѣба въ Лапландіи".

Вейн., найдя на берегу нѣсколько кусковъ Сампо, велитъ засѣять ими землю въ Калевалѣ, и вскорѣ родятся отъ нихъ разныя деревья, даже дубъ: сперва онъ не принимался, но потомъ вдругъ разросся съ такою силой, что заслонилъ солнце. Къ счастію, нашли, хотя съ трудомъ, дровосѣка, который срубилъ его: то былъ опять крошечный человѣчекъ, вышедшій изъ моря.

Старуха Лоухи, чтобъ уничтожить внезапное плодородіе Калевалы, грозитъ Вейнемейнену, что накличетъ на его землю различныя опустошенія. Она родитъ девять гибельныхъ сыновей, которыхъ и посылаетъ туда для истязанія народа язвами и другими бѣдствіями; но Вейнемейненъ изгоняетъ незваныхъ гостей. Тогда хозяйка Пòхіолы посредствомъ колдовскихъ пѣсенъ похищаетъ солнце и мѣсяцъ, и упрятываетъ ихъ въ гору. Желая узнать причину наступившаго за этимъ мрака, Вейн. и Ильм. восходятъ на небо, высѣкаютъ тамъ огонь и поручаютъ какой-то дѣвѣ держать его. „И дѣва на длинномъ облакѣ, на широкой радугѣ качала огонь, баюкала пламя въ золотой колыбели, на серебряныхъ ремняхъ: серебряные ремни скрипѣли, золотая колыбель звучала". Но по неосторожности дѣвы, огонь падаетъ на землю. Вейн. и Ильм., сдѣлавъ лодку, отправляются въ ней искать его, плывутъ по рѣкѣ *Невѣ*. Отъ встрѣтившейся имъ старой колдуньи узнаютъ они, что огонь причинилъ много бѣдъ и спрятанъ ею въ озеро, гдѣ его проглотила рыба. Герои успѣваютъ

изловить щуку, въ которой кроется огонь, но когда разрѣзаютъ ее, то онъ вырывается на свободу, и сожигаетъ большую часть Финляндіи; наконецъ однакожъ унимается льдомъ и морозомъ изъ Пòхіолы.

Ильмариненъ, по просьбѣ своего брата, куетъ солнце и луну изъ серебра и золота; но они не свѣтятъ. Тогда Вейнемейненъ спѣшитъ въ Пòхіолу и узнаетъ, что они спрятаны въ горѣ. Онъ вызываетъ жителей на поединокъ и, побѣдивъ ихъ, идетъ къ потаенному мѣсту; но не можетъ растворить воротъ у горы: Ильмариненъ долженъ сковать ему ключи. Во время работы, на окно кузницы садится птичка: это сама хозяйка Пòхіолы въ видѣ жаворонка. „Что ты куешь?" спрашиваетъ птичка у Ильмаринена. „Ожерелье для хозяйки Пòхіолы", отвѣчаетъ онъ. Испуганная старуха летитъ торопливо домой, выпускаетъ на волю солнце и мѣсяцъ. Вейнемейненъ радуется, видя ихъ опять на небѣ и восклицаетъ: „слава тебѣ, мѣсяцъ! что ты снова свѣтишь; что показываешь ликъ свой! Слава тебѣ, золотой день, что ты возсіялъ! Слава тебѣ, солнце, что ты восходишь! Золотой мѣсяцъ! ты всталъ изъ камня; прекрасное солнце! ты встало изъ утеса! Ты встало, какъ золотая кукушка, какъ серебряный голубь. Вставай и впредь каждое утро; приноси съ собой полноту здоровья, приноси счастливый ловъ... Совершай же путь свой весело, обходи дугу свою величаво, вечеромъ удаляйся на ликованье!"

Въ радости своей Вейнемейненъ отправляется на охоту и, убивъ медвѣдя, привозитъ его домой съ пѣснями. Народъ, слыша музыку, спѣшитъ къ нему на встрѣчу для пріема добычи. Медвѣдя несутъ въ комнату и опускаютъ на скамью. Снявъ кожу, бросаютъ его въ котелъ и варятъ три дня. Потомъ разрѣзаютъ мясо, раскладываютъ по чашамъ и подаютъ созванному народу. Во время пира Вейн. разсказываетъ успѣшный ходъ ловитвы. Когда гости наѣлись, напились и натѣшились пѣніемъ и другими забавами, голову медвѣдя вѣшаютъ на дерево (смотри выше стр. 109), и Вейн. изъявляетъ желаніе, чтобы и впредь такими удовольствіями ублажалась Финляндія.

Онъ хотѣлъ бы увѣнчать пиръ музыкой; но арфа на днѣ морскомъ: она выпала изъ лодки во время бури, которую онъ претерпѣлъ, когда везъ похищенное Сампо. Тщетно идетъ онъ къ морю, и ищетъ кантелы граблями, которыя сковалъ ему Ильмариненъ: тогда онъ изготовляетъ новую арфу и, играя на ней, опять восхищаетъ всю природу.

Однажды Вейнемейненъ встрѣчаетъ на пути какого-то молодого *Іоукахайнена*, который ѣдетъ посвистывая и не даетъ дороги, такъ что сбруи лошадей ихъ зацѣпились одна за другую. Вейн. говоритъ: „Прочь съ дороги, Іоукахайненъ! ты моложе меня." Но тотъ отвѣчаетъ: *молодость ничего не значитъ: кто выше познаніями, тотъ и хозяинъ дороги!..* Возникаетъ споръ о томъ, кто изъ встрѣтившихся болѣе знаетъ. Іоуках. начинаетъ читать, по своимъ понятіямъ, курсъ

естественной исторіи и ботаники, въ продолженіе чего Вейн. иногда прерываетъ его словами: „чтожъ ты еще знаешь? чтожъ размыслилъ ты далѣе?“ Наконецъ Іоуках. говоритъ, что онъ помнитъ сотвореніе міра. Тутъ Вейн. въ негодованіи восклицаетъ: „дѣтскія знанія! женская память! таково ли знаніе мужа-героя? я самъ пахалъ море, самъ копалъ рвы морскіе, опрокидывалъ горы, складывалъ груды камней, я былъ третьимъ при сооруженіи столбовъ воздушныхъ, при подъятіи свода небеснаго, при усѣяніи неба звѣздами (т. е. при сотвореніи міра). Но молодой Іоуках. искривилъ уста, судорожно своротилъ голову, скрутилъ черные волосы, и снова началъ хвалиться. Тогда разгнѣванный Вейн. принялся пѣть: вся природа содрогалась, все было въ восторгѣ, а Іоуках., силою словъ Вейн-на, погрузился въ болото по самыя плечи. Теперь онъ принужденъ умолять *вѣчнаго вѣдателя* о спасеніи. „Чтожъ ты мнѣ дашь за это“? спрашиваетъ богъ. Несчастный предлагаетъ одинъ изъ луковъ своихъ, одного изъ своихъ коней; но Вейн. съ презрѣніемъ отвергаетъ то и другое, и не прежде даетъ Іоукахайнену свободу, какъ когда тотъ вызывается отдать ему сестру свою: „У меня есть дома сестра необыкновеннаго стана, прекраснаго роста: я отдамъ тебѣ единственную сестру мою, отдамъ дитя моей матери въ пожизненное супружество, въ подпору старыхъ дней твоихъ! изреки священное слово! — и Вейн. изрекъ священное слово. Тогда молодой Іоукахайненъ съ поникшей головой, съ уныніемъ въ душѣ побрелъ домой и плакалъ горькими слезами.“ Но мать его, узнавъ о причинѣ его печали, говоритъ, что плакать нечего, потому что она и такъ давно ужъ желала родства съ Вейн-номъ.

Сестра Іоук-на, набирая въ лѣсу прутьевъ для метлъ, встрѣчаетъ своего жениха, пришедшаго туда на охоту. Онъ проситъ ее думать впредь только о немъ, но она, рыдая, бѣжитъ домой и пересказываетъ матери слова Вейн-на. Мать утѣшаетъ ее и велитъ нарядиться въ лучшее платье. Но дѣвушка не перестаетъ плакать и грозитъ, что скорѣе бросится въ море, нежели выйдетъ за Вейн-на. Чрезъ нѣсколько времени она въ самомъ дѣлѣ приводитъ свою угрозу въ исполненіе. Вейн., который часто удилъ, однажды вытащилъ на крючкѣ дѣвушку въ видѣ семги: но онъ принялъ ее за обыкновенную рыбу. Когда онъ сбирался рѣзать ее, она выпрыгнула изъ рукъ его въ море и сказала, кто она, но не захотѣла, какъ просилъ Вейн-нъ, выйти изъ воды еще разъ.

Между тѣмъ, въ Калевалѣ *дѣва Маріатта*, скушавъ какую-то необыкновенную ягоду, становится беременною. Приближаясь къ разрѣшенію, она посылаетъ просить у жены *Руотуса* позволенія пойти въ его баню, но получаетъ суровый отказъ. Тогда она беретъ вѣникъ и идетъ въ конюшню, на гору Тапіо: тамъ дыханіе лошади служитъ ей вмѣсто бани, и она родитъ сына, котораго кладетъ

въ *ясли* на сѣно. При *крещеніи* младенца святитель спрашиваетъ объ отцѣ его, и когда оказывается, что отца нѣтъ, то Вейн-ну предоставляютъ рѣшить участь новорожденнаго. Онъ предлагаетъ умертвить дитя; но оно вдругъ начинаетъ говорить и объявляетъ этотъ приговоръ незаконнымъ. Крещеніе совершается; но разгнѣванный Вейн. на-вѣки покидаетъ Финляндію, *оставляя ей только арфу и пѣсни.*

Таково содержаніе поэмы въ томъ видѣ, въ какомъ она возстановлена г. Ленротомъ. Послѣдняя (32-я) пѣснь ея, начинающаяся рожденіемъ мальчика отъ дѣвы, есть, безъ сомнѣнія, аллегорическое изображеніе борьбы христіанства съ язычествомъ въ Финляндіи. Въ вымыслѣ этомъ видимъ самое грубое искаженіе новозавѣтнаго повѣствованія о рожденіи Спасителя; даже *Руотусъ* есть лицо библейское и представляетъ Ирода, котораго финны, въ ежедневномъ разговорѣ, до сихъ поръ такъ называютъ. Сочинитель этой руны, желая описать торжество Евангелія надъ древнею вѣрою финновъ, вздумалъ противопоставить Вейнемейнену, какъ главѣ ея, самого Божественнаго Младенца, перенеся искаженное преданіе о немъ въ свою отчизну; а паденіе язычества выразилъ бѣгствомъ важнѣйшаго языческаго бога, отъ котораго Финляндія сохранила однѣ *пѣсни.*

Не считаемъ нужнымъ входить въ изслѣдованіе вопроса, возбудившаго много толковъ въ самомъ отечествѣ Калевалы: за кого принимать Вейн-на съ его сподвижниками? Видѣть ли въ нихъ боговъ, сошедшихъ на землю и дѣйствующихъ подобно людямъ, или историческія лица, впослѣдствіи возведенныя преданіемъ въ санъ боговъ? Замѣтимъ однакожъ, что въ продолженіе поэмы какъ сами эти лица, такъ и другіе изъ приводимыхъ въ ней дѣйствователей не разъ призываютъ въ помощь всемогущаго *Укко*: онъ повсюду является верховнымъ божествомъ, небеснымъ отцомъ человѣковъ, которому все поклоняется безусловно. При сужденіи о достоинствѣ Калевалы, по ея содержанію, надобно помнить ея живое происхожденіе изъ среды націи, имѣвшей единственнымъ учителемъ въ этомъ случаѣ самую природу; не должно сверхъ того забывать, что мы теперь знаемъ Калевалу только въ томъ видѣ, въ какомъ *первый* ея собиратель, или лучше *второй* ея творецъ представилъ ее міру по *своему* взгляду на предметы, по *своимъ* догадкамъ. Онъ же или кто-нибудь другой найдетъ, вѣроятно, еще нѣсколько обломковъ этого вѣкового эпоса: тогда, можетъ быть, многое въ немъ пояснится, пополнится, расположится въ болѣе стройномъ порядкѣ.

Впрочемъ остовъ поэтическаго произведенія, какъ онъ здѣсь предложенъ нами, еще не знакомитъ съ красотами самаго произведенія. Чтобы дать читателямъ нѣкоторую возможность судить о тонѣ цѣлаго,

мы перевели размѣромъ подлинника большую часть 29-й пѣсни—той, гдѣ описывается, какъ Вейнемейненъ послѣ медвѣжьяго пира идетъ искать свою утраченную кантелу въ морѣ, и не нашедши ея, дѣлаетъ новую (см. стран. 138). Но просимъ смотрѣть на этотъ переводъ только какъ на *опытъ,* потому что переводить созданія народной поэзіи есть одно изъ опаснѣйшихъ предпріятій.

Изъявивъ грусть свою о томъ, что арфа его въ морѣ,

Старый, мудрый Вейнемейненъ
Къ ковачу идетъ въ ковальню
И заводитъ рѣчь и молвитъ:
„Ты искусенъ, Ильмариненъ!
Скуй мнѣ грабли изъ желѣза,
Сдѣлай къ нимъ древко изъ мѣди,
Чтобы могъ изрыть я море,
Могъ собрать тамъ волны въ кучи,
Чтобы кантелу изъ кости,
Чтобъ изъ кости щучьей арфу
Могъ найти въ палатахъ рыбы,
На бугристомъ ложѣ семги.

Ильмариненъ поспѣшно исполняетъ желаніе брата; грабли готовы: каждый зубецъ во сто саженъ длиною, рукоять въ пятьсотъ.

Ухвативъ желѣзны грабли,
Многолѣтній Вейнемейненъ
На просторъ морей выходитъ,
На широкіе заливы.
Онъ у водъ разрылъ валежникъ,
Расчесалъ камышъ высокій,
И въ холмы сдвигаетъ море,
Волны въ кучи собираетъ;
Но той арфы не находитъ;
Никогда ужъ онъ не видѣлъ
Милой кантелы пропавшей.

Въ скорби старый Вейнемейненъ
Начинаетъ путь возвратный.
Голова его поникла,
Шапка на-бокъ наклонилась.
Вотъ въ проталинѣ средь лѣса
Онъ недвижно сталъ, и взоры
Вкругъ водилъ и чутко слушалъ:
Вотъ онъ внялъ: береза плачетъ,
Свилеватая рыдаетъ.

Вотъ онъ спрашиваетъ, молвитъ:
„Что, зеленая, ты плачешь?
Что, развѣсистая, вопишь?
Въ бѣломъ поясѣ горюешь?
Иль въ походъ тебя уводятъ,
Или въ битвы посылаютъ?“

Громкимъ голосомъ, разумно,
Такъ отвѣтствуетъ береза:
„Про меня иной толкуетъ
(А иной тому и вѣритъ),
Будто въ радости живу я,
Будто вѣчно веселюся,
Отъ того, что я бѣдняжка
Весела кажусь и въ горѣ,
Рѣдко жалуюсь на муки.

Но теперь въ судьбѣ жестокой,
Въ одиночествѣ я плачу,
Что безпомощна, забыта,
Беззащитна я осталась
На печальномъ здѣшнемъ мѣстѣ,
Середи луговъ широкихъ.

У меня у горемыки,
У страдалицы вѣдь часто
Лѣтомъ рветъ пастухъ одежду,
Чрево сочное пронзаетъ.
У меня у горемыки,
У страдалицы вѣдь часто
На печальномъ здѣшнемъ мѣстѣ
Середи луговъ широкихъ
Вѣтви, листья отнимаютъ,
Стволъ срубаютъ на пожогу,
На дрова нещадно колютъ.
Ужъ три раза въ это лѣто,
Нескончаемое лѣто,
Подъ моимъ сѣнистымъ кровомъ
Были люди, и точили
Топоры свои на гибель
Головы моей побѣдной,
Головы моей и шеи;
Отъ того весь вѣкъ я плачу,
Отъ того всю жизнь горюю,

Что безпомощна, забыта,
Беззащитна, я осталась
Здѣсь для встрѣчи непогоды,
Какъ зима приходитъ злая.

Каждый годъ затѣмъ такъ рано
Скорбь мой образъ измѣняетъ;
Сушатъ голову заботы,
И лицо мое блѣднѣетъ,
Какъ о времени холодномъ,
О лихой порѣ я мыслю.
Вскорѣ буря мнѣ приноситъ
Холодъ съ тягостными днями –
Буря шубу прочь срываетъ,
Всѣ мои свѣваетъ листья!
Я тогда, нагая, зябну,
Предана суровой стужѣ
И жестокости метелей.

Вейнем. утѣшаетъ березу, обѣщая слезы ея обратить въ радость. Онъ срубаетъ дерево и изъ него дѣлаетъ себѣ арфу. Но гдѣ взять ему винты и колки?

Росъ въ полянѣ дубъ высокій;
Вѣтви ровныя носилъ онъ,
И по яблоку на вѣтви,
И на яблокѣ по шару
Золотому, а на шарѣ
По кукушкѣ голосистой.
И кукушка куковала,
Издавая звукъ за звукомъ.
Долу золото струилось,
Серебро лилось изъ клева
Внизъ на холмъ золоторебрый,
На серебряную гору:
Вотъ отколь винты для арфы
И колки для струнъ взялися.

Теперь недостаетъ только струнъ, ихъ нужно пять, и Вейн. спрашиваетъ:

Изъ чего я ихъ добуду,
Гдѣ волосъ найти мнѣ конскихъ?

Вотъ въ проталинѣ онъ слышитъ:
Плачетъ дѣвушка въ долинѣ,

Плачетъ — только въ половину,
Въ половину веселится;
Пѣньемъ вечеръ сокращаетъ
До заката, въ ожиданьи,
Что найдетъ она супруга,
Что женихъ ее обниметъ.

Старый, славный Вейнемейненъ
Слышитъ жалобу дѣвицы,
Ропотъ милаго дитяти.
Онъ заводитъ рѣчь и молвитъ:
„Подари мнѣ даръ, дѣвица!
Съ головы одинъ дай локонъ,
Пять волосъ мнѣ поднеси ты,
Дай шестой еще въ добавокъ,
Чтобъ у арфы были струны,
Чтобы звуки получило
Вѣчно-юное веселье."

И даритъ ему дѣвица
Съ головы прекрасный локонъ,
Пять волосъ еще подноситъ,
Подаетъ шестой въ добавокъ.
Вотъ отколь у арфы струны,
У веселья звуки взялись.

Послѣ старый Вейнемейненъ
Самъ напѣвы устрояетъ;
Чтобъ веселье звать, садится
Онъ на лѣстницѣ мощеной,
На сѣдалищѣ сосновомъ
На краю скамьи желѣзной.

Тамъ онъ въ струны ударяетъ;
Тамъ онъ звонко припѣваетъ;
Онъ играетъ полнозвучно,
И по пѣснямъ строитъ голосъ.
Сладко свиль гремитъ; ликуетъ
Стовѣтвистая береза,
Голосятъ дары кукушки,
Распѣваетъ локонъ дѣвы.

Такъ играетъ Вейнемейненъ:
Мощный звонъ летитъ отъ арфы;
Долы всходятъ, выси никнутъ,

Никнутъ выспреннія земли,
Земли низменныя всходятъ,
Горы твердыя трепещутъ,
Откликаются утесы,
Жнива вьются въ пляскѣ, камни
Разсѣдаются на брегѣ,
Сосны зыблются въ восторгѣ.
Сладкій звонъ далеко слышенъ,
Слышенъ онъ въ шести селеньяхъ,
Оглашаетъ семь приходовъ.
Птицы стаями густыми
Прилетаютъ и тѣснятся
Вкругъ героя-пѣснопѣвца.

Суомійской [1]) арфы сладость
Внялъ орелъ въ гнѣздѣ высокомъ,
И птенцовъ позабывая,
Въ незнакомый край несется,
Чтобы кантелу услышать,
Чтобъ насытиться восторгомъ;
Царь лѣсовъ съ косматымъ строемъ
Пляшетъ мѣрно той порою,
Какъ отецъ веселье будитъ,
Какъ играетъ Вейнемейненъ.

Старый, славный Вейнемейненъ
Восхитительно играетъ,
Тоны дивные выводитъ.
Точно такъ, когда игралъ онъ
У себя, въ сосновомъ домѣ,
Откликался кровъ высокій,
Окна въ радости дрожали,
Полъ звенѣлъ, мощеный костью,
Пѣли своды золотые.
Проходилъ ли онъ межъ сосенъ,
Шелъ ли межъ высокихъ елей —
Сосны низко преклонялись,
Ели гнулися привѣтно,
Шишки падали на землю,
Вкругъ корней ложились иглы.
Углублялся ли онъ въ рощи,
Рощи радовались громко;

[1]) *Суомія* есть финское названіе Финляндіи.

По лугамъ ли проходилъ онъ —
У цвѣтовъ вскрывались чаши,
Долу стебли поникали.

Эта пѣснь, которая, чувствуемъ сами, много потеряла въ нашемъ переводѣ, была приложена, какъ образчикъ изъ Калевалы, къ письму г. Рунеберга, откуда мы уже сдѣлали нѣсколько выписокъ. Любопытно видѣть, какое впечатлѣніе руна эта произвела на національнаго и ученаго пѣвца Финляндіи; съ удовольствіемъ переводимъ слова его и по этому предмету:

„Миѳическое преданіе заключающееся въ этой пѣснѣ, кажется мнѣ неизъяснимо-плѣнительнымъ и остроумнымъ. Радость Вейн-на, его кантела, упала въ море. Напрасны всѣ его старанія отыскать ее. Онъ разгребаетъ самое море, но арфа навѣки исчезла. Почти у всѣхъ народовъ живетъ представленіе о какомъ-то утраченномъ блаженствѣ, о лучшей жизни, бывшей нѣкогда удѣломъ смертныхъ. Финскій народъ, у котораго первымъ предметомъ поклоненія былъ богъ пѣсенъ, представлялъ себѣ, кажется, это первобытное блаженство въ образѣ первой кантелы Вейн-на: ея звуками оно было пробуждено, и съ нею навсегда погрузилось въ бездны морскія. Отъ сего высшаго сокровища Вейн. сохранилъ любовь къ пѣснямъ и потребность въ ихъ очарованіи. Онъ не можетъ найти своей первоначальной арфы; но онъ дѣлаетъ себѣ другую, которая, если звуки ея и не такъ роскошны, все-таки даетъ ему возможность изливать его чувствованія, и нѣкоторымъ образомъ вознаграждаетъ утрату. Поэтому замѣчательно, что преданіе [1]), изображая Вейн-на играющимъ, говоритъ, что обильныя слезы текутъ по его лицу, какъ-будто въ груди его живетъ память о чистѣйшихъ, прекраснѣйшихъ звукахъ, которыхъ потерю онъ въ тишинѣ оплакиваетъ; и въ то же время онъ однакожъ мощнымъ пѣніемъ своимъ животворитъ вокругъ себя природу и привлекаетъ всѣхъ тварей. Таковъ удѣлъ поэта. Онъ помнитъ идеалъ, лиру съ прекраснѣйшими звуками, и если для возсозданія ихъ онъ ударитъ въ струны той лиры, которую держитъ въ рукахъ, то ея музыка вызоветъ у него только слезу скорби, хотя бы весь міръ внималъ ему съ удивленіемъ и восторгомъ.

„Конечно, вы найдете, что и 29-я руна, описывая происхожденіе новой арфы, богата прекрасными символами. Кажется, вся природа, какъ бы мрачная и отверженная, когда ея не озаряетъ поэзія, раздѣляетъ грусть Вейн-на. Даже береза сѣтуетъ, что стоитъ въ ничтожествѣ, въ сиротствѣ посреди степи, предоставленная произволу зимнихъ вьюгъ и ударамъ опустошительнаго топора. Тогда къ ней прибли-

[1]) Если не въ 29-й пѣснѣ, то въ другихъ.

жается богъ съ миромъ и утѣшеніемъ. — Не плачь, говоритъ онъ: и ты обрѣтешь цѣль, получишь назначеніе въ полнотѣ бытія; и ты создана для звуковъ; ты въ рукахъ пѣвца еще найдешь сладкое веселье. — Какъ просто отражается здѣсь свѣтъ, разливаемый пѣснопѣніемъ на міръ, который безъ того былъ бы холоденъ и мраченъ — свѣтъ, соединяющій съ собою понятіе о внѣшности, которая сама по себѣ была бы царствомъ зимы и смерти. Далѣе руна описываетъ, какъ Вейн., для изготовленія арфы, заимствуетъ ея составныя части у дерева, птицы и дѣвы: здѣсь повидимому символически означено, что духъ, для выраженія себя, имѣетъ надобность въ разнообразной внѣшности, что поэзіи свойственно почерпать свое богатство, свои предметы изъ всѣхъ явленій природы, отъ недвижнаго растенія до свободноразумнаго человѣка. Самую арфу доставляетъ береза, винты — птица, а вѣнецъ всего, струны — человѣкъ. Всѣ части необходимы; но какая остроумная постепенность въ сочетаніи ихъ, по отношенію существъ, отъ которыхъ онѣ заимствованы!

„Чувствую, что опасно пускаться такимъ образомъ въ объясненіе миѳическихъ понятій; подобное толкованіе, хотя бы оно и было удачно, должно всегда казаться холоднымъ и неполнымъ противъ живой поэзіи, въ какую облеченъ миѳъ. Я увѣренъ, что вы въ этомъ согласитесь со мной при прочтеніи самой руны; при всемъ томъ, я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи сообщить вамъ мой взглядъ на нѣкоторые символы. Мы все еще напрасно ожидаемъ финской миѳологіи, хотя нашимъ литературнымъ обществомъ и назначена премія за сочиненіе въ этомъ родѣ. Въ Калевалѣ открытъ къ тому источникъ и богатый и всѣмъ доступный; но, можетъ быть, глубокость миѳическихъ представленій пугаетъ даже и лучшихъ знатоковъ языка.“

На сей разъ довольно о Калевалѣ. Хвала и честь г-ну Ленроту! Чтобы вполнѣ оцѣнить услугу, какую онъ оказалъ не только своему отечеству, но и всему ученому міру, надобно знать всѣ тѣ трудности и лишенія, которымъ онъ добровольно подвергся для совершенія своего высокаго замысла; надобно помнить, что онъ въ борьбѣ съ нуждою ходилъ пѣшкомъ по странѣ пустынной и бѣдной, гдѣ встрѣчалъ множество и препятствій и опасностей со стороны не только природы, но и самой націи, посреди которой странствовалъ, — мнительной и неохотно допускающей кого бы ни было въ святилище своей внутренней жизни. Поэтому, сколько желѣзнаго постоянства, сколько ловкости и гибкости нужно было г. Ленроту для достиженія его цѣли! Съ притворнымъ простодушіемъ, съ поникшей головой, примѣняясь и видомъ и одеждой къ тѣмъ людямъ, въ которыхъ онъ имѣлъ надобность, вступалъ терпѣливый путешественникъ подъ кровлю своихъ убогихъ земляковъ. Будто чуждый всякаго намѣренія, садился онъ рядомъ съ ними на ихъ сосновую скамью и, какъ свойственно фин-

намъ, хранилъ нѣсколько минутъ угрюмое молчаніе. Потомъ начиналъ онъ безпечно осматриваться изъ-подъ нависшихъ волосъ, и завязывалъ какъ-бы случайный разговоръ о томъ и семъ. Но мало-по-малу, непримѣтно подводилъ онъ своего собесѣдника къ желанному предмету, и добрякъ довѣрчиво принимался пѣть — пѣлъ безъ устали все, что зналъ; а между тѣмъ внимательный посѣтитель записывалъ каждую пѣсню, не упуская ни словечка. Часто помогало ему, въ пріобрѣтеніи довѣренности крестьянъ, его докторское званіе и то облегченіе, какое онъ, будто присланный небомъ утѣшитель, подавалъ безпомощнымъ страдальцамъ своими лѣкарствами. Вотъ какъ г. Ленротъ, въ тишинѣ, безъ всякаго посторонняго поощренія, движимый одною любовью къ прекрасному, совершилъ дѣло, которое не дастъ умереть его имени. Но такова странность природы человѣческой и недовѣрчивость скромнаго достоинства къ самому себѣ! Когда всѣ впослѣдствіи напечатанныя пѣсни Калевалы были уже въ рукахъ собирателя, онъ не разъ терзался сомнѣніемъ въ своихъ способахъ кончить начатое. Въ концѣ его предисловія къ Калевалѣ находимъ слѣдующія замѣчательныя строки: „Но я въ продолженіе своей работы не могъ утѣшаться тѣмъ, что для многихъ составляетъ облегченіе въ трудѣ — надеждою, что произведу прекрасное цѣлое. Я всегда сомнѣвался въ способности своей сдѣлать что-либо годное, а во время настоящаго занятія сомнѣніе это до того усиливалось, что я не разъ былъ готовъ бросить въ огонь все написанное. Съ одной стороны я себѣ не довѣрялъ въ искусствѣ расположить пѣсни къ общему удовольствію, а съ другой боялся, вопреки своимъ усиліямъ, подвергнуться строгому суду за неконченную работу. Но пусть будетъ такъ: идите въ свѣтъ, пѣсни Калевалы, хотя и не въ совершенномъ видѣ, ибо, если вы останетесь долѣе въ моихъ рукахъ, огонь можетъ сдѣлать изъ васъ нѣчто болѣе совершенное!“

Часто ли въ нашъ бездушный вѣкъ повторяются примѣры столь добросовѣстной и безкорыстной дѣятельности?

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ ВЪ ФИНЛЯНДІИ [1]).

(Письмо изъ Гельсингфорса).

I.

1840.

Вы уже много слышали и читали о праздновавшемся здѣсь недавно юбилеѣ Александровскаго Университета, и потому я считаю лишнимъ прибавлять что-нибудь къ тѣмъ подробностямъ, которыя вы уже знаете касательно самыхъ празднествъ. Теперь хочу поговорить о предметѣ мало замѣтномъ и до сихъ поръ еще не обратившемъ на себя вниманія не-финляндцевъ, но при всемъ томъ также занимательномъ. Юбилей Александровскаго Университета, пробудивъ здѣсь необыкновенную жизнь во всѣхъ отношеніяхъ, подѣйствовалъ и на литературу края: онъ послужилъ поводомъ къ появленію нѣсколькихъ книгъ, которыя безъ этого случая, можетъ быть, еще долго оставались бы неизданными. Хотя число ихъ незначительно, и всѣ онѣ малаго объёма, однакожъ я полагаю, что вамъ пріятно будетъ узнать ихъ содержаніе и достоинство. Вотъ почему и предлагаю вамъ краткій обзоръ ихъ, какъ дополненіе къ извѣстіямъ, въ послѣднее время доходившимъ до васъ изъ Финляндіи.

О печатныхъ программахъ, которыя были разсылаемы наканунѣ всякаго торжества для приглашенія публики, я умолчу, потому что онѣ въ область изящной словесности не входятъ. Изъ сочиненій, коихъ самое происхожденіе непосредственно связано съ учеными празднествами, остановлюсь только на большомъ стихотвореніи, раздававшемся всѣмъ присутствовавшимъ на послѣднемъ изъ нихъ — на промоціи магистровъ. Старинный обычай требуетъ, чтобы при подобномъ случаѣ одинъ изъ лучшихъ поэтовъ, по вызову университета написалъ привѣтствіе новымъ магистрамъ. Нынѣ почетное порученіе это исполнилъ г. Цигнеусъ (Cygnaeus), поэтъ, котораго дарованіе давно уже извѣстно вамъ. Въ новомъ произведеніи своемъ онъ показалъ тѣ же достоинства и тѣ же недостатки, какими характеризуются прежніе его труды. Во всемъ, что онъ ни пишетъ, видна глубоко-поэтическая душа: онъ кипитъ мыслями, которыя его роскошное воображеніе безпрестанно облекаетъ въ картины и образы; но этимъ богатствомъ

[1]) *Современникъ*, 1840, т. XX, стр. 24—85; см. „*Переписка*" т. I, стр. 18, 33, 41, 43, 46, 48, 55, 65, 73, 101, 125, 134, 673.

онъ не всегда умѣетъ управлять—и вмѣсто того, чтобы распоряжаться имъ съ умѣренностію и порядкомъ, онъ расточительно сыплетъ на пути своемъ перлы и кораллы. Оттого между драгоцѣнными каменьями иногда попадаются у него и поддѣльные; оттого же по временамъ теряешь въ его стихахъ нить главной мысли посреди лабиринта побочныхъ, или находишь мѣстами неясность въ выраженіи. Но такъ-какъ самые эти недостатки происходятъ не отъ слабости, а отъ избытка силъ, то стиховъ Цигнеуса нельзя читать безъ истиннаго наслажденія: они всегда носятъ на себѣ печать оригинальности и могучей юности таланта, и часто возвышаются какъ содержаніемъ своимъ, такъ и внѣшнимъ изяществомъ до такой красоты, какой поэтъ болѣе осторожный и болѣе правильный, можетъ быть, никогда бы не достигнулъ. Но ясно, что при этихъ свойствахъ Цигнеусъ никогда не сдѣлается любимцемъ всей публики: его могутъ оцѣнить только люди съ чувствомъ истинной критики.

Какъ бы то ни было, но *Привѣтствіе* Цигнеуса 96-ти новымъ магистрамъ вообще превосходно и тѣмъ болѣе замѣчательно, что произведенія этого рода рѣдко переступаютъ за черту посредственности. Стихотвореніе написано 5-тистопными ямбами безъ риѳмъ съ примѣсью нѣкоторыхъ риѳмованныхъ куплетовъ. Поэтъ начинаетъ прекрасною картиною лѣтняго вечера. Вотъ ея заключеніе: „Солнце, стоя у западныхъ дверей своего храма, глядѣло назадъ — на великолѣпіе озаренныхъ имъ облаковъ. Его ликъ запылалъ жизнью, и утомленіе исчезло, когда взоръ его упалъ на чудныя дѣла свѣта, когда все зданіе міра огласилось звуками радости, будто музыкою органа. И золотыя струны арфы его (солнца) громкимъ звономъ отозвались на гулъ веселья, возлетавшій съ земли. Клики эти мало-помалу замирали, а оно еще долго стояло и слушало. Такъ, двѣсти лѣтъ тому назадъ, солнце пылало надъ горами Финляндіи... Наступила ночь; всѣ спятъ. Но одинъ бодрствуетъ за всѣхъ. Для него нѣтъ наслажденія ни въ сіяніи солнца и красѣ облаковъ, ни въ зелени лѣса и пестротѣ цвѣтущихъ полей; его не радуетъ ликующая природа. Народъ страждетъ — и онъ безутѣшенъ; онъ не спитъ, когда сами несчастные забываютъ свое горе.

„То былъ Петръ Браге [1]) — онъ, дерзнувшій одинъ стать соперникомъ подлѣ того [2]), чья глава поднялась выше владыкъ земныхъ, когда палъ его король. Онъ (Браге) былъ гордъ. Онъ не могъ терпѣть, чтобы кто-нибудь превосходилъ его въ благородствѣ и правдѣ,

[1]) Генералъ-губернаторъ Финляндіи во время малолѣтства королевы Христины. Однимъ изъ многочисленныхъ дѣяній, которыми онъ обезсмертилъ себя въ лѣтописяхъ этой страны, было исходатайствованное имъ у правительства основаніе университета въ Або.

[2]) Оксенштерна, бывшій по смерти Густава Адольфа главнымъ правителемъ Швеціи.

въ любви къ просвѣщенію и къ славѣ. Онъ хотѣлъ, чтобы его любили, какъ короля, который создалъ счастіе въ пустыняхъ, а не какъ равнаго, раздѣляющаго скудный хлѣбъ свой. Какъ весенніе лучи отыскиваютъ всякій уголокъ, гдѣ еще гнѣздится мракъ зимы, такъ взоръ Браге проникалъ въ вертепы, куда насиліе и невѣжество влачили растерзанную добычу.

„Грозно кипѣла вокругъ Браге тревога времени, въ которомъ мудрое око его не замѣчало блеска старины, тогда какъ средніе вѣка, отовсюду уже изгнанные, подъ сѣнью лѣсовъ финскихъ еще жили въ своемъ дикомъ величіи, въ полномъ цвѣтѣ своемъ. Немного лѣтъ тому назадъ, Густавъ Адольфъ, еще не славный дѣлами, но великій духомъ, созвалъ на берегу Финляндіи отважнѣйшихъ изъ ея суровыхъ воиновъ и говорилъ съ ними какъ съ государями временъ рыцарскихъ — и повелъ ихъ проливать кровь въ страны, которыхъ имени они прежде не знали. И изъ года въ годъ, тысячи, покидая домы свои, тянулись туда длиннымъ строемъ. Предъ скалами Деммина они собственною своею жизнію спасли короля отъ рукъ коварныхъ сыновъ юга. При Люценѣ они учредили вокругъ падшаго рыцарскія игры, въ которыхъ наградою были — тѣло его, или смерть, стоявшая одиноко на рубежѣ ихъ вѣрности. А ихъ отвага измѣрила мечемъ границы возможности.

„Рыцарскія похожденія, которыхъ и самая поэзія не дерзнула бы изобрѣсти, разливали на ихъ доспѣхи свое сѣверное сіяніе. Но въ ихъ родимыхъ лѣсахъ чародѣйскія [1]) пѣсни еще говорили съ силами природы на ея таинственномъ, первобытномъ языкѣ. Надъ священнымъ источникомъ слышался шелестъ священнаго дуба; вѣтеръ уносилъ гулъ заклятій и раздувалъ багровое пламя жертвъ... Звѣри лѣсные учились жестокости у человѣка, хотя и не могли видѣть его ужаснѣйшаго дѣла — отчаянія, жившаго съ узникомъ подъ мрачными сводами, откуда несчастный видѣлъ только тѣнь неба и зелени въ водѣ.

„Такъ поэзія очертила Суомію [2]) своимъ волшебнымъ кругомъ, и съ чародѣйственною силою возносились оттуда голоса, дико звучавшіе въ душѣ Браге. Онъ видѣлъ красоту во власти заклинанія и хотѣлъ освободить ее, и зналъ, что слово, могущее разрѣшить ея оковы, принадлежитъ только мудрости. . . .

„Но настало утро: истина дня прекраснѣе поэзіи ночи. . . .

„Тогда сквозь душу Браге пролетѣла молнійная мысль, одна изъ тѣхъ мыслей, которыя пробѣгаютъ даль временъ и гаснутъ только въ глубинѣ вѣчности. За свѣтомъ такой мысли народы на пути своемъ стремятся къ назначенной имъ цѣли — къ славѣ, или къ погибели.

[1]) Въ то время колдовство, которымъ финны искони славились, въ сильной степени еще господствовало между ними.

[2]) Финское названіе Финляндіи.

Вотъ, при сіяніи лѣтняго солнца, Аура [1]) соорудила алтарь богинѣ мудрости; и какъ Кассандра, вдохновенная Фебомъ, спѣшила къ алтарю, такъ чародѣйство искало пріюта въ храмѣ Ауры. На зовъ ея стекаются изъ пустынь суровые мужи, и принося въ жертву оружіе насилія, мѣняютъ его на мечъ Ѳемиды; жажда мира, блуждавшая изгнанницею, теперь находитъ пристанище подъ красными перьями воинскаго шлема. . . .

„Такъ мудрость и поэзія сдружились и произнесли предъ алтаремъ обѣтъ подавать взаимно помощь въ весельи и въ нуждѣ. Мало-по-малу мудрость подарила кроткіе нравы; поэзія даровала львиную отвагу для борьбы съ безчисленными преградами, съ силами мрака и съ желѣзною нуждой, которая еще долго держалась на избранномъ ею мѣстѣ.

„Чтобы символомъ увѣковѣчить память примиренія истины съ поэзіей, жрецы богини мудрости издавна вплетаютъ въ кудри юношей, идущихъ поучать народъ, вѣнокъ отъ дерева, любезнаго Аполлону. Каждый разъ отчизна окружаетъ толпу сихъ юношей прекраснѣйшими изъ своихъ надеждъ. И онѣ не измѣняли, пока хоть ничтожный обломокъ поддерживалъ ихъ, разбитыя, израненныя въ кипящей борьбѣ, возбужденной бурею времени. Одного не сокрушить ему — силы душевной; одинъ миръ не нарушается имъ — миръ совѣсти.

„Наконецъ наступаютъ яркіе дни Густава (III). Уже свѣтъ упадаетъ на долины Суоміи не какъ вечерніе лучи, проглядывающіе сквозь рѣшетку сосенъ и елей. Свободно, какъ въ небѣ, онъ себѣ пролагаетъ путь и на землѣ. Весна, весна приближается! Калоніусъ мощною рукой *проламываетъ* ледъ, Портанъ *растапливаетъ* его любовью [2]). Духъ его объемлетъ родину, какъ рука—станъ милаго человѣка.

„Чельгренъ [3]) облёкъ въ слово радостные вздохи Ауры, а съ твоей лиры, Францѐнъ, поднялись пѣсни, такія звонкія, какихъ Сѣверъ дотолѣ не слыхивалъ и отъ жаворонка въ высотахъ поднебесныхъ. Внимая имъ, забывали, что въ то же время смерть поетъ при Свенкзундѣ свои роковыя пѣсни. Какъ прекрасно, какъ сладостно было утро той весны! Въ ту пору тревожило вселенную темное предчувствіе. Дѣйствительность, его оправдавшая, носила на челѣ своемъ клеймо Каиново. Но духъ мира давно осѣнялъ своими крылами шатеръ Финляндіи; вешній воздухъ втекалъ туда въ открытое окно и грудь расширялась вмѣстѣ съ горизонтомъ. Въ умѣ пылало сердце, въ

[1]) Рѣка, на которой стоитъ Або; бывшій тамъ университетъ часто на поэтическомъ языкѣ называется по имени ея.

[2]) Калоніусъ и Портанъ—два знаменитые профессора Абовскаго университета, жившіе еще въ началѣ нынѣшняго вѣка. *Проламывать ледъ* есть оборотъ, свойственный шведскому языку, означающій *пролагать дорогу*.

[3]) Шведскій поэтъ, воспитывавшійся въ Абовскомъ университетѣ.

сердцѣ пылалъ умъ, и Суомія стояла на берегахъ озёръ своихъ, какъ дѣва, только-что вышедшая изъ волнъ, въ красѣ, никѣмъ не виданной прежде.

„Вы, юноши, на главѣ которыхъ трепещетъ нынѣ свѣжая зелень лавровая, вамъ должно быть дорого то время. Конечно ваши отцы часто вамъ разсказывали о немъ въ осенній вечеръ предъ пламенемъ домашняго очага. Въ образѣ Портана представлялась имъ тогда важность эпохи, а ея надежда и радость въ твоемъ ликѣ, Францѐнъ [1].

„Черезъ пятьдесятъ лѣтъ звонъ вечерняго колокола опять будетъ призывать всѣхъ васъ въ эту самую сѣнь для полученія другого вѣнка [2], другими руками сплетеннаго. Кто же послѣдуетъ призванію? Кто? Чьи сѣдыя кудри будутъ еще виться вокругъ чела его, когда усталый вѣкъ уже склоняться будетъ къ смертному одру?

„Гдѣ бы ни стали вы искать отвѣта, никакое чародѣйство вамъ не скажетъ его. И если на вопросъ: „я ли приду?“ изъ сердца вашего, теперь столь полнаго жизни, тайный голосъ шепчетъ: *да*! вы не смѣете вѣрить ему.

„Зовъ, который всѣхъ васъ пригласитъ на жатву лавровъ послѣ полувѣкового посѣва, онъ въ раздумьи носится нынѣ надъ долинами Суоміи, останавливаясь то здѣсь, то тамъ, на мѣстѣ злачныхъ холмовъ, которыхъ еще нѣтъ, которые возвысятся и дадутъ вамъ пристанище, когда вы уйдете отсюда.

„Но какъ бы ни порѣдѣли, въ пятидесятилѣтней борьбѣ, ряды, столь тѣсные теперь, знакомый голосъ найдетъ еще отзывъ въ нѣкорыхъ сердцахъ. . . .

„Можетъ быть, время, воздухомъ котораго мы дышимъ, и котораго туманы вблизи такъ тяготятъ насъ, что часто помрачаютъ блескъ, озаряющій предметы, можетъ быть, это время, на разстояніи 50 лѣтъ, покажется прекраснымъ, достойнымъ зависти, какъ мечты утренняго сна. Васъ будутъ разспрашивать о сводахъ этого храма, о тѣхъ часахъ, когда лира, шестьдесятъ зимъ бывшая въ теплыхъ рукахъ Францѐна, издавала послѣдніе звуки, кроткіе, непорочные, какъ вечерній псаломъ, который дѣти, сладко засыпая, поютъ у ногъ матери. Васъ будутъ разспрашивать о *Ганнѣ* [3], плѣнительной какъ лѣтній

[1] Кому неизвѣстенъ хотя только по имени этотъ ветеранъ шведской поэзіи? Онъ родился въ финляндскомъ городѣ Улеаборгѣ и былъ профессоромъ Абовскаго университета, откуда въ 1810 г. переселился въ Швецію. Нынѣ онъ носитъ званіе епископа Гернесандскаго и, не смотря на свои 68 лѣтъ, прибылъ на праздчество отечества, гдѣ былъ встрѣченъ съ восторгомъ.

[2] Магистерскій вѣнокъ всегда возобновляется черезъ 50 лѣтъ на главѣ того, кто былъ украшенъ имъ. При нынѣшней промоціи было четыре финляндца, носившіе свой вѣнокъ полвѣка; но изъ нихъ только двое присутствовали, именно: Францѐнъ и Гадолинъ.

[3] *Ганна* и *Стрѣлки оленей* — двѣ поэмы Рунеберга.

вечеръ; о *Стрѣлкахъ оленей*, полныхъ мира и свѣжести, какъ звѣздная ночь сѣверной зимы; о *Калевалѣ* [1]), возникшей подобно волшебному міру среди океана, богатой чудесами и тысячелѣтнею мудростью; о *Кантелетарѣ* [2]), гдѣ цѣлый народъ слился въ гармонію поющаго храма. Васъ будутъ нетерпѣливо разспрашивать о тѣхъ дняхъ, когда Гельстремъ [3]) начертывалъ законы природы... и о многомъ, многомъ, что не исчезнетъ вмѣстѣ съ обманчивымъ свѣтомъ настоящаго. Тогда вы съ гордостію увидите, что любовь народа обратила воспоминанія вашей юности въ священныя украшенія его Пантеона. Тогда вы узнаете, былъ ли весь этотъ блескъ румяною зарей, или звѣздою вечернею, трепещущею предъ наступленіемъ ночи. Горе вамъ, если никто уже не будетъ видѣть того сіянія, не будетъ понимать чувствъ, которыя пробудятся въ груди вашей.

„Но нѣтъ! зачѣмъ столь мрачнымъ мыслямъ являться, подобно привидѣніямъ среди блестящаго пира, гдѣ единственную тѣнь бросаютъ побѣдные вѣнки свѣта. Не вся ли Финляндія какъ *одинъ* человѣкъ поднялась съ береговъ несмѣтныхъ своихъ озёръ, съ тихихъ долинъ, съ холмовъ, обвѣваемыхъ шепчущимъ вѣтромъ, чтобъ не пропустить ни одной вѣсти о празднествѣ, котораго веселый гулъ отдается повсюду, гдѣ свѣтитъ солнце?"...

Далѣе поэтъ изображаетъ торжественность мгновеній, подавшихъ поводъ къ его пѣсни; потомъ обращается къ молодымъ людямъ съ прекраснымъ увѣщаніемъ трудиться неутомимо, оставаясь чистыми предъ судомъ Бога и человѣковъ; онъ заключаетъ молитвою за благоденствіе Финляндіи.

Можетъ быть, вы замѣтили въ языкѣ предыдущихъ отрывковъ нѣкоторую принужденность; но если сообразите сказанное мною объ особенностяхъ слога г. Цигнеуса, то легко поймете, до какой степени трудно переводить его. Разумѣется, что въ прозѣ каждое лишнее слово, каждый изысканный оборотъ становятся гораздо примѣтнѣе, нежели въ стихахъ, и потому я иногда принужденъ былъ подстригать слишкомъ пушистые и кудрявые періоды подлинника. Да, если Цигнеусъ съ своею необыкновенною плодовитостію мысли, съ богатымъ воображеніемъ своимъ и теплымъ чувствомъ успѣетъ соединить изящную простоту и сжатость, если научится жертвовать иногда второстепенными идеями главнымъ, и несоразмѣрнымъ развитіемъ частей стройности цѣлаго; если бросить встрѣчающуюся у него по временамъ изысканность (какъ напр. неумѣстную игру словъ и т. п.); короче, если

[1]) Финская народная эпопея. См. предыдущую статью.

[2]) Такъ называется собраніе лирическихъ пѣсенъ финскаго народа.

[3]) Профессоръ Александровскаго университета, прославившійся своими барометрическими изслѣдованіями.

изъ поэта сдѣлается въ полномъ смыслѣ поэтомъ-художникомъ — то онъ займетъ въ исторіи финляндской литературы блистательное мѣсто.

Нынѣ Цигнеусъ приготовляетъ къ печати *Осеннія Ледяныя иглы*, продолженіе *Весеннихъ*, о которыхъ прежде было говорено въ Современникѣ. Справедливые цѣнители таланта его съ нетерпѣніемъ ожидаютъ этой второй книжки *Иглъ*.

Во время юбилея оканчивалось печатаніе второй части финскихъ лирическихъ пѣсенъ, издаваемыхъ докторомъ Ленротомъ (Lönnrot) подъ заглавіемъ *Кантелетаръ*, т. е. *Дочь Кантелы* (финской арфы). Вотъ второе большое собраніе произведеній народной поэзіи, которымъ этотъ замѣчательный человѣкъ даритъ финскую литературу: первое, какъ уже вамъ извѣстно, заключается въ національномъ эпосѣ, названномъ *Калевалой*. Происхожденіе того и другого одинаково—странствія пѣшкомъ и собираніе по Финляндіи и по тѣмъ изъ сѣверныхъ нашихъ губерній, гдѣ живутъ финны. Ленротъ останавливался вездѣ, гдѣ находилъ поселянъ, знающихъ пѣсни, и записывалъ все, что каждый изъ нихъ читалъ или пѣлъ ему.

Кантелетаръ такъ же, какъ было и съ Калевалой, печатается на счетъ Финскаго Литературнаго общества; это новое собраніе составитъ вѣроятно до 4-хъ частей. Изданіе очень изящно во всѣхъ отношеніяхъ и сверхъ текста заключаетъ въ себѣ ноты и варіанты пѣсенъ. Когда *Дочь Кантелы* еще только поступила въ печать, въ Гельсингфорскомъ Утреннемъ Листкѣ напечатано было между прочимъ слѣдующее: [1]).

„Чрезвычайно занимательно разсмотрѣть поближе эти лирическія пѣсни. Конечно, историкъ не почерпнетъ изъ нихъ много новаго, и столько же мало могутъ онѣ служитъ къ объясненію религіозныхъ понятій, вѣрованій и преданій народа въ древности. Въ этомъ отношеніи замѣчается большое различіе между финскою *лирикой* и старшею ея сестрой *эпико-миѳическою поэзіей*. Чисто-лирическія пѣсни финновъ суть по большей части изліянія минутныхъ вдохновеній поэта, его чувствованій, думъ и размышленій о собственномъ его положеніи въ свѣтѣ, о жизни и ея превратностяхъ. Отъ того сквозь эти пѣсни взоръ можетъ проникнуть до самой глубины народнаго характера. Для всякаго возраста и пола, для всякаго опредѣленія судьбы, почти для всякаго положенія человѣка есть у финской лиры болѣе или менѣе обильные образы и тоны; въ нихъ каждая и самая тонкая струна въ сердцѣ народа нашла себѣ отголосокъ...

„Размышленія, часто содержащіяся въ финскихъ лирическихъ пѣсняхъ, вовсе не сухи и не холодны; напротивъ, они доказываютъ, что поэтъ, углубляясь въ самого себя, находится въ сладостномъ, въ чудномъ расположеніи духа: иначе и не можетъ быть, когда онъ подъ

[1]) Колланомъ, см. „*Переписка*", I, стр. 125. *Ред.*

вліяніемъ истинной, природно-поэтической настроенности. Этимъ самымъ финская лирика и отличается очень опредѣлительно отъ лирики другихъ народовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что поэзія этого рода вездѣ носитъ печать субъективности, ибо вездѣ составляетъ вѣрное и непосредственное отраженіе души поэта; но въ своемъ примѣненіи къ жизни и къ ея отношеніямъ лирика должна являться въ весьма различныхъ видоизмѣненіяхъ, смотря по различію духа и направленія жизни у разныхъ народовъ. Такъ вдохновенные пѣвцы Эллады любили избирать предметы, касавшіеся боговъ, отечества, воспоминаній о его славѣ; а римляне въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ, слѣдовали примѣру грековъ. У германскихъ и кельтическихъ народовъ лирика была также не однимъ отголоскомъ внутренняго міра, сокрытаго въ душѣ пѣвца; какъ скальды у скандинавовъ и древнихъ германцевъ, такъ и барды у галловъ прославляли преимущественно память героевъ, ихъ подвиги и смерть въ бояхъ. Но не таковъ пѣвецъ, который при звукахъ кантелы поетъ свою простую пѣснь въ суомійскомъ краѣ. Выдерживая суровую борьбу съ природою и бѣдностью, онъ для изліянія поэтическаго чувства обращается къ самому себѣ и къ предметамъ его окружающимъ. Внутренній его міръ и внѣшній — только по мѣрѣ того, какъ онъ отражается въ первомъ — вотъ откуда финнъ почерпаетъ свои вдохновенія. Онъ поетъ то, что ему внушаетъ мгновенное чувство, и потому пѣсни его составляютъ самое вѣрное изображеніе духовной его жизни, его радости или горя, ненависти или любви, надежды или отчаянія, тоски, желаній или нуждъ“.

Первая часть *Кантелетара* появилась еще въ началѣ нынѣшняго года. Изъ предисловія къ ней, гдѣ финская проза подъ перомъ Ленрота достигаетъ необыкновеннаго изящества, читатель узнаётъ, что большая часть этихъ пѣсенъ собрана въ Кареліи по обѣ стороны финляндской границы, при чемъ замѣчательно, что баллады и романсы преимущественно слышатся на русской сторонѣ. Вообще, говоритъ издатель, въ нынѣшнее время Карелія есть главное жилище древней народной поэзіи, потому что тамъ жизнь народная осталась наиболѣе неприкосновенною; чуждое образованіе не произвело въ тамошнихъ нравахъ, обычаяхъ и понятіяхъ той перемѣны, какая, въ большей или меньшей степени, замѣчается въ прочихъ областяхъ Финляндіи, и каковая не могла остаться здѣсь безъ вліянія и на пѣсни народныя. Вотъ почему старинныя лирическія пѣсни почти вовсе исчезли уже, напр. въ Остроботніи и Тавастландіи; только въ Саволаксѣ есть еще слѣды ихъ, доказывающіе, что нѣкогда онѣ тамъ были особенно распространены. Мѣсто древнихъ пѣсенъ заступили теперь новыя, частію духовнаго, частію свѣтскаго содержанія; между ними тѣ, которыя возникаютъ по береговымъ областямъ и въ Тавастландіи, составляютъ всего чаще переводы или подражанія, заимствованные изъ шведской поэзіи. Боль-

шая часть пѣсенъ, вошедшихъ въ двѣ первыя части *Кантелетара*, поражаетъ своею разнообразною красотою. Однѣ замѣчательны по оригинальной идеѣ или по прелести оборота, даннаго простой мысли; достоинство другихъ заключается преимущественно въ очаровательности поэтическаго языка.

Для надзора за печатаніемъ этого сборника докторъ Ленротъ, покинувъ свою Каяну (городокъ, гдѣ онъ провинціальнымъ лѣкаремъ), прожилъ съ осени 1839 г. почти цѣлый годъ въ Гельсингфорсѣ. Во время юбилея онъ былъ еще здѣсь, и я тутъ только имѣлъ случай познакомиться съ нимъ лично. Онъ жилъ на дворѣ въ деревянномъ красномъ домишкѣ. Убранство его двухъ комнатокъ соотвѣтствовало собственной его простотѣ во всемъ. Ему 38 лѣтъ, изъ которыхъ болѣе 10-ти послѣднихъ проведены имъ почти въ безпрерывномъ пѣшеходномъ странствованіи. Я нашелъ въ немъ человѣка средняго роста съ крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, не полнаго и не худощаваго, съ лицомъ смуглымъ и отчасти багровымъ, съ огненными черными глазами, съ добродушною улыбкой, съ пріемами не совсѣмъ ловкими. Своимъ необыкновенно-выразительнымъ лицомъ онъ напоминаетъ пламенный востокъ, но въ рѣчахъ и тѣлодвиженіяхъ совершенный финнъ: говоря, онъ по временамъ киваетъ слегка головой и поводитъ рукою; характеръ у него веселый, всегда ровный. Когда я въ первый разъ пришелъ къ нему, онъ сидѣлъ въ длинномъ сюртукѣ предъ небольшимъ столикомъ изъ простого дерева, гдѣ лежало нѣсколько тетрадей мелко-исписанныхъ. Въ одну изъ нихъ онъ переписывалъ набѣло тѣ самыя лирическія пѣсни, о которыхъ недавно было упомянуто. За этимъ же занятіемъ я и послѣ почти всегда заставалъ его. Свои неистощимые литературные запасы приводитъ онъ въ порядокъ и печатаетъ съ тѣмъ же удивительнымъ прилежаніемъ, съ какимъ напередъ собираетъ ихъ. Тогда проводитъ онъ дни и ночи подъ открытымъ небомъ; теперь просиживаетъ нерѣдко съ утра до вечера въ своей убогой комнатѣ, съ тетрадями и корректурными листами. При такомъ трудолюбіи его образъ жизни не совсѣмъ правиленъ. Разъ онъ потчевалъ меня чаемъ въ полдень, тогда какъ здѣсь обѣдаютъ во 2-мъ часу, и смѣясь объяснилъ, что ѣстъ и пьетъ, когда случится: иногда, чтобъ не терять времени, вовсе не обѣдаетъ и довольствуется ужиномъ, или, сидя за работою, пьетъ по временамъ чай. Вотъ онъ подсѣлъ къ маленькому самовару, который самъ принесъ и поставилъ на краю стола, покрытаго книгами, по большей части финскими. Изъ этого стола выдвинулъ онъ ящикъ, гдѣ показались обломки и крохи разнаго хлѣба и сухарей. Надъ книгами висѣла на стѣнѣ финская арфа *(кантела)* изъ березы, некрашенная, которая, какъ я послѣ узналъ, была сдѣлана самимъ Ленротомъ. Уѣзжая, онъ оставилъ ее мнѣ въ наслѣдство. Пальцы Ленрота скользили съ большою ловкостью

по струнамъ; но, разумѣется, по однообразію финскихъ мелодій и простотѣ инструмента, нельзя было требовать отъ этой музыки слишкомъ роскошнаго наслажденія.

Разспросы мои о разныхъ предметахъ и лицахъ, упоминаемыхъ Ленротомъ въ путевыхъ запискахъ, которыя онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ помѣщалъ въ *Гельсингфорскомъ Утреннемъ Листкѣ*, навели насъ на любимый его разговоръ о финскихъ крестьянахъ. Онъ какъ-будто старшій братъ ихъ, котораго каждый изъ нихъ знаетъ и любитъ какъ просвѣщеннаго и благодѣтельнаго друга; имя его имѣетъ надъ ними магическую силу. Странствуя съ посохомъ въ рукѣ изъ края въ край, онъ въ каждомъ сельскомъ домѣ находитъ свой собственный, и распоряжается точно какъ у себя. Я слышалъ отъ одного значительнаго лица, что Ленротъ, сопровождая его въ должностныхъ поѣздкахъ по Финляндіи, всегда оказываетъ ему особенную пользу: „Только-что мы пріѣзжаемъ въ какое-либо крестьянское жилище“, сказалъ онъ мнѣ между прочимъ, „всегда любезный и услужливый, Ленротъ тотчасъ сбрасываетъ свою обувь, бѣжитъ въ избу, и едва поздоровавшись съ хозяевами, начинаетъ шарить, какъ дома, по шкапамъ и комодамъ; никто не видитъ тутъ ничего страннаго, потому что всякій считаетъ его домашнимъ.“ Недавно я въ здѣшнемъ публичномъ саду встрѣтилъ шесть или семь крестьянъ съ бородками и въ русской одеждѣ, которыхъ однако нельзя было счесть за православныхъ мужичковъ: въ ихъ лицахъ и пріёмахъ было что-то чуждое. На сдѣланный мною вопросъ они ломаннымъ русскимъ языкомъ отвѣчали, что они русскіе изъ Архангельской губерніи: тогда стало ясно, что это карелы, раскольники по исповѣданію; однако же они, указывая на небо, замѣтили, что тамъ только извѣстно, точно ли они раскольники. Эти люди, въ словахъ своихъ и движеніяхъ показывавшіе большое спокойствіе, вдругъ необыкновенно оживились, когда я спросилъ, знаютъ ли они Ленрота. Улыбаясь, они почти въ одинъ голосъ изъявили свою радость при этомъ имени; хотя всѣ изъ разныхъ деревень, они не разъ видали его въ своихъ мѣстахъ, и теперь съ восторгомъ заговорили о немъ. „Онъ такъ ребячливъ“, сказалъ между прочимъ одинъ изъ нихъ: „ему все хочется знать; онъ обо всякихъ бездѣлицахъ разспрашиваетъ“.

Ленротъ показывалъ мнѣ цѣлыя кипы тетрадей, гдѣ хранятся богатые плоды его странствованій. Однѣ заключаютъ въ себѣ записки, веденныя имъ въ дорогѣ; въ другихъ пѣсни, преданія и пословицы. Послѣднія, подобно пѣснямъ, явятся современемъ въ огромномъ собраніи. Иное остается еще въ томъ видѣ, какъ отмѣчено имъ съ голоса народа; изъ пѣсенъ многія написаны рукою самихъ пѣвцовъ, по большей части пишущихъ прямо, четко, а очень часто даже и красиво. Это искусство пріобрѣтаютъ они самоучкой, доставая, гдѣ только можно, прописи. Самъ Ленротъ, у котораго хорошій почеркъ, нерѣдко

изготовлялъ имъ такія прописи. Его дѣятельность въ собираніи пѣсенъ не мало способствовала къ поощренію финскихъ народныхъ поэтовъ, и онъ безпрестанно получаетъ отъ нихъ письма съ новыми произведеніями и иногда съ просьбою напечатать ихъ въ случаѣ, если найдетъ ихъ годными. Изъ листка: *Мехилейненъ* (Пчела), издаваемаго имъ для простого народа, и изъ рукописныхъ тетрадей прочелъ онъ мнѣ нѣсколько пѣсенъ. Между ними, одна показалась мнѣ особенно любопытною, и я приведу ее здѣсь въ прозаическомъ переводѣ.

„Она, какъ говоритъ Ленротъ въ своемъ Листкѣ (1836), замѣчательна не по достоинству своему, но по автору и потому что можетъ служить образчикомъ, какъ во внутренности Финляндіи выражается благодарность народа къ Монарху. Сочинителя, какъ самъ онъ объявляетъ въ послѣднемъ стихѣ, зовутъ *Исакомъ Пъедиккейненомъ*; онъ живетъ въ Саволаксѣ, въ 6 миляхъ къ западу отъ Куопіо. Въ 1831 г., когда я записалъ эту пѣснь съ его словъ, было ему, судя по наружности, лѣтъ 16 отъ-роду; но пѣсню сложилъ онъ уже года за два передъ тѣмъ. Онъ мнѣ продиктовалъ также нѣсколько сатирическихъ пѣсенъ своего сочиненія, но боялся, что ему достанется, если это узнаютъ тѣ, до кого онѣ касаются. Онъ согласился на мою просьбу не прежде, какъ когда я обѣщалъ, что дѣло останется между нами, и сверхъ того далъ ему 60 коп.“ Я съ своей стороны прибавлю, что поводомъ къ сочиненію этой пѣсни были Монаршія щедроты, изліянныя на Финляндію по случаю постигнувшаго ее неурожая.

Вотъ самая пѣсня:

„Хочу моею пѣсней возблагодарить Государя за подарокъ его, хочу пѣть о его дарѣ. Я слышалъ собственными ушами, что наши домы испытали великую милость, великія щедроты Царскія.

„Потому-то я и хочу восхвалить славнаго великаго Монарха, который по своей милости, по великой своей благости послалъ столь драгоцѣнный даръ Финляндіи.

„Николай добрый такъ возлюбилъ насъ, что по своей чистой любви, по своему кроткому сердцу, послалъ намъ много, много денегъ, намъ, грѣшнымъ сынамъ Финляндіи, для раздачи бѣднымъ: Онъ хочетъ, чтобы люди здѣсь на сѣверѣ и впредь могли жить въ своихъ домахъ; чтобъ казна и господа не брали у нихъ имущества подъ секвестръ; чтобъ край нашъ никогда не опустѣлъ и домы наши не были распроданы канцеляріей.

„Еще хочу я спѣть одно слово, хочу помолиться отъ всего сердца, чтобы по милости своей великій Богъ, чтобы по благости своей Господь нашъ всегда награждалъ счастіемъ, осѣнялъ своимъ милосердіемъ добраго Николая въ знаменитомъ городѣ тамъ, въ Петербургскихъ палатахъ; чтобы всегда помогалъ ему, вѣчно хранилъ, защищалъ его своею мощною десницей; чтобы злой супостатъ никогда не могъ, по своему желанію, нанести ему вреда.

„Да осѣняетъ его Господь благодатно духомъ своей крѣпости, да охраняютъ его Ангелы непрестанно, да сопутствуютъ ему и въ войнѣ, чтобы онъ побѣждалъ непріятеля!

„Недавно Онъ рѣшимостью своею побѣдилъ свирѣпаго турка; даже турка преодолѣлъ съ своимъ могучимъ войскомъ: Онъ вѣрою восторжествовалъ надъ народомъ языческимъ, и мы въ своихъ храмахъ, здѣсь въ финляндскомъ краю, отъ сердца восхвалили Предвѣчнаго.

„Горе вамъ, дикіе турки, вы, нечестивое лютое племя окаянное сборище язычниковъ! За вѣру вы часто ведете жестокія войны съ христіанами, свирѣпствуете въ битвахъ неслыханныхъ, страшныхъ, отвратительныхъ! Заблудшіе, вы преграждаете путь вѣрѣ Господней, истинному ученію.

„Пѣсня эта сочинена мальчикомъ на сѣверѣ, пропѣта Исакомъ Пьедиккейненомъ въ Пьелавеси [1]).

Дѣятельность Ленрота и обильные плоды ея представятъ въ исторіи литературы чрезвычайно любопытное явленіе. Два главныя изъ напечатанныхъ имъ доселѣ собраній вскорѣ сдѣлаются доступными гораздо большей публикѣ, нежели какая можетъ нынѣ пользоваться ими: *Калевала* вскорѣ будетъ издана въ шведскомъ стихотворномъ переводѣ; такимъ же образомъ и на тотъ же языкъ переводятся и лирическія пѣсни финновъ. Вотъ заря славы Ленрота, котораго отдаленное потомство, по недоразумѣнію или по справедливости, назоветъ, можетъ быть, финскимъ Гомеромъ.

Профессоръ математики и физики, г. Нервандеръ (Nervander), человѣкъ съ весьма многосторонними способностями и образованіемъ, недавно подарившій шведскую литературу переводомъ сочиненій Баварскаго короля, напечаталъ къ юбилею большое стихотвореніе [2]), которое еще въ 1832 году шведская академія наградила второю преміей. Оно называется: *Книга Іефѳая, пѣснопѣніе въ Израилѣ.*

Чтобы дать вамъ понятіе о цѣли, духѣ и предметѣ этого оригинальнаго произведенія, воспользуюсь объясненіемъ самого поэта:

„Искусство каждой эпохи отражаетъ понятія отжившихъ вѣковъ и народовъ о прекрасномъ. Поэтическая литература нашего времени, сохраняя свою самобытность, часто заимствовала и воспроизводила духъ и форму различныхъ явленій поэзіи въ древнѣйшія времена. Но замѣчательно, что она почти вовсе не обратила вниманія на поэзію евреевъ. Конечно, псалмы лютеранской церкви не что иное, какъ чада израильской лирики, но въ нихъ существенную стихію составляетъ

[1]) Названіе прихода.

[2]) Онъ доказалъ уже многими мелкими произведеніями замѣчательный поэтическій талантъ и удивительную легкость писать стихи. Но въ послѣднее время ученыя занятія стали болѣе и болѣе отвлекать его отъ поэзіи. При промоціи магистровъ въ 1832 и 1836 г. *Привѣтствія* были сочинены имъ.

христіанство, почему съ эстетической точки зрѣнія и нельзя считать ихъ „пѣснями въ Сіонѣ." Еще труднѣе отыскать въ европейской литературѣ дидактическія стихотворенія въ тонѣ еврейскихъ. Но такъ какъ послѣднія, по своей мрачной и величественной красотѣ, по высокости мыслей, по роскошной поэзіи въ выраженіи, одинаково дѣйствуютъ на всякаго, то причину, почему новѣйшая литература мало извлекла изъ Библіи, надобно полагать единственно въ различіи или правильнѣе въ противоположности творческаго духа западной и восточной поэзіи.

„Книга Іефѳая есть скромная попытка согласить это противорѣчіе, попытка, въ которой сочинитель не могъ бояться сравненія съ предшественниками, потому что ихъ нѣтъ, но тѣмъ болѣе долженъ былъ опасаться трудностей предпріятія.

„Главную изъ нихъ составляетъ несходство стихотвореній нашего времени съ еврейскими въ планѣ и расположеніи. Возьмемъ для примѣра книгу Іова, которая въ эстетическомъ отношеніи есть совершеннѣйшее изъ поучительныхъ стихотвореній Ветхаго Завѣта: кто не оцѣнитъ въ ней величавой красоты каждаго отдѣльнаго мѣста? Но въ состояніи ли кто безъ основательнаго изученія постигнуть ходъ и развитіе цѣлаго? Посреди эпизодовъ, картинъ и всей восточной роскоши въ языкѣ, поэтъ то подвигается медленно и лѣниво, то быстро мчится къ окончательной цѣли, то вдругъ опять удаляется отъ нея, то, развивая другую сторону, другимъ путемъ вновь приближается къ ней.

„Такимъ образомъ задача состоитъ въ примиреніи логическаго и явственно начертаннаго плана новѣйшихъ стихотвореній съ глубокомысленнымъ, но неопредѣленно обозначеннымъ расположеніемъ поэмъ еврейскихъ; или употребимъ картину—задача состоитъ въ соединеніи голаго основанія западной поэзіи, гдѣ, такъ сказать, можно счесть всѣ нити, съ пышнымъ древомъ поэзіи восточной, котораго стволъ и всѣ вѣтви до того обвиваются лозистыми растеніями, что трудно бываетъ отличить листья и цвѣты дерева отъ цвѣтовъ и листьевъ тунеядныхъ... Поэтому сочинитель полагалъ, что онъ всего вѣрнѣе достигнетъ цѣли, составивъ строгій и въ малѣйшихъ подробностяхъ оконченный планъ, но стараясь въ то же время такъ драпировать его въ исполненіи, чтобъ онъ совершенно былъ непримѣтенъ, или, по крайней мѣрѣ, чтобъ можно было только угадывать ходъ цѣлаго

„Дѣйствіе, съ которымъ дидактическая, или вѣрнѣе, умозрительная часть этого стихотворенія связана, заимствовано изъ повѣствованія о Іефѳаѣ и его дочери, въ книгѣ Судей, гл. 11-й. Когда Іефѳай, возвращаясь домой послѣ побѣды надъ Аммонитянами, встрѣтилъ единственную дочь свою и объявилъ ей, что онъ, во исполненіе своего обѣта, намѣренъ принести ее въ жертву Господу: то она просила

только двухмѣсячнаго срока, чтобы пойти на горы и тамъ вмѣстѣ съ подругами оплакать утрату юности и всѣхъ радостей жизни. Отецъ согласился, и это послужило поводомъ къ установившемуся послѣ смерти дѣвы обычаю: „Отъ дней до дней исхождаху дщери Израилевы плакати о дщери Іефѳая Галаадитянина четыре дни въ лѣтѣ.“

„Естественно, что, при такомъ ежегодно повторяющемся народномъ праздникѣ, память о событіи, давшемъ ему начало, должна постепенно исчезать, тогда какъ его національность будетъ придавать ему болѣе и болѣе значенія. Кто не помнитъ, что было первымъ поводомъ къ олимпійскимъ, пиѳійскимъ и другимъ играмъ, и какого развитія онѣ достигли съ теченіемъ времени? Такое же высшее развитіе было конечно удѣломъ праздника въ память дочери Іефѳая, и вотъ на какомъ основаніи сочинитель позволилъ себѣ связать съ этими четырьмя днями важнѣйшія понятія евреевъ о жизни и разныя подробности ихъ быта. Онъ старался быть во всемъ какъ можно вѣрнѣе духу времени и характеру мѣстности.“

Стихотвореніе г. Нервандера раздѣляется на 11-ть главъ, изъ которыхъ каждая, сверхъ стиховъ, представляетъ небольшой приступъ и краткое заключеніе въ прозѣ; заглавіе дано книгѣ согласно съ обычаемъ евреевъ, называвшихъ каждое сочиненіе по имени главнаго изъ упоминаемыхъ въ немъ лицъ.

Израильтяне, разбитые двумя непріязненными народами, ополчаются на месть, и въ свою очередь опустошаютъ всю землю вражескую. Между тѣмъ жены израильскія собираются на горы Галаадскія плакать о дочери Іефѳая. Каждое утро и каждый вечеръ въ продолженіе четырехъ дней бесѣдуютъ онѣ о непрочности всего земного, о краткости человѣческой жизни, о ея печаляхъ, и наконецъ о Сынѣ Дѣвы, Который нѣкогда придетъ искупить грѣшниковъ. Во время послѣдней бесѣды собранныя жены видятъ вдали войско, возвращающееся съ побѣдой отъ непріятеля; онѣ съ пѣснями и музыкой спѣшатъ навстрѣчу героямъ.

Вотъ, въ немногихъ словахъ, содержаніе Книги Іефѳая. Въ прекрасныхъ стихахъ, которыхъ метръ измѣняется съ каждою главою и всегда соотвѣтствуетъ самому предмету ея, г. Нервандеръ показалъ глубокое изученіе Библіи и духа еврейской поэзіи; его произведеніе благоухаетъ всѣми роскошными цвѣтами древняго Востока; звуки лиры его не только громки и полны, но сверхъ того отзываются совершенно характеромъ того народа и той мѣстности, куда воображеніе поэта переноситъ насъ. Особенно хороши пѣсни израильтянокъ о скорбяхъ человѣка. Какъ превосходно сравненіе жизни нашей съ теченіемъ Іордана! Сначала онъ выходитъ изъ горы непримѣтнымъ и безыменнымъ источникомъ, у котораго нѣтъ ни пути, ни пристани; потомъ тихое озеро принимаетъ его въ свое лоно; волны его все еще

льются въ покоѣ, хранимыя тѣнью зеленыхъ береговъ; но вотъ молодая рѣка расширяется, оставивъ колыбель свою, и шумитъ и пѣнится между утесовъ. Пылая желаніемъ, она мчится къ далекой прекрасной цѣли, и наконецъ сама создаетъ себѣ обширное озеро, гдѣ волны ея то тихо цѣлуютъ берегъ, будто невѣсту, и свѣтлыя какъ зеркало, отражаютъ небо и землю, то отъ малѣйшаго вѣтерка мятежно возстаютъ противъ самихъ себя. Но скоро потокъ смѣло мѣняетъ поприще своей юности на высшее призваніе, и уже съ славнымъ именемъ Іордана начинаетъ новый путь. Теперь онъ, могучій, прорываетъ скалы; съ горъ несутся рѣки и ручьи на поклоненіе побѣдителю; куда онъ ни пойдетъ, вездѣ ждутъ его рощи и вѣнчанные башнями города; рядомъ съ нимъ струятся масличные потоки и роскошный берегъ его окропляется бальзамомъ. Но недолго гордится Іорданъ силою и числомъ своихъ волнъ; ему положенъ предѣлъ, и вотъ онъ, отъ изнеможенія утишивъ свой бѣгъ, повергается въ мрачныя, нѣмыя бездны Мертваго моря.

Въ то же время появилась книжка *Стихотвореній* (на шведскомъ языкѣ) молодого поэта г. Стенбека (Stenbäck), о которой сообщу вамъ сужденіе газеты, издаваемой въ Борго. Я уже написалъ-было то, что самъ думаю о новыхъ стихотвореніяхъ, какъ вдругъ мнѣ попалась эта статья, и такъ какъ она вообще согласна съ моимъ собственнымъ мнѣніемъ, то я охотно жертвую ей своими строками: она обнимаетъ предметъ полнѣе и притомъ занимательна, какъ образчикъ критическаго отдѣла здѣшней періодической литературы.

„Молодые люди легко принимаютъ поэтическій характеръ своего возраста за возникающую способность къ стихотворству, и охотно отдаютъ въ печать всякое произведеніе своей игривой фантазіи. И въ нашихъ періодическихъ Листкахъ процвѣтаетъ эта плодовитая литература, то облитая сіяніемъ солнца и пурпуромъ утренней зари, то озаренная унылымъ свѣтомъ мѣсяца. Рѣдко, напротивъ того, является истинно-поэтическое дарованіе, которое можно-бъ было привѣтствовать съ участіемъ и радостью. Такое дарованіе давно замѣчено публикою въ *стихотвореніяхъ* г. Стенбека, большею частію уже извѣстныхъ прежде и изданныхъ нынѣ особою книжкой.

„Она заключаетъ въ себѣ два отдѣленія, означающія два разновременные періода въ поэтической дѣятельности г. Стенбека: послѣднее исключительно посвящено религіознымъ думамъ. Въ цѣломъ собраніи нѣтъ почти ни одного слабаго стихотворенія. Глубокое чувство, сладкозвучіе, благородная простота: вотъ свойства, вездѣ свидѣтельствующія о талантѣ сочинителя. Передъ нами мелодическія изліянія кроткаго духа, который въ самобытныхъ тонахъ поетъ старинную пѣснь о радости и скорби житейской, но преимущественно въ смиренной молитвѣ возносится къ Богу. Признакомъ этой поэзіи, рождаю-

*

щейся изъ живого родника, служитъ здравая и свѣтлая чувствительность, вовсе не похожая на сентиментальность. Выраженіе отличается прелестью простоты. Мысль выливается въ форму разнообразную, пріятную и яркую безъ ложнаго блеска. Стихъ исполненъ гармоніи. Повтореніе словъ и цѣлыхъ выраженій, которое г. Стенбекъ такъ любитъ, иногда бываетъ очень кстати, но должно бы встрѣчаться только тогда, когда съ повторяемыми словами соединяется особенно важное значеніе. Лучшими пьесами кажутся намъ: *Анна*, *Утренняя заря*, *Море*, *Ночь*, *Ночныя стихотворенія*, *Молитва дѣвушки*, *Весенній вздохъ*, *Однакожъ*, *Вешнее утро*. Въ нихъ изобрѣтеніе и исполненіе равно удачны, и чистота чувства является во всей своей плѣнительной красотѣ. Между остальными стихотвореніями есть маловажныя. Всякаго достоинства лишены только тѣ, которыя соединены подъ заглавіемъ: *Картины смерти*: въ нихъ поэтъ принялъ рѣзкій полемическій тонъ, вовсе несовмѣстный съ его сердечностію [1]).

„Односторонность, съ какою г. Стенбекъ повидимому позволяетъ себѣ нынѣ воспѣвать одни религіозные предметы, безъ сомнѣнія истощитъ изобрѣтательность его дарованія; столько же предосудительно мнѣніе его — ясно выражающееся въ поэтическомъ введеніи ко второму отдѣлу стихотвореній — будто искусство противно религіи. Источникъ и необходимость поэзіи заключаются именно въ религіозномъ побужденіи, которое заставляетъ насъ возвышаться духомъ отъ отдѣльнаго и конечнаго ко всеобщему и высшему. Не въ этомъ ли приближеніи къ божественному и состоитъ задача поэзіи? Всякое истинное произведеніе искусства есть торжественное хваленіе Богу, ибо прославляетъ возвышенное въ жизни и природѣ; творенія, гдѣ низкое является не въ отвратительномъ видѣ, признаются противными искусству. Взглядъ г. Стенбека на поэзію оправдывается только стихотвореніями, составляющими униженіе и противорѣчіе искусства, и тою свободой, съ какою необузданное воображеніе нѣкоторыхъ поэтовъ разоблачаетъ порокъ. Но не способствуетъ ли истинная поэзія къ улучшенію нравственности? Ужели все ея очарованіе, ужели восторгъ творящаго поэта есть грѣховное и нечистое воспламененіе? Считаемъ излишнимъ опровергать столь превратное понятіе и надѣемся, что сочинитель. надѣленный счастливымъ даромъ пѣсенъ, отстанетъ отъ мнѣнія, легко могущаго подавить врожденный его талантъ.“

Наконецъ, къ той же эпохѣ принадлежитъ финская поэма въ 16 пѣсняхъ, *Рунола*. Авторъ ея, г. Готлундъ (Gottlund), съ недав-

[1]) Съ этимъ не могу согласиться: по-моему, изъ трехъ стихотвореній, составляющихъ *Картины смерти*, только среднее слабо. Въ остальныхъ двухъ привязанность человѣка къ жизни и его порочность изображены рѣзкими чертами. *Переводч.*

няго времени лекторъ финскаго языка при Александровскомъ университетѣ, извѣстенъ уже въ своемъ краю какъ ревностный изыскатель его древностей и какъ писатель, обогатившій національную литературу опытами сочиненій и переводовъ разнаго рода въ стихахъ и прозѣ. Такъ онъ между прочимъ въ книгѣ своей: Otava (Большая медвѣдица), собраніи различныхъ статей и стихотвореній, перевелъ размѣромъ подлинниковъ нѣкоторыя мѣста изъ Гомера и Сафо, при чемъ доказалъ всю счастливую гибкость, все богатство и благозвучіе финскаго языка. Общее мнѣніе отдаетъ ему справедливость въ блестящихъ дарованіяхъ и въ неутомимомъ трудолюбіи—особенно когда онъ является изслѣдователемъ, но признаетъ въ немъ недостатокъ художническихъ достоинствъ и слишкомъ своенравную изобрѣтательность. Въ его книжкѣ (на шведскомъ языкѣ): *Опытъ объясненія словъ Тацита о финнахъ* есть много геніальныхъ догадокъ, смѣлыхъ предположеній и разительныхъ выводовъ; но они тонутъ въ хаосѣ утомительныхъ изслѣдованій и безконечныхъ примѣчаній, въ многословіи небрежной и запутанной прозы. Что касается до финскаго языка, то г. Готлундъ слыветъ однимъ изъ первыхъ знатоковъ его, но держится преимущественно нарѣчія саволаксъ-карельскаго, которое признаетъ лучшимъ; его упрекаютъ въ странности правописанія.

Большую услугу своему отечеству оказалъ г. Готлундъ, собирая въ продолженіе многихъ лѣтъ, какъ здѣсь, такъ и въ Швеціи, всякія старинныя рукописи и рѣдкія книги, относящіяся до Финляндіи. При этомъ онъ не щадилъ ни усилій, ни издержекъ, и нынѣ обладаетъ огромнымъ количествомъ драгоцѣнныхъ бумагъ; нѣкоторыя изъ нихъ достались ему въ наслѣдство отъ ученаго и трудолюбиваго отца. Жаль, что все это богатое собраніе вѣроятно долго еще останется подъ-спудомъ; для напечатанія его нужны средства, которыми немногіе изъ частныхъ людей могутъ располагать.

Но пора возвратиться къ *Рунолѣ*. *Руною*, какъ вы знаете, называется по-фински *пѣсня*, а *Рунола* значитъ *Жилище пѣсенъ*. Основаніемъ этой поэмы служитъ мысль довольно странная, которую авторъ объясняетъ въ предисловіи. Въ миѳологіи и поэзіи своей націи находитъ онъ нѣкоторые существенные недостатки; пополнить ихъ—вотъ цѣль его новаго произведенія. Главный изъ этихъ недостатковъ, по мнѣнію автора, тотъ, что въ воображеніи финновъ, при всемъ обиліи народныхъ пѣвцовъ въ Финляндіи, не существуетъ, какъ у другихъ націй, особаго *края преданій, острова пѣсенъ, жилища боговъ*. Онъ думаетъ, что причина этого заключается, можетъ быть, въ томъ обстоятельствѣ, что вся земля финская, по врожденному поэтическому дару ея первобытныхъ жителей, есть нѣкоторымъ образомъ край преданій и пѣсенъ; съ другой стороны, г. Готлундъ допускаетъ предположеніе, что у финновъ были нѣкогда свои Елисейскія поля, своя Валгалла, свой рай,

но время и наконецъ введеніе христіанской религіи совершенно изгладили и самый слѣдъ этихъ понятій. Создать теперь для финновъ что-нибудь въ родѣ Олимпа, Пинда, Парнасса находитъ авторъ возможнымъ только подъ однимъ условіемъ. „Какъ никто, говоритъ онъ, не можетъ осуждать меня за мои грезы, или отрицать дѣйствительность моего сновидѣнія, то я надѣюсь, что описаніе Руноды, если глядѣть на него единственно какъ на сонъ, избѣгнетъ всякаго нареканія, и я буду отвѣчать только за изложеніе. Или другими словами: если не имѣешь права пѣть о старомъ Вейнемейненѣ [1]) что-либо такое, о чемъ не говорятъ старыя руны, то по крайней мѣрѣ всякому позволено видѣть его во снѣ; а вѣдь я ничего другого и не сдѣлалъ. Притомъ поэма, представленная въ видѣ сновидѣнія, не имѣетъ никакого притязанія ни на историческую истину, ни на художественное достоинство".

Другой недостатокъ финской миѳологіи, утверждаетъ авторъ, заключается въ неполномъ развитіи аллегорій и олицетвореній, встрѣчающихся въ народныхъ пѣсняхъ. Вотъ почему второю цѣлью *Руноды* было проложить путь къ обогащенію національныхъ миѳовъ аллегорическими лицами. Наконецъ г. Готлундъ имѣлъ въ виду, что въ его произведеніи финская литература пріобрѣтетъ первую большую поэму и слѣдовательно пополнится еще важный недостатокъ.

Теперь разскажу, какъ можно короче, содержаніе *Руноды*. Поэтъ, жалуясь на всеобщее равнодушіе къ финскому языку, засыпаетъ: во снѣ является ему старый Вейнемейненъ и предлагаетъ прогулку въ страну безсмертныхъ, чтобы услышать тамъ финскій языкъ во всей его первобытной чистотѣ и насладиться дивными звуками финской арфы. Своею волшебною силою производитъ онъ облако, на которомъ поэтъ вмѣстѣ съ нимъ улетаетъ въ горнія пространства. На пути Вейнемейненъ разсказываетъ спутнику, что они отправляются въ *Руноду* — на Олимпъ финскихъ поэтовъ. Наконецъ они тамъ. У вторыхъ воротъ встрѣчаютъ они сперва *богиню надежды* и *желаній* [2]) (Тойвотаръ), а потомъ *богиню счастія* (Оннетаръ), которая указываетъ имъ путь. У третьихъ воротъ принимаетъ ихъ *жрица мудрости* (Тійотаръ), послѣ чего они видятъ предъ собой *озеро забвенія*. Тутъ Вейнемейненъ на лодкѣ *богини памяти* переправляется на *островъ купанья*, гдѣ нимфа ведетъ его купаться. Здѣсь онъ видитъ жизнь свою въ опасности; однакожъ спасается и благополучно достигаетъ берега. Въ краю блаженныхъ угощаетъ путниковъ *богиня цвѣтовъ* и *зефировъ*, въ которую Вейнемейненъ чуть не влюбляется. По ея указанію они

[1]) Главное миѳологическое лицо финновъ: богъ пѣснопѣнія, творецъ міра и кантелы.

[2]) Не нужно припоминать, что всѣ встрѣчающіеся здѣсь боги, богини и урочища — вымыселъ г. Готлунда.

наконецъ прибываютъ въ самый *чертогъ пѣснотѣнія*, гдѣ увѣнчанные пѣвцы вкушаютъ полное блаженство. Тамъ являются: *финская Геба* (Тарьёатаръ), *финскій Аполлонъ* (Рунамойненъ) и *геній финскаго языка* (Кіелетаръ). Граціи, музы и пѣвицы, окруживъ Вейнемейнена, пляшутъ и вѣнчаютъ его розами; а *финская Венера* (Каунихитаръ) упрекаетъ его въ равнодушіи къ прекрасному полу. Вейнемейненъ тщательно оправдываетъ себя и, извиняясь глубокою старостію, указываетъ на своего спутника. Въ тотъ же мигъ поэтъ видитъ передъ собой прекраснѣйшую дѣву Руноды и въ восторгѣ хочетъ обнять ее, но пробуждается. Вскорѣ однакожъ онъ опять засыпаетъ и вновь видитъ Вейнемейнена. Поэтъ заключаетъ желаніемъ всякаго блага своему отечеству.

Каково исполненіе изложенныхъ вымысловъ, о томъ пускай судятъ знатоки финскаго языка.

Я исчислилъ вамъ все, что во время юбилея вышло здѣсь въ свѣтъ по части изящной словесности. Для полноты обозрѣнія надобно назвать еще двѣ въ то же время напечатанныя книги ученаго содержанія. Одна— *Записки Финскаго общества наукъ*, на латинскомъ, французскомъ и шведскомъ языкахъ; другая на русскомъ — это статистическое *Обозрѣніе В. К. Финляндскаго*, переводъ извѣстнаго сочиненія профессора Рейна, которое появилось въ прошломъ году на нѣмецкомъ языкѣ. При недостаткѣ книгъ, относящихся къ познанію Финляндіи, переводчикъ трудомъ своимъ оказалъ истинную услугу всѣмъ русскимъ, желающимъ короче ознакомиться съ этимъ краемъ; а число ихъ, если судить по множеству стремящихся сюда путешественниковъ, должно быть значительно.

Хотя вниманіе ваше конечно уже утомлено всѣми моими выписками и замѣчаніями, однакожъ я бы желалъ еще прибавить два извлеченія изъ здѣшней періодической литературы. Позвольте сообщить вамъ въ переводѣ одну статью и одно стихотвореніе, которыя появленіемъ въ двухъ гельсингфорскихъ Листкахъ также обязаны юбилею, и слѣдовательно столько же, какъ все предыдущее, имѣютъ право на ваше участіе. По внутреннему же достоинству своему то и другое заслуживаетъ особеннаго вниманія.

Статья была заимствована и перепечатана изъ вступленія къ программѣ, составленной на шведскомъ языкѣ по случаю бывшей прошлаго года въ Упсалѣ магистерской промоціи профессоромъ тамошняго университета, знаменитымъ шведскимъ поэтомъ Аттербомомъ. Переводомъ этой статьи вы конечно будете недовольны: я самъ чувствую, что онъ не хорошъ, особенно тѣмъ, что наполненъ длинными періодами, непріятными для русскаго слуха. Но время не позволило мнѣ исправить его, а отлагать доставленіе вамъ этого письма значило бы отнимать у него интересъ современности. Притомъ, вѣрно ли было бы тогда ваше понятіе о слогѣ Аттербома?

I.

О важности и значеніи университетовъ вообще и о торжественныхъ промоціяхъ въ особенности.

Что такое *университетъ*? Есть ли это гимназія въ полнѣйшемъ видѣ? Есть ли это вообще *только* учебное заведеніе? Говорятъ: школа высшаго разряда. Хорошо! слѣдовательно, и школа въ высшемъ значеніи: въ столь высокомъ, можетъ быть, что только самая жизнь человѣческая, во всемъ ея общественномъ пространствѣ, имѣетъ значеніе еще высшее. Что же это такое? Отвѣчаемъ: братство для всесторонняго сліянія учености съ истинною человѣчностію; ученое общество, основанное для непосредственнаго споспѣшествованія всякой высшей образованности человѣческой и національной; союзъ, который у всякаго народа, имѣющаго такія учрежденія, представляетъ собою соприсутствіе и согласіе всѣхъ главныхъ стремленій къ добросовѣстному изслѣдованію, къ истинному знанію, къ успѣхамъ въ словесности,—стремленій, которыми основныя силы образованности въ томъ народѣ выражаются, содержатся, укрѣпляются и растутъ.

Таково чистое, первоначальное понятіе университета. Таковъ онъ былъ, когда древнѣйшія учрежденія сего рода являлись вслѣдствіе частнаго соглашенія между знаменитыми учителями и добровольными учениками. Таковъ же онъ остался, когда вскорѣ короли и вообще правительства, сознавая неизмѣримую важность подобныхъ заведеній и оказывая имъ всѣ знаки уваженія и милости, начали учреждать новые университеты по образцу старыхъ. Изъ исторіи видно, что всякое такое сообщество имѣло первоначально троякую, но всегда нераздѣльную цѣль: съ одной стороны, безпрерывно сливать съ собою все человѣчество, совокупно стремящееся къ высшей образованности; съ другой стороны, столь же непрерывно себя сливать съ тою націей, среди которой находится сообщество, и наконецъ посредствомъ такой двойственной дѣятельности служить какъ-бы средоточіемъ духовнаго развитія той націи. Поэтому, общею задачею университетовъ должно быть еще и нынѣ храненіе умственныхъ сокровищъ, доставшихся народу въ наслѣдство отъ минувшаго, съ такою благотворною заботливостію, которая бы поощряла и вела къ самобытному созданію новыхъ сокровищъ.

Если такъ, то что же должно считаться первымъ назначеніемъ всякаго учрежденія, носящаго и понимающаго почетное названіе университета? Быть свободно изслѣдывающимъ во всѣхъ направленіяхъ сообществомъ ученыхъ, которыхъ главная цѣль— *совершенствованіе* наукъ, а вторая — ихъ *преподаваніе:* та и другая должны истекать изъ *чистой* любви къ истинѣ и мудрости. Цѣль преподаванія есть

необходимое послѣдствіе цѣли совершенствованія; ибо здѣсь ученые свободно дѣйствуютъ въ кругу молодыхъ соотечественниковъ, приглашаемыхъ къ столь же свободному принятію сообщаемаго имъ, и къ тому, чтобы со временемъ перейти равнымъ образомъ въ состояніе самодѣйствующихъ; всякій изъ нихъ, по личной и непринужденной склонности, избираетъ, пріобрѣтаетъ и развиваетъ свою особенную часть образованія. Итакъ вотъ отличительное свойство отношенія между учителями и учениками, отношенія, поставляющаго университеты въ разрядъ учебныхъ заведеній: посредствомъ лекцій, книгъ и общества каждый учитель, впереди своихъ учениковъ, безпрерывно *самъ учится*, и, споспѣшествуя возвышенію *ихъ* образованности собственно только споспѣшествованіемъ возвышенію *своей*, онъ тѣмъ и другимъ *непосредственно* содѣйствуетъ успѣхамъ просвѣщенія націи и всего рода человѣческаго.

Таково *академическое* отношеніе, заступившее мѣсто схоластическаго; отсюда университетъ получаетъ свое *второе* назначеніе: быть сообществомъ молодыхъ людей, также стремящихся свободно во всѣхъ направленіяхъ къ познанію, къ истинѣ, къ образованности, и потому людей, столпившихся братски вокругъ описанныхъ старшихъ лицъ для ученія, въ которомъ послѣдніе ихъ только ободряютъ и руководствуютъ. Многозначащее названіе: „студентъ", прежде неумѣстное, теперь придается, какъ почетное отличіе, всѣмъ, занимающимся такимъ ученіемъ, и всякій, кто въ какой-нибудь особой вѣтви этого ученія служитъ вождемъ и называется „профессоръ", есть собственно, въ этой особой вѣтви ученія, только *первый студентъ*. Его преимущество состоитъ въ томъ, что онъ передъ прочими, младшими братьями, публично *исповѣдываетъ* (profitetur) извѣстное зрѣлое убѣжденіе въ знаніи, извѣстное, во глубинѣ души его просвѣтлѣвшее понятіе объ истинѣ, красотѣ, святости, которое онъ ученымъ образомъ истолковываетъ и укрѣпляетъ въ молодыхъ умахъ для дальнѣйшаго развитія.

Неразрушимая *связь* этихъ двухъ назначеній и составляетъ именно *понятіе* университета. Изъ сей же связи проистекло и *названіе* его. При основаніи древнѣйшихъ университетовъ, именемъ этимъ хотѣли выразить, что всякое такое учрежденіе по существу своему есть *Universitas litterarum*, а по формѣ *Universitas magistrorum et scholarium*. При устройствѣ ихъ, какъ въ дисциплинарномъ, такъ и въ литературномъ отношеніи, основаніемъ служило одно и то же предположеніе, т. е. что по крайней мѣрѣ большая часть молодыхъ людей, которые будутъ ихъ посѣщать, приближается уже къ зрѣлому возрасту и приноситъ съ собою непритворную любознательность, прямую любовь къ истинѣ, и сверхъ того надлежащій запасъ приготовительныхъ свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ какихъ-нибудь прежнихъ уроковъ. Отъ такого юношества можно было спокойно ожидать той доброй

воли и того разсудительнаго ума, которые, будучи соединены съ уваженіемъ, съ любовію, съ довѣренностію къ наставникамъ, исполненнымъ братскаго участія и отеческой заботливости, вполнѣ обезпечиваютъ благоустройство и порядокъ. И опытъ дѣйствительно доказалъ, что вездѣ, гдѣ живы эти силы, эти духовныя узы, тамъ они всегда были достаточны для достиженія цѣли.

По указанной выше двоякой, но нераздѣльной цѣли университетовъ, они-то и суть первоначальныя и настоящія *академіи*, если принимать послѣднія въ неизмѣненномъ, платоновскомъ смыслѣ, предполагающемъ постоянное сообщеніе между возмужалыми и молодыми любителями наукъ, или совокупное стремленіе тѣхъ и другихъ къ истинѣ и мудрости. Поэтому университеты рѣзко отдѣляются отъ разнообразныхъ, въ новѣйшія времена возникшихъ ученыхъ обществъ, которыя несправедливо присвоили себѣ названіе академій: ибо право на него дается единственно упомянутымъ двоякимъ назначеніемъ. Конечно, дерзко было бы утверждать, что подобныя общества излишни; кто станетъ отрицать, что многія изъ нихъ принесли полезные и прекрасные плоды? Но мы бы легко могли доказать, что при происхожденіи большей части изъ нихъ истинное значеніе университета было или забыто, или ложно объясняемо: это не столько академіи, сколько отрывки академій, обязанные въ такомъ неполномъ видѣ представлять самобытныя цѣлости. Надобно сознаться, что этотъ духъ притязанія отрывковъ на цѣльность породилъ много зла; что онъ часто былъ источникомъ вредной односторонности, которая въ университетахъ всегда находила скорѣе противовѣсъ, нежели противодѣйствіе; наконецъ, что и лучшія изъ подобныхъ корпорацій служили чаще къ сохраненію чего-нибудь стараго, нежели къ созданію чего-либо новаго. Трудно опровергнуть, что университеты суть академіи какъ въ болѣе полномъ, такъ и вообще въ болѣе справедливомъ смыслѣ. Они суть академіи частію по своему объему, по всесторонности своихъ стремленій, частію же и по неизмѣнно сохранившемуся отношенію ихъ къ возрастающему цвѣту націй, съ которымъ они всегда въ непосредственномъ соприкосновеніи. Въ нихъ не прерывается рядъ свѣжихъ образовъ настоящаго, посредствомъ которыхъ прошедшее и будущее, старое и новое безпрестанно дѣйствуетъ другъ на друга живительно и плодотворно. Посему ими, главнымъ образомъ, народы наслѣдуютъ умственное достояніе старины, которое должны совершенствовать своею собственною дѣятельностію для передачи современникамъ и потомству. Мы усматриваемъ, что первѣйшіе державные основатели академій. напр., Птоломей и Карлъ Великій, были къ тому побуждаемы мыслію, въ которой дѣйствительно заключалось основное понятіе университета, хотя еще и не вполнѣ развитое. Ихъ учрежденіямъ весьма существенно принадлежало свойство, которое въ новѣйшихъ

академіяхъ или вовсе не встрѣчается, или является только въ какомъ-нибудь особенномъ направленіи, то свойство, что онѣ были высшими учебными заведеніями для молодыхъ людей, искавшихъ образованія. Тѣмъ менѣе можно считать несправедливымъ мнѣніе, что академіи другого рода сдѣлались бы ненужными, какъ скоро-бъ народы совершенно ясно поняли настоящее назначеніе университетовъ. Тогда все, что есть *хорошаго* въ академіяхъ, могло бы войти въ составъ университетовъ, какъ необходимая ихъ принадлежность.

Если мы теперь сблизимъ части основного понятія университета, то увидимъ ясно: что такія заведенія имѣютъ двойную, но въ двойственности единую цѣль — лично представлять ходъ успѣховъ въ наукахъ и словесности во всемъ истинномъ и прекрасно-человѣчномъ, и въ то же время сливать все это въ своей націи съ общимъ гражданственнымъ образованіемъ; что они, съ этимъ намѣреніемъ, приготовляютъ юношеству воспитаніе, которое само во всѣ стороны исходитъ отъ высшей точки зрѣнія науки, и потому во всѣхъ направленіяхъ проникаетъ общественную жизнь духомъ совершенствованія; что они такимъ образомъ суть настоящія *центральныя учрежденія для высшаго національнаго образованія;* другими словами: это организмы науки, вообще существующіе для высшаго человѣческаго образованія, а потому самому и въ особенности для національнаго; они споспѣшествуютъ и тому и другому не однимъ только сообщеніемъ множества всякихъ свѣдѣній, но преимущественно подстреканіемъ къ ученію, состоящему въ самостоятельномъ исканіи корня и зерна познаній. Только *такое* ученіе, въ какихъ бы впрочемъ направленіяхъ оно ни явилось, есть академическое. Потому у всякой изъ основныхъ силъ, дѣйствующихъ совокупно въ этихъ животворныхъ пунктахъ образованія, есть свой главный органъ, свой „факультетъ", служащій къ ея развитію.

Мы изобразили здѣсь въ основныхъ чертахъ *идею* университета. Сознаемся въ этомъ не безъ нѣкоторой робости, ибо утверждаютъ, что идея и система суть предметы, или по крайней мѣрѣ имена, начинающіе терять всякій кредитъ. Не будемъ однакожъ слишкомъ поспѣшны въ изгнаніи идеи и системъ! Правда, на ихъ счетъ сдѣлано много зла, но еще гораздо болѣе тамъ, гдѣ ихъ не было. Не должно забывать, что организмъ, природа, всякое произведеніе искусства, всякое лицо, самая жизнь, взятая какъ цѣлое, все это системы. Даже солнце, символъ духовнаго свѣта и отъ того вещественный образецъ для всякаго духа, остается солнцемъ только до тѣхъ поръ, пока оно есть жизненный источникъ звѣздной системы, чѣмъ не можетъ сдѣлаться никакая комета, никакой воздушный метеоръ.

Идея университета и истекающее изъ нея назначеніе рано уже были понимаемы, хотя и не во всей ихъ полнотѣ и обширности. Вотъ почему съ самаго уже начала существованія такихъ заведеній право

раздавать *академическія званія* принадлежало академіямъ въ настоящемъ смыслѣ, т. е. университетамъ. Имѣя значеніе, тѣсно связанное со всеобщимъ образованіемъ, эти отличія за превосходство, показанное въ чистомъ стремленіи къ знанію, въ непоколебимой любви къ истинѣ, въ способностяхъ, въ литературныхъ трудахъ, могли исходить только изъ тѣхъ заведеній, которыхъ призваніе: охранять и животворить *studium universale*, обнимающее всѣ составныя части образованія. По мѣрѣ того, какъ понятіе объ университетѣ принимало, внутри и извнѣ, видъ опредѣленный, къ раздачѣ ученыхъ званій присоединялись торжественные символы, которые выражали частію самую сущность сихъ отличій, а частію и то ободрительное уваженіе, съ какимъ общество принимаетъ всякаго юношу, подобнымъ свидѣтельствомъ награжденнаго. Равнымъ образомъ видимъ, что издавна уже собирались при такихъ случаяхъ многочисленные зрители всѣхъ сословій и возрастовъ, радуясь новымъ надеждамъ, возникшимъ изъ среды молодыхъ соотечественниковъ.

Несомнѣнно, что уже въ XII вѣкѣ помянутыя званія употреблялись и были всѣми признаваемы подъ тѣми же именами, какими означаются донынѣ; уже были въ обыкновеніи и соединенныя съ ними торжества. Эти праздники ужъ тогда назывались „промоціями“ и состояли въ обрядахъ, отъ которыхъ мало отличаются нынѣшнія—тамъ, гдѣ сохраняется прежній порядокъ. Такъ изъ исторіи извѣстно, что еще въ 1128—1137 г. были юридическія докторскія промоціи въ Болоньи, въ 1159 г. богословская промоція въ Парижѣ и т. д. Еще древнѣе магистерскія промоціи, посредствомъ коихъ молодой человѣкъ становился магистромъ въ такъ называемыхъ artes liberales — семи родахъ знаній и искусствъ, которыя со временъ Ѳеодорика образовали въ средніе вѣка кругъ учености. Первое начало магистерскихъ промоцій покрыто непроницаемымъ мракомъ, но вѣроятно находится въ связи съ пробудившимся воспоминаніемъ о Капитолійскихъ играхъ, уничтоженныхъ незадолго до паденія Западной Римской Имперіи, какъ остатокъ и одна изъ послѣднихъ опоръ язычества. Когда учрежденіе факультетовъ достигло полнаго развитія, и прежнія „свободныя искуства“ вошли въ область факультета философскаго, то онъ, раздавая ученыя отличія, соединилъ званія магистра и доктора. Это соединеніе сохранилось доселѣ въ магистерскихъ дипломахъ, выдаваемыхъ въ Швеціи; но въ ежедневномъ быту, когда рѣчь идетъ о получившихъ философскія степени, титулъ магистра употребляется тамъ предпочтительно.

Изъ сказаннаго видно, что, еслибъ кто и хотѣлъ порицать торжественныя промоціи, то онъ, по крайней мѣрѣ, не могъ бы сказать, что онѣ не освящены *стариною*. Какъ самыя званія, которыхъ публичная раздача послужила поводомъ къ такимъ обрядамъ, такъ и онѣ въ Европѣ существуютъ уже, по крайней мѣрѣ, семьсотъ лѣтъ; въ Швеціи

около трехсотъ пятидесяти. Очень возможно, что именно это обстоятельство, такъ же какъ и то, что онѣ родились въ средніе вѣка (обыкновенно разсматриваемые съ ихъ темной и еще темнѣе воображаемой стороны), вредитъ этимъ празднествамъ предъ современнымъ духомъ—столько же негодующимъ на все старое, сколько неспособнымъ ни къ чему новому, столь же поспѣшнымъ въ уничтоженіи, какъ безсильнымъ въ созданіи, столь же изобрѣтательнымъ въ средствахъ наносить смерть, сколько бѣднымъ на вымыслы для распространенія жизни. Если этотъ духъ времени понимаетъ символическія торжества университетовъ такъ же поверхностно, какъ и самые университеты, то съ какимъ усердіемъ онъ долженъ возставать противъ обветшалости зрѣлищъ, столь ненужныхъ и лишенныхъ всякаго значенія, особливо, когда эту ненадобность, даже вредность можно повидимому доказать доводами и ума и денегъ?

Разсматриваемыя торжества нынѣ почти во всѣхъ земляхъ уже вышли изъ обыкновенія; изысканіе причинъ и указаніе послѣдствій того было бы здѣсь неумѣстно. Въ южной Европѣ они едва-ли отмѣнены закономъ, въ Германіи они уничтожены; однакожъ въ Лейпцигѣ до нашихъ дней продолжались магистерскія промоціи, довольно сходныя со шведскими. Намъ сказывали, что даже въ сѣверной Америкѣ—землѣ, которой никакъ нельзя приписывать идеализма въ воззрѣніи на жизнь,—празднуется при нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ родъ баккалаврскаго пира, нѣсколько похожаго на торжества нашихъ промоцій. Поэтому не удивительно, что подобныя церемоніи сохранились и въ Англіи; еще понятнѣе, почему онѣ въ сѣверной Европѣ, въ Швеціи, сдѣлались еще и празднествомъ церкви.

Тѣмъ не менѣе современная страсть къ разрушенію уже и тамъ начала преслѣдовать этотъ остатокъ болѣе веселаго времени. Справедливо ли? Въ одномъ случаѣ справедливо: т. е. если и молодые люди, до которыхъ эти праздники всего ближе касаются, и прочіе участники съ зрителями не видятъ въ нихъ ничего иного, кромѣ блестящей, но пустой церемоніи, требующей напрасныхъ издержекъ.

Но дѣйствительно ли эти торжества нуждаются въ защитѣ? Не защищены ли они уже достаточно, если ихъ значеніе ясно понимается? И можемъ ли мы предполагать, что оно непонятно даже для тѣхъ, которые сами находились нѣкогда въ числѣ лавроувѣнчанныхъ? Много ли сыщется такихъ, которые во всю жизнь не хранили бы въ сердцѣ своемъ воспоминанія о днѣ промоціи, какъ драгоцѣннаго сокровища? Сожалѣемъ о тѣхъ, для кого это воспоминаніе неважно или даже непріятно; но что даетъ имъ право заключать, что большинство раздѣляетъ ихъ холодность? Трудно ли найти чтó сказать въ пользу этихъ торжествъ, когда подумаешь, что они въ одно и то же время праздники юношества, праздники науки, праздники народа,

и — по этой самой тройственности—*національные праздники академій*, какъ мы осмѣливаемся назвать ихъ и какъ ихъ разумѣли наши Густавы, наши Карлы? Когда сообразишь, что они возникли сами собою, совершенно независимо отъ всякихъ постороннихъ вліяній, только потому, что въ нихъ взаимно соприкасались: удовольстіе учениковъ и наставниковъ, радость сыновей и родителей, благодарность и семейственная любовь, благородное соревнованіе и публично оказываемое отличіе, наконецъ веселье жизни юношеской и веселье жизни народной? Когда поймешь, что послѣднее здѣсь сливается съ первымъ, чтобъ произвести во всѣхъ святое, отрадное умиленіе; чтобъ всякій могъ надлежащимъ образомъ обдумать важность той эпохи въ жизни, когда болѣе строгія обязанности, болѣе разнообразныя препятствія, запутанныя отношенія, тягостныя заботы предстоятъ молодымъ любителямъ мудрости, пускающимся изъ тихой сѣни академическихъ залъ и рощей въ бурныя волны вѣка, которыя дотолѣ, разбиваясь о ихъ стѣны, не могли шумомъ своимъ нарушить ихъ спокойствія? Кто тогда откажется пойти въ храмъ, чтобы пожелать имъ благоразумія въ пути и твердости духа и неутомимой дѣятельности? Кто не согласится, что нѣтъ другого столь важнаго повода къ торжественному пированію, какъ *вступленіе* въ гражданственную жизнь, гдѣ все образованіе, пріобрѣтенное въ училищѣ, должно оправдаться поступками, должно принести, въ совѣтахъ и дѣлахъ, зрѣлые плоды отчизнѣ и человѣчеству? Кто не убѣдится, что дань, воздаваемая въ этихъ празднествахъ сочетанію заслугъ посѣдѣлыхъ и заслугъ расцвѣтающихъ, есть дань сугубой красѣ памяти и надежды; дань происхожденію новыхъ истинъ и красотъ отъ старыхъ; дань вѣчной юности науки, словесности, искусствъ; зарѣ будущности, которая свѣтлѣетъ вмѣстѣ съ умноженіемъ числа воиновъ, готовыхъ вести эти силы совершенствованія къ новымъ битвамъ и побѣдамъ?

Уже съ этой точки зрѣнія, когда въ такихъ празднествахъ видишь только невинное удовольствіе или находишь одно увеселеніе, которое на нѣсколько часовъ прерываетъ однообразіе ежедневныхъ занятій и освобождаетъ отъ докучливыхъ нуждъ земного существованія, уже съ этой точки зрѣнія мы имѣемъ полное право защищать торжественныя промоціи. Веселое, особливо когда оно является во всей своей чистотѣ, какъ прекрасное, есть безъ сомнѣнія, одна изъ главныхъ стихій жизни,—и тѣ, которые вообще проповѣдываютъ веселость, могли бы обратиться къ противникамъ ея съ восклицаніемъ Гётева Эгмонта: „Когда вы будете смотрѣть на жизнь слишкомъ серіозно, что же добраго останется въ ней?“ Сверхъ того, еслибъ они сами взглянули на дѣло нѣсколько серіознѣе, то могли бы прибавить: что между трудами Музъ и играми Харитъ нѣтъ рѣзкихъ границъ; что въ служеніи истины и красоты самый трудъ есть наслажденіе, и что должны

же быть часы, когда бы самъ труженикъ могъ ясно увидѣть, что тотъ же Аполлонъ, который умерщвляетъ Пиѳона и Циклоповъ, который освѣщаетъ міръ и проникаетъ въ будущее, на Олимпійскихъ пиршествахъ съ цитрою въ рукахъ предводитъ пляски Терпсихоры и ея сестеръ. Но есть еще третья, еще высшая точка зрѣнія, оправдывающая изліяніе веселости; она обозначается въ увѣщаніи Апостола: „Всегда ищите добра... всегда радуйтесь...“ Если веселость, такимъ образомъ освященная, несомнѣнно составляетъ верхъ человѣческой мудрости, то въ какихъ случаяхъ можетъ она съ большимъ основаніемъ отражаться въ прекрасныхъ символахъ, какъ не тогда, когда эти символы изображаютъ вступленіе знаній и способностей на общественное поприще, гдѣ онѣ должны будутъ дѣйствовать самобытно, гдѣ *склонность* юноши должна превратиться въ *волю* мужа?.. Итакъ переходъ этотъ не случайно освящается религіею; не случайно храмъ Божій [1]) служитъ мѣстомъ, гдѣ новые ратники свѣта, выходящіе изъ обители наукъ, получаютъ при прощаніи торжественное напоминаніе о Богѣ, предъ лицемъ Котораго они вѣнчаются лаврами соревнованія и кольцомъ обручаются съ мудростью, какъ съ невѣстой, навѣки избранною въ подруги; не случайно академическая каѳедра является на своемъ настоящемъ мѣстѣ, подъ сѣнью и вблизи алтаря Господня. То не пустой обычай, что послѣ того, какъ на этой каѳедрѣ замолкнутъ голоса, частію объяснявшіе мысли судей-наставниковъ, частію отвѣчавшіе, отъ имени увѣнчанныхъ юношей, на предложенный имъ ученый вопросъ, что послѣ того съ каѳедры проповѣдника, будто по велѣнію самого слова Божія, возвышается другой голосъ съ увѣщаніями, съ благословеніями, и что въ заключеніе всего, какъ по окончаніи богослуженія, поются христіанскія пѣсни. По-истинѣ: эти обряды не представляютъ ли въ очищенномъ видѣ того, что происходило въ древнемъ Римѣ, когда его юноши, облекаясь въ тогу мужа и гражданина, отправлялись въ сопровожденіи блестящей толпы въ Капитолій, чтобы тамъ среди молитвъ и жертвъ произнести на всю жизнь обѣтъ богамъ и отечеству? Если такъ, то не должно ли всякое благородное чувство, всякая высокая мысль возстать для защиты разсматриваемыхъ нами празднествъ?

Пусть взвѣсятъ напротивъ тѣ причины, на основаніи которыхъ многіе требуютъ отмѣны ихъ. Не имѣя намѣренія изслѣдовать здѣсь эти причины, мы замѣтимъ только вообще, что до сихъ поръ еще не слышали ни одной неопровержимой. Есть, конечно, нѣкоторыя обстоятельства какъ духовнаго, такъ и вещественнаго свойства, препятствующія торжественнымъ промоціямъ явиться во всей чистотѣ своего

[1]) Въ Упсалѣ и въ Лундѣ, гдѣ находятся два главные университета Швеціи, торжественныя промоціи бываютъ всегда въ церкви.

высокаго значенія. Но мы убѣждены, что не трудно было бы отстранить эти обстоятельства и съ ними тѣ неудобства, на которыя, по справедливости или безъ основанія, жалуются. Еще одно замѣчаніе. Оно относится къ возраженію, сдѣлавшемуся любимымъ доводомъ всѣхъ, кому праздники промоцій кажутся совершенно лишними. По мнѣнію этихъ людей, они не только не нужны, но заключаютъ въ себѣ суетность какъ въ своихъ церемоніяхъ, такъ и въ ѣдѣ, питьѣ и т. п., суетность, для которой молодые люди, по большой части недостаточные, расточаютъ деньги безъ всякой пользы. Не говоримъ о преувеличеніи, съ какимъ въ этомъ случаѣ обыкновенно дѣлается расчетъ; не упоминаемъ, что между тѣми, которые своими или чужими способами содержали себя въ университетѣ, вѣроятно, немного такихъ, кого бы эта издержка разстроила; что у всякаго есть, конечно, родственники, друзья, земляки, покровители, или хоть кто-нибудь, отъ кого онъ можетъ ожидать нѣкоторой помощи для участія въ торжествѣ; что введеніе отдѣльныхъ промоцій повлекло бы за собою и отдѣльныя пирушки, какія бываютъ, напр., въ германскихъ университетахъ: онѣ не только обходились бы дороже общихъ, нынѣ употребительныхъ, но сверхъ того будучи лишены всякой торжественности и эстетической прелести, легко могли бы переходить, что при упомянутыхъ университетахъ не рѣдко и случается, въ отвратительныя вакханаліи. Далѣе, не упоминаемъ и того, что соединенные съ нашими промоціями расходы можно бы было по многимъ статьямъ уменьшить, нисколько не вредя торжественности. Будемъ держаться дѣла въ самой его сущности и спросимъ тѣхъ, которые упрекаютъ разсматриваемыя празднества въ суетности: *искренно* ли они устремляютъ свое гоненіе на суетность, на излишество, на чувственное удовольствіе, лишенное высшаго значенія? Такое направленіе чрезвычайно радовало бы насъ, хотя-бъ оно и происходило отъ поверхностнаго взгляда на самый близкій предметъ; тогда бы этотъ упрекъ былъ добросовѣстнымъ выраженіемъ истинно превосходнаго духа времени. Но то ли оказывается на дѣлѣ? Мы, напр., ежедневно слышимъ похвалы реформамъ и сбереженіямъ, которыя современная разсудительность начала вводить при свадьбахъ, при крещеніи, при похоронахъ и т. п. Все это прекрасно, если основывается на отвращеніи отъ прихотливой роскоши, или отъ наслажденій болѣе животныхъ, нежели человѣческихъ, составляющихъ самую рѣзкую противоположность съ самою сущностью того или другого празднества. Но обнаруживается ли вообще какое-нибудь особенное нерасположеніе къ излишеству въ нарядахъ и на пирахъ—въ пищѣ и питьѣ? Не видимъ ли, напротивъ, что толпѣ очень нравятся сами по себѣ блескъ, невоздержность въ ѣдѣ и тому подобное, и что она именно тогда только замѣчаетъ ихъ пустоту, когда они въ связи съ какимъ-нибудь высшимъ духовнымъ значеніемъ? Согласимся же,

что здѣсь позволительно усомниться: точно ли предметъ жалобы состоитъ въ суетности, въ напрасной тратѣ времени и денегъ, или нескорѣе ли въ томъ, что все это здѣсь не самостоятельно, не вовсе не зависимо, но соединено съ такою составною частію, которая самое отступленіе отъ строгой чинности какъ-бы облагороживаетъ какимъ-нибудь символомъ, какимъ-нибудь поводомъ къ глубокому размышленію. Если такъ, то проникните поглубже въ самихъ себя и сознайтесь, что вы въ церемоніяхъ, въ пирахъ и собраніяхъ ничего не находите излишнимъ, кромѣ — *значенія,* когда оно заключается не въ одной чувственности, не въ одномъ этикетѣ, или что единственно нетерпимая сторона ихъ есть — скажемъ безъ обиняковъ — идея, символъ, поэзія.

II.

Остается перевести вамъ *Стихи* Его Императорскому Высочеству Цесаревичу Великому Князю Наслѣднику Престола. Жаль, что и здѣсь надобно прибѣгнуть къ столь недостаточному способу передавать чужія мысли: стихотвореніе прекрасно — и должно много потерять въ переводѣ. Оно написано уже четыре года тому назадъ, но только нынѣ напечатано въ Finlands Allmänna Tidning № 197. Поэтъ, показавшій въ нихъ такъ много таланта и чувства, скрылъ свое имя [1]). Вообще въ здѣшней журнальной литературѣ очень рѣдко встрѣчаешь подпись сочинителей, тогда какъ многіе изъ мелкихъ ея произведеній свидѣтельствуютъ о замѣчательныхъ дарованіяхъ и возбуждаютъ любопытство знать, кто авторъ. Впрочемъ, по малому числу пишущихъ здѣсь и легкому сообщенію между жителями небольшихъ городовъ, такое любопытство всегда можетъ быть удовлетворено.

* * *

„Къ тебѣ, Денница сѣвернаго неба, подъемлется утренній привѣтъ моей лиры изъ сонма безчисленныхъ племенъ! къ Тебѣ, Герольдъ надежды ихъ грядущаго, трепещутъ звуки мои, дерзая по непривычному пути летѣть въ Твой Княжескій чертогъ, откуда предъ лицемъ Твоимъ Геній и Сила и Мужество текутъ съ побѣднымъ знаменемъ.

„Но въ сердцахъ финновъ искони жила любовь, съ которою они довѣрчиво приближались къ своимъ Государямъ, когда знали, что ни порфира власти, ни злато ея сокровищъ не ослѣпляютъ очей Ихъ, что Имъ знакомы черты, понятенъ голосъ той любви.

„Вѣнецъ Рюриковъ сіяетъ тысячелѣтнимъ блескомъ, а земля наша только тогда кажется богатою и прекрасною, когда лѣтнее солнце

[1]) Это былъ Ф. Цигнеусъ; срв. *Переписка Г. съ П.*, т. I. стр. 13, 18, 21, 27, 34, 42, 47, 57 и пр. *Ред.*

рисуетъ ее на голубомъ днѣ нашихъ озеръ; но Твой Родитель и Братъ Его давно научили Тебя искать сокрытое во глубинѣ достоинство.

„Въ другихъ странахъ солнце, съ каждымъ утромъ возжигаемое, гаснетъ каждый вечеръ; но то, которымъ озаряются края Отцевъ Твоихъ, никогда не догораетъ до конца. Тамъ тѣни ночи въ одно и то же время не находятъ пристанища на берегахъ Востока и Запада; ихъ гонитъ свѣтило дня, водимое безсмертною Десницей.

„Эта картина предъ Тобой: да послужитъ она Тебѣ нѣкогда образцемъ Твоихъ дѣяній! Какъ солнце, не зная усталости, льетъ свое сіяніе на равнины русскія, такъ пусть и взоръ Твой безъ утомленія будетъ бросать яркій свѣтъ во всѣ стороны; пусть будетъ утѣшать страждущихъ, а радующихся еще болѣе радовать.

„Наглядѣвшись на море, гдѣ смѣлые корабли скользятъ между льдяныхъ утесовъ, и на темныя волны, на которыя полумѣсяцъ [1]) такъ долго изливалъ пасмурный вечеръ, Ты взоромъ тѣмъ проникнешь въ лѣса, покрывающіе землю Новаго свѣта, хотя и современные Старому; и наконецъ, какъ полярное солнце послѣ исполинскаго теченія, остановишься надолго надъ нашимъ сѣверомъ.

„О, посѣти нашъ край! За *свѣтъ* и за *тепло* Тебя признательно вознаградятъ тогда и рощи, облекающіяся при тихихъ вѣтеркахъ въ свой зеленый нарядъ; и долины, изъ темнаго лона льющія благоуханіе цвѣтовъ и золото жатвъ; но болѣе всего любовь къ Тому, кто наслѣдовалъ имя Александра.

„Одно ужъ это имя звучитъ для насъ какъ громкая героическая пѣснь и вмѣстѣ какъ тихая идиллія, которой сладостнымъ тонамъ мы внимаемъ невольно съ безмятежнымъ восторгомъ. Оно поражаетъ насъ, какъ голосъ вѣтра, то ревущаго непогодой, то съ нѣжнымъ ропотомъ вѣющаго отъ запада: мы слушаемъ, и грудь наша наполняется то удивленіемъ, то миромъ.

„О, если волею Ты будешь столь же возвышенъ, какъ могуществомъ, съ которымъ ничто на землѣ не сравнится; если Ты захочешь поддержать пламя чувствъ, зажженное Тѣмъ, Кого не забудетъ Финляндія: то и по прошествіи вѣковъ каждый финнъ будетъ такъ же горячо любить Твою память, какъ теперь любитъ въ Тебѣ свою лучшую надежду.

„Дань, нынѣ приносимая Тебѣ, конечно, ничтожна и скоро забудется; не въ силахъ она подняться на орлиныхъ крыльяхъ генія надъ удивленнымъ міромъ: но одно въ ней есть достоинство — въ ней положенъ на слова голосъ, отъ вѣка повелѣвающій намъ жить и умирать вѣрными отчизнѣ и державному роду нашихъ Государей.“

[1]) Владычество Турціи надъ странами около Чернаго моря.

II.

1841 [1]).

Вотъ нѣсколько новостей изъ здѣшняго литературнаго міра; онѣ относятся частію къ началу нынѣшняго года, а частію и къ концу прошлаго.

Первое между ними мѣсто принадлежитъ безспорно обширному ученому труду г. Нордстрема, одного изъ самыхъ способныхъ и дѣятельныхъ профессоровъ Александровскаго университета. Книга его, написанная на шведскомъ языкѣ и напечатанная въ Гельсингфорсѣ, содержитъ въ себѣ *исторію государственнаго устройства Швеціи* (Bidrag till den svenska samhälls-författningens historia) и свидѣтельствуетъ о глубокихъ и многолѣтнихъ изслѣдованіяхъ. Она составитъ не только въ шведской, но и вообще въ европейской ученой литературѣ явленіе тѣмъ болѣе замѣчательное, что это едва-ли не первое подробное сочиненіе по упомянутому предмету. Оно состоитъ изъ двухъ толстыхъ частей in 8° большого формата; въ первой 387 стр., въ другой 855; его изданіе болѣе нежели опрятно. Чтобы рѣшиться на произнесеніе приговора объ этой книгѣ, надобно быть по крайней мѣрѣ равнымъ сочинителю въ познаніяхъ по его части; итакъ мы вѣроятно не скоро дождемся удовлетворительнаго отзыва о трудѣ его. Неутомимые нѣмцы, отъ вниманія которыхъ не укроется ни одинъ уголокъ въ мірѣ, гдѣ только водятся ученые и книги, конечно не оставятъ воспользоваться и этою новою пищей для своего прилежанія, и сдѣлаютъ сочиненіе г. Нордстрема доступнымъ гораздо большему кругу читателей, нежели какого оно теперь можетъ ожидать. Прибавлю, что г. Нордстремъ обладаетъ важнымъ достоинствомъ излагать сухія истины науки изящнымъ, привлекательнымъ образомъ: перо у него легкое, часто даже краснорѣчивое.

Другое, въ своемъ родѣ столь же замѣчательное произведеніе, но еще только печатающееся, есть новая большая поэма Рунеберга въ 9-ти пѣсняхъ. Она особенно любопытна для насъ русскихъ: дѣйствіе повѣсти любви, въ ней заключающейся, происходитъ около Москвы въ царствованіе Екатерины II, и героиня этой повѣсти есть русская крестьянка, которой имя *Надежда*—и служитъ заглавіемъ поэмы. Не смѣю до времени входить въ дальнѣйшія подробности, чтобы не разгласить

[1]) *Современн.*, 1841, XXII, стр. 55—67.

тайны, теперь открытой еще только наборщику. Всѣ, знающіе талантъ Рунеберга, ожидаютъ *Надежды* тѣмъ съ большимъ нетерпѣніемъ, что здѣсь поэтъ, оставивъ свой любимый, простонародный міръ, вступаетъ въ высшую, доселѣ чуждую ему сферу.

Надежда составитъ блистательное выраженіе того общаго участія, которое Финляндія болѣе и болѣе начинаетъ принимать въ умственной жизни Россіи. Кажется, въ этомъ отношеніи можно, не обманувшись, принять заглавіе новой поэмы въ смыслѣ имени нарицательнаго и привѣтствовать въ русской сельской красавицѣ, воспѣтой на шведскомъ языкѣ, предвѣстницу того радостнаго времени, когда передъ глазами сосѣднихъ намъ народовъ исчезнутъ и остатки тумана, препятствовавшаго имъ донынѣ видѣть Россію въ настоящемъ ея свѣтѣ. Стремленіе финляндцевъ къ справедливой оцѣнкѣ нашего отечества, такъ поэтически обнаружившееся въ *Надеждѣ*, замѣтно и въ общемъ вниманіи, какое здѣшніе періодическіе листки обратили, въ особенности съ нынѣшняго года, на нашу литературу. Еще въ прошедшую осень нѣкоторыя изъ ея современныхъ явленій подали имъ поводъ къ спору, который хотя и не показалъ ни съ одной стороны основательнаго знанія предмета, однакожъ примѣчателенъ какъ ясный признакъ пробудившейся въ отношеніи къ намъ любознательности. Въ нынѣшнемъ году была помѣщена въ *Helsingfors' Morgonblad* гораздо болѣе удовлетворительная статья о современной русской литературѣ, извлеченная изъ одного нѣмецкаго журнала, въ Лейпцигѣ издаваемаго. Въ *Borgå Tidning* также встрѣчаются небольшія статьи, служащія къ распространенію свѣдѣній по тому же предмету. Иногда финляндскіе листки содержатъ въ себѣ переводы мелкихъ русскихъ сочиненій, преимущественно въ стихахъ. Здѣсь нельзя умолчать о молодомъ литераторѣ, г. Лундалѣ, особенно счастливомъ въ стихотворныхъ переложеніяхъ съ русскаго на шведскій языкъ. Между прочимъ перевелъ онъ пятистопными ямбами *Слово о полку Игоревѣ*, и напечатанные изъ его труда отрывки подаютъ много надежды на достоинство цѣлаго. Изъ новыхъ нашихъ поэтовъ онъ всего чаще переводитъ Подолинскаго. Онъ родственникъ извѣстной въ Финляндіи истиннымъ поэтическимъ талантомъ дѣвицы Августы Лундаль, живущей въ Таммерфорсѣ. Недавно была напечатана въ одномъ листкѣ пьеска Пушкина *Воронъ къ ворону летитъ*, въ шведскомъ переводѣ Цигнеуса. Благодаря Липперту, издавшему на нѣмецкомъ языкѣ главныя изъ произведеній Пушкина, нашъ поэтъ въ скоромъ времени пріобрѣтетъ новую извѣстность и въ Финляндіи [1]).

Въ прошломъ году говорилъ я о большомъ собраніи финскихъ на-

[1]) Обстоятельство радостное, если переводъ Липперта хорошъ, въ чемъ есть причины сомнѣваться.

родныхъ пѣсенъ, отысканныхъ Ленротомъ преимущественно въ Кареліи и печатаемыхъ на счетъ Финскаго литературнаго общества, подъ заглавіемъ: *Кантелетаръ*. Нынѣ вышла въ свѣтъ третья и послѣдняя часть этого сборника, въ которомъ заключается не менѣе 652-хъ пѣсенъ различнаго рода и разнаго объёма. Между тѣмъ самъ Ленротъ продолжаетъ странствовать по Финляндіи, но теперь уже съ другою цѣлію. По желанію Литературнаго общества, онъ взялся составить полный лексиконъ финскаго языка, котораго изслѣдованіе въ устахъ самого народа и составляетъ предметъ его новаго путешествія. Есть уже два финскихъ лексикона, одинъ подробный съ нѣмецкими и латинскими объясненіями (Ренвалля), другой краткій, съ шведскимъ языкомъ (Гелленіуса); но ни тотъ, ни другой не могутъ назваться удовлетворительными. Къ первому изготовлено однимъ нынѣ уже покойнымъ финляндскимъ литераторомъ значительное дополненіе, которое, оставшись послѣ него въ рукописи, передано Ленроту какъ матеріалъ. Для вѣрнѣйшаго успѣха въ предпринятомъ трудѣ Ленротъ на два года уволенъ отъ должности провинціальнаго лѣкаря; но по его собственному расчету, ему нужно будетъ всего 5 лѣтъ для этой работы. Окончивъ недавно свои изысканія въ Кареліи, онъ изъ Петрозаводска намѣренъ былъ отправится къ самоѣдамъ. На пути въ Карелію сопровождалъ его нѣсколько времени извѣстный на сѣверѣ своею благородною дѣятельностію лапландскій пасторъ Стокфлетъ. Хотя онъ самъ по себѣ стоилъ бы особенной статьи, однакожъ я воспользуюсь этимъ случаемъ, чтобы сказать о немъ хоть нѣсколько словъ мимоходомъ. Стокфлетъ—норвежецъ и родился въ Христіаніи въ 1787 г. Онъ готовился къ ученому званію и получилъ образованіе въ Копенгагенѣ, но вдругъ почувствовалъ неодолимое влеченіе къ военной службѣ и оставилъ ученыя занятія. Безуспѣшность его стараній перейти на новое поприще привела его къ скромной долѣ ученика въ столярной мастерской, но тамъ его желаніе исполнилось неожиданнымъ образомъ, и онъ надѣлъ мундиръ. Побывавъ и отличившись въ разныхъ походахъ, онъ, живя нѣсколько лѣтъ у одного пастора въ Норвегіи, пристрастился къ духовному званію, и въ 1825 г. получилъ мѣсто пастора въ Лапландіи. Здѣсь, изучивъ лапландскій языкъ, Стокфлетъ посвятилъ себя совершенно религіозному образованію лапландцевъ. Для успѣшнаго дѣйствія на избранномъ поприщѣ онъ видѣлъ необходимость усовершенствовать самый языкъ ихъ, почему взялся со всѣмъ усердіемъ и за этотъ трудъ. Съ тѣхъ поръ онъ съ рѣдкимъ самоотверженіемъ, не жалѣя никакихъ усилій и пожертвованій, исполняетъ свои человѣколюбивые планы и живетъ единственно для нихъ. Главныя услуги его лапландцамъ состоятъ понынѣ въ измѣненіи ихъ азбуки, въ сочиненіи лапландской грамматики и въ переводахъ изъ Священнаго писанія. Подобно Ленроту, онъ уже не разъ предприни-

малъ дальнія путешествія, при чемъ цѣлію его было совѣщаніе съ учеными филологами. Знаменитый датчанинъ Раскъ, и самъ много занимавшійся лапландскимъ языкомъ, охотно призналъ преимущество результатовъ, выведенныхъ въ этомъ отношеніи Стокфлетомъ, и писалъ послѣ, что труды послѣдняго составятъ эпоху въ исторіи образованія помянутаго языка. Въ 1838 году Стокфлетъ провелъ лѣто въ Гельсингфорсѣ и въ другихъ частяхъ Финляндіи, и тутъ въ короткое время ознакомился съ языкомъ финскимъ. Нынѣ онъ опять жилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Остроботніи для филологическихъ совѣщаній съ Ленротомъ, котораго съ этимъ же намѣреніемъ провожалъ и въ Карелію. Въ доказательство, какого высокаго уваженія заслуживаетъ Стокфлетъ, приведу прекрасныя слова, произнесенныя нынѣшнимъ королемъ шведскимъ при врученіи ему ордена Сѣверной звѣзды: „Примите это не какъ награду, ибо одно Небо можетъ наградить васъ, но какъ знакъ, что и король благословляетъ васъ".

Собранная Ленротомъ финская поэма *Калевала* переведена вполнѣ на шведскій языкъ, и первая часть этого перевода уже напечатана здѣсь, въ Гельсингфорсѣ. Переводчикъ есть молодой доцентъ (преподаватель) Александровскаго университета Кастрѐнъ, одинъ изъ первыхъ знатоковъ финскаго языка. Посвятивъ себя преимущественно сравнительному изученію финскихъ нарѣчій, и онъ, какъ Ленротъ, много странствовалъ по Финляндіи; съ одной стороны проникалъ онъ въ Архангельскую губернію, съ другой во внутренность Лапландіи; собиралъ преданія и пѣсни, обращая особенное вниманіе на баснословіе и колдовство древнихъ финновъ, искалъ всякаго рода памятниковъ старины, изучалъ нравы, обычаи, языкъ. Для вящшей твердости въ своихъ филологическихъ изысканіяхъ онъ, недовольный знаніемъ исландскаго и русскаго языковъ, ознакомился еще съ турецкимъ и съ арабскимъ. Чтобы короче узнать русскій, доселѣ извѣстный ему только въ книжномъ употребленіи, онъ желаетъ, по отпечатаніи всего перевода своего, отправиться странствовать по Россіи и даже по Сибири, гдѣ многочисленное народонаселеніе татарскаго племени обѣщаетъ ему богатое поприще изслѣдованій по его предмету, ибо догадка о родствѣ финновъ съ татарами еще не рѣшена окончательно.

Съ цѣлію, близкою къ кругу дѣятельности Ленрота, Стокфлета и Кастрена, находятся здѣсь нынѣ два иностранца, одинъ—молодой венгерецъ Регули, другой—студентъ Мюнхенскаго университета Форстеръ. Ихъ предметъ — изученіе сѣверныхъ языковъ и сообщеніе соотечественникамъ ихъ вѣрныхъ понятій о сѣверѣ вообще. Регули, которому изученіе финскаго языка было очень облегчено родствомъ его съ мадьярскимъ, объясняется свободно какъ на немъ, такъ и на шведскомъ. Форстеръ, знающій много южныхъ языковъ, въ короткое время изучилъ и шведскій. Оба путешественника намѣрены ѣхать отсюда въ Петербургъ, чтобы ознакомиться также съ Россіею и языкомъ ея.

Недавно издана новая подробная карта *Финляндіи*, далеко превосходящая достоинствомъ всѣ, доселѣ существовавшія карты этого края. Она гравирована на мѣди знаменитымъ профессоромъ Брозе въ Берлинѣ, по порученію издателя, книгопродавца Васеніуса, составлена же съ необыкновеннымъ тщаніемъ умершимъ уже студентомъ здѣшняго университета Эклундомъ, который послѣдніе годы своей жизни съ любовію посвятилъ почти нераздѣльно этому труду. Послѣ карту его нѣсколько разъ просматривали и исправляли хорошо знающіе край литераторы.

Съ нынѣшняго года издается здѣсь на шведскомъ языкѣ общими трудами нѣсколькихъ лицъ новый журналъ, назначенный исключительно для статей, касающихся Финляндіи. Онъ и называется Suomi (т. е. Финляндія, по-фински). Въ теченіе года должно явиться, въ неопредѣленные сроки, шесть книжекъ. Первая уже вышла въ свѣтъ Она издана извѣстнымъ и у насъ по своей статистикѣ Финляндіи профессоромъ Рейномъ, и вся почти занята чрезвычайно любопытною его статьею объ источникахъ исторіи Великаго Княжества. Въ концѣ изданной книжки редакція обѣщаетъ сообщать читателямъ разные пограничные трактаты и мирные договоры между Россіею и Швеціею. Помѣщенный вслѣдъ за этимъ древнѣйшій такой трактатъ извѣстенъ уже на русскомъ языкѣ.

Молодой поэтъ Роосъ напечаталъ книжку стихотвореній, которыя до сихъ поръ знаю только по наслышкѣ. Говорятъ, что большая часть изъ нихъ не по одному имени принадлежитъ къ области поэзіи.

Въ началѣ марта три дня сряду были здѣсь ознаменованы собраніями, важными для трехъ учрежденій, тѣсно связанныхъ съ образованіемъ края. 4/16-го числа Финское литературное общество собралось для вступленія съ этимъ днемъ во второе десятилѣтіе своего существованія. Цѣль его, какъ вы знаете,—содѣйствіе успѣхамъ языка и словесности финновъ. Такое же общество есть и въ Эстляндіи для коренныхъ тамошнихъ жителей. Здѣшнее считаетъ между членами своими многихъ иноземцевъ, въ томъ числѣ славнаго нѣмецкаго поэта и филолога Рюккерта, который съ удивительною скоростью изучилъ финскій языкъ и читалъ Калевалу въ подлинникѣ. Новые члены избираются Обществомъ по предложенію одного изъ старыхъ, и тѣ, которые участвуютъ въ его собраніяхъ, платятъ при вступленіи 25 руб. асс. — единственный постоянный источникъ доходовъ Общества. При всей этой скудости средствъ, оно въ минувшія десять лѣтъ усердно стремилось къ достиженію своей цѣли, принявъ на себя между прочимъ издержки по нѣкоторымъ странствованіямъ Ленрота и Кастрена и по печатанію разныхъ финскихъ книгъ. Оно обыкновенно собирается въ первую среду каждаго мѣсяца. Нынѣшнее особое засѣданіе было открыто рѣчью, которую произнесъ постоянный доселѣ предсѣдатель

Общества, профессоръ Линсенъ. Онъ вкратцѣ обозрѣлъ дѣятельность Общества въ истекшее десятилѣтіе и изъявилъ надежды свои на будущее, радуясь особенно вниманію, болѣе и болѣе обращаемому иностранцами на все, что есть въ Финляндіи любопытнаго. Секретарь Общества Кастренъ прочиталъ отчетъ его за прошлый годъ. Послѣ, по объявленію г. Линсена, что слабость здоровья не позволяетъ ему оставаться долѣе предсѣдателемъ, въ должность эту былъ избранъ по большинству голосовъ профессоръ Рейнъ.

На другой день также начиналъ второе свое десятилѣтіе учрежденный здѣсь профессоромъ Лаурелемъ и нѣкоторыми другими частный Лицей. Главный учредитель произнесъ при этомъ торжествѣ рѣчь объ общемъ характерѣ нынѣшняго воспитанія. Здѣшній Лицей отвратитъ для Гельсингфорса ощутительный недостатокъ въ учебномъ заведеніи средняго разряда; въ немъ теперь болѣе 70 учениковъ.

Третій день былъ днемъ годового собранія здѣшняго Библейскаго общества. Въ присутствіи многочисленной публики, собравшейся въ большой университетской залѣ, г. Цигнеусъ произнесъ по этому случаю приготовленную имъ рѣчь.

Финская національная поэзія понесла недавно чувствительную для нея потерю. Крестьянинъ Паво Корхойненъ, съ такою легкостью сочинявшій прелестныя пѣсни [1]) и жившій въ Кареліи, умеръ во время небольшого путешествія, которое предпринялъ, чтобы посовѣтоваться съ врачемъ насчетъ своего разстроеннаго здоровья. Онъ отправился въ лодкѣ, и въ ней черезъ нѣсколько времени былъ найденъ мертвымъ на берегу озера, довольно далеко отъ дома. Литературному обществу доставлено большое собраніе имъ самимъ переписанныхъ *рунъ* его, которыя предполагается напечатать. Онъ обладалъ удивительнымъ инстинктомъ поэзіи. Однажды ему послали, чтобы услышать его приговоръ, чье-то стихотвореніе. Прочитавъ стихи, онъ подъ ними написалъ стихами же изреченіе, подобное Гораціевскому, о томъ, что поэтомъ надобно родиться. Смерть Корхойнена внушила Цигнеусу стихи, въ которыхъ мнѣ болѣе нравится идея, нежели исполненіе.

Гельсингфорсъ.
Марта 1841 года.

[1]) См. выше, стр. 114—117.

ВОСПОМИНАНІЯ АЛЕКСАНДРОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА[1]).

1842.

.

„На порогѣ третьяго столѣтья.
Много времени! Взглянувъ назадъ,
Сколько въ немъ начтешь воспоминаній!“

Францéнъ.

Всякій здравомыслящій цѣнитель просвѣщенія конечно вполнѣ понимаетъ высокое значеніе университетовъ. Но мѣстныя обстоятельства могутъ сообщить тому или другому изъ нихъ еще особенную важность. Такъ университетъ финляндскій, просвѣтивъ и воспитавъ цѣлую націю въ отдаленномъ углу сѣвера, сталъ драгоцѣннѣйшимъ ея достояніемъ, съ которымъ здѣсь почти для всякаго семейства сливаются лучшія воспоминанія или надежды.

Уже по одной этой причинѣ любопытна была бы исторія старшаго въ Имперіи университета [2]), нынѣ называющагося Александровскимъ. Но для насъ, русскихъ, она заключаетъ въ себѣ еще другого рода занимательность: она въ разныя эпохи предлагаетъ намъ то отрадные примѣры благородства и образованности нашихъ полководцевъ, то убѣдительнѣйшія доказательства великодушія и высокой любви къ просвѣщенію двухъ русскихъ монарховъ. Исторія Александровскаго университета служитъ важнымъ дополненіемъ къ познанію новѣйшей Россіи въ ея верховныхъ представителяхъ.

Здѣсь статья относительно этого предмета кажется намъ необходимою какъ по самому назначенію книги нашей [3]), такъ и потому, что помѣщаемое въ ней стихотвореніе знаменитаго епископа Гернесандскаго *(Францéна)* не можетъ быть вполнѣ понято и оцѣнено безъ предварительнаго знакомства съ судьбою финляндскаго университета.

Собирая матеріалы для изученія исторіи его, мы удивились и обилію ихъ и заботливости, съ какою они сберегаются. Но мы были еще болѣе поражены тѣмъ благоустройствомъ университета и тою

[1]) См. *Альманахъ Александр. Университета.* Гельсингф. 1842, стр. 1 — 143. Срв. *„Переписку“*, т. I, 250, 274, 297, 354, 359, 468, 525, 694, 696.

[2]) Дерптскій основанъ 8-ю годами ранѣе финляндскаго (именно въ 1632 году); но онъ съ 1710 г. былъ закрытъ по 1799 г.

[3]) Т. е. *Альманаха Ал. Ун.* См. *Переписку*, т. I. *Ред.*

степенью литературной образованности края, о которыхъ свидѣтельствуютъ эти пособія. Во все время существованія университета финляндскаго не случилось въ немъ ни одного событія, которое не оставило бы по себѣ прочнаго слѣда въ какомъ-нибудь письменномъ актѣ.

Главный памятникъ въ этомъ отношеніи — документы, постепенно при самомъ университетѣ образовавшіеся, какъ то: протоколы его совѣта (консисторіи), диссертаціи, программы и рѣчи, которыми сопровождается здѣсь каждый торжественный случай. Сверхъ того, отъ самаго начала университета замѣчается въ нѣдрахъ его стремленіе передавать потомству память своего настоящаго или собирать достопамятности прошлаго. Многіе изъ ученыхъ сего университета въ различные періоды его существованія писали сочиненія, касающіяся его исторіи и всѣ вмѣстѣ составившія какъ-бы особую, ему принадлежащую литературу. Но самую великую заслугу на этомъ поприщѣ снискали двое изъ новѣйшихъ его подвижниковъ. Имя обоихъ — Тенгстремъ. Одинъ изъ нихъ (Иванъ Яковъ), профессоръ философіи, донынѣ служитъ украшеніемъ Александровскаго университета; о другомъ будетъ говорено впослѣдствіи. Газеты, которыхъ изданіе началось въ Або съ 1771 года, — не менѣе важный матеріалъ для статьи нашей.

Чтобы не сдѣлать ее утомительною мы должны были пользоваться упомянутыми источниками умѣренно и разборчиво. Но желая хотя отчасти удовлетворить и наиболѣе любопытныхъ читателей, сочли мы нужнымъ присовокупить къ тексту нѣкоторыя выноски.

Глава I.

Начало университета въ Або.

„Гдѣ нѣкогда и годнаго Ректора тривіальной школы едва имѣть было можно; тамъ нынѣ ученѣйшіе голоса не токмо Школъ и Гимназій, но даже Академій и Коллегій съ каѳедръ раздаются“. *Изъ Лат. рѣчи проф. Вексіоніуса, 15 іюля 1640.*

„Что городъ былъ столичнымъ городомъ очевидно“. *Даніилъ Юсленіусъ, 1700.*

„Что Онъ тамъ услышитъ? Только то, что Университетъ основанъ королевою Христиною“ *Кн. Гагаринъ, 1809.*

Во время малолѣтства дочери и наслѣдницы Густава Адольфа, когда Швеціею управляли опекуны молодой королевы, могущественнѣйшее вліяніе на дѣла государственныя раздѣляли тамъ два мужа—

Аксель Оксеншерна и графъ Петръ Браге (Pehr Brahe). Стараніями Оксеншерны соперникъ его въ 1637 году назначенъ былъ генералъ-губернаторомъ Финляндіи.

Горестно было тогда положеніе страны этой. Съ половины 12-го столѣтія, когда шведскій король Эрикъ IX (Святый) началъ ея завоеваніе, она была безпрерывно жертвою то кровопролитій, то самовластія мѣстныхъ начальниковъ, то естественныхъ бѣдствій. При такихъ обстоятельствахъ просвѣщеніе здѣсь подвигалось медленно. Болѣе примѣтны стали успѣхи его въ 16-мъ вѣкѣ, благодаря Густаву Вазѣ и лютеранской вѣрѣ, введенной имъ въ Швеціи. Густавъ II Адольфъ вѣроятно сдѣлалъ бы много для образованія финляндцевъ, еслибъ не былъ увлеченъ тридцатилѣтнею войною. Онъ однакожъ успѣлъ обратить старинную Абовскую школу въ гимназію. Но въ его время суевѣріе и невѣжество еще были здѣсь общимъ удѣломъ всѣхъ сословій.

Если прибавить, что по всѣмъ частямъ управленія господствовалъ величайшій безпорядокъ; что беззаконіе рождало безнравственность и самоуправство; что крестьяне, угнетенные и жадностью владѣльцевъ и тягостью налоговъ, тысячами уходили въ Россію; что столь же многочисленныя толпы отправляемы были на войну въ Германію; что такимъ образомъ Финляндія пустѣла и дичала, то легко представить себѣ, въ какомъ состояніи засталъ ее Браге.

Начавъ свое управленіе неутомимыми разъѣздами по всему краю, онъ скоро увидѣлъ, что корень зла заключается въ недостаткѣ средствъ къ образованію и что для пріобрѣтенія способныхъ чиновниковъ по всѣмъ вѣдомствамъ, Финляндія не можетъ обойтись безъ собственнаго университета. Упсальскій былъ слишкомъ далекъ, — неудобство тѣмъ болѣе чувствительное *въ то время*, что тогдашнія финляндскія дороги еще вовсе не походили на нынѣшнія, жители же края были, по большой части, бѣдны.

Увѣряютъ, что уже самъ Густавъ Адольфъ намѣревался обратить основанную имъ гимназію въ университетъ: Браге осуществилъ эту мысль. По его ходатайству, 16-го марта (н. с.) 1640 года состоялась въ г. Нючепингѣ (въ Швеціи) грамота, начинающаяся словами: „Мы Христина, Божіею Милостію, Готіи и Вендіи избранная Королева и Наслѣдная Княжна, Великая Княжна Финляндская, Герцогиня Эстляндская и Карельская, Повелительница Ингерманландіи, объявляемъ“ и проч. Послѣ того на старинномъ шведскомъ языкѣ излагается, какъ „во всѣ времена міра признавалось, что школы и академіи подобны разсадникамъ и растилищамъ, гдѣ изъ книжныхъ искусствъ добрые нравы и добродѣтели свое первое происхожденіе и начало извлекаютъ“ и какъ „въ прежнія времена не только язычники крайне заботились объ основаніи и учрежденіи такихъ школъ, но и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ

было какое-нибудь понятіе и свѣдѣніе о Богѣ, всегда о томъ же пеклись; особливо съ тѣхъ поръ, какъ христіанство стало озарять вселенную, начали разные христіанскіе короли и регенты не менѣе прилагать величайшее стараніе"... и проч. Потомъ говорится, что по столькимъ полезнымъ примѣрамъ въ чужихъ земляхъ и въ отечествѣ, а наиболѣе по примѣру Густава Адольфа Великаго, который между прочимъ возстановилъ академію (т. е. университетъ) въ *Упсалѣ* и основалъ новую въ Дерптѣ, — признается за благо „къ чести и украшенію нашего В. К. Финляндскаго" учредить въ Або вмѣсто гимназіи „Academiam или университетъ". Далѣе предоставляются новому учрежденію тѣ же права и преимущества, какими пользуется академія Упсальская; почему и повелѣвается всѣмъ уважать по достоинству „реченный нашъ Абовскій университетъ, какъ мастерскую добродѣтелей и свободныхъ книжныхъ искусствъ". Эта грамота, написанная тщательнымъ почеркомъ на пергаментѣ и подписанная пятью опекунами королевы, до сихъ поръ хранится въ университетскомъ казначействѣ. Она лежитъ въ серебряномъ ящикѣ вмѣстѣ съ деревяннымъ приборомъ грубой токарной работы, гдѣ помѣщается печать.

Всѣ подробности учрежденія университета и источники расходовъ по его содержанію придумалъ графъ Браге; ему же поручено было открытіе новаго святилища наукъ. Торжество это, по первоначальному предположенію, должно было совершиться въ іюнѣ того же года; но разныя обстоятельства, особливо отправленіе войскъ въ Германію изъ Гельсингфорса, заставили отложить дѣло до *15 іюля*.

По всему краю приказано было праздновать этотъ день съ богослуженіемъ въ церквахъ. Важнѣйшіе чиновники всѣхъ вѣдомствъ приглашены были въ Або для участія въ столь радостномъ торжествѣ. Або, какъ извѣстно, есть древнѣйшій городъ Финляндіи и до 1819 года былъ ея столицею. Построенный близъ моря по обѣ стороны рѣки Ауры и окруженный горами, онъ имѣетъ счастливое мѣстоположеніе. Въ свое время пользовался онъ цвѣтущимъ состояніемъ, но переставъ быть столицею, а потомъ выгорѣвъ почти совершенно и утративъ свой университетъ, онъ, хотя и былъ возобновленъ, уже не могъ приблизиться къ своему прежнему значенію. Издавно составляетъ онъ центръ особаго епископства.

Здѣсь 14-го іюля 1640 года, въ часъ пополудни, предстоявшее событіе провозглашено было на улицахъ съ музыкой трехъ трубъ и барабана, при чемъ всѣ граждане и чины призывались къ общему торжеству. На другой день, уже въ 7 часовъ утра епископъ Абовскій, Исаакъ Ротовіусъ (Isaak Rothovius), именитые дворяне, профессоры будущаго университета и пр. отправились на лодкахъ по рѣкѣ Аурѣ къ древнему абовскому замку, находящемуся въ нѣкоторомъ разстояніи отъ города, при впаденіи рѣки въ море. Къ нимъ, около 8-ми ча-

совъ, прибылъ и самъ графъ. Онъ въ немогихъ словахъ напомнилъ присутствовавшимъ причину собранія, послѣ чего всѣ они вмѣстѣ съ нимъ отправились въ городъ процессіей, въ такомъ порядкѣ:

1) Два трубача и барабанщикъ, „кои свою службу весело со всѣмъ усердіемъ отправляли отъ замка“.

2) Маршалъ, или предводитель дворянства, и 30 дворянъ по два въ рядъ, младшіе впереди.

3) Гофмейстеръ графа, а за нимъ на шелковыхъ подушкахъ принадлежности или „регаліи“ университета, каждая въ рукахъ особаго чиновника, именно: ключи; ректорская мантія (kiortell, по тогдашнему названію) изъ малиноваго бархата, подбитаго бѣлою тафтой; печать университета; альбомъ его или книга для веденія списковъ студентамъ, и два серебряныхъ жезла.

4) Самъ генералъ-губернаторъ, „имѣя по обѣ стороны своихъ служителей съ ихъ бердышами, числомъ 12 человѣкъ“.

5) Епископъ Исаакъ Ротовіусъ и будущій ректоръ университета, профессоръ богословія и докторъ Эсхилъ Петреусъ (Eskil Peträus), а за ними чиновникъ съ дипломомъ учрежденія университета и всѣ остальные профессоры (только 10), по два въ рядъ.

Въ трехъ слѣдующихъ отдѣлахъ шли главные чины всѣхъ вѣдомствъ. Между ними находились пасторы и преподаватели (лекторы), прибывшіе въ качествѣ гостей изъ Выборгскаго епископства и изъ Лифляндіи. Шествіе заключалось студентами. Такъ, — по замѣчанію одного изъ участвовавшихъ въ торжествѣ профессоровъ, описавшаго [1]) подробно рожденіе Абовскаго университета, — судьба устроила, чтобы число отдѣловъ процессіи равнялось числу музъ.

Медленнымъ шагомъ, при безпрерывной пальбѣ изъ двухъ пушекъ замка, подвигалась она между рядами многочисленной конницы, собранной изъ разныхъ концовъ края. Дошедши до пристани Ауры, сѣли на суда, украшенныя разноцвѣтными флагами. Самъ графъ съ епископомъ, профессорами и знатнѣйшими изъ дворянъ занялъ королевскую галеру. Конница потянулась шагомъ по главной и самой широкой улицѣ города.

„И не оставили Богъ и природа“, пишетъ упомянутый нами историкъ этого случая, „способствовать къ украшенію и возвеличенію сего торжества: ибо не токмо ясная и тихая стояла погода, но и корабли, при легчайшемъ попутномъ вѣтрѣ великолѣпно къ городу стремившіеся, пріятнѣйшее представляли зрѣлище; при чемъ и на сушѣ и на морѣ барабаны почасту и трубы гремѣли; горы же и самыя зданія звукъ отражали и какъ-бы въ похвалу испускали“.

[1]) Профессора Бексіоніуса въ небольшомъ сочиненіи: „Natales Academiæ Aboënsis & Aboæ, anno 1648.“

Вышедши на берегъ, всѣ въ прежнемъ порядкѣ пошли по городской площади, среди войска и тѣсной толпы любопытныхъ, къ дому университета, гдѣ крыша, стѣны, каѳедры и скамьи главной аудиторіи были великолѣпно украшены малиновыми коврами и разнаго рода обоями. Здѣсь процессію встрѣтила музыка. Графъ Браге взошелъ на каѳедру и произнесъ по-шведски рѣчь, въ которой, изложивъ необходимость университета для Финляндіи, воздалъ Богу и королевѣ благодареніе за совершаемое дѣло. Деканъ прочелъ вслухъ грамоту основанія, и графъ именемъ королевы объявилъ университетъ учрежденнымъ. Послѣ, поручивъ епископу Ротовіусу должность проканцлера или мѣстнаго главы университета, онъ передалъ ему, объясняясь по-латыни, исчисленныя выше принадлежности. Въ заключеніе пожелалъ онъ успѣха предпріятію, изъявилъ всѣмъ присутствовавшимъ благодарность за участіе въ торжествѣ и пригласилъ ихъ на обѣдъ, который готовился въ замкѣ на счетъ казны.

Новый проканцлеръ въ свою очередь произнесъ съ каѳедры рѣчь, а потомъ, воздѣвъ на Петреуса малиновую мантію, ввѣрилъ ему должность ректора и вмѣстѣ съ нею принадлежности университета. За этимъ послѣдовали, смѣняясь музыкою и пѣніемъ, рѣчи самого ректора, профессора Вексіоніуса (какъ декана ф. ф.) и наконецъ молодого знатнаго дворянина финскаго, Стольганске.

Въ церкви, куда отправилась отсюда процессія, отслужено было молебствіе съ проповѣдью епископа; потомъ началась пальба изъ пушекъ, поставленныхъ въ церковной оградѣ (на кладбищѣ); тѣснившаяся вокругъ толпа отвѣчала радостными кликами,—„съ такимъ шумомъ", замѣчаетъ другой историкъ начала университета [1]), „что отъ сихъ человѣческихъ громовъ сильно потряслись своды храма".

Графъ Браге, при пушечной же пальбѣ, возвратился въ замокъ, а проканцлеръ, ректоръ въ своей мантіи и профессоры въ университетъ, откуда первыхъ двухъ всѣ остальные проводили до ихъ домовъ. Въ тотъ же день около 4-хъ часовъ пополудни всѣ приглашенные собрались въ замокъ, гдѣ генералъ-губернаторъ отъ имени королевы угостилъ ихъ роскошнымъ обѣдомъ. Слѣдующій день не былъ ознаменованъ ничѣмъ особеннымъ, но 17-го іюля въ главной аудиторіи представлена была студентами, подъ руководствомъ Вексіоніуса, нравоучительная комедія: *Студенты*, принятая съ восторгомъ многочисленною толпою зрителей и зрительницъ. Въ этой комедіи доказывалось, какъ „нѣкоторые родители зѣло скупо снабжаютъ деньгами своихъ сыновей, кои обыкновенно и становятся прилежны; а другіе снабжаютъ ихъ всѣмъ, чего ни потребуютъ, чрезъ каковую неразсудительную щедрость сыновья становятся нерадивы, ослушны и негодны: какъ нѣкіи

[1]) Bilmark. Historia Academiæ Aboënsis, pars prima. 1770.

юноши предаются роскоши, игрѣ и другимъ порокамъ, и становятся развратны; другіе же прилежатъ наукамъ, добродѣтели и страху Божію, и становятся достохвальными и превыспренними мужами".

Такъ возникъ университетъ, или (употребляя слово, которое и до сихъ поръ еще сохраняетъ этотъ смыслъ на западѣ) такъ возникла академія Абовская, которую иначе стали называть Аураическою, Христининскою. Она заняла тотъ самый домъ — только немного подновленный, — гдѣ до нея помѣщалась гимназія, а еще прежде школа, изъ которой послѣдняя образовалась. Этотъ домъ, каменный въ два жилья построенъ былъ еще во времена католицизма, неизвѣстно съ какимъ назначеніемъ, и находился близъ древней соборной церкви, которая донынѣ существуетъ. Все помѣщеніе состояло только изъ 5-ти комнатъ, которыя зимой были почти невыносимо холодны. Главная аудиторія (Auditorium majus) была въ верхнемъ этажѣ [1]).

Глава II.

Черты изъ первыхъ временъ существованія университета.

> „И будьте вы, почтенные господа и мужи, Ректоръ и Сенатъ академическій, вполнѣ увѣрены и убѣждены, что какъ мы по внушенію Божію склонили Ея Величество бывшую Королеву Христину на учрежденіе и основаніе Академіи, и потомъ столько лѣтъ постоянно заботились о преувеличеніи и преуспѣяніи оной, бывъ ея Канцлеромъ, то обѣщаемъ, если Богу угодно будетъ, такъ поступать и впредь, т. е. покровительствовать, содержать и охранять Университетъ и Академію, и съ лучшей стороны о всемъ ономъ представлять нашему Всемилостивѣйшему нынѣ царствующему Королю. И за симъ поручая васъ Всевышнему, пребываемъ... добрый другъ..."
>
> *Изъ письма 1-го Канцлера университета графа Браге консисторіи отъ 24 окт. 1677.*

На содержаніе университета первоначально назначена была весьма скудная сумма (6.125 сер. тал.). Часть ея выплачивалась изъ казначейства Абовской губерніи; остальная же, по шведскимъ постановленіямъ, должна была выдаваться не монетою, а соразмѣрнымъ количе-

[1]) Въ этой комнатѣ были три каѳедры и надъ дверьми хоры для музыкантовъ По другую сторону сѣней была юридическая аудиторія, послѣ обращенная въ залу консисторіи (совѣта) и архива. Въ нижнемъ этажѣ были еще двѣ аудиторіи: малая (minus) и математическая. Изъ послѣдней былъ ходъ въ комнату, гдѣ сначала хранились разнаго рода инструменты, но которая впослѣдствіи была взята на хозяй-

ствомъ хлѣба, сѣна и т. п. Для того въ вѣдѣніе университета отчислены были разныя мызы, преимущественно въ Абовской губерніи. Оттуда крестьяне были обязаны въ извѣстные сроки приносить университетскимъ чинамъ подать свою въ натурѣ, а иногда, по условію, и деньгами. Но такой порядокъ былъ чрезвычайно невыгоденъ для университета. Отъ истощенія Финляндіи приписанныя къ нему угодья часто бывали не въ состояніи уплачивать должное; къ тому же какъ мѣстное правительство, такъ и казначеи университета, которые принимали доходы его, безпрестанно позволяли себѣ неисправность и всякія злоупотребленія. Профессоры, нерѣдко лишаясь и незначительнаго вознагражденія за труды, подавали начальству одну жалобу за другою, но такъ какъ казначеи не подлежали никакой опредѣленной отчетности, то зло долго не могло искорениться.

Профессоровъ, какъ мы уже видѣли, было въ первое время всего 11. Между ними находилось только два финляндца; прочіе были родомъ изъ Швеціи. Четверо принадлежали уже прежней гимназіи въ качествѣ лекторовъ. Съ самаго начала учреждено было при университетѣ 4 факультета, изъ которыхъ богословскому, по духу времени, принадлежало во всѣхъ отношеніяхъ рѣшительное первенство. Любопытно тогдашнее распредѣленіе предметовъ философскаго факультета. Въ немъ было 6 каѳедръ:

Политики и исторіи (Politices et historiarum);

Греческаго и еврейскаго языковъ (Linguarum hebrææ et græcæ);

Математики (Mathematum);

Физики и ботаники (Physices et botanices);

Логики и поэзіи (Logices et poëseos);

Краснорѣчія (Eloquentiæ, — сюда относилась исключительно латинская словесность). [1])

Студентовъ сперва было не болѣе 44-хъ человѣкъ, въ томъ числѣ 8 финновъ. Но не прошло года, какъ въ университетѣ набралось уже до 300 учащихся [2]). Однакожъ онъ еще долго посѣщаемъ былъ пре-

ственное употребленіе. Возлѣ нея находился покой, сперва назначенный для слугъ, а потомъ превращенный въ карцеръ. Передъ сѣнями висѣли по обѣ стороны отъ входа двѣ доски, къ которымъ прибивались разныя объявленія, до членовъ университета касавшіяся: обыкновеніе, до сихъ поръ соблюдаемое и при Александровскомъ университетѣ.

[1]) Что касается до остальныхъ факультетовъ, то по *богословію* было 3 профессора; одинъ по *правовѣдѣнію*, да одинъ по *медицинѣ* и *анатоміи*.

[2]) Для удобнѣйшаго присмотра за студентами и облегченія имъ взаимнаго вспоможенія, они въ Абовскомъ университетѣ всегда раздѣлялись — по провинціямъ, откуда происходили, — на нѣсколько отдѣловъ, изъ которыхъ каждый состоялъ подъ надзоромъ особаго инспектора изъ профессоровъ. Такой же порядокъ соблюдается и при Александровскомъ университетѣ, съ тою только разницею, что теперь *отдѣлы* называются своимъ настоящимъ именемъ, а не *націями*, какъ было въ старину.

имущественно шведами [1]). Лекціи открылись въ октябрѣ мѣсяцѣ, отъ котораго въ шведскихъ университетахъ и теперь начинается осенній курсъ. Всѣ предметы преподавались по-латыни, и притомъ почти исключительно на публичныхъ лекціяхъ, потому что большая часть студентовъ, по бѣдности, не могла платить за партикулярныя [2]). Сверхъ испытаній и преній, вспомогательнымъ средствомъ при обученіи служили рѣчи о разныхъ предметахъ, то въ прозѣ, то въ стихахъ. Студенты обязаны были публично произносить ихъ въ академіи по извѣстнымъ днямъ, особливо по воскресеньямъ послѣ обѣда. Впослѣдствіи рѣчи эти иногда печатались; но первоначально въ Або не было и типографіи; вообще способы ученія, какъ мы увидимъ, были чрезвычайно недостаточны.

Какъ бы ни было, уже въ 1643 году университетъ назначилъ промоцію или возведеніе нѣсколькихъ студентовъ въ степень магистровъ [3]). Вмѣстѣ съ тѣмъ однакожъ отъ высшаго начальства послѣдовало строгое предписаніе, чтобы къ сему отличію допущены были только весьма немногіе (отъ 4-хъ до 6-ти человѣкъ), самые ученые и свѣдущіе студенты. Объ одномъ (Zadelerus) при этомъ случаѣ постановлено было, что такъ какъ онъ „in vita et moribus (т. е. по поведенію) грубоватъ, хотя впрочемъ довольно ученая персона“, то позволить ему только держать преніе на степень (disputera pro gradu), если захочетъ, но на сей разъ отнюдь не промовировать его, дабы онъ увидѣлъ, какъ ему вредитъ безпорядочная жизнь [4]). Затѣмъ произведено было 10 магистровъ; но по разнымъ обстоятельствамъ должно заключить, что не одна добросовѣстная справедливость служила побужденіемъ при этой промоціи. Такъ объ Dominus Torpensis, который пользовался покровительствомъ одного сильнаго человѣка въ Швеціи, сказано въ протоколѣ консисторіи (совѣта университетскаго) 1644: „Не благоприлично, что онъ въ разныхъ мѣстахъ сватается, почему per occasionem и замѣтить ему, чтобы онъ впредь не такъ часто, какъ доселѣ, пѣлъ свои пѣсни и вирши; онѣ ни ему, ни академіи никакой похвалы не приносятъ“. Послѣ того философскій факультетъ представилъ тогдашнему проканцлеру Ротовіусу, нельзя ли поручить этому магистру какую-нибудь должность по школамъ въ епископствѣ, но тотъ поблагодарилъ за рекомендацію и предложилъ отослать его назадъ къ тому, кѣмъ онъ опредѣленъ. Однакожъ онъ долгое время

[1]) Между студентами, въ первыя 6 лѣтъ записанными въ университетѣ, было 546 шведовъ.

[2]) Сверхъ публичныхъ лекцій каждый профессоръ по своему предмету преподаетъ и частныя, когда учащіеся того пожелаютъ.

[3]) Эта степень дается только философскимъ факультетомъ и именно чрезъ каждые три года.

[4]) Онъ былъ промовированъ въ 1647 г.

оставался при университетѣ и всегда былъ на худомъ счету за свое поведеніе. О другомъ, Сигфридусѣ, сказано при промоціи: „Поелику оный Сигфридусъ къ отвѣту не готовъ, то философскому факультету потребовать, чтобы онъ еще 3 года пробылъ здѣсь при академіи и учился прилежно. Въ чемъ деканъ возьметъ съ него письменное обязательство. Впрочемъ означенный Dn. S. можетъ тотчасъ послѣ промоціи отправиться куда-нибудь въ Швецію, гдѣ бы его слабость in studiis не могла обнаружиться къ посрамленію сей академіи."

Эта первая промоція была 4 мая 1643 г. Допущенные къ производству 10 студентовъ въ 8 ч. утра собрались въ домѣ профессора математики (тогдашняго декана) Чекслеруса (Kexlerus), назначеннаго промоторомъ; такъ называется профессоръ, который, слѣдуя очереди, долженъ отъ имени университета возвести извѣстныя лица въ ученую степень. Оттуда при колокольномъ звонѣ отправились они, каждый съ однимъ изъ профессоровъ, въ университетъ, гдѣ и совершился обычный торжественный обрядъ [1]).

Главный начальникъ всякаго шведскаго университета называется канцлеромъ и имъ самимъ избирается изъ среды первыхъ государственныхъ сановниковъ. Хотя графъ Браге и былъ съ самаго начала усерднымъ покровителемъ Абовской академіи, однакожъ долго не носилъ титула канцлера. Между тѣмъ университетъ не разъ жаловался на неудобство, отсюда проистекавшее, и наконецъ королева Христина, вскорѣ по вступленіи въ совершеннолѣтіе, въ 1646 году повелѣла графу Браге быть канцлеромъ Абовской академіи. Въ то же время она не только утвердила всѣ права и преимущества, пожалованныя сему учрежденію, но сверхъ того умножила нѣсколько доходы его и предоставила чинамъ нѣкоторыя новыя выгоды [2]).

Графъ Браге, бывъ до самой смерти своей (1681), слѣдовательно болѣе 40 лѣтъ покровителемъ университета, оставилъ по себѣ память самаго человѣколюбиваго, просвѣщеннаго и заботливаго начальника. Многія дѣла его доказываютъ, что онъ и образованіемъ и понятіями

[1]) Вторая промоція была въ 1647 г. Тогда степень магистра досталась 18-ти студентамъ. Впослѣдствіи, именно въ 1748 году было постановлено, чтобы число молодыхъ людей, производимыхъ въ магистры, каждый разъ не превышало 20-ти или много 25-ти человѣкъ, а съ 1757 года оно можетъ простираться до 40.

[2]) За канцлеромъ и проканцлеромъ въ управленіи университетомъ слѣдовала консисторія, т. е. совѣтъ, состоящій изъ всѣхъ ординарныхъ профессоровъ подъ предсѣдательствомъ ректора. Прежде консисторія была не только совѣщательнымъ,. но и судебнымъ мѣстомъ, гдѣ рѣшались всѣ дѣла, касавшіяся до университетскихъ лицъ. Ректоръ въ этомъ отношеніи соотвѣтствовалъ губернатору провинціи (Landshöfding). Съ 1828 г. онъ избирается вновь чрезъ каждые три года; а до того времени всѣ переходящія должности (munera ambulatoria) ввѣрялись только на годъ. По настоящему срокъ отправленія ихъ долженъ былъ ограничиваться полугодомъ; но, сколько извѣстно, правило это въ Або никогда не соблюдалось.

стоялъ выше своего вѣка. Вотъ примѣръ тому. Тогда почти всѣ еще твердо вѣрили въ возможность колдовства. Убѣжденію этому причастны были даже люди, которые всѣмъ другимъ рѣзко отдѣлялись отъ толпы. Такъ, третій проканцлеръ Абовскаго университета, отличавшійся столь многими достоинствами епископъ Терсерусъ, въ 1661 году вмѣстѣ съ академическою консисторіею присудилъ къ смертной казни студента Эоленіуса за чернокнижіе или заключеніе договора съ сатаною (pactum cum satana). Въ обвиненіе его, къ которому подали поводъ какіе-то собственные его разговоры и письма, приводились между прочимъ его быстрые успѣхи въ латинскомъ и восточныхъ языкахъ, его красивый почеркъ и легкость, съ какою другой студентъ въ чрезвычайно короткій срокъ выучился у него латинскому. Но Браге на представленіе объ этомъ отвѣчалъ, что не находитъ обстоятельствъ, которыя бы служили къ обличенію Эоленіуса, и такъ какъ онъ ужъ долгое время сидѣлъ въ карцерѣ, то его преступленіе, по мнѣнію графа, этимъ вполнѣ заглажено. — Подобный же случай былъ въ 1670 году. У студента Гуннеруса въ Ревелѣ нашли тетрадь, въ которую онъ, бывъ еще въ Або, выписалъ откуда-то разныя нелѣпыя правила о томъ, какъ посредствомъ союза съ нечистымъ духомъ сдѣлаться вдругъ ученымъ и т. п. По возвращеніи въ Або онъ за это былъ присужденъ къ тюремному заключенію, къ покаянію и удаленію навсегда изъ университета. Самъ тогдашній проканцлеръ Гецеліусъ старшій, человѣкъ во многихъ отношеніяхъ замѣчательный, участвовалъ въ этомъ рѣшеніи; но и оно, по жалобѣ обвиненнаго, было уничтожено графомъ Браге.

Изъ двухъ разсказанныхъ случаевъ видно, что невѣжество среднихъ вѣковъ въ то время еще не совсѣмъ исчезло. Объ этомъ свидѣтельствуютъ и другія обстоятельства. Но ничто такъ не показываетъ грубости тогдашнихъ нравовъ, даже въ самыхъ школахъ, какъ обычай, извѣстный подъ именемъ *депозиціи*. На молодыхъ людей, хотѣвшихъ поступить въ университетъ, надѣвали платье изъ разноцвѣтныхъ лоскутьевъ, черный плащъ, шапку съ ослиными ушами и съ рогами. Потомъ, начернивъ лицо ихъ и въ каждый уголъ рта вставивъ имъ по длинному свиному клыку, депозиторъ — такъ назывался особый чиновникъ — съ огромною аллебардой въ рукѣ гналъ ихъ, какъ стадо, въ университетскую залу, гдѣ ихъ нетерпѣливо ожидало многочисленное общество. Тамъ они становились въ кружокъ около своего пастыря: онъ начиналъ выравнивать и мѣрить ихъ своею аллебардой, корчить передъ ними лицо, присѣдать, смѣяться надъ ихъ маскарадомъ. Потомъ произносилъ онъ рѣчь, доказывалъ по-своему необходимость воспитанія и, задавая разные вопросы, слегка ударялъ новичковъ, когда клыки мѣшали имъ отвѣчать; особыми щипцами схвативъ ихъ за горло, валялъ на полъ; клыки ихъ, рога и уши сравнивалъ съ

пороками, невѣжествомъ и глупостью. Вырывая послѣ эти украшенія, говорилъ, что такъ точно науки должны истреблять въ нихъ все дурное. Еще вынималъ онъ изъ особаго мѣшка стругъ, приказывалъ имъ ложиться поочереди на полъ, стругалъ ихъ во всѣхъ направленіяхъ и дѣйствіе это уподоблялъ дѣйствію ученія на душу. Слѣдовали разныя другія церемоніи въ томъ же родѣ, послѣ чего онъ окачивалъ своихъ мучениковъ цѣлымъ ведромъ воды и вытиралъ имъ лицо жесткой тряпкой. Тутъ онъ провозглашалъ ихъ *свободными студентами академіи;* но съ тѣмъ, чтобъ они еще 6 мѣсяцевъ ходили въ своихъ черныхъ плащахъ и прислуживали старымъ студентамъ съ безусловною покорностью. Служба эта называлась *пенализмомъ* и до послѣднихъ временъ сохранялась въ нѣкоторой степени при Абовскомъ университетѣ. Должность же депозитора была уничтожена еще въ исходѣ 17-го столѣтія (постановленіемъ 25 ноября 1691 г.). До того времени она поручалась обыкновенно какому-нибудь магистру, пользовавшемуся общимъ уваженіемъ. Депозиторъ содержался на иждивеніи студентовъ. Консисторія часто должна была напоминать ему, чтобы онъ обращался съ ними порядочно и пристойно.

Другимъ обычаемъ того времени было представленіе въ университетѣ комедій при торжественныхъ случаяхъ: актерами были студенты, игравшіе подъ руководствомъ одного изъ профессоровъ [1]). Этотъ обычай перешелъ въ Або изъ Упсалы, куда занесенъ былъ изъ школъ іезуитскихъ.

Какъ черту, характеризующую вѣкъ, приведемъ здѣсь отрывокъ изъ опредѣленія университетской консисторіи отъ 1642 года. „На ректорскихъ угощеніяхъ (т. е. обѣдахъ, даваемыхъ новыми ректорами) должно подавать 6 ординарныхъ блюдъ, не считая масла, хлѣба и окорока; послѣ обѣда не разносить конфектъ, а развѣ только сыръ. И надлежитъ ректору подавать хорошее финское пиво и немного французскаго вина“ и т. п. Потомъ исчислены почетные чины, которые ректоръ долженъ торжественно приглашать; „что касается до типографщика, книгопродавца и переплетчика [2]), то ректоръ можетъ приглашать ихъ черезъ своего собственнаго слугу, если заблагоразсу-

[1]) Для сравненія съ комедіями, игравшимися около того же времени у насъ на Руси, приведемъ заглавія нѣкоторыхъ изъ представленныхъ въ Або: „Сурге или прилежности и неприлежанія зрѣлище въ комедіи, Або 6 мая 1647“; „Комедія (Белеснакъ), содержащая въ себѣ о женитьбѣ и сватовствѣ различные забавные дискурсы и изреченія, которую на свадьбѣ“ такого-то и такой-то „держали и разыгрывали 31 іюля и 1 авг. 1649 въ Королевской Абовской академіи“; „Ѳѳирная генесисъ, или рожденіе Іисуса Христа, въ немудреной комедіи представленное, которая 1659 г. 9 янв. публично праздновалась въ городѣ Або“.

[2]) Упоминаніе здѣсь этихъ лицъ доказываетъ, какъ въ то время они были важны для Або.

дитъ". Сверхъ того дозволяется ректору позвать одного или двухъ добрыхъ пріятелей или родственниковъ и тѣхъ изъ студентовъ, которые при торжествѣ участвовали въ музыкѣ. Женщинъ отнюдь не велѣно приглашать, ни даже женъ профессоровъ или другихъ гостей, и подъ опасеніемъ штрафа запрещено пировать до другого дня.

Графъ Браге былъ истиннымъ благодѣтелемъ не только университета, но и цѣлой Финляндіи. Въ двукратное управленіе этимъ краемъ онъ, — хотя всего на все пробылъ здѣсь въ разное время не болѣе 6-ти лѣтъ, — совершилъ по всѣмъ частямъ едва вѣроятныя преобразованія. То, что онъ сдѣлалъ для Финляндіи, составляетъ конечно славнѣйшій подвигъ его жизни. Зато и снискалъ онъ здѣсь общую благодарность современниковъ и потомства. Финляндцы назвали его *отцомъ края* (landsfader) и долго поминали годы его управленія словами: „время графа (grefvens tid)", которыя наконецъ обратились въ пословицу [1]).

Съ именемъ Браге соединено воспоминаніе и о тѣхъ мужахъ, которые, нося титулъ проканцлеровъ, одинъ за другимъ содѣйствовали ему въ трудахъ ко благу университета. Должность проканцлера въ Швеціи всегда возлагается на мѣстнаго епископа. Въ этомъ старинномъ обычаѣ видно значеніе протестантскаго духовнаго сословія въ прежнее время. Оттого училищная часть въ Швеціи до сихъ поръ находится въ вѣдѣніи духовенства. Абовскій университетъ былъ особенно счастливъ первыми изъ своихъ проканцлеровъ. Исаакъ Ротовіусъ, Эсхилъ Петреусъ и Іоаннъ Терсерусъ, всѣ трое шведскіе уроженцы, другъ за другомъ послѣдовавшіе въ управленіи университетомъ, оказали важныя услуги наукамъ и государству.

Ротовіусъ (прок. 1640—1652), сынъ бѣднаго крестьянина, дѣлитъ съ графомъ Браге и честь усилій къ учрежденію университета, и честь первыхъ распоряженій къ открытію его. Онъ въ этомъ дѣлѣ принялъ самое живое, пламенное участіе и отъ всей души радовался пользѣ, какую столь благотворная мѣра обѣщала Финляндіи.

Петреусъ, первый ректоръ Абовскаго университета (проканцл. 1652—1657), издалъ въ 1642 г. финскій переводъ библіи, по волѣ правительства сдѣланный подъ его руководствомъ. Финскій языкъ, который онъ изучилъ для того, много выигралъ отъ этого труда. Часть библіи появилась въ финскомъ переводѣ епископа Агриколы еще при Густавѣ I, вскорѣ по введеніи въ Финляндіи реформаціи. По порученію Браге, Петреусъ издалъ и первую финскую грамматику, составленную имъ впрочемъ по примѣру латинской. Замѣчательно, что еще прежде, при Густавѣ Адольфѣ, и ученіе русскому языку въ Финляндіи было предметомъ заботливости правительства: знаніемъ его

[1]) Когда хотятъ выразить, что кто-либо давно жданый пришелъ кстати, то говорятъ: „онъ пришелъ въ графово время".

надѣялись облегчить какъ торговыя сношенія съ восточными сосѣдями, такъ и обращеніе послѣднихъ въ лютеранскую вѣру. Во время управленія университета Петреусомъ, именно въ маѣ 1656 г., зданіе его чрезвычайно потерпѣло отъ пожара, послѣ котораго долго не могло быть возстановлено по недостатку средствъ. Академія принуждена была для этого занять 600 сер. тал., впослѣдствіи выплаченныхъ королемъ Карломъ XI.

Терсерусъ (Terserus), сначала одинъ изъ профессоровъ богословія при университетѣ (прок. 1658 — 1664), въ юности много путешествовалъ по Европѣ, а впослѣдствіи училъ королеву Христину еврейскому языку. Возведенный потомъ въ санъ Абовскаго епископа и въ этомъ качествѣ принявъ участіе въ государственныхъ дѣлахъ Швеціи, Терсерусъ, при возвращеніи въ Стокгольмъ отказавшейся отъ престола королевы, сильно возсталъ противъ возобновленныхъ ею притязаній на корону. Вообще голосъ его на сеймѣ былъ смѣлъ и силенъ, какъ его характеръ. Но неосторожная ревность къ исправленію въ Финляндіи ученія религіи навлекла на него ненависть духовенства: онъ былъ судимъ въ Стокгольмѣ и лишенъ должности. Послѣ однакожъ опять получилъ епископство въ Швеціи, но и на новомъ мѣстѣ не измѣнилъ прежнимъ правиламъ.

Какъ онъ, такъ и Ротовіусъ и Петреусъ, независимо отъ дѣятельнаго участія въ управленіи университетомъ, ревностно пеклись о благѣ своей епархіи; какъ онъ, содѣйствовали къ усовершенствованію религіознаго ученія, къ успѣхамъ въ искусствѣ проповѣдыванія, къ возвышенію нравственности. Ротовіусъ и Терсерусъ, оставившіе множество проповѣдей, нерѣдко достигаютъ въ нихъ истиннаго краснорѣчія. Терсерусъ во всѣхъ отношеніяхъ далеко превосходилъ обоихъ своихъ предшественниковъ; но, какъ мы видѣли, и онъ, при всей своей возвышенности, заплатилъ дань вѣку участіемъ въ самыхъ грубыхъ его предразсудкахъ.

Преемникъ Терсеруса, Іоаннъ Гецеліусъ старшій (Johan Gezelius den äldre, прок. 1664 — 1690), также имѣетъ право на особенную благодарность Финляндіи. Университетъ обязанъ ему значительными улучшеніями какъ въ методахъ преподаванія, такъ и вообще въ своемъ внутреннемъ устройствѣ. Гецеліусъ учредилъ при немъ особую коллегію для образованія проповѣдниковъ, — заведеніе, которое впослѣдствіи замѣнила существующая и понынѣ духовная семинарія.

Другою важною заслугою Гецеліуса было оживленіе литературы и книжной торговли въ Финляндіи. До него книги въ Або составляли рѣдкость. Правда, книгопродавцу, который опредѣлится при университетѣ, предоставлено было безпошлинно выписывать книги изъ-за моря, и по распоряженію Браге уже въ 1642 году прибылъ изъ Любека книгопродавецъ Яухіусъ (Jauchius), который и торговалъ въ Або

до 1655. Въ 1660 году явился другой, также любекскій книгопродавецъ. Но по плохому состоянію книжной торговли въ то время, академія еще долго терпѣла недостатокъ въ учебныхъ руководствахъ. Къ отвращенію его въ нѣкоторой степени служили диссертаціи, издававшіяся профессорами по отдѣламъ и наконецъ обнимавшія цѣлую науку. Студенты, по мѣрѣ печатанія этихъ пособій, собирали ихъ и потомъ переплетали въ особую книгу по каждому предмету.

Типографіи сначала не было въ Або. Университетскій нотаріусъ изготовлялъ на письмѣ всѣ бумаги, слѣдовавшія къ общему свѣдѣнію. Только въ 1642 году стараніемъ Ротовіуса переселился туда изъ Швеціи типографщикъ Вальдіусъ (Waldius). Но привезенная имъ типографія была такъ бѣдна, что въ ней разомъ едва можно было печатать и по полулисту. Гецеліусъ старшій, занимаясь составленіемъ и изданіемъ учебныхъ книгъ, сильно чувствовалъ такое неудобство, и потому рѣшился завести въ Або свою собственную типографію, для чего купилъ даже бумажную фабрику. Въ 1669 г. новая типографія была уже въ полномъ ходу и скоро принесла неисчислимую пользу. Здѣсь самъ Гецеліусъ напечаталъ множество духовныхъ и вообще педагогическихъ сочиненій. Особенно примѣчательны два труда его: *философская энциклопедія*, книга для своего времени чрезвычайно важная, хотя и не чуждая недостатковъ его, и *новое изданіе шведскаго перевода Священнаго писанія*, съ исправленіями, примѣчаніями и дополненіями. Послѣднее предпріятіе впрочемъ было только начато Гецеліусомъ старшимъ.

Необыкновенно трудолюбивый и дѣятельный, онъ понятіями (см. стран. 195) не стоялъ выше современниковъ своихъ: неумолимая строгость, гордое обращеніе и щекотливое самолюбіе надѣлали ему множество враговъ, а врожденная страсть къ ябедѣ часто вовлекала его въ запутанныя тяжбы. Въ этихъ спорахъ, которые только поглощали его время, онъ позволилъ себѣ нѣкоторые поступки, бросающіе тѣнь на его характеръ.

Начинанія Гецеліуса со смертію его не остановились: ихъ продолжалъ также незабвенный въ лѣтописяхъ университета сынъ его Іоаннъ Гецеліусъ младшій (Johan Gezelius den yngre). Но при этомъ проканцлерѣ (1690 — 1718) случился въ жизни университета такой переворотъ, что мы всѣ замѣчанія о 2-мъ Гецеліусѣ должны отнести къ слѣдующей главѣ.

Глава III.

Война дважды разстраиваетъ университетъ.

„Тяжелъ онъ немного г-нъ Губернаторъ въ томъ разсужденіи, что требуетъ, дабы изъ способовъ Академіи поставка платья и оружія для студентовъ производима была, а таковыхъ способовъ не имѣется вовсе“ . . .

Письмо ректора Таммелина къ проканцлеру, отъ 11 апр. 1710 года.

„О память дней, когда отъ плуга земледѣлъ
Израненъ въ хату шелъ и тамъ лишь трупы зрѣлъ!“

Францéнъ.

Гецеліусъ младшій, благодаря просвѣщенной заботливости отца, былъ счастливъ воспитаніемъ: онъ въ молодости много путешествовалъ; былъ въ Голландіи и въ Англіи, учился, особливо восточнымъ языкамъ, въ Оксфордѣ и Кембриджѣ, а потомъ и въ Парижѣ.

Пробывъ нѣсколько времени профессоромъ богословія въ Або, онъ былъ назначенъ суперинтендентомъ въ Нарву, откуда по повелѣнію короля возвратился въ 1689 г. для принятія участія въ трудахъ отца. Послѣдній вскорѣ умеръ; сынъ заступилъ его мѣсто и, какъ сказано, продолжалъ труды его. По примѣру отца, Гецеліусъ младшій самъ училъ въ коллегіи искусству проповѣдыванія, въ которомъ они оба произвели благодѣтельную перемѣну: до нихъ духовныя проповѣди были не что иное, какъ схоластическіе споры, гдѣ проповѣдникъ усиливался блеснуть своею ученостью; проповѣди же Гецеліусовъ рѣзко отличаются отъ всѣхъ современныхъ сочиненій этого рода.

Сверхъ того Гецеліусъ младшій значительно улучшилъ въ народѣ ученіе закона Божія и много успѣлъ въ своихъ стараніяхъ о смягченіи нравовъ, а особливо объ образованіи еще невѣжественнаго духовенства.

Между тѣмъ средства университета по прежнему были скудны. Ходатайство Гецеліуса младшаго предъ правительствомъ объ увеличеніи ихъ осталось тщетнымъ. Наконецъ война Карла XII съ Россіею довершила бѣдствія Аураической академіи. Въ 1702 году, по сдачѣ Нэтеборга (что нынѣ Шлиссельбургъ) въ университетъ пришло приказаніе (которое потомъ не разъ возобновлялось), чтобы и студенты и служители его учились ружью. По покореніи Ингерманландіи Петромъ Великимъ, профессоръ математики, послѣ епископъ, Таммелинъ, взялся руководить студентовъ въ воинскихъ упражненіяхъ, и въ 1710 г., по сдачѣ Выборга, университетъ вынужденъ былъ объявить 20 студен-

товъ, неспособныхъ къ наукамъ, годными нести оружіе; та же участь постигла 16 учениковъ каѳедральной школы.

Всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ и вообще чиновникамъ финляндскимъ даны были предписанія на случай, если военныя обстоятельства потребуютъ оставленія отечества. Еще весною 1710 г. гофгерихтъ Абовскій и академическая консисторія сбирались удалиться въ Остроботнію; но по сдачѣ Выборга рѣшено было, что только Швеція можетъ доставить убѣжище надёжное. Мѣстному начальству приказано распорядиться, чтобы колокола, люстры и прочее имущество изъ ближайшихъ къ морю приходовъ перевезены были въ Стокгольмъ, а внутри края зарыты въ землю. Вмѣстѣ съ тѣмъ постановлено, что никто изъ частныхъ лицъ не смѣетъ перевозить своей собственности, пока не будетъ спасено все общественное достояніе; это возложено на отвѣтственность корабельщиковъ подъ опасеніемъ штрафа въ 40 мар. сер. за каждое нарушеніе предписанія. Однакожъ гроза опять затихла. Но въ концѣ того же года въ Або собрано было и отправлено въ походъ 10 т. человѣкъ. Къ большему бѣдствію въ Финляндіи открылась чума, а въ маѣ 1711 года значительная часть Або сгорѣла. Въ слѣдующемъ году нужда достигла высшей степени, и консисторіи велѣно составить списокъ всѣмъ тѣмъ изъ подвѣдомственныхъ ей лицъ, которыя способны носить оружіе. Наконецъ въ 1713 году русскіе сдѣлали высадку при Гельсингфорсѣ. Главнокомандовавшій шведскими войсками, Любекеръ, считалъ нужнымъ, въ случаѣ крайней опасности, скорѣе сжечь Або, нежели уступить его, но это предположеніе, распространивъ тамъ величайшее уныніе, было отвергнуто мѣстнымъ правительствомъ.

Мало-по-малу множество должностныхъ финляндцевъ успѣло перебраться въ Швецію. То же сдѣлали почти всѣ чины университета, а за ними послѣдовало туда и все его движимое имущество: библіотека, типографія [1]) и другія принадлежности. Гецеліусъ младшій еще прежде, при первомъ извѣстіи о близкой опасности, поспѣшилъ отправиться въ Швецію, обѣщая тѣмъ усерднѣе дѣйствовать въ пользу Финляндіи. Въ самомъ дѣлѣ, онъ много участвовалъ въ распоряженіяхъ по переселенію университетскихъ лицъ. Швеція, не смотря на свое собственное разстройство, не оставила въ этомъ случаѣ безъ призрѣнія финляндцевъ, которые въ ея предѣлахъ искали спасенія. Вмѣстѣ съ другими переселенцами финляндскими многіе чины Абовской академіи нашли тамъ новыя должности; остальные продолжали пользоваться своими прежними окладами; но конечно, по большому числу своему, всѣ эти пришельцы, обременивъ собою государственную казну Швеціи, вскорѣ сдѣлались предметомъ общаго неудовольствія, особливо пасторы, оставившіе свои паствы.

[1]) Типографія Гецеліуса болѣе не возвращалась изъ Швеціи: она тамъ была продана.

Въ сущности, университета уже не было; даже ученая дѣятельность его преподавателей, по затруднительному ихъ положенію, совершенно остановилась. При всемъ томъ, благодаря стараніямъ Гецеліуса, Абовская академія не считалась уничтоженною, и по аттестатамъ ея молодые финляндцы принимались въ число студентовъ упсальскихъ.

Между тѣмъ и русскіе полководцы являли въ Финляндіи рѣдкое человѣколюбіе. Або и окрестности его съ 28-го августа были заняты нашими войсками. Здѣсь князь Голицынъ своимъ великодушнымъ поведеніемъ заслужилъ навсегда признательность народа. Въ послѣдніе годы войны край, подъ его защитою, началъ во всѣхъ отношеніяхъ оправляться: не только земледѣліе и промышленность ожили, но и самое просвѣщеніе могло безпрепятственно продолжать ходъ свой. Молодымъ людямъ, искавшимъ высшаго образованія, князь Голицынъ, не смотря на то, что война не прекращалась, давалъ паспорты на переходъ въ Швецію. Абовская академія, записывая ихъ въ альбомъ свой, выдавала имъ, какъ сказано, аттестаты, которые открывали имъ путь къ дальнѣйшему образованію. Однакожъ число финляндцевъ въ Упсальскомъ университетѣ было въ то время незначительно. Весною 2714 г. ихъ находилось тамъ только 28, почти всѣ изъ Остроботніи, откуда сообщеніе съ Швеціею было самое легкое. Гецеліусъ не переставалъ заботиться нѣжно о молодыхъ согражданахъ своихъ; между прочимъ они ему обязаны были тѣмъ, что при раздачѣ стипендій въ Упсалѣ имъ, какъ финнамъ, принадлежало первенство.

Наконецъ 1721 года былъ заключенъ миръ въ Ништадѣ. Въ слѣдующемъ году и университетъ, послѣ девятилѣтняго разрушенія, возстановляется въ Або: его зданіе снова освящаютъ въ ноябрѣ при проканцлерѣ Витте, и онъ вступаетъ въ дѣйствіе съ 6-ю новыми каѳедрами, учрежденными еще до окончанія войны. Но не всѣ прежніе профессоры Абовскіе возвращаются къ должностямъ своимъ; нѣкоторые сохраняютъ занятыя вновь мѣста, иныхъ уже нѣтъ: Ельмъ (Hjelm, проф. медиц.) и Мунстеръ (проф. истор. и нрав. филос.) умерли въ русскомъ плѣну [1]); двое другихъ нашли смерть въ Швеціи. Недостававшіе такимъ образомъ профессоры были поспѣшно замѣнены новыми, въ выборѣ которыхъ, при разстроенномъ положеніи дѣлъ, не могло быть соблюдено надлежащей строгости. Приписанныя къ университету угодья такъ пострадали отъ войны, что вовсе не могли приносить ему пользы. Доведенный до крайности, онъ ищетъ помощи правительства, но безуспѣшно.

Между тѣмъ совершилось ему 100 лѣтъ. 15 іюля 1740 года празднуетъ онъ свое основаніе; но по истощенію въ то время казны швед-

[1]) Оба они взяты были 1714 года въ плѣнъ на Аландскихъ островахъ, куда бѣжали отъ нашихъ: Ельмъ, какъ полагаютъ, умеръ въ Москвѣ въ 1715 г., а Мунстеръ въ Гельсингфорсѣ на дорогѣ въ Россію.

ской, этотъ юбилей не могъ быть блистателенъ. По той же вѣроятно причинѣ не пріѣхалъ и канцлеръ, котораго ожидали съ нетерпѣніемъ. Для возвышенія торжественности случая, висѣлъ надъ каѳедрою нарочно купленный малиновый коверъ, и наняты были музыканты. Празднества продолжались четыре дня: въ первый произведено было три доктора богословія, послѣ чего въ каѳедральной церкви выслушана проповѣдь. Въ три слѣдующіе дня, передъ обѣдомъ, одинъ изъ студентовъ читалъ на латинскомъ или на шведскомъ языкѣ либо рѣчь, либо стихи, приноровленные къ случаю. Сверхъ того даны были обѣды, по тогдашнимъ обстоятельствамъ пышные; въ первые два дня у епископа и проканцлера (Фаленіуса, который совершилъ упомянутую докторскую промоцію), а потомъ на счетъ двухъ знатныхъ чиновниковъ, въ новомъ зданіи библіотеки. Здѣсь угощаемы были и студенты; домъ былъ иллюминованъ и гремѣлъ музыкою.

Вскорѣ послѣ того, въ 1742 году, война Швеціи съ Россіею вновь разсѣяла мирныхъ гражданъ университета; однакожъ изъ нихъ нѣкоторые остались при немъ. Но и въ эту пору, благодаря великодушію русскаго генерала Кейта, всѣ профессоры, даже и удалившіеся въ Швецію, сохранили свое жалованье. Изъ оставшихся онъ перемѣстилъ нѣкоторыхъ отъ одной каѳедры къ другой.

Такимъ образомъ, задолго до присоединенія Финляндіи къ Россіи, двое русскихъ полководцевъ съ честію вписали имена свои въ лѣтописи Абовскаго университета. Двукратное удаленіе его въ Швецію было собственно мѣрой ненужною.

Глава IV.

Императоръ Александръ.

„Съ быстротою почти невѣроятною распространяется по всему городу вѣсть о благодѣяніяхъ, излитыхъ на насъ Императоромъ Александромъ. Ихъ узнаютъ мужи и жены, дѣвы и почтенные старцы“ . . .

Проф. А. И. Лагусъ 27 іюня 1811.

„Одно ужъ это имя звучитъ для насъ какъ громкая героическая пѣснь и вмѣстѣ какъ тихая идиллія, которой сладостнымъ тонамъ мы невольно внимаемъ съ безмятежнымъ восторгомъ“.

Анонимъ.

(Finl. Allm. Tidn. 1840, № 197).

По заключеніи мира и возстановленіи университета во второй разъ, шведское правительство въ 1743 году наконецъ даровало ему новый

штатъ съ увеличенными окладами и новыми преимуществами. Съ тѣхъ поръ порядокъ въ выдачѣ опредѣленнаго чинамъ его содержанія болѣе не нарушается. Вскорѣ, именно въ 1747 году, онъ испытываетъ во внутреннемъ устройствѣ еще разныя благодѣтельныя перемѣны и пріобрѣтаетъ новыя пособія.

Въ послѣдующее время, особливо при Густавѣ III, покровителѣ наукъ и искусствъ, состояніе Абовскаго университета и въ хозяйственномъ и въ ученомъ отношеніи примѣтно улучшается. Къ благодѣяніямъ правительства присоединяются и частныя пожертвованія. Съ помощію тѣхъ и другихъ наконецъ открывается возможность построить для университета новый домъ, котораго потребность такъ давно уже чувствуется: старый, не разъ терпѣвъ отъ пожара и войны и почти вовсе не бывъ исправляемъ, пришелъ въ совершенную ветхость и былъ такъ тѣсенъ, что большая часть умножившихся ученыхъ пособій хранилась въ другихъ стѣнахъ. Къ тому же онъ отъ времени сталъ холоднѣе прежняго [1]). Для возведенія новаго зданія покупаютъ мѣсто, и, не теряя времени, приступаютъ къ работамъ. Первый камень положенъ былъ 1802 года въ день Христины (24 іюля н. ст.) самимъ королемъ Густавомъ IV Адольфомъ и его супругою. Университетъ началъ занимать этотъ домъ, не дожидаясь окончанія его, по мѣрѣ того, какъ онъ отстраивался въ частяхъ; такимъ образомъ и старый постепенно былъ оставляемъ.

Между тѣмъ, къ Финляндіи снова приближается буря войны; но на этотъ разъ университетъ не видитъ надобности искать спасенія въ бѣгствѣ, ибо „храня спокойствіе вообще всѣхъ обывателей Финляндіи", императоръ Александръ, какъ самъ онъ изволилъ выразиться [2]), „особенно желалъ среди самыхъ военныхъ дѣйствій оградить сіе ученое сословіе уваженіемъ и покровительствомъ". Замѣчательно свидѣтельство, какое отдалъ русскимъ тогдашній ректоръ университета знаменитый Калоніусъ въ рѣчи, произнесенной имъ въ 1808 году при сложеніи этой должности. „Надобно откровенно сознаться", говоритъ онъ между прочимъ, „что настоящая война ведена съ такою умѣренностію, какая не только прилична нашему просвѣщенному вѣку, но заслуживаетъ, чтобы ее ставили въ примѣръ другимъ самымъ даже просвѣщеннымъ націямъ, и дай Богъ, чтобы онѣ ему послѣдовали!..."

Высочайшимъ рескриптомъ на имя проканцлера епископа Тенгстрема отъ 4/16 іюня 1808 Императоръ Александръ не только утвердилъ „силу всѣхъ правъ и преимуществъ, Абовскому университету

[1]) Чтобы дать понятіе о положеніи этого дома, довольно сказать, что проф. Франценъ зимою садился на каѳедру въ тулупѣ и мѣховыхъ сапогахъ.

[2]) Въ Высочайшемъ рескриптѣ на имя проканцлера Абовск. универс. отъ 4 іюня 1808 г.

присвоенныхъ", но еще сверхъ того повелѣлъ „пригласивъ членовъ университета, положить на мѣрѣ способы, какіе признаются нужными къ распространенію и вящшему усовершенію сего заведенія". Узнавъ, что построеніе новаго университетскаго дома, за недостаткомъ средствъ, почти остановилось, Государь тотчасъ назначилъ на этотъ предметъ 6.000 р. сер.

Легко вообразить, какъ весь университетъ былъ восхищенъ и тронутъ такими неожиданными знаками Царской милости, но еще несравненно живѣе стали его чувствованія, когда вскорѣ онъ насладился лицезрѣніемъ Александра. Подробности перваго пребыванія Его въ Або не должны быть забыты. Онъ прибылъ туда 20 марта (1 апрѣля) 1809 г. переночевавъ въ Рàдельмѣ (имѣніи профессора и тогдашняго ректора Гартмана) [1]), верстахъ въ 12-ти отъ города. Передъ въѣздомъ построены были тріумфальныя ворота (по образцу приготовленныхъ въ Римѣ для Тита) съ надписью, профессоромъ Францèномъ составленною

АЛЕКСАНДРУ,

Котораго войска покорили край,
Котораго благость покорила народъ.

Между тріумфальными воротами и городомъ императоръ былъ встрѣченъ свитою. Онъ вышелъ изъ саней и верхомъ въѣхалъ въ Або при пушечной пальбѣ и необычайномъ стеченіи народа. Немедленно всѣ значительнѣйшіе изъ обывателей удостоились представленія Его Величеству. Остальную часть дня ознаменовали парадъ, обѣденный столъ у Высокаго Посѣтителя и вечерняя иллюминація.

На другой день Онъ изволилъ осматривать разныя учрежденія. Въ гофгерихтѣ изъявилъ желаніе оказать милость преступнику и вслѣдствіе того смягчилъ наказаніе смертоубійцы. При Высочайшемъ отшествіи члены суда всеподданнѣйше просили Государя пожаловать имъ въ даръ, для украшенія залы, портретъ Его Величества. Императоръ не иначе соизволилъ на то, какъ съ условіемъ, чтобы тамъ же находился на приличномъ мѣстѣ и портретъ основателя суда, Густава Адольфа.

Присутствіемъ Александра осчастливленъ былъ потомъ и университетъ въ новомъ его зданіи. Здѣсь Августѣйшему Гостю приготовленъ былъ торжественный пріемъ. Профессоръ краснорѣчія Валленіусъ произнесъ на латинскомъ языкѣ рѣчь, а профессоръ Фран-

[1]) Живописное мѣсто близъ морского берега. Бюстъ Александра, украшающій одну изъ трехъ комнатъ, которыми пользовался Высокій Гость, напоминаетъ историческую примѣчательность Радельмы. Нынѣ это имѣніе принадлежитъ генералъ-директору Гартману, сыну тогдашняго хозяина. *(Срв. Переписку Грота съ Плетневымъ).*

цѣнъ прочелъ написанное имъ по-французски стихотвореніе, въ привѣтствіе Александру. Государь стоялъ у ступеней трона, для него устроеннаго.

Послѣ Его Величеству представлены были студенты по областямъ, гдѣ они родились. Онъ еще изволилъ разсматривать планъ новаго университетскаго дома, посѣтилъ въ немъ парадную залу, гдѣ особенное вниманіе Монарха обратили на себя колонны изъ полированнаго гранита, и наконецъ библіотеку. Вечеромъ Государь былъ на городскомъ балѣ, гдѣ изволилъ участвовать въ танцахъ и всѣхъ привелъ въ восторгъ милостивымъ своимъ обращеніемъ.

Пребываніе Александра въ Або надолго оставило въ тамошнихъ жителяхъ глубокое впечатлѣніе. „Мы едва вѣрили глазамъ своимъ“, говоритъ профессоръ Лагусъ [1]), „когда этотъ Гиперборейскій Атлантъ, презирая ненастье, верхомъ въѣхалъ въ городъ почти безъ свиты: всѣмъ, вокругъ стоявшимъ тѣсною толпою, кланялся Онъ съ необычайною, радостною привѣтливостію. Допущенные въ присутствіе Монарха, не могли мы надивиться чудной сладости Его рѣчи, милостивому и плѣнительному Его обращенію и всѣмъ высокимъ украшеніямъ и достоинствамъ души Его. Какъ блистательно явилъ Онъ ихъ, бывъ въ этомъ святилищѣ Музъ 2 апрѣля 1809 года! Съ какимъ вниманіемъ все разсматривалъ, съ какою скромностью, съ какою чрезвычайною кротостью въ выраженіяхъ принялъ Онъ благоговѣйное *привѣтствіе* Каменъ, [2]) при чемъ — повѣрятъ ли потомки? — стоялъ предъ трономъ, для Него приготовленнымъ!“

Къ вящшему доказательству благости своей, Александръ приказалъ университету, на основаніи старинныхъ его постановленій, избрать себѣ новаго канцлера изъ среды высшихъ сановниковъ русскихъ; но университетъ, по незнанію дѣлъ Россіи затрудняясь въ такомъ выборѣ, всеподданнѣйше просилъ, чтобы великодушный Монархъ самъ назначилъ ему канцлера. Снизойдя на такое желаніе, Александръ Всемилостивѣйше поручилъ эту должность М. М. Сперанскому (тогда д. с. с., статсъ-секретарю и товарищу министра юстиціи). То былъ 17-й канцлеръ Абовскаго университета.

Согласно Государевой волѣ, университетъ частію въ собраніяхъ консисторіи, частію по факультетамъ приступилъ къ совѣщаніямъ о дѣлахъ своихъ. Не смотря на улучшенія, въ послѣднее время происшедшія въ устройствѣ его, онъ еще во многихъ отношеніяхъ терпѣлъ стѣснительныя неудобства. Главнымъ былъ недостатокъ денежныхъ средствъ и скудость окладовъ. При общей бѣдности финляндцевъ, множество студентовъ принуждено было оставлять университетъ и

[1]) Въ рѣчи, о которой будетъ упомянуто ниже.

[2]) Рѣчь Валленіуса Vota & Plausus &c.

урокамп внутри края снискивать себѣ пропитаніе. И изъ преподавателей многіе, вопреки своимъ склонностямъ, переходили на какое-нибудь другое поприще, чтобы только улучшить свое внѣшнее благосостояніе. Университетъ самъ чувствовалъ значительность пожертвованій, какихъ требовало удовлетвореніе всѣхъ нуждъ его; но если съ одной стороны онъ опасался употребить во зло великодушіе несравненнаго Монарха, то съ другой любовь къ наукѣ, ревность къ пользамъ отечества и довѣренность къ неограниченной благости Александра подали университету силу преодолѣть его робость. Перемѣны, предположенныя вслѣдствіе такихъ соображеній, въ концѣ года были представлены канцлеру.

Финляндскій генералъ-губернаторъ, графъ Штейнгейль, около этого времени призванный по дѣламъ въ С.-Петербургъ, возвратился оттуда съ радостною вѣстью, что Императоръ, утверждая всѣ предположенія университета, жалуетъ ему 20.000 р. сер. на окончаніе и распространеніе строящагося дома, съ обѣщаніемъ ежегоднаго вспомоществованія, пока зданіе не будетъ готово. Главныя статьи преобразованія состояли въ томъ, что университету прибавлено 6 новыхъ профессоровъ и 12 адъюнктовъ, назначены пенсіи двумъ заслуженнымъ профессорамъ, обезпечено положеніе вдовъ и сиротъ по смерти университетскихъ чиновниковъ, многимъ изъ сихъ послѣднихъ увеличены оклады, бѣднымъ студентамъ опредѣлены пособія; къ предметамъ ученія причислены главные европейскіе языки, между ними и русскій; даны средства къ приращенію учебныхъ хранилищъ; сверхъ того уничтожено постановленіе, запрещавшее молодымъ людямъ изъ Выборгской губерніи посѣщать Абовскій университетъ. Незабвенный указъ о сихъ перемѣнахъ подписанъ $^{10}/_{22}$ февраля 1811 года.

Такія благодѣянія превзошли всѣ надежды университета. Преисполненный благодарности, онъ съ Высочайшаго разрѣшенія отправляетъ въ С.-Петербургъ четырыхъ депутатовъ для изъявленія Монарху благоговѣйной признательности. Милостиво принятые Имъ, они испрашиваютъ дозволеніе выбить въ память толикихъ щедротъ большую медаль съ изображеніемъ Августѣйшаго Благотворителя. Съ Своей стороны, Онъ обѣщаетъ дѣлать все, что отъ Него будетъ зависѣть, для блага любезныхъ Ему Финляндіи и наукъ, прибавляя, что великія возлагаетъ надежды на Абовскій университетъ.

Медаль, вслѣдствіе этой аудіенціи выбитая, представляетъ съ одной стороны изображеніе Александра, а съ другой Музу, играющую на арфѣ надъ опрокинутою урной, изъ которой льется вода. Поодаль видишь налѣво скалу, направо новое зданіе университета, а въ серединѣ восходящее солнце. Наверху надпись: *Vetat mori* (запрещаетъ умереть), а внизу: *Academia Fennorum ad Auram novis incrementis aucta a.* MDCCCXI (Академія Финновъ на Aурѣ, обогащенная новыми приращеніями въ 1811 г.).

Сверхъ того, въ ознаменованіе столь важныхъ для сего учрежденія событій, въ немъ по старинному обычаю $^{15}/_{27}$ и $^{16}/_{28}$ іюня 1811 г. торжественно произнесено было нѣсколько рѣчей. Между ними всѣхъ обильнѣе содержаніемъ латинская рѣчь профессора философіи А. И. Лагуса [1]), доставившая намъ многіе факты для обозрѣнія нашего. Въ первый изъ упомянутыхъ дней университетомъ данъ былъ обѣдъ, на которомъ присутствовали главные чины всѣхъ вѣдомствъ и нѣкоторые изъ проѣзжихъ.

М. М. Сперанскій, котораго самое назначеніе въ должность канцлера было явнымъ знакомъ Монаршаго благоволенія къ университету, умѣлъ въ краткое время своего управленія сдѣлать имя свое незабвеннымъ и для Финляндіи. Преемникомъ его былъ графъ Г. М. Армфельтъ, который еще при Густавѣ III снискалъ въ томъ же званіи особенную довѣренность и признательность сего учрежденія. По смерти его, въ 1814 году, университетъ согласно съ Высочайшею волей приступилъ къ избранію новаго канцлера. Выборъ палъ на графа Н. П. Румянцова, этого знаменитаго ревнителя просвѣщенія, котораго имя уже принадлежало исторіи финляндской [2]) и который самъ состоялъ въ ученой перепискѣ съ университетомъ. Но графъ на письмо консисторіи по этому предмету отвѣчалъ проканцлеру, что, отказавшись уже отъ всякаго участія въ дѣлахъ государственныхъ, онъ не можетъ принять и предлагаемой ему должности. Этому обстоятельству университетъ обязанъ былъ новымъ, блистательнымъ событіемъ.

Университеты—Упсальскій съ 1747 года и Лундскій съ 1810 не разъ пользовались счастіемъ состоять подъ управленіемъ членовъ королевскаго дома. Имѣя сіе въ виду, Абовскій университетъ въ началѣ 1816 года осмѣлился повергнуть къ престолу всеподданнѣйшую просьбу, не удостоитъ ли великодушный Монархъ и его подобною милостію, даровавъ ему канцлера въ Особѣ Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Николая Павловича. Епископъ Тенгстремъ, отправившійся по этому случаю въ С.-Петербургъ, лично докладывалъ Императору о такомъ вѣрноподданническомъ желаніи, и Его Величество „въ доказательство особенной своей милости къ Абовскому университету“, какъ сказано въ рескриптѣ 25 марта (6 апрѣля) 1816 года на имя проканцлера и консисторіи, благоволилъ снизойти на упомянутую просьбу. Докладываніе университетскихъ дѣлъ Высокому Канцлеру возложено было на статсъ-секретаря финляндскихъ дѣлъ барона Ребиндера.

Въ собраніи канцлерскихъ рескриптовъ за 1816 г. находится

[1]) Умершаго въ 1831 г.

[2]) Его дѣдъ велъ переговоры по Абовскому миру въ 1743 году, а самъ Николай Петровичъ—по Фридрихсгамскому, въ 1809 г.

между прочимъ одинъ по-французски написанный актъ, который навсегда пребудетъ драгоцѣннымъ для университета. Вотъ онъ [1]) въ переводѣ.

„Милостивые Государи!

„Его Императорское Величество изволилъ ввѣрить Мнѣ должность канцлера Абовскаго университета. Чувствую, что симъ знакомъ Его благоволенія обязанъ Я только вашему единодушному и добровольному выбору, и поспѣшаю изъявить вамъ Мою признательность. Руководимый болѣе Моею любовію къ наукамъ, нежели убѣжденіемъ въ собственныхъ силахъ Моихъ, Я принимаю сію должность въ надеждѣ, что съ помощію вашихъ свѣдѣній буду содѣйствовать къ благоденствію университета, пользующагося въ ученомъ мірѣ столь справедливымъ уваженіемъ.

„Финляндія, счастливая подъ отеческою державою Государя Императора, счастливая своими постановленіями и успѣхами образованности, всегда будетъ наслаждаться процвѣтаніемъ наукъ и искусствъ доколѣ не оставитъ пути, которому понынѣ слѣдовала.

„Съ Моей стороны Мнѣ будетъ пріятно способствовать тому въ качествѣ представителя университета предъ Его Императорскимъ Величествомъ.

„Примите, Милостивые Государи, увѣреніе въ сихъ чувствованіяхъ, коими Я проникнутъ. Время и опытность еще укрѣпятъ ихъ, но не усилятъ того благорасположенія, какое Я всегда буду оказывать столь достопочтенному учрежденію.

„Пребываю,

Милостивые Государи!

къ вамъ доброжелательный

(на подлинномъ собственною Его Высочества рукою написано:)

„НИКОЛАЙ".

С.-Петербургъ,
31-го марта 1816 года.

[1]) Messieurs!

Sa Majesté l'Empereur vient de me confier les fonctions de Chancelier de l'Université d'Abo. Je sens que je ne suis redevable de cette preuve de Sa bienveillance qu'à votre choix unanime et spontané, et je m'empresse de vous en témoigner ma reconnaissance. Guidé plus par mon amour pour les sciences que par la conviction de mes propres forces, j'accepte cette place, espérant, à l'aide de vos lumières, de contribuer aux succès d'une Université à si juste titre distinguée dans le monde littéraire.

La Finlande, heureuse sous le gouvernement paternel de Sa Majesté l'Empereur, heureuse par sa constitution et par les progrès de la civilisation, verra toujours fleurir les sciences et les arts, en continuant de marcher sur le sentier qu'elle a suivi jusqu'ici.

De mon côté, je serai bien aise d'y concourir comme organe de l'Université auprès de Sa Majesté l'Empereur.

Agréez, Messieurs, les sentiments dont je suis pénétré et que le temps et l'expérience affermiront encore sans qu'ils puissent ajouter à l'attachement que je manifesterai toujours pour une Institution aussi respectable.

Je suis,

Messieurs,

Votre très-affectionné
(signé:) Nicolas.

à St.-Pétersbourg,
Ce 31 Mars 1816.

Еще прежде сей достопамятной для университета эпохи, именно 1815 году, его новое зданіе было уже совершенно готово. Здѣсь подъ однимъ кровомъ въ двухъ этажахъ устроено было достаточное помѣщеніе для всѣхъ принадлежностей университета. Внизу находились аудиторіи (числомъ 5) и большая часть покоевъ, назначенныхъ для храненія разныхъ учебныхъ пособій. Вверху — комнаты для занятій по университетскому управленію и остальныя хранилища, между прочимъ библіотека. Парадная зала, начинаясь снизу, подымалась во всю высоту зданія. На лицевой сторонѣ его была надпись: *Fennicis Musis munificentia Augustorum* (финскимъ Музамъ великодушіе Монарховъ), а на противоположной: *Primus lapis positus* MDCCCII, *Ultimus* MDCCCXV (первый камень положенъ 1802, послѣдній 1815 г.).

$^{18}|_{30}$ октября 1817 г. произошло освященіе этого дома. Самъ епископъ произнесъ при семъ торжественномъ случаѣ рѣчь на латинскомъ языкѣ. По окончаніи ея онъ простился съ университетомъ, ибо еще въ іюлѣ мѣсяцѣ, чувствуя упадокъ здоровья, испросилъ увольненіе отъ должности проканцлера.

Въ слѣдующіе дни съ $^{19}/_{31}$ октября по 23 октября (4 ноября) были въ Або торжества другого значенія: праздновался юбилей въ воспоминаніе Лютеровой реформаціи. Колокольный звонъ, пушечная пальба, пѣніе, рѣчи, процессіи и пиры сопровождали празднество. Въ университетѣ совершилась, между прочимъ, промоція нѣсколькихъ докторовъ. Тогда же объявлена была Монаршая воля, чтобы епископство Абовское впредь называлось архіепископствомъ. Іаковъ Тенгстремъ, какъ глава этой епархіи, возведенъ въ санъ архіепископа.

Сверхъ описаннаго зданія, университету вскорѣ дарована была еще обсерваторія, живописно построенная на возвышенной скалѣ (Wårdberg).

Такъ, по присоединеніи Финляндіи къ Россіи, обогащенный во всѣхъ отношеніяхъ университетъ этотъ началъ въ новыхъ стѣнахъ и жизнь въ полномъ смыслѣ новую. Въ теченіе 9 лѣтъ слишкомъ онъ подъ отеческимъ управленіемъ Его Высочества спокойно наслаждался плодами щедротъ Александра, и посреди постоянныхъ успѣховъ признательно благословлялъ имена своихъ державныхъ Покровителей. Неожиданная кончина обожаемаго Государя поразила музъ Ауры глубокою печалью; но могли ли слезы ихъ не осушиться, когда другой Августѣйшій Хранитель ихъ, воспріявъ Державу, назначилъ канцлеромъ Абовскаго университета Своего первороднаго Сына и Наслѣдника, Государя Великаго Князя Александра Николаевича?

Въ ознаменованіе своей радости о такомъ убѣдительномъ доказательствѣ Монаршей милости, университетъ 30 ноября (12 декабря) 1826 г. устроилъ по древнему обычаю особое торжество, на которомъ одинъ изъ профессоровъ въ произнесенной имъ рѣчи изъяснилъ всѣ

благоговѣйныя чувствованія и сладостныя надежды, университетъ преисполнявшія.

Но судьба, еще недовольная всѣми превратностями, какія онъ такъ долго испытывалъ, снова готовила ему внезапный, ужаснѣйшій ударъ. Городъ Або нѣсколько разъ уже страдалъ отъ огня. 23 августа (4 сентября) 1827 года, во вторникъ, въ 9 часовъ вечера, онъ опять загорѣлся. При сильной бурѣ, почти въ то же время поднявшейся, пожаръ распространялся съ быстротою и яростью необычайными. Вскорѣ весь городъ по обѣ стороны Ауры былъ объятъ пламенемъ. Страшное истребленіе продолжалось цѣлую среду и большую часть четверга: къ вечеру этого дня существовала едва $^1/_8$ часть Або.

Можетъ быть, никакой еще городъ, развѣ въ военное время при опустошеніи непріятелемъ, не терпѣлъ столь жестокаго пожара. Съ какою силой огонь свирѣпствовалъ въ Або, можно судить между прочимъ изъ того, что въ обсерваторіи, отдѣльно стоявшей по крайней мѣрѣ въ 50 саженяхъ отъ ближайшихъ строеній, всѣ окна перелопались; лоскутья бумаги и ассигнаціи вѣтеръ уносилъ верстъ за 40 отъ города; пламя было явственно видно въ мѣстахъ, лежавшихъ въ 70 и 80 верстахъ оттуда.

Всѣ публичныя зданія въ Або сгорѣли; общей участи не избѣгъ и университетъ. Сюда огонь ворвался уже въ первый день чрезъ окна библіотеки. Вся внутренность дома сдѣлалась его жертвою; въ пепелъ правратились всѣ богатыя хранилища учебныхъ пособій; уцѣлѣли однѣ стѣны, да отчасти нижнее жилье съ парадною залой.

Чтобы вполнѣ оцѣнить бѣдствіе, постигнувшее университетъ, надобно вспомнить, что почти всѣ лица, къ нему принадлежавшія — и чиновники, и студенты — остались безъ крова и имущества. Если прибавить, что у большей части изъ нихъ главную собственность составляли книги и собранія другихъ предметовъ, необходимыхъ для ученаго, то легко вообразить, какую страшную потерю наука понесла отъ этого неслыханнаго пожара.

Но всего чувствительнѣе было для нея уничтоженіе библіотеки, заключавшей въ себѣ до 40 т. томовъ, въ томъ числѣ много рѣдкихъ книгъ и, сверхъ того, драгоцѣнныя рукописи. Здѣсь, между прочимъ, невознаградимо погибли важные матеріалы для объясненія исторіи древняго сѣвера. Отъ всей Абовской библіотеки осталось едва 850 томовъ, наиболѣе книги, розданныя для чтенія.

Что касается до университетскаго архива, который къ счастію хранился подъ сводами, то главныя изъ бумагъ его были спасены; но и на нихъ лютый пожаръ успѣлъ наложить роковое клеймо свое: въ книгахъ, хранящихъ протоколы консисторіи и другіе акты до исхода 1827 г., края всѣхъ листовъ почернѣли отъ прикосновенія огня. Кажется, будто эти книги носятъ одежду траура по пенатамъ, бывшимъ свидѣтелями всего, о чемъ гласятъ уцѣлѣвшія страницы.

Такъ исчезло въ дымѣ и пеплѣ знаменитое учрежденіе, которое почти два вѣка было поприщемъ и столькихъ благородныхъ трудовъ, и столькихъ разнообразныхъ перемѣнъ судьбы.

Но сколько горестны размышленія при видѣ этихъ развалинъ, столь же радостно зрѣлище, призывающее вниманіе наше на другіе берега. Солнце, на западѣ скрывающееся въ пожарномъ пламени и грустно провожаемое взоромъ, завтра въ новомъ сіяніи возродится на востокѣ. Но прежде, нежели удалимся отъ обгорѣлаго остова Аураической академіи, бросимъ взглядъ на главныя явленія духовной жизни ея во все время ея существованія.

Глава V.

Абовская ученость.

„Скрытъ отъ міра,
Чуждъ его суетъ,
Воспитатель въ лонѣ мира
Свой лелѣетъ цвѣтъ.

Не алкаетъ
Онъ наградъ земли,
И въ сердца людей влагаетъ
Сѣмена свои“.

Рунебергъ.

„Процвѣтающая на Аурѣ добрыхъ письменъ мастерская отъ самой колыбели своей знаменита была множествомъ ученыхъ, вовѣкъ славныхъ и умомъ, и многосторонними свѣдѣніями, и честью отличнаго исполненія должностей; ихъ добродѣтелей и заслугъ не забудетъ позднее потомство“.

Еписк. Іаковъ Тенгстремъ въ надгробномъ словѣ Портану.

При основаніи Абовскаго университета всѣ науки въ Европѣ были подчинены *Богословію.* Единственною цѣлью ихъ была чистота религіи, какъ ее тогда понимали; всякое ученіе должно было исходить изъ духовнаго званія и къ его потребностямъ примѣнялось. Въ Або богословскій факультетъ не только имѣлъ рѣшительное первенство, но и нѣкоторый надзоръ надъ прочими, и здѣшній университетъ, по примѣру германскихъ, представилъ въ первыя 10 лѣтъ своего существованія длинный рядъ богословскихъ преній.

Реформація, сначала устремившая умы къ изслѣдованію, вскорѣ утратила на время свое благотворное дѣйствіе. Самобытное мышленіе было совершенно подавлено авторитетомъ общепринятыхъ, старинныхъ положеній и стѣснено оковами пустыхъ формъ или затвержен-

ныхъ фразъ, которыхъ никто не считалъ нужнымъ повѣрять своимъ собственнымъ сужденіемъ. Таковъ былъ вообще первоначальный духъ ученія при Абовскомъ университетѣ. Новыхъ мыслей боялись, какъ чумы: въ 1642 г. профессоръ Вексіоніусъ напомнилъ въ протоколѣ консисторіи, „что всякій профессоръ долженъ наипаче остерегаться, чтобы не предложить чего-либо новаго на тотъ конецъ, дабы показаться выше или лучше другихъ, отъ чего безъ сомнѣнія можетъ произойти неудовольствіе и раздоръ". Дѣйствительно, не разъ случалось, что какое-нибудь выраженіе въ диссертаціи давало профессорамъ поводъ къ обвиненію сочинителя: тогда въ консисторіи начинались безконечные споры о томъ, принадлежитъ ли такая-то мысль къ здравой философіи, т. е. находится ли она у древнихъ писателей, или заимствована изъ „философіи новой". Вообще, какъ въ нравахъ и обычаяхъ, такъ и во всемъ люди тогда были особенно привержены къ старинѣ. Духъ этотъ господствовалъ долго. Вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ тому: „Когда (около времени Гецеліуса младшаго) открылась ваканція на каѳедру правъ", разсказываетъ профессоръ И. Я. Тенгстремъ, „то консисторія просила канцлера не назначать на это мѣсто кого-нибудь со стороны, чтобы онъ новыми мнѣніями не сбилъ студентовъ съ толку и не нарушилъ счастливаго согласія въ философіи, а назначить кого-нибудь такого, кто при Абовскомъ университетѣ напитался здравыми началами". Поводомъ къ изъявленію этого желанія было то, что на открывшуюся ваканцію канцлеръ предложилъ Сведеруса, учившагося въ Швеціи и другихъ земляхъ. Однакожъ просьба консисторіи не была уважена, и Сведерусъ въ 1686 году опредѣленъ профессоромъ правъ въ Абовскій университетъ. Онъ послѣ вполнѣ оправдалъ свое назначеніе.

Преподаваніе и всѣ пренія происходили на *латинскомъ языкѣ*, но онъ считался только средствомъ; его ученіе состояло единственно въ усвоеніи словъ и выраженій для пріобрѣтенія легкости въ практическомъ употребленіи языка. До самаго же духа римскихъ писателей мало было дѣла, и очень немногіе изъ нихъ объяснялись при университетѣ. Что касается до *языка греческаго*, то ему учились только для чтенія Новаго Завѣта, который и былъ долгое время единственною книгой, объяснявшеюся при преподаваніи этого языка. Вообще заниматься словесностію древнихъ считалось даже постыднымъ, и посвятившихъ себя этой части презрительно называли *verbales* (словесниками); впрочемъ, по тогдашнему направленію ихъ занятій, такое презрѣніе было справедливо. Чтобы поднять себя въ общемъ мнѣніи, профессоры языковъ и краснорѣчія, съ позволенія консисторіи, часто издавали не одни упражненія въ слогѣ (exercitia stili), но и диссертаціи по всѣмъ вѣтвямъ философіи.

Не лучше шла въ самомъ началѣ и *медицина*. „При учрежденіи

университета", говоритъ И. Я. Тенгстремъ, „во всей Финляндіи не было ни одного ученаго медика. Былъ въ Або только городской лѣкарь, по имени Стокадо (Stochado), котораго начальство и предложило опредѣлить въ университетъ экстраординарнымъ профессоромъ; но консисторія отвѣчала, что не смѣетъ представлять объ увеличеніи штата. Въ продолженіе цѣлаго столѣтія каѳедра медицины ни разу не могла быть замѣщена природнымъ финляндцемъ. Долго не было и аптеки". По этому обстоятельству профессоръ Туроніусъ, авторъ двухъ замѣчательныхъ для его времени философическихъ сочиненій, въ 1665 г. долженъ былъ отправиться для лѣченія въ Ревель (онъ на другой же день послѣ отплытія умеръ на кораблѣ). Однакожъ ученіе медицины скоро поднялось: уже второй профессоръ по этой части, Тилландцъ, оказалъ ей важныя услуги: въ 1686 г. онъ въ большой аудиторіи показалъ разъятіе человѣческаго трупа, тогда какъ до него такіе опыты дѣлались только надъ животными. По этому чрезвычайному случаю тогдашній ректоръ Свеноніусъ издалъ особую печатную программу, въ которой объявилъ между прочимъ, что на основаніи устава всякій, кромѣ профессоровъ вообще и студентовъ медицины, долженъ при входѣ въ залу платить за каждое трупоразъятіе по маркѣ серебра для покрытія издержекъ. Тилландцъ же учредилъ лабораторію, гдѣ самъ приготовлялъ лѣкарства. Онъ въ юности довершилъ свое образованіе въ Лейденскомъ университетѣ (въ Голландіи). Замѣчательно, что всѣ, которые послѣ него въ теченіе ста лѣтъ занимали въ Або каѳедру медицины, также учились въ Лейденѣ. Тамъ въ то время медицина и вообще естественныя науки привлекали множество студентовъ. Это обстоятельство имѣло весьма важное вліяніе на ходъ просвѣщенія въ Абовскомъ университетѣ: медики изъ Лейдена приносили сюда любовь къ физикѣ и къ ботаникѣ и, продолжая ревностно заниматься этими науками, чрезвычайно возвысили здѣсь ихъ ученіе; а оно въ свою очередь произвело благодѣтельнѣйшую перемѣну въ общемъ направленіи наукъ. Отвративъ умъ отъ пустыхъ отвлеченностей и безсмысленныхъ формъ, оно открыло ему богатый міръ природы и дѣйствительности, пробудило его къ изслѣдованіямъ и практическимъ наблюденіямъ. Наука, соединившись съ жизнью, сама проникнулась духомъ ея. Полное развитіе сего направленія относится особенно къ серединѣ 18-го столѣтія, почему это время можно почесть началомъ второго періода въ исторіи внутренней жизни Абовскаго университета.

Такой счастливой перемѣнѣ много содѣйствовали, какъ можно было видѣть въ другомъ мѣстѣ, и внѣшнія обстоятельства, принявшія около той же поры совершенно новый оборотъ. Впрочемъ еще до перваго разстройства университета отъ войны самый духъ времени началъ пробуждать въ умахъ потребность новой дѣятельности, и въ Або

чаще прежняго стали являться замѣчательные профессоры [1]). Но со второй половины 18-го столѣтія началась истинно блестящая эпоха тамошней учености, и не одинъ изъ тогдашнихъ подвижниковъ университета снискалъ себѣ даже далеко за предѣлами Финляндіи славу, которая отразилась и на самое это учрежденіе. Достойно вниманія, что какъ прежде Абовскіе епископы первенствовали въ ученіи богословія, такъ теперь, когда оно съ потерею своего вліянія упало, они же явились главными естествоиспытателями. Таковы были два послѣдовавшіе другъ за другомъ проканцлера: Броваллiусъ (ум. 1755) и Меннандеръ (ум. 1786), которые положили основаніе музею естественной исторіи при университетѣ [2]).

Послѣ нихъ, отличнѣе всѣхъ на томъ же поприщѣ былъ профессоръ экономіи Кальмъ (ум. 1779). Объѣздивъ большую часть земель европейскаго сѣвера, онъ на счетъ правительства отправленъ былъ въ Сѣверную Америку для изслѣдованія тамошнихъ растеній и, по возвращеніи въ Финляндію, посадилъ нѣкоторыя изъ нихъ въ ботаническомъ саду, незадолго предъ тѣмъ учрежденномъ въ Або. Впослѣдствіи Кальму предлагаема была должность профессора ботаники при с.-петебургской Академіи наукъ. Его главное сочиненіе есть описаніе путешествія его по Америкѣ. Франклинъ, съ которымъ онъ переписывался, напечаталъ по-англійски его письма о Ніагарѣ, переведенныя потомъ и на другіе языки. Главная заслуга Кальма состоитъ въ томъ, что онъ тѣсно связалъ науку съ житейскими потребностями и значительно расширилъ ея кругъ дѣйствія употребленіемъ общественнаго языка въ ученыхъ трудахъ. Подобно Кальму, еще одинъ современный ему преподаватель Абовскаго университета былъ призываемъ с.-петербургскою Академіею наукъ [3]), именно Лексèль (ум. 1784), обя-

[1]) Однакожъ и между прежними профессорами Абовскаго университета были люди съ отличными дарованіями. Въ самое первое время украшеніемъ его служили: Вексіоніусъ (въ дворянствѣ Гилленстольпе), извѣстный разными учеными трудами, изъ которыхъ замѣчательнѣйшій по части исторіи есть: *Описаніе Швеціи* (Descriptio Sveciæ); Чекслерусъ (Kexlerus), профессоръ математики, и Шернгекъ (Stjernhöök, до возведенія въ дворянство Dalekarlus), профессоръ правовѣдѣнія: оба также авторы важныхъ въ свое время сочиненій. Ротовіусъ (1-й проканцлеръ) и Петреусъ (1-й ректоръ университета) уже знакомы намъ. Другого рода извѣстность пріобрѣлъ ихъ сослуживецъ Стодіусъ, профессоръ греческаго и еврейскаго языковъ: онъ, по примѣру многихъ современныхъ ученыхъ, занимался каббалистикою и астрологіей, но не нашелъ участія между остальными профессорами, а напротивъ сдѣлался предметомъ общаго нареканія.

[2]) Броваллiусъ былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ въ то время шведскихъ писателей, однимъ изъ тѣхъ, которые подали примѣръ письменнаго *(литературнаго)* употребленія шведскаго языка. Въ ученомъ отношеніи особенно важны труды его по части естественной исторіи. Меннандеръ, учившійся въ Упсалѣ и тамъ нашедшій друга въ Линнеѣ, впослѣдствіи прилежно собиралъ какъ рѣдкости природы, такъ и матеріалы къ изслѣдованію древностей финскихъ.

[3]) По такому же обстоятельству замѣчателенъ для насъ послѣдователь Кальма при университетѣ, ботаникъ и химикъ Гаддъ (ум. 1797), котораго та же академія

занный тѣмъ извѣстности, какую пріобрѣлъ своими математическими сочиненіями. Онъ принялъ приглашеніе и былъ въ академіи сперва обсерваторомъ, а потомъ профессоромъ астрономіи.

Почти во всѣ эпохи существованія Абовскаго университета встрѣчается въ лѣтописяхъ его имя Гартманъ (Haartman, Hartman). Мы упомянемъ о трехъ мужахъ этого имени.

Іоаннъ Гартманъ (Haartman, ум. 1787), профессоръ медицины, незабвенъ по значительнымъ денежнымъ пожертвованіямъ, которыя вмѣстѣ съ другомъ своимъ, ассесоромъ (послѣ горнымъ совѣтникомъ) Гисингеромъ принесъ университету для разныхъ новыхъ учрежденій по части медицинскихъ наукъ. Изданный имъ *Лѣчебникъ* (Läkarebok) до сихъ поръ еще много употребляется.

Гавріилъ Израиль Гартманъ (Hartman, ум. 1809), сочинитель двухъ извѣстныхъ и пользующихся всеобщимъ уваженіемъ учебныхъ книгъ по предмету философіи и географіи [1]). Въ философіи не хотѣлъ онъ знать никакихъ предшественниковъ и отъ всякаго требовалъ особой, самобытной системы, чему самъ подавалъ примѣръ. Такое воззрѣніе было полезно по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, что обратило умы къ сущности философіи. Ея ученіе возвысилъ онъ не только своимъ сочиненіемъ, но и занимательнымъ преподаваніемъ. Вообще онъ имѣлъ вліяніе на усовершенствованіе методы преподаванія въ наукахъ, еще не совсѣмъ освободившагося отъ ига схоластики.

Гавріилъ Эрикъ Гартманъ (von Haartman, ум. 1815), профессоръ медицины, ректоръ университета во время присоединенія Финляндіи къ Россіи, достигъ высокой степени значенія въ обществѣ множествомъ пріобрѣтенныхъ имъ не только ученыхъ, но и гражданскихъ отличій. Наконецъ въ 1811 году былъ онъ возведенъ въ дворянство, а вскорѣ затѣмъ назначенъ членомъ Правительствующаго Совѣта Великаго Княжества Финляндскаго и произведенъ въ статскіе совѣтники. При немъ разцвѣла для университета и для всей Финляндіи совершенно новая эпоха медицины, чему самъ онъ содѣйствовалъ участіемъ во всеподданнѣйшемъ проектѣ штата, изданнаго въ 1811 году и устранившаго всѣ препятствія, которыя такъ долго останавливали успѣхи медицинскихъ наукъ въ Або.

Между мужами, въ разное время сообщавшими блескъ тамошнему университету, никто въ лѣтописяхъ науки такъ не прославилъ своего имени, какъ Калоніусъ и Портанъ, жившіе въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго вѣка.

Калоніусъ (Calonius), профессоръ правовѣдѣнія, принадлежалъ къ

наукъ дважды (1765 и 1767) приглашала въ свое сословіе, предлагая ему мѣсто сперва Лемана, а потомъ Ломоносова.

[1]) Одна носитъ заглавіе: Kunskapslära (наука знанія), а другая: Lärobok i allmänna geographin (учебная книга всеобщей географіи).

небольшому числу ученыхъ, которымъ благопріятныя обстоятельства позволяютъ достигнуть высшей точки развитія духа въ соединеніи кабинетной дѣятельности съ практическою. У Калоніуса наука и жизнь, теорія и опытность были въ самой тѣсной взаимной связи. Ему и прежде и послѣ присоединенія Финляндіи къ Россіи были поручаемы важныя гражданскія должности; напослѣдокъ, въ 1809 г., былъ онъ назначенъ прокуроромъ Правительствующаго Совѣта Великаго Княжества Финляндскаго. Ученая слава его началась историческимъ разсужденіемъ, при защищеніи котораго, съ разрѣшенія канцлера, допущено было отступленіе отъ обыкновеннаго порядка. Вскорѣ послѣ того Калоніусъ сталъ доцентомъ при университетѣ, но мѣсто профессора правъ досталось ему не прежде 1778 года. Занимая эту каѳедру около 40 лѣтъ, онъ почти до конца одинъ составлялъ весь юридическій факультетъ и своимъ искуснымъ руководствомъ образовалъ множество отличныхъ чиновниковъ, нынѣ съ честію служащихъ своему отечеству. До него гражданское поприще въ Финляндіи ощущало большой недостатокъ въ свѣдущихъ и опытныхъ людяхъ. Въ Калоніусѣ огромный запасъ свѣдѣній былъ оживленъ мыслью сильною, глубокою, а иногда и насмѣшливою: лекціи его не разъ поражали колкими выходками современныя заблужденія. Онъ оставилъ много сочиненій, которыя по большей части относятся къ правовѣдѣнію и написаны по-латыни. Коротко знакомый съ литературою древнихъ Калоніусъ обладалъ необыкновеннымъ искусствомъ въ употребленіи латинскаго языка и всѣ литературные труды свои обработывалъ съ удивительнымъ тщаніемъ, сообщая имъ художественную отдѣлку. О томъ свидѣтельствуютъ даже его ректорскія программы (онъ 3 раза былъ ректоромъ). Сочиненія его высоко цѣнятся и внѣ Финляндіи, особливо въ Швеціи, гдѣ и появилось недавно полное собраніе ихъ. Калоніусъ достигъ глубокой старости; хворый въ послѣдніе годы жизни, онъ умеръ 1817 года въ отставкѣ, въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Императоръ Александръ пожаловалъ 2.000 р. въ дополненіе суммы, собранной по подпискѣ на сооруженіе близъ Або гранитнаго памятника надъ могилою Калоніуса.

Портàнъ (Porthan) былъ профессоромъ краснорѣчія. Глубокостью души, благородствомъ и важностью характера, основнымъ духомъ своего образованія онъ имѣлъ много сходства съ Калоніусомъ: и въ литературныхъ трудахъ и въ жизни обоихъ видно сильное вліяніе древнихъ, которыхъ они такъ основательно изучили и съ которыми чувствовали душевное родство. Оба жили для одной науки и умерли холостыми. Наконецъ у нихъ были отчасти, какъ увидимъ, и слабости общія.

Но въ ученой дѣятельности Портана была рѣдкая многосторонность; до него никто при Абовскомъ университетѣ не слѣдовалъ

столь разнообразнымъ направленіямъ, никто не имѣлъ такого обширнаго, сильнаго вліянія на всю литературную жизнь университета.

Главною и самою любимою частью Портана была исторія. До его времени, изъ всѣхъ финляндскихъ ученыхъ одинъ только討討

Вексіоніусъ, авторъ *Описанія Швеціи*, стоитъ упоминанія по этому предмету. Самое направленіе вѣка содѣйствовало къ тому, что Портанъ съ любовью обратился къ исторіи, которая впрочемъ составляла истинное его призваніе. Онъ обработывалъ нѣкоторыя части ея критически, съ глубокомысліемъ, но конечно не могъ въ своихъ изслѣдованіяхъ избѣгнуть недостатковъ вѣка.

Пламенно любя отечество, Портанъ съ особеннымъ усердіемъ занимался исторіею *Финляндіи* и успѣлъ изысканіями неутомимыми разлить много свѣта на финскія древности, до него почти вовсе не тронутыя, и вообще на старину всего сѣвера. Главнымъ его предшественникомъ въ первомъ отношеніи былъ уже извѣстный намъ проканцлеръ Меннандеръ: подобно ему, и Портанъ ревностно собиралъ матеріалы для своихъ изслѣдованій. Почти всѣ источники, какими онъ въ занятіяхъ своихъ пользовался, были имъ самимъ пріобрѣтены; на это онъ не жалѣлъ ни трудовъ, ни издержекъ, склоняя еще и другихъ къ подобнымъ пожертвованіямъ.

Не одна *исторія* отечества, но и вообще все, что относилось къ изученію его, обращало на себя вниманіе Портана. Онъ оказалъ языку и литературѣ финновъ услуги незабвенныя. И въ этомъ отношеніи очень мало еще было сдѣлано. Портанъ, углубившись въ изслѣдованіе языка, приготовилъ развитіе законовъ его. Сверхъ того онъ первый показалъ, до какой степени финскія народныя пѣсни богаты поэзіей и такимъ образомъ открылъ то поприще, на которомъ нынѣ съ честью подвизается Ленротъ. Любопытно замѣчаніе профессора Тенгстрема, что въ Портанѣ вниманіе къ отечественной національной поэзіи пробудилось почти въ то же время, какъ подобное же стремленіе обнаружилось въ Англіи и въ Германіи. Кромѣ пѣсенъ Портанъ собралъ множество пословицъ финскихъ [1]).

Въ качествѣ профессора краснорѣчія, Портанъ принесъ неоцѣненную пользу филологіи вообще, особливо ученію латинскаго языка при университетѣ. Мы видѣли, въ какомъ нецвѣтущемъ состояніи оно здѣсь находилось въ прежнее время. Правда, еще въ первую четверть 18-го столѣтія начало оно подниматься, а потомъ, благодаря профессору Гасселю, приняло еще лучшее направленіе; но собственно только при Портанѣ, преемникѣ Гасселя, произошло окончательное возвышеніе этой части. Съ преподаваніемъ латинскаго языка соединилъ онъ чтеніе

[1]) Собираніе пословицъ было продолжаемо послѣ Портана; нынѣ ихъ записано до 7.000.

многихъ писателей, прежде не читавшихся въ университетѣ, римскую археологію и вообще разностороннее знаніе древнихъ. Въ самомъ употребленіи языка римлянъ произвелъ онъ вмѣстѣ съ Калоніусомъ важную перемѣну, и въ слогѣ своемъ достигъ изящности необыкновенной.

Преподаваніе Портана было увлекательно; ни у кого въ Абовскомъ университетѣ не было столь многочисленнаго собранія слушателей, какъ у него; лекціи его были приноровлены къ понятіямъ всякаго, живы и разнообразны. При многообъятности своей Портанъ читалъ частныя лекціи и по предметамъ чужихъ каѳедръ, особливо по философіи, въ которой слѣдовалъ направленію практическому, возставая противъ системъ и запутаннаго способа изложенія современныхъ философовъ.

Съ званіемъ профессора Портанъ соединялъ и должность библіотекаря. Библіотека Абовскаго университета, при основаніи его, состояла только изъ 21-го тома и двухъ небольшихъ глобусовъ, наслѣдованныхъ имъ отъ бывшей гимназіи. Долго единственнымъ источникомъ приращенія этой библіотеки были частныя даянія. Первое значительное приношеніе получила она въ 1646 г. отъ вдовы шведскаго генерала Торстана Стольгандске (Torsthanus Stålhandske). Во время тридцатилѣтней войны онъ въ какомъ-то германскомъ или вѣроятнѣе датскомъ монастырѣ взялъ между прочимъ до 890 книгъ разнаго рода, особливо по части богословія, и назначилъ ихъ въ даръ Абовскому университету. Вотъ что послужило главнымъ основаніемъ здѣшней библіотеки. Послѣ того было и много другихъ пожертвованій въ пользу ея, но по большой части незначительныхъ. Особаго упоминанія стóятъ 87 томовъ, которые графъ Браге выпросилъ у королевы Христины и въ 1648 г. самъ привезъ въ Або.

Сперва эта библіотека, — когда ей стало уже тѣсно въ ящикахъ или сундукахъ, — перенесена была въ такъ называвшуюся нѣмецкую церковь (послѣ превращенную въ фехтовальную залу); но потомъ здѣшнее помѣщеніе, особливо по сыросты и ветхости зданія, оказалось неудобнымъ, и университетъ уже готовился замѣнить его другимъ, какъ вдругъ въ 1738 г. назначенный на то домъ прежней колокольной литейни истребленъ былъ молніей. Тогда въ первый разъ построенъ былъ особый домъ для библіотеки Абовскаго университета; комнаты ея украсились портретами графа Браге, всѣхъ прежнихъ проканцлеровъ и нѣкоторыхъ профессоровъ. Во время войнъ 1713 и 1742 г. библіотека вмѣстѣ съ прочимъ достояніемъ университета перевозима была въ Стокгольмъ. Въ первую изъ этихъ эпохъ она цѣлыхъ семь лѣтъ пролежала въ сыромъ подвалѣ тамошней ратуши. Должность библіотекаря была учреждена въ 1650 году. Портанъ вступилъ въ нее съ 1772. И здѣсь онъ обезсмертилъ себя въ лѣтописяхъ университета, неутомимо трудясь надъ устройствомъ би-

бліотеки и содѣйствуя къ ея умноженію. Хотя въ размѣщеніи книгъ заведенъ имъ порядокъ довольно странный (онъ располагалъ ихъ по величинѣ безъ отношенія къ содержанію); но въ то время, при маломъ числѣ книгъ, этотъ способъ могъ быть удобенъ. Портанъ находилъ, что всякій другой порядокъ болѣе или менѣе произволенъ. Необходимые при этомъ алфавитные каталоги начаты имъ же. Онъ написалъ по-латыни подробную исторію Абовской библіотеки. Неумѣренно усердныя занятія въ холодномъ домѣ сдѣлались для него гибельными. Въ 1804 г. подвергся онъ простудѣ, отъ которой и умеръ, проживъ 65 лѣтъ слишкомъ.

Дѣятельность Портана распространялась и на улучшеніе внѣшняго благосостоянія университета, особливо его экономическаго управленія, которое до тѣхъ поръ всегда было дурно. Въ его время составленъ былъ планъ новаго университетскаго зданія взамѣнъ обветшавшаго. Онъ не мало содѣйствовалъ къ успѣху проекта, и принялъ участіе въ распоряженіяхъ по приготовительнымъ работамъ. Сверхъ того онъ непосредственно умножилъ пособія университета, завѣщавъ ему часть своего имущества, въ которомъ всего дороже было богатое собраніе книгъ.

Самъ неутомимый въ трудахъ, Портанъ охотно помогалъ и другимъ въ ихъ занятіяхъ то совѣтами, то свѣдѣніями; молодые люди находили въ немъ всегда усерднаго руководителя. Хотя характеръ его былъ важенъ и даже нѣсколько суровъ, что̀ выражалось и въ наружности его, особливо когда онъ задумывался, — однакожъ онъ, какъ и строгій Калоніусъ, умѣлъ быть веселъ и любезенъ въ обществѣ. Его упрекаютъ только въ нѣкоторой нетерпимости относительно мнѣній: упорно защищая свои собственныя начала, онъ не любилъ противорѣчія и иногда съ ожесточеніемъ возставалъ противъ чужихъ системъ. Но этотъ недостатокъ, который отчасти принадлежалъ и Калоніусу, не мѣшалъ однакожъ и современникамъ видѣть высокое достоинство Портана. Смерть его пробудила во всѣхъ финляндцахъ живѣйшее сожалѣніе, и при университетѣ совершено было въ его память особое торжество, ознаменованное надгробнымъ словомъ архіепископа Тенгстрема. Отовсюду начали стекаться пожертвованія для сооруженія необыкновенному мужу какого-нибудь памятника, и въ новой залѣ библіотеки, одного изъ любимыхъ предметовъ его заботливости, явился мраморный бюстъ Портана. И послѣ не разъ повторялись знаки общаго уваженія къ его имени. Въ 1831 году Финское литературное общество основалось въ день его смерти, 16 марта, и каждый годъ поминаетъ день этотъ особымъ собраніемъ. Въ прошедшемъ году шведская академія, ежегодно выбивающая медаль въ честь какого-нибудь заслуженнаго литератора, остановила свой выборъ на Портанѣ, и по этому случаю ожидается отъ Гернесандскаго епископа, Францѐна, какъ секретаря академіи, жизнеописаніе Портана.

Мужъ, почтившій память его достойною рѣчью, архіепископъ Іаковъ Тенгстремъ самъ не умретъ въ памяти своихъ соотечественниковъ. Бывъ епископомъ Абовскимъ и проканцлеромъ университета въ 1809 году, онъ по необыкновеннымъ заслугамъ своимъ удостоился особенной довѣренности Императора Александра, выразившейся множествомъ почетныхъ отличій и порученій. Іаковъ Тенгстремъ началъ свое поприще литературными занятіями, къ которымъ Портанъ особенно поощрялъ его. Плодомъ ихъ было большое число стихотвореній, часто отличающихся игривымъ остроуміемъ, и мелкихъ сочиненій въ прозѣ, относящихся преимущественно къ исторіи. Тенгстремъ обладалъ счастливымъ даромъ слова, который являлся самымъ блестящимъ образомъ, когда онъ предъ многочисленнымъ собраніемъ читалъ свои прекрасныя рѣчи. Въ 1817 г. онъ, по собственному желанію, уволенъ былъ отъ должности проканцлера [1]) и въ томъ же году возведенъ въ санъ архіепископа. Онъ умеръ въ 1832 г. Въ лѣтописяхъ университета онъ уже и потому былъ бы незабвенъ, что въ его управленіе излились изъ длани Александра тѣ щедроты, которыми начинается новая эпоха въ исторіи финляндскихъ музъ.

Мы назвали всѣхъ наиболѣе важныхъ представителей ученой жизни Абовскаго университета. Кромѣ ихъ, онъ могъ бы съ гордостію указать на большое число другихъ, которые для него столь же незабвенны своею полезною, хотя менѣе обширною, менѣе замѣтною дѣятельностію. При горестныхъ обстоятельствахъ, такъ долго стѣснявшихъ Абовскій университетъ, надобно по истинѣ удивляться успѣху, съ какимъ многіе изъ ученыхъ его и въ самое тяжелое время проходили свое поприще. Но мы принуждены были ограничиться исчисленіемъ однихъ первостепенныхъ дѣятелей. Того же правила будемъ держаться и въ слѣдующей главѣ.

Глава VI.

Поэзія на Аурѣ.

„Рѣка Аура протекаетъ по серединѣ города и раздѣляетъ его на двѣ части“.

Даніилъ Юсленіусъ.

„Съ сего времени возникла въ университетѣ та поэтическая литература, которая послѣ сохранялась при немъ почти безпрерывно“.

И. Я. Тенгстремъ.

Духъ времени, въ которое возникъ Абовскій университетъ, не благопріятствовалъ поэзіи, и въ преподаваніи она здѣсь первоначально сое-

[1]) Она съ тѣхъ поръ переименована въ должность вице-канцлера и поручается лицу гражданскаго, а не духовнаго вѣдомства, каждый разъ по Высочайшему назначенію.

динена была съ *логикою*. Вскорѣ однакожъ, въ 1654 году, по представленію графа Браге, учредилась въ Або особая каѳедра поэзіи. Первымъ профессоромъ по этой части назначенъ былъ, вслѣдствіе ходатайства государственнаго канцлера Оксенштерны, бывшій его библіотекарь Юстандеръ. Это назначеніе очень не понравилось консисторіи: Юстандеръ былъ происхожденія сомнительнаго, и ей казалось, что оно послужитъ къ стыду университета. Къ тому же по вновь учрежденной каѳедрѣ не было опредѣлено особаго жалованья, и всѣ опасались, что содержаніе новаго профессора будетъ производиться изъ прежнихъ средствъ, къ ущербу его сослуживцевъ. Однакожъ, къ общему утѣшенію, Юстандеръ нѣсколько лѣтъ оставался вовсе безъ жалованья.

Одинъ изъ современниковъ его въ Або, профессоръ краснорѣчія Ахреліусъ усердно кропалъ стихи; но, хотя отличался разными заслугами, въ этомъ отношеніи не стоилъ бы упоминанія, еслибъ не составлялъ достойнаго *pendant* другому пресловутому профессору элокwenціи, нашему Тредьяковскому.

Первымъ финляндскимъ поэтомъ, заслуживающимъ вниманія, былъ Лильенстетъ (Lillienstedt, ум. 1732), который, вышедши изъ бѣдной хижины въ западной Финляндіи, достигъ графскаго достоинства и высшихъ государственныхъ почестей при тронѣ Карла XI и Карла XII. Сдѣлавшись извѣстенъ своими произведеніями, онъ, безъ собственнаго своего вѣдома, былъ назначенъ графомъ Браге въ адъюнкты при Абовскомъ университетѣ; однакожъ получилъ позволеніе остаться въ Швеціи, гдѣ и открылось для него болѣе блистательное поприще. Не касаясь его гражданскихъ дѣлъ [1]), замѣтимъ только въ отношеніи къ его стихотворческой дѣятельности, что уже имъ начинается тотъ рядъ финляндскихъ поэтовъ, который въ шведской литературѣ составляетъ какъ-бы особую группу: всѣ они отличаются неподдѣльною любовью къ природѣ, нѣжнымъ и тихимъ, но глубокимъ чувствомъ, спокойною, благочестивою созерцательностію и какимъ-то непорочнымъ самодовольствіемъ. Идиллическій родъ преобладаетъ у всѣхъ этихъ поэтовъ; стихи ихъ просты, но изящны и ознаменованы, такъ сказать, прозрачною ясностью.

Графъ Крейцъ (ум. 1785 г.), принадлежавшій Абовскому университету сперва какъ студентъ, а впослѣдствіи какъ канцлеръ, стихотвореніями своими возвѣстилъ счастливѣйшую эпоху шведской поэзіи,

[1]) Онъ былъ, между прочимъ, первымъ полномочнымъ при заключеніи въ 1721 году Ништадскаго мира. Отъ этого обстоятельства пострадала въ Швеціи добрая слава его. Разсказываютъ, что Густавъ III, посѣтивъ однажды университетъ и увидѣвъ тамъ въ библіотекѣ портретъ Лильенстета, замѣтилъ, что эту картину надобно бы оборотить къ стѣнѣ. Послѣ того она, до переведенія университета въ новое зданіе, была спрятана въ прежнемъ, обыкновенно запертомъ помѣщеніи библіотеки. Все однакожъ ведетъ къ заключенію, что имя Лильенстета запятнано клеветою.

которая въ его время питалась только французскими образцами. Хотя и онъ подражалъ имъ, однакожъ множествомъ истинно-поэтическихъ красотъ умѣлъ придать стихамъ своимъ цвѣтъ самобытный. Какъ Лильенстетъ, и графъ Крейцъ достигъ въ Швеціи высшихъ государственныхъ должностей. Въ качествѣ посла онъ въ Мадритѣ и въ Парижѣ удивлялъ блестящій литературный кругъ своимъ умомъ, знаніями и любезностью. Первые французскіе писатели того времени, Вольтеръ, Мармонтель, въ письмахъ своихъ не разъ превозносятъ его. Въ царствованіе Густава III онъ былъ въ числѣ тѣхъ, которыхъ король за литературные таланты ихъ наиболѣе приближалъ къ себѣ. Бывъ съ 1783 г. канцлеромъ университета, Крейцъ произвелъ важныя улучшенія во внутреннемъ его устройствѣ. Вообще онъ былъ равно возвышенъ, какъ человѣкъ, какъ гражданинъ и какъ поэтъ; съ обширною ученостію соединялъ онъ однакожъ необыкновенную разсѣянность, давшую поводъ ко многимъ забавнымъ анекдотамъ. Крейцъ воспѣтъ Францѐномъ въ особомъ, большомъ стихотвореніи, доставившемъ автору премію отъ шведской академіи.

Въ концѣ прошедшаго вѣка расцвѣла на берегахъ Ауры поэзія, которой главные представители образовались подъ вліяніемъ ободрявшаго ихъ Портана: онъ въ 1771 году началъ издавать газету, и въ ней-то появились первые труды ихъ, впослѣдствіи прославившіе имя Ауры въ шведской поэзіи.

Старшимъ изъ этихъ поэтовъ былъ Клевбергъ (въ дворянствѣ баронъ Эделькранцъ, ум. 1821), отличающійся особенно меланхолическимъ тономъ въ изображеніи природы и тѣмъ, что началъ искусно пользоваться скандинавскою миѳологіею, когда еще никто въ Швеціи не помышлялъ о томъ. Замѣчательно, что и онъ, подобно Лильенстету и Крейцу, дошелъ до высокихъ степеней въ обществѣ; для него Парнассъ послужилъ лѣстницей къ почестямъ гражданскимъ. Будучи одаренъ способностями многообразными, онъ рано оставилъ поэзію; переселился въ Швецію, посвятилъ себя пользамъ государственнаго хозяйства, и на этомъ поприщѣ прославилъ себя незабвенными заслугами [1]).

Товарищемъ и другомъ его при университетѣ былъ воспитывавшійся тамъ и потомъ оставшійся на время преподавателемъ другой извѣстный шведскій поэтъ, Чельгренъ (Kellgren); но такъ какъ онъ родомъ былъ шведъ и притомъ его поэтическая дѣятельность относится къ позднѣйшей порѣ, когда онъ, оставивъ университетъ, жилъ въ Стокгольмѣ, то здѣсь было бы неумѣстно говорить о немъ.

Въ 1799 году опредѣлился въ Абовскій университетъ доцентомъ

[1]) Ему Швеція обязана учрежденіемъ въ ней телеграфовъ и введеніемъ англійскихъ пароходовъ.

краснорѣчія молодой Кореусъ (Choræus). Онъ родился въ Финляндіи, но воспитанъ былъ въ Швеціи, куда его привела судьба странная. Отецъ его, умирая, велѣлъ мальчику отправиться за-море, отыскать тамъ родственника и сказать, кѣмъ присланъ. Истративъ въ Стокгольмѣ всю свою кассу на лакомства и не зная что̀ дѣлать, молодой странникъ принужденъ былъ наняться въ услуженіе на военномъ кораблѣ; но по утоленіи голода, онъ раскаялся въ своей рѣшимости. Къ счастію, капитанъ корабля былъ такъ добръ, что, сжалившись надъ нимъ, доставилъ ему средства окончить прерванное путешествіе. Въ домѣ своего родственника Кореусъ нашелъ не только ласковый пріемъ, но и нѣжнѣйшую заботливость о своей будущности: вскорѣ его послали учиться въ Упсальскій университетъ. Послѣ, переселившись въ Або, онъ при благопріятныхъ обстоятельствахъ, сталъ заниматься поэзіей подъ руководствомъ Портана. Стихи его, отличаясь легкостью и вообще изяществомъ формы, поражали современниковъ; но теперь уже мало читаются. Въ нихъ господствуетъ плаксиво-поучительный тонъ. Всего болѣе нравится Кореусъ, когда онъ, переставъ проповѣдывать или осмѣивать, просто предается своей естественной чувствительности. Его вдохновеніе почти всегда было вызываемо внѣшними обстоятельствами. Съ 1802 г. сталъ онъ адъюнктомъ богословія и пасторомъ въ Швеціи. Тамъ проповѣди его привлекали необыкновенное множество слушателей. Онъ умеръ молодъ въ 1806 году. Стихотворенія Кореуса по смерти его изданы, при прекрасномъ жизнеописаніи автора, его соотечественникомъ Францѐномъ, который нерѣдко служилъ ему образцомъ.

Хотя до сихъ поръ рѣчь у насъ шла только о мертвыхъ, но имя Францѐна пользуется уже теперь такою справедливою славою, что мы не смѣемъ пройти его молчаніемъ. Онъ родился въ городѣ Улеаборгѣ (въ сѣв. Финляндіи) 6 февраля 1772 года. Въ 1785 поступилъ студентомъ въ Абовскій университетъ, гдѣ потомъ долго оставался въ качествѣ преподавателя (съ 1798 г. профессора исторіи литературы); въ 1803 году перешелъ въ духовное званіе, и наконецъ съ 1831 г. занимаетъ мѣсто епископа Гернесандскаго [1]) въ Швеціи.

Связь между прошедшимъ и настоящимъ — онъ, убѣленный сѣдинами, почти уже семидесятилѣтній старецъ самъ участвовалъ въ прошлогоднихъ университетскихъ празднествахъ и нынѣ радушно участвуетъ въ изданіи нашемъ. Чтобы удалить всякій поводъ къ обвиненію насъ въ пристрастіи, мы, желая дать понятіе о достоинствѣ Францѐна, воспользуемся въ этомъ случаѣ сужденіями другихъ.

„Какъ одинъ изъ верховныхъ святителей шведской церкви“ (ска-

[1]) Гернесандъ (Hernösand)—городъ при Ботническомъ заливѣ, на разстояніи болѣе 400 верстъ къ с. отъ Стокгольма.

зано въ Finsk National-Kalender 1840), „онъ показалъ нѣжную заботливость и объ образованіи юношества, и о развитіи истинно-христіанскаго духа въ пастыряхъ и ихъ паствахъ; какъ духовный проповѣдникъ, онъ изъясняетъ святые уроки христіанства на языкѣ простомъ, чуждомъ всякой суетности и блёстокъ ораторскихъ, но согрѣтомъ тихимъ и вмѣстѣ мощнымъ дыханіемъ религіи; какъ жизнеописатель, соединяетъ онъ съ простотою и ясностью слога способность представлять истинный и живой образъ описываемаго лица и дѣлать предметъ свой сколько поучительнымъ, столько же и занимательнымъ для читателя. Но прекраснѣйшій вѣнокъ стяжалъ онъ въ качествѣ поэта, и въ семъ отношеніи занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ на шведскомъ парнассѣ".

„Францѐнъ», по словамъ другого весьма уважаемаго литератора шведскаго [1]), „еще въ 1794 году началъ помѣщать въ періодическихъ изданіяхъ разныя лирическія стихотворенія, которыя своимъ чистосердечнымъ тономъ, теплотою и роскошью идиллическихъ красокъ восхитили всѣхъ читателей и внушили къ имени его любовь и уваженіе".

„Отъ Францѐна", говоритъ другой критикъ, „услышали совершенно новые звуки, которые нашли отголосокъ въ каждомъ чувствительномъ сердцѣ, и послѣ того онъ почти по всѣмъ вѣтвямъ словесности представилъ превосходные опыты своего высокаго дарованія".

Въ первыхъ своихъ пьесахъ Францѐнъ воспѣвалъ Сельму и Фанни, и изъ этихъ пѣсенъ составился „цѣлый рядъ стихотвореній, написанныхъ въ особенномъ, младенчески-нѣжномъ и плѣнительномъ духѣ; они рисуютъ грезы невинности, вздохи первой любви, надежды и радости, и стремленіе набожнаго сердца къ высшему, прекраснѣйшему міру. Въ литературѣ нашей мало писателей столь плодовитыхъ и многостороннихъ, какъ Францѐнъ".

Въ 1822 году явился между студентами абовскими молодой человѣкъ родомъ изъ Якобстада, городка той же Остроботніи, гдѣ родился Францѐнъ. Онъ былъ бѣденъ, но по его крѣпкому тѣлосложенію, высокому росту и бодрому взгляду видно было, что природа щедро вознаградила его за невниманіе фортуны. Онъ чувствовалъ сильную склонность къ поэзіи, но еще не зналъ ни Тегнѐра, ни другихъ новѣйшихъ поэтовъ шведскихъ; идеаломъ его былъ Кореусъ, котораго онъ читалъ уже въ школѣ. Узнавъ въ университетѣ превосходнѣйшіе образцы, онъ сталъ подражать имъ, но не могъ примириться съ собою, пока не избралъ особеннаго, самобытнаго направленія. Студента этого звали Рунебергомъ. Тѣхъ изъ читателей нашихъ, которые еще незнакомы съ его именемъ, отсылаемъ къ Современнику 1839, 1840 и 1841 годовъ [2]).

[1]) Гаммаршельда.

[2]) См. выше, ст. „*Знакомство съ Рунебергомъ*" и др. ст. *Ред.*

Хотя Рунебергъ въ полномъ смыслѣ оригиналенъ, есть точки сближенія между нимъ и Францѐномъ. По естественному родству ихъ музъ, неудивительно, что Францѐнъ, какъ разсказываетъ самъ Рунебергъ, давно сталъ его любимымъ поэтомъ. „Міръ невинности, населенный ангелами и граціями", говоритъ Рунебергъ въ одномъ письмѣ, —„вотъ поэзія Францѐна". Существенное различіе между обоими то, что въ Францѐнѣ явно преобладаетъ лирическій элементъ, а въ Рунебергѣ — эпическій.

Глава VII.

Императорскій Александровскій университетъ.

„Изъ сего благоволенія истекли тѣ безсмертной хвалы достойныя щедроты: помня ихъ, свои же собственныя скромно забывая и всю славу Возстановителя желая отъ Себя перенести на Перворорднаго Брата, Его Августѣйшій Преемникъ именемъ Александра нарекъ обитель, гдѣ послѣ бѣдственнѣйшей судьбы университетъ финляндскій воспріялъ новую жизнь во Гельсингфорсѣ".

Ректоръ Алекс. ун. Н. А. Урсинъ,
2 (14) іюля 1840 г.

Десять тысячъ человѣкъ скорбѣли на берегахъ осиротѣвшей Ауры, одни за себя и кровныхъ, другіе за согражданъ. Между ними была и безпріютная семья университета, которой великость несчастія, ее постигнувшаго, не позволяла даже надѣяться. Но какъ всегда, такъ и на этотъ разъ въ нѣдрахъ самаго бѣдствія возникаютъ явленія, радующія сердце. Еще въ продолженіе пожара составился изъ жителей города *Комитетъ вспомоществованія* (Undsättnings-Komittee) для пріема и раздачи добровольныхъ приношеній въ пользу погорѣвшихъ. Вскорѣ онъ началъ со всѣхъ сторонъ получать пособія, въ ряду которыхъ значительнѣе всѣхъ были 100 т. р., Всемилостивѣйше пожалованныя Государемъ Императоромъ, и 60 т. р., пожертвованныя остальными Членами Августѣйшаго Семейства.

Между тѣмъ вся Финляндія оплакивала невознаградимую, какъ тогда казалось, потерю своего университета. Каковы же были всеобщія чувствованія, когда распространилась радостная вѣсть, что Его Императорское Величество, движимый тою же отеческою благостью, съ какою уже столько лѣтъ споспѣшествовалъ просвѣщенію Финляндіи, благоволилъ изъявить Всемилостивѣйшую волю о немедленномъ возстановленіи истребленнаго святилища наукъ. Манифестомъ $^{9}/_{21}$ октября 1827 года Высочайше повелѣно, чтобы финляндскій университетъ, для тѣснѣй-

шаго соединенія съ верховными правительственными мѣстами края, переведенъ былъ въ Гельсингфорсъ, и въ память своего незабвеннаго Благотворителя впредь назывался *Александровскимъ*.

Для покрытія издержекъ при постройкѣ новаго каменнаго дома въ Гельсингфорсѣ на опредѣленномъ мѣстѣ, Государь Императоръ изволилъ предоставить университету особенные доходы [1]); но такъ какъ они еще не скоро могли быть собраны, то ему вмѣстѣ съ тѣмъ Всемилостивѣйше пожаловано въ ссуду на 10 лѣтъ, безъ процентовъ, 500 т. р. Всѣмъ университетскимъ чиновникамъ для переѣзда въ Гельсингфорсъ назначены въ пособіе годовые оклады. Для распоряженій же по постройкѣ зданія и вообще по переведенію университета на новое мѣсто учрежденъ въ Гельсингфорсѣ временный комитетъ подъ предсѣдательствомъ графа Ребиндера, какъ исправлявшаго должность канцлера.

Пожаръ абовскій только на годъ прекратилъ дѣятельность университета. До приведенія къ окончанію новаго дома, ему по Высочайшей волѣ отведено было помѣщеніе частію въ стѣнахъ сената, частію въ (такъ называвшемся инспекторскомъ) домѣ, построенномъ для дивизіоннаго начальника финляндскихъ войскъ, нынѣ же занимаемомъ его высокопревосходительствомъ г. помощникомъ генералъ-губернатора, состоящимъ въ должности вице-канцлера университета, генераломъ-отъ-инфантеріи А. П. Теслевымъ. Уже въ первыхъ числахъ октября послѣдовало въ зданіи сената, съ торжественными обрядами, открытіе университета, и 6-го числа опять начались лекціи при 339 студентахъ. Еще въ томъ же году, 28 ноября (10 декабря) дарованъ былъ университету новый уставъ, въ сущности сходный съ прежнимъ, но примѣненный къ современнымъ требованіямъ.

Между тѣмъ университетъ отовсюду получалъ отрадныя доказательства всеобщаго участія къ судьбѣ его. Изъ разныхъ мѣстъ Финляндіи ему безпрестанно приносимы были въ даръ всякаго рода учебныя пособія, особливо книги. Однимъ изъ первыхъ и важнѣйшихъ въ этомъ отношеніи пріобрѣтеній былъ онъ обязанъ правительству: ему предоставлена была сенатская библіотека [2]). Что касается до частныхъ лицъ, то даже нѣкоторые изъ жителей Або [3]), самые профессоры, менѣе другихъ пострадавшіе, отдали ему часть книгъ своихъ.

[1]) Именно: 1) пошлины съ вывозимыхъ изъ Финляндіи дровъ, досокъ, смолы и дегтя (онѣ уже съ 1822 года предоставлены были университету до 1838; теперь же срокъ сей продолженъ до 1868), и 2) доходы съ вакантныхъ пасторатовъ по всей Финляндіи, на 30 лѣтъ. Оба источника доходовъ еще шведскими королями были предоставляемы университету.

[2]) Ибо существованіе двухъ публичныхъ библіотекъ въ Гельсингфорсѣ признано излишнимъ.

[3]) Они при этомъ случаѣ представили вообще множество примѣровъ усердія къ общей пользѣ. Въ числѣ прочихъ заведеній сгорѣла тамъ и типографія; но, благодаря распорядительности хозяина ея, г. Френкеля, Абовская газета уже 13-го октября того же года вновь начала появляться.

Въ Гельсингфорсѣ образовалась складчина для облегченія университету средствъ къ возстановленію его библіотеки. Тамъ же многіе студенты нашли на первое время безденежное помѣщеніе въ частныхъ квартирахъ. Особенно трогателенъ и замѣчателенъ, какъ признакъ образованности, разлитой и въ низшемъ сословіи финляндцевъ, былъ даръ, присланный университету крестьянами одного прихода (Вихтисъ, въ Нюландской губерніи): даръ этотъ состоялъ въ 50-ти бочкахъ ржи, которыя университету предоставлялось употребить по его благоусмотрѣнію.

Во всей Россіи частныя лица, учебныя и ученыя заведенія, особливо университеты, пожертвовали погорѣвшему учрежденію значительное число книгъ [1], послѣдніе между прочимъ всѣ свои дуплеты. Особенную щедрость въ этомъ случаѣ показали Остзейскія губерніи, можетъ быть оттого, что тамъ и средства къ такимъ приношеніямъ обильнѣе. Отчасти же къ тому способствовали два напечатанныя въ тамошнихъ вѣдомостяхъ воззванія. Дерптскій округъ подарилъ Александровскому университету болѣе 3.500 томовъ. Рижскій книгопродавецъ Гартманъ прислалъ ему книгъ на 5357 р. серебромъ. Сверхъ того изъ тѣхъ же губерній присланы разные физическіе и химическіе снаряды.

И изъ другихъ земель, даже изъ Англіи, но особливо изъ Даніи [2] возникавшая библіотека получила нѣкоторое пособіе. Самъ датскій король участвовалъ въ сдѣланныхъ ей приношеніяхъ. Но ничто не можетъ сравниться съ истинно-Царскими дарами, которыми Государь Императоръ и Его Августѣйшій Сынъ не разъ жаловали университетъ при его возрожденіи. Только о семъ времени здѣсь и идетъ рѣчь. Трудно было бы исчислить все, что впослѣдствіи библіотека Александровскаго университета пріобрѣла отъ щедрости какъ Державныхъ Особъ, такъ и частныхъ лицъ [3].

Новый университетскій домъ строился по Высочайше утвержденному плану интенданта публичныхъ зданій въ Финляндіи, покойнаго Энгеля [4]. Согласно обязательству взявшихъ на себя [5]) подрядъ по-

[1]) С.-Петербургскій университетъ прислалъ			70 томовъ.
Казанскій	„		126 „
Дерптскій	„		394 „
Московскій	„		(?) „
Ришельевскій лицей			109
Лицей Кн. Безбородко			14 „

[2]) Копенгагенскія ученыя общества прислали 196 томовъ.

[3]) Нельзя однакожъ не упомянуть о 24 т. томахъ русскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ книгъ, подаренныхъ въ 1833 году г. флигель-адъютантомъ, ротмистромъ конной гвардіи (что̀ нынѣ полковникъ) Александровымъ старшимъ.

[4]) Имъ же составленъ былъ и разсчетъ издержкамъ постройки, простиравшійся до 451.249 р. асс.

[5]) За 378.800 р. асс.

стройки купцовъ Гадда и Ушакова, домъ сей былъ готовъ уже къ 1 октября 1831 года, такъ что тогда же могъ быть занятъ университетомъ; но какъ сырость еще слишкомъ свѣжихъ стѣнъ могла бы оказаться вредною и для здоровья и для учебныхъ пособій, то Государь Императоръ Всемилостивѣйше дозволилъ отложить освященіе вновь оконченнаго зданія до слѣдующаго лѣта.

Торжество сіе совершилось $^{7}/_{19}$ іюня 1832 года. Пѣніе и двѣ рѣчи, одна на шведскомъ языкѣ, другая на русскомъ, произнесенныя въ парадной залѣ при множествѣ слушателей; обѣдня въ лютеранской церкви, куда всѣ чины изъ университета отправились процессіей; пальба со скалы Ульрикасборгъ; наконецъ пышный обѣдъ у г. вице-канцлера: таковы были принадлежности торжества. Слѣдующіе два дня посвящены были промоціямъ докторовъ и магистровъ. Къ возвышенію общей радости способствовали неожиданные знаки милости Августѣйшихъ Покровителей университета. Передъ самымъ началомъ церемоній перваго дня прибыли въ университетъ двѣ бумаги, того же числа подписанныя, съ извѣщеніемъ, что Государь Императоръ изволитъ дарить университету пріобрѣтенные Его Величествомъ на Собственный счетъ 2.800 томовъ медицинскихъ сочиненій, а Государь Наслѣдникъ жалуетъ ему знаменитую дактиліотеку Липперта, болѣе 3 т. оттисковъ древнихъ камеевъ.

Университетъ еще въ 1830 году, $^{1}/_{13}$ августа, имѣлъ счастіе принимать своего новаго Основателя въ залѣ библіотеки, которая доселѣ помѣщается въ домѣ сената. Здѣсь удостоился Высочайшаго утвержденія планъ зданія обсерваторіи, нынѣ такъ поражающаго всѣхъ посѣтителей Гельсингфорса. Въ 1833 году 29 мая (10 іюня) Государь Императоръ вторично изволилъ прибыть сюда, и въ тотъ же день двукратно осчастливилъ Своимъ посѣщеніемъ университетъ, за годъ предъ тѣмъ освященный: сперва прямо съ парохода Ижоры изволилъ одинъ отправиться туда, а черезъ нѣсколько часовъ вмѣстѣ съ Государынею Императрицею. Ихъ Величества внимательно осматривали все зданіе и удостоили милостивымъ разговоромъ представленныхъ имъ—какъ профессоровъ, такъ и студентовъ.

Такія-то счастливыя событія ознаменовали начало существованія Александровскаго университета и послѣдніе годы двухсотлѣтія университета финляндскаго. Съ нетерпѣніемъ ожидая *1840 года*, онъ желалъ отпраздновать эпоху сію торжествами, достойными щедротъ, на него излитыхъ.

Наконецъ она наступила. Постараемся дать читателю возможность сравнить положеніе университета въ разные сроки его существованія съ тѣмъ, что онъ представилъ чрезъ 200 лѣтъ послѣ своего учрежденія.

При въѣздѣ въ Гельсингфорсъ изъ Петербургской заставы, видишь предъ собою въ перспективѣ длинную, широкую улицу, и на отдален-

номъ концѣ ея скалу съ трехбашенною обсерваторіей. Это *улица Союза*. Подвигаясь мимо сада и каменныхъ зданій, по обѣимъ сторонамъ ея возвышающихся, всего болѣе бываешь пораженъ двумя изъ нихъ. Слѣва особенное вниманіе обращаетъ на себя лютеранская церковь св. Николая на обширномъ гранитномъ основаніи, съ бѣлыми стѣнами и башнею, которую вѣнчаетъ голубой куполъ, усѣянный золотыми звѣздами. За этимъ храмомъ лѣвая сторона улицы прерывается широкою площадью, а съ правой возносится бѣлое же, величавое зданіе Александровскаго университета, лицомъ обращенное къ площади. Противъ него, на другомъ ея боку, стоитъ строеніе Сената финляндскаго, отъ котораго и вся площадь называется Сенатскою. Ея верхнюю сторону образуетъ фасадъ Николаевской церкви, а нижнюю стройный рядъ каменныхъ домовъ, за которымъ лежитъ другая, прибрежная площадь.

Главное зданіе университета, соединяющее съ колоссальностью размѣровъ изящную стройность, состоитъ изъ трехъ этажей, и сверхъ пяти аудиторій заключаетъ въ себѣ полукруглую парадную залу въ два свѣта съ амфитеатромъ скамей и хорами, девять комнатъ, гдѣ хранятся разнаго рода учебныя пособія и аппараты (сюда относятся музеи, физическій кабинетъ, химическая лабораторія, анатомическій театръ), всѣ покои, назначенные для занятій по управленію университетомъ и т. п. Фасадъ зданія украшенъ вензелемъ, а парадная зала величественнымъ бюстомъ Императора Александра. Другой мраморный бюстъ Его стоитъ въ залѣ консисторіи противъ такого же бюста королевы Христины; оба послѣдніе подарены университету графомъ Румянцевымъ въ 1815 г.; между ними, противъ входа, высится въ золотой рамѣ портретъ нынѣ благополучно царствующаго Императора. Въ комнатѣ же университетской канцеляріи развѣшены портреты многихъ изъ замѣчательнѣйшихъ чиновъ университета всѣхъ временъ съ самаго его основанія. Сзади этого дома, отдѣляясь отъ него дворомъ, стоитъ параллельное съ нимъ меньшее строеніе съ гимнастическою залою и комнатой для уроковъ рисованія.

Направо отъ главнаго университетскаго дома возвышается красивое, но еще не совсѣмъ готовое зданіе библіотеки, которая не прежде 1843 года можетъ быть перенесена сюда изъ сената. Любопытно, что и при первомъ юбилеѣ финляндскаго университета, въ 1740 году, домъ библіотеки его едва былъ отстроенъ; но въ то время онъ былъ уже до такой степени отдѣланъ, что послужилъ, какъ мы видѣли, мѣстомъ одного изъ университетскихъ празднествъ. Тогда книги сберегались пока въ тѣсной аудиторіи, а нынѣ хранятся въ просторныхъ комнатахъ сената. Библіотека Александровскаго университета считаетъ уже болѣе 50 т. томовъ и имѣетъ ежегодно около 12 т. р. асс. дохода на свое приращеніе. Сверхъ того ей предоставлено право по-

лучать безплатно по экземпляру всѣхъ въ Россіи печатаемыхъ книгъ.

По той же улицѣ, но на другой ея сторонѣ и ближе къ Петербургской заставѣ, видите вы зданіе клиники съ родильнымъ домомъ, а противъ него университетскій ботаническій садъ, съ оранжереями и домомъ для разныхъ пособій по преподаванію ботаники; рядомъ другой для гулянья назначенный публичный садъ, гдѣ магнитная обсерваторія и домъ для профессора, ею завѣдывающаго. На противоположномъ концѣ улицы возвышается астрономическая обсерваторія съ особою аудиторіей, со своею библіотекой и съ просторнымъ помѣщеніемъ не только для профессора астрономіи, но и для другихъ лицъ, при немъ опредѣленныхъ [1]). Сверхъ того лавка университетскаго книгопродавца находится на той же улицѣ Союза, которая такимъ образомъ, почти вся обставленная принадлежностями университета, могла бы по справедливости называться *Университетскою*.

По уставу 1828 года состоитъ при немъ 22 профессора [2]), 15 адъюнктовъ [3]), 5 лекторовъ [4]) и 4 учителя искусствъ (exercitie-mästare) [5]), всего 46 преподавателей, не считая магистровъ-доцентовъ, т. е. младшихъ преподавателей, обязанныхъ читать лекціи только въ извѣстныхъ случаяхъ, и которыхъ число не опредѣлено [6]).

Студентовъ, посѣщавшихъ финляндскій университетъ отъ 1640 по 1840 годъ, было 15.763. Изъ этого числа къ первому столѣтію относится 6.684 человѣка, а ко второму 9.079. Во всѣ времена университетъ не только доставлялъ Финляндіи достаточное количество какъ чиновниковъ, такъ и преподавателей, но еще снабжалъ своими питомцами и другія земли, особливо же въ прежніе годы Швецію.

Сперва и между студентами и между преподавателями университета бывало постоянно болѣе или менѣе шведовъ, но съ теченіемъ времени

[1]) Каѳедра астрономіи въ Александровскомъ университетѣ остается незамѣщенною послѣ извѣстнаго Аргеландера, прусскаго уроженца, который въ 1836 году перешелъ въ университетъ Боннскій.

[2]) 21 ординарный, именно по факультетамъ: богословія — 4; правовѣдѣнія — 3; медицины — 3; философіи — 11, какъ-то: 1) философіи теоретической и практической; 2) математики; 3) физики; 4) астрономіи; 5) химіи; 6) зоологіи и ботаники; 7) исторіи; 8) краснорѣчія и поэзіи (т. е. латинской словесности); 9) греческой словесности; 10) восточныхъ языковъ, и 11) исторіи литературы (каѳедра по этой части соединена съ должностію библіотекаря; но донынѣ библіотекаремъ остается прежній профессоръ исторіи лит. г. Пиппингъ); 1 экстраорд. проф. русскаго языка и словесности.

[3]) По факультетамъ: богословія — 2; правовѣдѣнія — 2; медицины — 4; философіи — 7, между которыми одинъ помощникъ библіотекаря.

[4]) По части языковъ: русскаго, финскаго, нѣмецкаго, французскаго и англійскаго.

[5]) По одному для музыки, рисованія, фехтованія и танцованія (сверхъ того содержатся три учителя для гимнастики).

[6]) Въ 1840 году ихъ было 12: 2 по богословскому и 10 по философскому факультету.

число ихъ постепенно уменьшалось, тогда какъ напротивъ число учащихся вообще возрастало. Въ послѣдніе годы записанныхъ въ университетскій альбомъ студентовъ было среднею мѣрой до 600 въ каждый семестръ; но собственно на-лицо находилось ихъ отъ 400 до 500, ибо по старинному обыкновенію часть студентовъ имѣетъ право удаляться на-время изъ университета либо для сниcканія уроками средствъ продолжать свое пребываніе въ немъ, либо для практическаго приготовленія себя къ гражданской службѣ. На этомъ основаніи многіе студенты то опредѣляются въ частные дома наставниками, то сопровождаютъ разъѣзжающихъ судей и землемѣровъ. Наличныхъ студентовъ въ послѣдній семестръ предъ юбилеемъ было 463 человѣка [1]).

Какъ въ предыдущемъ не разъ можно было видѣть, финляндскій университетъ, торжествуя какое-либо особенно-важное событіе въ жизни своей, соблюдаетъ всѣ тѣ обыкновенія и обряды, которые въ средніе вѣка украшали бытъ всякаго европейскаго университета, но теперь почти нигдѣ болѣе не сохраняются, кромѣ скандинавскихъ земель, да отчасти Англіи и нѣкоторыхъ германскихъ городовъ.

Важнѣйшее университетское торжество составляетъ актъ *промоціи*, т. е. возведенія нѣсколькихъ лицъ въ ученую степень *магистра* или *доктора*. Для достиженія степени *доктора* по какому бы ни было факультету необходимо напередъ пріобрѣсти званіе *кандидата* по философскому [2]). Тому и другому повышенію предшествуютъ опредѣленныя, весьма сложныя испытанія. Въ Александровскомъ университетѣ промоція магистровъ бываетъ чрезъ каждые три года; производимыхъ въ одно время не должно быть болѣе сорока. — Промоція докторовъ бываетъ всякій разъ, когда окажется достаточное число исполнившихъ условія, потребныя для полученія этого званія. Возведеніе въ ученую степень совершается по очереди однимъ изъ членовъ факультета, почему этотъ членъ и называется въ такомъ случаѣ *промоторомъ*.

Съ празднествомъ своего двухсотлѣтія Александровскій университетъ получилъ Всемилостивѣйшее дозволеніе соединить, для возвышенія торжества, промоціи какъ докторовъ по всѣмъ четыремъ факультетамъ, такъ и магистровъ по философскому. Вмѣстѣ съ тѣмъ, во вниманіе къ столь достопамятному случаю, Высочайше разрѣшено при промоціи магистровъ не ограничиваться узаконеннымъ числомъ 40, а возвести въ эту степень всѣхъ выдержавшихъ на нее экзаменъ, именно 96 молодыхъ людей. Итакъ университетъ еще въ маѣ мѣсяцѣ

[1]) Въ томъ же году число студентовъ было: въ С.-Петербургскомъ университетѣ 433; въ Москов. 932; въ Харьков. 468; въ Казан. 237; въ Дерптскомъ 530; въ ун. Св. Влад. 140.

[2]) По старинньмъ постановленіямъ не было различія между магистромъ и докторомъ философіи. Въ Швеціи два эти званія донынѣ соединены.

разослалъ къ разнымъ ученымъ обществамъ приглашеніе присутствовать на его юбилеѣ. Чтобы показать, въ какомъ видѣ оно было составлено, мы для примѣра помѣстимъ здѣсь переводъ письма, посланнаго въ С.-Петербургскій университетъ.

„Мужамъ знаменитѣйшимъ, профессорамъ и прочимъ преподавателямъ С.-Петербургскаго университета кланяемся. Университетъ, основанный въ отдаленной Финляндіи для водворенія въ сихъ сѣверныхъ странахъ наукъ и искусствъ, претерпѣлъ, подобно ея землѣ, часто разоряемой холодомъ и ненастьемъ, много самыхъ горестныхъ потерь и бѣдствій. Но пронеслись времена мрачныя: наслаждаясь наконецъ отраднымъ сіяніемъ солнца, уже кончая второе столѣтіе, онъ намѣренъ празднествомъ возобновить память своего рожденія. Сіе торжество совершитъ онъ конечно съ благоговѣйнымъ воспоминаніемъ о помощи Промысла Божія и о щедротахъ Августѣйшаго Императора, проникнутый тѣмъ же чувствомъ, съ какимъ древле спасенные отъ кораблекрушенія вѣшали въ храмѣ скрижаль обѣтную. Но какъ душа, преисполненная великимъ удовольствіемъ, жаждетъ открыться другимъ, такъ и нашъ Александровскій университетъ пламенно желаетъ найти благосклонныхъ свидѣтелей своей радости. Итакъ, мужи знаменитѣйшіе, усердно и искренне просимъ васъ, благоволите исполнить желаніе наше и почтить своимъ присутствіемъ юбилей, имѣющій совершиться въ семъ городѣ III (XV) будущаго іюля. Надѣемся, что сочувствуя подвижникамъ благородной науки и считая всѣхъ ихъ соединенными закономъ товарищества, вы не признаете торжества сего чуждымъ для васъ. Гельсингфорсъ XXVII апрѣля (IX мая) MDCCCXL“ *(см. выше, стр. 100)*. [1]).

[1]) Многіе, конечно, съ удовольствіемъ прочтутъ отвѣтъ С.-Петербургскаго университета на это приглашеніе. Вотъ онъ въ переводѣ: „Въ консисторію Императорскаго Александровскаго университета. Прежде нежели дружескимъ привѣтствіемъ своимъ, по случаю наступающаго у васъ торжества, возбудили вы въ сердцахъ нашихъ живое участіе къ событію, столь достопамятному въ лѣтописяхъ вашихъ, давно уже Александровскій университетъ былъ постояннымъ предметомъ нашего любопытства и вниманія. Судьба его во многомъ сходна съ судьбою С.-Петербургскаго университета. Основанные во глубинѣ сѣвера, они разливаютъ теплоту и свѣтъ знаній посреди племенъ, безпрестанно борющихся съ дикостью природы и суровостью климата. Совершенствуя гражданственность народовъ, мѣстностію, исторіею, языкомъ и нравами такъ обособленныхъ отъ другихъ народовъ Европы, они все существенное въ теоріяхъ должны извлекать изъ собственныхъ опытовъ и размышленій. Плоды ихъ умственныхъ усилій принимаютъ два народа, разноплеменные, но по благости Провидѣнія сохранившіе первобытную чистоту нравовъ, непоколебимую вѣру въ Бога, теплоту семейственной любви и преданность священной волѣ единаго, общаго намъ Монарха-Охранителя. Наконецъ ихъ нынѣшнее цвѣтущее состояніе, благоустройство и обиліе во всѣхъ способахъ къ достиженію высокихъ цѣлей есть созданіе нынѣ достославно царствующаго Императора Николая Павловича.

„Но Александровскій университетъ прожилъ два уже столѣтія, тогда какъ Санкт-

Вслѣдствіе такого приглашенія, сюда къ назначенному сроку съѣхались депутаты университетовъ и другихъ ученыхъ обществъ какъ изъ Россіи, такъ отчасти и изъ Швеціи. Кромѣ лицъ, отряженныхъ самими обществами [1]), изъ университетовъ С.-Петербургскаго и Дерптскаго, согласно Всемилостивѣйшему повелѣнію Государя Императора, отправлено было по два студента отъ каждаго факультета.

Особенно велико было стеченіе пріѣзжихъ изъ всѣхъ концовъ Финляндіи, для которой праздникъ университета, какъ центра ея просвѣщенія, былъ праздникомъ въ полномъ смыслѣ національнымъ. Никогда еще въ мирное время ни одинъ изъ финляндскихъ городовъ не представлялъ такого многолюдства, какъ Гельсингфорсъ въ іюлѣ 1840 г.

Наканунѣ юбилея исправлявшій должность канцлера графъ Ребиндеръ призвалъ къ себѣ всѣхъ членовъ университета и объявилъ о знакахъ Монаршей милости, жалуемыхъ нѣкоторымъ изъ нихъ по случаю предстоявшаго празднества. Онъ прибавилъ, что для увеличенія блеска его Государь Императоръ даруетъ разнымъ лицамъ духовнаго вѣдомства въ Финляндіи званіе докторовъ богословія. Въ тотъ же день состоящій въ должности вице-канцлера университета А. П. Теслевъ угостилъ роскошнымъ обѣдомъ какъ всѣ университетскіе чины, такъ и почетнѣйшихъ изъ постороннихъ въ городѣ бывшихъ особъ. Между тѣмъ ректоръ, профессоръ медицины Н. А. Урсинъ разосланною по домамъ печатною программой (на латинскомъ языкѣ) приглашалъ всѣхъ къ участію въ празднествѣ университета.

Его парадная зала не могла бы вмѣстить въ себѣ собранія 3 т. человѣкъ или болѣе; и потому центромъ торжественныхъ обрядовъ назна-

петербургскій, основанный Государемъ, Котораго именемъ украшается маститый его совмѣстникъ, едва выступаетъ на поприще трудовъ, обѣщающихъ ему мѣсто, по справедливости занятое Александровскимъ. Мы, какъ юноши, готовые на все, не имѣемъ ни опытности своей, ни своихъ лѣтописей. Приглашеніе ваше на юбилей въ 3 (15) день іюля сего 1840 года С.-Петербургскій университетъ принимаетъ съ истиннымъ удовольствіемъ и съ полною благодарностію. Онъ избралъ депутатомъ своимъ для присутствія на вашемъ праздникѣ ректора своего, профессора Петра Плетнева. Нѣкоторые изъ нашихъ профессоровъ, сами по себѣ, пользуясь благопріятнымъ каникулярнымъ временемъ, явятся также въ Гельсингфорсъ. Мы желаемъ не только дѣлить вашу радость, но и заимствовать въ самомъ источникѣ тѣ благотворныя начала, которыя Александровскій университетъ незыблемо поддерживали два столѣтія къ пользѣ и славѣ отечественной страны“.

[1]) Депутатами были: Отъ С.-Петербургской академіи наукъ — непремѣнный секретарь ея д. с. с. Фуссъ и экстр. ак. кол. сов. Шегренъ. Отъ С.-Петербургскаго университета — ректоръ его д. с. с. Плетневъ съ 6-ю студентами. Отъ Дертпскаго университета — ст. сов. профессоръ Эрдманъ и надв. сов. профессоръ Преллеръ съ 8-ю студентами. Отъ университета Св. Владиміра — надв. сов. профессоръ Траутфеттеръ. Отъ Шведской академіи, равно отъ Академіи словесности, исторіи и древностей — Гернесандскій епископъ докторъ Францѐнъ. Отъ Упсальскаго университета — профессоръ и библіотекарь Шредеръ.

чена была находящаяся близъ университета Николаевская церковь, уже почти совершенно готовая, но еще не освященная [1]). Передъ мѣстомъ алтаря на эстрадѣ, убранной цвѣтами, стояла каѳедра, спасенная отъ абовскаго пожара и взятая теперь изъ парадной университетской залы. По обѣ стороны ея видны были упомянутые уже бюсты: Основательницы университета Королевы Христины и его Пересоздателя Императора Александра; а надъ каѳедрою возвышался бюстъ Августѣйшаго Возстановителя университета Императора Николая. Подъ Его державною сѣнью университетъ, Имъ облаготворенный, празднуетъ нынѣ свое основаніе, и кровъ, подъ которымъ онъ совершитъ это празднество, соименeнъ Вѣнценосному его Охранителю.

Внутренность церкви уставлена была стульями и скамьями. 3/15 іюля здѣсь уже съ 10-го часа утра стали собираться обоего пола лица (дамы по билетамъ); маршалы, наряженные изъ студентовъ для пріема входившихъ, указывали имъ мѣста. Начало торжества еще въ 6 часовъ утра возвѣщено было 8-ю пушечными выстрѣлами и колокольнымъ звономъ. Около 11 часовъ въ церковь вступили шедшіе процессіею изъ Сената (сборнаго мѣста) университетскіе чины и студенты, также чины всѣхъ другихъ вѣдомствъ и прибывшіе сюда депутаты ученыхъ обществъ, литераторы и русскіе студенты. Всѣ составлявшіе процессію шли по-три въ рядъ. Ректоръ университета, въ малиновой бархатной мантіи и, какъ всѣ прочіе, въ мундирѣ и въ докторской шляпѣ, былъ между исправлявшими должности канцлера и вице-канцлера, а передъ ними, въ ознаменованіе власти, шли два герольда (cursorer) въ голубой одеждѣ старинная покроя, каждый съ длиннымъ серебрянымъ жезломъ въ рукѣ.

При входѣ въ храмъ процессія встрѣчена была музыкою и пѣніемъ съ хоровъ. Студенты Александровскаго университета выстроились въ два ряда по краямъ скамей; прочія лица заняли близъ *парнасса* (т. е. эстрады съ каѳедрою) назначенныя имъ мѣста, а герольды съ жезлами стали на ступеняхъ возвышенія по обѣ стороны каѳедры.

Послѣ того съ нея произнесены были, одна за другою, три рѣчи: ректоромъ по-латыни, профессоромъ краснорѣчія Линсéномъ на шведскомъ и профессоромъ русской словесности Соловьевымъ на русскомъ языкѣ. Наконецъ, при пѣніи особо приготовленныхъ стиховъ, раздавалась почетнѣйшимъ лицамъ выбитая на этотъ случай медаль. Одна сторона ея представляетъ изображеніе Государя Императора съ надписью: Nicolaus Primus Camenarum Decus et Præsidium (Николай Первый, Украшеніе и Покровъ Каменъ). На другой сторонѣ видна въ срединѣ лавроваго вѣнка надпись: Academiæ Alexandrinæ Fennorum

[1]) Впрочемъ въ Упсалѣ и въ Лундѣ университетскія торжества всегда совершаются въ церкви.

Sacra Sæcularia Secunda, D. XV Julii MDCCCXL. (Второй юбилей финляндскаго Александровскаго университета, 15 іюля 1840). Изъ Николаевскаго храма процессія, а съ нею и большая часть публики отправилась въ старую лютеранскую церковь, находящуюся въ довольно отдаленной части города: тамъ совершено было богослуженіе съ проповѣдью на избранный для случая текстъ. Въ отношеніи къ этой части церемоніи одинъ изъ бывшихъ на юбилеѣ представителей ученой Россіи, который по возвращеніи въ Петербургъ описалъ Гельсингфорскія празднества, говоритъ слѣдующее [1]): „Ученое торжество здѣсь сливается съ религіознымъ. Ничего нѣтъ благотворнѣе и назидательнѣе для цѣлой націи этого общенія дольней мудрости съ горнею. Оно смиряетъ мечты юношества и для народа облачаетъ науку въ законную ея одежду добра и свѣта. Нѣсколько разъ случалось, что молодые люди, послѣ торжественнаго принятія въ залѣ всѣхъ знаковъ отличія и одобренія за ихъ успѣхи въ наукахъ, счастливые и довольные, въ церкви за проповѣдью обливались слезами умиленія, проникнутые до глубины души высокостью и святостью долга, возлагаемаго на нихъ религіею, отечествомъ и самою наукою". Процессія возвратилась въ зданіе университета, гдѣ нѣкоторые изъ депутатовъ русскихъ сперва изустно поздравили его съ отпразднованнымъ юбилеемъ, а потомъ вручили ректору письменныя поздравленія отъ университетовъ, которые они представляли.

Въ тотъ же день Александровскій университетъ давалъ въ главной городской гостинницѣ (Societetshus) великолѣпный обѣдъ. Приглашено было около 350 человѣкъ. Трудно описать общую веселость и чистосердечіе, оживлявшія это пиршество. Тосты во здравіе Императорской Фамиліи, которые провозглашалъ ректоръ, сопровождались музыкою, громкими *ура* и пушечною пальбой. Студенты Александровскаго университета пѣли хоромъ *Боже, Царя храни* на шведскомъ языкѣ. Вечеромъ на городскомъ бульварѣ (эспланадѣ) играла музыка. Лавки и магазины во весь этотъ день, по добровольному распоряженію купечества, были заперты.

Затѣмъ четыре дня (четвергъ, пятница, суббота и понедѣльникъ) посвящены были докторскимъ промоціямъ по всѣмъ четыремъ факультетамъ. Мѣстомъ совершенія ихъ была та же Николаевская церковь. Обряды при вступленіи сюда участниковъ торжества и послѣ выхода ихъ отсюда сходствовали съ тѣмъ, что совершено было $^{3}/_{15}$ іюля, только въ процессіи шли (по два въ рядъ) одни лица, къ университету принадлежавшія, и епископы. Но въ храмѣ представлялось зрѣлище новое. Сначала *промоторъ* (наканунѣ промоціи всегда разсы-

[1]) Ректоръ С.-Петербургскаго университета П. А. Плетневъ въ XX-мъ томѣ Современника *(Соч. Плетнева, т. I, стр. 435).*

лающій особую печатную программу) произноситъ рѣчь съ каѳедры, около которой стоятъ имѣющіе принять отъ него ученую степень. Потомъ одинъ изъ адъюнктовъ читаетъ заданный факультетомъ вопросъ, а одинъ изъ производимыхъ (*Primus*, т. е. 1-й по порядку производства) тотчасъ отвѣчаетъ. Послѣ всѣ они присягаютъ, прилагая два перста къ обоимъ жезламъ, подносимымъ каждому изъ нихъ герольдами. Наступаетъ начало главнаго обряда. Промоторъ надѣваетъ сперва на себя, а потомъ на подходящихъ по очереди къ каѳедрѣ докторскія шляпы, за нею приготовленныя. Въ то же время всѣ тѣ изъ присутствующихъ, которые уже имѣютъ докторскую степень, также накрываются своими шляпами (черными, темносиними, красными, смотря по факультету). Сверхъ того промоторъ каждому изъ производимыхъ надѣваетъ на палецъ золотое кольцо, символъ обрученія съ наукою, и даетъ — докторамъ богословія по экземпляру Св. Писанія, а прочимъ шпаги. Наконецъ всѣ они получаютъ дипломы на новое званіе. Во время раздачи знаковъ его, въ храмѣ играла музыка, а на площади производилась пушечная пальба, для каждаго новаго доктора по одному выстрѣлу. Въ заключеніе церемоніи *Ultimus* (т. е. послѣдній по порядку промоціи, а по достоинству 2-й) изъ числа ново-произведенныхъ читаетъ благодарственную рѣчь, обращаясь порознь ко всѣмъ сословіямъ присутствующихъ и присовокупляя особо для дамъ привѣтственные стихи.

Новые доктора, какъ издавна заведено, каждый разъ даютъ въ честь промотора обѣдъ, на который приглашаютъ не только всѣхъ своихъ товарищей по университету, но и большое число постороннихъ лицъ.

Докторскія промоціи совершены были въ слѣдующемъ порядкѣ: 1-я по богословскому факультету, 2-я по юридическому, 3-я по медицинскому, 4-я по философскому. Промоторами въ томъ же порядкѣ были: Абовскій домпробстъ (протоіерей, первая духовная особа послѣ епископа), бывшій [1]) профессоръ богословія Гадоли́нъ; профессоръ правовѣдѣнія Лагусъ; профессоръ медицины (ректоръ) Урси́нъ, и профессоръ ботаники (нынѣ emeritus) Сальбергъ. Сверхъ пріобрѣтшихъ степень по экзамену, произведено было съ Высочайшаго разрѣшенія нѣсколько почетныхъ докторовъ: званіе это дано, между прочимъ, какъ нѣкоторымъ изъ высшихъ сановниковъ Финляндіи, снискавшимъ заслугами своими особенное право на благодарность согражданъ, такъ и нѣкоторымъ русскимъ, извѣстнымъ въ литературномъ или ученомъ мірѣ; въ числѣ ихъ В. А. Жуковскій [2]) получилъ отъ Александровскаго университета степень доктора философіи.

[1]) Потому что между настоящими профессорами богословскаго факультета не было ни одного *доктора*; промоторъ же непремѣнно долженъ самъ носить это званіе.

[2]) А также и П. А. Плетневъ, см. *Переписку Г. съ П.*, т. I. *Ред.*

Съ послѣднею докторскою промоціей была сверхъ того соединена промоція магистровъ, которая тѣмъ отличается отъ докторскихъ, что вмѣсто шляпъ на молодыхъ людей возлагаются лавровые вѣнки. Актъ этого дня былъ особенно торжественъ. Поутру послѣдовало 100 пушечныхъ выстрѣловъ. Внутренность храма пестрѣлась пышнѣе обыкновеннаго. Всѣ, когда-либо получившіе степень магистровъ, символомъ ея носили на груди маленькій лавровый вѣнокъ. Собраніе присутствовавшихъ дамъ было многочисленнѣе и блистательнѣе, нежели во всѣ другіе дни. Парнассъ былъ великолѣпно убранъ розами и лаврами. Туда съ любопытствомъ или участіемъ стремились всѣ взоры, потому что въ числѣ бывшихъ тамъ 85-ти человѣкъ почти всякій изъ присутствовавшихъ видѣлъ родственника, друга или по крайней мѣрѣ знакомаго. Тамъ среди 74-хъ [1]) молодыхъ людей, готовыхъ принять первую ученую степень, находились мужи и старцы, уже окруженные уваженіемъ общества. Трое стоявшихъ ближе къ каѳедрѣ ожидали степени доктора по праву; рядомъ съ ними сидѣли шестеро изъ тѣхъ лицъ, которымъ присуждено было званіе *почетныхъ докторовъ;* наконецъ, у самой каѳедры два старца, которые уже за 50 лѣтъ слишкомъ приняли вѣнокъ магистерскій и теперь чрезъ полвѣка должны были, по соблюдаемому издавна обыкновенію, снова получить это юношеское отличіе. Такихъ *юбилейныхъ* магистровъ въ 1840 году было въ Финляндіи *четыре* [2]), но присутствовали только двое: абовскій домпробстъ Гадоли́нъ, уже выше названный, и епископъ Францѐнъ.

Присутствіе Францѐна, прибывшаго изъ Швеціи депутатомъ двухъ академій, много способствовало къ возвышенію торжественности послѣдней промоціи. Онъ дорогъ для Финляндіи не только своими сѣдинами, но и славою, которой блескъ отражается на всю его родину. Вотъ почему наканунѣ юбилея, когда въ Гельсингфорсѣ распространился слухъ о приближеніи Францѐна, множество тамошнихъ жителей, особливо студентовъ, пошло къ нему на встрѣчу версты за-двѣ отъ города. Часовъ въ 6 послѣ обѣда явилась коляска, въ которой онъ ѣхалъ вмѣстѣ съ зятемъ своимъ генералъ-директоромъ (главноуправляющимъ медицинской части въ Финляндіи) докторомъ Гартманомъ. Студенты, окруживъ экипажъ съ громкими *ура*, пропѣли сочиненные на случай привѣтственные стихи. Старецъ въ трогательныхъ словахъ изъявилъ молодымъ людямъ свою признательность, послѣ чего одинъ изъ университетскихъ преподавателей (Цигнеусъ) выразилъ въ краткой рѣчи общія чувствованія. — Но возвратимся на парнассъ, гдѣ университетъ отъ имени всей націи вѣнчаетъ вѣнкомъ

[1]) Остальныхъ 22-хъ не было на лицо.

[2]) Сверхъ того, по медицинскому факультету былъ одинъ *юбилейный* докторъ (Acjmelé), которому при промоціи докторовъ медицины возобновлена *докторская шляпа*; но его не было на-лицо.

лавровымъ сѣдины своего поэта. „Можно вообразить", замѣчаетъ въ упомянутой уже статьѣ П. А. Плетневъ, въ качествѣ почетнаго доктора сидѣвшій въ эти минуты почти рядомъ съ Францѐномъ: „можно вообразить, что чувствовалъ этотъ почтенный семидесятилѣтній старецъ, передъ которымъ тутъ воскресло все прошлое. Онъ снова увидѣлъ себя юношею — а передъ нимъ, для полученія равной награды, стоялъ внукъ его, сынъ его дочери [1]), недожившей только годъ, чтобы въ радостныхъ слезахъ обнять отца и сына въ лучшую эпоху ихъ жизни; передъ нимъ же сидѣли и юныя прекрасныя внуки его, изъ которыхъ одна готовила вѣнки дѣду и брату, какъ и всѣмъ ихъ сверстникамъ по торжеству". Въ стихотвореніи, которое слѣдуетъ за этими „Воспоминаніями" [2]), пѣвецъ Фанни и Сельмы самъ говоритъ намъ, что̀ онъ думалъ и чувствовалъ, глядя на внука своего.

Близъ Францѐна между *почетными докторами*, сидѣлъ еще старецъ, другими заслугами вписавшій на вѣки имя свое въ сердца соотечественниковъ. То былъ министръ статсъ-секретарь Великаго Княжества Финляндскаго, графъ Ребиндеръ, которому въ самый день юбилея минуло 63 года. Едва-ли онъ тогда предчувствовалъ, что день рожденія, въ первый разъ такъ блистательно празднуемый имъ вмѣстѣ съ университетомъ, гдѣ онъ кончилъ свое образованіе, болѣе не возвратится въ жизни его. И конечно никто, видя графа принимающимъ докторскую шляпу, не предполагалъ, что эта скромная почесть — для него уже послѣдняя. Но такъ было суждено: онъ скончался $^{8}/_{20}$ марта 1841 г., унося любовь, уваженіе и благодарность всей Финляндіи. Тридцать лѣтъ стоялъ онъ у трона двухъ русскихъ Самодержцевъ вѣрнымъ истолкователемъ ея нуждъ и нелицемѣрной признательности за всѣ благодѣянія, чрезъ его посредство на нее изливавшіяся. Половину означеннаго срока, пятнадцать лѣтъ, охранялъ онъ именемъ Высокаго Канцлера пользы университета съ неизмѣнною заботливостью, и въ исторіи его достойно окончилъ двухсотлѣтіе, котораго начало сіяетъ дѣлами благороднаго Браге.

При послѣдней промоціи пѣлись, между прочимъ, стихи въ честь графа Ребиндера. Тогда же раздавалось публикѣ большое стихотвореніе Цигнеуса, которое согласно обычаю написано было въ привѣтствіе новымъ магистрамъ. Юбилей подалъ поводъ къ появленію въ Гельсингфорсѣ и нѣкоторыхъ другихъ литературныхъ произведеній различнаго содержанія; они исчислены въ XX томѣ Современника [3]). По этому же случаю, сдѣланы частными лицами разныя приношенія университету; самое значительное изъ нихъ составляютъ 5000 р. асс.,

[1]) Бывшей замужемъ за генералъ-директоромъ Гартманомъ.

[2]) Въ *Альманахѣ Алекс. унив. Ред.*

[3]) См. выше въ ст. *Литературн. новости въ Финляндіи*, стр 149 и слѣд. *Ред.*

пожертвованныя университетскимъ книгопродавцемъ Васеніусомъ для обращенія процентовъ съ этой суммы на стипендіи.

Въ день первой промоціи гельсингфорское купечество дало блистательный балъ, на который приглашено было до 1200 человѣкъ. Празднества заключились въ день послѣдней промоціи баломъ магистровъ, продолжавшимся до слѣдующаго утра. Здѣсь собраніе было еще многочисленнѣе, общая веселость еще живѣе. Старинный обычай требуетъ, чтобы магистры во весь день своей промоціи оставались въ лавровыхъ вѣнкахъ, являясь въ нихъ и на улицѣ, а шляпы нося въ рукахъ. Такъ и на послѣднемъ пирѣ со всѣхъ сторонъ мелькали вѣнки на юношескихъ головахъ. Но что значитъ эта лавровая гирлянда на платьѣ одной изъ первыхъ красавицъ бала? „Производимые магистры", сказано въ статьѣ, на которую мы уже ссылались, „для приготовленія вѣнковъ изъ натуральныхъ лавровыхъ вѣтвей, избираютъ въ городѣ одну изъ дѣвицъ, отличную по ея скромности, красотѣ, происхожденію, и участвующую въ ихъ праздникѣ по родству съ кѣмъ-нибудь изъ назначаемыхъ къ промоціи... Отъ лица всѣхъ, удостоившихся новой почести, магистры подносятъ какой-нибудь блистательный подарокъ той особѣ, которая готовила вѣнки, и на балѣ платье ея бываетъ украшено гирляндою изъ лавровъ".

При заключеніи своихъ празднествъ Александровскій университетъ имѣлъ счастіе получить слѣдующій рескриптъ Государя Наслѣдника:

„Консисторіи Императорскаго Александровскаго Университета.

„Принимая живое участіе во всемъ, что касается до ввѣреннаго Государемъ Императоромъ попеченію Моему Университета, Я сердечно радуюсь, что онъ, при благословеніи Божіемъ, отпраздновалъ двухсотлѣтній юбилей своего существованія. Торжество сіе, бывъ нынѣ умилительною жертвою благодарности предъ Всевышнимъ за тѣ блага, которыя столько лѣтъ изливались на Финляндію изъ ея верховнаго святилища наукъ, да будетъ и впредь прочнымъ залогомъ неизмѣнности тѣхъ чистыхъ нравстенныхъ началъ, коими университетъ всегда доселѣ руководствовался.

„Отсутственный, Я въ этотъ незабвенный день мысленно находился посреди васъ, любезныхъ Моихъ сочленовъ, и съ каждымъ благимъ желаніемъ вашимъ соединялся съ вами душою.

„Прося доставить Мнѣ описаніе совершившагося праздника сего юбилея, пребываю съ постояннымъ къ вамъ доброжелательствомъ.

„Канцлеръ Александровскаго Университета

(на подлинномъ собственною Его Высочества рукою написано:)

„АЛЕКСАНДРЪ".

Петергофъ,
20 іюля 1840 г.

Чувствованія, этимъ рескриптомъ возбужденныя, были тѣмъ живѣе, что университетъ никакъ не смѣлъ ласкаться надеждою на драго-

цѣнное вниманіе своего Августѣйшаго Канцлера въ такое время, когда Его Высочество лично еще не изволилъ завѣдывать университетскими дѣлами и, находясь за границею у Высоконареченной Невѣсты Своей, предавался радостнѣйшимъ для всей имперіи заботамъ.

Чудны были празднества Александровскаго университета въ 1840 г., и на всю жизнь запечатлѣлись они въ памяти всѣхъ присутствовавшихъ. Никто не могъ равнодушно смотрѣть на эти торжественные обряды, подъ блескомъ которыхъ для мыслящаго зрителя скрывается столь глубоко-поэтическое значеніе. Убранная цвѣтами и лаврами, то съ важностью раздающая награды заслугѣ или погруженная въ молитву, то устрояющая веселые пиры, вѣщающая то пушечнымъ громомъ, то сладкогласнымъ пѣніемъ, но всегда привѣтливая, гостепріимная, окруженная блистательною толпою, здѣсь наука влекла къ себѣ всѣ сердца и во всѣхъ глазахъ пріобрѣтала величіе, въ какомъ ее немногіе привыкли воображать. Но всего драгоцѣннѣе были искреннія чувствованія братства и взаимнаго уваженія, которыми она среди описанныхъ торжествъ соединяла радушныхъ хозяевъ и признательныхъ гостей.

„Въ дружескомъ соединеніи разноплеменныхъ людей всегда есть что-то утѣшительное и отрадное. Сердце невольно разогрѣвается и сильнѣе бьется, убѣждаясь, что лучшія его желанія и ощущенія вездѣ одинаковы. Но въ союзѣ людей, посвящающихъ себя изученію истины и распространенію блага, болѣе, нежели одно мгновенное удовольствіе. Тутъ возникаютъ надежды на вѣрнѣйшіе успѣхи добра и свѣта. Музъ въ древности представляли сестрами. Взявшись за руки, онѣ обходятъ народы, смягчаютъ ихъ нравы и приводятъ къ одной цѣли—благосостоянію и мирнымъ доблестямъ". Такъ говоритъ авторъ упомянутой статьи о юбилеѣ. Мы, съ своей стороны, позволимъ себѣ разсказать размѣромъ финскихъ пѣсенъ, какъ въ эту торжественную эпоху выразилась

РАДОСТЬ ВЕЙНЕМЕЙНЕНА,

главнаго бога древнихъ финновъ, который, по преданію, изобрѣлъ арфу и сотворилъ вселенную.

Старый, мудрый Вейнемейненъ
На скалѣ сидѣлъ у моря,
Гдѣ, какъ тучи въ синемъ небѣ,
Вкругъ разбросаны утесы.
Устремивъ спокойно взоры
Въ даль сверкающихъ заливовъ,
Старецъ ладилъ на колѣнахъ
Пятиструнную цѣвницу.
Близъ него стояли чинно,

Каждый съ арфою своею,
Чужеземны пѣснопѣвцы.
Всѣхъ прекраснѣе въ ряду ихъ
Аполлонъ средь Музъ являлся;
Тамъ и Браге сребровласый [1]),
Окруженный строемъ скальдовъ,
И толпа пѣвцовъ славянскихъ
Возлѣ вѣщаго Баяна.

Въ ожиданьи новой пѣсни
Сотворившаго цѣвницу,
Все молчало: даже море,
Сладкозвучное какъ самъ онъ,
Вѣчный свой напѣвъ прервало
И, внимать готовясь богу,
Будто спящее лежало
И недвижно и безгласно.
Вотъ онъ въ струны жизнь вливаетъ;
Сладкій звонъ окрестъ несется,
И въ восторгѣ, въ умиленьи
Возглашаетъ Вейнемейненъ:

„Боги! вамъ благодаренье!
Вы на зовъ мой дружелюбно
Притекли въ сей край убогій
И на чуждаго собрата
Взоръ привѣтливый склонили.
Было время: одиноко
Межъ озеръ и скалъ печальныхъ
Здѣсь державствовалъ я въ мирѣ
И широкія пустыни
Оглашалъ волшебнымъ пѣньемъ.
Все, внимая мнѣ, любовью
Животворной наполнялось:
Трепетали скалы, рощи;
Ели, сосны преклонялись,
И гранитъ и звѣрь плясали [2]).

„Вдругъ... о Браге! изъ предѣловъ,
Гдѣ съ Одиномъ власть ты дѣлишь,
Дикій сонмъ его питомцевъ

[1]) Богъ поэзіи у скандинавовъ.

[2]) Таково преданіе о финскомъ Орфеѣ.

Черезъ Балтику съ мечами
И съ Крестомъ наплылъ на брегъ мой...
Потекли здѣсь рѣки крови,
Въ мракъ лѣсовъ бѣжалъ я съ арфой. —
Шли столѣтья: край мой втайнѣ
Охранялъ ты; напослѣдокъ,
Чуднымъ образомъ облекшись,
Удержавъ свое лишь имя,
Самъ въ мѣстахъ сихъ ты явился [1])
Воеводою разумнымъ,
Покровителемъ народа;
И надъ Аурою смиренной
Храмъ науки ты воздвигнулъ.
Но не властенъ былъ ты, Браге,
Удалить отъ сихъ предѣловъ
Мечъ ужаснаго Одина,
И меня ты, богъ, не вѣдалъ,
И печально я съ цѣвницей
Въ тмѣ лѣсовъ моихъ скитался,
И порою лишь, украдкой
Заунывныя пѣлъ пѣсни.

„Годы шли... Баянъ безсмертный!
На твоемъ Востокѣ встало
Солнце Мира для вселенной, —
Встало въ образѣ прекрасномъ
Вѣнценоснаго Героя.
О Баянъ! Его покрову
Поручило Провидѣнье
И мою страну: какъ Ангелъ
Благодатно-лучезарный,
Онъ изъ тучъ свирѣпой брани
Вдругъ средь чадъ моихъ явился,
Такъ могущъ и такъ привѣтливъ!
О, какою онъ любовью
Пламенѣлъ! какъ это море,
Въ немъ она была разлита
Глубока, неистощима.
Въ самыхъ буряхъ Распри миромъ
Онъ дышалъ! Чуть стихли битвы, —

[1]) Поводомъ къ этому вымыслу послужило сходство имени скандинавскаго бога поэзіи (Brage) и перваго виновника основанія университета Абовскаго (Brahe).

*

Безъ торжественнаго блеска,
Позабывъ свои побѣды,
Онъ потекъ по финскимъ дебрямъ.
О, какъ тронутъ, какъ восторженъ
Былъ я видомъ необычнымъ!
Сладки были мнѣ щедроты
Изъ Его державной длани,
Но еще стократъ милѣе
Съ кроткихъ устъ Его улыбка
И привѣтъ благоволенья.
Я, невѣдомый, презрѣнный,
Вдругъ былъ узнанъ и обласканъ
Первымъ въ мірѣ между смертныхъ!
Полонъ новаго блаженства,
Изъ лѣсовъ я вышелъ съ арфой
Славословить Александра...

„Аполлонъ золотокудрый!
Вы, свытыя Дѣвы пѣсенъ!
Посмотрите: величавый
Храмъ красуется предъ вами.
Храмъ сей вашъ: и въ сей полночный,
Въ сей угрюмый край мороза
Вашъ всесильный свѣтъ проникнулъ.
И давно ужъ Браге мудрый
Вамъ надъ Аурой сѣнь устроилъ,
Но ее пожрало пламя.
Чей же трудъ сей? чьею волей
Названъ онъ по Александру?

„Есть надъ славною Невою
Исполинъ гранитный: вѣки
Онъ нестройною громадой
Спалъ, никѣмъ незамѣчаемъ,
Въ каменистой колыбели
Береговъ моихъ зубчатыхъ,
Гдѣ его баюкалъ голосъ
Волнъ морскихъ и водопадовъ.
Вдругъ на мощный зовъ съ Востока
Богатырски онъ воспрянулъ
И воздвигся въ градѣ Невскомъ,
Съ свѣтлымъ Ангеломъ подъемля
Къ небу имя Александра... [1])

[1]) Извѣстно, что исполинская Александровская колонна, стоящая на Адмиралтейской *(Дворцовой)* площади въ С.-Петербургѣ, есть дань гранитныхъ береговъ Финляндіи.

„Близъ него въ палатахъ пышныхъ
Есть престолъ, покрытый блескомъ.
Много словъ, будящихъ Дѣло,
Много дѣлъ, будящихъ Славу,
Тамъ невидимо родится.
Тамъ и сей чертогъ Науки,
Сей гранитнаго гиганта
Старшій братъ и соименникъ,
Жизнь пріялъ первоначально
Въ Царской думѣ, въ Царскомъ словѣ.

„Тамъ въ сіяніи надежды
Возлѣ трона обитаетъ
И Покровъ сей мирной сѣни,
Сынъ Царей, въ крестѣ и въ духѣ
Соименникъ Александра, —
Онъ, въ дни свѣтлыхъ нашихъ пиршествъ
Самъ ликующій въ преддверьи
Брачной храмины и счастья.
Устремите жъ благодарно
Взоръ и духъ къ чертогамъ Невскимъ,
Вы, явившіеся нынѣ
Отъ священнаго Олимпа
Пировать свои побѣды
Въ нашемъ царствѣ отдаленномъ!

„Веселись, моя отчизна!
Никогда еще твой берегъ
Не сіялъ такою славой
Передъ сонмомъ столь блестящимъ.
Никогда еще такъ гордо
Головы не подымалъ я,
Никогда еще такъ твердо
По струнамъ не ударялъ я!
Веселися! Миръ, разцвѣтшій
Подъ стопами Александра
На твоихъ кровавыхъ нивахъ,
Онъ вовѣки не увянетъ!"

Смолкнулъ богъ. Лишь звонъ цѣвницы
За далекими водами,
Средь пустыни замирая,
Въ тихомъ воздухѣ носился.
Съ вѣждъ ликующаго бога

Покатилися сверкая
Слезы сладкаго восторга,
И съ трепещущаго лона
Нистекая по граниту,
Въ лонѣ плещущаго моря
Претворялись въ крупный жемчугъ [1]).

Между тѣмъ Баянъ и Браге
И прекрасный Фебъ согласно
Возложили длань на струны
И игру ихъ сочетали
Съ пѣньемъ кантелы [2]) убогой,
И пучина стала вторить
Хору арфъ, и величаво
Все слилось въ единый голосъ:
„Веселись, о Вейнемейненъ!
Веселись, благодаримъ!“

Юбилейными празднествами 1840 года оканчиваются двухсотлѣтнія воспоминанія финляндскаго университета. Между событіями, которыми начался третій вѣкъ сего учрежденія, особенно важно радостное для него вступленіе Государя Наслѣдника съ 1841 года въ дѣйствительное управленіе Александровскимъ университетомъ по званію канцлера его. Но время, когда послѣдовалъ рескриптъ Его Высочества по сему предмету, уже не входитъ въ кругъ нашего обозрѣнія.

Въ заключеніе приведемъ нѣсколько строкъ изъ отчета ректора С.-Петербургскаго университета за 1840 г. [3]):

„Нынѣшній годъ, въ качествѣ депутата отъ почтенныхъ сочленовъ моихъ, я видѣлъ сосѣдственный намъ университетъ, который праздновалъ двѣсти лѣтъ существованія своего. Въ нѣдрахъ этого древняго святилища наукъ я вполнѣ чувствовалъ, чѣмъ университетъ можетъ быть обязанъ своей исторіи. Перемѣщенный изъ Або въ Гельсингфорсъ послѣ бѣдственнаго пожара, во всѣхъ частяхъ обновленный и уже въ число преподавателей принявшій нѣсколько молодыхъ людей, образовавшихся на его новой родинѣ, Александровскій университетъ вполнѣ сохраняетъ весь величественный характеръ своей древности.

[1]) Мысль, въ послѣднихъ стихахъ выраженная, основывается на одной изъ финскихъ народныхъ пѣсенъ о Вейнемейненѣ.

[2]) Финской арфы.

[3]) Отчетъ сей былъ читанъ на торжественномъ актѣ С.-Петербургскаго университета 3 апрѣля 1841 года и потомъ напечатанъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими тогда же читанными статьями.

Его внутренняя жизнь, развившаяся и укрѣпленная опытами, приводитъ въ изумленіе равновѣсіемъ силъ, сосредоточенностію мнѣній, ровностію движенія частей, точностію порядка, достойнымъ уваженіемъ долга и необыкновенною торжественностію формъ въ ученыхъ промоціяхъ. Въ отношеніи къ цѣлому краю Александровскій университетъ остается въ томъ патріархальномъ значеніи, по которому всѣ сословія и всѣ чины гражданства ему одному считаютъ себя обязанными духовною и свѣтскою мудростію. Таковы плоды долголѣтней его исторіи".

Мы представили слабый очеркъ этой исторіи. Университетъ Александровскій имѣетъ право съ гордостію вспоминать и бѣдствія, надъ которыми онъ всегда торжествовалъ, и дорого купленныя блага минувшаго; но обратясь къ настоящему, онъ можетъ съ свѣтлою надеждой глядѣть и на свою будущность. Пусть еще много вѣковъ онъ цвѣтетъ и совершенствуется подъ сѣнью Русскаго престола, и когда никого изъ свидѣтелей его нынѣшней славы болѣе не будетъ, пусть онъ соберетъ блестящій рядъ *новыхъ воспоминаній* на юбилеѣ

1940 года.

ЛИСТКИ ИЗЪ СКАНДИНАВСКАГО МІРА.

I[1]).

1842.

Въ современной жизни Скандинавіи и Финляндіи много встрѣчается явленій, которыя для русскихъ были бы и занимательны и поучительны, еслибъ доходили до нихъ. Но обѣ эти страны, по своимъ малоизвѣстнымъ языкамъ, для Россіи еще составляютъ міръ почти совершенно чуждый. Живя въ Финляндіи, гдѣ скандинавскія вѣсти быстро обращаются вмѣстѣ съ ея собственными, одинъ изъ корреспондентовъ Современника намѣренъ, въ краткихъ замѣткахъ, собирать любопытнѣйшіе факты современной дѣятельности въ Скандинавіи и Финляндіи. Преимущественно онъ будетъ заимствовать свои замѣтки изъ области литературы, не ограничиваясь однакожъ ни исключительно этимъ кругомъ, ни даже одною только современною жизнію, и вообще не предписывая себѣ никакого особеннаго порядка.

¹) *Соврем.* 1842, XXVIII, 29—51, срв. *Переписка* I, стр. 588, 592, 597, 601—614.

1.

Замѣчательно, что въ то же время, когда Исторія Петра Великаго тетрадками и съ гравюрами издается въ отечествѣ его на русскомъ языкѣ, въ то же время и такимъ же образомъ издается она и въ отечествѣ Карла XII на шведскомъ языкѣ. Въ г. Гётеборгѣ, или, по нѣмецкому названію, Готенбургѣ, первомъ городѣ въ Швеціи послѣ Стокгольма, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ напечатано было объявленіе, изъ котораго узнаемъ, что какой-то г. Шюслеръ (Schüssler) собираетъ подписку на шведскій переводъ Исторіи Петра В., составленной по-нѣмецки г. Рейхе (Reiche) и появившейся прошлаго года въ Лейпцигѣ. Переводчикъ хвалитъ умѣнье сочинителя располагать и оцѣнивать многочисленные матеріалы, относящіеся къ избранному времени, и искусство, съ которымъ онъ представилъ столь же безпристрастную, какъ и занимательную Исторію Петра I. Но еще болѣе хвалитъ онъ точность и изящество гравюръ, приложенныхъ къ сочиненію. Онъ обѣщаетъ, что переводъ будетъ напечатанъ щегольски на лучшей веленевой бумагѣ новыми буквами, нарочно выписанными изъ Англіи, и составитъ, какъ въ подлинникѣ, 7 тетрадей, изъ которыхъ каждая будетъ содержать въ себѣ по 3 — 4 листа текста и по 2 гравюры. Каждыя двѣ недѣли будетъ выходить въ свѣтъ одна тетрадь, цѣною въ 32 банк. шиллинга (1 р. 28 к. ас.) каждая.

Чтобы узнать духъ сочиненія Рейхе, довольно прочесть его вступленіе. Мы оттуда съ особеннымъ удовольствіемъ выписываемъ въ русскомъ переводѣ нѣсколько мыслей о Петрѣ Великомъ: радостное свидѣтельство торжества истины заключается сколько въ самыхъ словахъ, столько и въ томъ, что ихъ за безпристрастнымъ германцемъ повторяетъ шведъ во всеуслышаніе своей націи.

„Петръ Великій принадлежитъ къ числу трехъ политическихъ героевъ, явившихся на поприщѣ міра XVIII столѣтія. Первый между ними по времени, онъ такъ же точно принадлежитъ XVII столѣтію, какъ Наполеонъ XIX-му. По истинѣ многозначительное явленіе на Янусовомъ образѣ времени: Петръ, творецъ просвѣщенія Россіи въ XVIII столѣтіи, показываетъ намъ, глядя назадъ, тѣни стариннаго образованія XVII вѣка, которыя остались не безъ вліянія на свѣтлое его твореніе, и даже часто были съ нимъ въ рѣзкомъ противорѣчіи. Съ другой стороны Наполеонъ смотритъ впередъ и вмѣщаетъ въ себѣ духъ всего XIX столѣтія, тогда какъ XVIII еще не успѣло кончиться. Между обоими стоитъ Фридрихъ Великій, который принадлежалъ исключительно своему вѣку и при всемъ блескѣ генія своего не могъ вполнѣ освободиться отъ оковъ нѣкоторыхъ предразсудковъ.

„Настоящій трудъ вовсе не имѣетъ притязанія представить для исторіи Петра и Россіи какіе-нибудь новые, доселѣ неизвѣстные

источники, и такимъ образомъ обогатить ученый міръ матеріалами и пособіями. Напротивъ, вся цѣль его — на простомъ, но все-таки историческомъ, и благородномъ языкѣ ознакомить тѣхъ, кто не любитъ ученыхъ сочиненій, щедро снабженныхъ цитатами, съ исторіею государя, котораго время еще не такъ отдаленно отъ насъ и которому, по идеѣ Гердера (Adrastea. III. 85), долженъ бы быть поставленъ монументъ, описанный имъ такъ: „Я бы лучше всего хотѣлъ изобразить его стоящимъ, ибо во всю жизнь онъ былъ на ногахъ; я бы желалъ одѣть его въ латы, ибо онъ былъ латникъ всего своего царства. Въ рукѣ его я не помѣстилъ бы ничего, кромѣ свертка, заключающаго въ себѣ карту его исполинскаго государства и планъ Петербурга. Этотъ свертокъ онъ выставлялъ бы впередъ, обративъ лицо въ сторону, какъ будто кто-то, другъ или недругъ, стоялъ возлѣ него, и Петръ спокойно смотрѣлъ ему въ глаза. По-моему, его лицо, всюду извѣстное и всегда похожее, нисколько бы не должно быть идеализировано; Петру ли было стыдиться своего лица? На немъ какое-то суровое величіе смѣшивалось съ веселымъ добродушіемъ. Величіе сіяло на челѣ его, а въ глазахъ выражалась важность мыслителя. Его густые волосы долженъ бы обвивать дубовый вѣнокъ. У ногъ его я бы положилъ вѣнокъ лавровый, и еще мечъ, и разные математическіе инструменты, которыми онъ творилъ и дѣйствовалъ. На самомъ пьедесталѣ, возлѣ него, хотѣлъ бы я помѣстить русскаго орла, съ молніею въ когтямъ. На сторонахъ пьедестала были бы изображены главные подвиги его и начертанъ единственный титулъ, которымъ онъ повелѣлъ называть себя: „Петръ Алексѣевичъ Первый". Совершенно правъ будетъ историкъ, который, представивъ Петра, указывающаго на карту своего государства и своего города, вложитъ въ уста его слова: „Смотрите! я сдѣлалъ, что могъ: я началъ тамъ, гдѣ, измѣривъ силы свои, считалъ должнымъ начать, то-есть, снизу. Смерть и судьба не позволили мнѣ продолжать, но всегда принимался я за дѣло добросовѣстно и предоставилъ преемникамъ моимъ довершить начатое мною".

2.

До сихъ поръ посѣтители Иматры, желавшіе видѣть знаменитые пороги съ обоихъ береговъ Воксы, должны были вмѣстѣ съ своими экипажами на паромѣ переправляться черезъ рѣку въ такомъ мѣстѣ, которое не всякому внушало достаточную къ тому смѣлость. Теперь предполагается провести черезъ Иматру мостъ и сверхъ того устроить для посѣтителей порядочную гостинницу.

„Верстахъ въ 120 за Иматрою и около 35 до Нейшлота есть мѣсто, особенно достойное вниманія. Это гранитный мостъ, самою природою устроенный на озерѣ *Саймѣ*. Тамъ, на протяженіи семи верстъ, дорога идетъ по двумъ узенькимъ, но возвышеннымъ и неровнымъ островамъ;

между собой они соединены искусственнымъ мостомъ, а отъ береговъ озера отдѣляютъ ихъ съ обоихъ концовъ небольшіе проливы, черезъ которые должно переправляться на плотахъ. Эти два острова вмѣстѣ составляютъ такъ называемый *Свиной-хребетъ* (по-фински Pungaharju, по-шведски Svinrygg). Устланные превосходною, хотя и тѣсною дорогой, а по краямъ то обставленные лѣсомъ и кустарникомъ, то обнаженные (отчего образуются мѣстами грозныя пропасти), они со всѣхъ сторонъ открываютъ взору безпрестанно-смѣняющіеся виды, изумительные красотой и разнообразіемъ." Эти строки были напечатаны въ Современникѣ еще 1840 года [1]). Теперь можно къ нимъ прибавить, что чудное Pungaharju, которое донынѣ такъ мало посѣщалось, обратило на себя вниманіе мѣстнаго правительства. И здѣсь предположено учредить гостинницу; сверхъ того тутъ же разведенъ будетъ небольшой паркъ.

3.

Между мелкими сочиненіями славнаго шведскаго писателя, епископа Францѐна, составляющими особый томъ, есть одно, особенно занимательное для русскихъ. Это рѣчь, которую онъ, переселившись изъ Финляндіи, своей родины, въ Швецію, произнесъ лѣтъ двадцать тому назадъ въ Академіи словесности, исторіи и древностей: въ ней дѣло идетъ „О происхожденіи имени и государства русскаго." Авторъ старается доказать, что народъ, отъ котораго Русь получила свое названіе, жилъ еще задолго до основанія Рюриковой державы въ предѣлахъ нынѣшней Россіи, именно около озера Ильменя, и былъ шведскаго племени. Однимъ изъ главныхъ доказательствъ этого мнѣнія служитъ Францѐну городъ *Старая Руса*, который будто бы существовалъ уже, когда прибылъ Рюрикъ съ братьями и былъ основанъ шведскими колонистами, русами, сообщившими ему свое имя. Эта историческая статья замѣчательна остроуміемъ и начитанностію, о которыхъ свидѣтельствуютъ изслѣдованія и многочисленныя ссылки автора; но при всемъ томъ, кажется, доводы его не вполнѣ убѣдительны.

4.

Въ Швеціи, особливо въ области Вермландъ, вообще по южной части границы Швеціи съ Норвегіею (въ странѣ, нѣкогда извѣстной подъ именемъ *Альфгеймъ*), живетъ множество финновъ; даже и въ Далекарліи не мало жителей этого племени. Но въ Швеціи финны не имѣютъ ни особыхъ церквей, ни пасторовъ изъ земляковъ своихъ. Живутъ они въ лѣсахъ между рѣкъ и по большей части, какъ и въ Финляндіи, отдѣльными избами; есть однакожъ у нихъ и довольно

[1]) См. ст. *Гельсингфорсъ*, выше, стр. 99.

значительныя деревни. Въ XVII столѣтіи правительство края принуждало ихъ учиться по-шведски; было постановлено, что финнъ, не знающій этого языка, лишается покровительства закона. Но именно отъ такого стѣсненія произошло, что тамошніе финны упорно хранили свой языкъ и въ теченіе вѣковъ не забыли его. Однакожъ большая часть ихъ говоритъ по-шведски, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (въ Далекарліи) они, даже и между собой, только тогда объясняются по-фински, когда ихъ не могутъ слышать шведы, предъ которыми они тщательно скрываютъ свое происхожденіе. Оттого, около мѣстъ мѣстъ, гдѣ живутъ финны, множество шведовъ совсѣмъ и не знаетъ о ихъ близкомъ сосѣдствѣ. Надобно прибавить, что и въ Финляндіи крестьяне-финны и крестьяне-шведы не очень жалуютъ другъ друга.

5.

Францѐну теперь уже около 70 лѣтъ отроду; но онъ все еще не измѣняетъ своей необыкновенной дѣятельности: каждый годъ онъ къ огромному собранію своихъ стихотвореній прибавляетъ какой-нибудь новый значительный трудъ (не считая мелкихъ пьесъ), пишетъ біографіи, печатаетъ свои проповѣди и трудолюбиво отправляетъ свою епископскую должность. Въ молодости онъ, разумѣется, былъ еще гораздо живѣе; говорятъ однакожъ, что, не смотря на то, онъ всегда былъ подверженъ припадкамъ неодолимой сонливости всякій разъ, когда при немъ происходило что-нибудь не занимавшее его. Однажды онъ былъ въ литературномъ обществѣ, гдѣ читали новые труды присутствующихъ. При чтеніи стиховъ одного изъ своихъ собратовъ, Францѐнъ по обыкновенію отъ скуки заснулъ. Между тѣмъ злополучную пьесу кончили и принялись за стихотвореніе самого Францѐна. Въ срединѣ ея чтенія онъ вдругъ проснулся, сталъ вслушиваться въ стихи и думая, что еще все читаютъ пьесу товарища, съ негодованіемъ сказалъ: „это украдено!“ Всѣ съ недоумѣніемъ обратили на него взоры. „Да, Мм. Гг.“, продолжалъ онъ съ таинственною увѣренностію: „это мнѣ лучше всѣхъ извѣстно.“ Эти слова, сначала показавшіяся всему обществу забавнымъ, хотя и очень откровеннымъ признаніемъ, подали поводъ къ объясненію, которое возбудило всеобщій хохотъ.

6.

Въ Финляндіи 1-е октября и 1-е ноября составляютъ двѣ замѣчательныя эпохи.

По обычаю, перешедшему сюда изъ Швеціи, 1-е октября служитъ общимъ срокомъ для перемѣны квартиръ. Къ этому дню всѣ недовольные жильцы, начиная еще съ мая и даже съ апрѣля мѣсяца, пріискиваютъ себѣ квартиры, о которыхъ или заблаговременно объявляется въ газетахъ, или знакомые узнаютъ другъ отъ друга. Домовъ

здѣсь строится очень много; но такъ какъ при постройкѣ ихъ всего болѣе заботятся о выгодномъ доходѣ, то не мудрено, что жители, не имѣющіе собственныхъ домовъ, ведутъ жизнь довольно кочевую. Въ послѣдніе три дня сентября мѣсяца вдругъ начинается какъ-будто общее переселеніе: по всѣмъ улицамъ солдаты и слуги носятъ мебель. То же замѣтно еще и 1-го октября, но 2-го переѣзжаютъ уже только развѣ запоздавшіе по какимъ-нибудь причинамъ. По мѣрѣ приближенія этого срока, чаще и чаще слышится между знакомыми вопросъ: „Что? вы остаетесь на своей квартирѣ?" Любопытно въ началѣ октября прохаживаться по городу и видѣть множество старыхъ, знакомыхъ вывѣсокъ на новыхъ мѣстахъ. Въ Швеціи, какъ мы слышали, общая перемѣна квартиръ происходитъ въ два срока: 1-го мая и 1-го октября. Въ Упсалѣ онѣ отдаются особо на на весенній и осенній учебный курсъ тамошняго университета, и хотя эти курсы продолжаются не равное время, однакожъ цѣна квартиръ за оба одна и та же.

Другой срокъ, въ Финляндіи, 1 ноября, есть какъ бы *Юрьевъ день* для тамошнихъ слугъ. Въ этотъ день отпускаются прежніе и поступаютъ новые слуги. Уговоръ съ ними заблаговременно дѣлается на годъ, при чемъ нанявшійся получаетъ не въ задатокъ, а въ придачу небольшую сумму денегъ (städsel, руб. 10—15). Впрочемъ господинъ, недовольный слугою по какой-нибудь уважительной причинѣ, можетъ во всякое время отпустить его; условіе въ такомъ случаѣ теряетъ свою обязательную силу. Въ Гельсингфорсѣ годовая плата слугамъ составляетъ отъ 35 до 120 р. въ годъ; въ другихъ финляндскихъ городахъ она несравненно ниже. Прежде здѣсь перемѣна слугъ происходила также 1 октября; но суматоха, которая была неизбѣжна при такомъ двоякомъ переворотѣ въ домахъ, подала поводъ къ новому порядку.

7.

Есть на шведскомъ языкѣ книга, особенно любопытная для русскихъ. Это *Замѣтки о Россіи, написанныя* (однимъ не назвавшимъ себя шведомъ) *во время краткаго пребыванія въ Петербургѣ и поѣздки въ Москву.* Книга издана 1838 года въ Стокгольмѣ и состоитъ изъ двухъ частей (8°, въ 1-й 218 стр., во 2-й 199), съ приложеніемъ карты водяныхъ сообщеній между Невой и Волгою. Эти скромныя Замѣтки, въ ряду сочиненій о Россіи, составляютъ разительное исключеніе: авторъ писалъ ихъ съ совершеннымъ безпристрастіемъ, скорѣе даже съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ въ пользу Россіи, нежели противъ нея, съ необыкновенною добросовѣстностію и, по большой части, съ основательнымъ знаніемъ дѣла. Извлеченія и ссылки всего лучше покажутъ это.

Прежде всего, чтобы дать понятіе о планѣ книги, выпишемъ отдѣлы ея (въ началѣ каждаго изъ нихъ исчислены въ книгѣ пред-

меты, входящіе въ составъ его). *Часть первая.* Глава I. Петербургъ. II. Прогулка по улицамъ. III. Церкви. Греко-россійская вѣра. Русское духовенство. IV. Крѣпость, монетный дворъ. Горный корпусъ. Горное производство въ Сибири. V. Языкъ и литература. VI. Библіотеки, галлереи, театры. VII. Училища и учрежденія для просвѣщенія народнаго. VIII. Мужики.

Часть вторая. I. Гостиный дворъ и внутренняя торговля. II. Дворянство. III. Войско. IV. Мраморный дворецъ, Лѣтній садъ; нравы и обычаи и пр. V. Поѣздка въ Москву. VI. Москва.

Мы нарочно начнемъ съ главы о языкѣ и литературѣ. Изъ нея одно мѣсто уже переведено въ „Альманахѣ Александровскаго университета" (см. стр. 283). Непосредственно передъ выписанными тамъ строками, авторъ, начиная главу, говоритъ:

„Нынѣ чрезвычайная рѣдкость — найти человѣка, съ малѣйшими притязаніями на образованность, который не зналъ бы нѣсколькихъ или, по крайней мѣрѣ, хоть одного изъ иноземныхъ языковъ. Шведы вообще учатся имъ очень легко и съ такимъ успѣхомъ, что если недавно знаніе иностранныхъ языковъ въ нашемъ краю приносило честь, то теперь оно сдѣлалось до того необходимымъ, что не знать ихъ почти стыдно; и однакожъ, какъ ни распространилось у насъ повсюду языкознаніе — въ столицѣ Швеціи едва-ли наберется и десятокъ шведовъ, которые бы имѣли хоть какое-нибудь понятіе о языкѣ и литературѣ нашихъ ближайшихъ сосѣдей; вѣроятно, число людей, коротко знакомыхъ съ ихъ исторіею, статистикою и внутреннею жизнію, также незначительно у насъ.

„Это конечно происходитъ частію отъ той неблагосклонности ко всему *русскому*, которая между нами господствуетъ. Однакожъ ничего не можетъ быть несправедливѣе и даже безразсуднѣе такой неблагосклонности, когда она доходитъ до того, что подавляетъ желаніе ознакомиться съ предметами, которые во многихъ отношенія такъ близки къ намъ... Авторъ вовсе чуждъ *подобныхъ* неблагосклонностей, которыя сами не знаютъ, откуда онѣ родомъ; онъ также не слишкомъ любитъ пускаться въ политическія разсужденія, по весьма простой причинѣ, что не позволяетъ себѣ судить о предметахъ, которые ему не довольно извѣстны" и т. д.

Много есть и другихъ мѣстъ, гдѣ авторъ говоритъ съ такимъ же духомъ скромности и безпристрастія. Нельзя сказать, чтобы всѣ его извѣстія были вѣрны, но по крайней мѣрѣ число ошибокъ у него очень незначительно, и когда онъ чего-нибудь не знаетъ въ точности, то всегда сознается въ томъ. Укажемъ нѣкоторые промахи для начала въ 1-й части. Описывая домикъ Петра Великаго, авторъ (на стр. 75) говоритъ, что хранящійся тамъ ботикъ называется *матерью россійскаго флота*, и такимъ образомъ смѣшиваетъ его съ другимъ боти-

комъ, который содержится въ особенномъ домѣ близъ Собора Петропавловской крѣпости и знаменитъ подъ именемъ не *матери*, а *дѣдушки* русскаго флота. На стр. 92 сказано, что буквъ въ кирилловской азбукѣ 43, тогда какъ ихъ въ ней только 35 или, считая и познѣйшія дополненія, 38. „Этотъ языкъ", замѣчено, на стр. 96-й, „чрезвычайно способенъ къ каламбурамъ". Напротивъ, совсѣмъ почти неспособенъ. Херасковъ названъ: Шерасковъ (Scheraskow, стр. 124), а Гоголь — Глаголей (Glagolej, стр. 126).

Съ восторгомъ говоритъ авторъ а красотѣ Петербурга, особливо о видахъ, которыми обставлена Нева. „Едва-ли есть гдѣ-нибудь (прибавляетъ онъ) видъ обширнѣе, великолѣпнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ богаче содержаніемъ. Тутъ смотришь не на одни мертвые камни и массы; тутъ видишь представителей жизни народа, его дѣятельности и его образованія, или по крайней мѣрѣ, того образованія, къ которому онъ стремится исполинскими шагами. Тутъ видишь также, что̀ совершила могучая воля наперекоръ всѣмъ препятствіямъ, противопоставленнымъ ей и природою и обстоятельствами."

Любопытно слушать, какъ дѣйствуетъ русскій языкъ на слухъ природнаго шведа. Исчисливъ нѣкоторые трудные для иностранца звуки нашей азбуки (лъ, ы, щ), онъ замѣчаетъ:

„Пріятный, особливо женскій органъ отнимаетъ у этихъ звуковъ ихъ жесткость; но когда ихъ произноситъ простой народъ, который не старается умягчать ихъ, то они ужасны (afskyvärda). За исключеніемъ этихъ звуковъ, русскій языкъ пріятенъ для слуха; это много происходитъ отъ того, что русскіе вообще умѣютъ чрезвычайно разнообразить тонъ, смотря по различнымъ предметамъ, о которыхъ они говорятъ."

О нашихъ бородатыхъ мужичкахъ сочинитель замѣтокъ вездѣ отзывается съ большою любовью и даже посвятилъ имъ, въ концѣ 1-й части, особую главу (Mushikerne). По этому предмету, какъ и въ другихъ случаяхъ, онъ иногда пользовался прелестными очерками Е. А. Энгельгардта (Russische Miscellen). Во второй главѣ есть статья о русскихъ извозчикахъ. Выпишемъ изъ нея нѣсколько строкъ:

„Ихъ способность понимать иностранца, который не знаетъ языка ихъ, невѣроятна. Кажется, они умѣютъ отгадывать, куда онъ намѣренъ ѣхать, гораздо прежде, нежели онъ заговоритъ съ ними. Разъ я поѣхалъ къ Калинкину мосту, на край города, къ сторонѣ моря. Мой извощикъ, хотя я уже заплатилъ ему, расчиталъ однакожъ, что я долженъ буду возвратиться и что поэтому онъ мнѣ еще разъ понадобится. Когда я вышелъ на улицу, онъ все еще былъ на томъ же мѣстѣ. Я отправлялся въ домъ, до котораго было очень далеко, верстъ 5 по крайней мѣрѣ. Дорогу зналъ я очень хорошо и зналъ также, что домъ тотъ стоитъ близъ какого-то моста, на Фонтанкѣ,

противъ церкви Пантелеймона, но забылъ имена. На вопросъ его: Kudà's? я отвѣчалъ, какъ умѣлъ: Fontanka, most, Tserkof. Мой русскій пристально глядѣлъ мнѣ въ глаза, какъ будто хотѣлъ проглотить каждое слово, и на минуту призадумался. Вдругъ его лицо прояснилось, и онъ сказалъ *na Panteleimona tserkvu?* Тогда я вспомнилъ имя, и мы поѣхали. Наймите-ка извозчика въ Стокгольмѣ и скажите ему: мостъ, площадь, церковь!"

Въ очеркѣ исторіи русскаго языка и русской литературы авторъ справедливо замѣчаетъ, что въ Ломоносовѣ много сходства съ шведскимъ поэтомъ Шернъельмомъ (Stjernjelm). Въ самомъ дѣлѣ: исторія шведской литературы также начинается собственно только съ Шернъельма, жившаго въ XVII столѣтіи. Шернъельмъ былъ также болѣе ученый, нежели поэтъ: онъ до 45-ти-лѣтняго возраста не писалъ стиховъ и никогда не заслужилъ славы поэта первостепеннаго. Но онъ умѣлъ придать стихамъ своимъ то, чего не было у предшествовавшихъ ему шведскихъ поэтовъ: вкусъ и гармонію. Онъ вдругъ какъ-бы открылъ глаза своимъ соотечественникамъ и надолго сталъ образцомъ ихъ стихотворцевъ. Всего замѣчательнѣе, что и его главная заслуга состоитъ въ преобразованіи литературнаго *языка* и во введеніи новыхъ *размѣровъ* въ шведскую піитику. Подобно Ломоносову, обогатилъ онъ свой языкъ множествомъ словъ; онъ заимствовалъ ихъ частію изъ стариннаго шведскаго, частію изъ родственныхъ съ нимъ германскихъ языковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ изгналъ изъ употребленія большое число французскихъ словъ, чувствуя, какъ насильственно ихъ привитіе къ языку скандинавскаго корня. Особливо поэтическій языкъ шведовъ обязанъ Шернъельму обильнымъ запасомъ новыхъ словъ и оборотовъ. Что касается до стихосложенія, то онъ удачно перенялъ у западныхъ народовъ разные метры, которые до него не были извѣстны въ шведской литературѣ и навсегда остались ея достояніемъ. Вотъ какое разительное сходство въ значеніи Ломоносова и Шернъельма для двухъ сѣверныхъ сосѣдственныхъ націй, которыя еще въ младенчествѣ встрѣтились на пути къ развитію. Прибавимъ, что въ своихъ произведеніяхъ Шернъельмъ показалъ талантъ чрезвычайно разнообразный. Его прозвали *отцомъ шведской поэзіи.*

Отъ вниманія автора не ускользнулъ извѣстный анекдотъ, не совсѣмъ выгодный для Ломоносова, что, когда историографъ Миллеръ въ 1749 г. для торжественнаго случая написалъ рѣчь о происхожденіи народа и имени русскаго, и въ ней доказывалъ, что варяги были скандинавами и даже шведами, то, по настоянію Ломоносова, запрещено было произносить и издавать эту рѣчь, какъ содержавшую въ себѣ положеніе, оскорбительное для чести государства. Упоминая объ этомъ, авторъ мимоходомъ разсказываетъ другой подобный случай, бывшій въ шведской литературѣ. Одинъ пасторъ въ прошломъ столѣтіи на-

писалъ книгу, гдѣ утверждалъ, что подъ именемъ острова *Атлантиды*, о которомъ упоминаетъ Платонъ, надобно разумѣть *Палестину*. Тотчасъ ученый Бьёрнеръ вошелъ къ тогдашнему президенту Коллегіи древностей графу Густаву Бонде съ прошеніемъ, въ которомъ обвинялъ автора въ безстыдствѣ за то, что онъ хотѣлъ перенести Атлантиду въ Палестину, тогда какъ ясно уже было доказано, что Платонъ подъ этимъ именемъ разумѣлъ не что иное, какъ *Скандинавію*, что̀ давно уже всѣми учеными принято и *служитъ къ чести и славѣ отечества*. Потому онъ всепокорнѣйше проситъ его сіятельство, не благоугодно ли будетъ приказать реченную книгу совсѣмъ *уничтожить* или, по крайней мѣрѣ, подвергнуть *строжайшей цензурѣ*. Что заносчивый и упрямый Бьёрнеръ умѣлъ достигнуть своей цѣли, можно вывести изъ того, что книга та напечатана не прежде, какъ спустя годъ послѣ его смерти, именно въ 1751 году.

8.

Къ утѣшенію тѣхъ, которыхъ часто приводятъ въ уныніе нѣкоторыя явленія современной періодической литературы въ нашемъ отечествѣ, можно указать имъ на то, что дѣлается у нашихъ сосѣдей, шведовъ. Здѣсь рѣчь идетъ не о журналахъ, потому что тамъ издается всего одинъ только литературный журналъ (Фрей), а о газетахъ, которыхъ въ одномъ Стокгольмѣ нынѣ выходитъ въ свѣтъ до 7, изъ которыхъ одна имѣетъ около 6000 подписчиковъ, что̀ для такого незначительнаго и малонаселеннаго края, какъ Швеція, чрезвычайно много. Редакторы нѣкоторыхъ изъ этихъ газетъ, подъ видомъ усердія въ пользу какого-нибудь политическаго мнѣнія, хлопочутъ только о пользѣ своихъ кармановъ, безпрестанно ведутъ между собою войну и нерѣдко наполняютъ листки свои самыми оскорбительными личностями. Къ этому публика уже привыкла; но недавно, именно прошлаго лѣта, они въ своей площадной брани представили такой примѣръ безумнаго озлобленія, который всю шведскую публику, особливо въ Стокгольмѣ, привелъ въ совершенное негодованіе. Дѣло вотъ въ чемъ.

Одна изъ самыхъ громкихъ репутацій въ нынѣшней шведской литературѣ принадлежитъ Альмквисту, таланту, удивительному по своей неимовѣрной плодовитости, самобытной силѣ и рѣдкой многосторонности. Онъ пишетъ во всѣхъ родахъ. Многочисленныя сочиненія его состоятъ изъ ученыхъ разсужденій и изъ романовъ, изъ сухихъ учебниковъ, какъ-то: грамматикъ, географій, ариѳметикъ, и изъ стихотворныхъ драмъ, поражающихъ своею оригинальностію и глубокою поэзіею. Извѣстнѣйшій трудъ Альмквиста есть длинный рядъ повѣстей и романовъ, издаваемыхъ имъ подъ общимъ заглавіемъ: *Книга шиповника, свободныя фантазіи*, и кипящихъ игрою воображенія самаго необузданнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ изобилующихъ новыми, разитель-

ными взглядами на жизнь и міръ. Надобно однакожъ прибавить, что между идеями Альмквиста часто встрѣчаются самые странные парадоксы и противорѣчія, и что вообще въ творческомъ духѣ его слишкомъ мало гармоніи и истинно-художническаго разумѣнія. Въ умѣ его есть чрезвычайная рѣзкость, перо его краснорѣчиво, увлекательно, но не менѣе того и язвительно. По всему этому понятно, что у Альмквиста множество и самыхъ пламенныхъ почитателей и самыхъ ожесточенныхъ враговъ.

Въ послѣднее время онъ принялъ дѣятельное участіе въ одной изъ Стокгольмскихъ политическихъ газетъ и тѣмъ обратилъ на себя ядовитое жало другой, которой столбцы стали безпрерывно повторять имя Альмквиста, разумѣется не въ самомъ выгодномъ для него смыслѣ. Сильно оскорбленное самолюбіе гордаго автора побудило его прибѣгнуть къ средству не совсѣмъ позволительному. Онъ погрозилъ враждебной газетѣ, что, если она не умолкнетъ, то онъ нападетъ на одно близкое къ ея редактору частное лицо. Угроза не помогла — и была выполнена. Теперь раздраженный противникъ (редакторъ газеты) вызвалъ поэта на дуэль; поэтъ не принялъ вызова, и вскорѣ послѣ того понесъ отъ обиженнаго публичное оскорбленіе! Газеты съ обѣихъ сторонъ наполнились выраженіями самыми чувствительными для чести.

Весь Стокгольмъ знаетъ позорную исторію и казнитъ говоромъ презрѣнія литераторовъ, такъ недостойно унижающихъ свой талантъ, литераторовъ, забывающихъ, что онъ священный даръ, небомъ ввѣренный имъ для цѣли высокой. Надѣются, что такое неслыханное посрамленіе періодической литературы, образумивъ ослѣпленныхъ, произведетъ въ ней благодѣтельный и прочный переворотъ.

II.

1843 [1]).

1.

Недовольный обращеніемъ одного чиновника въ Императорской Публичной Библіотекѣ, авторъ [2]) при этомъ случаѣ замѣчаетъ, что, какъ онъ прежде уже слышалъ, „когда придется имѣть дѣло съ какимъ-нибудь *tschinovnic* (чиновникомъ низшаго разряда), то часто

[1]) *Современ.* 1843, XXIX, 84 — 107; срв. *Переписку,* I, 627 — 648.

[2]) Окончаніе отчета о книгѣ: *Замѣтки о Россіи,* писанныя шведскимъ путешественникомъ. См. предыдущую статью. *Ред.*

ничего не возьмешь *одною* вѣжливостью, а надобно сверхъ того *montrer les dents*. Передъ начальниками своими, или тѣми, отъ которыхъ они могутъ опасаться или ожидать чего-нибудь, они готовы пресмыкаться и раболѣпствовать, но бываютъ исполнены высокомѣрія и недоброжелательства къ другимъ, и чтобы справиться съ ними, иногда необходимо прибѣгнуть къ правилу Иппократа: *quod medicamina non sanant, ferrum sanat; quod ferrum non sanat, ignis sanat* [1]).

Вотъ что говоритъ авторъ о пренебреженіи отечественнаго языка въ нѣкоторыхъ сословіяхъ русскаго общества. Сперва рѣчь идетъ о прошедшемъ времени. „Прежде всего дѣти учились тогда презирать свое собственное отечество и слѣдовать исключительно иноземнымъ, особливо парижскимъ, образцамъ. При выборѣ гувернёра первый вопросъ состоялъ въ томъ, было ли у него истинно-французское произношеніе, и ежели онъ сверхъ того умѣлъ картавить, выговаривая букву *r* какъ настоящій парижанинъ, то считался несравненнымъ. Оттого многимъ молодымъ людямъ съ хорошими способностями изъ парижскихъ ресторацій, помадныхъ лавокъ и цырюлень удавалось въ Россіи находить счастіе въ качествѣ ученыхъ и гувернёровъ. Потребныя на то свѣдѣнія пріобрѣтались очень легко, во время переѣзда изъ Парижа до Петербурга, изъ какой-нибудь краткой французской грамматики, или маленькой, щеголеватой энциклопедіи.

„Поэтому воспитаніе молодыхъ людей высшаго сословія считалось оконченнымъ, когда они свободно говорили по-французски, умѣли танцовать, или отличались какимъ-нибудь другимъ талантомъ; они только и думали о томъ, какъ-бы скорѣе побывать въ Парижѣ, чтобы еще болѣе усовершенствовать начатое дома такъ основательно и успѣшно.

„Русскимъ языкомъ пренебрегали до такой степени, что на немъ говорили по большей части только съ прислугою. Еще и нынѣ очень многіе русскіе воображаютъ, что единственный языкъ, годный для разговора, есть французскій. Я съ нѣкоторымъ состраданіемъ замѣчалъ, что большое число тѣхъ, съ кѣмъ я былъ знакомъ, *исключительно* говорило по-французски, и меня увѣряли, что *между знатными дамами многія, хотя родились и были воспитаны въ Петербургѣ, попали бы въ чрезвычайно затруднительное положеніе, еслибъ имъ понадобилось разговориться по-русски*.

„Въ послѣднее время однакожъ стало обнаруживаться лучшее направленіе, и отечественный языкъ уже вступаетъ въ свои права. Въ этомъ, какъ и во всемъ другомъ, начàло сдѣлано Государемъ, который всегда говоритъ по-русски съ понимающими родной языкъ, и во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ введено основательное обученіе отечественному слову.“

[1]) Чего лѣкарства не исцѣляютъ, то цѣлитъ желѣзо; чего не исцѣляетъ желѣзо, то цѣлитъ огонь.

Можетъ быть, въ выписанныхъ замѣчаніяхъ нѣкоторыя черты слишкомъ рѣзки; однакожъ, мы, къ стыду нашему, не можемъ въ этомъ случаѣ сказать, что иностранецъ, по старой привычкѣ европейскихъ путешественниковъ, клеплетъ на русскихъ.

Съ непритворнымъ чувствомъ говоритъ авторъ о неусыпной благотворительности Императрицы Маріи Θеодоровны, которую, по его словамъ, немногіе знаютъ, потому что Она дѣйствовала въ тишинѣ и творила добро втайнѣ, и которой память, вмѣсто похвальной рѣчи, возбудила благодареніе, ибо при гробѣ Ея было сказано:

Благодаримъ, благодаримъ
Тебя за жизнь Твою межъ нами!

Въ сужденіи иностранца о нашемъ отечествѣ всегда заключается особенная занимательность; иногда оно бываетъ даже поучительнымъ, потому что его взглядъ часто обнимаетъ предметъ съ такой стороны, которой мы сами, отъ вліянія привычки, можетъ быть, никогда бы и не открыли. Но за сужденіе, подобное слѣдующему, всякій читатель, конечно, поблагодаритъ правдолюбиваго путешественника, столь не похожаго въ этомъ отношеніи на большую часть посѣтителей Россіи. Жаль, что книга его написана не по-французски.

„Какъ ни странно можетъ показаться это замѣчаніе", говоритъ онъ: „русскій народъ стоитъ на высшей точкѣ образованія, нежели обыкновенно полагаютъ.

„Если подъ образованіемъ разумѣть совокупность знаній, то, конечно, большая часть народа находится на весьма низкой степени просвѣщенія; но въ такомъ случаѣ средство принимается за цѣль. Истинное образованіе народа состоитъ въ его уваженіи ко всему священному, въ его нравственномъ чувствѣ, его взаимномъ согласіи, его любви къ полезной дѣятельности и труду, и пр. Въ этомъ смыслѣ русскій народъ дѣйствительно стоитъ не такъ-то низко, и многія другія націи, которыя хвалятся своею образованностію, но въ ней всего выше цѣнятъ одни ея недостатки, стоятъ право ступенью ниже, какъ онѣ ни вытягиваются и ни подымаютъ голову выше плечь русскаго народа. Объ этомъ полупросвѣщеніи можно сказать то же, что кѣмъ-то было замѣчено о свѣтлыхъ лѣтнихъ ночахъ: *c'est trop de lumière perdue.*

„Всѣ безпристрастные путешественники, которые довольно долго жили внутри края, единодушно отдаютъ русскимъ справедливость въ упомянутыхъ качествахъ, и я то же слышалъ отъ многихъ русскихъ, достойныхъ всякаго уваженія, въ искренности которыхъ я не могу сомнѣваться, и которые въ другихъ отношеніяхъ доказали свое безпристрастіе. Да и можетъ ли быть безъ образованія народъ, котораго житейская философія заключается въ такихъ правилахъ, каковы слѣдующія..." (здѣсь приводится съ десятокъ русскихъ пословицъ).

*

„Я скорѣе полагаю“, продолжаетъ путешественникъ, „что всего менѣе образована въ Россіи большая часть того сословія, которое по-настоящему должно бы распространять просвѣщеніе въ остальныхъ классахъ; я разумѣю часть низшаго дворянства русскаго и чиновниковъ. Ихъ полуобразованность, какъ и всякая полуобразованность въ нравственномъ и умственномъ мірѣ, похожа на тѣхъ, съ позволенія сказать, *шалапаевъ*, которыхъ иногда встрѣчаешь на улицѣ въ щегольскомъ, но засаленномъ платьѣ, съ прорѣхами на локтяхъ, въ красивомъ жилетѣ на грязной рубахѣ, въ шляпѣ на бекрень и съ нахальствомъ въ пріемахъ; ихъ полуобразованіе, говорю, хуже совершенной необразованности и дѣйствуетъ вредно на тѣхъ, которые отъ нихъ зависятъ или имѣютъ съ ними дѣло“.

Достойно вниманія сравненіе Петербурга со Стокгольмомъ по предмету потребленія крѣпкихъ напитковъ. „Боюсь,“ говоритъ нашъ наблюдатель: „что Петербургъ въ этомъ отношеніи не выдержитъ сравненія со Стокгольмомъ; то же и въ разсужденіи количества питейныхъ домовъ: въ Петербургѣ, гдѣ около полумилліона жителей, считается такихъ домовъ 100 съ небольшимъ, да почти столько же другихъ мѣстъ, въ которыхъ водку продаютъ въ бутылкахъ и штофахъ. Въ Стокгольмѣ, гдѣ народонаселеніе не доходитъ и до 80.000 человѣкъ, всякій, кому угодно, можетъ прочесть № 327, выставленный явственными цифрами надъ дверью одного питейнаго дома у *Новаго моста*. Автору неизвѣстно, послѣдній ли это нумеръ, или серія продолжается еще далѣе.“

Вотъ еще нѣсколько строкъ, показывающихъ доброе мнѣніе шведа о русскихъ: „Мнѣ кажется, это неблагорасположеніе къ такъ называемымъ *нѣмцамъ* менѣе происходитъ отъ національнаго предразсудка, нежели отъ нѣкоторой особенности въ духѣ народномъ, которая рѣзко отличаетъ русское образованіе отъ западнаго и, тѣсно связывая русскихъ между собою, естественно отталкиваетъ ихъ отъ всего чужого и разнороднаго. Это, конечно, недостатокъ, когда дѣло идетъ о *недѣлимыхъ*, но преимущество и заслуга, когда рѣчь о *націи*. Впрочемъ, путешественнику трудно судить объ этомъ, и сами русскіе безъ сомнѣнія правы, когда они увѣряютъ, что для произнесенія приговора по этому предмету, какъ и вообще въ разсужденіи національнаго характера, иностранцу необходимо напередъ *обрусѣть* (obrussjatj: forryssas).“

При исчисленіи нѣкоторыхъ изъ древнѣйшихъ дворянскихъ фамилій въ Россіи, авторъ, упоминая тутъ и имя Пушкина, прибавляетъ: „покойный поэтъ этого имени говаривалъ, что въ Россіи не пролетитъ вороны, которая бы не знала имени: Пушкинъ.“ Мы, признаться, этого изреченія не слыхивали.

Очень часто нашъ путешественникъ подшучиваетъ надъ словомъ: *закрасится,* которое будто-бы безпрестанно произносится русскими

мастеровыми для выраженія, что грѣхи работы покроются краскою, и которое авторъ находитъ случай употреблять нерѣдко и въ переносномъ значеніи. Мы уже давно перешли ко 2-й части: и здѣсь встрѣчаются мѣстами названія не совсѣмъ вѣрныя, описанія нѣсколько ошибочныя; таково, наприм., описаніе *вечеринки* (vetscherinka) въ среднемъ классѣ, гдѣ съ нѣкоторыми обычаями купеческихъ домовъ стариннаго покроя собраны въ одну рамку и такія, которыя вездѣ давно уже обветшали.

Авторъ очень выхваляетъ русское гостепріимство и говоритъ, что при окончаніи вечеринки, послѣ ужина, всякій подходитъ къ хозяевамъ „не для того, чтобы поблагодарить, а чтобы принять благодарность, ибо у русскихъ хозяинъ считаетъ, что онъ обязанъ гостямъ, а не на-оборотъ.“ Надобно знать, что, по скандинавскимъ обычаямъ, тотъ, у кого было хоть маленькое угощеніе, имѣетъ право ожидать, что черезъ нѣсколько дней (и не позже, какъ черезъ 8 дней) послѣ пирушки всякій гость явится къ нему съ изъявленіемъ благодарности. Визиты этого рода имѣютъ у шведовъ особенное названіе (tack för sist, спасибо за намеднешнее), и потому не мудрено, что они удивляются, когда въ Россіи хозяинъ благодаритъ своихъ гостей. Онъ подвергся и издержкамъ и хлопотамъ, у него веселились другіе, и онъ же еще благодаритъ за то!

Предпринимая поѣздку въ Москву, сочинитель *Замѣтокъ* признается, что Петербургъ въ короткое время ему наскучилъ своимъ однообразіемъ, и полагаетъ, что такъ долженъ онъ дѣйствовать и на всѣхъ путешественниковъ. Зато, подъѣзжая къ Москвѣ, онъ привѣтствуетъ ее съ восторгомъ, который дѣлаетъ честь его чувствамъ и ничѣмъ не ослѣпленной любви къ прекрасному.

„Москва! справедливо зовутъ тебя *бѣлокаменною* и *золотоглавою*. Какъ ярко блестятъ бѣлыя стѣны твоего Кремля сквозь синій туманъ на далекомъ краю небосклона, а солнце золотыми лучами обливаетъ твои золотые башни и куполы. Дологъ и пустыненъ путь къ тебѣ, но обильно вознаграждаетъ твое первое появленіе въ ясный день: видъ твой изумляетъ и поражаетъ благоговѣніемъ всѣхъ, даже иноземцевъ, даже враговъ твоихъ. Ибо тамъ, на холмахъ, возлѣ тебя синѣющихся вдали (Vorobiefskii Gori), гдѣ нѣкогда непріятель разбилъ свой лагерь, но былъ прогнанъ патріотизмомъ Минина и геройствомъ Пожарскаго, на сихъ холмахъ остановился съ своимъ войскомъ Наполеонъ, и пораженъ былъ удивленіемъ, когда солнце озарило твое величіе и твои воспоминапія. Даже иноземцу, который впрочемъ не имѣетъ причины ни любить тебя, ни ненавидѣть — и ему весело слышать, какъ твои собственныя дѣти къ тѣмъ двумъ именамъ твоимъ прибавляютъ еще два другія: *святая* и *матушка*. Увидѣвъ тебя, ямщикъ, который везъ насъ, снимаетъ шапку и кланяется, и потомъ, обернувшись, гля-

дитъ въ карету и говоритъ: „*вотъ матушка Москва, священный городъ!*“ Онъ сто разъ ѣздилъ по этой дорогѣ и сто разъ тебя видѣлъ: но твое появленіе всегда его оживляетъ, всегда ново для него, потому что онъ къ тебѣ привязанъ воспоминаніями и надеждами, потому что, любуясь тобою, какъ *златоглавою*, онъ предъ тобою благоговѣетъ, какъ предъ *святою*, и любитъ тебя, какъ *матушку*.“

О впечатлѣніи, которое Кремль производитъ на зрителя, онъ говоритъ далѣе, что оно „неописанно“. „Эта масса вовсе не прекрасна. Ни въ цѣломъ, ни въ отдѣльныхъ частяхъ нельзя отыскать особеннаго плана, но здѣсь во всемъ обнаруживается самая богатая, странная и прихотливая фантазія. Мнѣ кажется, что о Кремлѣ — если не относительно формы, то по крайней мѣрѣ относительно характера его — получишь самое вѣрное понятіе, когда вообразишь фантастическое сновидѣніе, которое въ минуту самаго роскошнаго развитія своего вдругъ превратилось въ камень. Въ его формахъ есть такая тревожность, такая безнадежная борьба съ искусствомъ, но вмѣстѣ и такое спокойствіе, такое безсознательное величіе въ цѣломъ, что на него можно смотрѣть день за днемъ и часъ за часомъ, не свыкаясь однако же съ его странностью“.

Такія оригинальныя сравненія, какъ въ этомъ отрывкѣ, попадаются и въ другихъ мѣстахъ книги; такъ еще, въ началѣ ея, Петропавловская крѣпость сравнивается съ огромнымъ линейнымъ кораблемъ. Во многихъ случаяхъ авторъ къ своему разсказу присовокупилъ разныя историческія подробности, напримѣръ, при проѣздѣ черезъ Новгородъ, онъ представилъ легкій очеркъ исторіи его. Какъ показываютъ нѣкоторыя ссылки, онъ знаетъ твореніе Карамзина во французскомъ переводѣ; вообще надобно удивляться многообразнымъ свѣдѣніямъ, которыя путешественникъ, не зная русскаго языка, успѣлъ собрать касательно Россіи въ короткое время своего пребыванія въ ея предѣлахъ. Онъ своею книгою доказалъ необыкновенную способность вникать въ бытъ иноземнаго народа, схватывать звуки чуждаго языка, и вмѣстѣ съ тѣмъ безпристрастіе, которое хотя и не составляетъ положительнаго достоинства, но въ наши дни еще довольно рѣдко.

Поэтому мы, русскіе, вмѣстѣ съ читателями автора должны радоваться словамъ, которыми онъ заключаетъ свою книгу:

„Можетъ быть, авторъ еще разъ возволитъ себѣ, по русскому обычаю, пригласить читателя на свою *хлѣбъ-соль*, если только передъ тѣмъ какой-нибудь рецензентъ не выдумаетъ утверждать, что послѣдней по крайней мѣрѣ очень мало видно въ этой книгѣ: *ne mica quidem salis*.

„Между тѣмъ автору кажется кстати проститься съ читателемъ, и сказать для этого русское *proschtschai*, которое значитъ и *adieu* и *не взыщите!*“

Намъ, съ своей стороны, пріятно сказать автору: *до свиданія!*

Выписки наши были довольно многочисленны, потому что мы считали долгомъ своимъ, сколько можно, познакомить нашихъ читателей съ книгою, любопытною для всякаго русскаго, но, къ сожалѣнію, доступною, по языку своему, только весьма немногимъ изъ нашихъ соотечественниковъ.

2.

Говоря, въ концѣ прошлаго года, о личностяхъ, которыми наполняются шведскія газеты, мы только глухо упомянули объ оскорбленіи, какое редакторъ одной газеты, г. Бланшъ, нанесъ сотруднику другой, г-ну Алмьквисту, одному изъ извѣстнѣйшихъ современныхъ писателей въ Швеціи. Послѣ тѣ же газеты стали публично разсуждать объ этой исторіи; и мы, основываясь на ихъ собственномъ, печатномъ свидѣтельствѣ, можемъ теперь съ достовѣрностію сказать, въ чемъ состояло упомянутое оскорбленіе. Сперва воюющія газеты съ ироническою таинственностію говорили о какомъ-то *crachat*, доставшемся г. Альмквисту, а потомъ безъ обиняковъ объявили, что г. Бланшъ, встрѣтясь съ этимъ писателемъ въ одной гостинницѣ, наплевалъ ему въ лицо, послѣ чего г. Альмквистъ, „спрятавъ свое оскорбленіе въ карманъ", преспокойно уѣхалъ за городъ. Вотъ до какихъ унизительныхъ сценъ можетъ доводить литературная вражда! Какой поучительный урокъ для литераторовъ во всей Европѣ! Впрочемъ это не безпримѣрный случай. Читателямъ, которые слѣдятъ за новѣйшею французскою литературой, вѣроятно извѣстно, что въ Парижѣ, нѣсколько времени тому назадъ, произошло что-то подобное. Поэтому какая-то газета въ Швеціи иронически замѣтила: „шведскіе литераторы доказали, что не отстаютъ отъ своего вѣка". Нѣкоторые шведскіе публицисты настоятельно требуютъ, чтобы издатель той газеты, въ которой Альмквистъ былъ сотрудникомъ, совершенно перемѣнилъ составъ редакціи ея, такъ какъ главный редакторъ публично вступился за того, „чье лицо, какъ выразилась одна газета, недавно пользовавшееся почти европейскою извѣстностію, послужило песочницей", и такимъ образомъ совершенно потерялъ право на довѣренность публики.

3.

Въ Швеціи политика въ послѣднее время почти совершенно поглотила литературу. Тамъ, въ 1842 году, было одно только чисто-литературное періодическое изданіе, именно журналъ *Фрей*, который появлялся каждые два мѣсяца книжками довольно тощими. Чтобы дать лучшее направленіе умственной дѣятельности въ Швеціи, составилось недавно въ Стокгольмѣ *Литературное Общество*, намѣревающееся сохранить совершенную независимость отъ политическихъ споровъ и духа партій. Только-что средства позволятъ, Общество предполагаетъ не только

приступить къ изданію ученаго журнала, но и назначить, для поощренія молодыхъ литераторовъ, нѣкоторую плату за каждую статью, которая доставлена будетъ ему для напечатанія. Сверхъ историческихъ, филологическихъ и другихъ статей, въ составъ каждой книжки журнала будутъ входить и вновь открываемые акты, относящіеся до шведской исторіи. Уже Общество считаетъ до 200 членовъ, изъ которыхъ каждый вноситъ въ кассу его ежегодно по 10 банк. риксдалер. (18 руб. ас.), Однакожъ на первый случай оно ограничилось учрежденіемъ атенея или залы, куда члены его всякій день могутъ приходить для чтенія лучшихъ европейскихъ журналовъ и т. п.

Журналъ, подобный тому, какой задуманъ въ Швеціи, издается уже два года въ Финляндіи подъ заглавіемъ *Suomi* (Финляндія) и заключаетъ въ себѣ очень много занимательныхъ статей; не смотря на то, число его подписчиковъ чрезвычайно ограниченно. Странное явленіе: финляндцы по справедливости славятся своею образованностію, а никакое литературное предпріятіе у нихъ не удается.

4.

Въ одной неаполитанской газетѣ помѣщена въ исходѣ 1841 г. статья о шведскомъ поэтѣ Тегнерѣ. Изъ этой статьи *Шведская Пчела* напечатала недавно нѣсколько извлеченій съ своими примѣчаніями. Италіанскій литераторъ между прочимъ говоритъ: „въ Упсалѣ видѣли однажды, что какая-то бѣдная женщина положила на прилавокъ книгопродавца два шиллинга (пять копѣекъ мѣдью) и за нихъ потребовала сѣрый листъ бумаги, на которомъ самымъ грубымъ образомъ напечатана была пѣснь изъ *Фритіофа*. Тегнеръ достигъ высшей степени уваженія въ своемъ краю: когда онъ проѣзжаетъ изъ одного города въ другой, то на дорогѣ безпрестанно его ждутъ нетерпѣливыя толпы народа, а во всякомъ домѣ, куда онъ заѣдетъ, — вѣнки цвѣточные“. *Пчела* противъ этихъ словъ замѣчаетъ: „изъ этого описанія видно, что рецензентъ приписываетъ шведскимъ поселянамъ такой же восторгъ къ національной поэзіи, какой его собственные земляки нѣкогда оказывали Петраркѣ и Аріосту. Но шведъ въ наше время не боготворитъ своихъ великихъ поэтовъ, не вѣнчаетъ ихъ въ какомъ-нибудь Капитоліи. Скорѣе можно сказать, что ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ сѣкутъ на публичной площади періодической литературы. Мнѣніе рецензента о *Фритіофѣ* (продолжаетъ *Шведская пчела*) согласно вообще съ тѣмъ, какое раздѣляетъ нынѣ вся образованная Европа. Онъ не можетъ нахвалиться свѣжестью и оригинальностью поэмы, роскошью картинъ ея и стихотворною гармоніею. Сличая поэму съ первоначальною сагою, онъ удивляется изобрѣтательности Тегнера. Послѣднія строки италіанской статьи и особливо слова: *Тегнеръ болѣе не пишетъ стиховъ* подали шведской газетѣ

поводъ къ слѣдующей любопытной выноскѣ: „Къ счастію, это не совсѣмъ справедливо. Ни его здоровье, которое въ послѣдніе годы, къ сожалѣнію, часто было разстроено (оно однакожъ гораздо лучше, нежели какъ многіе люди стараются распространять), ни его усердная дѣятельность въ качествѣ епископа и начальника училищъ не уменьшили его любви къ музамъ и не подавили его поэтической производительности. Объ этомъ намекаютъ уже тѣ стихотворенія съ его подписью, которыя въ послѣднее время появлялись въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ: ихъ пріемъ публикою доказываетъ, что любовь и энтузіазмъ націи къ ея первостепенному поэту не охладѣли. Но что *его* любовь къ искусству и къ родному краю не измѣнилась, это еще прекраснѣе обнаружится, когда онъ издастъ свою *Герду* — эту во многихъ отношеніяхъ исполинскую поэму, свою *Невѣсту*, своего *Пана* и множество другихъ еще не напечатанныхъ стихотвореній. Время ихъ изданія конечно еще далеко — этого мы почти *желаемъ*, когда подумаемъ о той политической суматохѣ, которая теперь господствуетъ въ нашемъ отечествѣ, и о той литературной демократіи, которая съ нею неразлучна, — но все-таки это время *когда-нибудь* наступитъ же. Можно ли ставить поэту въ вину, что при нынѣшнихъ невѣрныхъ обстоятельствахъ онъ замыкаетъ свои сокровища и, между тѣмъ, какъ современники опасаются, что они уже истощились, готовитъ тѣмъ обильнѣйшій запасъ для потомства?“

5.

Близъ шведскаго города Лунда есть исправительная школа для мальчиковъ, сдѣлавшихъ какой-нибудь важный проступокъ. Она помѣщается въ большомъ каменномъ домѣ, содержится преимущественно на счетъ пожертвованій одного частнаго лица и находится подъ надзоромъ профессора. Въ ней теперь еще только 12 мальчиковъ, которые учатся въ двухъ учебныхъ залахъ, а спятъ въ общей комнатѣ вмѣстѣ съ двумя учителями. Есть и больница на 5 кроватей. Въ одномъ изъ классовъ стоитъ маленькій органъ для пѣнія. Изъ ремеслъ въ школѣ этой учатъ только сапожному мастерству. Книга, въ которую записаны ученики, показываетъ, что почти всѣ они наказаны за воровство. Одинъ путешествовавшій профессоръ, посѣтивъ эту школу, замѣтилъ, что для поддержанія ея надобно было придумать для учениковъ такія занятія, которыя, научая ихъ полезнымъ промысламъ, въ то же время были бы прибыльны для заведенія.

6.

Въ Москвитянинѣ за августъ 1842 года посвящено нѣсколько строкъ двумъ французскимъ литераторамъ, которые незадолго передъ тѣмъ пріѣзжали въ Россію. Такъ какъ одинъ изъ нихъ значительною

частію трудовъ своихъ принадлежитъ къ скандинавскому міру и послѣ довольно продолжительнаго пребыванія въ Швеціи посѣтилъ (прошлою весною) также Финляндію, то здѣсь не неумѣстно будетъ привести небольшое стихотвореніе, присланное намъ г-номъ Мармье съ дороги изъ Москвы въ Петербургъ, [1]) тѣмъ болѣе, что и въ немъ отражается воспоминаніе о любимомъ краѣ путешественника, скандинавскомъ сѣверѣ. Москвитянинъ напечаталъ нѣсколько стиховъ г. д'Арленкура; пусть Современникъ представитъ образчикъ поэтическаго таланта г-на Мармье.

Auprès de Valatschok il est un lac limpide,
Coupé par des ilots, voilé par le sapin,
Doux et riant à voir avec sa grève humide,
Sa surface argentée et son aspect serein.

La jeune fille y vient laver son front de neige,
Et le pêcheur gaiment parcourt ses flots d'azur;
On dirait un des lacs de Suède ou de Norvège,
Etoile de la terre et miroir d'un ciel pur.

Sur la rive un oiseau voltige, saute et chante,
Et cet oiseau m'a dit: viens ici, voyageur,
Viens le long des contours de cette eau qui serpente,
Respirer sous ces bois le calme et la fraicheur.

Entre avec le coeur franc, la parole loyale
Dans le village obscur et la riche cité,
Partout tu trouveras une voix cordiale
Et le pain et le sel de l'hospitalité.

Puis quand tu t'en iras, oh! porte dans ton âme,
Porte comme un parfum de ce pays lointain,
Le souvenir d'un mot, d'un sourire de femme,
Le nom cheri de ceux qui t'ont tendu la main.

Les hommes seuls entr' eux ont posé ces barrières
Qui s'effacent déjà, qui tomberont un jour,
Car du nord au midi tous les hommes sont frères,
La nature partout chante son chant d'amour.

[1]) Стихи были написаны въ Вышнемъ-Волочкѣ, собственно для Я. К. Грота. Срв. *Переписка*, т. I, стр. 560, 563. *Ред.*

Вотъ еще два куплета изъ другого стихотворенія того же автора, гдѣ онъ выразилъ ту благородную страсть, которая составляетъ источникъ его главной дѣятельности въ литературѣ:

Oh! voir, voir jeune encor et l'espace et le monde,
Voir au nord, au midi sous les divers climats
Le sol aride et dur que le labeur féconde
Et le destin que l'homme accomplit ici-bas,

C'est le rêve enchanté qui m'agite et m'enflamme,
C'est l'étude sans fin qui jette en chaque lieu
La clarté dans l'esprit, l'émotion dans l'âme,
Nous instruit, nous corrige et nous ramène à Dieu.

7.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда на языкахъ скандинавскаго и вообще германскаго корня говорятъ: *теплый*, *теплота* (varm, värme), русскій почти всегда употребляетъ болѣе энергическія слова: *горячій*, *жаркій*, *пламенный*, *пылкій*, *жаръ*, *огонь*. Шведъ, какъ и нѣмецъ, говоритъ: „онъ выражается съ *теплотою*", *теплое* усердіе, *теплый* поцѣлуй, тогда-какъ русскій скажетъ „съ *жаромъ*, съ *огнемъ*, *пламенное* усердіе, *горячій* поцѣлуй". А между тѣмъ и на германскихъ языкахъ есть слова: „haiss (het), feurig (eldig), но тамъ они употребляются несравненно рѣже, нежели у насъ. Отчего такая разница? Не должно ли искать ее въ различіи характера племенъ германскихъ и племени славянскаго? Не подтверждаетъ ли это замѣчаніе, которое не разъ уже было дѣлаемо, — что русскіе въ психологическомъ отношеніи сродни народамъ южной Европы?

8.

Съ нѣкотораго времени въ Финляндіи начали печататься русскія книги. Но до сихъ поръ это дѣлалось только въ Гельсингфорсѣ; теперь и въ Або готовится первый и, сколько мы слышали, удачный опытъ тамошней типографіи въ печатанія книгъ на русскомъ языкѣ. Г. Дершау, извѣстный публикѣ небольшимъ, но подающимъ хорошія надежды сочиненіемъ: „*Финляндія и Финляндцы*", нынѣ печатаетъ въ Або свои „*Записки покойнаго Колечкина*", которыхъ первая часть уже скоро будетъ готова къ выпуску въ свѣтъ. Она заключаетъ въ себѣ слѣдующія статьи: *Театралъ* (типъ). *Другъ нашего вѣка*. — *Русскій стихотворецъ* (типъ). *Женщина, какихъ много*. — *Петръ Ивановичъ*. — *Картина Корреджіо*. — *Ай да Питеръ, вотъ ужъ точно съ позволенія сказать*... и *Нѣсколько словъ о покойномъ другѣ моемъ Шиндерѣ, бывшемъ журналистѣ нѣмецкаго города N*. Остроуміе и живой, игривый тонъ разсказа, которыми во многихъ мѣстахъ отличается книга „*Финляндія*

и Финляндцы", даютъ намъ поводъ ожидать, что абовская типографія новымъ сочиненіемъ г. Дершау доставитъ русской публикѣ чтеніе пріятное. „*Записки Колечкина*" посвящены имени столь же извѣстнаго превосходными историческими трудами, какъ и военными заслугами, генералъ-лейтенанта А. И. Михайловскаго-Данилевскаго.

Г. Дершау занимается также, какъ говорятъ, *Исторіею Финляндіи*. Это трудъ очень любопытный, но и не легкій. Чтобы удачно выполнить его, необходимо порыться прилежно въ русскихъ и шведскихъ архивахъ, потому что въ самой Финляндіи только и есть два архива: сенатскій въ Гельсингфорсѣ да выборгскій; послѣдній можетъ служить развѣ только для изслѣдованія новѣйшихъ событій. Абовскія бумаги, безъ сомнѣнія чрезвычайно важныя для исторіи, истреблены къ несчастію пожаромъ 1827 года. Старые архивы въ Выборгѣ и въ Вазѣ также сгорѣли. Матеріаловъ же, имѣющихся въ печатныхъ сочиненіяхъ, вовсе недостаточно для составленія порядочной Исторіи Финляндіи. Вотъ почему мы и говоримъ, что г-ну Дершау, при этомъ трудѣ, нельзя обойтись безъ помощи архивовъ какъ въ Россіи, такъ и въ Швеціи. Желательно также, чтобы онъ не выпустилъ изъ виду той важной истины, что Финляндія не можетъ имѣть своей *отдѣльной* исторіи, такъ какъ эта страна, съ самаго вступленія своего на политическое поприще, была постоянно въ зависимости отъ двухъ сосѣднихъ народовъ. Ея исторія правильно можетъ быть представлена не иначе, какъ въ видѣ исторіи войнъ и вообще политическихъ отношеній между Россіею и Швеціею.

III.

1843 [1]).

1.

Въ исходѣ 1841 года случились въ Финляндіи два трагическія происшествія, очень похожія одно на другое. Въ двухъ различныхъ мѣстахъ двѣ четы влюбленныхъ, которымъ обстоятельства не позволяли увѣнчать любовь супружествомъ, предпочли смерть необходимости жить врознь и избрали могилою озеро. Эти лица и въ томъ и въ другомъ случаѣ принадлежали къ сословію крестьянъ, и потому оба происшествія замѣчательны не только по своему романическому характеру, но и какъ важные матеріалы къ сужденію о нравахъ народа

1) *Современникъ* 1843, т. XXX, 218—240, 331—340.

внутри Финляндіи. Мы разскажемъ тотъ изъ нихъ, о которомъ имѣемъ самыя достовѣрныя и подробныя свѣдѣнія.

Въ сторонѣ около Куопіо есть деревня (Куйваньеми), гдѣ на разстояніи версты, на двухъ различныхъ гейматахъ (хуторахъ) жили: 30-ти-лѣтній крестьянинъ Давидъ и 22-хъ-лѣтняя Брита. Эта Брита была хороша собой и къ ней являлось много жениховъ, но она всѣмъ имъ отказывала, потому что съ дѣтства любила Давида, парня пріятной наружности, но нрава упрямаго и самонадѣяннаго. Къ несчастію, семейство его было въ дурной славѣ: два брата Давида были пойманы въ воровствѣ, и одинъ изъ нихъ подвергся строгому наказанію. Былъ ли самъ Давидъ замѣченъ въ этомъ порокѣ, неизвѣстно; но слѣпой отецъ невѣсты отговаривалъ ее отъ продолженія знакомства съ Давидомъ, однакожъ не запрещалъ ей выйти замужъ за него. Только этого сама Брита не хотѣла и постоянно отказывала Давиду, который нѣсколько разъ просилъ ея руки; но по-прежнему она видѣлась съ нимъ довольно часто, не смотря на предостереженія отца, чтобы изъ этого не вышло напослѣдокъ „цыганской женитьбы". Не желая безпокоить болѣе родителей, Брита начала скрывать отъ нихъ свои свиданія съ Давидомъ, при которыхъ однакожъ часто присутствовали сестры ея.

Вдругъ представился новый женихъ, красивый собой и зажиточный парень хорошаго поведенія. Брита согласилась на его предложеніе, съ тѣмъ, что они будутъ вѣнчаться 13-го сентября, но что, отпраздновавъ свадьбу, онъ увезетъ ее не прежде, какъ черезъ три недѣли послѣ того. Между тѣмъ ея тайныя свиданія съ Давидомъ продолжались, а съ женихомъ, который жилъ верстахъ въ 20-ти отъ нея, она видѣлась рѣдко.

Настало 13-е сентября. Съ утра невѣста была растрогана и трепетна, почему крестьянка Стина, съ которою она была очень дружна, и представляла ей, что еще время поправить дѣло, что она можетъ и должна поступить по склонности. Но невѣста отвѣчала холодно: „я исполню то, что разъ опредѣлено; притомъ же я никогда не могу выйти за Давида,—у него дурная слава, но не могу и перестать любить его... Жалѣю объ немъ, и судьба его тревожитъ меня... *боюсь, что онъ лишитъ себя жизни*".

Послѣ того невѣста, съ нѣкоторыми изъ своихъ родственниковъ, отправилась въ домъ пастора. Недалеко оттуда встрѣтилъ ее женихъ. Онъ спросилъ ее, отчего у нея глаза такъ заплаканы: не оттого ли, что ее принуждаютъ выйти за него? Онъ прибавилъ, что знаетъ ея любовь къ Давиду и не мѣшаетъ ей взять назадъ ея слово. Она отвѣчала только, что *никогда не захочетъ быть женою Давида* и что поступаетъ по собственной своей волѣ. Послѣ вѣнчанія отправились они въ ближній крестьянскій домъ; тутъ отобѣдали съ гостями. Новобрачные дружески разговаривали между собой — и казалось, что невѣста успокоилась. По условію они разстались на три недѣли.

Тотчасъ по возвращеніи домой Брита объявила, что пойдетъ теперь за своей пряхой и на замѣчанія домашнихъ отвѣчала: „никто кромѣ меня самой не можетъ исполнить этого дѣла; но если я останусь долѣе обыкновеннаго, не безпокойтесь обо мнѣ“.

Давидъ почти все то утро лежалъ на дворѣ, ничего не ѣлъ, ни съ кѣмъ не говорилъ и только на вопросъ одного работника, не пойдетъ ли онъ смотрѣть, какъ вѣнчаютъ бывшую его невѣсту, отвѣчалъ: „Нѣтъ. Она меня любила сердечно; можетъ ли она полюбить другого такъ же, какъ меня? Дай ей Богъ счастія!“ Пришла невѣста и слегка прикоснулась къ его рукѣ. Онъ тотчасъ всталъ. Они пошли вмѣстѣ, взяли изъ кладовой кушакъ Давида и отправились къ пряхѣ, которая жила недалеко отъ его дома.

Черезъ нѣсколько часовъ распространился въ ихъ деревнѣ слухъ, что на ближнемъ озерѣ носится пустая лодка. Это вмѣстѣ съ мрачнымъ расположеніемъ, въ какомъ Брита удалилась, и ея необыкновенно продолжительнымъ отсутствіемъ встревожило родныхъ ея. Послѣ тщетныхъ поисковъ братъ этой дѣвушки и нѣсколько другихъ крестьянъ отправились на озеро съ крючьями, веревками и т. п. На слѣдующее утро имъ удалось найти и вытащить изъ воды Давида и Бриту, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ было $1^1/_2$ сажени глубины. Ихъ плотно связывалъ кушакъ, затянутый двойнымъ узломъ. Узелъ былъ на спинѣ у Давида, слѣдовательно его сдѣлала невѣста. Руки свои они такъ крѣпко обвили— она вокругъ его груди, онъ вокругъ ея шеи, — что ихъ съ трудомъ могли разнять. На ней былъ ея свадебный нарядъ; не было только кольца, которое она получила наканунѣ при вѣнчаньи. Бывъ дома, она, вѣроятно, чтобы не возбудить подозрѣнія, надѣла сверхъ этого наряда буднишнее платье; теперь оно лежало въ лодкѣ.

Такъ какъ судъ не могъ позволить честнаго погребенія утопленниковъ, но не хотѣлъ также поступить съ ними по буквальному смыслу закона, какъ съ самоубійцами (которыхъ палачъ долженъ бы былъ отвезти въ лѣсъ и тамъ закопать въ землю), то ихъ тихонько похоронили въ отдаленномъ мѣстечкѣ, гдѣ родные устроили имъ общую могилу. (Гельс. Утр. Листокъ. 1841. № 93).

2.

По случаю появленія на нѣмецкомъ языкѣ нѣкоторыхъ романовъ дѣвицы Бремеръ, одинъ германскій критикъ написалъ разборъ, откуда здѣсь кстати будетъ привести нѣсколько словъ, потому что они относятся къ „*Семейству*“, помѣщаемому въ Современникѣ. „Этотъ романъ ясно показываетъ, какъ совершенное согласіе между мужемъ и женою въ супружествѣ и благоразумное воспитаніе возрастающаго поколѣнія составляютъ основаніе нашего благополучія. Характеры дѣйствующихъ лицъ составляютъ въ полномъ смыслѣ образы, взятые изъ дѣйствитель-

ности, и мастерски обрисованы отъ начала до конца; нѣтъ ни одного совершеннаго, у всякаго добрая и слабая сторона, и всѣ являются на сценѣ въ чрезвычайномъ разнообразіи и въ такомъ множествѣ, что между ними рѣдкій человѣкъ не найдетъ себѣ представителя“.

3.

Благодаря финляндскимъ Листкамъ, которые хоть изрѣдка помѣщаютъ въ своихъ столбцахъ извѣстія о русской литературѣ и переводы съ русскаго, наша словесность начинаетъ становиться извѣстною и въ Швеціи, гдѣ статьи этого рода, какъ свѣжая новость, исправно перепечатываются журналистами. Такъ въ прошломъ году *Шведская Пчела* заимствовала изъ Гельсингф. Утрен. Листка: Обозрѣніе новѣйшей русской литературы, извлеченное изъ одного нѣмецкаго журнала и довольно вѣрное; два-три стихотворенія Пушкина; нѣсколько народныхъ русскихъ пѣсенъ“, и др.

Между многочисленными посѣтителями Гельсингфорса, въ теченіе прошлаго лѣта были двѣ русскія писательницы, которыхъ имена пользуются заслуженною славою. По этому случаю Гельсингфорскій Утренній Листокъ еще въ іюлѣ представилъ переводъ одного стихотворенія-романса гр. Ростопчиной, сдѣланный искуснымъ перомъ г-на Лундаля, а мѣсяца черезъ два Гельсингфоргская Газета и другая, издаваемая въ Борго, почти въ одно время напечатали у себя по отрывку изъ *Исторіи* дѣвицы Ишимовой, при чемъ воздали сочинительницѣ должную дань хвалы за ея прекрасный трудъ и признательности за доброжелательныя строки, посвященныя въ немъ Финляндіи. Издатель Газеты Боргоской весьма удачно избралъ для перевода разсказъ о послѣднемъ отъѣздѣ императора Александра изъ Петербурга.

Мы уже упомянули разъ о единственномъ литературномъ журналѣ, появляющемся въ Швеціи и называемомъ „*Фрей*“. Въ 3-й книжкѣ его за 1842 годъ помѣщенъ разборъ книги, напечатанной въ одно время на русскомъ и на шведскомъ языкахъ подъ заглавіемъ: *Альманахъ въ память двухсотлѣтняго юбилея Императорскаго Александровскаго университета*, и проч. Этотъ разборъ вообще служитъ въ пользу книги. Для русскихъ читателей можетъ быть любопытно прочесть нѣсколько словъ изъ сужденія шведа о статьяхъ двухъ изъ нашихъ литераторовъ. Вотъ что говоритъ онъ о *Необойденномъ домѣ* кн. Одоевскаго: „Прекрасная сказка, которая по обширности своей не можетъ быть представлена здѣсь и въ извлеченіи, но которой неясная цѣль открывается въ концѣ“. За этимъ слѣдуетъ краткое изложеніе содержанія легенды. Изобразивъ главныя мысли статьи гр. Соллогуба *О литературной совѣстливости*, рецензентъ замѣчаетъ: „Эта статья прелестна и заключаетъ въ себѣ много идей, достойныхъ вниманія. Но будетъ ли русская или вообще славянская литература имѣть

какое-нибудь особенное вліяніе, это рѣшить трудновато. Ибо до сихъ поръ она, какъ плодъ самобытной дѣятельности, еще не переступила той низкой степени просвѣщенія, на которой находится масса славянскихъ народовъ. У нихъ всякое высшее образованіе ума еще носитъ рѣзкіе слѣды внѣшнихъ, особливо западно-европейскихъ вліяній. Но если самобытная жатва умственнаго образованія, подобная тому, что̀ уже созрѣло въ Азіи и Европѣ, должна произрасти на славянской почвѣ, то конечно можно ожидать, что ее, по крайней мѣрѣ изъ первыхъ рукъ, дастъ русскій народъ". Эти строки достаточно свидѣтельствуютъ, что рецензентъ смотритъ на русскихъ совсѣмъ не тѣми глазами, какъ благомыслящій авторъ извѣстныхъ уже читателю *Замѣтокъ о Россіи*. Но мы нарочно выписали и сужденіе перваго, чтобы показать, въ какомъ различномъ свѣтѣ наши западные сосѣди видятъ насъ и вообще міръ славянскій, котораго быстрое развитіе естественно пугаетъ одностороннихъ и пристрастныхъ приверженцевъ германскаго просвѣщенія.

При всемъ томъ нашъ Альманахъ принятъ былъ въ Швеціи съ одобреніемъ. Въ концѣ разбора его замѣчено, что „шведскій языкъ въ этомъ Альманахѣ употребленъ съ большимъ искусствомъ"—заслуга финляндскихъ литераторовъ, участвовавшихъ въ изданіи книги.

4.

Въ томъ же № *Фрея*, гдѣ напечатанъ упомянутый разборъ, помѣщено при рецензіи другой книги нѣсколько словъ о французскихъ литераторахъ, занимавшихся изученіемъ скандинавскаго міра, и такъ какъ ихъ сочиненія распространены по всей Европѣ, то оцѣнка ихъ самими шведами не можетъ быть лишена интереса и важности для нашихъ соотечественниковъ.

„Невѣжество насчетъ сѣвера, которое долго было принадлежностью даже лучшихъ французскихъ писателей, въ наше время начало исчезать, и новый свѣтъ сталъ восходить надъ нашею далекою Скандинавіею, какъ и надъ другими частями европейскаго сѣвера... Такъ Du Méril избралъ скандинавскую поэзію предметомъ ученыхъ и философическихъ изслѣдованій и ими заслужилъ насмѣшливое названіе: „Charles XII littéraire qui veut reculer les frontières du Nord". Извѣстный у насъ Marmier, котораго свѣдѣнія о скандинавской литературѣ оказались однакожъ довольно недостаточными и сужденія объ ея произведеніяхъ довольно невѣрными — чего по продолжительному его пребыванію на сѣверѣ и по его связямъ нельзя было ожидать, — Marmier старался дать своимъ соотечественникамъ понятіе о настоящемъ состояніи скандинавской словесности въ статьѣ: *L'histoire de la littérature en Danemark et en Suède*, которая была начата въ Revue des deux Mondes, а потомъ напечатана отдѣльно. Прежде этихъ обоихъ писа-

телей Bergman, изъ Эльзаса, издалъ подъ заглавіемъ: *Poèmes Islandais* [1]) переводъ нѣкоторыхъ пѣсенъ Семундовой Эдды, съ разными учеными замѣчаніями, — трудъ, которому Lafitte, весьма строгій судья, отдаетъ справедливость въ необыкновенной точности и филологической основательности. Потомъ дама, M-lle Puget, издала переводъ всей *Семундовой Эдды* съ нѣкоторыми прибавленіями изъ прозаической Эдды Снорре Стурлесона, — опытъ, о которомъ тотъ же строгій критикъ отзывается съ большо́ю похвалою. Та же M-lle Puget перевела разныя стихотворенія Тегнера, между прочимъ *Акселя*, и хотя этотъ переводъ въ прозѣ, однакожъ онъ заслужилъ полное одобреніе критики. Въ 1839 г. неутомимая M-lle Puget издала 1-ю часть *Oeuvres d'André Fryxell*, въ которой заключается начало исторіи Густава II Адольфа. Рецензентъ говоритъ объ этой книгѣ, что она „pleine d'intérêt et de vues nouvelles", и чрезвычайно сожалѣетъ, что не появилось ея продолженія, и что этотъ писатель такъ мало извѣстенъ во Франціи, тѣмъ болѣе, что переводчица не представила ни біографіи Фрюкселя, ни списка его сочиненій. Къ этимъ попыткамъ познакомить французовъ съ шведскою литературою надобно прибавить: „l'élégante version" Гейеровой *Исторіи шведскаго народа* (переводъ Лундблада).

5.

Профессоръ медицины въ Упсальскомъ университетѣ Израиль Вассеръ (Hwasser), извѣстный уже многими мелкими сочиненіями большого достоинства, особливо по части медицины, издалъ въ прошломъ году довольно толстую брошюру: *О бракѣ*. Главная цѣль этого любопытнаго труда — чисто нравственная: имъ г. Вассеръ рѣшился опровергнуть то ложное и опасное ученіе, которое начало было возникать въ западной Европѣ, будто бракъ есть установленіе лишнее и только препятствующее истинному счастію людей. Всѣ знаютъ имя французской писательницы, поднявшей знамя этой безумной школы и увлекшей за собою многихъ; такъ и въ Швеціи даже человѣкъ съ талантомъ, Альмквистъ, заразился заблужденіемъ и написалъ въ подтвержденіе мнимой истины романъ: *Det går an* (Можно!). Эти примѣры, столь вредные для толпы, всегда склонной принимать слѣпо мнѣнія, льстящія ея чувственности, внушили человѣколюбивому профессору мысль упомянутаго сочиненія. Чтобы доказать несокрушимую святость брака, онъ призвалъ на помощь всѣ доводы нравственности и религіи, весь жаръ, съ какимъ привыкъ говорить о спасительныхъ для человѣчества истинахъ, и наконецъ всю свою любовь къ наукѣ, чтобы самыми глубокими изслѣдованіями исторически подтвердить убѣж-

[1]) Книга эта была довольно подробно разобрана нами въ 6-й книжкѣ Отеч. Зап. 1839 года *(см. выше, стр. 34 и слѣд.)*.

денія разума. Брошюра его была принята съ жадностію; вскорѣ понадобилось 2-е изданіе — и такъ какъ многія части ея, особливо медицинскія и другія ученыя подробности, дѣлали трудъ недоступнымъ для нѣкоторыхъ читателей и для всѣхъ вообще читательницъ, то авторъ еще составилъ изъ своей брошюры особое извлеченіе. Желая дать нѣкоторое понятіе объ этомъ важномъ сочиненіи, мы представимъ изъ него отрывокъ.

„Говорятъ, что браки часто бываютъ неудачны и что поэтому союзъ, который порождаетъ столько несчастія, теряетъ свою святость. Ежели и нельзя не согласиться отчасти въ дѣйствительности факта, на который такимъ образомъ ссылаются, то выведенное изъ него заключеніе все-таки поверхностно и ложно. Счастія (если только понятіе о немъ не будетъ слишкомъ низко, несовмѣстно съ истиннымъ значеніемъ человѣческой природы), счастія невозможно достигнуть иначе, какъ исполненіемъ тѣхъ обязанностей, какія налагаетъ настоящее назначеніе человѣка. Кто по грубости или нравственному униженію слишкомъ слабъ для этихъ обязанностей, тотъ не можетъ и достигнуть того счастія, которое составляетъ необходимое слѣдствіе и надежную награду вѣрности, какой онѣ требуютъ. Несчастія, иногда сопровождающія супружество, проистекаютъ не отъ его установленія, а отъ безсилія лицъ къ исполненію его обязанностей. Но корень этихъ обязанностей заключается во внутренней необходимости — и стараніе въ пользу чувственныхъ вожделѣній уничтожить высшій союзъ человѣчества, который требуетъ побѣды надъ ними, есть расчетъ и безплодный и обманчивый. Такіе опыты были уже производимы во множествѣ; но гдѣ тѣ люди, которые посредствомъ ихъ достигли истиннаго счастія и могутъ сказать, что на дѣлѣ сбылись тѣ радостныя обѣщанія, какія теперь возглашаются съ такою увѣренностію? Къ чести человѣчества я надѣюсь, что число браковъ, которые болѣе или менѣе заслуживаютъ названіе счастливыхъ, оказалось бы, еслибъ можно было сдѣлать точное разысканіе, гораздо значительнѣе числа дѣйствительно несчастныхъ. Но степень и достоинство человѣческаго счастія не могутъ быть измѣряемы и оцѣниваемы по одному итогу тѣхъ, которые вкусили его. Важнѣе того увѣренность, что истинное земное счастіе человѣка заключается въ бракѣ и семейной жизни, хотя бы и не велико было число тѣхъ, которые способны находить его. Правда, есть на землѣ и иное счастіе; но оно или, такъ сказать, неземное, или едва заслуживаетъ свое имя. Наслажденія мыслителя, поэта и героя, въ блаженныя минуты вдохновенія или могучаго дѣла, велики, почти слишкомъ велики для человѣка; но они не примиряютъ его съ преходящею жизнію, а напротивъ отрываютъ отъ нея и пробуждаютъ стремленіе къ міру, который выше земного. Строгое исполненіе обязанностей въ службѣ государственной доставляетъ душевный миръ и силу нести

тяжелое бремя труда и заботъ; но генiй веселья и счастiя рѣдко сопровождаетъ насъ на этомъ пути. Только то сознанiе святости жизни, которое, составляя сущность любви, охраняется бракомъ и въ дѣйствительности обнаруживается семейною жизнiю, только это сознанiе можетъ примирять духъ человѣка, стремящiйся къ небу, съ его положенiемъ на землѣ. Собственно только этимъ земля прiобрѣтаетъ для него цѣну, и разлука съ нею становится горестна. Только отъ супружеской любви зарожденное въ небѣ блаженство человѣка получаетъ корень и на землѣ; иначе оно существуетъ только въ видѣ предчувствiя и надежды. Разрушительная сила, съ какою несчастiя и заботы дѣйствуютъ на взаимныя связи людей, къ сожалѣнiю, оказываетъ свое влiянiе на всякiе союзы, кромѣ супружества, когда оно принадлежитъ къ истинному и благородному разряду, и такимъ образомъ почти только имъ человѣкъ можетъ достигнуть того глубокаго убѣжденiя, открывающаго высшее значенiе природы его, что никакiя узы не соединяютъ двухъ сердецъ такъ крѣпко, какъ взаимное раздѣленiе горя".

6.

Одна изъ довольно многочисленныхъ драмъ шведскаго короля Густава III называется: *Алексѣй Михайловичъ и Наталiя Нарышкина* (Alexis Michaelowitsch och Natalia Narischkin), драма въ двухъ дѣйствiяхъ. Густавъ III до такой степени любилъ литературу, что самъ вошелъ въ ряды писателей. Его воспитанiе подъ руководствомъ Далина, его путешествiе во Францiю, и общее направленiе современнаго европейскаго образованiя сдѣлали его рѣшительнымъ поклонникомъ французскаго вкуса. Онъ обладалъ краснорѣчiемъ необыкновеннымъ. Въ Швецiи не бывало политическаго оратора выше его. Но онъ не былъ поэтомъ — и драмы его представляютъ только реторику въ дiалогахъ. Въ нихъ не надобно искать глубокихъ вымысловъ и вѣрнаго, живого изображенiя внутренняго человѣка: онѣ написаны болѣе для внѣшняго эффекта, нежели для возбужденiя сильныхъ ощущенiй. Какъ литературныя произведенiя, онѣ слабы: но какъ пьесы для домашняго или придворнаго театра занимаютъ онѣ первое мѣсто въ ряду шведскихъ историческихъ драмъ, если только исключить труды Бескова, въ которыхъ болѣе поэзiи и глубины. Драмы Густава III можно еще и теперь читать съ удовольствiемъ: планъ многихъ изъ нихъ составленъ очень остроумно и выполненъ со вкусомъ. Иногда вѣнценосный авторъ схватывалъ тонъ низшихъ сословiй народа удачнѣе, нежели всѣ его придворные поэты. Извѣстно, что многiя пьесы, первоначально набросанныя имъ въ прозѣ, тщательно отдѣлывались потомъ этими господами (напр. Чельгреномъ, Леопольдомъ) въ стихахъ. Любопытно сравнивать пьесы въ томъ и въ другомъ видѣ. Часто очеркъ, написанный гибкою и естественною прозой, читается

гораздо пріятнѣе и легче, нежели его стихотворная передѣлка, въ которой нерѣдко заключается только искуственное распространеніе оборотовъ подлинника. Впрочемъ разумѣется, что нѣкоторыя мѣста, слабыя въ подлинникѣ, выигрываютъ подъ перомъ передѣлывателя, обладавшаго истиннымъ поэтическимъ даромъ.

Что касается до драмы *Алексѣй Михайловичъ* и пр., то намъ кажется, что ее по справедливости можно отнести къ числу слабѣйшихъ произведеній короля. Поводомъ къ этой пьесѣ послужила ему книга, изданная въ 1785 г. въ Лейпцигѣ секретаремъ с.-петербургской Академіи наукъ Штелиномъ, подъ заглавіемъ: „*Подлинные анекдоты о Петрѣ Великомъ, расказанные значительными особами въ Москвѣ и въ Петербургѣ*". Основаніе драмы заключается въ извѣстномъ посѣщеніи царя Алексѣя Михайловича, рѣшившемъ второй бракъ его съ Наталіею Кириловною Нарышкиною, событіи, которому Россія и человѣчество обязаны существованіемъ такого человѣка, каковъ былъ Петръ Великій. Дѣйствіе перенесено Густавомъ III въ Смоленскъ. На сцену выведены между прочими: *Моризовъ* (Morisow), *министръ Царя, дядя Наталіи*, и *Федоръ дейтъ* (Deut) *или пажъ Царя*, впослѣдствіи называемый также *денщикомъ* (Denschnick) и играющій роль какого-то наперсника царскаго, который совершенно свободно разговариваетъ и шутитъ съ Государемъ. Уже въ этомъ видно стараніе высокаго сочинителя подражать французамъ; стараніе это еще явственнѣе обнаруживается въ завязкѣ пьесы и во всѣхъ его драматическихъ пріемахъ. Вымыселъ состоитъ въ томъ, что Царь хочетъ испытать, точно ли Наталія въ немъ любитъ *его самого*, а не санъ его, и только увѣрившись въ этомъ, онъ намѣренъ вступить съ нею въ супружество. Наталія находится въ имѣніи Моризова; Царь во время охоты заѣзжаетъ туда, но скрываетъ свой санъ отъ Наталіи; представленъ ей подъ именемъ Ивана Голицина, нравится ей, сватается за нее и становится, съ согласія Моризова, ея женихомъ. Между тѣмъ отъ имени Царя объявлено по всей Россіи, что Государь по обычаю предковъ намѣренъ избрать себѣ супругу: „всѣ красавицы *изъ Москвы*, *Казани*, *Астрахани*, *Россіи*, *Сибири*" должны явиться ко Двору, а въ числѣ ихъ и Наталья Нарышкина. Выборъ будетъ происходить въ Смоленскѣ, и вотъ для чего она пріѣхала къ своему дядѣ. На свиданіи съ нею мнимый Иванъ Голицынъ старается отклонить ее отъ намѣренія явиться ко Двору вмѣстѣ съ другими невѣстами — и она, нѣжно любя его, готова согласиться на его желаніе. Но Моризовъ, который, никогда не видавъ Царя, не знаетъ, кто скрывается подъ именемъ Голицына, настаиваетъ, чтобы она явилась. Таково содержаніе перваго акта. Для задуманнаго испытанія одинъ изъ придворныхъ беретъ на себя роль Царя. Дарьѣ, кормилицѣ Натальи, велѣно быть „постельницею, которая должна вводить всѣхъ, кто явится къ выбору". Возлѣ

залы, назначенной для собранія красавицъ, начинаютъ сходиться молодыя соперницы, и каждая изъ нихъ съ удивительною откровенностью сообщаетъ присутствующимъ свои притязанія и надежды на предпочтеніе. „Ни одна не сомнѣвается (такъ говоритъ Евдокія, одна изъ соискательницъ), что ей быть Царицею. Смѣшно смотрѣть на всѣ ихъ мины: одна таращитъ глаза, чтобы они казались бо́льшими; другая сжимаетъ ротъ, чтобъ онъ казался поменьше; третья, величаясь красотою своихъ волосъ, чрезвычайно заботится, чтобы локоны граціозно спадали ей на плеча и ложились по спинѣ; у четвертой тысяча затѣй, чтобы выказать двѣ красивыя ручки, похожія на снѣгъ самой чудной бѣлизны; пятая не знаетъ, какимъ образомъ ей показать свои зубы, которые спорятъ съ жемчугомъ о блескѣ; а я между всѣми ими смѣюсь, шучу и тѣшусь ихъ надеждами и планами.“ Приходъ прекрасной и скромной Наталіи возбуждаетъ множество насмѣшекъ. И когда она въ отвѣтъ на нихъ между прочимъ говоритъ: „я почитаю Царя, какъ Государя моего, но не могу любить его, какъ мужа“, Евдокія замѣчаетъ: „Ахъ, какъ полезно читать романы! Въ деревнѣ ничто такъ не образуетъ сердца, какъ они“. Слова эти могутъ дать нѣкоторое понятіе о томъ, какъ мало Густавъ III соображалъ въ своей драмѣ мѣсто и время дѣйствія. Но вотъ Дарьѣ приказано вести дѣвицъ въ ту комнату, гдѣ онѣ будутъ дожидаться Государя; а Натальѣ объявлено, чтобы она не уходила, потому что Царь хочетъ видѣть ее до вступленія въ залу. Царь, т. е. придворный, представляющій его, подаетъ видъ, что пораженъ ея красотою и избираетъ ее своею супругою. Но Наталія отвѣчаетъ, что она всегда останется вѣрною Голицыну. Тогда этотъ мнимый Голицынъ, т. е. настоящій Царь, который въ продолженіе предыдущаго разговора оставался незамѣченнымъ въ сторонѣ, вдругъ подходитъ къ Наталіи и открываетъ ей, кто онъ. Сцена перемѣняется и представляетъ залу, гдѣ собраны всѣ соперницы. Дарья разставляетъ ихъ въ два ряда. При звукахъ музыки входитъ Царь съ великолѣпною свитою. Всѣ падаютъ на колѣна. Постельница, которая очень удивилась было превращенію Ивана Голицына въ особу Царя Алексѣя Михайловича, готовится представлять ему красавицъ; а между тѣмъ Ѳедоръ, по обычаю слугъ во французскихъ комедіяхъ, шутитъ съ нею, какъ шутилъ уже не разъ въ продолженіе пьесы. При представленіи дѣвицъ, Государь съ истинно-рыцарскою вѣжливостью удостоиваетъ каждую нѣсколькихъ комплиментовъ, но за эту вѣжливость нѣкоторыя изъ красавицъ, особливо принцесса Софія Ѳедоровна (Fedeгоwnа), платятъ ему рѣшительною грубостью, которая однакожъ повидимому вовсе не поражаетъ Царя. Напослѣдокъ онъ подходитъ къ Наталіи и еще разъ объявляетъ ей свой выборъ. „А вы, собранныя здѣсь“, заключаетъ онъ, „торжествуйте пляскою и пѣніемъ побѣду красоты и постоянства, мое счастіе и возвышеніе Наталіи.“ Слѣдуютъ куплеты, которыми кончается 2-е дѣйствіе, а съ нимъ и вся пьеса.

При всѣхъ своихъ недостаткахъ, эта драма очень любопытна не только по своему содержанію, довольно необыкновенному подъ перомъ шведскаго писателя и особливо короля, но и потому, что въ обработкѣ этого предмета Густавъ III невольно выразилъ свой собственный образъ мыслей и духъ своего Двора.

7.

Два анекдота. Двое студентовъ ѣхали на каникулы въ отдаленное имѣніе своихъ родителей. Проголодавшись въ дорогѣ, они на одной станціи надѣялись хорошенько вознаградить себя за долгій постъ и потребовали картофелю. Старуха-хозяйка отвѣчала, что у нея картофелю нѣтъ. Голодные студенты стали называть разные другіе припасы, но, къ величайшему прискорбію, получали все тотъ же отвѣтъ, что желаемаго не имѣется. Въ досадѣ они разбранили старуху и уже сѣли было опять въ свою тряскую телѣжку, чтобы скорѣе добраться до мѣста болѣе гостепріимнаго, какъ вдругъ старуха выбѣжала на крыльцо и сказала: „Да вамъ, господа, можетъ быть, не угодно ли говядины съ хрѣномъ?“ — „О, да это чудесно!“ вскрикнули обрадованные студенты, начиная снова вылѣзать изъ телѣжки: „давай сюда говядину съ хрѣномъ“. — „Да нѣту ея!“ отвѣчала жалобнымъ тономъ старая плутовка, радуясь, что отмстила юношамъ за несправедливую брань.

У одного стараго профессора въ Лундѣ загорѣлся домъ. Все семейство его, какъ водится въ такихъ случаяхъ, ужасно засуетилось, а старикъ вышелъ на улицу и, преспокойно глядя на пламя, замѣтилъ только: „Пусть его горитъ, дрянной домишка! Это — радикальное средство противъ всѣхъ насѣкомыхъ, которыми набиты его стѣны!“

8.

Одинъ изъ первыхъ нумеровъ газеты финляндскаго города Борго за нынѣшній годъ начинается статьею подъ заглавіемъ: *Ryska Läse-frukter* (плоды русскаго чтенія). „Русская литература“, говоритъ авторъ ея, „начала болѣе и болѣе обращать на себя вниманіе Европы. Такъ какъ наша Финляндія принадлежитъ къ числу тѣхъ краевъ, гдѣ совершенное незнаніе этой литературы наименѣе простительно, то мы отъ времени до времени представляли о ней нѣкоторыя извѣстія, которыя, какъ они тощи ни были, перепечатывались иногда и въ шведскихъ газетахъ. Потому наши читатели вѣрно не осудятъ насъ, если впредь такія извѣстія будутъ постоянно занимать у насъ нѣсколько столбцовъ въ мѣсяцъ. Чтобы избѣжать подробностей, которыя для большинства читателей были бы, можетъ статься, излишними, мы намѣрены преимущественно отдавать имъ отчетъ въ содержаніи *одного* только русскаго журнала, именно *Современника*, и

только иногда позволять себѣ нѣкоторыя дополненія, особливо изъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*. Причина нашего выбора заключается въ томъ, что Современникъ для финляндцевъ занимательнѣе всѣхъ нынѣшнихъ журналовъ." Русскимъ читателямъ, которые въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ слѣдили за ходомъ изданія Современника, понятенъ такой отзывъ: съ 1839 года этотъ журналъ почти постоянно въ каждой книжкѣ своей представлялъ статьи, относящіяся къ Финляндіи и ея литературѣ. Вотъ почему многимъ могло показаться странно, что одинъ изъ петербургскихъ журналовъ, напечатавъ въ концѣ прошлаго года заимствованную съ французскаго статью: *Калевала, финская языческая эпопея*, замѣтилъ: „цѣлыми толпами ежегодно посѣщаемъ мы Финляндію, но, къ несчастію, ничего тамъ не видимъ, ничего не слышимъ. Стыдно признаться, что о народѣ, которымъ окружена наша столица, мы должны узнавать все новое и любопытное изъ парижскихъ журналовъ! Это однакожъ совершенно справедливо. Не будь господина Marmier, мы не смотря на огромное число нашихъ путешественниковъ по сѣверному берегу залива, ничего не знали бы о существованіи у финновъ большой и весьма древней эпопеи" [1]). Развернувъ любую изъ книжекъ Современника за 1839, 1840, 1841 и 1842 годъ, легко увѣриться, что стыдъ, относимый авторомъ приведенныхъ строкъ на счетъ русскихъ вообще, по справедливости долженъ остаться только за тѣми, которые чтеніе свое ограничиваютъ корректурою собственнаго журнала. Не только имя *Калевалы* очень часто упоминаемо было въ Современникѣ, но и самое содержаніе этой поэмы подробно изложено въ XIX томѣ его. Что же касается до г. Мармье, то мы, при всемъ уваженіи къ его достоинствамъ, замѣтимъ мимоходомъ, что еслибъ строго изслѣдовать генеалогію нѣкоторыхъ изъ его статей, то, можетъ быть, иная оказалась бы, по источнику своему, немного сродни тѣмъ статьямъ Современника, въ которыхъ рѣчь идетъ о Финляндіи.

Возвратимся къ газетѣ Борго. Послѣ выписаннаго нами вступленія, редакторъ обозрѣваетъ по порядку содержаніе всей первой книжки Современника за нынѣшній годъ, иногда останавливаясь на тѣхъ мѣстахъ, которыя находитъ стоющими особеннаго вниманія. Вполнѣ приведено сужденіе нашего журнала о шведской грамматикѣ г. Лангена.

9.

Финская Терпсихора. Въ февралѣ нынѣшняго года гельсингфорская публика узнала изъ здѣшнихъ газетъ, что ей готовится новаго рода удовольствіе. Одна модистка объявляла, что она приготовила 20 *бѣдныхъ дѣвочекъ къ представленію балетовъ*. Можно вообразить, съ какимъ

[1]) Библіотека для Чтенія 1842, ноябрь, въ *Смѣси*.

нетерпѣніемъ всѣ ожидали такого новаго зрѣлища. Уже наканунѣ спектакля не оставалось ни одного непроданнаго билета. И вотъ уже театръ наполненъ любопытными зрителями; уже въ оркестрѣ играютъ полковые музыканты. Наконецъ подымается занавѣсъ. Изъ-за кулисъ выходятъ 20 дѣвочекъ — однѣ въ мужскомъ, другія въ женскомъ платьѣ бѣлаго цвѣта съ розовыми кушаками, съ гирляндами въ рукахъ. Начинается на сценѣ пляска — а въ ложахъ, въ креслахъ, между всѣми зрителями что-то похожее на хохотъ... Черезъ нѣсколько минутъ занавѣсъ опустился; раздались громкія рукоплесканія. Еще три раза являлись юныя питомицы новой Терпсихоры, и всякій разъ повторялось то же явленіе веселости въ публикѣ. Въ сценѣ изъ *Marchande de modes* дѣйствовала мимически сама изобрѣтательная Муза. Когда она скрылась, ее вызвали, и вдругъ къ ногамъ ея упало брошенное откуда-то яблоко — дань заслуженнаго удивленія... Менѣе смѣху было во время далекарлійской пляски, потому что она требовала болѣе живости, нежели граціи. Замѣчательно, что всѣ танцы, вмѣстѣ взятые, продолжались едва и 25 минутъ, а публика въ театрѣ должна была просидѣть болѣе двухъ часовъ!.. Черезъ два дня спектакль повторился; онъ былъ также долгъ, но ужъ не было даже и прежней веселости. У финновъ есть свой Аполлонъ — добрый Вейнемейненъ, которому греческій Фебъ, можетъ быть, братски протянулъ бы руку: но что сказала бы изобрѣтательница пляски, когда бы увидѣла, что ея искусство такъ унижается въ отчизнѣ пятиструнной *кантелы?*

10.

Въ предыдущихъ листкахъ было говорено о шведскомъ писателѣ Альмквистѣ, объ его неприличной ссорѣ съ другимъ литераторомъ и наконецъ о нѣкоторыхъ мнѣніяхъ его, повидимому не совсѣмъ согласныхъ съ существующимъ устройствомъ общества. Надобно знать, что Альмквистъ носитъ званіе пастора, и потому не мудрено, что толки, въ послѣднее время возбужденные его поведеніемъ, подали поводъ духовному совѣту (Domkapitel) въ Упсалѣ предложить г. Альмквисту 12 вопросовъ для испытанія, согласны ли его правила съ ученіемъ вѣры. Альмквистъ, присутствовавшій тогда въ засѣданіи совѣта, испросилъ нѣкоторый срокъ для обдуманія вопросовъ, и вскорѣ представилъ свои отвѣты письменно.

Чтобы дать понятіе о смыслѣ вопросовъ, приведемъ нѣкоторые изъ нихъ:

— Сознаете ли вы себя обязаннымъ по прежнему исполнять все то, въ чемъ вы дали обѣтъ и присягу при посвященіи васъ въ пасторы?

— Признаете ли вы какъ истину Св. Писанія, такъ и то, что исповѣданіе наше согласно съ онымъ?

— Сознаете ли себя не въ правѣ ни открыто возглашать и рас-

пространять, ни тайно поддерживать ученія, противныя Св. Писанію?

— Такъ какъ исполненіе благочестія состоитъ, между прочимъ, въ добромъ, миролюбивомъ и честномъ обращеніи съ людьми, то сознаете ли вы, что не дозволено употреблять для своихъ видовъ какія ни попало средства, и что самоуправство воспрещено христіанину вообще, особливо же пастору?

Отвѣты г. Альмквиста вообще утвердительны; они отличаются ясностію и опредѣлительностію, написаны съ жаромъ и увлекательно. „Я бы могъ“, говоритъ онъ, „на всѣ предложенные мнѣ вопросы отвѣчать искреннимъ и безусловнымъ: *да*, и могъ бы тѣмъ ограничиться. Но такъ какъ многіе въ этомъ короткомъ *да* захотѣли бы угадывать смыслъ тайный и противный моему намѣренію, то я прошу позволенія на нѣкоторые вопросы отвѣчать подробнѣе“. Такъ объясняетъ онъ, наприм., права пастора заниматься, сверхъ своихъ обязанностей, посторонними трудами: не только сельскимъ хозяйствомъ и вообще экономіею, но и литературою, даже изящными искусствами, поэзіею, при чемъ ссылается на рядъ извѣстныхъ лицъ шведскаго духовенства, изъ которыхъ многія, прибавляетъ онъ, помѣщаютъ статьи въ газетахъ и журналахъ. „Я знаю“, говоритъ онъ далѣе, „что мои противники умѣютъ отыскивать въ моихъ сочиненіяхъ выраженія, по ихъ мнѣнію, неблаговидныя. Пусть же они укажутъ на такія мѣста и опровергнутъ меня. Мнѣ кажется, это было бы не только благородно и справедливо, но и единственнымъ средствомъ привести меня къ какому-нибудь доброму результату. Я докажу, что я первый готовъ взять назадъ каждое слово, въ которомъ съ указаніемъ причинъ обнаружатъ неосновательность“.

Осуждая *самоуправство*, онъ напоминаетъ его различіе съ *самозащищеніемъ*, которое „законно иногда и въ случаѣ литературныхъ нападеній, когда необходимость и истина требуютъ отпора въ печати“. Обращаясь къ самому себѣ, г. Альмквистъ замѣчаетъ: „легко было бы доказать, еслибъ безъ того не было всѣмъ извѣстно, что я никогда (?) ни литературно, ни инымъ образомъ ни на кого не нападалъ; но иногда я находилъ нужнымъ прибѣгнуть къ защитѣ самого себя“.

11.

Въ Стокгольмѣ появилась недавно первая часть шведскаго перевода *Пѣсенъ Оссіана* съ галическаго подлинника. Переводчикъ, извѣстный уже прежде литераторъ, г. Н. Арвидсонъ, присовокупилъ къ этому изданію историко-критическое вступленіе, плодъ долговременныхъ и добросовѣстныхъ изслѣдованій, въ которомъ онъ неопровержимо доказываетъ, что пѣсни, собранныя Макферсономъ подъ именемъ Оссіановыхъ, никакъ не могутъ быть подложными. Въ числѣ доводовъ г. Арвидсона особенное вниманіе заслуживаетъ замѣченное имъ сходство

между пѣснями барда шотландскаго и произведеніями древней скандинавской поэзіи. Что касается до степени древности Оссіановыхъ пѣсенъ, то шведскій ученый полагаетъ, что ихъ происхожденіе должно быть отнесено по крайней мѣрѣ къ 1-му вѣку передъ Р. Х., если не далѣе. Потомъ онъ весьма основательно и подробно разсматриваетъ размѣръ стиховъ въ Оссіановыхъ пѣсняхъ и указываетъ въ нихъ на особенный родъ *риѳмы*, что еще только недавно открыто другимъ критикомъ Оссіана, Мак-Грегоромъ: риѳма эта состоитъ въ томъ, что иногда черезъ всю пѣсню идутъ сходныя гласныя въ концѣ стиховъ, однакожъ безъ всякаго вліянія на близстоящія согласныя. Переводъ, сдѣланный стихами съ соблюденіемъ по возможности размѣра подлинника, вообще удаченъ; къ нему присоединены разныя примѣчанія, объясненія и нѣкоторыя музыкальныя ноты. Въ изданной доселѣ 1-й части заключается 14 пѣсенъ.

12.

Анекдотъ. Одинъ Упсальскій студентъ, большой проказникъ и мастеръ пѣть, ѣздилъ иногда тихонько, во время учебныхъ курсовъ, въ Стокгольмъ, но всегда устраивалъ такъ, чтобы тамъ не столкнуться какъ-нибудь съ отцомъ, который вовсе не любилъ шутить. Разъ, не смотря на всѣ предосторожности, этотъ студентъ, пріѣхавъ въ Стокгольмъ, встрѣтилъ на какомъ-то мосту отца своего; однакожъ не обратилъ на него вниманія и хотѣлъ пройти мимо, какъ вдругъ тотъ остановилъ его. „Какими судьбами ты попалъ сюда?“ — Позвольте узнать, отвѣчалъ студентъ, съ кѣмъ я имѣю честь говорить? — „Какъ, ты меня не узнаешь?“ — Извините, вѣрно какая-нибудь ошибка... — „Что съ тобой, развѣ ужъ ты не хочешь признавать отца своего?“ — Милостивый государь! извините, я васъ никогда не видывалъ. — „Какъ?.. ужели?... странное сходство. Извините: видно... но неужели?.. видно, я ошибся!“ Сынъ преважно раскланялся съ отцомъ, и оба пошли своей дорогой. Предвидя, что̀ за этимъ непремѣнно послѣдуетъ, молодой человѣкъ, не теряя ни минуты, поскакалъ назадъ въ тихую обитель музъ: надобно сказать мимоходомъ, что отъ Стокгольма до Упсалы верстъ семьдесятъ. Пріѣхавъ въ Упсалу, онъ тотчасъ заперся въ своей комнатѣ и съ необыкновеннымъ прилежаніемъ сѣлъ за книгу. Не прошло получаса, какъ въ комнату его входитъ присланный изъ Стокгольма слуга отца его. „Батюшка приказалъ кланяться и узнать о здоровьѣ вашей милости“. — Скажи батюшкѣ, что я слава Богу здоровъ, и самъ бы написалъ ему, но такъ занятъ, что день и ночь сижу за дѣломъ.

IV [1]).

1844.

1.

Всегда интересны и поучительны замѣчанія, дѣлаемыя о нашемъ языкѣ умными и образованными людьми другой націи. По странному случаю мы почти въ одно и то же время получили недавно изъ двухъ разныхъ мѣстъ письма, въ которыхъ двое извѣстныхъ финляндскихъ филологовъ сообщаютъ намъ нѣсколько дѣльныхъ мыслей объ разработкѣ русскаго языка. Мы считаемъ своею обязанностію представить здѣсь ихъ замѣчанія въ русскомъ переводѣ. Что корреспонденты наши не взыщутъ за это, въ томъ мы увѣрены тѣмъ болѣе, что отрывки изъ ихъ писемъ къ пріятелямъ нерѣдко уже были печетаемы въ финляндскихъ листкахъ.

Вотъ что сказано въ письмѣ изъ Каяны:

....„Но мнѣ чрезвычайно досадно, что всѣ русскія грамматики, какія я видѣлъ, нисколько не объясняютъ этимологическаго развитія языка, а только сказываютъ, что наприм. настоящее въ глаголѣ *дерзать* — *дерз*аю, въ глаголѣ же *маз*ать — мажу, умалчивая, почему одно образуется такъ, а другое иначе. Я убѣжденъ, что въ языкѣ нѣтъ ничего произвольнаго, и всему, что гг. грамматики обыкновенно вносятъ въ число неправильностей языка, есть особенная причина, совсѣмъ иная, нежели *употребленіе*, къ которому они, какъ къ высшей инстанціи, привыкли прибѣгать во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда не понимаютъ дѣла. Вѣдь и въ латинскомъ языкѣ разгадано до извѣстной степени, какъ всѣ *пять* склоненій произошли отъ одного первоначальнаго, и почему настоящее въ глаголѣ *legere*—*lego* а въ *fugere*—*fugio*. Въ русскомъ должно бы быть еще гораздо легче объяснить различія формъ, потому что языкъ этотъ — живой, и трудъ можно бы себѣ облегчить изученіемъ нарѣчій. Но по несчастію филологи вообще заботятся болѣе о томъ, чтобы написатъ новую грамматику, столь же хорошую или дурную, какъ сотни ея предшественницъ, нежели объ изслѣдованіи самыхъ началъ языка. Еслибъ русскій былъ такой языкъ, какъ напр. англійскій (китайская грамота Европы), у котораго нѣтъ своего собственнаго основанія, то понятно было бы, почему грамматики довольствуются приведеніемъ примѣровъ, неправильностей, исключеній и т. п.; но такъ какъ у русскаго болѣе, нежели у другихъ европейскихъ языковъ, есть самостоятельное основаніе и внут-

[1]) *Современникъ*, 1844, т. XXXIII, стр. 122—155.

ренняя гармонія, то ты извинишь мою досаду, тѣмъ болѣе, что нѣмецкій, даже исландскій (которые, какъ языки, стоятъ гораздо ниже русскаго), стараніями братьевъ Гриммъ, Бекера, Раска и другихъ, уже значительно объяснены въ отношеніи къ происхожденію ихъ и этимологическому построенію".

Другое письмо—изъ *Ижемской слободы* (что̀ на р. Печорѣ въ Арханг. губерніи). Въ немъ путешествующій молодой литераторъ входитъ въ нѣкоторыя любопытныя подробности нашего языка. Вполнѣ ли справедливы его предположенія, до того мы здѣсь не касаемся, но думаемъ, что они во всякомъ случаѣ очень любопытны.

„Слава Богу, я наконецъ выучился кое-какъ калякать по-русски. Нечего сказать, тяжела ваша рѣчь для нашихъ финскихъ языковъ! Но если практика трудна, то теорія еще труднѣе, потому что русская грамматика еще въ пеленкахъ. Чтобы она могла сдѣлаться чѣмъ-то живымъ и получить опредѣленные законы, необходимо основать ее на славянскомъ языкѣ и при обработываніи ея имѣть въ виду другія нарѣчія того же корня. Особенно недостаточны: статья о глаголахъ, отдѣланная совершенно механически, и статья объ удареніяхъ. Къ объясненію этихъ предметовъ славянскій языкъ долженъ представлять богатыя пособія. Гораздо легче, кажется, разобрать имена. Въ нихъ всего труднѣе объяснить среднія на *мя* и женскія на *ь*. Но съ помощью остальныхъ я догадываюсь, что въ языкѣ только два первоначальныя склоненія, одно *твердое* и другое *мягкое*. Въ именахъ муж. р. твердое склоненіе сперва оканчивалось на *о* (и на твердую согласную?), въ среднихъ также на *о* (отъ того и склоненіе для мужскихъ и среднихъ почти одинаковое), въ женскихъ на *а*. Твердое склоненіе составляетъ основаніе. Изъ него образовалось мягкое съ помощью согласной *ь*, что̀ всякій можетъ ясно увидѣть при бѣгломъ взглядѣ на табличку русскихъ склоненій.

„Кромѣ сказаннаго уже объ именахъ *мя* и *ь*, вотъ еще важный вопросъ относительно именныхъ окончаній: было ли исключительно *о* твердымъ окончаніемъ мужскихъ именъ, или они оканчивались и на согласную? Я думаю, что да, и полагаю, что окончаніе на *ъ* произошло именно отъ этого согласнаго корня. Что же касается до *й*, то оно произошло отъ гласнаго нѣсколько измѣнившагося окончанія на *о*. Впрочемъ *ь* и *й* должны быть означаемы одною и тою же буквою, и въ мужскомъ родѣ не заслуживаютъ двухъ особенныхъ столбцовъ въ таблицѣ склоненій.

„Для объясненія начала именныхъ окончаній важны: усѣченная и полная, или вѣрнѣе, опредѣленная и неопредѣленная форма прилагательныхъ. Прежде всего надобно стараться доказать, что усѣченная форма есть первоначальная: въ этомъ я убѣжденъ. Какъ полная произошла отъ усѣченной, почти такъ же въ именахъ существительныхъ мягкое окончаніе произошло отъ твердаго.

„Замѣчательно, что русскіе грамматики никакъ не хотятъ дополнить свою азбуку, и стараются насильно убить звуки, которые дѣйствительно принадлежатъ языку. Такъ почти успѣли уже истребить *д* съ придыханіемъ (det aspirerade), которое въ Архангельской губерніи еще часто слышится изъ устъ простого народа. Твердое *г* и *г* съ придыханіемъ требуютъ двухъ особыхъ знаковъ; такъ точно твердое и мягкое *л*. (Мимоходомъ спрашивается: есть ли *ы* первоначальный гласный звукъ или только оттѣнокъ звука *и*, зависящій отъ свойства предыдущей согласной буквы? Не всякая ли гласная послѣ твердаго *л* получаетъ широкій звукъ, однородный съ *ы*? Можетъ быть, въ русскомъ, какъ и въ языкѣ самоѣдовъ, есть двоякое *м*, *н*, *п* и проч. и твердыя изъ нихъ, будучи передъ *и*, превращаютъ его въ *ы*?). Въ Архангельской губерніи мнѣ иногда слышалось *г* какъ-бы съ придыханіемъ, въ произношеніи нѣсколько похожее на *в*, и замѣчательно, что въ заимствованныхъ словахъ *б* часто переходитъ въ *в*, какъ напр. въ именахъ: *Василій* и *Веньяминъ*.

„Русская азбука не полна, особенно въ отношеніи къ системѣ гласныхъ, и именно для изображенія такъ называемыхъ *двогласныхъ* (diphtonger). По крайней мѣрѣ въ Архангельской губерніи, кромѣ звуковъ: *я*, *е*, *ѣ* есть еще три другіе: *еа*, *ео*, *еѣ*, которые означаются тѣми же буквами: *я*, *е*, *ѣ*. Сверхъ того, знакомъ *е* изображаются разные звуки: 1) *iэ* 2) *э* 3) *эо* 4) *о*, 5) иногда смѣшивается оно съ *ѣ*. Но довольно. Извини, что я такъ много наболталъ о предметахъ, которые не входятъ въ кругъ моей дѣятельности".

Разительно, что оба филолога такъ сходятся въ сужденіи о неудовлетворительномъ состояніи, въ какомъ нынѣ еще находится русская грамматика. Впрочемъ, это чувствуютъ и у насъ всѣ образованные люди. Изданныя недавно *„Филологическія наблюденія" протоіерея Павскаго*, доказавъ, какъ между нашими учеными сознается потребность улучшенія русской грамматики, доставили весьма важное къ тому пособіе. Финляндскіе корреспонденты наши, какъ по всему видно, еще не слышали о появленіи этого замѣчательнаго труда.

Въ доказательство того, съ какою основательностію нѣкоторые финляндцы занимаются изслѣдованіемъ русскаго языка, прибавимъ мимоходомъ, что въ русской грамматикѣ, изданной въ 1835 году по-шведски г-мъ Акіандеромъ, лекторомъ по этой части въ Александровскомъ университетѣ, есть нѣсколько идей, въ которыхъ съ нимъ сошелся, путемъ самостоятельнаго же изслѣдованія, ученый авторъ *Филологическихъ наблюденій* надъ русскимъ языкомъ.

Въ одномъ изъ писемъ, откуда мы привели нѣсколько замѣчаній о русской грамматикѣ (именно въ письмѣ изъ Архангельской губерніи), находятся еще слѣдующія строки касательно русскаго народа:

„Я бы сравнилъ русскій народъ съ страстнымъ юношею, у кото-

раго большія способности, но и искушенія большія. Во всѣхъ своихъ поступкахъ онъ обнаруживаетъ предпріимчивость, бойкость, духъ открытый, веселый, безстрашный и беззаботный, но особливо умъ свѣтлый, опредѣленный и вѣрно расчитывающій. Часто мнѣ самому бываетъ весело на душѣ, когда я вижу, какъ русскій крестьянинъ поетъ и шутитъ за караваемъ хлѣба, который составляетъ все его богатство, все его земное блаженство. Таковъ характеръ его отъ природы: о чемъ же ему тужить? Съ нимъ всегда остается непоколебимая вѣра въ силу его духа и убѣжденіе, что „Богъ дастъ" ему все, въ чемъ онъ нуждается для скуднаго пропитанія. Будучи веселъ и безпеченъ, онъ не всегда строго обдумываетъ законность своихъ поступковъ; ему нужда — законъ. Но за это нельзя винить его слишкомъ строго, когда видишь, какъ онъ готовъ дѣлить съ своими братьями то, что пріобрѣлъ не совсѣмъ чисто. Вотъ еще характеристическая черта, свидѣтельствующая о юношескомъ духѣ русскаго простолюдина: правда, онъ жаждетъ несмѣтныхъ сокровищъ и для пріобрѣтенія ихъ не пощадитъ самой жизни; но когда воля его исполнится, тогда онъ съ удивительнымъ легкомысліемъ все опять сбываетъ съ рукъ или бросаетъ. Дѣло въ томъ, что онъ любитъ богатство не для пустого удовольствія *имѣть*, а для существеннаго наслажденія *жить*. Короче: мнѣ кажется, что русскій національный характеръ совершенно отражается въ характерѣ того удалого героя, который въ народной поэзіи древнихъ финновъ извѣстенъ подъ именемъ Лемминкейнена, и русскіе къ финнамъ находятся, по характеру своему, въ такомъ же отношеніи, въ какомъ Лемминкейненъ находится къ Вейнемейнену [1]): тотъ — веселый юноша, этотъ — угрюмый старикъ".

2.

Во время лѣтняго проѣзда, въ прошломъ году, изъ Петербурга въ Гельсингфорсъ намъ удалось вновь увидѣть нѣкоторыя черты честности и образованности финскихъ крестьянъ. На одномъ дворѣ маленькій нищій, принявъ милостыню, удалился, не поблагодаривъ за нее ни словомъ, ни знакомъ. Вблизи стояло нѣсколько взрослыхъ финновъ; всѣ они стали тотчасъ бранить мальчика, смѣяться надъ нимъ за его невѣжество и учить его, произнося почти въ одинъ голосъ слова: „*Paljo kiitoksia*" (много благодарю!). Одинъ крестьянинъ, получивъ сверхъ прогоновъ нѣсколько копѣекъ лишнихъ, остановился у дверей, когда разглядѣлъ деньги, и сказалъ: „Мнѣ только слѣдуетъ *столько-то*, а здѣсь болѣе". Узнавъ, что лишнее назначено ему на водку, онъ отвѣсилъ низкій поклонъ. Въ Остзейскихъ губерніяхъ, особливо въ Курляндіи, намъ за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ слу-

[1]) См. выше статью: *О финнахъ и ихъ народной поэзіи.*

чалось видѣть, между подводчиками, эстонцевъ и латышей, которымъ и значительная прибавка къ прогонамъ казалась ничтожною и даже унизительною для нихъ.

Изъ финновъ одинъ подводчикъ особенно поразилъ насъ своею ученостію. Живой съ нимъ разговоръ привелъ насъ наконецъ къ вопросу, бывалъ ли онъ въ Ригѣ и Митавѣ? „Не бывалъ, отвѣчалъ онъ: это далеко, это вѣдь въ Лифляндіи и Курляндіи". Мало-по-малу онъ намъ сообщилъ свои, для крестьянина необыкновенныя свѣдѣнія въ географіи и исторіи; разсказалъ, что Курляндія лежитъ между Польшею и Лифляндіею, а Эстляндія возлѣ Ингерманландіи; что это онъ видѣлъ на *картѣ Европы*, а карту эту получилъ въ 1821 году при Вѣдомостяхъ, которыя до 1831 года издавались на финскомъ языкѣ для простого народа. Онъ исчислилъ потомъ всѣ европейскія государства и, отвѣчая съ удивительною точностію на всѣ вопросы, перешелъ къ исторіи и къ Наполеону, котораго судьбы и походы онъ изложилъ по порядку. По его мнѣнію, еслибъ Наполеонъ пришелъ въ Россію весной, то никому бы не одолѣть его, и морозы очень помогли русскимъ. Проводивъ героя до самаго острова Св. Елены, нашъ ученый прибавилъ: „Славное время было, когда мы получали эти Вѣдомости: тогда мы всегда знали все, что дѣлается и въ Пруссіи, и въ Австріи, и въ Турціи" — онъ опять исчислилъ всѣ европейскія государства. „Но въ 1831 году Вѣдомости кончились, и съ тѣхъ поръ ужъ мы не знаемъ, что въ свѣтѣ дѣлается". Финскіе крестьяне — извѣстные любители политики!

3.

Въ одномъ небольшомъ разсужденіи, написанномъ въ Стокгольмѣ по случаю праздновавшагося тамъ въ февралѣ прошлаго года (н. ст.) юбилея 25-ти лѣтъ царствованія короля Карла XIV Іоанна, находятся слѣдующія строки о времени присоединенія Финляндіи къ Россіи.

„Время то представляетъ мрачную картину: войну, начатую безъ всякаго политическаго расчета или крайней необходимости; веденную безъ надлежащихъ способовъ, безъ благоразумной заботливости и даже безъ обыкновеннаго искусства, и потому оконченную съ позоромъ; паденіе королевской фамиліи, ею самою приготовленное; потерю провинціи, драгоцѣнной по своему пространству и народонаселенію, по богатству своихъ произведеній, по выгодному положенію, по сходству религіи, нравовъ и духа народнаго съ нашими; владѣніе, которое съ трудомъ пріобрѣтено было въ теченіе шести съ половиною вѣковъ и до послѣдней минуты было защищаемо съ мужествомъ. Тягостнѣйшаго несчастія Швеція не испытывала отъ самаго начала своей исторіи". Потомъ авторъ самыми мрачными красками описываетъ затруднительное положеніе, въ какомъ находилось его отечество предъ восшествіемъ на престолъ Карла XIV.

4.

Духовный совѣтъ въ Упсалѣ еще разъ задавалъ Альмквисту [1]) нѣсколько вопросовъ и, по полученіи его отвѣта, сообщилъ ему свое окончательное заключеніе, изъ котораго видно, что совѣтъ рѣшился до времени не предпринимать въ отношеніи къ Альмквисту — ничего. Это и по общему мнѣнію, господствующему въ Швеціи, всего благоразумнѣе. Однакожъ ясно, что совѣтъ вовсе не былъ удовлетворенъ отвѣтами Альмквиста: въ концѣ посланной къ нему бумаги изъявляютъ надежду, „что онъ, при постоянныхъ усиліяхъ и при помощи Божіей, успѣетъ побѣдить тѣ сомнѣнія и недоумѣнія, которыя не позволяютъ совѣту признать его объясненіе вполнѣ удовлетворительнымъ. Поэтому (сказано далѣе) совѣтъ весьма охотно пользуется случаемъ изъявить свое согласіе на поданное вами прошеніе объ увольненіи васъ на 6 мѣсяцевъ отъ службы для продолженія начатаго вами и уже издаваемаго шведскаго лексикона, присовокупляя, что, если вы пожелаете продлить таковое увольненіе, то на сіе будетъ всеподданнѣйше исходатайствовано соизволеніе Его Королевскаго Величества“.

5.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ прошлаго года г. Цигнеусъ, доцентъ всеобщей исторіи при Александровскомъ университетѣ въ Гельсингфорсѣ, издалъ на шведскомъ языкѣ и публично защищалъ небольшое сочиненіе свое относительно той войны между Россіею и Швеціею, которая кончилась Абовскимъ миромъ 1743 г. Онъ назвалъ эту брошюру: *Отрывки изъ описанія финляндской войны 1741 и 1742 годовъ,* а потому и нельзя искать въ ней чего-нибудь цѣлаго; однакожъ она, не смотря на довольно запутанный способъ изложенія автора (господствующій у него недостатокъ), представляетъ нѣсколько фактовъ очень интересныхъ и служитъ доказательствомъ способности г. Цигнеуса къ прилежнымъ и занимательнымъ историческимъ изслѣдованіямъ.

Желая перевести нѣсколько мѣстъ изъ упомянутой брошюры, мы считаемъ не лишнимъ напередъ напомнить читателю главныя обстоятельства войны, составляющей предметъ ея.

Шведы не могли забыть потери провинцій, уступленныхъ Петру Великому въ силу Ништатскаго договора; но при чрезвычайномъ разстройствѣ Швеціи, вслѣдствіе предпріятій Карла XII, опасно было начинать новую войну для возвращенія тѣхъ провинцій. Такъ думали люди благоразумные; но была и противная партія, которая упорно требовала войны, будучи подстрекаема внушеніями Франціи, желавшей отвлечь Россію отъ участія въ спорѣ за наслѣдство Австрійскаго

[1]) См. выше.

престола. Эта непріязненная партія наконецъ побѣдила, и шведское правительство, съ необдуманною поспѣшностію рѣшившись на войну, столь же поспѣшно объявило ее Россіи 24 іюля 1741 года. Главнокомандующимъ назначенъ былъ генералъ Левенгауптъ, обязанный тѣмъ незаслуженному уваженію, которое умѣлъ пріобрѣсть сильнымъ участіемъ въ предшествовавшей борьбѣ обѣихъ партій. Первымъ важнымъ дѣломъ въ открывшейся затѣмъ войнѣ была побѣда русскихъ при Вильманстрандѣ.

Въ то время на престолѣ русскомъ былъ малолѣтній Іоаннъ, и государствомъ управляла мать его Принцесса Брауншвейгская. Главный предлогъ, подъ которымъ шведы объявили Россіи войну, состоялъ въ томъ, что они будто-бы хотѣли возвратить русскій престолъ ближайшему потомству Петра I. Слѣдовательно, когда въ концѣ 1741 г. императорскій скипетръ перешелъ въ руки Елисаветы Петровны, война должна бы была прекратиться; но шведы требовали Выборга, и война продолжалась. Русскіе храбро подвигались берегомъ къ Гельсингфорсу; шведы безпрестанно отступали: недостатокъ продовольствія въ истощенной Финляндіи, неискусство шведскихъ генераловъ и духъ робости въ непріятельской арміи были главными причинами слабаго отпора со стороны ея. Наконецъ при самомъ Гельсингфорсѣ Левенгауптъ былъ совершенно окруженъ русскими, и вся его армія сдалась на капитуляцію 4 сентября 1742 г. Между тѣмъ стокгольмское правительство, въ негодованіи на поведеніе своихъ генераловъ, отрядило одного полковника для арестованія ихъ; Левенгауптъ и Будденброкъ были преданы суду и казнены.

17 августа 1743 г. заключенъ былъ миръ въ Або; Россія удовольствовалась тѣмъ, что граница ея въ Финляндіи подвинута была до рѣки Кюмени, но за то настояла, чтобы по смерти короля шведскаго престолъ его перешелъ во владѣніе *Голштейнъ-Готторпскаго* дома, чего требовалъ еще Петръ I при заключеніи мира въ Ништатѣ.

Трудъ г. Цигнеуса ближе знакомитъ насъ съ положеніемъ дѣлъ въ Швеціи и съ разстройствомъ Финляндіи при объявленіи войны. Вотъ нѣсколько замѣчаній его:

„Тѣ, которые руководствуются только мнѣніемъ, утвердившимся относительно Левенгаупта *послѣ* паденія его, конечно думаютъ, что трудно было выбрать кого-нибудь хуже его. Но не таково было почти общее сужденіе въ то время. Недостатокъ въ способныхъ шведскихъ генералахъ былъ такъ великъ, что его не легко пойметъ даже и тотъ, кто не теряетъ изъ виду долговременной кровавой школы временъ Карла XII; а шведская гордость и мнительность не позволяли поручить главное начальство иностранцу, хотя-бы и одаренному превосходными талантами. Это было запрещено закономъ.

„Съ запальчивостію, какой, можетъ быть, въ новѣйшія времена

исторія нигдѣ не представляетъ примѣра, спѣшили (на сеймѣ) въ нѣсколько часовъ окончить дѣла, которыхъ въ продолженіе многихъ лѣтъ не успѣли приготовить. Представитель духовнаго сословія, Бенцеліусъ, объявилъ даже, что лучше если общеполезное дѣло сегодня будетъ отвержено, нежели завтра одобрено. Отнюдь не должно было уходить обѣдать, пока все не будетъ кончено. И дѣйствительно, чрезвычайно много успѣли сдѣлать отъ утра до вечера 21 іюля 1741 г.

„Сравнивая исторію этого сказочнаго дня съ тѣмъ, что̀ ему предшествовало и за нимъ послѣдовало, находимъ безпрерывныя комментаріи къ описанію характера шведовъ, сдѣланному Карломъ Эренсвердомъ [1]). „Ихъ характеръ, говоритъ онъ, бросается изъ спокойствія въ поспѣшность и изъ поспѣшности въ спокойствіе. Потому чувства ихъ быстро переходятъ изъ состоянія насилія въ состояніе лѣни: откуда проистекаетъ то смѣлость, сокращающая время, потребное къ тому, чтобъ дѣло достигло надлежащей зрѣлости, то уныніе, въ которомъ жаръ пропадаетъ, хотя время и остается. Какъ можно въ такихъ обстоятельствахъ требовать истиннаго искусства?"

„Что́ Эренсвердъ говоритъ объ искусствѣ вообще у шведовъ, можетъ съ большою точностію быть примѣнено къ выполненію военнаго искусства во всѣхъ спорахъ, выдержанныхъ Швеціею, кромѣ того только, въ которомъ ими предводительствовалъ Густавъ Адольфъ съ нѣкоторыми изъ героевъ, имъ образованныхъ. Но ни одна война такъ ужасно не подкрѣпляетъ вѣрности описанія Эренсверда, какъ та, которая была опредѣлена 21 іюля и вскорѣ объявлена съ трубнымъ звономъ на всѣхъ улицахъ Стокгольма.

„Было около полуночи съ 30-го на 31-е іюля 1741 г. Тогда въ Гельсингфорсѣ разбудили генералъ-лейтенанта барона Генрика Магнуса фонъ Будденброка, который во время отсутствія графа Левенгаупта былъ главноначальствующимъ въ Финляндіи. Съ веселымъ видомъ, какъ-будто неся вѣсть побѣды, вошелъ къ нему молодой прапорщикъ королевской лейбъ-гвардіи, Каменшельдъ, и подалъ три „милостивѣйшія письма Его Королевскаго Величества" отъ 21, 23 и 24 іюля вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими бумагами. И въ самомъ дѣлѣ, въ нихъ заключалась радостная вѣсть: приверженцы войны одерживали побѣду надъ своими противниками, и король наконецъ *резольвировалъ*, чтобъ былъ *активитетъ* противъ Россіи.

„Гейеръ (знаменитый шведскій историкъ) утверждаетъ, что Будденброкъ, по собственному его признанію, имѣлъ порученіе до открытія войны представлять только такія донесенія о состояніи Финляндіи, которыя согласовались съ намѣреніями господствовавшей партіи. Въ доказательство этого Гейеръ ссылается на извѣстнаго сочинителя

[1]) Шведскій писатель временъ Густава III.

Mémoires historiques, politiques et militaires sur la Russie — на генерала Манштейна.

Г. Цигнеусъ рѣшительно опровергаетъ слѣдующее показаніе Манштейна: „On envoya le lieut. gén. Buddenbrog en Finlande pour examiner tout sur les lieux mêmes; mais ce général qui ne respirait que la guerre, aulieu de faire un fidèle rapport, marqua au sénat qu'il avait trouvé tout (въ Финляндіи) en très-bon état, que les troupes pouvaient être assemblées sans aucune difficulté et qu'il y avait suffisamment de vivres".

„Не Будденброкъ, а генералъ баронъ Карлъ Кронстедтъ посланъ былъ 1739 г. въ Финляндію, чтобы на мѣстѣ разсмотрѣть всѣ обстоятельства, важныя для войны, которую затѣвали. Великимъ несчастіемъ для Швеціи было, что Кронстедта въ слѣдующемъ году потребовали назадъ изъ Финляндіи съ тѣмъ, чтобы ввѣрить тамъ главное начальство Будденброку, произведенному въ генералъ-лейтенанты. Лучшее доказательство несправедливости словъ Манштейна заключается во всеподданнѣйшемъ донесеніи Будденброка отъ 3 марта 1741 г., гдѣ онъ рѣзкими чертами изображаетъ бѣдственное положеніе Финляндіи, лишенной всякихъ способовъ къ продовольстію арміи".

Г. Цигнеусъ не разъ обращаетъ вниманіе читателя на отношеніе, въ какомъ Финляндія находилась къ шведамъ, когда принадлежала имъ, и показываетъ, что сожалѣніе ихъ о потерѣ этого края вовсе не согласуется съ прежними обстоятельствами. Извлечемъ любопытныя мѣста, подтверждающія это мнѣніе.

„Читая описанія дѣйствительнаго положенія Финляндіи, можно бы подумать, что такова она была при окончаніи многолѣтней разорительной войны. Но мы находимся при самомъ началѣ военныхъ дѣйствій. Они были непродолжительны; однакожъ много вреда было нанесено краю и въ короткое время, когда *два* непріятельскія войска соединили къ тому свои усилія. Горько сознаніе — но горечь заключается въ истинѣ его, что *естественные защитники Финляндіи иногда, даже обыкновенно, поступали гораздо суровѣе, нежели тѣ, которые могли оправдать свое поведеніе строгимъ правомъ войны, которой они не желали.* Мы видѣли, каковы были плоды затѣи — въ ужаснѣйшую распутицу, за нѣсколько мѣсяцевъ до начала войны, привести въ движеніе армію, которая около двухъ лѣтъ жестоко истребляла жизненные соки Финляндіи. Законъ нужды, которому слишкомъ охотно повиновались *шведскіе* предводители, довелъ потомъ эту нужду едва-ли не до самой высшей степени, какая возможна".

Авторъ, въ подкрѣпленіе своихъ замѣчаній, приводитъ слова природнаго шведа, графа Седеркрейца, который, разсказавъ, какъ въ Финляндіи для шведскихъ полковъ отбирались и изъ отдаленныхъ областей пригонялись всѣ крестьянскія лошади, какія были на лицо,

*

и весъ тяглый скотъ, прибавляетъ: „Вопли несчастнаго края противъ такихъ дѣйствій, и жестокость, о которой доносили въ походѣ, что даже крестьяне и коронные служители запрягаемы были въ телѣги, когда лошади падали, не могли не дойти до свѣдѣнія высшаго правительства“.

Что касается до увода финскихъ лошадей, то въ выноскѣ замѣчено, что и русскіе, хотя инымъ образомъ, содѣйствовали къ недостатку лошадей у финновъ; это видно изъ королевскаго предписанія Будденброку, гдѣ сказано: „поелику извѣстно, что изъ Финляндіи въ Россію покупается и черезъ границу уводится множество лошадей, то предписывается всѣмъ губернаторамъ и проч. принять надлежащія противъ того мѣры...“

Возвращаясь къ своему предмету, г. Цигнеусъ продолжаетъ: „и это ужасное насиліе производилось не упоеннымъ побѣдою вождемъ торжествующей арміи, а графомъ Карломъ Эмилемъ Левенгауптомъ и другими ниже его. Но и тогда финны не вняли воззванію побѣдителя [1]) объявить себя независимыми отъ *такихъ* защитниковъ, а затаили скорбь въ глубинѣ души и терпѣли, между тѣмъ какъ многія области Швеціи подняли знамя бунта. Предлогомъ къ тому были бѣдствія, причиненныя странѣ войною. И однако же ни одинъ изъ непріятелей не ступилъ въ этотъ разъ на землю самой Швеціи, кромѣ крайнихъ частей на сѣверѣ, смежныхъ съ Финляндіею, этимъ „оплотомъ“ королевства, какъ ее называли шведы“.

Въ тѣсной связи съ послѣдними двумя отрывками находится нѣсколько строкъ въ началѣ статьи. Описывая волненіе разнородныхъ страстей въ Швеціи передъ началомъ и по окончаніи войны, г. Цигнеусъ говоритъ:

„Недовѣрчивость между согражданами относительно злыхъ намѣреній была велика уже передъ несчастіемъ. Послѣднее, достигнувъ невѣроятной степени, доказало, что и мнительность можетъ еще усилиться. Однакожъ прежде эта недовѣрчивость раздѣляла только частныхъ людей. Теперь она враждебно поселилась и между тѣми націями, которыя въ то время еще вмѣстѣ составляли шведское государство (т. е. между шведами и финнами). Яснѣе, нежели когда-либо прежде въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, эти народы стали замѣчать, что между ихъ странами что-то еще сверхъ Ботническаго залива проводило границу. Финны „считали себя преданными, угнетенными, а предательство, угнетеніе казалось имъ въ тысячу разъ гнуснѣе, когда проистекали отъ тѣхъ, для кого этотъ народъ такъ часто жертвовалъ

[1]) Изданъ былъ съ переводомъ на финскій и шведскій языки „Manifest Elisabeth d. I, Käyserin und Selbsthalterin von allen Reussen, an die Stände und Einwohner des Grossfürstenthums Finland. Moscau d. 18 Martü 1742“.

своею жизнію и кровью, нежели тогда, когда бы виновникомъ былъ непріятель. Но по своему обыкновенію финны безмолвно переносили страданіе. Тѣмъ щедрѣе были шведы на громкія нареканія противъ финновъ. Въ первый разъ — который чуть-ли не былъ и единственнымъ — свѣтъ услышалъ, что *трусость* финновъ была причиною бѣдствія. Говорили также, что они явно обнаружили свое нерасположеніе къ шведамъ".

Черезъ нѣсколько страницъ находимъ слѣдующее: „Жители Финляндіи справедливѣе всѣхъ могли жаловаться на стараніе враждебной партіи убѣдить шведовъ въ необходимости войны. Эта партія, не колеблясь, утверждала для достиженія своей цѣли, что „единственный рискъ въ случаѣ неудачной войны состоялъ въ разореніи (ruin) или потерѣ Финляндіи"; напротивъ можно было надѣяться, что Швеція, подъ защитою своего флота, не подвергнется большой опасности. Изъ этого ясно видно, что *Финляндія* была нѣчто совсѣмъ иное, нежели *Швеція*, а во время самой войны многія обстоятельства доказали это еще яснѣе".

Ту же мысль или подобную г. Цигнеусъ развиваетъ еще въ другомъ сочиненіи, и мы, можетъ быть, возвратимся къ ней. Разставаясь съ нимъ покуда, замѣтимъ, что онъ продолжаетъ дѣятельно трудиться на избранномъ имъ поприщѣ литератора и поэта. Въ началѣ прошедшаго года, онъ подалъ въ Финляндіи *первый* примѣръ лекцій для большой публики: онъ, часовъ въ 15 — 20 прочелъ въ университетской аудиторіи небольшой курсъ новѣйшей исторіи; число слушателей было довольно значительно. Въ послѣднее время обстоятельства начали особенно благопріятствовать этому талантливому финляндцу. Желательно только, чтобы онъ надлежащимъ образомъ воспользовался ими для окончательной побѣды надъ тѣми недостатками, которые до сихъ поръ еще замѣчаются въ его произведеніяхъ. Благодаря отеческой заботливости русскаго правительства, онъ прошлаго лѣта отправился на два года въ Германію и въ Италію для усовершенствованія своего образованія. Для этого путешествія онъ первый воспользовался *Александровскою стипендіею*, значительною суммою, Всемилостивѣйше пожалованною на подобныя пособія финляндскому университету при незабвенномъ его посѣщеніи Августѣйшимъ Канцлеромъ его, Государемъ Наслѣдникомъ, весною въ 1842 году. Въ Александровскомъ университетѣ есть еще одна стипендія, назначенная такъ же, какъ и предыдущая, на путешествія молодыхъ ученыхъ, принадлежащихъ этому университету. Почти въ одно время съ г. Цигнеусомъ и также на два года отправился, на счетъ этой послѣдней суммы, оріенталистъ, магистръ Валлинъ, въ Аравію и Египетъ. Когда одна изъ такихъ стипендій сдѣлается вакантною, то желающіе воспользоваться ею подаютъ въ консисторію университета просьбы съ подробнымъ пла-

номъ и указаніемъ цѣли предполагаемаго путешествія. Консисторія, по большинству голосовъ, избираетъ достойнѣйшаго изъ соискателей и представляетъ дѣло на утвержденіе Августѣйшаго Канцлера.

6.

„Въ 1843 году число посѣтителей заведенія водъ и купаленъ въ Гельсингфорсѣ было незначительно въ сравненіи съ предшествовавшими годами. Какъ объяснить это? Нельзя слагать вину на дирекцію заведенія, которая напротивъ всячески заботилась о пользѣ и удовольствіи пріѣзжихъ. Уже-ли мода...? Можетъ быть, отчасти и мода. Но, кажется, всего вѣроятнѣе, что наши добрые гельсингфорскіе жители ужъ черезъ мѣру старались собрать золотую жатву съ чужого поля. Что, если неумѣренность желаній — тысячу разъ просимъ извиненья — въ этомъ случаѣ обманула благоразуміе! Несомнѣнно, что многіе, которыхъ сюда заманила молва о здѣшней дешевизнѣ во всемъ, съ сердечнымъ сокрушеніемъ увидѣли, какъ серебряные рубли ихъ исчезаютъ гораздо скорѣе, нежели предполагалось, и, возвратясь домой, сказали: „*Nein, fahren sie lieber nach Reval, da ist's wohlfeiler, vielleicht auch besser*“. И вотъ друзья наши направляютъ путь къ Ревелю, и мы остаемся въ убыткахъ съ нашимъ прекраснымъ заведеніемъ, петербургскими цѣнами и усиленною роскошью... Конечно мы должны желать всякаго добра нашимъ друзьямъ и сосѣдямъ ревельцамъ; но ужъ если мы не знаемъ умѣренности, соблюдемъ въ томъ, по крайней мѣрѣ, границы и приличіе, и будемъ брать граціозно. Въ нашемъ совмѣстничествѣ съ Ревелемъ мы бы легко могли взять верхъ, еслибъ хоть сколько-нибудь только умѣли владѣть своими страстишками. Изъ Ревеля пишутъ, что „пріѣзжіе въ нынѣшнее лѣто очень плохо веселились“; музыка и буфетъ были ниже посредственности; изъ 15 баловъ для купающихся едва три или четыре были многолюдны, и гораздо большее число надобно было отмѣнить за недостаткомъ посѣтителей. При всемъ томъ, туда для лѣченія съѣхалось болѣе людей, нежели къ намъ. Предполагаютъ, что въ будущемъ году случится наоборотъ“.

Такъ отзываются Гельсингфорскія Вѣдомости.

Малое число пріѣзжихъ было въ прошедшемъ году тѣмъ чувствительнѣе для Гельсингфорса, что молва о многолюдствѣ въ его лѣтніе мѣсяцы на этотъ разъ привлекла сюда необыкновенное множество артистовъ и всякихъ искусниковъ. Часто повторялись концерты Блаза, Гиза, Негри, также дѣвицъ Мерти, Геларъ, Линдъ, изъ которыхъ особливо послѣдняя (шведка, какъ и вторая) возбудила всеобщій восторгъ. Показываемы были: восковыя фигуры Мёллера изъ Копенгагена (онѣ отсюда отправились въ Петербургъ), оптическое путешествіе Леске, изъ Петербурга, и проч.; сверхъ того на обновленномъ театрѣ

нѣсколько разъ давались представленія пріѣзжими, то нѣмецкими, то шведскими актерами. Но залы и ложи обыкновенно были наполнены довольно скудно. Надѣются, что опытъ и справедливое порицаніе со стороны земляковъ, котораго образчикъ мы выше представили, возвратятъ здѣшнихъ жителей къ той благоразумной умѣренности въ цѣнахъ, которую они нѣсколько лѣтъ тому назадъ такъ отличались, и что такимъ образомъ возстановится прежняя добрая слава Гельсингфорса.

7.

Въ правописаніи и произношеніи именъ нѣкоторыхъ городовъ и урочищъ Финляндіи, на русскомъ языкѣ, до сихъ поръ нѣтъ никакихъ точныхъ правилъ. Всѣ одинаково пишутъ говорятъ: Або, Аландъ, Выборгъ, Кюмень; но напротивъ Гельзингфорсъ, Ништатъ, Нейшлотъ часто являются въ видѣ *Гельсингфорса*, *Нистада*, *Нислота*. Спрашивается: что правильнѣе?

Кажется, надобно прежде всего постановить различіе между тѣми финляндскими именами, которыя давно уже утверждены въ русскомъ языкѣ, и тѣми, съ которыми русскій народъ теперь только знакомится. Изъ первыхъ многія нерѣдко встрѣчаются какъ въ нашихъ лѣтописяхъ, такъ и въ трактатахъ Россіи съ Швеціею. Такія имена должны оставаться къ томъ видѣ, въ какомъ мы находимъ ихъ тамъ: они освящены исторіею и привычкою. И какъ никто не говоритъ: *Обо*, *Оландъ*, *Виборгъ*, *Чюммене* вмѣсто: Або, Аландъ, Выборгъ, Кюмень, хотя первое было бы согласнѣе съ шведскимъ выговоромъ, такъ не должно измѣнять и именъ: Нейшлотъ, Ништатъ, Якобштатъ, Ваза, Ловиза, Гельзингфорсъ, Роченсальмъ, Кексгольмъ, Гохландъ, Улеаборгъ, Фридрихсгамъ, Гангудъ, хотя дѣйствительно было бы правильнѣе: *Ни-* или *Нюслотъ*, *Ни(ню)стадъ*, *Якобстадъ*, *Васа*, *Ловиса*, *Гельсингфорсъ* [1]), *Руотсинсальми*, *Чексольмъ*, *Хог(гог)ландъ*, *Улеоборгъ*, *Фредриксгамъ*, *Гангеуддъ*. Въ подтвержденіе нашего замѣчанія укажемъ на другія географическія имена, которыхъ неправильность съ давняго времени утвердилась въ нашемъ языкѣ, именно: *Парижъ*, *Римъ*, *Вѣна* и проч.

Неправильность приведенныхъ финляндскихъ именъ въ русскомъ языкѣ, заключающаяся въ ихъ совершенно нѣмецкомъ образованіи, можетъ быть объяснена кажется тѣмъ, что, при первоначальныхъ пріобрѣтеніяхъ Россіи въ Финляндіи, нѣмцы въ большомъ числѣ населяли города ея. Съ туземцами русскіе, по всей вѣроятности, сносились не иначе, какъ посредствомъ тамошнихъ нѣмцевъ, у которыхъ и заимствовали эти имена въ томъ видѣ, въ какомъ сами слышали ихъ, или находили на ландкартахъ, изданныхъ въ Германіи. Съ другой стороны и самое шведское произношеніе нынѣ во многомъ отли-

[1]) Впослѣдствіи Я. К. всетаки остановился на *такомъ* правописаніи этого имени.

чается отъ стариннаго. Буква *к*, которая теперь у шведовъ часто выговаривается какъ *ч* передъ извѣстными гласными, въ старину всегда сохраняла свой собственный звукъ, отъ чего и имя *Кексгольмъ*, наприм., тогда произносилось на самомъ шведскомъ языкѣ такъ, какъ оно пишется, а не *Чексгольмъ* по-нынѣшнему. Въ наше время буквы *sk* передъ нѣкоторыми гласными составляютъ у шведовъ звукъ *ш*, но прежде обѣ выговаривались чисто, что̀ и нынѣ еще слышится во многихъ мѣстахъ между крестьянами. Вотъ отъ чего слово *шкеры* (skär) не такъ неправильно, какъ нѣкоторымъ нашимъ литераторамъ и въ началѣ намъ самимъ показалось. Нюландскіе крестьяне до сихъ поръ говорятъ *скеръ*, и потому нѣтъ надобности вводить у насъ слово *шеры*, которое дико звучитъ для русскаго уха, уже привыкшаго къ *шкерамъ* со временъ Петра Великаго. Слово это сдѣлалось уже достояніемъ русскаго морского словаря; весь нашъ флотъ знаетъ его, да и къ тому же оно, какъ мы показали, произошло не безъ основанія.

Что касается до финляндскихъ именъ, еще мало извѣстныхъ русскимъ, то конечно справедливѣе выговаривать ихъ, сколько можно, ближе къ ихъ истинному шведскому или финскому произношенію.

8.

Книжная торговля въ Финляндіи находится въ довольно плохомъ состояніи. Немногіе книгопродавцы, торгующіе въ немногихъ городахъ края, скудно снабжены книгами, и большую часть ихъ, кромѣ учебныхъ, выписываютъ только по именнымъ требованіямъ частныхъ людей или общественныхъ заведеній. Этимъ почти и ограничиваются сношенія ихъ съ иноземными книгопродавцами. Даже и особо выписываемыя произведенія иностранныхъ литературъ получаются въ Гельсингфорсѣ такъ поздно, что здѣшнему ученому трудно слѣдовать за движеніемъ его науки въ Европѣ, и онъ поневолѣ годами двумя отстаетъ отъ вѣка. Замѣчательнѣйшія книги, издаваемыя въ Финляндіи, не только не сообщаются ни одному изъ заграничныхъ книгопродавцевъ, но безъ особенныхъ хлопотъ со стороны издателей не посылаются даже во многіе изъ такихъ городовъ самой Финляндіи, гдѣ онѣ могли бы найти нѣкоторый сбытъ. Главную причину этого составляетъ недостаточное еще развитіе промышленности вообще въ этомъ краѣ. Характеръ народа финскаго не благопріятствуетъ успѣхамъ ея. Финнъ равнодушенъ къ прибыли; ему дороже спокойствіе; онъ стремится только къ пріобрѣтенію *необходимаго*, и когда обезпечитъ удовлетвореніе первыхъ нуждъ своихъ, то не легко пожертвуетъ выгодѣ своимъ покоемъ. Вотъ отъ чего, напримѣръ, въ обѣденное и позднее вечернее время во всемъ Гельсингфорсѣ нельзя достать извощика, и даже встрѣчающіеся еще на улицахъ отказываются по большей части отъ всѣхъ вызововъ, потому что имъ пора обѣдать или спать. Вотъ

отъ чего тамъ мастеровые такъ медленны и неисправны, такъ часто отвергаютъ выгодныя порученія и не распространяютъ своего ремесла изъ опасенія подвергнуться лишнимъ хлопотамъ. Отъ того же въ Гельсингфорсѣ до сихъ поръ чувствуется недостатокъ во многихъ изъ первостепенныхъ потребностей жизни, и смышлёнымъ русскимъ, которые въ этомъ отношеніи представляютъ совершенную противоположность съ финнами, легко торговать здѣсь съ успѣхомъ.

9.

Альманахъ, составленный изъ статей нѣсколькихъ русскихъ и финляндскихъ литераторовъ и изданный на русскомъ и на шведскомъ языкахъ въ память двухсотлѣтняго юбилея (1840 г.) Александровскаго университета въ Гельсингфорсѣ, удостоился недавно особеннаго вниманія со стороны главнаго духовнаго совѣта (Domkapitel) Абовскаго архіепископства. Находя эту книгу занимательною для финляндцевъ и не лишенною нѣкотораго значенія въ историческомъ смыслѣ, а сверхъ того имѣя конечно въ виду объясненную нами трудность распространенія въ Финляндіи литературныхъ трудовъ путемъ книжной торговли, Духовный Совѣтъ, по предложенію архіепископа, опредѣлилъ пріобрѣсти отъ издателя 150 экземпляровъ Альманаха и разослать ихъ по библіотекамъ всѣхъ главныхъ церквей и высшихъ элементарныхъ школъ Абовской епархіи. По сношеніи съ издателемъ, который охотно согласился на предложенную ему уступку въ цѣнѣ экземпляровъ, опредѣленіе совѣта дѣйствительно было исполнено въ прошломъ іюлѣ мѣсяцѣ, о чемъ и изъяснено въ особомъ параграфѣ (§ 9) циркуляра къ духовенству епархіи отъ 12 іюля 1843 г.

10.

Между диссертаціями, присланными въ Александровскій университетъ изъ Упсальскаго за 1841 годъ, находится одна, которой заглавіе въ высшей степени возбуждаетъ любопытство русскаго. Вотъ оно: *Александръ Пушкинъ, русскій Байронъ. Литературный портретъ, который, съ дозволенія знаменитаго философскаго факультета, будетъ публично защищаемъ въ Густавіанской аудиторіи магистромъ доцентомъ К. Г. Ленстремомъ.* Авторъ уже извѣстенъ въ шведской словесности множествомъ разнородныхъ книгъ, имъ изданныхъ; всѣ онѣ доказываютъ въ г. Ленстремѣ необыкновенную охоту писать и печатать, но, къ сожалѣнію, не всегда свидѣтельствуютъ въ пользу его основательности и знаній. Посмотримъ, что говоритъ онъ о Пушкинѣ.

Стараясь опровергнуть мнѣніе тѣхъ, которые ожидаютъ слишкомъ многаго отъ вліянія славянъ на западную Европу, авторъ замѣчаетъ, что русскіе славнѣйшіе поэты „Пушкинъ, Жуковскій, Марлинскій только подражали лучшимъ поэтамъ европейскимъ, и своего въ нихъ

только національный духъ съ его восточнымъ огнемъ, красками и блескомъ, да предметы, взятые изъ народныхъ нравовъ и отечественной старины. Облаченіе этого духа и этого содержанія въ европейскія формы — вотъ зрѣлище, которое влечетъ насъ къ литературѣ славянъ и къ стихотвореніямъ Пушкина".

„Александра Пушкина", такъ продолжаетъ г. Ленстремъ, „назвалъ я *русскимъ Байрономъ,* потому что онъ самый глубокій лирикъ въ повѣствовательной формѣ, потому что онъ не только беретъ часто въ образецъ альбіонскаго царя поэтовъ, но чрезвычайно напоминаетъ его также своимъ талантомъ, обстоятельствами жизни и поэтическимъ характеромъ. Конечно, у русскихъ есть великіе лирическіе поэты, можетъ быть, столь же великіе, какъ Пушкинъ — вспомнимъ Кантемира и Ломоносова, отцовъ русской поэзіи, Богдановича, русскаго Анакреона, Долгорукаго, Державина и Дмитріева, приготовителей новой школы, Жуковскаго, величайшаго изъ нынѣ живущихъ русскихъ поэтовъ, Батюшкова, Вяземскаго, Демидова *(т. е. Давыдова),* Баратынскаго, Языкова, Веневитинова, Бенедиктова и др.; но изъ нихъ никто не можетъ стоять рядомъ съ Пушкинымъ на его побѣдномъ поприщѣ, въ лирическомъ разсказѣ во вкусѣ Байрона"... Далѣе развивается подробно сравненіе обоихъ поэтовъ, доказывающее, что авторъ вообще не изучалъ ни Пушкина, ни русскаго народа, а говоритъ только съ голоса другихъ и на-угадъ. На слѣдующей страницѣ мы узнаемъ, что повѣсти Марлинскаго, *Мулла Нуръ* и *Амалатъ Бекъ,* переведены на шведскій языкъ Мёрманомъ (молодымъ финляндцемъ, который нынѣ занимается составленіемъ полнаго шведско-русскаго лексикона); тамъ же узнаемъ, что *Капитанская дочка* Пушкина несравненно ниже (!) повѣстей гг. Булгарина, Марлинскаго, Загоскина и мн. др. Потомъ въ біографическомъ очеркѣ узнаемъ, что Пушкинъ былъ графъ и происходилъ отъ дворянской фамиліи, возведшей (!) домъ Романовыхъ на престолъ, что поэтъ нашъ въ качествѣ волонтера (!) участвовалъ въ походѣ графа Паскевича въ Азіатскую Турцію, и что послѣ того онъ объѣхалъ внутреннюю Россію съ тѣмъ, чтобы собрать побольше матеріаловъ для своихъ стихотвореній. Если всѣ эти новости удивляютъ читателей, что̀ скажутъ они о слѣдующемъ извѣстіи: „Молва гласитъ, что во время тогдашняго пребыванія поэта въ южной Россіи съ нимъ случилось приключеніе, которое онъ воспѣлъ въ стихотвореніи: *Черная душа,* а въ другихъ пьесахъ обработывалъ и подъ другими названіями. Именно онъ любилъ гречанку, но заставъ ее однажды въ объятіяхъ другого, убилъ и красавицу и любовника". Итакъ въ этомъ нелѣпомъ анекдотѣ дѣло идетъ о *Черной шали!* Но какъ же *шаль* могла превратиться въ *душу?* Очень просто: по-шведски есть слово *шэль* (själ), которое значитъ: *душа;* а такъ какъ шэль очень похоже на шаль, то почему же бы и не употребить душу вмѣсто шали, а въ случаѣ надобности, и шаль вмѣсто души?

Но — nec plus ultra. Приведеннаго нами достаточно для сужденія о достоинствѣ и сходствѣ ученаго *портрета* г. Ленстрема. Прибавимъ только, что онъ далѣе излагаетъ по-своему содержаніе главныхъ произведеній Пушкина и изъ нихъ переводитъ по-шведски нѣсколько отрывковъ, пользуясь Липпертовымъ довольно плохимъ переводомъ Пушкина на нѣмецкій языкъ. Источниками его біографическихъ извѣстій о поэтѣ служили ему, какъ самъ онъ объявляетъ, кромѣ этой книги, какое-то шведское изданіе: *Браге и Идуна* и *Конверсаціонсъ-Лексиконъ Брокгауза.*

Чтобы отдать полную справедливость автору ученаго портрета, мы должны еще замѣтить, что отъ многихъ *куріозныхъ вещей*, украшающихъ эту диссертацію, мы избавили просвѣщенныхъ читателей.

Однакожъ, какъ она ни ничтожна по содержанію своему, надобно сознаться, что ея появленіе составляетъ весьма примѣчательный для Россіи фактъ въ современной литературѣ. Давно ли въ Европѣ едва знали по наслышкѣ имена двухъ трехъ представителей умственной дѣятельности русскихъ, а теперь труды не только хорошихъ, но и дурныхъ писателей нашихъ читаются на всѣхъ языкахъ, и въ древнѣйшемъ университетѣ сѣвера предметомъ публичнаго пренія избирается русскій народный поэтъ! Этимъ фактомъ самъ Ленстремъ убѣдительно опровергнулъ свое увѣреніе, будто славянская стихія всегда останется безъ значенія для европейской образованности.

РѢЧЬ

по случаю рожденія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Александровича, произнесенная въ торжественномъ собраніи Императорскаго Александровскаго университета 15/27 октября 1843 года ординарнымъ профессоромъ Я. Гротомъ [1]).

1843.

Когда въ 1796 году родился въ Царскомъ Селѣ Августѣйшій Виновникъ нынѣшняго благоденствія Россіи, вокругъ Него какъ-бы распространялось таинственное предчувствіе будущаго величія Его. Императрица Екатерина II, ни для кого не вѣдомо уже приближавшаяся къ гробу, не могла нарадоваться бодрымъ младенцемъ, кото-

[1]) *Соврем.* 1843, XXXII, стр. 199 — 211; срв. *Переписка*, т. II, стр. 122, 127, 129, 133 — 156.

раго называла Своимъ рыцаремъ и Сама была Воспріемницею Его отъ купели. Геніальный пѣвецъ славной Государыни, Державинъ, въ стихахъ на крещеніе Великаго Князя, сказалъ въ пророческомъ ясновидѣніи:

„Дитя равняется съ Царями.
По сану — исполинъ;
По благости, любови —
Полсвѣта Властелинъ,
Онъ будетъ, будетъ славенъ,
Душой Екатеринѣ равенъ!"

Когда потомъ, 1818 года, въ Кремлѣ явился на свѣтъ первородный сынъ Того, чье рожденіе внушило Державину эти изумляющія строки, — когда родился Государь Наслѣдникъ, тогда другой знаменитый поэтъ, Жуковскій, произнесъ надъ драгоцѣнною колыбелью также предвозвѣстительное слово. Въ стихахъ къ державной Матери Новорожденнаго онъ тогда сказалъ:

„Лѣта пройдутъ; Подвижникъ молодой,
Откинувши младенчества забавы,
Онъ полетитъ въ путь опыта и славы...
Да встрѣтитъ Онъ обильный честью вѣкъ!
Да славнаго участникъ славный будетъ!
Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій: „*человѣкъ!*"
Жить для вѣковъ въ величіи народномъ,
Для блага *всѣхъ* — *Свое* позабывать;
Лишь въ голосѣ Отечества свободномъ
Съ смиреніемъ дѣла Свои читать —
Вотъ правила Царей великихъ Внуку!"

Нынѣ, когда время въ половину уже сказало отвѣтъ Провидѣнія на эти горячія мольбы, въ которыхъ выразилась задушевная дума всего русскаго народа, — нынѣ каждый изъ насъ въ тишинѣ конечно благословитъ за то Господа въ сей мирной сѣни, которая не чужда сердцу Высокаго Подвижника. Еще въ ту пору, когда Онъ беззаботно возрасталъ среди отроческихъ уроковъ и забавъ, нашъ университетъ, по неизреченной благости Монарха, имѣлъ счастіе называть Его Высочество своимъ Августѣйшимъ Канцлеромъ. Годы шли, и всѣ важнѣйшія событія въ жизни Наслѣдника Престола отзывались чистѣйшею радостію въ стѣнахъ сего древняго учрежденія. Какъ утѣшительно прибавить, что и наоборотъ всѣ его интересы всегда находили живой отголосокъ въ возмужавшемъ сердцѣ Августѣйшаго: всего убѣдительнѣе драгоцѣнное свидѣтельство благоволенія, полученное университетомъ въ то время, когда, празднуя свой двухсотлѣтній

юбилей, не могъ онъ, къ довершенію своего счастія, удостоиться лицезрѣнія Представителя своего, бывшаго за предѣлами отечества. Наконецъ, въ прошедшемъ году мы увидѣли самое краснорѣчивое доказательство того милостиваго вниманія, съ какимъ Его Высочество изволитъ пещись о нашемъ учрежденіи. Мы помнимъ, какою невыразимою благосклонностію Августѣйшій Канцлеръ нашъ ознаменовалъ Свое кратковременное пребываніе въ этомъ городѣ. Забудемъ ли, что и здѣсь, предъ вѣнчаннымъ изваяніемъ Благословеннаго, звучно раздался тогда голосъ юнаго Соименника Его, и глубоко запечатлѣлись благодатныя слова въ сердцѣ всѣхъ предстоявшихъ!

Принявъ столько знаковъ высокой милости отъ Августѣйшихъ Благотворителей своихъ, могъ ли Александровскій университетъ равнодушно услышать радостную вѣсть, недавно облетѣвшую всѣ края великаго государства? По старинному обычаю, освященному соизволеніемъ монаршимъ, онъ поспѣшилъ установить торжественный обрядъ для всенароднаго объявленія своихъ вѣрноподданническихъ чувствъ, и на призывный голосъ его вы стеклись сюда, Мм. Гг., чтобы съ его ощущеніями и желаніями слить свои собственныя. Счастливѣйшимъ себя считаю, что мнѣ, при этомъ вожделѣнномъ случаѣ, досталось быть изъяснителемъ того, что нынѣ наполняетъ душу всѣхъ моихъ соотечественниковъ, и предстать здѣсь среди многочисленнаго собранія, въ которомъ для немалаго числа моихъ слушателей и слушательницъ русская рѣчь есть родная. Еще въ первый разъ удостоившись чести взойти на эту историческую каѳедру, я чувствую, какъ мало правъ имѣю на вниманіе ваше, и только высокое значеніе нашей сегодняшней бесѣды придаетъ мнѣ нѣкоторую смѣлость.

На моемъ мѣстѣ вдохновенный поэтъ умѣлъ бы языкомъ Державина и Жуковскаго привѣтствовать новую прекрасную надежду, которую Провидѣніе недавно даровало Россіи; но скромный служитель науки не осмѣлится выступить на состязаніе съ могучими пѣвцами. День рожденія Великаго Князя Николая Александровича, *8-е сентября*, вызвалъ въ душѣ моей нѣсколько историческихъ воспоминаній, и они кажутся мнѣ достойными занять, на нѣсколько мгновеній, моихъ просвѣщенныхъ слушателей.

Кто не знаетъ героя, который впервые отважился поднять мечъ противъ древнихъ злодѣевъ отечества нашего, противъ татаръ, уже болѣе полутора вѣка угнетавшихъ русскій народъ? Кто не слышалъ о битвѣ, предвозвѣстившей ему радостное освобожденіе отъ столь позорнаго ига? — Побоище Куликовское, Мм. Гг., совершилось *8-го сентября* 1380 года: въ этотъ день Великій Князь Димитрій стяжалъ въ борьбѣ съ Мамаемъ безсмертное имя *Донскаго*. Куликовская побѣда была первымъ, важнѣйшимъ шагомъ Россіи къ торжеству надъ всѣми внѣшними врагами и къ нынѣшнему могуществу ея въ Европѣ. Правда,

побѣда сія не избавила Руси однимъ ударомъ отъ владычества Золотой Орды: воспаленные местію за пораженіе свое, Татары еще сто лѣтъ держали народъ нашъ въ оковахъ; но битва придонская убѣдила его, что онъ еще можетъ противоборствовать страшнымъ утѣснителямъ; свѣтлая надежда вновь окрылила падшій духъ его; имя Куликовскаго побоища сдѣлалось для русскихъ лозунгомъ побѣды и оставалось лучшимъ преданіемъ народной славы до самыхъ дней Петра Великаго, до битвы Полтавской.

Петръ Великій, Полтава! эти громкія имена приводятъ насъ, Мм. Гг., къ другому не менѣе славному для Россіи поприщу брани. Давно уже она свергла съ себя иго рабства, но у нея оставались еще опасные, нерѣдко побѣдоносные враги — ея сосѣди на западѣ, шведы и поляки. Геній Петра Великаго впервые постигъ, что причиною неудачъ Россіи въ состязаніи съ ними было замедлившееся въ ней развитіе народныхъ силъ, что для быстрѣйшихъ успѣховъ на семъ пути ей необходима тѣснѣйшая связь съ Европою, а первое къ тому условіе — пріобрѣтеніе береговъ Балтійскаго моря. Тогда началась вѣковая борьба между Россіею и Швеціею, борьба, которая могла кончиться только рѣшеніемъ вопроса: кому быть обладателемъ Остзейскихъ губерній и Финляндіи? — Провидѣніе даровало намъ счастіе жить въ такое время, когда вопросъ этотъ уже рѣшенъ навсегда, когда Финляндія, бывъ столько вѣковъ злополучною жертвою неизбѣжнаго кровопролитія, наконецъ ожила отъ своихъ долговременныхъ страданій и уже начинаетъ обильно вкушать благодатные плоды мира. И она благословляетъ жребій свой подъ кроткимъ скипетромъ Русскаго Царя: ея сыны не хотятъ уступить кореннымъ сынамъ Россіи въ пламенной преданности и въ усердной службѣ Престолу; русскіе уже дома въ Финляндіи; они умѣютъ цѣнить ея древніе, прекрасные уставы, умѣютъ быть признательными ей за гостепріимный кровъ среди ея скалъ, — умѣютъ отдавать справедливость всѣмъ добрымъ качествамъ ея жителей. Уже завязалось прочное братство обѣихъ разноплеменныхъ націй въ просторномъ домѣ общаго Вѣнценоснаго Отца. Въ успѣхахъ промышленности уже и для Финляндіи зиждется основаніе народнаго богатства. Но зарею столь счастливыхъ перемѣнъ было пламя, въ 1709 году вспыхнувшее на поляхъ Полтавскихъ. Чудно было шествіе Петра Великаго съ этихъ лавроносныхъ для него полей въ новосозидавшійся городъ Невскій, котораго существованіе собственно теперь только было рѣшено, которому жребій той битвы опредѣлилъ назваться вскорѣ столицею величайшей въ мірѣ *Имперіи.* Съ какимъ благоговѣніемъ теперь вся Европа обратила изумленные взоры на Царя-героя! Еще онъ былъ на пути въ свой возлюбленный Петербургъ, а послы иноземные уже спѣшили къ нему съ дружественными изъявленіями. Такъ, во время 12-тидневнаго пребыванія Его въ городѣ Сольцѣ на рѣкѣ Вислѣ,

гдѣ побѣдитель Карла XII остановился для постройки нѣсколькихъ кораблей, прибылъ туда посолъ короля прусскаго для поздравленія Его Царскаго Величества съ торжествомъ подъ Полтавою и для предложенія Ему личнаго свиданія съ королемъ. День, когда явился къ Петру Великому представитель двора, который нѣкогда долженъ былъ соединиться столь тѣсными узами дружбы и родства съ русскимъ Императорскимъ Домомъ, день этотъ былъ *8-е сентября* достопамятнаго 1709 года.

Черезъ сто лѣтъ послѣ побѣды, прославившей этотъ годъ, *первые дни сентября* ознаменовались тѣмъ важнѣйшимъ для всего сѣвера событіемъ, которое было собственно заключеніемъ дня Полтавскаго, вѣнцомъ боевыхъ трудовъ Петра, печатью созданія Петербурга, послѣднимъ дѣйствіемъ и развязкою кровавой драмы, которой сценою была Финляндія: я разумѣю *мирный трактатъ Фридрихсгамскій*. По прихотливой игрѣ случая въ *первые же дни сентября мѣсяца* совершились нѣкоторые замѣчательные подвиги русскихъ въ войнахъ финляндскихъ. Таковы были: въ 1710 году взятіе Кексгольма [1]), въ 1741 — побѣда русскихъ при Вильманстрандѣ, въ 1742—побѣда ихъ при Гельсингфорсѣ.

Выдерживая борьбу съ Швеціею, Россія въ то же время не разъ принуждена была обуздывать еще и другого, стариннаго врага своего на западѣ, поляковъ. При мысли объ ударахъ, нанесенныхъ гибельному буйству ихъ мощною рукою Екатерины II, можемъ ли забыть, что первымъ рѣшительнымъ торжествомъ ея въ Варшавѣ было провозглашеніе королемъ польскимъ графа Станислава Понятовскаго *8-го сентября* 1764 года?

Одолѣвъ, наконецъ, непріязненныхъ сосѣдей своихъ, широко раздвинувъ и округливъ свои предѣлы, твердо и величественно стояла Россія подъ миролюбивымъ скипетромъ Александра, какъ вдругъ на равнины ея низринулась вся западная Европа, ведомая грознымъ завоевателемъ, чтобы сокрушить исполина восточнаго. Тогда спасенію отечества принесена была великая, безпримѣрная жертва народная: запылала Москва! Какое дивное зрѣлище Россія представляла человѣчеству тридцать одинъ годъ тому назадъ! Народъ, пылая священною местію за поруганные алтари свои, тысячами стекался подъ знамена ратныя; съ трона слышался утѣшительный, пророческій голосъ о близкомъ торжествѣ отечества и правды. Вотъ что говорилъ тогда Благословенный подданнымъ своимъ: „Всякое наносимое намъ врагами зло и вредъ обратятся напослѣдокъ на главу ихъ... Не прославится ли тотъ народъ, который, перенеся всѣ неизбѣжныя съ войною разоренія, наконецъ терпѣливостію и мужествомъ своимъ достигнетъ до того, что не токмо пріобрѣтетъ самъ себѣ прочное и ненарушимое

[1]) 8-го же сентября.

спокойствіе, но и другимъ державамъ доставитъ оное?... Пріятно и свойственно доброму народу за зло воздавать добромъ". Вѣчнопамятныя, священныя слова! Они произнесены *8-го сентября* 1812 года въ обнародованномъ тогда объявленіи о занятіи Москвы непріятелемъ.

Того же числа, десятью годами ранѣе, будущій спаситель отечества и Европы, исполняя на лонѣ мира святой обѣтъ, данный Имъ при восшествіи на Престолъ, обѣтъ „вознести Россію на верхъ славы" — Александръ положилъ основаніе одному изъ прекраснѣйшихъ памятниковъ своего царствованія: манифестомъ *8-го сентября* 1802 года учреждены въ Россіи министерства, и съ той поры какъ правильно, какъ равномѣрно движутся колеса сложной машины государственной!

Таковы, Мм. Гг., важнѣйшія событія минувшаго, памятью связуемыя съ днемъ, который мы празднуемъ. Къ нимъ присоединяется еще одно, болѣе свѣжее воспоминаніе. Въ одно ясное осеннее утро 1840 года вся столица невская пробудилась въ радостномъ, нетерпѣливомъ ожиданіи, и скоро улицы площади закипѣли густыми толпами народа. Войска предъ стѣною зданій воздвиглись новою, сверкающею стѣной; все предвѣщало какое-то необычайное торжество. И вдругъ раздался звонъ колоколовъ, загремѣли пушки, поднялся радостный гулъ привѣтствій народа и войска: въ С.-Петербургъ торжественно въѣзжала, въ кругу всего Императорскаго Семейства, Высоконареченная Невѣста Гусударя Наслѣдника, Ея Высочество Принцесса Марія Гессенъ-Дармштадская, сопровождаемая тысячами ликовавшихъ жителей; изъ тихаго міра владѣтельной фамиліи германской, прекрасная избранница Наслѣдника Россіи притекала въ великолѣпнѣйшую столицу, готовясь вступить на обширнѣйшее, блистательнѣйшее поприще добродѣтелей Супруги и Матери!... То незабвенное утро было также *8-го сентября*. Кто предвидѣлъ тогда, что ровно черезъ три года, въ тѣ же часы громъ пушекъ возвѣститъ той же столицѣ осуществленіе прекраснѣйшихъ надеждъ, сливавшихся съ тогдашнимъ празднествомъ, — событіе, столь же, какъ оно, многозначительное и счастливое для всей имперіи!

И такъ день, недавно получившій для насъ новое знаменованіе, былъ всегда какъ-бы однимъ изъ любимыхъ дней тайнаго генія-хранителя Россіи, и все то, что въ лѣтописяхъ ея отмѣчено этимъ днемъ, вѣнчалось постоянно самымъ благополучнымъ концомъ, приносило по очереди самые вожделѣнные плоды. Сердце суевѣрно: позволимъ ему изъ сего свидѣтельства минувшихъ лѣтъ заимствовать новую опору для надеждъ его въ грядущемъ!.... [1])

[1]) Въ „*Перепискѣ*" съ Плетневымъ (II, стр. 137) Я. К. припоминаетъ по этому же поводу, что 8-е сентября было знаменательнымъ днемъ и въ его личной карьерѣ. См. это мѣсто.

Въ славномъ возрастѣ русской державы Ты пріялъ жизнь, юнѣйшій Отпрыскъ знаменитаго Дома Романовыхъ! Нѣтъ въ мірѣ Престола выше и свѣтозарнѣе того, подъ сѣнью котораго стоитъ порфироносная колыбель Твоя! Нѣтъ въ мірѣ Царства обширнѣе и могущественнѣе Твоего отечества! Нѣтъ въ мірѣ народа доблестнѣе и счастливѣе русскихъ! И со всѣхъ концовъ своей широкой земли этотъ добрый народъ съ любовію и съ упованіемъ подъемлетъ нынѣ взоры къ свѣтлой колыбели Твоей: въ ней лежитъ грядущее Россіи, лежитъ въ пеленахъ Судьба поколѣній, еще не рожденныхъ, но не чуждыхъ намъ, ибо насъ они нарекутъ именемъ своихъ дѣдовъ... Глядятъ на Тебя сонмы племенъ, новорожденный Внукъ Государя нашего! Но въ твоихъ очахъ еще не сіяетъ улыбки отвѣтной; еще блескъ, Тебя окружающій, долго будетъ тайною для юной души Твоей. О, да хранитъ Тебя благое Провидѣніе! да поставитъ Оно при Тебѣ незримаго стража, онъ же и въ бдѣніи и въ покоѣ Твоемъ да блюдетъ недремлющимъ окомъ и жизнь Твою и здравіе и чистоту душевную! Среди тяжкихъ заботъ державства будь новою утѣхою сердцу Вѣнценоснаго Дѣда; цвѣти и возрастай на радость Августѣйшаго Родителя и Высокія Матери и всего пресвѣтлаго Императорскаго Дома! Когда же быстрые годы принесутъ Тебѣ самосознаніе, и разумъ Твой созрѣетъ и сердце научится любить, —да постигнешь Ты сердцемъ и разумомъ все неизмѣримое величіе Своего призванія! Созерцая могущество, Небомъ Тебѣ пріуготовляемое, да возрадуешься всего болѣе мыслію о томъ благѣ, какое изъ длани Твоей можетъ излиться на человѣчество! Тогда Ты оправдаешь Твое драгоцѣнное для русскихъ имя, и дѣла Твои составятъ нѣкогда столь же славныя воспоминанія, какъ тѣ, которыя нынѣ, съ именами величайшихъ Государей нашихъ, соединились въ чистосердечномъ привѣтѣ зарѣ жизни Твоей! и самый день Твоего рожденія неизгладимо запишется на страницахъ исторіи, въ признательной памяти отдаленнаго потомства!

Мм. Гг.! Въ храмѣ Божіемъ мы уже принесли благодареніе Всевышнему за новое знаменованіе благости Его къ отечеству; но да не удалимся и отсюда, не обративъ напередъ сердецъ нашихъ и мыслей къ Верховному Владыкѣ Царей и народовъ. Призовемъ святое благословеніе Его на пріумноженный Императорскій Домъ! Здѣсь, надъ сею каѳедрою, высится величественное изваяніе первоначальнаго Благотворителя Финляндіи и университета ея. Но при видѣ увѣнчанной лавромъ главы Его, не возникаетъ ли рядомъ съ нею въ сердцѣ каждаго и священный образъ Того, Кто могущимъ словомъ воздвигъ изъ пепла этотъ чудный храмъ науки, но — забывъ Свой подвигъ — великодушно водворилъ здѣсь драгоцѣнное имя и ликъ усопшаго Брата Своего!.. Даруй, Господи, отечеству нашему счастіе еще многія лѣта процвѣтать подъ спасительною Державою мудраго Императора! Да

преуспѣваетъ еще долго просвѣщеніе Россіи подъ сѣнію Его благотворной власти! да продлятся и для Александровскаго университета лучшіе годы его подъ покровомъ милости Монарха, подъ управленіемъ Августѣйшаго Сына Его.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ И ВЫПИСКИ [1].

1844.

1. Гёте и русскіе поэты нашего времени.

Гёте, который, до глубокой старости, наблюдалъ ходъ нѣмецкой литературы, находилъ, что упадокъ поэзіи въ наше время и неплодіе поэтовъ обнаруживаются двумя признаками: усовершенствованіемъ *технической* части и стремленіемъ къ своебытности. И тѣмъ и другимъ, въ его глазахъ, множество стихотворцевъ доказывало только безсиліе къ производительности, возбужденное высокимъ состояніемъ литературы. Онъ видѣлъ въ нихъ таланты частію поддѣльные, частію форсированные. Они не хотятъ *развиваться*: каждый хочетъ прямо *быть* чѣмъ-нибудь. Они не догадываются, что родится только возникающій и не готовый художникъ, и что тотъ, кто ничего не хочетъ заимствовать отъ таланта зрѣлаго, не понимаетъ истиннаго значенія оригинальности и остается ниже самого себя. Всякій хочетъ только выказать себя; никто не хочетъ наслаждаться тѣмъ, что въ искусствѣ уже сдѣлано: всякій хочетъ самъ производить новое. А такъ какъ трудно производить великое, то имъ оно въ тягость; у нихъ нѣтъ способности почитать великое. Забывая степени, они находятъ удовольствіе въ посредственномъ, которое рождаетъ пріятное чувство, что имѣешь дѣло съ равнымъ своему. Произвести что-нибудь мнимо-хорошее въ наше время чрезвычайно легко: мы живемъ въ такомъ періодѣ, когда образованіе какъ-будто разлито въ самой атмосферѣ, которою мы дышимъ; въ нашей крови вращаются поэтическія и философическія мысли; мы ихъ всасываемъ вмѣстѣ съ воздухомъ, насъ окружающимъ. Но потому-то въ наше время и трудно произвести что-нибудь истинно-хорошее: чѣмъ легче пріобрѣтеніе образованія, тѣмъ выше требованія.

[1]) *Современ.* 1844, т. XXXV, стр. 279 — 297; срв. *Переписка*, т. II, стр. 279, 288, 296. Ради цѣльности мы помѣщаемъ эту статью въ полномъ видѣ, хоть и не всѣ ея отдѣлы (напр. начало и конецъ) имѣютъ отношеніе къ скандинавскому или финскому міру. *Ред.*

При созерцаніи литературы, представляющей молодому человѣку столько великихъ дѣяній, душа его наполняется величавыми намѣреніями, и всякій ищетъ славы на проторенномъ пути, по которому шли позднѣйшіе великіе люди отечества. Всякій, что познаетъ и чувствуетъ, силится передать не иначе, какъ именно поэтически; всѣ становятся на эту, а не иную точку; они хотятъ вновь и другимъ образомъ сдѣлать то, что уже сдѣлано; они выворачиваютъ чулокъ и носятъ его наизнанку; они держатъ въ рукахъ уже переломленное растеніе, которое непремѣнно должно завянуть, если не будетъ посажено въ новую, живительную землю.

Послѣ періода высшей производительности Гёте и Шиллера, поэзія въ Германіи внезапно упала. Пѣвцы начали жаловаться, что проповѣдуютъ глухимъ — и ветеранъ нѣмецкой литературы сталъ все рѣшительнѣе отвращать отъ нея взоры, наблюдая тѣмъ внимательнѣе симптомы литературы всемірной. По мѣрѣ того, какъ событія вѣка становились важнѣе, ничтожество поэзіи усиливалось: не было конца горю и горeванію — и, казалось, что чѣмъ кто менѣе чувствовалъ поэтической силы, тѣмъ онъ безусловнѣе и горше жаловался на обстоятельства. Печаль по утраченнымъ радостямъ, тоска по быломъ, стремленіе къ невѣдомому, недостижимому, уныніе, негодованіе на препятствія всякаго рода, борьба противъ недоброжелательства, зависти и гоненій — сдѣлались общимъ рецептомъ, по которому приговлялись всѣ стихи безъ исключенія. Тутъ ясно было видно, что поэзія уже не составляла ничего первобытнаго, не составляла потребности духа удовлетворять самому себѣ, а была чѣмъ-то искусственнымъ, пріобрѣтеннымъ. Немножко страсти, немножко природы, немножко знанья и кое-какого умѣнья писать всякій считалъ достаточнымъ для пріобрѣтенія права облекать въ звуки страданіе человѣчества. Скажутъ, что вкусъ публики не умѣлъ бы оцѣнить ничего совершеннѣйшаго. Можетъ быть — покрайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ; но не надобно забывать, что публика во времена Шиллера и Гёте ни на волосъ не была лучше нынѣшней. Если желаете въ этомъ удостовѣриться, прочтите напр. переписку В. Гумбольта съ Шиллеромъ и приведенныя тамъ сужденія берлинцевъ о *Horen*- и *Musenalmanach*: вы удивитесь, какъ все остается неизмѣннымъ. Истинный поэтъ такъ же мало будетъ исключительно руководствоваться голосомъ публики, какъ и судомъ критики.

Истинная поэзія никогда не отторгается отъ здравой жизни и могучей дѣйствительности. Надобно только остерегаться, какъ-бы не смѣшать настоящей дѣйствительности съ внѣшнею оболочкою жизни. Цѣлью новѣйшей поэзіи должно быть совершенствованіе способности — характеристическіе образы и формы дѣйствительности освѣщать яркими и благоухающими красками художественной красоты.

Все это и многіе русскіе поэты должны бы принять къ внимательному соображенію. У насъ, послѣ Пушкина, въ поэзіи повторяется то же, что было въ Германіи послѣ лучшей поры Гёте и Шиллера.

2. Мысли шведскаго писателя относительно исторіи литературы.

Любовь къ *отечественной исторіи,* когда она истинна и глубока, непремѣнно вмѣщаетъ въ себѣ и любовь къ лѣтописямъ *отечественной литературы.* Въ литературѣ, преимущественно же въ поэзіи, рѣзко отпечатываются особенности народнаго духа, разсматривать ли ихъ въ первоначальной ихъ связи съ своебытною жизнію края, или въ ихъ родствѣ съ образованіемъ другихъ націй. Главная польза, какую доставляетъ просвѣщенному народу знакомство съ его исторіею, безъ сомнѣнія, состоитъ въ томъ, что онъ научается познавать самого себя въ своемъ прошедшемъ, чтобы понимать себя въ настоящемъ — и изъ этого двойственнаго знанія извлекать благотворныя указанія для будущаго. Если такъ, то, конечно, и поприще литературы представляетъ неисчислимую пользу для національнаго сознанія, и это справедливо въ отношеніи не только къ эстетическому, но и къ обще-историческому самовѣдѣнію.

Этими мыслями знаменитый упсальскій профессоръ г. Аттербомъ начинаетъ новый важный трудъ свой: „Шведскіе ясновидцы и поэты, или основныя черты исторіи шведской литературы до временъ Густава III включительно". Основная идея, которую онъ взялъ въ руководство при этомъ предпріятіи, заслуживаетъ вниманія. При составленіи исторіи литературы, говоритъ онъ, должно постоянно имѣть въ виду своеобразный *національный идеалъ* и изображать вѣрно, безпристрастно то приближеніе къ нему, то уклоненіе отъ него. Въ послѣднее время много спорили, что̀ въ шведской литературѣ носитъ на себѣ и что̀ не носитъ отпечатка шведской *оригинальности* и *національности.* На это свойство справедливо смотрѣли какъ на главное требованіе; но вмѣстѣ съ тѣмъ часто обнаруживали, что хорошенько не объяснили себѣ настоящаго его значенія. Только путемъ основательнаго и безпристрастнаго изученія исторіи можно правильно разрѣшить этотъ вопросъ. Но это самое изученіе, вѣроятно, покажетъ, что народная оригинальность, когда дѣйствительно существуетъ, никогда не исключаетъ усвоенія многаго истиннаго и прекраснаго, находимаго у другихъ націй; [1]) ибо она *способомъ* такого усвоенія всегда умѣетъ сохранять свою самобытность и отличительность. Слѣпой патріотизмъ нерѣдко усиливался доказать, что, для существованія этой

[1]) Здѣсь Аттербомъ, видимо сходится съ Гёте въ опроверженіи обыкновеннаго понятія объ оригинальности. См. предыдущую статью.

оригинальности, талантъ непремѣнно долженъ поставить себя въ совершенную независимость отъ всякихъ иноземныхъ вліяній. Но это толкованіе нелѣпо и неисполнимо: едва-ли найдется хоть одно европейское государство, гдѣ бы литература могла представить такой отдѣльный, въ самомъ себѣ замкнутый міръ. Къ счастію, можно утѣшиться двумя извѣстными стихами Тегнèра:

All bildning står på ofri grund till slutet.
Blott barbariet var engång fosterländskt,

т. е. первоначальная основа всякаго образованія должна же быть *чужая*; только невѣжество было нѣкогда *своимъ* (туземнымъ).“

3. Покойный академикъ Кругъ.

Имя Круга извѣстно всякому образованному русскому. Большую часть своей многолѣтней жизни онъ посвятилъ изученію русскихъ древностей и написалъ около 50-ти сочиненій, прямо или косвенно относящихся къ этому предмету; но изъ нихъ только два напечатаны [1]); прочія остались въ рукописи и извѣстны только Академіи наукъ, гдѣ въ свое время были читаны. Кругъ скончался 4-го іюля нынѣшняго года, 80-ти лѣтъ отъ роду. St.-Petersburgische Zeitung сообщила по этому случаю нѣсколько извѣстій о его жизни и списокъ его сочиненій.

Онъ родился въ Галле 1764 года. Окончивъ университетское ученіе, былъ онъ нѣсколько лѣтъ секретаремъ въ одномъ знатномъ нѣмецкомъ домѣ. Въ 1788 году сопровождалъ онъ супругу своего бывшаго начальника въ Варшаву; здѣсь его узнала графиня Орлова — и онъ, поступивъ въ домашніе учители къ ея дѣтямъ, прибылъ съ нею 1789 года въ Россію. Нѣсколько лѣтъ прожилъ онъ частію въ Москвѣ, частію въ помѣстьяхъ графини, и усердно изучалъ церковно-славянскій языкъ. Путешествуя съ ея семействомъ по внутреннимъ губерніямъ, онъ имѣлъ случай, особливо во время долгаго пребыванія въ Кіевѣ, пользоваться въ монастырскихъ архивахъ многими старинными рукописями, и такимъ образомъ могъ значительно распространить кругъ своихъ свѣдѣній въ древней русской исторіи. Тогда же положилъ онъ начало своему собранію русскихъ монетъ, которое, по мнѣнію многихъ знатоковъ, едва-ли не самое полное, какое извѣстно. Въ 1795 году онъ оставилъ мѣсто домашняго учителя и, пріѣхавъ въ Петербургъ, опредѣленъ былъ помощникомъ библіотекаря при Эрмитажѣ, а въ 1805 году адъюнктомъ академіи наукъ по части русской

[1]) Zur Münzkunde Russlands, 1805. и Kritischer Versuch zur Aufklärung der Byzantinischen Chronologie etc. 1810.

исторіи. Здѣсь онъ сдѣлался достойнымъ продолжателемъ трудовъ знаменитаго Шлёцера, и съ 1815 года былъ ординарнымъ академикомъ.

Важную и плодотворную эпоху въ жизни его готовило знакомство съ тѣмъ государственнымъ мужемъ, которому отечественная исторія и вообще просвѣщеніе отечественное такъ много обязаны — съ графомъ Н. П. Румянцевымъ. Проницательный графъ угадалъ въ немъ человѣка, какой ему нуженъ былъ при исполненіи общеполезныхъ его предпріятій — и съ той поры ни одно изъ дѣлъ, совершенныхъ незабвеннымъ вельможею на пользу русской исторіи, не обходилось безъ участія Круга. Многія даже были имъ первоначально задуманы: онъ пользовался полною довѣренностію гр. Румянцева. Карамзинъ, занимаясь великимъ трудомъ своимъ, часто прибѣгалъ къ учености Круга — и, хотя не всегда соглашался съ нимъ, однакожъ отдавалъ полную справедливость его остроумной и основательной критикѣ.

Живя очень скромно и будучи одинокимъ (Кругъ никогда не былъ женатъ), онъ часто употреблялъ избытки своихъ значительныхъ доходовъ на пособія молодымъ ученымъ, которые съ успѣхомъ трудились надъ исторіею и нуждались въ его руководствѣ и помощи.

По объясненію нѣмецкаго некролога, Кругъ не печаталъ своихъ ученыхъ статей изъ опасенія, что онѣ вовлекутъ его въ безплодную полемику: это заставляетъ думать, что его мнѣнія противорѣчили тѣмъ, которыя большинствомъ изслѣдователей русской исторіи уже приняты за истину. Тѣмъ сильнѣйшее любопытство возбуждаютъ труды его. Они относятся преимущественно къ хронологіи, къ знанію русскихъ монетъ и русской старины, также къ этимологіи многихъ важныхъ и трудныхъ выраженій въ лѣтописяхъ, въ памятникахъ древняго права и въ славянскомъ переводѣ Библіи, который Кругъ изучилъ съ особенною основательностію.

Въ числѣ 46-ти сочиненій его, упоминаемыхъ въ St.-Petersburgische Zeitung, не включено множество обширныхъ и основательныхъ рецензій, написанныхъ Кругомъ, по порученію академіи, о разныхъ сочиненіяхъ, которыхъ предметы принадлежали къ области его главныхъ занятій.

4. Упсальскій университетъ.

У насъ обыкновенно съ большимъ уваженіемъ говорятъ объ ученіи въ иностранныхъ университетахъ, вовсе не зная, каково тамъ идутъ дѣла. Университетъ Упсальскій, древнѣйшій въ сѣверной Европѣ, знаменитъ въ ученомъ мірѣ — и по справедливости: изъ числа его профессоровъ, какъ прежнихъ, такъ и нынѣшнихъ, многіе своими сочиненіями и открытіями пріобрѣли извѣстность почти всемірную. Но каково тамъ вообще преуспѣваютъ науки? Вотъ нѣсколько любопытныхъ фактовъ,

которые, какъ нельзя болѣе, достовѣрны, потому что взяты изъ листка, издаваемаго въ самой Упсалѣ. Изъ числа 800 — 900 студентовъ, записанныхъ въ университетѣ (впрочемъ, на лицо является ихъ круглымъ числомъ не болѣе 500), слушателей на лекціяхъ у каждаго профессора бываетъ, среднею мѣрою, отъ 5 до 7 человѣкъ. Такъ какъ для полученія ученой степени по философскому факультету необходимо выдержать экзаменъ въ 14-ти наукахъ, то для студента вся цѣль его ученья—приготовиться къ экзамену. При этомъ онъ естественно старается облегчить себѣ, какъ можно болѣе, трудную задачу и изыскиваетъ всячески кратчайшіе пути къ удовлетворенію экзаминатора, т. е. развѣдываетъ о мѣрѣ его требованій, о томъ, какъ онъ экзаменуетъ, что̀ всего чаще спрашиваетъ и т. п. Такимъ образомъ во многихъ предметахъ большая часть студентовъ довольствуется краткими учебниками, и даже иногда только за нѣсколько недѣль до экзамена начинаетъ готовиться къ рѣшительному отчету. Иную науку опытный студентъ всю разложитъ на листѣ бумаги, подведя ее подъ извѣстныя линіи и графы—и смѣло идетъ къ экзаминатору, который остается доволенъ. Надобно знать, что въ шведскихъ университетахъ для экзаменовъ существуетъ совсѣмъ иной порядокъ, нежели въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ: тамъ публичному экзамену предшествуетъ всегда домашнее испытаніе, или такъ называемый *тентаменъ*. Студентъ, или обыкновенно два-три студента, готовившіеся вмѣстѣ, идутъ въ назначенное время къ профессору на домъ; онъ задаетъ имъ вопросы, то подъ рядъ, то въ разбивку, изъ всей науки, и держитъ ихъ у себя нѣсколько часовъ (3, 4, 5, 6 цѣлыхъ часовъ). Тентамены могутъ производиться въ продолженіе всѣхъ учебныхъ мѣсяцевъ; каждый студентъ можетъ, когда ему угодно, объявить, что онъ желаетъ экзаменоваться: требуется только, чтобы онъ въ продолженіе извѣстнаго числа недѣль окончилъ свои тентамены у всѣхъ профессоровъ. Тогда назначается ему (или имъ) день публичнаго экзамена изъ всѣхъ наукъ, продолжающагося часа четыре. Тутъ на каждый предметъ назначается времени минутъ 20 или болѣе, смотря по количеству профессоровъ, являющихся по очереди экзаменовать студентовъ (каждый въ своей наукѣ). По окончаніи всего публичнаго экзамена, всякій профессоръ даетъ студенту, соображаясь съ успѣхами его, извѣстное число баловъ (или голосовъ отъ 0 до 3), которые потомъ складываются: итогъ полученныхъ голосовъ служитъ мѣрою учености молодого человѣка.

Такое устройство влечетъ за собою большія неудобства. При множествѣ предметовъ, которое каждый долженъ обнять, невозможно посвятить себя особенно тому, или другому, тогда какъ основательныя свѣдѣнія въ немногомъ гораздо существеннѣе обширныхъ, но поверхностныхъ знаній. Тутъ годность умственная измѣряется, такъ

сказать, количествомъ затверженныхъ уроковъ, а не силою мышленія, которая однакожъ составляетъ главную цѣль образованія умственнаго. Кто глубоко усвоилъ своему духу одну вѣтвь познаній, кто совершенно сроднился узами мысли, а не памяти, съ одною наукою, тотъ конечно сдѣлалъ болѣе и для жизни пріобрѣлъ запасъ, гораздо благотворнѣйшій, нежели тотъ, кто безъ особенныхъ способностей слегка изучалъ много наукъ; а между тѣмъ, при означенномъ порядкѣ, первый не можетъ думать даже о томъ, чтобы стать наряду съ послѣднимъ.

Другое вредное слѣдствіе такого порядка состоитъ въ томъ, что и профессоръ невольно привыкаетъ смотрѣть на экзаменъ, какъ на главную свою обязанность, и становится болѣе экзаминаторомъ, нежели профессоромъ, ставитъ свои тентамены выше преподаванія — и, такъ какъ лекціи мало посѣщаются, забываетъ, какое онѣ составляютъ въ рукахъ его важное средство къ тому, чтобы духовно возвысить изученіе его предмета. Публичныя лекціи считаются такимъ маловажнымъ дѣломъ, что профессоры нерѣдко испрашиваютъ отъ нихъ увольненіе на одно, или нѣсколько учебныхъ полугодій, и случается, что въ то же время нѣсколько преподавателей пользуются такимъ увольненіемъ; студенты, и безъ того занимаясь почти исключительно дома, не чувствуютъ отъ этого ни малѣйшаго вреда.

Въ нынѣшнее время такія важныя неудобства болѣе и болѣе начинаютъ обращать на себя вниманіе въ самомъ составѣ шведскихъ университетовъ. Чаще и чаще слышатся жалобы на обширный объемъ и все устройство тамошнихъ экзаменовъ. Всѣ начинаютъ чувствовать потребность реформы.

Обращаясь отъ иноземныхъ университетовъ къ отечественнымъ, нельзя безъ особенной благодарности къ заботливому правительству не замѣтить того чрезвычайно важнаго постановленія, какое недавно состоялось у насъ о производствѣ въ ученыя степени. Этимъ новымъ положеніемъ устранено самое существенное изъ тѣхъ неудобствъ, которыя сейчасъ были изложены: нынѣ въ университетахъ С.-Петербургскомъ, Московскомъ, Харьковскомъ, Казанскомъ и св. Владиміра можно пріобрѣтать степени магистра и доктора особо, по ограниченнымъ отдѣламъ знаній однородныхъ.

Само собою разумѣется, что предварительно молодой человѣкъ долженъ и у насъ обогатиться свѣдѣніями основными по разнообразнымъ вѣтвямъ человѣческаго вѣдѣнія: выдержавъ въ нихъ испытаніе, онъ становится *кандидатомъ*, пріобрѣтаетъ обильный запасъ знаній для жизни и твердое основаніе, на которомъ можетъ потомъ по своимъ склонностямъ и потребностямъ возводить зданіе ученія спеціальнаго, что́ чрезвычайно благотворно, ибо, стѣснивъ кругъ своей дѣятельности, можно произвести что-либо истинно-замѣчательное въ большомъ размѣрѣ.

5. Исправленный Шекспиръ.

Не смотря на то, что Шекспиръ въ теченіе слишкомъ двухъ столѣтій былъ столько разъ уже издаваемъ, мы до сихъ поръ еще не знали трудовъ самаго геніальнаго изъ англійскихъ поэтовъ въ первоначальномъ, истинномъ видѣ: они дошли до насъ обезображенные множествомъ вставокъ и невѣрностей. Нынѣ г. Кольеръ, уже оказавшій разныя услуги драматической литературѣ англичанъ, трудится надъ критическимъ изданіемъ Шекспира: въ продолженіе многихъ лѣтъ онъ всюду неутомимо искалъ древнѣйшихъ печатныхъ экземпляровъ отдѣльныхъ драмъ и стихотвореній — и счастіе очень помогло ему въ томъ. Онъ не только въ публичныхъ библіотекахъ Англіи нашелъ важныя, отчасти нетронутыя пособія, но умѣлъ также, посредствомъ обширныхъ литературныхъ связей, открыть себѣ доступъ въ значительнѣйшія изъ частныхъ книгохранилищъ своихъ соотечественниковъ: особенно полезна была ему библіотека герцога Девонширскаго, гдѣ онъ отыскалъ не только четыре древнѣйшія фоліантныя изданія твореній Шекспира (годовъ 1623, 1632, 1664 и 1685), но и самые старинные оттиски нѣкоторыхъ драмъ, сохранившіеся отчасти въ одномъ только экземплярѣ. Что касается до мелкихъ стихотвореній Шекспира, г. Кольеръ первый подвергъ ихъ строгой критикѣ и возстановилъ ихъ по древнѣйшимъ источникамъ, исключивъ всѣ тѣ, которыя ошибочно внесены были въ собраніе подъ именемъ Шекспировыхъ, тогда какъ великій поэтъ вовсе не имѣлъ въ нихъ никакого участія.

У г. Кольера въ первый разъ является разборъ текста Шекспировыхъ драмъ, сдѣланный съ надлежащею филологическою точностію. Основаніемъ этого новаго изданія служило, повидимому, древнѣйшее фоліантное тисненіе 1623 года, гдѣ почти половина драмъ въ первый разъ появилась въ печати. Оно было сдѣлано по распоряженію двухъ актеровъ той же труппы, къ которой принадлежалъ Шекспиръ, и, какъ они сами увѣряютъ, сдѣлано согласно съ настоящимъ подлинникомъ (according to the true original copies, или according to their first original). Въ этомъ первомъ полномъ изданіи всѣ драмы (числомъ 37) расположены въ трехъ отдѣлахъ: *комедіи* (comedies, 14 пьесъ), *исторіи* (histories, 10 пьесъ) и *трагедіи* (tragedies, 13 пьесъ). Почти всѣ прежніе издатели удержали этотъ порядокъ; и г. Кольеръ не рѣшился отступить отъ него. Но такое распредѣленіе совершенно произвольно: оно ни историческое, ни хронологическое, ни ученое, и давно бы должно было уступить мѣсто другому — эстетическому, или хронологическому. Послѣднее было бы во всѣхъ отношеніяхъ предпочтительно, тѣмъ болѣе, что послужило бы важнымъ матеріаломъ къ исторіи духовнаго развитія великаго драматика. Но хронологическій порядокъ

въ этомъ случаѣ могъ бы быть только приблизительнымъ, потому что очень о многихъ драмахъ Шекспира въ точности неизвѣстно, когда именно онѣ написаны; о другихъ не знаемъ достовѣрно даже того, когда онѣ въ первый разъ были представлены, или напечатаны. Заключенія, какія на этотъ счетъ можно было вывести изъ внѣшнихъ и внутреннихъ признаковъ, г. Кольеръ изложилъ во вступленіи къ отдѣльнымъ драмамъ, не воспользовавшись однако результатами своихъ разысканій для новаго размѣщенія трудовъ Шекспира [1]).

Изъ многихъ мѣстъ, гдѣ г-мъ Кольеромъ исправлены ошибки и опечатки, повторявшіяся во всѣхъ изданіяхъ Шекспира и часто производившія безсмыслицу, приведемъ только два, заслуживающія особенно вниманія.

Въ пьесѣ All's well that ends well (Act II, Sc. 5) Бертрамъ говоритъ Перользу (Parolles):

I have writ my letters, casketed my treasure,
Given order for our horses; and to night,
When I should take possession of the bride,
And ere I do begin.

Въ этомъ нѣтъ полнаго смысла; чтобы выйти изъ затрудненія, нѣкоторые издатели послѣ послѣдняго полустишія ставили черточку, желая показать, что рѣчь прерывается; однакожъ мѣсто и за тѣмъ оставалось темно. Все дѣло въ томъ, что вмѣсто *And* должно быть *End*, какъ отмѣчено на поляхъ одного экземпляра 1623 года. Бертрамъ говоритъ рѣшительно: „*кончу* (end) союзъ, прежде нежели начну его" (J will *end* the union, *ere J do begin it*). Вотъ смыслъ, который всякаго долженъ удовлетворить.

Въ The Winter's Tale (Act V, Sc. I) Діонъ говоритъ Полинѣ, которая не хочетъ, чтобы Король Леонтесъ вновь женился:

If you would not so,
You pity not the state, nor the remembrance
Of his most sovereign *name*.

Такъ напечатано въ изданіи 1623 года, и смыслъ здѣсь совершенно ясенъ; во всѣхъ же позднѣйшихъ изданіяхъ вмѣсто *name* стоитъ *dame*, и никому не приходило въ голову навести справку, откуда взялось здѣсь это слово, совершенно неумѣстное по смыслу.

[1]) По мнѣнію геттингенскаго рецензента изданія Кольера, древнѣйшими пьесами Шекспира должно считать: Тита Андроника (1592), первую часть Короля Генриха VI (1593) и Сонъ въ лѣтнюю ночь (1594); напротивъ *Буря*, которою до сихъ поръ начинались всѣ изданія Шекспира, была позднѣйшимъ произведеніемъ его (1612), и потому должна стоять въ концѣ.

Новое изданіе, какъ видно изъ заглавія [1]), будетъ состоять изъ 8-ми томовъ; семь (отъ 2-го до 8-го) уже вышли; теперь за издателемъ остается еще только 1-я часть, гдѣ будутъ помѣщены жизнеописаніе Шекспира и исторія начала англійскаго театра.

Іюль, 1844.

О РОМАНѢ „СЕМЕЙСТВО", СОЧ. ФРЕДЕРИКИ БРЕМЕРЪ[2]).

1844.

Всякій, кто сколько-нибудь наблюдаетъ ходъ идей въ западной Европѣ, знаетъ, какія ложныя понятія распространяются тамъ иногда людьми безнравственными о назначеніи женщины, о бракѣ и семействѣ. Кто не слышалъ о сектѣ сансимонистовъ, о г-жѣ Жоржъ Зандъ и т. п.? Такія вредныя мнѣнія находили отголосокъ во многихъ странахъ. Даже и въ богобоязливой Швеціи, гдѣ семейная жизнь пустила столь глубокіе корни, одинъ извѣстный писатель, Альмквистъ, заразился грубымъ заблужденіемъ, будто неразрывный и религіею освященный бракъ есть установленіе лишнее и только препятствуетъ истинному счастію людей. Въ подтвержденіе этой лжи онъ написалъ романъ: *Можно* (Det går an). Но такой романъ не могъ пріобрѣсти большого вліянія въ Швеціи, потому что тамъ подобныя сочиненія встрѣчаютъ сильное противодѣйствіе въ самыхъ нравахъ общества. Къ тому же Альмквистъ, который долгое время былъ кумиромъ толпы, наконецъ, вслѣдствіе собственнаго своего легкомысленнаго поведенія, сверженъ былъ въ грязь съ высоты мнимаго величія. Въ *Листкахъ изъ Скандинавскаго міра*, которые иногда помѣщаются въ Современникѣ [3]), было разсказано въ прошломъ году какъ о паденіи Альмквиста, такъ и о замѣчательной статьѣ, изданной однимъ упсальскимъ профессо-

[1]) The works of William Shakespeare. The text formed from an entirely new collation of the old editions: with the various readings, notes, a life of the poet, and a history of the early English stage. By J. Payne Collier, Esq. In eight volumes.

[2]) См. *Москвитянинъ*, 1844, ч. II, стр. 171 — 186. Переводъ романа, сдѣланный Розой Карл. Гротъ (сестрой Я. К.), былъ помѣщенъ въ *Современникъ*, 1842 и 1843 гг. и вышелъ отдѣльною книгою. Срв. объ этой статьѣ *Переписка*, т. II, стр. 177, 182, 187 — 189, 194, 202, 216 — 217, 223 — 227. *Ред.*

[3]) См. выше.

ромъ, подъ заглавіемъ *о бракѣ,* съ цѣлію ниспровергнуть гибельную систему, которой истолкователемъ явился романъ: *Можно.* Но еще гораздо вѣрнѣйшимъ оплотомъ противъ разрушительнаго направленія этой книги служили романы шведской писательницы Фредерики Бремеръ, извѣстные подъ общимъ заглавіемъ: *Очерки изъ ежедневной жизни.* Чтобы справедливо оцѣнить ихъ, довольно сказать, что у всѣхъ націй, у которыхъ еще не поколебались священныя опоры зданія общественнаго, романы г-жи Бремеръ усердно переводятся и съ жадностію читаются. Ея разсказы и картины, взятые изъ той жизни, въ которой насъ ставитъ природа при самомъ рожденіи нашемъ, напоминаютъ человѣку священнѣйшія отношенія его на землѣ, лучшія минуты его собственной жизни и равно увлекаютъ читателей всѣхъ сословій; въ произведеніяхъ г-жи Бремеръ мы знаемъ мѣста, надъ которыми люди съ самымъ несходнымъ характеромъ и образомъ мыслей проливали слезы. Въ нѣкоторыхъ статьяхъ, относившихся къ шведской литературѣ, мы съ похвалою упоминали о романахъ г-жи Бремеръ. Когда *„Семейство"* начало появляться въ Современникѣ, мы между прочимъ замѣтили: „Фредерика Бремеръ мастерскою кистью рисуетъ то плѣнительныя, то мрачныя, но всегда проникнутыя истиною картины изъ жизни семейной. Разсказъ, исполненный естественности, живости и граціи, удивительная вѣрность въ подробностяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ занимательная завязка, увлекательное развитіе событій: вотъ что пріобрѣло романамъ Фредерики Бремеръ обширный кругъ читателей въ Европѣ. Но всего выше въ нихъ та истинно-христіанская философія, которая своимъ благотворнымъ дыханіемъ наполняетъ весь ихъ составъ и живитъ каждое слово. Видно, что сочинительница много не только наблюдала, но сама чувствовала и жила, пока достигла до этой глубочайшей мудрости житейской. Всѣ эти качества соединены, можетъ быть, всего счастливѣе въ томъ изъ романовъ Фредерики Бремеръ, который называется: *Семейство* (Hemmet). — Русская публика конечно будетъ благодарна молодой любительницѣ литературы, которая, будучи коротко знакома съ шведскимъ языкомъ, рѣшилась перевести *Семейство* на русскій языкъ".

Нынѣ, когда весь переводъ уже отпечатанъ особо, намъ оставалось бы только безмолвно радоваться дѣйствію, какое онъ произведетъ на русскихъ, еслибъ одна статья, помѣщенная въ Отечественныхъ Запискахъ[1]), по случаю появленія его, не давала намъ повода еще разъ поговорить объ этомъ романѣ. Статья О. З. поразила насъ духомъ своимъ совершенно противоположнымъ, даже враждебнымъ направленію *Семейства,* и такъ какъ она по рѣшительности тона, съ которымъ написана, могла бы имѣть вліяніе на умы неопытные или слабые, то мы счи-

[1]) Въ 1 кн. 1844 г.

таемъ нужнымъ разсмотрѣть ее довольно подробно. Не литературныя мнѣнія, выраженныя въ этой статьѣ, хотимъ мы разбирать; мы намѣрены только, какъ можно точнѣе, разрѣшить вопросъ, который невольно задали себѣ по прочтеніи рецензіи О. З.: „ужели дѣйствительно мы, и съ нами столько людей разныхъ націй, разныхъ вѣроисповѣданій, ошибались, раздѣляя такъ искренне основныя убѣжденія г-жи Бремеръ, уважая такъ чистосердечно талантъ ея?“ Увѣриться въ такомъ заблужденіи, разочароваться такимъ образомъ, было бы чрезвычайно прискорбно. Но истина всего дороже: постараемся опредѣлить внутреннее значеніе *Семейства* въ смыслѣ нравственномъ.

Въ чемъ заключается основная мысль его? Правъ ли рецензентъ О. З., говоря: „Основная мысль романа та, что счастіе заключается *только* въ семейной жизни?“ или далѣе: „А все изъ чего эта буря въ стаканѣ воды? — Изъ того, чтобъ доказать всевозможными натяжками, что счастіе — въ идилліи домашняго быта — *и больше нигдѣ*“...

Главная идея романовъ г-жи Бремеръ заключается въ томъ, что первое условіе счастія человѣческаго есть *любовь* въ обширномъ смыслѣ, что душа любящая, исполненная благочестія, можетъ во всѣхъ обстоятельствахъ быть въ ладу съ жизнію; но такъ такъ любовь достигаетъ высшаго, полнѣйшаго развитія своего въ отношеніяхъ между супругами, между родителями и дѣтьми, между братьями и сестрами, то Фредерика Бремеръ видитъ въ *Семействѣ* святилище земного счастія. Эти идеи составляютъ основной элементъ и въ томъ романѣ, о которомъ идетъ рѣчь. Здѣсь г-жа Бремеръ съ необыкновеннымъ искусствомъ умѣла показать, что жизнь въ семействѣ тогда только ведетъ къ счастію, когда всѣ члены его соединены между собою тѣснѣйшими узами любви и дружбы, взаимной снисходительности, готовности жертвовать собою другъ другу. „Я знаю“, говоритъ лагманъ Франкъ (стр. 402), „что есть семейства, которыхъ домашній міръ похожъ на адскія пропасти; но въ томъ виноваты сами члены этихъ семействъ. Отъ нихъ однихъ зависятъ всѣ видоизмѣненія домашняго міра, начиная съ той точки, когда онъ можетъ назваться преддверіемъ ада, и до той, когда, не смотря на земное несовершенство, онъ служитъ предвкушеніемъ рая“.

Фредерика Бремеръ совсѣмъ не безусловно поставляетъ счастіе въ семейной жизни; напротивъ, она въ своемъ романѣ изобразила два лица, которыхъ судьба показываетъ, до какихъ крайностей доводитъ человѣка ложное понятіе объ обязанностяхъ и счастіи супружества. Эти два лица Эмилія и Сара; одна съ жаромъ описываетъ пріятности супружеской жизни (стр. 127), другая сильно возстаетъ противъ „тихой, стоячей воды, которая составляетъ прославленную гавань семейной жизни“ (стр. 402). Къ Сарѣ мы еще возвратимся впослѣдствіи. Столь же несправедливо, будто сочинительница огра-

ничиваетъ возможность счастія тѣснымъ семейнымъ кругомъ. У ней вездѣ обнаруживается мысль, что счастіе болѣе зависитъ отъ насъ самихъ, нежели отъ нашего положенія въ жизни, что блага ея чрезвычайно разнообразны, что мы столько же принадлежимъ обществу, сколько и семейству. „Прочтите романъ г-жи Бремеръ“: говоритъ рецензентъ О. З., „вы увидите, что для полнаго семейнаго счастія мало одной любви, но еще болѣе нужно эгоистическаго сосредоточенія въ маленькой и тѣсненькой сферѣ домашняго быта, — нужна значительная доля умственной ограниченности, которая только одна даетъ человѣку силу заткнуть уши отъ всѣхъ другихъ обаятельныхъ зововъ бытія и закрыть глаза на всѣ другія обаятельныя картины широко раскинувшейся, безконечно разнообразной жизни“ [1]). Это обвиненіе легко опровергнуть выписками изъ романа.

Вотъ что Петрея пишетъ къ Идѣ (стр. 632): „Въ жизни есть неистощимое богатство; древо ея цвѣтетъ вѣчно, потому что оно извлекаетъ свою жизнь изъ безсмертныхъ источниковъ. Неравны цвѣты, растущіе на немъ: они различаются блескомъ и яркостью красокъ, но всѣ прекрасны; не будемъ пренебрегать ни однимъ изъ нихъ; всѣ они способны производить вѣчные плоды жизни. Юношеская любовь! блестящій, страстный цвѣтъ земли! кто не признаетъ ея восхитительной прелести, кто не благодаритъ Создателя, ниспославшаго ее въ услажденіе дѣтямъ земли? Но нѣтъ ли еще другихъ цвѣтовъ, не уступающихъ [2]) ей въ благородствѣ и не столь легко увядающихъ отъ холода земной атмосферы?...“

Лагманъ Франкъ, какъ ни высоко онъ цѣнитъ радости семейной жизни, есть человѣкъ совершенно практическій и дѣятельно трудящійся для общества. Сынъ его Генрихъ увлекался страстію къ поэзіи. Лагманъ Франкъ говоритъ (стр. 418): „это жалкое кропаніе стиховъ, это литературное тунеядство, которое заставляетъ молодыхъ людей постоянно жить въ заоблачныхъ высяхъ или въ пропастяхъ земныхъ,

[1]) Засимъ противополагается въ этомъ отношеніи семейственная Германія нашего времени общественному древнему міру: „Въ первой жизнь такъ душно опредѣляется для людей съ ихъ младенчества, семейный эгоизмъ полагается въ основу воспитанія; во второмъ человѣкъ родился для общества, воспитывался обществомъ, и *потому дѣлался человѣкомъ*, а не филистеромъ“. Не станемъ распространяться объ этомъ сравненіи, которое не относится прямо къ нашему предмету; но замѣтимъ мимоходомъ, какъ странно ставить одно изъ нынѣшнихъ гражданскихъ обществъ, которыя успѣли уже воспользоваться 18-вѣковыми плодами христіанской религіи, ниже обществъ древняго, языческаго міра! Кто можетъ отвергать неимовѣрный успѣхъ, оказанный человѣчествомъ во всѣхъ отрасляхъ жизни вслѣдствіе чудеснаго вліянія Божественной вѣры на всѣ людскія учрежденія? Только въ христіанскомъ обществѣ человѣкъ подлинно сдѣлался *человѣкомъ*.

[2]) Въ русскомъ переводѣ *Семейства* здѣсь вкралась опечатка: частица *не* пропущена предъ словомъ: *уступающихъ*, что замѣтно по самому смыслу рѣчи.

такъ что они сквозь облака или землю не могутъ разглядѣть истинныхъ благъ дѣйствительной жизни — настоящая язва! направленіе, какое Генрихъ начинаетъ принимать, сокрушаетъ меня". Въ другой разъ лагманъ воскликнулъ (стр. 423): „вотъ, Генрихъ! это я называю *дѣйствительной* поэзіей! усмирять потоки и бурные водопады, ихъ обращать въ средства къ благосостоянію и богатству, между тѣмъ какъ по берегамъ ихъ исчезаютъ лѣса, засѣваются поля, возникаютъ человѣческія жилища, и природа оживляется трудолюбивой дѣятельностію и веселыми голосами поселянъ — вотъ это такъ можно назвать прекраснымъ твореніемъ!" Въ своемъ кругѣ дѣйствія лагманъ Франкъ былъ весьма далекъ отъ „эгоистическаго сосредоточенія въ маленькой и тѣсненькой сферѣ домашняго быта". О своемъ кругѣ занятій онъ самъ такъ разсуждаетъ (стр. 429): „онъ—по моимъ способностямъ; я знаю, что я полезенъ въ немъ, и довѣренность губернатора даетъ мнѣ полную свободу дѣйствовать по моему разумѣнію и усмотрѣнію... Но многое начато и не окончено; многое, очень многое еще даже и не начато! я не могу бросить дѣло недоконченнымъ..." Дѣятельность лагмана, по словамъ жены его, такъ „благодатна и для общества и для семейства." Въ домѣ Франковъ даже не всѣ женщины посвящаютъ себя исключительно семейной жизни: Элиза въ молодости писала романы, Петрея впослѣдствіи тоже сдѣлалась авторомъ, Леонора и Фанни учредили воспитательное заведеніе, такъ же, какъ прежде поступила Эвелина; Мунтеръ — докторъ, у котораго повидимому довольно обширная практика. Эвелина (стр. 172) говоритъ: „когда живешь безъ цѣли, когда стоишь, такъ сказать, внѣ *практической жизни*, которая питаетъ и укрѣпляетъ духъ, когда нѣтъ никакого благороднаго стремленія..., тогда въ человѣкѣ поселяется демонъ безпокойства, который безпрестанно терзаетъ духъ его" и проч. Изъ этого явно, что даже нѣкоторыя изъ женщинъ, изображенныхъ Фредерикою Бремеръ, понимаютъ отношенія человѣка къ обществу; вездѣ замѣтно стараніе сочинительницы расширить кругъ дѣйствія женщины, вывести ее изъ той тѣсной сферы, въ которой она по большей части бываетъ заключена; но г-жа Бремеръ требуетъ, чтобы основаніемъ всякой дѣятельности, и женской въ особенности, служило ясное разумѣніе обязанностей по ученію христіанской религіи; и она первая, собственнымъ примѣромъ, осуществляетъ свою прекрасную идею.

Взглядъ ея на обязанности человѣка къ обществу всего лучше виденъ изъ слѣдующихъ словъ лагмана на стр. 715: „я бы желалъ, чтобы свѣтлая мысль объ отечествѣ сопровождала каждую порошинку человѣческой дѣятельности... По истинѣ, любовь къ отечеству такая же святая обязанность, какъ любовь къ родителямъ! И нѣтъ человѣка въ мірѣ, будь онъ мужчина или женщина, на высокой или на низкой ступени общества, который бы не могъ и не былъ обязанъ по

своимъ силамъ заплатить этотъ священный долгъ. И въ томъ-то именно и заключается истинное значеніе христіански-образованнаго общества, что всякій членъ его можетъ употребить свой талантъ такъ, чтобы онъ обратился и на пользу частную и на общую".

Въ предыдущемъ мы показали, что идея романа *Семейство* не понята въ О. З., и г-жѣ Бремеръ неосновательно приписана односторонность во взглядѣ на жизнь. Ставъ такимъ образомъ на ложномъ основаніи, рецензентъ начинаетъ осмѣивать мысль о счастіи семейной жизни, а съ нею и Фредерику Бремеръ, въ которой онъ видитъ только жалкую мечтательницу объ этомъ счастіи.

„Надобно согласиться", замѣчаетъ онъ, „что она явилась весьма кстати и въ то же время весьма не кстати; кстати потому, что безъ такой жаркой защитницы блаженства супружеской и семейной жизни, это блаженство сдѣлалось бы теперь столько же сомнительнымъ, какъ и дѣйствительность золотого вѣка; не кстати..." Но остановимся немного. Фредерика Бремеръ рисуетъ плѣнительными красками только такую супружескую и семейную жизнь, какая водворилась въ благословенномъ домѣ Франковъ. „Я знаю", сказано на стр. 441, „что эта тихая жизнь не для всякаго и что ею можно наслаждаться не во всякую пору жизни... Необходимое условіе счастія есть миръ — миръ внутренній и внѣшній. Миръ — солнце, при свѣтѣ котораго сверкаетъ и малѣйшая росинка жизни". — Стр. 618: „ахъ! жизнь на землѣ съ тѣми, кого любишь, можетъ быть такъ прекрасна!" —Напоминая такія истины, г-жа Бремеръ явилась конечно весьма кстати въ наше эгоистическое и тревожное время, но не потому, что безъ нея, какъ рецензентъ выражается съ сарказмомъ, блаженство супружеской и семейной жизни сдѣлалось бы сомнительнымъ. Оно всегда было и будетъ не только сомнительнымъ, но и невозможнымъ безъ тѣхъ отношеній, которыя Фредерика Бремеръ такъ увлекательно и такъ благотворно изображаетъ въ своихъ романахъ. И потому названіе, данное ей въ О. З., не только неприлично, но и несправедливо.

Не кстати явилась она, какъ думаетъ рецензентъ, „потому что теперь жениться по склонности и для счастья считается совсѣмъ не въ тонѣ, и всѣ рѣшительно женятся для денегъ и связей, а на дѣтей смотрятъ, какъ на неизбѣжное неудобство семейной жизни". — Правда, таковы дѣйствительно нынѣ и были во всѣ времена понятія людей безнравственныхъ; но къ утѣшенію нашему, такія понятія никогда не могутъ сдѣлаться общими, и развѣ люди, зараженные ими, могутъ внушать что-либо иное, кромѣ презрѣнія или жалости? Человѣкъ мыслящій, особливо же принявшій званіе литератора, т. е. распространителя истины посредствомъ слова, не долженъ становиться на сторонѣ заблужденія, и, желая торжества свѣта, а не тьмы, онъ долженъ бы хотя притворно и только печатно сказать, что книга, про-

тиводѣйствующая испорченности нравовъ, явилась въ этомъ отношеніи *кстати*. Какъ справедливо сказано въ *Семействѣ* на стр. 633: „Счастливы дѣти, которымъ родители съ малолѣтства еще открываютъ глаза для сокровищъ дѣйствительной жизни! Они познаютъ, какая сладость, какой миръ, какія радости проистекаютъ изъ *счастливыхъ* семейныхъ отношеній, изъ искренней привязанности между братьями и сестрами, между родителями и дѣтьми: они познаютъ, что эти чувства, нѣжно лелѣянныя въ молодости, обращаются въ благословенія старости". Горе человѣку, который въ дѣтствѣ не почувствовалъ, въ зрѣломъ возрастѣ не понялъ этихъ истинъ; во всю жизнь онъ, даже и посреди семейства, останется сиротою не любящимъ и не любимымъ! горе ему особливо, если онъ вздумаетъ взяться за перо! на его слова не сойдетъ благословеніе Божіе, и рано или поздно голосъ согражданъ осудитъ его.

Далѣе рецензентъ, сказавъ, что въ наше время не вѣрятъ *„существованію счастья"*, продолжаетъ: „ему вѣрятъ теперь только безбородые юноши, да мечтательныя дѣвы; послѣднія вѣрятъ жарче первыхъ, но не дальше, какъ только до замужества; а если онѣ остаются на всю жизнь дѣвицами, то и до гробовой доски вѣрятъ счастію и мечтаютъ о немъ. Это исключительная привиллегія старыхъ дѣвъ, да и что имъ было бы дѣлать на свѣтѣ, еслибъ онѣ не вѣрили въ счастіе и не мечтали о немъ?" Послѣдними словами рецензентъ противорѣчитъ самому себѣ: прежде онъ отвергалъ возможность семейнаго счастія, теперь онъ съ презрѣніемъ говоритъ о старыхъ дѣвахъ тогда какъ онѣ, избѣгнувъ того, что́ онъ иронически называетъ „блаженствомъ супружеской и семейной жизни", должны бы, по его теоріи, заслуживать особеннаго уваженія. Съ такимъ же рѣзко презрительнымъ тономъ рецензентъ отзывается и о самой Фредерикѣ Бремеръ. Она, по его словамъ, „тѣмъ съ бо̀льшимъ убѣжденіемъ и бо̀льшимъ жаромъ вѣритъ въ счастіе семейной жизни, что сама имѣетъ ни съ чѣмъ несравнимое преимущество быть „дѣвою" и притомъ уже кажется такою, которая годится Минервѣ въ ровесницы не по одному уму. Это очень выгодное обстоятельство для дѣла, котораго адвокатомъ явилась Фредерика Бремеръ; блаженство, которое мы знаемъ только въ мечтахъ, всегда кажется намъ лучше, выше, обольстительнѣе блаженства, которое извѣдано нами на самомъ дѣлѣ. И потому, Фредерика Бремеръ съ восхищеніемъ, съ энтузіазмомъ описываетъ счастіе семейной жизни, такъ что вы съ первыхъ же страницъ тотчасъ видите, что сочинительница не была, а только желала страстно быть замужемъ". Правда, что Фредерика Бремеръ уже не молода и никогда не была замужемъ, но развѣ она тѣмъ поставлена внѣ семейной жизни? развѣ къ семейству принадлежатъ только супруги и родители, а дѣти, а братья и сестры исключены изъ него? Развѣ въ устахъ незамужней Петреи слѣдующія

слова (стр. 625) лишены истины: „сладостные голоса! голоса родныхъ въ счастливомъ семействѣ! какое бѣдствіе, какое горе не услаждается вами!" Лѣта г-жи Бремеръ (ей, кажется, немного за сорокъ) могли послужить только въ пользу ея произведеній; едва-ли они были бы такъ полны истины, еслибъ она писала ихъ въ незрѣлой молодости, хотя бы и замужемъ. Посмотрите, какъ умно она, отъ лица Эвелины, сама разсуждаетъ о судьбѣ своей (стр. 167). „Часто случается слышать отъ незамужнихъ женщинъ, что онѣ довольны своимъ положеніемъ. Въ этихъ словахъ болѣе правды, нежели обыкновенно думаютъ, особенно когда пройдетъ живость первой молодости. Вотъ что я часто замѣчала; но это бываетъ только съ такими женщинами, которыя или умѣли создать себѣ независимый кругъ дѣйствія, или пользуются, *подъ родительскимъ кровомъ,* тою свободой, тѣмъ *чистымъ счастіемъ, которыя можно найти только въ кругу истинныхъ друзей и людей съ истиннымъ образованіемъ*". Здѣсь сочинительница *Семейства* сама выразила мысль, сейчасъ нами изложенную, что къ семейной жизни нелѣпо относить одно только супружество; сверхъ того, это мѣсто подтверждаетъ, что г-жа Бремеръ не думала ограничивать счастія семейной или супружескою жизнію. О томъ, что она не замужемъ, рецензентъ никакъ не могъ узнать изъ первыхъ страницъ романа, а прочиталъ въ концѣ книги, гдѣ сочинительница его, описывая исторію своей внутренней жизни, разсказываетъ, между прочимъ (стр. 733, 734), какъ сперва „тяжкая земная дѣйствительность" разочаровала ее; но черезъ нѣсколько лѣтъ въ ней произошла большая перемѣна. Она какъ-будто воскресла для новой жизни. Но что же произвело эту перемѣну? Можетъ быть, осуществились ея юношескія мечты? Можетъ быть, она обогатилась побѣдами красоты, любви, славы? Нѣтъ! ничего не бывало. Мечты юности разсѣялись, прошла молодость. А между тѣмъ она снова помолодѣла, потому что въ глубинѣ ея души... надъ сумрачнымъ хаосомъ было произнесено: „да будетъ свѣтъ!" и свѣтъ проникнулъ ночь и освѣтилъ ее собою; и остановивъ взоръ свой на немъ, она съ радостными слезами сказала: „смерть, гдѣ твое жало? могила, гдѣ твоя побѣда"?

Стараться осмѣять передъ публикою даму, которая такъ мыслитъ и такъ пишетъ, не значитъ ли произносить самому себѣ приговоръ въ общественномъ мнѣніи? Отъ стыда, заслуженнаго такимъ образомъ, не спасаетъ покровъ безыменности. Для связи съ послѣдующимъ пусть читатель взглянетъ еще разъ на приведенныя строки рецензента относительно Фредерики Бремеръ.

Вотъ что онъ пишетъ далѣе:

„Это, разумѣется, столько же выгодно для романа, сколько вредно для юныхъ читателей, особенно читательницъ, и особенно читательницъ безъ приданаго: бѣдняжки сейчасъ ударятся въ розовыя мечты о счастіи

и о *немъ*, — и каково же будетъ ихъ разочарованіе, когда ни одинъ „онъ" ни въ грошъ не оцѣнитъ ихъ прекрасной души, которая, какъ ни хороша, а все-таки совсѣмъ не то, что „ду́ши!..." каково будетъ разочарованіе и тѣхъ юныхъ читательницъ, которыя, съ склонностію къ мечтательности, владѣютъ и „дѣйствительными достоинствами", т. е. приданымъ? Бѣдняжки, пожалуй, потребуютъ отъ своихъ мужей любви и счастья, *не подозрѣвая въ простотѣ сердца, что любовь и счастіе, при деньгахъ, совершенно лишнія и даже вредныя вещи, какъ лѣкарство при здоровьѣ*".

Итакъ, рецензентъ думаетъ, что мысли, которыми онъ старается доказать вредность романа *Семейства*, спасительнѣе тѣхъ, которыми руководствовалась Фредерика Бремеръ? Какое странное ослѣпленіе! Она укрѣпляетъ вѣру въ счастіе и показываетъ единственныя условія, при которыхъ оно возможно; рецензентъ утверждаетъ, что никто не вѣритъ нынѣ въ счастіе, а потому не должно и напоминать о немъ, и кто показываетъ средства къ достиженію его, тотъ только вредитъ людямъ, потому что они станутъ мечтать о счастіи и обманутся. Но развѣ можно жить и не стремиться къ счастію? Ужели такъ вредно знать, что оно зависитъ отъ насъ самихъ и не можетъ быть найдено во внѣшнихъ благахъ? Кто достигъ до этой истины, тотъ конечно не обманется въ своихъ ожиданіяхъ, а не этою ли истиною проникнуто *Семейство*? Нѣтъ, Фредерика Бремеръ не разочаровываетъ, она не возбуждаетъ ложныхъ мечтаній о счастіи. При сличеніи образа мыслей г-жи Бремеръ съ мнѣніями рецензента ея, кто не согласится, что по крайней мѣрѣ сочинительница *Семейства* не разыгрываетъ этой недостойной роли.

Рецензентъ еще не высказалъ всего своего негодованія противъ *Семейства*. Онъ прибавляетъ: „сначала, имъ", т. е. (разочарованнымъ бѣдняжкамъ, см. выше) „будетъ больно, а потомъ онѣ возненавидятъ всѣ эти романы, которые такъ добросовѣстно *лгутъ* и такъ благонамѣренно *обманываютъ* дѣтей, заранѣе ставя ихъ въ ложное положеніе къ дѣйствительности, вмѣсто того, чтобъ заранѣе знакомить ихъ съ дѣйствительностью". Что́ въ глазахъ рецензента составляетъ ложь и обманъ, — извѣстно уже читателю.

Фредерика Бремеръ, по словамъ О. З., „отважно сдѣлалась Августомъ Лафонтеномъ нашего вѣка, однакожъ „она, какъ-бы противъ воли своей, принуждена была сдѣлать значительную уступку духу времени: въ заглавіи ея романа стоятъ не однѣ радости семейныя, но и *огорченія*. А! такъ эта утопія имѣетъ и свои огорченія, даже въ романахъ!" такъ съ торжествомъ восклицаетъ рецензентъ. Въ томъ-то и сила, что г-жа Бремеръ изображаетъ жизнь такъ, какъ она есть. Даже въ счастливомъ семействѣ Франковъ являются иногда сѣмена раздора, угрожающія ему опасностію. Таковы: любовь молодого канди-

дата Якоби къ Элизѣ и страсть самого мужа ея къ Эмиліи. Прискорбными обстоятельствами служатъ также упорная любовь Фанни къ маіору Р. и бракъ непокорной Сары съ Шварцомъ. А внезапный пожаръ и. смерть Генрика, общаго любимца въ семействѣ, — вотъ даже тяжкіе удары судьбы. Въ противоположность умнымъ и милымъ Франкамъ представлены характеры Эмиліи, Сары и отца ея, генерала О***, маіора Р. и др. Г-жа Бремеръ вовсе не старалась изобразить какую-нибудь утопію. Отчего же рецензенту показалось это? Читайте далѣе.

„Не смотря на все желаніе Фредерики Бремеръ быть безпристрастною въ отношеніи къ увлекшей ее идеѣ, она можетъ отстаивать ея преувеличенную истинность только *ложью*. Доказательствомъ этого можетъ служить искаженный ею, сколько съ умысломъ, столько и по слабости таланта, образъ Сары — *единственнаго человѣческаго лица* среди толпы этихъ *добрыхъ, милыхъ*, но въ то же время и дюжинныхъ характеровъ — и за то, что эта *бѣдная* Сара была *выше* другихъ и не могла свободно дышать въ ихъ *бѣдной* атмосферѣ, сочинительница заставила ее пасть въ бездну несчастія". Мы уже думали было, что рецензентъ никому не можетъ сочувствовать въ *Семействѣ;* эти строки разувѣрили насъ. Откуда же проистекаетъ такое исключительное участіе и соболѣзнованіе къ Сарѣ? Отчего она „единственное человѣческое лицо" въ романѣ? отчего она „выше" другихъ? — Осиротѣвшая Сара, воспитанная съ дѣтства въ домѣ лагмана Франка, обласканная всѣмъ семействомъ, хочетъ, противъ воли своихъ благодѣтелей, отдать руку музыканту Шварцу и сама сдѣлаться славною артисткою. Лагманъ и жена его всячески стараются отклонить Сару отъ безразсуднаго намѣренія.

„Ахъ, Сара!" говоритъ ей Элиза (стр. 396): „ужели ты надѣешься найти на этомъ поприщѣ счастіе лучше того, какое бы ты нашла въ домашнемъ быту, окруженная нѣжностью вѣрныхъ друзей и въ счастливой семейной жизни?..."

„Но развѣ ты сама такъ счастлива, матушка? прервала Сара съ ироническою улыбкою. Развѣ ты сама такъ счастлива въ этомъ домашнемъ быту, въ этомъ кругу занятій, которыя ты восхваляешь, повторяя то, что было тысячу разъ говорено отъ начала вѣковъ? Развѣ ты не была принуждена пожертвовать многими прекрасными дарованіями, наслажденіемъ заниматься литературой и музыкой, однимъ словомъ, всею поэтической стороной жизни, чтобы глохнуть въ тѣни и забвеніи? Развѣ ты не покоряешь безпрестанно своей волѣ другого? Развѣ со всѣмъ этимъ ты счастлива, матушка?"

„Да, Сара, я счастлива! — отвѣчала она съ необыкновенной для нея энергіей, — истинно счастлива. Если я жертвовала чѣмъ-нибудь, то я съ избыткомъ была вознаграждена за свои жертвы; и если случаются минуты, въ которыя я чувствую свои лишенія, то бываютъ и

такія, — и эти случаются несравненно чаще первыхъ — въ которыя я благодарю Провидѣніе за все, что я пріобрѣла этими лишеніями. А я пріобрѣла очень много, Сара! я стала — лучше, благодаря мужу, которымъ Богу угодно было наградить меня, благодаря моимъ дѣтямъ и обязанностямъ, благодаря всѣмъ радостямъ и огорченіямъ, которыя я раздѣляла съ мужемъ моимъ. Да, Сара, благодаря особливо ему, его любви и превосходству, я сдѣлалась добрѣе; я чувствую себя съ каждымъ днемъ счастливѣе. Любовь, Сара, превращаетъ жертвы въ наслажденія; любовь придаетъ сладость лишеніямъ".

Читая возраженіе Сары, не казалось ли вамъ, будто слова ея написаны тѣмъ же перомъ, которое въ О. З. такъ горячо возстало противъ Фредерики Бремеръ? Да, чтобы разительнѣе выставить идею романа, которую мы сейчасъ видѣли еще разъ въ отвѣтѣ Элизы, сочинительница создала характеръ Сары, представительницу идеи противоположной, лицо враждебное общему направленію семейства.

Еще гораздо прежде приведеннаго разговора Сара въ дневникѣ своемъ записала между прочимъ (стр. 241 — 243): „*Они* (т. е. семейство Франкъ) счастливы въ тѣсномъ кругу, въ которомъ они живутъ. Всякая малость ихъ занимаетъ; они стараются доставлять другъ другу маленькія наслажденія. Тѣмъ лучше для нихъ! но я не на то родилась!

„Къ чему мнѣ слушаться? къ чему мнѣ обуздывать свои склонности, свою волю въ угодность другимъ? къ чему? ахъ, свобода, свобода!

„Я достала отъ Ш. *Развалины* Вольнея. Я прячу эту книгу отъ этихъ *богобоязненныхъ, робкихъ* [1]) *людей* — — — я нахожу болѣе прелести въ величественной развалинѣ, нежели въ мелкомъ, пустомъ счастіи.

„Природа не создала меня для этого тѣснаго круга, для этой узкой тропинки жизни. Ш. указываетъ мнѣ дорогу, болѣе соотвѣтствующую моимъ склонностямъ". Не явно ли, что между мнѣніями Сары и рецензента О. З. есть близкое родство?

Она тутъ же сознается, что не любитъ того, кому намѣрена отдаться; а въ другомъ мѣстѣ (стр. 400) говоритъ: „онъ хочетъ вести меня къ *независимости*, къ *славѣ*". Итакъ, эти два кумира — вотъ къ чему стремится Сара, вотъ источникъ счастія въ глазахъ ея. Но будетъ ли она счастлива?

Лагманъ предсказываетъ ей (стр. 405), что „ея самоувѣренность, ея тщеславіе, при избранномъ ею мужѣ, приведутъ ее къ погибели". Такъ и случилось. Она, не смотря на запрещеніе своего опекуна, бѣжала изъ его дома въ объятія Шварца и такимъ образомъ вынудила согласіе своихъ благодѣтелей на бракъ, котораго они не одобряли.

[1]) Въ рецензіи они въ такомъ же смыслѣ названы *добрыми*, *милыми*. См. выше.

Черезъ нѣсколько лѣтъ она становится жертвою нищеты, отчаянья, болѣзни; она раскаивается — и добрые Франки, забывъ прошедшее, снова принимаютъ ее въ свой домъ, какъ родную. Несчастіе Сары было самымъ естественнымъ слѣдствіемъ ея легкомыслія; но какъ мы уже видѣли, она, по мнѣнію рецензента, ввергнута сочинительницею въ бѣдствіе за то, что была выше другихъ. Онъ продолжаетъ: „и какъ замѣтно, что не подъ-силу сочинительницѣ былъ этотъ идеалъ (т. е. Сара), что не могла она сладить съ этимъ характеромъ, и потому такъ смѣшно и нелѣпо заставила больную и умирающую Сару говорить надутыя фразы и длинные реторическіе монологи!“ Нельзя назвать монологами отрывистыя рѣчи, произносимыя Сарою въ бреду горячки (стр. 609); нельзя также согласиться, чтобы бредъ Сары былъ надутъ, когда напримѣръ она говоритъ (стр. 611): „Когда воротятся опять силы мои? Видите ли, какъ онъ дурно обращался со мною, какъ онъ привязалъ меня къ кровати? Слышите ли крикъ дѣтей моихъ, этихъ младенцевъ, которые, отъ дурного обращенія со мною отца ихъ, явились слишкомъ рано на свѣтъ и теперь умираютъ? Дайте, ради Бога, пищи малюткамъ, сестрицы! оставьте меня умереть и помогите только дѣтямъ“.

А изъ чего же замѣтно, что съ этимъ характеромъ „сочинительница не могла сладить“? Не изъ того ли, что виновная Сара не сдѣлалась счастливою, что въ ней пробудилась совѣсть, что она изъ собственныхъ своихъ заблужденій почерпнула наконецъ истину, узнала, въ чемъ заключается настоящее земное счастіе, убѣдилась въ благородствѣ и благоразуміи своихъ воспитателей?

Мы коснулись всѣхъ самыхъ существенныхъ сужденій рецензіи О. З. Какое же заключеніе выведемъ изъ нашего разсмотрѣнія? На чьей сторонѣ истина? кто болѣе правъ: сочинительница *Семейства* или противникъ ея? Фредерика Бремеръ сама предвидѣла всѣ его возраженія и создала Сару. Такимъ образомъ рецензентъ предупрежденъ уже въ самомъ романѣ. Нужно ли еще говорить, на чьей сторонѣ истина? Нужно ли объяснять рѣшеніе вопроса, о которомъ мы упомянули прежде, нежели приступили къ разбору рецензіи? Сердце читателя конечно само уже давно произнесло это рѣшеніе.

Что касается до литературныхъ мнѣній, выраженныхъ въ той же рецензіи: относительно сходства г-жи Бремеръ съ Августомъ Лафонтеномъ, относительно таланта ея, занимательности *Семейства*, достоинства Современника, гдѣ этотъ романъ первоначально печатался,—то мы не тронемъ этихъ мнѣній. О литературномъ достоинствѣ книги или журнала всякій воленъ думать и отзываться, какъ ему угодно; время лучше всего отдастъ справедливость всякой критической оцѣнкѣ. Но въ сужденіяхъ, относящихся къ священнѣйшимъ истинамъ человѣчества, надобно быть чрезвычайно осторожнымъ. Выговоренное слово,

даже и не положенное на бумагу, есть дѣло важное. Можно ли напередъ исчислить всѣ его дѣйствія, можно ли заранѣе прослѣдить всѣ пути, какіе оно проложитъ себѣ въ мірѣ дѣлъ? Слово истины можетъ далеко и долго, изъ края въ край и изъ рода въ родъ, носить лучъ вѣрнаго свѣта; слово неправды можетъ способствовать къ утвержденію на цѣлые вѣки царства соблазна между людьми. Дѣйствіе слова *написаннаго* еще несравненно обширнѣе и сильнѣе.

Многіе могутъ найти, что рецензія О. З. не заслуживала столь подробнаго опроверженія. Съ этимъ мы сами согласны. Но мы хотѣли воспользоваться ею, чтобы съ одной стороны выяснить глубокое философское содержаніе *Семейства*, а съ другой обратить вниманіе публики на замѣчательный образчикъ того направленія, которое да мимо идетъ нашей современной литературы.

УЧЕНАЯ БЕСѢДА ВЪ ГЕЛЬСИНГФОРСѢ [1]).

1846.

I.

17/29 апрѣля, въ день рожденія Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника, Финляндское Ученое общество, по соблюдаемому имъ обыкновенію, праздновало свое основаніе торжественнымъ собраніемъ въ парадной залѣ здѣшняго университета. Это собраніе было замѣчательно, какъ по числу предложенныхъ слушателямъ чтеній, происходившихъ на шведскомъ языкѣ, такъ и по интересу ихъ разнообразнаго содержанія. Согласно съ заведеннымъ порядкомъ, прежде всего непремѣнный секретарь общества, профессоръ математики Шультéнъ прочиталъ составленный имъ отчетъ о дѣятельности общества въ истекшемъ году. Къ сожалѣнію, я не слышалъ этого отчета, вошедши въ залу уже тогда, когда г. Шультéнъ сходилъ съ каѳедры. Содержаніе остальныхъ чтеній намѣренъ я, сколько мнѣ позволитъ память изложить здѣсь въ сокращенномъ видѣ.

1) См. *Современ.* 1846, т. XLII, стр. 252—269; срв. *Переписка*, т. II, стр. 739, 741, 829.

II.

Когда оконченъ былъ отчетъ, на каѳедру взошелъ г. Нервандеръ, недавно занявшій, послѣ извѣстнаго Гельстрэма, мѣсто ординарнаго профессора физики въ Александровскомъ университетѣ. По своимъ талантамъ и уже оказаннымъ наукѣ заслугамъ г. Нервандеръ обѣщаетъ быть достойнымъ преемникомъ Гельстрэма, о которомъ мы не разъ говорили въ Современникѣ [1]). Въ прошломъ году г. Нервандеръ, на этомъ ученомъ празднествѣ, прочиталъ очень занимательный некрологъ своего предмѣстника. Нынче его чтеніе касалось любопытнаго вопроса, который онъ задалъ себѣ: постоянно ли одинаковъ свѣтъ нашего солнца, или онъ бываетъ то сильнѣе, то слабѣе? Передамъ приблизительно ходъ мыслей г. Нервандера при этомъ случаѣ; не пропущу и вступленія, потому что оно всѣмъ очень понравилось.

Какъ ни малозначительно наше Ученое общество въ сравненіи съ другими бо̀льшаго размѣра, но этотъ день всегда настраиваетъ мою душу къ какой-то особенной торжественности. Не могу не придавать ему высокой важности, когда вижу, что на это празднество собираются и заслуженные сановники, забывая обычныя дѣла свои, и молодые люди, которые, готовясь къ трудностямъ скудно обезпеченнаго существованія, могутъ посвятить наукѣ только малую долю своей юности. Здѣсь мысли всѣхъ присутствующихъ сосредоточиваются около одного предмета, всѣ на нѣсколько часовъ живутъ только для интересовъ духовныхъ, для цѣли нашего общества — и такимъ образомъ настоящее собраніе, по внутреннему своему значенію, нисколько не уступаетъ, при всей скромности своей, и самымъ блестящимъ торжествамъ этого рода.

Что̀, кромѣ духовныхъ интересовъ, прочно и вѣрно? Все вокругъ насъ измѣняется, все исчезаетъ. Многолюдные города, нынѣ цвѣтущіе плодами наукъ и искусствъ, нѣкогда будутъ представлять однѣ развалины; самый шаръ земной превратится въ ничто. Но есть пространство, куда, повидимому не досягаетъ законъ общаго разрушенія. Можно ли безъ особеннаго наслажденія,безъ глубокой думы созерцать звѣздное небо? Тамъ все свѣтитъ такъ ярко, такъ равно, такъ неизмѣнно! Туда любитъ уноситься душа, стремящаяся въ вѣчность. Однакожъ и тамъ только видимая неизмѣняемость; и тамъ глазъ внимательнаго наблюдателя открываетъ признаки превратности: то одно свѣтило исчезнетъ, то другое вновь появится; одно и то же сіяетъ то ярче, то тусклѣе. Но

[1]) О немъ, какъ и вообще о разныхъ предметахъ, находящихся въ связи съ этими замѣтками, см. статью: *Ученое Финляндское Общество*, Совр. Т. XXVII, стр. 62. *Также Сочиненія Плетнева, т. I, стр. 494. Ред.*

когда звѣзда пропадаетъ, или въ первый разъ показывается на небѣ, мы, можетъ быть, несправедливо приписываемъ это закону смерти и рожденія. Можетъ быть, есть звѣзды, которыя скрываются и вновь дѣлаются видимыми періодически. Чуть-ли не та же звѣзда уже два раза появлялась снова черезъ 300 лѣтъ. Если предположеніе о ней справедливо, то она должна опять показаться въ исходѣ нынѣшняго столѣтія (1872?): повѣрка надъ нею обѣщаетъ чрезвычайно важные результаты для науки.

Звѣзды, въ различной степени свѣтящія въ разное время, называются перемѣнными. Неравенство свѣта ихъ объясняютъ троякимъ образомъ. Самымъ правдоподобнымъ предположеніемъ кажется то, что онѣ не на всѣхъ точкахъ своей шаровидной поверхности одинаково лучезарны—и потому при обращеніи около оси своей изливаютъ на землю не всегда одно и то же количество свѣта. Такъ думаетъ и Аргеландеръ, профессоръ астрономіи въ Боннѣ (прежде занимавшій каѳедру этой науки въ Финляндіи)—а Аргеландеръ долгое время преимущественно наблюдалъ перемѣнныя звѣзды, и слѣдовательно его мнѣніе по этому предмету имѣетъ особенный вѣсъ.

Наше солнце всегда ли одинаково свѣтитъ? Намъ трудно это замѣтить помощію одного зрѣнія, точно такъ же, какъ мы не замѣчаемъ разности въ освѣщеніи комнаты, когда въ ней въ одинъ вечеръ горитъ десять свѣчъ, а въ другой только девять. Но не легче ли найти разность въ степени теплоты, истекающей изъ солнца при его вращеніи, и нельзя ли по температурѣ заключить и о свѣтѣ? Однимъ термометромъ въ этомъ случаѣ нельзя руководствоваться, потому что его перемѣны много зависятъ отъ временъ года и другихъ причинъ. Но зная, что солнце совершаетъ обращеніе около своей оси въ 27 дней, мы можемъ сдѣлать слѣдующее наблюденіе. Положимъ, что 1-го января начинается первое вращеніе солнца; второе начнется, слѣдовательно, 27-го числа; третье 24 февраля и т. д. Замѣтимъ температуру въ первый день каждаго вращенія солнца и сведемъ всѣ отмѣченныя числа градусовъ въ одинъ итогъ. Потомъ сдѣлаемъ то же въ отношеніи ко 2-му дню каждаго вращенія, потомъ къ 3-му и т. д. При такомъ исчисленіи температуры, времена года не могутъ имѣть вліянія на результатъ каждаго сложенія—и если наблюденіе это будетъ повторяться нѣсколько лѣтъ, то можно вывести вѣрное заключеніе о постоянствѣ или различіи температуры, порождаемой солнечными лучами въ разное время. Исчисленія эти я дѣйствительно производилъ по наблюденіямъ надъ температурою воздуха, которыя въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ повторялись въ Парижѣ и въ Инсбрукѣ: степень теплоты, распространяемой солнцемъ, оказывается періодически измѣняющеюся отъ его вращенія на оси независимо отъ временъ года.

Результатъ этотъ я уже сообщилъ санктпетербургской Академіи

наукъ, которая, еще въ началѣ 1844 года, помѣстила статью о томъ въ своемъ Bulletin scientifique.

Чтобы законъ, открытый такимъ образомъ въ отношеніи къ теплу, перенести на свѣтъ, надобно напередъ дать понятіе о явленіи, называемомъ въ физикѣ *иррадіаціею.* Оно заключается въ томъ, что чѣмъ предметъ ярче освѣщенъ, тѣмъ онъ при извѣстныхъ условіяхъ является въ большемъ видѣ. Вотъ отчего, напримѣръ, рука въ черной перчаткѣ кажется меньше, нежели какою она представляется въ бѣлой перчаткѣ; и станъ въ черномъ платьѣ тоньше, стройнѣе, нежели въ другомъ. Не является ли намъ и величина солнца иногда болѣе, иногда менѣе? Надъ различнымъ протяженіемъ діаметра его были также производимы наблюденія (особливо въ Англіи). Я сравнивалъ ихъ съ вычисленіями касательно температуры солнечной, и оказалось, что одни какъ нельзя болѣе соотвѣтствуютъ другимъ: т. е. при низшей температурѣ, происходящей отъ вращенія солнца, и діаметръ его былъ постоянно короче, и наоборотъ.

Отсюда вывелъ я заключеніе, что солнце, въ разное время, изливая на землю свѣтъ неодинаковый, принадлежитъ къ числу перемѣнныхъ звѣздъ. Результата послѣднихъ моихъ наблюденій я еще не повѣрилъ окончательно, а потому и не отдавалъ его до сихъ поръ на судъ ученой публики. Однакожъ, къ подтвержденію его служитъ и то, что кривая линія, получаемая мною при изслѣдованіи измѣненій температуры вслѣдствіе вращенія солнца, совершенно соотвѣтствуетъ той, какую получилъ Аргеландеръ при наблюденіи неравенства діаметра перемѣнныхъ звѣздъ.

За симъ г. Нервандеръ прочелъ изъ книги, изданной Аргеландеромъ на нѣмецкомъ языкѣ, отрывокъ, относящійся къ послѣднему замѣчанію, при чемъ объяснилъ, что результатъ помянутыхъ исчисленій былъ представленъ академіи прежде выхода въ свѣтъ сочиненія Аргеландера.

III.

Потомъ г. Бонсдорфъ, профессоръ анатоміи и физіологіи, развилъ мысли свои о происхожденіи человѣка, объ отличительныхъ признакахъ его превосходства надъ животными и о трехъ главныхъ племенахъ рода человѣческаго.

Сотвореніе всего видимаго на землѣ и открываемаго подъ ея поверхностью происходило постепенно. Слоями ея означаются разныя степени созданія. Человѣкъ явился послѣ всѣхъ другихъ обитателей земного шара. Въ слоѣ окаменѣлостей нигдѣ и никогда не было находимо человѣческихъ костей. То, что иногда считали остовомъ подобнаго намъ существа, оказывалось, по тщательномъ наблюденіи, остаткомъ какого-нибудь животнаго: такъ, однажды за человѣка приняли окаменѣлую саламандру.

Предположеніе, будто человѣкъ произошелъ отъ двухъ животныхъ разнаго рода, ни на чемъ не основано. Его отличительныя преимущества ни въ одной изъ другихъ тварей не встрѣчаются. Вотъ эти преимущества: отвѣсное положеніе тѣла, языкъ и разумъ.

Что человѣку отъ самой природы назначено ходить въ отвѣсномъ положеніи, доказываетъ различное устройство у него рукъ и ногъ. У насъ на рукахъ большой палецъ отдѣленъ отъ прочихъ, составляетъ какъ-бы что-то противоположное имъ и дѣйствуетъ свободно: наши руки очевидно созданы для захватыванія предметовъ. Орангутангъ, который по образованію мозга ближе всѣхъ другихъ животныхъ подходитъ къ человѣку, одаренъ только ногами, и переднія не отличаются у него отъ заднихъ такъ, какъ наши руки отъ ногъ. Образованіе мозга нашего находится въ тѣсной связи съ отвѣснымъ положеніемъ тѣла: чѣмъ животное выше держитъ голову, тѣмъ организація мозга у него совершеннѣе. У насъ лицо обращено къ небу — и мозгъ нашъ есть вмѣстилище души, для которой высшая цѣль земного бытія есть постиженіе того вѣчнаго начала, откуда истекла и сама она и все существующее. Съ этимъ г. Бонсдорфъ связалъ нѣсколько словъ о языкѣ, какъ орудіи дѣятельности ума, а потомъ перешелъ къ племенамъ. Принявъ раздѣленіе ихъ на эѳіопское, монгольское и кавказское, онъ указалъ на существенное отличіе каждаго изъ трехъ, основывающееся особенно на строеніи черепа. Любопытно было замѣчаніе, что у эѳіопскаго племени черепъ устройствомъ своимъ походитъ на шлемъ и что изстари, когда испанцы воевали въ Африкѣ, запрещено было рубить туземцевъ по черепу, потому что мечъ не выдерживалъ силы удара, тогда какъ противникъ оставался невредимъ. Исчисленіе помянутыхъ трехъ племенъ должно начинать не съ кавказскаго, какъ обыкновенно поступаютъ, а съ эѳіопскаго, которое стоитъ на низшей степени совершенства. Ходъ природы бываетъ всегда снизу вверхъ; она никогда въ работѣ созданія не идетъ назадъ. Поэтому корнемъ человѣческаго рода надобно считать племя эѳіопское. Впрочемъ, несправедливо было бы думать, что оно слишкомъ обдѣлено способностями въ сравненіи съ другими племенами. Бѣлый цвѣтъ кожи, въ которомъ многіе видятъ признакъ значительнаго превосходства организаціи, въ сущности ничего не значитъ. Черные обитатели Африки, при проповѣдываніи имъ христіанской религіи, показали такую готовность къ принятію ея, которая не можетъ вести къ неблагопріятному сужденію о духовной натурѣ ихъ.

IV.

Профессоръ исторіи и статистики, г. Рейнъ, занимающійся собираніемъ матеріаловъ для статистическаго изображенія Финляндіи по

частямъ, прочиталъ приготовленную имъ главу касательно Куопіоской губерніи. Онъ началъ защищеніемъ статистики, на которую, по его замѣчанію, нападаютъ такъ же несправедливо, какъ еслибъ стали осуждать анатомію за то, что какой-нибудь анатомикъ ложно понимаетъ свою науку, или не умѣетъ управлять своимъ ножемъ. Затѣмъ г. профессоръ сообщилъ много любопытныхъ данныхъ касательно избраннаго края; но повторить ихъ здѣсь было бы трудно, потому что онѣ изобилуютъ цифрами — цифры же легко забываются. Изъ представленныхъ данныхъ г. Рейнъ, между прочимъ, вывелъ заключеніе, что губернія Куопіоская, по пространству, приблизительно равна Церковной области, жителей же въ первой въ 11 разъ менѣе, нежели въ послѣдней, и что промышленность въ Куопіоской губерніи замѣтно оживляется — особенно возрастаетъ тамъ количество пильныхъ мельницъ и горныхъ заводовъ.

V.

Во время второй половины чтенія г. Рейна, многіе изъ слушателей уже поглядывали на часы, потому что становилось поздно: было ужъ около 8 часовъ, а собраніе началось въ 5. Между тѣмъ оставалось еще одно чтеніе. Профессоръ вскорѣ уступилъ мѣсто г. пробсту Гиппингу, нарочно для этого случая пріѣхавшему сюда изъ округа своей церкви (Вихтисъ). Это одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ общества и ученыхъ Финляндіи вообще. Труды его тѣмъ занимательнѣе для насъ, что по большей части касаются вопросовъ, тѣсно связанныхъ съ исторіею русской старины. Такъ онъ прежде старался рѣшить, какая финляндская рѣка въ нашихъ лѣтописяхъ называется *Черною*, гдѣ въ Финляндіи должно искать земли, которую новгородцы разумѣли подъ именемъ *Нѣмецкой* и пр. Онъ же въ 1836 году издалъ на шведскомъ языкѣ первую часть особаго сочиненія, подъ заглавіемъ: *Нева и Ніеншанцъ до основанія Петербурга.* Жаль, что окончаніе этой книги не выходитъ за недостаточнымъ сбытомъ ея начала. Г. Гиппингъ сверхъ того—авторъ *первой статьи*, появившейся въ русскомъ журналѣ касательно финляндской литературы. Эта статья была переведена на русскій языкъ Брайкевичемъ и помѣщена въ 11-й книжкѣ *Соревнователя просвѣщенія и благотворенія* за 1820 годъ [1]). Современнику, который въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ почти постоянно заключалъ въ составѣ своемъ труды по тому же предмету, кстати теперь повторить начальныя строки статьи, которою тогда только-что вводился новый интересъ въ нашу словесность. „Прошло десять лѣтъ, какъ Финляндія соединена съ Россіею, но у насъ до сихъ поръ никто еще не писалъ

[1]) Часть XII, стр. 213. Смѣсь. О финской литературѣ.

о ея литературѣ. По сей причинѣ почтенный Андрей Давидовичъ Гиппингъ, урожденный финляндецъ, желая изъявить благодарность свою за избраніе его въ сочлены русскаго литературнаго общества, предложилъ мнѣ перевесть его сочиненіе о семъ предметѣ".

Нынѣ протекла почти четверть столѣтія съ тѣхъ поръ, какъ это было сказано. Отрадно видѣть человѣка, который и въ преклонныхъ лѣтахъ остается вѣренъ интересамъ, оживлявшимъ его молодость и бывшимъ для него во всю жизнь предметомъ безкорыстнаго служенія. Такимъ представлялся мнѣ г. Гиппингъ, когда онъ взошелъ на каѳедру, въ черномъ пасторскомъ кафтанѣ, украшенный сѣдинами и знаками Монаршаго вниманія къ гражданскимъ его заслугамъ. Вотъ въ сущности то, что онъ сказалъ.

Время не позволяетъ мнѣ прочитать здѣсь всего, что я приготовилъ къ нынѣшнему торжеству. Я принужденъ ограничиться одними заключительными замѣчаніями моего труда. Предварительно долженъ я однакожъ объяснить главный предметъ его. Южная, приморская область нашего Великаго Княжества, извѣстная подъ именемъ Нюландіи (съ главнымъ городомъ Гельсингфорсомъ), издавна населена шведскими крестьянами. Когда и какъ они попали сюда? Этотъ вопросъ еще не рѣшенъ окончательно. Согласно съ мнѣніемъ знаменитаго абовскаго профессора Портана и другихъ позднѣйшихъ авторитетовъ, нынѣ вообще принимаютъ, что шведское народонаселеніе южнаго берега Финляндіи образовали первоначально колонисты, вышедшіе изъ шведской провинціи Гельсингландіи вскорѣ послѣ завоеванія абовскаго края Эрикомъ IX, т. е. въ исходѣ XI-го или въ XII вѣкѣ. Дѣйствительно ли такъ? Есть много обстоятельствъ, заставляющихъ сомнѣваться въ истинѣ такого предположенія.

Для рѣшенія вопроса я обратилъ особенное вниманіе на нарѣчіе шведскаго языка, употребляемое простымъ народомъ Нюландіи. Тщательно сравнивалъ я его съ тѣмъ, на которомъ говорятъ въ Гельсингландіи, а также и съ языкомъ финновъ, окружающихъ шведское населеніе. Результатомъ моихъ наблюденій было, что въ нюландскомъ нарѣчіи нѣтъ тѣхъ провинціализмовъ, которые употребительны въ шведской Гельсингландіи, что финскихъ словъ въ немъ очень мало, но за то — вотъ замѣчательный фактъ — въ немъ встрѣчаются слова древняго скандинавскаго языка, называвшагося норренскимъ (нынѣшняго исландскаго).

Еслибъ шведы южной Финляндіи были выходцами изъ Гельсингландскаго края, то конечно у нихъ сохранился бы и языкъ, принесенный оттуда, или онъ смѣшался бы съ финскимъ; между тѣмъ мы находимъ здѣсь особое нарѣчіе. На чемъ же основано помянутое мнѣніе? На томъ, что одинъ изъ кирхшпилей (приходовъ) Нюландской губерніи носитъ названіе *Гельсинге*, и что будто-бы здѣсь изстари

господствовало *Гельсингландское* областное право. Но первое обстоятельство могло быть случайнымъ и ничего не доказываетъ [1]); второе подвергалъ я внимательному изслѣдованiю и ничего не отыскалъ въ подтвержденiе его.

Итакъ догадка о *мѣстѣ*, откуда шведы первоначально пришли въ Нюландiю, оказывается произвольною. Основательнѣе ли опредѣляютъ *время*, когда произошло это переселенiе? Считаютъ несомнѣннымъ, что Эрикъ, при завоеванiи югозападнаго угла Финляндiи, имѣлъ дѣло съ одними финнами. Но развѣ нельзя предположить, что ему пришлось воевать здѣсь и съ шведами, можетъ быть, жившими съ незапамятныхъ временъ на сѣверномъ берегу финскаго залива. Мы знаемъ, что даже въ самой Швецiи была искони постоянная вражда между свеями и готами. Говорятъ: еслибъ на южномъ берегу Финляндiи жили шведы, то они мѣшали бы финнамъ предпринимать морскiе походы противъ Швецiи. Но кто же можетъ доказать, что именно финны съ южнаго берега нашей земли производили нападенiя на Швецiю; напротивъ, вѣроятнѣе, что на эти опустошенiя пускались жители западныхъ береговъ, которымъ гораздо ближе было до Швецiи. Съ другой стороны, почему невозможно, чтобы морскiе походы туда предпринимались дѣйствительно съ южнаго берега, но не финнами, а шведами, здѣсь обитавшими?

Эрикъ IX, совершивъ первое завоеванiе въ Финляндiи, оставилъ здѣсь епископа Генрика для распространенiя христiанской вѣры между туземцами. Обыкновенно думаютъ, что евангелiе утверждено въ Финляндiи мечемъ и кровiю. Но можно ли дѣйствительно полагать, чтобы цѣлый народъ уступилъ одному насилiю въ такой коренной перемѣнѣ своего быта? Исторiя многими примѣрами доказываетъ, какую силу придаетъ и малочисленному народу единодушное упорство, когда дѣло идетъ о спасенiи того, чѣмъ онъ истинно дорожитъ. Гораздо естественнѣе принять, что Генрикъ при обращенiи финновъ-язычниковъ нашелъ содѣйствiе со стороны многихъ изъ самыхъ жителей края, особливо шведовъ, которымъ христiанство могло уже быть извѣстно изъ сношенiй ихъ какъ съ Швецiею, такъ и съ приморскими городами Германiи — отъ прiѣзжавшихъ сюда купцовъ и другихъ иноземцевъ.

Въ историческихъ памятникахъ Швецiи нѣтъ никакого извѣстiя о переселенiи въ Финляндiю значительнаго числа тамошнихъ жителей: а едва-ли такое распоряженiе шведскаго правительства было бы пропущено безъ вниманiя, еслибъ оно дѣйствительно случилось послѣ завоеванiя этого края. Шведскiе короли должны были дорожить насе-

[1]) Названiе *Гельсинге* могло произойти отъ однозвучнаго личнаго имени: которое въ древности было очень употребительно.

леніемъ своего отечества — и едва-ли бы рѣшились перевести оттуда большое число своихъ подданныхъ въ страну отдаленную, и которой обладаніе еще не было вполнѣ упрочено. Притомъ шведы прежде всего утвердили власть свою около Або: вотъ слѣдовательно мѣсто, гдѣ бы вѣроятно основалась первая ихъ колонія, еслибъ ужъ дѣло пошло на то. Между тѣмъ шведское народонаселеніе южнаго берега Финляндіи начинается на довольно значительномъ разстояніи къ востоку отъ Або. Да и какъ представить себѣ такую колонизацію? Вѣроятно ли, чтобъ Эрикъ рѣшился оставить въ невѣдомомъ, скудномъ краю, посреди ожесточенныхъ туземцевъ, часть своего войска безъ крѣпости, безъ надежнаго военачальника? Еще менѣе вѣроятно, чтобы онъ, или второй завоеватель Финляндіи, Биргеръ - Ярлъ, по возвращеніи въ Швецію, отправилъ сюда при такихъ условіяхъ нѣкоторую часть своихъ подданныхъ.

Между шведскими деревнями на южномъ берегу Финляндіи очень немногія носятъ финскія имена; жилища же самихъ финновъ начинаются собственно уже внѣ черты шведскаго народонаселенія. Поэтому вѣроятно, что предки здѣшнихъ шведовъ, водворившись тутъ, на берегу финскаго залива, потѣснили туземцевъ къ сѣверу. Иначе, если бы они пришли къ финнамъ изъ Швеціи въ качествѣ колонистовъ, то поселились бы *между* ними, смѣшались бы съ ними хотя отчасти и приняли бы въ языкъ свой финскіе элементы.

Ужъ не во время ли перехода скандинавскаго племени изъ странъ Чернаго моря, черезъ нынѣшнюю Россію и, можетъ быть, Финляндію, часть этого племени, остановившись здѣсь, основала народонаселеніе, которое представляется намъ нынѣ такимъ загадочнымъ явленіемъ? Въ старину всегда и считали шведскихъ поселянъ Нюландіи утвердившимися въ ней съ незапамятныхъ временъ; нисколько не унижая великихъ достоинствъ Портана, кажется, надобно согласиться, что онъ новою догадкою по этому предмету ввелъ въ заблужденіе потомство.

Обстоятельство, что въ языкѣ здѣшнихъ шведскихъ крестьянъ есть слова норренскія, очень важно. Какъ эти слова могли проникнуть сюда, если переселеніе шведовъ произошло въ такую пору, когда въ самой Швеціи древній общій языкъ скандинавовъ уже былъ замѣненъ одною изъ его отраслей? До сихъ поръ почти оставляемъ былъ безъ вниманія ходъ перерожденія языка норренскаго въ три другіе: шведскій, норвежскій и датскій. Сравнивая языкъ шведскій начала и средины XVIII столѣтія съ памятниками его первой половины XIV вѣка, мы не находимъ, чтобы онъ сдѣлалъ въ промежуточныя 400 лѣтъ значительные успѣхи. Слѣдовательно, тому состоянію, въ какомъ онъ является намъ въ первомъ изъ означенныхъ періодовъ, должно было предшествовать развитіе, для котораго требовалось нѣсколько вѣковъ. Происхожденіе нынѣшняго языка Швеціи относятъ

къ эпохѣ распространенія тамъ христіанства; но время, протекшее отъ этого событія до XIV вѣка, нельзя считать достаточнымъ для полнаго образованія новаго языка. Соображеніе всѣхъ обстоятельствъ приводитъ меня къ догадкѣ, что въ Швеціи, рядомъ съ норренскимъ языкомъ, искони существовалъ и другой, именно тотъ, который доселѣ господствуетъ тамъ. Норренскій былъ языкомъ героевъ, скальдовъ, дворовъ; по-шведски говорилъ народъ. Христіанская религія могла вывести простонародную рѣчь изъ хижинъ въ храмы Божіи и въ школы, а оттуда распространить ее и по всѣмъ сословіямъ. Не производила ли проповѣдь евангелія подобное дѣйствіе и въ другихъ странахъ?

Скандинавы, поселившіеся въ южной Финляндіи, говорили первоначально на норренскомъ языкѣ; но сношенія съ единоплеменниками ихъ въ Швеціи, прибытіе оттуда мало-по-малу новыхъ вельниковъ, введеніе въ Финляндіи христіанской религіи шведами — все это должно было повлечь за собою распространеніе шведскаго языка и между скандинавскими обитателями этого края. Что касается до водворенія здѣсь христіанской вѣры, то оно, какъ я уже замѣтилъ, могло быть плодомъ не одного только усердія короля Эрика IX, но и другихъ обстоятельствъ. Кто знаетъ, не проникали ли и въ Финляндію рыцари, предпринимавшіе въ благочестивыхъ видахъ дальнія странствованія? Кто знаетъ, не должно ли и въ развалинѣ *Разеборгъ* [1]) видѣть остатокъ стариннаго рыцарскаго за̀мка, построеннаго нѣмецкимъ рыцаремъ Разебургомъ? Кто знаетъ, не посѣщали ли южнаго берега Финляндіи ганзейскіе купцы съ самыхъ первыхъ временъ существованія ихъ союза, и не въ этомъ ли надобно искать объясненія вопроса о *нѣмецкой землѣ* въ нашемъ отечествѣ? Кому извѣстно, не были ли предки шведскаго населенія Нюландіи тѣ *Рисы*, съ которыми, по стариннымъ преданіямъ, враждовали *Готы*, и которыхъ сосѣдніе финны назвали *Руотси*, а лѣтописецъ Несторъ *Русью?*

Окончательное рѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ предоставляю другимъ, болѣе меня проницательнымъ и искуснымъ: предложенными догадками я желалъ только открыть для будущихъ изслѣдователей новую, высшую точку зрѣнія и предостеречь ихъ отъ ошибокъ, въ которыя они легко могли бы впасть безъ выраженныхъ мною сомнѣній.

VI.

Не смотря на поспѣшность, съ какою г. Гиппингъ читалъ послѣднія страницы своего разсужденія, и на то, что вниманіе всѣхъ было уже утомлено предшествовавшими чтеніями, онъ успѣлъ возбудить

[1]) Между Гельсингфорсомъ и Або.

въ слушателяхъ живое участіе къ своему предмету. Когда онъ кончилъ, былъ уже девятый часъ въ половинѣ, и какъ скоро онъ оставилъ каѳедру, все собраніе разошлось. Впрочемъ, оно было не такъ многочисленно, какъ того можно бы ожидать; на скамьяхъ было довольно пустыхъ промежутковъ. Дамъ не явилось вовсе. Въ прежніе годы были иногда попытки ввести въ обыкновеніе, чтобы собранія такого рода и здѣсь оживлялись присутствіемъ образованныхъ слушательницъ; но поданные примѣры не имѣли желаннаго дѣйствія. Видно вездѣ на сѣверѣ атмосфера, даже и ученаго міра, какъ-то сурова и холодна!

Мое изложеніе вышло гораздо длиннѣе, нежели какимъ я предполагалъ его сдѣлать, когда началъ писать. Занимательность предметовъ увлекла меня далеко за границы той краткости, какую я себѣ опредѣлилъ-было. При всемъ томъ, я могъ дать только очень неполное сокращеніе всего слышаннаго на бывшемъ собраніи. Очеркъ мой могъ бы быть удовлетворительнѣе, еслибъ я пришелъ туда съ намѣреніемъ послѣ пересказать кому-нибудь то, что̀ услышу; но, признаюсь, мысль написать это родилась у меня только тогда, когда я вечеромъ сообщилъ одному пріятелю содержаніе бывшихъ передъ тѣмъ чтеній Впрочемъ, цѣлью моею былъ не трудъ, достойный вниманія ученыхъ, а только бѣглый отчетъ любителямъ науки въ томъ, что̀ я успѣлъ извлечь изъ литературной бесѣды, въ которой они не могли участвовать. Если изъ слышаннаго удалось мнѣ главное передать имъ съ нѣкоторою вѣрностью, то заслуга принадлежитъ не мнѣ, а тѣмъ, чьи мысли я сообщилъ: не трудно усвоить себѣ и повторить существенное изъ того, что было изложено умно, ясно и живо.

19 апрѣля / 1 мая 1846.

ПЕРЕѢЗДЫ ПО ФИНЛЯНДІИ.

отъ Ладожскаго озера до рѣки Торнео.

Путевыя Записки [1])

1847.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Почти четыре десятилѣтія протекло съ тѣхъ поръ, какъ Финляндія вошла въ составъ Русскаго царства; но наше ближайшее знакомство

[1]) Были напечатаны отдѣльной книгой въ С.-Петербургѣ 1847 г. иждивеніемъ А. Т. Крылова (педагога и книгопродавца). Срв. *Переписка Грота съ Плетневымъ*, т. II, стр. 807—810, 837, 845 — 852, 856; III, 2, 6, 8, 10 — 15, 24 и проч.

съ нею завязалось только въ послѣднее время. Въ тридцатыхъ годахъ, благодаря новому пароходству, оживилось сообщеніе Петербурга съ берегами Балтійскаго моря; русскіе начали посѣщать Гельсингфорсъ, особенно съ 1838 г., когда тамъ открылось заведеніе минеральныхъ водъ и купаленъ. Въ 1840 году тамошній университетъ праздновалъ блистательными торжествами юбилей своего двухсотлѣтняго существованія, и это событіе привлекло туда еще болѣе пріѣзжихъ, еще въ высшей степени обратило на край вниманіе русскихъ. Имя Финляндіи стало чаще и чаще являться въ нашей литературѣ.

Около того же времени и я въ первый разъ посѣтилъ эту страну. Съ тридцать седьмого года проведя тамъ три лѣта сряду, я въ сороковомъ сдѣлался постояннымъ жителемъ Гельсингфорса, откуда каждое лѣто предпринимаю поѣздки и во внутренность края. Съ самаго начала знакомства моего съ Финляндіею я тщательно изучалъ въ ней нравы, обычаи, литературу; необходимое для этого знаніе шведскаго языка пріобрѣлъ я незадолго передъ тѣмъ въ Петербургѣ. Все, что узнавалъ я новаго о краѣ, столь любопытномъ, но мало извѣстномъ, казалось мнѣ заслуживающимъ общее вниманіе, и съ 1839 года представилъ я читателямъ Современника рядъ статей, относящихся къ Финляндіи [1]), а въ 1841 напечаталъ исторію тамошняго университета въ Альманахѣ, изданномъ мною въ память бывшаго въ Гельсингфорсѣ юбилея.

Нынѣ, самъ принадлежа къ ученому сословію Александровскаго университета и безпрестанно находя случай распространять свои свѣдѣнія о Финляндіи, я бы счелъ себя виновнымъ предъ судомъ науки, еслибъ не продолжалъ сообщать публикѣ наблюденія свои касательно края, о которомъ у насъ господствуютъ самыя недостаточныя и невѣрныя понятія.

Изъ всѣхъ частей Русской имперіи, населенныхъ иноплеменными народами, Финляндія представляетъ едва-ли не самое занимательное зрѣлище. Политическая судьба искони дала развитію народа ея особенное направленіе. Вышедши изъ отдаленнаго востока, этотъ народъ въ эпоху младенчества своего связанъ былъ тѣсными узами съ одною изъ просвѣщеннѣйшихъ европейскихъ націй и отъ нея принялъ всѣ элементы германскаго образованія, но въ той своебытной формѣ, какую оно получило въ скандинавскомъ племени. Не смотря на продолжительную зависимость отъ Швеціи, не смотря на заимствованіе оттуда религіи, законовъ и нравовъ, финны никогда не могли вполнѣ слиться съ націею, столь чуждою имъ по происхожденію, языку и характеру. Никогда не бывъ порабощены произволомъ пришлыхъ дворянъ другого поколѣнія — какъ было въ Остзейскихъ губер-

[1]) См. всѣ предыдущія статьи этого тома.

ніяхъ — финны въ значительной мѣрѣ сохранили свои первобытныя свойства и чистоту своего собственнаго языка. Особенно замѣчателенъ финскій крестьянинъ въ тѣхъ частяхъ края, гдѣ чрезмѣрная нужда или вообще неблагопріятныя внѣшнія обстоятельства не исказили его душевныхъ способностей: тамъ онъ часто является человѣкомъ набожнымъ, благородно чувствующимъ, здраво и даже тонко мыслящимъ, выражающимся умно и пріятно. Языкъ финскій составляетъ для филолога явленіе драгоцѣнное и въ нѣкоторомъ смыслѣ единственное. На немъ есть богатая народная поэзія. Всѣ эти духовныя сокровища финновъ только въ новѣйшее время начали быть оцѣниваемы надлежащимъ образомъ. Присоединеніе отечества ихъ къ Россіи, возвращеніе ихъ, такъ сказать, въ нѣдра востока, первоначальной колыбели ихъ, было въ этомъ отношеніи самымъ многозначущимъ событіемъ. Съ другой стороны уваженіе финновъ къ закону и праву, приверженность къ престолу, мужество въ войнѣ испытаны вѣками и давно признаны сосѣдними народами. Русскіе, которыхъ Монархи, съ самой эпохи подчиненія Финляндіи скипетру Ихъ, считали ее достойною особенной благости Своей, должны внимательно изучать такую страну и такую націю.

Предлагаемый трудъ состоитъ, по большой части, изъ свѣдѣній, собранныхъ мною на мѣстахъ, гдѣ проѣзжалъ я лѣтомъ въ 1845 и въ 1846 году. Путешествуя по областямъ Финляндіи, никѣмъ еще не описаннымъ, я вносилъ въ свои листки все, что считалъ любопытнымъ для образованнаго человѣка, желающаго пріобрѣсти вѣрное понятіе о незнакомомъ ему краѣ. Потому къ разсказу о томъ, что постепенно являлось мнѣ на пути, присоединялъ я историческія и статистическія подробности, слышанныя отъ достовѣрныхъ людей. Особенно дорожилъ я такими обстоятельствами, которыя, хотя и косвенно, указываютъ на нравы, на бытъ, на состояніе народа. Съ этою цѣлію не пренебрегалъ я иногда и самыми повидимому мелочными чертами, напримѣръ относящимися къ пищѣ. О самомъ себѣ говорилъ я только въ такихъ случаяхъ, когда того требовала связь съ предметами, которые казались мнѣ стóящими общаго вниманія.

Почти весь первый отдѣлъ, касающійся Кексгольма, Сердоболя и Нейшлота, написанъ мною еще въ 1845 году. Разсказъ о самомъ ходѣ путешествія и о личныхъ моихъ впечатлѣніяхъ тогда не входилъ въ планъ моихъ замѣтокъ. Тутъ помѣщены почти исключительно мѣстныя свѣдѣнія; они были дополнены мною въ нынѣшнемъ году при вторичномъ посѣщеніи тѣхъ же городовъ, и потому выставленныя въ заголовкахъ числа означаютъ время проѣзда во второй разъ.

Всѣ слѣдующіе отдѣлы, относящіеся по большей части къ мѣстамъ, гдѣ я прежде не бывалъ, написаны въ 1846 году. Въ нихъ отдается отчетъ о самомъ путешествіи, предпринятомъ съ цѣлію взглянуть на

незаходящее солнце; мѣстныя же свѣдѣнія излагаются въ томъ порядкѣ, въ какомъ они накоплялись и были вносимы въ памятную книжку. Къ перемѣнѣ первоначальнаго плана особенно содѣйствовало то, что на пути отъ Куопіо до Торнео все было для меня ново, и впечатлѣнія тѣмъ были живѣе, что сѣверъ Финляндіи поражалъ меня совершенно неожиданнымъ зрѣлищемъ народнаго довольства и благосостоянія. Къ тому же на этомъ пути былъ у меня товарищъ, котораго сообщество придало поѣздкѣ моей совершенно новый интересъ. Я ѣхалъ съ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ представителей современной литературы въ Финляндіи, съ докторомъ Ленротомъ (Lönnrot). Его присутствіе было для меня источникомъ постояннаго наслажденія; его знаніямъ, опытности, дружественнымъ отношеніямъ по всему краю много обязанъ я пользою, которую могъ извлечь изъ своего путешествія. Съ неизмѣнною готовностію онъ разрѣшалъ всѣ мои вопросы, сообщалъ мнѣ всѣ нужныя объясненія, доставлялъ случаи видѣть все любопытное. Упоминаю о томъ съ благодарностію и съ полнымъ сознаніемъ того участія, какое принадлежитъ Ленроту въ моихъ дорожныхъ разсказахъ.

Для сбереженія времени, то, что я видѣлъ и слышалъ, было отмѣчаемо первоначально самымъ сокращеннымъ образомъ. Въ настоящій видъ эти бѣглыя замѣтки приведены частію въ Каянѣ, гдѣ я дней десять жилъ у доктора Ленрота, частію дома, по возвращеніи въ Гельсингфорсъ. Но при этомъ окончательномъ трудѣ я старался, такъ сказать, только *дописывать* то, что было набросано въ пути, избѣгая всего принадлежащаго собственно къ работѣ кабинетной и неумѣстнаго въ дорожныхъ запискахъ. Дополненій изъ *книгъ* сдѣлано очень мало, да и тѣмъ по большой части дано мѣсто въ выноскахъ, а не въ самомъ текстѣ.

Исключеніе составляютъ двѣ статьи, которыя впрочемъ написаны мною на самыхъ мѣстахъ, куда онѣ относятся. Одна есть очеркъ біографіи стариннаго шведскаго профессора и писателя, Мессеніуса, умершаго въ Финляндіи. Другая еще болѣе выходитъ изъ ряду остальныхъ разсказовъ. Въ 1819 году императоръ Александръ совершилъ по сѣверной Финляндіи путешествіе, необычайное во многихъ отношеніяхъ и оставившее въ жителяхъ столь глубокое впечатлѣніе, что они какъ святыню хранятъ воспоминаніе о малѣйшихъ подробностяхъ проѣзда Государева. Бывъ нынѣ на тѣхъ же мѣстахъ, я не хотѣлъ упустить случая передать русскимъ читателямъ эти драгоцѣнныя черты изъ жизни Александра Благословеннаго, неизвѣстныя большей части нашихъ соотечественниковъ. Таково главное содержаніе *Прогулки въ Пальдамо*, составляющей VII отдѣлъ *Переѣздовъ*.

Постоянно имѣлъ я въ виду, что дневникъ мой долженъ, между прочимъ, служить указаніемъ тому, кто послѣ меня посѣтитъ тѣ же

края и, безъ знанія языковъ финскаго и шведскаго, употребительныхъ въ Финляндіи, не легко найдетъ возможность удовлетворить своей любознательности. Съ этою же мыслію, въ концѣ книги помѣщенъ маршрутъ, гдѣ означены какъ всѣ станціи, лежавшія на пути моемъ, такъ и разстоянія между ними; къ нему присоединены нѣкоторыя, хотя и неполныя замѣчанія со ссылками на текстъ.

Гельсингфорсъ,
въ декабрѣ 1846.

Отдѣлъ I.

Кексгольмъ, Сердоболь и Нейшлотъ.

Кексгольмъ $\frac{\text{23-го Мая}}{\text{4-го Іюня}}$ 1846.

Мѣстоположеніе — преданіе о происхожденіи Кексгольма — жители и городъ — крѣпость — шлотъ — семейство Пугачева — Безыменный — крестьяне изъ Салмиса — походъ древнихъ Новгородцевъ въ Нѣмецкую землю.

Кексгольмъ стоитъ на островѣ посреди устьевъ стремительной Вокши или Воксы (Wuoksi), во многихъ мѣстахъ наполненной порогами. И здѣсь она съ шумомъ и пѣною течетъ по камнямъ. Нѣсколько ниже устроена черезъ широкій рукавъ этой рѣки переправа къ Выборгской дорогѣ. Когда основанъ Кексгольмъ, въ точности не знаютъ; но онъ уже существовалъ при завоеваніи края шведами въ 13-мъ столѣтіи [1]). Живущіе въ окрестностяхъ финны до сихъ поръ называютъ его *linna* (т. е. крѣпостью), изъ чего видно, что Кексгольмъ съ незапамятныхъ временъ былъ укрѣпленнымъ мѣстомъ. Одинъ изъ жителей города сообщилъ мнѣ, касательно происхожденія его, любопытное преданіе, слышанное имъ отъ девяносто-лѣтняго старика. Для отраженія русскихъ и шведовъ, финны когда-то въ древности начали строить крѣпость выше по теченію Воксы, на островѣ Тіурисѣ (гдѣ дѣйствительно видны остатки какихъ-то укрѣпленій); но предпріятіе не имѣло успѣха: возникавшія стѣны разрушались нѣсколько разъ, и наконецъ небесный голосъ объявилъ строителямъ, что дѣло ихъ богамъ не угодно и что они должны, изготовивъ лодку, плыть на ней внизъ по Воксѣ до тѣхъ поръ, пока не услышатъ крика кукушки: на этомъ мѣстѣ должны они поселиться. Они исполнили велѣніе боговъ, и проливъ, гдѣ остановились они по возвѣщенному знаменію, названъ былъ *Käkisalmi, проливомъ кукушки*. Этотъ проливъ отдѣляетъ островъ, занимаемый самымъ городомъ, отъ другого, на которомъ находится крѣ-

[1]) По извѣстію лѣтописца, онъ въ 14-мъ столѣтіи былъ перестроенъ Новгородцами, которые въ 1310 году, „идоша въ рѣку Узьерву (Воксу) и срубиша городъ на порозѣ новъ, ветхый смѣтавше“.

пость, — безъ сомнѣнія первоначальное селеніе, получившее одно названіе съ проливомъ. Еще за нѣсколько десятковъ лѣтъ показывали передъ крѣпостію и дерево, гдѣ будто-бы сидѣла знаменитая кукушка. Шведское названіе города, *Kexholm*, очевидно передѣлано изъ финскаго. Въ нашихъ лѣтописяхъ называется онъ *Корелою*, и живущіе здѣсь русскіе до сихъ поръ знаютъ его подъ именемъ Корелогорода, а коренныхъ жителей зовутъ Кореляками.

Въ Кексгольмѣ около 1200 обывателей, въ числѣ которыхъ много бѣдныхъ, содержимыхъ на счетъ города. Русская часть этого населенія состоитъ изъ нѣсколькихъ военныхъ, изъ купцовъ и работниковъ (каменщиковъ, плотниковъ). Низенькіе, одно - этажные деревянные домики, вдоль немощеныхъ, хотя отчасти и прямыхъ улицъ, не могутъ придавать городу особенно привлекательнаго вида [1]). Лучшіе изъ домовъ принадлежатъ русскимъ купцамъ; всѣхъ лавокъ тринадцать.

Крѣпость — долгое время спорное владѣніе то Россіи, то Швеціи — состоитъ изъ нѣсколькихъ обновленныхъ строеній, занимаемыхъ инвалидною командою (до 300 человѣкъ), и окружена хорошо сохранившимся валомъ, который теперь служитъ сѣнокосомъ [2]). Здѣшняя русская церковь за ветхостію недавно оставлена. Въ ней, какъ говорятъ, есть образъ, который при уступкѣ города шведамъ былъ зарытъ русскими въ землю; а потомъ, черезъ 100 лѣтъ, при возвращеніи Кексгольма Россіи, опять выкопанъ. Нынѣ строится въ самомъ городѣ новая церковь.

Особое отдѣленіе крѣпости, такъ называемый *шлотъ* (правильнѣе: *слотъ*), небольшое круглое зданіе съ башнею, занимаетъ третій островокъ. Тутъ въ прежнее время содержались преступники. Теперь стѣны шлота до такой степени уже ветхи, что сами собой разрушаются. Въ такомъ положеніи и деревянный мостъ, соединяющій этотъ островъ съ крѣпостнымъ. Обращенныя къ мосту ворота, какъ шлота, такъ и крѣпости, обиты старинными шведскими латами. Здѣсь заключено было семейство Пугачева, и еще лѣтъ 16 тому назадъ жили въ Кексгольмѣ двѣ дочери его. Онѣ пользовались свободою, не смѣя однакожъ оставлять городского острова, и получали небольшую пенсію. Онѣ умерли въ глубокой старости. Въ началѣ царствованія императора Александра сидѣлъ въ темномъ подвалѣ шлота какой-то преступникъ, котораго судьба для всѣхъ покрыта была совершенною тайною. Государь, въ 1803 году находясь въ Кексгольмѣ, посѣтилъ темницу и милостиво освѣдомлялся объ имени каждаго изъ заключенныхъ. Когда очередь дошла до таинственнаго узника, то онъ объявилъ, что не можетъ въ

[1]) Кексгольмъ, какъ кажется, мало измѣнился съ того времени, какъ академикъ Озерецковскій посѣтилъ и описалъ его, а это было въ 1785 году! Сравн. *Путешествіе по озерамъ Ладожскому и Онежскому* (Спб. 1792), стр. 52 и слѣд.

[2]) Доставляющимъ казнѣ до 200 руб. асс. въ годъ.

присутствіи другихъ сказать, кто онъ такой. Пробывъ съ нимъ нѣсколько минутъ наединѣ, Государь вышелъ отъ него со слезами на глазахъ и повелѣлъ выпустить несчастнаго, съ тѣмъ, чтобъ онъ оставался въ Кексгольмѣ. Онъ жилъ еще лѣтъ пятнадцать послѣ того, получалъ отъ казны содержаніе и извѣстенъ былъ въ городѣ подъ названіемъ *Безыменнаго*. Проведши въ заключеніи болѣе 30-ти лѣтъ, онъ по выходѣ изъ темницы долго не могъ привыкнуть къ свѣту и въ послѣдніе годы жизни совершенно ослѣпъ. Его любили жители, изъ которыхъ онъ ко многимъ часто хаживалъ.

Кексгольмъ лежитъ на ровномъ мѣстѣ и изъ самаго города не видно Ладожскаго озера. До берега его отсюда версты полторы. Отправясь туда черезъ широкое поле, увидѣлъ я приставшее къ этому берегу небольшое судно; оно пришло изъ Са́лмиса, послѣдняго финляндскаго прихода къ Олонецкой границѣ. Тамошніе жители, по большой части, финны (кореляки), исповѣдующіе православную вѣру. Прибывшіе съ судномъ называли себя русскими, но говорили особеннымъ нарѣчіемъ; они привезли горбылей одному изъ городскихъ обывателей и, отправляясь въ дорогу, закупили русскаго ржаного хлѣба.

Не смотря на близость Ладожскаго озера и Воксы, рыба въ Кексгольмѣ дорога. Ловля ея въ устьяхъ рѣки, гдѣ особенно много сиговъ, составляетъ со временъ императора Павла исключительное право Александро-Невской Лавры. Рыбная ловля въ Ладожскомъ озерѣ открыта для всѣхъ, и отъ того край Кексгольма, обращенный къ берегу его, населенъ по большей части рыбаками. Но лососы и сиги ладожскіе увозятся въ Петербургъ и не дешево продаются на мѣстѣ. Промышленники кексгольмскіе производятъ рыбную ловлю не только въ открытомъ озерѣ и на берегахъ его, но иногда и съ Коневецкаго острова, въ случаѣ особаго на то позволенія отъ игумена тамошняго монастыря. Отсюда до Коневецкаго острова водою 25—30 верстъ; до Валаамскаго около 100.

Любитель исторіи можетъ найти въ окрестностяхъ Кексгольма много предметовъ изслѣдованія. Разсказъ лѣтописца о походѣ Новгородцевъ 1311 года въ Нѣмецкую землю на Ямь до сихъ поръ еще не объясненъ окончательно [1]). Упоминаемыхъ въ немъ рѣкъ *Купецкой*, *Черной*, *Кавгалы* и *Перны* обыкновенно ищутъ въ Финляндіи, но гдѣ именно онѣ протекаютъ, о томъ мнѣнія самихъ финляндцевъ не согласны. Рѣшеніе вопроса тѣмъ труднѣе, что нѣкоторыя изъ приводи-

[1]) Въ старину, Ями искали то близъ Бѣлаго моря, то къ югу отъ Финскаго залива. Карамзинъ, перенося означенный походъ въ Финляндію, ссылается (т. IV. прим. 214, изд. Эйнерл.) на Лерберга и на Гиппинга. *Нѣмецкая земля* въ Финляндіи надѣлала много хлопотъ трудолюбивому г-ну Гиппингу (см. выше, стр. 332 и сл.). Недавно онъ явился съ новымъ предположеніемъ по этому предмету и тѣмъ возбудилъ много разнорѣчивыхъ толковъ въ періодической финляндской литературѣ.

мыхъ лѣтописцемъ названій урочищъ встрѣчаются, съ небольшими измѣненіями звуковъ, въ разныхъ мѣстахъ края. Еще недавно былъ въ финляндскихъ газетахъ ученый споръ по этому предмету. Наиболѣе основательнымъ кажется предположеніе, что сомнительныя урочища находятся близъ западнаго берега Ладожскаго озера, въ окрестностяхъ Кексгольма. *Черною рѣкою* было, вѣроятно, озеро *Сувандо* [1]), которое прежде изливалось въ Вокшу, а въ 1818 году отдѣлилось отъ нея и прорыло себѣ истокъ въ Ладожское озеро. Надобно думать, что Сувандо въ древности было однимъ изъ рукавовъ Вокши: дѣйствительно, самое названіе этого озера есть не что иное, какъ нарица тельное имя, которое на финскомъ языкѣ означаетъ тихую воду въ рѣкѣ. Къ тому же есть старинныя карты, на которыхъ Сувандо еще носитъ названіе *Черной рѣки* [2]). Далѣе на Вокшѣ есть островъ Тіурисъ съ остатками каменныхъ стѣнъ; есть въ этой же сторонѣ селеніе *Каукола*; близъ южнаго берега Сувандо находится деревня *Wanha jama* (у лѣтописца упоминается крѣпость *Ванай);* сѣверный рукавъ Вокши называется *Перна* (шв. Pernafors). Все это служитъ сильною опорою приведеннаго предположенія, котораго впрочемъ отнюдь не выдаю за свое. Касательно означенныхъ здѣсь мѣстъ прибавлю нѣкоторыя ближайшія указанія. Рѣка Перна пересѣкаетъ дорогу къ Сердоболю въ 5-ти верстахъ отъ Кексгольма; тутъ направо отъ небольшого моста видны еще остатки земляной крѣпости. Чтобы попасть въ деревню *Wanha jama* (Старую яму), надобно у станціи Кивиніеми своротить съ Петербургской дороги и ѣхать водою [3]). На дорогѣ къ *Тіурисъ*, между станціями Кивиніеми и Нойдерма, находится небольшое озеро, называемое по-фински *Wenäjä Walkjärvi*, т. е. Русскимъ Бѣлымъ озеромъ, — потому, вѣроятно, что оно въ старину лежало на самой русской границѣ.

Всѣми этими мѣстными подробностями обязанъ я служащему въ

[1]) При произношеніи финскихъ словъ надобно помнить, что въ нихъ главное удареніе всегда бываетъ на первомъ слогѣ. Приводя финскія или шведскія слова, я буду, для отличія тѣхъ и другихъ, выставлять при первыхъ букву *ф*, а при вторыхъ буквы *шв*.

[2]) Сюда относится особенно большая карта, находящаяся на мызѣ Peterhoffäger, въ приходѣ Сакколѣ, и сдѣланная 1740 — 1750 гг. по распоряженію барона Фридрихса, дѣда нынѣшнему владѣльцу. Сувандъ - озеро простирается въ длину верстъ на 30. Съ 1818 года года оно понизилось фута на 24 и впадаетъ въ Ладожское озеро при деревнѣ Та́йпалѣ, гдѣ также есть остатки какихъ-то укрѣпленій (Taipala batteri). Когда Сувандо отдѣлилось отъ Вокши, окрестные поселяне поспѣшили толпою къ волоку (Кивиніеми), образовавшемуся между рѣкою и озеромъ, длиною тысячи въ двѣ футовъ, и хотѣли прорыть тутъ каналъ. Но мѣстное начальство, узнавъ о томъ, немедленно предупредило исполненіе предпріятія, которое, конечно, сократило бы водяной путь къ Ладожскому озеру, но угрожало Кексгольму совершеннымъ подрывомъ его промысловъ.

[3]) Есть еще другая деревня *Яма* верстахъ въ 75 къ сѣверу отъ Сердоболя.

Кексгольмѣ г-ну *Фрюкселю*, двоюродному брату извѣстнаго шведскаго историка, страстному любителю изслѣдованій о старинѣ. Къ сожалѣнію, въ городскомъ архивѣ не сохранилось никакихъ важныхъ въ этомъ отношеніи документовъ. Къ историческимъ воспоминаніямъ окрестной стороны принадлежитъ также имя *Понтусона* (Делагарди), которымъ означены въ народной памяти многія изъ тамошнихъ урочищъ.

2.

Сердоболь, 26-го мая.

Кексгольмская дорога — нужда и зараза въ приходѣ Пюхярви — поздній снѣгъ и соловьи — имѣніе Кроноборгъ — свѣдѣнія о Сердоболѣ — забавный счетъ — станція — Ладожское озеро — гостепріимные люди.

Выборгская дорога почти отъ самаго Петербурга до финляндской границы пользуется весьма дурною славой. Дорога изъ столицы въ Кексгольмъ была прежде, какъ мнѣ сказывали, еще хуже; но въ недавнее время она исправлена и теперь сдѣлалась сносною. Застава находится у станціи *Коркіамяки*. Названіе это, которое въ переводѣ значитъ *высокая гора*, оправдывается для проѣзжаго вскорѣ по минованіи шлагбаума: тутъ дорога идетъ черезъ двѣ крутыя песчаныя возвышенности, усыпанныя крупными камнями и изрѣзанныя глубокими рытвинами. Близъ Кексгольма многія значительныя имѣнія, которыя отчасти видны съ большой дороги, принадлежатъ издавна роду бароновъ Фридрихсъ. Въ окружной сторонѣ, особенно въ приходѣ [1]) Пюхярви (Pyhäjärvi) открылся прошедшею весною великій недостатокъ въ жизненныхъ потребностяхъ. Нищіе толпами стекались къ пасторамъ и земскимъ чиновникамъ; лишенный надлежащаго корма, скотъ умиралъ въ большомъ количествѣ. Въ этихъ обстоятельствахъ баронъ Фридрихсъ показалъ рѣдкую благотворительность, облегчая всячески бѣдственное положеніе крестьянъ, о чемъ съ истиннымъ чувствомъ разсказывалъ мнѣ пасторъ того прихода, пробстъ Циттингъ. Общая нужда повлекла за собою заразительную нервическую горячку: въ приходѣ, состоящемъ изъ 5.000 душъ, умирало ежедневно до десяти человѣкъ. Жертвою эпидеміи сдѣлалась и 18-тилѣтняя дочь самого пастора. Предшествовавшая весна была необыкновенно сурова. Въ началѣ мая (по н. с.) снѣгъ густымъ слоемъ покрылъ землю: отъ холода погибло множество журавлей и соловьевъ. Застигнутые зимней погодой, звонкіе гости юга то падали на землю, съ которой дѣти

[1]) Названіе округовъ, на которые протестантскія земли раздѣляются по духовному управленію, по-русски переводится различно: то *приходомъ*, то *кирхшпилемъ* (съ нѣмецкаго). Академикъ Озерецковскій въ своемъ путешествіи употребляетъ въ этомъ смыслѣ слово *погостъ*; но такъ называются собственно тѣ округи восточной Финляндіи, гдѣ жители православные.

подымали ихъ, наполняя ими цѣлыя корзины, то искали прибѣжища въ кухняхъ и комнатахъ, откуда, согрѣвшись, опять улетали. Соловьи являются только въ одной части Финляндіи, — именно въ Кареліи. Говорятъ, что эта область обязана такимъ преимуществомъ одному изъ первыхъ русскихъ губернаторовъ старой Финляндіи, который будто-бы пустилъ на волю нѣсколько соловьевъ. Прошлаго года, въ концѣ мая, гулялъ я часто въ роскошномъ саду барона Николаи, близъ Выборга: были чудные дни: природа праздновала весну; ярко сіяли заливы, — и соловьи, перекликаясь, пѣли безъ умолку. И въ Кексгольмѣ я около того же времени слышалъ соловья, который почти подъ окнами моими, въ огородѣ, неутомимо свисталъ всю ночь.

Дорога между Кексгольмомъ и Сердоболемъ гориста и, мѣстами подходя къ извилистымъ, скалистымъ заливамъ сѣвернаго берега Ладожскаго озера, представляетъ красивые виды. По этой дорогѣ замѣчательно огромное имѣніе, *Кроноборгъ* (ф. Kurkijoki), занимающее полтора кирхшпиля и принадлежащее роду графовъ Воронцовыхъ. Хозяинъ станціи того же имени, который содержитъ ее уже лѣтъ 50 и знаетъ по-русски, сказывалъ мнѣ, что имѣніе это нынѣ покупаетъ графъ Кушелевъ-Безбородко.

Сердоболь лежитъ на полуостровѣ; съ большой дороги ведетъ къ нему мостъ. Названіе города, по-фински *Sortawala*, объясняется различно. Забавно преданіе, будто на одной изъ окрестныхъ скалъ когда-то найдена вырѣзанная монахами надпись: *чорта валяй*, которую финны произнесли по-своему: Сортавала [1]). Берегъ Ладожскаго озера противъ острова Коневца образуетъ длинный, узкій заливъ, служащій пристанищемъ для плавающихъ туда или обратно. Этотъ заливъ (по-фински Sorttalaks) русскіе называютъ *Чертовой Лахтой* [2]). Сердоболь основанъ, вѣроятно, вскорѣ послѣ Столбовского мира и производилъ въ 17-мъ столѣтіи значительную торговлю съ Швеціею. Во время войны съ Карломъ XII онъ былъ разрушенъ и послѣ уже не достигалъ прежней степени важности. Однакожъ онъ и теперь составляетъ складочное мѣсто товаровъ для всей верхней Кареліи и ведетъ обширный торгъ съ Петербургомъ, откуда привозится сюда особенно большое количеству муки [3]). Ярмарка, въ старину бывавшая

[1]) Мимоходомъ стоитъ упомянуть, что въ нѣкоторыхъ старинныхъ актахъ, писанныхъ на русскомъ языкѣ, говорится о *Сордабольшемъ или Михальскомъ* погостѣ.

[2]) О происхожденіи этого названія есть преданіе, разсказанное Озерецковскимъ на стр. 53 — 54. *Lahti*, по-фински, значитъ *губа*. Что касается до названія Sortta Sordavala, то оно едва-ли не происходитъ отъ финскаго причастія *sortava — разсѣкающій:* дѣйствительно губа, о которой рѣчь идетъ, глубоко вдается въ твердую землю. Такой же заливъ и при Сердоболѣ. — Окончаніе *la* (въ Sordavala) означаетъ понятіе мѣста.

[3]) За провозъ чрезъ Ладожское озеро набавляется на куль по 50 коп. мѣдью.

и на Валаамскомъ островѣ [1]), нынѣ производится только въ Сердоболѣ. Жителей въ этомъ городѣ считается на лицо не болѣе 450 человѣкъ, хотя записано въ немъ до 700 [2]). Къ приходу здѣшней русской церкви принадлежитъ около восьми сотъ человѣкъ; большая часть этого числа состоитъ изъ финновъ окрестныхъ селеній.

Такъ какъ Сердоболь лежитъ довольно близко къ восточной границѣ Финляндіи, то русскій языкъ здѣсь болѣе извѣстенъ, нежели въ Кексгольмѣ; однакожъ прислуга въ обоихъ городахъ говоритъ почти исключительно по-карельски (это какая-то смѣсь русскихъ словъ съ финскими). На квартирѣ русскаго купца, гдѣ я приставалъ въ Кексгольмѣ, былъ мальчикъ-финнъ, знавшій и по-русски. Счетъ, который онъ подалъ мнѣ, стоило бы напечатать. Въ заглавіи дана мнѣ была совершенно новая фамилія, составленная изъ шведскаго названія чина моего: *Г-ну Стасорену*. Внизу страницы было особое заглавіе: *Тенчику*. На это загадочное слово потребовалъ я объясненія, и узналъ, что рѣчь идетъ о деньщикѣ, т. е. о моемъ кучерѣ, о которомъ далѣе съ особенною вѣжливостью сказано было: *Три расъ кушали*.

Сердобольская станція отличается порядкомъ и опрятностію. Ее содержитъ болѣе 20 лѣтъ русскій человѣкъ, теперь уже сѣдой старичекъ. Остановившись въ домѣ пастора, я однакожъ заходилъ и на станцію, гдѣ въ прошломъ году старикъ угощалъ меня *тайменемъ*, рыбой, привозимой сюда изъ Остроботніи [3]), доставляемой и въ Петербургъ. Теперь онъ стоялъ въ халатѣ передъ лѣстницей и украшалъ ее молодыми березками: это было наканунѣ нашего Троицына дня (въ Финляндіи этотъ день тогда уже былъ отпразднованъ по новому стилю).

Время не позволило мнѣ посѣтить Валаамскій монастырь, славный древностію и живописнымъ мѣстоположеніемъ. Любопытно было бы познакомиться короче съ Ладожскимъ озеромъ. Во время плаванія на немъ и съ береговъ, около Кексгольма, иногда на озерѣ видны бываютъ миражи, до такой степени явственные, что они не разъ приводили плавателей въ заблужденіе касательно мѣста, гдѣ въ то время находилось судно. Я старался узнать, какъ прибрежные жители называютъ это явленіе на русскомъ языкѣ. Кто-то сказывалъ мнѣ, что оно означается здѣсь словомъ *тѣнь;* но я не успѣлъ развѣдать о томъ хорошенько. Одинъ русскій человѣкъ на вопросъ по этому предмету отвѣчалъ коротко и ясно, что Богу одному можетъ быть извѣстно, какъ называются такія чудеса. — Странно, что Озерецковскій въ своемъ путешествіи ни слова не упоминаетъ о ладожскихъ миражахъ.

[1]) Это продолжалось до 1795 г. Описаніе Валаамской ярмарки, см. Озерецковскій, стр. 63.

[2]) 606 показано у Озерецковскаго, стр. 81.

[3]) Объ этой рыбѣ смотри ниже въ отдѣлѣ IV: *Поѣздка къ горѣ Авасаксѣ*.

Ладожское озеро долго не освобождается отъ льда совершенно [1]); отъ того весна въ лежащихъ при немъ городахъ начинается поздно. Даже и лѣтомъ бываетъ въ нихъ холодно, когда вѣтеръ дуетъ съ озера, и въ бурную погоду трудно обойтись на немъ безъ шубы, хотя на сушѣ тепло. Медленно нагрѣваясь, эта огромная масса воды не скоро и остываетъ при наступленіи зимы: когда на твердой землѣ уже бѣлѣется снѣгъ, на островахъ Ладожскаго озера еще пасется рогатый скотъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстамъ оно замерзаетъ не прежде февраля или марта.

Не могу оставить Сердоболя, не упомянувъ о гостепріимствѣ почтеннаго пробста Фабриціуса и г-на орднингсмана [2]) Нюгрена, у которыхъ я нашелъ удовольствіе дѣльной и непринужденной бесѣды посреди благовоспитаннаго семейства и многихъ образованныхъ гостей. Г. Нюгренъ уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ выучился русскому языку такъ, что свободно говоритъ на немъ.

3.

Нейшлотъ, 29-го мая.

Станція Рускеала — пустынныя дороги — нравы крестьянъ — Нейшлотская крѣпость — Гунгерсбергъ — городъ — Сайма — вывозъ масла — островъ Пунгахарью.

Въ 30-ти верстахъ къ сѣверу отъ Сердоболя, посреди живописной мѣстности, находится станція Рускеала, близъ которой производится ломка мрамора и устроены пильныя мельницы. Эта промышленность распространила здѣсь между финнами нѣкоторое знаніе русскаго языка; но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтны тутъ и неутѣшительные признаки испорченности нравовъ. Дороги, ведущія отсюда во внутренность края, къ Нейшлоту и къ Куопіо, такъ мало посѣщаются, что иногда болѣе недѣли ни одного имени не вносится въ станціонный журналъ. Появленіе порядочнаго экипажа составляетъ для крестьянъ достопамятное событіе, и они со всѣхъ сторонъ сбѣгаются смотрѣть на это диво. Случалось, что, когда я на станціи нѣсколько минутъ оставался въ общей пріемной комнатѣ, то изо всѣхъ дверей высовывались головы, которыя съ глупымъ любопытствомъ наблюдали малѣйшія мои движенія. Здѣшнія дороги уступаютъ въ исправности многимъ другимъ, отъ того, что бывшіе неурожайные годы требуютъ особеннаго попеченія о земледѣліи, и дорожная повинность не можетъ быть взыскиваема со всею строгостію. Станціи по большой части устроены не на самой столбовой дорогѣ, а въ сторонѣ, и иногда довольно далеко. Онѣ вообще

[1]) До Троицына дня, какъ говоритъ Озерецковскій.

[2]) Въ маленькихъ городахъ Финляндіи чиновникъ, такъ называющійся, замѣняетъ бургомистра, не пользуясь правомъ суда, принадлежащимъ послѣднему.

очень тѣсны и не представляютъ никакихъ удобствъ. За то и крестьяне здѣшніе такъ неизбалованы и безкорыстны, что обыкновенно не хотятъ брать съ проѣзжаго денегъ за ночлегъ и кое-какіе съѣстные припасы. Земское начальство внушаетъ имъ, между прочимъ, вѣжливость, и они до такой степени послушны, что безпрестанные поклоны ихъ на большой дорогѣ могутъ иногда быть даже въ тягость проѣзжему.

Нейшлотъ (по-фински Sawonlinna, а по-шведски въ старину Olofsborg)—маленькій городокъ, лежащій на двухъ островахъ, соединенныхъ мостомъ. Одинъ изъ нихъ занятъ крѣпостью съ высокими стѣнами и круглыми башнями. Она построена въ 1477 году тогдашнимъ губернаторомъ Финляндіи, шведскимъ полководцемъ Тоттомъ, вѣроятно для защищенія пролива, составляющаго единственный путь изъ сѣверной половины водъ Саймы въ южную. Нейшлотъ достался Россіи по Абоскому миру. Въ 1788 году шведы внезапно окружили эту крѣпость, и жители отрѣзаны были отъ воды. Не смотря на то, Нейшлотскій комендантъ, родомъ турокъ, не сдавался и принудилъ шведовъ отступить безъ успѣха. Впослѣдствіи, для предупрежденія недостатка воды въ случаѣ новой осады, прорытъ внутри крѣпости каналъ, который однакожъ теперь, какъ и вся она, приходитъ въ ветхость и не возобновляется [1]). Нѣкоторыя изъ внѣшнихъ укрѣпленій пристроены были Суворовымъ, когда Екатерина II, ожидая нападенія со стороны Швеціи, повелѣла ему привести въ безопасность финляндскую границу. Двѣ главныя башни называются *Кирхъ* и *Клокъ:* судя по этимъ именамъ, надобно полагать, что нѣкогда въ одной изъ нихъ помѣщалась церковь, а въ другой — колокольня. Впослѣдствіи первая не рѣдко служила мѣстомъ заключенія государственныхъ преступниковъ. На внѣшней поверхности башенъ были прежде желѣзныя четвероугольныя доски — вѣроятно гербы старинныхъ шведскихъ родовъ: одна изъ нихъ уцѣлѣла, и на ней, какъ увѣряютъ еще теперь довольно ясно можно разглядѣть рисунокъ герба. Въ стѣнахъ, сдѣланныхъ изъ дикаго камня, есть промежутки, выложенные кирпичемъ: по выломкѣ его въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оказались въ отверстіяхъ человѣческія кости съ цѣпями, — остатки несчастныхъ, когда-то заколоченныхъ заживо въ стѣну.

Внѣ крѣпости на городскомъ скалистомъ островѣ есть гора *Гунгерсбергъ,* такъ названная шведами въ память голода, какой они терпѣли во время безплодной осады Нейшлота. Бывъ въ шведское время довольно значительнымъ селеніемъ, этотъ городъ въ первое время по присоединеніи къ Россіи пришелъ въ упадокъ. Островъ, на которомъ онъ расположенъ, лѣтъ двадцать тому назадъ представлялъ только ничтожный форштатъ крѣпости. Жители помнятъ здѣсь мѣста, гдѣ

[1]) Всѣ мелкія укрѣпленія въ Финляндіи сданы гражданскому начальству.

лѣтъ за тринадцать предъ симъ стрѣляли зайцевъ; теперь эти мѣста застроены. Но городъ все-таки еще не далеко ушелъ: въ самомъ Нейшлотѣ нѣтъ даже церкви. Русская еще строится въ немъ вмѣсто бывшей прежде въ крѣпости. Лютеране, составляющіе самое многочисленное населеніе города, должны ходить къ обѣднѣ версты за четыре отсюда. Всѣхъ жителей здѣсь около 400. Между ними много отставныхъ чиновниковъ и вдовъ, живущихъ пенсіею. Шутя, объ этомъ городѣ можно сказать, что онъ опередилъ вѣкъ: въ немъ часы, по крайней мѣрѣ когда я тамъ былъ, шли цѣлымъ часомъ впередъ. Мнѣ сказали, что и всегда такъ бываетъ.

Въ Нейшлотѣ не болѣе четырехъ лавокъ. Муку выписываютъ купцы по большей части изъ Новой Ладоги или изъ Сердоболя. Прорытіе Сайминскаго канала, который уже начатъ, должно имѣть самое благопріятное вліяніе на торговлю этого города. Здѣсь будетъ центральный пунктъ обширнаго водяного сообщенія, потому что ни одно судно не можетъ миновать пролива Нейшлотскаго, плывя изъ верхней системы водъ Саймы [1]) въ южную, или обратно. И нынѣ уже окрестная страна составляетъ главное мѣсто вывоза товаровъ, особливо масла, въ Петербургъ. Одинъ изъ тамошнихъ крестьянъ, съ которымъ я ѣхалъ, разсказывалъ мнѣ, что онъ часто возитъ въ Питеръ масло: еще недавно продалъ онъ въ зеленныхъ лавкахъ у Каменнаго моста 100 пудовъ этого товара, по 3 цѣлковыхъ пудъ. Теперь возвращался онъ домой отъ пастора, у котораго хотѣлъ купить масла, но торгъ между ними не состоялся, потому что пасторъ требовалъ по 4 цѣлковыхъ за пудъ, а крестьянинъ не рѣшился дать ему этой цѣны.

Въ 20-ти верстахъ отъ Нейшлота, къ сторонѣ Выборга, есть замѣчательное мѣсто. Большая дорога пересѣкается озеромъ Саймою; между обоими берегами его лежитъ здѣсь узкій островъ [2]), длиною въ семь верстъ, отдѣляющійся отъ твердой земли двумя незначительными проливами и такимъ образомъ составляющій какъ-бы естественный мостъ. Проѣзжій переправляется черезъ проливъ, и дорога идетъ по острову, то высоко подымаясь надъ озеромъ, то спускаясь къ самой поверхности его. Съ крутой горы видишь у ногъ своихъ глубокую пропасть, со дна которой восходятъ огромныя, но тоненькія сосны. Берега острова представляютъ любопытную игру природы: мѣстами видны съ обѣихъ сторонъ симметрически образованные мысы и заливы; выступамъ и углубленіямъ одного берега соотвѣтствуютъ подобные же

[1]) Озеро Сайма есть главное звено огромной водяной системы, которая отъ Ладожскаго озера простирается непрерывно до сѣверныхъ предѣловъ Саволакса и Кареліи, занимая въ длину отъ 500 до 600 верстъ. Имя *сайма*, по всей вѣроятности, одного происхожденія съ названіемъ лодокъ *соймъ*, употребляемыхъ около Кексгольма и вообще по берегамъ Ладожскаго озера.

[2]) Точнѣе говоря, два острова, соединенные мостомъ.

на другомъ. Недавно этотъ островъ обратилъ на себя вниманіе правительства и купленъ казною; на каждомъ концѣ его стоитъ сторожъ и строится гостиница для проѣзжихъ. Переправа чрезъ оба пролива не всегда бываетъ безопасна, и при неблагопріятномъ вѣтрѣ проѣзжему иногда приходится ждать здѣсь довольно долго. Имя острова — Pungaharju (ф. Свиной хребетъ).

Отдѣлъ II.

Отъ Нейшлота до Куопіо.

4.

Станція Рандасало, въ 44 верстахъ отъ Нейшлота по дорогѣ къ Куопіо, 29-го мая.

Русская станція — церковь — духовное управленіе Финляндіи — двѣ епархіи — домкапитулъ — епископъ — приходы — пастораты — пасторы и капланы — пробсты — доходы пасторовъ — пасторскіе адъюнкты — степень образованности духовнаго сословія — домашній бытъ пасторовъ.

Большое число строеній на дворѣ возвѣстило мнѣ здѣсь хорошее пристанище: просторныя и порядочно убранныя комнаты въ главномъ домѣ превзошли мои ожиданія. Я увидѣлъ тутъ даже апельсинное дерево. Къ удивленію моему услышалъ я, что станцію содержитъ русскій, —купецъ Кононовъ. Онъ остался въ Финляндіи со времени похода 1808 года, когда попалъ сюда 13-ти-лѣтнимъ мальчикомъ, вѣроятно въ услуженіи какого-нибудь маркитанта. По окончаніи войны въ этомъ краю поселились многіе изъ русскихъ, сопровождавшихъ армію, и занялись торговлею. Любопытная или любознательная старушка-шведка, которая стлала мнѣ постель, всячески старалась вывѣдать все, что до меня касалось. На другое утро она загладила свою докучливость, приготовивъ мнѣ вкусный завтракъ изъ малосольнаго судака и тоненькихъ шведскихъ блинковъ (шв. plättar).

Вблизи отъ этой станціи находится церковь прихода Рандасальми [1]). Тутъ живетъ пробстъ Альгольмъ, у котораго я въ прошломъ году обѣдалъ вмѣстѣ съ епископомъ посреди всего, что свидѣтельствуетъ о довольствѣ и комфортѣ. Такъ какъ мнѣ еще не разъ придется говорить о пасторахъ и ихъ домахъ, то здѣсь кстати будетъ распространиться о нѣкоторыхъ чертахъ быта и круга дѣйствій духовнаго сословія въ Финляндіи.

Въ отношеніи къ церковному управленію этотъ край раздѣляется

[1]) По-фински *ранда* (ranta, шв. strand) значитъ *берегъ*; *сальми* — *проливъ*; въ названіи станціи *сало* значитъ лѣсъ.

на двѣ епархіи: на Абоское архіепископство и на Боргоское епископство. Въ шведское время главою Абоской епархіи былъ также епископъ, но императоръ Александръ, лѣтъ черезъ восемь по присоединеніи Финляндіи къ Россіи, возвелъ тогдашняго начальника этой епархіи, епископа Тенгстрема, въ званіе архіепископа. Титулъ этотъ сохраняютъ и преемники его. При каждомъ изъ двухъ епархіальныхъ начальниковъ находится духовный совѣтъ, такъ называемый *Домкапитулъ* или *Духовная консисторія*, гдѣ, подъ его предсѣдательствомъ, членами состоятъ лектора гимназій Абоской и Боргоской. Кромѣ дѣлъ церкви, духовному начальству подлежитъ и все училищное вѣдомство. Каждый годъ епархіальный глава либо самъ объѣзжаетъ свою половину края, либо посылаетъ кого-нибудь изъ старшихъ по немъ для осмотра ввѣренныхъ ему частей управленія. Проѣздъ епископа составляетъ важное событіе для народа, который изстари смотритъ на него съ благоговѣніемъ и принимаетъ его съ особеннымъ почетомъ. „Недавно проѣзжалъ здѣсь *писпа* (ф. епископъ)", или „скоро проѣдетъ писпа", разсказываетъ подводчикъ сѣдоку своему. Присутствуя на годичномъ экзаменѣ въ гимназіи или въ элементарномъ училищѣ, епископъ по окончаніи его произноситъ торжественную рѣчь ученикамъ и наставникамъ. По дорогѣ онъ заѣзжаетъ къ пасторамъ, которые на этотъ достопамятный случай сберегаютъ лучшія свои хозяйственныя сокровища и истощаютъ всѣ способы для угощенія достойнымъ образомъ своего начальника. Уваженіе, оказываемое званію его, такъ велико, что пасторы даже у себя дома обыкновенно стоятъ, когда онъ сидя разговариваетъ съ ними.

Каждая епархія раздѣлена на множество приходовъ (кирхшпилей) [1]) различной величины. Въ нѣкоторыхъ, по обширности ихъ, недостаточно одного сборнаго мѣста для богослуженія: тогда отъ главной церкви (шв. moderkyrka) отдѣляется одинъ или нѣсколько округовъ, которые, каждый съ своею церковью, называются капеллами. Округъ главной церкви и зависящихъ отъ нея второстепенныхъ составляетъ пасторатъ и находится въ вѣдѣніи пастора, а капеллами, подъ его надзоромъ, управляютъ капланы [2]). Назначеніе пасторовъ къ нѣкоторымъ церквамъ требуетъ Высочайшаго утвержденія; такіе пастораты называются *императорскими* (въ старину были регальными). Отъ нихъ отличаются *консисторіальные*, въ которыхъ пасторскія ваканціи замѣщаются, по предложенію консисторіи, самимъ приходомъ. Конси-

[1]) По-шведски *församling* или *soken*. Послѣднее названіе, впрочемъ, означаетъ собственно округъ, подвѣдомственный каждому ленсману (сельскому чиновнику); но такъ какъ округъ церкви почти всегда совпадаетъ съ округомъ ленсмана, то слово *soken* употребляется и для означенія кирхшпилей.

[2]) Впрочемъ и при большей части главныхъ церквей находятся капланы, обязанные помогать пастору въ исполненіи его должности.

сторія, изъ числа соискателей, назначаетъ трехъ кандидатовъ. Всѣ трое отправляются въ вакантный пасторатъ и въ тамошней церкви три воскресенья сряду произносятъ по очереди пробную проповѣдь. Въ третье послѣ того воскресенье, по окончаніи службы, прихожане избираютъ большинствомъ голосовъ одного изъ кандидатовъ. Право подачи голоса принадлежитъ всякому, владѣющему землей или заводомъ. Для опредѣленія пастора въ императорскій пасторатъ консисторія также назначаетъ трехъ кандидатовъ, изъ которыхъ приходъ такимъ же порядкомъ, какъ было описано, избираетъ одного; но окончательный выборъ между ними производится по Высочайшему благоусмотрѣнію.

Нѣсколько пасторовъ вмѣстѣ состоятъ подъ вѣдѣніемъ такъ называемаго контрактсъ-пробста, который избирается самими пасторами и утверждается консисторіею. Что касается до званія *пробста*, то это — почетный титулъ, который епископъ предоставляетъ достойнѣйшимъ членамъ сословія. Нѣмецкое слово *пробстъ* (по-шведски prost) происходитъ отъ латинскаго *praepositus*.

Какъ по пространству земли, такъ и по числу прихожанъ, пастораты очень неравны, а отъ этихъ условій зависятъ и бо́льшіе или меньшіе доходы пастора, который содержится своею паствою. Онъ получаетъ съ прихожанъ, соразмѣрно съ собственностію каждаго, опредѣленное количество сельскихъ произведеній въ натурѣ, какъ-то: ржи, ячменю, мяса, масла и т. п. Кто добровольно не вноситъ должнаго, съ того оно можетъ быть взыскано сельскими властями. Степень строгости пастора въ истребованіи слѣдующаго ему зависитъ отъ образа мыслей и воли каждаго. Разумѣется, что въ неурожайные годы, какіе въ послѣднее время были такъ обыкновенны, доходы пастора значительно уменьшаются, не только отъ недоимокъ, остающихся за крестьянами, но и отъ вспоможеній, въ которыхъ ему трудно отказывать бѣднѣйшимъ изъ прихожанъ [1]). Въ городахъ производятся въ пользу пастора особенные денежные сборы, но такъ какъ сумма, такимъ образомъ составляющаяся, незначительна, то городской приходъ обыкновенно бываетъ соединенъ съ ближайшимъ сельскимъ.

Пастораты, по степени обширности ихъ и по количеству доставляемыхъ ими доходовъ, раздѣляются на три класса. Между первостепенными есть такіе, которые вносятъ отъ 12-ти до 14-ти тысячъ руб. ассигнаціями ежегодно. Со многихъ пасторатовъ получается двѣ тысячи руб. серебромъ; съ другихъ только одна тысяча и даже менѣе.

[1]) Такъ и здѣсь въ Рандасальми 6 лѣтъ сряду не было урожая, и хотя казна не щадила вспомоществованій народу, доходы пастора, обыкновенно простирающіеся до двухъ тысячъ руб. сер., не могли не уменьшиться замѣтно.

Доходный пасторатъ составляетъ высшій предметъ стремленія множества молодыхъ людей, посвящающихъ себя духовному званію. Въ самомъ дѣлѣ, положеніе человѣка, достигшаго этой цѣли, можетъ возбуждать зависть. Вдали отъ городскихъ тревогъ, пользуясь властью и вѣсомъ въ своемъ кругѣ дѣйствія, окруженный всѣми пріятностями независимаго существованія, семейной жизни и сельскаго быта, пасторъ проводитъ дни свои въ покоѣ, въ довольствѣ, часто даже въ изобиліи. Въ старости, когда исполненіе трудныхъ обязанностей ему уже не по силамъ, онъ беретъ *адъюнкта*, — молодого человѣка, который, самъ готовясь въ пасторы, охотно принимаетъ на себя большую часть заботъ будущаго своего званія. Въ вознагражденіе за труды свои онъ получаетъ, изъ собственныхъ доходовъ пастора, рублей 200, 300 ассигнаціями и кромѣ того живетъ у него на всемъ готовомъ, садится за его трапезу и вообще находится въ домѣ его, какъ членъ семейства. Въ нѣкоторыхъ пасторатахъ завѣдывающіе ими должны по постановленію имѣть адъюнкта или даже двоихъ.

Что касается до образованности финляндскихъ пасторовъ, то они до сихъ поръ, вообще говоря, не могутъ похвалиться основательнымъ богословскимъ воспитаніемъ. Посвящающіе себя этому званію обыкновенно учатся сперва въ гимназіи; потомъ, выдержавъ въ университетѣ экзаменъ, поступаютъ въ учрежденную при немъ семинарію, откуда, не пріобрѣтя ученой степени, выходятъ для пріисканія себѣ мѣста; наконецъ судьбу ихъ рѣшаетъ испытаніе со стороны домкапитула въ одной изъ епархій. При такомъ порядкѣ вещей финляндскіе пасторы, въ отношеніи къ образованности вообще и къ богословской въ особенности, не могли заслужить слишкомъ выгоднаго о себѣ мнѣнія. Въ послѣднее время приняты мѣры къ улучшенію этой части общественнаго воспитанія, и отъ нихъ надобно ожидать самыхъ благопріятныхъ послѣдствій.

Всякій пасторъ и всякій капланъ живетъ недалеко отъ церкви, въ особомъ домѣ, построенномъ на счетъ прихода. Домъ этотъ съ принадлежащими къ нему строеніями составляетъ такъ называемый *пасторскій дворъ, пасторскую усадьбу* (шв. prestgård), или, употребляя финское слово, *паппилу* (отъ pappi, священникъ). Къ этому двору всегда бываютъ приписаны еще особыя угодья, иногда значительныя: всякій пасторъ есть, слѣдовательно, и помѣщикъ; часть земли своей онъ, по примѣру другихъ владѣльцевъ, не рѣдко отдаетъ крестьянамъ на откупъ.

Войдя въ домъ пастора, вы обыкновенно находите нѣсколько просторныхъ, свѣтлыхъ комнатъ и неприхотливую, но удобную мебель, по большей части сдѣланную изъ простого дерева и выкрашенную бѣлой и черной краской. Изъ сѣней почти всегда одна дверь ведетъ въ залу, которая служитъ и столовою, а другая — въ кабинетъ, кото-

рый, для удобства въ пріемѣ приходящихъ крестьянъ, долженъ быть крайнимъ покоемъ. Въ гостиной вы часто замѣтите, противъ дивана, узенькую кровать, покрытую перинами и шелковымъ одѣяломъ и въ случаѣ надобности раздвигающуюся. Эта постель назначена для пріѣзжихъ. Между финляндскими пасторами гостепріимство искони составляетъ родъ гражданской обязанности или общественной повинности. Въ какую бы глушь вы ни заѣхали, никогда въ пасторскомъ домѣ вы не застанете хозяйки врасплохъ: кладовая ея — неизсякаемый источникъ вкусныхъ и здоровыхъ блюдъ, которыя она съ непритворнымъ радушіемъ предложитъ вамъ. Если вы пріѣдете подъ вечеръ, вамъ никакъ не дадутъ лечь спать безъ обильнаго ужина, состоящаго изъ рыбы, мяса, молока, шоколаду, пирожнаго или т. п. Если пріѣдете пораньше, опрятно одѣтая служанка поднесетъ вамъ и чаю. По утру, едва вы проснетесь, она является къ вамъ съ кофеемъ, который почти всѣ пьютъ въ постелѣ. Часовъ въ девять или раньше васъ призываютъ къ завтраку. Столъ опять покрытъ всякою всячиной. Передъ буфетнымъ шкапомъ на опускной дверцѣ, или на особомъ столикѣ стоитъ водка. Хозяинъ, наливъ ея въ рюмки, часто самъ подходитъ къ вамъ съ подносомъ и потчуетъ. Мѣстами встрѣчается еще старинный обычай, что возлѣ графина съ водкой стоитъ скляночка съ желудочными *каплями*, которыхъ нѣсколько подливается въ водку. Потомъ, сложивъ руки и помолившись, садятся за столъ. Если у пастора есть взрослая или подрастающая дочь, то она въ продолженіе стола нѣсколько разъ встаетъ и подноситъ гостю то соль, то какое-нибудь блюдо. Иногда она, совсѣмъ не садясь, служитъ все время и разноситъ кушанья. Изрѣдка встаетъ сама хозяйка и подаетъ что-нибудь гостю, желая показать особенное къ нему вниманіе. Вотъ патріархальные нравы, сохраняющіеся преимущественно въ сѣверной Финляндіи. За обѣдомъ и за ужиномъ соблюдается то же, что и за завтракомъ. Вскорѣ послѣ обѣда всегда подается кофе и всегда его разноситъ служанка, за первою чашкой предлагая вторую и третью. Крѣпкіе напитки въ большомъ употребленіи. Между обѣдомъ и ужиномъ васъ угощаютъ, кромѣ чаю, виномъ, пуншемъ или *тодди* (смѣсью изъ кипятку и рому или коньяку), при чемъ и хозяинъ и посторонніе пьютъ ваше здоровье. Если вы посѣтите пастора передъ обѣдомъ, то также явится на столѣ подносъ съ бутылкой и рюмками, предвѣстникъ тостовъ, которые васъ ожидаютъ.

5.

Станція Хяуриля (Häyrilä), 29-го мая.

Жилище короннаго фохта — нужда въ Іоройскомъ приходѣ — мѣры правительства — нравы крестьянъ — водочные адвокаты.

Противъ станціи за рѣчкой и водопадомъ, на возвышенномъ берегу стоитъ привѣтливый желтый домикъ съ садомъ. Здѣсь живетъ корон-

ный фохтъ, сельскій чиновникъ, котораго обязанность заключается, между прочимъ, во взысканіи податей и повинностей. Недалеко отсюда церковь и пасторскій домъ незначительнаго прихода Іоройсъ (въ немъ около 5600 человѣкъ); а между станціею и церковью кузница,—очень кстати, потому что колеса экипажа моего требуютъ небольшой починки. Это обстоятельство заставило меня расположиться здѣсь на станціи. Отправясь погулять по живописной окрестности, встрѣтилъ я Іоройскаго пробста и коронаго фохта, которые по любезности своей шли навѣстить меня. Присоединившись къ нимъ, посѣтилъ я прежде г-на С., а потомъ пастора. Внутренность домика надъ водопадомъ соотвѣтствовала его привлекательной наружности: все тутъ обнаруживало довольство и образованность. Я услышалъ, что и въ этомъ приходѣ неурожайные годы повлекли за собою нужду, для облегченія которой учреждены *вспомогательныя работы* (шв. undsättningsarbeten) по устройству дорогъ. Такимъ образомъ въ фохтствѣ (уѣздѣ) до 1800 человѣкъ, получающихъ пропитаніе отъ казны. Они, по мѣрѣ трудовъ своихъ, раздѣлены на три разряда, изъ которыхъ принадлежащіе къ первому получаютъ въ день по 3 фунта хлѣба и по 3 лота соли; 2 фунта и 2 лота составляютъ порцію третьяго класса, а второй занимаетъ между обоими середину ($2^1/_2$ и $2^1/_2$). Въ такомъ положеніи дѣлъ на податномъ сословіи лежитъ значительная недоимка, и для возмѣщенія ея недостаточно будетъ одного хорошаго года. Къ этому злу присоединяется еще другое: крестьяне занимаются ябедничествомъ и безпрестаннно заводятъ между собой тяжбы, которыя часто оканчиваются опискою имущества у бѣднѣйшихъ. Такихъ процессовъ, съ начала года до времени моего проѣзда (начала іюня по н. с.) было въ здѣшнемъ фохтствѣ уже до 600. Подобная страсть къ тяжбамъ между крестьянами не рѣдкость въ Финляндіи. Есть особенный классъ сельскихъ подъячихъ,—людей, которые за рюмку водки готовы всякому написать самое каверзное прошеніе въ судъ, и потому очень характеристически называются на шведскомъ языкѣ *водочными подъячими* (шв. brännwins-adwokater). Народъ здѣшній вообще лѣнивъ и непромышленъ, о чемъ свидѣтельствуютъ, между прочимъ, разбросанные по полямъ каменья, которые давно бы уже могли быть собраны не безъ пользы для земледѣлія и послужить къ устройству изгородей, столько же удобныхъ, какъ и прочныхъ. Для развитія промышленнаго духа въ народѣ, казна покупаетъ приготовляемую здѣшними крестьянами деревянную посуду и продаетъ ее съ публичнаго торга.

Іоройскій пасторъ, при скудныхъ доходахъ, обремененъ многочисленнымъ семействомъ. Въ его паппилѣ не видно признаковъ избытка; но и въ этомъ скромномъ жилищѣ проѣзжій находитъ трогательное гостепріимство. Послѣ вкуснаго сельскаго ужина добрый пробстъ проводилъ меня довольно далеко отъ дому своего; я продолжалъ дорогу съ коронымъ фохтомъ и близъ станціи пожелалъ ему покойной ночи.

6.

Станція Генрикснэсъ, близъ Куопіо, 30-го мая.

Почтовая контора — заводъ Варкаусъ.

Изъ Іоройса выѣхалъ я сегодня утромъ. По дорогѣ увидѣлъ я вскорѣ строеніе почтовой конторы, которая, не принося казнѣ доходу, стоитъ ей ежегодно до 600 руб. ассигн. Потомъ, между станціями Катисенлаксъ и Тукіансало, проѣхалъ я мимо желѣзнаго завода *Вáркаусъ,* съ которымъ соединены литейная мастерская и пильная мельница. Время не позволило мнѣ хорошенько заняться осмотромъ этихъ заведеній. Мимо станціи, гдѣ теперь нахожусь, по рѣкѣ сплавляются въ Варкаусъ бревна. Этотъ заводъ лежитъ при проливѣ того же имени, соединяющемъ воды Сайминской озерной системы и образующемъ стремительный водопадъ, для обхода котораго прорытъ каналъ.

7.

Куопіо, 2-го іюня.

Городъ — величайшій приходъ протестантскаго міра — дороговизна — промышленность — положеніе Куопіо — заведенія — газета Сайма и ея редакторъ.

Около 10 часовъ вечера увидѣлъ я бѣлую колокольню Куопіоской церкви. Послѣ Кексгольма, Сердоболя и Нейшлота, этотъ городъ кажется довольно значительнымъ. Въ немъ около 2.300 жителей. Онъ возникъ въ 1776 году и до сихъ поръ составляетъ единственный городъ обширной губерніи, въ которой народу болѣе 177-ти тысячъ человѣкъ. Для этого населенія существуютъ четыре церкви: одна главная въ самомъ Куопіо и три капеллы. Приходъ первой заключаетъ въ себѣ около 26-ти тысячъ человѣкъ городскихъ и сельскихъ обывателей: такимъ образомъ это самый многочисленный приходъ въ цѣломъ протестантскомъ мірѣ [1]).

Куопіоскіе жители жалуются на дороговизну съѣстныхъ припасовъ и приписываютъ ее тому, что крестьяне увозятъ множество дичи, масла и т. п. въ Петербургъ, гдѣ сбываютъ свой товаръ гораздо выгоднѣе, нежели могли бы продать его здѣсь. Они ѣздятъ даже въ Остроботнію и тамъ закупаютъ припасы для вывоза ихъ въ Петербургъ. За квартиры въ Куопіо также платится довольно дорого: это частію происходитъ отъ того, что многихъ помѣщеній не отдаютъ внаймы на годъ, расчитывая, что ихъ займутъ купцы во время двухъ бывающихъ здѣсь значительныхъ ярмарокъ. Постоянныхъ лавокъ въ Куопіо до 15 — число довольно значительное; за то нерѣдко случается и

[1]) См. Sundlers Geogr. Lexicon.

банкрутство. Крестьяне окрестныхъ мѣстъ вообще не отличаются промышленнымъ духомъ; особенно распространенъ здѣсь торгъ лошадьми, которыми славится этотъ край: много ихъ уводится и въ Петербургъ.

Около Куопіо большое число пильныхъ мельницъ. Сплаву досокъ, на нихъ приготовляемыхъ, благопріятствуетъ множество водъ, окружающихъ Куопіо. Онъ лежитъ у озера *Каллавеси*, состоящаго въ связи съ Саймой, и если ѣдешь въ этотъ городъ изъ Кареліи или съ сѣвера, то необходимо переправиться на паромѣ черезъ широкій проливъ (шв. Toiwola-pass), составляющій цѣлую станцію въ пять верстъ. Куопіо находится почти въ равномъ разстояніи (450—500 в.) отъ Гельсингфорса, отъ Торнео и отъ Петербурга, и слѣдовательно составляетъ какъ-бы центръ окружности, которую можно бы мысленно провести черезъ эти пункты. Изъ нихъ два послѣдніе совпадаютъ съ оконечностями Ботническаго и Финскаго заливовъ; Куопіо лежитъ на серединѣ пути изъ Петербурга въ Торнео.

Въ Куопіо есть гимназія и высшее элементарное училище, книжная лавка и типографія. Здѣсь издаются двѣ газеты: одна на шведскомъ языкѣ, другая, для простого народа, на финскомъ. Первая, подъ заглавіемъ *Сайма*, читается едва-ли не болѣе всѣхъ другихъ финляндскихъ газетъ, имѣя сотъ восемь подписчиковъ. Редакторъ ея, г-нъ Снельманъ, ректоръ здѣшняго училища, — писатель съ большимъ талантомъ; онъ не только въ Финляндіи, но и за границею пріобрѣлъ извѣстность въ разныхъ родахъ литературы. Въ особенную заслугу вмѣняется ему благотворная перемѣна, какую онъ произвелъ въ Куопіоскомъ училищѣ бдительностію своего надзора и введеніемъ строгой дисциплины. Въ немногіе годы онъ умѣлъ такъ улучшить духъ своихъ учениковъ, что теперь, при отличномъ порядкѣ въ училищѣ, наказанія составляютъ тамъ почти исключеніе.

8.

Куопіо, 4-го іюня.

Илья Ивановичъ Ленротъ — слѣды войны въ Куопіо — финская національная литература.

За нѣсколько дней до меня прибылъ сюда извѣстный финскій филологъ и литераторъ, докторъ медицины Илья Ивановичъ Ленротъ. Онъ живетъ въ 180 верстахъ отсюда, въ Каянѣ, маленькомъ городкѣ сѣверной Финляндіи, и нынѣ занимается преимущественно составленіемъ подробраго финскаго словаря. Еще въ прошломъ году мы согласились съѣздить когда-нибудь вмѣстѣ въ Торнео, чтобы посмотрѣть на беззакатное солнце, и для этого назначили свиданіе въ Куопіо.

Изъѣздивъ и исходивъ свою родину въ разныхъ направленіяхъ, и потому будучи какъ дома почти въ каждомъ финляндскомъ селеніи, добрый Илья Ивановичъ познакомилъ меня со многими изъ жителей Куопіо, и благодаря ихъ любезности я здѣсь провелъ нѣсколько дней очень пріятно. Между прочимъ былъ я на крестинахъ у купца Р., въ молодости посѣщавшаго Дерптскій университетъ. Онъ родился во время послѣдней войны, когда городъ былъ занятъ русскими. Родители его жили въ томъ же домѣ, который и теперь принадлежитъ ему и гдѣ онъ живетъ съ семействомъ. Наши съ кровель тревожили горожанъ и стрѣляли въ ихъ домы. Мнѣ показывали окно, близъ котораго лежала тогда мать хозяина; оно было заложено досками, но и сквозь нихъ пули иногда влетали въ комнату.

Ленротъ остановился тамъ же, гдѣ и я, — въ станціонной гостиницѣ, содержимой честно и исправно, даже съ нѣкоторою роскошью. Хозяинъ ея, кондитеръ Викъ, построилъ недавно пароходъ, который по водамъ Саймы ходитъ въ Нейшлотъ и Вильманстрандъ за мукою и другими товарами [1]).

Вчера встрѣтили мы на нашемъ дворѣ студента Альквиста изъ Гельсингфорса. Онъ ѣдетъ въ Карелію собирать народныя финскія пѣсни [2]). Съ недавняго времени этотъ предметъ очень занимаетъ многихъ молодыхъ финляндцевъ. Вообще обработываніе родного языка, приведеніе въ извѣстность старинныхъ памятниковъ національной поэзіи, изданіе книгъ для простолюдиновъ сдѣлалось господствующею идеею современной литературы здѣшняго края. Докторъ Ленротъ первый совершилъ на этомъ поприщѣ труды большого объема. Примѣръ поданъ былъ еще въ исходѣ прошлаго столѣтія, особенно славнымъ Портаномъ, профессоромъ въ Або. Но никто еще не дѣйствовалъ для этой цѣли съ такою исключительною любовью, съ такимъ неутомимымъ постоянствомъ и самоотверженіемъ, какъ Ленротъ. Средства къ исполненію и изданію трудовъ его были доставляемы ему, по большей части, Финскимъ Литературнымъ обществомъ, учрежденнымъ въ Гельсингфорсѣ.

Лишенія и трудности, которымъ онъ на каждомъ шагу подвергался во время своихъ пѣшеходныхъ странствованій, оставили на немъ рѣзкій отпечатокъ. Нельзя вообразить себѣ никого скромнѣе его, простосердечнѣе, равнодушнѣе къ удобствамъ и пріятностямъ жизни, безпечнѣе о самомъ себѣ. По его лицу и всей наружности уже легко узнать человѣка, не изнѣженнаго прихотями утонченнаго

[1]) Теперь гостиница уже перешла въ другія руки.

[2]) Изъ всѣхъ частей Финляндіи самая богатая народными пѣснями и преданіями есть та, которая прилегаетъ къ Олонецкой губерніи. Смежныя съ границею селенія, даже и на русской сторонѣ, представляютъ неисчерпаемый источникъ новыхъ открытій для любителей старинной финской поэзіи.

городского быта. Надобно прибавить, что онъ самъ происходитъ изъ крестьянскаго сословія. Это обстоятельство, многозначущее для его дѣятельности, очень важно и при оцѣнкѣ всей особы его.

Отдѣлъ III.

Отъ Куопіо до Торнео.

9.

Иденсальми, въ 90 верстахъ къ сѣверу отъ Куопіо, 6-го іюня.

Докторъ Фростерусъ — учительская вечеринка — переправа черезъ проливъ — гейматъ Палойсъ — дымокуры — непривычный свѣтъ — памятникъ князю Долгорукому — воспоминаніе изъ финляндской войны 1808 года — анекдотъ о Кульневѣ — пріязнь русскихъ офицеровъ съ финляндскими — воспоминаніе старухи.

Иденсальми есть одинъ изъ самыхъ значительныхъ и богатыхъ пасторатовъ Финляндіи. Здѣшній пасторъ, докторъ и пробстъ Фростерусъ, исправляетъ должность инспектора учебныхъ заведеній въ Куопіо. Вмѣстѣ съ нимъ я присутствовалъ тамъ на годичномъ экзаменѣ въ гимназіи и въ высшемъ элементарномъ училищѣ. Послѣ испытаній, занявшихъ два утра, преподаватели обоихъ заведеній во второй день пригласили доктора Фростеруса и меня провести съ ними вечеръ за городомъ. Мѣстомъ собранія назначена была станція Келлоніеми, верстахъ въ 4-хъ отъ Куопіо. Она лежитъ на берегу озера у переправы черезъ проливъ Тòйволу (шв. Toiwola-pass). Въ стѣнѣ этого дома еще ясно видны мѣста, прострѣленныя пулями, которыя въ послѣднюю войну летали съ озера.

Ленротъ былъ также приглашенъ на училищную вечеринку, гдѣ веселые разговоры смѣнялись чоканіемъ рюмокъ и прелестными пѣснями. Она кончилась послѣ полуночи, когда докторъ Фростерусъ, при громкихъ *ура* всего провожавшаго его собранія, сѣлъ на паромъ для переправы черезъ проливъ и отъѣзда въ свой пасторатъ; послѣ него и мы, остальные гости, поспѣшили отправиться въ городъ.

Слѣдующій день, т. е. вчера, назначили мы для отъѣзда въ Торнео. Путь намъ лежалъ черезъ Иденсальми, и мы обѣщали гостепріимному пробсту заѣхать къ нему на па́ппилу [1]). Часу въ 11-мъ утра были мы опять у знакомой переправы. Кромѣ насъ и нашего экипажа съ лошадьми, помѣстились на паромѣ еще двое пассажировъ, дама и кавалеръ, ихъ одноколка и лошадь; подводчики и гребцы дополняли наше маленькое общество. Въ одно время съ нами, но въ

[1]) Пасторская мыза: см. *Рандасало*, стр. 354.

другую сторону, отправился на меньшемъ паромѣ какой-то пасторъ, ѣхавшій въ одноколкѣ. Черезъ часъ съ небольшимъ были мы на противоположномъ берегу; намъ опять запрягли лошадей, и мы пустились далѣе. По совѣту знакомыхъ въ Куопіо, мы, поднявшись на вершину горы, по обѣ стороны которой въ 1808 году стояли войска сражавшихся, оглянулись назадъ, и намъ открылся одинъ изъ тѣхъ обширныхъ и величавыхъ видовъ, какими путешествующій по Финляндіи часто имѣетъ случай наслаждаться.

Послѣ этой горы намъ предстояло уже очень мало значительныхъ возвышеній на пути и, начиная отъ станціи Пэлья (Pölјä), мы ѣхали почти по совершенно ровной поверхности. Такова же вообще будетъ дорога до самаго Торнео. Верстахъ въ восьми не доѣзжая церкви Иденсальми, виденъ въ сторонѣ крестьянскій *геймать* [1]) при рѣкѣ Па́лойсъ, впадающей въ озеро того же имени. Близъ этого мѣста было уже сраженіе съ шведами. Русское правительство имѣло въ виду построить здѣсь крѣпость и для того купило нѣсколько гейматовъ, къ числу которыхъ принадлежитъ и упомянутый [2]).

Солнце только-что сѣло, когда мы приближались къ Иденсальми. Мѣстами, по обѣ стороны дороги, съ поля подымался дымъ (ф. savu) изъ тлѣвшихъ кучъ валежника, земли и мху, а вокругъ этихъ *дымокуровъ* (какъ зовутъ ихъ въ Сибири) коровы и телята искали убѣжища отъ докучныхъ комаровъ. Здѣсь обычай раскладывать такіе огни имѣетъ еще особаго рода значеніе. Въ Сѣверной Финляндіи, гдѣ лѣсу мало, почти не водится волковъ, а потому нѣтъ надобности и въ пастухахъ. Скотъ пасется одинъ въ разсыпную. Почти съ самаго рожденія пріученный къ вечернему дыму, онъ въ опредѣленное время всегда чувствуетъ въ немъ потребность и на ночь съ разныхъ сторонъ собирается въ одно мѣсто.

Было совершенно свѣтло. Вокругъ гейматовъ и торповъ шевелились люди, съ любопытствомъ глядѣвшіе на проѣзжавшій экипажъ. Наконецъ мы въѣхали въ длинную и широкую березовую аллею, которая ведетъ къ воротамъ пасторскаго дома. Я посмотрѣлъ на часы: къ удивленію моему было уже одиннадцать. По мѣрѣ приближенія къ полярнымъ странамъ, болѣе и болѣе исчезаетъ разница между

[1]) Извѣстно, что въ Финляндіи крестьяне по большой части владѣютъ землею. Принадлежащее одному семейству имѣніе со всѣмъ, что входитъ въ составъ его, называется *ге́йматомъ*. Иногда, когда требуютъ обстоятельства, часть такого владѣнія отдѣляется въ видѣ особаго геймата, для одного изъ членовъ семейства, которому оно принадлежитъ. Участокъ земли, предоставляемый постороннему крестьянину въ пользованіе за нѣкоторую плату или подъ условіемъ извѣстныхъ работъ, называется *то́рпомъ*, а самъ поселившійся на немъ — *то́рпаремъ*.

[2]) Какъ слышно, этотъ гейматъ недавно обращенъ въ собственность финляндскаго правительства.

днемъ и ночью; но путешественникъ не легко оставляетъ привычку судить о времени по свѣту.

Близъ здѣшней церкви есть историческій памятникъ, драгоцѣнный для каждаго русскаго. Послѣ утренняго кофею и сытнаго завтрака, мы вмѣстѣ съ любезнымъ хозяиномъ и его адъюнктомъ пошли взглянуть на эту примѣчательность. На берегу озера мы сѣли въ маленькую лодку, и вскорѣ ясно увидѣли на той же сторонѣ, откуда отправились, довольно высокій деревянный обелискъ сѣраго цвѣта. Когда мы вышли изъ лодки и приблизились къ монументу, я прочелъ на немъ надпись:

Здѣсь
15 Октября 1808
въ сраженіи съ Шведами
убитъ
храбрый Россійско-Императорскій
Генералъ-Адъютантъ
Князь Михаилъ Петровичъ Долгорукій.
Почитатели его возобновили
сей памятникъ 1828 г.

Передъ обелискомъ, въ нѣкоторомъ отъ него разстояніи, видна въ песчаномъ грунтѣ яма — настоящее мѣсто паденія князя Долгорукаго. Этотъ молодой генералъ, пользовавшійся особенною довѣренностію Государя, незадолго передъ тѣмъ присланъ былъ на театръ войны и еще не участвовалъ ни въ одномъ значительномъ дѣлѣ. Наканунѣ былъ послѣдній день довольно продолжительнаго перемирія. Въ полдень оно должно было кончиться. Пылкій герой, командуя авангардомъ Тучкова, держалъ часы въ рукахъ и съ нетерпѣніемъ считалъ минуты, остававшіяся до начала сраженія. Наконецъ оно завязалось. Шведы, по небольшому мосту перейдя проливъ между двумя озерами [1]), отдѣлявшій ихъ позицію отъ нашей, получили нѣкоторое преимущество. Князь Долгорукій старался склонить перевѣсъ на нашу сторону; но въ то самое время, когда онъ, увлекаясь мужествомъ, забылъ осторожность, непріятельская пуля сразила его... Къ ночи превосходство было на сторонѣ шведовъ.

Чтобы приблизительно опредѣлить высоту монумента, Ленротъ употребилъ извѣстный способъ: воткнувъ въ землю шестъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ обелиска, онъ легъ на траву такъ, что ногами касался шеста и могъ видѣть верхнюю оконечность его на одной линіи съ вершиною памятника: выводомъ глазомѣрнаго исчисленія было 8 шведскихъ саженей (онѣ нѣсколько короче нашихъ). Обелискъ начинаетъ приходить въ ветхость и, вслѣдствіе представленія док-

[1]) Одно изъ этихъ озеръ называется *И-озеромъ*, Ijärvi. Отъ него и проливъ, и весь приходъ получили названіе *Idensalmi.*

тора Фростеруса, родственники павшаго опредѣлили недавно вновь сумму денегъ на сооруженіе каменнаго монумента.

Отъ Куопіо мы постоянно ѣдемъ и еще дня два будемъ ѣхать по направленію, которому въ 1808 году слѣдовала часть русской арміи. Генералъ Тучковъ 1-й, выступивъ изъ Нейшлота и, перейдя границу Старой Финляндіи, двинулся на Куопіо, куда черезъ Ва́ркаусъ отступали шведы. 4-го марта Тучковъ занялъ Куопіо, при чемъ потерялъ 60 человѣкъ; самъ онъ вскорѣ отправился къ берегамъ Ботническаго залива на соединеніе съ Раевскимъ и Кульневымъ, а здѣсь оставилъ генерала Булатова. Въ апрѣлѣ Булатовъ пошелъ на *Фра́нцило* (мѣсто, которое мы вскорѣ увидимъ), преслѣдуя Саволакскую бригаду. При Револаксѣ, въ Остроботніи, произошло сраженіе, и Булатовъ взятъ былъ въ плѣнъ. Потомъ изъ Куопіо двинулся полковникъ Обуховъ; за нимъ пошелъ со стороны шведовъ прославившійся въ этой войнѣ Са́ндельсъ. Они сразились при *Пулкилѣ* (близъ станціи *Ла́укка*, гдѣ проѣдемъ завтра): наши потерпѣли неудачу. Вскорѣ русскій гарнизонъ въ Куопіо приведенъ былъ въ необходимость оставить этотъ городъ и черезъ Варкаусъ отступить на югъ; но въ іюнѣ мы снова заняли Куопіо. Наконецъ, переправясь чрезъ проливъ Тойволу, Тучковъ соединился съ княземъ Долгорукимъ; отсюда они пошли на Пулкилу, и 15-го октября послѣдовалъ въ Иденсальми бой съ отступавшими шведами.

Такимъ образомъ оружіе русскихъ на этомъ направленіи, какъ и вообще въ первую половину послѣдней шведской войны, не сопровождалось постояннымъ успѣхомъ; но и отъ этой эпохи еще довольно остается именъ и дѣлъ для украшенія страницъ русской исторіи. Много поэтическихъ воспоминаній внесли тогдашнія событія въ лѣтописи отечественной славы, отчасти и литературной: среди бивачныхъ огней Батюшковъ и Давыдовъ здѣсь положили основаніе своимъ успѣхамъ въ словесности [1]). Двойнымъ блескомъ увѣнчалъ память свою

[1]) Батюшковъ, находясь въ корпусѣ Тучкова, былъ также въ Иденсальми, и въ посланіи къ П-ну (барону Палену, адъютанту Тучкова) говоритъ:

„Помнишь ли, питомецъ славы,
Иденьсальми страшну ночь?“

Но эти слова относятся не къ тому дѣлу, въ которомъ убитъ былъ кн. Долгорукій, а къ другому, происшедшему спустя двѣ недѣли послѣ того. Тучкову велѣно было, вопреки первоначальному плану, прервать наступательное движеніе, и онъ остался въ Иденсальми: здѣсь 30-го октября, ночью, шведскіе партизаны внезапно напали на русскій авангардъ, расположенный близъ упомянутаго пролива, и произвели страшную тревогу, которая однакожъ кончилась тѣмъ, что непріятелей прогнали съ урономъ. И объ этомъ Батюшковъ вспоминаетъ:

„Между тѣмъ, какъ ты штыками
Шведовъ за лѣсъ провожалъ,
Я геройскими руками...
Ужинъ вамъ приготовлялъ“.

Кульневъ, — какъ безстрашный герой и какъ благороднѣйшій человѣкъ. До сихъ поръ имя его съ любовью произносится въ цѣлой Финляндіи, особливо въ Остроботніи, куда онъ посланъ былъ почти въ самомъ началѣ похода для преслѣдованія генерала Адлеркрейца. Въ городѣ Якобштатѣ, гдѣ онъ долго стоялъ, видѣлъ его извѣстный нынѣ своимъ прекраснымъ талантомъ Рунебергъ, въ то время еще только пятилѣтній ребенокъ. Рѣзкая физіономія Кульнева, его живые глаза, большой носъ и усы, — какъ самъ поэтъ разсказывалъ мнѣ, — неизгладимо запечатлѣлись въ его памяти. Безъ чиновъ, но добродушно обращаясь съ жителями, герой хаживалъ ко всѣмъ и у всѣхъ былъ какъ дома. Такъ посѣщалъ онъ и родителей Рунеберга: бывало, придетъ, самъ отворитъ шкапъ, вынетъ себѣ оттуда графинъ съ водкой, до которой былъ большой охотникъ, и потчуетъ хозяевъ; въ то же время ласкалъ онъ дѣтей и игралъ съ ними.

Въ Якобштатѣ былъ извѣстенъ о Кульневѣ анекдотъ. Разъ на балѣ онъ тамъ влюбился въ какую-то молоденькую дѣвушку и весь вечеръ занимался ею. Незадолго передъ окончаніемъ бала, во время ужина, когда она вышла въ прихожую, онъ попросилъ башмакъ съ ноги ея. Бѣдная дѣвушка не знала что̀ дѣлать; но бывшія съ нею дамы, ея родныя и знакомыя, испуганныя физіономіею Кульнева, стали умолять ее, чтобъ она не раздражала отказомъ этого ужаснаго человѣка, который въ гнѣвѣ, пожалуй, сожжетъ городъ. Нечего было дѣлать: красавица, хотя не безъ трепета, сняла съ ноги башмакъ и, потупя глаза, вручила его усастому воину. Кульневъ въ восторгѣ возвратился въ залу, налилъ въ башмакъ шампанскаго и торжественно выпилъ за здоровье молодой финляндки.

Во время войны многіе изъ русскихъ офицеровъ были знакомы съ финляндскими. Когда бывало перемиріе, они съ обѣихъ сторонъ дружески сходились и пировали, какъ давнишніе пріятели. Потомъ прямо съ такой пирушки они отправлялись на сраженіе и исправно убивали другъ друга. Случалось также, что на веселой сходкѣ русскій офицеръ ссорился съ финскимъ, и ссора кончалась поединкомъ. Разъ П. за столомъ сказалъ, что съ шведской стороны является много переметчиковъ. „Это какіе-нибудь цыганы“, отвѣчалъ шведскій офицеръ. Завязался споръ, и одинъ изъ противниковъ плеснулъ другому супомъ въ лицо. Послѣ обѣда рѣшено было стрѣляться. Однакожъ начальство успѣло предупредить поединокъ, отправивъ П. въ турецкую армію. Черезъ много лѣтъ послѣ того П. пріѣхалъ въ финляндскій городъ ***, гдѣ тогда жилъ прежній противникъ его, и, явясь къ нему, приставилъ руку къ его сердцу, какъ будто намѣреваясь выстрѣлить. Черезъ минуту они братски обнялись и радостно помянули былое.

Воспоминанія о времени войны, сохраняющіяся на мѣстахъ, гдѣ она свирѣпствовала, составляютъ историческую драгоцѣнность, кото-

рой не могутъ замѣнить никакіе документы. Вотъ почему надобно бы записывать всякое такое воспоминаніе, дошедшее до насъ въ дорогѣ. Мысль эта приводитъ мнѣ на память то, что слышалъ я отъ болтливой старухи на одной станціи близъ Выборга. Она во время послѣдней шведской войны была еще дѣвочкой и жила въ услуженіи на какой-то мызѣ около Або. Помѣщики такъ боялись раздражать русскихъ сопротивленіемъ, что приказывали людямъ, въ случаѣ ночного нападенія, тотчасъ отворять двери страшнымъ гостямъ. А такъ какъ на эту услугу не легко было найти охотниковъ, то за нее хозяева сулили по червонцу. Разсказчица была бойкою дѣвочкой и потому, видя опасенія своей госпожи, сама вызвалась принять на себя такой подвигъ, съ тѣмъ, чтобъ и ей дали червонецъ. Не знаю, желала ли отважная служанка непріятельскаго нападенія, чтобъ заслужить обѣщанную награду, — только она по ночамъ напрасно ожидала русскихъ: они не пришли.

10.

Иденсальми, передъ отъѣздомъ, 6-го іюня.

Путь въ Улеаборгъ — приготовленіе крестьянъ къ первому причащенію.

Прежде насъ прибыло сюда изъ Куопіо нѣсколько гимназистовъ и воспитанниковъ училища, между которыми былъ и сынъ хозяина. Сегодня уже рано утромъ стояла передъ крыльцомъ большая коляска стариннаго фасона и за нею двѣ или три курьерскія телѣжки [1]. Молодые люди сбирались ѣхать въ Улеаборгъ къ роднымъ.

Туда-же отправимся и мы. Можно бы ѣхать напередъ въ Каяну, а оттуда уже черезъ озеро Улео и рѣку того же имени пуститься въ Улеаборгъ. Но этотъ водяной путь, при довольно большомъ экипажѣ, слишкомъ затруднителенъ, и мы предпочитаемъ ѣхать сухимъ путемъ. Намъ до Улеаборга 210 верстъ.

Подъ окномъ, у котораго я пишу, слышно громкое чтеніе, въ нѣсколько голосовъ, какъ будто затверживаемаго урока. Выглянувъ на дворъ, я увидѣлъ, что тамъ на травѣ, близъ дома, лежитъ нѣсколько молодыхъ крестьянокъ и передъ каждою по книжкѣ. Онѣ повторяютъ катихизисъ, приготовляясь къ экзамену, для котораго сошлись сюда изъ разныхъ селеній прихода. Въ другомъ мѣстѣ готовятся подобнымъ же образомъ мужчины. Такой экзаменъ (шв. skrift-skola) непремѣнно долженъ предшествовать первому причащенію каждаго прихожанина: сверхъ яснаго понятія о существеннѣйшихъ основаніяхъ религіи, требуется свободное чтеніе по книгѣ и знаніе катихизиса наизустъ. Кто не оказываетъ достаточныхъ свѣдѣній, тотъ долженъ со временемъ явиться вторично. Самое причащеніе удовлетво-

[1]) Kurir-kärra: такъ называется особенный родъ дорожныхъ одноколокъ.

рительно выдержавшихъ испытаніе бываетъ разъ въ годъ. Передъ допущеніемъ къ причастію никто не можетъ вступать въ бракъ. Случается, что иной, по безграмотности и невѣжеству, еще и въ зрѣломъ возрастѣ остается безъ причастія. На такихъ несчастныхъ прочіе смотрятъ съ презрѣніемъ, какъ на полуязычниковъ. Къ разряду ихъ принадлежатъ гораздо чаще мужчины, нежели женщины. Мальчики по большей части съ самыхъ раннихъ лѣтъ уже должны помогать отцу и работать съ нимъ въ полѣ. Вотъ главная причина замѣченной разницы въ этомъ отношеніи.

11.

Станція Кумпумяки, 7-го іюня.

Сходные корни словъ русскихъ и финскихъ — трудности финскаго языка — финская баня — парильщицы и терщицы.

Изъ Иденсальми достались намъ такія плохія лошади, что мы едва дотащились до этой станціи. Нѣсколько верстъ передъ нею прошли мы пѣшкомъ. Для препровожденія времени искали мы сходныхъ корней въ русскомъ и въ финскомъ языкѣ, и нашли ихъ довольно много [1]). Между прочимъ, заняло насъ сравненіе словъ *гора* и *korkia* (высокій), которыхъ корень *гр* (kr) послужилъ, кажется, къ образованію многихъ русскихъ словъ, съ перваго взгляда не имѣющихъ между собою внутренней связи, наприм. *гордый*, *гораздо*, *горѣть*, (пылая, стремиться горѣ), *горбъ*. Слово *куча* сродни финскому *koko*, которое въ видѣ существительнаго означаетъ *собраніе*, а въ видѣ прилагательнаго *цѣлый*. Нашему глаголу *чую* соотвѣтствуетъ финскій *koen*, русскому *киверу* — *kypäri*, шлемъ у древнихъ финновъ. *Неводъ* есть финское слово *neuvot* (мн. ч.), снаряды, снасти. Русское *высокій* есть первоначально то же, что финское *iso* (большой) [2]).

[1]) При слѣдующихъ строкахъ читатель, конечно, не забудетъ, что ему здѣсь предлагаются не ученыя разысканія, а только бѣглыя филологическія догадки. — Оставляемъ ихъ здѣсь, какъ свидѣтельство интереса Я. К. уже тогда къ филологіи. *Ред.*

[2]) Прибавлю здѣсь кстати еще нѣсколько замѣчаній, до того еще мною сдѣланныхъ при сравненіи финскихъ словъ съ русскими.

Названіе *чухонецъ*, *чухна*, по всей вѣроятности, заимствовано отъ имени *Суоми*, которымъ финны сами называютъ свой край. У нихъ буква *s*, во многихъ случаяхъ по необходимости замѣняетъ наше *ч*: такъ слово *siisti* у нихъ значитъ то же, что у насъ *чистый;* не мудрено, что и мы ихъ *s* иногда превращаемъ въ *ч*. Буквы *м* и *н* у насъ не рѣдко смѣшиваются: простой народъ говоритъ *Миколай*, *Микифоръ*. Такимъ бразомъ мы вмѣсто буквъ *suom* приняли въ основаніе слова звуки *чу он;* а какъ русскій языкъ не терпитъ двугласныхъ, то между *у* и *о* естественно вдвинулось *х*.

Кажется, и нарѣчіе *очень* финскаго происхожденія: у финновъ *usein* значитъ *часто* и образовано изъ прилагательнаго *usia*, *многіе; usia* очевидно одного корня съ нашимъ *весь*, *всѣ*. Въ самомъ дѣлѣ *очень* значитъ то же, что *весьма*, а иногда и *много*.

Финскій языкъ чрезвычайно труденъ для всякаго иноплеменника, даже для русскаго. Въ немъ столько особенностей, которыя сначала и понять трудно. Сюда относится, между прочимъ, *склоненіе* извѣстныхъ *частицъ*, которыя, замѣняя предлоги, ставятся послѣ существительныхъ для выраженія разныхъ отношеній; далѣе, напримѣръ, *спряженіе* отрицательной *частицы* передъ глаголомъ, или еще употребленіе двухъ притяжательныхъ мѣстоименій, одного передъ словомъ, другого послѣ него (такъ *мой отецъ*, *minun isäni*). Не легче и финское произношеніе, котораго тонкости долго остаются неуловимыми для иноземнаго уха. Вникая въ выговоръ доктора Ленрота, я увидѣлъ ясно причину этой трудности для русскаго. У финновъ все строеніе слова, весь внѣшній составъ его опирается на *гласныя*, тогда какъ у насъ онѣ занимаютъ только второстепенное мѣсто: мы въ произношеніи часто замѣняемъ одну гласную другою; у финновъ, напротивъ того, чрезвычайно непостоянны и даже неопредѣленны *согласныя*, такъ что въ томъ же словѣ является то одна, то другая, смотря по его окончанію въ разныхъ падежахъ. Не говорю уже объ областныхъ различіяхъ, вслѣдствіе которыхъ напримѣръ вмѣсто *d* встрѣчается въ одной области *l*, въ другой *r*, въ третьей *t*; въ четвертой согласная совсѣмъ пропадаетъ. Вотъ почему, изучая финскій языкъ, надобно обращать особенное вниманіе на произношеніе гласныхъ. Такимъ образомъ онъ, по составу словъ своихъ, совершенно противуположенъ нашему. Устные органы финновъ тщательно избѣгаютъ усилія, потребнаго для выговора согласныхъ, особенно болѣе трудныхъ или составныхъ. Отъ того они въ началѣ слова никогда не допускаютъ двухъ согласныхъ; отъ того же нѣтъ у нихъ ни *ч*, ни *ш*, ни *ж*, ни *з*, не говоря уже о *щ*; у насъ, напротивъ того, согласныя, даже по три и по четыре сряду, безпрестанно сталкиваютя между собой, и въ азбукѣ нашей соединяются почти всѣ существующія въ человѣческомъ языкѣ согласныя. Въ замѣнъ того у финновъ встрѣчаются въ изумительномъ обиліи сочетанія гласныхъ (дифтонги). Не служатъ ли свойства языка, въ отношеніи къ звукамъ, выраженіемъ самаго характера націи? Сравните въ этомъ отношеніи итальянца съ нѣмцемъ или англичаниномъ. Объясненное различіе между финскимъ и русскимъ языкомъ не указываетъ ли рѣзкой противуположности между флегмою одного и живостію другого народа?

Въ Кумпумяки топилась баня, когда мы сюда прибыли, и товарищъ мой обрадовался случаю попариться. Для меня также любопытно было познакомиться съ настоящею финскою банею (ф. sauna). Она вообще похожа на русскую, и финны посѣщаютъ баню такъ же прилежно, какъ наши крестьяне. Здѣшніе обыватели сказали намъ, что у нихъ она топится черезъ день. Сельская баня у финновъ всегда составляетъ отдѣльный низенькій домъ безъ трубы, съ небольшимъ

четвероугольнымъ отверстіемъ въ стѣнѣ, вмѣсто окошка, и съ низенькою дверью. Наружная стѣна надъ этимъ входомъ обыкновенно бываетъ закопчена дымомъ, и по этому легко узнать баню между остальными строеніями двора, изъ которыхъ впрочемъ *рига* (овинъ) носитъ подобный же отличительный признакъ надъ дверью: но бываетъ гораздо бо́льшаго размѣра. Войдя въ баню, я увидѣлъ влѣво отъ входа низенькую печь, окруженную собранными въ кучу булыжниками; все это было также черно отъ копоти. Въ лѣвомъ углу противъ входа былъ устроенъ полокъ (ф. laudet, lava): двѣ широкія доски, отдѣленныя одна отъ другой промежуткомъ почти такой же ширины, утверждены были на деревянныхъ подставкахъ. Въ промежуткѣ между обѣими половинами полка̀ была лѣсенка. Направо отъ этого возвышенія стояла на полу скамеечка, на которую садятся для мытья, а вдоль стѣны, противъ полка, лежали въ нѣсколько слоевъ вѣники, покрытые полотномъ, для того, чтобы на нихъ можно было раздѣваться.

Въ углу налѣво отъ двери сидѣла на полу дѣвка рядомъ съ молодымъ парнемъ, а возлѣ нихъ стояла дѣвочка лѣтъ 13-ти; всѣ въ полномъ туалетѣ. Мы начали раздѣваться; къ удивленію моему это маленькое общество не только не удалилось, но позвало еще дѣвочку, которая вошла со свѣжими вѣниками. Тутъ я услышалъ, что она и сверстница ея будутъ мыть насъ. Когда мы легли на полокъ, покрытый чистымъ холстомъ, маленькія парильщицы попеременно взлѣзали по лѣсенкѣ, били и терли насъ вѣниками. Иногда для усиленія жару поливали онѣ водою круглые камни вокругъ печки. Наконецъ, вымывъ насъ надъ маленькою скамеечкой, каждая изъ нихъ получила по гривеннику, и обѣ были очень довольны. Между тѣмъ зрительница и зритель, расположенные въ углу, оставались на своемъ мѣстѣ безмолвны и неподвижны. По временамъ присоединялось къ нимъ со двора еще какое-нибудь третье лицо [1]).

Можно бы подумать, что господствующія въ финскихъ баняхъ обыкновенія, соблюдаемыя еще и въ городахъ, неблагопріятно дѣйствуютъ на чистоту нравовъ; но увѣряютъ, что молодыя парильщицы сохраняютъ всю естественную стыдливость своего пола, и что исправленіе ихъ должности обращается имъ съ дѣтства въ дѣло ничего не значащей привычки. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Финляндіи, какъ и внутри Россіи, есть еще особенныя *тёрщицы*, которыя въ банѣ или на дому, съ помощію мыла или масла, трутъ тѣло, съ разными искусственными пріемами перебирая мускулы и жилы. Такими тёрщицами

[1]) Довольно любопытно сравнить съ этимъ описаніемъ то, что французскій писатель Ренаръ (Regnard), посѣтившій сѣверную Финляндію въ 1681 году, разсказываетъ по тому же предмету въ своемъ *Voyage de Lapponie* (см. Oeuv. de Regnard, T. V. p. 69, édition stéréot., Paris, 1817).

славится особенно Карелія. Нѣтъ сомнѣнія, что искусство ихъ во многихъ случаяхъ можетъ служить дѣйствительнымъ средствомъ къ облегченію разныхъ недуговъ.

Послѣ бани мы ужинали. Намъ подали заказанную напередъ соломату изъ ржаной муки (ф. jauhopuuro, шв. rågmjölsgröt) — здоровое и вкусное кушанье крестьянъ, которое на каждой станціи можно получить довольно скоро.

Близъ *Кумбумяки* видно нѣсколько строеній у рѣчки. Это Салахме, желѣзный заводъ, принадлежащій г-ну Францéну, купцу въ городѣ Брагестадѣ и брату знаменитаго шведскаго поэта.

12.

Станція Ниссиля (Nissilä), 7-го іюня.

Воспоминаніе объ императорѣ Александрѣ.

Вотъ историческое мѣсто. Лѣтомъ 1819 года императоръ Александръ осчастливилъ Финляндію посѣщеніемъ самыхъ пустынныхъ краевъ ея. Вездѣ, гдѣ онъ проѣзжалъ, до сихъ поръ живетъ еще свѣжее воспоминаніе о томъ времени, когда Александръ Благословенный явился ангеломъ милости народу, вокругъ котораго искони все было сурово, какъ самая природа этихъ мѣстъ. Мы постараемся слѣдовать, сколько можно по направленію, ознаменованному достопамятнымъ путешествіемъ Монарха. Вѣроятно намъ удастся встрѣтить нѣкоторыхъ изъ лицъ, имѣвшихъ счастіе видѣть тогда Императора, и малѣйшую подробность, которую услышу отъ нихъ по этому предмету, буду записывать, какъ драгоцѣнное историческое свѣдѣніе.

Здѣсь жива еще хозяйка, удостоившаяся 27 лѣтъ тому назадъ принимать Государя. Она еще не очень стара и наружность у нея довольно пріятная. Мы думали, что она знаетъ только по-фински: отвѣчая моему товарищу на этомъ языкѣ, она долго не вмѣшивалась въ шведскій нашъ разговоръ, пока наконецъ предметъ его — путешествіе Александра — не заставилъ ее невольно принять участіе въ томъ, что мы говорили.

Проѣхавъ изъ Архангельска въ Сердоболь, Александръ черезъ Куопіо прибылъ сюда $^{15}/_{27}$ іюля въ 7 часовъ вечера. На другое утро ранехонько Государь, въ сопровожденіи свѣтлѣйшаго князя Петра Михайловича Волконскаго, баронета Вилье и еще нѣкоторыхъ менѣе значительныхъ особъ, отправился въ городъ Каяну. Между тѣмъ въ Ниссиля оставалось еще 24 человѣка низшихъ придворныхъ чиновъ изъ свиты Его Величества. Послѣ самаго затруднительнаго и даже крайне опаснаго пути въ Каяну водою и оттуда сухимъ путемъ императоръ Александръ $^{17}/_{29}$ числа вечеромъ, часу въ 10-мъ, возвратился въ Ниссиля, еще разъ переночевалъ здѣсь и на другое утро

въ 7 часовъ началъ путешествіе въ Улеаборгъ. Его свѣтлость князь Петръ Михайловичъ Волконскій, чувствуя себя нездоровымъ, пробылъ здѣсь еще до 4-хъ часовъ послѣ обѣда.

Во время пребыванія въ Ниссиля, для Государя и его свиты заколото было 9 барановъ. Передъ отъѣздомъ Его Величество пожаловалъ хозяйкѣ 500 руб. ассигнаціями.

13.

Домъ пастора въ Лиминго, верстахъ въ 30-ти до Улеаборга, 8-го іюня.

Обширное болото — добываніе смолы — смолевой костеръ — анекдотъ о Густавѣ IV — сосновая кора—пища на станціяхъ — благосостояніе крестьянъ въ сѣверной Финляндіи.

Первая станція послѣ Ниссиля находится уже въ обширной Улеаборгской губерніи. Почти отъ самой ст. Ниссиля верстъ на 100 въ сѣверозападномъ направленіи вплоть до Ботническаго залива (по теченію рѣки Сійкаіоки [1]) тянется необозримое болото (Pelsuo), и потому дорога, по которой мы ѣхали вчера, вообще однообразна. По обѣ стороны ея идетъ почти безпрерывно сосновый лѣсъ. Мѣстами видно множество деревьевъ съ облупленными стволами, — загадка для большей части проѣзжихъ. Это признакъ первоначальнаго производства господствующей здѣсь промышленности — добыванія смолы. Зимою, когда земля еще покрыта снѣгомъ, съ сосенъ сдирается кора, начиная близъ корня вверхъ локтя на три; съ сѣверной стороны оставляется во всю длину очищеннаго ствола узкая полоса коры, для того, чтобы дерево, при дѣйствіи на него солнечныхъ лучей, не высыхало однако-же совершенно. Въ такомъ видѣ дерево стоитъ три года; въ четвертую зиму или весну стволъ сосны облупляютъ еще на локоть выше, снимая и уцѣлѣвшую полосу коры. Мало по малу вся смола собирается въ обнаженную часть дерева; тогда его срубаютъ осенью, и низъ, лишенный коры, раскалываютъ на тонкія, длинныя полѣнья (осмолъ). Въ слѣдующемъ іюнѣ, около Иванова дня, сожигаютъ ихъ для полученія смолы. И эту часть производства мы также видѣли въ лѣсу, съ большой дороги. Наколотыя полѣнья складываются въ огромный круглый костеръ такимъ образомъ, что они, какъ лучи, обращены однимъ концомъ къ общему центру, а другимъ, нѣсколько возвышеннымъ, образуютъ съ внѣшней стороны пологость, похожую на скатъ холма. Этотъ, столь правильно устроенный костеръ, обкла-

[1]) Значитъ: *Сиговая рѣка*. Замѣчательно, что въ нашихъ лѣтописяхъ финскія имена урочищъ не рѣдко встрѣчаются въ русскомъ переводѣ. Такъ въ описаніи бывшаго въ 1496 году похода *на Каянію* или на *десять рѣкъ* (въ Остроботніи) упоминаются между прочимъ рѣки *Сиговая* (Siikajoki) и *Снѣжная* (Lumijoki) (см. Архив. и Арханг. Лѣт.).

дываютъ землею или дерномъ, чтобы полѣнья, съ наружнаго края зажженныя въ разныхъ мѣстахъ, только тлѣли, а не пылали [1]). Въ срединѣ этого круглаго холма остается пустое пространство, суживающееся кверху; оттуда въ наклонномъ направленіи проведена деревянная труба къ внѣшней окружности основанія костра. При горѣніи дерева, смола стекаетъ сперва на круглое, обложенное глиною и нѣсколько покатое дно внутренней пустоты, а потомъ черезъ трубу выходитъ уже готовая въ подставленную бочку [2]).

Вмѣстѣ съ объясненіемъ всего этого производства услышалъ я отъ моего спутника довольно забавный анекдотъ. Въ 1802 году шведскій король Густавъ IV Адольфъ, проѣзжая по здѣшнему же краю Финляндіи, спросилъ у одного изъ лицъ, сопровождавшихъ его, что̀ значатъ всѣ эти облупленныя деревья. Вельможа, не болѣе самого короля знакомый съ подробностями сельской промышленности, не затруднился однако-же вопросомъ и смѣло отвѣчалъ: „По случаю проѣзда вашего величества сняли непріятную для глазъ кору.“ — Глупый народъ! — замѣтилъ король съ улыбкой сожалѣнія.

Внутренняя кора (мязга) сосны составляетъ пищу вкусную и здоровую. Въ Куопіо, когда я разъ утромъ вошелъ къ доктору Ленроту, онъ подалъ мнѣ блюдечко, на которомъ лежало нѣсколько сложенныхъ вдвое гладкихъ лоскутковъ чего-то свѣтложелтаго, лоснящагося и на видъ очень привлекательнаго. Это была сосновая кора, присланная ему пріятелемъ, — лакомство, которое въ нѣкоторыхъ краяхъ Россіи извѣстно подъ именемъ *сосноваго соку* и въ началѣ весны продается бабами на улицахъ. Иногда съ большой дороги видно одно только дерево съ облупленнымъ стволомъ: это и значитъ, что съ него взята внутренная кора (шв. safva) для пищи. Внѣшняя кора (шв. bark) сосны употребляется въ бѣднѣйшихъ краяхъ Финляндіи для приго-

[1]) Такого костра не должно смѣшивать съ другимъ, очень похожимъ на него, который сжигаютъ для полученія угля. И подобный видѣли мы здѣсь по дорогѣ. Въ Россіи, сколько мнѣ извѣстно, куреніе смолы по большей части производится въ ямахъ.

[2]) Мнѣ не случилось распросить, сколько бочекъ смолы, приблизительнымъ счетомъ, получается отъ смолевого костра. Рюсъ (Rühs) въ книгѣ: *Финляндія и ея жители* (Finland och dess invånare) говоритъ, что „большой костеръ можетъ доставлять 100 бочекъ смолы и отъ 15 до 20 бочекъ угля; онъ сгораетъ недѣли съ полторы: можно принять, что на каждый костеръ идетъ 72 дерева“. Изъ Статистики Швеціи, изданной Форселемъ, видно, что въ сѣверной части этой страны количество смолы, добываемой изъ порядочнаго костра, составляетъ отъ 40 до 60 бочекъ. Впрочемъ тамошнее производство, по описанію Форселя, не совсѣмъ сходно съ тѣмъ, какое здѣсь употребительно (Ср. Travels etc. by E. D. Clarke, Part III, Scandinavia, pag. 252). Англійскій путешественникъ замѣчаетъ, что существующій въ Вестроботніи способъ добыванія смолы, сходный съ описаннымъ мною, совершенно тотъ же, какой употреблялся у древнихъ грековъ.

*

товленія хлѣба, нездороваго и мало питательнаго; для примѣси къ ржаному хлѣбу употребляютъ эту кору во многихъ мѣстахъ и безъ надобности, по одной привычкѣ.

Отъ Ниссиля проѣхали мы вчера еще верстъ 65 и ночевали въ *Лáуккѣ* (Laukko), близъ церкви Пулкилы (Pulkila). Сегодня, часовъ въ 12, остановились мы на станціи *Фрáнцилѣ* [1]), и пока намъ готовили обѣдъ, мы выкупались въ рѣчкѣ, протекающей передъ самымъ дворомъ. Пища, которую намъ подаютъ по этой дорогѣ, состоитъ почти всегда въ простоквашѣ и соленой рыбѣ; иногда получаемъ мы хорошую лососину (тайму) и провѣсную говядину (ф. palvattu liha). Въ рыбу свою финны кладутъ такъ много соли, что безъ привычки трудно ѣсть ее; чаще всего попадаются лещи (ф. lahna); сушенное мясо на видъ не привлекательно, но довольно вкусно. Кофе вообще приготовляется не дурно, по крайней мѣрѣ на вкусъ проѣзжаго, не слишкомъ избалованнаго.

Отъ станціи Кярсямя начинается богатый край, поражающій путешественника множествомъ крестьянскихъ гейматовъ, встрѣчаемыхъ здѣсь почти на каждомъ шагу то ближе, то далѣе отъ большой дороги. Между ними вьется рѣчка, черезъ которую мѣстами проведены мостики съ затѣйливыми украшеніями; вокругъ лежатъ хорошо обработанныя поля. Строеній много; возлѣ старыхъ возводятся новыя; въ главномъ домѣ нѣсколько просторныхъ комнатъ и большія окна. Во всемъ этомъ выражается господствующая у здѣшнихъ крестьянъ охота строиться. Они стараются въ этомъ отношеніи перещеголять другъ друга, и лишнія деньги употребляютъ на постройки. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что имъ до лѣсу не близко: многіе изъ нихъ отправляются за 60 верстъ и далѣе для полученія бревенъ. Непремѣнныя принадлежности каждаго двора — рига, баня, житница, колодецъ; часто присоединяются къ нимъ мельница и кузница. Послѣдняя служитъ еще остаткомъ обычая финскихъ крестьянъ — своими руками приготовлять для домашняго обихода всѣ издѣлія, собственно составляющія предметъ разнородныхъ ремеслъ. Многіе изъ здѣшнихъ гейматовъ построены съ такою роскошью, что они похожи болѣе на господскія помѣстья, нежели на крестьянскіе дворы. Между тѣмъ въ Остроботніи очень мало имѣній, принадлежащихъ господамъ. Въ южной Финляндіи замѣчается противное, и крестьяне тамъ бѣднѣе. Тамъ большое число ихъ принадлежитъ къ разряду торпарей, съ которыхъ, по мѣрѣ улучшенія ихъ состоянія, увеличиваются и требованія, такъ что имъ трудно нажить нѣкоторое богатство. Напротивъ,

[1]) О сраженіяхъ при Пулкилѣ и Францилѣ было уже упомянуто выше, на стран. 363. Въ продолженіе войны эти два пункта и послѣ не разъ назначаемы были цѣлію движеній русскаго войска.

въ Остроботніи количество торпарей незначительно, да и обязанности ихъ въ отношеніи къ хозяевамъ, крестьянамъ же, не тягостны.

14.

Домъ пастора въ Лиминго, 9-го іюня.

Докторъ Боргъ — богатство крестьянъ — приготовленія къ празднику — экзамены прихожанамъ — нравы въ Лиминго — честность не вездѣ.

Мы пріѣхали сюда вчера вечеромъ довольно рано. Здѣшній пасторъ, докторъ богословія Боргъ, былъ еще недавно профессоромъ при Гельсингфорсскомъ университетѣ. Онъ молодъ, полонъ усердія къ своему дѣлу, одаренъ отличными способностями, и потому можетъ радостно смотрѣть на тихое, но прекрасное поприще, которое избралъ. Приходъ его не изъ самыхъ многочисленныхъ, заключая въ себѣ 8600 человѣкъ; но такъ какъ здѣшніе крестьяне по большой части владѣльцы гейматовъ, то доходы пастора значительны. Нѣкоторые изъ этихъ крестьянъ имѣютъ 60 — 70 тысячъ рублей капиталу; такихъ, у которыхъ 9 — 10 тысячъ, не мало. За то иные между ними и живутъ ужъ слишкомъ по господски, всю работу предоставляя прислугѣ.

Когда мы, свернувъ съ большой дороги влѣво, пріѣхали въ довольно отдаленный отъ нея пасторскій домъ, мы застали тамъ большую суматоху. Комнаты перекрашиваются, чистятся и убираются для праздника, который будетъ здѣсь черезъ недѣлю въ воскресенье, по случаю *инсталлаціи* (введенія въ должность) новаго пастора. Его самого не было дома: онъ производилъ въ церкви экзаменъ готовившимся къ первому причащенію. Мы пошли ему на встрѣчу и вскорѣ увидѣли его возвращавшагося вмѣстѣ съ своимъ капланомъ, пасторомъ Эймелеусомъ. Не смотря на домашнія хлопоты, онъ уговорилъ насъ ночевать у него. Большую часть вечера провели мы на крыльцѣ пасторскаго дома, разговаривая и попивая здоровье другъ друга.

Изобиліе, распространенное въ этомъ приходѣ, не могло остаться безъ вреднаго вліянія на чистоту нравовъ. При всемъ томъ, въ нихъ сохраняются и многія похвальныя черты. Когда пасторъ, по заведенному порядку, разъ въ годъ объѣзжаетъ приходъ свой для испытанія всѣхъ сельскихъ жителей, отъ мала до велика, въ чтеніи и законѣ Божіемъ (шв. läsförhör, ф. luku-kinkeri) [1]) то крестьяне въ Лиминго угощаютъ своего духовнаго отца великолѣпно, однакожъ никогда не

[1]) Разумѣется, что пастору на такихъ испытаніяхъ приходится иногда слышать отвѣты—довольно неожиданные. Какой-то престарѣлый пробстъ со всею обыкновенною торжественностью своей рѣчи и осанки спросилъ у одного изъ экзаменуемыхъ крестьянъ: „Можешь ли ты, другъ мой, сказать мнѣ, какъ распадаются (т. е. раздѣляются) скрижали закона?“ Крестьянинъ отвѣчалъ: „Моисей, точно, разбилъ ихъ, это я знаю; но на сколько кусковъ онѣ распались — не умѣю сказать“.

подносятъ ему водки или вина, и сами не употребляютъ крѣпкихъ напитковъ, а потчуютъ другъ друга кофеемъ. Честность финновъ извѣстна. Не только въ деревняхъ и на большой дорогѣ можно быть совершенно спокойнымъ насчетъ своей собственности, но и въ городахъ менѣе значительныхъ воровство такъ необыкновенно, что жители по большей части не замыкаютъ дверей своихъ на ночь. Противъ двухъ только родовъ вещей честность финна не всегда можетъ устоять, именно противъ желѣза и кожаныхъ издѣлій. Падкость его къ желѣзу происходитъ, вѣроятно, отъ важности, какую предки его придавали этому металлу, и отъ возможности вымѣнивать на него разныя мелочи. Все это сказано здѣсь мимоходомъ; я хотѣлъ только замѣтить, что крестьяне въ Лиминго, не смотря на искушенія, ихъ окружающія, раздѣляютъ господствующую добродѣтель своихъ соотечественниковъ. Надобно прибавить однакожъ, что есть въ Финляндіи мѣста, составляющія исключеніе изъ общаго правила. Таковы особенно около Вазы приходы: Ла́йхела, Лилькюро, Сторкюро, Лаппо, Куо́ртане. Въ этомъ краю, на нѣкоторыхъ станціяхъ, опасно даже оставлять вещи свои у окна: бывали примѣры, что со двора выламывали стекла и уносили что́ можно было достать рукой. Говорятъ впрочемъ, что въ послѣднее время и тамъ нравы начали исправляться.

15.

Улеаборгъ, 9-го іюня.

Дорога изъ Лиминго — обширные луга — недостатокъ воды.

Сейчасъ я пріѣхалъ сюда съ пасторшей изъ Лиминго. Товарищъ мой ранѣе меня отправился съ самимъ докторомъ въ одноколкѣ и уже сидѣлъ за обѣдомъ, когда я вошелъ въ Улеаборгскую гостиницу.

Отъ Лиминго до этого города уже не видно близъ дороги прежняго довольства. Здѣсь, по большей части, — торпы, и при нихъ часто бросаются въ глаза низенькія землянки: это бани, сложенныя изъ дерна за скудостію лѣса. Вся окружная страна представляетъ равнину, за которою слѣва виденъ Ботническій заливъ. Луга прихода Лиминго извѣстны въ цѣлой Финляндіи своею обширностью [1]). Край этотъ, по плоскости своей, лишенъ красивыхъ мѣстоположеній; но важнѣе въ немъ недостатокъ хорошей воды. Та, которая получается изъ рѣчки Лиминго, и подается на ближайшихъ станціяхъ, совершенно желтаго цвѣта. Семейство пастора пьетъ чистую и свѣтлую

[1]) Есть даже двустишіе, прославляющее ихъ рядомъ съ пашнями Сторкюро:

Storkyro åker och Limingo äng
Har ej sin like i bredd eller längd,

т. е. пашни Сторкюро и луга Лиминго не имѣютъ равныхъ себѣ ни въ длину, ни въ ширину.

воду; но ее достаютъ въ $2^1/_2$ верстахъ отъ его дома, за церковью, гдѣ находится хорошій колодецъ.

Я подъѣзжалъ къ Улеаборгу съ тѣмъ любопытствомъ, какое мы всегда ощущаемъ, приближаясь въ первый разъ къ мѣсту, давно знакомому намъ по наслышкѣ. Но такъ какъ мы еще будемъ здѣсь на обратномъ пути, то я теперь не стану говорить объ этомъ городѣ. Мы не должны медлить, чтобы во-время доѣхать до Торнео, а къ будущему воскресенью опять поспѣть въ Лиминго, гдѣ мы обѣщали присутствовать на инсталлаціи нашего гостепріимнаго друга. Разстояніе отсюда до Торнео составляетъ полтораста верстъ съ небольшимъ.

16.

Станція Брусила, въ 45 верстахъ къ сѣверу отъ Улеаборга, 9-го іюня.

Содержаніе станцій — финская изба — станціи въ городахъ — переправа черезъ рѣку Улео — изба перевозчика — любовь къ чтенію.

Вотъ богатый гейматъ, и мы рѣшились здѣсь поужинать. Надобно кстати замѣтить, что въ Финляндіи каждая станція устроена въ какомъ-нибудь гейматѣ. Такъ какъ народъ вообще не гонится за прибылью, то повинность принимать проѣзжихъ многіе владѣльцы гейматовъ находятъ тягостною. Но однажды взявъ на себя эту обязанность, они исполняютъ ее чрезвычайно совѣстливо.

Обыкновенно одна половина дома назначена для проѣзжихъ (гастгеберство), а другую занимаютъ сами хозяева. Избу ихъ (ф. pirtti) составляетъ просторная комната съ огромною печью, скамьями вдоль стѣнъ, столомъ, шкапомъ и кроватью. Часто тутъ же бываетъ ткацкій станокъ, маслобойная кадка, иногда нѣсколько стульевъ и стѣнные часы. У нѣкоторыхъ встрѣчаются двѣ большія избы.

Здѣсь мы пошли на хозяйскую половину и черезъ большой свѣтлый покой, гдѣ между прочимъ я замѣтилъ книги на комодѣ, попали мы въ другую, меньшую комнату съ часами противъ дверей и крашенымъ столомъ у окна. Сюда хозяйка принесла намъ обыкновенный ужинъ съ опрятнымъ приборомъ. Прибавка послѣднихъ словъ нужна, потому что на этихъ пустынныхъ дорогахъ ножи, ложки и проч. не всегда могутъ дать выгодное понятіе о хозяйствѣ геймата.

Мы выѣхали изъ Улеаборга часа въ 4 послѣ обѣда, потому что долго должны были дожидаться лошадей, которыхъ нѣтъ на самой станціи. Въ большей части финляндскихъ городовъ лошади для проѣзжихъ поставляются не приходящими изъ разныхъ мѣстъ крестьянами, какъ то бываетъ по почтовымъ дорогамъ, а живущими въ самыхъ этихъ городахъ фурманами. Содержаніе лошадей сто́итъ имъ дороже и отъ того-то за проѣздъ отъ города до первой станціи платятся, по большой части, двойные прогоны.

Такъ какъ Улеаборгъ лежитъ на южномъ берегу рѣки Улео при впаденіи ея въ Ботническій заливъ, то намъ надобно было переправиться черезъ широкое взморье. Дулъ сильный вѣтеръ, и потому переѣздъ нашъ былъ продолжительнѣе обыкновеннаго. Мы оставили вправо устье Улео съ его значительными порогами. Множество складочныхъ магазиновъ у пристани, съ которой мы сѣли на паромъ, а вдали налѣво корабельная верфь свидѣтельствовали объ оживленномъ судоходствѣ торговаго города. Приморскіе жители съ дѣтства роднятся съ грозною стихіею: тамъ съ берега двѣ молоденькія дѣвушки съ маленькимъ братомъ безпечно прыгнули въ крошечную шлюпку и смѣясь пустились бороться съ сердитыми волнами. А тутъ передъ самыми порогами двое молодыхъ людей, поднявъ парусъ на красивой лодкѣ, для потѣхи быстро и смѣло кружатся по бурному заливу.

Продолжая ѣзду сухимъ путемъ, мы между первою и второю станціею по выходѣ на берегъ должны были опять переправиться черезъ рѣку Хаукипудасъ. Въ избѣ перевозчика, куда мы вошли, были двѣ старушки: одна качала люльку и баюкала непривычными для меня звуками внучку свою; другая съ мѣдными очками на носу сидѣла у окошка и для воскреснаго дня читала вслухъ какую-то духовную книжку, которую держала въ костлявой, приподнятой рукѣ. Та и другая продолжали свое дѣло, какъ будто и не замѣчая насъ, когда мы сѣли у стѣны и любовались картиною бѣднаго сельскаго быта. На полу играло нѣсколько дѣтей; между тѣмъ и двѣ дѣвочки, постарше ихъ, съ непринужденною и живою мимикой разговаривая между собой, также нисколько не стѣснялись нашимъ присутствіемъ.

Непремѣнно въ каждой избѣ находимъ мы нѣсколько книжекъ на финскомъ языкѣ, по большей части духовныхъ, но нерѣдко и другихъ, особенно изъ вновь издаваемыхъ для простого народа. Товарищъ мой, немедленно по пріѣздѣ на станцію, почти всегда отправляется въ *pirtti* (избу) и, расположившись тамъ съ своею маленькою трубкой, похожею на крестьянскія, беретъ въ руки одну изъ такихъ книжекъ. Хотя сочинители ихъ, по новости финскаго языка въ литературномъ употребленіи, часто принуждены бываютъ составлять новыя слова, однакожъ поселяне, какъ я слышалъ, не затрудняются ими при чтеніи. Особо отъ прочихъ книжекъ лежитъ на полкѣ или виситъ на деревянномъ гвоздѣ крошечный простонародный календарь, въ которомъ крестьянинъ, между прочимъ, находитъ, для каждаго дня въ году, предсказаніе погоды.

Ленротъ въ крестьянской избѣ совершенно какъ дома. Войдя туда и сказавъ хозяевамъ обычное: „hywää päiwää“ (ф. добраго дня), онъ молча садится на скамью и продолжаетъ курить свою трубку. Потомъ онъ иногда безъ церемоніи отворитъ какой-нибудь ящикъ или шкапикъ и начнетъ разсматривать то, что найдетъ тамъ; если это книга,

онъ съ нею часто ложится на крестьянскую кровать и остается тутъ, пока не запрягутъ лошадей. Въ разговоръ съ крестьянами онъ вступаетъ довольно рѣдко и не любитъ дѣлать имъ вопросы безъ особенной надобности. Но никогда не забываетъ онъ, при встрѣчѣ съ ними гдѣ бы ни было, своего „hywää päiwää“, а при отъѣздѣ со станціи всегда прощается, говоря: „hywästi“.

Между двумя слѣдующими станціями мы встрѣтили опять перевозъ чрезъ довольно широкую рѣку Іио (Ijo). Отъ Улеаборга до Торнео приходится переѣзжать водою не менѣе восьми разъ черезъ рѣки и рѣчки, впадающія въ Ботническій заливъ. Надобно надѣяться, что, по крайней мѣрѣ, черезъ нѣкоторыя изъ нихъ со временемъ проведены будутъ мосты. Нынѣшній Улеаборгскій губернаторъ, г-нъ Лагерборгъ, дѣятельно заботится объ улучшеніи путей сообщенія въ полупустынной еще сѣверной Финляндіи, и многое уже сдѣлано имъ въ этомъ отношеніи.

17.

Станція Вуорносъ, 10-го іюня.

Крестьянки изъ Далекарліи — раздѣлъ ночлега — общество изъ Улеаборга.

Въ Брýсилѣ, гдѣ мы ужинали вчера, видѣли мы на большой дорогѣ множество крестьянокъ, одинаково одѣтыхъ, которыя шли пѣшкомъ съ мѣшками и узлами на плечахъ. Мы тотчасъ узнали въ нихъ женщинъ изъ Далекарліи, какихъ лѣтомъ много бываетъ въ Гельсингфорсѣ. Цвѣтная одежда ихъ довольно красива, и существенную часть ея составляетъ передникъ, котораго лишеніе есть знакъ безчестія. Жители Далекарліи отличаются строгостію своихъ патріархальныхъ нравовъ, и въ разговорѣ, по крайней мѣрѣ у себя на родинѣ, всѣмъ говорятъ *ты*, не исключая и самого короля. Далекарлія въ послѣдніе годы терпѣла неурожай, и вотъ отъ чего число крестьянокъ, покидающихъ область, чрезвычайно увеличилось. Эти по-шведски такъ называемыя *Dalkullor* добываютъ хлѣбъ продажею разныхъ приготовляемыхъ ими волосяныхъ издѣлій, и до глубокой осени показываются во всѣхъ болѣе значительныхъ городахъ Финляндіи. Тѣ, которыхъ мы здѣсь встрѣтили, сказывали намъ, что ихъ болѣе 40 идетъ изъ Швеціи береговою дорогой; а до нихъ уже прошли другія партіи. Онѣ сами не знали, куда именно отправиться, и готовы были принять всякій совѣтъ [1]).

Вчера послѣ ужина мы проѣхали еще 18 верстъ и ночевали здѣсь, за недостаткомъ порядочной комнаты, въ тѣсной каморкѣ. Единствен-

[1]) Мѣсяца черезъ два послѣ этой встрѣчи я ѣхалъ изъ Петербурга въ Выборгъ. И тутъ, на одной станціи, нашелъ я далекарліекъ, которыя пѣшкомъ возвращались изъ Петербурга, очень недовольныя своимъ пребываніемъ въ этомъ городѣ, гдѣ почти ни съ кѣмъ не могли говорить и гдѣ лѣтомъ, какъ извѣстно, бываетъ довольно пусто.

ную деревянную софу или точнѣе скамью, какая стоитъ здѣсь, раздѣлили мы между собой такимъ образомъ, что докторъ Ленротъ снялъ съ нея доску, на которой сидятъ, и съ помощью стульевъ устроилъ себѣ изъ этого походную кровать, а я легъ въ углубленіе, открывшееся въ софѣ подъ этой доской. Вскорѣ послѣ насъ прибыло сюда же въ большой, красивой коляскѣ шведской работы, купеческое общество изъ Улеаборга. Оно также отправляется въ Торнео и, не нашедши здѣсь мѣста, поѣхало далѣе съ тѣмъ, чтобы ночевать не далеко отсюда на стеклянномъ заводѣ.

18.

Станція Кулью, на правомъ берегу Торнео, 11-го іюня.

Рѣка Кеми — мѣсто ярмарки — три церкви — городъ Торнео — Хапаранда — переправа — церковь на островѣ — отъѣздъ на Авасаксу — ночное солнце.

Верстъ за 35 до Торнео переправились мы черезъ большую рѣку Кеми [1]). Острова ея и берега, поросшіе лиственными деревьями, вокругъ красивые гейматы и засѣянныя поля, — все это вмѣстѣ составляетъ очень живописный видъ. На самой рѣкѣ въ разныхъ мѣстахъ разставлены такъ называемые заколы (шв. pata) для ловли лососины, — одинъ изъ главныхъ промысловъ всего берегового края отъ Улеаборга къ сѣверу. На правомъ берегу рѣки построенъ цѣлый рядъ домиковъ для бывающей здѣсь ежегодно ярмарки.

На противоположной сторонѣ возвышается большая церковь, красивая снаружи, величественная внутри. Возлѣ нея рисуются развалины прежней церкви: когда мы проѣзжали здѣсь, между колоннами ея стояли овцы; испуганныя звономъ нашего колокольчика, онѣ робко выглядывали на большую дорогу — была особенная прелесть въ этой картинѣ. Разрушенная церковь построена была не прежде, какъ въ исходѣ прошлаго столѣтія (1799). Но вскорѣ въ стѣнахъ ея оказались трещины, и императоръ Александръ, по проѣздѣ чрезъ эти мѣста въ 1819 году, ассигновалъ сумму для построенія новой церкви, которая и окончена въ 1827 году. Напротивъ нея, черезъ дорогу, стоитъ еще третья, древнѣйшая церковь (построенная въ 1519 году) подъ крышею, снятою съ оставленнаго зданія первой. Въ послѣдней сохраняются, во время зимы, покойники до погребенія ихъ весною на кладбищѣ.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ переѣзжаютъ черезъ рѣку Кеми, находятся небольшіе пороги: гребцы направляютъ паромъ въ самую средину ихъ, откуда вдругъ теченіе устремляетъ его къ противоположному берегу.

[1]) Рѣка эта названа такъ, вѣроятно, по имени Кеми, впадающей въ Бѣлое море, съ береговъ котораго часть финновъ, какъ надобно полагать, переселилась сюда.

Близъ Торнео опять появляются безпрестанно крестьянскіе гейматы; красный цвѣтъ ихъ посреди зелени еще болѣе оживляетъ мѣстность. Прежнее замѣчаніе объ охотѣ крестьянъ къ постройкамъ относится и сюда.

Вчера вечеромъ, часовъ въ 7, достигли мы наконецъ берега рѣки Торнео. За нею видно два города: направо Торнео съ его красною финскою церковью; налѣво шведскій пограничный же городъ Ха́паранда, высокое въ немъ зданіе, которое представляется довольно хорошо, есть домъ тамошняго училища. Обыкновенно воображаютъ, что Торнео на восточной сторонѣ рѣки, а Хапаранда на западной. Это ошибочно: Торнео лежитъ на островѣ, отдѣляемомъ отъ шведскаго берега только узкимъ протокомъ, иногда почти совершенно высыхающимъ. Черезъ него устроенъ мостъ, такъ что сообщеніе между обоими городами возможно и сухимъ путемъ, хотя болѣе отдаленнымъ (верстъ 5). Во время войны съ Швеціею граждане Торнео изъявили желаніе перейти въ подданство русскаго Императора. При присоединеніи Финляндіи къ Россіи жителямъ края предоставлено было право въ теченіе трехъ лѣтъ переселяться въ Швецію, чѣмъ и здѣсь нѣкоторые воспользовались. Тогда же шведское правительство положило основать въ томъ краю новый городъ въ замѣнъ утраченнаго; но Хапаранда возникла не прежде 1815 года и не на томъ мѣстѣ, которое первоначально для нея назначалось.

Когда мы съ экипажемъ нашимъ уже были на паромѣ и отплыли довольно далеко отъ берега, тогда только мы догадались, что по-настоящему намъ бы совсѣмъ не нужно было *теперь* переправляться въ Торнео, потому что мы на другое утро сбирались ѣхать еще далѣе на сѣверъ, и для того должны были опять воротиться на лѣвый берегъ рѣки. Ошибка наша произошла отъ того, что мы прежде въ продолженіе всей дороги считали необходимымъ попасть напередъ въ Торнео. „Посмотримъ", сказалъ кто-то изъ насъ, „не послужитъ ли и это неожиданно къ лучшему". Надежда эта впослѣдствіи оправдалась. — Здѣсь въ устьѣ рѣки Торнео теченіе ея очень быстро по причинѣ пороговъ, образуемыхъ ею нѣсколько выше. Такъ какъ сверхъ того съ сѣвера дулъ сильный вѣтеръ, то мы должны были подняться по рѣкѣ на довольно значительное пространство, пока достигли середины ея и могли принять надлежащее направленіе.

Влѣво отъ насъ находился небольшой островъ съ церковью, принадлежащею къ сельскому приходу Торнео. Когда еще въ шведское время надобно было построить для этого прихода церковь, то жители обоихъ береговъ рѣки старались отклонить ея построеніе на ихъ сторонѣ, и для рѣшенія спора она помѣщена на островѣ. Сзади насъ возвышался на берегу красивый желтый домикъ — жилище провинціальнаго лѣкаря, доктора Э. Когда мы вышли на берегъ въ Торнео,

лодочники отвезли легкую коляску нашу на станцію, до которой отъ пристани не далеко. „Мы можемъ вообразить“, сказалъ шутя докторъ Ленротъ, „что съ тріумфомъ въѣзжаемъ въ Торнео и что жители на себѣ везутъ насъ, какъ великихъ современныхъ артистовъ“. Но жители какъ будто прятались отъ *южныхъ* гостей своихъ: на улицахъ не видно было никого.

Было 10 (22) іюня, а смотрѣть на *полуночное* солнце (шв. midnatts-solen) съѣзжаются обыкновенно 11 (23), наканунѣ Иванова дня [1]). Изъ Торнео можно видѣть его во всю ночь не иначе, какъ развѣ съ колокольни. Вотъ почему любопытные отправляются еще на 70 верстъ ближе къ полюсу и тамъ всходятъ на гору *Авасаксу*. Мы очень дорожили временемъ для того, чтобы еще успѣть найти близъ этого мѣста пристанище въ случаѣ стеченія туда нѣсколькихъ путешественниковъ. Поэтому-то, велѣвъ кузнецу осмотрѣть нашу *триллу* [2]) и узнавъ, что она требуетъ починки, мы рѣшили ѣхать къ Авасаксѣ налегкѣ въ станціонной телѣжкѣ, а свой экипажъ съ человѣкомъ оставить въ Торнео до возвращенія нашего. Такъ-то переправа наша черезъ рѣку Торнео обратилась намъ въ пользу; не переѣхавъ туда, мы бы и не подумали о возможности отправиться къ Авасаксѣ на перекладныхъ, а этотъ способъ былъ для насъ во многихъ отношеніяхъ самымъ удобнымъ, и мы весело могли сказать: „все къ лучшему“.

Теперь ничто не мѣшало намъ въ тотъ же вечеръ переправиться назадъ черезъ рѣку Торнео. Между тѣмъ вѣтеръ утихъ, и она едва струилась, когда мы въ половинѣ 12-го часа ночи плыли на противоположный берегъ при полномъ сіяніи солнца, съ сѣверной стороны стоявшаго надъ свѣтлою поверхностію воды. На лодкѣ переправилась съ нами телѣжка, въ которой мы, проѣхавъ отъ берега версты 2½, и прибыли сюда послѣ полуночи. Мы нашли здѣсь просторную, чистую комнату съ двумя постелями и всѣ удобства покойнаго ночлега. Только что мы пріѣхали, я по обыкновенію началъ завѣшивать окна, чтобы на время сна защититься отъ свѣта, который здѣсь такъ неизмѣнно сопровождаетъ насъ. Сегодня рано утромъ внимательная хозяйка напоила насъ отличнымъ кофеемъ и мы сейчасъ отправляемся въ путь.

[1]) Въ Финляндіи наканунѣ этого дня вечеромъ вообще водится всходить на высоты, чтобы видѣть зажигаемые въ разныхъ мѣстахъ огни.

[2]) Такъ называется очень употребительная въ Финляндіи маленькая коляска, въ которой по городу обыкновенно ѣздятъ въ одиночку.

Отдѣлъ IV.

Поѣздка къ горѣ Авасаксѣ и незаходящее солнце.

19.

Гейматъ Ханнуккала, близъ горы Авасаксы, въ Ивановъ день.

Берега рѣки Торнео — крайніе пункты земледѣлія — роды деревьевъ — промышленность — опасная телѣжка — станція Юрва — пробстъ Кастренъ — наблюденія надъ солнцемъ — дорога къ Авасаксѣ — крестьянскій дворъ — дѣвочка изъ Хапаранды — семейство судьи.

Вопреки общему понятію объ отдаленномъ сѣверѣ, берега Торнео производятъ на путешественника самое выгодное впечатлѣніе. По обѣ стороны рѣки встрѣчаетъ онъ хорошо построенные крестьянскіе гейматы, которыхъ видъ свидѣтельствуетъ о довольствѣ жителей. Гейматы идутъ еще далеко на сѣверъ до самой Муоніониски, верстъ за 300 отъ Торнео. Разведеніе ячменю и картофеля продолжается до озера Энаре, что́ на краю Лапландіи, между тѣмъ какъ въ Архангельской губерніи землепашество, въ видѣ общаго промысла, оканчивается около трехъ сотъ верстъ южнѣе, у города Кеми при Бѣломъ морѣ, т. е. на одинаковой широтѣ съ Улеаборгомъ. Въ растительности и въ родахъ деревьевъ замѣтно мало различія между берегами Торнео и болѣе южными частями края: здѣсь, какъ и тамъ, растетъ ель, сосна, береза, ольха, осина, черемуха, ива и пр.; но деревья вообще нѣсколько ниже. Рожь сѣютъ только мѣстами, замѣняя ее ячменемъ. Благодаря обилію свѣта въ продолженіе лѣтнихъ мѣсяцевъ, хлѣбъ созрѣваетъ здѣсь ранѣе и уже теперь стоитъ выше, нежели въ другихъ мѣстахъ, гдѣ мы проѣзжали. То же должно сказать и о травѣ. Земледѣліе составляетъ здѣсь главный промыслъ; рыбная ловля и скотоводство занимаютъ второстепенное мѣсто. По берегамъ Торнео не должно однакожъ судить о внутренней, болѣе отдаленной отъ нихъ части сѣвернаго края, гдѣ населеніе и продовольствіе скудны.

Двуколесныя телѣжки, которыя мы получали на станціяхъ, были вообще плохи, хотя устроенное надъ осью сидѣнье и довольно удобно. Сопровождавшій насъ подводчикъ, обыкновенно маленькій мальчикъ, становился сзади, и мы правили сами. Одна изъ доставшихся намъ телѣжекъ была такъ ветха, что, не смотря на веревки, которыми ее напередъ кое-какъ связали, она вся едва было не развалилась дорогою: вмѣстѣ съ сидѣньемъ мы покачнулись назадъ и могли бы раздавить мальчика. Къ счастію мы остановили лошадь еще во-время и, воротясь на станцію, откуда отъѣхали не далеко, потребовали другой

телѣжки. Такъ какъ здѣшніе подводчики ѣздятъ безъ кнутовъ, а свой мы забыли взять изъ Торнео, то мы подвигались не слишкомъ скоро, хотя дорога совсѣмъ не дурна. Впрочемъ, она довольно гориста; къ тому же не надобно забывать, что мы, ѣдучи вдоль берега вверхъ по теченію рѣки, безпрестанно подымались въ гору. Дорога эта устроена еще только лѣтъ 25 тому назадъ, а до того ѣздили по шведскому берегу. Она довольно узка; по обѣ стороны ея идутъ овраги, и потому ѣзда въ большомъ экипажѣ требуетъ здѣсь особенной осторожности.

Рѣка Торнео иногда расширяется на значительное пространство; между станціями Піусуа и Роусу (Piusua, Rousu) стремится она бурно черезъ пороги. Недалеко отсюда — церковь Карунки (Karunki), противъ которой на шведскомъ берегу другая. Тамошняя сторона Торнео вообще уступаетъ здѣшней по почвѣ и разработкѣ земли, но въ этомъ мѣстѣ различіе, повидимому, исчезаетъ.

Послѣ Піусуа опять встрѣчается небольшая переправа черезъ рѣчку Ліэакка (Lieacka), впадающую въ Торнео. Слѣдующая станція верстахъ въ 15-ти отъ перевоза. До Роусу, гдѣ насъ накормили не совсѣмъ удовлетворительно, ѣхали мы черезъ Нижне-торнеоскій приходъ; за этою станціею вскорѣ начинается приходъ Верхне-торнеоскій.

Въ Юрвѣ, послѣдней станціи передъ Авасаксою, нашли мы для проѣзжихъ одну только тѣсную комнатку. Пріѣхавшій за нѣсколько минутъ передъ нами полковникъ баронъ Любекеръ изъ Гельсингфорса занялъ покой на хозяйской половинѣ. Близъ станціи, у большой же дороги, находится церковь Алькула (Alkula), а подалѣе и пасторскій домъ. Такъ какъ было еще рано, мы рѣшились навѣстить пробста Кастрена, одного изъ давнишнихъ пріятелей доктора Ленрота. Онъ насъ принялъ съ обыкновеннымъ радушіемъ финляндскихъ пасторовъ. Трубки, пуншъ, вино, кофе и чай — все это успѣло вмѣститься въ короткое время нашего посѣщенія. Пробстъ Кастренъ родился въ уѣздѣ Каяны, но провелъ здѣсь уже 23 года, въ продолженіе которыхъ только однажды былъ на Авасаксѣ, хотя ему до нея только 10 верстъ. Между тѣмъ онъ по обязанности ежегодно объѣзжаетъ приходъ, который отъ юга къ сѣверу простирается на 180 верстъ и частію заключаетъ въ себѣ жилища лапландцевъ. Естественно, что разговоръ нашъ часто возвращался къ солнцу — въ краю, который оно то съ избыткомъ даритъ своимъ присутствіемъ, то надолго покидаетъ почти совершенно: зимой оно свѣтитъ здѣсь не болѣе какъ часа 3 въ сутки (отъ 11 до 2-хъ). Нѣкоторыя явленія, замѣченныя здѣсь, подали жителямъ поводъ думать, что оно въ разные годы подымается на различную высоту. Одинъ крестьянинъ разсказывалъ пастору, что въ окна его, заслоненныя другимъ домомъ, лучи солнечные не всякое лѣто проникаютъ черезъ крышу сосѣда. Самъ пасторъ замѣтилъ у себя въ комнатѣ, что крайняя черта, съ которой тамъ

начинается тѣнь, бываетъ въ одинъ годъ ближе, въ другой дальше отъ окна. Истиннаго объясненія этихъ различій должно, кажется, искать въ законахъ преломленія свѣта.

Разставаясь съ пасторомъ, чтобы ѣхать на Авасаксу, мы получили приглашеніе обѣдать у него завтра при возвращеніи оттуда. Отъ станціи Юрвы до этой горы остается 10 верстъ, и прежде нельзя было иначе попасть туда, какъ водою. Нынче въ первый разъ можно было ѣхать до самой Авасаксы по дорогѣ, только-что оконченной, но уже порядочной, и которую предполагается продолжить еще гораздо дальше, до Муоніониски. Такъ какъ было очень вѣтрено, то мы съ радостію воспользовались этимъ сухопутнымъ сообщеніемъ. Верстахъ въ двухъ отъ горы увидѣли мы большую группу молодыхъ крестьянъ и крестьянокъ, которые шли по тому же направленію. Когда мы поравнялись съ ними, нѣкоторые изъ мужчинъ пустились бѣжать возлѣ нашей телѣжки и за нею, какъ будто взапуски съ лошадью. Впереди насъ ѣхалъ баронъ Любекеръ и рядомъ съ его одноколкою также бѣжало два человѣка. Мы не могли понять, что это значитъ. „Не въ томъ ли дѣло, чтобы завлечь пріѣзжихъ къ себѣ на квартиру?“ сказалъ я. Но товарищъ мой замѣтилъ, что между финнами, вообще лишенными промышленнаго духа, особливо здѣсь, въ такомъ малолюдномъ краѣ, нельзя предполагать подобной смѣтливости.

По совѣту пробста Кастрена мы рѣшились пристать близъ горы въ гейматѣ *Ханнуккалъ* (въ переводѣ Ванино, Иваново). Это крестьянскій дворъ лежитъ почти у подошвы Авасаксы, вправо отъ дороги. Ошибкою проѣхали мы слишкомъ далеко; ѣдучи же назадъ, встрѣтили коляску улеаборгскаго общества и, придерживая налѣво, чтобы дать ей мѣсто, едва не очутились въ оврагѣ. Въ избѣ Ханнуккалы, куда мы съ большой дороги должны были итти пѣшкомъ по тропинкѣ, нашли мы дѣвочку лѣтъ 13-ти, которая сидѣла у стѣны передъ люлькой. Она по-шведски сказала намъ, что служитъ у судьи Тиккандера, обыкновенно живущаго близъ Торнео, но теперь разъѣзжающаго съ семействомъ своимъ по должности: они остановились здѣсь и были въ другой комнатѣ. Сама дѣвочка была шведка изъ Хапаранды, гдѣ отецъ ея — сапожникъ. „Умѣешь ли ты читать“? спросилъ я ее.—Нѣтъ, не умѣю.— „Слыхала ли ты о Петербургѣ“? — Не слыхала. — Между тѣмъ улыбка, какою сопровождались эти отвѣты, ясно выражала намѣреніе дѣвочки потрунить надъ проѣзжимъ, который предлагалъ ей такіе, по ея мнѣнію, странные вопросы.

20.

Геймать Ханнуккала, въ Ивановъ день.

Авасакса — разложенный огонь — промышленность на горѣ — анекдотъ объ англичанинѣ — общество на Авасаксѣ — окрестный видъ — полуночное солнце — шведскій магистръ — возвращеніе въ гейматъ.

Удостовѣрившись, что и насъ готовы принять въ этомъ домѣ, мы съ проводникомъ пошли къ Авасаксѣ. Изъ множества горъ, покрывающихъ окрестности, она самая высокая; но о вышинѣ ея трудно судить, стоя у подошвы, потому, что за пологостію, поросшею лѣсомъ, не видно вершины. Хотя Авасакса и не крута, однакожъ восхожденіе на нее довольно трудно по множеству большихъ, острыхъ камней, мѣстами лежащихъ цѣлыми грядами на ея скатѣ. Въ направленіи, по которому мы взбирались, она расположена уступами, и нѣкоторые изъ нихъ отдѣлены другъ отъ друга громадами утесовъ. Проворно перескакивалъ нашъ проводникъ съ камня на камень, и мы сколько могли не отставали отъ него.

Говорятъ, что со стороны рѣки еще труднѣе подыматься на гору. Съ полчаса продолжался нашъ путь отъ геймата до вершины Авасаксы и составлялъ всего версты полторы: съ версту можно положить на самую гору.

На вершинѣ уже было нѣсколько пріѣзжихъ. Съ сѣвера дулъ сильный, холодный вѣтеръ [1]); передъ скалою, защищавшею отъ него, на небольшомъ уступѣ разложенъ былъ огонь, въ который отъ времени до времени бросали огромные сучья елей и сосенъ, росшихъ по близости. Здѣсь не знаютъ господствующаго въ другихъ частяхъ Финляндіи обычая: наканунѣ Иванова дня, вечеромъ, жечь на высотахъ бочки и цѣлыя кучи набросанныхъ деревьевъ. Здѣсь огонь горѣлъ только для удобства собиравшихся посѣтителей, и вокругъ него безпрестанно было нѣсколько человѣкъ: пылая съ трескомъ и густымъ дымомъ, онъ согрѣвалъ и веселилъ насъ. Небо было обложено тучами и отнимало почти всякую надежду увидѣть въ эту ночь солнце.

Едва мы достигли вершины горы, какъ къ намъ подошли два или три человѣка съ какимъ-то инструментомъ въ рукахъ, показывая на лежащіе вблизи камни. Эти камни были покрыты множествомъ именъ и начальныхъ буквъ: дѣло шло о томъ, чтобы и насъ обезсмертить такимъ образомъ. Заказавъ по одной буквѣ, мы теперь поняли, что́

[1]) Весь день была такая стужа, что крестьяне на станціяхъ говорили намъ: „недостаетъ только снѣгу, а то была бы совершенная зима“. На обратномъ пути мы потомъ услышали, что въ ночь на Ивановъ день дѣйствительно шелъ сильный снѣгъ на всей полосѣ края отъ Улеаборга до Куопіо, и на слѣдующее утро, часовъ до 9-ти, земля покрыта была бѣлымъ пологомъ.

имѣли въ виду преслѣдовавшіе давеча нашу телѣжку; они думали, что мы подъѣдемъ прямо къ горѣ и спѣшили прежде другихъ предложить намъ свои услуги. Существованіе здѣсь этой промышленности, такъ какъ и большое число надписей на горѣ, показываетъ, что Авасакса посѣщается довольно много. Мы слышали однакожъ, что въ послѣдніе годы здѣсь было менѣе путешественниковъ, нежели въ прежнее время. Бывало, сюда пріѣзжали нерѣдко и англичане, о которыхъ въ окрестностяхъ сохранилось нѣсколько забавныхъ анекдотовъ. Вотъ одинъ для примѣра. Съ вечера Джонъ Буль легъ спать и отдалъ лакею приказаніе, чтобы тотъ разбудилъ его въ полночь, если солнце будетъ видно. Лакей былъ человѣкъ аккуратный и въ назначенное время явился съ докладомъ. Но англичанинъ, довольный своимъ положеніемъ, только повернулся на постели и сказалъ слугѣ: „ну, хорошо: поди же на гору, посмотри за меня“; потомъ опять отвернулся и снова заснулъ. — Намъ сказывали въ дорогѣ, что нынче въ Торнео ожидаютъ изъ Стокгольма пароходъ съ пассажирами, собирающимися на Авасаксу. Однакожъ никого не было видно, кромѣ барона Любекера, улеаборгскаго общества, семейства судьи, трехъ молодыхъ людей изъ дома пробста Кастрена, да группы крестьянъ и нарядныхъ крестьянокъ, весело расположившейся на возвышеніи близъ пламени. Единственныя двѣ дамы принадлежали къ обществу судьи. Пріѣзжіе изъ Улеаборга, запасшись водою и виномъ, потчевали остальныхъ дымящимися стаканами.

Названіе Авасаксы не имѣетъ значенія на финскомъ языкѣ, и потому трудно объяснить происхожденіе этого имени. Видъ съ вершины обширенъ и разнообразенъ: его составляютъ горы, разбросанныя въ различномъ отдаленіи отъ зрителя и живописно выступающія одна изъ-за другой; нѣсколько гейматовъ; рѣка Торнео со впадающею въ нее Тенкели и четыре озера. Имена ихъ (Portima, Aita, Särki, Soukula и Orihjärvi) продиктовалъ мнѣ одинъ изъ крестьянъ, высѣкавшихъ надписи на камняхъ. Я обходилъ гору съ разныхъ сторонъ и мѣстами встрѣчалъ крутыя стремнины. Съ западнаго края у самой подошвы протекаетъ Торнео: лодка, переѣзжавшая черезъ рѣку съ шведскаго берега, казалась ползущимъ насѣкомымъ. Желая унести съ Авасаксы какое-нибудь воспоминаніе, я нарвалъ нѣсколько бѣлыхъ цвѣточковъ (trientalis europæa), которые какъ звѣздочки выглядывали всюду изъ-подъ вереска и черничныхъ листочковъ.

Между тѣмъ общество наше нѣсколько увеличилось. Мы увидѣли вдругъ четырехъ молодыхъ людей, щегольски и почти одинаково одѣтыхъ, въ свѣтло-сѣрыхъ, сверху выпуклыхъ шляпахъ съ широкими полями. Вскорѣ узнали мы, что это шведы, въ тотъ же день прибывшіе на пароходѣ въ Хапаранду, и что старшій изъ нихъ (прочіе были почти мальчики) — магистръ Хаммаргре́нъ. Вслѣдъ за ними явился

еще одинъ пассажиръ того же парохода, нѣмецкій купецъ К. Всѣ были изъ Стокгольма.

Уже мы вовсе не надѣялись увидѣть солнца. Но оно какъ будто ожидало только той минуты, когда появленіе его именно нужно было для оправданія вѣры въ его невидимое присутствіе. Внезапно раздвинулось облако, будто разодралась завѣса, и засіялъ полный, изкрасна золотистый кругъ, яркій, но безъ лучей. Я посмотрѣлъ на часы: было ровно двѣнадцать. Долго и непрерывно глядѣлъ я на величественное свѣтило, и глазъ безъ труда выносилъ его блескъ. Оно стояло надъ горизонтомъ, какъ казалось, на высотѣ одного своего діаметра, и повидимому оставалось нѣсколько времени совершенно неподвижно. Около половины перваго часа опять нашли тучи и солнце исчезло. Краткое время пребыванія солнца на одной высотѣ замѣняетъ здѣсь ночь: тогда природа отдыхаетъ и съ нею всѣ твари на мигъ предаются покою. Но едва царь свѣта вновь начнетъ свое восхожденіе, все оживляется: выпархиваютъ птички изъ лиственныхъ пріютовъ и радостными звуками славятъ непрерывное присутствіе благотворнаго дня.

Цѣль посѣтителей была достигнута. Когда и прилежные гравёры окончили свое дѣло, общество начало мало-по-малу расходиться. Многіе передъ уходомъ вспомнили небольшой столбъ, стоящій на вершинѣ Авасаксы съ жестянымъ ящикомъ и надписью: *для бѣдныхъ*. Мы удалились послѣ всѣхъ. Молодой магистръ, узнавъ, что въ обществѣ находится докторъ Ленротъ, извѣстный ему по наслышкѣ, вступилъ съ нимъ въ разговоръ и, съ любопытствомъ освѣдомляясь о предметахъ его дѣятельности, показалъ довольно рѣдкое въ Швеціи знакомство съ движеніемъ новѣйшей финской литературы. Едва мы простились съ магистромъ и его товарищами, какъ солнце показалось вновь; но уже былъ часъ, и мы, не чувствуя охоты послѣдовать его примѣру, рѣшились по обыкновенію лечь отдохнуть.

Уже не нуждаясь въ проводникѣ, мы прежнимъ путемъ сошли съ Авасаксы и воротились въ Ханнуккалу. Здѣсь, по распоряженію любезнаго судьи, намъ была приготовлена комната, которую самъ онъ занималъ прежде, но теперь предоставилъ намъ, переселившись со своимъ семействомъ въ просторную избу. Какъ ни поздно было, однакожъ мы уступили потребности подкрѣпить себя пищею послѣ необыкновенной прогулки, и простой сельскій ужинъ показался намъ вкуснѣе самыхъ роскошныхъ яствъ. Ячный *(ячменный)* хлѣбъ, какой намъ подали, былъ для меня новостью. Этотъ такъ называемый „*rieska leipä*“ (ф. прѣсный хлѣбъ) преимущественно употребляется простымъ народомъ здѣшняго края, гдѣ вообще мало сѣютъ ржи. Въ другихъ мѣстахъ крестьяне ѣдятъ мягкій ржаной хлѣбъ, который, для отличія отъ общеупотребительнаго жёсткаго, называется *pereh leipä* (ф. люд-

ской хлѣбъ). Простой народъ сушитъ свой хлѣбъ только въ нѣкоторыхъ областяхъ южной Финляндіи.

Обыкновенно проѣзжающіе по мѣстамъ отдаленнымъ и скуднымъ запасаются пищею всякаго рода. Съ нами нѣтъ никакихъ съѣстныхъ припасовъ, и мы еще ни разу не сожалѣли о томъ. Напротивъ, взявъ за правило не ѣсть въ дорогѣ болѣе двухъ разъ въ день, и потому всегда принося къ столу самый исправный аппетитъ, мы чувствуемъ отъ кушанья, подаваемаго на станціяхъ, величайшую пользу для здоровья. Когда мы спускались съ Авасаксы, докторъ Ленротъ справедливо замѣтилъ, что противъ такого образа жизни, какой мы теперь ведемъ, не устояли бы никакіе недуги изнѣженнаго горожанина, еслибъ только онъ рѣшился такъ какъ мы лазить по горамъ и довольствоваться крестьянскою пищею.

21.

Станція Хирстіэ (Hirstiö), въ 20-ти верстахъ по сю сторону Авасаксы, 13-го іюня.

Лапландская дѣвочка — содержаніе оленей — черта жестокости — лапландцы — польза оленя — лапландскія сани — рецепты доктора Л. — отъѣздъ изъ Ханнуккалы — обѣдъ у пробста Кастрена — берлинскій профессоръ — рыбная ловля — земледѣліе — народъ — ярмарка — сношенія пограничныхъ жителей.

На другое утро добрый судья, угощая насъ завтракомъ изъ своего дорожнаго запаса, разсказалъ намъ, какъ при сходѣ съ горы его обогнала одна лапландская дѣвочка, которая какъ серна неслась съ удивительною быстротою, огромными прыжками съ камня на камень. Зимою около Торнео сообщеніе по глубокимъ снѣгамъ было бы невозможно безъ оленей, и потому здѣшніе крестьяне держатъ цѣлыя стада ихъ; а пастухами служатъ имъ лапландцы, которыхъ они для этого нанимаютъ цѣлыми семействами. Плата состоитъ въ хлѣбѣ, въ маслѣ, въ правѣ пользоваться молокомъ оленей и сыромъ, изъ него приготовляемымъ, который лапландцы частью обращаютъ въ продажу. Вотъ какимъ образомъ попала сюда и дѣвочка, изумившая г-на Тиккандера своимъ проворствомъ. Мать ея съ нею, и разсказывала, какъ лѣтъ 30 тому назадъ какой-то путешественникъ уговорилъ ее, еще молодую, и ея мужа ѣхать съ нимъ за границу, и какъ онъ тамъ, въ Германіи, намѣренъ былъ посадить ихъ въ клѣтку, чтобы показывать за деньги. Къ счастію, нашлись люди, которые, съ негодованіемъ узнавъ о его корыстолюбіи и жестокости, успѣли доставить несчастной четѣ возможность воротиться на родину.

Замѣчательно, что жилища лапландцевъ съ теченіемъ времени постепенно рѣдѣютъ съ южной стороны, между тѣмъ какъ финны въ той же мѣрѣ подвигаются далѣе и далѣе на сѣверъ. Тамъ не рѣдко

ищутъ убѣжища преслѣдуемые закономъ; но потомство ихъ составляетъ хорошее народонаселеніе. Въ Сѣверной Норвегіи, до которой это наиболѣе относится, такъ много финновъ, что тамъ лапландскіе пасторы не могутъ обойтись безъ знанія финскаго языка. Довольно вѣроятно, что нѣкогда лапландцы совершенно изчезнутъ какъ народъ и будутъ только пасти оленей въ услуженіи у финновъ. При всей видимой скудости существованія лапландца, онъ ведетъ жизнь спокойную, не зная никакихъ заботъ, кромѣ надзора за своими оленями. И не надобно воображать, будто страна его — голая пустыня: у него есть лѣсъ, часто и близко отъ его жилищъ, только что растительность произрастаетъ очень медленно. — Здѣсь, въ краю около Торнео, оленей держатъ не только для ѣзды, но и для употребленія мяса ихъ въ пищу, а кожи на мѣха. Оленьи окорока и языки, какъ сырые, такъ и копченые, пользуются значительнымъ сбытомъ. Удобство оленя для ѣзды по снѣгамъ заключается не только въ легкости и быстротѣ его, но и въ устройствѣ копытъ его, которое не позволяетъ ногѣ глубоко погружаться въ снѣгъ.

Сани у лапландцевъ двоякія: однѣ употребляются для перевоза клажи, другія — собственно для ѣзды. Послѣднія (pulka) похожи на башмакъ: ноги сѣдока помѣщаются въ тѣсномъ, закрытомъ пространствѣ, а туловище торчитъ изъ отверстія. Въ рукахъ ѣдущаго одна только возжа, которую онъ перекидываетъ черезъ оленя, то на одну сторону, то на другую, смотря по надобности, для указанія ему направленія. Проводникъ ѣдетъ такимъ же образомъ впереди.

Любопытно было бы взглянуть на оленье стадо, принадлежащее кому-нибудь изъ здѣшнихъ крестьянъ; но такъ какъ до мѣста, гдѣ можно увидѣть его въ лѣсу, было довольно далеко, а мы должны были разсчитывать свое время, то и отказались отъ этого удовольствія.

Пока мы готовились ѣхать, къ доктору Ленроту приходили изъ окрестностей больные крестьяне и крестьянки за совѣтами. Онъ привыкъ къ такимъ посѣщеніямъ на станціяхъ, гдѣ проѣзжаетъ, и здѣсь съ обыкновеннымъ своимъ добродушіемъ раздавалъ рецепты. Изъ благодарности хозяева, при отъѣздѣ нашемъ, не приняли отъ насъ никакой платы, и мы, какъ водится, у каждаго изъ нихъ дружески пожали руку за гостепріимство. Хозяйка сказала намъ при прощаніи, что она сестра того капитана Юнеліуса, который въ 1819 году былъ кормщикомъ императора Александра на бурномъ озерѣ Улео, о чемъ я вскорѣ надѣюсь имѣть случай упомянуть подробнѣе.

Хозяинъ взялся отвезти насъ назадъ до первой станціи (Юрвы) на собственной лошади. На его маленькой двуколесной телѣжкѣ не было особой скамьи, какая устроена на станціонныхъ повозкахъ, и мы должны были сидѣть, свѣсивъ ноги впередъ къ хвосту его прыткой лошади. Хозяинъ то шелъ, то сидѣлъ сзади насъ, смотря по свойству

дороги, которой большая часть еще такъ нова, что не позволяетъ ѣхать слишкомъ скоро. Въ Юрвѣ, поправивъ нашъ туалетъ, немного разстроившійся отъ такой оригинальной ѣзды, мы отправились къ пробсту Кастрену. Уже было болѣе двухъ часовъ, но обѣдня недавно отошла и насъ еще ждали къ столу. Вскорѣ послѣ обѣда, за которымъ не было пасторши и дочери ея, мы опять увидѣлись здѣсь съ судьею, также пріѣхавшимъ съ Авасаксы. Въ Юрвѣ узнали мы давеча, что на одномъ изъ сосѣднихъ гейматовъ остановился какой-то иностранецъ съ дамами. Въ предположеніи, что онъ, не зная финскаго языка, можетъ находиться въ затрудненіи, мы рѣшились пойти цѣлымъ обществомъ навѣстить его. На дворѣ геймата стояла высокая коляска довольно древняго фасона. Въ комнатѣ, куда мы вошли, сидѣли за столомъ, передъ блюдомъ каши, высокій сѣдой мужчина и двѣ дамы: одна, какъ мы вскорѣ узнали, была дочь его, а другая — англичанка не первой уже молодости. Сопровождавшій ихъ мужчина былъ германскій профессоръ К*. Онъ также хотѣлъ взглянуть на беззакатное солнце и ѣхалъ изъ Стокгольма, гдѣ участвовалъ въ засѣданіи общества трезвости. Противъ чаянія нашего, свѣдѣнія, которыми мы хотѣли ему услужить, повидимому не очень интересовали его. Вѣроятно однакожъ, онъ доволенъ былъ свиданіемъ съ нами, потому что оно доставило ему возможность извлечь изъ своего путешествія важное географическое открытіе: онъ услышалъ отъ насъ о существованіи въ Финляндіи нѣкоего города, по имени Гельсингфорса, и нѣкоего въ немъ университета, что безъ встрѣчи съ нами, можетъ быть, до гробовой доски оставалось бы для него тайною. Диковинное имя этого города вмѣстѣ съ нашими внесено было, по желанію профессора, *четкими буквами* въ его записную книжку, и потому конечно не будетъ забыто. Мы узнали послѣ, что при ученомъ путешественникѣ былъ человѣкъ, который могъ служить ему переводчикомъ во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ, и безъ сомнѣнія въ крайности умѣлъ бы также привести въ ясность, какъ называется главный городъ края, гдѣ странствовалъ его просвѣщенный господинъ.

Мы провели часть вечера за трубкою, тостами и чаемъ въ кабинетѣ пробста, и я услышалъ тутъ нѣсколько любопытныхъ мѣстныхъ подробностей. Ловля лососины и сходной съ нею таймы составляетъ принадлежность казны и отдается на откупъ крестьянамъ. Она производится посредствомъ заколовъ (забоевъ); сбираясь вынимать рыбу изъ загородокъ, ее напередъ убиваютъ сквозь круглое отверстіе ударами багра и потомъ почти всю солятъ въ запасъ. Въ каждомъ заколѣ участвуютъ многіе, но доли всѣхъ солятъ вмѣстѣ, безъ раздѣла, и разсчетъ дѣлается уже по продажѣ бочекъ гуртомъ. Вотъ почему на мѣстѣ не охотно продаютъ эту рыбу въ розницу, и чтобы не терпѣть

въ ней недостатка, надобно имѣть часть въ заколѣ. Тайма [1]) ловится особенно осенью и по вкусу считается ниже лососины. Въ нынѣшнемъ году той и другой такъ мало, что арендаторы боятся быть въ накладѣ.

Рыбная ловля составляетъ впрочемъ, какъ уже было замѣчено, промыслъ только побочный; главный же — земледѣліе, которое вообще въ хорошемъ состояніи и постепенно все совершенствуется. Болѣе всего сѣютъ ячмень; овса вовсе нѣтъ. Восемь лѣтъ сряду былъ неурожай, но на послѣдніе годы нельзя было жаловаться; нынче здѣсь и помину нѣтъ о той нуждѣ, какую претерпѣваютъ болѣе южныя области края [2]).

Плодовыхъ деревьевъ нѣтъ не только здѣсь, но и въ Улеаборгѣ, даже въ Куопіо. Вѣроятно, впрочемъ, что, при болѣе старательномъ ухаживаніи за ними, можно бы здѣсь разводить съ успѣхомъ по крайней мѣрѣ яблоки.

Народъ вообще одаренъ хорошими способностями ума: довольно сложныя вычисленія производитъ онъ въ головѣ вѣрнѣе, нежели иной землемѣръ на бумагѣ. Довольство пораждаетъ роскошь, которая примѣтно усиливается. Близъ церкви Алькулы бываетъ ярмарка, и главный торгъ состоитъ въ предметахъ прихоти. Къ обѣднѣ являются красавицы, щегольски одѣтыя по ихъ состоянію, въ шелковыхъ платочкахъ и такихъ же перчаткахъ. Отмѣна ярмарки едва-ли бы послужила къ уменьшенію этой роскоши, пока на шведской сторонѣ бываетъ подобная же ярмарка еще въ большемъ размѣрѣ. Противуположный берегъ рѣки Торнео населяютъ также финны, съ которыми здѣшніе жители свободно могутъ производить сношенія. Для предупрежденія провоза контрабанды, нашъ берегъ объѣзжаютъ казаки и земскій фискалъ, котораго мы также видѣли у пробста. Муку здѣшніе крестьяне часто покупаютъ на шведской сторонѣ. Отъ этихъ сообщеній происходитъ, что и по сю сторону Торнео цѣна товарамъ еще опредѣляется шведскою монетою: 3 далера равняются двумъ нашимъ копѣйкамъ мѣди. Женитьбы между русскими и шведскими финнами не рѣдки въ здѣшнемъ краю. Все это относится равнымъ образомъ къ жителямъ городовъ Торнео и Хапаранды.

Не удивительно, что въ финскій языкъ Верхне-торнеоскаго прихода вмѣшалось много шведскихъ стихій. Крестьяне даже стараются пестрить рѣчь свою чуждыми словами, полагая въ томъ признакъ

[1]) Или собственно таймень (salmo taimen), рыба, свойственная также сибирскимъ рѣкамъ.

[2]) Подробное описаніе сѣверной Финляндіи въ хозяйственномъ отношеніи можно найти въ 3-мъ томѣ записокъ Финляндскаго Экономическаго Общества, изд. въ Або 1819, въ статьѣ: „Oeconomiska Anteckningar rörande norra delen af Uleåborgs Län etc., af H. Deutsch." — Сюда же относятся два особо изданныя описанія Кемской Лапландіи, одно Валенберга (Стокг. 1804), другое Шёгрена (Гельсингф. 1828).

образованности: они употребляютъ, напримѣръ, слова: profitia (прибыль), sinne (духъ, смыслъ), religion. Извѣстно, что финны въ началѣ слова обыкновенно не могутъ выговаривать двухъ согласныхъ сряду: здѣшніе жители, желая показать свое превосходство въ этомъ отношеніи, часто вовсе не кстати ставятъ передъ начальною согласною букву *s*. Отъ этого слово получаетъ иногда совершенно новое значеніе и забавнымъ образомъ переиначиваетъ смыслъ рѣчи.

Долговѣчность въ этомъ краю есть, повидимому, преимущество женскаго пола: по крайней мѣрѣ мы на многихъ станціяхъ видѣли старухъ лѣтъ 80-ти и болѣе, но не встрѣтились ни съ однимъ старикомъ такого почтеннаго возраста. Съ этимъ замѣчаніемъ согласны и статистическія показанія.

22.

Станція Хирстіэ, 13-го іюня.

Гора Луппіавара — отъѣздъ отъ пастора — ужинъ на станціи — восхожденіе на Гуйтапери — астрономическая экспедиція 1736 года — остатки подмостковъ — опять полуночное солнце.

На шведскомъ берегу, почти противъ церкви Алькулы, есть огромная скала Луппіавара (waara, финское областное слово, значитъ *гора*), замѣчательная не только по вышинѣ своей, но и по множеству находящихся въ ней пещеръ. Эти углубленія поражаютъ прихотливою и разнообразною игрою природы, отличающею ихъ. Мы сбирались посѣтить и Луппіавару, привлекающую вниманіе всѣхъ путешественниковъ; но такъ какъ еще продолжался необыкновенно сильный вѣтеръ, а большой лодки не было, то и не могли мы переправиться на ту сторону.

Зато мы ходили съ этой станціи на другую, не менѣе замѣчательную гору, отъ которой не отдѣляетъ насъ рѣка Торнео. И эта гора такъ высока, что съ нея также можно видѣть полуночное солнце. Чтобы отсюда еще разъ взглянуть на него, мы уже часу въ девятомъ вечера оставили пасторскій домъ, куда со станціи привели намъ лошадь и телѣжку. Проѣхавъ небольшое разстояніе, мы, по совѣту пробста Кастрена, обратили вниманіе на гору, лежащую влѣво отъ дороги: съ вершины ея изъ маленькаго озера течетъ рѣчка, на которой по скату горы устроено на незначительномъ пространствѣ не менѣе восемнадцати водяныхъ мельницъ (шв. sqvaltor).

Пріѣхавъ сюда, на станцію Хирстіэ, мы прежде всего сочли нужнымъ подкрѣпить себя на предстоящую прогулку: до вершины горы, куда мы сбирались, было версты четыре. Привѣтливая и опрятная хозяйка подала намъ оленьяго окорока, лососины и горячаго молока съ сахаромъ, въ которое, во время кипяченія его, прилито было немного *французскаго* вина (ф. ranskanwiina), отъ чего въ этой смѣси образовался на днѣ родъ творогу. Это показалось намъ очень удач-

нымъ видоизмѣненіемъ болѣе обыкновеннаго, но также вкуснаго финскаго кушанья, въ которомъ, вмѣсто вина, кислое молоко примѣшано къ прѣсному при первомъ его кипѣніи и гдѣ также образуется творогъ: смѣсь эта называется piimän juoksutus (свернувшееся молоко).

Гора, на которую послѣ ужина мы пошли съ проводникомъ, называется *Гуйтапери;* въ этихъ звукахъ, вѣроятно, скрывается испорченное шведское названіе Hwitaberg (бѣлая гора), которое гора могла получить потому, что на ней мѣстами растетъ *бѣлая* брусника. Въ этотъ вечеръ небо было совершенно чисто и солнце не скрывалось за тучи, но въ ожиданіи полуночи мы занялись другимъ предметомъ. Съ горою этою соединяется еще особенная примѣчательность: она достопамятна въ исторіи науки. На ея вершинѣ, 110 лѣтъ тому назадъ, производила свои наблюденія извѣстная французская экспедиція, снаряженная подъ начальствомъ Мопертюи (Maupertuis) для точнѣйшаго опредѣленія формы земли. Наблюдатели устроили здѣсь въ то время подмостки, которыхъ остатки до сихъ поръ видны во множествѣ деревянныхъ обломковъ и щепокъ, мѣстами покрывающихъ вершину горы, — сѣрыхъ, полусгнившихъ. Я выбралъ изъ нихъ нѣсколько кусковъ, со слѣдами вбитыхъ гвоздей, чтобы порадовать знакомаго математика-антикварія такими, какъ мнѣ казалось, драгоцѣнными для него предметами. Между тѣмъ проводникъ усердно рылся въ разбросанныхъ щепкахъ, чтобы отыскать хоть одинъ какой-нибудь гвоздь; но какъ онъ ни трудился, то въ одномъ мѣстѣ, то въ другомъ, старанія его были тщетны [1]). Настала полночь, и мы все вниманіе опять обратили на солнце: оно видно было почти во всей своей полнотѣ; только малая часть его была подъ горизонтомъ. Гуйтапери ниже Авасаксы и отличается бóльшею дикостью, состоя почти вся изъ голаго камня. Сходя съ горы по югозападному крутому скату ея, мы увидѣли открытую, просторную пещеру подъ навѣсомъ огромныхъ, будто готовыхъ обрушиться утесовъ. Одинъ изъ нихъ страшнымъ клиномъ вдавился между двумя другими. Проводникъ не умѣлъ объяснить намъ, отъ чего эта пещера прозвана *Королевскою палатою* (kuninkaan kamari).

[1]) Мопертюи оставилъ любопытныя записки о своей жизни: въ нихъ разсказывается, между прочимъ, одно замѣчательное обстоятельство, относящееся къ пребыванію французскаго астронома въ лапландскомъ краю. Находясь однажды въ торнеоской церкви, онъ такъ былъ очарованъ какою-то молодою крестьянкою, что послѣ уговорилъ ее ѣхать съ нимъ во Францію, и она долго удивляла весь Парижъ своею красотою.

Отдѣлъ V.

Торнео и Улеаборгъ.

23.

Торнео, 14-го iюня.

Безкорыстіе народа — медвѣжій мѣхъ — извѣстія о городѣ — успѣхи хлѣбопашества — климатъ — благосостояніе крестьянъ около Торнео — тесъ и дрова — русскій приходъ — Хапаранда — характеристическіе товары — отъѣздъ.

Въ Италіи природа великолѣпна, общество богато разнообразными плодами вѣковъ; но развратъ и нищенство въ народѣ, неопрятность и жадность къ деньгамъ въ гостиницахъ отравляютъ много минутъ у путешествующаго по прекраснѣйшему краю. Здѣсь на сѣверѣ нѣтъ тѣхъ обильныхъ наслажденій, какія представляетъ блестящій югъ, но отсутствіе ихъ вознаграждается утѣшительнымъ зрѣлищемъ рѣдкаго безкорыстія и честности. На многихъ ужъ станціяхъ мы замѣтили, что съ насъ берутъ гораздо менѣе, нежели слѣдовало бы по таксѣ, какая въ каждой гостиницѣ виситъ на стѣнѣ. Въ Хирстіэ заплатили мы за ужинъ, ночлегъ и кофе всего 40 коп. серебромъ, т. е., какъ мы разсчитали, ровно половину того, что назначено въ таксѣ. Для сравненій по этому предмету выписывалъ я въ разныхъ мѣстахъ нѣкоторыя статьи таксы [1]).

На станціи Юнти висѣлъ въ избѣ огромный медвѣжій мѣхъ, недавно еще снятый со звѣря. Молодая хозяйка предложила мнѣ купить его за 12 рублей серебромъ, однакожъ безъ труда согласилась взять только 10, и мѣхъ поѣхалъ съ нами. Улеаборгскіе купцы, прежде насъ предлагавшіе за него только 30 рублей ассигнаціями, находятъ

[1]) Вотъ табличка составленная изъ моихъ выписокъ:

	Между Идensаль-ми и Улеаборгомъ.	Между Улеаборгомъ и Торнео.	Между Торнео и Авасаксою.
	серебромъ.		
	коп.	коп.	коп.
1 обѣдъ сельскаго кушанья	10	9	17
1 чашка водки	3	2	3—1½
1 фунтъ масла коровьяго	10	10	12
1 фунтъ провялой говядины	5	4	4
1 фунтъ сушенаго ржаного хлѣба	3	4	4
1 чашка кофе	2	1½	4
За ночлегъ для одной особы, съ постелью . . .	8	5	12

однакожъ, что заплачено недорого; впрочемъ, надобно прибавить, что онъ не очень шерстистъ и не совсѣмъ черенъ.

Прибывъ сюда, мы встрѣтили на дворѣ станціи, гдѣ остановились гельсингфорсскаго литератора, магистра философіи Гренблада, который, съ двумя родственницами ѣдетъ берегомъ въ Швецію, гдѣ онъ намѣренъ заняться историческими разысканіями въ архивахъ. Мы спѣшили ознакомиться съ городомъ и его окрестностями. Докторъ Эрстремъ, живущій на другомъ берегу рѣки, охотно согласился быть нашимъ путеводителемъ.

Торнео — маленькій городокъ съ красными домиками, какими отличаются старинные шведскіе города, съ улицами, на которыхъ растетъ трава. Въ старину онъ былъ значителенъ по торговлѣ съ Стокгольмомъ, куда доставлялъ особенно много масла и рыбы. Мнѣ разсказывали даже, что его нѣкогда называли маленькимъ Стокгольмомъ и что, когда онъ сгорѣлъ въ 1762 году, то, для построенія въ немъ новой церкви, стокгольмскія дамы пожертвовали множество золотыхъ и серебряныхъ вещей, и эти драгоцѣнности вошли частію въ составъ колоколовъ, которые будто бы какою-то особенною звонкостію до сихъ поръ напоминаютъ о своемъ благородномъ происхожденіи.

Въ 1845 г. въ Торнео было не болѣе 550 жителей. Вывозъ изъ него ограничивается малымъ количествомъ смолы и досокъ. Вывозъ масла въ Швецію обложенъ теперь высокою пошлиною, но составлялъ прежде важный источникъ доходовъ, потому что тамъ цѣны на этотъ предметъ высоки: за лиспундъ (½ пуда) платятъ 7 — 10 — 12 риксдалеровъ (1 риксд. = 1 руб. 20 коп. мѣдью, по среднему курсу). Число же коровъ на иномъ гейматѣ простирается отъ 20 до 30 штукъ. Не менѣе выгодна была и продажа соленой лососины въ Швеціи, гдѣ за бочку этой рыбы можно получить отъ 40 до 60 риксдалеровъ; а такъ какъ иному удастся наловить ея бочекъ 40, то доходъ его съ одной этой статьи могъ бы составлять около 2400 риксдалеровъ.

Хлѣбопашество около Торнео сдѣлало въ послѣднія десятилѣтія успѣхи значительные: нынче оно уже вообще въ хорошемъ состояніи, а еще въ 1810 году не было здѣсь иного земледѣльческаго орудія, кромѣ заступа. Къ такой благодѣтельной перемѣнѣ много содѣйствовало здѣсь оконченное уже общее межеваніе, которое должно обнять всю Финляндію и уже давно въ ней производится, но до многихъ мѣстъ еще не дошло. Здѣсь вовсе еще не видно пожогъ: *пала* допускается только въ Кареліи и Саволаксѣ, гдѣ она необходима по безплодію каменистой почвы [1]). Начавшаяся здѣсь въ новѣйшее время

[1]) *Пала*, т. е. выжиганіе лѣсистыхъ участковъ земли для обращенія ихъ въ пашни, распространена въ сильной мѣрѣ особенно около Нейшлота. Тамъ съ большой дороги часто видно въ полѣ пламя; полунагая старуха съ ребятишками перетаскиваетъ горящіе сучья съ мѣста на мѣсто; кругомъ все пусто; глухая дичь, лѣсъ, камни, вѣтеръ

осушка болотъ обѣщаетъ земледѣлію болѣе и болѣе успѣховъ. Въ отношеніи къ климату, Торнео мало отличается отъ мѣстъ, въ серединѣ Финляндіи находящихся, напримѣръ отъ Куопіо. Растительность въ здѣшнемъ краю вообще хороша. Обиліе свѣта въ лѣтніе мѣсяцы совершенно вознаграждаетъ за кратковременность лѣта: недѣль въ шесть созрѣваетъ хлѣбъ, и уже теперь встрѣчаются, хотя изрѣдка, колосья, которые цвѣтутъ. Въ зимнее время отяготительно непомѣрное множество снѣгу, котораго въ Финляндіи болѣе всего не на самомъ крайнемъ сѣверѣ, а въ мѣстахъ средней широты.

Приходъ Торнеоскій, по общему благосостоянію и нравамъ крестьянъ, есть одинъ изъ первыхъ въ цѣлой Финляндіи. Въ самомъ дѣлѣ, однимъ изъ признаковъ этого можетъ служить то, что мы нигдѣ въ здѣшней сторонѣ не встрѣчали нищихъ (но мы близъ церкви Алькулы встрѣтили *пьянаго* старика). Охота строиться просторно и удобно еще и здѣсь замѣтна между сельскими жителями, хотя бревна получаются не ближе, какъ въ 120-ти верстахъ отсюда. Вообще лѣсу вокругъ мало; за дровами надобно ѣздить 60 верстъ; сажень березовыхъ стоитъ среднею мѣрою 4 руб. ассигнаціями, — цѣна, которая здѣсь считается довольно высокою.

Въ Торнео есть, сверхъ лютеранской, и русская церковь, къ которой принадлежитъ съ небольшимъ 40 человѣкъ прихожанъ, по большей части казаковъ, составляющихъ таможенную стражу. Здѣсь есть также элементарная школа, гдѣ до 30 учениковъ.

При перевозѣ изъ Торнео въ Хапаранду устроена застава, но жители могутъ свободно во всякое время отправляться по своимъ надобностямъ изъ одного города въ другой. Близость и легкость сообщенія соединяетъ оба берега отношеніями знакомства, пріязни и родства.

Названіе *Хапаранда*—финское и значитъ *осиновый берегъ* [1]. Городу этому едва минуло двадцать лѣтъ, и своимъ свѣжимъ видомъ (въ немъ только два старыхъ строенія) онъ рѣзко отличается отъ Торнео, хотя до сихъ поръ менѣе его и по количеству домовъ и по народонаселенію: въ Хапарандѣ только 300 жителей съ небольшимъ: но въ тамошней школѣ до 60 учениковъ (тогда какъ въ Торнеоской ихъ 30). Такая несоразмѣрность числа учащихся въ этихъ двухъ городахъ зависитъ отъ того, что въ школѣ Хапаранды (шв. trivial-skola) прохо-

и дымъ, посреди котораго съ развѣвающимися волосами, съ закоптѣлымъ лицомъ движется будто шекспировская вѣдьма! Черезъ 15 — 20 лѣтъ по истребленіи такимъ образомъ хвойнаго лѣсу растетъ на мѣстѣ его уже довольно высокій лиственный лѣсъ, который тогда снова выжигаютъ, — и даже предпочтительно передъ хвойнымъ. Лѣсъ, выжженный разъ пять, обыкновенно превращается наконецъ въ ольховый, и тучная трава растетъ на почвѣ его. Въ мѣстахъ, гдѣ господствуетъ пала, старый лѣсъ составляетъ рѣдкость.

[1]) Хапаранда иначе называется городомъ Карла Іоанна.

дится болѣе обширный курсъ, и она принадлежитъ къ высшему разряду элементарныхъ училищъ.

Людямъ, временно находящимся въ Торнео, запрещено, подъ опасеніемъ высокаго денежнаго штрафа, переѣзжать безъ паспорта въ Хапаранду, и говорятъ, что таможенные чиновники въ этомъ шведскомъ городѣ вовсе не отличаются снисходительностію или даже вѣжливостью въ отношеніи къ посѣщающимъ его.

Въ Торнео есть нѣсколько характеристическихъ товаровъ, которыми я желалъ запастись передъ отъѣздомъ. Особенные крестьянскіе сапоги, приготовляемые изъ коровьей кожи, мягкіе, непромокаемые и чрезвычайно прочные, съ приподнятыми кверху, заостренными концами, составляютъ общую потребность народа во всей сѣверной Финляндіи, но приготовляются лучше всего въ Торнео [1]). Они по-фински называются *Pieksu kengät*. Здѣсь же продаются [2]) тонкія шкурки молодого оленя для приготовленія перчатокъ, извѣстныхъ подъ именемъ шведскихъ.

Копченые оленьи языки и окорокъ довольно вкусны и держатся чрезвычайно долго, даже въ порядочно теплой температурѣ (окорокъ и пара языковъ сто́ятъ не болѣе 3 рублей 20 копѣекъ мѣдью). Небольшіе оленьи мѣха (штука по 2 руб. 50 коп. — 3 руб. мѣдью) кладутся подъ ноги въ сани.

Всѣ эти товары принесены были по распоряженію хозяйки на станцію, когда мы воротились туда съ завтрака, бывшаго у г-на Вальденса, управляющаго таможнею. Здѣсь мы видѣли, между прочимъ, почтеннаго судью Экстрема, живущаго 100 верстъ къ сѣверу отъ Торнео, въ капеллѣ Ту́ртолѣ. Говорятъ, что семейство и домъ его поражаютъ путешественника образованностію и пріятностями, необыкновенными въ мѣстахъ столь отдаленныхъ. Въ главной комнатѣ станціонной гостиницы Торнео стоитъ билліардъ. Здѣсь устроенъ родъ шинка; но, получивъ комнату въ верхнемъ этажѣ, мы не чувствовали отъ того неудобствъ.

Мы желали бы остаться здѣсь нѣсколько долѣе, но пора назадъ въ Улеаборгъ; иначе не поспѣемъ на приглашеніе въ Лиминго.

24.

Паппила (пасторскій домъ) Кеми, 14-го іюня.

Вакантный пасторатъ — зажиточность крестьянъ — рыбная ловля — приходы Рованьеми и Кусамо — скотоводство на сѣверѣ — цвѣтокъ.

Здѣсь, не доѣзжая рѣки Кеми, остановились мы, чтобы навѣстить пастора Кастре́на. Старый пробстъ тамошней церкви (по имени также

[1]) У Орстрема; они сто́ятъ по цѣлковому пара. Подобные сапоги носитъ крестьянинъ и въ Кареліи.

[2]) У Лундмарка.

Кастрéнъ, какъ будто на сѣверѣ Финляндіи всѣ пасторы должны носить эту фамилію) не такъ давно умеръ, и мѣсто его покуда занимаетъ викарій; но доходы съ этого пастората, какъ вакантнаго, обращаются, по общему правилу, въ пользу Гельсингфорсскаго университета. Угодья такихъ пасторатовъ университетъ съ публичныхъ торговъ отдаетъ на аренду, и пасторскія земли въ Кеми находятся нынѣ въ рукахъ крестьянъ этого прихода, какъ предложившихъ высшую плату (3 тысячи рублей серебромъ или около того). Но виды на урожай въ текущемъ году сомнительны, и многіе опасаются, чтобы арендаторы не потерпѣли убытка. Впрочемъ, этотъ приходъ есть одинъ изъ самыхъ счастливыхъ въ цѣломъ краѣ по зажиточности крестьянъ. Они занимаются особенно торговлею и имѣютъ въ Ботническомъ заливѣ суда, которыя ходятъ даже въ Петербургъ. Рѣка Кеми и другая (ближе къ Улеаборгу впадающая въ море) рѣка Ійо такъ изобилуютъ рыбою, что къ берегамъ ихъ пріѣзжаютъ закупать ее рыбаки изъ самаго Петербуга. Они по-своему слегка солятъ лососину здѣсь на мѣстѣ, а потомъ коптятъ дома. Сиговъ собираютъ они въ садки; когда же начнутся холода, выбрасываютъ рыбу на берегъ и мерзлую увозятъ въ Россію. Нынче здѣсь есть также двое или трое русскихъ, пріѣхавшихъ сюда для этого промысла.

Верстахъ въ 100 отъ церкви Кеми, вверхъ по теченію рѣки, начинается другой приходъ, Рованіеми, гдѣ крестьяне не менѣе достаточны и живутъ также совершенно по-господски: просторныя, чистыя комнаты ихъ убраны хорошею мебелью; вúна, отчасти дорогія, составляютъ обыкновенную принадлежность угощенія. Отличаясь также торговымъ духомъ и разъѣзжая по ярмаркамъ для продажи и покупки товаровъ, они однакожъ сохраняютъ до сихъ поръ удивительную честность. Рослые и крѣпкіе жители Кеми и Рованіеми, по мнѣнію многихъ, составляютъ особое финское поколѣніе, чтó замѣтно и въ языкѣ ихъ.

Къ востоку отъ Кеми, ближе къ русской границѣ, находится также богатый приходъ Кýсамо. Жители его торгуютъ особенно съ сосѣднею Архангельскою губерніею и отличаются отъ крестьянъ Рованіеми малымъ ростомъ, свѣтлымъ цвѣтомъ волосъ и кожи. Они состоятъ на правахъ лапландцевъ и содержатъ стада ручныхъ оленей, для которыхъ нанимаютъ пастуховъ изъ Лапландіи.

Въ лучшемъ положеніи скотоводство находится въ сѣверныхъ приходахъ: Муоніониска, Киттиля, Соданкюля. Жители добываютъ отъ коровъ своихъ такое множество молока, что могутъ ежегодно обращать въ продажу, по крайней мѣрѣ, 6 лиспундовъ (3 пуда) масла съ каждаго двора, и за лиспундъ получаютъ въ Норвегіи до 18 руб.

Уѣзжая изъ паппилы Кеми, прибавлю для любителей ботаники, что въ окрестностяхъ здѣшней церкви растетъ цвѣтокъ *Orchidium boreale*, котораго нѣсколько экземпляровъ удѣлилъ мнѣ обязательный пасторъ.

25.

Станція Биси, близъ церкви Ли́минго, воскресенье, 16-го іюня.

Инсталлація пастора — обѣдъ и рѣчи — власть пасторовъ — недостатокъ лѣсу.

Сегодня происходила *инсталлація* нашего пріятеля, пастора въ Лиминго. Часовъ въ 7 утра мы выѣхали изъ Улеаборга, куда во время прибыли вечеромъ. Подъѣзжая къ церкви Лиминго, мы увидѣли, что у главныхъ ея входовъ стояло множество одноколокъ и другихъ экипажей, и шевелились люди, которые то входили въ церковь, то изъ нея выходили. Оставивъ на этой станціи нашъ экипажъ, мы также пошли въ церковь. Она была такъ полна, что за народомъ вовсе нельзя было видѣть продолжавшагося еще обряда инсталлаціи. Слышенъ былъ только трепещущій голосъ старца, пробста Фростеруса, говорившаго предъ алтаремъ въ качествѣ *инсталлатора*. Главная часть обряда — чтеніе символа вѣры самимъ пасторомъ, утверждаемымъ въ должности, — была уже кончена. Когда совершенъ былъ весь обрядъ, въ церкви стало просторнѣе. На каѳедру взошелъ капланъ, г-нъ Эймелеусъ, и началъ проповѣдь. Само собою разумѣется, что все происходило на финскомъ языкѣ. Только въ южной Остроботніи живутъ по морскому берегу потомки шведскихъ колонистовъ, въ сѣверной—приходы состоятъ изъ чистыхъ финновъ. Въ самомъ Торнео лютеранское богослуженіе всегда бываетъ на финскомъ языкѣ, и только разъ или два въ годъ пасторъ проповѣдуетъ по-шведски. То же наблюдается и въ другихъ маленькихъ городахъ средней и сѣверной Финляндіи. Еще не будучи въ состояніи понимать финскую проповѣдь, отправился я къ пасторскому дому и, не доходя до него, сѣлъ на столбикъ у мостика, проведеннаго черезъ мелкую, мутную рѣчку [1]). Влѣво видна была станція, вправо шла вдоль берега большая, богатая деревня. Вскорѣ на дорогѣ передо мною начали показываться одна за другою двуколесныя телѣжки, въ которыхъ крестьяне и крестьянки возвращались домой. Многія одноколки были новы и красивы; бойкая лошадь подъ нарядною сбруей мчалась какъ вѣтеръ, а молодой парень въ синей суконной курткѣ, съ натянутыми возжами въ рукахъ, сидѣлъ по срединѣ на колѣняхъ у двухъ своихъ сосѣдокъ, въ пухъ разряженныхъ. Между тѣмъ приближались къ деревнѣ и пѣшеходы различныхъ званій. Вотъ, наконецъ, идетъ и добрый спут-

[1]) Объ этой рѣчкѣ упомянуто въ лѣтописи при описаніи предпринятаго русскими въ 1496 году похода *на Каянію* (Остроботнію). „Сей походъ“, говоритъ Карамзинъ, „имѣлъ важнѣйшее слѣдствіе: князья Ушатые не только разорили всю землю отъ Кореліи до Лапланіи, но и присоединили къ россійскимъ владѣніямъ берега Лименги“ (т. е. Лиминго), „коихъ жители отправили посольство къ великому князю въ Москву и дали клятву быть его вѣрноподданными“. (И. Г. Р., т. VI, гл. VI).

никъ мой, и рядомъ съ нимъ улеаборгскій губернаторъ, г-нъ Лагерборгъ, которому я тутъ же былъ въ первый разъ представленъ.

Черезъ полчаса въ домѣ пастора сидѣло за столомъ человѣкъ 50 гостей, и въ числѣ ихъ болѣе 12-ти пасторовъ, съѣхавшихся изъ разныхъ мѣстъ. Остальные были по большой части улеаборгскіе жители. Между тѣмъ въ другой половинѣ строенія обѣдало нѣсколько избранныхъ крестьянъ, приглашенныхъ участвовать въ праздникѣ, столь близкомъ для всѣхъ ихъ собратій по приходу.

Послѣ того, какъ губернаторъ въ немногихъ словахъ отвѣчалъ на тостъ и привѣтствіе ему хозяина, въ залу введено было десятеро крестьянъ, и пасторъ сказалъ отъ ихъ имени на финскомъ языкѣ новую рѣчь губернатору, которая на всѣхъ произвела самое благопріятное впечатлѣніе, какъ по легкости, съ какою говоритъ пасторъ Боргъ, такъ и по трогательному содержанію.

Въ Финляндіи пасторъ есть не только духовный отецъ своихъ прихожанъ: во многихъ случаяхъ на немъ лежатъ, въ отношеніи къ нимъ, и обязанности гражданскихъ властей. Народное благосостояніе въ нѣкоторой степени зависитъ и отъ пасторовъ, которыхъ дѣятельность поэтому не можетъ быть чуждою для управляющаго губерніею, хотя они впрочемъ нисколько не подчинены ему. Часа черезъ два послѣ обѣда хозяинъ пилъ тостъ призванныхъ въ залу крестьянъ; выпивъ свои рюмки пуншу, они стали прощаться, при чемъ пасторъ каждому изъ нихъ ласково пожалъ руку.

Близъ палатки, гдѣ гости потомъ сидѣли передъ своими стаканами и рюмками, видна была за плетнемъ избушка, и возлѣ нея цѣлая стѣна хворосту, назначеннаго, какъ мнѣ сказали, служить топливомъ по недостатку дровъ.

Подъ вечеръ многіе изъ гостей стали уѣзжать, другіе располагались ночевать на паппилѣ. Боясь употребить во зло гостепріимство хозяина, мой товарищъ и я, часу въ 10-мъ, отправились на эту станцію, и здѣсь мы проведемъ ночь.

26.

Улеаборгъ, 17-го іюня.

Содержаніе дорогъ — признакъ нравовъ — наружная физіономія города — торговый духъ — число кораблей — главные негоціанты — торговля — мѣстоположеніе — гостепріимство.

На другое утро послѣ инсталлаціи мы пошли проститься съ пасторомъ и его супругою, и нашли у нихъ еще много вчерашнихъ гостей. Общему разъѣзду предшествовалъ обильный завтракъ.

Ѣдучи въ городъ, обратили мы вниманіе на маленькіе красные столбики, которые безпрестанно попадаются на сторонахъ дороги,

иногда очень близко одинъ отъ другого. Они означаютъ то пространство дороги, какое каждый гейматъ долженъ содержать въ исправности: проведеніе дорогъ и содержаніе ихъ есть въ Финляндіи общая казенная повинность сельскихъ обывателей. Отъ значительности геймата зависитъ величина участка, отмѣреннаго на долю каждаго. Разумѣется также, что чѣмъ болѣе гейматовъ въ уѣздѣ, тѣмъ участки дороги бываютъ меньше и повинность легче. Не удивительно, что здѣсь около Улеаборга столбики разставлены такъ часто. Насъ поразила точность, съ какою при всемъ томъ на каждомъ изъ нихъ помѣщено по три номера: верхній есть цифра самаго столбика по всему уѣзду; а два подъ нимъ находящіеся — номера гейматовъ: одинъ показываетъ конецъ предыдущаго участка, другой — начало слѣдующаго.

Здѣсь не водится между крестьянами кланяться господамъ, проѣзжающимъ по большой дорогѣ. Этотъ обычай, замѣченный мною въ другихъ мѣстахъ, вообще не соблюдается по близости болѣе значительныхъ городовъ. Здѣсь отсутствіе его происходитъ, можетъ быть, и отъ особенностей характера жителей Остроботніи: торговый духъ, зажиточность и нѣкоторая связанная съ нею независимость отъ другихъ сословій нигдѣ не остаются безъ примѣтнаго вліянія на нравы народа.

Видъ Улеаборга не производитъ выгоднаго впечатлѣнія на въѣзжающаго сюда сухимъ путемъ. Правда, улицы прямы и широки, но дома почти всѣ одноэтажные, деревянные. Къ тому же фундаментъ ихъ часто скрывается мостовою, потому что послѣ пожара, истребившаго городъ въ 1822 году, улицы не были предварительно выравнены, и это предпринято только въ недавнемъ времени, когда большая часть домовъ уже была построена. Въ главныхъ улицахъ почти въ каждомъ домѣ видна лавка съ небольшимъ крыльцомъ и дверью на улицу. Это множество лавокъ въ городѣ, гдѣ жителей всего отъ 5-ти до 6-ти тысячъ человѣкъ, служитъ выраженіемъ преобладающаго въ немъ торговаго характера. Здѣсь считается до 70-ти торгующихъ, и у каждаго изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, одна лавка. Число кораблей, принадлежащихъ улеаборгскому купечеству, простирается до 40, и почти не проходитъ года, въ который бы на здѣшней верфи не было построено двухъ, трехъ купеческихъ судовъ. Самые богатые въ городѣ негоціанты — коммерціи совѣтники Францéнъ и Бергбомъ. У перваго 12 кораблей, и хотя они не застрахованы, счастіе такъ ему благопріятствуетъ, что у него еще не погибло ни одного судна, тогда какъ между другими улеаборгскими купцами, болѣе его осторожными, нѣтъ почти никого, кто бы не потерялъ застрахованнаго корабля. Такъ и молодой Г., съ которымъ мы познакомились на Авасаксѣ и еще незнавшій неудачъ въ торговлѣ, услышалъ при возвращеніи въ Улеаборгъ, что одно изъ судовъ его погибло на южныхъ берегахъ Испаніи.

Впрочемъ, съ заграничными мѣстами Улеаборгъ производитъ преимущественно только фрахтовую торговлю. Въ старину онъ былъ несравненно значительнѣе въ торговомъ отношеніи; въ новѣйшія времена Выборгъ заступилъ его мѣсто. Но Улеаборгъ еще сохраняетъ часть своей важности по обширному вывозу досокъ и смолы.

Берегъ Ботническаго залива при Улеаборгѣ такъ мелководенъ, что большія суда должны останавливаться за нѣсколько верстъ отсюда. Поэтому, а также и въ другихъ отношеніяхъ, было бы, какъ многіе полагаютъ, выгоднѣе, еслибъ послѣ пожара городъ возобновленъ былъ не на южномъ, а на сѣверномъ берегу устья Улео. Это и предполагалось въ то время, но встрѣтило противодѣйствіе со стороны тѣхъ, у кого по сю сторону рѣки были участки земли, съ которыми они не хотѣли разстаться. Въ городѣ до сихъ поръ нѣтъ еще никакого гульбища, и вообще къ украшенію его сдѣлано очень мало. Вотъ почему нѣкоторые упрекаютъ жителей въ исключительно-торговомъ направленіи и въ недостаткѣ всякой потребности эстетическихъ наслажденій. Какъ бы ни было, путешественникъ показалъ бы неблагодарность, еслибъ подтвердилъ этотъ упрекъ, потому что всякій пріѣзжій встрѣчаетъ въ Улеаборгѣ рѣдкое гостепріимство и покидаетъ городъ съ самыми пріятными воспоминаніями, хотя обычай ласковыхъ жителей при всякомъ случаѣ потчевать крѣпкими напитками не каждому можетъ быть придется понутру.

Мы здѣсь живемъ уже около недѣли, но еще не успѣли соскучиться. Каждый вечеръ проводимъ мы у кого-нибудь изъ нашихъ знакомыхъ. Къ существеннымъ предметамъ угощенія принадлежитъ трубка. Общую и необходимую мебель составляетъ полукруглый столикъ, обставленный чубуками; изъ нихъ нѣкоторые всегда отличаются особеннымъ щегольствомъ, покрытые шитьемъ изъ разноцвѣтнаго бисера. Вообще въ быту и въ одеждѣ замѣтна здѣсь роскошь, напоминающая, что предметы, служащіе къ удовлетворенію ея, легко получаются жителями изъ первыхъ рукъ.

27.

Улеаборгъ, 18-го іюня.

Прогулка на смольный дворъ — смолевыя бочки — магазины — вывозъ смолы — смолевыя лодки — промышленность около Улеаборга — дегтярный заводъ — историческая шлюпка.

На-дняхъ сдѣлали мы пріятную и поучительную прогулку. Смолевой запахъ, часто замѣчаемый здѣсь на улицахъ, давно уже возбуждалъ въ насъ желаніе увидѣть огромное складочное мѣсто смолы, о которомъ намъ говорили. Въ одно утро мы отправились къ негоціанту Гранбергу и, выпивъ у него бутылку шампанскаго, пошли

26

вмѣстѣ съ нимъ и почтъ-инспекторомъ, г-мъ Угглою, къ пристани, гдѣ насъ ожидала легкая, уютная шлюпка. Оставивъ за собою строенія таможни, пакгауза и складочныхъ магазиновъ, окружающія пристань, мы поплыли на сѣверъ по Ботническому заливу, миновали слѣва корабельную верфь, справа еще магазины, построенные у пролива, гдѣ пристаютъ мелкія суда, и наконецъ причалили къ острову, покрытому множествомъ смолевыхъ бочекъ. Мѣсто это называется по-шведски *tjärhof* (смоляной дворъ). Крестьяне, занимающіеся производствомъ смолы, привозятъ сюда наполненныя ею бочки въ лодкахъ, особо для того назначенныхъ и потому извѣстныхъ подъ именемъ смолевыхъ (tjärbåtar). Посредствомъ блока, бочки (каждая вѣситъ до 9-ти пудовъ) подымаются на бревенчатый помостъ, устроенный на берегу. Съ сутки остаются онѣ на помостѣ, чтобы можно было испытать, не течетъ ли та или другая; и въ такомъ случаѣ смола посредствомъ жолоба уходитъ въ море. Потомъ годныя бочки вкатываются въ широкіе, низенькіе магазины и тамъ складываются рядами въ два яруса. Всѣхъ магазиновъ шесть, и въ каждомъ помѣщается около двухъ тысячъ бочекъ. Бракованныя кладутся особо на заднемъ краю помоста, и изъ нихъ смола сливается въ полубочки. Сюда въ день привозится иногда до 1300 бочекъ; самый значительный привозъ бываетъ въ концѣ лѣта, когда крестьяне освободятся отъ земледѣльческихъ работъ. Такимъ образомъ здѣсь лежитъ по временамъ тысячъ тридцать смолевыхъ бочекъ разомъ. Это огромнѣйшая складка смолы въ Финляндіи и, безъ сомнѣнія, одна изъ значительнѣйшихъ въ цѣломъ мірѣ. Всего вывозится этого продукта черезъ Улеаборгъ до 55 тысячъ бочекъ въ годъ, наиболѣе въ Англію, гдѣ среднею мѣрою платятъ 14 — 15 шиллинговъ за бочку. Прежде, особливо въ эпоху могущества Наполеона, вывозъ смолы изъ Улеаборга былъ еще гораздо обширнѣе. Производители ея до сихъ поръ жалуются на худыя времена, наступившія послѣ того, какъ не стало *великаго потребителя смолы, Пунапарта* (т. е. Бонапарта, что̀ по финскому произношенію значитъ: *рыжая борода*). Нынче вывозъ досокъ втрое значительнѣе смолевого.

При насъ происходило на помостѣ сильное движеніе; со всѣхъ сторонъ шевелились работники, катая и складывая бочки. Мы только жалѣли, что въ нашемъ присутствіи не прибыло ни одной лодки, нагруженной смолою. Однакожъ мы видѣли у берега двѣ-три пустыя. Каждая бываетъ длиною саженъ въ шесть или нѣсколько болѣе; бока у нея очень выгнуты; будучи нагружена, она сидитъ въ водѣ такъ глубоко, что къ обоимъ бортамъ ея, во всю ихъ длину, надобно на то время придѣлывать особыя доски; плотно пришиваемыя къ лодкѣ жидкими березовыми прутьями, онѣ какъ будто составляютъ съ нею одно цѣлое и только отличаются обыкновенно цвѣтомъ болѣе свѣт-

лымъ. Въ смолевой лодкѣ помѣщается отъ 20-ти до 25-ти бочекъ, изъ которыхъ за каждую производитель получаетъ, среднею мѣрою, по $6^1/_2$ рублей ассигнаціями. Для надзора за этою промышленностію на смоляномъ дворѣ живетъ особый инспекторъ въ построенномъ для него домѣ.

Воротясь въ свою шлюпку, мы выпили по стакану прекраснаго улеаборгскаго пива, приготовляемаго однимъ поселившимся здѣсь шведомъ и которое несравненно лучше гельсингфорсскаго. Оно привезено было въ красивой плетеной корзинкѣ, сдѣланной, какъ мнѣ сказали, крестьяниномъ изъ древесныхъ кореньевъ. По всему замѣтно, что около Улеаборга живетъ народъ промышленный. Во многихъ домахъ видѣлъ я очень удобные и прочные тростниковые коврики, приготовляемые въ деревнѣ Лумійоки; на улицахъ встрѣчалъ я крестьянокъ, торговавшихъ полотномъ своего издѣлія. Жаль, что сообщеніе между городами Финляндіи еще такъ недостаточно и что различныя области ея не могутъ между собой мѣняться своими произведеніями.

На обратномъ пути мы посѣтили островокъ съ дегтярнымъ заводомъ и корабельною верфью. Когда мы, достигнувъ Улеаборга, опять вышли на пристань, намъ показали здѣсь, между другими строеніями, маленькій домикъ, гдѣ хранится историческая драгоцѣнность. Тамъ стоитъ довольно большая шлюпка, нѣсколько разъ служившая для переправы императору Александру, когда онъ въ 1819 году путешествовалъ въ Остроботніи. На ней, между прочимъ, переправился Государь 19-го августа (ст. ст.) изъ Улеаборга черезъ рѣку Улео, чтобы ѣхать въ Торнео, и въ другой разъ 21-го августа на обратномъ пути оттуда. Но всего замѣчательнѣе было плаваніе Его на этой шлюпкѣ черезъ бурное озеро Улео, съ которымъ вскорѣ и мы познакомимся. Тогда возобновимъ и воспоминаніе о незабвенной переправѣ Императора. Благодаря добротѣ и услужливости консула Хамера, я видѣлъ эту шлюпку, съ судьбою которой нѣкогда связана была на нѣсколько часовъ жизнь Александра, — слѣдовательно и судьба Россіи.

28.

Улеаборгъ, 19-го іюня.

Обѣдъ у губернатора — прежній губернаторскій домъ — вышина у взморья — рѣка Улео — пороги.

Сегодня мы обѣдали у губернатора, г-на Лагерборга, вмѣстѣ съ коронными фохтами, съѣхавшимися сюда изъ всей губерніи для представленія начальнику ея годового отчета о сборѣ податей. Ласковый хозяинъ, предложивъ тостъ за здоровье собравшихся у него подчиненныхъ, изъяснилъ, что удовлетворительный результатъ ихъ донесеній превзошелъ всѣ ожиданія. Начальникъ Улеаборгской губерніи,

уже девять лѣтъ занимающій нынѣшнее свое мѣсто, пользуется уваженіемъ и любовью всѣхъ ея жителей, чѣмъ обязанъ онъ необыкновенному знанію края и дѣятельной заботливости о благѣ его, соединенной съ справедливостью и человѣколюбіемъ.

Прежде былъ особый губернаторскій домъ на маленькомъ островѣ въ устьѣ Улео. Но, по мысли предшественника нынѣшняго губернатора, домъ этотъ обращенъ въ лазаретъ, при которомъ есть и небольшое отдѣленіе для умалишенныхъ. Между тѣмъ садикъ, находящійся возлѣ этого дома, остается въ распоряженіи губернатора; здѣсь образованное и милое семейство его проводитъ большую часть лѣтнихъ вечеровъ. Старинный красный домъ лазарета въ шведское время занятъ былъ винокуреннымъ заводомъ, почему онъ и до сихъ поръ еще извѣстенъ подъ именемъ *Brännerі*.

Послѣ обѣда отправился я на этотъ островокъ, и здѣсь, пройдя мимо лазарета, увидѣлъ на самомъ берегу рѣки Улео довольно высокій деревянный балконъ, очевидно устроенный для того, чтобъ можно было удобнѣе наслаждаться видомъ на окрестности. Въ самомъ дѣлѣ этотъ видъ заслуживаетъ особеннаго вниманія. Впереди въ отдаленіи является взморье, усѣянное островами, и на ближайшемъ изъ нихъ, у самаго города, находится дача коммерціи совѣтника Франце́на съ садомъ. Но самое любопытное зрѣлище вправо и сзади: здѣсь рѣка, передъ впаденіемъ въ море разбиваясь о пороги, шумитъ и клубится пѣною [1]); мѣстами перегораживаютъ ее заколы. Теченіе рѣки Улео, составляющее сто верстъ слишкомъ отъ озера того же имени до Ботническаго залива, вообще бурно: она нѣсколько разъ встрѣчаетъ пороги, изъ которыхъ нѣкоторые очень значительны, какъ по величинѣ своей, такъ и по пространству, ими занимаемому.

Увлеченный въ нихъ неопытный пловецъ неминуемо долженъ погибнуть; но съ помощію искусства плаваніе почти по всѣмъ имъ возможно. При началѣ пороговъ есть лоцмана́, съ которыми всякая лодка проходитъ безопасно надъ кипящею пучиной. Такимъ образомъ черезъ пороги перевозятся невредимо цѣлыя клади досокъ и смолевыхъ бочекъ.

Вонъ, повыше пороговъ, на лѣвомъ берегу рѣки, стоитъ хижина, гдѣ живутъ лоцмана́; тамъ останавливается лодка и ждетъ, пока искусный кормщикъ сядетъ у руля ея. Вотъ кто-то скользитъ вдалекѣ по поверхности Улео, еще спокойной; не къ порогамъ ли гребетъ онъ? Но онъ проплылъ поперёкъ рѣки и скрылся въ другомъ тихомъ рукавѣ ея.

Долго стоялъ я въ ожиданіи, не увижу ли, какъ лодка пройдетъ черезъ пороги; но сколько ни провозится ежедневно смолы мимо города, теперь какъ нарочно не видно было ни одной лодки.

[1]) Эти пороги при впаденіи рѣки въ море называются *merikoski* (морскіе пороги).

29.

Улеаборгъ, 20-го іюня.

Неудачныя прогулки — возвращеніе лодокъ вверхъ по порогамъ — ловля харіусовъ — англичане въ Финляндіи — исторія вышки.

Я ходилъ къ порогамъ еще два раза для той же цѣли, и хотя съ намѣреніемъ выбиралъ разные часы дня, мои прогулки были напрасны. Около часу, въ каждый пріемъ, стоялъ я на вышкѣ, кое-какъ обороняясь зонтикомъ отъ милліоновъ мошекъ, обыкновеннаго явленія около водопадовъ. У ногъ моихъ полощутъ въ рѣкѣ губернаторское бѣлье; позади бѣлѣются колпаки на жильцахъ лазарета, гуляющихъ по двору: картина, можетъ быть, имѣющая свою заманчивость, но теперь вовсе не занимающая меня. Все еще вижу я только, какъ опорожненныя лодки, возвращаясь отъ смоляного двора, тянутся вверхъ по рѣкѣ, даже противъ стремительнаго теченія ея, посреди пороговъ. Тамъ, гдѣ уже нельзя грести, люди выходятъ на берегъ. Къ носу лодки привязывается бечева изъ березовыхъ лозъ, и крестьянинъ, идучи по берегу, тянетъ ее за собою, тогда какъ другой помогаетъ ему, упирая багоръ съ берега же въ передній конецъ лодки.

Въ этихъ порогахъ ловятъ и на удочку много рыбы, особенно *харіусовъ* (salmo thymallus). Нѣсколько лѣтъ тому назадъ пріѣзжало сюда двое англичанъ, которые отличались особеннымъ искусствомъ въ этой ловлѣ. Тутъ вмѣсто червяка насаживаются на крючокъ поддѣльныя бабочки съ яркосвѣтящимися перышками. Въ озерахъ вокругъ Нейшлота являлись также англичане для ловли дикихъ птицъ, и въ народѣ осталось тамъ много разсказовъ объ искусствѣ, съ какимъ они ее производили, часто входя по горло въ воду.

Балконъ, съ котораго любуются на устье Улео, первоначально построенъ былъ въ 1802 году, для путешествовавшаго по Финляндіи шведскаго короля Густава IV Адольфа. Черезъ 17 лѣтъ стоялъ тутъ, восхищаясь красотами финляндской природы, императоръ Александръ. Тогда эта вышка еще состояла только изъ нижней половины; верхняя пристроена впослѣдствіи, во время посѣщенія Улеаборга бывшимъ генералъ-губернаторомъ Финляндіи, графомъ А. А. Закревскимъ.

30.

Улеаборгъ, 21-го іюня.

Судоходство черезъ пороги — плата лоцманамъ — несчастные случаи — церковь — Мессеніусъ — гостиница.

Наконецъ сегодня, въ 12 часовъ, я увидѣлъ двѣ лодки, проплывшія одна за другою черезъ пороги. На каждой по обыкновенію было

только два человѣка. Они не взяли лоцмана и, не останавливаясь, пустились въ кипящія волны. Они шли тутъ, какъ казалось, въ совершенно прямомъ направленіи, держась праваго берега рѣки. Сидѣвшій на кормѣ управлялъ длиннымъ, широкимъ рулемъ (потесью); но вотъ приходитъ самое бурное мѣсто: тутъ онъ проворно встаетъ, упирается въ руль всею тяжестью тѣла и съ напряженнымъ вниманіемъ глядитъ на пучину. Бѣлые, клокочущіе валы такъ и хлещутъ со всѣхъ сторонъ, иногда влетая въ самую лодку, но она, только колеблясь и содрогаясь, быстро и вѣрно движется впередъ, послушная правящей волѣ, и скоро достигаетъ болѣе спокойныхъ, хотя все еще пѣнистыхъ водъ.

Плата лоцману довольно высока: здѣсь получаетъ онъ за каждый провозъ 35 коп. серебр. Для избѣжанія этой издержки нѣкоторые промышленники сами управляютъ лодкой надъ порогами, и отъ того случаются иногда бѣды, которыя прежде, когда не было особыхъ лоцмановъ, повторялись даже нерѣдко. Еще вчера у одного крестьянина разбилась такимъ образомъ лодка и пропало нѣсколько бочекъ смолы; онъ пошелъ къ губернатору жаловаться на свое несчастіе, но, самъ будучи виноватъ, не могъ получить никакого вознагражденія.

Чтобы не пропустить ни одной примѣчательности Улеаборга, надобно еще упомянуть о здѣшнемъ элементарномъ училищѣ, помѣщающемся въ каменномъ двухъ-этажномъ домѣ, о городской тюрьмѣ и чрезвычайно длинномъ строеніи канатнаго завода. Большая улеаборгская церковь, гдѣ одно воскресенье проповѣдь бываетъ по-шведски, а другое по-фински, замѣчательна, въ историческомъ отношеніи, воспоминаніемъ о знаменитомъ шведскомъ ученомъ Іоаннѣ Мессеніусѣ. Подробнѣе поговорю о немъ въ Каянѣ, гдѣ онъ долго сидѣлъ въ заключеніи. Здѣсь довольно замѣтить, что онъ, умерши въ Улеаборгѣ 1637 года, погребенъ въ этой церкви; тутъ же виситъ портретъ его. Вокругъ церкви насажены въ два ряда деревья, подъ которыми предполагается устроить бульваръ для гулянья.

Къ одной изъ сторонъ этого зеленаго пространства обращены окна станціонной гостиницы, гдѣ мы остановились. Ее содержитъ пожилая вдова, г-жа Аппельгренъ, которой совѣстливая заботливость объ удобствѣ постояльцевъ заслуживаетъ признательнаго отзыва.

Отдѣлъ VI.

Озеро Улео и городъ Каяна.

31.

Паппила Мухосъ, въ 34 верстахъ отъ Улеаборга, 21-го іюня.

Дорога въ Каяну — гора Кориламяки — бѣдность прихода — рѣка Улео — посѣщеніе землемѣра — прогулка водою — пороги.

Наконецъ выбрались мы изъ Улеаборга, откуда со дня на день отлагали свой отъѣздъ. Теперь ѣдемъ мы въ Каяну; хочу проводить моего товарища домой, взглянуть на жилище мудреца-филолога и на городъ, замѣчательный по мѣстоположенію. Тамъ, вѣроятно, мы и разстанемся. Отъ Улеаборга до Каяны 160 верстъ; но между этими двумя городами еще нѣтъ непрерывнаго сообщенія сухимъ путемъ: послѣднія 60 верстъ должно ѣхать озеромъ Улео, и это плаваніе по многимъ причинамъ довольно безпокойно.

Первыя сто верстъ дорога идетъ вдоль рѣки Улео, которая почти все время остается передъ глазами ѣдущаго и придаетъ мѣстности живописную прелесть. Особенно хороши окрестности паппилы Му́хосъ. Здѣшняго пастора, сѣдовласаго и почтеннаго пробста Фростеруса, видѣли мы въ Лиминго, гдѣ онъ былъ *инсталлаторомъ*, какъ старинный наставникъ тамошняго молодого собрата своего. Любезный старецъ взялъ съ насъ слово, что мы по пути навѣстимъ его.

За нѣсколько верстъ до паппилы мы остановились на горѣ Кориламяки (Korilamäki) и долго наслаждались, при вечернемъ освѣщеніи, далекимъ, великолѣпнымъ видомъ, который открывается оттуда, особливо къ сторонѣ церкви. Красоты природы оживлены здѣсь множествомъ разсыпанныхъ вокругъ гейматовъ. По этому заключилъ я, что въ здѣшнемъ приходѣ крестьяне богаты; однакожъ въ домѣ пастора услышалъ, что прежде производство смолы дѣйствительно служило имъ обильнымъ источникомъ продовольствія, но что теперь, по истребленіи лѣсовъ, они обѣднѣли и промышляютъ, по большей части, только извозомъ, доставляя товары въ Улеаборгъ.

Изъ сѣней и со двора паппилы видна, за крутымъ берегомъ, рѣка Улео, и по ту сторону ея крестьянскій гейматъ, гдѣ недавно сгорѣли владѣвшіе имъ молодые супруги, спасая своего ребенка изъ пламени пожара. Нѣсколько вправо, вверхъ по теченію рѣки, идутъ опять пороги, по имени *Монта*, а еще далѣе, верстахъ въ двухъ съ половиною отъ паппилы, оканчиваются самые значительные на Улео пороги, *Пюхякоски* (Pyhäkoski, священные), простирающіеся на нѣсколько верстъ.

Переночевавъ здѣсь, мы на другое утро рѣшились посѣтить эти пороги. Вмѣстѣ съ нами отправился молодой адъюнктъ пробста. Пройдя полемъ нѣкоторое пространство, увидѣли мы передъ собой, на краю лѣса, домикъ землемѣра Стольберга и вошли туда. Въ его рабочей комнатѣ, гдѣ столъ покрытъ былъ бумагами и книгами, висѣла на стѣнѣ финская кàнтела, простонародный инструментъ (родъ маленькой лежачей арфы), здѣсь неизвѣстный крестьянамъ, но очень обыкновенный въ избахъ Кареліи. Помѣнявшись съ нами тостами, г-нъ *инженеръ* (титулъ, изъ учтивости придаваемый землемѣрамъ), вызвался быть проводникомъ нашимъ. Мы сѣли въ маленькую лодку и поплыли противъ довольно сильнаго теченія рѣки. Вотъ на лѣвой сторонѣ показалась въ чащѣ, подымая главу надъ деревьями, старинная красная церковь Мухосскаго прихода. Сквозь густую зелень едва только мелькаютъ стѣны ея, и мрачный видъ тяжелаго строенія придаетъ ему какую-то таинственность, рисуя воображенію древнее капище въ дремучемъ лѣсу.

Маленькій гребецъ Хейкку (ф. Генрихъ) усталъ уже дѣйствовать веслами, и мы попеременно заступаемъ его мѣсто. Вотъ уже пороги; надобно поперёкъ рѣки приблизиться къ берегу. Мы вышли на крутой мысъ; инженеръ, упираясь въ длинный шестъ, при помощи Хейкку, дѣйствовавшаго съ берега, перевезъ лодку черезъ широкіе пороги Монта, и когда опять достигъ тихой воды, мы, перешедши покрытую лѣсомъ гору, воротились въ лодку и плыли снова до пѣнистыхъ волнъ Пюхякоски. Тутъ, близъ мѣста, гдѣ мы вышли на берегъ, нѣсколько крестьянъ работало надъ новымъ заколомъ, вбивая сваи; передъ нами лежали большія коническія загородки, которыхъ остроконечную стѣнку составляла сѣть, натянутая на обручи. Расположившись на высокой скалѣ, мы ждали, не увидимъ ли смолевой лодки на оканчивавшихся у ногъ нашихъ порогахъ Пюхякоски. Потерявъ наконецъ терпѣніе, сѣли мы опять въ лодку. Переѣздъ черезъ Монта внизъ по теченію казался не совсѣмъ вѣренъ, такъ какъ съ нами не было лоцмана; однакожъ, благодаря искусству инженера, лодка благополучно пронеслась по бурному пространству.

Въ нынѣшнее время принимаются въ Финляндіи дѣятельныя мѣры къ облегченію плаванія по порогамъ; такъ, въ Пюхякоски недавно исправлено опасное мѣсто (Rakka), гдѣ на крутомъ поворотѣ часто погибали лодки, вмѣстѣ съ людьми вовлеченныя пучиною въ тѣсное ущелье подъ водою. Первые отъ озера пороги на Улео называются *Ниска*. Это есть общее имя ближайшихъ къ верховью рѣки пороговъ: оно собственно значитъ по-фински: *затылокъ*.

Смолевыя лодки, на которыхъ крестьяне въ обѣденное время вѣроятно отдыхали, начали позже, когда мы уже были дома, одна за другою показываться на рѣкѣ, и мы со двора паппилы любовались ихъ тихимъ ходомъ по гладкой поверхности воды.

32.

Паппила Сяряснiеми, близъ озера Улео, 24-го iюня.

Перевозъ смолевыхъ лодокъ гужемъ—песчаная дорога—двѣ капеллы—озеро Улео—состоянiе народа—ясновидящая—двѣ машины—виды каплана.

Вчера, подъ вечеръ, простились мы съ пробстомъ Фростерусомъ и двумя молодыми дочерьми его, уже нѣсколько лѣтъ сиротами. Проѣхавъ отъ дома ихъ 17 верстъ, мы увидѣли передъ собою узкiй, мелкiй рукавъ рѣки Улео, черезъ который экипажъ нашъ перевезли на небольшомъ паромѣ, а мы сами прошли по ветхому мостику. На противоположномъ берегу, у станцiи Сювяусъ (Sywäys), поразили меня роспуски особаго устройства: передняя ось у нихъ гораздо у́же задней и обѣ соединены двумя длинными, къ концамъ ихъ прикрѣпленными, желѣзными полосами, между которыми поэтому образуется почти треугольное пустое пространство. Я узналъ, что здѣсь порожнiя смолевыя лодки, возвращаясь изъ Улеоборга, для минованiя пороговъ вытаскиваются изъ воды и перевозятся $7^1/_2$ верстъ гужемъ на такихъ роспускахъ (шв. båtkärra): это сто́итъ крестьянину еще 35 коп. серебромъ.

Сегодня ѣхали мы чрезвычайно тихо по мелкому, глубокому песку, покрывающему дорогу почти непрерывно на пространствѣ 35-ти верстъ. Лошадямъ было такъ тяжело, что мы часто выходили изъ коляски и нѣсколько верстъ шли пѣшкомъ черезъ лѣсъ.

По отдаленности отъ церкви, крайняя къ озеру часть прихода Мухосъ отдѣлена отъ него въ видѣ капеллы, имѣетъ особую церковь и особаго пастора. Въ большихъ приходахъ Финляндiи иногда бываетъ даже по нѣскольку такихъ капеллъ. Пасторъ, отдѣленный отъ прихода церкви, называется капланомъ и подчиненъ пастору главной церкви, который по временамъ объѣзжаетъ капеллы и проповѣдуетъ въ нихъ. Капелла близъ озера Улео называется Сяряснiеми. Между нею и церковью Мухосъ есть еще капелла Утаярви; мы и туда хотѣли заѣхать, но услышали, что тамошнiй капланъ отлучился по должности. При замѣщенiи вакантнаго пастората, строенiя паппилы могутъ требовать исправленiй, и для того ихъ осматриваетъ судья вмѣстѣ съ однимъ изъ ближайшихъ пасторовъ. Для такого-то освидѣтельствованiя пасторскаго дома (шв. husesyn) уѣхалъ капланъ изъ Утаярви. Намъ сказали, что онъ воротится еще не такъ скоро, потому что на обратномъ пути посѣтитъ отдаленную деревню и тамъ произнесетъ проповѣдь (шв. kantpredikning) для обывателей, которые, живя на краю округа, лишены возможности часто посѣщать церковь.

Разумѣется, что доходы каплана менѣе тѣхъ, какiе получаетъ пасторъ главной церкви, и въ капланскомъ домѣ чаще замѣтны признаки недостаточнаго состоянiя. Тѣмъ болѣе признательности заслужи-

ваетъ гостепріимство, оказанное намъ въ Сярясніеми. Чтобы воспользоваться ночною тишиной на водѣ, мы хотѣли сегодня же вечеромъ пуститься въ далекое плаваніе по озеру Улео. Но дождь и противный вѣтеръ заставили насъ принять ночлегъ, который намъ здѣсь такъ радушно предложили. Озеро Улео хорошо знакомо каплану Севоніусу, часто странствующему по водамъ его для посѣщенія своей паствы. Въ теплое время волненіе на немъ рѣдко бываетъ опасно; но когда холодно, оно даже при маломъ вѣтрѣ, особливо боковомъ, легко можетъ сдѣлаться гибельнымъ для судовъ; частыя, крутыя, острыя волны тѣмъ скорѣе могутъ опрокинуть лодку, что безпечные крестьяне употребляютъ здѣсь паруса самые ненадежные, вмѣсто мачты довольствуясь иногда весломъ, кое-какъ подставленнымъ. Въ осеннее время несчастные случаи не рѣдки; еще недавно погибло на озерѣ цѣлое крестьянское семейство, отправляясь въ Сярясніеми. Всѣ эти разсказы не очень-то разцвѣчиваютъ воображенію предстоящее намъ плаваніе.

Народъ здѣшній еще мало занимается земледѣліемъ, болѣе промышляя смолою; нынче однакожъ онъ уже начинаетъ воздѣлывать болота. Господствующее между жителями суевѣріе не даетъ высокаго понятія о ихъ образованности. Они вообще вѣрятъ въ ворожбу, совѣтуются съ колдунами и колдуньями. Недавно появилась между ними какая-то ясновидящая, вокругъ которой стекается множество народа слушать ея плодовитыя проповѣди о суетѣ мірской и будущей жизни. Даръ этотъ развился у нея во время болѣзни, которую сама она приписываетъ тому, что весь Троицынъ день плясала и веселилась гдѣ-то въ гостяхъ [1]).

Хозяйка показывала намъ двѣ очень удобныя машины. Одна въ кладовой, довольно сложная и большая, составляетъ родъ вѣяльнаго снаряда и сдѣлана въ Верхне-торнеоскомъ приходѣ. Другая была ручная машина, изобрѣтенная какимъ-то крестьяниномъ для щепанія лучины и много сберегающая труда и времени при этой работѣ.

Капланъ Севоніусъ уже недолго останется въ Сярясніеми. Онъ ужъ получилъ вакантный пасторатъ въ Лемпяла, близъ Таммерфорса, но не можетъ еще занять своего новаго мѣста, потому что вдова бывшаго тамъ пастора имѣетъ право еще два года пользоваться домомъ и всѣми доходами своего покойнаго мужа. Преемникъ его можетъ переселиться туда не прежде, какъ по истеченіи этого срока. Весело было видѣть, какъ доброе семейство каплана радовалось своему скорому перемѣщенію въ край менѣе пустынный, щедрѣе надѣленный природою и гдѣ народонаселеніе лучше, а доходы значительнѣе.

[1]) Въ Швеціи есть приходы, гдѣ такое болѣзненное проповѣдываніе составляетъ родъ заразы въ народѣ.

33.

Каяна, 25-го іюня.

Плаваніе по озеру Улео—отправленіе экипажа—смолевая лодка—споръ гребцовъ—перемѣна лодки—крестьянская пища—господствующія болѣзни—водопадъ Эммя.

Переночевавъ въ Сярясніеми, мы сегодня утромъ рѣшились ѣхать черезъ озеро, не смотря на порядочный, впрочемъ попутный вѣтеръ и вообще не совсѣмъ надежную погоду. Послѣ завтрака пошли мы пѣшкомъ на станцію, гдѣ наканунѣ оставили человѣка съ экипажемъ. Капланъ провожалъ насъ вмѣстѣ съ своимъ адъюнктомъ и дорогой разсказывалъ намъ о пребываніи императора Александра въ Торнео, гдѣ г-нъ Севоніусъ былъ въ то время пасторскимъ адъюнктомъ и имѣлъ счастіе видѣть Государя. Но объ этомъ послѣ.—Коляска наша, хотя небольшая, составляла важное затрудненіе при переправѣ черезъ озеро Улео. Для перевоза употребляются на немъ такія маленькія лодки, на которыхъ едва помѣщается и одноколка. Правда, черезъ озеро переѣзжали раза два и съ коляскою, какъ напримѣръ архіепископъ при обозрѣніи епархіи, но тогда припасаема была напередъ особая, большая лодка. На станціи, по осмотрѣ нашего экипажа, крестьяне объявили, впрочемъ довольно нерѣшительно, что, если можно какъ-нибудь разнять его, то на днѣ смолевой лодки уложатся особо кузовъ и колеса, и перевозъ не будетъ опасенъ. Еще въ Улеаборгѣ меня предостерегали не брать съ собою на озеро экипажа, если ему надобно будетъ стоять довольно высоко надъ краями лодки; въ такомъ случаѣ совѣтовали лучше помѣстить его на двухъ лодкахъ, поставленныхъ рядомъ одна съ другою. Но когда мы, простившись съ пасторомъ, поѣхали къ берегу и оказалось невозможнымъ поставить коляску такимъ образомъ на лодку, чтобы оси не лежали на бортахъ, то рѣшено было отправиться черезъ озеро безъ экипажа, а его послать сухимъ путемъ въ Иденсальми, гдѣ кучеръ будетъ ожидать меня на пасторскомъ дворѣ. Съ пріятнымъ чувствомъ какой-то легкости послѣ этого рѣшенія мы, взявъ съ собою немногія только вещи, сѣли въ смолевую лодку съ четырьмя гребцами и рулевымъ. Формою своею и тонкостью выпуклыхъ боковъ эти лодки очень похожи на пустой гороховой стручекъ, который дѣти въ видѣ челнока пускаютъ на воду. За неимѣніемъ скамеекъ, мы сѣли на дно лодки, взявъ однакожъ нужныя предосторожности, чтобы не запачкать платья смолою. Собственно для перевоза проѣзжихъ содержатся на станціяхъ, устроенныхъ при озерѣ, другія лодки; но такъ какъ было вѣтрено, то мы, по совѣту крестьянъ, предпочли смолевую. Скоро гребцы укрѣпили передъ собою поперекъ лодки широкій, почти квадратный парусъ. Маленькая мачта

подымалась по самой серединѣ его и была утверждена между двумя поперечными шестами, прикрѣпленными къ лодкѣ. Какъ мачта, такъ и самый парусъ привязаны были къ нимъ березовыми прутьями. Когда мы отплыли уже довольно далеко отъ берега, гребцы изъявили сожалѣніе, что съ ними нѣтъ порядочной веревки, и очень были рады, когда клубокъ крѣпкой бечевки изъ моего дорожнаго мѣшка далъ имъ возможность нѣсколько поправить свою оплошность. Пѣнистыя волны подымались высоко, лодка качалась, но шла довольно быстро. Жаль только, что ни одинъ изъ лодочниковъ не зналъ порядочно настоящаго направленія: между гребцами и рулевымъ завязался забавный и продолжительный споръ о томъ, гдѣ именно находится островъ, который долженъ былъ служить вдалекѣ путеводною точкой. Толки объ этомъ возобновлялись безпрестанно, пока всѣ наконецъ ясно увидѣли загадочный островъ. Между тѣмъ ударившая черезъ носъ волна разлилась прямо на бабу, которая въ сладкомъ снѣ лежала за гребцами: пробужденная внезапнымъ ощущеніемъ холодной влажности, она, встрепенувшись, слегка оправилась и спокойно приняла опять прежнее положеніе. До станціи, гдѣ на берегу озера происходитъ первая перемѣна лодки и гребцовъ, намъ надобно было всего проплыть 20 верстъ: это на всемъ пути самое длинное разстояніе, на которомъ и озеро болѣе открыто и шире, нежели между остальными привалами.

Не доѣзжая до первой станціи, мы увидѣли за собою, въ нѣкоторомъ отдаленіи, двѣ порожнія смолевыя лодки, шедшія въ одномъ съ нами направленіи. Это подало доктору Ленроту мысль, что если которая-нибудь изъ нихъ возвращается въ Каяну, то мы, для избѣжанія напрасныхъ остановокъ, могли бы нанять эту лодку до самаго города. Вѣтеръ унимался. Вскорѣ мы вошли въ тихій проливъ и тамъ остановились, чтобы обождать попутчиковъ. Поровнявшись съ нами, первый изъ нихъ на вопросъ, не въ Каяну ли онъ ѣдетъ, отвѣчалъ утвердительно, и мы, расплатившись съ лодочниками изъ Сярясніеми, тотчасъ пересѣли къ нему. Парусъ его былъ больше и укрѣпленъ надежнѣе, хотя весь въ заплаткахъ; пожилой крестьянинъ сидѣлъ у руля; на носу гребли двое мальчиковъ, лѣтъ 10-ти и 11-ти, сыновья его. Онъ сказалъ намъ, что живетъ на берегахъ рѣки Улео въ приходѣ Утаярви и что прежде былъ довольно богатъ, но неурожайные годы разорили его. Къ довершенію бѣды, онъ овдовѣлъ и долженъ самъ смотрѣть за шестью малолѣтными дѣтьми. Для прокормленія себя съ ними принужденъ онъ промышлять извозомъ и теперь ѣдетъ за досками, которыя доставляетъ въ Улеаборгъ по условію съ хозяиномъ пильной мельницы въ Каянѣ.

Сначала мы подвигались съ помощію паруса; мальчики Эркки и Юрккю (ф. Эрикъ и Юрій), уставши грести, улеглись рядомъ на своей скамейкѣ, накрытой тулупомъ отца. Подъ вечеръ сдѣлалось совер-

шенно тихо, и нельзя было обойтись безъ помощи веселъ, которыя иногда переходили въ руки старика, а иногда мы гребли сами.

На лодкѣ былъ маленькій запасъ съѣстного, которымъ и мы воспользовались. Онъ состоялъ изъ соленой рыбы, мягкаго чернаго хлѣба и свѣжаго масла, а для питья было въ боченкѣ кислое молоко, старое, непріятнаго вкуса. Кислое молоко составляетъ у финновъ предметъ первой потребности въ домашнемъ обиходѣ. Его и ѣдятъ и пьютъ во всѣхъ возможныхъ видахъ. Въ особой молочной кладовой стоитъ огромный чанъ, куда вливаютъ всѣ остатки молока, и тамъ оно, перекиснувшее, служитъ запасомъ на всю зиму. Можно представить себѣ, каковъ вкусъ этого питья. Пахтанье (ф. kirnu piimä), вкусный и здоровый напитокъ, пока оно свѣжо, можно также получать на каждой станціи въ сѣверной Финляндіи. Часто подается оно и смѣшанное съ водою. Вода съ прѣснымъ молокомъ составляетъ общій напитокъ на мызахъ и ставится въ графинѣ на ночь возлѣ кровати. Въ мѣстахъ, откуда мы ѣдемъ, масло бьютъ въ узенькихъ, вышиною локтя въ два, деревянныхъ цилиндрахъ, нѣсколько суживающихся къ верху. Черезъ отверстіе въ крышкѣ проходитъ длинная палка и оканчивается внизу звѣздообразнымъ кружкомъ, у котораго по краямъ вырѣзано нѣсколько дыръ. Въ теплой избѣ, если бить постоянно и сильно, масло можетъ быть совершенно готово въ часъ времени.

Безпрестанное употребленіе кислаго молока порождаетъ между финнами разныя желудочныя болѣзни. Другого рода вредъ терпятъ они отъ огня, дыма и страшнаго жару въ избахъ: глазныя болѣзни чрезвычайно распространены въ финскихъ селахъ, и большая часть тѣхъ больныхъ, которыхъ мы видѣли на проѣздѣ нашемъ, страдали глазами. Между ними было и много дѣтей, то слѣпыхъ, то кривыхъ, то съ бѣльмами. Въ огромной финской печи, кромѣ широкаго устья съ значительнымъ передъ нимъ углубленіемъ, бываетъ еще, во внѣшнемъ углу ея передней стороны, большая ниша, гдѣ также разводится огонь, когда удобство того требуетъ. Передъ этимъ огнемъ поселяне съ малолѣтства привыкаютъ сидѣть по цѣлымъ часамъ зимою и губятъ тѣмъ свое зрѣніе. Напротивъ, болѣзни грудныя въ сѣверной Финляндіи очень рѣдки, лихорадокъ и вовсе не бываетъ.

Входя въ длинный заливъ, на концѣ котораго лежитъ Каяна, мы съ правой стороны увидѣли на мысу одно-этажное желтое строеніе. Это пасторскій домъ прихода Па́льдамо, въ которомъ городъ Каяна составляетъ только капеллу.

Вскорѣ мы плыли уже въ устьѣ рѣчки Каяны посреди высокихъ, живописныхъ береговъ. Потомъ въ глубинѣ перспективы ярко забѣлѣлся шумный большой водопадъ Эммя (Aemmä, ф. бабушка); далеко передъ нимъ уже плавали частицы пѣны его. Приблизясь къ нему сколько было можно, мы переѣхали поперёкъ рѣки на правую сторону,

и тамъ пристали къ берегу посреди густой снѣжно-бѣлой пѣны, въ которой стояла яхта, недавно построенная для транспорта тесу по озеру Улео.

Отплывъ изъ Сярясніеми около полудня, мы были въ дорогѣ только девять часовъ, тогда какъ обыкновенно для этого переѣзда требуется гораздо болѣе времени.

Пока Юрккю оставался въ лодкѣ, Эркки съ отцомъ своимъ переносилъ вещи наши на квартиру доктора Ленрота.

34.

Каяна, 26-го іюня.

Развалины замка—еще водопадъ—очеркъ города Каяны—уѣздъ его—трудность сообщенія — лѣсныя поселенія—американскій государь—странствованіе по лѣсамъ.

Посреди пороговъ Эммя находится островъ, по обѣ стороны котораго возвышаются двѣ развалины, уже издали живописно представляющіяся тому, кто ѣдетъ съ озера Улео. Это остатки крѣпости, нѣкогда построенной здѣсь шведами. Островъ соединяется съ обоими берегами рѣки посредствомъ мостовъ, которые нынѣ возобновляются. Нѣсколько выше Эммя идутъ еще другіе, тоже значительные пороги, Койвукоски (ф. березовые), оканчивающіеся также водопадомъ: противъ этихъ-то пороговъ, на южномъ берегу рѣки, и лежитъ городокъ Каяна, состоящій изъ двухъ-трехъ параллельно съ берегомъ идущихъ улицъ, пересѣкаемыхъ другими въ противуположномъ направленіи. Тѣ и другія прямы и довольно широки, но обставлены низенькими, по большей части красными, старыми домишками.

Въ Каянѣ живетъ едва 400 человѣкъ, изъ которыхъ почти всѣ занимаются сельскими промыслами. У самаго города видно множество разгороженныхъ полей, гдѣ по вечерамъ вездѣ сходятся группы коровъ вокругъ дымящагося огонька. По всему этому крестьяне здѣшняго околотка не удостоиваютъ Каяны именемъ города, которое означаетъ у нихъ преимущественно Улеаборгъ, а называютъ ее деревнею. „Ѣду въ городъ; тебѣ кланяются изъ деревни", говоритъ земляку финнъ, отправляющійся въ Улеаборгъ, хотя бы они встрѣтились подъ самою Каяной. Между тѣмъ Каяна имѣетъ городовое устройство, имѣетъ ратушу и бургомистра и есть главный городъ обширнаго уѣзда, иногда величаемаго именемъ губерніи (шв. län), но принадлежащаго, по крайней мѣрѣ нынѣ, къ губерніи Улеаборгской. Эта губернія, составляющая почти половину всей Финляндіи, вмѣщаетъ въ себѣ не болѣе 146,000 жителей. Каяну окружаетъ, особенно съ сѣвера, пустынный край, гдѣ даже не проложено еще дорогъ и гдѣ сообщенія, частью по лѣсамъ, горамъ и болотамъ, частью по рѣкамъ и озерамъ, чрезвы-

чайно затруднительны. Каяна лежитъ почти въ серединѣ длиннаго водяного пути, идущаго въ видѣ крутой дуги отъ границъ Архангельской губерніи до самаго Ботническаго залива. Но какъ западная половина (160 верстъ) этого пути, такъ и восточная изобилуютъ порогами, по которымъ спускаться не безопасно, а подыматься тяжело и долго. Въ каждой лодкѣ бываетъ обыкновенно два, три проводника, и за милю (10 верстъ) платится 26 коп. серебр. Разумѣется, что сухопутныя странствованія въ окрестныхъ мѣстахъ возможны, по большей части, только пѣшкомъ, и предпринимаются единственно по должности, напримѣръ провинціальнымъ лѣкаремъ, землемѣромъ. Гейматы разбросаны далеко одинъ отъ другого, а торповъ и совсѣмъ нѣтъ: всякій крестьянинъ воленъ итти съ семьею въ лѣсъ, занять тамъ землицу и на ней построить себѣ жилище, такъ называемое *нуѣудде* (шв. колонія), при чемъ онъ на нѣсколько лѣтъ освобождается отъ извѣстныхъ повинностей. Гдѣ-то (въ приходѣ Иденсальми Куопіоской губерніи) крестьянинъ, поселившись такимъ образомъ въ лѣсу, назвалъ свое владѣніе Америкой, а себя американскимъ государемъ. Во время послѣдней Шведской войны, русскіе солдаты, узнавъ, что онъ величаетъ себя такимъ громкимъ титуломъ, схватили его, и не сдобровать бы простодушному самозванцу, еслибъ генералъ Тучковъ, къ которому его привели, не велѣлъ отпустить американскаго государя, когда, допрашивая его, услышалъ, что онъ народомъ своимъ называетъ—лѣсныхъ комаровъ.

Странствующіе пѣшкомъ по пустынямъ берутъ проводниковъ; но эти люди иногда сами не знаютъ хорошенько дорогъ, и для того, въ случаѣ сомнѣнія, вырубаютъ на иномъ деревѣ мѣтку (они всегда носятъ съ собою топоръ), чтобы, заблудившись, выбраться по крайней мѣрѣ опять на прежнее мѣсто. Впрочемъ, есть признаки по которымъ опытный человѣкъ и въ пустынѣ умѣетъ руководствоваться: чтобы узнать, гдѣ сѣверъ, гдѣ югъ, онъ смотритъ на деревья, на камни, на муравейники: вѣтви, обращенныя къ югу, бываютъ длиннѣе и висятъ ниже; мохъ растетъ болѣе на сѣверной сторонѣ, какъ дерева, такъ и камня; южная полоса ствола бѣлѣе; муравейники болѣе открыты къ югу. Къ счастію странствующихъ, въ окрестныхъ не густыхъ лѣсахъ волки составляютъ величайшую рѣдкость. Когда иной изъ нихъ случайно и забѣжитъ сюда, ему не миновать гибели: его преслѣдуютъ тѣмъ усерднѣе, что за каждаго пойманнаго звѣря положена значительная премія. Однакожъ на дняхъ слышалъ я, что гдѣ-то въ здѣшнихъ мѣстахъ орлы перетаскали цѣлыхъ девять овецъ, никѣмъ не будучи тревожимы.

35.

Каяна, 27-го іюня.

Общество—мѣстоположеніе—водопадъ Койвукоски—плотники изъ Кронобю—Шведскіе приходы—пасторъ Т.—удивленіе русскаго солдата—жизнь въ Каянѣ.

Въ Каянѣ всего человѣкъ десять, двѣнадцать, которые одни или съ семействами своими составляютъ образованное общество. Это бургомистръ, судья, пасторъ съ своимъ адъюнктомъ, ратманъ, почтмейстеръ, аптекарь—вотъ почти всѣ. Къ нимъ надобно еще причислить землемѣра, который живетъ по ту сторону рѣки, противъ города на горѣ. Строенія, принадлежащія къ его двору, составляютъ маленькое селеніе, которое на видъ лучше самой Каяны. Гористое мѣстоположеніе на обоихъ берегахъ рѣки очень живописно; съ нѣкоторыхъ возвышеній видны вдали значительныя горы, между прочимъ, и главная изъ нихъ Вуокатти, находящаяся верстахъ въ тридцати отсюда къ сѣверо-востоку. Шумъ водопадовъ день и ночь раздается въ городѣ, то громче, то глуше, смотря по тому, откуда вѣтеръ. Домъ пастора, гдѣ живетъ и докторъ Ленротъ, построенъ на первой параллельной съ берегомъ улицѣ, и каждый вечеръ я засыпаю подъ гулъ Койвукоски. Этотъ величественный водопадъ, по массѣ клокочущей въ немъ воды и стремительности ея теченія, едва-ли уступаетъ Иматрѣ, но ложе рѣки здѣсь гораздо шире, и потому въ движеніи волнъ какъ будто менѣе ярости. Но видъ Койвукоски тѣмъ разительнѣе, что спокойное теченіе рѣки внезапно, по всей ширинѣ ея, превращается въ цѣлую бездну волненія, пѣны и шума. По обоимъ водопадамъ не можетъ пройти никакая лодка, и нынѣ при нихъ устраиваются каналы съ шлюзами почти уже оконченные [1]).

До сихъ поръ смолевыя лодки, останавливаясь повыше города, перевозятся черезъ него на роспускахъ, подобныхъ тѣмъ, какія уже описаны мною въ другомъ мѣстѣ. По случаю работъ надъ шлюзами и мостами, прежде упомянутыми, у обоихъ водопадовъ замѣтно большое движеніе. Плотники выписаны изъ Вазаской губерніи, именно изъ приморскаго прихода Кронобю, гдѣ почти всѣ крестьяне занимаются этимъ ремесломъ и для полученія работы часто предпринимаютъ далекія странствованія: двое изъ находящихся здѣсь разсказывали, что они бывали даже въ Дерптѣ. Всѣ они—шведы, такъ какъ и вообще приморскіе жители нѣкоторой части южной Остроботніи—потомки старинныхъ выходцевъ изъ Швеціи. Тамъ есть нѣсколько приходовъ, гдѣ

[1]) Они открыты 21-го августа (2-го сентября) 1846 года. Открытіе происходило торжественно въ присутствіи Улеаборгскаго губернатора и высшихъ лицъ вѣдомства путей сообщенія.

вовсе не говорятъ по-фински. Въ Каяну прiѣзжалъ на дняхъ одинъ изъ тамошнихъ пасторовъ, веселый старичекъ, который служилъ въ духовномъ званiи уже во время послѣдней Шведской войны. Изъ многихъ разсказовъ его о неудобствахъ, испытанныхъ имъ отъ незнанiя финскаго языка, особенно одинъ замѣчателенъ. Послѣ сраженiя при Оравайсѣ, главнокомандующiй, генералъ Буксгевденъ, обѣщалъ освободить приходъ, гдѣ оно происходило, отъ повинности постоя. Мѣсяца черезъ два послѣ того Буксгевденъ былъ уволенъ. Обѣщанiе его было забыто. Во время хлопотъ и поѣздокъ, которыя пасторъ Т. принялъ на себя по этому дѣлу, онъ съ однимъ изъ русскихъ начальниковъ, маiоромъ Лалинымъ, долженъ былъ объясняться посредствомъ переводчика. Этотъ переводчикъ былъ русскiй солдатъ и началъ говорить съ нимъ по-фински. Когда пасторъ объявилъ ему, какъ умѣлъ, ломанымъ русскимъ языкомъ, что не понимаетъ по-фински, то солдатъ впалъ въ самое забавное удивленiе, захохоталъ и, всплеснувъ руками, вскрикнулъ: „Финскiй пасторъ—и не разумѣетъ по-фински!"—Вообще русскiе, бывшiе здѣсь во время войны, не понимали, какъ жители Финляндiи не всегда могутъ объясняться другъ съ другомъ, и это поселило въ нашихъ нѣкоторую къ нимъ недовѣрчивость.

Для того, кто не дорожитъ городскими удовольствiями, жизнь въ Каянѣ удобна и прiятна. Выходя на улицу, не нужно заботиться о туалетѣ и перемѣнять своего домашняго костюма, какъ бы простъ онъ ни былъ. Вблизи отъ города, посреди поля, лежащаго на скатѣ берега, есть ключъ свѣтлой, чистѣйшей воды, которую мы ходимъ пить каждое утро. Часто отправляемся мы къ пильной мельницѣ, чтобы тамъ освѣжиться купаньемъ подъ струями и брызгами водопада Эммя, бьющими съ колесъ этой мельницы. Рядомъ съ нами иногда стоитъ подъ нею радуга, которою пронизаны быстро-падающiя струи.

36.

Каяна, 28-го iюня.

Пасторскiй домъ—докторъ Ленротъ—знакомство нѣмцевъ съ финскимъ языкомъ—родители Ленрота—самоваръ—ярмарка въ Каянѣ—русскiе торговцы—прогулка черезъ пороги.

Здѣшнiй пасторскiй домъ довольно великъ и, состоя изъ двухъ этажей, принадлежитъ къ числу главныхъ строенiй въ городѣ; но онъ такъ уже старъ, что не долго продержится безъ значительныхъ починокъ. Нижнiй этажъ, гдѣ живетъ самъ пасторъ съ семействомъ, замѣчателенъ тѣмъ, что въ одной изъ комнатъ его, въ 1819-мъ году, провелъ нѣсколько часовъ императоръ Александръ. Просторную залу верхняго этажа занимаетъ докторъ Ленротъ. При входѣ въ нее, можно тотчасъ узнать, что здѣсь живетъ другъ финской поэзiи. На стѣнахъ

развѣшено нѣсколько *кантелъ* [1]) разной величины и формы; всѣ чернаго цвѣта и сдѣланы не крестьянами, а городскимъ столяромъ. Благодаря присутствію доктора Ленрота, Каяна сдѣлалась какъ будто избраннымъ городомъ кантелы: почти въ каждомъ изъ здѣшнихъ домовъ, гдѣ я бывалъ, она составляетъ существенное убранство, являясь иногда рядомъ съ вѣтвистыми оленьими рогами.

Жалѣю, что скромность доктора Ленрота не позволяетъ мнѣ говорить совершенно свободно о немъ и о трудахъ его. Могу однакожъ сказать, что изъ всѣхъ пріятностей моей поѣздки его общество было для меня всего дороже. Высокое благородство характера, безъ котораго немного значатъ литературныя достоинства, одно могло доставить ему ту искреннюю любовь, какая вездѣ встрѣчаетъ его [2]).

Онъ родился 9-го апрѣля 1802-го года; учился сперва въ Абоской школѣ, потомъ въ Боргоской гимназіи, гдѣ однакожъ не успѣлъ окончить курса. Проживъ послѣ того нѣсколько времени въ Тавастгусѣ, гдѣ онъ продолжалъ учиться, сколько ему позволяли обстоятельства, онъ въ 1820-мъ году записанъ былъ въ студенты Абоскаго университета, въ 1827-мъ году пріобрѣлъ степень магистра, а въ слѣдующемъ, весною, уже предпринялъ первое свое странствованіе для собиранія финскихъ народныхъ пѣсенъ (рунъ). Онъ ходилъ въ Карелію, возвратился оттуда осенью и напечаталъ четыре книжечки пѣсенъ подъ заглавіемъ *Кантела*. Изъ послѣдующихъ его трудовъ по тому же предмету важнѣйшимъ было изданіе открытой имъ финской народной эпопеи, *Калевалы*, которая въ послѣднее время начала обращать на себя вниманіе французовъ и нѣмцевъ. Статья Гримма о ней напечатана уже и по-русски [3]). Лейпцигскій профессоръ Брокгаусъ учится нынѣ финскому языку и собирается перевести Калевалу нѣмецкими стихами. Еще вчера докторъ Ленротъ получилъ о томъ письмо отъ него. Учителемъ Брокгауса—молодой финляндецъ, магистръ философіи Чельгренъ (Kellgren), по его вызову поѣхавшій въ Лейпцигъ съ тѣмъ, чтобы въ обмѣнъ на финскій языкъ изучить, подъ руководствомъ профессора, языкъ санскритскій. Въ 1832-мъ году Ленротъ достигъ степени доктора медицины, и съ тѣхъ поръ занимаетъ должность провинціальнаго лѣкаря въ Каянѣ. Нынче, какъ ужъ сказано въ другомъ мѣстѣ, онъ занимается составленіемъ финскаго словаря (съ объясненіями по-латыни и по-шведски). По важности этого предпріятія онъ

[1]) Кантела, родъ маленькой лежачей арфы, народный инструментъ въ Финляндіи, особливо въ Кареліи.

[2]) Въ Каянѣ друзья Ленрота переписываютъ ему начисто цѣлыя тетради черновыхъ его трудовъ.

[3]) Журн. Министерства Народнаго Просвѣщенія, мартъ 1846.—Въ Берлинѣ профессоръ Шотъ читаетъ лекціи о финскомъ языкѣ. Въ началѣ 1847-го года Финское Литературное общество поручило Ленроту приготовить второе изданіе Калевалы.

пользуется временнымъ увольненіемъ отъ должности, которую между тѣмъ исправляетъ молодой, но уже пользующійся большою довѣренностію докторъ Линдъ. Уединенная, тихая жизнь въ Каянѣ чрезвычайно благопріятствуетъ неутомимому трудолюбію Ленрота [1]).

Верстахъ въ трехъ отъ города живутъ въ маленькомъ гейматѣ престарѣлые его родители. Вчера передъ обѣдомъ я отправился къ нимъ вмѣстѣ съ обоими докторами. Мы шли пѣшкомъ до мѣста, гдѣ надобно было переѣхать черезъ рѣку Каяну, чтобы попасть въ По́львилу (такъ зовутъ гейматъ). Мы переправились на самой уютной лодочкѣ, которая при малѣйшемъ нарушеніи равновѣсія легко могла опрокинуться. Ведя трудолюбивую, но спокойную жизнь посреди сельской простоты, родители доктора Ленрота въ глубокой старости сохраняютъ еще полную свѣжесть силъ и бодрость духа. Восьмидесятилѣтній отецъ ходитъ пѣшкомъ въ городъ и оттуда назадъ. По прямому стану матери и привѣтливому лицу ея никакъ нельзя бы угадать, что ей уже 74-й годъ. Въ одной изъ комнатъ ихъ стоялъ большой шкапъ съ книгами: это часть библіотеки доктора Ленрота, который, навѣщая своихъ родителей почти каждое утро, продолжаетъ и здѣсь свои занятія. Старушка угостила насъ превосходнымъ кофеемъ. Самоваръ, который я здѣсь увидѣлъ, поразилъ меня, потому что на всемъ сѣверномъ пути отъ Куопіо я не встрѣтилъ еще ни одного. Въ Каянѣ почти во всякомъ домѣ есть самоваръ. Этотъ городъ много посѣщается русскими купцами, особенно изъ Архангельской губерніи: въ февралѣ мѣсяцѣ здѣсь бываетъ значительная ярмарка, на которую они пріѣзжаютъ особенно съ пенькою и запасаются, между прочимъ, мѣхами. Сверхъ того по сѣверной и средней Финляндіи странствуютъ, въ довольно большомъ числѣ, русскіе торговцы, извѣстные подъ именемъ *kontryssar* (шв. kont значитъ *котомка*). Это обыкновенно обрусѣвшіе финны изъ Архангельской губерніи: они сюда приходятъ лѣтомъ съ пустыми руками, закупаютъ въ здѣшнихъ городахъ разные мелкіе товары, разносятъ ихъ на плечахъ, въ котомкѣ, по городамъ и селамъ, а зимою отправляются назадъ съ набитымъ кошелькомъ; но часто, какъ водится у насъ, возвращаются домой—опять съ пустыми руками. На обратномъ пути это совсѣмъ не тѣ люди, какими они пришли сюда: они пришли оборванные, грязные; теперь на нихъ щегольское платье; они кутятъ и гуляютъ: шампанское льется у нихъ рѣкою!..

Передъ уходомъ изъ По́львилы мы выкупались въ рѣчкѣ и рѣшились ѣхать до самаго города водою. Мнѣ хотѣлось испытать плаваніе по порогамъ: теперь ихъ было на нашемъ пути до четырехъ, впро-

[1]) Болѣе подробныя свѣдѣнія о докторѣ Ленротѣ и объ открытой имъ поэмѣ можно найти въ прежнихъ статьяхъ моихъ (см. выше): *О финнахъ и ихъ народной поэзіи* и *Литературныя новости въ Финляндіи.*

чемъ почти всѣ малозначущіе въ сравненіи съ другими. Передъ первымъ изъ нихъ—Ниской—мы причалили къ берегу и взяли лоцмана. Онъ сказалъ намъ, чтобы мы для вѣрности расположились на днѣ лодки. На третьихъ порогахъ кипѣніе волнъ было всего сильнѣе; казалось, онѣ, яростно скача вокругъ лодки, наперерывъ старались втянуть ее въ пучину. Доски подъ нами дрожали, но мы неслись такъ быстро, что жаль было, когда кончились пороги.

На-дняхъ возвратился домой здѣшній пасторъ (капланъ Хэгманъ), который при моемъ пріѣздѣ въ Каяну былъ въ отсутствіи. Онъ ѣздилъ съ женою и маленькими дѣтьми въ Кухмо, капеллу прихода Соткамо, до которой отсюда сто верстъ водою, по озерамъ и рѣчнымъ порогамъ. Тамъ похоронилъ онъ отца своего. Каждый день я за его столомъ обѣдаю вмѣстѣ съ докторомъ Ленротомъ, который живетъ на хлѣбахъ у этого добраго и милаго семейства. Здѣсь на паппилѣ также производится экзаменъ готовящимся къ первому причащенію. Ежедневно рано утромъ я слышу духовное пѣніе, которое предшествуетъ началу испытаній. Крестьяне или крестьянки, желающіе пріобщиться св. таинъ, собираются въ людской избѣ пасторскаго двора, и тамъ духовный отецъ проводитъ съ ними цѣлое утро и нѣсколько часовъ послѣ обѣда. Вечеромъ, передъ уходомъ, они опять поютъ изъ молитвенника. Противъ списка именъ ихъ пасторъ особенными знаками отмѣчаетъ степень ихъ успѣховъ по разнымъ частямъ испытанія. Слышно, что общій результатъ его не совсѣмъ удовлетворителенъ, и только немногіе изъ экзаменовавшихся будутъ допущены къ причастію.

Отдѣлъ VII.

Прогулка въ Пальдамо и воспоминанія объ Императорѣ Александрѣ.

37.

Помѣстье Нюгордъ (Nygård), близъ церкви Пальдамо, 29-го іюня.

Государева конюшня — путешествіе императора Александра — плаваніе Его по озеру Улео — пребываніе Государя въ Каянѣ — обратный путь по лѣсамъ и болотамъ—посѣщеніе Улеаборга и Торнео.

Отъ Каяны до этой церкви — десять верстъ. Здѣсь есть скромное, но исторически-драгоцѣнное строеніе, которое должно привлекать каждаго путешественника, особливо русскаго, и было бы уже извѣстно въ цѣломъ мірѣ, еслибъ находилось въ краю не столь пустынномъ. Это — *конюшня*, превращенная нѣкогда въ столовую для Императора Але-

ксандра! — Я желалъ побывать въ Па̀льдамо еще и потому, что здѣсь около церкви живетъ нѣсколько образованныхъ людей, которые, часто посѣщая Каяну, составляютъ съ тамошнимъ обществомъ тѣсный дружескій кружокъ.

Вчера послѣ обѣда мы, не смотря на пасмурную погоду, предположили не откладывать долѣе давно задуманной нами прогулки въ Па̀льдамо. Чтобы окончательно рѣшить: *итти* или *нѣтъ*, бросили мы жеребій, и судьба сказала намъ: *итти*. Мы повиновались ея приговору. Такъ какъ новый мостъ черезъ водопадъ Эммя еще не готовъ, а старый уже разрушается и невозможно провезти по нимъ экипажа, то мы, для избѣжанія всякихъ хлопотъ, согласились итти всю дорогу пѣшкомъ. День былъ не жаркій, и менѣе, нежели въ два часа, мы пришли въ помѣстье Нюгордъ, лежащее почти у самой церкви. Владѣлецъ его—г-нъ Фландеръ, братъ Каянскаго бургомистра. Отецъ ихъ занималъ тамъ эту же должность во время посѣщенія Каяны Александромъ. Государева конюшня — такъ называетъ ее народъ — стоитъ очень близко отъ помѣстья г-на Фландера; однакожъ, до осмотра этой примѣчательности, желалъ я освѣжить въ памяти относящіяся къ ней подробности. Гравюры, висѣвшія по стѣнамъ комнаты, гдѣ мы расположились, представляли разныя сцены изъ царскаго путешествія. Видѣвъ ихъ прежде при книгѣ, въ которой оно описано, я спросилъ, нѣтъ ли въ домѣ самой книги той, и мнѣ подана была огромная тетрадь съ текстомъ на четырехъ языкахъ: русскомъ, шведскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ. Это было *Описаніе путешествія Государя Императора Александра I изъ станціи Ниссиля въ городъ Каяну*, изданное въ 1828-мъ году капитаномъ Грипенбергомъ (впослѣдствіи губернаторомъ въ Гельсингфорсѣ, а нынѣ директоромъ земледѣльческаго училища въ Мустіалѣ). Онъ въ 1819-мъ году принадлежалъ къ свитѣ Августѣйшаго Путешественника.

Пока мы читали этотъ занимательный разсказъ, принесенъ былъ ключъ отъ конюшни, хранящійся у короннаго фохта, который живетъ также недалеко отъ церкви, но теперь еще не возвратился изъ Улеаборга, гдѣ мы его видѣли на губернаторскомъ обѣдѣ. Къ описанію г-на Грипенберга хозяинъ нашъ, г-нъ Фландеръ, могъ прибавить изустно нѣсколько любопытныхъ подробностей, такъ какъ онъ, хотя въ 1819-мъ году былъ еще мальчикомъ, имѣлъ счастіе видѣть Государя въ Каянѣ и послѣ многое слышалъ о Высочайшемъ тамъ пребываніи.

Подойдя къ фасаду конюшни, мы увидѣли маленькое, отъ времени почернѣвшее строеніе съ такою низенькою дверью, что для входа въ нее надобно было порядочно наклониться. Надъ нею прочелъ я на шведскомъ языкѣ надпись, которую перевожу слово въ слово:

„Въ этой конюшнѣ, которая стояла въ Хапаланкангасѣ, при рѣчкѣ Вуолійоки, въ приходѣ Па̀льдамо, нѣкогда величайшій изъ Монарховъ,

Всемилостивѣйшій Государь нашъ Александръ I, всея Россіи и Финляндіи Императоръ, завтракалъ въ половинѣ осьмого часа до полудня 28-го августа 1819-го года, во время путешествія Его въ городъ Каяну, почему строеніе сіе перенесено сюда жителями прихода Пальдамо, въ вѣчное воспоминаніе достопримѣчательнаго путешествія Великаго Монарха по Каянской губерніи".

Первоначальное мѣсто этой конюшни, Хапаланкангасъ, было маленькое лѣсное поселеніе (nybygge)[1], на противуположномъ концѣ озера Улео. Оттуда Государю надобно было начать плаваніе по этому озеру. Сярясніеми, гдѣ мы сѣли въ лодку, отстоитъ десятью верстами далѣе отъ Каяны, нежели то мѣсто, гдѣ находился крестьянскій дворъ Хапаланкангасъ. Слѣдовательно Александру предстояло ѣхать водою 50 верстъ.

Императоръ давно уже намѣревался порадовать своимъ появленіемъ новыхъ подданныхъ на отдаленномъ, пустынномъ сѣверѣ Финляндіи. Наконецъ лѣтомъ 1819-го года онъ рѣшился привести эту мысль въ исполненіе. 23-го іюля Его Величество изъ Царскаго Села отправился въ Архангельскъ; потомъ черезъ Сердоболь прибылъ въ Куопіо, а оттуда $^{15}/_{27}$ августа въ 7 часовъ вечера — на станцію Ниссиля (о чемъ см. выше стр. 369). На другое утро въ 7 часовъ Государь былъ уже въ Хапаланкангасѣ.

Г-нъ Грипенбергъ, посланный сюда еще наканунѣ, разсказываетъ:

„Метръ-дотель Его Величества, г-нъ Миллеръ, пріѣхалъ съ дорожною кухнею въ 4 часа. Я находился въ большомъ затрудненіи; во всемъ жилищѣ была одна только курная изба, отъ дыму совершенно закоптѣвшая, да и та необходима была метръ-дотелю для кухни. Сперва думалъ было я построить бесѣдку; но къ тому не имѣлъ времени и способовъ, а притомъ опасался дождя. Я совѣтовался о семъ затрудненіи съ г-мъ Миллеромъ, и онъ согласился со мною, что оставалось одно средство: очистить находившуюся при жилищѣ конюшню, которая была почти новая, и изъ нея сдѣлать столовую, не смотря впрочемъ на неудобство во всѣхъ отношеніяхъ. Вышина конюшни отъ полу до потолка состояла изъ 4 шведскихъ локтей, ширина изъ 8-ми, а пространство между дверью и стойлами изъ 3-хъ локтей. Свѣтъ проходилъ въ нее сквозь одну дверь, вышиною въ $2^1/_2$, а шириною въ $1^1/_4$ локтя ($1^1/_6$ шведск. локтя равны одному аршину россійской мѣры).

„Очистивъ хорошо конюшню, убралъ я внутренность оной и всѣ стойла свѣжими березками, кои распространили довольно пріятный запахъ. Изъ ближайшаго поселенія принесли столъ, а вмѣсто стульевъ, коихъ совсѣмъ не было, я велѣлъ наскоро сдѣлать скамейку, которую покрылъ краснымъ сукномъ, взявъ оное изъ шлюпки, приготовленной для Его Величества.

[1]) См. выше, стр. 415.

„Между тѣмъ г-нъ Миллеръ приказалъ развести огонь и началъ приготовлять обѣдъ среди дыму, наполнявшаго всю избу.

„Государь Императоръ, сопровождаемый княземъ Волконскимъ, лейбъ-медикомъ баронетомъ Виллie и свиты Его Величества по квартирмейстерской части прапорщикомъ Мартинау, изволилъ прiѣхать въ Хапаланкангасъ ровно въ 7 часовъ утра.

„...Его Величество изволилъ подойти къ избушкѣ и спросилъ: гдѣ находится Его метръ-дотель Миллеръ? Послѣ отвѣта моего, что г-нъ Миллеръ въ избушкѣ приготовляетъ обѣдъ, Государь изволилъ подойти къ самой избушкѣ, но не могъ въ нее войти, по причинѣ выходившаго оттуда сильнаго дыма. Не имѣя возможности видѣть г-на Миллера сквозь дымъ, Его Величество узналъ его по голосу, поздоровался съ нимъ и потомъ спросилъ шуточнымъ тономъ: *Гдѣ-жъ Моя столовая?*— На что г-нъ Миллеръ отвѣчалъ: „Ваше Величество! для перемѣны — въ конюшнѣ!“ — Сiя мысль показалась Государю очень забавною, и Его Величество сказалъ: *Все равно, лишь бы намъ было что покушать.*— Потомъ Государь изволилъ осматривать столовую, которую дѣйствительно нашелъ очень забавною.

„...Въ 3/4 8-го часа подали обѣдъ. Государь Императоръ сѣлъ на правомъ концѣ стола; подлѣ Его Величества князь Волконскiй, потомъ я, баронетъ Виллie и прапорщикъ Мартинау. Во время обѣда, продолжавшагося около 20-ти минутъ, Его Величество былъ очень веселъ. Между прочимъ помню слѣдующее. На проѣздѣ Государя Императора чрезъ Карелiю Его Величество получилъ въ подарокъ небольшую стеклянную баночку брусничнаго желе. Его Величество, покушавъ немного Самъ сего варенья, попотчевалъ онымъ князя Волконскаго, а потомъ изволилъ поставить баночку предо мною и съ свойственнымъ Ему благосклоннымъ и снисходительнымъ видомъ сказалъ мнѣ: „Грипенбергъ! вы должны сего отвѣдать, это очень вкусно: но не берите много, потому что Я хочу сколько можно долѣе его поберечь; Мнѣ подарила это пасторша въ Тохмаярви.“ Государь Императоръ изволилъ также отозваться, что Онъ тотъ край до Иденсальми находилъ столь прiятнымъ, что можно назвать его сѣверною Италiею; но что оттуда далѣе было довольно пусто. Его Величество равномѣрно разспрашивалъ о ближайшихъ окрестностяхъ, о городѣ Каянѣ и его жителяхъ; сiе подало мнѣ случай доложить Государю Императору, что для Его Величества приготовлена въ Каянѣ квартира у пастора, г-на Аппельгрена.

„Въ это самое время г-нъ Миллеръ подалъ къ дессерту два ананаса; но Государь Императоръ съ прiятнѣйшею улыбкою замѣтилъ, что обѣдать въ 7 часовъ утра въ окрестностяхъ Каяны, въ конюшнѣ, и притомъ имѣть въ дессертѣ ананасы,—была бы уже слишкомъ большая противоположность; почему Его Величество изволилъ приказать князю

Волконскому спрятать сіи рѣдкіе плоды, ибо Его Величеству угодно было взять ихъ съ собою въ Каяну и подарить хозяйкѣ Своей, г-жѣ Аппельгренъ".

Вошедши въ конюшню, увидѣлъ я прямо противъ дверей, передъ стойлами, которыхъ четыре, длинный некрашеный столъ, точно такой, какъ тѣ, которые встрѣчаются во всякомъ и бѣднѣйшемъ гейматѣ. Между нимъ и стойлами поставлена сколоченная наскоро скамья. Тутъ, за этимъ столомъ, сидѣлъ нѣкогда Александръ Благословенный: можно ли было не задуматься при этой мысли? На боковой стѣнѣ, противъ стола, виситъ бумага съ надписью, въ которой между прочимъ, сказано: „Г-нъ ассессоръ и судья Карлъ Георгъ Фландеръ купилъ этотъ столъ со скамьею за 6 банк. риксдалеровъ и подарилъ для помѣщенія въ семъ мѣстѣ".

Въ конюшнѣ находится еще нѣсколько подобныхъ предметовъ; но такъ какъ они относятся къ обратному путешествію Государя изъ Каяны, то для связи надобно здѣсь помѣстить напередъ описаніе предшествовавшихъ обстоятельствъ. Изъ Улеаборга, по распоряженію тамошняго губернатора, подполковника фонъ-Борна, привезена была въ Хапаланкангасъ восьмивесельная шлюпка — та самая, которую мы недавно видѣли въ Улеаборгѣ.

„Государь Императоръ, — такъ продолжаетъ г-нъ Грипенбергъ, — сѣлъ на шлюпку въ $^1/_2$ 9-го часа и изволилъ приказать сѣсть тутъ же князю Волконскому, баронету Вилліе, прапорщику Мартинау, мнѣ, камердинеру своему, г-ну Федорову, и казачьему хорунжему Овчарову. Проѣхавши по рѣчкѣ Вуолійоки 5 верстъ на веслахъ, мы достигли ея устья и вошли въ озеро Улео. Капитанъ Юнеліусъ доложилъ Государю Императору, что шлюпка была слишкомъ нагружена для плаванія противъ сильнаго вѣтра, котораго онъ опасался; Его Величество изволилъ приказать прапорщику Мартинау, камердинеру Федорову и хорунжему Овчарову пересѣсть на маленькую шлюпку. Какъ мы имѣли попутный вѣтеръ, то въ устьѣ рѣки, откуда мы пустились полными парусами, нельзя было примѣтить дѣйствія сильной бури; но чѣмъ далѣе пускались мы въ озеро, тѣмъ сильнѣе становились волны и опасность очевиднѣе. Не смотря на всевозможное искусство, которое оказалъ въ семъ важномъ случаѣ капитанъ Юнеліусъ, — никакъ нельзя было воспрепятствовать водѣ наливаться въ шлюпку. Буря была сильнѣйшая, и волны подымались часто около шлюпки такъ высоко, что мы ничего не могли видѣть, кромѣ неба и пѣны. Два матроса безпрерывно заняты были отливаніемъ воды, которой сильное волненіе ежеминутно наполняло шлюпку и отъ которой Государь Императоръ и всѣ мы промокли. Въ продолженіе сего опаснаго плаванія на лицѣ Государя Императора изображались спокойствіе и важность. Его Величество спросилъ у капитана по-англійски: *не опасно ли?*—на что сей

отвѣчалъ, что нѣтъ никакой опасности. Однакожъ капитанъ вдругъ пришелъ-было въ большое затрудненіе, когда сильнымъ валомъ сломало ручку у руля. Мы непремѣнно погибли бы отъ сего приключенія, если бы г-нъ Юнеліусъ не приготовился къ тому заблаговременно, запасшись другою ручкою, которую онъ съ обыкновеннымъ своимъ присутствіемъ духа успѣлъ надѣть на мѣсто сломанной. Наконецъ, по двухъ-часовомъ плаваніи, вошли мы въ тихую воду, при пасторскомъ помѣстьѣ Па̀льдамскаго кирхшпиля, гдѣ начинается проливъ, ведущій въ Каяну.

„Въ 12 часовъ пріѣхали мы къ пристани, нарочно для сего устроенной при водопадѣ Эммя, на сѣверной сторонѣ рѣчки Койвукоски [1]). Вступленіе Государя Императора на берегъ представляло самое разительное зрѣлище! Вдали видны были развалины древняго замка Каянаборга, возвышавшіяся надъ величественнымъ водопадомъ, коего шумъ увеличивалъ впечатлѣніе, произведенное красотами мѣстоположенія и торжественностію случая. Высоты, окружающія пристань, покрыты были множествомъ народа, стекшагося изъ окрестныхъ деревень, чтобы насладиться лицезрѣніемъ возлюбленнаго своего Монарха. На самой пристани, съ одной стороны горы, стояли граждане города съ своимъ бургомистромъ, г-нъ Фландеромъ, а съ другой — мѣстное духовенство, предводимое пробстомъ Эймелеусомъ, пасторомъ Па̀льдамскимъ. Въ ту самую минуту, когда Государь Императоръ вступилъ на пристань, вѣрные подданные встрѣтили Его Величество громкими восклицаніями. Бургомистръ привѣтствовалъ Государя Императора краткою рѣчью на шведскомъ языкѣ, которую я переводилъ на французскій языкъ и на которую Его Величество отвѣчалъ весьма благосклонно; потомъ, обратясь ко всѣмъ окружающимъ, Государь произнесъ съ чувствомъ: *Я не могъ представить вамъ убѣдительнѣйшаго доказательства Моей любви и благоволенія къ вамъ и вашимъ соотечественникамъ, какъ рѣшившись пренебречь опасности, противополагаемыя стихіями, чтобы провести между вами нѣсколько минутъ!*—За симъ пробстъ Эймелеусъ произнесъ на нѣмецкомъ языкѣ рѣчь, на которую Его Величество изволилъ отвѣчать на томъ же языкѣ, въ самыхъ благосклонныхъ выраженіяхъ. Потомъ представлено было Его Величеству духовенство. Послѣ чего Государь Императоръ изволилъ отправиться въ городъ, милостиво поклонившись собравшемуся на высотахъ народу, который отвѣчалъ на привѣтствіе возлюбленнаго Монарха новыми, продолжительными восклицаніями.— До города, расположеннаго на лѣвомъ берегу рѣчки Койвукоски, Его Величеству надобно было проходить чрезъ вышеупомянутый островъ, на которомъ находятся развалины Каянаборгскаго за̀мка. На сей случай изъ разбросанныхъ камней сихъ раз-

[1]) Правильнѣе: *Каяны. Койвукоски* есть только названіе пороговъ.

валинъ устроена была лѣстница вдоль правой стѣны, надъ которою сдѣлано было возвышенное мѣсто въ видѣ параллелипипеда. Лѣстница и параллелипипедъ обнесены были желѣзными перилами. Все сіе устроено было для того, чтобы Государь Императоръ безъ затрудненія могъ подняться на высоту развалинъ, съ которыхъ видна была часть города и открывались живописные виды окрестностей. Достигнувъ развалинъ, Его Величество увидѣлъ лѣстницу и изволилъ по ней подняться съ княземъ Волконскимъ на самую вышину параллелипипеда. Полюбовавшись нѣсколько минутъ видами, Его Величество отправился въ городскую церковь, которую осматривалъ съ благочестивымъ вниманіемъ; потомъ, пройдя нѣкоторую часть улицъ города, зашелъ въ домъ городского магистрата, гдѣ изволилъ перебирать листы находившихся тамъ законныхъ книгъ; послѣ чего Его Величество отправился въ пасторскій домъ, гдѣ приготовлена была для Него квартира. Государь Императоръ, отобѣдавъ уже въ Хапаланкангасѣ, изволилъ отказаться отъ обѣда, приготовленнаго для Него въ пасторскомъ домѣ; а вмѣсто того позволилъ подать Себѣ чай. Во время пребыванія въ означенномъ домѣ Его Величество Самъ изволилъ вручить хозяйкѣ Своей, г-жѣ Аппельгренъ, два вышеупомянутые ананаса и сверхъ того пожаловалъ ей бриллiантовый фермуаръ".

Говорятъ, что шлюпка, приготовленная для Государя, была несовсѣмъ удобна для плаванія по озеру Улео и что въ то же время ее опережали смолевыя лодки, не подвергаясь опасности. Августѣйшаго Путешественника ожидали въ Каянѣ днемъ ранѣе, и собравшіяся тамъ по этому случаю толпы народа уже начали-было расходиться, когда разнесся слухъ, что Императоръ ѣдетъ. Удалившіеся возвратились съ новою радостію. Развалины Каянаборга въ ту пору были гораздо выше, нежели нынѣ. Онѣ безпрестанно обваливаются, и на одну изъ нихъ уже опасно всходить. Лучше уцѣлѣла ближайшая къ городу, съ которой Александръ любовался окрестнымъ видомъ. Теперь на ней устроена казенная кузница. Къ пріѣзду Государя тутъ передъ балюстрадою сперва поставили-было вензелевое изображеніе имени Его съ короною, но послѣ, узнавъ, что Его Величество не жалуетъ ничего подобнаго, поспѣшили снять это украшеніе. Въ рѣчи пастора Эймелеуса Императоръ слушалъ съ особеннымъ вниманіемъ то мѣсто, гдѣ упомянуто было, что нѣкогда Каяну посѣтилъ славный Густавъ II Адольфъ. Другихъ коронованныхъ особъ не бывало здѣсь. Густавъ IV Адольфъ, объѣзжая въ 1802 году Финляндію, миновалъ Каяну на пути изъ Куопіо въ Улеаборгъ; но тогдашній проѣздъ его памятенъ въ здѣшнихъ мѣстахъ тѣмъ, что изъ Пальдамо потребовано было для короля до 200 лошадей. Не сообразжаясь со способами и положеніемъ края, Густавъ IV ѣхалъ съ огромною свитою, тѣмъ болѣе отяготительною для жителей, что многіе изъ составлявшихъ ее вели себя совершенно

несоотвѣтственно своему сану и званію. При такой непомѣрной пышности и величаво-холодномъ обращеніи Густава IV, проѣздъ его по Финляндіи не оставилъ въ народѣ пріятныхъ воспоминаній.

Нынѣшняя ратуша въ Каянѣ построена вслѣдствіе посѣщенія Александромъ прежняго дома ея — изъ суммъ, Всемилостивѣйше на то пожалованныхъ. Пасторскій домъ вовсе еще не былъ возобновляемъ послѣ пребыванія въ немъ знаменитаго Гостя. Изъ залы ведутъ двѣ двери направо, и за каждою изъ нихъ есть отдѣльная комнатка; тогда гостиною была первая изъ этихъ комнатъ, обращенная ко двору, и она-то отведена была Государю. У пасторши жила сестра ея, молодая дѣвица Гольмбергъ, недавно пріѣхавшая изъ Абоскаго пансіона. Она знала по-французски и, съ трепетомъ помогая сестрѣ готовить чай, удостоилась простодушіемъ своимъ обратить на себя милостивое вниманіе Государя. Разговоръ и веселость Александра ободрили застѣнчивую дѣвушку. При прощаніи она хотѣла пасть къ ногамъ Его, но кроткій Монархъ не позволилъ ей этого, поцѣловалъ у нея руку и подарилъ хозяйкѣ дорогой знакъ Своей признательности. Пасторъ Аппельгренъ живетъ нынѣ во ввѣренномъ ему приходѣ Соткамо (верстъ 60 къ востоку отъ Каяны).

Пребываніе Императора Александра въ Каянѣ продолжалось только часа три. Встревоженный опасностію переѣзда черезъ озеро, Онъ спѣшилъ удалиться. „Ваше Величество въ плѣну“, сказалъ лейбъ-медикъ Вилліе. Пристальный и нѣсколько строгій взглядъ былъ отвѣтомъ на смѣлую шутку. — Обратный путь изъ Каяны въ Ниссиля составляетъ самую замѣчательную часть незабвеннаго путешествія и, конечно, одинъ изъ самыхъ необыкновенныхъ эпизодовъ въ жизнеописаніи государей.

Г. Грипенбергъ говоритъ: „Сильная буря, подвергавшая насъ опасности во время переправы чрезъ озеро, возбудила въ князѣ Волконскомъ сомнѣніе насчетъ опасности возвратнаго пути, и Его Сіятельство изволилъ совѣтоваться со мною, нельзя ли изъ Каяны возвратиться сухимъ путемъ. Я доложилъ Его Сіятельству, что сіе возможно, но сопряжено со многими затрудненіями, поелику большую часть дороги надобно будетъ итти пѣшкомъ, чрезъ топкія болота, а другую ѣхать верхомъ, по песчанымъ и каменистымъ буграмъ. Мѣстные обыватели, у коихъ спрашивали мнѣнія о семъ, всѣ единогласно полагали, что буря къ вечеру утихнетъ; но какъ Его Величество спѣшилъ отъѣздомъ и не хотѣлъ подвергаться долгой остановкѣ, то и рѣшился возвратиться изъ Каяны сухимъ путемъ, не смотря на то, что не было настоящей дороги и что надобно было проѣзжать чрезъ мѣста почти необитаемыя.

„Вся дорога, которую надобно было проѣзжать, состояла изъ небольшихъ тропинокъ, проложенныхъ чрезъ дикія и каменистыя мѣста,

пересѣкаемыя большими пространствами тинистыхъ болотъ. Для переправы чрезъ означенныя болота, жители сего края кладутъ одно возлѣ другого два бревна, сверху немного стесанныя. Сіи узенькіе мостики часто простираются на нѣсколько верстъ, и какъ нерѣдко случается, что лошади, непривыкшія ходить по таковымъ мостамъ, оступаются и падаютъ въ болото, откуда съ большимъ затрудненіемъ должно ихъ вытаскивать,—то всѣ принуждены были переходить сіи опасныя мѣста пѣшкомъ, держа лошадей за повода. Судя по собраннымъ мною свѣдѣніямъ о качествѣ и пространствѣ непроходимой дороги, которую Государь изволилъ проѣхать, можно навѣрное положить, что Его Величество на возвратномъ пути изъ Каяны прошелъ пѣшкомъ безъ малаго 50 верстъ, и проѣхалъ верхомъ около $21^1/_4$ версты".

Вотъ и сѣдло, на которомъ ѣхалъ Александръ. Оно виситъ въ Государевой конюшнѣ, на перегородкѣ крайняго съ правой стороны стойла. Въ цѣлой Каянѣ не нашлось другого. Оно принадлежало тамошнему почтмейстеру, г-ну Монгоммери (нынѣ занимающему ту же должность на Аландскихъ островахъ): стремена у этого сѣдла непарныя и висѣли на веревкахъ, теперь замѣненныхъ ремнями. Надобно знать, что всѣ эти достопамятные предметы собраны уже по кончинѣ Императора Александра. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ прорвалась подкладка этого сѣдла, видно, что оно набито сѣномъ. Для особъ, сопровождавшихъ Его Величество, сѣдла сдѣланы были наскоро изъ подушекъ съ соломою и веревокъ. Проводникомъ Государя избранъ былъ одинъ изъ мѣщанъ (borgare) Каяны, пользовавшійся общимъ уваженіемъ, Эрикъ Мятя (Määtä). Отправясь изъ Каяны въ половинѣ 3-го часа пополудни, Александръ къ 8-ми часамъ вечера сдѣлалъ $15^1/_2$ верстъ и остановился ночевать въ бѣдномъ и дурно-построенномъ гейматѣ Ронгалѣ. Здѣсь Государь ужиналъ и кушалъ между прочимъ телячье жаркое, которое г-жа Аппельгренъ упросила камердинера взять съ собою изъ Каяны.

Въ углу конюшни, налѣво отъ входа, стоитъ низенькая и коротенькая некрашеная кровать, въ которой, какъ сказано въ надписи, „почивалъ Императоръ Александръ въ ночь съ 28-го на 29-ое августа 1819 года деревни Майнуа и прихода Пàльдамо въ гейматѣ Ронгалѣ № 8, почему кровать эта куплена и перенесена сюда по распоряженію Улеаборгскаго губернатора, полковника и кавалера, г-на Абрама Шерншанца".

Уже въ 4-мъ часу пополуночи вновь началось странствованіе, и въ 6 часовъ утра Государь прибылъ въ другой гейматъ той же деревни. Хозяинъ этого геймата, крестьянинъ Генрикъ Тéрвоненъ, бывъ въ 1809 году депутатомъ на сеймѣ въ Борго, имѣлъ счастіе быть извѣстнымъ Его Величеству. Еще въ Хапаланкангасѣ (у озера Улео) онъ былъ представленъ Александру и удостоился самаго милостиваго

обращенія. Тамъ оставался онъ и теперь, надѣясь еще разъ увидѣть Монарха на возвратномъ пути изъ Каяны. Генрикъ Тéрвоненъ бывалъ прежде и на сеймахъ въ Швеціи; этимъ и важными пріемами своими онъ пріобрѣлъ въ своемъ околоткѣ прозваніе *Майнуанскаго Государя*, очень позабавившее Александра. Говорятъ, что онъ, послѣ благоволенія, оказаннаго ему русскимъ Императоромъ, такъ зазнался, что сдѣлался несносенъ для всѣхъ, имѣвшихъ съ нимъ дѣло. Здѣсь хозяйка подала Его Величеству вареннаго картофелю, молока и масла. „Вотъ блюда“, замѣчаетъ г-нъ Грипенбергъ, „составлявшія обѣдъ, коимъ Майнуанскій король угощалъ Великаго Россійскаго Императора“.

Въ Хумпимяки Александръ прохаживался одинъ по комнатѣ, гдѣ хозяйка только успѣла накрыть столъ бѣлою скатертью для пріема Высокаго Гостя. Не видя никого изъ сопровождавшихъ Его лицъ, Александръ изъ растворенной двери выглянулъ на дворъ и увидѣлъ, что особы, составлявшія свиту Его, поспѣшивъ въ молочную кладовую, усердно уже занимались тамъ утоленіемъ своего голода. Улыбаясь, Императоръ приказалъ подать Себѣ простокваши и кушалъ ее съ хлѣбомъ. Отправляясь отсюда, Государь велѣлъ отблагодарить хозяйку. Она не прежде согласилась принять предложенную ей 25-ти рублевую бумажку, какъ когда ей было сказано, что это дается ей не за принятое угощеніе, а въ знакъ Царской милости.

По лѣсенкѣ, подымающейся въ конюшнѣ близъ описаннаго сѣдла, взошелъ я на маленькій сѣнникъ; тамъ въ діагональномъ направленіи стоитъ лодка, на которой лежатъ два весла и шестъ. Вотъ ея исторія:

„По дорогѣ, ведущей къ геймату Сóтарилѣ, протекаетъ небольшая рѣчка, отъ 20 до 25 саженъ шириною; для переѣзда черезъ нее не имѣли времени сдѣлать нужныхъ приготовленій. Случайно нашлась на берегу маленькая рыбачья лодка, которой чрезвычайно обрадовались. Государь Императоръ и князь Волконскій сѣли въ лодку съ проводникомъ Эрикомъ Мятя. Его Величество взялся править, князь дѣйствовать веслами, и нашъ добрый Мятя остался на серединѣ лодки, безмолвный отъ удивленія! — Какъ берега рѣчки были низки и болотисты, то Его Величество и князь Волконскій, при выходѣ изъ лодки, замочили и загрязнили ноги. Чтобы не имѣли сего неудобства и прочіе, коимъ надобно было переѣзжать на той же лодкѣ, Государь Императоръ, примѣтивши не въ дальнемъ разстояніи сухія древесныя вѣтви, изволилъ Самъ ихъ собирать и съ помощію князя Волконскаго носить къ тому мѣсту берега, гдѣ приставала лодка, и изъ сихъ вѣтвей Его Величество сдѣлалъ родъ пристани. Лошади прошли вплавь, и нѣкоторыя изъ нихъ такъ глубоко увязли въ тинѣ, что съ большимъ трудомъ едва могли ихъ оттуда вытащить. При семъ случаѣ Государь Императоръ Самъ поймалъ свою лошадь и вытеръ ее пучкомъ сѣна, которое изволилъ взять изъ близъ стоявшей копны“.

Послѣ покупки этой лодки для помѣщенія ея въ конюшнѣ, между крестьянами распространился слухъ, будто это не та самая, въ которой Александръ переправлялся черезъ рѣчку. Для удостовѣренія въ истинѣ, Іоаннъ Тéрвоненъ, сынъ умершаго Генрика, въ 1833 году приведенъ былъ къ присягѣ и подтвердилъ клятвенно, что въ продажѣ не было никакого подлога. Дѣло это внесено въ протоколъ суда, откуда выписка относительно лодки также прибита къ одной изъ стѣнъ конюшни. Лодка пріобрѣтена, какъ сказано въ этой же бумагѣ, на счетъ Пáльдамскаго прихода за 8 банковыхъ риксдалеровъ.

Наконецъ внизу, направо отъ двери, стоитъ еще крестьянская двуколесная телѣжка съ рѣшетчатыми стѣнками. Надъ осью положена доска, къ которой привязанъ какой-то бѣлый мѣшокъ вмѣсто подушки. Впереди лежитъ старый кожаный кнутъ. Вотъ объясненіе этихъ предметовъ:

„Отдохнувши съ часъ въ послѣднемъ поселеніи, проѣхали еще $17^1/_2$ верстъ до станціи Пипполы въ деревнѣ Сярясмяки, куда Его Величество прибылъ въ 7 часовъ вечера. Отъ сей станціи, чрезъ которую Государь Императоръ наканунѣ проѣхалъ въ Каяну, оставалось еще до станціи Ниссиля 15 верстъ. Его Величество, вѣроятно уставъ ѣхать верхомъ, хотѣлъ было проѣхать сію станцію въ экипажѣ; но во всей деревнѣ нашли только нѣсколько худыхъ двуколесныхъ телѣжекъ, изъ коихъ принуждены были взять одну, привязали поперекъ ея доску и сверхъ оной солому. Его Величество, щедро наградивъ проводника своего, простился съ нимъ, пожавъ ему руку, — потомъ сѣлъ одинъ въ телѣжку, взялъ Самъ возжи и такимъ образомъ отправился въ $7^1/_2$ часовъ. Проѣхавъ небольшое пространство, Его Величество приказалъ Овчарову сѣсть въ телѣжку подлѣ Себя и править оною.

„Въ продолженіе всего столь труднаго путешествія, Его Величество былъ чрезвычайно веселъ и любезенъ. Когда проводникъ отлучался, Его Величество Самъ изволилъ вести свою лошадь чрезъ болота по бревнамъ. Во время проѣзда чрезъ лѣсъ, въ которомъ росла брусника, Эрикъ Мятя, шедшій почти всегда передъ лошадью Государя Императора, сбиралъ оную и подавалъ Августѣйшему своему Государю, который принималъ ее съ удовольствіемъ и утолялъ оною Свою жажду [1]).

„Тотчасъ по пріѣздѣ моемъ въ Ниссиля, я поручилъ исправнику Эльвингу ѣхать на встрѣчу Его Величеству съ курьерской кабріолеткой. Государь Императоръ выѣхалъ на большую дорогу точно тамъ, гдѣ я

[1]) Мятя еще поднесъ Александру приготовленный имъ хлыстикъ. Государь часто подавалъ руку встрѣчавшимся крестьянамъ и, показывая на Себя, говорилъ имъ „Minä on kejsari (Я Государь)". Мѣстами на пути Его стояли мальчики и дѣвочки, державшіе въ рукахъ чашки съ мамурой (поленикой); взявъ двѣ, три ягоды, Государь дарилъ за нихъ синюю бумажку и ласкалъ дѣтей!

полагалъ, т. е. при Сярясмяки, и Эльвингъ встрѣтилъ Его Величество на 3-й верстѣ отъ означенной деревни. Государь Императоръ тотчасъ изволилъ пересѣсть въ кабріолетъ и прибылъ благополучно въ Ниссиля въ 10-мъ часу вечера. Пріѣхавъ на станцію, Его Величество съ чрезвычайною легкостію выскочилъ изъ кабріолета и спросилъ меня, когда я пріѣхалъ (изъ Каяны). Я отвѣчалъ, что уже около 3-хъ часовъ тому назадъ и что я, переночевавъ въ Каянѣ, уѣхалъ оттуда поутру на другой день послѣ отъѣзда Его Величества, и пріѣхалъ въ Ниссиля (водою) безъ всякой опасности. На это Его Величество веселымъ и шуточнымъ тономъ сказалъ: „Я очень радъ; но Я напротивъ сдѣлалъ большой кругъ, правда немного затруднительный, но не безъ пріятностей; и Я, конечно, никогда не забуду забавнаго Своего путешествія въ Каяну“.

„Его Величество, переночевавъ въ Ниссиля, изволилъ на другой день $^{18}/_{30}$ августа продолжать Свое путешествіе въ Улеаборгъ и другія части Финляндіи“.

Эрикъ Мятя умеръ въ глубокой старости еще только весною нынѣшняго года. Я видѣлъ на восточномъ краю города принадлежавшій ему красный домишко, гдѣ теперь живетъ вдова его съ дѣтьми. Во всю жизнь онъ рѣшительно никому не сказывалъ и напротивъ тщательно скрывалъ, сколько Государь пожаловалъ ему; но судя по тому, какъ онъ велъ дѣла свои послѣ столь неожиданнаго для него счастія, — награда была истинно-царская.

Исторія перенесенія сюда самой конюшни также любопытна. Въ 1826 году г-нъ Грипенбергъ, взявъ съ собою живописца для изготовленія рисунковъ къ описанію Государева путешествія, отправился въ Каяну, и на проѣздѣ черезъ Хапаланкангасъ купилъ конюшню у тамошняго хозяина. Еще прежде, нежели онъ рѣшилъ, что̀ сдѣлать изъ этого драгоцѣннаго строенія, судья Каянскаго уѣзда, ассессоръ Фландеръ (прежній бургомистръ) письменно обратился къ нему съ просьбою отъ имени жителей Па́льдамскаго прихода, чтобы конюшня эта предоставлена была имъ для передачи ея, попеченіемъ ихъ, позднѣйшему потомству.

„Сіе достохвальное патріотическое намѣреніе, заключаетъ г-нъ Грипенбергъ, тронуло меня живѣйшимъ образомъ, и я съ неизреченною радостію воспользовался симъ случаемъ для удовлетворенія ихъ желанія. Ассессоръ Фландеръ впослѣдствіи увѣдомилъ меня, что всѣ жители Па̀льдамскаго прихода, въ томъ числѣ и большая часть крестьянъ, собравшись $^{3}/_{15}$-го іюля 1827 года у главнаго пастора того прихода, г-на доктора богословія Эймелеуса, сдѣлали распоряженіе о перенесеніи конюшни изъ Хапаланкангаса къ главной церкви Па̀льдамскаго прихода, у коей оная и поставлена, по единодушному желанію и постановленію всѣхъ ихъ. Исправляющій должность гражданскаго

губернатора, г-нъ Шерншанцъ, находившійся при таковой мірской сходкѣ и съ большою горячностію и чувствами участвовавшій въ семъ торжественномъ предпріятіи, вызвался пріобрѣсть и доставить имъ лодку, въ коей Императоръ Александръ переѣзжалъ чрезъ рѣку Вуотоіоки, кровать, на коей почивалъ Его Величество на трудномъ возвратномъ пути Своемъ изъ Каяны, во время ночлега въ Ронгальскомъ поселеніи, и телѣжку, на которой Императоръ проѣхалъ часть пути отъ Сярясмяки до Ниссиля; ассессоръ Фландеръ доставилъ столъ и скамью, употребленные во время обѣда въ конюшнѣ, а Каянскій почтмейстеръ, г-нъ Монгоммери, — сѣдло, на которомъ Его Величество ѣхалъ чрезъ пустыню".

Описаніе путешествія Императора Александра въ Каяну, изданное г-мъ Грипенбергомъ, очень немногимъ извѣстно, и потому я счелъ нужнымъ привести поболѣе выписокъ изъ этой книги. Для дополненія всего разсказаннаго сообщу здѣсь еще нѣсколько свѣдѣній о тогдашнемъ путешествіи Государя по Финляндіи.

30-го августа Александръ выѣхалъ изъ Ниссиля и около 10 часовъ вечера прибылъ въ Улеаборгъ. Здѣсь Его ожидали уже съ 28-го числа и съ безпокойствомъ старались угадать причину замедленія. Пріѣхавшій сюда заблаговременно статсъ-секретарь, графъ Ребиндеръ, предавался самымъ тревожнымъ опасеніямъ, возбужденнымъ бывшею бурею. Наконецъ вечеромъ 29-го числа нарочный привезъ извѣстіе объ остановкѣ, происшедшей отъ сухопутнаго странствованія Государя чрезъ пустынныя мѣста. Тѣмъ сильнѣе былъ восторгъ жителей, когда нетерпѣливыя желанія ихъ исполнились: не только самый городъ былъ освѣщенъ, но и по обѣимъ сторонамъ большой дороги на разстояніи 2 — 3-хъ верстъ оттуда горѣли свѣчи. При въѣздѣ Государя въ Улеаборгъ сотни рукъ махали платкими изъ оконъ, между тѣмъ какъ улицы оглашались радостными восклицаніями.

На другое утро въ 8 часовъ, переночевавъ въ домѣ коммерціи совѣтника Чекмана (Kecktman), Его Величество предпринялъ путешествіе въ Торнео. Пѣшкомъ отправился Государь къ парому, сопровождаемый тѣсными толпами и кликами народа. Шлюпка, на которой совершилось плаваніе черезъ озеро, была привезена сюда сухимъ путемъ и на ней-то Александръ переправился теперь черезъ рѣку Улео. Ею управлялъ здѣсь братъ того капитана Юнеліуса, который былъ кормщикомъ Царя на озерѣ.

Вечеромъ, часовъ въ 9, происходила уже переправа черезъ рѣку Торнео. Городскіе чины въ мундирахъ стояли у берега. „Говоритъ ли кто по-французски?" спросилъ Государь. „Un peu," отвѣчалъ, кажется, пасторъ, докторъ Кастре́нъ. С„кажите, сказалъ Александръ, что Я прибылъ сюда съ благодатію и благословеніемъ Божіимъ." Эти слова вызвали въ присутствовавшихъ невыразимый

восторгъ. Квартира для Императора приготовлена была въ домѣ купца Бергмана. Тамъ на другое утро чины удостоились представленія Монарху, который милостиво распрашивалъ доктора Кастре́на по-французски, когда и по какому случаю онъ получилъ украшавшіе грудь его ордена. Въ домѣ, гдѣ остановился Государь, казаки были на караулѣ. Жители изъявили желаніе, чтобы имъ дозволено было стать у Монарха на стражѣ, но получили въ отвѣтъ, что Его Величество, вполнѣ довѣряя жителямъ, не имѣетъ надобности ни въ какой стражѣ, — и казаки были распущены. Потомъ Александру угодно было въ опредѣленный часъ обойти главныя улицы Торнео, въ сопровожденіи городскихъ чиновъ. Бургомистръ, покойный К — съ, предаваясь увлеченію радости, присоединился между тѣмъ къ нѣсколькимъ веселымъ друзьямъ и, посреди обильныхъ тостовъ вѣрноподданнической преданности забывъ о времени, опоздалъ къ Высочайшей прогулкѣ. Слѣдствіемъ этого было, что когда Государь, обходя городъ, хотѣлъ удостоить ратушу Своимъ посѣщеніемъ, она была заперта. По улицамъ народъ толпами слѣдовалъ за Александромъ. Адъюнктъ пастора [1]) старался удалить толпу; но Государь, замѣтивъ это, оборотился къ нему и съ ласковой улыбкой сдѣлалъ рукою знакъ, чтобъ онъ не мѣшалъ народу.

Уже Александръ садился въ лодку для обратной переправы черезъ рѣку Торнео, когда поспѣшно явился на берегу опоздавшій бургомистръ и, въ порывѣ патріотическаго усердія, воскликнулъ громкое, хотя нѣсколько хриплое *ура!* Народъ, слѣдуя распоряженію начальства, остался безмолвнымъ. Но на другомъ берегу Монархъ встрѣченъ былъ шумными кликами радости. Въ Торнео, посреди всеобщаго восторга, забыли принять мѣры къ приличному угощенію Государя и свиты Его. Къ счастію русскій купецъ Ситковъ во-время еще успѣлъ поправить эту оплошность. Александръ, по возвращеніи въ Петербургъ, наградилъ его золотою табакеркой, приказавъ доставить ему этотъ подарокъ мимо Торнеоскаго бургомистра.

Изъ Торнео Императоръ возвратился въ Улеаборгъ, гдѣ на этотъ разъ съ одной стороны освѣщены были суда въ устьѣ Улео, а съ другой горѣли смоляныя бочки. Послѣ осмотра общественныхъ зданій въ этомъ городѣ и завтрака, на который приглашены были почетнѣйшіе изъ тамошнихъ жителей, Александръ по береговой дорогѣ отправился обратно въ С.-Петербургъ [2]).

[1]) См. выше стр. 411.

[2]) Еще нѣсколько занимательныхъ свѣдѣній о путешествіи Императора Александра по сѣверной Финляндіи можно найти въ книгѣ дѣвицы Ваклинъ: „Hundrade Minnen från Oesterbotten“, ч. I, откуда отрывокъ былъ переведенъ въ Современникѣ 1842 года (т. XXVII, стр. 274), *см. ниже, въ слѣд. отд.* Впрочемъ, подробности разсказовъ г-жи Ваклинъ требуютъ часто точнѣйшей повѣрки.

Разставаясь съ Государевою конюшнею, нельзя не пожелать, вмѣстѣ съ Па́льдамскими жителями, чтобы вскорѣ приняты были мѣры къ доставленію возможной прочности этому драгоцѣнному памятнику благоволенія Александра къ финнамъ и ихъ признательности къ Александру. Для этого необходимо окружить эту конюшню другимъ, хотя бы также деревяннымъ строеніемъ, на подобіе того, какъ домикъ Петра Великаго въ Петербургѣ хранится подъ каменнымъ футляромъ. Издержки такой постройки не могутъ быть велики; а между тѣмъ только этимъ способомъ можно предупредить, пока еще не поздно, угрожающее убогому домику разрушеніе, которое составило бы для потомства потерю невознаградимую.

Неизгладимо-глубокое впечатлѣніе оставила въ финнахъ благость Александра. Дѣйствіе ея на умы было тѣмъ могущественнѣе, что вмѣстѣ съ нею посѣтила край и благодать небесная: въ 1819 году былъ здѣсь такой урожай, какого народъ не запомнитъ, и этотъ счастливый годъ принялъ, въ мѣстныхъ преданіяхъ, замѣчательное названіе *Государева*. До сихъ поръ, когда выдается необыкновенно-хорошая жатва, крестьянинъ говоритъ: „Нынче у насъ годъ почти не хуже *Государева (Kejsarin vuosi)*“.

Отдѣлъ VIII.

Возвращеніе въ Каяну и оттуда въ Гельсингфорсъ.

38.

Каяна, 2-го іюля.

Домъ Пальдамскаго пастора — прежнее мѣсто церкви — исторія Каяны — мѣсто заключенія Іоанна Мессеніуса — черты изъ біографіи его — воспоминаніе о Францѐнѣ.

Мысъ, на которомъ построена церковь Па́льдамская, называется Па́льданіеми, а всѣ поселенія, ее окружающія, составляютъ вмѣстѣ *Па́льдамскую деревню*. Сегодня поутру, побывавъ еще разъ въ исторической конюшнѣ и отъ души поблагодаривъ добраго господина Фландера за его сердечный пріемъ, я съ нимъ и съ товарищемъ моимъ отправился къ главнымъ изъ тамошнихъ жителей. Сперва мы посѣтили каплана Форбуса; потомъ вмѣстѣ съ нимъ пошли къ пастору Эймелеусу, котораго отецъ занималъ это же мѣсто въ 1819 году. Паппила стоитъ въ $2^1/_2$ верстахъ отъ церкви на берегу озера Улео, и мы уже видѣли ее, приближаясь къ Каянѣ водою. Любезный пасторъ уговорилъ насъ остаться у него къ обѣду. Самъ онъ занятъ былъ цѣлое утро экзаменомъ крестьянъ, желавшихъ быть допущенными къ конфирмаціи. Мы ходили въ избу, гдѣ происходило испытаніе. По

окончаніи его оказалось, что изъ числа 61-го можетъ быть пріобщено только 25 человѣкъ. Послѣ обѣда имѣли мы удовольствіе слышать музыку: въ залѣ стояло фортепіано, выписанное изъ Петербурга, и одна изъ пасторскихъ дочерей, по просьбѣ нашей, играла и пѣла. Заботы хозяйства, дѣятельно раздѣляемыя молодыми питомицами паппилы съ ихъ матерью, не мѣшаютъ имъ заниматься и искусствомъ. Въ началѣ церковь Па́льдамская находилась близъ пасторскаго дома, также на берегу озера, но въ 1715 году она разорена была русскими, причемъ однакожъ прихожане успѣли зарыть колокола въ землю. Лежащее неподалеку старинное кладбище обваливается вмѣстѣ съ землею въ озеро, которое вообще постоянно расширяется.

Оставивъ семейство пастора, мы пошли къ коронному фохту, ночью возвратившемуся изъ Улеаборга. Какъ мы ни спѣшили, но успѣли и здѣсь выпить нѣсколько рюмокъ превосходнаго вина, послѣ чего, простившись съ добрыми жителями Па́льдамскаго прихода, сѣли въ пасторскую одноколку и поѣхали въ городъ.

Сегодня разскажу вкратцѣ исторію Каяны и ея замка. Королева Христина пожаловала здѣшнюю область, въ видѣ баронства, финляндскому генералъ-губернатору, графу Петру Браге, и онъ въ 1651 году основалъ городъ Каяну. Замокъ Каянаборгъ оконченъ въ 1666 году. Окрестный край не разъ подвергался опустошительнымъ нападеніямъ со стороны русскихъ, особливо во время войны Карла XII. Въ 1712 году въ Каяну пришло изъ Кексгольма 300 казаковъ; въ 1715 г. нѣсколько сотъ человѣкъ вторгнулось сюда изъ Нейшлота черезъ Па́льдамо. Наконецъ въ слѣдующемъ году четырехъ-тысячное русское войско, пришедшее чрезъ озеро Улео подъ начальствомъ генерала Щекина, осаждало крѣпость цѣлый мѣсяцъ и принудило коменданта, подполковника Мёрмана, сдать ее. За этимъ, вопреки заключенному условію, послѣдовалъ жестокій грабежъ: церкви были сожжены, жителей мучили, убивали, множество другихъ увели въ плѣнъ; самый же замокъ былъ взорванъ частью пороха, уступленнаго русскимъ. — Свѣдѣнія эти почерпнуты мною изъ рукописнаго повѣствованія, составленнаго въ 1739 году Каянскимъ пасторомъ Бакманомъ и хранящагося здѣсь въ церковномъ архивѣ [1]).

Подъ сѣверною развалиною Каянаборга есть тѣсная комната съ желѣзною дверью; тамъ нынѣ лежитъ порохъ, а въ старину томились преступники. Изъ сидѣвшихъ здѣсь извѣстенъ особенно шведскій ученый Іоаннъ Мессеніусъ. Упоминая о мѣстѣ погребенія его въ Улеаборгѣ, сказалъ я, что въ Каянѣ сообщу нѣсколько подробностей объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ.

[1]) Подъ заглавіемъ: Sannfärdig berättelse om Kajana slotts och stads församlings tillstånd etc.

*

Онъ родился во второй половинѣ 16-го вѣка, когда іезуиты старались возстановить въ Швеціи католическую религію. Воспитанный въ одной изъ ихъ школъ, Мессеніусъ поселился въ Польшѣ. При Карлѣ IX возвратился онъ въ отечество и такъ искусно умѣлъ вкрасться въ довѣренность правительства, что получилъ мѣсто профессора въ Упсалѣ. Мессеніусъ отличался рѣдкими способностями, былъ необыкновенно ученъ и дѣятеленъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ недобросовѣстенъ, безпокоенъ, сварливъ, самонадѣянъ; его самолюбіе доводило его до смѣшныхъ крайностей. При университетѣ эти противоположныя качества вскорѣ обнаружились съ одной стороны важными трудами, съ другой продолжительными ссорами, которыя не разъ подавали поводъ къ шумнымъ и постыднымъ сценамъ, даже въ самой университетской консисторіи (совѣтѣ). Такова была особенно ссора его съ другимъ знаменитымъ профессоромъ и писателемъ Іоанномъ Рудбекомъ, какъ соперникомъ его по ученымъ заслугамъ. Вотъ между прочимъ образчикъ ихъ отношеній и вмѣстѣ нравовъ того времени. Рудбекъ, избранный въ ректоры, произносилъ рѣчь при вступленіи въ должность. Мессеніусъ нѣсколько разъ прерывалъ его, свисталъ, шумѣлъ и наконецъ осыпалъ его ругательствами, называя своего сослуживца *осломъ*, *дуракомъ*, *сумасшедшимъ*. Консисторія вмѣшалась въ дѣло и призвала Мессеніуса для выслушанія строгаго выговора. Но тутъ онъ излилъ свое негодованіе на всѣхъ профессоровъ, превозносилъ самого себя и утверждалъ, что всѣ прочіе ничего не дѣлаютъ. Нагрубивъ самому архіепископу, присутствовавшему въ собраніи по должности мѣстнаго начальника (проканцлера) университета, Мессеніусъ наконецъ пришелъ въ ярость и вызвалъ ректора на дуэль. Рудбекъ, будучи пасторомъ, не могъ принять вызова, но братъ его взялся раздѣлаться за него. Между тѣмъ жена Мессеніуса, къ которой посланный отъ мужа приходилъ за шпагой, сама побѣжала въ консисторію и жестоко отдѣлала профессоровъ. Дуэль успѣли отклонить, но ученики, которыхъ Мессеніусъ содержалъ у себя на дому, вооружились шпагами и ружьями и произвели въ городѣ страшную тревогу.

Дѣло это не могло не огласиться. Король Густавъ II Адольфъ нарядилъ слѣдствіе и, по окончаніи его, отрѣшилъ обоихъ профессоровъ отъ должности; однакожъ, уважая ихъ ученость, далъ имъ вскорѣ другія выгодныя мѣста.

Черезъ нѣсколько лѣтъ открылось, что многія лица въ Стокгольмѣ находились въ сношеніяхъ съ изгнанною польскою отраслію дома Вазы. Въ перепискѣ съ врагами короля обличенъ былъ и Мессеніусъ. Судъ приговорилъ его къ смертной казни; но Густавъ Адольфъ опредѣлилъ замѣнить ее пожизненнымъ заключеніемъ. Случилось, что въ то самое время намѣстникъ Улеаборгско-Каянскаго лена (губерніи) долженъ былъ изъ Стокгольма ѣхать назадъ въ Остроботнію. Ему было при-

казано взять съ собою Мессеніуса, жену его и дѣтей и посадить ихъ въ замокъ Каянаборгъ. Они прибыли туда въ исходѣ 1616 года.

Въ этомъ замкѣ, окруженномъ пустынными лѣсами, лежащемъ между двухъ неумолкающихъ водопадовъ, посреди чуждаго, иноязычнаго племени, Мессеніусъ провелъ цѣлыхъ девятнадцать лѣтъ. Его содержали чрезвычайно сурово. Недолго оставались при немъ дѣти: „у него отняли не только ихъ, но и слугъ его: удалили даже тѣхъ изъ сторожей, которые слишкомъ мягко съ нимъ обращались. Изъ сырого лѣсу построили надъ рѣкой новую темницу, такъ низко, что изъ-подъ полу часто пробивалась вода. Съ одной стороны былъ скотный дворъ и подъ самымъ окномъ Мессеніуса лежала навозная куча; съ другой стороны отвели ему, въ видѣ кладовой, чуланъ, который прежде солдаты употребляли на самое грязное назначеніе. Такъ какъ Мессеніусъ не хотѣлъ добровольно перебраться въ эту новую тюрьму, то его насильно перенесли туда, при чемъ разорвали у него платье и повредили одно ребро. Въ другой разъ смотритель отнялъ топоръ, которымъ Мессеніусъ самъ рубилъ себѣ дрова, и разбранилъ солдата, давшаго ему въ замѣнъ свой ножикъ. Пьяный солдатъ ранилъ однажды служанку, самъ смотритель — жену Мессеніуса. „*Не бѣда*, — сказалъ смотритель, — *еслибъ даже самъ Мессеніусъ отправился на тотъ свѣтъ*“. Письма, въ которыхъ несчастный жаловался правительству, оставлялъ тотъ цѣлые годы передъ дверью, не только не отправляя ихъ, но даже не подымая съ полу“ [1]).

Къ облегченію такой тяжкой судьбы способствовала съ одной стороны заботливость жены Мессеніуса, постоянно за нимъ ухаживавшей, а съ другой — его безпрерывная дѣятельность. Ему позволено было имѣть при себѣ книги и рукописи, бумагу и чернила. Отъ этого проистекли счастливыя послѣдствія, какъ для него, такъ и для Швеціи. Ему пришло на мысль, пользуясь уединеніемъ, написать полную исторію Швеціи: до него были только отрывочные, неполные опыты по этому предмету. Онъ немедленно принялся за работу, и въ годы своего заключенія окончилъ не только задуманную исторію [2]) до своего времени, но и множество другихъ трудовъ, касающихся до отечества, такъ что все вмѣстѣ составило двадцать книгъ. Въ древней исторіи у него много невѣрностей, но зато послѣднія столѣтія изображены имъ съ точностію и безпристрастіемъ; для этого времени сочиненіе его еще и теперь служитъ однимъ изъ главныхъ пособій. Самъ онъ полагалъ, что *подобнаго произведенія никогда болѣе и не будетъ*.

По смерти Густава Адольфа правители государства облегчили нѣ-

[1]) Изъ шведской Исторіи Фрюкселя, ч. IX, откуда и вообще заимствованы извѣстія о Мессеніусѣ.

[2]) Подъ заглавіемъ: *Scandia illustraia*.

сколько заключеніе Мессеніуса, и въ 1635 году онъ переведенъ былъ въ Улеаборгъ, гдѣ ему назначили двойное противъ прежняго содержаніе. По неоднократной просьбѣ его, изъ Швеціи присланъ былъ свѣдущій человѣкъ для разсмотрѣнія и переписки его Исторіи; но тутъ онъ чуть было не испортилъ всего дѣла, настоятельно требуя отъ правительства разныхъ выгодъ въ вознагражденіе труда своего. Уже ему грозили возвращеніемъ въ Каяну, когда смерть, въ концѣ 1636 года [1]) прекратила его тревожное существованіе. Надъ гробницею Мессеніуса помѣстили портретъ его и самимъ имъ составленное двустишіе:

„Здѣсь покоятся кости доктора Іоанна Мессеніуса:
Душа въ царствіи Божіемъ, а слава по всему міру".

По смерти Мессеніуса издано не менѣе 58-ми разныхъ произведеній его. Большою извѣстностію пользуются его драматическіе труды, представляющіе въ лицахъ также шведскую исторію.

Въ Каянѣ видѣлъ я кресла, на которыхъ онъ, сидя въ тюрьмѣ, писалъ свое историческое сочиненіе. Они уютны, удобны, украшены узорчатою рѣзьбой и очень хорошо сохранились.

Мнѣ здѣсь показывали еще примѣчательность, относящуюся къ біографіи другого знаменитаго писателя Швеціи. Это старинный, крошечный домишко краснаго цвѣта; въ единственномъ окошечкѣ его, теперь заложенномъ ставнею, торговалъ нѣкогда, во время здѣшней ярмарки, сынъ одного изъ Улеаборгскихъ купцовъ. Странно представить себѣ, что покрытый сѣдинами епископъ когда-то стоялъ тутъ съ выбойкою и локтемъ въ рукахъ; но такъ въ старину дѣйствительно являлся въ Каянѣ пользующійся нынѣ европейскою славою поэтъ Францéнъ. Грустное чувство соединяется теперь съ этимъ именемъ. Старецъ еще живетъ, но уже одною тѣнью самого себя: еще бодрствуетъ его душа, но уже тѣло отказывается служить ей. Въ 1840 году, бывъ въ Гельсингфорсѣ, онъ звалъ меня къ себѣ въ Швецію: едва-ли уже успѣю увидѣть тамъ Францéна и поклониться ему отъ знакомаго окошечка въ Каянѣ [2]).

39.

Каяна, 5-го іюля.

Пристань смолевыхъ лодокъ — перевозка бочекъ — вытаскиваніе лодокъ изъ воды — трагикомическая сцена — малая прибыль отъ смолевого промысла.

Смолевыя бочки и лодки, безпрестанно провозимыя по улицамъ Каяны для минованія водопадовъ, возбудили во мнѣ желаніе побы-

[1]) Или, по мѣстнымъ свѣдѣніямъ, въ 1837 г.

[2]) Дѣйствительно, судьба не дала Я. К. увидѣться съ Францéномъ въ Швеціи: въ 1847 г. осуществивъ наконецъ свою мечту и прибывъ въ Швецію, онъ въ первой

вать на самомъ мѣстѣ, гдѣ эти лодки пристаютъ и гдѣ ихъ изъ воды встаскиваютъ на роспуски. Вчера послѣ обѣда пошелъ я городомъ вверхъ по теченію рѣки и вскорѣ увидѣлъ нѣсколько причалившихъ къ берегу лодокъ, около которыхъ шевелились люди и лошади. Къ лодкамъ, еще нагруженнымъ, подъѣзжали маленькіе двуколесные роспуски; заднимъ концомъ приближали ихъ къ самому борту лодки и на каждую повозку такого рода клали вдоль одну за другою по двѣ бочки, скативъ ихъ по доскѣ: каждая пара бочекъ перевозится такимъ образомъ особо за 20 коп. мѣдью. Когда наконецъ лодка совсѣмъ опростается, ее спускаютъ нѣсколько ниже по теченію рѣки и тутъ-то начинается иногда въ высшей степени отяготительная работа. Вотъ что между прочимъ было при мнѣ. Длинные роспуски подкатили заднимъ краемъ къ переднему концу лодки. Какъ ихъ колеса, такъ и лошади и люди стояли въ водѣ, изъ-подъ которой кругомъ торчали большіе камни. Теперь надобно было привести лодку въ одно направленіе съ роспусками, чтобы легче надвинуть ее на нихъ; роспуски же стояли, какъ само собою разумѣется, поперекъ рѣки. Такъ какъ здѣсь, недалеко передъ началомъ пороговъ, теченіе даже близъ берега чрезвычайно сильно, то выполнить задачу было не такъ-то легко. На противоположномъ концѣ лодки двое крестьянъ и одна женщина длинными шестами старались удерживать ее противъ стремленія воды. Но едва только они успѣвали стать на одну линію съ роспусками, быстрота потока уносила ихъ внезапно опять къ самому берегу. Снова они съ величайшимъ трудомъ, упираясь всею силою въ шесты, подымались кормою противъ теченія, и снова оно увлекало лодку въ сторону. Это повторялось нѣсколько разъ. Наконецъ догадались, что роспуски слишкомъ далеко подались въ рѣку: ихъ подвезли ближе къ берегу. Благодаря этому, край лодки кое-какъ надвинули на роспуски. Но тутъ встрѣтилась новая бѣда: лодка никакъ не шла впередъ. Напрасно одинъ изъ лодочниковъ, глубоко стоя въ водѣ, во всю мочь подпиралъ киль шестомъ: шестъ сломался. Напрасно нѣсколько крестьянъ и мальчиковъ тянули лодку березовой бечевой, привязанной къ носу ея: бечева порвалась. При этомъ произошла забавная сцена: всѣ, у кого бечева была въ рукахъ, повалились, кто въ воду, кто на каменистый берегъ. Къ счастію, никто не ушибся; но вставши въ крайнемъ недоумѣніи, они только глядѣли другъ на друга и, опустивъ руки, съ усмѣшкой досады повторяли одинъ за другимъ: „saatana!" Затѣмъ всѣ отошли въ разныя стороны, предоставляя другимъ довершить предпріятіе. Послѣ новыхъ продолжительныхъ напряженій лодку встащили на роспуски. Теперь дошла очередь до лошадей вы-

взятой имъ въ руки газетѣ прочелъ скорбное извѣщеніе о только-что послѣдовавшей кончинѣ поэта. См. „*Переписка Г. съ П.*" стр. 111. Срв. еще ниже стр. 457, 458 ст. „*Путешествіе въ Швецію*". *Ред.*

биваться изъ силъ: ихъ передъ такими роспусками обыкновенно бываетъ двѣ, заложенныя гуськомъ. Долго несчастныя твари рвались во всѣ стороны, мотая головой и спотыкаясь, пока напослѣдокъ вывезли тяжесть на верхъ покатаго берега. Больно было смотрѣть на эти тяжелыя усилія людей и животныхъ. Удивительно, что смолевые промышленники, безпрестанно имѣя дѣло съ перевозомъ лодокъ, до сихъ поръ не придумали никакихъ средствъ для облегченія себѣ этого труда. Но таково отсутствіе въ финнахъ смѣтливости, снаровки и предпріимчивости!

Къ счастію эти затрудненія при транспортѣ смолы въ скоромъ времени отвращены будутъ окончаніемъ каналовъ, проводимыхъ при Каянѣ [1]). — Я пошелъ за роспусками, чтобы посмотрѣть, какъ лодку на противоположномъ концѣ города снова спустятъ на воду. Естественно, что это дѣлается и легче и скорѣе, хотя по той же методѣ. Мѣсто спуска лодокъ при Каянѣ называется *Ла́мпи*, а то, гдѣ ихъ вытаскиваютъ изъ воды, — *Кивипуро*.

Смолевое производство не вознаграждаетъ крестьянина прибылью за труды, которыхъ оно ему стоитъ. Транспортъ смолы отъ Каяны до Улеаборга, считая плату за провозъ какъ черезъ пороги, такъ и гужемъ, обходится около 4-хъ рублей серебромъ. Кто-то, сдѣлавъ опытъ всего производства вмѣстѣ съ транспортомъ, разсчиталъ, что окончательно онъ понесъ убытку на нѣсколько рублей. Но крестьяне Остроботніи, не смотря на то, много занимаются этимъ промысломъ, потому что съ одной стороны не считаютъ трудовъ своихъ, а съ другой — нуждаются въ наличныхъ деньгахъ для уплаты податей. Полагаютъ, что, когда будетъ окончено производимое нынѣ въ Финляндіи общее межеваніе, то смолевой промыслъ значительно уменьшится. Тогда лѣсъ раздѣлится на участки, которыми каждый владѣлецъ будетъ дорожить для сельскаго хозяйства; нынѣ же, пока лѣса составляютъ общую собственность, приготовленіе смолы принадлежитъ къ числу главныхъ промысловъ Остроботніи. Оно начинается верстахъ въ 30-ти отъ береговъ Ботническаго залива и идетъ во внутрь края, мѣстами верстъ на 100, мѣстами и далѣе, пока есть возможность къ водяному сообщенію. Около Каяны много топится смолы.

[1]) Выше было замѣчено, что они уже окончены. Въ день открытія ихъ всѣ собравшіяся смолевыя лодки были пропущены чрезъ шлюзы безденежно. Можно вообразить восторгъ добрыхъ крестьянъ, когда они, послѣ всѣхъ прежнихъ трудностей, теперь такъ легко миновали водопады при Каянѣ. Они едва вѣрили глазамъ своимъ, видя такой разительный успѣхъ работъ, на которыя до самаго этого дня смотрѣли съ недовѣрчивостью.

40.

Иденсальми, 8-го іюля.

Государева дорога — ночлегъ Императора Александра — въѣздъ нашъ въ Иденсальми — нищіе — пасторскій дворъ въ субботу — финскія качели — балъ у ленсмана — общая образованность — танцы.

Проживъ въ Каянѣ полторы недѣли, я вчера наконецъ выѣхалъ оттуда. Оба доктора отправились вмѣстѣ со мною. Дорога, по которой мы ѣхали сюда, проведена вслѣдствіе путешествія Императора Александра, почему и слыветъ въ народѣ подъ именемъ *Государевой*. Предположено было дать ей то самое направленіе, по какому слѣдовалъ Государь, т. е. къ станціи Ни́ссиля, но по стараніямъ покойнаго Па́льдамскаго пастора, доктора Эймелеуса, дорога проложена къ Иденсальми. Она довольно узка и мѣстами шла сначала черезъ такія высокія крутизны, что проѣзжіе не разъ подвергались несчастнымъ случаямъ; вотъ почему впослѣдствіи надобно было нѣсколько измѣнить направленіе дороги, обходя эти горы.

Первая станція отъ Каяны есть Кивимяки [1]). Проѣхавъ 5 верстъ далѣе, мы своротили влѣво, чтобы взглянуть на геймать *Ронгалу*, гдѣ ночевалъ Александръ. Мы увидѣли дворъ, застроенный дурно. Хозяевъ не было дома; люди ушли на работу. Остававшаяся здѣсь женщина сказала намъ, что Государь ночевалъ въ той комнатѣ, которая теперь служитъ молочною кладовой. Она повела насъ въ небольшое ветхое строеніе, съ низенькими дверьми по обѣ стороны воротъ. Императору отведено было помѣщеніе съ праваго конца; мы нашли тутъ тѣсную комнатку съ изломанною печью. Сюда относятся слѣдующія строки разсказа г-на Грипенберга:

„Мущины, женщины и дѣти стеклись сюда изъ ближайшихъ поселеній, чтобы имѣть счастіе видѣть Государя Императора. Во время ужина, коего главное блюдо состояло изъ отварного картофеля, дѣти приближались къ самымъ дверямъ комнаты, занимаемой Государемъ, и Его Величество изволилъ Самъ раздавать имъ хлѣбъ съ масломъ. Около 10-ти часовъ Его Величество легъ почивать въ той же самой комнатѣ. Князь Волконскій и прочія особы свиты Его Величества легли въ крестьянской избушкѣ на свѣжемъ сѣнѣ, которое жители за нѣсколько дней предъ тѣмъ сложили для сушенія“.

Близъ станціи Су́кева (въ 47-ми верстахъ отъ Каяны) дорога оставляетъ то направленіе, по которому возвращался Императоръ. На

[1]) Или, какъ зовутъ ее крестьяне, — *Алакюля*. Здѣсь названія, даваемыя гейматамъ въ общенародномъ быту, совсѣмъ не тѣ, какія значатся въ станціонныхъ журналахъ. См. въ концѣ *Указатель пути*.

этой станціи насъ поразило множество нищихъ всякаго возраста и пола, которые одинъ за другимъ входили въ нашу комнату просить милостыни. На сѣверѣ Финляндіи, гдѣ давно не было неурожая, мы было совсѣмъ отвыкли отъ печальнаго зрѣлища нужды и лохмотьевъ...

Здѣсь старуха-хозяйка, говорившая съ нами не иначе, какъ присѣдая при каждомъ словѣ, состряпала намъ сытный обѣдъ, послѣ котораго мы опять пустились въ путь. Верстъ за 8 до церкви Иденсальми мы въѣхали въ этотъ приходъ. Физіономія страны внезапно измѣняется: начинаютъ появляться виды, уже не столь мертвенные, какъ прежде, оживленные озёрами и хорошею растительностію.

...Вечеромъ прибыли мы въ пасторскій домъ Иденсальми, гдѣ меня давно уже ожидалъ человѣкъ, который съ экипажемъ отправился сюда сухимъ путемъ, когда мы при Сярясніеми сѣли въ лодку. Здѣсь провели мы три дня самымъ пріятнымъ образомъ въ кругу любезныхъ людей, между которыми теперь находилось и нѣсколько молодыхъ дѣвицъ изъ Улеаборга и изъ Куопіо, пріѣхавшихъ погостить у своей подруги, дочери пастора.

Въ субботу, послѣ обѣда, на пасторскомъ дворѣ начало становиться людно. Изъ всего прихода съѣзжались крестьяне съ семействами для завтрашней обѣдни. Оставляя телѣжки близъ церкви и около паппилы, они сами приходили на пасторскій дворъ и тутъ распоряжались, какъ дома: кто отправлялся въ людскую избу, кто въ кухню, кто въ кабинетъ доктора для объясненія съ нимъ по дѣлу. Другіе между тѣмъ садились на качели, устроенныя на дворѣ, а иной удалецъ, оставшись одинъ на этихъ качеляхъ, для забавы зрителей вертѣлся разъ по пятидесяти около верхней перекладины [1]). Разумѣется, что такія сходбища на пасторскомъ дворѣ не могутъ не быть въ тягость хозяевамъ, но, по отношеніямъ духовнаго отца къ его паствѣ, это неудобство неизбѣжно. Мнѣ сказывали, что обыкновенно стекается здѣсь еще гораздо болѣе народу, нежели сколько было при мнѣ. Теперь съѣхалось менѣе отъ того, что передъ этимъ три воскресенья сряду прихожане допускались къ причастію, и каждый разъ было въ церкви отъ семи сотъ до тысячи человѣкъ. Въ цѣломъ приходѣ Иденсальми считается около 16-ти тысячъ жителей.

Въ одно время съ прихожанами, въ субботу вечеромъ, пріѣхалъ сюда и капланъ Линдбергъ, живущій — что́ довольно необыкновенно — въ 30-ти верстахъ отъ церкви своей: ему завтра надобно служить

[1]) Чтобы понять это, надобно знать, что финскія качели висятъ не на веревкахъ, а на палкахъ; для сидѣнія служатъ четыре доски, составляющія квадратъ съ пустымъ пространствомъ въ серединѣ, куда опускаются ноги. Ставъ на одну изъ четырехъ сторонъ, качающійся легко можетъ произвести описанное круговращеніе. Для большей безопасности, нѣкоторые при этомъ связываютъ себѣ ноги; однакожъ иногда случаются несчастія.

вмѣсто пастора, который съ утра уѣзжаетъ въ отдаленную деревню на мірскую сходку (sokenstämma), назначенную для совѣщанія по дѣлу, касающемуся до пастората. Капланъ Л. и остановился въ домѣ пробста.

Въ это самое воскресенье вся пасторская семья, вмѣстѣ съ гостьми, приглашена была на вечеръ къ *коронному ленсману* (это родъ капитанъ-исправника), г-ну Р., который живетъ въ 10-ти верстахъ отъ церкви, и поутру, до обѣдни, пріѣзжалъ сюда съ приглашеніемъ. Часовъ въ 5 мы отправились къ нему въ нѣсколькихъ экипажахъ и нашли въ домикѣ его многочисленное общество кавалеровъ и дамъ, съѣхавшихся изъ окрестностей. Тутъ были, между прочимъ, живущіе не далеко отъ церкви уѣздный судья А., уѣздный бухгалтеръ В., коронный фохтъ Л. Разговаривая съ этими людьми, я не могъ самъ про себя не повторить замѣчанія (которое и прежде уже, напримѣръ въ Каянѣ, часто случалось мнѣ дѣлать) о томъ, какъ въ Финляндіи образованность распространена и въ низшихъ слояхъ чиновнаго сословія. Почти всѣ, принадлежащіе и къ этому разряду служащихъ, учились въ университетѣ, выдержали юридическій экзаменъ; другіе, можетъ быть, и не прошли полнаго курса ученія; но по образу мыслей, по разговору, по пріемамъ они вообще подаютъ о себѣ выгодное мнѣніе и заслуживаютъ названія людей благовоспитанныхъ. То же должно сказать и о большей части финляндцевъ купеческаго званія.

Собранная молодежь, готовясь на танцы, ожидала скрипача, обѣщавшаго явиться; но, получивъ самъ приглашеніе на какую-то свадьбу, сельскій Орфей предпочелъ отправиться туда, гдѣ могъ быть гостемъ наравнѣ съ прочими. Къ счастію, въ нашемъ обществѣ нашлась дѣвица, которая своимъ сильнымъ и звонкимъ голосомъ совершенно вознаградила отсутствіе измѣнившаго смычка: подъ ея пѣніе протанцовали нѣсколько кадрилей и вальсовъ, въ которыхъ и сама неутомимая пѣвица иногда принимала участіе. Оригинальность бала, который сверхъ того за недостаткомъ просторнаго помѣщенія происходилъ вверху, непосредственно подъ крышей дома, не только не вредила веселости собранія, но еще какъ будто оживляла ее. Подъ конецъ вечеринки пріѣхалъ и пасторъ, котораго обратный путь лежалъ мимо ленсманова жилища. Принявъ рюмку пуншу, съ тостомъ поднесенную ему хозяиномъ, и выпивъ стаканъ чаю, докторъ Фростерусъ предложилъ ѣхать домой, и мы отправились всѣ вмѣстѣ.

41.

Станція Тохолахти, въ 70 верстахъ къ югу отъ Куопіо, 11-го іюля.

Крестьянинъ-поэтъ — отношеніе крестьянъ къ другимъ сословіямъ — степень грамотности — двѣ пѣсни содержателя станціи.

Передъ отъѣздомъ моимъ изъ Иденсальми докторъ Ленротъ, по просьбѣ моей, написалъ мнѣ маршрутъ черезъ мѣста, которыхъ я еще не видѣлъ, отчасти чрезвычайно гористыя, но за то богатыя и въ хозяйственномъ, и въ эстетическомъ отношеніи. Изъ Куопіо поворотилъ я къ юго-западу въ приходъ Рауталампи, и вчера вечеромъ прибылъ на эту станцію, гдѣ докторъ совѣтовалъ мнѣ обратить особенное вниманіе на хозяина, Лютинена, одного изъ финскихъ народныхъ поэтовъ. Я увидѣлъ низенькаго, очень привѣтливаго старичка въ очкахъ и съ трубкой въ рукѣ. Онъ обрадованъ былъ поклономъ отъ Ленрота и старался принять меня какъ можно лучше. Пока мнѣ готовили соломаты на ужинъ, пошелъ я въ баню, которая въ тотъ вечеръ была затоплена.

Въ одномъ изъ строеній двора гоститъ у Лютинена своякъ, приходскій учитель. Такъ какъ финскіе крестьяне часто посылаютъ дѣтей своихъ въ университетъ, откуда для окончившихъ тамъ курсъ доступны всѣ поприща гражданской службы, то многіе изъ податнаго сословія въ этомъ краѣ бываютъ въ родствѣ съ людьми другихъ званій. Въ Улеаборгѣ г-нъ Г. разсказывалъ мнѣ, что, когда отецъ его, бѣдный пасторъ, отправлялъ его и другихъ сыновей въ университетъ, то крестьяне прихода изъявили желаніе, чтобы дѣти передъ отъѣздомъ простились съ ними. Это было исполнено, и молодые люди возвратились отъ добрыхъ поселянъ съ полными руками: съ бѣльемъ, съ платьемъ, съ запасомъ всего, что могло имъ понадобиться не только въ дорогѣ, но и послѣ. Между этими благодѣтельными людьми были у пастора родственники. Что касается до него самого, то онъ всю жизнь боролся съ неудачами и нуждою: около тридцати лѣтъ бывъ пасторскимъ адъюнктомъ, онъ наконецъ получилъ самостоятельное мѣсто, но съ чрезвычайно скудными доходами. Родственникъ Лютинена, приходскій учитель, охотно согласился сегодня утромъ помочь мнѣ въ разговорѣ съ хозяиномъ, который говоритъ только по-фински. Старикъ показывалъ мнѣ въ своей комнатѣ шкапикъ, весь наполненный исписанною бумагой. Потомъ онъ вынулъ оттуда нѣсколько листовъ и объяснилъ, что это дѣла, которыя онъ привезъ изъ Гельсингфорса, куда ѣздилъ прошлую зиму въ качествѣ депутата для ревизіи банка [1]).

[1]) Для ежегодной повѣрки финляндскаго банка избираются утверждаемые Высочайшею властію депутаты отъ всѣхъ четырехъ сословій Великаго Княжества.

Я попросилъ его дать мнѣ какіе-нибудь изъ стиховъ своихъ въ рукописи. Съ трудомъ согласился онъ на это, и то не иначе, какъ подъ условіемъ, что я ему со-временемъ возвращу бумагу и не поступлю какъ другіе, которые, получивъ отъ него манускрипты, никогда ихъ не присылали назадъ.

Помѣщаю здѣсь въ переводѣ стихи, которые онъ мнѣ далъ, — во многихъ отношеніяхъ любопытные. Постараюсь передать не только мысли, но и слова крестьянина, по возможности съ сохраненіемъ ихъ оригинальнаго простодушія.

Смиренная и сердечная благодарственная пѣснь милосердому Государю и высокому правительству за отеческую заботливость во время великаго голода. Поется по тѣмъ же нотамъ, какъ пѣсня, сочиненная о бывшемъ шведскомъ королѣ, подъ заглавіемъ: „Будемъ пить въ память короля Густава...“

Стр. 1.

Императоръ Николай Первый, Государь Великій! Знаменитый, славою богатый, чье имя и дѣла далеко превозносятся.

2.

Владыка обширнаго царства, кроткій, милостивый ко всѣмъ, кто Ему служитъ, Онъ помнитъ бѣдныхъ, печется о смиренныхъ, сидя на престолѣ славы.

3.

Герой въ войнѣ, онъ былъ великъ, сражаясь въ Турціи и въ Польшѣ, могучъ былъ онъ для побѣды, для отраженія сильныхъ непріятелей.

4.

Суомія! [1]) умѣй цѣнить свое счастіе въ то время, какъ наслаждаешься имъ, какъ находишься подъ Его державою. Преклонись и благодари Государя, когда Онъ посылаетъ милость и носитъ сердце отеческое.

5.

И я тоже — о! еслибъ я могъ быть первымъ въ этомъ дѣлѣ, о которомъ теперь напоминаю другимъ! — и я кланяюсь со всѣмъ смиреніемъ Государю за то, что онъ узналъ и удалилъ великую нужду.

6.

Суомія и сѣверный край Суоміи уже были удручены голодомъ. Государь, какъ услышалъ о такомъ бѣдствіи, вспомнилъ и отыскалъ свои магазины.

[1]) Народное имя Финляндіи.

7.

Радуясь объ отеческомъ попеченіи, приносимъ благодареніе Государю. Передъ престоломъ императорскимъ поютъ старые и молодые, всѣ отъ мала до велика, всѣ единодушно.

8.

Да будетъ же благословенъ и свѣтомъ озаренъ престолъ Государевъ! Да сіяетъ всегда утренняя заря счастія въ хижинахъ и въ хоромахъ нашего Государя!

9.

По границамъ, вокругъ всего царства, пусть ѣдетъ въ колесницѣ великая милость! Границею пусть будетъ огненная стѣна, и сожжется ею мечъ враговъ могучихъ!

10.

Всѣ замыслы непріятелей, явные и тайные, да обрушатся на главу ихъ! Во славу Государю да обратятся стрѣлы вражды, во благо Ему всѣ ея лукавыя козни!

11.

Благословенна и блескомъ озарена да будетъ и славная наша Государыня! Съ Нею же князья и весь Домъ Царскій, старые и молодые, малые и великіе, нынѣ и во вѣки!

12.

Благословенъ и свѣтомъ озаренъ да будетъ также и графъ Ребиндеръ [1]), и власти, и всѣ шаги исполнителей воли Государевой.

13.

Суомія! благодари мужа, посѣтившаго твои хижины для счастія твоего; милостиво внималъ онъ воплю бѣдныхъ, терпѣливо просьбамъ смиренныхъ.

14.

Благословенъ высокій Сенатъ Суоміи, вѣнчанный именемъ Государя! Да сіяетъ онъ свѣтомъ яркаго дня, — оплотъ счастія, мудрость великая — въ мундирѣ своемъ!

15.

Благословенны всѣ первые сановники и всѣ чины: судьи на ихъ сѣдалищахъ всякому ищущему да отдаютъ часть его!

[1]) Какъ видно изъ слѣдующихъ строкъ, покойный графъ Ребиндеръ, министръ-статсъ-секретарь по дѣламъ Финляндіи, пріѣзжалъ тогда въ постигнутую голодомъ страну.

16.

Бѣднымъ вмѣстѣ съ богатыми, всѣмъ да отдается слѣдующая имъ часть: вдовамъ и несчастнымъ сиротамъ, не имѣющимъ возможности итти къ Государю для уплаты должнаго.

17.

Благословенны всѣ особы Правительства, на морѣ и на сушѣ! Да оказывается отъ него справедливость всѣмъ, ея ищущимъ.

18.

Да расширяетъ Правительство и впредь крылья милости надъ дѣтьми Суоміи! Холодный годъ, какъ называетъ финнъ, гдѣ свирѣпствуетъ, тамъ и богатаго унижаетъ до бѣднаго.

19.

Съ твердою надеждой мы, какъ дѣти на рукахъ Государя, просимъ у Него пищи! Великій голодъ поразилъ дѣтей твоихъ, Суомія, на сѣверѣ царства.

20.

Отецъ нашъ да откроетъ снова окно Свое и взглянетъ милостиво на народъ! И народъ да служитъ Правительству въ смиреніи, со славою, нынѣ и вѣчно!

21.

И я тоже, какъ дитя въ объятія возлюбленнаго отца, и я бѣгу, исполненный смиренія, открываю и вписываю даже свое имя. Пѣсню сложилъ и пропѣлъ

Бенгтъ Лютиненъ.

Первую строфу этой пѣсни авторъ самъ пропѣлъ мнѣ, держа рукопись передо мной, въ тактъ покачивая головой и пальцемъ водя по стихамъ, изъ которыхъ каждый занималъ цѣлую длинную строку. Вмѣсто риѳмъ, какъ вообще въ финской поэзіи, служитъ аллитерація. Сверхъ того, въ 3-мъ (послѣднемъ) стихѣ каждаго куплета встрѣчаются два слова, по созвучію близкія одно къ другому. Пѣсня написана четко рукою самого поэта, съ видимымъ тщаніемъ, по линейкамъ, проведеннымъ карандашемъ [1]).

Въ Иденсальми получилъ я отъ Ленрота еще стихи того же крестьянина, подъ заглавіемъ: *Сѣтованіе о презрѣніи къ финскому языку.* Лютиненъ уже не первый изъ крестьянъ поетъ объ этомъ предметѣ. Желаніе, чтобы финскій языкъ введенъ былъ въ употребленіе при

[1]) Для любопытнаго сравненія см. *Соврем.* 1840 года т. XX, стр. 47. *(См. выше, Литер. Нов. изъ Финл., стр. 160).*

судопроизводствѣ, и сожалѣніе о преобладаніи шведскаго во всѣхъ общественныхъ сношеніяхъ составляютъ въ новѣйшее время любимую тему здѣшней народной поэзіи и не разъ уже выражаемы были съ замѣчательною оригинальностію. Между пьесами этого рода пѣсня Лютинена заслуживаетъ особеннаго вниманія, почему и прилагается здѣсь въ переводѣ.

„Вотъ и Лютиненъ снаряжается къ *рунѣ* (пѣснѣ), собирается пѣть о финскомъ языкѣ, сказать слово за родное дѣло. Горюетъ финскій языкъ о томъ, что давно его презираютъ, цѣнятъ низко, хоть по мыслямъ народа и надобно бы ему быть въ почетѣ. На все есть у него выраженіе, есть имя на всякую вещь; можетъ онъ толковать законъ, можетъ проповѣдывать и Евангеліе.

„Сперва младенецъ растетъ въ пеленахъ, но наконецъ дѣлается же человѣкомъ не хуже другихъ или и совсѣмъ погибаетъ; а бѣдный финскій языкъ все держатъ въ пеленкахъ, въ колыбели, будто въ тюрьмѣ, и весь вѣкъ онъ долженъ плакать въ своемъ горѣ, по вечерамъ пропадать отъ скуки, смертельно тосковать въ сердцѣ, что все ему приходится стоять за дверью и стучать понапрасну.

„Жила когда-то добрая дѣвушка, бойкая и благонравная дочь хозяйская; было у нея лицо пригожее, былъ станъ величавый, въ чертахъ пріятность, румянецъ розы на щекахъ, языкъ живой; все умѣла она сказать и хорошо, и прилично. Но другія выходили замужъ, а она одна все сидѣла въ дѣвкахъ — дѣло странное и удивительное!

„Хочешь ли знать, какъ ее звали—эту благонравную дѣвушку? — Звали ее финскою рѣчью. Она-то давно горѣла желаніемъ, безпрестанно осматривалась кругомъ, сидѣла въ углу и ждала, чтобъ пришелъ женихъ, да повелъ ее къ вѣнцу, ввелъ въ брачную палату.

„Пляшутъ и кружатся другія, веселятся всякій вечеръ, живутъ покойно въ просторныхъ избахъ, сидятъ на широкихъ лавкахъ; а бѣдный финскій языкъ стой весь вѣкъ на юру, оставайся за дверью, дрожи на морозѣ. Наконецъ, уставши, началъ онъ жаловаться на судьбу свою.

„Вѣдь ребенку сродно подходить къ нѣжному отцу, сказывать, въ чемъ онъ нуждается, раскрывать свою заботу. Такъ-то съ младенческою душою и мы въ старину часто прибѣгали къ западу; а теперь съ тѣмъ же самымъ желаніемъ обращаемъ взоръ къ востоку, гдѣ чудное утреннее солнце сіяетъ гораздо прекраснѣе, гдѣ свѣтило образованія горитъ лучшимъ пламенемъ, свѣтъ учености выше взошелъ по тверди небесной.

„Довольно ужъ въ селахъ Финляндіи поклонялись шведскому языку, черезъ мѣру большія деньги выдавали на него, даже и въ самыхъ низкихъ лачужкахъ. Довольно уже финскій языкъ стоялъ и ждалъ, и кланялся смиренно, чтобы ему въ приговорѣ суда растолковали самое

простое выраженіе, или сочинили бумагу, въ которой потомъ — счету не было ошибкамъ!

„Вѣдь финскій-то языкъ ясенъ и понятенъ; станетъ его на все, что ни говорится; все на немъ можно выразить, всякую науку объяссить; по-фински можно растолковать всякое ученье, изъ нѣмецкой ли оно земли, или изъ другихъ краевъ. А притомъ въ финскомъ языкѣ много пріятности и для пѣнія.

„Можетъ статься, я ужъ слишкомъ расхвалилъ родной языкъ; однакожъ для его блага готовъ я еще поклониться до земли, какъ нищій, который ничего не имѣетъ, а желалъ бы положить въ ротъ лакомый кусочекъ, когда, бродя въ пустынѣ, онъ видитъ передъ собой хлѣбъ, не смѣшанный съ корою".

42.

Гельсингфорсъ, 13-го іюля.

Прощаніе въ Тохолахти — городъ Ювяскюля — дорога оттуда въ Гельсингфорсъ.

При отъѣздѣ моемъ изъ Тохолахти старый Лютиненъ, поставивъ на подносъ двѣ рюмки и положивъ возлѣ каждой по кусочку сахару, предложилъ мнѣ выпить съ нимъ прощальное *Кууру* (шнапсъ). Послѣ такого *горячаго* разставанья я пустился въ путь и вскорѣ въѣхалъ въ Вазаскую губернію.

Городъ Ювяскюля лежитъ въ живописномъ мѣстѣ, у подошвы горъ, при водахъ обширной системы озера *Пейяня*, откуда вытекаетъ рѣка Кюмень. Этому городу не болѣе 8-ми лѣтъ: прежде онъ былъ деревнею. Возвышеніемъ своимъ обязанъ онъ выгодному положенію, которое доставляетъ ему возможность почти непрерывнымъ воднымъ путемъ торговать съ приморскими городами Борго и Ловизою. Это обстоятельство послужило поводомъ къ тому, что, по объявленіи Ювяскюля городомъ, здѣсь поселилось до четырнадцати купцовъ. Вскорѣ однакожъ они увидѣли, что успѣхъ дѣлъ ихъ не соотвѣтствовалъ ожиданіямъ, и теперь здѣсь всего четыре лавки. Жителей въ Ювяскюля 500 человѣкъ съ небольшимъ.

Эти подробности узналъ я отъ содержателя станціи, одного изъ бывшихъ здѣсь первоначально купцовъ, очень любезнаго человѣка. Подъ его вѣдѣніемъ станція находится въ наилучшемъ положеніи. Съ нимъ гулялъ я по горамъ, откуда сто́итъ полюбоваться видами, и ходилъ въ домикъ, гдѣ надъ холоднымъ ключемъ устроена превосходная дождевая купальня.

Дорога отъ Ювяскюля сюда идетъ почти все прямо къ югу. Третьяго дня, проѣзжая черезъ приходъ Кухмойсъ, я долженъ былъ безпрестанно подыматься на крутыя горы, что̀ при сильной жарѣ очень замедляло ѣзду.

По мѣрѣ приближенія къ югу, край принимаетъ болѣе и болѣе привѣтливую физіономію. Воды, горы, церкви въ новомъ вкусѣ, не похожія на большую часть финляндскихъ церквей; свѣтлые помѣщичьи домики; цѣлыя деревни, правда, дурно и тѣсно построенныя, но обширныя; большія поля засѣянныя рожью, ячменемъ и овсомъ: таковы предметы, разнообразно смѣняющіеся передъ глазами того, кто проѣзжаетъ по южной Тавастландіи.

Одинокость, какую я чувствовалъ въ дорогѣ послѣ разлуки съ Ленротомъ, и нетерпѣніе, съ какимъ спѣшилъ къ роднымъ, ожидавшимъ меня въ Гельсингфорсѣ, отнимали у меня охоту останавливаться съ прежнимъ вниманіемъ на всемъ, что встрѣчалось мнѣ въ послѣднее время моей поѣздки. Я рѣшился отложить ближайшее знакомство съ этими мѣстами до другого разу, когда мнѣ удастся взглянуть на нихъ свѣжими глазами. Приближаясь къ Гельсингфорсу, я вспомнилъ дурное предзнаменованіе, которымъ началась моя поѣздка. Удалившись на нѣсколько десятковъ верстъ отъ дому и задремавъ въ экипажѣ, видѣлъ я во снѣ, будто одноглазый лапландскій колдунъ сказалъ доктору Ленроту: „Тотъ, кто поѣдетъ съ тобой, уже не воротится изъ путешествія", и въ ту же минуту я очутился надъ страшнымъ водопадомъ. Признаюсь, посреди грозныхъ пороговъ Остроботніи этотъ сонъ не разъ приходилъ мнѣ на память. Теперь, стыдясь невольнаго суевѣрія, я въ душѣ возблагодарилъ Бога за святой покровъ Его.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ШВЕЦІЮ

въ 1847 г.[1]).

Изъ дневника веденнаго въ Швеціи.

На пароходѣ[2]).

Я ѣхалъ на пароходѣ изъ Гельсингфорса въ Або, съ тѣмъ, чтобы оттуда отправиться въ Швецію. Противъ крѣпости Гангуда мы на нѣсколько минутъ остановились: шлюпка несла къ намъ оттуда еще пассажира. Это былъ не высокій, но плотный человѣкъ среднихъ лѣтъ, въ синей курткѣ изъ грубаго сукна; съ боку висѣлъ у него мѣховой

[1]) Статьи эти были помѣщены въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, ссылки на которыя помѣщены при каждой статьѣ. Срв. о томъ же путешествіе въ *Перепискѣ Г. съ П.*, т. III, стр. 110 и сл.

[2]) *С.-Петербургскія Вѣд.* 1848, № 77.

кисетъ; изъ наружнаго кармана куртки торчала записная книжка. Съ трудомъ встащилъ онъ на бортъ огромную кожаную котомку, имѣвшую видъ цѣлаго комода и туго набитую,—изъ придѣланнаго къ ней кармана высовывались сапоги. Ноги его были выворочены наружу, какъ у танцмейстера; въ веселой физіономіи и въ нѣсколько посоловѣлыхъ глазахъ выражалось самодовольство; все это вмѣстѣ образовало фигуру довольно забавную. Нельзя было устоять противъ влеченія вступить въ разговоръ съ такою интересною особой. Оказалось, что это странствующій подмастерье — живописецъ, или маляръ, родомъ съ острова Готланда. Не много нужно было вопросовъ, чтобы расшевелить языкъ его.

„Въ Финляндіи, сказалъ онъ между прочимъ, работалъ я и на русскихъ... охъ ужъ эти мнѣ русскіе! они все хотятъ имѣть даромъ; работаешь недѣлю, спросишь за работу цѣлковый, а они даютъ полтинникъ! Чѣмъ же тутъ жить? Они привыкли, что съ нихъ просятъ вдвое противъ настоящей цѣны, а я не хочу этого: я требую столько, сколько вещь въ самомъ дѣлѣ стоитъ... Финны работаютъ порядочно, только куда какъ странны! Они весь вѣкъ сидятъ на мѣстѣ и ничего не видывали въ свѣтѣ... Я много ѣзжалъ и вездѣ бывалъ, и знаю, что, терпя всякую невзгоду, больше всего учишься... Бывалъ я и съ студентами и съ магистрами — вы, сударь, не магистръ ли? — видѣлъ я, что и между ними есть господа знатные и богатые, да повѣсы; во всякомъ званіи довольно ихъ. Водился я и съ пасторами, бывалъ и у архіепископа: ахъ, что за человѣкъ былъ!.. Вѣдь я, даромъ, что въ грубой курткѣ (это я только въ дорогѣ такъ одѣваюсь), а видывалъ людей... Я вѣдь не грубой работой занимаюсь, — правда, и не то, чтобъ самой тонкой, а такъ — средственной... Теперь ѣду я въ Або: попробую тамъ поработать; а если дѣло не пойдетъ, ворочусь въ Швецію... Я хотѣлъ было отправиться на кораблѣ, да не было случая прямо въ Або; пришлось бы сдѣлать кругъ, да еще потомъ трястись сухимъ путемъ... Оно же и обошлось бы дороже; конечно, я не гуляка и не пьяница, а надо же, на кораблѣ будучи, и другихъ потчевать (traktera)“... Въ эту самую минуту остановился передо мной мальчикъ съ нѣсколькими чашками кофею на подносѣ. Маляръ конечно воображалъ, что далъ мнѣ о себѣ самое высокое понятіе, но желая еще увеличить въ моихъ глазахъ свое достоинство, сказалъ: „возьму-ка и я себѣ чашечку“, и протянулъ руку къ подносу. — „Пожалуйста, любезный, отложи попеченіе, сказалъ мальчикъ: дай прежде напоить господъ“. Съ трудомъ удерживая серіозную мину, я скорѣй удалился.

Маляръ тотчасъ нашелъ способъ, какъ вознаградить свое самолюбіе за этотъ ударъ. Закуривъ трубку, онъ велѣлъ подать себѣ, пива и любезничая съ двумя какими-то старухами, сталъ *потчевать* ихъ. Присядьте-ка вы, сказалъ онъ одной изъ нихъ: вѣдь вы, сударыня, старушка.

— Что съ вами? отвѣчала та нѣсколько обиженнымъ тономъ: ужъ будто я такъ стара?

—Я помню время, сказала ея сверстница, когда эти скалы, теперь почти голыя, были покрыты густымъ лѣсомъ. Это было въ 1806 году. Тогда пароходовъ не было еще и въ поминѣ, я проѣзжала на кораблѣ. Подъ вечеръ мы пристали къ острову Лёвё; все общество вышло на берегъ и протанцовало до утра; то-то было весело!

— Куда же дѣвался прежній лѣсъ? спросилъ я (любопытство привлекло меня къ этой группѣ съ другого конца парохода).

— Должно быть, мало-по-малу срубили его на дрова, отвѣчала старушка.

— Не правда, прервалъ маляръ: я вамъ растолкую настоящую причину: этотъ лѣсъ сожгли въ военное время; я вамъ даже скажу, что это было зимою. Довольно я тутъ потерся и понаслышался; видѣлъ и старинныя карты. Лѣсъ этотъ нарочно сожгли: ужъ, повѣрьте мнѣ, я знаю!

— А гдѣ Юнгфрусундъ? спросила старушка.

Имя Юнгфрусунда знакомо всякому, кто читалъ исторію послѣдней шведской войны; это проливъ, образуемый шкерами противъ самаго того мѣста, гдѣ южный берегъ Финляндіи поворачивается къ сѣверозападу; тутъ въ исходѣ іюля 1808 года было морское сраженіе. Слово *Юнгфрусундъ* значитъ *дѣвичій проливъ;* старушка объяснитъ намъ происхожденіе этого названія.

Маляръ. Юнгфрусундъ? Мы его давно ужъ оставили справа.

Старушка. Знаете ли, тамъ на скалахъ по обѣ стороны пролива виденъ человѣческій слѣдъ; онъ, говорятъ, вдавленъ въ то время, когда еще камень былъ мягокъ какъ хлѣбъ.

Маляръ (въ знакъ презрительнаго сожалѣнія качая головой). Эхъ, пожалуйста, не разсказывайте пустяковъ; мы очень понимаемъ!..

Старушка. Какіе пустяки? Говорятъ, что тутъ когда-то стояла дочь великана; подъ ногами былъ у нея проливъ; она ждала жениха, который долженъ былъ пройти на кораблѣ, и хотѣла удержать его, схватясь за мачту.

— Да, такъ пишутъ въ исторіи, съ важностію замѣтилъ маляръ; но это вздоръ.

Старушка. Однакожъ, какъ же могли вдавиться слѣды-то? а они точно есть, это всѣ знаютъ.

Другая старушка. Скажите пожалуйста, и слѣды видны! вѣрно, правда!

Маляръ. Ну вотъ еще! Это все равно, что у озера Мелара, близъ Стокгольма, надъ высокой горой видна *Королевская шляпа* (kungshatten), и говорятъ, будто она слетѣла тамъ съ головы Густава III, когда онъ преслѣдовалъ непріятеля; а это простая мѣдная шляпа, которую насадили на шестъ для мореходцевъ.

Старушка. Что вы—Густава III? Никто этого не говоритъ; я слышала, что это шляпа Густава Вазы [1]).

— Не правда, сказалъ маляръ; ну, да положимъ... а что̀, вы думаете, я не знаю исторіи? а ну-ка скажите мнѣ: *кто основалъ шведскую религію?* (Онъ разумѣлъ: кто ввелъ лютеранскую религію въ Швеціи?)

Старушка. Кто? разумѣется, Густавъ Ваза.

Маляръ. Справедливо: тотъ самый, котораго я въ Гангудѣ продалъ.

— Какъ продали?

— Да, я продалъ его, т. е. его портретъ.

— Скажите пожалуйста, вотъ замѣчательно! такъ въ Гангудѣ есть портретъ Густава?

— Да, въ самомъ Гангудѣ!

Тутъ между маляромъ и старушкой началась ученая бесѣда о приключеніяхъ Густава I, — *родоначальника нашихъ королей*, какъ выражался готландецъ. Они видимо старались перещеголять другъ друга знаніями. Вдругъ маляръ, желая однимъ ударомъ уничтожить свою соперницу въ наукѣ, воскликнулъ: „Да что—Густавъ, Густавъ! ужъ тутъ надо прямо говорить о датскомъ тиранѣ Христіэрнѣ II; тутъ вѣдь не далеко уѣдешь съ шведской-то исторіей: надо знать и датскую“.

Старушка согласилась съ этимъ тонкимъ замѣчаніемъ и продолжала разговоръ. Когда она потомъ упомянула о бѣгствѣ Густава изъ Даніи въ Любекъ, маляръ съ глубокимъ презрѣніемъ сказалъ: „Послушайте: еслибъ вы не были женщина, я бы завелъ съ вами диспутъ“.

— А что такое?

— Да что? съ женщиной не сто̀итъ спорить. Ну, а скажите-ка, прибавилъ онъ тономъ строгаго экзаминатора, который хочетъ рѣшительно поставить въ тупикъ своего ученика: кто былъ Дакке?

— Вотъ ужъ этого, признаться, не знаю.

— То-то же! Дакке былъ бунтовщикъ въ царствованіе Густава Вазы; а кто помогалъ ему болѣе всѣхъ?

— Кто? этого ужъ я не читала.

— Женщина,—вотъ кто! да какая женщина!

— Ну, какая?

— Княжескаго рода!

— Да, да, сказала старушка вздыхая, женщина всего лучше поможетъ въ бѣдѣ: много онѣ дѣлали чудесъ на свѣтѣ! [2]).

[1]) Ни того, ни другого; преданіе говоритъ только, что шляпа принадлежала какому-то древнему королю.

[2]) Въ описаніяхъ извѣстнаго бунта Дакке (Dackefeiden) не случалось мнѣ читать ничего о женщинѣ, упомянутой маляромъ; чуть-ли это не созданіе его собственной фантазіи.

Тутъ маляръ прочиталъ опять длинную тираду изъ жизни Густава I и вторично напомнилъ, что глубоко изучалъ исторію.

— Да, сударь, замѣтила старушка, обращаясь ко мнѣ: вы не знаете, какъ эти шведы учены.

— Что? вскричалъ маляръ грознымъ голосомъ: хвалить моихъ земляковъ! этого я терпѣть не могу; не позволю, чтобъ при мнѣ хвалили шведовъ: довольно и между ними чудаковъ! всякій пусть самъ за себя стоитъ!

Гнѣвъ его изливался такъ краснорѣчиво, что старушка, испугавшись не на шутку, отошла въ сторону и сѣла. Маляръ продолжалъ изъявлять передо мною свое негодованіе на послѣднія слова старушки, но и я при первомъ случаѣ оставилъ его, догадываясь, что эти изліянія въ тѣсной связи съ возліяніями, которыя онъ передъ тѣмъ производилъ въ честь прекраснаго пола.

I.

Стокгольмъ [1]).

Переѣздъ изъ Финляндіи. — Прибытіе въ Стокгольмъ. — Внѣшняя физіономія города. — Экипажи. — Публичный садъ. — Южное предмѣстье. — Моисеева гора. — Русское подворье. — Первыя дипломатическія сношенія между Россіею и Швеціею. — Королевскій дворецъ.

Вечеромъ сдѣлалось такъ темно, что капитанъ нашъ въ десять часовъ рѣшился бросить якорь противъ Аландскаго острова *Дегербю*, гдѣ безъ того надобно было остановиться, потому что тамъ Финляндская таможня. Когда я проснулся рано утромъ, мы плыли уже по Аландскому морю, которое на разстояніи 75 верстъ отдѣляетъ оставшійся за нами архипелагъ отъ шведскихъ шкеръ. Переплывъ это открытое пространство, вошли мы въ проливъ *Фурузундъ*. Тутъ на берегу видно нѣсколько зданій: это шведская таможня и обойная фабрика. Мы опять стали, и капитанъ на шлюпкѣ отправился туда для предъявленія списка бывшихъ съ нимъ пассажировъ и товаровъ. Во время его отсутствія, къ пароходу приблизилось нѣсколько маленькихъ лодокъ; въ нихъ сидѣли оборванные мальчишки, которые обрадовались случаю попросить милостыни. „Дайте мнѣ монетку“, раздавалось жалобно и протяжно то съ одной, то съ другой лодки, и мѣдныя деньги полетѣли съ парохода. Вскорѣ капитанъ воротился; съ нимъ были двѣ дамы, которыя присоединились къ нашему обществу. Мы пустились далѣе.

[1]) *Москвитянинъ*. 1849, ч. V, 239—284.

Намъ оставалось четыре часа плаванія. „Теперь въ Стокгольмѣ уже знаютъ, что мы здѣсь“, сказалъ мнѣ маіоръ О., возвращавшійся домой изъ Петербурга, куда онъ отвезъ пароходъ, заказанный въ Швеціи. Онъ прибавилъ, что о прибытіи парохода всякій разъ извѣщаетъ столицу телеграфъ, построенный въ Фурузундѣ, рядомъ съ таможней. Справа уже видна была твердая земля Швеціи — берегъ области Рослагена. Отчизна Рюрика и варяго-руссовъ! привѣтствую тебя! Такъ на моемъ мѣстѣ сказали бы Баэръ, Шлецеръ, Карамзинъ. Я считаю вопросъ о родинѣ варяго-руссовъ еще не рѣшеннымъ, но въ такомъ почетномъ обществѣ какъ не сказать того же? И я повторилъ про себя невольно привѣтствіе. Разсѣянные тутъ шкеры не такъ голы и безжизненны, какъ со стороны Финляндіи, но часто покрыты даже лиственнымъ лѣсомъ, изъ-за котораго показываются красные домики и пасущіяся коровы. Между тѣмъ и на твердой землѣ являются то крестьянскія жилища, то помѣщичьи усадьбы, построенныя по большей части въ старинномъ вкусѣ, котораго отличительныя черты — громадность, просторъ и прочность.

Вотъ вдали виднѣется высокая круглая башня съ остроконечною крышей: это крѣпость *Фредриксборгъ*, основанная уже послѣ царствованія Карла XII, но впослѣдствіи признанная безполезною по своему положенію, почему нынче и служитъ она только пороховымъ магазиномъ. Вотъ при крутомъ поворотѣ вдругъ открылась крѣпость *Ваксгольмъ*, главнымъ своимъ зданіемъ похожая на предыдущую. Она первоначально построена была еще Густавомъ Вазою, чтобы служить оплотомъ столицѣ, и занимаетъ небольшой островъ близъ берега, при самомъ входѣ въ заливъ, оканчивающійся у стѣнъ Стокгольма. Противъ крѣпости на твердой землѣ городокъ или мѣстечко Ваксгольмъ; на красномъ домикѣ, у самой воды, читается надпись: *кожевенный заводъ*. Передъ нимъ стоялъ цѣлый рядъ работниковъ, выбѣжавшихъ полюбоваться стройнымъ видомъ быстраго и шумно-плывущаго судна.

Изъ зданій Стокгольма прежде всѣхъ показалась вдали церковь Св. Екатерины, стоящая надъ возвышенностями южной части города. Но до того мы долго неслись мимо такъ называемаго Звѣринца (Djurgården), острова, служащаго любимымъ гульбищемъ столичныхъ жителей; берегъ, лежавшій вправо отъ насъ, былъ унизанъ красивыми дачами. Наконецъ открылся передъ нами цѣлый амфитеатръ домовъ, и я могъ уже собственными глазами повѣрить молву о чудномъ мѣстоположеніи Стокгольма. Въ самомъ дѣлѣ, оно необыкновенно живописно: съ трехъ сторонъ представляется взорамъ берегъ, обстроенный каменными домами и на крутыхъ высотахъ, налѣво, опять громоздятся зданія. За густымъ рядомъ домовъ подымаются въ воздухѣ шпицы трехъ церквей: Большой, Нѣмецкой и Риддаргольмской. Стокгольмъ

расположенъ частью на твердой землѣ, частью на островахъ. По одну сторону озера Мелара лежитъ *сѣверное*, по другую — *южное* предмѣстье; между ними большой островъ составляетъ собственно такъ называемый *городъ*: вотъ три главныя, основныя части Стокгольма. Съ восточнаго края островъ или *городъ* (Staden) омывается заливомъ морскимъ, а съ западнаго водами озера, которое тутъ и начинается. Къ острову, съ юга и съ сѣвера, проведены мосты: изъ нихъ особенно замѣчателенъ наиболѣе посѣщаемый *Сѣверный мостъ* (Norrbro). За этимъ мостомъ, по сѣверному предмѣстью тянутся двѣ длинныя и прямыя улицы, лучшія въ цѣломъ городѣ: *Королевина* (Drottnings-gata) и *Правительственная* (Regerings-gata). На сѣверномъ берегу острова красуется величественный королевскій дворецъ. Противъ него пристань, у которой остановился нашъ пароходъ. Тутъ явилось къ намъ нѣсколько таможенныхъ досмотрщиковъ. Они исполняли свое дѣло скоро и для всѣхъ насъ очень покойно. Сначала я приписывалъ это ихъ деликатности; но вскорѣ перемѣнилъ свое мнѣніе, увидѣвъ, какъ одинъ изъ пассажировъ сунулъ монету въ руку досмотрщика. Я не захотѣлъ послѣдовать такому примѣру, однакожъ потомъ раскаялся, когда мнѣ сказали, что всѣ эти люди народъ бѣдный и что нужда не позволяетъ имъ отвергать сострадательность пассажировъ.

На берегу стояло множество носильщиковъ съ мѣдными бляхами на шляпахъ. Какъ скоро кто-нибудь сходилъ съ парохода, они окружали его, предлагая свои услуги, и начинали спорить, кому нести вещи. Я обратился къ первымъ двумъ, какіе мнѣ попались. „Эти уже разъ носили сегодня“, сказалъ въ толпѣ одинъ изъ ихъ товарищей, и полицейскій, ходившій тутъ въ гражданскомъ сюртукѣ, назначилъ мнѣ другихъ. Они взвалили поклажу мою на носилки и пошли со мной въ Королевину улицу, гдѣ я намѣренъ былъ поселиться въ Hôtel garni, какъ въ лучшей стокгольмской гостиницѣ. Во время этого перехода возлѣ меня все шелъ какой-то человѣкъ, съ виду немножко почище лакея, и усердно совѣтовалъ лучше отправиться въ Hôtel d'Angleterre, трактиръ, который, по его словамъ, правда, нѣсколько подальше, но гдѣ зато комнаты отдаются гораздо дешевле. Въ Hôtel garni все было занято, кромѣ немногихъ конурокъ подъ небесами, и потому я дѣйствительно предпочелъ Hôtel d'Angleterre, гдѣ мнѣ показали во второмъ этажѣ нѣсколько очень чистыхъ и хорошо убранныхъ покоевъ, окнами на улицу. Я взялъ двѣ комнаты, за которыя, какъ сказалъ мнѣ здѣшній лонъ-лакей (человѣкъ, провожавшій меня отъ парохода), буду я платить $6^1/_2$ риксдалеровъ, т. е. 9 руб. асс. въ недѣлю. „А если я пробуду здѣсь менѣе недѣли?“ О, отвѣчалъ мнѣ лонъ-лакей, а за нимъ то же повторила и служанка: наша хозяйка лишняго ни съ кого не возьметъ: вы можете быть покойны! — Скоро явилась сама хозяйка съ другою дамой; извиняясь, что ком-

наты не совсѣмъ въ порядкѣ, потому что здѣсь наканунѣ какой-то проѣзжій справлялъ свадьбу, она занялась залою, покрыла диваны чехлами и вскорѣ все привела въ наилучшее устройство. Носильщики, уходя, потребовали и получили по риксдалеру на брата (по 1 р. 20 к. асс.); лонъ-лакей замѣтилъ, что съ ними напередъ надобно было порядиться, потому что это безсовѣстный народъ.

Въ Стокгольмѣ квартира и столъ рѣдко бываютъ соединены въ одной и той же гостиницѣ. Такъ и въ Hôtel d'Angleterre не даютъ постояльцамъ ничего, кромѣ кофею, чаю и т. п.

Я пошелъ обѣдать въ Hôtel de Suède, одну изъ гостиницъ на Королевиной же улицѣ; ихъ здѣсь четыре или пять, въ томъ числѣ есть и Hôtel de Russie. Общаго стола въ этомъ городѣ не знаютъ, и въ Hôtel de Suède я нашелъ множество посѣтителей, расположенныхъ вдоль стѣнъ за маленькими столами; въ другой комнатѣ былъ, правда, и большой столъ, но за нимъ также обѣдали по картѣ. Опрятныя прислужницы проворно исполняли всѣ требованія. Кушанья были приготовлены просто, но хорошо, и отпускались щедрой рукой. Въ главной залѣ у конторки сидѣлъ приказчикъ; къ нему по окончаніи обѣда всѣ приходили разсчитываться, исчисляя, что́ кому было подано. Меня удивила здѣшняя дешевизна. Кофей пьютъ шведы вообще не тотчасъ послѣ стола, а спустя часа два или болѣе. Служанка объявила мнѣ, что и въ этой гостиницѣ можно получить его не прежде, какъ въ 6 часовъ.

Передъ уходомъ взялъ я въ руки лежавшій на окнѣ листокъ газеты Stockholms Figaro, и первыя слова, бросившіяся мнѣ на глаза, были: *Некрологъ. Францъ Михаилъ Франце́нъ.* Въ нихъ заключалось неожиданное и прискорбное для меня извѣстіе о кончинѣ старца-поэта, котораго я сбирался навѣстить въ Гернезандѣ, гдѣ онъ былъ епископомъ. Я зналъ его лично и нѣсколько лѣтъ тому назадъ переписывался съ нимъ; его помнятъ многіе русскіе литераторы, которые въ 1840 были въ Гельсингфорсѣ на университетскомъ юбилеѣ. Францѐнъ, какъ старинный питомецъ финляндскаго университета, участвовалъ въ торжествѣ. Кн. Одоевскій, П. А. Плетневъ, гр. Соллогубъ полюбили тихаго и ласковаго старичка. Для него самого открылся тогда новый міръ въ личномъ знакомствѣ съ нѣкоторыми представителями малоизвѣстной литературы сосѣдняго народа. И какъ онъ дорожилъ этимъ знакомствомъ, видно изъ того, что когда я попросилъ его написать что-нибудь въ мой альбомъ, онъ внесъ въ него отрывокъ изъ „Сильфиды“ кн. Одоевскаго, которую читалъ тогда въ нѣмецкомъ переводѣ, и прибавилъ нѣсколько строкъ, показывающихъ его уваженіе къ таланту автора. Тогда же Франце́нъ взялъ съ меня обѣщаніе, что я навѣщу его въ Швеціи; до Гернезанда отъ Стокгольма, говорилъ онъ, почти не далѣе, какъ отъ С.-Петербурга до Гельсингфорса.

И вотъ я наконецъ собрался явиться на приглашеніе старца, какъ вдругъ, едва ступивъ на шведскій берегъ, случайно узнаю, что его уже нѣтъ. Съ грустнымъ чувствомъ прочелъ я некрологъ поэта. Авторъ отдавалъ полную справедливость высокому его таланту, сознавая, что Францéнъ своими непринужденными, граціозными стихотвореніями началъ новую эпоху въ шведской поэзіи, которая до него совершенно подчинилась-было вліянію ложнаго, французскаго вкуса. Густавъ III, подражая своему великому дядѣ, хотѣлъ самъ быть французомъ, и примѣръ его увлекалъ всѣхъ шведовъ, пока Францéнъ не далъ имъ почувствовать свѣжихъ красотъ оригинальной поэзіи. Много литературныхъ утратъ понесла Швеція въ послѣднее время; въ исходѣ прошлаго года она лишилась Тегнера, въ началѣ нынѣшняго умерли Гейеръ и Ерта. Не удалось мнѣ увидѣть ни пѣвца Фритіофа, ни геніальнаго историка Швеціи! Теперь отъ стараго поколѣнія поэтовъ ея не осталось почти ни одного.

Но посмотримъ на эту группу молодыхъ шведовъ, которые весело разговариваютъ, убирая жареную рыбу съ салатомъ и изъ которыхъ одинъ такъ лукаво улыбается проходящей мимо Густавѣ... Но кто угадаетъ, чтó на душѣ у того молодого человѣка, который одинъ сидитъ въ углу и какъ будто занятъ какою-то тяжелою думой?... А тамъ къ двери проворными шагами подходитъ насытившійся юноша въ модномъ сюртучкѣ, въ пестрыхъ панталонахъ, съ интересною прической. Какъ ловко надѣваетъ онъ свою шляпу и какое граціозное даетъ ей положеніе! Большая собака догоняетъ его; онъ самодовольно закуриваетъ сигару; о, это мой старый знакомый: я, кажется, тысячу разъ встрѣчалъ его на берегахъ Невы, хотя вѣроятно онъ самъ и не бывалъ тамъ...

Итакъ онъ, выходя изъ трактира, закурилъ сигару: въ Стокгольмѣ, со времени холеры, позволено курить сигары на улицахъ. Какъ упустить случай покурить на чистомъ воздухѣ подъ небомъ Стокгольма! Я закурилъ сигару и пошелъ съ намѣреніемъ наблюдать. Мнѣ надобно было отправить письмо, и я захотѣлъ самъ отнести его на почту. Сосѣдъ мой въ гостиницѣ, какой-то молоденькій шведъ, который сбирался туда же, вызвался быть моимъ проводникомъ. Для сокращенія пути, мы не пошли по Сѣверному мосту, а сѣли въ лодку, и двѣ женщины перевезли насъ въ *городъ*, т. е. на островъ. Здѣсь женщины гораздо болѣе, нежели у насъ, участвуютъ въ промышленномъ быту: онѣ прислуживаютъ въ трактирахъ и кондитерскихъ, торгуютъ въ магазинахъ и въ лавкахъ, раздаютъ билеты въ театрѣ и въ купальняхъ, служатъ перевозчицами на переправахъ. Но говорятъ, что шведки, по крайней мѣрѣ въ Стокгольмѣ, плохія хозяйки, и даже въ среднемъ классѣ не любятъ заниматься домашней работой. Въ сѣняхъ почтоваго зданія всѣ стѣны увѣшены были такъ называе-

мыми здѣсь картами, т. е. реестрами писемъ, полученныхъ на почтѣ. Мѣстами висѣли толстыя пачки такихъ расписаній; къ нимъ безпрестанно подходили люди, справляясь, нѣтъ ли для нихъ чего на почтѣ. На особыхъ спискахъ означены были въ алфавитномъ порядкѣ имена лицъ, не взявшихъ вó-время адресованныхъ къ нимъ писемъ.

Не надобно представлять себѣ Стокгольма большою столицею, хоть въ родѣ Берлина или Вѣны. Въ столицѣ Швеціи не болѣе 86.000 жителей, и образъ жизни во многихъ отношеніяхъ носитъ еще слѣды первобытныхъ нравовъ, о чемъ отчасти свидѣтельствуетъ и дешевизна на многіе предметы первыхъ потребностей. Впрочемъ должно прибавить, что здѣсь дѣло идетъ только о внѣшней сторонѣ быта; если заглянуть глубже, то, по словамъ свѣдущихъ людей, откроется зрѣлище весьма неутѣшительное. Постараюсь сообщить главныя черты наружной физіономіи Стокгольма. Улицы въ немъ отчасти прямыя и длинныя, но всѣ довольно узки; Королевина и Правительственная тянутся на огромномъ разстояніи въ совершенно прямомъ направленіи, но и онѣ не широки. Городъ вымощенъ, какъ Петербургъ, булыжникомъ, но тротуаровъ почти вовсе нѣтъ, а гдѣ изрѣдка и попадаются, тамъ они обыкновенно состоятъ изъ узенькихъ полосъ тесанаго камня. Поэтому пѣшеходы встрѣчаются по всей ширинѣ улицы, чтó, впрочемъ, при довольно незначительной ѣздѣ (по крайней мѣрѣ, въ нынѣшнюю, лѣтнюю пору), не составляетъ большого неудобства. Высокіе каменные дома, часто четырехъ-этажные и вообще крытые черепицей, идутъ сплошною стѣной; рѣдко попадаются строенія новой изящной архитектуры. Отличительная черта стокгольмскихъ домовъ состоитъ въ томъ, что окна почти вездѣ находятся совершенно въ уровень со стѣною, и темныя ихъ рамы рѣдко окружены какимъ-нибудь украшеніемъ. Фонари висятъ надъ серединой улицы на желѣзныхъ прутьяхъ, проведенныхъ отъ одного ряда домовъ къ другому. Вывѣсокъ очень много, но онѣ отличаются простотою: на темномъ или черномъ грунтѣ надписано слова два желтыми буквами, и больше ничего. Это отсутствіе всякаго лишняго щегольства и желанія приманивать покупателей наружною роскошью замѣтно и въ самыхъ магазинахъ. Двери и ставни у нихъ, по большой части, еще деревянныя, однако иногда уже обиты желѣзнымъ листомъ. Трактировъ, харчевенъ и питейныхъ домовъ множество; на нѣкоторыхъ рестораціяхъ для простонародья читается надпись: „трактиръ трезвости", чтò тутъ же объяснено словами: кофей, чай, шеколадъ и проч.

Изъ экипажей всего чаще встрѣчаются маленькія коляски или родъ крытыхъ дрожекъ въ одну лошадь; ихъ здѣсь и называютъ *droska*. Коляски и кареты богатыхъ людей могутъ похвалиться болѣе удобствомъ и прочностью, нежели изящнымъ видомъ и легкостью; на козлахъ сидятъ кучера въ ливреѣ. Очень употребительны также одно-

колки чрезвычайно разнообразнаго устройства. Вообще въ экипажахъ, какъ и во всемъ, видно мало роскоши; между ними попадаются нерѣдко рѣшительно безобразныя, особливо маленькія дрожки, пренеудачное подражаніе русскимъ,—иногда украшенныя, вмѣсто козелъ, чѣмъ-то въ родѣ низенькаго барабана. На площадяхъ Густава Адольфа и Брункебергъ стоятъ наемные экипажи—одноколки и дрожки разныхъ размѣровъ; для каждаго разстоянія назначена такса, извѣстная публикѣ. Есть также омнибусы различныхъ замысловатыхъ формъ, какъ-то: круглые въ видѣ ротонды, лодкообразные и проч., но вообще довольно безобразные, вопреки мнѣнію моего пароходнаго товарища, маіора О., который увѣрялъ меня, что петербургскіе дилижансы и омнибусы — ничто предъ стокгольмскими. Зато послѣдніе щеголяютъ названіями: каждый такой экипажъ, подобно кораблю, носитъ особое имя, выписанное на немъ крупными буквами: это Оскары, Густавы и т. п. Жаль только, что и искусство возницъ не соотвѣтствуетъ блеску этихъ именъ: васъ везутъ во весь опоръ по ужасной мостовой, не обращая вниманія ни на повороты, ни на какія бы ни было неровности дороги; вы ѣдете какъ будто въ самой тряской телѣгѣ и благословляете судьбу свою, когда наконецъ сидящій передъ Оскаромъ фаэтонъ остановитъ прыткихъ коней своихъ.

На пароходѣ познакомился я съ mr Claude G., уроженцемъ Ліонскимъ, который еще въ 1806 г. поселился въ Стокгольмѣ. Онъ далъ мнѣ свой адресъ, и я легко отыскалъ его въ сѣверной Кузнецкой улицѣ, гдѣ у него собственный домъ. Я засталъ его за партіею tric-trac (игрою, которая въ Швеціи еще не вывелась изъ употребленія); онъ игралъ съ другимъ французомъ, бывшимъ метръ д'отелемъ покойнаго короля Карла Іоанна. G. принялъ меня съ искреннимъ радушіемъ. Когда, по уходѣ другого гостя, мы остались одни, онъ предложилъ мнѣ итти въ публичный садъ, гдѣ на этотъ вечеръ объявлена была музыка съ фейерверкомъ. Дорогою, по Королевиной улицѣ, онъ показалъ мнѣ огромный каменный домъ, который прежде принадлежалъ ему же, но недавно проданъ. Mr G.—одинъ изъ богатѣйшихъ людей въ Стокгольмѣ, гдѣ у него долгое время была шелковая фабрика. Онъ женился на шведкѣ, но вскорѣ остался вдовцемъ съ тремя сыновьями. Онъ говоритъ по-шведски, но въ произношеніи его легко узнать француза. Миновавъ еще нѣсколько домовъ, я увидѣлъ садъ: по обѣ стороны рѣшетки, отдѣляющей его отъ улицы построено два красивыхъ домика, гдѣ на время посѣщенія сада публикою располагается одинъ изъ городскихъ кондитеровъ. Внутри эти домики были устроены и убраны съ большимъ вкусомъ: со стороны сада при каждомъ находится просторная галлерея. Купивъ по билету, мы вошли въ садъ. Онъ былъ освѣщенъ à la Kia-King: по серединѣ его возвышалась ротонда въ китайскомъ вкусѣ, подъ навѣсомъ; тутъ

стоялъ хоръ музыкантовъ, пріѣхавшихъ изъ Германіи. По аллеямъ, особливо около ротонды, толпилась публика. Для меня очень любопытно было разсматривать группы гуляющихъ и иногда слышать долетавшіе до меня случайно отрывки разговоровъ. Въ Стокгольмѣ ни на улицахъ, ни въ публичныхъ собраніяхъ никогда не услышишь другого языка, кромѣ шведскаго, и потому, если какъ-нибудь раздается иноземное слово, оно тотчасъ обратитъ общее вниманіе на того, кѣмъ было произнесено. И часто на такого человѣка даже взглянутъ какъ-то косо. Въ старину было не то: при Густавѣ III, да еще и при сынѣ его, слухъ шведовъ былъ пріученъ къ иноземному лепету. Избраніе французскаго маршала на престолъ Карловъ и Густавовъ много способствовало къ возбужденію въ націи патріотическаго чувства: опасеніе, что чуждые элементы легко могутъ пріобрѣсти господство, заставило ее усерднѣе прежняго обратиться къ своему собственному языку и всячески остерегаться иноземнаго вліянія. Въ наружномъ видѣ публики не могъ я замѣтить ничего характеристическаго, кромѣ развѣ того, что́ поражаетъ здѣсь пріѣзжаго вообще въ общественныхъ собраніяхъ: это — большое число людей, хорошо сложенныхъ, высокихъ и красивыхъ собою, особливо мужчинъ. Превосходство древняго скандинавскаго племени не изгладилось еще и въ отдаленномъ потомствѣ. Когда музыкантами сыграна была первая пьеса, въ публикѣ раздались со всѣхъ сторонъ громкія *ура* и *браво*; это иногда повторялось и послѣ. Фейерверкъ освѣтилъ тѣсные ряды народа, окружившаго садъ; не только на улицѣ, за рѣшеткою, толпились любопытные, но и на заборахъ, на крышахъ, на всѣхъ возвышеніяхъ торчали головы вскарабкавшейся туда черни. При всякой новой перемѣнѣ огненныхъ фигуръ подымались отвсюду шумные, продолжительные клики одобренія; соединеніе ихъ съ трескомъ и свѣтомъ фейерверка въ довольно темную ночь производило разительный эффектъ, особенно для того, кто, находясь во внутреннихъ аллеяхъ за густыми деревьями, не могъ видѣть народа. Раза два мы заходили въ домики, гдѣ устроенъ былъ буфетъ; въ обоихъ комнаты были наполнены группами дамъ и кавалеровъ; меня не мало поразило, что почти всѣ пили чай, и притомъ изъ огромныхъ чашекъ. Вино, пуншъ и чай—вотъ предметы, на которые во всѣхъ кондитерскихъ Стокгольма самый большой расходъ. На прилавкѣ съ одной стороны высится огромная мѣдная ваза (что-то похожее на самоваръ), налитая кипяткомъ, а въ сторонѣ отъ нея стоятъ большіе подносы, уставленные рюмками или стаканчиками съ пуншемъ и другими смѣшанными напитками (напримѣръ, *каролиною*, смѣсью краснаго вина съ сахаромъ и разными приправами). Общество мужчинъ велитъ подать себѣ такой подносъ, и при взаимныхъ тостахъ осушаетъ стаканчики. — По окончаніи фейерверка толпа людей изъ саду потянулась по Короле-

виной улицѣ; почти никто не сѣлъ въ экипажъ; стоявшіе передъ рѣшеткою омнибусы отправились домой порожнёмъ. Въ Стокгольмѣ, гдѣ лучшее населеніе сосредоточено въ двухъ необширныхъ частяхъ города, жители мало пользуются наемными экипажами, въ которыхъ притомъ и мѣста довольно дороги.

На другой день mr G. предложилъ мнѣ прогуляться съ нимъ по южному предмѣстью. При мостѣ, ведущемъ туда съ острова, т. е. изъ центральнаго города, устроены шлюзы, безъ которыхъ суда не могли бы здѣсь проходить, такъ какъ озеро Меларъ, въ этомъ мѣстѣ изливающееся въ заливъ морской, стоитъ выше его поверхности. Въ древности, когда море покрывало берегъ гораздо далѣе нынѣшняго, не было надобности въ такомъ каналѣ, но уже во второй половинѣ 16-го столѣтія находился здѣсь шлюзъ. Южное предмѣстье соединяетъ въ себѣ всю главную промышленность города; оно населено преимущественно производительными сословіями и мало посѣщается жителями остальныхъ двухъ частей Стокгольма. Особенно важно это предмѣстье складкою желѣза, перваго богатства Швеціи. Большими партіями стоятъ здѣсь огромныя желѣзныя полосы въ глубокомъ и длинномъ оврагѣ, который нѣкогда служилъ городскимъ рвомъ. Здѣсь вѣсятъ ихъ и потомъ нагружаютъ на корабли для вывоза. Работники, съ трудомъ передвигая ноги подъ тяжестью, переносятъ металлъ отъ вѣсовъ къ пристани, устроенной подъ мостомъ. Нигдѣ въ Стокгольмѣ нѣтъ такого движенія, какъ здѣсь и въ прилежащихъ улицахъ: тутъ кипитъ народомъ; на судахъ и около нихъ суетятся матросы; со стукомъ желѣзо сбрасывается въ кучи. Здѣсь превосходная гавань: корабли подходятъ къ самой пристани, и въ этомъ заключается одна изъ существеннѣйшихъ выгодъ мѣстоположенія Стокгольма. Далѣе отъ моста, у особаго плота, образующаго большое полукружіе, останавливаются лодки съ рыбой, молокомъ и разными произведеніями сельской промышленности. Тутъ опять движеніе иного рода; тутъ продавицы хлопочутъ о прибыли, а покупательницы наперерывъ запасаются потребностями хозяйства.

Южное предмѣстье, омываемое Меларомъ и моремъ, составляетъ почти островъ, и только узкими перешейками соединяется съ твердою землею. Это самая гористая и наименѣе населенная часть города. Берега ея подымаются круто и высоко; дома расположены амфитеатромъ. Мы шли по нагорнымъ улицамъ мимо лавокъ и вывѣсокъ всякаго рода. Тутъ, за старымъ желѣзнымъ хламомъ, отчасти складеннымъ въ кучу передъ лавкою, женщина въ чепцѣ или соломенной шляпѣ вяжетъ чулокъ; а тамъ продавецъ табаку и сигаръ, облокотясь на прилавокъ, читаетъ вчерашній нумеръ „Вечерняго листа". У подобныхъ мелочныхъ лавокъ, больше однакожъ въ другихъ частяхъ города, иногда бросается въ глаза надпись: „Контора такой-то газеты" или:

„Здѣсь раздаются такія-то газеты“; у другихъ вы читаете: „Здѣсь принимаются письма для доставленія на почту“.

Наконецъ мы достигли вершины горы, извѣстной всѣмъ посѣтителямъ Стокгольма по прекрасному виду съ нея не только на весь городъ, но и на его окрестности. Ее зовутъ *Моисеевой горой* (Mosebacke). По ветхой деревянной лѣстницѣ, мимо старенькаго домишка, взошли мы на небольшую террасу, обсаженную деревьями, и долго любовались отсюда обширной, великолѣпной панорамой. Я разложилъ передъ собою планъ Стокгольма, и такимъ образомъ изучалъ мѣстность, сличая мертвую копію съ живымъ оригиналомъ. Къ тремъ главнымъ, названнымъ мною прежде частямъ города примыкаютъ другія, изъ которыхъ иныя расположены на островахъ, но, для избѣжанія сбивчивости въ изображеніи, о нихъ не стоитъ упоминать особо, пока не представится случай. Готовясь итти далѣе, увидѣлъ я на стѣнѣ краснаго домика доску съ надписью: „позвоните — такъ явится прислуга“. И хотя мы не имѣли надобности въ прислугѣ, а потому и не звонили, однакожъ на крыльцо домика вдругъ вышла какая-то Христина или Лотта и объявила съ привѣтливой улыбкой, что всѣ посѣтители Моисеевой горы обложены податью въ нѣсколько шиллинговъ. Нельзя было отказать въ исполненіи такого справедливаго требованія; довольная Дріада граціозно присѣла и скрылась. Деньги взыскиваются владѣльцемъ террасы. На обратномъ пути по южному предмѣстью замѣтилъ я на углу двухъ главныхъ улицъ огромное зданіе, называемое ратушей (Stadshuset); нынѣ въ немъ тюрьма для государственныхъ преступниковъ, но оно для русскихъ любопытнѣе въ другомъ отношеніи. Оно построено Карломъ XI на мѣстѣ, которое называлось *Русскимъ подворъемъ;* тутъ наши купцы, посѣщавшіе Стокгольмъ, складывали свои товары. До новѣйшихъ временъ находилась въ этомъ домѣ и русская церковь, лѣтъ десять тому назадъ переведенная въ сѣверное предмѣстье. Вѣроятно, что тутъ-же въ старину приставали и русскіе послы. Много историческихъ воспоминаній пробудилось во мнѣ при этой мысли. Правильныя дипломатическія сношенія между Россіей и Швеціей начались въ малолѣтство Іоанна Грознаго, и первымъ русскимъ посломъ въ Стокгольмѣ является тогда Шарапъ-Замыцкій. Но замѣчательнѣе было пребываніе здѣсь Воронцова и Наумова, присланныхъ отъ имени Царя съ требованіемъ, чтобы ему выдана была Екатерина Польская, супруга Герцога Іоанна III, заключеннаго вмѣстѣ съ нею въ Грипсгольменской темницѣ. Тогда царствовалъ въ Швеціи виновникъ ихъ несчастія, братъ Іоанна, Эрикъ XIV. Безразсудное поведеніе его наконецъ возбудило мятежъ: онъ долженъ былъ уступить престолъ Іоанну, а самъ занять его прежнее мѣсто въ темницѣ. Во время бунта стокгольмская чернь ворвалась и въ посольскій домъ, гдѣ находились Воронцовъ и Наумовъ; жизнь ихъ была въ опасности; но

молодой братъ королей, Принцъ Карлъ, подоспѣлъ во́ время въ жилище русскихъ пословъ и спасъ ихъ. Въ странномъ требованіи Воронцова и Наумова было отказано еще при Эрикѣ; тѣмъ менѣе теперь порученіе Царя могло быть выполнено, и они поспѣшили возвратиться въ отечество. — Іоаннъ Грозный въ сношеніяхъ съ Швеціею показывалъ явное презрѣніе къ ея государямъ за низкое происхожденіе Густава Вазы, который, по словамъ Царя, прежде „торговалъ животиною“. Поэтому Іоаннъ никакъ не соглашался, чтобы шведское правительство сносилось прямо съ нимъ, и настаивалъ, чтобъ оно во всѣхъ дѣлахъ обращалось къ новгородскому намѣстнику. Когда шведы оскорблялись тѣмъ, русскіе отвѣчали имъ, что „Свейскому Королю не безчестіе, а честь имѣть дѣло съ Новгородскими намѣстниками, которые сами происходятъ отъ Государей“. Но въ концѣ своего царствованія Іоаннъ, видя успѣхи шведскаго оружія, перемѣнилъ тонъ своихъ сношеній съ Дворомъ стокгольмскимъ, и съ тѣхъ поръ потомки Густава обращались уже непосредственно къ Московскимъ Царямъ. Любопытно, какъ прежде того Іоаннъ, оспаривая у самого Густава Вазы это право и упрекая его въ гордости, сравнивалъ Стокгольмъ съ Новгородомъ и однажды писалъ къ королю: „спроси у своихъ купцовъ: они скажутъ тебѣ, что каждый изъ Новгородскихъ пригородовъ больше твоей *Стекольны*“.

Перейдя опять на островъ, мы по набережной приблизились къ королевскому дворцу. Это безспорно лучшее зданіе въ Стокгольмѣ и одно изъ прекраснѣйшихъ въ цѣлой Европѣ. Путешественники давно прославили его своими описаніями, и въ самомъ дѣлѣ нельзя безъ особаго наслажденія смотрѣть на это замѣчательное произведеніе архитектуры. Оно соединяетъ въ себѣ стройное величіе съ благородной простотой и отсутствіемъ всѣхъ мелочныхъ украшеній, которыя, развлекая вниманіе, могли бы только ослабить впечатлѣніе цѣлаго. Это зданіе выстроено въ чистомъ итальянскомъ вкусѣ; оно образуетъ квадратъ; подъ плоской крышей возвышаются въ легкихъ размѣрахъ гладкія, сѣрыя стѣны. Главный фасадъ обращенъ къ сѣверу; его огибаетъ полукружіемъ красивая набережная залива; передъ подъѣздомъ съ обѣихъ сторонъ подымается выложенный гранитомъ покатый склонъ, надъ которымъ стоятъ два бронзовые льва, вылитые въ царствованіе Карла XII. Вензель этого короля читается на цвѣтныхъ вазахъ вдоль небольшого сада передъ восточною стѣною дворца. Съ обоихъ концовъ главнаго фасада выдаются симметрически два флигеля, изъ которыхъ правый занятъ королевскою библіотекою, а лѣвый музеемъ. Жаль, что только фундаментъ—изъ тесанаго камня, а все остальное изъ кирпича; еслибъ не это — стокгольмскому дворцу ни въ чемъ не оставалось бы завидовать превосходнѣйшимъ памятникамъ европейской архитектуры. Планъ его составленъ былъ еще при Карлѣ XI и

тогда же начата постройка. Но едва Карлъ умеръ, какъ и новыя стѣны и остатки прежняго дворца сдѣлались добычею пожара; съ трудомъ успѣли вынести тѣло короля невредимымъ изъ пламени. Дворецъ былъ снова начатъ при Карлѣ XII, по плану архитектора Никодима Тессина, но оконченъ не прежде 1753 года.

Отсутствіе королевской фамиліи, путешествующей по Норвегіи, доставило мнѣ возможность осмотрѣть дворецъ и внутри. Лѣстница его поразила меня своей простотой: она идетъ вдоль стѣны изъ песчаника, и только узенькими полосами проглядываетъ мраморъ. Человѣкъ, на которомъ не было никакихъ признаковъ придворной должности, очень вѣжливо вызвался показать намъ дворецъ. Прежде всего ввелъ онъ насъ въ длинную, нынѣ увеличиваемую, бальную залу, гдѣ стѣны выложены гипсомъ, полированнымъ подъ мраморъ. Въ одной изъ слѣдующихъ комнатъ есть такая же стѣна, сдѣланная русскими каменьщиками, нарочно для того выписанными въ 1828 году. Къ сожалѣнію, тутъ мѣстами образовались трещины. Изъ остальныхъ покоевъ упомяну только о самыхъ замѣчательныхъ. Въ спальнѣ покойнаго короля, Карла Іоанна, все сохраняется въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ было при кончинѣ его. Убранство этой комнаты просто, какъ у частнаго человѣка; на столахъ разложено множество книгъ, между которыми я замѣтилъ біографію Карла Іоанна на французскомъ языкѣ, — оттискъ статьи, помѣщенной въ біографическомъ словарѣ. Въ углу, у печки, стояло нѣсколько шпагъ и сабель разнаго рода; между ними были: шпага Густава III и турецкая сабля, подаренная ему императрицею Екатериною II. На простой, узенькой кровати бѣлье оставалось то же самое, на которомъ лежалъ Карлъ Іоаннъ въ послѣднія минуты жизни. Все дышитъ здѣсь присутствіемъ великаго человѣка и наполняетъ душу размышленіями о чудной судьбѣ его. Изъ всѣхъ людей, возвышенныхъ Наполеономъ, Бернадоту выпалъ самый многозначительный жребій; всѣ, кого влекла за собою колесница счастливца, пали въ тотъ самый мигъ, какъ она опрокинулась; звѣзды, зажженныя его солнцемъ, погасли вмѣстѣ съ нимъ, и цари, имъ созданные, были минутные цари, какъ самъ онъ. Но Бернадотъ, по волѣ Провидѣнія и независимо отъ воли Наполеона, шелъ давно своимъ путемъ. Умѣренность и великодушіе доставили ему любовь отдаленнаго народа и престолъ бѣднаго, но просвѣщеннаго и нѣкогда славнаго государства. Твердость воли и мудрость дали ему возможность оправдать блистательно довѣренность избравшей его націи, и на концѣ своего долгаго поприща онъ передалъ сыну королевскую власть непотрясенною. Неблагодарность меньшаго числа подданныхъ нерѣдко огорчала Карла Іоанна, но не въ силахъ была побудить его къ отступленію отъ правилъ, которыя и умъ и опытность являли ему непреложными. Въ Карлѣ Іоаннѣ физическая крѣпость

была такъ же замѣчательна, какъ и духовная. До предсмертной болѣзни сохранялъ онъ почти всю прежнюю бодрость и свѣжесть. Только за годъ до кончины ушибъ ноги имѣлъ нѣкоторое вліяніе на походку осьмидесятилѣтняго старца. Въ послѣдніе годы жизни король большую часть зимнихъ мѣсяцевъ проводилъ безвыходно во дворцѣ; но вдругъ отпралялся въ далекое путешествіе, и хотя былъ одѣтъ чрезвычайно легко, — никогда не подвергался простудѣ.

Въ другой комнатѣ, нѣсколько обширнѣе спальни, Карлъ Іоаннъ любилъ заниматься. Стѣны здѣсь покрыты старинными шелковыми обоями малиноваго цвѣта, еще мало пострадавшими отъ времени. Здѣсь, за низенькими перилами, у задней стѣны, Карлъ Іоаннъ кончилъ жизнь на той самой кровати, которую мы видѣли въ спальнѣ. Особенно достопамятна эта комната по бывшему въ ней, въ 1838 году, первому свиданію Государя Императора Николая Павловича съ Карломъ Іоанномъ. Король ожидалъ одного Государя Наслѣдника; о пріѣздѣ же самого Августѣйшаго Родителя Его услышалъ только за минуту передъ входомъ въ залу, куда въ одно съ нимъ время вступилъ изъ другихъ дверей Императоръ. Можно представить себѣ, какими чувствами и радости, и смущенія забилось сердце Карла Іоанна, когда одинъ изъ его приближенныхъ, вбѣжавъ къ нему, поспѣшно возвѣстилъ, что нежданный Августѣйшій Гость уже на лѣстницѣ! Высокіе путешественники, тотчасъ по прибытіи, отъ пристани, лежащей противъ самого дворца, отправились въ королевскіе чертоги. Прекрасенъ и торжественъ былъ мигъ, когда великій обладатель полувселенной братски заключилъ въ свои объятія мудраго обновителя малой державы Густавовъ. Донынѣ свѣжо впечатлѣніе, произведенное на жителей Стокгольма появленіемъ Русскаго Императора и Его Сына. Всѣ были еще болѣе поражены Ихъ личностію, исполненною величія и благоволенія, нежели блескомъ, Ихъ окружавшимъ, хотя и новымъ для Швеціи. Кто-то изъ здѣшнихъ поэтовъ сочинилъ тогда три стихотворенія, изданныя вмѣстѣ подъ заглавіемъ: *Посѣщеніе Царя* (Czarens besök). Въ одномъ изъ нихъ мальчикъ разсказываетъ дѣду все, что онъ видѣлъ удивительнаго при этомъ случаѣ, и въ концѣ каждаго куплета приговариваетъ: „Ахъ, еслибъ я былъ русскимъ“!

Въ ряду комнатъ, пройденныхъ нами далѣе, двѣ ознаменованы горестными воспоминаніями: одна изъ нихъ — спальня Густава III, гдѣ онъ и скончался, бывъ раненъ пистолетнымъ выстрѣломъ Анкарстрема на маскарадѣ въ оперномъ домѣ; въ другой — сынъ его, Густавъ IV, арестованъ былъ Адлеркрейцомъ и принужденъ сложить съ себя санъ королевскій. — Произведенія многихъ знаменитыхъ художниковъ въ оригиналѣ украшаютъ дворецъ. Нельзя не остановиться передъ каждымъ изъ развѣшенныхъ мѣстами портретовъ королей Швеціи. Прекрасна картина, изображающая Карла Іоанна со всѣми членами его

Дома. Какъ здѣсь, такъ и вездѣ, вдовствующая королева его, Дезидерія, представлена въ томъ видѣ, въ какомъ снята была еще до прибытія въ Швецію. Въ новомъ отечествѣ своемъ поселилась она окончательно не прежде 1830-го года (когда совершилась и коронація ея), уже въ пятидесятилѣтнемъ возрастѣ, и никому не давала снимать вновь портрета своего, не желая перейти къ потомству съ чертами позднихъ лѣтъ. Такимъ образомъ всѣ ея изображенія озарены сіяніемъ юности и красоты. Въ здѣшнемъ дворцѣ портреты всѣхъ особъ династіи Бернадота принадлежатъ кисти шведскаго художника Вестина. Многія прекрасныя статуи сдѣланы соотечественникомъ его Бюстремомъ. Превосходны также порфирныя вазы съ Эльфдальскаго завода (въ Далекарліи). Но лучшее въ этомъ родѣ украшеніе дворца составляютъ вазы изъ сибирской яшмы и малахита, присланныя Карлу Іоанну въ даръ Императорами Александромъ и Николаемъ. Два зеркала во всю высоту залы подарены Екатериною II знаменитому ея современнику на шведскомъ престолѣ.

Сопровождавшій насъ камерлакей — или, выражаясь по здѣшнему, вахмистръ—съ большою готовностью объяснялъ намъ всѣ предметы и иногда вмѣшивался въ разговоръ, который мы вели по-французски. По этому и по разсказамъ его изъ шведской исторіи, почти передъ каждою картиною, видно было, что онъ не безъ знаній и кое-что прочиталъ. Таковы вообще вахмистры при публичныхъ зданіяхъ и учрежденіяхъ въ Швеціи; не только сами эти люди, но и жены ихъ въ состояніи посвятить васъ во всѣ тайны того, что поражаетъ ваше вниманіе. Исключенія рѣдки. Когда мы осмотрѣли всѣ комнаты, бывшія въ вѣдѣніи нашего камерлакея, онъ передалъ насъ другому, въ своемъ родѣ очень оригинальному человѣку. Этотъ рослый и дюжій малый былъ въ свѣтло-синемъ сюртукѣ, съ серебряными галунами на воротникѣ и обшлагахъ и съ государственнымъ гербомъ на пуговицахъ. Въ рѣчи его слышны были всѣ особенности стокгольмскаго выговора и припѣва; выраженіемъ лица и своими отвѣтами онъ давалъ разумѣть, что за его словами скрывается цѣлая бездна невысказываемой премудрости. Черезъ рядъ маленькихъ покоевъ вошли мы въ залу аудіенцій, гдѣ въ случаѣ пріема важныхъ особъ ставится тронъ съ балдахиномъ. Теперь стоялъ здѣсь посрединѣ комнаты столъ, окруженный двѣнадцатью голубыми табуретами. На этомъ столѣ было разбросано нѣсколько книгъ въ красномъ сафьянномъ переплетѣ; на другомъ стояли такія же книги въ нѣсколько рядовъ: это были законы Швеціи. „Сегодня поутру“, сказалъ камерлакей, „было здѣсь засѣданіе государственнаго совѣта. Это“, прибавилъ онъ съ значительной улыбкой, „тѣ табуреты, о которыхъ такъ много пишутъ; всѣ хотятъ сидѣть на нихъ, а какъ сядутъ, такъ и увидятъ, какъ трудно на нихъ сидѣть“. Шведскій король о всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ предвари-

*

тельно разсуждаетъ съ государственнымъ совѣтомъ, состоящимъ изъ *десяти* избираемыхъ имъ членовъ. Семеро изъ нихъ завѣдываютъ, каждый—управленіемъ или департаментомъ: юстиціи, иностранныхъ дѣлъ, сухопутныхъ военныхъ силъ, морскихъ силъ, гражданскихъ дѣлъ, финансовъ и духовныхъ дѣлъ. Изъ этихъ главноначальствующихъ разными частями двое первыхъ носятъ званіе министровъ, а остальные называются государственными совѣтниками. При разсмотрѣніи дѣлъ по управленію юстиціи, въ совѣтѣ засѣдаютъ, кромѣ членовъ его, два члена верховнаго суда, и вотъ отъ чего всѣхъ табуретовъ передъ нами было двѣнадцать.

Двѣ залы служили собственно библіотекою короля Оскара; по столамъ разбросано было нѣсколько книгъ и иныя были раскрыты. Нынѣшній король извѣстенъ основательною ученостью и любовью къ литературѣ. Утомленные прогулкою и внимательнымъ осмотромъ дворца, мы уже спѣшили, и, проходя съ третьимъ камердинеромъ по комнатамъ вдовствующей королевы въ нижнемъ этажѣ, я могъ только замѣтить, что онѣ отличались и бóльшимъ просторомъ и особеннымъ великолѣпіемъ.

II.

Упсала [1]).

1.

Пріѣздъ въ Упсалу.

Отъ Стокгольма до Упсалы считается, сухимъ путемъ, 70 верстъ; около того же будетъ и водою. Частое сообщеніе между этими двумя городами давно подало поводъ къ учрежденію дилижанса; нынче оно, сверхъ того, поддерживается двумя пароходами: каждое утро одинъ отправляется изъ Стокгольма, а другой изъ Упсалы. Я поѣхалъ на томъ, который носитъ имя этого университетскаго города: онъ поспѣваетъ къ мѣсту назначенія двумя часами ранѣе другого. Отплывъ изъ Стокгольма въ 8 ч. утра, мы въ два часа прибыли въ Упсалу.

Это было за нѣсколько дней до 1 октября (н. с.), когда въ шведскихъ университетахъ начинаются осеннія лекціи. Естественно, что въ такую эпоху сообщеніе между обоими городами еще живѣе обыкновеннаго. Между пассажирами было и нѣсколько студентовъ, которые отличались своими бѣлыми фуражками съ желтой розеткой на темномъ бархатѣ, надъ козырькомъ. Тутъ былъ также губернаторъ Упсальской

[1]) *С.-Петербургскія Вѣдомости* 1848 г., №№ 81, 84, 95, 104, 106, 120, 122 123 и 273; эта статья имѣетъ заглавіе „*Нѣсколько писемъ изъ Швеціи*“ (первоначально обращенныхъ къ П. А. Плетневу). *Ред.*

губерніи, баронъ Кремеръ (родомъ изъ Финляндіи), который съ двумя дочерьми возвращался изъ путешествія по Европѣ. По почтительности, съ какою многіе пассажиры раскланивались передъ нимъ, легко можно было узнать въ немъ важное лицо; но еще болѣе возвышало его то, что многіе отзывались о немъ съ величайшею похвалою, какъ о человѣкѣ, всѣми любимомъ. Послѣ я былъ у него раза два и могу къ этому прибавить, что онъ чрезвычайно любезный хозяинъ.

На берегахъ Мелара является, по этому пути, нѣсколько замѣчательныхъ мѣстъ. Назову только мимоходомъ главныя изъ нихъ: увеселительные дворцы Дронинггольмъ и Розерсбергъ, древній городъ Сигтуну и богатый за́мокъ Скоклостеръ. Сигтуну не должно принимать за тотъ городъ, который въ исходѣ XII столѣтія разоренъ былъ Эстами, Корелами и можетъ быть присоединившимися къ нимъ Новгородцами; старинныя башни, посреди руинъ возвышавшіяся надъ остальными строеніями, относятся къ позднѣйшимъ временамъ католичества. Первоначальная Сигтуна, основанная Одиномъ, лежала на противоположномъ берегу, недалеко отъ нынѣшней, которая нѣкогда имѣла торговое значеніе, но давно уже совершенно его утратила. Прибавлю нѣсколько словъ объ имени Сигтуны. *Одинъ*, приведшій племя Асовъ въ Скандинавію, назывался иначе — *Сиге*. Слово *Туна* есть то же, что англійское *town*, нѣмецкое Zaun и наше *тынъ*, первоначально однозначущее съ словомъ *городъ* (ограда). Итакъ Сигтуна сдѣлалась первою столицею Одинова рода; но уже правнукъ основателя ея перенесъ свое мѣстопребываніе въ Упсалу.

Изъ озера Мелара встрѣчается къ сѣверу длинный и узкій заливъ; въ верхній уголъ его впадаетъ рѣка Фюрисъ, по обѣ стороны которой построена нынѣшняя Упсала. Эта рѣка и въ ширину и въ глубину такъ незначительна, что отъ движенія парохода мутится, волнуется, какъ въ бурю, и даже выступаетъ изъ низкихъ и совершенно плоскихъ береговъ своихъ. Надобно замѣтить, что страна, окружающая Упсалу, образуетъ обширнѣйшую въ Швеціи равнину. Только по западному краю города идетъ песчаный хребетъ, надъ которымъ живописно высится длинный розовый за̀мокъ, основанный Густавомъ Вазою. За нимъ подымается величественная церковь, прекраснѣйшее и, по огромности, первое зданіе этого рода въ цѣлой Скандинавіи. Вотъ два предмета, болѣе всего бросающіеся въ глаза всякому, кто приближается къ Упсалѣ. По обѣ стороны отъ зрителя, ѣдущаго изъ Мелара, разстилаются необозримыя поля, на которыхъ разбросаны церкви и другія строенія. Между первыми замѣчательна особенно одна, впрочемъ, по виду самая скромная: это церковь древней, первоначальной Упсалы, гдѣ поселились потомки Одина; теперь тутъ только деревушка. Селеніе это виднѣется справа; его можно узнать по тремъ высокимъ холмамъ, лежащимъ рядомъ съ церковью.

У пристани стояло большое число городскихъ жителей; толпа пестрѣлась бѣлыми фуражками. У многихъ молодыхъ людей въ одной изъ глазныхъ впадинъ торчало стеклышко; уже на пароходѣ дивился я искусству, съ какимъ нѣкоторые изъ младшихъ спутниковъ моихъ такимъ образомъ вооружали свое зрѣніе. Я заключилъ, что возрастающее поколѣніе въ Швеціи страждетъ слабостію глазъ, и приписалъ это — усиленнымъ трудамъ! Какой-то работникъ предложилъ мнѣ доставить мои вещи на квартиру; онъ взвалилъ ихъ на телѣжку и отвезъ въ гостинницу г-жи Эстербергъ, которую мнѣ рекомендовали какъ лучшую въ городѣ.

Жителей въ Упсалѣ, не включая сюда студентовъ, считается до 5,600 человѣкъ. Сравнительно съ такимъ малымъ населеніемъ городъ довольно обширенъ; это происходитъ отъ того, что въ немъ строятся очень просторно. При многихъ домахъ есть сады; огромные, чистые дворы, нѣкоторые съ деревьями и скамейками, часто поражали меня. Къ этому способствуетъ то, что рѣдкіе изъ жителей держатъ экипажъ, чему причиною частію ограниченныя средства ихъ, а частію и незначительность разстояній въ Упсалѣ. Въ нынѣшнее время городъ состоитъ по большей части изъ прямыхъ и довольно широкихъ улицъ; между домами есть и каменные, особливо по набережнымъ рѣки. Мѣстами тянутся цѣлые ряды деревянныхъ красныхъ домовъ, какъ въ бѣдныхъ и старыхъ городишкахъ Швеціи. Лучшую часть Упсалы составляетъ сѣверо-западный уголъ ея (такъ называемая *четверть*, fierding), гдѣ на возвышенностяхъ помѣщаются около двухъ церквей разныя публичныя зданія, раздѣляемыя просторными площадями; тутъ находятся почти всѣ строенія, принадлежащія университету, архіепископскій домъ, каѳедральная школа и др. Какъ средоточіе ученой жизни, эта часть города напомнила мнѣ дерптскій Вышгородъ (Dom), гдѣ также соединены многія изъ университетскихъ заведеній. Ты помнишь, мы тамъ видѣли напримѣръ библіотеку, помѣщающуюся въ стѣнахъ старинной католической церкви; обсерваторію, гдѣ на столѣ у астронома нашли мы стихотворенія его жены, напечатанныя въ Германіи; садъ, въ которомъ прочли надпись: „Caesar nobis haec otia fecit“ и проч.

Нынѣшнимъ правильнымъ расположеніемъ своимъ Упсала много обязана пожарамъ, которые нерѣдко опустошали ее. Самый ужасный былъ въ 1702 году. Знаменитый профессоръ Олавъ Рудбекъ спасъ тогда главное университетское зданіе: не смотря на то, что ему было уже 72 года, онъ самъ взлѣзъ на высокую крышу и тамъ не только отдавалъ приказанія, но и своими руками заливалъ пламя. Отъ этого не могло его отвлечь даже извѣстіе, что собственный его домъ горитъ. Еще прежде того онъ, будучи кураторомъ университета (эта должность существовала въ Упсалѣ только короткое время), много способство-

валъ своими распоряженіями къ внѣшнему улучшенію города. Послѣ упомянутаго пожара ему поручено было составить планъ возобновленія Упсалы и, хотя онъ вскорѣ умеръ, однакожъ успѣлъ еще исполнить это дѣло.

Ты знаешь профессора Скредера, который въ 1840 году былъ депутатомъ изъ Упсалы на юбилеѣ Гельсингфорсскаго университета. Прежде всѣхъ я навѣстилъ его—какъ стараго знакомаго и при томъ извѣстнаго покровителя всѣхъ путешественниковъ, интересующихся академическою жизнью Упсалы. Этотъ сѣдой и хлопотливый старичекъ чрезвычайно услужливъ. Онъ преподаетъ исландскую литературу и вообще скандинавскія древности, сверхъ того завѣдываетъ библіотекою, собраніемъ картинъ и коллекцію монетъ, принадлежащими университету. Собственныя комнаты его, начиная отъ прихожей до спальни, украшены картинами и другими произведеніями искусствъ; у него собрано также много остатковъ скандинавской старины. Бывъ всегда одинокимъ человѣкомъ, онъ окружилъ себя этими предметами, чтобы замѣнить пріятность семейной жизни. Большая лягавая собака составляетъ все его общество. Должностію библіотекаря занимается онъ со страстною любовію; всякая книга, книжка и книжечка есть дорогое дитя его сердца; онъ родился библіотекаремъ. Какое счастіе, что есть на свѣтѣ такіе люди! Вскорѣ онъ предложилъ мнѣ итти туда, гдѣ онъ живетъ и мыслями и мечтами, въ то святилище, гдѣ все для него поэзія и очарованіе, т. е. въ библіотеку.

2.

Упсальская библіотека.

Въ старину Упсальскій университетъ занималъ два зданія: они, по именамъ основателей своихъ, Карла IX и сына его Густава II Адольфа, назывались: одно *Academia Carolina* а другое *Academia Gustaviana*. Первое въ прошломъ еще столѣтіи по ветхости было уничтожено. Послѣднее стоитъ донынѣ; но не весь университетъ помѣщается въ немъ: здѣсь нѣсколько академическихъ строеній, которыя вообще очень не велики и бѣдны. Одно только исключеніе—обширное зданіе библіотеки, заложенное покойнымъ королемъ и названное *Carolina Rediviva* (т. е. воскресшая Carolina). Оно стоитъ на возвышенномъ мѣстѣ и почитается украшеніемъ города. Библіотека перенесена сюда въ 1841 году и трудами г. Скредера приведена въ стройный порядокъ. Она уже заключаетъ въ себѣ болѣе 100.000 томовъ и 7.000 рукописей. Книги расположены систематически, по отраслямъ словесности, такъ что могутъ быть отыскиваемы легко и удобно. Все сдѣлано для сбереженія мѣста: къ тому приспособлено самое устройство залъ, по верхней части которыхъ идутъ галлереи, уставленныя такъ же, какъ

и низъ, высокими шкафами; вездѣ полки сдѣланы двойныя, такъ что книги стоятъ въ два ряда, и задній возвышается надъ переднимъ, слѣдовательно такъ же хорошо виденъ. Съ такою же цѣлью профессоръ Скредеръ умѣлъ воспользоваться и тѣмъ пространствомъ подъ столами, которое обыкновенно остается пустымъ, но у него со всѣхъ четырехъ сторонъ наполнено полками. Нѣсколько большихъ столовъ, разставленныхъ одинъ за другимъ по серединѣ длинной залы, очень увеличиваютъ такимъ образомъ запасъ мѣста.

Г. Скредеръ съ видимымъ удовольствіемъ обращалъ мое вниманіе на все это. Водя меня изъ одной залы въ другую, онъ часто останавливался передъ рѣдкими или чѣмъ-нибудь замѣчательными книгами, снималъ ихъ съ полокъ, развертывалъ, перелистывалъ и подробно разсказывалъ исторію ихъ пріобрѣтенія. Сочиненія, состоящія изъ многихъ томовъ большого формата, — которыхъ фалангою страстный библіоманъ любуется съ такимъ же наслажденіемъ, какъ полководецъ строемъ своимъ воиновъ — всѣ переплетены въ юфть, нарочно выписываемую г. Скредеромъ изъ Петербурга. Университетскій переплетчикъ въ Упсалѣ работаетъ неимовѣрно дешево: за каждый томъ обыкновеннаго формата беретъ онъ только шесть гривенъ мѣдью, а за большой — хотя бы то былъ фоліантъ — платятъ ему полтинникъ. Газеты — такъ какъ онѣ по большей части представляютъ единственно минутный интересъ и рѣдко запечатлѣны характеромъ достовѣрности — переплетаются только въ папку; отсюда г. Скредеръ исключилъ одну оффиціальную газету Stats-Tidning, которая въ этомъ отношеніи поставлена наравнѣ съ книгами. Такимъ же преимуществомъ пользуются и журналы, какъ изданія, которыя въ нашъ вѣкъ соединяютъ въ себѣ по нѣкоторымъ частямъ все существенное, что относится къ современному движенію науки, напримѣръ, по части естествоиспытанія. Изъ рѣдкихъ книгъ многія куплены самимъ почтеннымъ библіотекаремъ частію на стокгольмскихъ аукціонахъ, частію на мѣстахъ, куда онъ нарочно для того ѣздилъ, и между прочимъ въ Парижѣ. Въ русскомъ шкафѣ показывалъ онъ мнѣ книгу, недавно пріобрѣтенную имъ, также на аукціонѣ: это было собраніе молитвъ вмѣстѣ съ Евангеліемъ, на церковно-славянскомъ языкѣ, напечатанное въ Кіево-Печерской Лаврѣ при патріархѣ Адріанѣ (въ 1692 году). На корешкѣ была по-шведски надпись: *Новый завѣтъ на русскомъ языкѣ* (Nya testamentet på ryska), а внутри противъ заглавій значеніе ихъ было на поляхъ написано по-нѣмецки стариннымъ почеркомъ. Я очень радъ былъ случаю, который доставилъ мнѣ возможность объяснить внимательному библіотекарю настоящее содержаніе этой книги, мѣсто и время ея напечатанія. Это замѣчаніе нисколько не можетъ послужить ему въ укоризну: несправедливо было бы требовать отъ шведскаго библіофила, чтобъ онъ умѣлъ разбирать даже и церковное наше письмо,

на которомъ, какъ извѣстно, и числа означаются буквами. Рядомъ съ этою книгою стояла Острожская библія, напечатанная въ 1581 году. Русскихъ старинныхъ рукописей, находящихся здѣсь, я не имѣлъ времени пересмотрѣть внимательно, а заняться этимъ поверхностно не хотѣлъ. Такое дѣло требовало бы особенной поѣздки въ Упсалу на болѣе продолжительное время.

Веденіе каталога устроенно г. Скредеромъ и просто и удобно. Такъ какъ книги стоятъ по разрядамъ наукъ и ихъ отдѣламъ, то онъ считаетъ излишнимъ такъ называемый *систематическій* или *реальный* каталогъ: для обозрѣнія всего, что есть въ библіотекѣ по какой-нибудь части, стòитъ только подойти къ тому или другому шкафу. Слѣдовательно, нуженъ только *алфавитный* каталогъ. Для составленія его наготовлено множество бѣлой бумаги, разрѣзанной на четвертки, изъ которыхъ по одной назначено для имени каждаго автора. Эти четвертки раскладываются по алфавиту на особыхъ полкахъ. По мѣрѣ накопленія онѣ переплетаются, такъ что каталогъ состоитъ изъ многихъ толстыхъ тетрадей или книгъ, заключающихъ въ себѣ то по одной, то по нѣскольку буквъ. По истеченіи каждаго учебнаго полугодія, тетради эти, въ случаѣ надобности, отдаются переплетчику для присоединенія къ нимъ тѣхъ новыхъ четвертокъ, которыя въ продолженіе времени накопились. Надобно согласиться, что этою методою избѣгается много лишняго труда; нѣсколько болѣе работы достается только переплетчику, но это, конечно, не разоритъ университетскаго казначейства.

Въ одной изъ длинныхъ залъ библіотеки (подобныхъ широкимъ корридорамъ), въ углубленіяхъ оконъ, стоятъ двѣ конторки, гдѣ подъ стеклянною крышкою собрано нѣсколько рукописныхъ драгоцѣнностей; вѣроятно, это сдѣлано для предохраненія ихъ отъ неминуемыхъ послѣдствій слишкомъ частаго прикосновенія къ нимъ любопытныхъ. Разумѣется, что манускрипты лежатъ тутъ развернутые, такъ что сквозь стекло всякій можетъ видѣть въ нихъ по двѣ страницы. Между этими библіографическими сокровищами первое мѣсто занимаетъ знаменитый въ цѣлой Европѣ *Codex Argenteus* (Серебряная книга), который не разъ былъ единственною цѣлью посѣщенія Упсалы, особливо для британскихъ оригиналовъ. Объ этой рукописи ужъ столько было говорено путешественниками, что я не знаю, описывать ли ее. Для полноты разсказа замѣчу только, что это готскій переводъ четырехъ Евангелій, сдѣланный въ четвертомъ вѣкѣ епископомъ Ульфилою для мезо-готовъ; онъ написанъ золотыми и серебряными буквами на пергаментѣ пурпурнаго цвѣта и переплетенъ въ серебряный переплетъ, на которомъ изображены разныя эмблемы. Рядомъ съ нимъ лежитъ латинская библія, принадлежавшая нѣмецкому императору Генриху III. Въ другой конторкѣ хранятся: собственноручный дневникъ несчастнаго короля Эрика XIV (за 1566 годъ); дневникъ Карла XI (1686); наконецъ, двѣ тетради, писанныя Сведенборгомъ и Линнеемъ.

Въ рабочей комнатѣ библіотекаря висятъ потреты четырехъ изъ его предшественниковъ. Въ этомъ выражается прекрасная черта въ быту шведскихъ университетовъ: они чрезвычайно дорожатъ памятью людей, которые въ свое время приносили имъ честь и пользу; обыкновеннымъ украшеніемъ академическихъ залъ служатъ здѣсь портреты разныхъ, частью умершихъ, частью еще живыхъ членовъ ученаго сословія. Въ той же комнатѣ библіотекаря стоялъ небольшой, очень скромный письменный столъ съ устроенными надъ нимъ полочками. „Какъ ни простъ этотъ столъ, сказалъ г. Скредеръ, но онъ намъ особенно дòрогъ: онъ принадлежалъ нашему славному историку Гейеру: на немъ писалъ онъ „Svea Rikeslàfder (Сказанія Свейскаго государства). Когда въ началѣ нынѣшняго года Гейеръ скончался, я купилъ у его наслѣдниковъ эту драгоцѣнность, чтобъ она не попала въ частныя руки. Здѣсь ей настоящее мѣсто". Говоря о знаменитомъ своемъ товарищѣ, г. Скредеръ показалъ мнѣ также цѣлые ряды фоліантовъ, составившихся изъ бумагъ, извлеченныхъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ изъ таинственныхъ ящиковъ Густава III, которые по волѣ короля оставались замкнутыми 50 лѣтъ со времени его смерти. Извѣстно, что, когда этотъ срокъ кончился, то Гейеру поручено было разобрать лежавшія въ ящикахъ бумаги; онъ занимался этимъ въ самой библіотекѣ, и такимъ образомъ съ нею соединилось новое о немъ воспоминаніе. Плодомъ трудовъ Гейера надъ этими актами были три небольшіе тома, изданные имъ подъ заглавіемъ: „Бумаги Густава".

Я не долженъ забыть упомянуть о тоненькой, но красиво переплетенной книжечкѣ, которую г. Скредеръ въ одномъ мѣстѣ снялъ съ полки и развернулъ передо мною съ истинно отеческимъ чувствомъ. Это былъ хронологическій списокъ всѣхъ бывшихъ одинъ за другимъ ректорами университета, изданный почтеннымъ профессоромъ во время исправленія имъ этой должности (онъ былъ ректоромъ нѣсколько разъ) и, чтò всего любопытнѣе, этотъ списокъ напечатанъ на *пергаментѣ!* Передъ уходомъ изъ послѣдней залы г. Скредеръ показалъ мнѣ множество старыхъ томовъ, разложенныхъ по столамъ и окнамъ; онъ только-что купилъ ихъ на аукціонѣ и еще не успѣлъ размѣстить по шкафамъ; ему весело было видѣть эти книги еще всѣ вмѣстѣ, какъ одну неразрозненную семью, и онъ, окинувъ ихъ прощальнымъ взглядомъ, съ особенною нѣжностью назвалъ ихъ „своими сокровищами". Всякую дверь, послѣ прохода черезъ нее, онъ самъ замыкалъ съ величайшею тщательностію, для чего имѣлъ въ карманѣ цѣлый пукъ большихъ ключей въ кожаномъ мѣшкѣ.

Наконецъ мы вышли въ сѣни. Широкая, величественная лѣстница украшена бюстами троихъ изъ царственныхъ благодѣтелей университета, именно: Густава Адольфа, положившаго первое основаніе обогащенію библіотеки множествомъ подаренныхъ ей книгъ, частію взя-

тыхъ шведами въ Германіи и въ Лифляндіи, Карла X, даровавшаго университету статуты, и Карла XIV Іоанна, строителя нынѣшняго зданія библіотеки. Въ 1819 году самъ король положилъ первый камень его, а впослѣдствіи прислалъ свой бюстъ. Домъ библіотеки формою своею образуетъ какъ-бы букву Т, которой верхняя черта служитъ фасадомъ, а ножка составляетъ пристройку сзади. Возвышающійся надъ горою фасадъ обращенъ къ главной упсальской улицѣ, называемой Королевиною (Drottninggatan) и пересѣкающей почти подъ прямымъ угломъ рѣку Фюрисъ, черезъ которую тутъ проведенъ мостъ. Въ верхнемъ этажѣ зданія устроена обширная парадная зала съ колоннами, гдѣ у одной изъ стѣнъ стоитъ еще бюстъ Карла XIV Іоанна. Каково это изваяніе—сказать не могу, потому что оно покрыто чахломъ. Самая зала еще не кончена; до сихъ поръ она употребляется только на концерты. Въ то время, когда я ее осматривалъ, было тутъ нѣсколько пріѣзжихъ музыкантовъ, собравшихся на репетицію. На бѣду распорядитель ихъ, при входѣ съ подъѣзда, забылъ замкнуть за собою дверь; ученый пріятель нашъ, образецъ аккуратности, не могъ не замѣтить этого — и досталось же бѣдному виртуозу, котораго вспыльчивый профессоръ отдѣлалъ при мнѣ не на шутку. Въ этой же залѣ, года три тому назадъ, жили и пировали копенгагенскіе студенты, пріѣхавшіе къ упсальскимъ въ отплату сдѣланнаго имъ прежде визита. Я не знаю, слышалъ ли ты объ этихъ взаимныхъ студентскихъ посѣщеніяхъ, порожденныхъ въ наше время энтузіазмомъ скандинавоманіи. Цѣлыя сотни шведскихъ студентовъ приняты были жителями Копенгагена, какъ братья, нѣсколько сутокъ получали тамъ безплатно квартиру и содержаніе, отчасти даже товары въ лавкахъ, даромъ наслаждались всѣми удовольствіями; короче пользовались всеобщимъ вниманіемъ, ласками и почестями, какъ самые дорогіе гости. Подобнымъ же пріемомъ было воздано потомъ и копенгагенскимъ студентамъ въ Упсалѣ. Теперь и тѣ и другіе собираются посѣтить своихъ норвежскихъ братьевъ въ Христіаніи, о чемъ я въ первый разъ услышалъ отъ одного содержателя станціи внутри Швеціи — большого политика и говоруна.

Библіотека бываетъ открыта для посѣтителей ежедневно отъ двѣнадцати часовъ до часу. По множеству превосходныхъ и рѣдкихъ сочиненій Упсальская библіотека, конечно, можетъ назваться одною изъ богатѣйшихъ въ Европѣ. Я старался познакомить тебя покороче и съ личностію профессора Скредера. Вѣроятно, мы еще и въ слѣдующихъ моихъ письмахъ будемъ встрѣчаться съ добрымъ и любезнымъ префектомъ библіотеки, особливо если выйдемъ на улицу въ часъ пополудни, когда онъ каждый день регулярно отправляется обѣдать въ трактиръ Эстербергъ, гдѣ въ отдѣльной комнатѣ накрывается столъ для нѣкоторыхъ изъ безсемейныхъ академиковъ, которыхъ здѣсь очень много.

3.

Студенты.

Ты просилъ меня описывать тебѣ предметы съ полнотою и обстоятельно. Поэтому я рѣшился, безъ особенныхъ причинъ, ничего существеннаго въ моихъ листкахъ не пропускать. Въ самомъ дѣлѣ, кто изъ насъ при чтеніи не замѣчалъ, какъ важны подробности для яснаго уразумѣнія и для удержанія въ памяти того, что намъ изображаютъ? Это напоминаетъ мнѣ замѣчаніе, слышанное мною въ дорогѣ отъ пастора Д., того любезнаго и умнаго шведа, съ которымъ я изъ Стокгольма отправился на одномъ пароходѣ во внутренность края. Онъ говорилъ мнѣ, что его учитель въ старину всего болѣе наказывалъ ему никогда не читать извлеченій или книгъ, написанныхъ въ сокращенномъ видѣ, а всегда выбирать сочиненія подробныя и пространныя. Въ этомъ совѣтѣ много истины: такъ называемые компендіи требуютъ большого напряженія вниманія, но, будучи лишены жизни и интересу, не запечатлѣваются ни въ памяти, ни въ умѣ: употребленное на нихъ время бываетъ почти потеряно. Напротивъ, описаніе, обнимающее предметъ со всѣхъ сторонъ, непримѣтно для насъ самихъ, дѣлаетъ его знакомымъ намъ и близкимъ, и впечатлѣніе, такимъ образомъ пріобрѣтенное, никогда уже не можетъ изгладиться. Заставлять дѣтей учиться по однимъ сокращеннымъ, сухимъ курсамъ — большая ошибка. Д. можетъ похвалиться обширными знаніями, а онъ съ молодости всегда слѣдовалъ совѣту своего ментора.

Передъ фасадомъ библіотеки, вправо отъ нея, идетъ широкая аллея, усаженная деревьями въ нѣсколько рядовъ, и по сторонамъ ея стоятъ зеленыя скамейки. Это мѣсто называется *Одиновою рощею* (Odenslund) и служитъ для прогулки; особенно посѣщается оно студентами. Оно устроено какимъ-то пасторомъ и такъ какъ онъ кромѣ этого не произвелъ ничего безсмертнаго, то аллея названа въ шутку „полными его твореніями (opera omnia)“. Столкнувшись здѣсь со студентами, поговоримъ о ихъ бытѣ, учрежденіяхъ и правахъ.

Чтобы смотрѣть на академическую жизнь у шведовъ съ настоящей точки зрѣнія, надобно имѣть въ виду тотъ особенный характеръ, который самая исторія сообщила ихъ университетамъ. Можетъ быть, рука времени нигдѣ такъ мало не прикасалась къ этимъ учрежденіямъ, какъ именно въ Швеціи. Поэтому мы никакъ не должны примѣнять къ тамошнимъ университетамъ тѣхъ основаній, по которымъ судимъ о подобныхъ заведеніяхъ, возникшихъ въ ближайшія къ намъ столѣтія. Впрочемъ, по сравненію съ южною Европою, Швеція поздно пріобрѣла первый разсадникъ учености. Не забудемъ, что въ Парижѣ и въ нѣкоторыхъ городахъ Италіи университеты существовали уже

въ 12 вѣкѣ, и что признаніе такого учрежденія со стороны свѣтской власти въ первый разъ послѣдовало въ тотъ горестный для насъ годъ, когда надъ Россіею взошла туча, погасившая на два съ половиною вѣка едва загоравшуюся здѣсь зарю просвѣщенія: въ 1224 году нѣмецкій императоръ Фридрихъ II утвердилъ существованіе университета въ Неаполѣ. Не прежде, какъ черезъ 250 лѣтъ послѣ того, настала для Швеціи эпоха подобнаго же благодѣянія: въ Упсалѣ учреждался университетъ въ то самое время, когда Россія только-что готовилась свергнуть съ себя иго монгольскаго владычества, именно въ 1476 году. При основаніи своемъ получилъ онъ отъ папы тѣ же привилегіи, какъ университеты Болонскій и Парижскій.

Здѣшніе студенты раздѣляются по областямъ, откуда они родомъ, или гдѣ получили предварительное воспитаніе, на такъ называемыя *націи*. По первоначальной цѣли нѣмецкія ландсманшафты были то же самое, но они въ теченіе времени совершенно измѣнили свой характеръ, сдѣлавшись преимущественно обществами для попоекъ, дуэлей и всякихъ безпорядковъ. Шведскія націи, напротивъ того, сохранили свое первобытное назначеніе: оно состоитъ въ томъ, чтобы посредствомъ раздробленія на отдѣлы облегчить студентамъ какъ управленіе ихъ экономическими дѣлами, такъ и стремленіе соединенными силами къ главной цѣли ихъ пребыванія при университетѣ. Члены каждой *націи* должны взаимно помогать другъ другу совѣтами, примѣромъ, денежными средствами. У каждой своя особая касса и своя библіотека, и два изъ числа студентовъ—избираемые кураторы, изъ которыхъ одинъ завѣдываетъ финансами, а другой всѣми остальными предметами. Высшій надзоръ по дѣламъ націи ввѣренъ инспектору, избираемому ею между профессорами одного съ нею происхожденія; къ нему, въ случаѣ надобности, молодые земляки его прибѣгаютъ за совѣтами и помощію. Всѣ знакомые съ бытомъ шведскихъ университетовъ согласны въ томъ, что учрежденіе націи чрезвычайно благодѣтельно, поддерживая между студентами духъ благороднаго честолюбія, не позволяющаго имъ терпѣть въ своемъ кругу ничего унизительнаго или постыднаго. Съ другой стороны, недостаточные студенты, безъ этого учрежденія, часто не могли бы существовать при университетѣ. Къ націи принадлежатъ, сверхъ входящихъ въ составъ ея студентовъ, еще *почетные члены*, обыкновенно профессора и другія при университетѣ состоящія лица, родомъ изъ той же провинціи, которой имя она носитъ.

Всѣхъ студентовъ въ Упсалѣ бываетъ на лицо отъ 800 до 900. Они раздѣляются на 14 націй. У каждой есть свое особое помѣщеніе: прежде для этого служили наемныя квартиры (nations-sal), теперь не осталось почти ни одной націи, у которой не было бы собственнаго дома (nations-hus). Для пріобрѣтенія его члены складываются, а если

не достаетъ своихъ средствъ, то дополняютъ ихъ займомъ денегъ у людей, которые, имѣя въ націи дѣтей или родственниковъ, принимаютъ въ дѣлахъ ея участіе. Г. Скредеръ водилъ меня по домамъ многихъ націй. Это, по большой части, двухъэтажныя каменныя строенія, почти всѣ находящіяся въ одной сторонѣ города отъ того, что мѣста для нихъ куплены послѣ одного изъ бывшихъ пожаровъ. Въ этихъ домахъ націи собираются для чтенія студентскихъ сочиненій, для произнесенія рѣчей, для совѣщанія по дѣламъ, относящимся къ дисциплинѣ или къ экономіи. Тутъ обыкновенно бываютъ: просторная зала съ каѳедрою, комната для чтенія газетъ, библіотека, гимнастическая зала и садъ; иногда между мебелью стоитъ фортепіано, которое какъ ни скромно, однакожъ свидѣтельствуетъ о нѣкоторой потребности въ эстетическихъ наслажденіяхъ. Въ особыхъ комнатахъ живутъ кураторы, а иногда и завѣдывающій библіотекой (Ammanuens); во многихъ домахъ есть небольшія квартирки, отдаваемыя въ наемъ студентамъ.

Главное убранство залъ составляютъ портреты тѣхъ изъ членовъ націи, которыми она въ какомъ бы ни было отношеніи можетъ гордиться. Сюда принадлежатъ наиболѣе уважаемые профессора, прежніе и нынѣшніе, епископы, сановники и даже короли, напримѣръ: Берцеліусъ (остготландецъ), Линней (смоландецъ), Сведенборгъ (вестманландецъ), графъ Браге (смоландецъ), Густавъ II Адольфъ (вестманландецъ), Карлъ X (зюдерманландецъ) и проч. Часто стѣны унизаны цѣлыми портретами, которые тянутся одни надъ другими; иногда висятъ они даже на лѣстницѣ. Особенно богата въ этомъ отношеніи вестманландо-далекарлійская нація (Westmanlands- och Dala-nation), которой зала отдѣлана въ античномъ вкусѣ на иждивеніе инспектора ея, профессора Фалькранца, извѣстнаго любителя художествъ и древностей. Эта нація изъ самыхъ многочисленныхъ: она заключаетъ въ себѣ обыкновенно около 120 человѣкъ. На ряду съ нею, по количеству студентовъ, стоитъ остготская нація. Всѣхъ менѣе смоландская, въ которой считается только человѣкъ 50; изъ столькихъ же членовъ состоитъ она и въ Лундскомъ университетѣ, который ближе отъ ея области. Городъ Лундъ лежитъ въ самой южной провинціи Швеціи, именно въ Сконіи; тамошніе уроженцы почти совсѣмъ не посѣщаютъ Упсалы; ихъ здѣсь всего человѣка четыре, которые разумѣется не составляютъ особой націи, а причислены къ другимъ.

Библіотеки нѣкоторыхъ націй очень богаты, и ими пользуются даже профессоры; мѣстами видѣлъ я печатные каталоги и встрѣчалъ рѣдкія книги. Въ вестманландской библіотекѣ, показавъ мнѣ нѣмецкій переводъ Гейеровой Исторіи Швеціи, г. Скредеръ разсказалъ мнѣ слѣдующее. Когда въ 1838 году былъ здѣсь Государь Наслѣдникъ, то Гейеръ рѣшился поднести Его Высочеству экземпляръ этого перевода;

но такъ какъ у него собственнаго экземпляра не было, а терять времени нельзя было, то онъ поспѣшилъ въ эту библіотеку, взялъ книгу съ полки и съ нею представился къ Великому Князю, который удостоилъ наградить его такъ же, какъ и тогдашняго ректора — самого г. Скредера — брилліантовымъ перстнемъ. Гейеръ послѣ выписалъ новый экземпляръ своей Исторіи на нѣмецкомъ языкѣ; потому-то онъ и отличается переплетомъ отъ Гереновой коллекціи частныхъ Исторій, съ которою составляетъ одно цѣлое.

Въ первомъ посѣщенномъ мною домѣ какой-то націи поразилъ меня особенно одинъ предметъ: это было большое знамя, покрытое чахломъ. Мнѣ развернули его: на чистѣйшемъ бѣломъ полѣ вышитъ былъ яркими шелками гербъ націи. Такія знамена составляютъ необходимую принадлежность націй: они употребляются въ торжественныхъ случаяхъ, напримѣръ на годичныхъ пиршествахъ, при встрѣчѣ особъ королевской фамиліи и т. п. Ихъ вышиваютъ дамы соотвѣтствующихъ провинцій, и часто означаютъ онѣ на гербѣ начальныя буквы своихъ именъ. Въ Швеціи замѣчательно прекрасное отношеніе, въ какомъ воспитывающееся поколѣніе находится къ тому полу, отъ котораго такъ много зависитъ всякое воспитаніе. Въ этомъ какъ-бы патріотическомъ отношеніи есть своего рода поэзія. Взоры соотечественницъ, съ участіемъ обращенные на молодыхъ людей, какъ на лучшую надежду государства, не могутъ оставаться безъ благотворнаго вліянія на нравы. Еще у норманновъ женщина пользовалась высокимъ уваженіемъ, принимала важное участіе въ общественной жизни, и хотя рыцарство, въ собственномъ смыслѣ, никогда не существовало въ Скандинавіи, однакожъ духъ его не былъ совершенно чуждъ воинственнымъ жителямъ. Слѣды этого донынѣ видны въ значеніи, какое женщина сохраняетъ въ обществѣ. При возведеніи студентовъ въ степень магистровъ дамы плетутъ имъ лавровые вѣнки. Но замѣчательна при этомъ разница, которая съ теченіемъ времени образовалась между Финляндіею и Швеціею: въ Упсалѣ для плетенія вѣнковъ избираются почтенныя дамы, а въ Гельсингфорсѣ, какъ ты самъ видѣлъ, молодыя дѣвицы, къ которымъ во время работы собираются подруги на помощь, а будущіе магистры приходятъ съ тѣмъ, чтобы облегчать имъ это занятіе любезностію и пѣснями. У каждой націи есть свой годичный праздникъ, обыкновенно справляемый либо въ день Мартына, либо въ одинъ изъ торжественныхъ дней королевской фамиліи. Къ такимъ пирамъ принадлежатъ старинные обряды и затѣи, попеременно придумываемые веселящимися. Такъ, въ нынѣшнемъ году весною на праздникѣ смоландской націи представлена была свадьба съ огромнымъ поѣздомъ; всѣ были верхомъ; роль невѣсты игралъ младшій и красивѣйшій студентъ, одѣтый въ какой-то бѣлый нарядъ и разукрашенный цвѣтами. Жена одного изъ профессоровъ, принадле-

жащаго къ этой націи, усердно участвовала въ приготовленіяхъ къ оригинальному пиру. 1 мая бываетъ общій студентскій праздникъ или такъ называемый карнавалъ, сопровождаемый шумными потѣхами разнаго рода.

Націи, какъ я сказалъ, соотвѣтствуютъ провинціямъ. Раздѣленіе Швеціи на провинціи въ правительственномъ быту болѣе не существуетъ, уступивъ мѣсто раздѣленію на губерніи (Län), но оно сохранилось въ народномъ обиходѣ и еще въ разныхъ названіяхъ, напримѣръ въ титулахъ принцевъ крови. Такъ какъ каждая изъ провинцій имѣла свою исторію, то отношенія между ними были въ старину враждебныя; взаимное озлобленіе ихъ переносилось и въ университетскія націи и даже обнаруживалось между профессорами. Между студентами оно не рѣдко производило жестокія драки одной націи съ другою, и профессоръ Аттербомъ разсказывалъ мнѣ, какъ онъ, бывъ студентомъ, долженъ былъ однажды вмѣстѣ съ товарищами готовиться къ такому генеральному сраженію; по миролюбивому характеру своему онъ чувствовалъ большое отвращеніе къ подобнымъ подвигамъ, но принужденъ былъ, какъ говорится, faire bonne mine à mauvais jeu; къ счастію начальство провѣдало о затѣваемой войнѣ и отклонило ее. Не менѣе жаркія битвы (иногда съ помощію дубинъ) происходили, даже еще въ недавнее время, между студентами и подмастерьями (gesäller); цехъ послѣднихъ всегда бываетъ естественнымъ врагомъ учащихся корпорацій (студентовъ и гимназистовъ). Случаются и нынѣ частныя стычки между молодыми людьми университета, но не надобно думать, будто это что-нибудь въ родѣ дуэлей: въ Швецію никогда не проникала эта язва германскихъ университетовъ. Студенты, принадлежащіе къ двумъ значительнѣйшимъ городамъ Швеціи, образуютъ двѣ особыя націи: стокгольмскую и готенбургскую. Домъ стокгольмской еще не совсѣмъ былъ готовъ; онъ обойдется въ 20,000 риксдал. слишкомъ. Нѣкогда были еще особенныя націи для студентовъ изъ Лифляндіи, Германіи и Лапландіи (вѣрно предки лопарей были просвѣщенный народъ!).

Наши финскіе студенты осенью и зимой ходятъ по большей части въ шинеляхъ; въ Упсалѣ я на всѣхъ видѣлъ пальто. Правда, что въ Швеціи вообще мало употребительны шинели, но во всякомъ случаѣ упсальскіе студенты, кажется, довольно-таки податливы на приманки роскоши. Одинъ изъ профессоровъ, человѣкъ впрочемъ еще не старый, говорилъ мнѣ, что онъ помнитъ время, когда здѣсь было всего 5 портныхъ и студенты носили платье изъ сермяги, а теперь портныхъ развелось до 20, которые ставятъ тонкое сукно и работаютъ въ долгъ. Съ другой стороны, новѣйшая утонченность произвела и доброе дѣйствіе: нынче господа студенты менѣе прежняго падки къ горячимъ напиткамъ. Я шелъ съ г. Скредеромъ мимо скромной кофейни; въ

нижнемъ этажѣ сквозь окно видно было нѣсколько студентовъ за чаемъ. Содержатель этой кофейни, по вызову университетскаго начальства, обязался вовсе не продавать водки, а держать только чай, кофе, шоколадъ и пирожное. Это нововведеніе принялось очень хорошо, и учредитель благодѣтельнаго заведенія не имѣлъ причины раскаяваться въ своемъ предпріятіи. Разсказывая это, профессоръ указалъ мнѣ на перекресткѣ два дома, въ которыхъ прежде были трактиры и потреблялись между прочимъ менѣе невинные товары: эти два мѣста считались столь опасными для проходящихъ, что въ шутку названы были Сциллою и Харибдой. Къ счастью, страсть къ водкѣ въ послѣднее время и сама собою выводится. Зато явилось другое зло, котораго прежде не знали,—куреніе сигаръ. Употребленіе ихъ въ сильной мѣрѣ распространено по Швеціи даже въ возрастающемъ поколѣніи: не только большая часть студентовъ, но и множество молоденькихъ гимназистовъ, у которыхъ еще и пушокъ на губахъ не успѣлъ пробиться, находятъ, что существованіе человѣческое не полно безъ сигары во рту. Часто я видѣлъ, какъ этакіе полудѣти съ самодовольнымъ видомъ и перенятыми у старшихъ пріемами пускали сквозь зубы дымъ или входили въ табачную лавку, чтобы набить себѣ карманъ наркотическимъ товаромъ.

4.

Рудники въ Даннеморѣ.

Въ послѣднихъ двухъ письмахъ я столько наговорилъ тебѣ о книгахъ и студентахъ, что ты можетъ быть уже бранишь меня за однообразіе моихъ разсказовъ и ожидаешь услышать опять что-нибудь по этой *ученой матеріи*. Если такъ, то ты ошибаешься. Сегодня мы должны забыть, что есть на свѣтѣ библіотеки и университеты, вырваться изъ этой пыльной атмосферы и, жадно впивая въ себя чистый воздухъ полей, пуститься въ мѣста, гдѣ совершенно другой міръ и другая жизнь.

По примѣру большей части посѣтителей Упсалы я рѣшился съѣздить отсюда къ извѣстнымъ въ цѣлой Европѣ желѣзнымъ рудникамъ *Даннеморы:* отъ нихъ отдѣляло меня только разстояніе въ 40 верстъ съ небольшимъ. Кто-то совѣтовалъ мнѣ нанять лошадь, которая довезла бы меня до самаго мѣста. Для этого пошелъ я на городскую станцію; смотритель подводчиковъ (родъ старосты, hällkarl) въ избѣ потчевалъ своихъ пріятелей водкой, уже успѣвшей разрумянить грубыя лица ихъ: эта сцена такъ часто встрѣчалась мнѣ на шведскихъ станціяхъ, что уже не могла поразить меня. На вопросъ мой: можно ли завтра получить лошадь и одноколку, чтобы съѣздить въ Даннемору и обратно, полупьяный староста предложилъ мнѣ такія невы-

годныя условія, что я предпочелъ отправиться обыкновеннымъ порядкомъ, т. е., говоря по нашему, *на почтовыхъ*, и заказалъ лошадь съ телѣжкой (раткой) къ 6 часу слѣдующаго утра.

Не многаго ожидая отъ погоды, почти постоянно дурной, и не слишкомъ полагаясь на аккуратность станціоннаго гуляки, я поутру лежалъ еще въ постели, когда пришли мнѣ сказать, что лошадь уже у подъѣзда. Важно было не терять времени, чтобы поспѣть въ Даннемору къ 12 часамъ, когда тамъ съ трескомъ и громомъ взрываютъ руду. Погода была холодная, но ясная; весело было видѣть осеннее солнце, и подводчикъ не долго ждалъ меня. Это былъ молодой парень лѣтъ семнадцати; онъ былъ разговорчивъ и, какъ постоянный житель Упсалы, могъ по нѣкоторымъ предметамъ удовлетворить моему любопытству. Вотъ тутъ я по-неволѣ долженъ отступить отъ моего обѣщанія и записать то, что онъ сказалъ мнѣ объ упсальскихъ студентахъ. Они на улицахъ часто шумятъ и буйствуютъ; зимой, по вечерамъ, бѣда иногда крестьянину, который, спокойно ѣдучи въ длинныхъ саняхъ своихъ, встрѣтитъ шайку студентовъ. Они овладѣваютъ санями, садятся или прицѣпляются къ нимъ въ такомъ числѣ, какое только можетъ помѣститься, начинаютъ гнать лошадь во весь опоръ и мчатся такимъ образомъ изъ улицы въ улицу; всѣ школьники, которые попадутся имъ на встрѣчу, имѣютъ право присоединяться къ поѣзду. Бургомистръ и фискалъ пробовали останавливать эти шалости, но тогда онѣ еще усиливались, и блюстителямъ порядка, за строгость ихъ, приходилось иногда взлетать на воздухъ изъ рукъ молодыхъ безумцевъ. Неученый мой спутникъ не понималъ, какое удовольствіе люди, обучающіеся всякимъ наукамъ, могутъ находить въ такихъ дикихъ проказахъ.

Мы ѣхали къ сѣверу; со всѣхъ сторонъ разстилалась равнина. Въ 5 верстахъ отъ города по этой дорогѣ стоитъ небольшая церковь — одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ скандинавской старины: здѣсь была первоначальная Упсала, жилище Одина; теперь тутъ только деревушка — *Старая Упсала*, какъ ее называютъ. Я остановился здѣсь, чтобы осмотрѣть примѣчательности этого мѣста, но такъ какъ я спѣшилъ и на обратномъ пути пробылъ здѣсь долѣе, то мы и теперь не будемъ здѣсь медлить, а подождемъ возвращенія изъ Даннеморы. Не стану также распространяться о желѣзномъ заводѣ *Ватгольмъ* и за̀мкѣ *Сальста*, принадлежащихъ фамиліи Браге и остающихся влѣво отъ дороги. Ѣзда между Упсалою и Даннемороͅю, какъ часто бываетъ въ Швеціи, замедляется множествомъ такъ называемыхъ жердевыхъ воротъ (grindar), устроенныхъ въ изгородяхъ, которыя отдѣляютъ два разныя хозяйства и должны удерживать скотъ отъ перехода на чужую землю. Обыкновенно у такихъ воротъ стоитъ мальчишка или дѣвочка, которые съ низкимъ поклономъ отво-

ряютъ ихъ проѣзжему и за трудъ привыкли получать денежку или полушку; иногда дѣти эти завидятъ изъ дому или съ поля ѣдущій экипажъ, пускаются издалека къ воротамъ, бѣгутъ за лошадью или рядомъ съ нею, и иногда поспѣваютъ къ вожделѣнной цѣли совсѣмъ запыхавшись, едва стоя на ногахъ отъ усталости. Часто они, держась за повозку сзади, перебѣгаютъ отъ однихъ воротъ до другихъ и отъ другихъ до третьихъ. Всего хуже, когда не случится такихъ маленькихъ промышленниковъ, и подводчикъ долженъ у каждыхъ воротъ слѣзать съ своего мѣста, передавая возжи въ руки самого сѣдока. Иногда ворота на такомъ маломъ разстояніи одни отъ другихъ, что онъ, отворивъ первые, ужъ и не садится до слѣдующихъ, а бѣжитъ возлѣ лошади.

За нѣсколько верстъ до Даннеморы, у самой дороги, разбросано нѣсколько низенькихъ каменныхъ строеній, выкрашенныхъ бѣлою краской: это скотный дворъ и конюшни барона Тамма, одного изъ богатѣйшихъ заводчиковъ, поселившихся въ здѣшнихъ окрестностяхъ. Далѣе видишь съ лѣвой стороны одно изъ озеръ, окружающихъ рудники. Потомъ дорога пересѣкается, саженяхъ въ полуторахъ отъ земли, двумя параллельными шестами, которые утверждены на другихъ перпендикулярныхъ шестахъ и вмѣстѣ съ ними продолжаются далеко въ обѣ стороны. Параллельные шесты состоятъ изъ множества отдѣловъ или звеньевъ, соединенныхъ между собой желѣзными кольцами и безпрестанно, хотя медленно, движутся впередъ. Эта живая система красныхъ шестовъ, съ движеніемъ, которому причины не видно, съ перваго взгляда производитъ на путешественника странное впечатлѣніе, и онъ въѣзжаетъ тутъ какъ-будто въ какіе-то ворота непонятнаго устройства.

Отъ близости озеръ, на днѣ рудниковъ скопляется вода; для выкачиванія ея подѣланы у стѣнъ этихъ огромныхъ ямъ насосы; они-то, находясь въ связи съ описанною машиною, дѣйствуютъ посредствомъ ея, а она сама приводится въ движеніе водопадомъ, надъ которымъ устроено колесо, — въ 2.500 футахъ отъ рудниковъ. Эта машина существуетъ тутъ уже съ исхода 17 вѣка.

Тихая ѣзда, которой остановки на станціяхъ и плохія лошади не могли ускорить, отнимала у меня надежду во-время поспѣть въ Даннемору; къ счастію однакожъ я прибылъ туда въ ту самую минуту, когда на тамошнихъ часахъ било двѣнадцать. Путешественникъ, ожидающій найти здѣсь горы, не можетъ не удивляться, когда вмѣсто ихъ увидитъ продолженіе той же плоскости, по которой онъ ѣхалъ. Его окружаютъ обширныя, глубокія ямы, а на краю ихъ мѣстами лежатъ то кучи руды темно-сизаго цвѣта, то груды угля. Въ сторонѣ видно строеніе, гдѣ живетъ инспекторъ рудниковъ; въ другомъ кузница, гдѣ дѣлаютъ и точатъ ломы и бурава, употребляемые для отдѣленія руды; для этой-

то кузницы и назначенъ складываемый здѣсь уголь. Кое-гдѣ шевелились работники; одинъ изъ нихъ, мальчикъ лѣтъ пятнадцати, Густавъ Лаубе, согласился быть моимъ проводникомъ и сказалъ, что сейчасъ начнутся взрывы.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ надъ ямами выдаются съ края ихъ деревянныя машины, необходимыя для спуска людей въ рудники и подъёма ихъ оттуда. Я сталъ у одной изъ такихъ машинъ и посмотрѣлъ внизъ: какой необыкновенный видъ поразилъ меня! Представь себѣ длинное, саженъ въ 40, неправильное отверстіе на поверхности земли, которое составляетъ устье страшной пропасти, глубиною доходящей мѣстами до 80 саженъ. Тутъ собственно соединено нѣсколько рудниковъ или ямъ неравной глубины и имѣющихъ разныя названія. Угловатыя стѣны ихъ представляютъ самое разнообразное очертаніе— уступы, углубленія, навѣсы, пещеры, ущелья.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ край пропасти, для предупрежденія обваловъ земли, укрѣпленъ гранитными плотинами; мѣстахъ въ двухъ висятъ по гладкой стѣнѣ длинныя лѣстницы, по которымъ можно, безъ помощи чановъ, спускаться до перваго уступа. Но всего интереснѣе смотрѣть на дно ямы: движущіеся тамъ люди кажутся насѣкомыми, которыхъ ни образа, ни цвѣта нельзя разглядѣть.

Камень въ разныхъ пунктахъ уже былъ просверленъ; оставалось только набить отверстіе порохомъ и вложить туда фитиль. Съ площадки, гдѣ я стоялъ, прислонясь къ машинѣ, ясно было видно, какъ тотъ или другой изъ рудокоповъ по временамъ подходилъ то тутъ, то тамъ къ стѣнѣ и черезъ нѣсколько секундъ поспѣшно удалялся подъ досчатый заслонъ, чтобы защититься отъ кусковъ руды, которые при взрывѣ должны были отдѣлиться отъ каменной массы. Величественно раздавался одинъ взрывъ за другимъ, иногда оставляя за собою продолжительное эхо. Между тѣмъ подобные же звуки, но глуше, долетали до меня и изъ другихъ рудниковъ. Глубокое молчаніе, которымъ смѣнялся каждый ударъ и сопровождалась видимая работа подземныхъ тружениковъ, придавало всей сценѣ какую-то таинственность, напоминая, какъ и въ мірѣ человѣческаго духа неслышно готовятся громкія дѣла то свѣта, то мрака.

Тяжело добываютъ здѣшніе рудокопы хлѣбъ свой; за гривенникъ или полтину, пріобрѣтаемые ими въ сутки, они безпрестанно подвергаютъ свою жизнь опасности; не смотря на соблюдаемыя предосторожности, взрывы часто бываютъ гибельны. Не безопасно также отправленіе людей въ рудники и возвращеніе оттуда, для чего употребляются небольшіе чаны или большія ведра, нѣсколько расширяющіяся кверху. Они прикрѣплены къ канату, который черезъ блокъ, утвержденный въ описанныхъ деревянныхъ выступахъ, протянутъ до шпиля, вращаемаго парою быковъ или лошадей: чанъ подымается со дна ямы

по мѣрѣ того, какъ канатъ навивается на шпиль. Такъ какъ при обратномъ движеніи или спускѣ вращеніе шпиля, по легкости чана, было бы слишкомъ быстро и, слѣдовательно, еще опаснѣе, то къ шпилю въ такомъ случаѣ прицѣпляется огромный деревянный валёкъ, который, волочась по землѣ, противодѣйствуетъ ходу животныхъ. Особенные работники, по большой части молодые, нанимаются для помощи при спускѣ чановъ и для пріема ихъ, когда они возвращаются. У нѣкоторыхъ рудниковъ чаны висятъ не на канатѣ, а на желѣзномъ прутѣ; но и тотъ и другой иногда порываются, и неминуемымъ слѣдствіемъ такого несчастія бываетъ гибель сидящаго въ чанѣ. Маленькая неосторожность при отдѣленіи чана отъ края земли или при его пріемѣ можетъ также стоить жизни.

Когда кончились взрывы, я видѣлъ спускъ чана; въ немъ стояло нѣсколько длинныхъ только-что подвостренныхъ, желѣзныхъ буравовъ; два рудокопа, вмѣсто того, чтобы сѣсть во внутренность, стали на верхній край его, и держась одною рукою за канатъ, начали преспокойно спускаться. Легко было замѣтить, что привычка отнимала у этихъ людей и малѣйшую мысль объ опасности. Назадъ чанъ воротился—наполненный отдѣленными обломками руды. Вмѣстѣ съ нею попадаются и разныя породы камня; нѣсколько разъ подходили ко мнѣ мальчики, предлагая небольшіе куски минераловъ, которые они называли кристало-зеркальнымъ камнемъ, каменными зубами, свинцовымъ блескомъ и азбестомъ. Я наполнилъ себѣ карманы обращиками этихъ ископаемыхъ.

Рудники Даннеморы славятся своимъ богатствомъ и превосходствомъ получаемаго изъ нихъ желѣза, которое считается лучшимъ въ Европѣ: на всемъ англійскомъ флотѣ нѣтъ другого желѣза, кромѣ здѣшняго. По всей вѣроятности, эти рудники разработывались уже въ 15-мъ столѣтіи; но настоящее развитіе этой промышленности относится ко времени Густава Вазы, который самъ имѣлъ долю въ производствѣ. Нынѣ оно находится въ рукахъ частной компаніи; главные изъ членовъ ея — владѣльцы имѣній и заводовъ въ окрестностяхъ Даннеморы: между ними одинъ, графъ Дегеръ (Degeer) считается богатѣйшимъ человѣкомъ въ Швеціи; предокъ его, родомъ изъ Голландіи, около половины 17-го вѣка купилъ у казны нѣкоторые изъ здѣшнихъ заводовъ; мѣстечко Лёвста до сихъ поръ осталось родовымъ владѣніемъ Дегеровъ; тутъ значительнѣйшій въ королевствѣ заводъ.

Всѣхъ рудниковъ въ Даннеморѣ 79; но нынѣ разработываются только 17. Жителей здѣсь, разумѣя весь околотокъ, до 1.300 человѣкъ; большая часть работниковъ живетъ не у самыхъ рудниковъ, а приходитъ сюда каждый день изъ мѣстъ, иногда довольно отдаленныхъ. Я желалъ спуститься въ самую глубокую яму, футовъ на 80 или 90, но мнѣ объявили, что съ нѣкоторыхъ поръ доступъ въ этотъ

рудникъ никому, кромѣ работниковъ, не позволенъ, потому что спускъ въ него слишкомъ опасенъ. Въ замѣнъ того предлагали мнѣ посѣтить такъ называемый *машинный рудникъ* (machin grufva), который еще глубже (105 саж.), но гораздо тѣснѣе и притомъ снабженъ подземными ходами, такъ что въ немъ совершенно темно и спускаться туда нельзя безъ факеловъ. Онъ лежитъ въ лѣсу довольно далеко отъ прочихъ; подойдя къ нему, я увидѣлъ надъ нимъ перекладины, на которыя зимою накладываются доски, чтобы скопляющаяся въ немъ вода незамерзала; ниже торчали еще брусья, вдѣланныя для подкрѣпленія стѣнъ, которыя безъ того обваливаются. Видъ этой мрачной и сырой пропасти былъ такъ непривлекателенъ въ сравненіи съ главнымъ рудникомъ, что я вовсе не чувствовалъ охоты предпринять предлагаемое мнѣ подземное путешествіе. Итакъ, простившись съ моимъ проводникомъ, я отправился на заводъ Эстербю, принадлежащій барону Тамму. До этого мѣста надобно мнѣ было проѣхать всего $2^1/_2$ версты. Я нашелъ тутъ, посреди лѣса и рощей, очень порядочную гостиницу и группу каменныхъ строеній, образующихъ какъ-будто цѣлый городокъ, украшенный аллеями. Здѣсь соединены всѣ учрежденія, принадлежащія къ производству желѣза и стали, и сверхъ того мастерскія для разныхъ ремеслъ. Всѣхъ работниковъ считается тутъ до 600 человѣкъ: между ними есть еще потомки тѣхъ Валлоновъ, которые при жизни перваго Дегера выселились сюда изъ французской Фландріи; они и характеромъ и видомъ рѣзко отличаются отъ туземцевъ. Изъ Стокгольма имѣлъ я къ барону Тамму поклонъ и визитную карточку отъ нашего генеральнаго консула, А. А. Лавоніуса, и, пообѣдавъ въ трактирѣ, отправился въ домъ бывшаго владѣльца Эстербю, извѣстнаго своею образованностію; но къ сожалѣнію узналъ, что онъ уже нѣсколько дней въ отсутствіи, что онъ поѣхалъ посѣтить троихъ изъ своихъ сосѣдей и воротится не прежде завтрашняго дня. Пришедши назадъ въ трактиръ, сталъ я перелистывать альбомъ для пріѣзжихъ, поданный мнѣ хозяиномъ. Между шведскими, датскими, англійскими, французскими, русскими, финскими и латышскими замѣчаніями заняли меня особенно строки, написанныя двумя американцами, которые совѣтовали всякому путешественнику, по примѣру ихъ, непремѣнно спуститься въ одинъ изъ рудниковъ Даннеморы. Это возобновило во мнѣ прежнее желаніе: я не могъ простить себѣ, что не посѣтилъ хоть котораго-нибудь изъ нихъ, и потому рѣшился ѣхать туда еще разъ.

Добрый и услужливый хозяинъ досталъ мнѣ лошадь какого-то мельника и велѣлъ заложить собственную свою одноколку, покойный экипажъ на рессорахъ. Дюжій мельникъ, усѣвшись возлѣ меня, совѣстился, что онъ такъ *просто* одѣтъ, и очень опасался, что мы опоздаемъ въ Даннемору, гдѣ въ 5 часовъ всѣ работы кончаются. Однакожъ,

мы пріѣхали во-время: въ одномъ мѣстѣ быки еще не были уведены отъ шпиля, и я принялъ предложеніе спуститься въ *Дѣвичій рудникъ* (jungfrugrufva), котораго глубина простирается отъ 50 до 60 саженъ. Я сѣлъ въ чанъ — онъ былъ больше и чище употребляемыхъ рудокопами, — работникъ Августъ Боманъ, плотный дѣтина, сталъ на край его; бережно спихнули насъ съ площадки — уже я висѣлъ надъ страшною пропастію; вотъ двинулись быки, управляемые особымъ работникомъ, мы начали погружаться въ глубину. Что это чанъ покривился, задѣвъ за уголъ стѣны? Но Боманъ рукой уперся въ стѣну и чанъ опять пошелъ прямо. Становилось все темнѣе и темнѣе: яма расширялась къ низу; въ одномъ мѣстѣ было въ стѣнѣ широкое круглое отверстіе, сквозь которое, какъ въ окно, видна была внутренность смежнаго рудника. Въ другихъ мѣстахъ виднѣлось множество неправильныхъ углубленій, показывавшихъ, гдѣ въ разное время принимались доставать руду. Особенный, неизобразимо-чудный видъ того, что́ меня окружало, произвелъ на меня неизгладимое впечатлѣніе, которое въ душѣ не оставляло мѣста и для малѣйшаго страха. Все время разговаривалъ я съ своимъ смышленымъ спутникомъ или громкими криками пробуждалъ эхо, отличающее *Дѣвичій рудникъ* отъ прочихъ, такъ что на днѣ его веселыя общества иногда собираются пѣть хоромъ. Крики мои забавляли бывшихъ внизу рудокоповъ, для которыхъ посѣщеніе всякаго пріѣзжаго есть причина радости, потому что обычай требуетъ отъ него маленькихъ пожертвованій въ пользу всѣхъ, съ кѣмъ это путешествіе приводитъ его въ какое-нибудь соприкосновеніе. Вскорѣ я сталъ на днѣ рудника; двѣ мрачныя фигуры, шевелившіяся тамъ, подали мнѣ кусокъ руды и нѣсколько камешковъ; поговоривъ съ ними, я сѣлъ опять въ чанъ, и по знаку, данному крикомъ, мы начали подыматься. Рудокопы схватили особый привязанный къ чану канатъ и мало-по-малу выпускали его изъ рукъ, пока чанъ не повисъ совершенно перпендикулярно; тогда они предоставили насъ дѣйствію шпиля, вращаемаго быками. Вышедъ изъ чана, я ступилъ на землю не безъ особеннаго наслажденія и въ душѣ произнесъ благодареніе Богу за счастливое путешествіе. Расплатившись съ работниками и еще разъ обошедши главные рудники, сѣлъ я опять въ одноколку возлѣ добряка мельника, который нѣсколько разъ повторялъ улыбаясь, что онъ ни за какія деньги не согласился бы на такое путешествіе.

5.

Старая Упсала.

Извѣстно ли тебѣ, на какихъ основаніяхъ существуетъ шведская армія? Карлъ XI, въ исходѣ 17-го вѣка, освободивъ крестьянъ отъ рекрутскихъ наборовъ, обложилъ ихъ новою повинностью: они обяза-

лись постоянно содержать опредѣленное количество сухопутнаго и морского войска; всѣ солдаты *распредѣлены* были (indelta) по крестьянскимъ имѣніямъ (гейматамъ), съ тѣмъ, чтобы хозяева снабжали ихъ аммуниціею. По большей части два геймата вмѣстѣ содержатъ одного солдата, которому отводится участокъ земли съ домикомъ (торпъ): внутри Швеціи я часто видѣлъ, въ сторонѣ отъ дороги, такіе домики и узнавалъ ихъ назначеніе по надписи: *Soldat-torp*. Лѣтомъ въ извѣстный срокъ всѣ эти поселенные солдаты собираются въ одно мѣсто и въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль учатся воинскимъ пріемамъ. Это учрежденіе принадлежитъ исключительно Швеціи, и статистики цѣнятъ его чрезвычайно высоко. Впрочемъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, оно имѣетъ то неудобство, что солдатъ, пріучаясь къ пріятностямъ хозяйственнаго быта, становится менѣе воинственнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, ты помнишь, что̀ сказалъ Давыдовъ:

Нѣтъ, братцы, нѣтъ: полу-солдатъ
Тотъ, у кого есть печь съ лежанкой,
Жена, полдюжины ребятъ,
Да щи, да чарка съ запеканкой.

Другіе возражаютъ, что такой солдатъ еще усерднѣе будетъ сражаться, защищая то, что ему всего дороже на свѣтѣ, т. е. родной очагъ и семью. Какъ бы ни было, несомнѣнно, что система *распредѣленія* принесла Швеціи великую пользу и что тамъ поселенные солдаты составляютъ чуть-ли не самое счастливое сословіе.

Рѣчь объ этомъ завелъ я потому, что мельникъ, который везъ меня изъ Даннеморы, содержитъ у себя, какъ разсказывалъ онъ мнѣ, драгуна. Владѣльцы, обязанные ставить всадника съ лошадью, называются *Рустголлерами* (Rusthållare); они должны одѣвать своего постояльца и кормить лошадь; эта лошадь должна быть хороша; если же окажется противною, то владѣлецъ земли платитъ штрафъ. Порода шведскихъ лошадей вообще мелка; только въ самой южной провинціи, Сканіи (Сконіи), онѣ крупнѣе; поэтому ими запасаются либо оттуда, либо изъ Германіи; въ Стокгольмѣ много мекленбургскихъ лошадей. Мельникъ мой жаловался, что драгуна гораздо труднѣе содержать, нежели пѣшаго солдата: одна лошадь стоила ему болѣе 200 руб. сер. Онъ прибавилъ, что теперь крестьянскихъ имѣній, обязанныхъ ставить всадника, осталось очень мало; почти всѣ они перешли въ руки другихъ владѣльцевъ, особенно заводчиковъ.

Изъ Даннеморы я уже не поѣхалъ назадъ въ трактиръ Эстербю, а отправился прямо по большой дорогѣ, ведущей въ Упсалу. Мнѣ хотѣлось воротиться туда въ тотъ же вечеръ, чтобы въ слѣдующій день, 1 октября, присутствовать въ университетѣ на перекличкѣ студентовъ, только-что съѣхавшихся на осеннія лекціи. Однакожъ было

уже такъ поздно, что я, проѣхавъ двѣ станціи, рѣшился ночевать въ Андерсбю, въ 15 верстахъ отъ Упсалы. Мнѣ отвели здѣсь просторную комнату съ разными затѣйливыми картинками на стѣнахъ; все тутъ было порядочно и опрятно; въ 5 часовъ утра меня разбудили, напоили молокомъ и отправили далѣе.

Часовъ въ семь пріѣхалъ я въ деревушку *Старую Упсалу* и остановился передъ церковью, — по мнѣнію многихъ, драгоцѣннѣйшимъ памятникомъ скандинавской древности. Церковь эта, состоящая изъ нѣсколькихъ какъ-бы пристроенныхъ одинъ къ другому домиковъ и башенъ, очень не велика и вовсе не величественна; напротивъ, ее можно назвать уютною и скромною. Въ нынѣшнемъ видѣ она существуетъ съ католическихъ временъ, но въ составѣ ея есть остатки стѣнъ древняго языческаго храма, столь знаменитаго въ скандинавскихъ преданіяхъ. Этотъ храмъ построилъ здѣсь *Ингве Фрей*, внукъ или правнукъ Одина, который изъ Сигтуны перенесъ сюда, вмѣстѣ съ жертвоприношеніями, и столицу свою; отъ того онъ и называется первымъ упсальскимъ королемъ (drott). На содержаніе новаго великолѣпнаго храма назначилъ онъ особые дворы въ разныхъ мѣстахъ своего государства.

Объ этомъ храмѣ разсказывается много чудесъ. Стѣны его были изъ грубаго камня, но внутри обиты золочеными листами. Тамъ сидѣли рядомъ кумиры Одина, Тора и Фрея, и въ жертву этимъ богамъ народъ приносилъ пѣтуховъ, ястребовъ, собакъ, лошадей, а въ случаѣ тяжкихъ бѣдствій народныхъ, даже и людей, но только лишь мужчинъ, такъ какъ и изъ животныхъ употребляли на то однихъ самцевъ. Во время жертвоприношеній жрецы пѣли мрачныя пѣсни, и мертвыя тѣла, которыя оставались не съѣденными, были развѣшиваемы на деревьяхъ въ большой рощѣ, окружавшей храмъ. Рощу эту язычники почитали великою святыней, и иногда тамъ висѣло болѣе пятидесяти труповъ, особливо, когда черезъ каждыя девять лѣтъ производилось великое жертвоприношеніе, при которомъ закалываемо было по девяти самцевъ всѣхъ породъ животныхъ.

Въ Швеціи язычество сохранялось гораздо долѣе, нежели у насъ въ Россіи; тамъ поклоненіе богамъ находило сильную опору въ народномъ убѣжденіи и въ преданіяхъ, и окончательно христіанство утвердилось тамъ не прежде, какъ въ половинѣ 12-го вѣка. Если вѣрить нѣкоторымъ извѣстіямъ, одинъ изъ усерднѣйшихъ гонителей язычества, король Инге Старшій около 1085 года сжегъ упсальское капище; тогда же срублена была и окружавшая его священная роща. Нынѣшняя церковь окончена Эрикомъ Святымъ.

Я желалъ осмотрѣть ея внутренность. Шедшій домой клокарь (родъ пономаря) обѣщалъ мнѣ показать ее; черезъ нѣсколько минутъ явилась прекрасная дѣвушка, дочь его, съ ключами въ рукахъ и ввела

меня въ святилище. Оно внутри еще скуднѣе, нежели снаружи; показываемыя здѣсь древности не имѣютъ никакого художественнаго достоинства и самая подлинность ихъ сомнительна. Влѣво отъ двери стоятъ три статуи: епископа Ансгарія, короля Олава-Младенца и Богородицы, держащей на груди младенца съ яблокомъ въ рукахъ. Послѣднее изъ этихъ изваяній напомнило мнѣ другое, которое я видѣлъ въ Стокгольмѣ у англійскаго литератора Стивенса, и любопытное объясненіе, слышанное мною отъ него касательно яблока. Объ этомъ въ своемъ мѣстѣ; здѣсь упомяну въ немногихъ словахъ только о лицахъ, составляющихъ предметъ остальныхъ двухъ изображеній.

Ансгарій былъ первый проповѣдникъ христіанства въ Швеціи. Онъ родился во Франціи въ началѣ 9-го столѣтія и началъ свое духовное поприще званіемъ учителя въ Корбейскомъ монастырѣ; ту же должность исполнялъ онъ потомъ въ Вестфаліи. По вызову императора Людовика онъ отправился сперва въ Данію, а послѣ въ Швецію для проповѣдыванія Евангелія. Когда онъ приближался къ шведскому берегу, на него напали морскіе разбойники, и онъ лишился всего своего имущества, кромѣ Библіи и нѣкоторыхъ другихъ книгъ, съ которыми ему удалось достигнуть берега. Преодолѣвъ множество неимовѣрныхъ трудностей, прибылъ онъ въ городъ Бирку, лежавшій у озера Мелара, близъ древней Сигтуны. Жившій тутъ король Бьернъ принялъ его ласково и позволилъ ему распространять въ этомъ краѣ новое ученіе. Это было въ 829 году. Вскорѣ послѣ того императоръ Людовикъ, учредивъ архіепископство въ Гамбургѣ, назначилъ главою его Ансгарія; по этому случаю Ансгарій ѣздилъ въ Римъ и, при утвержденіи въ новой должности, назначенъ былъ папскимъ легатомъ у датчанъ и шведовъ. Между тѣмъ христіанскій приходъ, основанный имъ въ Биркѣ, былъ уничтоженъ шайкою язычниковъ. Чтобы возстановить его, Ансгарій во второй разъ посѣтилъ Швецію. Для рѣшенія вопроса о новой религіи король созвалъ народное вѣче. Тутъ какой-то старецъ сказалъ: „Выслушайте меня, Король и крестьяне! Многіе изъ васъ приняли утѣшеніе и помощь отъ Бога христіанъ, когда вамъ угрожало кораблекрушеніе и въ другихъ бѣдствіяхъ. Нѣкоторые ѣздили въ чужія земли и тамъ крестились. Теперь мы можемъ креститься дома; такъ позволимъ же служителямъ Бога жить между нами. Если насъ покинутъ собственные наши боги, намъ нужна будетъ милость новаго Бога“! Народъ одобрилъ эту рѣчь. Ансгарій получилъ позволеніе проповѣдывать свое ученіе и выстроилъ церковь. Онъ назначилъ пастора возобновленному въ Биркѣ приходу и отправился назадъ въ Гамбургъ. Вотъ очеркъ дѣятельности Ансгарія въ Швеціи; въ благочестіи, самоотверженіи и трудолюбіи онъ не уступалъ самымъ ревностнымъ учителямъ Евангелія. Я уже замѣтилъ, что его усилія не скоро еще увѣнчаны были полнымъ успѣхомъ.

Рядомъ съ первымъ апостоломъ Скандинавіи стоитъ здѣсь первый христіанскій король Швеціи, Олавъ-Младенецъ. Въ Вестроготіи, между озерами Венеромъ и Веттеромъ, видѣлъ я источникъ, гдѣ онъ въ 1001 году принялъ святое крещеніе, и церковь, имъ построенную. Это тотъ самый король, котораго дочь, Ингегерда, сдѣлалась супругою великаго князя Ярослава и, передъ отъѣздомъ въ русскую землю, получила въ приданое городъ Альдейгаборгъ (Ладогу). Передъ церковію Олава въ Хусабю видѣлъ я и гробницу его: поэтому меня не мало удивило, когда дочь клокаря указала мнѣ здѣсь въ каменномъ полу мѣсто, гдѣ будто-бы погребенъ Олавъ. „Какъ же это? сказалъ я: вѣдь я, *кажется*, видѣлъ гробницу въ Хусабю". — Это замѣчаніе привело мою путеводительницу въ замѣшательство. „Не знаю, отвѣчала она зарумянившись: всѣ говорятъ, что онъ здѣсь погребенъ". Я заключилъ, что мой чичероне еще очень новъ въ своемъ ремеслѣ; потому что вездѣ въ Швеціи люди обоего пола, исправляющіе эту должность, поражали меня необыкновенною точностью своихъ показаній.

Возвратясь въ Упсалу, навелъ я справку по этому предмету и узналъ, что красавица Одинова храма смѣшала Олава-Младенца (святого, какъ она называла его [1]), съ Эрикомъ Святымъ. Этотъ король, прославившійся особенно утвержденіемъ шведскаго владычества и христіанской религіи въ Финляндіи, дѣйствительно похороненъ былъ въ Старой Упсалѣ. Разсказъ о смерти его довольно любопытенъ. Въ праздникъ Вознесенія, въ 1160 году, былъ онъ у обѣдни въ здѣшней церкви. Вдругъ вбѣгаетъ одинъ изъ слугъ его съ извѣстіемъ, что датскій принцъ Магнусъ Генриксонъ неожиданно явился съ войскомъ. „Дай отстоять обѣдню, отвѣчалъ король,—молебенъ надѣюсь услышать въ другомъ мірѣ". Когда онъ потомъ вышелъ въ сопровожденіи немногихъ сподвижниковъ, завязалось сраженіе съ датчанами: вскорѣ Эрикъ былъ взятъ въ плѣнъ и по приказанію Магнуса казненъ. Преданіе говоритъ, что пролитая кровь его превратилась въ свѣтлый ключъ, который и до сихъ поръ бьетъ на мѣстѣ казни. Эрикъ признанъ былъ главнымъ святымъ въ Швеціи и покровителемъ земли ихъ, такъ что они долгое время, при всякой присягѣ, клялись его именемъ. Впослѣдствіи мощи его изъ здѣшней церкви перенесены были въ великолѣпный храмъ новой Упсалы, гдѣ онѣ и нынѣ хранятся въ позолоченной серебряной ракѣ.

Возлѣ статуи стоитъ у стѣны старинный деревянный сундукъ, гдѣ лежитъ католическое кадило; а изъ-за сундука дочь клокаря вынула безобразную деревянную куклу — остатокъ будто-бы древняго

[1]) Святымъ называется совсѣмъ не Олавъ-Младенецъ, а современный ему норвежскій король Олафъ Гаральдсонъ, который во время войны съ датскимъ королемъ Кнутомъ долженъ былъ бѣжать изъ отечества и отправился въ русскую землю, гдѣ былъ дружески принятъ Ярославомъ и супругою его, Ингегердою.

кумира Тора, бога силы и грома. У него уже нѣтъ ни ногъ, ни рукъ, но туловище и голова съ усами еще цѣлы; внутренность выдолблена. Своимъ жалкимъ видомъ онъ, какъ говорятъ, много обязанъ проѣзжимъ, которые, отламывая кусочки дерева отъ истукана, мало-по-малу изувѣчили его до такой степени.

Въ церковной оградѣ погребенъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ шведскихъ ученыхъ новѣйшаго времени Самуилъ Эдманъ, (Ödman). О немъ стóитъ сказать нѣсколько словъ. Долго содержалъ онъ школу гдѣ-то въ провинціи и тогда уже издалъ нѣсколько сочиненій, обратившихъ на него общее вниманіе. Ему было 40 лѣтъ, когда въ 1790 году онъ получилъ каѳедру богословія въ Упсалѣ. Тогда его здоровье было уже такъ разстроено, что онъ совсѣмъ не могъ выходить на воздухъ. Поэтому онъ никогда не покидалъ своей комнаты и даже лѣтомъ топилъ ее, чтобы постоянно поддерживать въ ней такой жаръ, какого никто кромѣ его не въ состояніи былъ выносить. Этимъ образомъ жизни объясняется картина, которую я видѣлъ въ домѣ Смоландской націи (Эдманъ былъ смоландецъ): тутъ онъ представленъ во весь ростъ, но въ необыкновенномъ положеніи, именно въ видѣ небольшого толстаго человѣка, лежащаго навзничь на своей постелѣ, согнувшагося и держащаго книгу на приподнятыхъ колѣняхъ. Не выходя изъ своей комнаты, онъ однакожъ зналъ все, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. Онъ прочелъ всѣ бывшія въ то время описанія путешествій, и многія изъ нихъ издалъ въ шведскомъ переводѣ. Въ одной лавкѣ старыхъ книгъ въ Стокгольмѣ видѣлъ я напечатанное имъ путешествіе въ Камчатку. Сверхъ того написалъ онъ много превосходныхъ книгъ по части богословія, сочинилъ нѣсколько духовныхъ пѣсенъ и, основательно зная музыку, усовершенствовалъ шведскую литургію. Такъ какъ онъ, сидя взаперти, не имѣлъ возможности слушать концертовъ, то страсть свою къ музыкѣ удовлетворялъ онъ довольно оригинальнымъ образомъ: онъ читалъ ноты. Этотъ чудакъ умеръ въ 1829 году, и вотъ что странно: не смотря на свою болѣзненность, онъ прожилъ 80 лѣтъ.

Окончивъ осмотръ церкви, пожелалъ я заняться тремя такъ называемыми царскими холмами, которые стоятъ рядомъ по правую сторону отъ ея фасада. Дочь клокаря сказала мнѣ, что ими завѣдываетъ особенная смотрительница, которая живетъ вонъ въ томъ домикѣ, чтò виденъ за деревьями, въ саду. Мамзель Эрнлундъ—такъ зовутъ ее — финляндка, переселившаяся въ Швецію въ 1809 году: она чрезвычайно рада всякому, кто можетъ поклониться ей отъ ея родины, и потому приняла меня очень ласково. Узнавъ, что я петербургскій уроженецъ, она произнесла нѣсколько звуковъ, похожихъ на русскія слова, приглашая меня садиться. Я завелъ рѣчь о холмахъ. Они называются холмами Одина, Фрея и Тора, трехъ главныхъ боговъ скан-

динавскихъ. Преданіе издавна видѣло въ нихъ курганы, но многіе ученые не хотѣли признавать ихъ искусственными насыпями, а считали игрою природы, въ томъ числѣ былъ и профессоръ естественныхъ наукъ въ Упсалѣ, Фрисъ. Изслѣдованіе вопроса представляло величайшія техническія затрудненія, а между тѣмъ невѣжды, святотатственно расхищая песокъ Одинова холма на домашнія нужды, угрожали уничтоженіемъ достоянію науки. Наконецъ въ прошломъ 1846 году предпринято было искусственное разрытіе двухъ изъ этихъ холмовъ; работы производились подъ вѣдѣніемъ инженернаго подполковника Столя и государственнаго антикварія Гильдебранда. Принявшись за холмъ Одина, стали рыть его не по обыкновенному способу съ вершины внизъ, а съ боку, на нѣкоторой высотѣ отъ земли, и такимъ образомъ дошли до самой середины. Открытія были чрезвычайно интересны.

Мамзель Эрнлундъ, взявъ ключи, повела меня къ кургану. Отворивъ въ немъ деревянную дверь, мы вошли въ длинный корридоръ, сверху и съ боковъ обложенный досками; тамъ путеводительница моя зажгла восковую свѣчку и, достигнувъ противоположнаго конца хода, отомкнула новую дверь; за этимъ отверстіемъ видна была, обложенная крупнымъ булыжникомъ, глиняная урна, въ которой сверху можно было отличить нѣсколько человѣческихъ костей. Извѣстно, что скандинавы, въ первыя времена послѣ Одина, сожигали своихъ мертвыхъ и прахъ ихъ складывали въ глиняныя урны очень простого устройства, безъ всякихъ украшеній. Впослѣдствіи сожиганіе замѣнено было погребеніемъ: покойника сажали внутрь холма, окружая его всѣмъ самымъ дорогимъ его имуществомъ; сюда прежде всего относились его доспѣхи, оружіе и конь. Было вѣрованіе, что боги въ жилище героевъ или Валгаллу не принимаютъ бѣдняковъ. При сожиганіи, на костеръ возлагали, кромѣ героя, и богатства его, также и всѣхъ падшихъ вмѣстѣ съ нимъ; чѣмъ число ихъ было значительнѣе, тѣмъ болѣе было почету. Воображали, будто герой по смерти живетъ какою-то двоякою жизнію: одною въ Валгаллѣ, а другою въ курганѣ, почему и старались снабдить его всѣмъ, что было ему дорого въ жизни. Въ самой глубокой древности у скандинавовъ, какъ и у индѣйцевъ, жена слѣдовала за мужемъ на костеръ; сожигали также рабовъ и рабынь.

Въ курганѣ Одина нашли остатки толстыхъ столбовъ, вбитыхъ въ землю и, вѣроятно, служившихъ углами огромнаго костра: полуобгорѣлый верхъ ихъ отчасти сгнилъ, но низъ, защищенный отъ огня мелкими камнями, еще сохранился; вокругъ ихъ разбросаны были между множествомъ золы и пепла куски копій и стрѣлъ, разныхъ металлическихъ украшеній, роговаго гребня, и кости людей и животныхъ. Самая урна найдена, какъ обыкновенно, разбитою. Она была обложена со всѣхъ сторонъ нѣсколькими рядами крупнаго булыжника,

который такимъ образомъ составляетъ особый внутренній холмъ — какъ-бы зерно песчанаго холма. Для образца, на наружномъ скатѣ сложена небольшая куча изъ этихъ самыхъ камней. Длина всего хода отъ поверхности кургана до центра его простирается до 85 футовъ. Слѣдовательно, весь діаметръ его основанія можно полагать вдвое. Холмъ Фрея начали рыть отъ вершины въ отвѣсномъ направленіи: до сихъ поръ тамъ ничего важнаго, кромѣ урны, еще не нашли. По огромности этихъ кургановъ и всему найденному въ одномъ изъ нихъ, съ достовѣрностію можно принять, что они служили могилами королей или, по крайней мѣрѣ, героевъ высокой породы.

Поодаль отъ нихъ лежитъ четвертый холмъ другой формы: у него четвероугольное, болѣе длинное, нежели широкое, основаніе и на верху плоскость: это усѣченная пирамида, которая значительно ниже кургановъ. Холмъ этотъ, безъ сомнѣнія, служилъ мѣстомъ собраній народнаго вѣча, почему и называется вѣчевымъ (tingshög); въ сагахъ часто упоминается о подобныхъ холмахъ.

При видѣ всѣхъ этихъ чудесъ древности, невольно переносишься въ поэтическій миръ скандинавскаго быта, гдѣ битвы смѣнялись пирами и беззаботный воинъ за медовымъ рогомъ слушалъ пѣсни скальда о подвигахъ предковъ. Къ счастію, мамзель Эрнлундъ позаботилась о томъ, чтобы очарованіе было здѣсь какъ нельзя болѣе полное. Она готовитъ прекрасный медъ и, какъ другая Геба, поитъ имъ новыя поколѣнія скандинавовъ. Не будучи скандинавомъ, и я однако воспользовался ея искусствомъ. Теперь, возвращаясь въ ея жилище, я воображалъ, что вхожу въ маленькую Валгаллу. Тамъ въ углу комнаты на комодѣ стояло два рога, обдѣланные въ серебро и съ надписью, которая напоминала, что изъ этихъ роговъ пили медъ высокія особы: король Оскаръ, когда былъ кронпринцемъ, сыновья его и самъ покойный Карлъ XIV Іоаннъ. Скоро новая Валкирія принесла мнѣ изъ погреба бутылку своего нектара и, выливъ ее въ рогъ, спросила, пивалъ ли я когда-нибудь подобный медъ. „Никогда въ Финляндіи не пивалъ я такого“, отвѣчалъ я правдиво и къ полному удовольствію хозяйки. Въ самомъ дѣлѣ пѣнистый напитокъ былъ очень вкусенъ и стоилъ своихъ 25 коп. сер.: особенность изящнаго сосуда придавала ему еще болѣе пріятности. Потомъ дѣвица Эрнлундъ показала мнѣ альбомъ, гдѣ между множествомъ именъ, замѣтокъ и стиховъ величался и медъ ея, воспѣтый тонкими цѣнителями всего прекраснаго. Когда я простился, добрая финляндка вышла со мною въ садъ и нарвала мнѣ цѣлый букетецъ душистаго гороху; я взбѣжалъ на курганъ Одина, потомъ на вѣчевой холмъ, — чудное чувство навѣвалъ на меня воздухъ поэтической старины; чудно было на этихъ памятникахъ давноисчезнувшей жизни впивать въ себя и свѣжесть осенняго утра, озареннаго солнцемъ. Пожавъ руку моей Валкиріи, я сѣлъ на-

конецъ въ свою телѣжку. Отъѣхавъ на нѣкоторое разстояніе, я обернулся: на вѣчевомъ холмѣ еще стоялъ этотъ бдительный стражъ царскихъ кургановъ и махалъ мнѣ рукой въ знакъ прощанія.

6.

Еще о студентахъ.

Отъ Андерсбю, гдѣ я ночевалъ, ямщикомъ моимъ была дѣвочка. Сестра ея и еще какая-то ровесница долго бѣжали сзади телѣжки, чтобы, отворяя ворота, освободить подругу свою отъ лишняго труда, а самимъ заработать нѣсколько полушекъ. Молоденькая подводчица, какъ казалось, очень была благодарна имъ за такую услугу. Около 11 часовъ я былъ опять въ Упсалѣ, слѣдовательно пріѣхалъ туда болѣе, нежели во-время: ты помнишь, что къ 1-му часу мнѣ надобно было поспѣть въ университетъ.

Готовясь итти туда, занялся я программою лекціи (catalogus praelectionum) наступившаго осенняго полугодія, напечатанною на листахъ большого формата и полученною мною отъ Скредера. Тутъ прочелъ я имена 25-ти ординарныхъ профессоровъ, двухъ экстраординарныхъ и около 50-ти другихъ преподавателей, т. е. адъюнктовъ, доцентовъ и учителей искусствъ (верховой ѣзды, фехтованія и рисованія). Между именами профессоровъ было нѣсколько давно извѣстныхъ мнѣ по наслышкѣ, и я съ нетерпѣніемъ ожидалъ случая познакомиться съ такими людьми, какъ напримѣръ Фрисъ, Аттербомъ, Валенбергъ, Пальмбладъ, которыхъ труды болѣе или менѣе уважаются въ ученомъ мірѣ скандинавскаго сѣвера, а частію и Германіи.

Названіе учебныхъ *полугодій* должно быть принимаемо здѣсь въ чрезвычайно условномъ значеніи: весеннее начинается 28 января и оканчивается въ серединѣ іюня, а осеннее продолжается отъ 1 октября до 15 декабря. Итакъ, одно составляетъ 4½ мѣсяца, а другое 2½; значитъ, весь учебный годъ заключаетъ въ себѣ 7 мѣсяцевъ; остальные пять уходятъ на ваканціи. Таковъ порядокъ, существующій въ шведскихъ университетахъ уже почти 100 лѣтъ. Ему, конечно, профессора много обязаны возможностію быть дѣятельными писателями, потому что во время лекцій и частыхъ экзаменовъ имъ очень трудно находить досугъ для постороннихъ литературныхъ занятій. Покойный Гейеръ не разъ жаловался на это обстоятельство, столь невыгодное для его геніальной предпріимчивости. При ученомъ духѣ, оживляющемъ шведскіе университеты, долгія ваканціи не могутъ вредить и учащемуся поколѣнію: надобно помнить, что оно по большей части состоитъ изъ юношей зрѣлыхъ уже, ясно понимающихъ важность ученія и потому умѣющихъ употреблять свободные мѣсяцы на самостоятельныя занятія, которыя, при надлежащемъ направленіи, составляютъ необходимое дополненіе къ пассивному слушанію лекцій.

Впрочемъ, между шведскими студентами есть два разряда, очень непохожіе одинъ на другой. Тѣ, которые готовятся къ пріобрѣтенію ученой степени, обыкновенно уже при поступленіи въ университетъ отличаются основательными свѣдѣніями и счастливыми способностями: они не довольствуются однимъ выполненіемъ того, что требуется для экзамена, но всячески стараются распространять свои познанія и много читаютъ. Тѣ, напротивъ, которые намѣрены вступить въ гражданскую службу, по большей части стоятъ гораздо ниже въ умственномъ развитіи: они боятся прочесть лишнее слово противъ того, что у нихъ спросятъ на экзаменѣ, и думаютъ только о томъ, какъ-бы скорѣе получить повыгоднѣе должность. Отъ достовѣрныхъ людей слышалъ я, что чтеніе газетъ и французскихъ романовъ не осталось безъ вреднаго дѣйствія и на упсальскую молодежь: лѣтъ двадцать тому назадъ она занималась литературою болѣе дѣльною.

Однакожъ пора итти въ университетъ: сегодня начинается осеннее полугодіе или *терминъ* (шведское названіе, которое, можетъ быть, приличнѣе удержать и въ русскомъ переводѣ). Актъ, которымъ открывается учебное время, состоитъ въ перекличкѣ студентовъ, пользующихся стипендіями. Такихъ пособій, учрежденныхъ въ пользу бѣдныхъ и прилежныхъ молодыхъ людей, считается очень много — болѣе 200; но почти всѣ они чрезвычайно скудны; самыя значительныя простираются нѣсколько выше 100 р. сер. въ годъ; есть и въ 8 — 10 цѣлковыхъ. И каждымъ разрядомъ стипендій завѣдываетъ профессоръ, обязанный имѣть нѣкоторый надзоръ за тѣми, которые ими пользуются. Есть еще особыя стипендіи, выдаваемыя для заграничныхъ путешествій; изъ нихъ самая высшая только въ 1.300 банк. риксд. (670 р. сер.); она называется *византійскою*, потому что учреждена шведскимъ посланникомъ въ Константинополѣ.

Въ одномъ изъ прежнихъ писемъ я сказалъ, что учрежденія и принадлежности университета помѣщаются въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ зданіяхъ. Густавъ Ваза засталъ это, во то время еще новое учрежденіе, въ совершенномъ упадкѣ, а къ довершенію бѣды самое помѣщеніе его сдѣлалось жертвою пламени. Густавъ принялъ мѣры къ возстановленію университета и подарилъ ему всѣ строенія, прежде принадлежавшія католическому духовенству, отчего и до сихъ поръ университетскія зданія почти всѣ расположены вокругъ церкви. Изъ домовъ, по которымъ распредѣлены аудиторіи, главнымъ считается Academia Gustaviana, очень замѣтная по своему большому остроконечному куполу, формою похожему на луковицу; у него, какъ у большей части публичныхъ зданій и дворцовъ въ Швеціи, крыша черная. Въ этомъ куполѣ устроенъ анатомическій театръ. Въ Academia Gustaviana находится и зала для публичныхъ актовъ: это такъ называемая большая Густавіанская аудиторія. Она, какъ и вся внутренность дома, далека отъ

всякой роскоши: по сторонамъ стоятъ деревянныя крашеныя колонны; противъ входа бѣлая каѳедра; передъ нею скамейки, а за ними какая-то возвышенная площадка, или эстрада.

Когда я вошелъ въ эту залу, актъ былъ уже начатъ. Комната была наполнена студентами; чтобы лучше видѣть и слышать, я сталъ на эстраду, никѣмъ не занятую. Предъ каѳедрою стоялъ маленькій худощавый человѣкъ въ пасторскомъ черномъ сюртукѣ и говорилъ рѣчь: это былъ ректоръ, профессоръ богословія Кнёсъ. Онъ сказалъ между прочимъ: „въ нашъ вѣкъ всюду раздается одно слово; это слово — *реформа*" и, предостерегая своихъ слушателей противъ ложныхъ увлеченій, объяснилъ имъ, какъ высоко можетъ быть значеніе этого слова, если его принимать въ смыслѣ внутренняго усовершенствованія человѣка. Представивъ, какъ много будущее благо отечества можетъ зависѣть отъ молодого поколѣнія и увѣщевая студентовъ къ исполненію важнаго ихъ призванія, онъ сказалъ: „на васъ смотрятъ и современники и предки; глядитъ на васъ и потомство, но — для произнесенія суда"; вообще рѣчь была приличная, простая и не длинная: три великія достоинства. Направо отъ каѳедры у стѣны стояли четыре инспектора стипендіатовъ, каждый со спискомъ въ рукахъ. По окончаніи рѣчи, одинъ изъ нихъ развернулъ свой листъ и сталъ читать имена ввѣренныхъ ему студентовъ. Если тотъ, чье имя произносилось, былъ на-лицо, то онъ откликался словомъ *adsum* (присутствую!), въ противномъ случаѣ молчаніе давало знать о неявкѣ вызываемаго, и инспекторъ дѣлалъ на спискѣ отмѣтку карандашемъ. Для такого отсутствія надобно имѣть законныя причины; если ихъ не окажется, то студентъ лишается права на стипендію. Такъ всѣ четыре лица поочереди читали свои списки, вообще очень длинные. Произнеся свое *adsum*, всѣ присутствовавшіе, одинъ за другимъ, иногда по нѣскольку вдругъ, выходили; это производило такой шумъ, что я только изрѣдка могъ уловить которое-нибудь изъ читаемыхъ именъ; тѣмъ, до кого чтеніе относилось, легче было разслушивать звуки, потому что имена слѣдовали одно за другимъ по алфавиту. Къ беспрестанному шарканью ногъ присоединялся иногда свистъ въ сѣняхъ и на лѣстницѣ; дверь залы была отперта. Наконецъ число слушателей уже почти сравнялось съ числомъ инспекторовъ; предвидя скорое окончаніе церемоніи, я вышелъ.

Я надѣялся, что въ этотъ день, какъ начало *термина* (это была пятница), откроются и лекціи; но къ сожалѣнію узналъ, что ихъ не будутъ читать до понедѣльника. Поэтому я могъ съ г. Скредеромъ осмотрѣть еще дома нѣкоторыхъ націй. Результатъ моихъ наблюденій уже былъ сообщенъ тебѣ. Какъ характеристическую черту, прибавлю только, что во всѣхъ этихъ домахъ ключи отъ наружныхъ дверей висѣли въ сѣняхъ совершенно открыто и намъ никого не

нужно было безпокоить, чтобы попасть въ комнаты. Жители Упсалы, по большей части, такимъ же образомъ поступаютъ съ своими ключами; покража — дѣло почти неслыханное въ этомъ академическомъ городѣ.

Собранія націй, на которыхъ члены ихъ веселятся, толкуютъ о своихъ дѣлахъ или проводятъ время въ ученыхъ упражненіяхъ, конечно удерживаютъ молодыхъ людей отъ многихъ шалостей. При всемъ томъ дисциплина, какъ кажется, не въ лучшемъ положеніи при Упсальскомъ университетѣ. Говорятъ, тамошніе студенты ничего особенно дурного не дѣлаютъ, кромѣ того, что шумятъ и поютъ на улицахъ; однакожъ иногда это бываетъ слишкомъ накладно для обывателей; случаются и непростительныя проказы; но къ чести нынѣшняго поколѣнія, надобно прибавить, что онѣ теперь гораздо рѣже, нежели бывали въ старину. До сихъ поръ всѣ дѣла, касающіяся студентовъ, подлежатъ разбору самого университета, при которомъ изъ профессоровъ составляется особенный судъ подъ именемъ *малой консисторіи*. Профессора давно желали отмѣны этого порядка, какъ тягостнаго для нихъ; но студенты не раздѣляли такого желанія. Въ послѣднее время и они, въ этомъ отношеніи, перешли на сторону профессоровъ, такъ что теперь рѣчь идетъ не на шутку объ уничтоженіи *академической юрисдикціи:* предполагается поставить и студентовъ, въ случаяхъ болѣе важныхъ, въ зависимость отъ городского начальства.

Есть другой вопросъ, по которому и до сихъ поръ профессора и студенты различнаго мнѣнія. Много лѣтъ уже толкуютъ о томъ, не выигралъ ли бы университетъ, еслибъ его перевести въ Стокгольмъ. Молодежи мысль эта чрезвычайно улыбается: въ столицѣ были бы они въ центрѣ удовольствій и умственнаго движенія; къ тому же они находятъ, что въ академическомъ городѣ профессора имѣютъ слишкомъ много власти, и надѣются, что это сословіе въ большей сферѣ потеряло бы свое вліяніе. Профессора съ своей стороны, можетъ быть по подобнымъ же соображеніямъ, не желаютъ перемѣщенія въ Стокгольмъ: и въ самомъ дѣлѣ, что имъ за радость сдѣлаться столичными жителями? Въ Упсалѣ они аристократы, въ Стокгольмѣ смѣшались бы съ толпою, да и не могли бы такъ спокойно предаваться занятіямъ, какъ нынче. То и другое мнѣніе имѣло своихъ усердныхъ приверженцевъ и внѣ университета. Были и такіе люди, которые доказывали, что оба нынѣшніе шведскіе университета (Упсальскій и Лундскій) должны слиться въ одинъ Стокгольмскій. Хотя идеи эти и теперь еще находятъ своихъ защитниковъ, однакожъ, кажется, всѣ убѣдились, что онѣ осуществиться не могутъ, потому что большинство остается на сторонѣ настоящаго порядка вещей.

У шведскихъ студентовъ нѣтъ мундира и вообще ничего форменнаго въ одеждѣ: даже бѣлыя фуражки, употребляемыя нѣкоторыми,

придуманы ими самими нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда они, сбираясь толпою отправиться въ Копенгагенъ, желали узнавать другъ друга по какому-нибудь общему внѣшнему отличію. Въ послѣднее время энтузіазмъ скандинавскихъ студентовъ ко взаимнымъ посѣщеніямъ нѣсколько охладѣлъ, но до какой степени онъ доходилъ сначала (лѣтъ пять тому назадъ), о томъ свидѣтельствуетъ между прочимъ книжка, изданная самими восторженными посѣтителями Копенгагена и сообщающая со всевозможною подробностію малѣйшія обстоятельства ихъ пребыванія въ Даніи. Говоря объ этой поѣздкѣ, стоитъ упомянуть, къ какому характеристическому разсужденію она привела студентовъ. Ты знаешь, что шведы, разговаривая между собою, называютъ другъ друга по чину и званію въ третьемъ лицѣ, напр. обращаясь къ купцу, они говорятъ: здоровъ ли купецъ? и т. д. Всѣ чувствуютъ странность и неудобство этихъ формъ, но никто не осмѣливается отступить отъ общепринятаго обычая и сдѣлаться въ глазахъ многихъ невѣжею. У датчанъ, во взаимныхъ ихъ сношеніяхъ, нѣтъ такой нелѣпости: они взамѣнъ нашего мѣстоименія *вы* употребляютъ словечко *де*, которое соотвѣтствуетъ нѣмецкому *Sie*. Шведскіе студенты, будучи въ Копенгагенѣ, живо почувствовали, какъ противенъ здравому смыслу разговорный этикетъ ихъ соотечественниковъ, и вотъ, по возвращеніи домой, они рѣшились отмѣнить его, надѣясь своимъ примѣромъ подѣйствовать на всю націю. Но какое слово принять за мѣстоименіе 2-го лица въ вѣжливомъ обращеніи? Тутъ мнѣнія, какъ у людей водится, раздѣлились: одни предлагали *De*, которое есть и у шведовъ; другіе предпочитали слово *Ni*, которое и теперь употребляется, но только въ разговорѣ съ низшими, почему оно и сдѣлалось какъ-бы знакомъ презрительнаго тона. Это несогласіе произвело такіе жаркіе споры, что дѣло кончилось—ничѣмъ, и титулы по прежнему торжествуютъ, пестря въ разговорѣ всякую шведскую фразу на зло разсудку и просвѣщенію.

Такъ какъ между студентами есть представители всѣхъ степеней общества, начиная отъ крестьянскаго сословія до королевской фамиліи (въ лицѣ принцевъ крови), то нельзя искать ничего общаго въ ихъ, такъ сказать, свѣтской образованности и наружныхъ формахъ. Однакожъ и въ этомъ отношеніи рѣзкость различій нѣсколько сглаживается тѣснымъ товариществомъ. Въ послѣднее время въ жизни студентовъ явилось новое препровожденіе времени, которое также можетъ имѣть благодѣтельное вліяніе на общественные нравы ихъ: это — домашній театръ; студенты даютъ представленія, въ которыхъ они единственные актеры и на которыхъ присутствуетъ весь городъ: эти забавы пріобрѣтаютъ тѣмъ высшее значеніе, что съ ними обыкновенно соединяется какая-нибудь благотворительная цѣль. Одну изъ существенныхъ принадлежностей общественнаго быта въ Швеціи, особливо провин-

*

ціальнаго, составляютъ пиры. Тамъ съ словомъ *Kalás* (пиръ, отъ collatio) связывается до сихъ поръ какая-то магическая прелесть; при этомъ любимомъ звукѣ разыгрывается воображеніе и молодыхъ, и стариковъ: оно рисуетъ имъ столъ, убранный цвѣтами и листьями, большую чашу (или миску, bol), наполненную пуншемъ, сердечныя изъявленія дружбы или братства въ рѣчахъ и тостахъ, наконецъ беззаботную веселость съ рюмкою въ рукѣ и пѣснями въ устахъ. Есть, въ самомъ дѣлѣ, много поэзіи въ шведскихъ *каласахъ*. Тѣмъ болѣе очарованія представляютъ бывающіе у студентовъ *пиры націй* (nationskalas), которыхъ лучшимъ украшеніемъ служатъ превосходные студентскіе хоры. На этихъ собраніяхъ присутствуютъ всегда почетные члены націй и другіе гости изъ профессоровъ, и потому веселость, хотя и шумная, часто даже бурная, никогда не выходитъ здѣсь изъ границъ приличія.

Общества пѣсенниковъ — вотъ еще характеристическое учрежденіе шведскихъ университетовъ. Такіе хоры есть при каждой націи: правильное устройство ихъ доведено до высокой степени совершенства. Не слышавъ ихъ, невозможно представить себѣ всей увлекательной прелести ихъ пѣнія. Собраніе студентскихъ пѣсенъ очень велико: нѣкоторыя переведены съ нѣмецкаго, но большая часть — оригинальныя. Если слова многихъ прекрасны, то мелодіи — восхитительны. Какъ выразительно изливается въ нихъ то задумчивая меланхолія юношескаго сердца, то безграничная радость, надежда и отвага. Музыка шведскихъ національныхъ пѣсенъ отличается вообще особеннымъ характеромъ, въ которомъ чуднымъ образомъ соединяется какая-то свѣтлая удалость съ неизъяснимо грустнымъ чувствомъ. О студентскихъ хорахъ Гейеръ сказалъ, что „такихъ, какъ въ Упсалѣ, нигдѣ нельзя услышать“. И какое богатство предметовъ въ пѣсняхъ ихъ! прибавляетъ одинъ изъ младшихъ преподавателей университета: въ нихъ есть отголоски всѣхъ положеній жизни: отечество, любовь къ родителямъ и наставникамъ, товарищество, эпикурейскія наслажденія, похвала генію, любви и красотѣ — вотъ любимые мотивы этихъ пѣсенъ... Особливо похвала красотѣ! — Любезная читательница! продолжаетъ тотъ-же литераторъ: ежели здѣсь у тебя есть братъ, другъ дѣтства или, можетъ быть, что-нибудь еще милѣе... едва ты заснешь, какъ тебя разбудятъ изъ этого ангельски-тихаго сна — тебя разбудятъ дивные аккорды, такіе дивные, какъ будто бы они принадлежали къ твоему сновидѣнію. Это серенада студентовъ раздается подъ окномъ твоимъ... И если ты на другой день пойдешь въ соборную церковь, то и тамъ передъ тобой стоятъ молодые трубадуры, и пока ты задумчиво разсматриваешь памятники шведской старины,—слышишь ли, какъ прекрасно гремитъ гимнъ отечеству? И если ты потомъ пойдешь по ступенямъ великолѣпной лѣстницы зданія библіотеки, то, можетъ быть,

и тамъ неожиданно поразятъ тебя звуки этихъ пѣсенъ, оглашая высокіе своды...

Серенады даются и любимымъ профессорамъ; *каласъ* въ профессорскомъ домѣ рѣдко обходится безъ студентскихъ хоровъ, и ими онъ болѣе всего оживляется. По примѣру студентовъ поютъ и гимназисты: на одномъ пароходѣ видѣлъ я разъ цѣлое общество молодыхъ людей; чокаясь по временамъ рюмками пунша, они, съ разгорѣвшимися лицами, пѣли по нотамъ студентскія пѣсни. Я и принялъ ихъ за студентовъ; послѣ открылось, что это — гимназисты, которые, по окончаніи каникулъ, ѣхали назадъ въ училище.

7.

Знакомства съ учеными [1]).

Первый, кого я посѣтилъ послѣ Скредера, былъ Вассеръ (Hwasser), профессоръ медицины. Прежде онъ, въ продолженіе многихъ лѣтъ, занималъ по этой же части каѳедру въ финляндскомъ университетѣ. Онъ славился одушевленнымъ, даже краснорѣчивымъ преподаваніемъ и даромъ возбуждать въ своихъ ученикахъ энтузіазмъ къ наукѣ. Онъ написалъ много мелкихъ сочиненій, которыхъ содержаніемъ служатъ не одни медицинскія изслѣдованія, но и вопросы литературнаго, отчасти и политическаго интереса. Вассера многіе называютъ фантастомъ, и можетъ быть не совсѣмъ безъ основанія: такъ наприм. разсуждая о Финляндіи, онъ мечтаетъ о вліяніи, какое старинное германское образованіе, посредствомъ этой страны, должно произвести на Россію. Впрочемъ, онъ въ высшей степени космополитъ и не понимаетъ ослѣпленія тѣхъ шведовъ, которые не могутъ равнодушно говорить о *восточномъ сосѣдѣ*. Когда я пришелъ къ нему, я услышалъ, что въ ближней комнатѣ сидѣло у него нѣсколько человѣкъ посто-

[1]) Сообщая нѣкоторыя мѣста изъ дневника, который я велъ прошлаго года въ Швеціи, считаю нужнымъ объяснить, съ какою главною идеею писалъ его. Изображать безпристрастно и вѣрно то, что я видѣлъ, слышалъ и узнавалъ — такова была въ сущности цѣль моя. Я хотѣлъ воспользоваться тѣми выгодами, которыя не всегда достаются путешественникамъ, но въ этомъ случаѣ были моимъ удѣломъ; это — знаніе природнаго языка въ малоизвѣстномъ краю и потому легкость сношеній съ людьми всѣхъ сословій. Полагаю, что простые очерки разнородныхъ явленій жизни у чужого народа, когда они схвачены на самомъ мѣстѣ дѣйствія и согласны съ истиною, могутъ имѣть своего рода занимательность и достоинство. Если мнѣ удалось приблизить свои замѣтки къ этому разряду очерковъ, то я охотно уступаю другимъ путешественникамъ преимущество яркихъ картинъ, въ которыхъ скудость истины прикрывается игрою воображенія.

Входя иногда въ подробности о лицахъ, съ которыми я былъ въ сношеніяхъ, надѣюсь, что меня оправдываетъ въ томъ замѣчательность этихъ лицъ; *выносить сора изъ избы* я никогда себѣ не позволю. (*Вступленіе къ одной изъ этихъ статей въ С.-Пбург. Вѣдом.)*

ронних. Онъ вышелъ въ залу, гдѣ я остановился, и я увидѣлъ довольно высокаго, очень плотнаго и нѣсколько сутуловатаго мужчину съ широкимъ краснымъ лицомъ. Услышавъ, кто я, онъ ввелъ меня въ другую комнату и представилъ своимъ гостямъ. По времени дня (былъ часъ шестой) я догадался, что они собрались у него по дѣлу и хотѣлъ уйти; но Вассеръ упросилъ меня посидѣть съ нимъ, между тѣмъ какъ бывшіе у него медики отправились въ коллегію дожидаться его прихода для открытія засѣданія. Онъ уже пожилой человѣкъ и, прослуживъ тридцать лѣтъ, имѣлъ бы право выйти въ отставку съ пенсіею, но при университетѣ нѣтъ вакантной суммы, которою бы онъ могъ воспользоваться. При шведскихъ университетахъ есть опредѣленное число окладовъ, и если всѣ они уже имѣютъ свое назначеніе, то не откуда взять денегъ въ случаѣ новой надобности; отъ того и вновь опредѣляемый профессоръ иногда бываетъ принужденъ прослужить нѣкоторое время безъ жалованья. Говоря о своихъ лѣтахъ, Вассеръ замѣтилъ, что въ Швеціи профессорами дѣлаются люди по большей части уже очень не молодые, напередъ прослужившіе нѣсколько лѣтъ адъюнктами, и сожалѣлъ объ этомъ, потому что „начинающій профессоръ долженъ быть молодъ; тогда только онъ можетъ сдѣлать что-нибудь важное; всего дѣятельнѣе и усерднѣе работаетъ онъ въ первые 5 — 6 лѣтъ послѣ своего назначенія; если въ это время онъ не двинетъ замѣтно своей науки, то можно почти съ увѣренностію сказать, что онъ и никогда не произведетъ ничего значительнаго“. Въ Швеціи университетскій адъюнктъ не имѣетъ постоянныхъ публичныхъ лекцій, и потому-то Вассеръ полагалъ, что лучше-бъ было, еслибъ этой должности совсѣмъ не было, и молодой ученый прямо поступалъ въ профессоры.

Ни по одной отрасли знаній Швеція не оказала такихъ услугъ европейской учености, какъ по части естественныхъ наукъ: она произвела Линнея и Берцеліуса. Имя генія распространяетъ надъ мѣстомъ, гдѣ онъ жилъ и дѣйствовалъ, блескъ особеннаго рода. Упсала полна воспоминаній о Линнеѣ. Домъ, который онъ занималъ по своей профессіи, все еще принадлежитъ университету, но теперь имѣетъ другое назначеніе; находящійся тутъ же садъ былъ въ то время ботаническимъ, но по болотистому и вообще неблагопріятному мѣстоположенію оставленъ и теперь нанимается Остготскою націею. Уже Линней былъ недоволенъ этимъ садомъ, и потому купилъ близъ Упсалы маленькое имѣніе, куда онъ перенесъ большую часть своихъ коллекцій и гдѣ въ вакантные мѣсяцы преподавалъ ботанику молодымъ людямъ, которые съѣзжались слушать его не только изъ Швеціи, но и изъ-за границы. Загородный домъ его (Хаммарбю) до сихъ поръ сохраняется, какъ историческая драгоцѣнность, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ Линней почти семьдесять лѣтъ тому назадъ оставилъ его; въ комнатахъ и

теперь все такъ, какъ было, когда онъ жилъ въ нихъ со своимъ семействомъ; не тронута даже докторская шляпа его, сдѣланная изъ зеленой шелковой матеріи. Извѣстно, что главная заслуга Линнея въ составленіи новой классификаціи растеній. Какіе бы недостатки ни открывались въ его системѣ нынѣ, когда наука такъ далеко подвинулась, нельзя отрицать великаго значенія Линнея въ исторіи естествознанія.

Каѳедра ботаники въ Упсалѣ была счастлива и преемниками его. Нынѣ ее уже болѣе 20 лѣтъ занимаетъ Валенбергъ, который своими трудами также пріобрѣлъ европейскую извѣстность. Ботаническій садъ и музей натуральной исторіи находятся теперь въ возвышенной части города, близъ новой библіотеки. Музей помѣщается въ большомъ длинномъ зданіи, котораго фасадъ украшенъ колоннами. Жена какого-то живущаго тутъ служителя повела меня во внутренность этого дома. Во всю длину его простирается зала; противъ главнаго входа устроенъ въ стѣнѣ круглый выступъ, образующій полуротонду, освѣщаемую сверху — такъ, какъ и вся зала. Въ этомъ углубленіи поставленъ бюстъ Линнея изъ каррарскаго мрамора, сдѣланный въ Римѣ шведскимъ скульпторомъ Бюстремомъ: знаменитый ботаникъ сидитъ, держа въ лѣвой рукѣ книгу, въ которой изображенъ найденный имъ цвѣтокъ *linnaea borealis;* правая рука приподнята въ знакъ удивленія. Этотъ цвѣтокъ, по словамъ моей путеводительницы, прежде росъ и въ здѣшнемъ саду, но теперь вывелся. Передъ бюстомъ стоитъ каѳедра нынѣшняго профессора; за нею, въ видѣ большого полукружія, устроена полка, на которой во время лекціи лежатъ растенія, разсматриваемыя профессоромъ, а впереди — скамьи для слушателей. Эта же зала служитъ зоологическимъ музеемъ: вдоль стѣнъ ея разставлены набитыя животныя: лоси, олени, верблюды, львы, тигры и проч. Женщина, бывшая моимъ чичероне, выражалась такими учеными терминами, что я подумалъ: что за просвѣщенный городъ! въ Упсалѣ всякая работница говоритъ о принципахъ и элементахъ! Я спросилъ ее о профессорѣ, котораго *принципамъ* она приписывала отличное положеніе сада и музея. Она отвѣчала, что онъ всегда одинъ и никуда не выходитъ; однакожъ, прибавила она, если къ нему зайдетъ кто-нибудь, онъ бываетъ радъ тому и любитъ поговорить. Итакъ я рѣшился навѣстить Валенберга и отправился къ нему въ верхній этажъ того же дома.

Меня встрѣтилъ высокій, дюжій человѣкъ въ длинномъ сѣромъ сюртукѣ; довольно грубыя черты лица смягчались у него пріятнымъ выраженіемъ. Онъ принялъ меня очень ласково и говорилъ со мной откровенно о неудобствахъ, происходящихъ отъ того, что ботаника и зоологія до сихъ поръ еще составляютъ въ Упсалѣ предметъ одной каѳедры. При нынѣшнихъ успѣхахъ естествоиспытанія невозможно одному человѣку въ равной степени заниматься обѣими науками.

Здѣсь эта каѳедра принадлежитъ къ медицинскому факультету, что̀, по мнѣнію профессора, совершенно справедливо, потому что кто же кромѣ медиковъ и сталъ бы заниматься естественными науками? Впрочемъ, здѣсь ботанику преподаетъ еще другой профессоръ, также уважаемый въ ученомъ свѣтѣ, Фрисъ. Его каѳедра первоначально учреждена была для практической экономіи (сельскаго хозяйства), но такъ какъ до изученія этой части мало охотниковъ, то онъ началъ читать ботанику. Такъ какъ и Валенбергъ посвящаетъ труды свои особенно этому предмету, то зоологія не имѣетъ при университетѣ настоящаго представителя. По моему желанію, профессоръ черезъ большія комнаты своей квартиры повелъ меня въ ботаническій музей, замѣчательный полнѣйшею въ мірѣ коллекціею *плодовъ*, частію высушенныхъ, частію сохраняемыхъ въ спиртѣ; большая половина ихъ собрана упсальскимъ адъюнктомъ Афцеліусомъ въ Африкѣ.

Замѣтивъ въ зоологическомъ музеѣ, что многія изъ животныхъ тронуты молью, я рѣшился спросить Валенберга о причинѣ этого непріятнаго явленія. Общепринятое средство противъ моли, арсеникъ, профессоръ считаетъ гибельнымъ для здоровья, и потому употребляетъ только камфору и, главное, всячески старается прогонять сырость; но, видно, эти мѣры недостаточны. Важнѣйшая заслуга профессора та, что онъ въ двадцатилѣтнее завѣдываніе каѳедрою совершенно пересоздалъ ботаническій садъ и устроилъ въ немъ превосходныя оранжереи и парники. Съ участіемъ говорилъ онъ о Петербургскомъ ботаническомъ садѣ и сожалѣлъ, что мѣсто, на которомъ онъ разведенъ, такъ неблагопріятно для преуспѣянія растеній. Сравнивая средства русскихъ учрежденій со способами шведскихъ, онъ сказалъ, между прочимъ: „мы бѣдны; у насъ нѣтъ вашего сибирскаго золота!“ Это замѣчаніе привело насъ къ разговору о степени благосостоянія Швеціи. Увеличивающееся въ ней народонаселеніе не есть отрадный признакъ: въ той же мѣрѣ умножается нищенство и воровство; вновь установленная свобода промысловъ еще болѣе къ тому содѣйствуетъ. Норвегія остается какъ-бы особымъ государствомъ и чѣмъ-то для Швеціи чуждымъ. — Увлеченіе, съ какимъ Валенбергъ разсуждалъ обо всемъ этомъ, заставило меня подумать, что для него, какъ и для многихъ другихъ ученыхъ въ Упсалѣ, политика не чуждый предметъ. Мое предположеніе подтвердилось послѣ, когда я услышалъ, что онъ для газеты, о которой скоро будетъ рѣчь, готовитъ статью, по содержанію очень близкую къ тому, о чемъ мы говорили. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, скудны средства университета—доказывается тѣмъ, что при музеяхъ ботаники и зоологіи нѣтъ даже консерватора, а есть только служитель (вахмистръ), получающій въ годъ 180 руб. асс. По той же причинѣ нельзя распространить и слишкомъ тѣснаго помѣщенія музеевъ.

Упсала есть мѣстопребываніе архіепископа, примаса Швеціи. Онъ же и мѣстный начальникъ — *проканцлеръ* университета. Высшее завѣдываніе академическими дѣлами принадлежитъ канцлеру, избираемому профессорами, — нынѣ наслѣдному принцу Карлу. Архіепископъ Вингордъ пользуется въ Швеціи великимъ уваженіемъ не только какъ человѣкъ, какъ глава церкви, какъ отличный проповѣдникъ, но также и какъ государственный мужъ и, наконецъ, какъ писатель. Онъ сдѣлался достойнымъ преемникомъ Валлина, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ умеръ, къ общей горести, въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ и который ко всѣмъ исчисленнымъ родамъ заслугъ еще присоединялъ славу высокаго поэта: вмѣстѣ съ проповѣдями, неподражаемыми по силѣ убѣжденія и краснорѣчія, Валлинъ оставилъ множество прекрасныхъ духовныхъ пѣсенъ. Но возвратимся къ Вингорду, къ которому я отправился прямо изъ ботаническаго сада. Его пріятная физіогномія, дышащая кротостію, и ласковое, хотя важное обращеніе, должны покорять ему сердца всѣхъ, кто къ нему приближается. Но такъ какъ у шведовъ, при оцѣнкѣ каждаго согражданина, важную роль играетъ вопросъ — къ какой партіи онъ принадлежитъ, то у Вингорда есть и враги. Почти всѣ лица въ высшемъ составѣ университета придерживаются къ охранительной системѣ; тому же образу мыслей слѣдуетъ и архіепископъ. Во время предыдущаго сейма онъ сильнымъ вліяніемъ своимъ на дѣла навлекъ на себя ненависть противной партіи: по наущенію либераловъ чернь шумѣла передъ домомъ, который онъ занималъ въ Стокгольмѣ, и правительство, для предупрежденія опасныхъ послѣдствій, принуждено было прибѣгнуть къ военной силѣ.

У Вингорда столкнулся я съ профессоромъ Аттербомомъ, который по своимъ сочиненіямъ болѣе всѣхъ другихъ интересовалъ меня. Онъ пришелъ къ проканцлеру для того, чтобы испросить разрѣшеніе начать свои лекціи двумя недѣлями позже прочихъ преподавателей: это время нужно ему было для окончанія 3 тома издаваемой имъ книги о шведской литературѣ. На немъ былъ мундирный фракъ (настоящихъ мундировъ нѣтъ и у профессоровъ), который отъ обыкновеннаго фрака отличается только тѣмъ, что на черномъ бархатномъ воротникѣ чернымъ же шелкомъ вышита лавровая вѣтвь; на груди у профессора былъ орденъ сѣверной звѣзды, жалуемый за литературныя заслуги. Аттербомъ человѣкъ средняго роста съ явными признаками тѣлеснаго изнуренія отъ чрезмѣрныхъ трудовъ. Вскорѣ пришелъ еще профессоръ правъ, Скредеръ, однофамилецъ, но не родственникъ библіотекаря. Разговоръ коснулся, между прочимъ, новаго учрежденія тюремъ, которое, будучи основано на правилахъ излишней и неумѣстной филантропіи, представляетъ много смѣшныхъ сторонъ. По опредѣленію предыдущаго сейма вводится въ Швеціи филадельфійская система келлій или уединенія преступниковъ. На улучшеніе устройства тю-

ремъ, не считая издержекъ на возведеніе самыхъ темничныхъ зданій, пошло уже около милліона рублей, тогда какъ на многія другія общеполезныя учрежденія отказано въ способахъ. Содержаніе арестантовъ обходится дорого и доставляетъ виновному столько удобствъ, что люди, которыхъ нищета довела до крайности, часто желаютъ попасть въ тюрьму и нарочно для того рѣшаются на преступленія. Здѣсь услышалъ я анекдотъ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ прочитанный мною уже въ газетахъ. Гдѣ-то тюрьму осматривалъ мѣстный начальникъ. Увидѣвъ одного арестанта въ кандалахъ, онъ строгимъ тономъ спросилъ у коменданта крѣпости, что̀ это значитъ. Комендантъ отвѣчалъ, что этого преступника опасно держать безъ оковъ, потому что онъ уже нѣсколько разъ бѣгалъ. Пустяки, сказалъ начальникъ,—видно съ нимъ не умѣли обходиться; надобно болѣе полагаться на чувство человѣческаго достоинства и чести. Любезный, продолжалъ онъ, обращаясь къ арестанту: даешь ли ты мнѣ честное слово, что и безъ цѣпей не уйдешь отсюда? Мошенникъ поклялся; съ него сняли кандалы. Черезъ нѣсколько недѣль онъ оправдалъ довѣренность своего благодѣтеля, воспользовавшись первымъ случаемъ къ побѣгу. Какъ-то однакожъ его поймали. Комендантъ, донося о томъ начальнику, испрашивалъ разрѣшенія: прикажетъ ли онъ *теперь* заковать этого человѣка? — Нѣкоторые ревнители благосостоянія преступниковъ до того доходили въ своемъ усердіи, что предлагали устроить для арестантовъ музыкальные вечера и водить ихъ въ театръ, такъ какъ извѣстно, что эстетическія наслажденія, особливо музыка, смягчаютъ душу. Кто-то (но это ужъ, вѣроятно, въ видѣ ироніи) требовалъ, чтобы арестантамъ давали говядину *безъ жилъ*. Есть особыя общества, которыхъ цѣль разговорами и наставленіями улучшать нравственность арестантовъ и всячески облегчать ихъ участь: одинъ изъ членовъ такого общества, заставъ преступника опечаленнымъ отъ бесѣды пастора и чтенія священныхъ книгъ, такъ разжалобился, что въ утѣшеніе далъ ему романъ и просилъ его не читать такихъ книгъ, которыя только разстраиваютъ духъ. Вотъ анекдоты характеристическіе, хотя нѣкоторые изъ нихъ, можетъ быть, и представляютъ смѣшную черту нравовъ въ нѣсколько преувеличенномъ видѣ.

Участіе проканцлера въ дѣлахъ университетскихъ вообще незначительно; впрочемъ степень его много зависитъ отъ самаго лица, исполняющаго эту должность. Такъ въ Лундѣ епископъ всегда присутствуетъ на засѣданіяхъ академической консисторіи (совѣта); а Вингордъ никогда не ходитъ на эти собранія; по его мнѣнію проканцлеръ — только посредникъ между университетомъ и канцлеромъ. До сихъ поръ еще всѣ училища въ Швеціи подлежатъ вѣдѣнію епископовъ и духовныхъ совѣтовъ; но въ нынѣшнее время все болѣе и болѣе слышатся голоса въ пользу отмѣны этого стариннаго порядка вещей

и пишутся проекты новаго управленія учебною частію. — Во время разговоровъ нашихъ вошла сестра архіепископа, графиня ***, которая, овдовѣвъ, живетъ у него. Въ шесть часовъ подали чай. Когда отпили его, я сталъ прощаться съ хозяиномъ; профессора послѣдовали моему примѣру. Пока они раскланивались съ графинею, я былъ приглашенъ архіепископомъ къ обѣду на вторникъ.

Профессора здѣшніе вообще дѣятельны. Аттербомъ, занимающій каѳедру эстетики, написалъ много въ разныхъ родахъ. Въ концѣ перваго десятилѣтія нынѣшняго вѣка въ литературѣ Швеціи происходилъ замѣчательный переворотъ. Въ Упсалѣ составили общество молодыхъ литераторовъ, которыхъ главнымъ стремленіемъ было — національность и самобытность; Аттербомъ былъ однимъ изъ самыхъ жаркихъ поборниковъ новаго направленія и ратовалъ за него въ журналѣ *Фосфоръ,* отъ чего и вся эта школа въ насмѣшку названа была *фосфористами.* Тогдашніе стихи Аттербома доставили ему славу поэта, и въ самомъ дѣлѣ въ нихъ виденъ талантъ — у него много воображенія, чувства и граціи; жаль только, что вездѣ обнаруживается система, стараніе осуществить любимую теорію, и отъ того — изысканность. Аттербомъ издавалъ и книги философическаго содержанія, въ которыхъ имѣлъ въ виду — дружить философію съ поэзіею. Изъ всѣхъ трудовъ его едва-ли не самый замѣчательный — послѣдній, еще не вполнѣ изданный. Это — критическое разсмотрѣніе замѣчательнѣйшихъ писателей Швеціи, подъ заглавіемъ *Шведскіе ясновидцы и поэты,* въ хронологическомъ порядкѣ. По части исторіи литературы мало есть книгъ съ такимъ достоинствомъ и интересомъ, какъ эта. Любимымъ предметомъ изученія автора былъ Сведенборгъ; ему посвященъ почти цѣлый томикъ, отъ котораго, особливо шведскія дамы, въ восторгѣ. Тутъ привлекательно изложены религіозныя мечты этого необыкновеннаго человѣка. Латинскихъ фоліантовъ его никто не читаетъ; извлечь изъ нихъ сущность и изложить его начала сколько можно общепонятнымъ языкомъ не могло быть трудомъ неблагодарнымъ.

Аттербомъ—человѣкъ средняго роста, худощаваго сложенія; въ лицѣ его выраженіе кротости и меланхоліи, но нѣтъ ничего значительнаго, и глаза загораются только, когда мысль обильною рѣчью льется изъ устъ. Онъ разсказываетъ хорошо, хоть и подробно: таковъ онъ и на письмѣ. Иногда меня поражаетъ его задумчивость. Говорятъ, онъ сдѣлался гораздо молчаливѣе съ тѣхъ поръ, какъ имѣлъ несчастіе получить на улицѣ сильный ушибъ въ голову.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда молодые принцы посѣщали лекціи въ Упсалѣ, Аттербомъ давалъ имъ приватные уроки въ эстетикѣ. Его каѳедра всегда привлекаетъ много слушателей и, что̀ всего лестнѣе, слушательницъ. Въ одну осень онъ сбирался читать публичныя лекціи въ Стокгольмѣ; но тогда-то и случилось несчастіе, подѣйствовавшее такъ вредно на его здоровье.

Я провелъ у него вечеръ. Жена и двѣ дочери, изъ которыхъ одна взрослая — свѣтлокудрая дѣва сѣвера съ голубыми глазами и привѣтливой улыбкой, — сидѣли съ нами и принимали живое участіе въ разговорѣ. Гостями были, кромѣ меня, трое профессоровъ. Хозяинъ былъ говорливъ и разсказалъ нѣсколько забавныхъ университетскихъ анекдотовъ. Въ старину между профессорами оригиналы встрѣчались чаще, нежели нынче; уморительно слышать, какъ нѣкоторые изъ нихъ производили домашніе экзамены. На бумагѣ и при томъ въ русскомъ переводѣ эти анекдоты не были бы такъ смѣшны, а потому здѣсь и не повторяются.

Студенты въ прежнее время хоть были грубѣе, но за то какъ-то и полновѣснѣе. Лѣтъ за 20 тому назадъ они дѣльнѣе занимались литературой; теперь же всего болѣе читаютъ газеты и переводы французскихъ романовъ. Правда, и многія злоупотребленія вывелись. Прежде между студентами было много женатыхъ, а теперь нѣтъ. Но все еще не хорошо то, что всякій доцентъ (сверхштатный преподаватель безъ жалованья) спѣшитъ завестись женою.

Пріятный вечеръ у Аттербома заключился ужиномъ. Употребленіе водки въ Швеціи замѣтно уменьшается и ужъ во многихъ домахъ не подаютъ ея; такъ было и здѣсь. Не думаю, чтобы хозяинъ принадлежалъ къ обществу трезвости.

Самою большою производительностію между упсальскими учеными отличается Пальмбладъ, профессоръ греческой литературы. Онъ напечаталъ множество романовъ, повѣстей, учебныхъ книгъ и проч. Теперь издаетъ онъ журналъ и газету. Литературные журналы почти совсѣмъ перевелись въ Швеціи; политика поглощаетъ все вниманіе публики. Изрѣдка появится какой-нибудь тощій журналецъ, и вскорѣ — за недостаточнымъ числомъ подписчиковъ — опять скроется. *Журналъ для образованія и пользы* — такъ называется изданіе Пальмблада — живетъ еще только второй годъ; сомнительно, чтобъ блѣдная Парка не коснулась его въ скоромъ времени. Каждый мѣсяцъ выходитъ претоненькая книжечка; между статьями попадаются очень дѣльныя, бываютъ и пустенькія.

Газетъ — легіонъ; въ кандитерскихъ хоть другимъ чѣмъ не разлакомишься, — зато всѣ столы покрыты періодическими листами всѣхъ форматовъ и цвѣтовъ: есть газеты утреннія и вечернія, еженедѣльныя и ежедневныя, серіозныя и забавныя, консервативныя и либеральныя, столичныя и провинціальныя — чего хочешь, того просишь. Особыхъ конторъ газетныхъ нѣтъ, но на множествѣ мелочныхъ лавокъ вы читаете надпись: раздача такой-то или такихъ-то газетъ въ такомъ-то часу. Издаются онѣ людьми всякаго разбора. Отвѣтственнымъ редакторомъ бываетъ часто какой-нибудь сапожный подмастерье, наборщикъ и т. п., который вовсе не знаетъ содержанія газеты, да и не въ состояніи

судить о немъ, но служитъ подставнымъ лицомъ какому-нибудь спекулянту. У министра юстиціи испрашивается разрѣшеніе на изданіе газеты. Въ случаѣ злоупотребленія свободы книгопечатанія, отвѣтственный редакторъ отдается подъ судъ. Назначается 9 присяжныхъ, именно: пятерыхъ избираетъ судилище, четверыхъ (?) обвинитель и четверыхъ (?) же обвиненный. Для приговора нужно согласіе шестерыхъ. *Воскресный Листокъ* издавался какимъ-то молодцомъ, который прежде былъ на конторѣ и обокралъ хозяина; у него былъ и сотрудникъ, достойный его. Газета ихъ распространяла духъ якобинизма и читалась всего болѣе въ питейныхъ домахъ. Пасторъ, оклеветанный ею въ лихоимствѣ на выборахъ, подалъ на редакторовъ жалобу; слѣдствіемъ было заключеніе ихъ въ тюрьму на хлѣбъ и на воду съ лишеніемъ честнаго имени. Какъ корифеи періодической литературы—прославились Крузенстольпе, Линдбладъ (оба уже знакомые съ тюрьмою) и Альмквистъ, извѣстный и плодовитый писатель; впрочемъ Крузенстольпе своими политическими романами пріобрѣлъ еще болѣе популярности. *Вечерній Листъ*, дерзко и рѣзко-либеральный журналъ, въ которомъ участвуетъ Альмквистъ, читается болѣе всѣхъ другихъ; какъ ни много у него враговъ, онъ по разнообразію содержанія привлекаетъ подписчиковъ всѣхъ партій и расходится въ числѣ 4000 экз. слишкомъ, что̀ для Швеціи необыкновенно много. Охранительная партія считаетъ въ рядахъ своихъ не мало людей съ талантами и искусныхъ писателей; къ ней же принадлежатъ почти всѣ профессора Упсальскаго университета. Съ годъ тому назадъ Пальмбладъ рѣшился основать газету, которая бы соединенными усиліями благоразумныхъ литераторовъ противодѣйствовала ярости *Вечерняго Листа* и обличала его неправды. Такъ возникла упсальская, строго консервативная газета *Время*, наполняемая очень дѣльными статьями и по тому самому не пользующаяся большимъ расходомъ. — Вмѣстѣ съ Аттербомомъ отправился я къ Пальмбладу. Когда мы вошли, передъ нимъ лежали три мелкихъ ассигнаціи: онъ былъ погруженъ въ счеты по редакціи *Времени*. Это человѣкъ высокаго роста, сильнаго сложенія; но хромая нога, заставляющая его подпираться палкою, сроднила его съ человѣческою немощью — не безъ пользы для литературныхъ трудовъ его, поставивъ ему домосѣдство въ необходимость. Вскорѣ обращеніе Пальмблада показало мнѣ въ немъ человѣка любезнаго и общительнаго.

Тѣ же свойства замѣтилъ я и вообще въ упсальскихъ профессорахъ; педантизмъ между ними рѣдкость. Этимъ обязаны они частью самому шведскому характеру, частью близости столицы. Давно повторяютъ: „Les Suédois sont les Français du Nord",—не скажу, что справедливо; выраженію этому посчастливилось не потому, чтобъ въ немъ было много истины, а потому, что оно въ первый разъ употреблено было Людовикомъ XIV, который хотѣлъ порадовать шведовъ компли-

ментомъ и не могъ выдумать лучшаго: потомство овладѣло его фразою, забывъ впрочемъ ея происхожденіе. Нѣтъ, шведы мало похожи на французовъ, если дѣло будетъ итти о цѣлыхъ націяхъ; но правда, что между образованными людьми обѣихъ, какъ и всѣхъ націй въ мірѣ, можно натянуть нѣкоторыя сходныя черты. Тѣмъ не менѣе шведы точно любезны и предупредительны.

Къ нашему обществу присоединился еще профессоръ. Разговоръ коснулся *Времени*. О тонѣ газеты судили различно: одинъ изъ присутствовавшихъ упрекалъ ее въ томъ, что съ нѣкоторыхъ поръ она сдѣлалась слишкомъ заносчивою и, позволяя себѣ личности, становится на одну доску съ своимъ противникомъ. Редакторъ въ оправданіе свое отвѣчалъ, что другіе, напротивъ, ставятъ ему въ вину излишнюю мягкость. Жаль, что *Время*, какъ ни право оно, такъ тяжело и однообразно. Съ бо́льшею легкостью и пестротою содержанія оно бы лучше достигало своей цѣли. Толпа — вездѣ толпа: основательностью доводовъ ее не урезонишь.

При прощаніи Пальмбладъ позвалъ меня къ себѣ на вечеръ въ воскресенье, сказавъ, что въ этотъ день у него всегда сбирается нѣсколько пріятелей.

Воскресенье, 3 окт. 1847.

Рано утромъ шелъ снѣжокъ и въ воздухѣ чувствительно было дыханіе зимы.

Я пошелъ къ обѣднѣ въ колосальную соборную церковь. Пасторъ Росъ говорилъ проповѣдь о необходимости духовнаго перерожденія человѣка. У шведскихъ проповѣдниковъ есть особая манера, которой всѣ они болѣе или менѣе вѣрны: у всѣхъ ихъ какая-то общая пѣвучая рѣчь, неестественная, а потому и непріятная. Въ обрядахъ богослуженія у шведовъ сохранилось гораздо болѣе слѣдовъ католицизма, нежели у нѣмцевъ; даже облаченіе шведскихъ пасторовъ, особливо въ случаяхъ болѣе торжественныхъ, напоминаетъ одежду священниковъ западной церкви. Удивительно, что и въ самомъ составѣ проповѣдей шведы строго соблюдаютъ извѣстный однообразный порядокъ и формы, предписанныя условными правилами духовнаго ихъ краснорѣчія. Текстъ, молитвы, стихи, заимствованные изъ какого-нибудь духовнаго поэта — все имѣетъ въ каждой проповѣди свое опредѣленное, постоянное мѣсто. Въ церкви живутъ обычаи, занесенные туда изъ міра суеты и которые потому давно бы уже слѣдовало отмѣнить. У прихожанъ, имѣющихъ вѣсъ и достатокъ, есть особыя скамьи, запирающіяся на ключъ и никому постороннему недоступныя. Отъ того случается иногда, что такія скамьи никѣмъ не заняты, а въ то же время многіе изъ присутствующихъ должны *стоять* за неимѣніемъ лучшаго мѣста! — Здѣсь на открытыхъ скамьяхъ въ срединѣ храма сидѣло множество женщинъ простого званія; частое наклоненіе головы

всѣми ими вдругъ могло бы показаться мнѣ страннымъ, еслибъ я уже прежде не замѣтилъ, что это движеніе повторяется каждый разъ, когда пасторъ произноситъ имя Спасителя. Служившаго пастора считаютъ піэтистомъ; проповѣдь его была обыкновенная.

Послѣ обѣдни навѣстилъ я профессора богословія Фалькранца, извѣстнаго многими счастливыми выходками остроумія и написанною имъ въ молодости поэмою *Ансгарій* (первый проповѣдникъ христіанства въ Швеціи). Собраніе картинъ, украшающее комнаты Фалькранца, показываетъ въ немъ любителя, а можетъ быть и знатока искусствъ.

Потомъ я былъ у Беттигера, экстраординарнаго профессора эстетики. Онъ принадлежитъ къ новому поколѣнію шведскихъ поэтовъ, но состоитъ въ близкомъ родствѣ и съ старымъ, будучи женатъ на дочери Тегнѐра. Бюстъ пѣвца Фритіофа и Акселя привѣтствуетъ васъ здѣсь въ изящно убранномъ жилищѣ его зятя и преемника по званію члена шведской академіи. Беттигеръ издаетъ полныя сочиненія Тегнѐра и готовитъ къ первому тому жизнеописаніе славнаго поэта. Мнѣніе этого молодого ученаго о Россіи приноситъ честь его уму и образованности, показывая безпристрастіе, довольно рѣдкое въ его отечествѣ, когда дѣло идетъ о „славянскомъ колоссѣ".

Для перемѣны обѣдалъ я на станціи, а не въ трактирѣ, гдѣ остановился. На новомъ мѣстѣ все показалось мнѣ еще менѣе удовлетворительнымъ, нежели на прежнемъ: ни порядка, ни опрятности, обѣдъ самый плохой, прислуга никуда не годная. Вышедши отсюда, увидѣлъ я, что на улицѣ несутъ знамя одной изъ студентскихъ націй. Я послѣдовалъ за нимъ, и такимъ образомъ пришелъ на большую площадь, гдѣ толпились студенты и гдѣ надъ ними уже развѣвалось нѣсколько знаменъ. Когда мало-по-малу всѣ собрались, они вслѣдъ за своими знаменами потянулись по длинной улицѣ вправо отъ площади, оглашая воздухъ громкимъ, чрезвычайно согласнымъ пѣніемъ, которое производило прекрасный эффектъ. Къ этой процессіи присоединилось множество постороннихъ людей; изъ любопытства и я вмѣшался въ толпу. Наконецъ она, поворотивъ въ переулокъ, вошла на дворъ и остановилась передъ домомъ, въ который часа за два передъ тѣмъ прибыли королевичи Густавъ и Оскаръ для слушанія въ Упсалѣ лекцій осенняго полугодія. По университетскому обычаю студенты спѣшили торжественно явиться къ принцамъ. На дворѣ раздалась новая пѣснь. Когда она утихла, одинъ изъ студентовъ со знаменемъ въ рукахъ произнесъ громкимъ голосомъ: „Привѣтствіе Ихъ Королевскимъ Высочествамъ отъ общества студентовъ". Между тѣмъ по быстрому движенію огней въ окнахъ дома замѣтно было, что тамъ посѣщенія этого еще не ожидали такъ скоро. Однакожъ черезъ минуту оба принца вышли на подъѣздъ и ласково разговаривали съ нѣкоторыми изъ молодежи; словъ ихъ нельзя мнѣ было разслышать. Вскорѣ

они возвратились въ покои. Студенты опять затянули пѣснь и отправились назадъ на площадь, откуда знамена тотчасъ же разнесены были по домамъ университетскихъ націй.

Кронпринца, канцлера обоихъ шведскихъ университетовъ, не было въ числѣ пріѣхавшихъ сыновей короля. Это были двое средніе: оба они по своимъ дарованіямъ и прекрасному воспитанію составляютъ предметъ общихъ похвалъ. Особенно Густавъ—образецъ любезности; его любимая наука—ботаника; онъ живописецъ и музыкантъ; студенты, идучи встрѣчать принцевъ, пѣли маршъ его сочиненія. Оскаръ[1]) усердно занимается латинскимъ языкомъ и вообще любитель древностей. Нынѣшній семестръ они намѣрены посвятить преимущественно изученію шведскаго права.

Посѣщеніе университета принцами крови ведется въ Швеціи изстари. Въ Упсалѣ бывали на лекціяхъ Густавъ Ваза, Карлъ X, Густавъ III (уже какъ король) и нынѣ царствующій Оскаръ, который до сихъ поръ говоритъ, что онъ, приближаясь къ Упсалѣ, всегда становится молодъ. Никто изъ прежнихъ членовъ королевскаго дома не слушалъ здѣсь лекцій такъ долго, какъ сыновья Оскара: Густавъ провелъ въ Упсалѣ уже четыре семестра.

Помня приглашеніе Пальмблада, я пошелъ на вечеръ къ нему. Тутъ было нѣсколько преподавателей, студентовъ и постороннихъ лицъ. Какъ инспекторъ остготской націи (одной изъ самыхъ многочисленныхъ), Пальмбладъ каждое воскресенье принимаетъ у себя членовъ ея. Въ одной изъ книжекъ своего журнала ученый хозяинъ самъ говоритъ о томъ, напоминая публикѣ и многообразные труды свои. Собравшіяся на этотъ вечеръ дамы сидѣли въ особой комнатѣ. Въ разговорѣ то съ тѣмъ, то съ другимъ я не замѣтилъ какъ прошло время, когда въ гостиной стали накрывать столъ. „Это только маленькая студентская закуска", сказала почтенная хозяйка, приглашая меня присоединиться къ тѣмъ, которые стояли уже вооруженные передъ національными произведеніями ея кухни. Въ 10 часовъ я уже былъ на дорогѣ къ своему пристанищу; шедшіе со мной вмѣстѣ два профессора сказали, что здѣсь вечера рѣдко оканчиваются позже этого.

Понедѣльникъ, 4 окт. 1847. [2])

Для начала осенняго семестра (или, какъ здѣсь говорятъ, *термина)*, сегодня читаются лекціи, но по случаю наступающей ярмарки онѣ завтра опять прекратятся на нѣсколько дней: что городъ, то норовъ! Я рѣшился воспользоваться случаемъ прослушать хоть по одной лекціи нѣкоторыхъ изъ профессоровъ. Аудиторіи помѣщаются въ разныхъ

[1]) Нынѣ царствующій король шведскій. *Ред.*

[2]) Спб. Вѣдомости 1848 г., №№ 277, 280.

зданіяхъ, и потому надобно было очень внимательно прослѣдить программу лекцій, чтобы знать, куда къ кому итти. Въ 9 часовъ утра отправился я слушать профессора статистики, Рингквиста. Онъ стоялъ на каѳедрѣ; передъ нимъ въ довольно тѣсной аудиторіи, куда я вошелъ почти прямо съ улицы, было человѣкъ 10 студентовъ, которые въ эту минуту также стояли. Такъ какъ открывался новый семестръ, то профессоръ, слѣдуя старинному обычаю, прежде всего пожелалъ своимъ слушателямъ „здоровья и всякаго благополучія, поручая себя ихъ довѣренности и дружбѣ“. Потомъ объявилъ онъ намѣреніе приступить къ статистикѣ Австріи, съ тѣмъ, чтобы послѣ заняться надолго Швеціею. Онъ читалъ по тетради. Вотъ въ сущности содержаніе его чтенія: постепенное распространеніе Австріи; политическое и административное ея раздѣленіе; на юго-востокѣ военная граница съ Турціею; устройство этой границы теперь на высшей степени развитія, но оно будетъ упадать по мѣрѣ успѣховъ просвѣщенія; подобная граница была у римлянъ по Дунаю; у русскихъ и поляковъ были военныя линіи для обороны отъ монголовъ; нынѣ на предѣлахъ Россіи расположены казаки донскіе, черноморскіе, уральскіе. Все это пересыпано было достаточнымъ количествомъ цифръ и собственныхъ именъ,— въ числѣ послѣднихъ замѣтилъ я *Чарковъ* (т. е. Харьковъ). Во время лекціи какъ профессоръ, такъ и студенты сидѣли съ накрытой головой; окончивъ свое чтеніе, преподаватель снялъ шляпу и передъ уходомъ объявилъ, что продолженіе будетъ въ пятницу.

Разительный контрастъ съ важностью этой ученой бесѣды составляла бесѣда другого рода, которая не прекращалась во все продолженіе первой. Съ однимъ изъ студентовъ вошла въ аудиторію собаченка; она безпрестанно то лаяла, то пищала; наконецъ ее вывели, но она и за дверьми не угомонилась. Изъ слушателей одинъ только записывалъ содержаніе лекціи; но такъ какъ передъ скамьями нѣтъ ни столовъ, ни пульпетовъ, а только вдоль стѣны тянется взамѣнъ этого родъ панели, то положеніе этого *стенографа* было не самое удобное.

Отсюда пошелъ я въ густавіанскую аудиторію на лекцію латинской литературы. Тутъ было уже отъ 30 до 40 слушателей, изъ которыхъ многіе, конечно, были привлечены извѣстіемъ, что и принцы намѣрены присутствовать на этой лекціи. Вскорѣ ихъ королевскія высочества вошли съ своимъ кавалеромъ, капитаномъ Экетредомъ, всѣ трое въ гражданскомъ платьѣ; Густавъ и Оскаръ заняли двое креселъ, приготовленныхъ для нихъ передъ студентскими скамьями. Вслѣдъ за ними стали входить новые слушатели. Наконецъ, явился и профессоръ, по имени Селле́нъ. Вступивъ на каѳедру, онъ прежде обратился къ принцамъ и сказалъ: „Ваши высочества! Ваше присутствіе отрадно: оно доказываетъ вниманіе и покровительство, какими

науки наслаждаются у насъ передъ самымъ престоломъ; оно оправдываетъ надежды на будущность, которыми бьются сердца подданныхъ. Если мнѣ посчастливится сколько-нибудь содѣйствовать къ распространенію вашихъ свѣдѣній, я буду радоваться не только за себя, но и за все отечество, которое ими воспользуется"... По окончаніи этой краткой рѣчи, принцы накрылись и сѣли. Тутъ профессоръ обратился къ прочимъ слушателямъ, которые опять такъ же, какъ и принцы, встали, снявъ шляпы. „Господа! сказалъ Селле́нъ: въ весеннее полугодіе объяснялъ я Цицерона, теперь особенныя обстоятельства побуждаютъ меня заняться Гораціемъ; это и нужнѣе, потому что его труднѣе понимать..." Развивъ нѣсколько мысль свою, профессоръ сѣлъ-было, но такъ какъ въ этомъ положеніи онъ совершенно исчезалъ за каѳедрою, то надобно было приняться читать стоя. И у него лекція была написана въ тетради. Сообщаю вкратцѣ ея содержаніе: исторія сатиры у римлянъ; различіе мнѣній о происхожденіи названія *сатиры*; Энній, Луцилій, мнѣніе Горація о Луциліи и разборъ этого мнѣнія, которое признано основательнымъ. Эти сатирики казнили порокъ осмѣяніемъ и презрѣніемъ; у Горація сатира перемѣнила характеръ: сдѣлалась мягче и уже поражала не то или другое лицо, а общіе недостатки человѣка. Конечно, и она заимствовала черты свои изъ частныхъ случаевъ, но никто не могъ принимать хулы ея прямо на себя. Причина такой перемѣны заключалась въ положеніи Горація при дворѣ и въ связяхъ его. Онъ смотрѣлъ на пороки человѣческіе— какъ на слабости, какъ на заблужденія въ средствахъ къ достиженію общей цѣли — счастія, и потому говоритъ о недостаткахъ нашихъ снисходительно, съ добродушною улыбкой. У него сатира сдѣлалась курсомъ практической философіи, и съ тѣхъ поръ она у римлянъ замѣнила комедію. Многіе утверждаютъ, что въ сатирѣ не можетъ быть поэзіи. Не будемъ касаться этого вопроса; скажемъ только, что присутствіе поэзіи зависитъ отъ исполненія, а не отъ рода, къ которому принадлежитъ сочиненіе. Но перейдемъ къ первой сатирѣ. — Предметъ ея былъ изложенъ по-шведски: всѣ недовольны своимъ положеніемъ и каждый желаетъ быть на мѣстѣ другого: купецъ завидуетъ законовѣдцу; законовѣдецъ — земледѣльцу и проч. Отъ чего? Сильная жажда наслажденія порождаетъ стремленіе; стремленіе влечетъ за собою заботы, а заботы представляютъ намъ въ лучшемъ видѣ положеніе другого... Разсмотрѣвъ такимъ образомъ содержаніе всей сатиры, профессоръ потомъ сталъ читать по латыни и, останавливаясь черезъ нѣсколько стиховъ, переводилъ ихъ съ объясненіемъ труднѣйшихъ выраженій. Нѣкоторые студенты дѣлали замѣтки въ своихъ книжкахъ, другіе записывали переводъ. Всѣхъ было человѣкъ пятьдесятъ. Принцы тоже кое-что записывали; передъ ними стоялъ круглый столикъ; старинныя кресла, на которыхъ они сидѣли, были очень просты и выкрашены бѣлой краской.

Вся аудиторія, длинная, но узкая, походила на корридоръ. На задней стѣнѣ ея была латинская надпись: „Начало щедротъ Густава III Упсальскому университету, 1767“ [1]). Когда прошелъ часъ, профессоръ объявилъ, что съ разрѣшенія ихъ высочествъ отлагаетъ слѣдующую лекцію до пятницы. При выходѣ принцы съ привѣтливою улыбкою кланялись студентамъ; потомъ, дождавшись въ сѣняхъ профессора, пожали ему руку и пошли вмѣстѣ съ нимъ по городу.

Слѣдующій часъ провелъ я на лекціи Бострема по части практической философіи. Здѣсь все происходило тѣмъ же порядкомъ, какъ и на предыдущихъ лекціяхъ. И тутъ профессоръ читалъ по тетради, будучи едва виденъ изъ-за подновленной каѳедры. Содержаніе прочитаннаго было довольно сухо и служило вступленіемъ къ курсу, который онъ намѣренъ былъ начать; рѣчь шла, по большой части, объ опредѣленіи понятій и словъ. Вотъ, между прочимъ, что было сказано о *знаніи*: „знаніе есть собственно знающій человѣкъ въ отвлеченномъ смыслѣ, безъ отношенія къ другимъ его качествамъ; обработывать науку значитъ обработывать самого себя въ отношеніи къ какимъ-нибудь знаніямъ, дѣлать себя знающимъ, усвоивать себѣ качество знающаго“. Слушателей было человѣкъ 20. Бостремъ былъ прежде однимъ изъ преподавателей у принцевъ; однакожъ они въ этотъ разъ не присутствовали на его чтеніи, сберегая свое вниманіе для лекціи изъ всеобщей исторіи, на которой я и увидѣлъ ихъ снова.

Въ началѣ года умеръ въ Упсалѣ знаменитый профессоръ исторіи, Гейеръ. Покуда каѳедра его еще не замѣщена, лекціи по этой части читаетъ одинъ изъ соискателей вакантной профессіи, Карлсонъ, также бывшій наставникъ принцевъ. Вотъ онъ вошелъ, молодой человѣкъ въ бѣломъ галстукѣ и бѣлыхъ перчаткахъ. „Начатіе всякой работы — многозначительно“, сказалъ онъ, вступивъ на каѳедру. „Тѣмъ многозначительнѣе оно въ настоящемъ случаѣ, что оно ознаменовано вашимъ присутствіемъ, возлюбленные принцы! Эта минута особенно торжественна для меня, бывшаго руководителемъ вашего дѣтства. Тогда я видѣлъ въ Васъ будущность, съ которою связана судьба всѣхъ этихъ молодыхъ людей; теперь Вы посреди ихъ, и мнѣ сладостно видѣть передъ собою трудящимися вмѣстѣ—и Васъ, которые стоите такъ близко къ престолу, и ихъ, которые нѣкогда будутъ содѣйствовать Вамъ въ устроеніи блага народнаго“. Потомъ преподаватель обратился къ студентамъ: „Вы возвратились изъ-подъ домашняго крова, отъ отдыха, отъ наслажденія природою вы возвратились къ труду; но и трудъ не такъ далекъ отъ прочихъ элементовъ жизни, какъ съ перваго взгляда кажется. Трудитесь, потому что отъ усилій

[1]) Praemitiae liberalitatis Gustavi III in Academiam Upsaliensem, 1767. Тогда Густавъ былъ еще кронпринцемъ.

вашихъ въ настоящемъ будетъ зависѣть ваша дѣятельность въ будущемъ". Когда всѣ сѣли, г. Карлсонъ объявилъ, что предметомъ лекцій его будетъ 18-й вѣкъ: „въ немъ увидимъ источникъ всего, что дѣлается нынче; въ немъ откроемъ корень тѣхъ жизненныхъ вопросовъ, которые теперь волнуютъ міръ. Въ началѣ столѣтія передъ нами двѣ войны: одна на сѣверо-востокѣ, другая на юго-западѣ Европы. Изъ нихъ вышли съ торжествомъ два государства, могущественнѣйшія въ наше время, Англія и Россія. Мы прежде обратимъ вниманіе на южную войну, и такъ какъ причины ея кроются въ 17-мъ вѣкѣ, то мы начнемъ обзоромъ событій западной Европы въ эту эпоху". Передъ молодымъ преподавателемъ лежала тетрадь, но онъ не глядѣлъ въ нее, читая свою лекцію, какъ казалось, по памяти. Въ его чтеніи было достоинство, не смотря на излишнюю торжественность тона, обличавшую недостатокъ опытности. Жаль только, что въ концѣ фразъ слова по большей части произносились шопотомъ и пропадали для слушателей, а иногда замѣтно было усиліе памяти при переходѣ отъ предыдущаго къ послѣдующему.

Такимъ образомъ изъ четырехъ лекцій, слышанныхъ мною въ это утро, одна только приближалась къ идеѣ дѣйствительной лекціи. Профессоръ на каѳедрѣ не долженъ быть чтецомъ; изложеніе мыслей на письмѣ назначено для читателей, а не для слушателей. Аудиторія не кабинетъ; въ аудиторію собираются, чтобы почерпать истину въ живомъ источникѣ мысли и слова, а слово, положенное на бумагу, есть уже мертвое слово, и произнесеніе его вслухъ не возвратитъ ему той жизни, которою оно дышало только въ минуту своего рожденія. Назначеніе лекцій — передавать науку живымъ словомъ; профессоръ на каѳедрѣ долженъ быть живою наукою; но если онъ вмѣсто себя подставляетъ тетрадь, то что же самъ онъ? только ея голосъ. Правда, что живое преподаваніе требуетъ со стороны профессора несравненно большаго приготовленія; тетрадь, разъ написанная, можетъ навсегда служить надежною подставой; правда и то, что обстоятельства могутъ иногда оправдывать такой способъ преподаванія, но здѣсь дѣло идетъ только о первоначальномъ и истинномъ характерѣ лекціи. Почему же большая часть профессоровъ прибѣгаетъ къ помощи бумаги? Недостатокъ ли таланта, усердія въ нихъ самихъ причиною тому, или вина заключается въ слушателяхъ, которыхъ вниманіе не вознаграждало бы усилій преподавателя? Иногда, можетъ быть, и дѣятельность писателя приходитъ въ столкновеніе съ дѣятельностью профессора, и, по соображеніи всѣхъ результатовъ той и другой, борьба рѣшается въ пользу первой.

Я сказалъ, что лекція Карлсона только приближалась къ идеѣ истинной лекціи, потому что читать на память въ сущности почти то же, что читать по тетради; но по крайней мѣрѣ тутъ было стремленіе къ чему-то высшему: навыкъ и опытность могутъ со временемъ

дополнить то, чего еще недостаетъ этому преподавателю [1]). При выходѣ изъ аудиторіи принцы пожали ему руку и взяли его съ собой.

Послѣ обѣда посѣтилъ я картинную галлерею, которая покуда помѣщается въ густавіанскомъ зданіи, но должна быть перенесена въ домъ библіотеки. Всего болѣе поразили меня здѣсь: 1) миніатюрный портретъ великой княжны Александры Павловны, присланный Флемингу изъ Петербурга во время пребыванія въ этомъ городѣ Густава IV. Это прелестное изображеніе оживило во мнѣ воспоминанія, связанныя съ исторіею путешествія шведскаго короля и дяди его ко двору императрицы Екатерины въ послѣдній годъ ея царствованія! 2) портретъ Густава Вазы въ оригиналѣ, снятый съ короля при жизни его: внизу написаны эти замѣчательныя слова, взятыя изъ рѣчи короля къ государственнымъ чинамъ: „придетъ пора, когда сыны Швеціи пожелаютъ вырыть меня изъ земли!...“ 3) портреты двухъ изъ самыхъ знаменитыхъ профессоровъ упсальскаго университета, жившихъ въ 17-мъ столѣтіи: Іоанна Мессеніуса и Іоанна Рудбека, которые вели между собой ожесточенную войну, не стѣсняясь приличіями нашего вѣка: однажды на диспутѣ Рудбека Мессеніусъ, прервавъ своего соперника, сталъ громко называть его осломъ, дуракомъ и т. п.; въ другой разъ произошла ссора въ совѣтѣ: дѣло кончилось тѣмъ, что Мессеніусъ, вышедъ изъ терпѣнія, вызвалъ на дуэль Рудбека, бывшаго ректоромъ, и въ ярости удалился, а жена его, услышавъ о случившемся, схватила шпагу и побѣжала въ совѣтъ... у всякаго вѣка свои нравы! Мессеніусъ кончилъ жизнь въ финляндской крѣпости Каянѣ, куда сосланъ былъ Густавомъ Адольфомъ за переписку съ польскою партіей и гдѣ написалъ свою обширную Исторію Швеціи.

На улицахъ Упсалы уже замѣтно было начало ярмарки. Нельзя было придумать менѣе удобнаго порядка: вмѣсто того, чтобы сосредоточить торгъ на площадяхъ, его производятъ здѣсь на главныхъ улицахъ, которыя такъ заставлены телѣгами и завалены товаромъ, что по нимъ даже и пѣшкомъ трудно пробираться, а проѣхать въ экипажѣ и совершенно было бы невозможно. Поэтому-то въ особенности и университетъ бываетъ закрытъ во время ярмарки; меня увѣряли нѣкоторые профессоры, живущіе въ центрѣ города, что покуда она продолжается, они принуждены сидѣть дома, какъ подъ арестомъ. Предметомъ торга служатъ по большей части стулья и другая мебель, не крашенная и не обитая, также посуда и всякія мелкія издѣлія, приготовляемыя крестьянами окружныхъ мѣстъ. Тутъ упсальскіе жители запасаются преимущественно мебелью. При этомъ случаѣ сказывали мнѣ, что изъ окрестностей Готенбурга много подобной мебели вывозится въ Англію, гдѣ почти всѣ сады снабжаются скамьями и

[1]) Нынѣ онъ уже опредѣленъ на мѣсто Гейера.

другими принадлежностями этого рода изъ Швеціи. Главная ярмарка въ Упсалѣ бываетъ въ январѣ и называется *Дизтингомъ* по имени богини Дизы, которой въ древности здѣсь приносимы были жертвы на народномъ вѣчѣ (тингѣ): на эту зимнюю ярмарку свозятся товары изъ всей Швеціи, и даже лапландцы пріѣзжаютъ тогда съ своими мѣхами.

Въ 5 часовъ пошелъ я въ медицинскую аудиторію; тутъ, въ довольно тѣсной комнатѣ, которой стѣны обвѣшаны были гравированными портретами ученыхъ, собралось при мнѣ человѣкъ пятнадцать студентовъ. Въ шведскихъ университетахъ на каждую лекцію положено по часу, но никто изъ преподавателей не приходитъ, пока не пройдетъ четверти. Этотъ старинный обычай такъ укоренился, что сдѣлался почти правиломъ, и льготная четверть часа (даже и въ другихъ случаяхъ) извѣстна во всѣхъ скандинавскихъ земляхъ подъ именемъ *академической*. Когда она кончилась, на каѳедру взошелъ плотный и нѣсколько сутуловатый мужчина, съ сѣдою головой, съ полнымъ, выразительнымъ лицомъ, на которомъ игралъ густой румянецъ. Это былъ Вассеръ, о которомъ я уже говорилъ. Онъ славится даромъ слова и, какъ я слышалъ, всегда импровизируетъ свои лекціи; однакожъ и съ нимъ была тетрадь. Густымъ голосомъ и торжественнымъ тономъ началъ онъ: „Господа! съ душевнымъ волненіемъ приступаю къ своимъ лекціямъ, потому что чувствую, что склоняюсь къ землѣ и что мнѣ уже не долго быть съ вами. Могу сказать съ наслажденіемъ и по совѣсти, что въ мое время медицина въ Упсалѣ была въ лучшемъ состояніи, нежели въ какомъ я засталъ ее, и это относится не только къ знаніямъ, но и къ нравственной сторонѣ нашего сословія. Однакожъ еще остается обстоятельство, которое огорчаетъ меня, когда смотрю на васъ. Я старъ и опытенъ; привѣтствуя васъ, скажу вамъ замѣчаніе важное: у насъ вошло въ обычай откладывать какъ можно далѣе экзамены и самое приготовленіе къ нимъ, и молодые люди оканчиваютъ курсъ въ такомъ возрастѣ, когда часть лучшаго времени жизни для энергической дѣятельности уже прошла невозвратно. Въ медицинѣ особенно важно начинать рано, въ ней однихъ знаній недостаточно; нужны убѣжденія, начала, а они бываютъ плодомъ опытности и должны созрѣвать въ собственной нашей душѣ. Медицина трудна; надобно рано съ нею свыкаться: послѣ тридцатилѣтняго возраста уже тяжело, невозможно вникнуть во всѣ таинства званія врача. Она трудна; велики трудности сàмаго ремесла; не надобно увеличивать ихъ послѣдствіями юношескаго легкомыслія“. Послѣ этого отеческаго наставленія, которое выслушано было съ напряженнымъ вниманіемъ, профессоръ сталъ продолжать описаніе лѣкарствъ, прерванное лѣтними вакаціями, и, разсуждая о примѣненіи упоминаемыхъ имъ средствъ къ разнымъ болѣзнямъ, часто ссылался на свои

опыты и рецепты. Темнота не позволяла ему пользоваться тетрадью. Я сожалѣлъ, что свойство предмета не давало мнѣ возможности повѣрить молву объ ораторскихъ дарованіяхъ этого преподавателя.

На вечеръ былъ я званъ къ профессору Беттигеру. Жена его, дочь покойнаго Тегнѐра, напомнила мнѣ прелестныя головки въ англійскихъ *кипсекахъ*. Зная, что я перевелъ поэму ея отца, она встрѣтила меня дружескимъ привѣтствіемъ и поняла мою шутку, когда я сказалъ, что коротко знакомъ съ ея сестрой, одною изъ сагъ. Здѣсь уже сидѣлъ Аттербомъ. „Что вы такъ задумчивы“? спросилъ я его,—„вѣрно вы мысленно продолжаете заниматься тѣмъ дѣломъ, отъ котораго только-что оторвались? — Можетъ быть, отвѣчалъ онъ улыбаясь. Вскорѣ онъ оживился, когда я завелъ разговоръ о любимомъ предметѣ его занятій — таинственномъ Сведенборгѣ. Между прочимъ, онъ сообщилъ мнѣ, что сбирается составить біографію этого ясновидца, имѣя въ рукахъ интересныя письма, касающіяся до него и писанныя по-англійски. При этомъ случаѣ Аттербомъ разсказалъ мнѣ много любопытныхъ подробностей объ этомъ человѣкѣ. Разъ онъ былъ на кораблѣ съ дамами и привелъ ихъ въ удивленіе своего любезностію; онѣ признались ему, что совсѣмъ не то ожидали найти въ немъ, но онъ увѣрилъ ихъ, что „всегда любилъ дамское общество“. Вскорѣ однакожъ онъ изумилъ ихъ другимъ образомъ: онъ вдругъ увидѣлъ на мачтѣ датскаго короля съ супругою! Напрасно дамы спорили съ нимъ, утверждая, что на мачтѣ нѣтъ рѣшительно никого, и Сведенборгъ, въ глазахъ ихъ, изъ любезнаго человѣка превратился въ чудака. Дѣйствительно ли онъ видѣлъ видѣнія? По крайней мѣрѣ, самъ онъ убѣжденъ былъ, что видѣлъ ихъ: въ этомъ нельзя сомнѣваться. Одинъ нѣмецкій ученый, разсуждая о Сведенборгѣ, приписывалъ его ясновидѣніе магнитическому состоянію. Но въ Сведенборгѣ не было ничего общаго съ обыкновенными ясновидцами, въ немъ не замѣтно было никакой болѣзненности; онъ всегда былъ здоровъ, бодръ и веселъ; у него не было рѣзкихъ границъ между состояніемъ ясновидѣнія и тѣмъ, въ какомъ всѣ мы находимся: онъ могъ разговаривать съ кѣмъ бы ни было и вдругъ увидѣть Моисея, Гомера, Платона. Съ невѣрующими онъ не любилъ разсуждать о своихъ видѣніяхъ, и того, кто сомнѣвался, отсылалъ онъ къ своимъ сочиненіямъ, объявляя, что все, сказанное въ нихъ, буквально согласно съ истиною. Если же кто и послѣ того не убѣждался, то онъ говорилъ, что не удивляется этому, и скорѣе переходилъ къ другому предмету. Доказательствомъ, что онъ своихъ видѣній не вымышлялъ, можетъ служить анекдотъ, разсказаный Аттербому покойнымъ епископомъ Францéномъ, который его слышалъ отъ самого очевидца. Молодой магистръ Абоскаго университета, впослѣдствіи знаменитый ученый ***, путешествовалъ по Европѣ, и, пріѣхавъ въ Лондонъ, почелъ обязанностію посѣтить Сведенборга,

проводившаго послѣдніе годы жизни по большой части въ этомъ городѣ. Человѣкъ, который пошелъ въ кабинетъ его доложить о пріѣзжемъ, возвратился съ отвѣтомъ, что у него кто-то есть и что онъ проситъ магистра посидѣть въ залѣ. Мѣсто, гдѣ г. *** расположился, было близъ дверей кабинета, и онъ могъ слышать часть разговора, происходившаго за ними. Тамъ кто-то ходилъ взадъ и впередъ и съ живостью изъяснялся по-латыни. По мѣрѣ приближенія его къ дверямъ и удаленія отъ нихъ, голосъ его звучалъ то громче, то тише, то совсѣмъ умолкалъ. Во время паузъ, повторявшихся черезъ нѣсколько времени, иногда чаще, иногда рѣже, говорилъ кто-то другой, какъ надобно было заключить изъ словъ, доходившихъ до магистра; но, къ удивленію, другого голоса вовсе не было слышно, и о присутствіи собесѣдника могъ онъ догадываться только по смыслу разговора. Рѣчь шла о римскихъ древностяхъ, особливо о времени императора Августа. Магистръ самъ былъ коротко знакомъ съ этимъ предметомъ, и потому разговоръ вполнѣ овладѣлъ его вниманіемъ, тѣмъ болѣе, что онъ изъ слышимаго почерпалъ много совершенно новыхъ подробностей... Вдругъ дверь кабинета открылась, и въ залу вошелъ человѣкъ, въ которомъ пріѣзжій по портретамъ и описаніямъ легко узналъ Сведенборга: лицо его такъ и сіяло радостью. Магистръ всталъ, и хозяинъ слегка поклонился ему, но только мимоходомъ: все вниманіе его было приковано къ чему-то невидимому, котораго онъ провожалъ, раскланиваясь и осыпая его любезностями на самомъ чистомъ латинскомъ языкѣ. Наконецъ, дойдя до дверей прихожей, онъ сталъ прощаться съ таинственнымъ гостемъ и взялъ съ него обѣщаніе, что тотъ вскорѣ воротится. Послѣ того онъ ласково подошелъ къ магистру, какъ къ путешественнику, который пріѣхалъ изъ Швеціи и могъ сообщить ему много новаго о родномъ краѣ. Извиняясь, что долго заставилъ ждать пріѣзжаго, онъ съ восторгомъ сталъ распространяться о пріятномъ посѣщеніи, которымъ былъ задержанъ, и спросилъ магистра: „а знаете ли вы, ктò у меня былъ? отгадайте!“ Не берусь, отвѣчалъ тотъ. „Вообразите: Виргилій! и повѣрите ли? прелюбезный человѣкъ! я всегда былъ самаго выгоднаго о немъ мнѣнія, и онъ того заслуживаетъ. Онъ столько же скроменъ, какъ уменъ, обязателенъ и интересенъ“.—Такимъ я его и представлялъ себѣ.—„И вы не ошибались. Можетъ быть вамъ извѣстно, что я въ первой молодости много занимался римскою литературой и даже писалъ латинскіе стихи?“—Знаю, и многіе высоко цѣнятъ ихъ.—„Очень радъ. Но съ тѣхъ поръ прошелъ цѣлый вѣкъ; другія занятія и мысли удалили меня отъ затѣй юности. Неожиданное посѣщеніе Виргилія пробудило во мнѣ бездну воспоминаній; и когда я нашелъ въ немъ такого милаго, обязательнаго человѣка, мнѣ захотѣлось воспользоваться случаемъ, чтобы разспросить о разныхъ предметахъ, по которымъ никто другой не могъ бы

такъ хорошо удовлетворить моего любопытства. И онъ далъ мнѣ слово побывать вскорѣ опять... Однакожъ теперь поговоримъ о другомъ! Разскажите, что̀ дѣлается у насъ въ Швеціи? пойдемъ, сядемъ въ моемъ кабинетѣ". И послѣ этого уже не было рѣчи ни о чемъ необыкновенномъ; необыкновенна была только изумительная ученость Сведенборга по всѣмъ отраслямъ знаній. Нѣсколько разъ ходилъ къ нему молодой путешественникъ и всегда оставлялъ его съ истиннымъ удивленіемъ и съ благодарностью за его поучительную бесѣду, за его искреннюю готовность служить совѣтомъ и дѣломъ; однакожъ, прибавлялъ самъ ***, не могъ въ душѣ не сожалѣть, что этотъ геніальный человѣкъ на одномъ пунктѣ рѣшительно помѣшанъ".

Изъ другихъ гостей, бывшихъ со мною на этомъ вечерѣ, замѣтилъ я вице-библіотекаря Фанта и англійскаго chargé d'affaires, котораго имени не припомню. Незадолго передъ ужиномъ явился и старый мой знакомый, г. Скредеръ, библіотекарь и профессоръ исландской литературы. Онъ былъ въ такъ называемомъ мундирѣ (во фракѣ съ чернымъ шитьемъ на черномъ воротникѣ) и въ орденахъ, потому что провелъ вечеръ у принцевъ и пришелъ сюда прямо отъ нихъ. Принцъ Оскаръ, недавно путешествовавшій по Европѣ, привезъ изъ Италіи антики, которые онъ намѣренъ подарить университету. Для разбора на нихъ надписей и т. п. онъ въ этотъ вечеръ пригласилъ въ себѣ трехъ профессоровъ, въ числѣ которыхъ былъ и г. Скредеръ, какъ знатокъ древностей; съ ними находился у принцевъ и г. Карлсонъ, исправляющій должность профессора исторіи. Пока Оскаръ съ этими учеными разсматривалъ муміи и хартіи, старшій принцъ, Густавъ, срисовывалъ ихъ или списывалъ надписи, чтобы сохранить и для себя воспоминаніе этихъ древностей.

Я ничего еще не сказалъ о наружности королевичей. Оба они и въ чертахъ лица и во всемъ своемъ сложеніи носятъ отпечатокъ нѣжной юности; у обоихъ выраженіе физіономіи привѣтливое, но у младшаго болѣе важности, тогда какъ улыбка, открытый видъ и кудрявые волосы придаютъ головѣ Густава что-то болѣе свѣтлое. Говорятъ, что они своимъ рѣдкимъ образованіемъ особенно обязаны прекраснымъ свойствамъ своей матери, королевы. Всѣ бывшіе ихъ наставники слѣдуютъ охранительнымъ началамъ и за то подвергаются частымъ нападеніямъ со стороны извѣстныхъ газетъ.

Вторникъ, 5 октября.

Въ старину сословіе профессоровъ богато было оригиналами. Нынче они живутъ только въ анекдотахъ, оживляющихъ академическіе вечера. Однакожъ есть еще немногіе остатки вѣка, въ которомъ было, правда, менѣе утонченности, политуры, сглаживающей всѣ рѣзкія неровности, но зато болѣе самобытныхъ характеровъ. Къ числу такихъ

остатковъ древностей принадлежитъ старый профессоръ ботаники и зоологіи, г. Валенбергъ. О немъ я уже упоминалъ въ моихъ *письмахъ* изъ Швеціи [1]); въ немъ еще и теперь легко узнать того оригинала, о которомъ Стеффенсъ говоритъ въ своей автобіографіи, какъ о молодомъ человѣкѣ, убѣгавшемъ общества и исходившемъ пѣшкомъ всю Швецію съ котомкой на плечахъ. Между тѣмъ онъ своими учеными трудами пріобрѣлъ европейскую извѣстность. Мнѣ хотѣлось увидѣть его на каѳедрѣ. Поутру я пошелъ въ его маленькое царство — ботаническій садъ; тамъ въ его аудиторіи, вокругъ бюста Линнея, разложены были травы — знакъ, что онъ, наперекоръ ярмаркѣ и общему примѣру, намѣренъ былъ и въ этотъ день читать лекцію. Однакожъ слушателей, кромѣ меня, не явилось, и я воротился домой съ тѣмъ же, съ чѣмъ пошелъ.

Я отправился къ другому ботанику, также знаменитому въ ученомъ свѣтѣ, г-ну Фрису, собственно профессору сельскаго хозяйства, но, за недостаткомъ охотниковъ заниматься этою частію, вступившему въ соперничество съ г. Валенбергомъ. Г. Фрисъ давно уже изучаетъ, съ особенною любовью, самыхъ смиренныхъ гражданъ растительнаго царства, многими презираемыхъ и гонимыхъ, но въ немъ нашедшихъ безкорыстнаго защитника: это — *грибы*, которымъ онъ передъ учеными оказалъ уже немалыя услуги. Г. Фрисъ славится умомъ и краснорѣчіемъ, и потому не разъ уже былъ избираемъ въ члены государственнаго сейма. Оба шведскіе университета имѣютъ право посылать на сеймъ опредѣленное число представителей. Нынче опять производятся выборы на предстоящее вскорѣ собраніе государственныхъ членовъ, и г. Фрисъ снова удостоился общаго довѣрія своихъ сослуживцевъ. И онъ, подобно большей части ихъ, принадлежитъ къ охранительной партіи. Его увлекательный, оживленный разговоръ нѣсколько объяснилъ уваженіе, какимъ пользуется его ораторскій талантъ. Высокій ростъ, пріятное выраженіе лица и такое же обращеніе сообщаютъ всей его особѣ представительность, довершающую силу его слова. „Въ Швеціи, сказалъ онъ мнѣ между прочимъ, все въ наше время быстро измѣняется; одна реформа слѣдуетъ за другою; издатели газетъ — разстроившіеся въ дѣлахъ подмастерья или исключенные студенты — еще болѣе разжигаютъ страсть къ новизнѣ. Вотъ плодъ свободы тисненія; къ счастью, газетные крикуны не пользуются никакою довѣренностію, и брань ихъ не можетъ оскорблять разсудительнаго человѣка. Кто черезъ сто лѣтъ захочетъ узнать старинную Швецію, тотъ долженъ будетъ ѣхать въ Финляндію“.

Фамилія почтеннаго грибовѣдца, по происхожденію,—нѣмецкая: предки его были родомъ изъ Лифляндіи.

[1]) См. выше, стр. 495, 503.

Мнѣ оставалось еще осмотрѣть то университетское зданіе, гдѣ помѣщаются зала совѣта (консисторіи) и правленіе (ректорская канцелярія). Внутренность этого дома, по недостатку простора, по ветхости мебели и бѣдности всѣхъ принадлежностей, составляетъ разительную противоположность съ громкою славою Упсальскаго университета. Но таково значеніе духовной силы, что она и на самую убогую внѣшность, ее облекающую, бросаетъ отблескъ своего свѣта. Я не могъ безъ особеннаго уваженія смотрѣть на этотъ простой столъ, за которымъ пересидѣло такъ много людей, великихъ умомъ и ученостью. На этомъ столѣ лежали передо мною томы собранія шведскихъ законовъ, библія и тетрадь университетскаго устава. До сихъ поръ этотъ уставъ, которому уже около 200 лѣтъ, еще никогда не былъ напечатанъ. По древности его, многое въ жизни обоихъ университетовъ опредѣляется болѣе обычаемъ, нежели правилами. Нынче, наконецъ, почувствовали необходимость составить новые академическіе статуты, и для того въ Стокгольмѣ учрежденъ комитетъ подъ предсѣдательствомъ канцлера университетовъ, кронпринца. Тутъ лежали также эмблемы власти ректора, т. е. ключи его и два серебряные скипетра, которые въ торжественныхъ случаяхъ несутъ передъ нимъ двое изъ нижнихъ университетскихъ служителей въ особомъ костюмѣ. Все это остатки почтенной старины; къ числу ея памятниковъ принадлежатъ и торжественные обряды, сопровождающіе здѣсь раздачу ученыхъ степеней. Въ послѣднее время эта поэзія среднихъ вѣковъ стала находить болѣе и болѣе противниковъ въ самихъ университетскихъ сословіяхъ; но для прозы нашего вѣка еще не настала эпоха совершенной побѣды: защитникамъ поэтическихъ обычаевъ удалось отстоять древнія церемоніи съ лавровыми вѣнками, эмблематическими кольцами, малиновою мантіею ректора и т. п. И здѣсь, какъ въ домахъ націй (описанныхъ мною въ другомъ мѣстѣ), можно было читать на стѣнахъ исторію университета въ изображеніяхъ множества представителей его отъ самыхъ первыхъ временъ его существованія. Все дышало здѣсь древностью, и въ минутѣ настоящаго вмѣстились для меня вѣка прошедшаго.

Лучше поздно, чѣмъ никогда—гласитъ заморская поговорка, и я отсюда пошелъ къ ректору, профессору богословія, г. Кнёсу. Говоря математическимъ языкомъ, должность его находится въ обратномъ содержаніи къ его наружности, потому что онъ ростомъ ниже всѣхъ своихъ товарищей. Это не мѣшаетъ ему быть чрезвычайно разсудительнымъ человѣкомъ и любимымъ сослуживцемъ. Прежде ректора смѣнялись здѣсь каждые полгода; нынѣ они остаются въ своей должности по году; назначаются они по избранію совѣта, но избираются по очереди.

Многія изъ подробностей, услышанныхъ мною отъ ректора, вошли уже въ мои письма, почему я здѣсь и не буду останавливаться на этомъ посѣщеніи

По приглашенію, полученному мною нѣсколько дней тому назадъ, обѣдалъ я у архіепископа вмѣстѣ съ большимъ числомъ пасторовъ, пріѣхавшихъ сюда изъ всей епархіи для совѣщанія съ духовнымъ начальникомъ. Этотъ прелатъ, столько же любезный, какъ и почтенный, посадилъ меня возлѣ себя и между прочимъ разсказывалъ, что онъ вскорѣ долженъ будетъ ѣхать въ Стокгольмъ, какъ для засѣданія на сеймѣ, такъ и для причащенія самаго младшаго изъ принцевъ королевскаго дома; онъ же имѣлъ счастіе совершать таинство надъ троими старшими. Господа пасторы въ своихъ черныхъ кафтанахъ, съ бѣлыми крагенами на шеѣ, сидѣли довольно молчаливо за трапезою своего епархіальнаго главы, примаса всего королевства, и вскорѣ послѣ обѣда начали расходиться.

День окончилъ я въ клубѣ, на балѣ. Въ довольно просторной, но очень скромной залѣ, юноши и дѣвы съ разгорѣвшимися лицами усердствовали тѣломъ и душою на служеніи Терпсихорѣ. Если здѣсь собранъ былъ цвѣтъ прекраснаго пола Упсалы, то, нечего сказать, красота въ этомъ городѣ—неопасная соперница наукѣ. Въ одной изъ боковыхъ комнатъ губернаторъ, баронъ Кремеръ, въ мундирѣ сидѣлъ за картами. Благодаря его обязательному приглашенію, я познакомился здѣсь еще съ однимъ профессоромъ — юристомъ Боэціусомъ, и съ г. Карлсономъ, который показалъ мнѣ, что интересуется русскою исторіею. Позже пришелъ г. Скредеръ и пригласилъ меня внизъ отужинать вмѣстѣ съ нимъ. Это былъ послѣдній день моего пребыванія въ Упсалѣ. На другое утро въ восемь часовъ я уже стоялъ на пароходѣ, который по мутнымъ волнамъ Фюриса и по живописному Мелару долженъ былъ отвезти меня обратно въ Стокгольмъ.

III.

Прогулка по Готскому Каналу [1].

Между предметами, заслуживающими особеннаго вниманія въ Швеціи, Готскій каналъ занимаетъ почетное мѣсто. Устроенный по большей части въ каменистомъ грунтѣ, восходя мѣстами на крутыя скалы и подымаясь однажды до трехъ сотъ футовъ высоты надъ поверхностью моря — онъ во всякой странѣ составилъ бы гигантскій памятникъ побѣды человѣка надъ природою; а въ бѣдной и малолюдной Швеціи это величественное сооруженіе можно назвать настоящимъ чудомъ труда и искусства. Готскій каналъ соединяетъ два важнѣйшіе города Швеціи, Стокгольмъ и Готенбургъ, и чрезвычайно сокращаетъ путь изъ Нѣмецкаго моря въ Балтійское.

[1]) Сѣв. Обозрѣніе 1849. т. I, стр. 470—488.

Пробывъ нѣсколько недѣль въ Стокгольмѣ, я рѣшился посѣтить нѣкоторыя изъ южныхъ провинцій и въ то же время прогуляться по Готскому каналу. У Риддаргольмской пристани на озерѣ Меларѣ, стоитъ множество пароходовъ для сообщенія какъ съ внутренними, такъ и съ приморскими городами. По обилію водъ въ Швеціи пароходы представляютъ для нея особенную важность, и число ихъ въ цѣломъ королевствѣ доходитъ нынче уже до шестидесяти; озеро Меларъ усѣяно ими. Тутъ стоялъ и *Командиръ-Капитанъ* (это названіе парохода означаетъ чинъ въ шведской морской службѣ), который долженъ былъ на другой день въ 5 часовъ утра отплыть въ Готскій каналъ. Пасторъ Д., весельчакъ и большой охотникъ до филологическихъ наблюденій, отправлялся домой въ свой пасторатъ и взялъ на этотъ пароходъ билетъ въ одно время со мною. Всѣ пассажиры заняли свои мѣста уже наканунѣ передъ днемъ отплытія. *Командиръ-Капитанъ,* какъ вообще шведскіе пароходы, устроенъ очень удобно: въ просторныхъ и щеголеватыхъ каютахъ, расположенныхъ по обѣ стороны коридора, помѣщается по два человѣка, и двѣ кровати стоятъ одна противъ другой; въ каждой каютѣ есть особое окошечко и столикъ, на которомъ можно писать, какъ дома. Топка производится дровами, и запасаются ими на привалахъ.

Прекрасная тихая погода благопріятствовала нашему плаванію. Предстоявшій намъ путь естественно раздѣлялся на три части: мы должны были сперва плыть по озеру Мелару; потомъ выйти въ Балтійское море, а тамъ, взявъ опять на западъ, вступить въ знаменитый каналъ. Онъ идетъ сначала въ прямомъ западномъ направленіи до озера Веттера и на этомъ протяженіи называется Остготскимъ по провинціи Остготландіи, которую перерѣзаетъ; далѣе, изъ Веттера каналъ идетъ на сѣверо-западъ до озера Венера, и на этомъ разстояніи называется Вестготскимъ по имени Вестготландіи. Послѣдній отдѣлъ пути, отъ Венера до Готенбурга, составляетъ рѣка Гота, для обхода которой мѣстами опять продолжается каналъ.

Видъ Стокгольма со стороны Мелара такъ же прекрасенъ, какъ съ моря, или, можетъ быть, еще прекраснѣе. Едва разбудилъ меня шумъ тронувшихся колесъ, какъ я поспѣшилъ на палубу, и чудное зрѣлище въ сіяніи утренняго солнца вознаградило меня за краткость отдыха. По мѣрѣ того, какъ городъ живописно терялся въ отдаленіи, передъ нами являлись берега озера, покрытые зеленью и выдающимися между нею зданіями; каменные помѣщичьи дома и группы острововъ безпрестанно смѣнялись передъ глазами. Я развернулъ карту водяного пути отъ Стокгольма до Готенбурга.

Капитаномъ нашимъ былъ молодой человѣкъ, служащій во флотѣ. Въ Швеціи флотскіе офицеры имѣютъ право въ лѣтнее время принимать на себя управленіе частными пароходами. Господинъ Лагербергъ

воспитывался въ извѣстномъ Карлсбергскомъ военномъ училищѣ (въ Стокгольмѣ), очень образованъ, знаетъ англійскій языкъ и такъ страстно любитъ англійскую литературу, что даже на пароходѣ, въ свободныя минуты занимается ею. Въ рукахъ его былъ „The cricket of the hearth" (Домашній Сверчокъ) Диккенса. По своей опрятной наружности, — на немъ была синяя куртка и синяя фуражка, — по живости и ловкости своихъ движеній, по участію, какое принималъ во всѣхъ разговорахъ, онъ скорѣе походилъ на свѣтскаго джентльмена, нежели на капитана судна. Изъ пассажировъ всего болѣе оживлялъ общество пасторъ Д., который то объяснялъ намъ этимологію шведскихъ словъ и вновь придуманные имъ грамматическіе термины, то приносилъ изъ своей каюты книги и показывалъ намъ, то читалъ отрывки изъ рѣчей, произнесенныхъ имъ въ торжественныхъ случаяхъ, то разсказывалъ забавные анекдоты. Иногда откровенная сообщительность его почти сбивалась на каррикатуру, но въ его рѣчахъ выражалось столько чистосердечія, что весело было слушать его, тѣмъ болѣе, что филологическія выходки обнаруживали долговременные труды и много остроумія, или, какъ самъ онъ думаетъ, плоды особеннаго филологическаго вдохновенія, которое дается свыше избранникамъ науки слова. Онъ привыкъ говорить простонароднымъ языкомъ, часто придавая словамъ формы, слышимыя только въ крестьянскомъ быту, откуда почерпнута и большая часть его анекдотовъ. Хохотунъ-пасторъ и ловкій капитанъ такъ сошлись другъ съ другомъ, что въ первый же день знакомства, за завтракомъ, пили братство и отъ строгаго разговорнаго этикета шведовъ перешли на дружеское *ты*.

Вскорѣ къ картинамъ природы, разнообразно смѣнявшимся около насъ, присоединился рядъ историческихъ воспоминаній, которыми чрезвычайно богаты южныя области Швеціи. Мы будемъ останавливаться на главныхъ изъ нихъ. Справа, на высокой скалѣ, отвѣсно подымающейся изъ озера, видна надъ огромнымъ шестомъ желѣзная *Королевская Шляпа* (kungshatt); такъ называютъ ее, а по ней и красивое помѣстье, лежащее тутъ на берегу острова. Памятникъ этотъ объясняютъ различно. Самое общеизвѣстное преданіе утверждаетъ, будто какой-то древній король, преслѣдуемый датчанами, бросился съ вершины скалы вмѣстѣ съ конемъ въ озеро и при этомъ потерялъ шляпу; но могучій конь остался невредимъ въ паденіи и благополучно вынесъ своего всадника на противоположный берегъ.

Мимо множества островомъ вышли мы на открытое пространство озера, называемое *Бьёркъ* (Береза). Справа въ отдаленіи представляются три большіе острова. По преданію, на одномъ изъ нихъ (Бьёркэ) первый проповѣдникъ христіанства въ Швеціи, Ансгарій, началъ обращеніе язычниковъ, почему въ честь его и воздвигнутъ здѣсь памятникъ. Но это преданіе, кажется, несправедливо: Ансгарій началъ про-

повѣдывать евангеліе гдѣ-то въ Биркѣ, а сходство этого имени съ названіемъ помянутаго острова недостаточно для такого предположенія. Бьёркэ по своимъ стариннымъ гробницамъ и руинамъ вполнѣ заслуживаетъ вниманія любителей древности.

На южной оконечности длиннаго и узкаго залива, образуемаго Меларомъ, лежитъ одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Швеціи *Сёдертелье* (Södertelje) [1]. Отсюда въ Балтійское море ведетъ небольшой каналъ, начатый еще въ пятнадцатомъ столѣтіи; въ нынѣшнемъ видѣ онъ оконченъ въ 1819 году. Мы остановились передъ шлюзами; изъ краснаго городишка, лежавшаго съ правой стороны отъ насъ, выбѣжало нѣсколько бабъ, у которыхъ въ рукахъ были корзины съ пряниками. Онѣ проворно перешагнули на пароходъ, предлагая пассажирамъ свой товаръ; когда же мы опять тронулись, онѣ едва успѣли, лазя и прыгая, возвратиться на берегъ.

Одна старуха, засуетясь, чуть не сдѣлала такого salte mortale, послѣ котораго пришлось бы ей кормить своими пряниками развѣ только шведскихъ русалокъ. По обѣ стороны узкаго канала высятся крутыя скалы; когда мы ихъ миновали, въ морскомъ заливѣ показалась гавань города Сёдертелье.

Черезъ нѣсколько времени мы увидѣли передъ собой передовой край длиннаго острова Мэркэ [2], и на немъ старинный замокъ *Херningсхольмъ* (Hörningsholm), достопамятный въ шведской исторіи и нынѣ принадлежащій графу Бонде. Полагаютъ, что этотъ островъ еще въ языческія времена служилъ мѣстопребываніемъ удѣльныхъ конунговъ (королей). Въ шестнадцатомъ вѣкѣ онъ принадлежалъ знаменитому роду Стуре, и тогда-то возникъ здѣсь величественный укрѣпленный замокъ. По несмѣтному богатству Стуровъ и по свойству ихъ съ Густавомъ Вазою, имѣніе это долго считалось важнѣйшимъ въ государствѣ, — первымъ послѣ королевскихъ. Три героя изъ рода Стуре были, одинъ за другимъ, предшественниками Густава Вазы въ борьбѣ за освобожденіе Швеціи отъ датскаго владычества. Въ царствованіе сына Густавова, Іоанна, жила здѣсь вдова графа Сванте Стуре, графиня Мерта (Märta), которую за ея твердый характеръ и величавый умъ называли *королемъ* Мертою. Съ одною изъ дочерей ея, Магдалиною, случилось здѣсь романическое происшествіе, глубоко огорчившее старуху мать. Магдалина или, какъ обыкновенно зовутъ ее, Малинъ Стуре давно была страстно любима своимъ двоюроднымъ братомъ,

[1]) Окончаніе *telje* встрѣчается въ названіи многихъ шведскихъ городовъ. Нѣкоторые полагаютъ, что это слово происходитъ отъ глагола *tälja* — рѣзать, тесать (по-французски tailler), и въ такомъ случаѣ оно бы соотвѣтствовало нашему лѣтописному выраженію: *срубить городъ*.

[2]) Mörkö; шведское слово ö значитъ островъ; holm означаетъ островъ меньшаго размѣра.

Эрикомъ Стенбокомъ и отвѣчала ему взаимною любовью. Стенбокъ нѣсколько разъ просилъ ея руки, но мать, находя въ близкомъ родствѣ ихъ препятствія къ супружеству, упорно отказывала въ своемъ согласіи. Уже ему минуло 34 года, Магдалинѣ было 33. Тогда Эрикъ склонилъ ее бѣжать съ нимъ изъ родительскаго дома. Онъ повѣрилъ свою тайну брату короля, двадцатилѣтнему герцогу Карлу и получилъ отъ него 200 всадниковъ въ помощь. Скрывъ ихъ въ окрестностяхъ Херннигсхольма, онъ въ одинъ мартовскій вечеръ 1573 года отправился въ зàмокъ и здѣсь переночевалъ. На другой день сани его стояли заложенные передъ подъѣздомъ. Въ присутствіи родныхъ онъ пригласилъ Магдалину прогуляться съ нимъ, посадилъ ее съ кормилицею въ сани, а самъ на запятки. Когда они спустились на ледъ озера Мелара и направили путь къ Стокгольму, домашніе съ ужасомъ догадались, въ чемъ дѣло. Въ гнѣвѣ и отчаяніи мать приказала старшей дочери ѣхать вслѣдъ за ними. Сесиліи удалось настигнуть и видѣть ихъ въ домѣ, гдѣ они остановились дорогою, но убѣжденія ея были тщетны. Подъ прикрытіемъ герцогскихъ всадниковъ Стенбокъ отвезъ невѣсту въ свое имѣніе, а самъ поѣхалъ въ Стокгольмъ. При дворѣ между тѣмъ уже получили жалобу несчастной матери, и Стенбокъ былъ лишенъ должности и свободы. Вскорѣ однакожъ онъ, по стараніямъ родственниковъ, былъ освобожденъ. Черезъ полтора года послѣ похищенія Магдалины онъ съ нею обвѣнчался. Магдалина глубоко чувствовала свою вину, скорбѣла, носила всегда трауръ, умоляла мать о прощеніи, но Мерта оставалась непреклонною. Наконецъ, когда прошло еще полтора года, она позволила дочери и зятю явиться въ Херннигсхольмъ. Однакожъ, прежде, нежели ихъ впустили въ самый зàмокъ, они должны были нѣсколько времени жить въ банѣ. Въ день, назначенный для пріема ихъ, Мерта сидѣла въ залѣ на почетномъ мѣстѣ, окруженная остальными дѣтьми своими. Едва Магдалина показалась въ дверяхъ, мать воскликнула: „Ахъ! ты, несчастное дитя!" Тогда Магдалина упала на колѣни и такимъ образомъ проползла до своей матери, приникла головой къ ея ногамъ и, заливаясь слезами, просила прощенія. „Но Эрикъ, сказано въ современномъ письмѣ, писанномъ изъ зàмка, Эрикъ шелъ прямо, какъ всегда, а можетъ быть и еще прямѣе". Мать простила кающуюся, назначила ей богатое приданое и черезъ нѣсколько недѣль великолѣпно праздновала въ зàмкѣ крестины внука, здѣсь же родившагося. Король Іоаннъ и герцогъ Карлъ были воспріемниками Стенбокова сына, и вмѣстѣ со всѣми принцессами присутствовали на пирѣ.

Въ подвалѣ зàмка найдены человѣческія кости въ цѣпяхъ, — конечно, остатки сидѣвшихъ тамъ нѣкогда въ заключеніи.

Проплывъ мимо всего острова и оставивъ за собою многія группы другихъ острововъ, мы поровнялись съ широкимъ заливомъ Балтій-

скаго моря, Бровикомъ (vik, заливъ); съ лѣвой стороны у насъ было открытое море. Вѣтеръ, прежде довольно умѣренный, вдругъ сдѣлался чрезвычайно чувствителенъ; насъ окружала мрачная пустыня сѣрыхъ, бурно скачущихъ волнъ; встрѣчающіяся тутъ шкеры [1]) дики и голы; ближайшіе къ твердой землѣ острова съ виду также довольно угрюмы, но на нихъ природа привѣтливѣе. Они населены по большей части лоцманами. На пароходѣ нашемъ за кормою развѣвался прежде синій флагъ съ двумя желтыми, на-крестъ проведенными полосами; теперь, когда съ парохода сошелъ лоцманъ, флагъ этотъ вдругъ исчезъ: это было знакомъ, что намъ болѣе не нужно лоцмана.

Мы продолжали плыть на югъ, потомъ вошли въ большой заливъ Слетбакъ и такимъ образомъ стали приближаться къ началу Готскаго канала, который сливается съ этимъ заливомъ, глубоко вдающимся въ землю. Берега его живописны; по обѣ стороны разстилались передъ нами плодоносныя поля Остготландіи. При входѣ въ заливъ насъ восхитила одна изъ прекраснѣйшихъ руинъ въ цѣлой Швеціи: на островѣ высится бѣлая башня посреди ограды каменныхъ стѣнъ, образующихъ четвероугольникъ и обвалившихся только сверху. Это знаменитый въ древней шведской исторіи зàмокъ *Стегеборгъ*, гдѣ еще въ тринадцатомъ столѣтіи жилъ съ дворомъ своимъ король Биргеръ (внукъ Биргера Ярла). Впослѣдствіи зàмокъ этотъ не разъ выдерживалъ достопамятныя осады и переходилъ изъ рукъ въ руки во время междоусобій и датскихъ войнъ. Густавъ Ваза возобновилъ его, построивъ величественное зданіе, котораго стѣны отчасти уцѣлѣли донынѣ. Король былъ здѣсь, когда въ этомъ зàмкѣ родился второй его сынъ, Іоаннъ; матерью Іоанна была вторая, самая любимая супруга Густава, Маргарита Лейонхувудъ, родная сестра прежде упомянутой нами Мерты Стуре. Во время войны короля Сигизмунда съ дядею его, герцогомъ Карломъ, вблизи Стегеборга произошло между ними сраженіе, и зàмокъ взятъ былъ Карломъ, одержавшимъ побѣду.

Мы переплыли заливъ во всю длину его и вечеромъ стояли передъ первымъ шлюзомъ Готскаго канала. Въ лѣтнее время шлюзы открываются во всякую пору, только-что подойдетъ судно; но теперь было уже 30 августа (н. ст.), и стража имѣла право не пропускать насъ. Мы надѣялись, что прекрасная лунная ночь будетъ уважена въ нашу пользу, но на просьбу о томъ послѣдовалъ рѣшительный отказъ. Нѣкоторые пассажиры полагали, что просьба была бы исполнена, еслибъ ее приправили чѣмъ-нибудь подѣйствительнѣе. „Можетъ-быть“, ска-

[1]) Въ новѣйшее время нѣкоторые стали писать *шеры;* это, конечно, согласнѣе съ произношеніемъ шведскаго *skär*; но слово *шкеры* у насъ уже пріобрѣло право гражданства со временъ Петра Великаго. Что за дѣло, что мы выговариваемъ его не такъ какъ Шведы? Впрочемъ и они сами въ старину произносили *скеръ*.

залъ молодой аптекарь, „они пробуютъ, не *смажутъ* ли ихъ немножко". Это замѣчаніе меня поразило, какъ доказательство, что и въ странѣ, которая славится уваженіемъ къ закону, водятся извѣстныя продѣлки. Однакожъ высказанное подозрѣніе на этотъ разъ было несправедливо: стража слѣдовала предписанію и не склонилась ни на какія убѣжденія. Надобно было здѣсь переночевать. Вправо отъ насъ, близъ берега, видно было старинное помѣстье Мемъ, нынѣ принадлежащее барону Зальца. Мы большимъ обществомъ пошли прогуляться по саду, разведенному подъ горою. Въ довольно высокомъ каменномъ домѣ ни одно окно не свѣтилось огнемъ; все спало, и мы, побродивъ по пустыннымъ дорожкамъ, могли только убѣдиться, что мѣстоположеніе сада очень живописно. Пріятнѣе было бы застать здѣсь жизнь, и я не безъ сожалѣнія воротился на пароходъ [1]).

Пока онъ отдыхаетъ, кстати будетъ передъ входомъ въ шлюзы сказать нѣсколько словъ о Готскомъ каналѣ. Это одинъ изъ обширнѣйшихъ каналовъ въ Европѣ; вся цѣпь водъ, въ которой онъ служитъ существеннымъ звеномъ, то есть все разстояніе отъ Стокгольма до Готенбурга, составляетъ 560 верстъ; а отъ перваго шлюза, гдѣ мы теперь стоимъ, до Готенбурга болѣе 360 верстъ. Морской путь отъ залива Слетбака до этого города заключаетъ въ себѣ 900 верстъ. Длина самаго канала, если сосчитать всѣ его отдѣльныя части въ разныхъ мѣстахъ, простирается свыше 80 верстъ. Кромѣ Веттера и Венера, встрѣчающихся на пути его, онъ прерывается еще пятью меньшими озерами. Онъ важенъ не только для внутренняго сообщенія, но и для внѣшней торговли; онъ не только сокращаетъ судамъ путь изъ Нѣмецкаго моря въ Балтійское, но и избавляетъ ихъ отъ взноса датскому правительству пошлины, съ которою сопряжено прохожденіе пролива Эрезунда (Öresund). Но, конечно, по ограниченной ширинѣ канала, эти выгоды доступны только для кораблей извѣстнаго размѣра. Вотъ почему въ Швеціи давно уже помышляютъ объ устройствѣ желѣзной дороги отъ Готенбурга до Стокгольма. Еслибъ этотъ планъ осуществился, то каналъ потерялъ бы отчасти свою нынѣшнюю важность. Но средства Швеціи до сихъ поръ не позволяли еще приступить къ выполненію такого смѣлаго предпріятія [2]).

[1]) Впослѣдствіи я случайно узналъ, что близъ этой первой станціи канала есть предметъ, замѣчательный для русскаго путешественника. Это — небольшая русская колонія или, какъ ее называютъ, Шведы — *казарма Москва.* Вѣроятно, она составилась изъ плѣнныхъ, которые по какимъ-нибудь обстоятельствамъ остались въ Швеціи послѣ одной изъ послѣднихъ войнъ. Я не могъ хорошенько развѣдать, говорятъ ли эти поселенцы по-русски. Мнѣ сказывали, что они, кромѣ отдѣльныхъ словъ, не помнятъ родного языка; но путешественникъ, проѣзжавшій здѣсь во время сооруженія канала, увѣрялъ меня, что онъ слышалъ, какъ они между собой объяснялись по-русски. Любопытно бы было собрать достовѣрныя свѣдѣнія объ этой колоніи; къ сожалѣнію я не могъ того сдѣлать, узнавъ слишкомъ поздно о ея существованіи.

[2]) Нынѣ (1849) начало его уже сдѣлано, благодаря предпріимчивымъ англичанамъ.

Мысль о соединенiи Балтiйскаго моря съ Сѣвернымъ посредствомъ канала въ первый разъ возникла еще въ царствованiе Густава Вазы. Она потомъ занимала почти всѣхъ его преемниковъ. Къ приведенiю ея въ дѣйствiе сдѣланъ былъ важный шагъ въ послѣднiе годы жизни Карла Двѣнадцатаго: тогда съ знаменитымъ шведскимъ механикомъ Польгемомъ (Polhem) заключенъ былъ по этому предмету контрактъ, но внезапная смерть короля прекратила работы. Подобныя попытки возобновлялись и послѣ, но безъ значительнаго успѣха. Наконецъ въ началѣ нынѣшняго столѣтiя идея о необходимости канала нашла ревностнѣйшаго поборника въ графѣ Платенѣ, которому она и обязана своимъ осуществленiемъ. Въ 1806 году издалъ онъ книжку о каналахъ въ Швецiи. Въ самомъ началѣ финляндской войны въ 1808 г. король поручилъ ему заняться приготовительными изслѣдованiями. Платенъ вызвалъ изъ Англiи извѣстнаго механика Тельфорда и съ его помощью составилъ проектъ канала. Съ разрѣшенiя сейма образовалась по этому предпрiятiю компанiя на акцiяхъ. Публика горячо принялась за дѣло, и въ одну недѣлю собрано было болѣе трехъ миллiоновъ риксдалеровъ. Однакожъ, средства компанiи вскорѣ оказались недостаточными, и она принуждена была прибѣгнуть къ помощи государственныхъ чиновъ. Много труда стоило Платену, чтобы убѣдить ихъ въ необходимости поддержать предпрiятiе, и только необыкновенный энтузiазмъ его, только рѣдкая сила его воли могли доставить ему побѣду. Люди, которые прежде показали такое живое участiе въ мысляхъ Платена, сдѣлались теперь его противниками, и онъ долженъ былъ долго и упорно бороться съ ними за каждый клочекъ земли, за каждую ничтожную издержку, потребные для великаго дѣла. Но онъ началъ работы въ одно время на стольких мѣстахъ, что ужъ невозможно было оставить предпрiятiе неконченнымъ. Нѣкоторыя части канала были готовы уже въ двадцатыхъ годахъ (1822 — 1827); но вполнѣ онъ приведенъ къ окончанiю не прежде 1832 года. Высшiй пунктъ на всемъ протяженiи канала составляетъ озеро Викъ, примыкающее съ западной стороны къ Веттеру: здѣсь-то именно высота воды надъ поверхностiю моря доходитъ до 308 футовъ.

Въ 5 часовъ утра меня разбудилъ шумъ воды, низвергающейся тяжелою массою. Къ удивленiю моему, свѣтъ не проникалъ въ окошечко каюты. Не бывавъ никогда въ шлюзахъ канала, я еще не умѣлъ растолковать себѣ окружавшей меня темноты. Вскорѣ дѣло объяснилось. Пока мы спали, передъ пароходомъ отперли ворота, и онъ вошелъ въ шлюзъ, въ которомъ вода была въ уровень съ заливомъ, откуда мы плыли. Теперь надлежало подыматься, чтобы достигнуть впослѣдствiи возвышенной поверхности озера Роксена. Для этого надобно было пройти нѣсколько шлюзовъ, расположенныхъ уступами, т. е. такимъ образомъ, чтобы въ каждомъ послѣдующемъ вода была

выше, нежели въ предыдущемъ. Пароходъ стоялъ въ глубинѣ шлюза между двухъ гранитныхъ стѣнъ, которыя едва не прикасались къ бокамъ его и такимъ образомъ были причиною поразившей меня темноты. Передъ нами были другія ворота; изъ двухъ отверстій, сдѣланныхъ въ ихъ створахъ, съ шумомъ лились двѣ широкія струи; удерживаемая позади насъ запертыми воротами, вода безпрестанно прибывала въ шлюзѣ, а вмѣстѣ съ нею мало-по-малу подымался и пароходъ, такъ что скоро совсѣмъ вышелъ на свѣтъ. Наконецъ, когда высота воды сравнялась съ поверхностію канала въ слѣдующемъ шлюзѣ, передъ нами отворили ворота, и мы проплыли мимо ихъ, послѣ чего они тотчасъ были опять затворены. Такимъ образомъ мы стояли уже выше уровня моря. Такъ будемъ мы и далѣе то постепенно подыматься, то вновь опускаться; въ окончательномъ видѣ механизмъ очень простой, но тѣмъ сложнѣе были средства, служившія для устройства его. Какъ все придумано для облегченья содержанія канала, доказывается уже тѣмъ, что огромныя ворота отворяются только четырьмя человѣками, а иногда и двоихъ достаточно.

Верстъ черезъ пять поровнялись мы съ стариннымъ городомъ Седерчепингомъ [1]). Нѣкогда здѣсь было жилище морскихъ витязей (викинговъ); по введеніи христіанской вѣры находилось тутъ множество церквей и монастырей, что доказываетъ тогдашнюю важность этого города. Небольшая рѣчка, при которой онъ лежитъ, соединяетъ его съ моремъ, и потому онъ могъ быть значительнымъ торговымъ мѣстомъ. Здѣсь встарину часто собирался государственный сеймъ. Когда Густавъ Ваза задумалъ ввести въ Швеціи ученіе Лютера, однимъ изъ главныхъ противниковъ короля и ревностнѣйшимъ защитникомъ католическаго духовенства сдѣлался епископъ Браскъ. Въ Седерчепингѣ Браскъ завелъ было типографію, но такъ какъ въ ней печатались книги, неблагопріятныя распространенію реформаціи, то Густавъ велѣлъ закрыть ее. Браскъ, убѣдившись впослѣдствіи, что съ такимъ государемъ спорить и тщетно, и опасно, удалился изъ Швеціи и умеръ въ Польшѣ.

Противъ города, по другую сторону канала, подымается огромная скала Рамундова — въ древности предметъ суевѣрнаго благоговѣнія: высота ея такъ значительна, что главная городская церковь гораздо ниже ея. На скалѣ видны остатки стариннаго зáмка или укрѣпленія. Пароходъ прошелъ мимо ногъ грознаго великана. Нынѣ Седерчепингъ славится водолѣчебнымъ заведеніемъ. Близъ города есть цѣлебный ключъ, который, какъ гласитъ преданіе, появился на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ непорочная Рагнгильда была казнена смертью. Къ на-

[1]) *Söder* значитъ югъ, а *köping* (произн. чёпингъ) — мѣстечко, или собственно торжище, отъ *köpa*, покупать.

шему пароходному обществу присоединилось двое мужчинъ, которые только-что кончили здѣсь курсъ лѣченія. Они очень хвалили седерчепингское заведеніе, гдѣ въ нынѣшнее лѣто было до 200 посѣтителей, и разсказывали о баснословной дешевизнѣ цѣнъ въ этомъ городѣ. Въ пять недѣль одинъ изъ нихъ издержалъ здѣсь не болѣе 50 рублей серебромъ, считая и плату за квартиру и за лѣченіе.

Такъ какъ пароходъ въ шлюзахъ по необходимости подвигается очень медленно, встрѣчая безпрестанно ворота, то я съ этими двумя господами пошелъ вдоль канала пѣшкомъ. Невдалекѣ отсюда они показали мнѣ мѣсто, гдѣ недавно берегъ на разстояніи нѣсколькихъ саженъ обвалился: вода прорвала топкую землю и унесла съ собою въ глубокую ложбину случившійся тутъ челнокъ. Такимъ образомъ сообщеніе по этой линіи канала на нѣсколько недѣль было прервано; теперь все опять въ исправности. Спутники мои, какъ и вообще большая часть шведовъ, были разговорчивые, любезные люди. Остановясь въ ожиданіи парохода, я, самъ того не замѣчая, хотѣлъ было ногою столкнуть камешекъ въ воду. „Берегитесь, сказалъ веселый камеръ-юнкеръ П.,—всякій камень, брошенный въ каналъ, обходится въ шесть банковыхъ риксдалеровъ, и дирекція неумолимо строга ко взысканію этого штрафа“.

Мѣстами черезъ каналъ проведены мостики особеннаго шведскаго изобрѣтенія: всѣхъ ихъ 54. Каждый мостикъ одною половиной лежитъ на маленькихъ чугунныхъ колесахъ и по нимъ легко и быстро сдвигается на берегъ. Скоро мы очутились передъ мостомъ Веннебергскимъ. Здѣсь открывается одинъ изъ самыхъ живописныхъ видовъ, какіе только можно встрѣтить по всему пути. Каналъ въ этомъ мѣстѣ прорытъ въ скатѣ порядочной возвышенности; вы плывете по косогору и видите внизу, у подошвы ската, ручеёкъ, синею лентой извивающійся между густыхъ кустовъ и деревьевъ. У Веннебергскаго моста оканчивается рядъ шлюзовъ, которые подымаются въ гору на высоту 64 футовъ и составляютъ первую значительную лѣстницу на восточной половинѣ канала. Вся окрестность наполнена возвышенностями и долинами: полагаютъ, что здѣсь нѣкогда было дно значительной рѣки или озера.

При сліяніи канала съ большимъ озеромъ Роксеномъ стоитъ зàмокъ Норсгольмъ, встарину принадлежавшій епископамъ города Линчепинга. Могущественный Браскъ принужденъ былъ уступить его Густаву Вазѣ, но, благодаря поручительству нѣкоторыхъ знатныхъ людей, могъ жить въ немъ по-прежнему. Король, бывъ у него однажды на пиру, освободилъ его даже отъ этого поручительства. Не смотря на то, Браскъ, предвидя паденіе католицизма въ Швеціи, уѣхалъ. Въ Норсгольмѣ есть остатки стариннаго монастыря.

Съ озера Роксена виденъ вдали, на южномъ краѣ озера, красивый

городъ Линчепингъ съ высокою башнею старинной церкви. Этотъ городъ составляетъ средоточіе общественной жизни Остготландіи. Его гимназія считается по своей обширности первою въ Швеціи. Въ исторіи онъ славится кровавымъ событіемъ 1600 года: Карлъ IX, восторжествовавъ надъ племянникомъ своимъ Сигизмундомъ польскимъ, казнилъ здѣсь многихъ изъ первыхъ вельможъ государства за приверженность ихъ къ его противнику. Далѣе вправо видна руина за̀мка, построеннаго вскорѣ послѣ тридцатилѣтней войны. Въ исходѣ прошлаго вѣка огонь истребилъ верхнюю часть зданія, и съ тѣхъ поръ оно не возобновляется. Народъ думаетъ, что пожаръ былъ карою небесной, посланною владѣльцу за то, что при постройкѣ за̀мка онъ заставлялъ работниковъ трудиться черезъ силу. Въ здѣшнихъ развалинахъ, прибавляетъ преданіе, водятся привидѣнья, а въ землѣ зарытъ кладъ. Сѣверный берегъ Роксена employees гористъ и покрытъ лѣсомъ; южный разнообразнѣе и состоитъ, по большей части, изъ плодоносныхъ пашенъ. Тамъ передъ глазами нашими мелькали безпрерывно то церкви, то помѣщичьи дома.

Длина озера Роксена составляетъ не болѣе двадцати-пяти верстъ; на западномъ концѣ его снова начинается каналъ. Здѣсь главные и самые замѣчательные шлюзы на всемъ его протяженіи, числомъ пятнадцать. Помощію ихъ судно подымается тутъ почти разомъ на 136 футовъ, чтобы достигнуть поверхности небольшого озера Бо́рена. Видя передъ собою цѣлую гору, въ которой шлюзы какъ-будто служатъ огромными каменными ступенями, едва вѣришь, чтобы возможно было водою взобраться на такую высоту. У самаго Роксена устроено, непрерывною цѣпью, семь шлюзовъ, названныхъ шлюзами Карла Іоанна; при началѣ ихъ, на озерѣ, превосходная пристань изъ тёсанаго камня; вверху надъ ними просторный бассейнъ. Такіе бассейны подѣланы въ разныхъ мѣстахъ, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ встрѣчи двухъ судовъ одно изъ нихъ могло обождать, пока пройдетъ другое.

Для минованія этихъ первыхъ шлюзовъ нужно было часъ времени. Мы воспользовались возможностію посѣтить между тѣмъ развалины древняго монастыря Вреты, основаннаго въ двѣнадцатомъ столѣтіи. Принадлежавшая къ нему церковь стоитъ неповрежденною и красиво рисуется высокой башнею. Здѣсь погребены многіе древніе короли и другія замѣчательныя лица давно минувшихъ столѣтій. Къ сожалѣнію, пономаря не было дома, и мы не могли попасть во внутренность церкви. По дорогѣ зашли мы на станцію Бергъ. Мнѣ казалось довольно любопытнымъ увидѣть въ первый разъ шведскую станцію во время путешествія водою. Очутиться внезапно, какъ-будто волшебствомъ, въ серединѣ края, гдѣ я еще почти ни шагу не ступилъ по сушѣ, было для меня очень странно, и новость предметовъ занимала меня еще живѣе обыкновеннаго. Впрочемъ, здѣсь на дворѣ я увидѣлъ почти

то же, что встрѣчается на каждой финляндской станціи; только, кромѣ таратаекъ или ратокъ, тутъ были и четырехъ-колесныя телѣги. Вообще въ Швеціи станціонныя повозки представляютъ нѣсколько болѣе удобствъ: у нѣкоторыхъ сидѣнье устроено на желѣзныхъ рессорахъ и покрывается кожаною подушкой. Въ послѣднее время порядокъ дорожной гоньбы въ этомъ государствѣ подвергается значительнымъ измѣненіямъ: прежнія постановленія объ ней рѣшительно благопріятствовали путешественникамъ; нынѣ же приноровлены къ выгодамъ станціонныхъ содержателей и крестьянъ, на счетъ проѣзжихъ, такъ что въ наше время путешествовать по Швеціи сухимъ путемъ накладно. Со двора вошли мы въ большой каменный домъ, принадлежащій къ станціи, и видѣли въ немъ залу съ хорами, въ которой часто танцуютъ и веселятся жители Линчёпинга, откуда только десять верстъ до станціи Бергъ. Вблизи отъ нея есть небольшое имѣніе. Передъ каменнымъ помѣщичьимъ домомъ остановилъ насъ колодецъ, отличающійся прекрасною водою, и мы вошли въ кухню попросить стакана. Кухарка отвѣчала намъ, что всѣ стаканы наверху, потому что господа обѣдаютъ (было два часа); покорившись судьбѣ, мы уже хотѣли было пуститься въ путь, какъ вдругъ служанка принесла сверху два опорожненные стакана, по цвѣту которыхъ легко было догадаться, что изъ нихъ только что выпили молоко. Съ помощію этихъ стакановъ мы могли утолить жажду — своей любознательности.

Между озерами Роксеномъ и Бореномъ каналъ идетъ кривою линіей по высотѣ; внизу, на сѣверной сторонѣ, видны въ нѣкоторомъ разстояніи рѣка Мòтала и озеро, черезъ которое она протекаетъ. Здѣсь каналъ вьется между привѣтливыми лугами, рощами, садами, каменными зданіями, крестьянскими домиками и мельницами, выглядывающими изъ-за густой зелени. Вотъ обширное имѣніе Юнгъ (Ljung) и церковь на холмѣ; принадлежащіе къ дому рощи и сады образуютъ какъ-бы островъ между каналомъ и рѣкою. Нынѣшній зàмокъ съ его богатою библіотекою и другими драгоцѣнными коллекціями основанъ покойнымъ графомъ Акселемъ Ферзеномъ, тѣмъ самымъ, который въ 1810 году былъ убитъ разъяренною чернью на улицахъ Стокгольма. Тѣло его погребено въ Юнгѣ. Послѣ него имѣніе по наслѣдству досталось графу Юлленстольпе.

Передъ входомъ въ озеро Боренъ каналъ протекаетъ какъ-будто по тѣнистому саду, и вдоль берега, между кустарникомъ, извивается красивая дорожка. Озеро Боренъ, замѣчательное своею свѣтлою водою, лежитъ 245 футами выше Балтійскаго моря. Изъ множества любопытныхъ мѣстъ, представляющихся здѣсь по обѣ стороны, особеннаго вниманія заслуживаетъ помѣстье Ульвòса (Ulfåsa), прелестно расположенное на мысѣ; нижняя половина зданія совершенно исчезаетъ за высокими и густыми деревьями, изъ-за которыхъ величественно вы-

дается верхняя часть. Въ XIII вѣкѣ имѣніе это принадлежало роду Биргера-Ярла. Здѣсь жилъ братъ его Бенгтъ, который противъ воли Ярла женился на бѣдной дѣвушкѣ, *Сигридѣ Прекрасной*. Разгнѣванный Ярлъ пріѣзжалъ сюда, чтобы раздѣлаться съ непокорнымъ; но, увидѣвъ красавицу, смягчился, поцѣловалъ ее и сказалъ: „Еслибъ братъ не взялъ тебя, то я самъ хотѣлъ бы сдѣлать то же". Здѣсь же впослѣдствіи жила внука Сигриды, святая Брита, которая въ католическое время болѣе всѣхъ прочихъ святыхъ почиталась шведами. Отъ нея происходитъ знаменитый родъ Браге.

Переплывъ озеро Боренъ во всю длину его, мы очутились передъ новою лѣстницею изъ пяти шлюзовъ, посредствомъ которыхъ суда подымаются на 50 футовъ слишкомъ выше поверхности озера. Это одна изъ превосходнѣйшихъ работъ на всемъ каналѣ. Достигнувъ верхняго шлюза, оглянулся я назадъ, и передъ мной открылся чудеснѣйшій видъ на озеро Боренъ и на привѣтливые берега его. Тутъ я вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими пассажирами сошелъ съ парохода, и вдоль канала отправились мы пѣшкомъ къ городу Мóталѣ, построенному при озерѣ Веттерѣ. Тамъ пароходъ долженъ былъ пристать на ночь, и потому намъ нечего было опасаться, что мы опоздаемъ, хотя разстояніе до Мòталы составляло пять верстъ. Мы шли по обширному парку, который простирается сплошь до самаго города; посреди лиственныхъ деревьевъ всякаго роду здѣсь вьется быстрая рѣка Мóтала, вытекающая изъ озера Веттера и составляющая единственный истокъ его въ Балтійское море. Въ здѣшнихъ окрестностяхъ есть замѣчательная фабрика или такъ называемая *механическая мастерская*, гдѣ изготовляются разные желѣзные снаряды и особенно паровыя машины. Нѣкоторые изъ пароходовъ, плавающихъ на Невѣ, сдѣланы въ Мóталѣ; здѣсь же родина и парохода Furst Menschikoff, служащаго къ сообщенію между Петербургомъ и Стокгольмомъ. Каналъ идетъ мимо фабрики. Директора не было дома; незадолго передъ тѣмъ мы встрѣтили его на озерѣ Боренѣ; онъ пробовалъ два новые парохода, заказанные для Петербурга, для плаванія между городомъ и окрестностями. За отсутствіемъ господина Карлсона одинъ изъ смотрителей заведенія взялся показать намъ его. Въ огромномъ деревянномъ домѣ работаются машины; тутъ видѣли мы почти уже готовый котелъ къ пароходу въ 300 лошадиныхъ силъ, назначенному для шведскаго флота. Въ кузницѣ лежала ось для парохода новаго устройства. Подобныхъ пароходовъ, съ архимедовымъ винтомъ, есть уже нѣсколько въ Швеціи (гдѣ ихъ зовутъ *пропеллами*); одинъ изъ нихъ недавно попался намъ на встрѣчу. Бывавшіе на такихъ пароходахъ жалуются, что они при малѣйшемъ волненіи подвержены чувствительной качкѣ. У нихъ одно только колесо, да и то совершенно погружено въ водѣ, подъ кормою: поэтому главная выгода ихъ та, что движеніе у нихъ гораздо болѣе

обезпечено, нежели у обыкновенныхъ пароходовъ, которыхъ колеса очень легко могутъ быть повреждены, — неудобство, особенно важное въ случаѣ морского сраженія. Мы посѣтили также литейню и другіе отдѣлы завода. Всѣ дѣйствующія здѣсь машины приводитъ въ движеніе одно колесо, 16 футовъ въ діаметрѣ; вращающая его вода течетъ, посредствомъ желѣзной трубы, изъ канала, который въ этомъ мѣстѣ 39-ю футами выше рѣки. Первоначально фабрика учреждена собственно для облегченія работъ при каналѣ; она заложена въ 1822 году подъ руководствомъ англичанина Фразера, вызваннаго графомъ Платеномъ.

Въ тѣни тополей за желѣзной рѣшеткой видна гробница. На камнѣ изъ шведскаго мрамора высѣчена надпись: Бальтазаръ Богиславъ фонъ-Платенъ. Надъ могилою его нѣтъ пышныхъ украшеній; лучшій памятникъ его — самый каналъ, и счастливая мысль — похоронить творца въ виду творенія. Впрочемъ, едва-ли это не было желаніемъ самого покойнаго графа. Онъ не дождался совершеннаго окончанія великаго труда своего и умеръ въ 1829-мъ году.

Когда мы достигли пристани Мóталы, пароходъ былъ уже тамъ. Ночью онъ понесся по волнамъ коварнаго Веттера.

IV.

Отъ Веттера до Вéнера [1]).

1.

Позднее посѣщеніе на берегу озера Веттера.—Городокъ Йо.—Шведскія деньги.—Попутчикъ.—Древняя церковь.—Королевскія гробницы.—Отецъ Сведенборга.

Во время прогулки по Готскому каналу осмотрѣлъ я, между прочимъ, устроенную на берегу его фабрику желѣзныхъ издѣлій, особенно машинъ, въ Мòталѣ. Когда мы возвратились къ пароходу, спутникъ мой, молодой А. (житель этого мѣста), сказалъ мнѣ: Въ нашемъ городѣ живетъ замѣчательная дѣвушка: она съ необыкновеннымъ искусствомъ вырѣзываетъ на деревѣ.—„Не та ли это, спросилъ я, которой работу показывали мнѣ въ стокгольмскомъ дворцѣ? Тамъ на небольшой дощечкѣ прелестно вырѣзана сцена изъ исторіи Густава-Вазы во время его странствованій по Далекарліи“.—Именно это она—Софи́ Избергъ, сказалъ мой знакомый,—вамъ непремѣнно надо посмотрѣть на нее и на ея работы; правда, ужъ поздно и темно, но мы можемъ попробовать. Пойдемъ; только я васъ предваряю, что можетъ быть мы сходимъ понапрасну.

[1]) *Отеч. Записки,* 1850, № 2, т. 68, стр. 203—220.

Намъ предстояло пройти чрезъ весь городъ Мòталу, расположенный дугою передъ самымъ берегомъ озера Веттера,—весь городъ, въ которомъ число улицъ—единица, ни больше, ни меньше, или вѣрнѣе въ которомъ только одинъ, впрочемъ довольно длинный, рядъ домовъ. Мимо порядочной площади, высокой церкви и строеній разнаго цвѣта и рода, мы наконецъ добрались до крайняго домика. — Здѣсь живетъ она, сказалъ А., но у нихъ совершенно темно! Надобно, по крайней мѣрѣ, обойти домикъ, гдѣ скрывается такой рѣдкій талантъ, и я заворотилъ за уголъ хижины.

Едва я поровнялся съ воротами, какъ въ окнѣ вдругъ вспыхнулъ огонь. Черезъ минуту вышла старушка.—„Вотъ, сказалъ А., путешественникъ, который желалъ бы посмотрѣть на вашу дочку". Это неловкое выраженіе едва не испортило всего дѣла. Изъ молчанія старушки легко было замѣтить, что наше позднее посѣщеніе совсѣмъ не нравилось ей. Услышавъ, что я пріѣхалъ изъ-за моря, она однакожъ сдѣлалась сговорчивѣе и наконецъ повела насъ въ комнату. При свѣтѣ огня, разведеннаго въ печкѣ, увидѣлъ я высокаго старика, станокъ и два или три инструмента. Хозяинъ принялъ насъ довольно ласково; вскорѣ вышла изъ другой комнаты дѣвушка лѣтъ двадцати-трехъ, одѣтая небрежно, но съ пріятнымъ выраженіемъ лица и яркими глазами. Всегда видя отца за токарною или столярною работою, она съ дѣтства почувствовала охоту выдѣлывать ножомъ разныя вещицы; не прежде, какъ лѣтъ въ семнадцать, вздумалось ей попробовать свое искусство въ вырѣзываніи мелкихъ барельефныхъ изображеній на деревѣ. Одаренная особеннымъ художническимъ инстинктомъ, она, безъ всякаго посторонняго руководства, стала такимъ образомъ переносить на дерево сложные рисунки, сохраняя во всей точности какъ размѣры, такъ и переходы свѣта и тѣни. Года два тому назадъ представила она королю то изображеніе изъ жизни Густава-Вазы, о которомъ прежде было упомянуто. Она показывала мнѣ трубку, которою теперь занимается, и крошечные инструменты, единственные, какіе она употребляетъ: это родъ миніатюрнаго долотца, величиною съ маленькій перочинный ножикъ.

— Отецъ ея, сказалъ А., когда мы вышли,—торпарь, то-есть бѣдный крестьянинъ, который нанимаетъ у другихъ землицу и уголокъ, гдѣ бы жить. Дѣвушка эта ни за что не хочетъ занять квартиру поприличнѣе, хотя и имѣла бы на то средства.

Вскорѣ послѣ того я прочиталъ въ шведскихъ газетахъ объявленіе о подпискѣ въ пользу Софьи Избергъ.

Я простился съ новымъ и обязательнымъ моимъ знакомымъ. Онъ пошелъ домой къ роднымъ, которыхъ еще не видалъ послѣ недавняго возвращенія изъ путешествія по Германіи; а я поспѣшилъ на пароходъ, гдѣ ожидалъ меня ужинъ.

Motala—чтó бы это было за названіе? Судя по окончанію, оно должно

быть финскаго происхожденія. Такъ сказалъ бы одинъ мой пріятель, корнесловъ, и ошибся бы, потому что имя Мòтала, какъ полагаютъ, произошло отъ перемѣщенія буквъ шведскаго слова lå-mota, которое означаетъ сдѣланную въ рѣкѣ перегородку для ловли угрей: говорятъ, такая перегородка дѣйствительно была когда-то по близости этого города.

Пароходы, которымъ назначено пройти весь каналъ, идутъ изъ Мóталы въ крѣпость Карлсборгъ, лежащую на противоположномъ берегу озера Веттера, откуда плаваніе продолжается каналомъ же къ Вèнеру. Но цѣлью нашего „Командиръ-Капитана" былъ городъ Йёнчепингъ (Jönköping), построенный на южной оконечности Веттера; прежде однакожъ мы должны были пристать къ городу Йо (Hjo), на западномъ берегу этого озера.

Здѣсь вышли многіе изъ пассажировъ, въ томъ числѣ и я. Не зная, что пароходъ пробудетъ здѣсь только нѣсколько минутъ, я едва успѣлъ собрать свои вещи, когда онъ уже готовъ былъ снова отплыть. Такъ какъ берегъ здѣсь мелокъ, то въ нѣкоторомъ отъ него разстояніи устроена особая пристань. Пасторъ Д. и жена его пригласили меня переправиться въ одной лодкѣ съ ними. На берегу стояло множество людей, особливо студентовъ, собиравшихся ѣхать въ Йёнчепингъ. Въ городкѣ Йо всего 600 жителей; несмотря на такое малое населеніе, общественная жизнь, повидимому, здѣсь процвѣтаетъ: на станціи есть зала съ хорами, назначенная для общественныхъ баловъ. Благодаря пастору Д., я здѣсь могъ запастись мелкими деньгами, предметомъ первой необходимости въ дорогѣ. Какой-то купецъ принесъ мнѣ огромную кипу бумажекъ. Шведскія деньги чрезвычайно неудобны тѣмъ, что звонкой монеты почти нѣтъ въ обращеніи: надобно таскать съ собой толстыя пачки бумажекъ, которыхъ большой размѣръ вовсе не соотвѣтствуетъ ихъ малому достоинству. Притомъ должно бы быть гораздо болѣе разныхъ степеней цѣнности; теперь же нѣтъ бумажекъ ниже 8-банковыхъ шиллинговъ (30 коп. мѣдью); итакъ, когда надобно выдать менѣе этого, приходится платить мѣдью. Что касается до самаго счета шведскихъ денегъ, то онъ не труденъ. Есть два сорта денегъ: банковыя и риксгельдъ. Банковый риксдалеръ содержитъ въ себѣ 180 нашихъ мѣдныхъ коп., слѣдовательно соотвѣтствуетъ приблизительно нашему полтиннику: замѣтивъ это, легко переводить всякую сумму, исчисленную банковыми риксдалерами, на русскія деньги. Риксдалеръ-риксгельдъ заключаетъ въ себѣ 120 коп. мѣдныхъ. Въ каждомъ риксдалерѣ 48 шиллинговъ. Когда говорятъ просто *риксдалеръ* и *шиллингъ*, то подразумѣваютъ *риксгельдъ*; слово же *банковый* никогда не опускается.

Увидѣвъ изъ моихъ оконъ прибывшаго вмѣстѣ со мной камеръ-юнкера, я сошелъ внизъ проститься съ нимъ.—„Какъ хорошо, что мы

увидѣлись", сказалъ онъ,—„я только-что о васъ думалъ. Не хотите ли ѣхать вмѣстѣ со мною? Моя коляска еще не пріѣхала; но я нашелъ другую. Видите ли,—прибавилъ онъ, когда мы взошли во дворъ противоположнаго дома,—какой покойный экипажъ? Это кучеръ президента Г. Онъ привезъ сюда семейство, которое гостило у его барина, и теперь долженъ ѣхать назадъ порожнимъ. У насъ одна съ нимъ дорога; готовы ли вы ѣхать сейчасъ?"

Хотя и располагалъ пробыть нѣсколько времени въ Йо, но предложеніе было такъ соблазнительно, что я нисколько не колеблясь согласился.

Итакъ мы пустились въ путь: совершенно неожиданно первая моя сухопутная поѣздка въ чужомъ краю началась самымъ пріятнымъ образомъ: случай не могъ устроить ничего болѣе для меня выгоднаго. Въ этомъ была еще и та польза, что я могъ присмотрѣться, какъ въ Швеціи поступаютъ на станціяхъ, какъ расплачиваются съ подводчиками,—предметы, въ которыхъ быть новичкомъ очень невыгодно для проѣзжаго.

Камеръ-юнкеръ говорилъ почти безъ умолка и передалъ мнѣ много любопытнаго.

На станціи Вертосѣ мы обѣдали. Довольно долго пришлось намъ ждать обѣщанной намъ жареной рыбы; спутникъ мой, выходя изъ терпѣнія, начиналъ уже не на шутку сердиться и обнаруживать передо мной новую сторону своего характера. Хозяинъ этой станціи—одинъ изъ зажиточнѣйшихъ крестьянъ въ этой богатой сторонѣ; но недалеко отсюда живетъ другой—въ своемъ званіи настоящій крезъ, у котораго 100,000 риксдалеровъ наличныхъ денегъ. На дворѣ станціи домъ тинга (суда), гдѣ три раза въ годъ, при объѣздѣ округа судьею, бываетъ большое стеченіе народа. Вдругъ у подъѣзда остановился новый экипажъ. Я спросилъ у нашего кучера, не знаетъ ли онъ, кто пріѣхалъ; но пріятель нашъ былъ ни живъ, ни мертвъ отъ страха—какъ-бы не открылось, что онъ везетъ чужихъ господъ въ коляскѣ своего барина.—„Ради Бога, не говорите со мной", отвѣчалъ онъ на вопросъ мой: „это судья, пріятель президента; онъ меня выдастъ, если замѣтитъ, что вы ѣдете со мной".

Проѣхавъ еще нѣсколько верстъ, я разстался съ камеръ-юнкеромъ: онъ взялъ вправо и отправился въ свое имѣніе, а я въ томъ же экипажѣ продолжалъ путь до городка Шевде (Sköfde), который очень похожъ на своего сосѣда Йо, но перещеголялъ его какою-нибудь сотнею жителей. На другой день остановился я въ 10-ти верстахъ отсюда на станціи *Монастырь* (Klostret), близъ которой находится старинная церковь того же имени. Здѣсь, за церковью, нѣкогда былъ дѣйствительно монастырь, но отъ него не осталось и развалинъ. Эта церковь, построенная въ какомъ-то тяжеломъ стилѣ, съ тремя остроконечными

главами, одна изъ древнѣйшихъ въ цѣлой Швеціи и замѣчательна, какъ мѣсто погребенія многихъ шведскихъ королей. Рѣдко случается, чтобъ кто-нибудь изъ проѣзжающихъ не полюбопытствовалъ осмотрѣть этотъ памятникъ старины. Въ станціонной комнатѣ наткнулся я на финляндскаго моего знакомаго, лектора Л., и такъ какъ я прежде уже слышалъ, что онъ въ Швеціи, то мнѣ не трудно было узнать его; но для него встрѣча со мной была такъ неожиданна, что онъ въ первыя минуты никакъ не могъ догадаться, кто я такой. Мы вмѣстѣ осматривали церковь. За алтаремъ идутъ полукружіемъ своды, и подъ каждымъ изъ нихъ гробница, длинная и широкая; на гладкой поверхности ихъ изображено только очертаніе погребеннаго лица. На стѣнѣ же сдѣланы надписи съ подробнымъ извѣстіемъ о каждомъ. Крайнее слѣва мѣсто принадлежитъ могущественному въ XIII-мъ вѣкѣ правителю Швеціи, Биргеръ-Ярлу. Къ тому же столѣтію относятся и прочія гробницы; только Кнутъ-Эриксонъ умеръ еще въ концѣ XII-го вѣка. Гробницы эти прежде содержались на счетъ прихожанъ; нынѣ же, для спасенія ихъ отъ угрожавшаго имъ совершеннаго разрушенія, правительство приняло на себя содержаніе ихъ. Между склепами и стѣною алтаря устроенъ довольно широкій проходъ; передъ ними на серединѣ стѣны длинная руническая надпись. По сю сторону алтаря, направо, находится большой могильный склепъ знаменитаго рода Делагарди. Здѣсь погребенъ извѣстный и въ нашей исторіи Яковъ Делагарди, котораго изображаетъ одна изъ свинцовыхъ статуй, здѣсь возвышающихся.

Внутренность этой церкви обширна и величественна; полъ весь устланъ надгробными камнями. Въ оградѣ, обсаженной густыми деревьями, какъ при бо́льшей части шведскихъ церквей, есть между прочимъ памятникъ, воздвигнутый епископу Лундбладу, который скончался лѣтъ 10 тому назадъ: онъ прославился своими добродѣтелями, и тѣмъ болѣе замѣчателенъ, что происходилъ изъ бѣднаго крестьянскаго семейства. Тутъ же, въ самомъ храмѣ, погребенъ и знаменитый въ исторіи шведской церкви епископъ Сведбергъ, отецъ еще болѣе извѣстнаго Эммануила Сведенборга. Сведбергъ, человѣкъ, отличавшійся необыкновенною ученостью, трудолюбіемъ и благочестивою жизнью, былъ взысканъ милостью Карла XI, Карла XII и Ульрики-Элеоноры. Жена его и дѣти возведены были этою королевою, еще при жизни его, въ дворянское достоинство и приняли фамилію: *Сведенборгъ*. Самъ онъ достигъ глубокой старости († 1735), и многія черты его жизни показываютъ, что мысли о видѣніяхъ, доставившія впослѣдствіи такую извѣстность сыну, не совсѣмъ были чужды и отцу.

Станція „Монастырь“ лежитъ въ прекрасной сторонѣ посреди полей и горъ; вокругъ разбросаны холмы, селенія. Для проѣзжихъ построены два дома; я остановился въ просторной комнатѣ, однимъ окномъ обра-

щенной къ саду; рядомъ съ нею была горница, гдѣ жили дѣти хозяина и слышно было, какъ двѣ старшія дочери учили тамъ своихъ маленькихъ братьевъ. Изъ ближняго гумна доходилъ до меня мѣрный стукъ молотила; гуляя, смотрѣлъ я на работы крестьянъ; былъ и на двухъ мельницахъ, приводимыхъ въ движеніе рѣчкою, стекающею съ горы. На станціи безпрестанно останавливались проѣзжіе; изъ вальяжной коляски, уставленной чемоданами и картонками, выглядывала то дамская шляпка, то суживающаяся кверху фуражка шведскаго офицера. Въ этой жизни было что-то увлекательное; мнѣ не хотѣлось покидать пріютнаго мѣста, но наконецъ и съ нимъ надобно было проститься.

2.

Городъ Скара.—Съѣздъ пасторовъ.—Епископъ.—Отъѣздъ.—Мѣсто крещенія и гробница Олава Святого.—Гора Киннекулле.—Имѣніе камергера Р.—Крестьянинъ Андерсъ.

Кучеръ президента оставилъ меня, только-что мы пріѣхали въ „Монастырь“, и вѣроятно благословилъ судьбу свою, когда, разставшись со мной, избавился отъ страха попасться за свою сдѣлку съ проѣзжими. Итакъ я теперь въ станціонной телѣжкѣ отправился въ Скару (Skara), одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ въ Швеціи, который былъ извѣстенъ уже въ началѣ XI вѣка. Такія почтенныя лѣта могутъ служить извиненіемъ его безобразія и кривизны его улицъ. Но истинно замѣчательна въ немъ его прекрасная церковь, построенная въ готическомъ вкусѣ съ двумя башнями надъ фасадомъ и двумя соотвѣтствующими имъ на другомъ концѣ зданія остроконечными главами. Хорошо также зданіе школы и гимназіи, которыя посѣщаются молодыми людьми изъ всей области. Скара—центръ епископства. Для совѣщанія по дѣламъ своей епархіи, сюда съѣзжались въ то время пасторы изъ всѣхъ приходовъ. Въ городѣ замѣтно было много жизни: на другой день должны были начаться собранія (prestmöte) пасторовъ, которыхъ тутъ набралось до 300. Съ трудомъ получилъ я комнату на станціи. На слѣдующее утро, уже въ 8-мъ часу всѣ пасторы представлялись епископу Бутчу, который, живя за городомъ, пріѣхалъ въ Скару еще наканунѣ вечеромъ и принималъ посѣтителей въ гимназіи. Въ 8 часовъ началась обѣдня; у алтаря служили три пастора; торжественно раздавался голосъ ихъ подъ сводами церкви, но въ серединѣ огромнаго храма словъ ихъ почти нельзя было разслышать. Одинъ изъ съѣхавшихся духовныхъ произнесъ хорошую проповѣдь. Изъ церкви всѣ отправились въ гимназію, гдѣ епископъ съ каѳедры сказалъ по-латыни привѣтствіе собравшимся. Его смѣнилъ лекторъ краснорѣчія при гимназіи для защищенія тезисовъ; на нижней каѳедрѣ помѣстились въ то же время трое другихъ пасторовъ для

участія въ диспутѣ; четвертый, сѣвъ передъ слушателями, долженъ былъ оспаривать лектора. Содержаніе тезисовъ касалось разныхъ вопросовъ протестантскаго богословія. Этотъ актъ происходилъ также по-латыни. По окончаніи его, въ два часа былъ обѣдъ у епископа: такъ какъ онъ не могъ принять всѣхъ духовныхъ вдругъ, а собраніе ихъ должно было продолжаться три дня, то въ каждый изъ этихъ дней приглашено было на обѣдъ по 100 человѣкъ.

Изъ описаннаго распредѣленія дня видно, какъ въ духовенствѣ Швеціи еще донынѣ сохраняются обычаи старины. Существенный предметъ съѣзда пасторовъ—совѣщаніе по дѣламъ епархіи—оставался какъ-будто забытымъ посреди всѣхъ этихъ обрядовъ, и долженъ былъ занять ихъ едва-ли не въ послѣдній день. Обѣдая послѣ въ маленькомъ и очень плохомъ трактирѣ, я очутился въ кругу нѣсколькихъ изъ пріѣзжихъ пасторовъ. Они откровенно критиковали многое въ распредѣленіи этого дня: замѣчали, что товарищи ихъ слишкомъ серіозно занялись своими богословскими преніями, и, наконецъ, что въ продолженіе диспута въ гимназіи слушатели слишкомъ много разговаривали и шумѣли. Въ 4-мъ часу, тотчасъ послѣ торжественнаго обѣда, актъ въ гимназіи долженъ былъ снова открыться рѣчью о заслугахъ прежняго епископа, Лундблада. Сдѣлавъ уже всѣ распоряженія къ отъѣзду, я пошелъ въ залу только для того, чтобы проститься съ пасторомъ Д., съ которымъ опять сошелся въ этомъ городѣ и который познакомилъ меня съ нѣкоторыми изъ своихъ пріятелей. При встрѣчѣ съ епископомъ, я былъ ему представленъ и приглашенъ на завтрашній обѣдъ. Мнѣ очень жаль было, что я не могъ принять приглашенія и побесѣдовать съ человѣкомъ, который пользуется необыкновеннымъ уваженіемъ и былъ наставникомъ нынѣшняго короля Оскара.

Когда я объявилъ содержателю станціи свое намѣреніе тотчасъ ѣхать, онъ отвѣчалъ, что я долженъ буду ждать три часа, потому что онъ по контракту, заключенному имъ съ правительствомъ, не обязанъ поставлять лошадей ранѣе этого срока. Вмѣстѣ съ тѣмъ однакожъ онъ извинился, что заблаговременно не предварилъ меня объ этомъ, прибавивъ, что по особенному случаю я могу получить лошадь черезъ четверть часа. Въ самомъ дѣлѣ, посланный имъ мальчикъ вскорѣ возвратился съ заложенною телѣжкой, и я, пришедши назадъ изъ гимназіи, могъ въ ту же минуту ѣхать. Изъ словъ хозяина видно, что путешествующіе по просвѣщенной Швеціи немного выиграли отъ новаго положенія объ отдачѣ станцій на аренду; впрочемъ и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сохраняется прежній порядокъ гоньбы, часто приходится ждать оттого, что число лошадей, находящихся тутъ налицо, слишкомъ мало, и почти всякій разъ, когда кто пріѣдетъ, со станціи посылаютъ за ними.

Путь мой лежалъ на сѣверо-западъ, къ озеру Ве́неру. Почти у каждаго маленькаго селенія, передъ каждою станціею внѣ городовъ стоитъ толстый, высокій шестъ, обвитый засохшими вѣтками и цвѣтами и полинялыми лентами. Но нигдѣ еще я не видѣлъ на этомъ шестѣ такого множества украшеній, какъ на станціи Ма̀рскабю; тутъ одинъ изъ главныхъ предметовъ убранства составляли яица, расписанныя узорами и нанизанныя цѣлыми рядами на нитки. Вокругъ такихъ шестовъ поселяне веселятся въ ночь на Ивановъ день: подъ звуки какого-нибудь сельскаго смычка пляшутъ они свою бѣшеную польку [1]) на-пропалую, и въ воспоминаніе этого національнаго праздника шестъ остается неприкосновеннымъ въ теченіе цѣлаго года. Самое разукрашиваніе и поставленіе его передъ Ивановымъ днемъ составляютъ одну изъ самыхъ веселыхъ эпохъ въ народномъ быту, и съ торжествомъ пестрый великанъ наконецъ подымается, при громкихъ кликахъ окружающей толпы взрослыхъ и дѣтей.

Между Марскабю [2]) и Колленгомъ нѣсколько большихъ деревянныхъ домовъ влѣво отъ дороги заставили меня выйти изъ повозки и освѣдомиться, что̀ это за строенія. Это заведеніе водъ, устроенное при цѣлебномъ ключѣ, который бьетъ въ тѣни рощи. Кромѣ того здѣсь есть и ключъ обыкновенной воды. Въ одномъ изъ домовъ — купальня, въ другомъ пользующіеся водами гуляютъ, въ третьемъ—комнаты, отдаваемыя внаймы и зала для танцевъ, въ четвертомъ больница, гдѣ содержатся неимущіе больные на счетъ одного изъ шведскихъ вельможъ. Заведеніе это, называемое Лундбруннъ, посѣщается наиболѣе людьми низшаго сословія: число пользовавшихся, по словамъ женщины, которая вышла мнѣ навстрѣчу, достигало въ нынѣшнемъ году 300 человѣкъ.

Я ночевалъ въ богатомъ Колленгѣ, гдѣ отвели мнѣ въ верхнемъ этажѣ спальню съ большой залой. Отсюда на другой день долженъ я былъ ѣхать верстъ за 15 на берега озера Ве́нера, къ горѣ Киннекуллѣ.

Рано утромъ пріѣхала за мною заказанная съ вечера подвода. Версты черезъ двѣ увидѣлъ я Хусабю, мѣсто, наполненное воспоминаніями о св. Олавѣ. Тутъ хранятся самые древніе памятники христіанской Швеціи. Изъ-за густой ограды деревьевъ подымаются три остроконечные темные купола церкви, заложенной самимъ Олавомъ въ 1001 году, какъ гласитъ замысловатая надпись у входа.

Уже отъ наружныхъ стѣнъ этой достопамятной церкви вѣетъ древностью. Она будто состоитъ изъ группы пристроенныхъ одинъ къ дру-

[1]) Этой польки не надобно смѣшивать съ моднымъ танцемъ нашего времени. И въ той и въ другой полькѣ танцующіе вертятся, но пріемы въ каждой свои.

[2]) Имя *Marskaby* есть сокращеніе словъ: Mariae Scarensis by, что̀ значитъ: *деревня Маріи Скаринской.*

гому храмовъ разной величины, которые, заключая въ себѣ ковчегъ церкви, алтарь, ризницу и старинную оружейную палату, стоятъ за тремя башнями, составляющими фасадъ этого сложнаго зданія. Средняя башня четвероугольная, двѣ боковыя — круглыя и у́же первой; внутри обѣихъ вьется узенькая каменная лѣстница съ 83-мя ступенями. Сквозь маленькія окна видна внутренность средней башни, которая нѣкогда состояла изъ трехъ ярусовъ и служила за̀мкомъ Олава: въ среднемъ ярусѣ была зала, гдѣ собирались его вельможи. Чудна для нашего времени простота древнихъ нравовъ. Теперь обитель перваго христіанскаго короля въ Швеціи сдѣлалась тихимъ жилищемъ дикихъ голубей: подъ крышею башни пономарь досталъ изъ гнѣзда пару голубиныхъ птенцовъ и показывалъ ихъ мнѣ. Часамъ, находящимся въ колокольнѣ, уже лѣтъ триста.

Но войдемъ во внутренность церкви. За алтаремъ, въ ризницѣ собрано много любопытныхъ древностей; тутъ между прочимъ были: 1) двѣ купели: одна большая деревянная, въ видѣ круглой ванны, обитой обручами, другая каменная, ме́ньшаго размѣра, въ видѣ вазы; 2) епископскія кресла и скамья, украшенныя рѣзною работой; 3) епископская бархатная мантія, подаренная церкви Густавомъ I Вазою; 4) латинская библія, напечатанная въ 1482 году; 5) большое деревянное распятіе, стоявшее надъ алтаремъ при основаніи церкви. Когда лютеранское ученіе проникло въ Швецію, распятіе это замѣнено было живописнымъ изображеніемъ, которое потомъ также снято было, но и донынѣ стоитъ у стѣны; на мѣсто его поставлено надъ алтаремъ новое изображеніе, остающееся тамъ и до сихъ поръ. Тутъ же въ стѣнѣ изображены въ видѣ барельефа три человѣка: одинъ изъ нихъ, епископъ Зигфридъ, держитъ въ рукѣ урну, изъ которой торчатъ головы трехъ казненныхъ племянниковъ его. Въ алтарѣ на престолѣ лежатъ два плоскіе камня, какъ полагаютъ, — окаменѣлый хлѣбъ; вся окрестная сторона изубилуетъ окаменѣлостями. У входа въ алтарь, въ стѣнѣ, отдѣляющей его отъ ковчега, есть окошечко со ставнею, за которымъ пустое пространство, нынче не глубокое, но—если вѣрить преданію— составлявшее нѣкогда начало потаеннаго хода, устроеннаго подъ землею для сообщенія съ близлежавшимъ женскимъ монастыремъ. Часть стѣны этого монастыря, съ цѣлымъ угломъ зданія, до этого времени живописно возвышается по другую сторону дороги.

Изъ надписи надъ входомъ въ церковь видно, что она значительно исправлена въ недавнее время; тогда же и окружающее ее древнее кладбище было выровнено и многія гробницы сняты; но и нынѣ еще внутри каменной ограды видно нѣсколько очень древнихъ надгробныхъ камней съ руническими надписями и каменныхъ крестовъ особенной формы. Всего замѣчательнѣе двѣ гробницы, видомъ похожія на гробы и стоящія передъ самымъ входомъ въ церковь: подъ одною изъ нихъ лежитъ св. Олавъ; подъ другой — супруга его.

Шагахъ въ 200 отсюда, при подошвѣ утеса, котораго верхъ угловатыми слоями сланца далеко выдался впередъ, бьетъ достопамятный ключъ, въ которомъ Олавъ принялъ крещеніе. Надъ ключомъ вдѣланъ въ землю квадратный камень съ круглымъ отверстіемъ и надписью. Въ сторонѣ стоитъ деревянная скамья для посѣтителей. Мѣсто это окружено изгородью. Кругомъ на камняхъ изсѣчены разныя надписи.

Нельзя не отдать шведамъ справедливости въ томъ, что они умѣютъ дорожить историческими воспоминаніями своего народа, и память всякаго замѣчательнаго событія упрочена у нихъ какимъ-нибудь неизгладимымъ знакомъ. Этому благопріятствуетъ обиліе камня въ Швеціи: онъ здѣсь служитъ исключительнымъ матеріаломъ даже для столбовъ, указывающихъ раздѣленіе дорогъ или ихъ направленіе.

Нѣсколько дальше, вправо, увидѣлъ я огромный четвероугольный камень на небольшомъ возвышеніи. Подводчикъ мой, Андерсъ, усердный и разговорчивый малый, увѣрялъ меня, что это не что иное, какъ игра природы. Несмотря на то, я черезъ большое поле отправился посмотрѣть на камень вблизи. Хотя на немъ нельзя было отыскать никакой надписи, однакожъ ясно было, что этотъ квадратъ, котораго каждая сторона, конечно, была длиннѣе сажени, а толщина въ аршинъ или болѣе, былъ обдѣланъ и поставленъ тутъ руками человѣческими. Бывшій подъ нимъ курганъ не позволялъ сомнѣваться, что это одинъ изъ тѣхъ надгробныхъ камней, которые воинственные жители древней Скандинавіи ставили надъ покойниками высокаго сана или достоинства.

Гора Киннекулле (Kinnekulle) славится во всей Швеціи своимъ прекраснымъ мѣстоположеніемъ. На юго-восточномъ берегу озера Вѐнера подымается она на 856 футовъ и замѣчательна плодородіемъ своей почвы, которая производитъ многія растенія, свойственныя только южнымъ странамъ и изъ шведскихъ провинцій находимыя развѣ въ одной Сконіи. Гора эта, простирающаяся верстъ на 20 въ длину, расположена уступами, на которыхъ пестрѣются луга, пашни и рощи. Всякій, кто путешествуетъ внутри Швеціи, считаетъ обязанностью проѣхать нѣсколько лишнихъ миль, чтобъ побывать на Киннекулле.

Большая дорога довольно долго идетъ вверхъ по скатамъ этой горы; наконецъ, когда крутизна уже не позволяетъ ѣхать далѣе, дорога прекращается, и путешественники всходятъ пѣшкомъ. Для пріема ихъ устроена маленькая гостиница въ сельныцѣ Лукасъ-торпѣ (Lukas-torp). Здѣсь уже до меня остановилось нѣсколько пріѣзжихъ. Мнѣ отвели послѣднюю комнату на самомъ верху. Какой-то улыбающійся человѣкъ въ длинномъ сюртукѣ, съ краснымъ носомъ, предложилъ мнѣ ягодъ и принесъ на подносѣ большую порцію мелкой вишни. Между тѣмъ служанка подала завтракъ. Съ вершины горы, куда проводилъ меня Андерсъ, открывается обширнѣйшій видъ на озеро Вѐнеръ и берега его; вдали рисуются замокъ Лекӭ (Leckö), городъ

Лидчёпингъ и отчасти даже Венерсборгъ, не говоря уже объ окрестностяхъ горы. Но все это видно бываетъ въ ясную погоду, а такъ какъ въ тотъ день безпрерывно шелъ дождь и небо со всѣхъ сторонъ задвинуто было густыми тучами, то я поневолѣ предоставляю воображенію читателя нарисовать картину, которую я въ тотъ день долженъ былъ видѣть.

На вершинѣ горы изсѣчены имена особъ королевской фамиліи, бывшихъ здѣсь въ разныя времена. Часто встрѣчаются по всей Швеціи надписи о посѣщеніяхъ царственныхъ лицъ, свидѣтельствующія явно о приверженности жителей къ ея монархамъ.

У подошвы горы лежитъ богатое имѣніе Хѐллекисъ (Hellekis). Я посѣтилъ владѣтеля этого помѣстья, камергера Р. Въ залѣ высокаго и роскошно меблированнаго каменнаго дома меня встрѣтило привѣтствіе попугая на португальскомъ языкѣ; тутъ же лакей въ ливреѣ накрывалъ столъ. Хозяинъ принялъ меня ласково и уговорилъ остаться обѣдать; пока мы разговаривали въ гостиной, ему принесли газеты, только-что привезенныя по почтѣ, и онъ далъ мнѣ просмотрѣть нѣсколько нумеровъ ихъ. Едва я по какому-то случаю замѣтилъ, что, ягоды въ Вестроготіи показались мнѣ особенно вкусными, какъ на столѣ явилось нѣсколько тарелокъ со всякими фруктами. Между тѣмъ двое мальчиковъ за особеннымъ столикомъ играли въ крѣпость. Вскорѣ пришла и молодая хозяйка, дама необыкновенной красоты и любезности, а за нею дочка ея, дѣвица лѣтъ шестнадцати, съ гувернанткой. Наконецъ явилось двое молодыхъ людей, гостившихъ въ этомъ домѣ. Одинъ изъ нихъ, пріѣхавшій изъ Америки, говорилъ съ гувернанткой по-англійски. — Вы англичанка? спросилъ я ее. — „Нѣтъ, я родилась въ Германіи“, отвѣчала она, „но жила долго и въ Англіи“. — Однакожъ вы свободно говорите и по-шведски? — Неудивительно, сказала она улыбаясь, — я здѣсь уже восемнадцать лѣтъ“. Послѣ обѣда двое молодыхъ людей тотчасъ же сѣли за шахматы. Пріятная бесѣда, приправленная чудесными плодами и кофеемъ, не могла однакожъ удержать меня долѣе предположеннаго срока. Передъ отъѣздомъ я прогулялся по тѣнистому саду вмѣстѣ съ хозяиномъ. Чудныя георгины стояли еще въ полномъ блескѣ; вѣтви яблонь, грушъ и сливъ клонились отъ тяжести; грецкіе орѣхи висѣли уже полузрѣлые посреди своихъ душистыхъ листьевъ. Замѣчательно, что здѣсь этотъ плодъ поспѣваетъ на открытомъ воздухѣ. Хозяинъ объяснилъ мнѣ, что этимъ гора Киннекулле отчасти обязана своему известковому составу.

Я посѣтилъ еще близлежащее имѣніе Робекъ, принадлежащее родственнику камергера Р. Хозяинъ и все его семейство были въ отлучкѣ. И тутъ богатый фруктовый садъ, извѣстный особенно пещерою (Mörkeklefva), изъ которой, подъ навѣсомъ высокаго, слоистаго утеса, вытекаетъ свѣтлый источникъ. Вечеромъ возвратился я на станцію Кол-

*

ленгъ. Во весь день возилъ меня на своей таратайкѣ добрый Андерсъ. Судя по подводчикамъ, съ которыми мнѣ прежде приходилось ѣхать, я хотѣлъ внести въ свою дорожную тетрадь замѣчаніе, что крестьяне Вестготландіи вообще народъ малообразованный и угрюмый. Андерсъ заставилъ меня усомниться въ этомъ. Надобно однакожъ дѣйствительно сказать, что въ низшемъ сословіи этой области, между поселянами образованность распространена менѣе, нежели въ другихъ провинціяхъ.

Почти всѣ возившіе меня крестьяне отличались грубымъ невѣжествомъ, и никакими вопросами я не могъ расшевелить ихъ. Андерсъ также недалеко ушелъ въ знаніяхъ; однакожъ онъ въ ланкастерской школѣ учился грамотѣ и ариѳметикѣ, и даже при окончаніи тамъ курса получилъ въ награду 4 риксдалера. Онъ вмѣстѣ со мною очень внимательно осматривалъ церковь св. Олава. Но въ немъ особенно замѣчательно было его стараніе, всячески служить проѣзжему и показать мнѣ все достойное вниманія. Онъ не только не избѣгалъ распространенія нашей прогулки, но самъ уговаривалъ меня ничего замѣчательнаго не оставлять безъ осмотра. При отъѣздѣ изъ Колленга, поутру я забылъ тамъ одну вещицу. Это-то и заставило меня возвратиться на то же мѣсто: иначе я отправился бы далѣе вдоль озера Ве́нера. Хватившись недостававшей вещи, я сомнѣвался, не въ Скарѣ ли оставилъ ее. Андерсъ гораздо болѣе опасался этого непріятнаго случая и съ ужасомъ думалъ, какъ я долженъ буду ѣхать назадъ до самой Скары. Надобно было видѣть его радость, когда по пріѣздѣ нашемъ въ Колленгъ служанка объявила, что забытая вещица дѣйствительно найдена здѣсь. „Какое, право, счастіе!" твердилъ добрый Андерсъ. И за всѣ свои услуги и старанія въ теченіе цѣлаго дня онъ потребовалъ съ меня не болѣе трехъ риксдалеровъ.

3.

Городъ Лидчёпингъ. — Ученый матросъ. — Двѣ горы. — Преданіе о скалѣ. — Неожиданное общество. — Городъ Веннерсборгъ. — Пасторъ и его семейство.

На слѣдующее утро тотъ же мальчикъ явился ко мнѣ со своею лошадью. Мы поѣхали по направленію къ Лидчёпингу. Невдалекѣ отъ Колленга по обѣ стороны дороги стояли опять два камня, высокіе, но узкіе и не толстые; на нихъ видны были слѣды рунъ. Преданіе, по словамъ Андерса, говоритъ, что подъ этими двумя камнями лежатъ два принца (героя), которые на поединкѣ убили другъ друга; вблизи виденъ въ сторонѣ холмъ, называемый, какъ онъ же мнѣ сказалъ, „Королевинымъ Холмомъ".

Городокъ Лидчёпингъ (Lidköping) лежитъ при впаденіи рѣки Лиды въ озеро Ве́неръ. Не боясь ошибиться, можно рѣшительно сказать, что главную примѣчательность этого города составляетъ его огромная

площадь: такой нѣтъ въ цѣломъ Стокгольмѣ, да и въ другихъ городахъ Швеціи трудно найти подобную. Къ довершенію ея оригинальности, на серединѣ ея стоитъ ратуша, которую съ перваго взгляда легко принять за кирку; вокругъ ратуши устроены лавки. Впрочемъ, площадь хорошо обстроена. На углу ея книжная лавка. Въ этомъ городѣ случилось мнѣ говорить только съ книгопродавцемъ и съ матросомъ, который стоялъ на кораблѣ своемъ въ устьѣ рѣки. Оба они разспрашивали меня съ любопытствомъ о Россіи.

— А сколько въ Россіи жителей? спросилъ меня матросъ.—Много, сказалъ онъ, когда я удовлетворилъ его любопытству. — Въ Швеціи, прибавилъ онъ, только три милліона. Но, продолжалъ онъ: —знаете ли, я читалъ о томъ, какъ Давидъ поборолъ Голіаѳа.—Я не могъ удержаться отъ смѣха.—„Что вамъ смѣшно“? сказалъ матросъ, „это я точно читалъ въ древней шведской исторіи“. Впрочемъ, это былъ бойкій и словоохотливый малый. Онъ до небесъ превозносилъ своего короля и описывалъ, съ какимъ энтузіазмомъ принимали Оскара въ Копенгагенѣ; особенно же хвалилъ его за то, что онъ во время бывшаго во многихъ земляхъ неурожая запретилъ вывозить за границу хлѣбъ изъ Готенбурга.

Слово *köping* (произносимое *чёпингъ*), встрѣчаемое въ названіи многихъ городовъ Швеціи, происходитъ отъ глагола *köpa* покупать и значитъ собственно торговое мѣстечко, посадъ. Лидчёпингъ — городъ торговый; изъ него отпускается много хлѣба, свозимаго сюда изъ разныхъ мѣстъ, особенно въ Готенбургъ. Здѣсь около 20 лавокъ и столько же купцовъ; у нѣкоторыхъ свои собственныя суда. Нынче устраивается новая гавань при самомъ озерѣ. Книгопродавецъ жалуется, что Шведы не любятъ покупать книгъ и охотнѣе занимаютъ ихъ другъ у друга.

Дорога отъ Лидчёпинга вдоль южнаго берега озера идетъ по странѣ дикой и не живописной, между скалъ, напоминающихъ самыя унылыя мѣста Финляндіи. Но ближе къ Венерсборгу эта угрюмая природа принимаетъ гигантскій характеръ, сообщающій окрестностямъ особенную физіономію. Между станціями Гресторпомъ и Мункстеномъ путешественникъ вдругъ видитъ передъ собой двѣ высокія и длинныя каменныя горы — направо Гуннебергъ, налѣво Галлебергъ. Сначала дорога идетъ вдоль подошвы Гуннеберга: крутой скатъ ея усыпанъ глыбами камня, въ продолженіе многихъ лѣтъ обрывавшихся съ боковъ ея; это случалось особенно во время грозъ, но въ послѣдніе годы сдѣлалось рѣже. Вскорѣ дорога входитъ въ узкое пространство между обѣими горами, и ѣдущій долго не видитъ по обѣ стороны ничего, кромѣ этихъ двухъ каменныхъ исполиновъ. Обѣ горы подымаются двумя уступами. Около западнаго конца Галлеберга верхняя половина горы является отвѣсною стѣною. Здѣсь, съ вершины ея, говоритъ преданіе, низвергались нѣкогда герои скандинавскіе, когда старость тяготила

ихъ. Надъ крутизною стоятъ два полукруглые камня, вѣроятно служившіе сѣдалищами. Противъ этого мѣста, въ долинѣ, у самой дороги, есть семь камней, переносящихъ воображеніе въ давно минувшія времена героической жизни сѣвера. Камни эти похожи на тѣ, какіе прежде я видѣлъ близъ дороги, съ руническими надписями, т. е. они имѣютъ форму болѣе или менѣе правильныхъ параллелограмовъ, утвержденныхъ въ землѣ одною изъ узкихъ сторонъ. Они стоятъ такъ, что между ними образуется довольно большой кругъ, безъ сомнѣнія мѣсто, гдѣ собирались для совѣщаній. Восьмой крадратный камень не принадлежитъ къ прочимъ; онъ поставленъ, какъ показываетъ надпись, въ 1754 г. въ память проѣзда короля Адольфа-Фридриха и супруги его Ульрики-Элеоноры.

Вблизи этого круга находится холмикъ, на которомъ, если вѣрить преданію, въ древности стоялъ какой-то зàмокъ. Кругомъ найдено въ землѣ множество урнъ съ остатками костей; тѣла бросавшихся съ крутизны, вѣроятно, были сожигаемы и пепелъ ихъ сохранялся такимъ образомъ.

Со станціи Мукстенъ пришлось мнѣ ѣхать въ довольно странномъ обществѣ. Я слѣдовалъ за таратайкою, въ которой сидѣло двое мужчинъ: одинъ, высокій и дородный, съ широкимъ кожанымъ поясомъ, былъ очевидно проѣзжій; но кто былъ другой, который то наклонившись разговаривалъ съ нимъ, то, свѣсивъ голову назадъ, какъ-то глупо смотрѣлъ на меня? Мы всѣ часто видывали подобныя фигуры: длинные свѣтлые волосы на вискахъ очень неграціозно висѣли завитками вдоль блѣдныхъ и нѣсколько опухлыхъ щекъ; въ сѣрыхъ глазахъ не было жизни; лицо ничего не выражало, кромѣ совершеннаго равнодушія; изношенный зеленый сюртукъ вполнѣ соотвѣтствовалъ старой измятой фуражкѣ. Проѣзжій самъ правилъ; остановившись, соскочилъ онъ съ телѣжки и досталъ себѣ хлыстъ въ замѣнъ кнута. Спутникъ его оставался въ прежнемъ положеніи. Мальчикъ, который везъ меня, будто угадавъ мое любопытство, сказалъ мнѣ: — „Передъ нами ѣдетъ воръ; близъ станціи нашей былъ судъ, гевальдигеръ везетъ его въ городъ“. Лошадь, заложенная въ таратайку этихъ двухъ лицъ, была также поручена моему мальчику, и вотъ почему мы ѣхали вмѣстѣ съ ними. У семи камней гевальдигеръ, по просьбѣ мальчика, остановился и вышелъ изъ своей телѣжки, чтобъ сдѣлаться моимъ чичероне. — „Этотъ человѣкъ“, сказалъ онъ мнѣ потомъ, идучи назадъ къ таратайкѣ, „уже въ третій разъ попался за кражу; посмотрите: у него руки и ноги въ кандалахъ; я долженъ сдать его въ тюрьму“. Когда гевальдигеръ садился въ телѣжку, я спросилъ, гдѣ мнѣ лучше остановиться въ Венерсборгѣ. Воръ вмѣшался въ этотъ разговоръ, стараясь принять тонъ порядочнаго человѣка.

При истеченіи рѣки Готы изъ Вѐнера лежитъ губернскій городъ

Венерсборгъ (Wenersborg). Домъ станцiи, гдѣ я остановился, находится у обширной площади, обстроенной со всѣхъ сторонъ двухъ-этажными домами. Почти цѣлая половина ея обсажена деревьями, посреди которыхъ возвышается церковь. Городъ этотъ всегда принадлежалъ къ числу наилучше построенныхъ въ Швецiи, но особенно выигралъ онъ въ этомъ отношенiи послѣ пожара, уничтожившаго въ 1834 году бо̀льшую часть прежнихъ домовъ. Первоначально Венерсборгъ лежалъ въ пяти верстахъ отсюда; тамъ и до сихъ поръ есть остатки стараго города; на нынѣшнемъ мѣстѣ возникъ онъ при королевѣ Христинѣ. Длинный мостъ, въ 300 шведскихъ саженей слишкомъ, ведетъ черезъ заливъ Дальботтенъ, въ область Дальсландъ.

На слѣдующее утро пошелъ я къ пастору, къ которому имѣлъ поклонъ изъ Стокгольма. Хозяинъ былъ на чердакѣ и рылся въ старыхъ книгахъ. Вскорѣ онъ пришелъ, едва передвигая ноги, въ халатѣ и въ огромныхъ сапогахъ. Онъ встрѣтилъ меня чрезвычайно ласково.— Я почти не надѣялся застать васъ, сказалъ я ему, — полагая, что вы также въ Скарѣ на съѣздѣ пасторовъ? — „Куда мнѣ!“ отвѣчалъ онъ,— „я такъ хворъ, я много лѣтъ уже страдаю подагрою... довольно ихъ тамъ и безъ меня“. Когда послѣ довольно долгой бесѣды я собрался уйдти, онъ спросилъ, не желаю ли я видѣть церковь и училище, позвалъ сына своего и велѣлъ ему быть моимъ проводникомъ. Молодой Фритiофъ въ концѣ прошлаго года записанъ въ студенты Упсальскаго университета, но по обыкновенiю, довольно общему въ Швецiи, первый годъ послѣ прiема въ университетъ занимается дома: онъ употребляетъ этотъ годъ особенно на изученiе древнихъ языковъ, потому что въ Венерсборгскомъ училищѣ они составляютъ предметъ второстепенный. Училище это посвящено преимущественно преподаванiю математики и новыхъ языковъ, однакожъ соединяетъ съ тѣмъ и другiе предметы общаго элементарнаго образованiя; древнiе языки преподаются только желающимъ. Полный курсъ продолжается десять лѣтъ; по окончанiи его, ученикъ можетъ выдержать экзаменъ на поступленiе въ университетъ. Я не могъ видѣть внутренности училища, потому что завѣдывающаго ключами его не было дома; мы пошли въ церковь. Фритiофъ—очень скромный и милый молодой человѣкъ, занимается онъ такъ прилежно, что родители принуждены часто отрывать его отъ дѣла насильно.

По настоятельной просьбѣ пастора, я возвратился къ нему. Онъ уговаривалъ меня остаться у него обѣдать, но, сбираясь отплыть на пароходѣ, который съ часу на часъ ожидали, я могъ принять только завтракъ. Добрая пасторша усадила насъ за столъ, уставленный разными блюдами, но сама сѣла въ сторонѣ. Я спросилъ, есть ли у нихъ еще дѣти, и затронулъ этимъ тяжелую струну ихъ сердца: у родителей навернулись на глазахъ слезы; я услышалъ, что они годъ тому

назадъ лишились 19-тилѣтней дочери. Фритіофъ безмолвно стоялъ у окошка... я скорѣе заговорилъ о другомъ.

Мы опять сидѣли въ гостиной, и служанка вошла съ кофе, когда пасторша въ полголоса объявила, что пароходъ уже пришелъ. Я хотѣлъ тотчасъ же отправиться.— „Нѣтъ", сказала пасторша, „вы должны непремѣнно выпить свою чашку, тѣмъ болѣе, что эти крендели изъ Арбоги, а Арбога славится кренделями, такъ же, какъ и пивомъ". Нечего было дѣлать: я исполнилъ желаніе хозяйки; потомъ сердечно поблагодаривъ этихъ милыхъ людей за ихъ гостепріимство, съ Фритіофомъ поспѣшилъ на станцію. Дюжій старикъ взвалилъ мои вещи на тачку и повезъ ихъ къ пароходу черезъ площадь; я съ Фритіофомъ шелъ сзади. Скоро показалась дымящаяся труба парохода; но едва весь онъ сталъ виденъ намъ, какъ уже и двинулся... я опоздалъ. На станціи встрѣтился я съ другимъ проѣзжимъ, котораго постигла та же участь. Онъ сказалъ мнѣ, что если мы тотчасъ поѣдемъ въ Окерстремъ (станція), то легко можемъ еще нагнать пароходъ, который часа три пробудетъ въ шлюзахъ канала. Хоть мнѣ и не было надобности догонять пароходъ, такъ какъ на первый случай цѣлью моею была Троллгетта, пароходъ же, миновавъ ее, долженъ былъ немедленно отправиться въ Готенбургъ, однакожъ я рѣшился послѣдовать этому совѣту, чтобъ провести нѣсколько времени въ окрестностяхъ знаменитаго водопада.

4.

Водопадъ Троллгетта. — Гостиница. — Преданіе. — Королевская пещера. — Живописная прогулка по рѣкѣ. — Картина водопада. — Еще преданіе.

Сначала мѣста около дороги не представляли ничего привлекательнаго; но вдругъ сталъ я спускаться въ глубокую долину, окруженную амфитеатромъ лѣсистыхъ скалъ, будто подымавшихся изъ бездны, въ которую я погружался. Видъ этой картины далъ мнѣ какъ-бы предчувствіе красотъ Троллгетты. Скоро показалась внизу, за чащею деревьевъ, полоса бѣлой клубящейся воды: это было послѣднее, легкое волненіе умирающей Троллгетты. Маленькая лодка съ двумя гребцами неслась надъ этими порогами. Попавъ въ мѣсто самаго сильнаго стремленія воды, она повернулась кругомъ, такъ что передняя часть вдругъ очутилась назади на разстояніи нѣсколькихъ саженъ; то же самое повторилось еще два раза; наконецъ она невредимо вышла на тихую воду. Противъ этихъ пороговъ станція Окерстремъ, а невдалекѣ и шлюзъ. Здѣсь остановился я и, по указанію крестьянъ, пошелъ вверхъ по живописному берегу рѣки Готы къ Троллгеттѣ. Надобно было пройти около трехъ верстъ. Противъ мѣста, гдѣ каналъ вливается въ рѣку, долженъ я былъ переправиться на лодкѣ: гребецъ напрягаетъ тутъ всѣ силы, чтобъ не уступить сильному напору воды. Передо мной на

другомъ берегу возвышалась надъ скалами дача подполковника Эриксона, одного изъ главныхъ лицъ по устройству и управленію канала; вправо шла величественная лѣстница обширныхъ шлюзовъ съ ихъ гранитными стѣнами, вдоль которыхъ тянутся двѣ широкія набережныя, усыпанныя пескомъ. Въ нѣкоторомъ отдаленіи виднѣлись дымящіяся трубы пароходовъ и мачты другихъ судовъ. Я отправился вверхъ мимо шлюзовъ и долго любовался видомъ медленно движущихся въ нихъ пароходовъ. Многіе пассажиры вышли на берегъ, и дамы расположились на взятыхъ съ парохода стульяхъ. Продолжая путь, я дошелъ до станціи Троллгетты. Это большой сѣрый домъ, красиво выстроенный, съ просторными и щеголевато убранными комнатами. Водопадовъ отсюда не видно, но глухо раздается гулъ ихъ. Передъ самымъ домомъ рѣка стекаетъ въ извилистый каналъ, и красивый мостикъ соединяетъ оба берега его. За домомъ и вокругъ, со всѣхъ сторонъ, на скалахъ и при подошвѣ ихъ, являются разноцвѣтные домики: съ одной стороны, ближе къ водѣ, мельницы и фабрики, на которыхъ дѣйствуютъ машины, приводимыя въ движеніе стремленіемъ воды; съ другой стороны — жилища работниковъ; населеніе около Троллгетты доходитъ уже до 1,300 человѣкъ. Какой-то мальчикъ, угадавъ мое намѣреніе, подошелъ ко мнѣ и предложилъ проводить меня къ водопадамъ. Мимо множества небольшихъ строеній, мы по неровному скалистому берегу сошли къ самой рѣкѣ; у ногъ моихъ и на большомъ разстояніи вверхъ и внизъ клубилась, прядая пѣнистыми потоками, Троллгетта, сжатая сдѣсь между скалами. Противоположный берегъ подымается надъ ней высокою отвѣсною стѣной, на которой торчатъ то острые утесы, то сосны и ели. Подъ самыми этими скалами, въ узкомъ ложѣ рѣки, высовываются изъ клокочущей пѣны острова, состоящіе почти изъ голыхъ глыбъ гранита. Пробиваясь между ними, вода въ то же время низвергается довольно круто. Въ Троллгеттѣ замѣчательна, впрочемъ, не высота ея паденія, а длинное протяженіе, на которомъ она образуетъ нѣсколько значительныхъ уступовъ; вся длина ея составляетъ болѣе версты, а высота паденія отъ крайней точки верхняго паденія до окончанія нижняго — 112 футовъ. Благодаря искусству Эриксона, на главный островъ Троллгетты ведетъ красивый желѣзный мостикъ. Надпись передъ этимъ мостикомъ даетъ знать, что за право взойти на него установлена плата въ пользу устроенной по близости школы. Съ этого моста видно все главное протяженіе Троллгетты на обѣ стороны. Нѣсколько выше показывается еще островъ. Года четыре назадъ, при началѣ весны, ледъ такъ сперло между этими скалами, что смѣльчаки перебрались на островъ Гуллэ (Gullö). Но едва они ступили на него, какъ силою воды разбило массу льда, и дорого заплатили бы они за свою отвагу, еслибъ съ берега не успѣли помочь имъ перекинутыми черезъ бездну лѣстницами. Между тѣмъ они успѣли

прибить тамъ надпись, которая свидѣтельствуетъ о ихъ храбрости: ее можно видѣть съ моста.

Кто, стоя тутъ, смотритъ внизъ, тому кажется, будто онъ быстро мчится надъ безднoю вверхъ по рѣкѣ. Между островомъ и крутымъ берегомъ шумитъ „разбойничій“ водопадъ, такъ названный будто-бы по шайкѣ разбойниковъ, которые когда-то жили въ пещерѣ горы (черное углубленіе до сихъ поръ еще видно тамъ) и, открытые окрестными жителями, побросались въ пучину. Зритель, стоящій на островѣ, со всѣхъ сторонъ окруженъ бурными пѣнящимися потоками: всего сильнѣе ихъ столкновеніе у нижняго края острова, гдѣ сливаются два водопада. Здѣсь шумъ ихъ такъ оглушителенъ, что съ трудомъ можно разслушать громко произносимые надъ самымъ ухомъ слова. Внизу рѣка какъ-будто хочетъ отдохнуть отъ всей этой страшной тревоги и, расширяя свое ложе, на нѣкоторомъ пространствѣ течетъ спокойно. Тутъ она принимаетъ видъ какъ-бы маленькаго озера; но въ концѣ этого пространства живописные берега опять сближаются, и на краю перспективы бѣлая полоса означаетъ начало новыхъ пороговъ или такъ называемыхъ „адскихъ водопадовъ“. Близъ послѣднихъ есть на берегу родъ углубленія въ скалѣ; гладкая стѣна ея, повидимому, источена дѣйствіемъ воды: въ сторонѣ между скалами идетъ какъ-будто изсохшее ложе рѣки, которой протокъ безъ сомнѣнія доходилъ сюда. Мѣсто это называется Королевскою Пещерою (Kungsgrotta) и не безъ причины: на ровномъ камнѣ изсѣчены тутъ имена многихъ королей Швеціи и другихъ царственныхъ особъ. Русскому посѣтителю Троллгетты всего радостнѣе встрѣтить здѣсь надпись Alexander, den 15 Iuni 1838. Къ этому мѣсту ведетъ дорожка отъ самаго острова; двѣ красивыя лѣсенки устроены для спуска въ углубленіе. На возвышенномъ мысу стоитъ скамейка.

Красота Троллгетты съ ея окрестностями и удобство здѣшней гостиницы внушили мнѣ мысль переселиться сюда изъ Окерстрема. Мой чичероне досталъ у мельника лошадь и телѣжку для перевоза оттуда моихъ вещей. Тамъ, гдѣ прекращается дорога, сѣлъ я въ лодку и поплылъ внизъ по рѣкѣ Готѣ (Götha-elf). Какъ чудны и разнообразны берега ея! Передо мной являлись то крутыя гранитныя скалы, то красивый лиственный лѣсъ, то зеленые холмистые луга. Отъ гребца услышалъ я разныя преданія касательно рѣки: напримѣръ, будто когда-то она вздулась до самой вершины скалъ, и разбитый бурею корабль былъ выброшенъ на высокій берегъ, отъ чего тамъ до сихъ поръ остаются какіе-то слѣды. Въ одномъ мѣстѣ гребецъ подплылъ къ отвѣсной скалѣ и показалъ мнѣ въ ней небольшое продолговатое отверстіе, за которымъ будто-бы скрывается глубокая пропасть, и все, что́ ни бросишь туда, исчезаетъ въ ней. Я кинулъ въ отверстіе шиллингъ; съ легкимъ звономъ пропалъ онъ въ глубинѣ. По сходству

этого окошечка съ замочнымъ отверстіемъ, вся гора называется Ключевою (Nyckelberg). Кромѣ гребца, въ лодкѣ сидѣло со мною двое мальчишекъ, которые ожидали отъ меня награды за свое усердіе. Окрестность Троллгетты наполнена оборванными ребятишками, дѣтьми поселенныхъ тутъ работниковъ и другихъ жителей. Они знаютъ наизусть множество разсказовъ о водопадахъ и шлюзахъ, бѣгутъ навстрѣчу всякому проѣзжему и навязываются ему въ проводники, или становятся у жердевыхъ воротъ, чтобы, при проходѣ его, вдругъ распахнуть ихъ въ обѣ стороны и въ награду получить полшиллинга. Когда я ѣхалъ за своими вещами, одинъ изъ этихъ мальчишекъ всю дорогу бѣжалъ возлѣ моей лошади и съ забавною подробностью отвѣчалъ на всѣ мои вопросы касательно разныхъ предметовъ, меня окружавшихъ.

Было уже поздно, когда я, воротясь въ Троллгетту, занялъ здѣсь отведенную мнѣ комнату. Почти весь слѣдующій день—это было воскресенье—шелъ дождь; но когда онъ переставалъ, я спѣшилъ къ Троллгеттѣ. Во время одной изъ этихъ прогулокъ сіяло солнце; черезъ мостикъ Эриксона перешелъ я опять на островъ и видѣлъ надъ водопадомъ чудную картину. Изъ бездны вѣчно бушующихъ волнъ выходилъ какъ-будто паръ, пестрѣвшійся переливами самыхъ яркихъ цвѣтовъ радуги: тысячу видоизмѣненій представлялъ, играя на солнцѣ, его разноцвѣтный вѣнецъ. Я перемѣнилъ положеніе: тогда изъ пѣнистой пучины, образовавшей милліоны бѣлыхъ кудрявыхъ букетовъ, поднялась, въ видѣ рога, великолѣпная радуга; когда по временамъ волны подъ нею понижались и брызги рѣдѣли, яркая дуга рисовалась на черномъ грунтѣ утеса. Трудно было оторваться отъ этой дивной картины: съ моста я еще разъ оглянулся на нее; меня поразило новое видоизмѣненіе прелестной игры лучей. Но опять набѣжавшія тучи въ одно мгновеніе разрушили очарованіе, и я могъ безъ сожалѣнія удалиться.

Рядомъ съ этимъ прекраснымъ явленіемъ природы выказывается здѣсь исполинское могущество надъ нею человѣка, и путешественникъ не знаетъ, чему болѣе удивляться — грозной ли Троллгеттѣ или упорному искусству, ее побѣдившему. Торжество послѣдняго является здѣсь тѣмъ полнѣе, что видны и слѣды тѣхъ усилій, которыя человѣкъ долгое время предпринималъ тщетно въ борьбѣ своей съ природою. Еще при Густавѣ-Вазѣ епископъ Браскъ составилъ проектъ прорытія здѣсь канала для минованія Зунда, въ которомъ граждане Любека затрудняли шведамъ плаваніе. Но не прежде, какъ въ царствованіе Карла XII, началось исполненіе великаго дѣла. Знаменитый въ Швеціи механикъ Польгеймъ (Polhem) приступилъ къ работамъ, которыя однакожъ вскорѣ прекратились за внезапною смертію короля. Онѣ возобновлены были въ половинѣ прошлаго столѣтія по новому плану, начертанному

престарѣлымъ Польгеймомъ. Шлюзы, до сихъ поръ извѣстные подъ именемъ его, составляютъ трудъ, который и при всей неудачности своей внушаетъ удивленіе. Въ нихъ отразилась суровая сила людей сѣвера, идущая къ цѣли прямо, безъ околичностей: каналъ изсѣченъ въ скалѣ такъ близко отъ бурной рѣки, что при окончаніи его необходимо было устроить плотину для удержанія напора водъ, еще не совсѣмъ успокоившихся послѣ стремительнаго ихъ паденія. Изумительна глубина канала, составляющая въ одномъ мѣстѣ 56 футовъ: видишь передъ собою въ скалѣ, между двумя берегами его, совершенно отвѣсную стѣну этой высоты. Мелкіе обломки камня, наваленные кучами вдоль этого первоначальнаго канала, показываютъ, какъ тогда при взрываніи скалъ еще недоставало искусственныхъ средствъ. Работы эти остановились, когда устроенная Польгеймомъ плотина, вслѣдствіе одного несчастнаго случая, а можетъ быть и преступнаго умысла, разрушилась: по рѣкѣ пущено было множество досокъ, которыя, бывъ увлечены водопадомъ, съ ужасною силою ударились о плотину и уничтожили ее, при чемъ нѣсколько человѣкъ погибло. Итакъ прежнее мѣсто канала было признано неудобнымъ; онъ начатъ былъ снова, по другому направленію, и открытъ въ 1800 году. Но когда впослѣдствіи прорытъ былъ Готскій каналъ, то оказалось необходимымъ расширить каналъ Троллгеттскій, что и исполнено въ послѣдніе годы Эриксономъ. Новые шлюзы построены возлѣ старыхъ, остающихся нынѣ почти безъ употребленія.

Народное удивленіе къ трудамъ Польгейма выразилось разными преданіями, которыя можно слышать отъ маленькихъ проводниковъ. Надобно знать, что слово *Троллъ* на скандинавскихъ языкахъ означаетъ горнаго духа, который является въ видѣ страшнаго, чудовищнаго исполина. Названіе *Троллгетта* (Troll-hätta) значитъ: шляпа горныхъ великановъ. Одинъ изъ водившихъ меня мальчиковъ разсказалъ мнѣ слѣдующее: „Тутъ водилось нѣкогда множество горныхъ духовъ. Передъ прорытіемъ канала Польгеймъ просилъ на то позволенія у одного изъ этихъ духовъ. — „Пожалуй", отвѣчалъ Троллъ, — „только смотри — не растревожь меня". Едва Польгеймъ приступилъ къ работѣ, какъ Троллъ, испугавшись, опрометью побѣжалъ прочь; долго бѣжалъ онъ черезъ рѣки и горы, наконецъ наткнулся на церковь; онъ ударилъ было въ колоколъ; но, услышавъ звонъ, не могъ долѣе жить: онъ легъ на землю и умеръ". Это преданіе, конечно, заключаетъ въ себѣ тотъ смыслъ, что искусство, въ лицѣ Польгейма, одержало здѣсь рѣшительную побѣду надъ дикой природой, которая, такимъ образомъ, должна была смириться предъ благотворными плодами христіанства: враждебный духъ бѣжалъ отъ стука человѣческаго молота и искалъ новаго убѣжища, но встрѣтилъ церковь и не могъ вынести колокольнаго звона. Не остроумная ли это аллегорія? Но

мальчишка разсказывалъ ее съ такою забавною добросовѣстностью, что мнѣ хотѣлось пошутить надъ нимъ. — „Можетъ ли это быть?“ сказалъ я ему, — „я полагаю, это выдумано“. — „Выдумано?“ отвѣчалъ онъ съ живостью, — „нѣтъ, это сущая правда; это стоитъ въ описаніи“. — „Въ какомъ описаніи?“ — „Да, въ описаніи; въ гостиницѣ есть описаніе Троллгетты; вы можете спросить“. И всякій разъ, когда я нарочно изъявлялъ сомнѣніе въ какомъ-нибудь показаніи мальчиковъ, они ссылались на это описаніе, которое, какъ оказалось впослѣдствіи, также существовало только въ ихъ воображеніи.

Приближался вечеръ, а парохода, на которомъ я сбирался ѣхать въ Готенбургъ, все еще не было. Почти весь день шелъ дождь, и гулять было невозможно. Въ утѣшеніе повторялъ я стихи Батюшкова, который воспѣлъ Троллгетту, хотя и невѣрно, но все-таки прекрасно:

„О, камни Швеціи, пустыни Скандинавовъ,
Обитель древняя и доблести и нравовъ!

.

Ты часто странника задумчивость питала,
Когда румяная денница отражала
И дальнія скалы гранитныхъ береговъ,
И села пахарей, и кущи рыбаковъ,
Сквозь тонки утренни туманы
На зеркальныхъ водахъ пустынной Троллетаны.

.

Вспомнивъ слова моихъ проводниковъ, я спросилъ, нѣтъ ли въ трактирѣ описанія Троллгетты. „Описанія нѣтъ, а есть альбомъ“, сказали мнѣ и принесли мнѣ довольно толстую книгу, исписанную именами посѣтителей Троллгетты, стихами и замѣчаніями. Шведы, французы, англичане, нѣмцы — всѣ принесли дань восторженныхъ похвалъ чудному явленію природы. Всякій, кто не совсѣмъ лишенъ способности наслаждаться ея красотами, долженъ съ безмолвнымъ благоговѣніемъ къ могуществу Творца смотрѣть на величественную Троллгетту и ея окрестности.

Наконецъ, въ 7 часовъ вечера, струя дыма, пролетѣвшая мимо окна моего, возвѣстила мнѣ о прибытіи парохода. Безъ этого случайнаго обстоятельства я не зналъ бы, что онъ тутъ: трактирная прислуга, радѣя о пользахъ своего хозяина, не сочла нужнымъ — какъ я просилъ — увѣдомить меня о томъ. Мальчики, которымъ я поручилъ отнести мои вещи на пароходъ, не смѣли взойти ко мнѣ, пока я самъ не позвалъ ихъ въ присутствіи хозяина. Вотъ нравы, господствующіе въ странѣ около Троллгетты! Мнѣ говорили, что въ здѣшнемъ трактирѣ цѣны чрезвычайно высокія; на это я однакожъ не могу жаловаться; здѣсь платятъ дорого только по сравненію съ чрезвычайно низкими цѣнами, вообще удерживающимися до сихъ поръ въ Швеціи.

V.

Прогулка по Готенбургу [1]).

Послѣ Стокгольма Готенбургъ есть важнѣйшій городъ Швеціи. Можно сказать, что онъ во многихъ отношеніяхъ даже выше Стокгольма: будучи новѣе, онъ построенъ гораздо правильнѣе и красивѣе этой древней столицы; его каналы, наполненные судами, и набережныя — съ высокими каменными строеніями, напоминаютъ нѣкоторыя части Петербурга, хотя въ другомъ вкусѣ и въ меньшемъ размѣрѣ. По торговлѣ, Готенбургъ чуть-ли не опередилъ уже Стокгольмъ; а въ будущемъ угрожаетъ ему еще опаснѣйшимъ соперничествомъ. Нѣсколько недѣль тому назадъ посѣтилъ я оба эти города. Позвольте мнѣ, любознательные читатели и читательницы *Звѣздочки*, представить вамъ нѣсколько страницъ изъ моихъ дорожныхъ тетрадей.

Готенбургъ есть царство пива, встрѣчающагося здѣсь во всѣхъ возможныхъ видахъ. Главнымъ источникомъ его служитъ извѣстный портерный заводъ, лежащій верстахъ въ трехъ отъ города въ юго-западномъ направленіи. Владѣтель его, г-нъ Карнеги (Carnegie), сынъ англійскаго выходца, есть одинъ изъ первыхъ капиталистовъ Готенбурга; весь городъ говоритъ о роскоши, съ какою онъ живетъ, и о богатой яхтѣ, построенной имъ единственно для забавы его семейства. Не видавъ его завода, снабжающаго портеромъ всю Швецію и отчасти Финляндію, никто не можетъ сказать, что былъ въ Готенбургѣ. По совѣту предупредительнаго книгопродавца, который предложилъ мнѣ свои услуги, ходилъ я въ контору г-на Карнеги и, объявивъ мое имя и званіе, получилъ тамъ для пропуска на заводъ записку къ управляющему имъ, г-ну Герле. Чтобы распорядиться объ экипажѣ для этой поѣздки, отправился я въ *контору наемныхъ кучеровъ* (такія заведенія въ Швеціи замѣняютъ наши извощичьи дворы), и содержатель ея, хорошо одѣтый господинъ, сказалъ мнѣ, что я могу, когда угодно, получить одноколку за одинъ банковый риксдалеръ (1 р. 80 коп. мѣди). Но идучи оттуда, увидѣлъ я на мосту омнибусъ, который чрезъ нѣсколько минутъ долженъ былъ ѣхать именно въ ту сторону, куда мнѣ надобно было попасть. Я занялъ въ немъ мѣсто.

Это была старая карета, устроенная подобно петербургскимъ дилижансамъ, но уже носившая слишкомъ явные признаки предстоявшаго ей разрушенія; она заложена была парою. Не совсѣмъ опрятно одѣтый кондукторъ, съ трубою въ рукахъ, стоялъ сзади. Единственнымъ пассажиромъ, кромѣ меня, была молодая дѣвица, которая ѣхала домой въ

[1]) *Звѣздочка*, 1848, № 2, стр. 100 — 113.

предмѣстье. Въ ея глазахъ и движеніяхъ выражалось какое-то особенное безпокойство; казалось, она поджидала кого-то. Наконецъ, когда мы уже должны были скоро выѣхать за городъ, вдругъ омнибусъ остановился, и въ заднее окно его просунулась рука съ чѣмъ-то длиннымъ, завернутымъ въ салфетку. „Ну, слава Богу, —сказала дѣвица,— а я ужъ думала, что ты опоздаешь". Это былъ младшій братъ ея; ни слова не отвѣчая, онъ почти бѣгомъ удалился, а мы опять поѣхали. Теперь въ лицѣ дѣвушки выражалось спокойное удовольствіе и она непринужденно разсказала мнѣ, что везетъ съ собой гитару, которой съ нетерпѣніемъ ожидаетъ другой братъ ея.

Предмѣстье Masthugget идетъ длинною, но узкою улицею ко взморью. По обѣ стороны видны были по большей части старые, дурно построенные деревянные дома и безпрестанно пестрѣлись на нихъ вывѣски то гостиницы, то пивной продажи. Это объясняется тѣмъ, что вдоль всего берега предмѣстья пристаютъ суда, и отъ того здѣсь живетъ множество матросовъ. Близъ города, въ красивомъ павильонѣ, съ надписью Bier-Halle, помѣщается, для любителей пива, заведеніе, устроенное по образцу германскихъ; но такъ какъ оно еще очень недавно существуетъ, то и нельзя сказать, принялось ли оно или нѣтъ.

Въ одномъ мѣстѣ улица образуетъ довольно крутую гору; здѣсь пассажиры омнибуса принуждены каждый разъ вылѣзать изъ кареты и итти пѣшкомъ. Такъ какъ на ту пору шелъ дождь, то можно представить себѣ, какъ эта прогулка была для насъ пріятна, особливо для молодой моей спутницы. Когда мы, усѣвшись опять въ экипажъ, проѣхали еще нѣкоторое пространство, она уже была передъ своимъ домомъ; родные ожидали ее у окошка и начались взаимныя привѣтствія, безмолвныя, но тѣмъ не менѣе краснорѣчивыя. Мнѣ стало завидно: я остался одинъ.

Это было около корабельной верфи, которая видна вправо отъ дороги. Другая, болѣе обширная, находится далѣе на концѣ мыса. Мѣста эти уже издавна служили для кораблестроенія: покрытыя лѣсомъ, они доставляли матеріалъ для мачтъ, отъ чего вѣроято происходитъ и самое названіе предмѣстья (Masthugget значитъ: *рубка мачтъ)* Омнибусъ остановился передъ трактиромъ Klippa (скала), который лѣтомъ составляетъ иногда цѣль прогулокъ изъ города.

Недалеко оттуда находятся фабричныя строенія. Всегда замкнутыя ворота двора ихъ отворились, когда я сказалъ сторожу, что имѣю письмо изъ конторы. Рядомъ съ портернымъ заводомъ тутъ есть и сахарный, также принадлежащій г-ну Карнеги; это самый значительный и единственный въ Швеціи заводъ, гдѣ сахаръ варится посредствомъ пара. Но въ это святилище промышленности мнительные жрецы ея никого посторонняго не впускаютъ; и такъ я могъ осмотрѣть только портерный заводъ.

Инспекторъ, г. Герле, принявъ меня очень учтиво, поручилъ толстому машинисту, вскормленному парами солода, посвятить меня во всѣ таинства производства. Варка портера продолжается только шесть мѣсяцевъ въ году, начиная съ ноября; въ остальное время разливаютъ приготовленное количество напитка. Поэтому самой существенной половины дѣла нельзя было видѣть; но любопытство находитъ еще довольно пищи въ осмотрѣ огромныхъ снарядовъ и описаніи ихъ употребленія.

Одна машина, движимая водою, служитъ для всѣхъ частей производства. Внизу, въ первомъ этажѣ, стоитъ огромный чанъ, вмѣщающій 120 бочекъ; онъ назначенъ для затора или замѣски солоду. Посредствомъ насоса жидкость переходитъ выше, въ котелъ, въ которомъ варится вдругъ до 8000 каннъ (болѣе 1.500 ведеръ). Сваренный такимъ образомъ напитокъ чрезъ трубы проводится въ особую комнату и тамъ разливается на полъ, образующій родъ мелкаго ящика; тутъ онъ стынетъ, и выходящій изъ него паръ разгоняется струями воздуха, вдавливаемаго въ особенныя отдушины. Потомъ въ полу растворяются краны, и портеръ уходитъ внизъ, въ резервуаръ; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ вмѣщается до 350-ти бочекъ. Наконецъ отсюда напитокъ перетекаетъ въ исполинскіе еще ниже стоящіе сосуды; а изъ нихъ, посредствомъ кожанной трубы, разливается въ обыкновенныя бочки, въ которыхъ и вывозится изъ Готенбурга. Въ продолженіе зимнихъ мѣсяцевъ портеръ варятъ два раза въ недѣлю, — обыкновенно во вторникъ до 120 бочекъ, да въ пятницу около 70-ти, всего бочекъ 200; слѣдовательно въ годъ отъ четырехъ до пяти тысячъ.

Мы перешли въ большую залу, гдѣ, въ присутствіи смотрителя или приказчика, портеръ разливаютъ въ бутылки и закупориваютъ ихъ. Эти бутылки выписываются съ двухъ стеклянныхъ заводовъ, находящихся при озерѣ Ве́нерѣ; онѣ оказались лучше иностранныхъ, какія прежде употреблялись. Подъ поломъ мальчики изъ бочекъ цѣдятъ портеръ, и какъ скоро кончится бочка, даютъ знать это какимъ-то страннымъ пѣніемъ означающимъ ихъ торжество. Изъ бутылокъ, получаемыхъ сквозь отверстіе пола, два человѣка безпрестанно выплескиваютъ нѣкоторую часть жидкости; они дѣлаютъ это по глазомѣру, съ чрезвычайною быстротою. Пото́мъ пятеро работниковъ, помощію особыхъ снарядовъ, на станкѣ вдавливаютъ въ каждую бутылку по пробкѣ; наконецъ другіе пятеро, стоя у длиннаго стола, съ удивительнымъ проворствомъ обвязываютъ эти пробки проволокою. Каждый работникъ закупориваетъ въ день болѣе 2.000 бутылокъ, а всѣ вмѣстѣ до 14.000. Въ Стокгольмъ портеръ отпускается частію въ бочкахъ, частію и въ бутылкахъ.

На этомъ заводѣ варится, хотя въ меньшемъ количествѣ, и пиво, которое отличается отъ портера тѣмъ, что требуетъ менѣе солоду и

притомъ не чернаго, употребляемаго на портеръ, а бѣлаго; оно же скорѣе бываетъ готово, потому что приготовляется слабѣе. Готенбургское пиво вывозится только въ Вестъ-Индію и въ Бразилію; въ самой Швеціи, богатой пивоварнями, оно внѣ Готенбурга не имѣетъ сбыта. Его варится здѣсь только отъ 700 до 800 бочекъ. Здѣшній портеръ въ Швеціи совершенно замѣнилъ англійскій; бутылка его стоитъ не болѣе 24 шил. (60 коп. мѣди). Въ Гельсингфорсѣ, гдѣ также пьютъ его много, цѣна эта поднимается до 25 коп. сер. Заводъ основанъ въ 1815 году Лоренцомъ. На мѣстѣ его нѣкогда находилась крѣпость Ольфсборъ (старый). Остатки ея укрѣпленій служатъ основаніемъ нѣкоторыхъ изъ фабричныхъ зданій. На высокой скалѣ видна старинная батарея.

Въ Готенбургѣ, какъ и въ Швеціи вообще, самые многочисленные заводы—сахарные. Магистеръ М., съ которымъ я случайно познакомился въ книжной лавкѣ, вызвался показать мнѣ примѣчательнѣйшія мѣста въ городѣ, и на другой день послѣ поѣздки моей на портерный заводъ онъ пришелъ ко мнѣ рано утромъ. Мы отправились прежде всего на одинъ изъ значительнѣйшихъ сахарныхъ заводовъ въ городѣ; но опять услышали, что во внутренность его, по принятому издавна правилу, никого не пускаютъ. За то мы видѣлись тутъ съ двумя любезными дамами, дочерью хозяина завода и ея гувернаткою; по ихъ предложенію взошли мы на площадку, устроенную надъ крышею строенія и оттуда любовались обширнымъ видомъ. При прощаніи, жалѣя, что намъ не время зайти въ домъ фабриканта, онѣ снабдили насъ на дорогу двумя огромными лепешками бѣлаго леденцу. Сахаръ, приготовляемый въ Готенбургѣ, расходится только въ Швеціи и въ Норвегіи.

Заводская промышленность въ Готенбургѣ своими успѣхами много обязана шотландцу Килеру. Поселившись здѣсь лѣтъ двадцать тому назадъ, когда заводовъ въ городѣ было еще мало, онъ своею предпріимчивостію не только самъ обогатился, но и въ новыхъ согражданахъ своихъ развилъ духъ смѣлыхъ начинаній, плодомъ чего было множество фабричныхъ учрежденій. Г-ну Килеру принадлежитъ значительнѣйшая въ Швеціи бумагопрядильня. На желѣзномъ заводѣ его видѣлъ я молотъ, движимый па́ромъ (единственный въ цѣломъ королевствѣ) и нѣсколько сложныхъ машинъ собственнаго его изобрѣтенія. Онъ былъ тутъ самъ и съ жаромъ излагалъ новые планы свои; онъ говорилъ по-шведски, но въ рѣчи его, какъ и во всей энергической наружности, рѣзко отпечатлѣвалось шотландское происхожденіе.

Съ восточной и южной стороны городъ окруженъ бульварами. Пройдя нѣкоторое пространство по одному изъ нихъ, мы завернули къ знакомому спутника моего, г-ну Россингу, датчанину, уже давно переселившемуся въ Швецію. Его любимое занятіе—шелковичное

производство. Извѣстно, что шелкъ добывается разматываніемъ гнѣздышка или яичка, которое такъ называемый шелковичный червь прядетъ вокругъ себя, чтобы въ этой оболочкѣ пролежать нѣкоторое время и вылетѣть изъ нея бабочкою. Для питанія этого червя служатъ листья такъ называемаго тутоваго дерева или шелковицы, которое изъ Персіи и Китая перенесено въ Европу. Въ южныхъ ея странахъ и даже у насъ на Кавказѣ это нѣжное дерево хорошо принимается; но такъ какъ въ краяхъ болѣе суровыхъ оно погибаетъ, то въ Германіи, Швеціи и Россіи стали пробовать, нельзя-ли на кормленіе шелковичнаго червя употреблять какое-нибудь другое растеніе. Между прочимъ дѣлали опыты съ такъ называемымъ козельцомъ или скорцонерою (scorzonera hispanica). Это-то растеніе выбралъ для шелковичнаго производства и г-нъ Россингъ. Можно сказать, что онъ первый воспользовался имъ съ примѣчательнымъ успѣхомъ. Мы у него видѣли нѣсколько мотковъ приготовленнаго имъ шелку; онъ показывалъ намъ свидѣтельства, выданныя ему знаменитымъ шведскимъ химикомъ Берцеліусомъ и другими учеными въ томъ, что этотъ шелкъ такъ же хорошъ и крѣпокъ, какъ привозный. Въ пользу травы скорцонеры г-нъ Россингъ приводитъ, что можно косить ее три и четыре раза въ лѣто и, слѣдовательно, разводить червей въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, тогда какъ шелковичное дерево у насъ можетъ служить къ тому едва нѣсколько недѣль.

Когда мы вошли въ его кабинетъ, тамъ по разнымъ столамъ разложены были, на бѣлой бумагѣ, листья этого растенія, покрытыя довольно длинными червями сѣраго цвѣта. Но въ нынѣшнемъ году случилось съ этими насѣкомыми несчастіе: болѣзнь, занесенная вѣроятно изъ Пруссіи съ присланными оттуда яичками, истребила у г. Россинга въ продолженіе лѣта около 30.000 червей. Онъ изъявлялъ опасеніе, что такая же участь постигнетъ и остальныхъ, между которыми уже было много зараженныхъ.

На одномъ столѣ, между бумагами и книгами, лежало нѣсколько *коконовъ*, или скорлупъ бѣлаго цвѣта, которыя формою и величиною очень похожи на финики и состоятъ изъ тонкихъ нитей; но въ нихъ уже не было червячковъ, сдѣлавшихъ эти чудныя ткани. Въ одной оконечности каждаго кокона видно было отверстіе, просверленное вышедшею оттуда бабочкою.

„Это отверстіе“ — сказалъ г-нъ Россингъ — „означаетъ, что коконъ для полученія шелку уже не годится: для этого онъ долженъ быть совершенно цѣлъ, и тогда онъ разматывается чрезвычайно легко, будто мотокъ уже готоваго шелку. Чтобы коконъ остался цѣлъ, — продолжалъ онъ, — куколку въ немъ надобно убить; лучшій способъ къ тому высушиваніе коконовъ въ жаркомъ воздухѣ. Мы употребляемъ на это комнату, гдѣ сушимъ сахаръ (г-нъ Россингъ имѣетъ долю въ

сахарномъ заводѣ, гдѣ мы прежде были); другіе отсылаютъ ихъ къ булочнику, который сушитъ ихъ въ своей печи". — Вотъ еще любопытное замѣчаніе. Личинки (черви) выводятся изъ яичекъ, но такъ какъ эти яички кладутся бабочками, не въ началѣ лѣта, а позже, то ужъ нельзя въ томъ же году получить изъ нихъ новыхъ червей. Поэтому яички на зиму относятъ въ погребъ, а весною берутъ ихъ оттуда, и тогда только, подвергая ихъ дѣйствію тепла, выводятъ личинокъ, которыя мѣсяца черезъ два начинаютъ прясть, мало-по-малу окружаютъ себя кокономъ и, обвернувшись еще тоненькою внутреннею оболочкой, засыпаютъ тамъ до поры до времени: тогда онѣ называются куколками; а если имъ удастся выбраться изъ этой норки, то онѣ превращаются въ бабочекъ.

Г-нъ Россингъ жалуется, что его удачные опыты еще не успѣли обратить на себя заслуженнаго вниманія въ Швеціи; это, конечно, отъ того, что его домашній шелкъ, будучи приготовляемъ въ маломъ количествѣ, обходится дороже привознаго.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ФИНЛЯНДСКИХЪ ПОХОДОВЪ въ 1808 и 1809 гг.[1]

1849.

I[2].

Любите ли вы читать описаніе войны и походовъ? Что касается до меня, то я нахожу въ такихъ описаніяхъ много увлекательнаго, но признаюсь,—будучи мирнымъ гражданиномъ, которому единственнымъ оружіемъ служитъ перо, я иногда утомляюсь подробностями, интересными только для того, кто хочетъ до глубины изучить военную исторію. Сюда не причисляю я безусловно изображеній битвъ: всякая борьба, а особенно такая, гдѣ сталкиваются тысячи жизней и гдѣ каждая изъ нихъ въ опасности, сильно привлекаетъ наше вниманіе. Ни одинъ предметъ въ быту человѣческомъ не представляетъ такой общей для всѣхъ занимательности, какъ зрѣлище смерти. Ея таинство

[1]) Срв. *Переписку Грота съ Плетневымъ* т. III, стр. 372, 374—377, 417, 419, 421, 424—426, 431.

[2]) *С.-Петерб. Вѣдом.* 1849, №№ 79, 80, 81, 82.

*

дѣйствуетъ такъ могущественно на наше воображеніе, что гдѣ она ни появится — наше любопытство тотчасъ возбуждено.

Но если можно съ большимъ любопытствомъ прослѣдить ходъ цѣлой битвы, особливо значительной по послѣдствіямъ, то все-таки безпрестанное исчисленіе войскъ и орудій, убитыхъ и раненыхъ, и точное указаніе движеній и позицій легко утомляетъ вниманіе профана, не-тактика и не-стратегика, которому въ описаніи войнъ важно только обозначеніе общаго хода военныхъ дѣйствій, открытіе пружинъ успѣха или неудачи, изображеніе замѣчательнѣйшихъ подвиговъ, развитіе главныхъ характеровъ между дѣйствующими лицами. Сочиненій, въ которыхъ были бы соблюдены эти условія, почти совсѣмъ нѣтъ. Есть превосходныя описанія войнъ, но они назначены для военныхъ людей; они составляютъ важное пріобрѣтеніе для военной исторіи, но не входятъ въ кругъ общедоступной литературы.

Война, имѣвшая послѣдствіемъ присоединеніе цѣлой Финляндіи къ Россіи, представляетъ необыкновенный интересъ въ разныхъ отношеніяхъ. Книги, написанныя о ней генералами Сухтеленомъ и Михайловскимъ-Данилевскимъ, извѣстны въ Россіи; нѣсколько любопытныхъ эпизодовъ изъ этой войны можно найти (къ сожалѣнію, не безъ примѣси неточныхъ и невѣрныхъ показаній) въ *Воспоминаніяхъ* Ѳаддея Булгарина, участвовавшаго въ походѣ 1808 года. Гораздо болѣе сочиненій по этому предмету издано на шведскомъ языкѣ. Конечно, ихъ надобно читать съ строгою критикою, потому что шведы въ такомъ дѣлѣ не могутъ быть безпристрастны. Однакожъ — „et altera audiatur pars“ (надобно выслушать и противную сторону); да къ тому же въ ихъ сочиненіяхъ о той войнѣ много такихъ подробностей, которыхъ нѣтъ въ нашихъ, особливо касательно людей, отличившихся съ непріятельской стороны въ этой борьбѣ. Въ концѣ прошлаго года упомянуто было въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ о поэтической жатвѣ, которую финляндецъ Рунебергъ собралъ изъ мѣстныхъ воспоминаній о войнѣ 1808 и 1809 годовъ. Эти прекрасныя стихотворенія подали намъ поводъ перечитать почти все, что на разныхъ языкахъ было написано о тогдашнихъ событіяхъ. Сообщаемъ теперь нѣкоторыя ихъ черты, желая такимъ образомъ доставить читателямъ возможность ближе ознакомиться съ характеромъ и главными явленіями послѣдней войны, веденной въ Финляндіи.

Характеромъ своимъ она рѣзко отличается отъ всѣхъ другихъ войнъ. Русскіе, вступивъ въ Финляндію, объявили себя друзьями и защитниками жителей ея; поступая согласно съ этимъ, не позволяя себѣ ни насилія, ни грабительства, честно платя за всѣ доставляемые имъ припасы, наши долгое время не встрѣчали никакого сопротивленія со стороны мирныхъ гражданъ и народа. Такъ какъ шведское правительство не приняло заранѣе никакихъ мѣръ къ оборонѣ края, то

войска финляндскія, вслѣдствіе предписанія королевскаго, всюду отступали передъ русскими. Между тѣмъ взяты были безъ боя важнѣйшія крѣпости вдоль финскаго залива. Послѣ первыхъ удачъ нашего оружія вся Финляндія объявлена была присоединенною на вѣчныя времена къ Россіи и народонаселеніе области приведено къ присягѣ на вѣрность русскому Императору. Но вотъ послѣ того, какъ непріятельскія войска, безпрерывно отступая на сѣверъ, почти уже достигли тамъ крайняго предѣла, воинское счастіе вдругъ обращается къ нимъ русскіе теряютъ нѣсколько сраженій и въ свою очередь начинаютъ отступать. Народъ, ободренный успѣхами своихъ, возстаетъ, вооружается и начинаетъ дѣятельно поддерживать финляндское войско. Тогда и на ихъ сторонѣ являются блистательные подвиги и герои, достойные жить въ исторіи. Но тутъ всего замѣчательнѣе одно: ожесточеніе враговъ, съ полною силою развивающееся въ битвахъ, внѣ поля сраженія нерѣдко уступаетъ мѣсто взаимной пріязни, которая подаетъ поводъ къ дружескимъ встрѣчамъ съ обѣихъ сторонъ. Не только при занятіи городовъ начальники русскаго войска сближались съ жителями, давая имъ балы и пирушки, но и при перестрѣлкахъ, при переговорахъ, во время краткихъ перемирій, наши офицеры знакомились и братались съ финляндскими или шведскими. Между нашимъ авангардомъ и непріятельскимъ арьергардомъ враждебныя отношенія превращались иногда въ самыя мирныя: тогда противники другъ съ другомъ забавлялись игрою въ кости, которая въ то время была въ большомъ ходу, и вмѣсто стола служилъ имъ рядъ барабановъ, накрытыхъ доскою. Сохранилось много анекдотовъ, свидѣтельствующихъ о рыцарскомъ духѣ, оживлявшемъ образованную часть обоихъ войскъ. Въ своемъ мѣстѣ мы приведемъ нѣкоторыя относящіяся сюда черты. За исключеніемъ одного краткаго періода въ теченіе войны, побѣда была постоянною спутницею русскихъ. Причина неудачъ непріятеля заключалась однакожъ не въ недостаткѣ храбрости и искусства на его сторонѣ, а въ самыхъ распоряженіяхъ шведскаго правительства, въ которыхъ не было ни единства, ни энергіи, ни благоразумія. Поэтому неудивительно, что между побѣжденными живетъ много воинскихъ преданій, которыми они гордятся какъ драгоцѣннымъ наслѣдіемъ народной чести.

Рунебергъ, пользующійся нынѣ на цѣломъ скандинавскомъ сѣверѣ славою первостепеннаго поэта, былъ едва четырехлѣтнимъ ребенкомъ, когда началась финляндская война. Родители его жили въ Якобштатѣ при Ботническомъ заливѣ, слѣдовательно въ одномъ изъ тѣхъ городовъ, черезъ которые не разъ проходили войска. Такимъ образомъ бурная эпоха оставила въ душѣ самого поэта неизгладимыя впечатлѣнія. Но подробности, слышанныя имъ послѣ отъ разныхъ лицъ, особенно отъ одного стараго воина, доставили еще болѣе обильную пищу его воображенію. Плодомъ этихъ воспоминаній было изданное имъ недавно собраніе стихотвореній подъ заглавіемъ: „*Разсказы прапорщика*“.

Въ одной изъ самыхъ первыхъ піесъ онъ самъ прекрасно описалъ свое знакомство съ прапорщикомъ. Онъ переноситъ читателя къ озеру Незнярви (близъ Таммерфорса, въ самой живописной странѣ) и говоритъ, что тамъ случилось ему жить на одномъ дворѣ съ старымъ солдатомъ. „Я, продолжаетъ онъ, считалъ себя тогда человѣкомъ безъ всякихъ недостатковъ. Я былъ студентомъ, домашнимъ учителемъ; благодаря своей латыни, я жилъ въ избыткѣ. Старикъ ѣлъ даровой хлѣбъ. Я страстно любилъ глядѣть на эту угловатую, неповоротливую фигуру, на странный покрой его платья, а особенно на его орлиный носъ съ очками. Я часто ходилъ къ старику, чтобы трунить надъ нимъ. Мнѣ было весело, когда онъ разсердится и разорветъ свою сѣть, а я возьму у него иголку и свяжу петлю никуда не годную. Тогда онъ вскочитъ и выгонитъ меня вонъ; дружеское слово, горсть табаку—и миръ возобновлялся. Я приходилъ опять и начиналъ по прежнему дразнить его. Никогда мнѣ и въ голову не приходило, что у старика также была своя пора, что онъ болѣе меня прожилъ и испыталъ: ученость моя не позволяла мнѣ понимать всего этого. Я не думалъ, что онъ нѣкогда былъ воиномъ и радостно отдавалъ свою кровь за то же отечество, которое теперь стало мнѣ такъ дорого. Но разъ мнѣ наскучили проказы. Была зима; день показался мнѣ дологъ; я взялъ первую книжку, какая попалась мнѣ подъ руку. Это было сочиненіе неизвѣстнаго о послѣдней финляндской войнѣ. Я унесъ ее въ свою комнату и началъ перелистывать: прочелъ страницу, прочелъ другую — сердце мое забилось; какъ книжка показалась мнѣ коротка! Она кончилась, кончился и вечеръ; но жаръ мой не остылъ: мнѣ оставалось дознаться многаго, о многомъ разспросить; для меня было такъ много неясно. Я отправился къ старому прапорщику. Онъ сидѣлъ на прежнемъ мѣстѣ, за тѣмъ же занятіемъ. Едва я вошелъ, онъ встрѣтилъ меня недовольнымъ взглядомъ; онъ какъ-будто хотѣлъ спросить: „ужели и ночью мнѣ не будетъ покою?“ Но я былъ совсѣмъ не тотъ, что̀ прежде; я пришелъ съ другими мыслями. „Я читалъ, сказалъ я, о послѣдней финляндской войнѣ,—мнѣ захотѣлось услышать о ней поболѣе; можетъ быть, ты разскажешь мнѣ“... Таково было мое привѣтствіе. Старикъ съ удивленіемъ поднялъ глаза; въ нихъ былъ особенный блескъ. „Да, отвѣчалъ онъ, о томъ я могу разсказать коечто, если вамъ, сударь, угодно; вѣдь я самъ былъ въ походѣ“. Я сѣлъ на соломенную постель его; онъ началъ разсказывать объ отвагѣ Дункера и Мальма, о многихъ подвигахъ; его взоръ сіялъ, все лицо просвѣтлѣло; никогда не забуду, какъ онъ былъ прекрасенъ. Онъ видѣлъ много кровавыхъ дней, дѣлилъ много опасностей, не только побѣдъ, но и пораженій, которыхъ раны не исцѣлились отъ времени; такъ много забытаго міромъ таилось въ его вѣрной памяти! Я сидѣлъ молчаливо и слушалъ, и не проронилъ ни одного слова. Было далеко за

полночь, когда я ушелъ отъ него. Онъ проводилъ меня до порога и весело пожалъ мнѣ руку, которую я протянулъ ему. Послѣ того ему уже тяжело было оставаться безъ меня, мы дѣлили другъ съ другомъ и радость и горе. Разсказы, которые я переложилъ въ стихи, переданы мнѣ старикомъ; я слушалъ ихъ по ночамъ, при тихомъ свѣтѣ лучины".

Новыя стихотворенія Рунеберга содержатъ въ себѣ сцены и разные случаи, заимствованные изъ финляндской войны. То онъ вводитъ насъ въ крестьянскую избу и изображаетъ молодого парня, рѣшившаго промѣнять лѣнивое бездѣйствіе на славную смерть; то переводитъ насъ въ собраніе офицеровъ, толкующихъ о медленности своего главнокомандующаго, то представляетъ намъ дѣвушку, которая идетъ искать своего милаго между падшими въ битвѣ, но, не нашедши его тамъ, узнаетъ съ негодованіемъ, что онъ бѣжалъ, и отказывается навѣки отъ робкаго, недостойнаго ея любви. Всего чаще мы видимъ передъ собою поле сраженія, и поэтъ съ особеннымъ участіемъ останавливается на подробностяхъ битвъ, на подвигахъ мужества и презрѣнія къ смерти. Въ одной піесѣ онъ разсказываетъ о глупомъ и неуклюжемъ работникѣ, который ничего не умѣлъ дѣлать, и наконецъ, наскучивъ заслуженною бранью, пошелъ въ солдаты; не лучше исполнялъ онъ и тутъ свою службу, пока дѣло не дошло до сраженія: тогда онъ показалъ изумительную неустрашимость и умеръ прекрасно. Чрезвычайно удачно Рунебергъ рисуетъ солдатскую жизнь, отличенную честью и доблестью; представленныя имъ лица являются передъ нами со всею истиною дѣйствительности, такъ что можно бы принять ихъ всѣ за историческія, хотя многія изъ нихъ созданы его воображеніемъ. Очень хорошъ разсказъ о двухъ драгунахъ, друзьяхъ, которые въ жизни всегда шли вмѣстѣ и въ службѣ подвигались ровно, пока одинъ изъ нихъ не былъ раненъ; однакожъ другой спасъ его отъ смерти. Тогда первый пошелъ къ своему генералу съ медалью въ рукѣ и сказалъ: „дайте медаль и товарищу, или возьмите и мою". Всего замѣчательнѣе для насъ тѣ стихотворенія, въ которыхъ дѣйствуютъ герои войны. Начнемъ съ прославившихся на сторонѣ непріятеля. Сюда принадлежатъ особенно Сандельсъ и Дебельнъ, въ началѣ похода бывшіе полковниками, а потомъ произведенные въ генералы. Скажемъ нѣсколько словъ, какъ о двухъ относящихся къ нимъ стихотвореніяхъ, такъ и о нихъ самихъ.

По вступленіи русскихъ въ Финляндію въ началѣ 1808 года, военныя дѣйствія открылись главнымъ образомъ по двумъ направленіямъ. Часть войска пошла за непріятелемъ на Тавастгусъ и потомъ преслѣдовала его вдоль Ботническаго залива. Другая часть заняла внутри края городъ Куопіо. Съ сѣверной стороны, передъ самымъ этимъ городомъ, находится проливъ Тайвола, соединяющій два озера. Послѣ пораженій, претерпѣнныхъ русскими близъ Ботническаго залива, Сандельсъ съ

храбрымъ отрядомъ отправленъ былъ оттуда на Куопіо. Онъ безъ труда овладѣлъ городомъ, но вскорѣ принужденъ былъ удалиться за проливъ и тутъ занялъ позицію, съ которой часто тревожилъ русскихъ въ Куопіо. Онъ былъ неутомимо дѣятеленъ и неистощимъ въ изобрѣтеніи способовъ вредить своимъ противникамъ: нѣсколько разъ нападалъ на нихъ ночью, стараясь застать ихъ врасплохъ; являлся въ тылу ихъ и истреблялъ ихъ обозы и транспорты; перехватывалъ курьеровъ и вооружалъ крестьянъ. Въ сентябрѣ между сражающимися заключено было перемиріе. Сандельсъ, и прежде уже оттѣсненный далѣе къ сѣверу, долженъ былъ вслѣдствіе условія расположиться близъ церкви Иденсальми, верстахъ въ 90 отъ Куопіо, а русскіе стали лагеремъ нѣсколько южнѣе; узкій проливъ Вирта, черезъ который проведенъ былъ мостъ, раздѣлялъ обѣ позиціи. Перемиріе не было утверждено въ Петербургѣ, гдѣ, за отъѣздомъ Государя въ Эрфуртъ, дѣлами управлялъ Высочайше уполномоченный на то комитетъ министровъ: 15 октября ровно въ часъ должны были вновь начаться военныя дѣйствія между Сандельсомъ и корпусомъ Тучкова. Тогда русскіе перешли мостъ и напали на непріятельскую батарею, но были отбиты съ большимъ урономъ и должны были возвратиться на другую сторону пролива. Къ несчастію, въ самомъ началѣ сраженія, убитъ былъ нашъ молодой генералъ, князь Долгоруковъ, увлеченный слишкомъ далеко своею пылкостью, и это произвело разстройство между русскими. Сандельсъ, осматривая потомъ поле сраженія, усыпанное тѣлами, сказалъ: „Здѣсь былъ сегодня маленькій Аустерлицъ!“ Вскорѣ, когда противники еще сохраняли позиціи, занятыя ими послѣ этой битвы, Сандельсъ вздумалъ напасть на русскихъ врасплохъ, и ночью послалъ на нихъ проселками надежный отрядъ. Но эта попытка вовсе не удалась: наши встрѣтили непріятеля молодецки и совершенно разбили его; отрядъ былъ большею частію истребленъ; между взятыми въ плѣнъ находился отважный партизанъ, капитанъ Мальмъ.

Побѣда Сандельса въ Иденсальми составляетъ главный подвигъ его. Стихотвореніе, означенное его именемъ, начинается сценою въ крестьянскомъ домѣ, гдѣ Сандельсъ завтракаетъ, разговаривая съ пасторомъ. „Сегодня — говоритъ онъ — ровно въ часъ возобновятся военныя дѣйствія; споръ будетъ итти о мостѣ Вирты. Господинъ пасторъ, я попросилъ васъ сюда“... — Не угодно ли немножко форели? — „Мнѣ хочется удержать васъ сегодня при себѣ; вы знаете эти мѣста лучше, нежели я, и можете сообщить мнѣ важныя свѣдѣнія. Будьте спокойны, вы не увидите крови“. — Прикажете рюмочку? мадера хороша. — „Тучковъ дружески прислалъ мнѣ сказать, что перемиріе кончено. Кушайте на здоровье! Ахъ, Боже мой, соусъ! Когда позавтракаемъ, такъ пустимся въ путь“. — Чѣмъ Богъ послалъ, не осудите; да не угодно ли марго?

Вотъ прискакалъ нарочный: „Наше условіе нарушено; адъютантъ воротился съ передовымъ отрядомъ; снять моста ужъ не успѣютъ. На нашихъ часахъ было двѣнадцать и мы этимъ руководствовались, но у русскихъ ужъ часъ“. Сандельсъ все сидѣлъ и продолжалъ завтракать, какъ-будто ничего не слышалъ. „Отвѣдайте, господинъ пасторъ! Это чудесно. Опять ужъ Долгоруковъ торопится; выпьемъ-ка по рюмкѣ въ честь его!“ Но гонецъ спросилъ: „Прикажете ѣхать съ вашимъ отвѣтомъ?“ — „Да, скажи Фаландеру, что мостъ узокъ и что у него есть батареи. Пусть онъ держится тамъ часъ, полчаса. Господинъ пасторъ, телячьей котлетки?“ Нарочный отправился; прошла минута, и опять кто-то примчался верхомъ. Съ быстротою молніи соскочилъ онъ съ коня и взбѣжалъ на крыльце. По виду легко было узнать молодого поручика; это былъ адъютантъ Сандельса. Онъ поспѣшилъ въ комнату. „Полковникъ [1]), кровь течетъ рѣками, каждый мигъ стоитъ крови. Наше войско храбро, но оно было бы еще храбрѣе, еслибъ стояло верстами пятью ближе къ вамъ“. Сандельсъ взглянулъ на него безъ вниманія: „Вамъ, кажется, жарко; вы съ дороги устали и проголодались; отдохните минуточку; успокойтесь! прежде всего надо подумать о жаждѣ и голодѣ; вотъ вамъ вина. — Поручикъ остался: „Бой будетъ жестокій; мостъ въ рукахъ непріятеля: нашъ авангардъ уступаетъ; армія въ недоумѣніи; не угодно ли вамъ приказать чего?“ — „Да; садитесь со мною и возьмите себѣ приборъ, да принимайтесь кушать; а покушавъ, напейтесь; напившись, опять покушайте; вотъ вамъ мое приказаніе“. Гнѣвъ пылалъ въ душѣ молодого офицера и отражался въ глазахъ его: „Полковникъ! я обязанъ сказать вамъ правду; извольте же: все войско презираетъ васъ, у всѣхъ солдатъ одна мысль: васъ считаютъ трусомъ“. У Сандельса вилка выпала изъ рукъ; онъ замолчалъ, и вдругъ громко засмѣялся. „Какъ вы сказали, молодой человѣкъ? Сандельсъ трусъ? вотъ что! Коня моего Бижу! Господинъ пасторъ, теперь мнѣ васъ не нужно“.

Остановимся здѣсь и передадимъ въ немногихъ словахъ содержаніе второй половины стихотворенія. Когда Сандельсъ пріѣхалъ на поле сраженія, войско его бѣжало; одинъ отрядъ достигъ его батареи и промчался мимо его. Но онъ не тронулся съ мѣста; онъ сидѣлъ неподвижно, не обращая вниманія на опасность, и смерть изъ тысячи орудій искала его, но онъ какъ-будто не примѣчалъ того: онъ смотрѣлъ на часы свои и ждалъ назначеннаго времени. И вотъ наступила минута, которой онъ ждалъ, и онъ устремился впередъ. Голосъ его ободрилъ войско, и оно побѣдило. Замѣтимъ съ своей стороны, что неудача русскихъ въ Иденсальми произошла единственно отъ опромет-

[1]) Рунебергъ ошибочно называетъ здѣсь Сандельса генераломъ; въ этотъ чинъ онъ былъ произведенъ послѣ описываемаго сраженія.

чивости ихъ авангарда: небольшой отрядъ перебѣжалъ черезъ мостъ и не могъ устоять противъ сильнаго огня непріятельской батареи; онъ бросился назадъ; на мосту произошло смятеніе; многіе утонули въ проливѣ; паденіе князя Долгорукова, начальствовавшаго надъ авангардомъ, довершило разстройство.

Перейдемъ къ Дебельну. Это былъ ученый офицеръ, который въ молодости, по желанію родителей, готовился къ званію юриста, но по собственной склонности вступилъ въ военную службу. Во время войны за независимость сѣверо-американскихъ колоній онъ сталъ подъ знамена Франціи и сражался противъ англичанъ въ Остъ-Индіи. Потомъ онъ участвовалъ въ походѣ Густава III противъ Россіи въ 1788 году и въ одномъ кровопролитномъ сраженіи раненъ былъ въ лобъ, почему послѣ и носилъ всегда на головѣ черную повязку. Въ 1808 году находился онъ въ той части шведской арміи, которая дѣйствовала вдоль береговъ Ботническаго залива. Впослѣдствіи онъ отправленъ былъ на Аландскіе острова и, во время похода русскихъ по льду черезъ этотъ архипелагъ, вынужденъ былъ войти съ нашими генералами въ переговоры о перемиріи. Военный министръ графъ Аракчеевъ, также бывшій тогда при арміи, не согласился подписать заключеннаго условія: этотъ отказъ до того раздражилъ Дебельна, что онъ, по словамъ шведовъ, въ первую минуту вызвалъ русскихъ генераловъ на дуэль. Дѣло кончилось однакожъ тѣмъ, что онъ отступилъ къ берегамъ Швеціи. Дебельнъ съ самаго начала войны не одобрялъ составленнаго шведскимъ главнокомандующимъ плана дѣйствій и потомъ написалъ особый проектъ, въ которомъ, вмѣсто отступленія къ сѣверной оконечности Ботническаго залива, предлагалъ оттѣснить русскихъ до Петербурга и, если это удастся, привести въ трепетъ самую столицу. Но планъ его требовалъ рѣшительности, какой не было у тогдашнихъ военачальниковъ Швеціи. Глубоко опечаленъ былъ Дебельнъ повсемѣстнымъ неуспѣхомъ отечественнаго оружія и необходимостью уступить Финляндію Россіи. О томъ свидѣтельствуетъ прекрасная прощальная рѣчь, которую онъ по заключеніи мира произнесъ на берегахъ Швеціи къ финскимъ солдатамъ, отправлявшимся назадъ на родину.

Чтобы обратиться къ стихотворенію Рунеберга о Дебельнѣ, мы должны перенестись въ ту эпоху войны, когда непріятель, оттѣснивъ нашихъ отъ Улеаборга до окрестностей Тавастгуса, принужденъ былъ смириться предъ отвагою новаго предводителя русскихъ, графа Каменскаго, и вторично отступалъ вдоль Ботническаго залива. Приближались къ тому мѣсту, гдѣ должна была произойти самая кровопролитная битва въ продолженіе всей войны, — битва, увѣнчавшая Каменскаго блистательною побѣдою. Это мѣсто было *Оравайсъ*, городокъ, лежащій на берегу моря, между Вазою и Нюкарлебю. Въ то время,

какъ здѣсь готовились къ достопамятному дѣлу 2 сентября, одинъ шведскій отрядъ, дѣйствовавшій во флангѣ арміи, зашелъ далеко впередъ и стоялъ уже передъ Нюкарлебю. Генералъ Козачковскій, также командовавшій отдѣльнымъ отрядомъ, опередившимъ армію, хотѣлъ овладѣть этимъ городомъ. Накапунѣ Оравайскаго сраженія онъ напалъ здѣсь на непріятеля. Дебельнъ, больной, лежалъ въ Нюкарлебю, но услышавъ пальбу, въ десять часовъ утра вскочилъ съ постели и поскакалъ къ своему войску. Посмотримъ, какъ поэтъ воспользовался этимъ случаемъ.

Дебельнъ лежалъ въ постели, терзаемый болью; въ груди его происходила борьба, глаза горѣли, болѣзненный румянецъ пылалъ на щекахъ. Недавно его отрядъ спѣшилъ усиленнымъ шагомъ на сѣверъ и двое сутокъ не отдыхалъ. Самъ онъ прибылъ въ Нюкарлебю. Онъ чувствовалъ въ крови невыносимый жаръ, но въ душѣ его бушевалъ еще болѣе гибельный огонь; въ глазахъ его легко было замѣтить волненіе, какого не могла произвести горячка. Онъ считалъ секунды; онъ прислушивался и тревожно ожидалъ чего-то, и часто взоры его прикованы были къ дверямъ. Вотъ онѣ отворились; въ залу вошелъ молодой человѣкъ и почтительно приблизился къ постели генерала (NB. въ то время еще полковника); Дебельнъ сказалъ своему скромному гостю: „господинъ докторъ, многое, чему поклоняемся мы, — суета, и меня недаромъ считаютъ вольнодумцемъ; но два обстоятельства научили меня уважать ремесло врача: мой разбитый лобъ и мой другъ Бьеркѐнъ (полковой лѣкарь). Поэтому я принималъ то, что̀ вы прописали; я лежалъ какъ ребенокъ и терпѣливо смотрѣлъ на батарею, которую вы разставили на моемъ столѣ. Знаю, что вы слѣдуете законамъ искусства; но если они должны продержать меня здѣсь нѣсколько дней, то вы обязаны нарушить ихъ. Я хочу, я долженъ выздоровѣть — тутъ нечего спорить. Я долженъ встать, хотя-бы мнѣ послѣ пришлось лечь въ могилу. Слышите ли, какъ пушки гремятъ? Тамъ рѣшается отступленіе финскаго войска. Мнѣ надо поспѣть туда прежде, нежели успѣютъ разбить мой отрядъ. Загородятъ ли намъ дорогу? Возьмутъ ли Адлеркрейца въ плѣнъ? Какова будетъ судьба храбраго войска? Нѣтъ, докторъ, нѣтъ — выдумайте лѣкарство, которое пусть завтра убьетъ меня, но сегодня поставитъ на ноги!“ Молодой врачъ слушалъ угрюмо, но вдругъ благородное лицо его прояснилось. Тихонько опустилъ онъ руку на столъ и однимъ ея движеніемъ очистилъ его, сбросивъ всю батарею на полъ. „Теперь мое искусство вамъ не помѣха!“ — Новый румянецъ вспыхнулъ на щекахъ Дебельна; онъ вскочилъ и, слабый, сталъ на ноги. „Благодарю, молодой другъ, дайте поцѣловать васъ въ лобъ; вы поняли меня, вы поступили, какъ мужчина“.

Не беремся передать остальныхъ частей стихотворенія, которыя въ переводѣ прозою не могли бы быть оцѣнены какъ слѣдуетъ. Гром-

кими кликами Дебельнъ встрѣченъ былъ на полѣ сраженія; одобренный присутствіемъ любимаго начальника, непріятель одержалъ верхъ надъ Козачковскимъ и не пустилъ его въ Нюкарлебю. Этому успѣху шведское войско, разбитое между тѣмъ при Оравайсѣ, обязано было возможностью продолжать отступленіе далѣе на сѣверъ.

Пьесу *Дебельнъ* многіе считаютъ лучшею въ цѣлой книжкѣ; нѣкоторые находятъ, что поэту всего лучше удалось стихотвореніе *Кульневъ*, которое мы рѣшились сообщить читателямъ вполнѣ и притомъ въ метрическомъ переводѣ. Для каждаго русскаго должно быть любопытно видѣть, какъ иноплеменный поэтъ, слѣдуя мѣстнымъ преданіямъ, представляетъ себѣ героя, вступившаго въ край непріятелемъ, но заслужившаго здѣсь уваженіе и даже любовь всѣхъ жителей. Однакожъ прежде, нежели займемся Кульневымъ, возвратимся на минуту къ замѣчанію о различіи сужденій, возбужденныхъ новымъ трудомъ Рунеберга. Не всѣ въ Финляндіи равно довольны *Разсказами прапорщика* Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, мы слышали самые разнообразные толки объ этомъ произведеніи. Мы выводимъ изъ нихъ такое заключеніе: не всѣмъ дано понимать истиннаго поэта, особенно когда созданіе его, какъ разсматриваемое нами, требуетъ предварительнаго изученія предмета и короткаго знакомства съ упоминаемыми событіями. Надъ Рунебергомъ повторяется теперь то же, чтò у насъ было съ Пушкинымъ, когда талантъ его достигъ полной зрѣлости. Чѣмъ выше становится поэтъ, тѣмъ менѣе сочувствія онъ находитъ въ большинствѣ современниковъ, которые восхищались его прежнимъ полетомъ. Вспомнимъ, что когда появилась *Полтава*, то многіе ставили ее ниже первыхъ поэмъ Пушкина и находили, что онъ идетъ назадъ! Подобные голоса раздаются въ Финляндіи при выходѣ въ свѣтъ каждаго новаго произведенія Рунеберга, и большинство публики отдаетъ преимущество раннимъ его трудамъ. Но въ Швеціи, гдѣ онъ еще не такъ давно извѣстенъ, — тамъ принимаютъ съ восторгомъ все, чтó онъ ни напишетъ, и рѣшительно отдаютъ ему пальму первенства между живущими шведскими поэтами.

Главнымъ поприщемъ подвиговъ Кульнева, какъ воина и какъ человѣка, была Финляндія. Онъ былъ полковникомъ въ Гродненскихъ гусарахъ и 45 лѣтъ отроду, когда судьба привела его сюда въ началѣ похода. Кульневъ служилъ при Суворовѣ въ польскую войну и участвовалъ въ штурмѣ Праги; потомъ сражался онъ за отечество и въ первыхъ войнахъ противъ Наполеона. Но счастіе долго не улыбалось ему: онъ такъ медленно подвигался въ чинахъ, что уже намѣренъ былъ выйти въ отставку, какъ вдругъ финляндская война открыла ему блистательнѣйшіе виды. Здѣсь онъ, находясь при арміи, дѣйствовавшей въ береговомъ направленіи, былъ постоянно, при наступательныхъ движеніяхъ — въ передовомъ отрядѣ, при отступленіяхъ — въ

арьергардѣ, и удивлялъ какъ своихъ, такъ и непріятелей неутомимою бодростію и удалью. Но еще болѣе поражалъ онъ шведовъ и финновъ необыкновеннымъ добродушіемъ въ обращеніи съ плѣнными и жителями; онъ былъ самымъ усерднымъ защитникомъ ихъ и—гдѣ *онъ* являлся, тамъ туземцы были увѣрены, что имъ никакого зла причинено не будетъ. Имя Кульнева звучало имъ надеждою и успокоеніемъ и было синонимомъ героя-благотворителя. Съ непріятельскими офицерами, ближайшими къ его отряду, находился онъ въ благороднѣйшихъ рыцарскихъ отношеніяхъ. Когда начальникъ шведскаго арьергарда, графъ Левенъельмъ, во время стычки съ казаками на льду Ботническаго залива, уже окруженъ былъ занесенными на него пиками, онъ вдругъ увидѣлъ Кульнева и закричалъ ему: „Koulnef, Koulnef! sauvez-nous la vie“! Это спасло Левенъельма; онъ бросился на шею своему противнику - другу и вмѣстѣ съ адъютантомъ своимъ отдался ему въ плѣнъ. Случай этотъ разсказанъ авангарднымъ сподвижникомъ и сокашникомъ Кульнева, Давыдовымъ, въ его *Воспоминаніи* о нашемъ героѣ, о которомъ ничего лучшаго не было писано. Говорятъ, что Левенъельмъ — впослѣдствіи извѣстный дипломатъ и шведскій посланникъ въ Парижѣ — тогда только-что явился изъ Швеціи къ фельдмаршалу Клингспору для принятія начальства надъ его штабомъ; за нѣсколько дней познакомился онъ какъ-то съ Кульневымъ; передъ самою стычкою былъ онъ у главнокомандующаго на завтракѣ, и въ головѣ его, отуманенной винными парами, родилось безумное намѣреніе напасть на русскій авангардъ. Чтобы склонить къ тому нюландскихъ драгунъ, онъ, взявъ въ руки фляжку, потчевалъ ихъ водкой и братался съ ними, пока не набралось нѣсколько охотниковъ участвовать въ нелѣпомъ предпріятіи. Едва смѣльчаки поскакали по льду, какъ ихъ окружили казаки.—Въ сраженіи при Сикаіоки Кульневъ, замѣтивъ, что шведскій офицеръ Бьёрншерна велъ себя съ особенною неустрашимостью, запретилъ своимъ егерямъ стрѣлять въ него; въ отплату за такое великодушіе, генералъ Адлеркрейцъ приказалъ своимъ солдатамъ щадить Кульнева. Какъ онъ умѣлъ заслужить любовь финляндцевъ, о томъ лучше всего даютъ понятіе два случая. Когда онъ послѣ сѣвернаго похода пріѣхалъ въ Або и прямо явился на балъ къ князю Багратіону, то приходъ его произвелъ на все собраніе живѣйшее впечатлѣніе: вдругъ остановились танцы, и всѣ присутствовавшіе жители, не только мужчины, но и дамы окружили героя и единодушно выразили ему свою признательность за покровительство, какое онъ вездѣ оказывалъ ихъ мирнымъ согражданамъ. Въ бытность свою въ Або императоръ Александръ, при многихъ значительныхъ лицахъ, сказалъ ему: „Благодарю тебя, Кульневъ! благодарю не только за службу, но и за поведеніе твое съ жителями: Я знаю все, что ты для нихъ дѣлалъ“. Глубоко тронутъ былъ Куль-

невъ словами Государя, и двѣ мужескія слезы скатились на густые усы его. Признательность Монарха къ герою выражалась и милостями: въ Финляндіи Кульневъ произведенъ былъ въ генералъ-маіоры и получилъ Анненскую ленту. Черезъ три года послѣ знаменитаго своего похода съ Аландскихъ островов на берега Швеціи Кульневъ уже не существовалъ; онъ былъ первымъ русскимъ генераломъ, падшимъ за отечество въ борьбѣ двѣнадцатаго года.

Пишу не біографію Кульнева и потому опускаю многія любопытныя свѣдѣнія, которыя можно найти въ другихъ касающихся до него сочиненіяхъ. Но не могу не воспользоваться случаемъ сообщить нѣкоторыя подробности, слышанныя мною отъ одного изъ остающихся членовъ рода Кульневыхъ и нигдѣ до сихъ поръ не напечатанныя. Отецъ Якова Петровича, имѣвшій еще четырехъ сыновей, былъ сослуживцемъ и пріятелемъ Суворова. Кто бы повѣрилъ, что будущій покоритель Измаила въ началѣ своего поприща подверженъ былъ припадкамъ неодолимой робости? Петръ Васильевичъ Кульневъ, замѣтивъ въ одномъ сраженіи, что онъ прячется отъ огня, бросился къ своему товарищу и угрозами принудилъ его итти впередъ. Когда впослѣдствіи Яковъ Кульневъ, по старанію отца своего, поступилъ подъ начальство Суворова и въ первый разъ представлялся ему, то знаменитый полководецъ разсказалъ присутствовавшимъ о помянутомъ случаѣ, который будто-бы навсегда избавилъ его отъ врожденной трусости. Не ручаюсь, впрочемъ, за достовѣрность этого анекдота: повторяю то, что̀ слышалъ. Отецъ Кульнева оставилъ военную службу въ чинѣ штабсъ-ротмистра и потомъ занималъ должность городничаго въ Люцинѣ (Витеб. губерн.). Замѣчательно, что онъ, не будучи боленъ, предсказалъ день и часъ своей смерти, и предсказаніе его сбылось во всей точности, хотя онъ до послѣдней минуты сохранилъ здоровье. Жена его, на которую нѣжная заботливость сына бросаетъ отблескъ его славы, была родомъ изъ Помераніи и происходила изъ фамиліи Гревеницъ; семилѣтняя война доставила будущему ея мужу знакомство съ нею. До конца жизни она плохо говорила по-русски. Отъ прусскаго правительства получала она (или кто-то изъ родныхъ ея) пенсію; когда во время военныхъ бурь выдача этого вспомоществованія прекратилась, то Кульневъ письменно обратился къ королю и между прочимъ напомнилъ ему свою встрѣчу съ нимъ въ Тильзитѣ. Тамъ, въ знаменитую эпоху свиданія двухъ императоровъ, Фридрихъ Вильгельмъ прогуливался однажды по берегу Нѣмана; смѣлый Кульневъ, которому часто приходили въ голову оригинальныя затѣи, рѣшился подойти къ королю и пригласить къ себѣ на приготовленную случайно закуску; предваривъ о томъ своихъ товарищей, онъ тотчасъ же исполнилъ это намѣреніе; предложеніе его было принято очень милостиво, и онъ любилъ послѣ объ этомъ разсказывать. На письмо

Кульнева, гдѣ упомянуто было объ этомъ случаѣ, король отвѣчалъ съ большимъ благоволеніемъ и приказалъ снова производить остановленную пенсію. Въ молодости своей Кульневъ присланъ былъ однажды изъ дѣйствующей арміи къ императрицѣ Екатеринѣ съ извѣстіемъ о какой-то побѣдѣ. Принявъ отъ него донесеніе, Государыня сказала: „Не удивляюсь подвигамъ моей арміи, если въ ней все такіе молодцы, какъ вы“. Онъ былъ очень высокаго роста; сабля его хранится у наслѣдниковъ и поражаетъ своею огромностью. Кульневъ любилъ блескъ двора и безъ особенныхъ причинъ не пропускалъ ни одного куртага. Онъ былъ извѣстный волокита; но незадолго до войнъ съ Наполеономъ онъ серіозно помышлялъ о женитьбѣ; избранная его требовала, чтобы онъ оставилъ военную службу. На это Кульневъ отвѣчалъ ей письмомъ, въ которомъ выразилъ свое удивленіе, что она такъ мало его знаетъ, и изъяснилъ съ жаромъ, что какъ онъ ее ни любитъ, но долгъ отечеству считаетъ выше всего. Какъ важны были послѣдствія такого благороднаго образа мыслей! Ему русская исторія обязана страницею о подвигахъ героя, котораго имя сдѣлалось народнымъ не только въ Россіи, но и въ странѣ, покоренной при его содѣйствіи. Въ рукахъ моихъ есть другое собственноручное письмо Кульнева, писанное за нѣсколько мѣсяцевъ до славной его смерти, изъ города Тельша къ невѣсткѣ. Тутъ онъ между прочимъ говоритъ: „Я влюбленъ по уши и наверное женюсь“. Это письмо, касающееся семейныхъ дѣлъ, для насъ важно какъ доказательство, что Кульневъ гораздо лучше владѣлъ мечемъ, нежели перомъ, и что отрывки изъ писемъ и приказовъ его, приведенные Давыдовымъ, были значительно выправлены передъ напечатаніемъ. Нельзя не пожалѣть о томъ: драгоцѣннѣе были бы они въ своемъ первобытномъ видѣ. Онъ писалъ по-солдатски, не справляясь съ законами грамматики и орѳографіи. Вотъ еще нѣсколько строкъ изъ помянутаго письма: „Правда что я хотѣлъ быть въ Москве, но мнѣ отказали въ отпускѣ *по нѣкоторымъ причинамъ*“ (намекъ на ожиданіе войны двѣнадцатаго года), „а потому и не могу выполнить вашей воли познакомится съ Х. что оставляю до будущей зимы“. Но будущей зимы для него уже не стало! Обстоятельства геройскаго конца его при Клястицахъ разсказываются различно. Извѣстный военный писатель Михайловскій-Данилевскій говоритъ, что когда авангардъ нашъ принужденъ былъ ретироваться передъ корпусомъ Удино, то Кульневъ, сильно огорченный этою неудачею, сошелъ съ лошади и отступалъ пѣшкомъ [1]): тогда поразило его

[1]) Когда я читалъ эти строки особѣ, которой обязанъ помѣщенными здѣсь свѣдѣніями, то она прибавила: „Это было вовсе не въ его характерѣ: онъ никогда не унывалъ, не смотря ни на какія неудачи. Тому есть множество доказательствъ. Вотъ одинъ примѣръ: во время похода черезъ Аландское море, тѣмъ болѣе опаснаго, что можно было ежеминутно ожидать вскрытія льда, войско упало духомъ и жаловалось

ядро, оторвавшее обѣ ноги его. Болѣе правдоподобно семейное преданіе: видя неудовлетворительное дѣйствіе орудій своего отряда, Кульневъ въ жару нетерпѣнія соскочилъ съ лошади и, подойдя къ пушкѣ, самъ принялся дѣйствовать, какъ вдругъ его повергло роковое ядро. Чувствуя, что ему уже нѣтъ спасенія, онъ не хотѣлъ, чтобъ его несли перевязывать и сказалъ поднявшимъ его солдатамъ, чтобы они только положили его въ сторонѣ отъ дороги, въ канавѣ, и накрыли плащемъ; потомъ онъ снялъ съ себя георгіевскій крестъ и отдалъ его бывшимъ при немъ людямъ, желая, чтобы непріятель счелъ убитаго генерала за простого солдата. Тѣло его нашли послѣ исколотымъ. Въ такомъ видѣ живетъ въ родѣ Кульнева преданіе о его смерти. Михайловскій-Данилевскій утверждаетъ, что онъ, бывъ пораженъ ядромъ, не промолвилъ болѣе ни слова, но Давыдовъ описываетъ кончину его довольно сходно съ приведеннымъ здѣсь болѣе подробнымъ извѣстіемъ. Герой погребенъ въ имѣніи *Ильзенбергъ* (Витебской губерніи), которое еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ принадлежало Кульневымъ, но потомъ перешло въ другія руки. Впрочемъ церковь, гдѣ лежатъ его останки, составляетъ собственность казны. Всѣмъ извѣстно, съ какою трогательною заботливостью Кульневъ помогалъ своей матери; съ необыкновенною нѣжностью любилъ онъ и единственную сестру свою, которая четырнадцати лѣтъ отроду вышла замужъ за камергера Цёге-фонъ-Мантейфеля, курляндскаго помѣщика; она умерла, не достигнувъ тридцатилѣтняго возраста. Приказы Кульнева служатъ вѣрнымъ и рѣзкимъ отпечаткомъ его характера; въ нихъ удалое безстрашіе воина является въ чудномъ сочетаніи съ вѣрою христіанина, и важность содержанія — съ шуточною формою. Кульневъ былъ большой шутникъ, и умѣстными выходками веселости умѣлъ оживлять духъ солдата. Однажды въ походѣ, желая ободрить рядовыхъ, у которыхъ не было иныхъ припасовъ, кромѣ крупы, онъ написалъ приказъ, чтобы всѣ они, поѣвши, явились въ строю съ кусочкомъ каши на носу. Это было исполнено во всей точности и не могло остаться безъ желаннаго дѣйствія.

Передо мною два изображенія Кульнева. Одно изъ нихъ — что-то въ родѣ усовершенствованнаго силуэта — напоминаетъ тѣ портреты, которые, какъ и Рунебергъ говоритъ, можно до сихъ поръ найти въ Финляндіи въ крестьянскихъ домахъ или на станціяхъ. Что́ касается

на трудности предпріятія. На утро сдѣлался густой туманъ и солдаты потеряли послѣднюю бодрость. Но Кульневъ нисколько не смутился; онъ ручался за успѣхъ похода и велѣлъ отслужить молебенъ. Отрядъ двинулся съ новою надеждою. Мало-помалу туманъ разсѣялся, и всѣ ожили духомъ. Подвигъ былъ совершенъ благополучно. Разсказы о немъ произвели впослѣдствіи такое впечатлѣніе на племянницу Кульнева, что она ѣздила на Аландскіе острова только для того, чтобы увидѣть мѣста, гдѣ такъ прославился ея дядя“.

до прекраснаго литографированнаго портрета его, находящагося въ изданіи: *„Императоръ Александръ и Его сподвижники“*, то старожилы финляндскіе, видѣвшіе здѣсь Кульнева, увѣряютъ, что у него лицо казалось гораздо суровѣе; впрочемъ, это могло быть преходящимъ дѣйствіемъ походной жизни, когда совокупное вліяніе мороза или солнечныхъ лучей, пороха и дыма, должно было сообщать физіономіи его особенный характеръ. Поэтъ считаетъ Кульнева казакомъ; можетъ быть, это было общею въ Финляндіи ошибкою уже во время похода: она произошла, конечно, отъ того, что въ его отрядѣ дѣйствительно находились казаки. Если вѣрить г. Ѳаддею Булгарину, то и одежда Кульнева было такова, что иной легко могъ принять его за казака; но Давыдовъ, описывающій ее иначе, заслуживаетъ болѣе вѣры, бывъ постоянно товарищемъ Кульнева въ этомъ походѣ. Онъ даже прямо говоритъ: „Я недавно гдѣ - то читалъ, что онъ носилъ какой-то черный гусарскій ментикъ или долманъ съ черными шароварами“ (*казацкими*, по замѣчанію г. Булгарина). „Несправедливо“, прибавляетъ Давыдовъ. Этотъ писатель, котораго сочиненія представляютъ намъ въ прекрасномъ свѣтѣ его образованность и благородный характеръ, ограждаетъ своего сослуживца еще отъ другой, гораздо важнѣйшей ошибки современниковъ. Разборчивость Кульнева въ крѣпкихъ напиткахъ, которою онъ, можетъ быть, при случаѣ любилъ и похвастать столько же невинно, какъ добродушно, распространила мнѣніе, будто онъ въ этомъ отношеніи иногда переступалъ границы умѣренности. „Питейнымъ онъ, подобно того времени гусарскимъ чиновникамъ, не пресыщался“, говоритъ между прочимъ Давыдовъ. Не могу при этомъ случаѣ не выразить сожалѣнія, что другъ Кульнева, бывъ, какъ я слышалъ, вхожъ во всѣ лучшіе дома въ Або и въ другихъ финляндскихъ городахъ, сообщилъ намъ такъ немного изъ своихъ воспоминаній о походѣ. Офицеръ, посѣщавшій семейства епископа Тенгстрема и поэта Франце́на, конечно могъ бы передать потомству множество любопытнѣйшихъ свѣдѣній, относящихся къ тогдашнимъ событіямъ, но которыхъ мы тщетно станемъ искать въ описаніяхъ войны и дипломатическихъ сношеній. Даже замѣтки о нравахъ и образѣ жизни въ краю, вновь присоединенномъ къ Россіи, пріобрѣли бы со временемъ великую цѣну. Большая часть лицъ, дѣйствовавшихъ тогда, теперь уже не существуютъ, а тѣ, которыя еще живы, почти всѣ были тогда чрезвычайно молоды. Подробности, которыя удалось мнѣ собрать отъ немногихъ старожиловъ, будутъ сообщены въ слѣдующихъ статьяхъ.

Когда Кульневъ стоялъ въ Якобштадтѣ, то онъ бывалъ въ домѣ родителей Рунеберга; отецъ поэта былъ капитаномъ купеческаго корабля. Страстно любя дѣтей, знаменитый воинъ не разъ носилъ на рукахъ того, кто со временемъ долженъ былъ воспѣть его славу на языкѣ тогдашняго непріятеля. Рѣзкая физіономія Кульнева глубоко

запечатлѣлась въ памяти ребенка. По прошествіи сорока лѣтъ событія минувшаго являются нынѣ въ лучахъ поэзіи. Въ этихъ пѣсняхъ имя нашего героя дойдетъ до позднято потомства не въ одномъ его отечествѣ. Долгъ платежомъ красенъ! Заключаю статью переводомъ стихотворенія:

КУЛЬНЕВЪ [1]).

Еще не поздно, есть о чемъ
Намъ вспоминать; теперь два слова
Скажу про Кульнева: о немъ
Тебѣ, чай, слышать ужъ не ново?
Прямой солдатъ! онъ жить умѣлъ,
Но и предъ смертью не блѣднѣлъ;
Онъ первымъ былъ и въ схваткѣ пылкой
И межъ друзьями за бутылкой.

* *
*

Рубиться — то была въ немъ страсть,
Шутя платилъ онъ долгъ отчизнѣ
И вѣрилъ онъ, что жребій — пасть
Есть только цвѣтъ геройской жизни:
Какимъ оружьемъ ни владѣй,
Такъ думалъ онъ: но пасть умѣй —
Кто въ битвѣ, кто въ весельѣ пьяномъ,
Иль съ саблей острой, иль съ стаканомъ.

* *
*

Въ любви — забавы онъ искалъ
И скоръ былъ въ выборѣ предмета;
Бывало, съ битвы — тотчасъ балъ
Затѣетъ онъ, и до разсвѣта
Все близъ красавицы своей,
А тамъ возьметъ башмакъ у ней
И, вливъ въ него струи шипящей,
Пьетъ тостъ прощальный предъ дрожащей.

[1]) Въ экземплярѣ переводчика есть нѣсколько его позднѣйшихъ поправокъ въ этомъ стихотвореніи, сдѣланныхъ карандашомъ, къ сожалѣнію почти стершимся. Варіантами нами разобранными мы позволяемъ себѣ замѣнить нѣкоторые стихи печатнаго текста, приводя однакожъ послѣдніе въ выноскахъ. *Ред.*

* *
*

Ты-бъ посмотрѣлъ его черты!
Между картинъ убогой хаты
Еще порой увидишь ты
Какой-то обликъ волосатый:
Ты подойдешь — проглянетъ ротъ,
Улыбка кроткая блеснетъ
И взоръ привѣтливый, открытый.
Вглядись: то Кульневъ знаменитый.

* *
*

Но тотъ лишь, въ комъ душа крѣпка,
При сшибкѣ съ нимъ не содрогался:
Кто лѣшихъ трусилъ хоть слегка,
Тотъ не шутя его пугался:
Вдали былъ видъ его лица
Страшнѣе стали и свинца,
И дрогли старые солдаты,
Смотря на чубъ его косматый.

* *
*

Таковъ онъ былъ, когда на насъ,
Поднявши саблю, скокомъ мчался;
Таковъ же былъ, когда подъ-часъ
Безпечной лѣни предавался;
Когда въ тулупчикѣ своемъ
Онъ хаживалъ изъ дома въ домъ
И, гдѣ полюбится, порою
Живалъ какъ другъ съ семьей чужою.

* *
*

Разскажутъ матери тебѣ
Про свой испугъ, когда бывало
Онъ прямо къ люлькѣ шасть въ избѣ —
Безъ спросу, не чинясь ни мало.
„Но какъ посмотришь", скажетъ мать:
„Дитя онъ станетъ цѣловать
„Съ улыбкой, съ кротостью такою,
„Какъ на картинкѣ предъ тобою".

* *
*

Да, Кульневъ — рѣдкій былъ добрякъ,
Ему святое было свято;

*

Любилъ испить? положимъ такъ:
Въ томъ было сердце виновато.
Онъ сердце то носилъ съ собой,
Бывалъ ли миръ, кипѣлъ ли бой;
И — цѣловалъ онъ или дрался —
Въ душѣ все тотъ же оставался.

* *
*

Довольно славныхъ воеводъ
Въ дружинахъ русскихъ; до похода
Молва о нихъ ужъ напередъ
Дошла до нашего народа [1]).
Барклай, Каменскій, Багратіонъ —
Кто здѣсь не слышалъ ихъ именъ?
И жаркихъ стычекъ ожидали
Вездѣ, гдѣ ихъ въ строю видали.

* *
*

Но Кульнева никто не зналъ,
Пока война была далече;
Нагрянулъ онъ, какъ въ морѣ шквалъ,
И понятъ былъ при первой встрѣчѣ;
Упавъ какъ молнія изъ тучъ,
Онъ былъ такъ новъ и такъ могучъ;
Одинъ ударъ — и цѣлымъ краемъ
Отважный былъ цѣнимъ и знаемъ.

* *
*

Весь день дрались; усталъ солдатъ —
И шведъ и русскій; слава Богу,
Конецъ потѣхѣ! всякій радъ
Заспать кровавую тревогу.
Но вотъ, пока мы въ сладкомъ снѣ
Забыть успѣли о войнѣ [2]),
„Къ ружью"! раздастся вдругъ съ пикета,
И Кульневъ тутъ какъ тутъ до свѣта!

[1]) „Довольно славныхъ воеводъ
Въ дружинахъ русскаго народа;
Въ нашъ край молва ихъ напередъ
Пришла задолго до похода".

[2]) „Въ мечтахъ о райской тишинѣ —".

* *
*

Отъ русской арміи вдали,
Лѣсами, медленно и мирно
Мы со своимъ обозомъ шли
И сладко пили, ѣли жирно,
Какъ вдругъ — чуть вѣрится глазамъ —
Незванымъ гостемъ Кульневъ къ намъ!
Вотъ пыль взвилася... топотъ... клики —
И передъ нами блещутъ пики.

* *
*

И если твердо усидимъ
Мы на коняхъ въ пылу защиты,
То съ пира нашего къ своимъ
Усачъ-наѣздникъ ѣдетъ бритый.
Но если шведъ иль финнъ плошалъ,
То наши фляги осушалъ
Исправно гость нашъ бородатый
И звалъ насъ къ Дону для расплаты [1]).

* *
*

И въ снѣгъ и въ дождь, въ морозъ и въ зной,
При ясномъ днѣ, въ ночи туманной,
Вездѣ былъ Кульневъ удалой
И насъ тревожилъ безпрестанно.
И если въ свалкѣ боевой
Бросался дружно строй на строй,
То разомъ могъ замѣтить всякой,
Что [2]) шла борьба съ лихимъ рубакой.

* *
*

Но финнамъ всѣмъ онъ дорогъ былъ [3]),
И я не зналъ у насъ солдата,
Который впрямь бы не любилъ
Его какъ добраго собрата.
И было весело смотрѣть,
Когда карельскій нашъ медвѣдь
Съ медвѣдемъ русскимъ гдѣ встрѣчался
И каждый сладко ухмылялся [4]).

[1]) Эта строфа почему-то перечеркнута карандашомъ. *Ред.*

[2]) „Гдѣ...“

[3]) „Но каждый финнъ имъ дорожилъ“.

[4]) „И будто сладко ухмылялся“.

* *
*

И былъ обрадованъ тогда
Онъ лапъ знакомыхъ приближеньемъ;
Сразиться стоило труда —
И въ бой вступалъ онъ съ наслажденьемъ.
И жарко съ Кульневымъ у насъ
Кипѣла битва; дивный часъ!
Онъ насъ, его мы не щадили,
Другъ другу съ лихвой долгъ платили [1]).

* *
*

Угасла жизнь его давно;
Онъ палъ съ мечемъ въ борьбѣ кровавой;
Но имя Кульнева — оно
Живетъ, сіяя вѣчной славой.
Кто имя то ни назоветъ,
Промолвитъ: „храбрый“ напередъ;
Какъ слово „храбрый“ чудно, громко
Отъ благодарнаго потомка! [2]).

* *
*

На насъ рука его несла
Бѣду и смерть и ужасъ боя;
Но честь его и намъ мила,
Какъ честь родного намъ героя.
Сильнѣе узъ родства племенъ,
Сильнѣй отеческихъ знаменъ
Дружитъ насъ въ битвахъ та же сила
Отваги, доблестнаго пыла [3]).

* *
*

Хвала же Кульневу, хвала!
Онъ въ нашихъ пѣсняхъ жить достоинъ,
Пусть нашихъ кровь предъ нимъ текла:
Чтожъ? съ нами бился онъ какъ воинъ! [4]).

[1]) „Кипѣлъ тотъ бой; прекрасный часъ!
Ни онъ, ни мы не уступали,
Другъ другу блескъ мы придавали“.

[2]) „Отъ благороднаго потомка!“

[3]) „Отваги, доблести и пыла“.

[4]) „Предъ нимъ родная кровь текла:
Такъ чтожъ? онъ велъ себя какъ воинъ!

Онъ былъ намъ врагъ — что́ нужды въ томъ?
Мы съ нимъ и знались какъ съ врагомъ.
И онъ, какъ мы, героемъ въ дѣло
Кидался весело и смѣло [1]).

* *
*

Вражду лишь робкій заслужилъ.
Ему позоръ и посмѣянье!
Но честь тому, кто совершилъ
Безстрашно воина призванье!
Хвалу отъ сердца мы поемъ
Тому, кто бился молодцомъ,
Чѣмъ ни былъ намъ онъ въ жизни — братомъ
Или отважнымъ супостатомъ [2]).

II [3]).

Поводомъ къ первой статьѣ моей, недавно напечатанной подъ тѣмъ же заглавіемъ *Очерковъ изъ Финляндской войны* въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, были изданныя финляндскимъ поэтомъ Рунебергомъ стихотворенія по тому же предмету. Для русскихъ читателей, конечно, было любопытно узнать, какъ писатель покоренной земли, основываясь на ея преданіяхъ, представилъ съ поэтической стороны нѣкоторыя событія войны, покрывшей новою славой побѣдоносное оружіе Императора Александра. Въ подробностяхъ описываемыхъ случаевъ поэтъ далъ волю своему воображенію: онѣ не были выдаваемы мною за строгую истину. Сообщая ихъ, я имѣлъ въ виду частію познакомить читателя съ содержаніемъ новыхъ стихотвореній поэта, живущаго въ предѣлахъ нашего государства, частію дать понятіе о характерѣ главныхъ изъ представителей непріятельскаго войска. Россія богата воспоминаніями бранной славы; Россія сильна, велика и великодушна. Для нея не можетъ быть оскорбительно, когда рядомъ съ подвигами ея сыновъ упоминаются и черты, приносящія честь ея противникамъ. И развѣ побѣды, одержанныя надъ врагомъ недостойнымъ, выше и славнѣе торжества надъ храбрыми? Нѣтъ, отдавая справедливость побѣжденному непріятелю, мы возвышаемъ свою собственную честь. Такова была идея, которою я руководство-

[1]) „Какъ мы, онъ весело и смѣло
Кидался въ бой — но чтожъ за дѣло?“
[2]) „Иль грознымъ супостатомъ“.
[3]) *С.-Петерб. Вѣдом.* 1849, № 101.

вался, когда, переводя стихами всю піесу Рунеберга въ похвалу Кульнева, я въ то же время представилъ въ прозѣ отрывки изъ стихотвореній его о шведскихъ герояхъ Сандельсѣ и Дебельнѣ.

Объясненія мои, приложенныя къ этимъ переводамъ, основаны были частію на прочитанныхъ мною и сличенныхъ между собой сочиненіяхъ о Финляндской войнѣ, частію на преданіяхъ и разсказахъ, слышанныхъ отъ туземцевъ во время многолѣтняго пребыванія моего въ разныхъ мѣстахъ Финляндіи. Но въ первой статьѣ моей, по самой цѣли ея, строгая исторія не могла быть главнымъ предметомъ; чисто историческій элементъ войдетъ въ составъ слѣдующихъ частей.

Въ началѣ *Очерковъ* моихъ, указывая на нѣкоторыя сочиненія по этому предмету, упомянулъ я и о *Воспоминаніяхъ Ѳаддея Булгарина*, но изъ уваженія къ истинѣ долженъ былъ оговориться и замѣтилъ, впрочемъ со всевозможною умѣренностію, что въ этихъ Воспоминаніяхъ встрѣчаются *неточныя и невѣрныя показанія*. Можетъ быть, въ продолженіи моихъ *Очерковъ* нашелъ бы я случай подкрѣпить этотъ отзывъ примѣрами; можетъ быть, и не захотѣлъ бы я заводить тяжбу съ литераторомъ, которому нѣтъ мѣста на поприщѣ, мною проходимомъ. Для меня это было бы пріятнѣе, а для автора *Воспоминаній* выгоднѣе, потому что тогда не обнаружилась бы во всей наготѣ ненадежность его памяти. Но въ № 91 Сѣверной Пчелы помѣщена противъ моихъ *Очерковъ* выходка, которою онъ самъ накликаетъ на себя эту бѣду. Г. замѣчатель, выписчикъ и корреспондентъ не въ правѣ однакожъ ожидать, чтобы я посвятилъ ему особую статью и отвѣчалъ по порядку на всѣ его замѣчанія, которыя, по большей части, сами въ себѣ заключаютъ и свое опроверженіе: я буду только при случаѣ, мимоходомъ, оцѣнивать его показанія, а впрочемъ предоставляю себѣ въ сущности слѣдовать тому самому плану, который первоначально назначилъ себѣ.

Прежде всего надобно остановиться немного на нѣкоторыхъ изъ сочиненій, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, описывающихъ послѣднюю Финляндскую войну. Ранѣе другихъ появился на французскомъ языкѣ трудъ графа Павла Петровича Сухтелена. Эта книга замѣчательна рѣдкимъ знаніемъ дѣла, благороднымъ безпристрастіемъ сужденій, классическою ясностью, простотою и краткостью изложенія. Она извѣстна у насъ не столько въ подлинникѣ, сколько въ русскомъ переводѣ, изданномъ въ 1832 году. Не смотря на то, вотъ что сказано противъ перваго замѣчанія моего объ этой книгѣ: „Сочиненіе графа П. П. Сухтелена напечатано на французскомъ языкѣ, въ числѣ 200 экземпляровъ, роздано авторомъ пріятелямъ и короткимъ знакомымъ въ Россіи и Швеціи, и никогда не было въ продажѣ. Слѣдовательно нельзя сказать, что оно повсемѣстно извѣстно“. Конечно нельзя, потому что переводъ его неизвѣстенъ, напримѣръ, въ фелье-

тонѣ Сѣверной Пчелы и въ *Воспоминаніяхъ* фельетониста, откуда приведенныя слова перенесены и въ Пчелу почти слово въ слово, съ тою однакожъ разницею, что въ *Воспоминаніяхъ* насчитано 250 экземпляровъ подлинника—вмѣсто 200, очутившихся въ Пчелѣ. Но изъ этого не слѣдуетъ, что и вообще *въ Россіи* неизвѣстна книга, напечатанная подъ заглавіемъ: „Картина военныхъ дѣйствій въ Финляндіи въ послѣднюю войну Россіи съ Швеціею въ 1808 и 1809 годахъ. Съ картою В. Княжества Финляндскаго. Перевелъ съ французскаго графъ П. К. Сухтеленъ". Безъ сомнѣнія справедливо, что эта книга, какъ я сказалъ, „извѣстна въ Россіи". Но какъ же о существованіи перевода ея не знаетъ русскій литераторъ, который самъ участвовалъ въ войнѣ, изображаемой ею, и самъ писалъ о томъ же предметѣ?

Особенно важно шведское изданіе книги Сухтелена, потому что оно обогащено многими важными дополненіями и примѣчаніями переводчика, напечатанными въ видѣ особаго приложенія къ тексту. Переводчикъ, шведскій офицеръ Вреде, пользовался при этомъ трудѣ достовѣрными актами, найденными имъ въ стокгольмскомъ военномъ архивѣ и у частныхъ лицъ, собиравшихъ подобные документы, и такимъ образомъ онъ могъ исправить нѣкоторыя, впрочемъ маловажныя невѣрности, вкравшіяся въ сочиненіе Сухтелена. Такіе недостатки неизбѣжны во всякомъ историческомъ трудѣ, и добросовѣстный, правдолюбивый авторъ никогда не оскорбится открытіемъ ихъ въ сочиненіи, лишь-бы замѣчанія критика предложены были въ приличномъ тонѣ. Иногда промахи могутъ долгое время оставаться незамѣченными, но вдругъ какъ-нибудь обнаружатся. Справедливо ли тогда, въ защиту свою, возглашать: прежде не осуждали меня, а теперь вдругъ утверждаютъ, будто я ошибался? Могъ ли я ошибаться, когда до сихъ поръ никто не упрекалъ меня въ ошибкахъ?

Дѣльный офицеръ, участвовавшій въ военныхъ дѣйствіяхъ, можетъ, конечно, въ описаніи ихъ извлечь большую пользу изъ того, что̀ самъ онъ видѣлъ на театрѣ войны; но если онъ хочетъ представить въ связи весь ходъ ея на разныхъ пунктахъ, то не можетъ обойтись безъ основательнаго изученія событій и мѣстъ, гдѣ они происходили. Особенно тому, кто еще не высоко поднялся на ступеняхъ чиноначалія, недостаточно одного участія въ походѣ, чтобы рѣшительно и самоувѣренно судить о всѣхъ его обстоятельствахъ, не допуская никакихъ возраженій отъ другого, кто со стороны смотритъ на то же дѣло. Отъ этого смѣшного ослѣпленія умѣлъ защититься шведскій офицеръ Монтгоммери, который въ 1842 г. издалъ Исторію Финляндской войны 1808 и 1809 годовъ. Правда, ему недостаетъ безпристрастія, хотя впрочемъ онъ отдаетъ полную справедливость доблестямъ и искусству русскаго войска; но онъ совѣстливо изучилъ всѣ матеріалы, какіе только могъ достать для своего труда. Онъ представилъ подробное

описаніе всѣхъ военныхъ дѣйствій, а для своихъ личныхъ воспоминаній, для разсказа анекдотовъ и т. п. назначилъ только выноски. Въ предисловіи его находимъ между прочимъ слѣдующее скромное замѣчаніе: „Авторъ участвовалъ въ войнѣ, которую онъ описываетъ. Поэтому многіе могутъ предполагать, что онъ съ неуклонною точностію начерталъ въ умѣ своемъ и изобразилъ ходъ событій; но всякій, кто понимаетъ дѣло, не будетъ требовать отъ автора безошибочности. Мало того, что онъ былъ очень молодъ, служилъ въ низшихъ чинахъ и обыкновенно сражался въ строю: по самому свойству театра войны, никто не могъ находиться вездѣ, даже и съ тѣмъ отрядомъ, къ которому онъ принадлежалъ. Слѣдовательно, для такого описанія не довольно знаній, пріобрѣтаемыхъ очевидцемъ, хотя бы они были и обширнѣе тѣхъ, какія удалось собрать автору: эти знанія могутъ только облегчить сужденія о походѣ вообще, и развѣ иногда доставить способъ къ исправленію противорѣчиваго или сомнительнаго показанія". Засимъ авторъ исчисляетъ не менѣе 50 разныхъ матеріаловъ, которыми онъ пользовался при своемъ сочиненіи.

Объ извѣстной книгѣ покойнаго генералъ-лейтенанта Михайловскаго-Данилевскаго распространяться не буду: достоинство его историческихъ трудовъ давно оцѣнено соотечественниками; его описанія военныхъ событій царствованія Императора Александра всегда останутся однимъ изъ важнѣйшихъ и драгоцѣннѣйшихъ источниковъ русской исторіи. Безъ его сочиненій нельзя обойтись никому, кто едва коснется подвиговъ русской арміи въ первую четверть нынѣшняго столѣтія. Потому и всякій, участвовавшій въ тогдашнихъ походахъ, если иногда память ему измѣнитъ, найдетъ въ этихъ превосходныхъ сочиненіяхъ обильный источникъ *воспоминаній*. Но не всякій будетъ умѣть воспользоваться, какъ слѣдуетъ, этими воспоминаніями.

Таковъ и тотъ воспоминатель, который по поводу снисходительнаго отзыва объ одномъ изъ его произведеній набросалъ на бумагу множество новыхъ воспоминаній, которыя соперничаютъ съ прежними, какъ блистательное доказательство его свѣдѣній, основательности, благородства и памяти. Замѣчательнѣйшія какъ изъ тѣхъ, такъ и изъ другихъ, будутъ со временемъ разобраны въ этихъ *Очеркахъ*,— не для оправданія моего, въ которомъ я не нуждаюсь и которымъ не дорожу, но въ назиданіе самого воспоминателя и тѣхъ, кого слова его могли бы ввести въ заблужденіе касательно сущности дѣла. На первый случай ограничусь замѣчаніемъ, что онъ своими новыми воспоминаніями *стяжалъ критику* (выраженіе, которое можно найти въ 4-й части *Воспоминаній*, на стр. 27-й).

III [1]).

1855.

Въ концѣ 1808 года вся Финляндія была уже въ рукахъ русскихъ, и военныя дѣйствія перенесены въ окрестности Торнео. Въ предыдущую кампанію шведы постоянно отступали передъ нашими войсками, иногда только давая имъ болѣе или менѣе сильный отпоръ и потомъ снова продолжая свое обратное движеніе. Значительную битву, главную въ цѣлый походъ, приняли шведы не прежде, какъ уже въ сентябрѣ 1808 года: она произошла при Оравайсѣ и доставила Каменскому рѣшительный перевѣсъ надъ Адлеркрейцомъ. Непріятель долженъ былъ по прежнему ретироваться. Послѣ этого жаркаго дѣла началась въ исторіи войны новая эпоха, характеристическимъ явленіемъ которой были перемирія и конвенціи. Такъ, 7 ноября, шведскіе генералы заключили съ Каменскимъ въ Олькіоки условіе, обязывавшее ихъ очистить Финляндію и расположиться по обѣимъ сторонамъ рѣки Торнео.

Этимъ кончился походъ 1808 года, ознаменованный съ одной стороны блестящими успѣхами русскихъ, а съ другой нерѣшительностью шведскаго правительства и робостью избраннаго имъ главнокомандующаго. Правда, и у непріятеля были храбрые военачальники: Кульневъ, Булатовъ, Багратіонъ, Барклай-де-Толли, Каменскій имѣли достойныхъ противниковъ въ Сандельсѣ, Дебельнѣ, графѣ Кронштедтѣ, Адлеркрейцѣ, но зато главнокомандующій шведской арміи Клингспоръ былъ человѣкъ, нисколько не оправдывавшій своего назначенія. У него вовсе не было способностей воина и полководца, и характеру его какъ нельзя болѣе соотвѣтствовала инструкція короля Густава Адольфа, запрещавшая главнокомандующему вступать съ русскими въ рѣшительное сраженіе и предписывавшая, напротивъ, постоянное отступленіе. По крайней мѣрѣ такъ можно было толковать содержаніе ея, и Клингспоръ не преминулъ воспользоваться этою возможностію. Всѣ шведы, писавшіе объ этой войнѣ, согласно описываютъ его какъ человѣка, который выше всего дорожилъ своимъ спокойствіемъ, главныя заботы посвящалъ своему столу и всегда умѣлъ распорядиться, чтобы громъ пушекъ слышенъ ему былъ только издали: въ самомъ дѣлѣ, онъ во всю войну не присутствовалъ ни при одномъ сраженіи. Современная каррикатура, ходившая въ шведскомъ войскѣ, представляла его верхомъ на ракѣ, который, повинуясь энергическому дѣйствію шпоръ,

[1]) *Соврем.* 1855, № 5, стр. 1—14.

усердно движется въ своемъ привычномъ направленіи. Наконецъ въ октябрѣ 1808 года король, убѣдившись въ неспособности Клингспора начальствовать арміею, отозвалъ его въ Стокгольмъ; въ должность же его вступилъ Клеркеръ. Этотъ генералъ, хотя во все время войны и не имѣлъ случая отличиться никакимъ подвигомъ, однако пріобрѣлъ славу храбраго, потому что въ началѣ похода, когда Клингспоръ еще не успѣлъ принять начальства надъ войскомъ, Клеркеръ готовъ былъ дать сраженіе русскимъ. Главныя непріятельскія силы стояли тогда въ Тавастгусѣ, который назначенъ былъ центромъ военныхъ дѣйствій. Но къ исполненію Клеркерова плана не было еще приступлено, когда на мѣсто прибылъ Клингспоръ съ инструкціею отступать. Впрочемъ, есть и о Клеркерѣ преданіе, которое даетъ не слишкомъ высокое понятіе о степени его отваги.

Вотъ что́ про него разсказываютъ. Мѣстные пасторы сочли обязанностію представиться прибывшему въ Тавастгусъ военачальнику. Въ домѣ генерала Клеркера замѣтно было большое безпокойство и смущеніе, когда они вошли туда. Съ трудомъ удалось имъ остановить мелькнувшаго передъ ними адъютанта, чтобы спросить его, гдѣ генералъ? „Въ своемъ ночномъ колпакѣ, какъ всегда“, отвѣчалъ адъютантъ. Наконецъ, пасторы были приняты. Одинъ изъ нихъ сказалъ, что они пришли къ генералу искать утѣшенія, котораго отъ нихъ ожидаетъ ихъ беззащитная паства. При этихъ словахъ Клеркеръ сперва безмолвно потеръ рукою морщинистый лобъ свой, а потомъ самымъ плачевнымъ голосомъ произнесъ не совсѣмъ героическія слова: „утѣшенія! утѣшенія? но вѣдь мнѣ самому нужно утѣшеніе!“ — Ваше превосходительство болѣе ничего не имѣете сказать намъ? возразилъ пасторъ, и всѣ въ ту же минуту откланялись.

Конвенція, заключенная въ Олькіоки, предоставляла Финляндію во власть русскихъ. Финское войско, отступившее къ Торнео, находилось тогда въ самомъ бѣдственномъ положеніи; еще выходя изъ Улеаборга, оно должно было оставить тамъ болѣе 20 офицеровъ и 1.200 рядовыхъ, удерживаемыхъ болѣзнію; но и уцѣлѣвшіе полки представляли жалкое зрѣлище: утомленные безпрестанными переходами, лишенные бодрости духа, они тѣмъ болѣе страдали отъ морозовъ, что не были даже защищены отъ нихъ порядочною одеждою; уже нѣсколько мѣсяцевъ офицеры не получали своего жалованья и должны были коекакъ перебиваться взаимными ссудами: многіе ежедневно заболѣвали и умирали. При всемъ томъ, шведское правительство намѣревалось еще продолжать войну.

Чтобы принудить Швецію къ миру, императоръ Александръ въ началѣ 1809 года положилъ перенести войну на противоположную сторону Ботническаго залива. Мысль эта должна была осуществиться на трехъ пунктахъ: князю Багратіону велѣно итти по льду изъ Або

на Аландъ, чтобы оттуда привести въ трепетъ южные предѣлы Швеціи; Барклаю-де-Толли назначено двинуться изъ Вазы по морю же на Умео, а графу Шувалову изъ Улеаборга перебраться въ Торнео, городъ, который въ то время считался въ предѣлахъ собственной Швеціи, именно въ провинціи Вестерботніи, и потому не принадлежалъ къ Финляндіи.

Корпусъ Багратіона совершилъ благополучно занятіе Аландскихъ острововъ. Шведскій генералъ Дебельнъ, которому поручена была защита ихъ, долженъ былъ предпринять опасное отступленіе къ берегамъ Швеціи. По пятамъ его отправился Кульневъ и со славою ступилъ въ окрестностяхъ самого Стокгольма на непріятельскую землю. Но еще знаменитѣе въ лѣтописяхъ военной исторіи переходъ Барклая-де-Толли черезъ Кваркенъ [1]). Остановимся на этомъ послѣднемъ подвигѣ, будучи въ состояніи сообщить нѣсколько новыхъ подробностей, касательно краткаго пребыванія великаго полководца въ Швеціи.

Извѣстно, что въ началѣ 1809 года зима стояла необыкновенно суровая. Термометръ показывалъ нерѣдко болѣе 30 градусовъ мороза, и Ботническій заливъ покрытъ былъ толстымъ ледянымъ слоемъ. При всемъ томъ шведы не вѣрили въ возможность перехода русскихъ черезъ Кваркенъ, и самъ отважный Адлеркрейцъ, услышавъ о замышляемомъ предпріятіи, назвалъ его нелѣпымъ. Легко понять, что такое намѣреніе, требуя множества приготовленій, не могло остаться тайною: слухъ о томъ, что въ окрестностяхъ Вазы войско снаряжается къ переходу, распространился далеко и дошелъ даже до заброшенныхъ въ Торнео остатковъ непріятельскаго войска. Въ самомъ дѣлѣ, невозможно было непримѣтно все устроить для исполненія плана, который требовалъ нѣсколько тысячъ людей, особливо при 30 градусахъ мороза и въ непріятельскомъ краю, гдѣ не было никакихъ запасовъ. Надобно прибавить, что многіе изъ жителей Вазы, по преданности шведскому правительству, съ опасностію жизни доставляли на противоположный берегъ извѣстія о ходѣ дѣлъ въ Финляндіи.

Не смотря на всѣ эти обстоятельства, даже начальствовавшій шведами въ Умео графъ Кронштедтъ считалъ невозможнымъ переходъ черезъ Кваркенъ и оставался спокойнымъ. Онъ не прежде убѣдился въ опасности, какъ когда шведскіе форпосты, разбитые русскими, по льду обратились назадъ, и обыватели деревни, находящейся передъ Умео, извѣстили о томъ горожанъ. Барклай велъ съ небольшимъ только три тысячи человѣкъ, но шведамъ показалось, что валитъ не-

[1]) Кваркеномъ называется то мѣсто Ботническаго залива, гдѣ берега Швеціи и Финляндіи сходятся на самое близкое разстояніе; однакожъ это пространство — между городами Вазою на одномъ берегу и Умео на другомъ — все еще составляетъ около 100 верстъ. Поводомъ къ названію *кваркенъ* послужило очертаніе Ботническаго залива, напоминающее человѣческое туловище: старинное скандинавское слово *gverk* значитъ *горло*.

смѣтная сила, и они исчисляли пришедшее войско въ 10.000 по крайней мѣрѣ. Легко представить себѣ трудности, какія оно должно было преодолѣть при переходѣ по замерзшему заливу, на которомъ мѣстами лежалъ глубокій снѣгъ, а массы льда то возвышались утесами, то образовали какъ-бы волнистые гряды. Мы не станемъ распространяться объ опасностяхъ этого перехода, котораго прежнія описанія конечно знакомы каждому русскому, и скажемъ только, что Барклай-де-Толли, прибывъ въ Умео, имѣлъ полное основаніе произнести эти замѣчательныя слова: „не нужно вѣховать Кваркена, я развѣховалъ его трупами“. Графъ Кронштедтъ извѣстенъ былъ своею неустрашимостью, но имѣя подъ своимъ начальствомъ не болѣе 1.000 человѣкъ, онъ видѣлъ безполезность сопротивленія, и потому легко согласился лично явиться къ Барклаю-де-Толли, когда русскій генералъ того потребовалъ. Прибывъ къ нему съ своимъ штабомъ и парламентеромъ, Кронштедтъ привѣтствовалъ своего славнаго противника съ большимъ уваженіемъ. Они заключили конвецію, по которой шведы должны были очистить Умео и отступить верстъ на 40 къ югу. Передъ оставленіемъ города Кронштедтъ угостилъ русскихъ завтракомъ; здѣсь забыта была вражда; непріятели въ веселой бесѣдѣ вспоминали претерпѣнныя опасности и отдавали другъ другу справедливость. Между тѣмъ въ умеоскіе госпитали приняты были многіе изъ русскихъ, ознобившіе себѣ члены или заболѣвшіе на достопамятномъ переходѣ.

Расположившись въ Умео, этотъ храбрый отрядъ естественно долженъ былъ радоваться благополучному окончанію отважнаго предпріятія. Всѣ надѣялись, что здѣсь съ Барклаемъ-де-Толли соединится графъ Шуваловъ изъ Торнео, а до того времени будетъ отдыхъ. Но черезъ нѣсколько дней Барклай-де-Толли съ крайнимъ огорченіемъ увидѣлъ, что его тяжкій подвигъ не достигъ предположенной цѣли и что войску его предстоитъ испытать еще разъ тѣ же опасности на обратномъ пути. Дѣло состояло въ томъ, что во время этихъ военныхъ дѣйствій произошла перемѣна шведскаго правительства: король Густавъ IV Адольфъ отказался отъ престола и въ управленіе королевствомъ вступилъ дядя его, герцогъ Зюдерманландскій Карлъ (впослѣдствіи Карлъ XIII). Извѣщая о томъ главнокомандующаго русскихъ войскъ, генерала Кнорринга, который и самъ лично находился при корпусѣ Багратіона на Аландскихъ островахъ, правитель Швеціи изъявилъ рѣшительное желаніе мира, и Кноррингъ согласился не только пріостановить военныя дѣйствія, но и отозвать какъ Кульнева такъ и Барклая-де-Толли изъ Швеціи. О томъ, какъ это извѣстіе сообщено было послѣднему, приведу разсказъ очевидца, отъ котораго я слышалъ эти подробности [1]).

[1]) Отъ покойнаго Борна, который во время описываемаго похода былъ въ шведской службѣ майоромъ и командовалъ артиллеріею Саволакской бригады. Впослѣдствіи, по присоединеніи Финляндіи къ Россіи, онъ былъ Улеаборгскимъ губернаторомъ и

Черезъ два дня послѣ конвеціи, ночью вдругъ прискакалъ къ Кронштедту курьеръ. Онъ пріѣхалъ съ Аланда и объявилъ, что привезъ важныя бумаги отъ Дебельна. Я беру отъ него письмо и съ фонаремъ въ рукахъ отправляюсь къ Кронштедту. Не ожидая, чтобы кто-нибудь вошелъ къ нему ночью, генералъ въ первую минуту подумалъ, что уже утро; узнавъ же причину моего прихода, сказалъ съ досадою: что этотъ хлопотунъ Дебельнъ затѣялъ? прочтите-ка, что онъ тамъ пишетъ? — Я развернулъ письмо. Дебельнъ извѣщалъ, что съ генераломъ Кноррингомъ заключено условіе, по которому Барклай-де-Толли долженъ немедленно оставить Умео и возвратиться тѣмъ же путемъ въ Вазу. Кронштедтъ сначала не хотѣлъ вѣрить этому извѣстію,—такъ оно было благопріятно для шведовъ: „можетъ ли быть, сказалъ онъ, чтобъ Кноррингъ поступилъ такъ неблагоразумно [1])? Въ пріятномъ недоумѣніи онъ велѣлъ мнѣ прочитать письмо еще разъ и приказалъ подать кофею. Поутру я посланъ былъ парламентеромъ въ Умео и отправился туда съ трубачами и 12-ю драгунами. Барклай занималъ тотъ самый домъ, гдѣ прежде жилъ графъ Кронштедтъ — большое строеніе противъ ратуши. Приближаясь къ этому дому, я, между многими лицами, показавшимися въ окнахъ, узналъ молодого барона Вреде, стараго моего пріятеля, бывшаго въ русской службѣ. Вреде тотчасъ выбѣжалъ на крыльцо ко мнѣ на встрѣчу и проводилъ меня на верхъ къ Барклаю-де-Толли. Онъ сидѣлъ на другомъ концѣ большой комнаты, за письменнымъ столомъ. Увидѣвъ меня, онъ громко произнесъ: „Je sais déjà ce que vous m'apportez, mais je vous assure que ce général a perdu la tête“. Я подалъ ему письмо отъ Кронштедта, который, выражаясь тономъ самымъ любезнымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ препровождалъ и особое письмо отъ Кнорринга къ Барклаю. Но послѣдній еще прежде и самъ получилъ отъ главнокомандующаго прямое извѣстіе, посланное съ другимъ курьеромъ черезъ Вазу и Кваркенъ.

въ этомъ званіи, въ 1819 году, имѣлъ счастіе принимать въ Улеаборгѣ путешествовавшаго тогда по Финляндіи Императора Александра. Онъ умеръ въ 1850 году въ званіи сенатора. Приводимый здѣсь разсказъ слышанъ мною отъ почтеннаго и гостепріимнаго старичка, не за долго до его кончины, въ помѣстьѣ его близъ города Борго. Что касается до впечатлѣнія, произведеннаго на Барклая-де-Толли приказаніемъ возвратиться черезъ Кваркенъ, то Борнъ въ 1816 году слышалъ отъ супруги фельдмаршала въ Ревелѣ, что онъ необходимость этого возвращенія считалъ для себя тягостною обязанностію и не могъ безъ огорченія вспоминать той минуты, когда получилъ извѣстіе о заключенномъ на Аландѣ условіи.

[1]) Графъ Сухтеленъ въ своей „Картинѣ военныхъ дѣйствій въ Финляндіи“ говоритъ по этому случаю о Кноррингѣ: „Будучи искуснымъ полководцемъ, онъ не имѣлъ той нѣсколько безразсудной пылкости, безъ которой въ войнѣ нельзя пріобрѣсть полнаго успѣха. Его расчетливый умъ не хотѣлъ ничего предпринимать на удачу. Онъ отказался, безъ сомнѣнія, не безъ важной причины, но можетъ быть слишкомъ скоро отъ славнаго предпріятія“.

Такимъ образомъ онъ уже былъ приготовленъ къ тому, о чемъ я пріѣхалъ извѣстить его. Оставалось условиться о распоряженіяхъ при выступленіи русскихъ изъ Умео. Кронштедтъ согласился, чтобъ больные изъ числа ихъ оставались въ Умео до выздоровленія и потомъ возвращены были безъ размѣна. Барклай-де-Толли, съ своей стороны, обѣщалъ отдать обратно доставшіеся ему въ Умео магазины съ провіантомъ и артиллеріею.

Я просилъ у него позволенія послать кого-нибудь къ генералу Грипенбергу, который стоялъ въ Торнео, съ извѣстіемъ, что сообщеніе отъ этого города до Эре, гдѣ стоялъ Кронштедтъ, свободно. Барклай согласился безъ малѣйшаго затрудненія, говоря, что за обязательность Кронштедта хочетъ заплатить ему тою же монетою. Тогда я пошелъ отыскивать въ городѣ кого-нибудь, кто бы взялся ѣхать въ Торнео. Надобно знать, что въ Умео остались многіе шведы, — одни потому, что были дѣйствительно больны, другіе подъ предлогомъ болѣзни, третьи потому, что дорожили благосклонностью прекраснаго пола въ Умео. На улицѣ встрѣтился мнѣ молодой У* [1]. Онъ сталъ выражать мнѣ свое отчаяніе, что ему пришлось остаться здѣсь плѣннымъ. Я вызвался доставить ему свободу, но только съ тѣмъ, чтобъ онъ съѣздилъ въ Торнео. О дѣлѣ, съ которымъ поѣдетъ нарочный, я съ намѣреніемъ не сказалъ ни слова, боясь, чтобъ онъ отъ страха не отступился. У* обрадовался случаю освободиться и прибавилъ, что хотя онъ и слабъ еще, однакожъ постарается принять порученіе. Я отправился на станцію, чтобъ заказать лошадей; но содержатель отвѣчалъ мнѣ, что не смѣетъ отпустить ни одной подводы безъ разрѣшенія Барклая-де-Толли, своего теперешняго начальника. Если только за этимъ дѣло стало, сказалъ я, то разрѣшеніе будетъ. Оттуда пошелъ я къ капитану М*, который съ нѣсколькими товарищами сидѣлъ за карточнымъ столомъ. Испугавшись моего прихода, они, полуодѣтые, побросали карты и встали. Чтобы по дѣломъ упрекнуть ихъ, я объявилъ имъ, что мое *здоровье* слава Богу хорошо, и что я ищу, кого бы послать съ письмомъ въ Торнео. Никто изъ присутствовавшихъ не предложилъ своихъ услугъ. Между тѣмъ У* рѣшился ѣхать, и когда я воротился на станцію, онъ уже былъ тамъ: дѣло устроилось, онъ поскакалъ.

Но извѣстіе, которое У* привезъ Грипенбергу о выступленіи русскихъ изъ Умео, прибыло слишкомъ поздно: этотъ генералъ, услышавъ о появленіи Барклая-де-Толли на шведскомъ берегу, успѣлъ уже заключить съ графомъ Шуваловымъ капитуляцію. Такая уступчивость возбудила громкое негодованіе во всей Швеціи и подвергла Грипенберга самымъ жестокимъ нареканіямъ. Воспользуемся вновь издан-

[1]) Уггла.

ными матеріалами, чтобы изложить это дѣло, какъ оно дѣйствительно было, и дать всякому возможность судить, точно ли Грипенбергъ заслужилъ взведенныя на него обвиненія въ измѣнѣ, трусости и проч. Конечно Грипенбергъ былъ полководецъ не нашъ, а непріятельскій, и многимъ можетъ показаться, что намъ все равно, по какимъ побужденіямъ онъ дѣйствовалъ. Но для исторіи важно, чтобы всѣ событія представлялись въ настоящемъ ихъ свѣтѣ и чтобы особенно причины ихъ были озаряемы истиною. Здѣсь же съ описаніемъ сдачи Грипенберга связаны любопытныя подробности и о лицахъ, дѣйствовавшихъ съ нашей стороны.

Начальникомъ русскихъ войскъ въ сѣверной Финляндіи, по отбытіи славнаго Каменскаго, назначенъ былъ генералъ-адъютантъ графъ Шуваловъ, человѣкъ, который съ утонченнымъ образованіемъ соединялъ глубокую расчетливость въ дѣйствіяхъ. Ему суждено было счастіе Помпея пожать плоды совершенныхъ предшественниками трудовъ. При немъ находился полковникъ Ансельмъ де-Жибори, отличавшійся тѣми же качествами, но еще въ высшей степени: умъ у него былъ ловкій и проницательный, языкъ сладкорѣчивый и вкрадчивый. Противъ совокупной дѣятельности такихъ двухъ людей трудно было устоять шведскому генералу, который былъ просто честный и добрый воинъ, чуждый дипломатіи. Цѣлью Шувалова было привести финское войско въ необходимость разойтись по домамъ, и къ этой цѣли шелъ онъ неуклонно.

Позиція шведовъ при Торнео оказалась неудобною, и потому Грипенбергъ рѣшился оставить ее; отступивъ далѣе по берегу Вестроботніи, онъ остановился при Каликсѣ. Здѣсь $^{9}/_{21}$ марта получено извѣстіе о происшествіяхъ въ Стокгольмѣ. Извѣстіе это не могло содѣйствовать къ скрѣпленію узъ между Финляндіею и Швеціею, потому что финны всегда были усердно преданы своему законному монарху и теперь можно было предвидѣть, что шведское правительство, для прекращенія затруднительнаго положенія, въ которое приведено было войною, охотно откажется отъ ихъ отечества. Это обстоятельство привело въ смущеніе всю еще оставшуюся финскую армію; сомнѣніе и колебаніе овладѣло душою самого Грипенберга. Въ изданной правителемъ, герцогомъ Карломъ, прокламаціи выражено было намѣреніе принять мѣры къ скорому заключенію мира. Вотъ почему, въ самый день полученія этого акта, Грипенбергъ отправилъ въ главную квартиру графа Шувалова, въ Кеми (на финляндскомъ берегу Ботническаго залива), письменное предложеніе такого содержанія: такъ какъ есть причины думать, что несогласія между обоими дворами будутъ прекращены, то нельзя ли дней на восемъ или на десять пріостановить военныя дѣйствія? Но на другой же день $^{10}/_{22}$ марта послѣдовалъ на это предложеніе рѣшительный отказъ, на томъ основаніи, что графъ Шуваловъ не имѣлъ никакихъ по этому предмету приказаній.

Очевидцы съ шведской стороны описываютъ эти переговоры такимъ образомъ.

Грипенбергъ свое предложеніе о перемиріи послалъ съ ротмистромъ Бруновымъ, а по полученіи отказа отправилъ этого офицера съ тѣмъ же порученіемъ вторично. Дорогою Бруновъ (12 марта) встрѣтилъ поручика Гейдемана, который сказалъ ему, что къ шведскимъ форпостамъ пріѣхалъ русскій офицеръ; Гейдеманъ продолжалъ путь свой къ генералу Грипенбергу, а Бруновъ въ ту сторону, куда былъ посланъ. У форпостовъ нашелъ онъ полковника Ансельма де-Жибори съ двумя адъютантами. Жибори объявилъ ему, что если Грипенбергъ самъ не пріѣдетъ на совѣщаніе съ нимъ или если ему (полковнику) нельзя будетъ отправиться въ шведскую главную квартиру въ ту же ночь до двѣнадцати часовъ, то военныя дѣйствія тотчасъ же возобновятся. Въ такихъ обстоятельствахъ Бруновъ счелъ нужнымъ объявить, что онъ присланъ съ увѣдомленіемъ о скоромъ прибытіи генерала; даннаго же ему письма вовсе не показалъ. Онъ задержалъ Жибори, сколько могъ. Когда же насталъ первый часъ и тотъ въ величайшемъ нетерпѣніи началъ собираться въ обратный путь, тогда Бруновъ рѣшился пойти еще далѣе. Онъ предложилъ Жибори мѣсто въ своихъ саняхъ и повезъ его на свиданіе съ генераломъ, утѣшаясь мыслію, что онъ нисколько не ознакомился съ позиціею финскаго войска, потому что ночь была темная и Бруновъ старался развлекать его безпрестанными разговорами. Причина нетерпѣнія, показаннаго русскимъ полковникомъ, понятна: онъ боялся, чтобъ Грипенбергъ не воспользовался временемъ такъ же искусно, какъ Дебельнъ для доставленія войску возможности поправить свои силы.

Узнавъ отъ Гейдемана о прибытіи Жибори, Грипенбергъ поѣхалъ ему навстрѣчу съ начальникомъ своего штаба Пальмфельтомъ и еще двумя молодыми офицерами. Когда вошли въ комнату, назначенную для совѣщанія, Жибори объявилъ, что ему поручено сообщить Грипенбергу о занятіи Умео Барклаемъ-де-Толли и объ отступленіи графа Кронштедта къ Гернесанду. Поэтому дальнѣйшее сопротивленіе со стороны финской арміи было бы напрасно. Ей оставалось только положить оружіе и возвратиться на родину.

Грипенбергъ отвѣчалъ съ горячностью: „По одному предположенію, что мы отрѣзаны, я не сдамся. Въ случаѣ нападенія буду защищаться". Но этотъ рѣшительный отказъ не смутилъ Жибори. Онъ обратился къ человѣколюбію Грипенберга и представилъ, что нелѣпо и жестоко было бы пожертвовать безъ всякой пользы послѣднимъ остаткомъ финской арміи и что такое кровопролитіе съ обѣихъ сторонъ было бы даже противно здравому смыслу. И потому онъ предложилъ Грипенбергу заключить конвенцію на такихъ условіяхъ, какія тотъ признаетъ сообразными съ тогдашнимъ положеніемъ финскаго

войска, которое было въ нѣсколько разъ слабѣе русскаго и совершенно отрѣзано. Тутъ Грипенбергъ нѣсколько поколебался... Надобно замѣтить, что незадолго передъ тѣмъ онъ получилъ изъ Умео извѣстіе отъ 10 марта, что недалеко отъ города на заливѣ показались русскіе — это былъ небольшой отрядъ, посланный Барклаемъ, при выступленіи изъ Вазы впередъ для нападенія на непріятельскіе форпосты. Однакожъ Грипенбергъ еще возражалъ и сталъ предлагать перемиріе; но Жибори рѣшительно отвергъ это предложеніе, ссылаясь на численное превосходство русскихъ. Отъ его вниманія не ускользнуло безпокойство Грипенберга: „вы бы могли — замѣтилъ онъ какъ-будто мимоходомъ — назначить по собственному усмотрѣнію главные пункты конвенціи, на случай, еслибъ какое-нибудь условіе состоялось. Вѣдь это васъ ни къ чему бы еще не обязывало: мы не рѣшаемъ ничего, а только разсуждаемъ". Эта хитрость удалась: Грипенбергъ отвѣчалъ, что онъ на это ничего не можетъ сказать, пока не посовѣтуется съ начальниками арміи. „Но тутъ необходимо скорое рѣшеніе, — возразилъ Жибори — потому что русская армія стоитъ подъ открытымъ небомъ, близехонько отъ передовой цѣпи. Русскимъ непремѣнно нужно занять кантонирныя квартиры. И потому я прошу рѣшительнаго отвѣта". Такимъ образомъ Грипенбергъ наконецъ согласился постановить главныя основанія конвенціи, на случай, еслибъ при общемъ его совѣщаніи съ начальниками принято было такое заключеніе. Эти пункты полковникъ Жибори наскоро написалъ на лоскуткѣ бумаги, съ условіемъ, что онъ 13 марта послѣ обѣда пріѣдетъ въ главную квартиру генерала Грипенберга при Каликсѣ, для окончательнаго рѣшенія вопроса о конвенціи. Остановясь на этомъ, они разъѣхались въ ночи съ 12 на 13 марта: Грипенбергъ отправился въ Каликсъ, а Жибори въ Торнео для донесенія графу Шувалову о результатѣ переговоровъ.

Для рѣшенія своего Грипенбергъ главнымъ образомъ ожидалъ извѣстія объ успѣхѣ или неудачѣ похода Барклая-де-Толли на Умео: если это смѣлое предпріятіе разстроилось, то финская армія была безопасна съ тылу, и предводителю ея не было причины отчаяваться; въ противномъ случаѣ все пропало.

На другой день Грипенбергъ получилъ отъ Кронштедта письмо отъ 11 марта, которое здѣсь помѣщается въ буквальномъ переводѣ:

„Генералъ! Имѣю честь препроводить у сего экземпляръ конвенціи, заключенной съ русскимъ генераломъ при сдачѣ Умео, и такъ какъ къ сѣверу отсюда на нѣсколько миль нѣтъ нашихъ войскъ, то непріятель можетъ распространиться на какое ему угодно разстояніе; я требовалъ, чтобъ была назначена демаркаціонная линія по сѣверную сторону города, но невозможно было достигнуть того; я счелъ нужнымъ передать вамъ все это, чтобы вы могли взять свои предосторожности.

*

„Средство, которое я употребилъ, чтобы склонить ихъ къ уступчивости, состояло въ томъ, что я сообщилъ имъ прокламацію его королевскаго высочества отъ 13 числа (1 ст. ст.), о которой они, кажется, еще не знали. Сегодня курьеръ привезъ имъ извѣстіе, что съ нашей стороны сдѣланы мирныя предложенія и Алопеусъ находится въ Або, ожидая приказанія ѣхать въ Стокгольмъ. Аландъ тогда еще не былъ въ ихъ рукахъ, но они полагали, что теперь и онъ уже занятъ русскими.

Наше плачевное положеніе можетъ поправиться только скорымъ миромъ; ужасно было видѣть ихъ колонны на морѣ, зная наше разстроенное положеніе".

P. S. Я далъ знать ближайшей отсюда почтовой конторѣ въ Суннан-о [1]), чтобъ она сюда не посылала почты; о прочихъ мѣстахъ вы сами, конечно, распорядитесь; извините мое маранье, у меня голова не на мѣстѣ и времени мало".

Возможно ли, восклицаетъ шведскій повѣствователь излагаемыхъ здѣсь событій, чтобы это писала та самая рука, которая такъ мужественно управляла мечемъ при Револаксѣ, при Лаппо и Алаво, — чтобы та же рука набросала размышленія, правда, очень скромныя, но недостойныя человѣка, избраннаго для совершенія славныхъ подвиговъ?

Справедливость сообщенныхъ Кронштедтомъ извѣстій подтверждена была и присланнымъ изъ Умео очевидцемъ, поручикомъ Э. [2]), который, прибывъ въ главную квартиру при Каликсѣ, написалъ рапортъ, объясняя въ немъ между прочимъ, что „при сдачѣ Умео русской арміи считалось въ ней отъ 9 до 10.000 пѣхоты да сверхъ того отъ 7 до 800 кавалеріи". Изъ предыдущаго разсказа нашего уже извѣстно, что это число значительно преувеличено: у Барклая-де-Толли при переходѣ черезъ Кваркенъ не было и 3.500 человѣкъ, но тутъ важно не дѣйствительное количество бывшихъ въ его распоряженіи силъ, а мнѣніе о томъ шведовъ.

Полученныя изъ Умео извѣстія имѣли самое рѣшительное вліяніе на дѣйствія Грипенберга. Тяжело ему было думать о необходимости положить оружіе безъ боя, но съ другой стороны онъ не чувствовалъ силы взять на одного себя отвѣтственность кровопролитія, по всей вѣроятности безполезнаго; поэтому онъ рѣшился выслушать мнѣнія главныхъ въ арміи лицъ, и если хоть *одинъ* голосъ будетъ въ пользу боя, то — драться! $^{12}/_{24}$ марта къ одиннадцати часамъ передъ обѣдомъ онъ пригласилъ къ себѣ всѣхъ начальниковъ. Ихъ собралось двѣнадцать человѣкъ въ убогой комнатѣ, которую занималъ главнокоман-

[1]) Близъ Шеллефтео.

[2]) Этотъ офицеръ, былъ, кажется, не тотъ, о которомъ упомянуто въ разсказѣ покойнаго Борна. Какъ видно, поручикъ Э. отправленъ былъ къ Грипенбергу тотчасъ по занятіи Умео русскими.

дующій. Онъ самъ и нѣкоторые изъ присутствовавшихъ стали вокругъ стола, находившагося середи комнаты. Другіе — и они составляли большую часть — ходили въ тревожномъ состояніи духа взадъ и впередъ. Когда всѣ собрались, оберъ-адъютантъ Л. подошелъ къ Грипенбергу и просилъ позволенія вести форменный протоколъ засѣданію. Но прежде, нежели генералъ успѣлъ отвѣчать, начальникъ его штаба Пальмфельтъ возразилъ: „не нужно"! Тогда въ разговоръ вмѣшался А. и, стараясь примирить оба мнѣнія, сказалъ: „Л. правъ; но такъ какъ встрѣтилось разногласіе и я увѣренъ, что никто изъ собранныхъ здѣсь товарищей не отступится отъ своихъ словъ, то кажется можно обойтись безъ протокола". Собственный интересъ Грипенберга требовалъ бы въ этомъ случаѣ такого акта, но письмоводство было для него вообще дѣломъ непривычнымъ и къ тому же онъ о себѣ самомъ мало заботился: вотъ почему онъ не поддержалъ мысли Пальмфельта, и противоположное мнѣніе восторжествовало. Для шведскаго военачальника послужило, однакожъ, счастливымъ обстоятельствомъ, что двое изъ присутствовавшихъ своимъ искуснымъ перомъ сохранили намъ главныя черты этого совѣщанія, которое совершенно его оправдываетъ. „Когда я вошелъ — говоритъ одинъ изъ нихъ — почти общимъ предметомъ разговора было стѣсненное и безнадежное положеніе арміи. Многіе съ самодовольствомъ разсуждали, что исполнили свой долгъ и что наконецъ пора подумать и о самихъ себѣ. Всего рѣзче выражалось неудовольствіе по случаю стокгольмскихъ событій, вслѣдствіе которыхъ, какъ говорили, армія предоставлена самой себѣ. Посреди всѣхъ этихъ разсужденій Грипенбергъ обратился къ собранію и, описавъ безъ преувеличенія состояніе арміи, предложилъ вопросъ: что ей остается дѣлать? При этомъ онъ объявилъ, что когда Шувалову было предложено новое перемиріе хоть на восемь дней, то русскій генералъ рѣшительно отказалъ въ томъ, прибавивъ: „pas huit minutes." — „Господа! сказалъ онъ, когда во второй разъ обратился къ собранію: — если между вами хоть одинъ кто-нибудь желаетъ, чтобы я дрался, то я — чортъ меня побери — буду драться. Дрался же я прежде!" При этихъ словахъ онъ, самъ того не замѣчая, въ пылу волненія крѣпко ударилъ рукой по столу. — Но за словами его послѣдовало глубокое молчаніе. Итакъ всѣ убѣждены были въ необходимости конвенціи, какъ единственнаго средства къ спасенію.

Того же дня вечеромъ, въ половинѣ девятаго, Ансельмъ де-Жибори опять прискакалъ въ Каликсъ. Онъ привезъ съ собою совершенно уже готовую и даже подписанную Шуваловымъ конвенцію, составленную на основаніи промеморіи наскоро написанной наканунѣ; конвенція въ нѣкоторыхъ статьяхъ отличалась однакожъ отъ первоначальнаго проекта. Жибори напомнилъ опять, что русская армія, которая вторую уже ночь должна оставаться подъ открытымъ небомъ, не можетъ обойтись

безъ квартиръ, вслѣдствіе чего для нея важно, чтобы конвенція была заключена какъ можно скорѣе. Что касается до пунктовъ не совсѣмъ одобряемыхъ Грипенбергомъ, то Ансельмъ удостовѣрилъ, что графъ Шуваловъ, сколько то будетъ зависѣть отъ него, измѣнитъ ихъ, почему Жибори и предложилъ шведскому генералу лично пріѣхать въ Торнео для окончательнаго соглашенія съ Шуваловымъ. Грипенбергъ (хотя самъ и не говорилъ по-французски, но въ этомъ отношеніи полагаяся на Пальмфельта) надѣялся, что присутствіе его въ Торнео будетъ полезно, и потому согласился на предложеніе Жибори, конвенцію же подписалъ немедленно.

Главное содержаніе ея состояло въ томъ, что весь корпусъ Грипенберга обязался положить оружіе; принадлежавшія же къ составу его финскія войска должны были возвратиться въ свои домы, давъ честное слово не служить до мира.

Каликская капитуляція была важнѣйшимъ актомъ въ походѣ 1809 года; съ этихъ поръ Швеція предоставлена была самой себѣ и въ защитѣ своей лишена помощи Финляндіи. Дальнѣйшія дѣйствія шведовъ въ этой войнѣ были только слабыми и неудачными попытками остановить успѣхи русскаго оружія. Можно представить себѣ, какое неудовольствіе Каликская конвенція возбудила въ цѣлой Швеціи. Тамошнее правительство не признало ея и предало Грипенберга суду. Впослѣдствіи онъ представилъ государственному сейму объясненіе, въ которомъ самыми основательными доводами оправдалъ себя. Между тѣмъ шведскіе историки, не вникнувъ во всѣ обстоятельства дѣла, несправедливо покрыли имя его безчестіемъ. Но уже Михайловскій-Данилевскій въ описаніи Финляндской войны сказалъ: „Грипенберга, а особенно начальника штаба его Пальмфельта, укоряли въ малодушіи, даже подкупѣ. Съ нашей стороны и попытки на подкупъ не было, а причина сдачи отряда заключалась въ отчаяніи финскихъ войскъ, изгнанныхъ изъ отечества, терпѣвшихъ во всемъ крайнюю нужду, среди снѣжныхъ пустынь и лютаго мороза, и увѣренныхъ, что самое отступленіе въ Швецію имъ преграждено появленіемъ русскихъ въ Умео“. Изложенныя нами подробности совершенно подтверждаютъ эти слова и, служа къ возстановленію чести непріятельскаго военачальника, вмѣстѣ съ тѣмъ доказываютъ, что Каликская капитуляція была неизбѣжнымъ слѣдствіемъ предшествовавшихъ ей событій и какъ-бы только продолженіемъ той конвенціи, которую нѣсколько ранѣе графъ Кронштедтъ заключилъ въ Умео съ Барклаемъ-де-Толли.

НАУЧНЫЯ НОВОСТИ ИЗЪ ФИНЛЯНДIИ [1]).

1851.

I.

Ученые диспуты въ Императорскомъ Александровскомъ университетѣ.

Въ минувшемъ осеннемъ полугодiи явились въ Гельсингфорсѣ три диссертацiи, изданныя для полученiя различныхъ каѳедръ при Александровскомъ университетѣ, и двѣ изъ нихъ принадлежатъ ученымъ, которые далекими и смѣлыми путешествiями снискали уже нѣкоторую извѣстность въ Европѣ. $^{7}/_{19}$ октября г. Кастренъ защищалъ диссертацiю на званiе ординарнаго профессора вновь учрежденной каѳедры финскаго языка. Содержанiе ея, важное для сравнительной филологiи, находится въ тѣсной связи съ предметомъ вышеприведеннаго разсужденiя и совершенно ново въ области названной нами науки. По строго соблюдаемому правилу здѣшняго университета, это сочиненiе, какъ и всѣ диссертацiи въ подобныхъ случаяхъ, написано на латинскомъ языкѣ; оно состоитъ въ разсмотрѣнiи *личныхъ приставокъ алтайскихъ языковъ* (de affixis personalibus linguarum Altaicarum). Подъ именемъ *алтайскихъ* авторъ разумѣетъ языки *финскiе*, *самоѣдскiе*, *турецкiе*, *монгольскiе* и *тунгузскiе*. Онъ нашелъ, что, по чрезвычайному обилiю и особенному свойству личныхъ приставокъ, всего болѣе замѣчательны языки самоѣдскiе; подобныя же частицы встрѣчаются и въ остальныхъ исчисленныхъ здѣсь языкахъ: изслѣдованiе сущности, значенiя, происхожденiя, образованiя и сродства этихъ приставокъ въ алтайскихъ языкахъ — вотъ предметъ диссертацiи г. Кастрена. Она раздѣляется на шесть слѣдующихъ отдѣловъ: 1) о значенiи и различныхъ родахъ личныхъ приставокъ; личныя приставки языковъ: 2) тунгузскаго и бурятскаго; 3) турецкихъ; 4) самоѣдскихъ; 5) финскихъ; 6) о сродствѣ личныхъ приставокъ въ языкахъ алтайскихъ. — Черезъ нѣсколько дней послѣ г. Кастрена, другой филологъ защищалъ диссертацiю, изданную имъ для полученiя каѳедры восточныхъ языковъ. Въ то время, когда г. Кастренъ странствовалъ по тундрамъ Сибири и, подвергаясь величайшимъ лишенiямъ, трудился въ оледенѣлыхъ хижинахъ по берегамъ Оби и Енисея, г. Валлинъ изучалъ языки и бытъ Востока, принимая на себя видъ туземца на берегахъ Нила или

[1]) *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1851, т. 70, стр. 62 — 70.

въ знойныхъ степяхъ Аравіи. Эти два финляндца представляютъ примѣръ удивительнаго усердія и упорства въ преслѣдованіи цѣли, заставившей ихъ предпринять подвигъ далекаго и тяжкаго путешествія для пользы науки. Послѣ многолѣтнихъ странствованій на востокѣ, г. Валлинъ весною 1850 г. пустился въ обратный путь черезъ западную Европу, пробылъ нѣсколько времени въ Лондонѣ, ознакомился со всѣмъ, что тамъ есть драгоцѣннаго для оріенталистовъ, вошелъ въ сношенія съ главными учеными запада по этой части и возвратился въ Финляндію, гдѣ недавно открылась ваканція должности ординарнаго профессора восточныхъ языковъ. Г. Гейтлинъ, много лѣтъ занимавшій эту должность, перешелъ въ богословскій факультетъ и тѣмъ доставилъ своему соотечественнику возможность обратить на пользу родины обильный запасъ пріобрѣтенныхъ имъ знаній и опытовъ. Г. Валлинъ написалъ диссертацію подъ заглавіемъ: „Элегическая поэма Ибнъ-уль-Фарида, съ объясненіями Абдъ-уль-Гани, изданная по двумъ манускриптамъ — лондонскому и с.-петербургскому“ (Carmen Elegiacum Ibn-ul-Faridi cum commentario Abd-ul-Ghanyi e duobus codicibus Londinensi et Petropolitano in lucem edidit etc).—Вскорѣ послѣ того г. Тернегренъ, желая занять каѳедру всеобщей исторіи литературы, защищалъ диссертацію: „О Макіавелѣ“ (de Machiavello), въ которой онъ старается представить главный трудъ этого писателя: „Il Principe“ съ новой точки зрѣнія и защитить его отъ нѣкоторыхъ обвиненій, взводимыхъ на него потомствомъ.

По стариннымъ обычаямъ здѣшняго университета, актъ диспута сопровождается множествомъ формальностей и привѣтствій между защищающимъ свое разсужденіе и оппонентами. Пренія начинаетъ добровольный (экстраординарный) оппонентъ, обыкновенно изъ студентовъ; потомъ его смѣняетъ оппонентъ, назначенный факультетомъ (opponens ex officio); когда же и этотъ кончитъ свое дѣло, диспутантъ обращается къ слушателямъ, вызывая охотниковъ продолжать диспутъ, но рѣдко является еще кто-нибудь. Если авторъ диссертаціи имѣетъ степень доктора, то онъ занимаетъ верхнюю каѳедру, тогда какъ на нижней передъ нимъ сидитъ ассистентъ его (respondens), избранный имъ изъ числа студентовъ, котораго обязанность — повторять сущность каждаго новаго замѣчанія, предлагаемаго оппонентомъ. Еще одно лицо присутствуетъ на актѣ по должности: это такъ называемый Custos, назначаемый каждый разъ факультетомъ, съ тѣмъ, чтобы послѣ засвидѣтельствовать, каково было защищеніе диссертаціи. Custos долженъ сверхъ того наблюдать, чтобы актъ не продолжался долѣе установленнаго времени, т. е. часа пополудни: въ урочную минуту онъ, если видитъ въ томъ надобность, встаетъ и говоритъ: „Jubentibus legibus academicis, rogo ut finis huic actui fiat“ или что-нибудь въ этомъ родѣ. На диспутахъ гг. Кастрена и Валлина было необыкно-

венное множество слушателей, привлеченныхъ ихъ извѣстностію и давнею молвою о далекихъ ихъ странствованіяхъ, обильныхъ трудами, лишеніями, опасностями: въ просторной аудиторіи такъ было тѣсно, что большое число студентовъ должно было стоять и многіе даже оставались за дверьми. По малоизвѣстности алтайскихъ языковъ, философскій факультетъ былъ въ затрудненіи, кого назначить оппонентомъ г. Кастрену; по счастію, деканъ факультета, профессоръ греческой словесности г. Гюльденъ согласился принять на себя эту обязанность. Оппонентомъ ex officio г. Валлина былъ адъюнктъ-профессоръ восточныхъ языковъ г. Валленіусъ; но когда онъ кончилъ свое дѣло, явился еще добровольный антагонистъ, бывшій ординарный профессоръ по этой же части, г. Гейтлинъ. Какъ другъ и покровитель диспутанта, онъ сказалъ ему рѣчь, исполненную участія и доброжелательства, но предложилъ и нѣсколько существенныхъ возраженій, которыя г. Валлинъ успѣлъ однакожъ опровергнуть съ большимъ знаніемъ дѣла. Любопытно было слышать, какъ оба эти ученые оріенталиста въ заключительномъ обращеніи другъ къ другу прочитали наизусть по цѣлой тирадѣ звучныхъ арабскихъ стиховъ. Оппонентомъ г. Тернегрена, по назначенію факультета, былъ профессоръ философіи г. Аминовъ.

II.

Извлеченіе изъ русскихъ лѣтописей, изданное на шведскомъ языкѣ.

Г. Акіандеръ, лекторъ русскаго языка при Александровскомъ университетѣ, извѣстенъ въ Финляндіи многими основательными трудами по части филологіи и исторіи. Будучи уроженцемъ Выборгской губерніи, онъ съ дѣтства говорилъ по-русски, а впослѣдствіи довершилъ знаніе этого языка глубокимъ изученіемъ его теоріи. Плодомъ его трудовъ по сему предмету была Русская Грамматика, написанная на шведскомъ языкѣ и уже имѣвшая три изданія. Въ 1844 году г. Акіандеръ напечаталъ составленную имъ тоже по-шведски Русскую Исторію до Петра Великаго (Ryska riketshistoria, 1 delen) — трудъ, выполненный чрезвычайно добросовѣстно по Карамзину, Устрялову и Эверсу; первоначальнымъ же основаніемъ этого пособія послужила изданная прежде на шведскомъ же языкѣ Русская Исторія Германа. Тѣ изъ финляндскихъ и шведскихъ ученыхъ, которые, не зная русскаго языка, понимаютъ важность нашихъ лѣтописей для своихъ занятій, давно чувствовали надобность въ книгѣ, могущей хотя отчасти знакомить ихъ съ содержаніемъ этого необходимаго источника исторіи всего сѣвера. Г. Акіандеръ оказалъ имъ существенную услугу, издавъ въ 1849 году „Извлеченіе изъ Русскихъ Лѣтописей“ (Utdrag ur Ryska Annaler). Здѣсь собраны въ буквальномъ шведскомъ переводѣ, съ примѣчаніями

и варіантами, не только всѣ мѣста нашихъ лѣтописей, относящіяся къ финскимъ племенамъ въ Финляндіи и вообще въ Россіи, но и всѣ заключающіяся въ этихъ источникахъ извѣстія о явленіяхъ природы, народныхъ бѣдствіяхъ, солнечныхъ и лунныхъ затменіяхъ. Для исторіи финскихъ народовъ самымъ богатымъ матеріаломъ служатъ Новогородскія лѣтописи; но г. Акіандеръ не ограничился ими въ своемъ сборникѣ, а принялъ въ основаніе одиннадцать различныхъ источниковъ русской исторіи; сверхъ того онъ почерпнулъ многое изъ примѣчаній, приложенныхъ къ исторіи Карамзина. Извлеченія г. Акіандера, расположенныя въ хронологическомъ порядкѣ, оканчиваются 1710 годомъ, который ознаменовался взятіемъ Выборга и моровою язвою въ Прибалтійскихъ областяхъ и Псковѣ. Какъ основательный знатокъ русскаго, финскаго и шведскаго языковъ, какъ литераторъ съ самымъ чистымъ характеромъ и безпристрастный изслѣдователь съ истинно-критическимъ направленіемъ, г. Акіандеръ заслуживаетъ особенное вниманіе въ ученомъ мірѣ сѣвера.

III.

Литературные вечера въ Гельсингфорсѣ.

Нѣкоторые изъ литераторовъ здѣшняго университета, съ разрѣшенія начальства, согласились читать поочереди о какомъ-нибудь предметѣ, по произвольному выбору каждаго, безплатно, для всей городской публики. Мѣстомъ чтеній назначена была университетская зала; съ 1849 года они происходили постоянно, за исключеніемъ вакаціоннаго времени, въ двѣ недѣли разъ, по вечерамъ, и собраніе слушателей всегда было чрезвычайно многочисленно. Всѣ дамы здѣшняго образованнаго круга считали обязанностію посѣщать эти литературные вечера. Они продолжаются и нынѣ. Обыкновенно бываетъ по два чтенія, и каждое должно длиться не долѣе трехъ четвертей часа. Послѣ оба чтенія печатаются въ одной книжкѣ, которая продается въ пользу Финскаго Литературнаго общества. Такихъ книжекъ набралось цѣлое собраніе: чтобы дать хотя нѣкоторое понятіе о содержаніи ихъ, выпишемъ здѣсь заглавія чтеній съ именами тѣхъ, кому они принадлежатъ. Замѣтимъ напередъ, что читанное въ самый первый вечеръ не было издано и состояло: 1) изъ рѣчи г. Цигнеуса о сношеніяхъ іезуитовъ съ Швеціею въ царствованіе королевы Христины, и 2) изъ юмористической статьи профессора Нордмана о лунѣ. Укажемъ теперь на главныя изъ напечатанныхъ чтеній:

3) Доктора философіи Кастрена — „О первоначальныхъ жилищахъ финновъ“.

4) Доктора медицины Виллебрандта — „Объ электричествѣ и гальванизмѣ“.

5) Доктора философіи Берндсона — „Біографія извѣстнаго шведскаго поэта, епископа Францѐна“.

6) Магистра философіи Тенгстрема — „Описаніе растительности острова Явы“ (по наблюденіямъ, имъ самимъ сдѣланнымъ на мѣстахъ).

7) Адъюнктъ-профессора исторіи литературы Тернегрена — „О шведскихъ поэтахъ, бывшихъ природными финляндцами“.

8) Профессора греческой словесности Гюльде́на — „О происхожденіи и значеніи образовательныхъ искусствъ“.

9) Профессора богословія Шаумана — „Объ отношеніи между новѣйшими результатами естественныхъ наукъ и ученіемъ Библіи о природѣ“.

10) Доктора философіи Лагуса — „О значеніи древней драмы, особливо трагедіи, въ наше время“.

11) Адъюнктъ-профессора латинской словесности Бруне́ра — Объ общественной жизни у римлянъ“.

12) Служащаго при сенатѣ г. Фалька — „Объ апокрифическихъ животныхъ“.

13) Доктора философіи Гренблада — „Исторія паденія Струэнзе“.

14) Доктора философіи Чельгрена — „Объ индо-германскихъ языкахъ и индахъ“.

Всѣ эти чтенія обнаруживаютъ болѣе или менѣе таланта; всѣ представляютъ свои интересныя стороны; но по новости предмета и по характеру собственнаго изслѣдованія едва-ли не всѣхъ замѣчательнѣе разсужденіе г. Кастрена: *О первобытной родинѣ финновъ*. Онъ считаетъ ихъ въ ближайшемъ родствѣ съ самоѣдами и турками, и эти три племени составляютъ, по его мнѣнію, особую группу народовъ, занимающую середину между племенами монгольскими и кавказскими. Въ подтвержденіе своей мысли авторъ приводитъ общую черту этихъ трехъ народовъ, заключающуюся въ сходствѣ нѣкоторыхъ вѣрованій ихъ и преданій, а равно и въ характерѣ ихъ національныхъ пѣсенъ. Г. Кастренъ полагаетъ, что финны, турки и самоѣды, которыхъ родство видно и изъ языка ихъ, нѣкогда жили въ близкомъ между собою сосѣдствѣ и братскомъ обращеніи. Многолѣтнія изысканія привели его къ заключенію, что самоѣды вышли первоначально изъ Саянскихъ горъ или верховьевъ рѣчной системы Енисея. Что касается турокъ, то по китайскимъ лѣтописямъ и новѣйшимъ изслѣдованіямъ первоначальнымъ жилищемъ этого племени оказывается главная вѣтвь Алтайскихъ горъ (*Большой Алтай* между источниками Оби и Иртыша, и *Тангну-Ола* къ югу отъ Енисея близъ Саянскихъ горъ). Наконецъ, относительно финновъ авторъ, внимательно слѣдя за ихъ переселеніями, нашелъ, что крайніе слѣды ихъ теряются именно въ Саянскихъ и Алтайскихъ горахъ. „Еще понынѣ“, говоритъ онъ, „здѣсь татары разсказываютъ о свѣтлоокомъ племени *Аккаракъ*, которое искони

жило въ этихъ странахъ и, вѣроятно, воздвигло могильныя насыпи, повсюду встрѣчаемыя въ здѣшнихъ степяхъ. Согласно съ этимъ преданіемъ и китайская исторія повѣствуетъ, что какой-то свѣтловолосый народъ нѣкогда жилъ къ сѣверу отъ горы Тангну-Олы, тогда какъ къ югу отъ нея будто-бы жили турки. Подъ именемъ свѣтловолосаго народа надобно, по всей вѣроятности, разумѣть финновъ. Замѣчательно тоже, что въ побережьи Иртыша есть мѣсто, называемое *Суми*, — имя, чрезвычайно сходное съ названіемъ Финляндіи на туземномъ языкѣ: *Суоми*. Кромѣ того въ означенномъ краѣ попадаются и другія мѣстныя названія, которыя встрѣчаются и въ Финляндіи, и именно въ финскомъ языкѣ находятъ себѣ объясненіе. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Рѣку Енисей татары зовутъ *Кемь*, а этимъ самымъ именемъ называются многія рѣки какъ въ Финляндіи, такъ и въ русской Кареліи. Слово это въ нашихъ нарѣчіяхъ является въ различной формѣ: *Кемь*, *Кеми*, *Кюми*, и означаетъ по-фински: „большую рѣку" или „мать-рѣку". Къ системѣ Енисея принадлежатъ побочныя рѣки: *Симъ*, *Iя*, *Iюсъ* — названія, удивительно сходныя съ именами финляндскихъ рѣкъ: *Симо* и *Iйоки*, встрѣчающимися тоже въ странѣ, гдѣ протекаетъ *Кеми*, въ сѣверной Остроботніи. Въ числѣ другихъ притоковъ Енисея заслуживаютъ вниманіе: *Оя*—имя, на финскомъ языкѣ означающее ручей; *Яга*, сходное съ финскимъ *йоки* и лапландскимъ *йога* (рѣка); *Колва*—названіе, встрѣчающееся также въ Финляндіи, въ Пермской и въ Архангельской губерніяхъ и значащее по-фински: „рыбистая вода". При истокахъ Енисея возвышаются одна надъ другою двѣ горныя вершины. Высшую вершину татары зовутъ *Кюркю*, а низшую *Аля*, — названія, невольно напоминающія финскія слова: *коркіа*, высокій и *аля*, низкій. Если которое-нибудь изъ этихъ названій и можетъ быть выводимо изъ татарскихъ языковъ, то во всякомъ случаѣ существованіе однозвучныхъ словъ въ Финляндіи и на Алтаѣ доказываетъ, что между языками финскими и алтайскими есть родство и что слѣдовательно финны на занимаемыя ими нынѣ жилища пришли съ алтайскаго хребта.

„Оставляя въ сторонѣ разныя другія доказательства, которыя можно бы привести въ подкрѣпленіе моего мнѣнія о выходѣ финновъ изъ Алтайскаго края, упомяну только одно важное обстоятельство: отдѣльныя отрасли финскаго племени можно еще и нынѣ найти вблизи первобытныхъ его жилищъ. Ихъ обыкновенно означаютъ именами *Остяковъ* и *Вогуловъ*, но иногда даютъ имъ и общее названіе *Угровъ* или *Югровъ*. Въ настоящее время эти народы занимаютъ все низовье рѣкъ *Оби* и *Иртыша*, но еще и въ верховьяхъ Иртыша встрѣчаются явные слѣды ихъ. Самое названіе *Угровъ* или *Югровъ* они получили, вѣроятно, во время жительства по верхнему теченію Иртыша. Здѣсь изстари обиталъ турецкій народъ, называвшійся *Огуръ* или

Йогуръ, и близость финскаго племени, вѣроятно, была причиною, что иноземцы стали смѣшивать его съ турецкими уграми. Впрочемъ, не одни остяки и вогулы получили это названіе: имя венгровъ (угровъ), данное магіарамъ *(мадьярамъ)*, произошло такимъ же образомъ; да и самый народъ венгерскій долженъ ближайшими соплеменниками своими считать остяковъ и вогуловъ".

Любопытны слѣдующія строки, оканчивающія разсужденіе: „Извѣстно, что венгерцы по народному тщеславію не хотятъ признавать помянутаго родства... Многіе ученые выискивали всякія мнимыя основанія для того, чтобы, вопреки истинѣ, отдѣлить венгерцевъ отъ малоуважаемаго финскаго племени. Будемъ ли удивляться тому, когда и наше собственное чувство возмущается при мысли, что лапландцы и самоѣды состоятъ въ кровномъ съ нами родствѣ? Это самое чувство — чувство почтенія къ высокимъ и блистательнымъ предкамъ — заставило многихъ изъ нашихъ ученыхъ искать колыбели финновъ въ Греціи и въ обѣтованной землѣ. Однакожъ мы должны отказаться отъ всякаго родства съ эллинами, съ десятью колѣнами Израиля, вообще со всѣми великими, отличенными судьбою націями земли, и пусть при этомъ утѣшеніемъ нашимъ будетъ, что истинное достоинство каждый самъ себѣ пріобрѣтаетъ. Очень еще сомнительно, будетъ ли финскій народъ пользоваться уважаемымъ именемъ въ исторіи, но несомнѣнно, что потомство приговоръ свой о насъ произнесетъ не по нашимъ предкамъ, а по дѣламъ нашимъ"!

ЗАПИСКА О ПУТЕШЕСТВІИ ВЪ ШВЕЦІЮ И НОРВЕГІЮ ЛѢТОМЪ 1873 ГОДА [1]).

1874.

Результаты путешествія, сопряженнаго съ ученою цѣлію, могутъ быть двоякіе. Можно или: 1) вывезти изъ посѣщенной страны какое-нибудь новое пріобрѣтеніе для науки, напр. неизвѣстную прежде рукопись, вновь открытый памятникъ исторіи или литературы, или изучить ту или другую отрасль какого-либо языка, какого-либо знанія, промысла или производства; или 2) можно изъ сдѣланныхъ наблюденій, разспросовъ, чтеній и проч. приготовить себѣ болѣе или менѣе

[1]) *Сборникъ Отд. русск. яз. и сл.*, т. XI, № 4, и отд. отт. Спб. 1874 г., стр. 1—33.

обильный и цѣнный матеріалъ для будущихъ изслѣдованій или другихъ ученыхъ работъ. Къ этому второму разряду позволяю себѣ отнести тѣ свѣдѣнія, которыя собраны мною недавно въ Швеціи и Норвегіи. Содержаніе ихъ можетъ быть представлено только въ общихъ чертахъ; непосредственное же употребленіе или примѣненіе этихъ свѣдѣній составитъ одно изъ основаній послѣдующихъ занятій моихъ.

Четверть столѣтія протекло между прежнимъ и нынѣшнимъ пребываніемъ моимъ въ Швеціи. Описанію нѣкоторыхъ изъ впечатлѣній и наблюденій моего путешествія 1847 года былъ посвященъ цѣлый рядъ статей, напечатанныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ того времени [1]). Легко представить себѣ, какую значительную разницу противъ прежняго я нашелъ въ настоящемъ состояніи Швеціи.

Пробывъ нѣсколько времени въ Стокгольмѣ, гдѣ я посѣщалъ государственный архивъ и королевскую библіотеку, я потомъ перенесся на юго-западный берегъ, противъ сѣверной оконечности Даніи, въ Готенбургъ, второй городъ Швеціи, важный по своей заграничной торговлѣ, и провелъ часть лѣта вблизи его, въ одномъ изъ тѣхъ приморскихъ селеній, которыми унизанъ весь этотъ берегъ отъ Каттегата до границъ Норвегіи. Туда въ лѣтніе мѣсяцы изъ всего Шведскаго королевства стремятся для купанья въ морѣ люди самыхъ различныхъ состояній и занятій. Наконецъ, отсюда я отправился въ Норвегію и тамъ обозрѣлъ нѣкоторыя замѣчательныя мѣстности, изучая природу, людей и учрежденія этого оригинальнаго края.

Такъ какъ первое условіе для того, чтобы съ пользою путешествовать по Скандинавскому сѣверу, составляетъ знакомство съ его языками, то считаю нужнымъ прежде всего бросить на нихъ бѣглый взглядъ.

Литературнаго значенія, въ новое время, достигли только два изъ живыхъ языковъ этой отрасли германскаго корня: *шведскій* и *датскій*. Въ Норвегіи языкомъ общежитія служитъ также датскій, съ небольшими отличіями, такъ какъ эта страна до 1814 года принадлежала Даніи. Эти два языка настолько близки между собою по звукамъ, что шведы, норвежцы и датчане легко понимаютъ другъ друга. Впрочемъ въ Норвегіи сохранились между народомъ и особыя нарѣчія, но они въ образованномъ быту неизвѣстны. Это, такъ сказать, обломки *древне-норвежскаго* языка, который представляетъ единственное въ цѣломъ свѣтѣ явленіе. Не странно ли было бы, еслибъ кто-нибудь сказалъ намъ, что старо-славянскій языкъ, изъ котораго образовался нашъ церковный, или что языкъ готскій, старѣйшій братъ нѣмецкаго, до сихъ поръ живутъ въ какомъ-нибудь углу Европы? Это именно случилось съ древне-норвежскимъ языкомъ, который, тысячу лѣтъ

[1]) См. выше статью „*Путешествіе въ Швецію*", стр. 450—563.

тому назадъ, выходцы изъ Норвегіи перенесли въ безлюдную дотолѣ Исландію, гдѣ онъ и сохранился въ мало-измѣнившемся видѣ подъ именемъ *исландскаго*. Этотъ языкъ достигъ богатаго развитія въ дошедшихъ до насъ древнихъ историческихъ и литературныхъ памятникахъ, которые были записаны тамъ въ 13 и 14 столѣтіяхъ, послѣ распространенія христіанства въ Исландіи. Древняя исландская литература прилежно разрабатывается не только въ скандинавскихъ земляхъ, но также въ Германіи и отчасти въ Англіи. У насъ въ Россіи, къ сожалѣнію, еще мало интересуются ею, не смотря на исконную связь народовъ, жившихъ по обѣ стороны Балтійскаго моря, — связь, еще не довольно изслѣдованную, но любопытнымъ памятникомъ которой остается неоспоримый фактъ, что на языкахъ финновъ, первобытныхъ поселенцевъ сѣвера, до сихъ поръ *Швеція* называется *Русью* (Ruotsi), а *Россія* — землею *Вендовъ*, то-есть бывшихъ прибалтійскихъ славянъ (Wänäjänmaa).

Было время, когда шведы, помня стародавнюю вражду съ русскими, не могли простить намъ своихъ пораженій и потерь. Еще около 1850-хъ годовъ, когда я въ первый разъ посѣтилъ Швецію, рѣдко являлась тамъ газета безъ какихъ-нибудь клеветъ или желчныхъ выходокъ противъ грозной сосѣдки и ея правительства; являлись книги и брошюры для поддержанія непріязненнаго чувства. Теперь не то: вездѣ, въ самыхъ различныхъ мѣстностяхъ, шведы, съ которыми мнѣ случалось вступать въ разговоръ, начинали распространяться о происшедшей у нихъ перемѣнѣ въ расположеніи къ Россіи: „Прежде, говорили они, мы ея боялись и потому ненавидѣли; теперь, послѣ совершившихся въ ней преобразованій, мы ей сочувствуемъ; мы поняли, какъ сосѣдство ея можетъ намъ быть полезно въ торговомъ отношеніи, какой выгодный рынокъ мы можемъ найти въ Россіи, а черезъ нее и въ Азіи, для нашей промышленности".

Этотъ поворотъ мыслей совершился особенно вслѣдствіе московской политехнической выставки 1872 года, на которую, замѣтимъ, сперва не рѣшались ѣхать шведскіе фабриканты, но откуда потомъ они писали восторженныя письма о пріемѣ ихъ въ Россіи и объ успѣхахъ русской жизни. Въ іюнѣ истекающаго года происходила въ Стокгольмѣ раздача премій шведскимъ экспонентамъ московской выставки, и вслѣдъ за тѣмъ былъ данъ за городомъ обѣдъ по этому случаю: здѣсь, въ тостахъ русскому посланнику и нѣкоторымъ другимъ представителямъ Россіи, высказаны были самыя горячія симпатіи къ намъ шведовъ.

Они теперь ясно видятъ, какъ несправедливо было питать къ русскому народу злобу за отторженіе нѣсколькихъ областей, которое, въ своихъ послѣдствіяхъ, оказалось благомъ для Швеціи: получивъ естественные географическіе предѣлы, это небогатое государство, вмѣстѣ съ тѣмъ, избавилось отъ постояннаго повода къ раздорамъ

съ могущественнымъ сосѣдомъ и пріобрѣло возможность устремить всѣ свои силы на внутреннее свое развитіе. Сознаніе этой истины и служило до сихъ поръ главною основою мудрой политики государей Бернадотовской династіи. Швеція надѣется, что новый король ея Оскаръ II будетъ продолжать итти тѣмъ же путемъ.

Другимъ обстоятельствомъ, имѣвшимъ большое участіе въ измѣнившемся настроеніи національнаго чувства шведовъ, были политическія событія послѣдняго десятилѣтія на материкѣ Европы. Въ виду новаго положенія, занятого Германіею, прежнее сочувствіе къ ней этого народа охладѣло и уступило мѣсто невѣдомому прежде отчужденію. То же самое, еще въ сильнѣйшей мѣрѣ, замѣтно и въ Норвегіи, хотя жители ея не расположены особенно ни къ шведамъ, ни къ датчанамъ. Тамъ еще помнятъ, что Данія, во время своего владычества надъ Норвегіею, отнимала у нея лучшихъ людей, а туда посылала на высшія правительственныя мѣста тѣхъ изъ сыновъ своихъ, которыми сама не дорожила. Отношенія норжевцевъ къ шведамъ легко объясняются политическими причинами.

Изъ нынѣшнихъ шведскихъ газетъ, особенное сочувствіе къ Россіи высказываетъ готенбургская ежедневная „Газета торговли и мореплаванія“ [1]). Издатель ея, г. Гедлундъ, — человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ и опытный литераторъ, умѣлъ придать ей такой интересъ, что она считается лучшею въ Швеціи газетою. Отличаясь независимымъ характеромъ и смѣло выражая свои, часто оригинальныя воззрѣнія, онъ, еще до московской выставки, старался противодѣйствовать старинному предубѣжденію своихъ соотечественниковъ противъ Россіи и высказывался за сближеніе съ нею. Въ доказательство добраго расположенія къ намъ готенбургской газеты приведу одинъ примѣръ. Въ іюлѣ нынѣшняго года былъ въ Христіаніи съѣздъ книгопродавцевъ четырехъ сѣверныхъ странъ: Даніи, Швеціи, Норвегіи и Финляндіи, въ которой, какъ извѣстно, также господствуетъ шведскій языкъ. Этотъ съѣздъ былъ вызванъ особенно тѣмъ неудобствомъ, что до сихъ поръ нѣтъ никакихъ правилъ, которыми бы обезпечивалась въ названныхъ странахъ литературная собственность. При сходствѣ шведскаго и датскаго языковъ, книга, изданная въ одной изъ нихъ, становится общимъ достояніемъ всѣхъ четырехъ. Ее или перепечатываютъ, или переводятъ; въ обоихъ случаяхъ и авторы и книгопродавцы терпятъ значительные убытки; съ другой же стороны переводчики (не говоря уже о контрафакторахъ) за весьма легкій трудъ присвоиваютъ себѣ незаслуженную прибыль и дѣлятъ ее съ другими книгопродавцами. Цѣлью съѣзда было потолковать о средствахъ про-

[1]) Göteborgs Handels- och Sjöfarts-Tidning, издаваемая магистромъ Hedlund.

тивъ этого порядка вещей, и хотя не было достигнуто никакихъ положительныхъ результатовъ, однакожъ съѣздъ 111 книгопродавцевъ обратилъ на это дѣло вниманіе законодательствъ и можетъ имѣть значеніе въ будущемъ. По этому поводу въ готенбургской газетѣ было помѣщено письмо изъ Христіаніи, въ которомъ между прочимъ говорилось: „Наши книгопродавцы сдѣлали одну, впрочемъ понятную, ошибку. Собирательное имя *сѣвера* они, по существующему у насъ обычаю, отнесли только къ Швеціи, Норвегіи, Даніи и Финляндіи, точно будто-бы Россіи совсѣмъ не бывало и будто она не принадлежитъ также къ сѣверу. Въ Копенгагенѣ издается „Сѣверная книгопродавческая газета": конечно мы можемъ и даже должны отличать Скандинавскій сѣверъ отъ Европейскаго вообще, но къ счастію прошло уже время, когда вражда и недовѣріе заслоняли отъ насъ все доброе и великое, что̀ представляетъ и Россія для непредубѣжденнаго глаза. Будемъ любить свое собственное, но видѣть и въ другихъ все заслуживающее уваженія". — Вообще въ нынѣшней періодической литературѣ шведовъ нерѣдко встрѣчаются статьи и корреспонденціи, излагающія въ благопріятномъ свѣтѣ то, что у насъ происходитъ; на иное въ нашемъ быту и учрежденіяхъ указывается уже какъ на достойное подражанія.

Общественная жизнь въ Швеціи носитъ еще нѣкоторые слѣды отдаленности этого государства отъ центровъ европейской цивилизаціи и роскоши. Стокгольмъ, конечно, значительно подвинулся въ развитіи, но онъ все еще впятеро меньше Петербурга (140.000 жителей), и пріѣзжему изъ большой столицы легко замѣтить въ быту его черты провинціальныхъ привычекъ. Живописно расположенный городъ занимаетъ сравнительно обширное пространство, но уютныя публичныя кареты ходятъ только въ одномъ направленіи; другіе наемные экипажи, правда, очень удобные и красивые, до́роги и потому употребляются немногими. Но за то, вслѣдствіе положенія города между морскимъ заливомъ и озеромъ Меларомъ, чрезвычайное развитіе получили сообщенія водою, поддерживаемыя безчисленнымъ множествомъ большихъ и малыхъ пароходовъ.

Очень развилась и распространилась публичная или такъ называемая трактирная жизнь, сопровождаемая обильнымъ употребленіемъ любимаго національнаго напитка — пунша, играющаго здѣсь ту же роль, какъ у нѣмцевъ пиво.

Заведено множество ресторановъ въ обширныхъ размѣрахъ и кофейныхъ домовъ, передъ которыми каждый вечеръ располагаются массы посѣтителей. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ сборныхъ пунктовъ до поздняго часа раздается наемная полковая музыка. Изъ многихъ ресторановъ съ общимъ столомъ, гдѣ рѣдко остаются пустыя мѣста, путешественниковъ привлекаетъ особенно тотъ, который устроенъ въ

громадномъ „Hôtel Rydberg", такъ названномъ по имени своего основателя и помѣщающемся въ центрѣ города, на площади Густава Адольфа.

Въ народѣ довольно сильно распространено пьянство; мѣры, принимаемыя правительствомъ противъ этой язвы, и въ Швеціи еще далеко не достигаютъ цѣли. Утверждаютъ, что въ Готенбургѣ придуманы болѣе успѣшныя постановленія, обратившія на себя вниманіе даже въ Великобританіи, съ которою этотъ городъ ведетъ непрерывныя торговыя сношенія. Не смотря однакожъ на падкость народа къ вину, въ публичной жизни шведовъ рѣдко нарушается приличіе и безобразныя сцены на улицахъ принадлежатъ къ числу необыкновенныхъ исключеній. Вообще въ нравахъ Швеціи сохраняются еще многія черты патріархальности, и путешественника, даже въ большихъ городахъ, пріятно поражаетъ общая народная честность и добросовѣстность. Случаи не только кражи, но даже простого обмана въ самой столицѣ чрезвычайно рѣдки, а въ мѐньшихъ городахъ безопасность отъ воровства такъ велика, что жители, выходя изъ домовъ, вѣшаютъ ключи у наружныхъ дверей. Оброненныя или забытыя на улицахъ или дорогахъ вещи почти всегда возвращаются хозяину. Оттого общественныя учрежденія относятся къ публикѣ съ такимъ довѣріемъ, которое въ бо̀льшей части другихъ странъ немыслимо. Въ правительственномъ быту, какъ и въ частномъ, всякій дѣлаетъ свое дѣло тихо и скромно, и высшій сознаетъ свое отличіе отъ низшаго только въ бо̀льшей трудности своихъ обязанностей и бо̀льшей доли лежащей на себѣ отвѣтственности. Превозношеніе властію и высокимъ общественнымъ положеніемъ совершенно чуждо нравамъ страны, гдѣ всего на́ все тридцать военныхъ генераловъ и три или четыре гражданскихъ сановника, пользующихся титуломъ превосходительства. При всей простотѣ жизни, однакожъ, въ Швеціи, какъ и вездѣ, цѣны на всѣ потребности быстро растутъ и въ послѣднее десятилѣтіе поднялись чуть не на 50%, что приписывается главнымъ образомъ приливу денегъ вслѣдствіе выгоднаго сбыта, между прочимъ, желѣза въ Америку и хлѣба въ западную Европу. Что касается до надеждъ шведовъ на вывозъ желѣза въ Россію, то едва-ли онѣ могутъ осуществиться по дороговизнѣ у нихъ этого металла въ сравненіи съ нашимъ. Хлѣбомъ своимъ они торгуютъ не по избытку его, а потому что сами предпочитаютъ употреблять русскую, какъ болѣе спорую и выгодную въ печеньи, муку; въ Швеціи нѣтъ овиновъ, подобныхъ тѣмъ, въ которыхъ русскіе и финны сушатъ свой хлѣбъ.

По организаціи и развитію народнаго образованія, Швеція — одна изъ первыхъ странъ въ мірѣ. Грамотность и извѣстная степень познаній составляютъ, по закону, необходимое условіе для перваго причащенія и вступленія въ бракъ. Прочное основаніе всенародному обу-

ченію положено королемъ Карломъ XIV (Іоанномъ Бернадотомъ). Въ 1840 году онъ обратился съ предложеніемъ о томъ къ государственнымъ чинамъ, и по полученіи отъ нихъ законопроекта, издалъ въ 1842 году уставъ о народномъ образованіи. По этому уставу въ каждомъ городскомъ и въ каждомъ сельскомъ приходѣ должно находиться по одной школѣ съ учителемъ, одобреннымъ семинаріею. Гдѣ, по недостатку средствъ или по другимъ мѣстнымъ обстоятельствамъ, не можетъ быть учреждено *постоянное* училище, тамъ должны существовать *подвижныя* школы съ однимъ или нѣсколькими учителями. Въ такихъ школахъ нуждаются только отдаленныя или малолюдныя мѣстности: приходъ раздѣляется на округи, куда учителя являются попеременно, на нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ. Бо́льшею частію однакожъ мальчики посылаются изъ селеній въ постоянныя школы, иногда очень отдаленныя отъ мѣста ихъ жительства. Исчислено, что 22.000 дѣтей посѣщаютъ школы на разстояніи болѣе пяти верстъ и 73.000 на разстояніи болѣе двухъ верстъ [1]). Въ эти училища могутъ ходить дѣти обоего пола отъ 8-ми до 15-ти лѣтъ. Большая часть покидаетъ школу прежде пятнадцатилѣтняго возраста, но по достиженіи его, они все-таки допускаются къ причастію, если въ школѣ были обучены, по меньшей мѣрѣ: чтенію, письму, ариѳметикѣ, катехизису, священной исторіи и хоровому пѣнію. Отъ тѣхъ же, которые учатся до пятнадцати лѣтъ и прилежно посѣщаютъ школу, требуются нѣкоторыя познанія въ геометріи, географіи и отечественной исторіи. Во многихъ селеніяхъ обучаютъ также садоводству. Въ сельскихъ школахъ мальчики и дѣвочки обыкновенно учатся вмѣстѣ, но въ городскихъ они большею частью бываютъ раздѣлены. Кромѣ такихъ школъ съ экзаменованными учителями, во всѣхъ селеніяхъ могутъ быть учреждаемы для первоначальнаго обученія такъ называемыя *маленькія школы* (småskolor), въ которыхъ дѣти отъ 5-ти до 8-ли лѣтъ учатся грамотѣ и немного ариѳметикѣ.

Съ другой стороны, съ 1858 года разрѣшено заводить особыя *высшія народныя училища* (folkhögskolor), гдѣ, подъ руководствомъ преподавателей съ университетскимъ образованіемъ, простолюдины могутъ, не оставляя своихъ обычныхъ занятій, пріобрѣтать высшія познанія и вмѣстѣ укрѣплять тѣлесныя силы правильными упражненіями. Такими училищами часто пользуются крестьяне уже взрослые, отъ 20-ти до 30-ти лѣтъ, платя ежегодно около 6 рублей на наши деньги. Такія высшія народныя училища учреждаются обыкновенно близъ большихъ городовъ, откуда могутъ пріѣзжать хорошіе учителя.

[1]) Въ Швеціи (безъ Норвегіи) число жителей составляетъ 4.200.000 слишкомъ; всѣхъ учащихся считалось въ 1870 году 690.000 (мальчиковъ 350.000, а дѣвочекъ 340.000).

*

Особенно-замѣчательную черту народнаго образованія у шведовъ составляетъ строгій религіозно-нравственный характеръ, который отражается и во всѣхъ проявленіяхъ ихъ государственной и общественной жизни.

Первоначальное обученіе въ Швеціи, также какъ и въ Норвегіи и въ Даніи, не только обязательно, но въ случаѣ совершеннаго недостатка средствъ производится на счетъ государства. Законъ гласитъ: всѣ, достигшіе возраста ученія, должны являться въ народную школу, за исключеніемъ только тѣхъ, которые учатся дома, въ общестненномъ учебномъ заведеніи или въ частномъ училищѣ. Если родители не могутъ доказать, что дѣти ихъ уже учатся, то эти послѣднія непремѣнно должны посѣщать народную школу. Если домашнее ученье идетъ неисправно и родители не посылаютъ дитя въ школу, то власти имѣютъ право взять его отъ нихъ и поручить надзору другого лица, но родители въ такомъ случаѣ должны нести расходъ. Если родители такъ бѣдны, что не могутъ снабжать дѣтей платьемъ и запасомъ съѣстного для посѣщенія школы, то приходъ беретъ издержку на себя.

Для надзора за народнымъ образованіемъ существуетъ въ каждомъ училищномъ округѣ *учебный совѣтъ,* который состоитъ изъ пастора, какъ предсѣдателя, и нѣсколькихъ выборныхъ жителей округа. Этотъ совѣтъ заботится обо всемъ, что касается народныхъ школъ, наблюдаетъ, чтобы ученіе производилось добросовѣстно и чтобы учащіеся пользовались имъ прилежно, опредѣляетъ, съ одобренія консисторій, методы преподаванія и ежегодно отдаетъ консисторіи отчетъ о народномъ образованіи, консисторія же чрезъ каждые три года представляетъ королю свое донесеніе о ходѣ этого дѣла. Кромѣ того, въ 1860 годахъ учреждена должность *инспекторовъ* народныхъ школъ, которые, каждый въ своемъ округѣ, посѣщаютъ подвѣдомственныя имъ училища и сообщаютъ свои замѣчанія, частью училищному совѣту, частью самимъ учителямъ; въ извѣстные же сроки представляютъ отчеты консисторіямъ или духовному департаменту, вѣдѣнію котораго подлежатъ училища.

Народнымъ обученіемъ въ Стокгольмѣ завѣдуетъ частью особое главное управленіе или главный совѣтъ, частью 8 особыхъ училищныхъ совѣтовъ, то есть по одному въ каждомъ территоріальномъ приходѣ. Главное управленіе [1]) имѣетъ высшій надзоръ надъ стокгольмскими народными школами и представляетъ ежегодный отчетъ королю. Училищный совѣтъ въ каждомъ приходѣ состоитъ изъ пастора, какъ

[1]) Оно состоитъ изъ предсѣдателя (избираемаго членами) и изъ 11-ти членовъ, ежегодно избираемыхъ: во-первыхъ, по одному каждымъ изъ отдѣльныхъ совѣтовъ; во-вторыхъ, одинъ — городскою консисторіею; одинъ — уполномоченными отъ города, и одинъ — самимъ главнымъ управленіемъ.

председателя, и членовъ, избираемыхъ на общемъ приходскомъ собраніи. Главное управленіе въ помощь себѣ назначаетъ особаго *инспектора училищъ.* Нынче эту должность занимаетъ докторъ философіи Мейербергъ, съ которымъ я познакомился еще въ первое мое путешествіе по Швеціи, когда онъ, незадолго передъ тѣмъ окончивъ курсъ въ Упсальскомъ университетѣ, былъ учителемъ въ Готенбургѣ.

Теперь, посѣщая вмѣстѣ съ нимъ стокгольмскія народныя школы, я не могъ надивиться ихъ благоустройству и обширнымъ помѣщеніямъ. Нѣкоторыя изъ этихъ школъ, даже въ самой отдаленной, южной части города, занимаютъ большіе каменные дома съ просторнымъ дворомъ и садомъ. У каждаго ученика или ученицы свой особенный столикъ, удобно устроенный, съ ящикомъ и чернильницей. Такія отдѣльныя сидѣнья введены, вмѣсто общихъ скамей, съ тою цѣлію, чтобы дѣти пріучались заботиться о своей собственности и отвѣчать за нее. Въ каждомъ классѣ есть стѣнныя карты, маленькія коллекціи разнаго рода, напримѣръ по естественной исторіи, далѣе таблицы мѣръ и вѣсовъ и т. п. Въ одномъ училищѣ мнѣ показывали что-то въ родѣ русскихъ счетовъ [1]). Но карты и другія изображенія такъ устроены у стѣнъ, что только въ случаѣ надобности развертываются, такъ какъ замѣчено, что находясь безпрестанно на глазахъ учениковъ, онѣ скоро приглядываются имъ и перестаютъ возбуждать вниманіе. Преподаютъ большею частью учительницы: мальчики и дѣвочки учатся отдѣльно, а иногда и въ отдѣльныхъ зданіяхъ; каждый классъ имѣетъ свои особые рекреаціонные часы, чтобы во время ихъ не было слишкомъ большого столпленія дѣтей въ одномъ мѣстѣ.

Обходя съ г. Мейербергомъ нѣкоторыя изъ народныхъ школъ въ Стокгольмѣ, мы останавливались то на томъ, то на другомъ урокѣ, и я имѣлъ возможность видѣть, какъ разумно, съ какимъ знаніемъ, терпѣніемъ и кротостію ведется дѣло учителями и учительницами. Что касается до отношеній инспектора къ наставникамъ и наставницамъ, то тутъ выражалось взаимное уваженіе и довѣріе, но вовсе не замѣтно было съ одной стороны того подобострастія и угодливости, а съ другой — того начальническаго тона и желанія господствовать, которые при ненормальномъ развитіи дѣла такъ легко становятся на мѣсто естественности и простоты отношеній между соучастниками въ

[1]) Ошибочно довольно распространенное мнѣніе, будто употребляемые у насъ *счеты* — исключительная принадлежность Россіи и когда-то были заимствованы у китайцевъ. Англичанамъ и американцамъ хорошо извѣстенъ такъ называемый *абакъ* (abacus), снарядъ, видомъ почти тожественный съ нашими счетами: по словарю Вебстера—an instrument for performing arithmetical calculations by balls sliding on wires (т. е. орудіе для ариѳметическихъ исчисленій посредствомъ шариковъ, скользящихъ по проволокѣ). Любопытно, что и шарики для подобнаго назначенія у англичанъ называются — counters, т. е. именно *счеты.*

общемъ служеніи одной и той же святой задачѣ. Также точно и въ дѣтяхъ не проявлялось ни страха, ни скрытности и принужденности, а замѣтна была благородная свобода и откровенность, всегда совмѣстныя съ правильно понимаемою покорностію.

Въ послѣднее десятилѣтіе преподаваніе въ народныхъ школахъ перешло большею частью въ женскія руки. Считаютъ, что въ Стокгольмѣ на сто учительскихъ мѣстъ приходится до 80 женщинъ и только 20 мужчинъ. Въ 1842 году было постановлено, чтобы какъ въ столицѣ, такъ и въ каждомъ епархіальномъ городѣ, находилось по семинаріи для образованія народныхъ учителей и чтобы начальники этихъ семинарій назначались консисторіями. Въ 1859 году послѣдовало предписаніе, чтобы въ извѣстныхъ епархіальныхъ центрахъ къ учительскимъ должностямъ готовились исключительно *женщины* по всѣмъ предметамъ, входящимъ въ составъ обученія въ народныхъ школахъ. Позднѣе число семинарій ограничено 9-ю, изъ которыхъ 2 женскія, съ тѣмъ, чтобы въ нихъ увеличены были силы для преподаванія, и дѣятельность ихъ распространена. Предметы обученія въ семинаріяхъ слѣдующіе: Законъ Божій (такъ называемое познаніе христіанства, Kristendomskunskap), шведскій языкъ, ариѳметика и геометрія, исторія и географія, естествознаніе, педагогика и методика; кромѣ того: чистописаніе, рисованіе, музыка и пѣніе, гимнастика и военныя упражненія, садоводство и древосажденіе. Кромѣ учителей по этимъ техническимъ предметамъ, преподаваніемъ занимаются ректоръ и три адъюнкта. Ректоръ назначается королемъ, прочіе преподаватели — консисторіей. При каждой семинаріи находится школа для практическихъ упражненій учащихся, которою руководитъ одинъ изъ адъюнктовъ. Въ женскихъ гимназіяхъ должность адъюнктовъ могутъ исполнять женщины. Курсъ преподаванія распредѣленъ на три класса, и пребываніе въ каждомъ классѣ продолжается годъ. Учебный годъ, раздѣленный на два семестра, составляетъ 36 недѣль, — общее правило для всѣхъ шведскихъ училищъ, какого бы ни было разряда. Въ концѣ каждаго года производится экзаменъ, для высшаго класса выпускной. На жалованье учителямъ и на стипендіи ученикамъ народныхъ школъ были многократно назначаемы отъ правительства весьма значительныя, постепенно возраставшія суммы, сверхъ тѣхъ, которыя уплачиваются приходами. Въ настоящее время средства, отпускаемыя на народное образованіе, составляютъ болѣе половины того, что отъ казны получаютъ совмѣстно университеты и всѣ среднія учебныя заведенія Швеціи. Въ 1872 году сеймъ ассигновалъ на издержки по народному образованію, особенно на увеличеніе жалованья учителямъ и учительницамъ, 1.320.000 риксдалеровъ (528.000 руб. на наши деньги), да кромѣ того экстраординарную сумму въ 20.000 рд. (8.000 руб.) въ пособіе такимъ приходамъ, которые не въ состояніи сами содер-

жать приходскихъ учителей, и 6.000 рд. (2.400 руб.) на обученіе въ семинаріяхъ садоводству и древосажденію.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ существующая въ Стокгольмѣ съ 1861 года семинарія для образованія учительницъ. При ней учреждена нормальная школа для дѣвицъ, съ цѣлью доставить ученицамъ семинаріи практическое руководство и упражненіе въ преподаваніи. Семинаріею завѣдываетъ дирекція, въ которую предсѣдатель и члены назначаются королемъ; непосредственно же управляютъ ею ректоръ и двѣ подчиненныя ему главныя наставницы — одна для самой семинаріи (480 руб. жалов.), а другая для нормальной школы (560 руб.). Ректоръ занимается и преподаваніемъ, но не пользуется правомъ учителей семинаріи получать чрезъ каждыя пять лѣтъ прибавку жалованья. Главной наставницѣ нормальной школы назначено за преподаваніе еще 320 руб.; оклады прочихъ учительницъ составляютъ по 400 руб. въ годъ. Сверхъ того при семинаріи могутъ быть опредѣляемы, по усмотрѣнію дирекціи, экстраординарные учителя и учительницы. Вотъ предметы преподаванія въ семинаріи: христіанство, родной языкъ и исторія шведской литературы, языки: французскій, нѣмецкій и англійскій (по выбору), географія, исторія, ариѳметика, естествовѣдѣніе, гигіена, педагогика и методика, пѣніе, рисованіе и гимнастика. Въ нормальной школѣ преподаются тѣ же предметы, за исключеніемъ: исторіи литературы, гигіены, педагогики и методики; прибавлены еще наглядныя упражненія и рукодѣлья. Для поступленія въ низшій классъ семинаріи нужно быть по меньшей мѣрѣ 17 лѣтъ и имѣть извѣстныя познанія. Курсъ раздѣленъ на отдѣленія, и въ каждомъ надобно пробыть по одному году. Въ семинаріи обученіе происходитъ безвозмездно, въ нормальной же школѣ учащіеся вносятъ каждый мѣсяцъ плату, которую дирекція опредѣляетъ и потомъ обращаетъ на текущіе расходы. Сверхъ того на семинарію ассигновано 10.000 руб. (25.000 рдл.), изъ которыхъ $^{1}/_{5}$ часть (т. е. 2.000 руб. или 5.000 рдл.) назначено на нормальную школу.

Вторую степень общественныхъ заведеній въ системѣ народнаго образованія Швеціи составляютъ такъ называемыя *элементарныя училища*, раздѣляющіяся на два разряда: низшія и высшія. Послѣдними замѣнены прежнія гимназіи, которыхъ нынѣ въ Швеціи уже нѣтъ. Цѣль тѣхъ и другихъ училищъ, по положенію 1859 года, состоитъ въ томъ, чтобы частію сообщать общее гражданское образованіе, въ большемъ объемѣ, чѣмъ получаемое въ народной школѣ, частью давать основу научныхъ свѣдѣній, развиваемыхъ далѣе въ университетѣ или въ одной изъ высшихъ практическихъ школъ. Число высшихъ элементарныхъ училищъ во всей Швеціи простирается нынѣ до 31, низшихъ — 43. Высшія состоятъ изъ 7 классовъ, низшія — изъ 5, 3 или 2-хъ. Учителя въ высшихъ училищахъ называются лекторами и адъюнктами, а въ низшихъ —

коллегами; въ тѣхъ и другихъ управленіемъ завѣдываетъ ректоръ, вмѣстѣ съ тѣмъ занимающійся и преподаваніемъ; но въ высшихъ училищахъ онъ назначается королевскою властію только на время, въ низшихъ же его должность постоянная. Ректоръ избираетъ себѣ въ помощь, по каждому классу, одного изъ учителей классным надзирателемъ. Всѣ преподаватели вмѣстѣ составляютъ училищный совѣтъ (collegium), въ которомъ участвуютъ также учителя музыки, рисованія и гимнастики, но только по вопросамъ, касающимся ихъ предметовъ. Главный начальникъ всѣхъ эментарныхъ училищъ въ каждой эпархіи есть епископъ въ званіи *эфора*. Онъ ежегодно составляетъ отчетъ о состояніи училищъ, препровождаемый въ духовный департаментъ. Въ городахъ, гдѣ не живетъ самъ епископъ, назначается имъ инспекторъ, который и доноситъ ему о состояніи училищъ. При каждомъ высшемъ элементарномъ училищѣ есть библіотека, которою могутъ пользоваться не только преподаватели и ученики, но и постороннія лица; завѣдывающій ею библіотекарь назначается преимущественно изъ числа преподавателей. Въ каждомъ высшемъ училищѣ отъ 200 до 500 учениковъ; учителей же отъ 15 до 30. Ректоръ обязанъ ежегодно составлять программу, въ которой отдаетъ отчетъ о пройденномъ въ теченіе года по каждому классу. Преподаваніе раздѣляется на двѣ линіи: ученую и реальную. Въ университетъ принимаются исключительно ученики перваго отдѣла; для нихъ обязателенъ латинскій языкъ, греческій же можетъ быть замѣняемъ, по желанію учащихся, нѣмецкимъ или англійскимъ.

Это измѣненіе прежняго строго-классическаго образованія въ шведскихъ гимназіяхъ введено недавно, вслѣдствіе проекта преобразованія, поданнаго государственному сейму директоромъ духовнаго департамента Венербергомъ. Особая комиссія, учрежденная для разсмотрѣнія этого вопроса, была другого мнѣнія, но проекту названнаго лица отдано предпочтеніе. Эта мѣра до сихъ поръ встрѣчаетъ въ Швеціи многихъ противниковъ, особенно въ духовномъ и ученомъ сословіяхъ, считающихъ ея прочность сомнительною.

Учебныя заведенія Стокгольма подчинены особой королевской дирекціи, состоящей изъ оберъ-штатгалтера, архіепископа, старшаго пастора и одного бургомистра по существу ихъ должностей, далѣе: изъ 3-хъ членовъ академій, трехъ столичныхъ пасторовъ (по выбору), двухъ членовъ магистрата (по выбору) и двухъ мѣщанъ (по выбору).

Въ Стокгольмѣ существуетъ еще особое училище, такъ называемая *Новая элементарная школа*, которая сверхъ своего общаго назначенія имѣетъ спеціальную цѣль служить образцовою или вѣрнѣе пробною школою, гдѣ, въ видахъ постояннаго развитія учебнаго дѣла, улучшенія могутъ производиться для опыта. Она находится въ вѣдѣніи дирекціи, состоящей изъ четырехъ человѣкъ, назначаемыхъ королемъ.

Въ элементарныя училища принимаются мальчики всѣхъ сословій, достигшіе 10 лѣтъ отъ роду. По образцу этихъ училищъ во всѣхъ болѣе значительныхъ городахъ существуютъ и частныя учебныя заведенія, изъ которыхъ ученики также могутъ поступать въ университетъ, по выдержаніи экзамена, производимаго подъ надзоромъ назначаемыхъ отъ правительства *цензоровъ*. Ни въ общественныхъ, ни въ частныхъ заведеніяхъ нѣтъ пенсіонеровъ: всѣ ученики посѣщаютъ ихъ только въ опредѣленные часы. Каждый ученикъ долженъ имѣть своего попечителя; если нѣтъ отца, то мѣсто его долженъ заступать старшій братъ, родственникъ или другъ. Такой попечитель отвѣчаетъ передъ ректоромъ за поведеніе ученика внѣ школы, и также точно ректоръ, въ свою очередь, отвѣчаетъ передъ попечителемъ за обученіе мальчика и обращеніе съ нимъ. Во всѣхъ училищахъ производятся гимнастическія и военныя упражненія.

Въ Швеціи два университета: Упсальскій и Лундскій. Первый самый древній въ сѣверной Европѣ; основанъ, съ разрѣшенія папы Сикста IV, въ 70 годахъ XV столѣтія и освященъ въ 1477 году, такъ что онъ скоро будетъ праздновать свой 400-лѣтній юбилей. Второй университетъ, Лундскій, учрежденъ опекунами Карла XI въ 1666 году, и освященъ двумя годами позже: онъ праздновалъ въ 1868 году свой двухсотлѣтній юбилей.

Оба университета состоятъ изъ 4-хъ факультетовъ: богословскаго, юридическаго, медицинскаго и философскаго, но студенты раздѣлены не по факультетамъ, а по націямъ, то есть по мѣстностямъ, откуда они родомъ, и каждая нація находится подъ надзоромъ *инспектора* изъ профессоровъ и одного или нѣсколькихъ *кураторовъ* (изъ числа младшихъ преподавателей или старшихъ студентовъ). Шведскіе студенты всегда отличались, сравнительно съ германскими, большою сдержанностію, такъ что напримѣръ дуэлей между ними никогда не водилось, и имъ издавна предоставлено право самоуправленія въ самомъ обширномъ смыслѣ: они имѣютъ свою кассу, библіотеку и клубъ. У лундскихъ студентовъ давно уже есть и свой домъ для этихъ учрежденій и для сходокъ; студенты упсальскіе до сихъ поръ нанимали себѣ для этой цѣли небольшое помѣщеніе, въ послѣдніе же годы принялись собирать сумму для постройки своего дома, и этотъ сборъ идетъ очень успѣшно. По всему королевству производится добровольная подписка пожертвованій. Упсальскіе студенты славятся своими хорами: на парижской всемірной выставкѣ они получили 1-ю премію за хоровое пѣніе и отбили у другихъ конкурентовъ охоту состязаться съ ними. Они объѣзжаютъ край съ тѣмъ, чтобы давать концерты, и въ теченіе одного прошлаго лѣта собрали этимъ способомъ до 30.000 риксдалеровъ (12.000 рублей). Число студентовъ въ Упсалѣ 1.500 съ небольшимъ, въ Лундѣ 500. Составъ слушателей въ аудиторіяхъ

чрезвычайно разнообразенъ: здѣсь крестьянскіе сыновья встрѣчаются съ принцами крови, имѣющими обыкновеніе кончать свое высшее образованіе на студенческихъ скамьяхъ. Въ первое мое посѣщеніе Швеціи я видѣлъ въ средѣ ихъ и нынѣшняго короля, сохранившаго до сихъ поръ страсть къ ученымъ занятіямъ. — При поступленіи въ университетъ латинскій языкъ требуется отъ всѣхъ безусловно, греческій же съ большими ограниченіями.

Высшее управленіе дѣлами университета находится въ рукахъ *канцлера*, назначаемаго королемъ, по выбору университетскаго совѣта, и опредѣляющаго при себѣ, для исполнительной части, *канцлерскаго секретаря*. Должность канцлера до послѣдняго времени носили члены королевской фамиліи, но нынче ее занимаетъ, по Упсальскому университету, извѣстный своими познаніями и заслугами графъ Гамильтонъ. Главный мѣстный начальникъ есть *проканцлеръ*, въ Упсалѣ — архіепископъ, въ Лундѣ — епископъ. Коллегіальное управленіе университета раздѣлено между двумя консисторіями — большою и малою; большая состоитъ изъ всѣхъ ординарныхъ профессоровъ, казначея (по экономическимъ вопросамъ) и библіотекаря (по дѣламъ библіотеки); малая же — изъ ректора, проректора, одного профессора правъ и трехъ другихъ профессоровъ (ежегодно избираемыхъ), а сверхъ того — по экономическимъ дѣламъ — казначея; малая консисторія рѣшаетъ, или передаетъ въ большую (или въ вѣдѣніе канцлера) дѣла, касающіяся университетскаго хозяйства или финансовой части, и исполняетъ дисциплинарную власть университета надъ студентами. Большая консисторія завѣдываетъ всѣми общими его дѣлами, какъ научными, такъ и экономическими. Въ обѣихъ консисторіяхъ предсѣдательствуетъ и докладываетъ дѣла ректоръ, а въ его отсутствіи проректоръ, то-есть прошлогодній ректоръ; ректорскую должность отправляютъ по одному году всѣ ординарные профессора, въ извѣстномъ порядкѣ. Учебный годъ начинается 1 сентября и раздѣляется на два семестра: осенній — отъ 1-го сентября до 15 декабря, и весенній — отъ 15 января до 1 іюня. Библіотека Упсальскаго университета есть величайшая въ Швеціи и содержитъ до 150.000 томовъ, Лундская до 100.000 (въ томъ числѣ 2.000 рукописей). Упсальскій университетъ богатъ коллекціями и учрежденіями по всѣмъ главнымъ отраслямъ вѣдѣнія.

Всѣхъ преподавателей при Упсальскомъ университетѣ 108, изъ нихъ 34 профессора, 26 адъюнктовъ, 45 доцентовъ и 3 учителя искусствъ, то-есть верховой ѣзды, музыки и гимнастики.

Къ философскому факультету принадлежатъ, между прочимъ, и науки математическія и естественныя.

Совсѣмъ на другихъ основаніяхъ существуетъ норвежскій университетъ въ Христіаніи. Это — учрежденіе, сравнительно, новое и развившееся при особенныхъ условіяхъ. Онъ основанъ въ 1811 году, а

открытъ въ 1813, слѣдовательно незадолго до присоединенія Норвегіи къ Швеціи, на средства собранныя по подпискѣ. Въ немъ пять факультетовъ: богословскій, юридическій, медицинскій, естественно-математическій и историко-филологическій. Всѣхъ профессоровъ, большею частью ординарныхъ, 45; есть и нѣсколько младшихъ преподавателей. Между профессорами есть пользующіеся заслуженною славою и внѣ предѣловъ Скандинавіи, каковы напримѣръ: Унгеръ, профессоръ романскихъ и германскихъ языковъ, До (Daa) — исторіи, Фрисъ — Лапландскаго языка, Брокъ — математики; но университетъ до сихъ поръ оплакиваетъ утрату двухъ славныхъ своихъ знаменитостей, профессоровъ исторіи: Кейзера и Мунка, умершихъ въ 1860 годахъ, еще въ полномъ развитіи силъ, среди самой напряженной дѣятельности. Число студентовъ при университетѣ Короля Фридриха (таково офиціальное его названіе) простирается до 1.000 человѣкъ съ небольшимъ. Они поступаютъ изъ высшаго класса такъ называемыхъ *латинскихъ* школъ и предварительно подвергаются въ университетѣ двоякому экзамену: письменному (въ чтеніи норвежскаго языка и въ умѣніи переводить на латинскій), и потомъ словесному изъ обоихъ древнихъ языковъ [1]) и одного новѣйшаго, по выбору, изъ закона Божія, изъ исторіи и географіи, изъ ариѳметики и геометріи. Экзамены продолжаются около двухъ недѣль передъ открытіемъ лекцій, въ августѣ мѣсяцѣ. Въ нынѣшнемъ году всѣхъ допущенныхъ на словесный экзаменъ было 165. Они раздѣлены на группы, въ каждой по 7 или 8 человѣкъ, и каждому экзаменующемуся заранѣе выдается печатная таблица экзаменовъ. Я былъ на одномъ изъ нихъ. Въ просторной залѣ, у небольшого стола, сидѣлъ экзаменаторъ, профессоръ исторіи Рюгъ (Rygh) съ своимъ ассистентомъ, ректоромъ конгсбергской школы (для присутствія на университетскихъ экзаменахъ вызываются изъ всего королевства преподаватели латинскихъ школъ). По другую сторону стола сидѣлъ молодой человѣкъ очень смиреннаго вида, худощавый и тихо отвѣчавшій на задаваемые ему вопросы. Г. Рюгъ спрашивалъ изъ географіи: рѣчь шла объ амтѣ (области) Финмаркенѣ, его раздѣленіи, жителяхъ и промыслахъ. Я искренно пожалѣлъ о бѣдномъ юношѣ, отъ котораго требовалось такъ много мелкихъ подробностей; однакожъ на этотъ разъ онъ благополучно вышелъ изъ своего затруднительнаго положенія. По окончаніи экзаменовъ профессора́ собираются „на цензуру" для рѣшенія, кто изъ проэкзаменованныхъ можетъ быть принятъ въ студенты.

На предшествовавшемъ письменномъ испытаніи въ нынѣшнемъ году

[1]) Есть предположеніе устроить въ университетѣ реальное отдѣленіе по естественно-математическому факультету, на который можно бы поступать безъ знанія греческаго языка.

было около 200 человѣкъ, и изъ нихъ около 40 не выдержали его. Имена прочихъ были напечатаны въ газетахъ съ означеніемъ двухъ балловъ: одного за норвежское, а другого за латинское упражненіе. Высшимъ балломъ служитъ 1, потомъ идутъ 2, 3, 4. Большинство получило: 3, 3, или 4, 3, или 3, 4; только одному поставлено 2, 2, и онъ объявленъ prae caeteris, т. е. впереди остальныхъ. Чтобы дать понятіе о темахъ задаваемыхъ тутъ сочиненій (одна бываетъ философская, другая историческая), приведу тѣ, которыя попались сыну знакомаго мнѣ русскаго вице-консула: 1) Въ чемъ заключается истинно здравая и прекрасная молодость, и 2) Какое вліяніе на образованіе европейскихъ народовъ имѣла американская революція?

Всѣ экзамены производятся въ присутствіи такъ называемаго университетскаго секретаря, то-есть секретаря совѣта. Это настоящій factotum норвежскаго университета. Надобно знать, что тамъ нѣтъ ректора, а всей администраціей занимается секретарь. Общіе вопросы рѣшаются коллегіей или совѣтомъ, состоящимъ изъ декановъ всѣхъ пяти факультетовъ; но профессора знаютъ собственно только свою ученую дѣятельность. Коллегія собирается рѣдко, большею частью только по вопросамъ о матеріальныхъ потребностяхъ университета, или испрошеніи содѣйствія правительства. Высшую инстанцію университетскаго управленія составляетъ департаментъ (вѣдомство) церковныхъ и учебныхъ дѣлъ. Всѣ лекціи публичны и посѣщаются безплатно. По примѣру германскихъ и шведскихъ университетовъ, въ началѣ каждаго полугодія издается такъ называемый указатель лекцій, гдѣ исчислены по факультетамъ всѣ преподаватели, съ означеніемъ времени и предмета читаемыхъ каждымъ лекцій, далѣе—имѣющіяся при университетѣ учрежденія, съ указаніемъ дней и часовъ, когда они открыты, и наконецъ адресы профессоровъ и другихъ преподавателей. Кажется, такіе указатели издавались прежде и при русскихъ университетахъ; но нынче, по крайней мѣрѣ при нѣкоторыхъ, этотъ обычай оставленъ, о чемъ нельзя не пожалѣть въ интересахъ порядка въ настоящемъ и исторіи въ будущемъ.

Мѣсто университетскаго секретаря занимаетъ уже много лѣтъ г. камергеръ Гольстъ, который въ то же время и дворцовый интендантъ, то-есть завѣдываетъ королевскимъ загороднымъ дворцомъ. Благодаря его предупредительности, я могъ осмотрѣть всѣ принадлежащія университету коллекціи и студенческій домъ.

Библіотека, устроенная по образцу мюнхенской, имѣетъ до 200.000 томовъ, расположенныхъ по наукамъ и по форматамъ; шкапы размѣщены такъ удобно, что въ близкомъ будущемъ еще не предвидится стѣсненія. Она открыта каждый день по четыре часа (отъ 9 до 1 часа) для посѣтителей; впрочемъ, кромѣ дорогихъ изданій и рукописей, книги безъ затрудненія выдаются на домъ даже студентамъ,

такъ что это собственно національная библіотека. Она получаетъ отъ казны ежегодно 4.000 спецій (6.800 руб.), прочія коллекціи довольно бѣдны и нѣкоторыя не имѣютъ еще хорошихъ помѣщеній. По скудости средствъ, которыми онѣ располагаютъ, надобно однакожъ удивляться и теперешнему ихъ состоянію. Такъ этнографическій музей почти исключительно образовался добровольными приношеніями, благодаря усердію своего директора, профессора исторіи До, который не упускаетъ случаевъ возбуждать участіе къ этому хранилищу. Тутъ видѣлъ я, между прочимъ, хорошо сохранившуюся нижнюю половину того воздушнаго шара, который, во время нѣмецкаго нашествія, полетѣлъ изъ Франціи въ Бельгію, но попалъ въ Норвегію, гдѣ спустился въ области Телемаркѣ.

Сумма, потребная ежегодно университету, простирается до 80.000 спецій (128.000 руб.). Большая часть ея покрывается изъ такъ называемаго фонда народнаго просвѣщенія (Oplysningsverketsfond), который составился изъ конфискованныхъ у католическаго духовенства имуществъ и дѣлится на 3 части: одна идетъ на университетъ, другая на первоначальныя школы, третья на церковь. Кромѣ того, испрашиваются для университета дополнительныя суммы у стортинга. Общій голосъ свидѣтельствуетъ, что это высшее правительственное мѣсто не особенно радѣетъ о пользахъ просвѣщенія. И не удивительно: большинство стортинга составляютъ крестьяне, а эта норвежская аристократія не отличается образованіемъ. До сихъ поръ болѣе всего они хлопочутъ о сбереженіяхъ, чтобы платить поменѣе податей, и оттого избѣгаютъ многихъ полезныхъ расходовъ, напримѣръ: для общественныхъ учрежденій нанимаютъ временныя помѣщенія, а не строятъ домовъ, что̀ въ теченіе долгаго времени оказалось бы гораздо выгоднѣе. Притомъ и бывшій до сихъ поръ директоръ духовныхъ дѣлъ г. Ниссенъ, нынѣ занимающій скромное мѣсто ректора училища, мало заботился о народномъ обученіи, ограничивая свою дѣятельность почти исключительно латинскими школами; а между тѣмъ, при важной роли, какую народъ играетъ въ Норвегіи, вопросъ о его образованіи имѣетъ, разумѣется, особенное значеніе.

Студенты въ Христіаніи, какъ уже было мною замѣчено, ничего не платятъ за слушаніе лекцій. Между ними образовано общество или клубъ, въ которомъ они собираются для бесѣды и для чтенія. Назначенный на это домъ находится противъ самаго университетскаго зданія и построенъ столь же прочно изъ камня, которымъ такъ изобилуетъ Норвегія, съ гранитной лѣстницей; недостаетъ только такихъ же гранитныхъ колоннъ, какія украшаютъ университетскій фасадъ. Студенческій домъ построенъ на средства, пожертвованныя родителями и родственниками молодыхъ людей. Многія изъ близкихъ къ студентамъ лицъ продолжаютъ и по выходѣ ихъ изъ университета дѣлать

взносы въ пользу этой корпораціи. Въ клубѣ, занимающемъ впрочемъ довольно скромное по размѣрамъ помѣщеніе, есть читальня, комнаты для бесѣдъ, для танцевъ, для театра, также ресторанъ, такъ что студенты могутъ проводить тутъ хоть цѣлый день, что̀, по замѣчанію г. Гольста, служитъ очень полезнымъ средствомъ для отвлеченія ихъ отъ дурного общества и посѣщенія трактировъ. Норвежскіе студенты вообще народъ тихій и скромный, нелегко предающійся излишествамъ и котораго демонстраціи не идутъ далѣе нѣсколькихъ умѣренныхъ *ура*. Въ день окончанія письменныхъ испытаній новые студенты обыкновенно собираются на вечеринку. Слѣдующее газетное объявленіе о той, которая была въ нынѣшній разъ, можетъ дать нѣкоторое понятіе о мѣстныхъ порядкахъ: „Пирушка Русовъ“ (Russelaget) — такъ называются новые студенты по послѣднему слогу слова Deposi*turus* или Dimit*turus*—„послѣдуетъ въ субботу 16 августа въ большой залѣ *общества работниковъ*. Процессія двинется изъ университета ровно въ 7 часовъ. Билеты можно получать въ ресторанѣ *студенческаго общества* до 7 часовъ того же дня. Русъ платитъ за билетъ по 1 спец. 60 шил. (2 р. 20 к.) и имѣетъ право привести съ собой двухъ старшихъ академиковъ (т. е. членовъ университета). Билеты для старшихъ академиковъ продаются тамъ же по 60 шил.“

Въ Швеціи есть нѣсколько академій и ученыхъ обществъ, какъ-то: Академія Наукъ, Академія Словесности, Исторіи и Древностей, Академія Свободныхъ Искусствъ, Академія Военныхъ Наукъ, Земледѣльческая, Музыкальная, Общества для изданія рукописей относительно скандинавской исторіи — все это въ Стокгольмѣ; кромѣ того Ученое Общество въ Упсалѣ, Физіографическое Общество въ Лундѣ, Общество Наукъ и Словесности въ Готенбургѣ, Общество Военнаго Морского Искусства въ Карлскронѣ, и множество другихъ частныхъ обществъ для разныхъ спеціально-ученыхъ, педагогическихъ, религіозныхъ, художественныхъ и промышленныхъ цѣлей.

Изъ всѣхъ этихъ академій и ученыхъ обществъ для насъ особенный интересъ представляетъ такъ называемая *Шведская Академія*, о дѣятельности которой и считаю нужнымъ сообщить нѣсколько свѣдѣній въ дополненіе къ прежнимъ, мною напечатаннымъ. Напередъ однако-же напомню, что эта академія основана въ 1786 году Густавомъ III. Уже самое названіе ея показываетъ, что по цѣли учрежденія она сходствуетъ съ академіями Французскою и нашею Россійскою, т. е. ей была дана двоякая цѣль или, вѣрнѣе, даны двѣ цѣли, трудно соединимыя въ дѣятельности одного и того же общества: Академія должна была заниматься краснорѣчіемъ и поэзіею, возвеличивая память славныхъ соотечественниковъ, и въ то же время не только заботиться о чистотѣ, силѣ и благородствѣ родного языка, но и составить его словарь и грамматику. Число членовъ должно было всегда простираться

до 18. Трудность соединить обѣ разнородныя цѣли была причиною, что Шведская академія поставлена была въ необходимость преимущественно посвящать себя одной изъ нихъ: именно она, и по составу своему съ самаго своего учрежденія, и по духу того времени, и по общественнымъ требованіямъ, поставила себѣ на первомъ планѣ литературную задачу. Она задавала художественныя темы, разбирала представленныя на судъ ея сочиненія, награждала ихъ преміями, писала похвальныя слова своимъ умершимъ членамъ. Впрочемъ и другая цѣль Шведской академіи, т. е. филологическая, никогда не была вполнѣ выпускаема ею изъ виду: еще въ концѣ прошлаго столѣтія она трудами своихъ членовъ Леопольда и Чельгрена (хотя и поэтовъ по превосходству) способствовала къ уясненію и упрощенію правилъ правописанія, а въ 1830-хъ годахъ издала грамматику отечественнаго языка. Что касается до словаря, то эта задача находилась въ менѣе благопріятныхъ условіяхъ, и до сихъ поръ остается еще далеко не разрѣшенною; сдѣлано только начало и идутъ подготовительныя работы, хотя академія существуетъ уже 84 года. Въ 1850-хъ годахъ бывшій непремѣнный секретарь ея баронъ Бесковъ представилъ отчетъ о ходѣ ея словарнаго труда, и извлеченіе изъ этой любопытной записки было издано мною по-русски [1]). Изъ нея видно, что Шведская академія, убѣдившись, наконецъ, въ необходимости передать такое сложное дѣло въ руки одного лица, избрало къ тому профессора Лундскаго университета Гагберга и сообщила ему, для дальнѣйшей разработки, всѣ до тѣхъ поръ собранные матеріалы и предварительные труды.

При нынѣшнемъ моемъ посѣщеніи Швеціи я нашелъ дѣла въ слѣдующемъ положеніи. Баронъ Бесковъ умеръ въ 1868 году, 72-хъ лѣтъ отроду. Не могу не посвятить ему здѣсь нѣсколькихъ словъ, не потому, что былъ лично знакомъ съ нимъ и въ первое мое путешествіе по Швеціи былъ много обязанъ его вниманію и дружественному гостепріимству, но потому, что имя Бескова незабвенно въ исторіи шведской литературы, и особенно академіи. Онъ принадлежалъ этому учрежденію 40 лѣтъ, и изъ этого числа около 35 лѣтъ былъ непремѣннымъ секретаремъ академіи. По своему независимому положенію, онъ смолоду могъ посвятить себя почти исключительно литературѣ; будучи близокъ къ королевской фамиліи, онъ занималъ придворную должность, а въ 30-хъ годахъ принялъ-было и мѣсто директора театра, но трудности этого управленія не согласовались ни съ характеромъ, ни съ главными занятіями его, и онъ съ небольшимъ черезъ годъ попросилъ увольненія отъ театра. Авторская дѣятельность Бескова была очень разнообразна; въ молодости онъ не безъ успѣха испытывалъ

[1]) См. въ моихъ *Филологическихъ Разысканіяхъ* статью о словарѣ Шведской академіи.

себя въ разныхъ родахъ поэзіи, но особеннымъ уваженіемъ пользуются его историческія драмы и читанныя имъ, въ академіи и внѣ ея, при разныхъ случаяхъ, біографіи знаменитыхъ соотечественниковъ. Позднѣйшая половина его поприща была преимущественно посвящена послѣднему роду сочиненій: онъ всего написалъ около 40 біографій, отчасти государственныхъ людей, но болѣе писателей и ученыхъ; всѣ онѣ отличаются истиннымъ ораторскимъ талантомъ, большимъ запасомъ положительныхъ свѣдѣній, вѣрностью оцѣнки всякаго дѣятеля и прекраснымъ языкомъ. По этой отрасли литературы за Бесковымъ признано одно изъ первыхъ мѣстъ между шведскими писателями. Какъ членъ академіи, онъ во все продолжительное время своего секретарства былъ душою этого учрежденія, но и внѣ академіи онъ пріобрѣлъ большое значеніе, какъ человѣкъ, который и по своему общественному положенію, и по своимъ средствамъ, могъ дѣлать много добра. Горячо любя литературу и искусство, онъ поддерживалъ начинающіе таланты, то дружескимъ пріемомъ и ободреніемъ, то матеріальными, часто очень значительными пожертвованіями. Такимъ образомъ смерть барона Бескова была для Шведской академіи очень чувствительною потерей.

Но какъ шло составленіе и изданіе словаря со времени порученія его упсальскому профессору? Гагбергъ, извѣстный очень удачными переводами изъ Шекспира, не былъ въ собственномъ смыслѣ филологомъ. По мѣрѣ изготовленія словарныхъ работъ, онъ долженъ былъ посылать ихъ въ Стокгольмъ на разсмотрѣніе особаго академическаго комитета. Главнымъ членомъ этого комитета былъ г. Рюдквистъ (Rydqvist), пріобрѣвшій съ 1850-хъ годовъ почетное имя своимъ обширнымъ филологическимъ сочиненіемъ „Законы шведскаго языка“ (Svenska språkets lagar). Непривычка Гагберга къ лексикографическимъ трудамъ, отсутствіе системы въ его работѣ и произвольность нѣкоторыхъ его взглядовъ, которыхъ не могъ раздѣлять стокгольмскій комитетъ, естественно замедляли ходъ дѣла. Наконецъ, однакожъ, профессоръ представилъ отдѣланное имъ собраніе словъ на букву А, которое, по пересмотрѣ комитетомъ, и было издано въ 1870 году въ видѣ перваго выпуска шведскаго академическаго словаря, подъ заглавіемъ: „Ordbok öfver Svenska Språket utgifven af Svenska Akademien“. Между тѣмъ Гагбергъ умеръ, и главное веденіе труда перешло въ руки г. Рюдквиста; онъ же первымъ условіемъ поставилъ, чтобы прежде всего удовольствовались составленіемъ полнаго алфавитнаго списка словъ, которыя должны войти въ лексиконъ, съ главными грамматическими обозначеніями, но безъ всякихъ дальнѣйшихъ поясненій и подробностей. Въ такомъ положеніи и находится теперь это дѣло.

Изданный недавно первый выпускъ шведскаго академическаго сло-

варя, содержащій, какъ сказано, слова на букву А, заключаетъ въ себѣ 358 стр. in 4° средняго формата. Изъ иностранныхъ словъ приняты только вполнѣ усвоенныя языкомъ, передѣланныя, издавна въ немъ обращающіяся или вошедшія въ составъ собственно шведскихъ словъ. Остальныя чужеязычныя слова, заимствованныя въ новѣйшее время, устранены до окончанія словаря и будутъ помѣщены въ особомъ прибавленіи къ нему. Что касается до плана и состава вышедшаго выпуска, то объясненіе каждаго слова вмѣщаетъ въ себѣ слѣдующія части: 1) краткія грамматическія замѣчанія; 2) производство слова и формы его въ родственныхъ языкахъ; 3) опредѣленіе значеній слова съ примѣрами изъ современнаго языка и изъ писателей, начиная съ прошлаго вѣка; 4) указаніе употребленія слова въ разныхъ сочетаніяхъ его или примѣненіяхъ опять съ фразеологіею, иногда съ приведеніемъ пословицы или поговорки; 5) въ случаѣ надобности замѣтки по исторіи слова. Изъ древняго и стариннаго языка въ алфавитномъ порядкѣ помѣщены только такія слова, которыя могутъ служить къ объясненію словъ современнаго языка или которыя бы заслуживали быть возстановленными въ употребленіи. Изъ всего сказаннаго видно, что начало словаря, по положенному въ основаніе его плану, близко подходитъ къ требованіямъ настоящей лексикографіи, и самое выполненіе вообще удовлетворительно; но, къ сожалѣнію, мало ручательствъ за приведеніе предпріятія къ окончанію, какъ можно заключить изъ слѣдующихъ словъ предисловія къ первому выпуску: „Исполненіе возложенной на академію задачи остается, какъ оно и до сихъ поръ было, въ зависимости отъ обстоятельствъ, надъ которыми она невластна; особенно же отъ недостатка не только матеріальныхъ средствъ, но и значительной руководящей силы, которая могла бы направлять все дѣло въ области, все болѣе расширяющейся въ наше время при безпрестанно возрастающихъ требованіяхъ какъ въ самой наукѣ, такъ и внѣ ея, — требованіяхъ, нисколько не уменьшаемыхъ въ приложеніи къ литературному обществу, которое нынѣ всего менѣе имѣетъ возможности совершить подобное предпріятіе. Добросовѣстно взвѣсивъ все это и лежащія въ основѣ того обстоятельства, академія, при изданіи настоящаго 1-го выпуска Словаря, не можетъ принять на себя передъ публикою положительнаго обязательства относительно продолженія или окончанія его, и обѣщаетъ только со всею заботливостью, по улучшенному плану, вести далѣе приготовительные труды для окончательной обработки; однакожъ и это только по мѣрѣ денежныхъ средствъ и рабочихъ силъ. Первыя, въ довольно кругломъ размѣрѣ, составляютъ необходимое условіе для надлежащаго выполненія дѣла; но не всегда могутъ доставить послѣднія, для вызова которыхъ нужны часто особенно счастливыя обстоятельства или другія неисчислимыя случайности“.

Чтобы вполнѣ понять смыслъ этихъ словъ, надобно знать, что Шведская академія давно была предметомъ нареканій и упрековъ за медленность въ составленіи словаря, и что вслѣдствіе того она, на одномъ изъ послѣднихъ сеймовъ, отказалась отъ суммы, которая ежегодно отпускалась ей отъ правительства (5.000 рикcд. = 2.000 руб. сер.).

Съ г. Рюдквистомъ, который справедливо считается первымъ скандинавскимъ филологомъ нашего времени, я познакомился лично. Вмѣстѣ съ финляндскимъ пасторомъ, бывшимъ профессоромъ Лилле, мы отправились на пароходѣ въ загородный домикъ, гдѣ поселился на лѣто знаменитый ученый. Мы нашли въ немъ весьма уже престарѣлаго человѣка (лѣтъ подъ 70) съ убѣленною сѣдинами головою. Онъ сидѣлъ въ своемъ маленькомъ кабинетѣ за письменнымъ столомъ, обложеннымъ книгами, и принялъ насъ очень ласково. Изъ собственнаго его разсказа мы узнали, что онъ началъ свое поприще романами, потомъ занимался политическою литературою, и уже поздно, лѣтъ подъ пятьдесятъ, посвятилъ себя исключительно филологіи. Онъ выразилъ мнѣ искреннее сожалѣніе, что незнакомъ съ славянскими языками, и что теперь уже поздно приняться за изученіе ихъ. Разговоръ нашъ коснулся между прочимъ полемики, которая въ послѣдніе годы велась въ шведской литературѣ объ упрощеніи правописанія, и въ которой онъ также принялъ живое участіе. Къ сожалѣнію, наше свиданіе было очень коротко, потому что въ самый день нашего посѣщенія г. Рюдквистъ сбирался переѣхать въ городъ, и мы боялись помѣшать ему.

Мною уже было замѣчено, что датскій и шведскій языки отличаются другъ отъ друга болѣе на письмѣ, нежели въ говорѣ, т. е. для выраженія однихъ и тѣхъ же звуковъ придуманы въ обоихъ языкахъ разные способы начертанія, напр. шв. å, въ дат. aa; шв. ä, дат. æ; шв. ö, дат. ø.

Разумѣется, что это затрудняетъ одному народу изученіе языка другого и слѣдовательно взаимный литературный обмѣнъ и сближеніе. Поэтому г. До (Daa), нынѣ профессоръ университета въ Христіаніи, еще въ 1840 году высказалъ мысль, что знатоки языка всѣхъ трехъ скандинавскихъ странъ должны бы собраться для совѣщаній о болѣе единообразномъ правописаніи ихъ языковъ. Впослѣдствіи эта мысль поддерживалась и другими.

Въ 1866 году происходилъ въ Стокгольмѣ второй національно-экономическій съѣздъ, на которомъ было также разсуждаемо и принято нѣсколько заключеній въ пользу духовныхъ и литературныхъ связей между скандинавскими народами. Тутъ же былъ возобновленъ и вопросъ о согласованіи ихъ орѳографіи; но такъ какъ частности въ этомъ дѣлѣ могли быть обсуждаемы только лингвистами и писателями, то и положено было просить преподавателей скандинавскихъ языковъ

при университетахъ Швеціи, Норвегіи и Даніи устроить съѣздъ ученыхъ представителей всѣхъ трехъ странъ.

Профессоръ До снова напомнилъ объ этомъ дѣлѣ во время своего пребыванія въ Копенгагенѣ осенью 1868 года. Вслѣдствіе того, въ скандинавскихъ университетскихъ городахъ происходили совѣщанія для выбора участниковъ общаго орѳографическаго конгресса.

Въ Лундѣ ректоръ созвалъ большое число старшихъ и младшихъ преподавателей и другихъ заинтересованныхъ лицъ, въ собраніи которыхъ участвовалъ и самъ г. До.

Въ Христіаніи такъ называемое Скандинавское общество избрало пять членовъ.

Въ Упсалѣ дѣло было ведено такъ же, какъ въ Лундѣ, и въ собраніи заявлено, что въ конгрессѣ должны бы также участвовать представители столицы и періодической печати, и потому опредѣлено просить о выборѣ таковыхъ Сѣверное національное Общество. При этомъ нѣкоторые полагали обратиться лучше съ такою просьбой къ Шведской академіи, но это предложеніе по разнымъ причинамъ было отклонено.

Въ Копенгагенѣ депутаты были избраны многочисленнымъ собраніемъ лицъ разныхъ общественныхъ положеній, но особенно литераторовъ, ученыхъ и учителей. Образовавшіеся вслѣдствіе этихъ распоряженій въ названныхъ городахъ комитеты депутатовъ собирались нѣсколько разъ для предварительныхъ совѣщаній и даже вступали между собой въ письменныя сношенія. Затѣмъ созвано было общее собраніе уполномоченныхъ въ Стокгольмѣ въ концѣ іюля мѣсяца 1869 года. Совѣщанія продолжались 5 дней подъ предсѣдательствомъ упсальскаго профессора исторіи Мальмстрема. Каждый изъ трехъ отдѣловъ, т. е. датскій, шведскій и норвежскій избрали своего секретаря, и каждый секретарь издалъ отчетъ о принятыхъ собраніемъ правилахъ для согласованія и упрощенія орѳографіи трехъ языковъ. При этомъ надобно замѣтить, что такъ какъ датскій и норвежскій языки въ сущности одинъ и тотъ же и отличаются они только нѣкоторыми особенностями произношенія, то и правила для письма обоихъ были постановлены почти одинакія.

Въ основаніе было принято положеніе, что каждый языкъ сохраняетъ то, что въ немъ оказывается безспорно правильнымъ, и что согласованіе разнорѣчій между отдѣльными языками должно стоять на второмъ планѣ. За главный элементъ правописанія было признано звуковое начало, такъ какъ цѣль письма есть вѣрное изображеніе знаками слышимаго слова. Происхожденію словъ, историческому началу и обычаю дано второстепенное мѣсто. Далѣе, предположенныя перемѣны раздѣлены на два разряда: къ первому отнесены легкія измѣненія, которыя могутъ быть введены тотчасъ же, ко второму такія, которыя по своей рѣзкости должны встрѣтить бо́льшее противо-

*

дѣйствіе и потому могутъ быть сознаны только постепенно, при дальнѣйшемъ развитіи правильныхъ требованій орѳографіи.

Естественно, что такая законодательная попытка въ литературѣ не могла не возбудить полемики. Поводомъ къ тому послужилъ листокъ стокгольмской газеты, содержавшій краткое изложеніе главныхъ преобразованій и отпечатанный отдѣльными оттисками. Въ то время названный мною знаменитый филологъ Рюдквистъ трудился надъ 4-ю частью своихъ „Законовъ шведскаго языка". Заключенія орѳографическаго конгресса, поверхностно сообщенныя публикѣ въ газетной статьѣ, дали академику сильное оружіе противъ нововводителей, и книга его явилась съ обстоятельнымъ и, къ сожалѣнію, слишкомъ неспокойнымъ осужденіемъ большинства предложенныхъ измѣненій. Полемическая часть сочиненія г. Рюдквиста, касающаяся правописанія, тогда же издана отдѣльной книгой подъ заглавіемъ „Законы звуковъ и законы письма". Авторъ находитъ, что шведское правописаніе, въ настоящемъ видѣ своемъ, представляетъ уже удачное примиреніе фонетическаго начала съ этимологическимъ и, будучи твердо установлено, можетъ только пострадать въ своемъ единообразіи отъ нововведеній, которыя, за исключеніемъ весьма немногихъ, кажутся ему излишними.

Сверхъ того, въ стараніи сблизить въ нѣкоторыхъ случаяхъ письмо шведовъ съ письмомъ датчанъ г. Рюдквистъ видѣлъ стремленіе подчинить первыхъ датскому вліянію, къ чему надобно прибавить, что и въ Даніи нашлись люди, которые съ той же точки зрѣнія, только въ обратномъ смыслѣ, взглянули на преобразованія, предложенныя въ датскомъ письмѣ. Эти люди не умѣли возвыситься до того безпристрастія, какое еще въ первой четверти нынѣшняго столѣтія обнаружилъ знаменитый датскій филологъ Раскъ: въ своемъ обширномъ трактакѣ о правописаніи [1]) онъ именно совѣтовалъ принять для датской орѳографіи нѣкоторыя начертанія шведскія, напр. предлагалъ для звука о употреблять не двойное а, какъ дѣлаютъ датчане, а знакъ å, установившійся у шведовъ.

Но возвратимся къ спору, возбужденному г. Рюдквистомъ. Новая книга его вызвала къ энергическому отпору секретаря по шведскому отдѣлу конгресса, г. Гацеліуса, бывшаго лектора шведскаго языва при стокгольмской семинаріи для образованія учительницъ. Прежде напечатанія своего отчета о заключеніяхъ конгресса онъ издалъ особую книгу „объ основаніяхъ правописанія вообще съ примѣненіемъ къ шведскому языку", въ которой обстоятельно разсмотрѣлъ весь вопросъ объ орѳографіи какъ съ теоретической, такъ и съ исторической точки зрѣнія (Стокг. 1870). Вслѣдъ за тѣмъ (въ 1871 году) явилось и

[1]) Forsøg til en videnskabelig Dansk Retskrivningslaere, af R. Rask, въ 1-мъ томѣ журнала Tidsskrift for Nordisk Oldkyndighed. Kjøbenhavn, 1826.

другое еще болѣе обширное сочиненіе г. Гацеліуса: „Отчетъ о предположенныхъ скандинавскимъ орѳографическимъ съѣздомъ измѣненіяхъ въ шведскомъ правописаніи". Въ обѣихъ книгахъ авторъ, весьма рѣзко, но съ должнымъ уваженіемъ къ своему ученому противнику и безъ нарушенія границъ приличія, опровергаетъ возраженія г. Рюдквиста. Не вдаваясь въ подробности этого любопытнаго спора, упомяну только, что г. Гацеліусъ не безъ пристрастнаго увлеченія ратуетъ за преобладаніе фонетическаго начала, тогда какъ г. Рюдквистъ, также съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ, отстаиваетъ элементъ историческій и обычай. Полемика эта отозвалась и въ журнальной литературѣ, такъ что и до сихъ поръ еще въ шведскихъ газетахъ являются статьи о правописаніи, то въ томъ, то въ другомъ направленіи. Покуда результатомъ съѣзда и этой полемики было только то, что въ шведскомъ правописаніи обнаруживается бо́льшая противъ прежняго пестрота. Однакожъ нѣкоторыя изъ предположеній конгресса, напр. устраненіе въ извѣстныхъ случаяхъ двойныхъ согласныхъ, принято почти всѣми, и можно ожидать, что вслѣдствіе возбужденныхъ вопросовъ, въ шведскомъ правописаніи установятся нѣкоторыя полезныя перемѣны. Такого же рода брошюры, но менѣе объемистыя, изданы секретарями датскаго и норвежскаго отдѣловъ съѣзда, именно г. Люнгбю въ Копенгагенѣ и г. Лёкке въ Христіаніи. Всѣ напечатанныя по этому поводу книги и статьи очень поучительны для соображеній по тому же предмету въ другихъ языкахъ, и я непремѣнно воспользуюсь ими впослѣдствіи, при дальнѣйшей разработкѣ вопросовъ русскаго правописанія.

Въ заключеніе позволю себѣ выразить желаніе, чтобы скандинавская культура сдѣлалась, болѣе нежели нынѣ, предметомъ изученія со стороны молодыхъ дѣятелей нашей науки. Швеція, будучи близка намъ по своему сосѣдству, по климату и многимъ естественнымъ условіямъ, въ то же время представляетъ въ другихъ отношеніяхъ совершенную противоложность съ Россіей, и обѣимъ націямъ было бы особенно полезно вступить между собою въ болѣе тѣсныя умственныя сношенія. При пробудившемся въ Швеціи желаніи сблизиться съ нами, взаимный обмѣнъ не только матеріальныхъ, но и духовныхъ благъ становится легче и можетъ сдѣлаться плодотворнѣе прежняго. Когда народы, враждовавшіе цѣлыя столѣтія, подаютъ другъ другу руку для мирнаго, дружественнаго общенія, то изъ этого не могутъ не произрасти обильные и прекрасные плоды для интересовъ благосостоянія и культуры.

Позволяю себѣ думать, что намъ, среди нашей шумной и тревожной жизни, среди гордаго сознанія нашихъ силъ, не безполезно было бы иногда обращаться мыслію къ народу, который, пройдя совершенно иной путь развитія, въ тишинѣ, непримѣтно разрѣшаетъ свои общественныя задачи, и въ нѣкоторыхъ явленіяхъ своего быта представляетъ стороны, достойныя изученія и подражанія.

ВОСПОМИНАНІЯ О ЧЕТЫРЕХСОТЛѢТНЕМЪ ЮБИЛЕѢ УПСАЛЬСКАГО УНИВЕРСИТЕТА [1]).

1877.

1.

Въ протоколѣ общаго собранія Академіи наукъ за 6-е мая 1877 года записано: „Королевскій университетъ въ Упсалѣ циркуляромъ отъ 21 апрѣля н. ст. увѣдомляетъ, что 5-го сентября сего года будетъ праздноваться четырехсотлѣтіе его существованія, и проситъ Академію принять участіе въ этомъ празднествѣ. Положено привѣтствовать Упсальскій университетъ по случаю предстоящаго его юбилея поздравительнымъ адресомъ за подписью членовъ конференціи и поручить академикамъ Я. К. Гроту и А. В. Гадолину быть представителями Академіи на этомъ торжествѣ“.

Недавно возвратясь изъ путешествія, предпринятаго мною вслѣдствіе этого порученія, считаю долгомъ изложить главныя обстоятельства моего нынѣшняго пребыванія въ Швеціи, гдѣ мнѣ пришлось быть участникомъ одного изъ самыхъ блестящихъ и по своимъ размѣрамъ необыкновенныхъ международныхъ празднествъ, которое вмѣстѣ съ тѣмъ имѣло однакоже совершенно національный характеръ. Столь замѣчательное въ лѣтописяхъ европейской науки событіе заслуживаетъ подробнаго съ нимъ ознакомленія.

Уже въ теченіе лѣта я узналъ изъ финляндскихъ газетъ многое о предстоявшихъ празднествахъ и приготовленіяхъ къ нимъ въ Упсалѣ. Юбилей долженъ былъ продолжаться три дня, начиная отъ 24 августа по нашему календарю (5-го сент. нов. ст.). Желая прежде того пробыть нѣсколько дней въ давно знакомомъ мнѣ Стокгольмѣ, я уже въ первыхъ числахъ августа пріѣхалъ въ Петербургъ и здѣсь нашелъ присланное на мое имя изъ Упсалы письмо слѣдующаго содержанія [2]):

[1]) *Приложеніе къ XXXI т. Записокъ Имп. Ак. Н.* № 1, Спб. 1877, стр. 1—67 и отд. отт. Извлеченія изъ этой статьи были ранѣе напечатаны въ нѣсколькихъ №№ *С.-Петербургск. Вѣдомостей*, въ сентябрѣ 1877 г.

[2]) Вотъ оно въ переводѣ:

„Юбилей Упсальскаго Университета.

„Распорядительная контора.

„Упсала, іюль 1877.

„М. г. Организаціонный комитетъ имѣетъ честь препроводить къ вамъ прилагаемые билеты, предоставляющіе вамъ право пользоваться пониженіемъ цѣнъ на правительственныхъ желѣзныхъ дорогахъ.

Jubilé de l'Université d'Upsala.
Bureau des Commissaires
(Marskalkskontoret).

Upsala, Juillet 1877.

Monsieur,

Le Comité d'organisation a l'honneur de vous adresser les cartes ci-incluses, qui vous donnent droit à une réduction de prix sur les chemins de fer de l'Etat.

Le comité vous prie de vouloir bien faire appliquer les numéros ci-joints *sur* vos bagages, afin d'éviter tout embarras à votre arrivée en notre ville, et vous informe qu'un train spécial partira de Stockholm pour Upsala le 4 septembre à 4 heures 15 m. du soir (heure de Stockholm).

Le comité vous informe également que M. le comte A. Hamilton aura l'honneur de vous recevoir pendant votre séjour en notre ville et qu'il se fera un plaisir de vous attendre à la gare.

Tous les renseignements qui pourraient d'ailleurs vous être nécessaires vous seront fournis avec empressement à Stockholm, au *Bureau des commissaires („Marskalkskontoret")* établi spécialement à cet effet, le 4 septembre, dans la gare Centrale même.

Au nom des Commissaires,
Le président
Rob. Schultz, M. D.

Доѣхавъ по желѣзной дорогѣ до Гельсингфорса, и потомъ до Або, я здѣсь пересѣлъ на пароходъ Dagmar, одинъ изъ самыхъ большихъ и удобныхъ, какіе существуютъ для сообщенія между Петербургомъ и Стокгольмомъ. Моимъ каютнымъ товарищемъ былъ доцентъ Гельсингфорсскаго университета по зоологіи г. Рейтеръ [1]), который также отправлялся на юбилей. Говорили, что въ Стокгольмѣ, по необыкновенному наплыву путешественниковъ, трудно будетъ найти помѣщеніе. Содержатель отеля Kung Karl заранѣе разослалъ ко всѣмъ депута-

„Комитетъ покорно проситъ васъ дать приклеить посылаемые при семъ же нумера на вещи ваши для избѣжанія возможныхъ ошибокъ при вашемъ прибытіи въ нашъ городъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ извѣщаетъ васъ, что изъ Стокгольма въ Упсалу отправится экстренный поѣздъ 4 сентября въ 4 часа 15 минутъ пополудни (по стокгольмскимъ часамъ).

„Комитетъ увѣдомляетъ васъ также, что графъ А. Гамильтонъ будетъ имѣть честь принять васъ къ себѣ на время вашего пребыванія въ нашемъ городѣ и что онъ сочтетъ за удовольствіе ожидать васъ на желѣзно-дорожной станціи.

„Всѣ свѣдѣнія, какія могутъ вамъ понадобиться, будутъ вамъ съ полною готовностью сообщены въ Стокгольмѣ распорядительною конторою, которая съ этою цѣлью будетъ помѣщаться 4-го сентября на центральной станціи.

„Отъ имени распорядителей
„Предсѣдатель Роб. Шульцъ, Д-ръ Мед."

[1]) Авторъ еще печатающагося обширнаго сочиненія по энтомологіи.

тамъ свой адресъ, который былъ полученъ и мною; но такъ какъ этотъ отель лежитъ внутри города, то я предпочелъ отправиться въ Grand Hôtel, стоящій на берегу залива противъ дворца, и тамъ къ счастью нашлась еще свободная комната. Этотъ недавно построенный отель — одинъ изъ самыхъ великолѣпныхъ въ цѣлой Европѣ. Хозяинъ его, г. Cadier, бывшій нѣкогда поваромъ нашего посланника въ Стокгольмѣ, покойнаго Я. А. Дашкова, уже содержитъ тамъ съ давняго времени другой первокласный отель (Rydberg).

Въ Grand Hôtel всѣ корридоры носятъ названіе кого-нибудь изъ знаменитыхъ шведскихъ дѣятелей; въ началѣ того корридора, гдѣ находилась отведенная мнѣ комната, читалась надпись: „улица Тегнéра" (Tegnérs gata); впослѣдствіи, по возвращеніи изъ Упсалы, чтобы имѣть видъ на заливъ, я занялъ другой номеръ въ „Линнеевой улицѣ".

Во время трехдневнаго пребыванія въ Стокгольмѣ я между прочимъ обратилъ вниманіе на тамошнія газеты. Въ способѣ ихъ сбыта есть разныя особенности. Прежде всего надо замѣтить, что онѣ большею частью не посылаются на домъ, и на улицахъ разносчиками не продаются: каждая газета имѣетъ свою особую контору, гдѣ можно получать ее, и кромѣ того, въ городѣ есть нѣсколько конторъ, гдѣ продаются *всѣ* газеты. Продажею ихъ вездѣ занимаются женщины, къ которымъ за ними и посылаютъ или приходятъ желающіе, платя свои 7 — 10 эре (öre) [1]) за номеръ. Назову главныя изъ нихъ. По утрамъ выходятъ ежедневно двѣ газеты: Stockholms Dagblad („Поденный листокъ") и Dagens Nyheter („Новости дня"); подъ вечеръ, часовъ въ 6, появляются еще двѣ: Aftonbladet („Вечерній листокъ") и Nya Dagligt Allehanda („Новая ежедневная мѣшанина"). Два раза въ недѣлю, по средамъ и субботамъ, издается оппозиціонная сатирическая газета съ политипажами Fäderneslandet („Отечество"). Кромѣ того существуетъ еще офиціальная газета Post- och Inrikes-Tidning („Почтовыя и внутреннія Извѣстія"); изъ провинціальныхъ газетъ, которыхъ въ Швеціи очень много, въ Стокгольмѣ получается превосходная готенбургская Handels- och Sjöfarts-Tidning („Газета торговли и мореплаванія"). Нынѣшняя газетная литература въ Швеціи, по содержанію, вообще бѣднѣе, чѣмъ у насъ; самостоятельныя передовыя статьи довольно рѣдки; большею частью въ газетахъ повторяется одно и то же, и часто онѣ заимствуютъ извѣстія одна изъ другой безъ ссылокъ, почти дословно. Въ отношеніи къ извѣстіямъ съ театра войны шведскія газеты вообще держатъ себя безпристрастно, пользуясь иностранными органами разныхъ партій; телеграммы помѣщаются въ нихъ скоро и исправно. Противъ Россіи не только не замѣтно вражды, но

[1]) Сто öre составляютъ крону (прежній риксдалеръ), равняющуюся приблизительно русскому полтиннику.

напротивъ, большею частью выражается явное къ ней сочувствіе, хотя однако въ сужденіяхъ слышатся и отголоски нерасположенной къ намъ заграничной печати. О борьбѣ партій, которая должна отражаться въ шведской публицистикѣ, говорить не буду, потому что съ этой ея стороной я, во время своего краткаго пребыванія въ Стокгольмѣ, не успѣлъ достаточно ознакомиться.

О состояніи народныхъ школъ въ Швеціи было говорено мною довольно подробно послѣ моего путешествія въ 1873 году [1]); въ нынѣшній разъ бывшій тамъ одновременно со мною докторъ В. Ф. Дьяковскій, изъ Петербурга, доставилъ мнѣ случай осмотрѣть вмѣстѣ съ нимъ нѣкоторыя другія образцовыя заведенія Стокгольма. Я назову ихъ. Это, во 1-хъ, вдовій домъ, основанный покойною († 1876) вдовствующей королевой Іозефиною; во 2-хъ, женская учительская семинарія, находящаяся подъ управленіемъ доктора Сандберга; въ 3-хъ, нормальная школа для дѣвицъ и въ 4-хъ, механико-врачебное заведеніе доктора Цандера (Mediko-Mekaniskt institut). Во всѣхъ этихъ учрежденіяхъ нельзя было не удивляться благоустройству, порядку и опрятности въ соединеніи съ величайшею простотою и отсутствіемъ всякой излишней роскоши. Особенно замѣчательно, по геніальности изобрѣтенія, заведеніе г. Цандера, требующее нѣкотораго объясненія. Занимаясь долгое время преподаваніемъ обыкновенной врачебной гимнастики, г. Цандеръ убѣдился, что при производствѣ движеній руками невозможно въ точности соразмѣрять ихъ съ силами паціэнта, которыхъ степень также остается недостаточно опредѣленною. Рука гимнаста утомляется, и притомъ сила ея бываетъ въ разные дни неодинакова вслѣдствіе различнаго расположенія тѣла. Чтобы устранить эти неудобства ручной гимнастики, г. Цандеръ сталъ придумывать, для производства тѣхъ же движеній, машины, и мало-по-малу изобрѣлъ аппараты для самаго разнообразнаго дѣйствія на тѣ или другія группы мускуловъ и различныя части тѣла. Видя, какъ просто и удачно воспроизводятся этимъ путемъ всевозможныя манипуляціи врачебной гимнастики, невольно удивляешься изобрѣтательности и остроумію этого рѣдкаго механическаго генія. Заведеніе г. Цандера было открыто въ Стокгольмѣ въ началѣ 1865 года съ весьма незначительнымъ числомъ машинъ; въ настоящее же время оно имѣетъ уже болѣе 70-ти аппаратовъ, расположенныхъ, въ нѣсколькихъ экземплярахъ каждый, въ просторныхъ залахъ, и число посѣтителей обоего пола, ежегодно возрастающее, приближается уже къ полуторѣ тысячи. Сперва снаряды приводились въ движеніе руками, а теперь движутся паровой машиной. Преимущество этой такъ называемой механической гимнастики заключается въ томъ, что силы паціэнта въ каждомъ направленіи могутъ

[1]) См. выше *Записку о путешествіи въ Швецію и Норвегію лѣтомъ 1873 г.*

быть предварительно измѣрены съ математическою точностью и затѣмъ всѣ движенія—въ такой же точности разсчитываемы по его организму. Само собою разумѣется, что эта новизна возбудила сильное противодѣйствіе со стороны представителей ручной гимнастики и вызвала горячую полемику. Здѣсь не мѣсто входить въ разборъ мнѣній той и другой стороны. Довольно замѣтить, что врачи, сначала съ недовѣріемъ смотрѣвшіе на это изобрѣтеніе, теперь единогласно отдаютъ ему справедливость. Нельзя, кажется, сомнѣваться, что оно должно пріобрѣсть въ медицинѣ большое значеніе. Заслуга изобрѣтателя болѣе и болѣе признается. На выставкѣ въ Филадельфіи его аппараты обратили на себя особенное вниманіе, а на упсальскомъ юбилеѣ г. Цандеръ удостоенъ былъ званія почетнаго доктора. Въ настоящее время такія же заведенія, но разумѣется въ меньшихъ размѣрахъ, существуютъ уже въ Гельсингфорсѣ и въ Або, а въ будущемъ ноябрѣ мѣсяцѣ подобное будетъ открыто г. Дьяковскимъ и въ Петербургѣ.

2.

Предстоявшія празднества, за нѣсколько дней до начала ихъ, были общимъ предметомъ разговоровъ и газетныхъ статей. Мнѣ любопытно было взглянуть на Упсалу посреди ея приготовленій, и наканунѣ дня, назначеннаго для сбора гостей, я рѣшился съѣздить туда. Въ Упсалу изъ Стокгольма можно попасть или на пароходѣ, по озеру и потомъ по рѣкѣ Фюрисъ, славной воспоминаніями древности, или по желѣзной дорогѣ. Я избралъ послѣдній, какъ самый удобный и скорый способъ переѣзда. Въ 10 часовъ утра на центральной станціи желѣзной дороги въ Стокгольмѣ толпились сотни пассажировъ: тутъ были и шведы изъ разныхъ частей края, и множество иностранцевъ, между которыми мнѣ указали на корреспондента газеты Times. Въ полтора часа съ небольшимъ курьерскій поѣздъ доставилъ насъ въ Упсалу, гдѣ на станціи собралось множество зрителей. Иностранцы, незнакомые съ шведской провинціальной жизнью, надѣялись найти передъ вокзаломъ экипажи; не тутъ-то было: здѣсь ихъ можно нанимать только на дворахъ, гдѣ живутъ извозчики (hyrkuskar). Пришлось отправляться въ городъ пѣшкомъ. Тамъ всюду было движеніе и суета; вездѣ шевелились группы то любопытныхъ, то серіозно занятыхъ приготовленіями. Главное зданіе университета Carolina Rediviva, гдѣ помѣщаются парадная зала и библіотека, стоитъ на горѣ, къ которой ведетъ длинная, прямая улица Drottninggata (Королевина). На половинѣ протяженія этой улицы, гдѣ она пересѣкается съ Садовою, довершали родъ массивныхъ тріумфальныхъ воротъ изъ зеленыхъ древесныхъ вѣтвей. Вдоль всей улицы, но особенно ближе къ горѣ, множество людей, большею частью студентовъ, заняты были развѣшиваніемъ разноцвѣтныхъ флаговъ, при чемъ пробовали, какой эффектъ они будутъ про-

изводить, развѣваясь въ ту или другую сторону. Всѣхъ болѣе хлопоталъ тутъ какой-то морякъ, пользующійся, какъ легко было замѣтить, общимъ уваженіемъ. По поводу участія, принимаемаго всѣми жителями Упсалы въ приготовленіяхъ къ университетскимъ праздникамъ, корреспондентъ газеты Aftonbladet говоритъ:

„Нѣтъ ни одной лачужки въ самыхъ отдаленныхъ переулкахъ, хозяинъ которой не понатужился бы, чтобъ убрать и украсить свою маленькую собственность, а на болѣе значительныхъ улицахъ нѣтъ дома, гдѣ бы не принято было мѣръ, чтобы достойно отпраздновать университетское торжество. Въ случаяхъ, подобныхъ настоящему, трогательнымъ образомъ обнаруживается та любовь къ университету, то участіе въ его славѣ, которыя кроются въ душѣ каждаго упсальскаго жителя. Вчера, стоя въ сѣняхъ зданія Каролины, я смотрѣлъ, какъ маршалы (распорядители) [1]) раздавали знамена и флаги всѣхъ цвѣтовъ, полученные взаймы изъ флотскихъ запасовъ въ Карлскронѣ. Тамъ у всѣхъ стѣнъ и колоннъ лежали цѣлыя груды еще свернутыхъ знаменъ и цѣлые еще не развязанные мѣшки съ тѣмъ же добромъ. Но если запасъ былъ обиленъ, то обильно было и усердіе взять на свою отвѣтственность частицу этихъ пестрыхъ сокровищъ. Тутъ были и ученые, и неучи, и люди всякаго сорта. Я видѣлъ тутъ и блѣдныхъ богослововъ и дородныхъ кумушекъ, портныхъ и сапожниковъ и студентовъ, и всѣ они перебивали другъ у друга дорогу съ узлами флаговъ подъ мышкой. Чѣмъ болѣе кто могъ достать, тѣмъ онъ былъ довольнѣе. Всѣ наперерывъ старались какъ-бы въ убранствѣ своего дома перещеголять другъ друга. Изъ чердаковъ и оконъ торчали древки; между разставленными мачтами висѣли гирлянды вымпеловъ; связанныя между собою такимъ образомъ древки тянулись цѣлыми аллеями“.

Въ группахъ, двигавшихся по улицамъ, замѣтно было много дамъ и молодыхъ, цвѣтущихъ дѣвицъ съ довольными и счастливыми лицами: онѣ шли изъ залы Вестготской націи (т. е. общества студентовъ Вестготской провинціи), гдѣ плели лавровые вѣнки для новыхъ докторовъ, которые будутъ увѣнчаны въ одинъ изъ слѣдующихъ дней [2]). Онѣ направлялись въ соборъ, гдѣ цѣлое утро происходила репетиція торжественныхъ кантатъ: на хорахъ спѣвались пѣвцы и пѣвицы подъ управленіемъ профессора Іозефсона.

Между тѣмъ другого рода работа кипѣла въ ботаническомъ саду, гдѣ для юбилейныхъ обѣдовъ и бала былъ построенъ особый, громадныхъ размѣровъ и изящныхъ формъ павильонъ. Входы въ садъ

[1]) Большею частью студенты, нынѣшніе или бывшіе; всѣхъ ихъ было сорокъ человѣкъ.

[2]) Ниже читатель найдетъ объясненіе этого обычая.

для публики были заперты, и только по особенной протекціи можно было туда проникнуть. Деревянное зданіе (которому подобное было тутъ же выстроено въ 1875 г. для съѣзда студентовъ изъ всей Скандинавіи) прислоняется къ южной сторонѣ каменнаго дома, вмѣщающаго въ себѣ извѣстный залъ Линнея. Во временномъ зданіи могутъ свободно помѣститься отъ 3-хъ до 4-хъ тысячъ человѣкъ. Оно построено по плану архитектора Изеуса (Isaeus) и имѣетъ сводообразную конструкцію. Длина залы 215 футовъ, ширина 60 слишкомъ. Стѣны выкрашены свѣтло-шоколадной краской. Внутри надъ входомъ государственный гербъ, и подъ нимъ имена трехъ шведскихъ ученыхъ, между которыми всѣхъ знаменитѣе Линней. Противъ входа, на другомъ концѣ залы, балдахинъ и кресло для короля, а по обѣ стороны кресла высокія лавровыя деревья и другія рѣдкія растенія. Вправо идутъ на щитахъ гербы шведскихъ и скандинавскихъ провинцій; влѣво гербы иностранныхъ государствъ. Подъ гербами читаются имена достопамятныхъ ученостью шведовъ. „Ими, говоритъ газета, гордится Упсальскій университетъ; это герои знанія и духовныхъ стремленій, *наши* герои, распространившіе имя своей родины по всему свѣту безъ стука оружія, но въ яркомъ сіяніи науки“. Съ потолка висятъ шесть большихъ газовыхъ люстръ и вдоль стѣнъ множество газовыхъ рожковъ, отданныхъ въ распоряженіе университета безвозмездно однимъ изъ стокгольмскихъ ресторатором (г. Бланшъ). Все это предполагалось зажечь уже въ началѣ обѣдовъ, на случай, если они не кончатся засвѣтло; освѣщеніе однакожъ оказалось нужнымъ только позднѣе.

Кромѣ Линнеева зала (такъ названнаго по воздвигнутой въ немъ статуѣ знаменитаго ботаника), въ каменномъ зданіи находится еще „frigidarium“, большая прохладная оранжерея въ южномъ флигелѣ, гдѣ приготовлены столы для нѣкотораго числа обѣденныхъ гостей. Статуя Линнея обставлена дорогими растеніями; кругомъ стѣны вновь выкрашены. Передъ заломъ и колоннадою, на воздухѣ, устроена каѳедра для ораторовъ, которые захотятъ говорить въ четвергъ послѣ обѣда. Въ серединѣ сада, по дорогѣ къ городскому зàмку, дѣлаются приготовленія для фейерверка; снарядъ съ такимъ же назначеніемъ помѣщенъ на горѣ, гдѣ высится этотъ зàмокъ, на крышѣ котораго зажжется электрическое солнце. Второе такое же явится у статуи Густава Вазы, передъ замкомъ. Такимъ образомъ вся Упсала готовится къ необыкновенному торжеству: все рядится, все убирается; чуть-ли не всѣ дома, заборы, тумбы вновь выкрашены или подкрашены,—но не для того чтобы заслужить чью-нибудь благосклонную улыбку или награду, а единственно для того, чтобы достойно отпраздновать дорогую всей странѣ годовщину, принести, по сознанію общаго долга, и свою лепту признательности за благо просвѣщенія святилищу, откуда оно льется на всю націю.

3.

Здѣсь кстати оглянуться на происхожденіе и прошлую судьбу Упсальскаго университета. Городъ Упсала (Up-sala, высокая палата), лежащій къ сѣверозападу отъ Стокгольма, близъ береговъ озера Мелара, издревле былъ мѣстопребываніемъ королей и архіепископовъ. Еще и по введеніи въ Швеціи христіанства, въ Упсалѣ короли долго короновались и были погребаемы; въ XIII столѣтіи, въ правленіе Биргера Ярла, тутъ была при соборѣ высшая школа, куда соборныя церкви изъ другихъ мѣстностей посылали своихъ учениковъ для усовершенствованія въ наукахъ. Но шведское духовенство оставалось всетаки безъ достаточнаго образованія, и молодые люди издавна въ большомъ числѣ отправлялись учиться въ заграничные университеты, сперва въ Парижъ, потомъ въ Прагу, въ Лейпцигъ, а позднѣе въ новоучрежденные университеты сѣверной Германіи, Ростокъ и Грейфсвальдъ. Чтобы устранить неудобства такихъ далекихъ путешествій, духовенство не разъ принимало мѣры для вызова преподавателей изъ чужихъ краевъ, и при упсальскомъ соборѣ дѣйствительно былъ опредѣленъ иностранный учитель. Но такъ какъ и это средство оказывалось недѣйствительнымъ, то уже около середины XV вѣка положено было завести въ Швеціи свой университетъ. Исполнителемъ этой мысли былъ архіепископъ Яковъ Ульфсонъ: въ 1476 году онъ, чрезъ нарочно отправленнаго въ Римъ посла, выпросилъ у папы Сикста IV буллу на учрежденіе въ Упсалѣ, по образцу Болонскаго университета, Studium generale подъ управленіемъ архіепископа въ званіи канцлера. Въ Швеціи въ то время не было короля. Карлъ VIII умеръ въ 1470 г., назначивъ правителемъ государства знаменитаго Стуре старшаго, при которомъ и послѣдовало открытіе университета. Долго однакожъ это учрежденіе стояло на очень низкой степени развитія; при Іоаннѣ III, сынѣ Густава Вазы, оно было переведено въ Стокгольмъ; но Карломъ IX, отцомъ Густава Адольфа, возстановлено въ Упсалѣ. Въ 1600 году происходила первая докторская промоція (возведеніе въ ученую степень) по философскому, а въ 1617 г. по богословскому факультету, при чемъ промоторомъ (лицомъ, раздававшимъ степень) былъ прославившійся потомъ своими государственными заслугами Аксель Оксеншерна. Программу тогдашняго ученаго празднества писалъ на латинскомъ языкѣ самъ царствовавшій въ то время Густавъ II Адольфъ. Этотъ великій король оказывалъ особенное покровительство Упсальскому университету, какъ и вообще народному образованію. Чтобы навсегда обезпечить матеріальное благосостояніе университета, онъ особенною грамотою пожаловалъ ему изъ своихъ собственныхъ вотчинъ въ вѣчное владѣніе 350 участковъ земли со всѣми ихъ доходами, и притомъ съ освобожденіемъ ихъ отъ всякихъ податей и по-

винностей. Кромѣ того, онъ далъ университету первый правильный уставъ и неусыпно заботился объ успѣшномъ ходѣ ученія, требуя, чтобы сыновья знатныхъ вельможъ, составлявшіе въ Упсалѣ особый привилегированный классъ студентовъ, подвергались экзаменамъ наравнѣ съ прочими молодыми людьми, а въ пользу неимущихъ учреждены были стипендіи. Съ тѣхъ поръ на скамьяхъ университетскихъ аудиторій сравнялись люди всѣхъ сословій и наука для всѣхъ сдѣлалась необходимымъ условіемъ поступленія въ государственную службу. Уже въ исходѣ XVI столѣтія въ Упсалѣ было около 1000 студентовъ; но для объясненія этого нужно знать, что у тогдашнихъ шведовъ вошло въ обычай записывать своихъ дѣтей въ число учащихся при университетѣ (какъ у насъ позднѣе въ военную службу) еще малолѣтними: были студенты моложе 8 лѣтъ, какъ оказывается между прочимъ изъ сохранившагося въ архивѣ свѣдѣнія, что въ 1600 годахъ случайно былъ застрѣленъ одинъ студентъ, которому оказалось 7 лѣтъ отъ роду. Въ настоящее время число упсальскихъ студентовъ простирается до 1.400, раздѣленныхъ на 13 *націй* или, собственно говоря, отдѣловъ по мѣстностямъ, откуда они родомъ (Стокгольмъ, Упландія, Остготія, Вестготія, Готенбургъ и т. д.). Многія изъ этихъ націй имѣютъ свои собственные дома, другія собираются въ наемныхъ; каждая имѣетъ свою отдѣльную кассу, свою библіотеку, свои сходки. Во главѣ каждой націи находится, по ея же выбору, одинъ изъ профессоровъ (обыкновенно къ ней же принадлежащій по происхожденію) въ званіи инспектора, а подъ его высшимъ наблюденіемъ непосредственный надзоръ за ходомъ дѣлъ имѣютъ кураторы, опять уроженцы той же провинціи, избираемые обыкновенно изъ младшихъ преподавателей или старшихъ студентовъ. Студенты каждой націи раздѣляются на старшихъ (seniores) и младшихъ (juniores). Кромѣ того, въ каждую зачислено большее или меньшее число почетныхъ членовъ, частью изъ университетскихъ преподавателей, частью изъ высокопоставленныхъ или вообще заслуженныхъ лицъ, разсѣянныхъ по всему королевству. Въ вермландской націи первымъ почетнымъ членомъ состоитъ кронпринцъ, какъ герцогъ Вермландіи; онъ самъ посѣщаетъ лекціи и во время учебныхъ семестровъ живетъ въ Упсалѣ, въ особо нанимаемомъ для него домѣ. Эти студенческія націи произошли не вслѣдствіе какого-нибудь распоряженія, а сами собой, мало-по-малу и незамѣтно. Естественно было, что молодые люди, переселявшіеся изъ провинціи въ незнакомый городъ, часто безъ всякихъ средствъ къ жизни, группировались по тѣмъ областямъ, гдѣ была ихъ родина; другъ въ другѣ они искали поддержки и помощи, сближались между собой тѣснѣе, нежели съ остальными, и собирались, между прочимъ, на общія пирушки. Такъ образовались студенческіе кружкі изъ земляковъ; въ организованныя корпораціи они сплотились не прежде, какъ около середины XVII столѣтія. Во всякомъ случаѣ, это учре-

жденія старинныя, имѣющія свои традиціи и даже архивы, такъ что по случаю нынѣшняго юбилея многія изъ націй издали отдѣльными книгами свою исторію. Самоуправленіе ихъ, при участіи степенныхъ людей и наставниковъ, не могло не способствовать къ развитію между шведскими студентами серіознаго пониманія своихъ отношеній и обязанностей, основательности и зрѣлости, какихъ мы въ большинствѣ случаевъ не видимъ въ студенческихъ корпораціяхъ другихъ странъ. Замѣчательно, между прочимъ, что у шведскихъ студентовъ никогда не бывало дуэлей. Такимъ образомъ студенческая карпорація въ Швеціи имѣетъ особенное общественное положеніе: къ популярности членовъ ея, къ почетной роли, которую они играютъ въ публикѣ, много содѣйствовали, конечно, и образовавшіеся между ними прекрасные пѣвческіе хоры, которые въ послѣднее время пріобрѣли европейскую славу. Многія изъ студенческихъ пѣсенъ сдѣлались народными [1]). Вся корпорація студентовъ (Student-korps) имѣетъ опять свою правильную организацію и свое особенное помѣщеніе; у ней есть предсѣдатель (нынѣ доцентъ правъ Афцеліусъ), вице-предсѣдатель, секретарь и дирекція, состоящая изъ депутатовъ всѣхъ 13 націй; наконецъ, казначей и завѣдывающій дѣлами комитетъ. Само собою разумѣется, что сюда относятся такія дѣла, которыя касаются всей корпораціи студентовъ.

Изъ всего до сихъ поръ сказаннаго легко понять, какое національное значеніе долженъ былъ пріобрѣсти для Швеціи ея долгое время единственный, а впослѣдствіи древнѣйшій университетъ. Но кромѣ того, онъ сдѣлался образцомъ для всѣхъ другихъ университетовъ, возникшихъ позднѣе какъ во владѣніяхъ самой Швеціи (въ Дерптѣ, въ Або, въ Лундѣ), такъ и въ другихъ скандинавскихъ земляхъ (въ Копенгагенѣ и въ Христіаніи). Всѣ эти университеты смотрятъ на Упсальскій, какъ на своего почтеннаго прадѣда. Въ Швеціи, болѣе нежели гдѣ-либо, эти учрежденія сохраняютъ особенности своего древняго быта, начиная съ того, что они еще по старому часто называются то академіями, то высшими училищами. Управленіе ихъ также остается неизмѣннымъ. Главный начальникъ, *канцлеръ*, избирается са-

[1]) Такова напр. слѣдующая: „Sjungom studentes lyckliga dag"... Вотъ переводъ ея словъ: „Пойте о счастьи студенческихъ дней. Будемъ радоваться веснѣ юности; Еще сердце бьется у насъ живо, И свѣтлая будущность — наша. Еще никакихъ бурь нѣтъ въ нашей душѣ. Надежда — нашъ другъ, И мы вѣримъ ея обѣтамъ, Заключая братскій союзъ Въ той рощѣ, Гдѣ растутъ чудные лавры. Ура"! — Роща, о которой здѣсь упомянуто, находится между двумя главными университетскими зданіями и называется Одиновою (Odinslund); это святыня упсальскихъ студентовъ. — Народный шведскій гимнъ въ честь короля „Ur svenska hjertans djup" („Изъ глубины шведскихъ сердецъ") также принадлежитъ къ числу студенческихъ пѣсенъ. Нѣкоторыя изъ нихъ сочинены профессорами, напримѣръ покойнымъ историкомъ Гейеромъ, который былъ вмѣстѣ замѣчательный поэтъ и композиторъ.

мимъ университетомъ; въ нынѣшнемъ столѣтіи должность эту несъ обыкновенно кронпринцъ; но нѣсколько лѣтъ тому назадъ выборъ палъ на славнаго своими государственными и учеными заслугами, престарѣлаго графа Геннинга Гамильтона [1]). Канцлеръ обыкновенно не живетъ въ Упсалѣ; въ его отсутствіи должность эту исправляетъ находящійся здѣсь постоянно архіепископъ, въ званіи *проканцлера*; нынѣ это извѣстный своею ученостью и краснорѣчіемъ, членъ шведской академіи Сундбергъ. За нимъ въ университетской іерархіи слѣдуетъ *ректоръ*, который прежде избирался только на полгода, потомъ на годъ, а теперь, кажется, уже на два года; нынче въ этой должности находится профессоръ философіи Сали́нъ (Sahlin); проректоръ — профессоръ медицины Геденіусъ (Hedenius).

4.

Пробывъ въ Упсалѣ часа два посреди суеты приготовленій къ юбилею, я вернулся въ Стокгольмъ. На другой день (23 авг. — 4 сент.) назначенъ былъ въ 4 часа по-полудни экстренный курьерскій поѣздъ для доставленія всѣхъ депутатовъ и приглашенныхъ лицъ въ университетскій городъ. При отъѣздѣ нашемъ изъ Стокгольма вся станція желѣзной дороги, вся площадь передъ нею и ближайшія части улицъ были запружены народомъ; вездѣ по дорогѣ собирались любопытные у оконъ, на балконахъ, даже на крышахъ и, когда поѣздъ двинулся, махали намъ платками. Но что́ же дѣлалось между тѣмъ въ Упсалѣ? Тамъ въ началѣ 6-го часа послѣ обѣда къ желѣзно-дорожной станціи стали направляться массы людей. На большой городской площади собиралась студенческая корпорація со своимъ знаменемъ, окруженнымъ значками отдѣльныхъ націй, и вскорѣ также двинулась по тому же направленію. Между тѣмъ площадь передъ вокзаломъ была окружена кордономъ, внутри котораго стали располагаться студенты и квартирные хозяева ожидаемыхъ гостей, т. е. профессора́ и другія лица, приготовившія у себя помѣщенія для пріема почетныхъ пріѣзжихъ. Тутъ же собрались должностныя лица для встрѣчи короля, котораго ожидали къ 6-ти часамъ; его величество Оскаръ II ѣздилъ на торжественное открытіе новой желѣзной дороги и теперь долженъ былъ прибыть въ Упсалу нѣсколько ранѣе юбилейнаго поѣзда. Все было готово ко встрѣчѣ обоихъ поѣздовъ. Студенческій хоръ, человѣкъ до двухъ сотъ, стоялъ полукругомъ передъ крыльцомъ вокзала, а далѣе въ кордонѣ толпились тѣсными рядами прочіе студенты, ко-

[1]) Послѣднее, недавно изданное имъ сочиненіе: *Германія и Франція* разсматриваетъ бывшую между этими двумя державами борьбу съ новой точки зрѣнія, именно въ отношеніи къ дипломатіи. Графъ Гамильтонъ предсѣдатель первой камеры шведскаго сейма.

торыхъ бѣлыя фуражки, какъ могло казаться издали, образовали одну сплошную массу. Около нихъ волновались пестрыя толпы любопытныхъ, между которыми сновали распорядители (большею частью университетскіе же юноши) въ своихъ желто-голубыхъ перевязяхъ черезъ плечо. Полиція также являлась вездѣ, но повидимому совершенно напрасно.

Въ 6 часовъ салютъ съ горы замка возвѣстилъ приближеніе королевскаго поѣзда. Его величество привѣтствовали университетскіе чины, офицеры мѣстнаго полка, губернаторы упсальскій и стокгольмскій (въ мундирахъ) и проч. Когда король съ кронпринцемъ и свитою вышелъ на крыльцо, хоръ студентовъ грянулъ народный гимнъ: „Изъ глубины шведскихъ сердецъ". По окончаніи пѣнія старшій распорядитель, докторъ капитанъ Шульцъ, провозгласилъ „да здравствуетъ король", и вслѣдъ за тѣмъ раздалось четыре раза повторенное ура! Король, произнеся нѣсколько словъ въ изъявленіе своей признательности, сѣлъ въ карету и отъѣхалъ съ сыномъ въ домъ, занимаемый послѣднимъ.

Теперь всѣ ждали юбилейнаго поѣзда. Онъ долженъ былъ прибыть въ четверть 7-го, но былъ задержанъ въ Стокгольмѣ. Наконецъ раздался свистокъ локомотива, и въ то же время съ горы грянула пушка. Толпа зашевелилась: „ѣдутъ, ѣдутъ", слышалось со всѣхъ сторонъ, и всѣ взоры устремились къ вокзалу. Все готово къ пріему гостей, распорядители смотрятъ въ оба — и что же? Оказалось, что это обыкновенный поѣздъ, и честь, приготовленная намъ, досталась ему. Пришлось еще долго ждать; наконецъ уже около 7-ми часовъ, сигналы и полковая музыка съ открытаго вагона возвѣстили приближеніе гостей. Когда они показались на крыльцѣ, хоръ студентовъ пропѣлъ куплетъ пѣсни: „Нашъ край" Рунеберга (музыка Іозефсона). Корреспондентъ одной изъ шведскихъ газетъ слѣдующимъ образомъ передаетъ впечатлѣніе, произведенное на него прибывшими: „По смѣшенію языковъ можно было заключить, что вся образованная Европа выслала своихъ представителей на празднества древнѣйшаго скандинавскаго университета. Появленіе гостей не отличалось тою бойкостью движеній, которая была замѣтна на студенческомъ съѣздѣ 1875 года, когда норвежцы первые высыпали на площадь. Нынѣшніе гости явились съ серіознымъ видомъ, но посѣдѣлые въ наукѣ ветераны смотрѣли однакожъ радостными глазами на шведскую молодежь которая уже и наружностью своею производитъ хорошее впечатлѣніе: казалось, пріѣзжіе съ истиннымъ наслажденіемъ слушали живыя, чудныя пѣсни". Губернаторъ графъ А. Гамильтонъ (родственникъ канцлера) именемъ города Упсалы привѣтствовалъ, въ краткихъ, но сердечныхъ словахъ, сперва шведскихъ почетныхъ гостей, по-шведски, потомъ иностранныхъ — по-французски. Послѣ того пропѣтъ былъ еще куплетъ пѣсни „Нашъ край", и четыре раза провозглашено „виватъ" въ честь новоприбыв-

шихъ. Когда водворилось молчаніе, одинъ изъ маршаловъ, ставъ на верхней ступени крыльца, объявилъ по-французски, чтобы всѣ пріѣзжіе направились къ развѣвавшимся впереди бѣлымъ знаменамъ и по начальнымъ буквамъ, на нихъ вышитымъ, искали своихъ хозяевъ. У знамени *D — H* ждалъ любезный и въ высшей степени симпатическій губернаторъ. Кромѣ меня, онъ готовился принять у себя еще трехъ лицъ: шведскаго статсъ-секретаря внутреннихъ дѣлъ Тюселіуса и двухъ депутатовъ: сера Вайвиля Томсона, профессора зоологіи при Эдинбургскомъ университетѣ, и Лавелэ (Laveleye), профессора политической экономіи, изъ Люттиха. Мы всѣ четверо сѣли въ губернаторскую карету, которая и отвезла насъ въ главное зданіе Упсалы, древній замокъ оригинальной архитектуры съ двумя на углахъ башнями, живописно расположенный на горѣ. Замокъ этотъ былъ построенъ Густавомъ I Вазою; но послѣ двухъ постигшихъ его пожаровъ, никогда не былъ вполнѣ возстановленъ внутри, такъ что большая часть его до сихъ поръ остается необитаемою: только въ нижнемъ этажѣ помѣщается прекрасно устроенная квартира губернатора упсальской провинціи, да нѣсколько комнатъ занято присутственными мѣстами. Графъ Гамильтонъ прежде всего представилъ насъ своимъ дамамъ, а потомъ, по внутренней витой лѣстницѣ, повелъ насъ въ назначенныя каждому отдѣльно комнаты. Онъ обладаетъ не совсѣмъ обыкновеннымъ въ Швеціи преимуществомъ практическаго знакомства съ главными иностранными языками и потому могъ свободно объясняться съ лицами, которымъ далъ у себя пріютъ.

Вскорѣ, въ тотъ же вечеръ, всѣмъ депутатамъ хозяева ихъ предложили собраться въ университетскомъ зданіи для обсужденія вопроса: какъ на слѣдующій день поступить при передачѣ университету торжественныхъ поздравленій, чтобы церемонія эта, при многочисленности депутацій, не потребовала слишкомъ много времени. Всѣхъ представителей разныхъ ученыхъ обществъ и учрежденій было уже 63: могли пріѣхать еще другіе. Мѣстомъ собранія служила большая зала, вѣроятно комната совѣта; когда мы всѣ расположились около длиннаго стола, въ концѣ его съ предсѣдательскаго мѣста всталъ очень благообразный, среднихъ лѣтъ, бѣлокурый мужчина, который на правильномъ французскомъ языкѣ объяснилъ намъ цѣль собранія. Всѣ думали сначала, что это былъ ректоръ или проректоръ университета; но потомъ оказалось, что это профессоръ новѣйшей лингвистики и литературы г. Гагбергъ (Hagberg), братъ извѣстнаго, уже умершаго переводчика Шекспира. Онъ изложилъ составившееся въ университетѣ мнѣніе, что цѣль сокращенія времени всего лучше была бы достигнута, еслибъ иностранныя депутаціи раздѣлились по національностямъ на группы и каждая группа избрала одного изъ своей среды органомъ, который въ болѣе или менѣе краткой формѣ передалъ бы поздравленіе всей

группы. Одинъ изъ депутатовъ, не возражая на это предложеніе, замѣтилъ, что былъ бы еще другой равносильный способъ, именно тотъ, чтобы высказаться могъ *каждый* депутатъ, но только самымъ лаконическимъ образомъ. Послѣ недолгаго обмѣна мыслей предпочтеніе было отдано университетскому предложенію. Но такъ какъ и *одинъ* ораторъ по иной группѣ могъ бы сдѣлать это рѣшеніе безполезнымъ, еслибъ сверхъ мѣры далъ волю своему краснорѣчію, то благоразумно былъ предложенъ еще вопросъ: не нужно ли опредѣлить maximum продолжительности каждаго привѣтствія? Одни полагали назначить для этого не болѣе 5-ти минутъ, другіе считали достаточнымъ 4. Рѣшеніе было предоставлено г. Гагбергомъ самимъ депутатамъ, почему онъ и предложилъ имъ избрать для совѣщанія о томъ предсѣдателя изъ своей среды и указалъ на депутата Болонскаго университета, какъ старѣйшаго изъ европейскихъ учрежденій этого рода, имѣвшихъ тутъ представителей. L'ancienneté, сказалъ онъ, est un principe qui est partout volontiers reconnu. Итакъ мѣсто предсѣдателя занялъ профессоръ греческаго языка при названномъ университетѣ, г. Пелличіони, открывшій разсужденія также на французскомъ языкѣ. Послѣ преній, относительно довольно долгихъ, принято было за maximum 5 минутъ. Но надо было рѣшить еще одинъ вопросъ, возбужденный г. Гагбергомъ. „На предстоящихъ обѣдахъ, сказалъ онъ, недостанетъ времени на рѣчи депутатовъ; но за то имъ предоставляется свобода слова послѣ обѣда, во второй день, вслѣдъ за привѣтствіемъ, съ которымъ канцлеръ университета обратится ко всѣмъ представителямъ иностранныхъ учрежденій; тогда каждый депутатъ будетъ имѣть возможность говорить на какомъ языкѣ угодно. На обѣдѣ же перваго дня ректоръ университета привѣтствуетъ васъ, милостивые государи, латинскою рѣчью: не угодно ли вамъ избрать изъ своей среды одного, который по-латыни же отвѣчалъ бы на привѣтствіе ректора?“ — Вотъ этотъ-то выборъ и предстоялъ рѣшенію депутатовъ, и они безъ долгихъ разсужденій единодушно остановились на знаменитомъ латинистѣ Мадвигѣ, профессорѣ Копенгагенскаго университета, который и принялъ это порученіе. Этимъ кончились общія совѣщанія депутатовъ. Затѣмъ они, по принятому соглашенію, раздѣлились на отдѣльныя по національностямъ депутаціи, чтобъ каждой избрать себѣ своего оратора. Русская депутація состояла изъ представителей — Академіи наукъ, университетовъ: Петербургскаго (гг. Менделѣевъ и Янсонъ), Харьковскаго (г. Лагермаркъ), Дерптскаго (гг. Мейеръ и Шварцъ), Тифлисской метеорологической обсерваторіи (г. Морицъ), и общества петербургскихъ врачей (г. Берглиндъ). Товарищъ мой по академіи, А. В. Гадоли́нъ, еще не пріѣхалъ, бывъ задержанъ обстоятельствами въ Петербургѣ. Такъ какъ Петербургскій и Дерптскій университеты прислали, каждый, по два уполномоченныхъ, то всѣхъ насъ было 8 человѣкъ. Какъ старшій, и притомъ

представитель высшаго ученаго учрежденія въ Россіи, я былъ избранъ органомъ русской депутаціи. Тутъ кѣмъ-то поднятъ былъ вопросъ: на какомъ языкѣ я буду говорить? Шведскій, какъ туземный, былъ рѣшительно отвергнутъ. Затѣмъ оставался выборъ между русскимъ и французскимъ. Употребить тотъ или другой изъ нихъ предоставлено было на мою волю. Мнѣ казалось, что въ настоящемъ случаѣ было бы не совсѣмъ любезно — пригласившихъ насъ на свои празднества и столь внимательныхъ къ намъ хозяевъ привѣтствовать на языкѣ имъ не понятномъ, и потому я рѣшился въ пользу французскаго, какъ общеизвѣстнаго и такъ-сказать международнаго языка.

5.

Объ университетскомъ зданіи Carolina Rediviva, въ которомъ на другое утро собрались всѣ депутаты для составленія процессіи, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ. На мѣстѣ его въ старину былъ другой домъ, въ которомъ при Карлѣ IX (1604 — 1611) устроены были аудиторіи, почему онъ и назывался Academia Carolina; въ концѣ прошлаго вѣка этотъ домъ сгорѣлъ; въ 1819 году начато было здѣсь новое строеніе для библіотеки, и такъ какъ первый камень его былъ положенъ Карломъ XIV Іоанномъ (Бернадотомъ), то въ честь его возстановлено было прежнее имя, и домъ былъ названъ Carolina Rediviva (воскресшая). Оконченъ онъ былъ не прежде 1841 года; помѣщающаяся въ немъ библіотека содержитъ около 200.000 томовъ и 7.000 рукописей. Это лучшее изъ университетскихъ зданій; здѣсь находится также парадная зала, въ которой любопытно то обстоятельство, что хотя домъ принадлежитъ казнѣ, но полъ ея составляетъ собственность студентовъ, такъ что, въ случаѣ общественныхъ баловъ или концертовъ, они имѣютъ право отдавать его, въ пользу своей кассы, внаймы. Это однакожъ простой, некрашенный полъ, да и все зданіе носитъ на себѣ печать большой простоты; такова и вообще вся внѣшняя сторона жизни въ Швеціи и даже въ Стокгольмѣ, сравнительно съ нравами и привычками другихъ столицъ Европы.

Изъ этой-то залы въ среду утромъ, часовъ въ десять, 24 августа (5 сент.), депутаты и почетные гости отправились въ соборъ процессіей по два человѣка въ рядъ. Эта величайшая въ королевствѣ церковь была заложена около 1260 года и вскорѣ пріобрѣла особенную важность вслѣдствіе перенесенія въ нее мощей св. Эрика, патрона Швеціи, останки котораго и покоятся здѣсь въ серебряной ракѣ. Тутъ же за алтаремъ погребены: Густавъ Ваза, сынъ его Іоаннъ III съ Екатериной Ягеллоновной; также шведскій реформаторъ, первый лютеранскій архіепископъ Лаврентій Петри. Въ одномъ изъ склеповъ стоитъ порфировая пирамида въ память Линнея. Теперь воздвигается здѣсь памятникъ архіепископу Якову Ульфсону, основателю Упсальскаго

университета. Въ ризницѣ хранится множество драгоцѣнныхъ древностей. Соборный орга́нъ — лучшій въ Швеціи.

Тому, кто самъ находился въ числѣ дѣйствующихъ лицъ, невозможно было видѣть все, что представлялось въ этотъ день стороннему зрителю. Поэтому я буду вынужденъ дополнять свой разсказъ подробностями, почерпнутыми изъ свѣдѣній, сообщенныхъ репортерами лучшихъ стокгольмскихъ газетъ.

Въ 7 часовъ утра раздалась пушечная пальба со стороны замка. Уже въ это раннее время на улицахъ было большое движеніе. Всѣ радовались ясному, хотя и довольно холодному утру. Вездѣ, съ крышъ, со стѣнъ и изъ оконъ развѣвались знамена. Со всѣхъ сторонъ видны были зеленые вѣнки, длинныя вязи дубовыхъ вѣтвей, цвѣты и ленты яркихъ цвѣтовъ. Никогда еще Упсала не являлась въ такомъ праздничномъ убранствѣ. Изнутри собора музыка также слышна была уже съ 7-ми часовъ. Черезъ часъ могучій колоколъ загудѣлъ торжественнымъ звономъ, и вскорѣ на всѣхъ улицахъ показались дамы въ праздничныхъ нарядахъ. Большая часть ихъ стремилась въ церковь, чтобы попасть туда какъ скоро отворятъ двери. Другія смотрѣли изъ оконъ. По Каролининской горѣ мужчины въ парадныхъ одеждахъ шли въ зданіе библіотеки, гдѣ собирались готовившіеся участвовать въ процессіи. По всей ведущей туда Королевиной улицѣ толпились группы студентовъ, каждая нація (провинція) вокругъ своего знамени. Въ 10-мъ часу всѣ депутаты и приглашенные, числомъ болѣе тысячи, считая и лицъ, принадлежащихъ къ университету, собрались въ названномъ зданіи. Въ залѣ маршалы скоро принялись установлять порядокъ, въ какомъ, по печатному церемоніалу, должна была двинуться торжественная процессія въ соборъ, назначенный мѣстомъ юбилейныхъ церемоній. Депутаты были расположены по группамъ, въ алфавитномъ порядкѣ французскихъ названій странъ, которыя они представляли, т. е. Allemagne, Autriche, Belgique, France, Hollande и т. д. Въ десять часовъ процессія тронулась по слѣдамъ корпораціи студентовъ, стоявшей со знаменами на скатѣ горы. Послѣ продолжительно непостоянной погоды небо наконецъ прояснилось; пестрое шествіе, тянувшееся отъ вершины горы почти до самаго собора, представляло единственное въ своемъ родѣ зрѣлище. По всему пути улицы, окна, балконы были унизаны волнующимися массами зрителей.

Уже съ 9-ти часовъ всѣ дамы, имѣвшія билеты для входа въ церковь, сидѣли на устроенныхъ амфитеатромъ хорахъ по обѣ стороны ковчега. Вскорѣ и корреспонденты газетъ заняли приготовленныя для нихъ скамьи подъ хорами. Это были весьма удобныя для наблюденія мѣста съ просторными столами; ихъ было два съ каждой стороны возлѣ стульевъ, назначенныхъ для гостей. Тутъ были представители почти всѣхъ стокгольмскихъ, готенбургской и др. шведскихъ газетъ,

нѣсколькихъ датскихъ и норвежскихъ, одной финляндской, англійской *Times* и парижской *Monde illustré*. Главный соборный ковчегъ былъ украшенъ большими шведскими знаменами; весь полъ передъ алтаремъ устланъ синимъ ковромъ съ золотою бахромой, стѣны убраны зеленью и цвѣтами. Вправо отъ алтаря (отъ зрителей влѣво) стояло подъ балдахиномъ большое золотое кресло, обитое синимъ бархатомъ; это было мѣсто для короля; влѣво отъ него было другое такое же, только немного меньше, для кронпринца. Въ срединѣ алтаря возвышалась большая дубовая, нарочно къ юбилею заказанная каѳедра, передъ которою виденъ былъ длинный столъ, покрытый синею съ золотомъ скатертью; на немъ лежали касающіеся университета старинные документы; сюда же потомъ клались подносимые университету адресы, книги и т. п. Влѣво отъ алтаря, т. е. противъ королевскихъ креселъ стояли три парадныя сѣдалища для канцлера университета, архіепископа-проканцлера и ректора. Подъ сводомъ передъ алтаремъ были стулья для университетскихъ чиновъ. Все это пространство было обставлено свѣжими растеніями. Надъ алтаремъ горѣли газовые огни въ солнцеобразныхъ кругахъ. Въ четверть одиннадцатаго начала̀ входить процессія, и съ хоровъ раздались звуки торжественнаго марша. Впереди шелъ университетскій служитель съ своею большою тростью съ серебрянымъ набалдашникомъ, но безъ всякаго особаго наряда, за исключеніемъ желтаго жилета: старинныхъ костюмовъ уже нѣтъ въ Упсалѣ. За нимъ слѣдовали два маршала, потомъ большое студенческое знамя, и всѣ провинціи („націи") съ своими знаменами. Прекрасно и знаменательно, подъ высокими сводами древняго, почтеннаго собора (замѣчаетъ одна газета), было зрѣлище этой толпы молодежи со знаменами, напоминающими обо всѣхъ краяхъ отечества, которые присылаютъ сюда своихъ сыновъ для образованія. Студенты расположились въ церкви на скамьяхъ по обѣ стороны главнаго ковчега, и знамена ихъ были приставлены къ скамьямъ.

Слѣдующее отдѣленіе начиналось опять двумя маршалами, за которыми несли малое знамя студенческой корпораціи; потомъ шли ея дирекція и почетные гости (студенты же сосѣднихъ странъ). За ними шло новое отдѣленіе со своими маршалами и многочисленными уполномоченными шведскихъ академій и ученыхъ обществъ; между ними можно было видѣть множество лицъ, которыя пріобрѣли громкую извѣстность въ области науки, литературы и искусствъ. Рѣдко бывало собрано такое большое число ихъ въ одномъ мѣстѣ, и никогда еще не собирались они съ такою цѣлію. Послѣ замѣчательныхъ шведовъ шли иностранцы. Это было блестящее во многихъ отношеніяхъ собраніе, не только по ученымъ заслугамъ, знаменитости и вообще по внутреннимъ сторонамъ, но и по своимъ необыкновеннымъ костюмамъ. Тутъ были и темныя и свѣтлыя бархатныя мантіи, малиновыя епанчи

и шапки, и другіе наряды посреди черныхъ фраковъ и шитыхъ золотомъ мундировъ. За иностранцами, которые всѣ расположились въ главномъ ковчегѣ, шли депутаты шведскаго сейма. Потомъ слѣдовали еще четыре отдѣленія, каждое—имѣя впереди двухъ маршаловъ, а первое кромѣ того двухъ *курсоровъ* (университетскихъ разсыльныхъ). Секретарь университета несъ на подушкѣ древнѣйшую его грамоту, а за нимъ шли канцлеръ и проканцлеръ, ректоръ, деканы факультетовъ и другіе университетскіе преподаватели и чины. Слѣдовали королевскіе статсъ-секретари и серафимовскіе кавалеры [1]), а далѣе разные высшіе сановники, военные и придворные, члены сеймовыхъ палатъ, юбилейные и почетные доктора и другія лица, выдающіяся по разнымъ отраслямъ общественной дѣятельности; наконецъ, уполномоченные отъ города, корпорація офицеровъ, духовные, училищные и земскіе чины. Когда всѣ расположились по своимъ мѣстамъ, ректоръ и деканы вышли изъ алтаря на встрѣчу подъѣхавшему къ церкви королю, который и занялъ вмѣстѣ съ кронпринцемъ приготовленныя для нихъ сѣдалища. Оба были въ мундирахъ съ голубыми лентами ордена Серафимовъ. При появленіи ихъ соборъ огласился псалмомъ, по окончаніи котораго архіепископъ-проканцлеръ взошелъ на каѳедру и, открывъ празднество молитвой, обозрѣлъ въ крупныхъ чертахъ прошлыя судьбы университета, выставляя особенно отношеніе его къ церкви, которая, въ лицѣ выше названнаго святителя ея Ульфсона, положила начало этому учрежденію. Когда замолкъ краснорѣчивый и сильный голосъ архіепископа, съ хоровъ пропѣта была торжественная кантата, замѣчательно хорошо исполненная при участіи нѣсколькихъ превосходныхъ мужскихъ и женскихъ соло. Послѣ привѣтственной латинской рѣчи ректора начались поздравленія. Прежде всего всталъ графъ Г. Гамильтонъ, какъ представитель первой камеры, и съ нѣсколькими депутатами сейма подошелъ къ каѳедрѣ, гдѣ произнесъ краткое привѣтствіе отъ сейма. Потомъ произошло движеніе въ рядахъ иностранцевъ, и представители заграничныхъ университетовъ и ученыхъ обществъ стали приносить свои поздравленія въ порядкѣ, противуположномъ тому, который принятъ былъ для процессіи. Трудно было слышать ихъ слова, такъ какъ говорившіе становились бокомъ къ публикѣ, обращаясь лицомъ къ ректору, остававшемуся на каѳедрѣ. „Прежде всѣхъ, говоритъ шведская газета, подошелъ профессоръ Бернскаго университета Кенигъ, потомъ проф. Дондерсъ изъ Утрехта, представлявшій также Амстердамскую академію наукъ; за-

[1]) Словомъ „статсъ-секретари“ я перевожу шведское названіе Statsråd (собственно государственные совѣтники), означающее лицъ, которыя составляютъ совѣщательное собраніе (государственный совѣтъ) при королѣ; ихъ всего десять; семеро изъ нихъ имѣютъ министерскіе портфели. Орденъ серафимовъ дается только высшимъ государственнымъ сановникамъ за особенныя заслуги.

тѣмъ проф. Пелличіони, представитель Болонскаго и Римскаго университетовъ; послѣ того приблизились семь или восемь русскихъ, въ болѣе или менѣе красивыхъ мундирахъ, подъ предводительствомъ академика Грота, говорившаго отъ имени своихъ соотечественниковъ" [1]). За этимъ тронулось нѣсколько пунцовыхъ мантій. Это были англичане и шотландцы, за которыхъ говорилъ проф. Бальфуръ изъ Эдинбурга. Послѣ британцевъ явились французы, изъ которыхъ профессора́ Буассье́ (Boissier) и Жеффруа (Geffroy) [2]) носили одежду французскаго Института — темный фракъ съ широкимъ свѣтло-зеленымъ шитьемъ на воротникѣ, абшлагахъ и сзади. Ихъ органомъ былъ Жеффруа. Затѣмъ высказалась Бельгія устами проф. Лавелэ, представителя Люттихскаго университета, а вслѣдъ за нимъ выступили австрійцы, предводимые проф. Гешлемъ (Heschl) изъ Вѣны. Отъ германскихъ университетовъ было около пятнадцати депутатовъ, и нѣкоторые явились въ оригинальныхъ нарядахъ. Во главѣ ихъ былъ проф. Вейэрштрасъ изъ Берлина; особенное вниманіе обращалъ на себя проф. Хютеръ (Hüter), ректоръ Грейфсвальдскаго университета, своею великолѣпной пурпуровой епанчой, съ богатымъ шитьемъ и широкой золотой бордюрой, и беретомъ того же цвѣта. Потомъ подошли представители университета Христіаніи, который чрезъ посредство своего ректора Обе́ра выразилъ братское сочувствіе къ Упсалѣ, гельсингфорсскіе депутаты со своимъ органомъ, ректоромъ Топеліусомъ, и представители Копенгагенскаго университета, за которыхъ говорилъ ректоръ его Панумъ. Послѣдними были два извѣстные исландца: проф. Гисласонъ и д-ръ Вигфуссонъ; ими окончился рядъ поздравителей отъ иностранныхъ университетовъ и ученыхъ обществъ. Почти всѣ депутаты передавали стоявшему передъ каѳедрой секретарю университета письменные адресы въ изящныхъ футлярахъ, а нѣкоторые, кромѣ того, и другіе подарки, особенно книги въ роскошныхъ переплетахъ; ихъ клали на стоявшій передъ каѳедрой столъ, который наконецъ весь былъ покрытъ

[1]) Мое привѣтствіе было очень коротко. Отъ имени такихъ-то учрежденій, сказалъ я (всѣ они были мною перечислены) имѣю честь, какъ представитель Императорской Академіи наукъ и какъ выборный органъ остальныхъ русскихъ депутацій, принести древнему и почтенному Упсальскому университету самыя сердечныя поздравленія и искреннія пожеланія о продленіи его благоденствія и счастливомъ развитіи всѣхъ отраслей его организаціи. Да продолжаетъ онъ съ честію и славою свое плодотворное стремленіе къ высокой цѣли содѣйствовать приращенію знаній въ человѣчествѣ". Къ числу русскихъ учрежденій, депутаты которыхъ были на лицо, я прибавилъ Московскій университетъ по слѣдующему поводу: въ самое утро праздества полученъ былъ въ Упсалѣ адресъ этого университета, и профессоръ Фрисъ, на имя котораго онъ былъ доставленъ, просилъ меня включить Москву въ число русскихъ городовъ, приславшихъ поздравленія.

[2]) Г. Жеффруа давно знаетъ Швецію и извѣстенъ тамъ по сочиненію, которое издалъ объ этой странѣ.

этими приношеніями. Послѣ стало извѣстно, что французскими депутатами Упсальскому университету поднесено такихъ подарковъ на 15.000 франковъ.

Послѣ иностранцевъ къ каѳедрѣ подходили съ поздравленіями еще болѣе многочисленные представители шведскихъ академій и другихъ учрежденій, и нѣкоторые изъ нихъ читали по рукописямъ весьма длинныя привѣтствія, — между прочимъ проф. и ректоръ Льюнггренъ отъ Лундскаго университета, проф. Беттигеръ отъ Шведской академіи, проф. Гласъ отъ Упсальскаго ученаго общества.

Въ заключеніе ректоръ вторично взошелъ на каѳедру и прочелъ на шведскомъ языкѣ рѣчь „о могуществѣ знанія", которая, къ сожалѣнію, такъ же мало слышна была, какъ и прежняя, латинская рѣчь его. Наконецъ пропѣтъ былъ финалъ кантаты. Весь актъ окончился только въ два часа слишкомъ.

Сколько именно человѣкъ было въ этотъ день въ соборѣ, трудно опредѣлить съ точностью; увѣряли, что число однѣхъ дамъ простиралось отъ 1.200 до 1.300. Около 600 мѣстъ было предоставлено частнымъ лицамъ, а если прибавить студентовъ и участвовавшихъ въ процессіи, то можно навѣрное сказать, что всѣхъ присутствовавшихъ было отъ 3.500 до 4.000.

6.

Въ началѣ 4-го часа всѣ депутаты и другіе почетные гости собрались, въ тѣхъ же парадныхъ костюмахъ, на обѣдъ въ описанный выше обширный павиліонъ ботаническаго сада. При входѣ въ столовую, одинъ изъ маршаловъ вручалъ всякому гостю печатный листъ, на которомъ очень остроумнымъ способомъ, однѣми надписями именъ, означено было какъ расположеніе столовъ, такъ и мѣсто, назначенное каждому изъ трехсотъ приглашенныхъ. Все устройство по съѣстной части взялъ на себя лучшій упсальскій рестораторъ г. Сванфельтъ по цѣнѣ 20 кронъ съ куверта, включая и вино. Справедливость требуетъ упомянуть, что онъ во всѣхъ отношеніяхъ вполнѣ оправдалъ довѣріе, оказанное ему университетомъ и городомъ, на счетъ которыхъ было угощеніе.

Въ верхнемъ концѣ залы поставленъ былъ столъ въ формѣ подковы съ сорока́ двумя приборами. Въ серединѣ на главномъ мѣстѣ сидѣлъ король; вправо отъ него: кронпринцъ, графъ Де-Геръ (первый министръ), датскій министръ Неллеманъ, оберштатгалтеръ Угглясъ, статсъ-секретари Фальсенъ и Лове́нъ. Между послѣднимъ и президентомъ гофгерихта Бергомъ было мое мѣсто, а послѣ г. Берга сидѣли депутаты: двухъ германскихъ и Гельсингфорсскаго университетовъ. По лѣвую сторону короля сидѣли: государственный маршалъ Спарре, министръ Бьёрншерна, два статсъ-секретаря, а за ними депутаты: Пелличіони, Буассье́, Льюнггренъ, Панумъ (три ректора университетовъ) и Мадвигъ. По другую, вогнутую сторону стола, противъ короля, было

мѣсто ректора между канцлеромъ и проканцлеромъ университета, а вправо и влѣво отъ нихъ сидѣли сперва статсъ-секретари, а потомъ профессора́ университетовъ Христіаніи, Страсбурга (оба послѣдніе — ректоры), Кембриджа и проректоръ Упсальскаго. Только-что сѣли, сквозь стеклянный потолокъ неожиданно засіяло солнце, и какъ нарочно лучи его падали на короля и большую часть сидѣвшихъ за тѣмъ же столомъ. Пришлось уклоняться отъ этого рѣдкаго въ дни юбилея гостя, котораго появленія въ эту минуту никто не предусмотрѣлъ, и потому не было принято никакихъ мѣръ для защиты отъ его безпокойнаго, хотя въ другое время и отраднаго посѣщенія. Впрочемъ оно потревожило насъ не надолго. Во время стола я могъ вести весьма интересную бесѣду съ моими двумя любезными и словоохотными сосѣдями. Ближе къ концу обѣда одинъ изъ нихъ шепнулъ мнѣ, что его величество, поднявъ свою рюмку, по шведскому обычаю пьетъ мое здоровье, что́ было знакомъ особеннаго вниманія къ представителю Россіи, тѣмъ болѣе, что я еще не былъ представленъ королю. Представилъ меня послѣ обѣда министръ иностранныхъ дѣлъ, бывшій прежде въ Петербургѣ шведскимъ посланникомъ, г. Бьёрншерна.

Остальные гости и члены университета расположились за четырьмя другими ме́ньшими столами, которые были поставлены параллельно одинъ къ другому вдоль залы.

Когда пришла пора тостовъ, то ректоръ Упсальскаго университета проф. Сали́нъ провозгласилъ здоровье короля. Въ сказанной при этомъ рѣчи онъ припомнилъ милости, оказанныя его величествомъ университету, и особенно даръ, пожалованный ему въ этотъ самый день (40.000 кронъ на стипендіи) [1]). Оркестръ сыгралъ народный гимнъ, и съ горы замка раздался салютъ. Въ то же время разносимы были стихи въ честь короля, написанные деканомъ философскаго факультета проф. Нюбломомъ.

Затѣмъ король Оскарь II, поднявшись съ своего кресла, произнесъ, въ отвѣтъ ректору, слѣдующую рѣчь [2]).

[1]) Вотъ рескриптъ, послѣдовавшій на имя университета:

Въ изъявленіе моихъ чувствъ при празднованіи 400-лѣтняго юбилея Упсальскаго университета, признательно вспоминая все сдѣланное этимъ высшимъ училищемъ для отечественной науки и въ залогъ моего намѣренія содѣйствовать будущему развитію университета, я жалую ему въ даръ 40.000 кронъ.

Этою суммою академическая консисторія имѣетъ располагать какъ неприкосновеннымъ капиталомъ, съ котораго проценты должны быть употребляемы на пособія авторской дѣятельности молодыхъ ученыхъ, на основаніяхъ, какія, по истребованіи о томъ мнѣнія канцлера, будутъ впослѣдствіи мною опредѣлены.

Упсала, 5 сентября 1877.

Оскаръ.

[2]) Она напечатана въ подлинникѣ по копіи, испрошенной у самого короля Оскара II. Это относится и къ приводимымъ ниже другимъ двумъ рѣчамъ его.

„Какъ всякій отдѣльный человѣкъ въ продолженіе своей жизни собираетъ сокровища опыта, такъ и народы. Это ихъ исторія.

„Изъ груди матери младенецъ почерпаетъ свою первую пищу. Почти инстинктивная любовь къ „alma mater", которую мы зовемъ родиной, даетъ начало общественной жизни.

„Ребенокъ любитъ слушать чудесную сказку изъ устъ матери. Первыя воспоминанія человѣческихъ обществъ бываютъ одѣты въ яркій нарядъ героическихъ преданій и народныхъ сказокъ.

„Подрастающее дитя выноситъ изъ школы познанія и уроки болѣе опредѣленнаго свойства, сообщаемые по правильному плану, отвѣчающіе уже, лучше сказокъ, его возрасту и будущему назначенію. Такъ и опытность народовъ, сбрасывая покровъ сказочнаго міра, выводитъ болѣе ясныя руны на страницахъ лѣтописи. Всѣ общественныя отношенія принимаютъ болѣе опредѣленныя и правильныя формы.

„Созрѣвая для самостоятельной дѣятельности, юноша вступаетъ въ свѣтъ. Многимъ при этомъ дается счастіе расширять предѣлы своего образованія болѣе свободнымъ университетскимъ ученіемъ и такимъ образомъ довершать трудъ своего юношескаго воспитанія. Такъ и народы въ теченіе столѣтій болѣе и болѣе растутъ въ силѣ мужественнаго самосознанія и зрѣютъ къ подвигамъ цивилизаціи.

„Этой-то степени своего историческаго развитія, какъ я полагаю, достигъ шведскій народъ въ то время, къ которому сегодняшнее многознаменательное торжество естественно переноситъ мысли наши.

„Сказочный періодъ давно миновался. Свѣтъ христіанства загорѣлся и на дальнемъ Сѣверѣ, разсѣвая мракъ язычества, умиротворяя его дикую вражду, смягчая его грубые нравы, неся въ своихъ нѣдрахъ новыя сѣмена человѣческой культуры. Все далѣе основывались новыя селенія, пролагались новые пути черезъ лѣса и горы, раздѣлявшіе первоначально-воздѣланныя поля.

„Этимъ самымъ рушилась преграда между отдѣльными провинціями и уничтожено было главное жизненное условіе стариннаго союзнаго устройства. Государство незадолго передъ тѣмъ получило свое первое общее законодательство. Народъ сталъ чувствовать себя взрослымъ и единымъ. Однакожъ — или, лучше, именно поэтому — онъ чувствовалъ, что ему недостовало *чего-то* для засвидѣтельствованія и довершенія единства. Такъ возникла и созрѣла мысль объ основаніи въ Швеціи высшаго училища.

„Чѣмъ оно стало, что оно сдѣлало для дорогого отечества, о томъ неопровержимо свидѣтельствуютъ бытописанія. О томъ твердятъ такія имена, какъ Эрикъ Олаи, Іоаннъ Шитте, Олавъ Рудбекъ, Карлъ Линней, Эрикъ Густавъ Гейэръ и многія иныя дорогія имена, которыя вокругъ насъ украшаютъ стѣны этой залы. Всѣ эти знаменитые мужи живутъ въ благодарной памяти потомства, и славный примѣръ ихъ призываетъ сыновъ Швеціи довершать дѣло, ими начатое.

„Пусть же Упсальскій университетъ, празднуя свой 400-лѣтній юбилей, одушевляется этою высокою мыслію. Изъ глубины души я, отъ имени Швеціи, высказываю это желаніе, убѣжденный, что его исполненіе составляетъ важное условіе славы отечества и счастія народа. Господь, отъ Котораго исходитъ всякое благое даяніе, да ниспошлетъ на то Свое благословеніе!

„На этомъ праздникѣ я поднимаю свой бокалъ въ память 400-лѣтняго существованія Упсальскаго университета, за его постоянное усовершенствованіе въ наши дни, за его честь и благоденствіе въ грядущіе вѣки"!

Эта рѣчь, произнесенная твердымъ и яснымъ голосомъ, произвела на слушателей сильное впечатлѣніе, и раздавшіеся по окончаніи ея взрывы *ура* были совершенно искренни. Сосѣди мои, шведскіе государственные люди, удивлялись, какъ это король, имѣвшій такъ мало времени посреди суеты этихъ дней, послѣ утомительнаго путешествія, успѣваетъ приготовлять такія рѣчи, отличающіяся не только своимъ содержаніемъ, но и литературною отдѣлкой.

Послѣ этого ректоръ привѣтствовалъ иностранныхъ гостей краткою латинскою рѣчью, въ которой между прочимъ сказалъ: „Vos saluto, mecum omnes Sueci vos salutant" (я, а со мною и всѣ шведы привѣтствуемъ васъ). На этотъ тостъ, по состоявшемуся накапунѣ опредѣленію всѣхъ депутацій, отвѣчалъ по-латыни же датскій профессоръ, конференцъ-совѣтникъ Мадвигъ, показавшій при этомъ, какъ ловко и искусно можно безъ всякаго педантизма выражаться на языкѣ Цицерона и Виргилія. Въ своей отчасти юмористической рѣчи, принятой слушателями съ частыми изъявленіями одобренія и веселости, онъ привелъ отзывы Тацита о грубости древнихъ германцевъ и суровости ихъ страны, въ противоположность съ нынѣшнею привѣтливостью скандинавскаго Сѣвера. Иностранные депутаты, замѣтилъ онъ, просили меня отвѣчать за нихъ; но, по-мо́ему, я не совсѣмъ гожусь на это: „neque mihi videor peregrinus esse neque alienigena" (мнѣ кажется, что я ни пришлецъ, ни чужеземецъ). Но южане по-сво́ему представляютъ себѣ положеніе вещей на Сѣверѣ и медвѣжьи шкуры сѣверныхъ жителей (pelles ursinae). Иноземцевъ, по его словамъ, привлекла сюда не одна слава, пріобрѣтенная Швеціею въ ученомъ мірѣ, не одни знаменитыя имена ея представителей въ наукѣ, но и радушіе, которымъ отличаются шведы. Въ заключеніе ораторъ предложилъ по-французски тостъ въ честь шведскаго гостепріимства.

Тостъ за туземныхъ почетныхъ гостей былъ провозглашенъ, въ довольно длинной шведской рѣчи, проректоромъ Упсальскаго университета профессоромъ Геденіусомъ. Отвѣчалъ первый министръ, графъ Де-Геръ, при чемъ выразилъ, какъ много всѣ присутствующіе соотечественники должны считать себя обязанными университету, и кон-

чилъ желаніемъ, чтобъ и позднѣйшія поколѣнія имѣли причину ликовать, что у Швеціи есть — Упсала.

7.

Одновременно съ почетными представителями ученыхъ учрежденій всей Европы пировали и упсальскіе студенты со своими гостями, съѣхавшимися въ званіи представителей студенческихъ корпорацій всѣхъ другихъ скандинавскихъ университетовъ, также Грейфсвальдскаго, Финляндскаго и Дерптскаго, нѣкогда принадлежавшихъ Швеціи. За неимѣніемъ достаточно просторной залы, столы должны были размѣститься въ разныхъ этажахъ и комнатахъ клуба (Gillet); хозяева и гости по необходимости раздѣлились на группы, въ которыхъ бесѣда могла развиваться тѣмъ дружнѣе и сердечнѣе. Во все время стола игралъ оркестръ лейбъ-драгунскаго полка. Послѣ обѣда всѣ отправились со знаменами и пѣснями въ изящный ресторанъ Флюстретъ (имя это значитъ: входъ въ улей), гдѣ назначено было провести остальную часть вечера. Здѣсь расположились частью въ комнатахъ, частью на воздухѣ, гдѣ передъ фонтаномъ устроена была эстрада для хора университетскихъ пѣвцовъ. Когда они пропѣли пѣснь: „Послушай насъ, Свея", начались тосты и рѣчи. Первое блестящее привѣтствіе гостямъ сказалъ предсѣдатель корпораціи студентовъ доцентъ Афцеліусъ; онъ кончилъ тостомъ за университетъ и выразилъ желаніе, чтобы всѣ его члены старались быть достойными своей 400-лѣтней Alma mater по примѣру предковъ. Потомъ начались тосты за другіе имѣвшіе здѣсь своихъ представителей университеты, за всѣ вмѣстѣ и за каждый отдѣльно, а затѣмъ пропѣта была финляндская пѣснь „Нашъ край". По окончаніи этой части пира, въ половинѣ 7-го, студенты со своими знаменами и съ пѣснями отправились въ ботаническій садъ привѣтствовать почетныхъ гостей университета. Тамъ они заняли обширное полукружіе передъ сѣнями оранжереи, гдѣ расположились гости. Говорилъ опять доцентъ Афцеліусъ; послѣ короткаго отвѣта, сказаннаго по-французски однимъ изъ иностранныхъ депутатовъ (представителемъ Рима и Болоньи, проф. Пелличіони), упсальскіе студенты пропѣли нѣкоторыя изъ лучшихъ своихъ пѣсенъ. Въ девять часовъ они разошлись по отдѣльнымъ помѣщеніямъ каждой націи въ разныхъ частяхъ города; всѣмъ иностранцамъ открытъ былъ доступъ въ эти студенческія собранія, и здѣсь-то они могли ознакомиться съ одною изъ самыхъ своеобразныхъ сторонъ быта шведскихъ студентовъ, который, развившись подъ вліяніемъ особенныхъ домашнихъ преданій, представляетъ, какъ самую отличительную изъ своихъ чертъ, соединеніе полнаго самоуправленія и большой свободы съ соблюденіемъ удивительнаго порядка и благочинія. Здѣсь многіе изъ пріѣзжихъ, переходя отъ одной націи къ другой вмѣстѣ съ канцлеромъ университета и рек-

торомъ, съ особеннымъ интересомъ увидѣли студентовъ въ ихъ внутренней, домашней жизни, — видѣли, какъ они веселятся и поютъ, не позволяя себѣ никакихъ крайностей, и слышали ихъ рѣчи, одушевленныя патріотизмомъ и горячею любовью къ своей древней духовной кормилицѣ. Въ залѣ одной изъ націй самъ ректоръ, въ присутствіи иностранныхъ посѣтителей, засвидѣтельствовалъ, какъ благородно держатъ себя упсальскіе студенты. Къ объясненію этого служитъ отчасти тѣсная связь, существующая между всѣми сословіями Швеціи и ея главнымъ университетомъ. Въ такомъ же отношеніи къ нему находятся самъ король, нѣкогда посѣщавшій его аудиторіи, и кронпринцъ, который и теперь принадлежитъ, въ званіи почетнаго члена, къ корпораціи студентовъ.

Въ этотъ вечеръ онъ посѣтилъ свою Вермландскую націю, гдѣ его привѣтствовалъ кураторъ ея, доцентъ Гейэръ. Его высочество выразилъ свою благодарность за тостъ и надежду, что связь, образовавшаяся въ прошлый семестръ между нимъ и упсальскими студентами, еще укрѣпится въ наступающій академическій годъ. Потомъ кронпринцъ заходилъ и къ нѣкоторымъ другимъ націямъ. Тѣ изъ нихъ, которыя еще не имѣютъ своихъ отдѣльныхъ помѣщеній или которыя помѣщаются слишкомъ далеко, собраны были въ клубѣ; онѣ между прочимъ принесли овацію бывшему министру просвѣщенія Веннербергу (который самъ поэтъ и композиторъ): сперва пропѣли его пьесу „Послушай насъ, Свея“, а потомъ въ тріумфѣ носили его на рукахъ вокругъ залы, при чемъ пѣли пѣснь: „Пойте про счастье студенческихъ дней“.

Въ числѣ посѣтителей собраній студентовъ въ этотъ вечеръ находился нашъ почтенный сочленъ О. В. Струве, который, бывъ передъ тѣмъ на астрономическомъ конгрессѣ въ Стокгольмѣ, присутствовалъ также, въ качествѣ гостя, на упсальскихъ празднествахъ. Корреспондентъ газеты „Aftonbladet“, упоминая о встрѣчавшихся въ собраніяхъ „націй“ именитыхъ иностранцахъ, говоритъ между прочимъ: „Я слышалъ, какъ въ одной изъ залъ т. сов. Струве, знаменитый астрономъ, начальникъ Пулковской обсерваторіи, въ нѣмецкой рѣчи, сказанной прекрасно и вмѣстѣ просто, изобразилъ неизгладимыя воспоминанія, связывающія Дерптскій университетъ, гдѣ ораторъ получилъ свое ученое образованіе, съ болѣе древнимъ Упсальскимъ училищемъ. Въ залѣ другой націи проф. Бугге, изъ Христіаніи, говорилъ о красотѣ и достоинствѣ шведскаго языка; въ третьей директоръ училищъ Гіэртсенъ, оттуда же, сказалъ блестящую рѣчь объ исторической почвѣ, которую норвежецъ, сынъ юной націи, встрѣчаетъ вездѣ въ Швеціи, и о томъ вліяніи, какое великія имена и памятники минувшихъ столѣтій должны оказывать на молодыя поколѣнія“.

Во весь вечеръ до самой полуночи Упсала была какъ будто залита огнями; во всѣхъ безъ исключенія окнахъ горѣли свѣчи, что́ особенно

поразило французовъ, не видавшихъ прежде этого рода иллюминаціи; даже и самый бѣдный студентъ, говоритъ одна стокгольмская газета, зажегъ въ своей каморкѣ лампу, при которой работалъ по ночамъ. Одинова роща сіяла яркимъ свѣтомъ; соборъ и церковь Троицы были также освѣщены. Между тѣмъ въ паркѣ замка, при свѣтѣ разноцвѣтныхъ фонарей, гремѣла полковая музыка. Всѣ улицы были унизаны шкаликами, и толпы народа не переставали двигаться во всѣхъ направленіяхъ.

8.

Торжественный актъ второго дня, 25-го августа (6-го сентября), посвященъ былъ *промоціямъ*. Такъ называется въ скандинавскихъ странахъ сопровождаемое извѣстными обрядами возведеніе въ ученую степень магистра и доктора. Въ шведскихъ университетахъ, Упсальскомъ и Лундскомъ, обѣ степени соединены, и потому всякая промоція бываетъ докторскою. На этотъ разъ раздача докторской степени, обыкновенно повторяющаяся черезъ каждые четыре года, должна была происходить въ тотъ же день по всѣмъ четыремъ факультетамъ. Она всегда поручается декану или кому-нибудь изъ старшихъ профессоровъ, который и называется *промоторомъ*; за нѣсколько времени до самаго акта, онъ обязанъ напечатать и разослать такъ называемую программу промоціи съ какимъ-нибудь ученымъ разсужденіемъ или изслѣдованіемъ. Философскій факультетъ, довершающій гуманитарное образованіе, которое должно быть предварительно пріобрѣтено для исканія степени по другимъ спеціальнымъ факультетамъ, соблюдаетъ при промоціяхъ свои особенные обряды: промоторъ, стоя на каѳедрѣ, надѣваетъ на подходящихъ къ нему по очереди докторантовъ лавровый вѣнокъ и вручаетъ имъ кольцо, какъ знакъ окончательнаго обрученія ихъ съ наукою. По другимъ факультетамъ промоторъ раздаетъ, вмѣсто этого, докторскія шляпы; напередъ же самъ, послѣ сказанной имъ рѣчи, надѣваетъ себѣ на голову такую же шляпу, въ свое время имъ полученную. Кто, послѣ подобнаго возведенія въ степень, проживетъ 50 лѣтъ, тотъ при первой затѣмъ промоціи приглашается къ возобновленію этой почести, и, какъ „юбилейный докторъ" (jubeldoktor), снова получаетъ вѣнокъ или шляпу. Давно уже и неоднократно была рѣчь объ отмѣнѣ этихъ средневѣковыхъ обрядовъ, но мнѣніе людей, которые видятъ въ нихъ поэтическую сторону и нравственное значеніе, до сихъ поръ одерживало верхъ. Говорятъ, однакожъ, что съ нынѣшнимъ юбилеемъ они навсегда прекратятся. Какъ бы ни было, на этотъ разъ положено было отпраздновать упсальскія промоціи въ полномъ ихъ блескѣ. По случаю юбилея, онѣ должны были имѣть мѣсто въ храмѣ, куда, къ 10 часамъ утра, и направилась безконечная процессія, собравшаяся тамъ же и такимъ же образомъ, какъ вчера, послѣ такого же предварительнаго возвѣщенія торжества пушечною пальбою

и колокольнымъ звономъ. Только порядокъ шествія и размѣщенія въ церкви нѣсколько отличался отъ вчерашняго, т. е. послѣ студенческой дирекціи и почетныхъ гостей слѣдовали, вмѣсто депутатовъ, промоторы всѣхъ 4-хъ факультетовъ, доктора юбилейные, почетные и докторанты; къ тому же составлявшія процессію лица шли теперь не по два, а по три въ рядъ. Промоторы расположились вокругъ каѳедры, а на парнасѣ (эстрадѣ) помѣстились вправо отъ нея доктора философіи, а влѣво — другихъ факультетовъ. Шествіе заканчивали университетскіе члены, статсъ-секретари, кавалеры ордена Серафимовъ и проч. Въ соборѣ процессія была встрѣчена великолѣпнымъ маршемъ. Вскорѣ вошелъ король съ кронпринцемъ и свитою, въ которой главное мѣсто занимали вышедшіе опять навстрѣчу къ нимъ университетскіе чины. Король на этотъ разъ былъ во фракѣ съ голубою лентой Серафимовъ по жилету. На бархатномъ воротникѣ была лира (мундирная форма профессоровъ), а на груди его величество, какъ и всѣ доктора философіи, носилъ въ этотъ день маленькій лавровый вѣнокъ. Такимъ же образомъ былъ одѣтъ и кронпринцъ. По вступленіи ихъ въ церковь, съ хоровъ грянула сочиненная на этотъ случай прекрасная кантата. Музыка ея принадлежала капельмейстеру, профессору Іозефсону, а слова одному изъ наиболѣе популярныхъ въ настоящее время шведскихъ писателей, Виктору Рюдбергу, который самъ долженъ былъ въ этотъ день получить здѣсь званіе почетнаго доктора. Наканунѣ ему оказана была студентами особенная почесть: депутація изъ 5 кандидатовъ докторской степени явилась къ нему и поднесла отъ имени прочихъ магистерское кольцо (значеніе этой эмблемы объяснено уже выше).

По общему восторгу, который кантата г. Рюдберга возбудила въ Швеціи, она заслуживаетъ перевода, хоть въ прозѣ; поэтическая сторона ея при этомъ конечно пропадетъ, но смыслъ останется, а онъ очень характеризуетъ господствующее въ Швеціи вообще и въ университетѣ настроеніе.

Хоръ.

„Изъ ночного мрака временъ, о человѣчество, ты въ теченіе вѣковъ идешь по тропамъ пустыни къ сокрытой для тебя цѣли. Твой день — одна полоска тусклаго и слабаго свѣта, за ней ты видишь туманъ, а далѣе ночь! И тамъ, гдѣ ты проходишь, валятся поколѣнія, и ты съ трепетомъ спрашиваешь: Господь всемогущій! Куда ведетъ мой путь?

„Въ явленіяхъ земли намъ видно, что все здѣсь непрочно, а когда твой пытливый взоръ устремляется къ небу, ты открываешь и тамъ, что пути звѣздъ сокращаются и гибнутъ міры и солнечныя системы потухаютъ въ пучинахъ эѳира. Ты слышишь кликъ: все тлѣнно; и время и пространство — ужасная, безпредѣльная темница.

Речитативъ.

„И однакожъ, погрузившись въ сомнѣніе и въ мрачной думѣ пріостановясь въ пути, ты снова хватаешь зна́мя и безстра́шно несешь его чрезъ пусты́ню. Но, что же въ томъ, что передъ глазами наблюдателя солнца тысячами сметаются съ тверди? Что же въ томъ, что жатвы звѣздъ, какъ золотое жито, скашиваются косою времени? То, что́ ты мыслилъ правдиво, чего желалъ съ любовью, прекрасное, о чемъ мечталъ, не можетъ быть уничтожено временемъ: это жатва, которая у него отнимается, ибо она принадлежитъ царству вѣчности. Иди же впередъ, человѣчество! Радуйся, утѣшайся, ибо ты носишь въ груди своей вѣчность!

Аріозо.

„Каждая душа, томимая стремленіемъ къ тому, что благородно и истинно, носитъ и чувствуетъ въ глубинѣ своей залогъ вѣчности. Если ты забудешь все своекорыстное, если образъ Божій съ каждымъ поколѣніемъ будетъ въ тебѣ становиться совершеннѣе, то какъ бы ни далеко простиралась пустыня, ты наконецъ достигнешь Іордана.

Богословіе.

„Сомнѣваешься ли ты, что тамъ вдали ждетъ обѣтованная земля? Изнуренъ ли ты жаждою, падаешь ли безнадежно на горячій песокъ? Посмотри, жезлъ Моисея извлекаетъ воду изъ каменной скалы: — итакъ впередъ по пустынѣ, Израиль человѣчества! Эта скала — о чудо! — слѣдуетъ за тобой, куда ты ни идешь. Преклони колѣно при ея потокахъ, радуйся, ка́къ ея чистая струя освѣжаетъ тебя дивной силой на твоемъ странствіи!

Правовѣдѣніе.

„Какъ предъ горячимъ вѣтромъ пустыни крутятся облака пыли, такъ Израиль отъ Хорева несся разрозненными толпами. Можетъ ли шествіе достигнуть Іордана, когда въ немъ нѣтъ порядка? Посмотри, вонъ къ небу подъемлется озаренный молніями Синай! Горы и долины оглашаются гуломъ грома и голосомъ закона, и отзвукъ изъ груди изумленнаго человѣка отвѣчаетъ: аминь. И съ тѣхъ поръ, какъ явился глашатай закона, разрозненныя толпы растутъ, вырастаютъ въ прекрасное царство, въ священный народъ.

Медицина.

„Уже вокругъ скиніи закона объединенный народъ продолжаетъ свой путь, пробивается мечемъ и копьемъ къ Іордану свободы. Но отчего же блѣднѣютъ толпы бойцовъ? Отчего пало знамя? Коварные змѣи недуга опустошаютъ ряды войска. Гдѣ же спасеніе? Вотъ спа-

сеніе! Взгляни на данное Господомъ знаменіе; посмотри, какъ блещетъ мѣдный змѣй, обвиваясь вкругъ жезла пророка! И какъ Израиль избавленъ священнымъ символомъ, пусть идетъ здоровое, крѣпкое племя къ цѣли человѣчества!

Философія.

„Иди, мудрое, прекрасное племя, къ цѣли, предназначенной Господомъ! Но какъ найти истинный путь сквозь видѣнья марева и мракъ ночи? Посмотри, огненный столпъ указываетъ дорогу, когда ее скрываетъ мракъ: это свѣтъ мысли, свѣтящій народу сквозь царство ночи. Посмотри, въ знойный день передъ нами движется облачный столпъ; но облако соткано изъ идеаловъ; въ немъ духъ Господень. Пророкъ стоитъ на горѣ поэзіи, и ликуя возглашаетъ съ вершины: Іерусалимъ виденъ вдали. Впередъ къ отечеству!“—

Когда замолкла музыка, началась промоція докторовъ богословія. Надобно замѣтить, что по одному этому факультету докторская степень дается не иначе, какъ съ утвержденія верховной власти, и на этотъ разъ король пожаловалъ въ доктора 38 пасторовъ. Сто́итъ также припомнить, что первая промоція по этому факультету происходила въ 1617 году, и что программа къ ней составлена была по-латыни знаменитымъ королемъ-героемъ Густавомъ II Адольфомъ, а обрядъ промоціи совершалъ славный Оксенштерна. Въ нынѣшній разъ промоторомъ, по назначенію короля, былъ архіепископъ. Вступивъ на каѳедру, стоявшую въ серединѣ пространства передъ алтаремъ, онъ сказалъ небольшую латинскую рѣчь, относившуюся къ исторіи дѣла; потомъ, въ знакъ исполненія своей обязанности, при пушечныхъ выстрѣлахъ накрылся докторскою шляпой и приступилъ къ самому акту промоціи, надѣвая такія же шляпы на подходившихъ къ нему пасторовъ. Каждый изъ нихъ, получивъ, сверхъ того, изъ рукъ промотора дипломъ, сходилъ съ эстрады и, поровнявшись съ кресломъ короля, снималъ шляпу и кланялся, при чемъ удостоивался въ отвѣтъ то легкаго наклоненія головы, то привѣтливой улыбки, то даже милостиваго слова.

Когда затѣмъ пропѣта была строфа кантаты г. Рюдберга, посвященная богословію, на каѳедру взошелъ промоторъ юристовъ; послѣ него тотъ же актъ былъ поочередно совершаемъ по двумъ остальнымъ факультетамъ, медицинскому и философскому. По каждому являлись прежде почетные доктора, потомъ заслужившіе степень узаконеннымъ путемъ; въ числѣ первыхъ по юридическому факультету было болѣе двадцати высшихъ шведскихъ сановниковъ, также нѣсколько государственныхъ людей и ученыхъ изъ Норвегіи, Финляндіи и Даніи. По факультетамъ медицинскому и философскому было, кромѣ того, довольно много юбилейныхъ докторовъ, съ которыхъ и начиналась

церемонія. Изъ этихъ стариковъ однако-же многихъ не было на лицо; изъ присутствовавшихъ особенное вниманіе обращалъ на себя маститый, но еще вовсе не дряхлый, пасторъ Гумеліусъ, изъ города Эребро: онъ получилъ степень доктора философіи въ 1815 году, и уже на промоціи 1866 былъ вторично увѣнчанъ, а теперь въ третій разъ принималъ лавровый вѣнокъ. Кстати надо здѣсь прибавить, что всѣ участвовавшіе въ процессіи, даже иностранные депутаты, имѣвшіе званіе доктора, передъ выходомъ изъ зданія Carolina Rediviva, получили и съ тѣхъ поръ въ остальное время юбилея носили на груди по маленькому лавровому вѣнку. Сверхъ того, къ одеждѣ каждаго участника празднествъ приколота была особая желто-голубая розетка. Эти знаки имѣли на себѣ и король съ кронпринцемъ. Всѣ, только-что произведенные или обновленные доктора, подобно богословамъ, проходили съ поклономъ передъ его величествомъ. Во время раздачи вѣнковъ почетнымъ докторамъ философіи, промоторъ г. Нюбломъ, даровитый профессоръ эстетики (прочитавшій потомъ прекрасные, имъ написанные къ этому дню стихи), произвелъ большой эффектъ одною неожиданной выходкой: въ числѣ предназначавшихся къ возведенію въ почетные доктора былъ недавно умершій въ Финляндіи, чрезвычайно популярный у шведовъ поэтъ Рунебергъ; сказавъ о немъ нѣсколько сочувственныхъ словъ, г. Нюбломъ высоко поднялъ и потомъ отложилъ въ сторону приготовленный для него вѣнокъ. Это всѣмъ очень понравилось.

По окончаніи промоцій, одинъ изъ университетскихъ богослововъ, взошедъ на ту же каѳедру, прочелъ молитву. Послѣ возобновленной музыки и пропѣтаго на хорахъ, при участіи всѣхъ присутствовавшихъ, псалма, уже въ 3-мъ часу, стали выходить изъ храма.

9.

Теперь опять предстоялъ обѣдъ въ ботаническомъ саду, куда многіе и отправились прямо изъ церкви. По множеству приглашенныхъ, которыхъ число на этотъ разъ достигало 2.500, приготовлено было до 53-хъ столовъ, и для выигранія мѣста они были разставлены иначе, нежели въ предыдущій день. За главнымъ, стоявшимъ поперекъ зала, опять сидѣли король съ кронпринцемъ почти въ той же обстановкѣ, какъ наканунѣ. Само собою разумѣется, что въ оба дня во время обѣда играла музыка. Удивительно было, какъ при такомъ множествѣ гостей господствовалъ полнѣйшій порядокъ: сотня слугъ исполняла свое дѣло, какъ по командѣ. Рѣчей на обѣдѣ не полагалось; были только тосты въ честь короля, за здравіе канцлера, проканцлера и ректора университета. Свобода говорить была отложена до времени послѣ обѣда; депутатамъ, еще при общемъ ихъ совѣщаніи по пріѣздѣ (какъ выше упомянуто) было заявлено, что въ этотъ день, послѣ стола,

канцлеръ обратится ко всѣмъ имъ съ привѣтствіемъ и что тогда пріѣзжимъ предоставляется произносить рѣчи на какомъ языкѣ кто пожелаетъ.

Еще всѣ сидѣли за столомъ, когда входы въ ботаническій садъ открылись для народнаго гулянья, съ иллюминаціей и фейерверкомъ. Вдоль аллей горѣли разноцвѣтные фонари, стояли столы съ напитками; скоро по саду зашевелились въ разныхъ направленіяхъ массы людей, которыхъ число, какъ полагаютъ, составляло отъ 6 до 7000. Болѣе всего, однакожъ, толпы сосредоточивались передъ зданіемъ, гдѣ пировали гости; тамъ же, по окончаніи обѣда, тѣснились густыми рядами студенты въ своихъ бѣлыхъ фуражкахъ и пѣли пѣсни въ ожиданіи живого слова, которое должно было раздаться съ устроенной передъ фасадомъ бѣлой каѳедры. Между тѣмъ передъ нею расположилось стоя множество лицъ, пришедшихъ съ едва кончившагося пира; на самомъ первомъ планѣ, въ сторонѣ, стояли король съ кронпринцемъ. Послѣ краткаго привѣтствія проканцлера, стали всходить на эту каѳедру, одинъ за другимъ, многіе изъ пріѣзжихъ иностранцевъ: Лавелэ изъ Люттиха, Жеффруа изъ Парижа, Кенигъ изъ Берна, Дондерсъ изъ Утрехта, Панумъ изъ Копенгагена, Оберъ изъ Христіаніи, Топеліусъ изъ Гельсингфорса, Пелличіони изъ Болоньи, Брохъ изъ Христіаніи.

Вскорѣ послѣ начала этихъ рѣчей мнѣ было заявлено кѣмъ-то изъ университетскихъ властей желаніе, чтобы я сказалъ что-нибудь по-шведски. Взошедъ на каѳедру послѣ г. Кенига, я произнесъ на этомъ языкѣ слѣдующее:

„Какъ скоро Петербургская Академія наукъ получила дружелюбное приглашеніе Упсальскаго университета, тотчасъ ею были избраны два представителя, знакомые съ шведскимъ языкомъ. Этимъ Академія желала не только доказать свое давнишнее уваженіе къ заслугамъ великихъ ученыхъ Швеціи, способствовавшихъ къ развитію наукъ въ Европѣ, но также засвидѣтельствовать то высокое мнѣніе, которое вообще господствуетъ въ русскомъ обществѣ относительно шведской образованности.

„Извѣстно, что еще Петръ Великій умѣлъ цѣнить общественное устройство Швеціи и что оно послужило ему образцомъ при учрежденіи коллегій, которыя продолжали существовать до начала нынѣшняго столѣтія. Вслѣдствіе космополитическаго направленія нашей литературы съ середины XVIII вѣка, мы постепенно начали знакомиться съ миѳологіей и героическими сказаніями скандинавскихъ народовъ; наши поэты стали часто заимствовать свои образы изъ этого новаго для нихъ, величественнаго міра поэзіи. Около сорока лѣтъ тому назадъ въ нашихъ журналахъ начали появляться образчики исландской литературы, опыты переводовъ изъ древней Эдды, изъ сагъ, изъ Эленшлегера, Тегнéра, Стагнеліуса, Францéна, Рунеберга. Одинъ изъ нашихъ наиболѣе замѣчательныхъ поэтовъ, Жуковскій, который со-

провождалъ нынѣ царствующаго Государя въ его путешествіи по Швеціи, изобразилъ въ яркомъ очеркѣ эту чудную страну съ ея своеобразными красотами природы и памятниками древности. Такимъ образомъ недавно оказалось возможнымъ предпринять въ русскомъ переводѣ изданіе сборника произведеній скандинавской литературы, первая часть котораго, довольно объемистый томъ, уже вышла въ свѣтъ.

„Но самымъ лучшимъ доказательствомъ того уваженія, какое пріобрѣла у насъ шведская культура, можетъ служить покровительство, оказываемое нашими великодушными монархами, съ самаго присоединенія Финляндіи, законамъ, нравамъ и образованности этой страны, которымъ отдаетъ справедливость всякій, кто безпристрастно судитъ о нихъ. Да, русскіе, въ послѣднее время понявшіе многіе изъ недостатковъ своего общественнаго строя и такъ неутомимо стремящіеся къ своему соціальному и нравственному усовершенствованію, откровенно сознаютъ, что они многому въ этомъ отношеніи могутъ поучиться у своихъ сосѣдей, ранѣе ихъ вступившихъ на поприще просвѣщенія; но вмѣстѣ съ тѣмъ мы позволяемъ себѣ думать, что еслибъ наши сосѣди захотѣли покороче ознакомиться съ тѣмъ, что у насъ дѣлается, то они стали бы еще сочувственнѣе относиться къ доброму, даровитому, идущему впередъ русскому народу.

„Пользуюсь случаемъ высказать отъ имени моихъ соотечественниковъ искреннѣйшее желаніе, чтобы оба разноплеменные народа Сѣвера тѣснѣе между собой сблизились, чтобы между ними установился болѣе живой обмѣнъ мыслей и знаній, произведеній искусствъ и промышленности. При этомъ позвольте мнѣ выразить еще разъ самыя сердечныя и горячія пожеланія древнему, но еще полному жизни и силы упсальскому высшему училищу. Да продолжаетъ оно успѣшно свою славную дѣятельность, непрерывно совершенствуя всѣ отрасли наукъ и свое общественное благоустройство!“ [1]).

10.

Между другими произнесенными тутъ рѣчами особенно любопытны и знаменательны были тѣ, которыя исходили отъ представителей странъ, родственныхъ съ Швеціей по населенію или общимъ историческимъ воспоминаніямъ. Надо помнить, что между датчанами, норвежцами и шведами нѣкогда господствовала упорная вражда, и попытки политическаго объединенія этихъ трехъ народовъ никогда не удавались. Присоединеніе Норвегіи къ Швеціи послѣ наполеоновскихъ войнъ долго не улучшало отношеній между націями по обѣ стороны

[1]) Въ подлинникѣ эта рѣчь въ первый разъ была напечатана въ Nya Dagligt Allehanda 3 — 15 сентября.

Кёлена (Сканд. горъ). Но свойственное нашему вѣку стремленіе къ признанію выше всего правъ національности не могло не отозваться и на скандинавскихъ племенахъ. Взаимныя посѣщенія, въ громадныхъ размѣрахъ, студенческихъ корпорацій Стокгольма, Копенгагена и Христіаніи, къ которымъ, два года тому назадъ, позволено было присоединиться и гельсингфорсскимъ студентамъ, были только выраженіемъ общаго настроенія образованныхъ сословій, стремящихся къ возможно тѣсному объединенію этихъ странъ въ отношеніи къ языку, къ литературѣ и вообще къ духовнымъ интересамъ. Это стремленіе сильно выказалось и на упсальскихъ празднествахъ. Въ послѣобѣденныхъ рѣчахъ второго дня ректоръ университета Христіаніи, профессоръ правъ Обе́ръ, съ большимъ жаромъ и краснорѣчіемъ говорилъ, какъ необходимо младшему изъ скандинавскихъ университетовъ братски примкнуть къ старѣйшему, во всѣхъ отрасляхъ дѣятельности. Таковъ же былъ смыслъ сказанной тогда же рѣчи ректора Копенгагенскаго университета, проф. физіологіи Панума. Между прочимъ, онъ припомнилъ любопытное обстоятельство: что датскій и шведскій университеты чуть не *близнецы*, т. е. возникли почти одновременно — между первою и второю скандинавской уніей, среди ужасовъ племенной борьбы. „Я не историкъ, а физіологъ“, сказалъ онъ, „и потому знаю, какъ иногда трудно и даже невозможно въ точности опредѣлить возрастъ новорожденнаго ребенка, и всякому извѣстно, что часто еще труднѣе узнать, сколько лѣтъ немолодой женщинѣ. Поэтому неудивительно было бы, еслибъ оказалось не совсѣмъ легкимъ безошибочно опредѣлить возрастъ нашихъ университетовъ. Я читалъ, что король Эрикъ Померанскій, въ 1449 году, получилъ папскую буллу съ позволеніемъ основать въ Копенгагенѣ университетъ, однакожъ, безъ богословскаго факультета; но этимъ позволеніемъ онъ не воспользовался, а Христіанъ I, будучи въ Римѣ въ 1474 г., выпросилъ у папы Сикста другую буллу, съ разрѣшеніемъ учредить въ Копенгагенѣ полный университетъ. Это разрѣшеніе и было приведено въ дѣйствіе, только не прежде 1479 года. Между тѣмъ въ Швеціи правитель государства Стуре, по старанію архіепископа Якова Ульфсона, въ 1477 году получилъ отъ папы Сикста позволеніе основать университетъ въ Упсалѣ. Тамъ за это дѣло принялись съ такою энергіей, что Упсальскій университетъ могъ быть освященъ въ томъ же году, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ даннаго на то разрѣшенія“.

Въ Финляндіи Гельсингфорсскій (прежній Абоскій) университетъ, основанный въ 1640 году, справедливо считаетъ себя сыномъ Упсальскаго, отъ котораго онъ заимствовалъ не только свои первоначальныя постановленія, льготы и обычаи, но получилъ и первыхъ своихъ наставниковъ, отчасти и питомцевъ. Хотя коренное и преобладающее населеніе Финляндіи совсѣмъ другого племени, чѣмъ скандинавы,

однакожъ этотъ край съ благодарностью сознаетъ, что онъ всею своей культурой обязанъ Швеціи, и не можетъ забыть, что столько вѣковъ дѣлилъ ея политическія судьбы. „Поэтому естественно, говоритъ одна финляндская газета, что всякое событіе, возбуждающее радость и ликованіе по одну сторону Ботническаго залива, бываетъ встрѣчаемо тѣми же чувствами и на другомъ берегу". Взаимное сочувствіе между шведами и финляндцами можно уподобить тому, какое у насъ существуетъ между русскими и другими славянами. Извѣстно, однакожъ, что рядомъ съ такимъ настроеніемъ въ Финляндіи, особенно между университетскою молодежью, есть весьма сильная партія такъ называемыхъ фенномановъ, которая не хочетъ знать шведской цивилизаціи и стремится создать, на самостоятельной почвѣ, свою отдѣльную національную культуру, стараясь ввести въ общее употребленіе финскій языкъ и образовать финскую литературу. Борьба обоихъ направленій въ послѣднее время до такой степени усилилась, что она вноситъ серіозный разладъ повсюду и даже иногда между членами одного и того же семейства. На упсальскій юбилей были посланы представители обѣихъ сторонъ, но только шведская партія на немъ высказалась. Главнымъ органомъ ея былъ ректоръ Гельсингфорсскаго университета, профессоръ исторіи и извѣстный писатель-поэтъ Топеліусъ, который пользуется въ Швеціи такою популярностью, что получилъ особое приглашеніе отъ упсальскаго философскаго факультета и былъ въ числѣ промовированныхъ на юбилеѣ почетныхъ докторовъ. Вотъ цѣликомъ рѣчь, произнесенная имъ въ день промоцій:

„Голосъ мой не довольно силенъ для такого обширнаго пространства, но родина моя не должна оставаться безъ органа на этой трибунѣ, которая сдѣлалась международною и тѣмъ свидѣтельствуетъ о европейскомъ значеніи шведской науки и центральномъ положеніи Упсальскаго университета для скандинавской культуры. Прошу позволенія выразить Швеціи и Упсалѣ горячія пожеланія отъ Финляндіи и ея университета.

„Мы пришли отъ нашихъ могилъ въ Борго [1]) и отъ пушечнаго гула съ Балкановъ, чтобы порадоваться процвѣтанію Швеціи и славнымъ воспоминаніямъ Упсальскаго университета. Мы пришли отъ народа, который трудится надъ началомъ своего развитія, къ народу, который уже имѣетъ древнюю исторію, древнюю культуру, и который съ честью сохранилъ эти сокровища для грядущихъ поколѣній. Прекрасная будущность, представлявшаяся вашимъ и нашимъ отцамъ, какъ марево или далекій сонъ, — время, когда воинъ опуститъ въ ножны свой кровавый мечъ, когда уврачуются раны и духъ человѣческій свободно будетъ стремиться къ высокимъ идеальнымъ цѣлямъ, —

[1]) Гдѣ недавно похоронены поэтъ Рунебергъ и епископъ Шауманъ.

это счастливое время уже 60 лѣтъ переживается Швеціею подъ покровомъ просвѣщенныхъ королей, при содѣйствіи твердаго и доблестнаго народа. Мы благодаримъ Швецію и Упсальскій университетъ за отрадный и поучительный примѣръ богатаго и всесторонняго развитія, который эта страна подаетъ окрестнымъ народамъ, особливо намъ, имѣвшимъ нѣсколько вѣковъ честь итти рука объ руку со Швеціей. Мы, университетскіе граждане, принадлежимъ къ тому царству духа, которое не знаетъ географическихъ предѣловъ, не раздѣляется морями, и потому-то я прошу позволенія высказать благожеланіе за великій совокупный трудъ нашего и всѣхъ народовъ для успѣховъ европейской культуры, для усовершенствованія человѣчества. Пусть мирныя побѣды одного народа всегда служатъ къ чести, радости и пользѣ всѣхъ, и съ этимъ желаніемъ я, отъ имени моихъ соотечественниковъ, горячо и почтительно привѣтствую древнюю Швецію, древнюю Упсалу".

Слабый голосъ оратора терялся въ воздухѣ, но тѣмъ не менѣе его рѣчь, какъ уже и самое появленіе его на каѳедрѣ, вызвала громкія рукоплесканія. По смерти Рунеберга, имя г. Топеліуса чуть-ли не самое уважаемое изъ современныхъ шведскихъ писателей. Понятно, что литературная слава этихъ двухъ финляндцевъ должна была много способствовать къ усиленію старинной связи Швеціи съ ихъ отечествомъ. Финляндскій народный гимнъ Рунеберга „Vårt land" (Нашъ край) усвоенъ и шведами, и во время юбилея былъ пѣтъ нѣсколько разъ студентами. Ходилъ слухъ, что пока Рунебергъ былъ еще живъ, то предполагалось выразить ему особенное вниманіе тѣмъ, чтобы выбить къ юбилею только двѣ золотыя медали и изъ нихъ одну поднести королю, а другую знаменитому поэту.

Послѣ иноземныхъ ораторовъ, шведскій статсъ-секретарь Мальмстенъ съ большимъ одушевленіемъ высказалъ желаніе, чтобы Упсальскій университетъ всегда оставался на нынѣшнемъ своемъ мѣстѣ (т. е. никогда не былъ переводимъ въ Стокгольмъ, о чемъ уже были предположенія), а въ заключеніе всѣхъ рѣчей, архіепископъ Сундбергъ вступивъ на каѳедру, выразилъ отъ имени короля и всѣхъ пріѣзжихъ благодарность городу Упсалѣ за оказанное имъ блистательное гостепріимство. Наконецъ, съ той же каѳедры, профессоромъ Фрисомъ прочитаны были полученныя изъ разныхъ мѣстъ поздравительныя телеграммы, именно: отъ московскаго общества естествоиспытателей, отъ собранія разныхъ членовъ норвежскаго университета, отъ гофгерихта финляндскаго города Вазы, отъ общества учителей въ Умео и Карлстадѣ, отъ пирующихъ въ Парижѣ 50 уроженцевъ Скандинавіи, отъ трехъ финляндскихъ полковыхъ врачей съ подошвы Арарата, наконецъ, отъ какого-то ученаго общества въ Познани.

Внезапно съ высоты крыши Линнеева зала (того зданія въ бота-

ническомъ саду, къ которому примыкалъ выстроенный для юбилея павильонъ) электрическое солнце освѣтило всю массу толпившихся впереди студентовъ и публики. Всѣ прочіе, въ томъ числѣ и король, оставались на крыльцѣ въ ожиданіи фейерверка, но фейерверкъ долго не начинался. Вдругъ кучка студентовъ подошла къ королю, стоявшему задумчиво съ сигарою во рту, и подхвативъ его при кликахъ *ура* [1]), понесла на рукахъ и обошла съ нимъ нѣсколько разъ густые ряды своихъ товарищей. Наконецъ, вдали, на темномъ фонѣ облачнаго неба, съ трескомъ взвился и разсыпался огненнымъ дождемъ огромный ракетный букетъ. Фейерверкъ, впрочемъ, не былъ особенно блистателенъ и ограничился всего тремя нумерами; главный состоялъ изъ храма съ числами годовъ 1477 — 1877, а другой изъ креста съ вензелемъ Оскара II.

По программѣ, этотъ второй день юбилея долженъ былъ заключиться факельною процессіей въ честь короля. Мѣсто для пріема ея было назначено передъ фасадомъ упсальскаго замка. По этому поводу живущій въ этомъ замкѣ губернаторъ, графъ А. Гамильтонъ, пригласилъ къ себѣ на вечеръ его величество съ кронпринцемъ и много другихъ почетныхъ гостей обоего пола, между прочимъ нѣсколько статсъ-секретарей, нѣсколько упсальскихъ профессоровъ и иностранныхъ депутатовъ. Шествіе по горѣ въ темную ночь длинной, растянувшейся на большое пространство процессіи, по три человѣка въ рядъ, со знаменами, съ безконечною цѣпью огней, представляло что-то таинственное [2]). Когда студенты выстроились передъ окнами замка и пропѣли народный гимнъ, старшина ихъ, доцентъ Афцеліусъ громкимъ голосомъ произнесъ, отъ имени всей корпораціи, привѣтственную рѣчь вышедшему къ нимъ королю. Отвѣтъ короля былъ слѣдующій:

„Упсальскіе студенты! Я скажу вамъ немного словъ, но они выльются у меня изъ глубины души. Въ Писаніи сказано: „Чти отца твоего и матерь твою, да благо ти будетъ и долголѣтенъ будеши на земли“. Мы всѣ это знаемъ, но надо помнить, что эта заповѣдь не должна быть принимаема только въ собственномъ смыслѣ, а имѣетъ весьма обширное значеніе. Она велитъ намъ чтить все, что есть отеческаго и материнскаго въ понятіяхъ: родина, государство, церковь училище — и во многихъ другихъ общественныхъ отношеніяхъ. Мы здѣсь въ эти дни исполняли долгъ почтенія къ своимъ предкамъ, но чтобы настоящимъ образомъ выполнить эту обязанность, мы должны поддержать и подвинуть ихъ дѣло. Упсальскій университетъ всту-

[1]) Эти клики у шведовъ тѣмъ отличаются отъ нашихъ, что быстро и отрывисто слѣдуютъ одинъ за другимъ.

[2]) По газетнымъ свѣдѣніямъ, всѣхъ факеловъ было триста.

паетъ въ пятый вѣкъ своего существованія. Это столѣтіе не должно быть недостойно предшествовавшихъ. Кому же въ будущемъ предстоитъ продолжать и довершать дѣло предковъ? Это лежитъ на васъ. Кто со славою будетъ дописывать въ грядущемъ отечественныя руны? Это предстоитъ вамъ. Какъ же вы будете ихъ дописывать? Бойтесь Бога — и ничего иного вамъ не нужно будетъ бояться. Ищите правды, любите ее, служите ей: она дастъ вамъ силу побѣды, она же увѣнчаетъ васъ и лаврами побѣды. Да, будьте всегда рыцарскою стражею свѣта вокругъ знаменъ отечества, сплотитесь щитами вокругъ моего сына!".

Послѣ этой рѣчи король Оскаръ II возвратился къ собранному въ покояхъ губернатора истинно-блестящему обществу. Ужинъ накрытъ былъ въ двухъ комнатахъ: въ одной для большинства гостей, въ другой — для короля съ его свитою и немногими избранными. Любезный хозяинъ былъ такъ внимателенъ, что пригласилъ меня во вторую. Передъ ужиномъ (à la fourchette) его величество милостиво посадилъ меня возлѣ себя на диванѣ и удостоилъ продолжительной бесѣды на французскомъ языкѣ. Онъ замѣтилъ между прочимъ, что въ факельной процессіи вмѣстѣ со студентами участвовалъ и кронпринцъ; затѣмъ Оскаръ II, произнеся нѣсколько словъ по-русски, вспоминалъ въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ о своемъ путешествіи по Россіи, о восторженномъ пріемѣ, вездѣ ему у насъ оказанномъ, и о томъ, какъ высоко онъ цѣнитъ свое избраніе въ почетные члены Московскаго университета. Онъ заключилъ желаніемъ имѣть въ своей библіотекѣ русскій переводъ Фритіофссаги и сообщилъ только-что полученную, еще нераспечатанную телеграмму о впечатлѣніи, произведенномъ на лондонскую печать взятіемъ Ловчи. Съ своей стороны я имѣлъ случай разсказать, что много лѣтъ тому назадъ видѣлъ его величество, бывшаго еще принцемъ, вмѣстѣ съ его братьями въ университетской аудиторіи на одной изъ лекцій. Это была лекція изъ новой исторіи, которую читалъ еще молодой въ то время профессоръ Карлсонъ, бывшій вмѣстѣ съ тѣмъ наставникомъ принцевъ, нынѣ статсъ-секретарь духовныхъ дѣлъ.

Факельною процессіей студентовъ закончился второй день упсальскаго юбилея. Она немного запоздала и послѣдовала не ранѣе 11-ти часовъ вечера, такъ что многіе стокгольмскіе жители принуждены были, не дождавшись ея, уѣхать изъ Упсалы. Послѣ рѣчи короля, студенты тронулись въ обратный путь и въ Одиновой рощѣ, около зданія Carolina Rediviva, потушивъ свои факелы при помощи начинавшагося дождя [1]), разошлись по домамъ.

[1]) Въ письмѣ одного корреспондента говорится о двухъ приготовленныхъ для этого кадкахъ съ водою.

11.

Третій день празднествъ былъ весь посвященъ музыкѣ и танцамъ: въ теченіе дня было два концерта, а вечеромъ балъ. Оба концерта были даны пѣвческимъ обществомъ студентовъ въ зданіи Carolina Rediviva. Первоначально назначенъ былъ только одинъ концертъ; но такъ какъ розданныхъ для посѣщенія его 2000 билетовъ оказалось далеко недостаточно, то въ послѣднюю минуту рѣшено было устроить въ тотъ же день, въ 5 часовъ, еще другой концертъ по той же программѣ. Я буду говорить здѣсь только о первомъ, какъ главномъ и притомъ единственномъ, на которомъ мнѣ, какъ и бо́льшей части пріѣзжихъ, удалось быть. Онъ начался въ половинѣ 12-го, тотчасъ по прибытіи короля и кронпринца, которые и заняли мѣста противъ самой эстрады, окруженные государственными сановниками, вчерашними докторами и университетскими гостями. Дамъ было еще болѣе, нежели мужчинъ. Тутъ были играны и пѣты наиболѣе популярные у шведовъ пѣсни и романсы, а также и другія пьесы болѣе обширнаго объема, пользующіяся въ музыкальномъ мірѣ общею извѣстностью. Иностранцы были поражены прелестью и величіемъ національныхъ произведеній скандинавскихъ композиторовъ. Вообще концертъ былъ необыкновенно удаченъ и безпрестанно вызывалъ самыя оживленныя рукоплесканія; нѣкоторые нумера были повторяемы. Старые знатоки и почитатели студенческихъ хоровъ утверждали, что никогда еще ни одинъ концертъ этого рода не достигалъ такого совершенства. Между тѣмъ, вся лѣстница и большое пространство на горѣ передъ зданіемъ были заняты студентами. По окончаніи концерта они составили хоръ и отправились по городу со своими знаменами. Передъ обелискомъ Густава Адольфа въ Одиновой рощѣ шествіе остановилось; предводитель хора со знаменемъ взошелъ на ступени его, и тутъ пропѣта была пѣсня въ память славнаго короля.

Обѣдали въ этотъ день, такъ сказать, вразсыпную. Шведскіе и вообще скандинавскіе представители, почетныя духовныя лица и др., всего человѣкъ 70, были приглашены къ архіепископу на обѣдъ, данный имъ королю и кронпринцу. Иностранные же депутаты оставались или дома у своихъ хозяевъ, которые воспользовались случаемъ оказать имъ гостепріимство у себя, или были угощаемы нѣсколькими хозяевами вмѣстѣ въ городскомъ ресторанѣ „Флюстретъ“, какъ видно, между прочимъ, изъ разсказа Д. И. Менделѣева, напечатаннаго въ „Голосѣ“ (№ 204). Добрый и радушный губернаторъ графъ А. Гамильтонъ далъ жившимъ у него тремъ иностраннымъ депутатамъ (русскому, бельгійскому и эдинбургскому) обѣдъ въ своемъ семейномъ кругу и въ концѣ стола къ каждому изъ нихъ обратился съ особою рѣчью на англійскомъ языкѣ, стараясь выставить поочередно ученыя и лите-

ратурныя заслуги всѣхъ троихъ. Само собою разумѣется, что эти привѣтствія не остались безъ отвѣтовъ, въ которыхъ встрѣтившіеся съ запада и востока гости высказали свою сердечную признательность за ласки и вниманіе, оказанныя имъ въ этомъ домѣ, какъ роднымъ или старымъ знакомымъ. Графиня Гамильтонъ — дочь упомянутаго выше геніальнаго историка Швеціи, поэта и композитора Гейэра; прелестная 18-тилѣтняя Эбба наслѣдовала талантъ своего дѣда къ музыкѣ и по вечерамъ пѣла шведскіе романсы; два брата ея, студенты, во время юбилея были оба маршалами; старшій любитъ поэзію и написалъ привѣтствіе къ студентамъ Лундскаго университета, въ которомъ дядя его графъ Гамильтонъ, гостившій также у брата, занимаетъ профессорскую каѳедру.

Вечеромъ былъ балъ въ павиліонѣ ботаническаго сада. Говорятъ, что здѣсь присутствовало не менѣе 4.000 человѣкъ [1]). Король и кронпринцъ приняли участіе въ польскомъ: первый прошелъ туръ съ супругою архіепископа, второй — съ дочерью ректора; но его величество часовъ въ 11 уже удалился, между тѣмъ какъ кронпринцъ еще долго оставался въ числѣ танцующихъ. Въ залѣ было, конечно, тѣсновато, однако-же двигаться было можно. Нельзя сказать, чтобы между дамами блистало особенно много красавицъ. Одною изъ наиболѣе привлекавшихъ къ себѣ взоры была жена названнаго выше профессора и поэта Нюблома, который, по окончаніи юбилея, вмѣстѣ съ нею успѣлъ уже отправиться въ Италію. Опять всюду мелькали желтоголубые шарфы маршаловъ, которые и здѣсь умѣли поддержать свою репутацію отличныхъ распорядителей. Многіе жалѣли, однакожъ, что на балѣ газовое освѣщеніе было немножко слабо, и вдоль стѣнъ не было устроено эстрадъ, на которыхъ дамы, не принимавшія участія въ танцахъ, лучше могли бы „другихъ видать, себя казать". Рядомъ съ павиліономъ, служившимъ для танцевъ (столовою въ дни обѣдовъ), вдоль фригидаріума, что возлѣ Линнеева зала, тянулись столы съ разными напитками, съ бутербротами и сластями; тутъ всякій могъ получать пуншъ, пиво, чай и проч. Гости разошлись въ 3-мъ часу ночи, что, по шведскимъ обычаямъ, было уже очень поздно. Поутру оказалось на полу множество растерянныхъ дамами бантовъ, лентъ, шиньоновъ, колецъ, брошекъ, серегъ и т. п., изъ которыхъ образовались цѣлыя груды обрывковъ туалета и драгоцѣнныхъ вещицъ.

Кончая разсказъ о балѣ, нельзя не упомянуть, что только на немъ

[1]) Въ четвергъ, день этого бала, по желѣзной дорогѣ изъ Стокгольма въ Упсалу проѣхало не менѣе 2.637 человѣкъ. Число всѣхъ пассажировъ, воспользовавшихся желѣзной дорогой для переѣзда изъ столицы въ Упсалу въ теченіе трехъ юбилейныхъ дней, простиралось до 6.050. Сверхъ обыкновенныхъ поѣздовъ было въ эти дни десять экстренныхъ, не считая того, который во вторникъ вечеромъ доставилъ университетскихъ депутатовъ и другихъ гостей.

въ первый разъ явилось нѣсколько лицъ, которыя не поспѣли къ предшествовавшимъ празднествамъ. Это были: во-первыхъ, второй представитель нашей академіи наукъ, генералъ-маіоръ А. В. Гадолѝнъ, который, какъ уже было замѣчено мною, не могъ во-время выѣхать изъ Петербурга, а во-вторыхъ, четыре дерптскіе студента, назначенные депутатами отъ корпораціи своихъ товарищей, но также задержанные неожиданными препятствіями: они поздно получили приглашеніе и притомъ пароходу, на которомъ они прибыли, пришлось выдержать бурю [1]). Тѣмъ съ большимъ радушіемъ приняты были какъ эти наконецъ отыскавшіеся юноши, такъ и запоздавшій депутатъ академіи наукъ, на пріѣздъ котораго уже мало разсчитывали.

Въ Упсалѣ король Оскаръ II занималъ домъ, гдѣ живетъ его сынъ во время своего пребыванія при университетѣ. Баломъ кончились собственно упсальскія празднества, и на слѣдующее затѣмъ утро, въ 10 часовъ, его величество, вмѣстѣ съ кронпринцемъ, отправился въ Дротнинггольмъ, загородный дворецъ на озерѣ Меларѣ. По приглашенію моего обязательнаго хозяина, губернатора, я поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ на станцію желѣзной дороги, проводить его величество. Здѣсь собрались съ тою же цѣлію высшіе чины университета, городскія власти и нѣсколько государственныхъ людей. Король подходилъ ко многимъ изъ присутствовавшихъ и, между прочимъ, изъявилъ университету свое удовольствіе за прекрасное поведеніе студентовъ во время юбилея. Меня онъ тоже удостоилъ нѣсколькихъ словъ и любезно напомнилъ о предстоявшемъ въ Дротнинггольмѣ вечерѣ. Здѣсь же графъ А. Гамильтонъ представилъ меня кронпринцу. Въ Дротнинггольмъ приглашены были на вечеръ, въ этотъ день, всѣ какъ иностранные, такъ и шведскіе депутаты, университетскіе чины и маршалы, новые и юбилейные доктора, упсальскіе почетные и студенческіе гости, высшіе государственные сановники, дипломатическій корпусъ и многія другія лица, всего человѣкъ 700. Въ 2 часа пополудни всѣ гости и многіе изъ хозяевъ юбилея оставили Упсалу; огромные два поѣзда, изъ которыхъ одинъ — экстренный, почти разомъ перевезли въ Стокгольмъ цѣлую массу бывшаго на празднествахъ временнаго населенія. Быстро столичные отели наполнились постояльцами, которые заняли въ нихъ большею частью удержанныя за собою, при отъѣздѣ въ Упсалу, комнаты, что́ было необходимо въ виду опасности вдругъ очутиться безъ крова. Въ 7 часовъ пять пароходовъ отчалили отъ риддаргольмской пристани со всѣми приглашенными, для доставленія которыхъ они были назначены по повелѣнію короля: изъ нихъ одинъ (Sköldmön — „Щитоносица“) принадлежалъ его величеству, а остальные наняты на

[1]) Два дерптскіе студента, которые до сихъ поръ участвовали въ упсальскихъ собраніяхъ, были не официальные депутаты, а частные гости.

его счетъ. Почти во все время плаванія не прекращался дождь. Общество укрывалось въ каютахъ, и, благодаря обилію воспоминаній о недавно прожитыхъ вмѣстѣ дняхъ, было о чемъ вести живую бесѣду даже мало знакомымъ между собою случайнымъ сосѣдямъ.

Дротнинггольмъ (въ переводѣ: „Королевинъ островъ"), лучшій изъ загородныхъ дворцовъ около Стокгольма, верстахъ въ 10 оттуда, обязанъ своимъ названіемъ супругѣ Іоанна III, сына Густава Вазы, Катеринѣ Ягеллоновнѣ; но нынѣшній каменный дворецъ заложенъ позднѣе Гедвигой Элеонорой, вдовою Карла X, по плану Никодима Тессина старшаго; вполнѣ оконченъ онъ только при Густавѣ III. Особенно замѣчательна въ немъ зала, украшенная при Оскарѣ I портретами его современниковъ; въ одномъ изъ угловъ ея всѣхъ поражаютъ стоящія рядомъ изображенія императора Николая и папы Пія IX. Въ этой-то залѣ былъ, и въ описываемый вечеръ, главный пріемъ. Здѣсь король (въ адмиральскомъ мундирѣ) и кронпринцъ, обходя ряды гостей, привѣтливо бесѣдовали, то съ однимъ, то съ другимъ. Между тѣмъ разносимъ былъ чай, а вскорѣ за нимъ послѣдовало мороженое. Изъ числа принадлежащихъ къ университету лицъ можно было замѣтить нѣсколько новопожалованныхъ кавалеровъ; между ними обращалъ на себя вниманіе одинъ молодой человѣкъ въ военномъ мундирѣ. Это былъ городской упсальскій врачъ, капитанъ и докторъ философіи и медицины, Шульцъ, который, какъ бывшій студентъ, исполнялъ на юбилеѣ обязанности главнаго маршала, нося, какъ и другіе распорядители, бѣлую фуражку, а на груди извѣстную двухцвѣтную перевязь: онъ безпрестанно былъ у всѣхъ па глазахъ и много способствовалъ къ поддержанію образцоваго порядка на празднествахъ. Король пожаловалъ ему орденъ Вазы.

Весь дворецъ сіялъ яркими огнями: кругомъ его и садъ былъ освѣщенъ шкаликами, насмолеными бочками и цвѣтными фонарями; изъ оконъ открывался чудный видъ на озеро Меларъ, зеркальная поверхность котораго отражала тысячи огней. Въ 9 часовъ гости приглашены были въ столовую вслѣдъ за перешедшими туда королемъ и кронпринцемъ. Тамъ приготовленъ былъ ужинъ à la fourchette [1]). Къ концу его, король Оскаръ II, поднявъ бокалъ, обратился ко всѣмъ иностраннымъ депутатамъ съ слѣдующею, сказанною на французскомъ языкѣ, рѣчью [2]):

[1]) Вотъ „menu" этого ужина, напечатанный въ готенбургской газетѣ:

„Lait. — Consommé. — Sandwiches. — Salade à l'italienne. — Saumon froid, sauce mayonnaise. — Jambon de Bayonne, à la gelée. — Gelatine de gibier, haricots verts. — Pain de foie en aspic. — Grenadins de veau aux champignons. — Râble de cerf piqué, sauce, gelée. — Poulets rôtis, salade. — Petits pois à la française. — Bavaroise à la Doria. — Nougat à la parisienne. — Dessert".

[2]) Въ подлинникѣ эта рѣчь была напечатана сперва въ шведскихъ газетахъ, а потомъ въ Journal de St.-Pétersbourg 14 сентября, № 242. Вотъ ея французскій текстъ:

„Милостивые государи! Принявъ съ такою любезностью посланное вамъ Упсальскимъ университетомъ приглашенiе присутствовать на его юбилеѣ, вы конечно имѣли въ виду принести дань уваженiя древнему училищу скандинавскаго Сѣвера и сочувствiя Швецiи. Это чрезвычайно льститъ нашему патрiотизму, и я чувствую потребность выразить вамъ мою благодарность.

„Но едва-ли я ошибаюсь, предполагая, что еще другое важное побужденiе помогло вамъ преодолѣть всѣ трудности столь далекаго путешествiя. Я разумѣю то чувство солидарности между различными нацiональностями, которое порождается истиннымъ просвѣщенiемъ и здравою наукою, — то братское чувство, которое вполнѣ совмѣстно съ патрiотизмомъ въ настоящемъ его значенiи, но выводитъ его изъ предѣловъ отдѣльныхъ странъ и объемлетъ весь мiръ.

„Мы гордимся, милостивые государи, тѣмъ, что сливаемся съ вами въ этомъ общечеловѣческомъ чувствѣ.

„Когда вы возвратитесь домой, засвидѣтельствуйте своимъ согражданамъ о нашемъ желанiи не только жить всегда въ добромъ согласiи со всѣми образованными народами, но и содѣйствовать, по мѣрѣ нашихъ средствъ, трудамъ и успѣхамъ цивилизацiи и науки!

„Провозглашаю тостъ признательности и благожеланiй представителямъ университетовъ и ученыхъ обществъ на упсальскомъ юбилеѣ!"

Эта простая и возвышенная по основной мысли рѣчь просвѣщеннаго короля была достойно оцѣнена собранiемъ. Отвѣчать на нее пришлось мнѣ. Это случилось слѣдующимъ образомъ. Послѣ чаю канцлеръ Упсальскаго университета, графъ Г. Гамильтонъ, заявилъ академику О. В. Струве и мнѣ, что за ужиномъ король обратится къ

„Messieurs! En vous rendant avec une si grande courtoisie à l'invitation que vous envoya l'Université d'Upsala d'assister à son jubilé, vous avez sans doute tenu à rendre un témoignage d'estime à l'antique Haute école du Nord scandinave et sympathie à la Suède. Notre patriotisme s'en trouve extrêmement flatté, et je tiens à vous en remercier.

„Je ne crois cependant pas me tromper en devinant encore un autre motif important, qui a su vaincre toutes les difficultés s'opposant contre ce long voyage. Je veux parler du sentiment de solidarité entre les diverses nationalités qu'engendre la véritable civilisation et la science réelle, de ce sentiment fraternel qui est parfaitement compatible avec tout patriotisme bien compris, mais qui l'étend au delà des frontières de chaque pays, et embrasse tout l'univers.

„Nous sommes fiers, Messieurs, de nous unir avec vous dans ce sentiment humanitaire.

„Quand vous serez de retour dans vos foyers, témoignez bien à vos concitoyens de notre désir non seulement de vivre toujours en bonne harmonie avec tous les peuples civilisés, mais encore de coopérer, selon nos moyens, aux travaux et aux progrès de la civilisation et de la science.

„Je porte un toast de remerciement et de bons souhaits pour lés envoyés des Universités et des sociétés scientifiques au jubilé d'Upsala!"

иностраннымъ депутатамъ съ рѣчью на французскомъ языкѣ, и было бы желательно, чтобы одинъ изъ насъ двоихъ принялъ на себя трудъ отвѣчать его величеству за всѣхъ на томъ же языкѣ. Переговоривъ объ этомъ между собой, а потомъ съ графомъ, мы нашли, что такъ какъ Оттонъ Васильевичъ находится здѣсь хотя и почетнымъ гостемъ, но не въ качествѣ депутата, то приличнѣе мнѣ взять на себя это дѣло; но вмѣстѣ съ тѣмъ я просилъ графа Гамильтона принять во вниманіе краткость остающагося времени. Успѣвъ, однакожъ, среди разговоровъ, нѣсколько приготовиться и ставъ за столомъ на указанное мнѣ противъ его величества мѣсто, я отвѣчалъ на рѣчь его въ выраженіяхъ, которыя по-русски могутъ быть переданы такъ [1]):

„Государь! Принимая на себя обязанность отвѣчать, отъ имени всѣхъ иностранныхъ депутатовъ, на милостивый тостъ, обращенный

[1]) Эта рѣчь по-французски была напечатана сперва въ Nya Dagligt Allehanda, а потомъ въ означенномъ нумерѣ Journal de St.-Pétersbourg. Прилагаю ее и въ подлинникѣ:

„Sire,

„En prenant la parole pour répondre, au nom de tous les députés étrangers, au toast gracieux que Votre Majesté vient de leur adresser, je sens bien toute la difficulté de cette tâche, mais ce qui m'encourage à l'entreprendre malgré cela, c'est la profondeur et la vivacité des sentiments dont nous sommes tous également animés. Quelque différentes que soient les nationalités auxquelles nous appartenons, quelles que soient les distances qui séparent les pays d'où nous venons, nous emportons tous les mêmes impressions et les mêmes souvenirs.

„Nous avons été vivement émus à la vue des belles cérémonies qui accompagnent en Suède les fêtes de la science, et il nous a été facile de nous persuader que ces cérémonies, loin d'être des formes purement extérieures, renferment un sens très marqué et complètent essentiellement ce qu'il y a d'original dans la vie intellectuelle des universités scandinaves.

„Nous avons eu lieu de nous convaincre que celle d'Upsala, qui commence son cinquième siècle sous des auspices aussi heureux, a droit de compter sur un avenir bien plus prospère encore que n'a été son passé, et que le rôle éminent qu'elle joue déjà dans le monde scientifique doit devenir de plus en plus significatif.

Nous comprenons en même temps, Sire, que l'effet produit par les solennités dont nous avons été témoins, a été, en grande mesure, dû à la part active que Votre Majesté a daigné y prendre non seulement de fait, mais encore par Sa parole, vigoureuse, éloquente, énonçant des principes et des leçons qui font la base de la prospérité des états, ainsi que des seuls progrès vraiment solides de la jeunesse dans la science. Mais nous avons encore un sujet particulier de reconnaissance envers Votre Majesté: c'est la bienveillance personnelle, l'affabilité gracieuse, l'hospitalité enfin dont Elle a bien voulu nous honorer.

„Les jours que nous avons passés en Suède ont été pour nous de véritables fêtes, et le souvenir en sera pour la vie profondément gravé dans nos coeurs. Je demande donc à Votre Majesté la permission de Lui offrir ici, au nom de tous les députés étrangers, nos remerciements les plus vifs et les plus sincères, et de porter un toast qui sera sans doute chaleureusement accueilli par tous ceux qui sont ici présents. Messieurs, à la santé de sa Majesté! Vive le Roi!“

къ нимъ вашимъ величествомъ, я вполнѣ сознаю трудность этой обязанности, но меня ободряетъ увѣренность, что всѣ мы равно одушевлены однимъ глубокимъ и живымъ чувствомъ. Какъ ни различны національности, къ которымъ мы принадлежимъ, какія разстоянія ни отдѣляютъ страны, откуда мы прибыли, — всѣ мы уносимъ отсюда одни и тѣ же впечатлѣнія, одни и тѣ же воспоминанія.

„Мы были сильно поражены зрѣлищемъ прекрасныхъ обрядовъ, сопровождающихъ въ Швеціи празднества науки, и намъ легко было убѣдиться, что эти обряды имѣютъ не одно внѣшнее только, но и весьма опредѣленное внутреннее значеніе, существенно дополняя особенности умственной жизни скандинавскихъ университетовъ.

„Мы удостовѣрились, что университетъ Упсальскій, вступая при столь благопріятныхъ предзнаменованіяхъ въ пятый вѣкъ своего существованія, имѣетъ право ожидать еще болѣе счастливой будущности, и что важное мѣсто, уже занимаемое имъ въ ученомъ мірѣ, будетъ становиться болѣе и болѣе почетнымъ.

„Вмѣстѣ съ тѣмъ для насъ понятно, Государь, что успѣхъ происходившихъ на нашихъ глазахъ празднествъ много зависѣлъ отъ того дѣятельнаго участія, которое ваше величество благоволили въ нихъ принимать не только дѣломъ, но и энергическимъ, краснорѣчивымъ словомъ вашимъ, высказывая мысли и наставленія, составляющія основу благоденствія государствъ и единственныхъ истинно-прочныхъ успѣховъ молодежи въ наукѣ. Но мы имѣемъ еще особый поводъ быть признательными вашему величеству — за личное благоволеніе, за милостивый привѣтъ, наконецъ, за гостепріимство, какими вамъ угодно было почтить насъ.

„Дни, проведенные нами въ Швеціи, были для насъ настоящими праздниками, и воспоминаніе о нихъ будетъ на всю жизнь запечатлѣно въ сердцахъ нашихъ. Итакъ я прошу у вашего величества позволенія принести вамъ, отъ имени всѣхъ иностранныхъ депутатовъ, нашу живѣйшую и искреннѣйшую благодарность и провозгласить тостъ, на который, безъ сомнѣнія, горячо отзовутся всѣ здѣсь присутствующіе. Мм. гг., за здоровье его величества! Да здравствуетъ король!“

Въ словахъ этой рѣчи не было ничего преувеличеннаго: она была сочувственно принята не только шведами, но и всѣми иностранцами, что̀ многіе изъ нихъ тутъ же заявили говорившему. Одно только не было высказано въ произнесенныхъ словахъ: это постоянно шевелившаяся въ глубинѣ души у всѣхъ русскихъ депутатовъ смутная, горькая мысль о страданіяхъ единовѣрныхъ братьевъ — тамъ, на далекомъ, залитомъ потоками крови Югѣ. И не одни русскіе были подъ вліяніемъ этой тяжелой мысли: часто доводилось слышать и отъ туземцевъ, и отъ западныхъ пришельцевъ выраженіе того же грустнаго чувства; ни разу не пришлось замѣтить ни въ комъ малѣйшаго признака

сочувствія нашимъ врагамъ или недоброжелателямъ. Но тѣмъ не менѣе въ эту минуту примѣшивать къ выраженію общей признательности намекъ на нашу народную скорбь было бы не совсѣмъ умѣстно.

Вскорѣ послѣ ужина гости, возвратясь на ожидавшіе ихъ у пристани близъ дворца пароходы, отплыли при звукахъ музыки и при свѣтѣ бенгальскихъ огней. Густыя тучи, прежде покрывавшія небо, успѣли между тѣмъ разсѣяться, и звѣзды привѣтливо сіяли на темномъ его сводѣ. Около полуночи всѣ пять пароходовъ высадили своихъ пассажировъ на Риддаргольмѣ, гдѣ, не смотря на поздній часъ, ихъ встрѣтила огромная толпа людей; берегъ былъ иллюминованъ; съ крыши одного дома разлился по площади свѣтъ электрическаго солнца; впереди раздалось пѣніе собравшихся здѣсь членовъ пѣвческаго общества. При такихъ-то любезныхъ проводахъ гости разбрелись — и на этотъ разъ уже окончательно — въ разныя стороны. Послѣдній актъ юбилея завершился.

12.

Если гости Упсальскаго университета вынесли изъ пребыванія при немъ одни пріятныя впечатлѣнія, то и онъ могъ быть вполнѣ доволенъ успѣхомъ празднествъ, устройство которыхъ должно было потребовать долговременныхъ и большихъ усилій. Вниманіе всего европейскаго ученаго міра, пріѣздъ избранныхъ представителей множества университетовъ и другихъ научныхъ учрежденій, — представителей, между которыми было немало общеизвѣстныхъ и славныхъ именъ, — уваженіе, высказанное ими въ произнесенныхъ привѣтствіяхъ и рѣчахъ, все это не могло не быть лестнымъ для Швеціи и ея древняго университета. Готенбургская газета, разсуждая о значеніи бывшаго юбилея, говоритъ, между прочимъ: „Въ то время, когда ужасы войны омрачаютъ одну изъ прекраснѣйшихъ мѣстностей нашей части свѣта, когда другія страны потрясены внутренними раздорами, которые легко могутъ привести къ кровопролитію, — наше счастливое отечество великолѣпно отпраздновало память важной эпохи своего мирнаго развитія. Упсальскаго юбилея нельзя считать празднествомъ одного только университета: онъ обратился въ праздникъ всей нашей страны, — можно даже сказать: всей Европы. Нашему отдаленному краю привелось сдѣлаться сборнымъ мѣстомъ представителей высшаго образованія всѣхъ европейскихъ народовъ. Швеція стала извѣстнѣе и пріобрѣла болѣе уваженія, а при этомъ возникли и личныя дружескія связи на многіе и многіе годы. Иностранцы увидѣли вблизи, собственными глазами, народъ, которому дороги наука, искусство, общее образованіе, и вмѣстѣ народъ, который, при полномъ обладаніи политическою и гражданскою свободой, любитъ и чтитъ законъ и порядокъ. И посреди этого народа стоитъ король, который могучимъ словомъ выражаетъ

завѣтныя думы его". Упомянувъ потомъ о скрѣпленіи, на этомъ съѣздѣ, узъ Швеціи съ единоплеменными націями, газета продолжаетъ: „Нѣтъ на землѣ ни одного народа, съ которымъ населеніе скандинавскаго полуострова не могло бы и не должно было бы жить добрыми друзьями, и мы должны признать за счастье, что имѣли случай высказать и услышать это въ такихъ словахъ, что никакія недоразумѣнія невозможны. Шведскій народъ долженъ быть благодаренъ Упсальскому университету — и преподавателямъ и студентамъ — за то, что онъ такъ достойно выразилъ народныя чувства и мысли. Шведскій народъ можетъ свободно и радостно почтить своего короля за то, что онъ такъ возвышенно и прекрасно умѣлъ быть, въ полномъ смыслѣ слова, представителемъ народа. Гости съ востока и запада, внутри и внѣ нашихъ предѣловъ, возвращаются теперь въ свои родныя жилища. Они, конечно, будутъ разсказывать и долго помнить про упсальскіе праздники. И эти воспоминанія въ однихъ освѣжатъ и укрѣпятъ любовь къ родинѣ, въ другихъ возбудятъ или усилятъ уваженіе и сочувствіе къ народу, который на дальнемъ Сѣверѣ совершаетъ дѣло просвѣщенія мужественно, свободно и съ покорностью закону".

Безъ сомнѣнія, пріѣзжіе были рады многимъ встрѣчамъ и новымъ знакомствамъ. Нельзя было однакожъ не чувствовать, что такими встрѣчами и знакомствами можно было бы гораздо болѣе воспользоваться, еслибъ офиціальныя торжества были не такъ длинны и не слѣдовали такъ близко одно за другимъ. При той программѣ, которой держались, трудно было найти минуту, чтобы отыскать именно того, съ кѣмъ хотѣлось познакомиться или вновь повидаться. Поэтому встрѣчи были большею частью только на мигъ; отыскать другъ друга въ толпѣ было чрезвычайно трудно, а навѣстить кого-нибудь, чтобы побесѣдовать на свободѣ, — еще труднѣе. Со стороны университета было бы чрезвычайно любезно, еслибъ онъ между днями, назначенными для офиціальныхъ празднествъ, оставилъ хоть одинъ совершенно свободный для отдыха или обмѣна мыслей между собравшимися въ такомъ множествѣ людьми науки. Вѣроятно, были причины, почему это не было признано удобнымъ. По всему видно, что предварительныя распоряженія дѣлались съ большою обдуманностью; учреждены были два комитета: одинъ — юбилейный (jubelkomité), другой — квартирный (inqvarteringskomité). Заботою послѣдняго было только — заблаговременное распредѣленіе всѣхъ ожидавшихся гостей по квартирамъ; этотъ комитетъ, подъ предсѣдательствомъ профессора Фриса, состоялъ, кромѣ его, изъ шести лицъ разныхъ сословій. Г. Фрисъ, сынъ извѣстнаго ботаника и изслѣдователя грибовъ, былъ въ 1872 г. въ Москвѣ, на политехнической выставкѣ, очень полюбилъ Россію и недавно получилъ званіе почетнаго члена московскаго университета. Юбилейный комитетъ имѣлъ предсѣдателемъ проректора, профессора Геденіуса. Въ

*

немъ засѣдали еще три профессора, два доцента и университетскій казначей. Въ устройствѣ юбилея дѣятельно участвовали также городскія власти Упсалы и многіе изъ ея жителей. Оберъ-маршалу Шульцу подчинены были другіе маршалы, частію уже служащія лица изъ бывшихъ студентовъ, частью еще принадлежащія къ студенческой корпораціи. Всѣхъ ихъ было около 40. Они заслужили общія похвалы не только своею неутомимою заботливостью о порядкѣ и распорядительностью, но и постоянною внимательностью ко всякой просьбѣ, готовностью давать во всякое время всевозможныя справки, наконецъ, величайшею вѣжливостью въ обращеніи съ публикою. Трудно представить себѣ, до какой степени эти молодые люди должны были напрягать силы для исполненія своихъ обязанностей, не зная усталости, а иногда отказываясь даже и отъ сна. Особенную благодарность выразили имъ издатели газетъ, корреспондентамъ которыхъ, какъ я уже сказалъ, отведены были въ соборѣ весьма просторныя и удобныя мѣста вдоль обѣихъ боковыхъ стѣнъ, недалеко отъ алтаря. На ихъ вопросы и недоразумѣнія маршаламъ часто приходилось давать разъясненія и справки.

Для удобства гостей и лучшаго соблюденія порядка изданы были разнаго рода брошюры, реестры, слова пѣсенъ и т. п., притомъ, кромѣ шведскаго языка, еще и на французскомъ, напримѣръ: Programme de jubilé (родъ церемоніала), Invitation des promoteurs aux promotions de docteurs, также алфавитный списокъ присутствовавшихъ гостей. Въ соборѣ розданы были листки со словами кантатъ и другихъ музыкальныхъ пьесъ, которыя тутъ пѣлись; на концертѣ въ Carolina Rediviva у всѣхъ были въ рукахъ книжечки съ текстомъ на четырехъ языкахъ: шведскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ. Такимъ образомъ приняты были всѣ мѣры къ тому, чтобы удовольствіе слушателей и порядокъ были полные.

Въ день дротнинггольмскаго вечера, поутру, хотѣли доставить гостямъ возможность воспользоваться близостью рудниковъ Даннеморы, до которыхъ по желѣзной дорогѣ около двухъ часовъ ѣзды, и для того туда устроенъ былъ экстренный поѣздъ. Но такъ какъ надо было очень торопиться, чтобы все совмѣстить въ одинъ день, и притомъ погода была ненадежная, то охотниковъ на эту поѣздку нашлось немного. Въ Даннеморѣ пріѣзжіе приняты были чрезвычайно радушно директоромъ и однимъ изъ ближайшихъ помѣщиковъ, которые приготовили для нихъ экипажи для переѣзда до самой шахты. Кромѣ того, гости встрѣчены были двумя стами выстрѣловъ изъ глубины земли. Но одинъ только студентъ Грейфсвальдскаго университета рѣшился туда спуститься въ приготовленной для того бочкѣ. Послѣ обильнаго завтрака въ мѣстной гостиницѣ, хозяинъ которой говорилъ на всѣхъ языкахъ, путешественники пустились обратно и въ 3-мъ

часу вернулись въ Упсалу, чтобы тотчасъ же продолжать путь до Стокгольма.

Не одна Упсала ликовала по поводу юбилея: онъ праздновался и въ разныхъ другихъ мѣстностяхъ Швеціи, напримѣръ, въ Сундсваллѣ, въ Нортелье, особенно же въ Лундѣ. Въ Парижѣ по этому случаю пировало цѣлое общество выходцевъ изъ Скандинавіи, устроившее роскошный обѣдъ съ концертомъ, литературнымъ и танцовальнымъ вечеромъ.

По поводу упсальскаго юбилея явилось множество новыхъ сочиненій, изъ которыхъ напечатанныя по распоряженію университета были розданы всѣмъ депутатамъ. Вотъ главныя изъ нихъ: „Основныя этическія понятія Канта, Шлейэрмахера и Бострема", соч. проф. Салѝна. — „Архіепископъ Яковъ Ульфсонъ, основатель Упсальскаго университета, соч. архіеп. Сундберга.—„О давности по шведскому имущественному праву", соч. Нордлинга. Эти три сочиненія вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими составили одинъ большой томъ, изданный подъ заглавіемъ: „Upsala Universitets Årsskrift". Далѣе: „О слѣпотѣ къ цвѣтамъ въ примѣненіи къ желѣзно-дорожному движенію и къ мореплаванію", соч. Гольмгрена.—„О народныхъ болѣзняхъ въ Швеціи", соч. Бергмана.—„Исторія Упсальскаго университета", отъ 1477 до 1654 г., 2 большіе тома, соч. Аннерстедта. — „Новыя Записки упсальскаго ученаго общества", съ изслѣдованіями по части математики и естественныхъ наукъ, на французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ, и т. д. Теперь, по порученію университета, одинъ изъ преподавателей его, доцентъ Бюгде́нъ, собираетъ матеріалы для составленія подробнаго описанія юбилея, въ которое войдутъ и всѣ произнесенныя на бывшихъ празднествахъ рѣчи.

Здѣсь сверхъ того надобно упомянуть о сочиненіи, изданномъ также къ этому юбилею въ Гельсингфорсѣ профессоромъ медицины Оттономъ Ельтомъ (Hjelt) подъ заглавіемъ: „Карлъ Линней, какъ врачъ, и его значеніе для врачебной науки въ Швеціи" [1]).

Бывшіе въ Упсалѣ представители Гельсингфорсскаго университета, по возвращеніи въ Финляндію, отправили на имя ректора Салѝна слѣдующее подписанное всѣми ими письмо:

„Возвратясь съ достопамятнаго, радостнаго и превосходно устроеннаго празднества, на которое мы имѣли честь быть приглашенными, просимъ позволенія принести нашу признательность за отмѣнное дружелюбіе, оказанное намъ въ Упсалѣ, какъ университетскою администраціей и избранными хозяевами празднества, такъ и многими част-

[1]) Для тѣхъ, кто желалъ бы пріобрѣсти ту или другую книгу, изданную въ Швеціи или въ Финляндіи, нелишнимъ считаю замѣтить, что въ Петербургѣ недавно открытъ шведскій и финскій книжный магазинъ г. Валленіуса.

ными лицами не только въ университетскихъ кругахъ, но и внѣ ихъ. Мы считаемъ себя счастливыми, что вмѣстѣ съ представителями многихъ другихъ университетовъ были свидѣтелями того единодушнаго и справедливаго уваженія, какое король и народъ Швеціи оказали своему древнѣйшему источнику образованія, и что мы могли при этомъ выразить и отъ нашего края и университета сознаніе значенія Упсалы въ культурной исторіи какъ нашей, такъ и всего скандинавскаго Сѣвера. Примите, г. ректоръ, изъявленіе нашей живѣйшей благодарности вмѣстѣ съ тѣмъ поздравляемъ васъ съ достойнымъ отпразднованіемъ юбилея и просимъ передать наши признательныя привѣтствія и остальнымъ членамъ университета. Пребываемъ съ искреннимъ почтеніемъ" и проч.

„Топеліусъ, Эрстремъ, Форсманъ, Монтгомери".

„Гельсингфорсъ, 22 сентября (н. ст.) 1877".

Къ этому заявленію, конечно, присоединились бы съ удовольствіемъ и представители всѣхъ другихъ учрежденій Европы, присутствовавшіе на упсальскихъ празднествахъ.

Оглядываясь на все, что́ мы видѣли въ Упсалѣ, на эти блестящія церемоніи и процессіи, вообще довольно чуждыя духу нашего вѣка, на которыя однакожъ стеклись представители всей Европы (за исключеніемъ Пиренейскаго и Балканскаго полуостровов), невольно задаешь себѣ вопросъ: отчего въ такое время, когда всѣ старыя учрежденія рушатся, и едва-ли что остается отъ средневѣковыхъ обычаевъ, — возникшіе въ столь отдаленную эпоху университеты продолжаютъ держаться безъ коренныхъ измѣненій, сохраняя многіе изъ своихъ первоначальныхъ порядковъ? Не показываетъ ли такое исключеніе изъ общаго хода вещей, что духъ среднихъ вѣковъ, создавая университеты, угадалъ не временную только, но вѣчную потребность человѣчества и положилъ въ основаніе ихъ такую вѣрную идею, такія живучія начала, что они противостоятъ и дѣйствію времени и нападеніямъ всякихъ враждебныхъ элементовъ? Празднества Упсальскаго университета, совершившіяся на глазахъ и, можно сказать, при сочувственномъ участіи всей Европы, еще разъ доказали, какъ тверды эти учрежденія и какое значеніе они сохраняютъ въ смыслѣ органовъ общечеловѣческаго стремленія къ высшему и всестороннему образованію путемъ науки.

ИЗЪ МІРА ШВЕДСКОЙ И ФИНСКОЙ ПОЭЗІИ [1]).

1881.

Въ концѣ 1830-хъ годовъ случайное обстоятельство подало мнѣ поводъ заняться въ Петербургѣ изученіемъ шведскаго языка и произведеній шведскихъ поэтовъ, особенно Тегнéра († 1846) и Рунеберга († 1877). Изъ сочиненій перваго я тогда же перевелъ *Сагу Фритіофъ*. Такъ какъ Рунебергъ жилъ въ Финляндіи, — онъ былъ лекторомъ греческой словесности въ гимназіи города Борго, — то съ нимъ мнѣ хотѣлось познакомиться лично. Тогда его извѣстность еще только начиналась: онъ издалъ два тома мелкихъ стихотвореній и двѣ поэмы: *Стрѣлки лосей* и *Ганна*. Обѣ написаны экзаметрами: въ первой мастерски изображенъ бытъ финскаго крестьянина, вторая и содержаніемъ, и тономъ напоминаетъ *Луизу* Фосса или *Германа и Доротею* Гёте. Финляндцы уже тогда цѣнили оригинальный талантъ своего народнаго поэта, но въ Швеціи онъ былъ почти такъ же мало извѣстенъ, какъ и въ Россіи. Мнѣ очень улыбалась мысль познакомить соотечественниковъ съ такимъ замѣчательнымъ писателемъ, который вращался въ совершенно новомъ для насъ мірѣ, хотя и жилъ только въ 360 верстахъ отъ Петербурга. Проводя лѣто 1838 года въ Гельсингфорсѣ, я рѣшился побывать у Рунеберга и описалъ это посѣщеніе въ довольно обширной статьѣ, въ которой вмѣстѣ съ тѣмъ представилъ краткій обзоръ лучшихъ шведскихъ поэтовъ съ отрывками изъ нихъ, особенно изъ Рунеберга. Эта статья была напечатана въ *Современникѣ* Плетнева (т. XIII [2]). Тамъ же позднѣе помѣщены мои очерки *Стрѣлковъ лосей* (или *оленей*, какъ я тогда не совсѣмъ точно передалъ шведское названіе Elgskyttarne), и другой только-что появившейся тогда поэмы того же автора, содержаніе которой взято изъ русскаго быта; она была озаглавлена именемъ своей героини *Надежда*.

Все это необходимо было здѣсь объяснить, чтобы сдѣлать понятнѣе то, что я намѣренъ сообщить далѣе. Во время 12-ти-лѣтняго пребыванія моего въ Финляндіи, гдѣ я съ 1841 года занималъ каѳедру русской исторіи и литературы въ Александровскомъ университетѣ, слава Рунеберга безпрестанно росла. Изъ позднѣйшихъ его произведеній особенную популярность на всемъ скандинавскомъ сѣверѣ доставили ему его

[1]) *Юбилейная книжка* (Ахматовой). Премія къ „Собранію романовъ". Спб. 1881, стр. 147—170.

[2]) См. выше, стр. 1—29.

Разсказы прапорщика Столя (Fänrik Ståls sägner), собраніе эпическихъ стихотвореній, въ которыхъ изображаются подвиги и характеристики героевъ, отличившихся въ войнѣ 1808 и 1809 годовъ. Въ то же время онъ написалъ свою знаменитую пьесу: *Нашъ край* (Vårt land), сдѣлавшуюся вскорѣ народною пѣснью, безъ которой съ тѣхъ поръ не обходится ни одно общественное празднество въ Финляндіи; нынче ее начали пѣть, при нѣкоторыхъ торжественныхъ случаяхъ, уже и въ Швеціи. Эти стихотворенія Рунеберга, запечатлѣнныя искреннимъ одушевленіемъ и мужественною красотою, много способствовали къ подъёму національнаго духа и патріотизма въ Финляндіи. Но надобно замѣтить, что самъ поэтъ, при всей своей любви къ родинѣ, при всемъ своемъ проникновеніи народнымъ характеромъ и историческими воспоминаніями края, вовсе не былъ исключителенъ въ своихъ интересахъ и привязанностяхъ: онъ одаренъ былъ рѣдкою способностью понимать и цѣнить прекрасное во всякой народности. Напримѣръ, онъ всегда съ большою любознательностью относился къ современной французской литературѣ, а въ бесѣдахъ со мною часто разспрашивалъ меня о томъ, что̀ дѣлается у насъ въ умственномъ мірѣ, и о нашихъ лучшихъ писателяхъ, особенно о Пушкинѣ, котораго онъ, по незнанію русскаго языка, не могъ читать въ подлинникѣ. Почти до 50-ти-лѣтняго возраста Рунебергъ не покидалъ Финляндіи; но около этого времени въ немъ стало пробуждаться желаніе побывать въ Петербургѣ или въ Стокгольмѣ.

Естественно, что окончательно влеченіе къ западу восторжествовало. Въ Швеціи онъ былъ принятъ съ восторгомъ; хотя въ произведеніяхъ его и отражалась преимущественно финская національность, но по языку, который у него отличался удивительною чистотою и художественною сжатостью, онъ былъ въ полномъ смыслѣ шведскимъ поэтомъ, а по силѣ таланта и глубинѣ мысли онъ стоялъ выше всѣхъ современныхъ писателей Швеціи. Не только литературный и вообще образованный міръ въ Стокгольмѣ, но и тамошній дворъ оказалъ ему самый блестящій пріемъ. Впечатлѣніе, какое онъ производилъ своимъ талантомъ и умомъ, еще усиливалось всею обаятельною его личностью: высокій ростъ, прекрасная голова, правильныя черты лица, какая-то тонкая улыбка и благородство, отличавшее все существо его, поражали всякаго, кто съ нимъ встрѣчался; а оживленная, хотя и спокойная рѣчь, искрившаяся мыслями, скоро обнаруживала въ немъ необыкновенно даровитаго человѣка. Любимыми развлеченіями его были охота и рыбная ловля; онъ могъ проводить цѣлыя ночи зимою предъ засадою, устроенной для волковъ, лѣтомъ въ лодкѣ на озерѣ или въ морскомъ заливѣ, на берегу котораго нанималъ дачу. Туда ѣздилъ я нѣсколько разъ, и опишу здѣсь одну изъ этихъ поѣздокъ.

Я отправился изъ Гельсингфорса въ прекрасный іюльскій день

послѣ обѣда и въ 10 часу вечера увидѣлъ предъ собой Борго, до котораго было 56 верстъ. Съ этой стороны городъ представляется очень живописно. Вы въѣзжаете въ Борго чрезъ мостъ надъ рѣчкой, пересѣкающей дорогу почти подъ прямымъ угломъ. Взъѣхавъ на него, оставляешь вправо гору (Näsibacken), на которой устроено городское кладбище, а на противоположномъ берегу, въ обѣ стороны отъ моста, тянется длинный рядъ низенькихъ деревянныхъ, то сѣрыхъ, то красныхъ домиковъ, подходящихъ къ самой рѣчкѣ. За этимъ рядомъ домовъ подымается другая гора, на которой и расположенъ старинный городокъ съ своими узенькими, кривыми улицами и высящимися на противоположныхъ концахъ двумя главными зданіями — церковью и гимназіей.

Съѣхавъ съ моста, телѣжка моя потащилась шагомъ по бугристой мостовой, нарушая стукомъ своихъ колесъ обычную тишину города, особенно въ это позднее время. День былъ воскресный; всѣ лавки и магазины были уже заперты, и только изрѣдка встрѣчались пѣшеходы, возвращавшіеся позже обыкновеннаго съ пріятельской бесѣды. Проѣздъ путешественника всегда составляетъ событіе въ маленькомъ городѣ. Только-что заслышится издали шумъ экипажа, тотчасъ появляются въ окнахъ головы и головки любопытныхъ разнаго возраста и пола. Если проѣзжій на время остановится въ такомъ городѣ, имя его вскорѣ дѣлается извѣстнымъ всему населенію и начинаются толки о цѣли его путешествія. Такъ бываетъ и въ Борго.

— Не въ городѣ ли лекторъ Рунебергъ? (Тогда еще онъ не имѣлъ пожалованнаго ему впослѣдствіи титула профессора), спросилъ я изъ предосторожности въ станціонномъ домѣ.

— Нѣтъ, онъ въ Кроксиесѣ, верстахъ въ семи отсюда.

Въ нетерпѣливомъ желаніи увидѣться съ поэтомъ, я не сообразилъ, что лучше было бы ночевать въ городѣ, чѣмъ безпокоить его такъ поздно, и тотчасъ же пустился въ путь. Опрятно одѣтый въ сѣрой суконной курткѣ, молодой, словоохотливый шведъ гналъ свою пару, какъ выражаются въ Финляндіи, *по-русски;* быстро мелькали въ сумеркахъ мимо насъ поля, сосны и массивные камни по обѣ стороны извилистой, но гладкой проселочной дороги; безпрестанно колеса были на волосъ отъ окаймлявшихъ ее гранитныхъ глыбъ, но ловкій возница благополучно миновалъ ихъ, какъ искусный лоцманъ въ порогахъ. Несмотря на скорость ѣзды, путь казался мнѣ очень дологъ. И я припоминалъ, что подъ верстою въ Финляндіи разумѣютъ иногда четверть шведской мили, то есть $2^1/_2$ наши версты: не такихъ ли семь верстъ надо проѣхать? думалъ я, но ошибался.

Наконецъ, когда мы на паромѣ переправились чрезъ довольно широкій протокъ, на берегу котораго стояла хижина перевозчика, мой шведъ объявилъ, что теперь до мѣста ужъ близко. Однакожъ, еще не

разъ огоньки въ одинокихъ домикахъ близъ дороги обманывали мое нетерпѣніе.

— Не здѣсь ли? спрашивалъ я у подводчика.

— Нѣтъ, еще немного дальше, было каждый разъ отвѣтомъ. Между тѣмъ ѣзда наша очень замедлялась множествомъ воротъ въ изгородяхъ, раздѣляющихъ поля разныхъ владѣльцевъ. Такія жердевыя ворота на финляндскихъ проселкахъ встрѣчаются чрезвычайно часто, и такъ какъ по заведенному обычаю всякій проѣзжій или прохожій считаетъ непремѣннымъ долгомъ запирать ихъ послѣ себя, то путешественникъ принужденъ каждый разъ дожидаться, пока подводчикъ слѣзетъ съ своего мѣста, отворитъ ворота, проведетъ чрезъ нихъ свою лошадь, затворитъ ихъ и опять сядетъ въ экипажъ. Было одиннадцать часовъ, когда телѣжка моя, наконецъ, остановилась предъ краснымъ деревяннымъ домикомъ, гдѣ уже не видно было свѣта.

Охотно ночевалъ бы я въ какой-нибудь лачужкѣ по близости, чтобъ не безпокоить въ такое время хозяевъ; но шведъ объявилъ мнѣ, что остановиться по сосѣдству негдѣ и совѣтовалъ не чиниться. Скрѣпя сердце я вошелъ въ домъ и очутился въ просторной залѣ; вдоль всѣхъ четырехъ стѣнъ ея тянулись деревянныя скамьи, и на одной изъ нихъ спало двое дѣтей. Во внутренней стѣнѣ этой комнаты были двѣ двери, и черезъ минуту въ одной изъ нихъ показалась осанистая фигура поэта, который, къ моему счастію, еще только ложился и услышалъ мои шаги.

— Välkommen, välkommen (добро пожаловать), воскликнулъ онъ, подавая мнѣ руку, и послѣ первыхъ объясненій повелъ меня чрезъ другую дверь, въ приготовленную для меня комнату. Сельское убѣжище поэта представляло величайшую простоту. Стѣны состояли изъ голыхъ нетесанныхъ бревенъ, а мебель—изъ окрашенныхъ въ красный цвѣтъ столовъ, дивановъ и стульевъ, какъ въ станціонныхъ и крестьянскихъ домикахъ Финляндіи. На одной изъ стѣнъ отведеннаго мнѣ покоя висѣло подъ самымъ потолкомъ два ружья, въ углу же были полки, на которыхъ лежала сѣть съ бечевками и другими рыболовными принадлежностями.

Просидѣвъ здѣсь со мною болѣе часу въ радушной, непринужденной бесѣдѣ, угостивъ меня сельскимъ ужиномъ и представивъ своей супругѣ, образованной и любезной дамѣ (рожденной Тенгстремъ), Рунебергъ пожелалъ мнѣ доброй ночи, и я остался одинъ.

Проснувшись на другое утро, я былъ пріятно пораженъ прелестнымъ видомъ, открывшимся изъ незавѣшеннаго окна моего на морской заливъ, вдоль котораго виднѣлись то сѣрыя скалы, то зеленый сосновый лѣсъ, то золотистыя пашни; а мѣстами изъ отдаленной зелени мелькали уединенныя мызы. Вскорѣ почтенная старушка принесла мнѣ, по здѣшнему обычаю, прежде всего чашку кофею, а спустя нѣсколько

времени вошелъ и самъ привѣтливый хозяинъ. Увидѣвъ въ рукахъ моихъ маленькую книжку, которую я взялъ съ окна, онъ сказалъ:

— А! знаете ли вы Эренсверда? Это замѣчательный, хотя и не плодовитый шведскій писатель: всѣ его сочиненія составляютъ не болѣе половины этого томика; но они поражаютъ оригинальностью идей и формы. Эренсвердъ, братъ знаменитаго строителя свеаборгской крѣпости, писалъ въ концѣ прошлаго столѣтія и былъ чрезвычайно скупъ на слова. Загляните, напримѣръ, въ описаніе его путешествія въ Италію: это образецъ сжатости и краткости.

Я отыскалъ начало названнаго сочиненія, которое занимало всего 50 страницъ, и прочелъ: „7-го іюня онъ отправился на кораблѣ изъ Стокгольма въ Гавръ де-Грасъ. Оттуда въ Парижъ". Затѣмъ о Парижѣ слѣдовало только 9 строкъ, которыя кончались замѣчаніемъ: „Итакъ французское значитъ то же, что остроумное, искаженное, необдуманное, сухое, скудное и веселое". Противъ имени *Римъ* было сказано только: „Древность обладала вкусомъ, а мы доискивались вкуса". Почти каждое предложеніе начиналось съ новой строки. Вездѣ авторъ называлъ себя *онъ*. Послѣ замѣчаній объ отдѣльныхъ мѣстностяхъ слѣдовали главы: о религіяхъ, о правительствахъ, о порядкѣ и т. п., но каждая глава занимала по большей части менѣе полустраницы, рѣдко цѣлую страницу. Въ главѣ о физіономіяхъ авторъ сравниваетъ южныхъ европейцевъ съ сѣверными, и въ заключеніе полагаетъ различіе между тѣми и другими въ томъ, что черты лица у первыхъ могутъ быть вообще выражены фигурою ∞, а у послѣднихъ $\sim$.

Въ такомъ же родѣ сочиненіе Эренсверда „о философіи свободныхъ искусствъ", изложенное въ вопросахъ и отвѣтахъ.

Въ томъ изданіи замѣчательныхъ шведскихъ писателей, къ которому принадлежала попавшаяся мнѣ въ руки книжка, были перепечатаны, безъ согласія автора, и сочиненія Рунеберга. Потолковавъ о такомъ ненормальномъ положеніи литературныхъ отношеній между Швеціей и Финляндіей, мы вышли, чтобы взглянуть на окрестности дома. Онъ былъ окруженъ огородами, гдѣ почти исключительно росъ картофель, а поодаль разсѣяны были красивые холмы и островки, на которыхъ какимъ-то зажиточнымъ крестьяниномъ были построены неприхотливые домики, отдававшіеся внаймы на лѣтніе мѣсяцы. Мы спустились влѣво отъ мызы, мимо скотнаго двора, къ морскому берегу, гдѣ было привязано нѣсколько рыбачьихъ лодокъ, въ томъ числѣ и челнокъ поэта, наполненный удочками. Въ этомъ челнокѣ, взявъ съ собою ружье и парусъ, онъ часто пускается далеко отъ берега ловить рыбу или стрѣлять дикихъ утокъ и гагаръ. Вокругъ насъ царствовала глубокая тишина; на противоположномъ берегу довольно широкаго залива мелькало два-три жилища, но нигдѣ не было видно ни одного человѣка; только стаи мелкой рыбы быстро перерѣзывали у ногъ

нашихъ прозрачныя струи, да хищныя чайки медленно летали кругомъ, высматривая добычу, и вдругъ, стрѣлою ринувшись на поверхность воды, разсѣкали ее острымъ клювомъ.

Въ эти-то пустынныя мѣста поэтъ переселяется каждое лѣто и, бросивъ всѣ городскія занятія, предается полному отдыху на лонѣ природы. Но въ этомъ мнимомъ бездѣйствіи и кроется тайна того свѣжаго и здороваго дыханія, которымъ проникнуты всѣ его произведенія. Читая ихъ, чувствуешь, что они зародились не въ душной атмосферѣ кабинета, а подъ открытымъ небомъ. Замѣчательно, что Рунебергъ никогда не записывалъ своихъ стиховъ, пока они не получали въ его головѣ окончательной отдѣлки: тогда только онъ передавалъ ихъ бумагѣ и такимъ образомъ почти никогда не перемарывалъ разъ написаннаго. Нѣтъ сомнѣнія, что именно такимъ эпохамъ его сближенія съ природой мы обязаны множествомъ тѣхъ игривыхъ пьесокъ, которыя, составляя особый отдѣлъ его стихотвореній („Idyll och epigramm“), представляютъ рѣдкое соединеніе прелести формы съ оригинальностью вымысла. Любопытно собственное его сознаніе въ маленькомъ стихотвореніи *Лѣтняя ночь*. Передаю его въ прозѣ, какъ можно ближе къ подлиннику:

„Цѣлую лѣтнюю ночь я сидѣлъ на тихомъ лѣсномъ озерѣ и безпечно бросалъ изъ лодки коварную удочку. Между тѣмъ на берегу дроздъ пѣлъ безъ умолку; наконецъ я въ досадѣ сказалъ ему: лучше бы тебѣ спрятать свой клювъ подъ крыло и отложить пѣніе до утра. Но смѣлый дроздъ отвѣчалъ мнѣ: юноша, оставь свою удочку; еслибъ ты окинулъ взоромъ землю и воду, можетъ быть и ты бы сталъ пѣть ночью. И я поднялъ взоры: свѣтло было на землѣ, свѣтло въ вышинѣ; небо, берегъ и волна — все положило мнѣ на сердце дорогой мнѣ образъ. И, какъ дроздъ мнѣ предсказалъ, я сложилъ эту пѣсенку“.

Вотъ для образца еще маленькая пьеса, которая можетъ дать понятіе о сюжетахъ и пріемахъ поэта въ этомъ родѣ стихотвореній. Она и въ подлинникѣ написана безъ риѳмъ:

ТЕРНОВНИКЪ [1]).

О родное мнѣ растенье,
Непривѣтливый терновникъ!
Льдомъ одѣтъ, ты презираемъ,
Весь въ шипахъ, ты ненавидимъ.
Но я мыслю предъ тобою:

[1]) Это стихотвореніе подъ заглавіемъ „Изъ Рунеберга“ въ болѣе ранней и нѣсколько отличной редакціи напечатано въ кн. „*Я. К. Гротъ. Нѣсколько данныхъ*“ и проч. Спб. 1895, стр. 100.

Лишь весна тебя коснется,
Ты покроешься цвѣтами,
И другого не найдется
Столь прелестнаго растенья,
Столь любимаго, какъ ты.

О, какъ много у природы
Есть нагихъ терновыхъ стеблей
И одной любви имъ нужно,
Нужно теплаго лишь взгляда,
Чтобы розами одѣться,
Чтобы стать отрадой всѣхъ.

Около 1863 года, когда поэту было лѣтъ шестьдесятъ, его постигло жестокое испытаніе: вся правая сторона его тѣла была разбита параличемъ, отчасти пострадалъ и языкъ, такъ что онъ въ теченіе остальныхъ 14 лѣтъ жизни съ трудомъ могъ двигаться и говорить, сохраняя однако полное сознаніе и умственныя силы, хотя конечно уже не въ прежней степени. Литературная дѣятельность его навсегда прекратилась. Онъ умеръ въ апрѣлѣ 1877 года [1]). Чтобы показать, какимъ необыкновеннымъ уваженіемъ имя Рунеберга пользуется въ Швеціи, приведу здѣсь отрывокъ изъ его біографіи, помѣщенной въ собраніи его сочиненій еще при жизни его. Издатель ихъ и авторъ этого жизнеописанія, профессоръ Упсальскаго университета, г. Нюбломъ, нарочно ѣздилъ въ Борго, чтобы лично познакомиться съ знаменитымъ писателемъ. Это было лѣтомъ 1869 года, когда Рунебергъ послѣ долгаго времени въ первый разъ вынужденъ былъ, по болѣзни, остаться на лѣтніе мѣсяцы въ городѣ.

„Какъ ни поздно мы пріѣхали, говоритъ біографъ, намъ позволено было войти. Никогда не забуду той минуты, когда дверь, передъ которою я стоялъ въ сердечномъ волненіи, вдругъ отворилась, и я въ первый разъ увидѣлъ поэта. Онъ лежалъ въ постели, передъ окномъ такъ что тихій свѣтъ лѣтняго вечера почти прямо сверху падалъ на, его могучую голову. Это была та самая величавая голова, которую мы знаемъ по бюсту Шестранда, но еще съ бо̀льшею живостью изобразилъ ее сынъ поэта (скульпторъ); это былъ тотъ самый высокій лобъ и обнаженный черепъ; тотъ же большой, довольно заостренный носъ; но кругомъ рта и подбородка струилась недлинная сѣдая борода, дававшая ему видъ пришельца изъ міра духовъ въ глазахъ того, кто совсѣмъ иначе представлялъ себѣ пѣвца прапорщика Столя, короля Фіаляра и Ганны. Къ этому способствовали и впалые глаза его съ

[1]) См. *С.-Петербургскія Вѣдомости* 1877 г. *(см. ниже).*

темнымъ ободомъ вокругъ; но болѣзненная черта вправо отъ губъ тотчасъ же возвращала мысль къ землѣ, напоминая, что передъ нами лежалъ страдалецъ, прикованный теперь къ бренному міру, надъ которымъ самъ онъ столькимъ помогалъ возвышаться. И однакоже, какое благородство въ этомъ надломанномъ образѣ, какое сильное впечатлѣніе произвелъ на насъ его голосъ, когда онъ заговорилъ медленно и не безъ труда, какая ясность и глубина въ его взорѣ!

Но конечно позднее время дня ухудшало его положеніе. На слѣдующее утро онъ смотрѣлъ совсѣмъ иначе. Онъ вышелъ къ намъ въ халатѣ, опираясь на своего меньшого сына, держа свою правую, недѣйствующую руку за пазухой. Меня очень поразилъ его видъ. Я зналъ, что Рунебергъ рослый и крѣпкій мужчина, и что онъ, будучи поэтомъ, преподавателемъ и пасторомъ, укрѣпилъ, а можетъ быть отчасти и разстроилъ свои силы занятіями рыболова и охотника. Но чтобы онъ еще и во дни страданія могъ казаться исполиномъ, широкоплечимъ и осанистымъ, этого я никакъ не воображалъ. Къ тому же теперь темное кольцо около глазъ его было прикрыто очками въ серебряномъ окладѣ, взоръ его былъ свѣтелъ, живъ и даже выражалъ какую-то игривость. Нѣсколько часовъ сряду онъ бесѣдовалъ съ нами, конечно, тихо и съ усиліемъ, но съ совершенно яснымъ сознаніемъ, припоминая съ большимъ одушевленіемъ многое изъ своего прошлаго, высказывая иногда мѣткія сужденія то о комъ-нибудь изъ нашихъ поэтовъ, то о своихъ собственныхъ сочиненіяхъ.

Еще менѣе ожидалъ я, чтобы это разбитое тѣло сохраняло часть прежней нѣкогда изумительной силы своей; но скоро я имѣлъ случай убѣдиться и въ этомъ. Въ гостиной поэта, украшенной, какъ подобаетъ жилищу художника, произведеніями кисти и рѣзца, стояла огромная серебряная чаша, у которой на крышкѣ красовался вооруженный сѣкирой финляндскій левъ, а кругомъ были надписи — приношеніе Рунебергу отъ потомковъ людей 1808 года. Чтобы внимательнѣе разсмотрѣть надписи, я попробовалъ поднять со стола эту массивную вещь одною правой рукой, но принужденъ былъ прибѣгнуть и къ помощи лѣвой. Едва Рунебергъ замѣтилъ это, какъ онъ на своемъ креслѣ-самокатѣ подъѣхалъ къ столу и, тщательно упрятавъ запазуху свою правую руку, лѣвою схватилъ серебряную чашу, стащилъ ее къ себѣ на колѣни, а потомъ, вытянувъ эту руку, поднялъ чашу и нѣсколько времени держалъ ее на воздухѣ, послѣ чего опять поставилъ на мѣсто“.

При празднованіи вскорѣ послѣ смерти Рунеберга, въ 1877 году, четырехсотлѣтняго юбилея Упсальскаго университета, финляндскій поэтъ былъ въ числѣ тѣхъ лицъ, которыхъ опредѣлено было возвести въ званіе почетнаго доктора. Промоторомъ по философскому факультету былъ тотъ самый профессоръ Нюбломъ, который съ такимъ увле-

ченіемъ описалъ свое свиданіе съ Рунебергомъ. Провозгласивъ имена присутствовавшихъ при церемоніи почетныхъ докторовъ, онъ торжественно поднялъ вѣнокъ, назначенный недавно умершему поэту, посвятилъ воспоминанію о немъ нѣсколько краснорѣчивыхъ словъ и обратилъ теплое привѣтствіе къ тихой могилѣ въ Борго. Во всей Финляндіи смерть любимаго народнаго поэта вызвала самыя восторженныя заявленія въ честь его; въ день же его рожденія во всѣхъ городахъ, и особенно въ учебныхъ заведеніяхъ, память его ежегодно празднуется литературными и музыкальными собраніями. Давно во всемъ краю идетъ подписка на сооруженіе ему памятника.

По малому знакомству Рунеберга съ финскимъ языкомъ, онъ, какъ національный поэтъ Финляндіи, вполнѣ отразившій духъ своего народа, составляетъ тѣмъ болѣе замѣчательное явленіе. Поэтому особенно любопытно, какъ онъ относился къ поэзіи собственно финской. Недавнее появленіе на русскомъ языкѣ большого отрывка изъ финской эпопеи въ переводѣ г. Гельгрена, — трудъ, о которомъ мною было заявлено въ особой замѣткѣ [1]), напомнило мнѣ одно когда-то полученное мною отъ Рунеберга письмо, въ которомъ онъ подробно излагаетъ свой взглядъ на Калевалу и ея собирателя Ленрота. Это письмо, писанное по-шведски, было недавно напечатано цѣликомъ во второмъ томѣ посмертныхъ сочиненій Рунеберга. Полагаю, что и для нашихъ читателей интересно будетъ прочесть это письмо знаменитаго финляндскаго поэта къ русскому литератору [2]). Вотъ оно въ возможно близкомъ переводѣ, съ незначительнымъ исключеніемъ только того, что относилось лично ко мнѣ.

„Борго, 3-го февраля 1839.

„Еще до Рождества началъ я свой отвѣтъ на ваше первое, очень обрадовавшее меня письмо; но болѣзнь вынудила меня пріостановиться съ тѣми свѣдѣніями, которыя я желалъ сообщить вамъ, и эта болѣзнь, къ сожалѣнію, все еще продолжается. Вы видите по моему почерку, каковы мои силы. Я страдаю лихорадкой, пароксизмы которой повторяются по два раза въ сутки. Хотя я уже болѣе мѣсяца не имѣлъ пера въ рукахъ, однакожъ не могу отказать себѣ въ удовольствіи написать вамъ нѣсколько строкъ, получивъ вчера послѣднее ваше письмо съ книгами. Благодарю за то и другое. Жду выздоровленія, чтобы показать вамъ, съ какимъ интересомъ слѣжу за вашимъ

[1]) См. *Новое Время* 1880 г. 23-го октября № 1672 *(см. ниже)*.

[2]) Отрывки изъ помѣщаемаго здѣсь письма Рунеберга, касающіеся Ленрота и Калевалы, равно какъ нѣкоторыя другія подробности этой статьи о Рунебергѣ, уже знакомы читателямъ изъ прежнихъ статей автора о Рунебергѣ и „О финнахъ и ихъ народной поэзіи“ въ началѣ этого тома, но въ интересахъ полноты и стройности этой статьи, представляющей и новыя черты и новую переработку предмета, мы не считаемъ себя въ правѣ ее сокращать или тѣмъ менѣе опустить совсѣмъ. *Ред.*

стремленіемъ познакомить соотечественниковъ вашихъ съ литературою Швеціи и Финляндіи. Мнѣ очень хотѣлось бы прислать вамъ замѣтки, какія удастся мнѣ собрать о финскихъ рунахъ (народныхъ пѣсняхъ), о Калевалѣ, и о томъ, какъ Ленротъ обращается съ нашимъ простымъ народомъ, чтобы выманивать его пѣсни. Не знаю, скоро ли мое здоровье позволитъ мнѣ сдѣлать это".

„Борго, 21-го апрѣля 1839.

„Наконецъ я настолько поправился, что могу попытаться окончить давно начатое письмо къ вамъ. Прежде всего благодарю васъ за ваши письма и за сочувствіе ко мнѣ, выразившееся въ вашей статьѣ о нашемъ свиданіи, которую теперь я уже всю знаю.

„Въ первомъ письмѣ своемъ вы просите меня доставить вамъ нѣсколько свѣдѣній о моей жизни и развитіи моей страсти къ поэзіи. Сообщаю ихъ, только чтобы показать вамъ, какъ охотно исполняю ваше желаніе.

„Я родился въ Якобштадтѣ, маленькомъ городѣ при Ботническомъ заливѣ, въ 1804 году. Отецъ мой былъ шкиперомъ. Восемнадцати лѣтъ отроду я оставилъ школу и записанъ былъ студентомъ въ Абоскій университетъ, куда и прибылъ, какъ чужой человѣкъ, съ послѣднимъ пособіемъ, какое могъ получить отъ родителей и родныхъ, крупною суммою около 60-ти рубл. ассигн. Съ этимъ богатствомъ я началъ свое поприще и продолжалъ его, пока, при повѣркѣ моей кассы, слишкомъ скоро оказалось въ ней не болѣе 50 коп. Особеннымъ для меня счастіемъ было то, что въ самый день этого открытія я получилъ мѣсто учителя въ частномъ домѣ съ платою по 15 руб. въ мѣсяцъ. Съ этимъ небольшимъ жалованьемъ я прожилъ при университетѣ болѣе года, послѣ чего принужденъ былъ ѣхать въ страну моихъ „*Стрѣлковъ лосей*", чтобы тамъ въ учительской же должности зарабатывать нѣсколько болѣе. Простите, что я останавливаюсь на этихъ подробностяхъ. Онѣ всегда приводятъ мнѣ на память счастливый юношескій возрастъ, который видитъ будущее въ цвѣтѣ утренней зари и на крыльяхъ надежды возносится высоко надъ мелкими заботами настоящаго. Въ ту пору во мнѣ ни разу не являлось и тѣни недовѣрія къ судьбѣ, и когда я впослѣдствіи, пріобрѣтя уже болѣе опытности, оглядывался на тогдашнее положеніе свое, то я часто досадовалъ на свою безпечность, и наоборотъ часто мнѣ было отрадно думать, что человѣкъ живетъ всего согласнѣе съ истиной, когда наименѣе предается заботамъ.

„Пробывъ года два въ деревнѣ, я возвратился въ Або въ 1826 году, а въ слѣдующемъ — получилъ степень доктора философіи. Съ этихъ поръ я оставался при университетѣ, занимая въ немъ доцентуру, до начала 1837 года, когда перешелъ на нынѣшнюю должность (преподавателемъ при гимназіи въ Борго). Когда начались мои первыя ша-

лости въ поэзіи, не помню. Въ школьные мои годы я написалъ нѣсколько лирическихъ пьесъ. Тегнѐра, Аттербома и всю новую школу узналъ я только въ университетѣ,—доказательство, какъ мало знакомъ былъ съ литературою тотъ міръ, въ которомъ я прожилъ мои первыя восемнадцать лѣтъ. Самымъ любимымъ писателемъ моимъ сдѣлался Франце́нъ, признаваемый всѣми за одного изъ величайшихъ поэтовъ Швеціи. Я рано полюбилъ его, и онъ до сихъ поръ остается мнѣ такъ же дорогъ. Міръ непорочности, населенный ангелами и граціями, вотъ поэзія Франце́на.

„Въ 1826 году я началъ „*Стрѣлковъ лосей*“ съ теплыми воспоминаніями о тѣхъ пустынно-прекрасныхъ мѣстахъ, о тѣхъ простыхъ и по наружности грубыхъ, но серіозныхъ и искреннихъ людяхъ, посреди которыхъ я прожилъ два предыдущіе года. Если нѣкоторыя изображенія въ моей поэмѣ понравились, то этимъ я обязанъ единственно подлиннику, съ котораго списывалъ. Для меня воспоминаніе объ этихъ годахъ невыразимо-драгоцѣнно. Будучи самъ потомкомъ шведскихъ переселенцевъ, я представлялъ себѣ финна въ душѣ его такимъ же, какимъ онъ казался мнѣ по своей наружности, когда являлся съ товарами въ родномъ моемъ городѣ; но какъ измѣнилось мое мнѣніе, когда я ближе познакомился съ нимъ въ его домашнемъ быту. Патріархальная простота, мужественное терпѣніе, ясное отъ природы пониманіе самыхъ сокровенныхъ условій жизни,—вотъ особенности, которыя я открылъ въ немъ, но которыя, къ сожалѣнію, могъ только слабо передать въ своихъ описаніяхъ. Вы лучше всего узнаете его въ собственныхъ его пѣсняхъ, если когда-нибудь время позволитъ вамъ ознакомиться съ ними въ переводахъ.

„Первое мѣсто въ ряду этихъ пѣсенъ занимаетъ Калевала [1]), великое твореніе, раздѣленное теперь на 32 рапсодіи или руны, весьма древнее, чисто-эпическое и въ этомъ отношеніи подобное поэмамъ Гомера, хотя по духу своему болѣе миѳическое, насколько гомеровскія созданія вполнѣ греческія. Она была напечатана въ 1834 году, въ двухъ частяхъ. Главное въ ней лицо — почитаемый финнами богъ пѣснопѣнія Вейнемейненъ. Давно уже были извѣстны и изданы отдѣльные краткіе отрывки изъ этой поэмы; но никто не догадывался, что они принадлежали къ одному обширному циклу сказаній. Нашъ землякъ докторъ Ленротъ обезсмертилъ свое имя въ лѣтописяхъ Финляндіи открытіемъ Калевалы. Получивъ научное образованіе, горячо любя народъ, изъ среды котораго самъ онъ вышелъ (онъ сынъ безземельнаго крестьянина и приходскаго портного), посвятивъ себя съ энтузіазмомъ собиранію народныхъ пѣсенъ своей націи, онъ въ концѣ

[1]) *Ла* есть окончаніе, означающее мѣсто, такъ что *Калевала* значитъ: родина Кàлевы, или жилище, гдѣ происходитъ большая часть событій эпоса.

прошлаго десятилѣтія началъ странствовать пѣшкомъ по разнымъ частямъ Финляндіи, съ тѣмъ, чтобъ изъ устъ народа записывать старинныя и новыя руны, которыя могли храниться въ его памяти. Нѣсколько тетрадей хорошенькихъ стиховъ были первыми плодами этихъ прогулокъ. Съ каждымъ новымъ его странствованіемъ поэтическая жатва становилась обильнѣе, и вскорѣ, при внимательномъ пересмотрѣ всѣхъ записанныхъ имъ стихотвореній, у него родилась мысль, что между ними должна быть связь и что существуетъ цѣлая большая поэма, которая долгое время держалась въ преданіи и памяти, наконецъ раздробилась и разсѣялась въ народѣ, такъ что нигдѣ уже ея не помнятъ въ полномъ ея составѣ. Отыскать всѣ эти разрозненныя части и возсоединить ихъ въ первоначальной послѣдовательности — вотъ цѣль, которою съ тѣхъ поръ задался Ленротъ.

„Помню, что онъ разсказывалъ мнѣ объ одной случайности, особенно помогшей ему въ этомъ предпріятіи. Онъ попалъ на старика, который приблизительно помнилъ ходъ и порядокъ самаго преданія о Вейнемейненѣ, хотя и не могъ передать пѣсень слово въ слово. Такимъ образомъ его разсказъ доставилъ Ленроту нить для размѣщенія собираемыхъ рунъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ Ленротъ упоминаетъ, что около Вуокиніеми и Киви-Ярви (въ Архангельской губерніи) онъ встрѣтилъ старика, по имени Ваассила (Василья) — вѣроятно того самаго, про котораго онъ прежде говорилъ мнѣ. „Этотъ Ваассила, пишетъ онъ, былъ особенно силенъ въ заклинательныхъ рунахъ и уже очень старъ. Въ послѣдніе годы память его очень ослабѣла и онъ забылъ большую часть того, что прежде зналъ наизусть. Однакожъ объ Вейнемейненѣ и нѣкоторыхъ другихъ лицахъ онъ мнѣ сообщилъ много новаго. И когда ему случалось пропустить что-нибудь мнѣ извѣстное, я тотчасъ спрашивалъ о томъ. Тогда онъ припоминалъ забытое и такимъ образомъ я узналъ всѣ подвиги Вейнемейнена въ порядкѣ, по которому послѣ и расположилъ сохранившіяся о немъ руны".

„Вотъ вамъ происхожденіе Калевалы. Нѣтъ сомнѣнія, что гомеровскія пѣсни собирались такимъ же образомъ. Какъ финская, такъ и греческія поэмы были записаны съ живого голоса народа, и можетъ быть рапсодіи Иліады и Одиссеи получили свое прекрасное распредѣленіе также по указаніямъ какого-нибудь стараго пѣвца, который, подобно Ваассилѣ, забылъ отдѣльные стихи, но помнилъ ходъ и взаимную связь безсмертныхъ пѣсенъ объ Ахиллѣ и Одиссеѣ. Если бы я имѣлъ удовольствіе видѣть васъ здѣсь на нѣсколько часовъ, мнѣ было бы чрезвычайно пріятно побесѣдовать съ вами о томъ существенномъ различіи, которое оказывается между міровоззрѣніемъ обѣихъ націй, какъ оно является въ названныхъ поэмахъ той и другой. Но этотъ предметъ, какъ онъ ни любопытенъ, повелъ бы насъ здѣсь слишкомъ далеко, и потому я отлагаю его до другого раза. Можетъ

быть, когда-нибудь напишу о немъ статью, которую и пришлю вамъ. Но я не могу оставить Калевалы и того, кто ее открылъ, не сообщивъ вамъ маленькаго отрывка изъ писемъ его ко мнѣ, гдѣ онъ разсказываетъ свои похожденія.

„Пробывъ короткое время въ Киви-Ярви, говоритъ онъ, я своротилъ въ сторону, на разстояніе мили, въ Латва-Ярви, гдѣ старый крестьянинъ Архипъ славился своимъ искусствомъ въ пѣніи рунъ. Ему было 80 лѣтъ отроду, но онъ въ удивительной степени сохранялъ еще память. Цѣлые два дня и часть третьяго я съ его словъ записывалъ руны. Онъ пѣлъ ихъ по порядку безъ замѣтныхъ пропусковъ, и почти все такія, какихъ я прежде нигдѣ не могъ достать. Да и сомнѣваюсь, чтобы въ нынѣшнее время ихъ можно было отыскать въ другомъ мѣстѣ. Поэтому я былъ очень радъ, что рѣшился посѣтить Архипа. Богъ знаетъ, засталъ ли бы я его въ живыхъ, еслибы пришелъ въ другой разъ, а умри онъ до того, съ нимъ исчезла бы навсегда значительная часть первобытныхъ рунъ нашихъ. Старикъ пришелъ въ восторгъ, когда заговорилъ о своемъ дѣтствѣ и давно умершемъ отцѣ, отъ котораго наслѣдовалъ свои руны. „Бывало, сказалъ онъ, во время неводного лова, мы съ отцомъ отдыхали, разведя огонь, на берегу Лапухи: вотъ гдѣ бы вамъ надо было побывать. Съ нами былъ еще товарищъ, тоже хорошій пѣвецъ, только не чета моему отцу. Рука съ рукой они часто пропѣвали цѣлыя ночи передъ огнемъ и никогда не пѣли два раза одной и той же руны. Я былъ тогда еще ребенкомъ и, слушая, мало-по-малу выучился пѣть главныя пѣсни, но многое теперь ужъ забылъ. Ахъ, кабы тогда кто-нибудь, какъ вы теперь, отыскивалъ руны! Да онъ и въ двѣ недѣли не успѣлъ бы записать всѣхъ тѣхъ, которыя зналъ одинъ мой отецъ“!

„Пѣть такимъ образомъ рука съ рукой — это обычай у финновъ. Пѣвецъ выбираетъ себѣ помощника, садится противъ него, беретъ его за руки и начинаетъ пѣть. При этомъ оба покачиваютъ тѣломъ взадъ и впередъ, и кажется, будто одинъ другого попеременно притягиваетъ къ себѣ. При послѣднемъ тактѣ каждаго стиха затягиваетъ помощникъ и потомъ повторяетъ весь стихъ одинъ, а между тѣмъ запѣвало на досугѣ обдумываетъ слѣдующій. Это выгодно для пѣвца, особенно тогда, когда онъ, какъ часто бываетъ, не наизусть поетъ старыя руны, а импровизуетъ новыя; обычай вѣроятно и произошелъ отъ того, что встарину при такихъ очень обыкновенныхъ импровизаціяхъ, послѣ каждаго стиха чувствовали надобность въ маленькомъ отдыхѣ, чтобы придумать слѣдующій.

„Какъ образчикъ Калевалы, посылаю вамъ переводъ одной изъ пѣсенъ, въ которой описана потеря первой арфы (кантелы) бога пѣнія и происхожденіе новой. Мнѣ показалось миѳическое сказаніе въ этой рунѣ чрезвычайно милымъ и остроумнымъ. Вотъ приблизительно какъ я понялъ смыслъ этой руны:

*

„Отрада Вейнемейнена, его кантела, упала въ море, и напрасны всѣ его старанія отыскать ее. Онъ разгребаетъ самое море, но арфа навѣки исчезла. Почти у всѣхъ народовъ живетъ представленіе о какомъ-то утраченномъ блаженствѣ, о лучшей жизни, бывшей нѣкогда удѣломъ смертныхъ. Финскій народъ, выше всего чтившій бога пѣсенъ, повидимому представлялъ это первобытное блаженство въ образѣ первой кантелы Вейнемейнена: ея звуками оно было вызвано и съ нею навсегда похоронено въ безднахъ моря. Но ужели и все счастіе жизни погибло? Нѣтъ. И послѣ утраты драгоцѣннѣйшаго сокровища Вейнемейненъ сохранилъ свою любовь къ пѣснямъ и потребность въ ихъ прелести. Онъ не можетъ уже возвратитъ своей первой чистой, богатой арфы, но онъ изготовляетъ себѣ другую, которая, если звучитъ и не такъ чудно, всетаки можетъ выражать чувства его сердца и сколько-нибудь замѣнять потерянную. Поэтому замѣчательно, что преданіе, представляя Вейнемейнена играющимъ, говоритъ, что свѣтлыя обильныя слезы текутъ изъ глазъ его, какъ бы для означенія, что въ груди его осталось воспоминаніе о болѣе чистыхъ, болѣе дивныхъ звукахъ, исчезновеніе которыхъ онъ втайнѣ оплакиваетъ, хотя и оживляетъ своимъ мощнымъ пѣніемъ вокругъ себя природу и привлекаетъ вниманіе всѣхъ ея тварей. Таковъ удѣлъ поэта. У него хранится воспоминаніе объ идеалахъ, о лирахъ съ чистѣйшею гармоніей, и если онъ для возсозданія ихъ ударитъ въ струны той лиры, какую имѣетъ, то эти звуки вызовутъ у него самого только слезу сожалѣнія, хотя бы весь міръ внималъ его игрѣ съ изумленіемъ и восторгомъ. Васъ поразитъ своею красотою и символическое описаніе происхожденія новой арфы. Кажется, вся природа, мрачная и отверженная безъ очарованія пѣсенъ, раздѣляетъ горе Вейнемейнена. Даже береза скорбитъ, что ей суждено стоять въ степи лишенною значенія, осиротѣлою, беззащитною отъ зимнихъ вьюгъ и ударовъ топора. Тогда къ ней приближается богъ съ миромъ и утѣшеніемъ. Не сѣтуй, говоритъ онъ, и ты найдешь себѣ лучшую цѣль, участіе въ блаженствѣ творенія; ты также создана для звуковъ, и въ рукахъ пѣвца будешь звучать радостью. Какъ просто выражается въ этомъ мысль, что поэзія озаряетъ собою міръ, который безъ нея былъ бы холоденъ и мраченъ, что все внѣшнее было бы только добычею зимы и смерти, еслибъ не воспринималось духомъ въ особенномъ свѣтѣ. Когда же далѣе руна описываетъ, какъ Вейнемейненъ, для изготовленія своей арфы, заимствуетъ ея составныя части у дерева, птицы и женщины, то здѣсь, повидимому, съ другой стороны символически означено, что духъ, для выраженія себя, имѣетъ надобность въ разнообразной внѣшности, что поэзія почерпаетъ свое богатство и содержаніе изъ всѣхъ явленій природы, отъ неподвижнаго растенія до разумно-свободнаго человѣка. Дерево для арфы доставляетъ береза, винты — птица, а вѣнецъ всего,

самыя струны — человѣкъ. Всѣ части необходимы; но какая замысловатая постепенность въ ихъ взаимномъ отношеніи, смотря по значенію существъ, отъ которыхъ они заимствуются.

„Чувствую, какъ опасно пытаться такимъ образомъ объяснять миѳическія представленія; притомъ такое толкованіе, хотя бы оно удачно разъясняло мысль, должно всегда казаться холоднымъ и неполнымъ въ сравненіи съ живою поэзіей, въ которую облеченъ миѳъ. Я увѣренъ, что вы подтвердите это, когда прочтете самую руну. При всемъ томъ я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи сообщить вамъ мой взглядъ на значеніе нѣкоторыхъ символовъ этой руны. Мы все еще напрасно ждемъ финской миѳологіи, хотя финское литературное общество и назначило премію за такое сочиненіе: Калевала представляетъ къ тому источникъ и богатый, и доступный, но можетъ быть въ ней миѳическія представленія такъ глубоки, что самые лучшіе знатоки языка не смѣютъ приняться за разработку ихъ. За переводъ Калевалы на нѣмецкій или шведскій языкъ также назначена премія, но до сихъ поръ только нѣкоторыя пѣсни переведены по-шведски [1]).

„Относительно шведской литературы я хотѣлъ послать вамъ нѣсколько номеровъ „Borgå Tidning", въ которыхъ помѣщена статья о многихъ шведскихъ писателяхъ. Но мнѣ кажется, что это та самая статья, откуда сдѣлано ваше извлеченіе, а потому и считаю достаточнымъ только упомянуть о ней. Въ шведской газетѣ, изъ которой она заимствована, былъ отзывъ и о моемъ авторствѣ, но при перепечаткѣ въ „Borgå Tidning" онъ исключенъ, такъ какъ я тогда еще участвовалъ въ редакціи этого листка. Свѣдѣнія въ названной статьѣ очень хорошія, хотя критическая въ нихъ часть конечно не безошибочна.

„Такъ называемая фосфористская школа [2]), корифеемъ которой былъ Аттербомъ, и которая въ *Фосфоръ*, *Поэтическомъ Альманахѣ* и другихъ журналахъ выступила противъ школы Леопольдовой, собственно говоря, не существуетъ болѣе, такъ какъ борьба давно кончена и новѣйшая поэзія въ тонѣ и пріемахъ уже не представляетъ такихъ рѣзкихъ контрастовъ съ эпохой Густава III; тѣмъ не менѣе вліяніе Аттербомовской школы на тонъ нынѣшней литературы неоспоримо. Стали, повидимому, усвоивать себѣ хорошія стороны новой школы и

[1]) Въ настоящее время есть уже два шведскіе перевода, Кастрена и Лагуса; на нѣмецкій языкъ Калевалу перевелъ нашъ покойный академикъ Шифнеръ.

[2]) Эта школа возникла въ шведской литературѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, какъ реакція, вызванная литературою временъ Густава III, въ которой господствовало подражаніе иноземнымъ, особенно французскимъ образцамъ вѣка Людовика XIV. Фосфористы подняли знамя скандинавской національности и особенно историческихъ преданій скандинавскаго сѣвера съ его миѳологіей и героическими сагами. Вождемъ старой школы считался знаменитый въ свое время Леопольдъ.

остерегаться тѣхъ преувеличеній, которыя, какъ обыкновенно случается, вызваны были борьбою. Мало того: убѣдились, что всякое истинное поэтическое созданіе бываетъ обязано своимъ превосходствомъ не школѣ, а таланту, и что въ періодъ Густава III, такъ же, какъ и въ нынѣшнее время, являлись произведенія истинно-прекрасныя, независимыя отъ особенностей школы.

„Между современными шведскими поэтами первое мѣсто безспорно принадлежитъ Альмквисту. Еслибъ я захотѣлъ слѣдовать своему убѣжденію, я бы призналъ за нимъ первенство между поэтами Швеціи во всѣ времена, и несомнѣнно по крайней мѣрѣ, что никто изъ нихъ не можетъ соперничать съ нимъ на драматическомъ поприщѣ. Шведская поэзія всегда склонялась преимущественно къ лирикѣ, и во всѣхъ существующихъ драмахъ лирическія выходки слишкомъ часто замѣняютъ дѣйствіе. У Альмквиста мы видимъ совсѣмъ другое. Все у него жизнь, движеніе, характеръ; немногими, но ясными чертами своей кисти онъ рисуетъ образъ, то внутренній, то внѣшній, и спѣшитъ перейти къ другому. Въ изобрѣтеніи — это всѣми сознано — ему нѣтъ равнаго въ шведской литературѣ; но его между прочимъ упрекаютъ въ слишкомъ замѣтной наклонности къ диссонансамъ въ духѣ Байрона, въ привычкѣ какъ-то отрывисто кончать свои изображенія безъ опредѣленно-выраженнаго примиренія, наконецъ въ нѣкоторой страстности языка и тона, такъ что многіе, только поверхностно знакомые съ его произведеніями, считаютъ его чудакомъ или даже чуть не сумасшедшимъ. Но ничего не можетъ быть несправедливѣе. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ вездѣ обнаруживаетъ самый строгій художническій смыслъ, никогда не теряетъ изъ виду цѣлаго, какъ ни роскошно развиваются его части, и особенно обладаетъ способностью схватывать и облекать въ образы и слова тѣ неуловимыя идеи и чувства сокровеннаго внутренняго міра, которыя обыкновенно улетучиваются какъ благоуханіе цвѣтка, когда хочешь удержать ихъ и сообщить другимъ, какъ ни ощутительны они для самого поэта. Поэтому въ его поэзіи, при всей реальности ея характера и облика, есть что-то эѳирно-тонкое и мечтательное, что-то подобное яснымъ, но не осязаемымъ звукамъ эоловой арфы. Прекрасны его южныя картины: италіянская пламенная Signora Luna, испанскій рыцарскій Ramido Marinesco, не говоря о множествѣ другихъ. Посылаю вамъ мою статью о первой. Она была перепечатана въ Швеціи, и по одобренію, которое она встрѣтила какъ со стороны почитателей, такъ и строгихъ судей поэта, я долженъ думать, что довольно вѣрно понялъ духъ этого произведенія.

„Если такъ, то статья моя по крайней мѣрѣ доказываетъ, съ какою послѣдовательностью поэтъ умѣетъ обдумывать свой предметъ и отдѣлывать свои изображенія. Но я отсылаю васъ къ его сочиненіямъ. При

ближайшемъ знакомствѣ съ ними вы увидите, что за тонкій, могучій, чарующій геній — этотъ Альмквистъ [1]).

„Я утомилъ васъ своими сообщеніями, а еще остается выразить вамъ всю мою благодарность за ваши письма и присланныя мнѣ книги. Но эту благодарность я приберегу на лѣто, когда надѣюсь увидѣть васъ здѣсь. Я слышалъ, что вы на будущее лѣто сбираетесь предпринять поѣздку въ Финляндію. Если такъ, то я присоединяю самую сердечную просьбу назначить нѣсколько дней на пребываніе въ окрестностяхъ Борго. Я въ это время живу обыкновенно верстахъ въ 6 — 7 отъ города, на дачѣ близъ моря, и обѣщаю вамъ забыть даже любимое свое рыболовство, если вы проведете у меня то время, которое посвятите этой мѣстности. Маленькая комната, увѣшенная моими рыбачьими снарядами, въ вашемъ распоряженіи; семейство мое помѣщается въ другой комнатѣ, рядомъ, а небольшая зала впереди обѣихъ будетъ служить для всѣхъ насъ. У насъ бы было, о чемъ потолковать, такъ какъ мы интересуемся тѣмъ же предметомъ, и отъ васъ будетъ зависѣть уѣхать, если вы соскучитесь. Напишите мнѣ, когда я могу ожидать васъ, и не зарабатывайтесь; иначе вы пожалуй разстроите свое здоровье, и задуманное вами путешествіе не состоится“.

Этимъ приглашеніемъ и была вызвана вторая моя поѣздка къ Рунебергу, описанная въ началѣ настоящей статьи. Къ сожалѣнію, тогдашнія мои старанія познакомить наше общество со шведскою литературой остались одиночными. Между тѣмъ эта литература могла бы представить намъ много интереснаго и поучительнаго; многія произведенія шведскихъ поэтовъ и ученыхъ заслуживали бы перевода на русскій языкъ. Особенно историческая литература нашихъ скандинавскихъ сосѣдей дала бы намъ обильную жатву. Шведскіе архивы, не только офиціальные, но и частные, хранящіеся у потомковъ знаменитыхъ дѣятелей, содержатъ неистощимое и почти нетронутое богатство источниковъ для нашей исторіи. Въ послѣднее время шведы лучше насъ поняли важность изученія языка и литературы сосѣдняго народа. Особенное вниманіе стали они обращать на нашу исторію. Года два тому назадъ нѣсколько лицъ, служащихъ въ стокгольмскомъ государственномъ архивѣ, испросили себѣ пособіе отъ казны для изученія русскаго языка. Г. Сильверстольпе, издатель основаннаго имъ журнала *Историческая библіотека* („Historiskt Bibliotek“), печатаетъ въ шведскомъ извлеченіи „Дневникъ Храповицкаго“, а затѣмъ приступитъ къ переводу исторіи Н. И. Костомарова въ біографіяхъ.

[1]) Къ сожалѣнію надо замѣтить, что Альмквистъ нравственною стороною своего существа далеко не оправдывалъ высокаго мнѣнія финляндскаго поэта; свое поприще въ Швеціи онъ, еще въ 40-хъ годахъ, кончилъ какимъ-то преступленіемъ, которое побудило его бѣжать въ Америку. Послѣдніе годы жизни провелъ онъ въ Бременѣ, гдѣ и умеръ въ 1866 году.

Кромѣ того онъ занимается переводомъ *Исторіи Россіи* Рамбо, часть котораго уже и вышла. Въ названномъ историческомъ журналѣ издатель старается знакомить своихъ читателей и съ замѣчательнѣйшими явленіями русской исторической литературы, насколько свѣдѣнія о нихъ доходятъ до Швеціи. Въ послѣдней книжкѣ „Historiskt Bibliotek" напечатана между прочимъ первая половина статьи г. Берендца „Объ отношеніи Швеціи къ Россіи во время несовершеннолѣтія Густава IV Адольфа" по документамъ шведскихъ архивовъ. Изъ другихъ статей, помѣщенныхъ въ той же книгѣ, для насъ особенно любопытно изслѣдованіе г. Отто Шёгрена: „Іоаннъ Рейнгольдъ Паткуль".

ЭРИКЪ ЛАКСМАНЪ [1]).

Erik Laxman, hans lefnad, resor, forskningar och brefvexling. Af Wilh. Lagus. Med 3 kartor. Helsingfors 1880. (Эрикъ Лаксманъ, его жизнь, путешествія, изслѣдованія и переписка. Соч. В. Лагуса. Съ 3 картами. Гельсингфорсъ 1880). 80. IX + 331 + 146 стр.

1881.

О знаменитомъ естествоиспытателѣ и путешественникѣ Эрикѣ Лаксманѣ, родомъ финляндцѣ, до сихъ поръ было въ печати очень мало свѣдѣній. Извѣстный финляндскій ученый, профессоръ и нынѣ ректоръ Александровскаго университета, г. Лагусъ, посвятилъ нѣсколько лѣтъ изученію по источникамъ жизни и дѣятельности своего соотечественника, занимающаго почетное мѣсто въ лѣтописяхъ нашей академіи наукъ. Результаты этихъ разысканій изложены на шведскомъ языкѣ въ обширной біографіи, появившейся въ Гельсингфорсѣ въ концѣ прошлаго, 1880 года. Она составляетъ большой, изящно отпечатанный томъ, изданный на счетъ „Финскаго ученаго общества".

Эрикъ Лаксманъ родился въ Нейшлотѣ 1737 года, слѣдовательно когда эта часть Финляндіи еще принадлежала къ Швеціи. Получивъ первоначальное образованіе въ Боргоской гимназіи, онъ записался въ студенты Абоскаго университета, но по бѣдности не могъ окончить тамъ курса наукъ съ ученою степенью и принужденъ былъ занять мѣсто пасторскаго адъюнкта въ Выборгской губерніи. Въ 1762 году,

[1]) *Сборникъ отд. русск. яз. и сл.* 1881 т. XXIX, № 1, и отд. отт.; также *С.-Петерб. Вѣдом.* 1881, № 320—21.

переселившись въ Петербургъ, онъ поступилъ въ новоучрежденную Бюшингомъ школу учителемъ естественной исторіи и ботаники, какъ предметовъ, къ которымъ онъ съ дѣтства пристрастился. Черезъ Бюшинга Лаксманъ сблизился со многими академиками, впослѣдствіи пріобрѣтшими извѣстность, и былъ избранъ въ корреспонденты академіи. Между тѣмъ ему предложено было мѣсто нѣмецкаго пастора въ Барнаулѣ. Путешествіе въ Сибирь, естественныя богатства которой обѣщали натуралисту такъ много новыхъ открытій, не могло не казаться привлекательнымъ молодому ученому, и онъ съ радостью принялъ предложеніе. Отъ академіи ему назначено было по 100 р. въ мѣсяцъ на издержки по ея порученіямъ. Женившись передъ отъѣздомъ на дѣвицѣ Рунненбергъ, онъ отправился въ январѣ 1764 года и въ серединѣ марта прибылъ въ Барнаулъ. Здѣсь все время, остававшееся отъ исполненія прямыхъ его обязанностей, съ жаромъ посвящалось любимымъ занятіямъ. Къ оживленію его научной дѣятельности много способствовало полученное имъ вскорѣ по прибытіи въ Барнаулъ письмо Линнея. Вотъ что писалъ ему между прочимъ славный ботаникъ: „Съ несказаннымъ удовольствіемъ получилъ я сегодня ваше письмо отъ 31 января, изъ котораго вижу, что Провидѣніе и судьба перенесли васъ въ такія мѣста, куда почти никто еще не проникалъ съ открытыми глазами. Да сподобитъ васъ Богъ видѣть Его чудеса и разоблачить ихъ міру! Труды Мессершмидта, Стеллера, Гмелина и др. я имѣю въ рукописяхъ. Изъ сибирскихъ растеній едва сто живыхъ есть у меня въ саду. Никакія другія растенія лучше ихъ не идутъ въ нашихъ садахъ. Англичане и французы, съ помощію вывезенныхъ ими изъ Сѣверной Америки многихъ рѣдкихъ деревьевъ и растеній, обратили въ рай свои сады и за́мки; но у насъ эти американскія растенія принимаются не такъ хорошо и почти никогда не достигаютъ зрѣлости. Сибирскія, напротивъ того, придали бы новую роскошь нашимъ садамъ, и вы, м. г., могли бы украсить наше отечество и сдѣлаться безсмертнымъ въ потомствѣ, приславъ мнѣ сѣмянъ отъ дикорастущихъ въ Сибири травъ“. Назвавъ потомъ нѣсколько такихъ растеній, Линней прибавляетъ, что ни одного изъ нихъ еще нѣтъ въ европейскихъ садахъ и что каждое изъ нихъ было бы драгоцѣнностью. Затѣмъ онъ проситъ присылать ему образцы насѣкомыхъ и совѣтуетъ Лаксману завести самому для себя маленькій гербарій сибирскихъ растеній: „если которое-нибудь изъ нихъ покажется вамъ неизвѣстнымъ, присылайте его ко мнѣ въ письмѣ за нумеромъ. Я буду отвѣчать особо на каждый нумеръ и сообщать вамъ все, что о каждомъ извѣстно... Пошли вамъ Господь охоту и силу наблюдать и собирать, и сохрани Онъ въ васъ дружбу ко мнѣ. Съ нетерпѣніемъ ожидаю вашего перваго письма изъ Колывани“.

Съ этого особенно времени заботы Лаксмана главнымъ образомъ

были обращены на пріобрѣтенія по естественнымъ наукамъ; всякая служебная поѣздка его становилась съ тѣмъ вмѣстѣ и ботаническою; на этотъ предметъ онъ не жалѣлъ издержекъ, сколько позволяли его средства; при домикѣ своемъ онъ завелъ садъ для собиранія сѣмянъ, которыя отправлялъ въ Европу.

Кромѣ того онъ дѣлалъ метеорологическія наблюденія, измѣрялъ глубину Оби, самъ приготовлялъ барометры и термометры и разсылалъ ихъ по городамъ Сибири. Въ ученомъ свѣтѣ стали уже цѣнить его труды. Такъ журналъ „Hannöverisches Magazin" за іюнь 1765 г. издалъ образчикъ его наблюденій надъ погодой и похвалилъ ихъ точность. Сибирская фауна, тогда еще менѣе извѣстная, чѣмъ тамошняя флора, тоже была много обязана Лаксману. Въ домѣ его образовался небольшой зоологическій музей, изъ котораго онъ охотно раздавалъ подарки. Собираніе насѣкомыхъ занимало его нѣсколько лѣтъ. Въ 12-мъ изданіи своей Systema Naturae Линней, прежде не знавшій ни одного сибирскаго насѣкомаго, приводитъ уже двухъ подъ именемъ нашего ученаго. Слѣдуетъ также упомянуть о трудахъ Лаксмана по минералогіи и химіи. Во время своего пятилѣтняго пребыванія въ Барнаулѣ онъ предпринималъ частыя, иногда весьма далекія путешествія, которыя также не оставались безплодными для науки. Такъ въ 1766 г. онъ побывалъ даже на границѣ Монголіи и Китая, доѣзжалъ до Кяхты, а на востокѣ посѣтилъ нерчинскіе заводы, отстоящіе около 3000 верстъ отъ Барнаула. Къ сожалѣнію, онъ мало записывалъ во время своихъ путешествій. Однакожъ постепенно усиливалась и его авторская дѣятельность, которая, впрочемъ, никогда не составляла главной цѣли его. Наиболѣе заключалась она въ обширной перепискѣ съ русскими и шведскими учеными; между первыми назовемъ Бюшинга, Фалька, Шлэцера въ Петербургѣ и аптекаря Брандта въ Кяхтѣ. Съ фурами серебра, которыя ежегодно въ февралѣ отправлялись изъ Барнаула, онъ не забывалъ посылать своимъ корреспондентамъ свѣдѣнія и предметы изъ всѣхъ царствъ природы. Въ концѣ 1767 г. отправилъ онъ къ Шлэцеру длинное письмо, которое должно было служить и отчетомъ его предъ академіей наукъ. Тогда же послалъ онъ въ Вольно-экономическое общество небольшое изслѣдованіе, которое и появилось въ изданіи этого общества. По истеченіи срока, положеннаго на его пребываніе въ Сибири, Лаксманъ въ концѣ 1768 г. выѣхалъ изъ Барнаула. Въ Москвѣ онъ видѣлся съ академикомъ Миллеромъ, поселившимся здѣсь съ 1765 г., и съ Фалькомъ, пріѣхавшимъ изъ Петербурга въ главѣ оренбургской экспедиціи. Около того же времени находились въ Москвѣ: Ловицъ, Лепехинъ, Крафтъ, Гюльденштедтъ и Иноходцевъ. Можетъ быть, Лаксманъ тамъ и познакомился съ нѣкоторыми изъ будущихъ своихъ сотоварищей по академіи. По пріѣздѣ въ Петербургъ онъ былъ немедленно избранъ въ

члены Вольно-экономическаго общества, и вскорѣ явилось въ печати нѣсколько ученыхъ трудовъ его. Въ то же время онъ готовилъ къ печати собраніе своихъ статей, относящихся къ Сибири, подъ заглавіемъ: „Sibirische Nebenstunden“. Это сочиненіе однакожъ не вышло въ свѣтъ, можетъ быть вслѣдствіе того, что во время отсутствія Лаксмана, какъ оказалось, Шлэцеръ напечаталъ безъ его согласія письма его къ разнымъ ученымъ, содержавшія уже многія изъ тѣхъ свѣдѣній, которыя предназначались для названной книги.

На другой годъ по возвращеніи въ Петербургъ, именно въ 1770-мъ, Лаксманъ избранъ былъ академіею наукъ въ ординарные академики „по экономіи и химіи“, двумъ предметамъ, которые, по тогдашнимъ понятіямъ, были въ тѣсной между собою связи: ни до Лаксмана, ни послѣ него они въ такомъ соединеніи не имѣли при академіи представителя. Вѣроятно, главнымъ предметомъ, порученнымъ Лаксману, считалась экономія: химія была присоединена къ ней временно по случаю кончины Лемана, поступившаго на мѣсто умершаго въ 1765 году Ломоносова. Лаксманъ обратилъ на себя особенное вниманіе тогдашняго директора академіи графа Владиміра Григорьевича Орлова и былъ приглашенъ имъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими учеными, къ участію въ путешествіи, которое этотъ вельможа предпринялъ въ свое имѣніе на Волгѣ. Черезъ Москву отправились они въ Воронежъ, а оттуда вдоль береговъ Дона въ окрестности Сарепты и Царицына, откуда послѣ четырехмѣсячнаго отсутствія возвратились черезъ Симбирскъ въ Петербургъ. Этимъ путешествіемъ Лаксманъ воспользовался между прочимъ для изслѣдованія открытыхъ незадолго передъ тѣмъ царицынскихъ минеральныхъ водъ и привезъ съ собою нѣсколько новыхъ, до него неизвѣстныхъ насѣкомыхъ, которыхъ тотчасъ же и описалъ, съ изображеніемъ ихъ, въ статьѣ „Novae insectorum species“.

Вскорѣ Лаксманъ получилъ отъ генерала артиллеріи Мелиссино предложеніе ѣхать въ Молдавію для устройства тамъ монетнаго двора. Въ нуммизматическихъ коллекціяхъ показываютъ, въ числѣ рѣдкостей, небольшую мѣдную монету, чеканенную во время турецкой войны 1771 — 1774 г. Эта монета ходила только въ Молдавіи и Валахіи и должна была главнымъ образомъ служить для потребностей арміи. Чеканилась она изъ отбитыхъ у непріятеля пушекъ, перелитіе которыхъ предоставлялось желающимъ спекулянтамъ. Первый, задумавшій это дѣло, былъ богатый еврей, подрядчикъ Вольфъ изъ Петербурга, который и завелъ монетный дворъ близъ Хотина. Другая такъ называемая монетная мельница бо́льшихъ размѣровъ была построена близъ Яссъ. Предпріятіемъ руководили названный генералъ Мелиссино и греческій купецъ Папаніэлопуло. Они втянули въ это дѣло и Лаксмана, который, при своемъ вообще практическомъ направленіи, рѣшился попытать счастья въ выгодномъ, повидимому, предпріятіи. Тех-

ническія свѣдѣнія по этой части онъ пріобрѣлъ еще въ Сибири. Выѣхавъ изъ Петербурга въ началѣ 1772, онъ почти весь этотъ годъ провелъ на югѣ, около береговъ Чернаго моря. О его дѣятельности по главной цѣли путешествія не осталось никакихъ свѣдѣній; самъ онъ ничего не сообщалъ о ней; изъ переписки же его петербургскихъ сослуживцевъ видно только, что съ матеріальной стороны предпріятіе не имѣло никакого успѣха; въ ученомъ отношеніи, напротивъ, оно обогатило коллекціи Лаксмана замѣчательными пріобрѣтеніями. Вообще роскошная южная природа произвела на него сильное впечатлѣніе, и онъ жалѣлъ, что не могъ навсегда поселиться въ плодоносныхъ окрестностяхъ Аккермана.

Въ числѣ обязанностей, возложенныхъ на него по возвращеніи въ Петербургъ, вниманія заслуживаетъ преподаваніе химіи въ академической гимназіи. Между учениками его является довольно извѣстное имя Ѳедора Моисеенкова, вскорѣ отправленнаго за границу для изученія горнаго дѣла по программѣ, составленной Лаксманомъ. Молодой путешественникъ, по пріѣздѣ въ Россію, принесъ честь своему учителю въ званіи адъюнкта металлургіи при академіи, но, къ сожалѣнію, кончилъ жизнь уже черезъ два года по возвращеніи изъ Германіи, именно въ 1781 году. Вскорѣ Лаксманъ поступилъ также въ преподаватели Сухопутнаго кадетскаго корпуса, гдѣ учились между прочими два его сына, которымъ онъ успѣлъ передать свою любовь къ естественнымъ наукамъ. За 18 уроковъ въ недѣлю получалъ онъ въ этомъ заведеніи 300 руб. жалованья. Кромѣ того, онъ участвовалъ въ чтеніи при академіи публичныхъ лекцій, заведенныхъ новымъ ея директоромъ С. Г. Домашневымъ, занявшимъ въ 1775 году мѣсто Орлова. Лекціи эти продолжались два-три года. Къ словеснымъ объясненіямъ Лаксманъ присоединялъ опыты. Между тѣмъ онъ пріобрѣталъ все болѣе уваженія въ ученомъ мірѣ. За частыя присылки предметовъ естественной исторіи въ шведскія общественныя учрежденія онъ получилъ отъ Густава III двѣ золотыя медали; въ ботаническомъ сочиненіи, изданномъ спутниками Кука, отцомъ и сыномъ Форстеръ, имя его присвоено замѣчательному растенію Laxmania sp. arborea (изъ семейства ambrosiaceae); въ короткое время онъ былъ избранъ членомъ нѣсколькихъ заграничныхъ обществъ по естественнымъ наукамъ. Извѣстный путешественникъ Бернулли, посѣтившій Петербургъ въ 1777 году, сообщилъ въ своемъ сочиненіи краткую біографію Лаксмана и описалъ внимательно осмотрѣнный ими музей нашего ученаго, заключавшій въ себѣ богатыя коллекціи почти по всѣмъ отраслямъ природовѣдѣнія. Вѣроятно, значительная часть этихъ коллекцій до сихъ поръ сохраняется въ богатомъ музеѣ Горнаго института, пріобрѣтшемъ ихъ въ 1786 г., при отъѣздѣ Лаксмана изъ Петербурга, за 6.000 руб.

Цѣлая вторая половина 1779 года была употреблена Лаксманомъ

на геогностическое путешествіе, начавшееся съ Новгорода и окончившееся Сумскимъ острогомъ, откуда онъ черезъ Петрозаводскъ возвратился въ Петербургъ въ исходѣ декабря. Изъ этой поѣздки было привезено имъ множество новыхъ образцовъ почвы и камней, которые и были описаны въ его (оставшемся, впрочемъ, неизданнымъ) сочиненіи „Bemerkungen über das nordische Gebirge in Vergleichung mit den übrigen Granit-Ketten". Но результаты этого путешествія болѣе извѣстны изъ Палласовыхъ Nordische Beiträge, гдѣ ученый издатель помѣстилъ въ примѣчаніи отчетъ, поданный Лаксманомъ академіи.

Въ маѣ 1780 года Лаксманъ былъ назначенъ, въ качествѣ горнаго совѣтника, помощникомъ начальника нерчинскихъ рудниковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ оставить академію. Кажется, онъ былъ недоволенъ слишкомъ скуднымъ содержаніемъ, какое здѣсь получалъ при довольно сложныхъ обязанностяхъ, въ числѣ которыхъ особенно обременительно было безплатное чтеніе публичныхъ лекцій; между тѣмъ у него было многочисленное семейство, состоявшее изъ второй жены (рожденной Рутъ; первая умерла еще во время пребыванія его въ Сибири) и семерыхъ сыновей. Къ тому же предложенное ему мѣсто гораздо болѣе, нежели академическіе кабинетные труды, согласовалось съ практическимъ направленіемъ его обычной дѣятельности, съ его любовью къ путешествіямъ и наблюденіямъ надъ природою. Въ январѣ 1781 г. онъ выѣхалъ изъ Петербурга и въ концѣ мая вступилъ въ новую должность въ Нерчинскѣ. Въ званіи оберъ-бергмейстера Лаксманъ долженъ былъ имѣть надзоръ надъ заводами и рудниками, жалованье его составляло отъ 1.000 до 1.200 руб. Но понятно, что онъ и по способностямъ своимъ и по образованію чувствовалъ менѣе расположенія къ своимъ канцелярскимъ занятіямъ, чѣмъ къ обширному поприщу, которое открывалось ему въ изученіи природы всей сѣверовосточной Сибири, съ одной стороны—до самаго Ледовитаго моря, съ другой до Японіи и американскаго материка. Это и сдѣлалось отнынѣ главною задачею его жизни; къ выполненію ея важное пособіе представляли ему частые и далекіе разъѣзды по должности. Однакожъ, и въ отношеніи къ прямымъ обязанностямъ дѣятельность его не оставалась безплодною; такъ, между прочимъ, онъ придумалъ улучшенный способъ приготовленія стекла на Шилкинскомъ заводѣ, гдѣ онъ и жилъ всего болѣе. Но по неизвѣстнымъ причинамъ Лаксманъ вскорѣ навлекъ на себя неудовольствіе начальника заводовъ, генерала Бекельмана, и долженъ былъ, для оправданія себя противъ поданной въ сенатъ жалобы, отправиться въ Петербургъ. Г. Лагусъ полагаетъ, что ему ставилось въ вину уменьшеніе чистой прибыли, состоявшей въ сбереженіи отъ суммы въ 200.000 руб., назначенной на содержаніе заводовъ. Нѣтъ никакого основанія подозрѣвать Лаксмана въ недобросовѣстности, но по извѣстнымъ свойствамъ его можно предполагать,

что счеты его не всегда были въ порядкѣ. Какъ бы ни было, его уволили отъ должности, но для продолженія своихъ любимыхъ занятій онъ возвратился въ Сибирь и прожилъ зиму 1782—1783 г. въ окрестностяхъ Нерчинска въ мѣстечкѣ Чиндагъ-Турунъ. Послѣ того онъ получилъ какое-то мѣсто при соляныхъ копяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ занялъ должность исправника. Ученые труды его за это время заключались главнымъ образомъ въ метеорологическихъ наблюденіяхъ, въ открытіи или описаніи неизвѣстныхъ прежде видовъ камней, минераловъ и растеній.

Новое положеніе Лаксмана продолжалось однакожъ недолго. Благодаря заступничеству петербургскихъ друзей, на него вскорѣ возложены были отъ кабинета императрицы минералогическія путешествія съ жалованьемъ по 600 руб. въ годъ, не считая прогоновъ. Между тѣмъ въ управленіе академіею наукъ вступила княгиня Дашкова, и Лаксману назначена была небольшая ежегодная пенсія въ 200 р., та самая, которая часто предоставлялась заслуженнымъ академикамъ. Очевидно, что прежніе сослуживцы Лаксмана хотѣли и предъ правительствомъ, и въ глазахъ публики оправдать свои старанія въ пользу его. Императрицѣ стоило только заглянуть въ роскошно изданную подъ ея покровительствомъ „Flora rossica“ Палласа, чтобы уже въ предисловіи встрѣтить на многихъ страницахъ имя Лаксмана, этого „превосходнаго наблюдателя, который обогатилъ сибирскую флору многими новыми видами и продолжаетъ обогащать ее съ тѣмъ неутомимымъ прилежаніемъ, которое всегда посвящалъ естественнымъ наукамъ“. При такихъ болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ Лаксманъ переселился въ Иркутскъ, гдѣ и прожилъ остальные годы жизни. Мы узнаемъ отъ путешественниковъ, говоритъ г. Лагусъ, что онъ съ возможными по мѣстнымъ условіямъ удобствами устроилъ тамъ свой домашній бытъ. Посѣщавшіе его тотчасъ могли замѣтить, что входили въ жилище истиннаго любителя природы. Особенная заботливость, какъ нѣкогда въ Барнаулѣ и потомъ въ Петербургѣ, видна была въ содержаніи сада и теплицъ. Здѣсь являлись, частью для красы, частью для изученія и акклиматизаціи, одно возлѣ другого, сибирскія и иноземныя растенія; между ними были даже почти еще неизвѣстные въ этихъ краяхъ картофель, вишня, яблоня и персиковое дерево. Но не для наслажденія и отдыха Лаксманъ поселился въ самомъ роскошномъ и для общежитія пріятномъ городѣ; цѣлью его было имѣть исходный пунктъ для новыхъ странствованій на пользу науки. И въ самомъ дѣлѣ, эта мѣстность была необыкновенно благопріятна для его обширныхъ плановъ. Какъ оазисъ въ пустынѣ, расположенный близъ Байкала Иркутскъ составлялъ центръ всѣхъ торговыхъ путей Азіи и съ тѣмъ вмѣстѣ привлекалъ къ себѣ съ востока и запада народы самаго разнообразнаго происхожденія, огромные капиталы и живое промышленное

движеніе. Населеніе и благосостояніе города съ каждымъ годомъ возрастали; онъ считалъ уже 20.000 жителей, двѣнадцать церквей, въ томъ числѣ одну лютеранскую, нѣсколько училищъ, между ними одно японское, библіотеку, кабинетъ естественныхъ произведеній, театръ; кромѣ того банкъ, больницу и другія общественныя учрежденія. Заслуживъ по своей роскоши названіе сибирскаго Петербурга, Иркутскъ въ то же время отличался большимъ гостепріимствомъ; генералъ-губарнаторъ Якоби, губернаторъ Ламбъ и милліонеръ Медведевъ имѣли открытый столъ и каждую недѣлю давали по очереди обѣдъ и балъ. Поглощенный матеріальными интересами, Иркутскъ не былъ, однакожъ, совершенно чуждъ и литературному образованію. Оно было здѣсь представляемо въ особенности частными преподавателями, по большей части поляками, шведами и французами, преимущественно іезуитами, которые проникали во всѣ болѣе знатные домá. И науки имѣли здѣсь своихъ представителей. Тутъ жилъ ученый натуралистъ Карамышевъ и весьма начитаннай графъ Мантейфель; здѣсь часто останавливались проѣздомъ иностранные изслѣдователи. Такъ, въ началѣ 1785 г. здѣсь были: французъ Патрень, корреспондентъ Палласа, и монголистъ Йэригъ (Jährig); затѣмъ въ 1786 г. пріѣхалъ Биллингсъ со своею экспедиціей; въ 1787 г. очень оригинальный англичанинъ Ледьярдъ, въ 1788 г. Лессепсъ, далѣе Сиверсъ и мн. др. Кромѣ того, Иркутскъ служилъ средоточіемъ тѣхъ смѣлыхъ предпріятій, которыя привели къ учрежденію Россійско-Американской компаніи и своимъ успѣхомъ были обязаны энергіи Шелехова, основателя факторіи на Алеутскомъ островѣ Кадьякѣ и одного изъ самыхъ раннихъ мореплавателей между Азіей и Америкой. Но стремленія Лаксмана простирались далеко за предѣлы Иркутска. Ему не сидѣлось на мѣстѣ. Поѣздка въ горы за юго-западный уголъ Байкала, позднѣе столь прославленный его изслѣдованіями и открытіями Култукъ, давно уже занимала его и можетъ быть тѣмъ болѣе привлекала, что Палласъ и Соколовъ, какъ и Георги въ 1772 г., отказались отъ нея, а Палласъ даже утверждалъ, что тамъ нельзя ожидать ничего новаго ни для минералогіи, ни для ботаники. Видѣлъ ли Лаксманъ эту мѣстность еще въ 1766 г., нельзя сказать навѣрное. Но понималъ ли онъ, или только предугадывалъ ея значеніе, важно то, что онъ, живя въ Иркутскѣ, не уставалъ посѣщать и изслѣдывать ее. Преданіе отдало справедливость его стараніямъ, ибо еще и теперь мѣсто, лежащее на берегу между устьями рѣчекъ Студянки и Похабихи, гдѣ нѣкогда стояла его рабочая избушка, извѣстно подъ именемъ Лаксмана, „въ память“, какъ замѣтилъ географъ Риттеръ, „того, кто открылъ эту геогностическую примѣчательность“.

Тамошнія наблюденія свои Лаксманъ изложилъ въ письмѣ къ Эйлеру, впослѣдствіи напечатанное подъ заглавіемъ: „Von Gängen und Granit-

bergen". Вотъ что здѣсь говорится, между прочимъ, объ этой мѣстности: „Естествоиспытатели вообще склонны приписывать происхожденіе Байкальской мѣстности какому-то внезапному перевороту; но мнѣ кажется, что въ горахъ около западной оконечности озера все образовалось медленно и постепенно. Являющееся здѣсь строеніе горъ показываетъ, какъ горныя породы ложились слоями по законамъ сродства и соразмѣрно со своими массами. Можетъ быть кристаллы получили свои плоскости и углы уже тогда, какъ сухія и влажныя части раздѣлились". Этимъ предположеніемъ опровергаются взгляды Палласа и особенно Георги, развившіеся почти въ догматъ, котораго придерживаются Гофъ, Риттеръ, Эрманъ и др. „Тѣмъ болѣе чести Лаксману", говоритъ его біографъ, „такъ какъ и позднѣйшія геогностическія изслѣдованія рѣшительно отвергаютъ, чтобы внезапныя вулканическія изверженія способствовали къ образованію этой мѣстности".

Въ 1784 году Лаксманъ въ товариществѣ съ Барановымъ основалъ стеклянную плавильню Тальцинскъ при р. Тальцѣ въ 40 верстахъ выше Иркутска, недалеко отъ Ангары. Здѣсь ему удалось изобрѣсти новый способъ плавки стекла, составившій эпоху въ исторіи этого производства. Новость заключалась въ употребленіи для плавки исключительно глауберовой соли: въ 1796 году появилась нѣмецкая брошюра: „Von Einführung des mineralischen Laugensalzes anstatt der Pottasche auf den Glasfabriken, eine Entdeckung von Herrn Hofrath Laxman". Впослѣдствіи этотъ способъ, съ тѣми усовершенствованіями, какія мало-по-малу придумывались, распространился почти по всей Европѣ.

Не менѣе замѣчательно для своего времени было открытіе Лаксманомъ въ гранитномъ Култукѣ такъ называемаго лазореваго („синяго") камня, или лапись-лазули, которымъ до тѣхъ поръ Россія снабжалась только изъ Бухары. Это открытіе обратило на себя тѣмъ болѣе вниманія въ Петербургѣ, что императрица дорожила имъ для украшенія великолѣпнаго царскосельскаго дворца, въ которомъ цѣлая зала и была выложена этимъ рѣдкимъ камнемъ. Къ сожалѣнію, запасъ его въ сибирскихъ горахъ оказался очень невеликимъ, и позднѣйшія попытки для отысканія его не имѣли почти никакого успѣха.

Въ послѣдующіе годы Лаксманъ продолжалъ предпринимать геогностическія странствованія и между прочимъ совершилъ давно задуманное имъ путешествіе въ сѣверо-восточную Сибирь. Во все это время онъ не переставалъ открывать новые минералы, которые пересылалъ въ Петербургъ, какъ видно изъ сохранившихся — къ сожалѣнію довольно скудныхъ — отрывковъ его ученой переписки и изъ нѣкоторыхъ замѣтокъ въ изданіяхъ нашей академіи. Но особенно замѣчательно правительственное предпріятіе, начатое по идеѣ и по программѣ Лаксмана и занимающее важное мѣсто въ исторіи внѣшнихъ сношеній Россіи. Это было первое

посольство русскихъ въ Японію. Поводомъ къ мысли о томъ послужило пребываніе въ Иркутскѣ нѣсколькихъ японцевъ, потерпѣвшихъ кораблекрушеніе близъ Алеутскихъ острововъ и перевезенныхъ въ Иркутскъ. Познакомившись съ ними, Лаксманъ представилъ, что правительству слѣдовало бы возвратить ихъ на родину и воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы завести сношенія съ государствомъ, недоступнымъ для европейскихъ народовъ, исключая голландцевъ, при чемъ, разумѣется, не должны быть упущены изъ виду и пользы науки. Одинъ изъ жившихъ въ Иркутскѣ японцевъ, Кодай, обратившій на себя особенное вниманіе нашего ученаго, былъ вызванъ въ Петербургъ. Самъ Лаксманъ сопровождалъ его, и тогда-то состоялся указъ на имя иркутскаго генералъ-губернатора Пиля о вступленіи въ торговыя сношенія съ Японіею. Въ одномъ изъ пунктовъ этого указа было предписано: „Для препровожденія тѣхъ японцевъ въ ихъ отечество употребить одного изъ сыновей означеннаго профессора Лаксмана, въ Иркутскомъ намѣстничествѣ при должностяхъ находящихся, имѣющихъ познанія астрономіи и навигаціи, поруча ему какъ въ пути, такъ и въ бытность въ японскихъ областяхъ дѣлать на водахъ, островахъ и на твердой землѣ астрономическія, физическія и географическія наблюденія и замѣчанія, равно и о торговыхъ тамошнихъ обстоятельствахъ“ [1]).

Выборъ палъ на старшаго сына Лаксмана, 26-ти-лѣтняго Адама, армейскаго поручика, служившаго въ Игижинскѣ исправникомъ. Въ маѣ 1792 г. отецъ отправился съ инструкціею генералъ-губернатора въ Охотскъ и прибылъ туда 1-го августа. Его сопровождали: четыре японца, въ числѣ которыхъ былъ и Кодай, два купца съ товарами, назначенными для обмѣна на японскіе, и два картографа изъ иркутской навигаціонной школы. Туда же, около того же времени, прибылъ Адамъ Лаксманъ, и 13-го сентября онъ отплылъ на галіотѣ Екатеринѣ; капитаномъ судна, согласно съ указомъ, былъ русскій человѣкъ — Григорій Ловцовъ. Лаксманъ-отецъ, по своему обыкновенію, воспользовался случаемъ для отправленія, изъ своихъ запасовъ, нѣсколькихъ подарковъ: это были два термометра собственной его работы и множество рѣдкихъ произведеній природы. Экспедиція сына его, несмотря на встрѣченныя въ пути затрудненія, проистекавшія главнымъ образомъ отъ недовѣрчивости японцевъ, вполнѣ достигла своей цѣли. Г. Лагусъ подробно описываетъ ее по отчету, составленному самимъ путешественникомъ, и по другимъ документамъ. Мы упомянемъ только, что благодаря настойчивости Адама Лаксмана и несмотря на врученный ему письменно выговоръ японскаго правительства за нарушеніе туземныхъ законовъ, ему удалось обезпечить русскимъ ту же привилегію, какою до тѣхъ

[1]) *П. С. Зак.*, т. XXIII, № 16,985.

поръ пользовались одни голландцы, т. е. право посѣщать гавань Нангасаки. Къ успѣху посольства много способствовала симпатическая личность молодого представителя Россіи. Еще спустя два десятилѣтія послѣ его путешествія японцы съ похвалой отзывались о немъ и его товарищахъ: разсказывали, какъ онъ заставлялъ свой экипажъ пѣть и плясать, какъ его матросы раздавали ножи и другіе подарки, которые тщательно сохранялись, и т. п. Обратное плаваніе было вполнѣ благополучно: 9-го сентября галіотъ введенъ былъ на буксирѣ въ охотскую гавань. Оттуда Адамъ Лаксманъ отправился къ отцу своему въ Иркутскъ, куда и прибылъ въ январѣ 1794 года. Еще до прибытія его Эрикъ Лаксманъ поспѣшилъ отправить къ Безбородкѣ письмо, которое теперь, благодаря г. Лагусу, въ первый разъ вышло на свѣтъ изъ архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Въ этомъ любопытномъ письмѣ Лаксманъ, похвалившись успѣхомъ сына, выставляетъ въ невыгодномъ свѣтѣ дѣятельность Шелехова, обвиняетъ его въ своекорыстныхъ видахъ и выражаетъ опасеніе, что онъ обратитъ въ свою пользу выговоренныя для правительства сношенія съ Японіей: „сколько я примѣчаю", говоритъ онъ, „Шелеховъ глазами монополиста смотритъ на будущую японскую торговлю". Оба Лаксмана были вызваны въ Петербургъ, и одновременно съ ними мы видимъ тамъ Шелехова. Довольно странно, что императрица повидимому не дорожила торговлей Россіи съ Японіей и не воспользовалась открывшеюся возможностью новыхъ сношеній. Можетъ быть тутъ дѣйствительно не безъ вліянія были внушенія Шелехова, который имѣлъ сильныхъ покровителей и даже успѣлъ снискать особенное благорасположеніе великаго князя Павла Петровича. Заботы, поглощавшія государыню по поводу французской революціи, могли также отвлекать ея вниманіе отъ этого дѣла. Какъ бы ни было, результаты, достигнутые экспедиціею Лаксмана, были такъ мало оцѣнены, что о нихъ даже забыли, и съ теченіемъ времени утвердилось мнѣніе, что путешествіе Лаксмана не имѣло успѣха. Что таково было вообще убѣжденіе, видно изъ разсужденій, которыя высказывались десятью годами позже, когда рѣчь зашла объ отправленіи въ Японію новаго посольства: тогда въ лицѣ Резанова избранъ былъ высокопоставленный сановникъ, именно въ томъ соображеніи, что главною причиной неудачи Лаксмана было скромное положеніе начальника экспедиціи. Въ январѣ 1803 г. собрались на совѣщаніе: министръ коммерціи графъ Румянцовъ, морской министръ адмиралъ Чичаговъ, тайный совѣтникъ камергеръ Резановъ и директоръ Россійско-Американской компаніи, правленіе которой въ 1798 году перенесено было изъ Иркутска въ Петербургъ. Они толковали о подробностяхъ кругосвѣтнаго плаванія, которое, по повелѣнію императора Александра I, долженъ былъ совершить Крузенштернъ къ американскимъ владѣніямъ Россіи. Для расширенія ея торговли рѣшено было

отправить вмѣстѣ съ тѣмъ посольство въ Японію, и при этомъ неполный успѣхъ прежней экспедиціи приписанъ тому, что Лаксманъ не имѣлъ собственноручнаго письма отъ императрицы къ японскому государю, что посланные къ послѣднему подарки были слишкомъ незначительны и наконецъ, что самъ Лаксманъ, не будучи придворнымъ человѣкомъ, по своему малому чину не могъ произвести на японское правительство надлежащаго впечатлѣнія. Поэтому посольство Резанова, отправленное съ адмираломъ Крузенштерномъ, получило совершенно противуположный характеръ; но извѣстно, насколько ошибочнымъ въ дѣйствительности оказался расчетъ, какое недовѣріе въ японцахъ возбудилъ новый посолъ, какимъ униженіямъ онъ подвергся и какъ наконецъ долженъ былъ пуститься въ обратный путь, вовсе не достигнувъ цѣли. Стыдясь возвратиться въ Петербургъ, онъ отправился въ Америку и вздумалъ, въ отмщеніе упрямымъ островитянамъ, отрядить компанейское судно съ повелѣніемъ разрушить японское поселеніе на Курильскихъ островахъ. Ближайшимъ послѣдствіемъ такого нарушенія международнаго права было взятіе въ плѣнъ нашего кругосвѣтнаго мореплавателя, адмирала Головнина; въ любопытномъ описаніи своихъ приключеній онъ не разъ упоминаетъ о различномъ образѣ дѣйствій Резанова и Лаксмана и столь неодинаковыхъ услугахъ, оказанныхъ ими по сношеніямъ Россіи съ Японіей. Къ невѣрной оцѣнкѣ результатовъ путешествія Лаксмана способствовало и то, что описаніе его экспедиціи, впрочемъ краткое и довольно сухое, появилось въ печати не прежде 1805 года, да тогда оно не обратило на себя почти никакого вниманія. Во время своего пребыванія въ Петербургѣ въ 1794 году, оба Лаксмана удостоились однакожъ, вѣроятно по предстательству Безбородки, нѣкоторыхъ знаковъ благоволенія со стороны императрицы: отецъ, главный виновникъ всего предпріятія, былъ награжденъ чиномъ коллежскаго совѣтника и орденомъ Владиміра 4-й степени, а сынъ произведенъ въ капитаны. Другіе участники экспедиціи также получили награды. Кромѣ того, за поднесеніе императрицѣ трехъ почетныхъ сабель, пожалованныхъ Лаксману японскимъ микадо, государыня даровала ученому путешественнику право внести изображеніе ихъ въ фамильный гербъ.

Долго Эрикъ Лаксманъ не могъ выѣхать изъ Петербурга, такъ какъ правительство колебалось въ принятіи рѣшенія по вопросу, слѣдуетъ ли воспользоваться пріобрѣтеннымъ правомъ торговыхъ сношеній съ Японіею. Къ поддержанію нерѣшительности особенно способствовало то, что около сѣверо-германскихъ береговъ крейсеровали тогда англійскіе и голландскіе корабли, и императрица не хотѣла для предпріятія сомнительной пользы возбуждать непріязнь другихъ государствъ. Наконецъ, однакожъ, эти суда удалились, а между тѣмъ государыня получила изъ Эрфурта отъ кавалера Огара (впослѣдствіи

принятого въ русскую службу) записку „о торговлѣ съ Японіей и вообще объ интересахъ ея величества въ сѣверо-восточной Азіи“. Оба эти обстоятельства могли повліять на послѣдовавшее въ 1795 году рѣшеніе предпринять новую экспедицію на дальній востокъ; но двоякое назначеніе ея, ученое и торговое, на этотъ разъ должно было выполнено быть двумя разными лицами, и только ученая часть экспедиціи была поручена Лаксману: ему было предписано отправиться по ту сторону Иртыша въ направленіи къ Бухарѣ для минералогическихъ и другихъ наблюденій по естественнымъ наукамъ, а потомъ, изъ какой-нибудь камчатской гавани, въ Японію съ такою же научною цѣлью. Ближайшимъ поводомъ къ этому предпріятію было полученное еще въ мартѣ 1794 года изъ Омска отъ генерала Страндмана донесеніе, что ханъ Ташкента и большой киргизской орды, предложивъ вступить въ торговыя съ нимъ сношенія, спрашивалъ, нѣтъ ли въ Россіи людей, способныхъ разработывать открытые близъ Ташкента золотые и серебряные рудники.

Г. Лагусъ не безъ большого правдоподобія предполагаетъ, что лицомъ, которому ввѣрялась другая, торговая часть экспедиціи, былъ Шелеховъ, и что отношенія между нимъ и Лаксманомъ именно и были причиною раздѣленія экспедиціи на два отдѣла. Но Шелеховъ внезапно умеръ въ Иркутскѣ 20-го іюля 1795 г., и тѣмъ болѣе широкое поприще открывалось Лаксману. Для предстоявшихъ ему изысканій онъ былъ вполнѣ подготовленъ прежними своими странствованіями около верховьевъ Иртыша. Въ горномъ хребтѣ, къ югу отъ киргизскихъ степей, ни одинъ естествоиспытатель еще не бывалъ; сколько привлекательнаго для пытливаго путешественника; какихъ пріобрѣтеній по минералогіи и ботаникѣ онъ могъ ожидать! „Упомянемъ“, говоритъ г. Лагусъ, „только объ одномъ: какъ было ему не надѣяться, наконецъ, на старости лѣтъ, увидѣть настоящую родину ревеня и ляписъ-лазули, двухъ произведеній, на которыя онъ издавна обратилъ особенное вниманіе, первоначальное мѣсторожденіе которыхъ онъ еще въ юности мечталъ отыскать“. Но и его дни были уже сочтены.

Понятно, что обширный планъ новаго путешествія сильно интересовалъ ученыхъ собратьевъ его и возбуждалъ въ нихъ желаніе узнать побольше подробностей о прежнихъ обстоятельствахъ его жизни. Еще въ началѣ его поприща знаменитый шведъ Гьёрвель добивался біографическихъ о немъ свѣдѣній чрезъ финлянцевъ Портана и Калоніуса. Теперь, по прошествіи многихъ лѣтъ, Гьёрвель обратился съ тѣмъ же запросомъ къ нему самому. Любопытный отвѣтъ Лаксмана изъ Петербурга отъ 5-го іюля 1795 года—послѣднее извѣстное намъ письмо его. Оно такъ ясно очерчиваетъ личность этого человѣка, что должно быть приведено здѣсь цѣликомъ: „Г. асессоръ и библіотекарь! Мнѣ было чрезвычайно пріятно получить ваше письмо отъ 12-го прошлаго

мѣсяца. Письмо отъ такого знаменитаго ученаго, заслугамъ котораго въ дѣлѣ науки я уже много лѣтъ горячо сочувствую, неожиданно доставило мнѣ живѣйшую радость. — Чтобы описывать происшествія своей собственной жизни, свои заслуги и цѣли, на это нужно много рѣшимости, надо самому быть или Бартомъ, или героемъ съ мѣднымъ лбомъ. — Я всегда жилъ очень тихо и уединенно; но можетъ-быть кто-либо изъ немногихъ близкихъ друзей моихъ знаетъ коротко ходъ моей жизни и будетъ такъ обязателенъ, что согласится сообщить вамъ скорѣе забавные, чѣмъ важные или полезные о ней анекдоты.—Главная моя заслуга въ томъ, что я писалъ очень мало, что я сроду не имѣлъ и не имѣю покровителя, что я никогда не просилъ за самого себя, что у меня есть нѣсколько благородныхъ друзей и довольно большая толпа завистниковъ. Съ глубокимъ почтеніемъ имѣю честь быть вашимъ, м. г., покорнымъ слугою Э. Лаксманъ".

Вотъ послѣднія строки, оставшіяся отъ него самого. Объ отъѣздѣ его изъ Петербурга и дальнѣйшемъ путешествіи нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Но въ слѣдующемъ году получено неожиданное извѣстіе о его смерти въ дорогѣ. На почтовой станціи, въ 118-ти верстахъ за Тобольскомъ, надо было мѣнять лошадей. Сани стоятъ на дворѣ въ ожиданіи путешественника; наконецъ, его выносятъ, умирающаго или уже мертваго вслѣдствіе внезапнаго апоплексическаго удара. Это было 5-го января 1796 года. По соображенію означеннаго разстоянія оказывается почти несомнѣннымъ, что онъ умеръ на станціи *Дресвянской*, при рѣчкѣ Вагаѣ, впадающей въ Иртышъ. „Окрестная страна", замѣчаетъ его біографъ, „носитъ уже рѣзкій отпечатокъ сибирской природы, это — мрачный, малолюдный край, гдѣ на просторѣ бушуютъ зимнія вьюги. Но можетъ быть въ Дресвянкѣ, какъ въ бо́льшей части русскихъ деревень, есть маленькая часовня съ тихимъ кладбищемъ вокругъ нея. Тамъ, можетъ быть, покоится прахъ неутомимаго на жизненномъ пути странника. Съ его кончиной прекратилась и самая порученная ему экспедиція; вѣроятно, къ нему еще не успѣли присоединиться предназначавшіеся въ помощь ему спутники, а сынъ его Адамъ, конечно, уже ранѣе его отправился къ своему семейству въ Игижинскъ. Извѣстіе о смерти Эрика Лаксмана пришло въ Петербургъ только мѣсяца черезъ полтора послѣ нея, вѣроятно чрезъ посредство тобольскаго губернатора. Въ академіи наукъ оно принято было съ большимъ соболѣзнованіемъ. Въ послѣдующее время имя Лаксмана часто упоминается съ уваженіемъ въ трудахъ его бывшихъ сотоварищей. Но давнишній противникъ его Георги, говоря о немъ въ ближайшемъ трудѣ своемъ, не отдалъ ему полной справедливости и даже позволилъ себѣ недомолвки въ исчисленіи его заслугъ, напр., умолчалъ о его японскомъ путешествіи. Если Лаксманъ не пользовался всею тою извѣстностью, какой заслуживалъ, то главною причи-

ной было то, что самъ онъ чуждался гласности, какъ можно было видѣть уже изъ приведеннаго отвѣта его Гьёрвелю. По словамъ г. Лагуса, онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ горячо преданныхъ своему дѣлу изслѣдователей, которые, довольствуясь наслажденіемъ искать и находить, тяготятся изложеніемъ добытыхъ ими результатовъ, особенно передъ такъ называемымъ „profanum vulgus“. Тѣмъ не менѣе отзывъ Георги, что Лаксманъ былъ „ein träger Schriftsteller“ (т. е. неохотно писалъ), требуетъ разъясненія. Правда, что онъ не оставилъ ни одного сколько-нибудь обширнаго сочиненія; но каждое изъ его немалочисленныхъ, хотя вообще и краткихъ разсужденій представляетъ что-либо новое и особенное, чѣмъ не всегда отличаются даже и объемистыя книги. Г. Лагусъ, обстоятельно указавъ въ своемъ мѣстѣ на всякое сообщеніе Лаксмана, представляетъ въ концѣ біографіи краткій перечень всѣхъ трудовъ его, писанныхъ на разныхъ языкахъ (русскомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ и шведскомъ); большая часть ихъ напечатаны въ различныхъ періодическихъ сборникахъ. Кромѣ того, вѣрный избранному имъ еще въ молодости девизу: „nulla dies sine linea“, Лаксманъ прилежно записывалъ свои наблюденія, хотя и не съ цѣлью обнародованія всѣхъ ихъ. Къ сожалѣнію, оставшееся послѣ него значительное собраніе бумагъ погибло въ пожарѣ, истребившемъ въ 1812 году бывшее его жилище.

Это обстоятельство и было причиною, почему въ рукахъ потомковъ Лаксмана не осталось никакихъ документовъ, которые могли бы служить матеріалами для его біографіи. Въ настоящее время остается въ живыхъ только одинъ внукъ нашего ученаго, Александръ Аѳанасьевичъ Лаксманъ, состоящій русскимъ генеральнымъ консуломъ въ Лиссабонѣ; отъ него г. Лагусъ могъ получить лишь краткій очеркъ біографіи дѣда его, составленный по сохранившимся въ ихъ родѣ отрывочнымъ свѣдѣніямъ и помѣщенный авторомъ разсматриваемой книги въ приложенныхъ къ ней обширныхъ примѣчаніяхъ. Тѣмъ бóльшую заслугу должно признать за біографомъ, который въ теченіе многихъ лѣтъ съ неутомимою заботливостью собиралъ матеріалы для задуманнаго имъ изслѣдованія о жизни и дѣятельности своего соотечественника. Часть ихъ была сообщаема ему въ нѣсколько пріемовъ изъ архива академіи наукъ, которая, кромѣ того, охотно приняла на себя официальныя сношенія съ начальствующими въ Сибири лицами для полученія изъ тамошнихъ архивовъ свѣдѣній о Лаксманѣ. Къ сожалѣнію, приходится однакожъ прибавить, что добытое изъ этого источника оказалось весьма скуднымъ. Самые обильные результаты доставило г. Лагусу обращеніе къ шведскимъ архивамъ, откуда ему было прислано множество писемъ Эрика Лаксмана къ естествоиспытателямъ и другимъ знаменитостямъ Швеціи. Нельзя не отдать справедливости необыкновенному трудолюбію автора и въ томъ отношеніи,

что онъ съ самымъ тщательнымъ вниманіемъ прослѣдилъ содержаніе всѣхъ научныхъ трудовъ Лаксмана, хотя и относящихся къ чуждой біографу спеціальности. Впрочемъ, многосторонняя ученость г. Лагуса давно извѣстна изъ прежнихъ трудовъ его, доказывающихъ, съ какимъ интересомъ онъ умѣетъ относиться къ самымъ разнороднымъ предметамъ науки и литературы. Изъ сочиненій его ближе всѣхъ къ разбираемому подходитъ напечатанная имъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ біографія знаменитаго финляндца Нордстрёма, нѣкогда бывшаго профессоромъ гельсингфорсскаго университета, а въ 1840 годахъ переселившагося въ Швецію и недавно умершаго тамъ въ должности государственнаго архиваріуса. Во всѣхъ трудахъ г. Лагуса преобладаетъ историческое направленіе, рано пробудившееся въ немъ подъ вліяніемъ дѣятельности покойнаго отца его, занимавшаго одну изъ юридическихъ каѳедръ въ Александровскомъ университетѣ и извѣстнаго между прочимъ своею страстью къ собиранію историческихъ памятниковъ. Другую замѣчательную сторону трудовъ ученаго біографа составляетъ ихъ внѣшняя форма, художественное изложеніе, достоинство, какъ извѣстно, не всегда сопровождающее глубокія филологическія свѣдѣнія, какими отличается нашъ авторъ, знатокъ не однихъ классическихъ языковъ, но и арабскаго. Лицамъ, участвовавшимъ въ конгрессѣ оріенталистовъ, бывшемъ въ 1876 году въ Петербургѣ, памятна изящная латинская рѣчь, произнесенная г. Лагусомъ. Такимъ образомъ, мы видимъ въ немъ одного изъ выдающихся представителей современной финляндской литературы, и послѣднее обширное сочиненіе его еще болѣе утвердило за нимъ право на это признаніе. Біографія Лаксмана, уже по одному содержанію своему, какъ біографія лица, дѣйствовавшаго въ Россіи и для Россіи и одно время принадлежавшаго нашей академіи наукъ, заслуживаетъ быть переведенною на русскій языкъ. Русскіе читатели съ благодарностью оцѣнили бы заслугу писателя, возстановившаго для потомства симпатическій образъ иноплеменнаго ученаго, который, переселившись въ Россію, горячо полюбилъ ее и задачею своей жизни поставилъ служеніе новому своему отечеству изученіемъ его и распространеніемъ познаній о его естественныхъ богатствахъ.

НЕКРОЛОГИ.

Одертъ Грипенбергъ [1]).

1848.

Финляндія лишилась недавно одного изъ самыхъ достойныхъ гражданъ своихъ. По благородству души, по возвышенности понятій, по чистотѣ намѣреній найдется немного людей, подобныхъ Грипенбергу; но и несчастіе его было необыкновенно. Уваженіе къ его памяти налагаетъ на насъ отрадную обязанность составить очеркъ его дѣятельности и характера. По волѣ судьбы, онъ не успѣлъ вполнѣ осуществить своихъ плановъ, ни пріобрѣсти громкой извѣстности; но ужели неудача должна отнимать у заслуги право на общее вниманіе? Напротивъ, мы увѣрены, что люди, умѣющіе дорожить истиннымъ достоинствомъ и не увлекающіеся, часто обманчивымъ блескомъ внѣшнихъ успѣховъ, прочтутъ съ участіемъ наши воспоминанія о Грипенбергѣ. Бывъ пораженъ высокою личностію его, авторъ этихъ строкъ въ самомъ началѣ знакомства съ нимъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, просилъ Грипенберга разсказать главныя черты его тревожной жизни и вскорѣ послѣ того записалъ слышанное. Такимъ образомъ собственный разсказъ покойнаго, подкрѣпляемый голосомъ всѣхъ его знавшихъ, послужитъ основаніемъ нашего очерка. Между тѣмъ въ Финляндіи собираются матеріалы для полной его біографіи.

Одертъ Грипенбергъ былъ старшій сынъ генерала, замѣчательнаго въ исторіи Финлянской войны 1808—9 года. Онъ родился 14 апрѣля 1788. Еще бывъ мальчикомъ лѣтъ 12-ти, онъ почувствовалъ неодолимое влеченіе посвятить свою жизнь какому-нибудь роду дѣятельности, полезному для человѣчества. Въ началѣ идеаломъ его было званіе судьи, но по волѣ отца, назначавшаго его въ военную службу, онъ въ 1802 году поступилъ въ финляндскій кадетскій корпусъ. Тамъ Грипенбергъ былъ постоянно первымъ по ученію. По выходѣ изъ корпуса, онъ поступилъ прапорщикомъ въ генеральный штабъ шведской арміи, и, въ качествѣ адъютанта находясь при своемъ отцѣ, участвовалъ съ отличіемъ въ кампаніи 1808—9 года. Но ни тревоги военной жизни, ни развлеченія свѣта не могли заглушить въ немъ голоса, издавна призывавшаго его на поприще гражданскихъ добродѣтелей. Только неопредѣленная мечта отрока, еще безотчетно чувствовавшаго свое призваніе,

[1]) *С.-Петербургскія Вѣдомости* 1848 года №№ 91 и 92, стран. 364 и 368.

приняла въ юношѣ совсѣмъ новое и уже рѣшительное направленіе. Ближайшее знакомство съ людьми, съ ихъ пороками, слабостями и невѣжествомъ, сильно подѣйствовало на пылкую душу молодого наблюдателя. Изыскивая причины этихъ горестныхъ явленій, онъ увидѣлъ въ воспитаніи корень главныхъ золъ, и далъ себѣ обѣтъ содѣйствовать всѣми силами къ улучшенію столь важной части общественнаго быта.

По окончаніи войны онъ отправился въ Стокгольмъ. Чувствуя необходимость приготовиться надлежащимъ образомъ къ званію, которому онъ хотѣлъ себя посвятить, Грипенбергъ рѣшился прежде всего предпринять путешествіе, чтобы изучить на мѣстахъ современное положеніе педагогики и различныя методы въ главныхъ государствахъ Европы.

Это было въ 1810 году. Обстоятельства облегчили Грипенбергу приступъ къ исполненію его плана. Имя Наполеона гремѣло тогда въ Европѣ; на западѣ начинались вооруженія для предполагаемаго похода противъ Россіи. Три офицера шведской арміи, въ числѣ ихъ и младшій братъ Грипенберга, просили позволенія правительства вступить въ ряды Вестфальской арміи. Подъ видомъ такого же намѣренія, Одертъ Грипенбергъ обратился къ тогдашнему кронпринцу Швеціи, просвѣщенному и человѣколюбивому Карлу Августу. Найдя въ немъ великодушнаго покровителя, Грипенбергъ откровенно признался ему, что занятъ совсѣмъ другою мыслію. Кронпринцъ, желая испытать твердость Грипенберга, живо представилъ ему всѣ трудности предпріятія, но, видя въ немъ непоколебимую рѣшимость, онъ со слезами на глазахъ далъ ему записку къ своему комиссіонеру въ Гамбургѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ запретилъ кому бы ни было говорить о ней.

Съ пламеннымъ усердіемъ къ добру и съ твердымъ упованіемъ на помощь Божію, Грипенбергъ въ январѣ 1810 г. отправился въ Германію. Въ Гамбургѣ онъ узналъ, что бумага, которую онъ привезъ изъ Швеціи, содержала въ себѣ предписаніе, чтобы путешественнику выдаваемо было изъ казны кронпринца столько денегъ, сколько на его издержки будетъ потребно! Грипенбергъ изумился, и какъ ни нуждался въ деньгахъ, не хотѣлъ принять ничего; по настоятельному требованію комиссіонера, онъ однакожъ назначилъ умѣренную сумму: тотъ выдалъ ему вдвое болѣе.

Въ Гамбургѣ онъ разстался съ братомъ. Первымъ пунктомъ его ученаго обозрѣнія было знаменитое въ то время училище Зальцмана въ деревнѣ Шнепфенталѣ близъ Готы. Тутъ, можетъ быть, намъ слѣдовало бы представить обзоръ исторіи новой науки воспитанія, основанной Базедовомъ и усовершенствованной Зальцманомъ, Фелленбергомъ, Кампе, Песталоцци и пр.; но по важности предмета такой обзоръ требовалъ бы особой статьи. Довольно замѣтить, что заведеніе Зальцмана въ то время было въ цвѣтущемъ состояніи, и что Грипенбергъ

уже здѣсь нашелъ отчасти осуществленіе своихъ человѣколюбивыхъ плановъ. Во время пребыванія въ Шнепфенталѣ онъ познакомился съ знаменитымъ скрипачемъ-композиторомъ Споромъ, и сталъ брать у него уроки. Проживъ въ Шнепфенталѣ нѣсколько недѣль, путешественникъ нашъ пѣшкомъ отправился далѣе на югъ и въ 35 дней совершилъ 80 нѣмецкихъ миль, т. е. 560 русскихъ верстъ, — разстояніе отъ Шнепфенталя до Шафгаузена. Здѣсь судьба приготовила ему встрѣчу съ незнакомымъ странникомъ (Ульрици), котораго цѣль близко подходила къ цѣли Грипенберга. Молодые люди съ перваго свиданія коротко познакомились другъ съ другомъ и согласились продолжать путешествіе вмѣстѣ. Изъ Шафгаузена отправились они въ Ивердонъ, городъ, стоящій на южномъ краю Невшательскаго озера, и гдѣ, какъ извѣстно, процвѣтало въ то время училище Песталоцци. Глубокая идея системы Песталоцци поразила Грипенберга, и онъ сдѣлался ревностнымъ приверженцемъ ея. Въ классахъ Песталоцци сидѣло, сверхъ малолѣтнихъ учениковъ, и множество взрослыхъ слушателей, собравшихся со всѣхъ концовъ Европы изучать его методу. Къ числу ихъ присоединился и Грипенбергъ съ новымъ другомъ своимъ.

Скоро послѣ пріѣзда къ Песталоцци Грипенбергъ получилъ письмо изъ Касселя отъ своего брата, который писалъ ему, что онъ опредѣлился въ Вестфальскую гвардію, что войскамъ неожиданно отданъ приказъ выступить въ походъ, но что ему не на что запастить необходимѣйшими предметами, почему онъ проситъ поскорѣе прислать ему денегъ. Грипенбергъ тотчасъ отправился въ Кассель и, найдя брата въ самомъ стѣсненномъ положеніи, отдалъ ему все, что у него было, не оставивъ себѣ самому даже и прогоновъ для возвращенія въ Ивердонъ. Братья разстались. Младшій съ Вестфальскою арміею отправился въ походъ и въ 1812 году погибъ, неизвѣстно въ какомъ сраженіи, а старшій поспѣшилъ назадъ къ Песталоцци и опять, по необходимости, пѣшкомъ. Прибывъ въ Ивердонъ, онъ тотчасъ отписалъ къ комиссіонеру своего покровителя, и тотъ прислалъ ему опять двойную сумму противъ той, какой онъ просилъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и горестное извѣстіе, что кронпринцъ скончался (28 мая 1810 г.).

Не въ дальнемъ разстояніи отъ Ивердона, именно въ имѣніи Говиль близъ Берна, дѣйствовалъ на томъ же поприщѣ и согласно съ Песталоцци еще необыкновенный человѣкъ, Фелленбергъ. Вмѣстѣ съ воспитаніемъ, улучшеніе земледѣлія было его постоянною заботою. Сѣяльная машина, которая здѣсь мелькнула предъ глазами Грипенберга, не осталась безъ важныхъ для него послѣдствій.

Такимъ образомъ начало дѣятельности Грипенберга неразрывно связано съ именами, замѣчательными въ исторіи европейскаго просвѣщенія. Въ декабрѣ 1810 г. Грипенбергъ возвратился въ Швецію съ

своимъ другомъ Ульрици. Но вскорѣ получилъ онъ отъ отца изъ Финляндіи письмо, въ которомъ тотъ просилъ его, чтобы онъ, если уже непремѣнно хочетъ посвятить себя образованію юношества, возвратился на родину. Въ 1811 году онъ и пріѣхалъ въ Финляндію. Графъ Армфельтъ, отецъ нынѣшняго министра статсъ-секретаря по дѣламъ В. К. Финляндіи, коротко знавшій Грипенберга-отца, вызвалъ сына въ Петербургъ; зная его блестящія способности, графъ уговаривалъ его оставить свои педагогическіе планы и опять опредѣлиться въ военную службу. Ему дѣлаемы были самыя выгодныя, самыя лестныя предложенія, которыя всякій другой, конечно, принялъ бы съ гордостію. Ничто не могло поколебать его твердой рѣшимости: согласясь остаться въ Финляндіи, онъ, однакожъ, не отказался отъ своихъ педагогическихъ плановъ. Его отвѣтъ Государю Императору Александру Павловичу на сдѣланныя ему предложенія: „Sire, je n'existe que pour l'éducation de la jeunesse, et l'éducation pour moi" — поразилъ Монарха, который съ тѣхъ поръ сдѣлался его высокимъ покровителемъ.

Вскорѣ послѣ того Грипенбергъ женился и завелъ училище въ г. Тавастгусѣ, основанное на совершенно новыхъ началахъ, выведенныхъ имъ изъ сравненія господствовавшихъ въ Германіи системъ воспитанія. По хозяйственнымъ соображеніямъ, онъ въ октябрѣ 1813 года перенесъ свое училище въ г. Бьёрнеборгъ, гдѣ оно скоро пришло въ самое цвѣтущее состояніе. У него было нѣсколько отличныхъ учителей, въ числѣ ихъ и двое иностранцевъ (одинъ изъ нихъ былъ Ульрици). Шесть бѣдныхъ дѣтей постоянно содержались у Грипенберга на всемъ готовомъ безплатно. По случаю смерти отца, онъ въ 1817 г. перенесъ свое училище на мызу Войпалу, доставшуюся ему по наслѣдству. — Императоръ Александръ, во время своего достопамятнаго путешествія по Финляндіи въ 1819 г., посѣтилъ и Войпалу. Здѣшнее заведеніе Государь удостоилъ самаго внимательнаго осмотра, а семейство Грипенберга осчастливилъ знаками Своего благоволенія. Радостные клики воспитанниковъ: „Vive l'Empereur" тронули царя, который часто вспоминалъ объ основателѣ сего благодѣтельнаго и полезнаго заведенія. Этотъ любопытный эпизодъ путешествія Александра разсказанъ нами особо.

Для улучшенія своего училища Грипенбергъ не щадилъ ни трудовъ, ни издержекъ; но, стараясь имѣть лучшихъ учителей, онъ по отдаленности училища былъ вынужденъ давать имъ большую плату, которая не покрывалась взносами за учениковъ. Онъ не соображалъ доходовъ съ расходами — обыкновенный недостатокъ энтузіастовъ, и вскорѣ состояніе его до того разстроилось, что онъ долженъ былъ думать о закрытіи своего училища и продажѣ своей деревни Войпалы. Предпринявъ въ 1823 г. поѣздку въ С.-Петербургъ, съ намѣреніемъ прибѣгнуть къ великодушію правительства, онъ познакомился съ

тогдашнимъ директоромъ Фридрихсгамскаго кадетскаго корпуса, генералъ-маіоромъ П. П. Теслевымъ, который, находя, что между кадетами всегда отличались особенно бывшіе ученики Грипенберга, предложилъ ему присоединить училище его къ корпусу. Грипенбергъ согласился и, по исходатайствованіи на то Высочайшаго разрѣшенія, въ томъ же году перенесъ свое училище въ г. Фридрихсгамъ. Съ пламеннымъ усердіемъ началъ онъ заниматься новымъ устройствомъ училища, которое должно было служить приготовительнымъ заведеніемъ для кадетскаго корпуса, подъ названіемъ элементарнаго училища финляндскаго кадетскаго корпуса. Онъ составилъ подробный планъ преподаванія и инструкцію для учителей. Правительство ободряло отличіями неутомимаго педагога, и нѣсколько лѣтъ все шло какъ нельзя лучше. Но въ 1827 году Грипенбергъ, вслѣдствіе чрезмѣрныхъ усилій, заболѣлъ опасно; нервы его были разстроены; онъ страдалъ мучительною головною болью, зрѣніе начало ослабѣвать и мало-по-малу глазная болѣзнь превратилась въ слѣпоту. Съ примѣрнымъ смиреніемъ Грипенбергъ несъ свое великое несчастіе; никогда ни одна жалоба не выходила изъ устъ его. Всевозможныя средства были испытываемы для его излѣченія; цѣлыхъ 15 мѣсяцевъ онъ долженъ былъ постоянно носить на глазахъ повязку и во все это время находиться въ темной комнатѣ. Наконецъ, въ 1829 году искусный окулистъ въ Стокгольмѣ возвратилъ ему зрѣніе. Но тогда Грипенбергъ уже былъ въ отставкѣ. Не смотря на убѣжденія сослуживцевъ и друзей, онъ объявилъ рѣшительно, что не хочетъ пользоваться жалованьемъ, когда уже не можетъ заслуживать его, и, довольствуясь небольшою пенсіею, поселился въ деревнѣ. Но все имѣніе его уже было истрачено на пользу общую, накопились даже значительные долги, и чтобы содержать свое семейство, Грипенбергъ вынужденъ былъ взять на аренду мызу близъ г. Борго. Съ 1830 по 1835 годъ онъ жилъ на этой мызѣ, совершенно оставивъ педагогическое поприще и занимаясь однимъ земледѣліемъ. Но и тутъ его преслѣдовало несчастіе: именно въ эти годы Финляндія страдала повсемѣстнымъ неурожаемъ. Долги Грипенберга увеличились, и потому онъ осенью 1835 года, по совѣту нѣкоторыхъ друзей, рѣшился вновь завести училище въ Гельсингфорсѣ. — Между тѣмъ отъ сельской жизни его здоровье въ значительной мѣрѣ поправилось, такъ что онъ съ новыми силами и съ прежнимъ энтузіазмомъ началъ заниматься устройствомъ своего новаго училища, которое вскорѣ пріобрѣло блестящій успѣхъ. Между тѣмъ къ главной идеѣ его жизни присоединилась еще другая, отъ осуществленія которой онъ мало по малу началъ ожидать поправленія своего разстроеннаго состоянія, а чрезъ то и возможности осуществить свои педагогическіе планы, для исполненія которыхъ ему недоставало только денежныхъ средствъ.

Еще лѣтомъ 1834 года онъ задумалъ сѣяльную машину, которая была бы совершеннѣе всѣхъ, до него изобрѣтенныхъ. Послѣ долгихъ размышленій и опытовъ это удалось ему въ замѣчательной степени [1]). Вскорѣ Грипенбергъ пріобрѣлъ патентъ на свое изобрѣтеніе въ Финляндіи и въ Швеціи. Въ 1838 году осенью онъ предпринялъ поѣздку въ Стокгольмъ, гдѣ показалъ употребленіе своей машины на практикѣ въ тамошнемъ земледѣльческомъ институтѣ и заслужилъ всеобщее одобреніе. Потомъ весною въ 1839 году, бывъ представлена въ С.-Петербургѣ, она удостоилась похвальнаго отзыва отъ ученаго комитета министерства государственныхъ имуществъ и директора здѣшняго земледѣльческаго училища.

Между тѣмъ, при настоящемъ положеніи сельскаго хозяйства въ сѣверныхъ государствахъ, изобрѣтеніе его не могло ожидать тамъ обширнаго успѣха въ примѣненіи. Потому онъ сталъ думать о посѣщеніи Англіи, гдѣ употребленіе машинъ въ земледѣліи почти вездѣ заведено. Года три тому назадъ подпискою въ Финляндіи собрана была достаточная сумма, для доставленія изобрѣтателю возможности предпринять поѣздку въ Англію. На одномъ пароходѣ съ нимъ ѣхалъ въ Лондонъ знаменитый Мурчисонъ, возвращавшійся изъ Россіи. Заинтересованный личностію Грипенберга и цѣлью его поѣздки, Мурчисонъ далъ ему письмо къ Гудсону, секретарю англійскаго земледѣльческаго общества, а тотъ отрекомендовалъ его богатому помѣщику Пьюси, члену парламента и попечителю означеннаго общества. Этотъ достойный человѣкъ, пользующійся въ Англіи всеобщимъ уваженіемъ не только по своимъ глубокимъ познаніямъ, но и по личнымъ качествамъ, принялъ Грипенберга съ рѣдкою благосклонностію и сдѣлался его ревностнымъ покровителемъ и другомъ. Показавъ Грипенбергу двѣ англійскія сѣяльныя машины различной конструкціи, для сравненія, Пьюси приступилъ къ самому подробному осмотру модели, привезенной Грипенбергомъ, и

[1]) Главная цѣль придуманной имъ машины — возможно-равномѣрное сѣяніе и избѣжаніе тѣмъ самымъ лишней траты сѣмянъ; а главныя качества ея слѣдующія: 1) Ровная разсыпка сѣмянъ рядами или сплошь, какъ угодно. 2) Возможность опредѣлить разстоянія между рядами посѣва въ какую угодно ширину. 3) Сѣять часто или рѣдко, независимо отъ ширины рядовъ и отъ разстоянія между ними. 4) Опредѣлять количество посѣва на извѣстное пространство и повѣрять это во время сѣянія. 5) Засыпка сѣмянъ землею болѣе или менѣе. 6) Сѣять всякія сѣмена, отъ самыхъ крупныхъ до мельчайшихъ. 7) Сѣять въ какую угодно почву, влажную или сухую, глыбистую или рыхлую, и даже въ усѣянную мелкими камнями. 8) Сѣять при сильномъ вѣтрѣ, точно такъ же, какъ въ тихую погоду. 9) Въ то же время засыпать сѣмена искусственнымъ навозомъ. 10) Отдѣлять отъ полезныхъ сѣмянъ всякіе плевела. 11) Послѣ того полоть между рядами, и 12) Засыпать посѣвъ въ одно время. При всей сложности машины, которая состоитъ изъ разныхъ, легко разнимаемыхъ приборовъ, употребленіе ея въ полѣ легко изучается. Сверхъ того можно придѣлать къ ней особый ареометръ.

результатомъ этого осмотра былъ совѣтъ Грипенбергу пріобрѣсти въ Англіи патентъ на его изобрѣтеніе и съ готовою машиною явиться въ собраніе агрономовъ, назначенное въ г. Нью-Кастлѣ въ іюлѣ 1846 года.

По возвращеніи въ Гельсингфорсъ, Грипенбергу удалось найти человѣка, готоваго пожертвовать 2.000 руб. сер. на пріобрѣтеніе патента и на покрытіе издержекъ необходимаго къ тому путешествія. Осенью 1846 года Грипенбергъ явился съ своею машиною въ Нью-Кастлѣ; начало дѣла обѣщало успѣхъ, и на слѣдующій годъ надобно было, для окончанія его, вторично ѣхать въ Англію. Для этой цѣли открылась въ Финляндіи новая подписка. Еще осенью 1847 года Грипенбергъ отправился въ Стокгольмъ, чтобы тамъ дождаться результатовъ ея, но въ послѣднихъ числахъ декабря онъ занемогъ; вскорѣ оказалась водяная въ груди, врачебная помощь призвана была слишкомъ поздно, и 17 (29) прошлаго января Грипенбергъ скончался скоропостижно отъ апоплексическаго удара въ сердце, вдали отъ семейства, но къ счастію на рукахъ земляковъ, привязанныхъ къ нему узами искренней, испытанной дружбы.

Такимъ образомъ смерть постигла его въ такое время, когда онъ съ радостною увѣренностію считалъ себя уже близкимъ къ цѣли, которая столько лѣтъ влекла его и сулила ему вознагражденіе за столько трудовъ, лишеній и страданій! Кто знаетъ людей, кому извѣстно ихъ равнодушіе ко всему, что̀ забыто счастіемъ, молвою и другими идолами свѣта, тотъ не удивится, когда мы скажемъ, что кончина Грипенберга вообще не произвела сильнаго впечатлѣнія на его соотечественниковъ. Можетъ быть, потомство будетъ къ нему справедливѣе, если обстоятельства позволятъ его машинѣ занять въ ряду изобрѣтеній нашего вѣка то мѣсто, которое принадлежитъ ей по всей справедливости, согласно съ отзывами свѣдущихъ цѣнителей.

Всѣ, лично знавшіе его, глубоко поражены были потерею Грипенберга. Извѣстіе о смерти его возобновило въ нашей душѣ, со всею живостію прежнихъ впечатлѣній, образъ этого замѣчательнаго человѣка. Не смотря на душевныя заботы и скорби, благородное лицо его всегда носило печать спокойствія и веселости. Въ его глазахъ и улыбкѣ выражалось благорасположеніе къ людямъ. Прекрасная голова, высокій ростъ, прямой станъ — все это составляло рѣзкую противуположность съ его стѣсненными обстоятельствами. Но его простая и нѣсколько оригинальная одежда объясняла многое касательно его жизни. Какимъ знаніемъ людей, какою преданностію Провидѣнію дышали его разговоры! Ясно видѣлъ онъ людскія заблужденія и предразсудки, но о нихъ говорилъ не съ негодованіемъ, а только съ сожалѣніемъ! Онъ былъ такъ глубоко увѣренъ, что общество въ своихъ понятіяхъ и учрежденіяхъ идетъ къ усовершенствованію, если не всегда прямымъ путемъ, то все-таки непрерывно и вѣрно! Между слабостями людей

онъ особенно любилъ останавливаться на томъ, что они такъ рѣдко умѣютъ жертвовать своими частными выгодами пользѣ общей, и что міръ принялъ бы совершенно другой видъ, если-бы всѣ мы дѣйствовали не лично для себя, а для общества.

Другая мысль его, которая запечатлѣлась въ нашей памяти, имѣла предметомъ смерть. Часто говорилъ онъ о томъ, какъ люди не понимаютъ этого великаго событія, въ сущности вовсе не страшнаго, а напротивъ благодѣтельнѣйшаго, и только воображеніемъ превращеннаго въ мрачный, неумолимый призракъ.

То, что̀ Грипенбергъ говорилъ, не было одними словами: вся жизнь его была оправданіемъ его возвышенной философіи; къ нему не относилась эта мысль Монтаня, что „какъ ни живетъ человѣкъ, а только въ минуту смерти онъ покажетъ, каковъ онъ дѣйствительно". Грипенбергъ, хотя и лежалъ уже нѣсколько времени на одрѣ болѣзни, но онъ еще не думалъ умирать, какъ вдругъ настала послѣдняя его минута. Зная его, можно съ увѣренностію сказать, какъ бы онъ встрѣтилъ смерть, еслибъ она явилась къ нему и не такъ неожиданно... Прошлою осенью видѣли мы его въ Стокгольмѣ и, прощаясь съ нимъ у парохода, не предчувствовали, что болѣе съ нимъ не увидимся, и онъ самъ вѣрно тогда не предчувствовалъ, что такъ скоро разстанется съ свѣтомъ земнымъ и людьми, для которыхъ хотѣлъ быть еще полезенъ; но прискорбнѣе всего то, что Грипенбергъ, пожертвовавшій всѣмъ собственнымъ состояніемъ на пользу общую, оставилъ въ самомъ бѣдномъ положеніи семейство свое, которому былъ подпорою.

Не много встрѣтишь людей, по высокости души подобныхъ ему. Вотъ почему для насъ было особенною отрадою сохранить нѣкоторыя черты человѣка, драгоцѣнныя для человѣчества, ему въ честь, другимъ въ назиданіе, а намъ въ утѣшеніе.

Профессоръ Кастренъ [1]).

1852.

Нынѣшній годъ особенно неблагопріятенъ для ученаго сословія Финляндіи: въ короткое время Александровскій университетъ лишился троихъ профессоровъ. Сначала, въ февралѣ, умеръ заслуженный профессоръ медицины Урсинъ, бывшій ректоромъ въ 1840 году, когда на юбилейныхъ празднествахъ университета и многіе русскіе имѣли случай

[1]) *С.-Петербургскія Вѣдомости,* 13 мая 1852 года, № 106, стран. 431 и 432.

познакомиться съ достойнымъ его представителемъ. Потомъ, въ апрѣлѣ, смерть похитила внезапно профессора богословія Лауреля, пользовавшагося уваженіемъ всего края, какъ по своимъ обширнымъ познаніямъ и опытности педагога, такъ и по благородному характеру. Хотя Урсинъ и Лаурель были люди немолодые, особенно первый, который приближался уже къ 70-тилѣтнему возрасту, однакожъ неожиданная утрата ихъ горестно поразила университетъ и весь Гельсингфорсъ. Но самое сильное впечатлѣніе произвела здѣсь недавно кончина филолога, котораго имя въ послѣдніе годы встрѣчалось довольно часто и въ русскихъ журналахъ: 25 апрѣля, послѣ долговременной и изнурительной болѣзни, окончилъ свое земное странствованіе М. А. Кастре́нъ; ему было всего 38 лѣтъ отроду и онъ только съ небольшимъ годъ носилъ званіе профессора финскаго языка и словесности. Это потеря чрезвычайно чувствительна для филологіи: Кастре́нъ посвятилъ себя изслѣдованію финскихъ языковъ въ обширнѣйшемъ смыслѣ и былъ на этомъ поприщѣ первымъ и единственнымъ дѣятелемъ съ такимъ огромнымъ запасомъ приготовительныхъ свѣдѣній и работъ. Пишущій эти строки, который Кастре́ну былъ обязанъ первоначальными своими познаніями въ финскомъ языкѣ, помнитъ то время, когда этотъ, тогда еще молодой ученый говаривалъ, что величайшимъ благополучіемъ почелъ бы путешествіе по Сибири для изученія нарѣчій и быта своихъ приуральскихъ соплеменниковъ. Обстоятельства вскорѣ позволили ему осуществить эту любимую мечту. Побывавъ у лапландцевъ и у самоѣдовъ, онъ наконецъ могъ посѣтить и страны, которыя наиболѣе манили его любознательность: посреди невообразимыхъ трудностей, лишеній и даже опасностей, онъ провелъ нѣсколько лучшихъ лѣтъ жизни на тундрахъ и снѣгахъ Сибири. Съ неутомимо-упорнымъ трудолюбіемъ и желѣзнымъ терпѣніемъ финна онъ собралъ тамъ драгоцѣннѣйшіе матерьялы для филологіи и этнографіи уральскихъ и алтайскихъ народовъ и теперь намѣревался мало-по-малу разработать эти литературныя богатства, какъ вдругъ неумолимая судьба прекратила его дѣятельность. Въ разныхъ русскихъ изданіяхъ сороковыхъ годовъ были представлены нами отрывки изъ путевыхъ записокъ Кастре́на [1]); потомъ сообщили мы также нѣсколько извѣстій о первыхъ трудахъ его по университету [2]). Теперь лежитъ на насъ печальная обязанность представить нѣсколько подробностей для некролога этого замѣчательнаго человѣка, и мы извлечемъ ихъ въ переводѣ изъ небольшой статьи, напечатанной на-дняхъ въ Гельсингфорсѣ однимъ изъ земляковъ и старинныхъ товарищей покойнаго.

[1]) См. особенно *Альманахъ въ память двухсотлѣтняго юбилея Александровскаго университета* и *Современникъ*, т. XXIX, XXX и XXXIX.

[2]) Въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* (*см. выше, стр. 599, 603—5*).

Онъ родился 2 декабря (н. ст.) 1813 года, верстахъ въ 40 къ сѣверу отъ верхней оконечности Ботническаго залива и не далѣе, какъ въ 60-ти къ югу отъ полярнаго круга. Тамъ, на берегахъ быстрой рѣки Кеми, лежитъ небольшой приходъ Тервола, въ которомъ отецъ его былъ тогда пасторомъ. Одиннадцати лѣтъ отроду Кастре́нъ лишился отца, оставившаго еще двѣнадцать другихъ дѣтей, но къ счастію онъ нашелъ опытнаго и заботливаго руководителя въ дядѣ своемъ — докторѣ М. Кастре́нѣ, бывшемъ также пасторомъ въ той отдаленной странѣ. Въ обществѣ этого ученаго и достойнаго человѣка онъ полюбилъ науку, особливо естествовѣдѣніе, которымъ дядя его предпочтительно занимался въ свободныя минуты.

Посреди шумныхъ потоковъ своей пустынной родины, Кастре́нъ съ молоду укрѣпилъ свои силы для будущихъ трудовъ и тогда уже познакомился съ лишеніями и привычкою самому помогать себѣ. Рука и сердце дяди всегда были для него открыты; но онъ рѣдко прибѣгалъ къ нимъ. Вскорѣ по смерти отца онъ поступилъ въ улеаборгское училище и здѣсь уже началъ добывать хлѣбъ обученіемъ малолѣтнихъ дѣтей. Онъ работалъ много и рѣдко участвовалъ въ играхъ сверстниковъ своихъ, но добродушная сатира, свойственная ему, какъ финну, умягчала суровость его характера, такъ что, если нѣкоторые товарищи и боялись его, зато онъ былъ любимъ всѣми прочими.

Въ 1830 году, слѣдовательно на 17-мъ отроду, онъ съ честью поступилъ въ Гельсингфорсскій университетъ студентомъ. Здѣсь онъ продолжалъ привычную борьбу съ нуждою. Онъ трудился день и ночь, иногда по 10 часовъ въ день занятъ былъ приватными уроками и, несмотря на то, не всегда имѣлъ достаточное пропитаніе. Онъ готовился въ пасторы и три года изучалъ съ особенною любовью греческій языкъ, а еще болѣе языки восточные, чѣмъ и положилъ онъ самое прочное основаніе будущимъ филологическимъ своимъ изслѣдованіямъ. Можетъ быть, съ этого уже времени опредѣлилось направленіе его ума; но самъ онъ послѣ разсказывалъ, какъ одна статья Раска, въ которой этотъ знаменитый филологъ указываетъ на важность изслѣдованія финскихъ нарѣчій, пробудила въ немъ первую мысль посвятить себя исключительно этому предмету. Финское племя, разселенное на огромномъ пространствѣ сѣверной Европы и Азіи, окруженное народами другого происхожденія и во многихъ мѣстахъ уже исчезающее, составляетъ замѣчательную и до сихъ поръ мало извѣстную вѣтвь рода человѣческаго. Въ продолженіе тысячелѣтнихъ странствованій отъ подошвы Алтая на западъ и сѣверъ, это племя оставило слѣды свои на протяженіи 80 градусовъ долготы — зрѣлище, исполненное интереса для исторіи и языкознанія. Пролить свѣтъ науки на эти неизмѣримыя разстоянія во времени и пространствѣ, на это движеніе народовъ и языковъ, сгруппировать ихъ, сличить, при-

вести въ систему, описать ихъ и такимъ образомъ дать имъ мѣсто въ исторіи человѣчества — такова была прекрасная цѣль Кастре́на, — цѣль, которой онъ пожертвовалъ спокойствіемъ, здоровьемъ и наконецъ жизнью.

Получивъ степень магистра въ 1836 году, онъ черезъ три года занялъ при университетѣ мѣсто доцента языковъ финскаго и древняго скандинавскаго. Незадолго до того ѣздилъ онъ два раза въ Лапландію; потомъ въ 1841 г. онъ вмѣстѣ съ Ленротомъ посѣтилъ берега Бѣлаго моря, въ слѣдующемъ же году продолжалъ одинъ путешествіе по прибрежью Ледовитаго моря до устья Печоры, потомъ вверхъ по теченію этой рѣки, на берегахъ которой онъ провелъ лѣто 1843 г., объѣздилъ тундры самоѣдовъ, въ концѣ года прибылъ въ Обдорскъ, къ устьямъ Оби, но здѣсь по разстроенному здоровью принужденъ былъ оставить дальнѣйшее путешествіе на востокъ и возвратиться въ Гельсингфорсъ весною 1844 г., гдѣ тогда же выдержалъ экзаменъ на степень доктора. Многіе думали, что теперь Кастре́нъ предастся отдыху,— никто изъ финляндцевъ до него не проникалъ такъ далеко на востокъ и сѣверъ. Но уже въ февралѣ 1845 г., когда его здоровье поправилось, онъ опять пустился въ путь, поѣхалъ черезъ Казань въ Тобольскъ, странствовалъ до весны 1846 года около Иртыша, Оби и средняго Енисея, а послѣ того до весны 1847 г. около низовьевъ этой послѣдней рѣки. Въ томъ же году и до осени 1848 г. онъ объѣзжалъ страны верхняго Енисея и озера Байкала, на востокъ достигалъ Нерчинска, а на югъ Маймачина, т. е. китайской границы. Всѣ эти поѣздки и нездоровыя жилища, гдѣ онъ зимовалъ, снова разстроили его слабое здоровье; лихорадки и кровохарканіе не разъ приводили жизнь его въ опасность; однажды случилось даже, что окружавшіе его безчувственные люди, считая его при послѣднемъ издыханіи, уже дѣлили между собой его пожитки. Но Провидѣніе допустило его увидѣть еще разъ свою родину, куда и возвратился онъ съ обильными пріобрѣтеніями, но съ испорченнымъ навсегда здоровьемъ, въ началѣ 1849 года.

Для первыхъ своихъ поѣздокъ Кастре́нъ имѣлъ небольшое пособіе отъ Финскаго литературнаго общества; потомъ выдано ему было 1000 руб. сер. изъ финляндской казны, далѣе путешествовалъ онъ на иждивеніи университета и императорской академіи наукъ. Сверхъ того получилъ онъ отъ Финскаго литературнаго общества награду въ 500 руб. асс. за шведскій переводъ народной поэмы Калевалы, а отъ академіи наукъ половинную демидовскую премію и демидовскую же золотую медаль. Обширныя изслѣдованія его обнимали 30 разныхъ языковъ и нарѣчій и заключали въ себѣ матеріалы для 11 грамматическихъ сочиненій, не считая финскихъ и лапландскихъ. Результаты этихъ изысканій отчасти уже появились въ тѣхъ трудахъ, которые

онъ успѣлъ издать [1]). Наравнѣ съ языковѣдѣніемъ и этнографія обязана путешествіямъ Кастре́на важными результатами. Во множествѣ путевыхъ записокъ, которыя онъ въ послѣднее время старался связать въ одно цѣлое, онъ представилъ самыя обильныя и вѣрныя подробности о посѣщенныхъ имъ отдаленныхъ краяхъ. Его слогъ такъ же ясенъ, какъ и взглядъ его; свои спокойныя и однакожъ нерѣдко столь остроумныя наблюденія умѣлъ онъ облекать въ легкую, почти игривую форму, такъ что его описанія далеки были отъ обыкновенной сухости сочиненій этого рода.

Исторія сѣвера ожидала также драгоцѣнныхъ свѣдѣній отъ трудовъ Кастре́на. Его разсужденіе о колыбели финскаго народа (въ Алтайскихъ горахъ) справедливо обратило на себя общее вниманіе: это былъ важнѣйшій результатъ, до котораго въ новѣйшее время дошла исторія финскихъ племенъ. Почти такой же интересъ возбуждали его лекціи о финской миѳологіи. Какъ собиратель памятниковъ древности, народныхъ преданій и сказокъ, Кастре́нъ доставилъ академіи наукъ множество данныхъ касательно малоизвѣстной доселѣ старины уральскихъ племенъ.

Наконецъ его оплакиваетъ и національная поэзія. Онъ перевелъ Калевалу на шведскій языкъ и тѣмъ удесятерилъ число ея читателей и славу ея. Въ неизданныхъ запискахъ его есть много простыхъ пѣсенъ съ береговъ Ледовитаго моря; его теплая душа не довольствовалась мертвою буквою, бездушными звуками, — онъ любилъ поэзію; онъ первый извлекъ изъ забвенія преданье о томъ, что пѣснопѣніе родилось отъ печали.

Кастре́нъ не вынесъ тяжести труда, предпринятаго имъ. Жизнь, какую онъ велъ въ полудикихъ пустыняхъ, вложила въ него зародышъ неизлѣчимой болѣзни; онъ угасъ въ цвѣтѣ лѣтъ, оставивъ неутѣшную двадцатилѣтнюю подругу (съ которою прожилъ не болѣе полутора года) и съ нею грудного младенца. Прекрасны были послѣдніе три года его жизни: ихъ украсили дружба и любовь, его уважали на родинѣ и за предѣлами ея, и на долю его часто выпадали ученыя отличія. То была тишина ранняго вечера послѣ бурнаго дня.

Прибавимъ еще нѣсколько словъ отъ себя. При погребеніи Кастре́на трогательнымъ образомъ высказалось глубокое сожалѣніе, возбужденное этою преждевременною утратою во всѣхъ его соотече-

[1]) Сюда относятся особенно: Зырянская грамматика (1815); Черемисская грамм. (1844); Остяцкая грамм. (1849). На эти грамматики, какъ и на другія, еще не конченныя, Кастре́нъ смотрѣлъ какъ на приготовительныя работы, которыя должны были пріобрѣсти настоящее свое значеніе по выходѣ въ свѣтъ большой критической грамматики самоѣдскаго семейства языковъ. Чтобы соединить въ одно всѣ эти изслѣдованія, онъ намѣревался написать со временемъ обширное сравнительное сочиненіе объ алтайскихъ языкахъ, въ числу которыхъ принадлежитъ и финскій.

*

ственникахъ. Отъ самаго жилища его до церкви и потомъ до кладбища гробъ несли на рукахъ друзья покойнаго и студенты. На всѣхъ улицахъ, по которымъ слѣдовало похоронное шествіе, тянулись съ обѣихъ сторонъ толпы людей всѣхъ сословій. Процессію заключалъ длинный рядъ студентовъ, испросившихъ позволеніе начальства проводить останки любимаго наставника до послѣдней обители его и тамъ пропѣть надъ его могилою сочиненные на этотъ случай стихи. Неисповедима воля Господня: наука лишилась въ Кастре́нѣ дѣятеля, котораго мѣсто надолго, можетъ быть навсегда останется пустымъ; при мысли объ утратѣ человѣка съ такими дарованіями, съ такою дѣятельностью, въ такомъ возрастѣ, сердце сжимается тоскою, и умъ останавливается съ робкимъ вопросомъ... но мудрость земная смиренно преклоняется предъ неизъяснимыми опредѣленіями Вышней!

Гельсингфорсъ, 3 мая 1852.

Рунебергъ [1])

1877.

Изъ Финляндіи получено извѣстіе, что 24-го апрѣля въ Борго скончался, 73-хъ отроду, знаменитый шведскій поэтъ Рунебергъ. Послѣднія пятнадцать лѣтъ жизни покойный провелъ въ параличѣ и ничего уже не писалъ, но слава его была такъ велика, что, несмотря на то, онъ былъ предметомъ постояннаго вниманія и частыхъ овацій со стороны своихъ соотечественниковъ. Рунебергъ родился въ 1804 году въ городкѣ Якобштадтѣ, на берегу Ботническаго залива, и потому прожилъ часть дѣтства среди эпизодовъ русско-шведской войны, кончившейся фридрихсгамскимъ миромъ. Все, что онъ тогда видѣлъ и слышалъ, оставило въ немъ на всю жизнь неизгладимое впечатлѣніе и впослѣдствіи отразилось въ самомъ популярномъ произведеніи его *Разсказы прапорщика Столя* (Fänrik Ståls sägner), гдѣ отдана полная справедливость и русскимъ героямъ: Кульневу посвящено цѣлое отдѣльное стихотвореніе, въ которомъ поэтъ съ большою теплотою изображаетъ и боевую и сердечную сторону жизни нашего славнаго воина [2]).

По окончаніи курса наукъ въ Гельсингфорсскомъ университетѣ, въ 1827 году (до 1826 года этотъ университетъ былъ въ Або), Руне-

[1]) *С.-Петербургскія Вѣдомости* 1877 г., № 116.

[2]) См. выше, стр. 578—583. *Ред.*

бергъ оставался при немъ доцентомъ римской литературы, а съ 1837 года до самой болѣзни своей занималъ мѣсто лектора древнихъ языковъ при гимназіи въ тихомъ городкѣ Борго. Такимъ образомъ, внѣшняя жизнь его была не обильна фактами, но тѣмъ богаче и разнообразнѣе была его духовная дѣятельность.

Родившись среди шведскаго населенія Финляндіи, Рунебергъ по языку принадлежалъ къ этой національности, но, имѣвъ въ молодости случай жить внутри края, онъ глубоко изучилъ бытъ и нравы своихъ соотечественниковъ и умѣлъ изобразить съ удивительною истиною и красотою духъ финскаго народа. Въ этомъ отношеніи самое замѣчательное произведеніе его — поэма *Стрѣлки лосей* (Elgskyttarne), которая признается мастерскою картиною сельскаго быта финновъ. Поэзія Рунеберга отличается глубиною содержанія, совершенствомъ языка и оконченностью отдѣлки, въ которой безукоризненная прелесть соединяется съ рѣдкою сжатостью и простотою выраженія. Но въ то же время она представляетъ и изумительное разнообразіе въ настроеніяхъ поэта, и необыкновенную широту воззрѣній и симпатій. Въ его національномъ и патріотическомъ одушевленіи не было ничего узкаго и односторонняго: авторъ финской національной пѣсни (finska folksången), которая съ восторгомъ поется по всей Финляндіи, умѣлъ равно сочувствовать прекрасному и въ скандинавскомъ, и въ славянскомъ мірѣ. Въ доказательство тому достаточно привести его поэму *Надежда* (Nadeschda), сюжетъ которой взятъ изъ русской анекдотической исторіи, и изданный имъ еще въ 1830 году переводъ „сербскихъ пѣсенъ". Разносторонность таланта Рунеберга выразилась и въ томъ, что онъ почти съ одинакимъ успѣхомъ являлся и въ эпическомъ, и въ антологическомъ, и даже въ драматическомъ родѣ. По всему этому понятно, какъ высоко цѣнитъ Рунеберга Финляндія; это ея величайшая, самая дорогая слава. Но большимъ уваженіемъ пользуется его имя и во всей, особенно германской Европѣ, — не только въ Швеціи, гдѣ его появленіе въ 1851 году было встрѣчено съ энтузіазмомъ, но и въ остальныхъ скандинавскихъ странахъ и въ Германіи. Его сочиненія много разъ переводимы были на другіе языки, между прочимъ и на русскій. Онъ получилъ на своемъ вѣку много лестныхъ знаковъ со стороны и правительствъ, и ученыхъ обществъ. Въ 1844 году онъ былъ удостоенъ титла профессора; послѣднимъ изъ оказанныхъ ему отличій было избраніе его въ почетные члены нашей академіи наукъ при праздновaніи ею своего 150-тилѣтняго юбилея.

Смерть Рунеберга вызвала во всей Финляндіи горячія изъявленія скорби объ утратѣ высокой личности. Пишущій эти строки не можетъ не раздѣлять этой скорби: въ продолженіе многихъ лѣтъ онъ находился въ близкихъ къ покойному отношеніяхъ, часто пользовался его увлекательною бесѣдою и имѣлъ всю возможность оцѣнить въ немъ

не поэта только, но и человѣка; разговоръ его, въ пору здоровья и силы, былъ живой, одушевленный, исполненный ума и веселости; это былъ, въ настоящемъ смыслѣ слова, мудрецъ, чуждый всякой тѣни суетности; всѣ его помыслы и стремленія были чисты и благородны; это былъ одинъ изъ избранныхъ людей, какими справедливо гордятся народы и которые служатъ украшеніемъ лѣтописей человѣчества.

ОТЗЫВЪ О КНИГѢ ГЕЛЬГРЕНА [1].

Калевала, финскій народный эпосъ. Пѣсни о Куллервѣ. Перевелъ С. В. Гельгренъ. Москва 1880. [2]).

Съ содержаніемъ и нѣкоторыми мѣстами знаменитаго финскаго эпоса въ первый разъ познакомилъ русскую публику *Современникъ* 1840 года (статья Грота). Вскорѣ послѣ того учитель русскаго языка въ одной изъ финляндскихъ гимназій, покойный Эманъ, пользуясь отчасти статьею Современника, изложилъ содержаніе Калевалы въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.* Теперь молодой финляндецъ, изучающій русскій языкъ въ Москвѣ подъ руководствомъ Ѳ. И. Буслаева, напечаталъ отдѣльно, подъ выписаннымъ выше заглавіемъ, стихотворный переводъ одного изъ самыхъ характерныхъ эпизодовъ названнаго эпоса. Въ краткомъ предисловіи г. Гельгренъ говоритъ о томъ уваженіи, какое Калевала успѣла пріобрѣсти въ западно-европейской литературѣ послѣ увлекательнаго изслѣдованія объ этомъ эпосѣ Якова Гримма. Значеніе избраннаго отрывка и своего труда переводчикъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: „центромъ, около котораго вращаются событія финскаго народнаго эпоса, служатъ сношенія нашихъ предковъ, часто враждебныя, между Калевалой, родиной финновъ, и Похіолой, родиной лопарей. Предлагаемый циклъ о Куллервѣ составляетъ отдѣльный эпизодъ, имѣющій связь съ другими пѣснями только въ томъ, что жена Ильмаринена, одного изъ главныхъ героевъ въ Калевалѣ, падаетъ жертвою мести Куллерва. Здѣсь представляется намъ трагическій элементъ въ эпосѣ... Надобно помнить, что этотъ трактатъ былъ созданъ въ средѣ простого народа, вдохновенія котораго не имѣли кромѣ природы никакого другого руководителя“.

[1]) *Новое Время* 1880, № 1672.

[2]) Продается въ Петербургѣ въ книжномъ магазинѣ Валленіуса,

Переводчикъ сохранилъ размѣръ подлинника, четырехстопный хорей, стихъ свойственный рунамъ Калевалы. Главнымъ образомъ имѣлась въ виду точная передача своеобразнаго содержанія и внутреннихъ достоинствъ финской эпопеи, чему иногда по необходимости приносилась въ жертву гладкость стиха. По возможности переводчикъ держится склада и способа выраженій нашей народной эпической пѣсни, и надо отдать ему справедливость, что это по большей части ему удается. Вообще языкъ перевода, за немногими исключеніями, правиленъ и выразителенъ; въ устахъ молодого иноплеменника это заслуживаетъ особенной похвалы, часть которой должна, конечно, падать на долю его ученаго наставника.

Содержаніе предлагаемыхъ пѣсней въ высшей степени оригинально и типично. Для примѣра приведу краткое изложеніе того, что заключаетъ въ себѣ первая изъ этихъ пѣсней: Унтамо начинаетъ войну противъ своего брата Куллерво, убиваетъ Куллерво и весь его родъ; остается только одна беременная женщина; онъ ее уводитъ съ собою, и въ Унтамолѣ родитъ она сына Куллерво. Уже въ колыбели Куллерво замышляетъ отомстить Унтаму, и Унтамо старается разными способами погубить его, но это ему не удается. Когда Куллерво выросъ, онъ сталъ портить всякое дѣло, какое ему ни дадутъ, и въ досадѣ Унтамо продаетъ его кузнецу Ильмаринену въ рабство. Куллерво родился богатыремъ, чѣмъ-то въ родѣ Геркулеса:

Въ люлькѣ дитятко качалось —
Только кудри развѣвались,
День качалось, два качалось,
А когда насталъ день третій,
Какъ брыкнулъ ребенокъ ножкой,
Какъ брыкнулъ, да потянулся,
Такъ съ себя сорвалъ свивальникъ —
Выползалъ на одѣяло.
Липову сломалъ качалку,
Все тряпье порастрепалъ онъ,
Видно — молодецъ онъ будетъ,
Знать, что быть ему удалымъ...

Особенно любопытно потомъ описаніе попытокъ, къ которымъ прибѣгаетъ семейство Унтамо, чтобы погубить мальчика, задумавшаго отомстить убійцамъ рода своего.

Стали молодцы тутъ думать,
Да и бабы всѣ гадаютъ,
Ужъ куда дѣвать ребенка,
Какъ его бы погубить имъ?
Вотъ кладутъ его въ кадушку,

Всунули ребенка въ бочку,
Бочку скатываютъ въ воду,
Въ море въ волны опускаютъ.
Посмотрѣть потомъ приходятъ
Черезъ двѣ ли, три ли ночи,
Утонулъ ли мальчикъ въ морѣ,
Ужъ погибъ ли онъ въ кадушкѣ?
Нѣтъ, не утонулъ въ водѣ онъ,
Не погибнулъ мальчикъ въ кадкѣ,
Мальчикъ выбрался изъ кадки,
На хребтѣ волны сидитъ онъ,
Мѣдную уду онъ держитъ
Со шелковою лесою,
Удитъ онъ морскую рыбу
И морскую воду мѣритъ.
Есть воды немножко въ морѣ —
На два ковшика тамъ будетъ,
А коли еще помѣрить, —
Хватитъ чуточку на третій.

Эти отрывки не могутъ не возбуждать въ читателѣ желанія, чтобы переводчикъ исполнилъ высказанное имъ въ предисловіи намѣреніе въ скоромъ времени познакомить русскую публику съ отдѣльными циклами Калевалы и въ примѣчаніяхъ подробнѣе указать на развитіе этого народнаго эпоса.

II.

ПЕРЕВОДЫ

СТИХИ И ПРОЗА.

ФРИТІОФЪ.

СКАНДИНАВСКІЙ ВИТЯЗЬ

Поэма Тегнера.

Переводъ съ шведскаго.

1841.

Предисловіе ко II-му изданію [1]).

Тегне́рова Frithiofs-saga давно сдѣлалась общимъ достояніемъ всего образованнаго міра. Съ самаго появленія этой поэмы въ 1825 году, въ Стокгольмѣ, ее переводили и до сихъ поръ вновь переводятъ на языки разныхъ народовъ. Сколько мнѣ извѣстно, она напечатана на десяти языкахъ; нѣмцы имѣютъ около двадцати переводовъ ея, изъ которыхъ многіе издавались по нѣскольку разъ; англичане и французы также переводили ее многократно.

Такой повсемѣстный и прочный успѣхъ произведенія литературы, обращающей на себя вообще мало вниманія, не могъ быть случайнымъ. Главная причина его заключается конечно въ талантѣ, съ какимъ поэтъ выполнилъ свою задачу; но къ распространенію „Фритіофссаги" много способствовало и оригинальное содержаніе этой яркой картины геройскаго быта древнихъ скандинавовъ.

Русскій переводъ „Фритіофа" первоначально былъ изданъ мною въ 1841 году, въ Гельсингфорсѣ. При изученіи скандинавскихъ литературъ я былъ пораженъ красотами этой въ то время еще вовсе неизвѣстной у насъ поэмы, и рѣшился познакомить съ нею русскую публику. Трудъ мой былъ встрѣченъ благопріятно почти всѣми тогдаш-

[1]) 1-е изд. вышло въ 1841 г. въ Гельсингфорсѣ; 2-е въ Воронежѣ въ 1874 г. въ *Сборникъ* скандин. поэзіи, изд. „Филолог. Записокъ" и отдѣльно.—Срв. еще „*Переписка Г. съ П.*" т. I, стр. 76, 134, 166, 187, 196, 204, 213, 225, 249, 355, 358, 365, 687 — 91 и слѣд. *Ред.*

ними органами нашей журналистики; критики различныхъ лагерей, Плетневъ, Бѣлинскій, Сенковскій, отозвались о немъ съ большимъ сочувствіемъ. „Фритіофъ" разошелся довольно скоро и совершенно исчезъ изъ книжной торговли.

Новое изданіе подготовлялось мною давно съ нѣкоторыми измѣненіями въ текстѣ перевода и съ новыми приложеніями; но другія занятія мѣшали мнѣ приступить къ печатанію его и можетъ быть вовсе не дали бы осуществить эту мысль, еслибъ редакція „*Филологическихъ Записокъ*" въ Воронежѣ не изъявила желанія перепечатать мой переводъ въ задуманномъ ею Сборникѣ Скандинавской поэзіи.

Этой же редакціи „Фритіофъ" обязанъ своимъ вторичнымъ появленіемъ и въ отдѣльномъ видѣ. Къ переводу поэмы приложены тутъ разныя предварительныя свѣдѣнія, краткая біографія Тегнéра, письмо его о поэмѣ и наконецъ переводъ первоначальной исландской саги, служившей главнымъ источникомъ поэту.

Предварительныя свѣдѣнія.

Очеркъ быта, религіи и поэзіи древнихъ скандинавовъ [1]).

I.

Норманны и Скандинавія. — Родина Фритіофа. — Землевладѣльцы.

Въ средніе вѣка, особливо въ VII и VIII столѣтіяхъ, приморскія страны Европы были часто тревожимы норманнами. Эти отважные люди, которые въ русскихъ лѣтописяхъ называются варягами, являлись съ легкими судами своими на всѣхъ моряхъ, нападали на встрѣчные корабли и, приставая къ берегамъ или углубляясь рѣками во внутренность земель, опустошали города и села, основывали новыя государства.

Отечествомъ норманновъ была Скандинавія, т. е. та часть сѣверной Европы, въ составъ которой входятъ нынѣ Швеція съ Норвегіею и Данія. Страны эти раздѣлялись въ то время на множество мелкихъ владѣній, и въ каждомъ былъ свой король, или, какъ его тамъ называли, *конунгъ*, съ ограниченною властью; въ случаѣ войны онъ становился предводителемъ рати.

Раздробленіе на мелкія области достигло высшей степени въ Норвегіи (Нордландіи), и ея-то жители были самыми страстными море-

[1]) Заимствуется изъ 1-го изданія моего перевода съ нѣкоторыми прибавленіями преимущественно изъ сочиненія Вейнгольда „Altnordisches Leben".

ходцами. Толпы, наводившія ужасъ на берега Европы, состояли преимущественно изъ норвежцевъ. Вотъ отчего названіе *норманновъ* и распространилось на всѣхъ вообще скандинавовъ. Въ югозападной части Норвегіи, на берегу Нѣмецкаго моря, находилась между прочимъ небольшая область *Согнъ*. Ее раздѣлялъ длинный и узкій заливъ (какими вся Норвегія изрѣзана съ запада), еще и теперь извѣстный подъ именемъ *Согнскаго* (Sognefjord). Въ этомъ-то краю родился знаменитый въ скандинавскихъ сказаніяхъ *Фритіофъ*.

Природа скандинавская сурова, но величественна и разнообразна. Гранитныя скалы и горы, въ нѣдрахъ своихъ скрывающія металлъ; озера, усѣянныя островами; рѣки быстрыя и часто пѣнящіяся водопадами; огромные лѣса, растущіе то въ долинахъ, то на высотахъ; наконецъ море, омывающее утесистые берега и передъ ними усѣянное скалами, которыя вмѣстѣ съ окружающею ихъ водою образуютъ такъ называемые шкеры или, правильнѣе, *шеры* (skär): таковы отличительныя черты тамошней природы. Припомнимъ сверхъ того, что на дальнемъ сѣверѣ солнце, въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, совсѣмъ не заходитъ и при ясномъ небѣ бываетъ видно цѣлую ночь, почему и называется тамъ въ эту пору *полуночнымъ*. Пользуясь правами поэта, Тегне́ръ и въ Согнскомъ, относильно южномъ краѣ предполагаетъ явленіе беззакатнаго солнца.

Главное сословіе народа у скандинавовъ составляли владѣльцы болѣе или менѣе обширныхъ участковъ земли, которыми они управляли независимо. Вся ихъ обязанность въ отношеніи къ конунгу состояла въ томъ, что они должны были слѣдовать за нимъ на войну. Они назывались крестьянами или *бо́ндами* (bonde), слово, которое раза два сохранено и въ моемъ переводѣ. Каждый бондъ носилъ оружіе, и, если былъ богатъ, держалъ при себѣ наемную дружину. Онъ нерѣдко бывалъ въ тѣсномъ союзѣ съ конунгомъ, но находиться въ его дружинѣ считалъ для себя унизительнымъ. Конунгъ всегда избирался народомъ, и съ саномъ своимъ соединялъ званіе верховнаго жреца. При религіозныхъ торжествахъ онъ самъ отправлялъ богослуженіе въ храмѣ. Его сыновья, еще при жизни отца, также назывались конунгами. Случалось, что отецъ съ сыномъ или два брата вмѣстѣ управляли краемъ. Владѣтельныя семейства обыкновенно съ гордостію вели свой родъ отъ боговъ. За конунгами, по знатности сана, слѣдовали *ярлы* (графы), которые и сами бывали иногда главами областей.

II.

Война и походы. — Морскіе вожди. — Братскіе союзы. — Воспитаніе. — Суда и оружіе. — Щиты.

Война была для норманна главнымъ и самымъ почетнымъ занятіемъ; но особенно уважались морскіе походы. Первоначально они служили

къ удовлетворенію торговыхъ потребностей, да и впослѣдствіи коммерческій интересъ оставался однимъ изъ сильнѣйшихъ побужденій къ такимъ странствованіямъ. Ихъ предпринимали, по большей части, младшіе сыновья конунговъ и бондовъ, т. е. люди, которые, не имѣя права на наслѣдство земли, хотѣли оружіемъ поправить обиду судьбы. Ихъ цѣлью было добыть себѣ имущество или область. Но иногда къ походу побуждало ихъ и одно удальство или славолюбіе. Такой воитель назывался *викингомъ* или *морскимъ конунгомъ.* Сначала онъ строго держался правилъ чести и великодушія, но позднѣе благородная война обратилась въ разбойничество. Сверхъ дружины, при викингѣ былъ неразлучный сподвижникъ, называвшійся его *братомъ по оружію* (vapenbroder) или *по воспитанію* (fosterbroder).

Надобно объяснить начало и значеніе этого священнаго для норманновъ союза. Воинственному отцу некогда было самому заниматься воспитаніемъ дѣтей своихъ. Это, а можетъ быть и желаніе удалить ихъ отъ вредныхъ развлеченій, было причиною, что знатный скандинавъ часто отдавалъ сына или дочь въ домъ какого-нибудь старца, извѣстнаго своею мудростью и уединенною жизнью. Послѣдній становился для своихъ питомцевъ *отцомъ по воспитанію* (fosterfader) и навсегда принималъ въ отношеніи къ нимъ родительскія обязанности. Отсюда проистекало добровольное подчиненіе пѣстуна болѣе богатому довѣрителю; была поговорка: „кто воспитываетъ чужое дитя, тотъ бѣднѣе отца его“.

Между тѣмъ дѣти, соединенныя подъ однимъ общимъ надзоромъ, дѣлались *братьями по воспитанію.* Подростая вмѣстѣ, два мальчика, не смотря на разность своего состоянія, торжественно заключали другъ съ другомъ вѣчный союзъ. Обыкновенно, каждый изъ нихъ наносилъ себѣ по легкой ранѣ въ ладонь, и слитая на землю въ одну ямку кровь ихъ, тщательно перемѣшанная, служила символомъ братства: въ заключеніе обряда они подавали другъ другу руку. Съ той поры они уже никогда не разлучались: дѣлили веселье и горе, труды и опасности. Даже собственность была у нихъ общая. Если оба возвращались изъ своихъ странствованій, то и среди мира, иногда до глубокой старости, они продолжали жить вмѣстѣ и нерѣдко вмѣстѣ же умирали: въ послѣдній часъ богатый и знатный увлекалъ за собою бѣднѣйшаго, который при этомъ воображалъ, что перейдетъ съ своимъ товарищемъ-покровителемъ въ одно и то же мѣсто неземного міра. Если одинъ погибалъ отъ оружія, то другой мстилъ за смерть его кровью. Въ братскій союзъ вступали не только воспитывавшіеся въ одномъ домѣ, но и вообще люди, которыхъ сближала одинакая страсть къ славнымъ подвигамъ. Въ такомъ случаѣ сподвижники назывались *братьями по оружію.*

Суда, на которыхъ совершались морскіе походы, были гребныя ладьи

съ парусами и иногда вмѣщали въ себѣ до двухъ сотъ человѣкъ. Они строились большею частью въ видѣ драконовъ, улитокъ и т. п., отчего и обозначались именами этихъ животныхъ. Въ „Фритіофѣ“ названія *драконъ* и *шнекъ* (улитка) не разъ встрѣчаются вмѣсто слова *корабль*. Подъ дракономъ разумѣлось военное судно, большое, крѣпкое, съ высокими бортами и разными украшеніями. Оно получило это названіе отъ драконовой головы на носу корабля и отъ хвостообразной кормы. Несясь на распущенныхъ парусахъ, такое судно дѣйствительно напоминало летящаго змѣя. *Шнекъ* — общегерманское судно — отличался длинной, узкой формой, низкимъ бортомъ и долгимъ носомъ. По своему легкому, скорому ходу шнеки были особенно пригодны для быстраго нападенія; на нихъ и прибалтійскіе славяне успѣшно сражались съ норманнами. Разсказываютъ, что однажды король вендовъ Ратиборъ на 2500 шнекахъ поплылъ съ огромнымъ войскомъ къ берегамъ Норвегіи. Суда этого имени до сихъ поръ извѣстны у датчанъ и норвежцевъ, а отъ послѣднихъ заимствованы и русскими: на мурманскомъ (норманскомъ) берегу, по Сѣверному морю, лодку извѣстныхъ размѣровъ до сихъ поръ зовутъ *шнекомъ*. Корабль Фритіофа назывался *Эллидою*. Это было впрочемъ нарицательное имя, которымъ означалось крѣпкое, удобное для битвъ судно, иногда имѣвшее до тридцати веселъ и обитое желѣзомъ. Въ названіи его нѣкоторые видятъ родство съ славянскимъ словомъ *ладья*.

Вообще корабли въ Скандинавіи пользовались особеннымъ почетомъ: на нихъ смотрѣли какъ на живыя существа; ихъ уподобляли не только дракону, но также коню, оленю, волку и волу; на переднемъ концѣ судна являлись въ изваяніяхъ головы разныхъ животныхъ, иногда и человѣческія, и этимъ изображеніямъ приписывалась чудесная, не всегда дружелюбная сила. Какъ герой въ часъ битвы обращался съ просьбами и увѣщаніями къ мечу своему, такъ точно и мореплаватель среди бури и опасности взывалъ къ своему кораблю. Паруса на скандинавскихъ судахъ были часто изъ дорогихъ разноцвѣтныхъ тканей, нерѣдко съ шитьемъ: красивый парусъ считался почетнымъ подаркомъ. Норвежцы употребляли и черные паруса. У богатыхъ вождей ладьи бывали украшены между прочимъ позолотою, а по временамъ борты унизывались щитами, которые сверхъ того служили тутъ и для обороны. Когда не ожидали опасности, напр. ночью, то раскидывали на палубѣ шатры; а передъ битвой ихъ убирали. Черные шатры считались самыми щегольскими и преимущественно употреблялись на войнѣ, но люди, хвалившіеся храбростію, предпочитали устраивать надъ кораблемъ навѣсъ изъ щитовъ.

Оружіе скандинавовъ съ удивительною крѣпостью соединяло въ себѣ изящество отдѣлки. Древнѣйшимъ были копья разныхъ родовъ; познѣе, когда развилось нравственное чувство и нападать неожиданно

сдѣлалось постыднымъ, стали употреблять мечи. Въ глубокой древности были только кремневые ножи, но уже рано приготовлялись также мечи стальные и мѣдные. Неудивительно, что скандинавы и въ мечѣ представляли себѣ затаенную жизнь. Его уподобляли змѣю, который, какъ мечъ изъ ноженъ, выскакиваетъ изъ своего убѣжища и вонзаетъ острый зубъ въ своего врага. Въ пѣсняхъ и сагахъ много разсказовъ о геройскихъ мечахъ. Естественно, что въ нихъ видѣли сокровища, что добивались узнавать ихъ происхожденіе и перечисляли всѣхъ ихъ владѣльцевъ. Такъ мечъ проходилъ часто чрезъ многія степени рода, а женскія украшенія доставались отъ матери дочкѣ, внукѣ и правнукѣ. На клинкѣ находились иногда таинственные знаки или *руны* (древнія буквы), которымъ приписывалось волшебное дѣйствіе. У норманновъ было повѣрье, что мечу посредствомъ чаръ можетъ быть сообщена сверхъестественная сила, и ничто, кромѣ колдовства же, не можетъ превозмочь ея. Вотъ отчего истинному герою недовольно было храбрости: ему необходимо было еще и умѣнье притуплять ворожбою или *усыплять* заколдованное оружіе. Мечъ былъ первымъ сокровищемъ скандинава и, по господствовавшему обычаю отличать драгоцѣнные предметы собственными именами, получалъ названіе, которое вмѣстѣ съ нимъ переходило изъ рода въ родъ и славилось наравнѣ съ именемъ самого героя. Такъ знаменитый мечъ Фритіофа назывался *Ангурваделемъ*.

Щиты, которыми норманны особенно щеголяли, были у богатыхъ то золотые или вызолоченные, то съ живописью или выпуклыми изображеніями, преимущественно представлявшими цвѣты. Простые воины носили щиты желѣзные, мѣдные, деревянные и даже кожаные. Величиной скандинавскій щитъ былъ обыкновенно въ ростъ воина и, независимо отъ прямого своего назначенія, употреблялся въ разныхъ случаяхъ. На щитѣ относили убитаго къ мѣсту погребенія; ударъ въ щитъ означалъ вызовъ на брань; поднятые щиты служили войску вмѣсто знаменъ для отличія отрядовъ. Красный, такимъ образомъ несомый щитъ былъ вѣстникомъ войны; напротивъ, бѣлымъ выражалось требованіе мира. Изъ щитовъ ратники составляли иногда родъ шатра или крѣпости (sköldborg) вокругъ вождя для огражденія его отъ врага или отъ ненастья. Наконецъ, палаты и корабли украшались развѣшенными щитами.

III.

Скандинавскія женщины. — Щитоносицы. — Хоромы, увеселенія, празднества.

Скандинавы любили одѣваться роскошно. Изготовленіе платья было дѣломъ однѣхъ женщинъ; вообще онѣ употребляли свои досуги на разныя рукодѣлья. Даже знатныя жены и дочери не чуждались такихъ занятій, ткали, вышивали шелкомъ и золотомъ. Дочь богатаго земле-

владѣльца жила въ отдѣльной, такъ называвшейся *дѣвической* палатѣ (jungfrubur), которая строилась въ самой отдаленной части двора. Такой обычай, конечно, былъ первоначально вызванъ необходимостью обезопасить женщину отъ господствовавшей грубости нравовъ.

Первою принадлежностью красоты и благороднаго происхожденія у скандинавовъ, какъ и вообще у германскаго племени, считался свѣтлый цвѣтъ кожи, глазъ и волосъ. Не даромъ и прекраснѣйшій богъ Бальдеръ сіялъ бѣлизною тѣла, и ярко-бѣлая трава называлась бровью Бальдера. Русые и даже рыжіе волосы нравились норманнамъ; черные же волосы и глаза и обыкновенный при нихъ смуглый цвѣтъ кожи не цѣнились, потому что служили отличительными чертами другихъ племенъ, на которыя скандинавы смотрѣли съ презрѣніемъ. Особенно дорожили они густыми свѣтлыми кудрями; впослѣдствіи ими гордились, какъ признакомъ нравственнаго достоинства; только свободный мужъ и дѣвушка безукоризненныхъ нравовъ носили длинные волосы; ихъ остригали у рабовъ и у женщинъ, запятнавшихъ свою честь. Но мужчины носили гладкіе волосы; кто являлся съ длинными кудрями, того считали женоподобнымъ. Дѣвушки ходили съ распущенными волосами; невѣсты подбирали ихъ сѣткой; замужнія женщины надѣвали на голову платокъ, покрывало или шапку. Въ „Фритіофѣ", какъ и вообще въ скандинавскихъ сагахъ, эпитетъ *желтый*, *золотой* часто придается, въ смыслѣ похвалы, слову *кудри*.

Норманны уважали женщину; никогда не запирали ее, не обращали въ рабыню. Пиры свои они умѣли украшать ея присутствіемъ. Тутъ вмѣстѣ съ хозяиномъ сидѣли передъ гостями жена его и дочери: тутъ и прислуга была женская. Вообще обхожденіе съ женщиною имѣло у норманновъ нѣсколько романическій, рыцарскій характеръ. Скандинавскія женщины любили употреблять ожерелья, кольца, запястья (браслеты) изъ дорогихъ металловъ. Всѣ эти сокровища отличались утонченною работой и носили на себѣ разнаго рода мудреныя изображенія, свидѣтельствовавшія о ихъ глубокой древности. То же надобно разумѣть и о другихъ драгоцѣнностяхъ, составлявшихъ домашнюю утварь. Золото и серебро норманны въ изобиліи добывали на югѣ оружіемъ, а отчасти и торговлею. Торговля, какъ и вездѣ, заключалась въ мѣнѣ, и такъ какъ самою обыкновенною собственностью былъ скотъ, то онъ и служилъ деньгами. Рядомъ съ нимъ ходили въ этомъ значеніи куски драгоцѣнныхъ металловъ. Кольца, которыя носились какъ украшенія на шеѣ и на рукахъ, выше и ниже локтя, представляли, смотря по ихъ цѣнности и вѣсу, денежную единицу. Для мелкихъ платежей ихъ разбивали или разрубали на куски. Золотымъ кольцамъ такъ же, какъ мечамъ и кораблямъ, давались собственныя имена; въ родѣ владѣльца сохранялось преданіе о ихъ происхожденіи и переходѣ отъ одного поколѣнія къ другому. Высоко

цѣнились также пояса, то серебряные, то оправленные въ золото и осыпанные дорогими каменьями. Искусствомъ ковать металлы скандинавы издревле обладали въ высокой степени и видѣли въ томъ благородное занятіе. У нихъ между богами былъ, какъ и у древнихъ грековъ, хромоногій богъ-ковачъ: ихъ Вулканъ назывался Ваулундомъ (въ переводѣ чудодѣемъ).

Когда нужно было, скандинавскія женщины не уступали самымъ грознымъ витязямъ въ воинственномъ духѣ и свирѣпости. Для отмщенія за убитыхъ родственниковъ онѣ готовы были на ужаснѣйшія дѣла. Были и такія, которыя, увлекаясь отвагой, спѣшили въ доспѣхахъ на поле брани и съ губительнымъ оружіемъ отчаянно бросались въ толпу сражающихся. Это сѣверныя амазонки, извѣстныя въ сагахъ подъ именемъ *дѣвъ-щитоносицъ* (sköldmör).

Было замѣчено, что дѣвическая палата строилась отдѣльно. Вообще каждая комната хоро́мъ или чертоговъ составляла особый домъ. Строенія были обыкновенно деревянныя (сосновыя), но внутри представляли великолѣпное убранство. Главнымъ зданіемъ была храмина для пировъ. Скандинавъ любилъ пиры почти такъ же, какъ и битвы. Онъ всегда чувствовалъ потребность въ тревогѣ и шумѣ, и когда вокругъ него не стучало оружіе, не раздавались воинскіе клики, онъ хотѣлъ слышать по крайней мѣрѣ стукъ заздравныхъ кубковъ и клики веселья, хотѣлъ упиваться медомъ, если не кровью. Любимыми удовольствіями его были, кромѣ того, бѣганье, борьба, катанье на конькахъ и лыжахъ, особливо же охота. Такимъ образомъ онъ съ дѣтства развивалъ въ себѣ необыкновенную тѣлесную силу и ловкость, пріобрѣталъ удальство и неустрашимость въ борьбѣ съ опасностями. Саги разсказываютъ о смѣльчакахъ, которые безъ оружія побѣждали медвѣдей. Медвѣжье мясо цѣнилось не только по своему вкусу, но и какъ добыча, купленная побѣдой надъ грознымъ врагомъ. Норманну были знакомы и умственныя забавы. Онъ искалъ развлеченія въ рѣшеніи загадокъ и въ шахматной игрѣ; жадно слушалъ пѣсни и разсказы о геройскихъ подвигахъ предковъ.

Побѣда, смерть героя и другіе торжественные случаи служили поводомъ къ роскошнымъ пирамъ. Сверхъ того были въ году два срока, праздновавшіеся такимъ же образомъ, именно лѣтнее и зимнее солнцестояніе. Конунги и знатные иногда приглашали на пиръ нѣсколько сотъ гостей, не считая домашней дружины, которая всегда въ немъ участвовала. Легко судить о величинѣ палаты, въ которой собиралось такое множество людей. Это была обыкновенно продолговатая зала. По обѣимъ главнымъ стѣнамъ ея шли двѣ широкія скамьи, и въ серединѣ каждой возвышалось почетное мѣсто, похожее на престолъ. Одно занималъ самъ хозяинъ, другое знатнѣйшій гость. По одну сторону отъ каждаго почетнаго мѣста садились мужчины, по

другую женщины. Въ двухъ поперечныхъ стѣнахъ были двери; иногда же дверь находилась только въ одной, а у противоположной стѣны стояла скамья для женщинъ, которыхъ въ такомъ случаѣ уже не было на другихъ мѣстахъ. Вдоль скамей тянулись столы. Впрочемъ, не всегда устройство палаты для пировъ было одинаково: иногда почетнѣйшее общество съ хозяиномъ помѣщалось за особымъ столомъ, стоявшимъ на возвышеніи. Такое расположеніе пирующихъ встрѣчается и въ поэмѣ Тегне́ра.

Убранство пиршественной храмины состояло въ развѣшенныхъ по стѣнамъ щитахъ и мечахъ (Валгаллу, рай храбрыхъ, представляли себѣ построенною изъ одного оружія). Кромѣ того стѣны покрывались иногда обоями, т. е. узорчатыми тканями или позолоченными кожами. По обѣ стороны почетнаго мѣста возвышались два столба, либо изваянные въ видѣ истукановъ, либо только увѣнчанные ликами боговъ и по большей части украшенные рѣзьбой. Скамьи, которыхъ ширина позволяла сидѣвшему положить за собою и оружіе, устилались разноцвѣтными коврами, а мѣста важнѣйшихъ гостей — подушками. Для освѣщенія палаты разводился огонь середи пола, на небольшомъ каменномъ возвышеніи. Дымъ выходилъ въ круглыя отверстія, сдѣланныя въ крышѣ. Въ странахъ болѣе богатыхъ становились вокругъ пирующихъ мальчики съ смоляными факелами, вмѣсто которыхъ позднѣе, при распространеніи роскоши, появились на столахъ канделябры изъ дорогихъ металловъ. Полъ на время пира посыпаемъ былъ соломою. Слѣдъ этого обычая до сихъ поръ остается на скандинавскомъ и финскомъ сѣверѣ: о святкахъ тамъ и въ самой грязной избѣ полъ устилается соломой.

На пирахъ у норманновъ вино почти всегда замѣнялось медомъ, любимымъ напиткомъ всѣхъ арійскихъ народовъ, издревле знакомыхъ съ пчеловодствомъ. Міровой ясень, который, по общегерманскому повѣрью, проходитъ чрезъ девятиярусное зданіе вселенной, каждое утро стряхиваетъ съ своихъ листьевъ сладкую медвяную росу, собираемую пчелами. Медомъ не пренебрегали и сами боги. Въ большомъ почетѣ было также пиво, которое варили женщины, стараясь угождать искусствомъ въ приготовленіи его мужьямъ и женихамъ своимъ. Вино, получавшееся изъ Германіи и Англіи, употреблялось только самыми богатыми людьми; даже изъ боговъ только Одинъ пьетъ благородный виноградный сокъ, а у людей этотъ напитокъ первоначально былъ доступенъ только королямъ и ихъ семействамъ.

Съ самой отдаленной древности кубками служили изящно отдѣланные звѣриные, особенно буйволовые или турьи рога. Богатые люди обивали ихъ драгоцѣнными металлами, украшали хранительными рунами и разными изображеніями. Такіе кубки оставались у германскихъ народовъ въ употребленіи до позднѣйшихъ временъ. У скандинавовъ

*

рогъ имѣлъ видъ круто-согнутой дуги и утверждался на ножкахъ, придѣланныхъ къ нижней части его.

Любимымъ обычаемъ было пить вдвоемъ (tvêmennind) или по двое: мужчина и женщина, случайно сидѣвшіе рядомъ на пиру, пили вмѣстѣ. Только викинги, не допускавшіе въ свое общество женщинъ, пили не такъ, а пускали рогъ кругомъ по всему собранію въ знакъ того, что оно составляетъ одно нераздѣльное цѣлое. Но вообще участвовать въ попойкахъ было для женщинъ дѣломъ привычнымъ: къ этому способствовало сперва то, что рогъ подносила хозяйка или ея дочь, а потомъ обыкновеніе пить попарно съ мужчинами. Медъ часто разливали и разносили прислуживавшія за столомъ дѣвушки.

На пирахъ пили иногда изъ освященнаго кубка въ жертву богамъ, особенно Одину, Тору и Фрею. Въ то же время ходилъ кругомъ кубокъ Брага (бога пѣсенъ), надъ которымъ произносили обѣты. Это продолжалось въ нѣсколько измѣненномъ видѣ еще и послѣ введенія христіанства. Такъ поступали особенно на праздникахъ зимняго солнцестоянія (jul), но иногда и при другихъ торжественныхъ случаяхъ, напр. при помолвкахъ и при полученіи наслѣдства. Произнесеніе обѣтовъ надъ кубкомъ Брага сопровождалось различными обрядами. Очень древенъ былъ обычай провести откормленнаго вепря передъ скамьями пирующихъ: кто хотѣлъ принесть какой-нибудь обѣтъ, бралъ звѣря одной рукой за голову, а другую клалъ на щетину и высказывалъ свою клятву. Дѣло шло обыкновенно о сватовствѣ, о совершеніи мести, о воинскихъ или хищническихъ предпріятіяхъ. Въ поэмѣ Тегне́ра Фритіофъ произноситъ обѣтъ мщенія надъ заколотымъ вепремъ, поданнымъ на столъ въ видѣ жаркого.

IV.

Поэзія и скальды. — Берсерки. — Кровавая месть. — Поединки. — Смерть на соломѣ. — Честное самоубійство. — Адъ и рай.

Скальды были поэты-импровизаторы, которыхъ народъ любилъ слушать и на пирахъ, и въ сраженіяхъ. Скальдъ былъ самъ героемъ; онъ жилъ въ чертогахъ конунга, служилъ ему другомъ и совѣтникомъ, украшалъ пиры его звуками и вмѣстѣ съ нимъ отправлялся на поле брани. Тамъ онъ не только воодушевлялъ дружины воинскими пѣснями, но и самъ бился въ первыхъ рядахъ, чтобъ быть свидѣтелемъ подвиговъ и послѣ увѣковѣчить ихъ стихами. Званіе скальда было весьма почетно: имъ гордились мужи высокаго происхожденія, знаменитые вожди и даже конунги. Иногда пѣвецъ странствовалъ изъ края въ край, отъ одного двора къ другому, и вездѣ находилъ блестящій пріемъ. Онъ пѣлъ (или вѣрнѣе, говорилъ на распѣвъ) съ арфою въ рукахъ, славилъ боговъ и героевъ, восхвалялъ храбрость или изрекалъ правила

глубокой мудрости, которая считалась драгоцѣннѣйшимъ достояніемъ скальда.

Такъ въ поэзіи скандинавовъ соединялись и религія, и исторія, и философія ихъ. Такъ скальдъ былъ не только пѣснопѣвцемъ и героемъ, но также витіею, лѣтописцемъ, музыкантомъ. Первоначально въ этой поэзіи сила сопровождалась высокою простотой, но впослѣдствіи эти качества уступили мѣсто изысканности образовъ и множеству околичныхъ выраженій. Между разными родами пѣсенъ особенною торжественностію отличалась такъ называвшаяся *драпа*, или смертная пѣснь. Ее на погребальномъ пиру возглашали собранные скальды въ похвалу усопшему. Въ ихъ пѣсняхъ не было риѳмы, но она замѣнялась тѣмъ, что въ двухъ рядомъ стоящихъ стихахъ нѣсколько словъ начинались одною и тою же буквою. Созвучіе этого рода называется *аллитераціей* — Тегнéръ въ одной изъ пѣсенъ „Фритіофа" (XXI) сдѣлалъ опытъ употребленія *аллитераціи*. Я не счелъ нужнымъ жертвовать вѣрностію перевода соблюденію этой игры звуковъ, очень трудной въ русскомъ языкѣ; однакожъ она мѣстами сохранена мною какъ въ XXI пѣсни, такъ и въ нѣкоторыхъ стихахъ X-й, гдѣ она и въ подлинникѣ встрѣчается рѣдко.

Самымъ рѣзкимъ выраженіемъ воинственнаго характера скандинавовъ были люди, въ которыхъ боевой жаръ доходилъ до настоящаго изступленія. Они не носили панцыря, почему и назывались на языкѣ норманновъ *берсерками*, т. е. воинами въ одной сорочкѣ. Въ припадкѣ бѣшенства берсеркъ не щадилъ ни людей, ни предметовъ неодушевленныхъ. Съ обнаженнымъ мечемъ бросался онъ на все, что ему ни встрѣчалось, или грызъ собственный щитъ свой, и неистовствовалъ, пока его не укрощали насильно: способъ, употреблявшійся къ этому, состоялъ въ томъ, что его стѣсняли щитами. Берсерки жили, въ качествѣ тѣлохранителей, при дворѣ многихъ конунговъ. Были въ скандинавскихъ нравахъ и другія черты суровости. Такова была, напримѣръ, кровавая месть. Особенно ужасенъ былъ одинъ видъ ея: врагу взрѣзывали спину и выгибали оттуда ребра въ видѣ крыльевъ. Это называлось — рѣзать кроваваго орла. Впрочемъ, только гнуснѣйшія преступленія наказывались такимъ обрезомъ. Иногда дѣло между двумя врагами рѣшалось поединкомъ, который обыкновенно происходилъ на какомъ-нибудь небольшомъ островѣ или на скалѣ въ морѣ (отчего и назывался holmgång): такимъ выборомъ мѣста предупреждались и обманъ, и помощь, и бѣгство. Подобно этому цѣлыя рати сражались иногда въ зимнее время на льду морскомъ, представлявшемъ имъ равнины, какихъ въ Скандинавіи, при гористой почвѣ ея, мало.

Первою добродѣтелью для скандинава была храбрость; первою заслугою — смерть въ бою; а трусость — самымъ низкимъ порокомъ,

естественная смерть — позоромъ и бѣдствіемъ. На этомъ основывалось понятіе народа о будущей жизни: *рай* былъ наградою храбрыхъ, падшихъ отъ оружія, *адъ*—наслѣдіемъ робкихъ, умершихъ отъ старости или болѣзни. Естественная смерть презрительно называлась „смертью на соломѣ“ (strådöd). Чтобы избѣгнуть ея, храбрый, которому не удавалось пасть отъ руки непріятеля, считалъ священнымъ долгомъ самоубійство. Оно совершалось особымъ торжественнымъ образомъ. Чувствуя приближеніе кончины, воинъ облекался въ свои богатѣйшіе доспѣхи и, обнаживъ себѣ грудь и руки, *копьемъ* вырѣзалъ на тѣлѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ таинственные знаки, послѣ чего истекалъ кровью. Наносить себѣ такую смерть называлось — „чертить себя концомъ копья“ (marka sik geirsoddi). Было преданіе, что древній вождь *Одинъ*, именемъ котораго означали впослѣдствіи отца боговъ, подалъ первый примѣръ подобной смерти. Оттого избиравшій ее скандинавъ говорилъ также, что онъ изрѣзаетъ себя „для Одина“.

Но въ чемъ полагалъ онъ блаженство рая и муки ада? Битвы и пиры — первыя свои наслажденія въ здѣшней жизни — признавалъ онъ и лучшими украшеніями будущей. Онъ вѣрилъ, что на небѣ есть огромная и великолѣпная палата — по имѣни *Валгалла*, — въ стѣнахъ которой устроены цѣлыя сотни широкихъ воротъ, ведущихъ на неизмѣримую долину. Въ палатѣ той храбрые пируютъ за роскошными столами и пьютъ медъ, подаваемый имъ дѣвами; въ долинѣ же они сражаются, падаютъ, но не умираютъ отъ ранъ, и, вставъ исцѣленными, вновь отправляются пировать.

Адомъ, напротивъ, служитъ глубочайшая подземная область; здѣсь властвуетъ богиня смерти *Гела*, представляемая въ образѣ полубѣлой и полусиней женщины. Сюда, какъ уже замѣчено, попадаютъ трусы, вообще — умершіе тихою смертью. Есть еще особый адъ для клятвопреступниковъ и безчестныхъ убійцъ: это большая палата, вымощенная змѣями; ядъ извергаемый ими, образуетъ въ ней цѣлыя рѣки. Имя ея — *Настрандъ*.

V.

Могилы. — Народныя собранія. — Скандинавскій календарь. — Письмена. — Могильные камни. — Домы Солнца.

Въ Скандинавіи, какъ и во многихъ мѣстностяхъ Россіи, встрѣчаются древнія насыпи изъ земли и камней. Это курганы, могилы вождей и героевъ. Подъ такою насыпью устраивали одинъ или нѣсколько покоевъ со сводами, куда клали, а часто и сажали умершаго мужа или постепенно цѣлое семейство. Вмѣстѣ съ покойникомъ, богато одѣтымъ и съ ногъ до головы вооруженнымъ, хоронили предметы, добытые имъ въ бояхъ, и вообще любимыя его сокровища. Въ числѣ ихъ обыкновенно бывалъ и *конь*, котораго убивали передъ курга-

номъ, а потомъ съ сѣдломъ и сбруею, украшеннаго золотомъ и серебромъ, ставили близъ господина. Нерѣдко при погребенномъ человѣкѣ помѣщали и корабль его со всѣми его снастями. Случалось, что воитель желая скрыться, еще при жизни поселялся съ своею дружиною, подъ курганомъ.

Могильные холмы знаменитыхъ вождей служили часто сборнымъ мѣстомъ народа, который сходился для совѣщанія о дѣлахъ общественныхъ, для выслушиванія законовъ, для суда и расправы. Такое собраніе или вѣче называлось *тингомъ* (ting). Конунгъ или, по смерти его, тотъ, кому наслѣдство давало право искать этого сана, занималъ на вершинѣ холма возвышенный круглый камень, а народъ стоялъ кругомъ и спускался по скатамъ до самой подошвы кургана. Всѣ были тутъ въ полномъ вооруженіи.

Для оповѣщенія народа употреблялся особенный способъ, который отчасти и теперь еще въ обыкновеніи на сѣверѣ Скандинавскаго полуострова и Англіи. Онъ состоитъ въ томъ, что изъ селенія въ селеніе переносится небольшой деревянный жезлъ (budkafle), иногда съ надписью.

Въ домашнемъ быту скандинавовъ обращались еще другого рода жезлы съ разными начертаніями. Они служили календарями и до XVII столѣтія были въ употребленіи подъ именемъ руническихъ жезловъ (runstaf). Рунами, какъ извѣстно, назывались буквы скандинавскаго письма. Ихъ было 16-ть. Въ сѣверной Норвегіи есть мѣста, гдѣ народъ понынѣ разбираетъ руны. Первоначально подъ словомъ *руна* (runa) разумѣли, по всей вѣроятности, *таинство*. Знаки, такъ называвшіеся, составляли одно изъ орудій чародѣйства и были извѣстны только жрецамъ. Письмена въ началѣ были также достояніемъ однихъ жрецовъ и оттого получили то же названіе.

Впрочемъ, ошибочно было бы думать, что у норманновъ въ отдаленной уже древности письмо имѣло такое же обширное примѣненіе, какъ у новѣйшихъ народовъ. Книгъ на сѣверѣ тогда еще не сочиняли. Сперва руны служили только для начертанія краткихъ надписей, законовъ, пѣсенъ и развѣ для переписки. Руническіе манускрипты большого объема принадлежатъ позднѣйшей эпохѣ. Скандинавы, какъ и древніе германцы, писали на деревѣ. Законы изображаемы были на доскахъ. Оттого и теперь еще отдѣлы или главы въ скандинавскихъ уложеніяхъ называются *досками* (balk).

Надписи вырѣзывались и на камняхъ. На или при могильномъ курганѣ ставился такъ называвшійся руническій камень (runsten), возвѣщавшій имя и подвиги покойника. Надпись начертывалась обыкновенно въ видѣ змѣя, свернувшагося кольцомъ. Впрочемъ, иногда мавзолей воителя состоялъ въ узкомъ и довольно высокомъ каменномъ обрубкѣ безъ всякой надписи (bautasten); онъ ставился или также при

курганѣ, или чаще одиноко, особливо при какой-нибудь людной дорогѣ, и такимъ образомъ замѣнялъ курганъ. Это бывало въ такомъ случаѣ, когда хотѣли почтить память героя, павшаго на чужбинѣ. Замѣтимъ кстати, что и у древнихъ римлянъ существовалъ обычай хоронить покойниковъ при дорогахъ, — вѣроятно съ цѣлію, чтобы могила тѣмъ чаще напоминала объ усопшемъ. Оттуда непремѣнное восклицаніе старинныхъ эпитафій: *прохожій, стой* (siste, viator)!

Камней послѣдняго рода, по простотѣ ихъ формы, сохранилось въ Скандинавіи очень мало; напротивъ того, руническіе встрѣчаются въ необыкновенномъ множествѣ.

Изъ всего сказаннаго видно, что скандинавы, при всей суровости своихъ нравовъ, не были народомъ невѣжественнымъ. Употребленіе ими календарей доказываетъ, что они имѣли уже нѣкоторыя свѣдѣнія въ астрономіи. Они воображали, что боги ихъ живутъ на небѣ въ двѣнадцати крѣпостяхъ, называемыхъ *домами солнца*. Сквозь этотъ вымыслъ ясно просвѣчиваетъ понятіе о 12-ти знакахъ зодіака, чрезъ которые проходитъ солнце. Донынѣ почти всякій крестьянинъ на Скандинавскомъ полуостровѣ знаетъ важнѣйшія созвѣздія и по ихъ теченію распредѣляетъ свои работы, а рыболовъ направляетъ свое плаваніе въ морѣ.

VI.

Религія.—Храмы и жертвоприношенія.—Происхожденіе человѣка.—Жилища боговъ.—Древо времени.—Небесный мостъ.—Великаны, враги боговъ.—Стражъ неба.—Богъ войны и его дѣвы.—Источникъ мудрости.—Осьминогій конь.—Богъ силы съ его принадлежностями.—Богъ плодородія и празднества въ честь его.

Храмы у скандинавовъ, такъ же, какъ и чертоги, были обширны и великолѣпны. Собственно молитвенный домъ составлялъ только малую часть капища; въ цѣлости же служило оно какъ-бы сборнымъ мѣстомъ жителей всего окрестнаго края. Въ большія празднества тамъ не только поклонялись богамъ, но и пировали вокругъ жертвенниковъ. Подобный же обычай существовалъ не только у другихъ языческихъ народовъ, но и въ самой христіанской церкви въ первые вѣка ея. Каждый храмъ у скандинавовъ былъ посвященъ одному какому-нибудь богу, котораго истуканъ стоялъ внутри его. При капищѣ была священная роща для жертвоприношеній; алтаремъ служилъ круглый камень; онъ обагрялся кровью соколовъ, коней (преимущественно бѣлыхъ) и другихъ животныхъ. По ихъ внутренностямъ жрецы прорицали будущее. Древнѣйшій скандинавскій храмъ былъ въ Упсалѣ; преданіе говоритъ о немъ, какъ о чудѣ великолѣпія и искусства.

Религія скандинавовъ, во многихъ частяхъ своихъ, исполнена глубокаго значенія и является плодомъ мудрыхъ соображеній о человѣ-

ческой жизни и мірѣ вообще. Если разсматривать сѣверные миѳы во всей ихъ чистотѣ, какими находимъ ихъ въ первобытныхъ памятникахъ, безъ позднѣйшей примѣси, то надобно согласиться, что это ученіе представляетъ изумительную силу, важность и послѣдовательность мысли, свойственныя миѳологіи немногихъ лишь народовъ древности. Особенно замѣчательна проникающая скандинавскую религію основная идея борьбы добра со зломъ и окончательной побѣды добра. Но съ другой стороны, эта религія въ отношеніи къ стройности и пластической красотѣ образовъ, конечно, не выдерживаетъ сравненія съ греческимъ богоученіемъ. Есть однако же и въ нѣкоторыхъ миѳахъ скандинавовъ какая-то особенная свѣжесть и прелесть.

Здѣсь неумѣстно было бы излагать подробно скандинавскую миѳологію: выберу изъ нея только главныя, моей цѣли нужныя черты.

Вселенная происходитъ отъ вѣчнаго безтѣлеснаго существа, которое потому и называется Всемірнымъ Отцомъ, Альфа́деромъ. Земля и небо созданы изъ тѣла великана Имера. Человѣкъ есть преображенное дерево: мужчина сотворенъ изъ ясеня (ask), женщина изъ ольхи (embla). Надъ предѣлами видимаго міра есть два враждебныя между собою племени: боги и великаны.

Боги, которые, нося человѣческій образъ, не должны быть смѣшиваемы съ Альфа́деромъ, живутъ на небѣ. Ихъ край отдѣленъ рѣкою отъ міра великановъ и иногда весь называется по имени рая, Валгаллою. Главныхъ боговъ и богинь по 12-ти, и у каждаго своя крѣпость (домы солнца). Вселенная осѣнена исполинскимъ Ясенемъ, древомъ времени. У корней его есть источникъ мудрости и другой, именуемый Урда. Надъ послѣднимъ боги каждый день собираются для совѣщаній. Небо соединяется съ землею огромнымъ мостомъ, являющимся въ образѣ радуги.

Великаны всячески стараются вредить богамъ, и дѣйствительно, мало-по-малу одерживаютъ надъ ними верхъ по мѣрѣ того, какъ боги измѣняютъ добру и нарушаютъ миръ. Нѣкогда великаны совершенно истребятъ ихъ, но сами никогда не овладѣютъ небомъ, а возникнетъ новое, очищенное племя міроправителей. Боги, предвидя открытое нападеніе со стороны великановъ, содержатъ при вратахъ Валгаллы стража съ громозвучною трубою, которой гулъ возвѣститъ имъ приближеніе опасности.

Отецъ боговъ и главный владыка міра есть мудрый Одинъ, не имѣющій ничего общаго съ Альфадеромъ. *Одинъ* въ особенности богъ войны. Есть преданіе, что первоначально имя его принадлежало вождю, подъ предводительствомъ котораго предки норманновъ завоевали Скандинавію. Будучи родомъ изъ Азіи, они назывались асами. Воспоминаніе объ Одинѣ-вождѣ было, какъ полагаютъ, началомъ вымысла объ Одинѣ-богѣ. Оттого, какъ онъ, такъ и вообще тѣ

изъ скандинавскихъ боговъ, которые отличаются силою, извѣстны подъ именемъ *Асовъ*.

Одинъ управляетъ боями; при немъ дѣвы-щитоносицы, Валкиріи: когда на землѣ сражаются, то онъ посылаетъ этихъ дѣвъ на поля битвъ. Тамъ онѣ выбираютъ достойныхъ славной смерти, и падшихъ уносятъ въ Валгаллу. Въ качествѣ бога войны Одинъ иначе называется Валфадеромъ: значеніе слова *вал* во всѣхъ этихъ именахъ трудно опредѣлить съ точностію.

Красота рѣдко бываетъ соединена съ мудростію: оттого и Одинъ безобразенъ. У него только *одинъ глазъ*, да и тотъ на лбу. Другой его глазъ сверкаетъ на днѣ источника мудрости, и вотъ по какой причинѣ. Источникъ этотъ принадлежитъ богу Мїмеру. Одинъ просилъ у него позволенія испить благотворной воды, но Мїмеръ не иначе согласился на то, какъ съ условіемъ, что богъ войны отдастъ ему одинъ изъ глазъ своихъ въ залогъ.

Чтобы знать обо всемъ, что происходитъ въ мірѣ, Одинъ не слишкомъ надѣясь на свой единственный глазъ, держитъ двухъ вороновъ. По волѣ его, они каждое утро отправляются на землю и, облетѣвъ ее, возвращаются вечеромъ къ отцу боговъ, садятся ему на плечи и разсказываютъ на ухо все, что ни провѣдали.

Другую принадлежность Одина составляетъ восьминогій конь *Слейпнеръ*. Глава боговъ настолько выше другихъ, что даже не довольствуется общимъ ихъ напиткомъ, медомъ, и пьетъ только вино. Супругу его зовутъ Фриггой.

Одинъ былъ представителемъ высшей духовной силы, по понятіямъ скандинавовъ, т. е. воинственности, соединенной съ мудростью; напротивъ, олицетвореніемъ силы тѣлесной былъ Торъ, могучій владыка грома. Онъ вооруженъ древнѣйшимъ оружіемъ — молотомъ, для котораго носитъ желѣзныя рукавицы, сверхъ того есть у него поясъ, удвоивающій силу. Торъ часто ходилъ войною на великановъ, и въ странѣ ихъ прославился множествомъ подвиговъ, но сила его не разъ была побѣждаема хитростью враговъ.

Важнымъ богомъ былъ также Фрей: въ его власти погода и солнечное сіяніе, почему онъ и считается богомъ плодородія. Символъ его находили въ солнцѣ, когда оно послѣ зимняго поворота начинаетъ какъ-бы новый путь и приноситъ землѣ возрожденіе. Оттого праздники зимняго солнцестоянія и были посвящены Фрею. Время ихъ называлось: *юлъ* (jul), и такъ какъ впослѣдствіи Рождество Христово стало праздноваться около той же эпохи, то это языческое имя въ Скандинавіи перешло на святки, которыя тамъ и понынѣ называются jul.

VII.

Бальдеръ, богъ добра и свѣта. — Погибель его отъ боговъ зла и мрака. — Вдова Бальдера. — Празднества въ честь его. — Храмъ Бальдера.

Самое замѣчательное и вмѣстѣ свѣтлое явленіе въ скандинавской миѳологіи есть богъ Бальдеръ. Онъ исполненъ любви и кротости. Трудно объяснить, какимъ образомъ въ мысляхъ народа суроваго могло возникнуть понятіе о такомъ идеалѣ благости. Все преданіе о Бальдерѣ дышитъ поэзіей.

Онъ — богъ добра и свѣта, видимый въ лучезарномъ солнцѣ, и столь же прекрасный тѣломъ, какъ и духомъ. Цвѣтъ лица его нѣженъ, волосы свѣтлы и покрыты блескомъ, весь онъ какъ-будто облитъ сіяніемъ. Пока онъ живъ между богами, имъ неопасны козни великановъ, но его утрата рѣшитъ ихъ гибель. Вотъ отчего всѣ боги впадаютъ въ уныніе, когда его начинаютъ тревожить зловѣщіе сны. Самъ Одинъ, отецъ его, ѣдетъ на своемъ осьминогомъ конѣ въ область Гелы или смерти узнавать грядущее. Онъ будитъ отъ мертваго сна блѣдную прорицательницу или *Валу*, но слышитъ въ ея дикомъ голосѣ одни страшныя предвѣщанія. Тогда Асы, для отвращенія бѣдствія, заклинаютъ всѣ вещества не вредить тому, отъ кого зависитъ счастіе небесъ.

Но великаны не перестаютъ помышлять о погибели Бальдера. Въ числѣ ихъ есть одинъ, составляющій съ нимъ совершенную противоположность. Это Локъ, представитель зла, который подъ прекраснымъ образомъ скрываетъ глубокое коварство. Онъ всячески преслѣдуетъ и осмѣиваетъ Асовъ. У Бальдера же есть слѣпой братъ, Гедеръ (Höder) богъ мрака, въ которомъ Локъ можетъ найти себѣ помощь.

Увѣренные, что по заклятіи всего въ природѣ Бальдеръ неуязвимъ, боги предлагаютъ ему однажды игрище: онъ станетъ посреди ихъ, а они для забавы будутъ поражать его своимъ оружіемъ. Съ притворнымъ гнѣвомъ наносятъ ему удары и Одинъ, и Торъ. Но Бальдеръ остался невредимъ.

Локъ, глядя на игрище, занятъ лукавою мыслію. Къ западу отъ Валгаллы растетъ слабый отпрыскъ [1]), оставленный безъ вниманія при заклятіи природы. Провѣдавъ это, Локъ спѣшитъ сорвать забытую вѣтку и, подавъ ее слѣпому Гедеру, хитро уговариваетъ его, чтобы по примѣру другихъ боговъ и онъ поразилъ брата безвреднымъ оружіемъ. Гедеръ съ вѣтвію въ рукахъ бѣжитъ на Бальдера, и прекрасный

[1]) *Омела* (viscum album), чужеядное растеніе, встрѣчающееся на разныхъ деревьяхъ и всегда зеленое; оно производитъ бѣлыя ягоды, изъ которыхъ получается птичій клей, отчего и самое растеніе иногда называется птичьимъ клеемъ.

богъ, пронзенный роковымъ растеніемъ, падаетъ къ ногамъ обманутаго брата. Тѣнь жертвы переходитъ во владѣніе *Гелы*.

Смерть Бальдера повергаетъ боговъ въ отчаяніе: они рѣшаются просить Гелу о возвращеніи его небу. Богиня смерти обѣщаетъ это только подъ тѣмъ условіемъ, если всѣ существа, безъ исключенія, станутъ оплакивать Бальдера. И все зарыдало, кромѣ одной старой женщины, въ которой узнали преобразившагося Лока. Итакъ любимецъ вселенной долженъ былъ остаться во власти смерти: паденіе Асовъ было неизбѣжно.

У Бальдера была страстно любившая его супруга *Нанна*. Когда тѣло его предали сожженію, она не могла перенести своего горя; у ней, по словамъ преданія, разорвалось сердце, и одинъ костеръ принялъ останки обоихъ супруговъ.

Бальдеру, какъ богу свѣта, были посвящены пиршества лѣтняго солнцестоянія. Въ это время въ храмѣ, при богослуженіи, зажигаемъ былъ костеръ, какъ символъ сгарающаго бога. Въ цѣломъ миѳѣ о Бальдерѣ, жертвѣ злобы Лока и слѣпоты Гедера, нельзя не видѣть олицетворенія солнца или дня, умирающаго въ пламени заката, будто на кострѣ жертвою сумерокъ и ночи. Въ „Фритіофѣ“ Бальдеръ является главнымъ, по участію въ событіяхъ, божествомъ. Храмъ, находящійся въ области Согнъ, посвященъ ему и украшенъ его истуканомъ. Этотъ храмъ, по свидѣтельству сагъ, принадлежалъ къ числу великолѣпнѣйшихъ: онъ былъ обведенъ широкою оградой и состоялъ изъ многихъ богато построенныхъ зданій.

VIII.

Богъ пѣсенъ. — Богъ морей.—Богиня красоты. — Богиня рока. — Погибель и возрожденіе міра. — Баснословныя существа на землѣ. — Волхвы и вѣщуньи. — Чародѣйство.

Богомъ пѣснопѣнія, богомъ-скальдомъ былъ *Брагъ*, мудрый и краснорѣчивый старецъ съ длинною снѣжнобѣлой бородой и златострунною арфой; языкъ его покрытъ таинственными рунами. Источникъ мудрости служитъ и источникомъ поэзіи. Не глубокая ли мысль заключается въ этомъ понятіи? Но вотъ другая, не менѣе разительная: супруга Брага, *Идуна*, есть богиня юности. Она хранитъ золотыя яблоки, которыми обновляетъ юность боговъ и особенно своего супруга.

Моремъ владѣетъ *Эгиръ* съ своею супругой, коварною *Раной*, въ которой собственно олицетворена обманчивая бездна морская. Волны почитаются морскими дѣвами, дочерьми Эгира.

Любовь и красота олицетворены также особою богиней: это главная изъ всѣхъ небесныхъ женъ, *Фрея*, которой не должно смѣшивать съ *Фреемъ*, богомъ плодородія: онъ братъ ея. Фрея живетъ въ обшир-

номъ и прекрасномъ чертогѣ, куда поступаетъ половина убитыхъ на полѣ брани. Она въ замужествѣ съ богомъ *Одеромъ* и такъ любитъ его, что однажды, когда онъ не возвращался изъ дальняго странствованія, она приняла образъ сокола и долго летала за нимъ изъ края въ край.

Изъ богинь замѣтимъ еще прекрасную, стыдливую *Герду*, супругу бога Фрея, и *Сагу*, богиню исторіи, которая, сидя въ своемъ чертогѣ, разсказываетъ Одину судьбы народовъ.

Въ племени великановъ (*Іотовъ*), кромѣ Лока, особенно важны три дѣвы-щитоносицы, три сестры, *Норны*. Въ началѣ вѣковъ были у Асовъ залогомъ ихъ благоденствія золотыя скрижали съ таинственными начертаніями. Но впослѣдствіи онѣ утратились и ими овладѣли Норны. Эти дѣвы перенесли начертанія скрижалей на свои щиты и такимъ образомъ стали богинями судьбы, страшными для самихъ Асовъ. У каждой особое имя, взятое отъ прошедшаго, настоящаго и будущаго. Онѣ живутъ въ богатомъ чертогѣ надъ источникомъ *Урдой*, который орошаетъ одинъ изъ корней древа временъ. Впрочемъ, есть еще Норны низшаго разряда, и число ихъ неограниченно: всякій новорожденный поступаетъ въ вѣдѣніе одной изъ нихъ, и, смотря по жребію, какой ему достается, находитъ въ ней добрую или злую Норну.

Съ погибелью Бальдера началось торжество зла: могущество боговъ поколебалось, въ небѣ и на землѣ вспыхнула война, утвердилось насиліе, и хотя боги успѣли схватить и оковать своего ненавистника Лока, ничто ужъ не можетъ отвратить ихъ паденія.

Предтечею страшной годины, называемой *сумерками боговъ* (Ragnarök), будетъ трехлѣтняя зима съ кровопролитными войнами; тогда сынъ возстанетъ на отца и братъ на брата; то будетъ вѣкъ сѣкиръ, мечей, бурь и волковъ. Наконецъ запоютъ вмѣстѣ три пѣтуха вселенной; въ Валгаллѣ пѣтухъ съ золотымъ гребнемъ, на землѣ огненно-красный, въ преисподней блѣдный пѣтухъ. Этотъ крикъ будетъ вѣстію всеобщаго разрушенія: земля заколеблется и море выступитъ изъ береговъ своихъ. Грозная рать огней поплыветъ на кораблѣ, построенномъ изъ ногтей мертвецовъ. Предводителемъ ея будетъ Черный Великанъ (Surtur), одѣтый въ пламя, вооруженный мечемъ, ярче солнца сверкающимъ. Вдругъ разорвется небо, мостъ его сокрушится подъ тяжестью враговъ, чуткій стражъ Валгаллы затрубитъ въ свой рогъ и звуками его потрясетъ вселенную. Тогда Одинъ ополчится со всѣми богами и героями, и на неизмѣримой долинѣ, окружающей Валгаллу, грянетъ рѣшительный бой. Асы погибнутъ, свѣтила небесныя померкнутъ, море поглотитъ землю. Но вскорѣ міръ возродится прекраснѣе прежняго. Падшихъ суровыхъ боговъ замѣнитъ воскреснувшій Бальдеръ съ братомъ своимъ; они найдутъ золотыя скрижали, нѣкогда утраченныя Асами, и на обновленной землѣ утвердится вѣчное царство мира и правосудія.

Не только небо, но и разныя части видимаго міра воображеніе скандинавовъ населило баснословными существами. Въ глубинѣ водъ, во мракѣ пещеръ и лѣсовъ живутъ *троллы*, — духи, враждебные человѣку, принимающіе разные чудовищные образы и называемые также великанами. Подъ вымысломъ великановъ, какъ небесныхъ, такъ и земныхъ, скрывается, вѣроятно, воспоминаніе о тѣхъ рослыхъ и упорно защищавшихся людяхъ особаго племени, которыхъ предки норманновъ нашли въ Скандинавіи при ея завоеваніи. Въ нѣдрахъ земли, во внутренности горъ водятся *карлы*, существа безобразныя, хитрыя, но чрезвычайно искусныя въ разработкѣ металловъ и приготовленіи изъ нихъ утонченныхъ издѣлій. Въ воздухѣ, при свѣтѣ луны, особливо на берегахъ рѣкъ и въ рощахъ, являются маленькіе, крылатые *альфы* или *эльфы*, прелестные жители одного изъ небесныхъ чертоговъ, свѣтлое, воздушное племя.

У скандинавовъ, какъ и у другихъ народовъ, суевѣріе породило волхвовъ и предвѣщательницъ (послѣднія назывались Валами), съ которыми совѣтовались въ затруднительныхъ случаяхъ. Большимъ уваженіемъ пользовались также колдуны и колдуньи, обладавшіе чарами разнаго рода. Множеству знаковъ приписывалось таинственное вліяніе: такъ изображеніе дракона считалось надежнѣйшимъ стражемъ лежавшихъ подъ нимъ сокровищъ. Таково было вообще понятіе о змѣяхъ въ древности; вотъ откуда старинное повѣрье многихъ народовъ о драконахъ, покоящихся на кучахъ золота.

IX.

Эдда, собраніе древнихъ пѣсенъ. — Саги. — Исландскій языкъ. — Затѣйливыя выраженія.

Боги и вообще горній міръ были однимъ изъ главныхъ предметовъ поэзіи скандинавовъ. Пѣсни скальдовъ о богахъ и герояхъ, да еще разсказы о приключеніяхъ и подвигахъ славныхъ мужей составляли всю словесность древняго Сѣвера; но высшей степени своего развитія достигла она не въ самой Скандинавіи, а на островѣ Исландіи, открытомъ и заселенномъ въ исходѣ IX-го столѣтія норвежцами, недовольными новымъ порядкомъ вещей въ своемъ отечествѣ.

Древнѣйшій памятникъ исландской словесности — довольно большой сборникъ старинныхъ пѣсенъ, частію миѳологическаго, частію героическаго содержанія. Сборникъ этотъ извѣстенъ подъ именемъ поэтической *Эдды* [1]), — *поэтической*, потому что есть еще другая

[1]) Эдда, по мнѣнію однихъ, значитъ прабабушка, а по мнѣнію другихъ, — стихотворство. Поэтическая Эдда называется Семундовою, по имени ея собирателя, жившаго въ XI-мъ и въ началѣ XII-го вѣка.

Эдда, излагающая въ прозѣ скандинавскую миѳологію и составленная гораздо позднѣе ученымъ Снорре Стурлесономъ. Изъ многочисленныхъ пѣсенъ, составляющихъ старую Эдду, назову только двѣ, какъ главныя и притомъ упоминаемыя въ „Фритіофѣ“. Одна—*Видпніе Вáлы* (Völu spa), краеугольный камень скандинавской миѳологіи. Эта пѣснь носитъ на себѣ несомнѣнные признаки глубокой древности. Здѣсь мудрая Вала, въ пророческомъ восторгѣ, сперва повѣдываетъ богамъ таинственное рожденіе временъ, потомъ изображаетъ невидимый міръ и наконецъ грозно предвѣщаетъ паденіе боговъ. Сила и безпорядокъ выраженій Валы придаютъ *Видпнію* характеръ потрясающаго величія, которое еще возрастаетъ отъ часто повторяемаго провозвѣстницею вопроса: „Понимаете или нѣтъ“? Другая пѣснь Эдды есть такъ называемая *Высокая пѣснь* (Hávamàl): она содержитъ рядъ просто и кратко выраженныхъ, но глубокихъ истинъ житейской мудрости. Подразумѣвается, что самъ Одинъ провозглашаетъ ихъ предъ лицомъ человѣчества. Эта пѣснь есть драгоцѣнный для всѣхъ народовъ памятникъ первобытной философіи. Отсюда Тегнéръ искусно заимствовалъ большую часть II-й пѣсни „Фритіофа“.

Столь же почтенны, какъ скальды, были у скандинавовъ разсказчики: часто и то и другое искусство соединялось въ одномъ лицѣ. Героическіе разсказы или *саги* чрезвычайно размножились и развились въ Исландіи. Благодаря латинскому письму, которое тамъ введено было въ XII-мъ вѣкѣ, до насъ дошло большое число сагъ разнаго рода и разнаго достоинства. Началомъ многихъ изъ нихъ послужило поэтическое преданіе, древняя пѣснь, которую замысловатый разсказчикъ развивалъ и украшалъ по-своему, прерывая иногда свой разсказъ, какъ-бы для подкрѣпленія его, стихами изъ этой пѣсни. Если онъ былъ скальдомъ, то вѣроятно вплеталъ въ свое повѣствованіе и свои собственные стихи. Въ самомъ дѣлѣ, почти во всѣхъ сагахъ проза смѣшана съ стихотворными отрывками. Скандинавскій языкъ, сперва называвшійся *дáнскимъ* и *норрéнскимъ*, а потомъ *исландскимъ*, и до сихъ поръ еще употребляемый въ Исландіи, богатъ и самобытенъ; но скальды не всегда умѣли пользоваться имъ какъ должно, и, особливо въ позднѣйшую эпоху, искажали пѣсни свои безобразною изысканностію въ выраженіяхъ или, вѣрнѣе, въ названіи предметовъ. Они ничего не хотѣли называть настоящимъ именемъ и безпрестанно придумывали фигуры. Многіе такіе обороты были однакожъ удачны и предпочтительно употреблялись всѣми поэтами. Для означенія золота существовала тьма синонимовъ; между прочимъ оно называлось то змѣинымъ родомъ (см. выше), то дневнымъ сіяніемъ карловъ, оттого что карлы живутъ въ нѣдрахъ горъ, и сіяніе золота какъ-бы замѣняетъ имъ лучи солнечные. Вмѣсто: *мечъ* встрѣчается нерѣдко: ненавистникъ брони. Привожу эти выраженія потому, что ими и Тегнéръ воспользовался въ своей поэмѣ.

X.

Сага Фритіофа. — Когда онъ жилъ? — Имя его. — Тегне́ръ. — Литература поэмы „Фритіофъ“. — Отчетъ русскаго переводчика.

Каждая изъ сагъ носитъ имя своего героя. *Сага Фритіофа Смѣлаго* (Fridthjófs Saga ens froekna) окончательно образовалась, какъ полагаютъ, въ концѣ XIII-го или въ началѣ XIV-го столѣтія; но нѣтъ сомнѣнія, что въ основаніи ея заключается одно изъ древнѣйшихъ, какъ и изъ самыхъ народныхъ преданій сѣвера. Уже одни стихи, которыми и въ ней перемѣшанъ разсказъ, свидѣтельствуютъ о ея раннемъ происхожденіи. Время жизни Фритіофа въ точности неизвѣстно, но по достовѣрнѣйшимъ изслѣдованіямъ можно отнести ее къ VIII-му вѣку. Имя его состоитъ изъ двухъ исландскихъ словъ (Frid и Thiofr) и въ переводѣ значитъ *воръ мира.* Оно въ подлинникѣ содержитъ въ себѣ только два слога, отчего правописаніе его по-русски довольно затруднительно. Его должно произносить такъ, какъ еслибъ было написано: *Фритьёфъ.* Ясно, что писать: *Фритіофъ*, какъ прежде у насъ дѣлалось, совершенно ошибочно.

На *сагѣ Фритіофа*, и въ Даніи и въ Швеціи, уже не разъ старались основать художественныя произведенія; но Тегне́ръ, создавъ изъ нея поэму, заставилъ забыть всѣ прочія попытки въ томъ же родѣ. Что́ ему подало мысль разработать исландскую сагу, ка́къ онъ ею воспользовался и какимъ правиламъ слѣдовалъ въ своемъ трудѣ, — все это можно видѣть изъ собственныхъ его словъ въ письмѣ, которое ниже прилагается въ переводѣ. Его поэма, въ подлинникѣ озаглавленная, какъ и источникъ ея, *сагою Фритіофа* (Frithiof's saga), въ первый разъ была вполнѣ напечатана въ Стокгольмѣ въ 1825 году. Успѣхъ ея въ самой Швеціи лучше всего доказывается тѣмъ, что она тамъ, въ продолженіе первыхъ 15-ти лѣтъ послѣ своего появленія, была издана шесть разъ, каждый разъ въ числѣ 2—3 тысячъ экземпляровъ. Но еще поразительнѣе необыкновенное счастіе, которое досталось ей на долю въ остальной Европѣ и какого, конечно, ни одно произведеніе сѣверной литературы въ такой степени не испытывало. Нѣмцы, датчане, англичане, французы имѣютъ по нѣсколько переводовъ ея, изъ которыхъ иные издавались уже по два, по три и болѣе разъ. Есть также исландскій, польскій, голландскій, финскій и мадьярскій переводы „Фритіофа“. Сверхъ того, въ европейскихъ журналахъ разсѣяны отрывки, въ разное время изъ него переведенные. Почти всѣ пѣсни этой поэмы положены на музыку; многія послужили предметами для живописи и литографіи. Переводами Фритіофа богата особенно нѣмецкая литература. Первый и, по мнѣнію многихъ, лучшій нѣмецкій переводъ ея, начатый еще въ то время, когда изъ

„Фритіофа“ въ самой Швеціи были извѣстны только немногія пѣсни, принадлежитъ дамѣ, Амаліи Гельвигъ, рожденной Имгофъ. Замѣчательно, какъ Гёте, въ то время издававшій критическій журналъ, привѣтствовалъ начало этого труда своей соотечественницы: „Не считаемъ нужнымъ въ подробности объяснять нашимъ знающимъ сѣверъ читателямъ, какъ превосходны эти пѣсни. Желаемъ, чтобы сочинитель какъ можно скорѣе окончилъ свою поэму, а почтенная переводчица съ любовью продолжала трудъ свой: тогда мы получимъ весь этотъ морской эпосъ въ одинаковомъ духѣ и тонѣ. Прибавимъ только, что здѣсь древняя, могучая, исполински-дикая поэзія, по неизъяснимому превращенію, очаровательно является намъ въ новомъ, мечтательно-нѣжномъ и однакожъ вовсе не искаженномъ видѣ“. (См. Göthes Werke, 46-r Band).

Въ русскомъ переводѣ я старался воспроизвести поэму Тегнéра съ возможною точностью, тщательно сохраняя не только каждую мысль, но и каждую черту въ полной обстановкѣ мѣстныхъ красокъ. — Съ собственными именами и вообще непереводимыми словами скандинавскими обращался я осмотрительно и сохранялъ ихъ настоящее удареніе, измѣняя только окончаніе ихъ, когда оно противно русскому уху. Имена: *Локе*, *Браге*, *бонде*, напримѣръ, являются у меня въ формѣ: Локъ, Брагъ, бондъ, подобно тому, какъ мы поступаемъ, напримѣръ, съ римскими именами, и говоримъ: *Цицеронъ*, *Венера*, *патрицій* — вмѣсто: *Цицеро*, *Венусъ*, *патриціусъ*. Что касается до внѣшней формы „Фритіофа“, то и ее старался я удержать безъ измѣненій: каждая пѣснь переведена у меня тѣмъ же размѣромъ, какимъ написана въ подлинникѣ. Два-три отступленія отъ принятаго однажды числа стопъ допущено самимъ Тегнéромъ, и я не счелъ нужнымъ быть въ этихъ немногихъ случаяхъ строже его. Нѣкоторые изъ употребленныхъ мною, по его примѣру, метровъ могутъ показаться новыми; но внимательный читатель легко откроетъ въ ихъ составѣ общепринятое у насъ построеніе стиха. Я тѣмъ менѣе усомнился удержать ихъ въ переводѣ, что попытка моя была одобрена тонкимъ слухомъ Жуковскаго, который читалъ мой переводъ въ рукописи. Послѣдняя пѣснь написана размѣромъ древнихъ трагедій греческихъ, — *сенаріемъ*, т. е. шестистопнымъ ямбомъ мужского окончанія, безъ риѳмы и безъ постоянной цезуры [1]).

[1]) Въ I изданіи перевода „Фритіофа“ переводчикъ, обращаясь къ А. О. Ишимовой, которой онъ и посвятилъ свое предисловіе съ предварительными свѣдѣніями (въ видѣ „Писемъ“), распространился въ этой главѣ нѣсколько подробнѣе о своемъ переводѣ и особенно о томъ, что его побудило за него приняться. Считаемъ долгомъ привести здѣсь эти объяснительныя его строки, невошедшія во II-ое изданіе.—*Ред.*

„Наконецъ, М—ая Г — ня, посылаю вамъ переводъ мой, и теперь позволю себѣ сказать нѣсколько словъ собственно о немъ. Первымъ поводомъ къ его началу былъ

Очеркъ біографіи Тегнера.

Исаія Тегнеръ родился $^2/_{13}$ ноября 1782 года. Отецъ его, бывшій пасторомъ въ Смоландіи (въ южной Швеціи), вышелъ изъ крестьянскаго сословія; онъ умеръ уже въ 1792 году, оставивъ нѣсколько человѣкъ дѣтей. Мать, овдовѣвъ, поселилась въ тихомъ уголкѣ Вермландіи; но даровитый Исаія вскорѣ оставилъ родительскій домъ, получивъ мѣсто писца у короннаго фохта Брантинга, пріятеля отца его. Тогда уже въ немъ развилась страсть къ чтенію; особенно нравились ему разсказы о подвигахъ скандинавскихъ героевъ; иногда онъ самъ пробовалъ описывать дѣла ихъ, но чаще воспѣвалъ въ стихахъ маленькія мѣстныя событія.

Къ счастію, Брантингъ умѣлъ оцѣнить дарованія и любознательность мальчика. Разъ, когда они въ звѣздную ночь вмѣстѣ ѣхали

маловажный случай. Въ 1837-мъ году посѣщалъ я гимнастическую залу покойнаго Паули въ Петербургѣ и тамъ услышалъ въ первый разъ шведскіе звуки. Во мнѣ родилось любопытство узнать этотъ языкъ, и я началъ изучать его съ „Фритіофомъ" въ рукахъ. Совершенно новый міръ, который открылся мнѣ въ поэмѣ *Тегнѐра*, очаровалъ меня. О переводѣ всей поэмы я еще не смѣлъ думать, и хотѣлъ передать на русскій языкъ только нѣкоторыя пѣсни, связавъ ихъ объясненіями въ прозѣ. Но мало-по-малу предпріятіе такъ завлекло меня, что я поставилъ себѣ цѣлію перевести всего „Фритіофа". Тутъ предстоялъ мнѣ собственно троякій трудъ; мнѣ надлежало: сперва, вполнѣ овладѣть шведскимъ языкомъ,—въ этомъ помогло мнѣ сосѣдство Финляндіи; потомъ, изучить скандинавскую древность, которой я почти вовсе не зналъ,—это было мнѣ облегчено постепеннымъ сближеніемъ съ шведскою литературой, и наконецъ, разрѣшить переводомъ главную мою задачу,—для этого требовалось постоянство и терпѣніе. Долго однакожъ работа моя была прерываема занятіями совершенно другого рода, а трудности, которыя неопытное перо безпрестанно встрѣчало въ возсозданіи красотъ подлинника, еще болѣе замедляли ее. Такъ росъ переводъ мой три года, то отдыхая по цѣлымъ мѣсяцамъ, то переходя изъ одного образа въ другой: нѣкоторыя пѣсни передѣлывалъ я по нѣскольку разъ, пока наконецъ приближался къ тому, чего хотѣлъ. Между тѣмъ тетради моей суждено было напитаться воздухомъ самой Скандинавіи. Въ 1838-мъ году *В. А. Жуковскій*, отъѣзжая за границу въ свитѣ Его Высочества Государя Наслѣдника и предполагая увидѣть въ Швеціи *Тегнѐра*, изъявилъ лестное для меня желаніе взять съ собою еще не конченный въ то время переводъ мой, чтобы черезъ него уже предварительно ознакомиться сколько-нибудь съ славнымъ пѣвцомъ *Фритіофа*. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, рукопись возвратилась изъ Венеціи при письмѣ къ *П. А. Плетневу*, гдѣ Василій Андреевичъ, ободряя меня къ продолженію труда, совѣтовалъ однакожъ „не выпускать его изъ рукъ, пока" моя „поэтическая совѣсть не будетъ совершенно въ ладу сама съ собою".

Я старался исполнить совѣтъ: послѣ того многое въ переводѣ было передѣлано, и вотъ онъ передъ вами таковъ, какимъ только, по всей „поэтической совѣсти", могъ я его сдѣлать. Трудностей, съ которыми долженъ былъ бороться, исчислять не стану: вамъ до нихъ нѣтъ нужды. Во всякомъ художественномъ произведеніи любитель хочетъ видѣть только *побѣду*, а отъ *борьбы* не должно быть замѣтно и слѣда".

домой, между ними завязался разговоръ о небесныхъ тѣлахъ, и 14-тилѣтній Тегне́ръ удивилъ собесѣдника своими познаніями. Рѣшено было послать его учиться, и онъ былъ отправленъ къ старшему брату своему, который жилъ наставникомъ въ частномъ домѣ. Исаія съ жаромъ принялся за ученье и, благодаря своимъ способностямъ, легко вознаградилъ потерянное время.

Когда черезъ два года братъ его перешелъ въ другое семейство, молодому Исаіи пришлось также послѣдовать за нимъ. Въ заводчикѣ, горномъ совѣтникѣ Мюрманѣ (Myhrman), нашелъ онъ необыкновенно предпріимчиваго и вмѣстѣ ученаго человѣка съ благороднымъ и твердымъ характеромъ. Особенно порадовали Тегне́ра въ этомъ домѣ книжные шкапы, наполненные греческими, римскими, французскими и англійскими писателями; изъ нѣмцевъ не было ни одного, такъ какъ въ то время германская литература почти вовсе не была еще извѣстна въ Швеціи. До тѣхъ поръ, изъ иностранныхъ поэтовъ одинъ Оссіанъ производилъ на Тегне́ра сильное впечатлѣніе; теперь онъ узналъ Гомера, съ которымъ ознакомиться стоило ему тѣмъ болѣе труда, что онъ былъ совершенно не приготовленъ къ тому и не имѣлъ нужныхъ пособій. Тѣмъ не менѣе онъ тогда же прочелъ по нѣскольку разъ Иліаду и Одиссею, а между тѣмъ занимался также чтеніемъ Виргилія, Горація и Овидія. Нѣмецкому языку, за недостаткомъ книгъ, онъ выучился по однимъ учебникамъ; англійскимъ овладѣлъ онъ также, благодаря Оссіану, безъ помощи учителя.

Поддерживаемый Брантингомъ и Мюрманомъ, 17-тилѣтній Тегне́ръ осенью 1799 г. отправился въ Лундъ для посѣщенія тамошняго университета. На пріемномъ экзаменѣ оказалось, что онъ по-гречески и по-латыни зналъ болѣе, нежели сколько требовалось для экзамена на званіе кандидата. Первоначально онъ, какъ бѣдный молодой человѣкъ, хотѣлъ въ университетѣ приготовить себя только къ низшей гражданской службѣ; но ему вздумалось представить образчикъ своихъ свѣдѣній въ древнихъ языкахъ, и онъ написалъ по-латыни разсужденіе объ Анакреонѣ (Vita Anacreontis). Съ этимъ опытомъ явился онъ къ знаменитому профессору Норбергу, который, занимая каѳедру восточныхъ языковъ, преподавалъ въ то же время и греческую литературу. Норбергъ посовѣтовалъ ему оставить слишкомъ легкій первоначальный планъ ученія и готовиться къ экзамену на степень магистра. Это рѣшило судьбу Тегне́ра. Въ продолженіе двухъ семестровъ онъ занимался неутомимо, большею частью дома, отъ 18-ти до 20-ти часовъ въ сутки; принимая рѣдко участіе въ веселой студенческой жизни, онъ прослылъ нелюдимымъ и чудакомъ. Чтобъ не быть долѣе въ тягость своимъ благодѣтелямъ, онъ весною 1800 года взялъ мѣсто наставника у барона Лейонгувуда въ Смоландіи, гдѣ продолжалъ ту же тихую, трудолюбивую жизнь. Пробывъ въ деревнѣ все лѣто, онъ, по

*

возвращеніи въ Лундъ, получилъ при университетской библіотекѣ должность помощника библіотекаря, что̀ было необыкновеннымъ отличіемъ для 18-тилѣтняго студента, еще не имѣвшаго ученой степени.

Для достиженія ея онъ сталъ съ новымъ усердіемъ заниматься науками, между прочимъ и философіей, которую изучалъ въ Разговорахъ Платона, въ сочиненіяхъ Канта и Фихте. Изъ собственныхъ словъ его извѣстно, что онъ вовсе не чувствовалъ склонности къ отвлеченнымъ умозрѣніямъ и что на него наводили скуку длинныя систематическія разсужденія, не представлявшія пищи для фантазіи. Его университетскія диссертаціи доказываютъ однакожъ, что онъ легко и ясно понималъ философскіе вопросы.

Получивъ на кандидатскомъ экзаменѣ почти отъ всѣхъ профессоровъ высшую отмѣтку (laudatur), Тегне́ръ былъ *примусомъ* на промоціи въ магистры, не смотря на случившееся передъ тѣмъ обстоятельство, которое едва не удалило его изъ университета: это было невольное участіе въ студенческой шалости (Pereat ректору). Къ счастію, однакожъ, за него вступились многіе изъ профессоровъ, и дѣло осталось безъ послѣдствій. Получивъ свой лавровый вѣнокъ [1]), новый магистръ отправился въ Вермландію къ роднымъ.

Лундскій университетъ поспѣшилъ залучить бывшаго своего питомца въ ряды своихъ преподавателей. Изданная имъ диссертація о *Езоповой баснѣ* доставила ему въ началѣ 1803 года званіе доцента эстетики, а вскорѣ потомъ онъ за другое разсужденіе получилъ кандидатуру на должность адъюнкта, въ которую и вступилъ 1805 года по каѳедрѣ эстетики. Не смотря на незначительное жалованье, присвоенное этой должности, онъ въ слѣдующемъ году женился на дочери своего благодѣтеля Мюрмана; они давно любили другъ друга и втайнѣ вырѣзывали свои имена рядомъ на деревьяхъ.

Передъ этимъ любовь каждое лѣто влекла молодого поэта въ Вермландію. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ Тегне́ръ познакомился съ извѣстнымъ впослѣдствіи шведскимъ историкомъ Гейеромъ, который жилъ у своего отца въ той же провинціи. Онъ былъ въ то время еще только студентомъ Упсальскаго университета, но уже заслужилъ отъ Шведской академіи награду за похвальное слово Стенъ-Стуру. Оба впослѣдствіи разсказывали о впечатлѣніи, произведенномъ на каждаго этою встрѣчей; оба цѣнили и уважали другъ друга, но, при рѣзкой противоположности во взглядахъ того и другого, не могли сойтись. „Уже тогда, говоритъ Тегне́ръ, обнаружилось въ нашихъ понятіяхъ о жизни и литературѣ то несходство, которое съ лѣтами болѣе и

[1]) Это относится къ торжественнымъ обрядамъ университетскихъ *промоцій*, оставшимся отъ среднихъ вѣковъ и до сихъ поръ соблюдаемымъ въ Швеціи и въ Финляндіи.

болѣе выказывалось. Наша бесѣда была непрерывнымъ споромъ, однакожъ безъ всякой горечи и вражды". Они никогда не могли вполнѣ понимать другъ друга.

Въ Лундѣ былъ другой человѣкъ, съ которымъ отношенія нашего поэта стали не совсѣмъ дружественныя, именно Лингъ, нашедшій въ немъ опаснаго соперника, знаменитый сколько своимъ поэтическимъ даромъ, столько и тѣмъ, что въ основанномъ имъ гимнастическомъ заведеніи онъ создалъ новую отрасль врачебной науки. Для поэзіи Лингъ и Тегне́ръ, вмѣстѣ съ Гейеромъ, сдѣлали въ Швеціи то же, что Эленшлегеръ и Грундтвигъ въ Даніи: они пробудили въ литературѣ новую жизнь, воспользовавшись скандинавскими сагами и миѳологіей. Но Лингъ, подобно Грундтвигу, воскрешая передъ современниками древній героическій вѣкъ сѣвера, болѣе сохранялъ въ немъ первобытный характеръ дикой силы и грознаго величія. Зато Тегне́ръ, такъ же, какъ Эленшлегеръ, передавая образы старины въ прекраснѣйшемъ и болѣе идеальномъ свѣтѣ, умѣлъ сильнѣе привлечь къ нимъ всеобщее вниманіе. Еще до того времени, когда труды Линга и Тегне́ра сдѣлались извѣстны, между ими обоими не было настоящаго согласія. Довольно странно, что поэтъ-фехтмейстеръ, который обнажалъ грудь свою для принятія ударовъ не рапиры, а острой шпаги, былъ въ душѣ чрезвычайно раздражителенъ и обидчивъ. Впрочемъ, при благородствѣ и чистосердечіи обоихъ, вспышки между ними не могли вести къ серіозному раздору.

Женитьба пересоздала Тегне́ра. Не имѣя болѣе надобности предаваться усиленнымъ трудамъ для обезпеченія своей будущности, онъ сдѣлался самымъ веселымъ собесѣдникомъ, котораго желали видѣть во всѣхъ обществахъ; его игривое, непринужденное остроуміе было неистощимо, шутки его и неожиданныя выходки разносились по всему краю. Эта перемѣна въ Тегне́рѣ подѣйствовала и на его поэзію, которая сдѣлалась свободнѣе, разнообразнѣе и живѣе. Къ 1808 году относится первое стихотвореніе, обратившее на него вниманіе всей Швеціи, — воинственный диѳирамбъ на ополченіе (För det skonska Landtvärnet). Тогда же онъ своими лекціями по эстетикѣ сдѣлался извѣстенъ какъ университетскій преподаватель, и въ 1810 году получилъ званіе профессора. Въ 1811 г. Шведская академія присудила ему высшую свою награду за большое стихотвореніе *Свея* (Швеція), замѣчательное не только по своему патріотическому духу, но и по необыкновенной художественной красотѣ. Публика приняла съ восторгомъ это великолѣпное поэтическое видѣніе, гдѣ баснословные образы древняго сѣвера служатъ только оболочкой современныхъ думъ, чувствъ и надеждъ.

Съ этой поры Тегне́ръ впродолженіе многихъ лѣтъ пріобрѣталъ все болѣе и болѣе популярности новыми произведеніями, передъ блес-

комъ которыхъ всѣ другія свѣтила на поэтическомъ горизонтѣ Швеціи мало-по-малу меркли. Важнѣйшими изъ его стихотворныхъ трудовъ были: *Первое причащеніе* (Nattvardsbarnen) 1820, *Аксель* (Axel) 1822 и наконецъ *Фритіофъ* (Frithiof's saga) 1825. Послѣднее произведеніе было вѣнцомъ его славы; оно читалось съ восторгомъ по всей Швеціи и имѣло въ короткое время шесть изданій, а вскорѣ стало являться и въ переводахъ на всѣ образованные языки Европы; самъ престарѣлый Гёте привѣтствовалъ эту поэму своимъ одобреніемъ, и она распространилась по обѣ стороны Атлантическаго океана.

Новое поприще для дѣятельности Тегнéра при университетѣ открылось въ 1812 году, когда греческая литература отдѣлилась отъ каѳедры восточныхъ языковъ. Послѣдняя осталась за Норбергомъ, а профессоромъ первой назначенъ былъ Тегнéръ, какъ отличнѣйшій въ Лундѣ эллинистъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, въ видѣ прибавки къ содержанію, получилъ пасторатъ, бывъ около того же времени посвященъ въ пасторы. Въ профессорской дѣятельности его замѣчательно, что онъ не только развивалъ въ своихъ слушателяхъ знаніе литературы и эстетическое чувство, но требовалъ также основательнаго изученія греческаго языка и возвелъ свою каѳедру на такую высоту, какой она прежде никогда не достигала въ Лундѣ. Но ректорства онъ никогда не хотѣлъ принять. Черезъ нѣсколько лѣтъ и Шведская академія избрала его въ свои члены. Онъ занялъ въ ней мѣсто Оксеншерны и при вступленіи своемъ произнесъ въ честь умершаго рѣчь, которая доказывала силу автора и въ области прозы. Въ 1818 году онъ былъ возведенъ въ Упсалѣ на степень доктора богословія.

Въ томъ же (1824) году, когда *Фритіофъ* довершилъ литературную славу Тегнéра [1]), ему въ духовномъ управленіи неожиданно ввѣрена была почетная должность: когда открылось мѣсто епископа въ Векшё (Vexiö, въ Смоландіи), духовенство единодушно избрало его первымъ кандидатомъ на эту вакансію, и онъ былъ облеченъ въ высшій духовный санъ. Всегда добросовѣстный въ исполненіи своихъ обязанностей, онъ углубился въ изученіе богословія и усердно посвящалъ свою дѣятельность управленію епархіей и учебными заведеніями, которыя въ Швеціи издавна подчинены духовному вѣдомству; сослуживцы уважали его, народъ полюбилъ своего архипастыря. Сильное дѣйствіе на молодежь и на преподавателей въ училищахъ производилъ онъ своими рѣчами, въ которыхъ, при торжественныхъ случаяхъ, съ оригинальнымъ остроуміемъ излагалъ свѣтлыя мысли по разнымъ вопросамъ, относящимся къ воспитанію и ученію. Рѣчи эти, переведенныя на нѣмецкій языкъ, пріобрѣли извѣстность и въ другихъ

[1]) До полнаго изданія этой поэмы, изъ нея печатались въ журналахъ отдѣльныя пѣсни.

странахъ. Важная ли должность Тегнéра отвлекла его отъ поэзіи, или поколебавшееся здоровье повредило его настроенію, только послѣ изданія *Фритіофа* онъ уже рѣдко принимался за стихи и не кончилъ предпринятой поэмы: *Герда*.

Взглянемъ теперь на его положеніе въ литературѣ. Тотчасъ по полученіи академической преміи за поэму *Свея*, онъ отправился въ Стокгольмъ, сблизился съ замѣчательнѣйшими дѣятелями Шведской академіи и сдѣлался членомъ незадолго передъ тѣмъ основавшагося *Готскаго общества*, главной задачей котораго было изученіе скандинавскихъ сагъ и миѳовъ и приложеніе ихъ къ искусству.

Надобно замѣтить, что тогда въ Швеціи были еще двѣ другія литературныя школы, которыя вели между собой ожесточенную борьбу. Ветераномъ поэтовъ былъ Леопольдъ, человѣкъ даровитый, но совершенно подчинившійся вліянію французскихъ писателей. Онъ пользовался громкою славой и имѣлъ множество приверженцевъ, особенно въ академіи, когда вдругъ при Упсальскомъ университетѣ нѣсколько литераторовъ объявили войну старому направленію и составили школу, поставившую себѣ цѣлью самобытность и народность. Органомъ ея сдѣлался новый журналъ, принявшій вмѣстѣ съ красной оберткой названіе *Фосфора*, по имени котораго и послѣдователи самой школы назывались фосфористами. Въ *Свеѣ* Тегнéра слились, вѣроятно безсознательно для него самого, оба направленія. Не унижая старой словесности, онъ приготовилъ зарожденіе новой, но никогда не приставалъ къ фосфоризму. Самымъ торжественнымъ образомъ выразилъ онъ свое негодованіе противъ усилій этой школы унизить прежнихъ шведскихъ стихотворцевъ, особенно Леопольда, въ которомъ онъ видѣлъ послѣдняго представителя литературы временъ Густава III. Точка зрѣнія Тегнéра ясно видна изъ собственныхъ словъ его: „Теоріи нѣмцевъ съ господствовавшею въ ихъ поэзіи таинственностью были мнѣ противны. Переворотъ въ шведской поэзіи считалъ и я необходимымъ, но его можно и должно было произвести болѣе самостоятельнымъ образомъ. Новая школа казалась мнѣ слишкомъ отрицательною, а ея критическіе набѣги слишкомъ несправедливы. Потому я не принималъ участія въ войнѣ, за исключеніемъ развѣ кое-какихъ шутокъ, которыя позволилъ себѣ частью на письмѣ, частью на словахъ“. Поэзію фосфористовъ упрекали въ мечтательной плаксивости; они съ своей стороны хоть и уважали недавно пробудившуюся любовь къ отечественной старинѣ, но находили, что *готскій* духъ иногда выражается уже черезчуръ рѣзко, грубо и нахально. Между фосфористами и готами не было однакожъ настоящей полемики. Фосфористы, какъ и всѣ другіе, восхищались поэмами Тегнéра и преклонялись передъ новымъ свѣтиломъ. Впослѣдствіи установилась личная пріязнь между нимъ и упсальскими литераторами, и эта связь съ каждымъ

годомъ укрѣплялась по мѣрѣ того, какъ Тегне́ръ сближался съ ними во взглядахъ на политику, воспитаніе и другіе предметы. Между тѣмъ и съ другой стороны положеніе дѣлъ измѣнилось: въ Шведской академіи старые члены уступили мѣсто болѣе юнымъ подвижникамъ съ большею широтою во взглядахъ и терпимостью въ правилахъ; причины несогласія между обѣими школами мало-по-малу исчезли.

Съ 1833 года здоровье Тегне́ра стало колебаться. Послѣ того онъ ѣздилъ нѣсколько разъ къ минеральнымъ водамъ, то заграничнымъ, то шведскимъ, но безъ пользы. Въ 1840 году, во время собранія государственныхъ чиновъ, въ числѣ которыхъ онъ и самъ находился, почувствовалъ онъ припадки меланхоліи, обратившейся потомъ въ кратковременное помѣшательство; посѣтивъ лѣчебное заведеніе въ Шлезвигѣ, онъ возвратился исцѣленнымъ, такъ что могъ опять вступить въ должность. Но неоднократные нервическіе удары сокрушили его силы и погасили то внутреннее пламя, которое само по себѣ конечно много способствовало къ разрушенію тѣлесной оболочки этого мощнаго духа. Провидѣніе однакожъ послало ему счастіе пользоваться въ послѣдніе годы жизни спокойствіемъ и самосознаніемъ. Онъ умеръ въ ночь на 2-е ноября 1846 г., во время сѣвернаго сіянія.

Единственная дочь Тегне́ра была замужемъ за профессоромъ Упсальскаго университета Бёттигеромъ, извѣстнымъ писателемъ и отчасти поэтомъ. Она умерла нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Письмо Тегнера о его «Фритіофссагѣ».

Въ то время, когда я писалъ „Фритіофссагу“, шведскіе литераторы — для примѣра довольно назвать одного Леопольда — были увѣрены, что такъ называемая готическая поэзія, какой бы талантъ ни взялся за нее, ошибочна въ самомъ началѣ своемъ. Утверждали, что она основывается на нравахъ и понятіяхъ столь грубыхъ и на общественномъ порядкѣ столь несовершенномъ, что съ ними невозможно согласить поэзію настоящаго времени. Послѣднюю считали по справедливости дочерью новѣйшаго просвѣщенія, въ которой нашъ вѣкъ узнаетъ свои собственныя черты, но только украшенными, идеализированными. И точно, всякая поэзія должна выражать духъ своей эпохи и степень ея образованности; однакожъ, есть общія отношенія и страсти человѣческія, которыя во всѣ времена должны оставаться неизмѣнными и могутъ быть названы основнымъ капиталомъ поэзіи. Еще Лингъ [1]), хотя не всегда съ одинакимъ успѣхомъ, пользовался сѣвер-

[1]) Шведскій поэтъ, умершій въ 1839 г.

ными преданіями, по большей части для драмъ. Было замѣчено, что въ высокомъ дарованіи его лирическое настроеніе преобладаетъ надъ драматическимъ и что онъ внѣшнюю природу лучше изображаетъ, нежели внутреннюю со всѣми ея оттѣнками. Что тѣмъ не менѣе сѣверная сага *можетъ* быть удачно облекаема даже въ драматическую форму, — доказываютъ трагедіи Эленшлегера, и я долженъ сознаться, что первоначальную идею „Фритіофа" подалъ мнѣ его „Гелгъ".

Цѣль моя въ этой поэмѣ состояла однакожъ не въ томъ — какъ многіе повидимому думаютъ, — чтобы переложить сагу въ стихи. Самое бѣглое сравненіе могло бы удостовѣрить всякаго, что не только развязка совершенно другая въ сагѣ и въ поэмѣ, но даже многіе отдѣлы, наприм. II, III, V, XV, XXI, XXIII, XXIV, не имѣютъ никакого, или почти никакого основанія въ сагѣ. Нѣтъ, не въ этой именно, но въ разныхъ исландскихъ сагахъ, вмѣстѣ взятыхъ, можно бы найти источникъ развитыхъ мною подробностей. Я хотѣлъ создать поэтическую картину геройской жизни древняго скандинавскаго сѣвера. Не *Фритіофа* самого по себѣ хотѣлъ я изобразить, но тотъ вѣкъ, представителемъ котораго онъ можетъ быть названъ. Въ этомъ отношеніи я конечно сохранилъ остовъ или существенное очертаніе саги, но въ то же время счелъ себя въ правѣ дополнять и сокращать ее согласно съ моею цѣлью. Это, казалось мнѣ, принадлежитъ къ той поэтической свободѣ, безъ которой въ области искусства нельзя произвести ничего самобытнаго.

Въ сагѣ встрѣчается много такого, что во всѣ времена останется величественнымъ и геройскимъ; но съ тѣмъ вмѣстѣ иное отзывается въ ней невѣжествомъ, дикостью, варварствомъ: все это надлежало или совершенно устранить, или по крайней мѣрѣ смягчить. Итакъ, въ нѣкоторой степени необходимо было примѣниться къ духу новѣйшаго времени; но здѣсь предстояла большая трудность въ соблюденіи настоящей мѣры. Съ одной стороны, поэма не должна была слишкомъ оскорблять нашихъ болѣе утонченныхъ нравовъ и менѣе суровыхъ понятій; но съ другой — не слѣдовало жертвовать ничѣмъ національнымъ, животрепещущимъ, вѣрнымъ природѣ. Поэму долженъ былъ проникать холодный зимній воздухъ, свѣжій сѣверный вѣтеръ (ибо таковы и климатъ и характеръ сѣвера), но не съ такою силой, чтобы самая ртуть замерзала и всѣ нѣжнѣйшія ощущенія сердца пропадали.

Эту задачу старался я разрѣшить собственно въ развитіи характера *Фритіофа*. Безъ сомнѣнія, онъ непремѣнно долженъ былъ соединять въ себѣ благородство, величіе души, храбрость, какъ существенныя черты всякаго героизма, и элементы для того находятся какъ въ этой, такъ и во многихъ другихъ сагахъ. Но сверхъ такого общаго геройства старался я придать характеру *Фритіофа* кое-что исключительно-скандинавское: эту жизненную свѣжесть, эту отвагу, эту дер-

зость, которыя принадлежатъ или по крайней мѣрѣ нѣкогда принадлежали къ національному духу. *Ингеборга* говоритъ о *Фритіофѣ:*

Какъ веселъ онъ, какъ смѣлъ, какъ полнъ надежды!
Онъ къ сердцу Норны твердо приложилъ
Конецъ меча, и говоритъ: назадъ!

Эти строки носятъ въ себѣ ключъ къ характеру *Фритіофа* и даже къ цѣлой поэмѣ. Самъ кроткій, миролюбивый, богатый друзьями старый конунгъ Рингъ не отрицаетъ собою этой національной особенности, по крайней мѣрѣ, по избранному имъ роду смерти; не безъ причины заставилъ я его „чертиться копьемъ", — обычай, безъ сомнѣнія, варварскій, но рѣзко обозначающій духъ времени и народа.

Другую особенность жителей сѣвера составляетъ нѣкоторое расположеніе къ унынію и задумчивости, болѣе или менѣе свойственное всякому глубокому характеру. Оно, какъ основной элегическій тонъ, проникаетъ всѣ старинныя наши національныя мелодіи и вообще все существенное въ нашихъ бытописаніяхъ, потому что мы носимъ это расположеніе въ самой глубинѣ души. Я гдѣ-то сказалъ о Бельманѣ, самомъ національномъ поэтѣ нашемъ:

Замѣтьте на лицѣ унынія черту,
Знакъ сѣверныхъ пѣвцовъ, — печаль на аломъ полѣ!

ибо это уныніе, вовсе не убивая жизненной веселости и свѣжести въ характерѣ, только придаетъ ему болѣе внутренней силы и упругости. Есть веселость (и въ этомъ общее мнѣніе укоряетъ французовъ), которая проистекаетъ изъ легкомыслія; напротивъ, веселость сѣверная основывается на степенности. Вотъ почему я старался обозначить и въ *Фритіофѣ* эту задумчивую тоску. Его раскаяніе въ неумышленномъ сожженіи храма, терзающій его страхъ мести Бальдера, который

„... въ тучахъ сидитъ и заботы мнѣ шлетъ,
и печалью мой духъ омраченъ",

его пламенное стремленье къ окончательному примиренію и душевному покою доказываютъ не только религіозную потребность, но еще болѣе свойственную всѣмъ умамъ степеннымъ, по крайней мѣрѣ на скандинавскомъ сѣверѣ, наклонность къ унынію.

Меня упрекали (кажется, неосновательно) въ томъ, что я любви *Фритіофа* и *Ингеборги* придалъ (напр. въ „Прощаніи") характеръ слишкомъ мечтательно-нѣжный, принадлежащій собственно нашему времени. Противъ этого я долженъ замѣтить, что племена германскія съ незапамятныхъ временъ и задолго до распространенія христіанства уважали женщину. Оттого легкомысленное, чувственное понятіе о любви, существовавшее даже у просвѣщеннѣйшихъ народовъ древ-

ности, было чуждо скандинавамъ. Преданія наполнены разсказами о самой романической любви на нашемъ сѣверѣ гораздо прежде, нежели рыцарство обратило женщину въ предметъ обожанія на югѣ. Итакъ, мнѣ кажется, что любовь *Фритіофа* и *Ингеборги* утверждается на достаточномъ историческомъ основаніи, если не въ ихъ собственномъ лицѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ нравахъ и понятіяхъ вѣка. Тонкое чувство обязанности, съ какимъ *Ингеборга* отказывается послѣдовать за своимъ возлюбленнымъ и лучше хочетъ пожертвовать страстью, нежели выйти самовольно изъ-подъ власти своего брата и опекуна, — это чувство, по моему мнѣнію, удовлетворительно объясняется свойствами женщины возвышенной, которыя во всѣ времена неизмѣнны.

Особенность, заключающаяся такимъ образомъ и въ самыхъ характерахъ, предписывала или по крайней мѣрѣ допускала отступленіе отъ обыкновеннаго эпическаго однообразія въ изложеніи. Всего удобнѣе казалось мнѣ разбить эпическую форму на непринужденные лирическіе романсы. Я видѣлъ передъ собою примѣръ Эленшлегера въ „Гелгѣ“, а впослѣдствіи нашелъ, что многіе воспользовались тѣмъ же пріемомъ. Съ нимъ соединена та выгода, что можно измѣнять размѣръ сообразно съ содержаніемъ, и я сомнѣваюсь, чтобы наприм. *Плачъ Ингеборги* (IX) можно было на какомъ бы ни было языкѣ удачно передать экзаметромъ или пятистопнымъ ямбомъ съ риѳмами или безъ риѳмъ. Знаю, что такая форма, по мнѣнію многихъ, противорѣчитъ эпическому единству, которое впрочемъ такъ легко переходитъ въ однообразіе но полагаю, что здѣсь единство съ лихвою вознаграждается просторомъ и разнообразіемъ. Только правильное употребленіе этой свободы требуетъ особеннаго старанія, ума и вкуса, потому что надобно заботиться о пріисканіи для каждаго отдѣла приличной формы, не всегда уже готовой въ языкѣ. Оттого я сдѣлалъ опытъ (съ бо́льшимъ или меньшимъ успѣхомъ) ввести въ мою поэму нѣкоторые чужіе, особенно древніе размѣры. Таковы пятистопный ямбъ съ лишнимъ въ третьей стопѣ слогомъ (II), ямбъ двустопный (XIV), Аристофановы анапесты (XV), дактило-трохеическій тетраметръ (XVI) и трагическій сенарій (XXIV), которые до меня или вовсе не были извѣстны, или мало употреблялись въ шведской поэзіи.

Что касается до самаго языка, то древность содержанія побуждала меня пользоваться по временамъ архаизмами, преимущественно такими, которые, не будучи непонятны, казались мнѣ особенно выразительными, — трудъ, во всякомъ случаѣ потерянный для иностранцевъ, а иногда и для самихъ соотечественниковъ. Онъ требуетъ однакожъ большой осторожности, ибо существенною формой новѣйшаго произведенія, какъ само собою разумѣется, долженъ все-таки оставаться языкъ общеупотребительный, хотя онъ въ извѣстныхъ случаяхъ и можетъ приближаться къ устарѣлому.

Лица поэмы.

Белъ, конунгъ приморской области Согнъ въ Норвегіи.
Гелгъ, **Га́льфданъ**, — сыновья и наслѣдники Бела.
Ингеборга, дочь Бела.
То́рстенъ Викингсонъ, богатый землевладѣлецъ (бондъ), братъ по оружію съ Беломъ.
Фритіофъ, сынъ Торстена.
Гильдингъ, воспитатель Фритіофа и Ингеборги.
Бьёрнъ, сынъ Гильдинга, братъ по оружію съ Фритіофомъ.
Рингъ, конунгъ близлежащей области.
Ангантиръ, ярлъ на Оркнейскихъ (нынѣ Оркадскихъ) островахъ.
Атлій, берсеркъ въ дружинѣ Ангантира.
Жрецы, воины, скальды, народъ и пр.

Событія происходятъ въ Норвегіи, въ области Согнъ (или въ Ринговой землѣ), на Оркнейскихъ островахъ и на морѣ.

1.

Фритіофъ и Ингеборга.

Въ своей долинѣ Гильдингъ честный
Дубокъ и розу воспиталъ;
Еще такой четы прелестной
Дотолѣ Сѣверъ не видалъ.

Отважно росъ дубокъ: онъ стволомъ
Подобенъ былъ копью бойца,
И будто шлемъ, висѣлъ надъ доломъ
Широкій кругъ его вѣнца.

Стыдливо роза возрастала:
Зима прошла ужъ, а весна,
Въ той розѣ скрытая, не встала
Еще изъ почки ото сна.

Но буря надъ землей помчится, —
Съ ней дубъ начнетъ борьбу тогда;
Но въ небѣ солнце загорится, —
Раскроетъ алый цвѣтъ уста.

Они втиши росли на волѣ:
То не дубокъ, — то Фритьофъ росъ,
И съ нимъ цвѣла не роза въ полѣ,
А Ингеборга, краше розъ.

Увидѣвъ днемъ питомцевъ милыхъ,
Чертогъ бы Фреи [1]) вспомнилъ ты,
Гдѣ златокудрыхъ, алокрылыхъ
Малютокъ носятся четы.

Но при лунѣ, въ сѣни древесной
Увидѣвъ пляшущихъ дѣтей,
Ты бъ думалъ: альфовъ [2]) царь прелестный
Съ подругой рѣзвится своей.

Какъ счастливъ Фритьофъ! онъ въ восторгѣ,
Что руны [3]) первыя узналъ;
Онъ ихъ толкуетъ Ингеборгѣ,
Знатнѣе конунга онъ сталъ.

Какъ любитъ онъ, поднявъ вѣтрило,
Носиться съ ней надъ бездной волнъ!
Какъ бьетъ она въ ладоши мило,
Когда онъ правитъ легкій чёлнъ!

Какъ высоко гнѣздо ни свито,
Онъ ей достать его готовъ,
И у орлицы, въ тучахъ скрытой,
Легко отнять ему птенцовъ.

И какъ ни быстръ потокъ сердитый,
Онъ радъ нести подругу въ бродъ:
Прелестной ручкою обвитый,
Смѣется Фритьофъ шуму водъ.

Ей съ поля первый цвѣтъ душистый,
Ей земляники первый пукъ,
Ей первый колосъ золотистый
Приноситъ рѣзвый, вѣрный другъ. —

Но дѣтство мчится мимо: вскорѣ
Цвѣтетъ ужъ юноша — съ мольбой,
Съ надеждой пылкою во взорѣ,
И дѣва блещетъ красотой.

Ужъ Фритьофъ ходитъ на ловитву;
Въ глуши лѣсной, не трепеща,

[1]) Фрея, богиня красоты.

[2]) Альфы или Эльфы—фантастическія воздушныя существа, о которыхъ упоминается и въ предыдущемъ куплетѣ.

[3]) Руны — скандинавскія буквы.

Вступаетъ онъ съ медвѣдемъ въ битву
И безъ копья, и безъ меча.

Грудь съ грудью бьются; но со славой
Смѣльчакъ, хоть раненъ, прочь идетъ;
У ногъ подруги даръ кровавый:
Она ли имъ пренебрежетъ?

Нѣтъ, женамъ мужество любезно,
И сила стоитъ красоты:
Чело бойца и шлемъ желѣзный, —
Вотъ образъ дружной ихъ четы!

Когда же въ поздній часъ зимою
Предъ очагомъ читалъ онъ стихъ
Про всѣхъ сіяющихъ красою
Богинь въ чертогахъ золотыхъ,

Онъ мыслилъ: „Свѣтлы кудри Фреи,
Какъ жатва зыбкая полей;
Чтожъ? сѣть златая вкругъ лилеи —
Вотъ кудри дѣвицы моей.

Идуны [1]) перси ярко блещутъ,
Дрожа подъ тканью шелковой;
Я знаю ткань: подъ ней трепещутъ
Два альфа съ пышной полнотой.

У Фригги [2]) очи такъ же ясны,
Какъ небо синее весной;
Я знаю очи: день прекрасный
Предъ ними будто мракъ ночной.

Ланиты Герды [3])—снѣгъ, горящій
Сіяньемъ сѣверныхъ огней;
Ланиты есть: то день, всходящій
Съ двойною утренней зарей.

Есть сердце: какъ у Нанны [4]), страстно —
Хоть и не славится — оно:
Тебѣ, о Бальдеръ, не напрасно
Похвалъ такъ много воздано!

[1]) Идуна — богиня юности.
[2]) Фригга — супруга Одина, главнаго бога скандинавовъ.
[3]) Герда — супруга Фрея, бога жатвы.
[4]) Нанна — супруга Бальдера, бога свѣта и добра.

О, еслибъ я, какъ ты сраженный,
Подругой могъ оплаканъ быть, —
Какъ Нанна нѣжной, неизмѣнной, —
Я былъ бы радъ у Гелы [1]) жить".

А дѣва, съ пѣсныо про героя,
Безпечно ткала, — въ свой узоръ
Перенося картину боя
И волны синія и боръ.

Средь бѣлой шерсти выростаютъ
Щиты златые, день за днемъ,
И копья красныя летаютъ,
И латы блещутъ серебромъ.

Герой же битвы непримѣтно
Все съ нимъ становится сходнѣй;
Вотъ онъ съ ковра глядитъ привѣтно:
Ей любо, но и стыдно ей.

Межъ тѣмъ въ лѣсу мечтатель юный
Врѣзаетъ всюду *И* да *Ф*;
Слились ихъ души: вотъ и руны
Растутъ, сплетясь, въ корѣ деревъ.

Стоитъ ли День на небосводѣ —
Сей златовласый царь земли —
И жизнь кипитъ въ обычномъ ходѣ,
Другъ другомъ заняты они.

Стоитъ ли Ночь на небосводѣ —
Мать темновласая земли —
И все молчитъ при звѣздномъ ходѣ,
Другъ другомъ заняты они.

„Земля! цвѣтами молодыми
Свое чело ты убрала:
Отдай мнѣ лучшіе, чтобъ ими
Я увѣнчать его могла". —

„Ты Море, перлами обило
Свой влажный, сумрачный чертогъ:
Отдай мнѣ лучшіе, чтобъ милой
Я ожерелье сдѣлать могъ". —

[1]) Гела — богиня смерти.

„Златое Солнце, міра око,
Звѣзда съ Одинова чела!
Будь ты моимъ, — твой кругъ широкой
Ему бы я на щитъ дала!“ —

„О Мѣсяцъ, Мѣсяцъ серебристый
Свѣча Одиновыхъ палатъ!
Будь ты моимъ, — твой обликъ чистый
Я милой далъ бы на нарядъ“. —

„Мой сынъ!“ такъ молвилъ Гильдингъ [1]) строгій:
„Забудь любовь свою. Удѣлъ
Неравный вамъ послали боги;
Родитель дѣвы — конунгъ Белъ.

Къ звѣздамъ восходитъ родъ ихъ славный, —
Въ чертоги, гдѣ Одинъ живетъ.
О, уступи судьбинѣ: равный
Лишь съ равнымъ счастіе найдетъ“.

А Фритьофъ шутитъ: „Родъ мой славный
Нисходитъ въ страны мертвецовъ:
Сраженный мною царь дубравный
Мнѣ завѣщалъ своихъ отцовъ.

Нѣтъ, вольный мужъ не уступаетъ;
Ему весь міръ въ наслѣдье данъ:
Судьба неравное равняетъ;
Вѣнцомъ надежды я вѣнчанъ.

Знатна могущества порода:
Живъ Торъ [2]) среди своихъ палатъ;
Онъ хочетъ доблести, — не рода;
Товарищъ-мечъ—вѣрнѣйшій сватъ.

Я-бъ за невѣсту, не блѣднѣя,
И противъ бога грома сталъ.
Цвѣти, цвѣти, моя лилея;
А кто разрознитъ насъ, — пропалъ!“

[1]) Гильдингъ, какъ воспитатель Фритіофа, считался его отцомъ по воспитанію. Оба они принадлежали къ сословію свободныхъ землевладѣльцевъ-крестьянъ.

[2]) Торъ — богъ грома и силы.

II.

Конунгъ Белъ и Торстенъ Викингсонъ.

Стоитъ въ чертогѣ конунгъ, подпертъ мечемъ;
Серебровласый Торстенъ одинъ при немъ,—
То братъ-сподвижникъ Бела, согбенъ лѣтами
И, какъ могильный камень, покрытъ рубцами.

Такъ, вѣки переживши, стоятъ въ горахъ
Два капища, готовыхъ упасть во прахъ,
Но гдѣ словами мудрыхъ покрыты своды
И въ начертаньяхъ живы былые годы.

„Къ закату", началъ конунгъ, „мой день пришелъ;
Мнѣ медъ уже не вкусенъ, мнѣ шлемъ тяжелъ.
Во взорахъ мракъ скрываетъ юдоль земную;
Валгалла ярче блещетъ; то смерть я чую.

Моихъ сыновъ велѣлъ я призвать съ твоимъ;
Подобно намъ, быть вмѣстѣ прилично имъ,
Хочу орлятъ наставить, пока есть сила
И смерть совѣтовъ старца не усыпила".—

И вотъ сыны явились въ чертогъ на зовъ:
Межъ ними Гелгъ шелъ первый, угрюмъ, суровъ.
Съ волхвами онъ при жертвахъ искалъ забавы,
И на его ладоняхъ былъ слѣдъ кровавый.

Свѣтлокудрявый Гальфданъ за нимъ вошелъ.
Онъ нѣжно-величавой красою цвѣлъ:
Онъ мечъ носилъ, казалось, лишь для потѣхи,
Былъ съ дѣвой схожъ, одѣвшей себя въ доспѣхи.

Подъ синей мантьей Фритьофъ потомъ вступилъ.
Онъ головою выше обоихъ былъ.
И между нихъ стоялъ онъ, какъ день роскошный
Стоитъ межъ алымъ утромъ и мглой полночной.

„Друзья", сказалъ имъ конунгъ: „день меркнетъ мой.
Въ согласьи братскомъ правьте моей страной:
Гдѣ нѣтъ его, въ разстройство союзъ впадаетъ;
Такъ безъ кольца всю крѣпость копье теряетъ.

Пусть будетъ сила стражемъ земли родной
И миръ за неприступной цвѣтетъ стѣной,

И лишь къ отпору служатъ меча удары,
Щитъ какъ замо́къ висячій хранитъ амбары.

Одинъ безумецъ, дѣти, свой край гнететъ:
Тамъ немощенъ правитель, гдѣ слабъ народъ.
Вѣнецъ древесный вянетъ въ безплодномъ полѣ,
Чуть только сердцевина изсохнетъ въ стволѣ.

На четырехъ опорахъ вся твердь лежитъ [1]),
Но на одномъ законѣ престолъ стоитъ.
Когда судьей пристрастье, шатка держава;
Лишь въ правдѣ благо края и трона слава.

Живутъ во храмѣ боги; но такъ ли въ немъ
Имъ тѣсно, какъ улиткѣ въ жильѣ своемъ?
Гдѣ только день сіяетъ и слышны клики,
Гдѣ мысль паритъ, присущи вездѣ Владыки.

Соколъ окровавленный бываетъ лживъ,
Не всякій знакъ въ скрижаляхъ, о Гелгъ, правдивъ,
Но въ сердце непорочныхъ Одиномъ вложенъ
Завѣтъ священный въ рунахъ: ихъ смыслъ не ложенъ.

Не будь жестокимъ, конунгъ, — лишь твердымъ будь;
Чѣмъ мечъ острѣй, тѣмъ легче его согнуть.
Вѣнчанныхъ краситъ благость, какъ щитъ твой розы.
Весна живитъ всю землю, — мертвятъ морозы.

Погибнетъ тотъ могучій, съ кѣмъ нѣтъ друзей,
Какъ стволъ, коры лишенный, среди степей.
Но съ кѣмъ — друзья, тотъ крѣпокъ какъ дубъ, стоящій
Вдали отъ бурь надъ токомъ въ прохладѣ чащи.

Не славься славой предковъ: то блескъ чужой.
Когда стрѣлять не можешь, твой лукъ не твой.
Что мертвыхъ честь? своими гордись дѣлами:
Большія рѣки мчатся чрезъ море сами.

Стяжанье мудрыхъ, Гальфданъ, веселый нравъ;
Но да стыдится конунгъ пустыхъ забавъ!
Въ меду и хмѣль бываетъ, не только сладость;
Въ мечъ сталь кладутъ: степенность мѣшай ты въ радость.

И мудрый не съ избыткомъ богатъ умомъ,
Но тотъ ужъ слишкомъ бѣденъ, кто простъ во всемъ.

[1]) Небо поддерживаютъ Востокъ, Западъ, Сѣверъ и Югъ.

Въ пиру на первомъ мѣстѣ невѣжду презираютъ;
Гдѣ свѣдущій ни сядетъ, ему внимаютъ.

Дорога къ брату, къ другу, мой сынъ, кратка,
Хотя его обитель и не близка.
Но отдаленъ домъ вражій; онъ за горами,
Хотя и на дорогѣ стоитъ предъ нами.

Не всякъ, кто дружбы ищетъ, есть другъ прямой;
Богатый домъ затворенъ, открытъ пустой.
И помни: быть друзьями должны лишь двое:
Весь міръ то знаетъ, Гальфданъ, что знаютъ трое". —

Потомъ всталъ Торстенъ; началъ онъ рѣчь вести:
„Къ богамъ не долженъ конунгъ одинъ итти;
Мы въ жизни шли, владыка, рука съ рукою:
Дай раздѣлить мнѣ нынѣ и смерть съ тобою.

О Фритьофъ! много истинъ и думъ благихъ
Мнѣ старость нашептала: наслѣдуй ихъ.
Одина вранъ на хо́лмы отцовъ садится [1]),
Совѣтъ же мудрый старцу въ уста ложится

Сперва боговъ страшися: отъ неба лишь
Исходятъ зло и благо, какъ вѣтръ и тишь.
Богамъ открыты се́рдца глухіе своды,
И за вину мгновенья имъ платятъ годы.

Чти власть. Разумно править лишь одному дано:
Очей у ночи много, у дня — одно.
Высокій передъ высшимъ пускай смирится:
Къ чему безъ рукояти клинокъ годится?

Даруютъ боги силу; но знай: она,
Коль умъ не правитъ ею, не въ прокъ дана.
Медвѣдь ловца сильнѣе, но уступаетъ;
Щитъ отъ меча, — отъ силы законъ спасаетъ.

Кто гордъ, не многимъ страшенъ, всѣмъ ненавистенъ тотъ;
Паденіе, вотъ, Фритьофъ, гордыни плодъ.
Иной леталъ, а нынѣ бредетъ съ клюкою;
Какъ жатвой, вѣтръ играетъ судьбой людскою.

[1]) По скандинавской миѳологіи, у Одина было два ворона, которые летали по свѣту и передавали ему все, что тамъ дѣлается.

*

Хвали ты день, о Фритьофъ, какъ ночь придетъ;
Совѣтъ — на дѣлѣ; выпивъ, хвали ты медъ.
Кто молодъ, тотъ довѣрчивъ, боязни чуждый;
Мечъ въ битвѣ познаётся, а другъ — въ часъ нужды.

Обманчивъ снѣгъ весенній и змѣя сонъ,
И свѣжій ледъ и лепетъ прекрасныхъ жёнъ.
На колесѣ, знать, боги ихъ грудь точили!
Въ ней скрыта коловратность подъ блескомъ лилій.

Умрешь, и все, что звалъ ты своимъ, пройдетъ;
Но, сынъ, одно я знаю, что ввѣкъ не мретъ:
То судъ надъ мертвецами; бѣги-жъ за славой;
Желай всего благого, твори что право". —

Такъ старцы наставляли своихъ дѣтей,
Такъ скальдъ въ Высокой Пѣсни [1]) училъ позднѣй,
И шли изъ рода въ роды совѣты сильныхъ;
Еще ихъ шопотъ слышенъ въ холмахъ могильныхъ.

Потомъ бесѣду мужи вели вдвоемъ
О дружбѣ знаменитой своей; о томъ,
Какъ были оба въ счастьи и въ дни страданій,
Всегда другъ съ другомъ будто двѣ сжатыхъ длани.

„Тылъ съ тыломъ мы стояли: отколѣ къ намъ
Ни шла бы Норна [2]), щитъ былъ и здѣсь, и тамъ.
Теперь грядемъ въ Валгаллу: тамъ ждетъ награда:
Но духъ отцовъ да будетъ надъ вами, чада!" —

О Фритьофѣ сталъ конунгъ бесѣду весть,
О томъ, что не въ породѣ, — въ геройствѣ честь.
О конунгахъ сталъ Торстенъ вѣщать, о мощныхъ,
Покрытыхъ славой внукахъ боговъ полнощныхъ.

„Живите же въ союзѣ, друзья, безъ насъ,
И никого не будетъ сильнѣе васъ.
Санъ царскій, съ крѣпкой мощью надежно слитый —
Какъ щитъ златой, желѣзнымъ кольцомъ обитый.

„Скажите Ингеборгѣ мое „прости".
Досель дано ей было втиши цвѣсти:
О, будьте ей покровомъ, да вихрь мятежный
На шлемъ свой не наколетъ сей розы нѣжной.

[1]) Высокая пѣснь (Havamal) содержала въ себѣ правила Одиновой мудрости.
[2]) Норнами назывались три богини, управлявшія судьбами боговъ и людей.

Ты, Гелгъ, меня замѣнишь: люби ее
Отнынѣ какъ родное дитя свое.
Жестокость только злобу въ сердцахъ раждаетъ,
А кротость къ благородству, къ добру склоняетъ. —

Насыпьте два кургана вы намъ, сыны,
На двухъ брегахъ залива вблизи волны.
Напѣвъ ея отраденъ еще и духу,
Ея плесканье сладко, какъ драпа [1]), слуху.

Когда на скалы мѣсяцъ свой блескъ прольетъ,
И на могильный камень роса падетъ,
Мы изъ холмовъ, о Торстенъ, у водъ воспрянемъ
И о грядущемъ въ полночь шептаться станемъ.

Теперь простите, дѣти! оставьте насъ.
Къ Альфадеру [2]) стремимся (о дивный часъ!)
Какъ въ море мчатся рѣки, ища простора:
За васъ мы молимъ Фрея [3]), Одина, Тора!"

III.

Фритіофъ наслѣдуетъ отцовское имѣніе.

Вотъ подъ курганы посажены [4]) Белъ державный и Торстенъ.
Гдѣ указали они: съ двухъ сторонъ залива холмы ихъ
Высились розно, какъ двѣ разлученныя смертію груди.
Гелгъ и Гальфданъ, съ согласья народа, вдвоемъ въ обладанье
Края вступили; Фритьофъ же, бывшій единственнымъ сыномъ,
Занялъ спокойно, ни съ кѣмъ не дѣляся, имѣніе Фрамнесъ.
На три мили въ три стороны зе́мли его простирались, —
Долы, холмы и горы; четвертой касалося море.
Лѣсъ березовый росъ на вершинахъ холмовъ, а по скатамъ
Стлались ячмень золотой и рожь въ вышину человѣка.
Тамъ зеркалами лежали озера межъ горъ и межъ рощей,
Гдѣ круторогіе лоси гуляли царственнымъ шагомъ
И изъ несчетныхъ потоковъ студеную черпали воду.
Въ злачныхъ долинахъ кругомъ стада паслися привольно,
Шерсть лоснилась у нихъ и сосцы дойниковъ ожидали.

[1]) Хвалебная пѣснь падшимъ героямъ.

[2]) Міроправителю.

[3]) Богъ урожая.

[4]) Знатные скандинавы были погребаемы въ сидячемъ положеніи.

Тысячи бѣлыхъ овецъ разсѣяны были межъ ними
Будто на вешнемъ небѣ гряды облачковъ бѣловатыхъ.
Дважды двѣнадцать коней — стремительныхъ, скованныхъ вихрей —
Топая, въ стойлахъ рядами стояли предъ кормомъ обильнымъ;
Алыми лентами гривы, желѣзомъ блистали копыта.
Пирная храмина домъ составляла отдѣльный, сосновый.
Слишкомъ пятьсотъ человѣкъ (по десятку дюжинъ на сотню) [1])
Въ ней помѣщались просторно, стекаясь къ праздникамъ зимнимъ.
Вдоль, отъ стѣны до стѣны, тамъ столъ тянулся дубовый,
Вылощенъ, свѣтелъ какъ сталь; на одномъ его краѣ стояли
Два столба у почетнаго мѣста, — два бога изъ ильмы:
Съ царственнымъ взоромъ Одинъ и Фрей съ сіяньемъ на шляпѣ.
Между обоихъ недавно еще на кожѣ медвѣжьей
(Черной съ малиновой пастью, въ сребро оправлены когти)
Торстенъ съ друзьями сидѣлъ, какъ будто радушье съ весельемъ.
Часто, когда плылъ мѣсяцъ межъ облакъ, разсказывалъ старецъ
Много чудесъ о далекихъ краяхъ, гдѣ бывалъ онъ, о смѣлыхъ
Странствіяхъ въ Западномъ морѣ, въ Восточныхъ водахъ [2]) и въ Гандвикѣ [3]).
Гости молча внимали; къ устамъ его льнули ихъ взоры,
Словно къ розѣ пчела; а скальду мечталося, будто
Брагъ [4]) съ серебристой брадой, съ языкомъ, письменами покрытымъ,
Сидя подъ букомъ густымъ надъ немолчнымъ Мимера [5]) токомъ,
Сагу сказывалъ дивную, самъ живущая Сага.
Полъ былъ устланъ соломой; въ срединѣ его надъ плитою
Весело пламя горѣло; а сверху въ окно дымовое
Звѣзды, друзья неземные, въ палату привѣтно глядѣли.
Вкругъ, по стѣнамъ, на стальныхъ гвоздяхъ развѣшаны были
Подвое брони и шлемы; межъ ними же кое-гдѣ ярко
Мечъ опущённый сверкалъ, какъ звѣзда падучая въ полночь.
Но еще болѣ мечей и шлемовъ щиты тамъ блестѣли
Свѣтлые, словно какъ солнце или серебряный мѣсяцъ.
Дѣвушка, столъ обходя и медомъ рогъ наполняя,
Взоръ склоняла къ землѣ и краснѣла: ея отраженье
Также краснѣло въ щитахъ, и было то витязямъ любо.

Домъ былъ богатъ: вездѣ тамъ взоры встрѣчали обилье.
Полные были шкапы, — погреба, кладовыя набиты.
Множество тамъ хранилось сокровищъ, добытыхъ побѣдой:

[1]) Десять дюжинъ составляли *большую сотню.*

[2]) Т. е. въ Балтійскомъ морѣ (Österväg).

[3]) Гандвикомъ (Змѣинымъ заливомъ) называлось Бѣлое море.

[4]) Богъ пѣснопѣнія.

[5]) Мимеръ — богъ, которому принадлежалъ источникъ или колодезь мудрости.

Золото въ надписяхъ и серебро утонченной работы.
Но всѣхъ выше богатствъ тамъ три цѣнились предмета:
Первымъ изъ нихъ былъ мечъ, вѣковое наслѣдіе рода, —
Ангурва́дель по имени, молніи братъ. По преданью,
На отдаленномъ востокѣ кованъ онъ былъ, закаленъ же
Въ пламени Карловъ. Сначала владѣлъ имъ Бьёрнъ Синезубый;
Но заодно и съ мечемъ онъ и съ жизнью разстался на югѣ
Въ Гренингазундѣ [1]), сражаясь однажды съ Вифелемъ мощнымъ.
Сынъ былъ у Вифеля,—Викингъ. Въ тѣ дни жилъ старый и дряхлый
Въ Уллерокерѣ [2]) конунгъ и съ нимъ его дочь молодая.
Вдругъ выходитъ изъ чащи лѣсовъ великанъ безобразный,
Ростомъ выше породы людской, косматый, свирѣпый,
Требуя иль поединка, иль дочери конунга съ краемъ.
Но не являлось противника: всякую сталь притупилъ бы
Черепъ желѣзный бойца, — Желѣзнымъ Челомъ его звали.
Только Викингъ (недавно пятнадцать зимъ совершившій)
Принялъ вызовъ, надѣясь на Ангурва̀дель и силу.
Быстро ударомъ однимъ онъ разсѣкъ пополамъ великана:
Съ ревомъ пало страшилище: спасъ красавицу Викингъ.
Сынъ его, Торстенъ, наслѣдовалъ мечъ, перешедшій по смерти
Торстена къ Фритьофу: взмахомъ его озарялась палата,
Будто молніей или сіяніемъ сѣверной ночи.
Вся рукоять золотая была, на клинкѣ же являлись
Дивныя, Сѣверу чуждыя руны, понятныя только
Около солнцевыхъ вратъ, гдѣ отцы обитали, доколѣ
Асы къ здѣшнимъ краямъ ихъ не вывели. Тускло свѣтились
Руны тѣ въ мирные дни; но лишь кровожадная Гильдурь [3])
Вновь начинала потѣху свою, онѣ разгорались,
Рдѣли какъ гребни воюющихъ двухъ пѣтуховъ. На погибель
Былъ обреченъ, кто въ бою съ пылающей сталью встрѣчался.
Славился всюду тотъ мечъ, изъ мечей былъ на Сѣверѣ первымъ.

Первымъ за нимъ по цѣнѣ знаменитое было запястье.
Ковано сѣверной саги Вулканомъ, хромымъ Ваулундомъ.
Вѣся три фунта, оно изъ чистаго золота было.
Чудно являлись на немъ небеса и жилища безсмертныхъ,
Ихъ двѣнадцать твердынь, перемѣнныхъ мѣсяцевъ образъ:
Скальды палатами солнца твердыни тѣ называли.
Вотъ обиталище Фрея: то солнце, когда, возродившись,
Въ зимнюю пору оно начинаетъ по крути небесной

[1]) Нынѣшній Грензундъ, проливъ между принадлежащими къ Даніи островами.

[2]) Небольшое владѣніе въ древней Швеціи.

[3]) Дѣва брани.

Вновь подыматься. Вотъ Саги чертогъ, гдѣ Одинъ величаво
Съ нею сидитъ и вино изъ кубка пьетъ золотого.
Кубокъ тотъ — море, облитое огненнымъ золотомъ утра;
Сага — весна, а цвѣты на злачныхъ поляхъ — ея руны.
Вотъ и Бальдеръ въ вѣнцѣ — беззакатное лѣтнее солнце,
Льющее съ тверди свой блескъ; то блага истинный образъ:
Благо — свѣтъ лучезарный, а зло — ужасающій сумракъ.
Солнцу тяжко всходить, и благо на высяхъ томится:
Оба со вздохомъ они наконецъ склоняются къ Гелѣ,
Въ область тѣней: на костеръ то богами возложенный Бальдеръ.
Вотъ и мира твердыня, гдѣ богъ правосудія строгій
Держитъ въ десницѣ вѣсы и всѣхъ приводитъ къ согласью. —
Этимъ и многимъ инымъ, означавшимъ бореніе свѣта
На небѣ и въ человѣчьей душѣ, художникъ украсилъ
Съ дивнымъ умѣньемъ запястье. Богатымъ рубиномъ вѣнчался
Выпуклый обручъ его, какъ солнцемъ вѣнчается небо.
Изстари было запястье наслѣдіемъ рода: начало
Велъ онъ свое, по линіи женской, отъ Ваулунда.
Но однажды похитилъ сокровище Сотъ ненавистный;
Грабя, скитался онъ въ Сѣверномъ морѣ и скрылся внезапно.
Слухъ прошелъ наконецъ, что въ Британіи Сотъ, что въ курганѣ
У моря онъ, живой, заперся съ кораблемъ и богатствомъ,
Но не нашелъ онъ тамъ мира: въ холмѣ привидѣнья водились.
Торстенъ, услышавъ молву, на дракона съ конунгомъ Беломъ
Сѣлъ и, пѣнистый валъ разсѣкая, отправился къ мѣсту.
Будто со сводами храмъ иль чертогъ исполинскій, обитый
Щебнемъ и дерномъ зеленымъ,—вставалъ тамъ курганъ надъ водами.
Свѣтъ изнутри исходилъ; притаясь у воротъ, заглянули
Витязи въ щелку — и видятъ: корабль насмоленный стоитъ тамъ;
Якорь и мачты и реи на немъ; высоко надъ кормою
Страшный сидитъ великанъ, одѣтый огненной ризой.
Мраченъ сидитъ онъ и чиститъ клинокъ, запятнанный кровью,
Но не стирается кровь; добытое хищникомъ злато
Грудами сложено вкругъ; на рукѣ его блещетъ запястье.
Белъ шепнулъ: „Не пойти ль намъ вмѣстѣ на бой съ великаномъ,
Съ огненнымъ духомъ"? Но Торстенъ ему отвѣчалъ полугнѣвно:
„Дѣды дрались одинъ на одинъ, — я отъ нихъ не отстану".
Долго спорили мужи, кому на страшное дѣло
Прежде итти; наконецъ взялъ Белъ желѣзный шеломъ свой,
Въ немъ смѣшалъ два жребія, и при сіяніи звѣздномъ
Торстенъ свой жребій узналъ. Отъ удара копья его разомъ
Пали засовы съ замками. Онъ тамъ... Когда кто-либо послѣ
Спрашивалъ, что̀ испыталъ онъ во мглѣ: онъ молчалъ, содрагаясь.

Бел̌ъ сначала услышалъ, — казалось, напѣвъ чародѣйскій;
Послѣ раздался тамъ стукъ, какъ будто сталь въ сталь ударяла.
Вдругъ отчаянья крикъ — и стихло. Трепещущій, блѣдный,
Волосы дыбомъ, выбѣжалъ Торстенъ: онъ съ смертью сразился.
Но запястье онъ несъ. „Дорогая добыча"! твердилъ онъ:
„Разъ я въ жизни дрожалъ, — я дрожалъ, выручая запястье".
Славилось всюду оно и было на Сѣверѣ первымъ.

Чудный корабль Эллида былъ третьимъ сокровищемъ рода.
Викингъ [1]) (преданье гласитъ), возвращаясь однажды изъ странствій,
Берегомъ плылъ, — вдругъ видитъ онъ: кто-то безпечно катится
На корабельномъ обломкѣ и будто съ волнами играетъ.
Онъ высокъ и осанистъ; открытый ликъ его ясенъ,
Но перемѣнчивъ словно пучина въ сіяніи солнца.
Въ синей ризѣ пловецъ; золотой его поясъ въ кораллахъ;
Пѣны бѣлѣй борода, но зелены кудри какъ море.
Викингъ, сжалясь надъ бѣднымъ, къ нему направилъ вѣтрило.
Взялъ съ собою иззябшаго и, угостивъ его дома,
Одръ ночной предложилъ; но гость отвѣчалъ, улыбаясь:
„Вѣтеръ дуетъ попутный; корабль мой не плохъ, какъ ты видѣлъ,
Сотню миль до полуночи я проплыву на немъ вѣрно.
За предложенье спасибо, оно отъ души; я желалъ бы
Память оставить тебѣ! да жаль — все добро мое въ морѣ.
Можетъ быть, завтра у берега ждать тебя будетъ подарокъ".
Вотъ поутру ко взморью является Викингъ, и что же?
Словно орелъ морской, за добычей несущійся, быстро
Въ бухту влетаетъ корабль. На немъ никого не примѣтно,
Даже кормщика нѣтъ; но извилистый путь межъ утесовъ
Держитъ кормило, какъ будто имъ духъ управляетъ. У брега
Парусъ опалъ самъ собой; безъ помощи рукъ человѣчьихъ
Якорь сталъ опускаться и въ дно морское вонзился.
Викингъ безмолвно смотрѣлъ; вдругъ волны, играя, запѣли:
„Призрѣнный Эгиръ [2]) помнитъ свой долгъ; прими же дракона".
Даръ былъ истинно-царскій: дубовыя выпуклы доски
Не были сплочены только, но неразрывно сраслися.
Видомъ схожъ былъ съ дракономъ корабль: у передняго края
Голову онъ подымалъ высоко, и пасть пламенѣла
Златомъ червленымъ; синими пятнами было покрыто
Желтое древо дракона; въ кольцо былъ свитъ у кормила
Хвостъ чешуйно-серебряный; алой каймой украшались
Черныя крылья; всѣ ихъ расширя, съ бурею спорилъ

[1]) Дѣдъ Фритіофа.

[2]) Богъ моря.

Онъ въ быстротѣ, а орла оставлялъ за собою. Когда же
Ратные люди корабль наполняли, тогда принималъ онъ
Образъ несущейся крѣпости или пловучей столицы.
Славился всюду корабль и былъ онъ на Сѣверѣ первымъ.

Этимъ и многимъ инымъ обладалъ по родителѣ Фритьофъ,
И едва-ль гдѣ на Сѣверѣ жилъ богатѣйшій наслѣдникъ,
Развѣ конунга сынъ: власть конунга все превышаетъ.
Конунга сыномъ онъ не былъ, но духомъ былъ истинный конунгъ, —
Кротокъ, щедръ, благороденъ, и въ славѣростъ ежедневно.
Воиновъ было двѣнадцать при немъ сѣдовласыхъ, дѣлами
Истыхъ князей, товарищей Торстена, съ грудью стальною
И съ покрытымъ рубцами челомъ. На скамьѣ ихъ послѣднимъ
Фритьофа сверстникъ сидѣлъ, какъ роза межъ листьевъ поблекшихъ.
Бьёрномъ юношу звали; онъ какъ младенецъ былъ веселъ,
Твердъ какъ мужъ и разуменъ какъ старецъ. Фритьофъ съ нимъ выросъ;
Братскій союзъ заключивъ, они поклялись неразлучно
Жить и въ счастьи и въ горѣ, и мстить одному за другого.
Кровью они, по обряду Норманновъ, скрѣпили обѣтъ свой.
Тихо среди бойцовъ и толпы гостей, совершавшихъ
Пиръ погребальный, сидѣлъ въ слезахъ и юный хозяинъ.
Въ память отца, по обычаю дѣдовъ, пилъ онъ и слушалъ
Скальдовъ хвалебное пѣніе, драпу гремящую; послѣ
Онъ опустѣвшее мѣсто родителя занялъ впервые,
Сѣвъ межъ Одина и Фрея: то мѣсто Тора въ Валгаллѣ.

IV.

Сватовство Фритіофа.

Въ обители Фритьофа пѣсни гремятъ,
Тамъ скальды поютъ его праотцевъ рядъ.
Но скальдовъ хваленья
Не слушаетъ Фритьофъ, ему не до пѣнья.

Земля вновь одѣлась въ свой вешній нарядъ
И въ море драконы опять ужъ летятъ;
Но Фритьофъ съ тоскою
Все по лѣсу бродитъ, любуясь луною.

Недавно такъ счастливъ, такъ веселъ онъ былъ:
Державныхъ друзей онъ къ себѣ пригласилъ,
Съ сынами же Бела
Въ хоромахъ его и сестра ихъ сидѣла.

Съ ней рядомъ сидѣлъ онъ и руку ей жалъ,
И самъ рукожатье порой ощущалъ,
И взоръ его страстный
Не могъ оторваться отъ лика прекрасной.

Они вспоминали о сладкой порѣ,
Когда еще жизнь ихъ была на зарѣ:
Младенчества лѣта —
То памяти розы, и нѣтъ имъ отцвѣта.

Они вспоминали о милыхъ мѣстахъ,
О рунахъ, нарѣзанныхъ тамъ на древахъ,
О холмахъ цвѣтущихъ,
Гдѣ дубы родятся изъ праха могущихъ.

Она говорила: „Не милъ мнѣ чертогъ:
Дитя еще Гальфданъ, а Гелгъ... онъ жестокъ.
Въ палатѣ ихъ пышной
Хвалы да моленья — вотъ все, что имъ слышно.

И не съ кѣмъ (тутъ розой зардѣлась она)
И не съ кѣмъ мнѣ грусть раздѣлить — я одна!
Мнѣ душно въ неволѣ;
Ахъ, такъ ли намъ было у Гильдинга въ полѣ!

Гдѣ голуби наши? не сыщешь ты ихъ....
Злой ястребъ разсѣялъ любимцевъ твоихъ.
Лишь пара со мною
Осталась: хочу подѣлиться съ тобою.

Возьми ты голубку: узнавши тоску,
Она понесется назадъ къ голубку.
Подъ крылышко бъ можно
Съ привѣтомъ письмо подвязать осторожно“.

День цѣлый шептались они межъ собой,
Шептались еще и вечерней порой,
Какъ вѣтеръ весною
При сумеркахъ шепчется съ липой густою.

Но Белова дочь удалилася вновь, —
А съ нею и радость: у Фритьофа кровь
Къ ланитамъ взбѣгаетъ,
И весь онъ въ огнѣ, и молчитъ и вздыхаетъ.

Съ голубкой онъ пишетъ о горѣ своемъ,
И рѣетъ къ чертогу голубка съ письмомъ;

Но ахъ! ужъ оттолѣ,
Отъ друга она не вернулася болѣ.

Не нравилось Бьёрну, что братъ тосковалъ.
„Что сталось съ орломъ молодымъ?“ онъ сказалъ:
„И дикъ онъ и страненъ!
Въ крыло ли подстрѣленъ, во грудь ли онъ раненъ?

О чемъ ты горюешь? обилье вокругъ:
И медъ у насъ темный, и желтый есть тукъ;
И скальдамъ нѣтъ счёта,
И пѣснямъ конца нѣтъ: о чемъ же забота?

Копытами въ стойлѣ конь борзый стучитъ;
Соколъ, призывая къ охотѣ, кричитъ;
Но ты на охотѣ
Лишь въ высяхъ, и стонешь, и чахнешь въ заботѣ.

Эллида покоя въ водахъ не найдетъ,
На якорѣ движется взадъ и впередъ.
Эллида! стой смирно!
Твой Фритьофъ не воинъ, онъ хочетъ жить мирно,

И смерть на соломѣ годится по немъ!
Себѣ, какъ Одинъ, напослѣдокъ копьемъ
Изрѣжу я тѣло:
Не то намъ увидѣться съ блѣдною Гелой“.

И Фритьофъ корабль свой тогда отвязалъ;
Надулось вѣтрило, запѣнился валъ.
Къ преемникамъ Бела
Эллида чрезъ синій заливъ полетѣла.

Въ тотъ день государи надъ отчимъ холмомъ
Народу чинили расправу съ судомъ;
Вдругъ Фритьофъ явился,
И громкою рѣчью весь долъ огласился:

„О конунги! я Ингеборгу люблю:
Отдайте мнѣ руку прекрасной, — молю.
Самъ Белъ, я увѣренъ,
Со мной сочетать свою дочь былъ намѣренъ.

Онъ ввѣрилъ насъ Гильдингу: наши сердца
Срослися отъ дѣтства какъ два деревца,
Которыя Фрея
Златыми тесьмами связала, лелѣя.

Не конунгъ, не ярлъ былъ отецъ мой, но онъ
Жить будетъ у скальдовъ до позднихъ временъ.
Могилъ начертанья
Вѣщаютъ про славныя предковъ дѣянья.

Добыть себѣ область легко я могу,
Но жить мнѣ милѣй на родномъ берегу,
Храня и палаты
Моихъ государей, и бѣдныя хаты.

Подъ нами холмъ Бела, о конунги! тамъ
Сегодня внимаетъ онъ нашимъ рѣчамъ.
Онъ вмѣстѣ со мною
Взываетъ: Размыслите; троньтесь мольбою!" —

Всталъ Гелгъ и воскликнулъ съ презрѣньемъ въ отвѣтъ:
„Не выдамъ за бонда сестру мою, нѣтъ —
Лишь длань властелина
Достойна коснуться до внуки Одина.

Хвалися, что первымъ зоветъ тебя край:
Женъ — словомъ, отвагой мужей побѣждай;
Но конунговъ чадо
Не будетъ безумной гордынѣ наградой.

Заботу о нашей землѣ отложи:
Я самъ ей защитникъ; а ты мнѣ служи!
У насъ при дружинѣ
Есть мѣсто: его ты получишь хоть нынѣ". —

„Нѣтъ", было отвѣтомъ: „не стану служить:
Хочу, какъ отецъ, независимымъ быть.
Мечъ добрый мой! смѣло
Лети изъ влагалища: время приспѣло."

И мечъ засверкалъ въ богатырской рукѣ,
И вспыхнули руны на сизомъ клинкѣ.
„Товарищъ булатный!
Ты, право, породы и древней и знатной.

И еслибъ не чтилъ я святыни могилъ,
Тебя бы, о сумрачный князь, я сразилъ.
Но вотъ въ поученье
Тому, кто мой мечъ вызываетъ на мщенье!"

Сказалъ — и разсѣкъ онъ ударомъ однимъ
Щитъ Гелга, висѣвшій на вѣтвяхъ предъ нимъ.

Со звономъ упали
Обломки, и своды холма простонали.

„Хвала, мой булатъ! но уймись и мечтай
О лучшихъ дѣлахъ; до поры же скрывай
Черты огневыя;
Теперь мы назадъ черезъ волны морскія“.

V.

Конунгъ Рингъ.

Онъ стулъ золотой оттолкнулъ отъ стола,
И съ скальдами встала дружина,
И молча разумнаго слова ждала:
Народовъ хвала
Равняла богамъ мудреца-властелина.

Страна его рощей святою цвѣла,
Гдѣ стука оружій не слышно,
Гдѣ въ мирѣ подъ тѣнью восходитъ трава,
И крѣпнутъ древа,
И розы красуются пышно.

Тамъ строгость и милость согласной четой
Въ правдивомъ судѣ возсѣдали,
И миръ благодать разливалъ надъ землей,
И жатвой златой
На солнцѣ осеннемъ тамъ нивы блистали.

И шнеки туда черногрудые шли,
На бѣлыхъ крылахъ поспѣшая
Изъ дальнихъ земель, и изъ каждой земли
Съ собою несли
Богатство для Рингова края.

И миръ тамъ свободу съ собой сочеталъ;
Не вѣдалъ никто притѣсненья;
Отца-государя народъ обожалъ,
Предъ нимъ подавалъ
На вѣчѣ свои безбоязненно мнѣнья.

Такъ Рингъ, благоденствуя, тридцать ужъ зимъ
Норвегіи правилъ сынами,
И всякъ, возвращаясь къ утесамъ своимъ,

Утѣшенъ былъ имъ;
Къ богамъ его имя летѣло съ мольбами. —

Онъ стулъ золотой оттолкнулъ отъ стола,
И всѣ въ ожиданіи встали:
Правдиво его мудрецомъ нарекла
Народовъ хвала;
Глубоко вздыхая, онъ началъ въ печали:

„Въ чертогѣ у Фреи на алыхъ коврахъ
Моя возсѣдаетъ супруга;
Подъ злачнымъ холмомъ на рѣчныхъ берегахъ
Сокрытъ ея прахъ
Среди благовоннаго луга.

Не сыщется болѣ такая жена —
Народа и честь, и отрада:
Въ Валгаллѣ блаженство вкушаетъ она,
Но плачетъ страна,
И матери требуютъ чада.

У конунга Бела (въ палатѣ моей
Нерѣдко бывалъ онъ весною)
Осталася дочь: я женюся на ней.
Лилеи нѣжнѣй,
Ланиты красавицы пышатъ зарёю.

Она молода еще; знаю, что ей
Угоднѣе были бы розы;
А я ужъ отцвѣлъ: надъ главою моей
Межъ рѣдкихъ кудрей
Ужъ снѣгъ разсыпаютъ морозы.

Но ежели можетъ она полюбить
Меня, старика съ сѣдиною,
И матерью сирымъ готова служить:
То тронъ раздѣлить
Угрюмая Осень желаетъ съ Весною.

Возьмите вы злата изъ полныхъ шкаповъ;
Спѣшите къ невѣстѣ съ дарами;
Пусть съ арфами скальды идутъ межъ пословъ:
Въ весельи пировъ,
При сватаньи богъ пѣснопѣнія съ нами!“

И въ путь отправляется юношей цвѣтъ
Съ дарами и съ шумомъ, и съ звономъ,
И длинный рядъ скальдовъ ступаетъ имъ вслѣдъ
При пѣсняхъ побѣдъ, —
И вотъ ужъ у Гелга послы передъ трономъ.

Они пировали до ночи съ утра,
Три цѣлые дня пировали;
Въ четвертый просили отвѣта двора.
„Затѣмъ что пора
Въ дорогу пуститься“, сказали.

И Гелгъ боязливо коней, соколовъ
Въ дубравѣ на жертву приноситъ:
У Валы пророческихъ требуетъ словъ,
У мудрыхъ жрецовъ
Рѣшенья судьбы Ингеборги онъ проситъ.

Но всюду онъ видитъ и слышитъ совѣтъ,
Противный желанному браку,
И вотъ произноситъ онъ твердое „нѣтъ“
Посольству въ отвѣтъ:
Да слѣдуемъ данному свыше намъ знаку!

„Простите жъ, пиры!“ улыбаясь, сказалъ
Тутъ Гальфданъ веселый и кроткій:
„Ахъ, еслибъ отсюда самъ Рингъ отъѣзжалъ,
Коня бъ подержалъ
Я нынѣ старинушкѣ съ сѣрой бородкой.“

Съ досадой посольство въ отчизну спѣшитъ;
Приноситъ о срамѣ извѣстье,
И конунгъ угрюмо на то говоритъ,
Что вскорѣ отмститъ
Сѣдая бородка за срамъ, за безчестье.

И въ щитъ свой, висѣвшій на липѣ густой,
Ударилъ онъ, гнѣвомъ пылая:
Съ багровыми гребнями мчатся на бой
Драконы гурьбой,
И шлемы подъ вѣтромъ киваютъ, сверкая.

И вѣстники брани несутся къ врагамъ,
И Гелгъ восклицаетъ сердито:
„Могучъ непріятель; быть страшнымъ боямъ!

Я скрою во храмъ
Сестру мою: Бальдеръ ей будетъ защитой." —

Тамъ дни одиноко дѣвица ведетъ,
Груститъ въ тишинѣ безмятежной,
И шелкомъ узоры и золотомъ шьетъ
И слезы все льетъ
На грудь: то роса надъ лилеею нѣжной.

VI.

Фритіофъ играетъ въ шахматы.

Бьёрнъ и Фритьофъ за игрою
Передъ шахматной доскою:
Блещетъ клѣтчатое поле
Жаромъ злата и сребра.

Гильдингъ входитъ къ нимъ. „Садися,
Милый пѣстунъ! освѣжися
Медомъ ты и жди, доколѣ
Не окончится игра!"

Гильдингъ: „Бела сыновьями
Присланъ я къ тебѣ съ мольбами.
Злыя вѣсти; — ополчися!
Ты надежда намъ одна".

Фритьофъ Бьёрну: [1]) „Осторожно!
Твой король въ бѣдѣ; но можно,
Пѣшку выставивъ, спастися:
Жертвой пѣшка быть должна". —
(Гиль.)
„Фритьофъ! грозны властелины:
Не буди ты гнѣвъ орлиный;
Силой Рингъ ихъ превосходитъ,
Но они тебя сильнѣй." —
(Фр.)
„Бьёрнъ, ты башни хочешь, знаю —
И отпоръ приготовляю.
Въ сѣнь щитовъ она уходитъ;
Не легко подступишь къ ней". —

[1]) Фритіофъ, обращаясь къ Бьёрну, намекаетъ на свое собственное положеніе и такимъ образомъ отвѣчаетъ Гильдингу. Подъ *пѣшкою* разумѣетъ онъ самого себя, какъ бонда (по-шведски пѣшка и называется *бондомъ*).

(Гиль.)

„Ингеборга молодая
Въ храмѣ дни ведетъ, рыдая.
Иль тебя не манятъ къ спору
Очи синія въ слезахъ?“

(Фр.)

„Бьёрнъ, напрасно ферзь тревожишь:
Разлучить ты насъ не можешь.
Вижу въ ней игры опору:
Нѣтъ, ея не сгубитъ врагъ.“

(Гиль.)

„Фритьофъ! чтожъ, въ отвѣтъ ни слова?
Такъ ты пѣстуна сѣдого
Безъ вниманья отпускаешь,
Забываясь надъ игрой?“ —

Фритьофъ тутъ воскликнулъ, вставши
И у старца руку сжавши:
„Мой отвѣтъ, отецъ! ты знаешь.
Не молчалъ я предъ тобой.

Возвратись къ пославшимъ съ вѣстью,
Что не созданъ я къ безчестью;
Не ступлю за нихъ ни шагу:
Ихъ слугой не буду я.“

„Такъ иди жъ стезей своею,
Я твой гнѣвъ хулить не смѣю.
Да Одинъ ведетъ ко благу!“
Молвилъ Гильдингъ, уходя.

VI.

Счастье Фритіофа.

Пусть бродятъ конунги по волѣ,
Прося мечей: я свой не дамъ.
Во храмѣ Бальдера — тамъ поле
Моихъ побѣдъ, весь міръ мой тамъ.
Тамъ гнѣвъ державныхъ я забуду,
Забуду скорбь земныхъ сыновъ;
Тамъ съ Ингеборгой пить я буду
Вдвоемъ веселіе боговъ.

Доколѣ солнце, разсыпая
Свой пурпуръ на цвѣты полей,
Блеститъ на нихъ, что ткань сквозная
На персяхъ дѣвицы моей, —
Одинъ по берегу брожу я
Въ безмѣрной, пламенной тоскѣ,
Вздыхая и мечомъ рисуя
Невѣсты имя на пескѣ.

Томлюсь... о, какъ часы лѣнивы!
Что медлишь, день? или впервой
Ты зришь и рощи, и заливы,
И острова передъ собой?
Иль дѣва въ храминахъ заката
Тебя не ждетъ и не груститъ,
И къ другу, въ часъ его возврата,
Съ рѣчами нѣги не летитъ?

Но вотъ поникнулъ ты, усталый,
И наконецъ сошелъ къ водамъ,
И вечеръ стелетъ пологъ алый
Въ увеселеніе богамъ.
И вѣтерокъ и токъ прозрачный —
Все шепчетъ только про любовь,
И ночь въ своей одеждѣ брачной,
На радость мнѣ, нисходитъ вновь.

Какъ милый, крадущійся къ милой,
Течетъ неслышно звѣздный рой.
Черезъ заливъ, мое кормило,
Несись, гонимое волной!
Туда, гдѣ дремлетъ роща бога,
Къ святымъ богамъ, ладья, плыви:
Тамъ храмъ стоитъ, и у порога
Богиня чудная любви.

Вотъ берегъ: о, я торжествую!
Расцѣловалъ бы злакъ родной
И васъ, цвѣты! тропу кривую
Обвили пестрой вы каймой.
Луна, какъ нѣжно ты взираешь
На храмъ, на рощу! въ синевѣ
Ты такъ прекрасна! ты мечтаешь,
Какъ Сага [1]) въ брачномъ празднествѣ.

[1]) Сага, богиня исторіи, присутствуя на свадебномъ пирѣ, мечтаетъ о славномъ грядущемъ потомствѣ новобрачныхъ.

*

Потокъ, лепечущій съ цвѣтами,
Гдѣ ты подслушалъ голосъ мой?
Пѣвцы ночей! гдѣ взятъ былъ вами
Мой тайный стонъ съ моей тоской?
Вотъ альфъ зарей вечерней пишетъ
Безцѣнный ликъ на мглѣ небесъ;
Но Фрея завистію дышитъ,
И, свѣянъ ею, ликъ исчезъ.

Я не тужу: сбылось желанье!
Передо мной сама она,
Прекрасна будто упованье,
Какъ память дѣтскихъ дней вѣрна.
Въ твоихъ очахъ любви награда;
Приди, о милая! приди,
Моя мечта, моя отрада,
И къ сердцу друга припади!

Стройна, какъ лилія средь поля;
Какъ роза лѣтняя, пышна —
Ты такъ чиста, какъ вышнихъ воля:
Какъ Фрея, страсти ты полна!
Цѣлуй меня! пусть запылаетъ
Въ тебѣ, подруга, пламень мой:
Въ твоемъ лобзаньи исчезаетъ
И неба сводъ и кругъ земной.

Не трепещи: здѣсь безопасно;
У входа Бьёрнъ стоитъ съ мечемъ;
Дружина тамъ; они всечасно
За насъ готовы въ бой съ врагомъ.
О, еслибъ самъ я могъ сразиться
Здѣсь за тебя, и въ высоты,
Въ среду боговъ переселиться
Съ такой Валкиріей, какъ ты!

Ты шепчешь: Бальдеръ насъ погубитъ.
Спокойся: онъ не гнѣвенъ; нѣтъ,
Ему послушенъ тотъ, кто любитъ,
Ему угоденъ нашъ обѣтъ:
Сіяньемъ солнечнымъ вѣнчанный,
Безъ охлажденія любя,
Онъ тѣмъ же самымъ былъ для Нанны,
Чѣмъ я, о дѣва, для тебя.

Вотъ ликъ его; онъ самъ надъ нами.
Какой привѣтный, кроткій видъ!
Ему пожертвуемъ сердцами,
Гдѣ жаръ негаснущій горитъ.
Простристь предъ Бальдеромъ со мною:
Ему пріятнѣе всего
Два сердца, вѣчной теплотою
Въ любви похожихъ на него.

Не здѣсь любви моей начало,
И ты ея не презирай!
Любовь ту небо воспитало:
Она въ родимый рвется край.
Блаженъ, кто тамъ обрѣлъ ужъ мѣсто,
Кто бъ могъ съ тобою умереть,
И, обнятъ блѣдною невѣстой,
Къ богамъ съ побѣдой возлетѣть!

Пускай бы тамъ герои мчались
Изъ вратъ серебряныхъ на бой,
А мы одни бы оставались,
Я любовался бы тобой.
Въ пиру бы дѣвы медъ носили
Золотопѣнистый въ рогахъ,
А мы бы время проводили
Другъ съ другомъ въ пламенныхъ рѣчахъ.

Тамъ я бесѣдку бы построилъ
На мысѣ возлѣ синихъ водъ;
Тебя бы въ рощѣ я покоилъ,
Гдѣ золотистый зрѣетъ плодъ.
Когда жъ бы день тамъ загорался
(Въ Валгаллѣ утро такъ свѣтло!),
Къ богамъ бы я съ тобой являлся,
А сердце бъ все назадъ влекло!

И я звѣздами, какъ повязкой,
Вѣнчалъ бы жаръ твоихъ кудрей;
Румянецъ наводилъ бы пляской
На блѣдность лиліи моей.
Потомъ въ пріютъ любви и мира
Я бъ уводилъ тебя, и тамъ
Напѣвы свадебнаго пира
Богъ струнъ вседневно пѣлъ бы намъ.

Какъ дроздъ поетъ въ дубравѣ тёмной!
То звуки съ горнихъ береговъ.
Какъ мѣсяцъ въ воды смотритъ томно!
То свѣтъ изъ края мертвецовъ.
Про міръ любви, про міръ восторга
Тотъ гласъ, тотъ свѣтъ приносятъ вѣсть;
Тамъ я бы вѣки, Ингеборга,
Съ тобой, съ тобой хотѣлъ провесть.

Не плачь: я живъ, и кровь струится
Еще во мнѣ... Чтожъ плачешь ты?
На небо любятъ уноситься
Горячей юности мечты.
Ахъ! лишь объятія простри ты,
Лишь взоръ склони ко мнѣ, любя,
И твой — мечтатель, и забыты
Боговъ утѣхи для тебя.

„Чу, жаворонокъ!“ — Голубицы
То стонъ любовный межъ вѣтвей;
Пѣвецъ же дремлетъ до денницы
Въ гнѣздѣ съ подругою своей.
Счастливцы! нѣтъ для нихъ насилья:
Не рознитъ ихъ ни день, ни ночь,
И вся ихъ жизнь вольна, какъ крылья,
Съ земли несущія ихъ прочь.

„Уже свѣтаетъ!“ — Нѣтъ, съ востока
Блеститъ лишь пламя маяка;
Нѣтъ, далеко еще до срока,
Еще блаженны мы пока.
Спи, спи, свѣтило золотое!
Проспи и, вставъ, еще дремли!
По мнѣ, останься ты въ покоѣ
Хоть до скончанія земли.

Но тщетны просьбы, тщетны грёзы!
Ужъ вѣтерокъ въ листахъ шумитъ;
Ужъ расцвѣли востока розы,
Какъ розы милыхъ мнѣ ланитъ.
Опять щебечетъ и порхаетъ
Рой пѣвчихъ въ выси голубой;
Очнулась жизнь, волна сверкаетъ,
Бѣжитъ влюбленный вслѣдъ за мглой.

И вотъ ты, солнце! о, какъ пышно!
Прости мой дерзкій лепетъ мнѣ!
Мнѣ приближенье бога слышно:
Какъ дивно ты въ своемъ огнѣ!
О, еслибъ такъ же величаво,
Какъ ты, въ свой путь я могъ потечь,
И свѣтомъ жизнь мою и славой,
Гремя побѣдами, облечь!

Взгляни: вотъ дѣва! гдѣ, свѣтило,
Встрѣчалось ты съ такой красой?
О будь же, будь покровомъ милой:
Она въ семъ мірѣ образъ твой.
У ней, какъ лучъ твой, сердце чисто,
Въ очахъ — лазурь небесъ твоихъ,
И твой же пламень золотистой
Разлитъ въ кудряхъ ея густыхъ.

Прости, невѣста! вновь до ночи!
Какъ быстро время протекло!
Прости! еще лобзанье въ очи,
Еще одно въ уста, въ чело!
Усни теперь, и въ сновидѣньи,
Какъ наяву, по мнѣ грусти,
И въ полдень встань, и въ нетерпѣньи,
Какъ я, часы считай. Прости!

VIII.

Прощаніе.

Ингеборга (въ храмѣ Бальдера).

Свѣтаетъ ужъ, а Фритьофъ не идетъ!
Дивлюсь тому: вчера народъ былъ созванъ
На холмъ отца (умѣли жъ выбрать мѣсто,
Гдѣ долженъ былъ рѣшиться жребій мой).
Какъ много я просила и рыдала —
Ты, Фрея, счетъ вела слезамъ моимъ —
Пока враждой ожесточенный Фритьофъ
Смягчился наконецъ и обѣщалъ,
Что руку онъ подастъ на примиренье.
Ахъ, какъ жестокъ мужчина! ради чести
(Такъ гордость онъ зоветъ) на все готовъ онъ,

И, если нужно, любящее сердце
Безъ сожалѣнья можетъ растерзать.
А женщина — довѣрчиво межъ тѣмъ
Къ его груди склоняется бѣдняжка!
Такъ на утесѣ блѣдный мохъ растетъ:
Съ трудомъ лишь держится за камень онъ,
И слезы ночи — вотъ его вся пища.
Итакъ, вчера рѣшился жребій мой:
Чтожъ Фритьофъ не идетъ? На небѣ звѣзды
Чредою гаснутъ: съ каждою изъ нихъ
Въ моей груди надежда померкаетъ.
Но для чего-жъ надѣяться мнѣ? боги
Меня не любятъ, я ихъ прогнѣвила.
Мой покровитель Бальдеръ оскорбленъ:
Любовь людская недостойна взора
Святыхъ боговъ; веселіе земное
Не смѣетъ дерзко проникать подъ своды,
Гдѣ обитаютъ мощные владыки.
Но точно ли виновна я? ужели
Любовь дѣвичья богу неугодна?
Она чиста какъ Урды токъ, безгрѣшна
Какъ Гефіоны [1]) утреннія грезы.
Отъ любящихъ не отвращаетъ солнце
Очей своихъ, и даже дня вдовица,
Ночь звѣздная, въ тоскѣ своей внимаетъ
Съ улыбкою обѣтамъ страстнымъ ихъ.
Что непорочно подъ небеснымъ кровомъ,
Какъ можетъ то во храмѣ быть преступнымъ?
Я Фритьофа люблю. Ахъ, я любила
Его уже какъ мыслить начала;
Моя любовь ровесница моя.
Какъ родилась она? когда? не помню,
И даже трудно мнѣ вообразить,
Чтобъ безъ нея когда-нибудь жила я.
Какъ плодъ растетъ и стелетъ вкругъ зерна
Въ сіяньи солнца шаръ свой золотой,
Такъ точно я росла и созрѣвала
Съ любовью въ сердцѣ: все, что есть во мнѣ, —
Лишь оболочка чувства моего.
Прости мнѣ, Бальдеръ! вѣрною вошла
Я въ твой чертогъ, и вѣрною же выйду;

[1]) Урда — Норна прошедшаго; Гефіона — богиня непорочности.

Все та же буду я, когда ступлю
На мостъ небесный, и къ богамъ Валгаллы
Явлюся я со всей моей любовью.
Тамъ — чадо Асовъ, какъ и сами боги —
Она въ щитахъ ихъ будетъ отражаться
И вкругъ летать на крыльяхъ голубицы
Въ лазоревыхъ пространствахъ неба, въ лонѣ
Альфадера, отколь проистекла.
Чтожъ на зарѣ, о Бальдеръ, хмуришь ты
Свой ясный ликъ? Какъ и въ тебѣ, струится
Въ груди моей кровь стараго Одина.
Чего же требуешь ты, Родичъ мой?
Я не могу пожертвовать тебѣ
Моей любовью, — не хочу того:
Она достойна неба твоего;
Но счастьемъ я пожертвовать готова:
Его могу я бросить, какъ жена
Вѣнчанная бросаетъ свой нарядъ
И остается тою же сама. —
Быть такъ! Валгалла не должна стыдиться
Родства со мной: судьбѣ своей на встрѣчу
Какъ воинъ я пойду. Но вотъ и Фритьофъ!
Угрюмъ и блѣденъ онъ: всему конецъ!
Съ нимъ Норна гнѣвная моя идетъ.
Крѣпись, душа! — Что медлилъ ты такъ долго!
Рѣшился жребій нашъ: я это ясно
Читаю на лицѣ твоемъ.

Фритіофъ.

Прочти же
На немъ еще въ кровавыхъ рунахъ вѣсть
О срамѣ, объ изгнаньи!

Ингеборга.

Успокойся,
Другъ Фритьофъ; разскажи, что было:
Я все предвижу, я на все готова.

Фритіофъ.

На тингъ [1]) явился я къ кургану Бела.
Уже на немъ, съ подошвы до вершины,

[1]) Тингъ — вѣче.

Щитомъ примкнувъ къ щиту, съ мечомъ въ рукѣ.
Вились кругами сѣверные мужи.
Какъ громовая туча возсѣдалъ
Тамъ судіей на камнѣ братъ твой Гелгъ,
Мужъ крови, блѣдный, съ грозными очами;
А возлѣ Гальфданъ, взрослое дитя,
Сидѣлъ, мечемъ играя беззаботно.
Я выступилъ и началъ: „Конунгъ Гелгъ!
Война бьетъ въ щитъ на рубежѣ отчизны;
Твоей землѣ опасность угрожаетъ.
Дай мнѣ сестру свою; я въ брани помощь
Подамъ тебѣ, — быть можетъ, не напрасно.
Забудемъ распрю нашу: тяжело
Мнѣ быть въ раздорѣ съ братомъ Ингеборги.
Будь мудръ, о конунгъ: за-одно спаси
И свой вѣнецъ, и будущность сестры.
И вотъ рука моя. Клянуся Торомъ,
Въ послѣдній разъ я предлагаю миръ.“ —
Тогда раздался шумъ. Народъ мечами
Въ знакъ одобренія въ щиты ударилъ,
И звонъ оружія вознесся къ тучамъ,
И весело внимали небеса,
Какъ вольный людъ привѣтствуетъ добро.
„Отдай ему“, кричали, „Ингеборгу,
Красу лилей, на Сѣверѣ растущихъ;
Онъ лучшій воинъ въ цѣломъ краѣ нашемъ;
Отдай ему сестру свою“. Тутъ Гильдингъ,
Сѣдой нашъ пѣстунъ, вышелъ изъ рядовъ
И мудро говорилъ; слова его
Какъ мечъ звучали въ краткихъ изреченьяхъ.
И Гальфданъ самъ съ престола своего
Возсталъ, прося и взоромъ и словами.
Напрасно: всѣ моленья пропадали,
Какъ пламень солнца, грѣющій скалу:
Онъ изъ нея не вызоветъ цвѣтка.
У Гелга ликъ все тотъ же оставался —
Льдяное „нѣтъ“ на просьбы человѣка.
„За селянина (онъ сказалъ съ презрѣньемъ)
Еще бы могъ я выдать Ингеборгу,
Но кто дерзнулъ святыню осквернить,
Тотъ не достоинъ дочери Валгаллы.
Тобою, Фритьофъ, не былъ ли нарушенъ
Миръ Бальдера? Не видѣлся ли ты

Ночной порою съ Ингеборгой въ храмѣ?
Отвѣтствуй: да иль нѣтъ?“ Тогда въ толпѣ
Раздался кликъ: „Скажи, что нѣтъ, скажи;
Мы вѣримъ на́-слово тебѣ; хотимъ
Быть сватами твоими; сынъ героя,
Ты сыну конунга предъ нами равенъ.
Скажи, что нѣтъ, и Бела дочь — твоя.“
„Отъ слова лишь мое зависитъ счастье
(Я отвѣчалъ), но успокойся, конунгъ!
Я не хочу стяжать обманомъ низкимъ
Ни радости Валгаллы, ни земной.
Съ сестрой твоей я видѣлся во храмѣ,
Но тѣмъ миръ Бальдера нарушенъ не былъ.“ —
Я продолжать не могъ. По тингу вдругъ
Пронесся ропотъ ужаса! мгновенно
Всѣ вкругъ меня стоявшіе назадъ
Отдвинулись, какъ бы страшась заразы.
У всѣхъ уста сковало суевѣрье;
Еще за мигъ сіявшія надеждой
Всѣ лица вдругъ какъ известь блѣдны стали.
Твой злобный братъ торжествовалъ. Глухимъ
И хриплымъ голосомъ (такимъ, какъ Вала
Передъ Одиномъ мертвая воспѣла
Погибель Асовъ и побѣду Гелы [1])
Онъ отвѣчалъ: „Изгнаньемъ или смертью
Я могъ бы, слѣдуя законамъ предковъ,
Казнить тебя, но буду милосердъ,
Какъ Бальдеръ, храмъ котораго поруганъ.
На западѣ есть островов [2]) гряда;
Они — владѣнье ярла Ангантира.
При жизни Бела ежегодно ярлъ
Платилъ намъ дань, но послѣ пересталъ.
Плыви же ты къ нему и дань истребуй,
Когда вину свою загладить хочешь.
Есть слухъ“, прибавилъ онъ съ насмѣшкой низкой,
„Что крѣпкорукъ тотъ ярлъ, что онъ лежитъ
Надъ золотомъ своимъ подобно змѣю,
Сигурдомъ [3]) побѣжденному; но кто бы

[1]) Когда Одинъ посѣтилъ Валу въ царствѣ Гелы или смерти и та, пробужденная его заклинаніями, предрекла ему погибель боговъ.

[2]) Оркнейскихъ, нынѣ Оркадскихъ островов, издавна принадлежавшихъ Норманнамъ.

[3]) Имя знаменитѣйшаго въ скандинавскихъ преданіяхъ героя.

Могъ устоять передъ Сигурдомъ новымъ?
Чѣмъ юныхъ дѣвъ во храмѣ обольщать,
Ты предприми достойный мужа подвигъ.
И ждемъ тебя мы къ будущему лѣту
Назадъ со славой, главное же — съ данью.
Не то — презрѣннымъ трусомъ будешь ты
И осужденъ на вѣчное изгнанье.
Такъ онъ рѣшилъ, и тингу былъ конецъ.

ИНГЕБОРГА.

Что жъ ты?

ФРИТІОФЪ.

Мнѣ выбора не остается;
Онъ честь мою связалъ своимъ велѣньемъ.
Я искуплю ее, хотя бы ярлъ
Скрылъ золото свое въ рѣкахъ Настранда [1]).
Сегодня жъ въ путь.

ИНГЕБОРГА.

И ты меня покинешь?

ФРИТІОФЪ.

Нѣтъ, ты со мной отправишься.

ИНГЕБОРГА.

Нельзя!

ФРИТІОФЪ.

Постой: сперва ты выслушай меня.
Твой мудрый братъ, какъ кажется, забылъ,
Что Ангантиръ съ родителемъ моимъ
Былъ друженъ, какъ и съ Беломъ: можетъ быть,
Онъ добровольно должное заплатитъ.
Не то — со мной есть сильный увѣщатель:
Его ношу на лѣвомъ я бедрѣ.
Я Гелгу злато милое пошлю
И тѣмъ навѣки отвращу отъ насъ
Кровавый ножъ вѣнчаннаго лукавца.

[1]) Подземная обитель мертвецовъ, гдѣ протекаютъ ядовитыя рѣки (Na=навье, трупъ).

А сами, Ингеборга, мы распустимъ
Эллиды парусъ на моряхъ безвѣстныхъ,
И пріютитъ гонимую любовь
Какой-нибудь гостепріимный берегъ.
Чтò Сѣверъ мнѣ, чтò для меня народъ,
Блѣднѣющій при голосѣ жрецовъ
И дерзко посягающій на право
Владѣть святыней сердца моего?
Клянуся Фреей, не успѣютъ въ томъ.
Презрѣнный рабъ къ клочку земли прикованъ,
Гдѣ родился; а я хочу быть воленъ,
Какъ горный вѣтръ. Двѣ горсти праха съ холмовъ
И Торстена и Бела умѣстятся
На кораблѣ: вотъ все, что мы отсюда
Возьмемъ съ собой, иного намъ не нужно.
Не правда-ль, другъ мой, тускло блещетъ солнце
Надъ снѣговыми нашими горами?
Но есть другое небо, есть края,
Гдѣ нѣтъ зимы, гдѣ лѣтней ночью звѣзды
Божественно-сіяющія смотрятъ
На любящихъ въ сѣни лавровой рощи.
Отецъ мой Торстенъ плавалъ далеко,
Нося войну: зимою въ долгій вечеръ
Онъ предъ огнемъ разсказывалъ мнѣ часто
О морѣ Греческомъ, объ островахъ
И рощахъ посреди прозрачныхъ водъ.
Тамъ сильное цвѣло когда-тò племя
И жили боги въ мраморныхъ божницахъ;
Но ужъ давно покинуты тѣ храмы,
Травой покрылися вкругъ нихъ тропинки;
Печальный мохъ растетъ на письменахъ,
Хранящихъ память мудрой старины,
И величаво-стройные столпы
Обвиты пышной зеленью полудня.
Въ краю томъ жатва всходитъ безъ посѣва,
Земля все нужное сама рождаетъ;
И яблоки тамъ рдѣютъ золотыя
И лозы гнетъ пурпурный виноградъ,
Роскошно-круглый, какъ твои уста.
Тамъ на волнахъ свой сѣверъ мы устроимъ;
Пріютнѣй, краше здѣшняго онъ будетъ.
Тамъ капища пустыя мы наполнимъ
Своей любовію; боговъ забытыхъ

Возвеселимъ блаженствомъ человѣка.
Когда жъ пловецъ, вѣтрила опустивъ
(Тотъ край не знаетъ бурь), пройдетъ случайно
Предъ островкомъ порой зари вечерней
И ясный взоръ съ румяныхъ водъ подыметъ
На берегъ нашъ, — вдругъ на порогѣ храма
Онъ новую увидитъ Фрею (тамъ
Богиню Афродитою зовутъ),
И будетъ онъ дивиться золотымъ
Ея кудрямъ, раскинутымъ по вѣтру,
Ея очамъ, какъ небо юга свѣтлымъ.
Промчатся годы — и вокругъ нея
Цвѣсть будетъ въ храмѣ племя крошекъ-альфовъ.
Подумаешь, любуясь ихъ румянцемъ,
Что полдень пламенный свои всѣ розы
Пересадилъ въ полночные снѣга.
Ахъ, Ингеборга! какъ земное счастье
Легко доступно любящимъ сердцамъ!
Намъ за него лишь ухватиться стóитъ,
Оно само послѣдуетъ за нами
И здѣсь уже устроитъ намъ Валгаллу.
Пойдемъ, пойдемъ! не съ каждымъ ли мы словомъ
Бросаемъ мигъ блаженства? Все готово:
Уже Эллида распустила крылья
Орлиныя, ужъ вѣтры кажутъ путь
Навѣки вдаль отъ края изувѣрства.
Чтожъ медлишь ты?

Ингеборга.

Нельзя мнѣ за тобой.

Фритіофъ.

За мной нельзя?

Ингеборга.

Ахъ, Фритьофъ, счастливъ ты!
Въ своемъ пути нейдешь ты ни за кѣмъ;
Какъ твой корабль, ты самъ впередъ стремишься;
Твое кормило — собственная воля,
И твердою рукой ты направляешь
Свой смѣлый бѣгъ надъ гнѣвными волнами.
А я... въ чужихъ рукахъ моя судьба;
Жестокіе добычи не упустятъ,

Будь вся она въ крови. Отдать себя
На жертву имъ, истаевать отъ горя
И слезы лить — вотъ вся моя свобода.

Фритіофъ.

Но захоти — и выйдешь изъ неволи.
Родитель твой въ курганѣ...

Ингеборга.

Старшій братъ,
По смерти Бела, сталъ отцомъ моимъ:
Моей рукой располагаетъ онъ,
И никогда не соглашуся я
Тайкомъ похитить счастіе мое.
Нѣтъ, не напрасно приковалъ Альфадеръ
Насъ, женщинъ слабыхъ, къ твердой волѣ мужа!
И что̀ бы съ нами сталося, когда бъ
Мы вздумали тѣ узы разорвать?
Лилея водяная, вотъ нашъ образъ.
Съ волной встаетъ она, съ волною никнетъ.
Надъ ней пловецъ идетъ, не замѣчая,
Что дномъ ладьи онъ рѣжетъ стебль ея.
И счастлива она еще, пока
Стоитъ, въ пескѣ утверждена корнями,
И бѣлизну заимствуетъ у звѣздъ,
Сама — звѣзда надъ синей глубиной.
Но оторвись она, — средь волнъ пустынныхъ
Носиться ей, какъ желтому листу.
Въ ночь прошлую (та ночь была ужасна!)
Я все ждала тебя, и ты не шелъ,
И дѣти ночи, сумрачныя думы,
Съ распущенными черными кудрями
Влачились предъ моимъ пылавшимъ окомъ,
Лишеннымъ сна и благотворныхъ слезъ;
И Бальдеръ самъ, безкровный богъ, смотрѣлъ
Съ угрозою во взорахъ на меня.
Въ ту ночь обдумала я жребій свой;
И вотъ мое рѣшенье: остаюсь
Безропотно при жертвенникѣ брата.
Благодарю, что не пришелъ тогда
Ты съ сказками объ островахъ своихъ,

Гдѣ не блѣднѣетъ алый блескъ заката,
Гдѣ вѣчный миръ, гдѣ вѣчная любовь.
Кто за себя рѣшится быть порукой?
Вотъ и теперь внезапно грёзы дѣтства,
Въ душѣ моей затихшія давно,
Проснулись... ахъ! ихъ шопотъ такъ знакомъ!
Родной сестры, возлюбленнаго голосъ
Не сладостнѣй. О, замолчите, звуки
Волшебные! я слушать васъ боюсь.
И что̀ бы дѣлать стала я на югѣ, —
Я, сѣвера дитя? Не сто́ю я
Розъ тамошнихъ: я такъ блѣдна предъ ними;
Все тамъ огонь, а я такъ холодна!
Меня бъ сожгло полуденное солнце;
Я все бъ искала Сѣверной звѣзды
Тамъ взорами: она, какъ горній стражъ,
Блюдетъ съ небесъ могилы нашихъ предковъ.
Мой благородный Фритьофъ не покинетъ
Родной страны: хранить ее онъ долженъ;
Онъ не пожертвуетъ своею славой
Такой игрушкѣ, какъ любовь дѣвичья.
Что̀ жизнь, когда изъ года въ годъ всѣ дни
Однообразно тянутся, и съ каждымъ
Приходитъ вновь знакомое вчера?
Такая жизнь для женщины годится;
Но тягостна была бъ она для мужа,
А для тебя убійственна. Ты счастливъ,
Когда надъ бездной буря вкругъ тебя
На опѣненномъ прядаетъ конѣ,
А ты съ ладьи своей на жизнь и смерть
Съ опасностью сражаешься за честь.
Пустынный рай, куда ты манишь, сталъ бы
Могилою дѣяній нерожденныхъ;
Заржавѣлъ бы твой щитъ, увялъ бы въ скукѣ
Свободный духъ твой. Нѣтъ, тому не быть!
Нѣтъ, за меня не пропадетъ мой Фритьофъ:
Я не украду имени его
Изъ пѣсенъ скальдовъ; я не дамъ погаснуть
Всходящей славѣ моего героя.
Мой другъ, будь мудръ! уступимъ грознымъ Норнамъ:
Все отдадимъ, но честь свою спасемъ;
Мы счастія спасти уже не можемъ,
Должны разстаться.

Фритіофъ.

Почему жъ должны?
Не потому ль, что ты безсонной ночью
Разстроена?

Ингеборга.

Нѣтъ, потому что должно
Намъ сохранить достоинство свое.

Фритіофъ.

Вамъ, женщинамъ, достоинство дается
Лишь нашею любовью.

Ингеборга.

Не прочна
И самая любовь безъ уваженья.

Фритіофъ.

Упрямствомъ трудно заслужить его.

Ингеборга.

Любить свой долгъ — похвальное упрямство.

Фритіофъ.

Вчера былъ долгъ въ ладу съ любовью нашей.

Ингеборга.

И нынче, но бѣжать онъ запрещаетъ.

Фритіофъ.

Бѣжать велитъ необходимость намъ.

Ингеборга.

Лишь благородное необходимо.

Фритіофъ.

Ужъ солнце высоко, проходитъ время.

ИНГЕБОРГА.

Увы! оно прошло ужъ невозвратно.

ФРИТІОФЪ.

Итакъ, рѣшенья ты не перемѣнишь?
Подумай...

ИНГЕБОРГА.

Все обдумано давно.

ФРИТІОФЪ.

Прости же, Гелгова сестра, прости!

ИНГЕБОРГА.

О Фритьофъ, Фритьофъ! такъ ли разлучимся?
Или для той, кого любилъ ты въ дѣтствѣ,
Ужъ у тебя нѣтъ ласковаго взгляда?
Уже руки подать ты не умѣешь
Несчастной, прежде милой для тебя?
Иль мыслишь ты, что я стою на розахъ,
Что я могла, смѣясь, отвергнуть счастье,
Что я безъ мукъ могла изъ сердца вырвать
Надежду, будто сросшуюся съ нимъ?
Ты былъ сномъ утреннимъ души моей!
Я Фритьофомъ привыкла радость звать;
Все, что ни есть высокаго, святого,
Въ моихъ глазахъ твой образъ принимало.
Не помрачай же ты его, не будь
Жестокъ къ безпомощной, когда она
Всѣмъ жертвуетъ, что ей ни мило здѣсь,
Что дорого ей будетъ и въ Валгаллѣ.
Вѣрь, жертва не легка: одну хоть ласку
Мнѣ за нее ты брось! иль я не стóю?
Нѣтъ, Ингеборгу любишь ты, — я знаю,
Я знала то съ разсвѣта дней моихъ.
Ты сохранишь мое воспоминанье
На много лѣтъ, куда бы ни пошелъ.
Но наконецъ шумъ битвъ тоску прогонитъ;
Средь дикихъ волнъ ее развѣетъ буря,
И не дерзнетъ незваная сидѣть

Межъ воиновъ, пирующихъ побѣду.
Лишь изрѣдка, когда въ тиши ночной
Дни прошлые обозрѣвать ты будешь,
Вдругъ промелькнетъ межъ нихъ поблекшій образъ;
Его узнаешъ ты, онъ принесетъ
Тебѣ поклонъ отъ милыхъ мѣстъ; то будетъ
Ликъ блѣдной дѣвы Бальдерова храма.
Печаленъ будетъ онъ, но ты его
Не отгоняй, ему шепни ты слово
Привѣтное: ночные вѣтерки
На вѣрныхъ крыльяхъ мнѣ примчатъ то слово,
И хоть одно найду я утѣшенье! —
Меня ничто не будетъ развлекать.
Все будетъ лишь питать мою печаль;
Лишь о тебѣ великолѣпный храмъ
Напоминать мнѣ будетъ; образъ бога,
Сіяніемъ луны тамъ озаренный,
Не гнѣвный видъ, — твои черты возьметъ.
Взгляну ли нà море: сквозь пѣну волнъ
Ладья твоя не разъ плыла ко мнѣ,
Когда тебя на берегу ждала я.
Взгляну ль на рощу: тамъ въ кору деревьевъ
Ты всюду врѣзалъ имя Ингеборги.
Но зарастетъ кора — исчезнетъ имя,
А по преданью—это значитъ смерть.
У дня ль спрошу, гдѣ видѣлъ онъ тебя;
У ночи ли — я не дождусь отвѣта,
И даже море, гдѣ тогда ты будешь,
На мой вопросъ отвѣтитъ только стономъ.
Въ вечерній часъ, когда въ волнахъ твоихъ
Златое солнце будетъ погасать,
Я съ нимъ тебѣ привѣтъ любви пошлю,
И жалобу тоскующей не разъ
Возьметъ съ собой корабль воздушный — туча.
Такъ буду я сидѣть въ моей палатѣ
Вдовицей счастья въ черномъ одѣяньи
И въ ткань вшивать поблекшія лилеи,
Пока весна, соткавъ другую ткань,
На ней не вышьетъ новыхъ, лучшихъ лилій
Вокругъ моей могилы. Иногда
Я захочу въ напѣвахъ заунывныхъ
Излить свою глубокую тоску;
Но арфу взявъ, заплачу... какъ теперь.

Фритіофъ.

Ты побѣдила: полно, полно плакать!
Прости мнѣ гнѣвъ — нѣтъ, то была печаль,
И лишь на мигъ преобразилась въ гнѣвъ.
Дочь Бела, ты моя благая Норна:
Прекрасному прекрасная душа
Вѣрнѣй всего насъ можетъ научить.
Краснорѣчивѣе тебя никто бы
Не доказалъ, какъ мудро покоряться
Необходимости: о Ингеборга, —
Ты дивная, ты розовая Вала!
Да, я готовъ послушаться тебя:
Разстануся съ тобой, но не съ надеждой;
Ее умчу въ далекія моря,
Она со мной до самыхъ вратъ могилы.
Придетъ весна, и вновь я буду здѣсь;
Надѣюсь, Гелгъ опять меня увидитъ.
Тогда обѣтъ мой будетъ совершенъ
И мнимая заглажена вина:
Я вновь явлюсь просить твоей руки, —
Нѣтъ, не просить, а требовать приду
На тингъ среди сверкающихъ мечей,
И не у Гелга, — у народа. Онъ —
Твой опекунъ, о конунгова дочь!
А на отказъ есть у меня отвѣтъ.
Прости дотоль; не забывай меня;
Въ воспоминанье дѣтской дружбы нашей
Возьми мое запястье: вотъ оно,
Прекрасное творенье божества;
На немъ ты видишь неба чудеса;
Но вѣрность — первое изъ всѣхъ чудесъ.
Какъ золото къ рукѣ твоей пристало!
Предъ нимъ она еще бѣлѣй: то, мнится,
Лилеи стебль, обвитый свѣтлякомъ!
Прости, невѣста! милая, прости!
Чрезъ краткій срокъ счастливѣе мы будемъ.

(Уходитъ).

Ингеборга.

Какъ веселъ онъ, какъ смѣлъ, какъ полнъ надежды!
Онъ къ сердцу Норны твердо приложилъ
Конецъ меча, и говоритъ: назадъ!

Нѣтъ, бѣдный Фритьофъ, не уступитъ Норна;
На зло мечу, она идетъ все прямо.
О, какъ еще ты мало знаешь Гелга!
Геройская душа твоя не можетъ
Постигнуть мрачныхъ помысловъ его,
Ни всей вражды, какая пламенѣетъ
Въ его завистливомъ, коварномъ сердцѣ.
Онъ никогда не выдастъ за тебя
Своей сестры; скорѣй отдастъ вѣнецъ,
Скорѣе жизнь, а мною безпощадно
Пожертвуетъ иль старому Одину,
Иль даже Рингу, своему врагу. —

Такъ для меня уже надежды нѣтъ,
Но бодръ и веселъ ты — чего жъ мнѣ болѣ?
Пусть буду я скорбѣть въ своей неволѣ;
А за тобой да идутъ боги вслѣдъ!
Ахъ! мѣсяцамъ печали необъятной
Я на запястьи счетъ могу вести;
Чрезъ пять или шесть ты приплывешь обратно;
Но здѣсь меня тебѣ ужъ не найти.

IX.

Плачъ Ингеборги.

Осень шумитъ;
Бурею синее море кипитъ.
Но какъ желала бъ я нынѣ
Плыть по пучинѣ!

Долго вдали
Взоромъ слѣдила я парусъ ладьи:
Счастливъ! съ нимъ Фритьофъ любезный
Мчится надъ бездной.

Бездна! уймись;
Или еще имъ быстрѣе нестись?
Звѣзды! горите, горите,
Другу свѣтите.

Долъ зацвѣтетъ, —
Фритьофъ воротится; но не найдетъ
Онъ ни въ чертогѣ, ни въ полѣ
Милой ужъ болѣ.

Будетъ въ землѣ
Спать она съ миромъ на хладномъ челѣ,
Или, отъ братьевъ страдая,
Плакать, — живая.

Брошенный имъ,
Соколъ! ты будешь любимцемъ моимъ;
Ты не замѣтишь утраты,
Ловчій крылатый!

Изъ серебра
Вышью тебя я въ узорѣ ковра, —
У жениха надъ рукою, —
Съ ножкой златою.

У соколà
Крылья скорбѣвшая Фрея брала:
Съ сѣвера къ югу летала,
Бога искала [1]).

Крылья твои
Прочь унести бы меня не могли.
Знаю: мнѣ дастъ лишь могила
Вѣрныя крыла.

Соколъ, сиди
Здѣсь на плечѣ и на море гляди!
Тщетно: какъ сердце ни рвется,
Онъ не вернется.

Онъ мой конецъ
Придетъ оплакивать; ты же, ловецъ,
Друга привѣтомъ отъ милой
Встрѣть надъ могилой!

X.

Фритіофъ на-морѣ

Гелгъ, коварства полнъ,
У моря стоялъ;
Пѣніемъ изъ волнъ
Злыхъ чудовищъ звалъ.

[1]) Супруга своего, Эдера.

Страшно небо вдругъ стемнѣло,
Громъ пронесся въ вышинѣ,
Море въ безднахъ закипѣло,
Стало пѣниться извнѣ.
Вотъ кровавыми браздами
Тучи блещутъ здѣсь и тамъ;
Птицы съ крикомъ надъ волнами
Быстро мчатся къ берегамъ. —

„Быть погодѣ, братья!
Слышите ль, какъ буря
Бьетъ вдали крылами?
Но не намъ блѣднѣть.
Ты, покойся въ рощѣ,
Плачь по мнѣ въ разлукѣ,
Милая невѣста,
Милая въ слезахъ!“

Вотъ спѣшатъ къ пловцамъ
Два чудовища въ бой:
Справа бурный Гамъ,
Слѣва Гейдъ льдяной.

Буря крылья расширяетъ;
То стремитъ ихъ въ глубину,
То крутяся улетаетъ
Къ Асамъ въ горнюю страну.
И выноситъ мрака силы
На хребтѣ своемъ волна
Изъ клокочущей могилы
Безъ предѣловъ и безъ дна.

„Сладостнѣе было
При сіяньи лунномъ
Плавать къ тихой рощѣ
По стеклу зыбей.
О, теплѣй въ объятьяхъ
Нѣжной Ингеборги,
Ярче бѣлой пѣны
Блещетъ грудь ея.“ —

Изъ валовъ сѣдыхъ
Острова встаютъ:
Тише около нихъ;
Кормчій! тамъ пріютъ.

Но спокоенъ вождь средь моря
На родимомъ кораблѣ;
Бодро, съ ярымъ вѣтромъ споря,
Самъ стоитъ онъ при рулѣ.
Онъ косѣй вѣтрило ставитъ,
Онъ сѣчетъ валы быстрѣй,
И на западъ смѣло правитъ
По хребту сѣдыхъ зыбей.

„Весело мнѣ, братья,
Съ бурею бороться:
Бурѣ и Норманну
На-морѣ житье.
Ингеборгѣ стыдно бъ
Стало, если бъ въ пристань
Полетѣлъ отъ вѣтра
Вѣрный ей орелъ“.

Валъ растетъ. Кипитъ
Страшно въ глубинѣ,
И въ снастяхъ свиститъ
И трещитъ на днѣ.

Но пускай неугомонно
Ополчается волна:
Для Эллиды крѣпкодонной
Ярость бури не страшна;
И падучею звѣздою
Дочь боговъ свершаетъ путь,
Скачетъ серной молодою
Черезъ пропасть, черезъ круть.

„Слаще были въ храмѣ
Дѣвы поцѣлуи,
Чѣмъ соленой пѣны
Брызги на устахъ.
Сладостнѣе было
Обнимать невѣсту,
Нежели кормило
Здѣсь въ рукахъ держать“.

Съ тучи снѣгъ валитъ,
Вѣетъ лютый хладъ,
На помостъ и щитъ
Съ шумомъ сыплетъ градъ.

Все сокрылося въ туманѣ;
На ладьѣ со всѣхъ сторонъ
Мгла густая, какъ въ курганѣ,
Гдѣ воитель погребенъ.
Околдованъ, валъ взлетаетъ
На пловца, разсвирѣпѣвъ,
И пучина разверзаетъ
Жадно пепельный свой зѣвъ.

„Синее намъ ложе
Стелетъ въ безднахъ Рана [1]);
Но меня подушки
Ингеборги ждутъ.
Люди дружно машутъ
Веслами Эллиды;
Киль богами строенъ,
Вынесетъ борьбу."

Рать ревущихъ водъ
Бѣшено бѣжитъ
На корабль, и вотъ
Весь помостъ залитъ.

Вождь запястье дорогое
Снялъ съ руки; ему оно,
Лучезарно-золотое,
Прежнимъ конунгомъ дано.
Онъ запястье разрубаетъ
(Карлы дѣлали его)
И межъ ратныхъ раздѣляетъ,
Не забывъ ни одного.

„Отправляясь сватать,
Златомъ запасайтесь;
Къ Ранѣ безъ подарковъ
Не ходи никто.
Ледъ — ея лобзанья,
Станъ бѣжитъ объятій,
Золотомъ лишь дѣву
Моря удержать".

[1]) Богиня морской пучины.

Яростнѣй стократъ
Буря поднялась;
Пополамъ канатъ,
Рея сорвалась.

Волны прядаютъ, всечасно
Поглотить корабль грозя;
Люди — черпать, но напрасно —
Моря вычерпать нельзя.
Фритьофъ видитъ: ужъ нѣмая
Смерть на палубѣ сидитъ;
Но, пучину заглушая,
Голосъ викинга гремитъ:

„Бьёрнъ, сюда! медвѣжьей [1])
Въ руль вцѣпися лапой;
Буря не богами
Нынѣ послана.
То затѣи Гелга:
Знать, онъ злыя чары
Вызвалъ изъ пучины;
Взлѣзу, посмотрю".

Вверхъ по мачтѣ онъ
Бѣлкою взлетѣлъ;
На пустыню волнъ
Съ высоты глядѣлъ.

Вотъ, какъ островъ, на Эллиду
Китъ несется, и на немъ
Отвратительныя съ виду
Два чудовища верхомъ:
Гейдъ, подъ шубой снѣговою,
Бѣлый то медвѣдь на взглядъ;
Гамъ, морской орелъ; грозою
Крылья черныя шумятъ.

„Докажи, Эллида,
Что въ груди дубовой,
Жесткой какъ желѣзо,
Храбрый носишь духъ.

[1]) Въ подлинникѣ игра словъ: *Björn* значитъ *медвѣдь*.

Выслушай приказъ мой:
Если дочь боговъ ты,
Грянь и мѣднымъ килемъ
Звѣря порази.“

И узнала та
Богатырскій кликъ
И на грудь кита
Наскочила вмигъ.

Раненъ китъ; дымяся, прянулъ
Лучъ кровавый въ вышину;
Звѣрь, насквозь пронзенный, канулъ
Съ ревомъ къ илистому дну.
Взявъ два дрота, вправо, влѣво
Разомъ мещетъ ихъ герой,
И одинъ въ медвѣжье чрево,
Въ грудь орла впился другой.

„Честь тебѣ, Эллида!
Изъ кровавой тины
Выбьется не скоро
Конунга драконъ.
Гейдъ и Гамъ надъ моремъ
Болѣе не властны;
Жесткое желѣзо
Пагубно кусать.“

И гроза молчитъ,
Отданъ миръ водамъ;
Лишь бурунъ бѣжитъ
Къ ближнимъ островамъ.

Показалось дня свѣтило,
Будто конунгъ средь палатъ:
Долъ и воды и вѣтрило
Оживилъ его возвратъ.
Вечеръ въ пурпуръ облекаетъ
Скалы, рощи и луга.
И дружина отличаетъ
Эфьезунда берега [1]).

[1]) На Оркнейскихъ островахъ

„Трепетныя дѣвы, —
Просьбы Ингеборги, —
Вознеслись и пали
Предъ богами въ прахъ.
Слезы ихъ и вздохи
Изъ лебяжьихъ персей
Преклонили Асовъ:
Благодарность имъ!“

Но Эллиду китъ
Въ битвѣ поразилъ;
Чуть она скользитъ
Въ изнуреньи силъ.

Изнурился отъ тревоги
И народъ на ней: съ трудомъ
Удалые движутъ ноги,
Подпираяся мечомъ.
Вотъ на берегъ Бьёрнъ могучій
Переноситъ четверыхъ;
Фритьофъ предъ огонь трескучій
Съ плечъ слагаетъ восьмерыхъ

„Не стыдитесь, мужи!
Валъ — могучій викингъ;
Тягостно бороться
Съ дѣвами морей.
Вотъ и рогъ медовый
Съ ножкой золотою;
Члены онъ согрѣетъ...
Пью невѣстѣ въ честь!“

XI.

Фритіофъ у Ангантира.

Теперь мы скажемъ слово
О томъ, какъ Ангантиръ
Во хораминѣ сосновой
Давалъ дружинѣ пиръ.

Онъ съ радостью во взорѣ
Смотрѣлъ на путь морской;
Садилось солнце въ море,
Какъ лебедь золотой.

На стражѣ Гальваръ вѣрный
Подъ окнами стоялъ;
Старикъ былъ стражъ примѣрный,
Но медъ не забывалъ.
Водилось у сѣдого:
До дна всегда пить рогъ
И, не сказавъ ни слова,
Бросать его въ чертогъ.

И вотъ онъ рогъ бросаетъ
Въ палату, и поетъ:
„Ладья къ намъ подплываетъ,
Невесело идетъ.
Блѣдна на ней дружина;
Вотъ, вотъ ужъ пристаютъ;
Два сильныхъ исполина
Полуживыхъ несутъ.“

И ярлъ въ окнѣ приникнулъ
Надъ зеркаломъ зыбей.
„Эллида!“ онъ воскликнулъ:
„И, мнится, Фритьофъ съ ней.
По стану, взору явно,
Что Торстена то сынъ;
Такъ смотритъ Фритьофъ славный
На сѣверѣ одинъ.“

И отъ стола проворно
Кровавый Атлій всталъ;
Берсеркъ съ брадою черной,
Онъ дико закричалъ:
„Пусть Фритьофъ голосъ міра
На дѣлѣ подтвердитъ,
Что онъ не проситъ мира,
Что онъ мечи тупитъ.“

И вспрыгнулъ съ нимъ мгновенно
Свирѣпыхъ воевъ строй,
Махая изступленно
Мечомъ и булавой;
И ринулся грозою
На берегъ, гдѣ лежалъ
Герой съ своей толпою
И бодрость ей внушалъ.

„Сразить тебя легко бы,“
Завылъ Берсеркъ лихой:
„Но я даю, безъ злобы,
Избрать побѣгъ иль бой.
Когда жъ попросишь мира,
Тотчасъ, какъ друга, я
Къ чертогу Ангантира
Готовъ вести тебя.

— „Измученъ я!“ сурово
Отвѣтствовалъ герой:
„Но было бы мнѣ ново
Просить о мирѣ, — въ бой!“ —
Съ симъ словомъ заблистали
Мечи въ рукахъ мужей;
У Фритьофа на стали
Явился рядъ огней.

И бой пылаетъ ярый,
И сыплются, какъ градъ,
Смертельные удары:
Въ куски щиты летятъ!
Нетрепетные въ спорѣ,
Бойцы еще стоятъ;
Но Ангурвадель вскорѣ
Сломилъ врага булатъ.

„Того, кто безоруженъ,
Не бью“, сказалъ герой:
„Мнѣ мечъ уже не нуженъ,
Грудь съ грудью вступимъ въ бой!“
Какъ волны, понеслися
Другъ на̀ друга они,
И будто бы срослися
Стальныя ихъ брони.

Такъ два медвѣдя бьются
Надъ снѣжною скалой;
Такъ два орла дерутся
Надъ бурной глубиной:
Подъ мощными бойцами
Утёсъ бы задрожалъ;
Захваченъ ихъ руками,
И дубъ бы крѣпкій палъ.

Съ нихъ потъ течетъ струями;
Уже въ груди ихъ хладъ:
Тяжелыми стопами
Скрытъ камень, кустъ измятъ.
При видѣ битвы страшной
Рядъ латниковъ дрожитъ;
Сталъ бой тотъ рукопашный
Повсюду знаменитъ.

Но Фритьофъ повергаетъ
Берсерка наконецъ;
Колѣно нажимаетъ
На грудь его боецъ.
„Будь только мечъ со мною,“
Онъ гнѣвно возопилъ:
„Я бъ сталью огневою
Тотчасъ тебя пронзилъ!“

Рази! въ твоей то волѣ!“
Отвѣтилъ гордый врагъ:
„Возьми булатъ свой въ полѣ,
Не тронусь я никакъ.
Мы оба по кончинѣ
Въ Валгаллѣ будемъ жить:
Къ богамъ пойду я нынѣ,
Ты—завтра, можетъ быть.“

И Фритьофъ поспѣшаетъ
Прервать потѣху съ нимъ:
Онъ мечъ ужъ подымаетъ,
Но Атлій недвижимъ.
Предъ доблестью такою
Забылъ воитель брань,
И, бросивъ мечъ, герою
Простеръ привѣтно длань.

Тутъ Гальваръ, тростью бѣлой [1])
Махая, закричалъ:
„Пора! за вами дѣло,
За дракой пиръ нашъ сталъ.
Серебряныя блюда
Давно ужъ на столахъ,
Все стынетъ здѣсь покуда,
Отъ жажды я зачахъ.“

[1]) Знакъ примиренія.

Въ чертогъ бойцы лихіе
Вошли рука съ рукой;
Здѣсь многое впервые
Увидѣлъ гость младой.
Не доски онъ нагія
Увидѣлъ на стѣнахъ,
Но кожи золотыя
Въ узорахъ и цвѣтахъ [1]).

И пламя не горѣло
Въ срединѣ на полу;
Изъ мрамора тамъ бѣлый
Каминъ стоялъ въ углу.
Не стлался дымъ; ни пыли,
Ни сажи на стѣнахъ:
Тамъ въ окнахъ стёкла были,
Замки на всѣхъ дверяхъ.

Подсвѣчниковъ вѣтвистыхъ
Тамъ рядъ серебромъ блисталъ,
И трескъ лучинъ смолистыхъ
Гостямъ не докучалъ.
И вотъ стоитъ жаркое —
Олень на всѣхъ ногахъ;
Копыто золотое
И зелень на рогахъ.

У ратныхъ за спиною
По дѣвушкѣ стоитъ:
За тучей громовою
Такъ звѣздочка горитъ.
Тамъ глазки пламенѣютъ,
Тамъ вьется шелкъ кудрей,
Тамъ ярко губы рдѣютъ,
Какъ розы межъ лилей.

Вотъ ярлъ сидитъ, возвышенъ;
Изъ серебра весь тронъ;
Шеломъ, какъ солнце, пышенъ,
И панцырь позлащёнъ.

[1]) На Оркадскихъ островахъ, благодаря торговымъ сношеніямъ съ югомъ Европы, царствовало издавна великолѣпіе, какого не могло быть въ отчизнѣ Фритіофа.

Звѣздами плащъ сіяетъ,
И бѣлый горностай
Богато опушаетъ
Его пурпурный край.

Впередъ съ привѣтнымъ взглядомъ
Онъ три шага ступилъ,
И руку далъ, и рядомъ
Съ собою сѣсть просилъ.
„Нерѣдко здѣсь, бывало,
Я съ Торстеномъ пилъ медъ:
Пусть сынъ его удалой
Почетный стулъ займетъ."

Онъ кубокъ налилъ полный
Сициліи виномъ;
Кипитъ оно какъ волны
И искрится огнемъ.
„Мнѣ зрѣть тебя пріятно,
Сынъ друга моего!
Я пью съ дружиной ратной
Въ честь памяти его!"

Морвены [1]) бардъ искусный
Взялъ арфу и запѣлъ:
Въ кельтійскихъ [2]) звукахъ грустный
Напѣвъ его гремѣлъ.
За нимъ, какъ пѣли дѣды,
Нордландіи пѣвецъ
Пѣлъ Торстена побѣды,
И взялъ хвалы вѣнецъ.

Въ разспросы ярлъ вступаетъ
О сѣверныхъ друзьяхъ,
И Фритьофъ отвѣчаетъ
Въ отборнѣйшихъ словахъ.
Всѣмъ правдой воздавая,
Спокойно судитъ онъ,
Какъ Сага, возсѣдая
Въ святилищѣ временъ.

[1]) Сѣверная Шотландія.

[2]) Языкъ Кельтовъ господствовалъ на Оркадскихъ островахъ, пока скандинавскіе переселенцы не замѣнили его своимъ.

Потомъ онъ велъ бесѣду
О плаваньи своемъ,
Описывалъ побѣду
Эллиды надъ китомъ.
Герои потѣшались,
Съ улыбкой ярлъ внималъ,
И стѣны оглашались
Немолчнымъ гуломъ хвалъ.

Потомъ объ Ингеборгѣ,
Плѣнительной въ слезахъ,
Онъ рѣчь завелъ въ восторгѣ:
Съ румянцемъ на щекахъ
Красавицы украдкой
Тутъ начали вздыхать:
Имъ руку было бъ сладко
У вѣрнаго пожать.

Затѣмъ краснорѣчиво
Онъ къ дѣлу приступилъ;
Дослушавъ терпѣливо,
Хозяинъ возразилъ:
„Мы дани не платили,
Я не былъ покорёнъ;
Хоть Белу въ честь мы пили,
Намъ чуждъ его законъ.

Сыновъ его не знаю;
Когда нужна имъ дань,
Съ мечомъ ихъ приглашаю:
Готовы мы на брань.
Но такъ какъ всѣхъ дороже
Мнѣ былъ родитель твой...“
Тутъ дочери пригожей
Онъ подалъ знакъ рукой.

Игрива, какъ ребенокъ,
Вспрыгнувъ, бѣжитъ она;
Какъ станъ у ней былъ тонокъ,
Какъ грудь была полна!
Во впадинкѣ ланиты
Сидѣлъ любви божокъ,
Какъ въ розанѣ прикрытый
Листками мотылекъ...

Но вотъ она у двери
Съ зеленымъ кошелькомъ;
На немъ исткаиы звѣри,
Луна за облачкомъ
И море съ парусами;
Рубиновый замокъ;
Изъ золота кистями
Украшенъ кошелёкъ.

Его отъ свѣтлоокой
Родитель получилъ
И золотомъ, далеко
Чеканеннымъ, набилъ:
„Вотъ даръ мой въ знакъ привѣта;
Чтò хочешь, дѣлай съ нимъ;
Но только ужъ до лѣта
Будь гостемъ ты моимъ.

Гордись своей отвагой;
Но время бурь теперь:
И Гейдъ и Гамъ надъ влагой
Вновь явятся, повѣрь.
Эллида такъ удачно
Не всякій разъ прыгнетъ;
Китовъ въ пучинѣ мрачной
Никто не перечтетъ."

Такъ длилося веселье,
А день ужъ наступалъ;
Лишь радость, не похмѣлье
Вливалъ златой бокалъ;
Къ концу, за Ангантира
Пилъ шумно цѣлый столъ.
Среди забавъ и мира
Такъ Фритьофъ зиму велъ.

XII.

Возвращеніе Фритіофа.

Вновь дышитъ небо весной, и долъ,
Согрѣтый ею, опять зацвѣлъ.
Вотъ съ ярломъ Фритьофъ уже простился,
И въ путь по свѣтлымъ зыбямъ пустился;
Вновь черный лебедь подъ нимъ плыветъ,

И слѣдъ сребристый чрезъ гладь ведетъ.
Эллиду вѣтеръ къ востоку гонитъ,
И соловьемъ въ парусахъ онъ стонетъ;
Въ покровахъ синихъ рой дѣвъ морскихъ [1])
Ладью толкаетъ средь игръ своихъ.
О, какъ отрадно вращать кормило,
Плывя изъ странствій къ отчизнѣ милой!
Съ родимой кровли тамъ дымъ встаетъ,
Тамъ память дѣтскихъ забавъ живетъ;
Ручей знакомо журчитъ въ полянахъ,
И тихо дремлютъ отцы въ курганахъ,
И дѣва всходитъ на темя горъ,
И ждетъ, и къ морю склоняетъ взоръ. —
Шесть дней плылъ Фритьофъ; съ седьмой зарёю
Край неба черной темнѣлъ каймою;
И быстро, быстро растетъ она:
Ужъ видны шеры [2]), земля видна, —
Земля родная! вѣнчая море,
Лѣса тамъ блещутъ въ своемъ уборѣ;
Ужъ вѣтръ оттолѣ шумъ водъ принесъ,
Съ гранитной грудью предсталъ утесъ.
Вотъ мысъ, вотъ бухта; герой съ привѣтомъ
Плыветъ предъ рощей, гдѣ прошлымъ лѣтомъ —
Мечтатель пылкій — въ полночный часъ
Онъ съ Ингеборгой сидѣлъ не разъ.
„Гдѣ жъ нынѣ дѣва? ужель унылой
Не шепчетъ сердце, какъ близокъ милый?
Быть можетъ, ею покинутъ храмъ;
Въ чертогѣ сидя, быть-можетъ, тамъ
Въ слезахъ на арфѣ она играетъ!“ —
Вдругъ съ кровли храма къ пловцу слетаетъ
Забытый со́колъ, и на плечо
Къ нему садится; какъ горячо
Пловца онъ любитъ! онъ бьетъ крылами,
Плечо златыми скребетъ когтями.
И онъ покоя не хочетъ дать,
И трудно съ мѣста его согнать.
Онъ къ уху Фритьофа клевъ склоняетъ,
Какъ будто что-то сказать желаетъ —
Ахъ, можетъ-статься, о милой вѣсть,
Но словъ бѣдняжка не въ силахъ свесть!

[1]) Волнъ, дочерей Эгира.

[2]) Шеры или шкеры — скалистые острова въ морѣ близъ берега.

Вотъ передъ мысомъ Эллида мчится;
Какъ лань лѣсная она рѣзвится:
Она въ объятьяхъ родныхъ зыбей.
И веселъ Фритьофъ стоитъ на ней;
Приставивъ руку къ челу, онъ очи
Вперяетъ жадно на берегъ отчій;
Но какъ ни щуритъ, ни третъ онъ ихъ,
Ужъ онъ не видитъ хоро̂мъ своихъ:
Одни нагія стоятъ горнилы,
Какъ кости мужа во мглѣ могилы.
Гдѣ домъ былъ прежде, тамъ глушь теперь,
И вьется пепелъ, и воетъ звѣрь.
Поспѣшно Фритьофъ съ Эллиды сходитъ,
Вкругъ стѣнъ сожженныхъ уныло бродитъ, —
Тамъ онъ ребенкомъ безпечно росъ!
Бѣжитъ на встрѣчу косматый пёсъ,
На ловлѣ часто при немъ бывавшій,
Съ медвѣдемъ смѣло въ борьбу вступавшій.
Онъ долго скачетъ, вертя хвостомъ;
Высоко скачетъ, рѣзвясь кругомъ.
За нимъ несется по мертвой нивѣ
Конь млечно-бѣлый со златомъ въ гривѣ,
Съ лебяжьей шеей, — красою ногъ
Подобенъ лани: знакомый скокъ!
Онъ клонитъ морду, онъ ржетъ привѣтно;
Ласкаясь, проситъ онъ хлѣба, — тщетно:
Самъ Фритьофъ бѣденъ, бѣднѣй его,
И дать не можетъ ужъ ничего.

Лишенный крова въ землѣ наслѣдной,
Онъ смотритъ дико, — лицо такъ блѣдно!
Вдругъ старый Гильдингъ, неизмѣнимъ
Въ годину скорби, стоитъ предъ нимъ —
И Фритьофъ началъ: „Могу ль дивиться
Тому, что вижу? орелъ умчится —
Разграбятъ жадно гнѣздо орла.
Обѣтъ свой конунгъ сдержалъ: хвала!
Боговъ онъ чтитъ, онъ съ людьми въ раздорѣ;
За нимъ повсюду пожаръ и горе.
Не горе, — злоба въ груди моей;
Но гдѣ дочь Бела? скажи скорѣй!“ —
И старецъ молвилъ: „Я вѣсть имѣю,
Но ты не будешь доволенъ ею.

Лишь ты отправился, Рингъ пришелъ;
На одного пятерыхъ онъ велъ.
Тамъ, надъ рѣкою, дружины бились
И съ кровью волны въ тотъ день клубились.
Смѣялся Гальфданъ, шутилъ со мной,
Но дрался храбро, какъ мужъ прямой.
Меня восхитилъ онъ первымъ боемъ,
Свой щитъ держалъ я передъ героемъ;
Но брань не долго томила насъ:
Гелгъ избралъ бѣгство, и бой погасъ.
Въ своей досадѣ твой домъ родимой
Зажегъ внукъ Асовъ, какъ несся мимо.
Межъ тѣмъ далъ знать ему Рингъ сѣдой:
„Иль въ бракъ вступлю я съ твоей сестрой,
И миръ надежный ты ею купишь,
Иль мнѣ свой край ты съ вѣнцомъ уступишь."
Вокругъ неслася о мирѣ вѣсть,
А Рингъ невѣсту спѣшилъ увезть." —

„О, жёны!" Фритьофъ сказалъ печально:
„Обманъ былъ мыслью первоначальной
Въ душѣ у Лока [1]): земли сыны
Ту мысль узрѣли въ лицѣ жены.
Обманъ прекрасный, голубоокій,
То онъ чаруетъ насъ, то — жестокій,
Притворно плача, смѣется намъ;
Онъ съ бѣлой грудью, онъ станомъ прямъ;
Въ немъ добродѣтель, что ледъ весенній;
Въ немъ постоянство, что вѣтръ осенній:
Въ коварномъ сердцѣ одна тщета,
Обѣтовъ лживыхъ полны уста.
О, какъ ее я любилъ безмѣрно,
И вѣчно сердце ей будетъ вѣрно!
Она мнѣ другомъ средь игръ была,
Она жъ наградой за всѣ дѣла!
Когда сростутся древа корнями,
Пусть Торъ ударитъ въ одно громами,
Другое сохнетъ; одно цвѣтетъ, —
Другое также въ красѣ растетъ.
Такъ мы сроднились; мы раздѣляли
И всѣ отрады и всѣ печали.

[1]) Локъ — богъ зла, виновникъ смерти Бальдера.

Теперь мы розно — теперь я сиръ!
Зачѣмъ ты, Вара [1]), обходишь міръ
И пишешь клятвы людей по злату?
Ужель не видишь стараній трату?
Полна неправды твоя скрижаль,
И благороднаго злата жаль.
Про Нанну сказка живетъ въ народѣ;
Но гдѣ же вѣрность въ людской породѣ?
О Ингеборга! знать, правды нѣтъ,
Когда былъ ложью и твой обѣтъ,
Твой голосъ, сладкій какъ вѣтръ въ день знойный,
Какъ съ арфы Брага звонъ пѣсни стройной.
Нѣтъ, лучше арфы забыть мнѣ звонъ,
Забыть невѣсту, какъ лживый сонъ.

Помчуся лучше въ край бурь, и съ горя
Окрашу кровью пучину моря.
Гдѣ мечъ ни сѣетъ кургановъ снѣдь, —
Въ долины, въ горы хочу летѣть!
Пусть мнѣ тамъ встрѣтится вождь вѣнчанный,
Не дамъ пощады въ потѣхѣ бранной!
Пускай мнѣ встрѣтится тамъ боецъ,
Влюбленный страстно... глупецъ, глупецъ!
Онъ вѣритъ клятвамъ, въ немъ нѣтъ сомнѣнья;
Его убью я изъ сожалѣнья;
Счастливцу горе узнать не дамъ,
Не дамъ извѣдать обманъ и срамъ!“ —

„Какъ юность можетъ увлечься страстью“!
Воскликнулъ Гильдингъ: „но боги, къ счастью,
Насъ прохлаждаютъ снѣгами лѣтъ.
Не обвиняй Ингеборгу; нѣтъ,
Несправедливы твои укоры;
На Норнъ лишь сѣтуй: ихъ приговоры
Неизмѣнимы; изъ странъ громовъ
Онѣ караютъ земли сыновъ.
Твою невѣсту тоска снѣдала,
Но безъ роптанья она страдала,
Грустила молча, какъ средь дубравъ
Груститъ голубка, вдовицей ставъ.
Лишь мнѣ открыться она рѣшилась:
О, въ ней безмѣрная скорбь таилась!

[1]) Богиня обѣтовъ.

Морская птица, бывъ пронзена,
Окровавленная ищетъ дна,
Чтобъ ранѣ зноемъ не быть палимой:
Тамъ умираетъ она незримо!
Такъ, скрывши муку на днѣ души,
Томилась дѣва твоя втиши.
„Я жертва,“ часто она твердила:
„Снѣжнянка бѣдной чело обвила,
Могильнымъ цвѣтомъ я убрана;
Мнѣ смерть была бы теперь красна,
Я въ ней нашла бы всѣхъ мукъ забвенье,
Но богу Бальдеру нужно мщенье:
Онъ тихой смертью меня казнитъ,
Онъ сердцу сохнуть въ груди велитъ.
Но скрой отъ всѣхъ ты мое несчастье:
Мнѣ въ тягость было бъ другихъ участье.
Дочь Бела въ силахъ печаль нести;
Но ты, мой Фритьофъ, прости, прости!“ —
Насталъ день свадьбы (о, какъ охотно
Его бъ изгладилъ я съ трости счётной!“ [1]):
Тогда ко храму, свершать обрядъ,
Мужей съ мечами повлекся рядъ:
И дѣвы въ бѣлыхъ идутъ уборахъ,
И скальдъ предъ строемъ, — съ тоской во взорахъ,
И вотъ на черномъ конѣ, блѣдна
Какъ привидѣнье, сидитъ она.
Съ сѣдла поднявши мою лилею,
Я въ двери храма вступаю съ нею.
Богинѣ брака, не смущена,
Произнесла свой обѣтъ она,
И долго Бальдеру тамъ молилась;
Въ слезахъ всѣ были, — она крѣпилась.
Вдругъ видитъ Гелгъ: на рукѣ ея
Какъ жаръ запястье блеститъ твое.
Тотчасъ онъ въ гнѣвѣ его срываетъ
И богу на-руку надѣваетъ.
Себя не помня, схватилъ я мечъ,
И кровь легко бы могла потечь,
Но Ингеборга межъ нами стала.
„Оставь! неправъ онъ,“ дрожа шептала,
„Но — сердце терпитъ, а все живетъ:
Межъ насъ Альфадеръ свершитъ расчётъ.“ —

[1]) Календарь скандинавскій изображался на жезлахъ.

„Да,“ молвилъ Фритьофъ: „но мнѣ охота
И самому поискать расчёта.
Для празднествъ лѣтнихъ сегодня въ храмъ
Ты, жрецъ вѣнчанный, придешь... я тамъ.
Сестру ты продалъ! да, мнѣ охота
И самому поискать расчёта!“

XIII.

Костеръ Бальдера.

Солнце багровое въ полночь горитъ,
Горъ вѣнчая темя;
То не день, то не ночь стоитъ, —
Таинства полное время!

Образъ солнца, въ храмѣ костеръ
На очагѣ пламенѣетъ;
Но погаснетъ онъ: міромъ съ тѣхъ поръ
Мрака богъ овладѣетъ.

Вкругъ стояли жрецы толпой,
И головни поправляли, —
Старцы блѣдные съ бѣлой брадой,
Ножъ кремневый въ рукѣ держали.

Возлѣ конунгъ въ коронѣ своей
Предъ алтаремъ суетился.
Чу! средь рощи стукъ мечей
Въ полночь вдругъ пробудился.

„Бьёрнъ, на стражѣ стань къ дверямъ,
Пойманнымъ нѣтъ защиты!
Кто захочетъ иль вонъ, иль въ храмъ,
Черепъ тому раздвои ты.“

Блѣденъ сталъ конунгъ; голосъ тотъ
Онъ узналъ мгновенно;
Съ гнѣвомъ Фритьофъ ступилъ впередъ,
Бурей пѣлъ разъяренной:

„Дань я, какъ повелѣлъ ты мнѣ,
Взялъ на дальней пучинѣ;
Но на смерть, при священномъ огнѣ,
Здѣсь сразимся мы нынѣ.

Щитъ за плечи, наголо грудь!
Честно приступимъ къ бою.
Ты, какъ конунгъ, начнешь; не забудь —
Очередь послѣ за мною.

Я лису изловилъ въ норѣ!
Въ дверь что впился ты глазами?
Вспомни о Фра́мнесѣ, да о сестрѣ
Юной, съ златыми курдями.“

Такъ сказавъ, кошелекъ онъ свой
Изъ-за пояса вынулъ,
И, взмахнувши грозно рукой,
Гелгу въ лицо его кинулъ.

Хлынула кровь изъ устъ ручьемъ,
Мглой покрылось око;
Палъ въ безпамятствѣ предъ алтаремъ
Асовъ внукъ высокій.

„Золота снесть не могъ своего
Первый трусъ всего края!
Стыдно бъ мнѣ было меча моего,
Если бъ сразилъ имъ тебя я.

Тише, мѣсяца блѣдны князья,
Вы, жрецы съ ножами!
Крови жаждетъ сталь моя:
Чтобъ не прельстилась вами!

Бѣлый Бальдеръ! гнѣвъ укроти,
Что твой взоръ такъ страшенъ?
Ты запястьемъ — позволь донести —
Краденымъ вѣдь украшенъ!

Смѣю думать, не для тебя
Богъ сковалъ то запястье;
Сила взяла его, дѣву губя:
Прочь твой даръ, самовластье!“ —

Онъ рванулъ, но сразу не могъ
Снять кольцо дорогое;
Какъ снялось оно, гнѣвный богъ
Вьергся въ пламя святое.

Чу! затрещало: огонь стремитъ
Въ крышу зубцы золотые;

Смертной блѣдностью Бьёрнъ покрытъ,
Фритьофъ трепещетъ впервые:

„Настежь дверь! выпускать людей!
Стражи болѣ не нужно;
Храмъ пылаетъ: воды скорѣй!
Море на своды! дружно!“

И мгновенно берегъ и храмъ
Цѣпь народа связала;
Заходила волна по рукамъ,
Въ пламя, шипя, ударяла.

Фритьофъ съ брусьевъ, какъ богъ дождя,
Льетъ потоками воду;
Знойнымъ смертямъ въ лицо глядя,
Повелѣваетъ народу.

Тщетно все! огонь превозмогъ;
Тучами дымъ клубится;
Золото каплетъ на жаркій песокъ
И серебро струится.

Нѣтъ спасенья! изъ храма взлетѣлъ
Пѣтелъ, рдяный какъ пламя;
Сѣвъ на маковку кровли, пѣлъ;
Билъ, зловѣщій, крылами.

Утренній вѣтръ подулъ; до небесъ
Хочетъ пожаръ разлиться;
Сухъ отъ зноя Бальдеровъ лѣсъ;
Гладный огонь веселится.

Бѣшено скачетъ онъ по вѣтвямъ,
Жадно вьется вкругъ чащи;
О, какъ страшно сіяетъ тамъ!
Грозенъ Бальдеръ горящій.

Чу! разрываясь, корни трещатъ;
Всѣ верхи потопило!
Противъ рдяныхъ Муспеля чадъ [1])
Что мы съ нашею силой?

Въ рощѣ море огня течетъ,
Валъ безбрежно клубится.

[1]) Огней.

Встало солнце; но въ лонѣ водъ
Бездна лишь пламени зрится.

Скоро въ пепелъ храмъ обращенъ,
Въ пепелъ роща святая;
Фритьофъ оттоль идетъ, огорченъ;
Утро проводитъ, рыдая.

XIV.

Фритіофъ изгнанникъ.

Ночь. Надъ кормой
Сидитъ герой;
Какъ волны въ морѣ,
То гнѣвъ, то горе
Бушуютъ въ немъ;
А дымъ столбомъ
Съ бреговъ клубится;
То храмъ дымится.
„Несися, дымъ,
Къ богамъ святымъ,
И въ ихъ предѣлы
Ворвись, да Бѣлый [1])
Пошлетъ мнѣ месть.
Пожара вѣсть
Громовымъ гласомъ
Пропой ты Асамъ;
Скажи, что храмъ
Я сжегъ, что тамъ
Въ огонь отъ гнѣва
Палъ богъ изъ древа
И сталъ золой,
Какъ лѣсъ иной;
Что роща бога,
Гдѣ шумъ, тревога
Не смѣли жить,
Сгорѣла, — сгнить
Лишилась чести.
Всѣ эти вѣсти,
Придавъ къ инымъ,
Неси ты, дымъ,

[1]) Бальдеръ.

Гонецъ туманный,
Въ предѣлъ желанный,
Чтобъ внять ихъ могъ
Туманный богъ!

„Тебѣ конечно
Быть славнымъ вѣчно,
О конунгъ! ты,
Отъ доброты,
Меня изъ края
Изгналъ, карая.
Итакъ бѣжимъ
Мы къ голубымъ
Странамъ свободы,
Гдѣ хлещутъ воды.
Спѣши, не стой,
Корабль лихой:
На край вселенной
Ты нощно, денно
Средь пѣны водъ
Стреми свой ходъ,
И кровь порою
Носи съ собою.
Надъ мрачнымъ дномъ
Ты будь мой домъ:
Гонитель ярый
Сжегъ домъ мой старый.
Будь сѣверъ мой,
Мой край родной:
Среди другого
Ужъ нѣтъ мнѣ крова.
Невѣстой будь:
На черну грудь
Надѣюсь смѣло:
Нѣтъ прока въ бѣлой. —

„Волна, волна,
Какъ ты вольна!
Какая бъ сила
Тебя стѣснила?
Твой властелинъ
Лишь тотъ одинъ,
Кто, полнъ отваги,
Надъ бездной влаги

Летитъ, презрѣвъ
Твой шумный гнѣвъ.
На синемъ полѣ
Бойцу раздолье:
Тамъ киль, какъ плугъ,
Гуляетъ вкругъ;
Льетъ дождь кровавый
Въ тѣни дубравы [1]),
И сѣетъ мечъ
Посѣвы сѣчъ,
Чтобъ было злато
Съ хвалой пожато.
О, буйный валъ!
Отнынѣ сталъ
Я твой душою,
Да миръ тобою
Мнѣ будетъ данъ!
Отца курганъ
Близъ водъ возвышенъ;
Вседневно слышенъ
Подъ нимъ ихъ стонъ,
И зеленъ онъ.
А я холмъ синій
Средь волнъ пустыни
Найду, и въ немъ
Дотоль кругомъ
Носиться стану,
Пока не кану
Чрезъ глубь на дно.
Ты мнѣ дано
Отчизной было,
И ты жъ могилой
Мнѣ, море, будь. —
Пора мнѣ въ путь!"

Такъ пѣлъ суровый,
И вотъ дубовый
Корабль съ тоской
Камышъ родной
Опять оставилъ,
И ходъ направилъ

[1]) Намекъ на дубовый корабль.

Межъ скалъ крутыхъ,
Досель живыхъ
Залива стражей.
Но мести вражьей
Не дремлетъ глазъ:
Въ тотъ самый часъ
Вслѣдъ за героемъ
Злой Гелгъ со строемъ
Судовъ плыветъ.
Твердитъ народъ:
„Борьба всплываетъ!
Знать, пасть желаетъ
Нашъ властелинъ.
Валгаллы сынъ
Скучаетъ доломъ;
Передъ престоломъ
Одина, знать,
Онъ хочетъ стать."—

Какая жъ сила
Всѣ вдругъ сразила
Его ладьи?
Онѣ пошли
Незапно въ страны
Лукавой Раны,
Въ предѣлы тмы.
Едва съ кормы
Полузалитой
Самъ Гелгъ сердитый
Достигъ земли.
А Бьёрнъ вдали
Межъ тѣмъ смѣялся:
„Хвала! удался
Мой замыслъ мнѣ;
Наединѣ
Я дѣло справилъ:
Всю ночь буравилъ
Я тѣ суда,—
Имъ всѣмъ бѣда!
Я радъ сердечно,
Коль Рана вѣчно
Въ рукахъ своихъ
Удержитъ ихъ;
Но не взятъ ею
Самъ Гелгъ,—жалѣю."

Едва изъ волнъ, —
Досады полнъ
Стоялъ властитель
И, снова мститель,
Свой лукъ у скалъ
Ужъ напрягалъ.
Онъ самъ не знаетъ,
Какъ напрягаетъ:
Со звономъ вдругъ
Сломился лукъ
Передъ владыкой.
Взмахнувъ своей
Тутъ Фритьофъ пикой,
Сказалъ: „Я въ ней
Орла смертей
Ношу съ собою;
Когда бы мною
Онъ пущенъ былъ,
Не долго бъ жилъ
Мой врагъ державный,
Насильемъ славный.
Но знай: мое
Не пьетъ копье
Кровь трусовъ злобныхъ;
Не для подобныхъ
Мнѣ дѣлъ оно,
Повѣрь, дано.
Его достоинъ
Лишь истый воинъ,
Не тотъ, кого —
За всѣ его
Дѣянья черны —
Ждетъ столбъ позорный
Въ моряхъ плохи
Дѣла твои;
Но чтобъ на сушѣ
Не стало хуже!
Ржа ломитъ сталь,
Не ты! Я вдаль
Теперь пущуся;
Гляди: я мчуся
Навѣкъ отсель.
Не здѣсь мнѣ цѣль.“

И двое вёселъ
Схвативъ (межъ сосенъ
Гудбрандовъ долъ
Ихъ произвелъ),
Сталъ гресть онъ силясь,
И вдругъ сломились
Тѣ два весла,
Какъ бы стрѣла
Камышевая
Иль сталь дурная.

День новый всталъ
Надъ цѣпью скалъ,
И вѣтръ, поючи,
Ужъ гонитъ тучи;
Опять свѣтла
И весела,
Волна рѣзвится;
Эллида мчится
По лону водъ;
Пловецъ поетъ:

„О мощный Сѣверъ,
Чело земли!
Покинуть долженъ
Я твой предѣлъ.
Горжусь рожденьемъ
Средь чадъ твоихъ.
Страна героевъ,
Прости, прости!

Прости, высокій
Валгаллы тронъ,
Ночное солнце,
Ты, око мглы!
Сводъ неба, свѣтлый
Въ звѣздахъ своихъ,
Какъ духъ героя,
Прости, прости!

Простите, скалы,
Вы, Славы сѣнь,
Скрижали Тора,
Отца громовъ!

Давно знакомыхъ
Озеръ краса,
Зубчатый берегъ,
Прости, прости!

Простите, холмы
У синихъ водъ,
Гдѣ липы сыплютъ
Душистый снѣгъ!
Пріютъ отшедшихъ,
Гдѣ правый судъ
Творитъ имъ Сага,
Прости, прости!

Простите, рощи,
Гдѣ столько разъ
При шумѣ токовъ
Рѣзвился я!
И всѣ, кѣмъ въ дѣтствѣ
Я былъ любимъ,
И вамъ твержу я:
Прости, прости!

Любовь презрѣли
И домъ сожгли,
Затмили славу,
Бѣжать велятъ!
Пріемлетъ море
Сиротъ земли;
Но, жизни радость,
Прости, прости!"

XV.

Уставъ Викинга.

Онъ скитался вокругъ по пустыннымъ морямъ;
онъ носился какъ соколъ ловца.
И дружинѣ своей начерталъ онъ уставъ:
разсказать ли законы пловца?

„Ни шатровъ на судахъ, ни ночлега въ домахъ:
супостатъ за дверьми стережётъ;
Спать на ратномъ щитѣ, мечъ булатный въ рукѣ,
а шатромъ — голубой небосводъ.

„Какъ у Фрея, лишь въ локоть будь мечъ у тебя;
малъ у Тора громящаго млатъ.
Есть отвага въ груди, — ко врагу подойди —
и не будетъ коротокъ булатъ.

„Какъ взыграетъ гроза, подыми паруса:
подъ грозою душѣ веселѣй.
Пусть гремитъ, пусть реветъ: трусъ — кто парусъ совьетъ;
чѣмъ быть трусомъ, погибни скорѣй.

„Чти на сушѣ миръ дѣвъ, на судахъ нѣтъ имъ мѣстъ:
будь то Фрея, бѣги отъ красы.
Ямки розовыхъ щекъ всѣхъ обманчивѣй рвовъ,
и какъ сѣти — шелковы власы.

„Самъ Одинъ пьетъ вино, и похмѣлье не зло:
лишь храни надъ собою ты власть:
Надъ землею упавъ, ты подымешься здравъ;
здѣсь же къ Ранѣ страшися упасть.

„Ты купца, на пути повстрѣчавъ, защити;
но возьми съ него должную дань.
Ты владыка морей, онъ же прибыли рабъ:
благороднѣйшій промыселъ — брань.

„Ты по жребью добро на помостѣ дѣли,
и на жребій не жалуйся свой;
Самъ же конунгъ морской не вступаетъ въ дѣлежъ:
онъ доволенъ и честью одной.

„Но вотъ викингъ плыветъ: нападай и рубись;
подъ щитами потѣха бойцамъ;
Кто отстанетъ на шагъ, тотъ не нашъ: вотъ законъ;
поступай какъ ты вѣдаешь самъ.

„Побѣдивъ, укротись: кто о мирѣ просилъ,
тотъ не врагъ уже болѣ тебѣ.
Дочь Валгаллы мольба; ты дрожащей внимай;
тотъ презрѣнъ, кто откажетъ мольбѣ.

„Рана — прибыль твоя: на груди, на челѣ
то прямая украса мужамъ:
Ты чрезъ сутки, не прежде, ее повяжи,
если хочешь собратомъ быть намъ."

*

То вождя былъ наказъ, и отъ часа на часъ
росъ онъ въ славѣ на чуждыхъ брегахъ,
И подобныхъ себѣ не встрѣчалъ онъ въ борьбѣ;
его людямъ невѣдомъ былъ страхъ.

Самъ онъ мраченъ сидѣлъ у кормы, и глядѣлъ
на пустыню безбрежную водъ:
„Глубина, глубина! не въ тебѣ ль тишина?
здѣсь подъ солнцемъ она не живётъ.

Если Бѣлаго гнѣвъ я навлекъ на себя,
пусть мечомъ его буду сраженъ!
Нѣтъ, онъ въ тучахъ сидитъ и заботы мнѣ шлетъ,
и печалью мой духъ омраченъ.“ —

Но предъ сѣчей въ немъ вдругъ окрыляется духъ;
какъ орелъ пробужденный, паритъ;
И гремитъ его гласъ, и сіяетъ чело,
и какъ Торъ онъ ужасенъ стоитъ.

Отъ побѣды къ побѣдѣ носился герой,
на моряхъ зналъ одни торжества,
И на югѣ доплылъ онъ до Греческихъ водъ,
и явились предъ нимъ острова.

Что онъ думалъ при видѣ дубравъ вѣковыхъ
и божницъ ихъ, поникшихъ къ зыбямъ, —
То извѣстно лишь Фреѣ, и скальду, и вамъ
то извѣстно, вамъ, любящимъ, вамъ!

„Здѣсь бы жили мы: здѣсь острова и сады,
гдѣ родитель бывалъ въ старину;
Я сюда, я сюда ее звалъ, но она
не хотѣла въ чужую страну.

О минувшемъ твердятъ здѣсь развалины, миръ
процвѣтаетъ подъ сѣнью деревъ;
Здѣсь журчанье потоковъ какъ шопотъ любви,
гласъ пернатыхъ какъ брачный напѣвъ.

Но гдѣ ты, Ингеборга? все ль помнишь меня,
сѣдовласаго мужа любя?
Ахъ, я вѣренъ тебѣ... я бъ далъ жизнь, чтобъ взглянуть,
чтобы только взглянуть на тебя.

Ужъ три года прошло съ той поры, какъ свой край
я покинулъ: то Саги престолъ!
Все ли гордыя скалы стоятъ въ вышинѣ?
все ли зеленъ отеческій долъ?

Тамъ я липу надъ прахомъ отца посадилъ:
все ль цвѣтетъ она съ прежней красой?
Кто призрѣлъ деревцо? ты питай его, долъ;
небеса, вы кропите росой!

Но зачѣмъ же мнѣ на морѣ медлить еще
и враждебно людей убивать?
Мнѣ ужъ славы довольно, а золота блескъ
я привыкъ отъ души презирать.

Ты, мой флагъ мачтовой, все на сѣверъ манишь,
а на сѣверѣ край дорогой;
Полечу жъ за вѣтрами небесными вслѣдъ,
поплыву я на сѣверъ родной."

XVI.

Фритіофъ и Бьернъ.

Фритіофъ.

Бьёрнъ, мнѣ наскучило наше житье,
Я разлюбилъ уже волны морскія;
Милаго сѣвера скалы крутыя,
О, какъ влечете вы сердце мое!
Счастливъ, кто съ родиной не былъ въ раздорѣ,
Не былъ отверженъ отъ отчихъ могилъ:
Ахъ, безъ пріюта на яростномъ морѣ
Я ужъ довольно, довольно бродилъ!

Бьёрнъ.

Нѣтъ, ты напрасно не сѣтуй на море:
Радость, свобода живутъ на волнѣ;
Нѣги лѣнивой не знаютъ онѣ,
Любятъ съ волною гулять на просторѣ.
Вотъ состарѣюсь, — къ цвѣтущей землѣ
Я прирocту какъ трава; но дотолѣ
Жить я хочу на родномъ караблѣ,
Ратовать, пить, веселиться на волѣ.

ФРИТІОФЪ.

Къ берегу льдами прикованы мы,
Мертвыми сжаты отвсюду волнами;
Здѣсь не намѣренъ я между скалами
Тратить въ уныніи долгой зимы.
У Ингеборги, у Ринга сѣдого
Разъ еще гостемъ хочу пировать;
Свѣтлыя кудри увижу я снова,
Сладостный голосъ услышу опять.

БЬЁРНЪ.

Понялъ я: Рингу ты дать замышляешь
Мести воителя добрый урокъ;
Въ полночь зажжемъ у него мы чертогъ:
Гибнетъ старикъ, ты жену похищаешь.
Или, какъ истинный викингъ, вражду
Единоборствомъ рѣшить ты намѣренъ,
Или потребуешь битвы на льду:
Что ни затѣешь, во мнѣ будь увѣренъ.

ФРИТІОФЪ.

Нѣтъ, не хочу ни войны, ни огня!
Съ миромъ вступлю я къ супругамъ въ палаты;
Мукамъ моимъ не они виноваты:
Мстящіе боги караютъ меня.
Мнѣ ль обольщаться надеждой земною?
Я съ Ингеборгою только прощусь,
Ахъ, и прощуся навѣки!.. весною,
Иль еще прежде, я къ вамъ возвращусь.

БЬЁРНЪ.

Фритьофъ, дивлюсь твоему ослѣпленью:
Стóитъ ли женщина вздоховъ такихъ?
Эта измѣнитъ — есть сотни другихъ;
Счету имъ нѣтъ на землѣ, къ сожалѣнью!
Хочешь ли ты, чтобъ тебѣ я привезъ
Цѣлую клажу красавицъ изъ юга, —
Тише овечекъ, румянѣе розъ?
Мы въ дѣлежѣ не обидимъ другъ друга.

Фритіофъ.

Бьёрнъ, откровененъ ты, веселъ какъ Фрей,
Мудръ въ совѣщаньяхъ, въ бояхъ безъ укора:
Знаешь Одина ты, знаешь и Тора, —
Фрея душѣ незнакома твоей.
Въ споръ о богахъ не вступаю; но грозно
Фрея караетъ насъ, бывъ презрѣна;
Спитъ ея искра, но рано иль поздно
Въ богѣ и въ смертномъ проснуться должна.

Бьёрнъ.

Къ Рингу одинъ не ходи ты: опасно!

Фритіофъ.

Мечъ мой со мною — насъ двое всегда.

Бьёрнъ.

Помнишь, какъ Гагбартъ [1]) повѣшенъ былъ?

Фритіофъ.

Да!
Кто поддался, тотъ казненъ не напрасно.

Бьёрнъ.

Если погибнешь, товарищъ, то знай:
Рѣжу орла я, злодѣю въ отмщенье [2]).

Фритіофъ.

Нѣтъ въ томъ нужды: пѣтуховъ ему пѣнье
Слышать не долѣ меня. — Прощай!

XVII.

Фритіофъ приходитъ къ конунгу Рингу.

Въ пиру на первомъ мѣстѣ пилъ конунгъ медъ. Была
Съ нимъ вмѣстѣ Ингеборга, румяна и бѣла.

[1]) Герой, котораго приключенія и любовь къ Сигнѣ составляютъ предметъ одного изъ извѣстнѣйшихъ преданій скандинавскаго сѣвера.

[2]) Родъ кроваваго мщенья. См. Очеркъ быта и проч., стр. 741.

Они сидѣли рядомъ, какъ осень и весна,
И осенью былъ конунгъ, весной — его жена.

Вдругъ старецъ незнакомый является въ чертогъ.
Покрытъ медвѣжьей кожей отъ темени до ногъ,
Онъ съ нищенской клюкою согнувшися ходилъ;
Но все еще въ палатѣ онъ выше прочихъ былъ.

Онъ сѣлъ у самой двери: какъ было искони,
Туда бѣднякъ садится еще и въ наши дни.
Придворные съ усмѣшкой другъ на друга глядятъ,
Указывая пальцемъ на странничій нарядъ.

Какъ молнія сверкнули глаза у пришлеца;
Одной рукой поспѣшно схватилъ онъ молодца
И ловко вверхъ ногами поставилъ предъ вельможъ;
Мгновенно всѣ умолкли: мы сдѣлали бы то жъ.

„Что тамъ за шумъ? кто смѣетъ здѣсь миръ мой возмущать?
Поди сюда, ты, старый; изволь мнѣ отвѣчать:
Кто ты? зачѣмъ явился? откуда?“ такъ въ пылу
Воскликнулъ конунгъ старцу, сидѣвшему въ углу.

„Вопросовъ много, конунгъ; изволь, отвѣчу я.
Оставь мое ты имя: то собственность моя.
Въ Уныніи я вскормленъ, Нуждой мой домъ зовутъ;
Пришелъ же я отъ Волка: мнѣ онъ давалъ пріютъ.

Бывало, на драконѣ я плавалъ далеко:
На мощныхъ крыльяхъ мчался онъ быстро и легко.
Теперь къ землѣ примерзъ онъ, не встать ему оттоль;
Я самъ ужъ старъ, и хилый варю у моря соль.

Меня привлекъ твой разумъ: повсюду славенъ онъ.
Мнѣ вздумали смѣяться; я къ смѣху не рождёнъ;
Глупца за грудь схватилъ я и вздумалъ кувыркнуть,
Но всталъ онъ цѣлъ: ты, конунгъ, вину мою забудь!“ —

„Ты складно“, Рингъ замѣтилъ, „умѣешь говорить.
Сядь съ нами здѣсь, вотъ мѣсто: привыкъ я старцевъ чтить.
Да сбрось нарядъ ты этотъ, явись каковъ ты самъ;
Личина — врагъ веселью, веселье нужно намъ“.

И съ гостя мѣхъ косматый спадаетъ въ тотъ же мигъ;
Всѣ видятъ съ изумленьемъ: сталъ юношей старикъ,
И свѣтлыхъ кудрей волны, какъ золота струи,
Съ чела его роскошно къ крутымъ плечамъ текли.

И въ мантіи онъ синей изъ бархата стоялъ;
На ней широкій поясъ серебряный сіялъ;
Украшенный богато старинною рѣзьбой:
Вкругъ стана молодого звѣрей тянулся рой.

Рука златымъ запястьемъ украшена была,
А грозный мечъ свѣтился какъ молніи стрѣла.
Воитель по чертогу водилъ спокойный взоръ,
Прекрасенъ будто Бальдеръ, могущественъ какъ Торъ.

У Ингеборги вспыхнулъ румянецъ на щекахъ;
Такъ сѣвернымъ сіяньемъ пылаетъ снѣгъ въ поляхъ;
Вздыматься стали перси, какъ бурною порой
Двѣ лиліи рѣчныя качаются съ волной.

Вдругъ рогъ трубитъ въ чертогѣ (то клятвъ была пора);
Все стихло; вносятъ вепря на блюдѣ изъ сребра.
Закланный въ жертву Фрею, колѣна онъ сгибалъ;
Вкругъ плечъ вѣнки; въ зубахъ же онъ яблоко держалъ.

Торжественно всталъ конунгъ въ красѣ сѣдыхъ волосъ,
И руку возложивши на вепря, произнесъ:
„Клянусь: хоть страшенъ Фритьофъ, я верхъ надъ нимъ возьму;
Да Фрей и Торъ съ Одиномъ дадутъ мнѣ силъ къ тому!“

Тогда и гость съ усмѣшкой презрительной возсталъ.
И на челѣ высокомъ лучъ гнѣва заблисталъ.
Онъ въ столъ мечомъ ударилъ, и звонъ раздался вкругъ.
И всѣ бойцы съ дубовыхъ скамей вспрыгнули вдругъ.

„Теперь, великій конунгъ, услышь и мой обѣтъ:
Съ родни мнѣ юный Фритьофъ, онъ другъ мой съ дѣтскихъ лѣтъ.
Клянусь: я вѣчно буду защитникомъ ему;
Да мечъ мой вмѣстѣ съ Норной подастъ мнѣ силъ къ тому!“

Тогда съ улыбкой конунгъ сказалъ: „твой смѣлъ языкъ;
Но рѣчь вольна въ чертогахъ у сѣверныхъ владыкъ;
Жена, попотчуй гостя вкуснѣйшимъ ты виномъ;
Надѣюсь, съ незнакомцемъ мы зиму проведемъ“.

И турій рогъ женою красавицей подъятъ.
Оправленный изящно, онъ чуденъ былъ на взглядъ:
Серебряныя ножки, рядъ колецъ золотыхъ,
И много начертаній и рунъ о дняхъ былыхъ.

Потупя взоры, гостю даетъ она вино,
Трепещетъ, и плеснуло ей на руку оно.

Какъ блескъ вечерній пышитъ на лиліяхъ порой,
Горѣли темны капли надъ бѣлою рукой.

И гость, взявъ рогъ, съ улыбкой поднесъ его къ устамъ.
Въ нашъ вѣкъ не осушить бы его и двумъ мужамъ:
Но мощный не запнулся, и весь въ одинъ глотокъ,
Прекрасной въ угожденье, онъ осушилъ тотъ рогъ.

И скальдъ тогда взялъ арфу (онъ съ ними же сидѣлъ)
И сѣверную пѣсню восторженно запѣлъ
О Гагбартѣ и Сигнѣ; отъ голоса пѣвца
Подъ бронями замлѣли желѣзныя сердца.

Сталъ пѣть онъ о Валгаллѣ, о мздѣ за смерть въ бояхъ;
О подвигахъ Норманновъ на сушѣ и въ моряхъ.
За мечъ бойцы хватались, и взоръ у нихъ сверкалъ,
И прежняго быстрѣе кругомъ ходилъ бокалъ.

Усердно пили гости, и каждый, пиру въ честь,
Отрадное похмелье хотѣлъ съ собой унесть.
Потомъ всѣ разошлися безъ горя на покой;
Почилъ и старый конунгъ съ прекрасною женой.

XVIII.

Поѣздка по льду.

На пиршество Рингъ Ингеборгу везетъ;
Надъ моремъ какъ зеркало свѣтится ледъ.

„Не ѣздите по льду", пришлецъ говоритъ:
Трещитъ онъ, холодную баню сулитъ." —

„Не конунгу", Рингъ отвѣчаетъ, „тонуть:
Для робкихъ же есть безопаснѣйшій путь".

Жаръ гнѣва глаза незнакомца зажегъ,
Поспѣшно къ ногѣ прицѣпилъ онъ конекъ.

Вотъ весело ринулся пущенный конь,
И ноздри раздулъ онъ, и мещетъ огонь.

„Впередъ, прытконогій бѣгунъ мой, впередъ!
Увидимъ, ведешь ли отъ Слейпнера [1]) родъ".

[1]) Восьминогаго коня Одина.

Летитъ онъ быстрѣе порывистыхъ вьюгъ,
Молящей супругѣ не внемлетъ супругъ.

На мѣстѣ и витязь межъ тѣмъ не стоитъ:
То рядомъ съ санями, то мимо летитъ.

Онъ руны конькомъ вырѣзаетъ стальнымъ,
Дочь Бела надъ именемъ ѣдетъ своимъ.

Такъ мчатся всѣ трое зеркальнымъ путемъ,
А Рана лукаво сидитъ подо льдомъ.

Серебряный кровъ свой пробила она:
Зіяетъ уже подъ саньми глубина.

Смертельно блѣднѣетъ красавицы ликъ,
Но вотъ ихъ, какъ вихрь, незнакомецъ настигъ.

И въ ледъ онъ конекъ свой мгновенно вонзилъ,
И быстро за гриву коня захватилъ.

Тогда отскочивъ, безъ усилья изъ водъ
Онъ сани извлекъ и поставилъ на ледъ.

„Твой подвигъ прославлю я“, конунгъ сказалъ:
„Самъ Фритьофъ бы мощный гордиться имъ сталъ“.

Тогда, повернувъ, понеслися домой;
У Ринга всю зиму жилъ гостемъ герой.

XIX.

Искушеніе Фритіофа.

Ужъ весна: щебечутъ птицы, блещетъ день, луга цвѣтутъ;
Рѣки, вырвавшись на волю, къ морю съ пѣснями бѣгутъ.
Роза, алая какъ Фрея, ужъ изъ почки смотритъ вновь;
Въ смертномъ радость пробудилась и отвага и любовь.

Старый конунгъ съ Ингеборгой собрался на ловлю въ боръ,
И въ нарядахъ разноцвѣтныхъ вкругъ него толпится дворъ.
Шумъ: гремятъ колчаны, луки; кони ржутъ, вздымая прахъ;
Соколы кричатъ и рвутся съ колпачками на глазахъ.

Вотъ сама царица лова! Бѣдный Фритьофъ, не гляди!
Какъ звѣзда она сіяетъ на богатой лошади.

Это Фрея, это Рота [1]), но еще прекраснѣй ихъ;
На главѣ уборъ пурпурный съ связкой перьевъ голубыхъ.

Не гляди на свѣтлы очи, не смотри на блескъ кудрей!
Дальше! станъ ея такъ строенъ, перси такъ полны у ней.
Не любуйся на лилеи и на розы этихъ щекъ,
Не лови ты звуковъ сладкихъ будто вешній вѣтерокъ.

Собралась ватага: дружно! черезъ горы, черезъ долъ!
Рогъ трубитъ; къ стѣнамъ Одина подымается соколъ.
Встрепенулись дѣти лѣса; звѣрь бѣжитъ въ свое жилье,
А Валкирія за звѣремъ, потрясаючи копье.

Старый Рингъ не поспѣваетъ за толпою удалыхъ;
На конѣ, съ нимъ рядомъ, Фритьофъ ѣдетъ сумраченъ и тихъ.
Въ удалой груди тѣснится много грустныхъ, черныхъ думъ:
Ихъ веселье не разгонитъ, заглушить не можетъ шумъ.

„О, зачѣмъ я бросилъ море? слѣпо шелъ на встрѣчу бѣдъ?
Море черныхъ думъ не терпитъ: дунетъ вѣтръ, и ихъ ужъ нѣтъ.
Грустно ль викингу, опасность подаетъ къ тревогѣ знакъ,
И оружія сверканье разгоняетъ сердца мракъ.

Здѣсь не то: увы! какъ сонный я блуждаю, и крыло
Несказаннаго желанья облегаетъ мнѣ чело.
Все храмъ Бальдера я вижу, все обѣтомъ я смущенъ,
Даннымъ дѣвой: онъ не ею, онъ богами нарушенъ.

Боги родъ нашъ ненавидятъ, счастьемъ гнѣвъ ихъ будимъ мы;
Боги цвѣтъ мой посадили въ лоно мрачное зимы.
Что зимѣ въ прекрасной розѣ? для зимы ль она цвѣтетъ?
Хлада мертвое дыханье одѣваетъ розу въ ледъ!“

Такъ роопталъ онъ. Вотъ дорога ихъ приводитъ въ долъ глухой.
Мрачный, стиснутый горами, осѣненными сосной.
Рингъ сошелъ съ коня и молвилъ: „Вотъ пріютный уголокъ!
Я усталъ, мнѣ нуженъ отдыхъ; дай, приляжемъ на часокъ“. —

„Не уснуть тебѣ здѣсь, конунгъ, здѣсь жестка, сыра постель;
Возвратимся: до чертога недалеко намъ отсель.“ —
„Боги сходятъ къ намъ нежданно; такъ и сонъ,“ прервалъ старикъ:
„Иль хозяинъ передъ гостемъ не дерзнетъ уснуть на мигъ?“

Фритьофъ плащъ свой тутъ снимаетъ, разстилаетъ на траву,
И къ его колѣну конунгъ клонитъ бѣлую главу.

[1]) Одна изъ Валкирій.

Тихо спитъ онъ, какъ по битвѣ спятъ герои на щитахъ,
Безмятежно, какъ младенецъ у родимой на рукахъ.

Чу! вотъ пѣсня черной птицы раздалась изъ-за вѣтвей:
„Фритьофъ, кончи споръ давнишній, старца спящаго убей.
Ты возьмешь вдову; невѣста вновь обниметъ жениха;
Люди здѣсь тебя не видятъ, а могилы сѣнь тиха.“

Фритьофъ слушаетъ; чу! пѣсня бѣлой птицы раздалась:
„Люди здѣсь тебя не видятъ, но вездѣ Одина глазъ.
Ты бы спящаго зарѣзалъ? безоружнаго бъ убилъ?
Что ни взялъ бы ты злодѣйствомъ, только бъ славы не добылъ!“

Смолкло въ чащѣ; вотъ подъемлетъ Фритьофъ мечъ свой боевой,
И его въ смятеньи мещетъ далеко во мракъ лѣсной.
Птица черная безмолвно въ грозный Настрандъ [1]) унеслась,
А другая съ громкой пѣснью — къ солнцу, будто арфы гласъ.

И не спитъ ужъ старый конунгъ: „Какъ прекрасенъ былъ мой сонъ!
Сладко дремлетъ, кто оружьемъ богатырскимъ охранёнъ.
Но скажи, о незнакомецъ, гдѣ же мечъ твой, молній братъ?
Кто разрознилъ неразлучныхъ? кто похитилъ твой булатъ?“ —

„Что нужды?“ сказалъ воитель: „тьма на сѣверѣ мечей:
Золъ языкъ меча, не знаетъ онъ мирительныхъ рѣчей.
Духи водятся въ булатѣ, духи сумрачныхъ краевъ:
Сна не чтутъ они, ихъ манитъ блескъ серебряныхъ власовъ.“ —

„Знай же, юноша: не спалъ я, испытаньемъ было то;
Неиспытаннымъ ни мужу, ни мечу не вѣрь никто.
Фритьофъ — ты; тебя узналъ я, лишь въ чертогъ мой ты вступилъ.
Старый Рингъ давно ужъ вѣдалъ то, что хитрый гость таилъ;

Безыменнымъ, подъ личиной ты зачѣмъ пришелъ въ мой домъ?
Не затѣмъ ли, чтобъ невѣсту взять у дряхлаго тайкомъ?
Честь въ пиру гостепріимномъ безыменно не сидитъ;
Свѣтелъ щитъ ея какъ солнце, ясный ликъ ея открытъ.

Сѣверъ ужасомъ народовъ и боговъ тебя нарекъ:
Храбро копья преломлялъ ты, дерзновенно храмы жегъ.
Съ боевымъ щитомъ, я думалъ, будетъ онъ въ моей странѣ;
Чтожъ? какъ нищій, ты съ клюкою вкрался въ рубищѣ ко мнѣ.

Что ты взоры потупляешь? не всегда и я былъ старъ;
Наша жизнь есть битва; юность — то берсерка бранный жаръ;

[1]) Жилище мертвецовъ.

Ей тѣснимой быть щитами до утраты дикихъ силъ;
Ты испытанъ, ты оправданъ, я смягчился, я простилъ.

„Сѣдъ я, видишь: скоро, скоро подъ курганомъ буду я;
Ты тогда возьми и край мой и жену: она твоя.
Будь дотолѣ нашимъ гостемъ: я — второй тебѣ отецъ:
Безъ меча, ты — мой защитникъ; нашей давней прѣ конецъ." —

„Не какъ воръ пришелъ я," мрачно молвилъ Фритьофъ: „еслибъ взять
Захотѣлъ я Ингеборгу, кто бы могъ мнѣ помѣшать?
Ахъ! въ послѣдній разъ взглянуть лишь на невѣсту я желалъ:
О, безумецъ! снова пламень погасавшій запылалъ.

Конунгъ, прочь пора: довольно я гостилъ въ твоемъ краю;
Гнѣвъ боговъ непримиримыхъ тяготитъ главу мою.
Свѣтловласый, кроткій Бальдеръ — покровитель всѣмъ живымъ;
Онъ меня лишь ненавидитъ, я одинъ отринутъ имъ!

Да, я сжегъ его божницу; Волкомъ храма прозванъ я;
Какъ мое раздастся имя, плачетъ рѣзвое дитя,
Пиръ веселый умолкаетъ; проклятъ я въ краю родномъ;
Мнѣ въ странѣ отцовъ нѣтъ мира, мира нѣтъ въ себѣ самомъ.

И на всей землѣ нѣтъ мѣста, гдѣ бъ я могъ найти пріютъ;
Подъ ногами прахъ пылаетъ, рощи тѣни не даютъ.
Ингеборгу я утратилъ, дѣву отнялъ Рингъ сѣдой;
Солнце дней моихъ погасло, вкругъ меня лишь мракъ густой.

Прочь же, прочь къ зыбямъ родимымъ! Встань, драконъ мой добрый! въ путь!
Рѣзво ты въ соленой влагѣ вновь купай крутую грудь;
Подыми ты крылья къ тучамъ, разсѣкай шипя струи,
И доколѣ свѣтятъ звѣзды, а валы несутъ, — плыви!

Дай услышать голосъ грома, дай услышать бури вой!
Лишь среди тревогъ и шума у меня въ душѣ покой.
Стрѣлы свищутъ! въ морѣ битва! тамъ я весело паду,
И очищенъ ко Владыкамъ примиреннымъ отойду!"

XX.

Смерть Конунга Ринга.

Конь златогривый
Вновь извлекаетъ
Вешнее солнце изъ лона зыбей.

Утра игривый
Лучъ освѣщаетъ
Храмину Ринга: вотъ стукъ у дверей.

Фритьофъ печальный
Въ теремъ вступаетъ:
Блѣденъ тамъ Рингъ съ Ингеборгой сидитъ.
Пѣснью прощальной
Гость оглашаетъ
Тихую сѣнь; его голосъ дрожитъ:

„Хочетъ свободы
Конь мой крылатый,
Рвется отъ берега конь мой морской.
Зыблются воды;
Время палаты
Друга покинуть и край дорогой.

Снова прими ты
Нынѣ запястье,
О Ингеборга! все то же оно!
Даръ сей храни ты
Въ горѣ и въ счастьи:
Намъ разлучиться навѣки должно.

Сѣвера черный
Дымъ уже болѣ
Взоровъ моихъ не плѣнитъ въ вышинѣ.
Властвуютъ Норны,
Люди въ неволѣ;
Море пусть будетъ могилою мнѣ.

Рингъ, не ходи ты
Къ морю съ женою,
Въ ночь при сіяніи звѣздъ не ходи!
Къ брегу прибитый
Бурной волною
Фритьофа трупъ вы могли бы найти."

Рингъ отвѣчаетъ:
„Мужа роптанье
Горько мнѣ слышать; то дѣвичій стонъ!
Въ слухъ мой влетаетъ
Смерти призванье:
Чтожъ? кто родился, на смерть осуждёнъ.

Норнъ приговору, —
Какъ ни стенаемъ,
Какъ ни упорствуемъ, — мы подлежимъ
Я Ингеборгу
Дамъ тебѣ съ краемъ:
Опекуномъ будь надъ сыномъ моимъ!

Веселъ съ друзьями
Былъ я въ четрогѣ,
Миръ золотой почитать я умѣлъ.
Но предъ мечами
Въ бранной тревогѣ,
Въ морѣ ль, на сушѣ ли, я не блѣднѣлъ.

Пикой чертиться
Время приспѣло:
Конунгу срамъ на одрѣ угасать.
Кровью покрыться
Трудное ль дѣло?
Такъ же какъ жить, намъ легко умирать?“ —

И вырѣзаетъ
Руны Одина
Онъ глубоко на груди, на рукахъ.
Дивно блистаетъ
У властелина
Кровь на серебряныхъ лона власахъ.

„Рогъ принесите!
Вѣчно будь въ славѣ,
Сѣверъ державный! мы въ честь тебѣ пьемъ.
Зрѣлостью въ житѣ,
Строгостью въ правѣ
Я дорожилъ, какъ и мирнымъ трудомъ.

Тщетно съ краями
Конунговъ дикихъ
Мира искалъ я, далече онъ былъ.
Передъ стопами
Асовъ великихъ
Ждетъ меня кроткое чадо могилъ [1]).

[1]) Миръ.

Къ вамъ я, о боги!
Прахъ исчезаетъ;
Къ пиру зоветъ меня рогъ громовой
Въ ваши чертоги.
Гостя вѣнчаетъ
Вѣчная радость, какъ шлемъ золотой."

Кончилъ — и руку
Сжалъ Ингеборгѣ.
Очи смежая, онъ руку пожалъ
Сыну и другу.
Вздохъ — и въ восторгѣ
Царственный духъ къ небесамъ возлеталъ.

XXI.

Погребальная пѣснь Рингу.

Дремлетъ въ могилѣ
Вождь знаменитый;
Щитъ передъ грудью,
Мечъ у бедра.
Конь его добрый
Ржетъ подъ курганомъ
Свѣтлымъ копытомъ
Стѣну скребетъ.

Мчится могучій
Рингъ по Бифросту [1]);
Гнется подъ грузомъ
Выпуклый мостъ.
Вотъ распахнулись
Двери Валгаллы;
Асы пришельцу
Длань подаютъ.

Тора не видно:
Грозный воюетъ.
Кубокъ Вальфадеръ
Внесть повелѣлъ.
Фрей вьетъ въ корону
Ринга колосья,

[1]) Имя небеснаго моста.

Фригга вплетаетъ
Въ нихъ васильки.

Брагъ въ золотыя
Струны ударилъ,
Сладостно льется
Тихая пѣснь.
Внемля, пылаетъ
Страстная Фрея,
Бѣлыя перси
Клонитъ къ столу.

Мечъ не устанетъ
Пѣть на шеломахъ,
Вѣчно кровавы
Въ морѣ валы.
Сила, богами
Данная смертнымъ,
Щитъ изгрызаетъ,
Будто берсеркъ.

Вотъ почему намъ
Дорогъ былъ конунгъ,
Миръ охранявшій
Крѣпкимъ щитомъ.
Силы разумной
Образъ прекрасный,
Жертвеннымъ дымомъ
Онъ воспарилъ.

Сидя въ чертогѣ
Саги, Вальфадеръ
Мудро бесѣду
Съ нею ведетъ.
Такъ раздавались
Конунга рѣчи,
Свѣтлы какъ струи
Мимера водъ.

Богъ правосудья
Распри рѣшаетъ
Тамъ, гдѣ источникъ
Урды [1]) шумитъ.

[1]) Урда — одна изъ Норнъ, олицетворяющая прошлое.

Такъ же и конунгъ
Кроткій рѣшалъ ихъ;
Месть подавала
Руку на миръ.

Конунгъ не вѣдалъ
Скупости, — сыпалъ
Дневный свѣтъ карловъ [1]),
Зміевъ сталъ одръ.
Щедро даянье
Длань расточала,
Съ устъ утѣшенье
Скорбнымъ лилось.

Здравствуй, Валгаллы
Мудрый наслѣдникъ!
Сѣверу милъ ты:
Слава тебѣ!
Съ чашею меда
Брагъ предъ тобою,
О, примиренья
Вѣстникъ отъ Норнъ!

XXII.

Избраніе Конунга.

На тингъ! призывный жезлъ идетъ
Изъ дола въ долъ,
Чтобъ вновь вождя себѣ народъ
Избрать пошелъ.

Вотъ бондъ [2]) свой мечъ съ стѣны беретъ,
Спѣша на сборъ:
На лезвее онъ перстъ кладетъ:
Булатъ остёръ.

Ребята свѣтлымъ тѣмъ мечомъ
Хотятъ играть;
Чредой стараются вдвоемъ
Его поднять.

1) Названіе золота.
2) Бондъ — крестьянинъ-земледѣлецъ.

А дочка между тѣмъ стальной
Лощитъ шеломъ,
И вдругъ краснѣетъ, образъ свой
Примѣтя въ немъ.

Но вотъ свой щитъ, луну въ крови [1],
Подъемлетъ мужъ;
Живи, свободы сынъ! живи,
Желѣзный мужъ!

Въ груди ты носишь честь своей
Земли родной;
Въ дни мира ты — совѣтомъ ей,
Въ дни битвъ — стѣной.

Такъ собирается народъ,
Подъ звонъ щитовъ,
На тингъ открытый: неба сводъ —
Могучихъ кровъ.

Тамъ Фритьофъ камень занималъ;
Красой блестя,
Сынъ Ринга близъ него стоялъ, —
Еще дитя.

Вдругъ шумъ въ толпѣ: „Ребенокъ онъ;
Его ль избрать?
Ему ль въ судѣ хранить законъ,
Весть въ битвы рать!“ —

Но на щитѣ вознесъ герой
Малютку: „Вотъ,
Норманны, вождь вамъ! край родной
Съ нимъ процвѣтетъ!

Одина кровь узнайте въ немъ,
Въ красѣ его;
Какъ рыбѣ въ морѣ, надъ щитомъ
Ему легко.

Даю обѣтъ — его страну
Хранить мечомъ,
И послѣ власть отдать ему
Съ златымъ вѣнцомъ.

[1]) Т. е. багровый щитъ.

Богъ правды слышалъ рѣчь мою;
Свидѣтель онъ:
Когда ту клятву преступлю,
Будь я сраженъ!“

Дитя сидѣло на щитѣ,
Какъ надъ скалой
Стремящій взоры къ высотѣ
Орелъ младой.

Но вдругъ, соскучась долго ждать,
Онъ всталъ — и вмигъ
Спрыгнулъ, и къ камню сталъ опять —
Державный прыгъ!

Тогда воскликнулъ громко тингъ:
„Вотъ конунгъ нашъ!
Мы вѣримъ, отрокъ: ты, какъ Рингъ,
Намъ счастье дашь!

Ярлъ [1]) Фритьофъ будетъ управлять
Пока страной;
Пусть наречетъ твою онъ мать
Своей женой!“ —

Но Фритьофъ молвилъ: „Мы вождя
Пришли избрать, —
Не сватать: самъ невѣсту я
Могу сыскать.

Пойду туда, гдѣ сжегъ я храмъ;
Тамъ Норны мнѣ
На зовъ мой явятся; ужъ тамъ
Стоятъ онѣ.

Мнѣ щитоносицы совѣтъ
Благой дадутъ;
Онѣ живутъ подъ Древомъ лѣтъ,
Надъ нимъ живутъ.

Богъ Бальдеръ мною оскорблёнъ,
Еще сердитъ;
Онъ взялъ невѣсту, — только онъ
И возвратитъ.“ —

1) Называя Фритіофа ярломъ, народъ утверждаетъ за нимъ этотъ титулъ.

Тогда поздравилъ онъ дитя,
Поцѣловалъ,
И, тихо по лугу идя,
Вдали пропалъ.

XXIII.

Фритіофъ на курганѣ отца.

„Какъ солнца ликъ привѣтенъ, какъ прекрасно
Вѣнцы деревъ горятъ его огнемъ!
Твой взоръ, Альфадеръ, блещетъ такъ же ясно
Въ слезѣ росы и въ морѣ голубомъ!
Какъ темя горъ въ лучахъ заката красно!
То кровь надъ Бальдеровымъ алтаремъ.
Ночная мгла покроетъ землю вскорѣ,
Златымъ щитомъ потонетъ солнце въ морѣ.

Но напередъ я осмотрю здѣсь нынѣ
Мѣста, мнѣ милыя отъ дѣтскихъ дней;
Ахъ, тѣ жъ цвѣты пестрѣются въ долинѣ,
Тѣ жъ птички здѣсь поютъ въ сѣни вѣтвей.
Все такъ же небо смотрится въ пучинѣ:
О! какъ счастливъ, кто не ввѣрялся ей!
Она твердитъ о подвигахъ, играя;
Но вдаль уноситъ отъ родного края.

Ты мнѣ знакома, рѣчка: голубыя
Твои струи мой челнъ браздилъ не разъ;
Ты мнѣ знакомо, поле, гдѣ впервые
Она въ любви нездѣшней мнѣ клялась;
А вотъ и вы, березы дорогія;
Какъ много рунъ я вырѣзалъ на васъ!
Все въ той же вы красуетесь одеждѣ:
Здѣсь все какъ встарь; лишь я не тотъ, что прежде.

Но все ль какъ было? гдѣ же кровъ мой старый,
Гдѣ Бальдера величественный храмъ?
Ахъ, счастье жило здѣсь, но пламень ярый,
Но мечъ прошелъ по тихимъ берегамъ;
И месть людей, и громъ небесной кары
Здѣсь черный прахъ свидѣтельствуетъ намъ.
Прочь, мирный путникъ, прочь отъ пепелища!
Гдѣ храмъ стоялъ, тамъ звѣря логовища!

Есть искуситель, въ мірѣ тьмы рожденный, —
Нашъ лютый врагъ [1]). Не чтитъ онъ ничего;
Онъ ненавидитъ свѣтъ, напечатлѣнный
Въ чертахъ героя, на мечѣ его;
И подвигъ зла, въ часъ гнѣва совершенный,
То сына мглы и трудъ и торжество!
Падетъ ли жертва, храмъ ли запылаетъ,
Онъ въ черныя ладони ударяетъ.

Ужель, о Бальдеръ, вѣчно будетъ мщенье?
Ужели нѣтъ мирительныхъ даровъ?
За кровныхъ мстящій знаетъ укрощенье,
Смягчаютъ жертвы гнѣвъ святыхъ боговъ.
Благимъ слывешь ты: дай купить прощенье!
О, повели... я все отдать готовъ.
Безъ умысла твой храмъ сожженъ былъ мною,
Дай со щита пятно стереть герою.

Я изнемогъ подъ тяжестью твоею,
Тревожныхъ призраковъ душа полна;
Молю тебя, да славою моею
Искупится мгновенная вина.
Предъ Молньеносцемъ я не поблѣднѣю,
И съ Гелою мнѣ встрѣча не страшна;
О, кроткій богъ, чей взоръ какъ мѣсяцъ ясенъ!
Мнѣ только ты, мнѣ твой лишь гнѣвъ ужасенъ.

Вотъ холмъ отцовскій. Спишь ли ты, воитель?
Ты тамъ, отколь никто ужъ не придетъ!
Палаты звѣздныя — твоя обитель;
Тамъ внемлешь звонъ щитовъ, тамъ пьешь ты медъ.
Оттоль ко мнѣ ты взоръ склони, родитель!
О, Асовъ гость! твой сынъ тебя зоветъ.
Не тайны рунъ, не чары онъ приноситъ,
Но къ миру съ Бальдеромъ совѣта проситъ.

Ужели нѣмъ курганъ? смягчась мольбою,
Про мечъ пѣлъ мощный Ангантиръ [2]) въ холмѣ.
Но мнѣ не мечъ... его я взялъ бы съ бою;
Что значитъ онъ предъ тѣмъ, что нужно мнѣ?

[1]) Драконъ, грызущій корень Древа времени.

[2]) Въ одной сагѣ разсказывается, что къ могилѣ Ангантира пришла дочь его просить меча. Ангантиръ позволилъ ей взять оружіе изъ-подъ плечъ его.

Родитель! я стою передъ тобою,
Чтобъ миръ мнѣ далъ ты въ горней сторонѣ:
Открой мнѣ очи, разрѣши сомнѣнье;
Какъ тяжело мнѣ Бальдера гоненье!

Молчишь!.. внемли, какъ сладко ропщутъ воды:
О, дай отвѣтъ услышать въ ихъ рѣчи.
Иль ухватись за крылья непогоды
И на лету мнѣ слово прошепчи,
Иль, гдѣ закатъ румянитъ неба своды,
Въ златой узоръ ты думу заключи.
Напрасно: отъ отца, въ часъ горя злого
(Какъ смерть бѣдна!), я не дождусь ни слова!" —

День гаснетъ; вѣтерокъ вечерній вѣетъ,
Дѣтей земли баюкая съ небесъ;
И выше катится заря, и рдѣетъ,
И правитъ бѣгъ пурпуровыхъ колесъ.
По голубымъ она долинамъ рѣетъ
Видѣніемъ изъ свѣтлыхъ странъ чудесъ.
И вотъ надъ моремъ зрится на закатѣ
Картина дивная въ огнѣ и златѣ.

Воздушный призракъ — имя ей межъ нами
(Оно въ Валгаллѣ сладостнѣй звучитъ);
Чуть зыблясь, надъ зелеными лѣсами
Видѣнье то златымъ вѣнцомъ стоитъ;
Со всѣхъ сторонъ одѣтое лучами,
Оно красой невиданной блеститъ.
И ниже, ниже... вотъ остановилось;
На мѣстѣ храма, въ храмъ преобразилось.

Являя крѣпость Бальдера, сверкали
Серебряныя стѣны надъ скалой;
Столбы изсѣчены изъ темной стали;
Алтарь былъ цѣльный камень дорогой;
А куполъ духи, мнилося, держали:
Какъ звѣздный кровъ, висѣлъ онъ надъ землей;
И боги высилися въ немъ на тронахъ,
Въ одеждахъ голубыхъ, въ златыхъ коронахъ.

И вотъ, къ щитамъ таинственнымъ склоненны,
Въ дверяхъ стоятъ святыя Норны тамъ.
Онѣ — какъ розы, въ урнѣ заключенны:
Ихъ строгій видъ плѣнителенъ очамъ.

И Урда [1]) указуетъ храмъ сожженный,
А Скульда [2]) указуетъ новый храмъ.
Но лишь герой пришелъ въ себя, лишь стало
Ему понятно диво, — все пропало.

„О дѣвы рока! я постигъ видѣнье!
Вотъ твой отвѣтъ, родитель добрый мой!
Исполню я священное велѣнье:
Вновь прежній храмъ возстанетъ надъ скалой.
О, какъ отрадно мужу искупленье,
Благимъ трудомъ, дѣлъ юности слѣпой!
Въ отверженномъ надежда оживаетъ;
Смягчившись, бѣлый богъ ему прощаетъ.

Плывите, звѣзды тихія; плывите!
Мнѣ сладко вновь слѣдить васъ въ вышинѣ;
И вы, сіянья Сѣвера, горите!
Ужъ мнѣ средь васъ не зрится храмъ въ огнѣ.
Ты, холмъ, красуйся; волны, вы гремите
По прежнему напѣвъ свой дивный мнѣ!
Здѣсь лягу я на щитъ: пускай мнѣ снится,
Какъ съ человѣкомъ гнѣвный богъ мирится.“

XXIV.

Примиреніе.

Храмъ Бальдера оконченъ. Вкругъ него теперь
Уже не тынъ простой, какъ было въ старину, —
Желѣзная ограда: каждый шестъ у ней
Увѣнчанъ пышно маковкою золотой.
На стражѣ вкругъ святилища стоитъ она,
Какъ будто рать богатырей въ броняхъ стальныхъ,
Подъ золотыми шлемами, при бердышахъ.
Весь храмъ построенъ изъ огромнѣйшихъ камней,
Отважное искусство сочетало ихъ.
То исполинскій, вѣковѣчный трудъ; онъ схожъ
Съ упсальскимъ капищемъ, въ которомъ Сѣверъ зрѣлъ
Подобіе своей Валгаллы на землѣ.
Красуясь гордо на утесѣ, новый храмъ

[1]) Урда значитъ: Прошедшее.
[2]) Будущее.

Свое чело въ заливѣ свѣтломъ отражалъ;
А вкругъ него, какъ чудный поясъ изъ цвѣтовъ,
Долина Бальдера лежала — мира сѣнь —
Съ своими рощами, гдѣ шопотъ вѣтерка
Сливался съ пѣньемъ птицъ и лепетомъ ручьевъ.
Величественны были мѣдныя врата;
Предъ ними въ два ряда стоявшіе столбы
На мощныхъ раменахъ своихъ держали сводъ,
И дивно кругъ его надъ капищемъ висѣлъ,
Какъ нѣкій златозарный, выдолбленный щитъ.
Напротивъ входа жертвенникъ стоялъ. То былъ
Отрубокъ цѣльный мрамора полночныхъ горъ,
И змѣй его обхватывалъ, покрытый весь
Словами мудрыми изъ пѣсенъ старины.
Надъ жертвенникомъ виденъ былъ въ стѣнѣ заломъ [1]
Съ златыми звѣздами на темной синевѣ.
Тамъ бога милости серебряный кумиръ
Стоялъ, и ликъ его былъ кротокъ какъ луна,
Сребромъ блестящая на синевѣ небесъ.
Таковъ былъ храмъ. Вотъ по-двое вошли туда
Двѣнаднать къ капищу принадлежавшихъ дѣвъ
Въ покровахъ серебристыхъ; розы на щекахъ
И розы же въ невинномъ сердцѣ ихъ росли.
Вкругъ алтаря вновь освященнаго онѣ
Предъ ликомъ Бальдера плясали, какъ весной
Надъ тихоструйнымъ токомъ пляшутъ вѣтерки,
Какъ альфы лѣса пляшутъ въ муравѣ густой,
Сверкающей въ алмазахъ утренней росы.
И въ пляскѣ пѣли дѣвы тѣ святую пѣснь
О кроткомъ Бальдерѣ, о томъ, какъ въ мірѣ все
Его любило, какъ онъ жертвой брата палъ,
И всё взрыдало — небо, море и земля.
Не люди, мнилось, пѣли пѣсню ту: она
Сладка была, какъ звукъ изъ храмины боговъ,
Какъ одинокой дѣвы мысль о миломъ ей,
Когда унывно въ полночь перепелъ поетъ
И мѣсяцъ свѣтитъ изъ-за сѣверныхъ березъ.
Въ восторгѣ Фритьофъ, подпершись мечомъ, смотрѣлъ
На пляску дѣвъ. Воспоминанья раннихъ лѣтъ
Веселой, непорочною толпой текли
Предъ взорами его, и другу своему

[1] Нишъ.

Старинному кивали нѣжно головой,
Облитой золотомъ кудрей; привѣтъ любви
Сіялъ ему изъ ихъ лазоревыхъ очей.
Какъ тѣнь кровавая, поникнули во мракъ
Дни юности его съ тревогой битвъ и бурь,
И вѣрилось ему, что на могилѣ ихъ
Стоитъ онъ будто камень, убранный въ цвѣты.
Но длилась пѣснь, и возносился духъ его
Съ земной юдоли въ горній край. Людская месть,
Вражда людская таяли въ груди его,
Какъ на утесѣ таетъ панцырь ледяной
Въ лучахъ весны. Нѣмой восторгъ и сладкій миръ
Въ его душѣ геройской моремъ разлились:
Онъ чувствовалъ, казалось, какъ о грудь его
Природы сердце билось; онъ желалъ тогда
Всю землю въ умиленіи обнять, желалъ
Предъ Бальдеромъ назваться братомъ всѣхъ существъ. —
Вдругъ тихо въ храмъ вошелъ верховный жрецъ; то былъ
Не юноша, подобный Бальдеру красой, —
То былъ высокій старецъ. Ликъ его дышалъ
Небесной кротостью и былъ величья полнъ;
До пояса спускалась бѣлая брада.
Благоговѣньемъ Фритьофъ весь проникнутъ былъ,
И вотъ предъ старцемъ низко преклонился шлемъ
Орлинокрылый; съ миромъ старецъ началъ такъ:
„Привѣтствую, о Фритьофъ! я здѣсь ждалъ тебя.
Такъ, сила странствуетъ по морю и землѣ,
Какъ злой берсеркъ, грызущій бѣшено свой щитъ;
Но наконецъ она, опомнясь, изнурясь,
Назадъ приходитъ. Много разъ могучій Торъ
Бывалъ въ странѣ у Великановъ; но не могъ
Ихъ побѣдить: напрасенъ дивный поясъ былъ,
Не помогли желѣзныя перчатки. Зло
Есть сила и не хочетъ силѣ уступать.
Безъ силы кротость — дѣтская забава лишь,
Блескъ солнечный, играющій на лонѣ водъ:
Съ волною призракъ сей встаетъ и никнетъ вновь;
Обманчивъ онъ, — нѣтъ основанья у него.
Но сила, бывъ безъ кротости, сама себя
Снѣдаетъ, какъ въ сыромъ курганѣ мечъ; она
Похмѣлье бытія; надъ краемъ кубка насъ
Забвенья цапля [1]) ждетъ; стыдимся, пробудясь.

[1]) Выраженіе Высокой Пѣсни (Havamal).

Да, сила всякая родится отъ земли,
Отъ тѣла великана Имера, гдѣ кровь —
Ярящіяся воды, мышцы же — руда.
Но на землѣ безплодье, пустота и мракъ,
Доколѣ кротость неба — солнце на нее
Лучей своихъ не льетъ. Тогда восходитъ злакъ,
И ткутъ цвѣты свою пурпуровую ткань,
И дерево подъемлетъ гордо свой вѣнецъ,
И человѣкъ, и звѣрь — все извлекаетъ жизнь
Изъ лона Матери. — Таковъ и нашъ удѣлъ.
Двѣ тяжести Альфадеръ мудрый положилъ
На вѣсовыя чаши бытія людей,
И въ равновѣсіи должны тѣ чаши быть;
Земная сила — имя тяжести одной,
Небесной кротостью другая названа.
Конечно Торъ могучъ, когда свой поясъ онъ
Надъ бедрами крутыми стянетъ — и разитъ.
И мудръ Одинъ, когда глядится онъ въ струяхъ
Прозрачныхъ Урды, и съ земли летящій вранъ
Ему приноситъ вѣсти. Но Одинъ и Торъ
Покрылись блѣдностью, померкли ихъ вѣнцы,
Когда внезапно Бальдеръ, кроткій Бальдеръ палъ:
Затѣмъ что онъ былъ въ небѣ связію боговъ.
Отъ той поры во всемъ твореніи война
Свирѣпствуетъ, нося свой щитъ изъ края въ край.
Въ Валгаллѣ пѣтелъ съ гребнемъ золотымъ поетъ,
Кровавый пѣтелъ на землѣ и въ мракѣ безднъ
Поетъ, будя войну. Но нѣкогда былъ миръ
Повсюду — и въ чертогахъ Асовыхъ и здѣсь;
Онъ жилъ въ душѣ людей, какъ и въ груди боговъ;
Затѣмъ что все, творящееся на землѣ,
Сперва въ иномъ размѣрѣ было въ небесахъ.
Нашъ родъ — Валгаллы малый образъ; Саги щитъ,
Покрытый рунами, есть зеркало небесъ.
У всякаго свой Бальдеръ въ сердцѣ есть. Скажи,
Ты помнишь ли тѣ дни, когда въ груди твоей
Цвѣлъ миръ, и жизнь была такъ сладостно-тиха,
Такъ восхитительна, какъ вольной птички сонъ
Средь лѣтней ночи? теплый вѣетъ вѣтерокъ,
Качаются головки дремлющихъ цвѣтовъ
И колыбель пѣвицы. Кроткій Бальдеръ жилъ
Еще тогда въ твоей душѣ, о Асовъ сынъ,
О странствующій неба образъ на земли!

Не умеръ Бальдеръ для младенцевъ: каждый разъ,
Когда на свѣтъ родится новый человѣкъ,
Свою добычу Гела міру отдаетъ;
Но рядомъ съ Бальдеромъ растетъ у насъ въ душѣ
И братъ его слѣпой: все злое, какъ медвѣдь,
Рождается слѣпымъ, и ночь — одежда зла
(Добро всегда бываетъ въ свѣтъ облечено).
Является лукаво искуситель Локъ
И подаетъ слѣпцу копье; оно летитъ,
И Бальдеръ имъ сраженъ, любимецъ всѣхъ боговъ.
Проснулася вражда, насилье поднялось,
Голодный волкъ меча скитаться началъ вкругъ
По доламъ и горамъ; драконы поплыли
По окровавленнымъ волнамъ. А кротость въ тмѣ
У Гелы тѣнію безсильной возсѣдитъ.
Отъ храма Бальдера остался прахъ одинъ.
Такъ жизнь высокихъ Асовъ образцомъ была
Для бренной жизни человѣка: обѣ суть
Лишь неизмѣнная Альфадерова мысль.
Что было, что свершится, то вѣщаетъ пѣснь
Премудрой Валы. Колыбельная то пѣснь
Вѣковъ и вмѣстѣ погребальный ихъ напѣвъ.
Земная лѣтопись звучитъ согласно съ ней,
И мужъ въ ней слышитъ собственную быль свою.
„Вы поняли ль меня?“ такъ Вала говоритъ.
Ты хочешь примириться. Ясно ли тебѣ,
Что значитъ примиренье? Сынъ мой, посмотри
Мнѣ въ очи, не блѣднѣя. Знай, что по землѣ
Проходитъ примиритель — онъ зовется: Смерть.
Что время? возмущенный вѣчности потокъ;
Земная жизнь? то отпаденіе существъ
Отъ трона общаго Отца. Опять взнестись
Къ нему очищеннымъ — вотъ примиренья смыслъ.
И сами Асы пали, но настанетъ день
Ихъ примиренія, — кровавый день, когда
Они на полѣ страшной битвы смерть найдутъ.
Тогда и Зло умретъ навѣки, а Добро
Къ иному бытію возстанетъ, просвѣтлѣвъ,
Изъ пламени вселенной. Правда, упадетъ
Съ шатра небесъ увянувшій вѣнокъ свѣтилъ,
Земля потонетъ въ морѣ: но изъ водъ она
Прекраснѣй прежняго подымется опять,
Вѣнчанная цвѣтами; тихо поплыветъ

Надъ нею строй божественно-блестящихъ звѣздъ.
На злачныхъ холмахъ Бальдеръ будетъ управлять
Возобновленнымъ родомъ Асовъ и людей.
Тогда Валгаллы чада средь травы найдутъ
Скрижали золотыя, на зарѣ вѣковъ
Утраченныя. — Такъ смерть падшаго Добра
Есть какъ-бы очищеніе его въ огнѣ,
Есть примиреніе, рожденье къ бытію
Иному, высшему; туда, гдѣ началась,
Жизнь снова воспаритъ и будетъ тамъ играть
Безпечно какъ младенецъ на рукахъ отца.
Ахъ! за могилою все лучшее живетъ:
Здѣсь на землѣ все низко, здѣсь нечисто все;
Но примиреніе уже и въ жизни есть, —
Заря того, что насъ въ надзвѣздномъ мірѣ ждетъ.
Оно подобно приступу пѣвца, когда
Искусными перстами онъ легко скользитъ
По арфѣ, чтобъ ее настроить для игры, —
Пока онъ не ударитъ мощно по златымъ
Струнамъ ея, и изъ могилы старина
Священная возстанетъ, и Валгаллы блескъ
Вдругъ очи озаритъ восторженной толпѣ.
Земля есть неба тѣнь, земное бытіе —
Преддверіе небесныхъ Бальдера палатъ.
Народъ приноситъ Асамъ жертвы, онъ ведетъ
Къ закланію коня подъ золотымъ сѣдломъ
Съ пурпурною уздой. То знакъ, въ которомъ скрытъ
Глубокій смыслъ, затѣмъ что примиренья дню
Должна предшествовать его денница — кровь.
Но знакъ не дѣло; онъ не въ силахъ примирять;
Вину свою ты можешь искупить лишь самъ.
Умершій на груди Альфадера найдетъ
Желанный миръ, — живой лишь въ собственной душѣ.
Одну я знаю жертву: для боговъ она
Милѣй, чѣмъ дымъ пролитой крови; жертва та
Есть жертва мщенья твоего, вражды твоей.
Когда ихъ лезвея не можешь притупить,
Когда ты не готовъ прощать, то для чего
Пришелъ ты въ этотъ храмъ? къ чему воздвигъ его?
Нѣтъ, камнями ты Бальдера не укротишь;
Съ своимъ врагомъ, съ самимъ собою примирись:
Тогда и съ богомъ свѣта будешь примиренъ. —
На югѣ слухъ идетъ о Бальдерѣ иномъ:

Сынъ Дѣвы, отъ Альфадера онъ присланъ былъ
Въ сей міръ для объясненья полныхъ тайны рунъ,
Которыми покрыты грозныхъ Норнъ щиты.
Его воинскимъ кликомъ межъ людей былъ миръ,
Любовь была его свѣтящимся мечомъ,
На шлемѣ же своемъ серебряномъ носилъ
Онъ непорочность будто голубицу. Онъ
Смиренно поучалъ и умеръ и простилъ;
Подъ сѣнію далекихъ пальмъ стоитъ въ лучахъ
Его могила. Слышно, заповѣдь его
Идетъ изъ края въ край, мягчитъ сердца людей,
Связуетъ съ дланью длань и зиждетъ на землѣ
Владѣнье мира. Я ученія того
Не знаю въ точности, но въ свѣтлые часы
Уже не разъ душой угадывалъ его,
И въ каждомъ сердцѣ то жъ сбывается порой.
Предвижу: нѣкогда, какъ голубь, тотъ законъ,
Достигнувъ сѣверныхъ утесовъ, распрострετъ
Надъ ними крылья снѣжнобѣлыя свои.
Но сѣверу тогда для насъ ужъ не бывать,
Надъ холмами забытыхъ дубу зеленѣть.
Счастливые потомки! новый свѣтъ въ тѣ дни
Изъ лучезарной чаши пить вамъ суждено!
Я васъ привѣтствую: о, да разгонитъ онъ
Всѣ тучи, кои влажной пеленой досель
Предъ нами застилали солнце бытія.
Но насъ не презирайте: пристально нашъ взоръ
Искалъ его божественныхъ лучей; одинъ
Альфадеръ, вѣстниковъ лишь много у него.

Ты ненавидишь Беловыхъ сыновъ. За что?
Они не согласилися, чтобъ ихъ сестра
За сына бонда вышла: ибо въ ней течетъ
Одина кровь; въ Валгаллѣ предки ихъ сидятъ
На тронахъ; то внушаетъ гордость имъ. „Но родъ
Есть счастье, — не заслуга“, возразишь ты мнѣ:
О юноша! заслугой не гордимся мы
Ни въ чемъ, а счастьемъ, ибо все, чѣмъ дорожимъ,
Есть даръ благихъ боговъ. И самъ гордишься ты
Геройскими дѣлами, силою своей.
Но самъ ли ты себѣ далъ мощь? Не богъ ли Торъ
Сплелъ крѣпко жилы рукъ твоихъ, какъ дуба вѣтвь?
Не Тора ль духъ отважный весело кипитъ

Въ крутой груди твоей, — оградѣ изъ щитовъ?
Не Тора ль молнія блеститъ въ твоихъ очахъ?
Уже ты въ колыбели слышалъ пѣсни Норнъ
О славѣ дѣлъ своихъ, но ею ты себѣ
Обязанъ столько же, какъ конунга дитя
Своимъ рожденіемъ обязано себѣ.
Не осуждай другихъ за гордость, чтобъ за то жъ
Тебя не осудили... Конунгъ Гелгъ погибъ." —
Тутъ Фритьофъ прерываетъ: „Конунгъ Гелгъ погибъ?
Когда и гдѣ?" — „Ты знаешь самъ, межъ тѣмъ какъ здѣсь
Ты строилъ, онъ въ горахъ у Финновъ воевалъ.
Въ глуши стоялъ тамъ на утесѣ древній храмъ,
Воздвигнутый во славу Юмалѣ [1]). Теперь
Давно уже онъ замкнутъ и покинутъ былъ;
Но на вратахъ еще старинный бога ликъ —
Чудовищный — висѣлъ, къ паденію клонясь.
Никто къ святилищу приблизиться не смѣлъ:
Межъ Финнами повѣрье изстари жило,
Что Юмалу увидитъ, кто отворитъ храмъ.
Услышавъ то, съ слѣпою злобой Гелгъ пошелъ
На бога вражьяго по сумрачнымъ стезямъ,
И ниспровергнуть капище хотѣлъ. Когда
Пришелъ онъ къ мѣсту, были замкнуты врата
И ржавый ключъ какъ бы приросъ къ нимъ. Ухватясь
За вереи, потрясъ онъ рухлые столбы:
Съ ужаснымъ трескомъ палъ внезапно истуканъ,
И сынъ Валгаллы былъ раздавленъ имъ. Такъ Гелгъ
Увидѣлъ Юмалу. Вчерашней ночью вѣсть
О томъ гонецъ привезъ, и Гальфданъ ужъ одинъ
Сидитъ теперь на тронѣ Бела; такъ простри жъ
Ему ты длань, пожертвуй местію богамъ:
Сей жертвы Бальдеръ хочетъ, и, какъ жрецъ его,
Я требую, мой сынъ, во знаменье того,
Что бога милосердья ты не обманулъ.
Когда откажешь, храмъ напрасно ты воздвигъ
И я напрасно говорилъ." —

Вдругъ Гальфданъ самъ
Вошелъ чрезъ мѣдный прагъ, и съ робкимъ взоромъ сталъ
Отъ страшнаго поодаль и безмолвенъ былъ.
Бронекрушителя тутъ Фритьофъ отвязалъ
Отъ стана, щитъ златой приставилъ къ алтарю

[1]) Финскій богъ.

И безъ оружія приблизился къ врагу.
„Въ сей распрѣ“, съ кротостью сказалъ онъ, „будетъ тотъ
Великодушнѣй, кто сперва предложитъ миръ.“
Тутъ Гальфданъ, покраснѣвъ, совлекъ съ руки своей
Желѣзную перчатку, и опять сплелись
Давно разрозненныя длани; какъ скала,
Надежно, крѣпко было рукожатье то!
Старикъ тогда сложилъ проклятіе съ главы
Изгнанника, того, кто Волкомъ храма слылъ.
И въ тотъ же мигъ явилась Ингеборга къ нимъ
Въ нарядѣ брачномъ, въ горностаевомъ плащѣ,
И дѣвы шли за ней, какъ звѣзды за луной.
Въ слезахъ она въ объятья Гальфдана спѣшитъ,
А онъ, растроганный, прекрасную сестру
Склоняетъ къ Фритьофу на грудь. И вотъ она
Предъ жертвенникомъ руку подаетъ тому,
Кого отъ сердца любитъ, кто ей съ дѣтства милъ.

Литература „Фритіофссаги“, ея переводовъ и проч. [1]).

Первое полное изданіе поэмы „Frithiofs-Saga“ появилось въ Стокгольмѣ въ 1825-мъ году. Второе вышло тамъ же въ томъ же году; третье въ 1827; четвертое въ 1828; пятое въ 1831; шестое въ 1840 г. и т. д. Каждый разъ печаталось отъ 2-хъ до 3-хъ тысячъ экземпляровъ. Теперь (*1841 г.*) въ моихъ рукахъ 12-е стокгольмское изданіе 1854. Позднѣйшія мнѣ неизвѣстны, за исключеніемъ напечатаннаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Стокгольмѣ же, роскошнаго изданія Мальмстрема съ рисунками, изъ которыхъ, однакоже, многіе довольно плохи. [2]) При первоначальномъ переводѣ „Фритіофссаги“ я пользовался выборгскою перепечаткою 1827 года, изданіемъ, въ которомъ къ этой поэмѣ присоединены еще другія два произведенія Тегнéра: *Первое причащеніе* и *Аксель*.

I. Переводы.

А. — Всей поэмы вполнѣ.

Нѣмецкіе.
1. Amalie von Helwig, geborne Freyin von Imhoff, Stuttgart 1826; — 2-е изданіе, тамъ-же 1832; — 3-е тамъ-же 1844 (слѣд. изд. 1851, 53, 62, 79 гг.).
2. Ludolf Schley, Upsala 1826.—Перепечатанъ въ Вѣнѣ 1827; потомъ въ Митавѣ 1841.
3. Gottlieb Mohnike, Stralsund, 1826; 2-е изд. 1830; 3-е изд. Leipzig 1836; 4-е изд. 1840 и т. д. (до 90-хъ гг. еще ок. 15-ти изд.).
4. E. J. Mayerhoff, Berlin 1835.
5. Er. Jansen, Hamburg 1841.
6. F. v. Heinemann (съ иллюстраціями), Braunshweig 1845, 1862.
7. C. Hartmann, Leipzig 1842, 1846.
8. Gottfried v. Leinburg; Frankfurt am Main 1846; 2-е изд. мнѣ неизвѣстно; 3-е изд. Leipzig 1865, 4-е изд. Berlin 1870, и проч.
9. Jul. Minding, Berlin und Stralsund 1842, 1846.
10. A. E. Wollheim, Hamburg 1840, 1841, 1845, 1846; еще изд. 1851 и 1852.
11. G. Berger, Stuttgart 1843, 1854, 59, 62, 66 гг. etc.
12. M. Ant. Niendorf, Berlin 1854, 1858.
13. Edmund Lobedanz, Leipzig 1860, 1862 и проч.
14. Karl Simrock, Stuttgart 1863, 68, 75 гг.
15. F. W., Hamburg 1868.

[1]) Предлагаемый списокъ составленъ Я. К. Гротомъ сначала для 1-го изданія „Фритіофа“, а потомъ дополненъ въ 1850-хъ годахъ. Позднѣе онъ провѣрилъ и пополнилъ его въ 1873 году въ Стокгольмской Королевской библіотекѣ. — Этотъ списокъ мы позволяемъ себѣ насколько намъ возможно дополнить указаніями литературы „Фритіофссаги“ съ 1870-хъ гг. по нынѣшнее время, равно какъ недостающими ссылками для прежняго времени. *Ред.*

[2]) До 1885 г. всѣхъ шведскихъ изданій „Фритіофссаги“, считая и иллюстрированныя и въ полн. собраніи Сочиненій Тегнера, насчитывалось 35. Послѣднія изъ явившихся послѣ того: Frithiofssaga. Med tecknigar af Aug. Malmström (3-е изд.) Stockholm 1888; Frithiofssaga, 27 uppr. Stockh. 1895; послѣднее изд. Сочиненій Тегнера „Samlade Skrifter. National—uppl. 2 тома, Stockh. 1893. *Ред.*

Послѣ 1874 года, кромѣ новыхъ изданій переводовъ: A. v. Hellwig (Stuttg.), Leinburg (Leipz., 1893, 15 Aufl.) Berger (Stuttg., 1887, 11 Aufl.),Lobedanz (Stuttg.), Mohnike (Berl. 1890; Leipz. 1893, еще 1894; Halle; Leipz., 1897. Mit Illustr. v. Malmström) *и нов. перераб. послѣдняго перев.* P. I. Willatzen (изд. 20—24, Halle, 1889—95), *явились еще переводы:*

Pauline Schanz (Dresden 1879; 3 Aufl. Frankf. a/м. 1896).
Freytag (Bremen, 1867, 74, 83 гг.).
Viehoff (Leipzig, 1892.; 1-е изд. 1865).
Ohnesorge (Leipzig, 1892).
O. v. Nordenskjöld, München 1880.
Cristensen (Leipzig и München 1895), *и другіе.*

Датскіе. 1. J. P. Miller, Kjöbenhavn 1826. Въ этомъ переводѣ XXI-я пѣснь принадлежитъ финну Магнуссену.
2. A. E. Boye, Kjöbenhavn 1838. (слѣд. изд. 1840, 50, 59, 67, 75 гг.)
3. E. Lembcke, Kbhn, 1883.
(въ Норвегіи) 4. H. Foss, Bergen 1826. — 2-е изд. Christiania 1827. (слѣд. изд. 1846, 57, 59, 60 гг.).
5. C. Monsen, Christiania 1843. (слѣд. изд. 1846, 48, 53 гг.).

Исландскій. Matthias Jochumsson, Reykjavik 1866.

Англійскіе. 1. Rev. Wm. Strong, London and Leipzig 1833 и 1836.
2. Разныхъ рукъ: H. G., W. E. F., and R. C. Paris and London 1835.
3. R. G. Latham. M. A. London 1838.
4. G. S., Stockholm and London 1839. Всѣ напечатанныя при этомъ переводѣ приложенія изданы въ 1839-мъ году на шведскомъ языкѣ отдѣльною книгою подъ заглавіемъ: *Bihang till Frithiof's Saga* (полное имя переводчика: George Stephens). Его-же перев. изд. въ Чикаго 1878 (Viking tales of the North).
5. O. Baker, London 1841.
6. C. W. Heckethorn, London 1856.
7. K. Muckleston, Oxford. London 1862.
8. William Lewery Blackley, Dublin 1857 и New-York 1867.
9. H. Spalding, London 1872.

Съ 1870-хъ гг. еще: Leopold Hamel, London 1874; L. A. Sherman, Boston 1878; Thomas A. E. Holcomb and Martha Holcomb, Chicago, 1877 и новое изданіе W. Lewery Blackley, Belfast. 1880. *Переводъ Л. Хамеля* отмѣченъ еще самимъ Я. К. Гротомъ въ его экземплярѣ перевода „Фритіофа" съ такой замѣткой: „Рецензентъ (этого перевода) насчитываетъ до этого 17—18 англійскихъ переводовъ. The Academy 1875, Oct. 9, стр. 378; онъ не хвалитъ этого перевода".

Французскіе. 1. M-lle R. du Puget, Paris 1838.—Этотъ переводъ въ прозѣ.
2. Léouzon Le Duc, Paris 1850; 2 изд. 1867.

Кромѣ названныхъ здѣсь были еще:

Frithiof, poème, trad. du suédois par H. Desprez et F. R. 1843.
Frithiof et Ingeborg, Poème suédois. Traduction de Louis Boutillier, Rennes 1851.
Quatre chants de la Saga de Frithjof de E. Tegner. Essai de traduction par L. T. (Ténint), Stockholm 1869.

Наконецъ послѣднимъ (ок. 1887 г.) *явился переводъ въ прозѣ:*

Frithiof, traduction nouvelle, avec étude sur la vie et l'oeuvre de Tegner, Paris (изд. Nouvelle Bibliothèque Populaire, H. Gauthier).

*

Италіанскій. Aless. Bazzani, Verona 1851.
Голландскій. P. C. von Eichstorff, Amsterdam 1851, 1861, 1876.
Польскіе. 1. Ludw. Jagielskiego, Poznan 1856.
2. Iózefa Grajnerta, Warszawa 1859.
3. Jana Wiernikowskiego, Petersburg 1861.
Чешскій. I. V. Sladek, v Praze 1891.
Финскій. 1. C. J. Blom, Helsingi 1872.
2. Em. Tamminen. Porvoossa 1885.
Мадьярскій. György Vilmos, Pest 1867.
Русскіе. 1. Я. Грота. Гельсингфорсъ 1841. До изданія всей поэмы, были напечатаны изъ нея: 1) „Прощаніе" и „Счастіе" въ *Телескопѣ* 1836 г.; 2) пѣснь VII („Счастіе Фритіофа") въ *Современникѣ* 1840 г. (т. XVIII), и 3) пѣснь XI („Фритіофъ у Ангантира") въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1840 же г. (№ 5) [1]).
2. Нѣкоторыя пѣсни „Фритіофа" переведены неизвѣстнымъ лицомъ въ прозѣ и напечатаны въ 1845 году подъ заглавіемъ: „Избранныя мѣста изъ поэмъ Владиміръ Великій, соч. Стагнеліуса, и Фритіофссага, соч. Тегнéра. Съ шведскаго И. Ш—й. Въ 8; 61 стр. Москва".

Здѣсь можно упомянуть еще о вышедшемъ недавно изданіи: „*Фритіофъ. Древне-скандинавское преданіе*, изложилъ для русскаго юношества Н. А. Борисовъ. Спб. 1893 г.".

Къ отдѣлу переводовъ поэмы можно также отнести другого рода литературную передѣлку „Фритіофссаги", именно изданную на шведскомъ же языкѣ пародію этой поэмы, подъ заглавіемъ: Brynolfs äfventyr. En dikt i sjutton Sånger. Calmar 1828 г. (Приключенія Брюнольфа, поэма въ 17-ти пѣсняхъ).

Б. — Частей поэмы (въ періодич. изданіяхъ).

1. K. Lappe, въ прозѣ, Wiener Zeitschrift für Kunst, Litteratur und Theater.
2. C. A. Valentiner, Originalien aus dem Gebiete der Wahrheit, Kunst, Laune und Phantasie. Jahrg. 1832. N:o 29.
3. Wilh. v. Souhr, Das Morgenblatt, N:o 149 — 151.
4. Herman v. Pommer Ephe, Sundine 1834.
5. J. J. Ampère, Litterarische Blätter der Börsenhalle, 1832.
6. Blackwood's Edinburgh Magazine, Febr. 1828.
7. Foreign Quarterly Review N:o V. Sept. 1828.
8. Prof. Longfellow, North American Review, Boston and New-York N:o 96. July 1837.

[1]) Критическія статьи о 1-мъ изданіи перевода Я. Грота можно найти въ слѣдующихъ журналахъ: 1) *Современникъ* 1841, т. XXII, стр. 26; т. XXIII, стр. 47; и 1845, т. XL, стр. 100. 2) *Библіотека для Чтенія* 1841, т. XLVI, Лит. Лѣт. стр. 69, 3) *Русскій Вѣстникъ* 1841, т. III, стр. 400. 4) *Отеч. Зап.* 1841, т. XVII, Библіог. Хр. стр. 40. Эта статья перепечатана въ „Сочиненіяхъ Бѣлинскаго" (ч. V, стр. 328; ср. тамъ же стр. 58), но съ довольно важнымъ и ничѣмъ необъяснимымъ пропускомъ двухъ мѣстъ, изъ которыхъ въ одномъ отдается справедливость обстановкѣ перевода и, между прочимъ, сказано: „Словомъ, изданіе перевода г. Грота, не въ примѣръ русскимъ книгамъ, *европейское* въ полномъ смыслѣ этого слова"(*см. ниже*).—Для оцѣнки точности перевода важна шведская статья (покойнаго учителя всеобщей исторіи Коллана), напечатанная въ Финляндской газетѣ „Helsingfors Morgonblad" 1841 г., № 39.

Сюда можно бы присоединить еще не мало отрывочныхъ переводовъ „Фритіофа", появившихся съ 1830-хъ годовъ, но перечислять ихъ здѣсь не считаемъ необходимымъ. Обращаемъ читателя къ I тому полн. собранія Сочиненій Тегнера Samlade Skrifter 1885, 2 тома, гдѣ есть библіографія „Фритіофссаги" съ 1825 по 1885 г. *Ред.*

II. Музыкальныя переложенія:

1. Tolf Sånger ur Frithiofs Saga, af B. Crusell; Stockhol m 1826 Вновь изданы въ Лейпцигѣ, 1827.
2. Sånger ur Frithiofs Saga, af Crusell, arrangerade för Guitarre, af Hildebrand; 4 тетради.
3. Tre Sånger ur Frithiofs Saga, af (Grefvinnan) Hedda Wrangel. Stockholm 1828.
4. Sånger ur Frithiofs Saga, satte i Musik at P. C. Boman. Stockholm 1828.
5. Fyra Sånger ur Frithiofs Saga, componerade af Adolf Sandberg. Stockholm 1829.
6. Tre Sånger ur Frithiofs Saga, satte i Musik af S. M. Zanders. Stockholm 1830.
7. Schwedische Lieder aus Axel und Frithiof, in Musik gesetzt von Caroline Ridderstolpe. Stockholm 1829.
8. Vikinga-Balk (XV Gesang aus Frithiofs Sage) von Joseph Panny. Mainz, Paris, Antwerpen 1822.
9. Drey Lieder aus der Frihiofs Sage, von F. Silcher. Tübingen 1836.
10. XII Songs to Frithiofs Saga (4 unchanged from Crusell) in the English Translation by G. S.

III. Гравюры:

1. H. Hamiltons Tjugufyra Teckningar till Frithiofs Saga, 4 тетради. Stockholm 1828.
2. Framnäs och Balestrand, Frithiofs och Ingeborgs hem, målade af C. J. Fahlcrantz, lithografierade af Ankarsvärd, Stockholm 1828.
3. Holmbergssons XXIV (неудачные) Teckningar. Въ 5-мъ изданіи 1831.
4. II Lithographs in Strong's Translation (from Mohnike).
5. XVI Original topographical and antiquarian Engravings on Stone, in the last English Translation (by G. S.).

Примѣчаніе. Послѣдніе два отдѣла не были пополняемы ни Я. К. Гротомъ, ни нами, и остаются здѣсь въ томъ же видѣ, въ какомъ были напечатаны при 1-мъ изданіи русскаго перевода.

Считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь цѣликомъ отзывъ Бѣлинскаго о переводѣ Я. К. Грота, какъ любопытный самъ по себѣ, а также въ виду тѣхъ пропусковъ, которые допущены въ изданіяхъ „Сочиненій" Бѣлинскаго (также и послѣднемъ), и о которыхъ переводчикъ упоминаетъ выше въ примѣчаніи. *Ред.*

...„Фритіофъ" — поэма шведскаго поэта Тегнéра, созданная имъ изъ народныхъ сказокъ и преданій, слѣдовательно по преимуществу произведеніе народное, которое должно быть мало доступно и мало интересно

для всякой другой публики, кромѣ шведской. Но „Фритіофъ", несмотря на свою народность, общедоступенъ, понятенъ и въ высшей степени интересенъ для всякой публики и на всякомъ языкѣ, если переданъ хоть такъ хорошо, какъ передалъ его на русскій языкъ г. Гротъ. Причина этому — общечеловѣческое содержаніе и самый характеръ скандинавской народности. Чтобъ эта мысль была для всѣхъ ясна, мы должны въ краткомъ очеркѣ изложить содержаніе „Фритіофа".

Изложивъ затѣмъ сжато содержаніе поэмы съ обильными выдержками изъ перевода, критикъ продолжаетъ такъ:

„Вотъ содержаніе поэмы лауреата Швеціи. Какіе элементы жизни, и какъ было такому даровитому поэту не создать изъ нихъ такой превосходной поэмы! Великодушное геройство, неукротимая, рьяная любовь, стремленіе къ славѣ и великимъ дѣламъ, ненасытимая жажда мести за оскорбленную честь и достоинство—и готовность прощать; бурное, гордое вольнолюбіе — и благоговѣйное уваженіе къ законамъ нравственности и истины; любовь къ женщинѣ могучая, безпредѣльная, страстная и вмѣстѣ кроткая, нѣжная, покорная, дѣвственная, чистая: — вотъ они, эти романтическіе элементы, это зерно будущаго рыцарства! А между тѣмъ, нравы дики, воинственность отзывается звѣрствомъ, право сильнаго торжествуетъ, кровь льется безпрестанно. Да, народная поэзія *такого* племени доступна всѣмъ народамъ и всѣмъ вѣкамъ: изъ нея смѣло могутъ черпать поэты новѣйшаго времени и изъ ея элементовъ созидать произведенія мировыя и вѣчныя! Все дѣло въ идеѣ: чѣмъ общѣе идея, тѣмъ родственнѣе духу человѣческому форма, выразившая ее. А какая же идея общѣе, человѣчнѣе, родственнѣе всѣмъ вѣкамъ и народамъ, какъ не идея мужества, доблести, правды, любви, и всего, чѣмъ гордится человѣчество, въ чемъ люди сознаютъ свое братство, свое единокровное родство въ Богѣ?...

Не зная подлинника, не можемъ утвердительно судить о достоинствѣ поэмы Тегнéра; можемъ сказать только, что чѣмъ болѣе нравился намъ переводъ г. Грота, тѣмъ несравненно выше представлялся нашей фантазіи подлинникъ... Какіе грандіозные образы, какая сила, энергія въ чувствѣ, какая свѣжесть красокъ, какой дивно-поэтическій колоритъ! Это совершенно новый, оригинальный міръ — полный безконечности, величавый и сумрачный, какъ даль океана, какъ вѣчно-суровое небо сѣвера, опирающееся на исполинскія сосны... Отъ всей души благодаримъ г. Грота за его прекрасный подарокъ русской публикѣ...

Что касается до достоинства перевода, нельзя не отдать полной справедливости таланту г. Грота, какъ переводчика. Онъ умѣлъ сохранить колоритъ скандинавской поэзіи подлинника, и потому въ его переводѣ есть жизнь: а это уже великая заслуга въ дѣлѣ такого рода! Жаль только, что между прекрасными стихами, у него нерѣдко попадаются стихи прозаическіе, неточность въ выраженіи, а отъ того и темнота. Можетъ быть это происходило и отъ желанія быть какъ можно вѣрнѣе смыслу подлинника: въ такомъ случаѣ, мы самые недостатки готовы принять за достоинства, тѣмъ болѣе, что со временемъ г-ну Гроту легко будетъ исправить ихъ [1]). Впрочемъ, нѣкоторыя пѣсни пере-

[1]) Переводчикъ такъ и сдѣлалъ впослѣдствіи при 2-мъ изданіи, и послѣ онъ еще дѣлалъ поправки въ своемъ экземплярѣ, которыми мы и воспользовались въ настоящемъ изданіи. *Ред.*

ведены прекрасно, особенно XIX-я. Намъ очень нравится, что г. Гротъ каждую пѣсню переводилъ размѣромъ подлинника. Такъ какъ форма всегда соотвѣтствуетъ идеѣ, то размѣръ отнюдь не есть случайное дѣло, — и измѣнить его въ переводѣ значитъ поступить произвольно. Можетъ быть, такой переводъ будетъ и выше самого подлинника, но тогда онъ — уже передѣлка, а не переводъ.

Переводъ г. Грота снабженъ всѣми вспомогательными средствами, облегчающими для читателя уразумѣніе поэтическаго произведенія: объясненіемъ непонятныхъ словъ, разсказомъ о нравахъ, обычаяхъ и миѳологіи древней Скандинавіи, извѣстіемъ о переводѣ „Фритіофа" на всѣ языки, письмомъ Тегнéра, касающимся до его поэмы. Словомъ, изданіе перевода г. Грота, не въ примѣръ русскимъ книгамъ, *европейское* въ полномъ смыслѣ этого слова. Видно, что г. Гротъ занялся переводомъ „Фритіофа" съ любовью и усердіемъ, долго изучалъ его"...

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Древне-исландскія саги.

Къ числу важнѣйшихъ памятниковъ скандинавской древности принадлежитъ собраніе сагъ, изданное въ Копенгагенѣ незабвеннымъ профессоромъ Рафномъ (1829, 1830). Въ нихъ рѣчь идетъ о происшествіяхъ, случившихся въ Скандинавіи до времени Гаральда Лѣповласаго, или заселенія Исландіи въ IX-мъ столѣтіи. Вотъ почему въ этихъ сказаніяхъ нельзя искать строго-историческаго содержанія, хотя они по большей части и не лишены исторической основы. Согласно съ младенческимъ состояніемъ тогдашнихъ народовъ, въ сагахъ являются сверхъестественныя силы и божества, принимающія непосредственное участіе въ дѣлахъ человѣческихъ.

„Фритіофссага" считается одною изъ древнѣйшихъ по происхожденію и интереснѣйшихъ по содержанію сагъ. Знаменитый копенгагенскій профессоръ Мюллеръ (издавшій въ 1818 г. свою извѣстную „Библіотеку сагъ") полагаетъ, по языку Фритіофссаги, что она была въ первый разъ *записана* въ Исландіи въ концѣ XIII или въ началѣ XIV столѣтія; въ немногихъ только выраженіяхъ саги Мюллеръ видитъ слѣды подновленія ея въ болѣе близкое къ намъ время. „Можетъ быть, говоритъ онъ, отдѣльныя происшествія были нѣсколько украшены, но главное событіе таково, что оно во всѣ времена способно возбуждать человѣческое любопытство, и особенно становиться предметомъ народной поэзіи. Испоконъ-вѣку было повѣрье, что вѣдьмы могутъ вызывать бурю и потомъ посреди самой непогоды являться передъ кораблемъ въ образѣ кита или другого морского звѣря. Во многихъ сагахъ можно видѣть, что важнымъ дѣломъ считалось въ

бурю убить подобное, приближавшееся къ кораблю животное.“ Самое происхожденіе саги относится, вѣроятно, къ гораздо болѣе отдаленному времени. „Еслибъ, продолжаетъ Мюллеръ, разсказъ былъ изобрѣтенъ не прежде XIV столѣтія, то сочинитель не удовольствовался бы подвергнуть героя бурѣ во время мирнаго плаванія къ Фарейскимъ островамъ: онъ бы навѣрное отправилъ его въ Біармію или Морландію (т. е. Африку) на борьбу съ великанами или на освобожденіе какихъ-нибудь принцессъ“. Время жизни Фритіофа Мюллеръ относитъ вѣка за два до Гаральда Лѣповласаго; но на этотъ счетъ мнѣнія ученыхъ очень различны, и ничего вполнѣ достовѣрнаго сказать нельзя. Торфеусъ думаетъ, что Фритіофъ жилъ уже въ началѣ II-го вѣка; Шёнингъ принимаетъ III-е, а Сумъ IV-е столѣтіе. По позднѣйшимъ изслѣдованіямъ все это слишкомъ рано. По мнѣнію историка Мунка, который, считая событія саги вымышленными, признаетъ, однакожъ, героя ея лицомъ историческимъ, — Фритіофъ жилъ въ концѣ VII или въ началѣ VIII вѣка. Нѣмецкій ученый Монике, которому Фритіофссага такъ много обязана (онъ перевелъ и поэму Тегнèра), относитъ событія саги къ концу VIII столѣтія, на томъ основаніи, что, по его мнѣнію, сподвижникъ Фритіофа Бьёрнъ былъ не кто иной какъ Бьёрнъ Буна изъ Согна, о которомъ говоритъ книга „Ланднама“ (исторія занятія Исландіи) и внукъ котораго Тордъ переселился въ Исландію.

Объ отцѣ и дѣдѣ Фритіофа есть особое сказаніе — сага о Торстенѣ Викингсонѣ. Она, вѣроятно, новѣе и полна баснословныхъ происшествій, почему и не заслуживаетъ большого довѣрія; для полноты укажемъ однакоже на главныя черты ея содержанія. У конунга Логи, прозваннаго Могучимъ (Hàlogi), былъ ярлъ Вифель. Сынъ Вифеля Викингъ много странствовалъ, много испыталъ приключеній и, между прочимъ, началъ войну съ конунгомъ Ньёрве въ Упландіи. Но такъ какъ эти два противника были равны по силамъ и притомъ находили, что ни у одного изъ нихъ не было на корабляхъ такого богатства, изъ-за котораго стоило-бы воевать, то они заключили миръ и братство, и Викингъ сдѣлался ярломъ у Ньёрве. Этотъ Ньёрве впослѣдствіи прижилъ одиннадцать сыновей, а Викингъ — девятерыхъ. Когда тѣ и другіе выросли, то между ними вспыхнула вражда, и они перебили другъ друга; наконецъ, въ живыхъ остались только двое: Іокуль, сынъ Ньёрве, и Торстенъ, сынъ Викинга. Сами же Ньёрве и Викингъ сохраняли между собою дружбу до конца жизни. Торстену пришлось воевать съ Беломъ, согнскимъ конунгомъ. Когда первый побѣдилъ, то они заключили братство, и Торстенъ женился на сестрѣ Бела Ингеборгѣ, за которою и получилъ селеніе Фрамнесъ. Послѣ того Торстенъ и Белъ совершили вмѣстѣ много далекихъ морскихъ походовъ и на одномъ изъ нихъ повстрѣчались съ Ангантиромъ, съ которымъ и дрались цѣлый день безъ рѣшительнаго успѣха. Ангантиръ

былъ принятъ ими въ братскій союзъ и помогъ имъ завоевать Оркнейскіе острова, гдѣ и былъ посаженъ ярломъ подъ условіемъ платить Белу ежегодную дань. Торстенъ же предпочелъ сдѣлаться *герсомъ* (воеводою, правителемъ округа) подъ властію Бела.

Изъ всѣхъ сагъ скандинавскихъ „Фритіофссага“ пріобрѣла наибольшую извѣстность въ Европѣ. Этимъ она обязана особенно Тегнѐру, который, по словамъ одного шведскаго писателя, принялъ ее подъ покровительство своего генія и облекъ въ новый, великолѣпный нарядъ: „какъ прекрасно-отдѣланное золото, говоритъ онъ далѣе, заставляетъ иногда позабывать кусокъ руды, изъ которой оно добыто, такъ и въ настоящемъ случаѣ Тегнерова поэма почти затмила прозаическую сагу; но всякій, кто прочтетъ это первоначальное произведеніе, убѣдится, что и оно заслуживаетъ полнаго вниманія“. Еще до Тегнѐра другіе два скандинавскіе поэта пробовали воспользоваться богатымъ содержаніемъ саги для художественнаго созданія [1]); историкъ же Мункъ такъ отзывается о ней: „Сага эта необыкновенно-хорошо составлена и читается очень легко; она заключаетъ въ себѣ многія любопытныя черты быта древней Норвегіи, и, за исключеніемъ разсказа о вѣдьмахъ, подобные которому встрѣчаются и въ другихъ, вообще достовѣрныхъ сагахъ, въ цѣломъ повѣствованіи нѣтъ собственно ничего невѣроятнаго“ [2]).

Прозаическая „Фритіофссага“ сохранилась въ большомъ числѣ списковъ, которые въ частностяхъ не вполнѣ сходны между собою. Особенно же отличается отъ всѣхъ прочихъ одна рукопись, гдѣ разсказъ гораздо короче и представляетъ разныя особенности: она состоитъ только изъ 5-ти главъ и передаетъ событія по большей части другими словами, а иногда и въ другомъ порядкѣ. Полагаютъ, что это не что иное, какъ сокращеніе болѣе древней подлинной саги. „Фритіофссага“ издана была два раза: 1, въ Стокгольмѣ Бьёрнеромъ, въ 1737 году, и 2, въ Копенгагенѣ Рафномъ, въ 1829 г. [3]), Оба изданія отличаются одно отъ другого болѣе или менѣе существенными разночтеніями.

Исландская сага была переводима на разные языки: уже Бьёрнеръ приложилъ къ подлиннику латинскій и шведскій переводы; по-шведски и по-датски она была издаваема нѣсколько разъ, начиная съ 1826 года. Къ англійскому переводу поэмы Тегнéра, сдѣланному Стивенсомъ, присоединенъ и переводъ прозаической саги. Самымъ важнымъ пособіемъ для изученія саги служитъ нѣмецкій ея переводъ Монике, изданный въ Стральзундѣ (гдѣ онъ былъ университетскимъ профессоромъ) въ 1830 г. подъ заглавіемъ: „Die Saga von Fridthjof dem Starken, aus dem Islän-

[1]) Samsöe основалъ на ней романтическую повѣсть, а Söeoft — драму.

[2]) „Det norske folkshistorie“ ч. I.

[3]) Послѣднее (дипломатич.) изданіе исландской саги: Sagan ock rimorna om Fridhiófr hinn frakni utj. av L. Larsson. København 1893 (Samfund til udgiv af gammel nord. litteratur, № XXII). *Ред.*

dischen von G. Ch. Fr. Mohnike". При этомъ переводѣ помѣщены подробныя, очень дѣльныя примѣчанія и хорошо составленная карта норвежской мѣстности, гдѣ происходятъ главныя событія саги. На шведскомъ языкѣ новѣйшій переводъ, съ критическими примѣчаніями, изданъ, для полученія степени магистра, г. Нюстрёмомъ 1867 года въ Упсалѣ. На русскій языкъ прозаическую сагу въ первый разъ перевелъ г. Карлъ Ленстрёмъ; его переводъ напечатанъ въ 1852 году, въ С.-Петербургѣ, въ сборникѣ: „Опыты историко-филологическихъ трудовъ студентовъ Главнаго Педагогическаго института". Переводъ этотъ, сдѣланный съ исландскаго, вообще удаченъ; но переводчикъ иногда удаляется отъ простоты подлинника и употребляетъ выраженія, очень хорошія для нашего времени, но въ произведеніи древности дѣлающіяся анахронизмами; напр., у него въ 1-й главѣ конунгъ Белъ говоритъ: „Эта болѣзнь сведетъ меня въ гробъ", тогда какъ Норманны гробовъ вовсе не знали. Поэтому настоящій переводъ съ исландскаго подлинника, начатый очень давно, казался не лишнимъ; занимаясь имъ, переводчикъ на каждой строкѣ чувствовалъ, какъ трудно на какомъ бы то ни было новомъ языкѣ, а тѣмъ болѣе на языкѣ совершенно другого склада, передать первобытную простоту, краткость и свѣжесть своеобразныхъ исландскихъ оборотовъ; не мало стоило ему усилій соединить точность перевода съ возможною легкостью слога.

Представляя теперь свой переводъ на судъ читателей, съ удовольствіемъ признаю, что для вѣрнѣйшаго уразумѣнія подлинника и повѣрки своихъ толкованій, я принялъ въ соображеніе труды почти всѣхъ другихъ переводчиковъ саги, а въ томъ числѣ и русскаго моего предшественника. Въ подлинникѣ проза смѣняется иногда стихами, въ которыхъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, надобно видѣть остатки древнѣйшаго эпическаго состава саги. Г. Ленстрёмъ справедливо сомнѣвается въ основательности такого взгляда, замѣчая, что поэтическая форма всегда упорно держится въ памяти народа и что онъ никогда не перелагаетъ стиховъ въ прозу: „народъ не даромъ говоритъ, что изъ пѣсни сло́ва не выкинешь. Далѣе, самый слогъ саги, складъ рѣчи отрывистый, простой, безыскусственный, не имѣетъ никакихъ слѣдовъ перехода стиховъ въ прозу. Напротивъ, весь тонъ этой саги носитъ на себѣ признаки первобытной, подлинной древности, признаки первичной формаціи, какъ она вышла изъ творческой силы народнаго духа". Послѣдняго выраженія, однакожъ, нельзя признать умѣстнымъ, такъ какъ саги не были конечно произведеніями народной литературы, а составлялись скальдами, и только въ основѣ ихъ могли дѣйствительно находиться народныя преданія или пѣсни. Что касается до перевода стиховъ, встрѣчающихся въ прозаической „Фритіофссагѣ", то я не счелъ нужнымъ слѣдовать примѣру прочихъ ея переводчиковъ и передавать эти мѣста стихами же: здѣсь мнѣ каза-

лось самою важной задачей — сохранить вполнѣ смыслъ подлинника, и я тѣмъ болѣе предпочелъ прозу же, что въ сагѣ исландскіе стихи менѣе отличаются истинною поэзіей, чѣмъ извѣстными внѣшними особенностями, какъ-то своеобразными размѣрами и созвучіями въ началѣ словъ (аллитерація), которыя очень трудно, безъ измѣненія смысла, воспроизвести въ переводѣ. Отъ употребленія въ этомъ случаѣ прозы читатель, какъ мнѣ кажется, ничего не проиграетъ. Совершенно другое дѣло — переводъ истинно-поэтическаго произведенія, котораго передача въ прозѣ, по словамъ одного уважаемаго критика, „не вводитъ читателя въ точное уразумѣніе красотъ подлинника.“ [1]).

Сага о Фритіофѣ смѣломъ.

Глава I.

О смерти конунга Бела и Торстена Викингсона и ихъ дѣтяхъ.

Такъ начинается эта сага. Конунгъ Белъ правилъ областью Согнъ въ Норвегіи. У него было трое дѣтей. Гелгомъ звали одного сына, другого Гальфданомъ, а дочь Ингеборгой. Ингеборга была прекрасна и разумна; она была лучшее дитя конунга. По западной сторонѣ къ морскому заливу тянулся берегъ [2]); тамъ было большое селеніе, называвшееся Бальдерсгагой [3]); въ этомъ мирномъ убѣжищѣ находился обширный храмъ, окруженный высокимъ тыномъ. Тамъ было много боговъ, всѣхъ же болѣе чтили Бальдера. Язычники такъ уважали святость этого мѣста, что никто не смѣлъ тамъ причинять вреда ни звѣрю, ни человѣку, и мужчины не могли имѣть сообщества съ женщинами. Сирстрандомъ [4]) (Syrstrand) назывался участокъ, которымъ владѣлъ конунгъ, а по то сторону залива стояло селеніе и называлось оно Фрамнесомъ [5]). Тамъ жилъ мужъ по имени Торстенъ, сынъ Викинга; его селенье стояло противъ конунгова. Торстенъ съ женою своей прижилъ сына по имени Фритіофа; онъ былъ изъ всѣхъ мужей самый рослый и сильный, и пріученъ къ отважнымъ дѣламъ уже смолоду; его прозвали *Фритіофомъ Смѣлымъ*. Онъ былъ такъ любимъ,

[1]) См. *Современникъ*. 1845, т. XL.

[2]) Чтобы понять это выраженіе, надобно представить себѣ, что Согнскій морской заливъ шелъ отъ запада къ востоку; въ восточномъ углу онъ пускалъ отъ себя еще маленькій заливъ къ сѣверу: по западной сторонѣ этого-то внутренняго залива и тянулся берегъ, о которомъ рѣчь идетъ.

[3]) Baldershage. Hage зн. роща.

[4]) Къ югу отъ Бальдерсгаги, на томъ же берегу.

[5]) Framnäs зн. передовой, выдающійся мысъ.

что всѣ желали ему добра. Дѣти конунга были еще малолѣтны, когда умерла ихъ мать. Гильдингомъ звали добраго бонда (поселянина, землевладѣльца) въ Согнѣ; онъ вызвался взять на воспитаніе дочь конунга, и была она воспитана у него хорошо и заботливо; ее прозвали *Ингеборгой прекрасной.* Фритіофъ также воспитывался у бонда Гильдинга, и сталъ онъ (по воспитанію) побратимомъ конунговой дочери, и были они лучше всѣхъ другихъ дѣтей. У конунга Бела стало убывать движимое добро, потому что онъ состарѣлся. Торстенъ имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи треть государства, и былъ онъ главною опорою конунга. Торстенъ чрезъ каждые три года давалъ конунгу роскошный пиръ, а конунгъ чрезъ каждые два года давалъ пиръ Торстену. Сынъ Бела Гелгъ рано сдѣлался усерднымъ жрецомъ боговъ, но онъ и братъ его не были любимы народомъ. У Торстена былъ корабль, который звали Эллидой; на немъ помѣщалось, съ каждой стороны, по пятнадцати гребцовъ; онъ на обоихъ концахъ круто выгибался и былъ крѣпокъ, какъ морское судно; бортъ былъ обитъ желѣзомъ. *Фритіофъ былъ такъ силенъ,* что могъ грести двумя веслами на носу Эллиды (длиною въ тринадцать локтей), а каждымъ изъ прочихъ веселъ управляло по два человѣка. Фритіофъ считался первымъ изъ молодыхъ людей того времени, и сыновьямъ конунга было завидно, что его хвалили болѣе ихъ. Между тѣмъ конунгъ Белъ занемогъ, и когда сталъ терять силы, то призвалъ сыновей своихъ и сказалъ имъ: „Отъ этой болѣзни будетъ мнѣ смерть, и потому прошу васъ, сохраняйте дружбу съ тѣми, которые были мнѣ друзьями: мнѣ кажется, что Торстенъ и Фритіофъ будутъ вамъ нужны и для совѣта, и для дѣла. Насыпьте курганъ надо мною“. Затѣмъ Белъ умеръ. Послѣ того занемогъ Торстенъ; онъ сказалъ Фритіофу: „Родимый! прошу тебя, оказывай покорность сыновьямъ конунга, это подобаетъ ихъ сану; впрочемъ я предчувствую, что ты будешь счастливъ. Желаю, чтобъ меня похоронили противъ самаго кургана Бела, по сю сторону залива, у моря; тамъ будетъ намъ привольно перекликаться о предстоящихъ событіяхъ“. Бьёрномъ и Асмундомъ звали побратимовъ Фритіофа; они были рослые и сильные люди. Вскорѣ Торстенъ испустилъ духъ; онъ былъ похороненъ, какъ приказалъ; Фритіофъ же наслѣдовалъ его землю и движимость.

Глава II.

Фритіофъ сватается за Ингеборгу, сестру конунговъ.

Фритіофъ сталъ знаменитѣйшимъ мужемъ и велъ себя храбро во всѣхъ воинскихъ дѣлахъ. Бьёрнъ, побратимъ его, былъ ему особенно дорогъ; Асмундъ же служилъ имъ обоимъ. Корабль Эллида былъ

лучшимъ сокровищемъ, доставшимся ему послѣ отца; вторымъ сокровищемъ было золотое кольцо, которому не было равнаго въ Норвегіи.

Фритіофъ былъ такъ щедръ, что большинство людей ставило его не ниже обоихъ братьевъ, находя, что ему недоставало только сана конунга. За это Гелгъ и Гальфданъ возненавидѣли Фритіофа и досадовали, что молва отдавала ему преимущество передъ ними; притомъ же они замѣтили, что ихъ сестра Ингеборга и Фритіофъ полюбили другъ друга. Случилось, что конунги поѣхали на пиръ къ Фритіофу во Фрамнесъ, и онъ по обыкновенію угостилъ ихъ пышно. Ингеборга также была тамъ, и Фритіофъ долго разговаривалъ съ нею. Дочь конунга сказала ему: „У тебя есть доброе золотое кольцо.“ — „Есть“, отвѣчалъ Фритіофъ. Послѣ того братья отправились домой, и зависть ихъ къ Фритіофу еще усилилась. Вскорѣ Фритіофъ сталъ очень грустенъ; Бьёрнъ, побратимъ его, спросилъ, какая тому причина. Онъ сказалъ, что у него на сердцѣ разыгралось желаніе свататься за Ингеборгу: „хотя я по званію ниже ея братьевъ, однакожъ думаю, что не менѣе ихъ значу“. Бьёрнъ сказалъ: „Такъ и сдѣлаемъ“. Тогда Фритіофъ съ нѣсколькими изъ своихъ мужей поѣхалъ къ братьямъ. Конунги сидѣли на курганѣ своего отца. Фритіофъ, привѣтствовавъ ихъ учтиво, высказалъ свою просьбу, сватался за сестру ихъ Ингеборгу, дочь Бела. Конунги отвѣчали: „Не разумно ты требуешь, чтобъ мы выдали ее за человѣка не знатнаго рода, и потому рѣшительно отказываемъ“. Фритіофъ сказалъ: „Тогда дѣло мое кончено; но я отплачу вамъ, и ужъ никогда не подамъ помощи, хотя бы вы во мнѣ и нуждались“. Они сказали, что не будутъ тужить о томъ. Поѣхалъ Фритіофъ домой и сталъ по прежнему веселъ.

Глава III.

Конунгъ Рингъ объявляетъ войну сыновьямъ Бела.

Жилъ конунгъ по имени Рингъ; Онъ правилъ Рингарикіею, также въ Норвегіи. Онъ былъ сильный областной конунгъ и добрый человѣкъ, но ужъ старъ лѣтами. Онъ сказалъ своимъ мужамъ: „Я слышалъ, что сыновья конунга Бела поссорились съ Фритіофомъ, однимъ изъ славнѣйшихъ мужей. Теперь отправлю пословъ къ конунгамъ объявить имъ, что или они должны покориться мнѣ и платить дань, или я пойду на нихъ войною, и это будетъ мнѣ легко, такъ какъ они не могутъ сравниться со мною ни числомъ войска, ни разумомъ; а мнѣ было бы великою славою на старости лѣтъ побѣдить ихъ“. Послѣ того отправились послы конунга Ринга и нашли братьевъ Гелга и Гальфдана въ Согнѣ и сказали имъ: „Конунгъ Рингъ велитъ вамъ

объявить, чтобы вы прислали ему дань, а не то онъ опустошитъ вашу область". Они отвѣчали, что не намѣрены въ молодые годы учиться тому, чего не желаютъ знать въ старости, то-есть позорно служить ему: „а соберемъ рать, какую можемъ добыть". Такъ и сдѣлали. Но когда увидѣли, что рать ихъ мала, то послали воспитателя Гильдинга къ Фритіофу съ просьбой пріѣхать на помощь къ конунгамъ. Фритіофъ сидѣлъ за шахматной доской, когда вошелъ Гильдингъ и сказалъ: „Конунги наши шлютъ тебѣ поклонъ и требуютъ твоей помощи въ войнѣ противъ конунга Ринга, который хочетъ нагло и несправедливо вторгнуться въ ихъ область". Фритіофъ не отвѣчалъ ему ничего, а сказалъ Бьёрну, съ которымъ игралъ: „Тутъ пустое мѣсто, братецъ; но ты не перемѣняй хода; лучше я нападу на красную шашку, и посмотрю, защищена ли она." Гильдингъ продолжалъ: „Конунгъ Гелгъ просилъ сказать тебѣ, Фритіофъ, чтобъ ты также шелъ въ походъ, иначе тебѣ будетъ плохо, когда они воротятся." Тогда Бьёрнъ сказалъ: „Тутъ сомнительно, какъ поступить, и сыграть можно двояко." Фритіофъ сказалъ: „Тогда разумнѣе напасть прежде на главную шашку, и сомнѣнію будетъ конецъ." Иного отвѣта Гильдингъ не дождался; онъ поспѣшно поѣхалъ назадъ къ конунгамъ и передалъ имъ рѣчи Фритіофа. Они спросили Гильдинга, какъ онъ разумѣетъ эти слова. Гильдингъ сказалъ: „Говоря про пустое мѣсто, онъ намекалъ, конечно, на свое неучастіе въ вашемъ походѣ, а когда сбирался напасть на красную шашку, то выразилъ намѣреніе итти къ Ингеборгѣ, сестрѣ вашей. Берегите же ее хорошенько. Когда я грозилъ ему вашимъ гнѣвомъ, то Бьёрнъ увидѣлъ въ дѣлѣ сомнѣніе, а Фритіофъ сказалъ, что лучше прежде напасть на главную шашку; тутъ онъ разумѣлъ конунга Ринга." Послѣ того конунги стали снаряжаться и велѣли заблаговременно отправить Ингеборгу съ восемью дѣвушками въ Бальдерсгагу. Они сказали, что Фритіофъ не рѣшится ѣздить туда на свиданіе съ нею: ибо никто не смѣетъ дѣлать тамъ зло. И братья отправились на югъ къ Ядару и нашли конунга Ринга въ Сокнарзундѣ [1]). Конунгъ же Рингъ былъ особенно раздраженъ отзывомъ братьевъ, что имъ стыдно воевать съ такимъ старикомъ, который не въ силахъ взлѣзть на лошадь безъ чужой помощи.

[1]) *Ядаръ* (нынѣ Joederen) — береговая полоса земли, нынѣ часть Ставангерскаго округа. *Сокнарзундъ* — проливъ между двумя островами, недалеко къ сѣверу отъ Ставангера. Война должна была, какъ изъ этого видно, происходить на морѣ.

Глава IV.

Поѣздки Фритіофа въ Бальдерсгагу.

Только-что конунги отправились, Фритіофъ надѣлъ свое праздничное платье, а на руку свое доброе золотое кольцо. Потомъ побратимы пошли къ морю и сѣли на Эллиду. Бьёрнъ спросилъ: „Куда держать путь, побратимъ?“ Фритіофъ говоритъ: „Къ Бальдерсгагѣ, чтобъ потѣшиться съ Ингеборгой.“ Бьернъ сказалъ: „Не слѣдуетъ накликать на себя гнѣвъ боговъ.“ Фритіофъ сказалъ: „Отважусь на это; мнѣ важнѣе ласки Ингеборги, чѣмъ гнѣвъ Бальдера.“ Послѣ того они переправились на веслахъ черезъ заливъ и пошли въ Бальдерсгагу, въ палату Ингеборги. Она сидѣла тамъ съ восемью дѣвушками; ихъ было также восемь. Когда они вошли туда, все было тамъ убрано паволоками и дорогими тканями. Ингеборга, вставъ, сказала: „Какъ у тебя достало смѣлости, Фритіофъ, притти сюда вопреки запрещенію моихъ братьевъ, и тѣмъ раздражить противъ себя боговъ?“ Фритіофъ говоритъ: „Что бы ни случилось, твоя любовь мнѣ важнѣе, чѣмъ гнѣвъ боговъ.“ Ингеборга отвѣчаетъ: „Будь тогда моимъ дорогимъ гостемъ со всѣми твоими мужами.“ Потомъ она посадила его возлѣ себя и пила за его здоровье лучшее вино, и такъ они сидѣли и забавлялись. Тутъ Ингеборга увидѣла доброе кольцо на рукѣ его и спросила, ему ли принадлежитъ сокровище. Фритіофъ сказалъ, что ему. Она много хвалила кольцо. Фритіофъ сказалъ: „Я дамъ тебѣ кольцо, если ты обѣщаешь не выпускать его изъ рукъ и прислать мнѣ назадъ, когда не захочешь болѣе имѣть его, и такимъ образомъ мы дадимъ другъ другу обѣтъ вѣрности.“ При этой помолвкѣ они помѣнялись кольцами. Фритіофъ часто бывалъ по ночамъ въ Бальдерсгагѣ и между тѣмъ ѣздилъ туда каждый день и забавлялся съ Ингеборгой.

Глава V.

О Фритіофѣ и сыновьяхъ Бела.

Теперь надобно сказать о братьяхъ, что они встрѣтили конунга Ринга и что у него было болѣе войска. Вотъ стали ходить взадъ и впередъ мужи и старались помирить ихъ, чтобъ дѣло обошлось безъ войны. Конунгъ Рингъ сказалъ, что онъ готовъ на миръ, съ условіемъ, чтобъ конунги покорились ему и отдали прекрасную Ингеборгу, сестру свою, съ третьею частью всего своего имущества. Конунги согласились на это, видя противъ себя превосходныя силы. Примиреніе было закрѣ-

плено договоромъ, и свадьбѣ назначено быть въ Согнѣ, куда пріѣдетъ конунгъ Рингъ за своей невѣстой. Братья съ дружиной своей отправились во-свояси и были въ большой досадѣ. Между тѣмъ Фритіофъ, догадываясь, что братья скоро воротятся, сказалъ конунговой дочери: „Хорошо и любезно вы насъ угощали, и Бальдеръ на насъ не гнѣвался; когда вы узна́ете, что конунги ваши возвращаются, то развѣсьте ваши холсты надъ храминой Дисъ [1]): она здѣсь въ селеніи всего выше и мы увидимъ это съ своего дома.“ Конунгова дочь говоритъ: „Вы поступили не по примѣру другихъ мужей; но мы должны были принимать васъ какъ нашихъ друзей, когда вы приходили.“ Потомъ Фритіофъ уѣхалъ домой, а на другое утро вышелъ рано и, возвратясь къ себѣ, пропѣлъ:

„Скажу я нашимъ мужамъ, что ужъ кончены прогулки.
Ужъ воинамъ не ѣздить на кораблѣ: ибо холсты выставлены на бѣлильнѣ“.

Они вышли и увидѣли, что вся храмина Дисъ завѣшена бѣленымъ полотномъ. Бьёрнъ сказалъ: „Теперь конунги конечно возвратились и намъ недолго просидѣть спокойно: такъ лучше созвать войско“. Такъ и сдѣлали, и собралось множество мужей. Братья тотчасъ узнали о намѣреніяхъ Фритіофа и объ его дружинѣ. Тогда конунгъ Гелгъ сказалъ: „Странно мнѣ, что Бальдеръ сноситъ отъ Фритіофа всякое поруганіе: пошлю къ нему мужей освѣдомиться, какое удовлетвореніе онъ намъ предложитъ; а не то вышлю его изъ края, ибо у насъ нѣтъ достаточной силы, чтобы бороться съ нимъ на этотъ разъ.“ Воспитатель Гильдингъ отправился съ порученіемъ конунговъ къ Фритіофу, а съ нимъ были и Фритіофовы друзья. Они сказали: „Конунги для примиренія съ тобою требуютъ, Фритіофъ, чтобъ ты съ Оркнейскихъ острововъ привезъ дань, которой не платили съ тѣхъ поръ, какъ умеръ Белъ; ибо они нуждаются въ деньгахъ, выдавая сестру свою Ингеборгу замужъ съ большимъ приданымъ.“ Фритіофъ говоритъ: „Одно обязываетъ насъ къ соблюденію мира — уваженіе къ отшедшимъ отцамъ нашимъ; но братья не исполнятъ договора, и потому я ставлю условіемъ, чтобы все наше имущество было неприкосновенно, пока я буду въ отсутствіи.“ Это было обѣщано и утверждено клятвою. Вотъ Фритіофъ пускается въ путь, выбравъ себѣ въ помощь храбрыхъ и сильныхъ мужей; всѣхъ было восемнадцать. Они спросили Фритіофа, не хочетъ ли онъ прежде заѣхать къ конунгу Гелгу и примириться съ нимъ и отмолить отъ себя гнѣвъ Бальдера. Фритіофъ говоритъ: „Клянусь никогда не просить мира у конунга Гелга.“ Послѣ того онъ сѣлъ на Эллиду и они пустились вдоль по Согнскому заливу. По отъѣздѣ Фритіофа Гальфданъ сказалъ брату своему Гелгу: „Было бы

[1]) Дисы — богини.

справедливѣе какъ-нибудь наказать Фритіофа за его преступленіе: сожжемъ его дворъ и подымемъ на него и на людей его такую бурю, чтобъ имъ никогда не оправиться." Гелгъ сказалъ, что это слѣдуетъ сдѣлать. Тогда они сожгли всѣ строенія во Фрамнесѣ и расхитили все имущество. Потомъ послали они за двумя колдуньями, Гейдой и Гамгламой, и дали имъ денегъ, съ тѣмъ, чтобы онѣ накликали на Фритіофа и мужей его такую непогоду, отъ которой бы всѣ погибли въ морѣ. Онѣ изготовили чары и взошли на подмостки съ колдовствомъ и заклинаніями.

Глава VI.

Плаваніе Фритіофа къ Оркнейскимъ островамъ.

Только-что Фритіофъ съ своими людьми вышелъ изъ Согна, посвѣжѣлъ вѣтеръ и поднялась сильная буря; сдѣлалось большое волненіе и корабль понесся быстро, ибо онъ былъ легокъ на ходу и лучшаго не могло быть на морѣ. Тогда Фритіофъ запѣлъ пѣсню:

„Я велъ корабль изъ Согна, а дѣвы пили медъ; невѣста грустить начала среди Бальдерсгаги. Стала ревѣть буря; добрый день, невѣсты; вы къ намъ ласковы, хотя бы Эллида пошла ко дну".

Бьёрнъ сказалъ: „Лучше бы тебѣ заняться другимъ дѣломъ, чѣмъ пѣть о дѣвахъ Бальдерсгаги." — „Отъ того не стало бы тише", сказалъ Фритіофъ. Вдругъ ихъ понесло на сѣверъ къ проливу между острововъ, называемыхъ Солундскими; тутъ вѣтеръ былъ всего сильнѣе. Фритіофъ запѣлъ:

„Море вздувается высоко и ударяется о тучи; это производятъ старыя колдуньи, сдвигающія буруны съ мѣста. Не стану я въ бурю бороться съ Эгиромъ [1]). Пусть острова Солундскіе насъ защитятъ отъ женъ морскихъ."

Они пристали къ островамъ, называемымъ Солундскими, и рѣшились тамъ обождать; между тѣмъ погода утихла. Тогда они перемѣнили намѣреніе и отчалили отъ острова. Плаваніе казалось имъ пріятнымъ, ибо вѣтеръ сначала былъ попутный, но вдругъ пучина забушевала. Тогда Фритіофъ запѣлъ:

„Бывало, живя во Фрамнесѣ, я ѣздилъ на веслахъ въ гости къ Ингеборгѣ; теперь на парусахъ поѣду при свѣжемъ вѣтрѣ, заставлю проворно бѣжать длиннаго звѣря."

И когда они отплыли далеко отъ земли, море во второй разъ сильно взволновалось и встала великая буря съ такою снѣжною мятелью, что съ одного конца судна не видно было на другой, и волны

[1]) Эгиръ — богъ моря.

такъ заливали корабль, что нужно было безпрестанно выкачивать воду; Фритіофъ запѣлъ:

„Изъ-за страшной бури не видать другихъ людей; мы попали въ бурунъ, славная дружина; изъ виду пропали Солундскіе острова; восемнадцать мужей воду качаютъ, спасая Эллиду.“

Бьёрнъ говоритъ: „Многое увидитъ, кто далеко поѣдетъ.“ — „Правда, побратимъ,“ сказалъ Фритіофъ и запѣлъ:

„Гелгъ производитъ, что выростаютъ волны инеегривыя; это не то, что въ Бальдерсгагѣ цѣловать свѣтозарную невѣсту. Не одинаково меня любятъ Ингеборга и конунгъ; лучше хотѣлъ бы я ей поручить мое счастье.“

„Можетъ быть, сказалъ Бьёрнъ, она желаетъ, чтобъ тебѣ было лучше теперешняго, но и этимъ нечего огорчаться.“ Фритіофъ говоритъ, что теперь удобно испытать добрыхъ спутниковъ, хотя пріятнѣе было бы въ Бальдерсгагѣ. Они принялись за работу бойко, ибо тутъ сошлись все молодцы, и корабль былъ изъ лучшихъ, какіе виданы въ сѣверныхъ странахъ. Фритіофъ запѣлъ пѣсню:

„Изъ-за страшной бури ничего не видать, мы попали въ западное море; все мнѣ является какъ будто бы сквозь туманъ, пучина реветъ; высоко встаютъ лебединые холмы, Эллиду бросаютъ свирѣпыя волны.“

Вотъ налетаютъ огромные валы, всѣ люди качаютъ воду. Фритіофъ запѣлъ:

„Много пьетъ за мое здоровье дѣва; а если я погружусь въ лебединый курганъ, то она будетъ плакать тамъ, на востокѣ, гдѣ холстъ висѣлъ на солнцѣ.“

Бьёрнъ сказалъ: „Не думаешь ли ты, что согнскія дѣвы много плачутъ по тебѣ“? Фритіофъ сказалъ: „Конечно, мнѣ приходитъ это на мысль?“ Потомъ волны такъ ударили въ передній конецъ, что онѣ полились водопадами; но къ счастью корабль былъ крѣпокъ и на немъ работали надежные спутники. Тогда Бьёрнъ пропѣлъ пѣсню:

„Не дѣва тутъ пьетъ за твое здоровье, не убранная кольцами подзываетъ тебя къ себѣ; солонъ глазъ, омоченный морскою водой, крѣпкая рука изнуряется трудомъ.“

Асмундъ отвѣчаетъ: „Не бѣда, что вамъ пришлось испытать силу рукъ, ибо вы не жалѣли о насъ, когда мы протирали себѣ глаза, въ то время какъ вы такъ рано вставали въ Бальдерсгагѣ.“ — „Но чтожъ ты не поешь, Асмундъ?“ говоритъ Фритіофъ. — „За этимъ дѣло не станетъ,“ сказалъ Асмундъ и запѣлъ пѣсню:

„Здѣсь жутко было у мачты, когда море шумѣло вокругъ корабля: я работалъ на немъ съ восемью человѣками; веселѣе было носить завтракъ въ дѣвичій теремъ, нежели въ бурю выкачивать изъ Эллиды воду.“

„Ты не низко цѣнишь свою помощь, сказалъ Фритіофъ и улыбнулся: однакожъ ты уподобляешься рабскому племени, желая заняться приготовленіемъ кушанья.“ Тутъ вѣтеръ снова такъ усилился, что волны, которыя со всѣхъ сторонъ рвались на корабль, казались бывшимъ на немъ похожими на утесы и скалы. Фритіофъ запѣлъ:

„Сидѣлъ я на подушкѣ въ Бальдерсгагѣ, пѣлъ, какъ могъ, передъ конунговой дочерью; теперь неизбѣжно попаду на ложе Раны [1]), другому достанется ложе Ингеборги.“

Бьёрнъ сказалъ: „Горькій раздается плачъ, побратимъ, и уныніе слышится въ твоихъ словахъ; жаль такого добраго молодца.“ Фритіофъ говоритъ: „Это не уныніе и не плачъ, хоть я и пою о нашихъ любовныхъ поѣздкахъ; но можетъ статься, объ нихъ говорено болѣе, чѣмъ слѣдовало. Однакожъ большей части людей смерть казалась бы вѣрнѣе жизни, еслибъ съ ними случилось то, что съ нами; но я тебѣ еще что-то скажу.“ И онъ запѣлъ:

„Тебѣ не досталось мое счастье — при восьми дѣвушкахъ бесѣдовать съ Ингеборгой; мы съ нею помѣнялись червлеными кольцами въ Бальдерсгагѣ; далече былъ тогда Вигле, стерегущій землю Гальфдана.“

Бьёрнъ сказалъ: „Будемъ, побратимъ, довольны тѣмъ, что случилось.“ Вдругъ валъ обрушился на корабль съ такою силой, что клампы и оба галса были оторваны, и за бортъ выброшены четыре человѣка, которые всѣ и потонули. Тогда Фритіофъ запѣлъ:

„Оба галса порвались при страшномъ волненіи моря; погрузились четыре товарища въ глубокую пучину.“

Теперь похоже на то, сказалъ Фритіофъ, что нѣкоторые изъ нашихъ людей отправляются къ Ранѣ. Но наше появленіе не покажется приличнымъ, если мы придетъ туда, не снарядившись какъ подобаетъ храбрымъ. Мнѣ сдается, что каждому изъ мужей слѣдовало бы имѣть при себѣ нѣсколько золота.“ И онъ разрубилъ на части кольцо Ингеборги и роздалъ куски своимъ людямъ, и запѣлъ пѣсню:

„Червленое кольцо, нѣкогда принадлежавшее богатому родителю Гальфдана, я разрублю тебя, прежде нежели насъ уничтожитъ Эгиръ. Пусть на гостяхъ увидятъ золото, когда имъ нужно угощенье. Это прилично храбрымъ воинамъ въ палатахъ Раны“.

Бьёрнъ сказалъ: „Это еще не вѣрно, хотя и вѣроятно“. Тогда Фритіофъ и люди его замѣтили, что корабль унесло далеко впередъ; но они не знали куда, ибо ихъ отовсюду окружала мгла, такъ что ничего не видно было между кормой и носомъ за волненіемъ и бурей, туманомъ и снѣгомъ и страшною стужей. Вотъ Фритіофъ взлѣзъ на мачту, и сказалъ своимъ товарищамъ, спустившись: „Я видѣлъ чудное

[1]) Богиня моря, жена Эгира. Ложе Раны — дно морское.

*

зрѣлище: огромный китъ обвился кольцомъ вокругъ корабля; догадываюсь, что мы приблизились къ какой-то землѣ и что онъ хочетъ помѣшать намъ пристать; мнѣ сдается, что конунгъ Гелгъ поступаетъ съ нами не дружески и посылаетъ намъ что-то недоброе. Вижу двухъ женщинъ на хребтѣ кита, и онѣ-то конечно вызвали эту грозную бурю своими злыми чарами и заклинаніями. Теперь мы испытаемъ, что̀ сильнѣе, наше счастье, или ихъ колдовство: вы правьте прямо на нихъ, а я острога́ми задамъ этимъ чудовищамъ." И онъ пропѣлъ пѣсню:

„Вижу двухъ вѣдьмъ на волнѣ; ихъ прислалъ сюда Гелгъ; имъ спину разрѣжетъ пополамъ Эллида, прежде нежели остановится."

Сказываютъ, что у Эллиды была способность понимать человѣческую рѣчь. Вотъ Бьёрнъ сказалъ: „Теперь мы увидимъ, каково расположеніе къ намъ братьевъ," и онъ бросился къ рулю, Фритіофъ же схватилъ шестъ, побѣжалъ къ носу корабля и пропѣлъ пѣсню:

„Ура, Эллида! Бѣги по волнамъ; разбей вѣдьмамъ зубы и лобъ, скулы и челюсти злымъ бабамъ; переломи ногу, или и обѣ этимъ чудовищамъ".

Тутъ онъ пустилъ рогатиной въ одну изъ вѣдьмъ-оборотней; передній же конецъ Эллиды попалъ въ спину другой, и у обѣихъ проломанъ былъ хребетъ; китъ же пошелъ поспѣшно ко дну, и его болѣе не видали. Вѣтеръ сталъ утихать, но корабль съ трудомъ держался на водѣ. Фритіофъ кликнулъ своихъ людей и велѣлъ имъ отливать судно. Бьёрнъ замѣтилъ, что это безполезный трудъ. „Берегись отчаяваться, побратимъ!" сказалъ Фритіофъ: „прежде водилось у храбрыхъ людей помогать, пока есть силы, что̀ бы потомъ ни случилось." И онъ пропѣлъ пѣсню:

„Молодцамъ нечего бояться смерти; будьте веселы, товарищи: мнѣ сны предвѣщаютъ, что Ингеборга будетъ моею".

Между тѣмъ они отлили судно и подошли близко къ берегу, но вдругъ противъ нихъ опять поднялась буря. Тогда Фритіофъ схватилъ два весла въ передней части судна и сталъ гресть ими во всю мочь. Скоро погода прояснилась; они увидѣли, что прибыли къ Эфьезунду [1]), и причалили. Спутники страшно устали; но Фритіофъ былъ такъ бодръ, что перенесъ на берегъ восемь человѣкъ, Бьёрнъ двоихъ, а Асмундъ одного. Тогда Фритіофъ запѣлъ:

„Я перенесъ къ огню изнуренныхъ непогодой молодцовъ; я сложилъ парусъ на песокъ: не легко бороться съ морскою дѣвой."

[1]) Проливу между Оркнейскими островами; *Эфья* было, вѣроятно, названіе нынѣшняго пролива Майнланда (иначе Помона).

Глава VII.

Фритіофъ у Ангантира.

Ангантиръ былъ въ Эфье, когда Фритіофъ и его люди вышли на берегъ. У Ангантира былъ обычай, что пока онъ пировалъ съ друзьями, у окна пирной палаты долженъ былъ сидѣть одинъ изъ мужей его—наблюдать погоду и быть на стражѣ; онъ долженъ былъ пить изъ звѣринаго рога, и осушивъ одинъ, наливалъ себѣ другой. Гальвардомъ звали мужа, бывшаго на стражѣ, когда прибылъ Фритіофъ. Увидѣвъ, какъ приплывалъ Фритіофъ съ своими товарищами, Гальвардъ запѣлъ:

„Вижу, какъ въ бурю мужи на Эллидѣ выкачиваютъ воду; ихъ шестеро, а семеро гребутъ; тотъ, который на переднемъ концѣ управляетъ веслами, похожъ на смѣлаго Фритіофа.“

И осушивъ рогъ, онъ бросилъ его въ палату черезъ окно и сказалъ женщинѣ, наливавшей ему питье:

„Женщина съ красивою походкой, подыми съ полу выпуклый рогъ, опорожненный мною. Я вижу на морѣ людей, утомленныхъ ненастьемъ; имъ нужна помощь для входа въ пристань.“

Услышавъ слова, произнесенныя Гальвардомъ, ярлъ спросилъ, что новаго? Гальвардъ отвѣчалъ: „Сюда прибыли какіе-то люди; они очень устали, а кажется, это добрые бойцы; одинъ изъ нихъ такъ силенъ, что переноситъ остальныхъ на берегъ.“ Ярлъ сказалъ: „Подите къ нимъ на встрѣчу и примите ихъ съ честью, если это Фритіофъ, сынъ воеводы Торстена, моего друга, знаменитый всякими подвигами.“ Тогда заговорилъ мужъ, по имени Атли, великій боецъ: „Теперь окажется, справедлива ли молва, будто Фритіофъ поклялся никогда прежде другого не просить мира.“ — Ихъ было вмѣстѣ десять человѣкъ, злобныхъ и алчныхъ берсерковъ; сошедшись теперь съ Фритіофомъ и людьми его, они взялись за оружіе, и Атли сказалъ: „Тебѣ, Фритіофъ, лучше всего обратиться на насъ: вѣдь повернувшись одинъ къ другому, орлы дерутся. Вотъ, Фритіофъ, тебѣ случай сдержать свое слово и не заговаривать ранѣе другихъ о мирѣ.“ Фритіофъ устремился на нихъ и запѣлъ:

„Гдѣ вамъ, бородатые трусы-островитяне, справиться съ нами? Чѣмъ мнѣ просить мира, пойду одинъ на десятерыхъ.“

Тутъ подоспѣлъ Гальвардъ и сказалъ: „Ярлъ васъ всѣхъ приглашаетъ къ себѣ, и никто не посмѣетъ напасть на васъ.“ Фритіофъ отвѣчалъ, что онъ охотно принимаетъ зовъ, но готовъ и на другое. Затѣмъ они пошли къ ярлу, и онъ радушно принялъ Фритіофа и всѣхъ его людей. Они прожили у ярла всю зиму и были у него въ

большомъ почетѣ. Онъ часто разспрашивалъ о ихъ странствованіяхъ и Бьёрнъ пропѣлъ пѣсню:

„Воду качали мы, удалые молодцы, пока била вода черезъ оба борта.
Десять дней, да еще восемь дочери Раны мучили мореходца.“

Ярлъ сказалъ: „Конунгъ Гелгъ строилъ вамъ козни, и бѣда имѣть дѣло съ такими конунгами, которые только и умѣютъ губить людей колдовствомъ. Знаю также, сказалъ Ангантиръ, какое порученье дано тебѣ, Фритіофъ: ты присланъ сюда за данью, и я коротко тебѣ отвѣчу: конунгу Гелгу отъ меня дани не будетъ; но ты получишь сколько тебѣ угодно денегъ и всякаго добра, и ты можешь, если пожелаешь, назвать это данью или какъ тебѣ вздумается.“ Фритіофъ сказалъ, что онъ готовъ принять деньги.

Глава VIII.

Конунгъ Рингъ получаетъ Ингеборгу.

Теперь будетъ разсказано, что́ происходило въ Норвегіи послѣ отъѣзда Фритіофа. Братья велѣли сжечь все строеніе во Фрамнесѣ; между тѣмъ колдовавшія сестры свалились съ колдовскихъ подмостковъ и обѣ переломили себѣ спину. Въ ту осень конунгъ Рингъ пріѣхалъ на сѣверъ въ Согнъ, чтобы жениться, и былъ великолѣпный пиръ, когда онъ праздновалъ свою свадьбу съ Ингеборгой. „Какъ тебѣ досталось доброе кольцо, что̀ у тебя на рукѣ?“ сказалъ конунгъ Рингъ Ингеборгѣ. Она говоритъ, что оно прежде принадлежало отцу ея. Конунгъ отвѣчалъ: „Это даръ Фритіофа, и ты его сейчасъ же сними съ руки: у тебя не будетъ недостатка въ золотѣ, когда ты попадешь въ Альфгеймъ“ [1]). Тогда она отдала кольцо женѣ Гелга и просила передать его Фритіофу, когда онъ воротится. Конунгъ же Рингъ отправился восвояси съ своею женою и очень полюбилъ ее.

Глава IX.

Фритіофъ возращается съ данью.

Въ слѣдующую весну Фритіофъ уѣхалъ съ Оркнейскихъ острововъ и дружелюбно разстался съ Ангантиромъ. Гальвардъ отправился съ Фритіофомъ. Прибывъ въ Норвегію, они узнали, что жилище его сож-

[1]) Великолѣпное жилище альфовъ. Не означаетъ ли Рингъ этимъ именемъ въ переносномъ смыслѣ своего владѣнія?

жено, и, по пріѣздѣ во Фрамнесъ, Фритіофъ сказалъ: „Почернѣлъ домъ мой и не друзья хозяйничали въ немъ", и онъ пропѣлъ пѣсню:

„Нѣкогда мы, удалые молодцы, пировали во Фрамнесѣ съ отцомъ моимъ; теперь вижу здѣсь пожарище, и жестоко отплачу конунгамъ".

Тогда онъ сталъ совѣтоваться съ своими мужами, что́ ему предпринять; но они просили, чтобъ онъ самъ подумалъ о томъ. Онъ сказалъ, что прежде всего хочетъ вручить дань. Они поплыли на веслахъ чрезъ заливъ въ Сирстрандъ. Тамъ услышали они, что конунги въ Бальдерсгагѣ при жертвоприношеніи Дисамъ. Фритіофъ отправился туда съ Бьёрномъ, Гальварду же и Асмунду поручилъ потопить между тѣмъ всѣ суда, большія и малыя, стоявшія по близости; такъ они и сдѣлали. Потомъ Фритіофъ и Бьёрнъ пошли къ воротамъ Бальдерсгаги. Фритіофъ хотѣлъ войти, но Бьёрнъ совѣтовалъ ему не ходить безъ товарища. Фритіофъ попросилъ его остаться передъ входомъ на стражѣ и запѣлъ:

„Одинъ войду я въ храмъ; не нужно мнѣ товарищей, чтобы отыскать конунговъ. Подожгите ихъ домъ, если я не возвращусь нынче вечеромъ".

Бьёрнъ отвѣчалъ: „Хорошо сказано." Затѣмъ Фритіофъ вошелъ и увидѣлъ, что въ храминѣ Дисъ не много народу. Конунги были при жертвоприношеніи Дисамъ, сидѣли и пили. На полу былъ разложенъ огонь, а передъ огнемъ сидѣли женщины и грѣли боговъ; другія мазали ихъ и тканями вытирали. Фритіофъ подошелъ къ конунгу Гелгу и сказалъ: „Теперь ты конечно желаешь получить дань". Тутъ онъ замахнулся кошелькомъ, въ которомъ было серебро, и ударилъ конунга по носу такъ сильно, что у него вывалилось изо рта два зуба, а самъ онъ упалъ съ сѣдалища въ безпамятствѣ. Гальфданъ, подхвативъ его, не далъ ему упасть въ огонь, Фритіофъ же пропѣлъ пѣсню:

„Возьми ты дань, вождь бойцовъ, передними зубами, если ничего лучшаго не требуешь; серебро лежитъ на днѣ этого кошелька, который мы съ Бьёрномъ вмѣстѣ добыли."

Въ той храминѣ было не много людей, они пили въ другомъ мѣстѣ. Отходя отъ стола, Фритіофъ увидѣлъ дорогое кольцо на рукѣ у жены Гелга, которая грѣла Бальдера передъ огнемъ. Фритіофъ схватилъ кольцо, но оно крѣпко держалось у нея на рукѣ и онъ потянулъ ее по полу къ двери; тогда Бальдеръ упалъ въ огонь. Жена Гальфдана быстро схватила ее, и тогда богъ, котораго она грѣла, также упалъ въ огонь. Пламя охватило обоихъ боговъ, передъ тѣмъ обмазанныхъ, и потомъ ударило въ крышу, такъ что весь домъ запылалъ. Фритіофъ взялъ кольцо и вышелъ. Тогда Бьёрнъ спросилъ его, что́ случилось при немъ въ храмѣ; Фритіофъ, держа кольцо въ приподнятой рукѣ, пропѣлъ пѣсню:

„Гелгъ получилъ ударъ, кошелекъ полетѣлъ ему въ лицо, братъ Гальфдана свалился съ почетнаго мѣста. Бальдеръ началъ горѣть, но кольцо я напередъ взялъ, потомъ вытащилъ я изъ огня жену конунга".

Говорятъ, что Фритіофъ бросалъ головни на крышу, такъ что весь храмъ загорѣлся. И онъ запѣлъ пѣсню:

„Поспѣшимъ къ берегу, потомъ великое предпримемъ; синее пламя распространяется по Бальдерсгагѣ“.

Затѣмъ они пошли къ морю.

Глава X.

Бѣгство Фритіофа изъ отечества.

Только что конунгъ Гелгъ опомнился, онъ послалъ погоню за Фритіофомъ и велѣлъ убить его со всѣми его спутниками: „тотъ заслужилъ смерть, говорилъ онъ, кто не чтитъ никакой святыни.“ Трубою созвана была придворная челядь [1]). Когда они выходили изъ храмины, то увидѣли, что вся она пылала; Конунгъ Гальфданъ отправился туда съ частью войска, а конунгъ Гелгъ пустился за Фритіофомъ и его спутниками; но тѣ были уже на кораблѣ, который качался, отплывая. Тутъ конунгъ Гелгъ и мужи его замѣтили, что всѣ ихъ суда повреждены; они должны были возвратиться къ берегу и потеряли нѣсколько чѣловѣкъ. Конунгъ Гелгъ былъ такъ разгнѣванъ, что пришелъ въ бѣшенство; онъ сталъ натягивать свой лукъ и, положивъ стрѣлу на тетиву, хотѣлъ выстрѣлить въ Фритіофа, но такъ напрягалъ силы, что обѣ дуги разлетѣлись въ куски. Увидѣвъ это, Фритіофъ схватилъ два весла на Эллидѣ и принялся грести съ такимъ напряженіемъ, что оба они также переломились, и онъ запѣлъ пѣсню:

„Я цѣловалъ молодую Ингеборгу, дочь Бела, въ Бальдерсгагѣ; весла на Эллидѣ переломились точно такъ же, какъ лукъ Гелга“.

Послѣ того подулъ вѣтеръ съ земли вдоль залива; они подняли паруса и поплыли; Фритіофъ сказалъ имъ, чтобъ они постарались не слишкомъ долго пробыть тамъ. Они поплыли вдоль Согнскаго залива, и Фритіофъ пропѣлъ пѣсню:

„Какъ плыли мы недавно изъ Согна, огонь разыгрался надъ нашими владѣніями; теперь костеръ горитъ среди Бальдерсгаги; знаю, что меня прозовутъ Волкомъ храма [2])“.

Бьёрнъ сказалъ Фритіофу: „Что теперь предпримемъ, побратимъ?“ — „Не думаю оставаться здѣсь въ Норвегіи, хочу испытать походную жизнь и сдѣлаться викингомъ.“ — Послѣ того они лѣтомъ посѣтили острова и шкеры и добыли себѣ много имущества и славы;

[1]) Hird — гридь, дворъ конунговъ, дружина.

[2]) Vargri veum: такъ назывался оскверпившій святыню храма.

осенью же отправились они на Оркнейскіе острова, и Ангантиръ принялъ ихъ хорошо, и они тамъ зимовали. Когда Фритіофъ уѣхалъ изъ Норвегіи, конунги держали тингъ, и объявили его изгнаннымъ изъ всѣхъ своихъ владѣній и присвоили себѣ всю его собственность. Конунгъ Гальфданъ поселился во Фрамнесѣ и снова выстроилъ дворъ, на мѣсто сожженнаго, и такимъ образомъ оба брата возстановили всю Бальдерсгагу; но много прошло времени прежде, нежели огонь былъ потушенъ. Конунгу Гелгу было всего больнѣе, что боги сгорѣли, и много стоило издержекъ, чтобы храмъ Бальдера возобновить совершенно въ прежнемъ видѣ. Конунгъ Гелгъ сталъ жить въ Сирстрандѣ.

Глава XI.

Фритіофъ у конунга Ринга и Ингеборги.

Фритіофъ легко пріобрѣталъ богатство и почетъ, куда ни ѣздилъ; злыхъ людей и свирѣпыхъ викинговъ убивалъ онъ, поселянъ же и купцовъ оставлялъ въ покоѣ, и былъ снова прозванъ Фритіофомъ Смѣлымъ. У него собралась многочисленная, благоустроенная рать и накопилась большая добыча. Проведя три зимы въ морскихъ походахъ, Фритіофъ отправился на востокъ и бросилъ якорь въ Викѣ [1]). Тутъ онъ сказалъ, что хочетъ выйти на берегъ, люди же его пускай отправляются на зиму въ походъ: „мнѣ (сказалъ онъ) начинаютъ наскучать эти странствованія; хочу ѣхать въ Упландію и тамъ повидаться съ конунгомъ Рингомъ; вы ждите меня здѣсь къ лѣту, я возвращусь въ первый лѣтній день“. Бьёрнъ говоритъ: „Это неразумное намѣреніе; но дѣлай, какъ знаешь. По мнѣ надобно бы намъ ѣхать на сѣверъ въ Согнъ и умертвить обоихъ конунговъ, Гелга и Гальфдана“. Фритіофъ отвѣчаетъ: „Это ни къ чему бы не повело: лучше поѣду навѣстить Ринга и Ингеборгу“. Бьёрнъ говоритъ: „Не нравится мнѣ, что ты одинъ отваживаешься; можешь попасть въ его руки, ибо Рингъ хитеръ и знаменитъ породою, хотя уже и довольно старъ“. Фритіофъ говоритъ, что онъ о себѣ позаботится: „а ты, Бьёрнъ, позаботься между тѣмъ о людяхъ“. Они сдѣлали, какъ онъ приказалъ; а Фритіофъ поѣхалъ осенью въ Упландію; ему хотѣлось посмотрѣть, какъ любятъ другъ друга конунгъ Рингъ и Ингеборга. Передъ пріѣздомъ туда, онъ надѣлъ сверхъ платья широкую шубу и былъ весь косматъ; у него были двѣ палки въ рукахъ, а на лицѣ маска, и онъ притворился очень старымъ. Встрѣтивъ мальчиковъ-пастуховъ, онъ

[1]) Vik — взморье передъ Христіаніей. Впрочемъ такъ назывались и нѣкоторыя другія мѣста въ южной Норвегіи.

смиреннымъ голосомъ спросилъ: „Откуда вы?“ Они отвѣчали: „Мы живемъ въ Стрейталандѣ, близъ конунгова жилища“. Старикъ спросилъ: „Силенъ ли конунгъ Рингъ?“ Они отвѣчали: „Намъ кажется, ты уже такъ старъ, что могъ бы и самъ знать все, что касается до конунга Ринга.“ Старикъ сказалъ, что онъ болѣе заботится о вываркѣ соли, чѣмъ о дѣлахъ конунговъ. Потомъ онъ отправился къ палатѣ, и подъ вечеръ вошелъ въ палату и представился очень жалкимъ и, занявъ мѣсто у двери, надвинулъ воротникъ (капишонъ) на голову и спрятался подъ нимъ. Конунгъ Рингъ сказалъ Ингеборгѣ: „Тамъ вошелъ въ палату человѣкъ, ростомъ гораздо выше другихъ.“ Княгиня отвѣчала: „Тутъ нѣтъ ничего необыкновеннаго“. Тогда конунгъ сказалъ молодому служителю, стоявшему у стола: „Поди спроси, кто этотъ человѣкъ въ шубѣ, откуда онъ и какого онъ рода“. Молодой человѣкъ побѣжалъ къ пришельцу и сказалъ: „Какъ тебя зовутъ, старикъ? гдѣ ты ночевалъ, откуда ты родомъ?“ Человѣкъ въ шубѣ отвѣчалъ: „Много за-разъ ты спрашиваешь, молодецъ; но сумѣешь ли отдать отчетъ во всемъ, что я тебѣ скажу?“ — „Сумѣю“, отвѣчалъ тотъ. Человѣкъ въ шубѣ сказалъ: „Воромъ (Thiofr) меня зовутъ; у Волка я ночевалъ, въ Кручинѣ я вскормленъ.“ Слуга побѣжалъ къ конунгу и передалъ ему отвѣтъ пришельца. Конунгъ сказалъ: „Ты, парень, хорошо понялъ слышанное; я знаю, что есть округъ, который зовутъ Кручиной; возможно также, что этому человѣку не весело жить на свѣтѣ; онъ конечно умный человѣкъ и мнѣ нравится.“ — Жена конунга сказала: „Мнѣ страненъ твой обычай, что ты такъ охотно разговариваешь со всякимъ, кто сюда придетъ; что же въ этомъ человѣкѣ хорошаго“? — „Тебѣ это не лучше извѣстно,“ сказалъ конунгъ: „я вижу, что онъ думаетъ про себя болѣе, чѣмъ говоритъ, и зорко осматривается кругомъ“. Послѣ того конунгъ велѣлъ подозвать его къ себѣ, и человѣкъ въ шубѣ приблизился къ конунгу совершенно сгорбившись и привѣтствовалъ его тихимъ голосомъ. Конунгъ сказалъ: „Какъ зовутъ тебя, великій мужъ?“ Шуба въ отвѣтъ пропѣлъ пѣсню:

> „Меня звали Фритіофомъ, когда я ѣздилъ съ викингами; Эртіофомъ [1]), когда я огорчалъ вдовъ; Гейртіофомъ, когда металъ копья; Гунтіофомъ когда ходилъ въ бой; Эйтіофомъ, когда опустошалъ острова; Гельтіофомъ, когда убивалъ младенцевъ; Вальтіофомъ, когда побѣждалъ мужей. Послѣ того скитался я съ соловарами, нуждаясь въ помощи передъ приходомъ сюда.“

Конунгъ говоритъ: „Отъ многаго принялъ ты названіе вора (тіофа), но гдѣ ты ночевалъ и гдѣ твое жилище? гдѣ ты вскормленъ и что

[1]) Здѣсь слѣдуетъ цѣлый рядъ именъ, составленныхъ изъ слова *Тіофъ* (thiofr) и другого, намекающаго на воинскій характеръ викинга: Herthjofr, Geirtjofr, Gunnthjofr, Eythiofr, Helthiofr, Valthjofr. Вотъ значеніе первой половины этихъ именъ: her — рать geir — копье; gunn — битва; ey — островъ; val — побѣда; Hel — богиня смерти.

привело тебя сюда?" Человѣкъ въ шубѣ отвѣчаетъ: „Въ Кручинѣ я вскормленъ, у Волка я почевалъ, желаніе привело меня сюда, жилища не имѣю." Конунгъ отвѣчаетъ: „Можетъ быть, ты нѣсколько времени питался въ Кручинѣ, но возможно также, что ты родился въ Мирѣ (Frid—миръ). Ты долженъ былъ ночевать въ лѣсу, ибо здѣсь по близости нѣтъ поселянина, котораго бы звали Волкомъ; а что ты говоришь, будто у тебя нѣтъ жилища, такъ это можетъ быть потому, что оно для тебя мало имѣетъ цѣны въ сравненіи съ желаніемъ, привлекшимъ тебя сюда." Тогда сказала Ингеборга: „Поди, Тіофъ, въ другое мѣсто, — въ людскую"[1]. Конунгъ возразилъ: „Я ужъ достигъ до такихъ лѣтъ, что самъ могу назначать мѣсто своимъ гостямъ. Скинь съ себя шубу, пришлецъ, и садись по другую сторону возлѣ меня". Жена конунга говоритъ: „Да ты отъ старости впалъ въ дѣтство, что сажаешь нищихъ подлѣ себя." Тіофъ сказалъ: „Не подобаетъ, государь; лучше сдѣлать такъ, какъ говоритъ княгиня, ибо я болѣе привыкъ варить соль, нежели сидѣть у владѣтельныхъ мужей." Конунгъ сказалъ: „Сдѣлай, какъ я приказываю, ибо хочу поставить на своемъ." Тіофъ сбросилъ съ себя шубу, и былъ подъ нею темно-синій кафтанъ, и на рукѣ доброе кольцо; станъ былъ обтянутъ тяжелымъ серебрянымъ поясомъ, за которымъ былъ большой кошель съ свѣтлыми серебряными деньгами, а на бедрѣ висѣлъ мечъ. На головѣ онъ носилъ большую мѣховую шапку; у него были очень глубокіе глаза и все лицо обросло волосами. „Вотъ та́къ лучше, сказалъ конунгъ: ты, княгиня, припаси ему хорошій и приличный плащъ." Княгиня говоритъ: „Твоя воля, государь; а мнѣ мало дѣла до этого Тіофа." Потомъ ему принесли прекрасный плащъ и посадили его на почетное мѣсто возлѣ конунга. Княгиня покраснѣла какъ кровь, когда увидѣла доброе кольцо; однакожъ не захотѣла ни единымъ словомъ обмѣняться съ гостемъ; конунгъ же былъ очень ласковъ къ нему и сказалъ: „У тебя на рукѣ доброе кольцо, и конечно ты долго варилъ соль, чтобы добыть его." — Тотъ отвѣчалъ: „Это — все мое наслѣдство послѣ отца". — „Можетъ быть, сказалъ конунгъ, у тебя не болѣе этого, но я думаю, что мало равныхъ тебѣ соловаровъ, если только старость не слишкомъ затемняетъ мнѣ глаза." Тіофъ прожилъ тамъ всю зиму и былъ радушно угощаемъ и всѣми любимъ; онъ былъ ласковъ и веселъ со всѣми. Княгиня рѣдко съ нимъ говорила, но конунгъ всегда былъ къ нему привѣтливъ.

[1]) Gestaskáli, особое строеніе, бывшее у богатыхъ людей, куда отсылались незначительные гости, которыхъ не принимали въ главной палатѣ.

Глава XII.

Конунгъ Рингъ ѣдетъ въ гости.

Разсказываютъ, что конунгъ Рингъ однажды собрался ѣхать на пиръ, а также и княгиня, со многими мужами. Конунгъ сказалъ Тіофу: „Хочешь ли ты ѣхать съ нами, или останешься дома?“ Тотъ отвѣчалъ, что лучше поѣдетъ. Конунгъ сказалъ: „Это мнѣ болѣе нравится.“ Они отправились и въ одномъ мѣстѣ должны были ѣхать по льду. Тіофъ сказалъ конунгу: „Ледъ кажется мнѣ ненадеженъ, и мы здѣсь неосторожно поѣхали.“ Конунгъ сказалъ: „Часто бываетъ видно, что ты о насъ заботишься.“ Вскорѣ ледъ подъ ними проломился; Тіофъ подбѣжалъ и рванулъ къ себѣ повозку со всѣмъ, что было на ней и внутри ея; конунгъ и княгиня сидѣли въ ней оба; все это и лошадей, запряженныхъ въ повозку, онъ вытащилъ на ледъ. Конунгъ Рингъ сказалъ: „Ты славно вытащилъ насъ, и самъ Фритіофъ Смѣлый не сильнѣе потянулъ бы, еслибъ онъ былъ здѣсь; вотъ каково имѣть удалыхъ спутниковъ“. Пріѣхали они на пиръ; тамъ ничего особеннаго не случилось, и конунгъ отправился домой съ почетными дарами. Прошла зима; но когда наступила весна, погода стала теплѣе, лѣсъ зазеленѣлъ, трава начала расти и корабли могли ходить изъ края въ край.

Глава XIII.

Конунгъ Рингъ въ лѣсу.

Однажды конунгъ Рингъ сказалъ своимъ гриднямъ: „Желаю, чтобы вы сегодня поѣхали со мною въ лѣсъ погулять и полюбоваться прекрасными мѣстами“. Такъ и сдѣлали; множество людей отправилось съ конунгомъ въ лѣсъ. Случилось, что конунгъ и Фритіофъ очутились вмѣстѣ въ лѣсу, вдали отъ другихъ мужей. Конунгъ сказалъ, что чувствуетъ усталость: „хочу соснуть“. Тіофъ отвѣчалъ: „Поѣзжай домой, государь: это знатному мужу приличнѣе, чѣмъ лежать подъ открытымъ небомъ.“ Конунгъ сказалъ: „Этого мнѣ бы не хотѣлось.“ Потомъ онъ легъ на землю, и крѣпко уснулъ и громко захрапѣлъ. Тіофъ сидѣлъ вблизи отъ него и вынулъ мечъ изъ ноженъ и отбросилъ его далеко отъ себя. Черезъ нѣсколько мгновеній конунгъ приподнялся и сказалъ: „Не правда ли, Фритіофъ, что многое приходило тебѣ на умъ, противъ чего ты однакожъ устоялъ? За это будетъ тебѣ у насъ большой почетъ. Я тотчасъ же узналъ тебя въ первый вечеръ, когда ты вошелъ въ нашу палату, и мы не скоро тебя отпу-

стимъ; можетъ быть, тебѣ предстоитъ здѣсь что-нибудь великое." Фритіофъ говоритъ: „Вы меня, государь, честно и дружески угощали, но мнѣ въ путь пора, потому что дружина моя скоро пріѣдетъ ко мнѣ на встрѣчу, какъ я ей назначилъ." За тѣмъ они верхомъ поѣхали домой изъ лѣсу; къ нимъ присоединилась челядь конунга, и они возвратились въ палату и пировали вечеромъ. Тогда народу стало извѣстно, что Фритіофъ Смѣлый прогостилъ у нихъ зиму.

Глава XIV.

Фритіофъ получаетъ Ингеборгу.

Однажды рано утромъ послышался стукъ въ дверь палаты, гдѣ спали конунгъ и княгиня и многіе другіе мужи. Конунгъ спросилъ, кто тамъ стучится. Тогда стоявшій за дверью отвѣчалъ: „Это Фритіофъ; я готовъ къ отъѣзду." Дверь отворили, вошелъ Фритіофъ и пропѣлъ пѣсню:

„Теперь поблагодарю тебя, ты угощалъ меня щедро; храбрый мужъ собрался въ дорогу, гость хочетъ снова взяться за весла. Буду помнить Ингеборгу, покуда оба мы живы; да здравствуетъ она, за поцѣлуи дарю ей сокровище".

Тогда онъ бросилъ Ингеборгѣ доброе кольцо и просилъ ее принять его. Конунгъ улыбнулся этой пѣснѣ и сказалъ: „Такъ вотъ ее благодарятъ за зимовку болѣе, нежели меня, хотя она и не была къ тебѣ ласковѣе, чѣмъ я". Послѣ того конунгъ послалъ своихъ служителей за напитками и яствами и сказалъ, чтобы всѣ ѣли и пили передъ отъѣздомъ Фритіофа: „Сядь и ты, княгиня, сказалъ онъ Ингеборгѣ, и будь весела." Она возразила, что не можетъ ѣсть такъ рано. Конунгъ Рингъ сказалъ: „Мы всѣ вмѣстѣ будемъ теперь кушать". Такъ и сдѣлали. Когда они пображничали нѣсколько времени, конунгъ Рингъ сказалъ: „Я бы желалъ, чтобъ ты здѣсь остался, Фритіофъ, потому что мои сыновья по возрасту еще дѣти, а я уже старъ и не въ состояніи защищать страну, еслибъ кто пошелъ на нее войною." Фритіофъ сказалъ: „Тотчасъ уѣду, государь", и запѣлъ пѣсню:

„Живи ты, конунгъ Рингъ, счастливо и долго, славнѣйшій владыка на землѣ. Храни, вождь, супругу и край; мнѣ съ Ингеборгой уже не видаться".

Тогда запѣлъ конунгъ Рингъ:

„Не уѣзжай такъ отсюда, Фритіофъ, дорогой воитель, съ мрачной душою. Я воздамъ тебѣ за твои дары лучше, нежели ты самъ ожидаешь".

И еще пропѣлъ онъ:

„Я отдаю знаменитому Фритіофу жену, а съ нею и все мое имущество".

Фритіофъ подхватилъ и запѣлъ:

„Я не приму твоихъ даровъ, конунгъ, если у тебя нѣтъ смертельной болѣзни.“

Конунгъ сказалъ: „Я бы тебѣ не предлагалъ того, еслибъ не чувствовалъ приближенія смерти; я боленъ и тебѣ предпочтительно предоставляю эти дары, потому что ты лучше всѣхъ мужей въ Норвегіи. Передаю тебѣ также и имя конунга, потому что братья Ингеборги не предоставятъ тебѣ такой чести и не дадутъ тебѣ такой жены, какъ я.“ Фритіофъ сказалъ: „Много благодарю васъ, государь, за ваше благодѣяніе, которое болѣе, чѣмъ я ожидалъ; я удовольствуюсь именемъ ярла, высшаго сана не желаю.“ За тѣмъ конунгъ Рингъ, ударивъ по рукамъ, передалъ Фритіофу господство надъ страною, которою онъ владѣлъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и имя ярла: Фритіофъ долженъ былъ править, пока сыновья конунга Ринга достигнутъ совершеннолѣтія и будутъ способны сами управлять своею областью. Конунгъ Рингъ лежалъ недолго; когда же умеръ, то по немъ былъ большой плачъ въ государствѣ. Надъ нимъ насыпанъ былъ курганъ и туда положено, по его приказанію, много имущества. Послѣ того, когда прибыли мужи Фритіофа, онъ задалъ имъ роскошный пиръ; тутъ отпраздновали разомъ и тризну Ринга, и свадьбу Фритіофа съ Ингеборгой. Потомъ Фритіофъ сѣлъ тамъ на царство и сталъ знаменитымъ мужемъ. Онъ съ Ингеборгой прижилъ многихъ дѣтей.

Глава XV.

О Фритіофѣ и братьяхъ Гелгѣ и Гальфданѣ.

Согнскіе конунги, братья Ингеборги, услышали вѣсть, что Фритіофъ былъ конунгомъ въ Рингарикіи и женился на ихъ сестрѣ Ингеборгѣ. Гелгъ сказалъ Гальфдану, брату своему, что это — необычайное и дерзкое дѣло, что она досталась сыну простого мужа. Они собрали большую рать и пошли съ нею въ Рингарикію, намѣреваясь убить Фритіофа и покорить его царство. Узнавъ это, Фритіофъ собралъ войско и сказалъ Ингеборгѣ: „Новая война посѣтила наше царство; чѣмъ бы она ни кончилась, мы не желаемъ видѣть васъ недовольною“. Она отвѣчала: „Дошло до того, что мы желаемъ тебѣ первенства“ (побѣды). Тогда Бьёрнъ прибылъ съ востока на помощь Фритіофу. Они вмѣстѣ пошли на войну и было по прежнему: Фритіофъ шелъ впереди въ опаснѣйшихъ случаяхъ. Онъ выдержалъ единоборство съ конунгомъ Гелгомъ, и Фритіофъ убилъ его. Тогда Фритіофъ велѣлъ выставить щитъ мира и война прекратилась. Фритіофъ сказалъ конунгу Гальфдану: „Предлагается тебѣ одно изъ двухъ важныхъ условій: либо все

предоставить въ мою власть, либо принять смерть, какъ твой братъ: кажется, мнѣ болѣе удачи, нежели вамъ.“ Тогда Гальфданъ избралъ первое условіе: подчинить себя и свое царство Фритіофу. Вотъ и сталъ Фритіофъ господствовать надъ Согнскою областью, Гальфданъ же долженъ былъ сдѣлаться воеводою въ Согнѣ и платить Фритіофу дань, пока тотъ управлялъ Рингарикіей. Потомъ Фритіофъ получилъ имя конунга Согнской области; онъ передалъ Рингарикію сыновьямъ конунга Ринга, а послѣ того покорилъ себѣ Гордаландію [1]). У нихъ (у Фритіофа съ Ингеборгой) было двое сыновей, Гунтіофъ и Хундтіофъ; и стали оба они знаменитыми мужами. Здѣсь оканчивается сага о Фритіофѣ Смѣломъ.

[1]) Землю къ югу отъ Согна.

СКАЛЬДЪ[1]).

Изъ Рунеберга.

1839.

Въ тиши полей онъ утро жизни велъ,
Оно лилось, какъ токъ родимой пашни;
День новый для него надеждой цвѣлъ,
Тревоги въ немъ не оставлялъ вчерашній.

Онъ ничего въ грядущемъ ждать не могъ,
Не постигалъ никто его призванья,
И міръ его былъ тѣсенъ, но высокъ,
И въ дни весны исполненъ былъ сіянья!

И одинокъ, и чуждъ среди своихъ,
Но преданъ весь природѣ величавой,
Онъ голосъ силы [illegible]лъ у рѣкъ родныхъ,
А нѣги гласъ былъ данъ ему дубравой.

Недвижная предъ бурею скала
Героя образомъ ему казалась;
Душой жены — лазурь небесъ была,
Любовь — въ цвѣтахъ равнины распускалась.

Такъ выросъ онъ и сталъ великъ душой.
Успѣлъ вкусить и радости и муки;
А тамъ, прости сказалъ семьѣ родной,
И въ путь пошелъ, взявъ только арфу въ руки.

И съ нею онъ скитался межъ людей,
Входилъ равно и въ хаты и въ чертоги;
Онъ пѣлъ — и рабъ не чувствовалъ цѣпей,
И прояснялъ чело властитель строгій.

Когда порой въ палатѣ онъ стоялъ,
И славилъ тамъ дѣла отцовъ струнами,
Царицы взоръ звѣздой ему сіялъ,
Строй витязей гремѣлъ хвалу щитами

[1]) *Русск. Бесѣда*, 1859, кн. VI, стр. 9 — 10.

И трепетно склоняла дѣва слухъ,
И, взоръ поднявъ на воиновъ суровыхъ,
Смущалася, и непорочный духъ
Пылалъ тогда въ огнѣ волненій новыхъ.

Такъ пѣлъ онъ, такъ провелъ онъ дней весну;
Такъ лѣто дней: а тамъ пришли морозы,
Навѣяли на кудри сѣдину,
И на щекахъ пѣвца поблекли розы.

Тогда опять побрелъ въ отчизну онъ,
И, арфу взявъ рукой уже усталой,
Изъ струнъ извлекъ протяжный, томный звонъ,
И взоръ смежилъ — и вдругъ его не стало!

Теперь надъ нимъ лежатъ обломки стѣнъ,
Вѣка промчались надъ его могилой;
Но пѣсни тѣ проходятъ даль временъ
И духъ живетъ неотразимой силой.

1839.
Петербургъ.

ПАУКЪ [1]).

(Изъ Стагнеліуса).

1841.

Фрина! за что паука многоногаго такъ ненавидишь?
Сжалься надъ бѣднымъ! какъ ты, прежде онъ дѣвушкой былъ;
Вкругъ прелестнаго личика кудри вились золотые;
Эоса ярче горѣлъ розовый пламень ланитъ;
Нѣги полонъ былъ взоръ; сладострастьемъ перси дышали;
Голосъ звенѣлъ серебромъ, будто во славу любви,
Нынѣ бѣдняжка Арахна—паукъ презрѣнный, не болѣ!
Да; но дѣвичьихъ затѣй бросить она не могла:
Вьетъ какъ и прежде тончайшія, чуть примѣтныя нити
И въ чародѣйскую сѣть ихъ сплетаетъ потомъ;
Послѣ важно сидитъ; стережетъ терпѣливо добычу:
Мошкѣ, которой летѣть мимо случится,—бѣда!

[1]) *Современникъ*, 1843, т. XXIX, стр. 268. Срв. *Переписка Г. съ П.*, т. I, стр. 280, 425, 567.

Вотъ мотылекъ златокрылый: какъ гордо по воздуху вьется
Вѣтренный щеголь! но ахъ — въ сѣткѣ запутался онъ!
Бьется и молитъ — напрасно! его обнимаютъ, цѣлуютъ,
Жадно сосутъ его кровь—кожа на немъ ужъ одна!
Знаетъ ли козни дѣвичьи паукъ? что скажешь плутовка?
Жены! хитёръ онъ, но вы — не хитрѣй-ли его?

Гельсингфорсъ.
1841.

ПУТЕШЕСТВІЕ НА ЮБИЛЕЙ 1840 ГОДА,

(Resan till Jubelfesten 1840). **Ф. М. Францèна** [1]).

(Съ шведскаго).

1842.

Древле, вставши отъ дремоты долгой,
Семь мужей узрѣли новый вѣкъ,
Племя новое въ другихъ жилищахъ,
Съ новымъ бытомъ, съ новыми властьми.
Точно такъ недавно въ изумленьи
Я стоялъ надъ берегами Ауры:
Не узналъ я города, гдѣ — юный —
Вѣрилъ я, что такъ прекрасна жизнь;
Гдѣ въ дни зрѣлые я былъ такъ счастливъ,
Хоть безъ горя въ мірѣ счастья нѣтъ,
И каковъ бы ни былъ жребій нашъ,
Завтра можетъ измѣниться онъ!
Ахъ, безпечно сидя въ нашемъ мирномъ
Уголкѣ, куда чуть долеталъ
Слухъ о буряхъ, потрясавшихъ Югъ,
Мы не думали, что бури тѣ
Такъ внезапно огласятъ и Сѣверъ!
Но не ихъ напоръ, не мечъ виною
Превращенья, коимъ изумленъ я.
Межъ могущественныхъ слугъ Природы

[1]) *Альманахъ въ память 200 лѣтн. юбилея Александр. Университета*, 1842, стр. 117—132. Переводъ этотъ—есть просто подстрочная передача бѣлыми стихами шведскаго подлинника, написаннаго также 5-тистопнымъ хореемъ. Но содержаніе и характеръ произведенія вполнѣ оправдываютъ его помѣщеніе въ настоящемъ изданіи. Срв. о немъ *Переписку Г. съ П.*, т. I, стр. 135, 139, 148, 192, 200, 250, 287, 365.

Есть одинъ: когда онъ въ нашей власти,
Онъ полезнѣйшій намъ рабъ: на волѣ жъ,
Необузданъ, онъ лютѣе всѣхъ.
Онъ-то въ нѣсколько часовъ пожралъ
То, что вѣки созидали тамъ,
Гдѣ блаженный Эрикъ [1]) утвердилъ
Власть, добытую побѣдоноснымъ
Во Христѣ оружіемъ его.
Но какъ съ почвы, надъ которой въ пепелъ
Обращенъ былъ низменный кустарникъ,
Возстаетъ березовая роща,
Среброствольная, съ вѣнцомъ зеленымъ:
Такъ и грады въ новой красотѣ,
Истребленные огнемъ, восходятъ.
Въ мірѣ дѣлъ людскихъ, какъ и въ природѣ,
Разореніе изъ нѣдръ своихъ
Можетъ новое родить созданье.
Такъ и здѣсь — гдѣ прежде старый городъ,
Стиснутъ весь, лежалъ въ сырой лощинѣ —
Новый всталъ и веселъ и привѣтливъ
Между горъ, но ими не стѣсненный.
И до самыхъ плечъ гранитной Воры [2])
Хочетъ онъ отважно вознестись,
Чтобъ оттоль весь бѣгъ рѣки своей
Взоромъ вдругъ обнять и съ нею все,
Что живетъ и движется и дышитъ
На брегахъ и въ лонѣ водъ ея
Подъ зеленой сѣнію деревъ
Многолѣтнихъ, пламени избѣгшихъ.
Не одни домà, красивѣй прежнихъ
И наряднѣе, строями стали; —
Даже улицы, взявъ новый путь,
Разлилися въ ширину какъ рѣки
Многоводныя. Градская площадь
Будто озеро при водопольѣ
Всю окрестность охватила жадно
И достигла наконецъ холма,
Гдѣ во всемъ величіи понынѣ
Храмъ Святого Генрика [3]) стоитъ.

[1]) Эрикъ IX (Святой), при которомъ началось завоеваніе Финляндіи шведами и положено основаніе Або.

[2]) Высокой скалы посреди города.

[3]) Епископа, оставленнаго Эрикомъ IX въ Финляндіи для распространенія здѣсь христіанской вѣры.

Ахъ! какъ ѣхалъ я предъ древнимъ замкомъ,
Охраняющимъ какъ прежде городъ,
Но гдѣ нынѣ знамена другія, —
Изъ груди моей прокрался тайно
Вздохъ о томъ, что землю дѣлитъ мечъ.
Здѣсь же... о, отрадный видъ! надъ храмомъ, —
Украшеньемъ площади кипящей, —
Острый верхъ значительно стремится
Къ безпредѣльной синевѣ, простершей
Сѣнь свою на всѣ народы міра,
Указуя надъ юдолью здѣшней
Царство имъ, которое пребудетъ
И тогда, какъ всѣ другія рухнутъ. —
Вновь я грусть почувствовалъ, увидѣвъ,
Какъ въ томъ храмѣ пусто, какъ онъ сиръ!
Славы Эрика исчезли знаки!
Пусты хоры, гдѣ святыя мощи
Уступили мѣсто знаменамъ [1]),
Постановленнымъ надъ прахомъ доблихъ.
Но высокій сводъ еще подъемлютъ
Тѣ жъ столбы, еще подъ нимъ гремитъ
То же слово Божіе, какъ прежде:
У того же алтаря ту жъ вѣру
И на томъ же языкѣ понынѣ
Исповѣдуетъ народъ, который
Былъ воспитанъ благородной Свеей [2]).
И Науки древо, кротко ею
Посаженное въ суровомъ краѣ,
Носитъ плодъ — виновницѣ во славу.
Что я вижу? Стараго ученья
Зданье новое передо мною [3]),
Будто памятникъ иной годины.
Сходенъ съ тѣмъ, кто, въ тяжкомъ снѣ блуждая,
Видитъ все очами духа только,
Я мечтой въ былое перенесся.
Я пошелъ въ обитель ту съ надеждой,
Что увижу въ ней Христины [4]) образъ,
Браге ликъ надъ каѳедрой, гдѣ Шернгекъ [5])

[1]) По введеніи лютеранскаго исповѣданія.
[2]) Свея — Швеція на поэтическомъ языкѣ.
[3]) Уцѣлѣвшія стѣны университета, которымъ основаніе положено въ 1802 году.
[4]) Основательницы Абовскаго университета.
[5]) См. стр. 215, пр.

И Калоніусъ [1]) законъ спасали;
Гдѣ Терсерусу [1]) хотѣлъ быть равенъ
Благородный Тенгстремъ [1]) въ рвеньи къ правдѣ,
Въ добросовѣстномъ трудѣ; откуда
Изъяснитель Нютона, Лексѐль [1]),
Въ Царскій городъ славою былъ призванъ;
Гдѣ Портанъ [1]) то разлагалъ богатства
Слова римскаго и римскихъ пѣсенъ,
То свѣтъ яркій лилъ на древность финновъ,
И къ устамъ своимъ, вѣщавшимъ мудрость,
Будто тайной силой чародѣйства
Влекъ вниманье слушателей юныхъ.
Ликъ его такъ сладостно мнѣ было бъ
Тамъ найти еще теперь на стражѣ
Имъ разставленныхъ сокровищъ знанья [2]). —
Благодарный ученикъ его,
Я бъ хотѣлъ предъ ликомъ тѣмъ склониться,
Поминая прошлое со вздохомъ.
Но — лишь стѣны я увидѣлъ тамъ!
Ликъ исчезъ, и съ нимъ исчезло все,
Чѣмъ онъ здѣсь былъ окруженъ. Сгорѣли
Всѣ трофеи, присланные въ даръ
Финскимъ воиномъ [3]), однимъ изъ тѣхъ,
Кои, ставъ подъ знамена̀ Густава,
Вмѣстѣ съ нимъ при Люценѣ сражались.
Не спаслася даже книжка, — память
Омраченной нуждою годины
(Финны бѣдные тогда терпѣли
Нужду въ самыхъ утѣшеньяхъ вѣры), —
Для дѣтей рукою селянина
Вырѣзанный въ деревѣ букварь.
Болѣ многихъ дорогихъ сокровищъ,
Многихъ гордыхъ памятниковъ знанья
Тотъ букварь участья былъ достоинъ,
И никто не могъ безъ умиленья
Видѣть въ немъ свидѣтельство усердья
Скромнаго художника и вмѣстѣ
Горя, коимъ край былъ пораженъ.
Какъ пожаръ, прославившій Омара,

[1]) См. стр. 216, — 198, — 221, — 215, — 217.
[2]) Портанъ, завѣдывая университетскою библіотекою, привелъ ее въ новый порядокъ.
[3]) Стольгандске. См. стр. 219.

Въ мигъ единый уничтожилъ все,
Что скопила мудрость вѣковая,
Такъ, возставъ неистово на знанье,
Широко раскинувшись, огонь
Будто воръ ночной врывался въ окна,
И віясь чрезъ длинный рядъ покоевъ,
Пожиралъ нещадно письмена.
Только мертвыя, нѣмыя стѣны
Пощадилъ онъ. Но всѣ девять Музъ
Прочь изъ храма своего умчались, —
Скоро вовсе ихъ утратилъ городъ.
Аура! чудно берега твои
Нынѣ вновь украшены; но ты
Смотришь съ грустью на утесъ, хранящій
Только память о твоей потерѣ.
Онъ увѣнчанъ башней звѣздозорной,
Незабвенной въ хартіяхъ науки:
Тамъ нашъ финскій, — нынѣ ужъ не нашъ, —
Европейскій астрономъ [1]) слѣдилъ
Солнца путь вокругъ иного солнца!
Аура, молви мнѣ, уже-ль навѣки
Этотъ высшій свѣтъ погасъ для финновъ?
Молви мнѣ, уже-ль совсѣмъ пропалъ
Сей остатокъ дней, которыхъ слава,
Увѣнчавшись лаврами побѣды,
Осѣнить хотѣла имя финновъ,
Какъ и шведовъ, лаврами науки?

Чу! веселая толпа стремится
Съ шумомъ въ новую столицу края
На невиданныя празднества!
Тамъ досель твореніе Христины
Процвѣтаетъ, — и стоитъ оно
На порогѣ третьяго столѣтья.
Много времени! Взглянувъ назадъ,
Сколько въ немъ начтешь воспоминаній!
Сколько разныхъ перемѣнъ свершилось
Въ нашемъ маломъ мірѣ, какъ и всюду! —
Такъ живетъ еще старинный ключъ,
Хоть и бьетъ онъ нынѣ въ новомъ мѣстѣ?

[1]) Аргеландеръ, въ 1836 году покинувшій Финляндію и находящійся нынѣ (1842) въ Германіи.

Дайте жъ, въ поздній вечеръ дней моихъ,
Дайте мнѣ принесть благодаренье
Току чистому за жизнь, какую
Подарилъ онъ юности моей.

На пути повсюду мнѣ являлся
Тотъ же видъ отраднаго довольства
И привѣтной тишины, который
Александра такъ плѣнилъ. Мѣста̀
И жилища пролетали мимо,
И за мной поспѣшно, будто жизнь,
Пропадали красные столбы
Съ цифрами надъ бѣлою доской.
Что за видъ нежданый тамъ за лѣсомъ!
Будто столпъ, надъ скиніей священной
Для сыновъ Израиля всходившій, —
Къ небесамъ и стройно и легко
Тамъ подъемлется вершина храма.
Какъ объ ней искусство не судило бъ
Все жъ она красой гордиться можетъ
Въ томъ ряду величественныхъ зданій,
Коимъ взоръ мой пораженъ теперь.
Что за чудный городъ (онъ не болѣ
Съ прежнимъ схожъ, какъ съ куклой мотылекъ)
Всталъ внезапно здѣсь [1]), какъ древле Ѳивы
Вознеслись подъ звуки Амфіона!

Что я слышу? что за пѣснь, какъ будто
Пѣнье птицъ весеннихъ, возвѣщаетъ
Торжество, которое уже
Распускаетъ и листы и розы?
Мнѣ ль привѣтствіе? [2]) — Меня не знаютъ
Эти юноши: я край покинулъ
Прежде ихъ рожденья. Но изъ тѣхъ,
Кѣмъ я здѣсь не позабытъ еще
(Долго помнимъ мы того, кто былъ
Въ дѣтствѣ намъ наставникомъ и другомъ!), —
Можетъ быть, изъ нихъ меня иной
Передъ сыномъ или внукомъ назвалъ.
Если такъ, я имъ чрезъ сихъ питомцевъ
Въ умиленьи шлю привѣтъ сердечный.
Не одною памятью о прошломъ
Тронутъ я, — мнѣ столько же отрадна

[1]) Гельсингфорсъ.
[2]) См. стр. 238.

И надежда будущности свѣтлой
Для страны, которую донынѣ
Я люблю, какъ благодарный сынъ
И въ разлукѣ любитъ мать свою.
Окруженъ симъ юнымъ цвѣтомъ края, —
Я скажу что̀ чувствую глубоко,
Пожелавъ, чтобъ на сіи растенья
Дорогія „изъ небесныхъ хлябей
Изливалась благодать обильно!"

Вотъ и городъ: все, что онъ вдали
Мнѣ сулилъ, исполненнымъ я вижу.
Здѣсь меня приводятъ въ изумленье
Гордыя созданія искусства, —
Выраженье общаго порядка,
Духа общаго; тамъ я плѣненъ
Тѣмъ, что создаетъ оно къ удобству,
Къ украшенью частной жизни. Вотъ
Вдоль широкихъ, вымощенныхъ улицъ,
На концѣ которыхъ вижу море
И вѣтрила бѣлыя и зелень,
Я иду куда влечетъ толпа.
Мимо насъ шумя летятъ то дрожки,
То кареты съ четверней у дышла,
Съ бородатымъ кучеромъ на козлахъ.
Видя всюду лица и одежды
Незнакомыя мнѣ, какъ и звуки
Столькихъ вкругъ гремящихъ языковъ,
Я готовъ самъ у себя спросить,
Не въ Петровъ ли городъ я попалъ?
Но вѣдь вотъ онъ — синій куполъ тотъ...
Онъ недавно высился надъ лѣсомъ,
А теперь надъ городомъ сіяетъ.
Вотъ открылася и площадь, съ коей
Онъ подъемлется, какъ шаръ воздушный:
Будто чёлнъ, который отъ земли
Оторваться не успѣлъ еще, —
Къ небу рвется храмъ, чтобы оставить
Состязанья суету съ двумя
Величаво-стройными домами,
Близъ него стоящими. Одинъ —
Кровъ Закона, а другой — Науки [1]).

[1]) Церковь, сенатъ и университетъ образуютъ три стороны площади. См. стр. 230.

Не замѣтенъ ли въ томъ признакъ вѣка?
Духъ его, знать, и сюда проникъ?

Утомясь бродить и удивляться,
Хилый, я хочу надъ *эспланадой* [1]),
Въ тѣнь свою зовущею меня,
Отдохнуть и разсмотрѣть, не сходно ль
То, что нынѣ вижу, — съ чудесами,
Кои въ мигъ предъ лампой Аладдина
Появились въ воздухѣ и скрылись.
Нѣтъ, я не во снѣ, я здѣсь встрѣчаю
Лица мнѣ знакомыя; на нихъ
Я читаю дружескій вопросъ:
„Послѣ многихъ пролетѣвшихъ лѣтъ
Не сберегъ ли ты воспоминанья
Хоть неяснаго о раннемъ другѣ,
О старинномъ сослуживцѣ?“ Сколько
Въ тронутой душѣ моей воскресло
Образовъ живыхъ, веселыхъ, милыхъ,
Украшавшихъ дни мои, когда
Музамъ Ауры приносилъ я въ дань
И весну мою и лѣто. Нынѣ,
Въ дни моей зимы, переношусь
Я за полстолѣтія назадъ.
Это — четверть всей поры, которой
Отраженьемъ служитъ праздникъ сей.
Такъ несутся годы; наконецъ
Намъ они являютъ только мигъ,
Въ коемъ смѣшаны печаль и радость.
Кто подходитъ? ахъ, то милый сынъ
Незабвенной дочери моей,
Слишкомъ рано взятой прочь отъ насъ! [2])
О, съ какой томительною грустью
Сочеталась радость этой встрѣчи! —
Но не вовсе мы лишились милой:
Пусть ея воспоминанье будетъ
Путеводною звѣздой твоей!
На нее гляди, за нею слѣдуй
Неотступно; не смущай ее

[1]) Такъ называется въ Гельсингфорсѣ тройная липовая аллея, отъ пристани къ театру ведущая.

[2]) См. стр. 239.

Средь блаженства серафимовъ скорбью
О заблудшемъ сынѣ! Но теперь, —
Проникая въ будущее далѣ,
Чѣмъ родитель твой и я, — она
Веселится мыслію, что сынъ
По слѣдамъ отца пойдетъ. Отнынѣ
Обрученъ и съ благомъ и съ наукой [1])
И увѣнчанъ свѣжимъ лавромъ, помни,
Что кольцо не вянетъ какъ вѣнокъ.

Какъ завидна та пора, когда
Столько радуетъ вѣнокъ лавровый!
Чтò предъ этимъ чувствомъ наслажденье
Въ годы зрѣлые отъ ласкъ судьбы,
Иль отъ почестей! Я помню живо...
Ахъ, на старости отрадно мнѣ
Говорить о юности моей!...
Да, мнѣ сладко вспоминать досель
Не одинъ лишь *мой* восторгъ отъ лавра,
Но восторгъ и тѣхъ младыхъ, кого я
Имъ вѣнчалъ, какъ Аполлона жрецъ.
Цѣлъ еще тогда былъ ветхій домъ,
Вскорѣ падшій: онъ былъ замѣненъ
Новымъ зданьемъ, коего державный
Основатель [2]) не предвидѣлъ доли,
Вдругъ постигнувшей главу его,
Прежде чѣмъ оно готово было.
Я тогда простился не съ однимъ
Домомъ тѣмъ, который, не смотря
На его всю ветхость, я любилъ,
Ибо тамъ Портана слушалъ я
(Къ счастью своему, онъ въ землю легъ
Раньше этихъ стѣнъ и не узналъ,
Какъ надъ новымъ зданіемъ напрасно
Тратилъ онъ заботы и труды!):
Я простился не съ однимъ тѣмъ домомъ,
Но со всѣмъ, что жило тамъ, чему
Предстояло скорое изгнанье.
Могъ ли я предвидѣть сей конецъ?

[1]) Молодой человѣкъ, при производствѣ въ магистры, кромѣ вѣнка, возлагаемаго ему на голову, получаетъ изъ рукъ промотора кольцо,—символъ обрученія съ наукой.

[2]) Густавъ IV Адольфъ, основатель новаго зданія университета, котораго внутренность впослѣдствіи сгорѣла.

Тридцать лѣтъ прошло отъ той поры.
Нынѣ я чужой здѣсь и напрасно бъ
Сталъ искать училища Христины.
Ужъ его не знаютъ, — знаютъ только
Александровъ университетъ,
И на пышный домъ мнѣ указуютъ,
Какъ на новое его жилище.
Что за дивный образецъ, когда
Гармонической красой съ наружнымъ
Тамъ согласенъ внутренній порядокъ!

„Вслѣдъ за мной иди туда. И насъ,
Такъ давно покинувшихъ его,
Онъ зоветъ, — знакомый намъ пріютъ;
Да, то онъ, все тотъ же, *нашъ* пріютъ!
Онъ зоветъ и насъ торжествовать
Память нашей юности: пойдемъ!"
Руку взявъ мою при сихъ словахъ,
Тихо влекъ меня товарищъ мой [1]),
Другъ иной поры и мѣстъ иныхъ. —
„Слишкомъ полстолѣтія назадъ
Мы сдружились. Я пойду съ тобой:
Ты межъ нами всѣми первымъ шелъ
Къ цѣли общаго соревнованья".

Вновь послѣдовавъ за нимъ охотно,
Въ храмъ вошелъ я; онъ сказалъ тогда:
„Вотъ нашъ старый, милый храмъ науки.
Здѣсь подъ новой сѣнью онъ стоитъ,
Въ новомъ, совершеннѣйшемъ устройствѣ,
И щедрѣй алтарь его украшенъ;
Но и съ именемъ другимъ онъ тотъ же.
Самый пиръ сей подтверждаетъ то.
Пировать не сталъ бы храмъ, носящій
Императорское имя, если бъ
Самъ себя не признавалъ онъ тѣмъ же,
Чѣмъ онъ былъ, когда его воздвигла
Молодая королева шведовъ,
Повелѣвъ ему возвысить быстро
Храбрыхъ финновъ предъ лицомъ Европы
На чреду народовъ просвѣщенныхъ".

[1]) Гадолинъ, Абовскій домпробстъ, который за 50 лѣтъ назадъ вмѣстѣ съ Франценомъ получилъ степень магистра.

„Знать, то было предвѣщаньемъ рока",
Я спокойно отвѣчалъ: „когда,
Взявъ науки подъ свою защиту,
Въ Римѣ та высокая жена
Нареклась Христиной-Александрой" [1]).

Послѣ, — какъ въ святилищѣ торжествъ
Видѣлъ я Христины образъ вмѣстѣ
Съ ликомъ Александра, — мнѣ казалось,
Что съ высотъ гремитъ какой-то голосъ:
„Слышишь? оба имени сегодня
Придаются двухсотлѣтней сѣни
Отъ двоихъ, которые съ небесъ
На веселый праздникъ сей глядятъ,
Сами лавръ невянущій нося
И другъ другу подавая длань;
Между тѣмъ вкругъ нихъ взываютъ Музы:
„Радуйся, Христина-Александра!"

Мнѣ мечталось, что не только гласъ сей,
Но и пѣнье, слышимое въ храмѣ,
Раздается въ свѣтлыхъ высотахъ;
Я прекраснымъ пиромъ наслаждался
Не какъ сынъ Финляндіи одной,
Но какъ сынъ и Швеціи. Какъ мать, —
Хоть ужъ дочь ея не съ нею болѣ, —
Издалёка съ радостью глядитъ
На плоды своихъ уроковъ давнихъ:
Такъ и Швеція беретъ участье
Въ торжествѣ Финляндіи цвѣтущей.
Нынѣ россъ, эстонецъ, шведъ и финнъ
Звонъ и чашъ и голосовъ сливаютъ,
И у всѣхъ желаніе одно —
Дружно жить въ свободномъ царствѣ мысли.
Да, надъ моремъ, дѣлящимъ народы,
Мира флагъ соединяетъ ихъ,
И они средь ночи другъ для друга
Зажигаютъ на водахъ огни,
Указующіе путь пловцамъ.
Какъ же имъ другъ съ другомъ не мѣняться
Свѣтомъ знанья, свѣтомъ дарованій?
Такъ, какъ Балтика съ заливомъ Финскимъ

[1]) При переходѣ въ католическую вѣру.

Раздѣляетъ изобилье водъ, —
Пусть наука, слово и искусство
Собираютъ съ берега обоихъ
На одинъ алтарь плоды златые!
И прекрасный отпрыскъ, здѣсь привитый
Къ стволу свѣжему на старомъ корнѣ,
Въ обновленіи своемъ да станетъ
Украшеньемъ новаго столѣтья!

ВИДѢНІЕ ВАЛЫ [1]).

(Völu-spa).

Слушайте всѣ вы, святыя существа,
Большія и малыя дѣти Геймдаля [2])
Хочешь ли ты, я разскажу чудеса Вальфадера [3]),
Старыя преданья мужей, которыя я прежде всего узнала?

Я помню великановъ, искони рожденныхъ,
Которые нѣкогда учили меня;
Помню девять міровъ, девять небесъ,
Славное срединное древо въ глубинѣ земли [4]).

Было утро вѣковъ, когда властвовалъ Имиръ [5]);
Не было ни песку, ни моря, ни прохладныхъ волнъ,
Не было ни земли, ни высокаго неба, —
Была зіяющая бездна, но травы нигдѣ.

Наконецъ, сыновья Бора [6]) воздвигли твердь,
Дивно создали серединную палату [7]);
Солнце засіяло съ юга на скалы ея,
И поросла земля зеленою травой.

[1]) Изъ „Эдды Семунда Сигфуссона Мудраго“. Напеч. въ въ „*Сборникъ Скандинавской поэзіи*“, ред. Чудинова, изд. „Филолог. Записокъ“, ч. I, Воронежъ, 1875, стр. 29—38. Отрывокъ отсюда, въ переводѣ нѣсколько отличномъ, вошелъ въ статью автора „Поэзія и миѳол. Скандин.“, см. выше, стр. 46—49. *Ред.*—Völu-spa — производное отъ Vala или Völva, род. п. Völvu, общее названіе всѣхъ волшебницъ и чародѣекъ, предсказывавшихъ будущее.

[2]) Стражъ Валгаллы. [3]) Прозваніе Одина, значитъ „отецъ міровъ“.

[4]) Космогоническое дерево. [5]) Родоначальникъ всѣхъ великановъ.

[6]) Боръ не былъ рожденъ никѣмъ. Онъ женился на Бестлѣ, дочери великана Болторна, и имѣлъ отъ нея трехъ сыновей: Одина, Годура или Ве и Гёнира или Вили. [7]) Въ подлинникѣ — Мидгардъ.

Солнце, товарищъ мѣсяца, бросило съ юга
Правую руку на коней небесныхъ;
Солнце не знало, гдѣ его палаты,
Звѣзды не знали, гдѣ ихъ обитель,
Мѣсяцъ не зналъ, какова его сила.

Вотъ всѣ владыки пошли къ высокимъ сѣдалищамъ,
Святые боги держали совѣтъ:
Ночи и мѣсяцу дали они названія,
Наименовали утро и полдень,
Сумерки и вечеръ, для счисленія годовъ.

Асы [8]) собрались на равнинѣ Идѣ [9]),
Построили высокое святилище и дворъ,
Поставили горнила, ковали сокровища
(Напрягая силу, все испытывая),
Изготовили клещи и сдѣлали орудіе;

Играли въ оградѣ, были веселы,
Не было у нихъ недостатка въ золотѣ;
„Ничто не нарушало ихъ блаженства до тѣхъ поръ, *)
„Пока три могучіе исполина [10]) не вышли изъ земли Іотовъ [11]).

И всѣ владыки пошли къ высокимъ сѣдалищамъ,
Святые боги держали совѣтъ:
„Тутъ рѣшено было, кому предстоитъ создать
„Сонмъ духовъ съ кровью и бѣлыми костями морскихъ великановъ [12]).“

.

Вотъ трое Асовъ изъ собранья,
Могущественные, благіе, пришли къ морю:
Они нашли на берегу Аска и Эмблу [13])
Безъ силы и безъ жизни.

[8]) As, Ass, множ. ч. Aesir, боги.

[9]) Мѣсто, гдѣ боги собирались для суда.

[10]) Natt, ночь; Angurbod, страданіе; Hela, смерть.

[11]) Іоты, вѣроятно, Getae римлянъ, повидимому, предшествовали въ Скандинавіи поклонникамъ Асовъ. Кимбрія называлась тоже Іотландіей.

[12]) Боги создали море изъ своей крови, землю — изъ своего тѣла, камни — изъ своихъ костей, небо — изъ черепа и облака изъ мозга. — Далѣе слѣдуютъ пять строфъ (X—XV), заключающихъ въ себѣ перечисленіе духовъ. Мы пропускаемъ это мѣсто, какъ имѣющее весьма мало интереса.

[13]) Ask, ясень. Въ Snorra-Edda прямо говорится, что первый человѣкъ былъ сдѣланъ изъ ясеня и отъ него получилъ имя.

У нихъ не было души, не было разума,
Ни крови, ни движенія, ни румянаго лица;
Душу далъ имъ Одинъ, разумъ далъ Гениръ,
Лодуръ далъ кровь и румяное лицо [14].

Я знаю ясень; имя ему Игдразиль [15], —
Вѣтвистое древо, окропляемое бѣлымъ туманомъ;
Съ него роса дождемъ падаетъ на долину;
Оно стоитъ вѣчнозеленое надъ ключомъ Урды [16].

Оттуда приходятъ три вѣщія дѣвы —
Изъ источника, осѣняемаго древомъ:
Одну зовутъ Урдой, другую Верданди —
Онѣ пишутъ на своихъ щитахъ, — третью Скульдой.
Онѣ даютъ законы, опредѣляютъ жизнь,
Возвѣщаютъ судьбу человѣкамъ [17].

Я помню первое убійство,
Когда Гульвегу подняли на копья
И сожгли въ палатѣ боговъ;
Трижды жгли ее, трижды рожденную,
Часто жгли ее, но она и теперь жива [18].

„Они назвали ее богатствомъ. Она смиряетъ даже волковъ,
„И люди приняли ее въ свои дома, какъ благодатную посланницу.

„Она умѣла колдовать и любила это дѣло;
„Она всегда была предметомъ поклоненія людей преступныхъ.“ *)

И всѣ владыки пошли къ высокимъ сѣдалищамъ,
Святые боги держали совѣтъ:
Должны ли Асы отплатить за убійство,
Или всѣмъ богамъ принять искупленіе.

Воспрянулъ Одинъ и бросилъ копье въ толпу:
То была первая война на землѣ.

[14]) Одинъ — высшій богъ неба и земли; Гениръ — богъ свѣта, и Лодуръ (lod огонь) — богъ огня.

[15]) Носитель міра — yggr, имя Одина, и drasill, конь его.

[16]) Источникъ предвидѣнія.

[17]) Урда, Верданди и Скульда — три Норны (отъ nari, умерщвляющій): одна — богиня прошедшаго, другая — настоящаго, третья — будущаго.

[18]) И gull, и veig, оба слова, означаютъ золото. Эта строфа имѣетъ тоже аллегорическое значеніе, какъ въ балладѣ Борнса John Barleycorn.

*) Мѣста, поставленныя въ ковычкахъ, представляютъ прозаическую же передачу пропущенныхъ въ переводѣ Я. К. Грота стиховъ.

Разбита ограда крѣпости Асовъ,
Ваны [19]), чуя битву, бѣгутъ по полю [20]).

И всѣ владыки пошли къ высокимъ сѣдалищамъ,
Святые боги держали совѣтъ:
Кто наполнилъ воздухъ ядомъ вражды
И выдалъ дѣву Ода племени великановъ? [21])

Торъ [22]) былъ воспламененъ гнѣвомъ;
Онъ рѣдко сидитъ на мѣстѣ, когда слышитъ подобное.
Клятвы и обѣты нарушены,
Всѣ священные узы разорваны [23]).

Я узна́ю рогъ Геймдаля, сокрытый
Подъ святымъ, высокимъ древомъ [24]);
Я вижу, какъ рѣка льется водопадомъ
Надъ залогомъ Вальфадера [25]). Понимаете ли или нѣтъ?

Одиноко сидѣла я, когда пришелъ старый
Родоначальникъ Асовъ и посмотрѣлъ мнѣ въ глаза:
Зачѣмъ спрашиваешь меня? что меня испытываешь?
Я вѣдь знаю, Одинъ, гдѣ ты спряталъ свой глазъ —
Въ свѣтломъ ключѣ Мимира [26]).
Мимиръ каждое утро пьетъ медъ
Изъ залога Вальфадера, — понимаете ли вы, или нѣтъ?

Отецъ ратей [27]) выбралъ для меня колецъ и цѣпочекъ,
Далъ мнѣ вѣщія слова и пророческія пѣсни:
И я озирала всѣ міры.

[19]) Ваны — обитатели воздуха, по объясненію Финна Магнуссена, отъ van, пустой: духи, враждебные Асамъ.

[20]) Стиль Völu-spa становится все болѣе и болѣе апокалипсическимъ. Взятіе городовъ, принадлежащихъ Асамъ, какъ остатокъ земли, можно понимать здѣсь въ смыслѣ прекращенія золотого вѣка и оставленія земли Асами, а можетъ быть, это— просто перифразъ войны.

[21]) Одъ — сынъ ночи; подъ дѣвой его разумѣется Фрея.

[22]) Торъ — олицетвореніе всѣхъ силъ природы; онъ имѣлъ власть и силу надъ всѣмъ живымъ.

[23]) Въ Новой Эддѣ упоминается, что боги, для предотвращенія отъ себя какой-то великой опасности, обѣщали великанамъ предоставить ихъ власти солнце, луну и землю. Вѣроятно, этотъ миѳъ означаетъ, что Асы нарушили тяжелый мирный договоръ, наложенный на нихъ врагами.

[24]) Дерево Игдразиль, верхушка котораго покрываетъ небо.

[25]) Залогъ Вальфадера, т. е. глазъ Одина, сокрытый въ ключѣ.

[26]) Мимиръ — богъ мудрости, котораго источникъ также при одномъ изъ корней Игдразиля.

[27]) Deus Sabaoth.

Я увидѣла, какъ издалека пришли валькиріи [28])
Въ жилище боговъ. Скульда несла щитъ,
За нею шли дѣвы бога брани [29]),
Готовыя поскакать на землю.

Я видѣла сокровенную судьбу Бальдера [30]),
Кроваваго бога сына Одинова:
Выросталъ надъ равниною
Нѣжный, прекрасный отростокъ омелы.

Отъ этого отпрыска, столь ничтожнаго на видъ,
Произошелъ страшный ударъ — Гедеръ [31]) его нанесъ.

Рано былъ рожденъ братъ Бальдера [32]);
Ночь одну проживъ, онъ отмстилъ сыну Одинову.
Онъ не мылъ рукъ, не чесалъ волосъ,
Пока не положилъ на костеръ убійцу Бальдера;
Но Фригга [33]) въ своей палатѣ
Оплакивала бѣдствія Валгаллы [34]). Понимаете вы или нѣтъ?

Я видѣла, какъ лежалъ въ рощѣ горячихъ ключей
Гигантскій трупъ злого Лока [35]);
Тамъ надъ мужемъ своимъ сидитъ Сигуна [36]):
Она невесела. Понимаете вы или нѣтъ?

[28]) Валкиріи провожали убитыхъ въ Валгаллу. По исчисленію въ Grimnis-mal всѣхъ ихъ тринадцать.

[29]) Скогуль — божественная, Гуннура — богиня битвы, Гильда — ослѣпительная (поэтическое олицетвореніе битвы), Гондула — богиня раздора, Гейръ-Скогуль — поднимающая копье.

[30]) Бальдеръ — второй сынъ Одина и Фригги, богъ солнца. Ср. имя финикійскаго бога солнца Ваала.

[31]) Мать Бальдера, подъ клятвою, запретила всему, созданному на небѣ, землѣ и морѣ, причинить какое-нибудь зло своему сыну; но при этомъ забыла омелу, и вѣткой-то этого дерева Гедеръ убилъ Бальдера. Поэтому, вѣроятно, омела считается символомъ новаго года, ею убитъ старый годъ, представляемый солнцемъ. — Гедеръ, сынъ Одина, слѣпой, считался богомъ мрака.

[32]) Его имя произведено отъ valin, избранный, прекрасный.

[33]) Богиня земли и сластолюбія, дочь Фіёргвина и Одиновой жены. Имя ея произведено отъ исландскаго freya, плодородная.

[34]) Названіе, составленное изъ val, избраніе, и höle, hall, дворецъ, — дворецъ избранныхъ, т. е. храбрецовъ.

[35]) Локъ — сынъ великана Ферботи и Налы, которую называютъ также Лофейя. Это изгнанный Асъ, сатана скандинавской миѳологіи. Въ Норвегіи дьявола называютъ Локомъ, а крестьяне Ютландіи пьяницу обыкновенно называютъ Lokens-Havre, Локово сѣно.

[36]) Сигуна, богиня, жена Лока: имѣла отъ него двухъ дѣтей: **Нари** и **Нарфи.** Чтобы наказать вѣроломство Лока, боги придумали для него казнь, подобную той, какую испытывали: Ариманъ, Прометей и Сатана; при этомъ и Сигуна была страдалицей.

„Съ востока стремится потокъ, начало которому далъ илъ
и мечи:
„Онъ издали еще отравляетъ равнины: имя его Слитуръ [37]);
„На сѣверѣ, на горѣ Мрака, возвышается золотой дворецъ,
порожденіе каменнаго сердца;
„Другой возвышается въ странѣ, никогда не знавшей изморози:
„То — Бримиръ [38]), мѣсто развлеченія великановъ.“

Я увидѣла чертогъ вдали отъ солнца,
На берегу труповъ [39]); ворота его обращены къ сѣверу,
Чрезъ всѣ отверстія капалъ тутъ ядъ,
Чертогъ сплетенъ изъ змѣиныхъ хребтовъ.

Я увидѣла, какъ бродятъ тамъ въ рѣкахъ
Клятвопреступники и убійцы,
И обольстители чужихъ женъ.
Тамъ черный змѣй [40]) сосетъ тѣла умершихъ,
Волкъ ихъ терзаетъ. Понимаете вы или нѣтъ?

На востокѣ сидѣла Старая въ желѣзномъ лѣсу;
Тамъ кормила она волчатъ Фенрира.
Изъ всѣхъ ихъ одинъ будетъ силенъ
И въ образѣ чудовища пожретъ мѣсяцъ [41]).

Онъ насыщается жизнью низкихъ людей,
Онъ обагряетъ кровью обитель владыкъ.
Почернѣетъ солнце лѣтнее,
Всѣ вѣтры будутъ тлетворны. Понимаете вы или нѣтъ?

Тамъ сидѣлъ на холмѣ и игралъ на арфѣ
Стражъ чудовищныхъ женъ, веселый Эгдиръ [42]);
Близъ него пѣлъ въ высокомъ лѣсу
Красивый красный пѣтухъ, по имени Фіаларъ [43]).

[37]) Т. е. истребитель.

[38]) Бримиръ — отъ brim, огонь.

[39]) Въ подлинникѣ Настрандъ, nar мертвецъ и strand берегъ, — страна мертвыхъ.

[40]) Черный змѣй, Nidhauggr — отъ nid мракъ, hauggra раздирать; такъ назывался драконъ, терзавшій грѣшниковъ во мракѣ Тартара.

[41]) Древніе вѣрили, что затменія производимы были чудовищемъ, желавшимъ проглотить звѣзды; поэтому они казались имъ предвѣстниками большихъ бѣдствій, какъ недавно еще думали о кометахъ.

[42]) Эгдиръ — великанъ, имя котораго произведено отъ egdir, орелъ.

[43]) Пѣтухъ былъ символомъ огня и свѣта на востокѣ и у скандинавскихъ народовъ (см. Creuzer, Symbolik, т. II, стр. 90), — вѣроятно, потому, что онъ возвѣщаетъ обыкновенно приближеніе разсвѣта.

Пѣлъ близъ Асовъ золотой гребень,
Который и будитъ героевъ въ жилищѣ бога брани;
Другой чернокрылый пѣтухъ
Пѣлъ въ глубинѣ земли, въ палатахъ Гелы [44]).

Тогда боги крѣпко стянули повязки,
Сплетенныя изъ внутренностей Валы [45]).
Мудрая много знаетъ. Я вижу вдали
Сумерки владыкъ, послѣднюю битву [46]).

Братья будутъ сражаться, станутъ убивать другъ друга.
Родственники разорвутъ кровныя связи;
Міръ полонъ зла и великаго распутства:
Вѣкъ сѣкиръ, вѣкъ мечей, вѣкъ щитовъ сокрушенныхъ;
Вѣкъ бурь, вѣкъ волковъ предъ паденіемъ міра;
Никто не хочетъ пощадить другого.

Серединное дерево загорается, сыновья великановъ пляшутъ
Подъ звуки гремящаго рога.
Геймдаль, поднявъ рогъ, трубитъ [47]);
Бесѣдуетъ Одинъ съ головой Мимира [48]).

Отъ шума потрясенъ высокій ясень Игдразиль:
Старое древо содрогается [49]), великанъ вырывается на волю;
Всѣ трепещутъ на путяхъ Гелы,
Пока сынъ Суртура [50]) не пожретъ Одина.

Гримиръ [51]) ѣдетъ съ востока, щитъ передъ нимъ;
Змѣй, обвивающій землю [52]), извивается въ ярости

[44]) Гела — дочь Локи и Ангурбоди, богиня смерти.

[45]) Вали — одинъ изъ сыновей Локи, пострадавшихъ за преступнаго отца: кишками Вали отецъ былъ привязанъ къ скаламъ.

[46]) Въ этой строфѣ совмѣщено нѣсколько миѳологическихъ подробностей, разъясненіе которыхъ потребовало бы длинныхъ комментаріевъ; поэтому переводъ ея сдѣланъ нѣсколько сокращенно, съ строгимъ, однако, сохраненіемъ главной мысли.

[47]) Чтобы созвать боговъ на битву.

[48]) Для разъясненія смысла этого стиха, считаемъ нужнымъ напомнить читателю, что Одинъ — олицетвореніе неба, а Мимиръ — океана, воды. Отсюда, вѣроятно, значеніе этого стиха будетъ слѣд.: морскія волны вздымались до самаго неба.

[49]) Землетрясенія, во всѣхъ пророчествахъ, принимались за признакъ кончины міра.

[50]) Суртуръ — отъ surtr, мрачный.

[51]) Гримиръ — одинъ изъ великановъ, имя котораго произведено отъ hrim, бѣлый ледъ.

[52]) Змѣй, окружающій землю, наз. Jörmungand, земное чудовище. Сперва оно служило олицетвореніемъ океана, облекающаго землю и соединяющаго свою голову съ хвостомъ.

*

И взрываетъ глубину морскую; орелъ весело клокчетъ,
Блѣднымъ клювомъ раздираетъ трупы: пущенъ корабль ногтяной [53]).

Корабль плыветъ отъ востока, сыновья Муспеля [54])
Ѣдутъ по морю, Локъ стоитъ у кормила:
Всѣ исчадія чудовища несутся вмѣстѣ съ волкомъ,
Съ ними на кораблѣ и братъ Билейста.

Каково теперь Асамъ? каково Альфамъ [55])?
Реветъ міръ великановъ, Асы на вѣчѣ,
Карлы стонутъ при каменныхъ дверяхъ,
Мудрые стражи горъ. Понимаете вы или нѣтъ?

Суртуръ вторгается отъ юга съ развѣвающимся пламенемъ;
На мечахъ сверкаетъ солнце бога войны;
Каменныя горы трещатъ, великанши трепещутъ,
Люди ходятъ по путямъ Гелы. Небо разверзается.

„Тогда новое бѣдствіе разразится надъ богиней.
„Одинъ вступитъ въ бой съ волкомъ,
„А блестящій побѣдитель Бели [56]) — съ Суртуромъ.
„И погибнетъ тогда богъ, который драгоцѣннѣе всѣхъ для Фригги [57]).

„Тогда Видаръ, могучій сынъ отца побѣдъ,
„Сразится съ яростнымъ звѣремъ [58]);
„Взмахнетъ онъ могучей рукою своей,
„И мечъ его пронзитъ предка великановъ въ самое сердце.

„Тогда прибѣжитъ знаменитый сынъ Земли [59]);
„Первенецъ Одина сразится съ змѣемъ,
„И змѣй погибнетъ подъ ударами защитника Мидгарда [60]);
„Всѣ люди исчезнутъ съ лица земли; побѣдитель шатаясь отойдетъ отъ чудовища;
„Пройдетъ онъ девять шаговъ и упадетъ, какъ побѣжденный“.

[53]) Корабль ногтяной — Naglfar — огромное судно, составленное изъ ногтей мертвецовъ и нагруженное такими-же ногтями.

[54]) По объясненію Я. Гримма, сыновья Муспеля — значитъ пламя.

[55]) Альфы — стихійныя силы, ниже Асовъ и выше людей.

[56]) Бели — великанъ (отъ belia, краснѣть), котораго убилъ Фрейръ оленьимъ рогомъ. [57]) Одинъ.

[58]) Видаръ — отъ Vedr, вѣтеръ — нѣмой Асъ, богъ бурь. Яростный звѣрь — волкъ Фенриръ.

[59]) Торъ.

[60]) Мидгардъ, срединная земля, мѣстопребываніе людей; надъ нею — Асгардъ, земля боговъ, и къ сѣверу послѣдняя земля, Утгардъ, обиталище великановъ.

Солнце начинаетъ чернѣть, земля погружается въ море:
Исчезаютъ на небѣ сіяющія звѣзды;
Дымъ клубится надъ огнемъ, разрушающимъ міръ;
Исполинское пламя взвивается къ самымъ небесамъ [61]).

Я вижу: опять всплываетъ
Надъ моремъ земля, покрытая роскошной зеленью;
Тамъ шумятъ водопады; въ вышинѣ носится орелъ
И со скалъ подстерегаетъ рыбу.

Асы собрались на равнинѣ Идѣ
И бесѣдуютъ о могучемъ змѣѣ, обвивающемъ землю,
И вспоминаютъ дѣянія старины
И древнія руны могучаго бога.

Асы вновь находятъ въ травѣ
Чудесныя золотыя доски [62]),
Въ началѣ временъ принадлежавшія поколѣніямъ,
Вождю боговъ и его роду.

Жатва будетъ всходить безъ посѣва,
Всякое зло исчезнетъ: Бальдеръ возвратится
И съ Гедеромъ построитъ чертоги Одина,
Обитель героевъ. Понимаете или нѣтъ?

Тогда Гениръ можетъ избрать свой жребій:
Дѣти двухъ братьевъ будутъ жить вмѣстѣ
Въ обширномъ царствѣ воздуха. Понимаете ли вы или нѣтъ?

Я вижу храмину свѣтлаго солнца,
Покрытую золотомъ посреди Гимли [63]):
Тамъ будутъ жить добрые народы
И наслаждаться вѣчнымъ блаженствомъ.

Является могучій въ судилище боговъ,
Сильный свыше, всѣмъ управляющій;
Онъ изрекаетъ приговоръ, прекращаетъ распри
И навѣки установляетъ священные законы.

[61]) Вѣра въ разрушеніе вселенной отъ огня и въ ея возрожденіе общераспространена въ древности; она раздѣлялась египтянами, персами, индусами, орфиками, гераклитиками и стоиками; см. Крейцера, Symbolik, т. I, стр. 369, 603, 708 и т. III, стр. 317.

[62]) Золотыя доски — служившія для игры древнимъ скандинавамъ и теперь еще употребительныя на сѣверѣ.

[63]) Гимли — прекраснѣйшая часть неба.

„За нимъ является черный драконъ,
„Что̀ гнѣздится на горѣ Мрака;
„Онъ пронесется по свѣту со смертью на крыльяхъ своихъ,
„Потомъ онъ будетъ свергнутъ въ бездну“.

ЗИМНІЕ ЦВѢТЫ [1]).

(Альманахъ).

1839.

Такъ называется альманахъ, съ нѣкотораго времени появляющійся въ Швеціи ежегодно около Рождества. Его издатель г. Меллѝнъ. Въ этомъ сборникѣ, который и по имени, и по назначенію своему такъ живо напоминаетъ *Сѣверные Цвѣты* нашего покойнаго Дельвига, принимаютъ участіе нѣкоторые изъ лучшихъ писателей шведскихъ. Книжка *Зимнихъ Цвѣтовъ* вышедшая въ 1838 году, подала мысль г. Ленстрему, упсальскому литератору, написать краткій отчетъ объ отечественной словесности за протекшій годъ. Этотъ остроумный обзоръ отличается безпристрастіемъ и приличіемъ, рѣдкими качествами въ области нынѣшней критики шведовъ, и, сообщая довольно вѣрное понятіе о состояніи всей современной ихъ литературы, можетъ служить дополненіемъ къ помѣщенной въ послѣдней книжкѣ нашего журнала статьѣ: *Знакомство съ Рунебергомъ*. Потому-то мы и предлагаемъ здѣсь въ переводѣ отчетъ г. Ленстрема почти цѣликомъ. Читая его, всякій, кому извѣстно состояніе нашей собственной литературы, не разъ подивится многимъ сходнымъ чертамъ, какія представляетъ настоящая эпоха умственнаго развитія двухъ сосѣдственныхъ народовъ сѣверной Европы.

Въ концѣ года, начинаетъ г. Ленстремъ, приводятся къ окончанію и къ общему итогу всякіе счеты, для обозрѣнія всѣхъ прибылей и потерь, для опредѣленія, что̀ сохранено изъ стараго и что̀ пріобрѣтено вновь. Такія повѣрки, въ большей части образованныхъ государствъ Европы, дѣлаются съ окончаніемъ года и въ отношеніи къ литературѣ. Онѣ являются въ видѣ *альманаховъ*, гдѣ какъ замѣчательные, такъ и незначительные писатели помѣщаютъ свои произведенія: эти книги свидѣтельствуютъ или только о томъ, какіе писатели дѣйствуютъ, или о томъ, цвѣтетъ ли поэтическая жизнь народа полнотою юношеской силы и свѣжести. Въ Швеціи, гдѣ поэзія и художества поощряются менѣе, нежели въ другихъ земляхъ, такіе альманахи выходятъ рѣдко, да если и выходятъ, то бываютъ наполнены почти всегда только первенцами весны, т. е. произведеніями едва начинающихъ или молодыхъ писателей. Старые, увѣнчанные сыны Аполлона, по большей части покоятся на лаврахъ, не заботясь о пѣсняхъ юнаго поколѣнія.

[1]) *Современникъ*, 1839, т. XIV, стр. 5—20.

Одни покоятся потому, что должностныя занятія вовлекли ихъ въ потокъ иной, вовсе не поэтической жизни — неизбѣжный эпилогъ литературной дѣятельности всякаго шведскаго поэта, если онъ не хочетъ умереть подобно возвышенному Витàлису. [1]). Другіе отдыхаютъ потому, что въ нихъ жажда творчества убита природною лѣнью и безпечностью сѣвернаго жителя, или пресыщеннымъ честолюбіемъ, или хозяйственнымъ благосостояніемъ и т. п. Вторая причина скупости альманаховъ на зрѣлые плоды зрѣлыхъ пѣвцовъ скрывается въ томъ духѣ отчужденія или отдѣльности, которымъ заражена жизнь шведскаго писателя. Минулъ еще годъ, вышелъ еще альманахъ. Эта книжка и была поводомъ къ нашей статьѣ; мы намѣрены обозрѣть поэтическую жатву какъ въ альманахѣ, такъ и внѣ его, и представить такимъ образомъ въ миніатюрной картинѣ рядъ сочинителей, нынѣ живущихъ въ Швеціи, и изъ которыхъ въ прошедшемъ году одни *пѣли*, а другіе *молчали* или *умолкли*.

1. *Кто молчалъ?*

Въ этомъ разрядѣ первое мѣсто занимаетъ, безъ сомнѣнія, Тегнèръ, го̀лоса его мы уже давно ждемъ, но не дождемся. Онъ знаетъ, что теперь поетъ ужъ не для одной Швеціи, по и для Европы — и молчитъ, унимая нетерпѣливые клики своихъ соотечественниковъ: *еще! еще!* богословскими поученіями, въ которыхъ однакожъ — сказать мимоходомъ — *поэтъ* частенько беретъ верхъ надъ ученымъ богословомъ. Не смотря на то, надѣемся, что сильный, ясный, увлекательный, возвышенный, живой, народный пѣвецъ снова подаритъ насъ когда-нибудь прекраснымъ произведеніемъ. Недавно Майергофъ познакомилъ Германцевъ съ его лирическими произведеніями: о нихъ одинъ нѣмецкій рецензентъ говоритъ, что они доказываютъ богатое воображеніе и мастерское искусство въ исполненіи, по что сіи качества у него не соединяются съ равнымъ творчествомъ и съ глубокостью чувства, почему Тегнеру и удается лучше всего обработка историческихъ предметовъ.

Францèнъ издалъ въ 1836 г. прелестную драматическую идиллію: *Лапландская дѣвушка*, которая только немного длинна; но послѣ того мы уже не слышали звуковъ его чистой, проникнутой чувствомъ, плѣнительной, кроткой идиллической музы. Ожидаемъ отъ него большой національной эпопеи: *Густавъ II Адольфъ*. Для Францèна лирическій періодъ, кажется, уже прошѐлъ. Не многимъ дано писать и на старости прекрасныя стихотворенія въ этомъ родѣ, какъ удавалось напримѣръ незабвенному Гёте.

Безсмертный псалмистъ и витія Валлинъ не сочинилъ ничего въ послѣдніе годы, если исключить помѣщенную въ послѣднихъ *Зимнихъ Цвѣтахъ* пьесу его о Вашингтонѣ, въ которой мѣстами видна высокая поэзія.

Гейеръ, издавъ свои сильныя, чисто-шведскія, простыя, оригинальныя стихотворенія, кажется, заключилъ ими всѣ расчеты съ поэтическою стариной, и посвятилъ себя исключительно истолкованію первовременныхъ рунъ саги. Имъ, можно сказать, замыкается рядъ норманскихъ скальдовъ: его *Викингъ* и *Послѣдній Скальдъ* едва-ли най-

[1]) Подъ симъ вымышленнымъ именемъ прославился своими стихотвореніями мечтательный *Шёбергъ* (Sjöberg), умершій почти въ нищетѣ.

дутъ себѣ когда-нибудь братьевъ или родственниковъ, даже и въ потомствѣ могучаго пѣвца Асовъ, Линга [1]), который въ цѣлыхъ томахъ рисуетъ жизнь норманновъ, изображенную Гейеромъ на немногихъ страницахъ. Но честь и ему, пѣвцу воителей, живописцу сѣвера, съ кистію лирической поэзіи!

Валеріусъ не поетъ болѣе милыхъ пѣсенъ своихъ, которыхъ звуки никогда не умрутъ въ устахъ пирующихъ скандинавовъ.

Все это *академики*; впрочемъ теперь ужъ пора разрушиться той китайской стѣнѣ, которая прежде отдѣляла туземцевъ отъ татаръ — татаръ словесности, какъ говоритъ Торильдъ [2]). Теперь этимъ именемъ должно означать только плохихъ пѣвцовъ, сидятъ лѝ они на нумерованныхъ или на ненумерованныхъ креслахъ. За симъ бросимъ взглядъ на *не-академиковъ*.

Отъ Альмквиста, остроумнѣйшаго изъ поэтовъ, явившихся въ послѣднее десятилѣтіе, ожидали въ прошломъ году новаго изданія чуднаго или лучше дивнаго произведенія его [3]), но ожидали тщетно.

Геніальный Ливинъ, авторъ *Пиковой дамы*, которая нѣсколько времени приводила въ восторгъ нѣмцевъ и нравилась французамъ, замолкъ.

Афцеліусъ, собиратель народныхъ пѣсенъ и сочинитель *пѣсни Нека*, думаетъ про себя: „пусть будетъ одинъ, да львёнокъ!“

Линдебергъ собралъ въ прошломъ году свои стихотворенія, вызванныя на свѣтъ и награжденныя академіею: во многихъ изъ нихъ, что̀ ни утверждай голосъ партій, нельзя отвергать достоинства, особенно когда на кудряхъ Музы не замѣтно академическаго инея.

Баронесса Кноррингъ, подаривъ публикѣ своихъ *Двоюродныхъ Братьевъ*, думаетъ, кажется, что общее и столь заслуженное вниманіе, съ которымъ эта книга была встрѣчена, смѣнилось холодностію. Напрасно! Съ ея несомнѣннымъ дарованіемъ, живописнымъ слогомъ, игривостію, рѣзвою граціей и умѣніемъ писать, право, не трудно снискать одобреніе всякаго и даже пасмурнаго шведа.

Линдебладъ, надъ которымъ посредственный поэтъ и критикъ Руда совершилъ литературное убійство, одаренъ, безъ сомнѣнія, сильнымъ поэтическимъ талантомъ. Переставъ теперь безотчетно поклоняться Тегнеридамъ, онъ конечно въ скоромъ времени услышитъ тѣ справедливыя похвалы, въ которыхъ такъ долго ему отказывали.

О. Р. читается, но до сихъ поръ еще не выходитъ изъ-подъ покрова своей таинственной безыменности, хотя уже всѣмъ и наскучилъ неразрѣшимый вопросъ: „кто такой О. Р.?“

Вадманъ, веселый старецъ, послѣдній изъ Бельмановскихъ пѣвцовъ на сѣверѣ, уснулъ навѣки, но мы ужъ давно надѣемся, что его поэтическое *я* оживетъ въ какомъ-нибудь неподложномъ изданіи.

Унге, неюмористическій юмористъ на Парнассѣ нашемъ, какъ видно

[1]) Лингъ, одинъ изъ замѣчательныхъ новѣйшихъ поэтовъ шведскихъ, наиболѣе извѣстенъ эпическою поэмою: *Асы* (скандинавскіе боги) въ 30 пѣсняхъ. Онъ получилъ за нее отъ Шведской академіи, безъ всякаго съ своей стороны домогательства, большую золотую медаль.

[2]) Знаменитый ученый и писатель шведскій, но посредственный поэтъ, умершій въ 1819 г. Слишкомъ смѣлымъ противоборствомъ духу и вкусу своего времени онъ навлекъ на себя немилость короля Густава III. Въ литературѣ онъ былъ однимъ изъ первыхъ и ревностнѣйшихъ враговъ классической школы, и особенно Леопольда.

[3]) Собранія повѣстей подъ заглавіемъ: *Книга Шиповника* (Törnrosensbok.)

отдыхаетъ, для обновленія силъ. Онъ что-то смотритъ сѣвернымъ Жанъ-Полемъ.

Энгенстремъ бросилъ арфу и взялъ въ руки странничій посохъ для блага государственнаго хозяйства.

2. *Кто пѣлъ?*

Лирическіе поэты. Первымъ между ними должно здѣсь, по справедливости, назвать Аттербома, издавшаго нынѣ полное собраніе своихъ стихотвореній. Многія изъ нихъ, еще за двадцать лѣтъ тому назадъ, снискали одобреніе образованныхъ шведовъ, т. е. тѣхъ, которые понимали истинную поэзію и не принадлежали къ академіи. Что этотъ подарокъ, сдѣланный намъ, а вскорѣ, можетъ быть, доступный и иноземцамъ, былъ принятъ не слишкомъ благосклонно нѣкоторыми изъ критическихъ управъ, доказываетъ только или обаяніе судей ослѣпительнымъ духомъ партій, или неспособность ихъ къ вѣрной оцѣнкѣ. Если и согласиться, что въ поэзіи Аттербома есть недостатки, то все-таки было бы слишкомъ несправедливо отрицать богатство мыслей, чувствительность, ѳѳирную мечтательность, южно-роскошное воображеніе и другія качества у того, кто написалъ *Островъ блаженства*, *Цвѣты* и столько прекрасныхъ произведеній въ прозѣ. При всемъ томъ, его достоинствъ не умѣли оцѣнить, потому что онъ, подобно Стагнеліусу, писалъ только для задушевныхъ друзей, которые, находясь на одной съ нимъ точкѣ образованія, смотрятъ на жизнь тѣми же глазами, какъ и онъ самъ. Мы сравнили его съ Стагнеліусомъ: сходство между ними простирается еще и далѣе. Аттербому свойственна въ полной мѣрѣ та же поэтическая, таинственная созерцательность, какою отличался пѣвецъ Владиміра, но въ ясности и, такъ сказать, прозрачности формъ послѣдній недостижимъ. Отсутствіе патріотизма и академическая сухость не позволили критикамъ отдѣлить въ Аттербомѣ поэта отъ политическаго писателя и остроумнаго шведскаго сочинителя отъ фосфориста [1]).

Лирикъ Дальгренъ, по справедливости одинъ изъ любимцевъ нашей націи, снискавшій заслуженную славу множествомъ удачныхъ стихотвореній, ни увеличилъ, ни уменьшилъ ея своими *Пѣснями на пароходѣ*.

Беттигеръ, исполненный кротости, любви и теплоты, безыскусственный пѣвецъ, одинъ изъ первыхъ между нашими лириками и пишущими на случаи стихотворцами, показалъ въ своихъ новыхъ лирическихъ пѣсняхъ неутомимое совершенствованіе. Здѣсь онъ въ первый разъ умѣлъ совладать съ избыткомъ своего чувства.

Никандеръ, приготовляющій собраніе своихъ стихотвореній, написалъ, какъ говорятъ, текстъ для коллекціи гравюръ и помѣстилъ въ нынѣшнихъ *Зимнихъ Цвѣтахъ* нѣсколько прелестныхъ пьесъ. Какъ все, что принадлежитъ ему, онѣ поражаютъ роскошью и красотой языка: признаки этого достоинства замѣтны и въ его переводѣ *Орлеанской дѣвы*. Онъ, безъ сомнѣнія, стоитъ также въ ряду превосходнѣйшихъ лириковъ нашихъ.

Ингельманъ, годъ тому назадъ, получилъ отъ Шведской академіи премію за стихотвореніе: *Смерть Густава Адольфа*, которое не что иное, какъ сплетеніе напыщенныхъ фразъ и общихъ мыслей.

[1]) См. выше, стр. 6.

Стихотворенія Брауна, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ ихъ появленія, изданы вновь: это что-то необыкновенное въ Швеціи. Браунъ не безъ дарованія, но онъ могъ бы извлечь изъ него благороднѣйшіе плоды. Его поэзія бываетъ рѣдко поэзіей, живость его часто поддѣльна, шутки — тяжелы и неблагопристойны. Больно видѣть, съ какою жадностію невѣжественная толпа полу-образованныхъ бросается на его произведенія. Они тѣшатъ ее, но это удовольствіе конечно не облагороживаетъ души и образа мыслей, какъ всякая истинная поэзія, а только портитъ. Унизительно поэту проповѣдывать, что жить значитъ пить, ѣсть, любить, въ самомъ низкомъ значеніи слова, и т. п. Броунъ, этимъ жалкимъ воззрѣніемъ на міръ, напоминаетъ англичанина Мѐрріета (Marryat), котораго романы должны непремѣнно вредить нравственности. Поэтому, любя добро, нельзя не желать г. Брауну иного, кромѣ достиженія высшаго образованія, прежде нежели онъ появится вновь передъ читателями.

Въ Зимнихъ Цвѣтахъ выступилъ въ первый разъ на литературное поприще Гёрансонъ. Онъ помѣстилъ тамъ *Послѣднее приключеніе Донъ-Жуана* и еще нѣсколько пьесъ, которыя всѣ доказываютъ талантъ, возвышенный надъ посредственностію. Въ названномъ стихотвореніи Донъ-Жуанъ впервые влюбляется дѣйствительно, и гибнетъ отъ любви, чтобы въ царствѣ смерти увидѣть дѣву, которой образъ онъ обнималъ на землѣ. Такъ любовь, бывшая его жизнью, становится и причиною смерти его. Мысль глубоко-поэтическая.

Сочинители идиллій, романовъ и повѣстей. Рунебергъ, простодушный пѣвецъ *Стрѣлковъ оленей*, дополнилъ эту прелестную идиллическую поэму *Ганной*, гдѣ открывается новая свѣтлая сторона его таланта.

Первое мѣсто между романистами Швеціи занимаетъ дѣвица Бремеръ, которой послѣдній романъ *Сосѣди* имѣлъ необыкновенный успѣхъ. Счастлива земля, гдѣ есть такія писательницы! Не только дѣйствуютъ онѣ на эстетическое образованіе народа; вліяніе ихъ обширнѣе: онѣ положительно дѣйствуютъ на нравственность. Закрывая книгу такого—и остроумнаго и непорочнаго автора, кто не почувствуетъ себя хотя нѣсколько исправленнымъ, примиреннымъ съ жизнью, въ которой, и среди превратностей, такъ много прекраснаго! Желаю отъ души, чтобы на книжной полкѣ моей у *Сосѣдей* очутились, какъ можно скорѣе, сосѣди изъ семейства той же умной, ангельски-доброй сочинительницы.

Вотъ единственный оригинальный романъ, вышедшій въ прошломъ году. Появилось еще нѣсколько оригинальныхъ повѣстей, наприм. *Ничто*, въ Шведской Библіотекѣ для чтенія, смѣсь изрѣдка мелькающей живости и постоянно видимой изысканности, и другія; но все это, вѣроятно, одни приготовленія къ важнѣйшимъ трудамъ. *Меллинъ*, въ своихъ *Зимнихъ Цвѣтахъ*, помѣстилъ опять прелестную повѣсть: онъ удостоился недавно чести видѣть многія изъ своихъ произведеній въ нѣмецкомъ переводѣ.

Драматики. Область драмы въ Швеціи до сихъ поръ походила на безплодную степь, гдѣ было только два рода растеній: тернія шведскаго происхожденія и восковые цвѣты на французскій манеръ. Теперь, слава Богу, Бѣсковъ засѣялъ эту землю воспоминаніями временъ Эрика XIV и Фолькунговъ, тогда какъ Альмквистъ съ другой стороны оплодотворилъ ее сѣменами, взятыми не изъ стихотворной *Хроники* [1]),

[1]) Сборника, написаннаго Карломъ IX.

а изъ обильнаго источника творчества, и эти сѣмена произвели растенія, достойныя юга. Бесковъ издалъ недавно вторую часть своихъ *Драматическихъ Опытовъ*, которыхъ первую часть знаменитый Эленшлегеръ перевелъ недавно на датскій языкъ. Биргеръ и родъ его представляютъ въ шведской исторіи столь же занимательное зрѣлище, какъ и Торкель Кнутсонъ. Нужно много вкуса, поэтической воспріемлемости и знанія театра, чтобы изъ матеріала столь скуднаго, какова стихотворная Хроника, создать прелестную и увлекательную драму. При всемъ томъ, еслибъ разобрать строго эти произведенія и держаться совершеннаго безпристрастія, то можно бы сказать насчетъ ихъ много дѣльныхъ замѣчаній.

Въ новыхъ драматическихъ трудахъ Гранберга, которыхъ предметы заимствованы также изъ исторіи, нѣтъ ни запаха, ни вкуса.

Въ теченіе года изданы вновь народныя пѣсни, и сочиненія Бельмана, Чельгрена, Стагнеліуса, Шернъельма, Густава III и другихъ такимъ образомъ вскорѣ мы будемъ имѣть въ дешевыхъ изданіяхъ труды всѣхъ замѣчательнѣйшихъ изъ умершихъ писателей Швеціи.

Переводы все еще наводняютъ нашу литературу, и останавливая полное развитіе народности, угрожаютъ ей совершеннымъ истребленіемъ, если настоящее состояніе продлится. Оригинальные сочинители составляли всегда одно изъ бѣднѣйшихъ сословій въ Швеціи; теперь же грошовыя изданія такъ избаловали публику, что наши собственныя, болѣе дѣльныя книги, которыхъ нельзя продавать слишкомъ дешево, затрудняются въ сбытѣ. Между тѣмъ переводческое мастерство подвинулось въ Швеціи очень далеко и совершенствуется съ каждымъ годомъ. Впрочемъ здѣсь рѣчь идетъ только о переводахъ сочиненій въ прозѣ: не многимъ далось искусство перелагать стихотворныя произведенія. На такіе переводы мы не стали бы возставать. Напротивъ того, въ области европейской поэзіи есть множество сокровищъ, которыми мы бы совѣтовали обогатить нашу словесность. Но — или у насъ нѣтъ умѣнья выбирать, нѣтъ стихотворческаго искусства, поэтическаго чутья, или, что̀ вѣроятнѣе, у насъ нѣтъ легкаго сбыта.

Изъ этого обзора видно, что мы въ настоящее время не ощущаемъ недостатка ни въ хорошихъ писателяхъ, ни въ надеждахъ на блистательное развитіе многихъ начинающихъ. При всемъ томъ, литература наша далека отъ цвѣтущаго состоянія. У насъ лежатъ еще нетронутыми цѣлые поэтическіе рудники; есть и такіе роды поэзіи, по которымъ почти ничего еще не сдѣлано.

Примѣчаніе. Во время печатанія этой статьи дошло до насъ извѣстіе о недавней кончинѣ одного изъ упоминаемыхъ въ ней писателей. 26 января (7 февраля) нынѣшняго года, умеръ въ Швеціи поэтъ *Никандеръ* (см. выше стран. 921), родившійся 20 марта н. с. 1799 г. Вотъ что пишутъ о немъ: „Получивъ въ 1824 году степень магистра философіи, онъ принужденъ былъ безпрестанно бороться съ трудными обстоятельствами. Только вспоможеніе со стороны Кронпринца и Шведской академіи доставило ему средства къ путешествію, которому мы обязаны прекрасными *Воспоминаніями о югѣ* и *Гесперидами*. Никандеръ служилъ нѣсколько лѣтъ канцеляристомъ въ королевской канцеляріи и потомъ копіистомъ въ военной экспедиціи; но въ послѣдніе годы не несъ никакой службы и жилъ только платою за проданное имъ право изданія своихъ сочиненій. Изъ нихъ послѣднимъ было: *Левъ въ пустынѣ*. Одинъ изъ короткихъ знакомыхъ покойнаго гово-

ритъ о немъ слѣдующее: „Все прекрасное въ природѣ и въ искусствахъ, все благородное въ словахъ и въ поступкахъ такъ сильно дѣйствовало на него, что онъ часто заливался слезами. Онъ бывалъ совершенно счастливъ, когда могъ въ ясный лѣтній день гулять съ немногими истинными друзьями по окрестностямъ Стокгольма. Тогда онъ нерѣдко чувствовалъ вдохновеніе и читалъ свои собственные стихи съ увлекательнымъ жаромъ. Онъ видѣлъ въ каждомъ артистѣ друга; неизмѣнно преданный тѣмъ, съ которыми сблизился въ Римѣ онъ столь же искренно привязывался и къ молодымъ талантамъ, радовавшимъ его своими успѣхами. — — — При обширной начитанности, особенно въ новѣйшей литературѣ, Никандеръ любилъ страстно и древнихъ писателей. Болѣе всѣхъ нравился ему Сенека, изъ котораго онъ иногда приводилъ изреченія. Рано познакомился онъ съ новыми поэтами, и преимущественно съ итальянскими. Языкомъ Петрарки и Данта владѣлъ онъ до такой степени, что написалъ въ Римѣ нѣсколько итальянскихъ стихотвореній, заслужившихъ общее одобреніе. Какъ художникъ, Никандеръ достигъ полнаго развитія и зрѣлости. Онъ такъ хорошо изучилъ форму, что всѣ его произведенія кажутся вылитыми съ одного разу, столько же въ отношеніи къ языку и гармоническому построенію стиха, сколько и въ отношеніи къ самому предмету. Прекраснѣйшіе шведскіе сонеты принадлежатъ Никандеру. Всѣ его стихотворенія проникнуты нѣжнымъ и теплымъ чувствомъ. Ихъ неподдѣльная красота и чистая цѣль доставили навсегда его имени почетное мѣсто въ шведской литературѣ“.

О ПРИРОДѢ ФИНЛЯНДСКОЙ, О НРАВАХЪ И ОБРАЗѢ ЖИЗНИ НАРОДА ВО ВНУТРЕННОСТИ КРАЯ [1])

Статья Рунеберга.

1840.

Пишу эти строки не въ дополненіе къ какому-нибудь топографическому описанію Финляндіи или части ея: я намѣренъ только обозначить бѣглыми чертами красоты края и воскресить въ себѣ тѣ пріятныя впечатлѣнія, которыя онѣ доставили мнѣ. Съ сими воспоминаніями неразлучно связано нѣсколько мрачныхъ картинъ нужды человѣческой, и мнѣ кажется, что ихъ не странно видѣть наряду съ величіемъ и блескомъ природы. Ибо какъ звѣрь теряетъ живость и красоту свою по мѣрѣ того, какъ человѣкъ приспособляетъ его къ своимъ цѣлямъ, такъ и природа становится тѣмъ бѣднѣе, чѣмъ болѣе трудъ людской одолѣваетъ ее. Такимъ образомъ она только въ дикомъ состояніи являетъ всю красоту свою, только побѣжденная открываетъ человѣку свои неисчерпаемыя нѣдра. Итакъ, кто хочетъ видѣть на-

[1]) *Современникъ*, 1840, т. XVII, стр. 5 — 30.

родъ благоденствующій, тотъ пускай посѣтитъ мѣста, гдѣ природа, покоренная людьми, послушно надѣляетъ ихъ вынужденными дарами. Кто, напротивъ, желаетъ видѣть природу въ первобытномъ ея блескѣ, тотъ долженъ пойти туда, гдѣ она еще свободно развиваетъ исполинскія силы и смѣется стараніямъ слабаго племени покорить ее. Финляндія, можетъ быть, богаче всякой другой страны такими картинами. Сколько разнообразія отъ ровной, обработанной земли по берегу до внутреннихъ мѣстъ ихъ съ крутыми высями, съ ихъ пустынными озерами, съ ихъ степями, куда не ведетъ ни одна тропинка, куда развѣ только тетеревъ, разимый свинцомъ, иногда устремляетъ одинокій полетъ свой. Путешественники изъ образованныхъ странъ Европы, посѣщающіе берегъ Финляндіи, не найдутъ на немъ значительной разницы съ своимъ отечествомъ и, кромѣ климата и языка, встрѣтятъ по большей части знакомые предметы. Напротивъ того, ни одинъ чужеземецъ, который углубится внутрь Финляндіи, не скажетъ, что онъ прежде видѣлъ что-либо подобное: такъ опредѣленно очерчены, такъ рѣзко отличены эти мѣста. Между тѣмъ какъ по береговой дорогѣ, особливо по южной, деревня за деревней и домъ за домомъ свидѣтельствуютъ о цвѣтущемъ народонаселеніи, по дорогамъ внутреннимъ можно проѣхать цѣлыя мили, не увидѣвъ ни слѣда хижины; а если наконецъ и встрѣтится жилье, то оно виситъ на скатѣ огромной песчаной горы, или, выглядывая изъ дикихъ рощей, окружающихъ полузакрытое озеро, мелькаетъ какъ чуждый наростъ на здравомъ, величественномъ деревѣ природы. Есть, однакожъ, и въ нашихъ шкерахъ [1]) что-то дикое и свойское, придающее имъ яркій цвѣтъ, особливо далѣе въ морѣ, и всякій, кто проживетъ нѣсколько времени въ этихъ мѣстахъ, унесетъ оттуда много глубокихъ, сильныхъ впечатлѣній. Но эти шкеры тѣмъ болѣе отличаются отъ внутреннихъ странъ, что тѣ и другія означены рѣзкими, самобытными чертами и носятъ неравную печать. Старинныя шведскія мелодіи такъ укоренились на нашихъ берегахъ и такъ согласны съ тамошнею природой, что никакъ нельзя сомнѣваться въ происхожденіи ихъ среди природы родственной; притомъ новыя пѣсни, которыя родятся и живутъ въ устахъ поселянъ береговыхъ, чрезвычайно сходны съ старинными шведскими; но этого сходства невозможно объяснить тѣмъ только, что новыя пѣсни сочиняются шведскими колонистами [2]); оно наиболѣе должно быть приписано вліянію одинаковой мѣстности. Съ другой стороны, рѣдко бываетъ между предметами такое существенное различіе, какъ между помянутыми пѣснями и національно-финскими напѣвами. *Пляска Нека*, раздаваясь на нашихъ берегахъ, такъ согласуется съ островами, которые видишь, съ воздухомъ, которымъ дышишь, что кажется, будто лѣтній вечеръ на морѣ самъ сложилъ ее; но пусть ее споютъ на крутой высотѣ, на пустынномъ озерѣ въ Саріерви, или въ другомъ приходѣ [3]): она выразитъ разстройство сердца, у котораго все родное на далекой чужбинѣ. Такъ, съ другой стороны, была бы вовсе не на мѣстѣ какая-нибудь финская пѣсня, еслибъ перенести на наши берега.

Едва-ли есть мелодіи, которыя бы, болѣе альпійскихъ, согласовались съ природой Финляндіи внутренней; нѣкоторые путешественники

[1]) Шкеры (skär) — прибрежные скалистые острова. *Прим. перев.*
[2]) Живущими по берегамъ Финляндіи. *Прим. перев.*
[3]) Каждый уѣздъ въ Финляндіи раздѣляется на приходы. *Прим. перев.*

находятъ даже сходство между Швейцаріей и Финляндіей. Вообще можно быть увѣреннымъ, что двѣ различныя стороны въ той же мѣрѣ похожи одна на другую видомъ своимъ, въ какой характеры народныхъ ихъ пѣсенъ сходствуютъ между собою. Ибо какъ человѣчество въ своей совокупности есть зеркало земли, такъ и человѣкъ, въ отдѣльныхъ частяхъ ея, служитъ зеркаломъ окружающей его мѣстности и всегда отражаетъ въ истинныхъ, прекрасныхъ, благородныхъ откровеніяхъ только тѣ лучи, которые онъ извлекаетъ изъ этого источника. Вотъ почему я принялъ несходство между народными пѣснями верхняго и нижняго края, какъ важный и непреложный признакъ рѣзкаго различія между этими мѣстами.

Не желая доказывать превосходства одного изъ нихъ предъ другимъ въ отношеніи къ отличительнымъ свойствамъ каждаго, я думаю, что никогда тотъ же самый человѣкъ не привяжется съ одинаковою любовію къ различнымъ характерамъ нашей земли. Кто поживетъ довольно долго подъ вліяніемъ той и другой мѣстности, тотъ глубоко сохранитъ въ душѣ только одну изъ нихъ, а не обѣ, къ которой бы впрочемъ ни влекли его священныя узы сердца. Умъ, настроенный къ спокойнымъ, поэтически-религіознымъ созерцаніямъ, предпочтетъ верхнія страны. Кипящій жизнію, смѣлый, предпріимчивый духъ, вѣроятно, полюбитъ болѣе берега морскіе; а человѣкъ расчетливый, заводчикъ, хозяинъ изберетъ прибрежныя равнины. Но такъ какъ, безъ сомнѣнія, первый изъ этихъ характеровъ вѣрнѣе всѣхъ воспринимаетъ и съ наибольшимъ сознаніемъ хранитъ впечатлѣнія, производимыя природою, то можно вообще, въ отношеніи къ высшимъ требованіямъ, отдать преимущество тѣмъ мѣстамъ, которыя всего сильнѣе дѣйствуютъ на такую душу. Въ самомъ дѣлѣ, трудно вообразить выраженіе Божественнаго—болѣе ясное, болѣе дивное и возвышающее, какъ то, которое представляетъ внутренняя Финляндія въ своемъ величественномъ очертаніи, въ своей пустынности, въ своемъ глубокомъ, невозмутимомъ спокойствіи. Море, какъ оно ни мощно, не всегда носитъ такую печать Божественности. Только въ безграничной тишинѣ его духъ видитъ и обнимаетъ безконечность: взволнованное бурей, оно изъ Божества становится исполиномъ, и человѣкъ уже не поклоняется, но готовится къ битвѣ.

Къ мѣстамъ, которыя могутъ служить вѣрными представителями внутренней Финляндіи, какъ относительно природы, такъ и въ разсужденіи характера жителей, должно по всей справедливости причислить и отдѣльно лежащій, бѣдный, но прекрасный приходъ Саріерви (Saarijärvi). Каковъ онъ въ маломъ видѣ, таковъ весь внутренній край, съ немногими только отступленіями, въ большемъ размѣрѣ. Я избралъ этотъ приходъ потому, что жилъ въ немъ гораздо долѣе, нежели въ какой-либо другой части внутренней Финляндіи. Но почти все, что будетъ сказано о немъ, простирается далеко за его предѣлы.

Простъ и безыскусственъ, какъ окрестная природа, бытъ поселянина въ Саріерви. Изба его (pört) не много просторнѣе бани, но по виду и предметамъ своимъ совершенно подобна ей, этой единственной и необходимой для него статьѣ роскоши. Внутренность избы представляетъ посѣтителю странную картину. Стѣны и полъ, сколоченные изъ нетесаныхъ бревенъ и досокъ сосновыхъ, черны какъ уголь—первыя отъ дыму, послѣдній отъ всего, что въ теченіе многихъ лѣтъ напрасно ожидало отмывки. Рѣдко видна крыша:

ее заслоняетъ облако дыма, которое темно-сѣрою пеленой виситъ на высотѣ 7-ми или 8-ми футовъ и служитъ покровомъ, не обращаясь въ тягость. По временамъ этотъ туманъ бываетъ прорѣзанъ солнечнымъ лучемъ, проникающимъ сквозь дымовое окно, сдѣланное въ крышѣ, а иногда, хотя рѣдко, проглядываетъ и звѣздочка. Оконъ нѣтъ, кромѣ волоковыхъ, въ которыхъ доску можно по произволу отодвигать и задвигать. Чтобы лучше понять всю особенность такого жилища, надобно видѣть его въ зимній вечеръ. Печь, святилище комнаты, по стилю своей архитектуры похожая на старинные знаки шведскихъ миль [1]), стоитъ тогда въ полномъ блескѣ. Крупныя сосновыя дрова пылаютъ широкимъ пламенемъ, и вся комната наполнена ослѣпительнымъ сіяніемъ, которое еще увеличивается отъ горящихъ лучинъ, то воткнутыхъ въ стѣны, то поддерживаемыхъ свѣтцами. Въ этомъ свѣтѣ движется, или чаще покоится безчисленное множество людей. Женщины сидятъ за прялками, или работаютъ кто за кадкою съ тѣстомъ, кто за горшкомъ; мужчины дѣлаютъ корзины, сани, лыжи и тому подобное; нищіе и нахлѣбники [2]) лежатъ передъ огнемъ, а постоянная статья домашней работы, щепаніе лучины, исполняется какимъ-нибудь старичкомъ, который спокойно и ловко дѣлитъ тоненькія дранки еще на тончайшія. Въ эту пору толпа ребятишекъ обыкновенно валяется на печи, гдѣ они очень хорошо уживаются и только кричатъ взапуски со сверчками. Надъ длиннымъ корытомъ возлѣ двери лошадь лакомится сѣчкой, наслаждаясь тепломъ и обществомъ, между тѣмъ какъ пѣтухъ, если онъ еще не занялъ ночлега въ кругу своего семейства, навѣщаетъ своихъ подругъ по всѣмъ угламъ комнаты, и вездѣ бываетъ какъ дома. Вотъ что представляетъ въ зимній вечеръ, съ большими или меньшими измѣненіями, всякая финская изба. Думать, что въ такомъ семействѣ нѣтъ счастія, было бы ошибкою. Не только тотъ, кто здѣсь родился, но и воспитанный совершенно въ другихъ обстоятельствахъ, можетъ быть довольнымъ въ такой избѣ. Отъ безпрестанной топки и всегдашняго сквозного вѣтра воздухъ въ ней чистъ и здоровъ, а все, что отвратительно для глазъ, заботливо выметается. Черный полъ уже не кажется грязнымъ, потому что на немъ не видно ни тѣни прежней чистоты; кажется, стоишь на землѣ, а не на испачканныхъ доскахъ, и здѣсь обнаруживается та особенность человѣка, что онъ охотно сноситъ нѣкоторую неопрятность, если только рядомъ съ ней не замѣчаетъ притязанія на лучшее. Въ жизни крестьянина внутренней Финляндіи нѣтъ перенятой утонченности; онъ на бивакахъ въ пустынѣ: а кто, приближаясь съ холоду къ гостепріимному пламени, заботится о томъ, черенъ или бѣлъ кровъ, его пріютившій, выметенъ или грязенъ полъ, на которомъ онъ стоитъ?

Въ составѣ обитателей финской избы названы нищіе и нахлѣбники. Тѣ и другіе такъ обыкновенны и такъ важны въ хозяйствѣ, что имѣютъ право на описаніе болѣе подробное. Нахлѣбникъ—вторая ласточка финскаго поселянина. Подобно ей, онъ подъ крестьянскою крышей требуетъ мѣста для себя и для своихъ; подобно ей, никогда не получаетъ въ томъ отказа, и—какъ она—живетъ тѣмъ, что Богъ пошлетъ. Плата его за постой состоитъ обыкновенно въ томъ, что онъ бросаетъ въ избу дрова черезъ

[1]) Имѣющіе видъ почти-кубическаго основанія изъ гранитныхъ осколковъ, на которомъ высится небольшой красный деревянный столбъ. *Прим. перев.*

[2]) Не умѣю перевести лучше слова: inhysingen. Значеніе его объяснено ниже. *Тоже.*

волоковое окно. Остальные труды его въ вознагражденіе хозяевъ зависятъ совершенно отъ его доброй воли. Такой человѣкъ, если онъ не знаетъ никакого ремесла, иногда промышляетъ рыбною ловлей, или охотой, и сверхъ того пользуется, безъ позволенія, но и безъ запрета хозяевъ, тою выгодою, что на ихъ землѣ пускаетъ пàлу [1]) для посѣва рѣпы и обращаетъ произрастенія въ свою собственность. Если ему удастся запастись коровой, то она живетъ вмѣстѣ съ хозяйскими и становится такимъ же привилегированнымъ дармоѣдомъ въ своемъ хлѣвѣ, какъ владѣлецъ ея въ углу избы. Такъ какъ нужды нахлѣбника невелики, а, по безотчетной добротѣ хозяина, повинности еще менѣе значительны, то ясно, что онъ, болѣе всякаго другого, слѣдуетъ врожденной наклонности финновъ къ безпечности и лѣни. Потому-то и видишь его почти всегда отдыхающимъ, зимой передъ печью на лавкѣ, лѣтомъ на голой землѣ на солнцѣ. Безъ сомнѣнія, большое число такихъ нахлѣбниковъ вредитъ какъ земледѣлію вообще, такъ и особенно крестьянину, который держитъ ихъ у себя; но съ другой стороны, не умилительно ли видѣть, съ какимъ благородствомъ души онъ раздѣляетъ почти безвозмездно тѣсное жилище и часто малое достояніе свое съ голодными и безпріютными земляками? Въ этомъ отношеніи приходъ Саріерви можетъ выдержать сравненіе со всякимъ другимъ. Скудно населенный, но еще гораздо скуднѣе застроенный, при множествѣ дикихъ полей, которыхъ никакой житель не можетъ ни измѣрить, ни обработать, этотъ приходъ представляетъ всѣ условія, необходимыя для укорененія такого быта. Другую непремѣнную принадлежность избы составляютъ нищіе. Правда, они остаются не навсегда, а приходятъ и удаляются; но рѣдко выдается день, въ который бы крестьянинъ, живущій у дороги, не пріютилъ одного или нѣсколько такихъ посѣтителей, и здѣсь можно кстати повторить извѣстный стихъ Стагнеліуса: „Идея вѣчна, тѣни исчезаютъ (Idén är evig, skuggorna försvinna)“. Нищаго вовсе не презираютъ, не ставятъ въ ничто. Ему, какъ нищему Гомера, сопутствуетъ Богъ; онъ странствуетъ, часто съ женой и дѣтьми, съ одного двора на другой, и вездѣ встрѣчаютъ его какъ гостя, а не какъ бѣдняка, живущаго милостыней. Въ печкѣ есть жаръ для него, какъ и для другихъ; онъ ничего не требуетъ: всякій и безъ того знаетъ нужды его и удовлетворяетъ ихъ по возможности. Никому и на мысль не придетъ кормить его какими-нибудь остатками: онъ вмѣстѣ со всѣми домашними ѣстъ лучшее кушанье, какое только имѣется у нихъ, то-есть единственное. Онъ разсказываетъ, если у него найдется что-нибудь для разсказа; шутитъ, если ему вздумается шутить; дѣти его, ежели они при немъ, играютъ вмѣстѣ съ хозяйскими. Вечеромъ ложится онъ тамъ, гдѣ сыщетъ покойный уголокъ, на печи или на лавкѣ; онъ не завидуетъ тому, кто занялъ лучшее мѣсто; за то и на него не сердятся, когда ему удастся завладѣть такимъ мѣстечкомъ. Захоти онъ уйти прочь, и будь, либо самъ онъ, либо кто другой изъ его семьи, слишкомъ слабъ или хворъ,—въ такомъ случаѣ крестьянинъ, какъ искони водится, запрягаетъ лошадь и охотно, во всей простотѣ сердца, везетъ нищаго или его сродниковъ до ближняго двора. Такъ-то живетъ нищій въ приходѣ Саріерви и вообще между финнами. Онъ

[1]) Особый родъ земледѣлія: для пріобрѣтенія земли, годной къ засѣву, вырубаютъ часть лѣса и жгутъ срубленныя деревья. Пàла употребительна и въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ сѣверныхъ губерній, гдѣ живутъ финны. *Прим. переводч.*

ѣстъ кору, потому что и крестьянинъ ею питается; живи крестьянинъ на бѣломъ хлѣбѣ, и у нищаго была бы та же пища.

Невозможно описать той бѣдности, которая господствуетъ между жителями прихода Саріерви. Скудная, часто противная природѣ пища, дѣйствуетъ гибельно на ихъ тѣлесныя силы; а отъ незнакомства съ иными наслажденіями, кромѣ сна и покоя, происходитъ, что они исключительно придерживаются этихъ двухъ удовольствій и не стараются доставить себѣ другія. Рѣдко мысли ихъ простираются за предѣлы немногихъ дней, чему впрочемъ нельзя и удивляться, такъ какъ даже прокормленіе въ это короткое время довольно обременяетъ ихъ заботами. Никакая вѣтвь промышленности не пустила здѣсь корня, потому что отдаленность мѣста отъ городовъ и болѣе зажиточныхъ селеній чрезвычайно бы затрудняла сбытъ всякаго товара. Земледѣлію препятствуетъ жестокій врагъ—морозныя ночи. Многія хозяйства такъ терпятъ отъ нихъ ежегодно, что часто жители не могутъ даже засѣвать полей своихъ. Проголодавъ цѣлый годъ, крестьянинъ спѣшитъ осенью убрать хлѣбъ, прежде нежели зерно разовьется и созрѣетъ. Домашній скотъ, который лѣтомъ пасется по берегамъ лѣсныхъ ручьевъ и въ долинахъ между горъ и степей, кормится во время зимы соломой, привозимой нерѣдко изъ мѣстъ, отстоящихъ на восемь, на десять и даже не рѣдко на шестнадцать миль. Часто, въ продолженіе цѣлыхъ мѣсяцевъ, скотъ долженъ довольствоваться еще менѣе сытнымъ кормомъ. Малое количество жидкаго молока, въ это время получаемаго, употребляется на смачиваніе жесткаго хлѣба изъ древесной коры, который по большей части составляетъ единственную пищу крестьянъ. Легко представить себѣ, какова тамъ жизнь, когда, по достовѣрнымъ извѣстіямъ, недавно, въ одинъ очень холодный годъ, только на двухъ дворахъ въ цѣломъ приходѣ былъ ржаной или ячменный хлѣбъ. Слова: „онъ круглый годъ ѣстъ чистый хлѣбъ“, и „онъ неимовѣрно богатъ“ значатъ тамъ одно и то же. Помню два случая, когда такая нужда представилась мнѣ въ самомъ горестномъ видѣ. Разъ я во время охоты зашелъ отдохнуть въ избу. Она была наполнена дѣтьми и взрослыми разныхъ лѣтъ. Возлѣ печки нанизано было на шестахъ множество темножелтыхъ кусковъ внутренняго слоя еловой коры, похожихъ на лоскутья жесткой кожи. Не разсмотрѣвъ ихъ вблизи, я спросилъ, что это такое и что съ этимъ дѣлаютъ? Хозяинъ отвѣчалъ: „Добрый господинъ, изъ этого будетъ хлѣбъ“. Словъ тутъ было не много; но въ тонѣ ихъ заключался раздирающій смыслъ: развѣ ты этого не *знаешь*? и *ты* не знаешь этого? Въ другой разъ случилось мнѣ зайти на лугъ, съ котораго убирали сѣно. По стѣнамъ гумна развѣшены были котомки рабочаго народа, и я изъ любопытства заглянулъ во многія изъ нихъ. Во всѣхъ нашелъ я лепешки, слѣпленныя изъ коры; онѣ были чернёхоньки внутри, а снаружи подернуты бѣлымъ слоемъ муки, и болѣе привлекательны для глазъ, нежели для вкуса. Въ нѣкоторыхъ сумкахъ было сверхъ того немного соленой, жесткой корюшки; въ другихъ нѣсколько зеренъ соли. Надобно только вообразить тягость работы, справляемой въ величайшій зной, при такой лакомой трапезѣ: тогда поймешь и настоящую нужду и крѣпость человѣческой природы въ перенесеніи ея. Обыкновенный источникъ гибели для благосостоянія семейственнаго, водка, конечно и здѣсь находитъ любителей; не многіе ли въ состояніи употреблять этотъ напитокъ? Если случится увидѣть здѣсь пьянаго

то можно быть увѣреннымъ, что нетрезвость его происходитъ не столько отъ неумѣренности, сколько отъ непривычки пить или ѣсть что-либо крѣпительное.

По обращенію финновъ съ нищими легко уже судить объ общемъ гостепріимствѣ и доброхотствѣ въ указанныхъ мѣстахъ. Едва-ли есть народъ, который бы съ подобными средствами такъ радушно дѣлился своимъ добромъ и былъ такъ готовъ исполнять всякое требованіе. Чужому всегда подаютъ лучшее, что только удастся достать, и величайшаго труда стоитъ убѣдить кого-нибудь, чтобы онъ принялъ малѣйшую плату за угощеніе. Такъ обыкновенно бываетъ у всѣхъ народовъ, еще близкихъ къ природѣ.

Заботы о пропитаніи, безпрерывно тяготѣющія надъ жителемъ прихода Саріерви, не позволяютъ ему предаваться той живой радости, которая во многихъ другихъ мѣстахъ пораждаетъ народныя празднества и игры. Только о Святкахъ и передъ Ивановымъ днемъ замѣтно здѣсь нѣсколько болѣе расположенія къ веселости. О Святкахъ собираются къ пляскѣ и другимъ забавамъ, но все ни такъ часто, ни въ такомъ числѣ, какъ то водится въ другихъ приходахъ. Однакожъ, и здѣсь въ эту пору непремѣнно долженъ быть, даже въ хижинѣ лѣсного торпаря [1]), накрытый столъ, который въ теченіе цѣлыхъ недѣль стоитъ какъ праздничное убранство. На немъ соединено все, что только можно было сберечь во время осенняго голода, чтобы накормить и распотѣшить дорогихъ святочныхъ гостей. Кто бы тогда ни вошелъ въ жилище крестьянина, онъ всѣхъ равно приглашаетъ закусить; съ бѣднякомъ онъ и прежде дѣлилъ хлѣбъ свой, теперь ему кажется, что онъ и богатаго можетъ угостить достойнымъ образомъ. Сверхъ того о Святкахъ тщательно моютъ столы и лавки, а стѣны одѣваютъ сплетенными лучинами, и эта странная ткань остается до тѣхъ поръ, пока ежедневное потребленіе лучинъ сперва разстроитъ, а наконецъ и вовсе уничтожитъ ее.

Ночь на Ивановъ день проводится чуть-ли не веселѣе всѣхъ другихъ празднествъ. Тогда жгутъ такъ называемое *Кокко*, и сколько выстрѣловъ, которые сочлись бы безъ вознагражденія потерянными, еслибъ были истрачены на рябчика или куропатку, раздается при этомъ случаѣ въ честь торжества! Для устроенія Кокко избираютъ обыкновенно высокую, полу-обгорѣлую сосну на обнаженной песчаной горѣ, которая бы господствовала надъ окрестностію. Сухое дерево обставляютъ смолистыми, легко-сгарающими вещами, громоздятъ ихъ, какъ можно выше, и въ полночь зажигаютъ всю груду: она пылаетъ при шумѣ выстрѣловъ, скрыпокъ и громкихъ: ура! Прекрасенъ видъ этихъ потѣшныхъ огней, когда они въ тихую, полутемную ночь являются вдали за цѣпью озеръ и долинъ.

Крестьянинъ въ приходѣ Саріерви лѣнивъ, безстрастенъ и скупъ на слова. Нравъ у него кроткій, терпѣливый и уступчивый. Бѣдность и стѣсненіе, въ которыхъ онъ живетъ, заставили его заключиться въ самомъ себѣ; всѣ душевныя силы его дѣйствуютъ внутрь, такъ что онѣ рѣдко и слабо обнаруживаются дѣломъ. Величавая природа,

[1]) То̀рпаремъ (torpare) называется крестьянинъ, пользующійся чужою землицею (torp), которая обыкновенно находится въ пустынномъ мѣстѣ, и обязанный за то работать въ извѣстные дни у ея владѣльца. Иногда бываютъ и другія условія. *Прим. перев.*

окружающая его, никогда не доставляла ему удовольствія настоящимъ образомъ покорить ее; она всегда являлась передъ нимъ гордою и неодолимою, и тогда какъ душа его съ безсознательнымъ трепетомъ поклоняется ей, силы тѣлесныя дремлютъ и увядаютъ. Отсюда проистекаютъ два явленія. Первое: онъ долженъ быть, и таковъ дѣйствительно, въ высшей степени честенъ и чуждъ притворства; ибо простота и благодушіе неразлучны со всякою религіею. Второе: онъ долженъ *казаться* безпомощнымъ, тупымъ и неспособнымъ ни къ какому дѣлу, гдѣ требуются живость и рѣшимость. Однакожъ, многіе примѣры доказали, что когда судьба поставитъ его въ другія обстоятельства, тогда этотъ, повидимому, хаотическій духъ можетъ въ короткое время развить силы, не только неисчерпаемыя, но даже дѣйствующія съ быстротою и мѣткостію, какихъ едва бы можно было ожидать отъ способностей блестящихъ и долговременнаго навыка. Случается иногда, что тотъ или другой изъ здѣшнихъ жителей, какъ имъ ни тяжко покидать свою родину, въ крайней нищетѣ принужденъ бываетъ итти въ какой-нибудь приморскій городъ и тамъ искать пропитанія въ званіи матроса. Такъ-какъ мнѣ удалось частію самому видѣть, частію узнать по наслышкѣ нѣсколько подобныхъ случаевъ, то я позволю себѣ разсказать ихъ вкратцѣ, тѣмъ болѣе, что они могутъ служить подтвержденіемъ сдѣланныхъ замѣчаній.

Въ городѣ, гдѣ я родился [1]), жилъ человѣкъ, котораго нужда заставила въ молодыхъ лѣтахъ покинуть приходъ Саріерви и сдѣлаться морякомъ. Сколько могу припомнить, я его засталъ уже престарѣлымъ и сѣдымъ. Нагулявшись по бѣлому свѣту и переиспытавъ многое, онъ жилъ своимъ домомъ, жестоко коверкалъ шведскій языкъ на финскій ладъ, былъ всегда веселъ и бодръ и никогда не отказывался отъ чарки. Его странная и съ перваго взгляда непріятная наружность, къ которой однакожъ легко было привыкнуть, его смѣтливость и расторопность, наконецъ въ высшей степени честное и хорошее поведеніе доставили ему большую извѣстность: старики, по преданію, знакомили съ ними молодыхъ, и всѣ его любили. Въ числѣ разныхъ превратностей судьбы постигла его и та участь, что онъ взятъ былъ въ матросы датскаго флота во время войны съ Англіею. Въ нашемъ городѣ всѣ очень хорошо и подробно знали это дѣло, какъ изъ собственныхъ его разсказовъ, такъ и по рѣчамъ тѣхъ, которымъ пришлось раздѣлить его жребій. Сперва взяли сына его, двадцатилѣтняго парня, когда тотъ съ отцомъ своимъ шелъ преспокойно на рейдъ къ финскому судну, на которомъ они нанимались. Старикъ слѣдовалъ за вербовщиками, пока не дошелъ до такихъ лицъ, съ кѣмъ, по его понятію, стоило объясниться. Тогда онъ заговорилъ на своемъ ломаномъ шведскомъ нарѣчіи, что „батька-де ужъ старъ и опытенъ, сынъ еще цыпленокъ на морѣ, ничего не смыслитъ на военномъ флотѣ; старикъ пропадетъ — туда ему и дорога: пусть старый песъ издохнетъ! а дѣтинѣ надо быть дома, надо мать кормить: такъ вотъ, честные господа, возьмите меня, а его отпустите.“ Недолго колебались въ выборѣ между старикомъ, который выражался такъ бойко и рѣзко, и молодымъ человѣкомъ, который со слезами и трепетомъ ожидалъ рѣшенія своей участи. Старика взяли, а сына его отпустили. Война, такъ неожиданно его увлекшая, служила ему на старости лѣтъ неисчерпаемымъ источникомъ воспоми-

[1]) Якобштатѣ, у Ботническаго залива. *Прим. перев.*

*

наній. При поспѣшности, съ какою Данія принуждена была начать оборону, нѣтъ сомнѣнія, что на многихъ, особливо малыхъ судахъ, весь экипажъ состоялъ изъ людей неопытныхъ. По крайней мѣрѣ таково было положеніе корабля, гдѣ помѣстили нашего героя. Этимъ кораблемъ начальствовалъ молодой человѣкъ, новичекъ въ своемъ дѣлѣ, и уже послѣ первыхъ выстрѣловъ старикъ умѣлъ дать почувствовать и многолѣтнюю свою опытность, и отвагу, и искусство. По окончаніи похода онъ возвратился со славою и отличіемъ, и ничему въ мірѣ такъ не радовался, какъ тому, „что съ датчаниномъ побывалъ тамъ, гдѣ растетъ перецъ [1]“. Во всѣхъ обстоятельствахъ жизни сохранилъ онъ въ полной мѣрѣ ту простоту и то добродушіе, съ какими вышелъ изъ отдаленной своей родины. Его хижинка была открытымъ пристанищемъ для всѣхъ нуждающихся. Много ходило разсказовъ о томъ, какъ онъ принимаетъ и честитъ ихъ. Въ зимнюю пору стекались въ нашъ городъ толпы нищихъ изъ внутренней Финляндіи. Встрѣчая такихъ людей, онъ или бралъ ихъ съ собою, или просилъ отыскать домъ его, прибавляя обыкновенно: „скажите хозяйкѣ, что старикъ прислалъ“. Хозяйка тогда очень хорошо знала, что ей надобно ихъ накормить и приготовить имъ покойный ночлегъ.

Изъ тѣхъ же мѣстъ и съ тою же цѣлію, какъ этотъ старикъ, пришелъ въ городъ и другой человѣкъ. Двадцати-пяти лѣтъ отъ роду онъ такъ былъ изнуренъ голодомъ, такъ худъ и такъ голъ въ своихъ лохмотьяхъ, что день, конечно, не безъ особенныхъ причинъ терпѣлъ его въ своемъ присутствіи. Въ числѣ другихъ и онъ явился къ хозяину судна, который нанималъ людей для своего корабля. Когда прочіе договорились, очередь дошла и до него: онъ стоялъ послѣднимъ у дверей, и всѣ съ лукавой улыбкой косились на него. Спрашиваютъ, что ему нужно? Онъ ищетъ мѣста. Его простосердечные, краткіе и часто острые отвѣты на множество насмѣшливыхъ вопросовъ хозяина и гостей не остались безъ дѣйствія. Его приняли поваренкомъ и сказали, чтобъ онъ въ такой-то день принесъ на судно сундукъ свой. „На кой чортъ мнѣ сундукъ, когда въ него положить нечего?“ отвѣчалъ онъ какъ нельзя справедливѣе, и пошелъ съ кораблемъ безъ сундука. Судьба его кончилась плачевно: онъ упалъ въ море на Лондонскомъ рейдѣ и потонулъ въ самомъ началѣ своего поприща. Но онъ погибъ не безъ славы въ своемъ кругу. Капитанъ не могъ нахвалиться его тонкостью, отвагой и примѣрнымъ поведеніемъ; многіе старые матросы того же корабля, возвратясь на родину, горько кляли судьбу за смерть его. Замѣчательно, что этотъ человѣкъ, которому уже въ первые дни плаванія удалось промѣнять мѣсто у горшка съ кашей на вершину мачты, и который въ бурю сиживалъ тамъ смѣло и твердо, какъ бѣлка, что этотъ человѣкъ долженъ былъ, будто сонный, сорваться оттуда и, какъ безрукій, упасть за бортъ, когда корабль стоялъ на якорѣ въ тихомъ рейдѣ. Но таковъ финнъ. Если опасность хоть сколько-нибудь скрыта, то вырывай она сердце изъ груди его — онъ не тронется для обороны. Но явись она во всей своей грозной наготѣ, и у него, болѣе нежели у кого-либо, станетъ присутствія духа и силъ для избѣжанія или отраженія ея.

Приходъ Саріерви богатъ красотами природы и раздѣляетъ это преимущество съ бо̀льшею частію внутренней Финляндіи. Ничто не

[1]) Въ Индіи. *Прим. перев.*

дѣйствуетъ на душу сильнѣе дремучихъ, неизмѣримыхъ лѣсовъ пустыни. По нимъ гуляешь, какъ по дну морскому, въ непрерывной, однообразной тишинѣ, и только высоко надъ головою слышишь вѣтръ въ вершинахъ елей и въ подоблачныхъ вѣнцахъ дикихъ сосенъ. Тамъ и тамъ встрѣчаешь, будто сходъ въ подземное царство, лѣсное озеро; по крутизнамъ, въ его обросшее деревьями ложе, никогда не слеталъ заблудшійся вѣтерокъ; его поверхности никогда ничто не струило, кромѣ плесканія стаи окуней, кромѣ плаванія одинокаго нырка. Глубоко подъ ногами стелется небо, еще спокойнѣе горняго, и будто при вратахъ вѣчности, кажется, боги и духи окружаютъ тебя: безпрестанно ищешь ихъ взорами; слухомъ ежеминутно хочешь уловить шопотъ ихъ. Съ другой стороны слышится журчанье ручья. Идешь туда, думаешь, что онъ уже близехонько, и однакожъ не видишь ничего, кромѣ поросшей верескомъ степи и тѣсныхъ рядовъ сосенъ, на ней стоящихъ. Наконецъ, на разстояніи полета брошенной палки, берегъ начинаетъ показывать верхи своихъ березъ. Тогда только, достигнувъ края степи, видишь между листьевъ проблескъ воды, и если, желая спуститься безопаснѣе, правою рукою ухватишься за корень одной березы, то лѣвою можешь держаться за верхнія вѣтви другой. Дошедши до самаго ручья, видишь надъ собой только узкую, въ нѣсколько саженей ширины, полосу неба, а по обѣимъ сторонамъ непроницаемую ткань листьевъ и стволовъ. Ежели послѣ долгихъ странствованій, между однообразныхъ деревьевъ, по степи, доберешься наконецъ до границы ея, то взорамъ представится вдругъ, какъ бы по волшебному слову, картина необычайно-разнообразная и обширная: рядъ озеръ съ зелеными островами, рѣки, поля и холмы. Изумительно, какъ много измѣненій свѣта и мрака здѣсь можно обнять однимъ взглядомъ, отъ черныхъ елей болотной долины до сосноваго лѣса, возвышающагося за ними, и березъ, которыя въ видѣ вѣнца обхватываютъ подошву и бедра дальней горы. Все это становится еще прекраснѣе, когда въ лѣтній день солнце, прерываемое облаками, безпрестанно играетъ оттѣнками.

Такова природа внутри Финляндіи. Тамошній народъ можно считать передовою цѣпью, выставленною отъ націи противъ дикой природы, врага ея благосостоянія. Правда, что форпосту всегда достается въ удѣлъ наиболѣе опасности; но если ему иногда, какъ въ настоящемъ случаѣ, угрожаетъ общая гибель, то пусть же тѣ, которыхъ онъ охраняетъ, не забудутъ его въ нуждѣ и не оставятъ безъ помощи въ неравномъ бою.

Этимъ кончается статья Рунеберга. Изъ нея читатели нашего журнала, уже знакомые отчасти съ поэтическими произведеніями финляндскаго писателя, легко могутъ убѣдиться, что онъ не измѣняетъ самому себѣ и въ прозѣ. Въ подкрѣпленіе сказаннаго нами прежде объ его талантѣ, мы съ особеннымъ удовольствіемъ выписываемъ слова, напечатанныя въ шведскомъ журналѣ *Эосъ:* „Кто не знаетъ, наконецъ достойнаго иноземца, который на языкѣ нашемъ производитъ безсмертныя творенія, человѣка, который, сколько я понимаю, есть первый художникъ въ современной словесности; кто, однимъ словомъ, не знаетъ Іоанна Лудвига Рунеберга? Рунебергъ! На него смотрите, господа любители и подражатели, если ужъ вы непремѣнно требуете образцовъ!...

Хотите ли понять, что значитъ совершенство формы? Читайте Иліаду или *Стрѣлки лосей*, Одиссею или *Ганну*."

Стрѣлки лосей и *Ганна* — двѣ поэмы Рунеберга, съ которыми мы надѣемся познакомить читателей. Первая была плодомъ тѣхъ же впечатлѣній, какія отражаются въ помѣщенной здѣсь статьѣ, впечатлѣній, произведенныхъ на поэта двухлѣтнимъ пребываніемъ во внутренности Финляндіи. Имъ посвятилъ онъ и нѣсколько мелкихъ стихотвореній. Предлагаемъ одно изъ нихъ въ переводѣ. *Вечеръ на Рождество*, въ который происходитъ разсказываемое, составляетъ въ скандинавскихъ земляхъ и въ Финляндіи (такъ, какъ и вообще въ странахъ протестантскихъ) время общаго семейнаго торжества. Эту же пору Рунебергъ избралъ предметомъ цѣлой поэмы, надъ которою онъ теперь трудится.

ВЕЧЕРЪ НА РОЖДЕСТВО [1]).

Надъ степью блѣдный мѣсяцъ плылъ
Голодный звѣрь въ ущельи вылъ;
Въ селѣ далекомъ лаялъ песъ.
Въ ту пору путникъ шелъ чрезъ лѣсъ [2])
Въ пустыню, гдѣ былъ кровъ его.
Морозитъ; завтра Рождество.

Глухою, снѣжною тропой,
Усталый, онъ спѣшитъ домой
Къ женѣ, къ малюткамъ дорогимъ,
И хлѣбъ для праздника роднымъ
Несетъ онъ съ барскаго двора.
Имъ въ пищу служитъ лишь кора [3]).

Но меркнетъ, меркнетъ въ вышинѣ;
Вдругъ отрокъ виденъ въ сторонѣ:
Къ сугробу молча прислоненъ,
Дыханьемъ руки грѣетъ онъ,
И мнится, пламя жизни въ немъ
Погаснуть хочетъ вмѣстѣ съ днемъ.

„Куда твой путь, бѣдняжка мой?
Приди погрѣться къ намъ домой."

[1]) Это стихотвореніе, съ небольшими исправленіями, которыя приводимъ въ выноскахъ, вошло въ изданіе Я. К. Грота „*Стихи и проза для дѣтей*". Спб. 1892, стр. 56—59.

[2]) „Былъ слышенъ лай изъ дальнихъ селъ.
Въ ту пору лѣсомъ путникъ шелъ".

[3]) „Ихъ хлѣбъ — древесная кора".

И онъ иззябшаго беретъ.
Вотъ наконецъ онъ у воротъ;
Вотъ онъ вошелъ на пиръ къ роднымъ,
Съ гостинцемъ, съ другомъ молодымъ.

У печки тамъ жена его
Младенца кормитъ своего:
„Какъ ты себя заставилъ ждать!
Приди жъ къ огню, поближе сядь;
Ты также!“ Ласкова, нѣжна,
Дитя къ огню ведетъ она.

И черезъ мигъ, послушно ей,
Взвивалось пламя ужъ рѣзвѣй;
Не помня нужды, весела,
Тогда свой хлѣбъ она взяла,
На столъ снесла его, потомъ
И крынку съ жидкимъ молокомъ.

Ихъ полъ, для жданаго денька,
Соломой былъ прикрытъ слегка.
Съ него всталъ рой ребятъ къ столу;
Одинъ лишь гость еще въ углу.
Хозяйка бѣднаго беретъ,
И также къ ужину ведетъ.

Когда молитва отошла,
Хозяйка хлѣбецъ почала.
„Благословенъ убогихъ даръ!“
Промолвилъ отрокъ: дивный жаръ
Съ слезой въ очахъ его сіялъ,
Когда свою онъ долю взялъ.

Мать рѣжетъ хлѣбъ и для дѣтей,
Но хлѣбъ все цѣлъ да цѣлъ у ней.
На гостя юнаго она
Вперяетъ взоръ, изумлена;
И смотритъ, смотритъ: что же съ нимъ?
Внезапно весь онъ сталъ другимъ.

Въ очахъ, какъ нà небѣ, свѣтло;
Блеститъ таинственно чело,
Слетаетъ съ нѣжныхъ плечъ покровъ,
Какъ передъ утромъ паръ съ луговъ.
Привѣтный Ангелъ обнажёнъ;
Какъ Божій рай прекрасенъ онъ.

Денница радости взошла;
Въ сердцахъ надежда разцвѣла,
И незабвенъ былъ вечеръ сей
Подъ кровомъ набожныхъ людей.
Гдѣ пиръ прекраснѣе бывалъ?
Здѣсь добрый Ангелъ пировалъ.

Чрезъ много зимъ, на мѣстѣ томъ
И я былъ въ ночь предъ Рождествомъ.
Еще стоялъ смиренный кровъ,
И жилъ тамъ правнукъ тѣхъ жильцовъ.
И онъ ужъ старъ былъ, ужъ сѣдѣлъ,
Но у того жъ стола сидѣлъ.

Такъ чудно было, такъ свѣтло!
Жена сидѣла близъ него,
И рядъ дѣтей ихъ окружалъ:
Молитвой воздухъ тамъ дышалъ;
И вѣрилось — обитель та
Какъ Божій храмъ была свята.

Горѣла свѣчка на столѣ:
(Одна лишь и была въ семьѣ!):
Тамъ бѣлый хлѣбъ и молоко;
Но ихъ не трогаетъ никто.
„Чье это мѣсто?" я спросилъ;
„Тамъ", мнѣ сказали: „Ангелъ былъ".

ЖИЗНЬ ТЕГНЕРА,

описанная Францёномъ [1]).

1841.

„Недавно распространившаяся вѣсть объ умственной болѣзни Тегне́ра, для лѣченія которой онъ поѣхалъ въ Шлезвигъ, возбудила къ нему живое участіе во многихъ, знавшихъ его прежде только по имени. Предлагаемая статья, переведенная съ шведскаго, замѣчательна сколько по предмету, столько и по автору своему. Францѐнъ раздѣляетъ съ Тегнѐромъ первенство между живущими въ Швеціи

[1]) *Современникъ*. 1841, т. XXI, стр. 52 — 81. Срв. „*Переписка Г. съ П.*" т. I, стр. 44, 48, 52, 55, 134, 145, 156, 160, 673.

поэтами. Біографія эта написана въ 1839 году, какъ дополненіе къ готовившемуся тогда новому англійскому переводу поэмы „Фритьофъ". Любопытно и отрадно видѣть, съ какимъ безпристрастнымъ удивленіемъ столь высокій талантъ, какъ Францéнъ, говоритъ о своемъ славномъ соотечественникѣ и собратѣ. Изъ прозаическихъ сочиненій Францѐна особенно замѣчателенъ рядъ біографій достопамятныхъ шведовъ. Въ этомъ ряду жизнеописаніе Тегнѐра займетъ не послѣднее мѣсто."

Три шведскія области присвоиваютъ себѣ имя Тегнѐра, славное для цѣлаго края, любезное для всей націи. Первая есть богатая рудою Вермландія, гдѣ великій поэтъ родился и выросъ. Вторая — плодородная Сконія: въ тамошнемъ университетѣ онъ, изъ превосходнаго ученика, который учился по большей части самоучкой, сдѣлался въ короткое время отличнымъ преподавателемъ; оттуда поэтическая слава его разнеслась по Швеціи и по всей Европѣ. Третья область — пріютная Смоландія: тамъ онъ, въ качествѣ главы епископства и начальника по учебнымъ заведеніямъ, пріобрѣлъ новый вѣсъ, новую знаменитость. Этому епископству принадлежитъ онъ первоначально и по отцу своему, который тамъ родился, и по имени, заимствованному предками его отъ деревни Тегна (Tegnaby), которая входитъ въ составъ епископства. Итакъ, для Тегнѐра въ самомъ имени его заключалось какъ бы указаніе мѣста будущей его должности.

Отецъ его — хорошій проповѣдникъ, весельчакъ въ обществѣ и прилежный земледѣлецъ — былъ пасторомъ въ Вермландіи, когда жена его, рожденная Сиделіусъ, 13 ноября 1782 г., родила четвертаго сына, Исаію.

На 9-мъ году отроду мальчикъ остался безъ отца, и такъ какъ братья его еще были студентами, то онъ, по бѣдности семейства, принужденъ былъ самъ заботиться о своей будущей судьбѣ. Къ счастію, ассесоръ Брантингъ, землякъ и вѣроятно другъ покойнаго отца его, взялъ сироту къ себѣ, и сталъ готовить его къ занятію должности по вѣдомству податей. Въ короткое время Исаія выучился всему, что отъ него требовалось по этому плану, и сопровождалъ своего воспитателя во всѣхъ его должностныхъ поѣздкахъ. Такимъ образомъ ему легко было узнать и оцѣнить прекрасную природу области, гдѣ горы и лѣса такъ чудно отражаются въ безчисленныхъ озерахъ. О тогдашнихъ впечатлѣніяхъ Тегнѐра свидѣтельствуетъ его прелестное стихотвореніе: *Къ моей родинѣ* (Till min hembygd), которымъ онъ въ первый разъ обратилъ на себя вниманіе публики.

Когда онъ началъ писать стихи, того и самъ онъ не помнитъ. Еще въ дѣтствѣ воспѣвалъ онъ всякое сколько-нибудь замѣчательное событіе своей однообразной жизни. Тогда же принялся онъ писать большую поэму, которой предметъ заимствовалъ изъ Бьёрнерова сборника Сагъ, т. е. изъ того самаго источника, откуда впослѣдствіи почерпнулъ основное содержаніе своей поэмы „Фритьофъ."

Чтеніе сѣверныхъ сагъ было однимъ изъ первыхъ и любимыхъ его занятій въ тѣ годы, когда, не зная никакого иностраннаго языка, онъ съ жадностію читалъ все, что ни попадалось ему на глаза. Съ книгой въ рукахъ садился онъ, гдѣ бы ни было, то на камнѣ, то на лѣстницѣ. Однажды, во время сѣнокоса, ему поручили смотрѣть, чтобы ворота въ полевой изгороди были заперты; но онъ такъ зачитался, что совершенно забылъ свою обязанность, и цѣлое стадо спокойно прошло на лугъ, съ котораго сѣно еще не было убрано.

Такъ, подобно дикому лѣсному яблоку, росъ онъ, пока ему не минуло 14-ти лѣтъ. Тогда Брантингъ, давно уже замѣчавшій страсть его къ чтенію, случайно открылъ, съ какою пользою онъ читаетъ. Разъ, когда они въ звѣздную ночь ѣхали домой изъ Карлстада, воспитатель Тегнèра, человѣкъ очень набожный, заговорилъ о дѣлахъ Божіихъ и видимомъ въ нихъ величіи Творца. Мальчикъ, съ своей стороны, также не молчалъ и обнаружилъ такое знаніе міровой системы и законовъ обращенія небесныхъ тѣлъ, что старикъ съ удивленіемъ воскликнулъ: „какъ ты это знаешь"? — Я читалъ объ этомъ въ Бастгольмовой философіи для неученыхъ — отвѣчалъ молодой человѣкъ.

Спустя нѣсколько дней Брантингъ сказалъ ему: „тебѣ надобно учиться". Какое рѣшительное слово! какъ оно было важно не только для судьбы Тегнèра, но и для шведской литературы, гдѣ имя его составляетъ эпоху! И сколько разнообразной пользы церковь и училища лишились бы безъ этого слова! Оно было основаніемъ и того блестящаго успѣха, какой труды его, на столько языковъ переведенные, нашли въ цѣлой Европѣ. Не достойно ли имя Брантинга перейти къ потомству вмѣстѣ съ именемъ его безсмертнаго воспитанника? Но одинъ ли онъ устроилъ судьбу Тегнèра? Если и нельзя предполагать, что онъ, по непосредственному вдохновенію свыше, заговорилъ о планетахъ съ молодымъ писцомъ, въ которомъ скрывались такія дарованія, все-таки въ цѣломъ ходѣ этого случая невозможно отрицать участія Провидѣнія. Дѣйствительно, оно очень замѣтно, хотя рѣдко замѣчается не только въ существованіи народовъ, но и частной жизни.

Мальчику давно ужъ хотѣлось учиться, но онъ не смѣлъ говорить о томъ. И теперь, радуясь неожиданно мелькнувшему для него разсвѣту, онъ однакожъ напомнилъ о своей убогости. „Господь поможетъ", отвѣчалъ Брантингъ. „Ты рожденъ для лучшей судьбы, нежели какую можешь найти при мнѣ. Поѣзжай къ своему старшему брату: онъ будетъ твоимъ наставникомъ. Впрочемъ, и я не забуду тебя".

Это обѣщаніе исполнилъ Брантингъ не только пожертвованіемъ значительной суммы на содержаніе Тегнèра въ университетѣ, но и отеческимъ участіемъ во всемъ, что до него касалось — хотя и долженъ былъ отказаться отъ тайной надежды, что со временемъ передастъ ему и должность, и меньшую дочь свою.

Въ мартѣ 1796 г. поѣхалъ Тегнèръ къ своему брату Ларсу Густаву, бывшему въ то время кандидатомъ философіи и уже отличавшемуся необыкновенною ученостію. Изумительные успѣхи Исаіи подъ его руководствомъ доказываютъ, чего можетъ достигнуть твердая воля, соединенная съ блестящими способностями, особливо въ лѣта дѣятельной юности. Черезъ девять мѣсяцевъ Тегнèръ, благодаря урокамъ брата, слѣдовавшаго старинному, основательному способу ученія, уже былъ въ состояніи продолжать свои занятія безъ посторонней помощи. Въ 1797 г. познакомился онъ со многими латинскими писателями, особливо поэтами, изъ которыхъ и теперь еще помнитъ большіе отрывки. Во французскомъ и греческомъ языкахъ подвигался отъ также безъ руководства.

Уже въ слѣдующемъ году, когда ему еще не было и 16-ти лѣтъ, долженъ онъ былъ взяться за обученіе другихъ, для снисканія способовъ къ своему дальнѣйшему образованію. Заводчикъ, впослѣдствіи

горный совѣтникъ, Мирманъ (Myhrman) избралъ его наставникомъ дѣтей своихъ. И въ этомъ обстоятельствѣ, такъ рѣшительно подѣйствовавшемъ на будущность Тегнèра, видна заботливость Провидѣнія. Самое мѣсто, гдѣ ему пришлось жить, было замѣчательно по своей дикой, но величественной природѣ. Оно принадлежало къ той обширной лѣсной полосѣ, на которой Карлъ XI поселилъ вызванныхъ имъ изъ Финляндіи крестьянъ. Мирманъ, знатокъ по части горнаго производства, былъ для своего званія необыкновенно образованъ. Онъ зналъ не только многіе новѣйшіе языки, но и латинскій; въ библіотекѣ его были даже греческія книги. Между ними находился одинъ фоліантъ, который вдругъ обратилъ на себя все вниманіе Тегнèра. То былъ Гомеръ. Молодого поэта не устрашили бесчисленныя трудности, ожидавшія его въ твореніи, гдѣ было смѣшано множество разнородныхъ нарѣчій языка, еще не довольно ему извѣстнаго. Но ему тогда уже было свойственно не отступать при встрѣчѣ препятствій, — упорство, въ которомъ видна энергія, отличающая всѣ великіе умы. Онъ познакомился также съ Луціаномъ и Ксенофонтомъ. Но, наравнѣ съ Гомеромъ, занималъ его преимущественно Горацій, котораго онъ тутъ только впервые узналъ. Между тѣмъ, пользуясь разнообразіемъ Мирмановой библіотеки, онъ не упускалъ изъ виду и французской словесности. Такъ развивалась въ немъ постепенно та самостоятельность, съ какою онъ послѣ возставалъ противъ всѣхъ одностороннихъ и ограниченныхъ сужденій, относительно древней и новой литературы. Но, къ сожалѣнію, въ библіотекѣ той не было ни одного нѣмецкаго поэта, и Тегнèръ, выучившись этому языку только изъ учебныхъ книгъ, долго питалъ противъ него предубѣжденіе. Съ англійскимъ, напротивъ, познакомилъ его Мекферсоновъ Оссіанъ, подѣйствовавшій на него такъ сильно, что онъ выучился языку безъ учителя. Въ обыкновенныхъ забавахъ и развлеченіяхъ молодыхъ людей онъ почти вовсе не принималъ участія и рѣдко искалъ общества; въ этомъ онъ не чувствовалъ и надобности, потому что книги вполнѣ удовлетворяли его душу. Стиховъ онъ также писалъ въ ту пору очень мало. Однакожъ слухъ о смерти Наполеона въ Египтѣ послужилъ ему поводомъ къ лирическому стихотворенію, въ которомъ Мирманъ, большой почитатель героя Франціи, видѣлъ предзнаменованіе рѣдкаго таланта. Эта пьеса, основанная на ложной молвѣ, до сихъ поръ не напечатана.

Осенью 1799 г. 17-ти лѣтній Тегнèръ отправился въ Лундъ и началъ посѣщать университетъ. Первоначально онъ хотѣлъ только приготовить себя для вступленія въ канцелярію короля. Но ему вздумалось представить публикѣ образчикъ своихъ свѣдѣній въ языкахъ латинскомъ и греческомъ, и онъ написалъ по-латыни разсужденіе объ Анакреонѣ. Съ этимъ сочиненіемъ явился онъ къ знаменитому профессору восточной словесности, Норбергу, преподававшему въ то время и греческую литературу. Молодой человѣкъ былъ необыкновенно пораженъ не только добротой, съ какою его принялъ ученый и милый хозяинъ, но и всею его личностію, представлявшею плѣнительное соединеніе высокаго ума съ чистосердечіемъ, и оригинальности съ простотою. Посвятивъ ему поэму: *Первое причащеніе* (Nattvards-barnen), Тегнèръ прекрасно изобразилъ его слѣдующими словами:

„Другъ Востока и украшеніе Сѣвера; мужъ, рожденный въ золотые дни баснословія, сохранившій языкъ и нравы патріарховъ, мудрый какъ старецъ и непорочный какъ младенецъ“.

Норбергъ принадлежитъ къ числу людей, давшихъ рѣшительное направленіе будущности Тегнèра. Посовѣтовавъ ему готовиться не къ гражданской службѣ, а къ экзамену на степень магистра, онъ удержалъ его при университетѣ, пріохотилъ къ литературѣ и открылъ ему путь къ мѣсту, нынѣ имъ занимаемому въ управленіи шведской церкви.

Норбергъ вызвался учить его безденежно арабскому языку; но восточная ученость не привлекала Тегнèра. Великій оріенталистъ былъ также знатокомъ латинскаго языка и соперничалъ въ этомъ съ профессоромъ Лундбладомъ, котораго латинская школа была тогда въ полномъ блескѣ своей славы. Первый приближался къ Тациту своимъ слогомъ, сжатымъ, исполненнымъ силы и остроумныхъ антитезъ. Напротивъ того, послѣдній, образовавшись въ Лейпцигѣ, принесъ въ Швецію цицеронизмъ Эрнести. Онъ и примѣромъ своимъ, и уроками старался своихъ учениковъ вести по тому же пути. Не легко было молодому человѣку рѣшиться на выборъ одного изъ этихъ двухъ профессоровъ. Тегнèръ присталъ къ Лундбладовой школѣ, слѣдуя въ этомъ брату своему, который былъ доцентомъ при университетѣ и считался однимъ изъ первыхъ учениковъ Лундблада.

При отличныхъ способностяхъ Тегнèра неудивительно, что и другіе профессоры обратили на него вниманіе. Всего болѣе ободряли его, какъ самъ онъ свидѣтельствуетъ, Мунте (Munthe) и Лидбекъ (Lidbäck). Въ своихъ „Воспоминаніяхъ“, которыя столько же чести приносятъ его сердцу, сколько уму, нашъ поэтъ изобразилъ въ Мунте одного изъ благороднѣйшихъ людей, когда-либо занимавшихъ университетскую каѳедру. Съ Лидбекомъ, недавно опредѣленнымъ въ профессоры эстетики и безъ большого успѣха писавшимъ стихи, находился онъ въ особенныхъ отношеніяхъ, которыя всего лучше объясняются слѣдующими словами самого Тегнèра:

„...Человѣкъ, недавно отшедшій, сталъ мнѣ вторымъ отцемъ и училъ меня музыкѣ пѣсенъ, когда я былъ молодъ и нуждался въ его совѣтахъ; и онъ не сердился, когда я не безусловно слѣдовалъ имъ, но, какъ свойственно юношѣ, испытывалъ силу собственныхъ крыльевъ въ чуждыхъ ему пространствахъ: то было благородно со стороны его“!

Математикѣ онъ почти вовсе не учился до поступленія въ университетъ. Но когда ему надобно было готовиться къ пріобрѣтенію степени магистра, то его свѣтлый умъ помогъ ему быстро подвинуться и въ этой наукѣ почти безъ всякаго руководства. Онъ слушалъ лекціи только въ физикѣ и въ дифференціальномъ исчисленіи; читавшіе потомъ записки его по этимъ предметамъ хвалятъ въ нихъ ясность и точность изложенія. Въ университетѣ онъ всегда былъ самоучкой, хотя разумѣется учился изъ книгъ. Обыкновенно работалъ онъ по 18-ти — 20-ти часовъ въ сутки и спалъ какъ можно менѣе. Не участвуя въ забавахъ своего возраста и студентской жизни, онъ прослылъ нелюдимымъ и чудакомъ.

Кто бы повѣрилъ этому послѣ, когда онъ являлся въ обществѣ такъ живъ, непринужденно веселъ, остроуменъ и любезенъ? Но иначе онъ не могъ бы въ столь короткое время пріобрѣсти такъ много разнообразныхъ и основательныхъ свѣдѣній.

При пособіи Мирмана и Брантинга, онъ почти въ продолженіе года не имѣлъ надобности прерывать свои университетскія занятія обученіемъ другихъ; но совѣстливость не позволила ему пользоваться долѣе щедростію его благодѣтелей. Онъ рѣшился искать пропитанія

собственными трудами, и, въ качествѣ наставника, былъ взятъ въ домъ барона Леёнхувуда (Левенгаупта), въ Смоландіи. Новаго ученика своего, впослѣдствіи президента надворнаго суда, барона Аврама Л., любилъ и уважалъ онъ болѣе, нежели кого-либо изъ всѣхъ тѣхъ, которымъ онъ въ разное время давалъ уроки: это чувство не измѣнилось и по истеченіи 30-ти лѣтъ слишкомъ. Онъ велъ у Л. такой же образъ жизни, какъ и въ университетѣ — тихій, уединенный и дѣятельный; но когда, по случаю какого-то семейнаго праздника, онъ написалъ французскіе стихи, то на него начали смотрѣть съ удивленіемъ.

Пробывъ въ имѣніи Л. лѣто 1800 г., онъ возвратился въ Лундъ вмѣстѣ съ своимъ ученикомъ, и профессоръ Лидбекъ, подъ вѣдѣніемъ котораго находилась университетская библіотека, далъ ему при ней должность. Правда, онъ не получилъ жалованья, но все-таки то было необыкновеннымъ отличіемъ для 18-тилѣтняго молодого человѣка, еще не произведеннаго въ магистры.

Для достиженія этой степени онъ сталъ съ новымъ усердіемъ заниматься науками, особливо философіей, которую изучалъ въ Разговорахъ Платона, въ сочиненіяхъ Канта и отчасти Фихте. Мы изъ собственныхъ его словъ знаемъ, что онъ, при своемъ поэтическомъ направленіи, вовсе не чувствовалъ склонности къ такимъ отвлеченнымъ умозрѣніямъ, и что на него наводили скуку длинныя систематическія разсужденія, не представлявшія никакой пищи для воображенія. Его академическія диссертаціи доказываютъ однакожъ, что онъ легко и ясно понималъ философскіе вопросы. Къ школѣ Канта влекли его преимущественно ея скептическое свойство и ея важный результатъ, останавливающійся предъ неизвѣстнымъ и непостижимымъ.

На экзаменѣ, которому онъ подвергся, для полученія званія кандидата, въ два пріема — осенью 1801 и весною 1802 года — удостоился онъ высшаго засвидѣтельствованія (laudatur) отъ всѣхъ профессоровъ, кромѣ Норберга. Это было тѣмъ болѣе неожиданно, что въ греческой словесности, принадлежавшей тогда къ той же каѳедрѣ, какъ и восточные языки, Тегнѐръ превосходилъ всѣхъ прочихъ студентовъ, съ нимъ вмѣстѣ экзаменовавшихся. Но Норбергъ болѣе обращалъ вниманія на литературу восточную, въ которой онъ пріобрѣлъ европейскую знаменитость.

Съ такимъ отличнымъ засвидѣтельствованіемъ Тегнѐръ былъ *примусомъ* по промоціи. Между тѣмъ встрѣтился случай, который едва не удалилъ его навсегда отъ университета и не далъ судьбѣ его совершенно другого оборота. То было безвинное участіе въ шалости, въ которую его насильно вовлекли безразсудные студенты. Ректоръ хотѣлъ-было поступить съ нимъ по всей строгости, но прочіе профессоры такъ дорожили необыкновенными качествами молодого человѣка, что охотно спасли его отъ угрожавшей ему бѣды.

Въ эту пору дошло до Тегнѐра горестное извѣстіе о смерти старшаго, 30-тилѣтняго брата его, который, бывъ превосходнымъ проповѣдникомъ и вообще образцомъ для своего званія, возбудилъ такою раннею кончиною всеобщее сожалѣніе. Исаія въ другой разъ лишился отца: ибо не только былъ обязанъ брату первымъ руководствомъ въ наукѣ, но и въ эпоху опасной молодости былъ имъ утверждаемъ въ тѣхъ правилахъ религіи и нравственности, которыя узналъ уже въ дѣтствѣ, но примѣнять еще не имѣлъ случая. Сильно пораженный сею потерей,

сочинилъ онъ элегію, доставившую ему премію отъ *Общества изящной словесности* въ Гётеборгѣ. Упомянутое прежде стихотвореніе: *Къ моей родинѣ* было написано около того же времени, и оба вмѣстѣ послужили началомъ извѣстности Тегнèра.

Послѣ промоціи поѣхалъ онъ въ Вермландію, съ тѣмъ, чтобы навѣстить свою мать и своихъ благодѣтелей, Брантинга и Мирмана. Для благороднаго юноши величайшая награда за его успѣхи заключается, конечно, въ наслажденіи обрадовать ими своихъ родителей и другихъ, которые съ отеческою или материнскою заботливостію пеклись о немъ. Но наслажденіе послѣднихъ столь же, или еще болѣе сладостно, когда труды ихъ вѣнчаются такими послѣдствіями, какъ было въ настоящемъ случаѣ. Въ домѣ Мирмана дѣтская дружба, соединявшая дочь его съ Тегнèромъ, превратилась въ прочнѣйшій союзъ, освященный согласіемъ родителей дѣвицы. Но совершеніе брака было на четыре года замедлено обстоятельствами.

Въ продолженіе этой поѣздки Тегнèръ увидѣлъ въ первый разъ прославившагося впослѣдствіи поэта, историка и философа, Гейера, жившаго тогда у своего отца, въ Вермландіи же. Онъ былъ въ то время еще только студентомъ Упсальскаго университета, но уже получилъ отъ Шведской академіи премію за похвальное слово Стену Стуре. Вотъ что Тегнèръ самъ говоритъ объ этомъ знакомствѣ: „Уже при сей первой встрѣчѣ обнаружилось въ нашихъ понятіяхъ о жизни и литературѣ то несходство, которое съ лѣтами болѣе и болѣе возрастало. Наша бесѣда была непрерывнымъ споромъ, однакожъ безъ всякой горечи и вражды. Я тогда ужъ умѣлъ оцѣнитъ въ Гейерѣ одного изъ умнѣйшихъ и благороднѣйшихъ мужей въ нашемъ отечествѣ.“

Возвратясь въ Лундъ, Тегнèръ, по приглашенію Лидбека, принялъ званіе доцента эстетики; но испросилъ позволеніе отлучиться на-время въ Стокгольмъ. Онъ поѣхалъ туда въ началѣ 1803 года и поступилъ наставникомъ въ домъ оберъ-директора Стрибинга (Strübing). Здѣсь жили открыто и пышно; но Тегнèръ оставался по-прежнему въ уединеніи. Онъ познакомился съ поэтомъ Кореусомъ (Choraeus) [1]), въ которомъ нашелъ веселаго, остроумнаго, любезнаго, хотя и немного страннаго человѣка. Они сообщали другъ другу поэтическіе опыты, и хотя Кореусъ умомъ былъ гораздо ниже своего собрата, однакожъ, будучи старше и опытнѣе его на поприщѣ искусства, онъ могъ, по увѣренію самого Тегнера, давать ему полезные совѣты. Они переписывались нѣсколько времени, по отъѣздѣ Тегнèра въ Лундъ, куда съ нимъ вмѣстѣ отправились и ученики его.

Бывъ давно уже обрученъ, онъ искалъ какой-нибудь постоянной должности и просился въ адъюнкты Карлстадской гимназіи. Получивъ отъ консисторіи отказъ, онъ обратился съ своимъ прошеніемъ къ королю, бывшему тогда въ Баденѣ, и дѣло его устроилось. Но такъ какъ онъ вскорѣ послѣ того былъ назначенъ адъюнктомъ при Лундскомъ университетѣ, то и не вступалъ никогда въ Карлстадскую гимназію. Въ качествѣ адъюнкта эстетики онъ занималъ каѳедру этой науки цѣлый годъ, пока профессоръ Лидбекъ былъ ректоромъ.

Лидбекъ только говорилъ объ изящномъ и объяснялъ мнѣнія разныхъ мыслителей; напротивъ, Тегнèръ такъ излагалъ предметъ, что

[1]) Финляндскимъ уроженцемъ, котораго вдова вышла замужъ за автора сей біографіи. И жизнь самого Кореуса описана имъ. *Прим. перев.*

слушатели могли сами видѣть и осязать прекрасное. Вотъ почему различіе между тѣмъ и другимъ было слишкомъ примѣтно. При всемъ томъ учитель, затемненный своимъ ученикомъ, продолжалъ по-прежнему любить и уважать его. Вовсе не желая унизить благородства и основательной учености Лидбека, мы однакожъ замѣтимъ, что превосходство Тегнѐра заключалось въ его особенномъ образѣ мыслей и и пріемахъ; по этому самому, даже насмѣшливое остроуміе его нравилось и тѣмъ, кого оно касалось.

Въ Лундѣ былъ еще другой человѣкъ, нашедшій въ Тегнѐрѣ опаснаго соперника, именно Лингъ, знаменитый сколько по своей Сѣверной лирѣ, столько и по своему гимнастическому заведенію, гдѣ все происходило согласно съ законами науки. Оба они, вмѣстѣ съ Гейеромъ, сдѣлали въ Швеціи то же, что Эленшлегеръ и Грундтвигъ въ Даніи: они пробудили въ литературѣ новую жизнь, воспользовавшись скандинавскими сагами и миѳологіею. Но Лингъ, подобно Грундтвигу, воскрешая предъ нами вѣкъ древнихъ богатырей Сѣвера, болѣе сохранилъ его первобытный характеръ дикой силы и грознаго величія. За то Тегнѐръ, такъ же, какъ Эленшлегеръ, передавая поэзію этихъ образовъ старины въ прекраснѣйшемъ и болѣе идеальномъ видѣ, умѣлъ сильнѣе привлечь къ нимъ всеобщее вниманіе. Еще прежде той поры, когда взглядъ и труды каждаго изъ нихъ сдѣлались извѣстными свѣту, между Лингомъ и Тегнѐромъ не было настоящаго согласія. Довольно странно, что поэтъ-фехтмейстеръ, который обнажалъ грудь свою для принятія ударовъ не рапиры, а острой шпаги, былъ въ душѣ чрезвычайно раздражителенъ и легко обижался. Но при благородствѣ, прямодушіи и чистосердечіи обоихъ, вспышки между ними не могли вести къ продолжительному раздору: они всегда оставались искренними друзьями и всегда уважали другъ друга.

Въ 1806 г., соединивъ съ званіемъ адъюнкта должность библіотекаря и, сверхъ того, ставъ нотаріусомъ философскаго факультета, Тегнѐръ наконецъ могъ безпрепятственно жениться на дѣвицѣ Аннѣ Мирманъ, и тѣмъ довершилъ свое счастіе. При заботливости и хозяйственной распорядительности молодой жены и при собственномъ его усердіи въ ремеслѣ учителя, имъ легко было содержать себя, не смотря на то, что жалованье Тегнѐра ограничивалось 60-ю бочками [1]) хлѣба.

Въ это время нѣсколько молодыхъ людей, принадлежавшихъ къ университету, составили ученый клубъ, въ которомъ и Тегнѐръ сдѣлался членомъ. Много разсуждали о литературѣ вообще и особенно о дѣлахъ университета. „Здѣсь", пишетъ Тегнѐръ, „зараждались сѣмена понятій и мыслей, которыя впослѣдствіи не оставались безъ вліянія на университетъ. Играли въ мячики идеями и выдумками, дѣтьми мгновенія, иногда стоившими вниманія свѣта." Всего охотнѣе слушали Тегнѐра за его мѣткое остроуміе и милый характеръ: не имѣя болѣе надобности учиться безъ отдыха и наслаждаясь пріятностями семейной жизни, онъ сдѣлался веселымъ и общительнымъ человѣкомъ.

Между тѣмъ разныя лирическія стихотворенія, свидѣтельствовавшія

[1]) Въ шведскихъ университетахъ жалованье чинамъ духовнаго и учебнаго вѣдомства производится рожью и ячменемъ по-поламъ, что они должны продавать для полученія денегъ. Поэтому доходъ ихъ зависитъ отъ цѣнъ на хлѣбъ. Бочка его стоитъ, смотря по урожаю, отъ 10-ти до 17-ти руб. Въ бочкѣ 6½ нашихъ четвериковъ. *Прим. пер.*

о высокомъ талантѣ, успѣли уже доставить Тегнѐру нѣкоторую извѣстность; но особенно поразила всѣхъ его *Свея* — стихотвореніе, въ 1811 г. награжденное большою преміею отъ Шведской академіи. Оно замѣчательно не только по своему высокому патріотизму и поэтической красотѣ, но и по внезапной перемѣнѣ формы въ срединѣ его. Отъ александрійскаго стиха, исполненнаго той многозначительной силы и той тихой, но постоянной гармоніи, которыхъ требуетъ этотъ размѣръ, поэтъ, повинуясь мгновенному увлеченію, вдругъ переходитъ къ диѳирамбу и, соотвѣтственно богатому разнообразію самаго предмета, извлекаетъ изъ арфы своей разнообразнѣйшіе звуки. Предъ нами возстаетъ поэтическое видѣніе, гдѣ баснословные образы древняго Сѣвера служатъ только оболочкою современныхъ думъ, чувствованій и надеждъ.

Старшимъ представителемъ тогдашней шведской словесности былъ Леопольдъ, поэтъ съ истиннымъ дарованіемъ, но который, слѣдуя духу своего вѣка, образовался вліяніемъ французскихъ писателей. Онъ пользовался въ Швеціи великою славою и влекъ за собою множество послѣдователей, когда вдругъ въ Упсалѣ нѣсколько молодыхъ литераторовъ, признавъ направленіе Леопольда совершенно ошибочнымъ, объявили войну приверженцамъ стараго образа мыслей въ поэзіи. Они составили новую школу, которой главнымъ стремленіемъ было создать въ Швеціи самобытную, народную словесность, почерпая для того предметы либо изъ собственнаго духа, либо изъ древнихъ преданій Скандинавіи. Главнымъ поборникомъ новой школы былъ Аттербомъ съ своимъ журналомъ *Фосфоросъ*, отъ котораго и всѣ, принадлежавшіе къ той же партіи, были въ насмѣшку названы *фосфористами* [1]).

Встрѣчающееся въ стихотвореніи *Свея* соединеніе обоихъ родовъ поэзіи, хотя можетъ быть и неумышленное, показываетъ, какъ думалъ Тегнѐръ относительно раскола, возникшаго тогда на шведскомъ Парнасѣ. Не унижая старой словесности, онъ самъ приготовилъ новую, но никогда не приставалъ къ фосфоризму. Вотъ его собственныя слова: „Нѣмецкія теоріи съ господствовавшею въ поэзіи таинственностію были мнѣ противны. Переворотъ въ шведской поэзіи считалъ и я необходимымъ, но его можно и должно было произвести болѣе самостоятельнымъ образомъ. Новая школа казалась мнѣ слишкомъ отрицательною, а ея критическое ратованіе — слишкомъ несправедливымъ. Потому я въ войнѣ не принималъ участія, за исключеніемъ кое-какихъ шутокъ, которыя я на письмѣ или на словахъ позволилъ себѣ.“

Извѣстно, что Байронъ — хотя его восхитительныя пѣсни и заставили пренебрегать старинными поэтами — самъ отдавалъ имъ справедливость, и между ними высоко цѣнилъ Пòпа, который почитателями лорда былъ особенно презираемъ. Такъ точно и Тегнѐръ самымъ торжественнымъ образомъ изъявилъ свое негодованіе на усилія фосфористовъ унизить прежнихъ шведскихъ стихотворцевъ, преимущественно Леопольда. Въ своей важной поэзіи Леопольдъ силою мысли соперничаетъ съ Пòпомъ; а въ шуточномъ родѣ хотя онъ и не создалъ столь милой поэмы, какъ *Похищеніе Локона*, онъ своимъ игривымъ остроуміемъ даже превосходитъ англійскаго сатирика и приближается къ Вольтеру.

[1]) Послѣднія подробности, начиная отъ слова *старшимъ*, вставлены переводчикомъ, который счелъ ихъ нужными для русскихъ читателей.

Въ началѣ 1812 г. Тегнѐръ, посѣтивъ Стокгольмъ, лично познакомился съ Леопольдомъ и съ другими членами Шведской академіи: тутъ онъ снискалъ искреннее уваженіе и дружбу тѣхъ, которые прежде только удивлялись ему.

Сверхъ партіи фосфористовъ, въ нѣкоторомъ отношеніи сходныхъ съ *Poets of the Lake* въ Англіи (Вордсворта, по глубокости мысли и чувства, сравниваютъ съ Аттербомомъ), образовался въ Швеціи еще литературный союзъ, подъ именемъ *Готовъ* (Göther). Его цѣлію было изученіе сѣверныхъ сагъ и миѳовъ, и приложеніе ихъ къ искусству. Пѣвецъ „Свеи“ былъ также приглашенъ въ это общество, и въ журналѣ *Идуна* [1]), который оно издавало, появились первые образчики Фритьофа, тотчасъ возбудившіе великія ожиданія.

Новое поприще для дѣятельности Тегнѐра при университетѣ открылось въ 1812 году, когда греческая литература отдѣлилась отъ каѳедры восточныхъ языковъ. Послѣдняя осталась за Норбергомъ; а профессоромъ греческой словесности, по его представленію, назначенъ былъ Тегнѐръ, какъ извѣстный эллинистъ, съ которымъ никто другой при университетѣ не могъ сравниться. Это сдѣлано было безъ соблюденія обычнаго порядка, по повелѣнію короля, послѣдовавшему на докладъ канцлера университета, министра фонъ Энгстрема. Съ тѣмъ вмѣстѣ Тегнѐру предоставленъ былъ, въ видѣ пребенды, пасторатъ.

Такимъ образомъ онъ поступилъ въ духовное званіе, и по этому случаю написалъ *Посвященіе въ пасторы* — стихотвореніе, сіяющее истинно небесною красотой. Но такъ какъ его главныя занятія были при университетѣ, то на нихъ и употреблялъ онъ почти все свое время, дѣйствуя притомъ съ особеннымъ усердіемъ и энергіею. Само собою разумѣется, что онъ, при поэтическомъ расположеніи своемъ, обращалъ вниманіе молодыхъ людей на красоты греческой литературы, и тѣмъ возбуждалъ въ нихъ охоту учиться языку греческому. Но вотъ чего менѣе можно было ожидать отъ поэта: онъ требовалъ также основательнаго знакомства съ грамматическимъ организмомъ, и возвелъ греческую каѳедру на такую степень цвѣтущаго состоянія, какой она прежде никогда еще не достигала въ Лундскомъ университетѣ. Хотя Норбергу, который собственно для него отказался отъ этой вѣтви ученія, и нельзя было скрыть отъ себя, что Тегнѐръ затмилъ его; однакожъ онъ не показалъ (да и не чувствовалъ, потому-что онъ показывалъ все, что чувствовалъ) ни малѣйшей на то досады. Дружественная между ними связь ни на минуту не прерывалась.

Между тѣмъ поэтическая слава Тегнѐра возрастала. Этимъ онъ обязанъ былъ частію множеству превосходныхъ мелкихъ стихотвореній, частію и двумъ поэмамъ большого размѣра: *Аксель* и *Первое причащеніе,* переведеннымъ на многіе иностранные языки. Тогда и Шведская академія поспѣшила выбрать его въ свои члены. Онъ заступилъ въ ней мѣсто Оксеншерны, и въ рѣчи, произнесенной имъ при вступленіи въ академію, изобразилъ предшественника чудными красками: хотя эта картина и вѣрно списана съ природы, однакожъ въ колоритѣ видна Тегнéровская кисть.

Эпилогъ при промоціи въ Лундѣ, 1820 г., и другія стихотворенія, написанныя на разные случаи, заставили всѣхъ уважать въ Тегнѐрѣ человѣка, мыслящаго и ясно и глубоко, который, идучи наравнѣ съ

[1]) Такъ называлась супруга бога поэзіи у скандинавовъ.

своимъ вѣкомъ, не увлекается, однакоже, его заблужденіями. Какъ удачно онъ могъ, когда хотѣлъ, обнять и развить даже мистическую идею — доказываетъ его *Пѣснь Солнцу*. Леопольдъ, хотя онъ еще менѣе Тегнéра любилъ все таинственное и фантастическое, ставилъ ее выше всѣхъ мелкихъ его стихотвореній, сколько по свѣтлому и высокому паренію мыслей, столько и по чистотѣ языка и непрерывному благозвучію при самомъ трудномъ размѣрѣ. Но вѣнцомъ поэтическихъ трудовъ Тегнéра была поэма *Фритьофъ*. Она поставила его на ряду съ первыми поэтами новѣйшаго времени и распространила славу его не только по всей Европѣ, но и по другимъ частямъ свѣта [1]).

Въ томъ же году (1824), когда эта удивительная поэма начала возвышеніе Тегнéра въ литературѣ, ему и въ управленіи шведской церкви неожиданно была ввѣрена почетная должность. Не имѣвъ случая отличиться по части богословія, онъ тѣмъ не менѣе, въ качествѣ профессора при университетѣ и члена въ духовной консисторіи, умѣлъ снискать уваженіе духовнаго сословія, и когда открылось мѣсто епископа въ Векшё (Wexjö), то почти единодушно былъ избранъ первымъ кандидатомъ. Вѣроятно и его идиллія: *Первое причащеніе* способствовала къ утвержденію той довѣренности, какую предполагаетъ такое назначеніе. Произведенный въ епископы, 1824 года, онъ тогда же оправдалъ это повышеніе ревностною заботливостію объ училищахъ [2]). Сильно поражали всѣхъ рѣчи, которыя онъ произносилъ при торжественныхъ случаяхъ и гдѣ онъ съ оригинальнымъ остроуміемъ излагалъ свѣтлыя свои мысли по вопросу: о преобразованіяхъ въ устройствѣ учебныхъ заведеній. Рѣчи эти, бывъ переведены на нѣмецкій языкъ, извѣстны и въ чужихъ краяхъ. Какъ Тегнéръ выполняетъ призваніе главы Церкви, показываютъ замѣчательныя записки, относительно съѣзда пасторовъ въ 1836 г. Вопреки тому, что обыкновенно бываетъ, онѣ не остались въ епископствѣ или въ духовномъ сословіи, но обратили на себя вниманіе многочисленной публики, убѣдивъ ее, что онъ, въ званіи богослова, пастора и охранителя Церкви, столько же заслуживаетъ свое громкое имя, сколько и въ званіи просвѣщеннаго начальника училищъ.

Въ дѣлахъ государственнаго сейма, на которомъ онъ, по должности епископа, обязанъ присутствовать, Тегнéръ не показалъ особенно дѣятельнаго участія, но каждый разъ, когда онъ начиналъ говорить, слушатели нетерпѣливо ожидали чего-то и основательнаго, и остроумнаго, и онъ всегда умѣлъ превзойти это ожиданіе.

Еще бывъ профессоромъ, Тегнéръ удостоился получить орденъ *Сѣверной звѣзды*, который хотя и составляетъ нынѣ весьма обыкновенное отличіе для шведскихъ ученыхъ, но на груди пѣвца, сіяющаго міру изъ глубины Сѣвера, еще напоминаетъ о своемъ первоначальномъ значеніи. Вскорѣ послѣ возведенія въ санъ епископа поэтъ былъ пожалованъ въ командоры того же ордена.

Должность ли Тегнéра — хотя она у него и не поглощаетъ всего времени — отвлекла умъ его отъ поэзіи, или его шаткое здоровье разстроило въ немъ расположеніе духа, попеременно веселое и унылое, только, по изданіи Фритьофа, онъ уже очень рѣдко бралъ въ руки

[1]) См. *North American Review*, № 96, Iuly 1837.

[2]) Въ Швеціи званіе епископа соединено съ должностію начальника учебныхъ заведеній всего епископства. *Пр. перев.*

свою лиру. Однакожъ въ звукахъ, которыми онъ привыкъ и плѣнять и восхищать за-одно, не произошло никакой перемѣны. При всемъ томъ есть надежда, что, въ числѣ другихъ начатыхъ поэмъ, онъ окончитъ по крайней мѣрѣ одну, уже давно ожидаемую и отчасти извѣстную публикѣ по прелестнымъ отрывкамъ, появившимся подъ названіемъ: *Герда* [1]). Но, пользуясь именемъ одного изъ первостепенныхъ геніевъ вѣка, онъ для славы своей ничего болѣе желать не можетъ.

За характеристику Тегнѐра, какъ поэта, мы взяться не смѣемъ, да она и не составляетъ необходимой принадлежности жизнеописанія. Но его собственное сужденіе о причинѣ своего обширнаго успѣха должно быть въ двоякомъ отношеніи занимательно, характеризуя и его музу, и его самого. Вотъ оно:

„Шведъ, подобно французу, особенно любитъ въ поэзіи легкое, ясное, прозрачное. Онъ требуетъ и глубокаго, которое умѣетъ даже цѣнить, но то должно быть прозрачно-глубокое. Онъ хочетъ видѣть на днѣ рѣки золотой песокъ. Ему противно все мутное и темное, все, что не представляетъ яснаго образа, какъ бы оно глубокомысленно ни было.

„По немъ, кто темно выражается, тотъ и мыслитъ темно, и ничто безъ ясности не можетъ на него подѣйствовать. Этимъ онъ отличается отъ нѣмца, который, по своей созерцательной природѣ, не только переноситъ, но и предпочитаетъ все таинственное и туманное, гдѣ онъ любитъ угадывать что-то глубокомысленное. У него болѣе „Gemüth“ и угрюмой важности, нежели у шведа, который поверхностнѣе и легкомысленнѣе. Вотъ источникъ мистики чувствъ и геморроидальныхъ припадковъ въ нѣмецкой поэзіи, и она намъ не нравится.

„Что касается до самаго духа поэта и его воззрѣнія на міръ, то мы любимъ въ особенности кипящее жизнью, бодрое, смѣлое, даже дерзкое.

„Это справедливо и въ отношеніи къ шведскому національному характеру. Какъ ни разслабленъ, ни суетенъ и ни испорченъ народъ нашъ, все-таки въ основаніи его духа есть что-то богатырское — черта, которую намъ пріятно находить и въ поэтѣ. Племя первобытныхъ великановъ [2]) еще не угасло. Въ народѣ живетъ какое-то титановское презрѣніе опасности.

„Вотъ нѣсколько строкъ (въ подлинникѣ—стиховъ) изъ *Герды:* „Сѣверъ силенъ отвагою, и паденіе — для насъ побѣда: тому весело пасть, кто бился до конца. Шумитъ ли буря, онъ спокойно борется съ нею, спокойно обнажаетъ грудь, чтобы молнія знала, куда ей лучше ударить.“

„Морозный, но свѣтлый и здоровый день, который напрягаетъ и будто желѣзитъ всѣ человѣческія силы, чтобы онѣ могли бороться съ суровою природой и побѣждать ее, — вотъ настоящій образъ сѣвернаго характера. Гдѣ есть эта ясная погода, это здоровое дуновеніе, тамъ нація сознаетъ жизнь своего собственнаго духа, и снисходительно смотритъ на другіе поэтическіе недостатки. Я не знаю лучшаго объясненія моему успѣху.“

Всѣ знакомые съ дивнымъ геніемъ Тегнѐра по его сочиненіямъ знаютъ однакожъ и другое объясненіе сверхъ этого, которое конечно

[1]) Имя скандинавской богини.

[2]) Готовъ, которые, по преданію, были первобытными жителями Скандинавіи.

столь же вѣрно, какъ остроумно и справедливо не только въ разсужденіи его успѣха въ Швеціи, но и относительно европейской его знаменитости. Безъ сомнѣнія, и по духу, и по содержанію, его поэзія принадлежитъ Сѣверу, но въ ней есть также красота и роскошь Юга. По яркости красокъ, по богатству образовъ и мыслей, ее можно сравнить съ вершиной померанцоваго дерева, на которомъ, среди густой и чистой зелени, зрѣлый плодъ красуется возлѣ новаго цвѣтка.

Въ то время, какъ писались эти строки, переводчикъ получилъ отъ епископа Францéна (изъ Херносанда, отъ 1/13 ноября) письмо, гдѣ между прочимъ сказано: „Васъ и всѣхъ любителей музы Тегнѐра могу обрадовать извѣстіемъ, что его путешествіе въ Шлезвигъ и тамошнее пребываніе уже возстановили въ немъ равновѣсіе воображенія и прочихъ душевныхъ силъ. Все заставляетъ надѣяться, что онъ вскорѣ совершенно исцѣлится и тѣломъ и духомъ".

СТРѢЛКИ ЛОСЕЙ, ПОЭМА РУНЕБЕРГА [1].

1841.

Читатели наши знаютъ уже Иліаду финновъ, Кàлевалу; но есть еще большая поэма, которая, хотя на шведскомъ языкѣ, всегда должна стоять рядомъ съ Кàлевалой, когда рѣчь идетъ объ изученіи поэзіи и нравовъ въ Финляндіи. Я разумѣю „*Стрѣлки оленей* (или вѣрнѣе *лосей*, Elgskyttarne)", поэму Рунеберга, написанную экзаметрами въ 9-ти пѣсняхъ. Ея происхожденіе (1826 — 1832) почти современно отысканію Калевалы Ленротомъ. Обѣ послужатъ для потомства блистательнымъ памятникомъ, до какой степени просвѣщеніе, наравнѣ со всѣми другими вѣтвями благосостоянія народнаго, достигло въ Финляндіи подъ хранительною сѣнью русской державы.

Но, принадлежа Финляндіи по предмету и по творцу своему, „Стрѣлки" составляютъ въ то же время одно изъ первыхъ украшеній нынѣшней шведской литературы. Сами шведы единогласно сознаются, что между немногими ихъ поэмами названное нами произведеніе занимаетъ почетное мѣсто. Здѣсь талантъ Рунеберга, какъ живописца природы и простонародной жизни, достигаетъ высшей степени своего развитія. „Стрѣлки"—*эпическая идиллія*: вотъ собственно родъ, въ которомъ Рунебергъ всего счастливѣе. *Повѣствованіе* вообще составляетъ блестящую сторону его дарованія [2]), ибо онъ обладаетъ всѣмъ тѣмъ спокойствіемъ и тою способностью какъ-бы отдѣляться отъ самого себя, какія нужны для совершенства по этой вѣтви искусства.

[1]) *Современникъ*, т. XXII, стр. 49 — 55, срв. *Переписка*, т. I, стр. 246, 272, 285, 293, 300. Въ *Соврем.* ея заглавіе: „*Стрѣлки оленей*", но это — неточная передача, которую Я. К. самъ исправилъ, см. выше, стр. 679.

[2]) Онъ написалъ и въ прозѣ нѣсколько превосходныхъ повѣстей, напечатанныхъ въ Листкѣ, который онъ издавалъ за нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Въ „Стрѣлкахъ“ онъ поставилъ себѣ задачею изобразить главныя черты быта и характера финскихъ поселянъ. Когда онъ принялся за трудъ этотъ (въ 1826 г.), его согрѣвали—какъ самъ онъ говоритъ въ одномъ письмѣ—воспоминанія о тѣхъ пустынныхъ, но дивныхъ мѣстахъ, о тѣхъ людяхъ съ суровою наружностію, но съ благородною и сильною душой, среди которыхъ онъ провелъ два года передъ тѣмъ. „Если мнѣ удалось, продолжаетъ онъ, придать занимательность картинѣ въ „Стрѣлкахъ“, то этимъ обязанъ я единственно интересу подлинника, съ котораго писалъ. Для меня память тѣхъ двухъ лѣтъ всегда будетъ драгоцѣнна. Происходя самъ отъ шведовъ, издавна поселившихся въ Остроботніи, я воображалъ, что финнъ по душѣ таковъ же, какимъ казался мнѣ по наружности, когда по временамъ пріѣзжалъ съ товарами въ нашъ городъ (Якобштадъ). Но какъ перемѣнилось мое мнѣніе о немъ, когда я при ближайшемъ съ нимъ знакомствѣ увидѣлъ, каковъ онъ у себя дома. Патріархальная простота, непоколебимое, мужественное терпѣніе и врожденное ясное понятіе о сокровеннѣйшихъ отношеніяхъ жизни: вотъ свойства, какими онъ поразилъ меня, но которыхъ, къ сожалѣнію, я не умѣлъ вполнѣ передать въ своихъ описаніяхъ. Лучше всего вы узнаете финна въ его собственныхъ пѣсняхъ.“

Вопреки такому скромному увѣренію, всѣ, коротко знакомые съ Финляндіею, согласны въ томъ, что поэма „Стрѣлки“, какъ картина нравовъ, вполнѣ достигаетъ своей цѣли. Но не усомнятся ли нѣкоторые, судя по предмету, въ ея поэтическомъ достоинствѣ? Правда, міръ дѣйствительности, откуда взято ея содержаніе, не высокъ; въ ней нѣтъ ни изображенія сильныхъ страстей, ни развитія глубокихъ характеровъ, ни тѣхъ запутанныхъ отношеній между дѣйствующими лицами и того разнообразія событій, какими можетъ воспользоваться поэтъ, когда изберетъ своихъ героевъ въ другомъ мірѣ; но развѣ и простая, однообразная жизнь поселянъ не имѣетъ своей занимательности для ума наблюдательнаго? Званіе людей и обстоятельства, ихъ окружающія, суть однѣ случайности; все чисто-человѣческое, неизмѣнное, вѣковое въ нашей двойственной природѣ такъ же точно заслуживаетъ изученія въ поселянинѣ, какъ и въ вельможѣ, въ художникѣ, въ полководцѣ. Вотъ отъ чего вѣрная картина быта крестьянскаго, въ отношеніи къ искусству, можетъ имѣть столько же безусловнаго достоинства, какъ и та, въ которой представлены люди и дѣйствія другого разряда. Всякій воленъ по своимъ собственнымъ понятіямъ, предпочитать ту или другую сферу въ области искусства; но никто не имѣетъ права требовать у поэта отчета въ его выборѣ лишь бы исполненіе было удачно.

Мы сочли нужнымъ напомнить здѣсь эти старыя истины, потому-что нерѣдко слышатся толки, доказывающіе, какъ онѣ, при всей своей ясности, легко забываются.

Подтвердивъ для себя такимъ образомъ несомнѣнное право гражданства идилліи въ царствѣ истинной поэзіи, посмотримъ, какое въ немъ мѣсто занимаютъ „Стрѣлки“. Для этого пойдемъ сперва по слѣдамъ поэта, и потомъ, узнавъ содержаніе цѣлаго, скажемъ нѣсколько словъ о совершенствахъ или недостаткахъ, принадлежащихъ „Стрѣлкамъ“. Къ сожалѣнію, о поэтическихъ красотахъ поэмы невозможно дать понятія переводомъ изъ нея хотя нѣкоторыхъ отрывковъ: по національности ея, онѣ никакъ не могутъ быть сохранены на русскомъ языкѣ не только въ прозѣ, но и въ стихахъ. Между характерами финскимъ

и шведскимъ гораздо болѣе родства, нежели между которымъ-либо изъ нихъ и характеромъ русскимъ. Отъ того Рунебергъ могъ по-шведски выразить съ большимъ удобствомъ тонъ рѣчей финскаго крестьянина; но этого нельзя было бы сдѣлать по-русски. Прибавьте, что въ Финляндіи, какъ странѣ, куда и вѣра, и законы, и языкъ перешли изъ Швеціи, почти всѣ особенныя черты мѣстности имѣютъ свои соотвѣтствующія названія на шведскомъ языкѣ, но съ трудомъ могутъ быть переданы на русскомъ.

Потому, желая ознакомиться съ „Стрѣлками", надобно довольствоваться изложеніемъ ихъ содержанія и развѣ *приблизительнымъ* переводомъ въ прозѣ нѣкоторыхъ мѣстъ поэмы. Пройдемъ же, съ большею или меньшею подробностію, всѣ девять пѣсенъ ея.

I. Между дѣйствующими лицами въ „Стрѣлкахъ", только одно — не крестьянинъ. Это владѣлецъ участка земли или такъ называемаго по-шведски *торпа* (torp), на которомъ живутъ и которымъ пользуются вольные крестьяне, обязанные за то въ извѣстные дни являться въ имѣніе, гдѣ живетъ самъ хозяинъ, для разныхъ работъ, иногда между прочимъ и для охоты. Таково обыкновенно бываетъ въ Финляндіи условіе между поселянами и хозяиномъ земли, ими обработываемой. Иногда они платятъ, по взаимному условію, и нѣкоторый оброкъ или исполняютъ какія-нибудь другія повинности. Каждый такой крестьянинъ называется *торпаремъ* (torpare), а владѣлецъ, если онъ занимаетъ какую-нибудь маловажную должность въ сельскомъ управленіи, пользуется именемъ *комиссара.*

Поэму открываетъ картина того, что происходитъ въ избѣ *торпарей* въ зимній вечеръ наканунѣ дня, въ который имъ назначено съ утра собраться на мызѣ *комиссара,* откуда они вмѣстѣ съ нимъ отправятся на ловлю лосей, показывавшихся въ окрестностяхъ. „Въ торпѣ только-что отужинали. На широкомъ столѣ еще видны были куски плоскаго сухого хлѣба, разбросанные около ведра съ кальей (kalja — напитокъ, похожій на русскій квасъ); а въ деревянныхъ чашкахъ лежалъ картофель съ корюшкой. Въ избѣ было тепло; съ очага трескучее пламя разливало отрадный жаръ, застилая крышу облаками дыма, изъ-за которыхъ едва-едва мелькали сохнувшія на стропилахъ лучины и сани. Но дымъ оставался вверху, и горѣвшая подъ нимъ лучина освѣщала позднія работы поселянъ. Хозяйка Анна стлала себѣ и мужу постель, дочка ихъ чистила у стѣны закоптѣлый горшокъ, напѣвая въ полголоса пѣсню, а сынъ поспѣшно набиралъ въ корыто сѣчки, смѣшанной съ мукою, для двухъ лошадей, которыя, стуча копытами, стояли у двери".

Самъ же хозяинъ, торпарь Петръ, всталъ со скамьи, на которой сидѣлъ въ сладкой дремотѣ. Проработавъ цѣлый день, онъ бы теперь охотно легъ спать, но надобно было готовиться къ завтрашней охотѣ и привести ружье въ исправность. Между тѣмъ, какъ онъ разговариваетъ съ своею „велерѣчивою" Анной, вдругъ раздается съ дороги звонъ колокольчиковъ (бубенчиковъ, которые въ Финляндіи очень употребительны не только на дорогахъ, но и въ городахъ; изъ нихъ обыкновенно составляютъ цѣлую связку, прикрѣпляемую къ верхней части хомута). Прислушиваются, встаютъ, отворяютъ волоковое окно и смотрятъ: въ ту же минуту кто-то на лихомъ конѣ въѣхалъ на дворъ. То былъ гость изъ округа Куру, удалой Матвѣй, братъ Анны. Это одно изъ главныхъ лицъ поэмы, красивый собой и богатый вдовецъ.

Его богатство видно уже и въ шумномъ пріѣздѣ его и въ мѣховой одеждѣ, которая послѣ описывается. Зажиточные крестьяне въ Финляндіи любятъ показывать свою достаточность, и въ торжественные случаи умѣютъ щегольнуть одеждой и экипажемъ. Особливо замѣтно это, когда они по праздникамъ отправляются въ церковь: тогда такого поселянина легко принять за помѣщика.

Послѣ взаимныхъ привѣтствій Анна попросила брата сѣсть за столъ на почетномъ мѣстѣ, „тамъ, гдѣ одна лавка сходится угломъ съ другою". Онъ сѣлъ, закурилъ трубку, обитую мѣдью, и задымился табакъ, который самъ онъ и садилъ и рѣзалъ. Въ то же время онъ весело отвѣчалъ на всѣ вопросы сестры о дѣтяхъ его и о богатой мызѣ въ Куру.

Когда гостя накормили, Анна сказала ему: „Трудно мужчинѣ смотрѣть одному и за домомъ, и за дѣлами своими, особливо, когда онъ богатъ какъ ты. Не видимъ ли часто, что и сильный конь устаетъ, подымаясь въ гору съ тяжелою повозкой? Но когда вожатый идетъ возлѣ оглобли и помогаетъ, произнося ласковыя слова, тогда оба подвигаются быстрѣе; такъ-то и мужу меньше заботы, когда съ нимъ вмѣстѣ идетъ вѣрная жена, раздѣляя труды его".

Матвѣй и самъ сознается, что ему необходимо вновь пріискать себѣ хозяйку, но жалуется на трудность выбора, и не знаетъ, предпочесть ли ему старую, но степенную подругу, или молодую и вѣтреную. „Такъ, отвѣчала Анна, мужчина всегда любитъ расчитывать и соображать. Прежде нежели онъ предприметъ что-нибудь, онъ думаетъ, думаетъ, и, пугаясь вымышленныхъ опасностей, часто выпускаетъ изъ рукъ свою собственную пользу. Не все, что молодо, то и непостоянно; не все то постоянно, что давно наслаждается жизнію. Разнообразна богатая природа въ произведеніяхъ земли, разнообразна она также и въ нравахъ и мысляхъ человѣческихъ. Спокойно и неподвижно стоитъ на берегу вешній цвѣтокъ, а столѣтній ручей рѣзво скачетъ мимо его и наполняетъ шумомъ окрестность. Возьми, Матвѣй, дѣвушку, и возьми ту, которую я сейчасъ предложу тебѣ. Дорожишь ли ты молодостью — ей, другъ мой, восемнадцать лѣтъ; дорожишь ли тѣлесною красотою и прелестью румяныхъ щекъ — нигдѣ не сыщешь такой красавицы. Ѥсли же ты дорожишь нравомъ — въ ней столько кротости, спокойствія, гибкости; нужда съ дѣтства научила ее принимать всякое добро съ благодарностію. Теперь она живетъ въ счастіи на господскомъ дворѣ; много тамъ работницъ кромѣ ея, но она для всѣхъ первая. Ей господа повѣряютъ и надзоръ за тканьемъ, и заботы о пищѣ, и ключи отъ погреба и кладовой; легко подумать, что она тамъ воспитывалась, какъ хозяйская дочь".—Тогда и разумный Петръ вмѣшался въ разговоръ, желая окончить то, что жена начала: „ты конечно разумѣешь Гедду, дочь Захара; тотчасъ узнаю Гедду въ этой заслуженной похвалѣ... Она для всѣхъ молодыхъ людей то же, что покрытая ягодами, приманчивая рябина для стаи дроздовъ: быстро мчатся они на воздушныхъ крыльяхъ, пока не замѣтятъ краснѣющагося дерева. Тогда, вскрикнувъ отъ радости, всѣ жадно бросаются на сочныя кисти, цѣпляются за нихъ и не боятся ни шума, ни летающихъ палокъ, которыми хочешь прогнать ихъ. Поэтому я и совѣтую тому, кто достоинъ счастія, тотчасъ же явиться къ ней, чтобъ кто-нибудь не успѣлъ предупредить его: поэтому, почтенный мой шуринъ, скорѣе отправляйся на господскій дворъ".

Матвѣй отвѣчаетъ, что ему любопытно было бы посмотрѣть на хваленую дѣвушку, только бы найти предлогъ смѣлому посѣщенію. Соглашаются, что на слѣдующее утро онъ, взявъ ружье, вмѣстѣ съ Петромъ пойдетъ на господскій дворъ, гдѣ легко узнаетъ Гедду по описанію, а во время охоты обдумаетъ, годится ли она для него. „И если, прибавляетъ Петръ, ты захочешь на ней жениться, я пожалуй буду опять твоимъ сватомъ.“ Анна въ восхищеніи, что ея совѣтъ одобренъ. Теперь она наполняетъ съѣстнымъ дорожную сумку изъ березовой коры и, повѣсивъ ее на стѣнѣ, стелетъ для Матвѣя постель. Погасивъ лучину, всѣ предаются покою.

Иное въ приведенныхъ нами разговорахъ могло показаться читателю необыкновеннымъ въ устахъ необразованныхъ крестьянъ; но онъ не долженъ забывать, что тутъ видитъ передъ собою *финновъ*, которыхъ „поэтическая природа“, какъ было замѣчено въ другомъ мѣстѣ, „отражается очень явственно даже въ ихъ ежедневномъ разговорѣ. Безпрестанно употребляютъ они сравненія, метафоры, аллегоріи и особенно олицетворенія [1])“. Въ продолженіе поэмы еще не разъ могутъ встрѣтиться намъ подробности, для объясненія которыхъ необходимо имѣть въ виду особенность характера и умственныхъ способностей финна. Эти подробности были бы невѣрны, еслибъ передъ нами дѣйствовали крестьяне какой бы ни было другой націи; такъ оригинальны нравы коренныхъ жителей внутренней Финляндіи! Вотъ что придаетъ „Стрѣлкамъ“ великую занимательность, даже въ глазахъ иностранца.

II. Въ началѣ 2-й пѣсни встрѣчаемъ въ избѣ у Петра два новыя лица: *Паво* и *Арона*. Первый принадлежитъ къ разряду такъ называемыхъ inhysingar, *бобылей* или *нахлѣбниковъ*: это крестьянинъ, который, не имѣя собственнаго дома, живетъ безъ платы у другого и только оказываетъ ему за свое содержаніе кое-какія ничтожныя услуги. Второй — едва-ли не самое замѣчательное лицо поэмы — есть *нищій*. Такихъ бѣдняковъ всякій финнъ внутри края добродушно принимаетъ у себя, иногда по нѣскольку вдругъ, какъ дорогихъ гостей, и даже нерѣдко самъ отвозитъ ихъ на своей лошади до ближняго селенія. И *нахлѣбника* и *нищаго* Рунебергъ прекрасно характеризуетъ въ статьѣ, гдѣ онъ, какъ наблюдатель, отчасти описываетъ то же, что въ „Стрѣлкахъ“ рисуетъ, какъ поэтъ. Эта статья, прежде уже напечатанная въ Современникѣ [2]), могла бы служить лучшимъ вступленіемъ къ разсматриваемой здѣсь поэмѣ.

„Уже сверчки замолкли на закоптѣлой печи, уже почернѣли уголья, и на обычномъ шестѣ въ своемъ углу запѣлъ неусыпный пѣтухъ, возвѣщая наступленіе утра. Но Петръ, утомленный трудами предшествовавшихъ дней, проспалъ бы еще долго, если бъ не шумная ссора, которая вдругъ поднялась на печи и ежеминутно становилась громче. Тамъ, лежа въ сладкомъ покоѣ, честный Аронъ одинъ пользовался дымнымъ жаромъ, между тѣмъ какъ Паво, лежавшій возлѣ него, чувствовалъ слишкомъ мало отраднаго тепла. Сосѣдъ хотѣлъ насильно отнять мѣсто у честнаго Арона, и проворно перелѣзъ черезъ него, пробиваясь какъ клинъ. Но раздосадованный Аронъ приподнялся, ощупью нашелъ Паво, схватилъ его и, какъ тотъ ни сопротивлялся,

[1]) См. *Соврем.* 1840. № 3., стр. 46.

[2]) Въ I-й кн. 1840 г. См. выше, стр. 924.

сбросилъ съ печки на полъ будто мѣшокъ съ отрубями. Петръ въ испугѣ проснулся отъ шума, и обиженный Паво сталъ горько жаловаться ему на дерзость нищаго; однакожъ скоро забылъ свою бѣду, когда вползъ въ самую печь и посреди ея жара заснулъ крѣпкимъ сномъ".

Чтобы вполнѣ понять описанную сцену, надобно знать устройство печи, о которой часто идетъ рѣчь въ поэмѣ. Она вверху оканчивается площадкой, отъ которой до крыши остается еще столько мѣста, сколько нужно, чтобы свободно сидѣть. На этой площадкѣ располагаются охотники до тепла. Передній край ея всегда бываетъ закопченъ, потому-что трубы у печки нѣтъ, и дымъ медленно выходитъ въ окно, сдѣланное въ крышѣ. Передъ печнымъ устьемъ находится небольшой выступъ съ углубленіемъ, служащій очагомъ. Примѣръ Паво показываетъ, что финнъ отъ холода ищетъ убѣжища и въ самой печи. Таково ея старинное устройство; надобно замѣтить, что дѣйствіе поэмы относится еще ко времени шведскаго владѣнія въ Финляндіи. Въ избахъ, вновь строимыхъ финнами, печь дѣлается съ трубою, вертикально подымающеюся надъ ея верхомъ. Но возвратимся къ „Стрѣлкамъ".

Когда Петръ и Матвѣй одѣлись, Петръ взвалилъ на широкія плечи мѣшокъ съ кушаньемъ, привѣсилъ на плечо ружье и далъ Матвѣю другое, старинное шведское, которое досталось ему въ наслѣдство отъ отца и съ той поры висѣло неприкосновеннымъ на стѣнѣ. Выпивъ потомъ водки, они вышли па просторный дворъ и увидѣли ясное небо, усѣянное звѣздами; подъ ногами ихъ заскрипѣлъ снѣгъ, сіявшій тысячами искръ; оба встали на быстрыя лыжи [1]), и Петръ, радуясь отъ души, сказалъ: „Ну, товарищъ, сегодня будетъ легкая охота; гладкія лыжи какъ сталь скользятъ по льду, а лосямъ трудно бѣгать по насту. Пустимся! черезъ луга лежитъ прямая дорога къ господскому дому. Сказалъ, и помчался, и добѣжалъ до горы, которая отъ хлѣвовъ его круто спускалась къ лугу. Матвѣй за нимъ, и понеслись они съ горы, какъ быстрыя тѣни облаковъ, гонимыхъ бурею по тверди."

Достигнувъ равнины, они побѣжали тише, но ихъ не удерживали изгороди, которыя всѣ были покрыты снѣгомъ. Дорогою Матвѣй, зная, что частнымъ людямъ запрещено стрѣлять лосей, спрашиваетъ Петра, не опасно ли нарушать королевское запрещеніе и не будетъ ли владѣльцу непріятно, что въ охоту его вмѣшивается чужой человѣкъ. Петръ успокоиваетъ его „Не опасайся, говоритъ онъ между прочимъ, что господинъ худо приметъ тебя: хоть насъ восемь торпарей, но между нами только двое слывутъ искусными стрѣлками: Петръ да Захаръ. Петръ на первомъ мѣстѣ, отъ того, что старичекъ Захаръ — сущій огонь: всякій разъ, какъ возьметъ ружье, онъ сгоряча радъ выпалить хоть въ облако. Надо побольше людей, которые бы съ разныхъ сторонъ умѣли принимать лосей пулями, тогда какъ лыжники съ крикомъ загоняютъ ихъ. Повѣрь, что тебѣ будутъ рады на господскомъ дворѣ: вѣдь ты шуринъ мой, прибавилъ онъ хвастливо, а притомъ хорошій стрѣлокъ и человѣкъ извѣстный."

[1]) Это двѣ длинныя нетолстыя доски, лежащія плашмя на землѣ и съ обоихъ концовъ немного загнутыя къ верху; къ каждой изъ нихъ придѣланъ на рединѣ ремень, въ который вставляется нога: противъ этого мѣста на нижней сторонѣ обыкновенно прикрѣпляютъ мѣхъ, чтобы при всходѣ на возвышеніе лыжи не скользили. Сверхъ того бѣгающій на нихъ держитъ въ каждой рукѣ палку.

„Видишь ли, отвѣчаетъ Матвѣй: въ чужомъ мѣстѣ всѣ на тебя пристально глядятъ; всякій — ужъ такъ водится у людей — всякій хочетъ подмѣтить въ чужомъ человѣкѣ слабую сторону и тихомолкомъ посмѣяться надъ его ошибкой. Дома, если и провинюсь какъ-нибудь, никто не обратитъ на то вниманія, зная, что въ другой разъ я поступлю лучше; а здѣсь, какъ сначала себя покажу, такъ будутъ и уважать меня. Скажи же мнѣ, вѣрно ли старое ружье попадаетъ въ цѣль; боюсь, что, слишкомъ на него надѣясь, дамъ промахъ и сдѣлаюсь посмѣшищемъ для другихъ".

Тогда Петръ хвастливо разсказываетъ товарищу, какъ это ружье, когда оно еще принадлежало его дядѣ капралу, отличилось однажды во время войны, какъ оно потомъ, при отобраніи оружія отъ раненаго капрала, было оставлено при немъ по особенной милости начальства, и какъ отъ него перешло по наслѣдству сперва къ отцу Петра, а послѣ и къ нему самому.

Въ такихъ разговорахъ путники приблизились къ господскому дому. Самъ комиссаръ, услышавъ лай собакъ, вышелъ на крыльцо и, не видя никого въ потьмахъ, спросилъ: кто тутъ? Разумный Петръ снялъ шапку и сказалъ: „я, ваша милость! я пришелъ по вашему приказанію для охоты; шуринъ мой Матвѣй, изъ Куру, также со мной; онъ стрѣлять мастеръ и для того принесъ ружье". Похваливъ Петра, владѣлецъ велѣлъ обоимъ отправиться въ избу и тамъ обождать его.

III. Вошедши въ избу, пришельцы увидѣли тамъ, при свѣтѣ лучины, семерыхъ сидѣвшихъ за столомъ крестьянъ, уже вооруженныхъ, и дѣвушекъ, которыя работали за прялками. Матвѣй также сѣлъ къ столу и тотчасъ началъ глазами искать Гедды: какъ Петръ предсказывалъ ему, онъ легко отличилъ ее между всѣми.

„Въ углу, возлѣ закоптѣлой печки, лежало на соломѣ нѣсколько бородатыхъ молодцовъ, которыхъ никто не замѣчалъ. То были странствующіе купцы изъ богатаго Архангельска; съ трудомъ и въ потѣ лица они, ради приманчиваго золота, ходятъ изъ одного села въ другое, нося на плечахъ тяжелыя котомки съ бездѣлками, драгоцѣнными для неприхотливаго селянина". Обратите особенное вниманіе на этихъ купцовъ, мастерски изображенныхъ въ поэмѣ и дѣйствительно списанныхъ съ натуры. Рунебергъ называетъ ихъ русскими, потому что они изъ русской губерніи, одѣваются какъ наши крестьяне, и кромѣ финскаго языка знаютъ русскій, хотя очень ломаютъ его; да они и сами называютъ себя русскими; но собственно, по племени, принадлежатъ къ финнамъ, которыхъ много въ Архангельской и въ Олонецкой губерніяхъ. Тамошніе финны характеромъ своимъ замѣтно отличаются отъ живущихъ въ Финляндіи и подлинно болѣе похожи на русскихъ, нежели на своихъ соплеменниковъ: развязны, веселы, общительны, склонны къ торговлѣ. Всю осень и зиму многіе изъ нихъ странствуютъ по Финляндіи и отчасти по Остзейскимъ губерніямъ съ товарами, закупленными лѣтомъ въ Москвѣ и другихъ нашихъ городахъ.

„Сюда (на мызу комиссара) пришли они наканунѣ вечеромъ изъ Куру, гдѣ Матвѣй давалъ имъ пристанище, и теперь отдыхали на полу, каждый при своей котомкѣ. Услышавъ голосъ Матвѣя, они проснулись, тотчасъ узнали его и вспрыгнули, радуясь, что въ чужомъ мѣстѣ нашли своего прежняго хозяина. Съ шумомъ подбѣжали они къ нему, и, пожимая его руки, говорили всѣ вдругъ, хваля его

за гостепріимство и за мѣха, которые купили у него. Наконецъ одинъ изъ нихъ, *бурокосматобородый* Онтрусъ, пошелъ къ своей котомкѣ, раскрылъ ее и, улыбаясь, такъ что подъ усами забѣлѣлись яркіе зубы, вынулъ закупоренную тщательно бутылку, въ которой онъ вездѣ носилъ съ собою вкусный ромъ. Моргая, принялся онъ пить, и потомъ передалъ прекрасный напитокъ Матвѣю".

Но Матвѣй занятъ другимъ; чтобы угодить краснымъ дѣвушкамъ, которыя, обступивъ Онтруса и глядя въ его котомку, жалѣютъ, что у нихъ нѣтъ денегъ, онъ покупаетъ имъ леденцу и иголокъ, а Геддѣ даритъ сверхъ того гребешокъ. За это другіе крестьяне начинаютъ дразнить его.

На разсвѣтѣ всѣ они, по данному приказанію, становятся на лыжи и слѣдуютъ за господиномъ. „Какъ гуси, стадами удаляющіеся отъ оледенѣлыхъ озеръ сѣвера, облегчаютъ тягость полета взаимнымъ окликаніемъ и пѣснями; такъ, несясь по снѣжнымъ равнинамъ, стрѣлки поперемѣнно разсказывали другъ другу какой-нибудь свой или чужой подвигъ.

„Не знаешь ли и ты какой-нибудь веселой были?" такъ господинъ сказалъ наконецъ Матвѣю, дружески ударивъ его по плечу: „что ты не сидѣлъ за печкой, это доказываютъ и сильное твое сложеніе, и имя родины твоей. *Куру* славится смѣлыми и искусными стрѣлками; я часто слышалъ, что вы отважно истребляете дикихъ звѣрей, и особенно зимою мастерски обходите медвѣдя въ его берлогѣ. Слышалъ я также, что дорогая медвѣжья шкура, которую мнѣ вчера продали русскіе, куплена въ Куру; она небывалой величины; на нее и теперь еще страшно смотрѣть. Скажи-ка, другъ мой, не видалъ ли ты того отчаяннаго молодца, который рѣшился поднять копье на такого медвѣдя: мнѣ говорили, что онъ убитъ копьемъ."

Приподнявъ голову, Матвѣй отвѣчалъ: — мы съ добрымъ товарищемъ вдвоемъ положили медвѣдя; однакожъ, признаюсь, дѣло было нелегкое: никогда еще я не видѣлъ такого огромнаго и сердитаго звѣря. — „Посмотри, пожалуй," привѣтливо отвѣчалъ господинъ: „какъ неожиданно сбылось мое желаніе! Вчера еще, когда я купилъ непомѣрную шкуру и, схватилъ одну изъ лапъ, разсматривалъ когти и жилы, мнѣ смертельно захотѣлось увидѣть смѣльчака, который такъ отличился. Разскажи-жъ, какъ это было: мнѣ пріятно будетъ говорить о твоемъ подвигѣ, сидя съ друзьями въ саняхъ и слыша, какъ шкура яркими зубами стучитъ объ дерево" (NB. Въ Финляндіи мѣхъ для щегольства разстилается на сѣдалищѣ, такъ что верхняя часть его виситъ позади саней).

Тотчасъ всѣ съ любопытствомъ приблизились къ Матвѣю, и онъ началъ: „Вы конечно знаете, какъ обходятъ медвѣдя и какъ замѣчаютъ осенью берлогу его. Мы поступили такъ точно, какъ задолго до насъ поступали отцы наши. Вотъ послѣ Рождества, когда снѣгу въ лѣсу накопилось много и онъ уже успѣлъ покрыться настомъ, мы однажды съ копьями и ружьями пошли на медвѣдя. Скоро отыскали мы его на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ оставили: онъ лежалъ подъ огромной сосной въ берлогѣ изъ наваленныхъ въ кучу вѣтвей. Весь засыпанный снѣгомъ, покоился онъ безпечно въ своемъ зимнемъ жильѣ. Я былъ въ недоумѣніи: тотчасъ ли выпалить и прострѣлить насквозь гнѣздо его, или напередъ выгнать звѣря крикомъ. Немедленно выстрѣлить показалось мнѣ лучше: если счастливо попаду сразу, вся слава

удачи будетъ за мной; взвожу курокъ, палю. Съ ревомъ выскочилъ разъяренный медвѣдь, лапой очистилъ себѣ дорогу, стряхнулъ снѣгъ съ берлоги, и сталъ въ отверстіи, страшно сверкая глазами. Товарищъ мой тотчасъ прицѣлился, и въ пылу своемъ далъ промахъ. Пуля только слегка оцарапала морду ужаснаго звѣря. Между тѣмъ онъ, какъ ревучая буря, бросился впередъ, какъ ливень или молнія настигъ товарища, и повалилъ его наземь: съ ужасомъ видѣлъ я, что и когти и зубы медвѣдя готовились растерзать молодого человѣка прежде, нежели я успѣлъ бы направить копье въ защиту его. Но когда я смѣло подбѣжалъ и глубоко всунулъ копье ему въ горло, тогда онъ на меня обратилъ и всю свою ярость и окровавленную пасть. Съ громкимъ ревомъ, шатаясь, онъ подвигался на копье и искалъ меня когтями, зубами, взорами. Но тщетны были его усилія: чѣмъ болѣе онъ преслѣдовалъ меня, тѣмъ я дальше отступалъ, вертя острое желѣзо въ пасти его. Наконецъ вся кровь его излилась на багровѣющій снѣгъ; въ изнуреніи упалъ онъ къ ногамъ моимъ и, хрипя, испустилъ духъ". Всѣ съ участіемъ слушали Матвѣя, и легко бѣжали впередъ.

IV. „Уже на Востокѣ алѣло зимнее солнце, когда торопливые стрѣлки достигли острова, покрытаго соснами, и какъ будто выраставшаго изъ снѣга. Тамъ спокойно скрывались лоси. Шесть лыжниковъ тотчасъ построились для загона, а стрѣлки спрятались поодаль въ засадѣ. Съ громкими кликами началась охота. Залетали между деревьями испуганные тетерева и рябчики; посыпались выстрѣлы и крики; вся окрестность огласилась гуломъ.

„Между тѣмъ въ просторной избѣ господскаго двора сидѣли по прежнему „бурокосматобородый" Онтрусъ и его веселые товарищи. Съ ними остались тамъ только дѣвушки-прядильщицы и дряхлая, хромая Ревекка; работники всѣ отправились въ лѣсъ. Вотъ гульливые братья усѣлись вокругъ длиннаго стола, лакомясь пѣнистымъ пивомъ и пиво приправляя водкою. Какъ деревья у корней орошаются безъ труда и борьбы стремительными ручьями, когда весна убираетъ вѣтви въ зелень; такъ пили купцы, сидя за столомъ. Только младшій изъ нихъ, прекрасный Тобіасъ, бѣгалъ взадъ и впередъ; на немъ лежала забота, чтобы кружка не оставалась пустою. Чѣмъ онъ чаще ходилъ къ Геддѣ въ кладовую и чѣмъ болѣе онъ въ похмѣльи глядѣлъ на прелестную дѣвушку, тѣмъ сильнѣе овладѣвала имъ любовь. Еще ни одна красавица архангельская, ни одна изъ разцвѣтавшихъ на двинскихъ берегахъ не плѣнила вѣтреника; сердце его было свободно и кипѣло какъ ключъ. Теперь одуренный и пѣнистымъ пивомъ и красной дѣвицей, онъ попеременно прыгалъ, плясалъ, плакалъ и смѣялся, а напослѣдокъ съ быстротою вихря взбросилъ себѣ на спину тяжелую котомку съ товарами и выбѣжалъ вонъ. Онтрусъ такъ испугался, что пивная кружка выпала у него изъ рукъ: онъ соскочилъ съ лавки и погнался за молодцомъ. Очутившись на дворѣ, Онтрусъ хотѣлъ было прямо ворваться въ кладовую, но передъ нею встрѣтилъ двухъ собакъ, только-что проводившихъ громкимъ лаемъ Тобіаса. Видя, съ какимъ гнѣвомъ и шумомъ онѣ осаждаютъ дверь, Онтрусъ почувствовалъ страхъ, остановился, началъ манить ихъ, свистать, улыбаться, трепать себя по колѣнямъ и называть обѣихъ собакъ по имени, но все было тщетно; наконецъ онъ вынулъ изъ кармана приманчивый крендель, раздѣлилъ его пополамъ и понесъ, протянувъ руки. Такимъ образомъ сталъ онъ украдкой всходить на крыльцо, маня собакъ и кидая куски крен-

деля. Собаки, хватая ихъ, ворчали сквозь зубы, но Онтрусъ невредимо пробрался въ кладовую.

„Тамъ Тобіасъ предъ открытой котомкой стоялъ уже на колѣняхъ и усердно вытаскивалъ товары, какъ будто спасая ихъ отъ пламени; онъ безъ разбору выбрасывалъ бусы, халаты, кисею, шелковые платки. Гедда въ изумленіи соскочила со своего стула и выронила катушку изъ рукъ, а пригожій Тобіасъ въ слезахъ закричалъ: „Все, все возьми, красавица, только дай поцѣловать себя.“ Сказавъ, онъ бросился цѣловать дѣвушку.

„Эти слова услышалъ въ дверяхъ бородатый Онтрусъ; какъ орелъ, вцѣпился онъ товарищу въ затылокъ и закричалъ Геддѣ: „Берегись, берегись, красавица, не слушай его. У него, у глупаго, нѣтъ даже прусака, который бѣгаетъ въ котомкѣ, а шелковаго платка и подавно“. Между тѣмъ въ пыли валяются ситцы и выбойки, цѣною рублей на 50. „Эй, Тобіасъ, собака!“ такъ вскрикнувъ, держалъ Онтрусъ одной рукой сопротивлявшагося товарища за волосы, а другой, наклонившись, началъ подбирать разбросанные товары и прятать ихъ въ котомку. Когда онъ все уложилъ, и на полу не оставалось больше ни одной бусоньки, тогда онъ взялъ суму свою, отперъ дверь, и за волосы повелъ, какъ лошадь, товарища въ избу.

Однакожъ все намѣреніе Онтруса состояло только въ томъ, чтобы принять участіе въ сердечныхъ дѣлахъ Тобіаса: но напередъ онъ выпилъ остатокъ пива изъ кружки, потомъ отеръ съ усовъ и съ бороды приставшую къ нимъ пѣну, и тогда уже отправился сватать за брата.

„Гедда, воскликнулъ онъ, вошедши въ кладовую: чудный онъ парень, чуденъ удалой архангельскій парень; выдь замужъ за цвѣтущаго, прекраснаго Тобіаса; ну, по рукамъ же! Видѣла ли ты, какъ онъ дороденъ и полонъ, какъ его щеки и губы алы, какъ волосы его, стоющіе собольяго мѣха, гладко лежатъ на лбу, отѣняютъ щеки и затылокъ? Видѣла ли ты, какъ густо пробивается у него борода? скоро, длинна и пушиста, словно лисій хвостъ, будетъ она падать на грудь его. Чудный онъ парень, чуденъ удалой архангельскій парень! Выдь за него за мужъ; ну, по рукамъ же! А какъ онъ мастерски пляшетъ! На каблукахъ ли, на цыпочкахъ ли нужно отличиться, падаетъ ли онъ на полъ плоскимъ кренделемъ, или съ полу подымается ракеткой, ему нѣтъ равныхъ. Все въ его пляскѣ безподобно: онъ съ одинаковымъ искусствомъ владѣетъ и руками и ногами; онъ въ одно и то же время поетъ, закидываетъ ноги, щелкаетъ пальцами, топаетъ, свищетъ, смѣется. Чудный онъ парень, чуденъ удалой архангельскій парень. Выдь за мужъ за прекраснаго Тобіаса. Ну, по рукамъ же! Что за бѣда, что мы подъ-часъ выпьемъ, и хмельные валяемся на полу! Не все же мы пьемъ, а только изрѣдка; о, очень рѣдко, иногда только! Холодная вѣдь зима-сестрица, и тяжела скитальцу котомка. Попостившись у чужихъ людей, чтобъ не пострадать отъ воровъ и мошенниковъ, мы, когда придемъ къ старымъ знакомымъ и покупщикамъ, любимъ выпить кружечку добраго пива. Чудный онъ парень, чуденъ удалой архангельскій парень! Выдь за него замужъ! Ну, по рукамъ же! Приходи въ Архангельскъ; прекрасенъ богатый Архангельскъ! Тамъ будутъ у тебя шелковыя платья, будутъ серебряные рубли. Бѣдна Финляндія: въ ней только скалы да лѣса! Ступай вмѣстѣ съ нами, перейди въ Архангельскъ, поселись на берегахъ Двины!

Богатъ бородатый Онтрусъ; богатъ братъ его: чудесный онъ парень, чуденъ удалой архангельскій парень! Выдь замужъ за цвѣтущаго и прекраснаго Тобіаса; ну, по рукамъ же!

„Сказавъ, вынулъ онъ изъ-за-пазухи большой бумажникъ, набитый ассигнаціями, и бросилъ его вверхъ. Какъ легкіе мотыльки, разлетѣлись красныя, бѣлыя и синія ассигнаціи; тысячъ на пять и болѣе попадало ихъ на полъ, а между ними и по нимъ прыгалъ Онтрусъ, сверкая глазами отъ радости.

„Тогда Гедда, оставляя его шумѣть и свататься наединѣ, отправилась къ госпожѣ своей, которая съ улыбкой услышала, какъ Онтрусъ кричалъ и возился въ кладовой.

„Онтрусъ, увидѣвъ, что онъ одинъ, тотчасъ забылъ любовь и оставилъ воздушные прыжки свои. Подобравъ деньги руками, дрожавшими отъ умиленія, онъ съ восторгомъ цѣловалъ, конечно въ тысячный уже разъ, каждую изъ ассигнацій, пряталъ ихъ въ бумажникъ свой, а наконецъ, сладко улыбаясь, спряталъ и самый бумажникъ, по прежнему полный, за пазуху, и пошелъ опять въ избу.

„Тамъ пригожій Тобіасъ заплясывалъ мученія любви; но голова его была такъ тяжела, что онъ насилу держался на ногахъ. Мѣшая смѣхъ со слезами, а заунывныя пѣсни съ кликами радости и припѣвая, онъ еще старался прыгать, пока наконецъ, обманутый и головой, и ногами, упалъ, ввѣряя сердечныя раны цѣлебному сну.

„Въ такомъ-то положеніи былъ онъ, когда Онтрусъ возвратился со сватанья и, бормоча, вошелъ въ избу. Его тревожили двѣ заботы. Сперва онъ пошелъ къ столу, посмотрѣлъ въ кружку и, съ прискорбіемъ увидѣвъ, что она пуста, тотчасъ послалъ бородатаго товарища наполнить ее. Потомъ онъ сталъ глазами искать мѣста, куда бы положить упавшаго, чтобы этотъ не мѣшалъ плясать и ему и другимъ. Самымъ лучшимъ ложемъ для товарища показалась ему соломенная постель у печки, съ подушкой изъ камыша. Тамъ въ мирѣ отдыхала старая Ревекка [1]), а возлѣ нея нѣжилась кошка; туда-то Онтрусъ притащилъ и отягощеннаго пивомъ товарища; онъ улыбался, видя, какъ крѣпокъ сонъ его, опустился на колѣна и, слегка тряся старушку за плечо, сказалъ ей: придвинься-ка, Ревекка, поближе къ печкѣ, да прогони кошку и пусти на мѣсто ея красиваго парня!

„Вотъ я васъ! крикнула, вскакивая, дряхлая, хромая Ревекка. Пусть бы лукавый зажалъ тебѣ поганый ротъ, длиннобородое чучело! Ни на минуту не могла я вздремнуть изъ-за его козлиныхъ прыжковъ! Цѣлыя сутки не дадутъ мнѣ покоя! Надо же мнѣ было увидѣть на своемъ вѣку, какъ ты, проклятый нехристь, скитаешься у насъ Божіей казнью!" При этихъ словахъ старуха дрожащею рукою бросила кошку русскому въ лицо. Испуганная кошка, шипя, вцѣпилась въ его косматую бороду, оцарапала ему подбородокъ и щеки, и потомъ убѣжала на печку, гдѣ долго ворчала, сверкая въ потьмахъ глазами. Старая Ревекка спокойно легла на свою постель.

„Онтрусъ же, не сходя съ мѣста, поперемѣнно гладилъ подбородокъ, бранился, бормоталъ сквозь зубы, улыбался въ удивленіи. Наконецъ принесли пиво, и онъ, забывъ свою неудачу, стащилъ брата съ опасной постели и очистилъ ему мѣсто на скамьѣ, гдѣ и самъ

[1]) Бѣдная старуха, которую всѣ поселяне въ приходѣ по очереди содержатъ и кормятъ.

усѣлся съ кружкой. Между тѣмъ дѣвушки все еще хохотали безъ умолку за отдыхающими прялками, а старая Ревекка привстала, сѣла, позвала кошку и опять легла!“

V. Такъ веселая толпа русскихъ проводила день въ домѣ владѣльца: они попеременно пили и сватались, между тѣмъ какъ стрѣлки охотились на островѣ. Когда солнце сѣло, тамъ не оставалось болѣе ни одного живого лося. Шесть лыжниковъ сидѣли на стражѣ вокругъ добычи, ужинали и пили водку; а Петръ и господинъ катились по свѣтлому озеру домой. За ними, въ нѣкоторомъ отдаленіи, бѣжалъ Захаръ, отецъ Гедды, а на большомъ разстояніи отъ него Матвѣй. Два послѣдніе равно славились умѣньемъ бѣгать на лыжахъ, и неслись взапуски, съ условіемъ, что кто прежде поспѣетъ на господскій дворъ и доставитъ въ лѣсъ лошадей для перевозки лосей, того другой попотчуетъ штофомъ пива и чаркой водки. Но Матвѣй на этотъ разъ отсталъ, и когда онъ только-что достигъ горы близъ господскаго дома, старый Захаръ уже ѣхалъ ему на встрѣчу, стоя молодцомъ на переднихъ саняхъ, за которыми свободно бѣжали еще двѣ лошади. Тутъ Захаръ весело сказалъ Матвѣю: „ну теперь, Матвѣй, припасайка пиво да водку, чтобъ были готовы, когда я вечеромъ ворочусь съ лосями и захочу погрѣться!“ Съ этими словами онъ хотѣлъ пуститься далѣе, но Матвѣй, ухватясь за вожжу, остановилъ его: „хорошо, сказалъ онъ: пиво да водка будутъ готовы къ вечеру, только дай слово, Захаръ, что выдашь за меня дочь свою“.

Старикъ отсылаетъ его къ самой Геддѣ. Но Матвѣй не засталъ ее въ избѣ: тамъ онъ увидѣлъ только русскихъ и съ ними старую Ревекку. Длиннобородые братья лежали, гдѣ кому случилось упасть. Они спали хмѣльные, не помня своихъ тягостныхъ странствій. Одинъ Онтрусъ сидѣлъ передъ своей кружкой, пьянъ и блаженъ, и смотрѣлъ на падшихъ товарищей. Но чуть онъ завидѣлъ въ дверяхъ Матвѣя, какъ вспрыгнулъ со скамьи и сталъ плясать отъ радости. Онъ и плясалъ, и пѣлъ, и мѣрилъ шагами просторную комнату, такъ что испуганная Ревекка спряталась въ уголъ.

Потомъ, изъ разговора съ возвратившеюся Геддою, Матвѣй видитъ, что она не равнодушна къ нему, и съ согласія комиссара проситъ Петра пойти посватать за него Гедду. Роль свата у финновъ требуетъ особеннаго искусства и соблюденія нѣкоторыхъ формъ: онъ долженъ снести невѣстѣ подарокъ отъ жениха и исчислить ей всѣ его добрыя качества, все его имущество. Сватами избираются обыкновенно люди, которые своимъ благоразуміемъ и краснорѣчіемъ пріобрѣли довѣренность цѣлаго прихода, или по крайней мѣрѣ извѣстны этими достоинствами жениху. Таковъ и Петръ. „Но, отвѣчалъ онъ, не итти же мнѣ съ пустыми руками, будто я сватъ нищаго. Нѣтъ, коли мнѣ говорить за тебя, пусть напередъ кружка пива развяжетъ мой языкъ; а потомъ надо же мнѣ снести невѣстѣ и подарокъ отъ жениха.“ Комиссаръ съ улыбкою тотчасъ позвалъ Петра къ себѣ и напоилъ его пивомъ. Между тѣмъ Матвѣй пошелъ въ избу. „Онтрусъ!“ закричалъ онъ весело, отворяя дверь: „вынимай-ка скорѣй платокъ изъ котомки: мы въ минуту сторгуемся.“ Какъ туча, раздвоенная сверкающею молніей, засіяло отъ радости лицо Онтруса. „Не долго они торговались; однакожъ половину купецъ уступилъ тотчасъ“, и Матвѣй поспѣшилъ съ купленнымъ платкомъ къ зятю.

Какъ скоро этотъ выпилъ пиво и взялъ подарокъ, онъ торже-

ственно и величаво отправился къ Геддѣ, которая ткала въ кладовой. Пришедши туда, онъ сѣлъ передъ трескучимъ пламенемъ очага, набилъ трубку, взялъ суровыми пальцами горящій уголь, закурилъ ее и не говорилъ ни слова. Гедда продолжала ткать. Посидѣвъ нѣсколько минутъ безмолвно (NB. Финнъ заводитъ рѣчь не иначе, какъ подумавъ напередъ), Петръ приблизился къ дѣвушкѣ и, положивъ пестрый платокъ на ткань: „это, сказалъ онъ, даритъ тебѣ Матвѣй, изъ Куру. Рѣдко достается дѣвушкѣ такой подарокъ, будь она и пригожа и всѣми любима какъ ты.“ Сказавъ, онъ опять сѣлъ, еще покурилъ и снова началъ: „онъ тебѣ не только даритъ платокъ, но предлагаетъ и самого себя. А чтобы ты не думала, будто за тебя сватается какой-нибудь бѣднякъ, я разскажу тебѣ все, что у него есть“... Послѣ подробнаго исчисленія его движимаго и недвижимаго имущества, Петръ даетъ невѣстѣ нѣкоторые совѣты, какъ вести себя въ замужествѣ, и кончаетъ такъ: „Не расчитывай слишкомъ много, разумная Гедда, какъ тотъ, кто, въ своемъ непостоянствѣ, всегда пренебрегаетъ полученнымъ добромъ, ожидая еще большаго. Вѣрь: и въ самое знойное лѣто на лугахъ не столько цвѣтовъ, сколько радостей на пути, по которому всѣ мы безпрестанно приближаемся къ могилѣ. Только будемъ остерегаться обмановъ невѣрной надежды. Гдѣ-бъ мы ни остановились на минуту, чтобы насладиться счастіемъ, надежда тотчасъ упреждаетъ насъ, указывая на что-то лучшее въ отдаленіи. Безумецъ жадно слѣдуетъ за нею съ мѣста на мѣсто, и, ничѣмъ недовольный, все презираетъ, пока наконецъ смерть не прекратитъ его вздоховъ“.

„Онъ умолкъ, поднялъ глаза къ небу и самодовольно придавилъ указательнымъ пальцемъ золу въ своей трубкѣ. А дѣвушка, покраснѣвъ до ушей, потупила взоры и, крутя углы шейнаго платка своего, сказала: „не скрою отъ тебя, любезный Петръ, съ какимъ удовольствіемъ я слышу, что Матвѣй хочетъ на мнѣ жениться: ты конечно знаешь, куда обращаются безпрестанно и взоры, и тайныя мысли бѣдной дѣвушки. Тяжело служить другому, даже и доброму человѣку, когда за деньги онъ можетъ требовать трудовъ нашихъ; еще тягостнѣе будетъ послѣ кормиться въ изнеможеніи даровымъ хлѣбомъ. Вотъ отъ чего у дѣвушки самая сладкая мечта — сдѣлаться хозяйкою самой и служить благородному человѣку не изъ нужды, а изъ любви. Какъ часто, сидя здѣсь наединѣ передъ станкомъ, я думала про себя: „Когда-то ты, Гедда, будешь ткать *свое*? Челнокъ часто пролеталъ мимо руки, и слезинка скатывалась на ткань. Итакъ, если согласенъ батюшка, я готова выйти за Матвѣя.“ Сказавъ, она заплакала отъ радости, и взявъ Петра за руку, потрясла ее, и старикъ также заплакалъ.

Теперь, исполнивъ свое дѣло съ успѣхомъ, онъ пошелъ въ избу и тамъ увидѣлъ Матвѣя. „Дѣло слажено, сказалъ онъ весело, ступай въ кладовую къ невѣстѣ! А я скорѣй отправлюсь домой на лыжахъ и привезу сюда своихъ“. Съ этими словами онъ вышелъ, сталъ на лыжи и радостно побѣжалъ къ своему торпу.

VI. Отсюда собственно начинаетъ развиваться характеръ нищаго Арона, въ которомъ поэтъ умѣлъ представить намъ подъ рубищемъ столь занимательный образчикъ патріархальныхъ добродѣтелей финна. Нельзя не быть тронутымъ, видя это соединеніе набожной покорности судьбѣ, добродушной веселости и тихаго, но глубокаго чувства. Въ хижинѣ, среди самыхъ ежедневныхъ сценъ, среди самыхъ низкихъ

предметовъ, невольно благоговѣешь предъ достоинствомъ человѣка, сохранившаго сердце во всей его чистотѣ и не оторваннаго бурями страстей отъ благотворнаго лона природы.

Тутъ же увидимъ во всей подробности разительный примѣръ того бѣдственнаго положенія, въ какое и достаточный финнъ внутри края можетъ быть внезапно ввержень жестокостію тамошняго климата.

„Тамъ (въ торпѣ) сидѣла спокойно разумная Анна съ сыномъ и дочерью. Кончилась недѣля съ своими трудами; отдыхаетъ веретено и молчитъ станокъ ткацкій: забыта всякая работа; сложа руки и распустивъ на волю заботы, всѣ сидятъ на лавкѣ; нищій Аронъ забавляетъ ихъ, играя польскій на варганѣ.

„Весело было слушать его мастерскую игру: какъ золотая струна звенѣлъ во рту его желѣзный варганъ".

Скоро однакожъ онъ прерываетъ игру, чтобы для праздника явиться опрятнѣе обыкновеннаго, и когда Анна, увидѣвъ его какъ бы преображеннымъ, удивляется его виду, онъ съ трубкою въ рукахъ отвѣчаетъ: „Да, еслибъ какой-нибудь родственникъ или старый мой знакомый пришелъ сюда изъ пустыннаго Соини и увидѣлъ меня здѣсь при свѣтѣ лучины, онъ могъ бы сказать: „посмотри, разумная Анна, вотъ Аронъ! Не таковъ онъ былъ въ старые счастливые годы; не былъ удрученъ лѣтами и бѣдностью зажиточный владѣлецъ Соинской мызы: онъ цвѣлъ годами, былъ веселъ какъ царь, былъ всѣми любимъ и уважаемъ!" Вотъ что, можетъ быть, сказалъ бы иной, и со слезами бъ я слышалъ его, и вспомнилъ бы радость лучшей поры". Умолкъ, и сильнѣе втянулъ въ себя дымъ изъ трубки, и поднялъ взоры, и слеза скатилась по щекѣ его.

„Но, продолжалъ онъ послѣ, мое несчастіе не тяготитъ меня безпрерывно: только изрѣдка, когда я задумаюсь о Соини и моей мызѣ, которая теперь приноситъ жатву другому, только тогда, если отру глаза жесткимъ рукавомъ, на немъ заблещетъ слезинка. Анна, хочешь ли знать мою судьбу? я разскажу тебѣ все, какъ было.

„У меня была въ Соини мыза Кангасъ, которая одна стоила четырехъ; много въ ней было лѣсу и полей, было и озеро съ зелеными берегами. Эту мызу наслѣдовалъ отецъ мой вмѣстѣ съ ея молодою хозяйкой, и тамъ спокоенъ, какъ лѣтній вечеръ, окончилъ свой вѣкъ. Отъ него имѣніе перешло ко мнѣ, и я въ свою очередь начиналъ старѣть, живя какъ царь въ своемъ богатомъ Кангасѣ. У меня были работники за плугомъ и съ топоромъ въ рукахъ; были и работницы; какъ цвѣты росли вокругъ меня ребята утѣшеніемъ своей матери, надеждою моей старости. Годъ за годомъ я платилъ безъ труда тяжелыя подати; были люди, которые мнѣ завидовали, но всѣ меня уважали, пока не пришло несчастіе и не уничтожило моей радости. Холодная ночь истребила хлѣбъ, еще не сжатый; хищный звѣрь пожралъ почти все стадо. Такъ прожилъ я съ горемъ зиму. Я занялъ ржи и хотѣлъ осенью заплатить этотъ долгъ; но осенью колосья дали не хлѣбъ, а однѣ ледяныя иглы. Работники и работницы оставили домъ мой, подати платить было не чѣмъ, жизнь требовала хлѣба, а въ печкѣ сохла только кора. Однакожъ еще можно было жить коекакъ, пока уцѣлѣвшія коровы давали молоко, чѣмъ запивали мы хлѣбъ изъ коры и такимъ образомъ существовали. Наступило Рождество: мы были изнурены; однако еще перемогались. Вотъ разъ, возвращаясь изъ лѣсу съ ношей коры на спинѣ, встрѣчаю чужихъ у своихъ две-

рей. „Пріятель, сказалъ одинъ изъ нихъ, заплати-ка долгъ, коли не хочешь, чтобъ съ тебя насильно взыскали его.“ Пораженный этимъ, я отвѣчалъ: — Оставь, почтенный господинъ; я заплачу, когда Господь позволитъ. — Не говоря ни слова, они вошли въ избу, сняли со стѣны какія у насъ были орудія, забрали все, что еще оставалось изъ платья, и снесли въ сани. Добрая жена моя сидѣла въ постелѣ на соломѣ и плакала, видя это; но она молчала и только старалась унять ребенка, который родился за сутки передъ тѣмъ и жалостно кричалъ на ея груди. Я пошелъ вслѣдъ за жестокими и вынесъ послѣднее, что еще можно было заложить: я былъ равнодушенъ какъ сосна, когда топоры стучатъ у корней ея. Но на дворѣ произвели оцѣнку моимъ вещамъ; онѣ не покрывали половины моего долга. „Пріятель, сказали мнѣ: мало; да нѣтъ ли у тебя коровъ на скотномъ дворѣ? Сказавъ, тотчасъ пошли въ хлѣвъ, гдѣ коровы мычали отъ голода. Ихъ отвязали и начали выводить; бѣдныя животныя сопротивлялись и печально оставляли мѣста свои. Шесть изъ нихъ уже были приведены къ санямъ; седьмая, самая тощая и слабая, никакъ не хотѣла итти, и мнѣ изъ милости позволили удержать ее. Молча отправился я въ избу и отворилъ дверь. „Аронъ, другъ мой, сказала жена моя, лежа на кровати, дай чѣмъ-нибудь утолить голодъ: я такъ голодна! и капля молока была бы мнѣ утѣшеніемъ: мнѣ хочется пить, ребенокъ не находитъ болѣе пищи.“ У меня потемнѣло въ глазахъ. Съ трудомъ добрался я до хлѣва. Корова стояла повѣся голову и жевала солому. Я хотѣлъ подоить ее, но напрасно хватался дрожащею рукой то за одинъ, то за другой сосецъ — изъ нихъ не выходило ни капли молока. Наконецъ я въ отчаяніи пожалъ ихъ сильнѣе, кровь показалась на днѣ ведра. Въ бѣшенствѣ, какъ медвѣдь, которому копье пронзило грудь, я пошелъ въ избу, взялъ хлѣбъ съ шеста (NB. онъ печется въ видѣ лепешекъ съ дырой въ серединѣ, которыя сушатся на шестахъ, протянутыхъ подъ крышею), разрубилъ его топоромъ, и во всѣ стороны полетѣли куски черной коры. Я снесъ ихъ женѣ: „вотъ, сказалъ я, все, что у насъ осталось: ѣшь и накорми ребенка“. Она взяла кусочекъ, молча повертѣла его въ рукахъ, поглядѣла на него; потомъ прижала дитя ко груди, и безъ чувствъ упала навзничь на солому. Я скорѣй надѣлъ лыжи и побѣжалъ къ ближайшему сосѣду; до него была только трубка табаку при скорой ходьбѣ (NB. Финскіе крестьяне, между собой, считаютъ дорогу числомъ трубокъ табаку, которыя можно выкурить отъ мѣста до мѣста). Я попросилъ у него помощи, и онъ по-братски подѣлился со мной своимъ имуществомъ. Съ бутылкой молока на спинѣ возвратился я поспѣшно домой. Въ дверяхъ услышалъ я печальный вопль, и когда вошелъ, то увидѣлъ, что двое старшихъ дѣтей, рыдая, стояли возлѣ матери; одинъ трясъ ее за руку, а другой за кудрявую голову; но она лежала неподвижно и безмолвно; смертная блѣдность покрывала одеревенѣлыя щеки, на глазахъ лежала ночь. Такъ все погибло, и прекрасный Кангасъ превратился въ пустыню. Я поднялъ руки къ небу, взялъ посохъ и пошелъ, и потащилъ за собою дѣтей на салазкахъ: такъ скитался я, сѣдой, изъ прихода въ приходъ и просилъ милостыни. Но время исцѣлило печаль: дѣти цвѣтутъ, опять на чужихъ дворахъ; а я съ довольнымъ сердцемъ вымаливаю свой хлѣбъ и играю на своемъ варганѣ, какъ кузнечикъ, который, сидя на изсохшемъ листѣ, поетъ и въ пасмурное время“.

„Вотъ что разсказывалъ честный Аронъ, и добрая Анна слушала

его со слезами. Когда же онъ кончилъ, она рукавомъ отерла себѣ щеку и рѣсницу, покачала головой, заплакала и побѣжала въ свою кладовую, откуда принесла, чѣмъ попотчевать Арона.

„Вдругъ Петръ вошелъ въ сѣни, отперъ скорѣе скрыпучую дверь избы, топая сбилъ снѣгъ съ своихъ ногъ, и сѣлъ у стола на почетномъ мѣстѣ, тамъ, гдѣ лавка угломъ сходится съ лавкою. Закуривъ трубку и положивъ мѣховую шапку свою на столъ, онъ весело пустилъ длинную струю дыма и сказалъ съ улыбкой: „Ну, Анна, не скоро твой братъ воротится отъ Гедды; онъ пойманъ, какъ щука на удочку; коли хочешь, поѣдемъ вечеромъ всѣ вмѣстѣ отпраздновать помолвку его въ господскомъ домѣ."

Въ радости всѣ поспѣшно готовятся къ отъѣзду. Одѣвшись, Аронъ началъ: „пора мнѣ, добрый Петръ, сказать вамъ спасибо и отправиться: вѣдь я ужъ цѣлыя сутки гощу подъ вашей крышей. На господскомъ дворѣ увижу я сегодня многихъ достаточныхъ людей, которые ко мнѣ такъ же ласковы, какъ ты, и вѣрно пригласятъ меня къ себѣ." Онъ взялъ посохъ, сбираясь итти.

„Но честный Петръ остановилъ его и сказалъ: „Аронъ, я не дамъ тебѣ въ семьдесятъ лѣтъ итти отъ меня пѣшкомъ, когда у насъ въ избѣ есть лошади. Тебѣ это было бы трудно, а меня осрамило бы въ глазахъ цѣлаго прихода. Нѣтъ, ты поѣдешь, а сынъ мой, у котораго ноги попрытче, отправится на лыжахъ." Старикъ, обрадованный предложеніемъ, сѣлъ дожидаться передъ огнемъ.

„Скоро вышла Анна, роскошно убранная и пестрая какъ лѣто: на ней было шерстяное платье съ красно-зеленой каймой, шею покрывалъ платокъ изъ выбойки. Уже и мать и дочь были готовы къ отъѣзду. Карлъ заложилъ лошадь, въ сани снесли мѣховую полость, и вся семья отправилась, ожидая веселья и пляски. Только Паво остался дома на печи, вытягивая то одну, то другую ногу. Ему не хотѣлось тревожиться и зябнуть; должность домоваго сторожа болѣе плѣняла его, и онъ предпочелъ веселью покой и жаръ, и дымъ, и общество ребятишекъ да кузнечиковъ."

VII. Петръ везетъ жену свою, дочь и Арона. Дорогою нищій, хваля гостепріимство, съ какимъ его принимаютъ крестьяне, разсказываетъ, для противоположности, что̀ однажды испыталъ онъ, отправившись просить милостыни въ городъ. „Былъ неурожай, въ приходахъ голодали, крестьянинъ сталъ скупъ, нищему приходилось плохо. Въ городѣ, думалъ я, живетъ народъ побогаче; тамъ вѣрно нѣтъ недостатка въ тучныхъ поляхъ. Вотъ я и отправился, съ трудомъ вымаливая хлѣбъ по дорогѣ. Старыя ноги часто отказывались отъ ходьбы, и котомка, хоть пустая, тяготила спину. Наконецъ, весь испитой отъ голода, я дотащился кое-какъ до мѣста и увидѣлъ чудо изъ чудесъ, увидѣлъ, друзья мои, то, чего никогда еще не видывалъ: передо мной стояли дома, но вокругъ нихъ не было полей съ пашнями и лугами, не было ни клочка земли, который приносилъ бы хоть трубку табаку, а все только одни дома, высокіе, разноцвѣтные, съ окнами, ну, заглядѣнье! Они тянулись длинными пестрыми рядами, между которыми пересѣкалось множество дорогъ. На дорогахъ слыщенъ былъ безпрестанный шумъ, будто громъ или буря; взадъ и впередъ ѣздили телѣжки о четырехъ колесахъ, обитыя серебромъ, красивыя, похожія на цѣлые дома; стукъ копытъ, хлестъ кнутьевъ, крикъ кучеровъ и шумъ колесъ сливались въ ужасный гулъ, отъ котораго окна и стѣны

дрожали. Не зная заботъ, проводя дни въ весельѣ, сидѣли въ повозкахъ господа и барыни съ золотыми украшеніями: такъ мотылекъ въ пестромъ нарядѣ своемъ сидитъ на цвѣткѣ, который колышется теплымъ вѣтеркомъ.

„Въ изумленіи крался я вдоль стѣнъ; шапку держалъ я въ рукахъ и часто останавливался, кланяясь; но люди проѣзжали мимо, даже не посмотрѣвъ на меня. Такъ очутился я, никѣмъ не замѣченный, на открытомъ мѣстѣ, ровномъ, вымощенномъ каменьями, окруженномъ великолѣпными домами. Тутъ я остановился и видя себя въ безопасности, спокойно сложилъ руки на-крестъ, началъ любоваться тѣмъ, что меня окружало. Особенно прекрасенъ былъ одинъ домъ, величиной съ деревню, вышиной съ гору. Я не могъ надивиться ему; конечно его строили великаны, потому что этотъ трудъ не человѣческій. Близехонько отъ меня кто-то прилежно мелъ дорогу и метлою складывалъ грязь въ кучи. Желая распросить его обо всемъ, я наконецъ завелъ съ нимъ разговоръ: „скажи, почтенный, церковь что-ли это, или какое-нибудь строеніе для государя; отъ удивленія я самъ не свой.“ Онъ не сказалъ ни слова, только закусилъ губу и усмѣхнулся лукаво, а между тѣмъ затѣвалъ безсовѣстную проказу. Только-что я отвернулся, онъ опустилъ метлу свою въ лужу и вдругъ ударилъ меня по спинѣ: на выстиранномъ камзолѣ моемъ осталось черное пятно.

„Я съ огорченіемъ пошелъ далѣе, видя, что заводить ссору было бы не кстати: признаюсь, я трусилъ, какъ пѣтухъ на чужомъ дворѣ; но меня ожидали еще другія несчастія. Какой-то мальчишка въ лохмотьяхъ, поджарый, запачканный, видѣлъ, какъ тотъ меня ударилъ: съ громкимъ хохотомъ захлопалъ онъ въ ладоши, запрыгалъ и, оглядываясь на всѣ стороны, сталъ кликать своихъ товарищей. Въ минуту поднялся страшный гвалтъ: босикомъ бѣжали справа и слѣва мальчишки, забрызганные грязью; увидѣвъ нищаго, они съ весельемъ закричали, стали прыгать около меня. Кто посмѣлѣе, подбѣжитъ и ударитъ меня, другой только грозитъ и лягается какъ лошадь, третій бьетъ себя по колѣнамъ и поноситъ меня замысловатою бранью. Рѣзвая шайка часъ отъ часу увеличивалась, все смѣлѣе и смѣлѣе нападала на меня. Я отъ стыда и досады сыпалъ ругательствами, бросаясь то въ одну, то въ другую сторону. Наконецъ поймалъ я хитростію одного изъ шалуновъ; швырнулъ его въ толпу; а другого опрокинулъ какъ кеглю; потомъ разомъ схватилъ обоихъ и тяжеловѣсной рукой наказалъ ихъ. Между тѣмъ какъ они визжали и барахтались, другіе съ крикомъ разбѣжались. Тотчасъ собралось множество народу; два человѣка со шпагами схватили меня и повели по дорогѣ, а вокругъ насъ шумѣла цѣлая толпа. Меня посадили въ тюрьму. Когда дверь за мною замкнули, у меня сердце такъ и обмерло: я сѣлъ и заплакалъ, и сталъ думать о томъ, какъ бывало всѣ меня почитали, и какъ я теперь подъ старость долженъ сидѣть съ преступниками, не видя ни неба, ни свѣта.“ Далѣе онъ разсказываетъ, какъ два преступника, тамъ же заключенные, нашли способъ сдѣлать въ стѣнѣ отверстіе, и какъ онъ вмѣстѣ съ ними освободился. Между тѣмъ конь подвигался проворно, и скоро сани остановились на господскомъ дворѣ. Къ удовольствію пріѣхавшихъ пирушка уже началась; „будто солнце, сіялъ свѣтъ изъ дымившихся волоковыхъ оконъ; дверь была настежь, изъ нея летѣли звуки шумнаго польскаго, наполнявшіе просторныя сѣни.“ Новые гости входятъ въ избу.

VIII. Эту пѣснь поэтъ съ намѣреніемъ начинаетъ торжественными словами: „Пѣснь, разскажи все, что разумный Петръ увидѣлъ въ избѣ, когда онъ, вошедши, съ изумленіемъ остановился у двери. Двѣнадцать тѣсно столпившихся паръ кружились въ польскомъ: женщины горделиво, съ повелительными взорами, а мужчины — наклоня покорно голову и потупя глаза. Предъ всѣми отличался Матвѣй, который, болтая, водилъ кругомъ почтенную Анну и Гедду, тогда какъ на ближней лавкѣ два человѣка играли на скрипкахъ съ струнами изъ конскаго волоса, соглашая звуки смычка съ варганами.

„Близъ стола, одинокъ и какъ царь величавъ, сидѣлъ отецъ невѣсты, Захаръ; сложивъ руки на груди, смотрѣлъ онъ на пляску, когда только не былъ занятъ пивною кружкой. Противъ него у пылавшаго очага грѣлся нищій Аронъ, поправляя свой варганъ, а возлѣ Арона тихо покачивалась старая Ревекка и гладила кошку, которую держала у себя на колѣнахъ. Между тѣмъ русскій купецъ, бородатый Онтрусъ, кликами оживлялъ суматоху и разводилъ слишкомъ тѣсные ряды плясавшихъ. Двухъ товарищей онъ уже запряталъ подъ лавку, и они безопасно покоились тамъ; третьяго онъ съ трудомъ держалъ въ своихъ объятіяхъ. Этотъ молодецъ, хотя уже едва стоялъ на ногахъ, все еще сопротивлялся и никакъ не хотѣлъ оставить веселой пляски. Наконецъ Онтрусъ, насилу протолкавшись сквозь толпу, притащилъ и его къ скамьѣ. На все это Петръ смотрѣлъ съ удивленіемъ; потомъ онъ пошелъ къ столу и сѣлъ тамъ съ важнымъ видомъ.“

Между тѣмъ пляска все продолжалась и еще болѣе оживилась, когда одинъ изъ скрипачей передалъ смычокъ Арону. „Всѣ лица свѣтились пóтомъ, лучина вылетала изъ свѣтцовъ, стулья и лавки передвигались безпорядочно. Крики падающихъ, мѣрный топотъ, громкій хохотъ, облака дыма — все это сливалось въ ужасную суматоху, полъ гнулся и трещалъ.“

„Когда отплясали польскій и скрипки съ варганомъ замолкли, Анна слегка дернула мужа за платье и, отведя его въ уголъ, съ таинственнымъ видомъ шепнула ему: „не уговоришь ли ты Захара, чтобы онъ будущему зятю и дочери своей сказалъ поученіе, которое бы они всегда почтительно помнили и свято исполняли. Такъ водилось у отцовъ: выдавая дочерей замужъ, они говорили золотыя слова, увѣщевая обрученныхъ, и супруги никогда не забывали благоразумныхъ совѣтовъ. Пусть же и Захаръ скажетъ нѣсколько словъ: это нужно и ради жениха съ невѣстой и ради гостей, чтобы ихъ обрученіе было торжественнѣе.“

„Петръ отвѣчалъ ей въ полголоса: „теперь еще рано просить Захара: въ началѣ пирушки онъ не любитъ, чтобъ ему мѣшали пить, и неохотно отвѣчаетъ сосѣду; но когда онъ посидитъ немного передъ штофомъ и грѣющее пиво развяжетъ ему языкъ, тогда слова польются у него такъ же обильно, какъ весной пузыри показываются на игривомъ потокѣ. Тогда всякій, кто ни подойдетъ къ нему, невольно заслушается — будетъ ли онъ разсказывать что-нибудь или поучать молодыхъ парней; тогда всякій дорого заплатилъ бы за такое краснорѣчіе и такой разумъ. Поэтому лучше подожди немного; добрый старикъ скоро самъ отъ себя исполнитъ твое желаніе. Видишь, какъ у него яснѣетъ лицо, какъ онъ улыбается любимому напитку; онъ радуется какъ утка, когда она ныряетъ въ заливѣ; онъ оживляется какъ лугъ, орошаемый дождемъ. Ты между тѣмъ постарайся возбу-

дить веселый разговоръ, или уговори молодежь устроить чинный менуэтъ; а мое дѣло будетъ расшевелить языкъ у Захара."

„Онъ оставилъ Анну, довольную этимъ отвѣтомъ, и взялъ со стола штофъ и сказалъ другу своему: „по старой памяти выпьемъ, Захаръ, вмѣстѣ; бывало, мы и въ черные дни пили съ веселымъ духомъ: бренный человѣкъ всегда долженъ быть веселъ, какъ рѣзвая бѣлка, которая на невѣрной корѣ сосновой плыветъ съ волны на волну и спокойно ждетъ берега."

„Пока они пили и разговаривали, музыканты опять настроили скрипки, и начался менуэтъ. Мало-по-малу вокругъ стола присоединились къ Петру и многіе изъ тѣхъ, которые, не любя веселой пляски, искали въ замѣнъ ея пѣнистаго пива и смѣха и разговоровъ. Въ числѣ другихъ подошелъ и Онтрусъ.

„Петръ, дразня его, сказалъ: „Какъ же это, братецъ, ты мастеръ плясать, а не пляшешь? видно, трусишь лукавства женщинъ; боишься, что онѣ заколдуютъ тебя, что на зло твоей хозяйкѣ, которая осталась въ богатомъ Архангельскѣ, дѣвушки выманятъ у тебя въ подарокъ по платочку?"

„Но Онтрусъ подсѣлъ ближе къ нему, взялъ его за руку и сказалъ: „не боюсь я этого, добрый Петръ, и охотно поплясалъ бы съ другими, потому что пѣсни и пляска лучше всего; но не скоро найти мнѣ дѣвушку, которая бы не пренебрегала мною; къ иной я подойду ласково и протяну руку, но она, испугавшись моей бороды, убѣгаетъ прочь и смѣется, а за ней и другія хохочутъ. Ни одна и не воображаетъ, что у чужого человѣка также есть сердце, которое можно и обрадовать и огорчить. Если ты, другъ, хочешь сдѣлать мнѣ удовольствіе, скажи пожалуйста имя и званіе нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, которые здѣсь веселятся въ честь Матвѣю."

Петръ съ самодовольствіемъ и гордостію называетъ Онтрусу своихъ родныхъ, хвастая ихъ достоинствами. Онтрусъ, при его описаніяхъ, вспоминаетъ и свою далекую семью; жалуется на жребій, заставляющій его скитаться на чужбинѣ, и плачетъ отъ умиленія.

IX. Петръ, напротивъ, плачетъ отъ радости, при мысли, какимъ миромъ и счастіемъ его семья наслаждается вмѣстѣ съ нимъ. Между тѣмъ Захаръ, вставъ съ своего мѣста, идетъ къ Матвѣю и Геддѣ, сидящимъ другъ подлѣ друга на лавкѣ; онъ беретъ ихъ за руку и начинаетъ поучать ихъ. Простая, но исполненная истины рѣчь его, превосходная въ стихахъ, потеряла бы въ нашемъ переводѣ слишкомъ много, и потому мы не станемъ касаться ея.

Когда Захаръ кончилъ и опять сѣлъ на прежнее мѣсто, комиссаръ, давно смотрѣвшій на беззаботнаго Арона, подалъ ему кружку пива и и сказалъ, чтобы онъ бросилъ нищенскій посохъ и уже навсегда оставался здѣсь, на господскомъ дворѣ, проводя старость безъ горя и заботъ.

Аронъ съ умиленіемъ принялъ кружку. Онъ такъ высоко поднялъ лицо, что крупная слеза едва могла скатиться съ рѣсницы его. Въ трогательныхъ словахъ изъявляетъ онъ радость свою, что теперь уже не будетъ скитаться безъ пристанища и съ большой дороги глядѣть въ нетерпѣливомъ ожиданіи на всякое кладбище. „Аронъ, думалъ я тогда, и послѣднему въ деревнѣ, чрезъ которую ты проходишь, дано утѣшеніе и пристанище въ пріютной оградѣ; ты одинъ не знаешь, гдѣ склонишь нѣкогда усталую голову для покоя. Такъ думалъ я,

добрый господинъ, и спѣшилъ далѣе. Теперь я могу почитать себя счастливымъ: у меня есть убѣжище, гдѣ я могу жить и умереть; можетъ быть, другъ остановится передъ могилою моей и скажетъ: „здѣсь лежитъ старикъ Аронъ; уже надъ озеромъ не слышно утреннихъ пѣсенъ его; въ избѣ ужъ не звучитъ его варганъ, но онъ здѣсь покоится въ мирѣ.“ Сказалъ и заплакалъ отъ радости, и выпилъ пѣнистое пиво.“ Прочіе слушали, а потомъ снова принялись за пляску. Такъ до утра пировали въ избѣ, празднуя счастливую охоту и обрученіе.

Вотъ блѣдная тѣнь „Стрѣлковъ“ Рунеберга. Сами лучше всѣхъ чувствуемъ, до какой степени она недостаточна къ тому, чтобы дать понятіе о поэмѣ. По крайней мѣрѣ изъ этого очерка читатель могъ узнать содержаніе цѣлаго и ходъ поэта въ развитіи какъ общей мысли его, такъ и нѣкоторыхъ отдѣльныхъ ея вѣтвей. Простъ, какъ всякій видитъ, планъ „Стрѣлковъ“; такъ же просты и всѣ частности идилліи: кажется, будто ничто въ ней не стоило поэту ни малѣйшаго усилія, будто онъ всѣ черты ея нашелъ уже готовыми и только перенесъ ихъ на бумагу. Одинъ шведскій, впрочемъ довольно поверхностный критикъ справедливо замѣтилъ, что видимая безыскусственность „Стрѣлковъ“ могла бы иному внушить мысль, будто вся поэма—произведеніе не искусства, а самой природы. Дѣйствительно, изучивъ ее, нельзя не удивляться истинѣ, какою исполнены и всякое лицо отдѣльно и всѣ явленія, происходящія отъ взаимныхъ отношеній между этими лицами. Каждое изъ нихъ остается въ воображеніи читателя съ своею особенною физіономіею, рѣзко отдѣляющеюся отъ всего, что ее окружаетъ, и однакожъ всѣ они, кромѣ странствующихъ купцовъ, запечатлѣны однимъ общимъ національнымъ характеромъ, этимъ честнымъ добродушіемъ, этимъ свѣтлымъ внутреннимъ спокойствіемъ и довольствомъ въ бѣдности и въ самомъ несчастіи, которыя составляютъ отличительное свойство неразвращеннаго финна. Одно только лицо между финнами Рунеберга не похоже въ этомъ отношеніи на остальныя: это старая, угрюмая Ревекка. Она поставлена поэтомъ посреди общаго веселья какъ будто для выраженія того противорѣчія, какое встрѣчается во всѣхъ человѣческихъ отношеніяхъ. Когда другія радуются, хохочутъ и пляшутъ, она сердится, ворчитъ и проклинаетъ; когда вокругъ нея наслаждаются полнотою жизни, она думаетъ и говоритъ со слезами о смерти; однакожъ и Ревекка, являясь въ послѣдній разъ передъ глазами читателя, становится причастна веселью другихъ. Тронутая вниманіемъ владѣльца, который посреди шумной пляски (въ 8-й пѣсни) самъ подвелъ и посадилъ ее къ столу, она „забыла свое горе и, тихо покачиваясь, благословляла въ душѣ и старыхъ и молодыхъ“. Всѣ люди, изображаемые Рунебергомъ, не мертвыя исчадія боязливаго труда и не глашатаи какихъ-нибудь авторскихъ идей, зарожденныхъ въ тлетворной атмосферѣ кабинета или въ борьбѣ ослѣпляющихъ страстей. Какъ-бы совершенно забывая самого себя, онъ спокойно наблюдаетъ таинственную природу во всѣхъ ея явленіяхъ и выполняетъ скромное, повидимому, призваніе быть ея вѣрнымъ живописцемъ. Онъ любитъ мысленно ставить себя въ чужія положенія и угадывать, рисовать то, что душа въ нихъ ощущаетъ, но онъ предоставляетъ каждому предмету говорить самому за себя и, такъ сказать, самому собою до-

казывать свое право на вниманіе. Вмѣсто того, чтобы отъ себя объяснять свои мысли, Рунебергъ, при всемъ ихъ обиліи, при всей ихъ самобытности, охотнѣе воплощаетъ ихъ въ образы и тѣмъ какъ будто скрываетъ ихъ. Его лица *живутъ*, и притомъ каждое своею собственною жизнію; они не его глазами смотрятъ, не его языкомъ говорятъ: какое неподдѣльное, здоровое, теплое дыханіе жизни чувствуется во всѣхъ ихъ словахъ и движеніяхъ! Какъ бы ихъ дѣла и забавы, по нашимъ понятіямъ, ни казались низки, невольно принимаешь въ ихъ поступкахъ и рѣчахъ живѣйшее участіе, потому что нерѣдко узнаешь въ нихъ свои собственныя ощущенія. Это участіе служитъ лучшимъ доказательствомъ, какъ Рунебергъ вѣренъ природѣ, ибо въ природѣ человѣкъ, при всемъ различіи его положенія въ обществѣ, всегда одинъ и тотъ же. Отъ этого участія происходитъ, что и самые, на обыкновенномъ языкѣ, неблагородные предметы здѣсь, будучи на своемъ мѣстѣ и притомъ облагороженные вѣяніемъ поэзіи, вовсе не поражаютъ читателя непріятнымъ образомъ. Конечно и брюзгливый глазъ не оскорбился бы, видя въ „Стрѣлкахъ“, какъ Петръ надѣваетъ свои черные шерстяные чулки и свои башмаки; какъ хозяйка Гедды считаетъ и записываетъ бѣлье; какъ Аронъ моетъ запачканное лицо и скоблитъ бороду, или, прервавъ игру на варганѣ, снимаетъ съ себя верхній камзолъ и отдаетъ его стирать. Впрочемъ, надобно прибавить: и тутъ отъ поэта требовалось особенное искусство, чтобы, называя каждый предметъ настоящимъ его именемъ, избѣжать и малѣйшей пошлости въ описаніи. Такъ онъ умѣлъ, безъ всякой принужденной прикрасы, перенести въ свое изображеніе нагую дѣйствительность, и съ тѣмъ вмѣстѣ сохранить все достоинство искусства.

Какъ всѣ части поэмы представляютъ правильную, взаимную соразмѣрность, такъ и въ цѣломъ отличается она стройною, органическою полнотою. Поэтъ идетъ къ цѣли своей прямо, твердымъ и ровнымъ шагомъ. Онъ не позволяетъ воображенію своему ни одного *ненужнаго* отступленія, ни одной лишней картины, хотя бы и могъ воспользоваться ею съ блескомъ. Вотъ отъ чего собственно объ охотѣ лосей упоминается въ «Стрѣлкахъ» только вскользь, какъ-бы мимоходомъ. Мы слышали отъ самого поэта, что онъ ее описалъ-было подробно въ особой пѣсни, но послѣ уничтожилъ, какъ часть вовсе не существенную въ его поэмѣ. Описаніе охоты могло бы относиться только къ внѣшнему міру безъ всякой связи съ внутреннимъ, и мы догадываемся, что по этой именно причинѣ Рунебергъ поступилъ—какъ сказано. Что касается до ровности идилліи на всемъ ея протяженіи, то замѣчаніе объ этомъ достоинствѣ такъ справедливо, что трудно указать въ подлинникѣ на тѣ мѣста, которыя заслуживали бы особенное предпочтеніе. Если бы при всемъ томъ насъ заставили назвать лучшія пѣсни, то мы выбрали бы 4-ю, приведенную здѣсь почти вполнѣ, и потомъ 8-ю, въ которыхъ и самыя сцены и краски достигаютъ наибольшей живости.

Наконецъ, надобно сказать нѣсколько словъ и о внѣшнихъ принадлежностяхъ поэмы, ея языкѣ и стихахъ. Шведскій языкъ подъ перомъ Рунеберга—чего никто не оспариваетъ у него—развиваетъ послушно всѣ свои обильныя средства. Стихи Рунеберга вообще носятъ печать классической отдѣлки; такъ же искусно владѣетъ онъ и размѣромъ „Стрѣлковъ“—экзаметромъ, который изучилъ со всѣми тонкостями въ его совершеннѣйшихъ образцахъ у грековъ. Критика уступаетъ Рунебергу одно изъ первыхъ мѣстъ въ малочисленномъ ряду тѣхъ швед-

скихъ поэтовъ, у которыхъ экзаметръ особенно изященъ. Онъ въ этомъ отношеніи раздѣляетъ славу съ Тегнѐромъ, Стагнеліусомъ и съ Адлербетомъ (переводчикомъ древнихъ).

Послѣ всего изложеннаго едва-ли нужно говорить, какъ высоко въ Финляндіи цѣнятся „Стрѣлки" всѣми, для которыхъ литература не совсѣмъ чуждое дѣло. Многіе давно желаютъ, чтобы столь занимательная картина нравовъ финскаго поселянина сдѣлалась и ему самому доступною, и потому Финское литературное общество давно уже назначило премію въ 200 руб. тому, кто представитъ лучшій финскій переводъ „Стрѣлковъ", сохранивъ въ немъ размѣръ подлинника. Кто-то дѣйствительно исполнилъ этотъ трудъ, но переводъ не былъ признанъ удачнымъ. Новаго опыта, не смотря на повторявшееся нѣсколько разъ назначеніе преміи, послѣ того еще не являлось.

Самая подробная и вмѣстѣ остроумная оцѣнка „Стрѣлковъ" сдѣлана Цигнеусомъ въ книжкѣ: *Весеннія ледяныя иглы.* Какъ мыслящій поэтъ и притомъ самъ чистый финнъ, онъ, конечно, могъ лучше всякаго другаго исполнить долгъ критика въ отношеніи къ труду своего геніальнаго собрата. Мы выпишемъ изъ его сужденія одно мѣсто, которое, кажется намъ, будетъ здѣсь наиболѣе кстати и притомъ замѣчательно сколько по оригинальности мыслей, столько же и по способу ихъ выраженія.

„Въ *Стрѣлкахъ* представленъ финскій крестьянинъ въ настоящей его стихіи, посреди трескучихъ морозовъ сѣверной зимы, посреди желѣзной природы, которую онъ можетъ одолѣть не иначе, какъ напряженіемъ всей своей мужественной силы. И онъ является важенъ, спокоенъ, могучъ; для побѣды надъ нимъ недостаточно жаркой, мгновенной битвы; онъ уступаетъ только послѣ долгой, упорной борьбы на жизнь и на смерть. Видно, что онъ не привыкъ принимать подарковъ, но отъ того онъ и цѣнитъ такъ дорого добычу, которую принесетъ къ себѣ; отъ того и глядитъ привѣтливымъ взоромъ на побѣжденныя трудности, какъ великодушный воинъ на своего плѣнника; отъ того сквозь грубую оболочку его просіяваетъ изъ глубины души свѣтъ довольства, озаряющій тихимъ блескомъ все, что ни окружаетъ его.

„Кажется, будто въ этой поэмѣ богиня пѣсенъ мчится на лыжахъ по снѣжной поверхности, и снѣгъ трещитъ, но легко несетъ ее на себѣ; иней осыпаетъ алмазами ея одежду и рѣсницы, но сердце у нея согрѣто всею теплотою жизни. Быстро, какъ зимняя вьюга летящая надъ серебряными вѣнцами сосенъ, несется она мимо знакомыхъ предметовъ и узнаетъ ихъ, хотя и покрытые непроницаемой шубою медвѣдя. И далече видитъ вѣрное око ея, хотя иногда отъ чрезмѣрной стужи и тускнѣетъ въ глазахъ. Какъ путникъ среди морозной ночи съ наслажденіемъ входитъ въ пріютную хижину, къ которой дальній огонекъ давно уже манилъ его, гдѣ трещитъ привѣтное пламя и окостенѣлую руку пришлеца жметъ теплая дружеская рука: такъ муза поэта входитъ въ гостепріимныя жилища, стряхнувъ съ себя вмѣстѣ съ снѣгомъ и всякое воспоминаніе о трудностяхъ дороги. Когда же потомъ раздается ея голосъ, когда она запоетъ о томъ, что видѣла и видитъ; тогда передъ нами на крыльяхъ сладкозвучія начнутъ носиться рѣчи, такъ вѣрно выражающія національный характеръ финновъ. Я всегда чувствую неизъяснимое впечатлѣніе, когда наблюдаю, какъ черная ночь хлещетъ дождевыми каплями о наружную сторону

окна, между тѣмъ какъ на внутренней зыбкое пламя очага рисуетъ алые узоры. Почти то же чувствовалъ я, вслушиваясь въ эти пѣсни. Съ одной стороны являлся мнѣ финскій крестьянинъ то на своей пашнѣ, гдѣ „колосья приносятъ ему не хлѣбъ, а ледяныя иглы“, то въ тѣ минуты, когда онъ передъ лицомъ неизбѣжнаго и незаслуженнаго бѣдствія стоитъ „равнодушенъ, какъ сосна, когда топоры стучатъ у корня ея“. Съ другой стороны я знакомился съ нимъ короче, когда онъ, „утирая глаза жесткимъ рукавомъ“, осушалъ горячую слезу, или на щепахъ своего разбитаго счастія весело игралъ на варганѣ, „какъ кузнечикъ, который, сидя на изсохшемъ листкѣ, поетъ и въ пасмурное время,“ или „съ сердечнымъ спокойствіемъ пилилъ на скрипкѣ“, между тѣмъ какъ „глаза его такъ сіяли миромъ, что походили на звѣзды небесныя“.

КАСТРЕНЪ И ЛЕНРОТЪ ВЪ РУССКОЙ ЛАПЛАНДІИ[1].

1843.

Еще въ Современникѣ 1841 года (Т. XXII, стран. 59, *нумераціи второй* [2]) упоминаемо было о путешествіи извѣстнаго финляндскаго литератора Ленрота по сѣвернымъ частямъ Финляндіи и Россіи для изслѣдованія языка лапландцевъ и самоѣдовъ и для приготовленія новыхъ матеріаловъ къ составленію полнаго финскаго лексикона. Мы говорили также (ibid. 62 стран. [3]) о намѣреніи другого ученаго финляндца, Кастрена, предпринять путешествіе въ сѣверо-восточную Россію и западную Сибирь для рѣшенія вопроса о родствѣ обитающихъ тамъ народовъ съ финскимъ племенемъ. Вскорѣ послѣ того Кастренъ дѣйствительно отправился въ путь и соединился съ Ленротомъ. Оба путешественника, равно одушевленные любовію къ наукѣ, равно готовые переносить всѣ трудности для цѣли своей, часто присылали съ дороги письма, которыя помѣщались въ гельсингфорскихъ періодическихъ изданіяхъ и исполнены занимательныхъ подробностей о малоизвѣстныхъ краяхъ. Касаясь предѣловъ нашего отечества, эти письма и для насъ, рускихъ, любопытны во многихъ отношеніяхъ.

Вотъ нѣсколько извлеченій изъ „Замѣчаній М. А. Кастрена во время путешествія по Финляндской и Русской Лапландіи въ 1842 году“. Эти замѣчанія составляютъ продолженіе статьи: „Нѣсколько дней въ Лапландіи“, напечатанной въ Альманахѣ Александровскаго университета.

„Въ отношеніи къ образу жизни русскіе лапландцы мало отличаются отъ нашихъ лапландцевъ около озера Энаре. Они питаются преимущественно рыбною ловлей и живутъ лѣтомъ вразсыпную около

[1]) *Современ.* т. XXIX, стр. 145—160.
[2]) См. выше, стр. 181.
[3]) См. выше, стр. 182.

своихъ озеръ, при рѣкахъ, у морскихъ береговъ, въ юртахъ или рыбачьихъ хижинахъ. Но осенью и не позже какъ по окончанiи Филиппова поста они переселяются въ свои зимнiя жилища, которыя не такъ отдалены одно отъ другого, какъ около Энаре, а по русскому обычаю большею частiю расположены тѣсными деревнями. Самый этотъ способъ поселенiя достаточно доказываетъ, что русскiе лапландцы не могутъ имѣть большихъ стадъ оленей, потому что въ противномъ случаѣ окрестная сторона скоро осталась бы безъ пастбищъ, и слѣдовательно деревнѣ пришлось бы часто перемѣнять мѣсто. Но число ихъ оленей такъ незначительно, что небольшiя деревни могутъ въ продолженiе цѣлыхъ десятковъ лѣтъ оставаться на томъ же мѣстѣ. Что русскiе лапландцы отвыкли отъ содержанiя оленей и почти исключительно занялись рыболовствомъ, тому причинъ много. Во-первыхъ, самая природа чрезвычайно благопрiятствуетъ этому промыслу. Моря Ледовитое и Бѣлое настоящiе золотые рудники для рыболова. Сверхъ того, есть въ Русской Лапландiи два огромныя и рыбистыя озера, *Имандра* и *Нуотозеро*, не говоря о безчисленномъ множествѣ малыхъ озеръ. Какъ же лапландцу не пользоваться этими источниками продовольствiя и не промѣнять дикой жизни въ скалахъ на занятiя рыболова, которыя сравнительно гораздо легче? Да и исповѣданiе православной вѣры могло способствовать такой перемѣнѣ. Такъ какъ по закону этой вѣры лапландецъ въ продолженiе почти полугода долженъ отказываться отъ той пищи, какую ему доставляло бы его стадо, то онъ имѣлъ новую причину обратиться къ другой вѣтви промышленности. Послѣ рыбной ловли, главнымъ промысломъ русскаго лапландца служитъ содержанiе оленей. Онъ занимается и торговлею. Въ избѣ его почти всегда висятъ на стѣнѣ образъ и безменъ. Здѣсь рѣдко спрашиваютъ у путешественника, чѣмъ угостить его; онъ долженъ велѣть отвѣсить себѣ столько-то рыбы, хлѣба и вообще всего, что пожелаетъ скушать. Тамъ во всемъ обнаруживается господствующiй въ высокой степени торговый духъ; но русскiе лапландцы еще очень бѣдны и не могутъ затѣватъ какихъ-нибудь болѣе обширныхъ спекуляцiй, предпринимать поѣздки, посѣщать ярмарки. Однакожъ близъ церкви у Энаре уже показываются изрѣдка торговцы изъ ближнихъ деревень Русской Лапландiи. Въ жилищахъ русскихъ лапландцевъ видно большое разнообразiе. Ихъ зимнiя *избы*, такъ же, какъ и въ Энаре, низки, очень тѣсны и имѣютъ открытый очагъ. Но въ Энаре крыша приподнятая, а здѣсь плоская. Вмѣсто кроватей, у русскихъ лапландцевъ устроены вдоль стѣнъ широкiя лавки. У моря, въ мѣстахъ скалистыхъ и безлѣсныхъ, они по большой части живутъ и зимой въ *юртахъ*. Но эти юрты изъ бревенъ или досокъ и стоятъ въ нѣсколько-наклонномъ направленiи. Юрта всегда шире по серединѣ и суживается къ обоимъ концамъ. Однакожъ стѣны не сходятся, а съ обоихъ краевъ юрты находится по узкой поперечной стѣнѣ. Плоская крыша покрыта дерномъ; половъ нѣтъ; въ серединѣ юрты стоитъ обыкновенная печка. Третiй родъ жилищъ составляютъ *черныя избы*, которыя однакожъ менѣе и хуже нашихъ финляндскихъ. Печь въ нихъ стоитъ на деревянномъ основанiи и имѣетъ круглую форму; она похожа на печки нашихъ бань, но обыкновенно очень мала и такъ дурно сдѣлана, что пламя пробивается сквозь камни. Дымовое отверстiе закрывается набитымъ мѣшкомъ или подушкой, которые подымаются на шестѣ. Еще есть у нѣкоторыхъ русскихъ лапландцевъ

четвертый родъ жилищъ, именно порядочныя *избы*, совершенно сходныя съ избами русскихъ кареловъ и слѣдовательно снабженныя обыкновенными печами. У тѣхъ лапландцевъ, которые живутъ или въ черныхъ или въ порядочныхъ избахъ, юрта служитъ только кухнею. Такое же назначеніе имѣютъ юрты во многихъ мѣстахъ Остроботніи, гдѣ этотъ обычай и доказываетъ, что тамъ нѣкогда жили лапландцы.

„Одѣваются почти всѣ лапландцы одинаково. Они всего болѣе употребляютъ шубы оленьи, башмаки и панталоны изъ оленьей кожи. Норвежскіе и финляндскіе лапландцы носятъ на шеѣ, въ морозъ и ненастье, воротникъ изъ медвѣжьяго мѣха, защищающій не только уши и лицо, но также грудь и плечи. У русскихъ лапландцевъ нѣтъ такого воротника; зато у другихъ лапландцевъ на головѣ только русская кучерская шапка, а у русскихъ шапки съ наушниками, которые покрываютъ большую часть лица. Такъ лапландецъ бываетъ одѣтъ въ дорогѣ, и эта одежда почти одинакова у мужчинъ и у женщинъ. Главное различіе въ шапкѣ. Во вседневной жизни наши финляндскіе лапландцы носятъ платье изъ грубой шерстяной матеріи, похожее на рубаху; а въ Русской Лапландіи принята русская національная одежда.

„Въ отношеніи къ религіи русскіе лапландцы еще находятся на весьма низкой точкѣ развитія. Они мало или почти совсѣмъ не понимаютъ духъ и уставы христіанства; никто изъ нихъ не умѣетъ читать, и очень рѣдко прибѣгаютъ они къ духовной помощи священника изъ ближней деревни или ближняго города. Воскресенье празднуютъ они по большей части только какъ день отдыха. Во вседневной жизни они въ точности соблюдаютъ внѣшніе обычаи и обряды своихъ единовѣрцевъ, но подъ этимъ наружно-христіанскимъ благочестіемъ кроется много суевѣрія. Особенно привержены они къ *колдовству*. Всего болѣе славятся своимъ чародѣйствомъ лапландцы въ Аккалѣ. Они даже и въ Финляндіи такъ извѣстны, что изъ Саволакса крестьяне отправляются къ нимъ для возвращенія здоровья, потеряннаго добра и пр. О колдовствѣ лапландцевъ въ Аккалѣ я слышалъ, что они впадаютъ въ *магическій сонъ* и въ немъ получаютъ нужныя имъ откровенія. Лапландцы воображаютъ, что душа въ этомъ состояніи покидаетъ тѣло, странствуетъ далеко и собираетъ потребныя свѣдѣнія: узнаётъ, гдѣ украденная вещь, доискивается источника болѣзни и т. п. Что этотъ сонъ, въ нынѣшнее время, одно шарлатанство — не подлежитъ сомнѣнію. Но онъ составляетъ такое обыкновенное явленіе у всѣхъ необразованныхъ народовъ и во всѣхъ частяхъ свѣта, что нельзя сомнѣваться въ его первоначальной дѣйствительности.

„Меня въ Лапландіи часто предваряли, чтобы я остерегался русскихъ лапландцевъ и особливо женщинъ, потому что онѣ иногда впадаютъ въ бѣшенство и не знаютъ, что дѣлаютъ. Сначала я не обращалъ вниманія на эти разсказы и относилъ ихъ къ числу обыкновенныхъ небылицъ насчетъ лапландцевъ. Однажды случилось мнѣ тамъ въ одной деревнѣ встрѣтиться съ нѣсколькими карелами и двумя русскими купцами. Кто-то изъ нихъ опять совѣтовалъ мнѣ остерегаться, чтобъ не испугать какъ-нибудь лапландскихъ женщинъ, увѣряя, что это преопасное дѣло. Къ слову одинъ изъ кареловъ разсказалъ мнѣ слѣдующее: „Въ молодости я часто ловилъ рыбу въ морѣ; разъ мнѣ случилось быть въ лодкѣ, на которой гребцы были изъ лапландцевъ. Тутъ же была и женщина съ ребенкомъ на рукахъ. Замѣтивъ мою необык-

новенную одежду, она отъ испугу такъ вышла изъ себя, что бросила ребенка въ море.“ Другой карелъ сообщилъ мнѣ вотъ что: „Нѣсколько лѣтъ тому назадъ сошелся я съ терскими лапландцами. Мы сидѣли и разговаривали, какъ вдругъ за стѣной послышался стукъ дубины или молотка. Что же? Тотчасъ всѣ лапландцы повалились на полъ, зашевелили слегка руками и ногами, а потомъ стали неподвижны какъ трупы. Черезъ минуту они опять начали вставать и вели себя такъ, какъ будто бы не случилось ничего необыкновеннаго.“ Чтобы подтвердить эти и другіе подобные имъ разсказы карельскихъ крестьянъ, русскій купецъ вызвался показать мнѣ нѣсколько опытовъ пугливости лапландскихъ женщинъ. Напередъ онъ спряталъ всѣ топоры, ножи и другіе опасные предметы, которые были на-виду. Потомъ онъ подскочилъ къ одной женщинѣ и хлопнулъ руками. Въ ту же минуту женщина бросилась на него какъ фурія, терзала, била и сѣкла его безъ пощады. Отдѣлавъ бѣднаго купца, она повалилась на лавку и вынесла мучительную борьбу, прежде нежели снова начала дышать свободно. Когда она совершенно оправилась, то объявила, что болѣе не дастъ испугать себя. Въ самомъ дѣлѣ, при слѣдующемъ опытѣ она только испустила звонкій, пронзительный крикъ. Пока она радовалась, что попытка не удалась, другой купецъ махнулъ платкомъ ей въ глаза, но въ ту же минуту самъ выбѣжалъ изъ комнаты. Надобно было видѣть, какъ женщина стала кидаться то на одного, то на другого: этого повалитъ на полъ, того ударитъ, иныхъ припретъ къ стѣнѣ, другимъ вцѣпится въ волосы. Я сидѣлъ въ углу комнаты и съ нетерпѣливымъ безпокойствомъ ожидалъ, когда очередь дойдетъ до меня. Наконецъ съ ужасомъ вижу, что она уставила на меня свои бѣшеные глаза; потомъ, протянувъ руки, она кинулась на меня и уже готова была впустить свои острые ногти мнѣ въ лицо, какъ вдругъ двое здоровыхъ кареловъ отдернули ее въ сторону. Она безъ силъ упала къ нимъ на руки. Всѣ думали, что мои очки привели ее въ такое бѣшенство. Хотѣли испугать и молоденькую дѣвушку, уронивъ ей на голову лучину. Она вскрикнула и выбѣжала. Потомъ ударили молоткомъ въ наружную стѣну. Женщина, о которой я говорилъ, вспрыгнула, но ей въ ту же минуту закрыли глаза рукою, и она тотчасъ пришла въ себя.... Въ примѣръ колдовства русскихъ лапландцевъ разскажу, какъ одна женщина при мнѣ лѣчила вывихъ. Она водила пальцами по больному мѣсту и какъ будто искала боль. Наконецъ она схватила ее концами пальцевъ; потомъ стиснула ее ногтями, вложила въ ротъ, раздавила зубами и выплюнула отдѣланнаго такимъ образомъ генія боли. Это повторялось нѣсколько разъ. Но тутъ не было никакого заклинанія, подобнаго такъ называемому *чтенію* финновъ: во все продолженіе смѣшной операціи женщина разговаривала о чемъ ни попало.

„Еще нѣсколько словъ о характерѣ русскихъ лапландцевъ. Характеръ лапландскій почти вездѣ одинъ и тотъ же; его можно сравнить съ ручьемъ, который течетъ такъ тихо, что трудно и замѣтить его движенье. Встрѣтивъ какую-нибудь преграду, ручей уклоняется въ сторону, но наконецъ все-таки достигаетъ цѣли. Таковъ характеръ лапландца: тихъ, миролюбивъ, уступчивъ. Миръ—его лозунгъ, о мирѣ первый вопросъ его, миръ его прощальное слово, миръ ему все. Миръ онъ любитъ, какъ мать ребенка, котораго вскормила на груди своей. Преданье говоритъ, что въ лапландской землѣ все до крайности голо, безотрадно и бѣдно, но прибавляетъ, что во глубинѣ кроется чистѣй-

шее золото. Едва-ли и есть сокровище, прекраснѣе того спокойствія, какимъ обладаетъ лапландецъ. Онъ лишенъ почти всякихъ житейскихъ наслажденій, окруженъ природою неодолимою, угнетенъ нуждою, но счастливъ тѣмъ, что можетъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ переносить всѣ трудности. Для полнаго благополучія онъ требуетъ только, чтобъ ему не мѣшали наслаждаться малымъ, уважали его старинныя привычки и вообще *оставляли его въ покоѣ*. Неблагосклонная природа часто побуждаетъ его къ труду и движенію, но по временамъ онъ охотно предается спокойной или, по его собственной терминологіи, *мирной* жизни. Онъ не любитъ обширныхъ плановъ, мудреныхъ разсчетовъ или промышленной дѣятельности, а лучше погружается въ тихое созерцаніе истинъ религіозныхъ или такихъ предметовъ, какіе ему представляетъ маленькій міръ его. Уже изъ этого краткаго описанія видно, что финскій типъ отражается и въ лапландскомъ народномъ характерѣ. У финна, какъ и у лапландца, нравъ тихій, миролюбивый и уживчивый. Онъ также уступаетъ охотно, пока рѣчь идетъ о бездѣлицѣ, но когда дѣло, по его понятію, важно, тогда онъ становится героемъ.

„Общій лапландскій характеръ замѣчается и у русскихъ лапландцевъ во многихъ мѣстахъ. Но въ деревняхъ, лежащихъ на большой *мурманской* дорогѣ, лапландцы уже начали уклоняться отъ своего первоначальнаго характера. Внутреннее довольство уступило мѣсто внѣшней, беззаботной веселости, тихое размышленіе смѣнилось практическою смышленостью, спокойная жизнь суетливою дѣятельностію: у нихъ напрасно ищешь того мягкосердечія, того искренняго доброжелательства, какими отличаются другіе лапландцы. Торговый духъ и частыя сношенія съ русскими и карелами удалили ихъ отъ состоянія первобытной невинности.

„Въ кругу русскихъ всегда легко узнать молчаливаго, смирнаго лапландца; но въ сравненіи съ другими единоплеменниками своими онъ уже русскій. По-русски говоритъ онъ, сколько я могу судить, такъ же свободно, какъ на своемъ родномъ языкѣ. Не имѣя собственныхъ пѣсенъ, онъ любитъ иногда выражать свои чувства какою-нибудь русскою пѣснью. По воскресеньямъ онъ иногда даже и зимой, въ сильный морозъ, тѣшится игрою въ мячикъ или другими у русскихъ заимствованными забавами. И въ домашнемъ быту у лапландцевъ замѣчаются чисто русскіе обычаи—не говоря уже о русской одеждѣ. Ихъ веселость, проворство, духъ торговли — о чемъ мы говорили выше — все это есть слѣдствіе вліянія русскихъ. По всему надобно предполагать, что русскіе лапландцы рано или поздно совершенно обрусѣютъ, тѣмъ болѣе, что у нихъ нѣтъ своего письменнаго языка. Малочисленность русскихъ лапландцевъ еще сильнѣе утверждаетъ насъ въ этомъ предположеніи. По свѣдѣніямъ, какія мнѣ сообщилъ исправникъ въ Колѣ, всѣхъ лапландцевъ въ Россіи не болѣе 1844 душъ.

„Еще надобно бы, можетъ быть, прибавить нѣсколько словъ о языкѣ русскихъ лапландцевъ; но пора ужъ подумать объ отъѣздѣ. Итакъ безъ околичностей пустимся въ дорогу; намъ предстоитъ проѣхать до *Колы* упряжку въ 150 верстъ. Наши олени богато украшены колокольчиками, бубенчиками и множествомъ пестрыхъ ремней. Но для насъ гораздо важнѣе, что намъ наконецъ дали *хорошихъ* оленей, а у русскихъ лапландцевъ, сверхъ того, похвальная привычка ѣздить скоро. Отъ того мы и проѣхали первыя двѣ мили (30 верстъ), такъ сказать,

однимъ духомъ. Потомъ очутились мы у большого *Нуотозера*: проѣхали по льду еще 2 мили, вышли на берегъ и остановились ночевать на снѣгу передъ огнемъ. Любопытно видѣть, съ какимъ необыкновеннымъ проворствомъ русскій лапландецъ раскладываетъ огонь. Онъ нарѣжетъ нѣсколько щепокъ, сломитъ нѣсколько сучьевъ, срубитъ нѣсколько полѣнъ, соберетъ все это вокругъ насмоленнаго пня, и огонь готовъ. Правда, этотъ огонь только на то и годится, чтобы закурить трубку или превратить снѣгъ въ воду для питья, но чего ему болѣе, когда онъ завернется въ свой оленій мѣхъ и овчиный тулупъ? *Кочевой* лапландецъ вовсе не раскладываетъ огня. Когда ему вечеромъ удастся найти хорошее пастбище для своего оленя, онъ выкопаетъ себѣ яму въ снѣгу и въ ней спокойно проспитъ до слѣдующаго утра. Это искусство въ самомъ дѣлѣ предпочтительно плохому огню. Когда есть хорошій лапландскій тулупъ, стоитъ только натянуть его на уши и ввернуть рукава внутрь его, тогда можно прекрасно провести ночь въ скалахъ. Но когда видишь передъ собою какой бы ни было огонь, то охотно скидаешь тяжелый тулупъ, и тогда обыкновенно случается, что отдыхаешь не такъ хорошо, какъ ожидалъ. Просыпаешься отъ холода и, можетъ быть, снѣга, которымъ ты засыпанъ; бѣжишь къ огню, а онъ потухъ. Раскладываешь новый, ложишься опять и засыпаешь, но черезъ нѣсколько минутъ испытываешь то же самое. Такъ провелъ я ночь въ этотъ разъ. Когда, наконецъ, настало вожделѣнное утро, мы еще съ милю продолжали путь по Нуотозеру. Волки бѣгали, какъ собаки, по пустынному озеру и жадно косились на нашихъ тучныхъ оленей. Эти волки всю ночь стерегли и безпокоили оленей, которые отъ того смертельно устали и проголодались. Поэтому мы, съѣхавъ съ озера, должны были остановиться, чтобъ дать оленямъ поискать корму. Лапландцы чрезвычайно превозносятъ оленя за инстинктъ, съ какимъ онъ, только всунувъ морду въ снѣгъ, можетъ узнавать, есть ли подъ нимъ мохъ, хотя бы земля покрыта была глубокими сугробами. Но такъ какъ эта способность составляетъ условіе всего существованія животнаго, то она можетъ быть не такъ удивительна, какъ нѣкоторыя другія свойства, замѣчаемыя у хорошихъ оленей. Меня всегда изумляло, что нѣкоторые изъ нихъ, хотя бы не было малѣйшаго слѣда дороги и сѣдокъ вовсе не зналъ ея, могутъ везти его прямо къ мѣсту, если только разъ были тамъ прежде. О понятливости оленя свидѣтельствуетъ и то, что для управленія имъ не нужно ничего иного, кромѣ одной возжи. Когда она у него по правую сторону, онъ бѣжитъ; но останавливается, когда ее перекинешь на лѣво. Однакожъ эта перемѣна ни къ чему не служитъ, когда ѣдешь съ горы, потому что тогда олень слѣдуетъ не волѣ сѣдока, а собственному своему влеченію, которое заставляетъ его мчаться со всѣхъ ногъ. Такая ѣзда пріятна, но иногда можетъ сдѣлаться и чрезвычайно опасною. Это я недавно испыталъ на одной горѣ, которую мы встрѣтили въ нѣсколькихъ часахъ разстоянія отъ упомянутаго мною привала. Гора та очень высока, и огромныя сосны растутъ по краямъ извилистой дороги, которая спускается къ рѣкѣ *Нуотіоки*. Отъ частой ѣзды образовались на этой дорогѣ бугры и ухабы, такъ что весь скатъ горы состоялъ какъ будто изъ волнъ. Тутъ моему оленю вздумалось пуститься во всю оленью прыть. *Керисъ* [1]) летѣлъ съ одного снѣжнаго бугра на

[1]) Длинныя остродонныя сани, очень похожія на лодку, въ которыхъ лапландцы ѣздятъ на оленяхъ по своимъ глубокимъ снѣгамъ.

другой, вовсе не касаясь земли. Когда онъ потомъ вдругъ ударялся о самую дорогу, крѣпкую какъ камень, чрезвычайно было трудно удерживаться въ керисѣ. Если, сверхъ того, у самой дороги стояло дерево, что случалось почти безпрестанно, то надобно было какъ можно скорѣе поворотить керисъ дномъ къ дереву, потому что иначе голова была бы въ опасности. Но когда въ то же время дорога вдругъ уклонялась по противоположному направленію, то для поворота кериса надобно было дѣйствовать руками и ногами или посредствомъ какого-нибудь сильнаго тѣлодвиженія; потому что еслибъ передній край саней попалъ за дерево, то по всей вѣроятности возжа порвалась бы и ѣздокъ головой стукнулся бы о стволъ древесный. Я счастливо отклонилъ было такую опасность и отъ того потерялъ балансъ, какъ вдругъ керисъ мой такъ сильно опять ударился о бугоръ, что я чуть не вылетѣлъ изъ саней, и взброшенный, упалъ въ нихъ на бокъ. Въ такомъ положеніи я остался бы совершенно безъ рукъ, еслибъ слѣдующій бугоръ, давъ мнѣ новый толчокъ, не привелъ меня благополучно въ прежнее, настоящее положеніе. Когда мы наконецъ очутились у рѣки, олень вдругъ сталъ, обернулся и повидимому съ удивленіемъ смотрѣлъ на страшную гору. Послѣ того я ѣхалъ уже очень спокойно вдоль рѣки до самаго ночлега, для котораго послужила юрта, особо для путешественниковъ построенная неподалеку отъ рѣчного берега.

„На другой день двое странниковъ съ высокой скалы глядѣли на городъ *Колу*, который лежитъ въ долинѣ, со всѣхъ сторонъ окруженной значительными горами и обвиваемой двумя рѣками — *Туломой* и *Колой*; обѣ эти рѣки за самымъ городомъ обнимаются какъ сестры, будто для того, чтобы имъ веселѣе было вмѣстѣ умереть въ волнахъ Ледовитаго моря. Изъ самаго города подымается множество старинныхъ строеній, но скоро взоръ отъ этихъ хижинъ съ наслажденіемъ переходитъ къ колоссальному храму временъ Петра Великаго. Глядя на это исполинское зданіе съ такой отдаленной точки, что его многочисленныя башни являются въ видѣ одного огромнаго купола, воображаешь иногда, будто это не что иное, какъ высокая лапландская скала. Возлѣ этого храма стоитъ другой, который и блестящею наружностью, и малыми размѣрами своими напоминаетъ ближайшее время. Нѣсколько минутъ любовались путешественники этимъ видомъ — и вдругъ съ быстротою стрѣлы помчались внизъ по крутому утесу.“

Этимъ кончается статья г. Кастрена, помѣщенная на шведскомъ языкѣ въ одной изъ послѣднихъ книжекъ журнала „Финляндія“ за 1842 годъ. Мы сообщили большую половину ея; читатели могутъ судить по ней, какихъ занимательныхъ извѣстій еще можно ожидать отъ г. Кастрена. Современникъ поставитъ себѣ обязанностію знакомить русскую публику съ ходомъ и результатами столь любопытнаго для насъ путешествія. Предпріятіе г. Кастрена представляетъ тѣмъ болѣе ручательства въ успѣхѣ, что удостоилось обратить на себя Высочайшее вниманіе Государя Императора: для продолженія путешествія изъ края самоѣдовъ по восточнымъ предѣламъ нашего отечества, г. Кастрену всемилостивѣйше пожаловано значительное пособіе.

Увлекательныя замѣтки Ленрота, изъ его многократныхъ путешествій по Архангельской г., помѣщены будутъ въ слѣд. №№ Соврем.

Мы обѣщали продолжать извѣстія о путешествіи г. Кастре́на по сѣверной Россіи. [1]) Послѣднее письмо его получено изъ *Мезени*. Желая познакомиться съ языкомъ самоѣдовъ, онъ старался достать переводчика, но во всемъ околоткѣ не могъ найти ни мужчины, ни женщины, которые были бы годны къ такой должности, потому что самоѣды чрезвычайно преданы пьянству, и только - что путешественникъ нанималъ кого-нибудь изъ нихъ въ переводчики, какъ оказывалась совершенная невозможность пользоваться ихъ услугами. Мезень окружена необозримыми равнинами или *тундрами*. „Это слово, говоритъ г. Кастренъ, есть безъ сомнѣнія финско-лапландское *тунтури* (которое значитъ *скала*); но странно, что оно здѣсь означаетъ *болото*, на которомъ растетъ мохъ, служащій кормомъ оленей. Въ Лапландіи мохъ растетъ на скалахъ; остальную часть края составляютъ топкія болота. Здѣсь въ Мезенской сторонѣ олень находитъ свой кормъ на самыхъ болотахъ, если почва ихъ довольно тверда. Это хозяйственное значеніе слова *тундра* объясняетъ, какимъ образомъ звонкое *тунтури* съ своимъ величавымъ понятіемъ о высокой скалѣ могло быть унижено до жалкой *тундры*... Вѣроятно, продолжаетъ онъ далѣе, безпрестанно дующій здѣсь рѣзкій вѣтеръ заставляетъ самоѣда одѣваться теплѣе лапландца. Онъ въ отношеніи къ одеждѣ — *двойной* лапландецъ, носитъ двойную шубу, двойную шапку, сапоги двойные. Самая юрта его (чумъ) сложена изъ двойныхъ оленьихъ кожъ; лѣтомъ онъ строитъ себѣ юрту изъ бересты, которая даже вчетверо обвертывается вокругъ шестовъ. Люди незажиточные даже и зимою должны довольствоваться жилищами этого рода; такова была и та юрта, которую я себѣ выбралъ школою языка самоѣдовъ“.

Самоѣды Мезенской земли раздѣляются по *тундрамъ*, гдѣ они кочуютъ, на три племени: *Канинское*, *Тиманское* и *Большеземельское* [2]). Говорятъ, что въ отношеніи къ языку, нравамъ и образу жизни нѣтъ никакого различія между двумя первыми племенами; но оба они значительно отличаются отъ Большеземельскаго, особливо по языку. Для сравненія обоихъ нарѣчій г. Кастренъ рѣшился ѣхать въ *Пустозерскъ*, самое сѣверное русское селеніе въ землѣ самоѣдовъ. Онъ выбралъ это мѣсто потому, что оно лежитъ на границѣ Тиманской тундры съ Большеземельскою, и притомъ жители послѣдней зимою собираются въ большемъ количествѣ около Пустозерска. Настоящая почтовая дорога изъ Мезени въ это отдаленное селеніе идетъ черезъ разныя русскія деревни до слободы Усть-Цыльмы, а оттуда на разстояніи 250 верстъ внизъ по рѣкѣ Печорѣ. Эта дорога была бы, разумѣется, самая удобная; но добросовѣстный путешественникъ, помня цѣль свою, рѣшился ѣхать по Канинской и Тиманской тундрамъ. „Ибо — говоритъ онъ — чтобы узнать народъ, надобно жить посреди народа“. По этой дорогѣ разстояніе отъ Мезени до Пустозерска составляетъ верстъ 700. „Къ счастью, продолжаетъ г. Кастренъ, на этой дорогѣ есть нѣсколько русскихъ деревень и дворовъ, которые могутъ служить для привала и для кабинетныхъ занятій. Таковы: деревня *Несъ*, 100 верстъ къ сѣверу отъ Мезени, въ которой для *Канинскихъ* само-

[1]) См. *Современ.* Т. XXIX, стран. 160.

[2]) Канинское простирается отъ Мезени прямо на сѣверъ до Канина носа по берегу Ледовитаго моря; на востокъ живетъ Тиманское племя, отдѣляясь отъ перваго рѣкою Пешею. Печора составляетъ границу между Тиманскою тундрою и Большеземельскою, которая тянется до самыхъ Уральскихъ горъ.

ѣдовъ устроена церковь, но нѣтъ питейнаго дома" (весьма чувствительный для нихъ недостатокъ, какъ видно изъ предыдущихъ разсказовъ г. Кастрена), „и Пеша, въ 150 верстахъ оттуда, гдѣ находится церковь для *Тиманскихъ* самоѣдовъ. Я намѣренъ въ каждомъ изъ этихъ мѣстъ пробыть недѣли по двѣ для изученія канинско-тиманскаго нарѣчія".

Въ заключеніе ученый путешественникъ сообщаетъ замѣчательный фактъ, что при окончаніи письма его было 30° мороза по Реом., а часа за два передъ тѣмъ погода была теплая.

ПУТЕВЫЯ ПИСЬМА ЛЕНРОТА ИЗЪ СѢВЕРНЫХЪ ГУБЕРНІЙ РОССІИ [1]).

1843.

Прошедшею осенью я обѣщалъ доставлять тебѣ по-временамъ извѣстія о путешествіи моемъ по Олонецкой и Архангельской губерніямъ; но до сихъ поръ я не могъ, да и теперь только отчасти могу исполнить мое обѣщаніе.

Я намѣревался изъ кирхшпиля Нурмисъ въ верхней Кареліи перейти въ кирхшпиль Репола Олонецкой губерніи и оттуда подняться въ Вуоккиніеми и другіе кирхшпили Архангельской губерніи, если время и другія обстоятельства позволятъ. Отъ Нурмисской церкви по крайней мѣрѣ 6 миль до деревни Іонгери, лежащей въ крайнемъ углу Нурмисскаго кирхшпиля между Реполаскимъ кирхшпилемъ съ одной и Кухмоскимъ капеланствомъ [2]) съ другой стороны. Плохія тропинки пролегаютъ чрезъ болота и небольшіе земляные хребты, образующіе вмѣстѣ обширную дикую пустыню. До половины дороги однакожъ встрѣчаются кое-гдѣ гейматы [3]) въ лѣсу; но далѣе не было ни одного человѣческаго жилища, кромѣ бѣднаго торпа [4]).

[1]) *Современникъ* 1843, т. XXXII стр. 5—33.

[2]) По управленію духовному Финляндія раздѣлена на *кирхшпили* или *приходы*. *Капеланствомъ* называютъ часть прихода, отдѣленную отъ него либо по отдаленности своей, либо по чрезвычайному приращенію обывателей. Смотря по пространству, къ одному главному приходу могутъ принадлежать два, даже три капеланства.

[3]) *Гейматъ* — мыза, хуторъ, дворъ съ пашнями, лугами и лѣсомъ. Въ Швеціи, Норвегіи и Финляндіи вся земля, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ казенныхъ и дворянскихъ имѣній, раздѣлена на гейматы. Гейматы вообще бываютъ двоякаго рода; *казенные*, владѣтели коихъ, при наслѣдственномъ правѣ, платятъ казнѣ оброкъ, довольно значительный, и *шкатевые*, издавна скупленные у казны частными лицами или всегда состоявшіе въ полномъ владѣніи обывателей, платящихъ казнѣ умѣренную подать. Владѣлецъ *казеннаго* геймата, если оказывается нерадивымъ въ обработываніи полей и другихъ угодьевъ и въ надзорѣ за мызными строеніями, или если онъ не въ состояніи вносить въ казну оброкъ, лишается своего геймата, который тогда съ публичнаго торга переходитъ къ другому, а съ перваго владѣльца взыскиваются всѣ недоимки по геймату, да еще опредѣляемый по освидѣтельствованію штрафъ за небрежное управленіе гейматомъ.

[4]) *Торпъ*. Если гейматный крестьянинъ не въ состояніи самъ и съ помощію своихъ работниковъ воздѣлывать свои угодья, что почти всегда случается, то онъ изъ

Первый проводникъ нашъ, Петръ Війліяйненъ, былъ настоящій геній. Съ самаго младенчества онъ занятъ былъ великими замыслами и обширными проектами, которыми голова его еще и теперь была до того наполнена, что такъ называемый здравый смыслъ, по крайней мѣрѣ, въ половину былъ вытѣсненъ ими. Сверхъ разныхъ финляндскихъ городовъ, онъ нѣсколько разъ посѣщалъ Петербургъ и Стокгольмъ. Однако же онъ безпрестанно занимался маленькими проектами на пользу общую. Въ примѣръ могу привести, что онъ черезъ лѣсъ, находящійся между деревнями Иликюли и Сарамо въ Нурмисскомъ кирхшпилѣ, на свой счетъ и собственноручно прорубилъ новую дорогу, потому что прежняя, по которой ему часто приходилось итти, вела извилинами, и слѣдовательно была не довольно удобна для такого спекулятивнаго человѣка. Въ этомъ предпріятіи онъ встрѣтилъ однако же непріятности, которыхъ за доброе и безкорыстное свое намѣреніе не заслуживалъ. Прежняя тропинка, по которой отецъ и дѣдъ его съ давнихъ временъ хаживали, была довольно тверда и ровна, новая же была хотя и пряма, но покрыта травою, мхомъ и камнемъ, почему Сарамоскіе обыватели всѣ продолжали ходить по старой, всѣ, за исключеніемъ самого Війліяйнена, который разумѣется ходилъ по своей дорогѣ. Между тѣмъ онъ оскорблялся, что другіе такъ мало умѣли цѣнить работу, па которую онъ употребилъ почти цѣлое лѣто. Побуждаемый этимъ справедливымъ негодованіемъ, онъ разъ перетаскалъ всѣ деревья, какія только могъ достать въ окрестности, на старую тропинку, чтобы загородить самый входъ ея. Это должно было поправить дѣло, но что случилось? Въ одну субботу, когда Сарамоскіе жители отправились въ церковь, они увидѣли, что обыкновенная ихъ дорога была загромождена лѣсомъ. Еслибъ они хоть сколько-нибудь умѣли мыслить, то поняли бы, что ихъ такимъ образомъ хотѣли пріучить къ новой дорогѣ. Такъ вѣдь нѣтъ! они убрали деревья, и, что было еще непріятнѣе, побросали ихъ всѣ на тропинку Війліяйнена. Поставь же ты себя на его мѣсто, и ты конечно поймешь, какое негодованіе эта умышленная обида (иначе онъ не могъ смотрѣть на такой поступокъ) должна была возбудить въ немъ. Но такъ вообще вознаграждаются заслуги. Теперь онъ, казалось, уже такъ привыкъ къ подобнымъ уничиженіямъ, что, не обнаруживая никакой досады, согласился вести по старой тропинкѣ, которую мы довольно безжалостно предпочли прорубленной имъ новой дорогѣ. Тутъ онъ разсказалъ мнѣ то, что я сейчасъ имѣлъ честь разсказать; но онъ никакъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы Сарамоскіе жители случайно побросали деревья, которыми онъ загородилъ ихъ дорогу, на его собственную, и настаивалъ, что это сдѣлали они съ умысломъ посмѣяться надъ нимъ и его дорогой. Теперь Війліяйненъ занимался двумя большими проектами, отъ которыхъ остатки его разсудка были въ базпрестанномъ круговращеніи. Одинъ изъ этихъ проектовъ касался какихъ-то рудниковъ, изъ кото-

своихъ земель отдѣляетъ нѣсколько небольшихъ пашенъ, луговъ и участокъ лѣсу; строитъ тутъ избу со службами и отдаетъ все это въ аренду работнику, подъ разными въ различныхъ частяхъ края условіями. Обыкновенно торпарь обязывается три, много, четыре дня въ недѣлю собственными орудіями производить на гейматныхъ угодьяхъ обыкновенныя земледѣльческія работы, какъ-то: пахать, косить, боронить, сѣять, молотить, и проч. Это главная обязанность; за нею слѣдуетъ еще множество мелкихъ разнаго рода и свойства повинностей. Если торпарь не исполняетъ своихъ обязанностей, то его безъ чиновъ прогоняютъ, отдаютъ торпъ другому.

рыхъ онъ всегда носилъ въ карманѣ и всѣмъ показывалъ разные образчики. Въ доказательство великаго его безкорыстія, могу упомянуть, что хотя онъ за открытіе богатыхъ рудниковъ могъ ожидать вѣрной и значительной награды, однакожъ готовъ былъ за 50 р. асс. уступить мнѣ право владѣнія на всѣ эти угодья, не исключая и образчиковъ, которые носилъ съ собою. Случайный недостатокъ въ деньгахъ не дозволилъ мнѣ воспользоваться безкорыстнымъ его предложеніемъ, чѣмъ я, обдумавъ дѣло хорошенько, былъ очень доволенъ, потому что послѣ совѣсть могла меня упрекать, если бы я разбогатѣлъ заслугами другого.

Второй проектъ Вікіяйнена былъ не менѣе общеполезнаго свойства. Предметомъ его было доставленіе Улеаборгу правъ вольнаго города. Давно уже, по его словамъ, окрестные обыватели жаловались, что они въ Улеаборгѣ должны продавать произведенія свои, особливо смолу, за самую низкую цѣну. Они приписываютъ это стачкѣ между тамошними купцами, будто бы заранѣе опредѣляющими цѣну на сельскіе товары, которой никому нельзя возвышать. Для прекращенія такого злоупотребленія Вікіяйненъ теперь собиралъ подписи поселянъ разныхъ приходовъ, которые всѣ желали перемѣны въ этомъ дѣлѣ. Въ одномъ изъ этихъ приходовъ приходскій писарь, однакожъ, написалъ на прошеніи: „Мысли прихожанъ по предлежащему предмету столь же неясны, какъ и самого составителя проекта, почему отъ нихъ невозможно ожидать какого-либо окончательнаго результата.“ Съ этими подписями Вікіяйненъ теперь хотѣлъ отправиться въ Петербургъ; но напередъ онъ считалъ нужнымъ пріобрѣсти еще „подпись руки“ королей Шведскаго и Англійскаго, которыхъ еще не успѣлъ достать. Я старался убѣдить его, что это не нужно; но это разъ пришло ему въ голову, и онъ никакъ не хотѣлъ отступить отъ своей мысли. Впрочемъ, его предположенія насчетъ правъ вольнаго города были слѣдующія: разъ въ годъ, осенью, открывать въ Улеаборгѣ свободную ярмарку срокомъ на 3—4 недѣли съ тѣмъ, чтобы въ продолженіе этого времени поселяне имѣли право изъ рукъ въ руки продавать иностранцамъ свои товары. Такимъ образомъ онъ надѣялся пособить горю, и бо́льшихъ выгодъ не хотѣлъ испрашивать. Правосудіе и содѣйствіе общему благу, какъ я уже замѣтилъ, еще въ молодости очень заботили Вікіяйнена. Не довольно того, что онъ самому себѣ не позволялъ ни малѣйшей несправедливости противъ другихъ: онъ этого требовалъ и отъ другихъ, даже когда дѣло нисколько не касалось до него. Вотъ что побудило его подать въ судъ жалобу на какого-то фельдъ-комиссара или поставщика, который, какъ онъ слышалъ, показывалъ въ своихъ отчетахъ казнѣ содержаніе нѣсколькихъ сотъ солдатъ, существовавшихъ только въ его записныхъ книгахъ и счетахъ. Не мудрено, что нашъ честный Вікіяйненъ чрезвычайно былъ встревоженъ молвою объ этомъ—и, для успокоенія своей чувствительной совѣсти, при первомъ случаѣ просилъ подвергнуть дѣло законному изслѣдованію. Этимъ онъ однакожъ навлекъ на себя совершенно неожиданную и весьма непріятную комиссію; его обязали доказать сдѣланное имъ обвиненіе. Онъ доказывалъ и доказывалъ нѣсколько лѣтъ сряду, пока геймать его, прежде довольно хорошо обезпеченный, разстроился въ конецъ, и онъ долженъ былъ уступить его другому. Напослѣдокъ Вікіяйнена присудили ко взносу значительной пени и вознагражденію судебныхъ издержекъ въ пользу обвиненнаго, что̀ совершенно разстроило его состояніе. Онъ и рѣшился-было на это и, нанявъ нѣсколькихъ

работниковъ, съ помощью ихъ вырубилъ обширный лѣсъ подъ пожогу. Въ слѣдующемъ году онъ на остальныя деньги купилъ ржи и посѣялъ ее. До сихъ поръ все шло хорошо, и онъ думалъ поселиться у пожоги: но вдругъ небольшое обстоятельство все перемѣнило и самымъ жестокимъ образомъ обмануло его во всѣхъ расчетахъ. Случилось, что онъ по ошибкѣ устроилъ свою пожогу на чужихъ угодьяхъ, что незадолго до жатвы и открылось къ великому его удивленію. Владѣлецъ взятыхъ подъ пожогу угодьевъ пожалъ весь значительный посѣвъ—и, къ довершенію несчастія Війляйнена, еще присудили его къ денежному штрафу. Въ вѣчную славу этой пожоги онъ назвалъ мѣсто, гдѣ она была, Rükinaho (Государственная земля).

Находясь нынѣ въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, Війляйненъ однакожъ еще не покинулъ всѣхъ надеждъ. Сверхъ большихъ своихъ проектовъ, онъ имѣлъ множество маленькихъ.

Еслибъ онъ сохранилъ свой разсудокъ неповрежденнымъ, то несомнѣнно произвелъ бы великія дѣла на свѣтѣ. Остаткомъ своихъ способностей онъ мыслилъ и разсуждалъ часто гораздо лучше многихъ, которые въ полномъ умѣ. Вотъ примѣръ тому. Тогда простолюдины вездѣ боялись, что, если прохожденіе Меркурія чрезъ солнце (которое должно было совершиться въ Азіи 5 числа мая, 1833 г., но по какой-то важной причинѣ было отложено) со-временемъ будетъ приведено въ исполненіе, то послѣдуетъ, буде не совершенное разрушеніе солнца, по крайней мѣрѣ много великихъ перемѣнъ. Большая часть крестьянъ дѣйствительно вѣрила, что солнце можетъ быть въ-дребезги разбито Меркуріемъ, и что отъ паденія его земной шаръ загорится. Я спрашивалъ Війляйнена, что́ онъ думаетъ объ этомъ, и онъ тотчасъ отвѣчалъ, что такъ какъ солнце въ назначенный день не изволило показаться, то Меркурій не могъ отыскать его, и не имѣя лишняго времени пошелъ своею дорогой. Онъ считалъ всякое опасеніе насчетъ этого уже неумѣстнымъ. Впрочемъ, онъ полагалъ, что ему нѣтъ никакого дѣла ни до солнца, ни до Меркурія, лишь-бы только они не мѣшали его предпріятіямъ, чего до сихъ поръ никогда еще и не бывало.

Тебѣ, можетъ быть, покажется, что я слишкомъ долго занимаюсь нашимъ добрымъ Війляйненомъ; но теперь ужъ и довольно: мы сейчасъ придемъ въ деревню Іонгери, до которой намъ было 6 миль дороги черезъ пустыню. Изъ Іонгери, за нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, дѣти на лыжахъ приходили въ Нурмисскую церковь принимать крещеніе. Мы переночевали въ одномъ гейматѣ, а на слѣдующій день отправились вверхъ къ Саунасерви, гдѣ я разстался съ своими товарищами, которые не намѣрены были переходить черезъ русскую границу. Пробывъ часъ въ дорогѣ, сперва водой, а потомъ сухимъ путемъ я прибылъ въ Нисковоора, и отъ проливного дождя промокъ до послѣдней нитки, какъ будто бы цѣлый день пролежалъ въ водѣ. Отсюда я хотѣлъ итти къ дер. Уконвоора, до которой, говорили, 3 версты. За отсутствіемъ всѣхъ взрослыхъ крестьянъ, мальчикъ лѣтъ 5 или 6 повелъ меня было по тропинкѣ; но вскорѣ оставилъ, сказавъ только, что должно сворачивать то вправо, то влѣво. Я строго слѣдовалъ его наставленію, что́ касалось до сворачиванія вправо и влѣво; но когда надобно было выбрать то или другое, этого я вовсе не зналъ. Наконецъ, послѣ долгаго странствованія, я пришелъ въ гейматъ Лосола или Лосонвоора. Оставалось еще 2 версты до Уконвоора и отсюда 6 верстъ до Кусьярви, куда я пришелъ поздно вече-

ромъ. Въ слѣдующее утро пустился я далѣе, нанявъ проводника до Колвосьярви, первой русской деревни, до которой было добрыхъ 2 мили. Мы шли большею частью по сухимъ, сосною поросшимъ землянымъ хребтамъ, которые обыкновенно были чрезвычайно узки и тянулись параллельно, раздѣленные другъ отъ друга болотами. Всего лучше можно представить себѣ видъ этихъ мѣстъ, если вообразить, что они нѣкогда были покрыты подвижною массой, которая сперва ходила огромными волнами, а потомъ вдругъ затвердѣла и остановилась въ своемъ волнообразномъ видѣ. Изъ вершинъ волнъ образовались тогда хребты; промежутки стали болотами. Но нужна была ужасная буря для поднятія такихъ волнъ, противъ которыхъ ничего не значатъ волны въ обыкновенныхъ разсказахъ о кораблекрушеніяхъ, въ какія бы увеличительныя стекла ни смотрѣть на нихъ. Длинныя и узкія болота кое-гдѣ пересѣкались лѣсными озерами, что образовало довольно пріятные виды. Если бы мы шли поперекъ, а не вдоль, то должны бы были безпрестанно всходить на хребетъ и спускаться съ другой стороны его, а потомъ переправляться чрезъ болото и т. д.

Послѣ 13 верстъ ходьбы мы достигли озера *Осмо*. Надежда наша найти здѣсь лодку, на которой бы можно было отправиться далѣе, не сбылась. Пустившись поэтому вдоль по берегу (озеро оставалось у насъ на лѣвой сторонѣ) и пройдя 4 версты, очутились мы у пролива, соединяющаго озера Осмо и Колвосъ. Здѣсь мы изо всѣхъ силъ стали кричать, чтобъ намъ дали лодку; но лодка не являлась. Крикъ нашъ конечно и не могъ быть услышанъ въ деревнѣ Колвосьярви, лежавшей верстахъ въ 3 оттуда на другой сторонѣ пролива. Однакожъ мы должны были переправиться, потому-что не могли бы обойти кругомъ такого огромнаго озера, а еслибъ и попробовали, то въ концѣ его встрѣтили бы широкій ручей, черезъ который было бы также трудно переправиться. Слѣдовательно, намъ только и оставалось изготовить особенное судно для переправы. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега было нѣсколько сосенъ, съ которыхъ обыватели Колвосьярви въ прошлое лѣто содрали кору, чтобъ изъ нея, какъ выразился мой проводникъ, напечь себѣ пироговъ. У финновъ православнаго вѣроисповѣданія пироги очень употребительны и въ праздники и въ будни, а теперь, при скудости хлѣба, кора должна была служить главнымъ составомъ ихъ. Изъ этихъ сосенъ, высохшихъ въ продолженіе лѣта, проводникъ мой вырубилъ небольшія бревна длиною въ сажень, которыя потомъ привезли къ берегу и соединили въ плотъ. Шести такихъ бревенъ было достаточно для нашей цѣли. На двухъ изъ нихъ сдѣлали съ обоихъ концовъ по вырубу, потомъ соединили ихъ поперечными бревнами на такомъ разстояніи другъ отъ друга, что остальныя 4 бревна могли помѣститься между ними. Эти четыре бревна мы теперь просто положили подъ поперечныя бревна, къ которымъ они придерживались небольшимъ только вырубомъ. Но еслибъ хоть слегка наступить на нихъ, они бы тотчасъ погрузились въ воду и раздѣлились бы. Тяжесть наша слѣдовательно должна была дѣйствовать на одни крайнія бревна, которыя посредствомъ упомянутыхъ бревенъ поддерживались четырмя промежуточными. Поэтому мы положили нѣсколько деревьевъ поперекъ съ одного крайняго бревна на другое, и такимъ образомъ было на чемъ стоять. Вотъ каково было судно, построенное въ часъ времени, и мы на немъ переправились счастливо, хотя медленно, черезъ проливъ шириною полверсты. Проводникъ мой разсказалъ, что онъ уже

нѣсколько разъ плавалъ черезъ этотъ проливъ такимъ же способомъ, съ тою только разницею, что довольствовался прежде однимъ поперечнымъ бревномъ, а теперь для меня употребилъ ихъ два.

Въ деревнѣ Колвосьярви я зашелъ въ геймать Хуотори. Старый хозяинъ повелъ меня въ особую комнату и сталъ разспрашивать насчетъ цѣли моего путешествія. Удовлетворивъ его любопытству, и наконецъ и самъ спросилъ, могу ли безопасно путешествовать по ихъ краю. „Въ десять разъ безопаснѣе, нежели у васъ, гдѣ убиваютъ людей“, отвѣчалъ онъ. Надобно знать, что незадолго предъ тѣмъ сынъ богатаго крестьянина изъ этого прихода, нанявшій въ Финляндіи человѣка за себя въ рекруты, былъ убитъ имъ. Когда я напомнилъ ему, какъ ихъ крестьяне всю зиму производятъ у насъ торгъ по селамъ, не встрѣчая никакихъ непріятностей, то онъ сознался, что и въ нашей землѣ вообще можно быть очень безопаснымъ. „Но“—продолжалъ онъ—„безопаснѣе вы всетаки можете путешествовать у насъ, и я головой ручаюсь, что на васъ ни волоска не тронутъ, куда бы вы ни отправились.“ При этихъ словахъ вошелъ вдругъ его сынъ и прервалъ его, сказавъ: „батюшка, не ручайтесь въ томъ, что можетъ случиться!“ Потомъ онъ разсказалъ, что и въ лѣсахъ и въ деревняхъ мѣстами скрывается множество бѣглыхъ людей, которымъ могло бы вздуматься пошарить въ карманахъ путника, а иногда и отправить его на тотъ свѣтъ, чтобы спрятать концы въ воду.

Отсюда я отправился къ Реполаской церкви, куда мнѣ было 15 верстъ. Послѣдній разговоръ въ Хуотори былъ мнѣ памятенъ, такъ что я иногда нѣсколько сворачивалъ съ дороги, чтобы тотъ, кому бы захотѣлось преслѣдовать меня, могъ спокойно пробраться далѣе. Однакожъ моя осторожность, кажется, была излишня: ни теперь, ни послѣ я не встрѣчалъ непріятностей такого рода. Въ Реполаскомъ погостѣ живетъ богатый крестьянинъ, Тёрхёйненъ, котораго я посѣтилъ. Онъ потребовалъ моего паспорта, который я и предъявилъ ему. Прочитавъ довольно бѣгло русскій переводъ паспорта, онъ спросилъ, давно ли я выѣхалъ изъ г. Куопіо. Паспортъ мой былъ выданъ отъ тамошняго губернатора. — Немного болѣе 3 недѣль тому назадъ, отвѣчалъ я.—„А паспортъ вашъ выданъ тому нѣтъ еще и двухъ недѣль; какъ это возможно?“ Взглянувъ самъ на бумагу, я увидѣлъ, что на ней было выставлено 2-го августа по новому стилю и что это же число находилось и въ русскомъ переводѣ, хотя тамъ слѣдовало бы быть 21 іюля, что̀ по старому стилю соотвѣтствуетъ 2-му августа новаго. Тёрхёйненъ понялъ ошибку, когда я на нее обратилъ его вниманіе. Потомъ онъ откровенно разсказалъ мнѣ, что сперва онъ принялъ было меня за человѣка, подосланнаго для отравленія ихъ колодцевъ, почему и потребовалъ такъ строго моего паспорта; далѣе просилъ онъ меня не оскорбляться, если и впредь многіе будутъ обо мнѣ такого мнѣнія, „потому что“, сказалъ онъ, „въ Сальмисѣ случилось“ и т. д. Онъ разсказалъ вкратцѣ все, что произошло въ Сальмисѣ во время холеры. Неужели, спросилъ я, вы вѣрите всѣмъ этимъ нелѣпымъ слухамъ насчетъ отравленія колодцевъ, которое будто было единственной причиной страшной холеры? „Если бы я, отвѣчалъ онъ, и не вѣрилъ этому, то другіе вѣрятъ, и вы не старайтесь перемѣнить ихъ убѣжденія.“ Потомъ я выпилъ у него нѣсколько чашекъ чаю и поѣлъ, послѣ чаю отправился водою вмѣстѣ съ мужиками въ деревню Виста, гдѣ остался ночевать. На слѣдующее утро — но тебѣ вѣроятно

скучно такимъ образомъ итти со мною шагъ за шагомъ и иногда дожидаться, пока я разговариваю съ мужиками, завтракаю, и т. п., а потому я пропущу все это. Но объ одномъ долженъ я упомянуть. Изъ Коскиніеми до Руокколы я не взялъ съ собою проводника, хотя разстояніе было около 20 верстъ, и по дорогѣ не было никакихъ торповъ, ни гейматовъ. Наконецъ я заблудился на побочной тропинкѣ, ведущей къ берегу озера, за которымъ показалось нѣсколько полевыхъ изгородей. Хоть при нихъ и не видно было никакихъ жилыхъ строеній, однакожъ я заключилъ, что они должны быть неподалеку отъ пашней. Поэтому я рѣшился обойти озеро вокругъ — предпріятіе не совсѣмъ легкое, потому что надобно было пробираться чрезъ топкія болота, въ которыхъ я вязнулъ до колѣнъ. Сверхъ того, не видя конца озера, я вовсе не зналъ, съ которой стороны легче обойти его. Я выбралъ ту, которая была у меня на лѣвой рукѣ, предоставляя такимъ образомъ озеру честь быть по правую руку, за каковое оказанное ему почтеніе оно могло бы споспѣшествовать моему предпріятію. Наконецъ я достигъ конца озера, и вмѣстѣ съ тѣмъ увидѣлъ предъ собою широкую рѣчку. Я прошелъ довольно далеко вверхъ по берегу ея, но всетаки не находилъ никакого моста, по которому могъ бы перебраться чрезъ рѣчку. Тутъ я бы очень радъ былъ тому плоту, на которомъ мы переправились чрезъ проливъ между деревнями Осмо и Колвосъ; но онъ былъ уже въ 60 верстахъ позади меня. Не было со мною и топора, которымъ я бы могъ изготовить новый плотъ. Наконецъ я придумалъ раздѣлить свои вещи на множество маленькихъ узелковъ и перебросать ихъ на противоположный берегъ. Сперва пустилъ я свои сапоги, каждый отдѣльно, и чтобы они лучше летѣли, положилъ въ нихъ каменьевъ. Сапоги перебросилъ я очень удачно и даже далѣе, нежели нужно было. Съ прочими вещами дѣло шло такъ же хорошо, кромѣ сертука, который, выпутавшись дорогою изъ развязавшагося узла, упалъ въ рѣчку, какъ подстрѣленная утка. Тогда я уже готовъ былъ самъ пуститься вплавь, бросился—и такимъ образомъ спасъ сертукъ, который еще не успѣлъ потонуть. Итакъ, я теперь былъ на другомъ берегу со всѣми моими вещами, разбросанными по землѣ. Между тѣмъ, какъ я собиралъ ихъ, двѣ женщины, которыя издали видѣли мою переправу, подошли къ берегу и сказали мнѣ: „тутъ есть мостъ немного повыше. Мы хотѣли было крикнуть вамъ, но когда увидѣли васъ, вы уже были въ водѣ.“ „Все равно,“ думалъ я про себя, и спросилъ, далеко ли до деревни. „Полторы версты“, отвѣчали онѣ. Это была именно та деревня, куда я хотѣлъ попасть.

Теперь было бы кстати поговорить о тѣхъ финнахъ вообще, которые съ незапамятныхъ временъ подвластны Россіи, и вѣроятно чуть не со временъ Владиміра Великаго исповѣдуютъ православную вѣру. Самихъ себя они называютъ „Венелейсетъ“. Нѣкогда это имя вѣроятно имъ однимъ принадлежало; нынѣ же оно въ Финляндіи означаетъ весь русскій народъ. Они называютъ живущихъ по ту сторону границы финновъ „Руотсалайсетъ“ (шведами), а весь край нашъ „Руотси“ или Руотсинъ-моа (Швеція). Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ обычаи у нихъ понравились мнѣ болѣе, нежели у нашихъ поселянъ. Что касается до опрятности, то она у нихъ соблюдается лучше, нежели во многихъ мѣстахъ нашего края. У нихъ врядъ ли есть такое бѣдное жилье, гдѣ бы никогда не мыли пола избы; напротивъ, во многихъ мѣстахъ онъ былъ такъ же чистъ и бѣлъ, какъ у насъ въ

любомъ господскомъ домѣ. Избы ихъ впрочемъ совершенно такія же, какъ въ Саволаксѣ, съ дымовымъ окномъ на крышѣ, съ тѣмъ только различіемъ, что у нихъ нѣсколько болѣе, обыкновенно отъ 8 до 10 окошекъ, которыя отчасти со стеклами, отчасти безъ стеколъ; въ саволакскихъ избахъ бываетъ только отъ 4 до 6 окошекъ, но они зато гораздо бóльшаго размѣра. У ихъ избъ сверхъ того фундаментъ выше, такъ что почти въ подвалѣ есть особая комнатка для ручной мельницы и домашняго скарба. Избы всегда въ связи со скотнымъ дворомъ, составляющимъ второстепенное строеніе геймата, которое отдѣляется отъ избы сѣнями, откуда лѣстница ведетъ прямо въ хлѣвъ. Все это конечно не принадлежитъ къ главѣ объ опрятности, которую я только-что хвалилъ въ жилыхъ ихъ избахъ, и которая именно отъ этого сближенія людей и скота вѣроятно становится еще необходимѣе, тогда какъ наши крестьяне безъ вреда могутъ немножко и пренебрегать ею, потому что ихъ собственное жилье всегда стоитъ отдѣльно отъ скотнаго двора.

Другой похвальный обычай у нихъ состоитъ въ томъ, что при каждой деревнѣ есть особое кладбище.

Хлѣбосольство между здѣшними финнами считается добродѣтелью, можетъ быть, и долгомъ религіи; но исполненію его много препятствуетъ предразсудокъ не ѣсть изъ той посуды, которая хоть разъ служила иновѣрцу. Лучше всего имѣть съ собою свою чашку, которую потомъ можно бросить. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ однакожъ держатъ для иновѣрцевъ особыя чашки и посуду, и въ такихъ мѣстахъ всегда легко получать пищу. Я не запасся собственною чашкой, а пробавлялся, какъ умѣлъ. У Тёрхёйнена я наѣлся досыта, что послѣ много тревожило одну старую хозяйку, которая охотно накормила бы меня, но не могла, за неимѣніемъ чашки для прохожихъ (mieronkuppi). „Были ли вы у Тёрхёйнена"? спросила она. „Былъ".—„Что, далъ онъ вамъ чего-нибудь поѣсть"?—„Да зачѣмъ бы ему не дать?"—„И онъ позволилъ вамъ вѣроятно ѣсть изъ своей посуды"?—„Да", отвѣчалъ я, хотя и не былъ вполнѣ увѣренъ въ томъ. „Да, да,"! застонала старушка; онъ такой же, какъ и всѣ прочіе! Что-то наконецъ станется съ людьми, когда они вовсе ни о чемъ не думаютъ." Старуха вѣроятно принадлежала къ сектѣ раскольниковъ, которые не всегда позволяютъ иновѣрцу ѣсть у себя, не терпя даже людей православной вѣры, если они не старовѣры. Суевѣріе въ этомъ отношеніи доходитъ до того, что когда наши крестьяне ѣдутъ въ Кемь, то здѣшніе финны имъ не позволяютъ поить лошадей изъ той проруби, гдѣ поятъ своихъ. Провинись кто-нибудь въ этомъ, тотчасъ окружитъ его множество бабъ, которыя во все горло кричатъ: „прорубь поганитъ!" (pakaniotseeri auvantomme). Мнѣ помнится, какъ одинъ изъ нашихъ мужиковъ въ подобномъ случаѣ весьма хорошо отговорился. Когда бабы не переставали кричать свое „поганитъ, поганитъ", стараясь прогнать его, онъ сказалъ: „Дай лошади напиться: наши кòни такіе же, какъ и ваши."—Почти такъ же, сказываютъ, отвѣчалъ когда-то крестьянинъ изъ Кусамо одному изъ нашихъ пасторовъ, по имени Форбусу, который при всякомъ случаѣ съ ожесточеніемъ проповѣдывалъ противъ куренія табаку, пока самъ не сдѣлался однимъ изъ отчаяннѣйшихъ курителей во всемъ околоткѣ. Случилось однажды, въ тотъ періодъ его жизни, когда онъ еще не курилъ, что какой-то крестьянинъ принесъ ему въ подарокъ глухаря. Но Форбусъ, замѣтивъ, что мужикъ

употребляетъ табакъ, разгнѣвался и съ упреками швырнулъ ему глухаря въ лицо. А мужикъ преспокойно поднялъ глухаря съ полу и опять началъ предлагать его Форбусу, приговаривая: ,,Возьми ты глухаря, вѣдь онъ не табачникъ".

Очень рѣдко кто-нибудь изъ православныхъ финновъ куритъ табакъ. Они такъ предубѣждены противъ него, что даже другому не даютъ курить въ своей избѣ. Я просилъ позволенія на это: въ иныхъ мѣстахъ совсѣмъ отказывали; въ другихъ хозяинъ соглашался на мою просьбу, но только что я успѣвалъ набить трубку и закурить, женщины удалялись изъ комнаты.

Хлѣбное вино и другіе крѣпкіе напитки не такъ противны имъ, какъ табакъ. Однакожъ ,,этихъ снадобій" рѣдко увидишь столько, чтобы можно было напиться до-пьяна. Ежедневно употреблять ихъ вовсе не заведено. Я полагаю, что здѣшніе финны были бы еще менѣе знакомы съ этимъ источникомъ разврата, еслибъ не представлялось столько удобныхъ случаевъ къ тайному ввозу его изъ сосѣднихъ финляндскихъ кирхшпилей. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ меня спрашивали, нѣтъ ли у меня въ сумкѣ водки. Я отвѣчалъ, что вѣдь ее подъ строжайшею отвѣтственностію запрещено провозить черезъ границу. Они полагали, что въ этомъ нѣтъ большой опасности, и вѣроятно были правы. Здѣсь нѣтъ во всякомъ углу сыщиковъ, которые бы могли, если не пресѣкать контрабанду, то по крайней мѣрѣ облагать ее пошлиной. Въ каждомъ кирхшпилѣ есть свой староста, который самъ изъ мужиковъ, и избирается на годъ. Онъ однакожъ не слишкомъ значительная особа и не всегда можетъ раздѣлываться съ крестьянами, какъ бы хотѣлъ. При наборѣ рекрутъ староста однакожъ довольно важное лицо, и при составленіи рекрутскихъ списковъ можетъ получать значительные побочные доходы. Принимается въ соображеніе, сколько на гейматѣ есть сыновей. Двоихъ по большой части оставляютъ, и только въ крайности берутъ одного изъ нихъ. Но какъ въ обыкновенныхъ случаяхъ даже трое сыновей могутъ быть оставляемы на одномъ гейматѣ, въ другихъ же одного изъ этого числа должно брать, то выборъ разумѣется много зависитъ отъ благосклонности старосты.

Кромѣ старосты въ каждомъ приходѣ обыкновенно бываетъ по одному священнику. Однакожъ приходъ и нѣсколько лѣтъ сряду можетъ быть безъ священника, какъ теперь въ Вуоккиніеми, куда Поакоярвскій священникъ пріѣзжаетъ нѣсколько разъ въ годъ. Читать умѣютъ лишь весьма немногіе изъ прихожанъ, даже не всегда одинъ изъ ста. И трудно имъ подвинуться въ этомъ, когда у нихъ нѣтъ никакихъ книгъ. Охоты учиться, безспорно, было бы у нихъ довольно. Еслибъ когда-нибудь признано было нужнымъ выучить ихъ грамотѣ, то легчайшимъ къ тому способомъ было бы выписать для нихъ учителей изъ православно-финскихъ приходовъ въ Кареліи, Иломанцъ и Либелицъ. Въ обоихъ этихъ приходахъ крестьяне хорошо читаютъ наши финскія книги, и безъ значительныхъ затрудненій могли бы передать свои познанія одновѣрцамъ своимъ по сю сторону границы. Исключая катихизисъ и другія основныя книги, я думаю, что наши финскія книги, какъ аскетическаго, такъ и другого содержанія, весьма удобно могли бы быть допускаемы и въ другихъ православныхъ приходахъ, кромѣ Иломанца и Либелица. Но я совсѣмъ забываю предметъ свой, грамотность православныхъ финновъ. Еслибъ можно было тѣмъ

или другимъ образомъ выучить ихъ читать, то это оказало бы по крайней мѣрѣ ту пользу, что они впредь не имѣли бы надобности, какъ до сихъ поръ было, ѣздить за нѣсколько миль къ крестьянамъ по ту сторону границы, чтобы узнавать, какая по календарю будетъ погода. Трудно было бы повѣрить этому; но вотъ случай, который я точно помню. Когда продолжительные дожди прошедшаго лѣта заставляли ихъ опасаться за будущую жатву, одинъ мужикъ не въ-шутку сказалъ: мы еще не ѣздили на финскую сторону справиться по календарю, какую осень Богъ дастъ намъ. До ближайшей финляндской деревни было оттуда цѣлыхъ 30 верстъ, что составляло конечно довольно порядочное разстояніе для поѣздки такого рода. Я очень жалѣлъ, что со мною не было календаря, который во многихъ мѣстахъ могъ бы мнѣ служить прекрасною рекомендаціею, такъ какъ совѣстливость не позволяла мнѣ наобумъ сочинять ложь о Божіей погодѣ и вѣтрѣ.

Третій и значительнѣйшій чиновникъ у этихъ финновъ есть исправникъ, который то же, что нашъ земскій судья и коронный фохтъ вмѣстѣ. Отъ пограничныхъ приходовъ, каковы Вуоккиніеми и Репола, живетъ онъ на разстояніи 300 верстъ. И онъ раза два въ годъ объѣзжаетъ ввѣренный ему округъ, рѣшая тяжбы крестьянъ и, если не ошибаюсь, собирая подати. Лучшимъ ихъ исправникомъ, по ихъ мнѣнію, былъ попавшійся въ плѣнъ къ русскимъ финляндскій офицеръ, который, послѣ разныхъ превратностей судьбы, назначенъ былъ исправникомъ въ Кеми. О его времени разсказываютъ въ здѣшнихъ мѣстахъ почти какъ о вѣкѣ Сатурновомъ въ древнемъ Лаціумѣ. Вѣроятно онъ былъ и въ самомъ дѣлѣ достопамятный человѣкъ.

Впрочемъ, всѣ чиновники во время своихъ объѣздовъ живутъ на счетъ крестьянъ. Не получая ни гроша за прогоны, крестьянинъ долженъ возить его и сопровождающихъ его чиновниковъ, сколько бы ихъ ни было. Еслибъ мнѣ въ другой разъ удалось странствовать по этимъ же мѣстамъ, я бы прежде всего непремѣнно отыскалъ исправника и навязался бы ему, чтобъ онъ взялъ меня съ собой, когда будетъ объѣзжать свой округъ. Это доставило бы мнѣ неисчислимыя выгоды. Впрочемъ крестьяне немного досадовали на такое, не знаю, законное или незаконное обыкновеніе чиновниковъ, завидуя и въ этомъ отношеніи нашимъ крестьянамъ, не обязаннымъ кормить и возить господъ безъ платы. Они очень хвалили нашихъ господъ, которые при послѣднемъ межеваніи границъ жили у нихъ вмѣстѣ съ ихъ собственными.

Народъ здѣшній чрезвычайно набоженъ. Четыре раза въ годъ у нихъ бываютъ общія празднества, продолжающіяся недѣлю или двѣ сряду. Угощеніе распредѣляется на извѣстное число гейматовъ, на которыхъ поочереди принимаютъ гостей изъ другихъ извѣстныхъ деревень; и на эти праздники являются всѣ, кто только можетъ, къ тому, за кѣмъ очередь, а онъ долженъ ихъ угощать, пока продолжается торжество.

Землепашествомъ, кажется, они пренебрегаютъ еще болѣе, нежели наши финны. Пашни вообще малы и недостаточны; луга также незначительны. Почему при всѣхъ почти гейматахъ скотный дворъ очень не великъ; коровъ двѣ или три, да лошадь; молоко также не столь важный предметъ въ хозяйствѣ ихъ, какъ у нашихъ финновъ; потому что здѣсь не употребляютъ молочной пищи 3 дня въ недѣлю: въ

понедѣльникъ, среду и пятницу, въ которые у нихъ соблюдается родъ поста. Какъ строги они въ этомъ отношеніи, доказываетъ слѣдующій примѣръ. Когда я возвращался изъ своего путешествія, провожалъ меня до первой финской деревни мужикъ православнаго исповѣданія изъ Ахонлахти. Мы пришли въ Лехтовоора, и хозяйка подала намъ съѣстного. Была пятница, и проводникъ мой объявилъ, что ему не слѣдуетъ ѣсть ни масла коровьяго, ни молока, составлявшихъ, кромѣ хлѣба, весь обѣдъ. Я увѣрялъ его, что здѣсь, на нашей сторонѣ, не грѣшно поѣсть этого; но онъ отвѣчалъ очень умно: „для васъ это не грѣхъ, а мы согрѣшимъ, гдѣ-бы ни позволили себѣ отступить отъ правилъ нашей религіи." Въ искусствѣ пахтать хорошее масло эти финны далеко отстаютъ отъ нашихъ крестьянъ. Нигдѣ не видалъ я у нихъ даже изряднаго масла. Зато въ здѣшней сторонѣ множество значительныхъ озеръ, въ коихъ успѣшно производится рыбная ловля. Рыба же у нихъ—такое яство, которое очень употребительно въ постные дни. Вообще благосостояніе этихъ финновъ на высшей степени, нежели въ ближайшихъ къ нимъ финскихъ приходахъ. По моему мнѣнію причина этому заключается въ томъ, что здѣсь почти вовсе нѣтъ бобылей и дармоѣдовъ, которые въ нашемъ краѣ во многихъ мѣстахъ составляютъ настоящую язву народную. Другою причиной благосостоянія ихъ, кажется, служитъ и то обстоятельство, что они рожь свою употребляютъ въ видѣ хлѣба, для желудка, наши же крестьяне пускаютъ ее, въ видѣ винныхъ паровъ, въ голову, отъ чего желудокъ остается пустъ и тѣло изнуряется. Бòльшая живость и заботливость также, кажется, способствуетъ къ тому. Эти свойства тотчасъ бросаются въ глаза, когда пріѣдешь сюда отъ нашихъ финновъ. Бывало придешь, напр. къ финскому геймату съ обычнымъ привѣтствіемъ: добрый день (hyvää päivää)! мужикъ, конечно ужъ не ломая себѣ головы, отвѣчаетъ своимъ: „дай Богъ здравствовать" (Jumala antakoon)! потому что этотъ привѣтъ отъ привычки почти невольно срывается съ его языка, безъ участія въ немъ мысли и души; зато и заставляетъ онъ дорогимъ терпѣніемъ выкупать каждое слово послѣ того. По крестьянскому обычаю, за этими первоначальными привѣтствіями, хозяинъ или другой значущій членъ дома спрашиваетъ: „что новаго"? Но этотъ вопросъ, какъ онъ ни кажется простъ и однообразенъ, иногда стòитъ мужику невѣроятныхъ усилій. Я видалъ, какъ для этого иной трижды долженъ былъ почесать за ухомъ, мѣсто, гдѣ крестьянину привычно искать вдохновенія. Если мнѣ потомъ понадобится что-нибудь, напр. лодка, и я принесу свою просьбу, то мужикъ (хотя конечно онъ въ этомъ рѣдко и не безъ важныхъ причинъ откажетъ) всегда исполнитъ напередъ двѣ предлинныя церемоніи. Къ первой относится продолжительное совѣщаніе, которымъ рѣшится, кто именно возьмется быть гребцомъ—и это совѣщаніе такъ неизбѣжно, что его не забываютъ даже и въ такомъ случаѣ, когда дома одинъ только человѣкъ и въ выборѣ уже не можетъ быть никакого сомнѣнія. Другая церемонія состоитъ въ медленной ѣдѣ, послѣ чего и по соблюденіи еще другихъ менѣе важныхъ церемоній, проводникъ наконецъ готовъ. Совсѣмъ не таковы православные финны. Какъ только войдешь въ избу, хозяинъ тебя закидаетъ вопросами и заговоритъ разсказами, при которыхъ такъ мало обдумываетъ каждое слово порознь, что выпускаетъ ихъ разомъ гораздо болѣе, нежели сколько бы нужно было. Впрочемъ, само собою

разумѣется, что это не безъ исключеній, и что иногда и у православнаго финна замѣтна бываетъ настоящая финская флегма, а у нашего напротивъ болѣе живости и поворотливости; я говорю только объ общемъ свойствѣ того и другого.

Врожденную склонность къ торговлѣ эти финны раздѣляютъ со всѣмъ русскимъ народомъ. Я прежде считалъ ихъ потомками древнихъ біармійцевъ, съ которыми они всегда состояли въ тѣсныхъ сношеніяхъ, но недавно читалъ въ Выборгской газетѣ, что это предположеніе несправедливо. Можетъ быть, за симъ надобно предоставить имъ честь происхожденія отъ того народа, черезъ землю котораго тянулись караваны біармійцевъ для торговли съ норманнами. Дома, между собою, они конечно значительнаго торгу не производятъ, но тѣмъ болѣе торгуютъ въ Финляндіи, Ингерманландіи, Эстляндіи и пр., гдѣ за платки и другіе мелкіе товары собираютъ значительныя деньги. Начиная съ октября мѣсяца, они производятъ этотъ разносный торгъ до наступающей весны, когда возвращаются домой, либо для надзора за своимъ хлѣбопашествомъ, либо для поѣздокъ въ С.-Петербургъ, Москву и другія мѣста, гдѣ закупаютъ большую часть припасовъ своихъ на зиму. Въ поэмѣ Рунеберга „Стрѣлки лосей" есть описаніе подобнаго архангельскаго торговца въ нашемъ краю. Тѣ, которые у насъ странствуютъ съ своими котомками, бываютъ по большей части изъ Вуоккиніеми, иногда же изъ кирхшпилей: Репола, Паанаярви и Корписельке.

Одежда у этихъ финновъ походитъ на одежду русскихъ крестьянъ вообще, по крайней мѣрѣ, сколько я имѣлъ случай замѣтить. Особенно любятъ они красный цвѣтъ, потомъ слѣдуетъ желтый и наконецъ синій.

Еще можно бы очень многое прибавить, но это я оставлю до другого раза; теперь же я долженъ ѣхать въ деревню, и болѣе писать некогда. Замѣчу только, что еслибъ кто вздумалъ побывать у этихъ финновъ для собиранія финскихъ рунъ, то онъ здѣсь могъ бы ожидать обильной жатвы. Говорятъ, что они въ особенности богаты свадебными пѣснями, въ числѣ которыхъ много прекрасныхъ. Однакожъ эти крестьяне охотно берутъ деньги за трудъ пѣть свои пѣсни, потому что и пѣніе считается у нихъ предметомъ торговли; да оно и хорошо, что у нихъ хоть за деньги можно добиться того, чего отъ нашихъ крестьянъ часто ни за деньги, ни даромъ не дождешься. Если бы кто рѣшился предпринять подобную поѣздку, я бы совѣтовалъ ему избрать на то зиму. Въ это время года не только удобнѣе возить съ собою всѣ нужныя вещи, имѣя собственную лошадь и свои сани, но и крестьянъ легче заставать дома, и самое путешествіе безопаснѣе, нежели лѣтомъ, когда по дорогамъ часто шатаются упомянутые выше бродяги.

Если въ этихъ легкихъ очеркахъ найдутся какія-либо невѣрности, то это не мудрено, потому что тѣ три источника, изъ коихъ все это почерпнуто, а именно: разсказы крестьянъ, собственная моя память и наблюдательность — очень обманчивы, какъ мнѣ извѣстно по опыту.

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ШВЕДСКОЙ ИСТОРІИ [1]).

По Фрюкселю.

1844.

Мы уже прежде упоминали о замѣчательномъ сочиненіи „*Разсказы изъ Шведской исторіи*", издаваемомъ въ Стокгольмѣ г. Фрюкселемъ. Теперь рѣшились мы познакомить съ этою книгою читателей покороче. Она начала появляться еще съ 1823 года. До сихъ поръ вышло въ свѣтъ 12 частей: въ послѣдней разсказъ событій относится къ серединѣ XVII вѣка; первыхъ частей было уже пять изданій.

Первоначальный планъ г. Фрюкселя, впослѣдствіи нѣсколько измѣненный имъ, виденъ изъ слѣдующихъ словъ краткаго предисловія къ I-й части. „Почти всѣ начинаютъ соглашаться въ томъ, что подробныя біографіи, написанныя простымъ повѣствовательнымъ слогомъ, лучше всего могутъ приготовить молодого человѣка къ обширнѣйшему впослѣдствіи изученію исторіи. Основныя *начала* этой науки состоятъ въ событіяхъ и характерахъ, а не въ годахъ и не въ именахъ; а потому и *первоначальное* преподаваніе исторіи должно состоять въ жизнеописаніяхъ такихъ людей, которыхъ характеръ сильно дѣйствовалъ на ходъ событій и на духъ времени. Когда молодой человѣкъ познакомится съ нимъ, тогда уже надобно думать о томъ, чтобы привести эти начала въ хронологическій порядокъ и философически связать ихъ въ одно цѣлое."

Итакъ сперва г. Фрюксель скромно назначалъ свою исторію для начинающихъ. Послѣ чрезвычайный успѣхъ ея заставилъ его перемѣнить и цѣль ея и отчасти самый планъ. Въ предлагаемыхъ замѣткахъ объ этой книгѣ, которою гордится литература сосѣдей нашихъ, главная цѣль та, чтобы, при нынѣшнихъ дѣятельныхъ и почти общихъ усиліяхъ въ пользу русской исторіи доставить занимающимся ею новый предметъ къ соображенію. Существенная услуга этой наукѣ заключается конечно въ разработкѣ матеріаловъ или источниковъ; но неоспоримо, что и изложеніе исторіи, приведеніе собраннаго въ систему, заслуживаетъ особеннаго вниманія: только въ стройномъ разсказѣ исторія составляетъ органическое цѣлое; только въ этомъ видѣ она изъ рукъ ученаго переходитъ въ общее достояніе народа. Изложеніе исторіи есть предметъ особаго искусства. Для разработки матеріаловъ много надобно ума, знаній, изыскательнаго духа, терпѣнія; но историкъ-писатель долженъ быть *художникомъ*. Надѣемся, что отчетъ, даже и бѣглый, о сочиненіи Фрюкселя сообщитъ любителямъ историческаго искусства нѣсколько новыхъ идей. Другая цѣль наша—обратить вниманіе читателей на исторію сосѣдняго съ нами народа, которая, будучи въ высшей степени любопытна для всякаго, представляетъ

[1]) *Современникъ*, 1844, т. XXXV, 225—278; срв. *Переписку*, т. II, стр. 269—273, 277, 284, 289.

для русскаго еще особенный интересъ по множеству точекъ соприкосновенія съ исторіею отечественною, и мы, чтобы доставить заимствованіямъ нашимъ изъ труда Фрюкселя болѣе занимательности, намѣрены останавливаться, если не исключительно, то преимущественно на тѣхъ частяхъ шведской исторіи, гдѣ она въ соприкосновеніи съ русскою.

Авторъ раздѣляетъ исторію своего отечества на три періода: 1-й составляютъ времена языческія, до 1061 года; 2-й времена католическія, до 1521 г.; 3-й времена лютеранскія, продолжающіяся еще и нынѣ.

Книга начинается *вступленіемъ* или статьею о *древнѣйшихъ вѣрованіяхъ* въ Швеціи. Сюда относятся краткія главы: 1) о сотвореніи міра; 2) о богахъ; 3) о Локѣ; 4) о концѣ міра, — предметы, которые мы, независимо отъ Фрюкселя, уже разсматривали при другихъ случаяхъ.

Далѣе слѣдуетъ *разсказъ 1-й объ Одинѣ и его преемникахъ.* Здѣсь 5 маленькихъ главъ: 1. Древнѣйшее состояніе Швеціи (описано въ нѣсколькихъ строкахъ); 2. Прибытіе Одина въ Швецію; 3. Законодательство Одина; 4. Преемники Одина. Первымъ изъ нихъ былъ сынъ его *Ингве Фрей*, котораго потомки названы по немъ *Инглингами.* Они долго правили Швеціею, живя въ Упсалѣ. Въ III столѣтіи по Р. Х. прославился въ родѣ ихъ конунгъ (король) *Агній*, котораго исторія составляетъ 5-ю и послѣднюю главу 1-го разсказа.

Въ слѣдующихъ разсказахъ, до 7-го включительно, раздѣляя ихъ такимъ же образомъ, авторъ занимается подвигами знаменитѣйшихъ полубаснословныхъ героевъ древней Скандинавіи, что заимствовано изъ сохранившихся преданій, или такъ называемыхъ *сагъ.* Уже и въ этомъ туманномъ періодѣ упоминается иногда о нынѣшней Россіи. Такъ, въ VII вѣкѣ, славный *Иваръ* ходилъ въ страны по сю сторону Балтійскаго моря, на помощь русскимъ (мы, по примѣру Фрюкселя, для краткости такъ называемъ тогдашнихъ жителей нынѣшней Россіи) въ войнѣ противъ Ингіальда, другого владѣтеля изъ Швеціи, которая въ то время была раздѣлена между многими такими конунгами. Изъ Россіи Иваръ побѣдителемъ отправился въ Данію, женился на тамошней принцессѣ и вмѣстѣ съ нею получилъ ея землю. Потомъ онъ завоевалъ всю Швецію — гдѣ, слѣдовательно, былъ первымъ единодержавнымъ владѣтелемъ — далѣе сѣверную Германію и часть Англіи. Поэтому онъ прозванъ былъ *Видфамномъ*— широкою пазухою. Онъ сдѣлался родоначальникомъ новой династіи королей шведскихъ — Иваровичей. Дочь свою Эду (Öda) Иваръ отдалъ въ замужество конунгу Рёреку на островѣ Зеландіи. Она, вскорѣ лишившись мужа, удалилась съ большою дружиною знатныхъ въ Гардарике или Россію, гдѣ конунгъ Радбіартъ принялъ ее подъ свое покровительство и послѣ женился на ней. Старый Иваръ, у котораго не просили на то позволенія, такъ оскорбился этою дерзостью, что съ безчисленнымъ множествомъ кораблей отправился на востокъ, намѣраваясь опустошить все государство Радбіарта. Оно начиналось у Карельскаго (Финскаго) залива — и здѣсь хотѣлъ Иваръ выйти на берегъ, но, разгнѣвавшись на одного изъ своихъ сподвижниковъ и бросившись на него изъ своей палатки, упалъ съ корабля въ море и погибъ.

У Эды былъ отъ перваго мужа сынъ *Гаральдъ*, прозванный (по большимъ желтымъ зубамъ) *Гильдетандомъ* — золотымъ зубомъ. Онъ овладѣлъ всѣми землями своего дѣда въ Швеціи и Даніи и сдѣлался

великимъ героемъ. Отъ второго мужа, Радбіарта, былъ у Эды другой сынъ, которому Гаральдъ отдалъ въ удѣлъ часть Швеціи съ городомъ *Упсалою;* но этотъ упсальскій владѣтель вскорѣ умеръ и оставилъ свою область сыну, *Сигурду Рингу.*

Самъ *Гаральдъ Гильдетандъ* жилъ на островѣ Зеландіи въ г. Лейрѣ. Когда ему было уже 150 лѣтъ, то онъ отъ слабости безпрестанно лежалъ въ постели и почти не могъ ходить. Не было никого, кто бы защищалъ его царство отъ множества морскихъ героевъ, которые со всѣхъ сторонъ начинали нападать на него. Это не нравилось его друзьямъ, и многіе думали, что конунгъ жилъ уже довольно. Потому нѣкоторые знатные рѣшились умертвить его — и, когда онъ однажды сидѣлъ въ ваннѣ, начали наполнять ее деревомъ и каменьями, чтобы такимъ образомъ задушить старика. Но когда Гаральдъ замѣтилъ ихъ намѣреніе, то просилъ выпустить его, говоря: „знаю, что я вамъ кажусь слишкомъ дряхлымъ: оно, можетъ быть, и правда; но я не хочу умереть въ ваннѣ, а лучше умру достойно конунга.“ Тогда подошли его друзья и помогли ему встать. Послѣ того онъ отправилъ пословъ къ *Сигурду Рингу* въ Упсалу и велѣлъ сказать ему, что датчане находятъ Гаральда слишкомъ старымъ, и потому онъ желаетъ пасть, какъ прилично конунгу, въ бою. Для того онъ просилъ, чтобы *Рингъ* собралъ войско, какъ можно огромнѣе, и съ нимъ встрѣтилъ *Гаральда* (онъ назначилъ ему и мѣсто встрѣчи). Войско Гаральда собралось въ Эрезундѣ (проливѣ между Зеландіею и Швеціею) и было такъ велико, что по кораблямъ какъ по мосту могли ходить черезъ морской проливъ. У Ринга было много отличныхъ бойцовъ, особливо *Рагвальдъ мудросовѣтный* и *Старкотеръ*, считавшійся первымъ воителемъ того времени. Въ войскѣ Гаральда былъ знаменитѣйшимъ *Уббе*; сверхъ того тамъ были три *дѣвы-щитоносицы*, изъ которыхъ одна держала знамя Гаральда. Самъ онъ, велѣвъ поставить рать въ боевой порядокъ, сѣлъ въ колесницу, потому что не могъ ходить. Тогда (около 740 г. по Р. Х.) произошло славнѣйшее въ скандинавской древности сраженіе на *Бровальскомъ* полѣ (въ Остготландіи): старинныя саги гласятъ, что нигдѣ на сѣверѣ не сражалось такое множество отборныхъ воиновъ. Впереди полковъ Ринга шелъ воитель Рагвальдъ мудросовѣтный — и на него обратился Уббе. Между ними началось грозное единоборство: наконецъ Рагвальдъ палъ мертвый на землю. Потомъ Уббе повалилъ еще нѣсколькихъ воителей. Видя то, Рингъ громко вскричалъ, что „стыдно давать одному человѣку такъ превозноситься надъ цѣлымъ войскомъ; гдѣ же Старкотеръ, который прежде никогда не боялся итти на врага?“ Старкотеръ пошелъ на Уббе — и посыпались мощные удары. Наконецъ, дружины стали съ обѣихъ сторонъ между ними и раздѣлили воителей. Уббе взялъ мечъ въ обѣ руки и прорубилъ себѣ широкій путь сквозь вражескіе полки, весь въ крови по самыя плечи. Наконецъ стоявшая позади всѣхъ норвежская рать пронзила Уббе двадцатью четырьмя стрѣлами.

Противъ Старкотера выступила въ бой одна изъ щитоносицъ: сильнымъ ударомъ она разрѣзала ему мясо на челюсти и подбородкѣ. Въ ту же минуту подступилъ другой боецъ и сразилъ ее; а Старкотеръ вложилъ себѣ бороду въ ротъ и стиснулъ ее зубами, чтобы такимъ образомъ удержать повисшее мясо — и былъ въ страшномъ гнѣвѣ. Онъ врубился въ датское войско, и множество героевъ пало отъ руки его. Видя значительную убыль людей въ своихъ рядахъ, старый Га-

ральдъ сталъ на колѣна въ колесницѣ — иначе стоять онъ не могъ — и взялъ по коротенькому мечу въ обѣ руки. Потомъ онъ велѣлъ везти себя въ самую средину непріятелей, рубилъ и кололъ на обѣ стороны и такимъ образомъ повалилъ много людей — и казалось, что онъ очень мужественъ и творитъ подвиги великіе, судя по его старости. Наконецъ собственный его полководецъ, Бруне, ударилъ его дубиной по шлему: голова треснула — и конунгъ упалъ мертвъ изъ колесницы. Увидя, что она пуста, Рингъ понялъ, что Гаральдъ убитъ. Онъ велѣлъ затрубить, чтобы остановили бой, и датчане приняли миръ и пощаду, предложенные имъ. На слѣдующее утро онъ велѣлъ отыскать тѣло Гаральда и по древнимъ обрядамъ похоронилъ его въ курганѣ съ великою честію. Конунгъ *Сигурдъ Рингъ* остался единодержавнымъ владѣтелемъ всей Швеціи и Даніи.

Мы извлекли здѣсь самыя рѣзкія черты изъ 7-й и 8-й главы шестого разсказа; заглавіе одной: *Старость Гаральда Гильдетанда*, а другой: *Битва Бровальская*. Это событіе избрали мы предметомъ болѣе подробнаго изложенія потому, что оно пользуется особенною славою на скандинавскомъ сѣверѣ. Въ переводѣ на языкъ совершенно другого корня невозможно передать характеристическихъ достоинствъ, какими отличается разсказъ въ подлинникѣ. Авторъ умѣлъ сохранить въ немъ весь простодушный тонъ древнихъ сагъ, откуда почерпнуты событія; съ намѣреніемъ придалъ онъ даже своему языку колоритъ старины, употребляя нерѣдко обветшалыя слова и формы и приводя цѣликомъ рѣчи героевъ въ ихъ наивно-оригинальномъ складѣ. При подробности изложенія множество именъ составляетъ неизбѣжное неудобство; но авторъ назначалъ свои разсказы не для того, чтобы ихъ вполнѣ усвоивали *памяти*, а для того, чтобы посредствомъ ихъ получали вѣрное *понятіе о жизни* и *духъ* старины скандинавской — и этой цѣли достигаетъ онъ совершенно тѣмъ впечатлѣніемъ, какое производитъ на читателя. Мы, въ своихъ выпискахъ, будемъ стараться исключать всѣ тѣ собственныя имена и вообще тѣ подробности, безъ которыхъ можно обойтись, ничего не теряя.

Смерть Сигурда Ринга (гл. 10-я) составляетъ предметъ въ высшей степени поэтическій. Рингъ былъ уже очень старъ, но — не смотря на то — влюбился въ прекрасную *Альфсоль*, дочь одного подвластнаго ему конунга. Онъ сватался за нее, но ея братья не согласились „выдать такую красавицу за такого стараго и морщинистаго старика.“ Въ гнѣвѣ Рингъ объявилъ имъ войну: они пали; войско ихъ было разбито. Рингъ велѣлъ отыскать Альфсоль. Но она уже не существовала: чтобы она никакъ не могла достаться Рингу, братья заблаговременно ее отравили. Получивъ одинъ трупъ ея, Рингъ не захотѣлъ жить долѣе. Онъ велѣлъ снести всѣ мертвыя тѣла на корабль; самъ сѣлъ у кормила и положилъ Альфсоль возлѣ себя. Потомъ приказалъ онъ зажечь корабль, поднялъ всѣ паруса и при сильномъ вѣтрѣ понесся въ море, говоря, что хочетъ „явиться къ Одину въ величіи, достойномъ славнаго конунга.“ Удаляясь отъ скалистыхъ береговъ, онъ самъ себя пронзилъ мечомъ и такимъ образомъ палъ мертвый надъ своею милою Альфсолію.

У него остался сынъ, могучій и прекрасный *Рагнаръ*. Это одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ героевъ скандинавской саги. Такъ какъ и въ русской литературѣ имя его уже извѣстно, и наши поэты [1]) не разъ

[1]) См. у Н. М. Языкова: *Пѣснь короля Регнера.*

пробовали воспользоваться имъ, то мы помѣстимъ здѣсь въ цѣлости (съ ничтожными развѣ пропусками).

Седьмой разсказъ.

О Рагнарѣ и его сыновьяхъ.

Гл. 1.

О Торѣ Боргаріортѣ.

Въ то время жилъ въ Остготландіи богатый и могучій ярлъ (графъ), у котораго была дочь необыкновенной красоты и рѣдкаго ума, по имени *Тора*. Ее прозвали *Боргаріортой* потому, что она сидѣла въ теремѣ, окруженномъ тыномъ, будто въ укрѣпленномъ замкѣ (borg), и красотою превосходила всѣхъ женщинъ, какъ лань (hjort) всѣхъ животныхъ. Отецъ старался всячески тѣшить ее и подарилъ ей маленькаго прекраснаго змѣя. Сначала змѣй лежалъ кольцомъ въ коробочкѣ, но вскорѣ началъ расти такъ быстро, что ему ужъ не было мѣста въ коробочкѣ. Наконецъ онъ такъ выросъ, что не помѣщался уже и въ комнатѣ, а лежалъ обвившись вокругъ тына и былъ такъ великъ, что голова сходилась съ хвостомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сдѣлался такъ золъ, что никто не смѣлъ ходить къ дѣвушкѣ, кромѣ человѣка, который кормилъ змѣя, а съѣдалъ онъ каждый разъ цѣлаго быка. Отецъ Торы былъ всѣмъ этимъ очень недоволенъ и наконецъ положилъ обѣтъ, что выдастъ дочь свою съ большимъ приданымъ за того, кто убьетъ змѣя. Слухъ объ этомъ разнесся далеко; но всѣ такъ боялись змѣя, что никто не отваживался искать высокой награды.

Гл. 2.

Тора достается Рагнару.

Рагнаръ, сынъ Сигурда Ринга, въ то время былъ уже совершеннолѣтенъ, и на боевыхъ корабляхъ своихъ странствовалъ далеко съ доброю ратью, и уже считался непобѣдимымъ воителемъ. Онъ слышалъ объ ярловомъ обѣтѣ, но подавалъ видъ, что не обращаетъ на него никакого вниманія. Между тѣмъ заказалъ онъ себѣ чудное платье изъ косматаго мѣха и такую же шапку. Онъ велѣлъ варить ихъ въ смолѣ, потомъ валять въ пескѣ и дать имъ затвердѣть. Въ слѣдующее лѣто онъ съ кораблями направилъ путь въ Остготландію и тамъ расположился въ пустынномъ заливѣ. На другое утро, едва начало свѣтать, надѣлъ Рагнаръ свое чудное платье, пошелъ одинъ на берегъ и отправился къ дѣвичьему терему. Тамъ увидѣлъ онъ змѣя, бросился на него съ копьемъ, и прежде, нежели тотъ успѣлъ защититься, Рагнаръ нанесъ ему второй ударъ, налегая такъ сильно, что копье насквозь пронзило змѣя, и онъ такъ круто повернулся, что древко переломилось на-двое. Змѣй обрызгалъ Рагнара гноемъ, но жесткое платье не дало ему проникнуть до тѣла. Рана змѣя была смертельна; онъ издыхалъ съ такимъ ужаснымъ шумомъ, что весь дѣ-

вичій теремъ дрожалъ. Проснулись женщины въ высокой палатѣ, и Тора выглянула въ стѣнное отверстіе (волоковое окно), чтобы посмотрѣть, что случилось. Она увидала передъ домомъ огромнаго человѣка; но такъ какъ еще не совсѣмъ разсвѣло, то она не могла распознать его лица. Она спросила, кто онъ и что ему нужно. Рагнаръ отвѣчалъ пѣснею (у древнихъ скандинавовъ герои были по большой части скальдами: они разговаривали пѣснями; мы, для точности, переводимъ и стихи прозою):

„Для прелестной и разумной женщины я отважился на опасный подвигъ; змѣй получилъ смертельную рану отъ пятнадцатилѣтняго витязя.“

Онъ не сказалъ болѣе ничего и тотчасъ ушелъ съ отломаннымъ древкомъ — самое копье осталось въ ранѣ у змѣя. Тора не знала, человѣкъ ли то былъ или чародѣй-великанъ (особый родъ существъ у древнихъ скандинавовъ), потому что ростъ его былъ исполинскій— не по лѣтамъ его. Поутру все это разсказали ярлу; онъ вынулъ копье, которое было такъ тяжело, что немногіе могли его держать. Тогда онъ велѣлъ созвать народъ со всей земли, предполагая, что убившій змѣя, въ доказательство того, принесетъ съ собою отломанное древко. Рагнаръ на своихъ корабляхъ также услышалъ, что по близости назначено народное собраніе. Онъ пошелъ туда со всею своею ратью и остановился съ нею поодаль отъ толпы. Стали носить копье; когда оно дошло до Рагнара, онъ показалъ древко, которое совершенно приходилось къ копью. Всѣ увидѣли, что змѣя убилъ онъ. Ярлъ велѣлъ угостить богатымъ пиромъ Рагнара и его людей. Увидѣвъ Тору, герой удивился ея красотѣ и просилъ выдать ее за него. На это согласились, и пиръ превратился въ великолѣпную свадьбу. Рагнаръ увезъ супругу въ свои владѣнія и прославился этимъ подвигомъ. За свое чудное платье получилъ онъ прозваніе *Лодброкъ* [1]).

Гл. 3.

Смерть Торы Боргаріорты.

Послѣ того Рагнаръ сталъ править отцовскою землею. Самъ жилъ онъ въ Лейрѣ (на остр. Зеландіи), а въ Упсалѣ сидѣлъ подвластный ему конунгъ, сынъ Гаральда Золотого-зуба, и управлялъ Швеціею. Рагнаръ очень любилъ Тору; для нея оставался онъ по большей части дома въ своемъ царствѣ, и уже не такъ много странствовалъ по морямъ, какъ бывало. Тора родила ему двухъ сыновей, Эрика и Агнара, которые оба выросли красивѣе и сильнѣе другихъ людей, и сдѣлались очень искусны во всякихъ опытахъ ловкости и силы (необходимая принадлежность воспитанія скандинавовъ, родъ гимнастики). Случилось однажды, что Тора занемогла, и недугъ ея такъ былъ жестокъ, что наконецъ она умерла. Это чрезвычайно опечалило Рагнара, и онъ сказалъ, что уже никогда не женится въ другой разъ. Теперь ему болѣе не сидѣлось дома; онъ поручалъ своимъ приближеннымъ и сыновьямъ править землею, а самъ ходилъ воевать на моряхъ, чтобы разсѣять свое горе.

[1]) Т. е. *косматыя брюки.* Созвучіе слова *брюки* съ послѣднею половиною прозванія героя явно показываетъ родство языковъ въ этомъ случаѣ. Замѣчательно, что тотъ же предметъ по-латыни называется *bracca.*

*

Гл. 4.

Объ Аслегѣ.

Сигурдъ Фафнисбане (т. е. истребитель змѣя Фафнера въ Германіи) былъ знаменитѣйшимъ героемъ всѣхъ народовъ, говорящихъ на сѣверномъ языкѣ. У него была дочь Аслега, которая воспитывалась у Геймера. Когда Сигурдъ былъ злодѣйски убитъ, то Геймеръ, опасаясь, что враги отца будутъ стараться умертвить и дочь, рѣшился спасти ее. Онъ велѣлъ сдѣлать себѣ огромную арфу, въ которой спряталъ дѣвочку и съ нею много золота и драгоцѣнностей. Потомъ пошелъ онъ въ Нордландію (Норвегію), неся арфу съ собою. Когда ему встрѣчались рѣки въ пустынныхъ рощахъ, онъ иногда выпускалъ дѣвочку изъ арфы и давалъ ей умыться; въ остальное время она всегда была заперта, и когда иной разъ она плакала, воображая, что никого съ нею нѣтъ, то Геймеръ ударялъ по арфѣ такъ искусно, что дѣвочка успокоивалась и слушала.

Послѣ долгихъ странствованій, онъ однажды вечеромъ пришелъ къ уединенному крестьянскому двору (въ Норвегіи). Тутъ жилъ только старикъ Оке со своей старухой. Грима (такъ звали хозяйку) была одна дома и спросила у Геймера, кто онъ. Онъ сказалъ, что онъ нищій и проситъ пристанища на ночь. Но когда онъ сталъ грѣться у печки, старуха при свѣтѣ огня увидѣла, что изъ-подъ рубища его блеститъ золотое зарукавье, а изъ арфы высовывается богато-шитое платье. Грима согласилась на его просьбу, но сказала, что „въ избушкѣ ему плохой будетъ сонъ, когда старуха начнетъ болтать съ своимъ старикомъ: для того она совѣтовала ему лечь спать въ амбарѣ". Такъ онъ и сдѣлалъ. Когда, вскорѣ послѣ того, пришелъ домой самъ Оке, Грима разсказала ему, что̀ было, и предложила „убить Геймера во снѣ; тогда имъ достанутся такія богатства, съ которыми можно будетъ жить безъ трудовъ и заботъ." Старикъ отвѣчалъ, что „по немъ не хорошо обмануть гостя." Но Грима сказала: „Плохой ты мужчина; чего ты трусишь? Но вотъ что: или ты его убьешь, или я выйду за него замужъ, — и мы убьемъ тебя. А еще я тебѣ скажу, что онъ сегодня вечеромъ, до твоего прихода, хотѣлъ ко мнѣ приласкаться." Старикъ очень разгнѣвался, и случилось такъ, какъ желала старуха. Они подкрались къ амбару, и Оке топоромъ зашибъ спящаго Геймера до смерти. Потомъ они принесли арфу въ избушку и развели тамъ огня. Они хотѣли раскрыть арфу, но она была такъ мудрено сдѣлана, что они не сумѣли отпереть, а должны были разломать ее. Тамъ нашли они много сокровищъ, но также и дѣвочку. Тогда старикъ сказалъ: „недаромъ говорятъ, что бѣда назовется къ тому, что обманетъ довѣрчиваго гостя." Грима спросила у Аслеги, какъ ее зовутъ. Но Аслега ничего не отвѣчала, подавая видъ, будто она нѣмая. „Худо идетъ наше дѣло", сказалъ старикъ: „такъ я и пророчилъ; что намъ теперь дѣлать съ этимъ ребенкомъ?" Грима сказала: „выдадимъ дѣвочку за свое дитя, и пусть она зовется *Кракой* по моей матери." „Никто не повѣритъ," отвѣчалъ старикъ, „что такіе безобразные и гадкіе холопы, какъ мы, прижили такую пригожую дочку." „Тебѣ не придумать ничего путнаго," возразила старуха, „а ужъ я позабочусь о томъ. Надобно вымазать ей голову дёгтемъ; такъ

авось волосы не будутъ расти такъ проворно. Да еще надобно одѣть ее въ лохмотья и дать ей самую тяжелую работу.“ Такъ и сдѣлали, и Аслега росла въ великой бѣдности, и никогда не говорила, и считалась нѣмою.

Гл. 5.

Рагнаръ находитъ Аслегу.

Въ то время Рагнаръ Лодброкъ странствовалъ, воюя, по морямъ, чтобы прогнать кручину о смерти Торы. Разъ, лѣтомъ, онъ сталъ держать путь къ Норвегіи, и вечеромъ расположился съ своими кораблями въ одномъ заливѣ. Поутру послалъ онъ кормовщиковъ на берегъ печь хлѣбъ. Они увидѣли близехонько избушку, куда и пошли, чтобы удобнѣе заняться своею работою; это и былъ домишка, гдѣ жила Крака. Она рано утромъ вышла на лугъ пасти хозяйскій скотъ; но увидѣвъ, что прибыло такъ много кораблей, начала мыться и чесать голову, не смотря на запрещеніе Гримы. Убравшись, она стала прекраснѣйшею женщиной, и волосы у нея были такъ длинны, что со всѣхъ сторонъ висѣли до самой земли. Потомъ она пошла домой, а кормовщики уже затопили печь. Они спросили у Гримы, ея ли дочь Крака. Грима отвѣчала, что ея. ,,Не равны же вы,“ сказали кормовщики: ,,она прекраснѣйшая дѣвушка, а ты дурна какъ вѣдьма.“ Грима отвѣчала: ,,и меня находили очень пригожею въ то время, когда я жила у отца въ деревнѣ, хоть теперь этого и не видно, потому что я много перемѣнилась.“ Они попросили, чтобы Крака замѣсила тѣсто, сами же хотѣли печь и жарить хлѣбъ. Крака принялась за дѣло, а кормовщики безпрестанно поглядывали на нее, забывая работу, такъ что весь хлѣбъ пригорѣлъ. Когда они возвратились къ кораблямъ, дружина стала требовать, чтобы ихъ наказали за небрежность, потому что никогда еще хлѣбъ не былъ испеченъ такъ дурно. Рагнаръ спросилъ, какая тому причина, и кормовщики сознались во всемъ, говоря, что съ-роду не видали такой красавицы. „Однакожъ, она вѣрно не такъ прекрасна, какъ была Тора,“ сказалъ Рагнаръ; но они стали увѣрять, что она ничѣмъ не хуже. Рагнару показалось это преувеличеннымъ, и потому онъ приказалъ, чтобы нѣсколько человѣкъ отправилось на берегъ узнать, правду ли онъ слышалъ; въ противномъ случаѣ кормовщики будутъ строго наказаны за оскорбленіе памяти Торы. Въ тотъ день была сильная буря, такъ что послы не могли пуститься въ путь. Когда, на другой день, они собрались, то Рагнаръ прибавилъ, что „если Крака такъ же прелестна, какъ была Тора, то пусть придетъ къ Рагнару, но только ни въ платьѣ, ни безъ платья, ни сытая, ни голодная, ни одна, ни въ обществѣ.“ Послы отправились и нашли, что сказанное о красотѣ Краки не было преувеличено. Итакъ они передали ей поклонъ и желаніе своего конунга. Грима, услышавъ то, сказала: ,,этотъ конунгъ, кажется, не въ своемъ умѣ.“ Но Крака сказала, что „она исполнитъ его требованіе, только не прежде, какъ завтра“. Съ этимъ отвѣтомъ послы воротились къ кораблямъ. На слѣдующее утро Крака пришла къ берегу. Передъ тѣмъ она всю себя окутала своими волосами и покрыла ихъ сѣткою; она съѣла головку чесноку и взяла съ собою пастушескую собаку старика-хозяина, и находила, что такимъ образомъ исполнила требованіе Рагнара. Она не прежде пошла на корабль, какъ получивъ

обѣщаніе, что никто тамъ не обидитъ ее; послѣ чего Рагнаръ повелъ ее въ свой шатеръ, и ему казалось, что онъ никогда не видывалъ такой прекрасной дѣвушки. Они разговаривали съ-минуту, потомъ онъ запѣлъ:

„Могучій Отецъ вселенной! Ты бы совершилъ благо, еслибъ милая дѣва захотѣла обнять меня.

Крака отвѣчала:

„Государь, ты обѣщалъ мнѣ безопасность; держи слово! Крака пришла; ты отпусти ее въ мирѣ!

Рагнаръ велѣлъ хранителю своихъ сокровищъ принести парчевое платье Торы и подалъ его Кракѣ съ такими словами:

„Любишь ли ты наряды? Хочешь ли взять это платье, украшавшее лань-Тору? Ты его достойна. На немъ играли ея бѣлыя руки. Она была прекрасна и любила меня до конца."

Крака отвѣчала:

„Не смѣю взять платья парчевого, украшавшаго лань-Тору; я его недостойна. Я — Крака въ черномъ и грубомъ платьѣ. Я на камняхъ у берега пасу козъ каждый день."

„Теперь я поѣду домой", прибавила Крака, „но если твои мысли не перемѣнятся, пришли за мною въ другой разъ". Крака воротилась въ избушку.

Гл. 6.

Крака достается Рагнару.

Рагнаръ отправился далѣе, но вскорѣ опять прибылъ къ мѣсту, гдѣ жила Крака, и послалъ за нею. Тогда она пошла къ старикамъ и сказала, что хочетъ уѣхать. Я знаю, сказала она, что вы убили моего благодѣтеля, и никто не сдѣлалъ мнѣ столько зла, какъ вы. Я не хочу мстить вамъ, но желаю, чтобы каждый день былъ для васъ хуже прежнихъ, а послѣдній всѣхъ хуже. Она пошла къ кораблямъ, гдѣ ее приняли хорошо. Вечеромъ Рагнаръ пожелалъ отдыхать съ нею, но Крака сказала, что и имъ самимъ и ихъ наслѣдникамъ болѣе будетъ чести, если они подождутъ, пока не совершится свадьба дома, въ землѣ Рагнара — и онъ согласился. По возвращеніи туда, данъ былъ богатый пиръ, на которомъ справили и свадьбу Рагнара. Онъ прижилъ съ Кракою много сыновей. Старшаго звали Иваромъ. У него во всемъ тѣлѣ были хрящи вмѣсто костей, такъ что онъ не могъ ходить и долженъ былъ заставлять носить себя на носилкахъ. Другого сына звали Бьёрномъ. Впослѣдствіи ему дали прозвище Желѣзный-бокъ, потому что онъ въ бою никогда не носилъ брони, а ходилъ нагой, и народъ думалъ, что, благодаря чарамъ, онъ не можетъ быть раненъ. Третьяго звали Витсеркомъ (Бѣлой-сорочкой), а четвертаго Рогнвальдомъ. Они выросли большими, сильными людьми и достигли большого искусства во всякихъ опытахъ удальства и проворства.

Гл. 7.

Сыновья Рагнара берутъ крѣпость въ Англіи.

Старшіе братья, Эрикъ и Агнаръ, воевали между тѣмъ въ далекихъ странахъ, добывая себѣ зѐмли и славу. Младшимъ братьямъ

также наскучило сидѣть дома, и они задумали отправиться искать хвалы и чести. Рагнаръ далъ имъ корабли, на которыхъ они и пустились въ море: воевали много и всегда побѣждали, такъ-что и богатство ихъ и рать увеличивались. Тогда Иваръ сказалъ, что надобно бы имъ предпринять что-нибудь потруднѣе, чтобы дѣйствительно доказать свою удаль; онъ бы хотѣлъ, чтобы они напали на городъ Витабю (въ Англіи), потому что туда уже ходили многіе храбрые конунги, да и самъ ихъ отецъ Рагнаръ, но всѣ должны были удаляться съ неудачею по причинѣ мужества жителей того города и чаръ, которыя тамъ производятся. Братья согласились и поплыли къ Витабю. Они велѣли брату своему Рогнвальду съ небольшою дружиною остаться на берегу стеречь корабли, потому что онъ казался имъ слишкомъ молодъ для такой жестокой битвы, какой они ожидали. Потомъ пошли они на крѣпость. Старинныя саги повѣствуютъ, что тамъ были двѣ заколдованныя телицы, которыхъ мычанію никто не могъ противостоять. Жители крѣпости снарядились къ битвѣ и пустили телицъ на волю: онѣ бросились впередъ съ такимъ мычаніемъ, что войско ужаснулось. Это увидѣлъ Иваръ, несомый на щитахъ. Онъ тотчасъ взялъ свой лукъ и застрѣлилъ обѣихъ телицъ, послѣ чего бой началъ принимать другой оборотъ. Между тѣмъ Рогнвальдъ, на берегу, сказалъ своей дружинѣ: „счастливы мои братья и люди ихъ, что могутъ такъ тѣшиться. Насъ они здѣсь оставили, чтобы себѣ однимъ присвоить славу; пойдемъ же мы туда по собственной волѣ.“ Такъ и сдѣлали — и Рогнвальдъ дрался съ такимъ жаромъ, что скоро былъ убитъ; другіе же братья наконецъ прогнали осажденныхъ, взяли все ихъ имущество, разрушили городъ и отправились домой.

Гл. 8.

Крака открываетъ, кто она.

Эстенъ, подвластный Рагнару конунгъ въ Упсалѣ, былъ силенъ и уменъ, но коваренъ. Онъ былъ знаменитый жрецъ, и повѣствуютъ, что у него была заколдованная корова, по имени *Себелья* [1]), которой онъ приносилъ жертвы; когда въ землю его приходили враги, онъ пускалъ на нихъ Себелью — и ея чародѣйственное мычаніе приводило ихъ въ такое смятеніе, что они начинали сражаться между собою. По всему этому конунга Эстена очень боялись, и онъ властвовалъ въ мирѣ.

Однажды лѣтомъ прибылъ туда Рагнаръ, и Эстенъ велѣлъ приготовить для него великій пиръ. У Эстена была дочь, по имени Ингеборга, кроткая и прекрасная, и ей приказано было наливать отцу и Рагнару во время пира. Тогда заговорили въ дружинѣ Рагнара, что для него бы почетнѣе было, еслибъ супругою его была не крестьянская дочь, какъ Крака, а дочь конунга, какъ Ингеборга. Эти рѣчи дошли наконецъ до самого Рагнара, и онъ нашелъ, что люди его не совсѣмъ неправы. Итакъ онъ обручился съ Ингеборгою, но свадьбу отложили до слѣдующаго лѣта. Рагнаръ поѣхалъ домой, запретивъ дружинѣ говорить объ этомъ обрученіи. Крака угощаетъ его большимъ пиромъ и ввечеру, когда они вмѣстѣ отдыхаютъ, спрашиваетъ, нѣтъ ли какихъ новостей. Онъ отвѣчалъ, что никакихъ не знаетъ. „Если *ты*

[1]) Т. е. которая безпрестанно мычитъ.

не хочешь разсказывать новостей,“ говоритъ Крака, „то *я* разскажу: странно, что конунгъ обручился, когда у него есть супруга. Я же открою тебѣ, что я родомъ совсѣмъ не крестьянка, а дочь конунга, и по отцу и матери гораздо знатнѣйшей породы, нежели Ингеборга.“ „Кто же былъ твой отецъ?“ спрашиваетъ Рагнаръ. Она отвѣчаетъ: „Сигурдъ Фафнисбане, а мать моя была Брингильда, щитоносица.“ „Не вѣрится мнѣ“, сказалъ Рагнаръ, „чтобы ихъ дочь звалась Кракой и выросла въ лачужкѣ“. Но она возразила, что ея настоящее имя — Аслега, и разсказала все, что съ нею было, и прибавила, что въ знакъ правдивости ея родится у нея сынъ со змѣемъ въ глазу. Черезъ нѣсколько времени Аслега въ самомъ дѣлѣ родила сына съ этимъ знакомъ, почему и дано ему имя *Сигурдъ Змѣй-въ-глазу*. Услышавъ то, Рагнаръ очень обрадовался, пересталъ думать объ Ингеборгѣ и любилъ Аслегу не менѣе прежняго.

Гл. 9,

Смерть Агнара и Эрика.

Конунгъ Эстенъ счелъ себя и дочь свою очень обиженными, когда Рагнаръ не захотѣлъ исполнить своего слова. Итакъ возникла вражда между обоими конунгами. Узнавъ о томъ, Агнаръ и Эрикъ снарядились воевать Швецію. Когда они спускали суда на воду, корабль Агнара наткнулся на человѣка, случившагося тутъ, и задавилъ его. Рать приняла это за дурное предзнаменованіе; но братья не обратили на то вниманія и пустились въ Швецію. Тамъ жгли и опустошали они все, что ни встрѣчалось имъ, до самой Упсалы, гдѣ Эстенъ выставилъ противъ нихъ большое войско. Двѣ трети своихъ силъ вмѣстѣ съ коровою Себельей скрылъ онъ въ ближнемъ лѣсу, а остальная треть раскинула свои шатры въ полѣ. Когда пришли братья и увидѣли рать Эстена, то они, не считая себя слабѣе непріятеля, напали на него смѣло. Но во время битвы подошла остальная часть конунговой рати, и братьямъ стало трудно держаться противъ силы превосходной. Притомъ разсказываютъ, что ихъ люди приведены были въ такое смятеніе мычаніемъ Себельи, что начали сражаться между собою. Однакожъ, Агнаръ и Эрикъ защищались мужественно и нѣсколько разъ пробивались сквозь полки Эстена. Наконецъ Агнаръ палъ. Эрикъ, увидѣвъ то, дрался отчаянно, не боясь смерти. Наконецъ однакожъ его одолѣли и схватили; послѣ чего Эстенъ велѣлъ прекратить сѣчу. Потомъ пошелъ онъ къ Эрику и предложилъ ему миръ и пощаду, прибавляя, что въ пеню за смерть Агнара отдаетъ Эрику дочь свою Ингеборгу. Но Эрикъ запѣлъ:

„Не хочу цѣною брата покупать объятій дѣвы; не хочу слышать, какъ Эстена будутъ привѣтствовать именемъ убійцы Агнара. Тогда не стала бы мать плакать обо мнѣ; дружина не стала бы пить (торжествовать) моей памяти. Пусть лучше я пронзенъ буду остріями копій.“

Онъ попросилъ, чтобы люди его съ миромъ ѣхали домой и чтобы въ земляной валъ велѣно было воткнуть рядъ копій, остріями вверхъ, на которыя и бросить его. Эстенъ сказалъ: „быть такъ, хотя Эрикъ и выбралъ то, что для насъ обоихъ будетъ гибельно.“ Когда поставили копья, Эрикъ снялъ съ руки кольцо и, отдавъ своимъ людямъ, чтобъ отнесли его Аслегѣ, запѣлъ:

„Несите поспѣшно вѣсть: пали бойцы Эрика. Горько станетъ тосковать Аслега, когда услышитъ о моей смерти, и разскажетъ ее мачиха своимъ сыновьямъ.“

Его бросили на копья; онъ увидѣлъ надъ собою ворона и запѣлъ:

„Воронъ каркаетъ надъ моею головою. Онъ хочетъ употребить меня на сытный обѣдъ. Такъ-то онъ платитъ мнѣ за столько жаркйхъ, которыя я ему рѣзалъ въ бояхъ.“

Онъ кончилъ жизнь съ великимъ мужествомъ, а люди его отправились назадъ въ Лейре. При ихъ возвращеніи Аслега была одна дома, потому что Рагнаръ уѣхалъ въ походъ и сыновья его также. Люди вошли къ ней и сказали, что они воины Агнара и Эрика. Тогда она съ большимъ безпокойствомъ спросила, какія вѣсти они принесли? не пришли ли шведы въ родную землю, или пали сыновья конунга? Люди разсказали, какъ что было, и когда рѣчь зашла о пѣснѣ Эрика при посылкѣ кольца Аслегѣ, они замѣтили, что она роняла слезы, на видъ подобныя крови и твердыя какъ градины, тогда какъ ни прежде, ни послѣ никто не видѣлъ, чтобы она плакала. Она сказала, что теперь она одна и ничего не можетъ сдѣлать, но со-временемъ заставитъ отмстить смерть Агнара и Эрика, какъ будто-бъ они были ея собственные сыновья.

Гл. 10.

Аслега и ея сыновья.

Вскорѣ возвратились ея собственные сыновья изъ Англіи. Они разсказали ей о смерти Рогнвальда, и она стала тужить о немъ, но не много, говоря: „я предвидѣла, что онъ не долго будетъ жить для славы. Но вотъ что я вамъ повѣдаю: Агнаръ и Эрикъ, храбрѣйшіе герои, пали, и вамъ будетъ стыдно, если вы не поможете мнѣ отмстить ихъ смерть.“ Иваръ безъ костей отвѣчалъ: „никогда не пойду я въ Швецію воевать противъ конунга Эстена и его чаръ.“ Съ тѣмъ согласились и братья его. Тогда Аслега сказала: „а я знаю, что Агнаръ и Эрикъ, хотя и пасынки мои, не преминули бы отмстить вашу смерть.“ Иваръ отвѣчалъ: „нечего тебѣ подстрекать насъ такими пѣснями; мы лучше тебя знаемъ, какія тамъ опасности ожидаютъ насъ.“ Аслега сказала, что они плохіе воины, когда такъ боязливы, и хотѣла она уйти прочь, не могши склонить сыновей. Но Сигурдъ Змѣй-въ-глазу, которому было всего три зимы отъ роду, слышалъ этотъ разговоръ. Онъ сказалъ: „если ты, матушка, того такъ желаешь, то я черезъ три дня пойду на конунга Эстена; и недолго ему властвовать въ Упсалѣ, если мои Дисы (такъ назывались богини судьбы, особыя у каждаго человѣка) меня не оставятъ.“ „Ты, мое дѣтище,“ сказала Аслега, „ведешь себя похвально, но что мы сдѣлаемъ вдвоемъ?“ Тутъ устыдились старшіе братья и наконецъ также обѣщали свою помощь. Итакъ вооружили сильное войско противъ Швеціи. Часть его должна была итти сухимъ путемъ подъ предводительствомъ Аслеги, а сыновья отправились моремъ съ судовою ратью. Послѣ оба войска сошлись въ опредѣленномъ мѣстѣ и начали огнемъ и мечемъ опустошать Швецію, умерщвляя все, что было живого.

Гл. 11.

Паденіе конунга Эстена.

Жители бѣжали отъ непріятелей къ конунгу Эстену. Онъ догадался, кто были вторгнувшіеся витязи, и сталъ призывать къ себѣ изо всей Швеціи всѣхъ, кто только могъ владѣть оружіемъ. Такимъ образомъ онъ собралъ большое войско, съ которымъ и пошелъ на сыновей Рагнара, и произошло жестокое сраженіе. Старики повѣствуютъ, что и корова Себелья опять была въ войскѣ Эстена, и своимъ мычаніемъ привела непріятелей въ такое замѣшательство и ужасъ, что всѣ они, кромѣ сыновей Рагнара, сражались между собою. Между тѣмъ Иваръ велѣлъ сдѣлать себѣ такой огромный лукъ, что никто, кромѣ его самого, не могъ владѣть имъ. Потомъ приказалъ онъ нести себя посреди рати. Люди увидѣли, что онъ безъ всякаго труда натягивалъ свой лукъ, какъ самый гибкій прутъ. Вдругъ тетива ударила съ такимъ шумомъ, какого они съ роду не слыхивали, и тѣмъ разомъ Иваръ вышибъ у Себельи оба глаза. Она повалилась, но вдругъ вскочивъ опять ринулась впередъ, мыча страшнѣе прежняго. Тогда Иваръ велѣлъ носильщикамъ бросить его на Себелью, и при этомъ онъ для нихъ сдѣлалъ себя легче ребенка; когда же свалился на спину Себельи, то сталъ тяжелѣе горы, такъ что совсѣмъ раздавилъ ее до смерти. Послѣ того братья стали ободрять свое войско, и Бьёрнъ и Витсеркъ храбро прошли сквозь полки Эстена, такъ что изрубили большую часть ихъ, а остальные обратились въ бѣгство. Наконецъ, палъ и самъ конунгъ Эстенъ. Тогда братья велѣли прекратить бой и даровать пощаду оставшимся въ живыхъ, и отправились домой.

Гл. 12.

Сыновья Рагнара берутъ Вифильсборгъ.

Сыновья Рагнара были постоянно въ походахъ, и Сигурдъ Змѣй-въ-глазу вскорѣ выросъ такъ великъ, что могъ воевать вмѣстѣ съ ними. Однажды они пришли къ сильной крѣпости, а имя ей было Вифильсборгъ, и рѣшились напасть на нее; но при всемъ своемъ удальствѣ не могли взять крѣпости. Тогда начали они осаждать ее; но, напрасно бившись полмѣсяца и употребивъ разныя воинскія хитрости, потеряли надежду и сбирались ѣхать прочь. Но жители крѣпости вышли на валъ и разостлали драгоцѣнные ткани и ковры, и принесли много золота и серебра, и сказали насмѣшливо, что считали сыновей Рагнара храбрѣе другихъ людей, а теперь узнали, что ошибались. Потомъ жители крѣпости ударили въ щиты и стали ободрять другъ друга громкими воинскими кликами — чѣмъ Иваръ такъ былъ пораженъ, что заболѣлъ, и положили его въ постель. Онъ лежалъ цѣлый день и не могъ сказать ни слова; а вечеромъ захотѣлъ онъ поговорить съ Бьёрномъ, Витсеркомъ, Сигурдомъ и разумнѣйшими изъ ихъ людей. Онъ имъ повѣдалъ, что изобрѣлъ воинскую хитрость, которою они и воспользовались. Ночью они тайкомъ вышли изъ своихъ шатровъ въ близлежащій лѣсъ и нарубили себѣ большія вязанки дровъ, которыя сбросили у самой стѣны крѣпости. Они продолжали эту работу, пока Иваръ не нашелъ, что уже довольно дровъ нанесено. Тогда

они зажгли костеръ, и такое поднялось пламя, что стѣна лопнула и пошатнулась. Тутъ они стали разбивать ее пращами и успѣли во многихъ мѣстахъ вломиться въ нее. Они убивали тамъ всякаго человѣка, котораго встрѣчали, грабили всякое имущество и сожгли всю крѣпость. Потомъ пустились въ далекія страны и всюду опустошали южную Европу, намѣреваясь остановиться не прежде, какъ когда возьмутъ Римъ. Однажны встрѣтили они сѣдого клюконосца (нищаго), который сказалъ имъ, что обошелъ много земель. Они спросили его, далеко ли до Рима. Тогда онъ показалъ имъ два желѣзные башмака, совсѣмъ истертые, говоря, что износилъ ихъ на пути изъ Рима. Братьямъ показалось, что тотъ путь для нихъ слишкомъ дологъ; потому они воротились и продолжали свои опустошенія, такъ что ни одна крѣпость не избавилась отъ нихъ. Они очень прославились, и всѣ ихъ боялись, и не было ни одного ребенка, который бы не говорилъ съ ужасомъ о сыновьяхъ Рагнара.

Гл. 13.

Походъ Рагнара въ Англію.

Между тѣмъ Рагнаръ сидѣлъ съ Аслегою дома, въ своемъ царствѣ, не зная въ точности, гдѣ сыновья; однакожъ онъ часто слышалъ, какъ ихъ хвалили и какъ отзывались, что „никто не можетъ сравниться съ его сыновьями.“ Тогда Рагнаръ почувствовалъ опять великую охоту пойти воевать, чтобы его старая воинская слава не заржавѣла, считая себя не хуже своихъ сыновей. Онъ сталъ думать, куда бы ему отправиться. Въ молодости онъ покорилъ конунга Гама въ Англіи; но теперь сынъ Гама Элла взбунтовался. Рагнаръ рѣшился его смирить и для того велѣлъ построить два огромные корабля и вооружилъ сильное войско. При вѣсти о томъ, всѣ конунги окружныхъ странъ стали бояться за себя и тщательно оберегать всѣ земли. И когда Аслега спросила: „куда онъ сбирается?“, то онъ отвѣчалъ ей: „въ Англію.“ Она сказала, что „для того надобно бы ему имѣть поболѣе кораблей.“ Но Рагнаръ отвѣчалъ: „не трудно со многими кораблями завоевать Англію; но завоевать ее съ двумя кораблями — то былъ бы подвигъ безпримѣрный.“ Аслега возразила, что большіе корабли не войдутъ въ англійскія гавани, а должны будутъ потерпѣть крушеніе на краю моря [1]). Но Рагнаръ взялъ твердое намѣреніе, и нельзя было переубѣдить его, — и какъ скоро подулъ попутный вѣтеръ, онъ велѣлъ рати сѣсть на корабли. Аслега проводила его до берега и сказала, что „теперь она наградитъ его за парчевое платье Торы, которое нѣкогда получила отъ него.“ Потомъ она вручила ему бѣлосѣрую шелковую сорочку и запѣла:

„Дарю тебѣ шелковую сорочку,—она не шитая, а изъ бѣлосѣрыхъ волосъ вся цѣликомъ соткана. Кровь твоя не польется, мечъ не уязвитъ тебя, когда будешь въ сорочкѣ, благословенной великими богами.“

Рагнаръ принялъ даръ и сказалъ, что послѣдуетъ совѣту. Потомъ онъ отправился; но при его отъѣздѣ всякій легко могъ видѣть, что эта разлука очень огорчала Аслегу.

[1]) *Краемъ моря* въ старинныхъ русскихъ сказкахъ называется ближайшая къ землѣ *полоса воды*, такъ точно, какъ *полосу земли*, ближайшую къ водѣ, называемъ мы берегомъ. Жаль, что слово *край моря* вышло изъ употребленія.

Гл. 14.

Смерть Рагнара Лодброка.

Рагнаръ поплылъ въ Англію, но буря разбила его корабли о берегъ. Однакожъ люди его спаслися съ оружіемъ своимъ, и Рагнаръ тотчасъ началъ опустошать и покорять ту землю. Но конунгъ Элла, узнавъ черезъ лазутчиковъ о походѣ Рагнара, сталъ собирать сильное войско, призывая къ себѣ изъ цѣлой Англіи всѣхъ, кто могъ владѣть оружіемъ и сидѣть на конѣ. Элла распустилъ во всемъ своемъ войскѣ приказъ, чтобы „только противъ Рагнара никто не подымалъ оружія; ибо, говорилъ Элла, у Рагнара есть сыновья, которые не дадутъ намъ покоя, если онъ падетъ въ нашемъ краѣ". Рагнаръ же надѣлъ шлемъ и шелковую сорочку, подаренную ему Аслегой; другихъ доспѣховъ онъ не взялъ. Началась битва — и такъ какъ у Рагнара было гораздо менѣе людей, то вскорѣ большая часть ихъ пала. Самъ онъ весь день ходилъ взадъ и впередъ сквозь полки Эллы, нанося смерть и такіе тяжкіе удары, что никто не могъ устоять противъ нихъ. Наконецъ, всѣ его люди пали, а самъ онъ былъ стиснутъ между щитами и такимъ образомъ схваченъ. У него спросили: „кто онъ?" но онъ не отвѣчалъ. Тогда Элла выговорилъ: „еще хуже ему будетъ, если не скажетъ намъ своего имени." Потомъ онъ велѣлъ бросить Рагнара въ змѣиную яму съ тѣмъ, чтобы его тотчасъ вытащили, если онъ объявитъ, что его зовутъ Рагнаромъ. Рагнара повели къ змѣиной ямѣ и бросили туда, однакожъ змѣи его не тронули. Тогда люди сняли съ него шелковую сорочку, и со всѣхъ сторонъ повисли на немъ змѣи. Тутъ Рагнаръ сталъ говорить: „захрюкали бы поросята, когда бы узнали, въ какой бѣдѣ старый боровъ." Но люди и тутъ не догадались, что это Рагнаръ, и оставили его въ ямѣ. Тогда онъ началъ воспѣвать свои прежніе подвиги и свои 50 побоищъ, и пѣсни той имя *Бъяркамалъ*. Вотъ часть ея:

„Мы рубились мечами [1]). Не долго я мѣшкалъ когда пошелъ въ Готландію и умертвилъ змѣя. Тогда получилъ я Тору. Послѣ стали меня звать Лодброкомъ за то, что я низложилъ змѣя въ бою."

„Мы рубились мечами. Я молодъ былъ, когда мы на востокѣ въ Эрезундѣ кровь черпали для дикихъ волковъ и готовили пищу для птицъ желтоногихъ. Звонко мечи ударялись о шлемы. Воронъ гулялъ въ крови, и море далеко окрашено было кровью."

„Мы рубились мечами. Рано утромъ бѣжалъ поклонникъ (слуга) лѣповласой дѣвы и собесѣдникъ вдовы. Видѣлъ я, какъ разбивались щиты и проливалась жизнь бойцовъ. Мнѣ было, какъ еслибъ я на первомъ мѣстѣ (за пиромъ) цѣловалъ молодую вдову."

„Мы рубились мечами. Для героя — всего прекраснѣе, въ бурѣ копій, пасть израненнымъ впереди всѣхъ. Часто всѣхъ болѣе горюетъ тотъ, кто не бывалъ въ грозныхъ битвахъ. Тяжело храброму ободрять робкаго."

„Мы рубились мечами. Считаю справедливымъ, чтобы въ бесѣдѣ мечей одинъ шелъ на одного. Одному не бѣжать отъ другого — въ томъ древле бойцы полагали знатность. Другъ дѣвъ пусть будетъ всегда бодръ въ шумѣ оружія."

[1]) Та самая пѣснь, которую Языковъ передѣлалъ и назвалъ *Пѣснію короля Регнера.*

„Мы рубились мечами. Я всегда слышалъ, что мы повинуемся закону Норнъ (богинь судьбы) и что нами правитъ Рокъ. Не думалъ я, что Элла прекратитъ мою жизнь, когда я приплылъ къ его берегамъ, и разгонялъ его людей, и вокругъ береговъ Шотландіи рѣзалъ жаркое для волковъ."

„Мы рубились мечами. Безмѣрно радуюсь, что скамьи Одина ждутъ меня налощенныя. Скоро будемъ пить медъ изъ рѣзныхъ роговъ. Не боится смерти, не плачетъ добрый воинъ у дверей Валгаллы. Не съ жалобнымъ воплемъ конунгъ приходитъ въ палаты Одина."

„Мы рубились мечами. Здѣсь ярую битву возжгли бы сыновья Аслеги, еслибъ узнали свирѣпый поступокъ со мною, какъ жестоко меня раздираютъ змѣи. Я далъ матери сыновей, чтобъ духъ ихъ былъ храбръ."

„Мы рубились мечами. Скоро быть здѣсь погребальному пиру; великую боль терплю отъ змѣя, что сидитъ у меня въ сердечной палатѣ. Предрекаю, что копье будетъ стоять въ крови Эллы: удалые молодцы не останутся праздны."

„Мы рубились мечами. Я пятьдесятъ разъ былъ въ великихъ побоищахъ съ острыми мечами. Рано началъ я воевать, и думаю, нѣтъ между народами конунга, болѣе меня славнаго. Теперь боги меня зовутъ; не жалуюсь на смерть."

„Поспѣшимъ прочь отсюда! Домой зовутъ Валкиріи (дѣвы воинскія), посылаемыя намъ Одиномъ на поле брани изъ палаты, убранной свѣтлыми щитами. Весело буду я съ богами пить медъ на первомъ мѣстѣ. Миновали часы жизни. Улыбаясь умру."

Рагнаръ умеръ мужественно и славно — и послѣ того былъ вытащенъ изъ змѣиной ямы.

Гл. 15.

Послы Эллы.

Когда люди пересказали Эллѣ слова Рагнара, то онъ ясно увидѣлъ, что то былъ Рагнаръ, и потому сильно встревожился и сталъ бояться его сыновей. Наконецъ, онъ рѣшился отправить къ нимъ пословъ и предложить пеню за отца. Посламъ поручилъ онъ, сверхъ того, внимательно наблюдать, чтó каждый изъ нихъ будетъ дѣлать при вѣсти о смерти Рагнара. Когда послы пришли къ братьямъ, то Сигурдъ и Витсеркъ сидѣли и играли въ зернь; Иваръ же попросилъ пословъ разсказать дѣло подробно, какъ было. Они стали разсказывать, и когда дошли до словъ Рагнара: „захрюкали бы поросята," и т. д., то Бьёрнъ такъ крѣпко сжалъ древко копья, что на немъ вдавился отпечатокъ руки; и когда разсказъ былъ конченъ, то онъ такъ сильно потрясъ то копье, что оно расщепилось. Витсеркъ такъ стиснулъ игральную доску, которую держалъ въ рукахъ, что изъ подъ каждаго ногтя брызнула кровь. Сигурдъ сидѣлъ и скоблилъ себѣ ноготь ножемъ и слушалъ разсказъ такъ внимательно, что не замѣтилъ, какъ доскоблился до кости — но ему до того не было нужды. Иваръ подробно разспрашивалъ обо всемъ — и лице его становилось то сине, то бѣло, то багрово. Витсеркъ хотѣлъ тотчасъ же изрубить пословъ, но Иваръ отпустилъ ихъ въ покоѣ. Услышавъ, чтó братья дѣлали во время разсказа, Элла сказалъ: „всего болѣе надобно намъ бояться Ивара, хотя и у другихъ не доброе должно быть на

умѣ.“ Онъ велѣлъ тщательно оберегать свое царство, чтобы никто не могъ напасть на него врасплохъ.

Гл. 16.

Походъ сыновей Рагнара въ Англію.

Братья готовились къ мести; но Иваръ сказалъ, что „онъ не хочетъ въ томъ участвовать и воевать противъ Эллы, который былъ неповиненъ, ибо Рагнаръ самъ сдѣлался причиною своей гибели.“ Братья на то разгнѣвались и сказали, что „они готовы потерпѣть такой стыдъ, не смотря на волю Ивара: и прежде они столько разъ били неповинныхъ людей, что теперь не для чего избѣгать того.“ Потомъ начали они собирать войско; но къ нимъ стало являться не много ратниковъ, когда разнеслась молва, что Иваръ, котораго мудрость всѣ уважали, не хочетъ участвовать въ войнѣ. Однакожъ братья отправились. Но Элла уже ихъ ожидалъ съ несмѣтною ратью, такъ что они были совершенно разбиты и побѣжали назадъ къ своимъ кораблямъ. Иваръ былъ съ братьями, хотя и не участвовалъ въ битвѣ. Онъ сказалъ, что „лучше итти къ конунгу Эллѣ и взять пеню за отца, нежели еще разъ потерпѣть такое пораженіе.“ Витсеркъ отвѣчалъ, что „никогда не возьметъ пени за отца, и что они въ этомъ дѣлѣ не хотятъ быть заодно съ Иваромъ.“ Послѣ чего они поплыли домой. Иваръ же пошелъ къ конунгу Эллѣ, потребовалъ пени за смерть отца. Элла не хотѣлъ вѣрить Ивару, пока тотъ не поклялся, что никогда не будетъ воевать противъ Эллы. Тогда Иваръ попросилъ въ пеню за отца такой участокъ земли, который бы онъ могъ покрыть воловьею кожею. Элла нашелъ, что такая пеня не велика,—и согласился. Иваръ досталъ себѣ большую воловью кожу и велѣлъ долго смачивать и вытягивать ее, а потомъ разрѣзать на тончайшіе ремешки, изъ которыхъ онъ связалъ одинъ предлинный ремень. Имъ окружилъ онъ большое мѣсто на валу и тамъ заложилъ крѣпость, которую назвалъ Лундуною (Линкольнъ въ Англіи). Туда перебралось множество людей, потому что Иваръ сдѣлался извѣстенъ своимъ гостепріимствомъ и добрыми совѣтами, которыми онъ часто руководилъ даже самого конунга Эллу. Проживъ такъ нѣсколько лѣтъ, послалъ онъ къ братьямъ и потребовалъ отъ нихъ своей доли въ движимомъ наслѣдіи Рагнара, — и получилъ тогда много великихъ сокровищъ, которыми снискалъ себѣ дружбу всѣхъ англійскихъ вельможъ и склонилъ ихъ къ обѣщанію, что они, въ случаѣ войны, останутся смирны. Потомъ послалъ онъ сказать своимъ братьямъ, чтобъ они изъ всѣхъ своихъ странъ собрали войско и пошли въ Англію на Эллу. Тогда они поняли хитрость Ивара и поступили, какъ онъ желалъ. Какъ скоро Элла свѣдалъ о ихъ прибытіи, онъ велѣлъ собирать своихъ людей, но ихъ явилось очень мало. Иваръ поѣхалъ къ Эллѣ и сказалъ, что „долженъ сдержать клятву королю, но не хочетъ сражаться противъ своихъ братьевъ, а лучше постарается примирить ихъ.“ Потомъ пошелъ онъ къ братьямъ и сталъ ихъ уговаривать, чтобы тотчасъ напали на Эллу, пока его рать такъ слаба. Послѣ того возвратился онъ къ Эллѣ, увѣряя, что братья не захотѣли принять его посредничества. Въ то же время братья напали на рать Эллы и наступали такъ горячо, что скоро истребили всѣхъ его людей,

а его самого взяли въ плѣнъ. Иваръ не сражался противъ Эллы по причинѣ своей клятвы; но теперь онъ явился и сказалъ, что „надобно бы вспомнить, какою смертію Элла умертвилъ ихъ отца.“ Итакъ, по повелѣнію Ивара, былъ *вырѣзанъ орелъ на спинѣ Эллы* [1]), то есть, со спины срѣзали мясо и въ рану насыпали соли, а потомъ отдѣлили ребра отъ хребта и отогнули ихъ, какъ крылья у орла, и сквозь рану ту вынули легкія. Такимъ образомъ Элла былъ жестоко терзаемъ и мучимъ прежде, нежели умеръ, и тогда братья нашли, что вполнѣ отмстили смерть своего отца Рагнара.

Гл. 17.

Раздѣлъ земель.

Иваръ удержалъ для себя то царство въ Англіи, которое принадлежало Эллѣ, оставивъ прочія земли Рагнара своимъ братьямъ. Швецію взялъ Бьёрнъ Желѣзный-бокъ; Витсеркъ получилъ Ютландію и южные берега Балтійскаго моря. Когда онъ однажды воевалъ противъ Россіи, то, побѣжденный сильнымъ войскомъ, былъ схваченъ, и выбралъ такой родъ смерти, чтобы его сожгли на кострѣ изъ человѣческихъ головъ. Эти братья совершили много великихъ походовъ. Когда же они умерли, то люди ихъ ѣздили въ далекія страны искать себѣ новыхъ повелителей — такимъ образомъ бывали у многихъ богатыхъ князей и сильныхъ государей, но нигдѣ не могли найти такихъ военачальниковъ и воиновъ, каковы были Рагнаръ и его сыновья.

Жизнь и подвиги Лодброка, жившаго въ VIII вѣкѣ и слѣдовательно современника Карлу Великому, составляютъ предметъ особой, весьма длинной саги. Само собою разумѣется, что Фрюксель представилъ ее въ сокращенномъ и очищенномъ видѣ, въ которомъ она, для людей, непосвященныхъ во всѣ таинства скандинавской древности, доступнѣе, нежели въ своей первобытной, мѣстами очень грубой формѣ. Но при такой обработкѣ, сообразной съ назначеніемъ своего историческаго труда, авторъ не изгналъ изъ разсказа своего той простоты, того сказочнаго тона и всѣхъ тѣхъ качествъ, которыя составляютъ, такъ сказать, душу стариннаго преданія. Это, надѣемся, можно, хотя отчасти, чувствовать въ нашемъ переводѣ, какъ онъ впрочемъ ни слабъ. Въ его несовершенствѣ мы сознаемся охотно, но должны прибавить, что оно, при разнородности языковъ славянскаго корня съ германскими, не могло бы быть вполнѣ устранено даже и значительнымъ талантомъ. Мы могли нѣсколько приблизиться къ подлиннику только стараніемъ сохранить всю безыскусственность и всѣ краски разсказа, передавая мысль за мыслью, какъ можно, точнѣе. Поэтому мы не боялись частаго повторенія однихъ и тѣхъ же словъ, и всегда предпочитали самое простое выраженіе мудреному. Въ этомъ отношеніи Фрюксель — истинный мастеръ; нигдѣ, особливо въ I-й части, нельзя найти у него оборотовъ изысканныхъ, книжныхъ.

Въ *осьмомъ разсказѣ* повѣтствуется *объ Ансгаріи и о томъ, какъ въ Швеціи проповѣдывалось христіанское ученіе.* Ансгарій родился въ Гер-

[1]) Обыкновенная у скандинавовъ казнь.

маніи, гдѣ истинная вѣра тогда (въ IX-мъ столѣтіи) уже была введена. Сдѣлавшись монахомъ и прославившись своими добродѣтелями, онъ посланъ былъ императоромъ франковъ, Людовикомъ Благочестивымъ, проповѣдывать христіанство въ Ютландіи. Потомъ онъ былъ два раза и въ Швеціи, гдѣ имѣлъ нѣкоторый успѣхъ, но послѣ его удаленія ученіе Евангелія подверглось тамъ гоненію.

Эрикъ Побѣдоносный (Segersäll), предметъ девятаго разсказа, по примѣру своихъ предшественниковъ, сперва раздѣлялъ верховную власть въ Упсалѣ съ соправителемъ — братомъ своимъ Олофомъ; но, по смерти Олофа, онъ не допустилъ своего племянника къ участію въ правленіи, и такимъ образомъ уничтожилъ обычай двудержавства, замѣнивъ соправителя сановникомъ, который сталъ называться *ярломъ* (графомъ) *Швеціи*. Эрику наслѣдовалъ сынъ его *Олофъ-младенецъ* (Skötkonung [1]), такъ названный потому, что онъ, еще при жизни отца объявленный преемникомъ, въ то время (983 г.) былъ двухлѣтнимъ ребенкомъ. Современникъ Владиміра Великаго, онъ имѣетъ и однородное съ нимъ значеніе въ исторіи, бывъ первымъ христіанскимъ королемъ [2]) Швеціи. Его имя служитъ заглавіемъ *десятаго разсказа*. Такъ какъ въ его время были частыя сообщенія между странами по обѣ стороны Балтійскаго моря, то мы нѣсколько долѣе остановимся на разсказѣ о немъ.

Мать Олофа-младенца, *Сигрида Сторрода*, знаменитая своею красотою, была такъ высокомѣрна (это выражается и ея прозваніемъ), что Эрикъ Побѣдоносный развелся съ нею, и она отправилась въ Вестготландію, гдѣ супругъ предоставилъ ей обширныя владѣнія. Туда пріѣзжалъ свататься за нее какой-то князь изъ Россіи, по имени *Вифавальдъ* (или Висивальдъ) [3]); но гордая Сигрида, напоивъ гостя медомъ, велѣла сжечь его въ своей палатѣ вмѣстѣ съ другимъ конунгомъ, пріѣхавшимъ съ тою же цѣлію изъ Норвегіи. „Я выучу, сказала она, мелкихъ владѣтелей приходить свататься за меня.“ Въ то время властвовалъ въ Норвегіи король *Олофъ Триггвасонъ*, который въ Англіи принялъ христіанскую вѣру. Въ Норвегіи овладѣлъ онъ верховною властію, умертвивъ прежняго конунга, Гакона ярла. Послѣ того онъ также сватался за Сигриду; но такъ какъ она не хотѣла по его требованію перемѣнить вѣры предковъ, то онъ съ бранью ударилъ ее по лицу своею перчаткою. Сигрида встала, говоря, „этотъ ударъ будетъ твоею смертью!“ и они разошлись. Сигрида вышла за датскаго короля *Свена Двойную-бороду* (Tveskägg), и безпрестанно возбуждала его и своего сына Олофа-младенца противъ Олофа Триггвасона.

Возникла вражда между Свеномъ Датскимъ и княземъ Буриславомъ [4]) въ *Виндландіи* (странѣ, которая послѣ называлась *Венденъ* —

[1]) Слово это собственно значитъ: король, носимый на рукахъ. Нѣмцы называютъ его: Schlosskönig.

[2]) До сихъ поръ мы называли владѣтелей скандинавскихъ *конунгами*, именемъ, которое они носятъ на своемъ природномъ языкѣ; потому что слишкомъ ограниченная власть ихъ и вообще все, что составляетъ отличительный ихъ характеръ, мало соотвѣтствуетъ той идеѣ, какую мы привыкли соединять съ титуломъ короля. Но такъ какъ отселѣ власть конунговъ болѣе и болѣе сосредоточивается, мелкія владѣнія болѣе и болѣе исчезаютъ и въ Скандинавіи образуются постепенно три большія *королевства*, то мы впередъ будемъ называть владѣтелей тамошнихъ *королями*.

[3]) По мнѣнію стариннаго шведскаго историка Далина, Всеволодъ, сынъ Владиміра. См. Карамз. И. Г. Р. Т. II, прим. 32.

[4]) Буриславомъ называется въ одной скандинавской сагѣ Святополкъ, усыновленный Владиміромъ и воевавшій съ Ярославомъ.

южные берега Балтійскаго моря, гдѣ жили Венды). Они примирились на томъ, чтобы Буриславъ женился на сестрѣ Свена. Но Тири — такъ ее звали — рѣшительно отказалась отъ этого брака, потому что Буриславъ былъ язычникъ, а она христіанка. Ее увезли насильно; но она вскорѣ бѣжала и явилась въ Норвегіи къ Олофу Триггвасону, убѣждая его итти въ Виндландію, чтобы выручить ея богатое приданое. Разъ, весною, Олофъ досталъ прекрасную розу и съ нею отправился въ жилище Тири, но засталъ ее въ слезахъ. Онъ подалъ ей рѣдкую розу; но Тири сказала, что получала отъ отца своего драгоцѣннѣйшіе подарки, и стала укорять Олофа, что онъ боится итти черезъ Данію, потому что тамъ властвуетъ ея братъ Свенъ. Олофъ Триггвасонъ съ гнѣвомъ отвѣчалъ, что онъ не боится Свена Двойной-бороды́, собралъ 60 кораблей и поплылъ въ Виндландію, взявъ Тири съ собою.

Пока онъ былъ въ Виндландіи, гдѣ добромъ умѣлъ склонить Бурислава къ возвращенію приданаго Тири, противъ него вооружились соединенными силами Олофъ-младенецъ, король шведскій, Свенъ Датскій и Эрикъ ярлъ [2]), сынъ прежняго короля норвежскаго, убитаго Триггвасономъ. Они всѣ вмѣстѣ ожидали его съ своими кораблями у острова *Сволъдера* (близъ береговъ Помераніи), мимо котораго онъ долженъ былъ проплыть на обратномъ пути. Корабль самаго Олофа Триггвасона, по имени *Змѣй длинный,* былъ необыкновенно великъ и прекрасенъ: онъ весь былъ выкрашенъ и позолоченъ, къ тому же такъ длиненъ, что на каждой сторонѣ было по 58 веселъ, и такъ высокъ, что палуба его высоко подымалась надъ всѣми другими. Какъ скоро этотъ корабль подплылъ къ острову, тотчасъ всѣ непріятельскія суда пошли ему навстрѣчу; но король всталъ на кормѣ и громко закричалъ: „сейчасъ опустить паруса! Я никогда не спасался бѣгствомъ: жизнь моя во власти Бога; но никогда не побѣгу.“ Онъ еще закричалъ, чтобы связали корабли; такъ и было сдѣлано. Началось жаркое сраженіе (въ 1000-мъ году); съ трехъ кораблей Олофа брошены были якори на суда Свена, которые такимъ образомъ и не могли уже отдѣлиться. Норвежцы въ пылу сѣчи забывали, что они на морѣ. Многіе бросались за край корабля и падали въ воду. Олофъ Триггвасонъ весь день стоялъ на кормѣ, сражаясь горячо, по большей части копьемъ, которымъ владѣлъ такъ искусно, что могъ въ одно время метать обѣими руками. Однакожъ многочисленнѣйшій непріятель болѣе и болѣе осиливалъ его. Самъ Олофъ былъ раненъ; при немъ оставалось уже только восемь человѣкъ: тогда онъ поднялъ щитъ надъ головою и стремглавъ бросился въ море; такъ поступили, одинъ за другимъ, и послѣдніе сподвижники его: но ихъ всѣхъ спасли побѣдители и отпустили. Самого Триггвасона не могли найти: потонулъ ли онъ, или также спасся — достовѣрно не знаютъ: но то несомнѣнно, что онъ болѣе не являлся въ Скандинавію. Тири умерла съ тоски. Всѣ стали говорить, что такого короля никогда уже не будетъ у Норвегіи. Теперь союзники раздѣлили ее между собою: одну часть получилъ Свенъ Двойная-борода, другую Эрикъ-ярлъ, а третью Олофъ-младенецъ.

Послѣ Ансгарія христіанство оставалось въ Швеціи безъ всякаго попеченія; наконецъ, въ это время, прибылъ туда изъ Англіи святи-

[1]) Который будто бы воевалъ также съ Владиміромъ въ Россіи. См. Карамз. И. Г. Р. Т. I, Гл. IX.

тель Сигфридъ, и опять началъ проповѣдывать тамъ Евангеліе. Въ 1001 году принялъ отъ него крещеніе самъ Олофъ-младенецъ, бывшій такимъ образомъ первымъ христіанскимъ королемъ Швеціи. Такъ какъ прежнія языческія жертвоприношенія уже не могли производиться въ Упсалѣ подъ его вѣдѣніемъ, то онъ, оставивъ старинный титулъ Упсальскаго конунга, сталъ называть себя *королемъ Швеціи*. Онъ содержалъ великолѣпный дворъ и былъ духомъ гордъ, самолюбивъ, высокомѣренъ, подобно матери своей Сигридѣ Сторродѣ. Но войны онъ не любилъ и безъ сопротивленія далъ врагамъ завладѣть всѣми землями вокругъ Финскаго залива, которыя Эрикъ Побѣдоносный прежде завоевалъ для Швеціи.

У того норвежскаго владѣтеля, котораго Сигрида Сторрода сожгла вмѣстѣ съ Висивальдомъ, остался сынъ *Олофъ*, по отцу *Гаральдсонъ*. Онъ въ дѣтствѣ принялъ крещеніе и воспитывался въ Норвегіи. Олофъ былъ очень храбръ и уменъ и всѣмъ лучше другихъ. Въ исторіи извѣстенъ онъ болѣе подъ именемъ *Святого*, а современники часто называли его, за дородность, *Толстымъ*. Онъ рано прославился морскими походами и наконецъ покорилъ всю Норвегію и соединилъ ее въ одну державу. Олофъ-младенецъ, король шведскій, имѣвшій, какъ описано, также удѣлъ въ Норвегіи, сталъ ненавидѣть Олофа Гаральдсона, не называлъ его иначе, какъ Толстымъ и готовился къ мести. Король норвежскій предлагалъ ему миръ и сватался за дочь его *Ингегерду*; но отецъ не хотѣлъ и слышать о томъ. Тогда послы Гаральдсона рѣшились обратиться съ этимъ дѣломъ къ народному собранію въ Упсалѣ. Но напередъ хотѣли они поговорить съ судьею *Торгню*, мужемъ знаменитымъ по уму и смѣлости. Онъ былъ уже очень старъ, а борода его такъ разрослась, что покрывала все его тѣло и доходила до колѣнъ, когда онъ сидѣлъ на своемъ высокомъ стулѣ. По просьбѣ пословъ, Торгню обѣщалъ имъ свою помощь на собраніи народномъ. Дѣйствительно, когда множество людей изо всего царства сошлось въ Упсалѣ, и король, въ присутствіи всѣхъ, опять съ бранью отказалъ въ просьбѣ пословъ, то всталъ Торгню и съ нимъ всѣ крестьяне (владѣльцы земли, важное сословіе въ древней Скандинавіи), и народъ съ шумомъ сталъ тѣсниться впередъ, чтобъ услышать, что скажетъ Торгню. Сперва онъ сталъ сравнивать тогдашняго шведскаго короля съ прежними, упрекая его въ самовластіи, надменности, недоступности и въ томъ, что онъ по безпечности утратилъ часть земель своихъ, а хочетъ покорить Норвегію, о чемъ не думалъ никто изъ прежнихъ королей. И потому, сказалъ онъ, мы, крестьяне, хотимъ, чтобы ты король Олофъ помирился съ Олофомъ Толстымъ, королемъ Норвежскимъ, и выдалъ за него дочь свою Ингегерду. Въ противномъ случаѣ онъ грозилъ королю смертію. Олофъ объявилъ, что соглашается съ желаніемъ народа — и Ингегерда обѣщана Олофу Норвежскому.

Обѣщаніе однакожъ не исполнилось. Когда женихъ пріѣхалъ на границу за невѣстою, то ему вмѣсто Ингегерды предложили сестру ея, на что онъ согласился, потому что и эта принцесса славилась своими совершенствами. Ингегерда же была выдана за великаго князя Ярослава въ Гардарике (т. е. Россіи); отправляясь туда, она взяла съ собою Рагвальда ярла. Все это такъ раздражило народъ противъ Олофа-младенца, что вспыхнулъ сильный мятежъ: для прекращенія его, король, по совѣту друзей своихъ, согласился признать сына, Якова, сво-

имъ соправителемъ. Такъ какъ народу не нравилось христіанское имя *Яковъ*, то его стали называть *Анундомъ* [1]). Олофъ же младенецъ принужденъ былъ ѣхать навстрѣчу къ Олофу Гаральдсону и заключилъ съ нимъ миръ.

Король норвежскій царствовалъ строго и самовластно, не щадя особливо язычниковъ, которые не хотѣли принять христіанскую религію. Этимъ возбудилъ онъ народъ противъ себя; многіе удалялись изъ его земель къ Кануту богатому, властвовавшему въ Даніи и въ Англіи, и когда Канутъ вскорѣ самъ пришелъ въ Норвегію, то Олофъ Гаральдсонъ долженъ былъ бѣжать. Онъ отправился черезъ Швецію въ Россію къ В. К. Ярославу и супругѣ его Ингегердѣ. На мѣсто его Канутъ посадилъ въ Норвегіи намѣстника; когда же этотъ намѣстникъ черезъ годъ умеръ, то Олофъ святой поѣхалъ назадъ. Олофа-младенца уже не было въ живыхъ, и въ Швеціи Анундъ-Яковъ одинъ былъ королемъ. Съ его помощію изгнанникъ-король собралъ тамъ войско и пошелъ къ Трондгейму (Дронтгейму). Но крестьяне норвежскіе ополчились несравненно въ превосходнѣйшей силѣ и ждали его: онъ палъ въ кровопролитномъ сраженіи (г. 1030); остатки его разбитой рати разсѣялись. Въ Швеціи послѣ Анунда-Якова царствовалъ старшій братъ его, который умеръ бездѣтенъ и такимъ образомъ былъ послѣднимъ шведскимъ королемъ изъ рода Ивара.

Этимъ оканчивается 1-я часть исторіи Фрюкселя. Жалѣемъ, что должны были по большей части сокращать занимательные и дышащіе свѣжестію разсказы его; но надѣемся, что и изъ нашихъ извлеченій уже видно, до какой степени Швеція богата поэтическими преданіями старины. Положимъ, что многія изъ нихъ смѣшаны съ вымысломъ, съ баснословіемъ; но и въ этомъ видѣ они чрезвычайно драгоцѣнны, какъ выраженіе умственной жизни народа въ извѣстную эпоху, и слѣдовательно сами по себѣ служатъ историческимъ фактомъ особаго рода. Въ нихъ отразилось все воззрѣніе древнихъ скандинавовъ на міръ, съ ихъ нравами, обычаями и вѣрованіями. Въ этомъ отношеніи русская литература по справедливости можетъ позавидовать литературѣ нашихъ западныхъ сосѣдей: извѣстно, что отъ славянской языческой старины не осталось почти никакихъ памятниковъ. Что мы знаемъ о бытѣ языческихъ жителей древней Руси, о ихъ понятіяхъ и вѣрѣ? Едва дошли до насъ имена немногихъ боговъ славянскихъ, и то не всѣ достовѣрны. Подымется ли когда-нибудь завѣса съ отечественной старины? Надежды мало, потому что, по всей вѣроятности, русскимъ славянамъ, до принятія христіанской вѣры, неизвѣстно было искусство письменъ.

Говоря о странствованіяхъ героевъ скандинавскихъ въ Россію, мы не сочли нужнымъ пускаться въ критическія изслѣдованія, потому что пишемъ не собственно для ученыхъ, а вообще для образованныхъ читателей. Болѣе любопытные могутъ раскрыть два первые тома Исторіи Карамзина, гдѣ, частію въ текстѣ, частію въ примѣчаніяхъ, упоминается о тѣхъ извѣстіяхъ сагъ скандинавскихъ, которыя относятся къ Россіи. Мы здѣсь не пользовались также превосходною *Критическою* Исторіею Швеціи, написанною Упсальскимъ

[1]) Онъ, по мнѣнію Баера, является въ русскихъ лѣтописяхъ, подъ именемъ *Якуна*, сподвижникомъ Ярослава въ войнѣ съ Святополкомъ. См. Карамз. И. Г. Р. Т. II, Пр. 27.

профессоромъ Гейеромъ: мы желали только доставить любителямъ исторіи пріятное чтеніе въ нѣсколькихъ очеркахъ скандинавской старины, заимствованныхъ изъ книги увлекательной,— что, по мѣрѣ силъ и досуга, станемъ продолжать и впредь отъ времени до времени.

Гельсингфорсъ.

ВОСПОМИНАНІЯ О ВОЙНѢ 1808 ГОДА
И
путешествіе Императора Александра по Финляндіи[1].

(Изъ книги г-жи Ваклинъ)

1845.

I.

Въ числѣ областей Финляндіи, многими особенностями въ разныхъ отношеніяхъ отличается Остроботнія — страна, принадлежащая восточному берегу Ботническаго залива. Къ тому способствуетъ какъ разнообразіе природы ея, такъ и характеръ ея жителей, составившихся изъ смѣшенія шведовъ съ финнами. Въ нравѣ остроботнійцевъ замѣчаютъ живость, промышленный духъ и рѣзкость, какихъ не представляетъ народонаселеніе остальной Финляндіи. Оттого въ общественномъ быту Остроботніи наблюдатель можетъ отыскать многія очень занимательныя черты. Это доказываетъ книга, появившаяся на шведскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: *Сто воспоминаній изъ Остроботніи*, сочиненіе дамы. Г-жа Ваклйнъ (такъ зовутъ ее) собрала въ двухъ небольшихъ томахъ рядъ коротенькихъ разсказовъ, изъ которыхъ большая часть изображаетъ дѣйствительныя событія, или случаи. Всѣ они увлекательны не только по разнообразному содержанію, но и по легкости и пріятности, съ какими написаны. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ показываетъ заглавіе, въ началѣ этой статьи выставленное, заключаютъ въ себѣ особенный интересъ для русскихъ читателей. Вотъ два очерка г-жи Ваклйнъ въ переводѣ.

Чай.

Графы Шуваловъ, Каменскій и многіе другіе генералы, командовавшіе приближавшеюся русскою арміей, были помѣщены въ лучшихъ домахъ Улеаборга. Генералъ Алексѣевъ былъ необыкновенно-любезный кавалеръ и очень внимателенъ къ прекрасному полу. Занявъ отведен-

[1]) *Современникъ*, 1845, т. XXXVII, стр. 274 — 290.

ную ему квартиру, онъ тотчасъ же услышалъ, что въ одномъ этажѣ съ нимъ живетъ семейство, къ которому принадлежатъ двѣ изъ самыхъ прелестныхъ дѣвицъ въ цѣломъ городѣ.

Во время войны онъ привыкъ поспѣшно исполнять всякое намѣреніе. Вотъ почему онъ немедленно послалъ одного изъ своихъ адъютантовъ къ родителямъ молодыхъ дѣвушекъ — и учтиво назвался къ нимъ на чай.

Хозяинъ былъ въ отлучкѣ — и жена его съ изумленіемъ услышала о такой неожиданной любезности.

При всемъ своемъ гостепріимствѣ, она, подумавъ нѣсколько, отвѣчала рѣшительно, хотя и дрожала отъ робости, что „семейство ея не можетъ принять такой высокой чести, какую генералъ хочетъ оказать имъ; потому что ихъ бѣдность составляетъ непреодолимое къ тому препятствіе: у нихъ нѣтъ чайнаго прибора и ничего такого, чѣмъ бы можно угостить генерала."

Адъютантъ удалился съ вѣжливымъ поклономъ и принесъ генералу отказъ. Но вскорѣ онъ опять явился къ хозяйкѣ съ новымъ предложеніемъ: „Генералъ-де непремѣнно желаетъ пить чай въ пріятномъ обществѣ этихъ дамъ, не смѣетъ однако звать ихъ къ себѣ, а только проситъ какъ милости, чтобы ему позволили прислать къ нимъ его чай: такимъ образомъ онъ все-таки воспользуется ихъ обществомъ".

Тутъ ужъ не могло быть никакихъ отговорокъ. Въ смущеніи хозяйка то краснѣла, то блѣднѣла, но должна была согласиться.

Когда адъютантъ откланялся, старушка вошла къ дочерямъ такая блѣдная и разстроенная, что онѣ испугались. „Ради Бога, что съ вами сдѣлалось, маменька?" повторили онѣ нѣсколько разъ.

Добрая старушка долго не могла ничего отвѣчать отъ безпокойства и печали. Она сѣла и, задумчиво качаясь на стулѣ, наконецъ тихо произнесла: „что сдѣлалось со мною? покуда ничего; но, можетъ быть, черезъ часъ я потеряю все! все!" и она залилась слезами.

Съ нѣжнымъ участіемъ обѣ дочери бросились къ ней въ объятія, умоляя ее открыть имъ причину такой горести. Но когда она сказала имъ, какое ужасное посѣщеніе ихъ ожидаетъ, обѣ дѣвушки захохотали. „Ахъ, сказали онѣ, какая маменька странная! Можно ли такъ бояться самаго мирнаго визита?"

Младшая сказала: „ я изъ окошка только мелькомъ видѣла генерала; но и тутъ я замѣтила, что у него наружность пріятная и ужъ совсѣмъ не страшная."

„Тѣмъ хуже", отвѣчала озабоченная мать, которую мало-по-малу ужъ успокоивали дѣтская радость невинныхъ дочерей и ихъ стараніе развеселить ее шутками.

Однакожъ она все-таки не ожидала ничего добраго отъ предстоявшаго посѣщенія. „Вы не должны показываться, дѣти мои, сказала она: вы здѣсь будете заперты на ключъ и задвижку."

„Но, милая маменька!" прервала меньшая, „вѣдь намъ можно будетъ посматривать сквозь отверстіе замкà, чтобы увидѣть хоть красивый сервизъ генерала?"

„Да и самого генерала, маменька!" прибавила старшая.

„Пожалуй, потѣшьте такимъ образомъ свое любопытство; только смотрите, чтобъ васъ не замѣтили. Дѣти — всегда дѣти", прибавила старушка со вздохомъ. „Я одна должна для васъ жертвовать собою, потому что папеньки нѣтъ съ нами." Она глубоко вздохнула.

Въ ту же минуту онѣ услышали, что кто-то входитъ въ залу. Торопливо старушка замкнула комнату своихъ дочерей, взяла ключъ, накинула шаль на свою полную фигуру и черезъ гостиную вошла въ залу. Здѣсь встрѣтилъ ее прежній адъютантъ, за которымъ генеральскіе слуги несли серебряный самоваръ и богатый чайный сервизъ. Все это поставили на столъ, занимавшій середину гостиной.

Добрая хозяйка, всегда вѣжливая, въ смущеніи чинилась и кланялась поперемѣнно передъ красивымъ самоваромъ, передъ сервизомъ и передъ адъютантомъ, который послѣ многихъ изъявленій благодарности и поклоновъ поспѣшилъ за генераломъ.

Оставшись на нѣсколько минутъ одна, старушка начала дрожать, какъ осиновый листъ. Сквозь отверстіе замка тихонько шепнула она дочерямъ: „если я закричу, скорѣе выходите; русскій, кто бы ни былъ, а все-таки русскій, будь онъ генералъ или солдатъ."

„Милая маменька, не бойтесь," шепотомъ отвѣчали дочери. Когда послышался въ залѣ стукъ сабель объ полъ и вошелъ статный генералъ Алексѣевъ самъ съ четырьмя адъютантами, хозяйка такъ оторопѣла, что даже не могла подняться съ мѣста.

Тотъ изъ адъютантовъ, который прежде приходилъ по порученію генерала и говорилъ по-шведски, теперь насказалъ отъ имени его множество любезностей хозяйкѣ, а она сидѣла неподвижно, уставивъ глаза въ одно мѣсто и вертя въ рукахъ ключъ отъ дочерней комнаты.

Между тѣмъ гости, нимало не чинясь, сѣли вокругъ чайнаго стола.

Генералъ подалъ знакъ своимъ офицерамъ — и они туда же перенесли старушку вмѣстѣ съ ея стуломъ.

Генералъ самъ взялъ на себя трудъ разливать чай, потому что хозяйка, какъ по всему видно было, рѣшилась вести себя нейтрально.

Гости были веселы — и много смѣшили ихъ остроты и анекдоты, которые разсказывались по-французски, шведскій адъютантъ все объяснялъ старушкѣ, такъ что вскорѣ и она, отъ природы будучи веселаго нрава, начала оживляться, улыбалась и толково отвѣчала на вопросы генерала.

Между прочимъ онъ спросилъ, отчего не видать дочерей ея.

Она сказала, что онѣ уѣхали.

„Справедлива ли молва," спросилъ генералъ черезъ переводчика, „что въ Улеаборгѣ такъ много молодыхъ хорошенькихъ дѣвицъ?"

„Правда, что здѣсь много молоденькихъ дѣвушекъ, которыя недурны собой," отвѣчала старушка и приняла храбрый видъ, „но по-моему ни одной изъ нихъ нельзя назвать красавицей".

„Однакожъ утверждаютъ, что ваши дочери, сударыня, первыя здѣсь красавицы", сказалъ генералъ съ значительной улыбкой.

Тутъ старушка поблѣднѣла. Она не могла побѣдить своего волненія. „Нѣтъ, это не правда, вскрикнула она. Онѣ дурны, онѣ отвратительны, какъ самъ чортъ."

Однакожъ она опомнилась, когда всѣ захохотали при объясненіи ея отвѣта. Старушка немного обидѣлась, но смолчала.

Когда чай былъ готовъ, генералъ разлилъ его въ большія чашки. Чай пили съ однимъ сахаромъ, какъ водится у русскихъ въ походное время. На столѣ не было ни сливокъ, ни хлѣба.

Учтиво генералъ предложилъ хозяйкѣ первую чашку. Та въ недоумѣніи смотрѣла на черное ея содержаніе. Это былъ крѣпкій цвѣточный чай, самаго высокаго и дорогого сорта, какого въ то

здѣсь еще и не видывали. Она не приняла чашки, вѣжливо отговариваясь тѣмъ, что *никогда не пьетъ чаю.*

Но отъ храбраго генерала не такъ-то легко было отдѣлаться. Старушка не могла долго противиться той любезности, съ какою ее упрашивали взять чашку. Какъ напитокъ ни былъ непривыченъ, она сказала, что онъ довольно вкусенъ; въ самомъ дѣлѣ она изъ одной учтивости выпила большую чашку, которую генералъ тотчасъ опять наполнилъ, не смотря на увѣренія старушки, что она болѣе пить никакъ не можетъ.

Гости, привыкнувъ употреблять много чаю, скоро осушили по второй чашкѣ. Усильными просьбами и всякими любезностями, наконецъ, имъ удалось уговорить и старушку также выпить еще чашку. Между тѣмъ они пошучивали съ нею и спрашивали, „ужели имъ никогда нельзя будетъ увидѣть, такъ же ли ея дочери дурны на ихъ глаза, какъ по ея мнѣнію?"

Но она коротко отвѣчала, что „совсѣмъ не сто́итъ и думать о томъ."

Это, повидимому, только раздражало любопытство гостей. Они изъявили желаніе узнать, гдѣ молодыя дамы спрятаны.

„Вамъ до этого дѣла нѣтъ!" Такъ отпотчевала ихъ мать, поспѣшно схвативъ ключъ, который она оставила было на чайномъ столѣ.

„Можетъ быть, онѣ не такъ далеко отсюда?" сказалъ генералъ, бросивъ на ключъ значительный взглядъ.

„Почтенный генералъ, онѣ далеко, очень, очень далеко отсюда," увѣряла добрая старушка. Но не привыкнувъ говорить неправду и притворяться, она при этихъ словахъ покраснѣла какъ піонъ, и отъ безпокойства у нея на лбу выступили капли пота.

„Мы будемъ однакожъ надѣяться, что современемъ дождемся счастія увидѣть это сокровище," сказалъ генералъ улыбаясь. „Но напередъ вы, сударыня, должны непремѣнно выпить съ нами еще хоть одну чашечку чаю." Увѣренный въ побѣдѣ, онъ налилъ ей чашку, не смотря на всѣ ея возраженія.

Но старушка не могла болѣе вынести. Жаръ, который бросился ей въ лицо отъ крѣпкаго чаю, тревога, какую причиняла ей опасность дочерей, что ихъ увидитъ и полюбитъ какой-нибудь русскій, страхъ, что ей надобно будетъ еще осушить чашку чаю, которую ей навязывали,—все это вмѣстѣ сильно потрясло ее—и ей начало нездоровиться. По симптомамъ ей казалось, что ее отравили. Она стала кричать, чтобъ ей помогли, и воскликнула: „они меня уморятъ своимъ гадкимъ чернымъ напиткомъ".

Генералъ и его адъютанты никогда еще не отступали такъ быстро, какъ они теперь удалились въ свои покои. Они съ такою поспѣшностію оставили занемогшую хозяйку, что и не замѣтили ея дочерей, которыя вбѣжали испуганныя криками матери.

Черезъ часъ послѣ того она сидѣла здоровёхонька въ кругу своихъ. Спокойна и весела, она съ юношескою живостію разсказывала имъ про любезность генерала и его серебряный самоваръ, про его учтивыхъ адъютантовъ и фарфоровый чайный сервизъ.

Еще ночью старушка во снѣ говорила о звонкихъ шпорахъ, о сабляхъ и черномъ чаѣ.

II.

Императоръ Александръ ѣздилъ по Финляндіи въ 1819 году — и народное преданіе свято хранитъ память о Высокомъ Путешественникѣ. Г-жа Ваклйнъ передала нѣсколько любопытныхъ случаевъ изъ проѣзда Государя по Остроботніи. Мы возьмемъ ту главу, въ которой описывается

Отъѣздъ

изъ Торнео, куда Александръ прибылъ наканунѣ вечеромъ — и, за неимѣніемъ порядочнаго ужина, велѣлъ подать себѣ чаю, но долго дожидался его.

На слѣдующее утро Государя опять не могли угостить завтракомъ. Ничего не кушавъ, Онъ отправился 1-го сентября назадъ изъ Торнео.

Когда Онъ переправился черезъ рѣку на пароходѣ и уже сидѣлъ въ коляскѣ, чтобы ѣхать далѣе, подошелъ русскій купецъ, жившій въ Торнео, и поднесъ Императору прекрасную горячую кулебяку, начиненную лососиной и рисомъ и испеченную ночью. Государь принялъ это искреннее приношеніе милостиво и, сидя въ коляскѣ, кушалъ пирогъ съ аппетитомъ.

По возвращеніи въ Петербургъ, Его Величество послалъ усердному купцу драгоцѣнную золотую табакерку.

Въ Кеми Государь изъявилъ свое удовольствіе при встрѣчѣ давно извѣстнаго Ему почтеннаго пробста и доктора богословія Кастрéна.

Въ Кеми Императоръ кушалъ у ленсмана Стольберга и нашелъ, что наша финляндская поленика (мамура) принадлежитъ къ числу самыхъ вкусныхъ лакомствъ въ Европѣ.

На дорогѣ къ Торнео Александръ желалъ купить для кого-то изъ свиты своей экипажъ въ замѣнъ прежняго, который сломался. У молоденькой дѣвушки, стоявшей въ толпѣ, спросили, не продастъ ли она своей красивой одноколки; она согласилась; Императоръ велѣлъ подозвать ее и освѣдомился о цѣнѣ.

Застѣнчивая дѣвушка не посмѣла объявить доброму Государю настоящую цѣну своей одноколки. Рѣшено было, что экипажъ возьмутъ на обратномъ пути изъ Торнео. Между тѣмъ дѣвушка раскаялась, что обѣщала продать одноколку, назначивъ ей такую низкую цѣну, тогда какъ это былъ подарокъ отъ жениха—и потому предметъ безцѣнный. Когда пріѣхали за экипажемъ, дѣвушка попросила за него вдвое, надѣясь, что такимъ образомъ онъ останется въ ея рукахъ. Александръ улыбнулся и сказалъ: „дайте ей, что̀ она проситъ.“ Такъ она все-таки потеряла свою одноколку.

Незадолго до прибытія на станцію Пудасъ, Государь отъ усталости уснулъ въ коляскѣ. Собравшемуся тамъ народу велѣли какъ можно менѣе шумѣть, чтобы не разбудить почивавшаго Монарха. Осторожно запрягали лошадей. Вотъ, опираясь на костыль, подходитъ къ коляскѣ 80-тилѣтняя старушка. Ее звали Келло-Лиза. Мужъ ея, старый финскій солдатъ, былъ убитъ въ послѣднюю войну. Монаршею милостію бѣдной вдовѣ пожалована пенсія по 25 руб. сереб. въ годъ, и старушка жила въ избыткѣ, какого прежде не знавала.

Ей хотѣлось теперь увидѣть своего Благодѣтеля, великодушнаго Царя, котораго она давно ужъ благословляла и поминала въ своихъ молитвахъ.

Старушка говорила, что она „трое сутокъ не спала и издалека пришла съ костылемъ, чтобы имѣть счастіе увидѣть Государя", и что „теперь будучи такъ близко отъ Него, она не посмотритъ ни на какія препятствія."

Старушка была упряма, какъ настоящая финка. Съ нею не смѣли спорить изъ опасенія, что шумъ разбудитъ Государя.

Старая Лиза отставила костыль и начала карабкаться на одно изъ колесъ царскаго экипажа. Когда ей, съ величайшими усиліями, удалось подняться настолько, что она могла видѣть почивающаго, она надѣла очки, чтобы хорошенько разсмотрѣть всѣми благословляемаго Монарха. Но очки безпрестанно тускнѣли отъ слезъ старухи, и наконецъ она не могла удержаться, чтобы не выразить своихъ чувствъ. Она сказала стоявшимъ вблизи поселянкамъ: „Tulkaat akat kattomaan, kuinka tämä on tässä nukkunnut lewollisesti, nünknin muutkin ihmiset" (т. е. подите сюда, сестрицы, посмотрите, какъ тихо Онъ здѣсь дремлетъ, точно какъ всякій другой человѣкъ).

Государь тотчасъ проснулся и, проведя рукою по глазамъ, увидѣлъ, что коляска окружена старухами. Привѣтливо улыбаясь, Александръ подалъ руку прослезившейся Лизѣ, которая потрясла ее по-крестьянски и сказала: „Käsi on pehmiä kuin pumpuli; eipä ole työ haittannut" (рука мягкая какъ хлопчатая бумага; работа не испортила ее).

Императоръ приказалъ переводчику своему, поручику Мартинò, объяснить слова старушки. Потомъ, улыбаясь, подалъ онъ руку и другимъ старухамъ, вскарабкавшимся по колесамъ; Лизѣ же, черезъ поручика Мартинò, позволилъ просить какой-нибудь милости. Старуха долго не могла понять, что Государю угодно. Когда наконецъ ей успѣли объяснить дѣло, она, зарыдавъ, сказала: „какъ могла бы я быть до того неблагодарна, чтобы еще стала просить чего-нибудь, когда я пришла сюда только увидѣть, поблагодарить и благословить Божія Ангела, посланнаго на землю для того, чтобы столькимъ тысячамъ дарить жизнь и счастіе! Нѣтъ, я пришла только поблагодарить и благословить Его, какъ умѣю!"

Простодушіе и благородство бѣдной вдовы плѣнили Государя. „Такъ, какъ эта бѣдная вдова," сказалъ Онъ, „не поступили бы и самые богатые при Дворѣ Моемъ." Потомъ, по волѣ добраго Монарха, отсыпали ей порядочную кучу серебряныхъ рублей — и Высокій Путешественникъ отправился далѣе, сопровождаемый благословеніями старушки и всѣхъ присутствовавшихъ.

Вездѣ, гдѣ Онъ ни проѣзжалъ, оставлялъ Онъ неисчислимые знаки благости и человѣколюбія—и видъ Его неизгладимо запечатлѣлся въ сердцахъ усердныхъ подданныхъ: съ какою кротостію Онъ всюду удостоивалъ народъ своимъ разговоромъ; съ какою милостію подзывалъ къ себѣ матерей и бралъ младенцевъ ихъ на руки; какое искреннее участіе принималъ въ страданіяхъ бѣдныхъ и больныхъ и приказывалъ лѣчить ихъ на свое собственное иждивеніе! Никто изъ бывшихъ тому свидѣтелями не можетъ забыть, какъ Онъ даже въ деревняхъ являлся посреди толпившагося народа и — съ неизъяснимою кротостію сказавъ: „Я Государь", — приглашалъ поселянъ собраться около Него. Все кипѣло жизнію. Невозможно и вообразить восторга окружавшей Его толпы. Всѣ сердца пламенѣли преданностію къ великодушному Александру, который заслужилъ истинную любовь и вѣчную благодарность всей націи финской.

Послѣ отъѣзда Его было пусто и мрачно и тихо въ Улеаборгѣ, хотя нѣсколько дней ни о чемъ иномъ не говорили, какъ о неоцѣненномъ Путешественникѣ.

ОЧЕРКИ СТАРИННЫХЪ НРАВОВЪ ШВЕЦІИ [1].

1845.

1. Упсальскій храмъ.

Хотя уже въ одиннадцатомъ вѣкѣ христіанская религія проповѣдуема была по всей Швеціи, однакожъ въ ряду тогдашнихъ королей нѣкоторые дѣйствовали еще въ пользу язычества. Не ранѣе, какъ со второй половины слѣдующаго столѣтія, когда шведы обязались платить папѣ особую подать, можно считать христіанство совершенно утвердившимся въ Швеціи.

Прежде совершались роскошныя жертвоприношенія, особливо въ огромномъ Упсальскомъ храмѣ. Стѣны его были изъ грубаго дикаго камня, но внутри обиты золочеными листами. Тамъ сидѣли рядомъ кумиры Одина, Тора и Фрея, и въ жертву этимъ богамъ народъ приносилъ пѣтуховъ, ястребовъ, собакъ, лошадей, и — въ случаѣ тяжкихъ бѣдствій народныхъ — даже людей, но только мужчинъ, такъ какъ и изъ животныхъ употребляли на то однихъ самцовъ. Во время жертвоприношенія жрецы пѣли мрачныя пѣсни — и мертвыя тѣла, которыя оставались не съѣденными, были развѣшиваемы на деревьяхъ въ большой рощѣ, окружавшей храмъ. Рощу эту язычники почитали великою святыней, и иногда тамъ висѣло болѣе пятидесяти труповъ, особливо, когда черезъ каждыя девять лѣтъ производилось великое жертвоприношеніе, при которомъ закалаемо было по девяти самцовъ всѣхъ породъ животныхъ. Съ отмѣною этихъ жертвоприношеній прекратились въ Упсалѣ и всенародныя собранія, такъ что крестьяне уже не могли болѣе участвовать въ государственномъ управленіи. Такъ какъ сверхъ того запрещено было кому бы то ни было, кромѣ охранной дружины королевской, носить оружіе, то крестьяне мало-по-малу утратили свой прежній вѣсъ, и епископы съ вельможами рѣшали всѣ дѣла на особыхъ совѣщаніяхъ.

Введеніе христіанской вѣры въ Швеціи, какъ и почти вездѣ, не обошлось безъ борьбы. Несогласіе религіозное давало нерѣдко поводъ къ ссорамъ и за престолъ. Король Инге старшій (въ исходѣ XI-го вѣка), преслѣдовавшій язычество, долженъ былъ бѣжать, и торжествующіе идолопоклонники избрали преемникомъ его Блотсвена, который обѣщалъ имъ защиту и покровительство. Онъ сдержалъ слово, но черезъ три года Инге явился, прогналъ его и самъ вторично сдѣлался королемъ. Тогда-то онъ, какъ нѣкоторые утверждаютъ, велѣлъ сжечь Упсальское капище и срубить священную рощу вокругъ него. Достовѣрно, что храмъ былъ разрушенъ; оставались только стѣны,

[1]) *Современникъ*, т. XXXIX, стр. 321 — 338.

которыя впослѣдствіи были исправлены и распространены, а наконецъ Эрикъ Святой довершилъ построеніе христіанской церкви, нынѣ называемой старою Упсалой. Еще и теперь на сторонахъ ея можно явственно отличить остатки тѣхъ старинныхъ толстыхъ стѣнъ, которыя нѣкогда принадлежали капищу.

2. Биргеръ ярль и его законы. — Похищеніе невѣстъ. — Судебные поединки. — Кораблекрушеніе. — Основаніе Стокгольма.

Между первыми христіанскими королями Швеціи замѣчательнѣйшимъ былъ Эрикъ IX, прославившійся завоеваніемъ южнаго берега Финляндіи. По смерти онъ былъ причисленъ къ лику Святыхъ, и мощи его до сихъ поръ хранятся въ Упсальскомъ соборѣ, въ позолоченной серебряной ракѣ. У шведовъ ни одинъ святой не былъ предметомъ такого усерднаго почитанія, какъ Эрикъ. Въ немъ признавали покровителя всего государства и при всякой присягѣ клялись его именемъ.

При послѣднемъ потомкѣ его, Эрикѣ *Шепетливомъ* (Леспе), около середины тринадцатаго вѣка, великую власть присвоилъ себѣ *Биргеръ*, изъ знатнаго рода Фолькунговъ (Фольковичей), который началъ возвышаться еще въ языческое время.

Биргеръ возведенъ былъ въ званіе *ярла* (графа), т. е. сдѣлался первымъ въ государствѣ сановникомъ и сталъ самовластно управлять Швеціею. Еще прежде того онъ женился на сестрѣ слабодушнаго короля, принцессѣ Ингеборгѣ, а вскорѣ обручилъ дочь свою съ принцемъ норвежскимъ. По вызову папы, онъ предпринялъ потомъ крестовый походъ во внутренность Финляндіи, гдѣ язычество еще оставалось господствующимъ, и завоевалъ среднюю часть этого края. Во время отсутствія его умеръ король. Такъ какъ онъ не оставилъ наслѣдниковъ, то многіе домогались короны. Могущественнѣе всѣхъ былъ родъ Фолькунговъ, и въ короли избранъ былъ сынъ Биргера ярла, Вальдемаръ (1250). Но ему было всего десять лѣтъ отроду. Биргеръ, возвратясь изъ финляндскаго похода, взялъ на себя правленіе государствомъ и до самой смерти своей сохранялъ верховную власть, оставляя безхарактерному сыну только титулъ короля. Самъ онъ принялъ титулъ герцога, дотолѣ неизвѣстный въ Швеціи; но въ народѣ многіе, не понимая дѣла, называли его королемъ.

Благодаря могуществу Биргера, государство въ его время наслаждалось постояннымъ миромъ и спокойствіемъ, потому что никто не осмѣливался возстать на него. Напротивъ, враждующіе сосѣди часто избирали его посредникомъ.

Биргеръ ярлъ во многомъ исправилъ старинные законы, а нѣкоторые установилъ вновь. Онъ запретилъ кровавую месть, предписавъ, чтобы обиженный искалъ удовлетворенія въ судѣ. Сверхъ того онъ утвердилъ внутреннюю безопасность, отмѣнивъ многіе грубые обычаи.

На сѣверѣ господствовало обыкновеніе, что при сватовствѣ не нужно было спрашивать согласія у невѣсты, а часто даже и у родителей ея. Нерѣдко женихъ являлся въ шляпѣ, съ мечемъ въ рукахъ, въ сопровожденіи своихъ удалыхъ товарищей, и когда онъ добромъ не получалъ той, которой желалъ, то похищалъ ее силою, при чемъ отецъ ея и братья часто были умерщвляемы. Случалось, что прину-

жденная выйти за человѣка ненавистнаго, за того, кто убилъ ея ближайшихъ родственниковъ и надъ нею самой позволилъ себѣ грубѣйшее насиліе, отмщала ему, когда представлялся къ тому удобный случай, хотя бы не прежде, какъ по истеченіи многихъ лѣтъ. Иногда она умерщвляла мужа, иногда только прижитыхъ съ нимъ дѣтей, чтобы горе отца было тѣмъ ужаснѣе. Такія разбойническія похищенія невѣстъ происходили особенно, когда обрученные ѣхали вѣнчаться въ церковь или къ священнику. Тогда безуспѣшно сватавшійся садился съ друзьями своими у дороги въ засаду, нападалъ на свадебный поѣздъ, убивалъ жениха и увозилъ невѣсту. Поэтому всегда призывалось нѣсколько здоровыхъ молодыхъ людей, которые должны были защищать невѣсту въ пути. Биргеръ ярлъ постановилъ, чтобы никто не смѣлъ такимъ образомъ безпокоить женщинъ, объявивъ, что нарушитель этого запрещенія будетъ лишенъ покровительства закона.

Прежде водилось, что судья, для рѣшенія, кто правъ, кто виноватъ, предписывалъ тяжущимся поединокъ, вѣря, что Богъ поможетъ невинному; но въ судахъ завелись наемные бойцы, которые за деньги брали борьбу на себя, и тотъ, кто могъ подрядить самаго сильнаго бойца, былъ увѣренъ, что выиграетъ тяжбу. Иногда, въ сомнительномъ случаѣ, судья требовалъ *испытанія желѣзомъ*. Обвиненный долженъ былъ босикомъ пройти по девяти раскаленнымъ зубьямъ бороны, или на голыхъ рукахъ пронести раскаленное желѣзо. Если онъ при этомъ оставался невредимъ, то заключали, что самъ Богъ свидѣтельствовалъ его невинность. Правда, и прежде эти способы доказательства были запрещаемы, но они не выходили изъ употребленія. Биргеръ ярлъ отмѣнилъ ихъ совершенно.

Прежде, дочери вовсе не участвовали въ наслѣдствѣ отъ родителей. Биргеръ ярлъ постановилъ, что дочь получаетъ половину противъ того, что достается сыну. Былъ обычай, что бѣдные шли въ кабалу къ богатымъ, съ тѣмъ, чтобы ихъ по смерть содержали и кормили. Но Биргеръ запретилъ и это, находя, что не годится одному человѣку быть рабомъ другого. Водилось также, что когда какой-нибудь корабль терпѣлъ крушеніе, то береговые жители грабили его, и спасенные поступали къ нимъ въ рабство, потому что тѣ считали, или притворялись, будто считаютъ судно кораблемъ морского разбойника. Обыватели на шхерахъ поступали такимъ образомъ со всѣми испытавшими кораблекрушеніе, хотя въ то время народы, жившіе по берегамъ всего Балтійскаго моря, уже приняли крещеніе, и разбойническіе походы викинговъ прекратились. Биргеръ старался уничтожить этотъ варварскій обычай, и ему въ томъ усердно содѣйствовало духовенство. Архіепископъ на 100 дней обѣщалъ отпускать грѣхи тѣмъ, которые окажутъ помощь разбитымъ бурею. Напротивъ, тому, кто осмѣлится грабить ихъ, объявлялось отлученіе отъ церкви, съ угрозою, что если онъ во время такого проклятія умретъ, то тѣло его будетъ брошено въ море.

Этими и многими постановленіями такого рода ярлъ способствовалъ къ смягченію нравовъ и исправленію понятій, отчего и внѣшняя жизнь общественная мало-по-малу стала терять свою грубость. Прежде печью служилъ большой очагъ среди пола, и дымъ выходилъ черезъ отверстіе въ крышѣ. Теперь начали устраивать печки въ углу комнаты, и при томъ съ порядочною дымовою трубою. Для питья, вмѣсто роговъ, стали употреблять кубки, и постепенно входила въ употребленіе иностранная тонкая одежда.

Биргеръ ярлъ считался основателемъ Стокгольма. О происхожденіи этого города есть много старинныхъ преданій. Разсказываютъ между прочимъ, что когда Эсты разорили Сигтуну, то тамошніе жители спрятали много золота и серебра въ бревно и бросили его въ море, намѣреваясь поселиться и заложить новый городъ на томъ мѣстѣ, куда будетъ прибито это бревно. Говорятъ, что оно остановилось при Риддаргольмѣ [1]), гдѣ будто и до сихъ поръ хранится въ старой сѣрой башнѣ. Отъ того островъ получилъ названіе *Стокгольма* (Stock значитъ *бревно*, holm *островъ*), и выходцы изъ Сигтуны сдѣлались первыми его жителями. Городъ былъ въ то время очень малъ, занимая только островъ, на которомъ теперь находится собственный городъ.

Здѣсь-то Биргеръ ярлъ построилъ двѣ высокія башни, а между ними двѣ стѣны. Это укрѣпленіе должно было заграждать всѣмъ викингамъ входъ въ озеро Меларъ. По тогдашнему обычаю, городъ составился изъ узенькихъ улицъ, съ высокими домами, у которыхъ щипецъ обращенъ былъ къ улицѣ.

3. Магнусъ—замо̀къ житницъ. — Первыя станціи.

По смерти Биргера дѣла управленія пришли въ разстройство. Сынъ его Вальдемаръ былъ изнѣженъ и предавался увеселеніямъ. Онъ отправился на богомолье въ Іерусалимъ и на время своего отсутствія назначилъ правителемъ брата своего Магнуса. По возвращеніи своемъ Вальдемаръ обвинилъ его въ умыслѣ похитить престолъ, и между ними возникло междоусобіе. Въ рѣшительномъ сраженіи Вальдемаръ былъ взятъ въ плѣнъ и посаженъ въ темницу, гдѣ онъ и умеръ. Королемъ сдѣлался *Магнусъ.*

Онъ отличался строгостію въ всемъ, что касалось законовъ и повиновенія имъ.

Въ то время, когда путешествія были рѣдки — не было ни хорошихъ дорогъ, ни станцій; всякому вмѣнялось въ обязанность оказывать проѣзжему гостепріимство. Если же это не соблюдалось, то путешественникъ вламывался насильно въ житницу или кладовую крестьянина и бралъ, что̀ ему было нужно. Магнусъ строго запретилъ эту такъ называвшуюся *насильственную гостьбу.* Въ каждой деревнѣ опредѣленъ былъ *гостинникъ* (по нынѣшнему содержатель станціи), съ обязанностію назначать, кому изъ крестьянъ принимать проѣзжаго, и всякій, кто уклонялся отъ исполненія этой повинности, долженъ былъ вносить штрафъ; путешественникъ же, который не платилъ за полученные припасы, или даже силою отнималъ у крестьянина имущество, подвергался строгому наказанію. Такъ какъ король Магнусъ ревностно поддерживалъ это учрежденіе, то оно значительно способствовало къ внутреннему спокойствію и безопасности. Крестьянамъ казалось, что онъ этимъ какъ-будто привѣсилъ надежный замо́къ къ ихъ житницамъ, и потому называли его Магнусъ *замо́къ житницъ* (Ладуло́съ); онъ въ исторіи извѣстенъ подъ этимъ прозваніемъ.

[1]) Названіе церкви въ нынѣшнемъ Стокгольмѣ.

4. Происхожденіе дворянства и гербовъ. Духовенство и рыцари.

Въ древности всякій шведскій подданный обязанъ былъ, по призыву короля, являться для похода въ полномъ вооруженіи, то-есть въ шлемѣ, при щитѣ, съ мечомъ, лукомъ и тремя дюжинами стрѣлъ, а также съ припасами на довольно долгое время. Но въ эту пору военное искусство начало принимать новый видъ въ южной Европѣ. Всадники одѣвались въ желѣзо съ головы до ногъ, а самые кони ихъ были въ доспѣхахъ; оружіемъ служили имъ мечъ и длинное, крѣпкое копье. При такомъ надежномъ вооруженіи, имъ нéчего было бояться ударовъ и стрѣлъ пѣхоты; напротивъ, когда тѣсно-сомкнутый отрядъ такихъ всадниковъ, протянувъ всѣ длинныя копья впередъ, нападалъ на пѣшихъ, то имъ невозможно было противиться. Копья пронзали ихъ прежде, нежели они успѣвали отразить непріятеля; бывшіе впереди падали; ряды разстроивались; уцѣлѣвшихъ затаптывали тяжелыя лошади. Въ войнѣ съ Даніею Магнусъ узналъ, какъ полезны такіе всадники, и захотѣлъ ввести ихъ у себя; но люди недостаточные не могли запастись надлежащимъ вооруженіемъ. Поэтому онъ объявилъ, что всякій, кто на службу королю поставитъ всадника, одѣтаго въ доспѣхъ, съ конемъ и оружіемъ, будетъ за то пользоваться совершенною свободою отъ всякихъ другихъ повинностей по своему имѣнію. Такое имѣніе стало называться льготнымъ (frälse), откуда впослѣдствіи и возникло дворянство. Люди, такимъ образомъ освобожденные отъ податей (обѣльные), обыкновенно носили на щитахъ своихъ какое-нибудь изображеніе, чтобы посредствомъ его узнать другъ друга, такъ какъ лицо было закрыто шлемомъ. Такія изображенія часто переходили въ наслѣдство отъ отца къ сыну, и вотъ какъ произошли впослѣдствіи дворянскіе гербы.

Духовенство еще гораздо ранѣе освобождено было отъ всѣхъ казенныхъ податей, такъ же, какъ и отъ свѣтскаго суда. Эти льготы были дарованы ему уже въ первыя времена послѣ Эрика IX, когда короли, для усиленія власти своей, старались привлечь на свою сторону духовенство. О томъ же заботился и Магнусъ-замóкъ житницъ: онъ построилъ много монастырей и распространилъ льготы духовныхъ. Своею пышностію и рыцарскими играми онъ большую часть дворянства склонилъ въ свою пользу, особливо же учрежденіемъ званія рыцарей. При основаніи женскаго монастыря Св. Клары упоминаются первые рыцари въ Швеціи, и, по мнѣнію нѣкоторыхъ, орденъ Серафимовъ основанъ былъ Магнусомъ при этомъ случаѣ. Достоинствомъ рыцарей особенно дорожили, потому что пожалованный имъ пользовался гораздо большимъ уваженіемъ, нежели знатнѣйшіе дворяне, и только жена рыцаря имѣла право называться госпожею (fru). Крестьяне также очень любили Магнуса за то, что онъ охранялъ ихъ отъ самовластія сильныхъ.

5. Торкель-Кнутсонъ въ Финляндіи. Война съ русскими.

Передъ смертію Магнусъ вѣнчалъ на царство старшаго сына своего Биргера, а государственному маршалу [2]) *Торкель-Кнутсону* поручилъ

[1]) Этотъ титулъ соотвѣтствуетъ званію военнаго министра. По смерти Биргера ярла уничтожено было достоинство *ярла*, такъ какъ съ нимъ соединялась власть, опасная для самого короля. Послѣ того первыми сановниками стали: *Riksdrots* (родъ

управлять Швеціею во время малолѣтства *Биргера*. Другихъ сыновей своихъ назначилъ онъ герцогами разныхъ областей.

Король Эрикъ Святой обратилъ и завоевалъ южную Финляндію, Биргеръ ярлъ—среднюю и западную (Тавастланію); но восточная сторона еще оставалась въ язычествѣ. Эта часть называлась *Киріаландіею;* или *Кареліею;* жители ея, карелы, были дикій, необузданный народъ; въ своихъ обширныхъ, пустынныхъ лѣсахъ поклонялись они идоламъ, страшно свирѣпствуя противъ христіанъ.

Маршалъ рѣшился положить конецъ жестокостямъ кареловъ, собралъ войска и поплылъ (1293) въ Финляндію. Язычники не могли противиться и вскорѣ были покорены. Чтобы держать ихъ въ повиновеніи, Торкель-Кнутсонъ основалъ зàмокъ Выборгъ, гдѣ оставилъ значительную рать; сверхъ того, епископъ Петрусъ, прибывшій вмѣстѣ съ войскомъ изъ Швеціи, усердно трудился надъ обращеніемъ жителей въ христіанство. Но такъ какъ въ этой борьбѣ кареламъ помогали русскіе, то маршалъ пошелъ на нихъ и взялъ ихъ крѣпость Кексгольмъ, послѣ чего онъ отправился назадъ въ Швецію. Въ Кексгольмѣ оставилъ онъ часть войска; но тамъ вскорѣ оказался недостатокъ въ продовольстіи; русскіе, узнавъ о томъ, облегли крѣпость и взяли ее.

6. Шведы на Невѣ.

Тогда маршалъ снова вооружилъ рать, поплылъ съ нею на востокъ противъ русскихъ и вошелъ въ Неву. Не встрѣчая здѣсь непріятелей, онъ на одномъ островѣ заложилъ сильную крѣпость, которую назвалъ *Ландскроною* (Вѣнцомъ Земли), и началъ собирать всякаго рода припасы для продовольствія охраннаго войска. Такъ какъ эта крѣпость совершенно остановила плаваніе по Невѣ, то русскіе въ числѣ тридцати тысячъ человѣкъ ополчились на шведовъ. Сначала они устроили большіе костры изъ хворосту, вышиною въ порядочный домъ, зажгли ихъ и пустили по теченію воды, чтобы огнемъ истребить весь шведскій флотъ. Но маршалъ велѣлъ построить твердыя укрѣпленія (болверки) и черезъ воду протянуть толстыя желѣзныя полосы. Этимъ способомъ онъ удержалъ пылающія груды, которыя сгорѣли безвредно, и корабли его были спасены. Русскіе, видя, что военная хитрость ихъ не удалась, рѣшились взять крѣпость приступомъ и напали на нее съ отчаянною отвагой. Но стѣны Ландскроны были такъ крѣпки, Шведы стрѣляли оттуда, рубились и кололись такъ упорно, что всѣ усилія русскихъ были тщетны. Наконецъ Матсъ (Матвѣй) Кетильмундсонъ, молодой и храбрый витязь, сдѣлалъ вылазку и прогналъ непріятелей. Русскіе на этомъ приступѣ потеряли множество народа. Часть ихъ конницы, около тысячи человѣкъ, остановилась въ нѣкоторомъ разстояніи отъ крѣпости передъ лѣсомъ; яркая збруя и красивые доспѣхи сіяли на солнцѣ. Шведы съ крѣпостнаго вала видѣли этотъ отрядъ. Матсъ Кетильмундсонъ выступилъ и сказалъ, что если маршалъ позволитъ, то онъ желаетъ выйти на единоборство съ храбрѣйшимъ изъ непріятелей. Получивъ на то раз-

министра внутреннихъ дѣлъ) и *Riksmarsk* (государственный маршалъ, военный министръ). Впослѣдствіи мало-по-малу возникла еще должность государственнаго канцлера (*Rikskansler*).

рѣшеніе маршала, онъ взялъ свое оружіе, велѣлъ осѣдлать коня и вспрыгнулъ на него. Всѣ шведы взошли на валъ, чтобы видѣть бой. Рыцарь безстрашно поскакалъ къ непріятелямъ и отправилъ къ нимъ переводчика объявить, что шведскій рыцарь готовъ биться съ храбрѣйшимъ изъ русскихъ за жизнь, имущество и свободу. При этомъ извѣстіи русскій князь собралъ своихъ бойцовъ, но ни одинъ не изъявилъ охоты помѣриться съ витяземъ Матсомъ. И такъ шведскій воитель цѣлый день просидѣлъ передъ русскими и прождалъ напрасно. Подъ вечеръ онъ поѣхалъ назадъ въ крѣпость и былъ принятъ съ великою радостью и съ похвалами его отвагѣ. Ночью же русскіе отступили и пошли обратно во-свояси.

Вскорѣ удалились и шведы, за исключеніемъ трехъ сотъ человѣкъ, оставшихся въ Ландскронѣ для охраненія крѣпости. Но русскіе, окруживъ ее и принудивъ шведовъ къ сдачѣ, разорили Ландскрону (1300) и тѣмъ положили конецъ войнѣ [1]).

7. Казнь Торкель-Кнутсона. Король Биргеръ губитъ братьевъ.

Король Биргеръ и два брата его, герцоги, часто ссорились. Примирившись однажды, они стали говорить, что Торкель-Кнутсонъ былъ причиною прежнихъ несогласій ихъ, и, отправясь къ нему со многими рыцарями, измѣннически схватили его. Посадивъ его на коня, связали ему ноги и поспѣшно поѣхали съ нимъ въ Стокгольмъ. Тутъ его торжественно объявили виновникомъ раздоровъ между братьями, прибавивъ еще, что онъ своею расточительною жизнію истощилъ доходы государственные. Его вывели за городъ. Тамъ напередъ вырыли могилу въ неосвященной землѣ, а потомъ отсѣкли ему голову мечомъ. Надъ могилою устроили шатеръ съ алтаремъ и крестомъ, гдѣ служили ему панихиды, и всѣ, проѣзжавшіе мимо, останавливались и молились за его душу. Въ слѣдующую весну родственники его испросили у короля позволеніе выкопать тѣло и съ великолѣпными обрядами похоронили его въ Францисканскомъ монастырѣ.

По смерти маршала между братьями вновь открылась явная вражда. Они не разъ мирились; но наконецъ герцоги прибѣгли къ гнусному вѣроломству. Они поѣхали къ Биргеру въ за̀мокъ, схватили его и отвезли въ Нючепингъ. Король долженъ былъ уступить имъ двѣ трети государства. Черезъ одиннадцать лѣтъ (1317) онъ отмстилъ имъ такимъ же низкимъ, но еще болѣе жестокимъ образомъ.

Герцогъ Вальдемаръ собрался въ Стокгольмъ, принадлежавшій къ его трети. По дорогѣ онъ заѣхалъ въ Нючепингъ, чтобы поговорить съ королемъ, братомъ своимъ, съ которымъ онъ давно не видѣлся.

[1]) Въ разсказахъ шведскаго писателя Фрюкселя, откуда мы извлекли большую часть настоящихъ очерковъ, сказано, что эта война была первою между русскими и шведами. Скандинавскія хроники дѣйствительно ничего не упоминаютъ о той побѣдѣ, какую, по извѣстіямъ нашихъ лѣтописцевъ, Александръ Невскій одержалъ надъ шведами за полвѣка до того, т. е. еще во время похода *Биргера ярла*. Но другой историкъ шведскій, Гейеръ, безпристрастно принимаетъ это русское извѣстіе за достовѣрное, ссылаясь на грамоты папскія, проповѣдывавшія крестовый походъ не только на финновъ, но и на „невѣрныхъ русскихъ“, которые тревожили христіанъ въ Финляндіи. Подробности похода Торкель-Кнутсона описаны у Фрюкселя довольно сходно съ тѣмъ, что и Карамзинъ разсказываетъ по исторіи шведа Далина.

Король Биргеръ пошелъ къ нему на встрѣчу, привѣтствовалъ его дружелюбно и угостилъ съ видимымъ радушіемъ. Такъ же обошлась съ нимъ и королева Мерта. Герцогъ былъ очень радъ дружбѣ и остался у нихъ ночевать. Вечеромъ Мерта жаловалась ему, что герцогъ Эрикъ убѣгаетъ своего брата Биргера, чѣмъ она чрезвычайно огорчена, потому что Богу извѣстно, какъ она любитъ своего деверя. На другое утро Вальдемаръ уѣхалъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа, съ своими слугами, которые также были очень хорошо приняты королемъ. Изъ Стокгольма онъ прямо поѣхалъ къ другому брату, жившему въ Вестманландіи. Эрикъ, разсказавъ, что король недавно приглашалъ его къ себѣ, спросилъ у Вальдемара, какъ онъ думаетъ, можно ли безопасно ѣхать туда. На это Вальдемаръ, не колеблясь, отвѣчалъ утвердительно, и описалъ, какъ самъ онъ былъ принятъ въ Нючепингѣ. Эрикъ долго не соглашался ѣхать, увѣряя, что онъ боится королевы; однакожъ, наконецъ, рѣшено было исполнить желаніе короля. Итакъ, они отправились. Но когда они подъѣхали уже къ Нючепингу, то ихъ остановилъ рыцарь, который сказалъ имъ, что и сами они и друзья ихъ много потерпятъ горя, если оба герцога въ одно время навѣстятъ короля. На это герцогъ Вальдемаръ отвѣчалъ гнѣвно, что и такъ ужъ довольно есть людей, которые стараются ссорить братьевъ. Услышавъ такой отвѣтъ, рыцарь удалился; а герцоги продолжали путь. Вскорѣ встрѣтилъ ихъ другой рыцарь съ поклономъ отъ короля и настоятельною просьбой, чтобъ они не останавливались, пока не пріѣдутъ въ Нючепингъ, гдѣ король такъ нетерпѣливо ожидаетъ ихъ. Они послушались его и въ тотъ же вечеръ прибыли въ Нючепингъ. Король принялъ ихъ чрезвычайно ласково и угостилъ роскошно. Но когда наступила ночь и они улеглись, то онъ велѣлъ людямъ своимъ взять факелы въ руки и съ ними пошелъ къ герцогамъ въ спальню. Они проснулись отъ шума въ корридорѣ, и Вальдемаръ вскочилъ и накинулъ на себя плащъ (они были совершенно раздѣты). Но въ тотъ же мигъ вошли слуги, человѣкъ десять, съ обнаженными мечами, и нѣкоторые хотѣли тотчасъ же изрубить Вальдемара; но онъ схватилъ одного изъ нихъ и ударилъ объ-полъ, призывая брата на помощь. Герцогъ же Эрикъ, видя такое множество вооруженныхъ людей, сказалъ: „оставь ихъ братъ; тутъ сопротивляться напрасно“ — и они сдались безъ боя, чтобы только сохранить жизнь. Тутъ вбѣжалъ король, гнѣвно и дико поводя глазами. „Помните ли вы“, сказалъ онъ, „что было между нами? Хоть поздно, я заплачу вамъ долгъ мой.“ Онъ велѣлъ связать имъ руки и босыхъ отвести въ глубокій подвалъ башни, гдѣ ноги ихъ были закованы въ длинную цѣпь; а самъ, отъ радости всплеснувъ руками, воскликнулъ съ веселой улыбкой: „благослови, Святой Духъ, мою королеву! Теперь вся Швеція въ моихъ рукахъ!“

Вскорѣ послѣ того король Биргеръ уѣхалъ, чтобы овладѣть государствомъ, и поручилъ братьевъ лифляндскому рыцарю, который посадилъ ихъ въ самую глухую темницу и забилъ ихъ ноги въ колоду. Между тѣмъ Биргеръ вездѣ былъ встрѣченъ непріязненно и со стыдомъ возвратился въ Нючепингъ, куда двинулся и народъ для освобожденія герцоговъ. Тогда король замкнулъ ворота башни, гдѣ они сидѣли, и въ бѣшенствѣ бросилъ ключи въ глубокую рѣку, и братья никогда уже болѣе не выходили оттуда живые: преданье гласитъ, что они умерли съ голоду. Биргеръ же былъ изгнанъ изъ Швеціи, а сынъ его казненъ смертію, хотя и не участвовалъ въ злодѣяніи отца.

НАДЕЖДА, ПОЭМА РУНЕБЕРГА [1]).

1841.

Пѣснь 1. „Волга принимаетъ въ лоно свое Оку, Ока принимаетъ желтую Москву, въ Москву весело мчится ручей съ богатствомъ осыпанныхъ перлами струй. По цвѣтистому берегу ручейка шла пятнадцатилѣтняя дѣвушка; сама цвѣтокъ, она искала цвѣтовъ и цвѣтокъ сплетала съ цвѣткомъ.

„Сладкій трудъ ея далеко подвинулся; на головѣ она уже носила вѣнокъ, на груди — недавно распустившуюся розу, сросшуюся съ розовою почкой, а вокругъ нѣжнаго, тонкаго стана поясъ изъ фіалокъ.

„Она еще сплела богатую гирлянду на свое платье и сказала: „Еслибъ онъ пришелъ, прекрасный юноша, еслибъ я увидѣла его черный, сверкающій глазъ, какъ я недавно видѣла его во снѣ, я бы вся покрылась цвѣтами, и, въ красотѣ подобна розовому кусту, встрѣтила бы его только свѣтомъ и благоуханіемъ. Но, о святой Георгій, онъ нейдетъ; другъ Надежды — одна греза.“

„Вздохъ ея, взятый вѣтеркомъ тихо опустился на струю и поплылъ вмѣстѣ съ нею, и Надежда опять сорвала розу, опять улыбалась, сіяла, радовалась.

„Наконецъ она пришла къ заливу, гдѣ, отдыхая отъ рѣзвыхъ игръ, волна лежала на цвѣтахъ; въ ея свѣтломъ, серебристомъ зеркалѣ дѣвушка захотѣла увидѣть свой образъ.

„Когда она тихо наклонила голову надъ спокойнымъ ручьемъ и увидѣла вешнюю красоту своего кроткаго лица, слезинка показалась на ея рѣсницахъ, печаль снова пробудилась въ груди ея: „О цвѣтокъ-Надежда, сказала она; бѣдняжка, зачѣмъ украшаться тебѣ, когда ты и безъ украшеній злополучно прекрасна! Не для собственнаго счастья ты воспитываешься, не для радостнаго выбора собственнаго твоего

[1]) *Современ.* 1841, т. XXIV, стр. 49 — 80. Напечатана была съ большими пропусками и искаженіями цензуры, о чемъ см. *Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ*, т. I, стр. 452—9, срв. тамъ же стр. 102, 110, 193, 201, 205, 217, 353, 359, 390, 413, 414, 421, 422, 429, 436, 442, 444. Неудовольствіе Як. Карл. за помѣщеніе Плетневымъ его статьи въ такомъ искаженномъ видѣ вылилось въ слѣдующемъ рѣзкомъ отзывѣ въ письмѣ къ Плетневу (ч. I, стр. 452) „Безтолковость *Надежды* въ теперешнемъ видѣ превзошла мои ожиданія. Не только основная глубокая идея пропала, но и всякій вообще смыслъ, а слѣдовательно и занимательность“... Упрекая друга, Я. К. замѣчаетъ ему: „ты долженъ былъ или вовсе не помѣщать этой статьи, или, сказавъ отъ себя нѣсколько словъ о „Надеждѣ“, напечатать нѣкоторыя отдѣльныя мѣста, до которыхъ не коснулось варварское оружіе цензора. А что скажетъ потомокъ, который, зная шведскій языкъ, сравнитъ переводъ съ подлинникомъ и не найдетъ коментаріевъ, которые бы объяснили ему дѣло“?—Если мы послѣ того всетаки перепечатываемъ эту статью, то потому, что она во всякомъ случаѣ даетъ понятіе о произведеніи Рунеберга, и жаль было бы ее выкинуть совсѣмъ, а объ искаженіяхъ цензуры, выпустившей или испортившей всѣ мѣста, гдѣ рѣчь касается крѣпостного права, читатель можетъ составить себѣ понятіе по нѣсколькимъ приведенныхъ въ выноскахъ примѣрахъ. Кромѣ сдѣланныхъ пропусковъ, цензура постоянно замѣняла одни выраженія другими, напр. вмѣсто *рабыня* (slafvinna) — постоянно *дѣвушка*, вмѣсто slav (*рабъ*)—*слуга* или *крестьянинъ* и т. п. *Ред.*

сердца, не для возлюбленнаго юноши; ты, можетъ быть, растешь для чьей-нибудь прихоти [1]), можетъ быть, для того, чтобы очаровать, насытить упоенные взоры и быть брошенною."

„Такъ она сказала и сняла съ головы вѣнокъ, съ груди сняла розовый стебель, наконецъ, взяла поясъ и кинула ихъ далеко въ ручей, произнося тихую жалобу: „Возьми, о ручей, уборы Надежды; пусть они вмѣстѣ съ твоею волной стремятся въ Москву, съ Москвой спѣшатъ въ Оку, а Ока пусть несетъ ихъ въ лоно Волги; когда они съ волною достигнутъ моря, пусть они найдутъ образъ пригрезившагося мнѣ юноши; онъ также безграниченъ, безкровенъ, необъятенъ, лишь во снѣ можетъ быть обнятъ."

„Едва красавица сказала это, какъ явился Милютинъ, ея серебро-кудрый воспитатель. Онъ опирался на посохъ и съ трудомъ дышалъ отъ усталости. Радуясь встрѣчѣ съ дочерью, старикъ поднялъ голосъ и быстро сказалъ: „Надежда, для чего блуждаешь ты подобно дикому кролику, ищущему зеленаго пріюта рощей и въ тишинѣ скрывающагося подъ трилистникомъ на берегу ручьевъ? А я хожу съ одного двора на другой, хожу съ горы на гору и изъ дола въ долъ, напрасно отыскивая твоихъ легкихъ слѣдовъ; наконецъ я въ солнечный зной пришелъ и сюда."

„Такъ онъ сказалъ. Тогда красавица стыдливо приблизилась къ старику, почтительно поднесла его суровую руку къ розовымъ губамъ своимъ и спросила: „О Милютинъ, мой кормилецъ, зачѣмъ искалъ ты слѣдовъ Надежды?"

„Тогда старикъ отвѣчалъ: „Дочь моя, въ большомъ селѣ праздникъ; въ каждой избѣ радость; въ воздухѣ весело раздаются звонкія пѣсни и звуки балалаекъ. Старые, молодые, богатые, бѣдные, всѣ уже въ праздничныхъ нарядахъ; парни перемѣняютъ ленты на своихъ шляпахъ, красныя дѣвушки кладутъ вѣнки на свои черныя кудри. Вотъ почему я искалъ Надежды; пусть и радость Милютина будетъ въ хороводѣ убранныхъ цвѣтами дѣвушекъ."

„О, дорогой мой кормилецъ, скажи: зачѣмъ такъ наряжаются въ деревнѣ?"

„Затѣмъ, что на широкій дворъ барскихъ хоромъ сегодня соберется народъ, отцы, матери, дѣвушки, парни."

„О, Милютинъ, дорогой кормилецъ, барскій домъ пустъ уже много лѣтъ, одни духи живутъ въ его заглохшихъ покояхъ, трава растетъ на его замкнутыхъ дворахъ. Кто же отворитъ сегодня ворота его, кто велѣлъ народу собираться тамъ?"

„И старикъ далъ открытый отвѣтъ: „Ты, Надежда моя, знаешь, что въ хоромахъ нашего князя на берегахъ Волги воспитано два сокола, двое благородныхъ сыновей княжескихъ. Ихъ отецъ недавно призвалъ обоихъ къ смертному одру своему и съ миромъ сказалъ: „Мрачный Дмитрій, ты, мой младшій сынъ, живи съ своею матерью здѣсь въ моихъ веселыхъ палатахъ на Волгѣ; веселый Владиміръ, гордый юноша, ты живи въ нашемъ родовомъ имѣніи, разливай свѣтъ въ моемъ мрачномъ теремѣ на Москвѣ." Такъ онъ сказалъ; наслѣдство было раздѣлено. Потому-то теперь въ селѣ пируетъ радость, что веселый князь сталъ нашимъ; потому-то народъ наряжается по праздничному, что благородный сегодня будетъ здѣсь; потому-то мы соби-

[1]) Въ подлинникѣ: „для барской прихоти". *Ред.*

раемся на барскомъ дворѣ, что такъ приказалъ нашъ отецъ молодой. Въ путь, Надежда, ступай за мною! По дорогѣ ты будешь рвать розы для твоихъ кудрей, твоей груди, твоего тонкаго стана. Дочь моя должна сегодня нарядиться; она, прекраснѣйшая безъ убранства, сегодня должна быть лучше всѣхъ и въ нарядѣ, чтобы послѣ, когда княжескій нашъ соколъ станетъ весело разсматривать нашихъ дѣвушекъ, онъ на Надеждѣ остановилъ взоръ, которому быть свѣтомъ нашихъ хижинъ, солнцемъ нашей будущности."

„Такъ онъ сказалъ. Крылатый мигъ дочь его стояла безмолвно, черный глазъ ея сверкалъ гнѣвомъ на старика. Но скоро, умиленная его кроткимъ спокойствіемъ, она поцѣловала серебряные кудри на челѣ его и сказала: „Ступай, Милютинъ, кормилецъ мой; ступай тихонько впередъ! Я хочу выкупаться здѣсь въ ручейкѣ, если во время зноя нѣсколько пылинокъ пристало къ кожѣ моей, къ алой щекѣ, къ бѣлой шеѣ; потомъ уже я уберусь для князя и въ нарядѣ явлюсь на барскій дворъ."

„Старикъ тихонько пошелъ домой; медленно пробирался онъ по тропинкѣ; однакожъ въ душѣ его мысли играли съ золотыми днями ожидаемой будущности. Такъ дошелъ онъ до темной рощи.

„Взоръ Надежды слѣдилъ тихій ходъ его, пока въ зелени березъ не исчезло и послѣднее мельканіе платья его; когда же онъ скрылся въ глубинѣ рощи, она слухомъ продолжала слѣдить шаги его, пока въ далекомъ мирѣ лѣтняго дня не замеръ и послѣдній ихъ шорохъ.

„Когда никого болѣе не было ни видно, ни слышно, она еще разъ пошла къ берегу ручья, слегка наклонила надъ нимъ головку и увидѣла въ зеркалѣ воды свой образъ. Но въ печали произнесла она тихія слова: „Плачь, другъ Надежды, милый ручей, что свѣтлыя струи твои не могутъ смыть красоты этихъ розовыхъ членовъ. Купаться ли мнѣ въ твоемъ спокойномъ лонѣ, украшаться ли мнѣ, бѣдняжкѣ, цвѣтами? *Тогда бы* я умыла въ тебѣ щеки мои, еслибъ румянецъ ихъ можно было смыть; *тогда бы* я умыла въ тебѣ грудь мою, еслибъ отъ того исчезла ея млечная бѣлизна; *тогда бы* я стала украшаться цвѣтами, еслибъ вмѣстѣ съ цвѣтами могла и сама увянуть!"

„Сказала, и, тяготимая собственною своею красотой, опустила руку въ глубину ручья, быстро возмутила его зеркальныя струи. Искаженъ былъ прекрасный образъ, разстроенъ, искривленъ, мраченъ, угрюмъ дикъ; но глазъ благородной дѣвушки сіялъ улыбкою: „Въ такомъ видѣ, князь молодой, сказала она, явится предъ тобою Надежда [1]) и возбудитъ въ груди твоей не пламя, а только холодъ мгновеннаго ужаса."

„И она пошла прочь отъ цвѣтистаго берега ручья, по тропинкѣ пошла безмолвно къ барскому дому, и въ дорогѣ стала готовить свой уборъ. Не изъ цвѣтовъ, а изъ осоки сплела она себѣ печальный вѣнокъ, сорвала чертополоху, укрѣпила его вмѣсто украшенія на груди своей, и изъ соломы связала поясъ, роскошно обвила имъ свой нѣжный станъ. Такъ крестьянка шла въ молчаніи къ высокому терему сына княжескаго."

2-я п ѣ с н ь начинается такъ:

„Москва, ты, желтая, тихая рѣка, что за шумъ на твоемъ цвѣтистомъ берегу? Облако пыли катится, клубясь и гремя, мимо волнъ

[1]) „По приказу отца".

твоихъ. То не стада ли сытыя несутся домой? то не буря ли грозно крутитъ раскаленный песокъ дороги? Какъ могли стада покинуть сѣнь рощей, когда солнце еще высоко? Какъ можетъ буря шумѣть между осинъ и липъ, когда ни вѣтка, ни листокъ не шевелятся?

„Облако, летѣвшее по твоему берегу, Москва,—оно теперь быстро приближается къ тебѣ; вотъ оно уже у моста, который, отражаясь въ тебѣ, круто подымается надъ глубиною водъ твоихъ. Что за блескъ? Изъ мрака сверкаетъ на мосту златокованная карета; какъ стрѣлы мчатся яркіе жокеи и огненные жеребцы. Княжеская толпа сіяетъ посреди спокойствія сельскаго; это самъ веселый князь Владиміръ, а съ нимъ и мрачный братъ его.

„Толпа, которая, какъ бурный вихрь, проскакала по мосту, остановилась на противоположномъ берегу. Князь Владиміръ крестится: „Здравствуй, говоритъ онъ, прекрасная земля; здравствуй, привѣтное небо, и ты, братъ мой, здравствуй! добро пожаловать! вотъ прекрасное мое наслѣдіе!"

„Дмитрій подымаетъ угрюмый взоръ, глядитъ на окрестность, съ минуту молчитъ и только смотритъ: наконецъ онъ говоритъ:

„Передъ нами поле, отягощенное жатвой; другое покрыто цвѣтами; на краю ихъ виднѣется безконечный лѣсъ — радость охотника, а въ дали мелькаетъ въ сіяніи солнца башня твоего наслѣдственнаго замка; не для того ли я долженъ внимательно разсмотрѣть все это, чтобы убѣдиться, какъ ты счастливъ?"

„Братъ мой, отвѣчалъ съ кротостью князь Владиміръ, что охлаждаетъ весну сердца твоего? Не для того, чтобы взвѣшивать жребіи наши, показываю я тебѣ мою веселую землю: я только хотѣлъ сказать: милости просимъ! твой братъ теперь твой хозяинъ; пойдемъ, раздѣли дружески его хлѣбъ-соль, скоро и онъ раздѣлитъ твою!"

„И Владиміръ протянулъ руку, Дмитрій взялъ ее: „Здѣсь солнце жжетъ, сказалъ онъ: здѣсь душно отъ пыли. Вижу тропинку вдоль рѣки; кажется, она ведетъ къ твоему замку; избираю тропинку; конь мой скоро вынесетъ меня изъ пыли."

„Онъ позвалъ удалого слугу: „Иванъ, коня моего! Приготовь сокола: мой бѣлый соколъ сегодня будетъ блистать въ облакахъ."

„Князь Владиміръ выскочилъ изъ коляски, позвалъ толпу свою: „Люди, спѣшите въ мой домъ, объявите тамъ о моемъ пріѣздѣ. Мой братъ, мой благородный гость хочетъ охотиться, хочетъ испытать звѣринецъ мой; пусть народъ собирается; мы скоро пріѣдемъ; теперь намъ никого не нужно!"

„Такъ сказавъ, онъ съ быстротою вѣтра вспрыгнулъ на спину кипящаго бѣгуна. Уже князь Дмитрій удерживаетъ гордаго жеребца опѣненными удилами; онъ несетъ сокола на подъятой рукѣ, у брата его другой, и коляска ихъ катится въ пыли, и толпы мчатся за нею."

Здѣсь, перемѣнивъ внезапно размѣръ, поэтъ описываетъ случившееся на охотѣ. Вотъ главныя черты этого описанія: На лугу передъ лѣсомъ стоитъ старая береза, на ней сидитъ ручная голубка. Братья въ одно и то же время пускаютъ своихъ соколовъ на добычу. Встрѣтившись надъ вершиной березы, соколы начинаютъ бой. Испуганная голубка садится на плечо Владиміра; между тѣмъ его соколъ падаетъ побѣжденный. Другой, замѣтивъ голубку, уже готовъ броситься на нее; но Дмитрій убиваетъ его ударомъ своего хлыста. Когда онъ послѣ того начинаетъ говорить о высокой цѣнѣ принесенной жертвы, Вла-

диміръ предлагаетъ вознаградить его за сокола. „Ты хочешь знать ему цѣну? отвѣчаетъ Дмитрій: онъ стоилъ не слишкомъ много: только двухъ пурпурныхъ губъ, только двухъ алыхъ щекъ, двухъ рукъ, которыхъ цѣпь часто обвивала мнѣ шею, двухъ черныхъ глазъ, которые плакали при покупкѣ его"[1]). Между тѣмъ проходившая мимо ихъ Надежда своимъ страннымъ нарядомъ подала случай Дмитрію къ насмѣшкѣ надъ крестьянками брата. Владиміръ молчалъ въ досадѣ и не хотѣлъ отвѣчать. Оба безмолвно подвигались къ дому.

Пѣснь 3. Уже народъ въ праздничныхъ одеждахъ толпился на дворѣ барскомъ и ожидалъ своего князя... только Милютинъ не принималъ участія въ общей радости: Надежда не пришла еще.

„И князь идетъ, но онъ идетъ угрюмо; ни уста его, ни очи не улыбаются; его мрачное привѣтствіе только пугаетъ народъ, и изумленныя толпы безмолвствуютъ.

„Душа Дмитрія радуется ихъ молчанію: „Братъ, говоритъ онъ смѣясь: живые ли это люди, или только духи стараго дома?"

Владиміръ спрашиваетъ у Милютина о причинѣ такой тишины. Старикъ, наклоня сѣдую голову, сказалъ: „Когда солнце блещетъ кротко и ясно, земля также сіяетъ; но увы, когда свѣтлый ликъ солнца задергивается тучами, тогда и земля помрачается грустно."

Сказавъ, онъ увидѣлъ дочь свою, которая только-что пришла и стала незамѣтно въ ряды другихъ дѣвушекъ. При видѣ ея князь въ гнѣвномъ удивленіи забываетъ все и хотѣлъ бы сорвать дикій вѣнокъ съ ея роскошныхъ кудрей.

Между тѣмъ и Надежда узнаетъ въ немъ образъ грезившагося ей юноши. „Взоръ Владиміра долго покоится недвижно на ея подъятомъ окѣ; онъ хочетъ говорить, но вздохъ восторженнаго удивленія—вотъ вся его рѣчь. Подобной красоты онъ еще не видывалъ на берегахъ Волги, ни въ твоихъ палатахъ, Москва; и неотразимо сладкое очарованіе оковываетъ его душу, и ему какъ-будто грезится на-яву.

Дмитрій также пораженъ красотою Надежды. Замѣтивъ, что Владиміръ плѣнился ею, онъ не можетъ скрыть своей досады.

Братья отправляются въ домъ Владиміра. Дмитрій за ужиномъ пьетъ съ мрачнымъ видомъ здоровье Владиміра и грозитъ похитить красавицу.

Въ ту же ночь передъ кровомъ Милютина остановился вооруженный всадникъ; то былъ самый вѣрный изъ слугъ Владиміра. Онъ вошелъ въ хижину и черезъ нѣсколько минутъ вышелъ оттуда съ Надеждою, вмѣстѣ съ нею сѣлъ на коня и помчался въ безмолвіи ночи.

„Жребій дѣвушки долгое время былъ тайною для всѣхъ, и народъ молчалъ въ изумленіи, или слагалъ пѣсню о темномъ бѣгствѣ слуги князева. И когда кто спрашивалъ о томъ Милютина, онъ тихо качалъ головою и глядѣлъ на дорогу, гдѣ сокрылась его радость, пока взоръ его не омрачался слезою."

[1]) Тутъ пропускъ, сдѣланный цензурой. Въ подлинникѣ—Владиміръ отвѣчаетъ, что у него много рабынь (крѣпостныхъ дѣвушекъ), что тотъ можетъ выбрать изъ нихъ любую. Дмитрій восхищенъ красотой замѣченной имъ Надежды и хочетъ на ней остановить свой выборъ, но Владиміръ ему говоритъ: ты можешь выбрать себѣ только крѣпостную дѣвушку, а эта (Надежда) — свободна, ибо я теперь-же дарую ей свободу... Этотъ эпизодъ, какъ завязка, объясняетъ и все дальнѣйшее. *Ред.*

4-я пѣснь. Такъ какъ почти вся эта пѣснь принадлежитъ къ лирическому роду и тонъ ея слишкомъ много измѣнился бы въ прозѣ, то здѣсь дѣлается опытъ перевода ея въ стихахъ размѣромъ подлинника.

Къ безмолвнымъ сѣнямъ Камы
Отъ роскоши столичной,
Супруга схоронивши,
Княгиня удалилась,
Оставленная счастьемъ.
Надъ самою рѣкою
Подъ липами избрала
Она себѣ обитель;
Три дочери младыя
Ея утѣхой были.

Надъ тѣмъ пріютомъ тихимъ
Сіялъ однажды мѣсяцъ,
И въ рощахъ вѣтерочки
Весенніе играли
Съ тѣнями, то гоня ихъ,
То будучи гонимы.

Въ сихъ рощахъ сокровенныхъ,
Въ прохладѣ вѣтерковъ ихъ
Подъ тѣнями ихъ сидя,
Разъ юноша съ дѣвицей
Вечернею порою
Велъ тихую бесѣду.

И много словъ мѣняли
Они межъ поцѣлуевъ.
Подобно легкимъ тучкамъ
На синемъ лѣтнемъ небѣ,
То пурпуромъ облитымъ,
То яркимъ, сребробѣлымъ,
То темноблѣднымъ, мрачнымъ,
Слова раждались въ небѣ
Любви ихъ непорочной.

И юноша ей молвилъ:
„Я много наспросилъ ужъ,
Я сдѣлалъ по вопросу
На каждое мгновенье
Недѣль и дней, протекшихъ
Съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались.

И мѣсяцъ ужъ высоко
Поднялся надъ пригоркомъ,
И вечеръ улетаетъ,
А есть еще вопросы!"

И красная дѣвица
Съ улыбкой возразила:
„Я много отвѣчала;
Ты слышалъ по отвѣту
На каждую утѣху,
Которую доставилъ
Мнѣ милостивый князь мой.
Какъ я была счастлива,
Спокойна въ семъ пріютѣ,
Была сестрой и дочкой
Въ кругу семьи радушной —
Все, все ужъ я сказала,
На все отвѣтъ дала ужъ,
А есть еще отвѣты."

И князь Владиміръ молвилъ:
„Въ обители сей мирной
Убѣжище подруги,
Взлелѣянная нѣжно,
Она, моя лилея,
Развила чудно прелесть
Души цвѣтоподобной;
И многое узнала,
И многіе вопросы
Рѣшить ужъ научилась:
Одно ей неизвѣстно:
Отколь мое блаженство
Въ тотъ мигъ, когда встрѣчаю
Лобзаніе Надежды?"

Прекрасная сказала:
„Мой юный князь подобенъ
Пловцу на синемъ морѣ:
Онъ берега не видитъ,
И, встрѣченъ благовоньемъ,
Несущимся оттолѣ,
Дивится онъ и ищетъ,
И думаетъ, что самъ онъ
Въ себѣ цвѣтникъ скрываетъ.

О князь, твое блаженство,
Когда тебя цѣлую —
То лишь мое блаженство,
Когда оно навстрѣчу
Тебѣ благоухаетъ."

Князь молвилъ улыбаясь:
„О дѣвица, стократно
Блаженна ты: владѣешь
Ты собственнымъ блаженствомъ.
А я, пловецъ-бѣдняжка,
Чуть только удалюся
Отъ радостнаго брега,
Ужъ болѣе не видно
Мнѣ радости блестящей:
Весь міръ — пустыня моря,
И высь и долъ безъ жизни,
Уныніе на сердцѣ.
Ты правду мнѣ сказала:
Моя заемна радость —
Она лишь у Надежды."

И руку взялъ у милой
И вешнею улыбкой
Владиміръ улыбнулся:
„Свою я радость знаю,
А въ чемъ Надежды радость?"

„Любовь моя — мнѣ радость;
Не блекнетъ, не проходитъ
Она какъ радость князя."
„Любовь — Надежды радость;
Но что жъ любовь? скажи мнѣ."
И вешнею улыбкой
Дѣвица улыбнулась:
„Мой князь, она сказала,
Онъ самъ того не знаетъ,
О чемъ вопросъ мнѣ сдѣлалъ;
О, еслибъ я то знала!
Одно я знаю: духъ мой
Въ младенческіе годы
Былъ словно снѣгъ нагорный
Межъ небомъ и землею;
Такъ тихъ онъ былъ, такъ миренъ,

Такъ бѣлъ, но такъ и хладенъ.
Когда жъ явилось солнце,
Живого ока пламя,
Растаялъ и потекъ онъ
Рѣками чувствъ и мыслей;
Сталъ воленъ, сталъ носиться
Въ пространствахъ, прежде чуждыхъ;
Проникнутъ новымъ жаромъ,
Сталъ зеркаломъ, способнымъ
Вмѣщать и прелесть неба
И долъ, въ красѣ цвѣтущій,
Способнымъ неизмѣнно
Носить въ себѣ живое,
Привѣтливое око.“

„А чье, скажи мнѣ, было
Привѣтное то око?“

Она не отвѣчала,
Она поникла томно
Прекрасною головкой
Къ плечу младого князя.
Межъ листьевъ пролетѣло
Дыханіе прохлады,
И листья задрожали,
И тѣни содрогнулись,
И блескъ луны, разлитый
По черным кудрямъ дѣвы,
Плѣнительно прервался
Въ неслышномъ трепетаньи.

Въ молчаньи мигъ пронесся,
И вновь приподнялася
Прекрасная головка:
„Мой князь, она сказала,
Мнѣ сдѣлалъ тьму вопросовъ;
Надежда на одинъ лишь
Желала бы отвѣта:
Ужъ дважды предо мною
Одѣлись эти рощи,
И вновь спадаютъ листья —
А князь мой только дважды
Являлся между нами.
Но самъ онъ не сказалъ ли,

Что здѣсь его вся радость,
Здѣсь только; отъ чего же
Онъ ѣздитъ къ намъ такъ рѣдко?"

Тѣнь — листьевъ тѣнь конечно,
А можетъ быть и сердца —
На князевъ ликъ упала,
И вотъ что отвѣчалъ онъ:
„Надежда! городъ царскій,
Воинской славы прелесть,
И нѣга и забавы
Меня въ оковахъ держатъ."

Прекрасная сказала:
„Лишь дважды предо мною
Одѣлись эти рощи
И вновь спадаютъ листья —
А князь мой между нами
Два раза ужъ являлся.
Но если городъ царскій,
Забавы, нѣга держатъ
Его въ неволѣ, какъ же
Онъ ѣздитъ къ намъ такъ часто?"

Князь юный улыбнулся,
Но вздохъ былъ въ той улыбкѣ;
„О дѣвица, онъ молвилъ:
Какое было бъ счастье
Здѣсь въ рощахъ жить съ тобою,
Съ тобой найти обитель
Далече отъ столицы,
Какъ птички для любви лишь
Въ лѣсахъ пріютъ находятъ!
Но ахъ, чтобъ быть съ тобою,
Я долженъ красть мгновенья;
Двѣ силы угрожаютъ
Мнѣ въ счастьи непрестанно:
Одна изъ силъ тѣхъ — братъ мой;
Другая — мать родная!"

„Князь брата назвалъ, развѣ
Онъ врагъ для счастья брата?"
„Ты помнишь мигъ, Надежда,
Ты помнишь, какъ впервые

Сошлися наши взоры,
Моя душа съ твоею.
Мой мрачный братъ былъ съ нами,
И онъ тебя увидѣлъ,
И въ немъ огонь зажгла ты
Ужасный, дикій, вѣчный.
Отъ той поры онъ тѣнью
Изъ края въ край блуждаетъ;
Одну лишь цѣль онъ видитъ,
Одну тебя онъ ищетъ.
Надежда, еслибъ только
Онъ зналъ твою обитель,
Ни вѣрный твой Владиміръ,
Ни всѣ земныя силы,
Ни небо, ни пучина
Тебя бы не укрыли
Отъ хищничества брата."

„Мать назвалъ князь — уже-ли
Не матери въ ней сердце?"

„Надежда, такъ сказалъ онъ:
Та мать мрачна, надменна;
Хладна, неумолима
Наталія Петровна [1]).
Ни чистыхъ наслажденій,
Ни правъ священныхъ сердца
Не чтитъ она; ей милы
Лишь почести близъ трона,
И блескъ высокихъ предковъ,
И слугъ толпа, и звѣзды,
Добытыя дѣлами.
Въ тебѣ, моя Надежда,
Она бъ нашла не прелесть,
Не глазъ твоихъ волшебство,
Не душу, коей образъ
Черты твои являютъ
Въ игрѣ тѣней и свѣта;
И еслибъ только знала,
Что любимъ мы другъ друга,
Она бы насъ расторгла,

[1]) Въ подлинникѣ: Θеодоровна.

Хотя-бъ съ собой взяла ты
Кровавые обрывки
Владимiрова сердца."

И будто бы въ испугѣ
Онъ обнялъ станъ дѣвицы;
Къ плечу его поникнувъ,
Она шептала тихо:
„Дней раннихъ вспоминанья,
О сладкiя утѣхи,
Ты, солнце, въ синемъ небѣ
Съ твоимъ прекраснымъ утромъ,
Ты, долъ, съ цвѣтною тканью,
Вы, рѣки и озера,
О други дорогiе,
Зачѣмъ я васъ узнала!
О, еслибъ возрасла я
Въ палатахъ храминъ пышныхъ,
И лишь при свѣтлыхъ лампахъ
Безчувственно ходила
Въ сiяньи перлъ и злата!
Тогда-бъ я, можетъ статься,
Имѣла, какъ Владимiръ,
Могущественныхъ предковъ·
Тогда была-бъ княжною,
Любить бы смѣла князя
И княземъ быть любима."

Сказала; замеръ говоръ
Надъ алыми устами.
И князь умолкъ. И въ небѣ
Любви ихъ не раждалось
Ужъ облакъ словъ, и ясенъ
И тихъ былъ вешнiй вечеръ.

5-я пѣснь. Князь, по возвращенiи въ свое имѣнiе, куда онъ привезъ и Надежду, призываетъ къ себѣ стараго слугу и объявляетъ, что важныя дѣла заставляютъ его опять удалиться; во время его отсутствiя старикъ долженъ завѣдывать всѣмъ, повинуясь тайно никѣмъ незамѣчаемой Надеждѣ, которая будетъ слыть дочерью этого слуги...

Къ князю входитъ Милютинъ, только-что узнавшiй о его прибытiи. [1]) „Милютинъ, сказалъ Владимiръ старцу: о чемъ твоя просьба? Сегодня никакой печали не выйти изъ этой обители."

[1]) Этотъ дiалогъ между Владимiромъ и Милютинымъ, прекрасный въ подлинникѣ, совершенно искаженъ цензурой. Тутъ-же выпущены размышленiя Милютина о крѣпостномъ правѣ. *Ред.*

„Старикъ вздохнулъ: „О князь, смиренна жалоба смиреннаго: у меня былъ жаворонокъ, твой ястребъ похитилъ его изъ моей хижины.“

„Владиміръ улыбнулся милостиво: „Не трудно, право, исцѣлить твое горе; у меня есть соловей, я дамъ его тебѣ на мѣсто твоего жаворонка.“

„Тогда Владиміръ поднялъ взоры, его чело сіяло, щеки его горѣли: „Милютинъ, сказалъ онъ, сегодня никакой печали не выйти изъ этой обители.“

„Вздохъ, звукъ, тонъ, слово, имя слетѣло съ устъ князя, и вдругъ отворилась дверь въ великолѣпную храмину, и прекраснѣе прежняго, въ сіяніи просвѣтлѣвшей судьбы, подобна вешнему розовому облачку, стояла предъ старикомъ Надежда.

„Владиміръ улыбнулся милостиво; онъ дружески взялъ за руку и подвелъ къ старику прекрасную его воспитанницу: „Милютинъ, вѣрный мой слуга, вмѣсто жаворонка предлагалъ я тебѣ соловья, ты оплакиваешь дочь, бѣдную крестьянку; у меня есть княгиня, я ее даю тебѣ на мѣсто твоей крестьянки.“

„Слеза свѣтлая, будто капля росы, сверкала въ пурпурѣ на щекѣ Надежды; улыбаясь, красавица безмолвно поцѣловала Милютина.“

6-я пѣснь. „Въ своемъ высокомъ теремѣ надъ Волгою, въ мраморной залѣ, одна предъ изображеніями отшедшихъ блестящихъ предковъ сидѣла въ сіяніи сама Наталья Петровна *(Θеодоровна)*. Здѣсь, такъ назначила княгиня, здѣсь, предъ этими свидѣтелями, князь Дмитрій, который ужъ давно не являлся въ отеческомъ домѣ, долженъ былъ снова представиться матери. Зала была убрана какъ будто для пира; пурпурные занавѣсы подняты надъ всѣми картинами, и за столомъ возлѣ мѣста княгини поставленъ табуретъ для сына ея.

„Гордая мать ожидала; ударилъ часъ, и вошелъ Дмитрій, но не съ тѣмъ праздничнымъ видомъ, какимъ отличалась комната. Его платье было надѣто небрежно — буднишнее платье, его прежнее домашнее платье; его взоръ былъ дикъ, но въ то же время и гордъ и мраченъ, и онъ подошелъ къ матери угрюмъ, какъ беззвѣздная ночь.

„Съ-минуту княгиня смотрѣла на него пасмурно, какъ будто сама помрачилась отъ его мрачности, но вскорѣ, прояснившись, она величаво протянула къ нему руку, ступила шагъ отъ мѣста своего и материнскимъ поцѣлуемъ коснулась щеки его. „Мой Дмитрій, сказала она: добро пожаловать! Съ справедливою гордостью вижу опять благороднаго сына моего въ лучезарномъ кругу его предковъ; теперь онъ уже не неопытный юноша, но мужъ испытанный, привыкшій дѣйствовать, можетъ быть, готовый самъ нѣкогда стяжать между ними свое мѣсто. Сынъ мой, долго ты былъ въ отсутствіи; гдѣ, какъ, въ какихъ странахъ, по какимъ дѣламъ — ты не говорилъ, я не спрашивала. Такъ я желала, такъ хотѣла. Я хотѣла предоставить моего благороднаго сына ему самому, его собственному благородству, собственному избранію путей славы, хотѣла сохранить только одно право, лучшее, какое есть у матери, право всего надѣяться отъ возлюбленнаго сына. И теперь, Дмитрій, я спрашиваю — нѣтъ, не я, а эти нѣмыя изображенія чрезъ меня — къ какой цѣли ты стремился, на какомъ сіяніи въ области славы остановилъ ты жаждущій взоръ свой?“

„Таково было привѣтствіе княгини. Она сѣла и знàкомъ показала сыну его мѣсто.

„Мигъ, быстрокрылый мигъ пролетѣлъ въ безмолвіи. Князь Дмитрій молчалъ, губы его шевелились еще не для отвѣта, но для улыбки легкой, какъ тѣнь, и мать его съ важностью опять заговорила: „Мой Дмитрій не хочетъ отвѣчать; быть можетъ, онъ такъ же безмолвно, какъ эти образы вопрошаютъ его, хочетъ отвѣчать имъ; пожалуй: то моя гордая, свѣтлая радость, что сама я, для собственнаго моего спокойствія, не нуждаюсь въ отвѣтѣ. Взгляни на эту женщину, благородный сынъ мой; посмотри на пылающій огонь глазъ ея, на высокое чело, отѣненное непослушнымъ локономъ! Она была прабабушкою твоей матери, княжескаго происхожденія, и родилась средь звѣздъ на скалахъ Грузіи. У нея былъ сынъ. Какъ ты, онъ уѣхалъ изъ дому родительскаго, уѣхалъ рано, странствовалъ много лѣтъ, и мать его оставалась одна въ своихъ хоромахъ. Разъ приходитъ къ ней подруга, которой она давно уже не видала, родомъ графиня, но въ то время соединившаяся бракомъ съ темнымъ гербомъ. Однакожъ, она была принята ласково; завелся искренній разговоръ, много сдѣлано было вопросовъ о прошломъ и настоящемъ; наконецъ, гостья сказала: „У тебя есть сынъ? радуетъ ли тебя надеждою молодость его? гдѣ онъ? для какихъ занятій, для подвиговъ мирныхъ или военныхъ ты назначаешь его?“ Прабабушка улыбнулась и отвѣчала: „Мой глазъ два года уже не видѣлъ его: взоръ его воспламенился, родительскій домъ сталъ ему тѣсенъ, онъ взялъ свое наслѣдіе, пустился въ широкій свѣтъ, и теперь борется — гдѣ, какъ, не знаю.“ Но та сказала съ изумленіемъ: „Какъ, ты шутишь, или говоришь во снѣ? Ты, мать, съ чувствами пламенными какъ взоръ твой, ты предоставляешь судьбѣ своего единственнаго сына? Невозможно.“ Такъ она сказала. Тогда княгиня встала величаво, подала гостьѣ руку и произнесла незабвенныя слова: „Успокойся, другъ мой; одно знаетъ мать его, болѣе знать ей не нужно: гдѣ бы онъ ни былъ, кровь отцовъ живетъ въ его сердцѣ, чиста, какъ золото.“ Дмитрій, вотъ какъ думала твоя прародительница; отъ ея духа и я наслѣдовала кое-что.“

„Она кончила, но Дмитрій поднялъ взоръ и смѣло сказалъ: „Я здѣсь, матушка; суди меня, рѣши сама, на радость тебѣ или на горе я стою передъ тобою; презираю всякую пустую позолоту, и каковъ я по наружности, таковъ и по душѣ.“

„Мать вперила въ очи его сердечный, испытующій, мрачный взоръ, и опять посмотрѣла на картины, и величественно простерла руку къ одному изъ предковъ. „Когда этотъ звѣздозарный, сказала она, возвратился домой изъ юношескаго путешествія, преданіе чудно повѣствуетъ, что онъ былъ такъ же бѣденъ, такъ же лишенъ наружнаго блеска, какъ ты. Отецъ его рано погибъ въ борьбѣ Петра съ лютыми львами Швеціи; жилище матери его недавно было опустошено непріятелемъ, и беззащитная вдова сидѣла грустно въ разграбленныхъ палатахъ. Поля Полтавскія были облиты кровью, и побѣдная вѣсть торжественно облетала царство. Тогда возвратился сынъ ея, одинокъ, безмолвенъ, съ поблѣднѣлыми щеками вмѣсто всякаго пріобрѣтенія. Къ нему, хотя она давно уже не видѣла его и ничего о немъ не слышала, — къ нему устремлялись всѣ ея надежды; однакожъ она молчала и тайно скорбѣла, что онъ возвратился такъ разстроенъ въ разстроенное жилище. Прошелъ день; едва наступилъ другой, какъ окрестность наполнилась весельемъ, и съ холмовъ и долинъ раздался кликъ: Царь ѣдетъ! Благородная владѣлица замка уже не можетъ, какъ бывало въ

счастливѣйшее время, просить у ногъ Царя милости — позволенія быть на минуту его хозяйкой. Одинока, невидима, сидя въ крайнемъ покоѣ, она лишь отворяетъ окно и безмолвно глядитъ на дорогу, хочетъ съ благословеніемъ только посмотрѣть на Отца отечества при Его проѣздѣ. Вотъ Онъ скачетъ, побѣдитель, герой; Его мчатъ опѣненные кони, за Нимъ гремятъ колесницы, толпа приближается, блеститъ, исчезаетъ — нѣтъ! она останавливается, Дмитрій, останавливается на дворѣ замка. Изумленіе сладкое, но потрясающее, овладѣло сердцемъ благородной владѣтельницы замка; однакожъ она идетъ весело на-встрѣчу высокому Гостю и быстрыми шагами достигаетъ сѣней. Что за зрѣлище! Государь уже тамъ во всемъ своемъ величіи. Что за зрѣлище для матери! Она видитъ сына своего въ объятіяхъ Царя, покрывающаго лицо его поцѣлуями. Дмитрій, этотъ юноша, который, какъ ты, пришелъ къ матери своей блѣденъ и безъ всякаго блеска, былъ выше того, чѣмъ онъ хотѣлъ казаться; онъ храбро бился во многихъ сраженіяхъ, рука его была знаменита, его мужество содѣйствовало Полтавской побѣдѣ, онъ носилъ честную рану, былъ царскимъ любимцемъ, былъ генераломъ.“

„Такъ она сказала. Свѣтлая улыбка пробѣжала по лицу ея, котораго величіе смягчилось въ эту минуту; но Дмитрій сидѣлъ холоденъ какъ мраморъ; наконецъ мраморъ въ дикомъ превращеніи растаялъ и излился словами: „Перестань, сказалъ онъ, матушка, глядѣть на меня этимъ мечтательно-испытующимъ, блаженнымъ взоромъ, предугадывающимъ сокровенные лучи милости царской во мнѣ, твоемъ блѣдномъ, бурномъ, мрачномъ сынѣ. Не для твоей радости я пришелъ; того, что ты считаешь радостью, я не искалъ, не пріобрѣлъ; нѣтъ, я пришелъ для самого себя, для собственной моей радости, хотя бы долженъ былъ купить ее твоею скорбію.“

„Онъ умолкъ и провелъ рукою по лбу и еще сказалъ: „О, еслибъ я былъ такъ рожденъ тобою, чтобы сіяніе звѣздъ, которымъ ты недавно восхищалась, очаровывало и меня! Какъ дитя, плѣняющееся игрушками, я бы радостно собиралъ ихъ мечомъ и въ игрѣ истощилъ бы жизнь мою. Но другія звѣзды свѣтятъ Дмитрію, двѣ звѣзды, убійственно-очаровательныя, могучія; онѣ сожгли его грудь, высосали кровь его сердца, и одна изъ нихъ — любовь, другая — мщеніе.“

„Онъ остановился и будто ждалъ отвѣта, но княгиня сидѣла безмолвно; тогда онъ снова началъ; голосъ его былъ подобенъ голосу волны, когда она въ бурю бьется о грудь утеса и дробится и глухо вздыхаетъ. „Съ дѣтства я былъ твоимъ мрачнымъ сыномъ, вторымъ, всегда, всегда только вторымъ; передо мною братъ мой свѣтлѣлъ во свѣтѣ; я самъ оставался мраченъ, но таилъ свою мрачность и молчалъ. Наше наслѣдство было раздѣлено; братъ мой отправился счастливцемъ въ свой домъ; я послѣдовалъ за нимъ, какъ чужой: однакожъ для меня блеснуло начало счастья — его укралъ тотъ, кто и такъ уже все получилъ. Тогда изъ мглы явилась одна моя звѣзда, тогда кивнула мнѣ месть; она свѣтила мнѣ чрезъ многіе годы мукъ, и наконецъ привела меня сюда. Матушка, этотъ счастливый сынъ, ваша радость, вашъ всегдашній любимецъ, женился на крестьянкѣ.“ [1])

„Мгновенная, трепетная блѣдность пробѣжала по лицу княгини — мимолетный, дикій отблескъ молніи, и она, преодолѣвъ скорбь свою,

[1]) „На дочери раба (крѣпостного человѣка).“

начала: „О Дмитрій, дитя ночи, если бѣдствіе брата можетъ утолить твое мщеніе, успокойся, жребій его рѣшенъ. На престолѣ русскомъ сидитъ жена, умѣющая цѣнить горесть матери. Она пойметъ мольбу мою, когда съ растерзанною грудью я буду просить ее о защитѣ нашего рода противъ преступленія, пятнающаго честь нашу. Успокойся: у меня было два сына, теперь у меня одинъ только, у тебя уже нѣтъ соперника; успокойся, мой сынъ, мой несчастный, мрачный сынъ; одна звѣзда твоя привела тебя къ желанной цѣли."

„Она остановилась; удерживаемая слеза насильно вырвалась и упала на щеку надменной; она взяла мрачнаго сына за руку и, какъ будто молясь, подняла опять голосъ:

„Какъ ты ни мраченъ, ты—мой Дмитрій, мой единственный сынъ, ты одна опора нашего рода, ты не долженъ отчаяваться, не долженъ унывать: назови же мнѣ свою вторую звѣзду, назови мнѣ любовь свою! Нѣтъ у Россіи такой прекрасной, богатой, могущественной, блистательной дочери, въ рукѣ которой отказали бы сыну твоей матери; сама Царица подкрѣпитъ своимъ могуществомъ твой смѣлый выборъ; только укажи его, скажи только, кто плѣнилъ твое сердце."

„Она кончила. Дмитрій взялъ свою руку изъ руки молящей матери, и не скрылъ любви своей."

„Тогда княгиня встала, колеблясь; она молчала; она медленно, величественно, безмолвно удалилась изъ лучезарной храмины предковъ; потомъ вошелъ присланный надменною слуга, который, не сдѣлавъ ни знака, не сказавъ ни слова, опустилъ предъ всѣми изображеніями занавѣсы, и вскорѣ Дмитрій остался одинокъ и славные отцы болѣе не глядѣли на него."

7-я пѣснь. Здѣсь является въ поэмѣ князь Потемкинъ. Замѣтивъ на послѣднемъ парадѣ недостатокъ точности въ движеніяхъ войскъ, онъ дѣлаетъ о томъ замѣчанія собраннымъ въ его залѣ офицерамъ разныхъ полковъ и чиновъ. Послѣ обращается онъ къ бывшему тутъ же князю Владиміру Павловичу и призываетъ его въ свой кабинетъ, гдѣ, не называя Владиміра, разсказываетъ, какъ о неизвѣстномъ лицѣ, всѣ обстоятельства, которыя узналъ въ отношеніи къ тайному браку молодого князя.

Окончивъ разсказъ, онъ прибавляетъ: „Теперь, Владиміръ Павловичъ, картина готова, композиція приводитъ въ изумленіе, вы сами рисовали; скажите, вѣрно ли природѣ?" Послѣ того онъ объявилъ Владиміру отъ имени Государыни, что служба его нужна въ Томскѣ и что ему слѣдуетъ немедленно туда отправиться.

Разставаясь съ Владиміромъ, Потемкинъ прибавилъ: „Князь Владиміръ Павловичъ, я зналъ вашего отца, онъ стоялъ возлѣ меня въ шумѣ битвъ; ради его хотѣлъ бы я смягчить жестокую участь его гордаго сына. Я знаю старинное правило: повинуйся и жди! Я вамъ передаю его, болѣе не могу; прощайте!"

8-я пѣснь. Надежда, по приказанію Натальи Петровны, матери князей, изгнана изъ Владимірова дома; она возвратилась въ жилище, гдѣ провела дѣтство, и тамъ утѣшается двумя маленькими сыновьями, единственнымъ богатствомъ, какое у нея осталось. Но вотъ до нея доходитъ слухъ, что Дмитрій ищетъ ее, и она должна удалиться отъ милыхъ мѣстъ. Когда она, прощаясь съ ними, сидитъ въ весенній вечеръ на берегу рѣки, вдругъ приближается Дмитрій. „Его огненный взоръ уже упалъ на слабую добычу; побѣда ему улыбается; годы

борьбы, лихорадочныя грезы, мрачные дни, безсонныя ночи — все теперь вознаградится. Но, о чудо! цвѣтъ лица его измѣняется; онъ прячется, колеблется, смущенный видомъ молодой женщины. Этотъ образъ, какъ онъ похожъ, и вмѣстѣ какъ непохожъ на тотъ, который неизгладимо запечатлѣлся въ полусгорѣвшихъ очахъ Дмитрія! Онъ искалъ прежней поселянки, вешнею прелестью подобной розѣ, и нашелъ блѣдную мать, рано созрѣвшую въ заботахъ жизни, съ благородною печатью самоотверженія и скорби на челѣ. Тише! вотъ онъ содрогается, въ груди его борются дикія силы, долженъ ли онъ остановиться или итти впередъ?.."

Наконецъ, онъ подымаетъ взоры, какъ будто рѣшился на что-то. „Что же онъ вдругъ видитъ? Есть ли то дѣло случая или хранителя невинности? Въ этотъ самый мигъ старшій сынъ покрываломъ матери тихонько отираетъ слезу на щекѣ спящаго брата и безмолвно предостерегаетъ Надежду, чтобы она болѣе не плакала. Почувствовавъ невольный трепетъ, братъ-ненавистникъ отвращаетъ лицо; опять упущена минута, онъ долженъ снова укрѣпить колеблющійся духъ свой. Онъ крадется назадъ, какъ будто его гонятъ злыя силы, онъ хочетъ подышать свободно въ гущѣ лѣса и возвратиться съ рѣшительною побѣдой надъ взволнованнымъ сердцемъ."

Вдругъ поодаль отъ того мѣста новое зрѣлище представляется ему. „На мшистомъ камнѣ сидѣлъ передъ нимъ старикъ, печально сгорбившійся надъ посохомъ, подобный статуѣ, изсѣченной изъ сѣраго утеса. Онъ, казалось, достигъ цѣли не только дневного пути, но и долгаго странствованія жизни; съ трудомъ поднялъ онъ взоръ на приближавшагося. „Незнакомецъ, сосѣдъ, сказалъ онъ, братъ, ты, у котораго глазъ еще не облагается какъ у меня тѣнями смерти, скажи, не видалъ ли ты въ этихъ мѣстахъ жены нашего благороднаго князя? Долго я искалъ ее напрасно, и силы мои истощились, день мой кончился; если ты ее видѣлъ, сведи меня къ ней, меня разбитаго, умирающаго, чье сердце теперь безъ мира совершаетъ свои послѣднія біенія."

„Такъ сказалъ старикъ, и князь Дмитрій узналъ въ немъ стража братняго дома; низко надвинувъ шляпу, боясь, чтобы его не узнали, онъ отвѣчалъ: „Старикъ, скажи мнѣ, нѣтъ ли у тебя на душѣ бремени, которое отравляетъ жизнь твою и затрудняетъ смерть? Ты ищешь жены своего князя; въ какомъ преступленіи противъ нея хочешь ты просить помилованія у ногъ ея?"

„Собравъ послѣднія жизненныя силы, старикъ мгновенно всталъ: „Незнакомецъ, сказалъ онъ: какого дикаго звѣря ношу я образъ, если ты дѣлаешь мнѣ этотъ вопросъ? Но ты чужой, ты ея не видѣлъ, ты не знаешъ, что только подобный тигру могъ бы провиниться противъ нея." Тутъ онъ разсказываетъ несчастіе Надежды; какъ онъ отправился умолять за нее Наталью Петровну; какъ онъ дни и ночи ждалъ у замкнутыхъ воротъ, пока, наконецъ, увидѣлъ жестокую мать; какъ ему было отказано и какъ онъ скитался, отыскивая Надежду. „И я вспомнилъ князева брата, Дмитрія, его, чью голову тяготитъ вина, и я воскликнулъ — незнакомецъ, трепещи отъ этихъ словъ ненависти: „горе, стократъ тебѣ, неистовый Дмитрій, твоя черная зависть виною всему! Пусть будетъ водянымъ цвѣткомъ безъ плодовъ благословеніе, которое я часто призывалъ на кудри твои, когда бывало ты непорочнымъ младенцемъ игралъ на рукахъ моихъ. Скитайся безъ крова, безъ мира, безъ надежды, раздираемый змѣями собственнаго сердца,

и пусть твоя цѣль бѣжитъ тебя и, бывъ достигнута, оттолкнетъ тебя изнеможеннаго!" Такъ восклицалъ я. Я ненавидѣлъ, братъ мой; вотъ вина, которая тяготитъ меня; хочу умереть съ миромъ."

„Въ нѣмомъ изумленіи стоялъ князь Дмитрій; старикъ продолжалъ: „Ты, можетъ быть, до сихъ поръ еще не испыталъ въ жизни ничего, кромѣ радости; если жребій твой измѣнится и душу твою будетъ пожирать ядъ печали или досады, отыщи ту, которую я тщетно искалъ. Много бурь укротила она, много скорбей исцѣлила, ея спокойствіе облегчило много сердецъ, отягченныхъ виною, и я, еслибъ могъ пасть къ ногамъ ея, научился бы забывать и прощать обиды, уснулъ бы безмятежно."

„Онъ умолкъ. Нѣсколько минутъ царствовала могильная тишина. Тогда Дмитрій подошелъ ближе и взялъ старика за руку и сказалъ: „Ступай за мною, я поведу тебя и покажу дорогу."

„Когда ты найдешь ту, которую ищешь, поклонись ей, въ награду, отъ проводника; скажи: у этого ручья, на этихъ цвѣтахъ палъ отъ руки Дмитрія соколъ, который въ гнѣвѣ хотѣлъ похитить голубку брата его. Когда она содрогнется при имени Дмитрія, скажи: о женщина, сила Дмитрія сокрушилась, онъ съ трудомъ помогалъ мнѣ итти, когда самъ, утративъ миръ, велъ меня къ миру."

„Сказалъ, и, дойдя до Надежды, безмолвно покинулъ старика, бѣжалъ мраченъ, какъ тѣнь, и исчезъ въ невѣдомой судьбинѣ."

9-я пѣснь. „Мать Россіи, Государыня Екатерина, имѣла ночлегъ у Натальи Петровны въ ея высокихъ, бѣлыхъ хоромахъ на Волгѣ. Было утро; лѣтнее солнце чудно озаряло долъ и рѣку, и Великая Монархиня стояла лучезарна въ прохладѣ открытаго окна. Близъ нея княгиня, а у слѣдующаго, затвореннаго окна стояли покоритель Крыма, князь Потемкинъ, и старый адмиралъ графъ Бестужевъ.

Императрица, изъявивъ желаніе прогуляться по окрестностямъ, въ бесѣдѣ съ княгинею говоритъ:

„Часто, часто цѣнила я дорого счастіе тѣхъ, кому дано управлять маленькимъ владѣніемъ, малымъ только кругомъ, который бдительному оку легко измѣрить и обозрѣть. Какое блаженство быть въ состояніи знать обо всѣхъ, отстранять всѣ недостатки и создавать одною волею сердца маленькій цвѣтникъ мира и счастья! Скажите, Потемкинъ — вы такъ изобрѣтательны на средства — скажите мнѣ, какъ бы Екатеринѣ сдѣлать Россію вездѣ такою же свѣтлою и плодоносною, какова она здѣсь на прекрасныхъ берегахъ Волги?" [1]).

„При этомъ вопросѣ Потемкинъ низко преклонилъ благородное чело и, снова поднявъ взоръ на Государыню, отвѣчалъ: „Одно средство, одно только я знаю: надобно, чтобы продлилась жизнь нашей обожаемой Государыни."

„Великая улыбнулась отвѣту, но черезъ мигъ улыбка Ея опять уступила мѣсто важности, и Екатерина сказала со вздохомъ: „Я женщина; у меня сила только женская; но нужно-бъ было руки мужа для совершеннаго устроенія этой безгранично-обширной державы, для возведенія Россіи на высоту полной славы. О, еслибъ Я пожертвованіемъ

[1]) Въ этой пѣснѣ опущена сцена, какъ Императрица замѣчаетъ убогія хижины крѣпостныхъ, которыя, будучи покрыты обоями, издалека показались очень красивыми, какъ народъ падаетъ на колѣни и обращается съ мольбой къ Государынѣ: „эти цвѣты не насытятъ насъ, дай народу хлѣба, — онъ голодаетъ! и пр.

*

собтвенной моей жизни могла возвратить Тебя изъ могилы, великій Петръ! Графъ Бестужевъ, вы его вѣрный сподвижникъ, благородный остатокъ временъ его, конечно вы бы согласились умереть вмѣстѣ со Мною для такой цѣли?"

,,Въ глазахъ стараго воина показались слезы; онъ отвѣчалъ: „Государыня, моей сѣдой головы мало для выкупа и единой минуты жизни Петра; не то — онъ стоялъ бы передъ Вами, онъ сказалъ бы: Дочь моя, высокая Дочь! Твой скипетръ: Я совершилъ свой трудъ, хочу отдохновенія; Петръ не болѣе Тебя любилъ Россію, а въ его любви была вся его сила."

Съ слезою радости на рѣсницѣ Государыня повторяетъ желаніе отправиться на прогулку. Возвращаясь, Екатерина близъ толпы, стоявшей по обѣ стороны дороги, видитъ женщину; „она была прекрасна, хотя скорбь и наложила свою блѣдность на лицо ея. Она держала за руку двухъ дѣтей, двухъ нѣжныхъ цвѣтущихъ мальчиковъ, и въ слезѣ на ея окѣ, сіявшемъ какимъ-то внутреннимъ свѣтомъ, лежала безмолвная мольба.

,,Мать Россіи съ умиленіемъ глядѣла на несчастную, съ удивленіемъ смотрѣла на молящую, и остановилась, и устремила на хозяйку взоръ вопросный.

,, И княгиня замѣтила взоръ, и дружески сказала женщинѣ: ,,Скажи, незнакомка, нѣтъ ли у тебя на сердцѣ какой просьбы? Если блѣдность твоего прекраснаго лица происходитъ отъ нужды, Государыня наша милостива."

,,Нѣжно-трепетнымъ голосомъ незнакомка отвѣчала: ,,О княгиня, несчастная передъ вами не съ просьбою, а съ даромъ: она предлагаетъ вамъ все, что у нея есть — двухъ сыновей. О, могущественная мать Владиміра! изъ сострраданія возьмите сыновей княжескихъ."

Наталья Петровна, поздно замѣтивъ неосторожность и ошибку свою, хотѣла унизить несчастную предъ Государынею; но Екатерина, не довѣряя княгинѣ, которой лицемѣріе ясно обнаружилось въ эти минуты, ,,склонила звѣздный взоръ къ молящей и сказала: ,,этотъ материнскій даръ не всѣми будетъ отверженъ; хотите ли своихъ обоихъ прелестныхъ сыновей подарить Императрицѣ Екатеринѣ?"

,,При этомъ вопросѣ Надежда громко зарыдала, слезы подавили голосъ ея; между тѣмъ она, опустивъ руки на плеча дѣтей, тихо пододвинула ихъ къ Государынѣ, отвѣчая такимъ образомъ на вопросъ ея.

,,Сама будучи матерью, высокая Монархиня съ умиленіемъ приняла отъ матери даръ ея и. кротко поглаживая кудри милыхъ дѣтей, сказала дарительницѣ: ,,Екатерина не принимаетъ даровъ безвозмездно, Она привыкла платить за все, что получаетъ; поэтому вырази мнѣ, дочь моя, какое-нибудь желаніе, чтобы Я не осталась у тебя въ долгу."

,,Въ радостныхъ очахъ Надежды заблистала слеза; ея блѣдныя щеки запылали, и, сложивъ руки, она пала на колѣна предъ Великою и сказала: ,,Если мнѣ позволено желать и просить, — возлюбленная Государыня, возврати несчастной, рыдающей, сирой отца дѣтей ея!"

,,Государыня улыбнулась свѣтлою денницей лѣта: ,,Вы требуете, сказала она, слишкомъ много — отца, созрѣвшаго въ славѣ, за двухъ малолѣтныхъ сыновей княжескихъ. Нѣтъ, моя княгиня, если хотите, чтобъ ваше желанье исполнилось, вы должны увеличить выкупъ,

должны и сами себя отдать Екатеринѣ со всѣмъ пламеннымъ сердцемъ вашимъ." Сказала, и, не дожидаясь отвѣта, подала руку молящей.

„Гордая владѣтельница долго стояла въ онѣмѣніи; князь Потемкинъ, графъ Бестужевъ—оба безмолвствовали; только въ народѣ раздался у воротъ радостно-тихій говоръ.

„Мать Россіи, Государыня Екатерина, обратилась тогда къ своему дворянству: „Господа, прикажите все приготовить къ Моему отъѣзду; такъ какъ Моя свита увеличилась, Я уже не могу безпокоить долѣе свою хозяйку и съ нетерпѣніемъ ѣду въ Мою Москву."

Bayerische
Staatsbibliothek
München

УКАЗАТЕЛИ.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ[1]).

А.

Абовскій миръ 208.
Авдумбла, миѳ. корова 39.
Адъ у скандинавовъ 742.
Академія Шведская 5, 622—629.
Академія изящныхъ искусствъ (шв.). 4.
Аксель Тегнера 12, 273, 511, 758, 945.
Александровскій Университетъ 62, 65, 66, 88, 89, 100, 101, 293, 299—306, 599—601, 602—605, 662, 663, 719, 898—909.
— его исторія 185—247.
Алексѣй Михайловичъ и Наталья Нарышкина 275, 276.
Аллитерація 59, 61, 77, 121, 741.
Альманахъ 200-лѣтн. юбилея Алекс. Университ. 271, 272, 297.
Альфы (миѳ.) 39, 750, 919.
Ангурвадель, мечъ Фритіофа 736.
Асы (миѳ.) 40, 49, 50, 51, 53, 54, 58, 469, 746—749, 910 и сл.

Б.

Баня финская 132, 367, 368.
Берсерки (др.-сканд. воины) 741.
Бесѣда Вафтруднира 38, 49, 50—53.
Библейское Общество (финл.) 184.
Библіотека Абов. унив. 219, 220.
Библіотека Александ. унив. 230.
Библіотека Упсальская 471—475, 618.
Бифростъ (миѳ.), неб. мостъ 849.
Боевая колесница Війляйнена 105—107.
Бондъ, крестьянинъ - землевладѣлецъ 733, 851.
Ботаническій садъ въ Упсалѣ 635, 636.
Братство (братанье, по оружію и воспитанію) 81, 734.
Бытъ народн. финскій 120, 268—270, 356, 372, 374, 376, 377, 383, 388, 390, 400, 410, 415, 420, 442, 924—934, 949—970, 979—981, 1017.
Бытъ домашній и нравы въ Финляндіи 77—81, 251, 252, 366, 368, 393, 401, 442, 443, 682.
Бытъ общественный въ Финляндіи 82, 279, 280, 294, 365, 373.
Бытъ и нравы древне-скандинавскіе 732—741, 1018 и сл.
Бытъ и нравы русск. лапландцевъ 971—978.
Бытъ и нравы шведскіе 458, 459, 461, 463, 494, 538, 540, 544, 547—550, 557, 609, 610, 665.
Бъяркамаль (пѣснь короля Рагнара) 1004.

В.

Вала, прорицательница 43, 44, 45, 747, 750, 909 и сл.
Валгалла, рай (миѳ.) 13, 40, 165, 493, 494, 739, 742, 745—747, 749, 913 и сл., 1005.
Валкиріи (миѳ.) 40, 494, 746, 913 и сл., 1005.
Великаны (миѳ.) 745, 747, 749.
Вечеръ на Рождество Рунеберга 933—936.

[1]) Курсивомъ печатаются заглавія литературныхъ произведеній, упоминаемыхъ въ книгѣ.

Видѣніе Валы 38, 42, 44, 45, 46—49, 60, 751, 909—918.
Викингъ 734.
Викингъ, стих. Гейера 11.
Владиміръ Великій Стагнеліуса 10.
Войны шведско-русскія 201, 202, 203, 204, 288—293, 362—365, 563—598, 1012—1015.
Войско въ Швеціи 487—488, 1022.
Воскресное утро Францена 7—9.
Воскресное утро Жуковскаго 9—10.
Воспоминанія Ѳаддея Булгарина 584—586.
Времена года въ сердцѣ дѣвушки, ст. Рунеберга 22.
Высокая пѣснь 751, 859.

Г.

Ганна, п. Рунеберга 14, 153, 679, 685.
Гастгеберъ,—ство 92—95.
Гейматъ (крест. мыза) 361, 400, 978.
Гелгъ, траг. Эленшлегера 761, 763.
Гельсингфорскій Утренній листокъ, газ. 18, 154, 180.
Генрихъ VI король, Шекспира 314.
Географическ. номенклатура (Финляндіи) 295—296, 344, 346, 604.
Герда, поэма Тегнера 265, 759, 947.
Геркулесъ, произв. Шернъельма 4.
Гимнастика шведская 633, 634.

Д.

Дебельнъ, пьеса въ *Разсказ. Прапорщика* Рунеберга 572.
Деньги финляндскія 75, 76.
Деньги шведскія 539.
Депозиція, депозиторъ (стар. универс. обыч.) 195—196.
Диво-птица, стих. Рунеберга 22—23.
Дисы (богини судьбы) 518, 1001.
Дневникъ Храповицкаго 695.
Драмы кор. Густава III 275—278.
Драконъ (корабль др.-сканд.) 735.
Драпа, погребальн. пѣснь 741.
Древности финскія 108—112.
Духовенство въ Финляндіи 355.
Духовенство въ Швеціи 510, 524, 542—543, 551, 552.
Дымокуры 361.
Дѣвы-щитоносицы 738, 992.

Ж.

Жалоба дѣвы, стих. Рунеберга 21—22.
Женщина у др. скандин. 736, 737, 738.
Женщины лапландскія 972—973.
Жертвоприношенія (сканд.) 744, 1018.
Журналистика финляндская 85, 180, 264, 358.
Журналистика шведская, 5, 6, 256, 257, 263, 508—510, 608, 609, 632.

З.

Заведеніе минеральныхъ водъ (въ Гельсингфорсѣ) 64—67—71.
Заклинанія (у финновъ) 110.
Замѣтки о Россіи (шведа, 1838) 252—263.
Записки покойнаго Колечкина 267, 268.
Земледѣліе въ Финляндіи 394—395, 410, 717—718.
Зимніе Цвѣты, альманахъ 918—924.

И.

Иггдразиль, миѳ. ясень 47, 48, 911 и сл.
Иліада 690, 755.
Инсталляція и инсталляторъ 373, 375, 398, 399.
Искусство въ Финляндіи 74.
Искусство въ Швеціи 517.
Исландская литература (и исландскій языкъ) 30—37 и сл., 607, 751.
Историческая Библіотека, журн. 695.
Исторія Петра Великаго, Рейхе (швед. перев.) 248, 249.
Исторія русская 309—310, 601—602, 1010.
Исторія Финляндіи 268, 332—336, 343—344, 420—434, 435, 603—604.
Исторія и преданія Швеціи 11, 461, 465—468, 490, 491, 526, 527, 528, 529, 532, 541, 545, 546, 555, 556, 644, 662, 670, 990—1012, 1018—1025.

I.

Іоты (миѳ. великаны) 48—51, 57, 110, 745, 749, 910 и сл.

К.

Каласъ (Kalas), пирушка 82, 500—501.
Калевала 84, 85, 99, 120, 124—148, 154, 155, 160, 182, 183, 279, 418, 687—693, 722, 723, 726—728, 948.
Кантела 109, 155, 418.
Кантелетаръ 154—157, 181.
Канцлеръ (университета), должн. 88, 89, 194, 206, 207, 209, 618, 639, 640.
Капища-храмы (скандинав.) 744, 1018.
Карлы (миѳ.) 39, 750, 851.
Кирхшпиль (приходъ) 978.
Книга Іефѳая, стих. Нервандера 160—163.
Книга Шиповника, Альмквиста 11, 256.
Книжная торговля въ Финляндіи 84, 198, 296.
Книжная торговля въ Швеціи 608, 609.
Кокко (обычай у финновъ) 936.
Колдовство у финновъ 110, 111, 112, 182.
— у скандинавовъ 736, 750.

Комиссаръ (финск. нар. бытъ) 950 и слѣд.
Консисторія университет. 194.
Конунгъ 732, 734, 1008.
Копье (чертиться копьемъ, у др. сканд.) 742.
Королевское семейство Шведское 512, 521, 654, 668—670.
Кровавый орелъ (рѣзать к. о., у древн. сканд.) 741, 1007.
Кульневъ, стих. Рунеберга 572, 578—583.
Курганы (могилы др. сканд.) 742—743.
Къ моей родинѣ, стих. Тегнера 937, 942.

Л.

Ледяныя иглы (*весеннія* и *осеннія*) стих. Цигнеуса 26—27, 155.
Литература англійская 313—315.
Литература нѣмецкая 306—308.
Литература русская въ Финляндіи и Швеціи 180, 255, 267, 268, 271, 278—279, 297—299.
Литература шведская 4, 264, 265, 270, 271, 273, 275—278, 280—282, 288, 308—309, 315—327, 435—438, 457—458, 507, 511, 519—521, 664, 677, 683, 693—696, 731 и сл. 752—760, 936—948.
Литература шведская въ Финляндіи 1—29, 565—583, 679—689, 724—726, 1026.
Литературное общество (въ Стокгольмѣ) 263.

М.

Медицина въ Швеціи 273—274, 518.
Мехилейненъ (Пчела), листокъ 159.
Миѳологія скандинавская 35, 36, 38—61, 469, 489, 493, 494, 742, 744—750, 909—918, 991.
Миѳологія финская 165, 166, 167.
Мотылекъ, стих. Аттербома 6—7.
Мулла Нуръ, пов. Марлинскаго 298.
Мысль и чувство, стих. Стагнеліуса 11.

Н.

Надежда, поэма Рунеберга 179—180, 679, 1026—1045.
Насмѣшки Локи (Пиръ Эгира) 38, 53—58.
Настрандъ, область ада 742, 845, 914.
Наука въ Абов. унив. 212—221.
Наука въ Финляндіи 599—605, 696, 697 и сл. 711.
Наука въ Швеціи 492, 501—524, 622, 623 и сл.
Нахлѣбники-бобыли у финновъ (Inhysingar) 927—930, 952 и сл.
Націи (студенческія) 192, 477—480, 498, 500, 511, 638, 654.
Нашъ край, пѣснь Рунеберга 680.
Ништадскій миръ 202.
Нищенство въ Финляндіи 927—930, 952 и сл.
Норны 40, 43, 749, 762, 911 и сл.

О.

Образованіе (народн. и высшее) въ Финляндіи 83, 85, 86, 104, 376, 443.
Образованіе народное въ Швеціи 610—617, 633.
— высшее въ Швеціи 617—622.
Одиссея 690, 755.
Описаніе Финляндіи 337—450.
Описаніе Швеціи 450—563, 605—678.
Орелъ кровавый см. кровавый орелъ.
Островъ Блаженства Аттербома 6, 7.
Очерки изъ ежедневной жизни Фр. Бремеръ 12.

П.

Пала (выжиганіе лѣсистой земли) 394.
Паппила, пастор. усадьба 354, 355.
Пароходство финляндское 71, 72, 73, 91.
Пароходство въ Швеціи 525, 533.
Пастораты въ Финляндіи 352, 353, 354, 355.
Педагогія въ Финляндіи 712—719.
Первое причащеніе Тегнера 12, 758, 939, 945, 946.
Пиры (у др. скандин.) 737, 739—740.
Пища финновъ 79, 80, 393, 396, 413.
Плѣнники стих. Рунеберга 24—25.
Полифемъ, журналъ 5.
Полтава Пушкина 572.
Посвященіе въ пасторы Тегнера 945.
Послѣдній скальдъ, стих. Гейера 11.
Поэзія скандинавская 30 — 32 — 61, 740—741, 750, 871—895, 909—918.
Поэзія шведская 4, 5, 10—15, 16, 693—696, 752—764—896—898, 918—924, 936, 948.
Поэзія (шведская) **въ Финляндіи** 221—226, 565—583, 679—689, 724—726, 898—909, 933—936, 948—970, 1026—1045.
Поэзія финск. народная, см. Финская народн. поэзія.
Правописаніе шведское, 628, 629.
Природа Финляндіи (*О природѣ финляндской etc.*, ст. Рунеберга) 924—933.
Присоединеніе Финляндіи къ Россіи 287.
Промоціи (университ.) 168—177, 193, 194, 232, 236—240, 637, 655, 656, 658, 659.
Промышленность въ Финляндіи 72, 370, 371, 389, 390, 396, 405, 438—440.
Промышленность въ Швеціи 462, 481—487, 536, 537, 559—563.
Профессора въ Финляндіи 86, 192, 213—221, 231.
Профессора въ Швеціи 501—524, 618, 619.

Путешествіе Имп. Александра I въ Финляндіи 205—206, 340, 343—44, 369—370, 403, 405, 417, 420—434, 441, 591, 1016—1018.
Путешествія съ ученою цѣлью 181—182, 697—710, 720—723, 970—989.
Пути сообщенія въ Финляндіи 91—97, 348, 411.
Пути сообщенія въ Швеціи 530—531—535, 543, 558.
Пѣсни рыцарскія 4.
Пѣснь короля Регнера, Языкова 993, 1004.
Пѣснь Солнцу, Тегнера 946.

Р.

Радость Вейнемейнена, стихотвореніе Я. К. Грота 241—246.
Разсказы изъ Шведской исторіи, Фрюкселя 990—1012.
Разсказы прапорщика Столя, Рунеберга 565—583, 680, 685, 724.
Рай (у скандинавовъ) 742.
Реформація (шведская) 4, 31, 86, 210, 212.
Рудники въ Даннеморѣ 481—487, 676.
Рунола Готлунда 164—167.
Руны (пѣсни финск.) 114, 116, 118, 122, 165, 989.
Руны (древн. буквы, письмена, сканд.) 736, 743.
Русскіе въ Финляндіи 77, 417.
Русскіе Лапландцы 970—978.
Русскіе финны (изъ русск. губерн.) 124, 125, 133, 158, 419, 954 и слѣд., 981—989.
Русско-финляндскія отношенія 299—306.
Русско-шведскія отношенія 463, 464, 466, 607, 695—696, 1008, 1011—1012, 1023, 1024.
Рыболовство въ Финляндіи 389, 390, 397, 405.

С.

Сага (сканд.) 751, 991.
Сампо (въ Калевалѣ) 127, 128 и сл.
Свея, стих. Тегнера 757, 759, 944.
Себелья, заколдов. корова 999 и сл.
Семейство, ром. Фр. Бремеръ 315—327.
Сильфида, кн. Одоевскаго 457.
Скальды (пѣвцы сканд.) 740, 741, 995.
Сколь (Skål), заздравн. обращеніе 80.
Слейпнеръ, миѳ. 8-ногій конь 842.
Смолевое производство (смолокуреніе) 370, 371, 401—403, 408—409, 416, 438—439, 440.
Солнце беззакатное (полуночное) 72, 73, 380—382, 386, 392.
Соцiетэтсгузъ (Societätshus) въ Гельсингфорсѣ 75.
Статистика Финляндіи 331—332.
Стихи Е. И. В. Наслѣднику, Цигнеуса 177—178.
Стихосложеніе (въ сканд. поэзіи) 59—61.
Стихотворенія Стенбека 163—164.
Сто воспоминаній изъ Остроботніи г-жи Ваклинъ 1012.
Стрѣлки Лосей, поэма Рунеберга 14—15, 120, 153, 154, 679, 688, 689, 948—970, 980.
Студенты финляндскіе 86, 192, 193, 196, 231, 282, 662.
Студенты шведскіе 475—481, 495—501, 508, 617, 638, 639, 641, 653, 665.
Студенты норвежскіе 621, 622.
Судоходство въ Финляндіи 405—406, 408, 411, 412.
Судъ въ Финляндіи 83.
Сумерки боговъ 749.
Суоми (Suomi), журн. 183, 264, 358, 976.
Сѣверное національное общество 627.

Т.

Терновникъ, стих. Рунеберга 684—685.
Тингъ (сканд. вѣче) 743.
Титулованіе (шведское) 81.
Тодди, напитокъ 80.
Торпъ (и то́рпарь) 361, 950 и слѣд., 978—979.
Троллы (духи, миѳ.) 556, 750.
Тундра (лапланд.) 977.

У.

Университетъ Абовскій 17, 86—88, 153, 186—226.
Университетъ Александровскій, см. Александр. Универ.
Университетъ Лундскій, 208, 617.
Университетъ С.-Петербургскій 100.
Университетъ Упсальскій 86, 167, 208, 470—481, 512—518, 523, 617—618, 630—678.
Университеты (вообще) 168—177, 310—312, 495—501.
Университетъ Христіаніи 618—621.
Упсальскій университетъ, см. Университетъ Упсальскій.
Урда, источникъ (сканд. миѳ.) 749.
Ученые, см. *наука* и *профессора.*

Ф.

Фенриръ, миѳ. волкъ 41, 914 и сл.
Финляндское ученое Общество 327—337.
Финны въ Швеціи 250, 251.
Финское Литературное Общество 89, 120, 155, 181, 183, 184, 359, 602, 722.
Финская народная поэзія 84, 99, 100, 107, 112—118, 120—148, 155—160, 184, 359, 444, 445—449, 687—693, 726—728, 925—926.
Финскіе нар. пѣвцы 117, 118.
Фіаларъ, миѳ. пѣтухъ 914.
Фосфоръ, журналъ 5, 6, 507, 693, 759, 944.

Фосфористы 6, 693, 759, 944.
Французы о шведахъ и скандинавахъ 265, 266, 272, 273.
Фрей, журналъ, 256, 263, 271, 272.
Фридрихсгамскій миръ 208.
Фритіофссага, поэма Тегнера 12—14, 679, 731—895.
— ея библіографія 753, 754, 866—871.
— прозаическая исландск. сага, 871—895, 937, 946.

Х.

Характеръ финновъ 101—103, 286, 287, 924—933, 949—970, 973—975, 1017.
Христіанство въ Швеціи 36, 37, 76, 490, 1007—1010, 1018 и сл.
— въ Финляндіи 140.

Ц.

Церковное управленіе въ Финляндіи 351—352.

Ш.

Шведская Пчела 264.
Шеры (шкеры) 90, 529, 733.
Шнекъ (корабль) 735.

Э.

Эдда Семундова (старая) 32—38, 42, 273, 750, 751, 909—918.
Эдда Снорріева (новая) 32, 35—37, 273.
Эдда, исланд. поэмы 32 и сл., 53, 61, 273, 660, 750, 751, 909—918.
Эллида, корабль Фрит. 735, 777, 797 и сл., 876 и сл.
Эпилогъ при промоціи въ Лундѣ, стих. Тегнера, 945.

Ю.

Юбилей (200 лѣтній) **Александровскаго университета** 62, 100, 101, 149, 150, 151 и сл., 167, 229, 232—247, 898—909.
Юбилей (100 лѣтній) **Александровскаго университета** 203, 230.
Юбилей (400 лѣтній) **Упсальскаго университета** 630—678, 686—687.
Юбилейное Привѣтствіе Цигнеуса 150—154
Юль (jul, julquäll, julbock, julklapp), святки 82, 740, 746.

Я.

Языкъ лапландскій 182.
Языкъ норренскій 2, 31, 335—336, 606, 751.
Языкъ русскій (въ Финляндіи) 197, 207, 283—286, 347.
Языкъ шведскій 2, 3, 76, 81, 606, 623—629.
Языкъ финскій 76, 77, 118—120, 125. 166, 181, 182, 339, 366, 367, 390—391, 418.
Язычество въ Финляндіи 140.
— въ Швеціи 489, 1018 и сл.
Ярлъ (графъ) 733, 1019, 1022.
Ясень міровой (сканд. миѳ.) 739, 910.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.[1])

А.

А. 537, 538.
А. шв. офиц. 597.
А. уѣздный судья 443.
Августъ, римскій императоръ 520.
Авселіусъ, см. Афцеліусъ.
Агнаръ, сынъ Рагнара Л. 995, 998—1001.
Агній, конунгъ 991.
Агрикола, епископъ 197.
Адлербетъ 969.
Адлеркрейцъ, генералъ 364, 466, 571, 573, 587, 589.
Адольфъ-Фридрихъ, шв. король 550.
Адріанъ, патріархъ 472.
Акіандеръ, лекторъ Александр. унив. 285, 601, 602.
Аладдинъ 905.
Александра Павловна, великая княжна 517.
Александръ Невскій 1024.
Александръ I, императоръ 88, 103, 105, 178, 203—207, 210, 217, 221, 226, 230, 235, 244, 245, 271, 303, 304, 340, 342, 352, 369, 378, 388, 403, 405, 411, 417, 420—424, 426—430, 432—434, 441, 467, 573, 583, 586, 588, 591, 706, 715, 903, 908, 1016—1018.
Александръ Николаевичъ, вел. кн. наслѣдникъ 210, 240.
Александровъ старшій, флиг.-адъют. 228.
Алексѣевъ, генер. 1012—1015.
Алексѣй Михайловичъ, царь 276, 277.
Алексѣй Михайловичъ и Наталія Нарышкина (въ драмѣ Густава III) 275, 276.
Алопеусъ 596.
Альгольмъ, пробстъ 351.
Альквистъ, студентъ 359.
Альмквистъ, шведскій писатель 11, 12, 17, 256, 257, 263, 273, 280, 281, 288, 315, 509, 694, 695, 920, 922.
Альфадуръ (Альфадеръ) миѳ. 39, 40, 745, 773 и сл.
Альфсоль, доч. конунга 993.
Аминовъ, профессоръ 601.
Анакреонъ 5, 298, 755, 939.
Ангантиръ, ярлъ 764, 812 и сл., 872 и сл.
Ангурбоди, миѳ. 915.
Андерсъ, крестьянинъ 542, 546, 548.
Анкарстремъ 466.
Анна, крестьянка („Стрѣлки лосей“) 950—966.
Аннерстедтъ 677.
Анникка (Анна) миѳ. 131, 132.
Анперъ 34.
Ансгарій, епископъ 490, 526, 1007—1009.
Ансгарій, поэма 511.
Аполлонъ, миѳ. 152, 167, 175, 242, 244, 280.
Аппельгренъ, пасторъ 423, 424, 426—428.
— содержательница гостин. 406.
Аракчеевъ, графъ 570.
Арахна 897.
Арвидсонъ Н., литераторъ 281.
Аргеландеръ, проф. 231, 329, 330, 902.
Ариманъ, миѳ. 913.
Аріостъ 264.
Д'Арленкуръ 266.
Армфельтъ Р. М., графъ 208, 715.
Аронъ, бобыль-нахлѣбникъ („Стрѣлки лосей“) 952, 960—968.
Архиппа (Архипъ), крестьянинъ 126, 691.
Аслега (=Крака), дочь Сигурда Фафнисбане 996—1005.
Асмундъ 876 и сл.
Атлій, герой 764, 815 и сл.
Аттербомъ, шведскій поэтъ и проф. 6, 7, 15, 18, 167, 308, 480, 495, 505, 507—509, 519, 689, 693, 921, 944, 945.
Афродита, миѳ. 798.
Афцеліусъ, адъюнктъ (ботан.) 504.
Афцеліусъ, доц. правъ 639, 653, 665.
Афцеліусъ, литерат. 33, 920.
Ахиллесъ 125, 690.
Ахреліусъ, профессоръ 222.

[1]) Имена дѣйствующихъ лицъ въ литературныхъ произведеніяхъ и миѳологическія имена печатаются курсивомъ. Имена въ Библіографіи „Фритіофссаги“ (стр. 866) не вошли въ этотъ указатель.

Б.

Б., пасторъ 115.
Багратіонъ, князь 573, 580, 587—590.
Базедовъ 713.
Байеръ, историкъ 455, 1011.
Байронъ 297, 298, 694, 944.
Бакманъ, пасторъ 435.
Бальдуръ (Бальдеръ), миѳ. богъ 40—42, 49, 52, 727, 747—749, 762, 766, 776 и сл., 875 и сл., 913, 917.
Бальфуръ, проф. 648.
Барановъ 704.
Баратынскій, поэтъ 298.
Барклай-де-Толли, генералъ 580, 587, 589—592, 594—596, 598.
Бартъ 709.
Бастгольмъ, (его „Философія для неученыхъ") 938.
Батюшковъ, поэтъ 298, 363, 557.
Баянъ, миѳ. 242, 243, 246.
Безбородко 706, 707.
Безыменный 341, 343.
Бекельманъ, генер. 701.
Беккеръ 120, 284.
Бели, миѳ. 916.
Белъ, конунгъ 764 и сл., 872—874 и сл.
Бе́льманъ, шведскій поэтъ 5, 762, 923.
Бенгтъ, братъ Биргера-ярла 536.
Бенедиктовъ, поэтъ 298.
Бенцеліусъ 290.
Бергъ, презид. гофгерихта 649.
Бергбомъ, купецъ 400.
Берглиндъ 643.
Бергманъ, купецъ 433.
Бергманнъ, ученый 34, 35, 37, 39, 44—46, 53, 61, 677.
Берендцъ 696.
Бернадотъ Іоаннъ, король Швеціи 465, 467, 611.
Берндсонъ, докторъ философіи 603.
Бернулли, путешественникъ 700.
Бертрамъ 314.
Берцеліусъ 65, 70, 478, 502, 562.
Бесковъ, баронъ 275, 623, 624, 922, 923.
Бестужевъ, гр. 1044, 1045.
Беттигеръ, профессоръ 511, 519, 649, 760, 921.
Билейста, миѳ. 916.
Биллингсъ 703.
Биргеръ, король Швеціи 529, 1022—1025.
Биргеръ-ярлъ, король Швеціи 335, 529, 536, 541, 637, 923, 1019—1021, 1024.
Блазъ, аатистъ 294.
Бланшъ, редакторъ газеты 263.
Бланшъ, рестораторъ 636.
Блотсвенъ, кор. 1018.
Богдановичъ, поэтъ 298.
Болтгорнъ, миѳ. 909.
Бонде Густавъ, графъ 256, 527.
Боманъ Августъ, работникъ 487.
Бонсдорфъ, проф. химіи 69—71, 330, 331.
Боргъ, пасторъ 373, 399.
Борнсъ, англ. поэтъ 911.
Боръ, миѳ. 39, 46, 909.
Борнъ, подполковникъ, Улеаборгскій губерн. 28, 29, 424, 590, 591, 596.
Бостремъ, профессоръ 515.
Боэціусъ, профессоръ 524.
Браге Петръ, графъ 64, 86, 150, 151, 187, 188, 190, 191, 194, 195, 197, 198, 219, 222, 239, 244, 435, 478, 482, 536.
Браги (Брагъ), богъ пѣсенъ 40, 54, 55, 242, 243, 246, 740, 748, 753, 774, 823.
Брайкевичъ 332.
Брандтъ, аптекарь 698.
Брантингъ, фохтъ 754, 755, 937, 938, 940.
Браскъ, епископъ 532, 533, 555.
Браунъ, шв. поэтъ 922.
Бремеръ, Фредерика, писательница 12, 270, 315—326, 922.
Бримиръ, миѳ. 914.
Брингильда, жена Сигурда Фафнисбане 1000.
Брита, крестьянка 269, 270.
Брита, святая 536.
Броваллиусъ, проканцлеръ 215.
Брозе, профессоръ 183.
Брокгаусъ, профессоръ 418.
Брокъ, профессоръ 619.
Брохъ, норв. уч. 660.
Бруне, полковникъ 993.
Бруне́ръ, адъюнктъ-профессоръ 603.
Бруновъ, ротмистръ 594.
Буассье́, проф. 648, 649.
Бугге, проф. 654.
Будденброкъ, Генрихъ Магнусъ, баронъ, генералъ 289—292.
Буксгевденъ, генералъ 417.
Булатовъ, генералъ 363, 587.
Булгаринъ, Ѳаддей, писатель 298, 564, 577, 584.
Буслаевъ Ѳ. И. 726.
Бутчъ, епископъ 542.
Бури, миѳ. 39.
Буриславъ, кн. 1008, 1009.
Бьерке́нъ, полковой лѣкарь 571.
Бьёрнъ („Фритіофссага") 764 и сл., 872 и сл.
Бьёрнъ (Буна), король Швеціи 490, 872.
Біёрнъ („жел. бокъ"), сынъ Рагнара 998—1007.
Бьёрнеръ, ученый 256, 873.
Бьёрншерна, швед. офицеръ 573.
Біёрншерна, шв. мин. 649, 650.
Бѣлинскій 732, 868, 869.
Бюгде́нъ, доц. 677.
Бюстремъ, скульпторъ 467, 503.
Бюшингъ 697, 698.

В.

В., уѣздный бухгалтеръ 443.
Вадманъ, писат. 920.
Ваклинъ, писательница 433, 1002, 1016.
Валенбергъ, профессоръ 495, 503, 504, 522.

Валеріусъ, поэтъ 920.
Валленіусъ, проф. 103, 205, 206.
Валленіусъ, адъюнктъ-проф. 601.
Валленіусъ, книгопрод. 677, 726.
Валлинъ, архіепископъ 505, 919.
Валлинъ, магистръ 293, 599—601.
Вальдемаръ, кор. Швеціи (сынъ Биргера-ярла) 1019, 1021.
Вальдемаръ, герцогъ 1024, 1025.
Вальденсъ, управл. таможнею въ Торнео 396.
Вальдіусъ, типографщикъ 199.
Вальфадеръ, миѳ. 746, 909, 912.
Вáлюндъ, трактирщикъ 68.
Вара, миѳ. 823.
Вассéръ Израиль, профессоръ 273, 501, 502, 518.
Вассеніусъ, книготорговецъ 84, 183, 240.
Вассила (Василій) 125, 690.
Ваулундъ, миѳ. 738, 775, 776.
Вафтрудниръ, миѳ. 50—53.
Ве, миѳ. 39, 909.
Вебстеръ 613.
Вейнгольдъ 732.
Вейнемейненъ, миѳ. 99, 112, 124, 125, 127—141, 143—147, 166, 167, 241, 242, 246, 280, 286, 689, 690, 692.
Вейэрштрасъ, проф. 64.
Вексіоніусъ, профессоръ (въ дворян. Гилленстольпе) 186, 189, 190, 213, 215, 218.
Веневитиновъ, поэтъ 298.
Венера, богиня 167, 753.
Венербергъ, директ. духовн. департамента 616, 654.
Вернанди, миѳ. 911.
Вестинъ, художникъ 467.
Вигфуссонъ, докторъ 648.
Видаръ, миѳ. 916.
Викингъ, ярлъ 834, 872.
Викъ, кондитеръ 359.
Вили, миѳ. 39, 909.
Виллебрандтъ, докторъ мед. 602.
Вилье, баронстъ 369, 423, 424, 427.
Вингордъ, архіепископъ 505, 506.
Виргилій 520, 652, 755.
Виталисъ, псевдон., см. Шёбергъ.
Витсеркъ „Бѣл. Сорочка“, сынъ Рагнара 998—1007.
Витте 202.
Вифавальдъ (или Висифальдъ = Всеволодъ, рус. кн.?) 1008.
Вифель, ярлъ 775, 872.
Війляйненъ, Петръ, крестьянинъ 105—107, 979—981.
Владиміръ Вел., рус. кн. 984, 1008, 1009.
Владиміръ (Павловичъ), кн. („Надежда“) 1027—1045.
Водсвордъ 945.
Волконскій, Петръ Михайловичъ, кн. 369, 370, 423, 424, 426, 427, 429, 441.
Вольтеръ 223, 944.
Вольфъ, подрядчикъ 699.
Вормсъ Оле 33.
Воронцовы, графы 346.
Воронцовъ, пос. ц. Іоанна Грозн. 463, 464.
Вреде, баронъ, русскій офицеръ 591.
Вреде, шведскій офицеръ 585.
Всеволодъ, с. Владим., рус. кн. 1008.
Вулканъ, миѳ. 738, 775.
Вульфертъ, почтъ-дир. 1.
Вяземскій, поэтъ 298.

Г.

Г., президентъ 540.
Г., графиня 28.
Г., улеаборг. жит. 400, 444.
Гагаринъ, князь 186.
Гагбергъ, проф. 623, 624, 642, 643.
Гаддъ, ботаникъ и химикъ 215.
Гаддъ, купецъ 229.
Гадолинъ, профессоръ богосл. 153, 237, 238, 907.
Гадолинъ, А. В. академикъ 630, 643.
Гаконъ 37.
Гаконъ, ярлъ 1008.
Гальфданъ 764, 769 — 771, 773, 779, 784 и сл., 877 и сл.
Гальваръ 815 и сл., 885 и сл.
Гамглама, колдунья 881.
Гамильтонъ, А., графъ, губернаторъ 631, 641, 642, 665, 666, 667, 669.
Гамильтонъ, графиня, супр. губерн. 668.
Гамильтонъ, гр. Эбба, дочь ихъ 668.
Гамильтонъ, Геннингъ, графъ, канцл. Упс. унив. 618, 640, 647, 671, 672.
Гамильтонъ, графъ, проф. Лунд. ун. 668.
Гаммаршельдъ, литераторъ 225.
Гамъ, англ. конунгъ 1003.
Ганеманнъ 66.
Гаральдъ Лѣповласый 871, 872.
Гаральдъ Гильдетандъ („Золот. зубъ“) 991—993, 995.
Гаральдсонъ см. Олафъ.
Гартманъ, Гавріилъ Израиль, писатель-филос. 216.
Гартманъ, Гавріилъ Эрикъ, профессоръ и ректоръ 205, 216.
Гартманъ, докторъ, генералъ-директоръ 238, 239.
Гартманъ, Іоаннъ, профессоръ мед. 216.
Гартманъ, книгопродавецъ 228.
Гассель, профессоръ 218.
Гацеліусъ, лект. 628, 629.
Геба, миѳ. 167, 494.
Гедвига Элеонора, супруга Карла X 670.
Гедда, крестьянка („Стрѣлки лосей“) 951, 954—968.
Геденіусъ, проф. 640, 652, 675.
Гедеръ, миѳ. 913, 917.
Гедлундъ, издатель газеты 608.
Гейда, колдунья 881.
Гейдеманъ, поручикъ 594.
Гейеръ, профес. исторіи въ Упсалѣ 11, 15, 290, 458, 474, 478, 479, 495, 500, 515, 517, 639, 651, 668, 756, 757, 919, 920, 942, 943, 1012, 1024.

Гейеръ, доцентъ 654.
Геймдаль, миө. 48, 56, 909, 912, 915.
Геймеръ, воспит. Аслеги 996.
Гейтлинъ, профессоръ 600, 601.
Гела, 41, 742, 747, 748, 767, 776, 780 и сл., 915, 916.
Геларъ 294.
Гелгъ, 764, 769, 770, 773, 779, 781, 784 и сл., 876 и сл.
Гелленіусъ 181.
Гельвигъ, Амалія (рожд. Имгофъ) 753.
Гельгренъ 687, 726.
Гельстремъ, проф. 154, 328.
Гениръ, миө. 909, 911, 917.
Генриксонъ Магнусъ, датскій принцъ 491.
Генрихъ Святой, епиcк. 334, 899.
Генрихъ (ром. „Семейство") 318, 319, 324.
Генрихъ III, нѣмецкій императоръ 473.
Георги, учен. 703, 704, 709, 710.
Гёрансонъ, шведскій пис. 922.
Герда, миө. 749, 766.
Гердеръ 249.
Геркулесъ, миө. 727.
Герле 558, 560.
Германъ 601.
Германъ 679.
Гёте, поэтъ 306—308, 679, 753, 758.
Гецеліусъ Іоаннъ младшій 199—202, 213.
Гецеліусъ старшій, проканцлеръ 195, 198, 199.
Гешль, проф. 648.
Гефіона, миө. 55, 792.
Гизъ 294.
Гильда, миө. 913.
Гильдебрандъ, госуд. антикварій 493.
Гильдингъ 764, 768, 779, 780 и сл., 876 и сл.
Гильдуръ, миө. 775.
Гиппингъ, пробстъ, Андрей Давидовичъ 332, 333, 336, 343.
Гисингеръ, горный совѣтникъ 216.
Гисласонъ, проф. 648.
Гіэртсенъ, директ. училищъ 654.
Гласъ, проф. 649.
Гмелинъ 697.
Гоголь 254.
Годуръ (Гедеръ), миө. 49, 747, 748, 909.
Голицынъ Иванъ 276, 277.
Голицынъ, князь 202.
Голіафъ 549.
Головнинъ, адмиралъ 707.
Гольмбергъ, дѣвица 427.
Гольмгренъ 677.
Гольстъ, камергеръ 620, 622.
Гомеръ 85, 125, 160, 165, 519, 689, 755, 939.
Гондула, миө. 913.
Гониръ миө. 47.
Горацій 514, 755, 939.
Готлундъ, лекторъ фин. яз. 164—166.
Гофъ 704.
Гранбергъ, негоціантъ 401.
Гранбергъ, шв. писат. 923.
Гревеницъ 574.
Гренбладъ, магистръ философіи 394, 603.
Грима, крестьянка-старуха 996—997.
Гримиръ, миө. 915.
Гримъ, миө. 48.
Гриммъ, братья 284, 418, 726, 916.
Грипенбергъ, капитанъ 421—424, 427, 429, 431, 432, 441.
Грипенбергъ, шведскій генералъ 592—598, 715.
Грипенбергъ, Одертъ, педагогъ 712—719.
Гротъ, Роза Карловна 315.
Грундтвигъ 757, 943.
Гудсонъ 717.
Гумбольтъ В., писатель 307.
Гумѐліусъ, пасторъ 659.
Гуннерусъ, студентъ 195.
Гуннура, миө. 913.
Гунтіофъ 890, 895.
Густавъ, принцъ шведскій 511—513, 521.
Густавъ Адольфъ Великій, король Швеціи 188, 290, 901, 921.
Густавъ I. Ваза, король Швеціи 64, 85, 187, 197, 453—455, 464, 469, 485, 496, 512, 517, 527, 529, 531—533, 537, 538, 545, 555, 636, 637, 642, 644, 670.
Густавъ II Адольфъ, король Швеціи 187, 273, 426, 436, 437, 471, 474, 478, 637, 658, 919.
Густавъ III, король Швеціи 4, 5, 17, 152, 204, 208, 222, 223, 275—278, 290, 308, 452, 453, 458, 461, 465, 466, 744, 512, 515, 570, 622, 670, 693, 694, 700, 759, 920, 923.
Густавъ IV Адольфъ, король Швеціи 5, 86, 88, 103, 150, 151, 186, 204, 205, 370, 371, 405, 426, 427, 445, 466, 517, 587, 590, 696, 906.
Гьёрвель 708, 710.
Гюльденъ, профессоръ 601, 603.
Гюльденштедтъ 698.

Д.

Д., пасторъ 476, 525, 526, 539, 543.
Давидъ, крестьянинъ 269, 270.
Давидъ, царь 549.
Давыдовъ Д. 298, 363, 488, 573, 575—577.
Дакке 453.
Далинъ, шведскій поэтъ и историкъ 4, 275, 1024.
Дальгренъ, швед. пис. 921.
Данте 924.
Дарья 276, 277.
Дашкова, княгиня 702.
Дашковъ Я. А., послан. 632.
Дебельнъ, полковникъ (позже генералъ) 567, 570—572, 584, 587, 589, 591, 594.
Дегеръ, графъ (Де-Геръ) 485, 486, 649, 652.
Дезидерія, королева шведская 467.

Делагарди, графъ 33, 345, 541.
Дельвигъ 16, 20, 918.
Деміургъ 11.
Державинъ 298, 300, 301.
Дершау 267, 268.
Джонъ-Барро, путешественникъ 31.
Джонъ-Буль 385.
Диккенсъ 526.
Димитрій Донской, великій князь 301.
Діонъ 314.
Дмитріевъ, поэтъ 298.
Дмитрій, кн. („Надежда") 1027—1043.
До, проф. 619, 621, 626, 627.
Долгорукій, 298.
Долгорукій, Михаилъ Петровичъ, кн., генералъ 360, 362, 363, 568—570.
Домашневъ, С. Г. 700.
Дондерсъ, проф. 647, 660.
Донъ-Жуанъ 922.
Доротея 679.
Дункеръ 566.
Дьяковскій, В. Ф., докторъ 633, 634.

Е.

Евдокія 277.
Екатерина II, императрица 179, 299, 300, 303, 349, 465, 467, 517, 575, 1041, 1043—1045.
Екатерина Польская, супруга герцога Іоанна III 463, 644, 670.
Елизавета Петровна, императрица 289.
Ельмъ, проф. медицины 202.
Ельтъ Оттонъ, проф. медиц. 677.
Ерта, шв. писат. 458.

Ж.

Жанъ-Поль 921.
Жеффруа, проф. 648, 660.
Де-Жибори, Ансельмъ, полковникъ 593, 594, 595, 597, 598.
Жоржъ-Зандъ 315.
Жуковскій, В. А. 9, 16, 237, 297, 298, 300, 301, 660, 753, 754.

З.

Загоскинъ 298.
Зальца, баронъ 530.
Зальцманъ 713.
Закревскій А. А., гр., ген.-губ. 405.
Захаръ, крестьян. („Стрѣлки лосей"), 951, 965, 966.
Зигфридъ, епископъ 545.

И.

Ида 318.
Иваръ Видфамнъ „Широкая пазуха" 991.
Иваръ, сынъ Рагнара 998—1007, 1011.
Идуна, мие. 40, 41, 55, 748, 766, 945.
Избергъ, Софи 537, 538.
Изеусъ, архитекторъ 636.
Израиль 605, 657, 658.
Ильмариненъ, мие. 108, 127—138, 141, 726, 727.
Имиръ, мие. 39, 46, 745, 860, 909.
Инге старш., король Швеціи 489, 1018.
Ингве Фрей, см. Фрей.
Ингеборга 762—765 и сл. 872 и сл.
Ингеборга, дочь кон. Эстена 999—1000.
Ингеборга, жена Биргера-Ярла 1019.
Ингегерда (дочь Олофа-Младенца) 491, 1010, 1011.
Ингельманъ, шв. поэтъ 921.
Ингіальдъ, шведск. конунгъ 991.
Инглинги 991.
Индра, мие. 50.
Иноходцевъ 698.
Иппократъ 258.
Иродъ 140.
Ишимова, А. О. 271, 753.
Йэригъ 703.

І.

Іеремія, пророкъ 105.
Іефеай 161, 162.
Іоаннъ Антоновичъ, имп. 289.
Іоаннъ III, король шведскій 80, 463, 527, 528, 529, 637, 644, 670.
Іоаннъ Грозный 463, 464.
Іозефина, королева шведская 633.
Іозефсонъ, проф. 635, 641, 656.
Іокуль, с. конунга Ньёрве 872.
Іонъ, учен. исландецъ 37.
Іонссонъ Арнасъ 35.
Іоукахайненъ 138, 139.

К.

К., нѣмецкій профессоръ 389.
К., нѣмецкій купецъ 386.
К—съ, бургомистръ 433.
Cadier 632.
Каинъ 152.
Калидаса, инд. поэтъ 61.
Калоніусъ, профессоръ 152, 204, 216, 217, 219, 220, 708, 901.
Кальмъ, профессоръ 215.
Каменскій, графъ 570, 580, 587, 593, 1012.
Каменшельдъ, прапорщикъ 290.
Кампе 713.
Кантъ 756, 941.
Кантемиръ 298.
Канутъ Богатый, датск. кор. 1010.
Карамзинъ 262, 310, 343, 398, 455, 601, 602, 1012.
Карамышевъ, натуралистъ 703.
Карлъ Августъ, кронпринцъ Швеціи 713.
Карлъ Великій 170, 1007.
Карлъ VIII, король Швеціи 637.
Карлъ IX, король Швеціи 4, 198, 436, 471, 534, 637, 922.

Карлъ X, король Швеціи 475, 478, 512.
Карлъ XI, король Швеціи 198, 222, 463—465, 473, 487, 541, 617, 644, 939.
Карлъ XII, король Швеціи 4, 88, 200, 222, 248, 288, 289, 303, 346, 435, 455, 464, 465, 531, 541, 555.
Карлъ XIII, король Швеціи 590, 593.
Карлъ XIV Іоаннъ (Бернадотъ), король Швеціи 287, 395, 460, 465—467, 475, 494, 534, 611, 644.
Карлъ, герцогъ 464, 528, 529.
Карлъ, наслѣдный принцъ Швеціи 505.
Карлсонъ 536.
Карлсонъ, профессоръ 515, 516, 521, 524, 666.
Карнеги, заводчикъ 558, 559.
Кассандра 152.
Кастре́нъ, пробстъ 381—383, 385, 387, 389, 391, 396, 397.
Кастре́нъ М., докторъ и пасторъ 432, 433, 721, 1016.
Кастре́нъ М. А., филологъ 182—184, 599—603, 693, 719—724, 970, 977, 978.
Кауниxситаръ, миѳ. 167.
Кейзеръ, проф. 619.
Келло-Лиза, фин. крест. 1016, 1017.
Кейтъ, генералъ 203.
Кенигъ, проф. 647, 660.
Кетильмундсонъ Матсъ 1023, 1024.
Клевбергъ (въ дворянствѣ баронъ Эделькранцъ) 223.
Клеркеръ, генералъ 588.
Клингспоръ, фельдмаршалъ 573, 587, 588.
Клодъ, Claude G. 460, 462.
Килеръ, шотландецъ 561.
Кіелетаръ, миѳ. 167.
Кнёсъ, профессоръ богословія 497, 523.
Кноррингъ, генералъ 590, 591.
Кноррингъ, баронесса 920.
Кнутъ, датскій король 491.
Кнутъ-Эриксонъ, король Швеціи 541.
Кодай, японецъ 705.
Козачковскій, генералъ 571, 572.
Колланъ 155.
Ко́льеръ 313, 314.
Кононовъ, купецъ 351.
Кореусъ, доцентъ 224, 225.
Кореусъ, поэтъ 74, 942.
Ко́рхойненъ Паво, пѣвецъ 114—117, 119, 184.
Костомаровъ, Н. И. 695.
К. (Котенъ), баронъ 12.
Крака, сканд. героиня, см. Аслега.
Крафтъ 698.
Крейцъ, графъ, поэтъ 74, 222, 223.
Кремеръ, баронъ 469, 524.
Крикунъ 58.
Кронстедтъ Карлъ, баронъ, генералъ 291.
Кронштедтъ (Кронстедтъ), графъ 587, 589—596, 598.
Кругъ, академикъ 309, 310.
Крузенстольпе, литераторъ 509.
Крузенштернъ, адмиралъ 706, 707.
Крусель (Krusell), шведскій композиторъ 14, 74.
Крыловъ, А. Т., педагогъ и книгопродавецъ 337.
Ксенофонтъ 939.
Кукъ 700.
Куллерво, миѳ. 135, 726, 727.
Кульневъ, Петръ Васильевичъ, штабъ-ротм. 574, 575.
Кульневъ, Яковъ Петровичъ, генералъ 360, 363, 364, 572—582, 584, 587, 589, 590, 724.
Кушелевъ-Безбородко, графъ 346.

Л.

Л., коронный фохтъ 443.
Л., лекторъ 541.
Л., оберъ-адъютантъ 597.
Лавелэ, проф. 642, 648, 660.
Лавоніусъ, А. А., консулъ 486.
Лагербергъ, капитанъ 525.
Лагерборгъ, губерн. Улеаборг. 377, 399, 403.
Лагермаркъ 643.
Лагусъ, А. И., профессоръ филос. 203, 206, 208.
Лагусъ, В., проф. права 237.
Лагусъ, Як. Іоаннъ, проф. 603, 693, 696, 701, 702, 705, 706, 708, 710, 711.
Лаксманъ, Адамъ 705—707, 709.
Лаксманъ, Александръ Афанасьевичъ 710.
Лаксманъ, Эрикъ 696—711.
Лалинъ, маіоръ 417.
Ламбъ 703.
Лангенъ 279.
Лаубе 484.
Лаурель, профессоръ 184, 720.
Лауреусъ, живописецъ 74.
Lafitte 273.
Лафонтенъ, Августъ, 323, 326.
Левенгауптъ, генералъ 289, 290, 292.
Левенъельмъ, графъ 573.
Ледьярдъ 703.
Лейонхувудъ, баронъ 755.
Лейонхувудъ Маргарита, вторая жена Густава Вазы 529.
Лейонхувудъ, графы 941.
Лёкке 629.
Лексе́ль, преподав. Абов. унив. 215, 901.
Леманъ 216, 699.
Лемминкейненъ миѳ. 127, 130, 131, 134—137, 286.
Ленротъ, Илья Ивановичъ, докторъ медицины 84, 100, 106, 107, 113, 117, 118, 123—127, 140, 147, 148, 155—160, 181—183, 218, 340, 358—360, 362, 367, 371, 376, 378, 380, 382, 386—388, 412, 414, 416—420, 444, 447, 450, 687—690, 722, 948, 970, 976, 978.
Ленстремъ, К. Г., магистръ 297—299, 874, 918.
Леонора 319.
Леонтесъ Король 314.
Лепехинъ 698.

Леопольдъ, шведскій поэтъ 5, 275, 623, 693, 759, 760, 921, 944—946.
Лербергъ 343.
Леске 294.
Лессепсъ 703.
Ливинъ 920.
Лидбекъ, проф. 940—943.
Лилле, пасторъ 626.
Лильенстетъ, поэтъ 222, 223.
Лингъ, поэтъ 757, 760, 920, 943.
Линдбергъ, капланъ 442, 443.
Линдбладъ, литераторъ 509.
Линдебергъ 920.
Линдебладъ 920.
Линдъ, докторъ 294, 419.
Линней, ботаникъ 215, 473, 478, 502, 503, 522, 636, 644, 451, 697, 698.
Линсе́нъ, профессоръ 184, 235.
Липпертъ 180, 229, 299.
Лове́нъ, статсъ-секретарь, 649.
Ловицъ 698.
Ловцовъ, Григорій 705.
Логи Могучій, конунгъ 872.
Лодброкъ Рагнаръ см. Рагнаръ.
Лодуръ, миө. 47, 911.
Локи (Локъ), миө. 40—42, 48, 53—58, 747—749, 753 и сл., 913, 915, 916, 991.
Ломоносовъ 216, 255, 298, 699.
Лоренцъ 561.
Лотта, служанка 2.
Лдухи, миө. 127, 128, 131, 133, 135—137.
Лофейя (=*Нала*), миө. 913.
Луиза 679.
Лундбладъ, епископъ 541, 543.
Лундбладъ, проф. 273, 940.
Лундаль, литераторъ 180, 271.
Лундаль Августа, поэтесса 180.
Лундмаркъ 396.
Луцилій 514.
Луціанъ 939.
Льюнггренъ, проф. и ректоръ 649.
Любекеръ, баронъ, полковникъ 382, 383, 385.
Любекеръ, главнокоманд. швед. войсками 201.
Людовикъ Благочестивый 490, 1008.
Людовикъ XIV, король Франціи 509, 693.
Люнгбю 629.
Лютеръ М. 3, 85, 532.
Лютиненъ, Бенгтъ, фин. поэтъ 444, 447—449.

M.

М., магистръ 561.
М., шведскій капитанъ 592.
Магнеусъ Арнасъ 33.
Магнусенъ, финнъ 33, 37, 912.
Магнусъ-*Замо́къ житницъ*, кор. Швеціи 1021, 1022.
Магнусъ, принцъ, см. Генриксонъ.
Мадвигъ, проф. 643, 649, 652.
Майергофъ 919.
Мак-Грегоръ, учен. 282.
Макферсонъ учен. 281, 939.
Маллетъ, франц. ученый 33.
Мальмъ, капитанъ 566, 568.
Мальмстенъ, статсъ-секретарь 664.
Мальмстремъ, проф. 627.
Мамай 301.
Мантейфель, графъ 703.
Манштейнъ, генералъ 291.
Марія Өеодоровна, императрица 259.
Маріатта, *дѣва*, миө. 139.
Марія Гессенъ-Дармштадтская принцесса (импер. Марія Александр.) 304.
Марлинскій, поэтъ 297, 298.
Мармонтель, писатель 223.
Мармье, французскій писат. 12, 34, 266, 272, 279.
Мартинау (Мартино̀), прапорщикъ 423, 424, 1017.
Матвѣй, крест. („Стрѣлки Лосей") 950—966.
Медвеневъ 703.
Мейеръ 643.
Мейербергъ, докторъ философіи 613.
Мелиссино, генер. 699.
Мёллеръ 294.
Меллинъ, шв. пис. 918, 922.
Менделѣевъ Д. И. 643, 667.
Меннандеръ, проканцлеръ 215, 218.
Мёрманъ, лексикографъ 298.
Мёрманъ, подполковникъ 435.
Мерріетъ, анг. поэтъ 922.
Мерта, королева 1025.
Мерти 294.
Мессеніусъ Іоаннъ, профессоръ 340, 405, 406, 434—438, 517.
Мессершмидтъ 697.
Миллеръ 422, 423.
Миллеръ, исторіографъ 255, 698.
Милютинъ („Надежда") 1027—1029, 1037, 1038.
Мимиръ (Мимеръ) миө. 48, 746, 774, 850, 912, 915.
Минерва, миө. 321.
Мининъ 261.
Михайловскій-Данилевскій А. И., ген.-лейт. 268, 564, 575, 576, 586, 598.
Моисеенковъ Өеодоръ 700.
Моисей 519, 657.
Монике, уч. 872, 873, 874.
Монтань 719.
Монтгоммери сенаторъ 678.
Монтгоммери, шведскій офицеръ 585.
Монтгоммери, почтмейстеръ 428, 432.
Мопертюи, астрономъ 392.
Моризовъ 276.
Морицъ 643.
Мункъ, уч. 872, 873.
Мункъ, проф. 619.
Мунстеръ, профессоръ 202.
Мунте, проф. 940.
Мунтеръ 319.
Мурчисонъ 717.
Муспель, миө. 827, 916.
Мюллеръ, проф. 871, 872.
Мюрманъ, (Мирманъ, Myhrman), горн. сов. 755, 756, 939—943.

Мятя Эрикъ, мѣщанинъ г. Каяны, 428—431.

Н.

Надежда, героиня произведенія Рунеберга того же имени 179, 180, 679, 725, 1026—1045.
Нала, миѳ. 913.
Нанна, миѳ. 41, 748, 766, 767, 788 и сл.
Наполеонъ Бонапартъ 248, 261, 287, 402, 465, 572, 575, 713, 939.
Нари, миѳ. 58, 913.
Нарфи, миѳ. 913.
Нарышкина Наталія Кирилловна 276, 277.
Наталья Петровна (*Ѳеодоровна*) 1036—1044.
Наумовъ 463, 464.
Негри 294.
Некъ, подводный духъ 24.
Неллеманъ, дат. министръ 649.
Нервандеръ, проф. 160, 162, 328, 330.
Несторъ, лѣтописецъ 336.
Никандеръ, швед. поэтъ, 921, 923—924.
Николаи, баронъ 346.
Николай Александровичъ, великій князь 299, 301.
Николай Павловичъ, императоръ 88, 159, 208, 209, 233, 235, 445, 466, 467, 670, 976.
Ниссенъ, директ. дух. дѣлъ 621.
Норбергъ, проф. 755, 758, 939—941, 945.
Нордлингъ, проф. 677.
Нордманъ, проф. 602.
Нордстремъ, проф. 179, 711.
Ньерве, конунгъ 872.
Нюбломъ, проф. 650, 659, 668, 685, 686.
Нюгренъ, ордningсманъ 348.
Нюстремъ, учен. 874.
Нютонъ 901.

О.

О., маіоръ 455, 460.
Обе́ръ, ректоръ 648, 660, 662.
Обуховъ, полковникъ 363.
Овидій 755.
Овчаровъ, хорунжій 424, 430.
Огаръ 707.
Одеръ, миѳ. 749.
Одинъ (Одиннъ), миѳ. родонач. и царь боговъ 13, 30, 39—44, 47—55, 57, 242, 243, 469, 482, 489, 492—494, 739, 740, 742, 745—747, 749, 751, 766, 768, 770, 771, 773, 774, 776, 778, 780, 781, etc. 904, 909 и сл., 991, 993, 1005, 1018.
Одиссей 125, 690.
Одоевскій, князь 271, 457.
Одъ, миѳ. 912.
Озерецковскій, академикъ 342, 345—348.
Оке, старикъ-крестьян. 996, 997.
Оксеншерна Аксель 150, 187, 222, 637, 658.
Оксеншерна, академикъ 758, 945.
Олафъ (Олофъ) - **Младенецъ**, король Швеціи 490, 491, 1008—1010.
Олафъ (Гаральдсонъ) **Святой** 491, 542—548, 1010, 1011.
Олафъ, братъ Эрика Побѣдон. 1008.
Олафъ Триггвасонъ (норвеж. король) 1008—1010.
Олаи, Эрикъ 651.
Омаръ 901.
Оннетаръ, миѳ. 166.
Онтрусъ, архангельскій странств. торговецъ („Стрѣлки Лосей") 955—966.
О. Р., швед. писат. 920.
Орлова, графиня 309.
Орловъ, Владиміръ Григорьевичъ, графъ 699, 700.
Орстремъ 396.
Орфей, миѳ. 242, 443.
Оссіанъ 281, 282, 755.
Оскаръ I, король Швеціи 468, 494, 512, 543, 549, 670.
Оскаръ, принцъ и потомъ Оскаръ II, король 511—513, 521, 608, 640, 650, 665, 666, 669, 670.

П.

П. 364.
П., камеръ-юнкеръ 533.
Павелъ Петровичъ, императоръ 343, 706.
Паво, бобыль-нахлѣбникъ („Стрѣлки Лосей") 952, 953, 963.
Павскій, протоіерей 285.
Паленъ, баронъ 363.
Палласъ, учен. 702—704.
Пальмбладъ, профессоръ 495, 508—510, 512.
Пальмфельтъ, начальникъ штаба 594, 597, 598.
Панумъ, ректоръ 648, 649, 660, 662.
Папаніэлопуло, греч. купецъ 699.
Парка 508.
Паскевичъ, графъ 298.
Патрень 703.
Паули 754.
Пелличіони, проф. 643, 648, 649, 653, 660.
Перользъ 314.
Песталоцци 713, 714.
Петрарка 264, 924.
Петрусъ, епиcк. 1044.
Петръ, крестьян. („Стрѣлки Лосей") 950—968.
Петръ Великій 88, 200, 248, 249, 253, 276, 288, 289, 296, 302, 303, 434, 529, 601, 660, 976, 1039, 1040, 1044.
Петреусъ, Эсхилъ, ректоръ Абов. унив. 189, 190, 197, 198, 215.
Петрея 318, 319, 321.
Петри Лаврентій, архіепископъ 644.
Пиль, ген.-губ. 705.
Пиппингъ, проф. и библіотекарь 231.
Пиѳонъ, миѳ. 175.
Пій IX, папа 670.

Платенъ, графъ 531, 537.
Платонъ 256, 519, 756, 941.
Плетневъ, П. А. 234, 236, 237, 239, 328, 457, 468, 679, 732, 754, 1026.
Подолинскій, поэтъ 180.
Пожарскій 261.
Полина 314.
Польгемъ (Польгеймъ), механикъ 531, 555, 556.
Помпей 593.
Понятовскій Станиславъ, графъ, а потомъ король Польскій 303.
Попъ, англ. поэтъ 944.
Портанъ, проф. 152, 153, 212, 216—221, 223, 224, 333, 335, 359, 708, 901, 906.
Потёмкинъ, кн. 1041, 1043—1045.
Преллеръ, профессоръ 234.
Прометей, миө. 913.
Птоломей 170.
Пугачевъ 341, 342.
Puget, M-lle 273.
Пушкинъ, А. С., поэтъ 1, 16, 18, 20, 180, 260, 271, 297—299, 308, 572, 680.
Пьедиккейненъ, Исакъ 159, 160.
Пьюси, помѣщ. 717.

Р.

Р., камергеръ 542, 547.
Р., коронный ленсманъ 443.
Р., купецъ 359.
Рагвальдъ Мудросовѣтный 992.
Рагвальдъ-ярлъ 1010.
Рагнаръ Лодброкъ, сканд. герой 37, 993—1012.
Рагнгильда 532.
Раевскій 363.
Радбіартъ, конунгъ 991, 992.
Разебургъ, рыцарь 336.
Рамбо 696.
Ramido Marinesco 694.
Рана, миө. 13, 14, 748.
Расинъ 60.
Раскъ, датчанинъ 182, 284, 628, 721.
Растопчина, графиня 271.
Ратиборъ, король вендовъ 735.
Рафнъ, проф. 871.
Ребиндеръ, графъ 208, 227, 234, 239, 432, 446.
Ревекка, старуха-крест. („Стрѣлки Лосей") 956—959, 965.
Регули, венгер. учен. 182.
Резановъ, камергеръ 706, 707.
Рейнъ, профессоръ 85, 87, 167, 183, 184, 331, 332.
Рейтеръ, доц. 631.
Рейхе 248.
Ренаръ, франц. писатель 368.
Ренвалль 120, 181.
Рёрекъ, конунгъ 991.
Рингъ 762, 764, 782, 784 и сл., 877 и сл.
Рингъ Сигурдъ, см. Сигурдъ.
Рингквистъ, профессоръ 513.
Риттеръ, географъ 703, 704.
Рогнвальдъ, сынъ Рагнара Л. 998—1001.
Роосъ, поэтъ 183.
Росъ, пасторъ 510.
Россингъ, датчанинъ 561, 562, 563.
Ротовіусъ Исаакъ, епископъ Абовскій 188—190, 193, 197—199, 215.
Руда, критикъ 920.
Рудбекъ Іоаннъ, профессоръ 436, 517.
Рудбекъ Олафъ, профессоръ 470, 651.
Румянцовъ Н. П., графъ 208, 230, 310, 706.
Рунамойненъ, миө. 167.
Рунебергъ, поэтъ 1, 2, 14—21, 26, 27, 74, 90, 100, 102, 120, 122, 123, 125, 146, 153, 179, 180, 212, 225, 226, 364, 564, 565, 567, 569, 570, 572, 576, 577 583, 584, 641, 659, 660, 663, 664, 679—687, 695, 724, 725, 896, 918, 922, 925, 933, 934, 948—970, 989, 1026.
Рунненбергъ, дѣв. 697.
Руотусъ 139, 140.
Рутъ 701.
Рюгъ, проф. 619.
Рюдбергъ Викторъ 656, 658.
Рюдквистъ 624, 626, 628, 629.
Рюккертъ, поэтъ 183.
Рюрикъ, князь 250, 455.
Рюсъ 371.

С.

С. 356.
Сага, миө. 749, 774, 776, 787, 817.
Салйнъ, проф. 640, 650, 677.
Сальбергъ, профессоръ 237.
Сандбергъ, докторъ 633.
Сандельсъ, генералъ 363, 567—569, 584, 587.
Сара 317, 324, 325, 326.
Сафо 165.
Сванфельтъ, реставраторъ 649.
Сведбергъ, епископъ 541.
Сведенборгъ 473, 478, 507, 519—521, 537, 541.
Сведерусъ, профессоръ 213.
Свендсенъ Бриніольфъ, епископъ 32.
Свеноніусъ, ректоръ 214.
Свенъ (*Двойная Борода*), дат. кор. 1008, 1009.
Святополкъ, русск. кн. 1008, 1011.
Севоніусъ, капланъ 410, 411.
Седеркрейцъ, графъ 291.
Селле́нъ, профессоръ 513, 514.
Сельма 225, 239.
Сенека 924.
Сенковскій 732.
Сиверсъ 703.
Signora Luna 694.
Сигизмундъ, король 529, 534.
Сигрида Прекрасная (Сторрода) 536, 1008, 1010.
Сигуна, миө. 58.
Сигурдъ-„Змѣй въ-глазу", сынъ Рагнара 1000—1005.
Сигурдъ Рингъ 992—994.
Сигурдъ Фафнисбане (истребит. змѣя) 795, 996, 1000.

Сигфридусъ 194.
Сигфридъ, св. (англ.) 1010.
Сигфуссонъ Семундъ, священникъ 32, 34—37, 273, 909.
Сикстъ IV, папа 617, 637, 662.
Сильверстольпе, изд. журн. 695.
Ситковъ, купецъ 433.
Скади, миѳ. 56, 58.
Скаринская, Марія 544.
Скогуль, миѳ. 913.
Скредеръ, профессоръ и библіотекарь 471—475, 478—480, 495, 497, 501, 521, 524.
Скредеръ, профессоръ правъ 505.
Скульда, миѳ. 857, 911, 913.
Слитуръ, миѳ. 914.
Снельманъ 358.
Соколовъ 703.
Соловьевъ С. В., профессоръ 235.
Соллогубъ графъ 271, 457.
Сотъ 776.
Софія Ѳеодоровна, принцесса 277.
Спарре, маршалъ 649.
Спенсеръ 61.
Сперанскій М. М. 206, 208.
Споръ, композит. 714.
Стагнеліусъ, шведскій поэтъ 10, 660, 897, 921, 923, 969.
Старкотеръ, герой 992.
Стеллеръ 697.
Стенбекъ, поэтъ 163, 164.
Стенбокъ Эрикъ 528.
Стеффенсъ 522.
Стивенсъ, англійскій литераторъ 490, 873.
Стина, крестьянка 269.
Стодіусъ, профессоръ 215.
Стокадо, лѣкарь 214.
Стокфлетъ, пасторъ 181, 182.
Столь, подполковникъ 493.
Стольбергъ, землемѣръ 408.
Стольбергъ, лексманъ 1016.
Стольгандске Торстанъ, шведскій генералъ 190, 219, 901.
Страндманъ, генер. 708.
Стрибингъ 942.
Струве О. В. 654, 671, 672.
Стуре Магдалина (Малинъ) графиня 527, 528.
Стуре Мерта, графиня 527—529.
Стуре Сванте, графъ 527, 637, 662.
Стуре Сесилія, графиня 528.
Стуре, Стенъ 756, 942.
Стурлусонъ Снорри, исланд. историкъ и поэтъ 32, 35—37, 273, 751.
Суворовъ 349, 572, 574.
Сумъ, уч. 872.
Сундбергъ, архіеп. 640, 664, 677.
Суртуръ, миѳ. 41, 48, 749, 915, 916.
Сухтеленъ Павелъ Петровичъ, графъ 564, 584, 585, 591.

Т.

Т., пасторъ 416, 417
Таммъ, баронъ 483, 486.
Таммелинъ, ректоръ 200.
Тарзіёатаръ, миѳ. 167.
Тацитъ 110, 165, 652, 941.
Тегнеръ Исаія, поэтъ, 12, 14, 15, 18, 19, 64, 225, 264, 273, 458, 511, 519, 660, 679, 689, 731—733, 739—741, 751—760, 872, 873, 919, 936—948, 969.
Тегнеръ Анна, рожд. Мирманъ, жена поэта 943.
Тегнеръ (рожд. Сиделіусъ), мать поэта 937.
Тегнеръ, Ларсъ Густавъ, братъ поэта 938—942.
Тегнеръ, отецъ поэта 937.
Тельфордъ, механикъ 531.
Тенгстремъ Иванъ-Яковъ, проф. философіи 186, 213, 214, 218.
Тенгстремъ Як., еписк. 204, 208, 210, 212, 220, 221, 352, 577, 901.
Тенгстремъ, магистръ философіи 603.
Те́рвоненъ Генрихъ, крестьянинъ 428—430.
Тервоненъ Іоаннъ, крестьянинъ 430.
Тернегренъ 600, 601, 603.
Терпсихора, миѳ. 175, 279, 280, 524.
Терсерусъ Іоаннъ, епископъ 195, 197, 198, 901.
Тёрхёйненъ, крестьян. 983—985.
Теслевъ, А. П., генералъ 227, 234.
Теслевъ П. П., генералъ 716.
Тессинъ Никодимъ, архитекторъ 465, 670.
Тиккандеръ, судья 383, 387.
Тилландцъ, профессоръ 214.
Тири, сестра Свена, кор. датск. 1009.
Титъ, римскій императ. 205.
Тійотаръ, миѳ. 166.
Тіофъ (Фритіофъ) 891.
Тобіасъ, архангел. странств. торговецъ („Стрѣлки Лосей"), 956—958.
Тойвотаръ, миѳ. 166.
Томсонъ Вайвиль, проф. 642.
Топеліусъ, ректоръ 648, 660, 663, 664, 678.
Тордасенъ Олафъ 32.
Тора Боргаріорта 994—998.
Тордъ 872.
Торильдъ, швед. учен. 920.
Торгню, судья 1010.
Торкель-Кнутсонъ 923, 1022, 1023, 1024.
Торстенъ Викингсонъ, 764 и сл., 872, 873, 875 и сл.
Торфіусъ Тормодъ 33.
Торъ, миѳ. 13, 40, 42, 43, 49, 50, 54, 57, 58, 489, 492, 740, 746, 747, 768, 773, 778 и сл., 912, 916, 1018.
Тоттъ, шведскій полководецъ 349.
Траутфеттеръ, профессоръ 234.
Тредьяковскій 222.
Туроніусъ, профессоръ 214.
Тучковъ І-й, генералъ 362, 363, 415, 568.
Тюселіусъ, статсъ-секретарь 642.

У.

Уббе, сканд. герой 992.
Уггла 592.
Уггла, почтъ-инспекторъ 402.
Уггласъ, оберштатгалтеръ 649.
Удино 575.
Укко 140.
Унге, швед. писат. 920.
Унгеръ, проф. 619.
Унтамо, миө. 727.
Ульрика-Элеонора, королева Швеціи 541, 550.
Ульрици 714, 715.
Ульфила, епископъ 473.
Ульфсонъ Яковъ, архіепископъ 637, 644, 647, 662, 677.
Урда, миө. 722, 850, 857, 911.
Урсинъ Н. А., ректоръ Унив. 226, 234, 237, 719, 720.
Устряловъ 601.
Ушаковъ, купецъ 229.
Ушатые (князья) 398.

Ф.

Фабриціусъ, пробстъ 348.
Фаландеръ 569.
Фаленіусъ, епископъ 203.
Фалькранцъ, профессоръ 478, 511.
Фалькъ, служащ. въ сенатѣ 603.
Фалькъ, учен. 698.
Фальсенъ, статсъ-секретарь 649.
Фанни 225, 239.
Фанни („Семейство“) 319, 324.
Фантъ, вице-библіотекарь 521.
Фебъ 152, 246, 280.
Федоровъ, камердинеръ Александра I-го 424.
Фелленбергъ 713, 714.
Ферботи, миө. 913.
Ферзенъ Аксель, графъ 535.
Фихте 756, 941.
Фіаляръ, король 685.
Фіёргвинъ, миө. 913.
Фландеръ 421, 424, 425, 431, 432, 434.
Флемингъ 517.
Фолькунги, родъ 1019.
Форбусъ, капланъ 434.
Форбусъ, пасторъ 985, 986.
Форсель 371.
Форсманъ 678.
Форсети, миө. 49.
Форстеръ, студ. 182.
Форстеры, ученые 700.
Фоссъ 679.
Фразеръ, англичанинъ 537.
Франкъ, лагманъ 317—320, 323—326.
Франклинъ 215.
Францéнъ, епископъ Гернесандскій, поэтъ 7, 9, 74, 122, 152, 153, 185, 200, 204, 205, 220, 223—226, 234, 238, 239, 250, 251, 434, 438, 457, 458, 519, 577, 603, 660, 689, 898, 907, 919, 936, 937, 948.
Францѐнъ, купецъ 369, 400, 404.
Фредманъ 5.
Фрей Ингве 489, 991.
Фрей, миө. 13, 40, 56, 489, 492, 494, 740, 746, 748, 749, 766, 773, 774, 775, 778 и сл., 1018.
Фрейръ, миө. 916.
Френкель, книготорговецъ 84, 227.
Фрея, миө. 40, 748, 765, 766, 780, 783 и сл., 912.
Фригга, миө. 40, 41, 50, 51, 56, 746, 766, 913, 916.
Фридрихъ Вильгельмъ, король Пруссіи 574.
Фридрихъ Гессенскій, король Швеціи 4.
Фридрихъ II, имп. герм. 477.
Фридрихъ Великій 248.
Фридрихсъ, баронъ 344, 345.
Фрисъ, профессоръ въ Упсалѣ 493, 495, 504, 522, 648, 664, 675.
Фрисъ, проф. въ Христіаніи 619.
Фритіофъ, скандин. герой 12, 14, 732, 733, 736, 740, 752, 761—765, 768, и сл. 872—895.
Фритіофъ, сынъ пастора въ Венерсборгѣ 551, 552.
Фростерусъ, докторъ 360, 363, 443.
Фростерусъ, пробстъ 398, 407, 409.
Фрюксель 273, 345 437, 990—1012, 1024.
Фрюксель 345.
Фуссъ 234.

Х.

Хамеръ, консулъ 403.
Хаммаргренъ, магистръ 385.
Хейкку (Генрихъ) 408.
Херасковъ 254.
Холодъ, миө. 135.
Христина, королева Швеціи 4, 64, 86, 150, 186, 187, 191, 194, 198, 204, 219, 230, 235, 435, 551, 602, 900, 902, 907, 908.
Христіанъ I 662.
Христіэрнъ датск. II 453.
Хэгманъ, капланъ 420.
Хютеръ, проф. 648.

Ц.

Цандеръ, докторъ 633, 634.
Цеге - фонъ - Мантейфель, камергеръ 576.
Цигнеусъ, поэтъ 1, 15, 19, 26—28, 69, 149, 150, 154, 155, 177, 180, 184, 238, 239, 288, 289, 291—293, 602, 969.
Циттингъ, пробстъ 345.
Цицеронъ 514, 652, 753.
Цшокке, писатель 120.

Ч.

Чекманъ, секрет. Фин. Лит. Общ. 120.
Чекманъ, коммерціи совѣтникъ 432.
Чекслерусъ, проф. 194, 215.
Чельгренъ, шведскій поэтъ 5, 152, 223, 275, 623, 923.
Чельгренъ, маг. филос. 418, 603.
Чичаговъ, адм. 706.
Чосеръ 61.

Ш.

Шарапъ-Замыцкій 463.
Шауманъ, профессоръ 603.
Шауманъ, епископъ 663.
Шварцъ 643.
Шварцъ 324, 325.
Шёбергъ 919.
Шёгренъ 234, 390.
Шёгренъ О. 696.
Шекспиръ 313—315, 624, 642.
Шелеховъ 703, 706, 708.
Шёнингъ, уч. 872.
Шернгекъ, профессоръ 215, 901.
Шернъельмъ, швед. поэтъ 4, 255, 923.
Шерншанцъ, Абрамъ, полков. 428, 432.
Шестрандъ 685.
Шиллеръ 307, 308.
Шиндеръ 267.
Шитте, Іоаннъ 651.
Шифнеръ, акад. 693.
Шлецеръ 33, 310, 455, 698, 699.
Шотъ, профессоръ 418.
Шредеръ, профессоръ 234.
Штейнгейль, графъ 207.
Штелинъ 276.
Шуваловъ, графъ 589, 590, 592, 593, 595, 597, 598, 1012.
Шультéнъ, профессоръ 327.
Шульцъ, Роб., докторъ мед. 631, 641, 670, 676.
Шюслеръ 248.

Щ.

Щекинъ, генералъ 435.

Э.

Э., поручикъ швед. 596.
Эвелина 319, 322.
Эверсъ 601.
Эггеръ, миѳ. 748, 777.
Эгдиръ, миѳ. 914.
Эгиръ, миѳ. 53, 54, 58, 820 и сл.
Эгмонтъ 174.
Эдманъ, Самуилъ, шведскій ученый 492.
Эда (Öda), дочь Ивара 991, 992.
Эйлеръ 703.
Эймелеусъ, пасторъ 373, 398, 425, 426, 431, 434, 441.
Эйтіофъ 890.
Эклундъ, студентъ 183.
Экстедъ, капитанъ 513.
Экстремъ, судья 396.
Эленшлегеръ 660, 757, 761, 763, 923, 943.
Элиза 319, 324, 325.
Элла, конунгъ англ. (сынъ Рама) 1003—1007.
Эльвингъ, исправникъ 430, 431.
Эманъ, учитель 726.
Эмилія 317.
Энгель 228.
Энгельгартъ, Е. А. 254.
Энгенстремъ 921.
Энгстремъ, фонъ-, министръ 945.
Энній 514.
Эрдманъ, профессоръ 234.
Эренсвердъ, Карлъ, швед. писат. 290, 683.
Эриксонъ, подполковникъ 553, 555, 556.
Эрикъ IX (Святой), король шведскій 187, 333, 334, 335, 489, 491, 644, 899, 900, 1019, 1022, 1023.
Эрикъ XIV, король Швеціи 4, 463, 464, 473, 922.
Эрикъ Побѣдоносный 1008, 1010.
Эрикъ Померанскій 622.
Эрикъ, ярлъ 1009.
Эрикъ Шепетливый 1019.
Эрикъ, герцогъ 1025.
Эрикъ, сынъ Рагнара Л. 995, 998—1001.
Эркки (Эрикъ) 412, 414.
Эрманъ 704.
Эрнести 940.
Эрнлундъ 492—494.
Эрстремъ, докторъ 379, 394.
Эрстремъ, проф. 678.
Эртіофъ 890.
Эстенъ, конунгъ 969—1002.
Эстербергъ 470, 475.
Эоленіусъ, студентъ 195.

Ю.

Юлленстольпе, графъ 535.
Юмала, миѳ. 864.
Юнеліусъ, капитанъ 388, 424, 425, 432.
Юркккю (ф. Юрій) 412, 414.
Юсленіусъ, Даніилъ 186, 221.
Юстандеръ, профессоръ 222.

Я.

Языковъ, поэтъ 54, 298, 993.
Якоби 324.
Якоби, ген.-губ. 703.
Яковъ-Анундъ (= Якунъ?), сынъ Олафа-Младенца 1010, 1011.
Якунъ 1011.
Янсонъ 643.
Ярославъ, великій князь 491, 1008, 1010, 1011.
Яухіусъ, книгопродавецъ 198.

Ѳ.

Ѳедоръ 276, 277.
Ѳемида, миѳ. 152.
Ѳеодорикъ, имп. 172.

УКАЗАТЕЛЬ МѢСТНЫХЪ ИМЕНЪ[1]).

А.

Або, г. 1, 29, 65, 71, 72, 80, 85—88, 91, 94, 97, 98, 103, 116, 152, 186, 188, 193—196, 198—202, 205, 206, 210—212, 214—217, 219, 222, 224, 227, 246, 267, 289, 295, 335, 336, 359, 365, 390, 450, 451, 573, 577, 588, 596, 631, 634, 639, 688, 724, 899.
Абовская губернія 191, 192.
Авасакса, гора 347, 378, 380—387, 389, 392, 393, 400.
Австрія 287, 513.
Азія 40, 50, 59, 61, 76, 272, 607, 702, 703, 708, 721, 745, 981.
Аккерманъ 700.
Аккала 972.
Алаво 596.
Аландскіе острова 202, 428, 454, 570, 574, 576, 589, 590.
Аландское море 454, 575.
Аландъ 295, 589, 591, 596.
Алеутскіе острова 705.
Алтайскія горы 603, 604, 721, 723.
Альдейгаборгъ (Ладога) городъ 491.
Алькула 382, 390, 391, 395.
Альфгеймъ, страна 250, 896.
Америка, Сѣверная 173, 215, 415, 547, 610, 695, 697, 703, 707.
Ангара 704.
Англія 33, 61, 173, 200, 218, 228, 232, 248, 313, 330, 402, 516, 517, 531, 547, 607, 717, 718, 739, 743, 945, 991, 998, 999, 1003, 1004, 1006, 1007, 1008—1011.
Андерсбю 489, 495.
Аравія 293, 600.
Арбога 552.
Араратъ, гора 664.
Архангельская губернія и г. Архангельскъ 124, 158, 182, 284, 285, 369, 381, 397, 415, 419, 422, 604, 690, 954, 957, 966, 976, 978.
Асгардъ, миѳ. 40, 916.
Астрахань, городъ 276.
Атлантида 256.
Атлантическій океанъ 758.
Ауницъ (Олонецъ) 133.
Аура, рѣка 87, 152, 188, 189, 207, 210—212, 221, 223, 226, 243, 244, 898, 902, 905.
Аустерлицъ 568.
Африка 331, 504, 872.
Ахонлахти, дер. 988.

Б.

Байкалъ 702, 703, 722.
Балканскій полуостровъ 678.
Балканы, горы 663, 1007.
Балтійское море 243, 302, 338, 524, 525, 527, 529, 530, 535, 536, 607, 774, 908, 991, 1007, 1008, 1009, 1020.
Балтика см. Балтійск. море.
Бальдерсгага 875, 878, 879, 881—883, 887, 888.
Барнаулъ 697, 698, 702.
Бельгія 621, 648.
Бергъ, станція 534, 535.
Берлинъ, городъ 183, 418, 459, 648.
Бернъ 660, 714.
Биси, станція 398.
Бирка, городъ 490, 527.
Біармія 127, 872.
Болонья 172, 653, 660.
Большой Алтай 603.
Большеземельская тундра 977.
Боннъ, городъ 329.
Боргбакенъ 17.
Бо́ренъ, озеро 534—536.
Борго, г. 1, 2, 9, 14, 15, 17, 26, 28, 62, 85, 163, 271, 278, 279, 428, 449, 591, 663, 679, 681, 685, 687, 688, 695, 716, 724, 725.
Ботническій заливъ 76, 90, 224, 292, 358, 363, 370, 374, 376, 377, 397, 401, 402, 404, 415, 440, 565, 567, 570, 573, 588, 589, 593, 663, 688, 721, 724, 931, 1012.
Брагестадъ, городъ 369.

[1]) Курсивомъ печатаются мѣстн. имена литературнаго или миѳологическаго происхожденія. Имена: *Финляндія* и *Швеція* исключены какъ встрѣчающіяся слишкомъ часто.

Бразилія 561.
Бременъ 695.
Британія 776.
Бровальское поле 992, 993.
Бровикъ, заливъ 529.
Брусила, станція 375, 377.
Бухара 704, 708.
Бьёркэ, островъ 526, 527.
Бьёрнеборгъ, городъ 715.
Бѣлое море 343, 378, 381, 722, 774, 971.

В.

Вавилонъ 105, 106.
Вагай, рѣчка 709.
Ваза, гор. и губернія 85, 268, 295, 374, 416, 449, 570, 589, 591, 595, 664.
Ваксгольмъ, крѣпость 455.
Валаамскій островъ 343, 347.
Валахія 699.
Ванай, крѣпость 344.
Ванда, рѣка 64.
Ва́ркаусъ, заводъ 357, 363.
Варшава 303, 309.
Ватгольмъ, желѣзный заводъ 482.
Векшіо 12, 758, 946.
Вендія 187.
Венеція 754.
Великобританія 610.
Венеръ, озеро 491, 525, 530, 537, 539, 544, 546, 548, 550, 560.
Венерсборгъ, городъ 547—551.
Вермландія, область 250, 638, 754, 756, 937, 942.
Вертосъ, станція 540.
Вестготія 638.
Вестготландія, обл. 525, 548.
Вестроботнія 371, 589, 593.
Вестроготія 491, 547, 635.
Веттеръ, озеро 491, 525, 530, 531, 536—539.
Вестъ-Индія 561.
Вестфалія 490.
Викъ, озеро 531.
Викъ 889.
Вильманстрандъ, городъ 289, 303, 359.
Виндландія 1008, 1009.
Вирта, проливъ 568.
Висла, рѣка 302.
Витабю, гор. 999.
Вифильсборгъ, кр. 1002.
Вихтисъ, приходъ 228, 332.
Войпала, мыза 715.
Вокса, рѣка 24, 249, 341, 343, 344.
Волга 252, 699, 1027, 1030, 1038, 1043.
Воронежъ 699, 731, 732.
Врета, монастырь 534.
Вуокатти, гора 416.
Вуокиньеми 124, 690, 978, 986, 987.
Вуокса, водопадъ 133.
Вуолійоки, рѣка 421, 424, 432.
Вуорносъ, станція 377.
Выборгъ, гор. и губернія 72, 92, 96, 98, 200. 201, 207, 268, 289, 295, 346, 350, 365, 377, 401, 601, 602, 696, 1023.
Вышній-Волочекъ 266.
Вѣна 70, 295, 459, 648.

Г.

Гавръ-де-Грасъ 683.
Галле 309.
Галлебергъ, гора 549.
Гамбургъ, 70, 490, 713.
Гангеуддъ (Гангудъ), крѣпость 97, 295, 450, 453.
Гандвикъ (Бѣлое море) 774.
Гардарике (Россія) 991, 1010.
Гельсинге, приходъ 333, 334.
Гельсингландія, провинція 64, 333.
Гельсингфорсъ 1, 2, 26, 28, 29, 61—69, 71, 72, 74—78, 81, 83, 84, 88—91, 93, 97, 98, 100, 101, 120, 126, 149, 157, 179, 182, 184, 185, 188, 201, 202, 226—229, 233, 234, 238, 239, 246, 250, 252, 267, 268, 271, 286, 288—290, 294—297, 303, 327, 333, 336, 338, 340, 341, 358, 359, 377, 382, 389, 390, 421, 434, 438, 444, 449, 450, 457, 479, 561, 599, 602, 631, 634, 660, 677—680, 696, 716, 718, 720, 722, 724, 731, 903, 905.
Генрикенэсъ, станція 357.
Германія 37, 61, 173, 187, 188, 218, 293, 295, 307, 318, 334, 387, 461, 470, 475, 480, 488, 495, 538, 547, 562, 607, 608, 637, 700, 713, 715, 725, 739, 902, 991, 996.
Гернесандъ (Херпесандъ), городъ 224, 457, 594, 948.
Гётеборгъ (Готенбургъ), городъ 248, 517, 524, 525, 530, 549, 552, 557, 558, 560, 561, 606, 610, 613, 622, 638, 942.
Гимли 49, 917.
Говиль, имѣніе 714.
Голландія 200, 214, 485.
Гордаландія 895.
Гота, гор. 713.
Гота, рѣка 525, 550, 552, 554.
Готія 187.
Готскій каналъ 524, 525, 529, 530, 537, 556.
Гохландъ, островъ 295, 451.
Грейфсвальдъ 637.
Гренингазундъ (Грензундъ), проливъ 775.
Гресторпъ, станція 549.
Греція 605.
Грузія 1039.
Гудбрандовъ долъ 833.
Гуйтапери, гора 391, 392.
Гуллэ, островъ 553.
Гунгерсбергъ, гора 348, 349.
Гуннебергъ, гора 549.

Д.

Далекарлія 250, 251, 377, 467, 537.
Дальботтенъ, заливъ 551.
Дальсландъ, область 551.

Данія 228, 453, 490, 499, 606, 608, 609, 612, 627, 628, 658, 732, 752, 757, 775, 932, 943, 991, 993, 1009—1011, 1022.
Даннемора 481—483, 485, 486, 488, 676.
Двина Сѣв. 957.
Дегербю, островъ 454.
Демминъ 151.
Дерптъ, городъ 188, 416, 639.
Дерптскій округъ 228.
Донъ, рѣка 581, 699.
Дресвянская станція 709.
Дротнингольмъ 669, 670.
Дронтгеймъ (Трондгеймъ) 1011.
Дунай 513.

Е.

Европа 3, 11, 12, 59, 70, 105, 106, 110, 119, 172, 173, 198, 212, 233, 263, 264, 272, 273, 278, 283, 287, 296, 297, 299, 301—304, 310, 315, 316, 464, 469, 473, 475, 476, 481, 485, 516, 519, 521, 530, 562, 599, 600, 606, 608, 610, 617, 632, 641, 644, 653, 660, 674, 678, 698, 704, 713, 714, 721, 725, 732, 733, 752, 758, 816, 873, 918, 937, 938, 1003.
Египетъ 293, 939.
Екатериненталь 90.
Св. Елены, островъ 287.
Елисейскія поля 165.
Енисей, рѣка 599, 603, 604, 722.

З.

Звѣринецъ, островъ 455.
Зеландія 991, 992, 995.
Золотая Орда 302.
Зундъ 555.

И.

Ивердонъ, городъ 714.
Игижинскъ 705, 709.
Ида, равнина 910, 917.
Иденсальми, пасторатъ 360, 361, 363, 365, 366, 393, 411, 415, 423, 441, 442, 444, 447, 568, 569.
Ижемская слобода 284.
Измаилъ, крѣпость 574.
Иликюли, дер. 979.
Иломанцъ 986.
Ильзенбергъ, имѣніе 576.
Ильмень, озеро 250.
Имандра, озеро 971.
Иматра, водопадъ 24, 99, 133, 249, 416.
Ингерманландія 125, 187, 200, 287, 989.
Индія 932.
Инсбрукъ, городъ 329.
Иркутскъ 702—706, 708.
Иртышъ, рѣка 603, 604, 708, 709, 722.
Исландія 2, 3, 30—32, 35, 36, 38, 53, 607, 750, 751, 871, 872.
Испанія 400.
Италія 37, 293, 393, 423, 476, 521, 668, 683.

I.

Йенчепингъ 539.
Йо, городъ 537, 539, 540.
Іерусалимъ 658, 1021.
Ійо, рѣка 377, 397.
Ійоки, рѣка 604.
Іóнгери, дер. 978, 981.
Іорданъ, рѣка 162, 163, 657
Іоройсъ, приходъ 356, 357.
Іотландія 910.
Іюсъ, рѣка 604.
Ія, рѣка 604.

К.

Кавгала, рѣка 343.
Кавказъ 562.
Кадьякъ, алеут. островъ 703.
Казань 276, 722.
Калевала 127, 136, 137, 139, 689, 726.
Каликсъ 593, 595—597.
Каллавеси, озеро 358.
Кама 1031.
Камчатка 492.
Кангасала, приходъ 98.
Кангасъ 961, 962.
Канинская тундра 977.
Капитолій 175, 264.
Карелія 106, 113, 132, 133, 156, 181, 182, 184, 346, 350, 358, 359, 369, 394, 396, 398, 408, 418, 423, 604, 978, 986, 1023.
Карлсборгъ, крѣпость 539.
Карлскрона 622, 635.
Карлстадъ 664, 938, 942.
Карунки 382.
Кассель 714.
Катисенлаксъ, станція 357.
Каттегатъ 606.
Каухола, селеніе 344.
Каяна, гор. 123, 157, 283, 340, 358, 365, 369, 382, 406, 407, 411—432, 434, 435, 438, 440, 441, 443, 517.
Каяна, рѣка 413, 419, 425.
Каянаборгъ, замокъ 425, 426, 435, 437.
Каянія 370, 398.
Кваркенъ, часть Ботническ. залива 589—591, 596.
Користольмъ, городъ 295, 296, 303, 339, 341—347, 350, 357, 435, 1023.
Кёленъ, сканд. горы 662.
Келлоніеми, станція 360.
Кембриджъ, городъ 200, 650.
Кеми, паппила 396, 397.
Кемь, городъ 381, 593, 985, 987, 1016.
Кемь, рѣка 133, 378, 396, 397, 604, 721.
Кивимяки (Алакюля), станція 441.
Кивиніеми, станція 344.
Киви-Ярви (Кивіерви) 124, 126, 690, 691.
Кимбрія 910.
Киннекуле, гора 542, 544, 546, 547.
Киріаландія 1023.
Китай 562, 698.
Киттиль, приходъ 397.

Кіевъ 309.
Ключевая гора 555.
Клястицы 575.
Койвукоски, пороги 414, 416, 425.
Кола, гор. 974, 976.
Кола, рѣка 976.
Колва, рѣка 604.
Колвосъ, озеро 982, 984.
Колвосьярви, дер. 982, 983.
Колленгъ, станція 544, 548.
Колывань 697.
Коневецкій островъ 343, 346.
Константинополь 496.
Копенгагенъ 33, 181, 294, 475, 499, 549, 609, 627, 629, 639, 660, 662, 871, 873.
Корела, Корелогородъ (Кексгольмъ) 342.
Кориламяки, гора 407.
Корхіамяки, станція 345.
Корписельке 989.
Коскиніеми, дер. 984.
Крокенесъ 681.
Кронеборгъ, имѣніе 345, 346.
Кронобю, приходъ 416.
Кронштадтъ, крѣпость 106.
Куйваньеми, деревня 269.
Куллтукъ 703, 704.
Кулью, станція 378.
Кумпумяки, станція 366, 367, 369.
Куопіо, гор. и губернія 98, 159, 269, 332, 340, 348, 351, 357—361, 363, 365, 369, 371, 384, 390, 395, 415, 419, 422, 426, 442, 444, 567, 568, 983.
Куб́ртане, приходъ 374.
Купецкая рѣка, 343.
Курильскіе острова 707.
Курляндія 286, 287.
Куру, округъ финл. 950, 951 и сл.
Кусамо, приходъ 396, 397, 985.
Кусьярви 981.
Кухмо, капелла 420, 978.
Кухмойсъ, приходъ 449.
Кюмень, рѣка 289, 295, 449.
Кюро или Чюро, водопадъ 99.
Кярсямя, станція 372.
Кяхта 698.

Л.

Ладожское озеро, 337, 342—348, 350.
Ла́йхела, приходъ 374.
Ландскрона 1023, 1024.
Лапландія 113, 127, 130, 137, 181, 182, 381, 390, 397, 398, 480, 722, 970—976, 977.
Лаппо, приходъ 374, 596.
Лапукка (Лапуха) 126, 691.
Латваерви 126, 691.
Ла́укка, станція 363, 372.
Лёвё, островъ 452.
Лёвста, мѣстечко 485.
Ледовитое море 701, 722, 723, 977.
Лейденъ, городъ 214.
Лейпцигъ, гор. 86, 173, 180, 248, 276, 418, 637, 940.
Лейръ, гор. 992, 995, 1001.
Лекэ, замокъ 546.
Лемпяла, пасторатъ 410.
Лехтоводра 988.
Либелицъ 986.
Лида, рѣка 548.
Лидчепингъ, городъ 547—549.
Лилькюро, приходъ 374.
Лиминго 370, 373—375, 396, 398, 407.
Линчепингъ, городъ 533—535.
Лиссабонъ 710.
Лифляндія 189, 287, 475, 480, 522.
Ліэакка, рѣка 382.
Ловиза 295, 449.
Ловча 666.
Лондонъ 70, 519, 600, 717.
Лосонвоора (Лосола) 981.
Лукасъ-торпъ 546.
Лумійоки, деревня 403.
Лундъ, городъ 175, 235, 265, 278, 478, 506, 617, 618, 622, 627, 639, 677, 755—758, 939, 941—943, 945.
Лундуна (Линкольнъ) 1006.
Луппіавара, гора 391.
Любекъ, гор. 87, 198, 453, 555.
Люттихъ 642, 660.
Люценъ 151, 901.
Люцинъ, городъ 574.

М.

Мадритъ 223.
Маймачинъ 722.
Майнландъ 884.
Майнуа, деревня 428.
Марскабю, станція 544.
Мезень 977.
Меларъ, озеро 452, 456, 462, 469, 490, 524, 525, 527, 528, 609, 637, 669, 670, 1021.
Мемъ, помѣстье 530.
Мертвое море 163.
Мидгардъ миѳ. 916.
Митава 287.
Моисеева гора 454, 463.
Молдавія 699.
Монастырь, станція 540—542.
Монголія 698.
Монта, пороги 407, 408.
Морвена 817.
Морландія 872.
Москва 106, 125, 179, 202, 252, 253, 261 262, 266, 276, 303, 304, 309, 398, 575, 648, 675, 698, 699, 726, 954, 989, 1027, 1030, 1045.
Москва, рѣка 1026, 1028, 1029.
Мо́тала, городъ 536—539.
Мо́тала, рѣка 535—537.
Мункстенъ, станція 549, 550.
Муоніониски 381, 383, 397.
Мустіала 421.
Мухосъ, паппила 407—409.
Мэркэ, островъ 527.

Н.

Нангасаки 706.
Нарва, городъ 200.
Неаполь, городъ 477.
Нева 62, 74, 137, 244, 252, 254, 332, 458, 536, 1023.
Невшательское озеро 714.
Незнярви, озеро 566.
Нейшлотъ, гор. 99, 249, 295, 339, 341, 348—351, 357, 359, 363, 394, 405, 435, 696.
Нерчинскъ 701, 702, 722.
Несъ, деревня 977.
Никарлебю 570—572.
Нилъ, рѣка 599.
Ниска, пороги 408, 420.
Ниссиля, станція 369, 370, 372, 421, 422, 427, 430—432, 441.
Ништадъ, городъ 202, 289, 295.
Ніагара, водопадъ 215.
Ніеншанцъ 332.
Новая Ладога, городъ 350.
Новгородъ 108, 262, 464, 701.
Нойдерма, станція 344.
Норвегія (Нордландія) 30, 31, 133, 181, 250, 388, 397, 465, 504, 561, 605—609, 611, 612, 619, 621, 627, 633, 658, 661, 732, 733, 735, 743, 764, 782, 873, 875, 877, 886—889, 913, 979, 996, 997, 1008, 1009—1011.
Норсгольмъ, замокъ 533.
Нортелве, 677.
Нуотіоки, рѣка 975.
Нуотозеро 971, 975.
Нурмисъ, кирхшпиль 978, 979, 981.
Нью-Кастель, 718.
Нѣманъ, рѣка 574.
Нѣмецкое море 524, 530, 733.
Нэтеборгъ (Шлиссельбургъ) 200.
Нюландія 333—336.
Нюландская губернія 228, 333.
Нюгордъ, помѣстье 420, 421.
Нючепингъ 187, 1024, 1025.

О.

Обь, рѣка 599, 603, 604, 698, 722,
Обдорскъ 722.
Одди, имѣніе 37.
Ока 1026.
Окерстремъ, станція 552, 554.
Оксфордъ, городъ 200.
Олимпъ, гора 166, 245.
Олонецкая губернія 124, 359, 978.
Ольківки 587, 588.
Ольфсборъ, крѣпость 561.
Омскъ 708.
Онежское озеро 342.
Оравайсъ 417, 570, 572, 587.
Оркнейскіе (Оркадскіе) острова 764, 795, 811, 816, 817, 873, 881, 882, 884, 886.
Осмо, озеро 982, 984.
Остготія 638.
Остготландія 525, 529, 534, 992.
Остзейскія губерніи 15, 228, 286, 302, 338, 954.
Остроботнія 17, 156, 182, 201, 202, 225, 347, 357, 363, 364, 370, 372, 373, 398, 400, 403, 416, 436, 440, 450, 604, 949, 972, 1012, 1016.
Остъ-Индія 571.
Охотскъ 705.
Оя, рѣка 604.

П.

Паанаярви 989.
Палестина 256.
Палойсъ, гейматъ 360.
Палойсъ, рѣка и озеро 361.
Па́льданіеми, мысъ 434.
Па́льдамо 340, 413, 420—422, 426, 428, 435.
Пальмира 62.
Парижъ 70, 86, 172, 200, 223, 258, 263, 295, 329, 392, 472, 476, 573, 637, 660, 664, 677, 683.
Парнассъ, гора 166, 223.
Пейяня, озеро 449.
Пермская губернія 604.
Перна, рѣка 343, 344.
Персія 562.
Петербургъ 1, 2, 17, 69, 71, 73, 75, 83, 96, 99, 105, 124, 182, 207, 208, 236, 244, 249, 252—254, 258, 260, 261, 266, 271, 286, 294, 302—304, 309, 332, 337, 338, 343, 345—347, 350, 357, 358, 377, 383, 397, 433—435, 455, 457, 459, 472, 517, 536, 558, 568, 570, 609, 630, 631, 633, 634, 643, 650, 669, 677, 679, 680, 697—709, 711, 715, 717, 726, 754, 874, 901, 904, 979, 980, 989.
Петергофъ, городъ 240
Петрозаводскъ, городъ 181, 701.
Печора, рѣка 284, 722, 977.
Пеша, дер. 978.
Пиндъ, горы 166.
Пиппола, станція 430.
Пиренейскій полуостровъ 678.
Піусуа, станція 382.
Поакоярви 986.
Познань 664.
Полтава 302, 303, 1039, 1040.
По́львила, гейматъ 419.
Польша 287, 436, 445, 532.
Померанія 574.
Понтусонъ 345.
Похабиха, рѣка 703.
Пόхіола 127—138, 726.
Прага 70, 86, 572, 637.
Пруссія 287, 562.
Псковъ, городъ 602.
Пудасъ, станція 1016.
Пулкила 363, 372.
Пунгахарью (см. Свиной Хребетъ) 348.
Пустозерскъ 977.
Пьелавеси, приходъ 160.
Пэлья, станція 361.

Пюхякоски, пороги 407, 408.
Пюхяярви, приходъ 345.

Р.

Ра́дельма, имѣніе 205.
Разеборгъ, развалины 336.
Рамундова скала 532.
Рандасало, станція 351, 360.
Рандасальми, приходъ 351, 353.
Рауталампи, приходъ 114, 115, 444.
Ревель 67, 68, 71, 89, 195, 214, 294, 591.
Револаксъ 363, 596.
Репола 983, 987, 989.
Рига, городъ 287.
Риддаргольмъ 674, 1021.
Римъ 38, 175, 205, 295, 490, 503, 637, 653, 662, 683, 924, 1003.
Рингарикія 877, 894, 895.
Робекъ, имѣніе 547.
Рованьеми, приходъ 396, 397.
Роксенъ, озеро 531, 533, 534, 535.
Ронгала, геймать 428, 441.
Рослагенъ, область 455.
Россія 28, 33, 34, 74, 77, 80, 88, 106, 108, 133, 180—185, 187, 200, 203, 206, 210, 216, 217, 228, 231, 234, 236, 247, 248, 250, 252, 257—262, 265, 268, 272, 276, 287—290, 292, 295, 298, 299—306, 309, 332, 335, 339, 342, 349, 352, 368, 371, 379, 397, 403, 422, 454, 463, 477, 489, 501, 511, 513, 516, 549, 562, 564, 565, 570, 575, 577, 583—585, 590, 602, 607—610, 613, 629, 632, 644, 650, 666, 675, 679, 696, 700, 704, 706—708, 711, 713, 717, 742, 970, 974, 977, 984, 991, 1007, 1010, 1011, 1041, 1043, 1044.
Ростокъ 637.
Роусу, станція 382.
Роченсальмъ 295.
Руоккола, дер. 984.
Руотси 336, 984.
Руотсалайсѳтъ 984.
Рускеала, станція 348.
Русь 250, 302, 336, 607.

С.

Саволаксъ 113, 116, 119, 123, 156, 159, 350, 394, 985.
Сайма, озеро 24, 99, 249, 348, 349, 350, 358, 359.
Саккола, приходъ 344.
Салахме, заводъ 369.
Салмисъ 341, 343, 983.
Сальста, замокъ 482.
Самсіо, островъ 56.
Сарамо, дер. 979.
Сарепта 699.
Саріерви 925—933.
Саунасѳрви 981.
Саянскія горы 603.
Свеаборгъ, гор. 64, 89.
Свенкзундъ 152.
Свиной-Хребетъ, острова 99, 250, 351.
Свольдеръ, остр. 1009.
Седертелье, городъ 527.
Седерчепингъ, городъ 532.
Сердоболь, городъ 339, 341, 344—350, 357, 369, 422.
Сибирь 182, 253, 276, 361, 599, 697—704, 710, 720, 970.
Сигтуна, городъ 73, 469, 489, 490, 1021.
Симбирскъ 699.
Симо, рѣка 604.
Симъ, рѣка 604.
Синай 657.
Сирстрандъ 875, 887, 889.
Сицилія 817.
Сійкаіоки рѣка 370, 573.
Скандинавія, полуостровъ 2, 4, 14, 30, 31, 40, 49, 82, 90, 92, 110, 247, 256, 272, 469, 479, 491, 546, 619, 636, 664, 677, 732, 835, 741—746, 750, 754, 871, 910, 944, 991, 1008, 1010.
Скара, городъ 542, 548, 551.
Скоклостеръ, замокъ 469.
Сконія, провинція 478, 488, 546, 937.
Слетбакъ, заливъ 529, 530.
Смоландія 754, 755, 758, 937, 941.
Смоленскъ 276.
Согнскій заливъ 733, 875, 880.
Согнъ, область 733, 748, 764, 872, 875, 876, 881, 889, 898.
Соданкюль, приходъ 397.
Соини 961.
Сокнарзундъ 878.
Солундскіе острова 881, 882.
Сольцъ, городъ 302.
Со́тарила, геймать 429.
Соткамо, приходъ 420, 427.
Ставангеръ 878.
Старая Русса 250.
Старая Упсала 482, 487, 489, 491.
Стегеборгъ, замокъ 529.
Стокгольмъ, столица Швеціи 3, 12, 28, 33, 71, 72, 81, 198, 201, 219, 223, 224, 248, 252, 255—257, 260, 263, 281, 282, 287, 290, 385, 386, 389, 394, 436, 452, 454—464, 466, 468, 476, 486, 488, 490, 492, 498, 505, 507, 523—526, 528, 530, 535, 536, 549, 551, 558, 560, 588, 589, 593, 596, 606, 607, 609, 612—616, 622, 624, 626, 627, 630—634, 637—641, 644, 654, 662, 664, 668—670, 677, 680, 683, 713, 716—719, 731, 752, 759, 873, 942, 945, 979, 990, 1019—1021, 1024, 1025.
Сторкюро, приходъ 374.
Страсбургъ 650.
Стральзундъ 873.
Стрейталандъ 890.
Студянка, рѣка 703.
Сувандо, озеро 344.
Су́кева, станція 441.
Сундевалль 677.
Суннано 596.
Суомія, финское названіе Финляндіи 145, 151—153, 366, 445—447, 604.
Сцилла 481.

Сѣверный океанъ 30, 531, 735, 776.
Сювяусъ, станція 409.
Сярясмяки, деревня 430—432.
Сярясніеми, паппила 409—414, 422, 442.

Т.

Тавастгусъ, гор. 98, 418, 567, 570, 588, 715.
Тавастландія 132, 156, 450, 1023.
Тайпала, деревня 344.
Тальца, рѣка 704.
Тальцинскъ 704.
Таммерфорсъ 1, 94, 95, 98, 99, 180, 410, 566.
Тангну-Ола, горы 603, 604.
Тапіо, гора 139.
Ташкентъ 708.
Тегна, деревня 937.
Телемаркъ, область 621.
Тельшъ, городъ 575.
Тенкели, рѣка 385.
Тервола, приходъ 721.
Тильзитъ 574.
Тиманская тундра 977.
Тіурисъ, островъ 341, 344.
Тобольскъ 709, 722.
То́йвола, проливъ 360, 363, 567.
Торнео, гор. 72, 340, 358, 360, 361, 375, 377—383, 385, 387—390, 393—396, 398, 403, 411, 420, 432, 433, 587—590, 592, 593, 595, 598, 1016.
Торнео, рѣка 90, 377—382, 385, 390, 391, 432, 433, 587.
Тохмаярви, приходъ 423.
Тохолахти, станція 444, 449.
Троллгетта, водопадъ 552—555, 557.
Троллгетта, станція 553.
Тукіансало, станція 357.
Тулома, рѣка 976.
Ту́ртола 396.
Турція 178, 287, 298, 445, 513.

У.

Узьерва (Вокса), рѣка 341.
Уконвоори, дер. 981.
Улеаборгъ, гор. и губ. 72, 153, 224, 295, 365, 370, 374—378, 381, 384, 385, 390, 393, 396—407, 409, 411, 412, 414, 420, 421, 424, 426, 431—433, 435, 438, 440, 442, 444, 570, 588, 589, 980, 1012, 1018.
Улео, рѣка 375, 376, 401, 403—405, 407—409, 412, 432, 433.
Улео, озеро 365, 388, 403, 407, 409—411, 414, 420, 422, 424, 426, 428, 434, 435.
Уллерокеръ 775.
Ульвоса, помѣстье 535.
Ульрикасборгъ, скала 64, 229.
Умео 589—592, 594—596, 598, 664.
Унтамола 727.
Упландія 638, 872, 889.
Упсала 5, 7, 11, 167, 175, 188, 196, 202, 215, 235, 252, 264, 280, 282, 288, 311, 436, 468—473, 475, 477—482, 488, 489, 491—493, 495, 498, 500, 502—507, 511, 512, 515—518, 524, 617, 618, 622, 627, 630—638, 640—642, 645, 646, 648, 650, 653, 654, 662—664, 666, 668, 669, 676—678, 744, 758, 874, 991, 992, 995, 999—1001, 1010, 1018, 1019.
Уральскія горы 977.
Урда, миѳ. 745, 749.
Усть-Цыльма 977.
Утаярви 409, 412.
Утгардъ, миѳ. 916.
Утрехтъ 647, 660.

Ф.

Фарейскіе острова 872.
Фредриксборгъ, крѣпость 455.
Филадельфія 634.
Финмаркенъ, область 619.
Финскій заливъ 17, 61, 64, 73, 76, 90, 343, 358, 908, 991, 1010.
Фискарсъ, жел. зав. 72.
Фландрія 486.
Фрамнесъ 773, 826, 872, 875, 881, 887, 889.
Фра́нцило, станція 363, 372.
Франція 34, 36, 37, 106, 273, 275, 288, 392, 490, 570, 621, 939.
Фридрихсгамъ 295, 716.
Фурузундъ, проливъ 454, 455.
Фюрисъ, рѣка 469, 475, 524, 634.

Х.

Хаммарбю 502.
Ханнуккала, геймать 381, 383, 384, 386, 387.
Хапаланкангасъ, поселеніе 421—424, 426, 428, 431.
Ха́паранда, городъ 378—385, 390, 393, 395, 396.
Харибра 481.
Харьковъ, городъ 513.
Хаукипудасъ, рѣка 376.
Хѐллекисъ, имѣніе 547.
Хернингсхольмъ, за́мокъ 527, 528.
Хирстіэ, станція 387, 391, 393.
Хоревъ 657.
Хотинъ 699.
Христіанія 181, 475, 608, 609, 618, 621, 626, 627, 629, 639, 648, 650, 654, 660, 662, 889.
Хумпимяки 429.
Хуотори 983.
Хусабю 491, 544.
Хяуриля, станція 355.

Ц.

Царицынъ 699.
Царское село 299, 422.
Церковная область 332.

Ч.

Черная, рѣка 332, 343, 344.
Черное море 178, 335, 700.
Чертова Лахта, заливъ 346.
Чиндагъ-Турунъ, мѣстечко 702.

Ш.

Шафгаузенъ 714.
Швейцарія 926.
Шевде, городъ 540.
Шеллефтео 596.
Шилкинскій заводъ 701.
Шлезвигъ 760, 936, 948.
Шнепфенталь, деревня 713, 714.
Шотландія 817, 1005.
Штутгартъ 70.

Э.

Эдинбургъ 648.
Экнесскій заливъ 97.
Эллада 156.
Эльзасъ 273.
Эммя, водопадъ 411—414, 417, 421, 425.
Энаре, озеро 381, 970, 971.
Эре 592.
Эребро, городъ 659.
Эрезундъ, проливъ 530, 992.
Эрфуртъ 568, 707.
Эстербю, заводъ 486, 488.
Эстляндія 120, 125, 183, 287, 989.
Эфье 884, 885.
Эфьезундъ 811, 884.

Ю.

Ювяскюля, городъ 449.
Юнгъ, имѣніе 535.
Юнгфрусундъ, проливъ 452.
Юнти, станція 393.
Юрва, станція 381—383, 388, 389.
Ютландія 913, 1007, 1008.

Я.

Ява, островъ 603.
Яга, рѣка 604.
Ядаръ 878.
Якобстадъ (Якобштатъ) 225, 295 364, 565, 577, 688, 724, 931, 949.
Яма, деревня 344.
Ямь 343.
Японія 701, 705—708.
Яссы 699.

Ѳ.

Ѳивы 903.

Замѣченныя опечатки.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
92	надъ стр.	1830	1840
276	15 снизу	Голицинъ	Голицынъ
490 491 544—48	4 св. и сл. 2 св. и сл. 10 сн. и сл.	Олавъ	Олафъ
561	14 сверху	Магистеръ	Магистръ
746	7 сверху	Валфадеръ	Вальфадеръ
755	2 снизу	Лейонгувудъ	Лейонхувудъ
909—917	надъ стр.	1842	1839—1875
913	19 сверху и сл.	Сигуна	*собст.* Сигина (Sigyn)

Первый отдѣлъ настоящаго изданія **„Трудовъ“** и **„Переписки“ Я. К. Грота** составляетъ изданная уже: **„Переписка Я. К. Грота съ А. П. Плетневымъ“** изд. подъ ред. проф. К. Я. Грота, Спб. 1896. Три тома. Цѣна каждаго тома **3** рубля. Складъ въ книжномъ магазинѣ И. Глазунова.

Цѣна **3** руб.

Hans H[illegible]bauer
Buch[illegible]
8011 Kirchseeon [illegible]lpenstr. 26

BSB Bayerische StaatsBibliothek
MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Grot, Jakov Karlovič,

Trudy Ja. K. Grota

Bd.: I

1898

4 Opp. 227 yt-1
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11855515-9